

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш.МАРДЖАНИ**

И С Т О Р И Я Т А Т А Р

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ III

**Улус Джучи (Золотая Орда).
XIII – середина XV в.**

**КАЗАНЬ
2009**

УДК 93/99
ББК 63.3
И 90

Научный совет издания:

Васильев Дмитрий (Россия, Институт востоковедения РАН)

Вашири Иштван (Венгрия, Будапештский университет)

Геккеньян Хансгерд (Германия, Гиссенский университет)

Гилязов Искандер (Татарстан, Казанский государственный университет)

Гмыря Людмила (Дагестан, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН)

Девлет Надир (Турция, университет Йедитепе)

Зимоньи Иштван (Венгрия, Сегедский университет)

Каппелер Андреас (Австрия, Венский университет)

Каишанов Сергей (Россия, Институт всеобщей истории РАН)

Кемпер Михаэль (Германия, Рурский университет)

Кляшторный Сергей (Россия, Санкт-Петербург, Институт восточных рукописей РАН)

Крамаровский Марк (Россия, Государственный Эрмитаж)

Кумеков Булат (Казахстан, Международный центр кыпчаковедения)

Кычанов Евгений (Россия, Санкт-Петербург, Институт восточных рукописей РАН)

Рорлих Айша (США, Южнокалифорнийский университет)

Стальсберг Анне (Норвегия, Музей естественной истории и археологии, Норвежский университет науки и технологии)

Трепавлов Вадим (Россия, Институт российской истории РАН)

Шамильогду Юлай (США, Висконсинский университет)

Шмидт Сигурд (Россия, Археографическая комиссия РАН)

Главные редакторы:

Усманов Миркасым
(Казанский государственный университет)

Хакимов Рафаэль
(Институт истории АН РТ)

Редколлегия издания:

Хакимов Рафаэль (Институт истории АН РТ)

Усманов Миркасым (Казанский государственный университет)

Вашири Иштван (Будапештский университет)

Кычанов Евгений (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург)

Исхаков Дамир (Институт истории АН РТ)

Измайлов Искандер (Институт истории АН РТ)

Арсланова Алсу (Институт истории АН РТ)

Научный редактор III тома *Миркасым Усманов*

Координатор *Рамиль Хайрутдинов*

Ответственный секретарь *Алсу Арсланова*

Редакторы *Булат Хамидуллин, Искандер Измайлов*

ISBN 978-5-94981-142-9

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. История Улуса Джучи и некоторые особенности ее интерпретации в новейшее время

Миркасым Усманов

Как об исторических деятелях, так и о народах мы можем правильно судить только тогда, когда имеем сведения об их жизни в различных ее проявлениях; произнесение приговоров над деятелями и народами на основании отдельных фактов и отдельных сторон их деятельности – прием безусловно ненаучный, к сожалению, встречающийся и у новейших историков.

В.В.Бартольд

Вместо предисловия

В истории ряда этносов средневековой Евразии, в т.ч. народов, входивших в состав бывшей Российской империи, ее наследника – СССР, также современной Российской Федерации, имеется одна эпоха, которая освещалась, особенно в советское время, весьма своеобразно, а временами до абсурдности противоречиво и лживо. Речь идет об истории народов страны XIII–XVI вв. в целом, т.е. об эпохе Улуса Джучи – государства, ставшего известным под другим наименованием – Золотая Орда. Становление его – фактически большой по территории и количеству входивших в ее состав народов империи Евразии – происходит в 40–60-х гг. XIII в., в результате распада Великой Монгольской сверхдержавы, образовавшейся в первой четверти того же XIII столетия.

События, связанные с образованием самой Монгольской супердержавы, происходили в конце XII и в течение первой четверти XIII столетий в Центральной Азии, где в результате объединения долгое время враждовавших между собой кочевых «княжеств» образовалось новое ханство. Во главе его оказался наиболее удачливый и талантливый «князь» по имени Темучин (Темучжин), во время коронации получивший имя-титул *Чингиз-хан* (1180 г.). Он в дальнейшем одержал победы над другими монгольскими и тюркскими кочевыми «княжествами». На великом курултае, состоявшемся весной 1206 г. в долине р. Онон, было провозглашено образование единого Монгольского государства во

главе с *каганом*, т.е. «ханом ханов», великим ханом в лице Чингиз-хана.

С именем этого правителя связаны все события первой половины XIII в., развернувшиеся на просторах двух континентов – Азии и Европы. Ибо Чингиз-хан после укрепления своей власти и осуществления ряда важных военно-административных и социальных преобразований, т.е. *реформ*, начал последовательную, типичную для той эпохи, внешнюю экспансию.

При жизни Чингиз-хана различными методами – политическим давлением и военными акциями – в состав его государства были включены сначала земли и племена Саяно-Алтайских гор, некоторой части Южной Сибири, уйгурские княжества. В результате систематических военных походов монголами были покорены Северный Китай, государства и народы Средней Азии, Северного Кавказа, Крыма и царство тангутов Си-Ся. Влияние монголов распространилось от Японского и Желтого морей на востоке до Нижнего Поволжья и Северного Кавказа на западе. Так, за какие-то 15–20 лет Чингиз-ханом было создано большое по территории и многоэтническое по населению государство, фактически новая империя.

После смерти Чингиз-хана (1227 г.) завоевания продолжили его сыновья и внуки. На востоке были покорены государство чжурчженей, империя Южно-Суньской династии, корейские государства, на юго-западе – города и области Афганистана, Ирана, Ирака и

Закавказья. На северо-западе подверглись завоеваниям Волжская Булгария, княжества северо-восточной Руси, некоторые области Юго-Восточной Европы. Отдельные княжества и области на крайнем западе и северо-западе, признавая зависимость от монголов, находились в положении протекторатов или вассалов, имевших определенные автономии, но регулярно облагаемых данью, налогами и рекрутами в качестве воинов монгольской армии. Таковыми оказывались, видимо, те страны и народы, князья которых, по крайней мере, некоторые из них, не оказывая сильного сопротивления, старались находить общий язык с завоевателями...

Так, в течение 40–50 лет образовалась огромная по территории и весьма пестрая по населению сверхдержава Чингизидов – Великая Монгольская империя, точнее, суперимперия, простиравшаяся от Тихого океана и почти до Атлантического.

Однако супердержаве Чингизидов не суждено было существовать долго. Примерно через 50–60 лет после начала внешних экспансий начался процесс ее распада. Он был вызван внутренними противоречиями из-за различий социально-экономических, этнокультурных, политических и конфессиональных интересов различных регионов и улусов, а ускорен был ослаблением центральной власти в 60-х гг. XIII вв. из-за борьбы Хубилая и Ариг-Буги за великоханский престол. Так образовались четыре новых государства: удел Великого хана (в дальнейшем империя Юань), уделы сыновей и внуков Чингиз-хана, т.е. улусы Джучи, Чагатая и Хулагу. Они также были крупными империями как по территории, так и по составу населения.

* * *

В историографии становление самостоятельности Улуса Джучи – Золотой Орды – датируют, как правило, 40-ми гг. XIII в., т.е. периодом возвращения хана Бату из западного похода в Поволжье, что вряд ли соответствует действительности. Такая датировка происходит из-за абсолютизации сведений поздних редакций русских летописцев, которые за спиной авторитетного для них и для русских князей могущественного «царя Батыея» не могли усмотреть (часто задним числом) значение великого хана – подлинного властелина единой державы. Позднейшие же исследователи не учитывали тот факт, что Бату-хан, являв-

шийся соправителем Великого хана (вторым по рангу лицом в единой империи), до конца жизни оставался унитаристом.

Против такой датировки, кроме позиции Бату (ум. в 1255 г.), говорят факты поездок в 1255 и 1256 гг. Сартака и Улакчи (Улагачи) в Каракорум для подтверждения Великим ханом своих вступлений на престол. Примечателен и тот факт, что попытки хана Берке (1256–1266 гг.) чеканить собственные монеты потерпели неудачу из-за санкций великоханской власти. Лишь Менгу-Тимур, правитель Золотой Орды в 1266–1282 гг., начал чеканить монеты с титулом самостоятельного государя. И деньги его не изымались из обращения. Начиная с этого хана ордынские правители в ранних редакциях русских летописей систематически величаются *цесарями*. Следовательно, юридическое оформление самостоятельности Улуса Джучи следует датировать концом 60-х гг. XIII в., точнее с весны 1269 г., когда состоялась встреча и пиршество Чингизидов на р. Талас. Одновременно сохранились некоторые элементы союзнических отношений между улусами.

Среди четырех улусов-империй, образовавшихся после распада сверхдержавы, Джучиев Улус, вместе с вассальными странами, был, видимо, самым крупным по территории. Но по количеству населения он значительно уступал Юаньской империи.

Границы Улуса Джучи, начиная с Саяно-Алтайско-Тянь-Шанских гор на востоке, проходя по низовьям Сырдарьи, охватывая Хорезм, северокаспийские просторы, значительную часть Кавказа, включая иранский Азербайджан, Крым и причерноморские степи на юге, доходили до Нижнего Дуная. На западе границы охватывали земли южнорусских княжеств, политически зависимых стран, в т.ч. княжеств северо-восточной Руси. Новгородское княжество, в результате признания Александром Ярославичем зависимости от хана Бату, также стало вассальным от Улуса Джучи. Далее, включая в свой состав территорию Булгарского царства, охватив через Урал Западную и Южную Сибирь, они дошли до Саянских гор. (Некоторые ученые полагают, что северные территории державы Джучидов доходили до Ледовитого океана.)

Как видно из этого примерного описания, территория империи Джучидов и зависимых от нее стран была огромной, хотя некоторые

части юго-восточной границы были не устойчивы. Спустя несколько столетий она почти совпадала со значительной и основной частью территории Российской империи и ее наследника – СССР.

Население Золотой Орды было многоэтническим – здесь были представлены предки всех народов, которые ныне живут в означенных пределах. Доминирующим населением степных и лесостепных зон и ряда оседлых областей – Хорезма, Среднего и Нижнего Поволжья, части Северного Кавказа и Крыма, т.н. южнорусских степей были тюркоязычные народности. В подавляющем большинстве они были носителями кыпчакских и частично огузских наречий. Немало было на окраинах империи представителей ираноязычных, кавказо-иберийских, алано-черкесских, финно-угорских и восточно-славянских народов.

Во времена завоеваний и позднее, в процессе административного освоения Чингизидами основной части страны, происходили некоторые, местами существенные, изменения прежней этнической карты этой части Евразии. Ибо происходило своеобразное «перемалывание» – смешение племен и народностей, особенно внутри тюркского этноса. В результате были изменены соотношения компонентов дальнейшего этнического процесса. При освещении этой сложной проблемы нуждаются в рассмотрении и вопросы тюркизации монголов в Золотой Орде.

Улус Джучи, таким образом, как самостоятельное государство в политико-династийном плане образовался в результате распада Монгольской суперимперии. Но он сам как по территории, так и по составу населения, а также по наличию у него многих зависимых, налогооблагаемых стран с их разноязычным населением был новым государственным образованием, сохранившим, естественно, элементы монгольской (чингизидской) государственной культуры. Доминирующее положение в нем занимал конгломерат тюркоязычных этносов, ассимилировавший пришлых монголов, в т.ч. и самих Чингизидов. Следовательно, заблуждаются или упрощают сложные явления те авторы, которые пытаются изображать Золотую Орду как «национальное государство» только монголов или лишь одного какого-либо конкретного тюркского народа, тем более одной позднейшей нации, сложившейся после распада самой империи.

Джучиев Улус как единое государство, хотя и раздираемое с 60-х гг. XIV в. внутренними противоречиями и сильно ослабленное в результате страшной пандемии чумы («черного мора»), просуществовало до конца XV в. Окончательно оно пало в самом начале XVI столетия (1502 г.) в результате наступления Крымского ханства, являвшегося сателлитом Османской империи. Следовательно, государство Джучидов – Золотая Орда – просуществовало в общей сложности 200–250 лет. За это время оно оказало неизгладимое влияние на социально-общественный быт, административные институты, культуру и психологию входивших в его состав народов.

Однако, как уже отмечалось, этот значительный по продолжительности и обширный по политическому охвату территории период истории освещался и освещается, мягко говоря, явно неполно, даже специально искаженно. Приведем несколько примеров из новейших фактов.

* * *

В 1995 г. Институтом востоковедения РАН был опубликован второй том из шеститомного фундаментального как по содержанию, так и по качеству пособия по общей истории народов Востока. В нем представлен значительный текст (вся IV глава) под названием «Монголы и монгольское завоевание». В последних частях его кратко освещается история народов Средней Азии, Ирана, помещен также параграф о Делийском султанате XIII в. Однако почти ничего не представлено по истории Улуса Джучи. Авторский коллектив, редакционная коллегия, видимо, считали, что история Золотой Орды является частью истории России. Хотя известно, что Улус Джучи как по своему происхождению, политической истории, территории, по составу населения, так и по истокам, особенностям духовно-материальной культуры был и остается частью средневекового Востока. Создатели тома прекрасно знали все это. Поэтому я полагаю, что так, «добровольно» отказываясь от освещения истории неотъемлемой части Востока, по крайней мере, всей Евразии, они просто не захотели связываться с исторической традицией и многочисленными живыми авторами по русской и российской истории. Истории той страны, которая, как метко шутят отечественные острословы, имеет «непредсказуемое прошлое»...

Что касается особенностей освещения истории Золотой Орды в русской и особенно советской исторической традиции, то они весьма своеобразны. Прежде всего, эта историографическая традиция не была единой по своей направленности и степени объективности. Наравне с охранительно-официальной, о многом специально «умалчивающей», т.е. сильно политизированной направленностью, была и вполне научная школа, представленная немногочисленными, но вполне добротными по качеству информации, интерпретации фактов исследованиями, освещающими или пытающимися освещать прошлое достаточно справедливо, по возможности достоверно. Имеются в виду отдельные труды ряда дореволюционных российских ориенталистов и лишь нескольких ученых советского времени. Однако такие более или менее объективные выступления предавались забвению или подвергались грубому пресечению в свете постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г., суть которого сводится к следующему его пункту:

*«7. Предложить Татарскому обкому ВКП(б) организовать научную разработку истории Татарии, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризации ханско-феодалного эпоса об Идееге). Обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков...»**

Этим постановлением, несмотря на его наукообразный тон, Золотая Орда была объявлена исключительно «паразитическим», диким по природе государственным образованием, возникшим как-бы случайно, поэтому лишенным всякой культурности, закономерности развития, занимавшимся лишь грабежом, разорением Руси, русского народа и т.д. То есть Восток и тюркский мир в лице Золотой Орды противопоставлялся Западу, христианству.

* КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т.7. 1938–1945. – М.: Политиздат, 1985. – С.518; впервые опубликовано в журнале «Партийное строительство». – 1944. – № 15/16. – С.29–32.

Историографически такая политика осуществлялась методом игнорирования, замалчивания более или менее объективных работ отечественных историков. Подобные труды подвергались т.н. «партийно-идеологической критике», следовательно, изымались, точнее, изгонялись из активного научного оборота, зато почти в массовом виде публиковались написанные «в свете» того постановления официозные интерпретации. Массовость достигалась как активизацией публицистических, литературоведческих выступлений на исторические темы, специально снятыми кинофильмами, так и многотысячными, даже многомиллионными тиражами всевозможных учебников по истории, призванных к тотальному промыванию мозгов населения, в особенности молодого поколения. Например, учебники по истории СССР, выражающие резко отрицательные суждения в адрес кочевников, «монголо-татар» в целом, золотоордынцев в частности, призванные вызывать ксенофобскую неприязнь, полурасистскую ненависть и презрение к ним, публиковались громадными тиражами. Так, каждый из учебников под редакцией А.В.Шестакова (1955, примеры суждений см. на с.31–33), С.П.Алексеева и В.Г.Карпова (1958, с.152) имели миллионные тиражи. Общий тираж двух изданий учебника для 7 класса среднеобразовательной школы Б.А.Рыбакова, А.М.Сахарова и др. (1985, с.82–83, 85–86; 1987) доходил до 4 млн 898 тыс. экз. В 1945–1952 и 1956–1959 гг. учебник Л.П.Бущина для 8 класса был опубликован общим тиражом 4 млн 740 тыс. экз. Необходимо отметить, что эти и другие «общесоюзные» учебники, кроме местных дубляжных изданий, имели также переводы на языки «братских» народов. От школьных учебников фактически не отставали и вузовские учебные пособия с аналогичными интерпретациями. Например, вузовские учебники М.Н.Тихомирова, С.С.Дмитриева (1948, с.63, 65, 87), коллективные учебные пособия под редакцией Б.Д.Грекова (1947, с.154) и Б.А.Рыбакова (1975, с.111) имели в общей сложности тираж 550 тыс. экз. Если каждый экземпляр школьного учебника читался примерно двумя-тремя учениками, то вузовский учебник «довоспитывал» студентов как минимум в течение 10–15 лет, т.е. он своей реальной отдачей с лихвой наверстывал тиражи школьных учебников. Народофобские мотивы проникают и в современные учебные пособия. На-

пример, в учебниках для 6 класса (Данилов, Косулина, 2007, с.137, тираж 20 тыс. экз.; Сахаров, 2007, с.110, тираж 10 тыс. экз.) дано изображение монголов-каннибалов из английской (!) миниатюры XIII в. (?!). Причем в обоих случаях один и тот же рисунок сопровождается надписью «Зверства монголов», как будто бы людоедство этого народа документально доказанный британцами XIII столетия факт. Этот пример ярко иллюстрирует уровень качества наших учебников... Тотальность такой пропаганды, а также наличие средневековых мифов относительно «татар» оказали «положительное» влияние и на учебные пособия в некоторых зарубежных странах...

В результате всего этого относительно объективные работы малочисленных отечественных ученых как «тоненькие струйки» подавлялись, поглощались «бурными потоками» так сказать «партийных», то бишь официозных выступлений. Что касается добротных трудов зарубежных ученых новейшего времени, то они квалифицировались как «буржуазные», т.е. «лживые» и часто хранились в полузакрытых спецотделах столичных библиотек или вообще «не пушались» в страну.

Особенностью освещения истории Золотой Орды в послевоенном Советском Союзе является то, что она в общих работах по истории страны затрагивалась лишь попутно, эпизодически, в связи с изложением отдельных аспектов истории Руси, русских княжеств. При этом как образование, так и длительное существование державы Джучидов квалифицировались чуть ли не как «нарыв» на здоровом теле других. Сама же Золотая Орда изображалась исключительно отсталым кочевым государством, находящимся, «естественно», на очень низком уровне развития.

В целом получилось так, что центром всего исторического процесса в XIII–XV вв. была Северо-Восточная Русь, в особенности Московское княжество, по отношению к которым Орда и ее стольные города являлись как бы заурядными провинциями. Хотя, как известно по источникам и исследованиям, князья и бояре, а также ведущие церковные деятели постоянно ездили в Орду «бить челом» хану, сдавать собранные с Руси налоги, выпрашивать ярлыки на княжения, согласовывать вопросы престолонаследия на Руси, доносить на своих соперников, давать взятки ханским чиновникам, выпрашивать охранные грамоты, тарханские привилегии и т.д. и

т.п. Получается, мягко говоря, весьма странно: важные административно-политические проблемы «центра» решались в «дикой, варварской», согласно их логике, «провинции»... В результате всего этого выхолащивалось содержание истории самих русских княжеств, особенности возвышения Северо-Восточной Руси, истоков ее политических претензий на «ордынское наследие», на тот или иной постордынский «татарский юрт».

Характерной чертой такой интерпретации истории является постоянное педалирование на «отсталость», «дикость» и «жестокость» монголов, которые казнили отдельных князей и т.д. Как будто в других странах завоеватели не казнили противников, и борющиеся за власть князья не убивали друг друга, не выкалывали глаза соперникам, не сажали на кол, не четвертовали побежденных...

В такой же степени непродуманными являются постоянно повторяющиеся утверждения, что «дикие и отсталые» монголо-татары «поголовно избивали» население покоряемых стран и городов, осуществляли «стотысячные угоны в рабство» и т.д. Однако без ответа оставались следующие элементарные по логичности вопросы: неужели при военных столкновениях решающее значение имели отсталость и дикость, а не развитость и культура, располагающие соответствующей техникой и опытом? Или же «жестокие» по природе завоеватели рассчитывали эксплуатировать трупы «поголовно убитых» людей из «опустошенных» стран? В таком случае кого они, монголы, подвергали переписи и для чего это вообще делалось?!

Здесь необходимо безоговорочно констатировать, что все завоевания без исключения и независимо от расы, уровня культуры, вероисповедания исполнителей и их жертв не обходились без гибели людей. При монгольских завоеваниях также, безусловно, гибли люди. Где-то меньше, где-то больше. Как специально отмечали трезво мыслящие отечественные историки прошлого (М.И.Иванин, В.В.Бартольд, Б.Я.Владимирцов и др.), степень жестокости Чингиз-хана и его наследников в принципе не отличалась от таковой других мирозавоевателей прошлого (от себя добавим – новейших времен и современности). Разве завоевания и войны оседлых западных стран не сопровождалась гибелью людей, избивением слабых сильными? Куда же в противном случае исчезли десятки и десятки племен и

народностей колонизируемых территорий и континентов, в т.ч. и самой средневековой Европы? Чем объяснить также гибель тысяч и тысяч новгородцев времен Ивана III и Ивана IV? Как же квалифицировать далее полное «превращение» Казани после 1552 г. в русский по населению город?!

Так что при освещении историй войн и завоеваний далекого прошлого вряд ли следует степень гибели людей, разрушения городов объяснять этно-культурными «качествами» завоевателей или их жертв. Жестокость, кровожадность людей и вообще человеческих обществ, в особенности к своему виду, в отличие от мира животных, являются одинаковыми для всех времен и стран света. Никто из завоевателей – независимо от их расы, культуры, языка или вероисповедания – не раздавал при своих победоносных походах «эликсиры жизни» или свободу покоренным народам.

В связи с этим хотелось бы специально отметить, что в такой же степени спорны и утверждения относительно «мирного симбиоза» между Золотой Ордой и Русью. «Союзнические отношения» между сараевскими правителями и отдельными князьями, их родами на Руси, но исключительно на правах властного сюзерена и покорного вассала имели место. Наравне с князьями, считавшими такое положение благом для себя, были и такие, которые, держа кулак в кармане, не только перед ханом, но и перед беками «били челом». Именно такие князья смотрели по сторонам в ожидании каких-либо изменений. Именно на таких, «ожидających чего-то», доносили свои же братья. Истории всех известных империй и их сателлитов полны подобными примерами. Золотая Орда с Русью не были исключением.

В экономической эксплуатации населения покоренных стран принимали активное участие и местные правители-вассалы. Превращение Ивана I Даниловича в «Ивана Калиту» (от тюрк. *калта* – мешочек, т.е. *кошелек* с деньгами, которые он щедро раздавал в Орде) стало возможным не за счет кредита какого-либо международного банка. Факты эксплуатации завоевателями населения покоренных стран бесспорны. Но в степени уровня эксплуатации, как везде и во все времена, ответственные и местные вассалы.

Не выдерживают критики также постоянно констатируемые в качестве показателя

жестокости монголо-татар утверждения, что они угоняли в рабство в чужие страны десятки и сотни тысяч пленных; спорны и утверждения, что возникновение, развитие золотоордынских городов в течение всего периода существования государства осуществлялось также за счет угнанных пленных ремесленников. Факты использования пленных при штурме последующих населенных пунктов, также при сооружении отдельных объектов действительно имели место, и это не являлось изобретением монголов. Но утверждать, что золотоордынские города за все времена их существования функционировали за счет пригнанных пленных, является непродуманным заявлением. Если подобные утверждения средневековых источников и слепо повторяющих их позднейших авторов соответствовали действительности, то трудно ответить на следующие элементарные вопросы: чем объяснить, во-первых, увеличение населения Северо-Восточной Руси, ее городов во второй половине XIII–XIV вв., во-вторых, с кого князья, в т.ч. Иван Калита и другие, собирали налоги в пользу Сарая и для своей казны, чтобы заготавливать туго набитые кошельки?

Выше не случайно было упомянуто «об утверждениях средневековых источников». Таковые, которым охотно верят некоторые историки, действительно имеются, и их немало. Но при внимательном рассмотрении можно увидеть, что они оказываются весьма далекими от достоверности. Проиллюстрируем это несколькими примерами.

* * *

В 1970 г. был опубликован солидный по объему и многоплановый по содержанию сборник «Татаро-монголы в Азии и Европе», состоящий из статей ведущих историков-медиевистов. Как убежденно писал один из рецензентов, этот сборник – «первый удачный шаг к созданию обобщающего труда» по истории татаро-монгольских завоеваний [Каргалов, 1972, с.180]. Однако, как отмечено там же в другой рецензии [Усманов, 1972, с.182–185], характерной слабостью многих статей этого издания является почти полное отсутствие критического отношения к информации и цифровым данным средневековых письменных источников. Например, в статье Н.П.Свищуновой говорится о взятии монголами в Китае 10 тыс., 20 тыс., 50 тыс., 100 тыс. плен-

Изображение зверств монголов из иллюстрированной хроники Матфея Парижского. XIII в.

ников [Татаро-монголы, 1970, с.272–283]. Создается впечатление, что эти китайцы в массовом виде добровольно сдавались в плен или же относительно малочисленные монголы полностью превратились в конвоиров, не способных вести дальнейшие завоевания.

Элементарная критичность отсутствовала также у И.П.Петрушевского. Он, например, писал, что в декабре 1221 г. «монголы, осадив и взяв Герат, **вырезали в нем все население**». Казалось бы, с многочисленным населением Герата покончено раз и навсегда. Но, согласно другим цитатам из того же автора, во время повторного штурма Герата в 1222 г. «насчитывалось **1 млн 600 тыс. убитых**». Автор относит эту цифру к категории «**правдоподобных**». Но оказывается, что в 1270, 1288, 1289 и в последующие годы Гератский оазис и г. Герат подвергались разорению с угоном в плен части населения, а в 1291 г. «крестьяне и **горожане**... принимали участие» в антимонгольских выступлениях гератских меликов. Такова «правдоподобность» цифр источников [там же, с.182–185, 224, 229, 242 и др., выделено мною. – М.У.]

Эти и другие примеры (их можно привести сотнями) говорят о том, что не только «точные» цифровые данные, но и описательные количественные показатели древних и средневековых источников, – причем на любых языках по истории любой страны, – носят условный, гиперболично-образный характер в значении «много», «очень много», но не более. Если мы не должны соглашаться с утверждениями, что «история – ложь, о которой договариваются» или же «история – политика, опрокинутая в прошлое», а призваны заботиться о научном качестве этой своеобразной области человеческого знания, то вряд ли следует покорно плестись за древними и средневековыми авторами, являющимися

ся политиками своего времени. Они поражение своего сословия, гибель своего окружения, также и предков своих воспринимали и преподносили как гибель всего народа, всей страны. Именно такие авторы-политики из лагеря побежденных с пристрастием оценивали человеческие качества, культурный уровень, религиозные убеждения своих противников, чем и «мстили» им задним числом за поражение «своих».

В такой же степени субъективны, тенденциозны и панегирики победителей, «собираателей земель», воспевающие доброту, гуманность, культуртрегерство «своих» предводителей, приносящих лишь «счастье» народам завоеванных, покоренных земель. К сожалению, на них всех иногда похожи и позднейшие исследователи тех или иных проблем...

Завоевание и покорение ханом Бату в течение 7–8 лет ряда стран и народов Восточной Европы сопровождалось, безусловно, гибелью большого количества воинов и мирных людей, также невероятными страданиями, унижениями многих, оставшихся в живых. Разрушены были также (как везде и во все времена) отдельные города, крепости, вполне закономерно оказавшие упорное и героическое сопротивление иноземным завоевателям.

Вместе с тем в Восточной Европе были и до монголов разрушенные города, поселения, захиревшие, опустевшие во времена длительных междоусобных войн озлобленно соперничавших княжеств. Так что вряд ли честно сводить все и вся к народофобской интерпретации при объяснении негативных явлений, тем самым стремиться приукрашивать одни народы за счет расистского унижения задним числом других. И монголы, как завоеватели, не отличались, не отставали в жестокости от своих собратьев по разуму.

Все это имело место в истории человечества.

Одновременно имело место и то, что жизнь продолжалась. Разрушенные города восстанавливались, как констатировали стремящиеся к объективности исследователи, возникали новые, в которых кипела жизнь (см. работы В.В.Бартольда, Ф.В.Баллода, Г.А.Федорова-Давыдова, В.Л.Егорова, М.Г.Крамаровского и др.). Рождались, росли и плодились новые поколения людей. Столичные и крупные города империи, как во все времена, притягивали к себе со всех сторон, окраин государства новых и новых переселенцев, искавших кусок хлеба, работу, стремившихся к удаче, карьере. Рождался фактически новый мир, создавались новые условия жизни. Развивались межрегиональные, международные культурно-экономические, торговые, политические связи...

Как показывают археологические исследования ученых, изучивших лишь незначительную часть золотоордынских городов, в них:

- «было **мощное художественное ремесло**, в том числе и керамическое производство»;

- «пышно распускается совершенно чуждаяномадам **яркая урбанистская** восточная средневековая **культура**»;

- «сложился литературный язык, так называемый «поволжский тюрки», на котором **были созданы (...) литературные произведения**»;

- эти «города населяли и половцы, и болгары, и русские, и выходцы из Средней Азии, Кавказа, Крыма и тому подобное. Именно **их руками была создана эта городская культура**» [Федоров-Давыдов, 1976; выделено мною. – М.У.].

Относительно уровня этой культуры и вообще места державы Джучидов в истории имеется взгляд и с другой стороны:

- «О Золотой Орде сложилось два стереотипа. Первый – это враг России. Мол, страна 300 лет жила под ярмом Орды, и вообще, это ужас какой-то был, еле-еле от него избавились. Это неправильный стереотип. Потому что раздробленная Русь попала под контроль большого **мирового государства**, которое было **в плане цивилизации на порядок выше Руси**. Потом московские князья, используя Золотую Орду, окрепли и создали свое государство, которое пришло на смену Золотой Орде».

- «Есть и другой стереотип. Дескать, была великая замечательная держава Золотая Орда, но пришли русские, кинулись на нее и уничтожили. На самом деле история так не развивается. В ходе монгольского нашествия возникли многие государства. Это была громадная степная империя, которая имела торговые связи с Ираном, Италией, Северным Кавказом, Крымом, Сибирью. Это государство приняло ислам и этим **приобщилось к высокой культуре того времени**»;

- достойны внимания общественности **«образцы городской цивилизации Золотой Орды**, которую, кстати, **Золотой прозвали сами русские**, от восторга перед роскошью...» [Пиотровский, 2005; выделено мною. – М.У.].

Эти принципиальные высказывания принадлежат двум знатокам материальной культуры, искусства и истории народов Востока. Г.А.Федоров-Давыдов, более сорока лет своей жизни посвятивший изучению истории и археологии народов Поволжья, в т.ч. государства Джучидов, на основе наиболее объективных и достоверных источников пришел к опровержению прежних неверных представлений об уровне культуры Золотой Орды. Он совместно со своими учениками создал целую школу в этом направлении. В золотой фонд отечественной историографии вошли его публикации по золотоордынской нумизматике.

М.Б.Пиотровский, директор Эрмитажа, одного из крупных хранилищ памятников материальной культуры, искусства многих стран и народов, приходит к своему выводу на основе сравнительного осмысления истории и культуры в масштабах всемирной истории. Он справедлив своей критичностью относительно второго вида стереотипа: нельзя упрощенно и примитивно объяснять причины падения Золотой Орды. Хотелось бы несколько дополнить его корректно краткое замечание.

В последнее время, наравне с добротными научными исследованиями по теме, стали появляться сомнительные публикации, высказывания. В них, в противовес прежним, резко негативным оценочным утверждениям, «новизна» сводится к тому, что прежние отрицательные эпитеты механически заменяются их антонимами по схеме: все «черное» – на «белое» или наоборот. Историки, старавшиеся прежде излагать прошлое своих народов изолированно от истории Золотой Орды, как буд-

то ее не существовало вообще, теперь, увлекшись лишь ею, стали недостаточно обращать внимания на другие периоды прошлого этих же народов. Или прежние воинственные сторонники концепции «против идеализации истории татаро-монголов», обвинявшие во всех грехах другие позиции, превратились вдруг в активных апологетов «цветущей и великой» Золотой Орды, в которой якобы все было в гармонии. Активизировались также всевозможные дилетанты, которые, прочитав 3–4 популярные книжки по теме, стали создавать последующие издания, выдавая их за «новое слово». Именно такие дилетанты способны, привлекая собственные имена из сказок, придумывать «новые» княжества и даже мифические государства.

В подобных публикациях вне поля зрения остаются многие аспекты социальной, политической жизни, полной острыми противоречиями, драматическими столкновениями. В Золотой Орде, как во всех империях, роскошь, изобилие соседствовали с нищетой, лишениями; свобода и благополучие одних обеспечивались зависимостью, жалким положением других как внутри «господствующего» этноса, так и покоренных, зависимых народов. Империи, в т.ч. и Улус Джучи, из-за территориальных проблем вели войны за пределами своей страны, воевали и с частью «своего» народа внутри нее. В этом плане Золотая Орда ничем не отличалась от других империй. Поэтому на определенных этапах развития в империях возникали, обострялись губительные для них противоречия, конфликты.

Вместе с тем и в Улусе Джучи, как и в других, долго существовавших мировых державах, были освоены, развиты или созданы некоторые институты и компоненты высокой государственной культуры, например:

- функционирование эффективного управленческого аппарата, развитых финансовой и налоговой систем;
- действие четко работавшей коммуникационной, в т.ч. ямско-почтовой службы;
- сохранение эффективного военного строя, сведение до минимума преступности, обеспечение безопасности населенных пунктов и дорог;
- образование новой для этого региона городской цивилизации в больших масштабах;
- осуществление модели религиозной терпимости в поликонфессиональной импе-

рии, невмешательства в сферы духовно-культурной жизни, письменности и языка подвластных, зависимых народов;

- становление развитого письменного тюрко-татарского языка и делопроизводительной культуры на нем, расцвет разновидностей высокого прикладного, бытового искусства;
- сохранность и развитие структуры господствующих сословий на местах, например, княжеских родов, боярства, землевладельцев, духовенства, монастырей и т.д. и т.п.

Можно не знать о наличии всего этого в Золотой Орде. Это не вина, а лишь беда уровня образованности и подготовленности иного историка.

Начитанный учебной литературой новейшего времени читатель вправе заметить: все это, если таковое было вообще, является результатом жестокой эксплуатации подвластных народов, в особенности на Руси! Соглашусь. Во-первых, Чингизиды завоевали другие страны и народы не для раздачи им свободы или «спасения» их от других; во-вторых, не для «просвещения» своими религиями. Их целью была эксплуатация покоренных народов. И в Золотой Орде действительно изымался десятипроцентный налог с дохода. Если на Руси собиралось значительно больше, то в этом неоспорима заслуга, сперва, на раннем этапе, откупщиков сбора дани, затем местных правителей типа Ивана Калиты и его наследников, исправно собиравших налог – выход в пользу ханской казны. Правда, последние эти дополнительные поборы использовали, как справедливо отмечается, для укрепления княжеской власти, что способствовало в дальнейшем образованию нового государства – Московской Руси. С другой стороны и критичному читателю позволительно задать следующий вопрос: вообще были ли какие-либо крупные государства, империи, в которых отсутствовала эксплуатация подвластного населения? Ведь даже в Советском Союзе, в котором намеревались строить общество «без эксплуатации человека человеком», рабочие получали лишь незначительную часть стоимости созданных ими материальных ценностей, а беспаспортные колхозники, т.е. новые крепостные, почти до 60–70-х гг. XX в. не знали что такое зарплата и пенсия. . .

Вообще необходимо констатировать следующее: именно после люмпенизации городского населения, закрепощения крестьянства,

репрессирования миллионов граждан своей страны, щедрого пожертвования огромным количеством войска во время Второй мировой войны и, наконец, депортирования, точнее подвержения длительному геноциду, более десяти беспомощных народностей, именно 9 августа 1944 г., когда уже не было нужды в «братьях и сестрах», большевистским руководством СССР было принято специальное постановление ЦК ВКП(б), в свете которого давно исчезнувшее государство Золотая Орда и его основное население были превращены в своеобразный исторический жупел, при помощи постоянного битья которого воспитывали у народа якобы чувство «исторической справедливости» и принципы «социалистического гуманизма».

На фоне «ужаса» золотоордынского ига современные жестокости просто «поблекли»...

Появление этого постановления, принятого к реализации местными партийными и советскими органами, было связано с практическими устремлениями большевистского руководства страны: после депортации крымских татар и других неславянских, нехристианских народов Нижнего Поволжья, Северного Кавказа (как будто среди других народов не было коллаборационистов!) на повестке дня стояла судьба и татар Поволжья–Приуралья. Обсуждались даже возможные места для их депортации (только что присоединенная Тува или болота Западной Сибири). Но возникла другая почти неосуществимая проблема: собирание многомиллионного татарского населения по всему Советскому Союзу, от Прибалтики до Камчатки. (В самой ТАССР проживала лишь 1/4, может быть даже 1/5 часть всех татар; антитатарский компонент национальной политики Сталина четко прослеживается, начиная еще с 1920-х гг., в том, что первым шагом в цепи многочисленных репрессий оказался разгром татарской партийной организации с уничтожением его главы М.Х.Султан-Галиева.) Поэтому и пришлось «ограничиться» постановлением, призванным подвергнуть данный народ духовному избиению путем искажения, профанации одного из важнейших периодов его истории.

Так, в претендующей на «подлинный интернационализм» стране XX в. восторжествовал пресловутый, отдающий душком расизма

европоцентризм образца XVIII–XIX столетий. Правда, были устремления переделать его в своеобразный *русоцентризм*.

Наиболее характерным проявлением последнего является надуманное утверждение, что покоренная монголами Русь якобы спасла Западную Европу от завоеваний. Люди и общества, тем более жизнеспособные государства, спасают, согласно элементарной логике, прежде всего себя... (В связи с этим мифом интересно отметить следующее: некоторые ура-булгаристы в Казани попытались перенести модель этого мифа на болгарскую историю: якобы, давая «сильный отпор» монголам в 1223 г. и оказывая сопротивление им в 1236 г., болгары «задержали на несколько лет» завоевание Руси...).

Такова в целом особенность интерпретации истории Золотой Орды в новейшее, т.е. в советское время. Этим она отличалась от состояния и устремлений научной мысли и позиций ведущих представителей ориенталистики дореволюционной России, когда, наравне с ура-патриотическими и охранительно-официозными устремлениями, было место и разномыслию в освещении прошлого страны. Здесь уместно напомнить, что не только Н.Я.Бичурин, О.М.Ковалевский, Д.Банзаров, Г.С.Саблуков, И.Н.Березин, М.И.Иванин и др., скончавшиеся в XIX в., но и Б.Я.Владимирцов, В.В.Бартольд, также частично и ранний А.Ю.Якубовский (вынужденный позднее противоречиво толковать историю Золотой Орды), завершившие свой жизненный путь в советское время, были фактически представителями старороссийской научной ориенталистики. Той ориенталистики, представители которой отличались – хотя имели определенные недостатки, связанные со слабостью опыта предшественников, также относительной малочисленностью доступных им источников – наличием культуры самостоятельного мышления, восприятия мнения других, уважительного отношения к народам, историю которых изучали. Им были чужды признаки тоталитарного единомыслия, стремление угодить прихоти партийно-административного руководства.

Все это следует учитывать при составлении новых пособий по истории Улуса Джучи, что является по многим причинам насущной необходимостью.

И.Глазунов. Триптих «Куликовская битва: Временный перевес татар». 1980 г.

* * *

Целью III тома семитомной «Истории татар с древнейших времен» является, таким образом, стремление создать *объективно* изложенную историю Улуса Джучи, той реально существовавшей империи, ставшей известной позднее под названием Золотая Орда.

Следует отметить, что наравне с политизированными искажениями истории «обычного порядка», связанными, как правило, с этническими предубеждениями (о них не стоит повторяться), стали появляться и такие **бредовые** выступления, когда вообще отрицается историчность многих явлений мировой истории, в т.ч. и монгольских завоеваний, а Бату-хан отождествляется с Александром Невским и т.д. и т.п.

Закономерно и стремление к *объективности*. Ибо, как известно квалифицированным исследователям, невозможно точное воспроизведение прошлого со всеми деталями, тем более удаленного во времени прошлого. Поэтому историки вынуждены удовлетвориться освещением наиболее важных, узловых моментов той или иной конкретной истории. К тому же и сама категория *объективности* в исторических исследованиях является относительной и выступает как двуликий Янус: с одной стороны из-за относительной, т.е. объективно ограниченной возможности достоверного воспроизведения объекта изучения, с другой стороны, из-за способности «потребителей» (читателей) воспринимать, отвергать – желать или не желать принимать – предла-

гаемую интерпретацию. Результат, реальная отдача в конкретной аудитории также может быть или является относительной.

Следовательно, наравне с положительной встречей материалов, интерпретации данной книги, могут быть и критические отношения к ее содержанию и отдельным положениям концепции. Это вполне закономерно. От критических замечаний, конкретных предложений дело лишь выиграет, ибо только в результате таких поисков, обсуждений, полезных уточнений происходит *приближение* к истине.

Следует специально подчеркнуть, что история Улуса Джучи входит в составную часть конкретных историй многих народов Евразии, прежде всего, естественно, тюркоязычных. Если в восточной части империи – Кок-Орде – жили предки средневековых сибирских татар, части башкир, жителей Саяно-Алтайских гор, Южной Сибири, современных казахов, киргизов, каракалпаков, определенной (западной) части будущих узбеков и др., то в западной – Ак-Орде, именно в отношении к которой применялось наименование Золотая Орда, – находились предки татар Поволжья–Приуралья, частично башкир, ногайских племен, крымских татар, также ряда народов Северного Кавказа, например, балкар, карачаев, кумыков, осетин, черкес и др. Финно-угорские народы Поволжья и Приуралья также имеют золотоордынский период своей истории. То же относится в определенной степени и к истории азербайджанцев, армян и грузин. Немаловажно, независимо

от воли, устремлений позднейших историков и политиков, показать место Золотой Орды в истории Северо-Восточной, в особенности Московской Руси. Именно она, в XIV–XV вв. крепко становясь на ноги, с XVI столетия претендуя на политическое наследие Орды, в т.ч. на «татарские юрты», принимая во время деградации ханской власти титул русского правителя как царя, начинает закладывать основы будущей великой державы Евразии – Российской империи.

При разработке золотоордынского периода истории какого-либо конкретного народа необходимо учитывать особенности прошлого той части империи (восточной, западной, южной, северной или же оседлых регионов, степных зон ее), к которой относились предки этого народа. Ибо между регионами Улуса Джучи имелись порой существенные отличия.

Необходимо отметить и следующее: при такой многочисленности «наследников», по крайней мере, претендующих на наследие Джучиева Улуса, наиболее «тяжелую часть ноши», т.е. «моральной ответственности» за историческое наследие, несли и несут, прежде всего, поволжские и крымские татары. Об этом свидетельствуют как образование после распада Улуса Джучи нескольких собственно татарских государств (Астраханского, Казанского, Касимовского, Крымского, Сибирского ханств, Ногайской Орды), так и адресованность постановления ЦК ВКП(б) руководству именно ТАССР, а через него «титальному» народу, т.е. всему татарскому народу. Тому народу, который более полувека испытывал на себе своеобразный груз официального идеолого-психологического давления, узаконенного в учебниках для школ, вузов, в кинофильмах и художественных произведениях, призванных ко всеобщему воспитанию молодого поколения всех народов СССР в духе презрения к номадам, восточным народам, монголо-татарам, в т.ч. и современным татарам.

Чтобы осознать, понять значение такого официально санкционированного давления, надо быть «в шкуре» татар Поволжья–Приуралья, дети которых, возвращаясь после уроков по истории из школ, со слезами заявляли, что «не хотят быть татарами»... И также быть теми татарами, которые, пытаясь избавиться от этого «проклятого» названия, желали и желают изменить исторически сложившийся этноним (как будто после этого

появится новое постановление с объявлениями любви к ним...). Наконец, теми татарами, которые или идут на искажение своей истории, или «вину» пытаются перекаладывать на других, одновременно по плохому примеру унижая, оскорбляя их...

Поэтому не стоит удивляться известным кровавым ксенофобским событиям в городах России, т.к. семена этого явления в форме «исторической» ненависти к некоторым народам, в виде идеи исключительности отдельно взятого этноса, также градации народов по сортам (на «союзных», «автономных», «краевых», «областных» и т.д.) были обильно засеяны в недалеком прошлом, что сыграло определенную роль в трагической судьбе страны под названием СССР...

Но суровая жизненно-историческая действительность внесла неизбежные коррективы: наступила Перестройка. Одним из первых мероприятий ее была отмена экзаменов по истории во всех учебных заведениях страны, в том числе Российской Федерации... Это был подлинный и позорный крах т.н. марксистско-ленинской, точнее большевистско-мессианской, т.е. лживой в своей основе исторической концепции. Той, не терпящей разномыслия, элементарной справедливости тотальной концепции, в которой «татаро-монгольский сюжет», вернее история Евразии XIII–XVI вв. являлась только небольшой главой, может быть даже всего лишь «параграфом» ее...

Здесь также необходимо оговорить, что, отмечая непреходящее значение и место золотоордынского периода для изучения прошлого татар, авторы проекта нисколько не умаляют значение болгарской и других, как предыдущих, так и позднейших, эпох для полноценного осмысления и освещения их истории. Поэтому *первая книга* семитомника была посвящена разностороннему освещению истории евразийских пространств в целом. В этом томе еще нет ничего конкретного о современном татарском этносе, как сложившемся в Поволжье народе, а есть лишь историко-этнографический фон, на котором происходило сложение и развитие собственно тюркского мира и других аутентичных цивилизаций, к которым по языку и духовно-материальной культуре принадлежали, условно говоря, *протопредки* современных татар. Этногенез их становится несколько определенным, но еще незавершенным, начиная с эпохи болгар и кыпчаков и их государств.

Данному периоду посвящена *вторая книга* семитомника. Более или менее завершается данный этногенетический процесс – сложение современных татар как автономного этноса внутри тюркского мира в целом, тюрко-татарской общности, в частности, несколько позднее – в золотоордынской эпохе, в результате смешения, этнической консолидации мусульманизированных тюрков: булгар, кыпчаков и частично тюркизированных финно-угорских племен региона.

При этом целесообразно отметить и следующее. Из-за такой специфики этногенеза народа, также из-за сложности социального, военного-политического процесса и особенностей культурного развития Евразии XIII–XVI вв. в целом, история современных татар Поволжья–Приуралья стала *значительно шире*, чем история болгарского общества, но одновременно она оказалась *значительно уже*, чем история Золотой Орды, тем более всего Джучиева Улуса. Лишь при осознании реальности этого своеобразного «ребуса» мы сможем не только правильно осмыслить, но и вразумительнее объяснить особенности нашей национальной истории.

* * *

К составлению данного тома были приглашены видные в своей области специалисты, как из Казани, других городов Российской Федерации, так и из зарубежных стран. Были привлечены также молодые представители данной области знания. Надо полагать, никто из них в своих трудах не претендует на истину в последней инстанции.

Материалы тома оформлены не как части «обезличенной» коллективной компилятивной монографии, а представлены в форме тематически последовательных собраний авторских статей (очерков), носящих исследовательский характер и написанных с использованием местами одних и тех же источников и историографического материала. Поэтому возможны, даже неизбежны, некоторые повторы или различия, даже споры между ними, что, по представлению редакторов, является вполне допустимым.

Необходимо подчеркнуть, что руководители проекта не навязывали авторам свое видение проблем, т.к. внутри одной концепции может быть несколько вариантов интерпретаций одних и тех же явлений. Как показывает практика, лишь при наличии творческой свободы повышается персональная ответственность авторов и качество их исследований.

Следует также отметить, что при написании исторических антропонимов, топонимов и терминов, за исключением цитат, авторы сле-

довали тюркологической традиции, более употребляемой в отечественной ориенталистике.

Естественно, не все вопросы изучаемых проблем в достаточной степени обеспечены доступными источниками и соответствующим историографическим опытом. Поэтому авторский коллектив будет признателен за конструктивные критические замечания и конкретные предложения, которые, надо полагать, будут полезны при последующих исследованиях и публикациях по истории Улуса Джучи.

При определении структуры тома, уточнении концепции исследования, наравне с руководителями проекта, активное участие принимали доктор исторических наук *Д.М.Исхаков*, *И.К.Загидуллин*, кандидаты исторических наук *А.А.Арсланова*, *И.Л.Измайлов*, *Б.Л.Хамидуллин* и другие коллеги. Мы признательны также зарубежным и иногородним коллегам – профессорам *Иштвану Вашари*, *Ч.Дж.Гальперину*, *Юлаю Шамильоглу*, [*Хансерду Геккеньяну*], *К.М.Байтакову*, *А.М.Белавину*, *А.Ш.Кадырбаеву*, *М.Г.Крамаровскому*, *Е.И.Кычанову*, *М.Д.Полубояриновой*, *В.В.Трепавлову*, *Ю.С.Худякову*, *А.Г.Юрченко* и многим другим – за их советы при предварительном обсуждении структуры книги, также за их любезное согласие написать отдельные главы и параграфы настоящего исследования.

Приложения к тому подготовили: *А.А.Арсланова*, *М.С.Гатин*, *И.Л.Измайлов*, *А.Ш.Кадырбаев*, *Ф.Ш.Нуриева*, *Р.П.Храпачевский*, *А.Г.Юрченко*.

Рисунки по тексту представлены авторами тома, иллюстрации подобраны *И.Л.Измайловым*, *Б.Л.Хамидуллиным*.

Списки источников и литературы, сокращений подготовлены *А.А.Арслановой*, *И.Л.Измайловым*, *Л.М.Зигангареевой*.

Именной, политико-географический указатели составлены *Б.И.Измайловым*, *Л.М.Зигангареевой*, *Л.З.Сулеймановой*.

Статьи *Ю.Шамильоглу*, *И.Вашари* и *Ч.Гальперина* переведены с английского языка *А.А.Арслановой*, статья *Х.Геккеньяна* – с немецкого языка *И.А.Гилязовым*.

В иллюстрировании тома использованы экспонаты из коллекций отечественных музеев: НМ РТ, ГЭ, ГИМ, БГИАЗ, БГИАПМЗ, СОМК, АГОИАМЗ, ВОКМ, а также музеев и библиотек ряда зарубежных стран. Часть иллюстраций любезно предоставлена московским Издательско-продюсерским центром «Дизайн. Информация. Картография» (Атлас Tartarica. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня. М., 2006).

§ 2. Историография и источники

Улус Джучи и Золотая Орда: официальное название страны и историческая традиция

Искандер Измайлов

Улус Джучи сыграл выдающуюся роль в истории мировой цивилизации. События, которые сопровождали возникновение, становление и развитие этого государства, имели общемировые масштабы и последствия. Могущественная средневековая татарская империя, границы которой простирались от Иртыша на востоке до Дуная на западе, от Белого моря на севере до Черного и Каспийского на юге, играла в судьбах тогдашнего мира ведущую роль. Средневековая империя Джучидов оказала огромное влияние на судьбы Евразии, став ключевым этапом в истории тюрко-татарских народов.

Государство это по-разному называли современники: арабы – «царством северных татар», «государством Дашт-и Кыпчак» или «Улусом Джучи» (или его потомков, например, «Улус Узбека»), европейцы – «Татарией» или «страной Команов» (т.е. кыпчаков), русские – «Ордой» или «царством татар».

Между тем, благодаря сохранившимся татарским ярлыкам XIV–XVI вв., известно и официальное (для внутреннего использования) название этого средневекового государства – «Улуг Улус» или «Улуг Орду» («Большое / Великое государство») [Усманов, 1979, с.189–193]. Оно явно служило самоназванием для официальной дипломатической переписки и для жалованных актов. По мере распада Улуса Джучи содержание этого термина сужалось, став обозначением ханства, существовавшего в Поволжье (по русским источникам – «Большая Орда», т.е. собственно калька с татарского Улуг Улус), а после его окончательного распада присвоено ханами Крымского ханства, считавших себя его законными наследниками.

Название «Золотая Орда» перешло в научную литературу из русской традиции («Казанская история» и историко-публицистическая литература конца XVI – XVII вв.). В самых ранних русских летописях Улус Джучи не имел официального названия, и вместо него употреблялись различные выражения: «из та-

тар», «к Батью» и т.д. Но уже в конце XIII в. наряду с этими начинает употребляться термин «в Орду», или «к царю», что подчеркивает факт того, что на Руси чутко улавливали нюансы общеимперской политики и реагировали на обретение Улусом Джучи юридически независимого статуса. Вместе с термином «Орда» со второй половины XIV в. в русских летописях начинает употребляться термин «Синяя Орда», как калька татарского термина «Кок-Орда» и как обозначение заволжских земель, правители которой играли все более важную роль в политике ханства.

В целом происхождение этого названия, по мнению ряда исследователей [Богатова, 1970; Федоров-Давыдов, 1973, с.64–67; Султанов, 2001, с.15–17], находится в прямой связи с названием ханской ставки или, если быть более точным, с богато украшенной золотом и дорогой материей парадной юртой тюрко-монгольских правителей. Например, арабские историки X в. указывали, что в ставке уйгурского правителя располагался «золотой шатер», а персидский историк XIV в. Рашид ад-Дин отмечал, что ставка Чингиз-хана официально называлась *Урду-и зарин бузург* («Большая / Великая Золотая Орда») [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.230]. Он также, описывая ставку Великого хана Угедея близ столицы империи Каракорума, отмечал, что там «разбили такой большой шатер, что в нем помещалась тысяча человек, и этот шатер никогда не убирали. Скрепки его были золотые, внутренность обтянута тканями; его называли “Сира урду” – “Золотая орда”, “Золотая ставка”» [там же, с.41]. Интересное параллельное свидетельство об устройстве шатра великого хана сохранилось в отчете папского посланника Иоанна де Плано Карпини ко двору великого хана. В 1246 г. он находился в ставке во время интронизации хана Гуюка, где для этого события был возведен огромный шатер, «называемый у них Золотой Ордой... Шатер же этот был поставлен на столбах, покрытых золотыми ли-

стами и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдакином, а снаружи были другие ткани» [Путешествия, 1957, с.76].

Судя по этим упоминаниям, можно предположить, что желтый (золотой) цвет для тюрко-монгольских государств Центральной Азии – это символ высшей власти, дарованный небесными силами, который, скорее всего, восходит к китайской традиции императорской символики. Именно в этом смысле следует расценивать указания на существование традиции ставить каганам золотые шатры, например у уйгуров, киданей и чжурчженей. Само же название «золотая» явно осмысливалось современниками как «великая», учитывающая синонимичность средневековых понятий «золотое»/«царственное»/«великое». В этом качестве эта традиция цветообозначения была воспринята в державе Чингиз-хана, где стала частью формирующейся новой имперской культуры, которая сохраняла силу традиции в государствах Чингизидов.

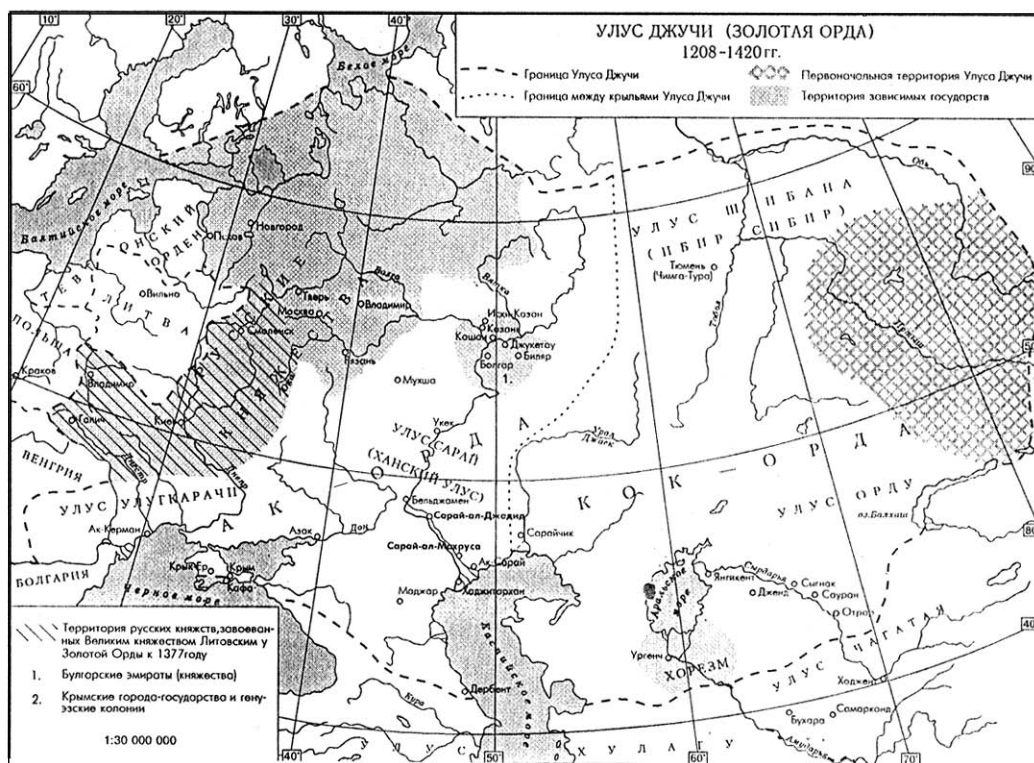
В период образования независимых улусов традиция называть ханские ставки «Золотой Ордой» распространилась на все государства Чингизидов. Неудивительно, что по данным арабо-персидских авторов ставка ханов Улуса Джучи также именовалась «золотой» [СМИЗО, 1884, с.290]. Очевидно, в определенном смысле термин «Золотая Орда» мог быть синонимом ханской ставки и даже центральной власти в Улусе Джучи.

В современной мировой науке для названия этого государства с равным основанием используются два термина – «Золотая Орда» и «Улус Джучи».

Среди многих дискуссионных проблем истории Золотой Орды выделяется вопрос о времени ее образования, т.е. о начале собственной истории. Наиболее популярна ныне точка зрения, что начало Улуса Джучи следует вести с 1243 г., когда, вернувшись из похода на Запад, Бату-хан начал устанавливать жесткую внутреннюю структуру управления завоеванными странами. Иногда, понимая, что история государства Джучидов начинается задолго до этой даты, некоторые историки (Л.Н.Гумилев) выдвигают тезис о перерастании после 1243 г. «Улуса Джучи» в «Золотую Орду». Однако думается, что это – довольно искусственная конструкция.

В вопросе о дате образования Улуса Джучи, как и в ряде других, над историками весьма сильно довлеет историографическая традиция. Возникла она в отечественной науке еще в конце прошлого века и ныне развивается в трудах двух совершенно разных школ как «державных», так и «евразийских» историков. Единство их мнений отнюдь не случайно. И та, и другая традиции принимают 1243 г. как время начала Золотой Орды (часто, тем самым, противопоставляя ее понятию «Улус Джучи»), стремясь подчеркнуть важность и этапность завоевания русских княжеств монгольскими ханами. На этом основании «державная» школа пытается придать событиям, связанным с «Батыевым нашествием», не свойственные им размах и масштабность на общем фоне монгольских походов (см. работы Б.Д.Грекова, В.В.Каргалова, В.А.Кучкина, В.Л.Егорова и др.). Очень часто при этом в своем «русскоцентризме» историки, сами того не замечая, встают на позиции церковных летописцев XIII в., видевших факты истории, образно говоря, из узкого окна своей кельи. У «евразийской» традиции несколько иное обоснование. Согласно ей, Золотая Орда – симбиоз оседлой Руси и кочевой Орды, который мог сложиться, естественно, только после объединения, состоявшегося в 1243 г. (см. труды Г.В.Вернадского, Л.Н.Гумилева).

Между тем, если отвлечься от проблематики Золотой Орды и перестать рассматривать ее как некий исключительный исторический феномен, то можно заметить, что, за вычетом некоторого своеобразия, ее история, культура, государственное устройство, военное дело немногим отличаются от аналогичных институтов других государств Чингизидов. В свете более глубокого изучения корней Улуса Джучи представляется, что «евразийская» теория не всегда обоснованно акцентировала внимание на уникальности Орды и на значении Руси в ее внутривосточной истории, пренебрегая сходством с другими предшествующими и синхронными державами кочевников Центральной Азии. В этой связи знаменательно, что история Улуса Чагатаидов начинается практически еще при жизни Чингиз-хана, спустя некоторое время после завоевания Хорасана и Мавераннахра монголами. Иначе говоря, задолго до завоевания Восточной Европы Улус

Карта Улуса Джучи. Автор И.Л.Измайлов

Джучи, как самостоятельное государство, латентно уже существовал.

Действительно, Бату-хан после возвращения из западного похода занимался организацией системы власти в своем улусе, но ведь однозначно и то, что задолго до этих походов улус уже существовал как особая военно-административная единица. Потомкам Джучи он достался в наследство от отца, который ему пожаловал Чингиз-хан, и где он правил уже с 1227 г., причем на тех же правах зависимости от власти великого хана, что и в 40-х гг. XIII в.

Именно поэтому ряд историков (В.В.Бартольд, М.Г.Сафаргалиев) считали, что истоки Улуса Джучи следует искать в эпохе Чингиз-хана, в период, когда он впервые выделил своим трем старшим сыновьям (Джучи, Угедю и Тулю) улусы. Эта точка зрения представляется наиболее обоснованной и позволяет проследить как возникновение Золотой Орды из недр Монгольской империи, так и этапы становления ее политической самостоятельности.

Начало государству Джучидов было положено еще при жизни Чингиз-хана. По обоснованному мнению В.В.Бартольда, улус старшему сыну Джучи Чингиз-хан выделил

в 1207–1208 гг., после покорения сибирских народов [Бартольд, 1963, с.421–422]. Позднее ему были выделены и другие западные земли, в частности, Хорезм и Дашт-и Кыпчак. Однако большую часть этих земель тогда только еще предстояло покорить.

После смерти Джучи на престол отца был посажен Бату, и его права на территорию, включающую Сибирь, Хорезм, Булгарию, Дашт-и Кыпчак и другие западные страны, были подтверждены на всемонгольских курултаях 1228–1229 гг., где решался вопрос о политическом наследии Чингиз-хана. Тогда же было решено продолжить завоевание западных земель, и Великий хан Угедей поручил это дело членам дома Джучи. Но выполнить поручение Джучиды самостоятельно не смогли. Тогда на новом курултае 1235 г. в помощь и подкрепление Бату-хану Угедеем были назначены еще 13 Чингизидов с их войсками.

Весной 1235 г. огромная армия под командованием Бату вторглась в Восточную Европу, начав серию завоевательных походов 1236–1242 гг., которые привели к подчинению Чингизидам значительной территории Восточной Европы. Уже в 1243 г., вернувшись в Поволжье и понимая, что одних его сил для наступ-

ления на Европу явно недостаточно, Бату принялся за укрепление и организацию своего улуса. Явным свидетельством утверждения новой власти стали поездки владельцев вассальных земель за ярлыками на право княжения. Тогда же была установлена система взимания дани и налогов с населения покоренных стран. В действительности же этапным временем становления ордынского правления на Руси и других завоеванных оседлых землях являются 1257–1259 гг., когда великий хан, произведя перепись подвластного населения, ввел там единое подворное налогообложение, стал требовать выполнения различных повинностей (ямской, воинской и т.д.) и попытался учредить институт наместников – баскаков.

Все это настолько укрепило Улус Джучи, что его правители уже в конце 50-х гг. XIII в. смогли добиться фактически полной независимости от великого хана, что выразилось в появлении на монетах хана Берке (1257–1266) «великой тамги» рода Джучи. Еще основательнее утвердил независимость внук Бату, хан Менгу-Тимур (1266–1282). Придя к власти, подавив сопротивление промонгольской знати, он начал проводить политику на полное отделение от власти великого хана, первым начав чеканить монеты со своим именем, что служило ярким доказательством его независимости. Сопутствовал ему успех и во внешней политике. В ходе разгоревшейся междоусобной войны среди потомков Чингиз-хана за власть над Средней Азией и Восточным Туркестаном Менгу-Тимур сумел сорвать планы по изоляции Улуса Джучи и нанес ряд чувствительных ударов по потомкам Хулагу, а уже в 1269 г. на р. Талас (Семиречье) был созван курултай, на котором были уточнены границы между владениями Чингизидов и фактически был узаконен распад единой империи Чингиз-хана.

I. История изучения Улуса Джучи в отечественной и зарубежной науке

Споры о роли и месте Улуса Джучи в истории бесконечны и, видимо, никогда не будут завершены. Золотая Орда, сверкнув яркой кометой на небосводе истории, опалила современников, оставив страшные ожоги и ощущение слепящего величия. Сложность выра-

Таким образом, становление Улуса Джучи как самостоятельной державы происходило в период с 1207/08 до 1269 гг. За это время Золотая Орда прошла путь от удела, выделенного Чингиз-ханом своему сыну Джучи, но в составе Монгольской державы, до независимого государства – империи Джучидов. Важнейшими здесь стали такие вехи, как признание прав на владения потомков Джучи в 1227 г., после смерти Чингиз-хана, начало преобразования завоеванных земель Восточной Европы (1243 г.), а также проведение переписи населения для установления регулярного налогообложения и учреждение единой административной системы (1257–1259 гг.).

Одновременно с этапами развития государственности изменялся и размер территории этого государства, которая в 1208 г. включала только коренной улус в Западной Сибири, но после 1243 г. расширилась, включая земли от Дуная до Иртыша и от Дербента до Верхнего Приуралья. В конце XIV в. территория Улуса Джучи, вследствие внутривнутриполитического кризиса и давления соседних держав, стала сокращаться. Постепенно это привело к тому, что в 20–40-е гг. XV в. как единое государство оно перестало существовать. На его землях возникли самостоятельные татарские ханства, а ряд территорий получил фактическую независимость – например, русские княжества, где главенствующую роль играло Московское великое княжество. Постепенно от огромной империи осталась только центральная часть в Нижнем Поволжье, продолжавшая именоваться Улусом, а по данным русских источников – Большой Ордой. Но и оно пало под ударами других татарских ханств в 1502 г., положив, тем самым, окончательный предел существованию империи Джучидов.

Искандер Измайлов

ботки единого подхода к наследию этого средневекового государства, просуществовавшего почти двести лет, не только в огромном влиянии его на исторические судьбы Евразии, но и в том, что с ним связано культурно-историческое наследие многих современных наро-

Могила И.Хаммер-Пургштала

дов и именно в его недрах сформировался средневековый татарский этнос.

История Улуса Джучи овеяна легендами, опутана заблуждениями и покрыта зияющими провалами «белых пятен». Много загадок и умолчаний в этой истории. Многие из них успешно разрешаются, другие были и остаются еще предметом ожесточенной дискуссии в отечественной и зарубежной историографии. Одни из них вызваны сложностью самой проблематики, отрывочностью и скудостью информации, но другие – идеологическими причинами, которые довели и довлеют над историками, сужая и регламентируя для них «коридор возможностей» понимания и осмысления этого исторического феномена. Представляется, что дело не только и не столько в проблемах источниковедческих, сколько в ментальных барьерах, которые, наряду с еще совсем недавно существовавшими прямыми запретами и указаниями власть имущих, мешали и мешают создать ясную, логичную и непротиворечивую парадигму истории этого средневекового государства. Вполне очевидно, что яростные споры и дискуссии вокруг наследия Улуса Джучи возникли не вчера, а уходят корнями в далекое прошлое и восходят еще к мифологемам церковного летописания. Формиро-

вание современного подхода к этой теме только усугубило их, придав им видимость научности и возведя их в ранг научных концепций и исторической традиции.

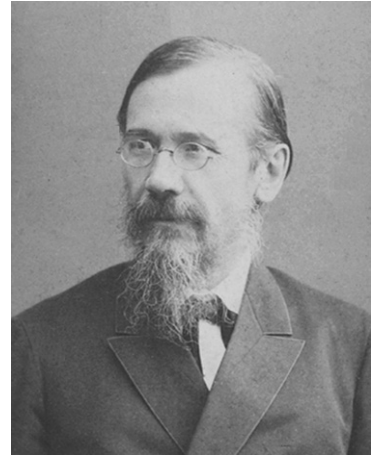
Начало этому процессу было положено в начале XIX в., когда в 1826 г. Российская Академия наук предложила ученому миру России и Европы представить в трехлетний срок на конкурс работу о последствиях монгольского завоевания России, обещая премию в 100 золотых червонцев его победителю. Однако время шло, а требуемая работа так и не появилась. Очевидно, соискателей смущала сложность темы и огромный объем требующих изучения источников.

Неудача вынудила академию в 1832 г. продлить конкурс, расширив тему. На этот раз было предложено «написать историю Улуса Джучи, или так называемой Золотой Орды, критически обработанную на основании как восточных источников и сохранившихся от ханов сей династии монетных памятников, так и древних русских, польских, венгерских и прочих летописей и других, встречающихся в сочинениях современных европейцев, сведений» – и увеличить размер премии вдвое [СМИЗО, 1884, с.557]. Через 3 года на суд академиков был представлен солидный труд известного немецкого востоковеда Й. фон Хаммера-Пургштала. В этом сочинении автор представил историю Улуса Джучи как самостоятельного исторического феномена и описал его с доступной ему полнотой, по образцу других средневековых государств. Этот труд, несмотря на ряд недостатков, таких, как неполнота использования восточных источников и русских летописей, являлся первым большим и цельным исследованием по истории Золотой Орды, и для уровня развития науки того времени достаточно профессиональным. Казалось бы, он заслужил премию. Однако комиссия во главе с академиком Х.Д.Френом пришла к выводу о недостаточной научной проработке темы и в премии автору отказала. Почему же он не был даже поощрен? Определенно, в этом значительную роль сыграли вненаучные факторы. С одной стороны, это объяснялось отсутствием сколько-нибудь серьезных отечественных исследований. Ведь у академиков еще были свежи в памяти бурные выступления М.В.Ломоносова с обвинениями в антипатриотизме и апелляции к царскому двору с требованиями «защи-

тить истинно русскую историю» от засилья иностранцев в связи с появлением труда немецкого историка Г.Ф.Миллера, где тот осмелился подчеркнуть роль викингов-«русов» в создании Древнерусского государства. С другой, — начало изучения Золотой Орды совпало с ростом русского национального самосознания и формированием

С.М.Соловьев

В.О.Ключевский

имперской идеологии с ее мифологемой особой роли в приобщении к европейской культуре «азиатских инородцев». Принять же факт, что когда-то в прошлом Русь не просто подчинялась представителям этих азиатских, но и явно уступала им в культурном отношении, было весьма болезненно. Кроме того, российские историки смотрели на историю народов Восточной Европы через призму трудов В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина, базировавшихся на пересказе летописей и, соответственно, воспринявших православно-царистскую концепцию истории Руси. Так, изучение истории Золотой Орды с самого начала научного осмысления оказалось опутанным паутиной идеологических приоритетов и политических интересов.

В XIX в. изучение этой темы развивалось в рамках трех больших направлений. Большая группа историков рассматривала ее через призму русской истории. Среди них доминировали историки «государственной» школы историографии — С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, П.Н.Милюков и др. Лейтмотивом их трудов стала мысль, ясно сформулированная С.М.Соловьевым: «...историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий, именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные — и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений» [Соловьев, 1988, с.54]. Эта мысль, что «татары и татарские отношения» — явление внешнее и мало-значимое для описания тенденций развития

Русского государства и общества, привела не просто к недооценке ключевого значения этого периода для Руси, но и вычеркнуло историю Улуса Джучи из приоритетных задач отечественной историографии. С этого времени в трудах российских историков история Орды ставилась практически исключительно в контекст русской истории, как внешний фактор, повлиявший в негативном плане на ее ход и направление развития.

Само влияние Золотой Орды на судьбы России историки «государственной» школы расценивали неоднозначно. С одной стороны, отрицательно, как фактор постоянной военной угрозы. Так, В.О.Ключевский писал: «Борьба со степным кочевником, половчином, злым татаринном, длившаяся с VIII почти до конца XVII в. — самое тяжелое историческое воспоминание русского народа... Тысячелетнее и враждебное соседство с хищным степным азиатом — это такое обстоятельство, которое одно может покрыть не один европейский недочет в русской исторической жизни» [Ключевский, 1987, с.84]. С другой стороны, эти историки подчеркивали, что именно политика ордынских правителей позволила возвыситься Москве и завоевать гегемонию среди других княжеств, во многом способствуя консервации державных, авторитарных традиций и задержке социально-экономического развития Руси. Однако в их трудах, несмотря на внимание к русско-ордынским отношениям, нет объективной характеристики Улуса Джучи как высокоразвитого общества с городской культурой, а постоянно культивировалось мнение об отсталости, «дикости» татар.

Интересно отметить, что данная концепция попала на страницы европейских трудов по истории. Так, К.Маркс, прекрасно читавший по-русски, черпая сведения для своей монографии «Секретная дипломатическая история XVIII века» из этих трудов, пытался доказать, что нынешнему состоянию российского общества, жестокостям царизма, ужасам крепостничества и политике подавления свободы народов Россия обязана... «татарскому игу»*. Характерна его фраза, часто повторяемая в отечественной историографии о том, что «Это иго не только подавляло, но и оскорбляло, иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Татары установили режим систематического террора, разорение и массовые убийства стали обычным явлением» [Магх, 1899, р.78]. Так замкнулся логический круг: церковно-летописная традиция стала основой для трудов российских историков, они послужили фактологической базой для работ западных «классиков марксизма», которые, в свою очередь, явились методологической концепцией для советской историографии. Характерно при этом, что советские историки не спешили цитировать многие другие пассажи из этого труда К.Маркса, в котором много весьма нелюбимых

приятных слов для характеристики русской государственности и внешней политики России, из-за чего эта работа «классика марксизма» в советское время так никогда и не была переведена на русский язык.

Российское востоковедение пошло по иному пути. В своих трудах востоковеды П.С.Савельев, В.В.Григорьев, И.Н.Березин, Г.С.Саблуков, В.В.Вельяминов-Зернов, В.Г.Тизенгаузен, Н.И.Веселовский и В.В.Бартольд обратили внимание на выявление новых источников по истории Улуса Джучи и их критическое изучение. Их трудам был присущ комплексный подход к теме, стремление наиболее полно рассмотреть феномен Золотой Орды как единого целого, изучить внутренние механизмы функционирования этого государства на основе привлечения восточных письменных, актовых и нумизматических источников.

К числу русских ученых-востоковедов, занимающихся исследованиями по истории Золотой Орды и переводами на русский язык восточных источников с ценными комментариями и примечаниями, с полным правом можно отнести И.Н.Березина (1818–1896). Именно ему принадлежит заслуга во введении в научный оборот новых, до тех пор не исследованных, восточных источников. Так, еще работая в Казанском университете, И.Н.Березин начал издание «Библиотеки восточных историков» (первый том вышел в 1849 г.). Характерной чертой исторических трудов И.Н.Березина являлось исследование истории Улуса Джучи на основе первоисточников, что должно было, по мысли автора, содействовать более глубокому его изучению. Прежде всего, он предполагал перевести и издать несколько сочинений, основанных на трудах персидского ученого и государственного деятеля Рашид ад-Дина, а также проанализировать собственно золотоордынские памятники, чтобы на этом основании возвести историю Золотой Орды [Березин, 1850; 1852]. Обширные выдержки из сочинений восточных авторов (Рашид ад-Дин, Джувейни, Вассаф и др.) сопровождают его объемные статьи о нашествии монголо-татар на Восточную Европу [Березин, 1853; 1855], причем эти выдержки даны с подробными комментариями. Однако, вводя в научный оборот новые восточные источники, И.Н.Бере-

* «ТАТАРСКОЕ ИГО» («монголо-татарское», «татаро-монгольское») – традиционное название в российской историографии системы властвования над русскими княжествами ханами Улуса Джучи в XIII–XV вв., отягощенное негативным смыслом и понимаемое как «жестокое и беспощадное угнетение и подавление». Термин «татарское иго» ведет начало от церковной традиции и исторической публицистики конца XVI – начала XVII в. («Казанская история»). В конце XVIII – XX вв. возрождается в трудах российских историков, иногда в форме «татаро-монгольское иго», где подкрепляется тенденциозно подобранными фактами и приобретает характер историографической концепции. В советской исторической науке широко использовались негативные оценки «татарского ига», данные К.Марксом и И.Сталиным. Современные исследования показывают сложный характер взаимодействия русских князей и ханов Золотой Орды, несводимый к церковной мифологии «татарского ига» [Насонов, 1940; Каргалов, 1980; Назаров, 1983; Кучкин, 1991; Вернадский, 1997; Halperin, 1986; 1987; de Hartog, 1996; Горский, 2000].

зин ограничивается объяснением текстов и не делает каких-либо выводов и обобщений.

Отечественная историческая наука обязана И.Н.Березину тем, что он ввел в научный оборот в России ценнейший источник по истории монголов «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина. Оценивая научную деятельность И.Н.Березина в области изучения истории Золотой Орды на базе восточных источников, следует отметить, что высказанные им идеи и собранный богатый фактический материал делают весьма значительным его вклад в развитие отечественного востоковедения [см.: Арсланова, 1986, с.116–117]. Высоко оценивая деятельность ученого, В.В.Бартольд писал, что «заслуги того поколения ориенталистов, к которому принадлежал И.Н.Березин, определяются не столько выполненным, сколько постановкой научных задач, и в этом отношении ученый, писавший, что «на русских ориенталистах лежит обязанность разъяснения монгольского периода русской истории, и не только словом, но и делом доказавший сознание этой обязанности, издатель «Библиотеки восточных историков» и труда Рашид ад-Дина, имеет полное право на благодарность потомства» [Бартольд, 1926, с.72].

Значителен вклад в исследование истории золотоордынского государства известного востоковеда Г.С.Саблукова (о нем см.: [Валеев, 1993]). Нумизмат, археолог и историк, он прекрасно владел восточными языками. С появлением в 1844 г. его труда «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства» [Саблуков, 1844] (2-е изд. см.: [Саблуков, 1895]) было положено начало изучению внутреннего строя Золотой Орды на основе, прежде всего, собственно татарских источников – ярлыков и нумизматики. В.В.Григорьев так отозвался об этой работе: «...мы... считаем статью эту весьма замечательным явлением. Удивляемся особенно, как с такими ничтожными пособиями, какие были у него под руками, умел он приняться за дело так ловко и так много сказал нового и основательного о своем предмете, тогда как Гаммер с четырьмястами источников своей «Истории Золотой Орды» не смог написать о том ничего

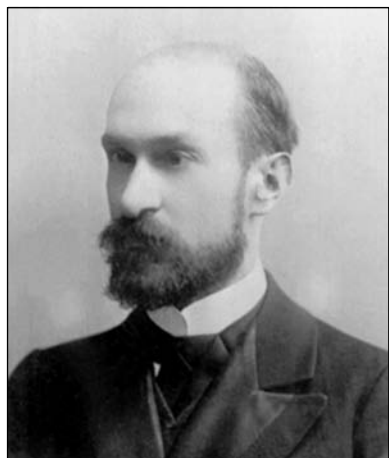
И.Н.Березин

В.Г.Тизенгаузен

путного» [Григорьев, 1876, с.312].

Особо следует отметить выдающиеся труды талантливого историковеда, археолога и нумизмата барона В.Г.Тизенгаузена (1825–1902), подготовившего к изданию два тома выдержек их восточных (арабских и персидских) источников, содержащих сведения по истории Улуса Джучи. Чтобы выполнить эту задачу, В.Г.Тизенгаузен в 1880 г. выехал в Европу и сделал извлечения из рукописей различных европейских собраний. Он привез множество выписок, существенно дополняющих материал, собранный им из доступных ему прежде источников [Розен, 1865, с.231–236]. Плодом его многолетних трудов стал свод извлечений из арабских и персидских сочинений по истории Золотой Орды. Труд этот по праву можно назвать подвигом в русском востоковедении [Арсланова, 1986, с.114–116]. В 1884 г. им был издан первый том «Сборника материалов по истории Золотой Орды», содержащий извлечения из арабских сочинений. В предисловии к нему автор, сознавая огромную важность проделанной работы для российской науки в целом, писал: «Отсутствие основательной, возможно-полной и критически обработанной истории Золотой Орды или Улуса Джучидов, т.е. удела потомков Джучи, старшего сына Чингизхана, составляет один из самых важных и чувствительных пробелов в нашем отечественном бытописании, лишая нас возможности не только ознакомиться с ходом дел и всем строем этой обширной и своеобразной полу-степной державы, более двух столетий распоряжавшейся судьбами России, но и правильно оценить степень влияния ее на Россию, определить с достоверностью, на чем

В.В.Бартольд

Ш.Марджани

именно отразилось у нас это монголо-татарское владычество и насколько оно в самом деле затормозило естественное развитие русского народа. Пробел этот чувствовался уже давно» [СМИЗО, 1884, с.V]. Во второй том «Сборника» В.Г.Тизенгаузен намеревался включить извлечения из сочинений персидских, татарских и турецких писателей с дальнейшим изданием необходимых к обоим томам исторических, географических и других комментариев [там же, с.XV]. Однако этот труд, содержащий сведения из персидских сочинений, к сожалению, остался незаконченным и неизданным. Ему было суждено увидеть свет лишь 60 лет спустя после смерти автора, с дополнениями и редакцией материалов тома видными советскими востоковедами А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным [СМИЗО, 1941].

Огромное значение труда В.Г.Тизенгаузена для науки невозможно переоценить. «Стоит ли говорить, – пишет известный советский востоковед А.Ю.Якубовский, – с какой благодарностью приняли этот труд все, кто так или иначе интересуется вопросами истории Золотой Орды. Несколько лет, прошедшие со времени издания этого труда, показали, насколько нужна была эта книга. Ссылки на нее часто мелькают в наших исторических работах. Окидывая взглядом более чем столетнюю работу русских и западноевропейских ученых по этому большому и сложному вопросу, приходится признать, что в порядке культурного наследия мы должны особенно оценить долготелные и кропотливые изыскания русского исследователя В.Г.Тизенгаузена. Без собранных им материалов не обойдется

в настоящий момент ни один из историков, работающих над историей Золотой Орды» [Греков, Якубовский, 1950, с.78].

В.В.Бартольд (1869–1930) – знаменитый российский востоковед – сыграл исключительную роль в деле изучения проблем истории стран Востока в эпоху средних веков. Он прекрасно сознавал необходимость выявления и

введения в научный обиход новых восточных рукописей, в первую очередь, – персидских и арабских. Его кредо были источники и их анализ. Известно, что ученый был прекрасным знатоком источников на арабском, персидском и тюркских языках. А.Ю.Якубовский подчеркивал, что «В.В.Бартольд к предмету своего исследования подходил хорошо вооруженный приемами самой строгой критики источников... Чтобы приступить к исследованию, необходимо было собрать обширный фактический материал, в большинстве своем науке совершенно неизвестный. В нахождении этого фактического материала, в критической его обработке и проявился, прежде всего, талант В.В.Бартольда. Специалистам хорошо известно, с какой исчерпывающей полнотой умел он извлекать из первоисточников необходимые для его занятий сведения» [Якубовский, 1974, с.63]. Сделав много интересных и ценных наблюдений по истории Золотой Орды на основе арабских, персидских и тюркских источников, В.В.Бартольд, однако, в общем пессимистически относился к самой возможности создания обобщающих исследований по истории этого государства, полагая, что источниковая база для этого недостаточна. Главной задачей «в области истории Востока так же, как и в других отраслях исторической науки», по его мнению, являлась необходимость «перейти от экстенсивных исследований к интенсивным, от широких обобщений к развитию специализации и тщательному изучению по первоисточникам истории отдельных стран, народов и эпох» [Бартольд, 1925, с.161].

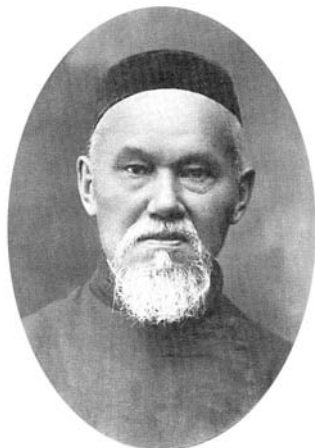
Многочисленные работы В.В.Бартольда, написанные на обширной источниковедческой базе, выгодно отличались от трудов других исследователей Востока. Для него было характерно использование богатого и разнообразного фактического материала первоисточников, прекрасное знание исторической литературы, тщательная проверка отдельных фактов, событий, хронологических дат, собственных имен и географических названий при довольно слабой разработанности в то время техники изучения восточных исторических источников и приемов текстологического анализа.

Колоссальный материал, который В.В.Бартольд извлекал из первоисточников, поражает воображение. Наиболее ценным в этом отношении является его капитальный труд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [Бартольд, 1963], в котором он впервые дал научную разработку вопроса о сложении монгольского государства под властью Чингиз-хана и монгольских завоеваний в Средней Азии и Иране, а также истории государств Чингизидов. Источниковедчески выдержанные труды В.В.Бартольда не могли не вызвать критики советских историков, вменявших ему в вину не только то, что он «не являлся марксистом», но и идеализировал историческую роль Монгольской империи, а также отдельных феодальных правителей, в частности самого Чингиз-хана [Али-Заде, 1956, с.21; см. также: Якубовский, 1974]. Особую злость этих историков вызывали слова честного историка и русского патриота В.В.Бартольда, что, «несмотря на опустошения, произведенные монгольскими войсками, несмотря на все поборы баскаков, в период монгольского владычества было положено начало не только политическому возрождению России, но и дальнейшим успехам русской культуры» [Бартольд, 1925, с.171–172].

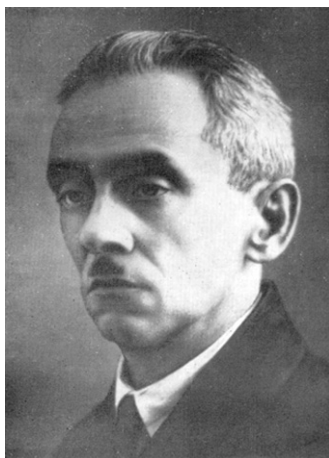
Велось изучение темы и в татарской исторической науке. Наибольшей концептуальной четкостью и научностью выделяются труды выдающегося татарского ученого Шигабутдина Марджани (1818–1889), который в своих исследованиях, сделанных на основе анализа восточных (арабских и персидских) источников, изучил политическую историю Улуса Джучи, описал правление ханов, их родословную и борьбу за ханский престол [Мәржани, 1989]. Этот, по существу первый действительно научный, труд по истории та-

тарского народа представлял собой свод арабских, персидских и чагатайских источников по истории булгар, хазар, башкир и других тюркских народов. Прекрасно владея классическими восточными языками, Ш.Марджани не только читал в оригинале труды восточных историков и путешественников, большинство из которых он нашел и прочитал в годы учебы в Бухаре и Самарканде, но и представил их в виде связной истории, посвященной прошлому татарского народа. По его концепции, история татар в эпоху Улуса Джучи является важнейшим этапом в их истории, истоки которой уходят в тюрко-татарские государства прошлого (о концепции Ш.Марджани см.: [Schamiloglu, 1990]). Хотя в целом в исторической науке источниковедческой деятельности Ш.Марджани дана высокая оценка, приходится сожалеть о том, что его имя до сих пор недостаточно популярно в отечественном востоковедении.

Направление, которое открыл в татарском историописании Ш.Марджани, продолжили его ученики и последователи. Развивая его традиции, основное внимание татарские историки уделяли политической истории, жизнеописанию ханов Улуса Джучи и других татарских ханств. Особо следует выделить труды Р.Фәхретдинова [Фәхретдинев, 1993; Фәхретдин, 1996; 1999]; Х.Атласи [1911; 1920; 1992], Г.Ахмарова [Әхмәров, 2000] и др. В теоретическом плане эти работы лежали в рамках осмысления места Золотой Орды в общетюркской мусульманской истории, возможности для серьезного источниковедческого анализа и широких обобщающих трудов в них были весьма ограничены. Вместе с тем, в этих трудах возродилась и получила научное оформление система взглядов на историю Улуса Джучи как важнейшей и неотъемлемой части истории татарского народа, времени его самостоятельного развития. В трудах указанных историков проводилась мысль о Золотой Орде как о развитом государстве с богатой историей и культурой, хотя и не без некоторой идеализации [Фәхретдин, 1996]. К сожалению, такое понимание прошлого татарскими историками было прервано в годы советской власти и сохранилось лишь в эмиграции, в Турции. Здесь оно продолжало развиваться в работах А.-З.Валиди (Тогана) [Вәлиди, 1992], Г.Баттала (Таймаса) [1996], Г.Исхаки [1991], А.Н.Курата [Kurat, 1937; 1940], Б.Ишболдина

Р.Фахретдинов

Г.Губайдуллин

Х.Атласи

[2005] и др. Многие из них, особенно А.-З.Валиди, А.Н.Курат, имели прекрасную историко-ведческую подготовку, широкие знания в области истории. При этом они не стремились создать целостную историю Улуса Джучи, считая, очевидно, главным фактором недостатка новых источников для такого обобщения.

Немалый интерес к истории Орды возник в 20–30-е гг. XX столетия. Это было связано с ростом национального самосознания, возрождением государственности и культуры народов России и политикой разоблачения колониаторских устремлений царизма, чему в немалой степени способствовали труды воинствующего историка-марксиста М.Н.Покровского, выступавшего против принятой в российской историографии «теории непрерывной борьбы Леса со Степью» и подчеркивавшего значительное влияние культуры Орды на Русь [Покровский, 1925, с.39; 1933, с.188]. Большую роль в углублении представлений об Улусе Джучи сыграло расширение археологических работ на золотоордынских памятниках XIII–XV вв. в Поволжье. Сделанные там, в первую очередь трудами Ф.В.Баллода [Баллод, 1923а; 1923б; 1924; Ballod, 1926], открытия великолепных образцов монументального зодчества и материальной культуры полностью перевернули традиционные взгляды историков на «кочевой» быт Орды. Появился целый ряд работ, авторы которых пытались отразить эти новые данные и объективно оценить место Золотой Орды в мировой истории [см.: Баллод, 1924; Якубовский, 1929, с.123–159; Савич, 1936, с.37–49].

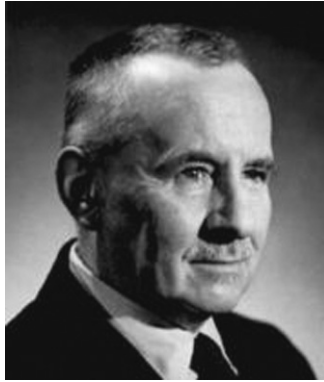
Заметно возрос научный уровень трудов татарских историков, среди которых выделялись Г.Губайдуллин (Г.Газиз) [1923; 1925; 1927; 1928; 1994; Гобәйдуллин, 2002], Дж.Валиди [1923] и А.Рахим [1930]. Эти работы, продолжая традиции татарской историографии, внесли в нее научный анализ и знание трудов российских и зарубежных историков. Их исторические построения, основанные на господствовавшей тогда классовой теории марксизма, способствовали пониманию сущности Золотой Орды как феодального государства, а также его важной роли в становлении татарского народа, что четко было сформулировано в одном абзаце программного труда Г.Губайдуллина: «С приходом монголов в Восточную Европу в истории татар начался новый период. В нем имеются две особенности: 1) Формирование татарского народа. 2) Начало сложения феодальной социально-экономической формации у татар» [Губайдуллин, 1994, с.55–56].

В этот период возникла необходимость соединения усилий историков-русистов и востоковедов. Довольно удачная попытка такого объединения была сделана в совместной работе Б.Д.Грекова и А.Ю.Якубовского «Золотая Орда» (1941), задачу которой авторы видели в том, «чтобы выполнить, наконец, старый долг и написать ненаписанную историю Золотой Орды», поскольку «невозможно без Золотой Орды понять историю Татарской и Крымской автономных советских республик. В своем прошлом татары, ныне живущие в них, теснейшим образом связаны с Золотой Ордой как политически, так, главным образом, и культурно» [Греков, Яку-

бовский, 1941, с.8]. В этом труде авторы впервые с привлечением разнообразных источников давали связное изложение истории Улуса Джучи в период его сложения и расцвета, описывали его хозяйство и политическую историю. Важное значение для реальной оценки исторического значения этого государства имел вывод авторов, основанный на результатах археологических раскопок городов Нижнего Поволжья и Приаралья, о том, что «Золотая Орда – общество не только кочевое, но и оседлое с пестрым этническим содержанием...» [там же, с.76]. Но, вместе с тем, прежние традиции российской историографии давали о себе знать, что было особенно явственно видно в разделе, написанном Б.Д.Грековым, где подчеркивалась мысль об особой миссии Руси в «спасении Европы от нашествия татарских орд», живописались страдания русского народа под «татарским игом», хотя там же объективно отмечалось, что «невозможно изучать историю Золотой Орды только с точки зрения того, в какой мере она была “ужасом и бичом” для истории России» [там же, с.7].

К сожалению, этот опыт не стал началом обширной историографической традиции. Наоборот, можно сказать, что он стал завершением этапа, когда в советской науке еще была возможна дискуссия и приветствовались новые подходы к теме. Позднее эта тенденция уступила место единообразию и единомыслию в негативной оценке роли и значения Золотой Орды в истории народов СССР. Одной из первых подобных работ стала книга А.Н.Насонова «Монголы и Русь» (1940). Созданная в качестве некоторого противовеса эмигрантской и европейской исторической литературе, она подробно рассматривала «историю татарской политики на Руси», пытаясь фактами насытить прежнюю мифологию «татарского ига».

Одновременно довольно активно разрабатывалась и другая концепция истории Золотой Орды. Возникла она еще в предреволюционное время, но наибольшую популярность приобрела среди деятелей эмиграции в 20-х гг. XX в. Ключевая ее идея заключалась в том, что разные народы в пределах единой России – «евразийский мир» – имеют особую бли-

Г.В.Вернадский

А.Ю.Якубовский

зость (даже при отдельных политических противоречиях) и общность своих исторических судеб. Исторические взгляды евразийцев – а среди них были такие яркие философы, историки и филологи, как Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, Г.В.Вернадский, Э.Хара-Даван и др. – были основаны на идее особой миссии России. По их мнению, судьбы народов Евразии протекали обособленно от судеб народов Европы и Азии. Они отличали себя от славянофилов, признавая, что в истории России большую роль сыграли тюркские и финно-угорские народы, в то время как русская нация взяла на себя инициативу объединения разноязычных этносов в «единую многонациональную нацию» – евразийцев и объединение Евразии в единое государство – Россию. Ясно это сформулировал Н.С.Трубецкой: «национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация, в качестве таковой обладающая своим национализмом» [Трубецкой, 1993а, с.95]. Соответственно и культура этой нации «не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других... Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную евразийскую культуру» [Евразийство, 1992, с.375]. Однако только этими представлениями взгляды евразийцев не исчерпываются. Самое главное противоречие исторических построений и идеологии евразийства, тонко подмеченное Н.А.Бердяевым и другими их оппонентами, состояло в том, что они считали основой русской культуры церковь и православие («единение себя

в Божием царстве») [Бердяев, 1993, с.292–300; Флоровский, 1993, с.237–265]. В этом не было бы ни новации, ни оригинальности, если бы евразийцы вслед за этим не объявили православие средоточием и целью всей евразийской культуры. Они объявили православие подлинно вселенской религией и единственно истинным и непогрешимым выражением христианства, а «вне его все – или язычество, или ересь, или раскол» [Евразийство, 1992, с.362].

При этом в изучении истории Евразии акцент ставился на изучение «азиатского» или «туранского» «элемента» в русской культуре. Евразийцы считали Золотую Орду неразрывным единством разнородных элементов, особым географическим миром, включающим Русь и Степь, созданным в результате деятельности Чингиз-хана и его наследников, внутри которого шли сложные процессы («ритмы подъема и депрессии»). Они много внимания уделяли рассмотрению истории Руси в период Золотой Орды – «татарщины» и ее роли в судьбах России [Вернадский, 1927]. По словам П.Н.Савицкого, «без татарщины не было бы России» [Савицкий, 1993, с.123]. Все они стремились доказать, что эта империя (Золотая Орда) была явлением общемирового порядка, во многом определившим дальнейший ход событий во всей Евразии, в т.ч. и в Восточной Европе. «Пример монголо-татарской государственности (Чингисхана и его преемников), – писал П.Н.Савицкий, – сумевший овладеть и управиться на определенный исторический срок огромной частью Старого Света, несомненно, сыграл большую и положительную роль в создании великой государственности русской» [Савицкий, 1993а, с.101]. Подобные взгляды евразийцев и их наследников имели и имеют особую притягательную силу для нерусской интеллигенции.

Это направление мысли, несомненно, обогатило историографию и способствовало более интенсивному изучению эпохи Чингизхана [Трубецкой, 1925; Хара-Даван, 1991], периода Золотой Орды [Вернадский, 1927] и истории Евразии [Вернадский, 1934]. Для западной науки, благодаря программному труду Г.В.Вернадского «Монголы и Россия» [Vernadsky, 1953; Вернадский, 1997], эта концепция стала во многом определяющей при рассмотрении истории России в средние века. Однако концепции евразийцев никогда

не были признаны советской историографией (за редким исключением, с 1970-х гг.). Более того, их теории были названы «идеалистическими» и «прославляющими сильную личность», а сами их авторы – «псевдоисториками России» [Мерперт, Пашуто, Черепнин, 1962, с.75].

Между тем, в западной историографии идеи евразийцев о степной зоне Евразии, как едином историко-культурном регионе, получили признание и нашли последователей [см.: д'Оссон, 1937]. Значительным развитием этой темы стала политическая история евразийских степей, изложенная в монографии Р.Груссе «Империи степей» [Grousset, 1939; 1970]. В ней значительное внимание уделено истории державы Чингиз-хана и его потомков. Прекрасное знание исторических источников и литературы позволило автору нарисовать картину прошлого Евразии на широком историческом и географическом фоне.

Особым направлением в европейской историографии стало продолжение традиции классического востоковедения в изучении средневековых восточных обществ. Важнейшим из них следует назвать труд, созданный знаменитым немецким востоковедом Б.Шпулером «Золотая Орда» [Spuler, 1943]. В нем он, опираясь на широкий комплекс восточных источников и частично сведения русских летописей, дал целостное описание истории Золотой Орды с года появления монголов в Европе в 1223 г. до разгрома Большой Орды в 1502 г. Важнейшее значение для развития науки имело традиционное для немецкой науки последовательное описание внутреннего устройства Золотой Орды: территории, государственных институтов, права, военного дела и культуры, включая науку и искусство, а также таких специфических вопросов, как история костюма и питания. Можно сказать, что данный труд являлся и до сих пор является непревзойденным по масштабу поставленных задач и тематике поднятых проблем. Важно подчеркнуть, что в отличие от обычной практики отечественных работ в нем отсутствовал специальный раздел, повествующий о взаимоотношении ханов Золотой Орды с русскими князьями. Именно это, вкупе с обвинением, что автор плохо знаком с русскими летописями и уделяет недостаточное внимание закономерности распада Орды под ударами героической борьбы покоренных народов, ста-

ло главным направлением критики этого труда в советской историографии (см.: [Мерперт, Пашуто, 1955, с.180–186]). Монография Б.Шпулера оказала значительное влияние на всю западную историографию, без ее упоминания не обходится ни одна работа по средневековой истории Евразии. Но в Советском Союзе она, если и упоминалась, то только в критическом плане, даже тогда, когда авторы не читали самой работы, находившейся в спецхране центральных библиотек.

И это не случайно. В советской исторической науке утвердились другие подходы к оценке истории Золотой Орды. Проявляться они начали с конца 1930-х гг., когда после смерти М.Н.Покровского развернулась разнужданная критика его взглядов, которые были прямо названы «антиисторическими», а он и его последователи – «бандой презренных агентов фашистов» (см.: [Против исторической концепции, 1939]). Одновременно стали осуждаться любые попытки выявить в создании Улуса Джучи положительные моменты и последствия, а также в корне пресекаться намеки на осуждение имперских, мессианских претензий России. После «антипокровской» кампании и в связи с развертыванием борьбы против «буржуазного национализма» усилилось критическое отношение к истории Улуса Джучи.

Окончательно приговор истории был вынесен в пресловутом постановлении ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г., в котором резко порицалось «приукрашивание Золотой Орды и ханско-феодалного эпоса об Идгее» и прокламировалась «руководящая роль русского народа среди народов СССР» [О состоянии и мерах, 1954, с.527–529]. В нем и вышедшем на его основании постановлении Татарского обкома ВКП(б) от 10 октября 1944 г. Золотая Орда изображалась варварским государством, существовавшим «только путем насилия, путем ограбления покоренных народов», замедлявшим «прогрессивное развитие трудолюбивого и свободолюбивого русского народа» (см.: [Измайлов, Гибадуллина, 1996, с.96–114]). Выполняя решения ЦК ВКП(б) и бюро Татарского обкома, историки были вынуждены в корне изменить направление своих исследований. С этого времени в трудах советских историков любое упоминание

Р.Груссе

Б.Шпулер

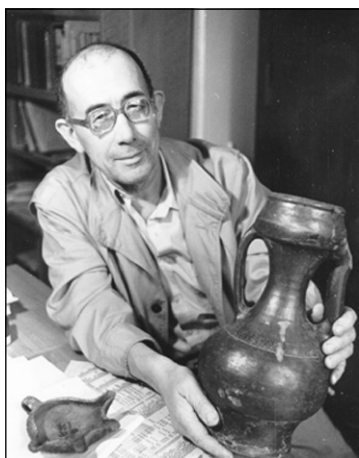
Улуса Джучи и его культурных достижений в положительном смысле становилось невозможным не только из-за строгой критики, но и опасности политических репрессий. В Татарстане история Золотой Орды была фактически поставлена под прямой запрет, и практически на три десятилетия вообще были заморожены любые исследования в этом направлении. Зияющая брешь в средневековой истории татарского народа была заполнена «местными болгарскими корнями», что было закреплено специальной «научной сессией о происхождении казанских татар» (25–26 апреля 1946 г.). С этого момента для истории татар Улус Джучи стал рассматриваться в качестве чисто внешнего явления, а само это средневековое государство было объявлено «хищническим, паразитическим образованием», жившим только за счет ограбления покоренных народов и закономерно рухнувшим благодаря героической борьбе русского народа за свою независимость. Характерен пассаж из выступления М.Н.Тихомирова на защите диссертации Х.Г.Гимади в 1949 г., когда он давал оценку Золотой Орде: «Никто не отрицает значения Золотой Орды как большого государства, но нельзя забыть о том, что роль завоевателей – монголов и золотоордынских ханов была весьма отрицательной». Далее, указывая на опустение Поволжья в XV–XVI вв., он подчеркивает: «Это мне кажется очень важным и позволяет покончить нам со старыми представлениями о том, что Золотая Орда была своего рода таким государством, которое создавало какие-то новые ценности. По-видимому, приходится говорить больше о печальной судьбе тех стран, которые были подчинены непосредственно Золотой Орде...» [Тихомиров, 1973, с.396].

Именно таковой предстает внутренняя история Орды, ее взаимоотношения с русскими княжествами и соседними государствами со страниц книг того времени, в т.ч. и переработанного варианта труда Б.Д.Грекова и А.Ю.Якубовского «Золотая Орда и ее падение» (1950). По существу в них восстанавливались не просто традиции «государственной школы» отечественной историографии, а церковно-державные мифы XVI–XVII вв. Однако, к сожалению, именно такая концепция истории Улуса Джучи стала господствующей и до сих пор определяет подходы к ней.

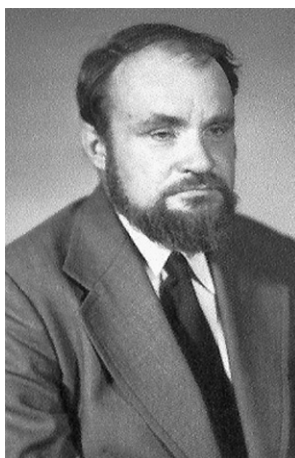
Разумеется, внутри отечественной исторической науки существовал известный разброс мнений. И после середины 1950-х гг., в период «оттепели», наметились пути усложнения подходов к теме. Была опубликована интересная работа М.Г.Сафаргалиева «Распад Золотой Орды» (1960), где, несмотря на обычные проклятья в сторону агрессивной Орды (без них в то время книга просто не могла бы выйти в свет), давался обстоятельный анализ политических событий в Улусе Джучи конца XIV – начала XV в. Однако эта работа стала редким исключением среди множества книг и статей В.Т.Пашуто [1956; 1977], Л.В.Черепнина [1958; 1977], В.В.Каргалова [1966; 1967; 1980], В.А.Кучкина [1974; 1980; 1984; 1991; 1995], В.Л.Егорова [1980; 1985], В.Д.Назарова [1978; 1983], в которых развивались традиционные идеи «государственной школы» об извечной враждебности кочевников к славянам («борьба Леса со Степью»), о страданиях и бедствиях Руси под «татарским игом» и его катастрофических последствиях для будущего страны, а также о цивилизаторской роли России по отношению к народам Поволжья, присоединение которых после кровавых войн якобы явилось закономерным завершением справедливой борьбы против «татарского ига». В политическом плане эта историческая концепция служила обоснованию политической теории «старшего брата» – ведущей роли русского народа среди народов СССР и была одной из идеологических опор державного сознания в «империи Кремля». Окончательному закреплению этих мифологем в массовом сознании служили учебники истории, начиная от книг для чтения для младших классов средней школы до вузовских пособий.

К этому направлению примыкают и труды татарских советских историков. Ее представители – Х.Г.Гимади [1949; 1951; 1954; 1955], А.Х.Халиков [1978; 1985; 1989; 1992; 1994], С.Х.Алишев [1985; 1995], отчасти, Р.Г.Факрутдинов [1984] все сложные исторические процессы XIII–XV вв. внутри Золотой Орды пытались свести к простым формулам «монгольского завоевания Булгарии» и «борьбы ее народа за освобождение». Особым пунктом этой концепции было неприятие ее сторонниками этнонима «татар», которое, по их мнению, было навязано булгарам в более позднее время (по некоторым теориям – в 1920-е гг.), и игнорирование интеграционных этнокультурных процессов внутри Улуса Джучи, а сама ее история выступает как чисто внешний фактор, не сыгравший якобы в судьбах татарского народа определяющей роли.

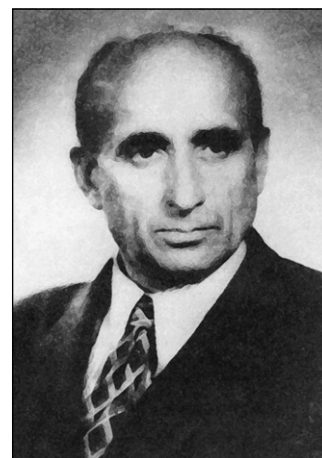
В условиях жесткого давления командно-административной партийно-советской системы и ее цензуры никаких других исследований в регионах просто быть не могло, однако и в этой системе были лазейки в запретную историю Улуса Джучи – это были специализированные исследования в области нумизматики, археологии и источниковедения. Эти области науки постепенно отвоевывали у цензуры островки научного освещения Золотой Орды и позволяли себе в какой-то мере отойти от прямолинейной схемы «государственной школы». В 1970–1980-е гг. это направление концентрировалось вокруг археологических исследований остатков нижеволжских городищ. Возникло оно благодаря трудам А.П.Смирнова, Г.А.Федорова-Давыдова, В.Л.Егорова, М.Д.Полубояриновой, Т.В.Гусевой, А.Г.Мухамадиева, Н.М.Булатова, их учеников и коллег, которые вели многолетние археологические исследования в Нижнем Поволжье. Накопленный материал и новые подходы к его осмыслению позволили начать комплексное изучение истории Улуса Джучи, в т.ч. его общественного строя, различных аспектов материальной и духовной культуры, нумизматики, исторической географии, военного дела. Особенно важным и определяющим являлся вклад в новые подходы к изучению Золотой Орды Г.А.Федорова-Давыдова. Он не только ежегодно проводил и руководил обширными раскопками золотоордынских городов в Поволжье [см.: Федоров-Давыдов,

А.Х.Халиков

Г.А.Федоров-Давыдов

А.П.Смирнов

1994], но и представил ее культуру так, как она предстает перед исследователем в виде археологических остатков – яркой, несколько эклектичной и пышной. Особенно важными для дальнейших работ в области истории Улуса Джучи стали его статьи по различным аспектам внутренней истории Золотой Орды [Федоров-Давыдов, 1969; 1970], которые вылились в обобщающую монографию, подводящую определенный итог почти столетнему изучению ее общественного строя [Федоров-Давыдов, 1973]. В ней автор впервые в отечественной историографии дал комплексную характеристику государственного устройства и социального строя Улуса Джучи в историческом развитии, проследил становление и эволюцию институтов власти и их терминологию. Тонкий научный анализ и обширная источниковая база позволили ему сформулировать положения и выводы, которые шли гораздо дальше, чем в предшествующей историографии. В целом можно уверенно сказать, что труды Г.А.Федорова-Давыдова стали новым словом в мировой науке в области изучения Золотой Орды, заметку продвинув понимание ее как сложного средневекового государства. Эти работы пользовались заслуженным уважением и признанием в научных кругах не только СССР, но и Европы, о чем говорят многочисленные их публикации на иностранных языках [Fedorow-Dawydow, 1972; Fedorov-Davydov, 1984; Fedorov-Davudov, 1984].

Однако, несмотря на явные успехи в постановке и разрешении ряда проблем, в целом все эти исследователи оставались в рамках традиционных представлений. Достаточно указать на присущую им оценку Золотой

Орды как «паразитического кочевого государства» и стремление объявить поволжские города и городскую культуру чужеродным образованием в «море кочевых орд», для чего утверждается мысль о том, что они «построены русскими пленными и на русское серебро». Если труды и открытия Г.А.Федорова-Давыдова принадлежат будущему, то его взгляды иногда явно были из прошлого. «Наша отрицательная оценка Золотой Орды, как паразитического государства, – так он сформулировал один из итогов изучения истории и культуры этого государства, – не снимает необходимость изучать ее блестящую синкретическую культуру, созданную трудом покоренных народов» [Федоров-Давыдов, 1991б, с.81]. Подобный вывод, который никак не вытекал из его собственных исследований и представляемого им материала, стал все чаще проklamироваться среди его учеников и последователей. Не удивительно, что в последнее время наметился кризис этого направления, происходит все большее смыкание его с концепциями «державной» русской историографии (см., например: [Егоров, 1990]).

Вне рамок этой традиции было не так много работ. Особого упоминания заслуживают оригинальные труды Л.Н.Гумилева, которые явили собой возрождение в СССР идей евразийцев, находившихся тогда под негласным запретом. Наиболее важные из них – «Поиски вымышленного царства» (1970) и «Древняя Русь и Великая Степь» (1989) – не только прорвали монополию официальной науки на трактовку истории Золотой Орды, показав возможности иных вариантов ее освещения, но и аргументированно и последовательно

Л.Н.Гумилев

Х.Геккеньян

отвергали современные политические оценки, навязываемые прошлому. Недаром труды «последнего евразийца», не лишённые, конечно, ошибок и концептуальных изъянов (особенно в анализе источников и теории этногенеза), вызывали откровенную ненависть, едва прикрытую академической научностью, со стороны официальной историографии (особенно Б.А.Рыбакова, С.А.Плетневой, В.Л.Егорова, В.А.Кучкина, А.Г.Кузьмина).

Новые подходы к теме, апробированные Л.Н.Гумилевым, а также работы востоковедов, источниковедов и археологов сыграли важную роль в том, что постепенно стало возрождаться изучение истории Улуса Джучи в Татарстане. Запрещённый и искажаемый официальной наукой в 30–60-е гг. XX в., процесс осмысления истории и культуры этого средневекового татарского государства в 70–80-е гг. ушедшего столетия начинается с изучения отдельных проблем – социальной и этнической истории татар [Мухамедьяров, 1968], татарского источниковедения [Усманов, 1972; 1979], нумизматики [Мухамедьяев, 1983; 1995]. В них подчёркивалась важная роль золотоордынского периода в истории всех тюркских народов Евразии, без изучения культуры которого невозможно представить целостную историю этих народов. Лейтмотивом всего этого направления, подспудно пробивавшегося из-под глыб запретов и негативных оценок, можно считать слова М.А.Усманова: «При всей неприязни ряда авторов к золотоордынской эпохе истории вряд ли удастся зачеркнуть трехсотлетний период из прошлого многих народов СССР,

причем такой сложный в социально-политическом отношении период, когда были заложены, или, точнее, перезаложены основы многих тюркских народностей» [Усманов, 1972, с.64]. Тем не менее, в силу специфики указанных научных дисциплин и их косвенного влияния на исторические исследования, это направление оставалось в тени, а его представители не создали и не могли создать, в силу специфики своих источников, обобщающих трудов по истории Улуса Джучи.

В 70–80-е гг. XX в. стал бурно развиваться интерес к истории России и, соответственно, к такому важному отрезку этой истории, как история Золотой Орды. В трудах этих лет, как правило, получили дальнейшее развитие идеи, заложенные в книге Г.В.Вернадского «Монголы и Россия» (1953). Под ее воздействием находились практически все исследователи средневековой Руси – Я.Пеленски [Pelenski, 1974], Дж.Феннел [1989], Д.Островски [Ostrowski, 1989; 1998] и др. Вместе с тем, в последнее время происходит отход и переосмысление евразийских взглядов. Особенно показательны в этом отношении труды Ч.Гальперина [Halperin, 1985; 1986; 2004, p.131–144]. Одновременно в западной науке продолжало развиваться ориентальное направление; главными темами для исследований его представители выбирали монгольские завоевания [Saunders, 1971; Boyle, 1977; Allsen, 1983; 1987–1991; Ratchnevsky, 1991; Göckenjan, 1991; 2000; Зимони, 1993, с.86–97; Zimonyi, 1992/3; Олсен, 2003; Уэзерфорд, 2005] и внутреннее устройство государств Чингизидов [Allsen, 1981; 1985; 1987; Golden, 1992a].

В целом, можно сказать, что западная наука достигла явных успехов, заметно продвинувшись не только в изучении создания империи Чингиз-хана, но и в разработке целого ряда проблем ее функционирования и эволюции в улусах, в частности Улусе Джучи. Заметна тенденция рассматривать структуры власти в Улусе Джучи в свете тюркских традиций [Schamiloglu, 1984, p.283–297; 1992, p.81–93], более негативно оценивать последствия властвования Орды на Руси [Halperin,

1985], а в самом золотоордынском государстве видеть самостоятельное историческое явление. Кроме обобщающих работ появляются отдельные исследования, в которых более углубленно изучаются различные стороны истории и культуры Золотой Орды, например, процессы исламизации [DeWeese, 1994].

В последнее десятилетие, когда пали организационно-партийные и идеологические опоры, поддерживавшие официальную науку, и резко выросло самосознание тюркских народов, стало возможным заново оценить накопленный исторический материал и наметить как пути преодоления русско-советской «державной» школы историографии, так и традиционных евразийских теорий. Это дает возможность, с одной стороны, отбросить все псевдонаучные представления о Золотой Орде как о «паразитическом государстве», а с другой – избежать идеализации его как мирного симбиоза «Леса и Степи».

Думается, что именно сейчас настало время приступить к выработке новой парадигмы истории Улуса Джучи на основе критического осмысления трудов предшественников и источников. В этой связи следует отметить положительные тенденции, которые складываются в российской науке, где появились источниковедчески выверенные и идеологически нейтральные труды, описывающие историю монгольских завоеваний [Хрусталева, 2004; Храпачевский, 2004], сложные взаимоотношения русских княжеств (прежде всего, Москвы) и Орды с объективных позиций

[Горский, 1996; 2000; 2004], историю сложения и развития государственности в империи Чингизидов и Улусе Джучи [Трепавлов, 1993; Султанов, 2001; 2006; Почекаев, 2006].

Таким образом, историографический обзор показывает, что за последние 200 лет накоплен огромный и разнообразный историографический материал, освещающий историю и культуру Улуса Джучи. Труд нескольких поколений отечественных и зарубежных исследователей позволил достичь значительных успехов в раскрытии этой темы. Успехи исследователей могли бы быть и большими, если бы с момента зарождения исторической науки в России история этого государства не вызывала столкновение политических интересов. Особенно жесткое давление политической власти на историческую науку было предпринято в 40–80-х гг. прошлого века, когда историю Золотой Орды попытались стереть из памяти татарского народа. В последние полтора десятилетия произошел всплеск интереса к этой теме, были сделаны не только важные открытия, но и стали раскрываться новые направления поиска. Обзор литературы показывает, что постепенно историография отказывается от прежних мифологем и находит новые подходы к теме. Именно это позволяет считать, что настало время для более углубленного изучения различных тем и направлений, комплексного подхода к выявлению, систематизации и анализу различных источников и создания обобщающих трудов по истории и культуре Улуса Джучи.

II. Источники по истории Улуса Джучи

1. Общие замечания

Сведения по истории Улуса Джучи весьма разнообразны и рассыпаны в многочисленных многоязычных источниках. География их отражает тот факт, что Улус Джучи представлял собой мировую империю и долгое время играл доминирующую роль в судьбах многих народов Старого Света. Основные сведения о политических событиях XIII – начала XV в. – войнах, посольствах, разделах владений и правлениях государей – содержатся в китайских династийных историях, русских средневековых летописях, записках западноевропейских хронистов, трудах

арабо-персидских историков и географов, путевых заметках католических миссионеров и армянских историях. Из них можно почерпнуть важную и во многом уникальную информацию о политической, военной истории и культуре Улуса Джучи. Сложность анализа этих сведений состоит в том, что все они являются, в большей или меньшей мере, тенденциозными и отражают взгляды на те или иные политические события соседей, а часто и противников татарского государства.

Они не только имеют лакуны и искажения действительных событий, что в известной мере характерно для всех средневековых источни-

ков, но и неполны по своей сути, поскольку за редким исключением дают весьма отрывочную информацию, сообщая исключительно о военно-дипломатических событиях. Неполнота и дискретность этих сведений создает сложности для комплексного анализа даже политической истории Улуса Джучи, не говоря уже о том, чтобы понять глубинные социально-политические процессы, протекавшие в самом татарском обществе.

Сложность извлечения информации из иностранных источников усугубляется тем, что до нас не дошли в полном виде собственно золотоордынские исторические сочинения, представляющие целостную картину истории этого государства. Исключение составляют тюрко-татарские исторические сочинения XV–XVII вв., такие как продолжение «Сборника летописей» Рашид ад-Дина и «Дафтар-и Чингиз-наме». Некоторые сведения о собственном татарском взгляде на историю содержатся в фольклорных источниках, особенно татарском эпосе «Идегей». В определенной мере восполнить недостаток аутентичных и цельных исторических хроник могут жалованные акты ханов и правителей Улуса Джучи, поскольку они служат важнейшим материалом по социальной истории и правовой культуре Улуса Джучи. Особое их значение состоит в том, что они являются единственными достоверными из сохранившихся официальных документов этого средневекового государства.

Еще одну группу источников составляют сведения о торговых и дипломатических контактах правителей различных владений Улуса Джучи с итальянскими городами-государствами – Генуей и Венецией. В них сохранились уникальные сведения о характере торговли, ее организации и правовых основаниях, особенностях товарно-денежных отношений и взаимных расчетов между итальянскими негодантами, их золотоордынскими контрагентами и властями Улуса Джучи. Они совершенно в особом свете представляют характер международной торговли в черноморско-средиземноморском бассейне, место и роль в ней империи Джучидов.

Особую группу письменных источников составляют эпитафийные памятники из мусульманских регионов Улуса Джучи – Среднего Поволжья, Крыма и Приаралья.

Кроме нарративных источников имеется огромный массив вещественных источников, полученный в результате многолетних археологических исследований. Накопленный трудом, прежде всего, отечественных специалистов материал позволяет составить более объективное представление о культуре и хозяйстве населения Золотой Орды, характере ее городов и городской цивилизации.

Комплекс различных источников об Улусе Джучи представляет собой важнейший и единственный в своем роде материал, позволяющий реконструировать историю этого средневекового государства, его политическую, дипломатическую и социально-экономическую историю, помогая раскрыть страницы средневекового прошлого татарского народа.

2. Государственные акты*

При отсутствии полной и связной истории Улуса Джучи особое значение приобретают образцы официальных актов этого государства. Их можно разделить на два подвиды – послания и ярлыки.

К посланиям (*битикам*) могут быть отнесены как письма татарских ханов к другим независимым монархам, так и письма улуг карачибеков, беков и мурз к другим владельцам или иностранным государям.

Наиболее важным и информативным источником являются **ярлыки** (от тюркского *йарлык*, от *йарлыкамак* – «повелевать, приказывать, проявлять милость») – официальные грамоты (акты), выданные подвластным правителям, светской или духовной знати, а также послания соседним правителям. Жалованные ярлыки, в свою очередь, включают тарханные, суйургальные, льготные (в т.ч. и данные русским митрополитам), служилые (в т.ч. выданные русским князьям на право владения их княжествами), охранные и т.д. Наиболее известны из них тарханные, менее изучены суйургальные и другие ярлыки.

К особому подвиду ярлыков относятся «ярлыки-послания» (к реальным или мнимым вассалам) и шертные грамоты (шарт-наме – от персидского *шарт* – «клятва») – различного вида дипломатические послания. В тюркском оригинале сохранилась лишь незначи-

* В соавторстве с М.А.Усмановым.

тельная часть ярлыков ханов Улуса Джучи (всего три). Они содержат богатый материал об общественно-политическом строе, административной и налоговой системе, об истории письменной традиции, а также о литературном языке и культуре Улуса Джучи.

Первые публикации ярлыков XIV–XVI вв. были выполнены И.Н.Березиным [Березин, 1850; 1851; 1852], когда научная тюркология переживала период становления, а текстология тюркоязычных материалов делала лишь первые шаги, что не могло не сказаться на их точности и полноте. Тем не менее, он, наряду с В.В.Григорьевым [Григорьев, 1842], первым обратился непосредственно к изучению ярлыков, как языковых и исторических источников. В дальнейшем трудами В.В.Радлова [Радлов, 1889, с.1–40] и А.Н.Самойловича [Самойлович, 1918, с.1109–1124; 1927, с.141–144] многие недостатки первых изданий были уточнены и исправлены. С 40-х гг. XIX в. постепенно в научный оборот стали вводиться государственные акты Улуса Джучи из итальянских архивов.

Интерес к изучению золотоордынских ярлыков заметно возрос после того, как М.Д.Приселков издал сборник ярлыков русским митрополитам [Приселков, 1916], а А.А.Зимин исправил и дополнил это исследование [Зимин, 1962]. Заметно расширило источниковую базу издание ярлыков правителей Улуса Джучи XV–XVII вв. из собрания Дворца Топкапы А.Н.Куратом [Kurat, 1940]. Новому исследованию были подвергнуты ярлыки правителей Золотой Орды православному духовенству и официальные документы из венецианских архивов [Григорьев, 1978; 2004; Григорьевы, 2002].

Расширение источниковедческой базы позволило дать систематизированный источниковедческий и исторический анализ жалованных грамот Улуса Джучи, всей культуры делопроизводства в этом государстве и постзолотоордынских татарских ханствах [Усманов, 1979]. Вся совокупность данных археографии, палеографии, сфрагистики и дипломатики жалованных ярлыков и других разновидностей официальных актов доказывает, что тюрко-татарское делопроизводство XIII–XVI вв. достигло значительного развития и находилось в русле общих тенденций с письменно-канцелярскими культурами средневековых государств Старого Света.

3. Китайские и монгольские источники*

Важнейшее место в изучении начальной истории империи Чингиз-хана и его ближайших потомков, политических событий, происходивших в этот период, принадлежит монгольским и китайским источникам. Они сохранили уникальные сведения о биографии Чингиз-хана, о его военных походах, о племенном составе, военно-административной и социально-клановой системе зарождающегося монгольского государства. Особый интерес представляют сведения о походах Чингиз-хана и его полководцев на запад и постепенном формировании Улуса Джучи, а также об особенностях его племенного состава.

«Тайная история монголов» – историко-литературный памятник монгольской средневековой культуры XIII в. («Монголын нууц товчоо» или «Монгол-ун нууча тобчан», в китайском переводе – «Юань-чао би-ши», в русских переводах – «Тайная история монголов», «Сокровенное сказание монголов»); представляет собой важнейший источник по ранней истории Монгольской империи. Возможное название оригинала «Чингиз кагану хужаур» («Происхождение / Родословие Чингиз-хана»). Автор (авторы) его неизвестен, но, несомненно, что оно было создано при дворе великих ханов для увековечивания деяний «золотого рода». Основная идейная направленность сказания – обоснование объединения всех тюрко-монгольских племен Великой Степи и восхваление Чингиз-хана как создателя великой империи. По содержанию его можно условно разделить на 3 части: 1) генеалогия предков Чингиз-хана, 2) легендарная повесть о его жизни и 3) краткий рассказ о его сыне и преемнике Угедее. Первая часть воспроизводит историю Монголии по древнейшим памятникам дописьменной традиции – мифам, легендам и преданиям. Во второй и третьей частях эпоса, раскрывающих основную тему, легенды и мифы сменяются более достоверными историческими сообщениями – возможно, устными преданиями и документами ханской канцелярии. Повествование, хотя и носит эпический характер, но в нем есть документальные материалы. В этой части сказания дано доволь-

* В соавторстве с Чхао Чху-чангом.

Всадник и лошадь. Фрагмент картины «Остановка татарской кавалерии». Живопись на шелке. XIII в. Китай. Династия Юань. Музей Гиме, Париж

но подробное описание внутривластного и внешнеполитического развития складывающейся империи: формирующаяся социально-клановая иерархия, бюрократический аппарат, военное устройство, дипломатические переговоры, межплеменные войны, войны с соседями и т.д. [Козин, 1941; Хамидуллин, 2002, с.51–62].

Памятник был создан в 1240 г. и отредактирован в 1252 г. или в 1264 г. [Rachewiltz, 1965, с.185–206]. Монгольский текст, написанный, как полагают, уйгурским письмом, во второй половине XIV в. был транскрибирован китайскими иероглифами. Тогда же был сделан сокращенный свободный перевод на китайский язык («Юань-чао би-ши» – «Тайная история династии Юань») [Юань-чао би-ши, 1962; The Secret History, 1982]. При династии Мин (1368–1644) была сделана и получила широкое распространение переработка «Сокровенного сказания» в пособие для обучения китайцев монгольскому языку. Одновременно «Сказание» вошло в сборник под названием «Хуа-и и и-ю», включавший ряд монгольских документов и словарь. Позднее, в XVII в., «Сказание» было широко использовано в качестве основы эпического сказания «Алтан тобчи» («Золотое сказание») [Лубсан Данзан, 1973; Неклюдов, 1984].

«Юань-ши» («История [династии] Юань») – династийная история, являющаяся сборником материалов по генеалогии и военно-дипломатической истории империи Юань (1279–1368). Она была составлена в

1369 г. группой из 16 чиновников уже после падения Монгольской империи и воцарения новой китайской династии Мин. Труд состоит из 210 цзюаней (глав) и разбит на 4 большие части: «Основные анналы императоров» (цз. 1–47), «Описания» (цз. 48–105), «Генеалогические таблицы» (цз. 106–113) и «Биографии» (цз. 114–210). В текст «Юань-ши» были включены материалы официальной династийной истории Юань, а также многочисленные подлинные документы из различных государственных архивов. Можно сказать, что это – энциклопедия по истории, генеалогии и делопроизводству империи Юань. Интерес представляют разнообразные сведения по истории Улуса Великого хана (Империя Юань), а также

о его контактах, в т.ч. дипломатических и династийных, с Улусом Джучи. Она содержит также биографии выдающихся военачальников и администраторов, выходцев из различных племен и народов империи, в т.ч. из татар, кыпчаков, асов [Кычанов, 2002; Чхао Чху-чанг, 2002; Хамидуллин, 2002, с.30–33].

Нельзя не отметить, что текст «Юань-ши» имеет и целый ряд неточностей и ошибок в передаче различных сведений, имен и фактов биографий. Например, нередко искажены написания тюркских и монгольских имен, имеются факты, когда биография одного и того же деятеля описана дважды с вариантами и т.д. Тем не менее, это – важнейший и уникальный труд, источник оригинальных сведений. В нем, в частности, описывается, что при дворе хана Хубилая и его преемников долгое время сохранялись тюрко-монгольские традиции, такие, как наличие четырех правящих кланов при дворе, организация обильных охот, постоянное перемещение ставки хана между Шан-ду (Кайпином) и Ханбалыком (Пекином) и т.д.

В Китае данный текст публиковался неоднократно, а наиболее ранним изданием является ксилограф 1370 г. Сильно сокращенный русский перевод был впервые опубликован в 1829 г. известным миссионером и китаистом Н.Я.Бичуриным (отец Иакинф) [Бичурин, 1829]. Частично (биография Чингизхана и его сподвижников) сведения «Юань-ши» опубликованы Р.П.Храпачевским [Храпачевский, 2004, с.432–540].

«Хэй да ши люэ» («Краткие сведения о черных татарах») Пэн Да-я и Сюй Тина – записки двух китайских путешественников, ездивших в Монголию ко двору Угедея в качестве членов южносунских дипломатических миссий в 1233–1235 гг. «Хэй да ши люэ» датирована 27 апреля 1237 г. Здесь дана подробная информация по этнографии населения степи, серьезная политическая фактура. Авторы в своих сведениях отразили много из того, что осталось вне поля зрения их предшественников [Линь Кюн-и, Мункуев, 1960].

Среди других источников следует упомянуть **«Записку о путешествии на Запад праведника Чан-Чуна» («Чан-Чунь чжень-жаэнь си-юэци»)**, посвященную путешествию даосского проповедника Цю Чу-цзи (1148–1227) по Центральной Азии, как раз во время западного похода Чингиз-хана в 1219–1225 гг. Сочинение это, содержащее сведения о монголах и Чингиз-хане, было популярно в Китае [Кафаров, 1866; Bretschneider, 1967; Хамидуллин, 2002, с.43–45].

«Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар») Чжао Хуна – записка южносунского посла, в 1221 г. побывавшего в ставке Мухали – монгольского главнокомандующего войсками в Северном Китае. «Мэн-да бэй-лу» датировано 12 февраля 1222 г. и состоит из 17 глав. Хотя сочинение Чжао Хуна представляет собой всего лишь небольшой рассказ, по мнению Н.Ц.Мункуева, «в нем кратко представлены все стороны жизни монголов, и в этом смысле описание является “полным”» [Мэн-да бэй-лу, 1975; История «скифов», 2001, с.97–110; Хамидуллин, 2002, с.36–39].

Есть также целый ряд других источников XIV в. по истории, культуре и государственно-правовой системе тюрко-монгольских государств и, в первую очередь, Улуса Великого хана (Империи Юань). Из них следует упомянуть **«Цзин-ши да дянь» («Энциклопедическое сочинение о государственных актах»)**, составленное Ю Джи (1272–1348) в 1331 г., посвященное подробному описанию различных административных и государственных институтов Империи Юань. Текст его сохранился до нашего времени частично. Другой сборник – **«Го-чао вэнь-лэй» («Образцы сочинения правящей династии»)** был составлен в 1334 г. Он состоит из 70 глав, и в него входят самые разнообразные по жанру литературные произ-

ведения и документы, написанные различными авторами со времени хана Угедея до императора Жэнь-Цзона (Буянту) – стихи, оды, доклады, эпиграфии и т.д. – всего около 800 различных произведений. Еще одно малоизвестное произведение – **«Цже гэн лу» («Записки в перерывах между пахотой»)**, которое представляет собой личные записки автора Тао цзун-и об общественных отношениях в эпоху правления династии Юань. В нем много сведений об истории, государстве и праве, народных обычаях, ремеслах и искусстве, кроме того, автор дает сведения о 72 монгольских и 31 тюркском племени. Эти и еще целый ряд других источников, важных для этнокультурной истории тюрко-татарских племен, а также для сравнительного анализа государственных институтов и клановой системы монголо-татарских государств, к сожалению, не переведены на русский язык и остаются малодоступными для отечественной науки.

4. Труды восточных (арабских, персидских и тюркских) историков, географов и путешественников

Алсу Арсланова

Арабские источники. Рассматриваемые источники функционально подразделяются на ряд отдельных крупных категорий, из которых можно выделить мемуарные, исторические и географические труды, документальные сборники, энциклопедические сочинения и т.д.

Очевидцем монгольского нашествия на Среднюю Азию был Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ибн Али ибн Мухаммад ан-Насави (ум. 647/1249–50 г.) – один из сподвижников (личный секретарь) последнего представителя династии Хорезмшахов – Джалал ад-Дина. Свое известное сочинение «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Мангбурнь» («Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Мангбурнь»), проникнутое враждой к завоевателям, Насави написал в 1241/42 г., через десять лет после гибели хорезмшаха, и посвятил описанию царствования и походов своего патрона, событий 1218–1231 гг., связанных с вторжением Чингиз-хана. При изложении событий Насави опирался на рассказы участников и очевидцев событий – высокопоставленных чиновников из окружения Джалал ад-Дина. Сочинение относится к жанру мемуарной литературы, автор стремился к полноте

подачи информации и проследил события до времени написания своего труда. В 1891–1895 гг. этот труд был издан в Париже в двух томах [История Ирана, 1958, с.165]. В 1996 г. З.М.Буниятовым издан его критический текст и перевод [ан-Насави, 1996; Хамидуллин, 2002, с.25–30, 233–282].

Современником монгольского нашествия был и выдающийся арабский историк Изз ад-Дин Абу-л-Хасан Али ал-Джезири, более известный под именем Ибн ал-Асир (556–632/1160–1234), составивший многотомный труд по всемирной истории халифата и мусульманских стран со смежными областями под названием «Китаб ал-камил фи-т-тарих» («Книга о совершенстве по части истории»). В XII томе этой книги дан яркий рассказ о нашествии монгольских войск, полный подлинного драматизма. Хроника имеет большое значение для изучения истории монгольского завоевания, хотя и написана в целом на основе расспросов очевидцев и слухов [Lane, 2003, p.13]. Извлечения из сочинения изданы в первом томе «Сборника материалов по истории Золотой Орды» В.Г.Тизенгаузена [1884] (см. также: [Золотая Орда в источниках, 2003]).

После завоевания Багдада монголами в 1258 г. политический и религиозный центр переместился в Египет. Новая обстановка оказалась благоприятной для развития историографии, – а именно для жанра энциклопедий, «специфического вида описательных произведений, в которых большое место отводилось сведениям по истории и географии. Авторами энциклопедий были высокопоставленные чиновники, создававшие свои произведения как пособия по всем областям знания, призванные обеспечить успешное исполнение административных обязанностей. Хорошо осведомленные по роду службы в делах султанской администрации, авторы энциклопедий широко использовали архивные материалы, что сделало их сочинения выдающимся источником по современной политической истории не только мусульманских стран, но и других земель. Тесные связи с золотоордынскими правителями способствовали проникновению в Египет информации об этом государстве и сопредельных ему регионах...» [Коновалова, 1991, с.72–73].

К этой же группе источников примыкает сочинение Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Ман-

сури (645–725/1245–1325), которое стало источником для последующих компиляторов. Автор происходил из рабов ал-Малик ал-Мансура, сделал военную карьеру при султани ан-Насире ибн Кала'уне. Добился высоких постов – в 710/1310 г. стал наместником (на'ибом) Египта. «В историю арабской литературы он вошел как историк, автор 11-томной истории ислама, доведенной до 724/1324 г. и озаглавленной «Зубдат ал-фикра фи та'рих ал-хиджра» («Сливки размышления об истории хиджры»). Основными источниками сочинения явились труд арабского историка второй половины XII – первой половины XIII в. Ибн ал-Асира, материалы делопроизводства, к которым имел доступ Бейбарс, как административный деятель, а также богатые личные впечатления автора» [там же]. Критическое издание сочинения Бейбарса отсутствует.

Выходец из семьи египетского чиновника ан-Нувайри (677–732/1279–1332) тоже являлся крупным государственным деятелем. «Некоторое время он занимал должность начальника войска в Триполи, затем был начальником канцелярии в различных провинциях Египта. Ему покровительствовал султан ан-Насир, которому ан-Нувайри и посвятил свой труд «Нихайат ал-араб фи фунун ал-адаб» («Предел желаний относительно дисциплин адаба»). Почти половину энциклопедии занимает ее пятый отдел (фанн), посвященный истории, где изложение доведено до 731/1331 г. Благодаря большому числу сохранившихся списков, энциклопедия ан-Нувайри, в особенности ее историческая часть, попала в поле зрения европейских ученых уже в XVIII в.... Отрывки, имеющие отношение к истории Золотой Орды, вошли в издание Тизенгаузена» [там же]. По мнению исследователей, в исторической части сочинения только главы о мамлюкских династиях содержат новый материал, а остальные обнаруживают полную зависимость от предшествующей историографии.

Сведения указанных выше двух авторов (или их источников) повторены, правда с сильными сокращениями, Вали ад-Дином Абд ар-Рахманом Абу Зейдом ал-Малики ал-Хадрами ибн Халдуном (733–809/1332–1406) в историческом труде «Китаб ал-'ибар...» («Книга назидательных примеров по истории арабов, персов, берберов и народов, живших с ними на земле»), составленном в 1378–

1406 г. и изданном в 7 томах в Булаке (Каир, 1867). Этот автор имел возможность пользоваться официальными документами, поскольку долгое время являлся верховным кади при мамлюкских султанах.

Менее зависимым от своих предшественников и более оригинальным энциклопедистом являлся ал-Омари (701–750/1301–1349), происходивший из семьи чиновника государственной канцелярии Египта. Он был судьей и государственным секретарем у ан-Насира. Основным сочинением этого историка является энциклопедия «Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар» («Пути взоров по государствам крупных центров»), первый том которого опубликован в Каире в 1924 г. «Произведение ал-Омари состоит из двух частей (кисм), первая из которых посвящена земле, а вторая – ее обитателям. Второй отдел первой части включает 15 глав, одна из которых содержит характеристику государства Чингисхана... Как показывает анализ отдельных частей сочинения, источники информации ал-Омари очень обширны, помимо книг и документов государственных архивов, к которым он имел доступ как высокопоставленный чиновник, ал-Омари широко использовал и рассказы очевидцев» [там же, с. 76]. Причем список информаторов о территориях, входивших в Монгольскую империю, составляет 30 человек [там же]. Отдельные выдержки из сочинения этого арабского автора опубликованы в первом томе «Сборника» В.Г.Тизенгаузена [1884] (см. также [Kamal, 1937, IV, fasc.II; al-Omari, 1927; Das mongolische Weltreich, 1968; История Казахстана, 2005, текст: с.547–569, перевод: с.169–189]).

Еще одну группу арабских источников представляют справочники, отражающие сношения Золотой Орды с Восточной и Центральной Европой. Они были составлены для дипломатической переписки, как, например, ал-Омари («Ал-Тариф би-л-мусталах аш-шариф» / «Ознакомление с принятым высоким стилем») и ал-Калкашанди (756–821/1355–1418) («Субх ал-а'ша фи сина'ат ал-инша'» / «Заря для подслеповатого в искусстве писания»). Последний составлял свое сочинение с 90-х гг. XIV в. вплоть до своей смерти. Многие сведения заимствованы им из сочинений Абу-л-Фиды и особенно ал-Омари.

Следующую категорию арабских источников составляют обильные материалы исторического содержания: «о дипломатических сношениях, о различных золотоордынских

деятелях и событиях, касающихся Каира, особенно о событиях, происходивших в Крыму (через который большей частью осуществлялись сношения с Ордой) и в ордынской столице. Эти сведения, как правило, доставляли дипломаты, купцы и мусульманские духовные лица. Среди них было и немало таких, которые часто переселялись из одного места в другое...» [Поляк, 1964, с.32].

Одним из интересных памятников средневековой арабской географической литературы является «Путешествие» Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Абдаллаха ал-Лавати ат-Тунджи, или Ибн Баттуты (1304–1377). Этот знаменитый путешественник объехал все мусульманские страны. Первоначально он намеревался совершить только хаджж. Для этого он выехал из Танжера, проехал Северную Африку, посетил Иерусалим, Палестину, Сирию, Медину, Мекку, странствовал по Ираку, Йемену и Индии, затем через Тавалиси проехал в Китай [Материалы по истории Средней и Центральной Азии, 1988, с.132]. Он также дважды проехал по Северо-Западному Причерноморью – сначала из Астрахани с караваном дочери Андроника III и жены хана Узбека в Константинополь, а затем обратно в Золотую Орду. Описание его странствий в жанре «рихла» нашло отражение в фактологически богатом сочинении «Тухфат ан-нуззар фи гара'иб ал-амсар ва'аджа'иб ал-асфар» («Подарок созерцающим о диковинных городах и чудесах путешествий»), которое является литературной обработкой рассказов Ибн Баттуты. Воспоминания были записаны спустя много лет после самого путешествия. «Инициатива составления описания приписывается султану Абу 'Инану, правителю Феса (749–759/1348–1358), где Ибн Баттута поселился по возвращении из путешествий. Запись рассказов путешественника Абу 'Инан поручил Ибн Джузайе, состоявшему у него на канцелярской службе. На литературное оформление рассказов Ибн Баттуты редактору потребовалось всего три месяца, и в феврале 757/1356 г. работа над сочинением была закончена» [Коновалова, 1991, с. 78]. Особенностью этого сочинения является сочетание конкретности фактов, увиденных автором, и «фантастичности», выражающейся в большом количестве приведенных легенд в житиях «святых» и чудесах, совершенных суфийскими шейхами [Ибрагимов, 1975, с.13–14]. Извлечения из сочинения Ибн Баттуты опубликованы в первом томе «Сборни-

ка» В.Г.Тизенгаузена (см. также: [Из глубины столетий, 2000, с.186–201]).

Персидская историография. После монгольского завоевания Ирана и первых трех-четырёх десятилетий упадка начинается период культурной стабилизации и развития некоторых областей знания. В частности, в середине XIII–XIV вв. при дворе ильханов очень высокого уровня достигает историография. «Культурному возрождению этой поры способствовали дальнейший рост феодальных отношений, интенсификация экономических связей, особенно в области средиземноморско-азиатской торговли. Создание обширной Монгольской империи и крестовые походы стимулировали расширение кругозора персидских историков. Монгольские ханы были заинтересованы в прославлении своего царствования и покровительствовали историкам и поэтам» [Агаджанов, 1969, с.28].

Понятен и оправдан поэтому пристальный интерес историков к средневековой персидской историографии, обусловленный объективным фактором ее подъема и мощного расцвета в XIII–XIV вв., когда персидский язык, потеснив арабский, стал господствовать в исторической литературе Ближнего Востока, а именно в областях персидско-тюркской культуры [Гибб, 1960, с.138; Хатиби, 1985, с.6]. Этому в немалой степени способствовало свержение монголами Аббасидского халифата, что сильно ослабило позиции арабского языка и уменьшило его престиж [The Cambridge History of Iran, 1968, 5, p.62–63].

Яркий взлет персидского языка и персоязычной историографии, ставшей доминирующим литературным средством не только в Персии, но также на какое-то время в Турции, Центральной Азии и мусульманской Индии, академик В.В.Бартольд назвал «золотым веком персидской историографии» [Бартольд, 1971, VII, с.282; об этом см. также: История Ирана, 1958, с.164; Рипка, 1970, с.239; Новосельцев, 1989, с.222; Бертельс, 1948, V, с.218; Djuwayni, 1963, p.110–120].

По мнению Д.О.Моргана, если относительно качества могут быть претензии, то, «что касается количества, нет никаких сомнений в изобилии имеющегося материала. Его значение не ограничивается только Персией, персидские источники дают много для истории всей Монгольской империи в целом» [Morgan, 1982, p.125].

Известно, что мощному подъему персидской историографии активно способствовали сами монгольские ханы, поскольку были крайне заинтересованы в официальном оправдании своих прав на власть в таких древних культурнейших странах, как Иран, Средняя Азия и т.д. [Петрушевский, 1949, с.7]. Они сделали все, чтобы она с успехом выполняла назначенную ей роль и стала инструментом для достижения поставленной ими цели [Spuler, 1922, p.131]. Несомненно, у этих могущественных правителей и служивших им крупных администраторов были большие преимущества в обладании информацией. В их распоряжении находились необходимые монгольские летописи и документы. Важные сведения черпались у еще живых участников и очевидцев событий времени Чингизхана и его преемников [Бира, 1978, с.117]. Такие благоприятные условия способствовали ряду персидских историков значительно расширить кругозор и использовать в своих трудах ценнейшие сведения. При этом, как заметил знаток китайских и монгольских источников Е.Бретшнейдер, последние «никогда не дают таких детальных, ясных и вразумительных описаний, как осведомленные персидские историографы по этому же предмету» [Bretschneider, 1876, p.90].

С другой стороны, в силу реального положения дел, персидские историки, к сожалению, находились в оппозиции к Улусу Джучи, т.к. тесно были связаны с политической ориентацией дворов Хулагуидов и Тимуридов. У них не было возможности лично побывать в Улусе Джучи и, как указывал М.Г.Сафаргалиев, «они черпали свои сведения из вторых рук, писали со слов перебежчиков, далеко отстоявших от двора. Поэтому у персидских авторов мы встречаем множество неточностей в датах, именах, в изложении сведений по истории Золотой Орды» [Сафаргалиев, 1960, с.14]. Тем не менее, для истории Улуса Джучи именно персидские источники дают достаточно связный фактический материал.

Таким образом, именно в монгольский период историческая литература в Иране и по объему, и по качеству намного превзошла аналогичную литературу более раннего периода и «заняла место среди лучшего, что было создано всеми мусульманскими народами» [Рупка, 1968а, p.622]. Как писал Дж.Э.Тойн-

би, «это был период, который дал несравнимо выдающихся персидских историков, в отличие от предыдущих и последующих веков... Доминирование историков в ильханидский период значительно» [Тоупбе, 1963, р.69–70].

Извлечения из персидских нарративных источников доступны благодаря изданному в 1941 г. второму тому «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В.Г.Тизенгаузена. Биографии и сочинения персидских авторов подробно проанализированы в ряде исследований, многие факты можно извлечь из энциклопедий и справочников.

Наиболее ранним и единственным враждебно настроенным к монголам автором был Минхадж (ад-Дин) Абу Умар Усман б. Сирадж (ад-Дин) Мухаммад Джужджани (род. ок. 589/1193 г.). Спасаясь от монгольского нашествия, Джужджани бежал Индию, где и прожил до конца своей жизни. Его сочинение «Табакат-и Насири» («Насириновы разряды») написано около 657/1259 и закончено в 659/1261 г. Оно посвящено индийскому султану Насир ад-Дину Махмуд-шаху I и принадлежит к обычному для персидских исторических сочинений типу всеобщих историй от сотворения мира до времен автора. В этом труде подробно описывается вторжение войск Чингиз-хана в Хорасан. Считают, однако, что данные Джужджани мало надежны, т.к. сведения о Золотой Орде до Индии, где он жил, могли доходить только в виде слухов и рассказов купцов и путешественников [Бартольд, 1973, с.341; Стори, 1972, с.294–295; СМИЗО, 1941, с.13].

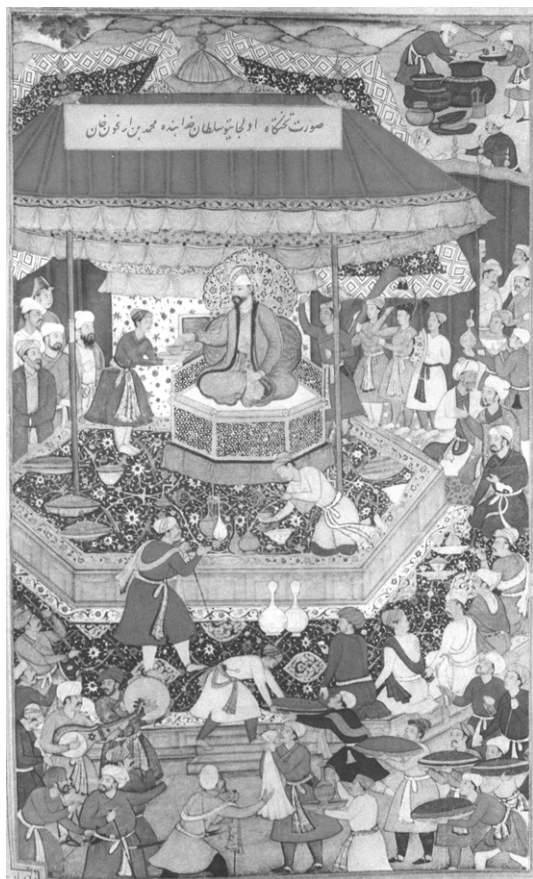
Ряд персидских историков состояли на службе у монгольских ханов и писали свои сочинения по их заказу.

Одним из ранних персидских исторических сочинений является знаменитый труд Ала ад-Дина Ата Малика Джувейни (623–682/1226–1283) «Тарих-и джахангуша» («История завоевателя мира»). Автор в течение длительного времени находился на службе у монгольских ханов и был губернатором Багдада, Ирака и Хузистана. В связи с поисками врагов Джувейни несколько раз подвергался гонениям со стороны ханов, в результате которых 6 марта 1283 г. он умер.

Труд «Тарих-и джахангуша» был начат в 650 или 651/1252–53 г. и окончен в 658/1260 г. Джувейни начал его между 1252–1260 гг. в столице Монгольской империи – Каракоруме и продолжал работать над ним уже после своего назначения губернатором Багдада. Таким образом, это самый ранний из персидских источников, составленный по личным наблюдениям автора или на основании авторитетных, заслуживающих доверия данных, и наиболее ценный как источник. Хотя Джувейни не был очевидцем первых монгольских вторжений, но начал с описания событий раннего монгольского периода, благодаря тому, что в его распоряжении имелись богатые источники из самой Монголии. Он сам несколько раз ездил туда (сопровождал монгольского правителя Аргуна) и собрал богатый материал.

«Тарих-и джахангуша» – это история монголов от возвышения Чингиз-хана до экспедиции Хулагу-хана против исмаилитов в 1256 г. Она состоит из предисловия, введения и трех глав, а именно: 1) монголы и их завоевания вплоть до событий, последовавших за смертью Гуюка, включая историю потомков Джучи и Чагатая, 2) хорезмшахи и монгольские правители Хорасана до 1258 г., 3) продолжение истории монголов до разгрома исмаилитов Аламута. Для нас наибольший интерес представляет, безусловно, первый том, дающий ценные сведения по истории монгольских завоеваний в Восточной Европе. Джувейни использует собственную информацию, как очевидца, и сведения современников. Кроме того, он имел доступ к официальным документам. Его выдающийся труд, в известной мере, явился основой и образцом для всех последующих историков, поскольку в те времена широко практиковались заимствования, как обычный творческий метод. Они не были предвзятными и даже носили характер определенных литературных канонов [Пириев, 1988, с.197]. Так, сочинение Джувейни было использовано Рашид ад-Дином и Вассафом, а через них почти всеми более поздними персидскими, арабскими и турецкими историками, часто буквально повторявшими данные Джувейни.

В XIV в. персидская историография достигает особенно выдающихся успехов. Богатейший материал содержится в грандиозном

Султан Улджайту на троне. Иллюстрация к рукописи Рашид ад-Дина. Делийский султанат

сочинении «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») крупного сановника на службе у Газан-хана и величайшего историка – Рашид ад-Дина Фадлаллаха ибн Имад ад-Даула Аби-л-Хайр ал-Хамадани (ок. 645–718/1247–48–1318). Он был ученым медиком, суннитским богословом и крупным политическим деятелем. Как глубоко образованный человек, знал персидский, арабский, еврейский, монгольский, европейские языки [Brown, 1951, p.62–63]. При монгольских правителях Ирана, в котором не-персы (особенно в ранний монгольский период) занимали многие высшие посты, Рашид ад-Дин на протяжении долгого времени последовательно назначался на ряд высоких должностей. Кроме того, он был придворным врачом монгольского султана Абака-хана и пользовался значительным влиянием на последнего. При правлении Газан-хана (1295–1304) его заслуги были отмечены, и он был назначен везирем в 1298 г. В этом качестве он провел финансовую реформу, упорядочившую фи-

нансовую систему Хулагуидов. Эту должность Рашид ад-Дин сохранил и в период правления Улджайту-хана (704–716/1304–1316), причем сумел получить от него несколько знаков доверия и благосклонности.

В царствование Абу Са'ида, вследствие интриг его врагов, он был освобожден от своего поста, а затем 18 июля 1318 г. казнен в Табризе по обвинению в отравлении Улджайту [Стори, 1972, с.301].

Главное сочинение Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» – труд, «единственный в своем роде по замыслу исполнения во всемирной литературе» [Петрушевский, 1952, с.7], был начат по приказу Газан-хана в 1300/01 г. Характеризуя грандиозный замысел Газан-хана, Э.Г.Браун писал: «Предвидя то, что, несмотря на их действительное превосходство, с течением времени они (монголы. – А.А.) неизбежно будут поглощены персами, он мечтал оставить потомкам памятник их достижений в форме достоверного описания истории и завоеваний на персидском языке. Для выполнения этой великой задачи он избрал (и не мог сделать лучшего выбора) Рашид ад-Дина, в чьем распоряжении находились все государственные архивы и помощь всех тех людей, кто были знатоками истории монголов» [Brown, 1951, p.72]. Более того, в ведении Рашид ад-Дина находились огромные денежные средства на подобные нужды. По сути, «Джами ат-таварих» представляет собой обширную историческую энциклопедию, которой, по словам В.В.Бартольда, не обладал ни один народ ни в Азии, ни в Европе в средние века и которая была «последним словом персидской историографии начала XIV в.» [Бартольд, 1963, с.769].

Возможно, Газан-хан хотел, таким образом, запечатлеть свою собственную мудрость. «Выполнить труд, столь грандиозный по плану, было не под силу одному человеку. Поэтому Рашид-ад-Дин привлек в качестве сотрудников знатоков языков и истории отдельных народов; среди них были два перса, два китайца, индус из Кашмира и, по-видимому, французский католический монах» [История Ирана, 1958, с.168]. Однако основным теоретиком, автором и редактором был, несомненно, сам Рашид ад-Дин. После казни своего патрона один из сотрудников Рашид ад-Дина – Абдаллах Кашани – попытался обвинить везира в плагиате и присвоить себе ав-

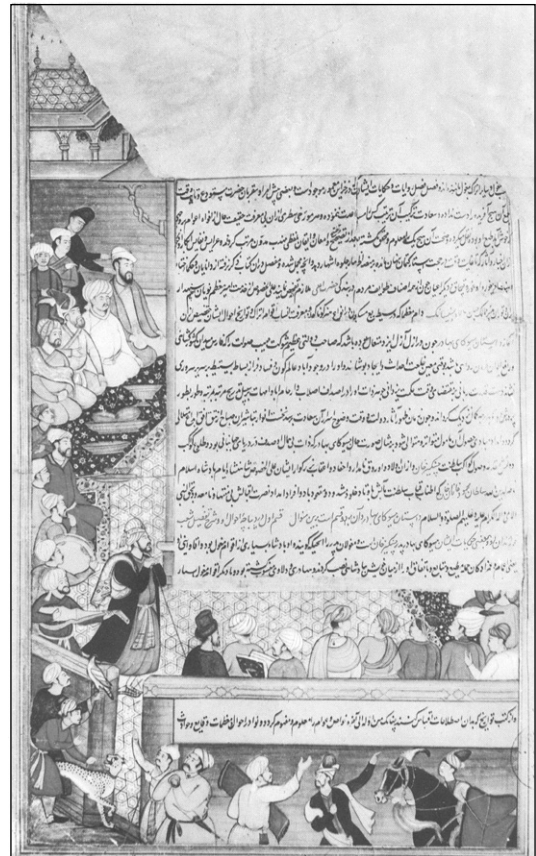
Выезд монгольского султана. Миниатюра.
Иран. Начало XIV в.

торство всего огромного исторического труда. Он составил труд под названием «Тарих-и Улджайту-хан» («История Улджайту-хана»), который остался неизданным [там же, с.169].

«В «Сборнике летописей» красной нитью проходит идея о том, что история арабов и иранцев есть лишь одна из рек, впадающих в огромное море истории человечества. Именно поэтому в «Джами ат-таварих» уделяется внимание истории многих народов, начиная с Дальнего Востока и кончая Западной Европой. Значительное место отведено монгольским и тюркским, в том числе огузским, племенам» [Агаджанов, 1969, с.29]. Как верно заметил И.П.Петрушевский, более правильно было бы перевести его название как «Собрание историй», т.к. этот труд представляет собой совершенно новый этап в историописании по сравнению с прежним типом летописных сочинений.

«Джами ат-таварих» – сочинение, включающее всеобщую историю мира с древнейших времен с изложением истории монголов до 1303/04 г., первоначально было разделено на три, а потом на четыре тома: 1) «Тарих-и Газани» – рассказ о тюркских и монгольских племенах, 2) история Улджайту и общая история мира, 3) «Шу'аб-и панджгана» – генеалогия царствующих династий «пяти народов»: тюрков и монголов, мусульман (арабов), евреев, франков и китайцев, 4) «Сувар ал-акалим» (в первой редакции, до 1306/07 г. этот том был третьим) – географическое описание мира с описанием дорог и почтовых станций монгольской империи [Стори, 1972, с.306]. Для нас наиболее инте-

ресен первый том. Он состоит из введения, содержащего обзор тюркских и монгольских племен, их разделений, генеалогий и легенд, истории самого Чингиз-хана и его потомков, правивших в Восточной Европе, Средней Азии, Китае и Иране. Этот том до сих пор остается уникальным и непревзойденным историческим памятником, дающим важные сведения для исследователей-историков самого широкого профиля [Фалина, 1989, с.156]. Он является выдающимся в плане формирования жанра «всемирной истории» и стал в этом отношении «высшим достижением мусульманской историографии средневековья» [Новосельцев, 1989, с.228], поскольку еще задолго до создания т.н. «всемирных историй» в Западной Европе он поставил вопрос о пяти мировых народах, т.е. охватывал весь тогдашний культурный мир от Западной Европы до Индии и Китая [Бартольд, 1977, с.262]. Важно, что еще в XIX в.

Султан Газан-хан поручает везиру Рашид ад-Дину составление «Сборника летописей».

Иллюстрация к рукописи Рашид ад-Дина.
Делийский султанат

всемирная история сводилась европейскими историками только к истории Европы.

В качестве первоисточника исторических сведений для Рашид ад-Дина, кроме Джувейни, выступил сам Газан-хан. Им привлекались также устные рассказы представителей монгольской аристократии. В первую очередь, огромное значение имела работа представителя великого хана при дворе Хулагуидов – Пулада Чингсанга. Для истории походов Чингиз-хана Рашид ад-Дин использовал труд Джувейни, а также информацию некоторых ученых из местных жителей, занимавших ответственные посты на службе у монгольских ханов.

При составлении своего труда Рашид ад-Дин, безусловно, использовал монгольские источники. Он имел в своем распоряжении ныне утраченную «Алтан дебгер» («Золотую книгу»). Почти для всех последующих компиляторов эта работа персидского историка стала основным источником [Бартольд, 1963, с.92–96; 1973, с.270–310; Петрушевский, 1952, с.7–38; Стори, 1972, с.301–322; СМИЗО, 1941, с.27–29] (см. издания «Сборника летописей»: [Histoire des Mongols de la Perse, 1836; Djami el-tevarikh, 1911; Geschichte des Gazan-han's, 1940; Ta'rih-i-mubarak-i-Gazani, 1941; Рашид ад-Дин, 1858/1861; 1868; 1888; 1946; 1952; 1957; 1960; 1965; 2002]).

Историческая хроника «Китаб таджзийат ал-амсар ва тазджият ал-а'сар» («Книга разделения областей и прохождения времен»), более известная под названием «Тарих-и Вассаф», была написана в 1312 г. Шараф ад-Дином Абдаллахом ибн Изз ад-Дином Фадлаллахом Ширази, более известным под титулом «Вассаф ал-хазрат» («Придворный панегирист») (663–735/1264–65 – 1334–35). Автор служил чиновником финансового ведомства и находился под покровительством Рашид ад-Дина. Свое сочинение Вассаф начал писать в качестве продолжения хроники Джувейни, где осветил события 1257–1328 гг. от времени правления Хулагу до Абу Са'ида. В сущности, Вассаф все три тома «Тарих-и джахангуша» в сокращенном виде присоединил к концу 4 тома своей книги, которая, по объяснению самого автора, является дополнением к «Джахангуша». Так как он имел доступ в государственные архивы, ему удалось привести много новых фактических данных. Пятая часть «Тарих-и Вассаф», составленная около 728/1328 г., содержит обзор истории Чингиз-хана, Джучидов и Чагатаидов и продолжение исто-

рии Хулагуидов до 723/1323 г. Как отметил В.В.Бартольд, Вассаф в этой части пользовался сочинением Рашид ад-Дина и иногда излагает иначе те события, которые уже были изложены ранее. Кроме Джувейни и Рашид ад-Дина источниками для него, по-видимому, явились устная традиция и рассказы очевидцев [Рипка, 1970, с.294; Morgan, 1982, p.624; Бартольд, 1963, с.96–97; Стори, 1972, с.769–775; СМИЗО, 1941, с.80; Полякова, 1978, с.45]. Однако «пользование им (источником. – А.А.) затруднено из-за напыщенной манеры изложения и цветистого и вычурного языка, со множеством метафор и других поэтических образов, аллегорий, хронограмм, каламбуров, стихотворных загадок и т.д., при этом содержание подчинено литературной форме» [История Ирана, 1958, с.170].

К историкам эпохи монголов принадлежит также Хамдаллах ибн Аби Бакр ибн Ахмад ибн Наср Мустауфи ал-Казвини (род. ок. 680/1281–82 г.). Он происходил из старинной знатной семьи мустауфи и был близким другом Рашид ад-Дина, пользовался его покровительством. Знаменитый везир около 1311 г. поручил ему ведать финансами Казвина и ряда областей Ирана. Известность Хамдаллаху ал-Казвини принес его исторический труд типа «всеобщей истории» «Тарих-и гузиде» («Избранная история»), законченный в 730/1329–30 г. и посвященный сыну и приемнику Рашид ад-Дина – ходже Гийас ад-Дину Мухаммаду. Труд этот основывается, главным образом, на «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, является подражанием ему и состоит из предисловия, шести частей и заключения. Впоследствии автор продолжил изложение до 742/1341–42 г., а его сын Зейн ад-Дин в отдельном добавлении, как очевидец, описал события в Иране за 742–794/1341–42 – 1391–92 гг., завершившиеся завоеванием его Тимуром. Данными этого продолжения пользовались многие последующие компиляторы [Бартольд, 1977, с.98–100; Стори, 1972, с.327–334; Петрушевский, 1937, с.873–920; СМИЗО, 1941, с.90–91; МИТТ, 1939, с.54–55].

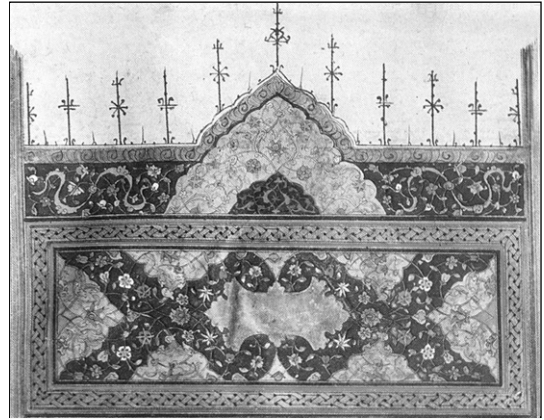
Важный блок сведений по истории Золотой Орды конца XIV – начала XV в. дают историки XV в. Самой ранней и полной из числа дошедших до нас официальных историй Тимура, написанной при его жизни и по его поручению, является «Зафар-наме» («Книга побед»), составленная в 806/1404 г. Низам ад-Дином Абд-ал-Васи Шами. Автор пользо-

вался уже существовавшим тогда подробным описанием индийского похода Тимура Гийас ад-Дина Али (составлен между 1399 и 1403 гг.), а также официальными документами и устными сообщениями участников событий, в первую очередь, самого Тимура. Труд Низам ад-Дина Шами был использован почти всеми последующими историками, начиная с Хафиз-и Абру [Бартольд, 1963, I, с.101–102; 1973, с.74–97; Стори, 1972, с.787–791; СМИЗО, 1941, с.104–105; МИТТ, 1939, с.57; Якубовский, 1946, с.43].

С именем внука Тимура – Улугбека – связан не дошедший до нас в полном виде исторический труд – «Тарих-и арба' улус» («История четырех улусов») (написан не позднее 1425 г.). В настоящее время известны 4 списка сокращенной редакции данного сочинения под названием «Улус-и арба'и Чингизи» («Четыре улуса Чингизидов»). По мнению Б.А.Ахмедова, это сочинение было написано несколькими авторами под руководством мирзы и в дальнейшем послужило источником для написания ряда исторических трудов. Его широко использовали Хондамир, Шараф ад-Дин Али Йезди и автор «Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме» [Ахмедов, 1979, с.29–36; Ахмедов и др., 1994, с.3; Бартольд, 1964, II, ч.2, с.142]. Известен английский перевод сокращенной редакции [The Shajarat ul-Atrak, 1838].

Знаменитый ученый и историк эпохи Тимура Шараф ад-Дин Али Йезди (ум. в 858/1454 г.) проходил карьеру придворного, ученого и литератора при дворе Шахруха. Его широко известная хроника «Зафар-наме» была написана по заказу Ибрахим-султана, сына Шахруха, и закончена в 828/1424–25 г. Она представляет собой историю Тимура и Халил-Султана. Источником ему служило сочинение Низам ад-Дина Шами, дополненное данными, заимствованными из ряда других источников, до нас не дошедших, в т.ч. из «Тарих-и Хани», хроники в стихах на тюркском языке уйгурским шрифтом. Использовал он также сочинение Гийас ад-Дина Али, но извлек из него больше фактов, чем его предшественник Низам ад-Дин Шами, также устные сообщения современников и участников походов Тимура [Бартольд, 1963, с.102–103; Стори, 1972, с.797–807; СМИЗО, 1941, с.144–145; МИТТ, 1939, с.58].

В ряду хроник эпохи Тимура обособленно стоит т.н. «Аноним Искендера» (сост. в 1414 г.), с которым связан другой круг источников. Это сочинение по всеобщей истории, посвященное Тимуриду Искендеру, сыну Омар Шейха, управлявшему Фарсом и Исфаханом. Рукопись не имела названия и

Заставка к книге Шараф ад-Дина Али Йезди
«Зафар-наме» / «Книга побед».
1620-е гг. Мавераннахр

поэтому сначала была названа В.В.Бартольдом «Аноним Искендера», т.к. была написана для царевича Искендера – внука Тимура. Впоследствии тот же В.В.Бартольд установил, что автором этого сочинения был Му'ин ад-Дин Натанзи. Источником «Анонима Искендера» по отношению к раннему периоду монгольского владычества явилось сочинение Рашид ад-Дина, которое Натанзи переписал почти дословно. Для второй половины монгольского периода и для истории Тимура он использовал какие-то не дошедшие до нас источники, откуда извлек много ценных сведений. Эти источники иные, чем у Низам ад-Дина Шами и Шараф ад-Дина Али Йезди. По всей вероятности, основным источник «Анонима Искендера» был написан на тюркском языке и не был известен вышеупомянутым историкам. Тем же источником пользовался и Хафиз-и Абру, но совершенно независимо, т.к. сообщает подробности, которых нет у другого [Бартольд, 1963, с.101–102; 1973, с.115–116, с.491–504; Стори, 1972, с.339–341; Умняков, 1976, с.45; СМИЗО, 1941, с.126–127]. В труде Натанзи, в котором явно чувствуется влияние кочевой тюркоязычной среды, много тюркских и монгольских слов. Натанзи описал военную и дипломатическую историю монгольских государств и империи Тимура [История Ирана, 1958, с.212].

Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хафи – крупный персоязычный историограф, известный под литературным псевдонимом Хафиз-и Абру (ум. в 833/1430 г.), состоял на службе у Тимура, а потом у его сына – султана Шахруха (807–850/1405–1447). В 820/1417 г. он приступил к составлению обширного компилятивного сборника исторических сочинений «Маджму'а», в который были

включены персидский перевод Табари (X в.), сочинение Рашид ад-Дина и «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами. Для заполнения пробела между этими сочинениями им был написан ряд вставок, в т.ч. продолжение сочинения Рашид ад-Дина до 795/1393 г., продолжение сочинения Низам ад-Дина Шами до 819/1416-17 г. В 826/1423 г. он приступил к написанию, а в 830/1427 г. закончил другой исторический труд в четырех томах – «Маджма' ат-таварих-и султанийе» («Собрание летописей, [посвященное] султану»). Четвертый том – «Зубдат ат-таварих-и Байсунгури» («Байсунгуровы сливки летописей») состоит из двух частей: первая – история правления Тимура, вторая – история правления Шахруха (доведена до 830/1427 г.). Для сочинения были использованы все указанные выше труды с некоторыми дополнениями из недошедших до нас источников, в т.ч. из какой-то хроники, которой пользовался также «Аноним Искендера». Это второе сочинение Хафиз-и Абру в сокращении составило первую часть труда Абд ар-Раззака Самарканди, наряду с трудом Шараф ад-Дина Йезди [Бартольд, 1963, с.101–102; 1977, с.79–97; Стори, 1972, с.787–791; МИТТ, 1939, с.57; СМЗСО, 1941, с.104–105]. Сочинения Хафиз-и Абру точны и лаконичны, написаны простым языком и изобилуют сведениями социально-экономического характера.

Сочинение Камал ад-Дина 'Абд ар-Раззака ибн Мавлана Джалал ад-Дина Исхака Самарканди (816–887/1413–1482-83) «Матла' ас-са' дайн ва маджма' ал-бахрайн» («Места восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей») было составлено между 872–875/1467-68 – 1470-71 гг. В 875/1470 г. 'Абд ар-Раззак Самарканди продолжил свой труд и включил в него описание событий, происходивших в сафаре этого года (август 1470 г.). Нисбу «Самарканди» автор получил потому, что большую часть своей жизни провел в Самарканде, где его отец был кади и имамом в ставке Шахруха. В 857/1463 г. Тимурид султан Абу Са'ид (855–873/1451–1469) назначил его шейхом обители дервишей (ханака) Шахруха в Герате. Он умер в этом же городе в 887/1482 г. Как и другие его современники, он пользовался покровительством Мир Алишера Навои (844–906/1441–1501) [Материалы по истории Средней и Центральной Азии, 1988, с.171]. Летопись обнимает

период в 170 лет и содержит историю монголов, Тимура и Тимуридов от 704/1304-05 до 875/1470-71 г. Главные события излагаются здесь по годам; летопись состоит из двух почти равных томов (кисм или дафтар). До событий 830/1426 г. труд основан целиком на сочинении Хафиз-и Абру «Зубдат ат-таварих» и через его посредство – на сочинении Низам ад-Дина Шами. Самостоятельным является конец сочинения 'Абд ар-Раззака. То, что он пишет как очевидец и участник событий, несомненно, является первостепенным источником и используется всеми последующими компиляторами [Бартольд, 1963, с.105; Стори, 1972, с.820–828; СМЗСО, 1941, с.190–201; МИТТ, 1939, с.59].

Сведения упомянутого «Анонима Искендера» были привлечены более поздними авторами – Ахмадом ибн Мухаммадом ибн 'Абд ал-Гафур ал-Казвини, известным под именем кази Ахмад ал-Гаффари (920–975/1515–1567-68), в обширной компиляции по всеобщей истории «Нусах-и джаханара» («Списки устроителя мира»), начатой в 930–984/1524–1576 и законченной в 972/1564-65 г., а также Хайдером ибн 'Али Хусейни Рази (биография неизвестна) в сочинении по всеобщей истории «Тарих-и Хайдари» («Хайдерова история»), или иногда именуемой «Зубдат ат-таварих» или «Маджлис ат-таварих» (начато в 1020/1611-12 и закончено в 1028/1618-19 г.) [Бартольд, 1963, с.84; СМЗСО, 1941, с.213].

Тюркские источники. Большое значение для изучения различных проблем средневековой истории представляет оригинальный труд «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи. Это – единственный дошедший до нас литературный памятник, написанный в Хивинском ханстве в XVI в. Он охватывает период правления Чингиз-хана и Чингизидов (XIII–XIV вв.) и содержит сведения о ханах Золотой Орды, начиная с Бату-хана и кончая началом правления Токтамыш-хана [Утемиш-хаджи, 1992, с.6], хотя, как видно из предисловия, автор предполагал довести его до своего времени. Написан этот текст по поручению Шибанида Ишсултана (убит в 965/1558 г.) в первой половине XVI в. Автор сочинения – Утемиш-хаджи – выходец из влиятельной семьи, служил у Илбарс-хана (918–931/1512–1525), одного из узбекских завоевателей Хорезма, в должности дворцового писаря. Свой труд он написал

в основном на материале преданий и устной информации. «В исторических сочинениях, – писал В.В.Бартольд, – он находил только имена некоторых ханов, без всяких подробностей об их царствовании; большая часть ханов не была названа даже по имени. Поэтому он стал собирать из уст знающих людей предания о прошлых временах; эти предания он «взвешивал на весах разума» и отвергал то, что не выдерживало этой критики. Скоро он прославился как знаток преданий; во всяком собрании, где заходила речь о прежних царях, за разрешением трудных вопросов обращались к нему» [Бартольд, 1973, VIII, с.165]. Среди его информаторов были люди, хорошо знавшие предания – путешественники, важные чиновники, ханы (среди последних он упоминает Илбарс-хана). Сам автор много путешествовал по Хорезму и южным областям Золотой Орды, по окрестностям Каспийского моря и Нижнему Поволжью. Многие события он описал как очевидец. Большое значение имеют его сведения о Шибане и его потомках, пришедших к власти после смерти Бердибека (1357–1361).

Из тюркоязычных источников, в которых нашла наиболее полное отражение джучидская (золотоордынская) историческая традиция, необходимо упомянуть анонимное сочинение «Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме» («Избранные истории книги побед») (написано в 1502–1504 гг.). Оно посвящено жизнеописанию узбекского хана Мухаммада Шейбани (1451–1510) и считается главным произведением шейбанидского круга источников. В сочинении имеются данные по социально-экономическим отношениям, родоплеменному составу кочевников Восточного Дашт-и Кыпчака и т.д. Автор использовал источники на монгольском, персидском и тюркском языках.

«Дафтар-и Чингиз-наме» («Книга о Чингизе»). Анонимное татарское историко-публицистическое сочинение, датируемое концом XVII в. Состоит из трех глав-дастанов, содержащих родословную Едигея, перечисление местопребываний ханов и т.д. В первых двух дастанах рассказывается о Чингиз-хане и Тамерлане. По-видимому, этот источник содержит reminiscences из древнетюркской, ранней монгольской и джучидской историографии.

5. Русские источники

Искандер Измайлов

Наиболее важные и систематизированные по годам сведения по истории Золотой Орды и политической истории взаимоотношений ее правителей и русских княжеств в XIII–XV вв. содержат летописи. При всей краткости и иногда противоречивости они являются незаменимым, а порой и единственным источником сведений о прошлом. Ценность летописи, как источника информации, определяется близостью ее по времени к описываемому событию. Конечно, современность источника не гарантирует его достоверности. Нередки случаи, когда автор, писавший спустя несколько лет после события, мог быть даже менее тенденциозен или более осведомлен, чем ближайший современник. Но в тех случаях, когда временной интервал между событием и его отражением в источнике значителен, превосходя время жизни одного поколения, для использования сведений источника необходимо доказать, что в распоряжении позднего автора имелся более ранний памятник. Именно в этом состоит сложность анализа и использования летописных сведений, актуальность изучения состава различных сводов, времени их появления и содержащихся в них статей. При этом чрезвычайно важно различать летописные источники по степени их беспристрастности, выявлять степень достоверности того или иного свидетельства, а также соотношение официальных сведений и независимых свидетельств [Лурье, 1985, с.61–68].

История, текстология и источниковедение русского летописания XIII–XV вв. довольно хорошо изучены трудами нескольких поколений историков и текстологов (важнейшие из них см.: [Шахматов, 1938; Лихачев, 1983; Приселков, 1996; Насонов, 1969; Лурье, 1976; 1985, с.190–205; Клосс, 1980; Муравьева, 1983; 1991; 1998]).

Русское летописание XIII–XV вв. имеет целый ряд отличий от предшествующего периода. Во многом это связано со становлением идеи общерусского летописания и ярко проявившимися во многих сводах отзвуками идеологической и политической борьбы вокруг актуальных вопросов развития Руси.

Одним из важнейших источников для изучения этого периода и этапа летописания слу-

жат южнорусские своды, в первую очередь, **Галицко-Волынская летопись** [ПСРЛ, 2; ГВЛ, 2005]. Данный свод, охватывающий события 1201–1292 гг., создавался в несколько этапов. В настоящее время утвердилось мнение, что текст летописи делится на две части – Летописец Даниила Галицкого (1201–1265) и Волынскую летопись (1266–1290) [ГВЛ, 2005, с.30–60]. Характерной особенностью Галицко-Волынской летописи является отсутствие в тексте погодной сетки, традиционной для древнерусского летописания. Другим важным отличием от предшествующей традиции является ее светский характер. В этом смысле ее с полным правом можно назвать княжеской летописью, в текст которой автор широко вводили различные документы из княжеского архива и личные наблюдения. Основной задачей авторов являлось описание князей и их деяний в связи с перипетиями внутренней и внешней политики княжества. Важнейшей задачей летописца Волынской летописи являлось, по мысли М.Д.Приселкова, обосновать права преемственности князя Юрия Львовича на пребывание митрополичьей кафедры в его княжестве, а не в северо-восточных княжествах, и, соответственно, на гегемонию Галича над Русью. Особый интерес представляют подробные описания исторических событий, связанных с монгольскими завоеваниями (битва на Калке 1223 г., поход Бату на Южную Русь 1240 г.) и эпизодами военно-политического взаимодействия Галицко-Волынского княжества с Улусом Джучи во второй половине XIII в.

К началу XIV в. относится появление и других летописных сводов, претендующих на освещение истории всех Русских земель, хотя в действительности они в значительной мере концентрировали внимание в основном на событиях, происходивших на Северо-Востоке Руси. Важнейшей темой всех этих сообщений были взаимоотношения князей в борьбе за великое княжение и ордынская политика на Руси.

Наиболее ранним памятником подобного летописания является **Лаврентьевская летопись** [ПСРЛ, 1]. Источники ее сведений – владимирские великокняжеские своды XIII–XIV вв. Начальную ее часть составляли «Повесть временных лет» и выписки из летописных сводов середины XII – первой трети XIII в. Основным из них, вероятно, являлся

свод великого князя Ярослава Всеволодовича 1239 г., написанный в Ростове. Целью его создания было стремление доказать историческое первенство Владимира среди других княжеских центров в противовес идеологической гегемонии галицких князей и их летописания. Другой летописью, оставившей значительный след в Лаврентьевском своде, стал великокняжеский свод Дмитрия Александровича, написанный, видимо, в 1281 г. в Переяславле, куда в то время переехал двор великого князя и где тогда находился митрополит Киевский и всея Руси.

Новый импульс развитию северо-восточного летописания придало усиление Твери, когда великим владимирским князем стал тверской князь Михаил Ярославич. Свод 1304 г., вдохновителем которого был этот князь, являлся переработкой великокняжеской летописи в «тверском» духе с явной антитарарской направленностью. Основой дополнительных сведений для этой новой летописи стали погодные записи, которые велись в Твери, очевидно, с конца XIII в. Как общерусский свод он включал также новгородские, рязанские, смоленские и южнорусские известия. Этот свод позднее стал основным источником Лаврентьевской летописи, которая дошла до нас в списке 1377 г. Продолжением этого свода стали новые общерусские летописные своды 1318 и 1327 гг., созданные также в Твери. Их фрагменты сохранились в составе более поздних московских летописей (Троицкой и Симеоновской), хотя все эти тверские известия были переработаны в московском духе. Кроме того, частично следы тверского летописания прослеживаются в Тверском сборнике и Рогожском летописце. В силу многократной переработки этих сводов объем сведений о взаимоотношениях русских княжеств с ханами Улуса Джучи довольно небольшой, а сами описания носят лапидарный характер.

Следующий этап развития общерусского летописания был связан с усилением роли и влияния Москвы и перехода великого княжения в руки Ивана Калиты. При его дворе, приблизительно в 1389 г. был создан **Летописец великий русский**. От него до нас дошли лишь фрагменты. По мнению М.Д.Приселкова, его материалами воспользовался составитель Троицкой пергаментной летописи. Свод этот достаточно гипотетичен и содержит све-

дения различного происхождения, прошедшие к тому же значительную переработку и несколько этапов редактирования.

Новый импульс получила тенденция развития общерусского летописания с усилением роли церкви во внутренних делах и политическом влиянии митрополита всея Руси Киприана в условиях его противостояния с московским князем Дмитрием Ивановичем Донским. Этот свод, протографом которого стал общерусский свод 1304 г., по мысли его создателей, должен был отразить историю русских земель, входивших в русскую митрополию с древнейших времен, и включать, по возможности, материалы всех местных летописных традиций. Текст свода наиболее полно отразился в **Троицкой летописи** начала XV в. (возможно, текст свода 1408 г. в нем передавался непосредственно) и ряде других летописных сводов. Рукопись Троицкой летописи погибла во время пожара в Москве в 1812 г., и текст ее был восстановлен М.Д.Приселковым по выпискам, сделанным из нее Н.М.Карамзиным и сходным по составу летописным сводам [Приселков, 1950].

В первой половине XV в., в условиях междоусобной борьбы между наследниками Дмитрия Донского, центр общерусского летописания вновь переместился в Тверь, где в 30-х гг. XV в. (или по датировке Я.С.Лурье – в 1412 г.) появилась новая редакция свода 1408 г., непосредственно отразившаяся в **Рогожском летописце** [ПСРЛ, 15], **Никоновской летописи** [ПСРЛ, 9–14] и опосредованно в **Симеоновской летописи** [ПСРЛ, 18]. Расхождения между текстами этих сводов особенно заметны после статьи 1390 г.

Параллельно с общерусским летописанием, представленным этими летописями, существовало местное, отразившееся, например, в новгородском и псковском летописании. Псковское летописание включало ряд списков, объединяемых в **Псковскую I** (первоначально доходила до 1469 г.), **Псковскую II** (доведена до 1486 г.) и **Псковскую III** (выходит за рамки XV в.) **летописи** [ПЛ, 1941–1955]. По мнению А.Н.Насонова и Я.С.Лурье, в основе их лежал общий протограф.

Следующим за Троицкой летописью памятником общерусского летописания был т.н. Новгородско-Софийский свод, отразившийся в **Новгородской IV**, близкой к ней **Новгородской Карамзинской** и **Софийской I**

летописях [ПСРЛ, 4; 6; 5, с.81–275; 42]. Текст Новгородской IV и Софийской I летописей совпадает до 1418 г.; в Новгородской Карамзинской сходна с Софийской I также статья 1425 г. Предположение А.А.Шахматова, что Новгородско-Софийскому своду предшествовал более ранний источник – митрополичий свод (т.н. «Полихрон Фотия» 1448 г.) 1418–1421 гг., не подтвердилось дальнейшими исследованиями: летописи, в которых этот автор видел независимое от Новгородско-Софийского свода отражение Полихрона Фотия, опирались, как выяснилось, не на этот гипотетический памятник, а на летописание конца XV – начала XVI в. [см.: Лурье, 1976, с.67–121]. Дата свода 1448 г. была предложена А.А.Шахматовым не на основании анализа общих сведений летописей, а на интерпретации одного сообщения, причем явно ошибочного, и хотя позднее он сам отказался от этой датировки, в некоторых исторических работах повторяется эта ошибка. Определение даты Новгородско-Софийского свода опирается на тот факт, что этот свод, как общий источник Софийской I, Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописей, предшествовал первой редакции Новгородской IV, составленной в 1437 г., и поэтому его создание, очевидно, можно отнести к 30-м гг. XV в. [Шахматов, 1938, с.366; Лурье, 1976, с.108–117; Бобров, 1976, с.10]. Текст Софийской I старшей редакции доходит лишь до 1418 г. [ПСРЛ, 6]. В этом своде, отразившемся также в **Московской Академической летописи** [ПСРЛ, 1, 1928], и сокращенном своде второй половины XV в. [Насонов, 1955] содержится ряд уникальных известий о конце XIII в.

Новый свод представлял собой коренную переработку (с привлечением тверских, суздальских, новгородских и других летописных материалов) свода 1408 г. Он также имел общерусский характер и своим происхождением был обязан митрополичьему окружению. Создан он был, по мнению А.А.Шахматова, в 1448 г. в Москве в связи с избранием нового митрополита Ионы. Идеологическим лейтмотивом этого свода недвусмысленно являлась идея необходимости объединения Руси, включая Ростов, Суздаль, Тверь, Новгород Великий и Псков, для отпора «поганым» татарам под верховенством Москвы. В этом своде впервые явственно проявилась тенденция описания событий прошлого и на-

стоящего с общерусских позиций, но при этом всячески подчеркивалась выдающаяся роль Москвы как исторического центра.

Софийская I, в свою очередь, послужила основным источником московского великокняжеского летописания, отразившегося в разных редакциях в **Никаноровской** [ПСРЛ, 27] и **Вологодско-Пермской** (свод 1472 г.) [ПСРЛ, 26] летописях, «**Летописце от 72-х язык**» (свод 1497 г. и фрагмент свода 1477 г.) [ПСРЛ, 28], **Московском своде** (своды 1479 г., начала и конца 90-х гг. XV в.) [ПСРЛ, 25], летописях XVI в., включая **Воскресенскую** [ПСРЛ, 7–8] и **Никоновскую**.

Наряду с великокняжеским летописанием в XV в. существовало независимое от него общерусское летописание, представленное **Ермолинской** [ПСРЛ, 23] и сходными с нею летописями (они отражали северный свод начала 70-х гг. XV в., составленный, вероятно всего, в Кирилло-Белозерском монастыре) – **Типографской** (ростовский владычный свод 80-х гг. XV в.) [ПСРЛ, 24], **Софийской II** [ПСРЛ, 5; 6], **Львовской** (свод 1518 г., в основе которого лежит оппозиционный московским властям церковный свод 80-х гг. XV в.) [ПСРЛ, 20] и др. Эти летописные своды вызывают особый интерес, поскольку сохранили независимые от официального историописания свидетельства об обстоятельствах тех или иных событий, о политической борьбе и взаимоотношениях московских великих князей и ханов Золотой Орды и татарских ханств.

В некоторых летописных памятниках XVI–XVII вв. имеются уникальные известия об отношениях с золотоордынскими ханами в XIV–XV вв. Это тверские известия, содержащиеся в **Тверском сборнике** [ПСРЛ, 15] и т.н. **Музейском фрагменте** [Насонов, 1958], отдельные записи Никоновской и Воскресенской летописей, **Устюжской летописи** [ПСРЛ, 37] и др.

Новгородское летописание конца XIII – первой половины XV в. представлено **Новгородской I летописью старшего и младшего изводов** [ПСРЛ, 3; НПЛ, 1950]. Старший извод доводит изложение до 30-х гг. XIV в., а младший – до 40-х гг. XIV в. Новгородский свод начала XV в., отразившийся в Новгородской I летописи младшего извода, был использован также при составлении протографа Новгородской IV и Софийской I летописей.

Следует отметить наличие также особого белорусско-литовского летописания, которое отразило как общерусские сведения, так и

оригинальные известия о взаимоотношении Великого княжества Литовского с Золотой Ордой, а также с находившимися под ее властью русскими княжествами. Становление этого летописания связано с освоением традиции ранних общерусских сводов, представленных различными списками Троицкой и Симеоновской летописей. **Белорусская I летопись** представлена Никифоровским, Супрасльским, Слуцким и Академическим списками. Этот сложный по составу сборник содержит, наряду с заимствованиями из Новгородской IV, Софийской I и Троицкой летописей, и региональные сведения [ПСРЛ, 17; 35]. Дальнейшее развитие литовско-белорусского летописания представлено **Летописью Быховца** (середина XVI в.) и **Хроникой Литовской и Жмойтской** [ПСРЛ, 32; Хроника Быховца, 1966].

Прямые или косвенные данные об Улусе Джучи, а также об отношениях этого государства с русскими княжествами содержатся, помимо летописания, и в других памятниках русской средневековой литературы (некоторые из них дошли – полностью или частично – в составе летописей). Особо следует выделить «**Повесть о Михаиле Тверском**» (начало 20-х гг. XVI в.) [Кучкин, 1999], «**Житие митрополита Петра**» (1327 г.) [Макарий, 1995; Кучкин, 1962], «**Житие митрополита Алексея**» (первая, краткая, редакция конца XIV в., вторая – середины XV в.) [ПСРЛ, 15, 1965, стб. 121–124; 18, с. 119–121; 25, с. 194–196], «**Житие Сергия Радонежского**» (1418 г.) [Клосс, 1998, с. 285–341; ПЛДР, 1981, с. 256–429] и др. Они сохранили уникальные сведения о культуре, дипломатическом этикете и некоторых аспектах взаимоотношений русских князей с ханами Улуса Джучи. Особый интерес представляет идеологическая подоплека этих произведений, нарастание в течение XIV в. антиатарской и противомусульманской направленности.

Интересные и во многом уникальные сведения по исторической географии Улуса Джучи и ее торговым магистралям сохранили авторы многочисленных «**Хождений**» – дневниковых записок русских паломников к Святым местам и купцов, среди которых следует выделить «**Хождение за три моря**» **Афанасия Никитина** [Малето, 2005].

В связи с историей взаимоотношений Золотой Орды и русских княжеств нельзя не затронуть важную дискуссионную тему Ку-

ликовской битвы 1380 г. и современных ей источников сведений. Сведения об этом сражении сохранились в целом ряде древнерусских источников: в летописных повестях – краткой (сохранившейся в составе Рогожского летописца, Симеоновской и Московско-Академической летописях) и пространной (в Софийской I и Новгородской IV летописях), в стихотворной повести «Задонщина», эпическом «Сказании о Мамаевом побоище», а также в житиях князя Дмитрия Ивановича и Сергия Радонежского. Самым ранним и наиболее достоверным считается краткая повесть, созданная в конце XIV – начале XV в., пространная повесть появилась в середине XV в. Время создания «Задонщины» точно не определено (конец XIV – 70–80-е гг. XV в.), но, очевидно, что она связана своим происхождением с переработкой «Слова о полку Игореве» и использованием летописных материалов (А.А.Зимин считает, что дело обстоит совершенно противоположным образом [Зимин, 2006]). «Сказание о Мамаевом побоище» появилось в конце XV – 20–30-х гг. XVI в. и является воинской повестью с обилием легендарных вставок в летописный текст, восходящих к средневековым рыцарским романам (поединок богатырей перед битвой, переодевание полководца в доспехи простого воина, выделение засадного полка) [«Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, 1966, с.535–556; Сказания и повести о Куликовской битве, 1982; Адрианова-Перетц, 1947; Кучкин, 1985; Горский, 1992; Зимин, 2006].

6. Западноевропейские и восточноевропейские латинские источники

Письменные источники европейского происхождения содержат разнообразную информацию о быте, хозяйстве, военном деле, внутривнутриполитической обстановке и международных отношениях Улуса Джучи. Сведения эти несколько разнообразны, настолько же и многочисленны. Изредка – это обширные сочинения, целиком посвященные истории монголов и их завоеваний, что характерно для описаний путешествий участников различных дипломатических миссий ко двору великого хана или купцов. Зачастую – это выборочные сведения в обширных текстах, освещающих географию ойкумены или всеобщую историю со времени «сотворения мира», а иногда – контракты, документировавшие торговые сделки и решения судов по ним, что особенно акту-

ально в отношении сохранившихся архивов торговых домов Генуи и Венеции, действовавших в Северном Причерноморье.

К числу подробных и обширных сочинений, сохранивших сведения о различных сторонах истории Улуса Джучи, особенно ранней ее истории в середине – второй половине XIII в., следует отнести описания дипломатических миссий от папы римского и королевских домов Европы в Каракорум – к монгольскому великому хану.

В числе их на первое место следует поставить материалы францисканской миссии в Монголию в 1245 г. Целью этой миссии, отправленной папой римским Иннокентием IV, было доставить письмо к монгольскому великому хану и выяснить его намерения в отношении Европы и, по возможности, склонить его к переходу в католичество. Поводом к интенсивному обмену посольствами между монгольскими ханами и папским престолом было то, что часть монгольских ханов была христианами-несторианами, а также преувеличенные и легендарные известия о якобы находящемся в глубинах Азии государстве «пресвитера Иоанна», готового придти на помощь христианам в Европе и Святой земле, чтобы устранить угрозу мусульманского давления на них. Поэтому миссия францисканцев состояла из Иоанна де Плано Карпини, уроженца Перуджи, и двух братьев – Бенедикта из Польши и Стефана из Богемии. Но последний вернулся с дороги, добравшись лишь до Киева, и только брат Бенедикт Поляк сопровождал брата Иоанна повсюду, став для него «сотоварищем в трудах и в заботах» и переводчиком. Именно ему, вероятно, мы обязаны успехом миссии и огромному количеству уникальных сведений о монголах, их обычаях и истории завоеваний, поскольку он свободно говорил на кыпчакском языке и вел всю канцелярскую работу. Миссия, имевшая дипломатические и разведывательные цели, отправилась из Лиона 16 апреля 1245 г. и возвратилась осенью 1247 г. За два года странствий по Восточной Европе она посетила многие страны и земли, но еще больше записала рассказов о прошлых и недавних событиях. По возвращении домой, уже в ноябре 1247 г. брат Иоанн составил донесение, а позднее, будучи назначенным архиепископом Антивари, незадолго до смерти (1248 или 1252 г.) составил еще одну редакцию своего сочинения. Описание самого путешествия приближается к дневниковым записям, но содержит и обшир-

Избрание Гуюка великим кааном.
Гравюра к первому изданию книги В.Рубрука. 1735 г.

ные сведения об истории и географии различных стран Центральной Азии, о государственном устройстве Монгольской державы, вере и нравах ее обитателей, генеалогии Чингизидов и т.д.

Считается, что она сохранилась в виде двух текстов. Во-первых, это донесение **Иоанна де Плано Карпини (Джованни дель Пьяно-Карпини)**, озаглавленное им «**Liber Tartarorum**» («**Книга о Тартарах**»), которое один из переписчиков XIV в. назвал «Историей Монгалов, именуемых нами Тартарами», – под этим названием оно и вошло в последующую историографию. Второй вариант донесения, написанный одним из спутников Плано Карпини – братом францисканцем Бенедиктом Поляком, был переписан с сокращениями в 1247 г. членом его же ордена братом **Ц. де Бридиа**, давшим ему название «**Historia Tartarorum**» («**История Тартар**»). Позднее этот текст был переписан и отредактирован Синомом де Сент-Квентином, который был участником одной из последующих миссий к монголам. В середине XIII в. заново отредактированное и дополненное донесение Плано Карпини было включено энциклопедистом Винцентом де Бовэ (ум. в 1264 г.) в состав 4-томного раздела «Историческое зеркало». По мнению современных исследователей [Христианский мир, 2002, с.27], при сходстве этих двух донесений существуют явные различия между ними, которые, возможно, связаны с тем, что текст брата Иоанна был официальным отчетом, а брата Бенедикта – мистифицированной и мифологизированной его версией.

Тексты эти неоднократно переводились на европейские языки (наиболее полные издания см.: [Beazley, 1903; de Saint-Quentin, 1965]). Наиболее полный вариант сочинения Иоанна де Плано Карпини был переведен на русский язык А.И.Малеиным [Иоанн де Плано Карпини, 1911; 2-е изд.: Путешествия, 1957], а текст Ц. де Бридиа – С.В.Аксеновым и А.Г.Юрченко [Христианский мир, 2002].

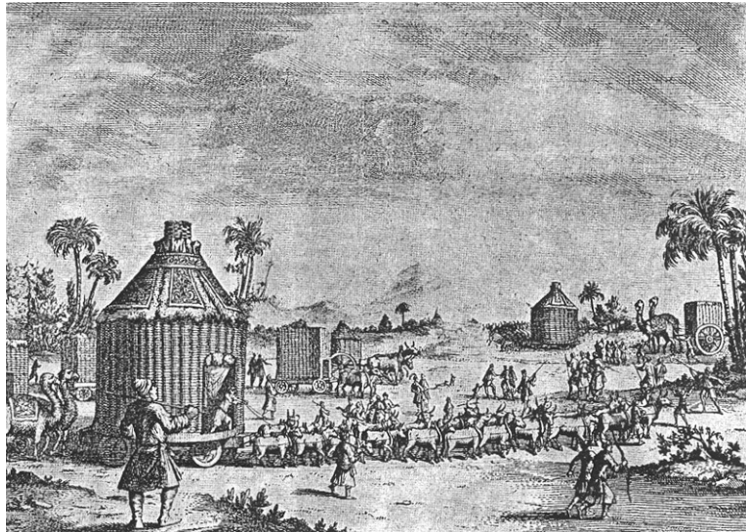
Через несколько лет после возвращения Плано Карпини ко двору великого хана в Монголию была от-

правлена еще одна миссия. Возглавил ее францисканец-минорит Вильгельм (Гильлем, Виллем) де Рубрук (1215 или 1220 – ок. 1270), родом из Фландрии, участник шестого крестового похода. Миссия была направлена в 1253 г. французским королем Людовиком IX Святым с целью заключить союз с монголами против мусульман на Ближнем Востоке. Она началась из крымского порта Солдайя, оттуда до ставки Сартака и Бату, откуда отправилась в Каракорум, где получила аудиенцию у Великого хана Мунке и закончилась возвращением во Францию через Малую Азию. По возвращении на родину он составил подробное описание своего путешествия – «**Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето благости 1253**». Будучи широко образованным и хорошо подготовленным к путешествию, брат Вильгельм, очевидно, знакомый с донесениями предшествующих посольств и дипломатической перепиской, смог дать более значительное и по объему, и по содержанию описание увиденных стран и земель. Особенно интересны его описания Нижнего Поволжья в 50-е гг. XIII в. и особенностей взаимоотношений правителей Улуса Джучи с великими монгольскими ханами. Текст «Путешествия» неоднократно издавался на различных европейских языках [Beazley, 1903; Göckenjan, Sweeney, 1985]. Существует также перевод на русский язык, выполненный А.И.Малеиным [Вильгельм де Рубрук, 1911; 2-е изд.: Путешествия, 1957; см. также: Хамидуллин, 2002, с.48–50; История «скифов», 2001, с.127–136].

Среди других миссий и путешествий необходимо выделить сведения Симона де Сент-Квентина, основанные на его впечатлениях о поездке на Ближний Восток и Закавказье в середине XIII в. Он также использовал в своих записках донесение другой миссии доминиканца брата Асцелина. Все эти сведения сохранились благодаря тому, что были включены в состав энциклопедии Винченца де Бове. Многие сведения, особенно материалы миссии Асцелина, побывавшего в ставке Великого хана Гуюка, а также о походах в Венгрию

являются уникальными. Текст этот издавался на европейских языках [de Saint-Quentin, 1965], а недавно был частично издан и на русском языке в переводе Н. Горелова [Книга странствий, 2006, с.81–116].

В числе дипломатических миссий, посещавших Улус Джучи в середине XIII в., следует выделить описание путешествий венецианца Марко Поло. Он вместе с отцом и дядей в 1271 г. отправился в путешествие ко двору Великого хана Хубилая, продолжавшееся три с половиной года (1271–1274). В столице Империи Юань Ханбалыке они, благодаря верительным грамотам и посланию папы Григория X, были приняты на службу, которая продолжалась 17 лет. В эти годы Марко изучил монгольский язык, а также научился читать на ряде языков и систем письменности (арабская, сирийская, уйгурская и квадратная монгольская), что позволило ему успешно продвигаться по службе, выполняя различные специальные поручения великого хана. Являясь чиновником высокого ранга, он был прекрасным осведомлен о политической обстановке внутри империи и был посвящен во многие секретные вопросы, связанные с военными предприятиями против Японии и стран Юго-Восточной Азии. Даже возвращение на родину в 1292–1295 гг. было связано с особым дипломатическим поручением императора. Марко Поло должен был доставить к ильхану Аргуну родственницу великого хана. Вернувшись в Венецию, Марко Поло активно участвовал в политической жизни города. В 1296 (или 1297) г. он принял участие в неудачной войне с Генуей и

Повозки татар. Гравюра к первому изданию книги В.Рубрука. 1735 г.

попал в плен. Сидя в геновской тюрьме, он подробно рассказывает и просит записать свои истории товарища по заключению Рустичано (Рустикано). Эти рассказы **Марко Поло** легли в основу **«Книги, именуемой О разнообразии мира»**, или **«Описание мира»**. Единственная сохранившаяся рукопись этого сочинения, хранящаяся в Парижской библиотеке [Pauthier, 1865], стала базой для главных изданий на европейских языках. Вместе с тем, эта первоначальная версия повторяется и дополняется многочисленными другими записями, поскольку вплоть до своей смерти в 1324 г. Марко Поло продолжал рассказывать о своих странствиях и, возможно, записывать их. До нашего времени дошло более 80 списков «Описания мира». Кроме рукописи Рустичано самостоятельное значение имеет рукопись, якобы просмотренная и переданная лично Марко Поло французскому рыцарю Тьебо де Сепой в 1307 г. и печатное итальянское издание 1559 г. Д.К.Рамузио, восходящее к одной из утерянных латинских оригинальных версий XIV в. [Магидович, 1955], поэтому текст Рустичано обычно дополняется из других источников [Moule, Pellio, 1938; Минаев, 1902; Книга Марко Поло, 1955; см. также: Хамидуллин, 1998, с.64–66; История «скифов», 2001, с.137–142]. «Книга» Марко Поло принадлежит к числу тех средневековых сочинений, которые оказали огромное влияние на формирование представлений европейцев об Азии. Оригинальны и во многом уникальны свидетельства Марко Поло о странах и народах, входивших в Улус Джучи, а также о военно-политических со-

бьтиях конца XIII в., особенно о войнах хана Токты с Ногаем.

После Марко Поло путешествия европейцев с дипломатическими и миссионерскими целями продолжались, однако в них, к сожалению, довольно мало сведений уделяется описанию Улуса Джучи [см.: После Марко Поло, 1968; Книга странствий, 2006].

События конца XIV – начала XV в., усиление турецкой угрозы Византии и балканским странам, а также успешные походы эмира Тимура против Улуса Джучи и завоевание им Переднего Востока привели к всплеску дипломатической активности европейских средиземноморских держав. Одним из важнейших результатов этого стал обмен посольствами между Тимуром и европейскими правителями с целью заключения союза против турок. Одной из таких миссий стало кастильское посольство, оставившее след, если не в истории средиземноморской дипломатии, то в историко-географическом описании стран Центральной Азии европейцами, поскольку сохранились подробные путевые заметки его руководителя **Руи Гонсалеса де Клавихо «Дневник путешествия ко двору Тимура (1403–1406)»**. В нем он подробно описывает маршрут своей поездки от берегов Испании до Самарканда, приводя сведения о городах, народах, особенностях их быта и т.д. Здесь представлены уникальные сведения об устройстве двора Тимура и сложной этнокультурной ситуации в Средней Азии, а также о сложных дипломатических отношениях этого среднеазиатского правителя с ханами Золотой Орды. Текст «Дневника» де Клавихо сохранился в двух рукописях и был издан еще в середине XVI в. Научные переводы были выполнены на европейских [Clavijo, 1928; Embajada a Tamerlan, 1943] и русском [Клавихо, 1881; 1990] языках.

Еще один очень информативный источник по истории Улуса Джучи начала XV в. – это **«Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год» Иоганна Шильтбергера**. Подобно материалам других путешествий оно дает возможность ознакомиться с воспоминаниями, оставленными потомкам баварским солдатом, попавшим в 1396 г. в плен к туркам после разгрома войск крестоносцев турецким султаном Баязидом и пробывшим в плену до 1427 г. За время своего 30-летнего пребывания в плену Иоганн Шильтбергер вместе со своими различными хозяевами побывал во многих странах Европы и

Азии, в т.ч. при дворе улуг карачибека Идегея в Черкессии и в других областях Северного Кавказа, Крыма, Астраханском крае и даже Сибири. Долгое время часто фантастические и преувеличенные сведения «Путешествия» считались ненадежным источником, однако при критическом к ним отношении они способны дать ценные сведения об истории Улуса Джучи в кризисный период истории этого государства. Текст «Путешествия» И.Шильтбергера довольно давно известен науке. Существует русский перевод с обширными комментариями Ф.К.Бруна [Путешествие Ивана Шильтбергера, 1867; переиздание см.: Шильтбергер, 1984; см. также: Из глубины столетий, 2000, с.209–214].

Другая группа сведений, содержащих данные о завоеваниях монголов, об истории и географии Улуса Джучи, сохранилась в европейских источниках, излагающих всеобщую историю. К числу наиболее авторитетных источников XIII в. относится **«Великая хроника» Матфея Парижского (Matheus Parisiensis «Chronica Majora»)**. Матфей был монахом бенедиктинского монастыря в Сент-Олбансе (Херефордшир) и, очевидно, имел доступ к важнейшим мировым новостям и событиям, а также пользовался различными архивными материалами, в т.ч. королевской дипломатической перепиской и трудами предшественников. В традициях подобных сочинений автор изложил историю от сотворения мира, а в основу начальной части повествования положил переработанную хронику брата Роджера из Вендовера. Однако он исправил, дополнил (начиная с 1200 г.) и продолжил ее до 1259 г., приложив в качестве дополнения сборник документов. Для изучения истории монгольских завоеваний интерес представляют сведения о завоеваниях монголов в Восточной и Центральной Европе и особенно сборник оригинальных документов (посланий, писем и свидетельств), рассказывающих о вторжении монголов, например, запись речи игумена Петра из одного монастыря в окрестностях Киева. Хроника неоднократно издавалась на латыни и современных европейских языках [Matth. Paris., 1872–1883; Matthew Paris's, 1852–1854]. Фрагменты ее, касающиеся истории Восточной Европы, изданы на русском языке [Матузова, 1979, с.107–171].

Другим важнейшим источником XIII в. является историко-географический труд **«Великое сочинение» Роджера Бэкона (Roger Bacon «Opus Majus»)**. Его автор – великий

средневековый энциклопедист, создавший его в 60-е гг. XIII в. Основными источниками для Р.Бэкона служили работы предшественников и рукописные материалы, в частности донесения его современников, монахов Плано Карпини и Гильома Рубрука. Однако данный материал автор использовал не буквально, а переработал в рамках своей научной концепции. Особая заслуга Р.Бэкона состоит в том, что он использовал труды и донесения, которые стали достоянием науки только спустя столетия. Авторитет его труда был настолько велик, что оказал определяющее влияние на всю последующую средневековую европейскую историографию, частично воспринятую авторами Нового времени, а также на географические представления европейцев о Восточной Европе, о быте и нравах татар и т.д. Труд Р.Бэкона был одним из популярных сочинений и многократно издавался на европейских языках [Bridges, 1897–1900; Burke, 1928], на русском языке изданы фрагменты, касающиеся истории Восточной Европы [Матузова, 1979, с.191–234].

Оригинальные и интересные сведения о монгольских завоеваниях и военно-политических событиях второй половины XIII в. в Восточной Европе сохранили польские латиноязычные хроники. Важнейшей из них по праву считается **«Великая или долгая хроника поляков или лехитов»** (**«Chronica magna seu longa polonorum seu lechitarum»**), созданная в конце XIII – начале XIV в. представителем церковных кругов, связанных с познаньским капитулом. Это – одно из наиболее крупных исторических произведений польских авторов, которое основывается в своей первой половине («от сотворения мира» до 1202 г.) на традиции латинских польских хроник XI–XIII вв., в первую очередь, сочинении Винцентия Кадлубка. Во второй части (доведена до 1271 г.), которая носит самостоятельный характер, подробно изложена история Польши, в частности, походы ханов Улуса Джучи на Малую Польшу и Силезию. Великопольская хроника, ставшая одним из важнейших этапов развития польского историописания, изучалась и издавалась неоднократно [Chronica, 1970]. На русский язык переведены фрагменты, касающиеся истории Восточной Европы [Великая хроника, 1987].

Интересные и во многом уникальные сведения об Улусе Джучи сохранились в сирийских источниках [см.: История Мар Ябала-

хи, 1958] и в сочинениях церковных историков Ближнего Востока. К ним относится **«Книга познания мира»** (**«Libellus de Notitia Orbis»**) **Иоанна де Галонифонтибуса**, написанная в 1404 г. Этот доминиканский монах в 1377 г. был назначен папой римским Григорием XI епископом Нахичевана. Вся его сознательная жизнь прошла в восточных епархиях, а вершиной его карьеры стал сан архиепископа Султанийи, полученный в 1398 г. За это время он несколько раз совершал дипломатические поездки в Европу и по странам Закавказья и Ближнего Востока, в частности ко двору эмира Тимура, от которого в 1403 г. привез письма королю Франции Карлу VI и другим европейским государям. Позднее, в 1410 г., Иоанн был назначен архиепископом Ханбалыка и в его епархию, центр которой располагался в Крыму, входил весь Улус Джучи и Центральная Азия. Будучи образованным и хорошо информированным человеком, брат Иоанн в 1404 г. составил церковную историю, где уделил большое внимание исламу и мусульманским народам, в частности тагарам. Рукопись ее была обнаружена в 1936 г. в университетской библиотеке Граца и издана А.Керном [Kern, 1938], позднее текст в части, касавшейся истории Закавказья и Северного Кавказа, с дополнениями по другим открытым спискам этого труда был опубликован Л.Тарди [Tardy, 1978, p.83–111] и переведен на русский язык [Галонифонтибус, 1980].

Другая группа источников связана с торговыми предприятиями итальянских купцов в Северном Причерноморье и включает портоланы: карты, лоции и навигационные пособия, а также торговые и нотариальные акты, совершенные итальянскими купцами, а также судебные дела, связанные с морскими плаваниями по Черному морю и торговыми делами. Наиболее ранними свидетельствами плаваний итальянцев в Причерноморье в период Улуса Джучи является генуэзский портолан конца XIII в. В последующем количество подобных источников значительно выросло. К сожалению, сохранилась до наших дней лишь незначительная их часть, но и она позволяет изучить особенности мореходства, системы торговли в Северном Причерноморье и взаимоотношения между генуэзскими и венецианскими колониями и властями Улуса Джучи (об истории итальянских колоний в Северном Причерноморье и обзор источников см.: [Скржинская, 1971, с.29–85; Ко-

новалова, 1988; Причерноморье в средние века, 1991; Карпов, 1994; 2000]).

7. Армянские источники

Достаточно оригинальные и информативные сведения об истории Улуса Джучи сохранились в армянской письменной традиции. Сведения армянских хронистов были посвящены в основном истории армянского народа и церковным делам, но, вместе с тем, освещая события, так или иначе связанные с этой центральной темой, они касались и истории окружающих народов, значимых политических событий. С начала XIII в. все они в той или иной степени вращались вокруг темы монгольских завоеваний Передней Азии и Закавказья, а также борьбы ханов Улуса Джучи с Хулагуидами.

Из историков XIII в. особо следует выделить фундаментальный труд **«История Армении» Киракоса Гандзакеци** (1200–1271). Его автор, уроженец г. Гандзака, получил прекрасное образование в монастыре, а позднее был втянут в водоворот событий, связанных с войнами монголов против Джалал ад-Дина, грузино-армянских князей и анатолийских турок. Знание литературы прошлого, рассказы очевидцев и личные впечатления легли в основу его сочинения. Оно состоит из двух частей. В первой, являющейся компиляцией сведений предшествующих историков, автор излагает события из церковной истории Армении, жизни каталикосов и политических событий прошлого. Вторая же охватывает события от правления князя Левона (1197 г.) до 1265 г., которые он описывает как свидетель и современник. Значительная часть повествования посвящена церковным и военно-политическим делам – вторжениям монголов в Закавказье, подробным сведениям об их быте, религии и обычаях, а также об их взаимоотношениях с Киликийским государством. Труд Киракоса Гандзакеци по праву считается не только одной из вершин армянской историографии, но и ценнейшим источником сведений о бурных событиях, связанных с монгольскими вторжениями в Закавказье и Малую Азию. Он переведен на русский язык [Гандзакеци, 1976].

Представляет интерес труд **Вардана Арелци (Вардана Великого) «Всеобщая история»**. Его автор – один из видных ученых, путешественников и деятелей армянской церкви (вардапет). Он родился в начале XIII в., много путешествовал по Ближнему Востоку

и Закавказью, занимаясь преподавательской и просветительской деятельностью. В начале 40-х гг. (до 1245 г.) он находился при дворе царя Гетума и был в курсе политических событий своего времени. Он много писал и был признанным автором богословских сочинений, духовных песен и других сочинений. Наиболее значительным его трудом является «Всеобщая история», где он излагает историю от «сотворения мира» до своего времени (до 1267 г.). Как и труд Киракоса Гандзакеци, это была в значительной части компиляция, составленная на основе письменных свидетельств многих авторов, как армянских, так и греческих, однако в описании современных ему событий Вардан излагает свои собственные впечатления и рассказы очевидцев. Так, он подробно рассказывает о монгольских походах, а также повествует о свидании с ханом Хулагу, который в 1264 г. принимал его с большим почетом. Труд Вардана неоднократно переводился на различные языки [Вардан Великий, 1861; Армянские источники о монголах, 1962].

Из других источников следует отметить труды **Смбата Спарапета (Гундстабля)**, в первую очередь его **«Летопись»**. Смбат Спарапет был крупным государственным деятелем, дипломатом, полководцем и литератором. Он принадлежал к роду Гетумидов, правивших в Киликийской Армении с 1226 г., и его братом был ее правитель царь Гетум I. Неоднократно он успешно командовал войсками в войнах против анатолийских турок и пал в битве с египетским султаном Бейбарсом (1276 г.). Неоднократно ему поручались дипломатические миссии и переговоры с соседними государствами, но наиболее известна его миссия в 1246 г. ко двору Великого хана Гуюка в Каракорум (подробнее см.: [Осипян, 2007, с.129–153]). В ходе визита он смог заручиться поддержкой великого хана и заключил армяно-монгольский договор, который вступил в силу после поездки царя Гетума I (1254 г.) к новому Великому хану Мунке. В состав этой миссии был также включен Смбат Спарапет. Значительно и его литературное наследие – текст «Судебника», письма к различным государственным деятелям и исторический труд – «Летопись» (1272 г.). В ней кроме традиционной компилятивной части содержится интересный материал по истории международных отношений на Ближнем Востоке, обычаям, религии и быту монголов, некоторым аспектам внутривосточной

борьбы в период избрания великих ханов Гуюка (1246 г.) и Мунке (1251 г.). На труд Смбата историки обратили внимание в середине XIX в., и с тех пор он неоднократно издавался в России и на Западе [Смбат Спарпет, 1974] (см. также [Армянские источники о монголах, 1962]).

В XIV–XV вв. армянская государственность переживала период упадка, а Закавказье и Малая Азия неоднократно становились ареной кровавых войн и завоеваний. Культура армянского народа переживала время упадка, что не могло не сказаться на историографии. Крупнейшим историческим трудом этого времени можно считать «**Историю Фомы Мецопского (Товмы Мецопи)**». Этот автор родился около 1370 г. в знатной семье и с молодости посвятил себя церкви, проводя практически всю жизнь в Мецопском монастыре. Его исторический труд – это хроника событий, которую он излагал по памяти, иногда с повторениями и дополнениями. Начинает он свое повествование с первого вторжения эмира Тимура в Закавказье (1387 г.) и далее излагает историю его войн в различных областях Переднего и Ближнего Востока, Средней Азии и Восточной Европы, а потом и его потомков вплоть до 1446 г. Являясь современником этих событий, он также пользовался рассказами очевидцев и различными рукописными материалами из монастырской библиотеки. Труд Фомы Мецопского давно известен в науке, есть его русский перевод [Фома Мецопский, 1957].

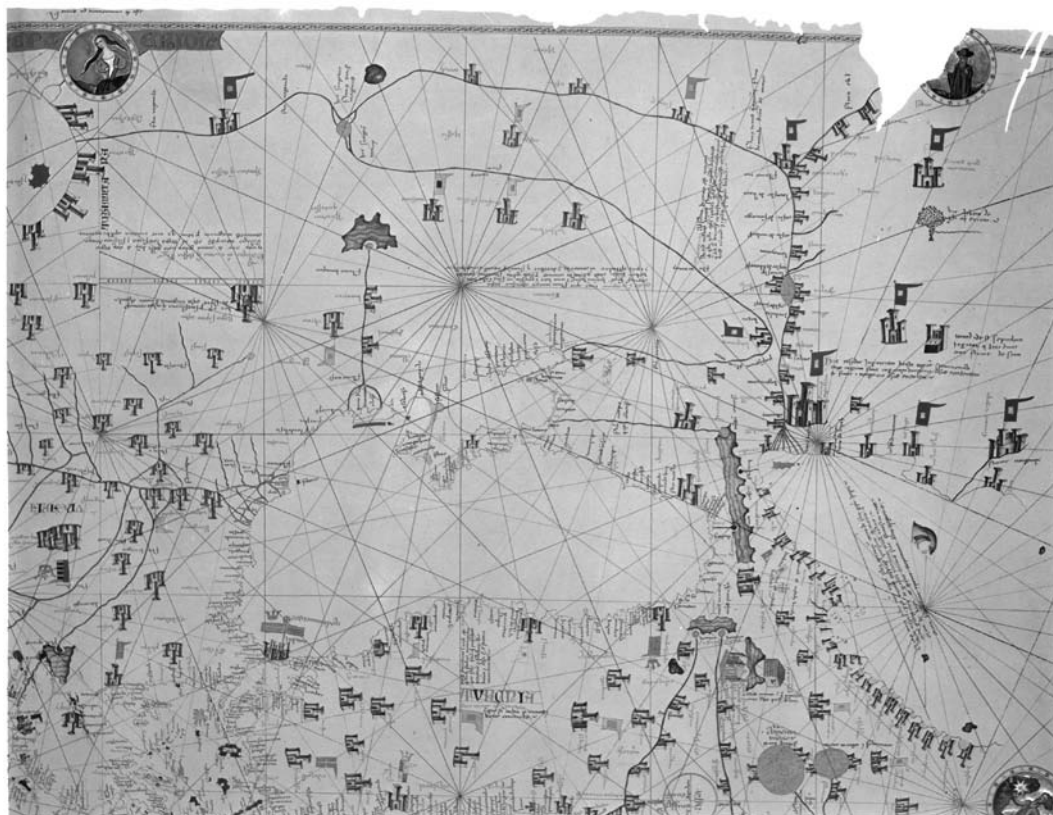
8. Картографические источники*

Одним из важнейших источников Улуса Джучи являются итальянские портоланы (портуланы) (от ит. portolano) – навигационные компасные карты с подробным изображением различных территорий побережья, реже материковой части. Так же назывались и словесные руководства к картам, являющиеся упрощенными прообразами современных лоций. Портоланы возникли в средиземноморских странах около середины XIII в., а первое упоминание таких карт относится к 1270 г. [Волков, 2001, с.600–607]. В отличие от монастырских круглых карт мира, насыщенных мифологическими элементами, в портоланах имелись линейные масштабы, а вся их поверхность пересечена линиями румбов, которые расходятся радиально от центра

по направлению ветров или компасных точек. Поэтому эти карты называются еще и румбовыми. Точность их в изображении морского побережья была весьма высокой в пределах обычного масштаба около 1:6 млн. Обозначение координат здесь отсутствует, но в изображении Средиземного и Черного морей они передают реальность в проекции Меркатора точнее, чем эпонимная карта мира Меркатора 1569 г. [The history of cartography, 1987, p.385–386]. Условно морские карты относят к «итальянскому», «каталонскому» или «смешанному» стилям. Для характеристики территорий, удаленных от берега, наиболее важны карты «каталонского» и «смешанного» стилей, где течения рек не ограничиваются устьем, а на суше помещаются изображения наиболее важных городов, гор, правителей, караванов. Однако точность изображения таких мест резко падает, поскольку теряются главные преимущества съемки с борта корабля. В этих случаях у составителей карт была возможность пользоваться только определением широты пункта по высоте полюса и словесной информацией о направлениях и расстояниях между объектами, их последовательности по рекам и торговым путям. В этом случае особенно велики погрешности масштаба, поскольку при словесных описаниях часто пользовались иными милями, чем обычная портолановая (около 1230 м). При изготовлении «расширенных портоланов» в более позднее время могли использовать данные античной географии для изображения отдаленных участков суши.

Прямых истоков в античной, средневековой европейской, и, тем более, арабской картографии морские карты не имеют за отсутствием основных общих черт [там же, p.380–384]. Они являлись результатом разовых съемок отдельных бассейнов и последующей их компиляции. Традиционно считается, что старейший сохранившийся экземпляр портолана – это «Пизанская карта», приблизительно 1300 г., на которой была изображена, по крайней мере, часть Черного моря, но именно этот участок пергамена почти полностью сгнил [там же, p.377; Harvey, 1991, p.39–41, fig.30]. Вместе с тем четкость изображения и отработанность стиля этой карты заставляет исследователей предполагать, что, возможно, у нее были предшествующая традиция и систематизированные географические сведения. Не менее популярно свидетельство о предоставлении Людовика IX Святому в 1270 г. портолана во

* В соавторстве с И.В.Волковым.

Портолан братьев Пицигани. 1367 г.

время плавания к берегам Африки в крестовом походе, что и считается условной датой начала эпохи портоланов в истории картографии [The history of cartography, 1987, p.380, 439; Harvey, 1991, p.39]. Многие десятки сохранившихся рукописных портоланов относятся уже к XIV–XV вв.: около 30 карт и атласов относят в XIV в., около 150 – к XV в. [The history of cartography, 1987, p.390; Campbell, 1986, p.69]. В XVI в. продолжается копирование прежних прототипов, и иногда они восполняют недостаток сохранившихся рукописных карт более раннего времени.

Примерами изображения удаленной от морских берегов части Золотой Орды в произведениях «каталонского» стиля являются карты Пицигани (1367 г.) и Абрахама Креска (1375 г., т.н. «Каталонский атлас») [Брун, 1873; Bagrow, 1956]. Наиболее скрупулезный их анализ в отечественной науке был выполнен еще во второй половине XIX в. одесским историком Ф.К.Бруном [1872; 1879–1880], а ныне историком И.К.Фоменко [Фоменко, 2007].

От XV–XVI вв. сохранилась серия карт, отражающих период расцвета золотоордынских городов. Важную информацию содержат портоланы, отражающие съемку побережья Кас-

пийского моря, точность которых удалось преодолеть только в XVIII в. В отечественной историографии они рассматривались очень неполно. Эти карты мало тиражировались в средневековье. Л.С.Багров предположил, что причиной этого была секретность информации итальянцев о степной зоне [Bagrow, 1956, p.8]. Более вероятно объяснение, что Каспийский бассейн и Нижняя Волга не были в центре внимания итальянцев, из-за их удаленности от региона и традиционной торговой активности. Видимо, самым ранним из этой серии является портолан из Хвара (Лезины) [Goldschmidt, 1944, p.272–278; Bagrow, 1956, p.8], относящийся к «смешанному» стилю. Точной датировке он не поддается, хотя приплетен к изданию Птолемея XVI в. Наиболее близкие аналогии компасной розе относятся к первой половине XV в. Судя по румбовым линиям и неплотной орфографии, он являлся, возможно, наиболее близкой к съемке копией. Существует еще два портолана Каспийского моря «итальянского» стиля из Британской библиотеки (в атласах собрания Эгертона, 73 и 2803) [Bagrow, 1956, p.8–9, fig.5]. Оба они условно датируются концом XV – первой половиной XVI в. (вторая – более поздняя) и содержат

информацию о целом ряде городов на Нижней Волге, однако, поскольку карты неоднократно копировались, в них есть искажения и неточности.

От XV–XVI вв. сохранились три карты «каatalонского» стиля, показывающие линии побережий и города Золотой Орды по съемкам XIV в. и значительно большее, чем на первых портоланах, число поселений в степной зоне. Все они восходят к мастерской известного венецианского картографа Фра Мауро. Кроме правильного изображения Каспия их объединяет единая манера изображения объектов. Очевидно, все они отражали более ранние географические сведения, поскольку в XV–XVI вв. реальная обстановка в Поволжье была совершенно иной.

Самая ранняя по времени фактического копирования (около 1450 г.) – анонимная карта под условным названием «Борджиа – 5» из Ватиканской библиотеки [Almagia, 1944, tav. XIII; Bagrow, 1956, p.8, fig.3b; Winter, 1962]. Хотя ее северная часть отрезана, здесь хорошо представлены среднеазиатские и северокавказские владения Джучидов. К еще более ранним протограммам той же мастерской восходят покрывающие территорию Золотой Орды листы атласа Анжело Фредучи 1556 г., хранящегося в Публичной библиотеке Мантуи [Caraci, 1953, p.31, fig.].

Наконец, самое полное представление о территории улуса дает карта мира самого Фра Мауро 1460 (1459) г. [Gasparini, 1954; Фоменко, 2007, с.51, рис.7]. По типу она относится не к портоланам, а к более архаичным церковным круглым картам мира, но для ее составления были использованы и морские карты, включая самые новые, и региональные чертежи, и доступные к тому времени описательные сочинения, и словесные данные многочисленных информаторов. При этом стиль изображения более всего соответствует «каatalонскому». Первоначально эта выдающаяся карта была выполнена в 1459 г. по заказу португальского короля Альфонсо V. Основным соавтором был Андреа Бьянко, занимавший важные должности на венецианском флоте. Выполненная ими карта вскоре потерялась в Португалии, но А.Бьянко успел сделать ее копию, сохранившуюся до наших дней, работа над которой была закончена уже после смерти Фра Мауро, в 1460 г. [Gasparini, 1954, p.11; The history of cartography, 1987, pl.18; Harvey, 1991, p.69].

Существует также множество неизданных карт, или изданных с недостаточным для чтения разрешением, или фрагментарно, без представления всей изображенной территории Улуса Джучи. Их данные могут существенно корректировать представления о географии государства, но здесь требуется критический подход и стремление обоснованно располагать каждый пункт на современной карте.

9. Эпиграфические памятники

Эпиграфические памятники с территории Улуса Джучи конца XIII – XV вв. являются ценным документальным источником и содержат богатейший лингвистический материал, а также сведения по материальной и духовной культуре. К сожалению, эпиграфические памятники различных регионов Золотой Орды изучены неравномерно и недостаточно. Известны несистематизированные сведения о наличии надгробий в Крыму, Приднестровье и Нижнем Поволжье.

Достаточно хорошо исследованы эпитафийные памятники с территории Волго-Уральского региона. История их научного изучения началась в 1722 г., когда Петр I посетил Болгар и приказал снять копии с мусульманских надгробий, и первой научной публикации текста трех памятников в 1863 г. [Фейзаханов, 1863]. В 40–60-е гг. XX в., благодаря трудам С.Е.Малова [1947; 1948], Н.Ф.Калинина [1948] и Г.В.Юсупова [1960], были выявлены основные объекты, составлен каталог памятников, дана лингвистическая характеристика эпитафий. Позднее, в 1970–1980-е гг., круг источников был значительно расширен и уточнена их лингвистическая характеристика, позволяющая говорить о наличии наддиалектного языка надгробных памятников, который в середине XIV в. был вытеснен общегородским койне на основе поволжского тюрки [Хакимзянов, 1978; 1987]. Выявленный ареал памятников включает территорию от Самарской Луки до бассейна р. Чепца, и от Посурья до Иско-Бельского междуречья. На этой территории выявлены несколько школ по камню, или культурно-исторических групп, которые имеют устойчивые различия (вне зависимости от их диалектно-языковых особенностей) в оформлении камней, наборе формул и т.д. Обобщение значительного материала позволило установить, что сама традиция установки каменных надгробий с эпитафиями возникает в период, когда болгарские земли вошли в состав Улуса Джучи, они показывают определяющую

Надгробие из Болгара. 1309 г.

роль ислама и коранических текстов в духовной культуре народа, сохранение и особенности этносоциального развития региона, а также сохранение этой традиции в последующие столетия [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987; Мухаметшин, 2004].

10. Вещественные источники

Огромное значение в рассмотрении многих вопросов истории и культуры Улуса Джучи имеют вещественные источники. Ведущая роль в их изучении принадлежит археологии, которая призвана собирать, систематизировать и анализировать вещественные источники с целью получения исторической информации.

История изучения средневековых памятников Евразии имеет богатые традиции. Однако полноценное изучение памятников золотоордынской культуры, как целостного историко-археологического явления, началась сравнительно недавно. Впервые памятники археологии Улуса Джучи были выявлены и начали исследоваться в середине XIX – начале XX в. в трудах А.В.Терещенко [1850] и А.А.Спицына [1906; 1909; 1927]. В 1920–1950-е гг. были сделаны попытки начать целенаправленные

археологические исследования золотоордынских городов и обобщить накопленный материал [Баллод, 1923а; Ballod, 1926; Якубовский, 1932; Смирнов, 1951]. Однако, в силу целого ряда причин политического характера, эти работы не получили продолжения, а масштабные раскопки золотоордынских памятников практически прекратились. Гораздо больший упор был сделан на раскопки русских городов, пострадавших или разрушенных в ходе монгольского нашествия, а также на отрицательных последствиях завоевания для культуры и ремесла русских городов.

Новый этап в изучении золотоордынской культуры начался в начале 1960-х гг., когда А.П.Смирновым и его учениками и коллегами были намечены планомерные, систематические и комплексные исследования памятников Улуса Джучи и, в первую очередь, древних городов [Смирнов, Федоров-Давыдов, 1959]. Археологические изыскания, которые вели в 1960–1990-е гг. Г.А.Федоров-Давыдов [1966; 1976; 1994; Fedorov-Davydov, 1984], Н.Н.Вактурская [1959; 1963], А.Г.Мухамадиев [1983], В.Л.Егоров [1970; 1980; 1985], И.С.Вайнер [1967], А.Е.Алихова [1973; 1976], М.Д.Полубояринова [1978; 1991], В.В.Дворниченко, Н.М.Булатов [1976], Л.М.Носкова [1976], С.Е.Михальченко [1973], Т.В.Гусева [1985], Н.Н.Бусятская [1976], Р.Г.Фахрутдинов [1975], Л.Л.Галкин [1963; 1975; 1984], Э.В.Ртвеладзе [1972], А.А.Кравченко [1986], М.Ш.Кыдырнязов [1989], Л.Т.Яблонский [1987; 1987а; 2001; 2004], К.М.Байпаков и Л.Б.Ерзакович [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987; Байпаков, 1990], Л.Ф.Недашковский [2000; Nedashkovsky, 2004], Э.Д.Зиливинская [1989; 1991], А.А.Бурханов [2003; 2005], С.И.Валиулина [2002] В.А.Иванов и В.А.Кригер [1987], М.Г.Крамаровский [2001], П.П.Бырня [Полевой, Бырня, 1974] и др. (также см.: [Средневековые памятники Поволжья, 1976; Города Поволжья в средние века, 1974; Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности, 1988; Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков, 1996; Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство, 2001; Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья, 1989; Средневековые памятники Поволжья, 1976; Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981; Феодалная Таврика, 1974]), позволили открыть и изучить многочисленные памятники золотоордынской культуры, выявить и

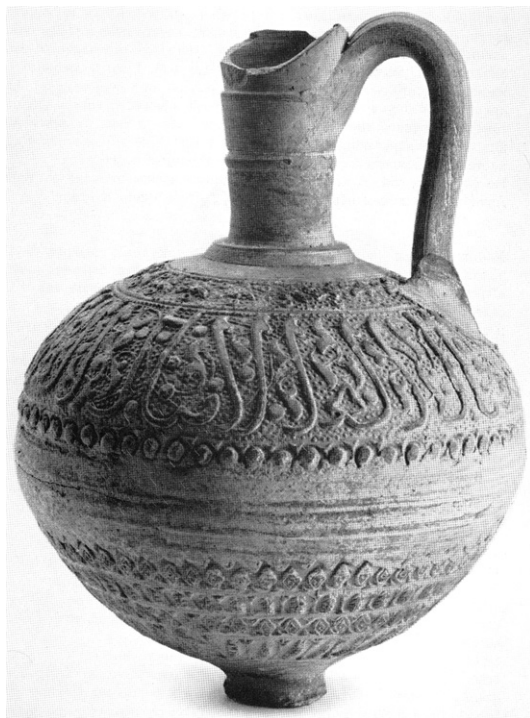
систематизировать многочисленные археологические находки, позволившие создать достаточно полное представление о возникновении, развитии и особенностях культуры Улуса Джучи. Они позволили поставить под сомнение целый ряд исторических штампов о «паразитическом» характере государственности Улуса Джучи и неразвитости его городской цивилизации и вторичности материальной и духовной культуры.

По названию государства, в пределах которого она возникла и развивалась, археологическая культура XIII–XV вв., объединяющая памятники в Восточной Европе и Северо-Западной Азии, может быть названа золотоордынской.

Особенно богаты археологическими памятниками зоны сплошной оседлости (Поволжье, Крым, Приаралье, Приднестровье, Приднепровье и предгорья Северного Кавказа). Здесь открыты и изучены городища, селища, могильники, отдельные погребения и погребальные сооружения (мавзолеи, надгробия и т.д.) и клады вещей и монет. На этой территории известны городища (более 100), среди которых выделяются остатки крупнейших средневековых городов Евразии – Селитренное (предположительно исторический Сарай), Царевское (Сарай ал-Джадид), Водяное (Бельджамен), Увекское (Увек), Болгарское (Болгар), Белгородское (Аккерман), Старорорхейское (Шахр ал-Джадид), Прикумское (Маджар), Сарайчикское (Сарайчук) и др. Вокруг них обычно располагалась сельская округа с десятками селищ и других памятников (могильники, клады, надгробия).

На всей территории Улуса Джучи обнаружены могильники с разным погребальным обрядом. Наряду с подкурганными захоронениями с элементами языческой обрядности (с XIII до середины XIV в., а в некоторых регионах (Заволжье, Северное Приаралье) вплоть до конца XIV в.) существовали также грунтовые мусульманские кладбища (*мазары*) с полуподземными (*сагана*) и надземными (*макбара*, *кешене*) мавзолеями. В ряде регионов (Булгарский улус в Среднем Поволжье) обнаружены каменные надгробные памятники с эпитафийными арабскографическими надписями на тюркском (два диалекта) и арабском языках. В других регионах – Крым, Северный Кавказ – известны надгробия с эпитафиями на тюркском и арабском языках.

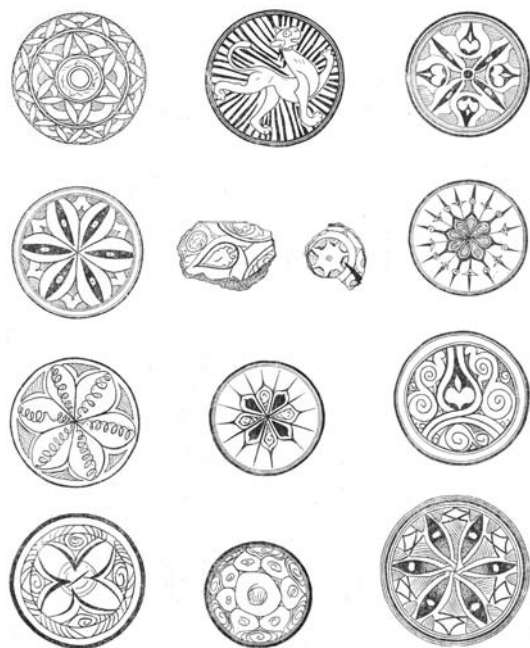
На поселениях выявлены юрты, землянки, наземные однокомнатные (с деревянными

Кувшин со штампованным орнаментом.
Сарай. XIV в.

ми и глинобитными стенами) и многокомнатные (из сырцового и жженого кирпича) дома. Характерной особенностью домов является наличие печей, канов (горизонтальных дымоходов) и суфов (кирпичных лежанок). Имеют место кирпичные и белокаменные общественные здания (мечети, бани, мавзолеи, медресе и др.). Мечети, как правило, имели прямоугольную форму с внутренними колоннами и порталными входами. Близ них в ряде случаев выявлены медресе (Крым, Поволжье) и общежития суфиев и паломников (*ханака*). Бани в большинстве своем имели сложную крестообразную форму с системами подпольного отопления и водоснабжения из искусственных водоемов. Стены многих, особенно многокомнатных кирпичных домов, были облицованы расписной штукатуркой, резным ганчем (терракотой) и кашинными (или многоцветными поливными) изразцами, а полы – каменными плитками и кирпичом.

Города имели сложную квартально-усадобную планировку, ключевым ядром их были крупные городские и пригородные усадьбы (размеры 500–5000 кв. м), окруженные стенами, внутри которых находились многокомнатный дом, отдельные жилые и хозяйственные постройки и водоемы (*хаузы*), иногда с фонтанами.

Чаши с росписью. XIII–XIV вв. Улус Джучи
(по Г.А.Федорову-Давыдову)

В городах обнаружены сложные гидротехнические сооружения (искусственные озера, дамбы, арыки) и подземная (сложенная из керамических труб) водопроводная и канализационная система. Хозяйство: земледелие, полукочевое скотоводство, рыболовство, городское ремесленное производство: металлургия железа и бронзы, гончарство, стеклоделие, деревообработка, строительное, косторезное, камнерезное, ювелирное и оружейное дело и пр. (см. соответствующие разделы настоящего издания).

Для функционирования золотоордынской культуры характерна развитая местная и международная торговля со странами Центральной Азии и Средиземноморья и товарно-денежные отношения (чеканка собственных монет,клады монет, предметы торговли из стран Евразии).

Характерными элементами данной культуры являются подкурганые и грунтовые могильники, обширные поселения городского типа, круговая гончарная красноглиняная и кашинная посуда разнообразных форм (кувшины, чаши-пиалы, глубокие тарелки, бутылки и т.д.) с многоцветной росписью (растительные, геометрические, зооморфные и

арабесковые орнаменты), художественный металл – украшения женского костюма, бытовые предметы (зеркала, замочки), детали военного быта (ажурные и плоские поясные наборы, форма оружия и конского снаряжения и т.д.) и орнаментированная бронзовая посуда, а также монеты своей чеканки.

Судя по исследованиям отечественных археологов [Федоров-Давыдов, 1994; Крамаровский, 2001], золотоордынская культура начала формироваться во второй половине XIII в. в результате смешения местных европейских (булгаро-мусульманских и кыпчакских) и центральноазиатских (киданьско-журчженских и татаро-уйгурских) традиций, когда под влиянием государства Джучидов (развитие городов, торговли, татарской знати) формируется новая имперская этническая культура, которая являлась, по сути, культурой татарской этносоциальной общности. Внутри этой культуры выделяется несколько локально-региональных (булгарская, хорезмская, крымская и др.) и социальных (городская, кочевническая) субкультур. В XV–XVI вв. она переживает период упадка и развития местных территориальных вариантов культуры.

В последние годы был выполнен целый ряд специализированных исследований по различным видам и отраслям материальной культуры Улуса Джучи. Особо следует подчеркнуть значение комплексного исследования таких элементов золотоордынской культуры, как художественный металл, керамика, архитектура и архитектурный декор, стеклоделие и косторезное производство.

В целом можно сказать, что археологические исследования памятников золотоордынской культуры позволили выявить не только разнообразный материал по всем сторонам жизни средневекового населения, но и, при сопоставлении с другими материалами, заполнить лакуны и раскрыть многие, до этого неизвестные, страницы истории и культуры Улуса Джучи. Особая значимость их в том, что корпус этих источников ежегодно пополняется, при совершенствовании сбора, анализа и систематизации это позволит еще более полно представить развитие материальной и духовной культуры средневекового населения Северной Евразии.

Раздел I

**Срединная Азия и Восточная Европа
в XII – начале XIII в.**

ГЛАВА 1

Кочевой мир Центральной Азии: тюрки и ранние монголы

Евгений Кычанов

К VI в. н.э. кочевой мир Центральной Азии, понимаемый в данном случае как пространство от Западной Маньчжурии до Алтая и от сибирской тайги до границ Китая и Тибета, предстает перед современной наукой как мир, обретший языковую определенность. Если наука твердо не знает, что представляли собой этносы, господствовавшие в Центральной Азии ранее – сюнну, сяньби, жуаньжуани – предполагается, что первые были прототюрками, а вторые – протомонголами, то отныне это мир народов тюркских и монгольских, за исключением именованной китайцами *Западным краем* (Си юй) нынешней территории провинции Синьцзян, где в основном проживали народы индо-иранской языковой принадлежности. Тюркский мир – это мир классических тюрков и родственных им племен, уйгуров и кыргызов. Они заселяют центральную часть территории современной Монгольской народной республики и регионы к западу от нее. Восточные районы МНР и смежный регион Западной Маньчжурии – это некогда мир монгольских народов шивэй, си, кумоси, киданей. Общей тенденцией исторического развития региона становится борьба за господство в Центральной Азии тюрков и монголов. Монголы двигались на запад, вытесняя тюрков, а тюркоязычные народы постепенно смещались с востока на запад.

Имя *тюрк* появляется в первой половине I тыс. н.э. как имя местных племен Алтая, управляемых вождями из клана Ашина. В 534 г. правителем тюрков стал великий ябгу Бумын. Он подчинил на севере другой тюркоязычный народ – огузов, а в 551 г. был провозглашен каганом Тюркского эля. Муганкаган (правил в 553–572 гг.) покорил кыргызов на Енисее и киданей, в последнем случае тюркоязычный мир, возможно, впервые столкнулся с миром достоверно монгольскоязычным. Правитель киданей получил от тюр-

кского кагана титул иркин. На рубеже VII–VIII вв. кидани повторно подчинились тюркам, их правитель получил от тюркского кагана титул эльтебер. Когда Тюркский каганат ослаб, правители киданей некоторое время титуловались каганами. От тюрков зависели или были подчинены им другие монгольскоязычные народы, жившие в районе Кадырканской черни Большого Хингана.

В 744 г. тюркское господство уступило место уйгурскому. Кидани признали сюзеренитет уйгуров. Правитель киданей получил от уйгурского кагана печать, как символ дарованной ему власти. В начале 40-х гг. IX в. вспыхнула война между уйгурами и киданями, в которой уйгуры были разгромлены. Это была война, в которой кидани поддержали кыргызов. Уйгурское сопротивление продолжалось несколько лет. Известно, что после разгрома часть уйгуров ушла на восток. Связи уйгуров и киданей позже приняли мирный характер. Шулой, жена первого киданьского императора Абаоцзи, происходила из уйгуров.

Кидани были восточными и юго-восточными соседями тюркских народов Центральной Азии. Собственно же монголы являлись частью группы племен (народов), именованной в китайских источниках *шивэй*. Шивэй, хотя бы в целом, можно считать монгольскоязычными. Китайцы полагали шивэй «особым родом» киданей. В VI–VIII вв. шивэй зависели от тюрков, своих западных соседей. «Монголы шивэй» жили к югу от реки, вытекавшей из оз. Цзюйлунь, в китайских источниках именованной или *Ванцзяньхэ* («Старая история династии Тан»), или *Шицзяньхэ* («Новая история династии Тан»). Монголы-шивэй были восточными соседями тюрков. Территория расселения древних монголов связана с отождествлением тех топонимов, которые упоминаются в текстах танских

историй. Озеро Цзюйлунь все исследователи отождествляют с современным оз. Хулуньчи – Хулунь-Нор, Далай-Нор (в северной части Автономного района Внутренняя Монголия, КНР). В это озеро впадает р. Керулен. Река Ванцзяньхэ – Шицзяньхэ, вытекающая из оз. Цзюйлунь, – современная р. Аргунь. Территорию проживания монголов-шивэй японский исследователь Комаи Есиаки относил к южному берегу р. Амур, западнее впадения в Амур р. Сунгари [Комаи Есиаки, 1961, с.329–330]. Другой японский историк Тамура Дзицудзо пришел к выводу, что монголы в VI–IX вв. «жили кочевой жизнью в степных районах к югу от реки Аргунь» [Тамура Дзицудзо, 1971, с.363–366]. Французский академик

Л.Амбис писал, что «наиболее древние тексты помещают монголов к западу от верхнего течения Нонни, возможно, в северной части области, расположенной между рекой и озером Келен, откуда вытекает Аргунь, составляющая главную часть верхнего Амура, и к югу от этой реки» [Hambis, 1970, p.130].

Таким образом, монголоязычные народы (шивэй, кумоси, си, кидани) расселялись между тюрками на западе и тунгусо-маньчжурами (мохэ, бохайцы и др.) на востоке. Общая зависимость шивэй от тюрков объясняет то, почему археологи обнаруживают тюркские элементы в археологических культурах Амура.

Когда и как происходило движение монголов на восток и вытеснение ими тюрков с территории Халхи? Монгольская легенда, рассказывающая о предках Чингиз-хана по мужской линии, ведет его генеалогию от Бата-Чигана (Багачи) – потомка Пегого Волка (Борте-Чино) и Красавицы Оленихи (Гоа-Марал). Волк Борте-Чино «родился по изволению Высшего Неба» [Козин, 1941, с.79]. В легендах о происхождении тюрков первоначально выступают волчица или волк, у тюрков имеется и легенда о первопредке Олене – Золотые рога. Монгольская легенда о происхождении рода Чингиз-хана как бы объединяет эти две легенды (волк и олениха), указывает на глубокую связь тюрко-монгольского предания.

Загонная охота. Миниатюра. Иран. XIV в.

Супруги Волк и Олениха переселились на запад. Поскольку в этом предании отражен факт передвижения монголов на запад, то у такого переселения должна была быть и причина. Рашид ад-Дин предполагал таковой «распри с другими племенами». «Над монголами одержали верх другие племена и учинили такое избиение, что осталось не более двух мужчин и двух женщин. Эти две семьи в страхе перед врагом бежали в недоступную местность, кругом которой были лишь горы и леса и к которой ни с одной стороны не было дороги, кроме одной узкой и труднопроходимой тропы, по которой можно было пройти туда с большим трудом... Среди тех гор была обильная трава и здоровая по (климату) степь. Название этой местности Эргунэ-Кун» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.153–154]. Произошло это в ту пору, когда в Центральной Азии господствовали уйгуры. Рашид ад-Дин указывает, что к моменту рождения будущего Чингиз-хана (1154 или 1155 г.) его роду было «примерно около 400 лет» [там же, с.8], т.е. переселение имело место в середине или второй половине VIII в. Поздний монгольский источник дает дату рождения сына волка и оленихи Батачи – 786 г. [Балданжапов, 1970, с.137]. Эргунэ-Кун – область р. Аргунь и гор Большой Хинган. Двух мужчин, которые в результате избиения монголов врагами не желали покинуть род-

Мифические предки Чингиз-хана. Из тимуридской летописи XV в. Музей Топкапы, Стамбул

ные места и поселились в Эргунэ-Кун, звали Нукуз и Киян. Рашид ад-Дин далее поясняет, что *киян* было наименованием одного из монгольских племен. Монголы были слабосильны как народ: «слово же монгол сперва звучало... мунгал, то есть «бессильный». Ядром монгольских племен были в то время кияты. Монгольское киян значит «большой поток, текущий с гор в низину», бурный быстрый и сильный. Так как кияты были отважны, храбры и крайне мужественны, то это слово положили их именем. Кият – множественное число от киян, тех из их рода, которые ближе к его началу, называли в древности кият» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.154].

Именно в Эргунэ-Кун предки монголов размножились и усилились. Они стали опытными плавильщиками металлов и отличными кузнецами. Это помогло им покинуть ставший тесным Эргунэ-Кун. Кияты и союзные им племена, по преданию, расплавили гору, добыли много железа, в горе открылся проход из теснины Эргунэ-Кун. По Рашид ад-Дину, вполне антропоморфный предок рода Чингиз-хана Борте-Чино (Пегий Волк) был как раз среди тех, кто ушел из Эргунэ-Кун [там же].

Мы должны указать еще на одно сходство тюркского и монгольского преданий. Древние тюрки (тюрк будун) были хорошими кузнецами, «рабами – кузнецами», которые работали на жуаньжуаней. Предки Чингиз-хана тоже хорошие кузнецы и металлурги, а самого Чингиз-хана, хотя и по имени пленного татарина, звали Темучжином – Кузнецом.

Когда монголы пришли в Монголию, в Халху? Тамура Дзицудзо называет конец X – начало XI в. [Tamura Jitsuzo, 1973, p.6, 13]. Л.Амбис писал, что монголы заняли «терри-

тории к западу от Большого Хингана до района, простирающегося до озера Келен, в которое впадает Керулен и до озера Буир, района, занятого татарами, заселивших также и территории, расположенные к югу» [Hambis, 1970, p.131], не называя даты события.

В предмонгольскую эпоху власть в Центральной Монголии, в Халхе последовательно переходила от тюрков к уйгурам и от уйгуров к кыргызам. Предки монголов появляются в Монголии где-то на стыке смены уйгурской власти кыргызской. После кыргызов должен был быть какой-то татарский период, период достаточно мощного господства татар, поскольку, если не с середины X в., то уж в XI–XII вв. точно, население территории Монголии у южных соседей – китайцев становится известным как *татары*, положив начало всемирной популярности этого имени. Убеждает в этом и то, что в тангутских источниках XII в., все население Монголии тоже называется *татарами*. Из-за их «чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды... стали известны под их именем и все называются татарами», точно так же, как во времена Рашид ад-Дина «они из-за самовосхваления называют себя (тоже) монголами» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.102–103].

Татары упоминаются в тюркских рунических надписях с 732 до 760 г. [Кляшторный, Султанов, 2000, с.133–134]. Китайский автор XII в. Ван Мин-цзи писал, что в старину кидани были пастухами овец у уйгуров, а татары – пастухами коров у уйгуров. В период разгрома уйгуров кыргызами татары упоминаются еще как союзники уйгурского кагана. В конце IX в. кыргызы в верховьях Эдзин-Гола подчинили себе татар, и татары согласились платить дань кыргызам. После появления в западной части современной провинции Ганьсу Ганьчжоуского уйгурского ханства кидани и татары стали бороться с уйгурами за старшинство. Таким образом, можно полагать, что в X–XI вв. могло существовать по меньшей мере два татарских анклава – у оз. Буир-Нор, где-то в районе западной Ганьсу и к северу от этого района.

Извещая в 1039 г. сунский двор о принятии им императорского титула, тангутский император Юань-хао писал, что ему подчинились тибетцы, татары и ганьчжоуские уйгуры. Речь шла о группе северо-восточных ти-

бетцев региона современного г. Узэй (Ганьсу), Ганьчжоуском и Сучжоуском уйгурских ханствах и татарах, проживавших к северу от г. Сучжоу и в горах Хэланьшань. Однако позже ни один тангутский документ не называет татар в числе народов, проживавших в тангутском государстве Великое Ся. На китайской карте государства Ся XI в. татары трижды обозначены как северные соседи Ся, т.е. карта отражает тот факт, что в данном случае этноним «татарь» не только обозначал собственно татар, но и являлся обобщенным наименованием всего населения территории Монголии. В XI в. и в тюркской, и в мусульманской среде, как и в Китае, татарами назывался всякий народ, проживавший на территории Монголии [там же]. Рашид ад-Дин свидетельствует, что по причине былого могущества татар и поныне (начало XIV в.) «в стране киргизов, келаров и башкир, в Дешт-и Кипчаке, в северных от него районах... все тюркские племена называют татарами» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.103].

Скудость источников затрудняет решение вопроса об этнической принадлежности татар, – были ли они тюркоязычными или монголоязычными, или народом смешанным? Многими принято считать, что в X–XI вв. при киданьской династии Ляо в китайских источниках татары упомянуты под именем *цзубу*. Комаи Есиаки полагал, что цзубу не были татарами, а называли так тюрков шато [Комаи Есиаки, 1961, с.342–354]. В пользу его предположения говорит то, что в источниках того времени татары нередко упоминаются одновременно с цзубу, т.е. эти народы чем-то отличались друг от друга.

Расселение монголов на территории Халхи относится, вероятно, к концу X – началу XI в. В то время, когда предки Чингиз-хана по мужской линии двигались по р. Онон к горам Бурхан-Халдун (Хэнтей), в это же время из Забайкалья, из Хори-Туматской земли пришли его предки по женской линии, его пра-родительница Алан-Гоа, женщина красивая, очень знатного рода. Рашид ад-Дин, писавший свой труд в 1300–1311 гг., полагал, что Алан-Гоа жила за триста лет до этого, т.е. в конце X – начале XI в. [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.103]. «Алтан-Тобчи» XVIII в. указывает даже точную дату рождения прямого предка Чингиз-хана, пятого сына Алан-Гоа Бодончара – 970 г. [Балданжапов, 1970, с.138].

Успехам монгольского продвижения на запад способствовало появление в юго-западной Маньчжурии в начале X в. киданьского государства. Утвердившийся на императорском престоле киданьский Тай-цзу Абаоци с августа 916 г. совершил несколько походов на соседей запада и северо-запада. «Государь выступил в поход против народов тюрков, тухунь (сяньби), дансянов (тангуты)... и шато, и всех их усмирил. Взял в плен их правителей и семьи, всего 57600 человек, доспехов и военного снаряжения 90 тыс. с лишним, а ценностей, товаров, лошадей, коров и овец и не сосчитать» [Ляо-ши, 1958, цз.1, с.15]. Свои победы Абаоци приказал увековечить каменной стелой с описанием его подвигов, а также сбить старый текст на стеле одного из тюркских каганов и на ней же описать его подвиги и заслуги киданьским, тюркским и китайским письмом. Походы киданей вглубь Центральной Азии положили там конец кыргызскому господству и создали прикрытые для успешного продвижения монголов на запад, для вытеснения тюркского населения из Монголии.

Монголы в процессе переселения вытесняли и частью ассимилировали тюркоязычные народы Халхи. Их переселение было связано со сменой хозяйственной деятельности – в условиях степной и лесостепной зоны монгольские племена полностью перешли к кочевому скотоводческому хозяйству, усвоив многовековой тюркский опыт такового. В монгольском языке коренные монгольские названия животных только для собаки, лошади и свиньи, тех животных, которых китайские источники упоминают при описании хозяйства шивэй. Название овцы, быка, верблюда, мула монголы заимствовали от тюрков [Кызласов, 1975, с.171].

Мы снова касаемся очень важного исторически (а в наши дни и политически) вопроса, – какие из упоминаемых в источниках народов Монголии в XI–XII вв. следует полагать или тюрками, или монголами? Приведем некоторые мнения. Л.Р.Кызласов считает, что татары были тюрками. Илиньчжэнь (Иринчин), монгол, историк ранних монголов из Внутренней Монголии, считал киданей монголами, шивэй – татарами, но древними, первоначальными монголами. Упоминаемых во времена киданей цзубу – общим наименованием монголов в то время. Что касается керейтов и най-

Татары по китайским миниатюрам XIII–XIV вв.
(по М.В.Горелику)

манов, то это, по его мнению, тоже монголы, но только находившиеся под управлением христианизированной тюркской знати. Белые татары – онгуты – это народ смешанный, состоявший из тюрков, монголов и тангутов [Илиньчжэнь, с.63–72]. Намуюнь, другой монгольский историк из Внутренней Монголии, высказывался за тюркизацию монголов в процессе их переселения и контактов с тюрками и широкое восприятие монголами достижений тюркской кочевой цивилизации. Монголы ассимилировали часть тюрков.

В XI в. монголы – скотоводы-кочевники. Е Лун-ли писал: «Государство монголов. У государства нет правителя, которым оно управляется, как нет вспашки земли и посевов. Занимаются охотой. Кочуют в каждое из четырех времен года, единственно гоняясь за водой и травой. Питаются только мясом и кумысом. И все. Не воюют с киданями, а только лишь обменивают с ними быков, баранов, верблюдов, коней, кожаные и шерстяные вещи» [Е Лун-ли, 1979, с.304]. Правители у монголов, разумеется, были. Те же предки Чингизхана. Они имели от киданей титул тутук, те,

кто непосредственно служили Ляо, – должности линвэнь и сяньвэнь, военачальников приграничных войск. Правители татар тоже имели от киданей титул тутук. Не все монгольские племена были в дружбе с Ляо. Меркиты, «часть монгольского племени», «племя многочисленное», которое имело «чрезвычайно воинственное и сильное войско» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.114], враждовало с киданями. Кидане ходили на меркитов походом в 1093 г., заняли какие-то меркитские земли. Меркитский правитель Хулуба просил вернуть ему эти земли, в ответ он подвергся новому нападению в следующем 1094 г. В 1102 г. кидани совершили еще один поход на меркитов. Меркиты жили в нижнем течении р. Орхон и по Селенге, кажется, что они первыми пришли на территорию Монголии. Китайские историки полагают, что меркиты были народом смешанным, из монголов

и уйгуров. В 1094 г. кидани атаковали также джаджиратов. Из джаджиратов был Джамуха, соперник Чингизхана за овладение Монголией. В целом все-таки вражда разноплеменного населения с киданями, очевидно, не была столь непримиримой. Когда Ляо погибло, уничтоженное чжурчженями, то последнего члена правящего дома Ляо Елюй Даши поддержали и монголы, и тюрки.

С точки зрения исследования проблемы «тюрки – монголы» на территории Халхи – проблемы до сих пор нерешенной и вряд ли возможной для решения в обозримом будущем, является вопрос об этнической принадлежности основных соперников Чингизхана по объединению Монголии – керейтов и найманов. Керейты кочевали к югу от р. Керулен на востоке до Хангайских гор на западе, вдоль нижнего течения рр. Толы и Орхона. Летние стоянки керейтского хагана были в Далан-Даба у истоков Орхона и у оз. Гусе-Нор, зимние – по р. Онгин-Гол в районе современного г. Арбай-Хэрэ. Согласно Рашид ад-Дину, керейты представляли собой «род монголов». По мнению современных китайских авторов, керей-

ты первыми из шивэй ушли на запад, долго жили смешанно и по соседству с тюрками и подверглись сильному тюркскому влиянию. Верхушка керейтов являлась христианами несторианского толка. Под 1092 и 1100 гг. в «Ляо ши» упоминаются восстания керейтов под руководством их правителя Могусы (Маркуса). Биограф Чингиз-хана Пауль Рачневский наоборот считал, что керейты изначально были не монголами, а тюрками (ср. племя кирей среди киргизов и казахов). Первоначально они жили по Иртышу и на Алтае, откуда были вытеснены найманами. Отступая под натиском найманов на восток, они столкнулись с монголоязычными племенами и довольно быстро стали ассимилироваться монголами. Керейты враждовали с найманами и татарами, в состав их улуса входили и монголы [Ratchnevsky, 1983, S.3].

Западные области Монголии, Монгольский Алтай заселяли найманы. «Их обычаи и привычки были подобны монгольским», – писал Рашид ад-Дин. В XII в. они зависели от государства кара-китаев Западного Ляо. При Чингиз-хане они кочевали на западе до р. Иртыш и Алей и до верховьев Оби. На севере граничили с киргизами (некоторые китайские авторы считают их частью киргизов). На востоке они граничили с керейтами, на юге их владения доходили до Черного Иртыша [Юань чао ши, 1986, с.33]. П.Рачневский считал найманов тюрками, полагая слово «найман» монгольским наименованием тюрков «сэкиз огуз» – «восемь огузов». На Алтае найманы оказались после разгрома Уйгурского каганата киргизами. В период существования Уйгурского каганата они подверглись сильному уйгурскому влиянию. Как и керейты, найманы были христианами-несторианами. Правитель найманов Тукуса упоминается в «Ляо ши» под 1097 г. Современная монгольская наука не расположена считать найманов тюрками. Чулууны Далай относит найманов к «кочевникам ойрат-монголам», но признает сильное тюрко-уйгурское влияние на них, особенно факт использования найманами уйгурского письма. Он не соглашается и с мнением о том, что найманы были монгольским племенем, говорившем на тюркском языке [Далай, 1983, с.151].

Таким образом, территория Центральной Азии в IX–XI вв. стала ареной постепенного вытеснения из нее тюркских этносов этноса-

ми монгольскими. Это было великим событием в истории Азии, очередным переселением народов, событием, которое в конечном итоге изменило этническую карту Центральной и Средней Азии и Восточной Европы. Среди этносов Центральной Азии тюрки, уйгуры, киргизы безусловно были народами тюркоязычными, а кидани и монголы – монголоязычными. В остальных случаях имеется еще много вопросов, прежде всего, из-за недостатка источников. Шивэй, из среды которых вышли монголы, признаются исследователями татарами, но были ли татары народом тюркоязычным или монголоязычным – неизвестно. Татары были тем этносом, который был, по признанию соседей, самым сильным в Центральной Азии в X–XI вв. Именно поэтому у китайцев, тангутов, сопредельных мусульманских народов татарами стало именоваться все население Центральной Азии. В такой ситуации исследователи всегда должны стараться различать собственно татар, хотя бы как народ, враждебный роду Чингиз-хана, и татар как обобщенное наименование народов Центральной Азии, которое включало в себя и монголов, и другие народы Халхи. Нет единого мнения исследователей из-за отсутствия надежных источников и о том, какова была этническая принадлежность в XII – начале XIII в. найманов и керейтов, основных соперников Чингиз-хана в борьбе за господство в будущей Монголии. Были ли они тюрками, монголами или смешанными этнически, никто не знает.

В такой ситуации, вероятно, наиболее надежно говорить о том, что в процессе внедрения монголоязычных народов на территорию Центральной Азии имело место культурное взаимовлияние, аккультурация, и монголы, переходя к кочевому образу жизни, многое позаимствовали от тюркоязычных этносов. Наряду с этим шли процессы ассимиляции, в результате которых те тюркские этносы, которые не ушли на запад, монголизировались. Часть этносов была истреблена, если не целиком, то в значительной мере. Во всем этом нет ничего необычного. Гибель этносов, потерпевших поражение, явления аккультурации и ассимиляции – это генеральные, всеобщие процессы распада одних этносов и появления новых.

ГЛАВА 2

Государства Центральной Азии: от тюрков до монголов

Евгений Кычанов

До появления на международной арене государства Чингиз-хана на территории Центральной Азии последовательно сменялись государства тюрков – тюркские каганаты, государств уйгуров, кыргызов, раннемонгольские государства и смежные государства: киданей – Ляо, тангутов – Великое Ся и чжурчженей – Цзинь.

Становление государственности у разных народов проходило через ряд общих этапов. Имела место и специфика, скажем, для тех же кочевых государств. Это не значит, что в кочевом мире были только аморфные сообщества, власть в которых определялась как «вождество», а не ранние государства. Ко времени воцарения Чингиз-хана кочевые государства существовали уже полторы тысячи лет. Государства тюрков имели за своей спиной государства сюнну, тугухуней, жуаньжуаней и т.д.

Все кочевые государства, как любые государства древности и средневековья, имели харизматического правителя «небесного», божественного происхождения. Правитель являлся сувереном, т.е. управлял территорией, на которую распространялся его суверенитет. Правящая династия была вершиной социального расслоения общества на аристократию, простой народ и рабов. Бедность и богатство разделяли общество на господствующий класс, представители которого воевали, командовали войсками и управляли обществом, и класс людей подчиненных, которые тоже воевали, пасли скот, ухаживали за скотом, были в услужении. Социальная дифференциация, особенно по признаку участия в войнах, иногда была расплывчатой, но простой народ, бедняки платили «налог кровью», что, кстати, не было спецификой только обществ кочевых.

Тюркское общество подразделялось на богатых – бай, бедных – чугай, свободных – бош и рабов – кюль-кюн. Свободные делились на

благородных – беков и простой, черный народ – кара-будун, будун. В монгольском обществе имелись богатые – баян и бедные – ядагу хувун. Кроме того, общество делилось на рабов: рабы мужчины – богол, рабыни – индже. Свободные люди состояли из людей благородных, хороших – сайн хувун и людей простых – карачу. Аристократию представляли «природные ханы» – тус кан.

Правящий род (династия) и у тюрков, и у монголов обладал «небесным» происхождением и наличием особой благодати. У тюркских каганов это был кут, харизматическая благодать, «дарованная небом», у монголов – кючю (сила) и су, харизматическая благодать, также «дарованная небом».

Глава государства – каган-хаган, управлял народом с помощью закона (у тюрков – тор (тора), у монголов – йаса). Неизвестно, были ли у тюрков писанные законы, хотя они имели свою письменность, но «Йаса» («Яса») со времени воцарения Чингиз-хана, очевидно, уже была писанным, кодифицированным сводом законов. Китайская традиция времен династии Тан (VII–IX вв.) сравнивала государственность тюрков с сюннуской (гунской). По китайской традиции считалось, что титул каган был подобен древнему сюннускому титулу шаньюй, а титул супруги кагана катун «значил то же, что и древний яньчжи», титул супруги шаньюя. Когда в 696 г. каган Мочжо разгромил киданей, танская императрица Ухоу пожаловала ему титул шаньюя. По представлениям древних тюрков, династия тюркских каганов появилась вместе с возникновением неба и земли, вместе с людьми, которые жили между небом и землей. Людьми управляли, устраивали их каганы. Каганы были «рождены небом» или «подобны небу». Каган получал содействие от неба в управлении посредством повеления неба – ярлык, властью, силою неба – куч и мудростью неба – билиг [Мори Макао, 1967, с.3]. Небо даровало каганам муд-

рость – бильге и храбрость – али. Небесной благодатью кут обладала вся династия, весь «дом кагана» (эб-каган). Дядья и братья кагана, его племянники по мужской линии, т.е. великие князья, имели титул тегин. Династия каганов, помимо волеизъявления неба, порождалась волею и силою земли – воды. По древнетюркским представлениям, не был в стороне и народ. Народ отдавал кагану «труды и силы» и даровал ему эль – государство. Кагану помогала в управлении его администрация. Она формировалась из его родни по мужской линии, из представителей союзных племен и из беков. Беки делились на стоящих от кагана справа и на стоящих от кагана слева. Администраторы были двух разрядов: высшего – тарканы и низшего – буюруки. К высшему разряду относились ябгу, шады, тегины, эльтеберы и тутуки. Состав буюруков неизвестен. Ближайшее окружение кагана составляла его гвардия («волки» – бёри).

Должность (титул) ябгу трудно отличима от должности (титула) шад. Эти должности (титулы) считаются иранского происхождения. Китайский историк Линь Гань сравнивает их с должностью сяньвана (мудрого князя) у сюнну и предполагает, что, в отличие от шадов, ябгу чаще были правителями западных областей каганата. Поскольку у сюнну действительно имелись восточный и западный сяньваны, то такое предположение вполне оправдано. Шад действительно, скорее всего, управлял восточной частью каганата: в источниках имеются такие формулировки – шад командует «войсками восточной ставки», управляет «войсками и народом восточной стороны». Шады собирали с народа налоги по установленной таксе.

Эльтебер являлся наместником, который ведал подчинившимися кагану народами, сохранявшими свою структуру управления. Соотносимым с титулом эльтебер был титул иркин. По заключению японского историка древних тюрков Мори Масао, глава народа, у которого было десять и более тысяч воинов, титуловался эльтебером, а тот, у кого было меньше, чем десять тысяч воинов, – иркином [Mori Masao, 1965, p.55].

Тутук был наместником кагана, посылаемым им управлять покоренными народами и собирать с них дани и налоги в пользу кагана. Известно, что тутук был направлен к по-

Мужской и женский костюмы состоятельных монголов XIII в. Реконструкция М.В.Горелика

коренным киданям, три тутука отправлены к шивэй, в каждой из областей Западного края сидел тюркский тутук. Тутуки «надзирали за подчиненными» и «собирали с них налоги» на территориях с нетюркским населением [Мори Масао, 1967, с.366–367].

Традиционно кочевое государство делилось на центр и левое и правое крыло (сюнну, усунь, сяньбийцы, не исключением были и тюрки). Левое крыло соответствовало востоку, правое – западу при условии, что каган был обращен лицом к югу. Это была именно центральноазиатская традиция, т.к. исконно тюркская ориентация была иной: лицевой стороной был восток, тыльной – запад, правой – юг и левой – север. Лицом к востоку в золотом шатре сидел уйгурский каган. Номенклатура титулов и должностей Уйгурского каганата была аналогична тюркской.

Кыргызский правитель, подчиняясь тюркам, имел титул эльтебер, а когда подчинялся уйгурам – иркин. Когда уйгуры были разгромлены и возник Кыргызский каганат, он, по-видимому, был поделен на три части, каждой из которых управлял тутук. Налоги собирали тарканы. Войсками командовали сэн-

гуны (генералы, от китайского цзянцзюнь). Центральным аппаратом управления ведали цзайсяны (везири), делопроизводство вели руководители секретариатов чжанши. Для делопроизводства в Кыргызском каганате пользовались уйгурским письмом.

Монгольская государственность в X–XII вв. развивалась у киданей и в улусах Халхи XI–XII вв. На рубеже VII–VIII вв. правитель киданей принял титул кагана. Однако вскоре кидани потерпели поражение, и их глава стал довольствоваться титулом эльтебер. Позже киданьские правители снова стали титуловаться каганами. В IX в. у киданей был в употреблении титул иркин, но уже как внутренний. Титул (должность) иркина имел отец Абаоцзи, основателя государства Ляо. Иркином при кагане Яолянь служил и сам Абаоцзи.

Киданьский каган был «поставлен небом» и «порожден землей» (небо – мужское начало, земля – начало женское). Как у центральноазиатских каганов, при церемонии обретения власти его усаживали на войлок и поднимали. Огнем, большим костром каган докладывал небу о приходе к власти. Высшим чиновным правителем киданьского государства был юйюе (от уйгурского «огют» – советник), который ведал политическими и военными делами. Кланом кагана ведал тиинь (тегин). Имелись должности верховного судьи (дилемаду) и главы секретариата (линья). Казной ведал ачжагэчи (ключник, производное от тюркского «ачку» – ключ), общественными работами – далинь. Большая роль отводилась гвардии кагана, которая именовалась «сердце и живот». Гвардия размещалась в ставках, именовавшихся валудо – орда. Китайцы переводили слово «орда» как «охраняемая гвардией ставка (дворец)». Орд было несколько. При правлении императора Шицзуна (988–1031) его орда называлась Золотой, т.е. если не считать ставки уйгурского кагана, который сидел в золотом шатре, что позволило Н.Я.Бичурину перевести название ставки как Золотая орда, название орды Шицзуна «Нюгу валудо» – «Золотая орда» – первое подобное наименование ставки (одной из ставок) правителя. С первой половины X в. киданьская государственность стала довольно быстро китаизироваться.

В середине XII в. в Халхе появляется первое монгольское государство Хамаг Монгол

Улус (Государство всех монголов), китайское Да мэngu го – Великое монгольское государство. Его правителем с титулом хагана был Хабул-хаган. «Всеми монголами ведал Хабул-хаган... После Хабул-хагана стал веждать Амбагай-хаган» [Козин, 1941, с.84, 208]. Амбагай имел титул «всенародного хагана и государя улуса». Китайские сведения о Великом монгольском государстве встречаются после известий о войне 1135–1147 гг. между монголами и чжурчженским государством Цзинь. Монгольский государь Аоло (Оэлунь) бэйлэ, которого отождествляют с Хабул-хаганом, по мирному договору был признан чжурчженями государем государства монголов (мэнфу го чжу). Однако Аоло не довольствовался титулом «государь государства» (го чжу) и в пределах своего государства стал титуловаться императором (хуанди). По китайскому правилу он принял девиз царствования Тянь-син – «Расцвет, дарованный небом». Чжурчжени потребовали, чтобы Аоло отказался от императорского титула и предложили ему более низкий титул «го ван» – «князь государства». На это Аоло ответил отказом [Комай Есиаки, 1961, с.331–338]. Чжурчжени пытались отравить Хабул-хагана. Хамаг Монгол Улус и его правители враждовали с татарами. Татары пленили преемника Хабул-хагана Амбагай-хагана и выдали чжурчженям, которые подвергли его жестокой казни. Это положило начало еще более непримиримой вражде между монголами и татарами – клан будущего Чингиз-хана, а именно к нему принадлежали Хабул-хаган и Амбагай-хаган, по завещанию Амбагай-хагана был обязан мстить татарам за его гибель.

В XII в. на территории Халхи существовали улусы татарский, найманский, керейтский, монгольский, меркитский и др. Все эти крупные улусы являлись раннегосударственными образованиями. По крайней мере в XII в. на первый план выходит та особенность кочевого государства, что улус – это, прежде всего, люди, хотя все основные улусы имели свою территорию (нунтук). Как тюркские каганы собирали, объединяли свой эль, так и хаганы монгольские и иные в XII в. тоже собирали и объединяли народ в улусы, основой которых являлся господствующий этнос. По свидетельству «Сокровенного сказания», Ван-хан керейтский обещал Темучжину: «Объединю

твой разрозненный улус». Хагана выбирали и поднимали на престол представители разных племен. Люди в улусе распределялись по аймакам, аймаками являлись военно-административные единицы, способные выставить сто, тысячу, тьму (десять тысяч) воинов. Основной единицей была тысяча, именовавшаяся курен. Рашид ад-Дин свидетельствует: «Значение (термина) курень следующее: когда множество кибиток располагаются по кругу и образуют кольцо в степи, то их называют курень. В ту эпоху тысячу кибиток, располагающихся таким образом, считали за один курень» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.18]. Улусом правил «природный хан», получивший власть, «дарованную ему небом» и выбранный, воздвигнутый, поднятый на престол нойонством. При хагане имелся совет из его сородичей и представителей знати; совет участвовал в обсуждении дел улуса. Хагана окружала его дружина, его нукеры, – это были те же нойоны, и сыновья, и братья нойонов. Хагана охраняла его гвардия – кешик. Наименование гвардии у монголов было тюркского происхождения, от тюркского «казик» – «очередь», что означало службу посменно, в очередь. Особое значение придавалось ночной страже, турхаутам, термин также тюркский, от «туркак» – «ночная стража». При керейтском Ван-хане служила тысяча турхаутов.

Нукеры, кешиктены, турхауты охраняли ставку хагана – аурук или орду. Гвардейцы определяли места размещения ставки и аурука, охраняли юрты хагана. Одна смена дежурила трое суток. Особо оберегались символы власти хагана – знамена и барабаны. Люди из гвардии вели хозяйство хагана и аурука, отвечали за сохранность и использование юрт и телег, хозяйственной утвари и посуды. На гвардейцах лежала ответственность за перекочевки, освоение летних и зимних стоянок, за сохранность скота хагана. Отдельные лица

могли ведать стадами овец, табунами коней, служили конюшими-актачинами. Столом хагана заведовали бавурчины. Роль полицейских в улусе выполняли мечники, гонцов и послов – элчи.

Большие, сильные улусы имели свою суверенную территорию, свои границы, которые хотя бы эпизодически охранялись. Ван-хан керейтский погиб в случайной стычке с найманским пограничным караулом, охранявшим найманский улус. У татар «места их кочевий, стоянок и юртов были точно определены». Отец Чингиз-хана Есугай «каждые несколько месяцев выступал в поход на отражение племен тюрок, ...находящихся в окрестностях его улуса» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.101; 1952, I, 2, с.75]. В улусе найманов велось делопроизводство уйгурским письмом. Знать найманов и керейтов приняла христианство несторианского толка. Хаган управлял, опираясь на закон, – это могли быть как нормы обычного права, так и права государственного. В «Тайной истории монголов» упоминается «Великая правда» (Еке Торе).

Тюркское и монгольское кочевые общества, еще до образования единого монгольского государства Чингиз-хана, создали и развивали ту кочевую государственность, которая до этого была в Центральной Азии у их предшественников. Это была власть, хотя и тесно связанная с народом, но стоявшая над народом, простоллюдинами и рабами, власть, отражавшая интересы беков и нойонов, господствующего класса, власть публичная, воплощенная в государственном механизме определенного устройства. Государство Чингиз-хана не могло родиться из ничего. Как оседлая сельская община, управляемая миром, не отрицает наличия монархического государства, так и кочевой аил, с его кажущейся примитивностью, вписывается в состав государства кочевого.

ГЛАВА 3

Дашт-и Кыпчак накануне эпохи Чингиз-хана

Александр Кадырбаев

Историческая роль кыпчаков, известных на Руси как *половцы*, в Византии и Европе как *команы*, в Китае как *циньча*, позднее участвовавших в этногенезе современных тюркских народов – ногайцев, казахов, башкир, татар, каракалпаков, кумыков, карачаевцев, балкарцев, узбеков, туркмен, определилась еще в эпоху, предшествующую завоеваниям Чингиз-хана. При всей общности этнополитических и социальных процессов на обширных просторах Дашт-и Кыпчака – страны или степи кыпчаков история племенных групп, в начале II тыс. н.э. живших на этой территории, связана, прежде всего, с кочевыми объединениями кыпчаков, в состав которых входили и канглы. С XI в. в мусульманских, т.е. персо-арабоязычных источниках, появляется название *Дашт-и Кыпчак*. После ослабления огузского государства в первой половине XI в. кыпчаки постепенно вытеснили огузов из степей нынешнего Казахстана, а оставшиеся там племена подчинились кыпчакам и вошли в их состав. Захватив огузские земли в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи, приаральские и прикаспийские степи, кыпчаки вплотную подошли к северным рубежам Хорезма, в то время являвшимся центром огромного государства. В 1030 г. хорезмшах Алтуншах писал о кыпчаках, населявших степи, пограничные с Хорезмом. В конце XI в. кыпчаки достигли на юге окрестностей Тараза, где возвели укрепление Канджак Сангир [Кашгарский, 1963, 3, с.444].

Восточными рубежами кыпчаков в XI в. являлось правобережье Иртыша и склоны Алтайских гор. Левый берег обозначен на карте средневекового тюркского ученого Махмуда Кашгари как место обитания кыпчакского племени йемеков, а междуречье Иртыша и Оби – племени каи или уран, из которых вышли отдельные кыпчакские ханы [Ахинжанов, 1973, с.59–70]. Северные границы кыпчаков проходили по лесостепной зоне, ныне отделяющей степи Казахстана от Западной Сиби-

ри. О западных границах кыпчаков дают представление следующие слова Махмуда Кашгари: «Итиль (Волга) – название реки в стране кыпчаков» [Кашгарский, 1960, 1, с.103]. Арабские авторы ал-Бакри, ал-Марвази называют кыпчаков северными соседями печенегов [Хвольсон, 1869, с.49]. Об их соседстве говорит и М.Кашгари [Кашгарский, 1960, 1, с.64]. Так как печенеги до своей миграции в Причерноморье жили в степях Приаралья, то для того, чтобы граничить с ними на юге, кыпчаки должны были обитать на землях Южного Урала. «Юань-ши», китайская династийная история XIV в., свидетельствует: «Тутуха. Его предки ранее, с самого начала, являлись племенем, обитавшим севернее Упина у реки Чжэляньчуань, у гор Андахань. С (предводителем) Цюйчу переселились на северо-запад в горы Юйлиболи. Из-за этого (слово Юйлиболи) стало названием рода. Именуя их страну, говорят циньча (кыпчак). Их земли лежат от Китая на расстоянии 30 тысяч ли...» [Юань-ши, 1958, цз.128, с.(1486)27438].

С несомненностью установлено, что изначальным местом, откуда циньча/кыпчаки переселились в междуречье Волги (Итиля) и Урала (Яика), была Джейранская долина (по-китайски *Чжэляньчуань*, по-монгольски *Джэрэн-кээр*) к северу от р. Лоха-мурэн во Внутренней Монголии. Транскрипционное обозначение гор Андахань соответствует Алтахан (Золото). Название «Алтахан» зафиксировано в монгольской летописи «Алтан-Тобчи». Китайской их параллелью было название «Цзиньвэй» – золотистый, золоченый. Отголоском изложенного, возможно, стоит считать и пребывание кыпчаков в горах Алтынды-тау, о чем говорится в казахском эпосе. Другой ориентир – область Упин. Ее развернутая историко-географическая характеристика дана при описании Карциньского (Харачинского) аймака в сочинении «Мэнгу юму-цзи». Округ Упин лежал по обоим берегам р. Лоха-

мурзя (по-китайски *Лаоха-хэ*), а развалины г. Упин сохранились в местности Ботацзы.

Горы Алтахан – это Большой Хинган к северу от Лоха-мурэн, правого притока р. Шарамурэн (Хуан-шуй). В восточном отдалении от Большого Хингана находится долина ныне бессточной р. Дзерен, *Джэрэн-кээр* монгольского предания. Выясняются, таким образом, южный, восточный и западный пределы обитания кыпчаков на их прародине во Внутренней Монголии. К историко-географическим синонимам Золотых (Золотистых) гор этой части Азии обращался китайский историк Ван Говэй, пришедший к заключению, что другими традиционными названиями Большого Хингана были Цзиньшань (Золотые горы) и Кара-ун-чидун (Черная повозка) [Зуев, 2001, с.419–422; Алтан Тобчи, 1858, IV, с.148, 164, 174; Кобланды-батыр, 1975, с.149, 151, 155, 310, 312, 316; Попов, 1895, с.12, 196; Ван Говэй, 1959, с.725–730].

Вероятно, не все кыпчаки ушли на запад. Подтверждением предположения о том, что некоторые кыпчакские роды остались и жили среди монгольских племен, является биография военачальника Есенхуду в «Юань-ши», о котором говорится как о выходе из «монгольского кыпчакского рода» [Юань-ши, 1958, цз.121, с.(2159)28111]. В биографии канглы Бухуму сообщается, что его дед Кайранбай (по-китайски *Хайланьбо*) служил Торилю Ван-хану, правителю улуса керейтов в Северной Монголии, в долине р. Толы и среднего течения р. Орхон и жил там накануне нашествия Чингиз-хана со своей семьей и родом, несколько тысяч воинов – всадников которого, как и их предводитель, были у керейтов на службе. Текст «Юань-ши» гласит по этому поводу: «Бухуму... Его предки из поколения в поколение были знатью племени канглы. Его дед Хайланьбо служил у керейтского Ван-хана. Когда Ван-хан был уничтожен (монголами), то Хайланьбо бросил семью и, в сопровождении нескольких тысяч всадников, умчался в северо-западном направлении...» [там же, цз.130, с.(1502)27454]. Факты, отмеченные в «Юань-ши», подтверждают, что мнение, до сих пор бытующее в некоторых исследованиях, где утверждается об уходе всех тюркских родов и племен из Монголии еще до эпохи Чингиз-хана, может быть поставлено под сомнение. Данная точ-

ка зрения базируется на ошибке, которая состоит в том, что утрата правящей тюркской элитой своих доминирующих позиций после откочевки на запад и прихода сюда монголов отождествляется с исчезновением этноса. Реальная же ситуация в Центральной Азии была намного сложнее и многообразней.

Что касается гор Юйлиболи, куда из Внутренней Монголии переселились кыпчаки, то, по мнению немецкого востоковеда И.Маркварта, они соответствуют предгорьям Южного Урала [Marquart, 1914, S.114]. А по мнению французского сиолога П.Пельо, слово *Юйлиболи* является китайской транскрипцией этнического названия кыпчакского племени ильбари. П.Пельо также считает, что переселение, описанное в «Юань-ши», относится к племени байаутов, впоследствии вошедших в состав кыпчаков [Pelliot, 1920; Pelliot, Nambis, 1951, p.107].

Персидские источники подтверждают сообщение «Юань-ши», отмечая, что кыпчаки племени ильбари жили в это время в районе Уральских гор. Поэтому мнения И.Маркварта и П.Пельо вполне правомерны, когда они, комментируя вышеприведенный китайский текст, локализируют горы Юйлиболи в районе Уральских гор [СМИЗО, 1941, с.467].

К концу XI в. степи от Иртыша до Волги были заняты кыпчакскими племенами, отдельные их группы проникли на Мангышлак. На карте М.Кашгари на восточном берегу Каспийского моря отмечены поселения кыпчаков. Они подвергались нападению со стороны султана тюрков-сельджуков Алп-Арслана во время его похода на Мангышлак в 1065 г. [МИТТ, 1939, с.467]. Арабские авторы ал-Омари, Ибн Халдун и Ибн Арабшах приводят общие размеры территории, которую занимали племена кыпчаков [СМИЗО, 1884, с.235, 378, 459].

К середине XI в. кыпчаки захватили причерноморские степи. В древнерусских источниках эта территория расселения кыпчаков стала называться *Подем половецким*, а кыпчаки – *половцами*. Земли восточных кыпчаков – Поволжье, Приуралье, Прикаспий, Приаралье, Сары-Арка и Прииртышье назывались в персо-арабоязычных источниках *Дашт-и Кыпчаком*, понятием, распространившимся в XII–XIV вв. также и на причерноморские степи.

Кимакский (1), кыргызский (2) и кыпчакский (3) всадники. Реконструкция М.В.Горелика

В середине XI – начале XII в. на последней фазе миграций кыпчаков в предмонгольский период окончательно формируются пять основных групп кыпчакских племен: алтайско-сибирская, казахстано-приуральская (включая волжско-уральскую), подонская (включая предкавказскую), днепровская (включая крымскую), дунайская (включая балканскую) [Кляшторный, Султанов, 1992, с.117].

Кыпчакские объединения являлись естественными преемниками предшествующих государственных и этнополитических образований, существовавших на территории от Иртыша до Днестра. Они вобрала в себя этнические группы и племена, населявшие регион в предшествующие века и ставшие в первой половине XI в. подчиненными или зависимыми от кыпчаков. Одним из этнических компонентов, вошедших в состав кыпчаков, были йемеки. Они были тюркским племенем и обитали на Иртыше. В XII в. их отдельные группы переместились в Приуралье и Поволжье в составе кыпчаков. О присутствии кыпчаков и йемеков здесь говорят восточные источники, древнерусские летописи,

а также данные антропологии и топонимики. В состав кыпчаков вошли тюркские племена байандуры, уран, канглы. Близкое родство кыпчаков и канглы не подлежит сомнению, мусульманские авторы XII – начала XIII в. употребляли названия *кыпчак* и *канглы* как синонимы. «Канглы – один из великих людей из кыпчаков», – сообщает Махмуд Кашгари [Кашгарский, 1963, 3, с.379]. В пользу этого говорит и тот факт, что различные мусульманские авторы дают противоречивые сведения о происхождении Теркен-хатун, матери хорезмшаха Мухаммада, побежденного Чингиз-ханом.

Согласно одним данным, она происходила из кыпчаков, а по другим, – из канглы, т.е. кыпчаки и канглы отождествлялись друг с другом [Pelliot, Hambis, 1951, p.96–97]. Джувейни, Гильом де Рубрук, а позднее Н.А.Аристов и В.В.Бартольд рассматривали племя канглы как часть кыпчаков [Путешествия, 1957, с.123]. Но из высказываний Джувейни не складывается впечатление, что канглы находились в подчинении у кыпчаков. Он заявляет, что «Теркен-хатун происходила из тюркских племен, называемых канглы» (цит. по: [Аристов, 1896, с.407]). Вслед за ним это же упоминает Абу-л-Гази. Согласно ан-Насави, она принадлежала к байаутам, ветви йемеков, при этом поясняется, что принцессы, выдававшиеся замуж за правителей государства Хорезмшахов, были родом из кыпчаков, к чему присоединяется и Джузджани [ан-Насави, 1973, с.87; Tabakat-i Nasiri, 1881, II, p.240].

Если обратить внимание на политические события того времени, то следует отметить, что во взаимоотношениях с другими государствами и народами (например, с Хорезмом, улусом керейтов, монгольским государством Чингиз-хана) в XII – начале XIII в. канглы действовали независимо от кыпчаков. Об этом, в частности, свидетельствуют китайские источники, которые не отождествляют их друг с другом, хотя и не отрицают их тесных связей. Например, в «Юань-ши» четко разделяются биографии представителей этих племен [Юань-ши, 1958, цз.128, 133, 124, 138, 180, 136].

К XI в. племена канглы кочевали к северу от р. Или, в районе нижнего течения Сырдарьи и на северо-восточном побережье Аральского моря. Главная ставка этой части канглы г. Каракурум находился в низовьях Сырдарьи. Канглы жили также к востоку от

Урала и около Иртыша [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.136–137]. Плано Карпини пишет о них как о восточных соседях кыпчаков, а Гильом де Рубрук в 1253 г. прошел степи канглы в восточном направлении [Путешествия, 1957, с.72].

Согласно мнению ряда исследователей, канглы являются древней народностью, которая связана своим происхождением с государственным объединением Канцзюй (Кангюй) [Бичурин, 1950, 2, с.150, 184–186, 229]. Собственно этноним «канглы» появляется в персо-арабоязычных источниках в результате продвижения кыпчакских племен к берегам Сырдарьи на рубеже I–II тыс. н.э., где они сталкиваются с кангаро-печенежскими племенами. С.П.Толстов рассматривает этот этноним как переоформление имени «кангар» в результате ассимиляции части печенежских племен кыпчакскими [Толстов, 1943, с.101]. Принятие этого имени первоначально верхушкой кыпчакских родов выражало их стремление связать себя генеалогической традицией древних племен, издавна живших на Сырдарье, и таким путем обосновать права на эти земли [Кляшторный, 1964, с.179].

Интересно отметить, что китайские источники, в частности «Юань-ши», прямо указывают на ту преемственность, которая существовала между канглы и более древним населением Сырдарьи. «Канли (канглы) – это есть те, что в эпоху Хань (260 г. до н.э. – 220 г. н.э.) назывались Гао-чэ-го (страна высоких повозок)...» [Юань-ши, 1958, цз.130, с.1502 (27454)]. Аналогичные сведения, хотя и менее полные, приводит о канглы персидский летописец монгольской эпохи Рашид ад-Дин. Он указывает, что они первые изобрели повозки, «канглы» по-тюркски, откуда их название и происходит. Возможно, и Рашид ад-Дин, и составители «Юань-ши» почерпнули сведения о канглы из одного источника, чем и объясняется совпадение их информации. Этноним «канглы» в китайских источниках впервые встречается в династийной истории чжурчженей – «Цзинь-ши» между 1161 и 1190 гг. в связи с описанием путешествия уйгурских купцов из Гуз-ордо (на р. Чу) в ставку императора чжурчженей [Цзинь-ши, 1958, цз.121, с.1100].

Китайские источники также приводят сведения географического и этнографического характера. «Юань-ши» свидетельствует, что в Дашт-и Кыпчак «долины и степи равны и

широки, там хорошие травы и кустарники. Такое обилие трав способствует разведению лошадей... По своей природе люди этих мест воинственны, отважны и хладнокровны...». Там же сообщается, что кыпчаки хорошо готовили кумыс, напитков из кобыльего молока: «Кыпчак Баньдучар служил при дворе монгольских ханов. Являлся ответственным за табуны лошадей, принадлежавших императору (монголов). Собрал кобылье молоко и преподнес (императору). Молоко было чистое и прекрасное на вкус. Называлось молоком черной лошади...» [Юань-ши, 1958, цз.128, с.(1486)27438]. Существовали у кыпчаков и ремесла. В «Юань-ши» есть упоминание об этом: «...кыпчаки выделывают кожу...» [Ögel, 1964, S.278].

Накануне эпохи Чингиз-хана в Дашт-и Кыпчак шел процесс распада родовых и утверждения ранних государственных отношений. Родовые старейшины превращались в родовую знать, формируются ханские роды. «Юань-ши» отмечает по этому поводу: «Бухуму. Его предки из поколения в поколение были знатными людьми племени канглы...» [Юань-ши, 1958, цз.130, с.(1502)27454]; «...Асанбука является потомком знатного ханского рода канглы...» [там же, цз.136, с.(1565)27517]. Китайские династийные истории приводят данные, прямо свидетельствующие о передаче ханской власти в Дашт-и Кыпчак от отца к сыну: «Цюйчу (Кучук) произвел на свет Сомона, а Сомона – Инассу. (Они) из поколения в поколение были правителями государства кыпчаков...» [Шаминь, 1936, 8, цз.200]. Как следует из дальнейшего текста «Юань-ши», Инассу наследовал его сын Хулусумань, а Хулусуманю – его сын Баньдучар. «Синь Юань-ши» («Новая история Юань») также сообщает: «Куньдутаи из рода правителей кыпчаков. Его отец Кучунь был главой кыпчакского племени...». Таким образом, в Дашт-и Кыпчак существовал институт наследственной передачи власти, что является характерной чертой формирующихся кочевых государств. Кыпчакские объединения располагали определенной территорией и имели свои границы: «Сяньцзун (Мунка-хан) получил приказ двинуть войска и уже стучался в их (кыпчаков) границы...» [Юань-ши, 1958, цз.128, с.(1486)27438]. В биографии канглы Асанбуки говорится, что после разгрома государства канглы монго-

лами вдова правителя канглы по имени Шаньметгумали, «перейдя границы (государства) канглы и еще нескольких владений, достигла (монгольской) столицы...» [там же, цз.136, с.27537(1565)].

Интересен также анализ китайских политических терминов, обозначающих различные формы социальной организации у кочевников, сохранившихся в китайских династийных историях. Так, применительно к столь «значительным союзам племен, как найманы и керейты, в «Юань-ши» постоянно употребляют термин «Го» («Государство»). Рашид ад-Дин так же пишет: «...найманы и керейты... каждый имел свое государство»» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.75; Eschedy, XXI (1963), п.3, р.151]. Хорошо известно, что найманские и керейтские племенные объединения были весьма сложны по своим внутренним социальным связям и во многом подготовили создание общемонгольской государственности. Поэтому определение тем же термином «Го» племенных союзов кыпчаков и канглы представляется немаловажным для характеристики той ступени социального развития, которой достигли эти племенные союзы. Следует отметить, что племена кыпчаков и канглы еще в предшествующую эпоху создали государства на территории Центральной Азии. Династии из кыпчаков и канглы в различных районах Средней Азии, например, в Хорезме, стояли во главе местных оседлоземледельческих государств, что способствовало усвоению ими государственной традиции. Свидетельством определенного уровня социальных отношений у канглы и кыпчаков является их приобщение к исламу – одной из мировых религий, о чем свидетельствуют китайские источники. Так, в «Юань-ши» и «Синь Юань-ши» встречаются такие мусульманские по происхождению имена кыпчаков, как Кара-Ходжа, Хасан, канглы – Осман. У Рашид ад-Дина есть ряд косвенных свидетельств, основываясь на которые можно предположить наличие у кыпчаков определенной письменной традиции: «Рашид... подвергнув исправлению и критике, внимательному рассмотрению точность свидетельств в этих записях, собрал их и привел в порядок... а то, что подробно не изложено в этих записях, то пусть он наведет об этом соответственные справки у ученых и мудрецов китайских, индийских, уйгурских, кыпчакских

и у их знатных людей» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.67]. Поэтому представляется важной та дискуссия о термине «Го» применительно к канглы, которая возникла вокруг самой юаньской историографии. Так, китайский историк XX в. Ту Цзи в своем труде «Мэнзюэр-шици» дает свои комментарии и исправления к тексту «Юань-ши», в котором имеются сведения о канглы. Текст «Юань-ши» следующий: «Ашабухуа (Асанбука). Является потомком ханского рода канглы (Канго ванцзу). С самого начала, когда Тайцзу (Чингиз-хан) громил канглы, его бабка Шаньметгумали стала вдовой. Она имела двух сыновей. Их звали Чулюй и Яя. Все они были малолетними. Так как в государстве (Го) царил беспорядок, семья была разорена и было не на что опереться. Прибыла ко дворцу (монгольского хана), когда ушла из разоренного государства, но думала, что не может туда добраться. Однажды ночью случилось так, что несколько тяжело груженных верблюдов неожиданно вошли в стан. Их прогоняли, но они не ушли. На расвете их привязали за пределами стана. То, что было навьючено на верблюдах, положили рядом с верблюдами. Ночью снова ввели их в лагерь. Ожидали, что найдется тот, кто будет искать верблюдов, чтобы вернуть их. Ждали десять с лишним дней. Так и не нашлось того, кто бы их искал. Тогда вскрыли тюки. В них были большие ценности из Западного края (т.е. из стран Центральной и Западной Азии). Они испугались. Наверное небо хочет помочь нам идти на восток. Неужели это то, что мы должны иметь? Погнав верблюдов, посадила на них двух своих сыновей, и... достигла столицы. В это время Тайцзу (Чингиз-хан) умер. Его наследник вступил на трон. Она принесла в дар все, что имела. По приказу императора чиновники предоставили ей резиденцию и дали ей казенное содержание, чтобы она могла жить. Жила в течение двух лет. Услышав, что в (ее) государстве уже установили порядок, обратилась к императору с просьбой о возвращении... Яя – ее сын был пожалован титулом «Кан-го-ван» (хан государства канглы). Имел шесть детей. Из них Ашабухуа был самым способным к делам государственного управления... Был пожалован титулом «Кан-гогуна» (князь государства канглы)...» [Юань-ши, 1958, цз.136, с.(1565)27617]. Ту Цзи, комментируя этот текст, переправляет термин «Го»

на термин «Бу» (племя), полагая, что термин «Го» не применим для уровня тех социальных отношений, которые существовали у канглы и кыпчаков. Однако против этого исправления говорит тот факт, что в китайской историографии издревле существовала четкая терминология для определения уровня развития соседних народов. Например, в «Цзю Удай ши» дается описание племен, о которых прямо говорится, что эти племена «не имеют государства, областей и начальников. Потому и нет ничего такого, что можно было бы записать о них» [Кычанов, 1968, с.15; Ту Цзи, 1934, цз.120].

В данном же случае, исходя из вышецитированного текста «Юань-ши» мы вправе сделать вывод, что род Го был самым знатным родом у канглы. «Они (китайцы) дают людям прозвища таким образом, что каждый в соответствии со своим прозвищем знает свою степень и предел (своей власти)...» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.139]. Как показывает рассказ о караване и о разговоре с богом Шаньметгумали, богатства ее основаны на знатности ее рода, отмеченного, как пишет «Тайная история монголов» «печатью небесного происхождения», представители которого были ханами по воле Вечного неба и от его имени [Козин, 1941, §1, 187]. Возможно, понятие ханской власти, близкое к царской, бытовало у кочевников Дашт-и Кыпчака.

Китайские источники содержат сведения о взаимоотношениях племен Дашт-и Кыпчака с восточными соседями – народами Центральной и Восточной Азии. Например, с улусом керейтов, о чем уже упоминалось выше в биографии Бухуму, помещенной в «Юань-ши». Наличие тесных связей между канглы и керейтами подтверждается и данными ряда других китайских источников, в которых имеется и более определенная традиция, сходная с традицией, сообщаемой Рашид ад-Дином, и указывающая на генетические связи между этими народностями. В подтверждение этого есть сообщение, что семейство канглы Бухуму происходит от керейтов [Ögel, 1964, s.86]. А в сведениях «Мэнзур-шицзи» еще более определенный текст: «Керейты были предками канглы. Западные племена именовались канглы, восточные керейтами» [Ту Цзи, 1934, цз.20].

Можно предположить бытование стойкой генеалогической традиции у кочевников Цен-

тральной Азии, причисляющей керейтов к тюркскому кругу племен.

Как отмечал В.В.Бартольд, кыпчаки и канглы жили во владениях другого крупного государственного образования центральноазиатских кочевников – улуса найманов [Бартольд, 1968, с.6]. Рашид ад-Дин писал: «Эти племена найманов были кочевыми, некоторые обитали в сильно гористых местах, а некоторые в равнинах. Места, на которых они сидели... Большой Алтай... горы: Элуй-Сирас и Кок-Ирдыш (Синий Иртыш) – в этих пределах обитало также племя канглы, – Иртыш-мурэн, который есть река Иртыш...» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.136–137]. Согласно сведениям Махмуда Кашгари, в междуречье Иртыша и Оби жили и кыпчакские племена каи или уран, к которым относились «некоторые известные кыпчакские ханы» [Кашгарский, 1960, I, с.6].

«Юань-ши» приводит данные, свидетельствующие о тесных родственных связях между знатью канглы и найманов. Так в биографии наймана Чаоса (Шаосы) записано: «Шаос из найманов. Его прадед Тайянь (Даян) был правителем найманского племени. Его дед Цюйшулай (Кучлук)... Тайцзу (Чингиз-хан) разгромил племя (Кучлука)... Последний бежал к кара-китайам, оставив своего сына... Бэдэинь (Беде) – сын Шаосы (Чаоса). В то время, когда Шаосы умиротворял Цзинь, Бэдэинь жил с бабушкой по матери, которая была родом из племени канглы...» [Юань-ши, 1958, цз.121, с.(1433)27375]. К этому можно добавить, что ранее, во второй половине XII в., на родство найманов с канглы указывали уйгурские путешественники. Рассказывая о виденном и услышанном по пути следования, они сообщали, что на Алтае обитают племена нянь-ба-энь (найманов) и кангли (канглы) [Цзинь-ши, 1958, цз.121].

Таким образом, источники свидетельствуют, что в XI–XII вв. в улусах найманов и керейтов часть населения составляли тюркоязычные кыпчаки и канглы.

Кыпчаки и канглы поддерживали отношения с улусом монгоязычных меркитов, кочевья которых располагались к северу от улуса керейтов на р. Селенге. Рашид ад-Дин указывал, что правитель меркитов по имени Куду был убит в то время, когда покинул сражение с монголами и направился к кыпчакам.

Много раз меркиты сражались с Чингиз-ханом. Другой персидский историк Джувейни также свидетельствует о том, что в 1218 г. в стране кыпчаков и канглы появились изгнанные Чингиз-ханом из Монголии меркиты, которых преследовали монгольские войска [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.124; Bretschneider, 1910, p.73]. Сведения «Юань-ши», содержащиеся в биографии кыпчака Тутуха, подтверждают и дополняют сказанное Рашид ад-Дином и Джувейни: «...Тайцзу (Чингиз-хан) совершил поход на меркитов. Их правитель Ходу (Куду) бежал к кыпчакам. Инассу (правитель кыпчаков) принял его. Тайцзу (Чингиз-хан) направил посла сказать: «Ты зачем спрятал изюбра, в которого я хотел пустить стрелу? Немедленно верни его. Не согласишься – принесешь себе беду». Инассу ответил: «Для воробья, бегущего от ястреба, даже заросли сомкнутся, чтобы он мог остаться в живых. Неужели я хуже травы и деревьев?». Тайцзу (Чингиз-хан) тогда приказал пойти походом и покарать его. Инассу уже состарился. В государстве (кыпчаков) не было единства. Сын Инассу по имени Хулусумань послал посла с изъявлением покорности Тайцзу. Но Сяньцзун (Мункэ-хан) двинул войска...». Другое сообщение «Юань-ши», которое приводится в биографии монгольского полководца Субедея, связывает преследование меркитов с его именем, а не с ханом Мункэ: «...Сразившись с меркитами (Субудай) разбил их в одном бою и пленил двух предводителей... Их (меркитов) правитель Ходу бежал к кыпчакам, Субудай преследовал его. Сразившись с кыпчаками, разбил их...» [Юань-ши, 1958, цз.128, с.(1486)27438; цз.121, с.(1413)27365–(1414)27366]. Наконец, аналогичные известия содержатся в монгольском источнике «Юань-чао би-ши» («Тайная история монголов»): «Кучлук-хан, потеряв свой улус, решил присоединиться к меркитскому Тохтоа... Подойдя к ним, Чингиз-хан завязал бой... Найманы и меркиты обратились в бегство. При переправе через Эрдыш (Иртыш) они потеряли утонувшими в реке большую часть людей. Закончив переправу... найманы и меркиты с небольшим числом спасшихся пошли далее разными

дорогами...». Хотя вышеизложенные сведения разных источников сходятся не во всех деталях, в главном, а именно в бегстве меркитов к кыпчакам и канглы, они совпадают. «Меркитские Тохтаевы сыновья, как и все прочие меркиты взяли направление в сторону канлинцев...» [Козин, 1941, с.210]. Факт бегства меркитов к кыпчакам и канглы также является одним из свидетельств связей кыпчакских племен с народами, обитавшими восточнее их.

Канглы также поддерживали отношения и с империей чжурчженей Цзинь, занимавшей территорию современной Маньчжурии и Внутренней Монголии, а также Северного Китая. В китайских источниках, например, канглы под названием *кан-ли* упоминаются в XII в. (1161–1189 гг.) в связи с посольством канглы и найманов ко двору цзиньского императора [Цзинь-ши, 1958, цз.121, с.1100].

Таким образом, как свидетельствуют разноречивые источники, в первую очередь, китайские династийные истории, кыпчаки появились в XI в. на обширных просторах современного Казахстана, в Приуралье и Поволжье, мигрировав из Внутренней Монголии – своей прародины, и к концу этого столетия расселились в северокавказских и причерноморских степях вплоть до Карпат. Немало кыпчаков и канглы было в Хорезме. Остались они и на своей прародине. Этот период является временем консолидации племен кыпчаков и канглы в относительно устойчивые кочевые объединения государственного типа на территории евразийских степей от Алтая до Дуная, известных в XI–XIV вв. под названием *Даит-и Кыпчак*, следы существования которых сохранились в этнической памяти территориальных восприемников этих средневековых тюркских племен – современных тюркских степных народов – ногайцев, казахов, башкир, крымских татар, в чьих родоплеменных структурах представлены роды кыпчак и канглы. Этнокультурная преемственность прослеживается и в языковом отношении, поскольку языки упомянутых степных народов, а также поволжских и сибирских татар, принадлежат к кыпчакской группе тюркских языков.

ГЛАВА 4

Волжская Булгария накануне походов хана Бату

Искандер Измайлов

После знаменитой битвы на р. Калка Субедей повернул в степи Подонья, откуда осенью 1223 г. двинулся на болгар. По данным Ибн ал-Асира, монголы направились на Булгарию в 620 г.х. (4.02.1223 – 23.01.1224), но «когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них (татар), встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они (татары) остались в середине; пал их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было 4000 человек. Отправились они (оттуда) в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингиз-хану, и освободилась от них земля Кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю» [СМИЗО, 1884, с.27–28]. Это известие находит определенное подтверждение в другом независимом источнике. Когда братья францисканцы из Венгрии в 1237 г. посетили Булгарию и проживавших на ее восточной границе мадьяр, они узнали от тех венгров, что те воевали с татарами четырнадцать лет и только на пятнадцатый смогли их покорить [Аннинский, 1940, с.81; также см.: Зимони, 1993, с.87–89]. Отсюда можно сделать вывод, что в состав войск болгар входили самые разные отряды, включая приуральских мадьяр.

По мнению Т.Олсена [Allsen, 1983, p.11], монголы потерпели поражение, поскольку были утомлены, однако из сопоставления хронологии похода можно сделать вывод, что на болгар монгольские войска двинулись после отдыха, в конце осени. Поэтому их поражение – это результат сопряжения нескольких факторов, главными из которых были правильно выработанная булгарами тактика, удачный выбор места и времени сражения, а также подготовленность и стойкость их войск.

В науке существуют большие разногласия относительно места этой битвы. Принято считать, что она произошла «на южных рубежах Булгарии – где-то в районе Самарской Луки» [Халиков, 1978, с.85; Халиуллин, 1995, с.122].

Однако в последнее время, благодаря археологическим исследованиям Г.Н.Белорыбкина в районе Золотаревского городища [Белорыбкин, 1988, с.82–87; 2001], выявлен комплекс находок, которые могут пролить свет на обстоятельства этого сражения и его местонахождение.

Золотаревское городище – это действительно самая южная часть булгарских владений в Посурье, средоточие нескольких торговых путей, в частности на Рязань, Киев, Нижнее Поволжье. Само это городище, находящееся в самом углу Сурской Луки, которое датируется XI – первой третью XIII в., представляет собой небывалое явление в булгарской фортификации – это единственное городище мысового типа, имеющее с напольной стороны четыре ряда рвов и валов. Но наиболее интересен и выразителен комплекс находок из ближайших окрестностей этого городища, включающий оружие (например, сабли с манжетами в верхней трети клинка), универсальное колюще-рубящее оружие – пальмы, обрывки наборов конского снаряжения и поясные накладки, которые указывают на их центральноазиатское и дальневосточное (вплоть до Приамурья) происхождение. Совершенно ясно, что данный комплекс мог сложиться и попасть в Восточную Европу только вместе с войсками Субедея и Джебе. Хотя в этом вопросе есть еще ряд спорных моментов, одно можно сказать определенно: это городище – самый реальный объект, к которому можно привязать события 1223 г. Только после разгрома войска Субедея, в результате которого не все предметы вооружения, воинского костюма и конской амуниции были собраны победителями, также понесшими большие потери, мог образоваться подобный уникальный комплекс находок. Попытки объяснить наличие этих находок неким проживавшим здесь отрядом из Кыргызии основан на недоразумении, неверной датировке и культурно-хронологическом смешении разновременных комплексов [см.: Белорыбкин, 2000, с.138; Руденко, 2001, с.67].

События конца 1223 г. можно представить таким образом. После нескольких месяцев отдыха монгольские войска двинулись на болгар. Однако болгарские полководцы учли ошибки кыпчаков и русских и не собирались вступать в открытое столкновение, но и не собирались уступать завоевателям стратегическую инициативу, пропуская их вглубь страны. В течение лета 1223 г. они возвели дополнительные укрепления в городке в излучине р. Суры (Золотаревское городище) и, очевидно, оборудовали места засад. Подобная тактика была довольно характерна для болгарского военного искусства [Измайлов, 1997; 2006а, с.361–367]. Когда монгольские войска втянулись в осаду этого городка, их окружило объединенное болгарское войско и начало изматывать в небольших схватках. В последовавшем затем сражении (или, возможно, прорыве части войск Субедея) монголы потерпели поражение и, судя по находкам из окрестностей Золотаревки, понесли здесь серьезные потери. Оттуда они стали отступать на юг, в Нижнее Поволжье и, наконец, вернулись домой через г. Саксин.

Для наиболее дальновидных болгарских политиков стала ясна реальность угрозы нового монгольского вторжения. Булгары, опираясь на мирные отношения с Русью, начали принимать ряд мер для того, чтобы обезопасить свои границы с юга и юго-востока, возводить дополнительные оборонительные сооружения в своих городах [Хузин, 1988, с.46–47].

Монгольское присутствие в Восточной Европе и катастрофа на р. Калке имели отзвук и на русско-болгарской границе. Как известно, владимирские войска не очень спешили на помощь южнорусским князьям. Вполне возможно, они считали, что этот поход – «не их война» и попытались использовать ситуацию в свою пользу. Не исключено, что они, воспользовавшись тем, что силы болгар были отвлечены на юге, предприняли враждебные действия, разорвав мирный договор. Только победа болгар подействовала на них отрезвляюще и сделала политику русских князей более сдержанной и менее агрессивной. Однако ситуация была далеко не мирной. В летописях нет сведений о больших походах на болгар в этот период, но, видимо,

небольшие набеги и взаимные нападения с захватами пленников продолжались.

В 1229 г. произошло новое обострение русско-болгарских отношений. С одной стороны, во Владимире попытались разжечь антимусульманские настроения после убийства (реального или мнимого) некоего христианина Авраамия, «инога языка не Рускаго». Он был якобы замучен булгарами за отказ принять ислам, и после его смерти во Владимире вокруг имени Авраамия разгорелась кампания за признание его «новым мучеником» за веру и за перезахоронение его во Владимире. Спустя год, в 1230 г. действительно «принесен бысть Христов мученик Авраамии новый из Болгарское земли в славный град Володимер», где был в кратчайшие сроки канонизирован и признан святым [ПСРЛ, 1, с.352; 15, с.86]. Антибулгарская направленность этой канонизации и развернутой политической кампании очевидна. Не исключено, что это было своего рода идеологическое давление на болгар в условиях разворачивавшегося «локального конфликта» в Мордовии.

Земли мордовских племен были давним источником напряженности между Булгарией и северо-восточными русскими княжествами. После основания в 1221 г. Нижнего Новгорода русские князья попытались установить свою власть в Сурско-Окском междуречье, что вызвало ряд военных столкновений с мордовскими князьками, некоторые из которых пользовались поддержкой болгар (см.: [Измайлов, 2006б, с.375–376]).

Эту напряженность удалось урегулировать осенью 1229 г., когда «Болгаре поклонишася великому князю Юргию и просиша мира, за 6 лет бывшу розмирю; и сътвори мир с ними и тальми менися, и люди их пусти, а свое у них пойма люди, и крест к ним целова, а Болгаре в свою роту идоша, трунове и вся чернь» [Приселков, 1950, с.311] (несколько другой текст в более поздней летописи см.: [ПСРЛ, 30, с.87]).

Этот мир между Булгарией и Владимиро-Суздальским княжеством не прерывался вплоть до монгольского завоевания, когда и Булгария, и Русь были разгромлены войсками хана Бату. Монгольское же давление на народы Поволжья все больше усиливалось...

Раздел II

Монгольские завоевания и создание империи Чингизидов

ГЛАВА 1

Чингиз-хан и образование единого монгольского государства

Евгений Кычанов

Темучжин, будущий Чингиз-хан, родился в середине XII в. Точная дата его рождения неизвестна. По Рашид ад-Дину, это был 1155 г., по «Истории династии Юань» («Юань-ши») – 1162 г., по расчетам известного французского китаевода П.Пельо – 1167 г. Разница в 12 лет, в один цикл центральноазиатского календаря. Его отец – Есугай-баатур был правителем улуса, мать Оэлун происходила из олхонутского племени. Есугай отбил ее у знатного меркита Эке-Чиледу, за что Темучжин все свои юные годы страдал от преследований со стороны меркитов. Темучжин родился в тот момент, когда его отец возвратился из очередного похода на татар, главного врага правящего клана монгольских хаганов. По преданию, мальчик родился, сжимая в руке сгусток крови. Это допустимо, но столь же реально, что это всего лишь один из фольклорных сюжетов, которыми столь богато жизнеописание Чингиз-хана в «Тайной истории монголов». Мальчик родился в урочище Делюн-болдак, название которого, как полагают, сохранилось до сих пор, и находится оно в 250 км от г. Нерчинска, неподалеку от устья р. Бальджи, притока Онона. Есугай возвратился из похода, пригнав с собой пленных. По имени одного из них, татарина Темучжина-Уге, и был назван будущий Чингиз-хан. Его прародитель Бодончар, пятый сын прародительницы Алан-Гоа, которая зачала троих детей таинственным образом от луча света, проникавшего через дымник в ее юрту и входившего в ее чрево, мог быть и сыном работника Алан-Гоа, видимо, пленного кыргыза. Род Темучжина отличался светлыми (рыжими) волосами и светлыми (голубыми, зелеными) глазами, а также высокорослостью мужчин. Детские годы и юность Темучжина прошли в местности Бурхан-Халдун, в современном Хэнтее, у гор, являющихся истоком р. Орхон.

Когда Темучжину исполнилось девять лет, его просватали за десятилетнюю девочку Борте из племени унгират. Есугай отвез сына в семью будущей жены и по давнему обычаю оставил его там пожить в зятях. При неясных обстоятельствах на обратном пути он был отравлен татарами. После смерти отца Темучжина привезли обратно к матери. Улус Есугая после его смерти распался, точнее главенство в нем перешло к родственником Есугаю тайчиутам (тайджиутам), а семья Есугая оказалась в бедственном положении. Рашид ад-Дин датирует эти события 1166 г.

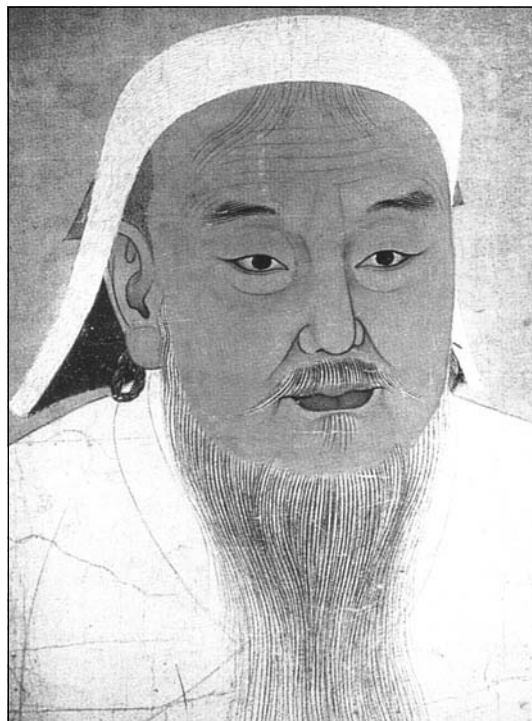
Оэлун осталась со второй женой Есугая и четырьмя его сыновьями, двумя своими и двумя от другой жены, имя которой, возможно, было Хаочин. «Тайная история» красочно рисует те беды, которые обрушились на Темучжина и его мать. Однако П.Рачневский полагал, что источник умышленно драматизировал ситуацию, чтобы показать трудную жизнь Темучжина – подростка. К этому времени относится убийство Темучжином и его младшим братом Хасаром единокровного брата Бектера, старшего сына Хаочин. Этот эпизод есть только в «Тайной истории», другие источники о нем не сообщают. После убийства Бектера Темучжин был признан главой семьи. Сменивший Есугая в качестве главы улуса тайчиут Таргутай-Кирилтух (судя по имени, возможно, христианин Кирилл), естественно, не желая усиления семьи покойного Есугая, решил наказать Темучжина за убийство на основе улусного законодательства. Таргутай лично прибыл к семье Оэлун и потребовал выдачи Темучжина. Темучжин успел бежать и укрылся в глухой чаще на вершине горы. Пятнадцать суток тайчиуты ждали своего часа и через пятнадцать дней, не вытерпев мук голода, Темучжин вышел из леса. Ему надели на шею кангу – тяжелую деревянную колодку и увезли в ставку тай-

чиутов. Рашид ад-Дин не упоминает об убийстве Темучжином брата и пленение Темучжина приписывает меркитам.

Темучжин сумел бежать от тайчиутов. История с пленением и бегством из плена Темучжина была достаточно широко известна. По версии китайского дипломата Чжао Хуна, Темучжин в малолетстве был пленен чжурчженями, обращен в рабство и только через десять лет сумел бежать [Мэн-да бэй-лу, 1975, с.49]. По подсчетам П.Рачневского, Темучжин попал в плен в возрасте 15 лет [Ratchnevsky, 1983, S.76].

Возмужав, Темучжин женился на Борте, той девочке, за которую его сватал покойный отец. Где-то с этого времени начинается и его общемонгольская политическая деятельность. Тоорил-хаган, правитель улуса керейтов, в прошлом был побратимом Есугая. Темучжин поехал в ставку Тоорил-хагана на р. Толу, сделал ему щедрые подарки и просил помочь собрать улус Есугая. О переговорах узнали меркиты. Они внезапно напали на семью Темучжина. Самому Темучжину удалось скрыться, но его жена Борте, возможно, будучи беременной, попала в руки меркитов. Меркиты отдали ее в наложницы Чильчеру, младшему брату Чиледу, у которого когда-то Есугай отнял мать Темучжина Оэлун.

В связи с этими событиями рождение первого сына Темучжина Джучи оказалось окутано тайной. По версии Рашид ад-Дина, меркиты отдали беременную Борте Тоорил-хагану керейтскому, тот вернул ее Темучжину, по дороге домой она родила Джучи, «смысл имени его был ребенок, неожиданно появившийся на свет» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.98]. Судя же по «Тайной истории», Темучжин просил Тоорил-хагана помочь освободить Борте. Тоорил согласился, но призвал в союзники Джамуху, побратима Темучжина детских лет, за которым на тот момент шло большинство монголов. Керейты выставили две тьмы и Джамуха две тьмы войска. Сколько было воинов у Темучжина неизвестно. В 1177–1178 гг., когда Темучжину было 22–23 года, керейты и монголы напали на меркитов и разгромили их. Темучжин вернул Борте. Борте родила Джучи, а Темучжина всю жизнь грызли тайные сомнения – не был ли его первенец наполовину меркитом? Темучжин не простил меркитам своего позора и приказал

Чингиз-хан. Акварель по шелку.
Китай. XV в.

впредь не брать меркитов в плен и не оставлять их в живых.

Между тремя силами монгольской степи, между Тоорил-хаганом, Джамухой и Темучжином были установлены отношения взаимозависимости, закрепленные в терминах родства: Тоорил-хаган стал считаться отцом, Темучжин – его сыном, Тоорил-хаган – старшим братом, а Джамуха – младшим братом. Джамуха, как «младший брат» и представитель одного поколения со своим патроном, по статусу был выше Темучжина-«сына», представителя младшего поколения. Между Джамухой и Темучжином никаких отношений взаимозависимости не было зафиксировано, они остались побратимами.

Следующие два года наиболее загадочные в жизни Темучжина. Темучжин и Джамуха решили кочевать вместе, как бы символизируя единство значительной части монголов. Эта совместная жизнь продолжалась полтора года, и за эти полтора года Темучжин переманил часть монгольских нойонов на свою сторону. Это, возможно, произошло по причине более высоких личных качеств Темучжина. Или потому, что не было представителя династии по прямой линии Хабул-хаган – Амбагай-хаган, а среди претендентов по боковой

линии Темучжин, возможно, считался более знатным. Так это было или нет, но часть монгольских нойонов, часть монгольской знати избрали Темучжина ханом, даровав ему улус. При провозглашении его ханом Темучжин впервые получил титул *Чингиз-хан*, который значил «великий среди ханов», «хан ханов». Если исходить из того, что Темучжин родился в 1155 г., ему в это время было 25 лет. По сведениям Рашид ад-Дина, титул Темучжину придумал шаман Теб-Тенгри.

Став ханом, Темучжин занялся обустройством своего улуса, назначая своих нукеров ведать ханской ставкой, перекочевками, хозяйством улуса, войском. По некоторым сведениям, у Чингиз-хана в то время было уже три тьмы, т.е. 30 тыс. воинов. Во всяком случае, он вскоре сумел отблагодарить Тоорилхагана и вернуть ему его улус, когда Тоорилхаган потерял его, поссорившись со своим младшим братом.

Джамуха, не желая усиления Темучжина, напал на его улус. «Тайная история» приписывает победу в этой войне Джамухе, Рашид ад-Дин – Чингиз-хану. Войны с Джамухой и другими улусами длились довольно долго. И это второй темный период в истории возвышения Чингиз-хана и его борьбы за лидерство в Монголии. Войны далеко не всегда были победными для Чингиз-хана, и Рашид ад-Дин очень уклончиво сообщает: «Чингиз-хан в те годы испытал различного рода бедствия... от старших и младших родичей, равно от племен... меркит, татар и прочих. Разные племена его неоднократно захватывали в плен, а он освобождался от их рук разными способами и средствами» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.248].

В 80-х гг. XII в. чжурчженьское государство Цзинь начало войны с татарами, как с самым близким территориально к границам Цзинь этносом. И, возможно, как самым сильным в Монголии его врагом. В отношении татар была провозглашена политика «сокращения численности совершеннолетних», т.е. Цзинь фактически начало войну на истребление татар. Именно на гребне этой войны с татарами вышел из небытия и Чингизхан. В 1196 г. цзиньский карательный экспедиционный корпус разгромил татар на р. Керулен. Часть татар бежала к р. Ульдза. Тоорилхаган, вассал Цзинь, получил от цзинь-

ских властей указание начать совместную акцию против татар. Он, в свою очередь, призвал на помощь Чингиз-хана. В начале лета 1196 г. союзные войска разгромили татар на р. Ульдзе. За эту услугу Чингиз-хан получил от цзиньских властей чин джаутхури, что трактуется как чин сотника. Зато Тоорилхаган получил княжеский титул вана. Именно отсюда в дальнейшем в источниках появляется его имя (титул) Ван-хан и легенда о христианском правителе Центральной Азии пресвитере Иоанне.

Чингиз-хан после разгрома части татар свел счеты с одним из своих монгольских соперников – Сача-беки из колена чжурки.

В 1198–1199 гг. Ван-хан, Джамуха и Чингиз-хан общими усилиями нанесли поражение найманскому Буюрук-хану и загнали его в область Кэм, верховья р. Енисей. Когда победители возвращались обратно, дорогу им преградило найманское войско. Наступила ночь, и союзники разбили каждый свой лагерь, чтобы утром начать сражение с найманами. Однако ночью войска Ван-хана и Джамухи тайно ушли, оставив Чингиз-хана с найманами один на один. Может быть, найманы сочли Чингиз-хана недостаточно достойным противником, но вместо того, чтобы атаковать его, они стали преследовать керейтов и разорили кочевья Ван-хана. Ван-хан срочно просил помощи у Чингиз-хана и вовремя получил ее. Найманы были отбиты, а Ван-хан так был растроган благородством Чингиз-хана, практически простившим ему его предательство, что решил усыновить Чингиз-хана (хотя тот и так считался его сыном) с тем, чтобы по своей смерти передать ему в управление свой улус. На берегах р. Толы был совершен обряд усыновления. Чингиз-хану показалось этого мало, и он предложил женить своего старшего сына Джучи на дочери Ван-хана Сангум. Старший сын Ван-хана и керейтская знать выступили против заключения этого брака.

В 1200 г. Ван-хан и Чингиз-хан выступили против тайчиутов и меркитов. Битва с тайчиутами, возможно, первое крупное сражение, в котором Чингиз-хан участвовал лично. В этом бою Чингиз-хан был ранен. Наступила ночь, тайчиуты покинули поле битвы. Их преследовали, но окончательно они не были разгромлены. В 1201 г. в Монголии появилась коалиция разных племен и наро-

Сражение. Миниатюра. Иран. XIV в.

дов, которая заявила о себе как о самостоятельной силе в борьбе против Чингиз-хана и Ван-хана. В эту коалицию вошли и татары. На курултае на р. Ган, притоке Амура, главой коалиции был избран Джамуха с титулом гур-хан. Найманы во главе с Таян-ханом занимали выжидательную позицию.

В 1202 г. Чингиз-хан нанес удар по чаггн-татарам и аньчи(алчи)-татарам. Это был его первый единоличный поход против сильного противника. Неподдалеку от оз. Буир-Нор татары потерпели поражение. Те, кто не погиб, сдались в плен. Знатные татарские правители сразу же были казнены. Судьбу остальных должен был решить совет сородичей и нукеров Чингиз-хана. Возможно, в продолжение цзиньской политики «сокращения совершеннолетних» на совете было решено истребить всех тех татар мужского пола, которые окажутся ростом выше тележного колеса. Если полагаться на Рашид ад-Дина, то расправа была более жестокой – Чингиз-хан повелел «произвести всеобщее избиение татар и ни одного не оставлять в живых до того предела, который определен..., чтобы женщин и малых детей также перебить, а беременным рассечь утробы, дабы совершенно их уничтожить» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.106].

Пока Чингиз-хан воевал с татарами, Ван-хан разгромил меркитов. В 1201 или 1202 г., неясно точно когда, Ван-хан и Чингиз-хан в этот раз совместно нанесли поражение коалиции Джамухи. Во время ли этого похода на него кереитов и монголов, или после Джамуха решил, что успех его дела будет обеспечен только в том случае, если он поссорит Ван-хана и Чингиз-хана. Ему удалось договорить-

ся о совместных действиях с сыном Ван-хана Сангумом. Кереиты и войска Джамухи атаковали Чингиз-хана. И хотя он был предупрежден об их нападении, оно все-таки оказалось неожиданным. Основным врагом оказались кереиты, хитрый Джамуха в последний момент уклонился от схватки, а Чингиз-хан терпел от кереитов сокрушительное поражение. Рашид ад-Дин даже сообщает, что если бы в бою не был ранен Сангум, Чингиз-хану «грозила бы опасность полного урона». Значительная часть армии Чингиз-хана покинула его, только с несколькими тысячами человек он бежал к оз. Бальджуна, где-то в районе современного Агинского бурятского автономного округа Читинской области. Чингиз-хан и оставшиеся верными ему люди дали клятву не покидать друг друга и скрепили эту клятву тем, что пили грязную воду из озера. Когда позже Чингиз-хан все-таки победил, все эти люди были отмечены его особым вниманием.

Чингиз-хан начал переговоры с Ван-ханом. Обращаясь к нему, он вопрошал: «За какую вину прогневался ты на меня, хан и отец мой?». Послание к Джамухе было более резким: «Ты из ненависти разлучил меня с ханом и отцом моим!». Желая вбить клин между Ван-ханом и Сангумом, он объявил Сангуму, что тот торопится стать ханом еще при жизни отца. Сангум за словом в карман не полез и велел передать Чингиз-хану, что на деле тот никогда и не называл «отца и хана» иначе, как старым разбойником. Сангум не хотел переговоров и объявил: «Если мы победим, то поглотим его, если он победит, то поглотит нас!» [Козин, 1941, с.134–136; Юань ши, 1935, цз.1, с.66]. Надо отдать должное

Сангуму, – он очень точно охарактеризовал ситуацию, сложившуюся на тот момент в Халхе, хотя положение Чингиз-хана было и не простым. Далеко не вся его родня была на его стороне. В 1203 г. его дядья, нойоны из племен джаджират, баарин, мангут и Куту-Тэмур, глава татар, создали очередную коалицию против Ван-хана и Чингиз-хана. Они решили, во-первых, не присоединяться ни к Ван-хану, ни к Чингиз-хану и для начала напасть на Ван-хана. Однако реакция Ван-хана была стремительной. Он сам напал на новых союзников и «предал их разграблению». Одержав эту победу, Ван-хан беспечно пировал в верховьях Керулена. Тут-то на него и обрушились войска Чингиз-хана. Керейты потерпели жестокое поражение. Сам Ван-хан, прорвав с группой воинов кольцо монгольской блокады, бежал. Бежал, очевидно, к найманам. Но, переходя границу найманского улуса, он наткнулся на найманский пограничный караул и был намеренно или по недоразумению убит. После разгрома татар это была вторая решительная победа Чингиз-хана. Теперь из сильных противников оставались только найманы и группировка Джамухи. И далеко еще не все монголы шли за Чингиз-ханом.

Найманский улус был ослаблен тем, что его глава Таян-хан враждовал со своим братом Буюрук-ханом и со своим сыном Кучлуком. Найманы были самонадеянны, не имели должной информации о Чингиз-хане и не были подготовлены к войне. Джамуха предложил Таян-хану союз против Чингиз-хана, но союзником оказался ненадежным. Таян-хан обратился с предложением выступить совместно против Чингиз-хана к онгутам, но онгуты от предложенного им союза отказались, более того, правитель онгутов предупредил Чингиз-хана, что Таян-хан думает его атаковать.

Перед походом на найманов Чингиз-хан в 1204 г. провел ряд реформ в своем улусе. Армия четко была поделена на десятки, сотни и тысячи. Из 140 отборных воинов сформирована личная охрана Чингиз-хана. Из лучших воинов также была сформирована особая тысяча, которая была обязана в боях сражаться «перед очами» Чингиз-хана, а в мирное время состоять в его личной охране. Шести нойонам было поручено руководить

хозяйственной жизнью улуса, таким образом, было полностью восстановлено управление улусом, расстроенное после нападения керейтов в 1203 г.

Летом 1204 г. монголы и союзники Чингиз-хана атаковали найманов. Битва с найманами, вероятно, единственный документированный случай, когда Чингиз-хан сам лично руководил войсками и был во время сражения в передовом отряде. Битва была жестокой. Таян-хан пал в бою. Лишь его сыну Кучлуку удалось уйти с небольшим отрядом. Развивая успех, Чингиз-хан добил найманов. Остатки найманов бежали в Дашт-и Кыпчак. Видя победы Чингиз-хана, большинство монголов перешло на сторону сильного. Джамуху выдали его же люди, и он был казнен (возможно, в 1205 г.). Таким образом, всего за два года, если учесть разгром керейтами Чингиз-хана в 1203 г., после многих лет жестокой борьбы, полной поражений и побед, судьба повернулась к Чингиз-хану лицом, и он одолел всех своих соперников в Халхе.

Весной 1206 г. у истоков р. Онон собрался великий курултай. Было водружено девятибунчужное белое знамя, в котором по поверью обитал дух Сульдэ, покровитель монгольских воинов. На курултае «нарекли ханом Чингис-хана» («Тайная история»), «все ваны и савновники сообща преподнесли ему титул императора Чингиса», «за ним утвердили великое звание «Чингис-хан», утверждение титула было осуществлено шаманом Теб-Тенгри», Кокочу [Юань ши, 1935, цз.1, с.8а; Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.150]. Чингиз-хан восседал на троне, под зонтом – символом императорской власти. Как мы видели выше, за ним был подтвержден титул Чингиз-хан.

Таким образом, завершилась почти двадцатипятилетняя борьба за объединение Монголии. Темучжин оказался способней и удачливей своих соперников, более гибким и решительным в своих действиях, хотя в принципе, даже при учете того, что все дошедшие до нас источники написаны благосклонно к нему, он мало чем отличался от своих соперников – хаганов татар, меркитов, керейтов, найманов. Мы не знаем многих событий этой борьбы, в имеющихся источниках нет никаких данных о том, что Чингиз-хан сознательно и последовательно ставил своей целью и боролся именно за объединение Монголии.

ГЛАВА 2

Создание империи Чингизидов

Евгений Кычанов

Еще возвращаясь в 1205 г. из найманского похода, Чингиз-хан по пути совершил нападение на крайние западные области тангутского государства Великое Ся (982–1227).

Тангутское государство являлось юго-западным соседом Монголии. На южных окраинах Гоби и в горах Наньшаня в труднодоступных местах демаркация границы не была строгой, хотя она охранялась тангутскими пограничными караулами, задачей которых было не выпускать перебежчиков с территории Ся и не допускать перебежчиков и шаек грабителей с соседней территории Монголии. Отношения с татарами, как в Ся называли население Халхи, были не простыми, власти запрещали вывоз в Халху оружия, доспехов, металлов, монет, некоторых продуктов земледелия. Несмотря на все эти ограничения, внутримонгольская борьба толкала представителей разных племен Монголии искать убежища в Ся. Среди таких лиц был в свое время и правитель керейтов Ван-хан.

В 1205 г. войска Чингиз-хана напали на области Шачжоу и Гуачжоу, в которых проживало немало уйгуров. Известна та роль, которую уйгуры играли в жизни найманского улуса, и, возможно, это были не только уйгуры Турфана и шире – Восточного Туркестана, но и уйгуры, проживавшие на территории Ся. Нападение не имело целью отторжение от Ся атакованных областей, таковой был грабеж, может быть, особое стремление захватить побольше верблюдов, как сказано в «Юань-ши»: «напал, ... ограбил народ, забрал верблюдов» [Юань ши, 1935, цз.1, с.8а]. По Рашид ад-Дину, монголы «захватили некоторые ... области Тангута и разграбили их, и ... с бесчисленным количеством верблюдов и скота они повернули назад» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.149–150]. Сам Чингиз-хан в этом походе на Ся не участвовал. Поход достаточно наглядно доказал способность монголов воевать с оседлым народом, осаждать и брать пока еще небольшие крепости.

Ся могло быть использовано как некий полигон для подготовки к войне с главным врагом – чжурчженским государством Цзинь. Во втором походе на Тангут (Ся) Чингиз-хан участвовал лично. Объектом нападения стали северные и центральные районы Тангута. Закрепившись в одной из крепостей у гор Хэланьшань, монголы до лета 1208 г. грабили окрестные области. Тангуты не пустили монголов вглубь страны, но разбить их не сумели, и Чингиз-хан с большой добычей ушел в Монголию.

В том же 1207 г. монголы совершили поход на север против т.н. «лесных народов» – ойратов, кыргызов, туматов. Войсками командовал старший сын Чингиз-хана Джучи. «Лесные народы» подчинились Чингиз-хану, их послы прибыли с данью, поднесли хану белых охотничьих соколов, белых коней и белых собак. В ответ ойратские правители и их сыновья получили в жены монгольских принцесс.

Внешнеполитическая активность Чингиз-хана все возрастала. В конце весны 1209 г. он снова лично ведет свои войска на Тангут. На этот раз тангуты дали монголам генеральное сражение, но их армия, которой командовал наследник престола, потерпела поражение. Чингиз-хан двинул свои войска к столице Ся г. Чжунсин (современный г. Иньчуань, Нинся-хуэйский автономный район КНР), тангутская армия остановила монголов в одном из горных проходов в горах Хэланьшань. В первом сражении победа оказалась на стороне тангутов, и монгольская армия была остановлена. Летнее время обе стороны простояли друг против друга. Монголов сдерживала жара, они также ждали подкреплений из Монголии. Тангуты, однако, не владели ситуацией и не развили достигнутого успеха. Поэтому осенью, пользуясь благоприятной погодой, Чингиз-хан продолжил наступление на столицу Ся. В новом сражении тангуты были разгромлены, некоторые из их генералов попали в плен. В октябре 1209 г. нача-

Провозглашение Чингиз-хана верховным правителем Монголии. Миниатюра. Иран. XIV в.

лась осада Чжунсина. Монголам впервые пришлось вести большую осадную войну, соприкоснуться с передовой по тем временам осадной и оборонительной техникой. Именно здесь монголы стали осваивать эту технику, здесь они начали привлекать на службу местных военных специалистов, в их тактике осуществления осады появились те действия, которые они широко использовали позже, – монголы тысячами и десятками тысяч сгоняли окрестное местное население, заставляли людей нести землю, хворост и бревна, заваливать рвы, гнали их на стены города под стрелы и камни осажденных, прикрываясь ими, как живым щитом. Тангутский двор решил погибнуть, но не сдаваться. Не сумев взять город штурмом, монголы решили его затопить. Как раз шли проливные дожди. Протекавшая неподалеку от города р. Хуанхэ, мелкие речушки и оросительные каналы были переполнены водой. Пользуясь трудом местного населения, услугами тех, кто знал оросительные системы, монголы направили воду в город. Поначалу все шло так, как они задумали. Улицы города оказались затопленными, стали рушиться глинобитные дома и служебные помещения. Из Ся тайно было отправлено посольство в Цзинь с просьбой о

помощи. И тангуты, и двор Цзинь знали, что Чингиз-хан, порвав с Цзинь, готовился к войне с чжурчженями. Этот вопрос обсуждался на курултае. Значительная часть сановников Цзинь предлагала императору помочь Ся, убеждая его, что как только государство Ся будет уничтожено, монголы тут же нападут на Цзинь. До 90-х гг. XII в. отношения между Ся и Цзинь были почти дружественными, позже из-за незначительных пограничных инцидентов они испортились. Император Цзинь только что вззошел на престол, он не внял советам своих подданных, заявив: «Моему государству выгодно, когда его враги нападают друг на друга!», и в помощи отказал. Положение осажденного города было критическим. Однако монголы сами стали жертвой применяемого ими способа затопления столицы Ся. Вода прорвала воздвигнутые вокруг города плотины и затопила монгольский лагерь. Осаду пришлось снять и начать переговоры о мире. Первым условием заключения мира, которое выдвинул Чингиз-хан, должно было быть обязательство тангутов не помогать Цзинь, когда он нападет на него. Император Ся должен был обещать Чингиз-хану стать его «правой рукой». Так, неразумный шаг цзиньского императора, отказавшего в критический момент в помощи Ся, в какой-то мере predetermined будущую гибель и Ся, и Цзинь. Китайское государство Южная Сун не могло стать союзником Цзинь, Чингиз-хан правильно рассчитал, что в уничтожении чжурчженьского государства китайцы станут наоборот его помощниками. В итоге переговоров между Чингиз-ханом и императором Ся был заключен мир «хэцинь», в соответствии с условиями которого тангутская принцесса Чахэ стала очередной женой Чингиз-хана.

Победы над найманами, керейтами и тангутами произвели должное впечатление на других соседей монголов. В 1209 г. Чингиз-хану добровольно подчинились уйгуры. Их правитель идикут Барчук пожелал быть пятым сыном Чингиз-хана и отдавать служению ему все свои силы. После того, как Чингиз-хан возвратился из тангутского похода в Монголию, он лично в своей ставке принял уйгурского идикута и отдал ему в жены свою дочь Ал-Атуну (Ели-хатун). В 1211 г. Чингиз-хану также добровольно подчинились тюрки-карлуки. Их правитель Арслан-хан тяготился зависимо-

стью от кара-китаев. Он убил кара-китайского наместника и подчинился монголам. Его примеру хотел последовать карлукский правитель г. Алмалык Ваздар. Кучлук, сын погибшего найманского Таян-хана, бежавший к кара-китаям, завладел там тронem и стал правителем Западного Ляо. Он, узнав о намерениях Ваздара, напал на Алмалык и взял Ваздара в плен. Монгольские войска поспешили на помощь к карлукам. Кучлук Ваздара убил и оставил Алмалык. Сын Ваздара стал правителем Алмалыка, подчинился Чингиз-хану и за преданность монголам получил в жены девушку из двора Чингиз-хана.

Таким образом, в 1211 г. обстановка в Центральной Азии и на Дальнем Востоке круто изменилась в пользу монголов. Чингиз-хан порвал с Цзинь в 1209 г. Император Цзинь Вэйшао ван, который отказал в помощи тангутам, вступил на престол в 1209 г. Он сразу же послал послов к Чингиз-хану с извещением о своем вступлении на престол и требованием со стороны Чингиз-хана подтверждения его вассальной зависимости от Цзинь. По установленному порядку Чингиз-хан должен был опуститься на колени и, стоя на коленях, принять указ об интронизации нового императора Цзинь. Когда такая церемония должна была состояться, Чингиз-хан не только прилюдно отказался встать на колени, но даже демонстративно плюнул в ту сторону, где предположительно находилась столица Цзинь г. Пекин, после чего вскочил на коня и ускакал. Это было равносильно объявлению войны.

После тангутского похода Чингиз-хана Цзинь осталась один на один с монголами, при том еще условии, что род Чингиз-хана имел с Цзинь очень давние счеты.

Начиная войну с Цзинь, Чингиз-хан должен был обезопасить себя и внутри Монголии. С этой целью был сформирован полк в 2 тыс. человек из преданных воинов «для того, чтобы когда он сам пойдет в страну Хитай, тому быть у него в тылу в целях безопасности от племени монгол, керейт, найман и других» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.163].

Во втором месяце (15 февраля – 16 марта) 1211 г. войска Чингиз-хана перешли границу Цзинь, двигаясь на юг и юго-восток. В этот первый период войны с Цзинь, который длился с 1211 по 1216 г., войсками руководил лично Чингиз-хан, а непосредственно основной группировкой войск командовал Джебе. После того,

как был взят ряд пограничных городов, монголы прекратили военные действия, желая дать отдых коням и подкормить их на подножном корму. Император Цзинь, пользуясь передышкой, выслал посла для переговоров, но посол переметнулся на сторону монголов. Генеральное сражение произошло у хребта Ехулин, прикрывавшего подступы к Пекину, Средней столице Цзинь. Неизвестна численность войск Чингиз-хана. По данным источников, цзиньская армия насчитывала 300 тыс. человек. Она была разбита, и «в этом сражении были уничтожены знаменитые люди Хитая и Джурджэ» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.167]. Второе большое сражение случилось уже на близких подступах к Пекину, у заставы Цзюйюань. Войска Цзинь его проиграли, «отрублено было более 80 тыс. голов» [Юань ши, 1935, цз.119, с.2а]. В девятом месяце (9 октября – 6 ноября) 1211 г. монголы подошли к Пекину. Поражения Цзинь вызвали восстания киданей, государство которых чжурчжени уничтожили почти сто лет до этого. Через два года в 1213 г. глава восставших киданей Елюй Люге объявил о восстановлении государства Ляо.

Зиму 1211–1212 гг. Чингиз-хан провел в Монголии. Весной 1212 г. военные действия были перенесены на территорию современной Внутренней Монголии. Кроме самого Чингиз-хана, в этом походе участвовали его сыновья Джучи, Угедей и Чагатай. Чингиз-хан сам участвовал в сражениях и при осаде одного из городов был даже легко ранен стрелой [там же, цз.1, с.9а]. В 1213 г. монголы заняли все области Цзинь к северу от р. Хуанхэ. На сторону Чингиз-хана перешло немало китайцев, один из них – Ши Тянь-эр получил чин темника и командовал армией, сформированной из китайцев. В августе в Пекине произошел дворцовый переворот, император был убит, его место занял Хушаху, возглавлявший заговор. В начале 1214 г. Чингиз-хан лично появился под стенами Пекина. Состоялись переговоры. Было заключено перемирие, дочь свергнутого ранее императора Цзинь была отдана в жены Чингиз-хану. Перемирие продержалось месяц, и через месяц монголы взяли Пекин. После этого военные действия продолжались до осени 1215 г. По данным «Юань-ши», к этому времени монголы заняли 862 обнесенных стенами города Цзинь [там же, с.10а]. Такое могло иметь место только при массовом переходе на сторону монголов китайского, киданьского,

Чингиз-хан в битве. Миниатюра. Иран. 1397–98 г.

бохайского и другого не чжурчженского населения Цзинь. В 1214 г. с Цзинь начали войну тангуты. Эта война длилась десять лет, до 1224 г. Она только приблизила гибель обоих государств.

В конце 1215 г. монголы предложили Цзинь мир на двух условиях: 1) чжурчжени отказываются от всех земель к северу от Хуанхэ, 2) император Цзинь понижает свой титул до титула вана и управляет областями между р. Хуанхэ и северной границей Южной Сун. Государь Цзинь этих условий не принял.

В 1216 г. Чингиз-хан из Северного Китая возвратился в свою ставку на р. Керулен. Во время войны 1211–1216 гг. монголы не осваивали завоеванных территорий, не оставляли своих гарнизонов в городах. Они только грабили и угоняли пленных, когда в них была нужда. В тех местах, где было ожесточенное сопротивление, пленных не брали, население попросту уничтожали. Добыча была велика. Так, за взятие одного цзиньского города Чингиз-хан наградил своего полководца Субедея «теплой золотом и шелком».

Субедей тоже возвратился в Монголию, и Чингиз-хан поручил ему в 1216 г. добить

меркитов. По Рашид ад-Дину, после этого похода «от этого племени не осталось и следа» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.178].

Зимой 1217–1218 гг. монголы снова осадили столицу Ся. Осада вновь затянулась, и Чингиз-хан согласился на мир при условии, что тангуты дадут войска для задуманного им похода на запад. За годы войны с Цзинь Чингиз-хан понял, что воевать чужими руками удобней. Тангуты идти вместе с монголами в поход на запад отказались. Чингиз-хан приказал отвести войска с территории Ся, пообещав по возвращении с запада поквитаться с тангутами.

Еще возвратившись из Китая, Чингиз-хан решил идти войной на запад, на государство хорезмшаха. Он понял, что война с Цзинь затягивается надолго. Продолжать ее было поручено Мухали. К 1227 г. – году смерти Чингиз-хана – монголы в Северном Китае овладели только п-вом Шаньдун, возможно, потому, что все силы были брошены, прежде всего, в поход на запад. К началу западной кампании соседями государства Чингиз-хана на западе были государство кара-китаев Западное Ляо, государство хорезмшахов и кыпчакские степи – Дашт-и Кыпчак. Кучлук, бежавший после разгрома найманов к кара-китайцам, поначалу был в милости у кара-китайского гур-хана, женился на его дочери и даже переменял веру – из христианства перешел в буддизм. Воспользовавшись поражениями гур-хана от хорезмшаха, Кучлук лишил гур-хана власти. Став во главе государства Западное Ляо, он повел политику преследования мусульман, что привело к тому, что он утратил поддержку значительной части местного населения.

В 1216 г. часть разгромленных Субедем меркитов бежала к кыпчакам. Преследовать их было поручено Джучи. Когда монголы достигли и разбили беглых меркитов, в тех местах появились войска хорезмшаха, совершавшего поход против кыпчаков. Джучи не хотел сражаться с войском хорезмшаха, но хорезмшах объявил, что его врагами являются все неверные и навязал монголам сражение. Бои продолжались три дня, и ни одна из сторон не смогла одержать верх, а на четвертый день монголы покинули поле боя.

Хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад, упорный успехами своих войн в Средней Азии, подумывал о походе в Китай и Монголию.

Узнав, что Чингиз-хан завоевывает Китай, он послал к нему посольство. Чингиз-хан принял послов приветливо и просил передать хорезмшаху: «Я – владыка востока, а ты – владыка запада» и предложил торговать. Ответное посольство Чингиз-хана привезло богатые дары. Посол заявил, что владыка Востока готов считать владыку Запада наравне с самым дорогим из своих сыновей. Хорезмшах понял, что ему предлагается подчиненное положение. И когда Чингиз-хан послал в его владения богатый торговый караван, то (до сих пор неясно по чьему приказу) в г. Отрар караван был ограблен, а купцы и охрана почти все перебиты. Этот инцидент послужил поводом для войны.

Прежде, чем идти войной на хорезмшаха, Чингиз-хан отправил Джебе против Кучлука. Мусульманское население Западного Ляо, информированное о подходе монголов, изгнало Кучлука из его ставки, г. Кашгара. Кучлук бежал. По одной версии, он был пойман местными жителями, выдан монголам и ими убит, по другой, был убит человеком бывшего каракитайского гур-хана. Кашгария и Семиречье вошли в состав владений Чингиз-хана.

В 1219 г., уладив дела с тангутами и с завоеванием Цзинь, в свои 64 года Чингиз-хан вместе со всеми сыновьями и армией в 150–200 тыс. человек выступил в поход против хорезмшаха. В феврале 1220 г. пал Отрар. Чингиз-хан подошел к Бухаре, и 7 февраля началась осада города. Через 3 дня Бухара пала. Монгольские войска вошли в город, «ограбили его и убили, кого нашли», «женщин они поделили между собою», «наутро Бухара оказалась разрушенной до оснований своих, как будто ее и не было» [СМИЗО, 1884, с.9–10]. 30 тыс. мужчин были убиты, остальных погнали на осаду Самарканда, который пал 17 марта 1220 г. В апреле корпус под командованием Джучи овладел гг. Дженд, Сыгнак и Бенакент. К концу апреля Чингиз-хану «удалось без особых усилий сокрушить могущественное государство хорезмшахов» [Буниатов, 1986, с.146].

Джебе и Субедею было приказано пленить хорезмшаха. Хорезмшах бежал к южному берегу Каспийского моря и укрылся на острове, неподалеку от устья р. Гурган. Здесь он и скончался в декабре 1220 г.

Лето 1220 г. Чингиз-хан воевал в районе Насафа, Термеза, Куляба и «захватил те мес-

Монгольское войско. Миниатюра.
Иран. 1301–1314 гг.

та. Он стер их с лица земли, грабя и избивая поголовно население, разрушая и предавая все огню» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.218]. Зимой 1220–1221 гг. Чингиз-хан провел на берегах Амударьи. Весной 1221 г. монгольская армия форсировала Амударью и заняла г. Балх. После того, как сын хорезмшаха Джалал ад-Дин у г. Первана уничтожил монгольский корпус Шиги-Хутукту, Чингиз-хан лично выступил против него. Осенью он занял г. Газну. 23 ноября 1221 г. на берегах р. Инд войска Джалал ад-Дина были уничтожены.

Чингиз-хан все лето 1222 г. был в горах под Кабулом, зиму 1222–1223 гг. – под Самаркандом. Весной 1223 г. собрался курултай, о решениях которого ничего не известно. Летом 1224 г. Чингиз-хан кочевал в долине Иртыша, а зимой 1224–1225 г. перебрался на р. Эмиль. Оттуда он прибыл в Монголию. Почему на обратный путь потребовалось три года, достоверно неизвестно. Западный поход, как и восточный, завершился разгромом армии врага, но неполной победой над ним. Война продолжалась в Иране и Ираке, точно так же, как она продолжалась в Северном Китае.

Весь 1225 г. Чингиз-хан был занят устройством завоеванных земель и подготовкой к войне с тангутами. Был учрежден институт наместников – даругачи (дарга). На завоеванных землях они ведали учетом населения, сбором налогов, мобилизацией в армию местного населения, организовывали и обеспечивали работу почтовой ямской службы, ведали доставкой дани в Монголию.

В 1224 г. тангуты и чжурчжени заключили мир. Неясно с кем точно, но «государь государства Ся... тайно заключил союз о помощи извне» [Юань ши, 1935, цз.119, с.5а]. Кажется, теми, с кем заключил или пытался заключить союз император Ся, были некоторые народы Монголии. Вот этого, «своих» Чингиз-хан всю жизнь боялся больше всего.

Весной 1226 г. Чингиз-хан лично повел армию на Ся. Границу монгольские войска перешли у устья р. Эдзин-Гол, где после упорных боев был взят г. Эдзина (Хэйшуй, Хара-Хото). Двигаясь на юг, монголы надвое рассекли территорию Ся. Лето Чингиз-хан провел в горах под г. Ганьжоу, в это время пали все крупные города западной части Ся – Сучжоу, Ганьжоу и Линчжоу. Войска Чингиз-хана вышли к р. Хуанхэ. В сражении под г. Линчжоу (современный Линьбу), в котором участвовал Чингиз-хан, тангутская армия потерпела поражение. Линчжоу пал, а зимой 1226–1227 гг. началась третья осада столицы Ся, длившаяся несколько месяцев.

В августе 1227 г. Чингиз-хан скончался. Причина его смерти точно неизвестна, и неясно, дожил ли он до капитуляции императора Ся или нет. В 1227 г. Великая Ся перестала существовать.

При жизни Чингиз-хана монголы походов в Тибет не совершали. Таким образом, кроме побед в Монголии – уничтожения улусов татар, керейтов, меркитов и найманов, на личном счету Чингиз-хана два уничтоженных государства: кара-китаев – Западное Ляо и тангутов – Великое Ся. Государство хорезмшахов погибло окончательно в 1231 г., Цзинь – в 1234 г. В Северную Корею в 1216 г. бежали кидани, покинувшие территорию Цзинь. В 1219 г. чжурчженьский генерал Пусянь Вань-

пу, перешедший на службу к монголам, со своим отрядом и отрядом монголов разгромил этих киданей, и король Кореи согласился на вассальные отношения с Чингиз-ханом и уплату дани. Корейцы поставляли в Монголию меха, шелк и другие ткани, бумагу [Серов, 1970, с.143]. Большой поход на Корею был совершен уже после смерти Чингиз-хана в 1231–1232 гг.

Войны Чингиз-хана можно, в известной мере, условно поделить на внутримонгольские (без точного учета этнической принадлежности народов Монголии от Маньчжурии до Алтая) и внешние, за пределами Монголии. Также их можно условно разделить на войны с кочевыми государствами и с оседлыми государствами. Не без труда Чингиз-хан держал верх над своими основными соперниками в Монголии. Им двигали два желания – восстановить Монгольский улус и удовлетворить чувство мести. Его успех был обеспечен общеполитической ситуацией в Монголии и его безусловным личным умением использовать эту ситуацию. Создание большого кочевого государства имело в этом регионе тысячелетнюю традицию. Неверно было бы сбрасывать со счетов и бесспорную личную веру Чингиз-хана, что небо даровало ему власть как над народами Монголии, так и над всеми народами за ее пределами.

Это осуществление покорения «дарованных небом» народов и захват добычи были основными стимулами внешних завоеваний. Раньше, как говорил один из нойонов в окружении Чингиз-хана, все друг друга грабили, а теперь, когда создан большой улус, хаган обязан дать воинам возможность грабить других, грабить соседей. Нет нужды говорить о выполнении Чингиз-ханом осознанно каких-то геополитических задач – объединение востока и запада, или объединение разрозненных народов Китая в единую империю. Темучжин – Чингиз-хан лично совершал походы на громадной территории от Пекина до Кабула, и от верховьев р. Инд в северо-западной Индии до Иртыша, карая всех непокорных, действуя напористо, как охотник, преследующий добычу, действуя жестоко.

ГЛАВА 3

Государственный строй державы Чингиз-хана

§ 1. Военно-административная система и управление государства Чингизидов

Евгений Кычанов

После курултая 1206 г. Чингиз-хан вплотную занялся устройством большого монгольского улуса. Гражданских и военных администраторов он набирает из своего окружения – родственников, нукеров, гвардейцев, сыновей и младших братьев, своих сотников и тысячников, молодых людей, которые должны были выделяться своим обликом, умом и физической силой. Гвардейцы были «блаженством» (кутух) Чингиз-хана, его «эмчу кешик» – «личной гвардией». Служба кешиктенев – гвардейцев развилась из нукерства. Кешиктен – привилегированный гражданский или военный администратор государства, «один из видных представителей господствующего класса монгольского общества» [Hsiao, 1978, p.37], в известной мере, являлся заложником при дворе хагана, обеспечивавшим хагану преданность отца или старшего брата десятника, сотника, тысячника. Отношение нукера к хагану являлось отношением персональной зависимости. Некоторые нукеры были людьми, усыновленными семьей хагана, некоторые «найденщиками», и все рассматривались как младшие члены семьи. Гвардией в гвардии была ночная стража – кебтеулы. Строго запрещалось знать число кебтеулов и без нужды находиться подле них. Даже гонцов с экстренными донесениями к хагану вводил кебтеул. При Чингизхане гвардейцы-кешиктены являлись центральным органом управления государством. Ранняя монгольская государственность не знала четкого разделения функций охраны хагана и его ставки, управления двором (кланом хагана, ауруком) и управления улусом (государством).

Монголы при Чингизхане заимствовали уйгурскую письменность, юноши семьи хагана и знатная молодежь обязаны были научиться читать и писать. При дворе были люди, знавшие уйгурский, иные тюркские,

чжурчженский, киданьский, китайский языки. Знал ли сам Чингиз-хан другие языки, кроме родного? Мы этого точно не знаем, но, судя по пережитиям его жизни, он мог знать в какой-то мере языки тюркский и чжурчженский. Был ли он грамотен? Скорее всего, нет. Канцелярией хагана ведал бичечи – писец, первым бичечи был кешиктен Сира Ягун, затем перешедший на службу к монголам Елюй Чуцай, потомок киданьского правящего дома. Бичечи руководил штатом чиновников, в числе которых имелся ярлыкчи – специальный чиновник, который оформлял указы хагана. Секретариат вел «Коко дефтер бичик» – «Синие книги». В эти книги заносились списки подданных, т.е. велся учет населения улуса, в книги с таким же названием записывались судебные решения.

Кебтеулы ведали казной хагана. Улечи и моринчи ведали лошадьми, телегами и юртами ставки хагана, темчи – верблюдами, хоничи – стадами овец, хукерчи – стадами коров. За перекочевку ставки хагана отвечали нунтуучи. Кешиктены Онгур и Боро ведали столом хагана, а также распределением пищи во время военных экспедиций. Хурчи руководил придворным оркестром. За охоту хагана отвечали сокольничьи и группа лучников – охотников. «Искореняли воровство и обман» «носители сабель», они выполняли полицейские функции и, видимо, были судьями низовых инстанций. При хагане имелся Верховный суд «Гурдерейн Дзаргу». Свод законов «Великая Йаса», вероятно, первоначально включал нормы обычного права. Своему верховному судье Шиги-Хутукту Чингиз-хан говорил: «Ты держишь... Великую Йасу – Еке Йосу. Не ты ли Шиги-Хутукту – око смотрения моего и ухо слышания моего!» [Козин, 1941, с.182]. Была ли Йаса записана при жизни Чингиз-хана – неизвестно. Возможно, что да, и, может быть, еще найдена вместе с

его захоронением. Календарь вел чиновник, в обязанность которого входило «наблюдать... годы и месяцы». При семье хагана жили шаманы и придворные врачи. Кебтеулы-церемонисты руководили жертвоприношениями хагана и членов его семьи, погребениями и поминальными гризнами. Специальный чиновник ведал прислугой хагана и его семьи.

При Чингиз-хане, особенно в первые годы его правления, дела делились на «домашние» и «полевые». Домашние дела, дела аурука и ставки хагана, его орды (нунтука) решались дома, полевые, вероятно, военных походов и разные секретные дела решались в поле, т.е. за пределами орды, подальше от чужих глаз. Историк Сяо Ци-цин считает, что гвардия и ее вышеписанные функции являлись «ядром оригинального государственного аппарата» Чингиз-хана [Hsiao, 1978, p.44].

Ставка хагана представляла собой курень-кольцо, в центре которого находились юрты самого Чингиз-хана и его домочадцев, юрты секретариата-бичечи, а по кругу – юрты гвардейских отрядов. Особое положение кешиктенов сохранялось и после смерти Чингиз-хана, при династии Юань, они продолжали занимать не менее десятой части должностей в огромном аппарате управления юаньского Китая. Гвардейцы в значительной мере (не считая награбленного) жили за счет тех сотен и тысяч, которые они представляли по системе заложничества. В 1263 г. Хубилай предписал гвардейцам являться на службу со своими людьми, лошадьми и скотом. На «зарплату» кешиктены впервые частично были переведены в 1281 г., а полностью – только в 1291 г. Гвардия, как и армия, пополнялась и за счет покорившихся и покоренных народов. Уже в середине XIII в. формируются гвардейские корпуса, подразделявшиеся на караулы (вэй), военно-поселенческие сельскохозяйственные образования из китайцев, тангутов, карлуков, кыпчаков и аланов.

При Угедее центральный аппарат управления был пополнен четырьмя ака – министрами (визирями, китайский эквивалент – сян). В ходе завоеваний развивался и укреплялся институт наместников – даругачи (дарга).

Что касается местной внутримонгольской администрации, то, став хаганом всемонгольского улуса с титулом Чингиз-хан, Чингиз-хан, следуя военно-административному устройству кочевых государств, поделил улус

на девяносто пять военно-административных единиц – тысяч. Тысячниками были назначены те люди, которые активно помогали ему получить улус, как он сам говорил, «потрудились вместе со мною в созидании улуса». Тысячи входили в состав более крупных образований – десяти тысяч (тумен, тьма), а внутри делились на сотни, сотни делились на десятки. Из восьмидесяти восьми упоминаемых в текстах тысячников, которые получили должности при жизни Чингиз-хана, двадцать восемь были его нукерами и кешиктенами, а прочие – их братьями [там же, p.36], т.е. это были представители того же господствующего класса, которые без различия этнической принадлежности окружали хагана и его аурук.

Тысячник был обязан управлять вверенной ему территорией и проживавшими на ней людьми, осуществлять в случае войны мобилизацию военнообязанных мужчин на службу в армию, добиваться того, чтобы каждый воин шел на службу со своим конем и амуницией. Тысячник собирал налоги в казну хана. Он был обязан обустраивать и обеспечивать работу почтово-ямской службы – улы, и контролировать исполнение ее подчиненным ему населением, особенно отвечать за проезд элчи – гонцов хагана с пайцзами. Ула – система почтово-ямской службы снабжалась лошадьми местным населением – эта система сотни лет до этого практиковалась в Китае, она образцово была организована у киданей в Ляо и у тангутов в Ся. Описания ее сохранились и, очевидно, что она целиком была заимствована в улусе Чингиз-хана, а позже распространена за пределы Монголии.

Разделение населения на тьмы, тысячи, сотни и десятки призвано было разрушить систему старых улусов и племенную организацию там, где таковая еще сохранялась. Улусы керейтов, найманов, татар и т.п. Чингиз-хан попросту расформировал, разверстав оставшихся в живых людей по разным тысячам и раздав их своим родственникам и нукерам. При разделении племен там, где людей недоставало до полной тысячи, их включали в тысячу других племен, до нужного числа (т.е. до такого количества населения этой административной единицы, которое было способно выделить в случае нужды тысячу воинов). Недостачу восполняли и военнопленными.

§ 2. Реформы и Йаса Чингиз-хана

Миркасым Усманов

Начиная со времен монгольских завоеваний почти до наших дней, все авторы, писавшие о военно-политических событиях XIII в., прямо или косвенно задавались одними и теми же вопросами. Содержание этих вопросов сводилось, если несколько обобщить их, к следующему: как удалось этим кочевникам, следовательно, – отсталым по культурному, социальному развитию (как иногда писали, «диким и жестоким варварам»), к тому же малочисленному народу, систематически побеждать оседлые, т.е. культурные и цивилизованные государства и создать за короткое время огромную империю – Великую Монгольскую сверхдержаву, – не имевшую равной себе во всей истории человечества?

Многие авторы предыдущих эпох, задавая в полном объеме или частями такой вопрос, сводили все и вся лишь к личным качествам – «гениальности» Чингиз-хана, его талантливых полководцев. Или же они, корректно отказываясь от какого-либо категоричного вывода, ограничивались некоторыми предположениями, оставляя вопросы в целом открытыми, или удовлетворялись лишь констатацией общеизвестных фактов.

Увереннее и категоричнее стали отвечать на подобные вопросы, пытаясь исчерпать проблему в целом, преимущественно советские историки второй половины XX столетия. Характерным примером этого является многоплановый по содержанию и целенаправленный по назначению сборник статей «Татаро-монголы в Азии и Европе» [М., 1970], как наиболее удачный, по мнению одного из рецензентов, первый обобщающий труд по этой сложной проблеме [Каргалов, 1972, с.179–182]. Поэтому, видимо, буквально через несколько лет состоялось и второе издание сборника [М., 1977]. Если обобщить мнения и выводы ведущих авторов данной книги, также и других солидарных с ними советских историков, то победе монголов способствовали, как указал в свое время другой рецензент [Усманов, 1972а, с.182–185], якобы следующие основные причины: высокая дисциплинированность монгольского войска, его невероятная жестокость, чему способ-

ствовала «круговая порука», почти повсеместное разрушение городов и поголовное истребление, угон в рабство населения покоряемых стран, использование военной техники Китая, государств Средней Азии и т.д.

Эти аргументы, рассчитанные на наивных и малоосведомленных, или же оболваненных пропагандистским прессом читателей, не выдерживали элементарной критики со стороны серьезных историков, большинство которых, однако, чтобы не оказаться в лагере «антисоветских фальсификаторов» или «буржуазных националистов», вынуждены были промолчать. Потому что решающей, доминирующей силой, при всех и всяких социальных, военных столкновениях, в конечном счете, являются, как известно, не отсталость, бескультурие, дикость или необузданная жестокость «дикарей», а зрелая цивилизация, высокая культура, социальная развитость, которые, вместе взятые, располагают высоким управленческим опытом, развитой технологией, в т.ч. и военной техникой. Это – во-первых. Во-вторых, возможностями мощной военной техники, по элементарной логике, могли бы лучше воспользоваться сами создатели их, а не пришлые из степей дикие кочевники. Таким образом, переносимые из исследований в учебники вышеуказанные «аргументы-причины» являются, мягко говоря, весьма и весьма сомнительными.

Учитывая все это, необходимо специально остановиться на одном важном вопросе. Во многих общих и более доступных широкой общественности работах, в той или иной степени касающихся истории народов Центральной Азии, особенно в связи с их взаимоотношениями с населением оседлых обществ, решающим оценочным критерием является одно определяющее, точнее оценочно-контрольное слово – *кочевники*. Раз кочевники, значит имеются в виду относительно малокультурные или вообще дикие, первобытные варвары, зачастую не только не уважающие культурные ценности других народов, но и неспособные к преобразованиям в плане такого развития. При этом абсолютизируется содержание этого оценочного сло-

ва, что, однако, является спорным в принципе. Например, вряд ли можно ставить знак равенства между кочевниками трехтысячелетней давности и позднего средневековья, или же между кочевниками I тыс. н.э. из Центральной и Восточной Азии и номадами, скажем, полинезийских джунглей, даже центральной части Африки более поздних времен.

Дело в том, что кочевники кочевникам рознь. В отличие от законсервированных в своем социальном развитии и, главное, малочисленных номадов полинезийских островов или африканских джунглей, центрально- и восточноазиатские кочевники, независимо от их этнической принадлежности, прошли, как показывают различные типы и виды источников, длительный путь социально-общественного, хозяйственно-бытового и духовно-культурного развития. Иначе говоря, они создали оригинальный образ жизни, возможный **исключительно в сложных и суровых географо-климатических условиях**, в которых почти невозможно было вести оседлый образ жизни, а пригодные к такому бытованию земли давно были заняты другими. Люди, чтобы оставаться живыми, постоянно питаться, нормально размножаться, в поисках воды и травы как для себя, так и для скота должны были, вернее, *вынуждены* были вести подвижный, то есть кочевой образ жизни. Одновременно они, чтобы бороться с противниками, защищаться или нападать на других, должны были организовываться, в конечном счете, создавать свои государственности, совершенствовать их и т.д. Так продолжалось столетиями, тысячелетиями, в результате чего сложилась своеобразная и возможная лишь в степных условиях цивилизация – цивилизация степных кочевых народов суровой в географо-климатическом отношении Центральной Азии и Евразии в целом. Ее можно было бы квалифицировать как *особый тип* цивилизации.

* * *

Начиная примерно с середины I тыс. до н.э. и до начала II тыс. н.э. различными кочевыми и полукочевыми народами Центральной и Восточной Азии, друг за другом, или иногда несколько синхронно, образовалось, существовало около двух десятков государств, включая крупные империи, владевшие огромными территориями (общий обзор см.: [Кычанов, 1997; Кляшторный, Савинов,

1994]). Первым крупнейшим государственным образованием, существовавшим в течение многих столетий, была держава хунну (сюнну), позднейшие потомки которых на западе более известны под другим вариантом этнонима – гунны [Материалы, 1968; Иностранцев, 1924; Гумилев, 1960]. При шаньюе Маодуне государство хуннов примерно с 1,5 миллионным населением имело могущество «равное по силе, – согласно Сыма Цяню, – Срединному государству», располагавшему намного большими людскими ресурсами [Материалы, 1973, с.4].

После хуннов на исторической арене Центральной Азии, иногда охватывая часть Дальнего Востока, друг за другом или частично одновременно, побывали государственные образования сяньбийцев, туюйханей, жуаньжуаней; в середине VI в. образовался Тюркский каганат, просуществовавший до середины VIII столетия, а затем, после государств уйгуров и кыргызов, являвшихся своеобразными наследниками каганата, появились державы киданей, чжурчженей и др. [Е Лун-Ли, 1979; Воробьев, 1975].

Эти и другие центральноазиатские государства были созданы в основном кочевыми народами. При этом необходимо учитывать, что эти государства, носящие названия отдельных этносов, в подавляющем своем большинстве имели смешанное население, что способствовало взаимообмену жизненным опытом, культурными достижениями. Известные нам названия давались государствам преимущественно современными им соседями или, позднее, по этнониму господствующего этноса или союза племен.

У многих из этих государств их главы, начиная с сяньбийцев и жуаньжуаней, назывались *ханами* или *каганами*, т.е. имели схожие системы власти и управления. В организации войска в той или иной форме имела место десятичная система. Сами они жили в юртах, занимались разведением традиционных видов скота – лошадей, коров, овец, коз, верблюдов, ослов, скрещивая последних с кобылами, получали приплод в виде выносливых мулов и упрямых лошаков. Из шкур, шерсти, пуха домашних, частично диких животных изготавливали предметы быта, в т.ч. различные виды одежды; умели изготавливать необходимые вооружения. Активно занимались охотой, имевшей определенное значение в

снабжении себя продуктами питания, в пищу употребляли мясо-молочные продукты, получаемые от скота; из кобыльего молока умели изготавливать специальный напиток – кумыс. Часто нападали на близких и дальних соседей, грабили их, нередко защищали свои владения от нападающих, временами имели с ними мирные контакты, входили в брачные отношения, нарушали союзнические договоры, снова договаривались, опять нарушали и т.д., т.е. вели себя *как обычные люди*. Так что, как в общественно-социальном, организационно-политическом, так и в хозяйственно-бытовом и культурном планах у них было много общего.

Монголы, активное выступление которых на историческую арену происходило в XII в., а превращение их в доминирующую силу – в XIII столетии, имели все эти только что перечисленные жизненные атрибуты кочевых обществ прошлого. Из них для нас в данном случае наиболее интересными являются вопросы военного дела и административного устройства государства, вернее их *традиционные истоки и корни*.

Эти вопросы специально и весьма подробно рассматривались в новейшее время В.В.Трепавловым в монографии «Государственный строй Монгольской империи XIII в.». В ней автор на основе богатой источниковой базы и солидного историографического опыта проанализировал основные компоненты таких традиционных истоков, каковыми являются, например, информация письменных сочинений, сведения народной памяти (фольклора), данные правовых норм и навыки управленческой практики, которые монголам достались от соседей и предшественников [Трепавлов, 1993, с.31–44]. Автор аргументировано показал, что корни таких истоков уходят в эпоху хунну, также древних тюрков [там же, с.18–21]. А последние «оказали решающее влияние на формирование специфических для Центральной Азии хозяйственных типов, политических общностей и культурных традиций» [Кляшторный, 1973, с.254–255]. Весьма убедительным является мнение, что большое значение для Чингиз-хана имело его относительно мирное сближение с уйгурами, карлуками и другими тюрками, имевшими богатую государственную традицию, являющуюся фактически продолжением таковой древних тюрков [Трепавлов,

1993, с.51–53]. Все это дало В.В.Трепавлову полное основание сделать вывод о том, что, во-первых, Чингиз-хану «удалось обеспечить добровольное признание подданства целым рядом тюркских князей», во-вторых, «использование древнетюркской государственной традиции в 1207–1223 гг. позволило Чингисхану и его соратникам приобрести дополнительную социальную и военную опору за пределами Монголии» [там же, с.58].

В связи с этим у читателя вполне возможен такой вопрос: как воспринимались, осваивались такие традиции или же при помощи каких «механизмов» и средств они насаждались в только что сложившемся монгольском государстве?

Ответы на такой вопрос содержатся, как мне кажется, в **реформах** Чингиз-хана, о которых до сих пор почти ничего не говорилось в исследованиях подавляющего большинства авторов нового и новейшего времени. Даже объективные и стремившиеся к справедливости авторы, видевшие и учитывавшие результаты преобразовательной деятельности Чингиз-хана, умудрялись обходить этот вопрос, т.е. не называть этот процесс своим именем (см. например: [Владимирцов, 2000, с.56–66]). Видимо, их традиционная предубежденность не позволяла им допускать мысль о том, что предводитель *бесписьменных кочевников* способен был проводить какие-либо реформы. Ибо социально-политические, военно-административные реформы, по их представлению, являются атрибутом лишь цивилизованных, т.е. оседлых обществ. Однако при этом не учитывалось то обстоятельство, что монгольское общество, как неотъемлемая часть огромного центральноазиатского мира, находившееся более чем тысячелетнее время в сравнительно тесном контакте с другими, безусловно культурными и высокоразвитыми странами Дальнего Востока, имело таких непосредственных предшественников, как древние тюрки, уйгуры, создавших собственную письменную традицию, обладало также своей приспособленной к географо-климатическим условиям особой цивилизацией. Об этом свидетельствует способность монголов на начальном этапе становления и развития своей государственности воспринимать, как было отмечено выше, опыт и традиции своих предшественников и современных соседей. Поэтому вполне ре-

ально, что Чингиз-хану удалось в своем улусе, как отмечено Е.И.Кычановым, еще в 1204 г. провести ряд реформ, что способствовало укреплению своей власти, а в дальнейшем успешному осуществлению внешней экспансии. Уместно отметить, что понятие «реформы» применительно к деятельности Чингиз-хана было обоснованно использовано в России лишь недавно [Усманов, 2000, с.27–29], и это мнение, как видим, поддержано Е.И.Кычановым.

Об историчности реформ Чингиз-хана свидетельствует своеобразный комплекс источников: свод, т.е. кодекс законов, известный у монголов под названием *Джасак*, у тюрков – *Йасаг* или *Йаса* (в источниках и отдельных исследованиях – «Великая Йаса»), также собрание каганских изречений, точнее, предписаний, рекомендаций под именем *Билик* («знание», «мудрость»), которое как бы дополняет, расширяет отдельные положения Йасы. Поэтому их целесообразно рассматривать вместе, т.к. Билик, судя по всему (по характеру сохранности его отрывков рядом с фрагментами Йасы, или вперемешку со статьями кодекса), имел по своему влиянию почти аналогичный вес, как сама Йаса.

Из российских ориенталистов на значение Йасы и Билика серьезное внимание обратил И.Н.Березин, компетентный знаток средневековых персидских и тюркских письменных источников [Березин, 1864, с.404–421]. Должное внимание извлечениям из Йасы и Билика уделил Я.И.Гурлянд, рассматривавший их как один из истоков монгольского законодательства более поздних времен [Гурлянд, 1904, с.60–80]. Целенаправленным привлечением этих материалов для изучения истории XIII в. занимался Э.Хара-Даван в книге «Чингисхан как полководец и его наследие» [1929], которого знаток евразийской истории охарактеризовал, как «автора глубокой биографии» полководца [Вернадский, 2000, с.34]. Материалы Йасы и Билика занимали достойное место в исследовании В.А.Рязановского, издавшего в Харбине большой труд по обычному праву монголов [Рязановский, 1931, с.9–26].

В плане источниковедческого осмысления значения Йасы особое место занимает небольшая по объему, но емкая по содержанию книга Г.В.Вернадского, опубликованная им в 1939 г. в Брюсселе. Этому автору принадле-

жит также опыт в использовании сведений Йасы в исследовании [Вернадский, 2000]. Однако, несмотря на существование таких публикаций (правда, до последнего времени по известным причинам бывших малодоступными широкому кругу исследователей) и накопленного опыта, вне поля зрения отечественных историков оставались, точнее, ими игнорировались и доступные им статьи Йасы, хотя сам источник никуда не эмигрировал...

Причин здесь несколько. Во-первых, тексты Йасы и Билика полностью не сохранились, от них остались лишь разрозненные отрывки, «жалкие остатки», – как писал Б.Я.Владимирцов, – по которым мы с трудом можем судить обо всем целом» [Владимирцов, 2000, с.64]. (Утверждение, как увидим в дальнейшем, и категоричное, и несколько однобокое.) Во-вторых, в сохранившихся фрагментах, на первый взгляд, преобладают статьи, отражающие больше бытовые и поведенческие аспекты жизни, что, по-моему, также вызывало у отдельных исследователей осторожность, вернее осторожное недоверие к их достоверности [Трепавлов, 1993, с.8, 40–41]. В-третьих, и это самое главное, имело и имеет место предубежденное отношение к идее научной разработки проблем чингизовских реформ вообще, подразумевающее, что кочевничество и «варварство» не совместимы с реформаторскими преобразованиями. Наконец, в-четвертых, политическое значение имело и то обстоятельство, что на преобразовательскую деятельность Чингиз-хана обращали внимание т.н. «евразийцы» первой волны, искавшие положительное для России «в монгольском наследии» и опыте.

Достоверность содержания сохранившихся фрагментов, также историчность самих памятников, т.е. Йасы и Билика, не подлежит сомнению [Вернадский, 1939, с.5–6]. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить материалы из сочинений Рашид ад-Дина, Джувейни, Макризи, Абу-л-Фараджа, также некоторых армянских и других авторов XIII столетия (значительный опыт в этом плане представлен также в новейшее время, например: [Вернадский, 2000, с.106–116]). Следовательно, и по этим фрагментам можно получить – по примеру биологов и археологов, оперирующих каплями, даже долями их и небольшими черепками, их осколками – определенное представление как о былом явлении прошлого в це-

лом, так и о его отдельных компонентах в частности. Ведь не случаен тот факт, что и авторы-современники событий, и исследователи позднейших времен, стремившиеся глубже осмыслить историю монголов, причины их побед, придавали должное внимание отдельным положениям и всему содержанию Йасы и Билика (см., например, источники: [Джувеини, 2004, с.18–24; Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.259–265], позднейшие исследования: [Бартольд, 1963; Владимирцов, 2000; Вернадский, 2000 и др.]). Все это дает и нам право обращаться к сохранившимся отрывкам из Йасы и Билика.

Разумеется, фрагментарность материала и «скомканность» в изложениях информаторов содержания нескольких статей делали и делают полученные сведения относительными. Однако и такая относительная информация имеет определенную репрезентативность. Поэтому и перейдем к самим текстам. (Приводимые извлечения, чтобы читатель имел возможность для сверки и сравнения их с другими вариантами, даются как по средневековым памятникам, так и по новейшим публикациям [Хара-Даван, 1996]. Для наглядности буду оперировать значительными по объему цитатами.)

Чингиз-хан, согласно одному монгольскому преданию, предпринимал меры для создания свода законов, *«из которых бы исходило спокойствие и благополучие для всех его подданных»*. С этой целью он пригласил «великого учителя и 18 умных его учеников» и поручил им «составить законы» [Рязановский, 1931, с.10]. Так рождалась Йаса, утвержденная и принятая к всеобщему исполнению на Великом курултае 1206 г., она неоднократно дополнялась новыми статьями, например, в 1210, 1218 и 1226 гг. Билик также обогащался при жизни кагана за счет новых высказываний и предписаний его. То есть они развивались соответственно потребностям жизни и интересам быстро растущего государства. Ибо «Великая Яса Чингисхана составляла правовую основу империи» [Вернадский, 2000, с.115].

Государство, как видно из Билика, представлялось Чингиз-хану **совокупностью** во всех отношениях признающего приоритет старшинства, принципы субординации дисциплинированного общества, всех его членов и **четко действующих управленческих звеньев**, их всевозможных начальников, от-

ветственных за благополучие подчиненных и подотчетность их перед вышестоящими инстанциями, вплоть до кагана. В противном случае, при несоблюдении этих условий, т.е. требований закона, общество и государство могли развалиться: *«Если великие люди, бахадурь и эмиры (...) не будут крепко держаться закона, то дело государства потрясется и прервется, будут страстно искать [нового] Чингиз-хана, но не найдут [его]»* [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.259–260; Хара-Даван, 1996, с.209]. Необходимо подчеркнуть, что исполнение предписаний Йасы было обязательным как действующим, так и будущим правителям государства: *«если потомки, которые появятся на свет и воссядут на ханство, будут так же хранить обычай и закон Чингиз-хана, которые в народе ко всему применимы, и не изменять их, то с неба снизойдет помощь их державе и они будут всегда [пробывать] в радости и веселии. Господь вселенной взывает их [своими] милостями, а жители мира будут за них молиться, они будут долговечными и будут наслаждаться благами»* [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.260; Хара-Даван, 1996, с.208–209].

При чтении этих слов Билика, где беда или благополучие общества и различных руководителей его обуславливаются нарушением или исполнением предписаний Чингиз-хана, вспоминаются известные мысли тюркского кагана из эпитафий VIII в. В них своеобразно проведена почти аналогичная идея, однако, на примере не позитивного, а негативного развития взаимоотношений членов общества: *«Тюркские беки и народ, слушайте это! Я вырезал здесь [на камне], как вы, собрав тюркский народ, созидали племенной союз, как вы погрешая, делились (...)*, и когда *«младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам»*, то враги *«ссорили младших братьев со старшими (...), тюркский народ привел в расстройство свой существовавший племенной союз и навлек гибель»* [Малов, 1951, с.35–37].

Естественно, не следует выводить идеи Билика прямо из древнетюркского текста. Но вполне допустимо то, что подобная идея существовала, передаваясь из поколения в поколение, в народной памяти центральноазиатских обществ, в их фольклорной мысли.

Существовавшая и прежде идея об условии благополучия государства во времена Чингиз-хана была отработана и доведена до соответствующей его представлениям кондиции. Разумеется, при этом Чингиз-хан мог учитывать опыт и других государств Центральной Азии, также Дальнего Востока. То есть т.н. «монгольская идея» [Вернадский, 2000, с.104] о государственности имела глубокие исторические корни и не ограничивалась одним узкоэтническим миром. Таким образом, выходит, что Билик и Йаса создавались не как изречения бытового назначения, а сложились как опирающаяся на традицию специальная концепция для обустройства целого общества, т.е. государства.

Правомерность такого вывода подкрепляется тем, что и сохранившиеся фрагменты Йасы свидетельствуют о почти многостороннем, т.е. своеобразном комплексном подходе Чингиз-хана к делу обустройства населения своего государства. Прежде всего, он обращает внимание на долг, ответственность руководителей всех рангов, их способность работать, а также «учиться». *«Только те эмиры туменов, тысяч и сотен, которые в начале и конце года приходят и внимают биликам Чингиз-хана и возвращаются назад, могут стоять во главе войска. Те же, которые сидят в своем юрте и не внимают биликам, уподобляются камню, упавшему в глубокую воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника (...). Такие люди не годятся в качестве начальников!»*. Далее: *«Каждый, кто в состоянии содержать в порядке и [целое] владение; каждый, кто может так, как это положено, выстроить к бою десять человек, достоин того, чтобы ему дали тысячу или тумен: он сможет выстроить их к бою»* [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.260; Хара-Даван, 1996, с.142].

Как видно из этого текста, чингизовские начальники – это, прежде всего, войсковые предводители. Потому что все мужчины подвластного Чингиз-хану кочевого населения были, выражаясь по-современному, военно-обязанными: *«Каждый мужчина (...) обязан службой в армии», а «не участвующий лично в войне, обязан в течение некоторого времени поработать на пользу государства без вознаграждения»* [Хара-Даван, 1996, с.144]. В изложении Абу-л-Фараджа это положение сформулировано более четко и

развернуто: *«Бойцами рекрутируются мужчины от двадцати лет и старше. Для каждого десятка должен назначаться офицер, и для каждой сотни, и офицер для каждой тысячи, и офицер для каждых десяти тысяч (...). Ни один из тысячи, сотни или десятка, в которые он был зачислен, не должен уезжать в другое место; если он делает это, то будет убит, и также будет с офицером, который принял его»* (цит. по: [Вернадский, 2000, с.110–111]; см. также: [Джувейни, 2004, с.24]). Установление такого воинского и одновременно крепостного порядка [Вернадский, 1939, с.17–18] стало возможным в результате совершенствования и распространения десятичной системы на все кочевое сохранившееся родо-племенные структуры населения по принципу способности самого населения выставлять десятки, сотни, тысячи и т.д. воинов. В результате такого слияния военной и гражданской структур всего населения государства, когда «командир крупного армейского соединения становился одновременно гражданским наместником района» [Вернадский, 2000, с.132], стало возможным создание легко управляемого, максимально мобильного, заинтересованного в военной добыче общества, получившего образное и точное название «народ-войско» [Гумилев, 1970, с.174–175].

Одновременно это было весьма удобно и для налогообложения в покоренных странах. Об этом четко сказано в источнике: *«...повсюду ввели перепись по установленному образцу и все население поделили на десятки, сотни и тысячи, и установили порядок набора войска, ямскую повинность и расходы на проезжающих и поставку фуража, не считая денежных сборов; а сверх этих тягот наложили еще копчур»* ([Джувейни, 2004, с.25]; вариант перевода В.Ф.Минорского см.: [Вернадский, 1939, с.50]). Об осуществлении переписи населения Самарканда, подтверждая слова Джувейни, сообщает и другой источник [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.208].

Если в прежних кочевых государствах, начиная со времен хунну, десятичная система применялась исключительно в войсковой организации (сначала, видимо, в гвардии при «хане», потом во всем войске), то при Чингиз-хане она распространилась на все подвластное кагану население. Таким образом, в Монгольском государстве, затем во всей

империи стал функционировать реформированный вариант десятичной системы, способствовавшей созданию выше упомянутого феномена – «народа-войска» по военно-территориальному и родо-племенному принципу с ответственными начальниками, являвшимися одновременно и наместниками на определенных территориях.

К таким результатам Чингиз-хан пришел, судя по всему, не сразу, а постепенно. Согласно «Сокровенному сказанию», сначала, после избрания его ханом и получения имени-титла Чингиз-хан, он ввел новые элементы и соответствующие звания командиров военно-административного строя. Затем, после победы над керейтами, осуществил полное внедрение десятичной системы [Козин, 1941, с.109, 144; Трепавлов, 1993, с.27]. Следовательно, Чингиз-хан к таким преобразованиям, т.е. реформам, пришел осознанно, а не стихийно, как пассивный продолжатель давно сложившихся в кочевом мире традиций. Осмысленность ханом этих мероприятий, изменений подтверждается его категоричным предписанием: *«подразделения войск на десятки, сотни, тысячи и тьмы должно быть сохранено. Этот порядок позволяет собрать армию в короткое время и формировать командные единицы»* [Хара-Даван, 1996, с.143]. Такая система способствовала сбору силы «с точностью часового механизма» [Вернадский, 2000, с.123].

Чингиз-хан, судя по всему, с самого начала царствования предпринимал ряд мер, необходимых для оптимально четкого управления крупными подразделениями (тысячами, тьмами) своего разноплеменного войска, например, введение новых войсковых и дворцовых должностей [Козин, 1941, с.110]. Несколько косвенное, точнее сильно фольклоризированное отражение этого процесса находится в первом разделе анонимного историко-литературного памятника «Дафтар-и Чингиз-наме» [Усманов, 1972, с.106–111]. В нем подробно сообщается, что севший на трон Темучин (Темучжин) наделяет своих сподвижников – родоплеменных вождей, т.е. одновременно и предводителей войсковых подразделений, приведших его к власти, – различными отличительными атрибутами. Например, особым позывным кличем (*уран*), специальным знаком (*тамга*), воинским костюмом (*саут*), наконец, птицей-символом

(*куш* – возможным элементом для знамени) [Ivanics, Usmanov, 2002, S.56–60, 228–232; Иванич, 2002, с.328].

Для четкого и эффективного управления войском на поле сражения применялись и другие вспомогательные средства. Кроме разнообразных и разноцветных знамен, принадлежащих крупным подразделениям, воины отдельных сотен и тысяч были посажены на лошадей одной масти [Хара-Даван, 1996, с.149]. Это способствовало, надо полагать, тому как быстро найти своих коней на пастбищах, так и отличить одни войсковые подразделения от других, также каждому воину после совместных атак, сражений или отступлений быстро определить свое место в строю. Таким средством татаро-монгольские завоеватели пользовались и позднее. Например, Бату-хан от покоренных рязанских князей требовал десятины коней не «по стагьям», как обычно это делают, а по масти: «белых, вороных, бурых, рыжих, пегих» и т.д. [ПСРЛ, 1, с.514; Иванич, 2003, с.139, прим.6]. Во время переписи населения на Руси лошадей учитывали отдельно и по масти [Вернадский, 2000, с.287]. Традиционность такого порядка у монголов подтверждается и другими фактами, например, в 1223 г. Джучи в качестве подарка своему отцу «пригнал 20000 белых коней» [Бартольд, 1963, с.522]. Вопрос здесь лишь в том, кто впервые придумал такой порядок, Чингиз-хан или его предшественники.

Продуманность **войсковой реформы** подтверждается и тем, что уделялось должное внимание на поведенческие и, как мы выразились бы в наше время, моральные качества войска. Прежде всего, подчеркивается ответственность командира за порядок и постоянную готовность исполнять приказ сверху: *«Каждый из эмиров тумена, тысячи и сотни должен содержать в полном порядке и держать наготове свое войско с тем, чтобы выступить в поход в любое время, когда придет фирман и приказ, безразлично, ночью или днем»* [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.264; Хара-Даван, 1996, с.143]. Командир должен заботиться о быте подчиненных: начальником должен быть *«тот человек, который сам знает, что такое голод и жажда, и судит по этому о состоянии других, тот, который в пути идет с расчетом и не допускает, чтобы (его) войско голодало и испытывало жажду, а скот отощал»* [Ра-

шид ад-Дин, 1952, I, 2, с.262]. Таким убеждением Чингиз-хана объясняется тот общеизвестный факт, что среди его военачальников, талантливых полководцев немало было выходцев из простолюдинов. К тому же от руководителей требовалась личная (внутренняя, т.е. моральная) порядочность: *«Каждый, кто может очистить от [зла] свое внутреннее, может очистить от воров [целое] владение»* [там же, с.260; Хара-Даван, 1996, с.209]. Военачальники (одновременно и гражданские администраторы) и воины вообще должны вести себя порядочно и скромно в обычное время: *«Среди [мирного] населения будьте смиренны, как малый теленок, а во время войны кидайтесь в бой, как голодный ястреб, бросающийся на дичину»* [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.261; Хара-Даван, 1996, с.142 (вариант)].

Требование быть кротким и скромным среди населения, простых людей предьявлялось не только к воинам, их непосредственным начальникам, но и к представителям высшего руководства, в т.ч. и царствующей династии. Так, Йаса ввела *«один похвальный обычай, закрыв двери чиновничества, похвалы титулами, крайнего высокомерия и недоступности, кои обычны у удачливых и могущественных. Когда один из них восходит на ханский престол, то ему добавляют одно имя – хан или каан, и только, и более ничего (...), а сыновей его и братьев зовут теми именами, что даны им при рождении, в лицо и за глаза. И это правило установлено как для простолюдинов, так и для знати (...), не делая разницы между султаном и простолудином»* ([Джувеини, 2004, с.20]; тот же текст в переводе В.Ф.Минорского см.: [Вернадский, 1939, с.43–44]). Историчность этой статьи Йасы подтверждается аналогичным текстом в кратком изложении Абу-л-Фараджа, который отметил, что обычай *«давать многообразные цветистые имена»* характерен был у мусульманских правителей [Вернадский, 1939, с.54].

В обязанность военачальников-администраторов входит и подготовка молодежи быть воинственными солдатами: *«Эмиры войска должны хорошенько обучать сыновей метанию стрел, верховой езде и единоборству и упражнять их в этих делах. И такими сделать [их] отважными и неустрашимыми (...)*» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.262]. Раз-

вернутый вариант этого предписания, согласно Абу-л-Фараджу, звучит следующим образом: *«Когда монголы не заняты войной, они должны отдаваться охоте. И они должны учить своих сыновей как охотиться на диких животных, чтобы они набирались опыта в борьбе с ними и обретали силу, энергию, выносить усталость и быть способным встречать врагов, как они встречаются в борьбе диких и неприученных зверей, не щадя [себя]»* (цит. по: [Вернадский, 2000, с.110]). Описание видов и способов ханской охоты, призванной обучать военному искусству, представлено у Джувеини ([Джувеини, 2004, с.20–22], вариант перевода В.Ф.Минорского см.: [Вернадский, 1939, с.44–46]). На значение охоты в становлении и развитии военного искусства у монголов указывал и позднейший исследователь [Хара-Даван, 1996, с.154, 192].

Чингиз-хан в своем войске установил строгие, даже жесткие правовые порядки. За малейшее нарушение дисциплины следовало наказание от телесного до смертной казни. Как отмечал И.Н.Березин, в уголовном кодексе Чингиз-хана «смертная казнь играет главную роль» [Березин, 1864, с.45]. Репрессии подвергались и члены семьи виновного. Особую суровость у него вызывали лживость и склонность к измене, предательству. В установлении таких правовых порядков не последнюю роль сыграли, надо полагать, предписания, авторитет Йасы. В результате Чингиз-хану удалось, «подавляя своей личностью каждую чужую волю», установить в армии «такую строгую дисциплину, что воровство и ложь (...) были в ней совершенно немыслимы» [Бартольд, 1963, с.527–528].

Обязанность подданных перед государством сводилась не только к службе в войсках. Как было отмечено выше, были и другие повинности. При этом, однако, «повинность поровну распределялась среди всех подданных хана» [Вернадский, 2000, с.111]. В Йасе это сформулировано следующим образом: *«Каждый человек трудится как другой, и между ними не делают разницы, не принимая во внимание ни богатство, ни власть»* ([Джувеини, 2004, с.23]; вариант: [Вернадский, 1939, с.47]).

Приведенные из Йасы и Билика выдержки могут создать впечатление, что Чингиз-хан стремился законными путями укрепить

свое государство и создать дисциплинированное, боеспособное, также «теленку подобное» среди населения, войско. Да, он «любил» законность, считал нужным узаконить в Йасе дикие, отвратительные виды человеческой деятельности, каковыми являются грабеж и мародерство: *«Запрещается, под страхом смерти, начинать грабеж неприятеля, пока не последует на то разрешение высшего командования, но, по воследованию такового, солдат должен быть поставлен в одинаковые условия и ему должно быть позволено взять, сколько он может унести, при условии уплаты сборщику причитающейся императору доли»* [Хара-Даван, 1996, с.144].

В данной статье Йасы фактически отразила суть всех устремлений, деятельности и военной политики Чингиз-хана, который, будучи сыном своей эпохи, встал, как везде в средневековье, на путь «узаконенного» разбоя, грабежа и, естественно, эксплуатации коренных народов в дальнейшем.

Какие результаты дали военные реформы Чингиз-хана – известно всем, о них свидетельствуют кровавые завоевания, гибель десятков и сотен тысяч людей, страдания и унижения миллионов оставшихся в живых...

Так называемое «торжество монгольского оружия» в первой половине XIII в. сильно ударило фактически и по самому монгольскому народу, катастрофически сократив его численность, превратив страну в отсталую периферию (см.: [Сандаг, 1970, с.42]), тем самым еще раз проиллюстрировав перспективу судьбы имперских народов. Поэтому нет потребности дальше подтверждать результативность этих военных преобразований при помощи других аутентичных источников.

В Йасе имеются специальные предписания, призванные **регулировать разные гражданские дела**, в т.ч. и семейные взаимоотношения. Видимо, и Чингиз-хану было знакомо понятие, что «семья – ячейка государства». Характерно следующее его высказывание: *«Жена, когда ее муж уезжает на охоту или на войну, должна содержать дом в порядке и прибранным с тем, чтобы, когда посол либо гость останутся в доме, он увидел бы все в порядке, а она сделала хорошее кушанье и приготовила все, что нужно гостю. [Такая жена] естественно создает хорошую репутацию мужу, подымает его имя, и [муж ее]*

на общественных собраниях возвысится, словно гора. Хорошие качества мужа узнаются по хорошим качествам жены» ([Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.261]; вариант перевода: [Хара-Даван, 1996, с.209]). А *«женщины, сопутствующие войскам, исполняли труды и обязанности мужчин в то время, как последние отлучались на битву»* ([там же, с.214]; по Макризи: [Вернадский, 2000, с.111]).

Подчиненное положение женщины в семье и в обществе определено следующим предписанием: *«По смерти отца сын распоряжается судьбою его жен, за исключением своей матери, может жениться на них или выдать их замуж за другого»*. Представлениям людей той эпохи вполне соответствовало и такое указание хана: *«представлять в начале каждого года всех своих дочерей султану (хану), чтобы он выбрал для себя и для своих детей»* ([Хара-Даван, 1996, с.214]; вариант см.: [Вернадский, 1939, с.49]). Если учитывать то обстоятельство, что, например, сам Чингиз-хан, кроме официальных четырех жен, имел много наложниц [Бартольд, 1963, с.528; Владимирцов, 2000, с.122–125], у Бату, согласно Рубруку, было двадцать шесть женщин, у его сына Сартака – шесть, у старшего сына последнего – еще две-три дамы [Путешествия, 1957, с.92, 111], то потребность в таком ежегодном «конкурсе красоты» вполне реальна.

Особенности отношений Чингиз-хана и других монгольских ханов к **религии**, факты их веротерпимости постоянно привлекали внимание исследователей. Были высказаны различные и весьма широкого диапазона мнения: одни, преимущественно средневековые писатели, объясняли такое «странное поведение» монголов их отсталостью и непросвещенностью, другие, естественно, ученые мужи, искали в таком феноменальном явлении признаки, так сказать, абстрактного «гуманизма». Были также сторонники такого мнения, что особенность религиозной политики ранних Чингизидов связана, прежде всего, с их «политическим прагматизмом». Такого примерно мнения в свое время, будучи под влиянием широко распространенной историографической традиции, придерживался и автор этих строк (об этом, также краткую подборку источников некоторых исследований по теме см.: [Усманов, 1985, с.117 и сл.]).

В последние годы вышли работы, исправляющие некоторые однобокие концепции прошлого, в т.ч. и мое малоудачное утверждение относительно доминирования «политического прагматизма» в действиях монгольских ханов. Ибо «религиозная терпимость монголов объясняется единственно их убеждениями, а не какими-то политическими мотивами» [Кривошеев, Соколов, 2002, с.165]. Согласен с таким уточнением. Оно справедливо применительно к деятельности ранних Чингизидов, т.е. примерно до середины XIV столетия, и только. Ибо несколько позднее ситуация существенно меняется – доля прагматизма в религиозной политике увеличивается. В то же время, навязывая людям далекого прошлого нравы политиков позднейших времен, мы встаем, хотим того или нет, на путь игнорирования их права иметь свои собственные убеждения. Это во-первых. Во-вторых, появлению таких ошибок способствует также игнорирование информации адекватных источников, каковыми в данном случае являются материалы правовых норм монголов той эпохи. Они зафиксированы в *Йасе*.

Важными статьями *Йасы* являются следующие: «*Повелеваем всем веровать во Единого Бога, творца неба и земли, единого подателя богатства и бедности, жизни и смерти*». Также: «*уважать все исповедания, не отдавая предпочтения ни одному (из них). Все это (...) как средство быть угодным Богу*» [Хара-Даван, 1996, с.134, 213; Рязановский, 1931, с.13]. Поскольку сам Чингиз-хан «*не следовал никакому исповеданию, то он не проявлял нетерпимости и предпочтения одной религии другой (...), наоборот (...), как он с почтением взирал на мусульман, так миловал и христиан и идолопоклонников*» ([Джувейни, 2004, с.20]; вариант В.Ф.Минорского: [Вернадский, 1939, с.43]).

Убеждения Чингиз-хана, судя по сведениям аутентичных информаторов, не остались лишь декларациями. Не только абстрактные религии, но и служители культов различных конфессий, также их храмы пользовались существенными привилегиями. Это признавали представители различных религий, что видно из статей *Йасы* в их изложении. Например, согласно автору-мусульманину, от всех потомков Али и других святых *не взимались «налоги и подати, а также никто из факиров,*

чтецов Аль-Корана, законоведов, лекарей, мужей науки, посвятивших себя молитве и отшельничеству, муэдзинов и омывающих тела покойников, не были налогообемы податью и налогами». Христианин Варган по-своему четко и емко изложил положения нескольких статей *Йасы*: «*Чингис-ханова Яса запрещает ложь, воровство, прелюбодеяние, предписывает любить ближнего, как самого себя, не причинять обид и забывать их совершенно, щадить страны и города, покоряющиеся добровольно, освобождать от всякого налога и уважать храмы, посвященные Богу, а равно и служителей его*» ([Хара-Даван, 1996, с.213–214]; варианты см.: [Вернадский, 2000, с.108, 111]).

Историчность этих предписаний подтверждается свидетельствами других аутентичных информаторов, таких как Плано Карпини и Гильом де Рубрук, также Марко Поло, которые, подробно сообщая о набожности самих монголов, одновременно отмечали их терпимость по отношению к представителям других вероисповеданий [Путешествия, 1957, с.28–29, 118–119, 127–130 и др.; Марко Поло, 1955, с.95–98, 102–103 и т.д.].

Таким образом, в целом, как отмечал в свое время И.Я.Коростовец, *Йаса* предписывала «терпимость в вопросах религии, почтение к храмам, к духовным лицам и к старшим, а также милосердие к нищим» (цит. по: [Хара-Даван, 1996, с.136]), что кратко и более четко сформулировано и новейшим исследователем: «согласно *Йасе* Чингис-хана, все конфессии были поставлены в равные условия» [Юрченко, 2002а, с.246].

Одновременно наблюдалось и несколько парадоксальное на первый взгляд явление. Несмотря на индивидуальные симпатии и антипатии сыновей и внуков Чингиз-хана к отдельным религиям и постоянную вражду и грызню между ними в борьбе за власть (подробнее см.: [Бартольд, 1963, с.531–584]), основные предписания *Йасы* относительно равенства религий соблюдались и исполнялись неукоснительно. Это хорошо видно на примере престолонаследия в Джучиевом Улусе: после шаманиста Бату к власти пришли христианин (несторианец) Сартак, затем – мусульманин Берке, после него – шаманист Менгу-Тимур и т.д. [Босворт, 1971, с.203; Вернадский, 2000, с.143].

Следовательно, основоположник Монгольской империи произвел существенные преобразования, установил строгие порядки и в сферах духовной жизни общества. В результате этого, начиная со времен образования Монгольского государства в начале XIII в. до середины XIV столетия, т.е. при самом кагане и ранних Чингизидах в евразийских владениях их не было ни религиозных войн, ни погромов, ни кампаний по массовой и насильственной исламизации, христианизации, также обращения в буддизм. А на Западе до этого (в XI–XII столетиях), как известно, полыхало пламя крестовых походов и зажигались очаги борьбы с «религиозной ересью», перешедшие в костры инквизиции. При ханском дворе мусульманина Берке отдельными членами рода «все языческие обычаи соблюдались также строго, как и в Монголии» [Бартольд, 1968, V, с.506–507]. При нем же в 1261 г. в Сарае была создана православная епархия, и христианское духовенство пользовалось привилегиями [Полубояринова, 1978; Кривошеев, Соколов, 2002, с.166–170]. Элементы религиозной терпимости сохранились и у позднейших Чингизидов: в Казанском ханстве, например, пленники из Руси не подвергались обряду обрезания...

В Йасе, судя по всему, немало было **статей и предписаний, касающихся проблем собственности, имущественных прав** как между отдельными людьми, так и членами одной и той же семьи. Например: *«Дети, прижитые от наложницы, считаются законными и получают по распоряжению отца соответствующую долю наследства. Раздел имущества основывается на таком положении, что старший получает больше младших; меньший же сын наследует хозяйство отца. Старшинство детей рассматривается соответственно степени их матери, из числа жен одна всегда старшая преимущественно по времени брака»* [Хара-Даван, 1996, с.215].

Соблюдение населением империи всех пунктов этих предписаний Йасы о «семейных делах» подтверждаются данными иноземных путешественников той эпохи, которые довольно компетентно проанализировали увиденные своими глазами явления [Путешествия, 1957, с.26–27, 92, 94; Марко Поло, 1955, с.88 и т.д.].

Любая форма собственности является священной. Нарушитель этого правопорядка наказывается строго, вплоть до смертной казни. Например, такого наказания заслуживает даже тот, кто, находясь сзади, увидит упавшую поклажу впереди едущего, но не возвратит упавшую вещь хозяину; также тот, кто, укрывая бежавшего раба, не возвращает его прежнему владельцу [Хара-Даван, 1996, с.143, 213]. Если *«у кого найдется украденная лошадь, обязан вернуть ее хозяину с прибавкой девяти таких же лошадей; если он не в состоянии уплатить этого штрафа, то вместо лошадей брать у него детей, а когда не было детей, то самого зарезать, как барана»* [там же, с.214]. Об обычае безвозмездно возвращать утерянную вещь и скотину хозяину сообщает Плано Карпини, который также отмечает, что население империи не запирало свои двери на замки и заборы [Путешествия, 1957, с.34].

В кодексе имелись **статьи, относящиеся** по представлению людей той эпохи **к поведенческим, нравственным и морально-этическим проблемам**. В монгольском обществе были представлены носители тех же пороков, которые имелись в человеческих обществах, в т.ч. в обычных цивилизованных странах: различные виды полового беспутства, от супружеской неверности до разврата (содомии), пьянство, также проявление невоспитанности в бытовых отношениях. Поэтому предписывалось наказание смертью за прелюбодеяние *«без всякого различия, будет ли он женат или нет»*; наказание же предполагалось обоим участникам, которые *«могут быть убиваемы на месте преступления»* [Хара-Даван, 1996, с.216]. Такая же кара ожидала тех, кто осквернял своей мочой воду и золу из очага [там же, с.213]. Ибо для степняка-монгола и кочевника вообще вода и огонь, кроме их сакральности (огонь обладал очищающим свойством), имели непреходящую жизненно-бытовую ценность: спасали от гибели во время зноя и согревали душу в зимней стуже (под золой также могли храниться тлеющие угольки – источник будущих костров...).

Законодатель неоднократно и довольно подробно обращался к **проблеме вина и пьянства**. *«В вине и водке нет ни пользы, ни разума, ни добродетелей, и нет также*

доброто поведения и доброго нрава», наоборот, они ведут к свершению дурных дел, к дракам, убийствам. Особенно они вредны для правителей: *«Государь, который пристрастен к вину и водке, не в состоянии вершить великих дел и издавать билики и [установливать] важные обычаи; эмир, пристрастный к вину и водке, не в состоянии держать в порядке ни дела тысячи, ни сотни, ни десятка [своего войска] и не в состоянии завершить их [благополучно]»*. Потому что *«человек, пьющий вино и водку, напьется, он становится слеп, (...) глух (...) и нем (...)»* [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.262; Хара-Даван, 1996, с.210]. Хмельные напитки вредны также и для простолодинов, т.к. пристрастные к ним люди *«пропивают полностью коня, стадо и все, что у них есть и становятся нищими»* [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.262–263].

Вместе с тем, отмечая негативность пьянства, грозный завоеватель, сопровождавший другие свои предписания угрозой применять суровые меры наказания, относительно пьяниц был довольно мягкосердечным. Применительно к ним, например, он не предлагает какие-либо виды строгого наказания, наоборот, допускает, что сильно зависящий от хмельного человек может напиться *«три раза в месяц»*, лучше если два раза, *«один раз – еще похвальнее; если же он совсем не будет пить, что может быть лучше этого?!»*. Характерно и такое задумчивое заключение: *«Но где же найти такого человека, который бы не пил, а если уж таковой найдется, то он должен быть ценим!»* [там же]. Такое снисходительное отношение к употребляющим хмельное объясняется, видимо, тем, что сам Чингиз-хан временами наслаждался вином, хотя всегда во всем знал меру, не допускал излишества [Владимирцов, 2000, с.122–124], и некоторые из его сыновей, например Угедей, отличались слабостью к хмельному [Бартольд, 1963, с.532]. (Здесь уместно отметить и то, что грозный хан слишком избирательно применял меры наказания. Если обычных людей за преступление ожидало «физическое уничтожение», т.е. казнь, то члены ханского рода «за нарушение Йасы» (!) подвергались лишь снятию с должности [Вернадский, 2000, с.112–113].) Специфическое отношение законодателя к употреблению отрицатель-

но оцененного им же хмельного находит косвенное отражение в записях аутентичных информаторов. Как сообщают Плато Карпини и Рубрук, пьянство среди монголов было обычным и распространенным явлением [Путешествия, 1957, с.35, 95]. Следовательно, отсутствие решительного запрета способствовало сохранению данного вида порока, что еще раз, хотя и косвенно, свидетельствует о действенности предписаний Йасы, об их влиянии на устройство государства, быт общества, качество военной организации и поведения людей. Словом, поскольку Йаса действовала «с неумолимой строгостью, то в империи Чингиса скоро установился образцовый порядок; убийства, грабежи, ложь и прелюбодеяния сделались в среде самих монголов редким явлением» [Владимирцов, 2000, с.64].

Разумеется, несмотря на все строгости предписаний Йасы и Билика, среди монголов, как во всех обществах, законы нарушались, что происходило и «втихомолку», и при содействии власти имущих, например, самих царевичей. Стремление к выходу некоторых улусов, например, Золотой Орды, некоторые ученые склонны квалифицировать как нарушение Йасы [Березин, 1864, с.416–420; Гурлянд, 1904, с.72]. В таком случае договоренность царевичей на р. Талас в 1269 г., когда признавалась суверенность Джучиева Улуса [СМИЗО, 1941, с.77], является коллективным нарушением Йасы. Однако мелкие нарушения были незаметны из-за их малочисленности, а договор на Таласе был «узаконен» на курултае тех же царевичей...

Такой правопорядок, установленный во времена самого Чингиза, просуществовал в принципе и при последующих правителях и во всех улусах империи, чему способствовало, видимо, сохранение союза в виде конфедерации. Повеления Йасы безоговорочно соблюдались правителями Золотой Орды. Например, по приказу Бату-хана казнили тех, кто нарушил Йасу, к тому же тюрко-монгольские народы той эпохи «приписывали Великой Ясе полумагическую власть»; она оказывала влияние на законодательства и других стран, где правили тюрки: например, мамлюкский «султан Бейбарс намеревался применить законы и правила Ясы в Египте. Фактически светское законодательство Мамлюкского царства, именуемое Ас-Сияса, в дей-

ствительности базировалось на кодексе Чингисхана» [Вернадский, 2000, с.107, 115–116]. Во время царствования Берке неукоснительно соблюдалась воля Йасы относительно религиозной терпимости. Об отсутствии воровства и охраны для пасущегося скота, об обычае возвращать украденного коня с девятикратным штрафом сообщает Ибн Баттута [СМИЗО, 1884, с.282]. Также все иноземные путешественники, посетившие Золотую Орду с середины XIII в. до середины XIV столетия, вдоль и поперек исколесившие страну (начиная от Плана Карпини до Ибн Баттуты), отмечали царившую в ней всеобщую безопасность и благополучие в пути. Точнее, они *не отмечали* какие-либо факты нападения, разбоя и грабежей.

Исправно действовала **безопасная почтово-ямская служба**, установленная «через всю ширь и длину страны» (цит. по: [Вернадский, 1939, с.49]). Обязательность организации такой службы также была предписана специальной статьёй Йасы (все правители должны были учреждать постоянно действующие почтовые структуры, «*дабы знать скоро о всех событиях в государстве*») [Хара-Даван, 1996, с.214]. Какие виды услуг предоставляла четко налаженная, материально обеспеченная ямская служба, насколько эффективно действовала эта уникальная для своей эпохи коммуникационная система, имеется яркий и подробный материал в описании другого свидетеля, исколесившего почти всю Евразию монгольской эпохи ([Марко Поло, 1955, с.121–122]; см. также [Вернадский, 2000, с.132–133]).

Таким образом, в результате всех вышеотмеченных социально-организационных преобразований – **реформ в различных сферах жизни**, начиная от усовершенствования военно-административных структур государства и быта общества, кончая сферами духовных, нравственных аспектов, было создано, как уже отмечено, мобильное, дисциплинированное, следовательно, легко управляемое и достаточно *прозрачное* «народ-войско». Поэтому не случайно, что компетентные западные дипломаты-разведчики, посетившие владения Чингизидов, например францисканцы, «описывают империю как высокоорганизованный социальный мир, а не мир хаоса, в чем были убеждены их западные современники» [Юрченко, 2002в, с.115].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что ряд нововведений Чингиз-хана были не новыми для кочевого мира вообще. Многие из этих военно-административных, общественно-социальных, правовых и поведенческих правил и норм, оформленных его предписаниями, не были придуманы им самим. Он, извлекая элементы или их идеи из многовековой жизненной практики, длительного управленческого опыта и обычного права многих народов Центральной Азии, привел их в более или менее стройную систему и поднял до уровня специальных статей Йасы – обязательного «для всех, включая самого кагана, Чингисхана» официального Закона [Владимирцов, 2000, с.63].

Все это, вместе взятое, дало возможность быстро мобилизовать физические силы, материальные ресурсы легко управляемого «народа-войска» и, образно говоря, крепко сжатым кулаком бить по противникам, точнее, по жертвам. Ответом же на это были размахивания руками с «растопыренными пальцами» быстро собранных, мало сплоченных, часто разрозненно действующих ополченцев из оседлых обществ и государств. В этих обществах, раздираемых т.н. феодальной раздробленностью, т.е. глубокими социально-политическими кризисами, у сепаратистски настроенных князей и правителей их «личный интерес стал ставиться выше коллективного» [Гумилев, 1970, с.396]. Достаточно вспомнить взаимоотношения между Северным Китаем и Южным, внутренние противоречия огромного государства хорезмшахов, которое оказалось фактически «подлинным колоссом на глиняных ногах» [Петрушевский, 1970, с.101–116], также межплеменные и внутриплеменные междоусобицы в Великой степи, наконец, более ста лет продолжающуюся братоубийственную грызню между князьями и княжествами на Руси. Достаточно подытожить все это фактами битвы и позорной катастрофы 31 мая 1223 г. на Калке.

Так за сравнительно короткое время, т.е. за какие-то 60–70 лет, создалась огромная супердержава Чингизидов, занимавшая более чем половину, даже чуть ли не 4/5 [Хара-Даван, 1996, с.162] всего Старого Света, простиравшаяся от Тихого океана почти до Атлантического. Следовательно, образование Монгольской суперимперии было результатом как расцвета эпохи кочевой цивилизации в целом, достигшей своего апогея в XII–

XIV вв., так и ослабленности, раздробленности многих оседлых стран и народов Евразии, вступивших в эти же столетия в полосу острого социально-политического кризиса.

Именно в результате таких событий и на фоне такого кризиса и побед образовалось и развивалось новое государство – Джучиев Улус (Золотая Орда), в котором, вопреки всем позднейшим пересудам и спорам, сложилась своя цивилизация (подробнее см.: [Крамаровский, 2005, с.15–31, 37–53]), имевшая как древние центральноазиатские, дальневосточные корни, так и современные ей евразийские, ближневосточные истоки.

Таков ответ вкратце на те «трудные» вопросы, которые констатированы были в самом начале этого текста.

* * *

Как видно из рассмотренного материала, реальность реформаторских преобразований Чингиз-хана прослеживается достаточно рельефно и довольно системно. Верить или не верить в осуществленность означенных преобразований в Монгольском государстве в начале XIII в. обусловлено наличием или отсутствием желания признать их историчность. В такой же степени реальными или «спорными» являются проблемы историчности своеобразной кочевой цивилизации у народов древней и средневековой Центральной Азии или Евразии в целом. Здесь также необходимо выяснение своего отношения к европоцентристской концепции при осмыслении и освещении истории других народов, т.е. сведения или не сведения сути и понятия цивилизации лишь к одной ее модели.

Вместе с тем автор этих строк отдает себе отчет в том, что более или менее всесторонне завершено решение вышерассмотренных проблем – дело будущего. В данном же очерке представлен опыт, призванный показать значение сохранившихся фрагментов и «осколков» Йасы и Билика для осмысления сути и особенностей интересующих нас со-

циально-политических явлений истории, каковыми являются причины, условия и результаты тюрко-монгольских завоеваний при Чингиз-хане и его ближайших наследниках. Следовательно, известное утверждение о том, что по «жалким остаткам» Йасы трудно судить о «целом» [Владимирцов, 2000, с.64], и справедливо, и субъективно одновременно.

Это утверждение справедливо в том плане, что на основе этих фрагментов действительно трудно получить достаточно полное представление о составе и содержании *самой* Йасы. Но оно не очень верно относительно информационных возможностей их для изучения отдельных аспектов военно-политической, социальной истории Центральной Азии XIII–XIV столетий в целом.

Чтобы добиться всестороннего осмысления в будущем истории тюрко-монгольских завоеваний вообще и значения других означенных конкретных проблем в частности, необходимо осуществление комплексного исследования текстологии важных в данном случае источников. В особенности фрагментов Йасы и Билика, привлекая, наравне с арабско-персидскими сочинениями, содержащими их отрывки, прямую и косвенную информацию китайских источников. При этом, на мой взгляд, небезынтересным, даже весьма полезным было бы привлечение «этнографических» реликтов Йасы и Билика, существовавших и существующих в быту ряда народов Евразии в виде элементов обычного права и поведенческих норм. Потому что, как мы уже видели, заимствованные в XIII в. «правила» из обычного права и опыта предыдущих эпох и других народов, определенное время просуществовав в составе официального свода законов Чингизидов, т.е. получив статус общеобязательных предписаний, в дальнейшем продолжали и частично продолжают функционировать как компоненты и элементы обычного права, поведенческих норм ряда народов Евразии.

ГЛАВА 4

Монгольские завоевания в Средней Азии и Восточной Европе

§ 1. Военная организация и вооружение войск Чингиз-хана

Михаил Горелик

Война играла первостепенную роль в истории государств Чингизидов, как, впрочем, и всех государств Средневековья. Другое дело, что достаточно долгое время уровень военного дела Чингизидов стоял на более высоком уровне, нежели у их соседей, что и проявилось в обширных и сравнительно быстрых завоеваниях, а также в том, что военная опасность для чингизидских государств очень долго исходила не от их соседей, бывших в той или иной степени в подчинении у Чингизидов, а от собственных родичей, деливших территории, захваченные «Золотым родом».

Уровень военного дела определялся организацией, военным искусством, вооружением и мобилизационными возможностями государства. Экономика здесь играла роль вполне опосредованную: ведь, даже имея недостаточно развитую и объемную производственную базу, можно поставить на службу собственным военным нуждам производственную базу и экономику подвластных сообществ, что и было блестяще продемонстрировано монгольскими завоевателями на первых этапах их правления в завоеванных странах.

Одной из сложнейших проблем является состав войска Бату-хана, подчинившего территории, на которых образовалась Золотая Орда. Существует мнение, опирающееся на текст «Джами ат-таварих» Рашида ад-Дина, что в нем было всего 4000 монголов из племен сиджит, кингит и хушин, и «в настоящее время (конец XIII – начало XIV в. – М.Г.) большая часть войска есть потомство этих четырех тысяч, а что прибавилось за последнее время, – то из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.274–275]. Вместе с тем, тот же Рашид ад-Дин сообщает, что грандиоз-

ные походы, которые совершал Бату-хан, на деле были предприятиями всего «Золотого рода», который был представлен множеством внуков основателя империи, каждый из которых предводительствовал подвластными именно ему ополчениями конкретных монгольских племен. Здесь стоит заметить, что, вопреки распространенному мнению о разрушении Чингиз-ханом племенной структуры монгольского общества, основатель империи разрушал и уничтожал не столько племенную структуру, сколько конкретные непокорные и враждебные племена. Военно-политическая же структура монгольской составляющей чингизидских государств представляла собой достаточно органичное сочетание племенного и военно-административного принципа. И хотя после походов царевицы, чьи владения располагались вне территории Улуса Джучи, должны были увести с собой подвластных воинов, племенной состав имел, судя по названиям, чисто тюрко-монгольский вид.

Итак, судя по нематериальным источникам, с монгольским нашествием в Восточную Европу из Центральной Азии была внедрена мощная центральноазиатская тюрко-монгольская культурная составляющая.

Очень важным, особенно в рамках настоящей книги, является вопрос о наличии в среде завоевателей Восточной Европы этнических татар. Ведь существует мнение, что «татары» батыева воинства – экзотоним, обозначающий монголов, как это было от Китая до запада Европы. Однако, если мы обратимся к труду Рашид ад-Дина, то увидим собственно татар – из племени алчи – на вершине властной пирамиды дома Бату. Так, к этому татарскому племени принадлежали главная жена Бату – знаменитая Баракчин, а так-

же супруга хана Туда-Менгу. Не говоря уже о том высоком положении в монгольском истеблишменте, которое занимали царицы, можно утверждать, что каждая из них вводила во власть свою родню. Входили ли в круг царицыных родичей упомянутые Рашид ад-Дином старший эмир эпохи Бату Турэ-Кутлуг и улуг карачибек времени Менгу-Тимура Бек-Тимур (оба из татар-алчи) – сказать сейчас трудно. Зато нетрудно догадаться, что за каждым из них стояли тысячи татар более низких рангов и просто рядовых. Вся эта масса представителей центральноазиатских степей принесла в Европу именно чингизидскую культурную традицию. В середине XIII в. собственно татарская традиция, вполне самобытная и хорошо отличимая в XI–XII вв. от собственно монгольской, уже слилась с монгольской, внося свои разновидности головных уборов, украшения их перьями, свои покрои верхней одежды и ее деталей. Для немонголов и нетатар это уже был единый комплекс – комплекс имперской культуры.

Судя по более поздней номенклатуре племен Джучиева Улуса, в войсках, приведенных Чингизидами в Европу, были китаи-кидани – монголоязычные предшественники монголов в деле создания империй. Надо сказать, что их богатейший военный и административный опыт был полностью усвоен Чингизидами. Причем китаи в Монгольской империи были разные: центрально-восточноазиатские, попавшие под власть чжурчженей и предавшиеся Чингиз-хану, и среднеазиатские кара-китаи, ушедшие из захваченных чжурчженями земель и более ста лет владевшие большей частью Туркестана до захвата их новой родины монголами.

Следующей составляющей воинских контингентов Золотой Орды явились (по Рашид ад-Дину) кыпчаки. Этот очень важный этнический компонент был, несомненно, переоценен (для золтоордынского общества) в мировой, особенно в отечественной науке. Кыпчаки отождествлялись (и отождествляются большинством исследователей до сих пор) с домонгольскими обителями южнорусских степей – половцами древнерусских летописей, кунами и куманами европейских хроник. Однако недавно С.Г.Кляшторный показал, что при всей близости кыпчаки отнюдь не тождественны племенным объединениям

сары, кун и кай, которые и были теми самыми половцами и кунами (см. 1 том «Истории татар»). Исходя из этого, можно сделать вывод, что первый массив кыпчаков был приведен в Восточную Европу ханом Бату во время его европейских походов и завоеваний. В дальнейшем кыпчакская составляющая могла увеличиваться за счет ее притока вместе с ханами левого крыла Улуса Джучи, которые часто занимали престол Сараев. Что касается половцев, то они в значительной части были уничтожены войсками Чингизидов, частично бежали от них, откочевав на запад – в Венгрию, Болгарию и другие страны Центральной Европы, частично были депортированы на восток. И лишь какая-то часть, не слишком большая, продолжала кочевать в южнорусских степях.

Следующим этническим компонентом, появившимся на юге Восточной Европы вместе с монгольским завоеванием Рашид ад-Дин называет маджар. Этот термин для мусульманских авторов имеет обычно двоякое значение. Чаще всего им последовательно обозначаются башкиры, кстати, согласно источникам, добровольно и охотно присоединившиеся к монгольским завоевателям. В иных же случаях этим словом обозначены аборигены «Великой Венгрии» – кочевые венгры-мадьяры, оставшиеся в Волго-Яицких степях после ухода в начале IX в. основной массы венгров на запад. Как бы там ни было, башкиры ли, либо мадьяры, или те, и другие вместе – они, несомненно, в достаточном числе появились много западнее Яика с войсками Чингизидов. Подтверждением этому служит название северокавказского центра Улуса Джучи – города Маджар. Это название давно побуждает некоторых ученых предполагать, что оно связано с пребыванием в прикубанских степях значительных венгерских контингентов в период Хазарского каганата, чуть ли не с VII–VIII вв. На самом же деле венгры того периода обитали много севернее, и название Маджар связано с заяицкими воинами, приведенными в Прикубанье монгольскими правителями.

В последнее время в науке широко дискутируется проблема, связанная с многочисленными находками в Поволжье и западнее от него многочисленных предметов – обычно железных, часто с серебряной таушировкой деталей ременного снаряжения: поясов, сбриу,

и т.п., относящихся к аскизской археологической культуре, т.е. культуре енисейских кыргызов. Эти находки привели ряд исследователей к выводу о физическом присутствии носителей этой культуры в предмонгольское время в Волго-Камье. А материалы Золотаревского городища, погибшего в результате боевых действий в начале XIII в., породили даже гипотезу о целом кыргызском гарнизоне (на болгарской службе?!), защищавшем укрепление и героически павшем от рук монгольских завоевателей.

На деле же массив аскизских предметов мог попасть в Восточную Европу опять-таки и только с войсками монголов. В домонгольское время сколько-нибудь массовое попадание центральноазиатской ременной гарнитуры в Поволжье и западнее исключено. Дело в том, что именно Волжская Булгария с XI в. на пространстве от Среднего Днепра до Зауралья была не просто основным производителем, но практически монополистом производства и торговли такой престижной, высокоспециализированной, массовой и, в то же время, дорогой, т.е. очень высокорентабельной продукции, как ременная гарнитура. И уж, конечно, никакой конкуренции от кыргызов, живших за тысячи километров восточнее, болгары бы не потерпели. В крайнем случае, они могли выступить покупателями каких-то образцов кыргызского экспорта – с целью собственного употребления или перепродажи. Но они совсем не были заинтересованы в популяризации кыргызской торевтики, и уж тем более в наличии под боком живых носителей этой ремесленной традиции, грозящей подорвать собственно болгарское ремесло. Кроме того, в сознании многих авторов «монгольская эпоха» наступает с 1237 г. – времени Батыева нашествия на Восточную Европу. Но для исследователя территорий восточнее Волги эта временная аберрация оказывается чреватой многими заблуждениями. Обращаясь к кыргызской проблематике, подчеркнем, что для кыргызов «монгольская эпоха» началась в 1207 г. – с их присоединения к Монгольской державе. И присоединил их не кто иной, как Джучи, отец Бату, Орду, Берке и других принцев, ведших потом завоевание Восточной Европы. Естественно предположить, что искусные кыргызские торевты попали в распоряжение дома Джучи, и их изделия стали традицион-

Монгольский всадник XIII в.
Реконструкция М.В.Горелика

но использоваться подчиненными чжучидских царевичей. Причем сначала к ним попали вещи не новые, сделанные еще в XII в. Позже и мастера, и их традиция, и их изделия вместе с воинами Джучидов передвинулись к западу, уже с 20-х гг. XIII в. базируясь в казахских степях, по соседству с Булгарией. Контакты продолжались в течение 10 лет – срок огромный для развития и контактов в любом ремесле. Так что иллюстрирующий миф о болгаро-кыргызской антимонгольской дружбе богатый материал Золотаревского городища – болгарского пограничного форпоста в Посурье в своей аскизской части свидетельствует лишь о том, что павший в битве за это поселение отряд войска Бату был либо кыргызским по составу, либо традиционно обслуживался кыргызскими торевтами.

Теперь взглянем на то состояние, в котором находилось воинство завоевателей Чингизидов во второй трети XIII в. – в период захвата ими европейских территорий. К этому времени ими уже были захвачены и присоединены территории Южной и Западной Сибири, севера Китая, Тангута, Восточного Туркестана, Мавераннахра, Хорезма, севера Ирана и Кавказа. Все эти земли, включая и территорию самой Монголии, были давними

и развитыми центрами военного производства оружия и воинского снаряжения, а Китай и мусульманские регионы – еще и центрами военной инженерии. Тем не менее, монгольские владыки строили свою военную машину, прежде всего, на степной центральноазиатской традиции, которой они во многом придали оригинальный вид.

Классически степным является десятичный принцип организации воинских контингентов, разделенных на десятки (*арбан*), сотни (*джагун*), тысячи (*минган*) и десятитысячные корпуса (*тумен*). При этом родо-племенная структура монгольских этносов разрушалась только в тех случаях, когда племенное объединение было очень крупным, представляло до вхождения в империю Чингиз-хана и его потомков прочное политическое объединение государственного типа и было откровенно враждебно клану Чингиз-хана. Таковыми оказались найманы, в меньшей степени керейты, а в самой большой степени – татары. Такие враждебные объединения раскисировались и распределялись между царевичами и высшей военной и придворной знатью. Делились и дружественные монгольские племена, но только в силу их многочисленности, для удобства образования военных подразделений и эффективности командования. Небольшие и, в то же время, заслуженные (перед родом Чингиз-хана) племена, целиком являлись и воинскими соединениями. К таковым можно отнести, например, племена манхуд (мангыт) и уруд. В процессе военно-государственной организации враждебная родо-племенная монгольская знать уничтожалась, и ее место занимали члены чингизова клана, либо заслуженные лица, назначенные лично каганом. Знать дружественных клану Чингиз-хана племен оставалась на своих местах, переходя под сюзеренитет кого-либо из назначенных каганом Чингизидов. При этом брачными узами ее старались привязать к правящему роду. Ситуация с тюркоязычными кочевниками походила на таковую с монгольскими племенами, хотя тюрки стояли, конечно, ступенью ниже.

Что же касается контингентов, поставляемых регионами с развитой оседло-земледельческой культурой, практически вне зависимости от их этноязыковой принадлежности, монгольским владыкам еще проще было ввести десятичную систему комплектования.

Кроме того, эти народы выставляли специальные контингенты, которые не могли быть выставлены кочевниками – пехоту и инженерные части. Несомненно, что именно мастера из этих регионов формировались в производственные объединения, походные мастерские, обслуживавшие резко увеличившиеся потребности в вооружении и снаряжении имперского чингизидского войска.

Более сложной была ситуация с киданями. Монгольским владыкам они были этнически и культурно вроде бы ближе других, немонгольских народов. Однако их постигла участь недружественных монгольских государственно-племенных образований. То же можно сказать и о западных киданях – восточнотуркестанских и среднеазиатских каракитах. Тем не менее, мы можем констатировать, что складывающаяся имперская армия Чингиз-хана и его потомков практически целиком была построена на принципах армии киданьской империи Ляо X–XII вв. Не случайно главным советником по организационным вопросам как самого Чингиз-хана, так и его преемника и сына – Угедея был представитель царского рода киданей – Елюй Чуцай.

Воинские силы монгольской империи можно подразделить на три основных категории. Основную составляли монгольские формирования, целиком являвшиеся конными. Элитой являлась гвардия кагана – *кешик*, достигавшая размеров *тумэна* – 10 тыс. бойцов. Кроме каганской гвардии, в элиту входили и гвардейцы принцев чингизова клана. Гвардия формировалась прежде всего из сыновей монгольской знати, их близких друзей. Все гвардейцы должны были обладать высокими боевыми достоинствами, поэтому в гвардию попадали победители спортивных праздников – *надамов* – лучшие стрелки, наездники и борцы. Третью категорию составляли войска *танма* – формирования «инородцев». Они включали воинов, набравшихся в качестве «дани кровью» из расчета одного из десяти имевшихся в наличии боеспособных мужчин. Такая мера касалась стран с оседлым населением. Несомненно, что мобилизационная мера кочевников была более высокой. Командовали соединениями «инородцев» всегда монголы – *танмачи*. В Европе они были прекрасно известны под тюркским синонимом – *баскак*. В военных действиях соединения танма всегда действо-

вали вместе с монгольскими и использовались, во-первых, по своей специализации (пехота, инженерные части), во-вторых, на самых опасных направлениях и участках выставлялись перед монгольскими отрядами (конница).

Основным нововведением Чингиз-хана явилась войсковая дисциплина, и не столько сама по себе, сколько та свирепость, с какой она поддерживалась. Это объясняется военной практикой Темучжина, натерпевшегося от степной вольности в военных делах, когда по вине недисциплинированных союзников он проиграл немало серьезных сражений и целых кампаний. Поэтому установления Чингиз-хана карали смертью за любые дисциплинарные нарушения, могущие привести к утрате преимущества. Смерть каралось бегство в бою, оставление соратника в опасности, грабеж обоза противника до полного завершения сражения и т.п. Причем в наказании действовала круговая порука: вместе с непосредственным виновником казнили весь десяток, вместе с виновным десятками казнили сотню.

В тактическом плане в полевом бою войско Монгольской империи оставалось типично и традиционно кочевническим, используя давно известные приемы – атаки с ложными отступлениями, приводящими противника в засады, постепенный, волнообразный ввод сил в битву; сосредоточение сильного резерва, выпускаемого в самый решительный момент; «хоровод» – построение конных лучников перед строем противника в бесконечно вертящийся круг, так что враг постоянно находился под плотным обстрелом с минимального расстояния. Все эти приемы, эффективные сами по себе, в условиях жесточайшей дисциплины становились много результативнее, что и обеспечивало преимущество монгольской армии.

В отличие от войск других кочевников, но в полном соответствии с военной традицией империи киданей, войско Монгольской империи активно и результативно использовало инженерию. Китай предоставил монгольским войскам камне- и стрелометы, действующие силой огромных луков, или целой системы таких луков; тяжелые камнеметы с противовесом и легкие, в которых укрепленный на вертлюге шест с «ложкой» для снаряда на одном конце метал этот снаряд силой чело-

веческих рук, одновременно дергавших веревки, прикрепленные к другому концу шеста; осадные передвижные башни, искусство ведения подкопов; наконец, пороховые снаряды – сосуды и ракеты. Мусульманская – из Средней Азии и Ирана – осадная техника была представлена мощными камнеметами, работавшими на основе противовеса. Активное и массовое применение осадной махины привело к появлению собственно монгольских военных инженеров и целых инженерных династий. Монгольские полководцы использовали гидротехнические средства – создавали плотины, накапливая необходимую массу воды. Открыв в нужный момент плотину, воду выпускали в нужном направлении, затопливая лагерь противника и разрушая напором воды осаждаемые укрепления. С теми же целями они разрушали и уже имеющиеся гидротехнические сооружения.

Следуя киданьским традициям, все эти трудоемкие работы монголы выполняли быстро и организованно руками масс захваченных пленников и мирного населения. Эти контингенты, называвшиеся толпой (*хашир*), подвергались самому бесчеловечному обращению и быстро гибли тысячами, так как их не кормили и не снаряжали. Обращение с населением вражеской страны обычно имело характер террора: жители сопротивлявшихся городов уничтожались поголовно, за исключением некоторых категорий специалистов-ремесленников. Часть мужчин определялась в толпу, которая подвергалась истреблению со стороны своих соотечественников во время осадных работ, либо гибла от голода и природных условий вне этих действий. Практика террора также была унаследована от киданей и чжурчженей, которые в этом отношении даже превосходили своих наследников. Пощаду у монголов находили только сразу, до начала военных столкновений сдавшиеся их владыкам, города, государства, общины.

Большое развитие у монголов достигло штабное дело, то есть планово-стратегическое обеспечение будущих военных действий. Штабом служила орда – ставка повелителя, а мозговой центр состоял из представителей царствующего рода, заслуженных полководцев и союзных владык. Орда же была и местом воспитания командных кадров, которые черпались из состава гвардейцев-кешиктенов. Огромная роль в планировании военных дей-

ствий придавалась разведке – политической, военной, экономической. Роль разведчиков часто играли купцы – как монгольские, так и, особенно, мусульманские из Центральной Азии. Кроме собственно сбора разведывательных данных, агенты монголов распускали панические слухи, нагнетая атмосферу страха и неуверенности, подрывая моральный дух населения и войск будущего объекта нападения. Стоит отметить, что слухи эти были сущей правдой – оправдывались самые ужасные опасения. Вместе с тем, когда империя Чингиз-хана сложилась именно как империя, знать и наиболее способные представители покорившихся стран, наряду с монголами могли сделать очень успешную карьеру, в том числе и военную, при дворах ханов.

Обратимся к вооружению и снаряжению монголо-татар, приведенных Чингизидами в Восточную Европу.

Известный российский оружейвед А.Н.Кирпичников писал, что монголы не принесли на Русь ничего нового в сфере вооружения. В определенном отношении он прав, но также и не прав. Неправота касается именно того, что в Восточную Европу войска Чингизидов принесли массу новых форм и вариантов вооружения. А вот для Центральной и Восточной Азии комплекс монгольского вооружения был вполне типичным, а в кое-каких формах – даже архаичным (что отнюдь не снижало эффективности этого оружия). Кроме того, надо учесть, что к рубежу первой-второй трети XIII в., когда отряды Джучидов вплотную приблизились к границам Булгарии, на монгольские войска уже более десяти лет работали оружейники Северного Китая – чжурчжени, кидани, китайцы, мастера из оазисов Восточного Туркестана и Тангутских городов, оружейники Западной Ляо (государства кара-киданей), и около десяти лет – оружейники завоеванной империи Хорезмшахов, включавших Среднюю Азию и северные районы Ирана (а также нынешнего Афганистана). При этом, как подчеркивал Рашид ад-Дин, вне зависимости от происхождения, под строгим присмотром монгольских оружейников мастера делали для монголов оружие именно и только монгольского типа. При этом в деталях, в отделке могли просматриваться и местные формы и мотивы. И, конечно же, сами монголы ни на минуту не оставляли оружейного производства.

Основным и самым распространенным – практически поголовно – оружием монголов был лук со стрелами. В армянских хрониках монголы прямо названы «народом стрелков». Киликийский царевич Гетум (Гайтон) специально отмечал, что – в отличие от других – когда монголы начинают обстрел из луков «сразу бывает очень много убитых и раненых». Исключительную, необычную эффективность лучного боя монголов отмечали и их европейские противники. Эта эффективность практически затмила остальные слабые монгольского боя – копейный удар латной конницы, рукопашную сечу клинковым и короткодревковым оружием.

Классический монгольский лук был плодом долгой эволюции этого вида оружия в Центральной Азии и к XIII в. был весьма совершенным, сложным и дорогим инструментом. Он относился к типу сложноставных луков, то есть составленных из пяти основных отдельных частей – рукояти, двух плеч и двух длинных, слегка изогнутых рогов, каждый из которых состоял из нескольких слоев разнородных материалов – дерева (березы и сосны), рога, кости, вареных сухожилий и бересты. Все эти слои и части долго и тщательно подгонялись друг к другу и соединялись животным, предпочтительно рыбьим клеем, допускавшим – при совершенной прочности соединения – некоторую подвижность частей относительно друг друга. Характерным признаком монгольского лука была костяная накладная на внутреннюю сторону рукояти в виде двустороннего весла. Древко такого лука представляло собой сильно растянутую М-образную форму. Тетива делалась из толстых жил, или плелась из кожаных полосок. Лук был большим – с натятой тетивой его длина составляла около 1,5 метров. Обладал он и большой силой натяжения – от 40 до 80 кг. Неудивительно, что стрела, пущенная из такого орудия, летела далеко и обладала большой пробивной силой. Так, до нас дошла надпись на камне, найденном на Хирхирином городище в Бурятии, в которой монголо-уйгурским письмом описан выдающийся выстрел, произведенный известным принцем Есунхэ (1190–1270), внуком Чингиз-хана и сыном Хасара, имевший место «после сартаульского похода» (т.е. после завоевания Хорезмской империи): дальность выстрела составила 335 сажень или

536 м. Лук обладал не только чисто функциональной красотой – совершенством формы, дымчатой гладью роговых подзоров на брюшке, белой гладью костяных парных накладок рукоятки и рогов, мягким золотистым цветом берестяного покрытия спинки. Поверх бересты плечи лука нередко оклеивались тонкой кожей и расписывались яркими красками и золотом. У сложносоставного лука был только один существенный недостаток – при дожде и вообще повышенной влажности он отсыревал и резко терял силу, так что практически был бесполезен. Этот недостаток в какой-то мере компенсировали лаковым покрытием, но оно было доступно далеко не для всех и не везде: ведь природный лак получали только в Китае. Поскольку лук делался из органических материалов, рано или поздно он «умирал». Прежде всего, от минерализации вареных сухожилий, наступавшей примерно через 100 лет.

Надо полагать, что именно в течение полутора десятков лет после «сартаульского похода» в войсках монгольских предводителей освоили другой тип сложносоставного лука, распространенного на Среднем и Ближнем Востоке. Этот лук имел почти арочную форму, короткие изогнутые рога (каждый из рогов имел только одну, снабженную сверху вырезом для тетивы, роговую накладку – со «спинной» с внешней стороны), а размеры его составляли лишь 1–1,2 м. Однако, несмотря на скромные размеры, такой лук мало чем уступал классическому центральноазиатскому луку.

Монгольские стрелы имели длинное – 70–80 см – древко, тщательно выструганное из дерева (обычно из березы) в форме вытянутой сигары и окрашенное, как правило, в красный цвет с дополнительными полосками-метками. Наконечники, вбитые в древко длинными черешками с упором, имели самую различную, в зависимости от функции, форму пера. Стрелы с разными функциями и, соответственно, формами наконечника имели у монголов и разные наименования – хорцах, учумах, годоли, томар. Кардинально наконечники подразделяются на броневойные и предназначенные для поражения незащищенного металлическим доспехом тела. Первые характеризуются довольно узким, похожим на лист ивы, силуэтом и сечением в виде ромба. Остальные – плоские в сечении (за

исключением трехлопастных, с отверстиями в лопастях, вероятно, кыргызского происхождения), ромбической, подтреугольной (с прямым или чуть округлым лезвием), кунжутolistной (специфически монгольской) и двурогой формы. Надо отметить, что принятое среди специалистов деление на броневойные и неброневойные достаточно условно. Ведь броневойные хороши для пробивания кольчуги. В то же время плоские, с ровным или чуть выступающим или вогнутым округлым лезвием, или узкие долотообразные наконечники, судя по письменным источникам и этнографическим наблюдениям, обладают огромной эффективностью (при наличии, разумеется, мощного лука). Отличительной особенностью монгольских наконечников стрел были большие размеры значительного их числа. Марко Поло отмечал, что стрелы с наконечниками крупных размеров применялись для прицельной стрельбы с близкого расстояния, с более мелкими наконечниками – для массированного настильного обстрела, а двурогие – для разрезания тетив у луков противника. Этот фрагмент мемуаров великого итальянца во многом объясняет эффективность монгольского дальнего боя. Ведь если при помощи очень мощного лука с близкого – 20–30 м – расстояния (а именно такое расстояние соблюдалось между вертящимся монгольским строем «хороводом» и линией фронта противника) прицельно метать стрелы с большими наконечниками, то, естественно, будет «сразу много убитых и раненых», так как стрелы почти всегда будут попадать в незащищенные участки и никакой доспех не спасет.

Для лучшей прицельности монгольские стрелы снабжались оперением, обычно трех, реже четырехлопастным. А некоторые стрелы были оснащены костяными, роговыми или деревянными свистунками – полыми, шарообразной формы, надеваемыми на древко под наконечником. При полете такая стрела издавала весьма неприятный визг. Одиночное выпускание воющей стрелы могло служить сигналом, массовое – подавлять волю противника, пугать его лошадей.

Захват тетивы для натягивания лука производился большим пальцем правой руки, при этом конец указательного пальца опускался поверх ногтя большого, придерживая яблочко древка стрелы на тетиве. Поскольку

Монгольский
конный латник XIII в.
Реконструкция
М.В.Горелика

сила лука была очень велика, а усилие по натягиванию совершалось только сгибом большого пальца, то для предохранения этой точки тела надевалось специальное кольцо специфической формы. Изготавливали его монголы из кости, рога, богатые могли пользоваться китайскими нефритовыми экземплярами или иранскими из драгоценных металлов. Описанный способ натягивания тетивы получил в науке XIX в. название монгольского, хотя впервые он зафиксирован в Китае еще в XIII в. до н.э. – судя по находке нефритового кольца для натягивания.

Лук хранился в кожаном налучье, выкроенном в форме половинки лука с надетой тетивой, и крепившемся к портупее с левого бока. Стрелы же помещались в колчан, который у монголо-татар существовал в двух разных вариантах. Первый вариант представлял собой длинный, расширяющийся книзу, уплощенный пенал с плоским доньшком; сверху он имел коробчатый приемник, расширявшийся кверху, внешняя сторона которого служила крышкой, открывавшейся вбок или вниз. Колчан изготавливался из бересты на каркасе из деревянных или, реже, железных прутьев, с деревянными деталями. Стрелы в таких колчанах помещались целиком, опере-

нием вниз (чтобы перья не мялись и придумано было расширение колчана книзу), наконечниками вверх. К портупее такие колчаны подвешивались с правого бока, в диагональном положении, приемником (и, соответственно, наконечниками) вперед и вверх. Эта разновидность колчана продолжала старую центральноазиатскую традицию еще середины I тыс. н.э. Монгольской особенностью был округлый, часто выступающий за боковины верх коробчатого приемника. Колчаны этого типа подвешивались к портупее обычно за костяные петли. Сам колчан частично облицовывался костяными пластинами с гравировкой. Система декора этих пластин являет собой великолепную отрасль чисто монгольского, кочевнического прикладного искусства, с его растительными, животными и геометрическими мотивами, представляя собой подчас подлинные шедевры искусства. Реже костяным гравированным убором монголы украшали налучи.

Вторая разновидность колчана представляла собой плоскую подпрямоугольную коробку из толстой кожи или шкуры. Стрелы помещались в такой колчан на половину длины, наконечниками вниз, оперением вверх. К портупее эти колчаны крепились с того же бока, что и колчаны первого типа, также по диагонали, но отверстием вверх. Для того, чтобы разделять стрелы разного назначения, употребляли длинный хвост кошачьего хищника; он крепился к верхнему углу колчана и продевался между пучками стрел с разного типа наконечниками. Такие колчаны появились в IX–X вв. и связаны с киданьской традицией. Того же типа колчаны использовали и татары, но они еще и обертывали верхнюю часть стрел тканью.

Колчан и налуч носились на специальном «стрелковом» поясе. У монголов он часто имел очень оригинальную форму – кроился из кожи в виде узкого конусообразного корсета с лопастями, отходящими вниз, к которым и крепились налуч и колчан. Либо же стрелковый пояс имел вид узкого ремешка, снабженного бляхами-пронизьями с петлями внизу для крепления налуча и колчана. Обычно стрелковые пояса застегивались на крючок, которым оканчивалась пластинка, кре-

пившаяся на одном из концов ремня. Иногда же ремень, особенно широкий, мог застегиваться рамочной пряжкой с иглой.

Оружием второго удара – прямой сшибки – для монголо-татар было копьё. Представление, что копейному бою монголы научились у русских, поскольку копейный бой кочевникам не свойственен, совершенно неверно и в целом, и в частности. Этому противоречат и многочисленные археологические находки наконечников копий в кочевнических погребениях еще с эпохи древности, и лингвистический материал (в древнетюркском, например, понятие «сражаться» дословно звучит как «биться копьями», а монгольское название копья «джида» вошло в ряд языков, как название металлического копья – дротика (в турецкий – «джид»), арабский – «джерид», русский – «джид») – несколько дротиков в одном футляре, белорусский – «дзида»), и материал изобразительный. Подчеркнем, что идея об отсутствии у монголо-татар копейного боя предполагает и отсутствие у них основного признака средневекового конного воинства – тяжеловооруженных копейщиков, чей таранный удар обычно решал исход сражения.

Наконечники копий, наиболее часто употреблявшиеся монголо-татарами, можно отнести к двум основным типам: с нешироким ланцетовидным пером, в сечении ромбическим или линзовидным с осевым ребром, и с пером в виде различной длины узкого заостренного к концу четырехгранника. Именно такие наконечники специально предназначены для пробивания доспехов противника. Реже применялись наконечники с плоским пером ромбической формы, а также специфические, упрощенные в изготовлении ножевидные, с одним лезвием, наконечники. Не исключено, что этот тип восходит к древней восточноазиатской традиции однолезвийных наконечников копий. Редко, но все же среди находок монголо-татарских наконечников копий встречаются образцы, снабженные крюком под пером. Подобные наконечники очень ярко описаны Плано Карпини, который пояснял, что этими крюками монголо-татары очень ловко стаскивают с седла противника. Как теперь понятно из материалов раскопок на Дальнем Востоке, подобные детали восходят к чжурчженьским образцам. Кроме намертво прикрепленного к втулке крюка, оно

могло иметь вид плоского клинка и вогнутым внутренним лезвием, подвижно укрепленного в горизонтальном положении во втулке. Стаскивание противника с седла – не самая главная и эффективная функция подобного устройства: им можно было отсекал головы и руки, а когда острие копья пробивало тело врага, вместе с пером в него входил складывавшийся в этот момент клинок. Когда же воин рывком выдергивал копьё из тела врага, клинок вновь принимал перпендикулярное перу положение и валил врага наземь, причиняя огромную рваную рану. С полным эффектом такое устройство могло применяться только против бездоспешного противника: тупой обух не даст клинку войти в тело врага сквозь металл брони, и в данном случае клинок выступит в роли ограничителя, мешающего слишком глубокому проникновению пера в тело врага. Так что монголы проявили известную практичность, ограничившись заимствованием у чжурчженей только простого в исполнении крюка.

Оружием рукопашного боя монголо-татарам служили разновидности короткодревкового и клинкового оружия. Марко Поло, свидетель ряда междоусобных сражений монголов постоянно упоминает «мечи и палицы» в качестве оружия рукопашной схватки. До нас дошло много археологических остатков и изображений этого оружия.

Самым доступным из оружия ближнего боя было короткодревковое – топоры, булавы и кистени.

Боевые топоры монголо-татар были нескольких разных типов. К первому типу относятся легкие топоры с длинным узким трапециевидным клинком, с коротким лезвием на одной стороне втулки и молоткообразным обушком на другой. Эта форма, сама по себе очень архаичная, была, тем не менее, весьма эффективна в конном бою, так как сочетала малый вес оружия с высоким пробивающим эффектом клинка и возможностью контузить противника, оставив его живым для плена и рабства. Весьма оригинальны топоры с небольшим длиннолезвийным клинком асимметричной трапециевидной формы или в форме широкого сектора; клинки соединялись с короткими древками при помощи длинного железного черешка. Учитывая их малые размеры, можно полагать, что топоры этого типа предназначались и для

метания. Эти топорики – еще одно заимствование монголов у чжурчженей. Наконец, как бы «промежуточным» вариантом смотрятся проушные топорики с широколезвийным клинком в форме сектора с вогнутыми «радиусами» и молотковидным обушком, обладавшие сильным рассекающим эффектом.

Крайне популярна у монголо-татар была булава. Она служила не только боевым оружием, но также и знаком достоинства, ранга. Эта очень древняя функция булавы была особенно ярко выражена в столетия, непосредственно предшествовавшие монгольским завоеваниям у киданей, чжурчженей и в сунском Китае. Там они служили оружием лейб-гвардии, снабжались довольно длинными древками.

Навершия монголо-татарских булав ковались из железа, лились из бронзы и чугуна, вытачивались из камня и рога. Форма их была самой разнообразной: шаровидной, грушевидной, в виде «шестерни» или шайбы, сплошь усеянной мелкими острыми выступами, в виде многогранника, в форме куба с заостренными выступами на вертикальных гранях. В качестве булавы использовались даже наконечники плетей. Они издавна имели клювовидный отросток для удобства держания в руке и затыкания за пояс. С XIII в. его отливают из бронзы в форме куба с пирамидальными выступами на трех вертикальных гранях и клювом – на четвертой. Не исключено, что здесь мы видим «гибрид» тюркской плети с булавой Среднего Востока.

Особенно характерным для монголо-татарского оружия типом булавы является пернач с расходящимися боевыми лопастями. Он был наиболее популярным, и, вероятно, именно монголо-татарами занесен в Европу.

Самым дорогим и престижным оружием ближнего боя у монголо-татар, как у других народов того времени, было оружие длинно-клинковое – мечи, палаши и сабли. Его престижность объяснялась не только высокой боевой эффективностью, но и высокой специализированностью, сложностью производства хорошего клинка, возможностью искусной отделки, что все вместе делало его дорогим видом оружия. Поэтому владели им отнюдь не все воины. Плано Карпини даже утверждал, что лишь знатные и богатые обладают саблями.

Монголо-татарские клинки были прямыми двулезвийными (мечи), прямыми однолезвийными, с острием, заточенным с обеих сторон (палаши) и изогнутыми однолезвийными (сабли). Спецификой палаша и сабли было и положение рукояти – слегка наклонное к лезвию. Важными признаками монголо-татарских палашей и сабель является частое наличие долов – продольных выемок на клинке, предназначенных для его облегчения и упрочения, а также специфических обоем под перекрестием, с язычком, примерно на ладонь охватывающим часть лезвия, прилегающую к рукояти. Этот язычок, предохранявший указательный палец руки и верх ножен от порезов, нередко имел фигурно вырезной край. Специфическими формами перекрестий, принесенными монголо-татарами в Европу, были перекрестия в форме плоского овала, характерные для всего востока Азии, и напускные с ромбовидной центральной частью и – в чем и заключается специфика – асимметричными, расширяющимися к концам усами.

Очень интересна проблема оборонительного вооружения монголо-татар. Долгое время в науке, особенно отечественной, господствовало мнение, что монголо-татары побеждали за счет дисциплины и количественного превосходства, а оборонительное вооружение у них имели лишь немногие воины-военачальники, зная, их личные дружинники-нукеры. В общем, ничтожное меньшинство. Поэтому многочисленные находки защитного вооружения в кочевнических погребениях датировали домонгольским временем, либо объясняли русским импортом. Однако и письменные, и изобразительные, и вещественные источники прямо противоречат подобному нигилистическому отношению к монголо-татарскому доспеху. Так, Марко Поло, иные европейские свидетели монгольского нашествия на Европу и восточные авторы в один голос свидетельствуют об очень высокой оснащенности монголо-татарского воинства оборонительным вооружением. Секретарь султана Джалал ад-Дина Манкбурны ан-Насави писал, что перед сражением *все* монголы облачались в доспехи. А из «Джами ат-таварих» Рашида ад-Дина мы узнаем о постановке оружейного дела монголами в завоеванных оседлых странах. Он (как и его предшественники – мусульманские ав-

Доспехи монгольских воинов по иранским миниатюрам. XIII–XIV вв.

торы XIII в.) пишет, захватив оседлоземледельческие регионы с высокоразвитым ремеслом, монголы сразу отбирали ремесленников (и, в первую очередь, оружейников). Часть их отправляли в ставку кагана, часть – распределяли в орды – кочевые ставки ханов и нойонов, а часть объединяли в больших казенных предприятиях (по-персидски – «*карханэ*» – «рабочий дом»), где мастера, живя в подневольных условиях, часто, как показали раскопки золотоордынских городов, в землянках, получая продовольственный паек, производили оружие для новых хозяев. При этом Рашид ад-Дин подчеркивал, что делали они это под присмотром монгольских мастеров и по монгольским образцам, так как другое, немонгольское оружие монголо-татарами не признавалось годным. Отмечено также, что сразу после захвата монголами севера Ирана поставленный там наместником Аргун-ака на тамошней развитой базе наладил производство оружия. Вот откуда монгольское оружие привозилось для воинов Бату в джучидскую степь, еще не обустроенную городами.

Можно не сомневаться, что большинство монголо-татарских воинов было защищено панцирями из мягких материалов, доступными людям любого состояния. Материалами этими были многослойный толстый войлок, мягкая кожа, толстые грубые ткани. Между слоями мягкого материала делались прокладки из конского волоса, шерсти, хлопка и др., после чего все многослойные детали кроя простегивались. Мягкие панцири кроились в виде халатов до середины голени. Те, что

имели осевой вертикальный разрез, были снабжены листовидными, часто фигурно вырезными оплечьями-лопастями; другие представляли собой халат с косым – слева направо – запахом и настоящими рукавами, доходящими до запястий и довольно узкими. Рукава эти могли иметь лопасть, прикрывающую тыльную сторону ладони. Реже панцири из мягких материалов имели вид коротких – до бедер – широких кафтанов с прямым осевым разрезом и листовидными оплечьями-лопастями, либо очень короткими и широкими рукавами. Сделанные описанным образом мягкие панцири были достаточно эффективны против стрел, особенно выпущенных с дальнего расстояния, против скользящего удара клинком, а особенно против удара топором или булавой. Недаром они назывались по монгольски «хатангу дегель» («стальной халат»).

Следующим по прочности и ценности (и цене) был *хатангу дегель*, укрепленный крупными железными пластинами, пришитыми с изнанки мягкой основы. Дополнительно они еще и приклепывались к основе в двух-трех точках в одном из верхних углов пластины. Такие панцири уже могли защитить практически от любого оружия, кроме копья. Их прочность, гибкость и вес сильно варьировали в зависимости от того, с каким нахлестом по вертикали и горизонтали располагались пластины железного подбоя. Чем нахлест был больше, тем доспех был прочнее, но зато был менее гибок и больше весил. Напротив, если пластины налегали друг на

друга мало, гибкость доспеха возрастала, вес его уменьшался, но уменьшалась и прочность. Слабой стороной такой брони было то, что клинок легко рассекал его мягкую основу; зато она же скрывала от противника расположение непробиваемой брони. Такой доспех мог быть очень нарядным и дорогим, если его покрывали дорогой тканью, а головки заклепок золотили. Собственно, он и был придуман в Китае в VIII в. как панцирь императорских телохранителей – нарядная одежда со скрытым бронированием.

Еще более надежными и ценными были панцири, сделанные из твердых материалов – толстой, проклеенной из трех слоев, твердой, как фанера, сырой кожи, армированной железными или стальными накладками. Более простыми в изготовлении были панцири ламинарной структуры. Она состояла из полос материи шириной примерно в 10 см, а длиной – согласно месту в крое. Полосы располагались горизонтально и соединялись внахлест по горизонтали (так что верх нижней полосы перекрывал низ верхней) по вертикали кожаными ленточками, тесьмой или шнурами, продетыми через отверстия в полосах.

Самой совершенной – гибкой, прочной и сравнительно легкой – была ламеллярная структура брони. Она состояла из прямоугольных вертикальных пластинок, соединенных между собой внахлест по вертикали в горизонтальные ленты при помощи тех же ленточек и т.п. через систему отверстий в пластинках. И уже эти гибкие ленты соединялись между собой по вертикали, подобно ламеллярной броне.

Все панцири из твердых материалов (включая кольчугу) монголы называли «хуяг», (по-татарски – «куяк»), а в связи со способом соединения деталей – «худесуту хуяг» – «прошнурованный хуяг».

Ламеллярные и ламинарные доспехи имели два основных кроя. Первый представлял собой корсет-кирасу из нагрудной и наспинной половин, соединенных лямками на плечах и застежками на одном или обоих боках. К лямкам могли пристегиваться лопасти-оплечья различной длины – от середины предплечья до середины локтевой кости, а к подолу – лопасти-набедренники, опускавшиеся до середины ляжки бедра, до колен, или до середины голени. Второй крой представлял собой полную аналогию кроя «халат» мяг-

ких доспехов, со всеми его вариантами. Нередко в одном доспехе комбинировались – через одну – полосы ламеллярного набора и ламинарные. Панцири из твердых материалов могли быть очень нарядными. Это достигалось зеркальной полировкой металлических пластин, их золочением, включением в набор бронзовых пластин, покрытием и росписью разноцветными лаками, окраской соединительной шнуровки в яркие цвета, контрастные по отношению к цвету материала брони. Украшением служили и богато украшенные каймы плечий и подолов, сделанные из расписной и обшитой металлическими бляшками кожи, с оторочкой бахромой и мехом. На груди и спине могли укрепляться выпуклые металлические диски-зеркала, служившие дополнительной броней, орудием для отпугивания враждебных духов и, наконец, украшением панциря.

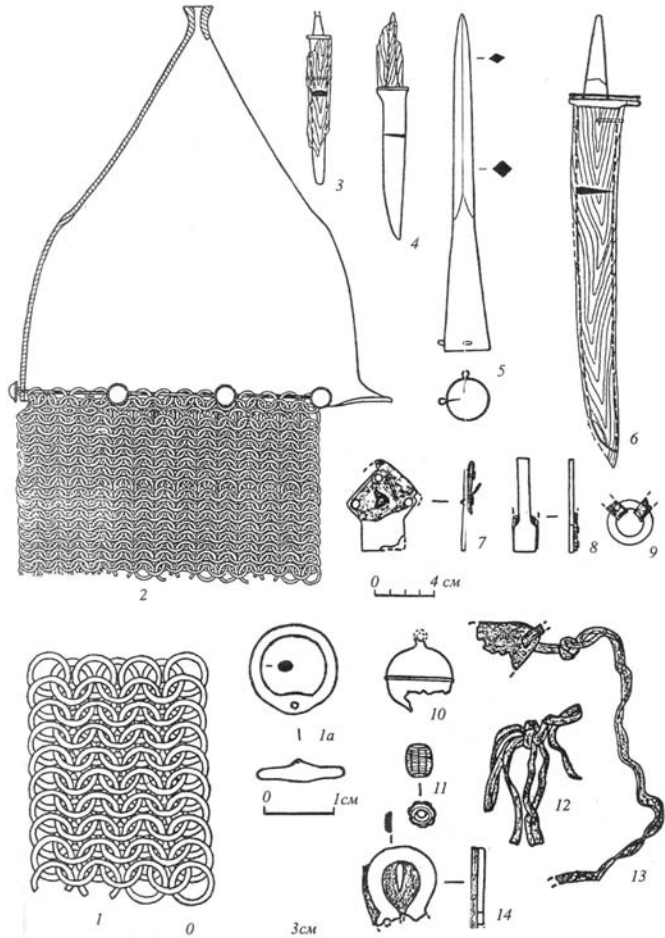
Традиция монгольских панцирей уходит – для Центральной Азии – вглубь веков – не позднее III–V вв., когда она начала формироваться, полностью оформившись к XII в. именно в чжурчженско-монгольском варианте.

Необходимо отметить, что монгольские латники не ограничивались применением одного панциря. В «Сокровенном сказании» неоднократно повторено, что знатный воин надевает сначала «хатангу дегель», а поверх него – «худесуту хуяг». Так начинается традиция ношения одновременно двух панцирей, причем панцирь из мягких материалов служит поддоспешной одеждой для панциря из твердых материалов.

Не менее часто, чем «хуяг», монгольские воины употребляли и шлем-«дулга». Он также принадлежал центральноазиатской традиции с ее характерными признаками: сфероконической или близкой ей формы, с тульей, склепанной из нескольких секторов, соединенных по вертикали накладками с вырезными краями, внизу охваченных обручем околыша, а сверху – воронкой или полушарием наверх с острием или трубочкой для плюмажа. Собственно монгольскими признаками шлемов, принесенных монголами на запад, были: козырьки, налобные пластины с вырезным трехчастным верхним краем и часто с дуговидными надбровными вырезами и наносниками на нижнем крае, дисковидные (иногда парные) уши, высокие шпильки, венчающие шлем, и завершающие наверх

Находки из мужского погребения
могильника Олень-Колодезь.
Вторая половина XIII в.
(по К.Ю.Ефимову)

- 1 – фрагмент кольчуги,
- 1а – кольчужное кольцо (увеличено),
- 2 – шлем с бармицей,
- 3 – напильник,
- 4 – нож,
- 5 – пика,
- 6 – кинжал,
- 7–8 – железные пластины с заклепками,
- 9 – кольцо,
- 10 – серебряный бубенчик,
- 11 – бусина,
- 12–13 – кожаные шнуры,
- 14 – железная пряжка с фрагментом кожаного ремня

шлемов кольца, к которым привязывалась лента, образующая два конца – чисто монгольское украшение шлема.

Монгольские шлемы всегда снабжены бармицей – из мягкого материала, ламеллярной или ламинарной, даже кольчужной. Бармицы защищали затылок и шею с горлом; кольчужные бармицы могли закрывать все лицо кроме глаз. Лицо могло защищаться и своеобразным забралом из стальных крестообразно расположенных полос, но чаще встречалась кованая маска-личина, воспринятая монголами, вероятнее всего, в 20-е гг. XIII в. на Среднем Востоке, где она известна, по меньшей мере, с X в. Вероятно, там же монголы переняли и полумаски с объемными наносниками, с выпуклыми «бровями» и «веками».

Там же, на Среднем Востоке, или в Восточном Туркестане монголы восприняли створчатые наручи-налокотники, которые занесли в Европу. К популярным защитным деталям монголов можно отнести традиционные центральноазиатские воротники-ожерелья из толстой кожи, к редким – заимствованные в Китае или Тангуте прикрытия голеней и стоп из соединенных (на кожаной основе?) горизонтальных металлических полосок.

Завершал защитное вооружение монголов щит. Основным, и чисто монгольским по про-

исхождению, типом щита у монголов был щит «халха», тюркский «калкан». Сама этимология этого слова, происходящего от глагола «халхасун» – «плести из прутьев», говорит о структуре щита. Действительно, и описание его Иоанном де Плано Карпини, и вся его дальнейшая история говорит о том, что «халха» делался из гибких прутьев, уложенных – начиная от деревянного умбона-основы в центре – спирально концентрически и соединенных между собой цветными нитями. В результате получался полусферической формы щит диаметром 60–90 см, очень упругий, отбрасывающий удары клинков, задерживающий стрелы, очень легкий и очень нарядный, благодаря цветным узорам, которые образовывали нити, соединяющие прутья. А наиболее опасные удары парировались железным умбоном, прикрывающим деревянный умбон-основу. Держали такой щит кулаком левой руки за два перекрещенных шнура, привязанных к кольцам, крепившихся к поверхности щита зак-

лепками. Кулак воина был защищен от ушиба кожаной подушечкой, приклеенной с изнанки к умбону-основе.

Кроме плетеных монголы использовали щиты из досок, покрытых кожей, и, вероятно, из твердой, толстой многослойной кожи. Эти щиты были значительно тяжелее плетеных, уступали им в упругости, но могли быть прочнее. Использовалось монголами и покрытие щита листами железа – частичное или сплошное. Такие щиты назывались «темир-халха». Сочетание упругой прутьяной основы и прочности железного покрытия должно было давать исключительный эффект. Надо отметить, что щит применялся реже панцирей и шлемов.

Не менее тщательно, чем сам воин, снаряжался его боевой конь, от которого напрямую зависели успех и сама жизнь всадника. Монгольское седло в XIII в. имело уже хорошо выраженные специфические особенности. Его полки были более массивны и лучше облегалу спину лошади: всадник располагался выше, и его вес не так давил на коня. А массивная, почти прямоугольная вертикальная передняя лука хорошо прикрывала живот всадника, тогда как отлогая задняя лука позволяла всаднику свободно двигаться в седле, особенно стрелять вбок и назад. Богатые экземпляры имели окованные чеканным серебром и золотом луки и концы полок. Бока коня и ноги всадника предохраняли от взаимного трения большие и толстые кожаные тебеньки прямоугольной, а чаще округлой формы. Они нередко красиво расписывались,

тиснились, обшивались металлическими накладками. Седло, помимо подпруг, крепилось к корпусу коня папесью и пахвью, которые украшались металлическими накладками, подвесками, кистями. Легкая узда, всегда носимая с недоуздом, также украшалась металлическими бляшками, кисточками, наносными и налобными султанчиками, наузами, снабжалась пряжками и обоймицами. Все металлические детали нередко украшались, делались из драгоценных металлов.

Боевые кони знатных латников также были защищены доспехом. Его подробные описания и многочисленные изображения свидетельствуют о том, что он состоял из следующих частей: маски-налобника из толстой твердой кожи или кованого железа, состоящего из двух боковин нашейника, нагрудника, двух боковин, прикрывающих бока лошади, задника и накрутника. Конский панцирь обычно был ламеллярным и ламинарным и делался как для человека, только пластины его были крупнее, а полосы шире и длиннее. Применялись и панцири-попоны из мягких материалов. Вся традиция конского доспеха монголов опирается на богатейшую центральноазиатскую и восточноазиатскую традиции, но, как остальные элементы монгольского оружия, имеет свое определенное и характерное лицо.

Как мы убедились, оружие войск Чингизидов было не только разнообразным, эффективным и красивым, но являлось именно монгольским, со своими характерными, отличающими его от оружия современников признаками, легко его выделявшими.

§ 2. Завоевание Восточного Туркестана и Западной Сибири

Евгений Кычанов

Покорение Чингиз-ханом южных районов Сибири и прилегающих областей началось еще до того, как состоялся Великий курултай 1206 г. и Темучжин вторично стал всемонгольским ханом, Чингиз-ханом (ханом над ханами), а также было окончательно сформировано государство Еке Монгол Улус – Великое Монгольское государство.

Среди народов Алтая и Южной Сибири самыми сильными являлись найманы, имевшие свой улус-государство, использовавшие в делопроизводстве уйгурское письмо, по

крайней мере, верхушка найманского ханства исповедовала христианство несторианского толка. Этническая принадлежность найманов спорна – часть историков считают, и не без оснований, их тюркоязычным народом, другие, особенно монгольские историки, – монголоязычным.

К 1204 г. найманский улус был ослаблен внутренними распрями его правящего клана. За власть боролись братья Таян-хан и Буюрук-хан, сыновья могущественного Инанч-хана. У Таян-хана были нелады и с его сыном

Кучлуком. Таян-хан (это не имя, а титул – Дайван, Великий ван, который он получил от императора государства чжурчженей Цзинь, собственное имя Таян-хана – Байбука) знал о гибели Татарского и Керейтского улусов, но, если верить «Тайной истории монголов», будучи достаточно долго в стороне от борьбы за власть над Халхой, он недооценивал силу Темучжина. Более того, он сам претендовал на подчинение своей власти всей Халхи. Таян-хан полагал себя солнцем, а Темучжина – луной и не раз высказывался в том духе, что невозможно, чтобы «солнце и луна светили и сияли на небе рядом», и на земле не могут быть рядом два хана.

Темучжин, зная что улус (найманов) многолюден, к войне с ними готовился серьезно. Именно а начале 1204 г. он провел реформы в своем улусе, реорганизовав армию, гвардию и администрацию. Летом 1204 г. 45-тысячная армия Темучжина выступила на юго-запад, в поход на найманов. Перед походом было совершено жертвоприношение знамени войны, в котором, как считалось, обитал дух-хранитель войска Сульдэ.

Найманы были не одни, на их стороне оказались меркиты и татары, остаток войска уничтоженных улусов, а также ойраты и часть монголов, которая все еще шла за побратимом Темучжина Джамухой. Ночью монголы зажгли на каждого своего воина по пять костров, чтобы показать врагу многочисленность своего войска, загнали в стан найманов тощих лошадей, чтобы убедить врагов, что их кони не откормлены и не готовы к войне.

Таян-хан был разумно осторожен и, не принимая боя с монголами, стал отступать за Алтай. Но под давлением сына Кучлука, жены, Джамухи и других сторонников немедленного сражения согласился принять бой. Битва произошла в горном районе. Во время боя Джамуха со своими людьми покинул найманов. Найманы стойко сражались, сам Таян-хан был несколько раз ранен. Но в итоге монголы Темучжина одолели найманов. Таян-хан погиб, Кучлуку удалось с остатками армии бежать [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.148; Козин, 1941, с.150.]

Осенью 1204 г. монголы Темучжина разгромили меркитов, которые жили в низовьях р. Орхон и по р. Селенге. Правитель меркитов Тохтоа-беки бежал на запад к Кучлуку. Кучлук и Тохтоа-беки кочевали за Алтаем в доли-

не р. Иртыша. Темучжин провел зиму 1204–1205 гг. в южных областях Алтая. А по весне перекочевал к притоку Иртыша – р. Бухтарме. Здесь монгольские войска атаковали Кучлука и Тохтоа-беки. Меркит Тохтоа-беки пал в бою, его люди, которые не погибли, ушли к кыпчакам на территорию современного Казахстана. Кучлук со своими уцелевшими людьми ушел к кара-китаям, в Западное Ляо – на р. Чу. Трудно сказать как организационно, но Алтай, бывшие владения Найманского улуса стали частью улуса Темучжина.

В верховьях Енисея и его притоков жили кыргызы. Кыргызское государство на вершине Енисее к XIII в. распалось на несколько независимых владений. Этими владениями правили предводители с титулом инал. Будучи хорошо осведомленными о ситуации в Халхе, о гибели Найманского улуса, кыргызы решили не рисковать и сами послали послов к Чингиз-хану. В ответ в Кэм-Кэмчиут отправилось монгольское посольство, а вслед за ним второе кыргызское посольство прибыло в Монголию. Кыргызские послы получили аудиенцию у Чингиз-хана, подарили ему белого сокола и, видимо, заявили о своем подчинении монгольскому хану [Юань ши, 1935, с.8а]. Версия «Юань-ши» о добровольном подчинении кыргызов противоречит сведениям «Тайной истории». Согласно этому источнику, в 1207 г. Чингиз-хан послал с отрядом войск своего старшего сына Джучи для покорения «лесных народов» юга Сибири. Это был именно военный поход. Джучи подчинил предков бурят и ойратов. После этого к нему явились кыргызские нойоны Еди Инал, Ардир и Олибек-дигин. Они привезли белых кречетов, белых коней и белых соболей. Джучи сформировал посольство от «лесных народов» – ойратов, кыргызов и др., и они вместе с его отрядом прибыли к Чингиз-хану. Правители ойратов и их сыновья, как представители родственного народа, получили в жены девушек из семей монгольской знати. Джучи покорил «лесные народы» без потерь людей и лошадей, и «лесные народы» были пожалованы ему [Козин, 1941, с.174–175].

Через десять лет, в 1217 г., против монголов восстали туматы, расселявшиеся к западу от оз. Байкал. Монгольский отряд, отправленный на их покорение, был туматами разгромлен. Тогда Чингиз-хан приказал подавить восстание туматов кыргызам. Но кыргызы от-

казались выполнять приказ Джучи, правитель «лесных народов» вынужден был лично возглавить карательный поход. Перейдя по льду р. Селенгу, войска Джучи двинулись по окраинам Южной Сибири на запад, через земли туматов и ойратов к притоку верхнего Енисея – р. Усе. Отсюда монгольские войска стали двигаться вниз по течению Енисея в центральные районы расселения кыргызов. Кыргызы были подчинены. Монгольский отряд, продвигаясь на запад, покорил на Алтае теленгитов. После этого монголы дошли до реки Обь и возвратились.

Это был беспримерный по масштабам и преодолению природных трудностей поход, о котором, к сожалению, ничего не известно в деталях. Огромный регион Южной Сибири от Байкала до Оби был подчинен монгольскому государству. Академик Б.Я.Владимирцов, объясняя причины похода, считал, что «Чингис-хан хотел завоевать эти места, обезопасить себя от внезапных нападений, а также взять в свои руки торговые пути к Енисею, где в то время было много хлеба, который и вывозили при содействии мусульманских и уйгурских купцов в Монголию. Кроме того, страна «лесных народов» была богата соболями и другой пушниной, отсюда же привозили охотничьих соколов» [Владимирцов, 2002, с.173–174].

Задача расширения территории Еке Монгол Улуса по всем направлениям требовала подготовки для нанесения ударов по двум самым мощным противникам – чжурчженскому государству Цзинь (Северный Китай) и государству хорезмшахов Ануштегинидов. Для этого требовалось подчинить более мелкие владения. Первый удар по находившемуся к югу от пустыни Гоби государству тангутов Великое Ся был нанесен еще до великого курултая. Но для того, чтобы покорить тангутов потребовалось более двадцати лет и даже жизнь самого Чингиз-хана.

Поход на тангутов 1207–1208 гг., который возглавлял лично Чингиз-хан, как и имевший место за три года до этого разгром найманов, напугал уйгуров. Государство уйгуров занимало обширную территорию от Хами на востоке до Куча на западе, от Джунгарской равнины на севере до оз. Лоб-Нор на юге. В нем протекали два значимых процесса – этнический и конфессиональный. В плане этническом активно завершалась тюркизация региона (Восточного Туркестана), уйгуризация местного,

когда-то индо-европейского, населения. В плане конфессиональном с запада активно наступал ислам, постоянно сокращалась численность буддистов и возрастала численность мусульман. После образования государства Западное Ляо уйгуры признали себя его вассалом, в их столице г. Куча находился кара-китайский наместник.

В 1208 г. Чингиз-хан выслал отряд под командованием Субедей-багатура и Джебе с целью добить найманов во главе с Кучлуком и меркитов, которыми руководил Худу. Объединенные силы найманов и меркитов были разбиты на р. Бухтарме. Кучлук бежал к каракитаям, меркиты пытались найти убежище у уйгуров. В это время правитель уйгуров идикут Барчук, явно надеясь на помощь монголов, убил наместника кара-китаев, заживо погребя его под обломками разрушенной резиденции наместника [Хань Жу-линь, 1982, с.48]. Уйгурские послы отправились в ставку Чингиз-хана и заявили о подчинении Уйгурского государства монголам. Чингиз-хан объявил, что он желает, чтобы идикут уйгуров прибыл к нему лично с богатыми дарами – «пусть идикут приезжает, взяв с собой золота, серебра, жемчугов, перламутров, златотканной парчи, узорчатых штофов и шелковых тканей», т.е. объявил о том, что правитель уйгуров лично должен доставить к хану монголов дань [Козин, 1941, с.174].

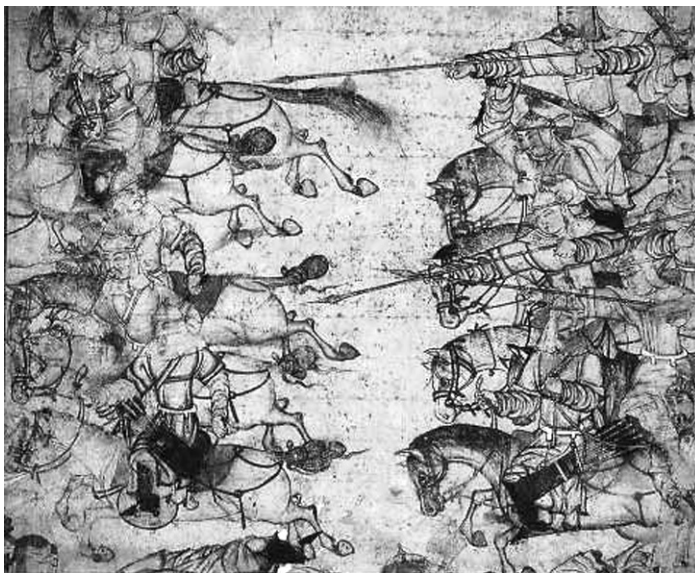
В это время к уйгурскому идикуту прибыли меркитские послы и просили убежища для своего народа и правителя. Уйгуры убили послов, отказались принять меркитов, а тех меркитов, которые уже бежали на территорию Уйгурского государства, выставили за его пределы. Барчук или не очень торопился к Чингиз-хану, или ждал, когда тот возвратится из очередного похода на тангутов, но только прибыл он в ставку Чингиз-хана на берега р. Керулен в 1211 г. С поданных идикута была собрана богатая дань, которая была доставлена в Монголию. Здесь Барчук был тепло принят Чингиз-ханом и объявлен его пятым сыном. Чингиз-хан выдал за него свою дочь Ал-Атуну (Ели-хатун). Идикут Барчук и его потомки, благодаря усыновлению Барчука, считались великими ханами и членами урука (клана) Чингиз-хана. Они участвовали в походах монголов, в рамках государства уйгуров сохраняли свою независимость, позднее считались вассалами императоров

династии Юань. При жизни Чингиз-хана уйгуры помогали монголам добывать тангутское государство, их армия была в составе войск, выступивших против хорезмшаха. Подчинение уйгуров оказалось определенным подарком Чингиз-хану – не стало угрозы тангутско-уйгурского союза против монголов (а в конце XII – начале XIII в. между тангутским государством Великое Ся и Уйгурским государством были дружеские отношения). Чингиз-хан получил гарантии того, что те, кого он не добил и изгнал из Халхи, не найдут убежища у уйгуров.

В 1211 г., по сведениям «Юань-ши», «прибыл из Западного края и подчинился хан карлуков Арслан-хан» [Юань ши, 1935, с.86]. Карлуки жили к юго-востоку от оз. Балхаш в бассейнах рр. Или и Чу [Хань Жу-линь, 1982, с.49]. Как и уйгуры, в XII в. карлуки зависели от кара-китаев, и при Арслан-хане жил кара-китайский наместник. Чингиз-хан имел намерение подчинить карлуков и с этой целью выслал против них экспедиционный корпус под командованием Хубилая. Но Арслан-хан еще до подхода монголов убил кара-китайского наместника и объявил о своем добровольном подчинении. В 1211 г. Арслан-хан также ездил в Монголию и был принят Чингиз-ханом.

Имелся еще другой независимый от Арслан-хана тюркский карлукский правитель, хан г. Алмалыка Ваздар. Ваздар также зависел от кара-китаев, но он был в тайном контакте с Чингиз-ханом и оповещал его о состоянии дел у Кучлука. Ваздар ездил в Монголию и тоже получил аудиенцию у Чингиз-хана. Узнав об этом, Кучлук напал на Алмалык и взял Ваздара в плен. Чингиз-хан выслал войска на помощь Ваздару. Кучлук оставил Алмалык, а Ваздара убил. Монголы передали власть над Алмалыком сыну Ваздара. Сын Ваздара носил титул хана, в благодарность за преданность его отца Чингиз-хан дал ему в жены девушку из своего урука. Карлуки принимали участие в походе на государство хорезмшаха.

С подчинением уйгуров и карлуков граница контролируемых Чингиз-ханом владений стала прямо соприкасаться с границами госу-

Сцена преследования. Миниатюра. Иран. Начало XIV в.

дарства кара-китаев Западное Ляо. В XII в., после разгрома чжурчженями киданьского государства Ляо (1125 г.), один из представителей правящего дома Ляо Елюй Даши с частью войск ушел на запад. В итоге он захватил власть в ослабевшем государстве Караханидов и создал свое государство Западное Ляо со столицей в Хус-Ордо (этот город находился вблизи современного г. Токмак, Кыргызстан). К концу XII в. кара-китайские гур-ханы контролировали уйгуров и карлуков, им платили дань хорезмшахи. В 1209 г. хорезмшах убил посла гур-хана, прибывшего за данью, а затем нанес военное поражение кара-китаям.

Бежавший к кара-китаям Кучлук был принят при дворе, получил в жены дочь гур-хана и, стремясь завоевать доверие, даже сменил веру, перейдя из христианства в буддизм. Поражение, которое гур-хан потерпел от хорезмшаха, и восстание, поднятое против него жителями его столицы стали поводом к тому, что Кучлук захватил власть в свои руки. Он не убил гур-хана, всячески оказывал ему почтение, но «захватил... области Туркестана, которыми владел гур-хан, и его царский сан» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.182]. Через два года гур-хан умер, и Кучлук стал единоличным правителем государства Западное Ляо. Правил Кучлук неумно и жестоко, как писал Рашид ад-Дин: «...раскрыл над подданными длань насилия и вымогательства». Главной его ошибкой стало преследование мусульман, от которых он требовал перехода в христиан-

ство или буддизм. Кучлук лично участвовал в диспутах с мусульманскими богословами, и после одного из таких диспутов в г. Хотане, когда имам Ала ад-Дин Мухаммад-и Хотани оскорбил его, распял имама на дверях его медресе. Это было время, когда буддизм терял свои позиции в Восточном Туркестане, а ислам укреплялся, и большинство бывших подданных гур-хана были резко настроены против Кучлука. Монголы семь лет изучали положение дел в государстве Кучлука и хорошо были осведомлены о религиозных распрях в бывших владениях кара-китаев.

В 1218 г. Чингиз-хан приказал Джебе выступить в поход на государство кара-китаев под лозунгом веротерпимости, «чтобы каждый человек придерживался своей веры и хранил бы в религии путь своих предков» [там же, с.183]. Возможно, это первое свидетельство того, что монголы не только отличались веротерпимостью, но и сознательно использовали провозглашение права выбора веры в своих политических целях. Близкая помощь монголов и обещание свободы вероисповедания подняли мусульман во владениях Кучлука на восстание. С помощью восставших Джебе быстро разгромил войска Кучлука.

Преследуемый монголами, Кучлук бежал в Бадахшан, где, по сведениям «Юань-ши», и был убит одним из мусульман из окружения кара-китайского гур-хана. По сведениям Рашид ад-Дина, Кучлука взял в плен правитель Алмалыка, после чего Кучлук был убит. Государство кара-китаев перестало существовать [Козин, 1941, с.86; Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.183–184].

Таким образом, в течение примерно десяти лет тот регион, который китайцы называли *Си юй* (Западный край) и который в значительной своей части позднее стал известен как *Восточный Туркестан*, край, населенный уже в основном тюрками с остатками индо-иранского и киданьского населения, край, в котором ислам победно теснил буддизм и отчасти христианство несторианского толка, перешел под руку Чингиз-хана. К нему же отошла часть современной территории Кыргызстана, т.н. Семиречье. Монголы вышли на рубежи р. Иртыш, к кыпчакским степям (нынешний Казахстан) и к границам владений хорезмшаха. Перед походом на запад за спиной у Чингиз-хана оставались разоренные дотла районы государства Цзинь к северу от р. Хуанхэ и недобитое государство тангутов.

§ 3. Завоевание государства хорезмшахов

Евгений Кычанов

Хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад в своем регионе, может быть, был не менее успешным завоевателем, чем Темучжин – Чингиз-хан. К началу XIII в. его владения включали Мавераннахр, Хорасан, Мазандаран, Керман, персидский Иран, Азербайджан, Систан и Газну. В 1207 г. он занял Бухару, а в 1208 г. – Герат и Хорезм. Конечно, оба победоносных завоевателя имели сведения друг о друге, границы их владений и контролируемых ими территорий уже соприкасались, и первая проба сил была на повестке дня. Хотя большая часть ненавистных Чингиз-хану меркитов была истреблена, все же часть их ушла в кыпчакские степи, на территорию, контролируемую хорезмшахом. Добить беглецов было поручено Субедей-багатуру и повелителю «лесных народов» Джучи.

Когда монголы преследовали меркитов, они столкнулись с отрядом войск хорезмшаха, который был послан против кыпчаков.

Когда воины хорезмшаха появились перед монголами, монголы уже покончили с меркитами. Они не хотели сражаться с войском хорезмшаха, и Джучи заявил, что он послан только против меркитов. Хорезмшах, на печати которого были вырезаны слова «тень Аллаха на земле», считал всех неверных, всех немусульман врагами. Он навязал сражение монголам. Жестокий бой длился трое суток, ни одна из сторон не могла взять верх. На четвертую ночь монголы отступили, зажженные ими на старом месте многочисленные костры должны были обмануть противника, который и на четвертый день был готов продолжать сражение.

Победитель хорезмшах Мухаммад после этого не только уверовал в свое превосходство над Чингиз-ханом, но и укрепился в своем прежнем намерении идти походом на Китай. Когда же ему доложили, что Китай уже завоеван Чингиз-ханом, он решил эти сведения

проверить. К Чингиз-хану было отправлено посольство во главе с Беха ад-Дином ар-Рази. Чингиз-хан посла принял. Во время переговоров он высказался за развитие торговли и раздел сфер влияния. Он предложил признавать хорезмшаха владыкой Запада, с тем, чтобы и тот признавал его, Чингиз-хана, владыкой Востока. Ответное монгольское посольство было отправлено к хорезмшаху. Глава посольства хорезмиец Махмуд во время аудиенции у хорезмшаха объявил ему, что Чингиз-хан считает его «наравне с самым дорогим из своих сыновей». «Ты для меня как самый дорогой мой сын. Не в тайне и для тебя, что я завладел Китаем и соседними странами тюрок» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.187–188].

Из всего сказанного хорезмшах понял, что о равенстве между ним и Чингиз-ханом со стороны Чингиз-хана не может быть и речи. Он ночью тайно допросил посла Чингиз-хана, чтобы выяснить, «кто же он этот проклятый, чтобы называть меня своим сыном? Какое же у него войско?». По сведениям мусульманских авторов, Махмуд, опасаясь за свою жизнь, дал хорезмшаху ложные сведения о состоянии монгольской армии, уверив шаха, что монгольская армия по сравнению с его армией все равно, что одинокий всадник по сравнению с отрядом конницы. Неизвестно, поверил ли хорезмшах хоть и монгольскому послу, но своему хорезмийцу, или просто принял беззастенчивую лесть как данное, он не поощрил и не наказал монгольского посла, а просто предложил ему быть его согладатаем при монгольском дворе. Да и трудно поверить в то, что хорезмшах не имел никакой информации о состоянии дел при монгольском дворе и в Монгольском улусе. Обмен посольствами и торговыми караванами, а в то время одно и другое часто совпадало, обеспечивал достаточно надежный сбор информации [Петрушевский, 1970, с.105].

За посольством Махмуда последовало новое посольство-караван от Чингиз-хана во главе уже с монголом Ухуна. Ухуна вез письмо Чингиз-хана, в котором тот высоко отзывался о достоинствах торговли и ратовал за ее развитие. В письме была одна фраза: «Мы приказали, – писал Чингиз-хан хорезмшаху, – чтобы отныне между всеми странами на земле установился мир, чтобы купцы безбоязненно отправлялись во все края» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.188]. И вот это «мы приказали»

не могло не задеть в очередной раз хорезмшаха. Была ли это обычная самоуверенность Чингиз-хана в праве приказывать всем, или, скорее, тонкий дипломатический прием, призванный лишить соперника покоя? И соперник дрогнул и предпринял резкие шаги. Достоверно известно одно – или по собственному почину, или по приказу хорезмшаха наместник пограничного г. Отрар, куда прибыло посольство-караван Ухуна, посла и купцов убил, а товары забрал. Тем самым монголы получили легитимный повод для нападения на государство хорезмшаха.

Чингиз-хан потребовал выдачи правителя г. Отрара. Хорезмшах не захотел сделать это, т.к. правитель Отрара Инал был двоюродным братом шаха со стороны матери. Посла Чингиз-хана, прибывшего с требованием выдать Инала, хорезмшах тоже убил.

Ряд мусульманских авторов полагают, что к войне с хорезмшахом Чингиз-хана подбивал и арабский халиф Багдада ан-Насир, который враждовал с хорезмшахом.

Как бы там не было, месть стала поводом, именно поводом, а не главной причиной для начала войны. Мечь подается как основная причина начала войны в «Тайной истории монголов», но с существенной поправкой – Чингиз-хан мстил не столько за убийство своего посла и купцов, сколько за то, что «сартаульский народ» позволил себе «безнаказанно обрывать украшения моих (Чингиз-хана. – *Е.К.*) златоцарственных поводьев» [Козин, 1941, с.182], т.е. недвусмысленно предполагалось, что хорезмшах вышел из ханского повиновения. Чувство мести породило «праведный гнев». В уруке, т.е. среди близкой родни Чингиз-хана, отнюдь не все разделяли его мистическую веру в право властвовать над народами. Многие помнили, какой была Монголия еще 20 лет назад. Татарка ханша Есуй прямо заявляла, что как только Чингиз-хан умрет, его «многолюдное царство» рассыплется, как горсть конопли. Власть могли оспаривать сыновья Джучи, Чагатай и Угедей. Чингиз-хан на семейном совете определил своим возможным преемником Угедея, а когда старшие братья, демонстрируя покорность, стали уверять, что оба «парой» будут служить младшему брату, Чингиз-хан сказал знаменательные слова: «К чему же непременно парой? Мать Земля велика. Много в ней рек и вод. Скажите лучше, будем отдельно друг от друга пра-

Монгольское войско осаждает город.
Миниатюра. Иран. 1301–1314 гг.

Проповедь Чингиз-хана в Бухаре.
Миниатюра. Иран. 1397/98 г.

вить иноземными народами!» [там же, с.183, 185–186]. Так была определена судьба Чингизидов – один правит родной землей, прочие – другими народами, теми, которые следует завоевать, и в тех пределах, которые будут завоеваны. Мир уже имел дело с харизматической личностью, черпавшей свои силы не только, как бы мы сказали сейчас, из Космоса, от Вечного Синего Неба, но и унаследовавшего традиции центральноазиатских империй, простиравших свои владения от Желтого до Черного моря.

Почему Чингиз-хан решил начать войну с государством хорезмшаха? Он знал о слабости этого государства. На севере владений хорезмшаха кочевали кыпчаки, тоже кочевники и давние соперники монголов, хорезмшахов, они были понятны и их надо было подчинить, в лучшем случае нейтрализовать. Чингиз-хан понимал, что в подчинении Северного Китая легкого успеха не будет. Он пока не смог завоевать не только Северный Китай, государство чжурчженей Цзинь, но и небольшое государство тангутов. Здесь предстояла длительная борьба, и для ее успеха нужны были новый внешний большой успех и новые ресурсы. Чингиз-хан предлагает тангутам вме-

сте пойти войной на хорезмшаха, но тангуты отказываются, и Чингиз-хан дает клятву истребить их, но только после похода на запад.

При обсуждении плана предстоящей войны хорезмшах и его окружение приняли не лучшее решение – не давать генерального сражения, а оборонять крупные города, сберечь свои силы и распылить силы противника, который был силен в битве в открытом поле, но не умел осаждать города. Не было принято в расчет, что, имея опыт войны с Цзинь и Ся, монголы научились осаждать и брать большие города и что в их армии были уже военные специалисты в этом деле.

По весне 1219 г. 200-тысячная армия Чингиз-хана выступила походом на государство хорезмшаха. Чингиз-хан не спешил, очевидно, стремясь посеять неуверенность в рядах противника и избегая летней жары в Средней Азии. Поэтому лето 1219 г. монголы кочевали по долине р. Иртыш. Ждали, когда кони нагуляют тело и окрепнут. Вероятно, ждали и союзников. К монгольской армии присоединился уйгурский идикут Барчук, тюрки-карлуки во главе с Арслан-ханом и Сукнак-теши алмалыкский, который получил в управление бывшее Западное Ляо, владения Кучлу-

ка. Кроме того, в рядах армии Чингиз-хана были кидани из Цзинь, кара-китаи из Западного Ляо, китайцы из государства Цзинь, принявшие сторону монголов, не считая отдельных лиц из числа чжурчженей, тангутов, народов Монголии и Маньчжурии, мусульман разных национальностей, перешедших на службу к Чингиз-хану. Все это разноплеменное воинство в Средней Азии, на Кавказе, а позже в Восточной Европе, у кыпчаков-половцев, в Булгарском государстве, в русских княжествах, в Польше, Венгрии, Западной Европе стало называться одним словом – *татары*.

Чингиз-хан, знавший, что объединенной армии хорезмшаха, которая бы задержала вторжение, не будет, разделил свои войска на четыре колонны. Одну, главную, возглавлял лично он, непосредственно войсками командовали его лучшие полководцы – Джебе и Субедей. Эта колонна двигалась на Бухару и Самарканд. Взятие этих городов считалось ее главной задачей. Вторая группа войск во главе с сыновьями Чингиз-хана Чагатаем и Угедеем должна была осаждать г. Отрар. На г. Ходжент и Бенакент наступала третья группировка во главе с Улакнойоном и Сюкетю-черби. Четвертая группа войск во главе с Джучи атаковала гг. Дженд и Янгикент. Таким образом, самой северной была армия Джучи, первой центральной – армия Чагатая и Угедея, второй центральной – Улакнойона и Сюкетю-черби, самой южной – Чингиз-хана, Джебе и Субедея. В итоге был атакован район нижнего и верхнего течения р. Сырдарья и долина р. Зеравшан, притока Амударьи. Ставка хорезмшаха находилась к югу от верхнего течения Амударьи в г. Балх.

Основные победы были одержаны монголами ранней весной 1220 г. 10 февраля пала Бухара, в феврале был взят г. Отрар, 17 марта пал Самарканд, в марте же был взят Сыгнак, 21 апреля Дженд, одновременно сдался Ходжент. За три месяца значительная часть территории государства хорезмшаха была занята врагом. На сторону Чингиз-хана добровольно перешли правители гг. Кундуз и Балх.

Монголы уничтожали всех, кто оказывал сопротивление, пленных, а также женщин и детей гнали на осаду городов (хашар), все ценное становилось трофеем, ремесленников угоняли в Монголию. Крайне жестокие методы ведения войны Чингиз-ханом хорошо известны из описаний китайских, мусульман-

ских и христианских авторов, современников той эпохи.

Задача поймать хорезмшаха была поставлена перед 20-тысячным корпусом Субедея и Джебе. Шах бежал в Хорасан, вначале в г. Наса, потом в Нишапур. Нишапур был взят и сравнен с землей [ан-Насави, 1973, с.92]. Хорезмшах укрылся на о. Ашур-Ада в южной части Каспийского моря, близ устья р. Гурган. Здесь он в декабре 1220 г. скончался. Его сын и наследник Джалал ад-Дин похоронил отца в крепости Ардахи. Монголы взяли крепость, выкопали останки хорезмшаха, увезли их в Монголию и там уже при правлении Угедея они были сожжены.

Сам Чингиз-хан лето 1220 г. провел в районе г. Насаф, а осенью его корпус двинулся к г. Термезу. Захватив те места, он стер их с лица земли, грабя и избивая поголовно население, разрушая и предавая все огню. Зимой 1220–1221 гг. он провел на берегах Амударьи. Одновременно монголы осаждали г. Ургенч, столицу государства хорезмшахов, в нижнем течении Амударьи. Чингиз-хан написал письмо Теркен-хатун, матери хорезмшаха, предлагая ей сдаться. Она ответила отказом. Позже Теркен-хатун попала в плен вместе с детьми и женами хорезмшаха. Детей истребили, жен роздали монгольским военачальникам. Покидая владения хорезмшаха, Чингиз-хан устроил парад победы. Пока проходили парадным строем войска, Теркен-хатун должна была громко оплакивать государство своего сына. Затем ее отвезли в Монголию, где она жила при ханской ставке, получая в пищу объедки с ханского стола, до своей смерти в 1233 г.

Летом и сенью 1221 г. основные сражения происходили в районе г. Газна. У г. Кандагара и у г. Первана Джалал ад-Дин нанес первые поражения монголам. Но осенью 1221 г. монголы взяли Газну, а 23 ноября 1221 г. в сражении на берегах р. Инд разгромили Джалал ад-Дина. Он ушел в Индию, а монголы преследовали его по берегам р. Инд вплоть до г. Мултана.

В 1222 г. Чингиз-хан стоял со своей ордой к югу от Гиндукуша. Здесь он получил тревожное известие, что «тангуты и китаи (в данном случае население Северного Китая, чжурчжени и китайцы), ...пользуясь его отсутствием, вызывали между его подчиненными смуту и мятежи». Было принято реше-

Монгольское войско преследует неприятеля.
Миниатюра. Иран. 1301–1314 гг.

ние возвращаться в Монголию. Зиму 1222–1223 гг. Чингиз-хан провел в районе Самарканда, лето 1223 г. и зиму 1224 г. – на р. Чу, а лето 1224 г. – в нравившейся ему долине Иртыша. Зиму 1224–1225 гг. он зимовал в районе р. Эмиль и лишь летом 1225 г. возвратился в Монголию. В биографии Чингиз-хана много загадочного, одна из таких загадок – трехлетний путь из Средней Азии на родину. В 1225 г. в администрации Чингиз-хана появился институт наместников-даругачи для управления покоренными народами. Даругачи Средней Азии стал Масхут Хурумши, а Северного Китая, г. Янь (Пекина) – Махмуд Ялавач. Джучи был оставлен правителем Хорезма.

Корпус, преследовавший хорезмшаха, не удовлетворился его смертью. Обойдя Каспий, монголы в 1221 г. разорили города Азербайджана, в 1222 г. вступили в Грузию и в долине Котмана разгромили грузинскую армию. Затем через Шемаху – Дербент они вышли в пределы Северного Кавказа, где нанесли поражение кыпчакам и аланам, а 31 мая 1223 г. в сражении на р. Калка – объединенным силам кыпчаков и русских.

Подчинение Средней Азии увенчало жизненную «западную» завоевательную политику Чингиз-хана, если считать походы на Великое Ся и Цзинь политикой «южной». Оно

было подготовлено добровольным подчинением уйгуров и тюрков-карлуков, уничтожением государства кара-китаев, захваченного найманом Кучлуком, привлечением к участию в западном походе уйгуров и карлуков. Детали их участия в войне практически неизвестны. Почему государство хорезмшаха стало вторым объектом мести? Первым были чжурчжени, третьим станут тангуты. Несмотря на известную слабость его государства, хорезмшах был таким же претендентом на «мировое господство», как и Чингиз-хан. «Владыка Запада» стал реальным соперником «Владыки Востока». Таковых не было ни в Цзинь, ни в Ся, ни в Южной Сун. Южный Китай в эти годы объективно выступал союзником Чингиз-хана. Поэтому, нейтрализовав Цзинь и Ся, вынудив их с 1214 г. даже воевать друг с другом, Чингиз-хан почти всю свою мощь и мощь своих союзников обрушил на соперника – хорезмшаха. Сыграл свою роль и «исламский фактор». Роль мусульман в становлении Еке Монгол Улуса – Великого Монгольского государства, во внешней и внутренней политике Чингиз-хана и его преемников, несмотря на кажущееся обилие материала, в принципе глубоко не исследована. А эта роль была весьма весомой, более весомой, чем этнически близких киданей (Елюй Чу-цай) и даже китайцев. Мусульманским советникам Чингиз-хана исламский мир был более понятен, чем мир «китайский», и они лучше знали, что там можно было взять с помощью монгольской конницы, хотя, возможно, и не ожидали столь разрушительных результатов похода. Немаловажным в западном походе был и тюркско-кыпчакский фактор, глубинное тюрко-монгольское соперничество в Халхе, тоже известное науке в общих чертах и по его результату – вытеснению тюрков из их альма-матер, Монголии, – но не в деталях.

Подчинение Средней Азии, поражение владетелей Кавказа, разгром кыпчакско-русской группировки на р. Калке, желание добить кыпчаков – все это через десять с небольшим лет привело к новым походам в Восточную Европу, желанию овладеть всеми теми землями, куда может ступить нога монгольского коня.

§ 4. Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг.

Искандер Измайлов

Поход 1223 г. Субедея и Джебе в Восточную Европу и Джучи из Хорезма в Заволжье. История завоеваний западных стран и земель является важной страницей в истории становления Великой монгольской империи и определяющей в возникновении Улуса Джучи в тех максимальных пределах, которых его знает история. Она прямо связана с вопросом наследных владений Джучидов и их права на завоевание стран, лежащих на пути к «последнему морю». Наследственный улус для Джучи, выделенный, очевидно, Чингизханом в 1207–1208 гг., изначально располагался на западе Монгольского государства. Судя по сведениям Рашид ад-Дина, в состав крыла Джучи входили четыре монгольские тысячи из племен сиджиут, кингит и хушин [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.274]. Эти тысячи, вполне очевидно, были гвардейскими отрядами, основой будущего войска Джучидов. Именно они оказались на передней линии войны с кочевыми народами. Сначала с меркитами и найманами, отступившими в бассейн Иртыша и Восточный Туркестан, а позднее с «лесными народами» – ойратами, бурятами и кыргызами [Buell, 1992, p.1–32]. В результате успешных походов и дипломатических усилий Улус Джучи утвердился в качестве западного крыла и настоящего плацдарма против кыпчаков и других стран Запада. Уже при Джучи в состав его войск влились отряды ойратов, кыргызов, урянхайцев, а позднее и других тюрко-кыпчакских и татарских племен, присоединенных или выразивших лояльность Чингиз-хану в период 1207–1211 гг. Окончательно северные территории Алтая, Забайкалья и Минусинской котловины были завоеваны в 1217 г., когда полководцы Джучи нанесли поражение хори-туматам.

В следующем, 1218 г. произошли знаменательные события. Стремясь охватить государство Кучлука с севера и нанести окончательное поражение кыргызам и другим «лесным народам», а также усилившимся меркитам и присоединившимся к ним остаткам других разбитых Чингиз-ханом племен, в Тургайскую степь были посланы войска во главе с Джучи, при непосредственном командовании Субедея и Тохучара. Согласно биографии Субедея в «Юань-ши», он «большим войском пошел к реке Чань, встретился с меркитами,

в одном сражении взял в плен двух полководцев и полностью покорил их народ. Глава их обока Хуту бежал к кыпчакам, Субэтай преследовал его и у кыпчаков при горной долине Юйюй сразился и разбил его» [Храпачевский, 2004, с.498–499]. Очевидно, речь идет о битве на р. Иргиз, одним из последствий которой стало первое столкновение с войсками хорезмшаха. Здесь важно отметить, что в ходе этих столкновений впервые войска Джучи вступили в столкновение с кыпчаками. По мнению Т.Олсена речь идет о кочевой державе йемеков во главе с кланом ольбури (ильбуре), чья держава располагалась в Приаралье и Заволжье [Allsen, 1983, p.9–10; Олсен, 2003, 3/4, с.130] (подробнее об этом клане см.: [Golden, 1986, p.5–30]).

После последовавшей большой войны с хорезмшахом, завершившимся гибелью его державы и присоединением к Монгольской империи Мавераннахра, Хорезма и Хорасана, для Джучи и его потомков это имело самые судьбоносные последствия – их улус расширился практически до реки Джаяк (Урал), а на юге они получили определенный контроль над Хорезмом и городами по берегам нижнего течения Сырдарьи (подробнее см.: [Тоған, 2002, с.146–187]). На повестке дня прямо стал вопрос о противоборстве с кыпчаками и йемеками. Однако логика событий привела не к войне с отдельными племенами кыпчаков, но с целой коалицией волго-уральских народов и государств.

Начало этому почти полуторадесятилетнему вооруженному противостоянию было положено в 1223 г. Разворачивалось оно с событий 1220 г., когда три тумена под командованием Субедея, Джебе и Тохучара были отправлены в Хорасан в погоню за хорезмшахом Мухаммадом. После получения сведений о его гибели они были направлены на завоевание западной части державы Хорезмшахов – «Аррана, Азербайджана, Ирака и Ширвана» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.225]. В ходе сражений Тохучар погиб, а его тумен был, видимо, частично перебит, а частично перераспределен среди других монгольских корпусов. Отдельные неудачи не повлияли на общий ход кампании. Уже в 1221 г. победы Субедея и Джебе над грузинскими войсками привели к подчинению Закавказья. Каза-

Русские вои́ны за́няли . . . и мо́ногъи
 и истре́били . . . и ше́сть про́тивъ
 бѣжнѣхъ . . . и въспори
 шати мѣрѣнь .
 и бысть
 бѣда
 съдѣ

Битва русских войск с монголами. Миниатюра. Лицевой летописный свод XVI в.

лось, что их миссия выполнена, но внезапно они разворачиваются и движутся через Дербент на Северный Кавказ.

Пройдя с боями по восточным предгорьям Кавказа они вышли на равнины Северного Кавказа. Здесь их пытались сдержать объединенные войска кыпчаков и алан. Оба войска сражались храбро и обреченно. Аланы и кыпчаки не могли отступить, отдавая свою страну на разорение безжалостным завоевателям. Но и для монголов поражение означало гибель. Кровопролитная битва не выявила победителя. Тогда монголы пустились на хитрость. Они подкупили кыпчакских вождей, обещая к тому же не трогать их кочевий. Хитрость удалась. Кыпчаки покинули своих союзников, обрекая их на поражение. После этого монголы ринулись на поверивших их заверениям в дружбе кыпчаков. Как пишет тот же арабский хронист, «монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали». В результате наступления особенно пострадали объединения донских и северокавказских кыпчаков Юрия Кончаковича и Данила Кобяковича. По словам Ибн ал-

Асира: «Кыпчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских» [СМИЗО, 1884, с.26].

Вынужденные бежать к границам Руси, кыпчаки во главе с ханом приднепровских кыпчаков Котяном обратились за помощью к русским князьям. Понимая, что опасность нависла над русскими землями, основные южнорусские князья вышли навстречу монгольским войскам. Обратились за помощью к другим князьям. Главным аргументом были слова хана Котьяна, сохраненные Новгородской первой летописью: «Нашу землю днес отъяли, а ваша заутро, взята будет» [ПСРЛ, 3, с.62], и большие дары, принесенные кыпчаками. Тогда же в Киев пришло монгольское посольство, призывавшее русских князей не оказывать помощь кыпчакам, убеждая, что против русских они ничего не имеют, а их кампания направлена исключительно против кыпчаков «на холопы и на конюси свое на поганья Половче» [там же]. Однако русские князья совершенно справедливо не поверили их заверениям и на съезде князей в Киеве решили оказать помощь кыпчакам – «своим поганым».

В это время монгольские войска, совершив рейд по Приазовью, ворвались в Крым и разорили Судак, прервав причерноморскую торговлю [СМИЗО, 1884, с.26]. Оттуда они выдвинулись в Приднепровье к городу Зарубу, где узнали о выступлении в поход русских князей. Объединенное русско-кыпчакское войско представляло значительную силу. Против них выступили Мстислав Романович киевский, Мстислав Мстиславович Галицкий, Мстислав Святославович смоленский, Даниил Романович волынский и ряд других со своими дружинами. Отряды кыпчаков во главе с несколькими ханами также были довольно многочисленны. Например, орда хана Котьяна, уже после этого сражения бежавшего в Венгрию, была достаточно сильной, чтобы составить самостоятельное войско. Иными словами, общая численность союзной рати, вероятно, достигала 40 тыс. воинов.

Субедей и Джебе, по данным русской летописи, обратились к русским князьям с предложением мира: «се слышимъ, оже идете противу насъ, послушавше Половць; а мы ни вашей земли не заяхомъ, ни городъ вашихъ, ни на васъ придохомъ, нъ придохомъ богомъ пущени на холопы и на конюси свое на поганья Половче; а вы возьмите с нами миръ; аже

выбежать къ вамъ, а бийте ихъ оттоле, а товары емлете к собе: занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла створиша; того же дея и мы биемъ» [ПСРЛ, 3, с.62], предлагая не слушать кыпчаков и оставить их без помощи. Они даже убили их послов и двинулись в степь.

Интересно, что известный историк Л.Н.Гумилев пытается представить дело таким образом, что русские сами спровоцировали, тем самым, дальнейшие походы и завоевание Руси. Он считает, что произошло «подлое преступление, гостеубийство, предательство доверившегося!». Далее он с пафосом пишет, что якобы «нет никаких оснований считать мирные предложения монголов дипломатическим трюком..., монголы искренне хотели мира с русскими, но после предательского убийства и неспровоцированного нападения мир стал невозможен» [Гумилев, 1992, с.501]. Неясно откуда автору известно, что монгольские вожди были «искренни», что никак не вытекает из обстоятельств похода войск Субедея и Джебе по Кавказу, вспомним хотя бы эпизод с обманом кыпчаков, оставивших своих союзников алан. Даже если русские князья плохо знали о той недавней битве, что вряд ли возможно, поскольку многие кыпчаки оттуда «ушли в страну русских», то они явно стремились остановить наступление монголов на дальних подступах к своим рубежам. Кроме того, как справедливо отметил Ч.Гальперин, монгольские послы слишком часто в разных землях и странах служили объектом агрессии и часто сами вели себя вызывающе, как бы давая повод своей смертью к монгольской экспансии, чтобы придавать этому факту масштабы вселенской мести [Halperin, 1998, p.322–323].

Результатом похода в степь стала знаменитая битва на Калке, происшедшая 31 мая 1223 г. В ней союзное войско южнорусских князей и кыпчаков численно примерно в два раза превосходившее войско Субедея и Джебе было разбито и почти полностью уничтожено. Событиям, предшествующим этой битве и ее обстоятельствам, благодаря тому, что они сохранились в целом ряде источников, в том числе в русских летописях, оставивших подробные рассказы о событиях того года, посвящены многочисленные труды (от Н.М.Карамзина и С.М.Соловьева, до Б.Д.Грекова, И.Н.Данилевского и Р.П.Храпачевского, подробно разбирающие различные аспекты этой истории).

Можно только констатировать, что причиной победы стала хорошо отработанная так-

тика монгольских войск, практиковавшей тактические отступления, охват противника и массированный встречный контрудар. Примерно такой же была тактика этих полководцев, когда двумя годами ранее они нанесли сокрушительное поражение войскам грузинского царя Лаши в битве на р. Беруджи (Джегам-чай) [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.228]. Ход битвы описывается Ибн алАсиром так: «Русские и кыпчаки, успевшие подготовиться к бою с ними (т.е. с монголами. – И.И.), вышли на путь Татар, чтобы встретить их прежде, чем они придут в землю их, и отразить их от нее. Известие о движении их дошло до Татар, и они обратились вспять. Тогда у Русских и Кыпчаков явилось желание [напасть] на них; полагая, что они вернулись со страху перед ними и по бессилию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней, [но] потом Татары обратились на Русских и Кыпчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них [для последних это было] совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары со значительно превосходящими силами» [СМИЗО, 1884, с.26–27]. Похоже описывают заключительный этап сражения и русские летописи. Союзные рати разбили передовой отряд монголов и убили командовавшего им Гемябека. Потом «... князи русстии, поидоша за Днепръ и поидоша вси въкупе по них же идоша 9 днии» [ПСРЛ, 3, с.62]. Союзные рати, подойдя к берегу р. Калки, стали располагаться на ее берегах лагерем. Князья были уверены, что монголы слабы и бегут, спасаясь от разгрома и от своего бессилия. Самоуверенность дорого стоила им. Внезапно 31 мая 1223 г. началось сражение, ставшее для союзного войска настоящей катастрофой. Не встречая неприятеля, волынский князь Даниил и галицкий князь Мстислав Мстиславович Удалой вместе с отрядами кыпчаков стали выдвигаться за реку – «заидоша за Калак реку, и послаша въ сторожихъ Яруна с Половци, а сами станом сташа ту» [там же]. Вдруг эти князья встретили противника, который до этого упорно избегал боя. Князь Мстислав «Видившоу же емоу полкъ Татарьскыя, приехавъ же рече: «Воружитесь». – Мстиславоу же и другомоу Мьстиславоу, сидящема во стану не ве-

Золотоордынский военачальник.
Реконструкция М.В.Горелика

доущема. Мьстислав же не поведа има, зависти ради: бе бо котора велика межю има» [ПСРЛ, 2, 1998, стлб.743]. Между тем, то, что сначала казалось столкновением с арьергардом монголов, превратилось в сражение, к которому союзники не были готовы. Причем, несмотря на попытку автора летописного рассказа о битве на Калке из «Галицко-Волынской летописи» переложить ответственность за неудачу в битве на киевского и черниговского князей, которые не поддержали наступление волынян и галичан, а также, вопреки предупреждению Мстислава Удалого даже не вооружились к битве, во многом вина за поражение лежит именно на Мстиславе. Во-первых, он начал наступление, не дожидаясь поддержки киевлян и черниговцев, а во-вторых, из более раннего и независимого от южнорусского летописания рассказа новгородской летописи, дело представляется таким образом, что именно полки галичан и волынян не были готовы к битве. «Тьгда же Ярунь съступися с ними, хотя битися, и побегоша не успеьше ничегоже Половци назадъ, и потьпташа бежаще станы русских князь, не успеха бо исполчится

противу имь; и смятошася вся, и бысть сеця зла и люта» [ПСРЛ, 3, с.62–63].

Вместе с сообщением арабского историка эти данные помогают восстановить общий ход битвы. Слова арабского историка (соответствия в русских источниках этому нет) о численном превосходстве, если это не литературная аллегория просвещенного автора, пытавшегося оправдать какими-то «объективными» обстоятельствами бесславный разгром союзной рати, должен, очевидно, означать, что монголы ударили всеми своими силами по растянутому по степи преследующему войску, навязали ему встречный бой, обратили в бегство передовые полки, в первую очередь кыпчаков и начали бить союзников по частям. Очевидно, что даже галичане и волынянцы не были готовы («не успеха исполчится») и были сметены с поля боя, причем оба их князя бежали до берегов Днепра впереди своих войск, так быстро, что их не настигли монголы.

Попытку оказать сопротивление как раз попытались организовать черниговцы и смоляне, но были разбиты. Теперь на поле боя остались только киевляне. «Мстислав же, Киевский князь, видя се зло, не движесе съ места никамо же; стал бо бе на горе над рекою над Калком, бе бо место то каменисто и ту утоши городъ около себе в колехъ, и быся с ними из города того по 3 дни. Инии же Татари поидоша по русских князихъ, бьуче до Днепра; а у города оста 2 воеводе Цыгырканъ и Тешюкан на Мстислава» [там же]. Не сумев взять укрепленный стан штурмом и осадой, монгольские нойоны послали к киевскому князю воеводу бродников Плоскиню, который убедил русских сдаться на условиях сохранения жизни, но победители не выполнили обещание, предав князей, воевод и простых ратников смерти. Среди них был убит киевский князь Мстислав, в бою пал Мстислав Черниговский с сыном и еще четыре других князя, огромные потери понесли войска, одних только киевлян в битве полегло до десяти тысяч [ПСРЛ, 1, с.447]. По данным «Юань-ши» из биографии Хэсымайли (очевидно, мусульманин Исмаил) указано: «... дошли до русских и напали на них. В Железных горах и подчинили их. Захватили их государя Мичижисыла (Мстислава). Чжебе приказал Хэсымайли подарить его Чжочи. Казнили его [Мстислава]» (цит. по [Кычанов, 1995, с.196]).

Победа в битве на Калке стала великолепным образцом тактической гибкости и выучки монгольских войск, но далась она им не легко, недаром в биографии Субедея оно названо «кровопролитнейшим» [Храпачевский, 2004, с.513]. Преследуя бежавших воинов, Субедей и Джебе дошли по берегу Днепра до Новгорода Святополкского, сжигая села и убивая людей.

После этого монголы отошли на летовья, видимо, в район Подонья. После чего двинулись в сторону Волжской Булгарии. Однако здесь их ждала большая неудача. Видимо, осенью 1223 г. болгарские войска одержали победу над победоносными войсками Субедея и Джебе, причем одержана она была не за счет превосходящих сил болгар, а благодаря успешно проведенной тактической операции. Как уже было сказано выше, следы этой битвы, очевидно, недавно были открыты Г.Н.Белорыбкиным у Золотаревского городища близ Пензы.

В свое время Т.Олсен поставил интересный вопрос о том, что одновременно с наступлением Субедея и Джебе из Передней Азии на Северный Кавказ, началось наступление других отрядов из Улуса Джучи на тюрок Северного Приаралья. По мнению этого историка, сославшегося на некоторые известия Джувейни, возглавил этот поход сам Джучи, который начал наступление на канглов одновременно с походом Субедея и Джебе [Allsen, 1983, p.10–14]. В результате оба войска соединились, видимо, в Заволжье. Скорее всего, именно об этом писал Джувейни, говоря, что в то время после 1222 г. «войско Туши находилось в Дашт-и Кыпчаке и в тех краях; они соединились и оттуда явились к Чингиз-хану» [СМИЗО, 1941, с.21]. В источниках ничего не сообщается о крупных успехах Джучи в войне с канглами, но, очевидно, что они были в большинстве своем покорены или истреблены. Ведь после возвращения из своего длительного похода Субедей, по словам его биографа из «Юань-ши», «подал доклад трону, чтобы «тысячи» из меркитов, найманов, кирей (возможно, керейт или керай/герай. – *И.И.*), канглов и кыпчаков – всех этих обоков, вместе составили одну армию. [Чингиз-хан] последовал ему» [Храпачевский, 2004, с.500–501]. Иными словами, есть основания считать, что к тому времени канглы уже были покорены.

Таким образом, поход 1222–1223 гг. может считаться «разведывательным» только с

точки зрения русской историографии. Представляется, что это была хорошо спланированная, но менее четко скоординированная и гораздо хуже исполненная военная операция. Впрочем, это не удивительно, учитывая ее огромный территориальный масштаб и сложности снабжения и пополнения войск. Не исключено, что конечной целью этих двух концентрических ударов были болгарские владения на Нижней Волге – Саксин и ряд других городов. Однако, выполняя ее, Субедей и Джебе, разгромив саксинов, алан на Северном Кавказе, видимо, преследуя кыпчаков, сильно отклонились к западу. Вряд ли в их планы входило столкновение с русскими князьями, но успех в битве на Калке продемонстрировал силу и мощь монгольского войска, которое после этого успеха двинулось в Поволжье, выполнять прямую боевую задачу. Но здесь удача отвернулась от них, потерпев сокрушительное поражение на границах Булгарии, Субедей и Джебе уже не могли оказать действенную помощь войскам Джучи. Тем не менее, их действия были удачными, сковав войска болгар, они не позволили тем оказать действенную помощь кыпчакским объединениям, которые гибли поодиночке в неравной борьбе. В целом, можно сказать, что именно одновременный удар по кыпчакам – с юга со стороны Кавказа и с востока из Хорезма – открыли новый этап монгольских завоеваний в Евразии, положив начало покорению Восточной Европы.

Кампании в Заволжье в 1229–1234 гг. Поход 1223 г. показал монгольским правителям, что завоевание Запада может потребовать серьезных военных усилий, которые не могли быть задействованы в силу растянутости коммуникаций и истощения сил монголов. Требовалась передышка и укрепление власти монголов во вновь завоеванных странах, тем более что они еще далеко не были покорены и в них еще сохранялись очаги сопротивления. В этих условиях в Улусе Джучи создаются новые административно-территориальные подразделения – «тысячи» из покоренных народов – меркитов, найманов, кирейтов, кыпчаков и канглов [Храпачевский, 2004, с.500], несколько позднее был сформирован корпус из йемеков-ольбури [Golden, 1986, p.5–30; Allsen, 1983, p.14; Олсен, 2003, 3/4, с.133]. Очаги недовольства подавлялись, сопротивляющиеся истреблялись или изгонялись, монгольская власть на местах укреплялась. Развертывание новой кампании в За-

волжье и Южном Урале было отсрочено новой войной с тангутским государством Си-Ся и стягиванием всех сил на этот театр военных действий, в частности туда были направлены Субедей и Джебе с новыми корпусами из тюркских племен.

Были, очевидно, и другие – внутренние причины. Одновременно произошло резкое охлаждение отношений между Джучи и его отцом. Перед тем, как вернуться в Монголию, Чингиз-хан, по данным Рашид ад-Дина, «...приказал Джучи двинуться в поход на завоевание и покорять северные области, как то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кыпчак и другие области тех краев, а... он [Джучи], уклонившись от этого дела, отправился восвояси» [СМИЗО, 1941, с.64]. Подобное игнорирование прямых указов великого хана вызвало негодование Чингиз-хана, и он вызвал его для объяснений. Но Джучи, ссылаясь на болезнь, оттягивал визит в ставку хана. Гнев Чингиз-хана еще больше возрос, когда некий мангыт, приехав из владений Джучи, поведал отцу, что его сын не болен, а развлекается охотой. Назревал открытый конфликт. Чингиз-хан воспринял его поступки, как мятеж: «Джучи сошел с ума, что выделяет такие вещи» и приказал, чтобы войско выступило в поход в его сторону и чтобы в авангарде отправились Чагатай и Угедей, а сам собирался выступить в поход вслед за ними [там же, с.65]. Однако поход не состоялся, поскольку Джучи таинственным образом скончался. Ходили слухи, что он был недоволен политикой отца и был отравлен (ссылки на источники и мнения историков см.: [Кычанов, 1995, с.205]). Оказался ли Джучи жертвой придворных интриг или действительно готовил мятеж доподлинно не известно.

Как бы то ни было, вслед за его гибелью в Дашт-и Кыпчаке установился краткий мир. Монголам явно было не до западных земель, поскольку последовали война с Си-Ся и смерть самого Чингиз-хана, только на полгода пережившего своего старшего сына, а за ней подготовка к курултаю, где решался вопрос о престолонаследнике.

Только в 1229 г. Угедей после долгих переговоров, интриг и компромиссов был провозглашен великим ханом. На этом же курултае произошло формальное утверждение правителем Улуса Джучи Бату, перед этим назначенного на этот трон по приказу Чингиз-хана [Почекаев, 2006, с.63–65]. Не ис-

ключено, что в этот период опалы Джучи и утверждения нового хана Джучиды потеряли контроль за землями к востоку от Прииртышья. Трудно сказать, чем была вызвана эта перекройка границ, но, потеряв Алтай, Бату приобрел гораздо больше – он добился утверждения его прав на улус отца и подтверждения прав на еще не завоеванные земли на западе Евразии.

Курултай 1228/29 г., «согласно прежнему указу Чингиз-хана, назначил его (т.е. Бату. – *И.И.*)», с братьями и другими царевичами на завоевание северных областей. Для этого похода Бату и его братьям был придан тридцатитысячный корпус Кукдая и Субедея [СМИЗО, 1941, с.34]. Другое войско, под командованием Чурмагуна, было отправлено в Переднюю Азию и Закавказье для уничтожения последнего очага сопротивления во главе с наследником хорезмшахов Джалал ад-Дином Манкбурны.

Укрепление власти Бату и усиление его войск позволило ему перейти к задаче захвата Заволжья и Нижнего Поволжья. Однако здесь им пришлось столкнуться с сильной коалицией народов, объединившихся перед угрозой с востока. В отечественной историографии принято или вовсе замалчивать, или считать это сопротивление неудачным, а саму войну в Заволжье только неким введением к завоеванию Руси (см. например: [Треков, Якубовский, 1950, с.207; Черепнин, 1977, с.190–192; Храпачевский, 2004, с.339–340; Хрусталев, 2004, с.96], исключение составляют труды татарских [Халиков, Халиуллин, 1988, с.4–22; Халиуллин, 1988, с.23–27; 1995, с.118–135] и зарубежных [Allsen, 1983; 1987–1991; Олсен, 2003] историков). Основным силовым и цементирующим узлом сопротивления монголам являлись не какие-то мифические, по словам некоторых историков, «поволжские города-государства» [Храпачевский, 2004, с.339], а Волжская Булгария – со своими владениями в Нижнем Поволжье и присоединившиеся к ней йемеки (кыпчаки), аланы, мадьяры (маджгарды/баджгарды). В 1229 г. центром сопротивления в районе Нижнего Поволжья являлся город и область Саксин (об этой области см.: [Федоров-Давыдов, 1965; Измаилов, 2006б, с.370–371]), значительную часть населения которых составляли булгары и савары. Скорее всего, именно развалины Саксина были найдены недавно астраханскими археологами близ с. Самосделка в дельте Волги. Судя по некоторым находкам, прежде все-

го, керамическому комплексу, близкому болгарской археологической культуре предмонгольского времени, именно здесь был центр области Саксин [Гречкина, Васильев, 2001, с.156–157; Васильев, 2004, с.36–38; Зиливинская, 2004, с.75–78]. Не исключено, что после похода 1223 г. союзниками болгар в Саксине стали еще асы Подонья. Основной воинский контингент антимонгольской коалиции составляли йемеки во главе с родом ольбари (ильбари/ильбуре) (об этом кыпчакском клане см.: [Golden, 1986, p.5–30]).

К сожалению, нам не известны детали этой войны, но есть основания полагать, что ареной ее стало Заволжье. Практически единственным источником, который содержит какие-либо подробности о событиях того года, является Ларентьевская летопись, куда сведения могли попасть от самих болгар, которые в том же году приезжали для заключения мира с Владимиро-Суздальскими князьями. В ней сообщается: «Того же лета 6737 Саксины и Половцы въбегоша из низу к Болгарам перед Татары и Сторожеве Болгарский прибегоша бьени от Татар, близ реки, ей же имя Яик» [ПСРЛ, 1, 1962, с.453]. Какие-то сведения о разгоревшейся войне сохранились, видимо, в восточных источниках, так арабский автор конца XIII в. Ибн Васил сообщает: «в 627 (1229/30 г.) вспыхнуло пламя войны между татарами и кыпчаками» [СМИЗО, 1884, с.73].

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что к этому сообщению в определенной мере примыкают известия о начальном этапе монгольских завоеваний в этом регионе, которые собрали во время своего путешествия брат Юлиан, посетивший Булгарию в 1235 г., и следовавшие через территорию Поволжья Плано Карпини и Г.Рубрук. Оба они, с различными вариантами, передают рассказы и слухи о некоей стране «Сасция» (у Юлиана), о городе «Саксов», или городе «Суммеркент», которые оказывали ожесточенное сопротивление монгольским войскам. Скорее всего, все эти историки вели речь об одном и том же городе, но называли его со слов информаторов по-своему, не говоря уже о том, что город «Саксов» – это явная ошибка или самого Плано Карпини, или исправление переписчика, читавшего неизвестное ему название, как известное германское «Саксония». Нельзя исключить, что в дельте Волги были и другие поселения, но главным городом – центром округи – был Саксин. Именно о его обо-

роне и падении сообщали все очевидцы. Действительно, странно было бы, если бы Г.Рубрук сообщил об обороне какого-то городка, но не упомянул о таком широко известном событии, как многолетняя борьба за Саксин. Убеждает в том, что речь идет об одном и том же городе и то, что археологические остатки городища «Самосделка» находятся на острове, образованном протоками Волги. Вот как повествует об этих событиях Плано Карпини: «...они (т.е. монголы. – И.И.) осадили один город вышеназванных Саксов и пытались завоевать их, но те сделали машины против их машин и сломали все машины татар, так что те из-за машин и баллист не могли приблизиться к городу для сражения; наконец они сделали дорогу под землею и вскочили в город; и одни пытались зажечь город, а другие сражались. Жители же города назначили одну часть населения для тушения огня, а другая часть храбро сражалась с теми, которые вошли в город, и многих из них убила, а других ранила, заставляя их вернуться к своим; а сами Татары, видя, что не могут ничего сделать и что многие из них умирают, удалились от них» [Путешествия, 1957, с.57–58]. Рубрук же, описывая дельту Волги и сравнивая ее с дельтой Нила близ Дамиемты, упомянул, что здесь «...находился город, по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Сарацины» [там же, с.185]. Поскольку нам известно со слов Юлиана, что в 1237 г. он получил известие о падении Булгарии и «Сасции», то можно согласиться с Т.Олсеном [Allsen, 1983, p.15–16; Олсен, 2003, 3/4, с.133], что заманчиво допустить, что Саксин начал подвергаться атакам монголов с 1229 г., но до определенного срока успех сопутствовал обороняющимся.

Вполне возможно, что причиной неудачи монгольских войск явилась, кроме героизма защитников Саксина, и военная помощь со стороны болгар. Судя по сведениям русской летописи, в Заволжье были направлены болгарские сторожевые отряды, действовавшие вместе с ополчением Саксина и отрядами йемеков. Можно предположить, что эти действия болгар были предприняты в ответ на поход монголов на Саксин. Исходя из общей стратегической ситуации, можно предположить, что это была попытка действовать на флангах монгольского войска и не дать блокировать Саксин. Только таким замыслом

следует объяснять нехарактерную в целом для болгар тактику далекого похода в степь. Тем не менее, болгарские войска выдвинулись к берегу р. Яик (Джайк) и вступили в сражение с монголами. В конечном итоге, болгары и их союзники – саксины и йемеки – потерпели поражение. Однако их жертвы не были напрасными. Булгары уже во второй раз сорвали планы по завоеванию Поволжья, удачно используя различные тактические приемы от обороны до глубокого рейда в степь.

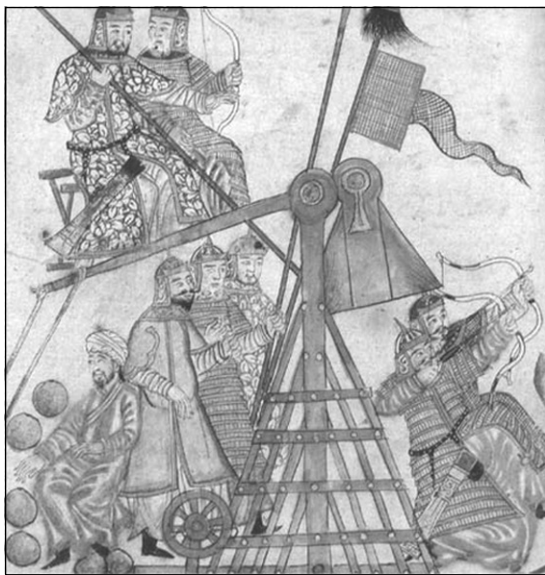
Поддержка болгар позволила консолидировать сопротивление йемеков. Очевидно, удары монгольских войск заставили непокорных кыпчаков отступить к Волге, но сопротивления они не прекращали. По мнению Т.Олсена, примерно в это время произошла смена власти среди йемеков. Часть их покорилась монголам и под командованием хана Бандучара (или Балгучака; возможно, что это Бачман, см.: [Кычанов, 2002а, с.79–80]) участвовала в походе на Запад, а часть продолжала сопротивление во главе с Бачманом [Allsen, 1983, p.16–17; Олсен, 2003, 3/4, с.134]. Трудно сказать, где находилась его родовая территория, но поздние татарские источники указывали, что она располагалась на Ахтубе (Ак-Туба) [Усманов, 1972, с.116] и этому не противоречат сведения о его войне с монголами в Нижнем Поволжье. Судя по данным очевидца этих событий Юлиана, вплоть до 1236 г. продолжали вести борьбу мадьяры (баджгарды) Южного Урала, несомненно, опиравшиеся на военную поддержку Булгарии.

Поход Бату на Саксин провалился. Правитель Улуса Джучи вынужден был отступить, но неудача не заставила его отказаться от планов завоевания региона. Этому было несколько причин. Бату-хан мечтал о значительных завоеваниях на западе и расширении своих владений. Но была и другая причина. Очаг сопротивления в Поволжье мог перекинуться на недавно завоеванные области, недаром монголы не очень доверяли новым союзникам, поскольку часто отряды кыпчаков переходили на сторону противника, как это было в Китае.

Общая неудача предыдущих походов, однако, заставила Бату изменить тактику. Теперь основной удар решено было нанести прямо на Волжскую Булгарию. Поход состоялся летом или осенью 1232 г. Об этом походе нам известно еще меньше, чем о других (см. обзор: [Халиуллин, 1988, с.23–27]). Единственный источник наших сведений – Лавренть-

евская летопись лаконично сообщает: «В лето 6740 (1232 г.) ... Приидоша Татарове и зимоваша, не дошедшее Великого города Болгарьскаго...» [ПСРЛ, 1, 1962, с.459]. Но даже из этого краткого сообщения можно сделать вывод, что на этот раз борьба разгорелась уже на территории Булгарии и объектом наступления стала столица – «Великий город» русских летописей – исторический Биляр. Это также заставляет думать, что вторжение осуществлялось из Приуралья, общим направлением через бассейн р. Шешма в сторону Биляра. Но сопротивление болгар, полевых войск и защитников крепостей не позволило монголам прорвать оборону и осадить столицу. Как бы то ни было, но, очевидно, что монголы были вынуждены отступить.

К 1234 г. в Заволжье сложилась парадоксальная ситуация. Несмотря на целый ряд военных успехов и даже, вероятно, определенного расширения территории Улуса Джучи на запад, решающий успех достигнут не был. Недаром автор «Сокровенного сказания» был вынужден отметить, что «Субеетай-Багатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено», а список этих стран включал Канлин (Канглы), Кибчаут (Кыпчаки), Бачжигит (Мадьяры), Орусут (Русь), Асут (Асыаланы), Сесут (Саксин), Булар (Булгария), Келет (видимо, общее наименование поляков и венгров), «а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях» [Козин, 1941, §270, с.191–192]. Иными словами, за одиннадцать лет непрерывной войны на границах с 1223 г. Улус Джучи существенно не расширился. Не удивительно, что тот же автор «Сокровенного сказания» откровенно писал, говоря о Западе: «вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, остры...» [там же, с.192]. Испытав остроу неприятельских мечей, правители Улуса Джучи оказались перед лицом общего краха всей своей военной политики. Недовольство Джучидов, которые являлись, определенно, одной из важных сил, поддерживавших Угедея на троне против других Чингизидов, заставляли великого хана с пониманием относиться к требованиям Бату начать общий поход на запад. Он вновь и вновь обращается к «западной» теме, рассматривая ее наряду с другими войнами – с империей Южная Сун, с Кореей и Тибетом.

Монголы ведут обстрел города из манджаника (камнемета) и луков. Миниатюра. Иран. 1301–1314 гг.

Монголы атакуют город. Миниатюра. Иран. 1301–1314 гг.

На курултае 1234 г. Бату был опять придан корпус Субедея, но для успешной войны, как показали события предыдущих лет, этого было явно недостаточно. Острота проблемы потребовала от великого хана пойти на беспрецедентный шаг и уже через год собрать новый курултай. Уступая, очевидно, давлению Джучидов, великий хан был вынужден объявить общемонгольский поход на Запад во главе с Бату-ханом. Интересные сведения о нем сохранил Ала ад-Дин Джувейни, использовавший материалы ханской канцелярии (отсюда общие моменты со сведениями Рашид ад-Дина) и рассказы очевидцев, поскольку писал в 1252/53 г., через полтора десятилетия после самих событий. Он сообщал: «Когда каан [Угедей] во второй раз собрал Великий курилтай, они [царевичи] вместе совещались об истреблении и покорении всех оставшихся [до сих пор] непокоренными. Было принято решение о завоевании пределов Булгар, Ас и Рус, находившихся по соседству со становищем Бату. До сих пор не подчиненных и [тщеславно] гордившихся множеством своих городов» (цит. по: [Арсланова, 1988а, с.41]).

Поход на Запад и завоевание Волжской Булгарии. В короткие сроки был осуществлен сбор дополнительных налогов и начался набор войск. По указу Угедея: «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уде-

лами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют. Нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также люди всех состояний, обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны, и зятья» [Козин, 1941, §270, с.191–192]. Тем самым, каждая семья обязана была выставить одного воина. Это была беспрецедентная мобилизация сил, подобной которой больше Монгольская империя не знала. Выполняя указ Угедея, многие Чингизиды участвовали в походе лично: младший сын Чингиз-хана Кулькан, сыновья Угедея Гуюк и Кадан, сыновья Тулуя Менгу и Бучек, сыновья Чагатай Бури и Байдар, а также все взрослые Джучиды – Бату, Орду, Шибан и Тангут, а из почетных эмиров Субедей-багатур, Бурундай-батыр и несколько других эмиров [СМИЗО, 1941, с.34].

В историографии не утихают споры по поводу численности этого войска. Тон задал «последний летописец» Н.М.Карамзин, который писал о том, что «Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиной его успехов», далее он прямо писал о «полумиллионе Батыевом» [Карамзин, 1992, IV, 1, с.13–14]. Несколько меньшую цифру привел С.М.Соловьев, считавший, что войско Бату насчитывало 300 тыс. воинов [Соловьев, 1988, II, 3–4, с.137]. Следом за ними отечественные историки или

просто указывали на «несравненное превосходство в силах монголов», либо соглашались с цифрой, предложенной С.М.Соловьевым (см. труды И.Н.Березина, М.И.Иванина, Д.И.Иловайского, В.Т.Пашуто, Е.А.Разина, А.А.Строкова и др.).

Со временем были предприняты попытки оперировать более реалистичными цифрами, основанными на некоторых подсчетах. Так, советский историк В.В.Каргалов, отвергая цифру в 300 тыс., как «спорную и завышенную», считал, что войско Бату насчитывало 120–150 тыс., основываясь на том, что каждый из 12–14 Чингизидов, участвовавших в походе, должен был командовать 10–12 тыс. воинов [Каргалов, 1966, с.75]. Подобный подсчет имел бы смысл, если бы была полная уверенность, что каждый потомок Чингиз-хана реально командовал «туменом» в 10 тыс. воинов, а это сомнительно. Другой более точный подсчет дает Н.Ц.Мункуев, который, исходя из того, что в поход были отправлены старшие сыновья всех монголов, считает, что их численность могла быть 139 тыс. воинов [Мункуев, 1977, с.396]. Как бы то ни было, но цифра в 120–150 тыс. воинов является у историков наиболее популярной. Обычно она складывается из 50 тыс. монгольских войск и 70–100 тыс. воинов из кыпчаков и других народов. Подобной оценки сил придерживаются некоторые современные отечественные и зарубежные историки [Saunders, 1971, р.81; Филипс, 2003, с.75; Узерфорд, 2005, с.279; Хрусталеv, 2004, с.69; Храпачевский, 2004, с.182–183, с.351]

Гораздо меньшую цифру монгольских войск – 30–50 тыс. монгольских воинов – указывали Г.В.Вернадский [2000, с.57], И.Б.Греков и Ф.Ф.Шахмагонов [1986, с.62], Л.Н.Гумилев [1992, с.518]. В последнее время ее также придерживаются некоторые историки [Чернышевский, 1989, с.127–129; Чойсамба, 2006, с.68]. Хотя другие считают, что подобная огромная численность «просто невозможна» [Хрусталеv, 2004, с.69]. На деле она гораздо более реалистична, если учитывать, что это число именно монгольских войск, гвардейцев Чингизидов, которые явно «обрастали» контингентами из союзных и покоренных народов.

Противоречия эти, понятное дело, связаны с несовершенством нашей источниковедческой базы. С одной стороны, это весьма подробное, фактически реестровое описание мон-

гольского войска при Чингиз-хане, сохранившееся в династийной истории «Алтан дебтер», где оно указано для 1227 г. в 129 тыс., но уже по «Сокровенному сказанию» (ок. 1240 г.) численность монгольских войск указана в 95 тыс. воинов [Козин, 1941, с.158]. Однако нет уверенности, что все Чингизиды командовали туменами, и что войско, направленное на покорение Запада, было большим, поскольку в это же время империя вела боевые действия на нескольких фронтах. С другой стороны, есть источники, прежде всего, сведения европейских путешественников, которые сообщают куда более мифические числа. Так, Юлиан, якобы узнавший численность армии у монгольского посла, в сообщении к правителям Запада, называет ее в 375 тыс. воинов, включая и воинов из покоренных народов [Аннинский, 1940, с.90]. Однако вряд ли этой цифре можно верить, поскольку, как справедливо подчеркнул Р.Ю.Почекаев, «они – не что иное, как отражение весьма распространенного в христианском мире пророчества о «царе Давиде, внуке пресвитера Иоанна», который должен был прийти из Индии и помочь христианам в борьбе с мусульманами» [Почекаев, 2006, с.80]. Иными словами, к этим свидетельствам следует подходить весьма критически. В этой связи можно только согласиться с теми историками, кто считает, что у нас нет четких и объективных данных о действительной численности войск Бату.

Вместе с тем, говоря о монгольской армии, надо иметь в виду несколько обстоятельств, которые мешают объективно оценить реальное число воинов Бату, участвовавших в тех или иных боевых действиях. Одно из них – это миф о пресловутом численном превосходстве. Весьма характерно в этом смысле высказывание довольно объективного и осторожного английского историка Дж.Феннела: «Каким образом татарам удалось разгромить Русь так легко и быстро? ...Необходимо учесть размер и необычайную силу татарского войска. Завоеватели, несомненно, имели численное превосходство над своими противниками» [Феннел, 1989, с.130]. Но было ли это превосходство в действительности? Почти двукратное превосходство русских войск и кыпчаков над туменами Субедея и Джебе не помогло союзникам. Монголы победили, уступая числом союзной рати. Откуда у отечественных историков уверенность, что победить Русь могла только превосходящая по численности армия? Что касается чис-

ленности войск, то мобилизационные возможности Руси были гораздо выше, чем Монголии. Например, численность населения Владимиро-Суздальской Руси в начале XIII в. должно было достигать 1–1,2 млн человек, что могло дать почти стотысячное ополчение. Другое дело, что по боевой выучке и стойкости эти ополченцы резко уступали монгольским всадникам. В этом смысле количество не означает качество. Другая – это способность монголов вести маневренную войну, умело координируя действия войск и создавая напряжение на разных участках, разделяя войска противника и сокрушая их по частям. В этом смысле на каждом отдельном участке боевых действий у монголов, действительно, могла быть относительно более высокая численность войск. Еще один фактор – постоянное пополнение войск за счет покоренных народов, что не только затрудняет подсчет, но и делает все числа изначально весьма относительными.

Но даже если общая численность монгольского войска под командованием Бату достигала 120 тыс. воинов, то надо иметь в виду, что действовали они на нескольких направлениях и при этом держали значительную тыловую армию для поддержания порядка в завоеванных землях. Иными словами, вряд ли численность войска Бату, с которым он завоевывал Русь, была больше, чем 30–50 тыс. воинов. Но и это сомнительно, учитывая, что боевые действия на Руси происходили зимой, а баз снабжения у монголов не было. Вряд ли в условиях суровой зимы можно было прокормить огромную массу воинов и лошадей (напомним, что каждый воин вел с собой две-три лошади). Как бы то ни было, прав Р.Ю.Почкаев, что «важно не количество воинов, находившихся в подчинении Бату и его родственников во время западного похода, а тот факт, что они одерживали победы» [Почкаев, 2006, с.82].

Общее командование войска Чингизидов было возложено на Бату, а его главным советником стал Субедей. Не будучи Чингизидом, этот полководец и сподвижник Чингизхана играл огромную роль в организации и руководстве военными действиями во время похода на Запад. Подтверждением высокого статуса служат слова монгола, плененного русскими воинами осенью 1240 г.: «Себедия богатур», который хотя и «не от роду же его», был у Бату-хана «воевода его перьвый» [ПСРЛ, 2, стб.781]. Слова эти находят под-

тверждение и в других источниках, например, в сведениях его биографии из «Юань-ши» [Храпачевский, 2004, с.501–504].

Именно Субедей, не дожидаясь сбора всех войск, начал наступление на йемеков [Allsen, 1983, p.18–19; Олсен, 2003, 3/4, с.135]. Согласно его биографии из «Юань-ши», каан Угедей в год «и-вэй» (21 января 1235 г. – 8 февраля 1236 г.) «приказал чжувану Бату пойти в Западный поход на Бачмана, и еще сказал так: «[Мы] услышали, что Бачман имеет ловкость и отвагу, Субэтай тоже имеет ловкость и отвагу, поэтому сможет победить его». Поэтому приказал [Субэгаю] быть в авангарде и сразиться с Бачманом, а затем еще назначил [его] командовать главной армией. После чего были захвачены жены и дети Бачмана на (берегу) Куан Тиен-чи-ссу (Каспийское море). Бачман узнал о приходе Субэтая, сильно оробел и сбежал в море» [Allsen, 1983, p.18–19; Храпачевский, 2004, с.503]. Из этого можно заключить, что прелюдией к «Западному походу» стал разгром йемеков под командованием Бачмана. Не сумев остановить монголов, Бачман отступил к низовьям Волги и перешел к тактике внезапных налетов и набегов на отдельные монгольские отряды. Тем самым Субедей, обезопасив свой южный фланг от контратаки йемеков, мог готовить генеральное наступление на Булгарию.

Осенью 1236 г. объединенное монгольское войско стало выдвигаться к Поволжью. По данным Джувейни, после курултая царевичи разъехались по своим улусам для сбора своих войск и весной вышли на границы Булгарии. Вряд ли прав Д.Г.Хрусталеv, считающий, что войска Бату выступили в поход двумя крыльями, из которых северное под командованием Бату вторглось в Булгарию, а южное под командованием Мунке должно было покорить «куманов (половцев), марийцев и мордву» [Хрусталеv, 2004, с.69]. Подобная диспозиция просто невозможна ни с военной, ни с географической точек зрения. Автор, весьма вольно препарировав и выдергивая из контекста отдельные фразы из источников, конструирует некий нелепый поход «южного» (!) крыла через кыпчаков на Верхнее Поволжье. Во-первых, подобное появление в пределах «зоны особого внимания Руси» значительных монгольских сил не могло не пройти незамеченным, но о нем молчат летописи. Во-вторых, почему это крыло, воюющее в окрестностях Казани, должно счи-

таться «южным»? Представляется, что оба этих крыла – плод авторской фантазии и превратно понятых прозрачных сведений источников. Тот же Джувейни прямо писал: «По порядку войск все царевичи отправились на места их жительства, а весной двинулись из своих становищ и поспешили приступить [к делу]. В пределах Булгара царевичи сошлись. От множества их войск земля содрогнулась и даже дикие звери изумились численному превосходству и шуму их войск» (цит. по: [Арсланова, 1988а, с.42]). Практически те же сведения дает Рашид ад-Дин, однако в его информацию (то ли по его ошибке, то ли по вине переписчиков, посчитавших перечисление завоеваний повторами) вкралась ошибка, и в один рассказ сведено о покорении болгар (и их главного города Биляра) и мадьяр («буларов» и «баджгардов»), а также о походе на Европу, где объектом нападения являлись «келары и башгирды» (т.е. поляки и венгры). Этот персидский автор писал, что после курултая царевичи «все сообща двинулись весной бечин-иля, то есть года обезьяны, который приходится на месяц джумадии II 633 г.х. (= 11.02 – 10.03.1236), лето провели в пути, а осенью в пределах Булгара соединились с уругом Джучи: Бату, Ордой, Шибаном и Тангутом, которые были назначены на эти окраины» [СМИЗО, 1941, с.34]. Из этого можно сделать вывод, что весной и летом 1236 г. войска Бату и его братьев сражались с мадьярами в Южном Приуралье, а летом выступили против болгар. По крайней мере, Юлиан, в то лето посетивший Булгарию и мадьяр в нескольких днях пути от столицы болгар, и 20 июня повернувший обратно, на пути назад встретил монгольского посла и от него узнал, что «татарское войско, находившееся тогда там же по соседству, в пятидневках отсюда, хочет идти против Алемании, но дожидались они другого, которое послали для разгрома персов» [Аннинский, 1940, с.81]. То есть, в полном соответствии с данными официальной монгольской традиции, войска Бату летом готовились к вторжению, ожидая подхода к ним на помощь сил других Чингизидов. В этом смысле слова посла, как и его хвастливые заявления о численности монгольских войск («татары утверждают, будто у них такое множество бойцов, что его можно разделить на 40 частей, причем не найдется мощи на земле, какая бы в силах противостоять одной их части» [Аннинский, 1940, с.90]), могут быть явной дезин-

формацией и актом психологической войны, обычной для тактики монголов, распространения слухов о непобедимости и неисчислимости монгольских войск, которые станут еще более могучими после присоединения к ним победоносных войск из Ирана, с целью деморализации противника. Вряд ли Бату стал бы дробить свои силы, поскольку для него слишком много было поставлено на карту, а болгары были достаточно сильным противником, чтобы оставить им надежду на успех.

Булгары не остались безучастными к этой прямой и явной угрозе. Судя по данным археологии, в ряде городов происходили работы по перестройке старых укреплений и возведению новых [Халиков, Халиуллин, 1988, с.13–15]. Великий город был для своего времени довольно сильно укрепленным городом. Он был расположен в пойме р. Малый Черемшан и окружен концентрическими рядами укреплений. Внутренний город был обнесен двумя линиями валов и рвов протяженностью более 5 км, а внешний – тремя рядами укреплений длиной более 10 км. Именно этот город, по словам того же Юлиана, и был тем «большим городом этой области», который мог выставить, «по слухам, пятьдесят тысяч бойцов» [Аннинский, 1940, с.81].

Вторжение Чингизидов началось в конце лета или осенью после подхода корпусов Гуюка и Мунке и, очевидно, происходило несколькими корпусами, которые двигались по сходящимся направлениям на Биляр («Великий город»). Не исключено, что осень, как время атаки, была выбрана не случайно. В Восточной Европе зимой обычно никто военных действий не вел и, видимо, никто не ждал подобной новинки от монголов. Возможно, болгары, державшие крупные военные силы наготове все лето были вынуждены распустить часть войск для сбора урожая.

В полном соответствии со своей тактикой, монголы, очевидно, стремительным наступлением подошли к стенам Биляра и осадили его. По словам Платона Карпини, рассказывающего об их осадной тактике: «Укрепления они завоевывают следующим образом. Если встретится такая крепость, они окружают ее, мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войско,

и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплениями таким способом, то бросают на него греческий огонь ... они делают подкоп под укрепления и под землею входят в него с оружием. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления...» [Путешествия, 1957, с.53–54]. Так же описывают их тактику осады китайские источники: «Всякий раз при наступлении на большие города, сперва нападают на маленькие города, захватывают, население угоняют и используют. Тогда отдают приказ о том, чтобы каждый воин непременно захватил десять человек. Когда людей достаточно, то каждый человек [пленный] обязан [набрать] столько-то травы или дров, земли или камней... Когда [люди] пригнаны, [они] заваливают крепостные рвы и немедленно заравнивают: [некоторых] используют для обслуживания [осадных колесниц, напоминающих] гусей, куполов для штурма, катапульта и др. Не шадят даже десятки тысяч человек. Поэтому при штурме городов и крепостей все без исключения бывают взяты. Когда городские стены проломлены, убивают всех, не разбирая, старых и малых, красивых и безобразных, богатых и бедных, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощады» [Мэн-да бэй-лу, 1975, с.67].

Определенно, что Биляр был именно таким большим, населенным и непокорным городом. Но отчаянное сопротивление на этот раз не могло его защитникам. Город был взят, сожжен, а его население, видимо, полностью уничтожено. Лаврентьевская летопись сообщает: «В лето 6744 (1236 г.) ... приидоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожнии Татари и взяша славныи Великий город Болгарский и избиша оружием от старца и до унаго и до суаго младенца и взяша товара множество, а город их пожгоша огнемъ и всю землю их поплениша» [ПСРЛ, 1, с.460]. Об этом же писал Джувейни: «Сначала они [царевичи] силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью. Для примера подобным им, жителей его [частью] убили, а [частью] пленили» [СМИЗО, 1941, с.22]. Археологические находки в определенной мере подтверждают и дополняют эту картину. Билярское городище (исторический Биляр) был полностью разрушен, и жизнь на нем была прекращена, в верхнем слое его были найдены сле-

ды пожара и разрушения, братские могилы и отдельные человеческие кости [Халиков, 1984, с.82–98; Хузин, 1988, с.43–58]. После того, как самый укрепленный и сильный город Булгарии был взят штурмом, отряды монголов начали захватывать остальные города и населенные пункты. Ведь в следующем году Юлиан, подойдя к границами Руси и Булгарии, узнал, что эта страна («Фулгария») пала, а монголы взяли также 60 весьма укрепленных замков, столь людных, что из одного могло выйти пятьдесят тысяч вооруженных воинов» [Аннинский, 1940, с.85]. В этом известии есть явные параллели с предыдущим рассказом Юлиана о болгарской столице, но есть и новые моменты о множестве взятых городов. Не исключено, что встречающиеся на некоторых городищах следы разрушения связаны именно с таким разгромом (см.: [Смирнов, 1951, с.53 и сл.; Кавев и др., 1988, с.58–71; Казаков, 1988, с.71–82; Газимзянов, Измайлов, 1992, с.79–89]).

Нет оснований считать, что этот поход был стремительным, а «сопротивление булгар было сломлено практически мгновенно», поскольку именно так описывал это событие спустя семьдесят лет Рашид ад-Дин: царевичи «в короткое время, без лишнего усилия, овладели ими и произвели избиение и грабеж» [СМИЗО, 1941, с.34; Хрусталева, 2004, с.70]. Не стоит забывать, что в этом отрывке речь идет о западном походе в целом, поскольку далее говорится о завоевании христианской страны буларов (келаров, т.е. Польши), а также о том, что если бы победа монголов, действительно, была бы такой стремительной, то на границах Руси войска Бату оказались бы на год раньше. Думается, что это была жестокая война, и победа далась монголам не так легко, как может показаться. Чрезвычайными были разрушения, которыми была подвергнута Булгария и истребление непокорного населения.

После падения центра обороны Булгарии, организованное сопротивление, видимо, прекратилось. Пытались дать отпор монгольским войскам лишь отдельные пункты. Но как взятые с боем, так и сложившие оружие болгарские города были разорены, судя по многочисленным археологическим свидетельствам. Военное поражение было усугублено тем, что часть болгарских аристократов перешла на сторону монголов – это «тамошние вожди Баян и Джикун» [СМИЗО, 1941, с.35]. Воспоминания об этом сохранились, очевидно, также в устной традиции, по крайней мере,

спутник и секретарь Плано Карпини Бенедикт Поляк писал, что Бату воевал «...против билеров, то есть Великой Булгарии, и мордванов и, захватив их [знать], присоединил их к своему войску» [Христианский мир, 2002, с.112].

Победа над булгарами открыла монголам путь к завоеванию всего Поволжья. Скорее всего, именно в это время их войска разделились и принялись завоевывать поволжские земли одну за другой. Не исключено, что летом 1237 г. войска Бату частично отошли в заволжские степи, чтобы отдохнуть и пополнить свои ряды резервами, а какие-то отряды продолжали воевать в Булгарии, подавляя сопротивление отдельных городов и областей. Пополнение войск за счет покоренных народов, видимо, являлось обычной практикой. Об этом сообщает, в частности, Фома Сплитский: «потом, пополнив свои воинские соединения, прежде всего, за счет племен куманов и многих других покоренных ими народов, они снова повернули против рутенов» [Фома Сплитский, 1997, с.104].

Следующий удар был нанесен по южной части Булгарии и, видимо, Нижнему Поволжью. Трудно сказать точно, когда было окончательно завоевано Нижнее Поволжье, но, скорее всего, это произошло сразу же вслед за падением Булгарии, т.е. в 1237–1238 гг. Как сообщает Плано Карпини, часть саксинов сражалась столь упорно, что их сопротивление удалось подавить ценой серьезных усилий и спустя некоторое время [Путешествия, 1957, с.57–58].

В источниках сохранились весьма отрывочные сведения о дальнейших событиях. Рашид ад-Дин, перемешивая разновременные сведения, писал, что «...в год курицы, соответствующий 634 г.х. (т.е. 4 сентября 1236 – 23 августа 1237 г. – *И.И.*) сыновья Джучи – Бату, Орду и Берке, сын Угетай-каана – Кадан, внук Чагатай – Бури и сын Чингиз-хана – Кулькан занялись войною с мокшей, буртасами и арджанами и в короткое время завладели ими... осенью упомянутого года все находившиеся там царевичи (т.е. в западном походе. – *И.И.*) сообща устроили курилтай и, по общему соглашению, пошли войной на русских» [СМИЗО, 1941, с.36; Рашид ад-Дин, 1960, II, с.38]. Из этого отрывка трудно сделать однозначный вывод о ходе кампании. Думается, что в порядок событий, описанных этим персидским историком, компилировавшего повествование из разных источников, вкралась

ошибка. Логика событий, видимо, была обратной – сначала осенью 1237 г. Чингизиды собрались на совет, решивший воевать против Северо-Восточной Руси, а после этого совершили рейд в Посурье, где захватили болгарские крепости в районе исторической Буртасии и подчинили мордовские племена мокша и эрзя. Хотя в целом нельзя исключать, что совет Чингизидов состоялся уже после завоевания Посурской Булгарии, когда и было решено далее совершить поход против Руси. Об этом же свидетельствует очевидец, венгерский монах Юлиан. Приехав в Суздаль в 1237 г. и намереваясь вторично добраться до венгров-язычников, живших на восточных границах Булгарии, у которых он был летом 1236 г., он узнал, что «...обратившись к западу [монголы] в течение одного года или немного большего [срока] завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков» и «кроме того, они напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство Морданов» [Аннинский, 1940, с.86]. В этом списке «Сасция» и «Фулгария», несомненно, Саксин и Булгария, тогда как «Ведин» – это, видимо, Посурье, а остальные – названия областей в Среднем Поволжье.

Как бы то ни было, но определенно, что в конце лета или в начале осени 1237 г. монгольские войска переправились через Волгу в районе традиционной переправы близ Самарской Луки. Очевидно, в это время были уничтожены болгарские города по Волге и Самарской Луке, которые получили такой страшный удар, что больше уже не восстанавливались (см.: [Матвеева, Кочкина, 1998, с.41–42]). Историки практически не сомневаются, что далее монгольские войска двинулись к верховьям рек Сура и Хопер на южную часть болгарских земель, где в районе Золотаревского городища булгары нанесли в 1223 г. сокрушительное поражение войскам Субедея и Джебе (см.: [Егоров, 1985, с.181; Белорыбкин, 1988, с.85]). Археологи здесь зафиксировали многочисленные свидетельства гибели городов – сожженные строения, обилие наконечников стрел, человеческие костяки и отдельные кости. Разорение их было полным и безжалостным. Незахороненные останки людей свидетельствуют, что, скорее всего, были уничтожены все жители, а сами городские поселения здесь уже не возобновлялись (см.: [Белорыбкин, 1988, с.82–87; 2001, с.181–182]). Подобное тоталь-

ное разорение и жестокость можно объяснить только местью за прошлое поражение.

Центром подавления сопротивления в Пусуре стал район р. Узы. Об этом имеется уникальная ссылка Новгородской I летописи, проливающей свет на обстоятельства этого похода: «В лето 6746... придоша иноплемьници, глаголемии Татарове, на землю Рязанскую, множество бещисла, акы пружи; и первое пришедшее и стаха о Нузле, и взяша ю, и стаха станомъ ту. И отголе послаха послы своя... к князем рязанским... Князи же рязанстии... и муромьскы и проньскыи, не впусыте к граду, выехаша противу им а Воронажъ» [ПСРЛ, 3, с.74]. Эта «Нузла» или «Онуза» [ПСРЛ, 1, с.514] и была районом сосредоточения монгольских войск, откуда они начали вторгаться в мордовские земли и быстро привели их к покорности. Здесь, думается, Рашид ад-Дин был прав, говоря о том, что «царевичи... в короткое время завладели ими», поскольку после падения Булгарии, находившиеся в вассальной зависимости от них мордовские князья просто перешли в подданство к новым правителям. Не исключено, что в тот год это был достаточно формальный шаг с обеих сторон. Бату обеспечивал себе тыл, а мордовские князья могли надеяться, что с уходом монголов они обретут независимость от болгар. В условиях отсутствия единой объединяющей силы, которой до своего разгрома являлись болгары, вожди отдельных племен или правители владений выбирали свою модель поведения – или признавать власть монголов, или сражаться. В отношении мордовских земель это ярко иллюстрирует сообщение брата Юлиана: «один князь со всем народом и семьей покорился владыке Татарии, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил» [Аннинский, 1940, с.85–86].

Именно из стана на «Нузле» монгольские послы были отправлены в Рязань с требованием покорности, а войска Бату двинулись вслед за ними, очевидно, полагая, что их требования необходимо подкрепить аргументом силы.

Поход на Северо-Восточную Русь 1237 г. Обстоятельства похода на Северо-Восточную Русь довольно хорошо изучены в отечественной науке со времени В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина. В последнее время события монгольского завоевания Руси довольно подробно рассмотрены с разных сторон в целом ряде серьезных исследований (см.: [Данилевский,

2001, с.133–180; Хрусталева, 2004, с.72–189; Храпачевский, 2004, с.354–388; Почекаев, 2006, с.113–135], что позволяет сосредоточиться на ключевых обстоятельствах этого похода. Несмотря на то, что события этого завоевательного похода достаточно хорошо, казалось бы, освещены в нескольких параллельных текстах летописей XIV–XV вв., нет полной уверенности в том, что это действительно переписанные ранние и не сохранившиеся до нашего времени летописные тексты, составленные непосредственными очевидцами или ближайшими современниками этих трагических событий. Историки летописей доказывают, что даже самая ранняя редакция Лаврентьевской летописи подверглась существенной переработке в конце XIV в. Соответственно меньше доверия к летописям, восходящим к ней или ее поздним переработкам. Гораздо более интересные сведения сохранили новгородские и южнорусская Галицко-Волынская летопись, авторы которых пользовались собственной информацией и сведениями из еще не подвергшихся пристрастной переработке ростовских источников. Совсем бессмысленно восстанавливать события монгольского нашествия, используя литературные памятники XV–XVI вв. типа «Повести о разорении Рязани Батыем» или «Сказания о Меркурии Смоленском», как это делалось и делается в ряде исторических исследований [Черепнин, 1977, с.193–194; Хрусталева, 2004, с.86–89; Чойсамба, 2006, с.74–79, 96–98]. Интересные детали сообщают записки европейских путешественников – современников монгольских походов, видевших ближайшие их результаты и передавшие рассказы людей переживших их, а также отрывочные и лапидарные упоминания у восточных авторов (Джувейни, Рашид ад-Дин, «Сокровенное сказание» и «Юань-ши»). Важные, хотя и не всегда однозначные данные археологии в ряде случаев позволяют дополнить детали в общей картине событий «Батыева нашествия» на Русь.

Основная часть монгольского войска была сконцентрирована на рязанском пограничье, видимо, в районе близ современного Воронежа, где известна небольшая крепость – Семилукское городище, являвшаяся центром небольшой округи, подчинявшейся рязанскому князю (подробнее см.: [Цыбин, 1987; Пряхин, 1988, с.108–126]).

Никакой внезапности вторжения для русских князей не было, поскольку сведения о приближении монгольского войска доходили

до правителей русских княжеств. Дороги были полны беженцев и даже венгерский монах Юлиан, едва говоривший по-русски, узнал о движении нескольких армий монголов на Русь, а сам великий князь Владимирский Георгий Всеволодович якобы задержал каких-то татарских то ли гонцов, то ли лазутчиков к королю Венгрии. Но все-таки монголы напали на Русь прямо как снег на голову. Оправдать владимирского князя и других князей может только то, что они вообще не рассчитывали, что «дикие кочевники» решаться напасть на Русь зимой – чего до этого в истории никогда не было, поскольку на зиму военные действия обычно прекращались. Возможно, они собирались начать крепить оборону к весне, но поход Бату развеял их планы. Эффект внезапности у Бату отсутствовал, но была стратегическая инициатива и свобода маневра, а это было самое грозное оружие в умелых руках монгольских полководцев.

Интересные сведения о приближающемся наступлении монголов собрал венгерский монах Юлиан. Побывавший осенью 1237 г. в Суздале, он уже знал, что «венгры-язычники, и болгары и множество царств совершенно разгромлено татарами» [Аннинский, 1940, с.83], а из разговоров с беженцами из этих земель он заключил, что вся монгольская армия разделена на четыре части: «Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалью [Sudal]. Другая же часть в южном направлении уже напала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дон [Den], близ замка Воронеж [Ovcheruch], также княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских». Еще одно войско «осаждают всю Русь» [там же, с.86–87]. Из этого путаного сообщения Юлиана понятно только то, что беженцы видели монгольские войска везде и по-разному передавали маршрут движения его отрядов на Русь. Но она также содержит, видимо, позитивную информацию, что не все монгольское войско выступило против Руси. Очевидно, были какие-то резервные части, прикрывавшие наступающие армии с юга и запада (см.: [Хрусталева, 2004, с.98]). Во всяком случае, нет никаких оснований по-

лагать, что огромная многотысячная (по мнению некоторых историков от 70 до 120 тыс. воинов) масса кавалерии с запасными конями двигалась компактной массой, но нет и сведений, что до взятия Владимира войска Бату делились на группы и решали свои оперативные задачи. Скорее всего, Юлиан описал эшелонированный характер наступления монгольских войска несколькими большими корпусами. При этом, учитывая наличие тыловых частей и полков прикрытия, численность передового корпуса Бату вряд ли превышала 30 тыс. воинов, однако, по мере продвижения, вслед за ней выдвигались новые тумены, которые прикрывали их с тыла, обеспечивали продовольствием и фуражом и производили регулярную ротацию поредевших в наступательных боях туменов.

В ряде летописей читается текст о послах Бату – «жена чародеица и два мужа», передавших якобы его требование рязанскому князю, «прося оу них десятины во всем: во князех и в людех и в конех, десятое в белых, десятое в вороных, десятое в бурых, десятое в рыжих, десятое в пегих» [ПСРЛ, 1, с.514]. По данным тех же летописей, рязанский князь, не отвечая им, переадресовал их требования своему формальному сюзерену – владимирскому князю Юрию Всеволодовичу, туда же была направлена просьба о помощи. Не исключено, что весь этот рассказ – поздняя вставка. В ней явно присутствуют поздние реалии – ссылки на десятину, а в дальнейшем летописном рассказе ничего об этом посольстве не сказано. Кроме того, непонятно, зачем Бату-хану вообще было отправлять посольство, если он, не дожидаясь исхода переговоров, шел на Рязань.

Едва реки стали подо льдом, монгольское войско двинулось на Русь. Прежде чем подступить к Рязани монголы с ходу взяли все крупные города Рязанской земли – Пронск, Белгород, Борисов-Глебов, Ижеславец. Разорением окрестностей монголы решали много тактических задач – город наполнялся беженцами – женщинами и детьми, сокращая его запасы продовольствия, монгольское войско получало продовольствие и особо ценный фураж, а также рабочую силу для ведения трудоемких осадных работ, а горожане должны были понять, что спасения для них не будет.

Осада самой Рязани началась 16 декабря 1237 г., и для этого вокруг города собралось все атакующее войско монголов. По словам Рашид ад-Дина: «Бату, Орда, Гуюк-хан, Мен-

гу-каан, Кулкан, Кадан и Бури вместе осадили город Арпан и в три дня взяли его» [СМИ-ЗО, 1941, с.36]. Об этом же пишет и «Баньши»: «[Мэнгу] вместе с чжуваном Бату... дошел до города Рязань (Е-ре-зань), самолично сражался врукопашную и сокрушил его [город]» (цит. по: [Храпачевский, 2004, с.358]). Осада Рязани, продолжавшаяся по разным источникам от трех до семи дней, закончилась решительным штурмом, во время которого были использованы различные осадные орудия. По данным «Юань-ши»: «Сили Цяньбу, человек из тангутов... сопровождал чжувана Бату в походе на русских. Дошли до города Рязань, сильно сражались 7 дней и захватили его» (цит. по: [там же, с.258–359]). По данным русских летописей, 21 декабря 1237 г., последовал решительный штурм города, Рязань пала, ее защитники и почти все население были перебиты: «пожгоша весь и князя их Юрья убиша и княгиню его, а иных же емше – мужей, и жены, и дети, и черница, и черница, и ерея, овы рассекаху мечи, а други – стрелами стреляхуть и в огнь вметаху, иныя имающа, вязаху, и поругание черницам, и попадьям, и добрым женам, и девицам пред матери и сестрами» [ПСРЛ, 1, с.515]. Далее, взяв Переяславль-Рязанский, монголы вторглись во Владимиро-Суздальское княжество.

Двигаясь вверх по Оке, монголы подошли к Коломне. Для того времени это была довольно сильная крепость и один из центров Рязанской земли. Еще при известии о вторжении войск Бату в рязанские пределы великий князь послал к Коломне воеводу Еремея Глебовича: «посла в сторожах Иеремея воеводою», который встретился с коломенским князем Романом Ингваревичем – братом рязанского князя Юрия. К ним присоединились, видимо, остатки пронских полков во главе с воеводой Кириллом Михайловичем, принесшим во Владимир весть о наступлении монголов. Узнав о падении Рязани великий князь владимирский Юрий Всеволодович принял решение принять открытый бой и послал на соединение с войсками, собиравшимися у Коломны сильную рать во главе со своим наследником: «Юрью посла сына своего Всеволода со всеми людьми» [ПСРЛ, 2, стб.779]. Владимирская рать, вместе с дружиной Романа и каким-то отрядом новгородцев («и Новгородци с своими вой из Владимиря» [ПСРЛ, 1, с.515]) представляла внушительную силу. Трудно оценить численность этой объединенной рати, но она была

Бату-хан сжигает Рязань.
Миниатюра.
Лицевой летописный свод XVI в.

явно сопоставима с войском монголов, иначе они бы просто ее раздавили, тогда как источники говорят о равном сражении. Русские летописи однозначно трактуют это сражение как самое ожесточенное и кровопролитное за все время «Батиева нашествия». Вообще Коломенская битва стала первой после Калки и последней в этой кампании попыткой русских воевод вести с «татарами» регулярное полевое сражение. Летописи сообщают, что это было крупномасштабное сражение с большими потерями сторон: «...и бишася крепко, и бысть сеча велика и прогнаша их к надолбам и ту оубиша князя Романа, а оу Всеволода воеводу его Еремея, а иных много мужей побиша, а Всеволод в мале дружине прибежа в Володимерь» [там же, с.515–516]. По этим скудным строкам трудно понять характер боя, но, видимо, русские полки, атаковав противника, поддались на обычную монгольскую тактику ложного отступления и втянулись в бой. Тогда как монголы, сомкнув крылья, окружили русские полки, которым пришлось с боем пробиваться к городским стенам («надолбам»), где и произошла последняя ожесточенная и кровавая битва, из которой удалось вырваться только дружине княжича Всеволода. В битве при Коломне особенно отличились рязанские полки во главе с Романом Ингваревичем, которым некуда было отступать, и единственной их надеждой было дорого продать свои жизни. Недаром именно его упоминает в

своим коротким сообщением об этом событии Рашид ад-Дин: «После того (т.е. после взятия Рязани. – *И.И.*) они (т.е. Чингизиды) овладели также городом Ике. Кулькану была нанесена там рана, и он умер. Один из эмиров русских, по имени Урман выступил с ратью, но его разбили и умертвили...» [СМИЗО, 1941, с.36]. Подозрительно соседство в этом сообщении гибели сына Чингиз-хана и упоминание имени князя «Урмана» т.е. Романа Ингваревича, что наводит на мысль, что этот князь и являлся виновником смерти Кулькана (см.: [Храпачевский, 2004, с.361]). Вполне возможно, что именно его ратный подвиг стал прообразом деяний легендарного героя воинских повестей – рязанского воеводы Евпатия Коловрата. Уникальный случай гибели Чингизида в бою (единственный, кстати, за всю западную кампанию) лучше всего показывает ожесточенность и ярость этого сражения. Фактически исход этого сражения определил ход всей дальнейшей кампании. Поскольку здесь, очевидно, полег весь цвет владимирской дружины – профессионального рыцарского войска, то оказать сопротивление наступающему войску монголов было просто некому. После этого сражения войска Бату без труда могли один за другим осаждать и штурмовать отдельные города и крепости, не ожидая удара с тыла.

После поражения в полевом бою, падение Коломны стало вопросом времени. После ее взятия войска Бату двинулись к Москве. По данным летописи: «Тое же зимы взяша Москву татарове и воеводу убиша Филиппа Нянка... а князя Володимера Яша руками, а град и церкви святыя огневи предаша и манастыри вси и села пожгоша и много имения вьемше отидоша» [ПСРЛ, 1, с.460–461]. Интересно отметить, что сведения об этом сохранились также в официальных монгольских историях: «... (потом) сообщая в пять дней взяли также город Макар (вар. Укар, Икан) и убили князя (этого) города, по имени Улайтимур» [СМИЗО, 1941, с.36, прим.6].

Падение Коломны и Москвы открыло войскам Бату прямой путь к центру Владимиро-Суздальского княжества. Отсутствие полков, способных противостоять монголам делало их оборону безнадежной, поэтому при известии о взятии Москвы великий князь Юрий Всеволодович выехал из Владимира в северные волости, говоря, что идет в Ярославль собирать войска, которые должны были, вроде бы, привести его братья Ярослав и Святослав. «Выеха Юрьи из Володимера в мале дружине», –

пишет летописец, – «урядив сыны своя в собе место, Всеволода и Мстислава, и еха на Вольгу с сыновцы своими, с Васильком и со Всеволодом и с Володимиром, и ста на Сити станом, а ждучи к собе брата своего Ярослава с полкы и Святослава с дружиною своею, и нача Юрьи, князь великий, совокупляти вое противу Татаром» [ПСРЛ, 1, с.461]. Возможно, великий князь просто бежал от войны, полагаясь на мощь укреплений столичных центров и надеясь отсидеться в лесной глуши, дожидаясь ухода вражеских войск. Во Владимире осталась только малочисленная дружина, а обороной руководили сыновья Юрия – Всеволод и Мстислав.

Между тем, монгольские войска стремительным броском подошли к Владимиру и, показав осажденным пленного московского князя Владимира, предложили сдать город на милость победителей, спрашивая: «Великий князь есть ли в городе?». Но горожане отказались открыть ворота: «...пустиша по стреле на Татары» [там же, с.516], и 2 февраля 1238 г. монголы, обложив город со всех сторон, начали его осаду.

Одновременно отряды монголов растеклись по его окрестностям, разоряя ближайшие села. В течение двух-трех дней они захватили вторую столицу Суздаль и его округу, практически не встречая сопротивления деморализованных жителей.

Окруженный Владимир в то же время был подвергнут интенсивной осаде. В самых общих выражениях описывает эту осаду персидский историк и панегирист Чингизидов Джувейни: «...они (царевичи) отправились в земли Руси и покорили области ее до города М.к.с., жители которого, по многочисленности своей были (точно) муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что (в нем) нельзя было проползти змее. Царевичи сообщая окружили (город) с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что (по ней) могли проехать рядом три-четыре повозки, а потом против стен его выставили метательные орудия. Через несколько дней они оставили от этого города только имя его, и нашли (там) много добычи. Они отдали приказание отрезать людям правое ухо. Сосчитано было 270000 ушей» [СМИЗО, 1884, с.23]. Если оставить в стороне традиционные для описаний стран Севера экзотические подробности, то фактически речь идет об осаде и штурме города, проведенных по всем за-

конам военной науки. Город был наводнен беженцами, спасавшимися за его стенами от вражеского разорения, тогда как монголы окружили его со всех сторон и начали подводить к его стенам и главным «Золотым воротам» осадные орудия. Об этом же пишут и летописи: «...в субботу мясопустную почаша (монголы) наряжати леса и пороки ставиша (с утра) и до вечера, а на ночь огородиша тыном около всего города Володимеря» [ПСРЛ, 1, с.462, 517]. В результате непрерывного многодневного штурма и бомбардировки камнеметными машинами городская стена была обрушена: «а Татарове начаша пороки рядити, и к граду приступиша, и выбившее стену градную, наметавшее (в) ров сырого леса, и тако по прмету внидоша в град» [ПСРЛ, 15, с.369] и наступающие ворвались внутрь. По другим данным монголы «...и заидошла от Золотых ворот оу святого Спаса и внидоша по примету в город чрес стену, а сяду от северныя стороны от Любеди к Орининым воротам (и) к Медяным, а отсюду от Клязмы е Воложским воротом; и тако взяша въскоре град до обеда Новьи, и запалиша и огнем; бежа же Всеволод и Мстислав и все людие в Печернии град» [ПСРЛ, 1, с.517–518]. После недолгого сопротивления весь город был захвачен и сожжен 7 февраля. По данным Рашид ад-Дина, Чингизиды: «Осадив город Юргия Велико-го, взяли (его) в 8 дней. Они ожесточенно дрались. Менгу-каан лично совершал богатырские подвиги, пока не разбил их (русских)» [СМИЗО, 1941, с.36]. Судя по данным летописей, оба князя Всеволодовичи погибли вместе с большинством людей, скрывавшихся в городе.

После разрушения столицы Владимиро-Суздальской земли, Бату разделил свое войско на отдельные корпуса, которые должны были подавить последние очаги сопротивле-

Итак внидоша по примету во град
из Золотых ворот. такоже ошлыго
по орининым воротам. и наметавше
пожениша сырого леса. и про
чеша внидоша чрес стену
ш. внидоша
по выско
дѣмо
ни.

Захват Владимира. Миниатюра.
Лицевой летописный свод XVI в.

Ишедьше внидоша в градъ Суздаль. и цркъ
Николаеву юнѣ цѣоу разграбленша. а про
чеша внидоша
мѣсто
жѣ
го
ша

Взятие Суздаля. Миниатюра.
Лицевой летописный свод XVI в.

ния и разыскать великого князя Юрия Всеволодовича: «И оттоле разсыпашася татарове по всей земли той» [ПСРЛ, 15, с.369]. Поскольку никто, очевидно, во Владимире не знал, куда направился Юрий, то Бату разослал войска по трем направлениям. Летописец писал, что один отряд двинулся на Ростов, другой на Ярославль: «поидоша на великого князя Юрья оттоле, овии же идоша к Ростову, а инии же к Ярославлю» [ПСРЛ, 1, с.518], причем туда был направлен сильный корпус Бурундая [ПСРЛ, 2, с.779]. Другой отряд был послан на восток, к Городецу на Волге: «инии на Волгу, и на Городец» [ПСРЛ, 1, с.518] и далее «и по Волзе вся грады поплениша и до Галича Мерскаго» [ПСРЛ, 15, стб.369]. В течение месяца было разорено практически все Суздальское Ополье. Летописи насчитали 14 только крупных городов – Ярославль, Городец Волжский, Кострома и Галич, Переяславль-Залесский, Тверь, Юрьев, Волок-Ламский, и Дмитров. В результате монгольские войска были обеспечены продовольствием и фуражом, а противник, если он собирался разворачивать крупные военные действия, был бы обескровлен.

Интересно, что сами летописи прямо противоречат себе, говоря о полном разгроме Суздальщины. Практически не пострадали Ростов и Углич, сдавшиеся наступающим

монгольским войскам. Недаром новгородский летописец писал: «Ростов же и Суздаль разидошася разню» [ПСРЛ, 3, с.288], видимо, на примере этих крупнейших столичных городов, подчеркивая разную судьбу городов Владимирской земли. В этой связи можно предполагать, что не все города из перечисленных летописцем были разорены и сожжены. Многие из них в условиях отсутствия власти и организованного сопротивления просто откупались от войск Бату, предоставляя ему выкуп, провиант и фураж, а поздний летописец просто переписал все северо-восточные города, чтобы усугубить эсхатологическую картину разгрома страны в преддверии «восьмого дня» (подробнее см.: [Данилевский, 2001, с.133–180]), не имея, по мнению историка Дж.Феннела, ясного «представления о том, на какие из этих городов татары напали, какие разграбили, а какие обошли стороной» [Феннел, 1989, с.120].

Сам же Бату с основным войском направился на северо-запад, к Твери: «к Юриеву, и к Переяславлю, и к Дмитрову, и тех взяша; а инии Тферь шедше взяша, в ней же сына Ярослава убиша» [ПСРЛ, 15, стб.369] и далее двинулся на Торжок.

Между тем, корпус Бурундая, захватив Ярославль, обнаружил лагерь Юрия и окружил его. Очевидно, Юрий, спрятавшись в лесной глуши, не предполагал, что кочевники дойдут так далеко в зимний лес, более того, обойдут все его заставы и сторожевые посты. Вряд ли, вслед за отечественными историками, следует полагать, что великий князь ждал подкреплений от братьев – не для того он забрался в лес, куда было трудно попасть и летом, чтобы собирать там полки, поскольку худшего места для начала военных действий надо было бы еще поискать. Слабозаселенный край, бедный продовольствием не мог стать базой для значительной армии, а действия мелкого отряда были вообще лишены смысла. Думается, что Юрий попросту бежал от войны и не собирался не только начинать военных действий, но даже старался ничем себя не обнаружить, недаром поздние летописи полны описаний его хандры и нравственных терзаний о судьбах Родины и своей собственной, и нет никаких указаний на попытки поднять оружие на «нечестивых Татар». Но его попытка спрятаться от войны не удалась.

Бурундай сумел преподать еще один наглядный урок военного дела незадачливому русскому военачальнику. Он, судя по всему,

не только нагрязнул стремительно и внезапно, но и не с той стороны, откуда его ждали. Непредвзятый южнорусский летописец прямо указывал, что главной причиной поражения Юрия была беспечность и бездеятельность: «...совокоупляюшоу ему около себе вои и не имеющоу сторожи, изъехан бысть беззаконным Боурондаем, весь город (т.е. укрепленный лагерь. – *И.И.*) изогна и самого князя Юрья оубиша» [ПСРЛ, 2, с.779]. При этом можно предполагать, что корпус Бурундая был не намного больше по численности войск Юрия, а его дружина – это были остатки профессионального владимирского войска, мало чем уступающие монголам.

Утром 4 марта 1238 г. сторожевой отряд, вышедший на обычную разведку: «Князь же Юрьи посла Дорожа в просики в 3000-х муж», наткнулся на какие-то отряды «...и прибежа Дорож и рече: «А оуже, княже, обошли суть нас около Татары! То же слышав князь Юрьи, всед на конь свои, с братом своим Святославом, и с сыновци свои, с Василком, Констянтиновичем, и со Всеволодом, и Володимером, и с мужи своими, и поидоша противу поганых, и нача князь полки ставити и се внезапно приспеша Татарове на Сить противу князю Юрью, князь же отложи всю печаль и поиде к ним, и ступишась обои полци, и бысть сеча зла, и побегоша пред иноплеменники, и ту оубьен бысть великий князь Юрьи Всеволодичь, на Рице на Сити и вои его многи погибоша, а Василка Костянтиновича руками яша» [ПСРЛ, 1, с.519; 15, с.370]. Таким образом, стычка быстро переросла в сражение, а бой в резню застигнутых врасплох русских воинов. Бой на льду р. Сить завершился полным поражением русских дружин, причем некоторые летописи, говоря о внезапной атаке монголов, подчеркивают, что князь Юрий «...не успеха ничтоже, побежа; и бысть на рече Сети, постигоша и, и живот свои сконча ту. Бог же весть, како скончался: много бо глаголют о нем инии» [ПСРЛ, 3, с.288; 15, с.370]. Очевидно, что слухи, на которые намекает новгородский летописец, были еще более неприятны для репутации князя, поэтому о них он умалчивает, просто констатируя бегство и бесславную гибель. Рашид ад-Дин, как всегда лаконично сообщает об этом событии как о мелком эпизоде: «Эмир этой области Вике-Юрку бежал и ушел в лес; его также поймали и убили» [СМИЗО, 1941, с.36–37]. Скорее всего, Бурундай велел отрубить голову великому князю, чтобы

подтвердить свою победу и доказать, что отныне законная власть на этой земле принадлежит по праву завоевания победителям [ПСРЛ, 1, с.520–521].

Организованное сопротивление на Северо-Востоке Руси было сломлено в принципе.

Еще до битвы на Сити передовые отряды Бату 22 февраля 1238 г. осадили Торжок. В отличие от многих других город отказался сдаться, и монголы начали планомерную его осаду: «...и отыниша его тыном весь окол, якоже инии грады имаху, и бишася ту окаанний по 2 недели» [ПСРЛ, 15, с.370]. Под стенами Торжка стали собираться все войска монголов. По мере их сбора Бату начал усиливать натиск на город: «и изнемогашася людие в граде, а из Новгорода им не бысть помощи, нь уже бо в то время нужное кто же бо о собе стал в недоумении и в страсе; и тако погани взяша град...» [ПСРЛ, 3, с.288]. Город был взят 5 марта и подвергнут показательному разорению. Ведь он сражался 12 дней – даже сильно укрепленный Владимир продержался вдвое меньше. Обозленные монголы не просто «...исекоша вся от мужьска полу и до женьска» [там же], а даже устроили погоню за какими-то горожанами, которые вырвались из Торжка, и гнались за ними вплоть до Игнач-креста: «гнашася безбожнии Татарове Серегирьским путем до Игнача креста, и все секучи люди, яко траву, и толико не дошедше за 100 верьст до Новгорода» [там же, с.289]. При этом основные силы Бату стояли под Тверью и Торжком, а остальные разбросаны по территории княжества, продвигаясь к ним на соединение.

Основные цели похода были выполнены – Владимиро-Суздальское княжество разгромлено, а его правитель убит, сопротивление им никто практически не оказывал. Кроме того, войска были измотаны непрерывными походами и боями, длившимися уже пять-шесть месяцев и отягощены добычей. Вряд ли в планах Бату было идти дальше на север к Новгороду (см. соображения по этому поводу: [Каргалов, 1967, с.106–108]). Он не хуже владимирских князей понимал, что Новгородом владел тот, кто владел Владимиром, и для подчинения его не нужно было брать штурмом. Но если бы он решил продолжить поход до Новгорода, ни его, ни его нукеров не остановила бы весенняя распутица, как не остановил его победоносные туманы пресловутый «генерал Мороз» во время рейда по Северо-Восточной Руси.

Штурм Козельска. Миниатюра. Лицевой летописный свод XVI в.

От Торжка Бату стал собираться обратно в степи Поволжья. По данным Рашид ад-Дина: «После этого они (Чингизиды) ушли оттуда, порешив в совете идти туманами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся (на пути) брать и разорять» [СМИЗО, 1941, с.37]. Вполне возможно, что в верховьях Оки Бату намеревался дать отдых своим войскам, дожидаясь подхода тыловых частей, чтобы вместе с ними двинуться в степь. Нельзя исключить, что этот корпус Бату был уже основательно потрепан в сражениях и полководец не рисковал продолжать движение без подхода главных сил. Но в этой «точке возврата» его войска встретили сильное сопротивление небольшого, но сильно укрепленного городка Козельска. Кроме обычных для древнерусского города укреплений, он был защищен самой природой, располагаясь на высоком холме на берегу р. Жиздры, которая разлилась от таяния снегов, как и окрестные болота [Рапов, 1983, с.86]. Войско Бату, ослабленное походом, не могло организовать прямой штурм, а, очевидно, осадная техника из-за условий местности оказалась неэффективной. В результате они вынуждены были ждать подкреплений, испытывая огромные бытовые неудобства. Кроме того, козляне осуществляли удачные

вылазки, во время одной из которых они уничтожили осадные орудия: «исшедше из града, исекоша праща их, нападше на полькы их и убиша Татар» [ПСРЛ, 2, с.781].

По сведениям русских летописей, осада продолжалась 7 недель, примерно об этом же писал Рашид ад-Дин, говоря, что «при этом походе Бату пришел к городу Кисель-Иске и, осаждая его 2 месяца, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в 3 дня. Тогда они расположились в домах и отдохнули» [СМИЗО, 1941, с.37]. Во время последней битвы горожане «...исшедше из града, исекоша праща их, нападше на полькы их и убиша Татар 4 тысячи и сами же избени быша. Батыи же взя город, изби вси и не пощаде от отрочат до сосущих млеко, о князи Васильи неведомо есть, и инии глаголяху, яко во крови утонул есть, понеже убо млад бяше есть. Оттуда же въ Татарех не смеють его нареци «град Козлеск», но «град злый», понеже бишася по семь недель, убиша бо от Татар сыны темнич три. Татары же искавше и не могоша их изнаити во множестве труп» [ПСРЛ, 2, с.781].

После отдыха и сбора всех корпусов «Батыи... поиде в землю Половецкую» [ПСРЛ, 1, стб.522]. Первая кампания «Батыева нашествия» на Русь закончилась. Зимой 1237–1238 гг. Бату нанес стремительный удар, охвативший Рязанское, Владимиро-Суздальское, Новгородское и частично Смоленское и Черниговское княжества. С ужасающей быстротой были разбиты войска, взяты штурмом и сожжены основные крепости одного из сильнейших русских княжеств первой трети XIII в. – Владимиро-Суздальского, а его князь и почти все его наследники убиты. Страна была разорена и на определенное время не представляла даже политического единства и какой-либо военной силы. Практически она еще не подчинилась Бату-хану, но фактически уже была покорена. Разлад между князьями и городами – самое явное тому свидетельство.

Война с кыпчаками. Поход на болгар и мордву 1238 г. Начавшийся новый год (с 1 марта), русские летописцы, после всех ужасов «Батыева нашествия», отметили особо, выделив киноварью: «Того же лета было мирно» [там же, стб.461]. Однако мир этот был относительным и недолгим. Монгольские ханы, заняв Подонье, стали методично подавлять спорадическое сопротивление в Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе и лесной зоне Сурско-Окского междуречья.

Одной из важнейших задач, вставшей перед Чингизидами после успешного зимнего похода на Северо-Восточную Русь, стало окончательное покорение кыпчаков, которые, очевидно, пытались консолидировать силы для отпора завоевателям. Одним из главных очагов сопротивления оставались йебеки под руководством Бачмана, которые, потерпев поражение в 1229 г. от монголов в Заволжье, оставались непокоренными и продолжали вести ожесточенную войну с монгольскими отрядами в Нижнем Поволжье. Не исключено, что район сопротивления монголам был даже шире, включая Волго-Уральское междуречье и Нижнее Подонье. Именно поэтому главный удар монгольских войск был нанесен против него. Во главе этой части монгольских войск был поставлен Мунке. Очевидно, благодаря данному обстоятельству эти боевые действия были описаны в монгольских династийных хрониках, а позднее вошли в состав всех описаний монгольских походов на Запад. С разной степенью полноты, но в целом весьма подробно и довольно сходно этот поход был описан у Джувейни, Рашид ад-Дина [СМИЗО, 1941, с.24, 35–36] и «Юань-ши» [Кычанов, 2002, с.39]. Различия в основном касаются незначительных деталей и главное – хронологии этого события. У Джувейни поход Мунке на Бачмана описывается после похода на Русь и Западную Европу, у Рашид ад-Дина и в «Юань-ши» – до похода на Северо-Восточную Русь, хотя в этих источниках хронология вообще несколько запутана. Не исключено, что разные авторы различно компилировали сведения из монгольской династийной истории «Алтан дебтер», где эти сведения были разбросаны по разным биографиям. Кроме того, следует учитывать, что сражений с Бачманом было несколько, а авторы, стремившиеся создать цельное повествование, объединяли разные рассказы в один. Так, очевидно, поступил Рашид ад-Дин, пользовавшийся, как известно, текстами Джувейни и «Алтан дебтер». В результате реальная хронология этих событий остается довольно туманной и не всегда поддается четкому членению. Относительно похода Мунке и гибели Бачмана можно сказать, что они, видимо, произошли в 1238 г., хотя нельзя исключать того, что подавление кыпчаков и их союзников затянулось вплоть до начала 1240 г.

Не исключено, что ближе к истине был Джувейни, который являлся практически современником этих событий и просто выде-

лил этот рассказ в отдельный параграф. Вот как он описывал эту войну: «Когда каан (Угетай) отправил Менгу-каана, Бату и других царевичей для овладения пределами и областями Булгара, асов, Руси и племен кыпчакских, аланских и других, (когда) все эти земли были очищены от смутьянов и все, что уцелело от меча, преклонило голову перед начертанием (высшего) повеления, то между кыпчакскими негодьями оказался один, по имени Бачман, который с несколькими кыпчакскими удалцами успел спастись; к нему присоединилась группа беглецов. Так как у него не было (постоянного) местопребывания и убежища, где бы он мог остановиться, то он каждый день (оказывался) на новом месте, был, как говорится в стихе: «днем на одном месте, ночью на другом», и из-за своего собачьего нрава бросался, как волк, в какую-нибудь сторону и уносил что-нибудь с собою. Мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножились. Где бы войска (монгольские) ни искали следов (его), нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым» [СМИЗО, 1941, с.24]. Иными словами, после разгрома от Субедея Бачман сумел оправиться и во время ухода основных сил монголов на Русь начал искать и находить союзников, готовить силы к войне. Вероятно, в силу своего знатного происхождения и военных заслуг, именно Бачман мог быть центром притяжения антимонольских сил и организовать серьезное противодействие Чингизидам. Непокорных кыпчаков поддерживали, очевидно, тюркизированные асы из Подонья и Нижнего Поволжья под командованием Качир-укулэ (об асах/ясах в Подонье и Поволжье в X–XIII вв. см.: [Allsen, 1983, p.20; Бубенок, 1997, с.125–173]).

Бату и его советники прекрасно осознали эту опасность и направили против Бачмана лучшие и, видимо, свежие тумены. Рашид ад-Дин писал, что «Менгу-каан с левого крыла шел облавой по берегу моря (Каспийского). Бачмана, одного из бесстыднейших эмиров тамошних, из народа кыпчаков, из племени ольбурлик, и Качир-укулэ, из племени асов, обоих забрали (в плен)» [СМИЗО, 1941, с.35]. Скорее всего, монгольские войска постепенно сумели разделить силы кыпчаков и их союзников, нанести им поражение, и сжать кольцо вокруг Бачмана. По словам Джувейни: «Так как убежищем и притоном ему (Бачману. – *И.И.*) большею частью служили бе-

рега Итиля, он укрывался и прятался в лесах их, наподобие шакала, выходил, забирал что-нибудь и опять скрывался, то повелитель Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и брат его Бучек оба пошли облавой по обоим берегам реки. Прибыв в один из лесов Итиля, они нашли следы откочевавшего утром стана: сломанные телеги и куски свежего конского навоза и помета, а посреди всего этого добра увидели больную старуху. Спросили, что это значит, чей это был стан, куда он ушел и где искать (его). Когда узнали наверняка, что Бачман только что откочевал и укрывался на остров, находящийся посреди реки, и что забранные и награбленные во время беспорядков скот и имущество находятся на том острове, то вследствие того, что не было судна, а река волновалась подобно морю, никому нельзя было переплыть (туда), не говоря уже о том, чтобы погнать туда лошадь. Вдруг поднялся ветер, воду от места переправы на остров отбросил в другую сторону и обнаружилась земля. Менгу-каан приказал войску немедленно поскакать (на остров). Раньше чем он (Бачман) узнал, его схватили и уничтожили его войско. Некоторых бросили в воду, некоторых убили, угнали в плен жен и детей, забрали с собою множество добра и имущества и затем решили вернуться. Вода опять заколыхалась и, когда войско перешло там, все снова пришло в прежний порядок. Никому из воинов от реки беды не приключилось. Когда Бачмана привели к Менгу-каану, то он стал просить, чтобы тот удостоил убить его собственноручно. Тот приказал брату своему Бучеку разрубить его (Бачмана) на две части» [там же, с.24]. Позднее был разгромлен и убит эмир асов Качир-укулэ [там же, с.36].

После разгрома основного центра сопротивления монгольские отряды начали громить и уничтожать племена кыпчаков в Подонье и на Северном Кавказе. Осенью 1238 г. Мунке и Кадан «выступили в поход против черкесов и зимою убили тамошнего государя по имени Тукара. Шибан, Бучек и Бури отправились походом в страну Мерим, из племени чинчакан, и взяли Таткару. Берке отправился в поход на кыпчаков и взял [в плен] Арджумака, Куран-баса и Капарана, военачальников Беркути» [там же, с.37].

Все эти страны и племена не имеют надежной локализации, но, как бы то ни было, в ходе боевых действий в 1238–1239 гг. наи-

более крупные племенные объединения кыпчаков были разгромлены монголами. Сохранились независимость и единство только те орды, что стремительно отступали на запад. Одно их крупнейших подобных объединений кыпчаков во главе с ханом Котяном обратилось с письмом к королю Венгрии с просьбой предоставить им убежище. Разрешение на переселение было получено, и осенью 1239 г. король Бела IV лично на границе встречал 40-тысячное племя хана Котьяна. Кыпчаки приняли католичество и составили войско, подчинявшееся непосредственно королю [Мургулия, Шушарин, 1998, с.173–184]. В дальнейшем усиление власти Бела вызвало недовольство венгерской знати и мятеж, в результате которого Котьян и другие знатные кыпчаки были убиты, а остальные бежали на Балканы [Пашуто, 1977, с.211]. Кыпчаки, попавшие под власть Бату, включались в монгольскую военно-административную систему и пополняли войска Чингизидов.

Одновременно с войной с кыпчаками на юге войска Бату начали активные боевые действия на севере в Сурско-Окском междуречье. Рашид ад-Дин писал об этом, напоминая, что когда Чингизиды «дошли до города (Булгара) Великого и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили их покориться. Пришли тамошние вожди Баян и Джику, изъявили царевичам покорность, были (щедро) одарены и вернулись обратно, (но потом) опять возмутились. Вторично послали (туда) Субудай-бахадур для усмирения (их)» [СМИЗО, 1941, с.35]. Обычно это известие трактуется, как «отчаянная попытка болгар опрокинуть завоевателей» и даже видят отражение этих событий в строительстве городка – Балынгузского городища близ Биляра [Халиков, 1994, с.37–39; Халиуллин, 1995, с.130–131]. Подобная трактовка событий представляется не слишком убедительной, поскольку это городище представляет памятник золотоордынского периода и имеет довольно значительный слой, кроме того, само восстание вряд ли произошло в центре Булгарии, разоренной нашествием 1236 г. Скорее всего, события, связанные с борьбой Баяна и Джику, развернулись в Предволжье и Посурье, где, видимо, оставались болгарские владения, не затронутые монгольскими походами. Саму обстановку этого времени в этом регионе ярко передает венгерский монах Юлиан, информируя о двух мордовских князьях, один из которых покорился монго-

лам, а второй – сражался с ними [Аннинский, 1940, с.85–86]. Ведя военные действия против болгар, монгольские отряды вторглись в Сурско-Окское междуречье и осенью-зимой 1238–1239 г. подавили очаги сопротивления. Тем самым были покорены мордовские земли, которые до этого входили в сферу политического влияния Булгарии.

Очевидно, преследуя болгар, войска Субудея вторглись в Муромскую землю, взяли Муром, разорили земли по Нижней Клязьме вплоть до Нижнего Новгорода: «на зиму Татарове взяша Мордовскую землю и Муром пожгоша, и по Клязьме воеваша, и град святой Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя» [ПСРЛ, 1, с.470]. При этом некоторые отряды монголов прошли по Оке вплоть до Волги и взяли «Городец Радильовь на Волзе» [ПСРЛ, 15, с.374].

Таким образом, к весне 1239 г. практически вся Восточная Европа оказалась во власти Бату. Непокоренными оставались южно-русские и западнорусские княжества, Крым и Дагестан. Они стали объектом нового масштабного наступления.

Походы на Переяславль и Чернигов. Завоевание Северного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья в 1239 г. Новая кампания развивалась в двух направлениях. На юге тумены Мунке и Гуюка были направлены на завоевание Северного Кавказа и Дагестана: «Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас и зимой, после осады, продолжавшейся один месяц и пятнадцать дней, взяли его» [СМИЗО, 1941, с.39]. Об этом событии рассказывает «Юань-ши»: «Зимой, в одиннадцатой луне, войска под командой Мэнгу окружили город алан Мецесы и через 3 месяца захватили его» (цит. по: [Храпачевский, 2004, с.376]). Трудно сказать, что это был за город, но, видимо, один из центров алан в Предкавказье – Мангаш/Манач [Гадло, 1994, с.179–180].

На западе Бату-хан и его братья стремились покорить Северное Причерноморье. Однако для того, чтобы обезопасить себя со стороны Руси, они начали поход с вторжения в Переяславское княжество. Объектом нападения оно было выбрано не случайно. Небольшое по размерам Переяславское княжество играло важнейшую роль в военно-политическом плане, являясь юго-восточным форпостом Руси, защищавшим Киевскую и Черниговскую земли от вторжений кыпчаков. На его территории уже в X в. были возведены город-

ки, прикрывавшие Киев с юга – Воинь, Римов, Лукомль, Бронь и др. [Кучера, 1975, с.118–143; Коринный, 1992, с.142–153]. Именно на прорыв этой линии крепостей в Посулье направил Бату войска своих братьев во главе с Берке: «Батый же нача посылати на городы Руския» [ПСРЛ, 17, с.22]. Скорее всего, зимой 1239 г. ряд пограничных крепостей был взят, и конные тумены ринулись к столице княжества – Переяславлю. Судя по летописным источникам, осада Переяславля была быстротечной, и уже 3 марта 1239 г. тумены Берке «взять град Переяславль копьем» [ПСРЛ, 2, с.781]. В результате этого удара оборона всего южнорусского пограничья оказалась прованной. Падение Переяславля открыло путь монгольским войскам к центрам Южной Руси – Чернигову и Киеву. Но на лето войска Бату ушли в степь, чтобы дать отдых воинам и пополнить войска.

Осенью 1239 г. тумены Джучидов во главе с Берке начали наступление на Чернигов. Они появились под Черниговым, подойдя к нему с юго-востока и «обступиша град в силе тяжце» [там же, с.782]. Узнав о наступлении «иноплеменных», в город пришел князь Мстислав Глебович со своим полком. В отличие от Переяславля, который был взят быстрой атакой, Чернигов был осажден по всем законам осадного дела. Он был окружен и блокирован, а потом подвергся массированным ударам стенобитных машин и камнеметов: «...лють бо бе бой у Чернигова, оже и татары на нь ставиша, и меташа на нь камением полтора перестрела, а камень же яко можаху 4 мужи силнии подъяти его» [ПСРЛ, 7, с.144]. Город был взят штурмом 18 октября 1239 г. «Взяша татарове Чернигов, князи их выехаша в Угры, а град пожегше и люди избиша, и манастыре пограбиа» [ПСРЛ, 1, с.469; 2, с.782]. После взятия Чернигова монгольские отряды не двинулись сразу на завоевание Киевской земли, а занялись покорением городков Черниговского княжества. Одни, такие как Новгород-Северский, Путивль, Вщиж, Серенск и Рьльск, были разрушены и опустошены, а другие – Любеч, Дебрянск и др., видимо, сдались на милость победителей и избежали погрома [Куза, 1989, с.77–85]. Закончив с этим, монгольские тумены вернулись на юг, в Половецкую степь.

Обезопасив свой северный фланг, Чингизиды начали планомерно завоевывать степи Северного Причерноморья и Крым. Не ис-

Разорение русской земли.
Миниатюра. Лицевой
летописный свод XVI в.

ключено, что сообщение Рашид ад-Дина о походе брата Бату Шибана и Бучека на «страну Мерим» [СМИЗО, 1941, с.39] описывало именно этот поход. Как бы то ни было, но известно, что 26 декабря 1239 г. монгольские войска подступили к Судаку, о чем сохранилась запись очевидца на полях одного из древних манускриптов, датированная этим днем: «в тот же день пришли татары» [ЗООИД, 1863, IV, с.497, зам. №10].

Спротивление кыпчаков, болгар и русских замедляло наступление монголов, тогда как Чингизиды стремились прорваться в богатые страны, и это вызвало конфликт в монгольском войске. Кроме того, Чингизиды были в течение нескольких лет оторваны от своих улусов и от политических интриг вокруг трона великого каана. В связи с болезнью каана стал нарастать накал борьбы за престол между различными группировками монгольской аристократии. Все это не могло не отразиться на единстве Чингизидов, участвующих в «Западном походе». Первым отголоском будущей междоусобицы стал спор в начале 1239 г. между Бату и Гуюком, которого поддержали Чагатаиды, за первенство в командовании войсками [Козин, 1941, с.194–195]. Понадобилась переписка с великим кааном, и, видимо, их приезд в Монго-

лию, чтобы погасить конфликт. Очевидно, что в 1239–1240 гг. Бату, Гуюк и некоторые другие Чингизиды оставили войска и лично отравились на всемонгольской курултай [Почекаев, 2006, с.129]. Возможно, задержка с началом активных действий против Киева и европейских стран, связана с желанием Бату заручиться санкцией на новые завоевания и подтверждения его прав на вновь завоеванные земли и страны от курултая и самого каана. Вновь великий каан подтвердил права Джучидов и приоритет командования Бату в «Кыпчакском походе» [там же, с.195]. Однако опасения, что после смерти Угедея, который уже был болен, войска других Чингизидов будут переброшены на другое направление, заставило Бату ускорить подготовку к решительному походу на Запад.

Походы на Киевское и Галицко-Волынское княжества в 1240 г. Скорее всего, выполняя решения всемонгольского курултая, Бату-хан двинул войска на покорение Дагестана и Дербента: «Назначив войско для похода, они поручили его Букдаю и послали его к Тимур-кахалка (т.е. Дербент. – *И.И.*) с тем, чтобы он занял и область Авир (возможно, Серир. – *И.И.*)» [СМИЗО, 1941, с.39]. Скорее всего, корпус Букдая должен был поддержать наступление Чормагана в Закавказье против Джалал ад-Дина (о монгольских походах в Закавказье см.: [Галстян, 1977, с.166–185]).

Одновременно корпус Мунке был отозван из Северного Кавказа и переброшен на завоевание Южной Руси. В начале 1240 г. Мунке совершил разведывательный поход к Киеву: «Посла Батый Менгукана соглядати града Киева» [ПСРЛ, 15, стб.374], который, возможно, пытался склонить Михаила Черниговского и горожан к покорности. По словам Галицко-Волынского летописи: «Меньгуканови же пришедшо съглядати града Кыева, ставшо же ему на оной стране Дньпра у градка Песочнога, видев град удивися красоте его и величству его: присла послы своя к Михаилу и к гражаном, хотя и прельстити; и не послуша[ша] его» [ПСРЛ, 2, с.782; ГВЛ, 2005, с.107]. Ряд других летописей дополняет этот рассказ указанием на то, что великий князь Михаил велел убить послов: «а посланных к ним избиша» [ПСРЛ, 15, с.374]. Мунке, очевидно, посчитав, что его сил для осады и штурма такого крупного города, как Киев, недостаточно, отступил в степь. Вполне вероятно, что он ожидал прибытия из Монголии Бату с санкцией на новый поход.

В это же время шло освоение завоеванных территорий. Покоренные кыпчаки и другие народы Поволжья включались в военно-административную и клановую структуру империи Чингизидов. Это касалось не только упорядочения налогообложения, но и формирования на этой основе новых воинских подразделений. Интересное сообщение об этом сохранилось в биографии Субедея из «Юаньши»: «Субэтай выбрал из *хабичи* (т.е. «подвластные», «находящиеся под феодальным протекторатом» [Храпачевский, 2004, с.539]) войско и пятьдесят с лишним человек [их] королей, которые усердно работали на него» [там же, с.503]. Определенно можно сказать, что эти 50 «королей» – кыпчаки, включенные в монгольский тумен, а также ополчения из некоторых подчиненных племен. Принцип, по которому происходило включение в войска зависимых воинских контингентов, описан Юлианом: «Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой вперед себя» [Аннинский, 1940, с.85–87]. Кроме того, об участии мордвы в походе в Европу упоминает и Рубрук: «К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах. Их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно Татары вели их вместе с собою до вступления в Германию, поэтому Моксель очень одобряет Германцев, надеясь, что при их посредстве они еще освободятся от рабства Татар... Среди них живут другие, именуемые Мердас, которых Латины называют Мердинис, и они – Сарацины» [Путешествия, 1957, с.110]. «Моксель», очевидно, обобщенное название для представителей финно-угорских племен Среднего Поволжья, а «Мердинс» – мусульманское население болгарских областей Посурья – земель исторической Бургасии. Из этого можно сделать вывод, что монгольские полководцы стремились сформировать боеспособные воинские контингенты, которые должны будут стать основой войска Джучидов, после ухода основных монгольских войск. Об этом же сообщает секретарь этого же папского посольства Бенедикт Поляк: «А Бати выступил затем ... против билеров, то

есть Великой Булгарии, и мордванов, и, захватив их [знать], присоединил их к своему войску» [Христианский мир, 2002, с.112]. Но основную часть воинских контингентов, выступивших в западный поход, составили кыпчаки, о чем свидетельствует Фома Сплитский: «У них имеется великое множество воинов из разных покоренных ими в войнах народов, прежде всего, куманов, которых они насильно заставляют сражаться. Если же они видят, что кто-либо из них немного страшится и не бросается в исступление навстречу гибели, они немедленно отрубает ему голову» [Фома Сплитский, 1997, XXXVII]. Иными словами, уже в 1241 г. значительную часть войска Чингизидов составляли кыпчаки, другие тюркские племена и ряд завоеванных народов – болгары (в основном, видимо, из Посурской Булгарии), мордва и др. При этом следует иметь в виду, что, по словам целого ряда очевидцев (Юлиана, Платона Карпини), эти войска и, видимо, кланы, в которые они входили, назывались татарами, поскольку правители «обязывают тех людей впредь именоваться татарами» [Аннинский, 1940, с.67].

Решающее наступление на Киев началось осенью 1240 г. По словам Рашид ад-Дина: «Осенью... царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок» [СМИЗО, 1941, с.37]. Это весьма интересное указание свидетельствует, что монгольские войска перед тем, как осадить Киев, нанесли удар по области Черных Клобуков в Поросье и по его центру – городу Торческ (см. мнение, что этот город упоминается в биографии Субедея [Храпачевский, 2004, с.503]). Тем самым, все войско Чингизидов обрушилось на Киевскую землю и сломало сопротивление приграничных крепостей. Путь на Киев был открыт.

Князь Михаил Черниговский уже покинул город, за который так жестоко сражался с другими русскими князьями, и бежал в Венгрию, якобы за военной помощью: «Михаил бежа по сыну своему перед татары в Угорь» [ГВЛ, 2005, с.108]. Великокняжеский киевский престол немедленно захватил смоленский князь Ростислав Мстиславович, которого изгнал из Киева галицкий князь Даниил Романович. Однако Галицкий князь не собирался оставаться в Киеве и «остави в немь Дмитра, и вдасть Киев в руци Дмитрови обдержати противу и...» [там же]. Город остался практически без защиты княжеской дружины. Его оборонял лишь небольшой гарнизон и ополчение во главе с посадником Дмитрием.

Против них выступило все объединенное монгольское войско. Как сообщает Галицко-Волынская летопись, кроме самого Бату к городу, по словам захваченного «татарина», подступили «... брата его сильные воеводы: Урдюй, Байдар, Бирюй, Кадан, Бечак, и Меньгу, и Куюк ... не от роду его, но бе воевода его перьвый, Себедяй багатыр и Бурунъдай багатыр, иже взя Болгарскую землю и Суждальскую; и инех бес числа воевод...» [там же, с.109]. Войско было такое огромное, что, по словам летописца, «не бе слышати от гласа скрипанья телег его, множества ревеня верблуд его, и ржанья от гласа стад коней его. И бе исполнена Рускаа земля ратных» [там же, с.108]. Монгольские войска обложили город со всех сторон («обьседяху град»), а потом начали разрушать стены и ворота: «Постави же Батый пороки к городу, подле врат Лядских, ту бо бяху пришли дебри; пороком же бесспрестани биющим день и ночь, выбиша стены» [там же, с.109]. После этого монголы пошли на штурм и выбили после ожесточенной схватки со стен горожан, которые отступили в верхний город к Софийской и Десятинной церкви. На другой день штурм был продолжен: «и бысть брань межю има велика; людем же збегшим на церков на комары церковныа, и с товары своими, от тягости повалившася с ними стены церковныа, и приат бысть град сице войми» [там же]. После взятия город был практически уничтожен и сожжен. По словам Лаврентьевской летописи, «Взяша Киев Татарове, и святую Софью разграбиша и монастыри все, и иконы и кресты честныа взя, узорочья церковная, а люди от мала и до велика вся убиша мечем» [ПСРЛ, 1, с.470]. При этом, однако, Бату приказал даровать жизнь раненому воеводе: «Дмитра же изведоша язвена и не убиша его, мужества ради его» [ГВЛ, 2005, с.109].

Интересно, что ранние летописи не сообщают даты начала осады и взятия города. В поздних летописях говорится о фантастических цифрах осады города – 10 недель и 4 дня и указывают, что город пал 19 ноября 1240 г. [ПСРЛ, 16, с.51; ПЛ, 1, с.12], другие, более близкие источники, дают несколько расплывчатую дату – «до Рождества Господня на Николин день», т.е. до 6 декабря [ПСРЛ, 1, с.470; 15, с.375]. Рашид ад-Дин представляется в этом смысле куда более надежным источником, когда указывает, что «царевичи Бату с братьями... в девять дней взяли большой город русских, которому имя Манкерман (Менгерман – «Большой/Великий город» – тради-

ционное для болгар и кыпчаков название Киева. – *И.И.*)» [СМИЗО, 1941, с.37]. Условной же датой взятия города можно считать 19 ноября, а может быть даже ранее.

Бесспорно же то, что город и все княжество были сильно разорены, а его жители практически все уничтожены. Проезжавший через Киев спустя два десятилетия Плано Карпини писал об увиденном: «...они (монголы) пошли против России и произвели великое избиение в земле России, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей России, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; ... этот город был весьма большой и многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей они держат в самом тяжелом рабстве» [Путешествия, 1957, с.47].

Видимо, после взятия Киева в ставку Бату пришло предписание великого каана вернуть в Монголию тумены Гуюка и Мунке. Решение об их отзыве было принято Угедеем в Каракоруме зимой в «двенадцатую луну» (15 декабря 1240 г. – 13 января 1241 г. [Храпачевский, 2004, с.492]), но дошло до Европы спустя некоторое время. Во всяком случае, Рашид ад-Дин этих Чингизидов среди полководцев, продолживших поход на запад, не упоминает. Уход двух важнейших Чингизидов и их боеспособных войск, видимо, сильно ослабил Бату, но не лишил его уверенности продолжать завоевание «полуночных стран».

После падения Киева монголы разделились на корпуса и вторглись в Галицко-Волынские земли. Рашид ад-Дин писал, что после захвата Киева монгольские отряды «проходили облавой туман за туманом все города Уладмур [Владимирские] и завоевывали крепости и области, которые были на [их] пути» [СМИЗО, 1941, с.45]. Характерно, что великий князь Даниил Галицкий не стал собирать войска и организовывать оборону своего княжества, а выехал в Венгрию, оставив свою страну на произвол судьбы. Города и сельские поселения были предоставлены сами себе. Где-то горожане и воинские дружины пытались организовать сопротивление и отказывались открыть ворота монголам. Тогда города подвергались осаде и штурму, так были взяты и сожжены Каменец, Изяславль и Колодяжин, причем жители последнего сначала стали обороняться, но, поняв, что против 12 камнеметов стены города не устоят, сдались и были перебиты. Другие сдавались и даже становились союзниками монголов (болоховские города, такие как Деревич,

Губин и другие – «оставили бо их Татарове, да им орют пшеницу и проса» [ПСРЛ, 2, с.792]). Третьи по воле случая оказались не на пути главных сил, а небольших отрядов, которые разоряли окрестности, но не решались на прямой штурм хорошо укрепленных крепостей (Кременец, Данилов и Холм).

Несмотря на героическое сопротивление защитников укрепленных городов на Случи, Верхнем Тетереве и Горыни, монголы прошли вглубь Волыни к ее центру – Владимиру. Об его осаде и штурме в источниках мало подробностей. По данным Рашид ад-Дина: «Потом они [Кадан, Бури и Бучек] осадили город Учогул Уладмур [Владимир Волынский] и в три дня взяли его» [СМИЗО, 1941, с.37–38]. В русских летописях без особых подробностей сообщается, что город был взят штурмом и разорен: «Батью... приде к Володимеру и взя и копьемъ и изби и не щадя» [ГВЛ, 2005, с.109].

Возможно, другой корпус под командованием Бату атаковал Галич, который также был взят штурмом и разорен («и взя копием, и изби и не щадя, тако же и град Галич, и ины грады многы, им же несть числа» [там же]).

Зимой 1240–1241 гг. монголы впервые появились на границах Западной Европы. Подойдя к границам Венгерского и Польского королевств на расстояние трех-четырёх дней пути, монголы зимовали в богатой Галиции и ждали, когда стает снег и откроются карпатские перевалы, чтобы двинуться на завоевание Запада. В начале марта 1241 г. тремя корпусами войска Бату и других Чингизидов практически одновременно вторглись в Польшу и Венгрию. Начался поход, который навел ужас на всю Европу и сохранил память о нем на долгие века.

Таким образом, за несколько лет (1235–1241 гг.) монгольские войска не только нанесли поражение крупнейшим феодальным государствам Восточной Европы – Булгарии, Владимиро-Суздальскому, Черниговскому и Галицко-Волынскому княжествам, но и фактически разметали по степи многочисленные племена кыпчаков, йемеков, асов и других племен. В результате этих походов основные воинские силы их противников были уничтожены, а все значительные города, кроме западных и северных русских княжеств, взяты штурмом и разорены, а их полное подчинение власти великого каана в лице правителя Улуса Джучи Бату-хана стало лишь вопросом времени.

§ 5. Поход на Запад и завоевание Восточной Европы

Хансгерд Геккеньян

Осенью 1239 г. монгольские войска возобновили свое наступление на запад. В конце 1239 или начале 1240 г. Мунке организовал разведывательный поход на Киев [ПСРЛ, 2, с.782]. Когда там был убит посланник, отправленный им, монголы, воспринимавшие убийство посланников как разрыв мирных отношений, отомстили Киеву [Boyle, 1958, I, S.77 и сл.] (ср.: [Schütz, 1973, S.267, Anm.67]). Князь Михаил Всеволодович, понимавший безнадежность своего положения, еще сумел бежать в Венгрию [ПСРЛ, 2, с.782], но в ноябре 1240 г. Бату во главе огромного войска вновь стоял у стен «матери городов русских» [Boyle, 1971, S.69]. Хотя и здесь население отчаянно оборонялось, Киев был взят после девятидневного штурма. Почти все жители города пали в сражении, целые районы города были сравнены с землей [ПСРЛ, 2, с.781–785] (ср.: [Каргер, 1949, с.55–102; 1958, с.298–320; Толочко, 1980, с.208–217; Килиевич, 1982, с.125–135; Goehrke, 2004, S.121 и сл.]). Известие о падении Киева и на Западе стало настоящей сенсацией. В одном из писем английскому королю император Фридрих II писал: «Был завоеван Киев (Клева), величайший город государства, так же как и все славное государство, и жители были убиты, и вся страна превращена в пустошь» [Matth. Paris., 1872–1883, IV, p.113]. Фактически из 74 городских поселений Киевской Руси 49 были разрушены монголами, из них 14 навсегда остались в развалинах [Рабинович, 1970, с.249 и далее]. Когда Плано Карпини шесть лет спустя посетил Киев, он обнаружил здесь всего лишь 200 дворов, вместо прежних 8 тыс. [Carpine, 1989]. Штурм Киева означал в понимании монголов победоносное окончание войны против куманов и Киевской Руси и одновременно являлся началом большого наступления против королевств Венгрии и Польши. Задача, которую при этом поставили перед собой Бату и Субедей, была исключительно сложной. Монгольское войско понесло в период сражений на Волге и на Руси тяжелые потери [Boyle, 1971, S.59]. Кроме того, значительные соединения должны были быть оставлены для обеспечения безопасности тыла и контроля над покоренными народами. К этому добавлялись споры, вспыхнувшие между

царевичами-Чингизидами, принимавшими участие в походе, прежде всего, между Бату, с одной стороны, и Гуюком и Бури – с другой [там же, S.69]. И все же восемь царевичей приняли участие в походе против Польши и Венгрии. Согласно сведениям Карпини, в походе были задействованы два из пяти монгольских корпусов, в общей сложности до 60 тыс. воинов [Risch, 1930, S.246].

Подготовка и проведение наступления против Венгрии и Польши потребовали тщательно продуманного стратегического плана, авторство которого уже современники приписывали нойону Субедею [Bretschneider, 1910, I, S.332]. Случаю не было оставлено никакого места. Монгольские царевичи и военачальники знали, что они, в особенности в Венгрии, могут столкнуться с равным им и опасным противником, одолеть которого можно лишь при значительном напряжении сил. Уже в 1237 г. Угедей характеризовал венгерского короля как «богатого и сильного правителя», командующего «многими воинами» и управляющего великим государством [Döttie, 1956, S.179; Göckenjan, Sweeney, 1985, S.107]. По сообщению персидского историка Джувейни, монголы имели такое представление, что венгры стали слишком самонадеянными «из-за их большой численности, значимости их власти и силы их оружия» [Boyle, 1958, S.270].

Вновь были отправлены разведчики, и у перебежчиков пытались разузнать все о внутренних отношениях государств-противников. В 1240 г. двое из таких разведчиков были пойманы и допрошены венграми [Göckenjan, Sweeney, 1985, S.277]. Год спустя один английский авантюрист попал в австрийский плен, и оказалось, что он являлся монгольским шпионом и дважды в качестве посланника великого хана побывал при дворе венгерского короля [Matth. Paris., 1872–1883, IV, p.270–277]. Таким образом, монгольские военачальники еще до начала наступления имели полное представление о местонахождении и состоянии приграничных укреплений и военных трактов, о военной мощи и боевом духе войск противника [Olbricht, Pinks, 1980, с.183]. Даже внутренние ссоры между королем и дворянами в Венгрии не остались вне поля зрения монголов [Guillelmus de Nangiac, 1840, p.342].

Битва при Лигнице. Миниатюра. Западная Европа. XIII в.

Уже в декабре 1240 г. монгольское войско от Киева перешло в наступление на запад и в течение нескольких недель завоевало Галицко-Волынское княжество. Во Владимире Волынском их силы разделились. В то время как основное войско в 50 тыс. человек под командованием Бату и Субедея направилось в южном направлении через Галич на Венгрию, другая часть монгольских сил, 10 тыс. воинов, или по-монгольски *тумен* [Hystoria Tartarorum, 1967, p.9] (о термине *тумен* см.: [Doerfer, 1963–1975, II, S.632–642]), во главе с братом Бату – Орду – пошла на Польшу. Это подразделение, собственно говоря, имело целью прикрыть правый фланг основных сил и предотвратить возможную помощь польских войск венгерскому королю.

В январе 1241 г. первый арьбергارد в Польше нанес быстрый удар и достиг Ратибора ([Johannes Dlugosii Annales, 1975, p.12; см. также: [Strakosch-Grassmann, 1893, S.37–67; Labuda, 1959, S.189–224; Korta, 1985, S.3–73]). Месяц спустя за ним последовало основное войско, которое 13 февраля 1241 г. взяло штурмом Сандомир, а 18 марта под Хмельником разгромило польские войска, пытавшиеся закрыть монголам путь на Краков. Неукрепленный Краков был сожжен 24 марта (о датировке см.: [Strakosch-Grassmann, 1893]). Соединение Орды под Ратибором пересекло Одер и через Оппелнь направилось на север. Завоеватели здесь оставляли после себя, как и позднее в Моравии и Венгрии, следы смерти и разорения [Johannes Dlugosii Annales, 1975, p.18]. Уже 5 апреля они оказались под Бреслау, который был покинут и по-

дожжен жителями [там же]. Только под Лигницей навстречу монголам вышел силезский герцог Генрих II Благочестивый с 7500 воинами [Labuda, 1959, S.281], в числе которых были польские, немецкие и французские рыцари, а также горцы из Гольдберга (Злоторыя) [Johannes Dlugosii Annales, 1975, p.19.]. Казалось, что герцог уже одержал победу, но Орду применил испытанную тактику «притворного бегства» и, изменив ситуацию, сумел окружить польско-силезское войско и разгромить его.

Генрих Благочестивый и многие из его приближенных пали в этой битве (о ходе битвы см.: [Mularczyk, 1989, p.3–26]).

Победой под Лигницей монголы достигли цели исключения из борьбы польских союзников венгерского короля. Но войску Орду было не нужно серьезно угрожать западным соседям Силезии. Фактически ничто не указывает на подобные планы [Strakosch-Grassmann, 1893, S.52]. Скорее, Орду повернул на юг, чтобы после опустошительного набега на Моравию выполнить приказ Бату и соединиться с его главным войском в Венгрии [SRH, 1938, II, p.574; Göckenjan, Sweeney, 1985, S.167; Dörrie, 1956, S.107, 158].

Государство Арпадов было для монголов самым опасным противником на Западе. Оно впечатляло их не только военной силой, но и тем, что король Бела IV воспринимался покоренными ими куманами так же дружески, как и черниговский князь Михаил, или краковско-сандомирский князь Болеслав. Эта страна вполне могла стать сборным лагерем для всех антимонгольских сил и поэтому должна была быть завоевана. Если бы ее удалось покорить, то она со своими равнинами и богатством могла стать очень благоприятным базисом для дальнейшей экспансии на запад [Dörrie, 1956, S.107, 158; Göckenjan, Sweeney, 1985, S.277].

Стратегические планы, разработанные очень целенаправленно для завоевания этого государства, были претворены в жизнь с поразительной точностью [Göckenjan, Sweeney, 1985, S.277]. Операции на территории Польши и Венгрии проводились по времени очень со-

гласованно и почти синхронно (обратим внимание на то, что два решающих хода этой войны сражения – под Лигницею и Мохичем, состоялись соответственно 9 и 11 апреля, т.е. с разницей всего лишь в два дня!). Концентрированное наступление, начатое монгольскими войсками в Венгрии в марте 1241 г., было похоже на гигантскую облавную охоту (*джерга*). Оно было организовано по образцу тех ханских охот, которые, по свидетельству арабского историка ал-Омари [Lech, 1968, S.98 и сл.], служили тому, чтобы обу-

Битва на р. Шайо. Миниатюра. Западная Европа. XIII в.

чить войска и укрепить их дисциплину. Бату использовал эту стратегию, которая уже оправдала себя во время походов в Центральную Азию и на Русь [там же, S.8]. Она имела целью изоляцию противника, окружение его со всех сторон и, наконец, уничтожение общими усилиями, и вновь была успешно применена в войне против Венгрии. Завоеватели продвигались пятью колоннами с разных направлений. В то время как Бату и Субедей с самым сильным войском через перевал Вереке напрямую оказались внутри страны, три других колонны пересекли Карпаты с южного или юго-восточного направления. Пятый корпус, сражавшийся под командованием Орду на территории Польши, наступал с северо-запада и вступил в Венгрию через перевал Яблунка [SRH, 1938, II, p.564].

Главное войско Бату и Субедея уже 12 марта штурмовало приграничные крепости. Передовой отряд царевича Шибана привел венгров в замешательство, когда его боевая готовность оказалась очевидной, и он быстрым броском за три дня достиг ворот Пешта. Его появление вынудило короля действовать быстро. В постоянной перестрелке он преследовал отступавший отряд Шибана и недалеко от Мохичема на р. Шайо столкнулся с основным войском Бату [там же, p.569]. Численностью венгерское войско намного превосходило монгольское [Göckenjan, 1991, S.43]. Многие источники сообщают, что Бату временами даже обдумывал вариант отступления своих отрядов [Boyle, 1958, I, S.80, 270; 1971, S.57; Bar Hebraeus, 1932, I, p.357; Carpine, 1989, p.276; Hystoria Tartarorum, 1967, p.21;

Bretschneider, 1910, S.332]. И все же от внимания монгольского военачальника не ускользнуло, что его противники не были едины. Король Бела IV противопоставил себя части баронов из-за таких мер, как конфискация земель, или же прием на службу беглых кыпчаков (куманов), и те не спешили помочь ему [SRH, 1938, II, p.569 и сл.; Göckenjan, Sweeney, 1985, S.161 и сл.]. Хотя Бела IV и пытался проявить предусмотрительность в вопросе обороны своей страны, как военачальник он проявил недостаточно сноровки. Поэтому на р. Шайо монголам удалось взять венгерское войско в клещи и полностью разгромить его. Король Бела спасся чудом, он долго бежал от преследовавших его монголов и сумел скрыться в далматинском острове г. Трогире.

Большие районы Венгрии к северу и востоку от Дуная остались без охраны и легко достались завоевателям. Насколько предусмотрительно готовили Бату и Субедей наступление в Венгрии, настолько планомерно они захватывали ее земли. Разрозненные отряды рыцарей, сумевшие избежать бойни, или же не прибывшие поначалу по призыву короля, были вытеснены в непроходимые области и уничтожены другими монгольскими соединениями [SRH, 1938, II, p.565; Göckenjan, Sweeney, 1985, S.155] (о тактике притворного бегства см.: [Rachewiltz, 1980, S.35; Ratchnevsky, 1983, S.77 и сл.; Olbricht, Pinks, 1980, S.191 и сл.; Göckenjan, 1989, S.11]). Там, где города и деревни оказывали сопротивление дольше, планомерный террор находил особенное применение. Поселения полностью разорались, их

Монголы преследуют короля Бэлу IV. Миниатюра. Венгрия

жителей убивали, чтобы запугать оставшихся в живых. В восточной Венгрии были разрушены до 60% всех поселений [Györfy, 1960, S.23]. Там, где население сдавалось без сопротивления, оно принуждалось к уплате дани. Очевидно, монголы рассчитывали на долгое пребывание здесь. Земля в Венгрии уже была распределена между нойонами, там чеканилась собственная монета и создавались налоговые округа [SRH, 1938, II, p.581; Göckenjan, Sweeney, 1985, S.177; Spuler, 1965, S.313, 333; Vernadsky, 1953, p.125, 214–227]. Когда монголы в Венгрии укрепили свою власть и в определенной степени обеспечили правовой порядок, их господство стало восприниматься как более или менее терпимое [Boyle, 1971, S.56; Sagaster, 1973, S.238].

И все же подобное спокойствие продолжалось недолго. Когда в январе 1242 г. замерз Дунай, монгольские отряды перешли реку, чтобы завоевать до сих пор еще не затронутую войной западную Венгрию. Они взяли штурмом королевские города Буду и Гран и достигли Адриатического побережья, но не смогли полностью подчинить себе страну. Двенадцать городов и замков, среди них город королевских коронаций Штульвайсенбург (Секешфехервар) и монастырь Мартинсберг (Паннохальма) успешно отразили нападение. Здесь, в отличие от востока, было разрушено лишь около 10% поселений [Györfy, 1960, S.23]. К тому же у монголов было в распоряжении не так много времени, чтобы завоевать оставшуюся часть страны. Если к востоку и северу от Дуная у них был целый год, чтобы укреплять здесь свое господство,

в Паннонии у них было лишь два месяца.

Уже в конце марта 1242 г. все монгольские отряды неожиданно оставили завоеванную Венгрию и начали отходить на восток. Очевидно, Бату отказался от своего плана завоевать Италию и Германию еще во время боевых действий в Венгрии. Основания для подобного решения могли быть самыми разными. В исследованиях часто отмечаются такие логичные проблемы, как сложности со снабжением, вызванные слишком дальними расстоя-

ниями [Morgan, 1986, S.141], или же недостатком корма для лошадей, что было особенно заметно в карстовом далматинском регионе, и в гористой местности [Sinor, 1972, p.181]. Кроме того, тяжелые потери, понесенные монголами во время похода в Венгрию и Польшу, могли вынудить их повернуть назад. Но решающее значение все-таки имели внезапная смерть Великого хана Угедея и выборы его преемника, которые заставили Бату прекратить военные операции, чтобы иметь возможность принять участие в предстоящем избрании [Ruotsala, 2001, p.34]. В последующем ему фактически удалось предотвратить избрание своего самого опасного соперника Гуюка вплоть до 1246 г.

После отхода монголы оставили за собой разоренную и опустошенную Венгрию. Еще в 1241 г. император Фридрих II писал английскому королю: «Благородное королевство было опустошено, разорено и оставлено обезлюдившим» [Matth. Paris., 1872–1883, IV, p.113]. Баварский хронист Херманн из Нидералтайха замечал тогда же: «В том же году королевство Венгрия после 350-летнего существования было уничтожено татарами» [MGH, 1861, p.394]. Хотя на первый взгляд эти сообщения и представляются преувеличенными, монгольский поход принес Венгрии такое несчастье, от которого страна отходила еще очень долго. По новейшим подсчетам, из 2 млн жителей, насчитывавшихся в Венгрии в 1240 г., около 1 млн стали жертвами «татарского» нашествия и его последствий [Györfy, 1980, S.627] (см. также публикацию И.Сабо в: [Nagy, 2003, p.493–498]). Тому, кто сумел избежать

гибели, угрожала смерть от голода, потери сил и болезней. Многие люди оказались в плену. Еще Карпини и Рубрук встречали таких депортированных людей в глубине Центральной Азии [Wyngeart, 1929, p.192, 210, 217, 224 и сл., 245, 252, 262, 304, 315].

В самой Венгрии король Бела IV энергично приступил к восстановлению страны и усилил ее оборону основанием укрепленных городов, строительством новых замков и организацией бронированного рыцарского войска [Marczali, 1902, p.161]. Это особенно проявилось после того, когда стало известно, что монгольский курултай в 1246 г. при-

нял решение вновь начать войну против Венгрии [Wenzel, 1860–1874, VII, p.164]. Все оборонные мероприятия должны были оправдать себя уже в течение нескольких ближайших лет. Когда в 1285 г. монголы предприняли последний поход против государства Арпадов, королю Ладислаусу IV, внуку Белы, не пришлось предпринимать особых усилий, чтобы отбросить завоевателей [Györfy, Szücs, 1981, S.31]. И все же здесь, как в Польше и на Руси, травма, нанесенная «монгольским штурмом», жила в сознании людей и давала о себе знать еще многие годы [Nagy, 2003, p.228–452; Кривошеев, 2003, с.84–119].

§ 6. Завоевание Северного Кавказа и Дагестана в 1220–1240-е гг.

Людмила Гмыря

Впервые монголы вторглись на территорию Дагестана в 1220 г., когда 20-тысячный корпус, возглавляемый полководцами Джебе (Джебе-нойон) и Субедеем, преследуя хорезмшаха, вступил в Северный Иран и в 1220 г. вслед за хорезмшахом продвинулся в Закавказье, захватив Муган, Арран и Агванию [Ашурбейли, 1983, с.148–149]. Страны, располагавшиеся по западному побережью Каспийского моря, представляли особый интерес для Чингиз-хана. Полководцам, преследовавшим хорезмшаха, как отмечает персидский историк Рашид ад-Дин, предписывалось собирать о них разведывательные сведения [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.209].

Успехи Чингиз-хана исследователями объясняются целым комплексом причин и, главным образом, слабостью сопротивления: «Сопротивление завоевателям на местах очень часто было героическим, но оно было пассивным, разрозненным, не объединенным единым командованием и общим военным планом» [Петрушевский, 1970, с.113]. Но одним из основных факторов, способствовавших победам монголов, была внезапность их вторжений, в силу чего была невозможна организация сопротивления. Современник нашествия монголов в Закавказье армянский историк Киракос (род. прим. в 1200–1202 гг.), описывая в 40-х гг. XIII в. основные события этой кампании в Агвании, отмечал: «...нежданно-негаданно появилось огромное множество войск в полном снаряжении...» [Гандзакеди, 1976, с.137]. Еще одним фактором, обеспечивавшим победы монголам, была беспощадность расправы над местным населением. Ки-

ракос оставил образное описание злодеяний монголов: «И все, что встречалось им в пути, – люди, скот и вплоть до собак даже – они предавали мечу» [там же].

Большая часть населения Закавказья не понимала серьезности своего положения, находилась, по определению Киракоса, в состоянии «беззаботности». Среди жителей Агвании распространилась молва о том, что монголы исповедуют христианство и они «...пришли отомстить мусульманам за притеснение христиан» [там же, с.138]. «Поэтому, – пишет Киракос, – население страны не стало укрепляться...» [там же].

Немаловажную роль сыграла и тактика сражений, применяемая монгольскими полководцами. В разгроме войск грузинского царя Георгия IV Лаша (1213–1222) в 1220/1221 г. эта тактика сыграла решающее значение: «Сразились друг с другом и поначалу обратили в бегство неприятеля; но поскольку (другие части) неприятеля находились в засаде, он (неприятель) ударил с тыла и начал сечь грузинское войско. Повернули и выступили против (грузин) и обранные в бегство (татары) и, окружив с той и другой стороны, нанесли великое поражение войску христианскому. Бежали царь и все князья. А неприятель, забрав военную добычу, унес ее в свой стан» [там же].

Вскоре после этой битвы монгольские войска двинулись к г. Дербенту. В источниках указывается, что через Прикаспийский Дагестан монголы намеревались выйти в степи северо-западного Прикаспия, а оттуда вернуться в свои владения. Однако в них не нашел объяснения факт внезапности вывода монгольских

войск из Закавказья. Киракос отмечал, что монголы хотели уклониться от новой битвы с многочисленным грузинским войском [там же]. Однако, как показывает дальнейший ход событий, монголы преследовали иную цель.

Монголы не только в спешке покинули Закавказье, но, как описывает Киракос, также стремительно прошли дагестанские территории: «А (татары), взяв с собой жен, детей и все свое имущество, намеревались пройти через Дербентские ворота в свою страну. Но мусульманское войско, находившееся в Дербенте, не пропустило их. Тогда они перевалили через Кавказские горы по неприступным местам, заваливая пропасти деревьями и камнями, имуществом своим, лошадьми и военным снаряжением, переправились и вернулись в свою страну. И звали их предводителя Сабата Багатур» [там же].

По данным Рашид ад-Дина, эту дорогу указали монголам подданные ширваншаха [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.228–229]. Дербентские заградительные укрепления (крепость Нарын-кала, городские стены, перегородившие проход между морем и господствующим горным хребтом, и система длинной горной стены Дагбары, тянувшаяся от городской крепости по гористой местности на протяжении 40 км) оказались не под силу войскам Чингиз-хана [Ибн ал-Асир, 1940, с.135–136; Гандзакеци, 1976, с.138; Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.228–229; Армянские источники о монголах, 1962, с.23].

Направление дальнейшего продвижения монгольских войск показывает, что в стратегические планы монголов входил захват Алании и политических образований Северо-Западного Кавказа. Поспешность их выхода из Закавказья, возможно, объясняется желанием сохранить фактор внезапности нападения, который сработал бы при условии свободного прохода по короткой дороге – через Дербент, Прикаспийский Дагестан и предкавказские степи. Но время было упущено, т.к. монголам пришлось с обозом преодолевать горные районы Дагестана, причем они, вероятно, избегали столкновения с местным населением и продвигались через безлюдные, неосвоенные территории.

Как точно пролегал путь монгольских войск к аланам, по данным письменных источников восстановить трудно. Арабоязычный историк Ибн ал-Асир (1166–1238) описывает его так: «Пройдя Дербент Ширвана, татары вступили в области, в которых много народностей: аланов, лакзов и несколько тюркских

племен (таифа), ограбили и убили много лакзов-мусульман и неверующих и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей тех стран и дошли до аланов, состоящих из многих народностей» [Ибн ал-Асир, 1940, с.142]. Исследователи, интерпретируя эти данные, полагают, что монголы прошли через внутренний горный Дагестан [История Дагестана, 1967, с.203; История народов Северного Кавказа, 1988, с.191; Гадло, 1994, с.147; Гаджиев и др., 1996, с.294; История Дагестана, 2005, с.225], исключая его прибрежную часть. Но все трудности горного перехода, о которых писал Киракос, вероятно, были связаны с обходом длинной горной стены Дербента (Дагбары). А далее монгольские войска, видимо, вышли к равнинным районам Дагестана и двинулись на запад, где и встретили сопротивление местных жителей, обозначенных Ибн ал-Асиром «лакзами», и тюркских племен (вероятно, кыпчаков).

Известие о продвижении монгольской войска дошло до аланов [СМИЗО, 1884, с.26]. Аланы и кыпчаки объединились в борьбе с нашествием монголов, но, расколов этот союз ложными обещаниями, Джебе и Субедей разбили в 1222 г. своих противников поодиночке [там же; СМИЗО, 1941, с.31–33; Ибн ал-Асир, 1940, с.142]. Как указывает Ибн ал-Асир, большинство кыпчаков «направились к Дербенту Ширвана» [Ибн ал-Асир, 1940, с.145].

Продвижение кыпчаков к Дербенту дестабилизировало обстановку на Восточном Кавказе. Подойдя к Дербенту, они обратились к его правителю Рашиду с просьбой предоставить им убежище. Получив отказ, кыпчаки обманом проникли в город и завладели им [там же, с.145–148]. Затем они прошли в Ширван и, подступив к Грузии, обратились с просьбой к ее царю о предоставлении им места для поселения на условиях несения службы, но также получили отказ [Гандзакеци, 1976, с.139]. Пристанище кыпчакам дали жители г. Гянджи, страдавшие, как указывает Киракос, от притеснений грузинских войск и надеявшиеся на защиту кыпчаков. Попытка грузинских войск разбить кыпчаков и уничтожить г. Гянджу закончилась их разгромом: «...многие были взяты в плен, остальные обратились в бегство» [там же]. Но через несколько дней грузинское войско, внезапно напав на кыпчаков, разгромило их, захватив добычу и полонив их детей [там же, с.140].

Ибн ал-Асир указывает, что после поражения кыпчаки «перешли в страну лакзов», т.е. прошли через районы внутреннего, горного

Дагестана (см.: [История народов Северного Кавказа, 1988, с.192]) и расположились в равнинном Дагестане к северу от Дербента. По пути отступления кыпчаки подвергались нападениям местных жителей. Ибн ал-Асир отмечал: «Однако мусульмане, курджи, лакзы и другие почувствовали смелость по отношению к ним, уничтожили их, убили, грабили и захватывали в плен, так что кыпчакский раб (мамлюк) продавался в Дербенте-Ширване по (самой) низкой цене» [Ибн ал-Асир, 1940, с.148].

В 1225 г. хорезмшах Джалал ад-Дин, преследуемый монгольскими войсками, вступил в Закавказье, надеясь укрепиться в этом регионе [Ашурбейли, 1983, с.152–154]. Однако, втянувшись в войны с Грузией, Арменией, сельджуками и Багдадским халифатом [Гандзакеци, 1976, с.149–150], он подорвал военный потенциал и в 1226 г. потерпел поражение от объединенных сил армянских и грузинских войск [История народов Северного Кавказа, 1988, с.193]. Хорезмшах отошел к Дербенту, но взять город ему не удалось, хотя в его штурме участвовало 50-тысячное войско союзных ему кыпчаков. Разорение территорий, прилегающих с юга к Дербенту, войсками хорезмшаха и северных окрестностей города кыпчаками вызвало сопротивление народов Дагестана, среди которых Рашид ад-Дин указал «сариров и лезгинов» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.27–28], т.е. народы Южного Дагестана («лезгинов») и горцев внутреннего Дагестана («сариров») [История народов Северного Кавказа, 1988, с.193].

В 1231 г. монгольские войска, проникшие на Кавказ с юга, разгромили хорезмшаха [Гандзакеци, 1976, с.152; Ашурбейли, 1983, с.154–157].

Военные кампании монголов 1219–1223 гг. не привели к установлению их господства в тех странах, куда они вторгались. Однако военные операции, проведенные на столь обширной территории (Закавказье – Северо-Западный Кавказ) трудно назвать разведывательными. Это была одна из масштабных акций монголов в ряду их длинной цепи, предпринятая Чингиз-ханом с целью установления контроля над стратегически важным регионом.

В 1237 г. начался новый этап по завоеванию монголами Северного Кавказа. Хан Бату, выступив походом на Русь, часть войск послал на Северо-Западный Кавказ для завоевания земель адыгов (черкесов) (см.: [История народов Северного Кавказа, 1988, с.193]), затем монгольские войска вошли в Крым. Осенью 1238 г. монголы начали воен-

ные акции против алан, занимавших обширные территории в Центральном Предкавказье. Операция длилась почти год. После полугодовой зимней осады была захвачена столица алан (г. Мегет монгольских источников) и разорены значительные территории.

Весной 1239 г. хан Бату отправил войска на завоевание Дагестана. Рашид ад-Дин отмечает: «...назначив войско для похода, они поручили его Букдаю и послали его к Тимур-Кахалка с тем, чтобы он занял область Авир» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.39]. Под Тимур-Кахалка («железные ворота» с персид.) имелся в виду г. Дербент, а под Авиром – горная область Дагестана – Авария [История народов Северного Кавказа, 1988, с.194–195; История Дагестана, 2005, с.225]. Гильом де Рубрук, посетивший Дербент в 1253 г., зафиксировал последствия захвата города монголами: «...татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравняв башни со стеною» [Путешествия, 1957, с.187].

Монгольские войска продвинулись и в горные области Южного Дагестана. Их нахождение осенью 1239 г. в с. Рича (верховья р. Чирахчай, левого притока р. Гюльгерычай) зафиксировано в эпиграфических памятниках. В стене соборной мечети XI–XII вв. этого селения сохранились 3 датируемые надписи, повествующие о борьбе его жителей с монгольским войском. В первой из них [История Дагестана, 1967, рис. на с.205; История Дагестана, 2005, рис. на с.226] сообщается, что в течение 27 дней, с 20 октября по 15 ноября 1239 г., жители с. Рича держали оборону: «...Пришло войско татар... в Баб-ал-Кист Риджу, когда от месяца раби ал-аввал осталось десять дней. Затем воевали с ними жители Риджи до середины раби ал-ахира шестьсот тридцать седьмого года» [Лавров, 1966, с.81]. Вторая содержит сведения о разрушении в ноябре 1239 г. соборной мечети с. Рича: «Эту соборную мечеть Баб ал-Кист Риджи разрушило татарское войско в то время, когда разрушили курд Риджу в месяц раби ал-ахир... шестьсот тридцать седьмого года» [там же, с.83, 276]. Третья надпись называет точную дату разрушения селения – 12 октября 1239 г.: «... когда оставалось девять дней месяца раби ал-аввал» [там же, с. 82]. Столица небольшого феодального владения с. Рича противостояла монгольскому войску в течение почти месяца (см.: [Шихсаидов, 1958]). Но, видимо, с. Рича было одним из многих промежуточных пунктов внутреннего Дагестана, своим героическим сопротивлением ослож-

нивших продвижение монголов в горные районы. Однако по прошествии менее двух лет, как свидетельствует надпись из с. Рича, в июле 1241 г. местный правитель построил крепость, а в 1250 г. была восстановлена и соборная мечеть, сохранившаяся до наших дней [История Дагестана, 2005, с.228].

О завоевании Аварии (Авир) монголами в 40-х гг. XIII в. в источниках нет данных, хотя в исследованиях этот факт отмечается [История народов Северного Кавказа, 1988, с.195; Гадло, 1994, с.180]. Более того, некоторые сведения из местной исторической хроники «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи интерпретируются в ряде исследований как свидетельствующие об установлении в это время правителем Аварии союзнических отношений с монголами и использовании мощи их военной силы в борьбе со своим политическим противником шамхалом Казикумухским. В «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи описана суть взаимоотношений крупных политических образований Дагестана – Кайтага (Хайдак), Казы-Кумуха (Гумик) и Аварии, в которые была вовлечена и «страна тюрок»: «Затем, когда прошло много времени, между эмирами Гумука и султанами Хайдака разбилось зеркало согласия... Затем оставшиеся в живых во время этих распрей потомки главы мучеников Хамзы и повелителя правоверных Аббаса, из числа султанов Хайдака и из моря ханских генеалогий... бежали, жалуюсь и умоляя о помощи, к аварским правителям и заключили с ними союз делить добро и зло при всех обстоятельствах. (В это время) между ними (правителями авар) и (эмирами) Гумука начались страшные войны и сатанинские распри. Аварский владыка отправил послания и послов из красноречивых и мудрых людей к султану Кавтар-шаху, в страну тюрок... Они обязались быть между собой в дружбе и добрососедстве, оказывать взаимную помощь в борьбе с врагами. Договор этот был основан на дружбе, согласии, братстве» [Мухаммадрафи, 1993, с.104–105].

В источнике также указывается, что союзнические отношения были закреплены браками детей обоих правителей (сын Кавтар-шаха женился на дочери аварского правителя, а сын последнего – на дочери монгольского сановника) [там же].

Далее, как сообщается в источнике, был предпринят совместный поход на Казы-Кумух силами «войск тюрок», аварского правителя и союзных ему султанов Кайтага: «Затем по-

шел Кавтар-шах на Гумук с (войсками) тюрок с восточной стороны, а Сиртан с войсками вилайата Авар совместно с султанами Хайдака – с западной стороны, и дошли они до Гумука в понедельник, в начале месяца рамадан, во время... Наджмадина» [там же]. Сиртан – это сын правителя Аварии, женившийся на дочери Кавтар-шаха. Кто был инициатором этой акции, в источнике нет данных, но, видимо, Авария и кайтагские султаны-изгнанники, находившиеся с Казы-Кумухом в состоянии войны.

Несмотря на долговременное героическое сопротивление жителей с. Кумух, крепость была взята штурмом, а само селение разрушено [там же].

В исследованиях остались до конца невыясненными два вопроса – содержание термина «тюрки» в источнике и дата штурма с. Кумух. В источнике указана дата этого события – «семьсот восемнадцатый год по хиджре пророка» (1318/1319 г.) [там же]. Однако наличие 38 списков этого сочинения, среди которых цитируемый здесь список был составлен в 1246/1930–31 г., и разночтения в них породили разные точки зрения как относительно даты события, так и принадлежности внешних сил, участвовавших в нем (о полемике по этим вопросам см.: [там же, с.93–95]). Наиболее распространенной точкой зрения является заключение Л.И.Лаврова о том, что «тюрки» Мухаммадрафи идентичны «татарам» (монголам) надписей из с. Рича и что события в Кумухе происходили вслед за взятием с. Рича, а именно в начале апреля 1240 г. [Лавров, 1966, с.179, 187–188, 194]. Эта точка зрения доминирует и в других исследованиях (см.: [История Дагестана, 1967, с.206; История народов Северного Кавказа, 1988, с.195; Гадло, 1994, с.180; Гаджиев и др., 1996, с.297–298; История Дагестана, 2005, с.228]). Хотя в некоторых изданиях это событие описано и как состоявшееся в 1240 г. [История народов Северного Кавказа, 1988, с.195], и как событие начала XIV в. [там же, с.211].

Как видно из источников, военные акции монголов в первой половине XIII в. во внутреннем, горном Дагестане были эпизодическими и непродолжительными. Гильом де Рубрук, описавший положение дел на Северном Кавказе (1253–1256 гг.), назвал горцев Дагестана («лезги») в ряду других народов региона, непокоренных монголами [Путешествия, 1957, с.66, 88–89, 95, 169]

Раздел III

Становление Улуса Джучи

ГЛАВА 1

Образование и политическая история Улуса Джучи до 1266 г.

Вадим Трепавлов

§ 1. Начальный этап образования Улуса Джучи: 1206–1243 гг.

Джучи, старший сын Чингиз-хана, дважды удаивался удела. Впервые это произошло вскоре после коронации Темучжина в 1206 г., в самом начале завоеваний. Начальствуя над правым крылом новорожденной монгольской армии, Джучи по приказу отца в 1207 г. выступил в поход на племена Тувы, Хакасии и Алтая и завоевал их. Довольный удачным началом завоевательной кампании, Чингиз-хан объявил: «Ты, Джучи, старший из моих сыновей, недавно лишь вышел из дому, а в землях, куда ты ушел по хорошей дороге, уже успешно покорил лесные народы. Ни люди, ни кони не получили ран. Отдаю тебе эти народы!» [Лубсан Данзан, 1973, с.184].

Ничего не известно об организации правления монголов в Южной Сибири того времени. Очевидно, установленный ими режим оказался сперва довольно мягким, поскольку ужесточение требований правительства к сибирским подданным сразу вызвало в 1218 г. массовое возмущение кыргызов – наиболее многочисленного народа тех мест. Их выступления пришлось подавлять именно Джучи – как удельному правителю края.

Однако впоследствии Тува, Хакасия и Горный Алтай отошли в домениальную часть Монгольской империи и были причислены к «Коренному юрту», управлявшемуся младшим сыном Чингиз-хана Тулуем и его семьей. Таким образом, южносибирский регион был исключен из-под юрисдикции Джучи, поскольку Чингиз-хан приготовил для своего первенца иные владения.

Второе наделение его уделом состоялось в 1225 г., когда основная масса монгольских войск вернулась в родные степи из многолетнего среднеазиатского похода. Под властью Чингиз-хана к тому времени оказались, помимо собственно Монголии и Южной Си-

бири, Маньчжурия, княжества уйгуров и карлуков в Восточном Туркестане, бывшая держава хорезмшахов (Средняя Азия и Хорасан), восточный Дашт-и Кыпчак. Большинство этих владений было завоевано лично Чингиз-ханом или направляемыми им сыновьями. В частности, отряды Джучи преследовали отступавших на запад меркитов и впервые сразились с армией хорезмшаха в степях Дашт-и Кыпчака. Восточные хронисты рассказывают о чрезвычайной привязанности старшего Чингизиды к степной стране на западе тогдашней Монгольской державы. В частности, Джуджани передает впечатление Джучи от кыпчакских степей: «...Он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» [СМИЗО, 1941, с.14]. Именно эти земли, вызвавшие у царевича такой восторг, и достались ему при распределении отцом завоеванных стран.

При данном распределении проявились некоторые особенности трактовки прав собственности и владения, присущие миру средневековых кочевников. Следует назвать эти особенности, чтобы уяснить статус и обстоятельства образования улусов сыновей Чингиз-хана.

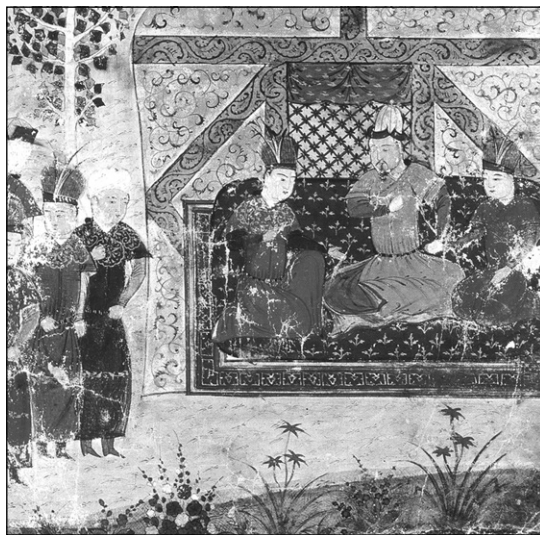
В кочевых империях высшие посты, как правило, предоставлялись людям, принадлежавшим к одному правящему клану. В Монгольской империи формально таким кланом считался род Чингиз-хана – борджигины из племени тайчиутов. Однако политическая реальность заставила правящую верхушку империи пересмотреть незыблемый канон родового достояния. Нет данных о том, что основатель Монгольской державы воспринимал всех борджигинов как сородичей, перед которыми у него есть какие-то обязанности. Обращение «вы – мой род-племя» из его уст

прозвучало лишь в адрес собственных сыновей и младших братьев [Лубсан Данзан, 1973, с.189]. Сразу после воцарения в 1206 г. Чингиз-хан приказал одному из приближенных сановников: «Произведи ты мне такое распределение разноплеменного государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю...» [Козин, 1941, с.159]. Следовательно, понятие рода сужается: в него не включаются ни дядья, ни собственные сыновья, не говоря уже о более дальних сородичах. Так очерчивается круг лиц, теоретически имеющих доступ к власти.

Однако непосредственно при распределении уделов монгольский государь еще более ограничивает этот круг: «Хасаровым наследием да ведает один из его наследников. Один же да ведает наследием Алчида, один – и наследием Отчигина, один же – и наследием Бельгута (здесь перечислены братья Чингиз-хана. – *В.Т.*). В таковом-то разумении я и свое наследство поручаю одному» [там же, с.186]. Этим «одним» был его третий сын Угедей, назначенный преемником на всемонгольский престол. В подчинении Угедея оказались его братья, Чингизовы сыновья от старшей жены Борте – Джучи, Чагатай и Тулуй. То есть держава, созданная в ходе войн, рассматривалась как сфера управления одной-единственной ветви борджигинов – семьи Чингиз-хана.

На каком основании последний выделил свое потомство из прочих клановых ответвлений? В 1225 г. Чингиз-хан заявил Джучи и Чагатаю перед отправлением их в только что образованные улусы: «Родичи мои прославились среди своих родственников. Даже сквозь скалы учиняют нападение» [Лубсан Данзан, 1973, с.230]. Участие в сибирском, цзиньском (северокитайском) и хорезмийском походах, умелое командование, личная храбрость и инициативность показали ему достаточными для утверждения приоритета собственных сыновей перед их дядьями и двоюродными братьями.

В 1225 г. Джучи получил от отца в улусное владение и управление северную часть Хорезма (низовья Амударьи) и восточный Дашт-и Кыпчак [там же, с.232; Козин, 1941, с.186]. По ан-Нувайри, территория его удела охватывала «летовья и зимовья от границ Каялыка и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набе-

Чингиз-хан с сыновьями. Миниатюра. Иран. XIV в.

гах» [СМИЗО, 1884, с.150], – на момент смерти Джучи кони монгольских войск доходили на западе как раз до Волжской Булгарии и до причерноморских половецких кочевий. Ставка царевича разместилась «в пределах Ирдыша» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.78]. Традиционно эта местность служила обиталищем йемаков (остатков и потомков племенного союза кимаков, создателей Кимакского каганата IX–XI вв.), а также объединений кыпчаков-ильбури и канглы.

Кроме того, под начало Джучи по распоряжению Чингиз-хана поступало несколько тысяч монгольских воинов из племен кингит, сиджиут и хушин. При ближайших Джучиевых преемниках в его улусе фиксируются также аргуны, огузы, найманы, буйраки, ойраты, карлуки, кушчи, усуну, минги, кунграты, керейты, барласы, тарханы, кияты (об этом см.: [Кляшторный, Султанов, 2000, с.207, 208; Федоров-Давыдов, 1973, с.55]). Как видим, в данном перечне присутствуют не только монгольские племена, но и несомненно тюркские: огузы и карлуки. Однако самым массовым населением владений Джучи стали, конечно, кыпчаки.

В феврале 1227 г. Джучи умер при не вполне ясных обстоятельствах (возможно, он был убит по приказу отца из подозрения в сепаратизме). Потомство его в разных средневековых текстах исчисляется по-разному. Обычно историки оперируют сведениями Рашид ад-Дина, излагающего родословие четырнадцати сыновей Джучи. Старшими были

Орду по прозвищу «эджэн» (господин) и Бату, позднее прозванный «саин-хан» (добрый государь). Судя по некоторым свидетельствам, оба они успели заручиться инвеститурой от деда (умершего в конце 1227 г.), который распорядился передать им власть над улусом Джучи. Так как в дальнейшем именно отпрыски этих двух ханов, Орду и Бату, царствовали у Джучидов на протяжении XIII–XIV вв., то данная версия может считаться достоверной. Причисление же других сыновей Джучи – Тука(й)-Тимура и Шибана – к числу «помазанных» Чингиз-ханом на самостоятельное царствование следует отнести к позднейшим фальсификациям, призванным оправдать властные полномочия ханов – выходцев из боковых джучидских линий.

Именно Орду и Бату, как легитимные представители отцовского улуса, принимали участие в съездах знати 1229 и 1235 гг., на которых верхушка Монгольской империи обсуждала планы завоевания Восточной Европы. Во главе войска, собранного не только из Джучиева, но и прочих улусов, был поставлен Бату. Вероятно, это объяснялось тем, что покоренные в намеченных походах земли будут поступать непосредственно под его управление. Удельное же ханство Орду-Эджэна и подчиненных ему четырех младших братьев к тому времени было уже полностью сформировано на территории Прииртышья. Некоторые Чингизиды из прочих улусов империи присоединялись с войсками к этой армии «в помощь и подкрепление Бату» [СМИЗО, 1941, с.22].

В результате военных кампаний 1236–1242 гг. в состав Улуса Джучи вошли Волжская Булгария, территория современного Башкортостана, западный Дашт-и Кыпчак (между Яиком и Дунаем) и частично Северный Кавказ. Сложнее определить статус русских княжеств. Великие князья владимирские первоначально (в период реального единства империи) получали ярлыки, т.е. инвеститурные грамоты, в Каракоруме, при дворе хакана; прочие же, нижестоящие князья, довольствовались ярлыками от Бату. Компетенция по сбору дани с Руси также, очевидно, была распределена между джучидскими и имперскими властями; последние провели и переписи населения в княжествах в 1250-х гг. Таким образом, управление Русью не являлось первоначально монополией правителей Золотой Орды, отчего едва ли правомерно считать славянские

земли частью Джучиева Улуса. Это косвенно подтверждается также участием в войнах на Руси и в Европе царевичей-неджучидов, о чем упоминалось выше.

Вернувшись из европейского похода, Бату поселился не в отцовской ставке (она была занята его старшим братом), а в Поволжье. Стационарным центром батыевой части Джучиева Улуса стал г. Болгар, но сам хан, как истинный монгол, очевидно, предпочитал кочевой образ жизни. Следовательно, область старой городской культуры фактически превратилась в ханский домен. Впоследствии в низовьях Волги Бату основал стольный г. Сарай, т.е. Нижнее Поволжье тоже стало доминиальным владением. Сезонные передвижения между двумя этими областями (позднее с кочевками еще и на Северном Кавказе) составляли своеобразный алгоритм ежегодного жизненного распорядка Бату и прочих золотоордынских ханов.

Ставка же хана Орду-Эджэна располагалась где-то в юго-восточном Казахстане; точное ее положение трудно определить из-за разногласий и лаконичности сведений в источниках (см.: [Федоров-Давыдов, 1973, с.56–57]).

Распространенное в литературе мнение, будто Улус Джучи (Золотая Орда) был основан только по возвращении монгольской армии из Центральной Европы в 1242 или 1243 г., базируется на недоразумении. Очевидно, не следует принимать начало правления Бату над новоприобретенными западными землями за начало золотоордынской государственности. Мы видели, что улус был образован (выделен Чингиз-ханом) в 1225 г., а Бату с братьями во время войн 1230–1240-х гг. лишь расширили его пределы.

После этих походов территория Улуса Джучи уже кардинально не менялась. Насколько можно судить по источникам, небольшие модификации границ (или скорее зон влияния) происходили только на Кавказе – в связи с переменными успехами Джучидов в войнах с Хулагуидами. Лишь во второй половине XIV в., когда государство оказалось охваченным смутами и стало погружаться в хаос, окраинные владения начали одно за другим выходить из-под власти Сарая. В период наибольшего территориального расширения и внутренней стабильности Золотая Орда охватывала пространство от Нижнего Дуная на западе до верховьев Оби на востоке и от Закамья на севере до Хорезма и Семиречья на юге (подробнее см.: [Егоров, 1985]).

§ 2. Взаимоотношения с центральной властью: от вассалитета к самостоятельности

В первые десятилетия своего существования Улус Джучи был включен в общую систему организации власти и управления Монгольской империи. Судя по монгольским источникам, первые правители западных улусов, сыновья Чингиз-хана – Джучи и Чагатай, еще в 1219 г. дали отцу обещание беспрекословно повиноваться в будущем их младшему брату Утедею, наследовавшему верховный (хаканский) престол, – и, следовательно, выполнять все распоряжения, которые будут поступать к ним из хаканской ставки.

Формально хакан (каан), или великий хан, как глава империи являлся верховным ее правителем, вершителем судеб составляющих ее народов и улусов. Известное высказывание Плано Карпини, на первый взгляд, подтверждает монополию монгольского великого хана на власть: «Все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: “Это мое или его”, но все принадлежит императору, то есть все имущество, вьючный скот и люди» [Путешествия, 1957, с.45–46]. На самом же деле данная констатация утрированно отражает действительное положение вещей. Между имперской и улусными властями существовали, с одной стороны, разделение полномочий (прежде всего, налогового-финансовых), с другой – разграничение правителей по компетенции, в соответствии с традиционными, вековыми нормами кочевнической государственности.

К числу таких норм относилось разделение территории и населения державы на два крыла (правое и левое, т.е. западное и восточное) с самостоятельным правителем в каждом из них; при этом правое крыло считалось «младшим». Подобный принцип действовал в большинстве кочевых империй средневековья и был воплощен в Монгольской империи. Улусы Джучи и Чагатай относились к ее правому крылу (барунгар); восточная же часть империи (получившая в конце XIII в. китайское название Юань) составляла левое крыло под верховенством хакана. У Чингизидов оформилось своеобразное соправительство, когда хан Джучиева Улуса возглавлял правое крыло и фактически (но не номинально!) ока-

зывался равным по положению государю, сидящему в Каракоруме.

Еще Чингиз-хан наметил отделение Джучидов и Чагатаидов от левого крыла. После его смерти соправителем хакана стал Чагатай (подробнее см.: [Трепавлов, 1993, с.77–78]). После кончины этого хана в 1242 г. иерархическое старшинство на западе перешло к государям из дома Джучи.

В Каракоруме с 1246 г. стал царствовать Гуюк, сын Утедея. Отношения между ним и джучидским ханом Бату сложились предельно враждебные. Тем не менее, по некоторым данным можно судить, что соправительство осуществлялось именно этими двумя монархами. Плано Карпини передавал, будто «Бату наиболее могуществен по сравнению со всеми князьями татар, за исключением императора, которому обязан повиноваться». Европейские путешественники были убеждены, что, несмотря на наличие в Монгольской империи полновластного хакана, золотоордынский хан является «правителем татар главнейшим». Имя его почиталось даже в далеком от Золотой Орды Хорасане, где из всего множества Чингизидов западным послам называли верховных, с точки зрения монголов-информаторов, владетелей – Гуюка и Бату (да еще местного начальника-нойона) [Путешествия, 1957, с.69; Собрание путешествий к татарам, 1825, с.223; de Saint-Quentin, 1965, p.93, 95].

О времени царствования Гуюка (1246–1248) пишет Джужджани: «Все вельможи и вожди мугальских войск повиновались Бату и обычно смотрели на него так же, как на отца его Туши (Джучи. – *В.Т.*)» [Tabakat-i Nasiri, 1881, p.176]. Более определенно статус Бату выражен Киракосом Гандзакеци. Этот армянский хронист рассказывает о посольстве грузинской царицы Русудан с предложением своего подданства «татарскому военачальнику, которого звали Бату, командовавшему войсками, находившимися на Руси, в Осетии и Дербенте, поскольку тот был вторым после хакана лицом. И он велел ей воссесть в Тифлисе, и (татары) не стали противодействовать этому, так как в эти дни умер хан» (под последним подразумевается Гуюк) [Гандзакеци, 1976, с.181].

Церемония при ханском дворе. Миниатюра. Иран. XIV в.

Даже из этих отрывочных данных можно сделать вывод об особом статусе хана Улуса Джучи, его подчиненности только великому хану, о распространении его власти и влияния на определенную часть западных территорий империи. Правда, источники умалчивают о том, признавался ли Бату старшим государем в Чагатаевом улусе. Известно, что в царствование Угедея ставленники хакана и Чагатая, хорезмийцы Махмуд Ялавач с сыном и Куркуз, управляли Китаем, Мавераннахром и покоренными к тому времени областями Ирана «от Хорасана до границ Рума и Диярбекара» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.64]. Но их полномочия не распространялись на территории Джучидов за Джейхун (Амударью).

Более определенные отношения между соправителями вырисовываются в период царствования хакана Мунке (Менгу) (1251–1259). После смерти Гуюка монгольская знать предложила имперский престол Бату – как старшему на тот момент Чингизиду. Тот отказался, ссылаясь на то, что у него и без того достаточно земель, и «управлять ими, да еще владеть и править государствами Чина (Китая. – В.Т.), Туркестана и Аджамы (иранскими землями, которые управлялись тогда наместниками, присланными из Каракорума. – В.Т.) было бы невозможно». Поэтому он предложил возвести на царство своего близкого друга и младшего кузена Мунке (Менгу). «Мангу-хан... взшел на престол Чина и верхнего Туркестана» [Tabakat-i Nasiri, 1881, p.179–180], т.е.,

во-первых, стал управлять странами, от которых «отказался» джучидский хан; во-вторых, «престол» Мунке не считался престолом Дашт-и Кыпчака и других западных регионов.

Конечно, полностью суверенным ханом Бату не был: великий хан назначал в русские княжества своих фискальных чиновников, регламентировал финансовые расходы сарайского двора (см.: [Бичурин, 1829, с.319–320, 331]). Насколько можно судить по сообщениям Г.Рубрика, Золотая Орда в то время не имела права устанавливать

дипломатические отношения без ведома центрального правительства, задерживать послов в Монголию, т.к. все-таки, по словам Г.Рубрика, именно «Мангу-хан есть главный в мире Моалов». Но тот же Рубрук цитирует хакана: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату» [Путешествия, 1957, с.141]. Путешественник заметил, что в странах, подчиненных непосредственно Мунке, посланцам Бату оказывалось даже больше почета, чем хаканским эмиссарам в землях Джучидов.

Для вступления в силу хаканского приказа в силу на западе империи требовалось его подтверждение от Бату. По данным Киракоса, Мунке даровал армянскому царю Гетуму I «указ с печатью, дабы никто не смел притеснять его и страну его», а Гетум послал гонца с этим указом к Бату, «дабы и тот написал указ в соответствии с грамотами (хана)» [Гандзакеци, 1976, с.224–225]. Сельджукские султаны в 1240–1250-х гг. использовали правителя Сарая в качестве арбитра в своих междоусобных спорах, хотя за ярлыками ездили, как и армяне, в Каракорум. Подобные сведения об активных связях Бату с иноземными владетелями в общем противоречат данным Рубрика о внешнеполитической несамостоятельности джучидского хана.

Границей сфер влияния по-прежнему считалась Амударья. Известен характерный случай, демонстрирующий суверенитет золотоор-

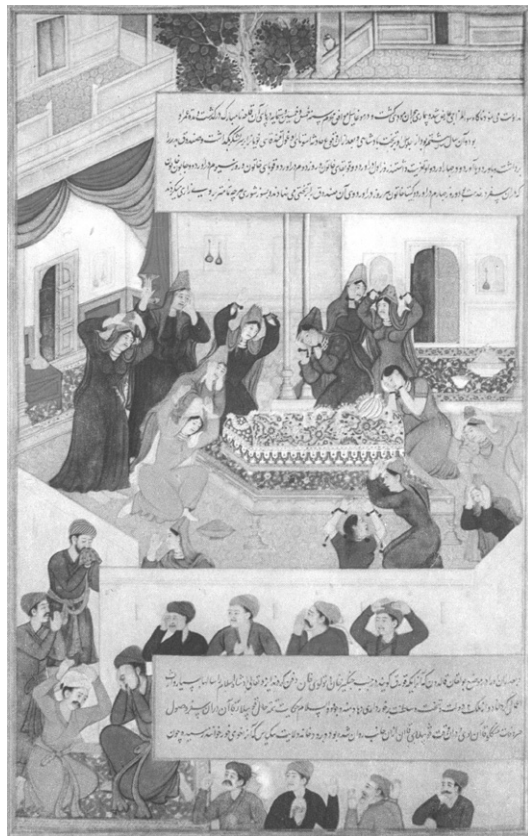
дынского правителя. По наущению брата, мусульманина Берке, Бату остановил на правом берегу Амударьи армию Хулагу, посланную хаканом на завоевание Ирака. Два года войска не двигались с места: возвратиться не позволял приказ Мунке, а переправу запретил посол из Сарая. Только после смерти Бату в 1255 г., вняв настоятельным просьбам Хулагу, хакан распорядился продолжать поход [Das mongolische Weltreich, 1968, p.101–102].

Кроме того, начало хаканствования Мунке было отмечено расправой над царевичами – потомками Чагатая и Угедея. Их земли после этого оказались поделенными между верховным ханом и Золотой Ордой; последней достался в управление Мавераннахр.

После смерти Бату трон Золотой Орды перешел к его сыну Сартаку. Мунке-хакан «возвеличил его и воздал великие почести: передал ему власть отца его – командование всеми войсками, а также (владение) всеми покоренными им (Бату) княжествами; затем, назначив его вторым (человеком государства), отпустил его восвояси» [Гандзакеци, 1976, с.226]. В армянских хрониках рассказывается, что монгольский великий хан «почтил его (Сартака. – *В.Т.*) и отдал ему власть отца, признав вторым правителем после себя»; «по повелению Мангу Хана к нему (Сартаку. – *В.Т.*) перешли все владения отца его, даже с прибавлениями» [Армянские источники о монголах, 1962, с.27; История монголов по армянским источникам, 1873, с.11]. Таким образом, преемник Бату, как и отец, занял положение второго по рангу правителя в империи и получил право автономного законодательства. Вероятно, хан-Джучид мог издавать указы по любому вопросу внутренней жизни подвластных ему регионов, лишь бы они не противоречили «Йасе» Чингиз-хана и распоряжениям столичной администрации.

Как известно, Сартак умер, едва успев воспользоваться этими прерогативами. В Сараях в 1256 г. воцарился его дядя Берке. Он продолжал сохранять огромную власть и влияние в западной половине (правом крыле) Монгольской империи и даже пытался распространить их на новообразованный Улус Хулагу в Иране и Месопотамии.

В целом, как пишет Рашид ад-Дин, до конца жизни Бату, «а после его смерти во времена Сартака... и большую часть времени Берке между домами Тулуй-хана (т.е. хаканским пра-

Двор оплакивает смерть Мунке-каана.
Иллюстрация к рукописи Рашид ад-Дина.
Делийский султанат

вительством. – *В.Т.*) был проторен путь единения и дружбы» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.81].

В 1260 г. новый хакан Хубилай, только что одержавший победу над братом-соперником Ариг-Бугой, поддержанным Берке, обратился с посланием к улусным ханам: «В областях смута. От берегов Джейхуна до ворот Мисра (Египта. – *В.Т.*) войском монголов и областями тазиков должно тебе, Хулагу, ведасть и хорошо охранять... С той стороны Алтая и до Джейхуна пусть охраняет и ведает улусом и племенами Алгу (внук Чагатая. – *В.Т.*), а с этой стороны от Алтая и до берегов моря-океана я буду охранять» [там же, с.162]. Как видим, Хубилай не упоминает здесь золотоордынского правителя, господство которого в северо-западной части державы было прочным и неоспоримым. Но налицо попытка изъять из-под юрисдикции Берке земли Хулагу, а также Мавераннахр, утвердив Алгу в правах чагатайского улусного хана.

С тех пор связи Золотой Орды и с имперским правительством, и с соседними улусами – обычно враждебными ей – оказались сведены к минимуму. Конечно, основной помехой являлось политическое соперничество. Однако, кроме него, контактам объективно препятствовал и разноречивый в культурно-политических ориентациях элит огромного монгольского царства. Например, правители его восточной части превратились в юаньских императоров, китаизировали свой двор, организовали государственное управление по китайским и отчасти чжурчженьским канонам.

Дополнительное препятствие для поддержания регулярных отношений, возможно, отчасти, заключалось в приверженности правителей различным религиям. Как известно, в Китае при Хубилае широко распространился буддизм, а Джучиды и Хулагуиды приняли ислам – и вместе с ним ориентацию на городскую мусульманскую бюрократию и купечество. Но едва ли правомочно придавать данным конфессиональным различиям какое-то принципиальное значение. Об этом следует упомянуть, поскольку в литературе встречаются утверждения, будто после указанных идеологических трансформаций правители разных улусов превратились друг для друга в иноверцев, «неверных».

Религиозная нетерпимость никогда не была присуща монгольскому государству. Сформировавшись как полиэтничная мировая держава с языческим правящим «ядром» -этнотомом, оно вбирало в себя и привлекало на службу представителей самых разнообразных верований. Такая практика диктовалась не только соображениями целесообразности, но и заветами основателя империи. О толерантном отношении Чингиз-хана к представителям многообразных религий ясно и в общем комплиментарно свидетельствует Джувейни [Ала ад-Дин Джувейни, 1997].

Решающим фактором, удерживавшим империю от окончательного распада, был огромный клан Чингизидов. Несмотря на жестокие конфликты между отдельными его ответ-

влениями, авторитет Чингизовых потомков был непререкаем. Юаньские императоры сохраняли формальный статус старших государей во владениях этого клана. После смерти хакана Мунке в 1259 г. Джучиды не принимали участия в общеимперских съездах знати. Тем не менее, о номинально сохранявшемся единстве империи свидетельствовало, во-первых, присутствие на этих курултаях Чагатаидов и Хулагуидов, во-вторых, традиционные торговые и военные связи. По требованию хакана Хубилая в конце 1260-х гг. Улус Джучи выделил войска для участия в завоевании Южного Китая (Сун) [Вернадский, 1997, с.82]. Во всяком случае, известно о признании золотоордынского ханом Узбеком иерархического старшинства юаньского императора-хакана Буянту в первой половине XIV в. [там же, с.92]. Вполне вероятно, что подобное формальное верховенство хаканов подкреплялось выдачей ими столь же символических ярлыков на царствование в западных улусах. Однако реальный контроль над политикой Золотой Орды центральное правительство утратило, по всей видимости, уже с 1260-х гг.

В историографии принято считать, что Улус Джучи отделился от империи при хане Менгу-Тимуре (1266–1282), когда он приказал отчеканить на монетах свое имя вместо имени тогдашнего хакана Ариг-Буги. Поскольку самостоятельная эмиссия служила в средневековую эпоху одним из главных показателей государственной независимости, то подобная трактовка событий представляется допустимой. Первый ярлык русскому митрополиту был выдан от имени того же Менгу-Тимура. Однако реальное переподчинение Джучидам имперских вассальных владений (в частности, Руси), прежде подконтрольных еще и Каракоруму, заметно еще раньше. Со времени царствования Сартака русские князья уже не ездили за инвеститурой в Монголию (последний такой визит – Глеба Васильковича Белозерского – состоялся в середине 1250-х гг. [ПСРЛ, 1, 1962, стб.474, 524]), а получали ярлыки из рук сарайского хана.

ГЛАВА 2

Государственный строй Улуса Джучи

Вадим Трепавлов

§ 1. Традиции тюрко-монгольской государственности в административно-политическом устройстве Улуса Джучи

Государственная организация Монгольской империи и входивших в нее улусов основывалась на различных институтах: оригинальных, собственно-монгольского происхождения; заимствованных от завоеванных народов (уйгуров, киданей, китайцев, чжурчженей, жителей мусульманских стран); унаследованных от предков и исторических предшественников – создателей кочевых империй раннего средневековья. Такая же «многослойность» была

присуща и государственности Джучиева Улуса. Административное устройство Золотой Орды вобрало в себя явления как традиционные кочевнические, перешедшие из тюрко-монгольской старины, так и привнесенные во время и в результате завоеваний.

К основным компонентам государственного строя державы Джучидов можно отнести концепцию верховной (монархической) власти и организацию управления.

§ 2. Концепция верховной власти

Обоснование монархического правления и организации правящей элиты имели в Золотой Орде несколько источников. Первый и главный из них – это авторитет («заветы») основателя Монгольской империи. Кроме того, при наследовании власти действовали внутриклановые принципы перехода ханского ранга. Из кочевой старины тянулась традиция всенародного избрания (фактически – одобрения избрания) государя. Поскольку Джучиев Улус представлял собой вторичное образование в рамках империи, то в течение XIII в. имела значение также инвеститура высшего сюзерена – каракорумского хакана. Когда золотоордынские ханы перешли в ислам, встал вопрос о легитимизации их власти уже в соответствии с канонами этой религии. Наконец, в ходе распрей и смут случилось, что на авансцену выходили различные тюрко-монгольские царевичи и князья. Одолев соперников, они принимались управлять государством или его отколовшимися провинциями, будучи убежденными, что высшие силы находятся на их стороне, раз даровали успех в борьбе с соперниками.

Род Джучидов постоянно рос и ветвился, и система старшинства различных его линий

с течением времени все усложнялась. Вероятно, к концу XIII в. определилась их иерархическая очередность. По имеющимся ныне сведениям можно предполагать, что высшие места в этой иерархии занимали на западе улуса потомки Бату и – следом за ними – Бувала; на востоке – потомки Орду, а следующими по старшинству шли Тука-Тимуриды (в следующем столетии их оттеснили Шибаниды).

Пока монголы в большинстве своем оставались язычниками, их трактовка источников и пределов ханской власти базировалась на установках, традиционных для кочевого мира. Очевидно, основные позиции концепции верховной власти были унаследованы Монгольской империей от ее исторических предшественников – каганатов раннего средневековья. Данная концепция объясняла воцарение основателя державы и благополучное правление его потомков благоволением и помощью божественных сил. Прежде всего, это ведущая пара центральноазиатского языческого пантеона – Небо (Тэнгри) и Земля (Этуген).

Придворный Хорчи пересказывал свой вещий сон: «Небо с Землей сговорились, нарекли Тэмуджина царем царства. Пусть,

говорят, возьмет в управление царство!» [Козин, 1941, с.107]. То есть состоялось «совещание» божественных миростроителей по поводу кандидатуры правителя. Выбор же именно Темучжина – будущего Чингиз-хана – сам он объяснял так: «От восхода до заката я трудился до тех пор, пока не пожаловали Небо и Земля (мне) силы» [Лубсан Данзан, 1973, с.188]. Активность и целеустремленность представлялись критериями для получения монаршего сана: «труды» давали «силу». Небо и Земля участвовали также в избрании государя и вручении ему власти. Как бы в подтверждение сна Хорчи Чингиз-хан позднее говорил: «Я теперь усилился волею Неба и Земли, могуществом Вечного Неба» [Козин, 1941, с.104].

Чаще Небо выступало самостоятельно как высшая субстанция. Функции же Земли ясны из слов Чингиз-хана: «Меня Тэнгриий могучий призвал, а Земля-Мать-Этуген на груди пронесла» [там же, с.104–105]. Значит, Земля – первая инстанция, через которую начиналось осуществление небесной воли. Породив (доставив в мир) государя, Мать-Земля в дальнейшей его судьбе заметного участия не принимает. Правда, по некоторым отголоскам кочевой харизматики в фольклоре можно догадываться, что она «отвечает» за личную безопасность и здоровье избранника. Далее небо указывает помазаннику владения и подданных объекты его будущей власти, помогает осуществить завоевания. «Вечное Небо оказало помощь, раскрылись небесные створы, собрал я свои народы», – изрекает Чингиз-хан [Лубсан Данзан, 1973, с.188]. Аналогичная идея видится в письме хакана Гуюка римскому папе Иннокентию IV 1246 г.: «Посредством могущества Неба все царство от восхода до заката были вручены нам, и мы владеем ими» (цит. по: [Spuler, 1972, S.69]). Выполнив волю божественных сил и воспользовавшись их благосклонностью, государь-завоеватель вручает им плоды своих «трудоу»: «Владыке Небу, – говорит Чингиз-хан родне, – я вверился совершенно и доверил (ему) все государство!» [Лубсан Данзан, 1973, с.189].

Следовательно, насколько можно реконструировать потустороннее участие в судьбе правителя, ступени осуществления каганской харизмы имели следующие этапы: 1) Небо и Земля избирали достойного кандидата на царство; 2) Небо назначало его, Земля порожда-

ла (доставляла в мир) и охраняла; 3) Небо вручало монарху силу и предоставляло возможности для осуществления возложенных на него задач (об этих задачах речь пойдет ниже); 4) Небо помогало своему избраннику во всех его начинаниях; 5) Небо служило гарантом могущества государя и его преемников; 6) правитель, создав государство, вручает судьбы его и свою Небу.

Космическая сила Неба воплощалась в персоне государя посредством харизматической благодати (монг. *сультэ*). Первоначально она была дарована божественными покровителями Чингиз-хану, а затем распространилась на его потомков. Впрочем, со временем носителем харизмы стал считаться уже весь род Чингизидов (подробно об этом см.: [Скрынникова, 1997]). Политические успехи, таким образом, виделись как результат не столько личных талантов правителя, сколько небесного благоволения к нему. Сам Чингиз-хан отзывался об этом так: «Я сделался владыкой не по своей храбрости. Я стал владыкой по велению Неба, моего отца! Я сделался владыкой не из-за удивительных моих достоинств. Я стал владыкой по велению моего отца Хан-Тэнгри. Он даровал мне победить хитрых врагов» [Лубсан Данзан, 1973, с.123].

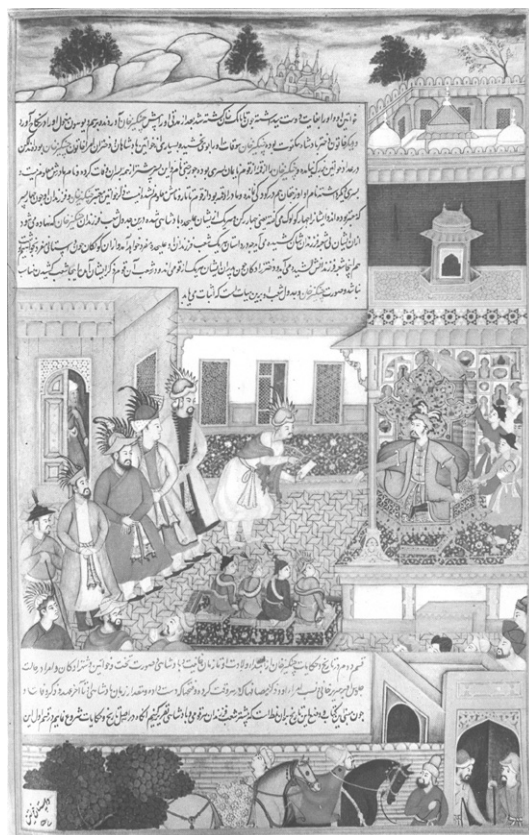
Царственный ранг чингизовой семьи был подкреплен характерной легендой о небесном происхождении ее родоначальника Бодончара. По этой легенде, праматерь Алан-Гоа родила его и двух его братьев от луча света, проникшего в ее лоно через дымник (верхнее отверстие) юрты [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.10–14; Козин, 1941, с.80–81]. Кроме того, у истоков рода стоял тотемный предок – Борте-Чино (Бурый Волк), также родившийся «по изволению Вышнего Неба» [Козин, 1941, с.79]. Как видим, обоснование легитимности правления Чингизидов, и в том числе Джучидов, базировалось на комплексе языческих представлений об участии сверхъестественных сил в выделении данного рода из всех прочих.

Дарованная Небом и охраняемая Землей власть осуществлялась в трех главных сферах: охрана целостности и укрепление державы; расширение ее пределов путем завоеваний; забота о благоденствии подданных; поддержка боеспособности войска. Еще в начале карьеры Чингиз-хана его первые сторонники увидели в нем «человека, который мог бы заботиться о

войске и хорошо содержать улус»; сам Чингиз отзывался об этом сходным образом: «Став опорой (государства), я принял на себя трудное дело охраны народа»; к подобным же пунктам сводятся и его поучения сыновьям [Котвич, 1923, с.95–96; Лубсан Данзан, 1973, с.189; Рашид ад-Дин, 1952, II, с.90].

Таким образом, власть правящего рода в империи и улусах основывалась, во-первых, на харизме Чингиз-хана, во-вторых, на харизме рода Чингизидов. Впоследствии, при исламизации монгольских и тюркских кочевников в западных улусах, встала проблема легитимизации правления Чингизидов с точки зрения ислама. Не могло быть и речи, чтобы они хотя бы формально получали инвеституру от безвластного аббасидского халифа, прозаввавшего при египетском дворе. Вместо этого была разработана абсолютно фантастическая версия о том, будто Чингиз-хан был обращен сподвижником Пророка в ислам – «принял все установления Бога, кроме *хаджжа* и обрезания, перешел в исламскую веру» и произнес *шахаду* (символ веры). Об обращении монгольского правителя будто бы узнал и одобрил его праведный халиф Абу Бекр, живший на самом деле в VII в. [Книга путешествия, 1999, с.64–66]. Теперь Чингиз-хан в принципе мог быть причислен к сонму мусульманских династов, перестав быть «неверным».

В начале XIII в. монголы не обладали развитой государственностью, отчего и их правящая элита не имела четкой иерархической градации, оформленной соответствующей номинацией должностей. Относительная простота титулатуры была присуща и высшим правителям империи. Мусульманские авторы сообщают, что «монголы не дают своим царям и знати пышных имен и титулов, как другие народы... А что касается (имени) того, кто восседает на престоле, они только прибавляют одно имя, а именно «хан» или «кан». И братья, и родичи его зовут его первым именем, данным ему при рождении» [Abu'l Faraj, 1976, p.354]; «Когда один из них наследует трон державы, он получает одно добавочное имя «хан» или «хакан», кроме которого ничего не пишется»; к братьям же и сыновьям хакана «обращаются по именам, полученным при рождении, – как в присутствии их, так и в отсутствие; и это применяется и к простолюдинам, и к знати» [Juvaini, 1912, p.19].

Чингиз-хан и четыре его сына. Иллюстрация к рукописи Рашид ад-Дина. Делийский султанат

Таким образом, для верховных правителей Монгольской державы употреблялись императорский титул «хакан» (т.е. каган), возрожденный Чингиз-ханом, и термин «хан» в отношении царевичей – держателей улусов. Правда, в особо торжественных случаях (на печатях, скреплявших послания к иноземным владыкам) хаканы использовали сакральную формулу с упоминанием силы Вечного Синего Неба как источника своей власти (см., например: [Pelliot, 1922–1923, p.22]); данная формула, очевидно, унаследованная от древних тюрков, в принципе может быть уподоблена полному хаканскому титулу.

Все прочие монгольские аристократы-нечингизиды обладали «княжеским» рангом *нойонов*, которому впоследствии в Золотой Орде были полностью уподоблены тюркское *бек* и арабо-персидское *эмир*. От патриархальных порядков, родоплеменного быта раннего средневековья уцелели почетные титулы (или скорее звания-прозвища) *багатур*, *мер-*

ген и т.п. В качестве персональных отличий могли также дароваться (или, реже, присваиваться самовольно) звания *ильхан*, *гурган*, *тархан* и проч. Для не царствующих членов династии Чингизидов в XIII–XIV вв. практически одновременно употреблялись синонимичные термины *кобэжюн* (монг.) и *оглан* (тюрк.) в значении «царевич» (букв. «сын»). В XV в. в тюркизированных и исламизированных бывших западных улусах империи они были заменены в данном контексте арабским *султан*.

Принадлежность к *алтан уругу* («золотому роду» Чингиз-хана) теоретически давала возможность всем потомкам основателя империи рассчитывать на обладание удельными владениями. Поэтому в действительности власть осуществлялась не только центральным правительством и улусными дворами, но также сонмом близких и дальних родственников, выстроенных в сложную иерархическую пирамиду. Периодически члены огромного клана удостаивались инвеститур в разных районах огромного завоеванного пространства Евразии. Джувейни определенно пишет об этом: «Хотя кажется, что власть и империя передаются (по наследству) одному человеку, а именно тому, кто зовется ханом, в действительности все дети, внуки и дядья имеют свою долю власти и собственности, чему доказательство то, что... Менгу-хакан (после своей коронации в 1251 г. – *В.Т.*) на... курилтае распределил и разделил все свои царства между своими сородичами – сыновьями и дочерьми, братьями и сестрами» [Juvaini, 1912, p.30–31].

Вопрос о принципах престолонаследия в империи и улусах довольно запутан в источниках, но сравнительно хорошо проанализирован в историографии. Передача престола у монголов не была законодательно оформлена, т.е. регулировалась обычным правом, традициями. Традиции же эти допускали наследование как сыновьями (династия), так и братьями или другими, старшими по отношению к сыновьям, родственниками («удельно-лефтичная система», см. [Гумилев, 1959]).

Из четырех сыновей от главной жены Чингиз-хан нарек своим преемником не одного из двоих старших, Джучи или Чагатая, а только третьего, Угедея. «Тайная история монголов» описывает эту сцену так. О персоне будущего правителя было спрошено у Джучи

и Чагатая, и они предложили отцу Угедея. Чингиз-хан согласился, оговорив, что в случае неспособности Угедеевичей к царствованию «среди моих-то потомков ужели так-таки ни единого доброго не родится?» [Козин, 1941, с.185–186]. Таким образом, трон закреплялся за семьей третьего Чингизида не навечно, при определенных условиях он мог достаться и улусным царевичам (впрочем, некоторые ученые полагают, что данная сцена была придумана позднее, для оправдания воцарения в Каракоруме потомков четвертого чингизова сына, Тулуя). Во-вторых, знаменательно, что Джучи и Чагатай единодушно не посягали на хаканство. Рашид ад-Дин и Джувейни сообщают, что Чингиз-хану пришлось выбирать не из четырех, а только из двух кандидатур – Угедея и Тулуя [Рашид ад-Дин, 1952, II, с.258; Juvaini, 1936, p.3].

По всей вероятности, дело заключается в том, что оба старших царевича отправлялись ханствовать в западной половине империи. Облеченные прерогативами соправителей, они не смели надеяться на владычество в стольном Каракоруме (об этом явлении в истории кочевников см.: [Трепавлов, 1991]), поэтому Чингиз-хан и не учитывал их при выборе преемника. Поэтому они и предложили на это место старшего из братьев, остававшихся на востоке.

Косвенным подтверждением изначального закрепления поста хакана за родами Угедея и Тулуя служит демонстративный отказ Бату от верховной власти в пользу сына Тулуя, Мунке, – несмотря на то, что Бату, как тогдашнему старейшине Чингизидов, «наступил черед царствовать» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.113]. Безразличие Джучидов к хаканству вытекает и из обстоятельств союза внука Угедея, Хайду, с ханом Джучиева Улуса Берке. Воюя против Хубилай-хакана, Хайду обратился в соседние улусы за помощью в восстановлении своих прав («Я сам законный наследник хаганского престола!»). Золотая Орда его поддержала [Далай, 1983, с.48–49], тем самым признав эти доводы убедительными, а претензии Угедейского дома обоснованными.

Тулуй, младший сын Чингиз-хана от Бортэ, насколько можно судить по источникам, никогда не являлся претендентом на пост главного монарха. Рашид ад-Дин сообщает о тюркском и монгольском обычае, по которому «еще при жизни выделяют своих старших

сыновей... а то, что остается, принадлежит младшему сыну» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.107–108]. Примечательно, что Угедей в преддверии коронации отказывался от трона в пользу – по очереди – Чагатая, своих дядьев и Тулуя. Тулуй попал в этот перечень под предлогом того, что он постоянно находился при отце, когда тот был жив, прекрасно знал его законы и обычаи, а также потому, что он – младший сын, а стало быть, и наследник отцовского достояния. Скорее всего, это являлось частью церемониала, данью традиции. Точно так же отнекивался от хаканства и Гуюк через 17 лет, но в том случае процедура отказа изложена весьма лаконично (букв. «такой-то и такой-то более подходят для хаканствования»). Причем Абу-л-Фарадж прямо указывает, что царевич делал это только подчиняясь обычаю [Abu'l Faraj, 1976, p.411].

Ни Угедей, ни его преемник своими предложениями ничего не добились и были «силой», под руки посажены на трон. Тем не менее, порядок ритуального предложения хаканства свидетельствует о реликтовом приоритете старших родственников, в том числе из боковых, кузенных линий. Возможно, это и являлось официальной доктриной престолонаследия. Напомним, что в 1248 г., после смерти Гуюка для Бату наступил отвергнутый им «черед царствовать», когда он остался «старшим среди царевичей».

Однако архаичный алгоритм наследования соблюдался на практике далеко не всегда. Угедей при жизни завещал свое место внуку в обход еще живых сыновей, т.е. выступил сторонником династийного принципа, да еще осуществляемого по воле и завещанию правящего государя. В результате придворных интриг на каракорумском престоле оказался сын Угедея Гуюк. На курултае 1246 г. последний заявил о своем согласии короноваться лишь при условии, что «после меня (хаканство) будет утверждено за моим родом» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.119]. Приверженность династической очередности проявилась и во внутриимперской политике нового хакана. Отвергая кандидатуру очередного чагатайского хана, Гуюк недоумевал: «Как может быть наследником внук, когда сын (Чагатай) (Есумунке. – В.Т.) находится в живых?» [там же].

После долгих интриг и консультаций с Бату монгольская знать в 1251 г. подняла на белом

войлоке старшего Тулуида, Мунке. Он, видимо, тоже придерживался концепции династийного правления; во всяком случае, ярлык на Улус Джучи он выдал Сартаку, сыну умершего Бату, а затем сыну Сартака, Улакчи. Однако собственным тронном из-за скоропостижной смерти распорядиться не успел.

Военная сила решила спор о наследовании между двумя братьями Мунке, Ариг-Бугой и Хубилаем, в пользу последнего. В свою очередь, проблема преемника Хубилая разрешилась своеобразным завещанием хакана: был устроен конкурс на лучшего знатока *биликов* – изречений Чингиз-хана, в котором победил и потому воцарился внук Хубилая, Улджейту-Тимур.

Итак, трое из шести общемонгольских правителей в XIII в. (не считая Чингиз-хана, но включая Ариг-Бугу) являлись ближайшими и прямыми потомками своих предшественников на престоле, воплощая династийный порядок. Как правило, царствующие хаканы выступали за установление династии, а их кузены – за родовой принцип, т.е. за устранение этой династии.

Столь же пестрая картина наблюдается в улусах Джучи, Чагатай и Хулагу. Во всех них наблюдается закономерность: сначала трон переходит к сыну первого хана (Джучи – Бату – Сартак, Чагатай – Хара-Хулагу, Хулагу – Абака), а потом начинает передаваться дядьям, братьям и племянникам. Очевидно, каждый из улусных правителей стремился закрепить царствование за своим домом. В XIII в. относительное большинство золотоордынских и чагатайских ханов назначалось старшими государями, что вытекало из соправительственных отношений Джучидов с хаканами и из зависимости Чагатаидов от Хайду. Завещание трона конкретному лицу практиковалось очень редко. Это демонстрирует непопулярность, нетрадиционность для монгольской государственности замещения престола по воле предшественника.

Что касается родственных связей сменявших друг друга сюзеренов, то наблюдается преобладание родового принципа над династийным. Ханами становились в основном родные или двоюродные братья предыдущего монарха, но при этом нередким было и наследование племянников (особенно у Чагатаидов и западных Джучидов).

§ 3. Эволюция системы управления (центральная администрация и территориальное деление)

Золотая Орда имела сложную и разветвленную систему управления. Она формировалась и изменялась на протяжении всех почти трех столетий существования государства. Начав с введения в завоеванном Дашт-и Кыпчаке традиционных, принятых для всей Монгольской империи институтов, Джучиды впоследствии сумели также рационально использовать административные традиции покоренных народов и соседних стран. Образовался комплекс управленческих органов и должностей, центральных и местных ведомств, иерархически организованных столичных и провинциальных властей.

Историки традиционно проявляют большой интерес к джучидской системе управления, что вызывается несколькими причинами. Во-первых, она оказалась настолько устойчивой, что надолго пережила государство, в котором была создана, и продолжала функционировать (в основных чертах) в наследных постзолотоордынских ханствах и ордах. В других бывших улусах Монгольской империи – в Китае и Иране – этого, как известно, не произошло; правда, в Средней Азии некоторые устои имперской государственности то и дело обретали второе дыхание благодаря политике Тимура и узбекских ханов, переселившихся в Мавераннахр в XV в.

Во-вторых, система управления Золотой Орды объективно оказывала значительное воздействие на русские княжества. Поэтому изучение истории Руси XIII–XVI вв. является неполным без учета этого фактора, и в историографии сложилось целое направление, изучающее восточные черты русской государственности и культуры.

В-третьих, государственность Улуса Джучи обнаруживает достаточно редкий исторический пример длительного бесконфликтного сосуществования на огромной территории подданных, принадлежащих к разным сферам экономики (кочевые скотоводы и оседлые земледельцы), исповедующих разные религии, говорящих на разных языках.

При всей важности проблемы историки сталкиваются с довольно скудным ее освещением в средневековых текстах. Важнейши-

ми источниками при изучении ордынской системы управления являются немногие сохранившиеся ханские ярлыки; определенную помощь оказывают арабские и персидские хроники, русские летописи.

В истории джучидской державы было несколько событий, которые можно интерпретировать как решающие вехи в трансформации ее административного устройства. Обретение государством фактической независимости от имперского правительства во второй половине 1260-х гг. побудило сарайских ханов обустроить государство в соответствии с новым, самостоятельным статусом. Первым признаком этого была выдача ханом Менгу-Тимуром от своего имени ярлыков русским православным иерархам. Однако разгоревшиеся после его смерти распри отвлекли джучидскую элиту от налаживания управления, и окончательно управленческая структура независимой Золотой Орды сложилась, очевидно, после окончания смуты, при хане Токте (начало XIV в.). Вскоре принятие ислама Узбеком в качестве государственной религии повлекло новые преобразования, в результате которых Орда превратилась в одно из мусульманских государств со всеми причитавшимися им приемами и канонами управления, отработанными на протяжении столетий.

В дальнейшем, насколько можно судить по источникам, принципиальных преобразований в данной области не происходило. Междоусобицы 1360–1370-х гг. и нашествие Тимура не давали правителям Орды возможности совершенствовать ее устройство. Ведя жестокую борьбу за власть, они ограничивались лишь поддержанием тех административных институтов, которые сохранялись после политических катаклизмов.

Некоторые параметры управления оказались весьма устойчивыми и жизнеспособными. Они обнаруживаются как в Золотой Орде, так и в постордынских государствах – следовательно, являлись характерными для организации управления в этой части средневековой Евразии.

К таким параметрам можно отнести: а) монархическую власть хана, некоторые черты

которой рассмотрены выше; б) участие в управлении *карачибеков* – представителей нескольких (обычно четырех) аристократических татарских родов; в) разделение кочевого населения и иногда территории на правое и левое крылья; г) улусную систему – совокупность контингентов подданных и территориальных уделов, пожалованных ханом в управление военачальникам и «штатским» сановникам; д) институт наместников-*даругачи* (*даруга*) в управлении городским и сельским оседлым населением; е) ясачное налогообложение; ж) сочетание государственной администрации с традиционными органами управления местных жителей.

Во главе системы управления у Джучидов стоял хан. Функционирование государственной машины осуществлялось от его имени и в виде выполнения его приказов – независимо от того, сидел на престоле самодержавный государь, или марионетка придворных клевретов. Хан производил назначения на главные административные должности, осуществлял выпуск денег, вел переговоры с иноземными правителями, возглавлял армию во время больших военных кампаний и т.д.

Однако формально хан делил свои полномочия с карачибеками, один из которых считался старшим (*беклярибек*, *улуг карачибек*). Некоторые историки не без основания полагают, что эти четыре высших вельможи представляли наиболее влиятельные тюрко-монгольские кланы и образовывали совет при правителе. Насколько можно судить по информации о татарских ханствах позднего средневековья, именно на них было возложено выполнение церемонии воцарения очередного хана. Структура четырех главных родов (помимо царствующей династии) была традиционной для тюрко-монгольской государственности и происходила из кочевой старины. Можно предполагать, что при Узбеке в добавление к своим придворным обязанностям они получили в управление и четыре части государства, превратившись еще и в *улусбеков*.

Не сохранилось почти никаких данных о том, каким образом функционировал институт карачибеков в Улусе Джучи XIII–XIV вв. Имеющиеся на сегодняшний день сведения позволяют приблизительно реконструировать его действие в правом крыле улуса – у потомков Бату. Но есть единичные данные о че-

тырехклановой системе и в восточных степях, у ханов – потомков Орду-Эджэна.

Как и в любой державе, созданной кочевниками, военная сфера занимала важнейшее место в жизни государства. Кроме того, номады составляли большинство его населения и войска. Поэтому в первую очередь для управления именно кочевыми подданными создавались административные институты в Золотой Орде. Однако оседлое население – земледельцы, ремесленники и торговцы – тоже являлось важнейшей категорией подданных, прежде всего, в качестве налогоплательщиков. Со временем, с принятием ислама и расцветом городов в первой половине XIV в., его роль в экономике и, следовательно, социальная значимость кардинально возросли. Поэтому центральное управление было ориентировано как бы на две эти главные части населения.

Условно можно считать, что военные дела и связанная с ними улусно-удельная система находились в ведении беклярибека и иерархически подчиненных ему трех карачибеков; невоенными делами (прежде всего, финансовыми) ведали *везир* и подчинявшаяся ему канцелярия – *диван*. Другими словами, кочевые жители Золотой Орды находились в основном под надзором беклярибека, а оседлые – везира.

Роль хана при подобном распределении компетенции сводилась к верховному контролю над своими сановниками, арбитражу при разногласиях между ними, принятию окончательных решений в принципиальных вопросах. Не случайно средневековые наблюдатели замечали, что джучидский монарх «обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частностей относительно взимания и расходования» [СМИЗО, 1884, с.230]. Правда, такая отстраненность хана от повседневных дел была характерна для XIV столетия, и может быть, в 1270–1290-х гг. Бату и Берке досконально вникали во все детали управления, поскольку еще только налаживали действие государственной машины.

Беклярибек являлся номинальным главой сословия беков (нойонов, эмиров) и в этом качестве выступал как верховный военачальник. Когда Улус Джучи обратился в ислам, с ним связывалась и идеологическая основа

Мужской и женский костюмы
состоятельных татар XIV в.
Реконструкция М.В.Горелика

внешней политики, обычная для средневековых мусульманских государств, – борьба (война) за веру. При этом прерогативы беклярибека, конечно, уступали ханским. Кроме того, на беклярибека, как на второе лицо в государстве, возлагались обязанности налаживать отношения с другими странами и, возможно, вершить правосудие в качестве высшей судебной инстанции (в тех сферах жизни и среди тех слоев населения, где пока не распространился шариат).

Не удивительно, что в руках этих сановников сосредотачивались столь обширные прерогативы и ресурсы, что они порой могли претендовать на самостоятельность и рас-

поряжаться троню. Самые известные и могущественные беклярибеки Ногай, Мамай и Идегей (зачастую неверно называемые в историографии временщиками) назначали ханов по своему усмотрению и полностью контролировали все дела в государстве.

Если институт беклярибекства был порождением тюрко-монгольской государственной традиции, то везир и диван – это результаты заимствования мусульманских государственных институтов. Главной обязанностью этих органов были обеспечение функционирования финансовой системы, осуществление фискальной политики, контроль над все ветвившимся административным аппаратом, ре-

гулирование торговли, городского строительства и проч. Если ханы и главные беки проводили большую часть времени в привычных (и престижных) перекочевках, то чиновничество по большей части размещалось в городах. В ведомстве дивана хранились податные списки (*дафтар*), разнообразные ведомости и кадастры.

К сожалению, вся эта огромная документация на сегодняшний день утрачена. Однако даже то немногое, что известно о деятельности центральных правительственных учреждений Золотой Орды, позволяет утверждать, что в ней сочетались элементы делопроизводительной культуры разных стран и народов – уйгуров, киданей, чжурчженей, китайцев и др. В самом Улусе Джучи явно просматривается также влияние мусульманских регионов Хорезма и Мавераннахра; возможно, какой-то след оставила культура Волжской Булгарии.

Наличие двух высших сановников, беклярибека и везира, отражало деление правящей элиты Золотой Орды на две категории – военную знать (нойоны, беки, эмиры) и чиновную администрацию. Средневековые арабские авторы именуют их соответственно правителями эмиров и правителями городов [СМИЗО, 1884, с.347 и сл., 412 и сл.]. Обе структуры, военная и гражданская, действовали параллельно, исполняя разные функции.

Иерархия беков известна из оригиналов ханских ярлыков и их русских переводов, в которых упоминаются темники, тысячники, сотники, десятники, князья улусные, ратные, полчные, людские (возможно, синоним улусных). Все эти военачальники и наместники составляли пирамиду, сходящуюся на вершине к карачибекам и беклярибеку. В течение XIII в. они составили своеобразную корпорацию, державшую в руках военно-административную структуру державы и практически не вмешивавшуюся в дела невоенной сферы. В XIV в. стало заметно сближение и даже определенное слияние военно-кочевой знати, хранительницы завоевательных традиций Монгольской империи, с чиновничеством.

Одной из главных отличительных черт государственного строя Золотой Орды была улусная система. Понятие «улус» пришло в Золотую Орду из монгольской старины и первоначально обозначало народ, данный в управление. Позднее термин распространился

также на территорию, занимаемую этим народом, и в данном качестве стал служить названием удела и в целом государства (фактически обособившегося удела, как улус Джучи, улус Чагатай, улус Хулагу).

Как указывалось выше, Золотая Орда делилась на два крыла, разграниченных р. Яик, т.е. Уралом, – правое (западное, Ак-Орда) и левое (восточное, Кок-Орда). Каждое из них, в свою очередь, также делилось на крылья. Ак-Орда состояла из двух половин, разграниченных Доном, Кок-Орда – из уделов джучиевых сыновей Орду-Эджэна и Шибана, рубеж между которыми сложно определить из-за скудости сведений. В распоряжении историков имеются относительно подробные данные о территориально-административном устройстве только Ак-Орды.

В Золотой Орде улусы не были наследственными владениями – по крайней мере, до второй половины XIV в. Фактически они представляли собой условное держание. Условиями же пользования уделом для его правителя являлись исправная выплата податей населением, поддержание порядка и стабильности на подконтрольных землях, мобилизация надлежащего количества воинов в ополчение. Принято считать, что улус соответствовал войсковому тумену, т.е. 10-тысячному корпусу; другими словами, с каждого улуса в ополчение выставлялось 10 тыс. воинов. Правитель улуса, таким образом, имел ранг темника.

Хан мог менять держателей улусов, отбирая и передавая уделы по своему усмотрению. При этом границы улусов, очевидно, оставались неизменными. Каждый из них имел как бы две ипостаси, две формы бытия – территорию и народ. Пространство кочевания обозначалось *нутаг* (монг.) или *юрт* (тюрк.), население – *ирген* (монг.) или *эль*, *иль* (тюрк.). Вместе нутаг/юрт и ирген/эль и образовывали улус. С течением времени приоритетной стала именно территориальная составляющая понятия «улус», тогда как у монголов XII в. на первом плане стояло кочующее население (которое, собственно, и составляло удел). Подобная трансформация подготовила полноценное административное членение государства в XIV в., когда оно было разделено на четыре провинции – улусбекства.

Состояние улусной структуры общеджучидского правого крыла в середине XIII в. про-

анализировал по разнообразным источникам В.Л.Егоров [1985, с.163–164].

Кроме того, самостоятельной административной областью, несомненно, являлся Хорезм; северная часть этой страны с гг. Ургенчем и Хивой принадлежала Золотой Орде. Может быть, эта область древней культуры на Нижней Амударье являлась анклавом правого крыла, окруженным чагатайскими и кок-ордынскими владениями.

Что касается внутреннего деления левого крыла, то известно лишь о расположении владений Орду-Эджэна и Шибана. Старший Джучид унаследовал отцовскую ставку в верховьях Иртыша. Источники, описывая ханский дом Кок-Орды, называют различные топонимы в юго-восточном Казахстане. Из крупных городов там фиксируются Отрар, Сауран, Дженд, Барчкент и Сыгнак, который во второй половине XIV в. превратился в резиденцию местных монархов. Все это по большей части поселения на Сырдарье, в местности, урбанизированной еще в домонгольские времена.

Улус Шибана занимал обширные степи западного и центрального Казахстана. По рассказу хрониста Абу-л-Гази (XVII в.), Бату выделил удел младшему брату с напутствием: «Юрт, в котором ты будешь жить... будет между моим юртом и юртом старшего брата моего Орда-Ичена, летом ты живи на восточной стороне Яика по рекам Иргиз, Санук, Ор до горы Урал, а во время зимы в Аракуме, Каракуме и побережьях реки Сыр в устьях Чу и Сарису» [Абуль-Гази, 1906, с.160].

Где находились кочевья других сыновей Джучи, назначенных в подчинение Орду-Эджэну, – Удура, Шингума, Сингума и Тука-Тимура – никаких данных нет.

В XIV в., по мере усиления роли городской экономики и развития административного аппарата в формах, присущих стабильным оседлым государствам, в Золотой Орде произошла трансформация административно-территориального деления. Сохранив структуру кочевых уделов, правительство учредило еще

и четыре улусбекства, именуемые в арабских документах Сараем, Хорезмом, Крымом и Дашт-и Кыпчаком. Нетрудно заметить, что первые три из них – это довольно локальные регионы с развитой городской жизнью, и для них действительно было достаточно одного наместника. Что касается громадного Дашта, то для управления им необходимо было использовать дополнительное внутреннее разделение. Эту функцию, видимо, и выполняла старая улусная система.

Принцип разграничения их, очерчивания улусных границ пока невозможно установить по средневековым текстам. Как мы убеждаемся, географические критерии (речные рубежи) действуют не во всех случаях. Если, допустим, с одной стороны улус ограничивается Волгой или Яиком, то что служило его границами в голой степи – более мелкие реки? другие ландшафтные ориентиры, наподобие горных хребтов? В историографии высказано предположение, что в основе улусно-крыльевого деления могло лежать расселение различных этнических общностей. Так, есть предположение, что Кок-Орде и Ак-Орде приблизительно соответствуют ареалы расселения огузов и кыпчаков (по археологическим материалам) (см.: [Федоров-Давыдов, 1973, с.57–58]).

Возможно, при формировании удельной системы у Джучидов учитывался состав племен, когда один улус соответствовал определенной племенной общине или группе общин. Об этом косвенно свидетельствуют позднесредневековые упоминания о населении Дашт-и Кыпчака, прежде всего, как о совокупности элей, т.е. людских контингентов улусных владений; при этом каждый эль обозначался в источниках племенным этнонимом: эль найманов, эль кунгратов, эль мангытов и т.п. Если верна гипотеза о четырех ведущих аристократических кланах, стоявших у руля государства (см. выше), то резонно предположить, что эти кланы обладали собственными районами кочевания.

Раздел IV

Улус Джучи в период могущества

ГЛАВА 1

Административно-территориальная структура и города

§ 1. Система крыльев и административное устройство.
Проблема Ак-Орды и Кок-Орды*Вадим Трепавлов*

В большинстве государственных образований, созданных кочевниками, территория и население делились на две провинции-крыла. Крылья были формально равновеликими (симметричными), хотя в действительности могли различаться по размерам. Обычно одно из них располагалось на западе (правое – *барунгар, онг кол*), другое – на востоке (левое – *джунгар, сол кол*). Под непосредственным управлением верховного государя находился т.н. центр (*гол*), который иногда составлял самостоятельную административную единицу, но чаще сливался с левым крылом. Таким образом, последнее, возглавляемое главным (старшим) ханом, считалось старшее правого крыла, которое пребывало под управлением особого наместника – и не обязательно из ханского рода. Зачастую этот наместник занимал пост верховного военачальника государства (в Улусе Джучи – *улуг карачибек / беклярибек*).

Рациональным смыслом и прообразом данной системы была организация конного ополчения. В соответствии с принадлежностью к крыльям отряды нойонов (позднее – эмиров и беков) и племен в походах и сражениях занимали места на правом или левом фланге. Известно, что Чингиз-хан установил неукоснительный десятичный принцип, по которому любой подданный занимал свое место в десятке, сотне, тысяче и тумене – как в качестве воина, так и в качестве налогоплательщика. А поскольку каждый тумен был причислен к тому или иному крылу, то и соблюдение крыльевой разверстки также являлось обязательным.

В самом начале истории Монгольской империи, когда ее территория ограничивалась сравнительно небольшим пространством степей на востоке Центральной Азии, территориальная и военная разновидности крыльев,

очевидно, совпадали. Когда же держава разрослась до невиданных размеров, крылья превратились в абстракцию, в политико-географическую категорию, потому что собрать ополчение, например, с правого крыла империи (улусов Джучи, Хулагу и Чагатая) оказывалось невозможным. Однако привычная организация государственной жизни кочевников, управление народом и командование армией требовали реально действующей крыльевой структуры. Ведь существовала постоянная необходимость созывать войска в ополчение и выстраивать их во фланговые корпуса. Вот почему произошло вторичное раздвоение крыльев, т.е. внутри крыла появились собственные, более компактные правое и левое крылья, а те, в свою очередь, также, случалось, делились пополам. Очевидно, такое дробление продолжалось до тех пор, пока под властью удельного правителя не оказывалась территория, с которой можно было оперативно мобилизовать население на войну. Подобная ситуация имела место на протяжении всей истории кочевых империй, и Монгольская империя и Золотая Орда не составляют исключения.

Крыльевая структура хорошо прослеживается в политической истории и административно-территориальном устройстве Джучиева Улуса. Она начала складываться здесь в середине – конце 20-х гг. XIII в. Лубсан Данзан пишет, что при определении удела для Джучи Чингиз-хан назначил «(для управления) землю оросутов и чэркисутов Хукинойона... (со словами): “Отдели западную сторону владения Джочи!”» [Лубсан Данзан, 1973, с.232]. Скорее всего, приказ Чингизхана тогда не был реализован: в 1225 г., когда он отдавался, Северный Кавказ («чэркисуты») и русские княжества еще не покори-

лись монголам, а начавшиеся в середине 1230-х гг. войны велись под руководством сыновей Джучи и полководца Субедея.

Далее у Лубсана Данзана о судьбе Хукинойнона ничего не говорится. Однако важно отметить, что сам основатель империи заложил основы раздвоения Джучиева Улуса. В восточной его части предполагалось ханствование самого Джучи со ставкой «в пределах Ирдыша» (по Рашид ад-Дину), в западной же – правление наместника, подчиненного держателю улуса (т.к. речь шла не о наделении Хукин-нойнона самостоятельным уделом, а лишь об отделении части владений старшего Чингизида). Сходная система закрепилась среди потомков Джучи.

Улус был поделен между старшими сыновьями Джучи – Орду и Бату. Выше приводились свидетельства источников об обстоятельствах этого раздела. Остальные Джучиды со своими улусами оказались распределенными между этими крыльями – правым, западным (Ак, т.е. Белой, Ордой) и левым, восточным (Кок, т.е. Синей, Ордой). В каждой из них был свой хан. Границей между ними служила, по мнению одних историков, Волга, по мнению других, – река Яик (Урал); третьи вообще причисляют к левому крылу лишь юго-восточную окраину улуса, игнорируя принцип симметричности крыльев (личные, домениальные кочевья хана Орду). В принципе асимметричность крыльев была возможна, и такие примеры известны из истории. У тех же монголов при Чингиз-хане войска джунгара почти вдвое превосходили по численности армию левого фланга. Но если двукратный количественный перевес еще можно было бы умозрительно вывести из приблизительно равной площади кочевий, занятых контингентом ополченцев, то десятикратная разница в размерах территории необъяснима.

Возможно, на данном разграничении Джучиева Улуса сказались и давнее этническое разделение Дашт-и Кыпчака между огузами и кыпчаками – по Волге или, что вероятнее, по Волго-Уральскому междуречью.

Как сообщает Рашид ад-Дин, в левом крыле оказались, кроме Орду, царевичи Удур, Тука-Тимур и Шингум [СМИЗО, 1941, с.41]. Кроме того, есть основания полагать, что к Кок-Орде принадлежал и улус пятого Джучиева сына Шибана, хотя в отношении этого исторического персонажа в позднесредневеко-

вых источниках много путаницы из-за многочисленных фальсификаций, вызванных апогетикой узбекских государей Шибанидов.

Учитывая то, что правое крыло располагалось в основном на землях, завоеванных в походах Бату и Субедея (западный Дашт-и Кыпчак), можно сделать вывод об окончательном складывании улусно-крыльевой системы в этой части империи не ранее 1230–1240-х гг.

Белый и синий цвета – традиционные тюркские и монгольские символы соответственно правой (западной) и левой (восточной) сторон. В большинстве восточных источников государи правого крыла Джучидов титулуются ханами Ак-Орды, государи левого крыла – ханами Кок-Орды; русская летопись называет хана Хызра, явившегося из-за Яика и воцарившегося в Сарае во время междоусобной смуты 1360-х гг., выходящем из Синей Орды. Вопрос о цветообозначениях в удельной системе Золотой Орды долгое время оставался неясным и был окончательно разрешен лишь Г.А.Федоровым-Давыдовым [1968а; 1973, с.141–144].

Существенно запутало проблему вторичное разделение крыльев, в результате которого внутри каждого из них появились собственные половины, обозначавшиеся цветами. Таким образом, например, внутри Кок-Орды образовалась своя Ак-Орда – улус Шибана в Западном Казахстане и Юго-Западной Сибири; эту синеордынскую Ак-Орду не следует смешивать с общеджучидским правым крылом, имевшим такое же обозначение. (Позднее, в XV в., когда Шибаниды добились ханского ранга, название их удела перешло на все бывшее левое крыло, отчего оно стало называться Белой Ордой.) Точно так же общеджучидская Ак-Орда в последней четверти XIII в. имела в своем составе еще одну Белую Орду, находившуюся в регионе к западу от Дона под началом беклярибека Ногая.

Как указывалось выше, левое крыло традиционно считалось выше правого по рангу, и его правитель являлся главным государем улуса. Действительно, хан Орду и его потомки формально имели приоритет перед Бату и прочими западными Джучидами. Но данное старшинство проявлялось только в очередности имен при перечислении родственных линий, да в обращениях каракорумского правительства к золотоордынским властителям.

На самом же деле Ак-Орда и Кок-Орда на протяжении первого столетия своего существования вели практически автономное существование, числясь в составе единого Джучиева Улуса номинально, без явных признаков взаимодействия. Вмешательство акордынских ханов в восточные дела происходило редко и эпизодически, об участии же кок-ордынских сюзеренов в событиях к западу от Яика до середины XIV в. ничего не известно. Нет никаких сведений и о том, что аристократия двух Орд собиралась на курултай для обсуждения общих дел (видимо, таковых не находилось); что в обоих крыльях действовала единая система налогообложения или мобилизации войска. Наверное, лишь

фамильное родство правителей, сеть караванных путей и ямских станций, да – в первые десятилетия – подчиненность имперскому центру демонстрировали принадлежность обоих крыльев к общему государственному организму.

Объединение обоих крыльев произошло, очевидно, в 1380-х гг. при хане Токтамыше. Оно оказалось кратковременным и неэффективным, поскольку произошло в обстановке уже начинавшегося государственного кризиса и распада Золотой Орды, да к тому же накануне роковых для нее нашествий Тимура. После них территория правого крыла погрузилась в хаос, там началось образование независимых ханств.

§ 2. Ак-Орда

Искандер Измайлов

Вернувшись в Поволжье и понимая, что одних его сил для наступления на Европу явно недостаточно, Бату-хан принялся за укрепление и организацию своего улуса. Он ввел в стране традиционное тюрко-монгольское военно-политическое деление государства на правое и левое крылья, соответственно выделив значительные по размерам улусы себе и своим братьям. Так, его старший брат Орду-Эджен стал главой левого крыла и получил во владение Кок-Орду – крайние восточные пределы империи – Прииртышье и Приаралье. Другие их братья и крупная монгольская знать получила внутри этих улусов более мелкие владения на условиях вассального пользования за участие в военных походах хана и уплату налогов. Скорее всего, хан имел право изменить или даже отобрать тот или иной улус при нарушении обязательств его держателем [Сафаргалиев, 1960, с.39–45; Федоров-Давыдов, 1973, с.49–62; Трепавлов, 1993, с.96–102]. В исторической литературе существуют разногласия относительно количества и территорий улусов, на которые делилась Ак-Орда, или правое крыло Улуса Джучи.

Если суммировать все эти сведения, то можно предположить, что в середине XIII в. Ак-Орда была разделена на несколько владений. Поволжье являлось, скорее всего, ханским улусом – т.е. общим владением всего «алтын уруга» и, возможно, каждый Джу-

чид имел здесь какие-то владения или права на доходы. Не исключено, что земли бывшей Булгарии имели особый статус и сначала подчинялись напрямую великому хану, а со второй половины XIII в. вошли в состав ханского улуса.

Внутри Ак-Орда и Кок-Орда, в свою очередь, делились на улусы, в которых также правили потомки братьев Бату-хана и Орду, носившие титул *оглан* (султан, царевич). Затем уже шли владения отдельных беков. Судя по всему, сами улусы представляли собой сложную военно-административную систему иерархически организованных и соподчиненных владений (*иль*). В состав улуса, владелец которого должен был выставлять в поход 10 тыс. вооруженных всадников, входили беки, выставлявшие по тысяче воинов, а им подчинялись владельцы, командовавшие сотней. Все эти владения могли быть разными по форме собственности (тарханы, сойургал), но их место в системе «крыльев» и в военной организации оставалось неизменным. Тем самым, военно-административная система строго увязывалась с территориальными владениями, а с другой – с родо-племенной структурой аристократии.

Ханам Золотой Орды в XIV в. подчинялась огромная территория, которая простиралась от Дуная на западе – до Иртыша на востоке, от Дербента и Хорезма на юге – до Прикамья и Причулымья на севере. Основным

структурным элементом всех этих территорий были владения улус-беков, но, как правило, дворы и фискально-административный аппарат всех этих улусов располагался в главных городах. Причем, даже там, где первоначально городская инфраструктура не была развита, она появилась, в свою очередь, вызывая подъем торговли и ремесленной деятельности в округе. Не исключено, что постепенно, по мере роста и укрепления городов, они способствовали дроблению больших улусов на небольшие владения, провоцируя регионализацию власти и управления.

Неудивительно, что практически все путешественники и географы специально акцентировали внимание на городской структуре, соотнося с этими центрами их округу. Довольно точно, на основании рассказов побывавших там купцов и дипломатов, территорию Золотой Орды в пер. пол. XIV в. описал арабский историк ал-Омари, который среди наиболее известных ее городов и областей отмечает Хорезм, Сыгнак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, Маджар, Азак, Акчакерман, Кафу, Судак, Саксин, Укек, Болгар, Дербент, а также земли Сибирь и Ибирь, Башкирд и Чулыман [СМИЗО, 1884, с.236]. Восхищаясь размерами владений «царства Хорезма и Дашт-и Кыпчак», арабский путешественник Ибн Халдун представлял его своим читателям в середине XIV в. как «обширное царство на севере, от Хорезма до Яркенда и Согда и Сарая, до города Маджара и Аррана и Судака и Болгара и Башкирда и Чулмана; и в границах этого царства город Баку, из городов Ширвана, и возле него Железные ворота, а на юге до границ Константинополя» [там же, с.378]. По сведениям арабских географов, длина этого государства простиралась на восемь, а ширина на шесть месяцев пути и имела размеры от моря Константинопольского до р. Иртыша, в длину на 800 фарсахов, а в ширину от Баб-ал-Абваба (Дербента) до г. Болгара, т.е. приблизительно на 600 фарсахов [там же, с.175, 206].

Совокупность исторических, археологических и нумизматических данных позволила установить границы Улуса Джучи [Егоров, 1985, с.75–150]. В середине XIV в. самым западным пределом Орды, видимо, являлась территория междуречья Днестра, Прута и Сирета, ограниченная с юга нижним течением Дуная. Именно здесь располагалась

ставка мятежного карачибека Ногая, разбитого ханом Токтой после длительной и упорной борьбы (1300 г.). Главным городом этой части Орды был Аккерман (ныне Белгород, близ устья Днестра), построенный правителями Орды во втор. пол. XIII в. и быстро ставший важным ремесленным центром и торговым портом, через который вывозились в Западную Европу и на Ближний Восток хлеб, а также шерсть, мясо и другие продукты скотоводства. Вокруг города располагалась обширная сельская округа с цветущими садами и огородами.

В Северном Причерноморье в непосредственном подданстве золотоордынских ханов находились степи от берегов Черного моря до границ Руси, а также земли Степного Крыма. Южное побережье – Таврика – было занято небольшими генуэзскими портами-колониями. Центром их была Кафа (Феодосия) – небольшая территория которой была куплена Генуей в 1266 г., а к концу XIV в. ставшая подлинной торговой столицей всего Северного Причерноморья – «известный и населенный город, – по словам архиепископа Иоанна де Галонифонтибуса, – место сбора купцов со всех концов мира», где постоянно торговали купцы, говорящие на 35 языках [Галонифонтибус, 1980, с.14]. Среди других городов выделялась Солдайя (Сурож, Судак). Все они имели небольшую сельскую округу, но главным источником их доходов была транзитная торговля со Средиземноморьем. Судя по письменным источникам, эти города были зависимы от Орды и платили ей дань, хотя иногда все же подвергались нападениям татар и вынуждены были участвовать в их междоусобицах. Главным городом крымских степей был г. Крым (европейцы называли его Солхат, ныне Старый Крым). Появился он уже в 60-х гг. XIII в. и, благодаря расцвету черноморской торговли, стал важнейшим экономическим и административным центром всего полуострова. Ибн Баттута называет его «большим и красивым городом» [СМИЗО, 1884, с.280], а Ибн ал-Варди – «большим городом, где имелись базары, мечети, гостиницы и бани» [Поляк, 1964, с.50]. Другим важным центром Крыма являлся Кырк-Ер (ныне Чуфут-Кале) близ Бахчисарая. С начала XV в. он служил административным центром Крыма, а позднее – зарождавшегося Крымского ханства.

На севере граница между вассальными русскими княжествами и остальной частью Орды, как и сотни лет до этого, проходила по водоразделам притоков Днепра: в правобережье – где-то в районе Роси, а в левобережье – по рекам Псел и Ворскла, т.е. по естественной границе леса и степи. Северо-восточные, северо-западные и южные русские княжества входили в состав Золотой Орды на правах зависимых владений, сохраняя свою администрацию и династии, но выплачивая регулярные налоги («ордынский выход»). Территория Руси, подвластная ордынским ханам, включала в себя владения волыньских, киевских, новгород-северских, черниговских, владимиросуздалских и рязанских князей, а также земли Новгорода и Пскова. Некоторое время во власти ордынских ханов находились Смоленское и Галицко-Волыньское княжества, которые позднее были включены в состав Литовского государства. Граница между этими княжествами и собственно территориями, входившими в улусную систему Орды, пролегла, видимо, также по водоразделам между лесом и степью, примерно по линии Киев – Курск – Тула – среднее течение р. Цны – устье р. Суры [Насонов, 1940; Феннел, 1989; Горский, 1996; Егоров, 1985].

В состав Орды входили также территории Сурско-Свияжского междуречья. Здесь находились центры ордынской военно-административной власти (например, Большетоябинское городище) и небольшие поселения. Южнее, в Посурье и Примокшанье, располагались земли, которые ранее входили в состав Булгарии. В XIII–XIV вв. здесь находился улус Мухша (Мохша) с центром в г. Наручад (совр. Наровчат). Для того времени это был развитый торговый и экономический центр, чеканивший даже свою монету. Раскопки выявили здесь кирпичные дома, бани и большое мусульманское кладбище с мавзолеями [Федоров-Давыдов, 1994, с.37].

На Средней Волге и Нижней Каме находились земли бывшей Волжской Булгарии – Булгарский улус. Здесь располагались эмираты, которые были подчинены Джучидам. В разные годы эта зависимость имела различный характер – от достаточно сильной до чисто номинальной. Во всяком случае, Булгарский улус этой эпохи был одним из самых развитых областей Орды с несколькими довольно крупными городами (Болгар, Кашан, Кирменчук,

Джукетау, Биляр, Казань), а также десятками мелких городов и сотнями поселений.

Самым крупным и известным булгарским городом того времени был Болгар. Этот город, возникший еще в начале X в., не отличался в домонгольский период размерами, хотя и был важным экономическим центром. Настоящая его история начинается с 40-х гг. XIII в., когда, вернувшись из западного похода и подавив восстание булгар, Бату-хан сделал местом своей ставки район Нижнего Прикамья. Этот район имел стратегическое значение, т.к. позволял в начальный период формирования империи контролировать центр страны – Поволжье. Город Болгар конца XIII–XIV вв. становится одним из самых крупных и богатых центров Европы. Выгодное географическое положение на пересечении речных и сухопутных путей делали его важным перевалочным пунктом мировой торговли [Смирнов, 1951; Город Болгар, 1987; 1988; 1996; 2001]. Кроме того, город был крупнейшим центром тюркской городской культуры и центром области, где уже с X в. распространилось мусульманство. Экономическая и военная сила позволяла правителям булгарских эмиратов уже в XIV в. активно участвовать во внутренних делах Улуса Джучи.

На севере и северо-востоке пределы Джучиева Улуса, судя по восточным источникам, включали «земли Чулыман, Башгард, Сибирь и Ибирь». Скорее всего, под Чулыманом следует понимать область Верхнего Прикамья (от булгарского обозначения верхнего течения р. Кама), «Башкард» – это, определенно, степи Южного Приуралья, а «Сибирь и Ибирь» – обширные степные и таежные земли Западной Сибири вплоть до Приобья и Прииртышья.

На Северном Кавказе владения Золотой Орды располагались в степной зоне, вплоть до северных предгорий Кавказа, которые занимали воинственные черкесы, аланы и вайнахи, постоянно сражавшиеся с ордынцами. Среди многих других городов Северного Кавказа следует выделить Азак (ныне Азов) и Маджар (близ совр. г. Прикумск). Азак был важнейшим торговым и экономическим центром, конечным пунктом многих сухопутных и речных путей. Благодаря генуэзцам (они называли его *Тана*), которые имели здесь колонию, город в XIV в. был широко известен в Европе. Маджар также играл огромную роль в жизни региона как центральный пункт на

пути из Ближнего Востока в Орду. По словам Ибн Баттуты, это был «город большой, один из лучших тюркских городов» [СМИЗО, 1884, с.287]. В Приморском Дагестане земли Улуса Джучи доходили до важной стратегической крепости Дербент (арабское название – «Бабал-Абваб», тюркское – «Темиркапу» – Железные ворота). Неоднократно ордынцы через этот проход вторгались в Закавказье и периодически завоевывали земли Северного Азербайджана, вплоть до городов Тебриз и Ардебиль, однако, надолго удержать эти земли они были не в состоянии.

Основную территорию Улуса Джучи занимали степи. Население в языковом и даже, очевидно, в хозяйственно-культурном отношении претерпело лишь небольшие изменения по сравнению с домонгольским периодом. Недаром территория Золотой Орды в восточных источниках продолжала традиционно именоваться «Дашт-и Кыпчак» [Арсланова, 1990]. Кочевые племена продолжали традиционно кочевать в меридиональном направлении с юга на север (зимой) и обратно (летом). Изменения же коснулись, в первую очередь, социальной и племенной структуры, которые оказались перемолоты в системе татаро-монгольских кланов, набора бытовых предметов, украшений, оружия и конского снаряжения, их формы и орнаментации. Наглядным свидетельством изменений в духовной культуре стало изменение погребальных обрядов населения евразийских степей [Федоров-Давыдов, 1966, с.150–163].

Появление большого количества городов в Дашт-и Кыпчаке в XIII–XIV вв. (сейчас их известно около ста) – явление уникальное в истории средневековья. Практически на пустом месте в регионе с небольшой городской округой в дельте Волги возникли не просто отдельные города, а целая земледельческая область, ставшая центром особой цивилизации, сочетавшей степную кочевническую и оседлую мусульманскую культуры. По образному выражению историка, золотоордынские города периода расцвета «представляли смесь среднеазиатских мечетей и минаретов, изразцов и поливной посуды с деревянными срубами и кочевническими юртами» [Федоров-Давыдов, 1976, с.120].

Все это говорит о том, что в Золотой Орде была создана своеобразная цивилизация, которая, впитывая достижения покоренных на-

Ханский шатер. Миниатюра.
Иран. 1301–1314 гг.

родов и соседей, выработала синкретичную, колоритную и пышную культуру. Расцвет золотоордынской культуры был таким ярким и насыщенным, что, в свою очередь, она повлияла на материальную и духовную жизнь всех окружающих государств.

Следует также подчеркнуть три обстоятельства, которые способствовали расцвету городов, развитию сельской округи вокруг них и укреплению единства государства, тем самым сплавивая различные части империи и способствуя формированию цивилизации. В первую очередь, это создание системы бесперебойно функционирующих коммуникаций – *ямов* (*йамов*, *джамов*) – почтовых станций с лошадьми и караван-сараями. Обычно они располагались на расстоянии 30–50 км между собой, т.е. на длину дневного перехода на всех важнейших караванных путях Улуса Джучи, связывая различные города и порты страны. Ямская повинность была одной из важнейших государственных повинностей населения, избавление от которой особо оговаривалось в тарханных ярлыках, например, русскому духовенству. Кроме чисто государственных интересов – быстрое распространение важной государственной информации во все концы страны, система ямов, вместе с возникшими рядом с ними караван-сараями, стали важнейшими торговыми артериями страны, по которым беспрепятственно и безопасно двигались

караваны с товарами от портов Крыма до Каракорума и Ханбалыка. Яркое описание этого пути из Кафы в Сарай, а из него в Ургенч и оттуда в Индию дал в начале XIV в. путешественник и географ Ибн Баттута [СМИЗО, 1884, с.280–314]. Это были не только пути движения материальных ценностей, но информации – культурных и технологических достижений, религиозных проповедников. Недалом часто караван-сарай служили вакуфом для какой-либо суфийской общины, или близ караван-сарая возникал странноприимный дом для проповедников и дервишей.

Другим важным условием служило создание стабильной до определенных пределов денежно-финансовой системы Улуса Джучи. Уже в середине XIII в. здесь была создана своя денежно-весовая система, основой которой стал серебряный *дирхем* (*йармак*) весом 1,156 г. Позднее эта система была упорядочена ханом Токтой в 1310/1311 г. и с некоторыми изменениями просуществовала вплоть до гибели государства, а в некоторых регионах и позднее (подробнее см.: [Мухамдиев, 1983, с.41–140]). Одновременно выпускались и медные монеты, пропорциональные ценности серебряной монеты, которые имели хождение внутри страны и за ее пределами, а в некоторых государствах (например, Московском великом княжестве) она стала основой возникшей денежно-весовой системы. Стабильность и кредитоспособность торговцев Улуса Джучи способствовали не только укреплению их связей со Средиземноморьем, но и появлению передовых форм

кредитно-финансовых систем – банков и векселей. По аналогии с Юаньским Китаем, возможно, на территории Улуса Джучи имели хождение и бумажные деньги – государственные векселя.

Несомненно, что кроме чисто экономических, важнейшую роль в появлении и стремительном росте Сарая и других городов сыграла ханская власть. Возникнув как административно-политические центры, вокруг которых селилась аристократия, города довольно быстро стали местами, чья хозяйственная жизнь была связана с концентрацией, переработкой и перераспределением стекавшихся со всех концов Орды продуктов и богатств. Обслуживание знати стало мощным импульсом, которому города обязаны бурным подъемом экономической и культурной жизни в конце XIII – первой половине XIV вв. – в период наивысшего могущества правивших здесь ханов. Такая тесная связь с центральной властью стала, однако, губительной для городской жизни. В условиях кризиса и разложения империи города, теряя постоянные источники притока сырья и богатств, начинают быстро хиреть, а потом вообще приходят в упадок. Этому в немалой степени способствовала большая консервативность жизни основной части степного населения, кочевавшего со своими стадами в засушливой степи и, в принципе, не зависевшего от сарайских ханов. Поэтому вместе с ослаблением централизации, власть перемещается из городов в кочевые орды, которые становятся средоточием политической и военной мощи.

§ 3. Города и земли Среднего Поволжья

Болгар в XIII–XV вв.

Искандер Измайлов, Мурад Кавеев

Исследования Болгарского городища ведутся с начала XVIII в. В 1722 г. городище посетил Петр I, который повелел принять меры по сохранению архитектурных памятников. В XIX в. Болгар и его памятники изучаются в трудах Ф.Х.Эрдмана, Н.Н.Кафтанникова, И.Н.Березина, С.М.Шпилевского и др. [Березин, 1853; Шпилевский, 1877]. Эпизодические раскопки здесь начались с 1864 г. В.Г.Тизенгаузен, В.Г.Казаринов, А.А.Штукенберг, П.А.Пономарев, П.И.Кротов, М.М.Хо-

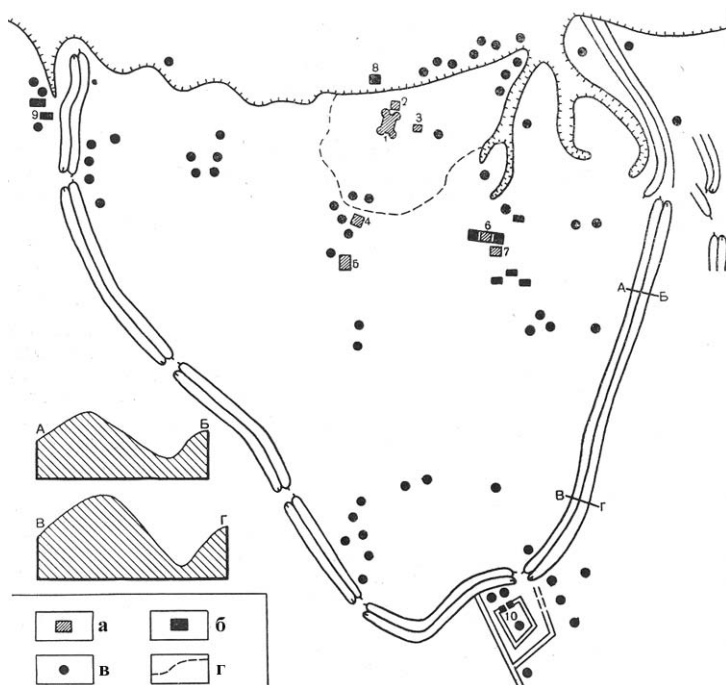
мяков, В.Ф.Смолин, А.С.Башкиров и др. провели исследования отдельных памятников архитектуры, древних кладбищ и т.п. Систематическое изучение началось в 1938 г. археологической экспедицией под руководством А.П.Смирнова (до 1973 г.); в разные годы участвовали А.М.Ефимова, О.С.Хованская, Б.Б.Жироский, Т.А.Хлебникова, М.Д.Полубояринова, Ю.А.Краснов, М.Г.Крамаровский, П.Н.Старостин и др. (историю изучения городища см.: [Хлебникова, 1987, с.32–44]; обобщение результатов этих работ см.: [Смирнов, 1951, с.105–152, 168–228; Город Болгар, 1987; 1988; 1996; 2001; Кавеев и др.,

План города Болгар.
 а – сохранившиеся памятники архитектуры, б – выявленные раскопками здания, в – выявленные каменные и кирпичные постройки, г – территория домонгольского города (по Т.А.Хлебниковой)

1988; Федоров-Давыдов, 1994; Кавеев, 1995, с.93–103; Полубояринова, 2003]).

Болгар являлся одним из старейших и самых значительных городов Волжской Булгарии, важным торговым пунктом на Волжском торговом пути, способствующим становлению Булгарского государства и его международному признанию. Болгар был одним из первых городов, который узнали иностранцы, и уже с первой трети X в. его описания стали традиционными для восточной географической традиции. Во второй половине XII в. Болгар, очевидно, потерял свое ведущее политико-экономическое положение в стране, которое перешло к Биляру, но все же оставался довольно крупным городом [Хлебникова, 1987, с.55].

Монгольское завоевание затронуло город. Следы погрома и сожжения прослежены археологами на 40 раскопах. Слой пожара состоит из разложившегося угля, его мощность 5–20 см, в ямах и западах – до 50 см. Содержание вещей в этом слое и в сооружениях, разрушенных при погроме, довольно скудно – битая глиняная посуда, единичные бытовые находки, ремесленные отходы. Так, например, на раскопе ХСV в 1987 г. в сгоревшем доме, погибшем в пожаре 1236 г. на обгоревшем деревянном полу и в подпольной яме были найдены кости животных, фрагменты керамики, железный нож, глиняное пряслице, фрагмент голубого поливного среднеазиатского сосуда из белого кашина XII – начала XIII в., половинка грушевидного бубенчика [Кавеев и др., 1988, с.67–68]. Интересно, но за все время исследований в этом слое не обнаружены человеческие останки. Не исключено, что население, предвидя разорение города, покинуло его. Объяс-

нить это можно тем, что город, видимо, не оказал ожесточенного сопротивления, как, например, Биляр.

Выгодное географическое положение Болгара в центре богатой земледельческой округи, близ слияния рр. Волги и Камы, способствовало его быстрому восстановлению, но уже в качестве места пребывания хана и его администрации. О том, что Болгар уже к середине XIII в. имел особый столичный статус, свидетельствует Марко Поло [Марко Поло, 1955, с.45]. В 40-х гг. XIII в. именно в Болгаре начинается чеканка золотоордынских монет. Это свидетельствует о роли Болгара в середине XIII в. как экономического и политического центра государства Джучидов. С 1260-х гг. в Болгаре чеканились монеты анонимные и с именами золотоордынских ханов. Болгар чеканил монету до 30-х гг. XIV в. [Федоров-Давыдов, 1987, с.160, 163 сл.].

В это время была проведена полная реконструкция города. Валы и рвы были скрыты, рвы сnivelированы, а территория города после пожара была тщательно выровнена и засыпана речным песком, или суглинком, это четко фиксируется при изучении культурных напластований города.

Во второй половине XIII – начале XIV в. Болгар переживает самые яркие страницы своей истории. Площадь его на верхней тер-

Вид на центральную часть Болгарского городища

расе городища в этот период расширяется до 900 тыс. кв.м. К городу прилегали пригородные поселки, в это же время заселяется низменная часть города – за р. Меленкой, где мощность раннезолотоордынских слоев достигает 20–80 см. Слой в центральной части города насыщен щепой и древесным тленом, что говорит о развернувшейся застройке традиционными деревянными домами. В центре города возникают металлургические мастерские [Ефимова, 1958]. Здесь обнаружены остатки железоделательного и бронзолитейного производств. Судя по всему, мастера-бронзолитейщики здесь специализировались на изготовлении бронзовой посуды, в первую очередь, котлов и замочков. Также существовали кожевенные мастерские, продукция которых была популярна в тогдашнем мире, наибольшим спросом пользовалась хорошо выделанная ячеистая кожа, под названием «албулгари».

Со второй половины XIII в. начинает заселяться район, находившийся восточнее от окраины домонгольского города, а также заречная часть, где появляется много землянок и полуземлянок, в которых жили ремесленники

и, вероятно, строители. Восстанавливаются на своих местах ремесленные мастерские, существовавшие ранее (железоделательные, медеплавильные, ювелирные), и появляются новые – кузнечная, косторезная и каменотесная [Хлебникова, 1987, с.64–65]. В заречной части, видимо, издавна селились гончары, изготавливавшие посуду, дымогарные и водопроводные трубы и т.д. Здесь в ямах около домов хранили глину, а в другие сбрасывали бракованные изделия.

В это же время в центре города закладывается белокаменная Джами-мечеть (Соборная), ее строительство было закончено в начале XIV в. Она выполняла роль главной столичной мечети Болгара, а может быть и всего региона. По архитектуре она была похожа на сельджукские зальные мечети с многорядными опорами. Джами-мечеть представляла собой подквадратное здание с 20 внутренними восьмигранными колоннами, поддерживающими деревянную кровлю. С южной стороны, напротив входа, был устроен михраб, обрамленный богатой орнаментированной резьбой по камню. К северному фасаду примыкал минарет. Внутри его к обходной гале-

рее вела винтовая лестница. На средней высоте минарета была высечено изображение из Корана. В 30-е годы мечеть реконструируется. Ставятся дополнительные опорные столбы, по западному и восточному фасаду добавляются декоративные ниши (подробнее см.: [Аксенова, 2001; Айдаров, 2001]).

В конце XIII в. рядом возведены два мавзолея для каких-то знатных лиц. Один напротив северного фасада, другой перед восточным. По типу они относятся к мусульманским мавзолеям, широко распространенным в Средней Азии, Ближнем и Переднем Востоке. Внутренние помещения были полусферическими. В верхней части в стены были вмурованы керамические сосуды-голосники, создававшие акустический эффект. Археологические раскопки внутри восточного мавзолея выявили семь склепов, в виде прямоугольных камер, обложенных бутовым камнем, скрепленным известковым раствором, внутри которой находился, очевидно, деревянный гроб. Хотя погребения были разрушены в XVII в., судя по ориентировке склепов, все умершие были погребены по мусульманскому обряду.

К югу от Джамии-мечети в середине XIV в. возводится еще одно каменное здание. Это была двухэтажная постройка, окруженная подсобными помещениями. Второй этаж представлял собой купольный зал с оштукатуренными и богато орнаментированными стенами. По некоторым предположениям, это было здание суда и тюрьма-зندان, обычные капитальные постройки для мусульманских городов. Обычно в них находились и фискально-административные органы власти.

С начала XIV в. жилые кварталы в восточной части города обновляются. Район заселяется зажиточными горожанами. Строятся дома с деревянными хозяйственными постройками. Полы в домах были глинобитными, под ними проходили каналы отопления, выложенные из сырцового кирпича. Кирпичные печи клали в котловане, ниже уровня пола, вне дома. Из верхней части выходили

Поясная накладка. XIII в. Бронза. Болгар. БГИАЗ

один-два канала, соединенные с подпольной системой отопления. Кроме обычного бытового инвентаря жители этого района пользовались богатой поливной посудой из Закавказья, Ирана, Византии, селадоновыми вазами из Китая, сосудами из художественного стекла из Египта и Сирии.

Первая каменно-кирпичная баня в Болгаре была построена, судя по раскопкам, в середине XIII в. – на северном склоне террасы. Позднее количество общественных бань заметно увеличилось, став неотъемлемой частью Болгара, как типично восточного города (см.: [Шарифуллин, 2001]). Наиболее показательна каменно-кирпичная баня, т.н. «Красная палата», которая была построена недалеко от Джамии-мечети, на левом берегу р. Меленки под крутым склоном, на площади с плотно пригнанными плитами, в центре которой находился фонтан с водоемом. Сложена она была из кирпича, а стены оштукатурены известковым раствором красного цвета. Вход в баню украшала стрельчатая арка. Внутренние помещения – центральный зал и четыре угловые комнаты перекрывались полуцилиндрическими сводами и полусферическими куполами. В центре залы был сделан фонтан. В стенах центрального зала были сделаны ниши, в которые вделаны три керамические трубы: две для горячей и одна – для холодной воды. Далее следовала, очевидно, самая жаркая зала – парилка, где по периметру стен располагались каменные лежанки. В одной из стен проходили трубы, подававшие горячую и холодную воду. В обоих помещениях в полу проходили водосточные каналы. Было и служебное помещение, где был каменный резервуар с холодной водой, медным котлом для кипячения воды и

топкой для нагрева. Эта баня, как и другие, были типичными по конструкции для всего Ближнего и Переднего Востока. Бани играли важную роль не только в благоустройстве города, но и выполняли важную общественные функции. Например, в ряде случаев они являлись вакфами для мечетей и странноприимных домов. Обычно каждый квартал, а также ремесленный или торговый цех старались построить свою баню, поскольку они служили местом собраний и своеобразными клубами. Недаром среди находок здесь обнаружены игральные кости и шахматные фигурки.

Строительство, которое велось вдоль высокого берега, было возможно только при условии его укрепления от эрозии и размыва сточными водами. Для этого вдоль улиц были проложены водосточные трубы, выходявшие в водосборные колодцы, поглощавшие талые воды и канализационные стоки [Ефимова, 1954, с.369–391; Баранов, 2001, с.321–342], а сам берег был укреплен системой дубовых ряжей – срубов, тянущихся вдоль всего склона (см.: [Ефимова, 1952, с.41–45]).

Болгар был богатым и цветущим городом. В условиях политической стабильности – это было благом для горожан, но в период смуты и междоусобиц стало их проклятием, особенно усилилась военная опасность в условиях политической нестабильности в Улусе Джучи во второй половине XIV в. Горожане должны были позаботиться о своей защите. С этой целью возводилась целая система укреплений (см.: [Краснов, 1987, с.99–123]). Она проходила от крутой речной террасы на юг, поворачиваясь на северо-восток, а затем на севере к берегу реки, образуя форму неправильного треугольника, протяженность валов и рвов составляла 8 км, окружая площадь около 4 млн кв.м. Строители максимально стремились использовать естественные препятствия – овраги и озера. Там, где их не было, укрепления усиливались. Рвы в сочетании с валами, по гребню которых тянулась высокая деревянная стена из срубов толщиной до двух метров, которая в ключевых пунктах обороны усиливалась башнями (всего их по периметру стены насчитывалось 17), являлись основными элементами в обороне города. Во рвах, часто заполненных водой, и перед ними были вбиты заостренные колья, препятствующие передвижению осадной техники.

В город можно было попасть через трое ворот – в южной, восточной и западной стенах. Проезды были укреплены фортами из целой системы коленчатых валов и башни с проездными воротами. Укрепленная часть города защищала богатые торгово-ремесленные кварталы и дома аристократии, а также сакральную и общественную часть города – Джамии-мечеть, кладбища с мавзолеями, кварталные мечети и бани.

У юго-восточных ворот города был построен т.н. «Малый городок», возможно, караван-сарай для приема и размещения торговцев (см.: [Беляев, 2001]). Это прекрасный памятник как утилитарного (торгового, военного) назначения, так и, возможно, культурного характера, который остался недостроенным. По сути дела, те остатки, которые зафиксированы археологами, представляют собой только начальный этап строительства целого комплекса построек. К сожалению, из-за того, что они не были завершены и не функционировали, трудно что-то определенное сказать об их назначении. В целом же можно предполагать, что они включали в себя как караван-сарай, так и какие-то культовые здания – мечеть и ханака (странноприимный дом).

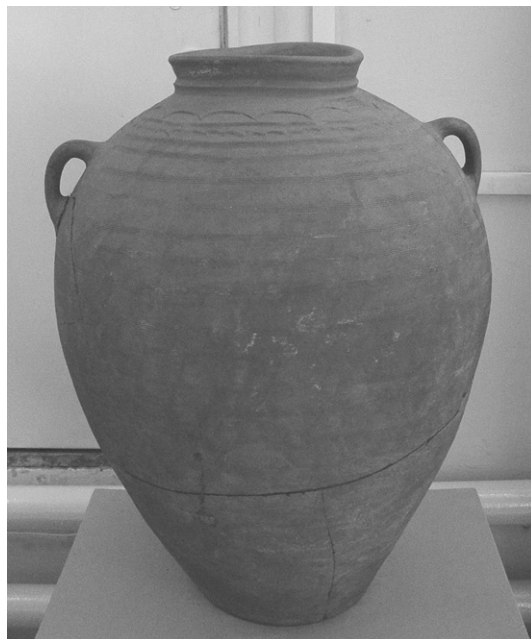
В западной части города располагалась армянская слобода, начало которой, возможно, было положено еще в домонгольское время, по крайней мере, к XII в. Но подлинный расцвет ее пришелся на XIII–XIV вв. Поскольку для населения Болгара, как и всех других городов Улуса Джучи, была характерна веротерпимость, армяне не только свободно исповедовали свою религию – монофиситский толк православной религии, но и строили культовые здания. Уникальным является и то, что в этой части города был изучен, видимо, православный храм, т.н. «Греческая палата». Принадлежал он к типу армянских поминальных храмов, где нижний ярус служил мавзолеем, а верхний – церковью, обслуживающей жителей этой армянской общины. К юго-западу от храма располагалась часовенка, к востоку – христианское кладбище. Перед погребением усопших одевали и укрывали мелковыми и парчовыми тканями, вышитыми золотой и серебряной нитями, украшенными растительным орнаментом, изображениями людей и животных. Не снимали с умерших и золотые и серебря-

ные серьги, височные кольца, подвески с жемчугом. Над могилами устанавливались надгробные камни с эпитафиями (подробнее см.: [Джанполадян, 1984]).

На мысу, у выхода к Волге, располагались торговая пристань Болгара и поселение Ага-Базар (см.: [Жиромский, 1953, с.55–63; 1954, с.325–339]). Этот район в XIV в. был одним из самых богатых, заселенный преуспевающими торговцами и ремесленниками. Здесь, наряду с деревянными домами, строились каменные сооружения, украшенные поливными изразцами, отапливаемые и снабженные водопроводом. Население составляли ремесленники и торговцы. Здесь торговали, видимо, изготавливали различные предметы быта и роскоши – керамическую круговую посуду, железные предметы, бронзовые украшения (поясные накладки, серьги, височные кольца, перстни и т.д.), а также торговали поливными сосудами из Закавказья и Ближнего Востока, седладоновыми вазами из Китая, украшениями из прибалтийского янтаря. В ходу здесь были медные и серебряные пулы и дирхемы, чеканенные в Болгаре и других монетных центрах Поволжья, Крыма и Хорезма от имени различных ханов Улуса Джучи (например, см.: [Янина, 1962, с.153–178]). Здесь же в подгорной части, очевидно, располагались кварталы, заселенные выходцами из различных стран – еврей, русские и т.д.

В период расцвета города в XIV в. здесь интенсивно развивались различные ремесла, торговля, строительство монументальных зданий, расширяется территория города за счет освоения пригородов и округи. На территории Болгарского городища археологами в разные годы обнаружены следы железоделательного производства и железообработки, косторезного, кожевенного, гончарного, каменотесного и других ремесел. Жилища представлены остатками наземных деревянных домов с подпольными и глинобитными печами, полуземлянками, домами знати из сырцового и обожженного кирпича с подпольной системой отопления. Сохранились остатки сложных гидротехнических сооружений: водопровод и канализация из глиняных труб. Находки характеризуют широкие торговые связи Болгара с различными странами Старого Света.

Подъем хозяйства региона и рост экономической мощи Болгара логично повысили его роль в политической жизни Улуса Джу-

Хум для хранения воды и зерна.
XIII–XIV вв. Болгар. БГИАЗ

чи. В восточных источниках он начинает регулярно фигурировать как один из важных торговых и религиозных центров Поволжья. В период смуты середины XIV в. город пережил несколько осад и завоеваний – поход Булат-Тимура 1361 г., осада войсками московского князя Дмитрия Ивановича в 1370 г. и 1376 г. и набеги новгородских ушкуйников 1366 и 1374 гг. Все это нанесло серьезный удар по городу, в результате чего некоторые пригороды пришли в запустение.

Тем не менее, в 70–80-е гг. XIV в. город постепенно возвращается к нормальной жизни. Вторично реконструируется Джамия-мечеть. Были прорублены два дверных и четыре оконных проема. По углам здания пристроены угловые башни, заделаны декоративные ниши на боковых фасадах дома. Определенные изменения произошли и во внутреннем убранстве – у трех входов были сделаны внутренние тамбуры; уложен третий настил пола. Внутренние опоры доведены до 36 колонн – по шести в ряд. Вокруг храма была образована площадь, удалены все деревянные сооружения и кладбище. Тогда же реконструируется «Красная палата», тогда как некоторые другие бани были заброшены.

Постепенно возрождаются ремесленные и торговые кварталы, особенно в подгорной ча-

сти, наиболее уязвимой для нападений. На месте разрушенных и сожженных мастерских и домов отстраиваются новые дома и лавки торговцев. Появляются новые более совершенные горны и зафиксирован рост производства различных изделий. Из центра города убирается ремесленный квартал. На его месте возводятся дома зажиточных горожан с постройками из обожженного кирпича, построенные на фундаментах из сырцового кирпича.

Продолжается традиция строительства монументальных культовых и общественных зданий. С середины XIV в. восточная часть города перестает быть жилой. На этой территории возникает кладбище с белокаменными усыпальницами, сложенными из известковых блоков, облицованных плитами, украшенными изысканной резьбой. Это были, очевидно, семейные склепы богатых горожан. Похороны проходили по мусульманскому обряду, причем часть умерших была погребена в гробах.

Среди этих усыпальниц выделялись четыре, соединенные в одну цельную конструкцию с отдельными входами. Центральный мавзолей был похож на другие, более ранние, располагавшиеся у Джами-мечети. Северо-западное помещение первоначально использовалось как поминальная мечеть при усыпальницах. Снаружи, ниже уровня пола, была печь с отходящими от нее отопительными каналами. Позднее печной котлован засыпали, а здание превратили в родовую усыпальницу, где были погребены восемь покойников. Над некоторыми из них были выложены кирпичные надгробия. Здесь же выстроен минарет, который, хотя и уступал своими размерами минарету Джами-мечети, но являлся значительным сооружением, сохранившимся до наших дней (т.н. «Малый минарет»). Кубовидное основание с треугольными скосами было соединено с восьмигранным ярусом, который при помощи таких же скосов переходит в круглый, сужающийся к верхней части цилиндр основной части минарета, внутри которого шла винтовая лестница. Вверху минарет имел обходную площадку вокруг периметра и завершение с конической кровлей. Поверхность минарета облицована известковыми плитами. С западной стороны основания находилась декоративная арочная ниша, богато украшенная резным растительным орнаментом. Вход, расположенный с северной стороны, вел на винтовую лестницу.

Рядом располагалось и обычное городское кладбище. Над некоторыми могилами были выложены небольшие склепы из камня, над другими установлены надгробные камни с эпитафийными надписями (см. [Аксенова, 2001; Мухаметшин, Хакимзянов, 1987]).

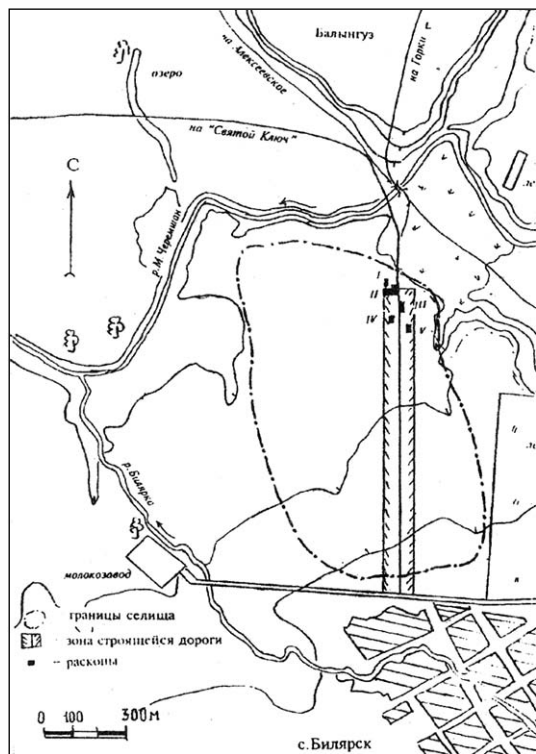
Хотя город продолжал развиваться, но его хозяйственное и политическое значение постепенно снижалось, а его функции перехватывали другие городские центры Булгарского вилайета, например, Казань. В начале XV в. Болгар переживает несколько сильнейших военных разгромов, которые предрешили его падение и привели его к упадку. В 1399 г. московские войска князя Юрия Дмитриевича три месяца разоряли булгарские города, в т.ч. и Болгар, а в 1431 г. поход московского войска под командованием князя Федора Палецкого Пестрого окончательно razорил город. После этого центр булгарской земли переместился в Казань, а Болгар стал небольшим торгово-ремесленным городом и по традиции важным центром религиозной жизни.

Биляр и его округа

Светлана Валиулина

После завоевания Биляра уцелевшее население, очевидно, переселилось в окрестные селища, которые продолжали существовать и в золотоордынское время.

Центром округа во второй половине XIII – первой половине XIV в. являлся золотоордынский Биляр – неукрепленный город площадью до 70 га, расположенный на левом берегу Малого Черемшана в 1,5 км к северо-западу от домонгольского городища [Валиулина, 2000, с.273–287]. Новый город возник на незаселенной свободной территории, лишь в юго-восточном направлении частично «накладываясь» на домонгольские памятники. Город известен по письменным источникам и находкам монет билярского чекана вкладах 70–80-х гг. XIII в. [Мухамадиев, 1997, с.57; Сингагулина, 1998, с.62]. Анализ нумизматических и эпиграфических памятников позволили утверждать, что в это время существовал не только город, но и административная единица под названием «Биляр» [Мухаметшин, 1997, с.61]. Судя по имевшемуся праву чеканки монет, золотоордынский Биляр входил в число крупнейших городов Золотой Орды – центров обширных провинций, где сосредотачивался исполни-

План Билярского III селища

тельный, управленческий и налоговый аппарат, представлявший надежную опору центральной власти [Егоров, 1985, с.139–141]. Округа этого города в радиусе до 20 км включала довольно крупные булгарские села, имевшие кладбища с надгробиями по правобережью Черемшана и к юго-западу от Биляра [Халиков, 1994, с.85].

Коллекция памятника, полученная раскопками 1994–1998 гг. и ежегодным сбором подъемного материала, включает предметы быта, ремесла, торговли, вооружения. Городской характер культуры поселения представляют дорогие престижные вещи.

Неполивная круговая посуда демонстрирует преемственность традиций в гончарстве с производством домонгольского времени. Традиционная лепная и подправленная на круге керамическая посуда составляет в среднем 54,4%. Наиболее представительна керамика, характерная для населения родановской культуры Прикамья XIII–XIV вв. (XVIII группа по Т.А.Хлебниковой). Достаточно много лепной керамики типа «джукетау».

Напротив золотоордынского Биляра, на правом берегу р. М.Черемшан располагается группа памятников золотоордынского вре-

Кувшин со штампованным орнаментом. XIII–XIV вв. Билярское III селище

мени и периода Казанского ханства: Балынгузское городище, селища, кладбище, мавзолеи [Археологические памятники, 1990, с.77–79, №719–724].

Балынгузское городище расположено на высоком берегу. Почти по всему периметру городище окружено линией вала и рва, но во многих местах они производят впечатление недостроенных (недосыпанные валы, рвы с перемычками), а в южной части нарушенных мавзолеями кладбища XIV–XV вв. Культурный слой городища имеет малую мощность и слабую насыщенность находками.

Во второй половине XIV – первой половине XV в. наиболее значительным поселением в округе выступает Балынгузское (Торецкое) III селище. Памятник занимает плоское правобережье Торецкого ручья, правого притока р. М.Черемшан, располагаясь на юго-восточном склоне холма надпойменной террасы.

Раскопками здесь выявлены жилые, хозяйственные, производственные, погребальные объекты и сооружения, получена богатая коллекция археологических, остеологических, антропологических и нумизматических материалов и исследованы мастерские металлургов, кузнецов, замочников, ювели-

Сосуд с ультрамариновой и бирюзовой глазурью.
Биларское III селище.
Биларский музей-заповедник

ров, гончаров [Валиулина, 2004, №12 (1213), с.157–191].

Продукция металлургического производства наиболее выразительно отражает высокий уровень ремесленной культуры поселения, характеризуя его как ремесленное поселение городского типа.

Другая важная функция городского центра – международная торговля также имела яркое отражение в материалах памятника – здесь найдены детали весов, свинцовые пломбы, привозная дорогая посуда (фарфоровая, поливная, штампованная), стеклянные изделия, янтарь и монеты. Дорогие престижные вещи отражают особый «городской уклад» или стиль жизни, которому, в отличие от сельского, свойственны и особые черты в архитектуре и в оформлении жилища. Единичные находки кашинных мозаичных плиток с бирюзовой и кобальтовой глазурью ежегодно встречались в процессе раскопок. Но в одном строении их было найдено более 150 штук. Очевидно, в нем полихромной мозаикой было оформлено внутреннее пространство помещения, украшена суфа.

Безусловно, огромную роль в жизни поселения играло сельское хозяйство. Об этом роде деятельности свидетельствуют многочисленные находки, как археологические (серпы, косы, сошники, жернова, детали конской упряжи, путы и др.) [Марданшина, 2004, с.122–132], так и остеологические [Асылгаева, 2001, с.79–83]. Раскопками получены выразительные материалы, говорящие о занятиях охотой, рыболовством, промыслами.

На селище обнаружена большая коллекция монет, чеканенных в первой четверти

XV в.; наиболее поздней является монета Василия Темного.

Таким образом, памятник можно датировать второй половиной – концом XIV – первой половиной XV в. и считать переходным от периода Золотой Орды к Казанскому ханству.

Рассмотренные населенные пункты отражают непрерывность заселения округа Биларского городища с домонгольского времени до периода Казанского ханства. С гибелью домонгольской столицы государства и главного центра микрорегиона жизнь в его округе не останавливается. Ее экономический и культурный потенциал был востребован и активно использовался населением в XIII–XV вв.

Джукетау

Наиль Набиуллин, Фаяз Хузин

Одним из немногих городов булгарского Закамья, не прекративших своего существования после 1236 г., является исторически известный и надежно локализованный Джукетау, археологические остатки которого расположены на левом берегу р. Камы на западной окраине современного г. Чистополь Республики Татарстан.

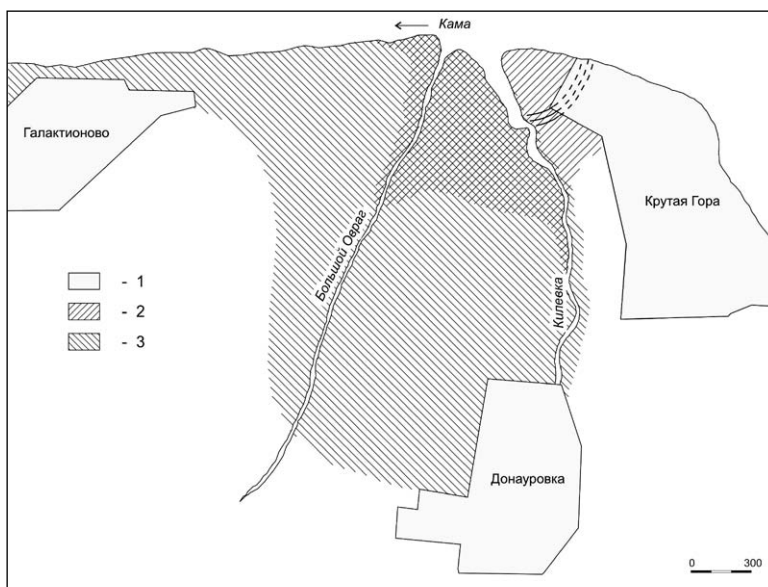
Город в середине XIII в. пережил завоевание и разрушение. На ряде участков городища и «западного посада» (Донауровское II селище), расположенного на противоположном берегу рч. Килевка, домонгольский слой перекрывается небольшой темной прослойкой сгоревшей древесины, измельченного разложившегося угля и прокаленного песка. Не исключено, что к историческим событиям 1236 г. имеют отношение фраг-

менты человеческих останков, выявленные в пахотном слое и заполнении одной из хозяйственных ям на территории городища. Стратиграфически пограничное расположение углистой прослойки между домонгольским и золотоордынским слоями, распространенность ее на значительной площади комплекса, нахождение в ней небольшого, но довольно яркого материала типа наконечников стрел-«срезней» дали основание рассматривать ее как археологические следы взятия Джукетау монголами [Хлебникова, 1975, с.234–251].

Вслед за непосредственно военными актами не удалось избежать их экономических последствий: начался уход населения в более безопасные северные районы, были нарушены связи города с округой. Однако, значительный потенциал города в предшествующий период и полное отсутствие в ближайшей округе крупных городов-конкурентов привело к некоторому приливу и концентрации населения у Джукетау и оживлению его экономики.

При исследованиях укрепленной части Джукетау была отмечена слабость золотоордынского слоя и невыразительность находок этого времени [там же]. Характерно, что оборонительные укрепления городища функционировали только в домонгольское время [Набиуллин, 1998, с.219–223]. Отсутствие золотоордынского слоя на городище объясняется тем, что его территория была не очень благоприятной для хозяйственной деятельности – высокая, далекая от воды площадка, насыщенность грунта каменистой крошкой и др.

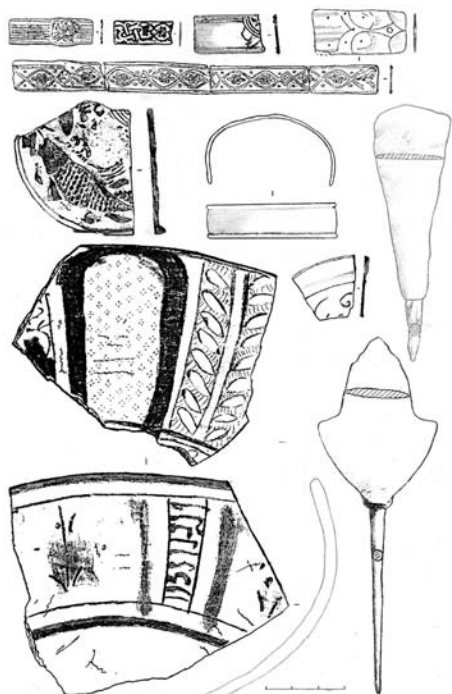
Гораздо более удобными для жизнедеятельности человека были земли на противоположном низком берегу рч. Килевка (археологически Донауровское II селище), которые начинают осваиваться еще в самом начале домонгольского времени (в этот период исторически «западный посад» города), причем отсутствие стерильных прослоек между ними указывает на непрерывность их накопления.

План Джукетауского городища. Территории: 1 – современных сел, 2 – золотоордынского города, 3 – булгарского города

Комплекс неполивной керамики из слоя носит облик, типичный для золотоордынского времени. Кроме произошедших качественных и количественных изменений внутри групп посуды широкого хронологического диапазона – группы I («общebolгарская»), XIII («джукетау») [Хлебникова, 1984; Васильева, 1993; Кокорина, 2002] – постепенно прекращается бытование целых групп, характерных для предшествующей эпохи, а также появляются новые. Прослеживается увеличение посуды со смешанными традициями изготовления («общebolгарские» формы и орнамент при крупно- и среднеспесочном тесте и заметной заглаженности поверхности, потеря наклона многорядной волны «джукетау» и др.). Появляется привозная «штампованная» керамика и местные подражания ей; в основном золотоордынским временем датируется поливная кашинная посуда. В слое этого времени найдены обломки чугунной посуды, бронзовые пластинчатые браслеты, зеркала, поливные кашинные бусы, пуговицы и пряслица, определенные типы железных наконечников стрел [Набиуллин, 2000, рис.3]. Кроме того, как непосредственно в слое и сооружениях, так и в переотложенном или подъемном виде найден ряд предметов, которые предпочтительней отнести к XIII–XIV вв. Среди них некоторые экземпляры ключей и замков.

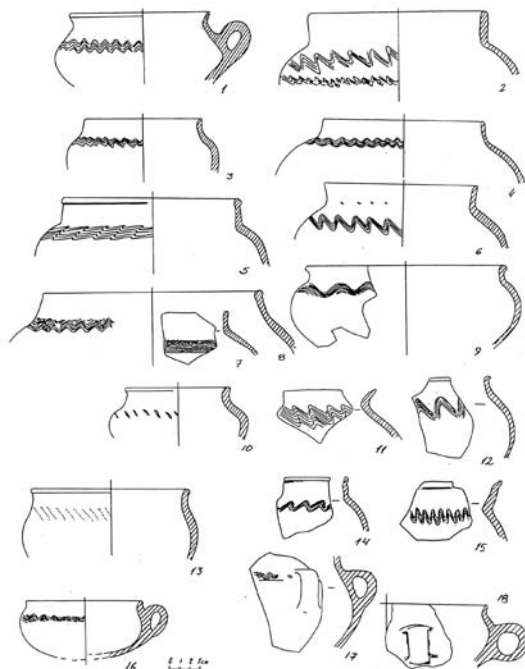
Находки монет относятся к широкому диапазону с 1240-х по 1380-е гг. Найдено так-

Археологические материалы из Донауровского II селища. Раскопки Н.Г.Набиуллина

же несколько кладов серебряных монет общим числом более 600 единиц [Федоров-Давыдов, 1963, IV, с.165–221, №57, 58, 58а].

Золотоордынский Джукетау рос путем расширения к югу и западу территории бывшего «западного посада», которая теперь стала основной и непосредственной частью города «открытого типа». В конце XIV в. его площадь достигала 150 га. Здесь изучен ряд объектов жилого, общехозяйственного и ремесленно-производственного назначения. Кладбище в золотоордынское время продолжает отступать к югу [Хлебникова, 1975, с.258, 249]. Исследователи XIX в. отмечали надгробные камни уже у д. Донауровка; по сообщениям местных жителей, здесь они неоднократно встречали человеческие черепки. В связи с этим следует обратить внимание на не совсем определенные сообщения исследователей XIX в. о надгробных камнях «напротив городища», а также, возможно, погребения на мысу этого селища [Хузин, Набиуллин, 1999, с.97]. Известное с XIX в. и утерянное ныне «Жукотинское надгробие» [Фахрутдинов, 1975, №1081] – также остатки кладбища золотоордынского Джукетау. Таким образом, золотоордынский Джукетау

Керамика типа «джукетау» из раскопок

теряет уловимые границы своей территории, «растекаясь» вглубь террасы и особенно по берегу р. Кама на несколько километров.

Следует отметить, что остатки золотоордынского г. Джукетау в археологическом понимании являются селищем, где есть следы крупных ремесленных производств, торговый инвентарий, монеты, богатые кладки, «городские» украшения; предметы весьма далекого импорта и инокультурные предметы [Набиуллин, 2001, с.53–74].

Джукетау – один из крупных ремесленных центров Закамья. Прослеживается заметная концентрация выявленных производственных сооружений черной и цветной металлургии, металлообработки, яркие следы производства – сырье и заготовки, шлак и крицы, брак и отходы производства. Культурный слой неукрепленной части Джукетау в целом чрезвычайно насыщен следами производственной деятельности, особенно шлаком и мелкими обломками кирпича. В общем комплексе культурных остатков довольно весомо представлены инвентарий и предметы труда ремесленников (бородки-пробойники, зубила, наковаленка; тигли, литейные формы и др.). Остатки гончарных горнов зафиксиро-

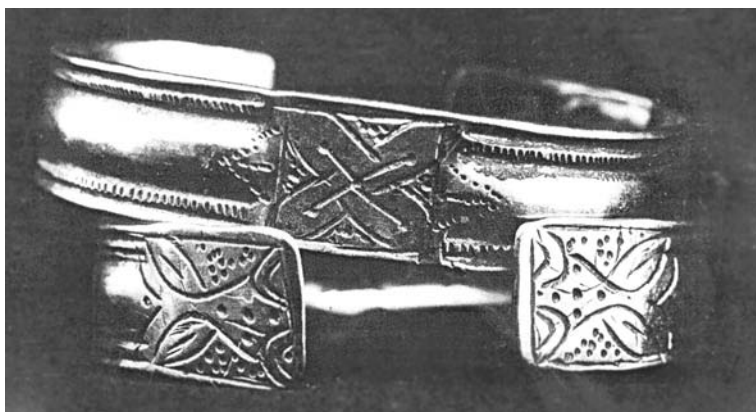
ваны на значительном расстоянии от прежней домонгольской территории города (ближе к современному с. Галактионово) [Хузин, 1994, с.141; Хузин, Набиуллин, 1999, с.90–113; Набиуллин, 1999, с.101–126]. Широко распространены неполивной керамики; производство поливной посуды, а также стеклоделие, напротив, не получают развития, что, видимо, можно объяснить отсутствием этих традиций в предшествующий период истории города, монополией Биляра.

Впрочем, жители Джукетау занимались земледелием и скотоводством; охота играла незначительную роль в хозяйстве, рыболовство – существенную.

Среди набора керамики особое место продолжает занимать традиционная посуда «типа джукетау», которая в среднем составляет половину керамического комплекса памятника. В домонгольское время наличие особой группы посуды в значительной степени было связано, очевидно, с самобытностью этнических групп, которые ее изготавливали; в золотоордынский период эти особенности керамического комплекса носят ремесленно-производственный характер.

Джукетау являлся не только одним из крупных центров местно-региональной и внутригосударственной торговли. Кроме того, что город контролировал близлежащие переправы через Каму, он, вероятно, в целом был одним из значительных центров камского торгового пути. С включением территории Волжской Булгарии в состав Улуса Джучи многие прежние международные связи Джукетау стали фактически или формально внутригосударственными. Хотя, вероятно, не стоит преувеличивать роль и значение Джукетау в общегосударственном и, тем более, международном масштабе (город не чеканил монету и т.д.), по крайней мере, во второй половине XIV в. он фиксируется в иностранных источниках – древнерусских летописях, на географических картах братьев Пицигани и Каталонском атласе (*Sacetim, Sachatim*).

С ослаблением Улуса Джучи во второй половине XIV в. связано усиление центро-

Золотые браслеты из Джукетауского клада

бежных тенденций и «сепаратизма». Как можно предполагать, во второй половине XIV в. здесь выделяется ряд земель-«княжеств», степень самостоятельности которых периодически колебалась в зависимости от могущества того или иного золотоордынского хана, возможностями того или иного удельного правителя. Одним из них, возможно, даже вторым по значимости после Болгара, оказалось известное по русским летописям «Жукотинское княжество». В летописях второй половины XIV – начала XV в. упоминаются г. *Жукотин* (*Жукотинь, Жюкотин, Жюконин, Жуконтин, Жикотин, Жукон, Жюкомен[ь]*), его жители («*жукотинцы*», «*жукотницы*») и «*жукотинские*» «князья». Постепенное угасание и запустение большого города происходило по более глубинным причинам, прежде всего, экономического характера. Очевидно, известные общеисторические события и явления этого времени – изменения в маршрутах торговых путей и перераспределение рынков, переселение в Предкамье и др. – непосредственно отразились и на Джукетау. На этом беспокойном и нестабильном фоне закономерными выглядят клады – своеобразные «индикаторы беспокойства» населения. Среди них наиболее известен Джукетауский клад ювелирных изделий с монетами (золотые динары патанских султанов Индии, чеканенные в 1340/41 г.), найденный в 1924 г. [Смолин, 1925; Набиуллин, 2006, с.31–36]. Этот богатый клад, содержащий золотые браслеты, «брошь», «футляр для талисмана», украшения из жемчуга, к сожалению, был украден, что не позволяет продолжить его полноценное научное исследование.

Сильная нарушенность верхних напластований культурного слоя Джукетау, слабая разработанность узкой хронологии поздне- и постзолотоордынских древностей затрудняют определение верхней даты жизни города. Скорее всего, она, судя по последним нумизматическим находкам, определяется концом XIV – началом XV в.

Необходимо особо обратить внимание на локализацию средневековых памятников на территории и окрестностях современного г. Чистополя. Удалось обнаружить средневековые материалы в центральной части современного города. Предполагаемый рост территории посада в южном направлении в золотоордынское время фиксируется эпиграфическими памятниками первой трети XIV в. на современном мусульманском кладбище города, расположенном вверх по течению речки. Обращает на себя внимание то, что, судя по содержанию эпитафий некоторых опубликованных [Хакимзянов, 1987] и нововывявленных памятников, захоронены здесь были представители аристократии.

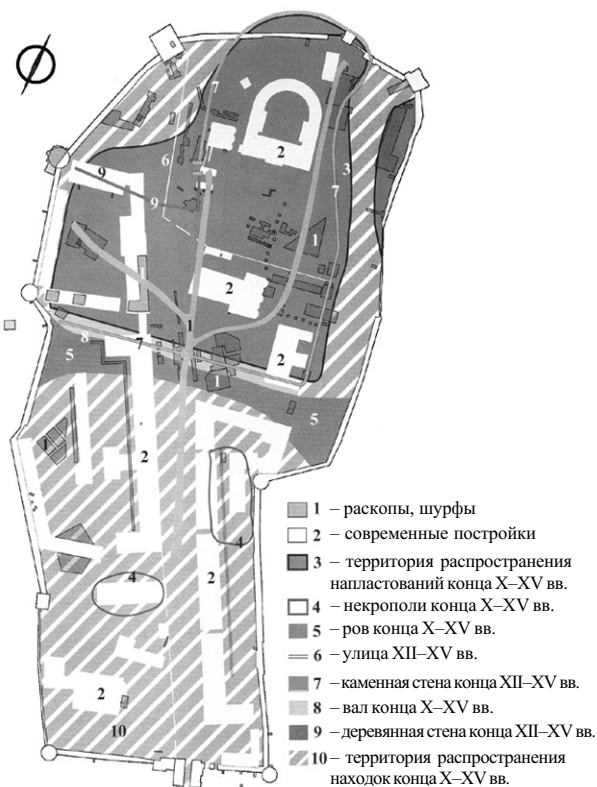
Казань в эпоху Золотой Орды

Айрат Ситдиков, Фаяз Хузин

Эпоха Улуса Джучи – важный этап в становлении Казани и дальнейшей ее истории. Во время захвата и разорения большинства крупных городов Волжской Булгарии монголами и подчинения ее населения, Казань, скорее всего, осталась в стороне. Археологических фактов, свидетельствующих о гибели города в 1236 г., не обнаружено.

Однако имеющиеся в коллекции находок из раскопок Казанского Кремля наконечники стрел, появившиеся в Восточной Европе в период монгольских завоеваний, а также следы пожара в золотоордынских слоях исследователи также склонны были связывать с походом Менгу-Тимура на Волжскую Булгарию [Древняя Казань, 1996, с.324].

С объединением Волжской Булгарии и русских княжеств в единую административно-политическую систему Джучиева Улуса роль Казани как приграничной крепости была утрачена. Но она не потеряла своего значения как административного центра округи и контролировала поселения в бассейне р. Казанки. Серьезным фактором в усилении этого региона стал приток населения из юж-

План Казани. Распространение культурных слоев средневекового города

ных областей, продолжавшийся в течение всего периода. Новым моментом в истории края стало формирование феодальной знати из пришлого населения. Об этом свидетельствуют надгробные камни на территории Кабанского городища. В новых условиях происходит постепенный рост экономического значения Казани в регионе, усиление ее роли в политической жизни Булгарского улуса Золотой Орды.

К концу золотоордынского периода Казань из окраинного города превратилась в один из заметных экономических и политических центров Среднего Поволжья [Хузин, Ситдиков, 2005, с.87–94]. Город динамично развивался и постепенно расширялся на юг по гребню Кремлевского холма. К середине XV в. неукрепленный посад города доходит до его южной оконечности. Сформировался и ремесленный посад в районе Богородицкого монастыря. Это место известно по Писцовым книгам как «Старое городище». Остатки предполагаемых его укреплений пока не обнаружены. Материалы золотоордынского времени спорадически обнаруживаются в процессе охранно-

спасательных работ, которые проводятся в последние годы на улицах города, причем даже на левом берегу р. Булак.

Ремесленное производство в этот период проникает и в укрепленную часть города. Об этом свидетельствуют найденные в Тезицком рву остатки оплавленных огнеупоров, связанных с высокотемпературным производством.

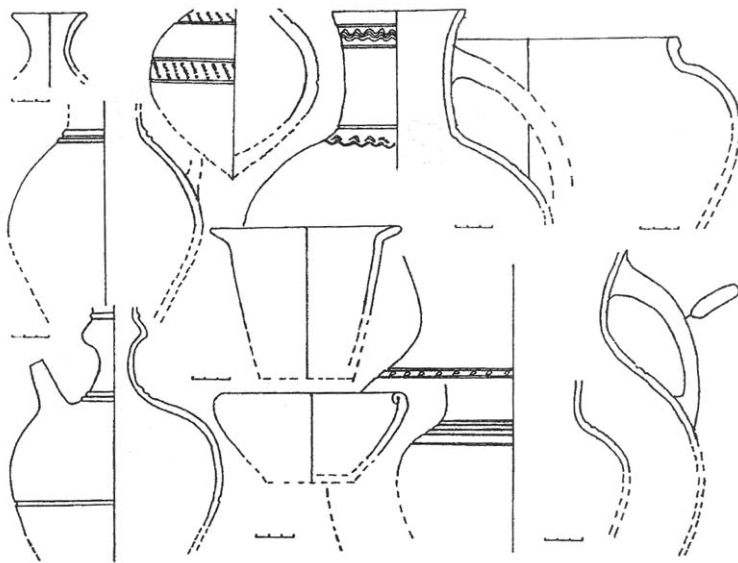
Укрепления Казанской крепости на Кремлевском холме сохранялись весь золотоордынский период в тех же размерах, что и в домонгольское время, но к первой половине XV в.

приходят в ветхость из-за того, что длительное время не проводятся ремонтно-восстановительные работы. Ров с южной стороны постепенно заполнялся грунтом, строительным и бытовым мусором.

Жилые и хозяйственные постройки на укрепленной территории, относящиеся ко второй половине XIII столетия, были расположены вдоль центральной улицы без определенной системы. В связи с притоком населения строительство в крепости начали вести более интенсивно. Это предопределило формирование в будущем регулярной застройки и создание новых улиц.

К концу этого периода в Казанской крепости возникает внутренняя планировка, просуществовавшая в основных чертах до конца XVII в. [там же]. С периодом Золотой Орды, помимо центрального каменного проезда, соотносятся еще две вымощенные деревом улицы. Одна из них, как и ранее, проходила от южных ворот к спуску в северо-восточной оконечности крепости. Другая улица шла перпендикулярно к центральной – от западной стены крепости к северо-западному краю современного здания Благовещенского собора. Все три улицы пересекались в районе южных ворот, образуя в этой части города небольшую площадь.

К концу XIV – началу XV в., как можно судить по имеющимся к сегодняшнему дню данным, относится возобновление после до-

Круговая гончарная посуда. XII–XIV вв. Казань

монгольского времени каменного строительства. В золотоордынском слое довольно часто встречаются фрагменты поливных облицовочных плиток голубого, бирюзового и ультрамаринового цветов. Они связаны с внешней полихромной облицовкой каменных зданий. Подобные сооружения известны во многих ордынских городах. Аналогичные им постройки, очевидно, возвышались и в Казани.

В городе проживало пестрое в социальном и этническом отношении население [там же]. Характер массового материала из золотоордынского слоя отличается от находок предшествующего времени. Керамическая посуда в нем представлена фрагментами сосудов, имеющих ближайшие аналогии в материалах ниже- и средневожских городов Джучиева Улуса. Истоки данной посуды прослеживаются в высокотехнологичном домонгольско-булгарском и среднеазиатском гончарном производстве. Проживание в Казани выходцев из соседних русских княжеств документировано специфичной белоглиняной посудой, характерной для гончарства Северо-Восточной Руси, отдельными находками нательных крестов и иконок. Керамический материал свидетельствует также о присутствии среди городских жителей представителей местного поволжско-финского населения.

Общеисторические процессы этого периода на развитии города сказались в целом благоприятно. Небольшое булгарское посе-

ление домонгольского времени постепенно разрастается, превратившись к концу XIV столетия в значительный политический и экономический центр Среднего Поволжья. Ослабление Болгара, особенно после событий 1361 г., приводит к усилению роли Казани в политической жизни Булгарского улуса. Казань в качестве достаточно крупного города и признанного политического центра в русских летописях начинает упоминаться с конца XIV в. [ПСРЛ, 6, с.130; 8, с.72; 10, с.169; 20, с.219; 24, с.167; 28, с.89].

Именно в этот период Казань начинает играть все возрастающую роль среди других булгаро-татарских городов Средневожского региона. Она становится новым центром на бывшей периферийной территории Волжской Булгарии. Об этом свидетельствует и чеканка монет на рубеже XIV–XV вв. от имени Гийас ад-Дина с указанием места – «Булгар» или «Булгар ал-Джадид» (Новый Булгар) [Мухаммадиев, 2005; 1999, с.253].

Усиление роли Казани в качестве торгового центра с международными связями нашло отражение в западноевропейских картах первой половины XIV–XV вв. На многих из них севернее слияния р. Волги и р. Камы на месте

современной Казани указан г. *Castrum* (*Castrama, Castarina*) – *Крепость* [Древняя Казань, 1996, с.324; Хафизов, 2000]. Развитие внутренней и международной торговли находит подтверждение в археологических материалах: привозной поливной посуде с полихромной росписью из ремесленных центров Нижнего Поволжья, Кавказа и Средней Азии, обломках селадоновых чаш из Китая, отдельных находках и кладах джучидских монет из т.н. «золотоордынского» слоя кремля.

Расположение Казани на одном из выгоднейших транзитных торговых путей на Волге, несомненно, способствовало ее дальнейшему развитию. Из небольшой пограничной булгарской крепости, преимущественно с военно-торговыми функциями на периферии Волжской Булгарии, она в период Золотой Орды превратилась в достаточно крупный региональный центр. К моменту появления на Средней Волге Улуг-Мухаммада и его сыновей ей, возможно, подчинялись уже и другие булгарские княжества. Сложившиеся обстоятельства, несомненно, сделали неизбежным превращение города в столицу Казанского ханства.

§ 4. Улус Мохши

Геннадий Белорыбкин

В составе Золотой Орды на границе с Русью на рубеже XIII–XIV вв. возник улус Мохши, который в русских летописях назывался *Наручадская орда*. Она располагалась в среднем течении р. Мокши на границе современной Пензенской области и Республики Мордовия. Столица улуса – г. Нуриджан (Наручадь) располагалась на территории современного с. Наровчат, где сохранились следы Наровчатского городища. Оно располагалось между рр. Шелдаис и Лапыжовка и занимало площадь около 250 га.

Город Мохши был открыт в 20-х гг. XX в. А.А.Кротковым, затем в 60-х гг. исследовался А.Е.Алиховой, а в 90-х гг. – Ю.А.Зеленевым и Г.Н.Белорыбкиным [Кротков, 1928; 1938; Алихова, 1948; 1959; 1969; 1973; 1976; Полесских, 1970; 1977; Зеленева, 1991; Белорыбкин, 1995; 2003; Белорыбкин и др., 1999; Белоусов, 1995]. В результате изучения го-

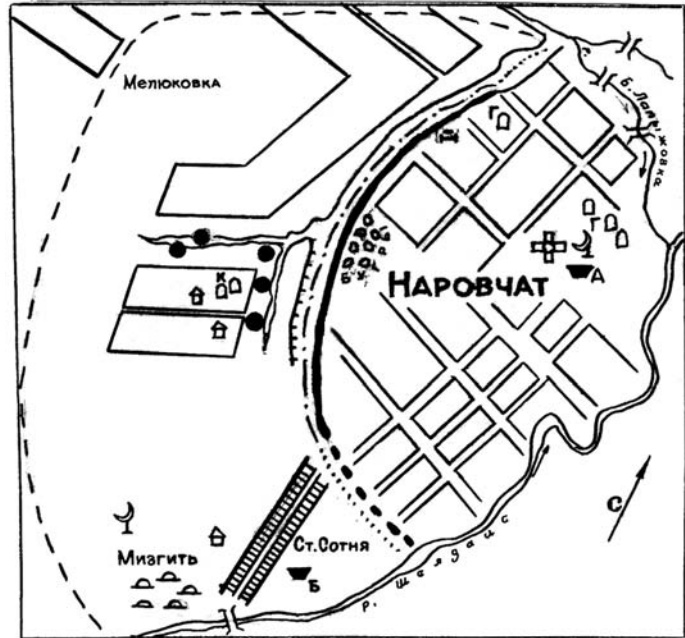
родища и окрестных памятников XII–XIV вв. удалось раскрыть основные вехи в истории как города, так и улуса Мохши.

Город, вероятно, возник в XI–XII вв. и был частично разрушен в ходе нашествия войск Бату на Русь в 30–40-е гг. XIII в. Часть населения была уничтожена, часть переселилась, а часть вошла в состав монгольского войска [ПСРЛ, 10, с.211].

Земли по бассейну рр. Мокши и Суры играли важную роль в хозяйстве Золотой Орды, являясь основным поставщиком хлеба, меда, воска и продуктов охоты [Кротков, 1928, с.77]. В результате г. Нуриджан возродился и к концу XIII в. превратился в крупный экономический и торговый центр Примокшанья.

В начале XIV в. здесь чеканятся монеты с указанием места чекана – «Мохши». Сюда стали стекаться богатства со всей округи, что привело, с одной стороны, к развитию ремес-

План Мохши (Нуридждана)
(по Г.Н.Белорыбкину)

□ - жилой дом ● - баня ▫ - горн / К - кирпичный, Г - Гончарный /
 ▨ - караван-сарай ▽ - могильник: А - Наровчатский, Б - Старо-
 сотенский ▲ - мавзолей ☞ - мечеть ○ - вал - - - - - ров
 - - - - - граница г. Мохши ⊕ - современная церковь

ла и торговли в городе, а с другой стороны, к обнищанию местного населения в ближайшей округе. Об этом свидетельствуют как материалы окрестных поселений, так и инвентарь в погребениях городской мордвы на Старосотенском могильнике, расположенном на юго-западной окраине города [Белорыбкин, 2003]. В то же время начинается строительство жилых домов, мечетей, караван-сараяв, личных и общественных бань и других строений из кирпича и камня [Кротков, 1938; Алихова, 1976; Зиливинская, 1990]. Во многих имелось подпольное отопление. Широко развивается инфраструктура – прокладываются водопроводы и канализация из глиняных труб. Отличительной чертой города была неравномерность застройки, которая характеризуется плотно застроенным центром, вокруг которого располагались усадьбы на значительном удалении друг от друга.

В постройках г. Нуридждан отчетливо прослеживаются новые архитектурные традиции, которые проявились в строительстве Соборной мечети, мавзолеев и бань. Все они носят явные следы сельджукского влияния.

Есть предположение, что хан Узбек после 1313 г. жил здесь и, возможно, именно здесь решил принять ислам в качестве государственной религии. Не случайно тут была построена Джамия-мечеть из белого резного известняка – одна из первых золотоордынских мечетей. Возле мечети располагается небольшое мусульманское кладбище.

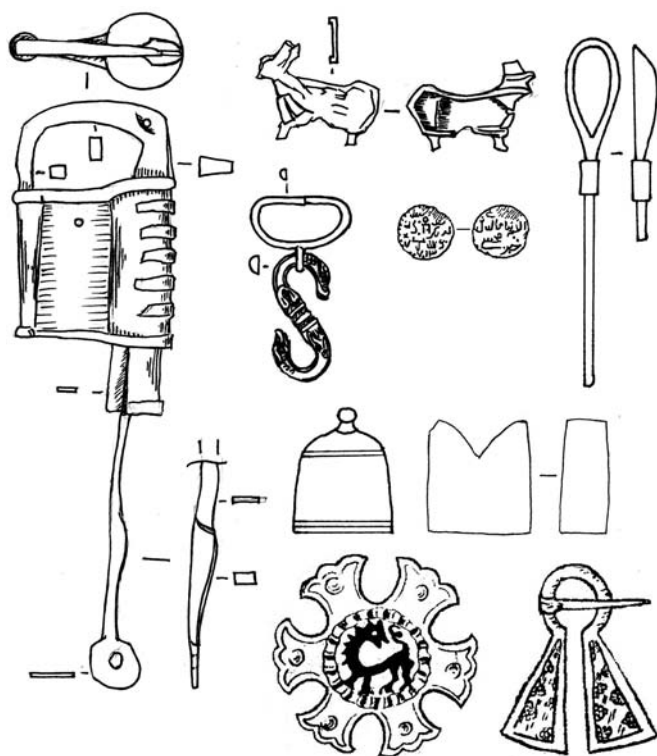
Здесь же находились и производственные комплексы – гончарные, кирпичные и кузнечные мастерские. Ремесленники изготавливали высококачественные изделия: от топоров, оружия и горшков с зеленой поливой и голубой глазурью до замков, шкатулок и украшений.

На западной окраине города в районе под названием Мизгитъ находится мусульманское кладбище с мечетью и мавзолеями из кирпи-

ча [Алихова, 1973]. Мавзолеи самые разнообразные: одни состоят из четырех комнат, другие из одной. Разным было и количество погребенных, но все сделано строго по мусульманским обычаям.

К середине XIV в. уже не было никаких крепостных укреплений, как и в других золотоордынских городах, поэтому поселение раскинулось на большой территории. Нашлось здесь место и для монетного двора, который сначала чеканил медные монеты (пулы) с надписью «Нрджн», а с 1313 г. и серебряные дирхемы с чеканом «Мхш». Чеканка мохшинских монет была грубой, и они практически не имели орнамента. На монетах встречаются имена ханов и эмиров Токты, Узбека, Кильдибека, Тагая, Булат-Тимура [Белоусов, 1995; Белоусов, Голубев, 1998]. Монеты также свидетельствуют о широких контактах улуса Мохши с другими регионами Золотой Орды. На территории города встречено множество монет из других городов, монеты с чеканом Мохши в других городах.

К 30–50 гг. XIV в. Мохши достигает вершины своего развития. Территория улуса распространяется на востоке до р. Суры, на западе до р. Цны, на севере до бассейна р. Теша, на юге до р. Хопер. Об этом свидетельствуют

Бытовые предметы из археологических раскопок.
Нуриджан

как изделия г. Нуриджан (Мохши), так и монетные клады по всей территории улуса [Полесских, 1970]. С началом в Золотой Орде «замятни великой» Мохши оказался в центре военно-политического противостояния.

В 1361 г. город захватил Тагай. В 1365 г. он предпринял удачный поход на Рязанское княжество, но на обратном пути у Шишовского леса был разбит русской дружиной и вынужден был бежать. Пришлось покинуть ему и улус Мохши.

В 1367 г. город попал под власть Булат-Тимура, но ненадолго, т.к. правящая верхушка Мохши решила заключить союз с Рязанью. Ориентации на русские земли способствовала и потеря традиционных связей с южными и восточными городами и государствами, чьи монеты перестали поступать в город из-за военных столкновений внутри Улуса Джучи. Но остаться в стороне Мохши не удалось. Нет сомнений, что в эти годы город переживал тяжелые времена. Приходило в упадок ремесло и строительство, люди покидали насиженные места и уходили на более безопасные земли, как правило, на север.

Последний удар по существованию г. Мохши нанес Аксак-Тимур, который в 1395 г. во время погони за Токтамышем уничтожил город «Машкав» [Сафаргалиев, 1960]. Пришел в упадок и весь улус. Крупные феодалы постепенно уходили из улуса Мохши (Наручадской Орды) и поступали на службу к московским князьям.

§ 5. Укек и его округа

Леонард Недашковский

Регион г. Укека (располагавшийся в центральной части современной Саратовской области) занимал в Поволжье важное стратегическое положение между болгарскими городами на севере и нижеволжской агломерацией на юге.

Остатки золотоордынского Укека (Увекское городище) располагаются на правом берегу Волги на южной окраине Заводского района современного Саратова у пос. Увек и Нефтяной. Сейчас городище почти полностью застроено.

Укек с востока был ограничен р. Волгой, с запада – горой Каланча (высота 135 м), а с севера – р. Увековкой (Увешей). Увекское городище имело укрепления в виде рва и земляного вала, протянувшихся от Каланчи к Волге. С юга к городу примыкали обширные кладбища с мавзолеями и каменными надгробиями.

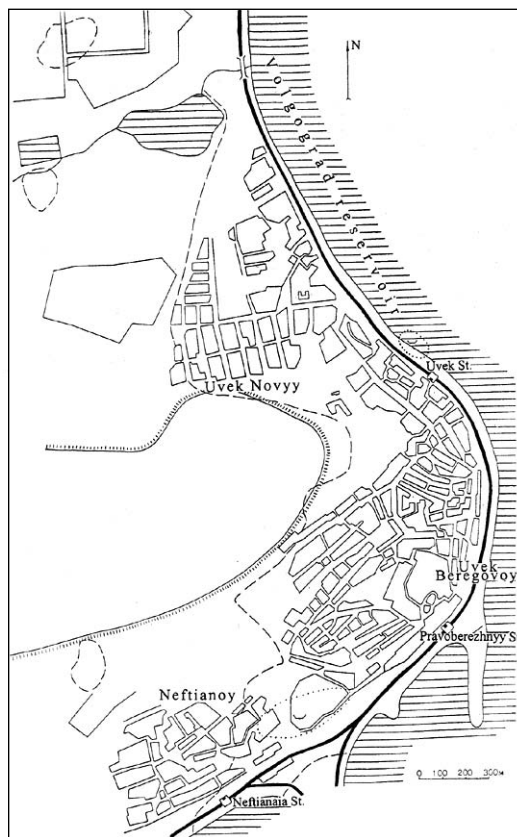
Размеры Увекского городища составляют более 3,3 км с севера на юг и почти 1,4 км с запада на восток. Площадь городища в настоящее время превышает 205 га, но городище веками размывалось Волгой, следовательно,

площадь Укека в период существования Улуса Джучи была гораздо больше. Судя по территории, можно предполагать, что население города в период его расцвета было около 9–10 тыс. человек, что было достаточно большой величиной для средневекового города.

Укек являлся одним из ранних и довольно крупных городов Золотой Орды (его основание можно отнести к концу 40-х – 50-м гг. XIII в.). В нем, как и в других значительных городах Улуса Джучи, чеканились монеты (в 1266–1312 гг.), это говорит о большой политической роли города. Период наиболее активной экономической жизни города, судя по монетным находкам, пришелся на 1270–1360-е гг.; в последней трети XIV в. город, как и многие другие центры Золотой Орды, приходит в упадок, вызванный десятилетиями междоусобных войн и ослаблением ханской власти. Связь гибели города с разгромом его Тамерланом подтверждается письменными, археологическими и нумизматическими источниками, которые говорят о том, что Укек как город прекратил свое существование в самом конце XIV в.

Доля дирхемов 1266–1291 гг. для Увекского городища составляет 10,6%, что в несколько раз превышает соответствующие показатели для других городов Улуса Джучи; доля серебряных монет Токты также сильно завышена – 19,2% от всех найденных дирхемов. Доля дирхемов Узбека на городище составляет 25,2%. Серебряных монет Джанибека в Укеке меньше, чем в других крупных городах Улуса Джучи – 25,8%. Дирхемы периода междоусобицы конца 50-х – начала 80-х гг. XIV в. представлены 25 экз. (16,6%). Почти все они отчеканены от имени ханов, правивших в узкий хронологический промежуток между 1357 и 1367 гг. Дирхемы конца 60-х – 70-х гг. XIV в. на Увекском городище представлены единственным экземпляром (Каганбек, 777 г.х.), что, очевидно, указывает на упадок обращения серебряных монет в Укеке в этот период. Имеются указания лишь на 3 датированных серебряных монеты Токтамышша 785–788 г.х. Это позволяет говорить об окончательном угасании обращения дирхемов в Укеке в конце 80-х – 90-х гг. XIV в.

Активное обращение пулов в Укеке начинается лишь в правление Узбека (17,3%). Пик находок медных монет, также как и серебряных, падает на правление Джанибека (54,7%).

План Увекского городища

Доля медных монет 1357–1368 гг. в Укеке составляет 27,4%.

Большой вклад в изучение данного золотоордынского города внесли Х.М.Френ, Г.С.Саблуков, П.А.Пономарев, А.А.Кротков, Б.В.Зайковский и Ф.В.Баллод. Археологические раскопки Увекского городища многократно проводились в 90-е гг. XIX – первой четверти XX в. Наиболее известны и подробно опубликованы материалы раскопок 1913 и 1919 гг., когда были вскрыты остатки кирпичного мавзолея с девятью аристократическими захоронениями в нем и горны для обжига изразцов, использовавшихся при строительстве мавзолея, а также прилегающие сооружения и склепы. С 1993 г. Укек и его округа ежегодно изучаются отрядом археологической экспедиции Казанского государственного университета под руководством Л.Ф.Недашковского.

В окрестностях Укека располагался целый ряд поселений и могильников как оседлого, так и кочевого населения. Округа золотоордынского Укека сложилась еще в последней

Дирхем хана Токты. Лицевая сторона с надписью: «Султан / верховный Гийяс / Токтогу (строка написана уйгурской графикой) / справедливый, да продлится жизнь его»; оборотная сторона: «Нет бога, кроме / Аллаха, Мухаммад посланник / бога. Чекан / Укека». Ок. 706–707 г.х. (1306–1308 гг.)

четверти XIII – начале XIV в. и просуществовала вплоть до гибели города в конце XIV в. В окрестностях золотоордынского Укека оседлое население заметно преобладало над кочевым. Кочевой мир преобладал на левобережье Волги, где располагался домен золотоордынских ханов и где, судя по данным письменных источников, кочевали их ставки. На правобережье же, по нашим данным, сильнее были традиции оседлости. Кочевнические могильники располагались часто недалеко от поселений, что говорит о взаимопроникновении, симбиозе кочевого и оседлого укладов жизни в округе Укека. Однако инвентарь кочевнических захоронений рассматриваемой территории, в большинстве своем, значительно отличается от инвентаря с Увекского городища и других поселений, что, очевидно, обусловлено разными системами хозяйства – кочевым скотоводством, с одной стороны, и оседлыми земледелием и ремеслом, с другой.

Значительная часть (вероятно, большинство) населения к середине XIV в. исповедовала ислам: в Укеке и его округе более половины из всех известных науке захоронений совершено по мусульманской обрядности. Судя по многочисленным находкам крестиков, каменных и бронзовых иконок, деталей хоросов (паникадил), было распространено и православие, пришедшее с территории Руси, а из Западной Европы проникает католичество. Монгольская верхушка Укека, продержавшаяся у власти, по крайней мере, до третьего десятилетия XIV в., судя по находкам металлических фигурок человека («ильтаханов», символизирующих душу че-

Бронзовая крышка сосуда с серебряной инкрустацией и благожелательной надписью. Укек

ловека и прикреплявшихся к онгонам – изображениям монгольских божеств) и по другим особенностям материальной культуры, сохраняла свои шаманистские верования.

В округе Укека, также как и в самом городе, прослежено наличие значительного количества инокультурных (незолотоордынских) материалов: это предметы, которые преимущественно можно связать с древнерусским и древнемордовским кругом памятников. По материалам погребальной обрядности прослеживается присутствие в Укеке и его округе, помимо кыпчаков, населения центральноазиатского (монгольского) происхождения, доминировавшего среди городской аристократии.

Древнерусские материалы зафиксированы на 17 из 53 поселений; количественно, по имеющимся данным, древнерусская керамика составляет на данных поселениях от 1,1% до

50% всех керамических материалов, что свидетельствует о присутствии русского населения не только в Укеке, но и на части окружающих его золотоордынских поселений.

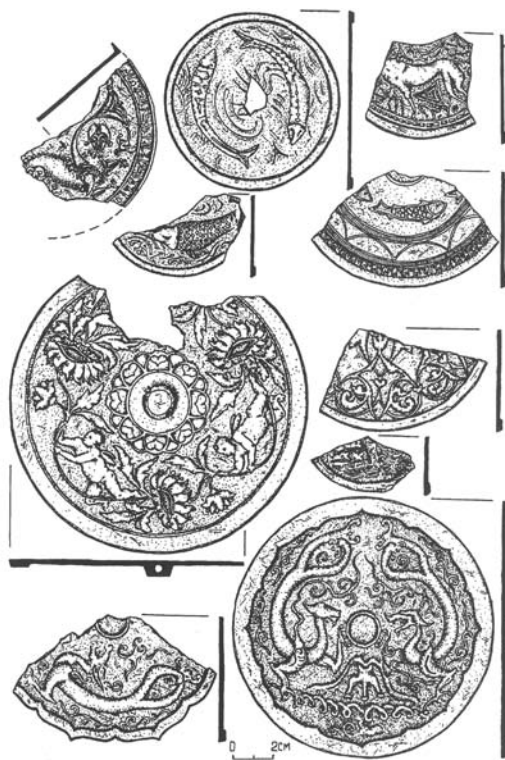
Следует отметить и присутствие мордовских материалов на 6 поселениях. Однако они не столь многочисленны, как древнерусские, и встречены лишь на правобережье Волги (причем лишь в северной и центральной части рассматриваемого нами района – ближе к собственно мордовским памятникам XIII–XIV вв.).

Укек дал богатые собрания предметов материальной культуры, некоторые из которых являются подлинными произведениями искусства [Недашковский, 2000; Nedashkovsky, 2004].

На Увекском городище найден ряд весовых гирек и деталей весов. О размахе торговли в Укеке свидетельствуют 11 найденных на его территории монетных кладов (в окрестностях города найдено еще 10 кладов), более 1450 зарегистрированных на городище находок единичных монет, а также изделия явно не местного производства. Из Укека и его округа известны находки монет Хулагуидов, а также древнерусских княжеств, фрагменты амфор трапезундского и трилийского происхождения, поливная керамика Причерноморья (в технике «сграффито»), Ближнего и Среднего Востока (с люстровой росписью и в технике «минаи»), другие изделия ближне- и дальневосточного, среднеазиатского и западноевропейского ремесла.

В отношении истории города особенно интересны сведения дошедших до нас письменных источников.

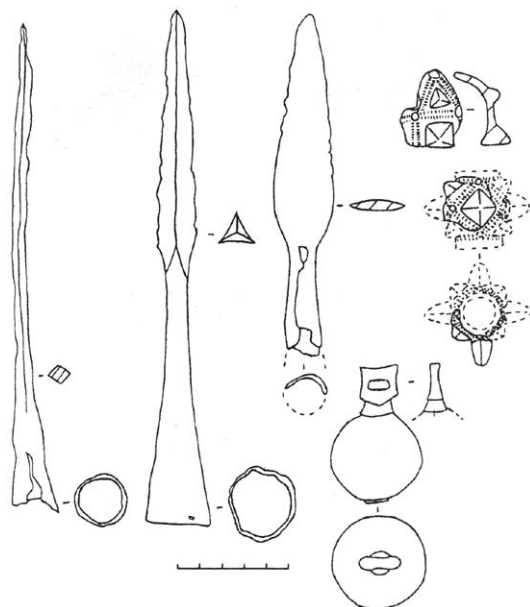
По письменным сведениям эпохи Золотой Орды, Укек предстает перед нами как один из старейших собственно золотоордынских городов. Первое бесспорное упоминание Укека содержится уже в книге знаменитого венецианского путешественника Марко Поло, отец и дядя которого побывали в этом городе в 1262 г. В западноевропейских документах (три из которых датированы 1320-ми, 1330-ми и 1370–1380-ми гг.) сообщается, что в Укеке в XIV в. существовала одна из опорных баз католических монахов-францисканцев. Название «Укек» в итальянской транскрипции обозначено и на западноевропейских географических картах Франциска и Доминика Пицигани (1367 г.) и Фра Мауро (1459 г.). Об Укеке со-

Зеркала золотоордынского производства. Бронза. Укек. XIII–XIV вв.

общают и сочинения восточных авторов первой трети XIV в.: «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран») Абу-л-Фиды и «История Вассафа». Упомянут Укек и в географическом сочинении ал-Омари, секретаря египетского султана в первой половине XIV в. В ходе странствий по Золотой Орде в 734 г. (1333/1334 г.) город посетил знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута: «Мы направились к городу Укаку... – городу средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей» [СМИЗО, 1884, с.302–303].

Ал-Калкашанди (1355–1418), характеризуя административное деление Золотой Орды, упоминает Укек в составе крымской провинции со столицей в Солхате, а также указывает, что египетский султан регулярно переписывался с правителями золотоордынских городов, в т.ч. и Укека; его сведения, очевидно, относятся к XIV в. Упоминания об Укеке содержатся и в других источниках XV–XVI вв. («Аноним Искендера», ал-Гаффари, Аали-эфенди). В персидских сочинениях первой четверти XV в., повествующих о походах Тимура про-

Предметы вооружения. Укек. XIII–XIV вв.
НМ РТ (по И.Л.Измайлову, Л.Ф.Недашковскому)

тив золотоордынского хана Токтамышша, в числе городов, разрушенных в 1395 г., упоминается и Укек. Низам ад-Дин Шами, в частности, писал, что Тимур «вслед за врагами дошел до области Укек... Разграбив всю ту область, (войска) взяли много добычи» [СМИЗО, 1941, с.121]; Шараф ад-Дин Йезди также упоминает «(земли) Укека... со всем к ним принадлежащим и относящимся» [там же, с.185] – это единственные упоминания в источниках округа Укека.

Важным вопросом является выяснение хронологии золотоордынских памятников центральной части Саратовской области, рассмотрение этапов становления и развития округа золотоордынского Укека.

Лучшим датирующим материалом, имеющимся в нашем распоряжении, бесспорно являются джучидские монеты (они присутствуют в материалах 65 из 159 зафиксированных памятников). Нумизматический материал позволяет, опираясь на этапы денежного обращения в Золотой Орде, уверенно выделить четыре основных этапа развития округа Укека. Первый этап – с 1266 по 1310 г. (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Токты), второй – с 1310 примерно по 1365 г. (с реформы Токты до начала массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет), третий – с 1365 по

1380 г. (период разгара междоусобицы в Улусе Джучи) и четвертый – с 1380 по 1395 г. (правление Токтамышша).

Монеты, чеканенные в первый период (1266–1310 гг.), найдены на 14 памятниках. Наиболее ранние, точно датирующиеся монеты относятся к 1273–1287 гг., к концу правления Менгу-Тимура и к правлению Туда-Менгу. Еще в девяти случаях отмечены находки монет эпохи Токты (1291–1312 гг.). На основании этого материала можно утверждать, что округа золотоордынского Укека сложилась еще в последней четверти XIII – начале XIV в.

Находки монет и кладов второго этапа (1310–1365 гг.) охватывают 41 объект, причем на 23 из них отмечены находки монет начального периода междоусобицы – 1359–1365 гг. Отсюда следует, что период расцвета округа Укека, как и период наивысшего расцвета Золотой Орды в целом, относится ко времени правления Узбека (1312–1342 гг.) и Джанибека (1342–1357 гг.), а на начальной стадии междоусобицы наметившийся упадок еще не приобрел таких катастрофических масштабов, как на следующем, третьем этапе. Дирхемы 1342–1365 гг. (всего одна монета периода междоусобицы датируется более поздним временем – 774 г.х.) составляют 56,6% всех серебряных монет из округа Укека, тогда как для самого города эта цифра составляет всего 42,4%.

Монеты третьего периода (1365–1380 гг.) найдены всего на трех памятниках, не считая Увекского городища, – по одной на каждом. Монетных кладов третьего, как и первого, этапа не зафиксировано. Следовательно, есть все основания полагать, что это было время, характеризующееся значительным запустением рассматриваемой территории, экономическим кризисом, вызванным десятилетиями междоусобицы.

И, наконец, монеты и клад четвертого этапа (1380–1395 гг.) встречены в девяти случаях, три из которых – клад, а два – единичные находки. Помимо Увекского городища монеты этого времени встречены лишь на трех поселениях. Мы можем заключить, что экономический подъем эпохи Токтамышша был не столь значительным, хотя и в округе Укека он имел место: доля пулов этого времени в окрестностях Укека выше, чем на городище, хотя дирхемов не найдено вне кладов вообще. Примечательно, что самая поздняя джучидская

монета, обнаруженная в рассмотренном районе, датируется 797 г.х. (1395 г.) – годом разорения Тамерланом поволжских городов, с которым мы можем связывать окончательный упадок и гибель не только Укека, но и окружавших его поселений.

Несомненный интерес вызывает и географическое размещение памятников округа Укека на различных этапах ее развития. На первом этапе 6 (42,9%) из 14 памятников, датированных монетами, размещались на левобережье Волги. Во второй период памятники левобережья даже количественно преобладают над памятниками правобережья, где располагалось всего 19 (46,3%) из 41 объекта этого времени. Ситуация кардинально меняется на третьем и четвертом этапах (их целесообразно рассмотреть здесь вместе ввиду малочисленности известных памятников – их всего 10):

на левобережье Волги зафиксировано лишь 2 (20%) объекта, а на правобережье – 8 (80%).

Возможно, количественное преобладание памятников левобережья Волги над памятниками правобережья (где располагался и сам г. Укек) на втором этапе (1312–1365 гг.) связано с градостроительной политикой золотоордынских ханов: пока была сильна ханская власть, функционировали поселения на левобережье, находившиеся на маршруте кочевания ханской ставки второй половины XIII – середины XIV в. Когда же ханская власть ослабела, и ставка стала кочевать лишь в низовьях Волги – на третьем и четвертом этапах, в 1365–1395 гг., – жизнь в округе Укека теплится почти только на правобережье Волги, преимущественно лишь в ближайших окрестностях золотоордынского Укека, тесно связанных с ним экономически.

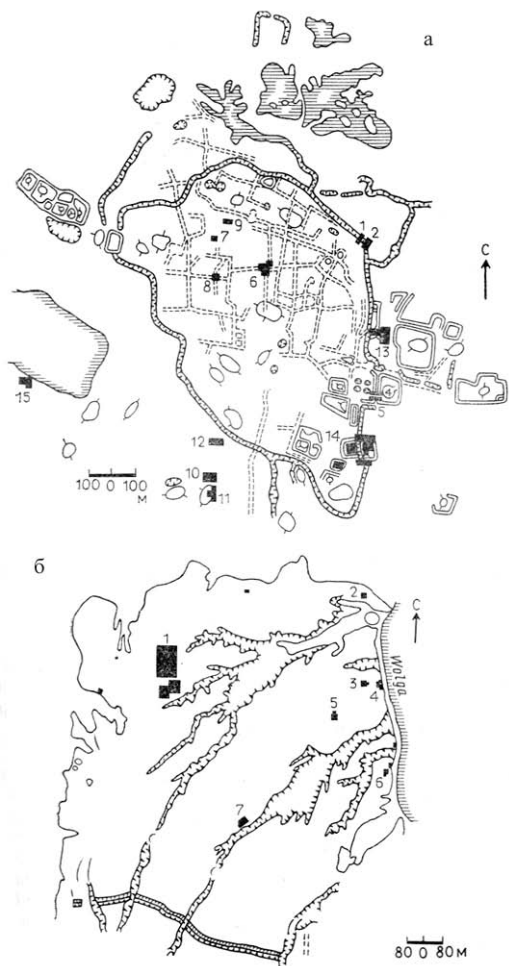
§ 6. Нижнее Поволжье и столицы

Искандер Измайлов, Юрий Зеленева

Сердцем Улуса Джучи было Нижнее Поволжье. Именно в этой области, которая, по словам арабского историка второй половины XIV в. Ибн Халдуна, была «богата возделанными местами (т.е. населенными пунктами. – *И.И., Ю.З.*)» [СМИЗО, 1884, с.378], находились два средневековых мегаполиса Улуса Джучи – Сарай ал-Махруса (Богохранимый Сарай) и Сарай ал-Джадид (Новый Сарай), а также другие крупные города: Хаджи-Тархан (близ современной Астрахани), Бельджамен (Водянское городище), Укек (близ современного Саратова), Гулистан (очевидно, близ современного Волгограда) и Сарайчук (современный пос. Сарайчик, севернее г. Гурьева), которые вместе с десятками городков и поселений, их окаймлявшими, образовывали густонаселенный земледельческий оазис, тянувшийся по обоим берегам Волги вдоль всего нижнего течения, а также вокруг рр. Дон и Урал. Здесь находился политический, экономический и культурный центр империи, место, где происходило средоточие огромных материальных и людских ресурсов – во многом за счет регулярного ограбления провинций и развития мировой торговли – и уже в конце XIII в. произошел небывалый, стремительный рост и расцвет городов, особенно столичных.

После монгольского завоевания Нижнее Поволжье не сразу стало центром вновь создаваемого государства. В первое десятилетие после возвращения из похода в Европу зимней ставкой Бату-хана был Болгар, а степи Нижнего Поволжья были районом летних кочевков ханского двора с его окружением и принадлежащими им стадами. Во второй половине XIII в. и в первой половине XIV в. основным районом летнего кочевания был район, ограниченный на востоке Нижней Волгой, на западе Нижним Доном, а на юге предгорьями Кавказских гор. Северная точка этого района кочевков отмечается в месте наиболее близкого схождения Волги и Дона относительно друг друга.

С начала 50-х гг. XIV в. Нижнее Поволжье все более превращается в политический и экономический центр империи. В первую очередь, сказалось наличие достаточного количества природных ресурсов для ведения здесь многоотраслевого хозяйства. Важную роль сыграли, очевидно, традиции оседлости, которые непрерывно существовали здесь еще в VIII–IX вв., а в XI–XII вв. здесь существовало несколько городов с центром в г. Саксин, находившегося под политическим влиянием Волжской Булгарии.

Планы городищ Улуса Джучи: а – Царевское (Сарай ал-Джаид), б – Водяное (Бельджамен) (по Г.А.Федорову-Давыдову)

Занятие земледелием, особенно бахчевым хозяйством, было возможно с опорой на плодородные земли и водные ресурсы Волго-Ахтубинской поймы. Жаркое лето и мягкая зима позволяли уже в средние века культивировать здесь многие овощные и плодовые культуры.

Огромное значение для экономического развития края имели проходящие здесь с глубокой древности торговые пути. Волжский торговый путь связывал Верхнее и Среднее Поволжье с их пушниной и хлебом со скотоводческим Нижним Поволжьем и рынками Закавказья, Ирана и Средней Азии. Начиная с раннего средневековья, этот путь использовался для транспортировки товаров из Северной Европы в Азию и наоборот. Сухопутная артерия связывала Хорезм и лежащие во-

сточнее территории с Нижним Поволжьем и через него с Крымом, а впоследствии, в связи с усилением торговой деятельности итальянцев в Причерноморье, с Южной Европой [Федоров-Давыдов, 1998; Fedorov-Davydov, 2001, p.7, fig.2].

Таким образом, в Нижнем Поволжье имелись все предпосылки для формирования здесь экономического центра, нужен был только административный ресурс, без которого этот процесс был бы невозможен. К тому же нужно отметить, что период XIII–XIV вв. в степях Восточной Европы характеризуется благоприятными климатическими условиями с повышенной атмосферной увлажненностью, что создавало дополнительные возможности для быстрого экономического развития этого региона [Сергацков, 2002, с.72]. Дрожжи оседлости в условиях политической и хозяйственной стабильности в Улусе Джучи, замещенные на поступления значительных богатств от завоеваний и участия в международной торговле, возшли целым рядом городов, окруженных сельской округой.

Вдоль берега волжской протоки Ахтубы, несомненно, располагался именно такой урбанистический центр империи Джучидов. Здесь находятся два крупнейших археологических памятника XIV в.: Селитренное и Царевское городища, которые не без основания связываются с крупнейшими мегаполисами Золотой Орды. Кроме того, здесь известны останки ордынских городищ, которые имели меньшие размеры, но, возможно, также были крупными для своего времени населенными пунктами. Это такие памятники, как Ахтубинское городище, Хаджи-Тархан, Красноярское городище и др. Между этими населенными пунктами, практически на всех удобных местах вдоль берега Ахтубы, находятся небольшие населенные пункты, отдельно стоящие усадьбы и дома, а также кладбища и мавзолеи, в т.ч. и монументальные мавзолеи у пос. Лапас Астраханской области, отождествляемые с усыпальницами наиболее могущественных ханов Улуса Джучи. Не зря и у путешественников XIV в., и у современных археологов создается впечатление об очень больших размерах золотоордынских городов в Нижнем Поволжье, т.к. границы населенных пунктов весьма условны.

Первая столица Золотой Орды, построенная монголами в Восточной Европе – Сарай

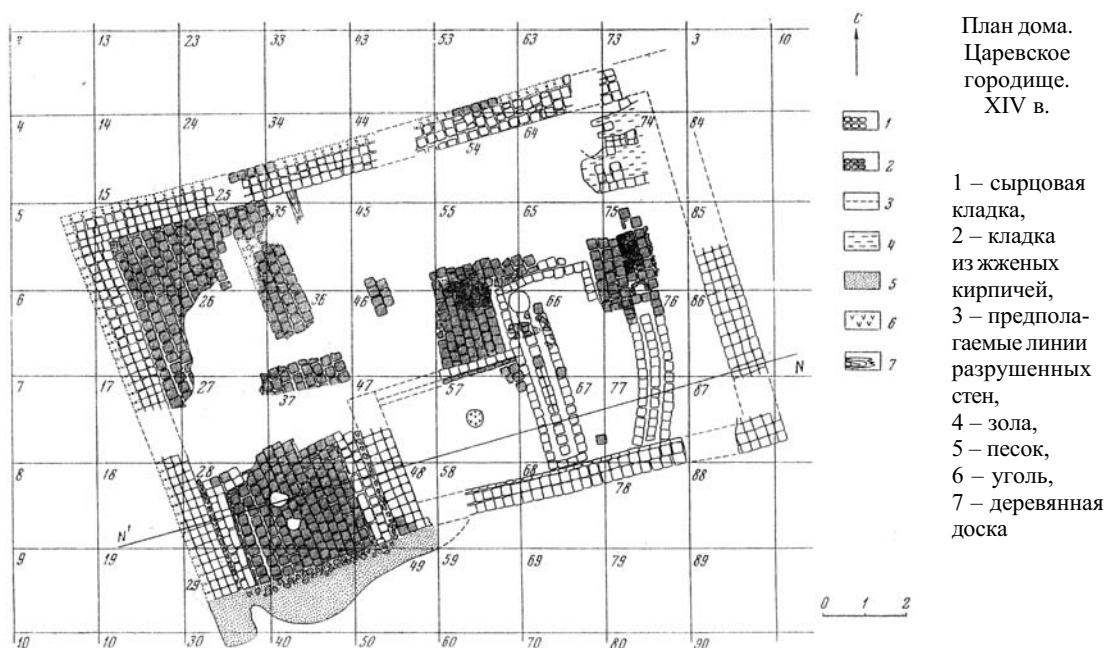
или Сарай ал-Махруса, ныне расположенная на левом берегу Ахтубы у с. Селитренное (Астраханская обл.), была основана Бату-ханом еще в начале 50-х гг. XIII в. на месте переправы через Волгу, во всяком случае, в 1254 г. папский посланник Гильом де Рубрук уже видел здесь «новый город, построенный Бату на Этилии...» [Путешествия, 1957, с.330].

Судя по описанию Рубрука, г. Сарай и дворец Бату, находившийся на левом берегу р. Волги (или ее протоки), был основан Бату-ханом в 1254 г., т.е. более 750 лет тому назад. Правда, анализ записок Рубрука не дает возможности точно локализовать местоположение самого Сарая. Скорее всего, местом постоянной зимней ставки хана Сарай стал несколько позднее своего основания. Данный факт, видимо, происходит в 70-х гг. XIII в., свидетельством чего стало начало монетной чеканки в этом городе. Монеты Сарая оформляются сначала по образцу болгарских монет времени Менгу-Тимура, затем по образцу монет Хорезма [Федоров-Давыдов, 2003, с.13].

Перенесение ханской ставки в Нижнее Поволжье дало необходимый толчок для реализации благоприятных условий развития, существовавших в регионе. Спустя 30 лет город значительно разросся и начал чеканить монету с указанием места выпуска – «Сарай» или «Сарай ал-Махруса» [Мухамадиев, 1983, с.13–14]. Некоторое время город, видимо, имел в основном административные функции, но постепенно происходило развитие ремесел, в первую очередь, для удовлетворения запросов знати, но в XIV в., в связи со стабилизацией обстановки в Орде, происходит всплеск торговой и производственной активности. Город разрастается и превращается в настоящий гигант общей площадью с пригородами около 36 кв. км [Баллод, 1923а, с.31; Федоров-Давыдов, 1994, с.24–27]. Только центральные городские кварталы, определенные по данным археологии, раскинулись на площади 20 кв. км [Егоров, 1985, с.115; Федоров-Давыдов, 1994, с.26]. В средневековье плотная городская застройка Сарая, его пригороды, обширные сады, огороды и замки знати, слившиеся в единый массив, производили огромное впечатление на современников своими масштабами и великолепием. Даже такой искушенный и много повидав-

ший путешественник, как Ибн Баттута, описывая его, с удивлением пишет, что «город Сарай – один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми с красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы выехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня. Совершили там молитву полуденную, поехали и добрались до нашего жилища не раньше как при закате. Однажды мы прошли его в ширину, пошли и вернулись через полдня, и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов» [СМИЗО, 1884, с.306].

По мнению современников, число жителей города достигало 75 тыс. человек [там же, с.550]. Недаром Сарай считался крупнейшим городом Европы, а вероятно, даже всего Востока, сравнимым с Багдадом, Каиром, Константинополем и Римом того времени. Будучи важным политическим центром, город отличался высоким уровнем благоустройства, в нем имелись централизованные водопровод и канализация, а большинство дворцов и общественных построек было сделано из сырцового кирпича. Археологические раскопки выявили целый ряд богатых построек. Одна из них, размерами более 600 кв. м, была центром целой усадьбы. В центре этой постройки находился зал для парадных приемов. Перед ним располагалась большая комната, с полом, выстланным кирпичом и бассейном в центре зала, вода в который поступала и вытекала через систему подпольных каналов, соединенных с городским водопроводом. За бассейном возвышалась кирпичная платформа с балдахином или шатром, где должен был восседать хозяин дома. Из комнаты двери вели во внутренние покои, где имелись жилые комнаты, с подпольным отоплением и лежанками, а также в комнаты для прислуги [Федоров-Давыдов, 1994, с.60–62]. Такой же, но только гораздо больший дворец имел и хан, о котором ал-Омари пишет: «Место пребывания царя там большой дворец, на верхушке которого находится золотое новолуние... Дворец окружают стены, башни да дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимние помещения» [СМИЗО, 1884, с.241].

Внутри города ныне определены целые ремесленные кварталы, жители которых специализировались на своем особом производстве: металлургия и металлообработка, гончарство, стеклоделие, ювелирное и косторезное дело и т.д. Все они вырабатывали продукцию не только для внутреннего потребления, но и на экспорт [Федоров-Давыдов, 1994, с.20–27]. Однако еще большее значение для такого расцвета Сарая имела мировая транзитная торговля. Именно через Сарай в XIV в. проходили знаменитые пути, по которым в Европу поступали шелк и восточные пряности, а также предметы роскоши [Федоров-Давыдов, 1998, с.38–54]. Сарай был настоящим «золотоордынским Вавилоном», в котором жили монголы, кыпчаки, аланы, черкесы, русские, болгары, византийцы и итальянцы. Каждый народ имел свой квартал со своими культовыми зданиями, кладбищами и, главное, базарами. В целом же, основное население города, как, видимо, и других нижневолжских городов, было мусульманским и тюркоязычным.

Другим важнейшим экономическим центром страны в XIV в. был город, развалины которого расположены ныне близ с. Царев (Волгоградская обл.). В отечественной историографии до недавнего времени было принято считать, что название этого города было Сарай ал-Джадид, однако, в последнее вре-

мя идея о существовании в Улусе Джучи двух городов с названием «Сарай» подвергается сомнению. Некоторые исследователи предложили называть этот город «Гулистаном», по названию одного из крупных центров чеканки монет, ареал которого приходится на район между Укеком и Сараем. Анализ нумизматических и археологических данных подтвердил сообщения письменных источников о возникновении этого города в начале XIV в. – в годы правления хана Узбека. Не случайно, что и похоронить себя он велел именно там [Федоров-Давыдов, 1994, с.20–24, 27–31]. Подлинного расцвета город достиг уже при жизни его сына хана Джанибека, когда сюда перебрался ханский двор и здесь началась чеканка монеты [Мухамадиев, 1983, с.15–17].

Многолетние раскопки, начатые еще в середине XIX в. А.В.Терещенко и продолженные в 20–30-е гг. XX в. Ф.В.Баллодом, А.Ю.Якубовским, а в 60–80-е гг. проводившиеся В.Л.Егоровым, М.Д.Полубояриновой, Т.В.Гусевой и Ю.А.Зеленевым [Гусева, 1985; Егоров, 1985, с.112–114; Федоров-Давыдов, 1994, с.20–45; 1998а, с.3–15], позволили довольно подробно изучить это городище, выявив остатки хорошо распланированного и благоустроенного города. Площадь города только в пределах валов и рвов, созданных в 1360-е гг. для защиты центра го-

рода в период смуты, составляла около 2 кв. км [Егоров, 1985, с.113]. Центром его служила широкая площадь на пересечении главных улиц, которые по радиусам расходились во все стороны. Здесь выявлены районы аристократических усадеб и бедных кварталов, жилые и ремесленные постройки, культовые сооружения.

Особый интерес представляет юго-восточная часть города, имевшая несколько другую застройку. Здесь пространство между улицами было занято усадьбами, состоявшими из большого дома, водоема и хозяйственных построек, которые были окружены стенами. Как правило, эти усадьбы довольно богаты. Для их украшения применялись майоликовые кашинные изразцы с надглазурными и подглазурными орнаментами, среди которых наиболее выразительными являются растительные и арабесковые. В окрестностях города, особенно на юге и востоке, выявлены обширные пригороды, представлявшие собой крупные замки-усадьбы (некоторые площадью до 26 тыс. кв. м), вокруг которых концентрировались мелкие усадьбы и небольшие жилища. Здесь обнаружены усадьбы богатых ремесленников и их подмастерьев, выявлены остатки косторезных, ювелирных и гончарных мастерских. В доме ювелира найдены тигли с каплями золота, обрезки золотых пластин и проволоки, заготовки, бронзовые матрицы, инструменты, готовые изделия и ювелирный горн. Не исключено, что в этой же мастерской изготавливали изумительные золотые и серебряные сосуды с пышной орнаментацией, а также поясные наборы и украшения сложных, вычурных форм, выполненных в технике скани и зерни. Все исследованные замки имели сходную планировку: в центре четырехугольного пространства, обнесенного кирпичной стеной, располагались дом владельца, сад с несколькими небольшими водоемами – хаузами, а по периметру усадьбы – хозяйственные постройки и дома воинов, челяди и рабов. Сама планировка и богатые находки из этих замков указывают на то, что это были резиденции ордынской аристократии. Первоначально район усадеб представлял, вероятно, ядро города.

Постепенно складываются районы бедноты и торгово-ремесленные кварталы. Городские кварталы, прорезанные узкими улочками и арыками, были густо застроены небольшими глинобитными домами. Внутри каждо-

Фрагмент камня с резным орнаментом.
Селитренное городище. XIV в.
Раскопки А.А.Бурханова

го квартала был, видимо, большой хауз. Все эти кварталы принадлежали, скорее всего, рядовым горожанам. Как и во всяком восточном городе, проблема водоснабжения здесь была жизненно важной. Установлено, что большая часть улиц имела арыки, которые сетью каналов соединялись с большими искусственными озерами, сооруженными на северной окраине города, созданными для водоснабжения города и борьбы с тальми водами с сырта, грозившими городу затоплением [Федоров-Давыдов, 1998а, с.10–11]. Характерно, что до 60-х гг. XIV в. город не имел общей крепостной стены, настолько Орда была сильна, и только с началом смуты появилась необходимость в укреплении столицы. Вокруг города расположено также несколько крупных мусульманских кладбищ с мавзолеями-дюрбе.

Первоначальная планировка вновь создаваемых городов имеет все черты монгольской традиции. Очень много сходства с планировкой Каракорума. Основными ее элементами является отсутствие центра города в том виде, в котором мы привыкли его видеть в Европе,

на Руси, в Волжской Булгарии, а также на Ближнем и Среднем Востоке. В соответствии с этими принципами усадьбы хана и других представителей социальных и административных верхов располагаются по степи без видимого порядка, не создавая определенного городского центра. Отсутствуют также городские стены, которые в других цивилизациях являются одним из главных отличий городского от не городского поселения, что и отражено в этимологии русского слова город. Т.е. в ордынском и монгольском городе отсутствует начальная, как укрепленный его центр. Первоначальное ядро города, по определению Г.А.Федорова-Давыдова, составляла совокупность свободных стоящих в степи усадеб [Федоров-Давыдов, 1973, с.85].

Позднее, в период расцвета ордынских городов, в них идет формирование торгово-ремесленных кварталов. Раскопки и топографическое изучение Царевского и Селитренного городища показали, что в торгово-ремесленных кварталах складывается новая планировка города, причем этот элемент градостроительства находится под сильным среднеазиатским влиянием. В посаде, который не был привязан к укрепленной цитадели, начинает формироваться свой собственный центр, который постепенно превращался в городской центр. Атрибутами этого центра, так же как в городах мусульманского востока, становятся городская площадь, с находящейся на ней соборной мечетью, и рынок. «Отдельных домов и отдельных кварталов-усадьб здесь нет» [там же, с.87]. Обращает на себя внимание тот факт, что на Водянском городище имеется более или менее серьезная система фортификации, состоящая из трех линий валов, что сильно отличает это городище от других золотоордынских городищ [Мыськов, 2002, с.32, рис.2].

В период правления Узбека в нижневолжских золотоордынских городах оформляются торгово-ремесленные кварталы. Ни на одном из этих городов слоев и сооружений более раннего времени не обнаружено. Расцвет их относится ко второй четверти – середине XIV в., а с 60-х гг. этого столетия все они приходят в упадок. Таким образом, период расцвета золотоордынских городов Нижнего Поволжья продолжался не менее полувека.

В связи с переселением в золотоордынские нижневолжские города мусульманско-

го населения из других регионов Улуса Джучи и Среднего Востока, а также быстрого процесса мусульманизации местного городского населения в городах развивается строительство культовых зданий. Видимо, во всех городах Нижнего Поволжья были построены мечети, часть из которых в настоящее время известна по результатам археологических раскопок. При этом культовая архитектура нижневолжских золотоордынских городов развивалась в традициях мусульманского Среднего Востока [Fedorov-Davydov, 2001, p.90–92], а важнейшее влияние на золотоордынскую архитектуру оказало сельджукское культовое зодчество.

Во второй четверти – середине XIV в. усадьбы зажиточного населения размещаются не только как отдельно стоящие посреди степи объекты, но и среди городской застройки. Это связано с постепенным включением обособленно стоящих усадеб в расширяющуюся городскую среду, а также со строительством некоторых усадеб в торгово-ремесленной части города, что было явным отходом от культурных монгольских традиций. Примером такой усадьбы может служить раскопанная на Селитренном городище усадьба, в которой дом имел центральный зал с возвышением, на котором мог располагаться хозяин во время приема посетителей [там же, p.107].

Довольно распространенным типом жилья в торгово-ремесленных районах золотоордынских городов являлись землянки. Они относятся к разным периодам существования городов. Землянки Царевского городища имеют разные размеры, но в целом общие конструктивные особенности. Справа или напротив входа находилась суфа с отопительными системами – канами, которая примыкала к одной из стен землянки [Зеленеев, 1998, с.34, рис.5]. В одном случае сохранились остатки камышовой крыши. Правда, определить форму крыши пока не представляется возможным [там же, с.2].

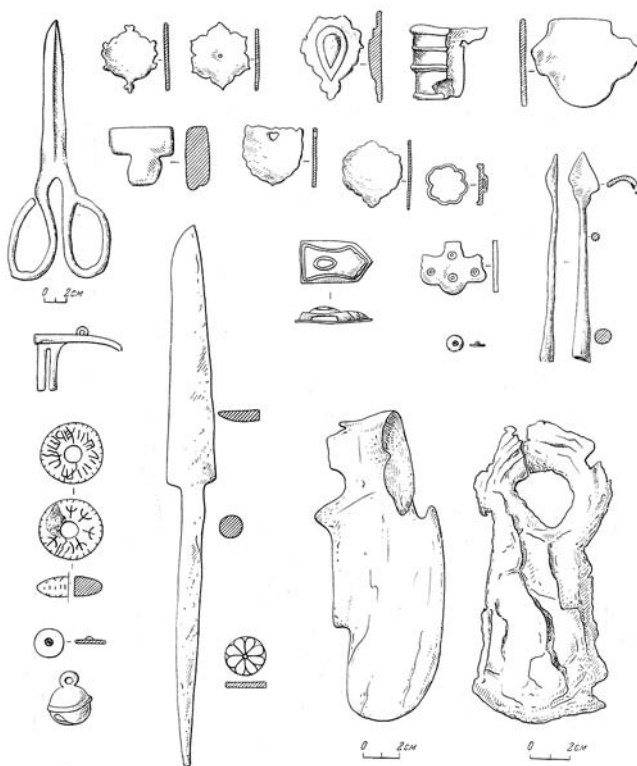
Кроме землянок, торгово-ремесленные кварталы золотоордынских городов застраиваются наземными домами. Они строятся на сырцовом цоколе. Иногда стены также возводились из сырцового кирпича. В некоторых случаях можно предположить наличие деревянных стен, но сырец в качестве основного строительного материала все-таки преобладает. Пол в таких жилищах или глино-

битный, или выложенный сырцовым кирпичом. Основой отопительной системы была топка из обожженного или сырцового кирпича, от которой шли каналы канов, которые чаще всего выкладывались сырцовым кирпичом. Подобными сооружениями посад Сарай ал-Джадида начинает застраиваться с середины XIV в. Дома такой конструкции, но без отопительной системы с каналами сохранились у народов Волго-Уральского междуречья до настоящего времени.

Создается впечатление, что наибольший погром Царевское городище перенесло в период «Великой замятни». Зафиксированы следы разрушения. К ним относятся костяки погибших жителей, лежащие среди разрушенных построек [Зеленеев, 1995, с.11]. В одной хозяйственной яме находились кости 10-летнего ребенка, в которых застрял наконечник стрелы [Зеленеев, 1996, с.18]. Характерно, что в верхних слоях Царевского городища, которые по монетному материалу датируются 60-ми гг. XIV в., отсутствуют постройки из сырцового или обожженного кирпича. Постройки этого времени – это, как правило, легкие наземные деревянные конструкции, чаще всего, плохо сохранившиеся для реконструкции.

В городах Нижнего Поволжья развивались различные виды ремесла. К наиболее развитым видам ремесла относится обработка цветных металлов и производство ювелирных изделий. Различные инструменты, относящиеся к этим ремеслам, весьма часто находят на Нижневолжских золотоордынских городищах. Так, льячки были найдены на Царевском и Водянском городищах [Мыськов, 2003, с.8].

Высокоразвитым было и гончарное производство. Изготавливались различные типы неполивной и поливной посуды. Остатки гончарных мастерских с горнами, имеющими сложную конструкцию, обнаружены на различных золотоордынских городищах. На наиболее крупных из них (Селитренное городище) выделяются целые гончарные кварталы. Традиции керамического производства в нижневолжских городах Золотой Орды складывались на основе как восточноевропейских

Орудия труда и бытовые предметы. XIII–XIV вв. Царевское городище (по Г.А.Федорову-Давыдову, И.С.Вайнеру, Т.В.Гусевой)

традиций предшествующего периода (волжско-булгарской, аланской), так и на базе среднеазиатских, и в несколько меньшей мере закавказских традиций керамического производства. Аналогии монгольской керамике имеют только некоторые типы серо-глиняных тазов и хумов [Федоров-Давыдов, 2001, с.200–202].

Как и другие города Улуса Джучи, нижневолжские города и поселения были важными торговыми пунктами, привлекавшими купцов со всего цивилизованного мира. В некоторых случаях прослеживается их расположение строго в 40–60 км друг от друга в разных направлениях, т.е. на расстоянии дня караванного пути. При раскопках здесь были найдены китайский фарфор и селадон, византийские иконки, итальянская стеклянная посуда, эмалированное сирийско-египетское стекло, индийские золотые монеты и арабские ткани. Практически до конца XIV в. нижневолжские и причерноморские города были главными воротами, через которые шел в Европу поток китайского шелка и восточных пряностей. Многочисленные караваны, идущие из серд-

Чаша с полихромной росписью и рельефом под прозрачной поливой. Кашин. Сарай. XIII–XIV вв. (прорисовка Н.Ф.Лисовой)

ца Азии, не только обогащали Улус Джучи, но и включали его в мировой взаимообмен товарами и идеями, делали его немаловажной частью средневекового Старого Света [Федоров-Давыдов, 1998, с.38–59].

Города Поволжья были также крупными культурными центрами, где развивались литература и искусство, формировались общеразговорный и литературный языки. Основным языком общения в золотоордынских городах и степных районах Улуса Джучи были различные диалекты кыпчакского языка. Именно на основе этого языка (огузо-кыпчакского типа тюркского языка) в городах Золотой Орды начало формироваться общегородское койне. Свидетельством этого служат, например, указания итальянского финансиста XIV в. Франческо Пеголотти, который в своем руководстве для торговцев рекомендует тем, кто собирается вести торговые дела в Орде, иметь переводчиков, знающих куманский (т.е. кыпчакский) язык [Pegolotti, 1936, с.21–22]. О том, что в городах Золотой Орды своеобразным *lingua franca* был кыпчакский язык, свидетельствует словарь *Codex Cumanicus*, составленный в XIII–XIV вв. в одном из городов Улуса Джучи [Radloff, 1887; Радлов, 1884, с.52–53;

Абдуллин, 1974, с.166–185; Наджиц, 1979; Махмутова, 1982].

О характере этого языка и его распространенности среди различных слоев городского населения могут свидетельствовать археологические находки. Особо внимания заслуживает лопатка быка из Царевского городища, на которой тушью нарисованы две рожицы и написано по-кыпчакски: «Карикатура, клянусь Аллахом. Руку приложил Али... сын Мухаммада (сделал?)» [Вайнер, Федоров-Давыдов, 1963, с.245–246; Усманов, 1963, с.246]. Сохранились также тюркские стихи, процарапанные на большом кувшине, обнаруженном в Сарайчике:

*«Лишив меня чести и славы,
ты отнял у меня чашу золотую.*

*Наполнив чистым вином
чашу, обратил ее в золото»* [Самойлович, 1913, с.8].

Именно на основе этого общегородского койне и норм литературного караханидского (и, видимо, болгарского) языка сформировался литературный золотоордынский язык – поволжский тюрки [Самойлович, 1927, с.27; Усманов, 1979, с.101–106; Нуриева, 2004]. На нем созданы такие произведения старотатарской литературы, как «Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сарай, «Мухаббат-наме» ал-Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба, «Нахдж ал-фарадис» («Открытый путь к раю») Махмуда ас-Сарай ал-Булгари, «Кысас ал-анбийа» («История пророков») Рабгузи и многие другие известные, но, очевидно, не дошедшие до нас произведения (см.: [Наджиц, 1989; Средневековая татарская литература, 1999, с.63–91; Нуриева, 1999]). Определенно, что в XIII – начале XIV в. монгольские указы и дипломатические документы частично переписывались или дублировались на кыпчакском языке (например, знаменитая жалованная грамота Узбек-хана венецианскому послу А.Дзено, данная в 1332 г., была переведена на латынь с «куманского» [Diplomatarium, 1880, с.243–244; Григорьев, 1981, с.81–83], но уже со второй половины XIV в. и по XVI в. в качестве официального

государственного языка используется исключительно тюркский (кыпчакский или старотатарский) язык [Усманов, 1979, с.101 и сл.]. Поволжский тюрки функционировал среди татар Восточной Европы в качестве литературного языка вплоть до середины XIX в. [Фасеев, 1966; Махмутова, 1982].

Одновременно в среде интеллигенции и знати были распространены персидский и арабский – языки поэзии и богослужений. Особенно широким было проникновение их после принятия при Узбек-хане ислама, когда арабская графика начинает функционировать как ведущая форма письма, а арабский и персидский становятся полноправными языками золотоордынской культуры. Известны не только переводы персидских поэм на тюркский язык, но и прекрасные персидские четверостишья на изразцах и блюде:

«О сердце! Смотри на мир по своему желанию».

Смотри, как люди подвергаются в нем испытанию, подобно Нюю в течении 1000 лет (его жизни).

Смотри, как в мире много разведено садов и цветов.

Смотри, сколько воздвигнуто на свете исполинских дворцов и чертогов.

Смотри, во сколько тысяч атласов и золотых парчей гордо облачились (люди).

И вслед за тем уничтожили их»

[Федоров-Давыдов, 1976, с.204–205].

В XIII–XIV вв. в Сарае жили видные писатели и ученые, творившие по-арабски и по-персидски: шейх Сад ат-Тафтазани, написавший ряд книг по риторике и праву (среди них комментарий к «Матн ат-тахлис» ал-Казвини); Мухтар ибн Махмуд аз-Захиди (конец XIII в.) – знаменитый имам и знатный факих Ибн Баззази (начало XIV в.), создавший «ал-Фатави ал-Баззази» («Изречения ал-Баззази»), высоко оцененные современниками, и многие другие [аль-Холи, 1962, с.27–33].

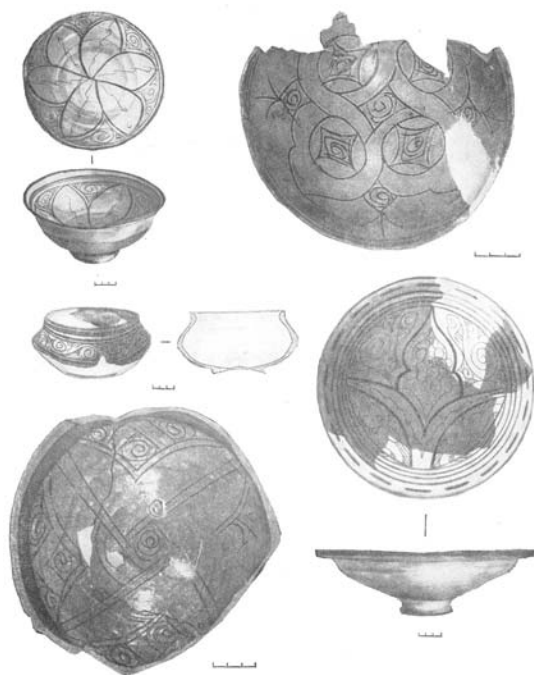
Население Нижнего Поволжья в начале золотоордынского времени отличалось поликонфессиональностью, что, возможно, отра-

Архитектурный изразец с персидской надписью.
XIV в. Сарай

жало и ситуацию предшествующего периода. Процесс исламизации, который ранее шел стихийно, принимает более интенсивный характер после того, как Узбек лично принял ислам и вознамерился возвести его в ранг единой религии государства. Нужно отметить, что при Узбеке наибольшее влияние в области религиозной жизни имели выходцы из Хорезма, например шейх Номан. Миссионерскую деятельность по обращению в ислам золотоордынских кочевников также наиболее интенсивно вели хорезмийцы [Малов, Малышев, Ракушин, 1998, с.110–112; Измайлов, 2002б, с.38–60]. О значительном количестве выходцев из Средней Азии говорят настенные надписи, обнаруженные в золотоордынских городах, например, «Бухари», «Хварезми (Хорезми)» [Мыськов, 2001, с.25, 39].

В XIV в. начинают распространяться погребальные сооружения, которые можно связать с населением, исповедующим ислам. Это, в первую очередь, погребения с прямоугольными оградами из сырцовых кирпичей. В большинстве из них соблюдаются каноны мусульманского погребального обряда. Невозможно заметить, что такие погребальные сооружения тяготеют к районам с наличием оседлого населения, хотя они известны и до-

Посуда с полихромной росписью и рельефом под прозрачной поливой. Сарай. XIII–XIV вв. (по Н.М.Булатову)

вольно далеко от Волго-Ахтубинского района. Наиболее полно такие захоронения изучены на городских кладбищах Золотой Орды – у Царевского и Красноярского городищ. Такие сооружения оставлены городским мусульманским населением, возможно, со среднеазиатскими корнями. Разнообразие погребальных памятников на городских и пригородных могильниках свидетельствует о разных уровнях мусульманизации населения Улуса Джучи в первой половине – середине XIV в. Судя по всему, подавляющее большинство городского населения в этот период исповедовало ислам, хотя вольности в некоторых обрядах позволяют говорить, что господствовавший здесь ханафитский мазхаб довольно лояльно относился к некоторым суевериям.

Волжские и Волго-Донские степи в конце XIII – начале XIV в. занимали кочевники, которые оставили после себя подкурганые захоронения, хорошо датируемые этим временем по некоторым предметам, например, зеркалам [Захариков, 2003, с.62]. Подкурганые кочевнические захоронения этого времени, совершенные по языческому обряду погребения, исследованы в районах, примыкающих

к Ахтубе, например Бахтияровские могильники [Ситников, 2001, с.43]. Следует отметить, что уже во второй половине XIII в. среди погребений могильников из Подонья, Заволжья и Южного Приуралья значительное число (около 40%) состоит из безинвентарных погребений, весьма сходных с мусульманскими погребениями. Очевидно, они являются показателем быстрого распространения ислама в кочевую среду. Постепенно во второй половине XIV в. все курганные могильники прекращают свое существование и сменяются грунтовыми могильниками с погребениями, совершенными по мусульманскому обряду.

Подводя итог вышесказанному, нужно отметить, что в градостроительстве и материальной культуре золотоордынских городов постоянно смешивались различные этнокультурные традиции. Это было связано со многими причинами, но, в первую очередь, с полиэтничностью золотоордынского города. Тем не менее, очевидно, что, особенно начиная с рубежа XIII–XIV вв., идет процесс формирования единого комплекса культуры ордынского города, что, видимо, обусловлено языковой, конфессиональной и этнокультурной консолидацией, которая в нем происходит, влияя на этнокультурные процессы во всем государстве.

Золотоордынская цивилизация – яркая страница истории мировой культуры. В Джучиевом Улусе был создан пышный имперский стиль, впитавший в себя традиции многих народов, но не в хаотическом скоплении разнородных элементов, а в системе органично слитых явлений, перекрытых мощно звучащими стилями и направлениями, разными в различные периоды существования государства [Васильев, Горелик, Кляшторный, 1993; Федоров-Давыдов, 1976]. Кроме синкретичного фона домонгольских культур, некоторые из которых имели развитый образный язык, основанный на мусульманских (хорезмская, болгарская) и евразийских кочевых (кыпчаки, кимаки) традициях, в культуре Улуса Джучи нельзя не видеть центральноазиатских и дальневосточных элементов материальной и художественной культуры [Gorelik, Kramarovsky, 1989; Kramarovsky, 1989; Крамаровский, 1999]. Имперская культура Золотой Орды складывалась в результате творческой активности практически всех народов, входивших в состав государства, осваивая при-

несенный завоевателями на запад культурный репертуар. Наиболее ярко чингизидские традиции проявлялись в культурном круге социально престижных изделий, являвшихся принадлежностью и отличительной чертой военно-служилой знати – крою костюма, системе поясной гарнитуры, предметов оружия и конского снаряжения, других аксессуаров. Разумеется, полностью единой эта культура не была, поскольку изначально была строго социально ориентирована. Однако в начале XIV в., по мере роста городов в Улусе Джучи, прежде всего, в Поволжье, здесь пышно распускается новая урбанистическая восточная средневековая культура, «культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изыскано тонкого орнамента и каллиграфии» [Федоров-Давыдов, 1976, с.118]. Характерными чертами декоративно-прикладного искусства Золотой Орды являются орнамен-

тальность, полихромность в использовании цветовой гаммы, наличие арабесковых мотивов и т.д. [там же, с.120–188].

Исследуя историко-топографическую ситуацию на Селитренном городище, археологи пришли к выводу, что наибольший ущерб городу был нанесен во время «великой замятни», очевидно в 1367 г. [Рудаков, 2002, с.56]. Жизнь в наиболее крупных городах Нижнего Поволжья продолжалась и в конце XIV – XV в., т.е. во время Токтамышша (Царевское городище) и после него (Селитренное, Водянское городища) [Мыськов, 2003, с.2]. Можно сказать, что, несмотря на упадок городской жизни, который начинается со времени «великой замятни», существование нижеволжских городов продолжается еще не менее столетия. Однако разгром, учиненный Тимуром, а также комплекс других катаклизмов, в т.ч. эпидемии чумы, привели к ослаблению экономических и политических связей внутри государства, к ослаблению, а позднее и к затуханию оседлой и городской жизни в Нижнем Поволжье.

§ 7. Хаджи-Тархан и его округа в XIII–XIV вв.

Вячеслав Плахов

В дельте Итиля (Волги) располагался широко известный в XIV в. г. Хаджи-Тархан. Он находился на одном из участков древней переправы караванов.

В XIII–XIV вв. Хаджи-Тархан являлся перевалочным пунктом международной торговли и административным центром, откуда шло управление его округой. С севера, через город, направлялись по Волжскому пути на юг в Иран меха соболей, лис, горностаев, полотно, холсты, кожа, мед и масло, металлы и т.д. Часть этих товаров из Хаджи-Тархана уходила на запад и восток. С востока и юга в город направлялись шелк, хлопок, жемчуг, пряности, оружие и доспехи. Венецианец И.Барбаро писал, что с востока через Хаджи-Тархан шелк и специи направлялись в Азак, в находившуюся там итальянскую торговую колонию [Барбаро и Контарини, 1971, с.157]. С запада поступали ткани, оружие, металлы, янтарь и вина, зерно. Сам город Хаджи-Тархан со своей округи поставлял рыбу и рыбий клей, продукты животноводства и в большом количестве соль, а так-

же был местом работорговли [Путешествия, 1957, с.90; Зайцев, 2004, с.21]. С этого торгового города вверх по Итилю направлялись на судах товары, поставляемые с портов Восточного побережья Каспийского моря и Ирана [Шарапова, 1975, с.74–78].

О возникновении города создано много легенд и написано довольно много работ с разнообразными версиями [Зайцев, 2004, с.7–17]. Однако версии в основном умозрительные, а артефакты и древние источники говорят о следующем...

Как и с левобережья, так и с правобережья на территории современной Астрахани, которую пересекает р. Волга, во время различных землеустроительных работ встречаются различные находки древностей. Видимо, еще с античного времени здесь существовал пункт переправы через Волгу. В хазарское время этот пункт переправы, очевидно, активно использовался, т.к. на территории левобережья, в центре современного города были обнаружены хазарские сосуды, бронзовый идол и монеты, а на правобережье –

хазарские погребения. В XII–XIII вв. это место входило в территориальную область Саксин в Нижнем Поволжье и Придонье [Федоров-Давыдов, 1969, с.259].

В правобережной части Астрахани, в 3 км выше современного центра на левой стороне Волги имеется волнистая гряда из геологических поднятий – Бэровских бугров. Это место издавна называлось Жаренными или Шаренными буграми, т.к. на них постоянно встречались зольные участки, кости, черепки, монеты, украшения, сферокунусы, изразцы, остатки строений из обожженного кирпича, относящихся к золотоордынской Хаджи-Тархани [Образцов, 1925, с.4–23]. Здесь найдены скопления лепных сосудов кыпчакского облика и гончарных болгарского. С периодом раннего существования населенного пункта связывается и находка монеты сельджуковского эмира Мардина Насир ад-Дина Артук-Арслана, отчеканенной в 1214 г. [Pietraszewski, 1843, с.74]. Также обнаружены погребения с характерными украшениями этого времени.

В 1254 г. Гильом де Рубрук, возвращаясь из Каракорума, отмечал, что зимой кочевья Бату располагались с восточной стороны Волги, а его сына Сартака – с западной стороны. Ниже дельты реки они не спускались. Здесь он узнал, что по поручению Сартака вельможа-несторианец Койяк на западном берегу реки стал строить большую церковь и «новый» поселок, видимо, в низовьях Волги. До настоящего времени никаких пунктов, реально обосновывающих место этого строительства, кроме места близ Астрахани, не выявлено [Путешествия, 1957, с.185]. В последние десятилетия, в связи со строительными работами на ряде участков правобережной части Астрахани, встречаются монеты второй половины XIII в. и предметы того периода, к примеру, диск таза дастшуя – рукомошника. Известны также мавзолеи XIII в.

Время расцвета Хаджи-Тархана пришлось на период правления хана Узбека. В 1334 г. здесь побывал арабский путешественник Ибн Баттута и сообщил: «Город этот получил название от тюркского хаджи, одного из благочестивцев, поселившегося в этом месте. Султан отдал ему это место беспопытно, и оно стало деревней, потом увеличилось и сделалось городом» [СМИЗО, 1884, с.301]. Однако Ибн Баттута не интересовался причинами обоснования в этом месте хаджи и описывал

события 80-летней давности. Эти сведения сохранились у татар до XVIII в.: «...во времена хана Узбека, когда татары приняли магометанский закон, тогда пребывал в нем и в сей стороне начальником первейший Гаджи, который был из знатной фамилии Тархан. Для сего почтеннейшего мужа многие татарские гаджи, возвращаясь из Мекки, оставались жить в Астрахани. Почему хан Джамбек приказал построить на том месте каменную крепость, и назвал сей город Гаджи-Тархан, что значит вообще обиталище гаджей, и над ними главного Дархана» [Зайцев, 2004, с.12]. Видимо, в период правления хана Джанибека началось строительство крепости в Хаджи-Тархане. Крепость охватывала центр города, примыкавший к реке [СМИЗО, 1941, с.184]. Надо полагать он приходился на северную часть Шаренных бугров, где еще в первой половине XX в. в изобилии встречались монеты, фрагменты посуды, изделия из металла и кости, стекла и камней, сосуды для перевозки ртути, золотые украшения, каменные кладки от зданий с изразцами [Образцов, 1925, с.22–23]. Расположение центра города на правобережье было вызвано доступностью степных пастбищ для горожан и стабильностью в государстве, обеспечивающих безопасность границ городов.

Он вытягивался полосой вдоль Волги на расстояние более 7 км. В северной его половине находилась наиболее древняя часть, окруженная стеной, а вокруг нее располагались рабаты – ремесленные кварталы. Город был окружен полосой усадеб с сельскохозяйственными землями, за которыми были многочисленные выселки. От берега реки, в западную сторону следы от выселков распространялись языками вдоль пресных ильменей на значительные расстояния, порой на 3 км и более. Хаджи-Тархан, по археологическим данным, состоял из усадебных построек, где здания в основном были возведены из сырцового кирпича. В то же время были отмечены места сооружений сложенных из обожженного кирпича.

Северная граница города проявлялась от п. Стрелецкого (являющегося северной границей и современного города). Здесь был обнаружен комплекс из 22 землянок рабата и печей для обжига керамики. Планировка комплекса представляла собой цепочку из жилищ, располагавшихся вокруг общих дворов, овальных в плане. Этих дворов обнару-

жились четыре. Вокруг каждого из дворов находились однотипные жилища. Землянки были размером от 4 до 16 кв. м. Входы находились либо с южной, либо с северной сторон жилищ в виде пандусного спуска. Разделялись землянки на две основные группы: с суфой и очагом с канами и без суфы с очагом, сложенным из кирпича. Землянки с очагами, сложенными из кирпича, имеют много общего с жилищами Болгара и Саркела – Белой Вежи домонгольского времени. В устройстве землянок с канами прослеживается влияние среднеазиатских традиций, имеются в виду суфы и пандусные входы [Ерзакович, 1973, с.166–182]. Землянки были оставлены населением до разгрома города эмиром Тимуром в 1395 г. Нумизматический материал представлен монетами разных ханов 1313–1388 гг. Основная масса встреченных монет выпущена во время правления хана Джанибека (1342–1357), а в одной из землянок встречен клад из 44 монет последних десятилетий XIV в. [Северова, 2003, с.74–80].

В настоящее время правобережная часть города усиленно застраивается. На северных и южных Шаренных буграх ведутся масштабные строительные работы. В ходе их удалось зафиксировать места нахождения домов усадеб, мастерских по изготовлению изделий из бронзы, железа, стекла, ирригационных систем, ям, заполненных зернами от винограда и проса, находок уникальных изделий из керамики и металла. Обнаружено место одного из базаров.

В 1984 г. при раскопках под руководством В.В.Плахова усадьбы выселка города на его западной окраине удалось выявить 5 хронологических периодов. Они отразили историю города. Первый относился ко второй половине XIII в. На него приходились остатки арыка и двух полуземлянок. Полуземлянки были прямоугольными, ориентированными с востока на запад. Стены полуземлянок сохранили обкладку из сырцовых кирпичей с нестандартными для золотоордынского времени размерами. Сохранились очажная и мусорная ямы, выкопанные в полу. Эта особенность характерна для XIII в.

Во втором периоде участок уже имел огороженный двор с забором, от которого сохранились канавки для опорных бревен. Во дворе находились остатки полуземлянки и наземного дворового очага с тандыром, а

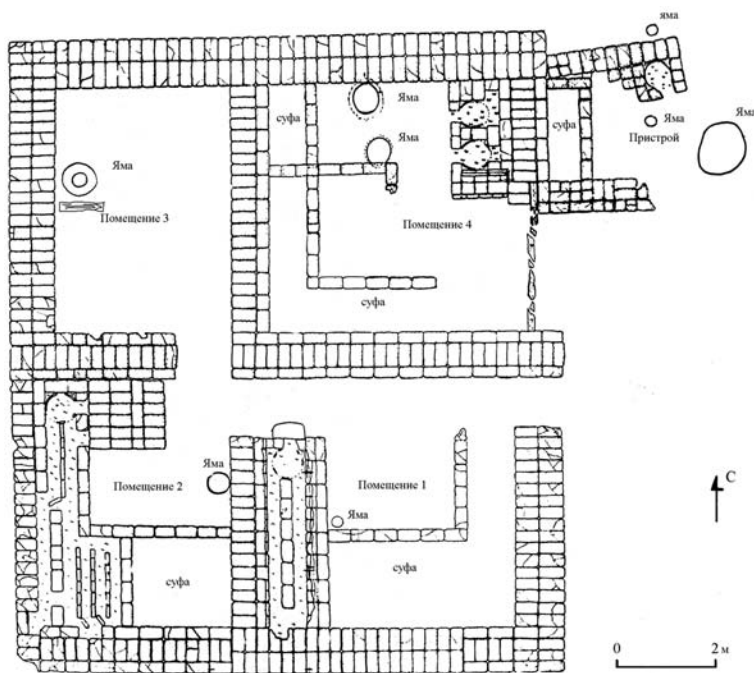
также ямы хозяйственного назначения. В ней уже имелись остатки суфы и очажная яма с дымовым каналом, выходящим за пределы полуземлянки.

В помещении и дворовых ямах были встречены фрагменты от красноглиняных светильников, горшков, кумганов, тарелок, чигирей, а также остатки бронзовых предметов: чашечка, котла, бронзовых обкладок и накладок, бляшек. Обнаружены изделия из кости, полихромный изразец на кашине, фрагмент сфероконуса и часть литейной формы. Набор находок показывает, что полуземлянка находилась в ремесленном районе, близ мастерской. Встреченные монеты были чеканены в период правления хана Узбека и отнесены к периоду с 1330 по 1340 г.

В третьем периоде землянка и часть двора были засыпаны грунтом и построены дом и полуземлянка. Дом был сложен из сырцовых кирпичей и имел размеры 13 на 12 м. Стены, судя по развалу, имели высоту в 2,5 м. Найдены остатки обгоревших бревен перекрытий. Дом имел 3 помещения и одно независимое помещение, замыкающее дом в прямоугольник. Два входа в строение были с восточной стороны. Блок из трех помещений имел 2 смежные комнаты с суфами и кановым отоплением. Третье помещение прилегало с северной стороны и в нем находилась закопанная по венчик хума с просверленными отверстиями близ дна. Видимо, это была кладовая с холодильником.

Независимое помещение имело суфу, два тандыра и хозяйственные ямы. С восточной стороны к дому была сделана пристройка айванного типа с тандыром. Помещения внутри дома были оштукатурены и побелены.

Слой бытовых отложений содержал мелкие остатки от многочисленных красноглиняных кувшинов, чигирей, горшков, мисок, тарелок, чаш и светильников. Все крупные части разбитой посуды найдены во дворе и ямах. Встречены фрагменты от полутора десятков кашинных полихромных чаш и пиал, стенки от селадоновых и стеклянных сосудов. Обнаружены разнообразные предметы из железа, бронзы, свинца, кости, медные и серебряные монеты и золотые подвески в виде крупных рисовых зерен. Судя по остаткам костей в доме и ямах, основная пища была представлена мясом овец. Значительно меньше было мяса лошадей и крупного ро-

Дом третьего периода (1340–1390-е гг.)

гатого скота. Встречены кости верблюда, сайгака, кабана и уток. Из рыбы господствовали блюда из осетра и белуги, в значительно меньшей степени из сазана и частичковых.

В верхних слоях, под развалами стен были встречены полихромные изразцы, украшавшие, видимо, стены. В этих же слоях во дворе и в доме обнаружены наконечники стрел, среди которых был и «болт» от арбалета. Дом существовал, судя по монетам, до захвата города эмиром Тимуром в 1396 г. Зимой этого года строения в городе были целенаправленно сожжены и разрушены.

После ухода войск завоевателя начался четвертый хронологический период. Одно из помещений дома (помещение 1), размером 7,5 на 7 м, было восстановлено полностью вместе с суфой с каналами. К нему пристроили с запада небольшое хозяйственное помещение, и дом снова ожил. В набивке пола обнаружены фрагменты красноглиняных и кашинных полихромных чаш, светильники, костяные изделия, части сломанных украшений. В помещениях встречены монеты ханов Булата и Керим-Бирди первых десятилетий XV в. Благополучие хозяев дома было восстановлено, но уже не с тем прежним размахом. Пятый период жизни усадьбы пришелся на время существования Астраханского хан-

ства с 1470-х гг. [Плахов, 1985].

Восточная часть Хаджи-Тархана лежала на левом берегу Волги, где располагается современный центр Астрахани. Он находится на серии возвышенностей – Бэровских бугров. В ходе различных земляных работ на этих буграх зафиксировано уже значительное количество объектов XIV в. Монеты, которые датируют их, приходятся в основном на вторую половину XIV в. [Шнайдштейн, 1979а, с.4, 10–11]. На территории Кремля в многочисленных траншеях и котлованах были зафиксированы объекты золотоордынского времени и погребения более ранних периодов.

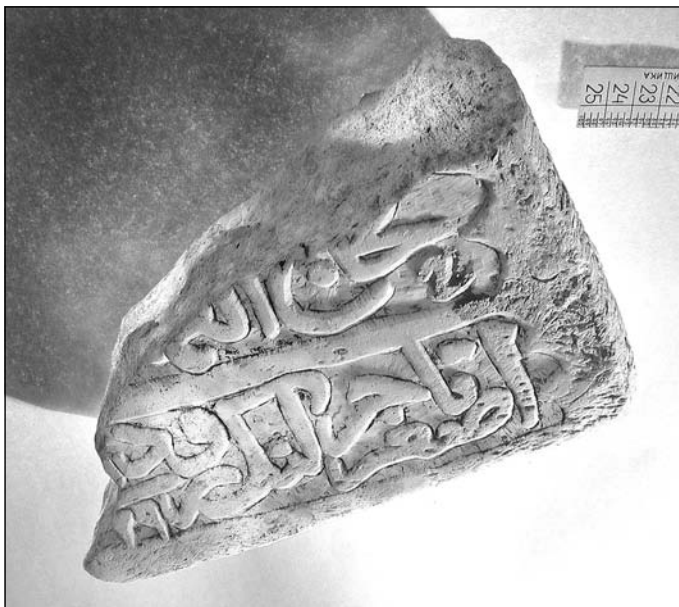
Существуют малогабаритные и малодоступные работы на татарском языке второй половины XIX – начала XX в. с указанием мест нахождения важных объектов XIV–XV вв., которые находятся ныне на территории города. Из этих источников известны места мавзолея середины XIV в. Акраш Машаяклы, кладбища с остатками мусульманского святого Утемиш-баба, в Кремле – место погребения святого Кара-Дауда, относящиеся к золотоордынскому времени, и другие места захоронения хаджей [Джуманов, 1999]. На одном из них найден фрагмент надмогильной плиты из алебаstra.

Сейчас, при строительных работах в черте города, встречающиеся остатки объектов XIV–XVI вв. уничтожаются без каких-либо исследований. Связано это с установкой Астраханской администрации на основание города в 1558 г. посланцами Ивана IV.

Пока ханская власть в Золотой Орде была сильна, город процветал. Но в 1360-е гг. «началась смута и ханы сменялись один за другим на окровавленном престоле» [Савельев, 1857, с.23]. Энергичные претенденты на верховную власть стали захватывать административные центры – города. Во второй половине 1360-х гг. «Хаджи-Черкес, походный эмир хана Бердибека, завладел окрестностями Аст-

рахани и стал владельцем Астраханского удела» [СМИЗО, 1884, с.389]. В 1374 г. он стал чеканить в Хаджи-Тархане монеты с именем Черкес-бека. В конце 1370-х гг. Хаджи-Тарханью владел ставленник Мамай Мухаммад-Буляк, который чеканил в ней монеты от своего имени [Зайцев, 2004, с.21]. После воцарения в 1380 г. Токтамыш «завоевал также удел Хаджи-Черкеса в Астрахани» [СМИЗО, 1884, с.391]. Попытка собрать вновь в единое государство распадающуюся Золотую Орду привела к войне с всеильным эмиром Тимуром, который, разгромив войска Токтамыша на Тереке, зимой 1395–1396 гг. подошел к Астрахани. Укрепления города были сделаны «от берега этой реки вплотную к воде так, что (обогнув город) опять доходят до реки. (Зимой) по берегу реки из кусков льда, вместо кирпича и глины, строят стену, которую ночью поливают водой до тех пор, пока все соединится в один кусок. Сделав таким образом высокую (стену), они одним куском льда соединяют стену города с этой стеной и ставят ворота». После захвата города и получения денег за пощадку жителей выселили, а город сожгли. Далее, согласно «Книге побед» Шараф ад-Дина Йезди войско Тимура, перейдя через Волгу, взяли левобережную часть города и, подложив огонь, сожгли его [СМИЗО, 1941, с.184–185]. В 1396 г. Астрахань стала улусом Тимур-Кутлуга, внука хана Ак-Орды Уруса. В 1397 г. Тимур-Кутлуг при содействии эмира Идегея был провозглашен ханом Улуса Джучи. Его приемник Шадибек в 1402 г. стал чеканить дирхемы в «Ени Хаджи-Тархан», т.е. в Новой Астрахани [Марков, 1896, с.94].

Видимо, с этого времени центр города, в зависимости от политических ситуаций, порой переносился и на левобережье. Известны монеты Хаджи-Тархана, чеканенные от имени ханов Булата, сына Шадибека (1409–1410), Джалал ад-Дина, сына Токтамыша (1411–1412), Кепека, сына Токтамыша (1414–1418), Чекре (1415–1416), Дервиша (1419), Кичи-Мухаммада (с 1420) и Улуг-Мухаммада (с 1427). В 1428 г. в Хаджи-Тархани выпускал монету Девлет-Бирди (дядя основателя Крым-

Фрагмент алебастрового надгробия. XIV в.

ского ханства Хаджи-Гирея). На его монете появилась тамга в виде двузубца с двумя точками, указывавшая на локальный характер владения Хаджи-Тарханом и Орду-Базаром [Зайцев, 2004, с.28–29]. С 1430 г. Хаджи-Тарханом владеет Кичи-Мухаммад, внук Тимур-Кутлуга, хан Большой Орды.

Вокруг города располагались поселки и селища, в основном на караванных путях, которые обеспечивали горожан продовольствием и помощью путешественников. При них зачастую находились культовые объекты. Эти поселки и селища входили в округу города, за которую мы принимаем населенные пункты, находящиеся в одном дневном переходе от Хаджи-Тархана, включая время на переправы. На расстоянии двух дневных переходов близ Хаджи-Тархана уже находились другие города. Вхождение в округу этих городов оспаривалось между Сараем и Хаджи-Тарханом вплоть до начала XVI в. [там же, с.58].

В настоящее время официально известно два поселка округи с ранней датой возникновения. Один расположен на расстоянии около 20 км на юг от Астрахани и несет условное название по возвышающемуся бугру Хантюбе. При рассечении во время строительных работ слоев золотоордынского времени под ними были обнаружены слои раннего периода с конструкциями и керамикой XII – первой половины XIII в.

Второе поселение – Мошаик – находилось на расстоянии около 15 км от Хаджи-Тархана, где ныне располагается северо-восточная окраина города. Центральная его часть находится на Бэровском бугре. Здесь открыт дом из сырцового кирпича, который сохранился лишь частью. Дом углублен был в землю на метр. Система отопления своеобразна: с внешней стороны, близ угла дома, был выкопан очаг, от которого горячий воздух проходил по горизонтальным каналам, оставленным строителями с внешней стороны стен. В стене найдена монета 1310 г. Сверху культурный слой с домом перекрывался тонким слоем речного песка, на котором лежали остатки жизни селения со второй половины XIV в. На соседнем бугре найдены погребения X–XIV вв. В настоящее время городище застроено поселком Мошаик и дачами [Васильев, 2001а, с.48, 51; Шнайдштейн, 1978, с.8–13].

§ 8. Золотоордынские города Северного Кавказа

Эмма Зиливинская

Северный Кавказ являлся плотно заселенной зоной уже в раннем средневековье. Монгольское нашествие прервало жизнь многих аланских поселений, не дав им превратиться в развитые средневековые города. В золотоордынское время вместо многочисленных поселений здесь возникает несколько крупных городов, ставших центрами ремесла и торговли, а также административной власти ханов Улуса Джучи. В предгорьях Кавказа в XIII–XIV вв. возрождаются и начинают бурно развиваться старые аланские городища, занимавшие выгодное географическое положение, такие как Терекское, Булунгуевское, Хамидиевское, Верхне-Чегемское, Нижний Джулат [Чеченов, 1969, с.43, 46, 48, 60–61]. При этом они продолжают сохранять первоначальную трехчастную структуру (цитадель, укрепленный «посад» и открытое селище).

В городские центры превращаются и некоторые небольшие сельские поселения, не имеющие столь сложной планировки. Примером такого города является Верхний Джулат [Кузнецов, 2003, с.119–185]. В то же время в степной зоне, также на пересечении торговых путей, строятся новые «ханские» города, такие, как Маджар и расположенные

Количество довольно крупных поселений, входивших в округу Хаджи-Тархана, особенно возросло в первой половине XIV в. На период правления хана Джанибека их уже насчитывается свыше десяти. Однако археологических исследований на них, к сожалению, не производилось.

С появлением Астраханского ханства Хаджи-Тархан превратился в столичный город. С изменением его политического статуса ближайшие города, находящиеся на расстоянии около 50 км (у поселка Красный Яр, у поселка Комсомольский), превратились в крупные поселки. Судя по археологическим материалам, они потеряли свое политическое и экономическое значение и вошли в дальнюю округу столицы ханства. Задача их свелась к обеспечению столицы продовольственными товарами, поддержке работы караванных путей, переправ и сохранению мавзолеев и святых мест в достойном состоянии.

невдалеке городища, получившие названия Малые Маджары и Верхние Маджары [Егоров, 1985, с.122]. Это типичные золотоордынские города, возникшие, подобно городам Нижнего Поволжья, в виде скопления аристократических усадеб, в результате градостроительной деятельности ханов в короткие сроки на незаселенных участках.

Наиболее значительными городскими центрами Северного Кавказа в золотоордынское время являлись гг. Маджар (в Ставропольском крае), Верхний Джулат (у п. Эльхотово в Северной Осетии) и Нижний Джулат, (возле г. Майский в Кабардино-Балкарии). Величественные развалины этих городищ привлекали внимание исследователей, любителей древностей и путешественников. В XVIII–XIX вв. их посетили, оставили описания, планы и рисунки С.Г.Гмелин, И.А.Гильденштедт, Г.-Ю.Клапрот, П.С.Паллас, В.Ф.Миллер и многие др. Но археологическое изучение этих памятников началось только в начале XX в.

Самым крупным золотоордынским городом на Северном Кавказе являлся Маджар. Площадь его составляла около 6 кв. км. Городище расположено на берегу р. Кума, в том

месте, где в нее впадает приток Буйвола. Город был построен в XIV в. на пересечении торговых путей, соединяющих центр Улуса Джучи (Сарай и Нижнее Поволжье) с Кавказом и западными районами (Азаком и городами Крыма). В настоящее время большая часть застроена г. Буденновском. В XVIII–XIX вв. развалины городища посетили И.-Г.Гербер, С.Г.Гмелин, И.А.Гильденштедт, Г.-Ю.Клапрот, И.П.Фальк, П.С.Паллас, Я.И.Шмидт, Ш.Годе, К.М.Бэр, А.С.Фиркович, В.Ф.Миллер и др. Можно смело утверждать, что ни один из путешественников, археологов и любителей древностей, посещавших Кавказ, не оставил без внимания этот памятник.

Первые и, вероятно, наиболее результативные раскопки здесь были проведены В.А.Городцовым в 1907 г. [Городцов, 1911]. Он составил план городища и провел исследования в разных его частях. Им было раскопано 6 жилых домов из сырцового кирпича типично золотоордынского облика. В домах были расчищены глинобитные суфы Г-образной формы, тандыры, система обогрева в виде канов. Полы в помещениях были глинобитными или мощены кирпичом, часто со встроенной тошной. Дома встречались двух типов: квадратные в плане, разделенные на две комнаты (большую – жилую и меньшую – хозяйственную), и прямоугольные, разделенные на три узкие прямоугольные помещения. Серия погребений, вскрытых В.А.Городцовым, относилась к двум периодам – сарматскому и золотоордынскому. Захоронения имели различную конструкцию: от простых ям до погребений с заплечиками, сырцовыми закладами и тщательно выполненными склепами. В.А.Городцов впервые достоверно доказал, что Маджар является золотоордынским городом, построенным по образцу городов Нижнего Поволжья на новом, незаселенном месте.

В 60–70-е гг. XX в. на маджарском городище проводили работы Э.В.Ртвеладзе и А.П.Рунич. На основании стратиграфических исследований и наблюдений за распределением подъемного материала они определили границы памятника, выделили отдельные районы города, а также подтвердили выводы В.А.Городцова, что золотоордынский город наибольшего расцвета достиг при хане Джанибеке [Ртвеладзе, 1970; 1972].

В 1989–1991 гг. на городище Маджары были проведены раскопки на левом берегу

План общественной бани. Маджар.
Раскопки Э.Д.Зиливинской

р. Кума, на территории г. Буденновска [Зиливинская, 1994]. Они показали, что культурный слой городища в этой части сильно разрушен. Тем не менее, было исследовано несколько жилых домов, землянок, часть улицы и серия погребений городского некрополя. Все исследованные погребения были совершены по мусульманскому обряду. Погребенные были положены без вещей, головой на запад, лицом на юг, вытянуты на спине, с наклоном вправо. Погребения делятся на несколько видов: простые грунтовые ямы, могилы с заплечиком и подбоем, с заплечиком, подбоем и закладом и, наконец, сырцовые или кирпичные склепы, т.е. они ничем не отличаются от раскопанных В.А.Городцовым.

В 1993–1998 гг. раскопки велись на правом берегу р. Кума. На полях была исследована довольно густозаселенная часть ремесленного квартала. Наиболее интересным объектом здесь был жилой дом. Он был квадратным в плане с каркасными дощатыми стенами, обмазанными глиной. Стена делила его на 2 помещения: жилое, с очагом, каном и двумя суфами, и меньшее, хозяйственное, с

Баня в процессе исследования. Маджар. Раскопки Э.Д.Зиливинской

двумя погребками для хранения продуктов. Рядом с этим домом находились еще два, худшей сохранности. Кроме жилых построек были вскрыты многочисленные ямы, богатые вещевым материалом. В одной из них был найден небольшой клад из 17 серебряных монет ханов Токты, Джанибека и Кульпы. На этом же поле находились остатки производственных комплексов. Дальнейшие раскопки велись в том же районе, на самом берегу Кумы. Были вскрыты остатки крупного здания из сырца. Длина его составляла 12 м. Стены толщиной 100–120 см сохранились на высоту до 1 м. Западная часть постройки разрушена обвалом берега Кумы. Сооружение подверглось нескольким перестройкам. Оно датируется 20–40-ми гг. XIV в. [Зиливинская, 1996].

Недалеко от этого здания были обнаружены остатки общественной бани, юго-западная часть которой разрушена обвалом берега Кумы. Она состояла из прямоугольных в плане помещений, расположенных в 2 ряда. Всего вскрыто частично или полностью 5 таких помещений. Отапливалась баня цилиндрической печью, стенки которой были сложены из обожженных кирпичей и которая соединялась с подпольным пространством. Стены бани были сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе. Фундамент стен и столбики подпольного отопления стояли на дне котлована глубиной 0,5 м. Столбики были сложены в

1 кирпич и имели высоту до 10 слоев кладки. На них были положены плоские плиты из песчаника. Стены и полы бани были покрыты известковым раствором. Вода разводилась по керамическим трубам [Зиливинская, 2001, с.194–196]. Общественные бани были широко распространены во всех золотоордынских городах, тем не менее, баня в Маджаре является пока первой и единственной на территории Северного Кавказа.

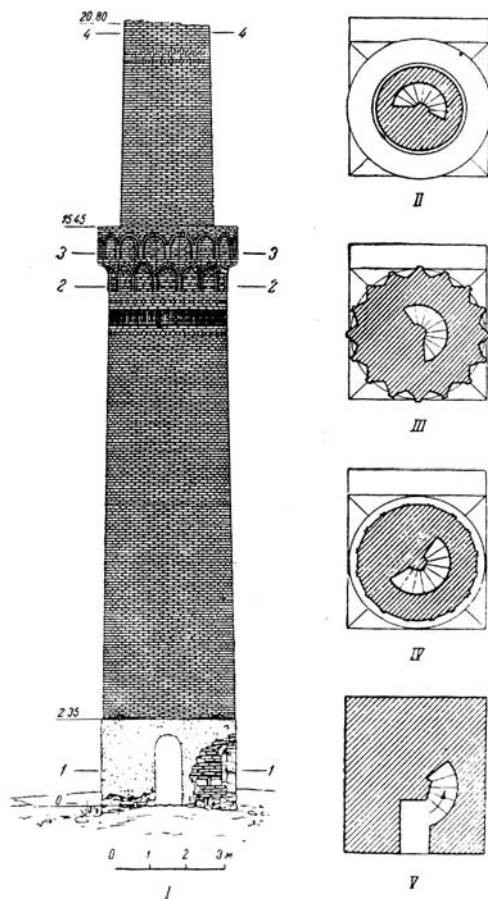
На правом берегу Кумы были найдены медеплавильные и гончарные мастерские. Наибольшее количество данных было получено о керамическом производстве [Волков, 1991; Волков, Зиливинская, 1996]. Керамический комплекс Маджара свидетельствует о существовании двух групп мастерских. В мастерских первой группы производилась керамика на основе салтовских традиций с ангобом и лощением. Обжиг этой керамики чаще всего трехслойный. Для формовочных масс керамики второй группы характерен желтый или розово-оранжевый цвет, высокая пористость и сплошной обжиг. Керамика этой группы бывает и поливной. Соотношение групп импортной керамики показывает, что наиболее интенсивной была связь Маджара со столицами Улуса Джучи и городами Восточного Крыма.

Городище Верхний Джулат расположено на берегу Терека у «Эльхотовских ворот», в узком проходе, соединяющем Восточный Кав-

каз с Западным. В литературе этот памятник часто называют еще *Татартупом* [Кокеев, 1929; Семенов, 1947]. Он привлекал внимание исследователей, во многом благодаря сохранившемуся до недавнего времени Татартупскому минарету. В конце XVIII в. городище было подробно описано И.А.Гильденштедтом, который мог наблюдать не только минарет, но и остатки мечети при нем, а также развалины другого, меньшего минарета и двух христианских церквей [Guldenstadt, 1787, S.503–508]. Систематическое обследование памятника было начато в 1958 г. Северо-Кавказской экспедицией под руководством Е.И.Крупнова. Раскопки показали, что золотоордынский город возник на месте длительного существовавшего аланского поселения. В ордынское время он стал крупным городом, центром культуры, ремесел и торговли.

Татартупский минарет, принесший известность памятнику, состоял из прямоугольного в плане (3,55 x 4,25 м) цоколя, на котором стоял ствол конической формы [Милорадович, 1963, с.69–78]. Ствол состоял из двух частей, расчлененных двойным сталактитовым поясом, который раньше поддерживал балкончик для муэдзина. В цокольной части находилась дверь с полукруглым окончанием. Такая же дверь выходила на балкон. Внутри, вокруг пятиугольного столба, вилась кирпичная лестница. Ствол минарета был украшен несколькими орнаментальными поясами, основным из которых является сталактитовый. Прямо под ним шли две полосы бирюзовых поливных дисков, чередующихся с кирпичными ромбиками. Между ними располагался орнаментальный пояс, подражающий куфической надписи. Верх ствола также украшен фигурной кирпичной кладкой. Высота минарета составляла 20,8 м. Татартупский минарет относился к Большой мечети Верхнего Джулата, но стоял отдельно от нее.

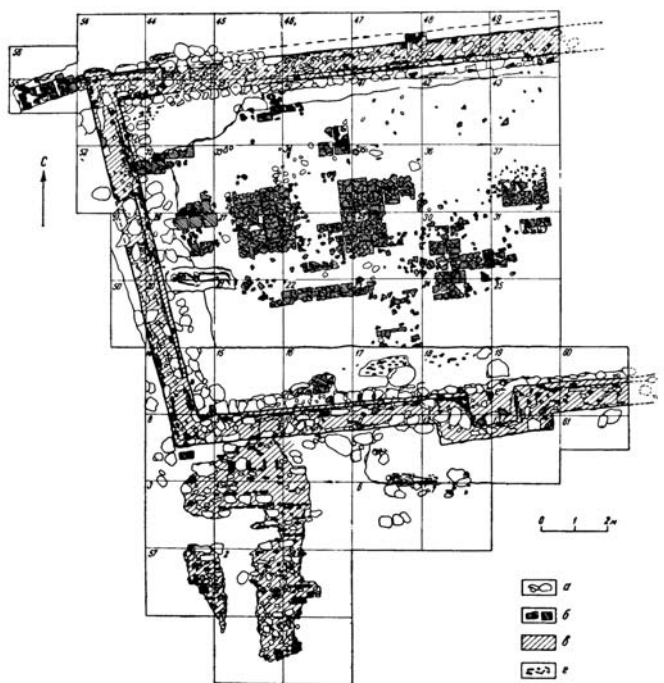
Большая соборная мечеть сохранилась на 2/3 [там же, с.66–87]. Здание было прямоугольным в плане, вытянутым с запада на восток, размерами 22,8 x 11,4 м. Стены его были сложены из подтесанных камней, обожженного кирпича и блоков песчаника, пол фигурно вымощен крупными кирпичными плитами, обычным кирпичом и булыжниками. Часть плит пола имела на поверхности голубую поливу. Поливными изразцами был украшен пол михраба и, вероятно, его стен-

Татартупский минарет (по О.В.Милорадович)

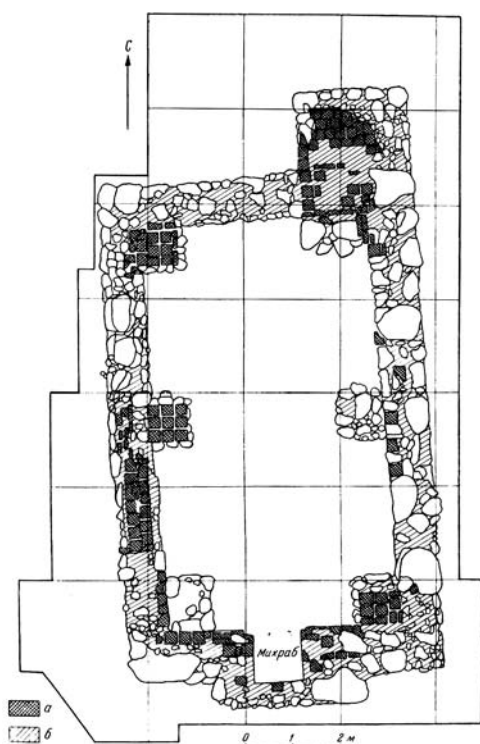
ки. Колонны, поддерживавшие перекрытия, скорее всего, были деревянными и не сохранились. В целом планировка Большой мечети вполне типична для Улуса Джучи, несколько необычно только то, что здание вытянуто в широтном направлении, а не в меридиональном, как большинство других мечетей [Зиливинская, 1998].

Примерно в 250 м к юго-западу от нее была обнаружена еще одна мечеть меньших размеров [Милорадович, 1963, с.66–69]. Малая мечеть была ориентирована длинной осью в меридиональном направлении и имела размеры 9,8 x 6,6 м. Внутри пространства мечети находились остатки шести квадратных устоев, которые были расположены в углах помещения и посередине восточной и западной его стен. Вероятно, они служили для опоры двух куполов, перекрывавших здание. У северо-восточного угла мечети был пристроен кубический цоколь минарета. Малая мечеть пока является единственным образцом культового здания подобной планировки в Золотой Орде.

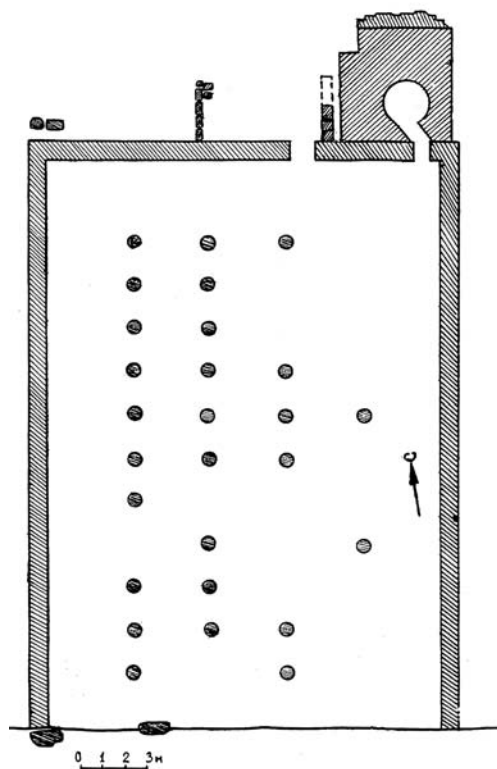

План Большой мечети
Верхнего Джулата (по О.В.Милорадович)
а – камни, б – кирпичи,
в – цементирующий раствор, г – уголь

В том же районе города был раскопан христианский храм в виде небольшого (7,7 x 5,6 м) прямоугольного бесстолпного здания с одной апсидой. В дальнейшем к церкви был пристроен еще один придел, также с апсидой. Под алтарем церкви находилась квадратная в плане крипта с купольным перекрытием [Крупнов, 1963, с.48–66]. Скорее всего, этот храм с полностью сохранившимися стенами и крышей видел И.А.Гильденштедт [Guldenstadt, 1787, S.503–508; Крупнов, 1963, с.61]. Возле Большой мечети Верхнего Джулата и внутри христианского храма находились погребения, анализ черепов из которых позволил сделать вывод о европеоидности населения города [Алексеев, Беслекоева, 1963]. В 1960–1963 гг. были раскопаны мавзолей XIV в., две христианские церкви, жилой дом с хозяйственными сооружениями, большое количество мусуль-

План малой мечети Верхнего Джулата
(по О.В.Милорадович)

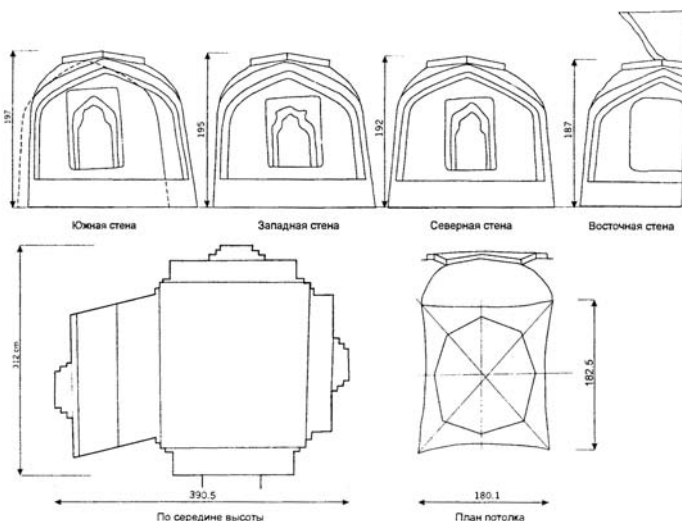

План мечети Нижнего Джулата

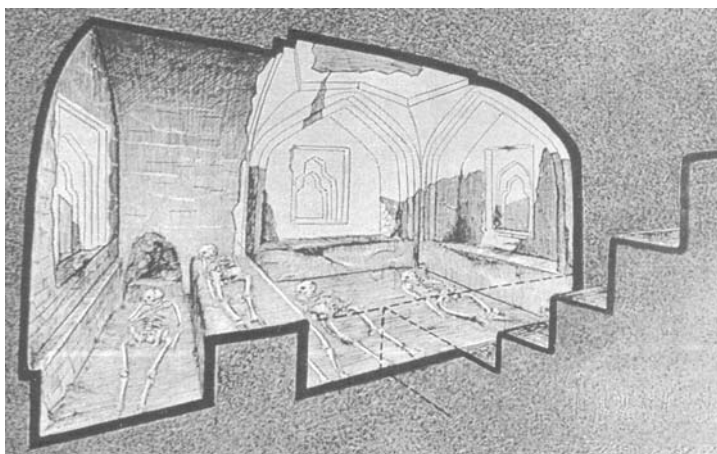
манских и христианских погребений. В.А.Кузнецов в 1976–1977 гг. нашел одноапсидную церковь и рядом с ней – склеп XIV в. [Кузнецов, 2003, с.136–146].

Городище Нижний Джулат расположено на стыке плоскостной и предгорной зон в северной части Кабардино-Балкарии, недалеко от г. Майский, на высоком правом берегу р. Терек. Впервые городище осмотрел академик Г.-Ю.Клапрот в 1807 г. В своих записках он написал о Джулате, как о древнем городе, который, по свидетельству «Дербент-наме», существовал уже в VIII в. Он также дал краткое описание руин мечети и минарета и многочисленных погребений вокруг них [Клапрот, 1812–1814, I, S.430, 539; II, S.359]. Остальные исследователи опирались, в основном, на эти данные.

Стационарные раскопки Нижнего Джулата проводились в 60-е гг. XX в. под руководством Г.И.Ионе и И.М.Чеченова. Раскопки были заложены на цитадели городища и затронули преимущественно самые поздние слои существования города. Здесь была раскопана самая большая на Северном Кавказе соборная мечеть [Чеченов, Зиливинская, 1999]. Мечеть представляла собой прямоугольную в плане постройку размерами примерно 25,7 x 17,65 м. Внутреннее пространство ее было разделено на пять нефов четырьмя рядами колонн. Колонны стояли на круглых каменных базах и были, вероятно, сделаны из дерева. Пол мечети был вымощен кирпичом, михраб не сохранился. Есть основания предполагать, что центральный вход в мечеть был обрамлен порталом. Минарет, от которого сохранился только прямоугольный в плане цоколь, был пристроен вплотную к северной стене у северо-восточного угла здания. Таким образом, мечеть Нижнего Джулата имела типичную для всех

Подземный склеп-мавзолей Нижнего Джулата. План

Подземный склеп-мавзолей Нижнего Джулата. Реконструкция

больших мечетей Золотой Орды базиличную планировку.

Интересным сооружением, найденным в пределах мечети, являлся подземный склеп-мавзолей [Зиливинская, Чеченов, 2004]. Склеп находился ниже уровня пола мечети. С восточной стороны в него вел узкий коридор с восемью ступенями. Основное помещение склепа было квадратным в плане, размерами примерно 2 x 2 м. Во всех четырех стенах были сделаны ниши стрельчатого очертания. Ширина их проема почти равнялась ширине стен. В стенах всех ниш, кроме восточной, были сделаны небольшие ложные оконца, которые в виде трех постепенно уменьшающихся в перспективе нишек выступали наружу за пределы плоскости стены. Склеп был перекрыт

восьмигранным куполом. Высота склепа составляла около 2 м. Стены его изнутри были покрыты белым известковым раствором. На полу склепа были положены пять погребенных, часть которых лежала в деревянных гробах. Два черепа были подвергнуты антропологическому обследованию [Алексеев, 1967, с.177–182]. Один из погребенных относился к узколицим европеоидам (аланам), а другой – к южносибирским монголоидам.

Архитектура склепа своеобразна. Мавзолеи и склепы крестообразной планировки, состоящие из квадратных в плане помещений с нишами по всем четырем сторонам, встречаются довольно часто. Однако в нижнеджулатском склепе ниши сделаны почти во всю ширину стен, и фигура креста в плане почти не угадывается. Необычным является и увеличение южной ниши до таких размеров, что она фактически образует второе дополнительное помещение.

Раскопы, заложенные в цитадели, средней, укрепленной части городища, в районе рва и вала, дали обильный и разнообразный материал, свидетельствующий об интенсивной и разносторонней деятельности на городище в течение полутора тысяч лет (от I в. до н.э. до XIV в.). На цитадели общая толщина культурного слоя достигала 3,5 м, причем около 1 м приходится на золотоордынское время. Очень интересные выводы о политической жизни Нижнего Джулата были сделаны на основе ис-

следования вала цитадели. Воздвигнутый в домонгольское время вал подвергся погрому во второй половине XIII в. В начале XIV в. он был восстановлен и достроен. Последнее разрушение укреплений цитадели, возможно, связано с нашествием Тимура и относится к концу XIV в. [Чеченов, 1967]. В ремесленной части города были раскопаны остатки жилищ, юрт, многочисленные хозяйственные ямы и производственные комплексы. Данные этих исследований позволили составить представление о занятиях населения земледелием, скотоводством, развитии различных ремесел [Чеченов, 1968].

Кроме трех наиболее крупных городищ на Северном Кавказе известны и другие памятники золотоордынского времени. Так, в Пятигорье, недалеко от г. Ессентуки раскопано восемь мавзолеев, шесть из которых были выстроены в один ряд [Ртвеладзе, 1969; Палимпсестова, Рунич, 1974]. Эти раскопки позволили предположить, что здесь находилось крупное поселение, упоминаемое Ибн Баттутой [там же, с.237–238]. Само название г. Ессентуки Э.В.Ртвеладзе связывает с именем татарского эмира Ессен-тука, который владел этой местностью [Ртвеладзе, 1969, с.263]. Еще один городской центр с большими постройками, явно общественного характера, найден возле станицы Старогладовской на Тереке [Даутова, 1981], но исследования его не проводились.

§ 9. Кок-Орда

Александр Кадырбаев

В состав государства потомков хана Джучи – Золотой Орды – входила вся Великая Степь от Дуная на западе до Иртыша на востоке. Все государство – Улуг Улус («Великий Улус») – делилось на два крыла – левое, или Кок-Орда, и правое – Ак-Орда, а также еще на множество более мелких уделов-владений, в свою очередь, называвшихся улусами и ордами. Ханам Золотой Орды в Сарае, которые до 1359 г., до гибели хана Бердибека, были потомками по прямой линии Бату-хана, подчинялись владения всех царевичей из дома Джучи, но иногда это подчинение было номинальным. Например, потомки старшего брата Бату-хана – Орду-Эджэ-

на, бывшие правителями Кок-Орды (Восточной Орды, или восточного Дашт-и Кыпчака) лишь де-юре признавали над собой власть хана, находившегося в Сарае и даже не появлялись там на курултае – съезде представителей потомков Джучи [Кляшторный, Султанов, 2000, с.214]. «С самого начала не бывало случая, – сообщает Рашид ад-Дин, современник монгольской эпохи, – чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам из рода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями своего улуса. Но у них было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто

является заместителем Бату, и имена их они пишут сверху своих ярлыков» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.66].

В восточном Дашт-и Кыпчаке также находились владения Шибана и его потомков, младшего брата Бату и Орду-Эджэна, к XIV в. охватывавшие районы среднего Прииртышья.

Вопросы, когда возникла Кок-Орда, каковы были обстоятельства ее возникновения и где, на каких конкретно землях она находилась, достаточно часто были предметом споров на страницах научных исследований. Хотя и поныне на эти вопросы не существует однозначных ответов, аргументированных содержанием письменных и иных источников. Ученые пришли к единому мнению только в одном, что термин Кок-Орда означает одну из частей Джучиева Улуса. А что касается того, какая конкретно часть Золотой Орды называлась Кок-Ордой и когда образовалась эта орда, в научной литературе нет четкого ответа. Сведения о Кок-Орде содержатся в основном в мусульманских источниках, известных востоковедам-историкам, хотя еще недостаточно исследованных в источниковедческом аспекте, и по этой причине они не полностью нашли отображение в историографии Золотой Орды [Кляшторный, Султанов, 1992, с.189–190].

В древнерусских летописях, где Джучиев Улус именуется «Золотой Ордой», просто «Ордой», «Волжской Ордой», степные просторы к востоку от Урала – восточный Дашт-и Кыпчак – фиксировались под названием «Синей Орды», т.е. Кок-Орды, или «Заяицкой Орды» (т.е. к востоку от Яика, ныне Урала) [ПСРЛ, 4, с.82–83; 9, с.27, 123]. Предположительно Кок-Орда включала восточную часть Джучиева Улуса – восточный Дашт-и Кыпчак, где ныне Казахстан – к востоку от Урала (без Семиречья) и к северу от Аральского моря и реки Сырдарья.

Кок-Орда была населена преимущественно тюркскими и немногочисленными монгольскими степными племенами, как обитавшими здесь до монгольского нашествия – кыпчаками, канглами, так и пришедшими с монголами Чингиз-хана найманами, кирейтами, карлуками, конгратами, меркитами.

Хронологические таблицы мусульманских династий приводят имена ханов Кок-Орды в следующей последовательности: Орду-Эджэн, Кункиран, Саргактай, Куинджи (Кони-чи), Баян, Сасы-Бука, Эрзен, Мубарак-Ход-

жа, Чимтай, Урус-хан, Койричак и Барак [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.67].

Согласно Рашид ад-Дину, юрт Джучи-хана «был в пределах Иртыша, и там была столица его государства» [там же]. Абу-л-Гази утверждает, что «резиденция Джучи-хана располагалась в Дашт-и Кыпчаке, в местности под названием Кок-Орда», и что именно эта часть обширных владений Джучи после его смерти перешла к его сыну Орду-Эджэну. Абу-л-Гази ничего не сообщает о своих источниках, но приведенные им данные находят подтверждение у современника сыновей Джучи-хана – братьев Орду-Эджэна, Бату и Шибана – посла Римского папы ко двору великого монгольского хана – Плано Карпини, который в 1246 г. проехал все земли Джучиева Улуса в их степной части. Согласно его сообщению, он со своими спутниками ехал очень долго по берегу «некоего моря» (оз. Алакуль, недалеко от верховьев Иртыша). «В этой земле живет Орду, старший над Бату; мало того, он древнее всех князей татарских; там имеется также орда, или двор его отца, в котором живет управляющая им одна из его жен» [Путешествия, 1957, с.3, 218, прим.194]. Орду-Эджэн получил в удел резиденцию своего отца Джучи-хана, располагавшуюся в верховьях Иртыша около оз. Алакуль. Согласно легенде, приведенной мусульманским автором Утемишем-хаджи, Чингиз-хан при решении вопроса о том, кто будет наследовать Джучи-хану, приказал поставить Орду-Эджэну юрту синего цвета; «кок орда», по выражению источника.

Границы между уделами Джучидов были определены только в самых общих чертах и в каждый данный период истории в зависимости от военно-политической ситуации то сужались, то, наоборот, расширялись. Уже во второй половине XIII в. центром правителей Кок-Орды стал г. Сыгнак на Сырдарье, куда переместилась их столица. Они номинально сохраняли по отношению к ханам Золотой Орды политическую зависимость вплоть до первой половины XIV в. Как известно, за это время лишь однажды, при Мубарак-Ходже, правителем Кок-Орды была сделана попытка стать государем независимого государства. Мубарак-Ходжа позволил себе чеканить монеты в 1328–1329 гг. в Сыгнаке с титулом: «Султан правосудный Мубарак Ходжа, да продлит Бог царство его». Чеканка монеты, являвшейся прерогативой суве-

ренного правителя, вызвала противодействие со стороны Узбека, тогдашнего хана Золотой Орды, считавшегося законным верховным главой всего Джучиева Улуса. Его меры, направленные на возвращение потомков Орду-Эджэна в лоно прежней вассальной зависимости от Сарая и сепаратистские стремления последних к полной политической самостоятельности вызвали смуту, которая, по словам тимуридского автора начала XV в. Муин ад-Дина Натанзи, «до сих пор известна в Дешт-и-Кипчаке». В этой борьбе правитель Кок-Орды Мубарак-Ходжа потерпел поражение, бежал и несколько лет скитался в краях кыргызов и на Алтае, пока не погиб.

После смерти хана Джанибека в Золотой Орде началась полоса смут и дворцовых переворотов, на престол претендовало одновременно по несколько ханов, каждый из которых чеканил свою монету. Усилились центробежные тенденции, Кок-Орда становится де-факто независимой. Ее правители приняли активное участие в борьбе за верховную власть в золотоордынской империи и с 1361 г. на трон Джучиева Улуса один за другим восходили потомки Орду-Эджэна из Кок-Орды – Тимур-Ходжа, Орда-Шейх, Мурид. Верхушка Кок-Орды стремилась использовать сложившуюся в Золотой Орде ситуацию и объединить все владения Джучиева Улуса в единую империю под своей властью. Официальное приглашение занять трон в Сарая после смерти хана Бердибека было сделано, например, хану Кок-Орды Чимтаю (1344–1361), который его не принял, но его сыновья, особенно Урус, активно участвовали в борьбе за трон Джучиева Улуса.

Урус стал ханом Кок-Орды в 1361 г. Мусульманские летописцы Муин ад-Дин Натанзи и Кадыралаи Джалаири описывают его как сильного и могущественного правителя с решительным характером. При Урус-хане ханская власть в Кок-Орде усилилась, и он стал активно добиваться трона Золотой Орды [Федоров-Давыдов, 1973, с.151–152]. В 1368 г. при поддержке «столпов державы и вельмож двора» Урус-хан начал походы на Сарай, которым овладел в 1374–1375 гг., осаждал Хаджи-Тархан (Астрахань), подчинил Прикамье, в источниках названные «юртом Урус-хана». Но успехи Урус-хана оказались преходящими, и уже в следующем году он вынужден был уйти из Поволжья в родные степи вос-

точного Дашт-и Кыпчака. Урус-хан, хотя и был «законным» претендентом на трон Джучиева Улуса, как Чингизид, все же оказался не в силах одолеть временщика Золотой Орды Маая, поддержанного владельцами правого крыла – Ак-Орды, несмотря на то, что Мамай не был Чингизидом.

То, что не удалось сделать Урус-хану, потомку Орду-Эджэна, осуществил в 80-х гг. XIV в. другой представитель Кок-Орды – молодой мангышлакский царевич Токтамыш – потомок Тукай-Тимура, самого младшего сына Джучи. В 1378 г. Токтамыш, при поддержке самого могущественного властелина Востока – правителя Самарканда эмира Тимура, был возведен на ханский трон в Сыгнаке – столице царевичей Кок-Орды – левого крыла Джучиева Улуса. Из Сыгнака Токтамыш, поддержанный Тимуром, отправился в поход на запад и захватил Сарай – столицу Золотой Орды. Вскоре он объединил все владения Джучидов в единую империю и восстановил сильную ханскую власть [Бартольд, 1968, с.139]. В этом ему невольно помогла коалиция русских княжеств во главе с князем Москвы Дмитрием, разбившая войска его соперника Маая на Куликовом поле, хотя это и не уберегло Москву от нашествия Токтамыша в 1382 г., когда последний сжег город и вновь до 1480 г. обязал Русь платить дань Золотой Орде, при этом вернув недоимки по дани за шесть лет, поскольку при власти Маая Русь в это время не платила Улусу Джучи. Но Токтамыш вступил в конфронтацию со своим покровителем эмиром Тимуром и проиграл в 1395 г. эту войну, длившуюся несколько лет, что стоило ему золотоордынского трона. Не вернулся он и в Кок-Орду, погибнув через 10 лет в низовьях Терека на Северном Кавказе. После Токтамыша больше никому не удалось добиться власти, которая признавалась бы во всем Джучиевом Улусе. Золотая Орда распадалась. Эмир Тимур сажал в Сарая своих ставленников из Кок-Орды, которая к этому времени фактически контролировалась правителем Самарканда. В основном это были представители дома Урус-хана – Койричак, Тимур-Кутлуг. Но они не смогли восстановить былое величие Улуса Джучи.

Царствование Койричака на троне Золотой Орды было недолгим. Вскоре после ухода эмира Тимура с основными своими силами с земель золотоордынского Поволжья его

ставленник Койричак был свергнут с трона и убит. Из-за войн с эмиром Тимуром ослабела и Кок-Орда. В 1423–1424 гг. внук Уруса и сын Койричака Барак одолел своих соперников и захватил власть в Кок-Орде, уже утратившей к этому времени под натиском потомков Тимура район среднего течения Сырдарьи и свою столицу Сыгнак. Но претензии Барака не ограничивались дедовским юртом. По данным русских летописей, он вторгся в золотоордынское Поволжье и разгромил ханов Худайдата и Улуг-Мухаммада в 1424 г., последний из которых, как видно из дипломатической переписки и обмена письмами, признавался иностранными государями официальным правителем Золотой Орды, хотя к этому времени управлял лишь центральной частью бывшего Джучиева Улуса, известного тогда как Большая Орда. Как бы то ни было, Барак, по свидетельству русских и мусульманских летописцев, взял Сарай и «воссел в Дешт-и-Кипчаке на ханский трон». Однако у власти в центре бывших владений Золотой Орды Барак-хан удержался недолго. К 1427 г. Улуг-Мухаммаду удалось отвоевать Сарай и отгеснить Барака в пределы его владений в Кок-Орде. Барак отказался от борьбы за трон в Сарае и обратил свои усилия против правителей Самарканда – потомков Тимура. Вероятно, Барака можно считать последним ханом Кок-Орды. В 1425–1426 гг. он выступил против внука Тимура, правителя Самарканда Улугбека и отвоевал Сыгнак с рядом поселений на Сырдарье. «Пастбища Сыгнака, – говорил хан Барак, – по закону и обычному праву принадлежат мне, так как дед мой Урус-хан в Сыгнаке воздвиг постройку» [СМИЗО, 1941, с.197]. Но это были последние годы существования Кок-Орды. С 1428 г. власть в восточном Дашт-и Кыпчаке после смерти хана Барака – потомка Орду-Эджэна – переходит к потомкам Шибана, которые олицетворяют степное государство, вошедшее в историю с другим названием – Узбекский Улус, ставший преемником Кок-Орды на пространствах восточного Дашт-и Кыпчака.

Но история Кок-Орды – это не только войны и междоусобицы. При всей борьбе потомков Орду-Эджэна сначала с Улусом Чагатаидов – монгольским государством в Средней Азии, а затем со сменявшими их Тимуридами за присырдарьинские города и паст-

бища восточного Дашт-и Кыпчака, правители Кок-Орды стремились к восстановлению торгово-экономических отношений между кочевым миром восточного Дашт-и Кыпчака и оседлым населением присырдарьинских оазисов. Не случайно правители Кок-Орды перенесли свою столицу из верховьев Иртыша к южным границам своих владений, в г. Сыгнак. Сохраняя и поддерживая экстенсивное скотоводческое хозяйство на степных пространствах от Иртыша до Сырдарьи и от Алтая до Улугтау и Аральского моря, закрепив сложившийся порядок кочевки на летние и зимние пастбища с учетом традиций, ханы Кок-Орды предприняли шаги по восстановлению хозяйственной и культурной жизни в оседло-земледельческих оазисах среднего течения Сырдарьи, Таласа, Чу. Муин ад-Дин Натанзи сообщает, что хан Кок-Орды Эрзен благоустроил Сыгнак и построил немало зданий, «большую часть медресе, ханаке, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженде, Барчкенде» [там же, с.129] – городских поселениях присырдарьинских оазисов. Внук Эрзена – Урус-хан – по примеру своего деда также воздвигал постройки в Сыгнаке. Согласно мусульманскому летописцу Махмуду ибн Вали, другим политическим центром Кок-Орды при Урус-хане был г. Сарайчук в низовьях Урала, который считался вместе с Сараем одной из столиц всего Джучиева Улуса. К концу XIV в. ханы Кок-Орды чеканили монеты уже только от своего имени. Превращение района среднего течения Сырдарьи в центр Кок-Орды со столицей в Сыгнаке способствовало расширению контактов кочевников восточного Дашт-и Кыпчака с оседлой культурой Хорезма и других районов Средней Азии. Существенно сказались на этих контактах угасание из-за погромов эмира Тимура городской жизни в центре Золотой Орды – Поволжье и, как следствие этого, – перемещение торговых путей на юго-восток, в присырдарьинские оазисы.

Таким образом, термин Кок-Орда в качестве официального наименования был известен еще при жизни хана Джучи и обозначал его ставку, местонахождение которой было в верховьях Иртыша у оз. Алакуль. После смерти Джучи-хана термин Кок-Орда относился к потомкам его сына Орду-Эджэна и к их владениям, которые простирались от верхо-

вьез Иртыша и дальше на запад к рр. Или и Сырдарье, иногда, возможно, и до Урала. В источниках Джучидов Кок-Орды называли «царевичами левого крыла», и их владения находились на самом востоке Джучиева Улуса. Термин «Кок-Орда» во второй половине XIV в. уступил место названию Узбекский

Улус и прекратил свое существование. К этому следует добавить, что последний хан Кок-Орды Барак имел дочь и трех сыновей, один из которых, по имени Абу-Саид, «которого называют также и Джанибек», стал одним из основателей собственно Казахского ханства.

§ 10. Улус Шибана

Владимир Костюков

По Волго-Уральскому водоразделу, очевидно, располагалась граница между правым и левым крыльями, между Ак-Ордой и Кок-Ордой. Южное Приуралье и степи Западной Сибири, вплоть до Иртыша, принадлежали Шибану, сыну Джучи, и его ближайшим потомкам (об этом улусе см.: [Костюков, 1998, с.210–224]). Видимо, некоторое время к владениям Шибана относились земли Восточного Приаралья и низовий Сырдарьи с городами Дженд, Сыгнак, Сайрам, но еще во время правления Орду-Эджэна эти земли вошли в его собственный улус. Изначально же ему принадлежали коренные владения Джучидов в верховьях Иртыша и близ оз. Алакуль, откуда, собственно, и началась история Улуса Джучи (об истории левого крыла Улуса Джучи и генеалогии его правителей см.: [Allsen, 1985, p.5–40]).

При разделе завоеванных территорий между Джучидами, по окончании «семилетнего похода», один из самых крупных уделов достался пятому сыну Джучи – Шибану. Праправнук Шибана, Абу-л-гази, рассказывает об этом пожаловании так: «Когда Саин-хан, возвратившись из этого похода, остановился на своем месте... младшему своему брату, Шибан-хану... отдал в удел из государств, покоренных в этом походе, область Корел; и из родовых владений отдал четыре народа: Кушчи, Найман, Карлык и Буйрак, и сказал ему: юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена: летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-суук, Орь, Илек, до горы Урала, а во время зимы живи в Аракуме, Каракуме и по берегам реки Сыр – при устьях рек Чуй-су и Сары-су. Шибан-хан послал в область Корел одного из своих сынов, дав ему хороших беков и людей. Этот юрт постоянно оставался во власти сынов

Шибан-хана; говорят, что в настоящее время государи Корельские – потомки Шибан-хана; ...Шибан-хан в показанных областях проводил лета и зимы, и по прошествии нескольких годов умер» [Абуль-Гази, 1906, с.160].

Предоставление Шибану кочевий в урало-казахстанских степях подтверждается свидетельством современника: Плано Карпини в отчете о своей миссии в Каракорум кратко отмечает, что на беспредельных просторах к северу от Средней Азии «пребывает Сыбан, брат Бату» [Плано Карпини, 1993, с.64]. Что же в действительности скрывается за сообщением о передаче Шибану страны «Корал», т.е. Венгрии, не ясно. Возможно, речь идет о поручении организовать окончательное покорение Венгрии, но более вероятно, что его источником стало отождествление шибанидской «историологией» могущественного темника Ногай со вторым сыном Шибана – Бахадуром [Шакарим Кудайберды-улы, 1990, с.98]. Как бы то ни было, ни о каком закреплении потомков Шибана в Венгрии говорить не приходится, а вот в урало-казахстанской степи их власть утвердилась на несколько веков.

Только на первый взгляд может показаться, что хорошо потрудившегося в ратных делах бахадура и его воинов проводили на покой, одарив удобными и спокойными кочевьями в джучидской глубинке. Корпусу Шибана на северной периферии уральской степи предстояло вновь покорять кыпчаков. Об их месте в составе улуса Шибана следует сказать особо. Судя по археологическим данным, до монгольской экспансии на запад кыпчаки и родственные им канглы были лишь номинальными хозяевами территорий, отведенных Шибану. Кыпчаки и канглы оказали монголам упорное сопротивление и безжалостно истреблялись при взятии всех крупных городов [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2,

с.198–199, 206, 208]. Оставшиеся в живых рассеялись во все стороны, многие ушли на северную окраину степи – к башкирам или иштякам, как называет их Абу-л-гази [Кононов, 1958, с.43]. О судьбе беглецов, искавших спасения в суровых северных краях, в источниках сведений нет. Но ясно, что доля и покорившихся монголам, и укрывшихся от них в глухих местах была незавидной. Первые включались в войско и оказывались среди тех, кто в каждом сражении идет впереди и погибает первым. О вторых некоторое представление дает большое семейное кладбище, исследованное в лесостепной зоне на границе Челябинской и Свердловской областей. Радиоуглеродная дата и мусульманский погребальный обряд, с характерными хорезмийскими чертами, позволяют уверенно связать некрополь с кыпчаками периода монгольской экспансии. Авторы публикации отмечают, что население, оставившее памятник, проживало в неблагоприятных условиях: все погребенные имеют патологии инфекционного и (или) дистрофического происхождения [Корякова и др., 1999, с.88].

Возвращение уцелевших кыпчаков в степь стало возможным, видимо, не раньше, чем Бату понадобились людские ресурсы для казавшейся неотвратимой борьбы с Гуюком. Однако, учитывая горький опыт, вынесенный кыпчаками из прежних предложений монголами мира и союза, и масштабы потерь, сомнительно, чтобы репатрианты составили преобладающую долю кочевого населения Золотой Орды. Этнический базис улуса Шибана изначально образовали не кыпчаки, а тюркские и монгольские племенные группы из Прииртышья, Южной Сибири и Центральной Азии, и все сведения о его родоплеменной номенклатуре со второй половины XIII по XV в. не дают ни малейшего повода говорить об этническом ренессансе кыпчаков [Костюков, 1998]. О том же свидетельствует и довольно представительный фонд археологических материалов XIII–XIV вв. В частности, погребальные комплексы, демонстрирующие даже в пределах одного некрополя крайнее разнообразие деталей погребального обряда, красноречиво указывают на этнокультурную многокомпонентность населения улуса [Костюков, 1997].

«Омаки» найман, карлук, кушчи и буйрак в составе 15 тыс. семейств, предостав-

ленных Шибану, по всей видимости, были основными подразделениями его тумена, прошедшими все испытания «семилетнего похода» (следы заживших ранений засвидетельствованы на многих скелетах из исследованных в урало-казахстанских степях погребений золотоордынского времени). Надо полагать, Бату, ввиду вероятного перехода конфликта с Гуюком в военную фазу, было весьма целесообразно держать в авангарде корпус закаленных ветеранов. Хотя конфликт так и не вылился в открытое столкновение, Шибан, возможно, принял самое непосредственное участие в его разрешении. Рубрук на пути в Каракорум был принят вдовой брата Бату – «Стикана» в передаче Рубрука, в котором без труда угадывается Шибан. По ее рассказу, Шибан возглавлял делегацию, посланную Бату к Гуюку для подготовки личной встречи двух самых могущественных Чингизидов. В ходе переговоров между Шибаном и Гуюком будто бы возникла ссора, и они насмерть поразили друг друга. Эта драматическая история звучит довольно правдоподобно, но ее достоверность показалась не вполне достаточной даже самому Рубруку, который слышал и другое: Гуюк был попросту отравлен агентами Бату [Рубрук, 1993, с.118]. Восточные источники тоже придерживаются версии об отравлении Гуюка, более того, имя Шибана они помещают среди имен участников совещания, на котором обсуждалась кандидатура нового императора. Ясно лишь, что ко времени путешествия Рубрука Шибана уже не было в живых, косвенным подтверждением чего является тот факт, что в 1251 г. Бату поставил во главе огромной армии, посланной для поддержки своего кандидата на каракорумский престол, не испытанного военачальника Шибана, а Берке и Тука-Тимура, о прежних военных заслугах которых источники умалчивают.

Впрочем, взаимная неприязнь Гуюка и Бату, похоже, не отражалась на интенсивности контактов по организации эффективной эксплуатации завоеванных земель и распределению доходов. В этом аспекте крайне важным было то, что пояс казахстанских степей являлся кратчайшей летней коммуникацией на оси Каракорум – ставка Бату [Иванин, 1998, с.236]. Путь из центра Улуса Джучи в столицу империи по высоким степным широтам занимал немногим более двух меся-

Хан и его двор. Миниатюра. Иран. XVI в.

цев, тогда как путешествие через Среднюю Азию требовало от трех до четырех месяцев. Однако для того, чтобы получить столь существенный выигрыш во времени, на северном пути нужно было создать надежно действующую систему ямов, где курьеры, правительственные чиновники и послы могли бы получить свежих лошадей и необходимое продовольствие. Эта задача, вероятно, была одной из самых важных среди поручавшихся Шибану. Если все географические ориентиры, места летовок и зимников, называемые Абу-л-гази, действительно упоминались в пожаловании, сама скрупулезность их перечисления говорит о предмете заботы Бату. В 1246 г., как следует из маршрута Плана Карпини, ямская служба во владениях Шибана еще не была отлажена. Но уже в 1254 г. Рубрук, возвращаясь из Каракорума, отмечает несомненные выгоды северного маршрута, и эта информация попадает в «Opus Majus» Р.Бэкона, отмечающий почти двукратную разницу между южным путем и северным [Матузова, 1979, с.215]. Таким образом, до середины XIV в., пока в Сарае сохранялась сильная власть, и пока он поддерживал регулярные отношения с Каракорумом, а затем Ханбалыком, в обязанности Шибанидов дол-

жно было входить поддержание ямов в исправном состоянии.

К сожалению, письменные источники позволяют очертить лишь общую канву истории улуса от его учреждения до воцарения Абу-л-Хайра. Фактический материал исчерпывается родословными таблицами, иногда снабженными короткими ремарками относительно личных качеств или судьбы отдельных персон, да единичными летописными упоминаниями о ком-нибудь из Шибанидов, как правило, в связи с событиями военного характера. Немногословность летописей, видимо, подтверждает одобрительные слова Махмуда ибн Вали о Шибанидах, которые, «опоясавшись поясом повиновения потомкам Бату-хана, не позволяли себе преступного желания и стремления оставить обычай подчинения» [МИКХ, 1969, с.346]. Конечно, далеко не все попадало на страницы летописей, и уровень политических притязаний джучидских султанов, к которым относились Шибаниды, был текучей субстанцией, в первую очередь зависевшей от силы и авторитета центральной власти, тем не менее, можно принять за верное, что род Шибана до 60-х гг. XIV в. проявлял лояльность к царствовавшим особам. Такое поведение, как правило, гарантировало сохранение прав и привилегий султанов, но, разумеется, в установленных традицией пределах. О скромном месте потомков Шибана в политической системе Улуса Джучи можно судить, в частности, по составу курултая, устроенного весной 667 г.х. (10. IX. 1268 – 30. VIII. 1269) «на лугах Таласа и Кенджека». Здесь решались важнейшие территориальные вопросы, напрямую затрагивавшие интересы дома Шибана (и в еще большей степени – дома Орду-Эджэна), но ни в событиях, вызвавших необходимость курултая, ни среди его участников представители этих улусов не упоминаются [Рашид ад-Дин, 1946, III, с.71].

Впрочем, привязанность Шибанидов к землям, по сравнению с уделами других Чингизидов, не слишком богатым и завидным, не осталась без воздаяния. По справедливому замечанию В.В.Бартольда, «во владениях потомков Шибана более всего преобладала кочевая жизнь, тем не менее, и здесь в течение более 200 лет власть могла оставаться в руках членов одного и того же ханского рода – явление довольно редкое у кочевников. Ме-

нее всего затронутые городской культурой, потомки Шибана остались более всего верны воинственным традициям кочевников и потому смогли выступать в роли завоевателей в такое время, когда могущество династии Чингиз-хана почти везде находилось в полном упадке» [Бартольд, 1968, V, с.135]. Неприятельный кочевой быт способствовал сохранению завещанных Великой Йасой Чингиз-хана ценностей, в первую очередь, семейной субординации и солидарности, обеспечивших к XV в. самые благоприятные политические перспективы, потому что «...шибанидские султаны по своей многочисленности и явному численному превосходству отличались от других ханов джучидского происхождения» [МИКХ, 1969, с.354].

После смерти Шибана, имевшего 12 сыновей, управление улусом перешло ко второму сыну Бахадуру и всегда оставалось в руках его потомков. Как сообщает Махмуд ибн Вали, Бахадур, «повелев собраться близким родственникам, племенам и четырем каучинам, ...выбрал для зимовок и летовок Ак-Орду которая известна также как Йуз-Орда» [там же, с.347]. Любопытно, что младшего сына Шибана, который должен был наследовать юрт отца и который сам не оставил наследников, звали Коничи. «Северный царь Канчи», владения которого описал Марко Поло, обычно отождествляется с Куинджи, внуком Орду-Эджэна. Но отчетливо северный колорит земель Канчи, где «нет ни городов, ни замков» [Марко Поло, 1955, с.225–226], мало соответствует действительной географии владений Куинджи, именуемого Рукн ад-Дином Бейбарсом «владельцем Газны и Бамьяна» [СМИЗО, 1884, с.118].

Упоминание Махмудом ибн Вали «четырех каучинов» вместе с известием о «четырех омаках» свидетельствует о том, что в основе управления улусом лежала универсальная тюрко-монгольская традиция, в соответствии с которой четыре не-чингизидских эмира образовывали при хане подобие «государственного совета», представлявшего интересы четырех крупных массивов населения, объединенных на этнической основе [Шамильоглу, 1993]. Шибаниды должны были служить там, где находил целесообразным хан, в его воле было регулировать границы кочевий. Так, в правление Берке благополучие Шибанидов, возможно, оказалось

не вполне обеспеченным. Возвращение Менгу-Тимуром, действовавшим «согласно распоряжениям Бату-хана», Бахадуру неких владений в Ак-Орде, о котором сообщает Абуль-гази, подразумевает, что сии владения были отняты Берке [Абуль-Гази, 1906, с.152]. Кроме того, Берке почему-то не пожелал взять под свою защиту четвертого сына Шибана, Балакана, возглавлявшего вместе с Кули и Татаром – сыновьями Орду-Эджэна и Бувала – джучидские тумены в Иране [СМИЗО, 1884, с.188–189, 380; 1941, с.57, 67–68].

Если за указанными фактами действительно кроется опала Шибанидов, то не исключено, что ее причиной были какие-то трения на религиозной почве. С одной стороны, всеми источниками отмечается строгая приверженность Берке исламу, с другой стороны, весьма вероятно расположение первых Шибанидов к христианству. Оно могло иметь семейные корни, обнаруживающиеся, например, в христианской этимологии имени Шибана [Pelliot, 1949, p.44–47], или в приветливой встрече Рубрука вдовой Шибана [Рубрук, 1993, с.118], могло также диктоваться конфессиональной ситуацией в улусе, часть населения которого была представлена выходцами из племен, давно вовлеченных в орбиту несторианства и буддизма. Согласно сообщению католического миссионера Иоганки, в 1320 г. «судьи баскардов», т.е. представители джучидской администрации в землях башкир, твердо держались христианства и даже брались организовать миссионерскую деятельность миноритов в Сибири [Аннинский, 1940, с.92–94], а в начале XV в. в Зауралье буддийские кумирни имел возможность наблюдать баварец Иоганн Шильтбергер [Шильтбергер, 1866, с.35]. Известно, что в конце правления Бату кочевья Берке и Шибанидов на некоторое время оказались рядом, и вряд ли это соседство пошло на пользу отношениям между ревностным неофитом Берке и если не христианкой, то, по меньшей мере, симпатизировавшей христианству семьей Шибана. Причем некоторые обстоятельства «высылки» Берке из прикавказских степей за Волгу убеждают в том, что ее причиной были именно религиозные пристрастия будущего властителя улуса. Неприязнь Берке к семье своего брата могла быть подогрета также усердием, проявленным Шибаном при разгроме мусульманской Волжской Булгарии.

В годы правления Менгу-Тимура и Токты в летописях упоминается сын погибшего в Иране Балакана – Муртад-Токтай или Тама-Токтай (должностной термин «тама» указывает, что Муртад-Токтай командовал корпусом, выделенным из общего состава армии и расквартированным в определенной области). Он несколько раз предводительствовал джучидскими войсками в битвах с Хулагуидами, затем ему была поручена охрана, пожалуй, самого ответственного участка границы Улуса Джучи в районе Дербента. В финальной части борьбы хана Токты с Ногаем Муртад-Токтай поддерживал первого, причем оказался, пожалуй, ключевой фигурой в развязке, закончившейся гибелью Ногая. Как известно, одним из поводов к окончательному разрыву между ханом Токтой и Ногаем послужило требование могущественного темника выдать ему дядю Токты – Салджидай-гургана. Потом последовали «соблазнение» Ногаем «нескольких тысяч, принадлежавших Токтаю», и, наконец, Ногай стал требовать выдачи не только Салджидай-гургана с сыном Яйлаком, но и Муртад-Токтая. Токта же, вызвав Муртад-Токтая, решил дать противнику еще одно сражение, наконец принесшее ему победу над самовластным временщиком [СМИЗО, 1941, с.71–72]. Возможно, причиной подобной опалы послужило нападение Муртад-Токтая на владения ильханов как раз в то время, когда Ногай пытался завязать с Аргуном дружеские отношения [Рашид ад-Дин, 1946, III, с.117]. Вместе с тем любопытно, что Рукн ад-Дин Бейбарс, излагая эти события, почему-то характеризует внука Шибана как «отступника» [СМИЗО, 1884, с.113]. Надо думать, эта ха-

рактеристика отражает какие-то близкие отношения между Ногаем и Муртад-Токтаем, служебные или, что более вероятно, родственные.

Верность Шибанидов наследникам Бату была щедро вознаграждена при восшествии на престол хана Узбека. По словам Утемиш-хаджи, из всех султанов Узбек только для потомков Шибана сделал исключение: «передал им буйрак и карлык, кои суть двусоставный эль, и предоставил их самим себе» [Утемиш-хаджи, 1992, с.103–105].

В начале «великой замятни» Шибаниды, видимо, ограничились лишь демонстрацией независимости от утративших авторитет и реальную силу наследников Бату. Но полностью удовлетворить их честолюбие могло, конечно, только овладение Сараем. Первому из Шибанидов столица Орды досталась Хызрхану. Он правил около полутора лет, пока не был убит своим сыном Тимур-Ходжой. В 60–70-е гг. XIV в. еще несколькими Шибанидам удавалось ненадолго захватывать Сарай. Но в начале 80-х гг. XIV в., когда в Сарая утвердился Токтамыш, им, похоже, пришлось вновь смириться с суровой реальностью. Позднее, во время похода Тимура на Улус Джучи в 1391 г., когда он достиг южноуральских степей, Шибаниды не стали испытывать судьбу в заведомо неравной схватке и, по словам Махмуда ибн Вали, удалились за Иртыш к дружественным кыргызам [Кляшторный, Султанов, 1992, с.196].

Лишь после смерти эмира Идегея звезда Шибанидов стала восходить вновь, и вскоре под их властью оказались не только огромные степные пространства в восточном Дашти Кыпчаке, но и многие области Средней Азии.

§ 11. Сарайчук и поселения Волго-Уральского междуречья

Альберт Бурханов

Представляющий степную и полупустынную зону, регион Волго-Уральского междуречья в золотоордынскую эпоху использовался в основном для ведения кочевого хозяйства [Федоров-Давыдов, 1966; 1981; Кригер, 1984; Гарустович и др., 1998; Яминов, 2003]. Редкие оседлые поселения располагались вдоль течения рек. О них известно благодаря итогам незначительных археологических исследований, а их золотоордынские названия неизвестны.

В степях Южного Урала и северо-западного Казахстана сохранились остатки отдельно стоящих мавзолеев XIV в., построенных из кирпича и камней. В частности, на среднем течении р. Бузулук раскопаны два мавзолея и керамическая печь [Кастанье, 1910, с.41–43; Попов, 1971а, с.177; 1971б, с.139–144; Федоров-Давыдов, 1994, с.37; Васильев, 2003, с.144–145]. Мавзолеи сооружались как одиночные или семейные усыпальницы крупных золотоордынских аристократов из

кочевой среды, что подтверждает факт широкого распространения ислама в степной зоне Улуса Джучи [Ракушин, 1998; Измайлов, 2004, с.99–107; Малов, Малышев, Ракушин, 1998].

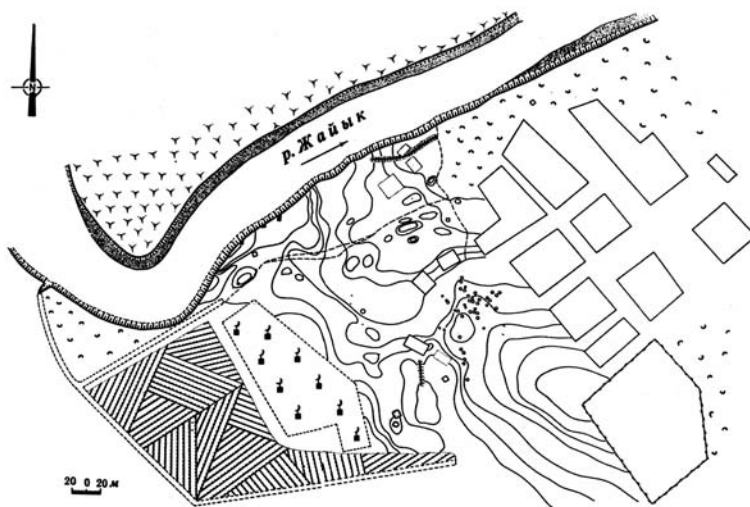
Одним из важнейших административно-политических и торгово-ремесленных центров Улуса Джучи был г. Сарайчук (Сарайджук). Его название хорошо известно по письменным источникам и чеканившимся здесь в XIV в. монетам.

Остатки средневекового города, ныне известные как городище Сарайчик, находятся в 50 км к северу от казахстанского города Атырау (бывший Гурьев) на правом берегу р. Урал (Яик, Джайк) [Агапов, Кадырбаев, 1979, с.187–193; Гончаров, 2001, с.179–183; Тасмагамбетов, Самашев, 2001; Федоров-Давыдов, 1981, с.231; 1994, с.37, и др.].

Научное изучение развалин Сарайчика имеет более чем двухсотлетнюю историю. Интересные сведения о городе оставили П.И.Рычков, П.С.Паллас, А.Левшин, И.А.Кастанье, В.В.Григорьев и др. [Рычков, 1759; Левшин, 1823, с.10; Григорьев, 1908, с.183–193; Кастанье, 1910, с.95–97]. Археологическое изучение городища произведено Н.К.Арзютовым (1937 г.), А.Х.Маргуланом (1950 г.) и Г.И.Пацевичем (1950-е гг.), Л.Л.Галкиным (1970–1980-е гг.) [Арзютов, 1949, с.126–135; Маргулан, 1951; Пацевич, 1956; 1959; Пачкалов, 2003, с.173].

С 1996 г. крупномасштабные стационарные исследования на городище проводит Западно-Казахстанская археологическая экспедиция Института археологии им. А.Х.Маргулана (рук. З.С.Самашев) [Самашев, 1998; Аитова, Самашев, 1998, с.35–41; Самашев, Кузнецова, 2000, с.84–100; Тасмагамбетов, Самашев, 2001; Гончаров, 2001, с.179–183].

Сарайчук, как один из важных административных пунктов Улуса Джучи, был основан во второй половине XIII в. и в первой половине XIV в. становится крупным политическим и торгово-ремесленным центром золотоордынского государства [Егоров, 1985,

План Сарайчикского городища

с.124; Федоров-Давыдов, 1994, с.37; Гончаров, 2001, с.180]. Это было связано с тем, что Сарайчук располагался на узлом в стратегическом отношении пункте, обеспечивая безопасность отрезка трансконтинентального караванного пути из европейских стран и столичной части Улуса Джучи – Нижнего Поволжья – в города Хорезма и Средней Азии, Ирана, Индии и Китая. Сохранились многочисленные сведения торговцев и путешественников о направлении этой трассы и способах передвижения по ней, о характере и цене товаров. Торговый путь от Нижнего Поволжья в Хорезм через Сарайчук был обеспечен благоустроенными караван-сараями и колодцами. По сведениям современников, в частности Франческо Пеголотти, в XIII–XIV вв. эта трасса была главным и самым безопасным путем, соединяющим между собой восточные и западные страны [Григорьев, 1908, с.183–193]. Удобное географическое расположение играло большую роль в развитии Сарайчука: здесь строились дворцы, мечети и медресе, караван-сарай, бани и другие архитектурные сооружения. Город имел четко разработанную планировку с прямыми улицами и широкими площадями. Здания возводились талантливыми зодчими – представителями наиболее известных на Востоке архитектурных школ.

Упоминание об этом золотоордынском городе мы находим у Ибн Баттуты, который побывал в этих местах в 1333/1334 г.: «...после отъезда из Сарая мы прибыли в город Сарайчук (Сарайчук)... Город был расположен на

берегу полноводной, крупной реки, называемой Улусу (Урал), значение чего «великая река». Через нее переброшен мост из лодок, такой же, как в Багдаде... В этом городе находится завия праведного старца из тюрок, которого называют ата (отец). Он угостил нас и благословил. Принимал нас также кади этого города» [Ибн Батута, 2000, с.38–39; СМИЗО, 1884, с.307–308]. Как видно из сообщения арабского купца-путешественника, перед дальней дорогой по караванному пути люди получали в Сарайчуке благословение от мусульманских праведников, которые проживали рядом с могилами святых.

Известность и величие Сарайчука связано не только с местом захоронения мусульманских шейхов, но и с тем, что он являлся одним из главных пантеонов Джучидов. По сведениям хивинского хана Абу-л-гази, здесь были захоронены золотоордынские ханы и аристократы [Григорьев, 1876, с.320; Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с.58]. Впрочем, все это лишь предположения. По одной из версий сказания об эмире Идегее, в Сарайчуке, возможно, была похоронена в 1406 г. голова Токтамыша, погибшего в Сибири. Здесь же находятся могилы ряда ногайских князей и мурз, эпических героев Ер Таргына и Камбара, а также казахского хана Касыма [История Казахстана, 1997; Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с.58].

Результаты многолетних археологических работ позволили исследователям выделить три основных этапа в жизни средневекового города [Самашев, 1998; Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с.59; Гончаров, 2001, с.179–183; Пачкалов, 2003, с.171].

Ранний этап – первые десятилетия существования Сарайчука. В этот период город имел центральную часть, которая была застроена зданиями из сырцового кирпича. К югу, ближе и вдоль реки, шла окраинная часть шириной 300 м, заполненная юртами и легкими каркасными строениями.

Второй этап начался с 1330-х гг. и продолжился весь XIV в. Расцвет Сарайчука приходится именно на это время. Город постепенно организовывался и расширялся: в центральной части возводились кирпичные здания. Сарайчук вытянулся на остров между руслами Яика, таким образом, контролируя все людские передвижения по реке на данном участке. Исходя из данных карты Фра

Мауро и сведений авторов XIX и начала XX в. о городище, а также современного состояния историко-культурного ландшафта, площадь Сарайчика определяется более 1200 тыс. кв. м (2 тыс. м в длину с запада на восток и ширина более 600 м).

Третий этап – развитие Сарайчука в XV–XVI вв. В этот период топография города вновь изменяется. Его центральная часть постепенно уменьшается в размерах и смещается к юго-востоку, в сторону ответвления от Яика протоки Сорочинка. В XVIII–XX вв. Яик неоднократно менял свое русло. Во время половодий река сильно разрушала культурные слои городища. К настоящему времени остатки былого Сарайчука, без учета прилегающего участка с древним кладбищем, имеют площадь 360 тыс. кв. м (600×600 м).

Все три этапа истории города Сарайчука хорошо прослеживаются археологическими материалами, особенно благодаря последним исследованиям казахстанских археологов.

При строительстве Сарайчука были учтены традиции кочевнического градостроительства, и работы проводились по единому плану. Дома сооружались в основном из кирпича-сырца и состояли из двух-четырёх комнат, каждая размером 4×5 м. В помещениях вдоль трех стен непременно устанавливались характерные для восточного дома лежанки-суфы шириной 1,5–2 м, обогреваемые дымоходными горизонтальными каналами – каналами, устроенными внутри них. Все стены комнат и суфы были оштукатурены и побелены. На одной из суф найдены остатки войлочного ковра. Пол делался из утрамбованной глины. В ряде помещений сохранились покрытия из тростниковой циновки. В стенах над суфами располагались сводчатые ниши, где когда-то находились светильники, дорогая посуда и другие предметы быта. Кроме жилых комнат, в домах имелись хозяйственные помещения, в которых были ямы для хранения проса и ячменя, а также слив, яблок, винограда и орешков миндаля. Найден был высохший репчатый лук. Складские помещения отгораживались от теплых жилых помещений стенами, сделанными из деревянного каркаса с сырцовыми кирпичами, вставленными в него в виде елочки. Такая конструкция была декоративной и служила для естественной вентиляции в складском помещении.

В целом же в архитектурной системе домов Сарайчука и их внутреннем интерьере четко прослеживается влияние традиций средневековых городов Нижнего Поволжья, Хорезма и Сырдарьи [Федоров-Давыдов, 1994; Байпаков, 1998, с.58–59; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972; Байпаков, 1999, с.35, 39, 42, 47–55; Бурханов, 2001, с.69–71; Зиливинская, 2001а, с.67–69; Егоров, Полубояринова, 1974, с.44–68].

В одном из домов вскрыто помещение, где, кроме тандыра и суфы, выявлены остатки оригинального сооружения – коптильни для рыбных и мясных изделий.

В помещениях обнаружена керамическая посуда разнообразной формы местного изготовления. Интересны сосуды, изготовленные из кашина, покрытого блестящей бирюзовой поливой. Встречена также привозная посуда: каменные котлы из Хорезма и Хорасана, поливные сосуды из нижневожских городов и из зеленоватого селадона из Китая.

В рассматриваемый период, кроме центральной части, также развиваются и застраиваются окрестности города. В 5 км от Сарайчука, около речных протоков, располагались загородные усадьбы. Около загородных домов были сады и огороды, находились посевы. В пойме Яика держали верблюдов и лошадей, которые использовались в караванной торговле. Для полива огородов и садов по арыкам использовались чичирные установки. Выращивали овощные, садовые и зерновые культуры.

Как и во многих городах Золотой Орды, в Сарайчуке отсутствовали оборонительные сооружения, – несмотря на это, жители жили спокойно и мирно. На втором этапе жизни города, со второй четверти XIV в., в связи с большим половодьем на р. Яик и затоплением окраин, жители Сарайчука вынуждены были уплотниться. Перепланировка приподняла город и сохранила основные улицы и кварталы. На месте старых домов сооружались новые. Строятся многокомнатные дома с хозяйственными пристройками, расположенными под одной крышей с жилым домом.

В комнатах, как и прежде, основную часть жилой площади занимала П- или Г-образная суфа с топкой и канами в одной из ее частей. Внутренние стены были щитовыми или каркасными. Стены и суфы штукатурились, затем бе-

Фрагмент керамики со штампованным орнаментом. Сарайчук

лились, украшались киизами и коврами. Во многих домах полы клались из обожженного кирпича. Рядом с топкой находился ташнау (в виде сосуда), куда сливалась использованная вода, которая затем поглощалась землей.

Обнаружены остатки бани, состоявшей из нескольких разнофункциональных помещений. Воду нагревали в чугунных котлах.

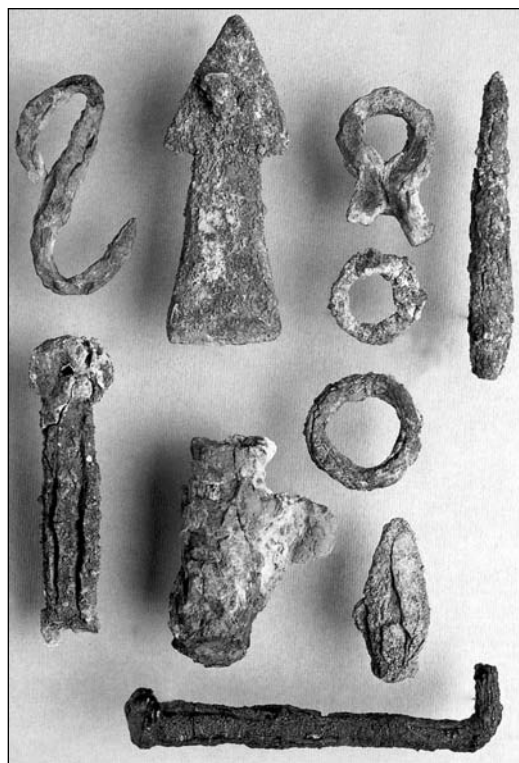
Основное водоснабжение в городе осуществлялось путем перевозки воды в кувшинах из реки на арбах и за счет глубоких кирпичных колодцев во дворах. Возможно, в отдельных случаях вода поступала из арыков и через водопровод.

В середине XIV в. в Сарайчуке высокого развития достигли ремесла; производимые здесь товары обеспечивали жителей самого города и степи. Многочисленные находки керамических сосудов и изделий, остатков мастерских и печей говорят о высоком уровне гончарного дела в городе [Пацевич, 1956; Самашев, Кузнецова, 2000, с.84–100; Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с.63].

В Сарайчуке керамическая посуда изготавливалась из глин трех типов. Красноглиняные изделия: кувшины, чигирные сосуды, большие хумы для хранения продуктов, миски, чираги-светильники. Второй тип керамики состоял из художественно сделанных из кашина пиял, чаш, кувшинов и ваз, украшенных многообразным растительным и зооморфным орнаментом. К третьему типу относятся штампованные сероглиняные кувшины и фляги. Их внешняя поверхность украшена рельефной ор-

Бытовые изделия из кости. Сарайчук

Бытовые предметы из железа. Сарайчук

наментикой с символическим изображением рыб, птиц, растений, звезд и арабскими текстами философского и религиозного содержания.

Сарайчук был одним из центров косторезного ремесла. Об этом наглядно говорят разнообразные многочисленные находки: пряжки, пластины-обкладки для лука, детали украшений колчанов, ручки ножей, кольца для стрельбы из лука, инструменты для ткацкого и кожевенного производств, т.н. «коньки» и др. Талантливые мастера делали изделия из кожи: сумочки и пояса, чиги, сапоги на каблуках, куртки, бурдюки, седла...

В слоях XIV в. выявлены многочисленные изделия из стекла. Это – местного изготовления бусы и перстни, различные сосуды, пластины разноцветного оконного стекла.

О развитии металлургического производства в Сарайчуке говорит разнообразие находок из железа и бронзы. Местные мастера кузнечного дела были очень искусными и изготавливали изделия на потребу горожанам, купцам и кочевникам. Среди результатов их производства назовем упряжь для коней, ножи, наконечники стрел, косы, кетмени и т.д. Бронзолитейщики отливали художественные изделия:

пряжки, чашечки, замки в виде лошадок и зеркала с различными сюжетами на оборотной стороне. Здесь также найдены штампы, покрытые арабской вязью, для изготовления кожаных обложек для книг.

Местные ювелиры трудились над производством уникальных образцов искусства, в частности, на городище найдены перстни с многоцветными вставками, украшенные богатой резьбой браслеты, изящные сережки и золотые нашивки.

Согласно сообщениям письменных источников, на хозяйственную жизнь жителей Сарайчука влиял тот фактор, что через него проходил караванный путь. В связи с этим они разводили великолепных лошадей и выносливых верблюдов. Как сообщает арабский автор XV в. Ибн Арабшах, караваны из Хорезма через Сарайчук в Нижнее Поволжье и до самого Крыма проходили в течение трех месяцев «без страха и опаски». «Караваны не возили с собой ни продовольствия, ни корма для лошадей и не брали с собой проводника вследствие многочисленности (тамошних) народов да обилия безопасности, езды и питья у (живущих там) людей» [СМИЗО, 1884, с.460]. Судя по найденным находкам, – надписям на

Костяные «коньки». Сарайчук

посуде, на предметах из бронзы и др. – можно говорить о распространенности грамотности среди жителей Сарайчука.

Этот золотоордынский город, находясь на перекрестке основных караванных путей, был вовлечен в широкую международную торговлю. Активно велась торговля с восточными странами – с Китаем и Индией, со Средней Азией и Ираном, с Восточной Европой и Кавказом, Крымом и западноевропейскими государствами.

Среди многочисленных импортных вещей найдена посуда светло-салатового цвета из Китая – селадон. Из Хорезма привозили каменные котлы, своеобразные вазы, кесе и блюда, сделанные из черной глины и покрытые лощеным орнаментом. Из Ирана и Средней Азии поступали ожерелья из стеклянных, сердоликовых, хрустальных бус, вставки из бирюзы для перстней. Из причерноморского г. Трапезунда через Крым привозились заполненные вином и маслом амфоры. Изготовленные сарайчукскими мастерами роскошные поливные чаши и вазы, в свою очередь, вывозились и украшали дома других городов Золотой Орды [Федоров-Давыдов, 1994, с.37; Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с.65].

Сарайчук был одним из важнейших политических и религиозно-идеологических центров государства, в связи с этим постоянно находился в орбите внимания золотоордынской аристократии. В начале 1370-х гг. он ряд лет входил в удел Айбека из рода Шибан, чеканившего здесь свою монету. В середине 1370-х гг. городом владел потомок Орду-Эджэна Урус-хан (1361–1380), а в конце 70-х гг. XIV в. – Шибанид Арабшах [СМИЗО, 1884, с.241]. Согласно нумизма-

тическим данным, в этот период начался новый, но кратковременный взлет строительства. В городе, судя по археологическим данным, были возведены монументальные сооружения [Самашев, 1998, с.137–162; Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с.66–67].

Война Токтамыша с эмиром Тимуром, опустошившая Улус Джучи, обошла стороной Сарайчук [Егоров, 1985, с.223].

Нумизматический материал, выявленный на городище Сарайчик, интересен и уникален, он относится к периоду с конца XIII по XVI в. [Аитова, Самашев, 1998, с.35–41; Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с.68–69; Гончаров, 2000, с.180–181; Пачкалов, 2003, с.171; Федоров-Давыдов, 2003]. Найдено очень много монет чекана Сарая начального периода правления Узбека. На монетах можно прочитать и старинное тюркское благопожелание – «Кутлуг болсун».

Во время смуты 60–80-х гг. XIV в. столличный двор продолжал чеканить монеты с именами ханов, боровшихся за трон, – Хызра, Хайр-Булата, Кельдибека, Тулунбек-ханум и др. В городе также ходило огромное количество хорезмских монет, которые отличаются хорошей чеканкой, большим весом и декоративностью изображений. Встречены также уникальные монеты из Хаджи-Тархана, Крыма, Орду ал-Муаззам и Сыгнака.

Судя по монетным находкам, Сарайчук в 1310–1370 гг. пережил экономический и культурный ренессанс. В смутное время 60–80-х гг. XIV в. денежное обращение Золотой Орды дополнялось монетами Сарайчука. На городище Сарайчик в ходе раскопок были выявлены и золотые монеты XIV в.

В период правления Токтамышша местный рынок пополняется монетами из Сарая, а в конце XIV – начале XV в. появляются разнообразные медные пулы чеканки самого Сарайчука. На аверсе одной из местных монет изображен многолепестковый цветок, а на реверсе отмечено, что монета г. Сарайчук. На другой – животное, напоминающее льва, с пышно украшенным хвостом, а на реверсе – вилкообразная тамга.

В ходе распада Золотой Орды начинается борьба за власть и попытка возродить былое могущество государства. Среди претендентов был внук Урус-хана Барак, который в 1420-х гг. захватил престол в Сарае, затем, потеряв его, погиб в междоусобных войнах. За его голову победитель получил должность даруги г. Сарайчука [Кляшторный, Султанов, 1992, с.208–212].

После 1420-х гг. Сарайчук становится постепенно центром Мангытского Юрта, который затем превратился в независимое госу-

дарство – Ногайскую Орду [Трепавлов, 2001; Овчинникова, Ахметзянов, 2004, с.281–287].

В настоящее время городище Сарайчик быстро исчезает, и это, прежде всего, связано с изменением русла Яика. Поэтому очень важно продолжение активных археологических исследований, начатых в 1995 г. и продолжающихся до наших дней казахскими учеными при участии исследователей из Москвы и Астрахани. В сентябре 1999 г. в Сарайчике был открыт историко-культурный комплекс, куда входят мавзолей «Хан-Орда», археологический музей и мечеть. Городищу Сарайчик придан статус историко-культурного памятника общенационального значения. В ближайшие годы планируется вскрытие и консервация основных объектов охраняемой зоны Сарайчика, обустройство городища, налаживание соответствующих коммуникаций, создание туристической инфраструктуры, воссоздание этнографического облика средневекового города.

§ 12. Поселения Хорезма

Альберт Бурханов

Улус Хорезм находился на юго-восточной пограничной части Золотой Орды. Последствия монгольского нашествия для этого региона Средней Азии были тяжелыми: страна была разорена, столица Гургандж (*Ургенч*) опустошена и затоплена, многие города и селения погибли в огне, ирригационная система выведена надолго из строя [Гулямов, 1957, с.165–166; Толстов, 1958, с.14–15; Вактурская, 1964, с.110–111]. Однако страна постепенно начала возрождаться уже в конце XIII в., но далеко не на всей территории [Неразик, 1976, с.123–157; Вактурская, 1964, с.110–111; Андрианов, 1969, с.175].

Исследования пока не позволяют утверждать, что ирригационная система Хорезма во второй половине XIII в. была восстановлена полностью. Зато в первой половине – середине XIV в. наблюдается новый расцвет экономической жизни региона, особенно в северо-западных частях Хорезма, отошедших к Улусу Джучи.

Новые археологические данные из северо-западного Хорезма показывают, что включение региона в состав Улуса Джучи способствовало укреплению культурно-этниче-

ских связей его жителей с населением районов бассейна Сырдарьи. В этой связи особый интерес представляет история возвышения племени кунграт, из которого вышла независимая от Золотой Орды местная хорезмская династия Суфи [Федоров-Давыдов, 1958б, с.93; Вайнберг, 1959, № 5, с.104–114].

Этнокультурные влияния, привнесенные извне, в золотоордынское время проявляются в некоторых особенностях расселения, не имеющих корней в местной хорезмской среде, в облике жилищ и в некоторых ирригационно-земледельческих навыках. Неустойчивость водного режима в бассейне нижнего течения Амударьи определяется такими признаками, как обилие чигирных установок, большое количество хаузов, следы плотин. Помимо искусственных ирригационных каналов, широко практиковалось использование естественных русел, искусственно подправленных и удлинённых. В водоемах вода поднималась на высокие отметки и затем по мере надобности пускалась самотеком на поля [Андрианов, 1969, с.182; Неразик, 1976, с.124; Бурнакова, 2001, с.84–89].

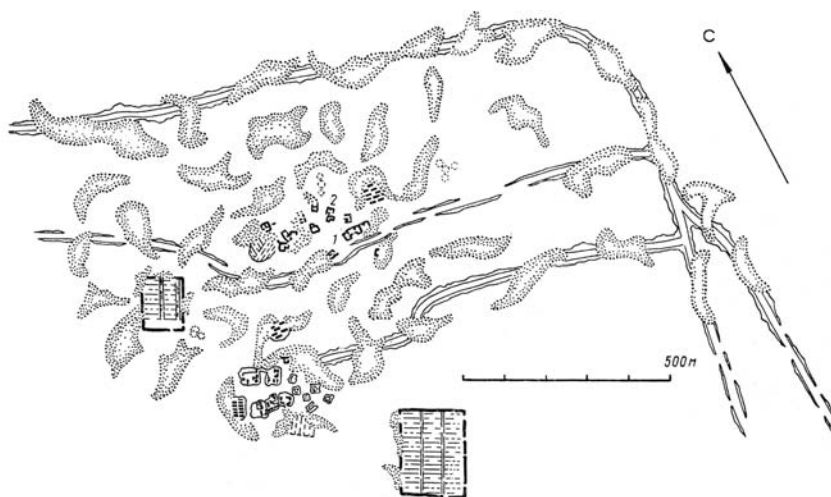
В конце XIII – начале XIV в. постепенно возрождается и сельская округа, о чем свидетельствует появление различных по величине населенных пунктов – поселков и деревень. Большинство населенных пунктов располагалось вдоль оросительных магистралей, вытягивалось узкими полосами, достигавшими в длину до 10 км [Неразик, 1976, с.140].

Результаты археологических разведок позволяют утверждать, что в золотоордынское время в улусе Хорезм существовало значительное число сельских поселений [там же, с.123–157]. Вместе с тем, заброшенными и невозделанными оставались обширные площади. Они тянулись на сотни километров, о чем свидетельствует Ибн Баттута, ехавший 18 дней из Хорезма в Бухару и не встретивший на пути «ни села, ни города единого» [СМИЗО, 1884, с.314; Мамедов, Мурадов, 2000, с.38–46; Ибрагимов, 1988].

Окрестности городища Куня-Уаз, как и в более древнее время, в золотоордынский период были покрыты густой оросительной сетью, однако поселений этой эпохи сохранилось немного. Поселения Куня-Уаз I и II находятся в песках в 1,5 км к северу от городища.

Поселение занимало небольшую площадь, располагалось у подножия здания с массивными пахсовыми стенами. Дома поселения были одно-двухкомнатные, имели дворики. В этом поселке было не более 10 домов. Поселок был компактным: дома стояли на расстоянии 10–30 м друг от друга. Сразу за крайними домиками начинаются борозды пахотных участков. С восточной стороны к поселку примыкает кладбище. В 150 м от поселка обнаружен обширный четырехугольный участок (100x125 м), окруженный глинобитной стеной. Внутри сохранились следы арыков, образующих систему «грядок». Рядом находилось кладбище.

Остатки больших поселений XIV в. сохранились в зоне древнего канала «Шамурат».

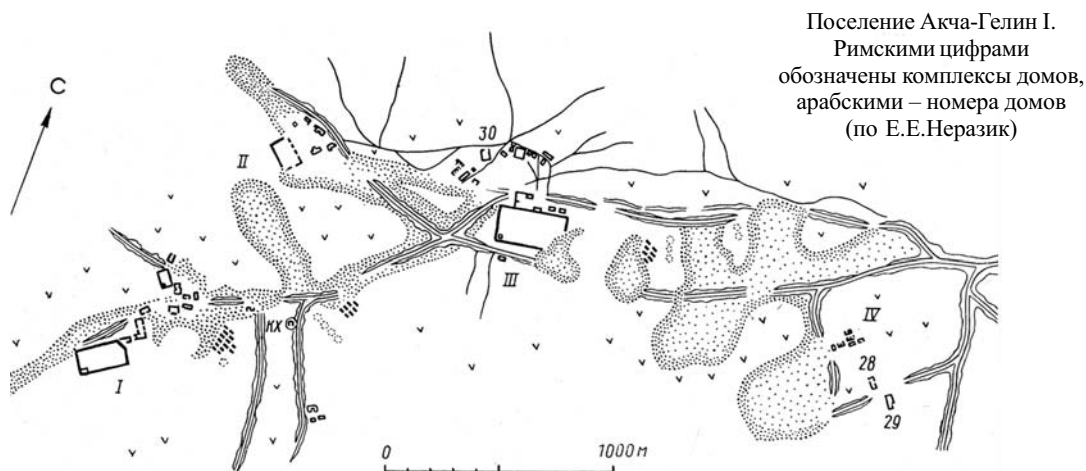

Поселения Куня-Уаз I и Куня-Уаз II (по Е.Е.Неразик)

Здесь, в восточных склонах Туз-гыра, расположены развалины крепости Акча-Гелин. Поселения с небольшими интервалами тянутся вдоль канала и подчас трудно разграничить одно поселение от другого. Поселение Акча-Гелин I, имеющее отчетливо выраженный расчлененный характер, вытянулось на 5 км по южному руслу Шамурата. В нем расположены 40 построек компактными «гнездами», внутри некоторых из них выделяются более мелкие «дочерние» группы. Отличительным признаком каждой из них является обширный, огражденный глинобитной стеной участок (занятый виноградниками, садово-огородными культурами или бахчами) с подходившими к нему арыками. В углу каждого из них находился останец небольшого цокольного сооружения типа небольшой однокомнатной башенки. Размеры участков различны: от 300x150 м до 200x100 м. Ограды участков сохранились на 1,5 м в высоту.

Внутри каждого «гнезда» был один дом или группа, входящая в его состав, как правило, крупных размеров. К примеру, один из домов состоял из 5 помещений и коридоров, разделивших его на две части. Западная была занята хранилищами, а восточная – жилыми комнатами. В одной из комнат площадь пола по большей части была чуть приподнята и образовывала низкую глинобитную суфу с вмазанными в нее очагом из старой хумчи и четырехугольным углублением перед ним.

Находки говорят, что жители поселения пользовались очень разнообразной поливной и неполивной посудой. Рисунок наносился

Поселение Акча-Гелин I.
Римскими цифрами
обозначены комплексы домов,
арабскими – номера домов
(по Е.Е.Неразик)

красно-коричневой, коричневой, зеленой, желтой, реже черной и белой красками на желтоватую или зеленоватую подгрунтовку и покрывался бесцветной поливой. Есть и кашинная поливная посуда с бело-зеленым рисунком на сером точечном фоне.

Поселения сельского типа выявлены также у городища Шахрлик, расположенного в 90 км к юго-западу от центра Куня-Ургенч (Туркменистан) [Неразик, 1976, с.138; Дурдыев, Ходжаниязов, 1973; Вактурская, 1963, с.45]. Площадь Шахрлика около 15 га, крепостных стен город не имел. На его развалинах открыты следы гончарного, стекольного, меднолитейного и железоплавильного производства. Как упоминает Н.Н.Вактурская, «все окрестности Шахрлика, до самой Ак-калы... на северо-западе и до Ярбекиркалы на юго-востоке, усеяны развалинами средневековых сельских поселений и пересечены мелкой оросительной сетью со следами старых полей вдоль нее» [Вактурская, 1963, с.45].

Неподалеку от Шахрлика зафиксированы две четырехугольные ограды – садово-огородные участки (160x160м, 110x80 м), удобно расположенные поблизости от русла протока Северного Даудана и крупного канала. В конце XIV в. население испытывало большие затруднения с водой и поэтому широко использовались чигирные установки.

В районе Шахрлика поселения представляли собой, по мнению Е.Е.Неразик, своего рода «хутор» – группу построек, тяготевших к одному или нескольким садово-огородным участкам, огороженным стеной.

Всего в окрестностях Шахрлика было исследовано 44 постройки, основная часть которых не превышала 200 кв. м. К примеру, одна из исследованных построек представляет собой единый жилой массив, хотя он разделен на секции, которые предполагают изоляцию жилых ячеек. Помещения обычно непосредственно друг с другом не сообщались и были разделены глухими стенами. Обычно они были жилыми, с традиционной для этого планировкой: большую часть занимала суфа. Помещения были богато отделаны алебастром и поливными плитками. В одном из помещений встречены два кирпичных резервуара для воды. Возможно, это ванны. В домах встречаются несколько очагов, некоторые из них напоминают тандыры. Очевидно, большое количество тандыров, скорее всего, связано с почитанием расположенного рядом мазара святого и необходимостью выпекать большое число лепешек для паломников [Неразик, 1976, с.149].

В домах обычно встречаются фрагменты хумов красноватого обжига с полочковидным венчиком, покрытые коричневым ангобом, серых водоносных кувшинов, серых мисок и чаш из кашина с серо-сине-зеленой росписью на светлом фоне. Находки на поселениях – это, в основном, поливная и неполивная керамика; встречаются также различные украшения и предметы.

Археологически выявлены и исследованы золотоордынские поселения и в зоне Дарьялыка – это крепость Ак-кала и поселения ее окружи, которые изобилуют остатками полей, садов, окруженных низкими глинобит-

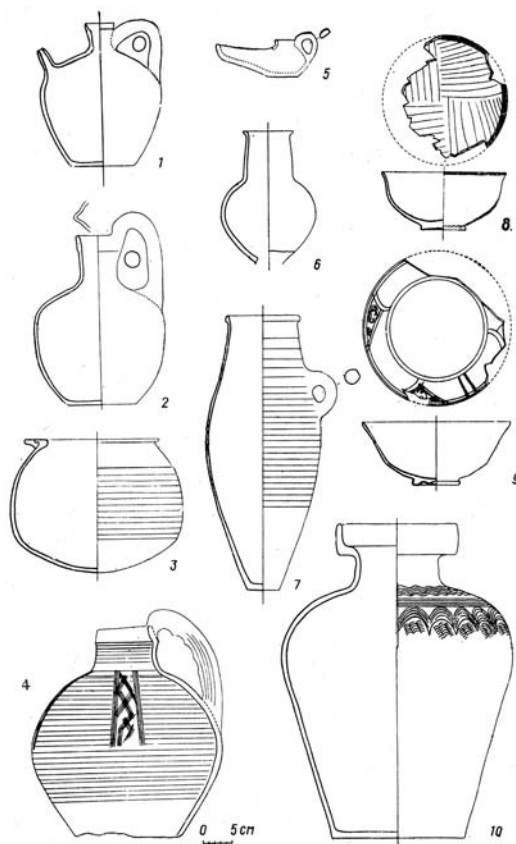
ными оградами четырехугольной формы, следами мелких и крупных каналов. В XIV в. эта территория была хорошо обводненной, причем водными артериями, наряду с каналами, служили и естественные протоки, подправленные человеком. На этой территории размещалось более 60 пахсовых построек. Центром поселения был большой дом с усадьбой, окруженной глинобитной оградой. Рядом с ним сохранились остатки других больших домов. В черте жилой застройки обнаружено небольшое кладбище с остатками надгробий и мазаров.

В помещениях центральной части поселения выявлены обломки поливной и неполивной керамики и другие находки. На поселении и окрестностях выявлены около 100 монет середины XIV в. Часть их чеканена от имени золотоордынских ханов, преимущественно Джанибека.

Как показали археологические исследования, в XIV в. в улусе Хорезм развивалась густая сеть населенных пунктов, что позволяет говорить о бурном расцвете региона. Восстанавливается и развивается ирригационная система. Важную роль при этом играла внутренняя и международная караванная торговля, в которой активную роль играли и сами купцы Хорезма. Особую роль в развитии экономики и культуры, строительства населенных пунктов и кульново-мемориальной архитектуры Хорезма и его столицы Ургенча первой половины XIV в. сыграли золотоордынский наместник – местный правитель Кутлуг-Тимур и его жена Тюрабек-ханым. Об этом говорят письменные источники, сохранившиеся до сих пор развалины архитектурных объектов и археологические находки из Ургенча и других поселений Хорезма.

Остатки бывшего столичного центра г. Ургенч находятся у современного веляятского центра Куныя-Ургенч (Туркменистан).

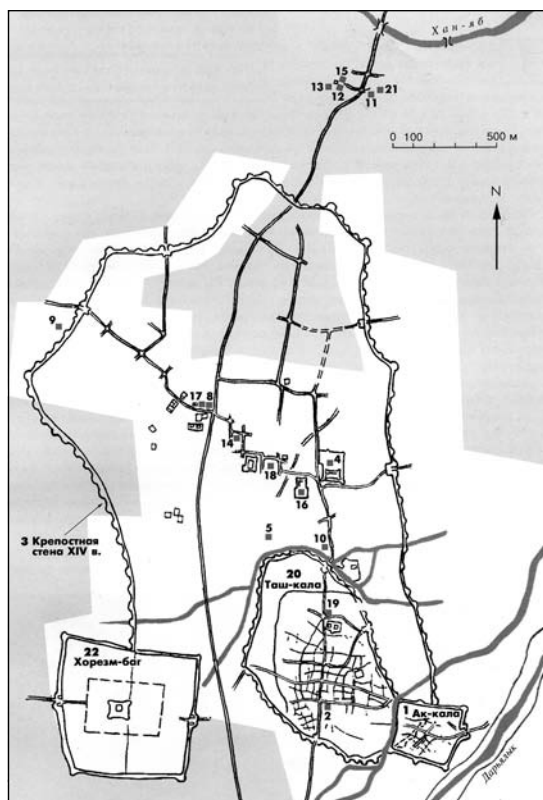
Городище, укрепленное мощной стеной, охватывавшее золотоордынский город XIV в. (шахристан), площадью около 430 га (по другим данным – 640 га), превзошло размеры домонгольского Ургенча и было украшено прекрасными монументальными сооружениями [Якубовский, 1930; Вактурская, 1958, с.471; Федоров-Давыдов, 1958а, с.505–529; Памятники архитектуры Туркменистана, 1974, с.159–2174; Халимов, 1991; Мамедов, Мурадов, 2000; 1998, с.31–32]. Время основания города остается до сих пор спорным [Вактур-

Керамика из поселений Хорезма
(по Е.Е.Неразик)

ская, 1958, с.468; Памятники архитектуры Туркменистана, 1974, с.166–167; Халимов, 1991, с.7–9; Армарчук, 1998; Юсупов, 1993; Мамедов, Мурадов, 2000, с.12–16]. При хорезмшахах город назывался Ургенч (Гурганч, Гургандж, Джурджания). В период Улуса Джучи по хорезмским монетам его название известно как «Ховаризм». Посетивший этот город Ибн Баттута именует его «Хорезм», а русские летописцы – «Орнач» [СМИЗО, 1884, с.308; ПСРЛ, 15, 1965, с.57, 67; Средневековые письменные источники о древнем Ургенче, 2000].

Несмотря на катастрофу 1221 г., связанную с монгольским нашествием, чрезвычайно удобное местоположение Ургенча позволило городу возродиться, и он уже в конце XIII в. приобрел прежнее экономическое и культурное значение в системе больших торговых городов Средней Азии. В XIV в. Ургенч, по сообщению Ибн Баттуты, «один из самых больших, значительных и красивых городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными построй-

План городища Куня-Ургенч

ками, отборными красотоми». В описании Ургенча он упоминает ряд крупных построек города, среди которых называет медресе, построенное Кутлуг-Тимуром, соборную мечеть и ханака Тюрабек-ханым, ханака у могилы шейха Наджм ад-Дина Кубра, больницу, дворец, у которого «деревянный разукрашенный купол, стены убраны разноцветными тканями, а потолок раззолоченным шелком» [Средневековые письменные источники о древнем Ургенче, 2000, с.29–30], и др. По мнению А.Ю.Якубовского, период правления Кутлуг-Тимура для Ургенча – «самое блестящее время его истории» [Якубовский, 1930, с.18].

От золотоордынского Ургенча до нашего времени на территории Куня-Ургенчского заповедника сохранились несколько архитектурных сооружений кульново-мемориального и фортификационного характера, а также объекты, выявленные в ходе археологических исследований на городище.

К этому ряду относится **крепостная стена Ургенча** – мощное фортификационное сооружение, охватывавшее золотоордынский город (шахристан) XIV в. площадью 430 (640) га. Стена сохранилась в виде вала про-

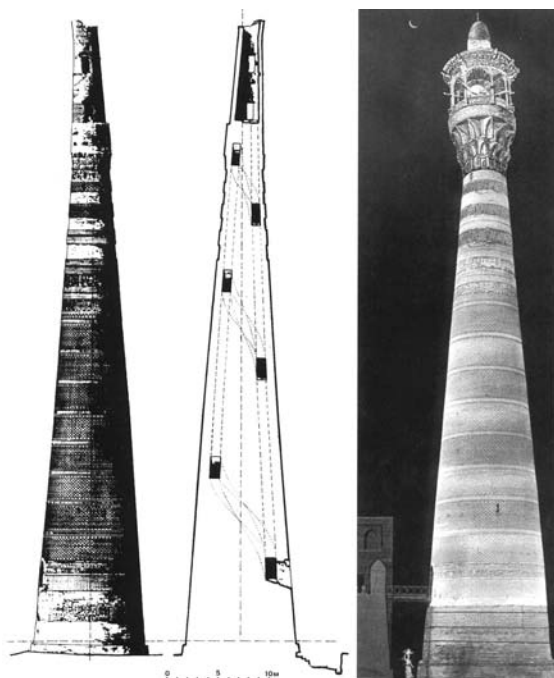
Хорезм-баг. Участок стены

тяженностью (в некоторых местах прерывается сельскохозяйственными угодьями) почти 10 км. Лучше сохранился восточный вал длиной около 2 км.

Основная часть памятников Ургенча находится внутри окруженного этой стеной городища, почти в центре которого возвышается минарет. Сама стена была почти полностью разрушена после взятия города войсками Тимура в 1388 г. После разрушения территория города демонстративно была засеяна ячменем. Однако через 3 года по приказу самаркандского завоевателя здесь был восстановлен один квартал, существовавший в XV–XVII вв. [Федоров-Давыдов, 1958а, с.505–528; Егоров, 1985, с.126].

Хорезм-баг – прямоугольная крепость на юго-западной окраине Ургенча (400x500 м), окруженной высоким валом и разделенной на две половины стеной, в середине которой – большой холм. По мнению С.П.Толстова, здесь мог быть пригородный замок правителей золотоордынского времени [Толстов, 1958].

Минарет Джами-мечети – один из главных объектов Ургенча. Кирпичная надпись на нем связывает его с именами Кутлуг-Тимура – правителя золотоордынского Хорезма – и Узбека – султана Улуса Джучи. Надпись на минарете, исполненная в стиле *куфи*, гласит: «Приказал светлейший из царей двух миров, который Аллах облагодетельствовал его милостью и открыл ему врата истины и он – царь могущественный, повелитель царей арабов и аджамов, блеск земного мира и веры, спасение ислама и мусульман, Кутлуг-Тимур, сын великого эмира Наджм-ад-дауля-ва-дина, да продлит Аллах возвышение ислама в его покровительской натуре, и было возведено сооружение в дни правления могущественного султана Узбек-хана, да продлит

Куны-Ургенч. Минарет Кутлуг-Тимура.
Южный фасад и разрез по обмерам
А.Н.Виноградова. Справа – реконструкция
В.Н.Артемьева

Куны-Ургенч. Мавзолей Тюробек-ханым.
XIV в. Общий вид

Аллах его власть» [Якубовский, 1930, с.36; Халимов, 1991, с.38–40]. Исследователи, вслед за А.Ю.Якубовским, относят время его сооружения к 1320–1330 гг. [Якубовский, 1930, с.36; Памятники архитектуры Туркменистана, 1974, с.191–194; Халимов, 1991, с.31–91; Мамедов, Мурадов, 2000, с.58–65].

Минарет представляет собой коническую колонну высотой 59,9 м от уровня современной кирпичной выстилки. При реконструкции его первоначальная высота восстанавливается до 62 м. Считается, что этот минарет принадлежал соборной мечети, которую арабский путешественник Ибн Баттута связывал с именем Тюробек-ханым – жены правителя Кутлуг-Тимура.

Орнаментальная кольцевая выкладка из отшлифованного обожженного кирпича (30х30х5 см) красиво вычленяет высоту сооружения. На вершине минарета сохранились гнезда от деревянных балок, на которых когда-то был устроен раскрытый во все стороны фонарь, увенчанный декоративным карнизом. С этого фонаря муэдзин призывал на молитву.

На вершину минарета ведут 144 ступени внутренней винтовой лестницы, которая начинается у входа на высоте около 7 м от уровня земли, что, вероятно, соответствовало уровню плоской крыши мечети.

Коническая поверхность минарета (диаметр у основания ок. 11 м, а на уровне фонаря – 4 м) по высоте расчленена 17 широкими поясами орнаментальной кладки из сдвоенных кирпичей, разделенных в шахматном порядке фигурными резными из кирпича вертикальными «бантиками». Пояса разделены кольцами из вертикально уложенных кирпичей, подчеркнутых «вязью» узкого кирпичного орнамента. В некоторых верхних поясах «бантики» покрыты голубой глазурью.

На уровне входа минарет охвачен широкой рельефной куфической надписью, выполненной из шлифованного кирпича. Вверху минарет опоясывают еще три пояса плохо сохранившихся надписей. После реставрационных работ этот текст восстановлен и воспроизводит аят 255 2-й суры Корана. Первый пояс: «Во имя Бога милостивого милосердного! Нет бога кроме Его живого присносу-

Куны-Ургенч. Мавзолей Тюрабек-ханым. Слева: разрез по обмерам А.Н.Виноградова, справа: реконструкция М.М.Туктарова

щего. Его не объемлет ни дремота, ни сон, в Его власти все что есть на небесах и на земле. Кто...». Второй пояс: «... может предстать перед Ним без Его изволения. Он знает что перед ними и что позади них. Они постигают мудрость Его в той мере. Ему угодно. Престол Его обширен...». Далее третий, утраченный, пояс реконструируется: «...земли и небес. Всевышний и Всемогущий прав» [Мамедов, Мурадов, 2000, с.61–62].

В 400 м северо-западнее минарета Кутлуг-Тимура находится **мавзолей Тюрабек-ханым**. Это – самый известный памятник Куны-Ургенча, сочетавший в себе изящество и монументальность, уникальную объемно-планировочную композицию и великолепный декор.

Несмотря на попытку в последние годы пересмотреть время строительства, большинство исследователей продолжают считать, что мавзолей был сооружен во время правления Кутлуг-Тимура, его жены, или вскоре после них, т.е. во второй четверти XIV в. [Памятники архитектуры Туркменистана, 1974, с.191; Халимов, 1991, с.42–43; Армарчук, 2001, с.188–210; Мамедов, Мурадов, 2000, с.51–58]. Этот факт подтверждают и исторические свидетельства Ибн Баттуты, который в своем описании Ургенча 1330-х гг. упоминает ханака Тюрабек-ханым и ханака Наджм ад-Дина Кубра. Вероятно, названные строения вызвали особый интерес у путешественника, т.к. он их назвал наряду с Джами-мечетью и медресе. Сооружения, связанные с их именами в Куны-Ургенче, со-

хранились до наших дней. Поэтому можно рассматривать грандиозное здание мавзолея Тюрабек-ханым как ту самую ханака, о которой писал Ибн Баттута. Это здание впоследствии могло быть приспособлено для погребения самой Тюрабек-ханым и стать династической усыпальницей хорезмских Суфидов.

Эти соображения подтверждает совершенно необычная для архитектуры Средней Азии композиция здания, в особенности его трехчастный план, построенный вдоль главной оси. За высоким и глубоким порталом – небольшое купольное помещение со входами в маленькую худжру (налево), на винтовую лестницу (направо) и в обширный шестиугольный зал площадью около 100 кв. м (прямо). Далее на той же оси за залом, имелась небольшая пристройка, ныне сильно разрушенная. В 1958–1960 гг. в главном зале вскрыт склеп с погребениями, который свидетельствует о том, что сооружение выполняло функции мавзолея. Хотя сочетание собственно мавзолея с поминальным залом – зийаратханой и известно в мусульманском мире, однако, такой трехкамерный мавзолей с четким осевым построением в истории среднеазиатского зодчества является уникальным.

Здание внутри решено в виде шестиугольной призмы, в грани которой врезаны глубокие арочные стрельчатые ниши с оконными проемами. Снаружи, на двенадцатиграннике основного объема, также находятся глубокие ниши. С южной стороны находится вы-

сокий и очень пропорциональный портал. В верхней его части выполнена конструктивная галерея, обеспечивающая его пространственную устойчивость.

Когда-то здание было увенчано высоким синим шатром, поднимавшимся на высоком барабане, украшенном мозаичными шестигранниками в четком терракотовом обрамлении. Шатер обрушился, и от него остался только небольшой фрагмент с восточной стороны, поддерживаемый сохранившимся фрагментом карниза с великолепными изразцовыми сталактитами.

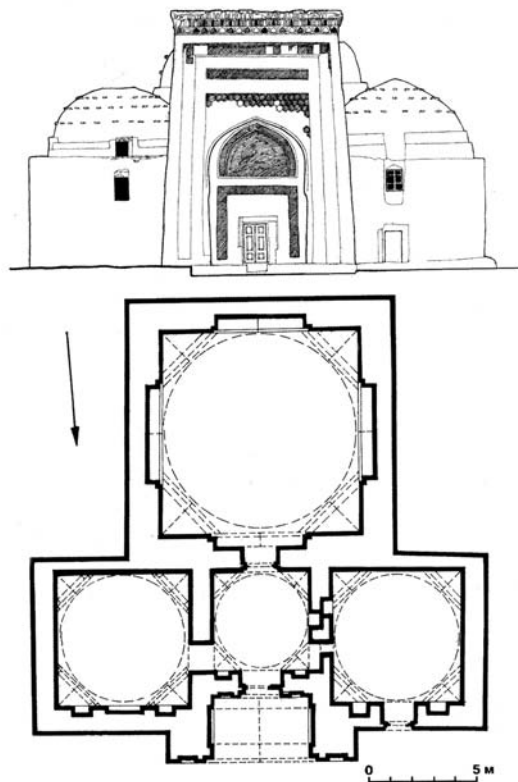
Видимый внешний купол мавзолея с остатками кирпичных ребер для поддержания шатра – защитный. Внутренняя поверхность купола несет драгоценную декорацию в виде сплошного мозаичного убора тончайшей работы. Сталактитовые и арочные паруса двенадцати и двадцати четырехгранников создают логически конструктивный и декоративный переход от шестигранной призмы основания к опорному кольцу стрельчатого купола.

Мозаика сталактитов, купола и панно на гранях барабана сохранилась лучше, чем нижежащее мозаичное убранство. Шлифованный, естественного розовато-желтого цвета, кирпич искусно использован для выкладки формоопределяющих линий – углов и граней стен, портала и разделительных полос мозаичных обрамлений.

Сейчас от орнаментальной отделки стен и портала сохранились фрагменты мозаичных лент, и все же постройка не утратила своего великолепия и силы художественного воздействия. Великолепна композиция рисунка мозаичного купола диаметром 12 м: в основу орнамента купола положено плетение рисунка девяти- и пятиконечных звезд, сочетающихся в вариациях и убывающих по размеру к зениту купола.

Центр купола раскрывается драгоценной сердцевинкой в виде двенадцатилепесткового пышного цветка, вписанного в двадцатичетырехлучевую звезду. Синий, белый, бирюзовый, черный, зеленый, желтый, красный и коричневый цвета с золотом создают беспримерный мозаичный рисунок купола.

Цветовое многообразие, благодаря тонкости рисунка и общему синему фону, составляет полихромную гармонию и придает целостность как поверхности купола, так и под-

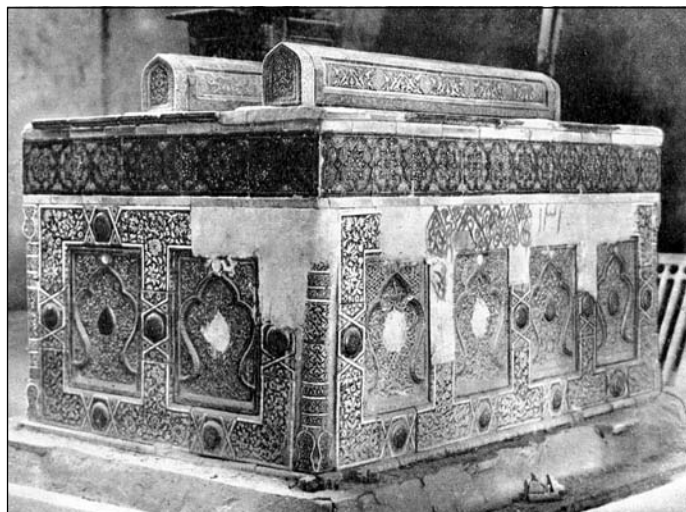

Куня-Ургенч. Мавзолей Наджм ад-Дина Кубра. Северный фасад и план (по И.И.Ноткину)

купольному барабану, прорезанному двенадцатью стрельчатыми окнами.

Мавзолею придается большое значение, и сейчас делается очень многое для его реставрации и сохранения, ибо это сооружение золотоордынского Ургенча является высшим достижением искусства мастеров знаменитой декоративной школы Хорезма. Позднее мастера, вывезенные Тамерланом из Ургенча, проявили свое искусство при строительстве архитектурных объектов Мавераннахра и Хорасана XV в. Но мавзолей Тюрбек-ханым – это первородный образец, в котором строители с большим мастерством и умением соединили конструктивную форму с богатейшей декорацией, не нарушив тектоники сооружения.

Ханака Наджм ад-Дина Кубра включает 4 купольных помещения: вестибюль, 2 комнаты для собраний и гурхану. Характеру планировки отвечает и объемная композиция, в которой выделен стройный пештак главного фасада со слегка наклоненными пилонами и

Куня-Ургенч. Мавзолей Наджм ад-Дина Кубра.
Надгробие. Фото 1938 г.

Куня-Ургенч. Мавзолей
Наджм ад-Дина Кубра. XIV в.
Изразцовые фрагменты облицовки
надгробия (по И.И.Ноткину)

стрельчатым сводом, сталактитовым карнизом. Вся поверхность пештака была облицована майоликовыми плитками, большинство которых утрачено, но остались надпись почерка *дивани* и, главным образом, цветочно-растительные элементы, характерные для местной архитектурной керамики.

В мавзолее находятся уникальные надгробия, по преданию, одно – над прахом проповедника, другое – в виде высокой (ок. 2 м) четырехгранной призмы – на месте погребения его головы.

Надпись на портале с упоминанием имени Кутлуг-Тимура и свидетельства Ибн Батуты позволили датировать мавзолеем-ханак третьим десятилетием XIV в. [Якубовский, 1930, с.60–61]. Мавзолеем султана Али интересен главным образом в ансамбле с усыпальницей Наджм ад-Дина Кубра.

Близким по характеру и хронологии к этому объекту можно считать несколько сооружений Ургенча. Это мавзолей Пир Йар Вали (XIV–XVI вв.) в 15 км западнее ханака Наджм ад-Дина Кубра, двухкамерный мавзолей Ибн Хаджиба (XIV в.) с пристроенными позже летней мечетью и худжрами медресе, мавзолей Али ар-Рамитани ал-Бухари (XIV–XVI вв.) южнее минарета Кутлуг-Тимура, двухкамерный мавзолей Сайид Ахмада (XIV–XVI вв.)

между этим минаретом и дворцом Тюрабекханым [Мамедов, Мурадов, 1998, с.31; Халимов, 1991, с.66–67, 83–89]. Все они представляют собой упрощенный тип портално-купольной усыпальницы, распространенный и в других городах Хорезма, регионов Улуса Джучи и Средней Азии.

В ходе археологических работ на территории Ургенча выявлены некоторые объекты золотоордынской эпохи, представляющие интерес для изучения экономической и культурной жизни Улуса Хорезм.

Историческое значение хорезмских памятников велико потому, что они являлись теми образцами, которые оказали огромное влияние на культуру, прежде всего – на архитектуру и керамическое производство империи Тимуридов, главным образом, в области декоративного убранства. Скорее всего, именно из Хорезма исходит тип порталных сооружений, ставших традиционными для среднеазиатского зодчества со времен Золотой Орды.

Оригинальность и уникальность построек Ургенча, их исключительное техническое качество и огромный художественный эффект позволяют отнести их к числу лучших памятников, входивших в сокровищницу зодчества тюркских народов и исламской культуры.

§ 13. Города Нижней Сырдарьи

Карл Байпаков

Развитие средневековой городской культуры Южного Казахстана, достигшей своего расцвета в XI–XII вв., было прервано завоевательными походами татаро-монгольских войск. Один за другим были захвачены сырдарьинские гг. Сыгнак, Узгенд, Барчынлыгкент (Барчкент), Ашнас, Дженд [Бартольд, 1963, I, с.481–484; Петрушевский, 1977, с.123]. Перечень городов, завоеванных и разрушенных монголами на территории Южного Казахстана, невелик, но археологические исследования средневековых городищ свидетельствуют, что на самом деле городов и поселений, подвергшихся опустошению, было гораздо больше. Резко сократилась численность населения: часть его была уничтожена физически, часть уведена в Монголию, многие погибли от голода и эпидемий. Нарушились традиционные экономические связи населения городов и кочевой степи, также жестоко пострадавшей в ходе нашествия.

Плано Карпини, спустя четверть века проезжавший через эти земли, писал об истребленных городах, разрушенных крепостях и опустошенных селениях [Путешествия, 1957, с.127].

Все завоеванные территории были поделены между старшими сыновьями Чингиз-хана, в результате чего Южный Казахстан и Семиречье оказались политически раздробленными. Четких границ между улусами не было, и Чагатаиды время от времени распространяли свою власть на низовья Сырдарьи, а Джучиды расширяли свои владения за счет городов Средней Сырдарьи [Бартольд, 1963, II, с.59–61].

Среди монгольских ханов и аристократии намечались две тенденции в отношении завоеванного оседлого и городского населения. Одни из них стремились к децентрализации государства, выступали против оседлости и готовы были бесконечно грабить горожан. Другие, вместе с основной частью местной знати, купечества и духовенства, имели целью установление сильной власти, ограждение горожан и оседлых жителей оазисов от произвольных поборов, разорения, без чего была невозможна их усиленная эксплуатация. Выразителями последней тенденции являлись Мунке-хан и купец-правитель Масуд-бек. При

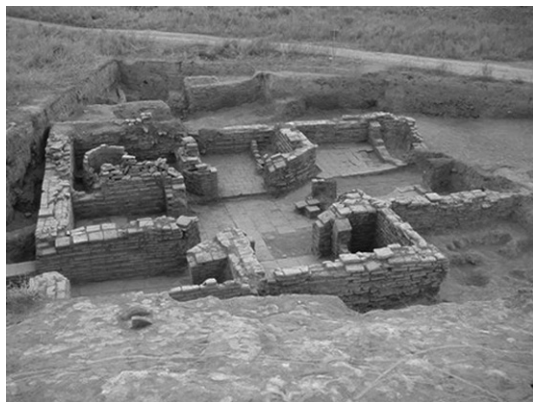
Мунке-хане были отменены ненормированные подати и налоги, регламентирован подушный налог, декретирован чекан золотых динаров [Давидович, 1972, с.33–36]. В 1269 г. на берегах Таласа состоялся курултай, на котором царевичи обязались ограничиться фиксированными налогами с оседлого населения и горожан, избегать грабежей, не трогать пашен [Бартольд, 1963, II, с.69].

Введенная в 1271 г. денежная реформа Масуд-бека обеспечила государство серебряной монетой и создала предпосылки для развития городской жизни и денежной торговли [Давидович, 1972, с.96–114, 141–151]. Дальнейшему экономическому подъему способствовала денежная реформа Кебек-хана в 1321 г.

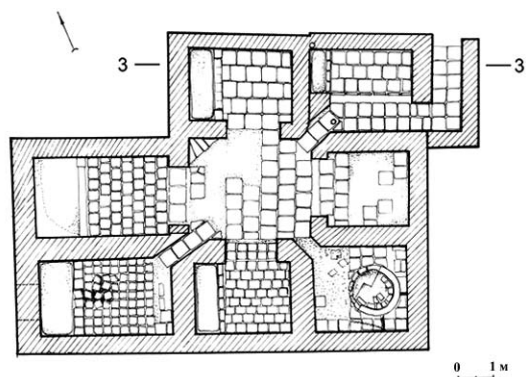
Постепенное хозяйственное возрождение городов сопровождалось укреплением экономического и политического положения местной тюркской феодальной верхушки. Используя недовольство народных масс монгольским игом, тюркская феодальная знать в улусах Джучи и Чагатая боролась за установление своей политической власти. В результате в конце 50-х гг. XIV в. Чагатаидское государство распалось на несколько владений. Господство над районами Средней Сырдарьи захватили ханы Улуса Джучи, а Семиречье вошло в состав Могулистана, сформировавшегося на территории Юго-Востока Казахстана [Пищулина, 1977, с.33–40].

В 1370-х гг. началась война ханов Кок-Орды с Тимуром. В ходе феодальных войн, в первую очередь, страдали города и оседлое сельское население, подвергавшееся разорениям и грабежам. В 1387–1388 гг. Токтамыш послал в Мавераннахр войско, которое, соединившись с отрядом могулистанского эмира Камар ад-Дина, прошло через Сыгнак, осадило Сауран, разорило окрестности Сайрама, Яссы, Ташкента, Самарканда и Бухары. Ответные действия Тимура, его походы в глубь Дашт-и Кыпчака, в свою очередь, вылились в ограбление населения Кок-Орды.

Вновь борьба за сырдарьинские города разгорелась после смерти Тимура. Весной 1405 г. Отрар захватил шейх Нур ад-Дин и удерживал его четыре года, затем городом овладел Халил-Султан. В 1410 г. монгольские

Городище Антоновка. Фотография
усадьбы богатого человека

Городище Антоновка.
План усадьбы богатого человека

отряды под предводительством Шах-Джахан осадил Сайрам, Карасаман, Отрар.

В 20-х гг. XV в. обострилась борьба за сырдарьинские города между Улугбеком и Бараком, и лишь помощь Шахруха сохранила власть первого над сырдарьинским регионом. К середине XV в. города Туркестана подчинились кочевым узбекам Абу-л-Хайрхана [История Казахстана, 1997, II, с.96–130].

В середине XIII в. происходит оживление городской жизни на юге Казахстана. Возрождаются города, восстанавливаются экономические связи районов, ряд городов вовлекается в орбиту международных торговых и дипломатических связей. В письменных источниках этого времени упоминаются сырдарьинские города Сайрам, Отрар, Зернук, Сауран, Яссы, Сыгнак, Сузак, Сюткент, Дженд. В маршрутке армянского царя Гетума I, следовавшего в 1256 г. через Южный Казахстан, названы города Пергант (Баркент), Сухулхан (Сугулкент), Уросохан (Уросоган), Кайкант (Кумкент), Хузак (Сузак), Сыгнак, Харчук (Карачук), Асан (Яссы), Саври (Сури), Отрар, Зурнук (Зернук) [Гандзакеци, 1976, с.224]. Безусловно, оживление караванного пути, проходившего по северным склонам Каратау, способствовало подъему этих городов.

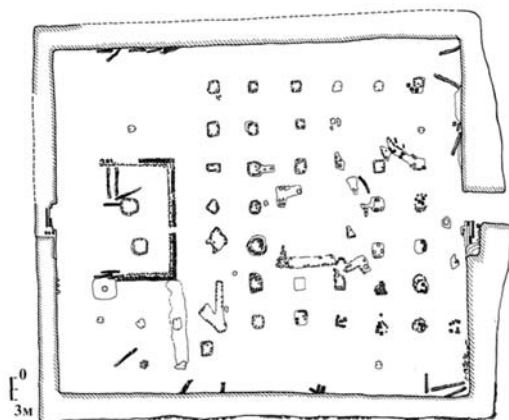
Археологические исследования свидетельствуют о продолжении и возобновлении в середине – второй половине XIII в. жизни на городищах Сайрам, Караспан, Отрар, Туркестан, Сауран, Сыгнак, Сюткент, Кауган-ата, Майрам-тобе, Ак-Курган, Узгенд, Асанас, Дженд и Янгикент. Темпы восстановления городских центров не были одинаковыми.

Довольно быстро поднимались Сауран и Сыгнак, которые в XIV в. являлись центрами Кок-Орды Улуса Джучи.

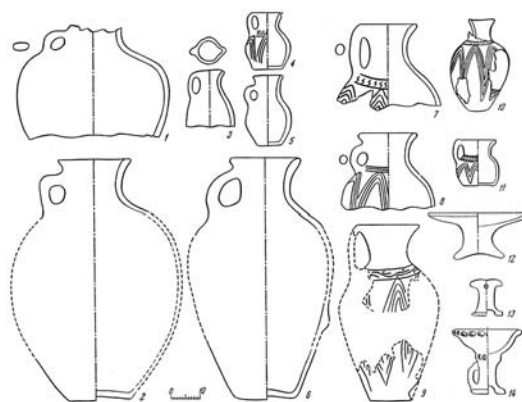
В подъеме экономики края и городской культуры бесспорно важную роль сыграл и тот факт, что в начале XIV в. юг Казахстана вошел в состав Кок-Орды. Его правители, стремясь к восстановлению экономических связей кочевников и оседлого населения, сделали своей столицей г. Сыгнак. В этот период, особенно при хане Эрзене, велось интенсивное строительство в Сыгнаке, Дженде, Саурани, Отраре, Баркенте [История Казахстана, 1997, II, с.194].

Стабилизация политической обстановки при ханах Сасы-Буке, Эрзене, Мубараке и Чимтае способствовала экономическому подъему городов. Об этом говорят слои XIV в., сохранившиеся почти на всех городищах, отождествляемых с известными в домонгольское время городами.

В Южном Казахстане массивы городской застройки XIII – первой половины XV в. рассекали магистральные улицы, соединявшие городские ворота. От них отходили внутриквартальные улочки-тупики, вокруг которых группировались дома кварталов. Внутри городов имелись площади с выходящими на них фасадами мечетей. Пригородная территория была занята постройками ремесленников, усадьбами горожан с садами и бахчами. Все земледельческие поселения были привязаны к каналам [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987]. Крупными городами в это время были Сайрам, Яссы, Отрар, Сыгнак и Сауран, Дженд, Кумкент.

Городище Антоновка. План мечети

Керамика городищ Ток-кала, Куюк-кала

Раскопки Отрара и Туркестана позволили получить представление о застройке городов, городском жилище, общественных и культовых постройках, фортификации. Города были плотно застроены кварталами. Квартал XIII–XIV вв. в юго-западной части шахристана Отрара занимал площадь 1500 кв. м и включал в себя улочку длиной 32 м и шириной 2–2,5 м. Все 9 домов квартала выходили на внутриквартальную улочку и небольшой тупичок в северной части квартала. Необходимо подчеркнуть, что кварталы XIII в. не повторяют планировку городских кварталов более раннего времени, застройка города полностью изменилась, от прежней сохранились лишь магистральные улицы. Зато постройки более позднего времени, XIV – первой половины XV в., в основном наследуют планировку кварталов «монгольского» времени. Меняется лишь планировка домов внутри кварталов. Рабад Отрара характеризовался, как показывают раскопки, разреженной застройкой. Здесь же находились дома и мастерские гончаров, кирпичников, кузнецов.

Во второй половине XIII – первой половине XIV в. появляются новые типы городского жилища. К первому относятся двух или трехкамерные дома с двориком, расположенные на одной оси.

Ко второму типу домов относятся жилища, состоящие из четырех помещений, расположенных на пересекающихся осях. Это крестообразная или четырехчастная схема, когда дом имеет подквадратный план, а кладовые расположены слева и справа от айвана, двора или жилой комнаты с тандыром.

Вариантов этой схемы несколько. Количество помещений в таком доме может быть больше, чем четыре, пять и шесть. Площади домов от 40 до 60 кв. м.

К третьему типу относятся дома, состоящие из двух или более секций. Каждая секция дома состоит из двух или трех помещений, одно из которых обязательно жилое. В таких домах могло быть до 15 помещений, а площадь составляла до 200 кв. м.

В интерьере жилищ наблюдаются существенные изменения. Узкая суфа вдоль стен Г- или П-образной формы уступает место суфе, которая занимает большую часть помещения. Небольшая площадка перед тандыром, обычно вымощенная кирпичом, определяет уровень пола. Наличие в центре помещения по краю суфы остатков вмазанной плахи, бревна, кирпичной вымостки, каменной плиты свидетельствует о том, что кровля опиралась на одну, стоящую в центре помещения, деревянную колонну. Четырехстолпное перекрытие, распространенное в предшествующее время, исчезает. Нет в описываемое время стеновых очагов, но по-прежнему встречаются прямоугольные открытого типа очаги с бортиком. Тандыр берет на себя функции универсального очага. Он служит средством отопления и очагом для приготовления пищи и выпечки хлеба. Тандыры характеризуются появлением дымохода – «кана», проложенного в суфе обычно по самому короткому отрезку до стены дома, где он соединялся с вертикальным колодцем, по которому дым выходил наружу.

Между дымоходами отрарских тандыров и классическими канами есть существенная разница. Каналы первых всегда делались предельно короткими, они в подавляющем большинстве не превышают 1,5–2 м. Первоочередная задача таких дымоходов – вывести наружу дым, тогда как классические каны городов Золотой Орды, проложенные по периметру помещения, делались для того, чтобы дольше задерживать под суфой дым и обогревать помещение.

Новым в жилище является тип отопления универсальным тандыром с дымоходом, увеличение площади суфы, что было присуще городскому жилищу других городов Улуса Джучи. Такое явление свидетельствует об общих процессах в развитии общества, об этнокультурных связях районов.

В Отраре новая городская стена была построена лишь в конце XIII – начале XIV в.

Непосильные налоги, дорожные поборы, различного рода повинности разоряли оседлое население. Не случайно в одном из указов Менгу-хана говорилось: «Насилия и притеснения достигли высшей степени, причем особенно доведены до крайности земледельцы множеством всякого рода тягот – взысканиями и бременем чрезвычайных налогов, так что польза, получаемая ими, не равнялась

и половине взыскания (в виде повинностей)» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.141].

Таким образом, упадок оседлой культуры в Семиречье начинается сразу же вслед за монгольскими завоеваниями, и если крупные города, будучи центрами транзитной торговли и ремесленного производства, в середине XIII в. внешне еще выглядят благополучно, то питавшая их земледельческая округа интенсивно разрушается, что и приводит вскоре к гибели самих городов [Байпаков, 1978, с.8–10].

Таким образом, можно констатировать, что в XIII – первой половине XV в. городская культура на юге Казахстана возрождается после монгольских завоеваний, во второй половине XIII в. начинается подъем городской жизни, развиваются международная торговля, ремесла, сельское хозяйство.

Среди крупных городов – Сайрам, Отрар, Яссы, Сауран, Сыгнак, Сузак, Кумкент, Дженд. В Джетысу – Семиречье, несмотря на отсутствие погромов и разрушений в конце XIII в., начинается упадок оседлой и городской культуры. Резко сокращается число городов в Таласской и Чуйской долине, городская жизнь в XIV в. деградирует, количество городов сокращается и к середине XV в. они пустеют и превращаются в селения.

ГЛАВА 2

Хозяйство, ремесла и торговля

§ 1. Скотоводство и система перекочевок

Искандер Измайлов, Леонард Недашковский

Скотоводство долгое время являлось одной из важнейших экономических основ золотоордынского государства. Этот хозяйственно-культурный тип степного кочевого и полукочевого скотоводства не только сохранил свой потенциал после распада этого государства, но даже развился и укрепился. О социально-политическом значении скотоводства свидетельствует, кроме всего прочего, то, что именно в степях находились места обитания племен, включая и высшую аристократию Улуса Джучи, из которой комплектовалось татарское войско.

Занятие населения именно разведением скота и переработкой продуктов животноводства, в первую очередь, связаны с экологическими условиями данной природной зоны. Обширные территории Северной Евразии, входившие в состав Улуса Джучи, располагались в аридной зоне, экстремальной для жизни человека. Это – край степей, переходящих на юге в зону жарких летом и прохладных зимой пустынь и полупустынь. Степь и полупустыни отличаются сезонной и суточной контрастностью температур с сильным перегревом земли летом и резким остыванием зимой, большим суточным перепадом дневных и ночных температур (летом до 30°). Как правило, количество осадков на равнинной части не превышает 200 мм в год, а в пустынях – менее 100 мм. Северная степная часть принадлежит умеренному климатическому поясу (с летним максимумом осадков), а южные территории – субтропическому. В Нижнем Поволжье и Приаралье как бы сочетаются два разных климата: лето жаркое и засушливое, а зима прохладная с достаточным количеством осадков. Для северной кромки степной зоны Евразии случаются довольно суровые зимы (с низкими температурами и сильными ветрами), которые

заставляли скотоводов перегонять стада овец и лошадей на юг. Влага в степи выпадает очень неравномерно. Нередки засушливые годы (примерно каждые 3–4 года), а в некоторые годы и гораздо чаще, что превращает степь в полупустыни [Мордкович и др., 1997]. Свидетельствуют об этом, в частности, современники. Так, ал-Айни сообщал, что в 1302–1303 гг. «в землях Токты оказались мор, засуха и дороговизна вследствие того, что они (жители) сеяли 3 года сряду и ничего у них не выросло, и что погиб весь их скот» [СМИЗО, 1884, с.513].

Одновременно это край могучих горных систем, протянувшихся вдоль всего материка – и Уральские горы, и отроги Южного Урала, и северная часть горной системы Тянь-Шаня, и западные хребты Алтая и Тарбагатай. Есть довольно высокие нагорья и в Восточном Прикаспии – плато Устюрт. С юга между Черным и Каспийским морями степную зону перекрывают Кавказские горы. В почвенно-растительном покрове особенно значительны различия между низменностями и горами (и предгорьями). В горах пустынная растительность поднимается до 1000 м над уровнем моря; выше – полынные и злаковые степи (до 2400 м); они сменяются горными лугами и скалистыми вершинами. На Южном Урале и Прииртышье распространены типчаковые и ковыльно-типчаковые степи, используемые на среднегорьях и низкогорьях как весенние пастбища. В растительном покрове пустынь преобладают кустарники, полукустарники и травы. Массивы грядовых и бугристых песков пригодны для выпаса овец и верблюдов в течение зимы или даже круглый год. В пустынной низменности растительный покров пригоден для выпаса скота осенью, зимой и ранней весной.

Подковывание лошади. Монгольский ветеринарный манускрипт. XVIII в.

Природные условия придавали своеобразие жизнедеятельности человека, диктуя способы хозяйствования. Для скотоводов Северной Евразии были характерны постоянные сезонные перекочевки в меридиональном направлении параллельно течению крупных рек. Летом кочевники в поисках оптимальных условий двигались вдоль бассейнов рек на север на летовья (*йайлау*), которые располагались в степных и лесостепных районах (в Приднепровье, в Среднем Поволжье и Заволжье, Прикамье, на Южном Урале и Прииртышье), а осенью тем же путем – в места зимовий (в Степном Крыму и на Северном Кавказе, Нижнем Поволжье, Мангышлаке, Приаралье и Прибалхашье). Вместе с тем, группы предгорных скотоводов совершали вертикальные перекочевки – зимой укрывая скот в глубоких горных долинах, а летом поднимаясь на высокогорные пастбища.

Система перекочевков в золотоордынское время была строго регламентирована ханской властью. Все территории, в первую очередь, пастбища и кочевья, в государстве были распределены в соответствии с его военно-административным и клановым делением. Каждый

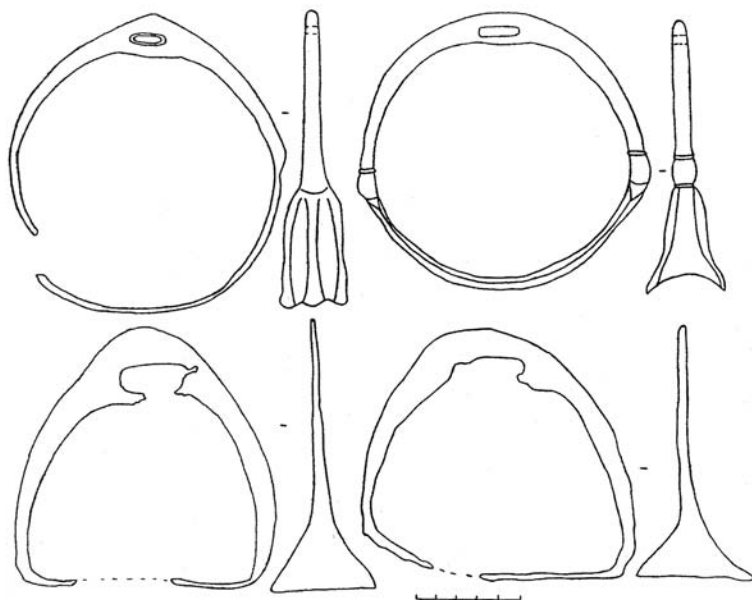
вышестоящий начальник указывал территории и маршруты кочевания нижестоящему. Плано Карпини сообщает: «Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам» [Путешествия, 1957, с.45]. Гильом Рубрук, проезжавший по землям Улуса Джучи в середине XIII в., писал: «Они (т.е. монгольские ханы. – *И.И., Л.Н.*) поделили между собою Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ. А также – где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу, в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды» [там же, с.91]. В соответствии с традицией, которая сохранилась еще с XI–XII вв., тюрко-татарские кочевники, занимавшие степи Заволжья, Южного Урала и Южной Сибири, также совершали сезонные перекочевки. Все они использовали Бугульминское плато и Южный Урал в качестве летних пастбищ, а зимовать прикочевывали со своими многочисленными стадами в низовья Сырдарьи, Волги и Приаралья. Подобный способ кочевания у скотоводческого населения заволжских и южноуральских степей сохранялся вплоть до XVIII в. Чрезвычайно важные и уникальные сведения о такой системе жизнедеятельности в эпоху средневековья сохранились у автора XIV в. ал-Омари, который, описывая Улус Джучи, указывал: «Ханы кыпчаков проводят зиму в Сарае, летовища же их, как и некогда летовища царей Турана, находились в области Уральских гор» [СМИЗО, 1884, с.243]. Несомненно, под традиционным термином «Туран» арабский историк понимает средневековых кочевников азиатских степей.

В полном соответствии с экологическими условиями в разных частях степной части Улуса Джучи практически повсеместно разводили овец и лошадей, а в некоторых богатых кормами землях – крупный рогатый скот и коз, в пустынных и полупустынных районах – еще и верблюдов. Это подтверждается письменны-

ми источниками. Так, Плано Карпини, повествуя о монголах, отмечал, что «они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире; свиней и иных животных нет вовсе» [Путешествия, 1957, с.28]. Итальянский купец и дипломат Иосафат Барбаро, посещавший Приазовье в начале XV в., с удивлением восклицает, описывая огромное количество скота: «Что же рассказать о великом, даже бесчисленном множестве животных в этой орде? Поверят ли мне?» [Барбаро и Контарини, 1971, с.149]. Об этом же упоминают египетские послы, которые совершали поездку по Улусу Джучи от Судака до Сарая – они проезжали в течение 20 дней по степям Волго-Донского междуречья, «по равнине, заселенной шатрами, овцами и стадами» [СМИЗО, 1884, с.192].

Разведение лошадей в степи имело важное военное значение: каждый воин при выступлении в поход обязан был иметь с собой несколько лошадей. По данным арабского историка и географа ал-Омари, в каждый поход воин должен был взять с собой в числе прочего «тридцать голов овец, пять голов коней» [там же, с.402]. Учитывая же, что численность всей этой армии составляла 250 тыс. воинов, то получается, что табун лошадей при нем достигал 750 тыс., а овец – 7,5 млн голов. При этом такой гигантский табун отнюдь не исчерпывал конские ресурсы Улуса Джучи. В других походах и войнах со стороны татар также участвовали десятки и сотни тысяч всадников, что свидетельствует об огромных количествах скота, которое выращивалось в степях Дашт-и Кыпчака, в первую очередь, боевых лошадей. Любопытный факт приводит Ибн Баттута, рассказывая, что он купил себе прекрасного гнедого коня за 35 динаров серебром [там же, с.312].

Помимо военного значения лошади находили широкое применение в самых разных повседневных хозяйственных нуждах, в частно-

Стремена. Железо. Укек. XIII–XIV вв. НМ РТ
(по И.Л.Измайлову, Л.Ф.Недашковскому)

сти, для ямской службы и перевозки людей и грузов. В качестве тягловой силы использовались также быки и верблюды. Так, Г.Рубрук с удивлением описывал огромную повозку с юртой, которую тащили сразу 22 быка – «11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними» [Путешествия, 1957, с.91]. Понятно, что юрты меньшего размера тянули другие животные и в меньшем количестве, например, Ибн Баттута писал, что его арба была запряжена одной лошадей, а во время привала возницы «выпрягают лошадей, верблюдов и волов из арб и пускают их на волю пастись ночью и днем» [СМИЗО, 1884, с.127].

Большое количество скота и этнографические особенности национальной кухни степного населения, что характерно вообще для кочевников Северной Евразии, делали мясо, молоко и молочные продукты основной и традиционной пищей населения Улуса Джучи. Например, ал-Омари сообщает о мясной пище и об обычае дарения мяса у татар: «Питание их составляют животные их: лошади, коровы и овцы... У тех из них, которые живут в степи, мясо не продается и не покупается... Когда у одного из них начинает хиреть скотина, как то: лошадь или корова или овца, то он закалывает ее и вместе с домочадцами своими съедает часть ее, и (часть) дарит своим соседям, а когда у них (соседей) также портится овца, или корова, или лошадь, то они закалывают ее и дарят (часть

ее) тем, кто их одарил. По этой причине в домах их (никогда) не бывает недостатка в мясе. Это (обыкновенно) так установилось между ними, как будто дарение мяса обязательное постановление» [там же, с.230–231].

В летнее время кочевники преимущественно употребляли в пищу различные молочные продукты (запасая на зиму масло, сушеные творог и сыр, вяленое мясо), а в зимнее время – мясные [Путешествия, 1957, с.95–96]. Помимо этого, из лошадиного молока изготавливали кумыс – традиционный напиток степных кочевников. Скотом и кумысом номады платили налоги [Федоров-Давыдов, 1973, с.39–40].

Скотоводство развивалось не только в кочевом хозяйстве, основой которого оно являлось, но и в среде оседлого населения, которое применяло отгонно-стойловое содержание скота. В питании населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время, судя по остеологическим данным, абсолютно преобладали говядина, баранина и конина. Помимо костных остатков коров, быков, волов, овец, коз и лошадей, на золотоордынских поселениях Нижней Волги найдены кости верблюдов, свиней, собак, кошек, домашних кур и уток. Мелкий рогатый скот забивался в возрасте 2 месяцев – 3 лет и старше, крупный рогатый скот – 5 месяцев – 6 лет и старше, лошади – 1–12 лет и старше, свиньи – 1–2 лет и старше. Скот разводился с целью получения не только мяса, но и молока, шерсти, кож. Быки и волы служили для перевозки грузов (для этого также использовались верблюды и лошади) и для пахоты [Петренко, 1988, с.258–259; Цалкин, 1967, с.117, 129].

Золотая Орда экспортировала скот в огромных количествах. Так, в Индию в массе вывозились лошади для использования их в хозяйственных целях. Ибн Баттута, повествующий о вывозе лошадей из Улуса Джучи в

индийские земли, сообщает о степной зоне золотоордынского государства: «Лошадей в этой земле чрезвычайно много и стоят они безделью... Ими они (тюрки) питаются; в их крае они (столь же обильны), как в нашей земле овцы, пожалуй, и больше. Бывает их у одного тюрка по (несколько) тысяч. Один из обычаев тюрков коневодов, населяющих этот край (заключается в том), что на арбах, в которых ездят жены их, помещают кусок войлока, длиною в пядь, привязанный к тонкому шесту, длиною в локоть в углу арбы; на каждую тысячу коней полагается один (такой) кусок. Видел я, что у некоторых из них бывает по 10 кусков, а у иных и больше этого» [СМИЗО, 1884, с.286]. Иосафат Барбаро также подробно повествует о торговле скотом: «Среди этого народа есть торговцы лошадьми; они выводят лошадей из орды и гонят их в различные места... Мне случалось встречать в пути купцов, гнавших лошадей в таком количестве, что они покрывали пространство целых степей... Второй вид животных, которых имеет этот народ, – прекрасные крупные быки, причем в таком количестве, что их вполне хватает даже на итальянские бойни. Их гонят в Польшу, а некоторую часть направляют через Валахию в Трансильванию; кроме того – в Германию, а оттуда уже ведут в Италию... Третий вид животных, которых держит этот народ, – высокие мохнатые двугорбые верблюды. Их гонят в Персию и продают там по двадцать пять дукатов за каждого» [Барбаро и Контарини, 1971, с.149]. Крупный и мелкий рогатый скот в массе поставлялся кочевниками в соседние оседлые регионы, например, в Среднее Поволжье [Петренко, 1988, с.258, 260, 271] и на Русь, где скот отличался гораздо меньшими размерами – средний рост крупного рогатого скота Золотой Орды почти на 10 см выше, чем скота, разводившегося на территории Руси [Цалкин, 1967, с.120].

§ 2. Земледелие и сельские промыслы

Леонард Недашковский

Традиционно Улус Джучи представлялся историкам как кочевое государство со слабо развитым земледелием. Но в свете новых археологических данных это мнение представляется неверным.

В состав Золотой Орды, наряду с кочевыми степями, вошли и такие старые земледельческие регионы, как Болгар, Хорезм, Крым и Северный Кавказ.

На Болгарском городище в золотоордынском слое найдены мягкая пшеница, пшени-

ца-двузернянка (полба), пшеница карликовая, просо, ячмень (голозерных и пленчатых форм, а также бутылковидный), овес, рожь, горох, вика, чечевица, огурцы, яблоки, лен, конопля [Краснов, 1987, с.218]. На Селитренном городище были также найдены при раскопках косточки винограда и семечки арбузов [Федоров-Давыдов, 2001, с.231].

Ручная мельница и наральники. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАЗ

На поселениях Багаевское, Колотов Буерак, Хмелевское I и Широкий Буерак в Саратовском районе Саратовской области в ходе раскопок Л.Ф.Недашковского в 2001–2003 гг. впервые на золотоордынских памятниках была проведена флотация культурного слоя и заполнения исследованных сооружений. Из нижнего, нераспаханного горизонта культурного слоя и из заполнения сооружений на поселении Широкий Буерак были взяты 39 образцов, на Багаевском селище – 66 образцов, на поселении Колотов Буерак – 17 образцов, а из предматериковых напластований раскопа III на Хмелевском I селище – еще 6 образцов (анализ был проведен в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН Е.Ю.Лебедевой). Зафиксированное абсолютное преобладание в образцах проса (53,4% всех остатков культурных растений), превосходящего рожь (20,1%), пшеницу (19,6%), ячмень (5,9%), овес (0,7%) и горох (0,3%) взятые вместе, думается, не является случайным. Зернышки проса были зафиксированы нами на Хмелевском I селище в заполнении ямы 2 раскопа I-1999, представлявшей собой хозяйственное сооружение сложной подвосьмеркообразной формы; восточная часть ямы, где были найдены зерна, являлась наиболее глубокой и, видимо, служила колоколовидным в сечении погребом со ступенчатым спуском в него.

О возделывании проса в Золотой Орде сообщают средневековые авторы. Еще Плано Карпини и Гильом Рубрук в середине XIII в. указывали на употребление в пищу проса в Монгольской империи (упомянув при этом из других злаков только рис и ячмень, служившие для приготовления напитков) [Путешествия, 1957, с.36, 95, 124, 138, 146, 148, 154;

The journey of William of Rubruck, 1900, p.10, 62, 68, 132, 166, 173, 183, 186]. Просо («tari»), овес («ous»), пшеница («sortaluc»), полба («suulu»), ячмень («agra»), рис («tuturgan», «bri[ng]»), горох («brizac», «noghuc») и чечевица («maruimas») упоминаются в половецкой части словаря «Codex Cumanicus» (первоначально написанного в 1303 г. на материалах конца XIII в.), составленного для итальянцев, приехавших в Улус Джучи [Codex Cumanicus, 1981, p.130–131; Drimba, 2000, p.109]. «История Вассафа» повествует о мешке проса, отправленном ханом Токтой хулагуидскому ильхану Газану в 702 г.х. (1302/1303 г.) как символ многочисленности ордынского войска [СМИЗО, 1941, с.83]. В географической работе ал-Омари сообщается о земледелии в Золотой Орде: «Посевов у них мало, и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречаются у них посевы проса; им они питаются и по части произведений земли в нем (заклучается главная) еда их» [СМИЗО, 1884, с.230]. По словам того же ал-Омари, пшеница, ячмень, просо двух видов – говорится о просе (дохн) и «джаверсе (род проса), похожем на зерно трилистника» – и чечевица, продавались на базарах Сарая [там же, с.242]. Иосафат Барбаро также упоминает об употреблении ордынцами проса в пищу и для жертвоприношений; кроме проса он упоминает только пшеницу и овес, которым кормили лошадей [Барбаро и Контарини, 1971, с.142, 146, 149–150]. Амброджо Контарини, проезжавший через Нижнее Поволжье в 1476 г., упоминает уже только о рисе и сухарях «из довольно хорошей пшеничной муки», а также о луке и чесноке [там же, с.221, 224].

р.40, 87, 127]. Египетский историк Рукн ад-Дин Бейбарс (ум. в 1325 г.) при описании конфликта Токты с Ногаем упоминает также соху [СМИЗО, 1884, с.110].

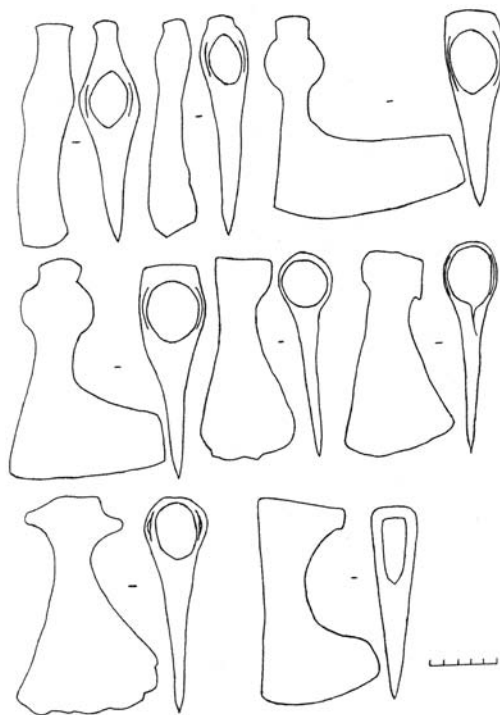
Плуг имел железные тяжелый симметричный (или с правосторонней асимметрией) лемех и чересло [Краснов, 1987, с.213–214; Савченкова, 1996, с.8–10]. Соха в золотоордынское время, судя по имеющимся материалам, была двузубой и снабжалась асимметричными сошниками и полицей (приспособлением для отвала земли) [Краснов, 1987, с.211–213; Савченкова, 1996, с.10–11]. Для обработки почвы применялись также мотыги; при уборке урожая пользовались серпами и косами-горбушами [Савченкова, 1996, с.11–12].

Интересные данные о земледелии в степной части Золотой Орды приводит Иосафат Барбаро, живший с 1436 по 1452 г. в Тане, венецианской колонии в устье Дона, в своем «Путешествии в Тану»:

«Около февральского новолуния устраивается клич по всей орде, чтобы каждый, желающий сеять, приготовил себе все необходимое, потому что в мартовское новолуние будет происходить сев в таком-то месте, и что в такой-то день такого-то новолуния все отправятся в путь. После этого те, кто намерен сеять сам или поручить сев другим, готовятся и уговариваются между собой, нагружают телеги семенами, приводят нужных им животных и вместе с женами и детьми – или же с частью семьи – направляются к назначенному месту, обычно расположенному на расстоянии двух дней пути от того места, где в момент клича о севе стояла орда. Там они пашут, сеют и живут до тех пор, пока не выполнят всего, что хотели сделать. Затем они возвращаются в орду.

Хан поступает со своей ордой так же, как мать, пославшая детей на прогулку и не спускающая с них глаз. Поэтому он объезжает эти посева – сегодня здесь, завтра там, не удаляясь (от своих людей) больше чем на четыре дня пути. Так продолжается, пока хлеба не созреют. Когда же они созреют, то он не передвигается туда со всей ордой, но уходят туда лишь те, кто сеял, и те, кто хочет закупить пшеницу. Едут с телегами, волами и верблюдами и со всем необходимым, как при переезде в свои поместья.

Земли там плодородны и приносят урожай пшеницы сам-пятьдесят – причем она высотой

Топоры. Уекк. XIII–XIV вв. НМ РТ

равна падуанской пшенице, – а урожай проса сам-сто. Иногда получают урожай настолько обильный, что оставляют его в степи» [Барбаро и Контарини, 1971, с.150].

Судя по приведенной выше цитате, в степной зоне господствовала переложная система земледелия, в Среднем Поволжье применялись «также в известной степени пестрополье и двуполье, сочетающиеся с перелогом» [Краснов, 1987, с.223].

На золотоордынских памятниках были найдены костные остатки диких животных – зайца, перевязки, лисицы, волка, медведя, барсука, кабана, бобра, куницы, суслика, хомяка, лося, благородного оленя, северного оленя, косули, кулана, сайгака, тура (?), нерпы, черепахи, а также птиц (серый гусь, тетерев, серая куропатка, дрофа, чайка), свидетельствующие, наряду с письменными источниками, о вспомогательной роли охоты в хозяйстве населения. Но доля костей диких млекопитающих на поселениях, если они вообще присутствуют, не является значительной. Судя по количеству мяса, которое может быть получено от одной особи различных животных, в питании населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время абсолютно пре-

обладали говядина, баранина и конина. Об охоте в восточной части джучидского государства на горностаев, соболей, белок, черно-бурых лисиц и сурков имеются сведения у Марко Поло [Книга Марко Поло, 1956, с.225–226; *The book of Ser Marco Polo*, 1903, II, p.481]. «Они прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки», – сообщает о населении Улуса Джучи Иосафат Барбаро [Барбаро и Контарини, 1971, с.142]. Пушнина (меха соболя, горностаев, куницы, ласки, лисицы, рыси, белки, зайца, бобра, выдры, сурка, белого медведя), поступавшая преимущественно из северных районов, являлась одной из важнейших статей золотоордынского экспорта [там же, с.51, 57–58, 66, 217; Путешествия, 1957, с.88; Еманов, 1995, с.23–28, 34, 64, 80, 84, 97, 147, 149; Карпов, 1990, с.152–154; 1991, с.191; 2000, с.183; СМИЗО, 1884, с.297–298; *Il libro dei conti*, 1956, p.386; Pegolotti, 1936, p.24, 150; *The journey of William of Rubruck*, 1900, p.44].

По традиции, установленной еще Йасой, облавная охота (см. [Путешествия, 1957, с.99; *The journey of William of Rubruck*, 1900, p.71]) являлась своеобразной школой военной тренировки, своего рода войсковыми маневрами. Охота была и одним из традиционных развлечений джучидской аристократии. В ярлыках Менгу-Тимура 1267 г., Бердибека 1357 г., Тюляка 1379 г. и Тимур-Кутлуга 1398 г. в перечне золотоордынских чиновников упомянуты сокольники и барсники [Григорьев, 1990, с.64, 74, 82–84, 102; Радлов, 1889, с.21, 25; Ярлыки, 1955, с.465, 467, 469]. Ловчие соколы, кречеты и беркуты (?) упоминаются Гилюмом де Рубруком [Путешествия, 1957, с.98, прим.59]. Русские летописи под 1283 г. сообщают, что ордынские сокольники промыслили лебедей [Приселков, 1950, с.340–341; ПСРЛ, 7, с.177; 25, с.154–155; 28, с.62, 222]. Послы Токты в 702 г.х. (1302/1303 г.) поднесли ильхану Газану в числе подарков охотничьих соколов, шкурки «белок киргизских, ласок (фенек) карлукских, горностаев славянских и соболей болгарских» [СМИЗО, 1941, с.83]. Соколы упоминаются в числе подарков посольства 717 г.х. (1317/1318 г.) хана Узбека к египетскому султану [СМИЗО, 1884, с.325–326, 438]. Кречеты посылались Узбеком в Китай великому каану династии Юань [Cathay, 1866, p.238]. Послы Джанибека, прибывшие в Египет в шаабане

758 г.х. (20 июля – 18 августа 1357 г.), передали подарки, в числе которых были соболи меха и хищные птицы [СМИЗО, 1884, с.441]. 30 января 1385 г. посольство Токтамышша к египетскому султану поднесло ему в числе подарков 7 соколов [там же]. Об охоте с соколами и кречетами, а также об охоте на оленей, гусей, щеглов сообщает Иосафат Барбаро [Барбаро и Контарини, 1971, с.147–148].

О развитии рыболовного промысла на крупных и мелких реках говорят находки рыболовных крючков, лодочных скоб, грузил, а также костные остатки и чешуя рыб, найденные на золотоордынских памятниках. Судя по типам грузил и крючков, был известен лов волоковыми (как небольшими, так и крупными) и ставными (как типа неводов, так и многостенными) сетями, снастями-переметами и с помощью удилица (в т.ч. на «живца»); волоковой сетевой лов был гораздо более популярен, чем ставной [Недашковский, 2001]. На золотоордынских поселениях были найдены кости осетров, белуг, севрюг, стерлядей, щук, судаков, сомовых и карповых рыб. На некоторых памятниках доля костей рыб очень значительна, потребление рыбы заметно влияло на питание местного населения. Вяленая и соленая рыба (в т.ч. осетры и осетровые балыки), а также икра вывозились из Золотой Орды итальянскими купцами [Барбаро и Контарини, 1971, с.50–52, 57–58; Еманов, 1995, с.79, 100–102, 104, 122–124, 146, 149; Карпов, 2000, с.183; Устав, 1863, с.803; Шрайнер, 1981, p.218; *Il libro dei conti*, 1956, p.416, 676, 701; Pegolotti, 1936, p.24, 102, 380]. Рубрук сообщает о закупке купцами из Константинополя (т.е., очевидно, итальянскими, т.к. речь идет о периоде, когда город был столицей Латинской империи) сушеных осетров, лещей «и других рыб в беспредельном количестве» [Путешествия, 1957, с.88] в устье Дона, обитателей берегов которого путешественник описывает как имеющих сушеную рыбу в больших количествах [там же, с.109; *The journey of William of Rubruck*, 1900, p.97]. Иоганн Шильтбергер характеризует Азак как город «на берегу Дона, изобилующего рыбой, которую вывозят на больших судах и галерах в Венецию, Геную и острова Архипелага» [Шильтбергер, 1984, с.44–45]. Иосафат Барбаро, рассказывая о Волге и Каспийском море, сообщает, что «в реке, как и в море, неисчислимое количество рыбы» [Барбаро и Контарини, 1971, с.157].

Контарини повествует о промысле рыбы (в т.ч. осетров, белуг) и тюленей на Каспии [там же, с.216, 218].

С заготовкой рыбы тесно связана также добыча соли. Наличие этого промысла в Золотой Орде и экспорт соли на Русь подтверждаются сообщениями Барбаро, Контарини [там же, с.157, 219] и Рубрука, повествующего также о значительных доходах ханской казны от контроля над солеварением [Путешествия, 1957, с.90–91, 107; The journey of William of Rubruck, 1900, p.52, 92]. На карте космографа Фра Мауро 1459 г. у р. Урал изображена гора с припиской «соляная гора» [Il mappamondo di Fra Mauro, 1956, p.56, XXXIII].

Имел определенное значение и бортный промысел. Мед и воск экспортировались Улусом Джучи; мед, травы, корни собирались и употреблялись в пищу населением

[Барбаро и Контарини, 1971, с.51–52, 57, 66, 142, 153, 220; Путешествия, 1957, с.95; Еманов, 1995, с.32–33, 79, 84, 95–97, 104, 111, 128–129, 147, 149; Карпов, 1990, с.131; 1991, с.195, 210; СМИЗО, 1884, с.234; Pegolotti, 1936, p.24, 43, 150; The journey of William of Rubruck, 1900, p.62]. «Codex Cumanicus» содержит названия ореха («сох»), лесного ореха («çatlauc»), миндаля («badam»), фисташки («pistac»), каштана («castana»), руты («sadaf»), мяты («gischic») и шалфея («salg») в половецкой части [Codex Cumanicus, 1981, p.125–126; Drimba, 2000, p.106]; они могли также собираться. Производился сбор трав и для лечебных целей, – так, соцветия цитварной полыни вывозились из Причерноморья и Приазовья в Западную Европу и на Ближний Восток [Барбаро и Контарини, 1971, с.147, прим.69; Еманов, 1995, с.84, 119; Pegolotti, 1936, p.69, 138, 429–430].

§ 3. Городские ремесла

Светлана Валиулина, Леонард Недашковский

Некоторые историки высказывали мнение о недостаточной развитости золотоордынского ремесла [Сафаргалиев, 1960, с.76–78]. Однако даже для XV в. мы имеем следующее сообщение Иосафата Барбаро о золотоордынской армии: «В их войске есть ремесленники – ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла» [Барбаро и Контарини, 1971, с.147].

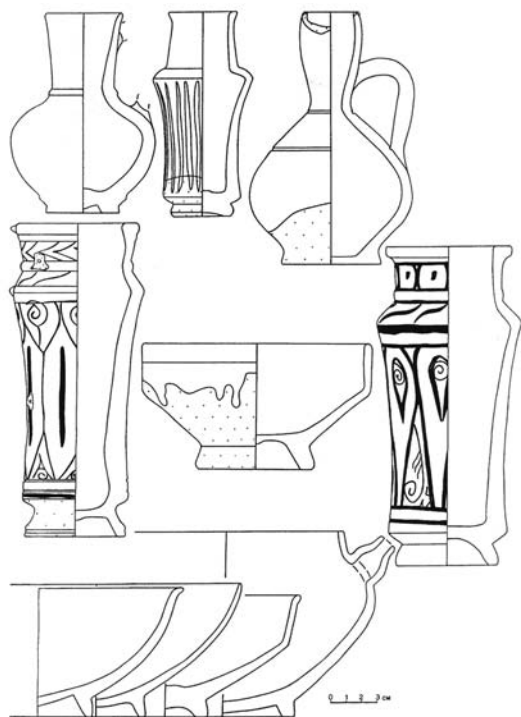
Своеобразие продукции золотоордынского ремесла таково, что позволяет отличать ее от изделий производственных центров других средневековых государств.

Ремесленники в городах Улуса Джучи жили по кварталам, было развитым и усадебное ремесло.

Среди всех видов ремесел, развитых в Золотой Орде, в первую очередь, следует отметить гончарство. Неполившая красноглиняная гончарная керамика является определяющим материалом для памятников золотоордынского круга. «Для неполивной керамики характерна большая стандартизация, четкость форм и простота орнамента, сводящейся главным образом к линейно-волнистому орнаменту» [Федоров-Давыдов, 1981, с.235]. В быту широко применялись керамические изделия самых различных форм и размеров:

котлы, горшки, кувшины, миски, чаши, тарелки, тазы, фляги, «ямы» («тагора»), амфоры, хумы, хумчи, сфероконы, копилки, туваки (сунаки), крышки, светильники, подсвечники, приспособления для установки и переноса ламп, дигири, свистульки, погремушки и другие игрушки, черепица, водопроводные трубы (кубуры), сосуды в виде усеченного конуса, рыболовные грузила, напрядла, шары, «сосуды с сеткой», «пробки», «диски с отверстиями», гончарные круги, кувшины-«непроливайки» (см. [Федоров-Давыдов, 2001, с.7–199]). Они не имели, как правило, художественного оформления и сложной орнаментации, но отличались высокими техническими характеристиками. Использовалась также штампованная сероглиняная керамика. Характерные особенности керамики, производившейся в различных золотоордынских регионах: Азаке, Поволжье, Маджаре, Хорезме, Восточном (Кафе, Судак, Солхате) и Юго-Западном Крыму были выявлены И.В.Волковым [Волков, 1992, с.4–14, 20–21].

Горны для обжига неполивной керамики известны на Водянском, Селитренном, Царевском [Федоров-Давыдов, 2001, с.6–7], Болгарском, Наровчатском и Увекском городи-

Посуда. Уекк. XIII–XIV вв.
(по Л.Ф.Недашковскому)

цах, а также на других поселениях Поволжья (Большой Шихан, Zubovka, Красный Яр, Лапас, Русский Урмат, Сухореченское, Татарская Башмаковка, Шареный Бугор и т.д.) и периферийных регионов Улуса Джучи. На Селитренном городище комплекс керамических горнов и вспомогательных сооружений «представлял собой большую ремесленную мастерскую типа «кархана», занимавшую целый квартал» [Федоров-Давыдов, 1981, с.232]. Известны и многочисленные находки предметов, связанных с керамическим производством – печной припас (в т.ч.сепай) и ложила.

Ярким явлением культуры Золотой Орды выступает производство поливной керамики. Это художественное ремесло давно и серьезно привлекает к себе внимание исследователей. В настоящее время представлена полная характеристика и разработана строгая классификация золотоордынской поливной керамики, в основу которой положен технологический принцип – состав теста и характер глазури [Булатов, 1968; 1976; Скоробогатова, 1983; Федоров-Давыдов, 1976; 1994; Fedorow-Dawydow, 1972; Fedorov-Davudov, 1984].

Актуальными остаются проблемы датировки отдельных типов глазурованной керамики, определения объема и динамики поступления импортной продукции, ее влияние на золотоордынское керамическое производство [Коваль, 2003, с.58].

Поливная золотоордынская керамика исследуется и как художественное ремесло – составная часть искусства Золотой Орды и как чрезвычайно информативный исторический источник.

Как отмечал Г.А.Федоров-Давыдов, она выразила «те художественные явления, которые были связаны с бурной эпохой образования и развития монгольских государств. В ней хорошо выявились синкретизм и смешанность культуры золотоордынского города. Поливная керамика была самой массовой художественной продукцией, отражавшей социальную психологию и вкусы и мощно влиявшей на них, заполнявшей рынки и дома. Это были изделия развитого ремесла, оснащенного всеми техническими достижениями гончарного дела Среднего Востока» [Федоров-Давыдов, 1994, с.78].

Под влиянием ведущих средневековых художественных школ гончарства – ближневосточной, среднеазиатской, закавказской, византийской и дальневосточной – в Золотой Орде сложился ярко выраженный стиль и самобытный характер поливной керамики.

По составу основы золотоордынская керамика делится на кашинную (фаянсовую) и красноглиняную. Золотоордынские гончары с большим мастерством использовали различные технические и художественные приемы оформления изделий. Кашинная керамика украшалась подглазурной полихромной росписью с рельефом, подглазурной полихромной росписью без рельефа, подглазурной черной росписью и бирюзовой поливой, подглазурной кобальтовой росписью, подглазурной черно-бирюзово-синей росписью и ажурным декором, бирюзовой и ультрамариновой поливой и рельефом, надглазурной росписью. Красноглиняная поливная керамика оформлялась двумя способами – подглазурной росписью ангобом и гравировкой и резервом (сграффито).

Многочисленные красочные орнаментальные композиции золотоордынской поливной керамики составлены из ограниченного чис-

ла элементов. Замечено также, что форма и декоративное оформление большинства сосудов находятся в соответствии.

По формам золотоордынскую поливную посуду представляют следующие группы: чаши, тарелки, горшки, горшковидные сосуды с коническим носиком и с носиком и рифлеными налестками – «гулябдан», кувшины, бутылки, аптекарские сосуды (альбарелло), светильники, фляги, чернильницы и др.

Хорошо было поставлено кузнечное и железоделательное производство. Появление производства чугуна в Европе связано именно с золотоордынским ремеслом. Сооружения, связанные с обработкой железа, известны не только в городах (Болгарское, Царевское и Водянское городища), но и на многих сельских поселениях золотоордынского времени. В Золотой Орде был известен целый ряд кузнечных технологий – изделия изготавливались не только из кричного железа, но и из сырцового и цельной стали, из пакетного металла, применялись также техники кузнечной сварки, сварки стальной пластины в основу лезвия, торцевой, боковой и V-образной наварки стальной пластины на лезвие, цементации, закалки и пайки медью.

Ассортимент изделий кузнецов был чрезвычайно широким – чересла, лемехи, сошники, полицы, мотыги, кетмени, оковки лопат, кайла, серпы, косы, топоры, тесла, долота, ножи, ножницы, сверла, резцы, пробойники, шилья, иглы, пинцеты, кочедыки, чапельники («сковородники»), приспособления для клеймения скота, рыболовные крючки, удила, стремяна, подковы, кольца от сбруи, обкладки седел, ледоходные шипы, кресала, кольчуги, пластинчатые доспехи, шлемы, наконечники стрел, копий и дротиков, втоки, сабли, булавы, кистени, кинжалы, крючки от колчанов, пряжки, сюльгамы, накладки, нашивки, бляхи, обоймы, наконечники ремней, дужки ведер, подсвечники, светцы, коробочки, цепи, проволока, клинья, гвозди, скобы, пробой, защелки, ручки, дверные накладки, замки и ключи. Из чугуна отливались котлы, чаши, втулки для осей повозок [Рязанов, 1997].

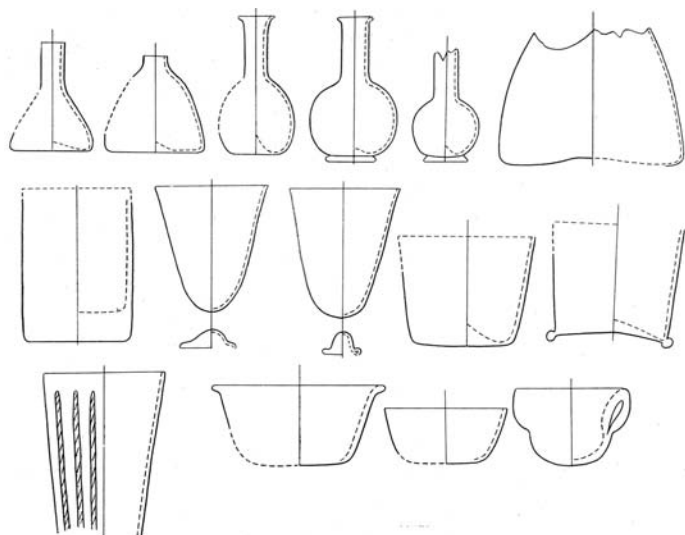
Была высокоразвитой и цветная металлургия – найдены многочисленные литейные формы, тигли, льячки, ювелирные наковаленки и молоточки, зубила, слесарные ножницы, матрицы, отходы производства, бракованные изделия. Отходы бронзолитейного производства

Орудия труда. Уек. XIII–XIV вв.
(по Л.Ф.Недашковскому)

обнаружены не только в городах (Царевское и Водянское городища), но и на сельских поселениях Золотой Орды. На Царевском городище, помимо бронзолитейной мастерской, была исследована и ювелирная; мастерские ювелиров изучены также в Старом Орхее и Чебоксарах. Золотых дел мастер Шахидулла упоминается в тексте надгробия 1317 г., обнаруженного на Болгарском городище.

Продукция цветной металлообработки представлена большим количеством различных типов изделий – пряжками, накладками, нашивками, поясными кольцами, наконечниками и распределителями ремней, бляхами, обоймами, подвесками, медальонами, бубенчиками, колокольчиками (с Царевского городища известен и большой бронзовый колокол), пуговицами, застежками, наверхиями шапочек, бусинами, цепочками, височными кольцами, серьгами, колтами, перстнями, копоушками, пинцетами, кольцами для натягивания лука, браслетами, шпильками, сюльгамами, зеркалами, «ильтаханами», наверхиями булав, котлами, тазами, ковшами, чашами, кувшинами, крышками, флаконами, ступками, пестиками, ложечками, светильниками, лампами, пеналами, чернильницами, каламами (палочками для письма), застежка-

Стеклянные изделия. Поволжье. XIII–XIV вв. (по Н.Н.Бусятской)

ми от конских пут, колесиками от блоков, напярслами, наперстками, иглами, чашечками весов, гирьками, грузиками-пломбами, перекрестьями сабель, муфтами и обкладками рукоятей ножей, рукоятями кресал, обкладками оселков, дверными ручками, оковками, проволокой, декоративными гвоздиками, замками и ключами.

Из серебра и золота золотоордынскими ювелирами изготавливались чаши, кубки, ковши (в т.ч. поясные), блюда, подносы, шаровидные сосуды, ложки, детали поясных наборов, навершия шапочек, амулеты, филактерии, пайцзы, пуговицы, бусины, серьги, перстни, браслеты, шпильки, заколки, цепочки, расчески и их футляры, пластины, гвоздики, фольга, проволока, медальоны, подвески и бляхи. Знаменитая «шапка Мономаха» – московский великокняжеский, а позднее царский парадный головной убор – является произведением торевтов европейской части Улуса Джучи конца XIII – начала XIV в. (крест и меховая оторочка на изделии появились позднее) [Крамаровский, 2001]. Широко применялись в ювелирном деле техники зерни, скани и филигрании.

Еще одним исключительно городским художественным ремеслом являлось стеклоделие. Стеклянные украшения, посуда и оконное стекло известны во всех золотоордынских городах [Бусятская, 1976, с.38–72; Полубояринова, 1988; Федоров-Давыдов, 1994, с.170–174]. Главным аргументом в доказательстве собственного стеклоделательного производ-

ства является наличие мастерских. В настоящее время мастерские по производству стеклянных украшений – бус, браслетов, перстней открыты на Селитренном городище [Галкин, 1984], в Болгаре [Полубояринова, 2006]. Возможно, стеклянные изделия производились и в Солхате [Kramarovsky, 1998, с.123].

Украшения, прежде всего, бусы являются самыми массовыми находками стеклянных изделий [Бусятская, 1976, с.39; Полубояринова, 1988, с.213, Валиулина, Недашковский, 2005, с.256–260].

Бусы золотоордынских памятников выполнялись навивкой стеклянного жгута вокруг стержня, имели в основном шаровидную, зонную, кольцевидную, биконическую, битрапецевидную и цилиндрическую форму, были одноцветными и полихромными (мозаичные, глазчатые, со спирально-волнистым декором). Особенно оригинальными и декоративными по форме, размерам и орнаментации являлись подвески.

Перстни, браслеты и вставки перстней представлены меньшим числом. Из всех городов Золотой Орды самым большим количеством стеклянных перстней выделяется Болгар [Полубояринова, 1988, с.193; 2006].

Стеклянная посуда более всего присутствует в материалах Селитренного, Царевского и Болгарского городищ, Азака, а также крымских памятников, имеет в целом восточный облик и представлена не слишком широкой номенклатурой. Основными классами являются стаканы, флаконы со сферическим и коническим туловом, кувшины, чашевидные сосуды различных размеров, туваки, лампы.

Находки оконных дисков в основном приурочены к руинам монументальных сооружений только в крупных центрах Золотой Орды.

Большая часть посудного и оконного стекла выполнена из бесцветного стекла с голубоватым, зеленоватым или желтоватым оттенком, меньшим числом представлены изделия из голубого, синего и желтого стекла [Федоров-Давыдов, 1994, с.172].

В производстве посуды и оконных дисков главным приемом было свободное ду-

ть, иногда применяли дутье в форму, некоторые сосуды украшались накладными нитями, лентами и каплями стекла.

Химический состав золотоордынского стекла изучен недостаточно. Очевидно, что различные региональные производственные центры в рамках единой ремесленной традиции обладали спецификой химического состава в соответствии с особенностями сырья каждой геохимической провинции.

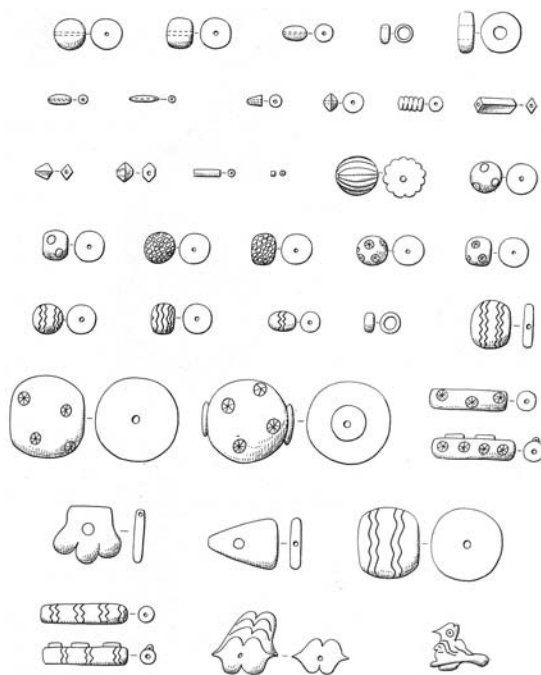
Самым большим числом в стеклянных изделиях Золотой Орды представлен химический класс натриевых щелочных стекол – в аналитической выборке Укека и его округи он достигает 77% [Валиулина, Недашковский, 2005, с.263]. Этот класс по используемому сырью подразделяется на два типа: натриево-кальциево-магниево-алюминиево-кремнеземное и натриево-кальциево-магниево-алюминиево-свинцово-кремнеземное стекло [Федоров-Давыдов, 1994, с.170].

Основными красителями являлись соединения железа, меди, свинца. Непрозрачные стекла заглужены окисью олова. Сульфидом железа окрашены черные бусы, бусы-подвески, перстни [Наумов, 1973, с.225].

Н.Н.Бусятская обратила внимание на близость химического состава золотоордынского стекла составу среднеазиатского стекла и усматривала причины этого сходства в использовании общей рецептуры составления шихты, сходных источников сырья и участия в работе стеклоделательных мастерских Золотой Орды среднеазиатских ремесленников, а также ближневосточных мастеров-стеклоделов [Бусятская, 1976, с.65].

Продукция камнерезного ремесла широко представлена в материалах золотоордынских памятников. Однако обобщающих работ по этому виду производства не много [Полубояринова, 1991; Федоров-Давыдов, 1994, с.179–180].

В настоящее время в крупных центрах Золотой Орды (Болгарское, Селитренное и Царевское городища) выявлены следы мастерских по обработке полудрагоценных и поделочных камней и изготовлению из них украшений [Полубояринова, 1991, с.111, Федоров-Давыдов, 1994, с.179–180]. Украшения – бусы, подвески, вставки, перстни, а также детали поясных наборов, печати, шахматы выполнялись из горного хрусталя, сердолика, опала,

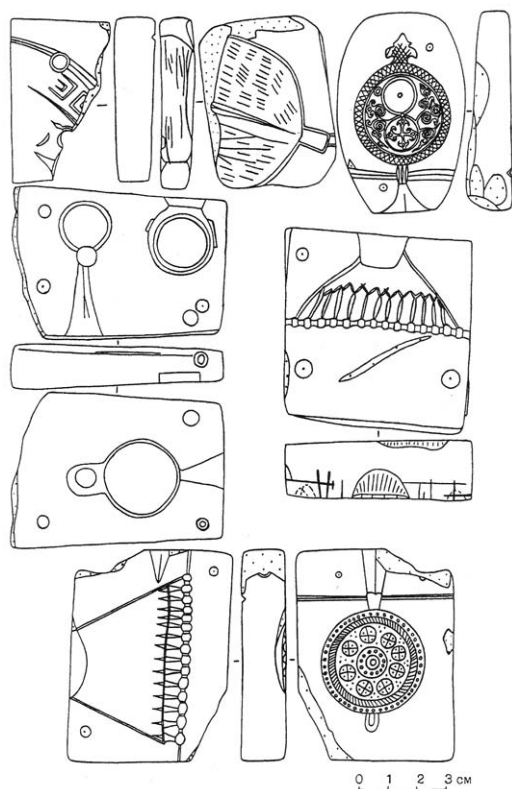
Стеклянные бусы. Поволжье. XIII–XIV вв.
(по Н.Н.Бусятской)

коралла, бирюзы, александрита, жадеита, перламутра, нефрита, аметиста, янтаря.

Производственные комплексы камнерезов других специальностей не известны. Начальную стадию производственного цикла – получения строительных блоков, плит для надгробий, жерновов и другой каменной продукции – представляют остатки древних рудников на правом берегу Волги, напротив Болгара. Здесь, по мнению Р.Ф.Шарифуллина, производилась заготовка камня и гипса, необходимых для строительства сооружений Болгара, «здесь же выламывались пластинами крупные плиты розового и красного песчаника для кладки печей и подпольных дымоходов» [Шарифуллин, 1999, с.49].

Номенклатура каменных изделий золотоордынских памятников включает в себя, кроме ювелирных изделий, деталей поясной гарнитуры и печатей, жернова, точильные бруски, пряслица, в основном сланцевые и иногда шиферные, сланцевые крестики и образки, известные в Болгаре и нижеволжских столицах [Полубояринова, 1978, с.60], строительный камень и архитектурные детали, надгробия [Айдаров, 2001, рис.8–11].

Жернова и точильные бруски являются, пожалуй, наиболее частыми находками. Точиль-

Литейные формы для отливки украшений.
Укск. XIII–XIV вв. (по Л.Ф.Недашковскому)

ные бруски иногда имели большие размеры и использовались для заточки ножей, серпов, кос, миниатюрные оселки с желобком и просверленным отверстием для подвешивания служили для заточки игл, правки бритв, малых ножей и ювелирного инструмента.

Литейные формы золотоордынского Болгара, как и других центров, выполнены, в основном, из известняка, сланца и обломков талькохлоритовых сосудов, производившихся в Северном Хорасане и Хорезме [Полякова, 1996, с.161; Полубояринова, 2004, с.316–323].

Пробирные камни, использовавшиеся в ювелирном деле и алхимии для определения пробы золота с глубокой древности, в домонгольских памятниках Восточной Европы происходили в основном с западного побережья Каспия [Валиулина, 1998, с.90]. Очевидно, тот же источник обеспечивал пробирными камнями и ремесленные центры Золотой Орды [Fedorov-Davudov, 1984, p.95, fig.8, 9; Валиулина, 2004, с.161, рис.6, 21].

Наиболее ярким свидетельством высокого уровня резьбы по камню являются архитектурный декор, прежде всего, культовых

зданий, и надгробия, известные в Крыму и в Среднем Поволжье, а также каменные надгробия строго регламентированной канонической формы: стелы в виде плоского параллелепипеда с коранической формулой или розеткой в тимпане, выполненные резьбой, иногда встречаются памятники с полукруглым верхом [Мухаметшин, 2001, с.100].

Сырье, номенклатура, характер и объем готовой продукции камнерезов позволяют судить о развитии этой отрасли производства в Золотой Орде и отражают ее международные связи.

Определенные категории каменных изделий, такие как сосуды [Полубояринова, 2004, с.316–323], шиферные пряслица, крестики и образки [Полубояринова, 1978, с.69], шахматы, пробирные камни, являются привозными. Ювелирные изделия – бусы, подвески, перстни, вставки, а также печати, поясные пластины были и импортом, и местной продукцией из привозного сырья. Безусловно, на месте производили точильные бруски, большую часть литейных форм [Полубояринова, 1993, с.28, рис.7,1; Федоров-Давыдов, 1994, с.179], жернова, строительный камень, архитектурный декор, надгробия.

На высоком уровне стояло и косторезное дело с рядом технологий, в числе которых – обработка изделий на токарном станке и их полировка. Косторезные мастерские известны на Царевском, Селитренном и Болгарском городищах.

Из кости изготавливались пряжки, накладки, нашивки, бляхи, обоймы [Валиулина, 2000, с.280, рис.7,1], пуговицы, бусины, перстни, амулеты, «писала», шахматы, шашки, альчики для игры в бабки, игральные кубики, проколки, кочедыки, гребни, копоушки, ложечки, весы, игольники, рукояти плетей, шильев, рукояти, муфты и затыльники ножей, обкладки седел, застежки конских пут, кольца для натягивания тетивы лука, «свистящие» насадки на черешки железных наконечников стрел, костяные наконечники стрел для охоты, детали луков и орнаментированные декоративные обкладки колчанов (которые часто раскрашивались разными цветами).

Из кожи изготавливали сумки, кошель, мешочки, футляры, амулеты, налущья, колчаны, ремни, шаровары, сапоги, головные уборы, чехлы для зеркал, игольники, ею обтягивались седла.

Из ткани шились одежда и головные уборы, изготавливались пояса, кошельки, чехлы для зеркал. Применялся также войлок.

Стоит выделить и деревообрабатывающее ремесло. Из-за плохой сохранности дерева на золотоордынских памятниках до археологов дошли лишь некоторые виды продукции

резчиков по дереву, использовавших в своей работе токарные станки, – седла, колчаны, луки, древки стрел, ножны, рукояти пилей, ножей и шильев, основы шапочек-бокк, игольники, амулеты, коробочки, чаши, блюда, миски и тарелочки, кобыз (струнный музыкальный инструмент), гребни и ложки.

§ 4. Международная и внутренняя торговля

Леонард Недашковский

В XIII в. в результате завоеваний Чингизхана и его преемников основная часть Евразии была включенной в состав Монгольской империи. Северо-западная часть этих огромных территорий оказалась под властью потомков Джучи. Государство Джучидов простиралось от Дуная на западе до бассейна Оби на востоке и от Хорезма и Северного Кавказа на юге до Прикамья на севере. Во второй половине XIII – XIV вв. основные торговые пути, связывающие страны Западной Европы с Восточной Азией (иногда называемые «Великим Шелковым путем») сместились на север и шли через территорию Золотой Орды. Это было связано с потерей европейцами старых торговых путей, проходивших через Ближний Восток, в результате полного поражения крестоносцев в Палестине в XII–XIII вв., также как и с непрерывными войнами иранских Хулагуидов с египетскими Мамлюками.

Улус Джучи был одним из крупнейших государств средневековья, существовавшим во второй половине XIII – второй четверти XV в. Эту державу отличал, в частности, высокий уровень развития монетного обращения, в том числе мелкого розничного торгова. В золотоордынский период наблюдались расцвет городов и ремесел благодаря протекционизму ханской власти, а также расцвет торговли.

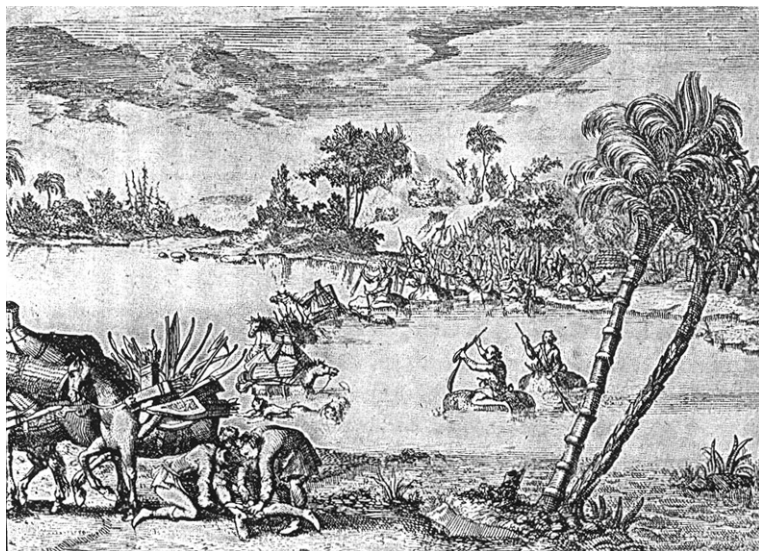
В номенклатуре чиновников Улуса Джучи имелись должности, связанные с организацией торговли: «весовщики», «туткаулы» (заставщики, взимавшие подорожную подать), почтмейстеры (ямщики), смотрители почтовых станций, перевозчики («ладейщики»), «мостовщики», «базардэ турханы» («находящиеся на базаре») [Федоров-Давыдов, 1973, с.95–100].

Особую значимость имели торговые связи Среднего и Нижнего Поволжья, т.е. районов, являвшихся экономическим и полити-

ческим центром Улуса Джучи, сосредоточением всех торговых путей этого государства. Нижнее Поволжье было доменом золотоордынских ханов, здесь кочевали их ставки. Наконец, сам Волжский торговый путь был важнейшим и в Золотой Орде, и в связях Древней Руси с Востоком.

Практически все торговые связи, имевшие место в Восточной Европе в предмонгольское время, сохранялись и в золотоордынский период. Но между поволжской торговлей в домонгольское и в золотоордынское время имеется одно колоссальное отличие – в период Золотой Орды Поволжье оказалось в центре огромной державы, внутри которой торговать было все же спокойнее, чем между многочисленными мелкими государствами, окруженными ордами кочевников. Это отличие и обусловило невиданный всплеск развития торговых связей Поволжья в золотоордынский период. Золотоордынские ханы и аристократы покровительствовали торговле, приносившей им большие доходы. Существовали купеческие объединения, организовывавшие крупную караванную торговлю.

В 40-х гг. XIII в. в Золотой Орде начинают преодолеться последствия монгольских погромов, восстанавливаются разрушенные города, на которые первоначально и опирались завоеватели при утверждении своей власти. Поволжье становится политическим и экономическим центром джучидского государства и остается таковым вплоть до его распада. В этот же период происходит и восстановление широких торговых связей, нарушенных монгольским нашествием. Так, известный путешественник, папский легат Плано Карпини, проезжавший в 1246–1247 гг. через территорию Улуса Джучи, упоминает о западноевропейских купцах, проезжавших в Киев из Константинополя «че-

Способы переправы татар через реку.
Гравюра к первому изданию книги В.Рубрука. 1735 г.

рез землю Татар» [Путешествия, 1957, с.82]. Это были купцы из Генуи, Венеции, Акры, Пизы и, возможно, из других городов.

Сам хан Бату, по сообщению Джувейни, предпринимал меры для возобновления торговых связей: «Торговцы с (разных) сторон привозили ему различные товары; все это, что бы оно ни было, он брал и за каждую вещь давал цену, в несколько раз превышавшую ее стоимость» [СМИЗО, 1941, с.22].

На реках были организованы специальные поселки, жители которых были обязаны перевозить послов и купцов с одного берега на другой. Об этих поселках рассказывает Гильом Рубрук, в 1253–1254 гг. проезжавший по территории Золотой Орды. Два таких поселка, населенных русскими, располагались в верхнем и нижнем течении Дона [Путешествия, 1957, с.109–110], а один, населенный русскими и мусульманами – на Волге [там же, с.118]. Жители этих поселков имели «льготу от Бату, а именно: они не обязаны ни к чему, как только перевозить едущих туда и обратно» [там же, с.109], т.е. были освобождены от всех налогов и повинностей. Более того, им давалось право взимать с купцов большую дань [там же]. Вероятно, Бату дал все эти привилегии жителям поселков с целью как можно скорейшего восстановления торговых связей, в частности, благодаря организации налаженных переправ через крупные реки.

Появление трех населенных пунктов на Дону и Волге знаменует собой прокладку но-

вого торгового пути через степи, обеспечивавшего удобства купеческим караванам; этот путь вел с запада в г. Сарай – новую столицу Улуса Джучи. Этот город был основан Джучидами на Нижней Волге; впервые его упоминает Рубрук, посетивший Сарай осенью 1254 г. [там же, с.185]. С 40–50-х гг. XIII в. начинается активная градостроительная деятельность золотоордынских ханов в Поволжье. Так, в частности, тот же Рубрук упоминает о строительстве Сартаком, сыном Бату, нового поселка с церковью на правом берегу Волги [там же].

Наряду с только что основанными городами монголами активно использовались и старые города, бывшие наиболее значимыми в течение всей второй половины XIII в. Но постепенно новые, основанные самими Джучидами на Нижней Волге, города начинают играть все большую и большую роль.

Наряду с восстановлением старых торговых связей в 40-х – первой половине 60-х гг. XIII в. зарождаются и принципиально новые для Поволжья направления торговли.

Уже в середине XIII в. начинает возрастать значение городов черноморского побережья Крыма (Судака, позднее Кафы и др.) в торговых связях Поволжья с Синопом, Константинополем, Трапезундом, а через них – со средиземноморскими портами. Среди товаров, вывозившихся купцами морем из Судака, Рубрук называет «горностаев, белок и другие драгоценные меха», а также «ткани из хлопчатой бумаги, бумазею, шелковые материи и душистые коренья» [там же, с.89]. Первая группа этих товаров доставлялась с Севера, а вторая – из Средней Азии, а возможно и из Китая. В любом случае трудно предположить, что все эти товары, являвшиеся основными предметами торговли еще в домонгольский период, доставлялись в Судак не через территорию Поволжья и без деятельного участия поволжских купцов.

В правление хана Берке (1257/58–1266) завязываются торговые и дипломатические

отношения Золотой Орды с мамлюкским Египтом [Закиров, 1966]. Это привело не только к созданию военного союза (с 1262 г.) Джучидов с египетскими султанами против государства Хулагуидов, но и к налаживанию торговых связей между двумя державами. Следует также отметить, что торговля Золотой Орды с Египтом велась уже в ходе переговоров Бейбарса и Берке, так как одно из своих писем египетский султан отправил хану Берке из Каира с одним из находившихся там аланских купцов [СМИЗО, 1884, с.55].

В 40-х – первой половине 60-х гг. XIII в. начинается постепенное восстановление традиционных торговых связей Поволжья – со Средней Азией и Закавказьем (последние контакты, правда, затруднялись в период войн Берке с ильханом Хулагу). Наряду с возрождением старых связей уже в этот период начинают появляться и новые, например, через Крым с городами Малой Азии и с Константинополем, дававшим выход в Средиземное море.

При Менгу-Тимуре продолжают крепнуть города, особенно нижеволжские, что видно по многочисленным находкам монет этого хана, как на главных, так и на периферийных городищах района Нижней Волги.

Мероприятия ханской власти по развитию торговли способствовали и развитию торговых связей Поволжья, бывшего уже в то время центром, в котором сходились торговые пути из всех районов огромного Улуса Джучи.

Где-то в промежутке между 1266 и 1270 гг. новгородские купцы получили право «гостить по Суждальской земле безъ рубежа, по цесареве грамоте» [Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949, с.13], т.е. по какому-то не дошедшему до нас ярлыку Менгу-Тимура, упоминание о котором сохранилось в договорной грамоте Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем.

В 1266–1272 гг. Менгу-Тимур направляет специальный ярлык-послание великому князю владимирскому Ярославу Ярославичу. В этом ярлыке джучидский хан призывал Ярослава дать «путь немецкому гостю на свою волость» [там же, с.57], вероятно, для последующего проезда их в центральные земли Улуса Джучи. Такое обеспечение безопасности проезда «немецких гостей» – в данном случае рижских купцов – из Прибалтики через Новгородскую и Владимиро-Суздальскую земли в Среднее и Нижнее Поволжье долж-

но было повлечь за собой активизацию торговли Поволжского региона с Балтикой и с Западной Европой.

Сразу же после войны Золотой Орды с Ираном, в 664 г.х. (1265/1266 г.), торговые отношения Улуса Джучи с государством Хулагуидов возобновляются, и «с обеих сторон стали опять ходить караваны туда и обратно» [СМИЗО, 1941, с.76]. Торговля Золотой Орды с Хулагуидским Ираном стала более безопасной после кавказского похода Менгу-Тимура 1277/1278 г., когда были окончательно подчинены аланы, а также некоторые другие горские народы.

В правление Менгу-Тимура (1266–1280) генуэзцы утверждаются в Кафе, в 1274 г. – в Судак, а в конце XIII – начале XIV в. – в Тане; в 1289 г. генуэзцы учреждают в Кафе должность собственного консула [Сафаргалиев, 1960, с.63].

В начале XIV в. усиливается политика, направленная на подъем торговли в Улусе Джучи. Одно из этих мероприятий – унификационная денежная реформа хана Токты 710 г.х. (1310/1311 г.), обеспечившая дальнейший расцвет экономики Улуса Джучи. Это была действительно грандиозная реформа, которая должна была унифицировать монетную систему всего огромного золотоордынского государства. С этой целью все монеты предшествующих выпусков были запрещены, а в обращение была введена единая для всего Улуса Джучи однотипная серебряная монета с устойчивым весом, не менявшимся вплоть до второй половины 60-х гг. XIV в.

Расцвет Золотой Орды связан именно с эпохой Узбека (1312–1342) и Джанибека (1342–1357). В этот период ведется активное городское строительство. Узбек продолжал традицию ханского покровительства торговле в Улусе Джучи, особенно внешней, что в сочетании с внутренним единством государства и привело в итоге к небывалому расцвету золотоордынской торговли и экономики в целом в правление хана Узбека.

Во внешнеторговых связях Поволжья в первой половине XIV в. все большую и большую роль играют нижеволжские города, хотя сохраняется и значение других поволжских центров, в основном Болгара.

В этот период наблюдается стремительный рост значения городов, как политического, так и торгово-ремесленного. Особенно же

Фрагменты ткани из гробницы кондотьера Кангранде (Верона), умершего в 1329 г.

возрастает роль нижневолжских городов, хотя подъем городской жизни наблюдается и в Волжской Булгарии, и в Хорезме, и в низовьях Сырдарьи.

Уже в начале XIV в. существовали и торговые связи Поволжья с Индией, что подтверждается рассказами о товарах (мечах, льне и льняном полотне), привозившихся из Руси в Индию, в трудах авторов первой половины XIV в. – Амира Хусрау и ал-Омари [Заходер, 1955, с.17; Лимонов, 1961, с.59]. Вплоть до Болгара торговали египетские купцы (торговлю с более отдаленными северо-восточными землями они вели через посредство болгарских купцов) [СМИЗО, 1884, с.235, 240].

Помимо торговли с Египтом, Ираном и Индией в начальный период правления Узбека развивается торговля с Западом – в основном через Кафу и Азак, располагавшийся в устье Дона. В этих городах имелись итальянские колонии: в 1322 г. в Тане появляется первый венецианский консул [Григорьевы, 2002, с.10].

О размахе торговли итальянских купцов в Золотой Орде в эпоху Токты и Узбека свидетельствует Франческо Бальдуччи Пеголотти, описавший в своем трактате «Практика торговли» (завершен в 1340–1342 гг. на базе реальных торговых поездок автора начиная с 1310 г.) торговый путь из Азака (Таны) в Китай. Этот маршрут описан Пеголотти весьма подробно и обстоятельно: он шел из Таны на возах, запряженных волами, или на телегах, запряженных лошадьми или верблюдами, в Хаджи-Тархан, оттуда вверх по Волге на судах в Сарай, затем сухим путем или водой на Сарайчук, затем сухим путем в Ургенч, Отрар, далее на Алмалык и в Китай [Греков, Якубовский, 1950, с.158–159; Pegolotti, 1936].

Улус Джучи становится посредником в торговле между Западной Европой и Китаем, но торговля эта идет уже в гораздо больших масштабах, что видно из самого факта составления специального руководства для купцов, едущих из Таны в Китай через нижневолжские города, в то время важнейшие торгово-ремесленные, а также культурно-религиозные центры Золотой Орды.

О расцвете внешней торговли Золотой Орды и Поволжья в ее составе в первой половине 30-х гг. XIV в. красочно свидетельствует информация Ибн Баттуты (1304–1377). По его свидетельству, во внешней торговле Улуса Джучи огромное значение играли Кирам (т.е. Крым или Солхат), «город большой и красивый» [СМИЗО, 1884, с.280], Судак, гавань которого «одна из самых больших и самых лучших гаваней» [там же, с.303], и особенно Кафа, имеющая «чудную гавань» со множеством судов [там же, с.280]. Основную часть населения Кафы, по мнению Ибн Баттуты, составляли генуэзцы, имевшие своего «эмира», т.е. консула [там же].

Как один из крупных внешнеторговых центров Ибн Баттута характеризует Маджар, «город большой, (один) из лучших тюркских городов» [там же, с.287]. На базаре этого города Ибн Баттута встретил еврея, приехавшего «из земли Андалусской» [там же, с.288], т.е. из Испании, который добрался оттуда до Маджара через Константинополь и Закавказье всего за 4 месяца. Это свидетельство может говорить о тесных торговых связях Поволжья даже с такими отдаленными странами, как Испания. На нижневолжских городищах встречаются фрагменты испан-

ской люстровой керамики XIV в. [Федоров-Давыдов, 2001, с.207].

Из Азака в поволжские города был и другой путь, которым часто пользовались купцы – речной: вверх по Дону с волоком на Волгу в районе современного Волгограда. На этом волоке в золотоордынский период, вероятно, располагался г. Бельджамен. На карте братьев Пицигани к названию Бельджамена, в отличие от других городов, добавлено определение «базар».

Интересный материал оставил нам Ибн Баттута и о торговле со «страной мрака», т.е. с народами Севера. Арабского путешественника не могла не заинтересовать эта торговля, т.к. именно она давала золотоордынским купцам основную часть пушнины, которая была одной из важнейших статей золотоордынского экспорта. Центром торговли Улуса Джучи со «страной мрака» был Болгар, откуда купцы на собаках отправлялись на Север. Там купцы, по информации Ибн Баттуты, посредством примитивного «немного» обмена получали за свои товары (вероятно, охотничье снаряжение и украшения) меха «соболей, белок и горностаев» [СМИЗО, 1884, с.297].

В ходе своих странствий по Золотой Орде Ибн Баттута посетил и город Хаджи-Тархан в низовьях Волги. По словам путешественника, «это один из лучших городов, с большими базарами» [там же, с.301]. Ибн Баттута сообщает также интереснейшие сведения, что зимой, когда Волга замерзает, на лед реки местные жители кладут по приказу хана несколько тысяч возов соломы. Таким образом, Волга с протоками ее дельты превращалась в более или менее прямые и удобные караванные дороги, по которым «езды в арбах на расстоянии 3 дней пути» [там же]. О значении этого зимнего пути говорит и то, что он активно использовался и ранней весной, когда некоторые караваны тонули и погибали [там же]. Вероятно, описанное Ибн Баттутой организованное передвижение караванов по льду Волги было в еще большей степени характерно для Средней и Нижней Волги выше Хаджи-Тархана, где лед был крепче из-за более суровых климатических условий.

По пути из Нижнего Поволжья в Константинополь Ибн Баттута посетил поволжский г. Укек. Это был город «средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей» [там же, с.302–303].

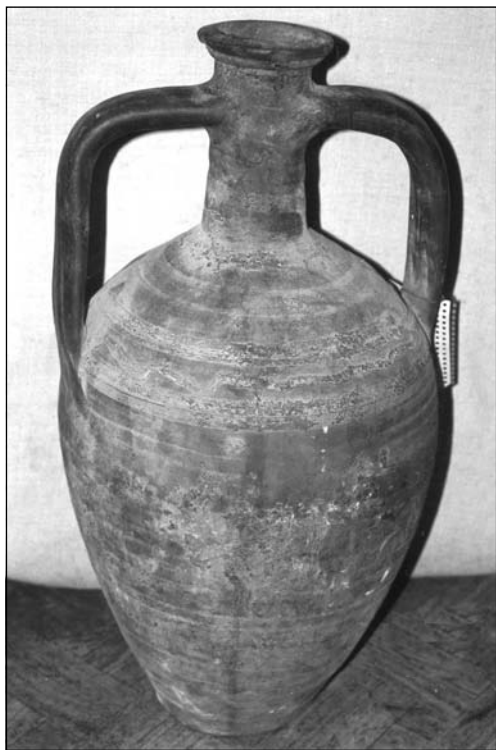
Ибн Баттута рассказывает, что из Руси в Укек привозятся серебряные слитки – «саумы» (т.е. соммы), «на которые продается и покупается (товар) в этом крае» [там же, с.303].

Большое впечатление на Ибн Баттуту произвел г. Сарай – столица Золотой Орды. Об иноземцах в Сарае Ибн Баттута пишет, что в городе жили византийцы и выходцы с Ближнего Востока. Путешественник, в частности, сообщает: «Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и др. мест живут в (особом) участке, где стена ограждает имущество купцов» [там же, с.306]. Фактически Ибн Баттута повествует о наличии в Сарае настоящих торговых колоний, функционирование которых при Узбеке говорит о высоком уровне развития внешнеторговых связей Нижнего Поволжья в данную эпоху.

После 10-дневной езды от Сарая на лошадях Ибн Баттута и его спутники прибыли в г. Сарайчук, возле него переправились по мосту из судов на левый берег р. Урал и направились на арбах, запряженных верблюдами, по древнему караванному пути в Хорезм (Ургенч), через который шли все основные торговые пути из Золотой Орды в Индию и Китай. «Это один из самых больших, значительных и красивых тюркских городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотами» [там же, с.308], – так характеризует Хорезм сам арабский путешественник.

В торговых связях Золотой Орды с Индией, судя по сведениям Ибн Баттуты, огромное значение имел вывоз лошадей из кыпчакских степей в индийские земли. О степной зоне Улуса Джучи Ибн Баттута писал, что «лошадей в этой земле чрезвычайно много и стоят они безделицу» [там же, с.286]. По сведениям Ибн Баттуты, лошади поступали из Золотой Орды в Индию огромными караванами – около 6 тыс. голов в каждом [там же].

Денежная реформа 725 г.х. (1325/1326 г.) в Индии и начало вывоза оттуда золота с одной стороны, а также значительное уменьшение таможенных пошлин дельийским султаном Мухаммадом ибн Тоглуком (1325–1351) с другой стороны, вызвали всплеск развития торговых связей между Индией и Улусом Джучи, особенно его центральными поволжскими землями.

Двуручный кувшин. Укек. XIII–XIV вв. ГИМ

Ибн Баттута также подтверждает возрастание объемов торговли, в частности, лошаадьми, Улуса Джучи с Индией после реформ Мухаммада ибн Тоглука. Торговля эта, по сообщению Ибн Баттуты, приносила купцам большие барыши [там же, с.287].

В Индию ввозились из Золотой Орды и шкурки пушных зверей (соболя, горносталя), в большинстве своем покупавшиеся болгарскими купцами у народов Севера или поступавшие с территории Руси. Торговля мехами, также как и лошаадьми, была занятием выгодным. По словам Ибн Баттуты, шуба из горносталя в Индии стоила 1 тыс. динаров [там же, с.298], это была значительная сумма даже в сравнении с большими ценами на золотоордынских лошадей, ведь лучший из таких коней стоил в Индии около 500 динаров [там же, с.287], т.е. в 2 раза меньше.

Ибн Баттута не говорит о том, какие товары доставлялись из Индии в Золотую Орду, однако можно утверждать, что золотоордынские купцы получали в обмен на коней и меха, в частности, золото в виде монет, которое затем и продавалось в городах Улуса Джучи, в основном в поволжских.

Вывозить золото из Индии в Улус Джучи было выгодно, т.к. в европейской части золотоордынского государства золото оценивалось в серебре дороже [Федоров-Давыдов, 2003, с.65–66].

В бассейне Волги известен целый ряд находок индийских золотых монет – как единичных, так и в составе кладов [там же, с.62]. Именно в Поволжье было найдено большинство индийских монет, известных с территории Золотой Орды. С Царевского городища известна находка серебряной монеты делийского султана Гийас ад-Дина Тоглука 722 г.х. [Лебедев, Клоков, 2005, с.58, 60, рис.1,9], все остальные индийские монеты из Поволжья – золотые. Около Астрахани и Суварского городища также найдены 3 монеты делийских султанов, правивших до Мухаммада ибн Тоглука [Быков, 1969, с.79; Фасмер, 1927, с.45, 50–52]. А еще в 1849 г. на Царевском городище при раскопках А.В.Терещенко был найден клад из 8 золотых динаров Тоглукидов [Григорьев, 1850, с.336–351; Федоров-Давыдов, 2003, с.62]. Младшая монета клада относится к чеканке Фируз-шаха (1351–1388).

Неподалеку от Болгарского городища, у деревни Тенишево, в 1884 г. на берегу Волги было найдено 7 золотых индийских монет [Фасмер, 1927, с.50], также, по-видимому, составлявших один клад. Младшая монета комплекса датируется 742 г.х. (1341/1342 г.), что позволяет отнести время его сокрытия к правлению Джанибека. Там же в 1893 г. были найдены еще 4 индийских золотых монеты Мухаммада ибн Тоглука [там же, с.51]. Подобные монеты открыты также в 1924 г. близ д. Данауровка на территории города золотоордынского времени – Джукетау [там же].

Через Поволжье делийские золотые монеты проникали в район бывшей Пермской губернии, на Северный Кавказ, в Крым и бассейн Прута [Быков, 1969, с.78, 80; Нудельман, 1975, с.99; Федоров-Давыдов, 2003, с.62].

Помимо монет из Индии привозили необработанную слоновую кость, встреченную в материалах Селитренного городища, с берегов Индийского океана – раковины каури и кораллы; на Царевском городище была найдена ажурная костяная пластина с изображением слона и обезьяны, вероятно индийского происхождения [Федоров-Давыдов, 2001, с.215].

В Поволжье привозились из Хорезма талькохлоритовые сосуды (преимущественно котлы) и сероглиняная керамика, достигавшие на западе даже Днестра и Азака; в Хорезме и на Устюрте, в свою очередь, встречается посуда из Поволжья [Волков, 1992, с.13–14, табл.2,17; Федоров-Давыдов, 2001, с.210–213, 221, табл.105–106]. Хорезмийские монеты присутствовали в денежном обращении поволжских городов Золотой Орды.

Из Китая в Поволжье поступали шелк и фарфор (встреченный, в частности, в материках Болгарского и Царевского городищ), а также китайские бронзовые зеркала и изделия из нефрита. На Селитренном городище известны находки фрагментов китайского фарфора и даже корейского селадона XIV в. [Полубояринова, 1991, с.108–109; 2003, №2, с.155–164; Федоров-Давыдов, 2001, с.218–219; Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с.204].

О развитой торговле золотоордынских городов с Западной Европой и о знакомстве ее населения с географией Поволжья говорят европейские карты Анжелино Дульчерта 1339 г., Франциска и Доминика Пицигани 1367 г., Каталонского атласа 1375 г., Месии де Виладестеса 1413 г., Фра Мауро 1459 г., на которых показано большое количество поволжских городов XIV в.

Из Поволжья вывозили в Причерноморье, далее вплоть до Средиземноморья и Италии, рыбу осетровых пород [Еманов, 1995, с.122; Pegolotti, 1936, p.380], икру, меха и соль. В Азак, Крым и Северное Причерноморье вплоть до Балкан поступала поволжская кашинная, красноглиняная поливная, неполиванная и штампованная керамика [Волков, 1992, с.13–14, табл.2,18–19; Федоров-Давыдов, 2001, с.210]. Венецианские и генуэзские купцы торговали во второй половине XIII – XIV в. в Нижнем Поволжье и далее на восток вплоть до Индии и Китая [Еманов, 1995, с.95–96; Федоров-Давыдов, 2001, с.205–206, 213]. Они привозили в Италию дорогие восточные шелковые ткани.

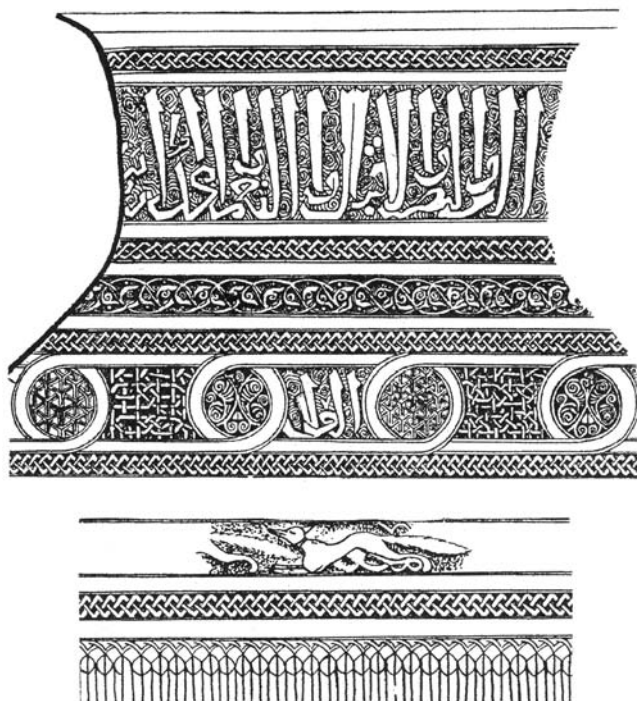
На памятниках Нижнего и Среднего Поволжья встречаются фрагменты трапезундских, триллийских, крымских, азакских амфор и амфоровидных кувшинов, свидетельствующие об импорте Золотой Ордой вина и масла, а также фрагменты предположительно критских пифосов, причерноморской поливной посуды [Булатов, 1969, с.54, 57–59, рис.2,1,

Фрагменты поливной керамики с подглазурной орнаментацией в технике сграффито. Уек. XIII–XIV вв. НМ РТ

3,2,5; Волков, 2001а, с.20, 22; Коваль, 2003, с.62, 66, рис.2,4; Недашковский, 2000, с.98–99, 102–106, 120–121, рис.27,6, 28,2–6,9; Федоров-Давыдов, 2001, с.208; Nedashkovsky, 2004, p.56, 59–60, 69–73, 233–234, 238–239, 244, 249–250, fig.68–69, 74, 75,6, 81,2–6,9, 86, 88]. С Увекского городища происходит западноевропейская костяная статуэтка в виде лежащего льва, а с Водянского городища – бронзовая рамка или ручка сосуда средиземноморского происхождения [Федоров-Давыдов, 2001, с.207]. Через территорию Поволжья из Западной Европы попали в Сибирь бронзовые водолеи XIII–XV вв., а в Казахстан – бронзовая статуэтка рыцаря французской работы [там же]. Венецианский дукат XIV в. был найден в районе Астрахани [Федоров-Давыдов, 2003, с.62], а в Болгаре в 1863 г. был найден золотой флорин второй половины XIII – XIV в. В Каратунском кладе встречены трапезундская монета и пражский грош [там же, с.96–97].

Имелись и связи золотоордынского Поволжья с Византией. Это подтверждает находка на Болгарском городище медной византийской монеты императоров Андроника II и Михаила IX Палеологов (1294–1340 гг.), а на пос. Самосделка в Астраханской области – иперперона Андроника II (1282–1332) [Гончаров, 2003, с.240; Федоров-Давыдов, 1987,

Бронзовый иранский кувшин. Болгар.
XIV в. БГИАЗ (по В.С.Баранову)

с.179, 202]. Из Византии в Поволжье проникали и некоторые типы стеклянных браслетов. На Водянском городище была найдена медная монета императора Трапезундской империи Михаила III (1341–1349) [Лебедев, Клоков, 2005, с.59–60, рис.1,13].

В Египет из Золотой Орды наиболее активно вывозились рабы. О привозе рабов из Улуса Джучи сообщает известный арабский автор ал-Омари (1301–1349). Он повествует, что основную часть рабов, вывозившихся из Золотой Орды, составляли дети степных кочевников-скотоводов, проданные родителями в рабство «для уплаты своей недоимки (податной)» [СМИЗО, 1884, с.235]. У населения Улуса Джучи покупали детей в качестве рабов сами египетские купцы, один из которых, ал-Кербелаи, с этой целью «добрался до Акчаркермана и страны Булгарской» [там же], а потом рассказал самому ал-Омари об увиденном.

С Ближнего Востока в Среднее и Нижнее Поволжье привозились прозрачные стеклянные лампы с росписью эмалью разных цветов и другие стеклянные сосуды, а также некоторые виды кашинной керамики; возможно, из Египта происходит мраморный подсвечник с арабскими надписями, найденный

на Царевском городище [Бусятская, 1972, №2, с.85, 90; 1976, с.53–54, рис.2, табл.VIII; Коваль, 2003, с.59–60, 67–68, рис.1,1, 4,4; Полубояринова, 1988, с.207–211, рис.91–95; Федоров-Давыдов, 2001, с.209–210; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с.168, табл.VII,1–4]. В одном из погребений у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области был найден каирский динар мамлюкского султана Египта ал-Малик аз-Захир Рукн ад-Дин Бейбарса I ал-Бундукдари (1260–1277) [Павленко, 2001, с.75–76; Федоров-Давыдов, 1994, с.35; 2003, с.62], а с Селитренного городища известна находка дамасского динара династии Мамлюков 771 г.х. [Лебедев, Клоков, 2005, с.57, 59–61, рис.1,2]. С Ближнего и Среднего Востока в Среднее и Нижнее Поволжье поступали художественные латунные сосуды с серебряной и золотой инкрустацией.

О размахе торговли золотоордынского Поволжья с Ираном свидетельствуют находки на Болгарском городище иранской кашинной посуды, а в Нижнем Поволжье – фрагментов иранской керамики типа «минаи» и сосудов с люстровой росписью; из Закавказья в Поволжье поступала красноглиняная поливная керамика [Коваль, 2003, с.67–68, рис.4,3; Федоров-Давыдов, 2001, с.214–216, табл.107,3–4].

Интересны поволжские находки монет (преимущественно хулагуидских, джелаиридских и тимуридских) южных государств XIII–XV вв., свидетельствующие об их тесных торговых связях с Золотой Ордой [Сингатуллина, 2002, с.166–167; Федоров-Давыдов, 1963, IV, с.190, 192, №379; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с.136; Янина, 1970, с.208, №67–68]. Известны археологические находки подобных монет из нижневолжских городов [Лебедев, Клоков, 2001, с.41, 50, рис.3,189–190; 2004, с.30, 46, 52, 60, рис.6,6, 14,57].

Рассматриваемые монеты найдены в значительном количестве и в составе кладов джучидских монет, найденных в Среднем и Нижнем Поволжье. В большинстве своем

монеты Хулагуидов, Джелаиридов и Тимуридов встречены в крупных кладах, которые можно связать с купеческим капиталом.

В Закавказье, в свою очередь, известны находки как серебряных, так и медных монет джучидских ханов от Узбека до Килдибека поволжской чеканки [Федоров-Давыдов, 1963, с.212, №590–593]. Серебряные монеты золотоордынской чеканки встречаются и в составе закавказских кладов [Федоров-Давыдов, 1960, с.166, №181–183; 2003, с.103, 111, №180а, 2576].

Находки хулагуидских и джелаиридских монет (особенно медных, не имевших никакой ценности как металл) в Поволжье говорят о широких торговых связях данного региона Золотой Орды с Ираном. Эти связи сохранялись, несмотря на регулярные военные конфликты. Еще Рашид ад-Дин в нескольких своих письмах упоминает о русских товарах (тканях), а также о беличьих и собольих шубах и мехах, привозимых в Хулагуидский Иран [Полубояринова, 1978, с.47; Рашид ад-Дин, 1971, с.55, 125–132, 233–234, 236–238, 240, 280, 287–289, 292, 415], безусловно, через территорию Улуса Джучи. Ибн Батгута свидетельствует о наличии собольих воротников на одежде купцов «Персии и обоих Ираков» [СМИЗО, 1884, с.298]. Персидский историк Хамдаллах ал-Казвини в 1340 г. сообщает даже о кораблях, приходящих к острову Ним-Мурдан (Мазандеран) из Руси по Волге и Каспию [Полубояринова, 1978, с.45; Рашид ад-Дин, 1971, с.55].

Торговля Северо-Восточной Руси с Востоком шла именно по Волжскому пути. Ибн абд-аз-Захир (кади Мухаммад ад-Дин Абул-Фадл Абдаллах, сын абд аз-Захира), бывший секретарем египетского султана ал-Малик аз-Захир Рукн ад-Дин Бейбарса I ал-Бундукдари (1260–1277) и умерший в 1293 г., в своем сочинении «Видный сад в жизнеописании ал-Малик аз-Захира» писал о Волге, в связи с приездом послов мамлюкского султана к золотоордынскому хану Берке в Нижнее Поволжье в 1263 г.: «по ней (ходят) суда русских» [СМИЗО, 1884, с.63]. По Волге на Русь экспортировалась соль, о чем пишет Барбаро, живший в Тане с 1436 по 1452 г.: «Ежегодно люди из Москвы плывут на своих судах в Астрахань за солью» [Барбаро и Контарини, 1971, с.157]. С русских купцов взимались пошлины, так Иосафат Барбаро

сообщает: «Сейчас прошло, вероятно, лет двадцать пять с тех пор, как русские платили за плавание (по Волге) дань татарскому хану» [там же, с.158].

На Русь в массе поступали из Золотой Орды хорезмские каменные котлы, перстни из стекла, стеклянные и кашинные бусы, неполовиная, поливная и штампованная золотоордынская керамика, встреченная при раскопках многих русских городов вплоть до Новгорода и Белоозера [Голубева, 1973, с.168, 186–188, рис.61,1–3, 66,3,5–6,13; Дубынин, 1956, 65, с.127; Коваль, 1995, с.170–171, рис.1,1; 1997, с.153–166, рис.1,4–5,12–13, 2,1–8; 2003, с.61, 63; Медведев, 1963, с.271–274, 276–286; Монгайт, 1948, с.70–73; 1961, с.324–326, рис.146; Полубояринова, 1978, с.48; 1993, с.106–107; Рыбина, 1978, с.50–51; Федоров-Давыдов, 2001, с.220]. В «Рижской долговой книге» 1286–1352 гг. упоминаются «двойные болгарские куски» воска [Лимонов, 1961, с.63]. Через Среднее и Нижнее Поволжье привозились на Русь сердолик, горный хрусталь и лазурит [Рыбина, 1978, с.52; Федоров-Давыдов, 2001, с.221], иранская, сирийская, среднеазиатская и закавказская поливная керамика [Коваль, 1997, с.156–157, рис.1,6–11; 2003, с.59–60; Колызин, 2001, с.100–101, рис.40,3], китайские селадоны [Коваль, 1997, с.158–159, рис.2,9; Полубояринова, 2003, с.157, 163; Федоров-Давыдов, 2001, с.220], ближневосточная стеклянная посуда [Бусятская, 1972, с.85; Колызин, 2001, с.98–99, рис.37,2–3; Столярова, 1997, с.104–105, рис.8,1]. В новгородской берестяной грамоте №125 рубежа XIV–XV вв. встречена фраза «купи ми зендяню добру», в которой упоминается хлопчатобумажная ткань «зендень» («занданичи»), названная так по селению Зандана (Зендене) под Бухарой [Арциховский, 1969, с.281]. По всей Волге и далее, вплоть до Новгорода, с Кавказа проникал самшит, а с берегов Индийского океана – раковины каури [Рыбина, 1978, с.45, 49].

Встречаются клады золотоордынских монет в московских и нижегородских землях, также порой связанные с купечеством [Волков, 2005, с.63; Колызин, 2001, с.106, 156, 160–161, 179, 210–213, рис.52,3, 53–54; Федоров-Давыдов, 2003, с.47, 88–89, 106–107, 113, №95д, 97б, 2086, 2146, 217а, 312а–312б]. Отмечены также единичные находки джучидских дирхемов и пулов на территории Мос-

ковского, Тверского и Суздальско-Нижегородского княжеств [Волков, 2005, с.64–65; Федоров-Давыдов 1963, с.203–204, №479–480, 488–493].

С конца XIV в., когда на Руси возобновляется чеканка монет, русские деньги часто присутствуют в качестве доли (от 0,1% до 13,4%) в составе золотоордынских монетных кладов Среднего и Нижнего Поволжья; судя по размерам кладов, содержащих в своем составе русские монеты, данные комплексы, вероятно, являются сбережениями купцов, ведущих торговые операции на Руси [Федоров-Давыдов, 2003, с.56, 95–99, 105, №151а, 152г–152д, 202е]. В 2001–2002 гг. на Селитренном городище был найден клад из более чем трех тысяч серебряных монет, находившихся во фрагменте золотоордынской красноглиняной водопроводной трубы, заткнутом куском ткани; определенные монеты преимущественно относились к чеканке Суздальско-Нижегородского княжества, кроме них в кладе имелись 13 денег великого князя московского Василия II Васильевича и 5 золотоордынских дирхемов XV в., в т.ч. ханов Тимура, Гийас ад-Дина и Улуг-Мухаммада, в состав клада входили также две монетные заготовки [Тростянский, 2004, с.237–268].

В правление Джанибека наблюдается сокращение объемов внешнеторговых связей Поволжья, как и Золотой Орды в целом.

В 1343 г. разгорелся конфликт Улуса Джучи с итальянцами в Тане. Военные действия и потеря Таны тут же вызвали «в Византии нехватку зерна и соленой рыбы, в Италии цены на пряности и на шелк повысились вдвое» [Тихомиров, 1961, с.15]. Конфликт был урегулирован в 1347 г., сначала с Генуей, а затем с Венецией, что было подтверждено ярлыком, выданным 26 декабря 1347 г. [Григорьевы, 2002, с.79–121]. Войны Венеции с Генуей 1350–1355 гг. и 1376–1381 гг. также отрицательно сказались на торговле итальянских морских республик с Улусом Джучи.

Большой удар по экономике Золотой Орды, в т.ч. и по ее торговле, нанесла грандиозная эпидемия чумы, проникшая с Востока. В 1347 г. чума уже свирепствовала среди осаждавших Кафу золотоордынских войск. Из Улуса Джучи, благодаря хорошо налаженным торговым путям, чума быстро

перекинулась в Западную Европу.

Особенно большой удар по поволжской торговле, а также по городам Средней и Нижней Волги, нанесла золотоордынская междоусобица 60-х – 70-х гг. XIV в.

В период междоусобицы имущество купцов неоднократно разграблялось. Так, есть данные об убийстве и ограблении в Поволжье русских купцов по приказу хана Арабшаха (в 1378 г.) [ПСРЛ, 11–12, с.28; Полу-бояринова, 1978, с.45]. Купцы часто вынуждены были прятать свои сбережения, зарывая клады, но впоследствии у них не всегда имелась возможность вернуть их себе ввиду постоянно менявшейся политической и военной ситуации.

Из Таны и Кафы в Италию вывозились рабы, военнопленные, которых захватывали все больше и больше в ходе междоусобных войн [Федоров-Давыдов, 2001, с.223]. Но вскоре для итальянских купцов стало ясно, что Золотая Орда, раздираемая усобицами, не будет надежным торговым партнером. Венецианцы, поняв малоприбыльность и высокие риски торговли в Тане, начинают искать другие пути для торговли с Востоком. Так, в 1364 и 1367 гг. Венеция заключает торговые договоры с Трапезундской империей, через которую налаживаются связи с государством Джелаиридов [Карпов, 1981, с.62–64]. Эти действия венецианцев свидетельствуют, что торговля с Золотой Ордой становилась для них занятием все менее и менее выгодным.

На начальном этапе правления Токтамыша проводится унификационная денежная реформа, призванная воссоздать единое денежное обращение во всем Улусе Джучи, заметно подорванное междоусобными войнами. Однако реформа 782 г.х. (1380/1381 г.) не создала единства денежного обращения на всей территории Золотой Орды [Федоров-Давыдов, 2003, с.16–17, 54]. «Серебро в большей степени, чем раньше, уходит из сферы городского торга и местного денежного обращения в сферу транзитной торговли, купеческого капитала. Клады этого времени лежат, главным образом, на речных путях – прежде всего, на Волжском, на Днепровском, по Оке» [там же, с.54].

Тем не менее, даже в 1393 г. Токтамыш в ярлыке-послании польскому королю Ягайло призывает к развитию торговых связей меж-

ду Польшей и Золотой Ордой, к возобновлению поездок купцов польского государства по территории Улуса Джучи: «Пусть по прежнему опять твои купеческие артели разъезжают» [Радлов, 1889, III, с.6].

Тем не менее, в конце правления Токтамыша важнейшие золотоордынские города, являвшиеся главнейшими центрами международной и внутренней торговли, приходят в упадок или вообще полностью прекращают свое существование в результате походов на Улус Джучи Тимура. В 1388 г. Тимур до основания разрушил Ургенч, а в 1395–1396 гг. подверглись страшному разрушению поволжские города Сарай ал-Джадид, Хаджи-Тархан, Бельджамен, Укек, а также Азак, Маджар и др.

Основные торговые пути между Востоком и Западом окончательно сместились в южном направлении и перестали проходить по территории Улуса Джучи. Иосафат Барбаро

красочно описывает это, повествуя о Хаджи-Тархане: «Теперь это почти разрушенный городишко, но в прошлом это был большой и знаменитый город. Ведь до того, как он был разрушен Тамерланом, все специи и шелк шли в Астрахань, а из Астрахани – в Тану (теперь они идут в Сирию). Только из одной Венеции в Тану посылали шесть-семь больших галей, чтобы забирать эти специи и шелк. И в те времена ни венецианцы, ни представители других заморских наций не торговали в Сирии» [Барбаро и Контарини, 1971, с.157].

Но торговля в Сарае даже в XV в. приносила немалые доходы иноземным купцам. Сохранился отчет ширазского купца Шамс ад-Дина Мухаммада, продавшего в Сарае в 1438 г. свои товары и закупившего там китайские шелк-сырец, шелковую камку, атлас, европейское сукно и русское полотно [Захедер, 1955, с.14–19].

§ 5. Торговля Улуса Джучи со странами Средиземноморья

Юлай Шамильоглу

Территория Улуса Джучи, – особенно Крым, северное побережье Черного моря и земли вдоль р. Волги, – всегда играла очень важную роль в трансрегиональной торговле Евразии. Эта область находилась в постоянном сухопутном контакте с соседними регионами. Но исторически наиболее важной чертой экономики всех средневековых государств в этом регионе была черноморская торговля. Если мы рассматриваем Золотую Орду с точки зрения истории региона, то должны предполагать, что черноморская торговля, вероятно, была наиболее важной особенностью экономики Улуса Джучи. Фактически это подтверждено исследованиями об итальянской торговле в черноморском регионе в этот период (общие работы о черноморской торговле в это время см.: [Heyd, 1959; Bratianu, 1929; Thieret, 1959; Skržinskaja, 1968, p.3–45; Lane, 1973; Berindei, Veinstein, 1976, p.110–201; Balard, 1978; Abu-Lughod, 1991; Карпов, 1990; Скржинская, 2000]. Внушительное количество научных трудов, посвященных данной теме, демонстрирует, что черноморский торговый путь был, несомненно, важнейшей торговой артерией Золотой Орды,

связывавшей в XIII–XIV вв. ее территории со средиземноморским миром.

Однако традиционная историография игнорировала важную роль черноморской торговли в экономической и торговой истории Золотой Орды. При этом она обходила стороной важную роль этого региона, которая с древних времен была хорошо представлена в документах. В результате историография, посвященная Улусу Джучи, игнорирует то, что было одной из наиболее важных статей экономики Золотой Орды, а именно большой объем ее сельскохозяйственного экспорта (включая пшеницу). Причина этого в том, что традиционная историография *a priori* подходила к Золотой Орде с предположением, что главной сферой деятельности этого кочевого государства являлось извлечение ресурсов из оседлых государств (особенно Руси) путем налогообложения и т.д. (см.: [Roublev, 1970, p.29–64]). Поэтому не принимаются во внимание сельскохозяйственные излишки областей, сформировавших часть основных территорий Золотой Орды, а также производившего их оседлого сельскохозяйственного населения. Даже те работы, в которых упо-

минаются итальянские колонии на Черном море, не рассматривают их в связи с экономикой Улуса Джучи. Однако уровень коммерции был настолько высок, что черноморская торговля представляла существенную часть торговли итальянских морских республик в этот период. При этом товары, импортировавшиеся ими из своих колоний на золотоордынских территориях, фактически являлись экспортом Золотой Орды. Такой подход дает совершенно новый взгляд на экономику Улуса Джучи.

Как мы знаем, перед монгольскими завоеваниями территория будущей Золотой Орды была населена не только кочевниками. В начале XIII в. многочисленные города процветали в качестве коммерческих центров Западной Евразии. Эти торговые узлы в Болгаре, на Нижней Волге, в Крыму и в других местах связывали Западную Евразию с иными центрами в Средней Азии и за ее пределами – до Китая, представляя собой сеть торговых маршрутов, обычно известных в наше время под названием Великий Шелковый путь.

Накануне монгольских вторжений наблюдалось серьезное итальянское участие в торговле через Черное море с Западной Евразией, которую контролировали кыпчаки. Ибн ал-Асир рассказывал, что Судак являлся важным городом кыпчаков, через который они получали свои товары с судов, заполненных одеждой, продаваемой девушкам, рабами, мехами и другими товарами из их земли [СМИЗО, 1884, с.26].

Монгольские кампании начала 1220-х гг., приведшие к образованию Улуса Джучи, вероятно, означали временное нарушение коммерческой деятельности в Западной Евразии, т.к. все города, атакованные в период завоевательных кампаний, являлись крупными торговыми центрами. Однако коммерческая активность быстро расширилась, как только Чингизиды в конце 1230-х гг. твердо установили свой контроль над Восточной Европой. Через некоторое время после становления Золотой Орды иностранные купцы посещали различные ее центры и центры смежных территорий, подчиненных ей, а не только Солдайю в Крыму, где венецианцы присутствуют уже в 1206 г. В этом не было ничего необычного: торговцы путешествовали по всей Западной Евразии и в более ранние века – задолго до того, как братья Поло

сделали трансевропейскую торговлю известной на Западе.

Сведения латинских путешественников, прибывших во владения Джучи теми же самыми путями, что и купцы, являются важным источником о маршрутах, проложенных теми, кто участвовал в живой торговле между Золотой Ордой и другими странами. Плано Карпини, который возвращался через Киев в 1247 г., упомянул купцов из Братиславы, сопровождавших его в дороге. Он также отметил, что при его возвращении там находились торговцы из Польши и Австрии. Карпини называет купцов из Константинополя, направлявшихся в Русь через Золотую Орду и встретивших его в Киеве, среди них – Майкла Генуэзца, Мануэля Венецианского, Джеймса Ревериуса из Акры и Николаса Писани [Mission to Asia, 1955/1980, p.71]. Это – ясное свидетельство присутствия генуэзских и венецианских торговцев в Киеве в 1247 г., всего лишь несколько лет спустя после его предполагаемого разрушения. Очевидно, в том же году или ранее они прибыли в Золотую Орду черноморским путем, что еще раз подтверждает тот аргумент, что в XIII в. итальянские купцы могли путешествовать по своим делам в Понтийский регион, несмотря на отсутствие концессий или торговых факторий (см. также: [Balard, 1978, p.28–29, p.44]). Упоминание Плано Карпини о торговцах из Братиславы, Польши и Австрии, которых он видел в Киеве, указывает на важность торговли с Восточной Европой, о чем источники скудны (о западной торговле см. также: [Allsen, 1989, p.83–126, особенно p.84]).

Более определенное описание этого маршрута можно найти у Рубрука, который плыл от Синополиса (совр. Синоп) по черноморскому побережью Анатолии и 21 мая 1253 г. прибыл в область Газария, как он называл Крым [Mission to Asia, 1955/1980, p.89–93]. Сначала он поехал в Солдайю (Судак), хотя не упоминает, встретился ли он там в то время с какими-нибудь венецианцами. Согласно Рубруку, все купцы, прибывающие из Анатолии и желающие идти на север, едут через Солдайю, как это делают торговцы, предпринимающие подобное путешествие в обратном направлении. В XIV в. Ибн Баттута путешествовал тем же путем из Синопа (Сануб) в Керчь (Карш), потом в Кафу, Кырам, Сугдак (Судак), а затем в Азак [СМИЗО, 1884, с.279–

288]. Рубрук поясняет, что раньше куманы жили в степной части Крыма и вынуждали крымские города платить им дань. Теперь монгольские префекты находились в Солдае (термин, который Плато Карпини использует для перевода слова *бастаки*, т.е. золотоордынского титула *баскак*) [Mission to Asia, 1955/1980, p.40], хотя уже уехали ко двору Бату, увезя дань из Солдаи. Даже в этом случае, если представители баскаков находились там ради Рубрука, чтобы сообщить о его желании посетить Сартака, который, как он верил, был христианином, им были предложены телеги с волами или вьючными лошадьми для транспортировки груза. Очевидно, в тот период это являлось стандартной процедурой для купцов, желавших путешествовать из Крыма.

Рубрук также описывает соленые источники Крыма, из которых могла добываться соль. Он объясняет, что Бату и Сартак имели большой доход от этих соленых источников, получая два отреза хлопка, по цене в 1/2 хиперера за каждый воз соли, и что много судов прибывали за ней морским путем и платили гораздо больше того, что было принято. К востоку от Солдаи через Керченские проливы, ведущие в Азовское море, находилась Матрика (прежняя Тмутаракань). Тяжелые суда не могли войти в Азовское море, но более легкие корабли, идущие в Матрику, достигали устья Танаиса, т.е. р. Дон, для закупки большого количества осетра, леща и других видов сушеной рыбы [там же, p.96]. Мы можем предполагать, хотя путешественники и отмечают, что реки полны рыбой [там же, p.5, 210], но правители Улуса Джучи были, вероятно, рады поощрять экспорт этого продовольствия [там же, p.114].

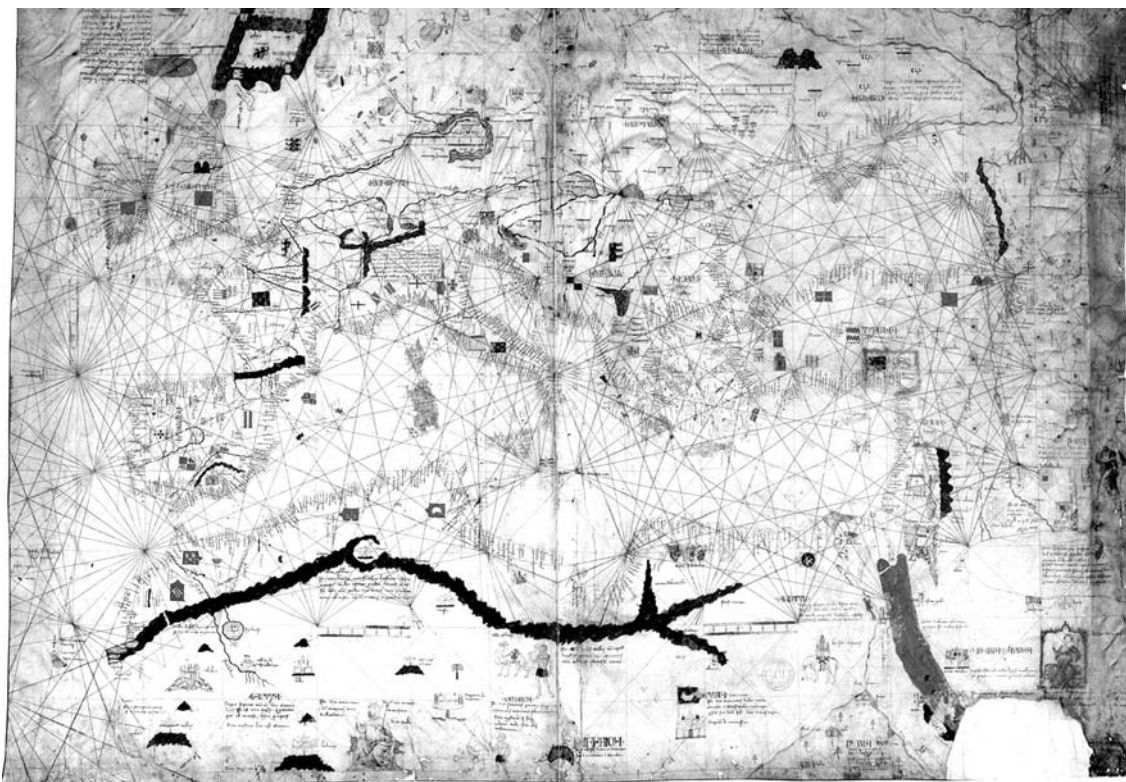
Наука располагает рядом работ очень высокого уровня по итальянской торговле на Черном море в XIII–XIV вв. По этой причине рассмотрение итальянской коммерческой деятельности в Черноморском бассейне является предпосылкой для более глубокого понимания экономической истории Золотой Орды.

Обычно историки придают большое значение импорту предметов роскоши [Martin, 1978, p.401–422; Treasure of the Land of Darkness, 1986; Allsen, 1989, p.111–112, 122]. Однако Понтийский регион к северу от Крыма, побережье Черного моря от Крыма до устья Прута и Дуная, лесостепная зона Запад-

ной Евразии с эпохи античности служили еще и в качестве житницы для различных государств [Bratianu, 1929, p.15–41].

Три итальянских морских государства доминировали в торговле сельскохозяйственными продуктами на Черном море, отгружая зерно, соль, сушеную рыбу и много других пищевых продуктов и предметов потребления не только в Византию, но также в Италию. На первый взгляд, это может показаться непрактичным, но затраты водного транспорта на длинные расстояния на самом деле были намного меньшими, чем на сухопутный транспорт из соседних областей (о развитии венецианской морской технологии см.: [Lane, 1973]; основные замечания об относительных ценах на сухопутную транспортировку см.: [Bulliet, 1975]). Венеция стала ведущим центром распределения зерна в северной Италии; но, т.к. сама она производила небольшое его количество, эта поставка в значительной степени производилась из Романии (широкий географический термин, включающий о. Крит, Грецию и все Черное море). Фактически считается, что с XIII в. весь аппарат Венецианского государства был вовлечен в управление, защиту и эксплуатацию своих колоний в Византии, Египте и на Черном море [Nicol, 1988, p.284].

13 марта 1261 г., всего за несколько месяцев до нового завоевания Константинополя, Михаил VIII Палеолог заключил с Генуей соглашение, не допускавшее к Черному морю всех врагов Генуи, кроме пизанцев. В результате между 1260–1270 гг. (согласно одному переводу – в 1266 г.) генуэзцы основали торговую факторию в Кафе – Крыму, которая впредь стала служить центром генуэзской коммерческой деятельности на Черном море [Balard, 1978, p.41, 114–118]. Хотя венецианцы отныне потеряли свою монополию на Черном море, к 1265 г. они смогли заключить соглашение, подтвержденное в 1268 г. и возобновленное в 1277 г., еще раз дававшее им право торговать на Черном море [Nicol, 1988, p.200]. Это новое соглашение позволило установить торговые фактории на Черном море в местах по своему выбору, в результате чего венецианцы учредили или восстановили свои лавки в Солдае, Танае (Азакке) и Трапезунде [Skržinskaja, 1968; Lane, 1973, p.76, 80, 127; Chrysostomides, 1970, p.267–329; Nystazopoulou Pélékidis, 1973, p.541–582, особенно p.552–553]. Предпола-

Карта Анжелино Дульчерта 1339 г.

гается, что после 1267 г. генуэзские купцы сначала начали останавливаться в Солдае, но после 1268 г. столкнулись там с конкуренцией со стороны венецианцев. Это стало причиной того, что между 1270–1275 гг. генуэзцы добивались и получили разрешение утвердиться в заливе Феодосии; первое упоминание о консуле Кафы датировано 1281 г. [Balard, 1978, p.117–118]. Ясно, что коммерческое соперничество на Черном море, ставшее источником ряда конфронтаций между Генуей и Венецией [Lane, 1973, p.72 и сл., 127], подпитывавшихся постоянными попытками Константинополя «уравновесить» итальянские морские республики друг с другом, в XIII–XIV вв. только усилились.

Одной из причин того, что пшеница и, возможно, другие злаковые культуры стали особенно важным товаром для северных итальянцев в течение XIII и XIV вв., явилось наступление относительного похолодания. Оно вело ко многим случаям зернового дефицита из-за затопления полей и других явлений, провоцировавших годы удорожания зерна, и очень часто – к голоду (особенно в конце XIII – начале XIV в.). В ответ северные итальян-

ские государства проводили политику поддержки импорта зерна и ограничения его экспорта [Reyer, 1950]. Имелись две главные области, производившие зерно и интересовавшие итальянцев. Одна – Византийская Фракия, от которой после потери Египта серьезно зависел Константинополь, как от своей главной житницы. Действительно, плохой урожай во Фракии мог повлечь за собой голод в Константинополе. Другим регионом интереса был бассейн Черного моря. Спрос в Венеции служил стимулом для венецианских черноморских закупок зерна. Считается, что прямое венецианское включение в черноморскую торговлю зерном началось во время голода 1268 г.; важность этой торговли, вероятно, была признана в договоре 1277 г. между Византией и Венецией, дававшем последней право на беспопылинную транспортировку черноморского зерна через ее территории [Chrysostomides, 1970, p.316]. Генуэзцы также посещали различные регионы на Черном море от Варны и Килии к северу вдоль побережья до Кафы, до Тамани. Пшеница, доставлявшаяся из Фракии, считалась лучшей во всей Романии и ценилась выше, чем пшеница, приво-

жившаяся из Крыма. В XIV в. пшеница, доставлявшаяся через Кафу, считалась лучшей на всем Черном море, хотя закупки зерна зависели от благосклонности татар Солхата. Были также другие области, рассеянные вокруг Черного и Азовского морей, выделявшиеся хорошим урожаем качественной пшеницы [Balard, 1978, p.752–754]. Византийский контроль и другие препятствия для экспорта с византийских территорий продолжали делать зерно, привозившееся с черноморских портов, еще более желанным, особенно когда соглашение 1304 г. отстранило Геную от его экспорта из Византии, но дало ей право экспортировать через Константинополь все зерно, произведенное за пределами Византии. В конечном счете потеря фракийской и анатолийской пшеницы оставила Византию во власти генуэзцев, которые стали контролировать ее черноморский экспорт [Chrysostomides, 1970, p.316–317; Balard, 1978, p.754–756].

Итальянские источники, касающиеся различных морских государств, позволяют говорить о черноморской торговле на столь детальном уровне, который является необычным для самой Золотой Орды, благодаря тысячам сохранившимся документам.

В последние два десятилетия XIV в. имелся целый флот тяжело груженных судов, транспортировавших, главным образом, пшеницу в Геную с востока (с перерывами в этой торговле, проявившимися голодом в Генуе). В 1384 г. 31,919 мин из Романии, 31,344 мин из Кафы и 3,710 мин из Анатолии составили 77% известного генуэзского импорта; таким образом, Кафа поставила 36% зерна, импортированного в Геную в том году (и это, конечно, еще не касается зерна, экспортированного в Венецию). Одним из факторов, делавших эту нелегкую международную торговлю возможной, было то, что в больших объемах она была все же более дешевой для закупки зерна сразу после сбора урожая в Газарии (возможно, в Крыму и окружающем регионе), при отправке его морским путем, чем при закупке его вблизи от Венеции или Генуи и транспортировке по суше. Когда в конце XIV в. стоимость морской транспортировки резко упала, первоначальная закупочная цена на зерно составила более высокий процент от конечной стоимости, что привело к колебаниям конечной цены [Balard, 1978, p.765–768].

С Черного моря Генуей импортировалась также масса других продуктов. С конца XIII в., в мае–апреле, генуэзцы часто посещали рыбные рынки в устье р. Кубань, а в июле–августе могли ездить в Тану для покупки осетров и другой рыбы, пойманной местными рыбаками (греками и татарами) [Balletto, 1976, p.10–27; Balard, 1978, p.706–707]. Другим важным предметом торговли итальянцев была соль, необходимая для сохранения продовольствия. Она также оказалась важным источником дохода для Венеции [Lane, 1973, p.57]. Согласно источникам, между Кафой и Таной имелось, по крайней мере, 400 соленых озер, среди которых можно назвать известное в истории оз. Саки. Генуэзцы участвовали в этой торговле (наряду с аланами и армянами) в Кафе и Солхате, они также получили большую прибыль, покупая соль на севере и транспортируя ее по Черному морю для перепродажи на других рынках, таких как Трапезунд [Balard, 1978, p.708–711]. Начиная с 1270-х гг. с Черного моря также начали поставлять специи на средиземноморский рынок, а с 1284 г. на протяжении всех, кроме двух последних, десятилетий XIV в. Кафа тоже приняла участие в этой торговле [там же, p.719–723]. Существовала еще важная торговля шелком [там же, p.723–733], воском [там же, p.734–737], кожами [там же, p.737–738], мехами [там же, p.738–741], хлопком [там же, p.741–742], мастикой [там же, p.742–749], металлами и полезными ископаемыми [там же, p.769–784]. Исследователями было высказано предположение, что производство хлопка, действительно ценного товара, было привнесено на территорию Улуса Джучи при Чингизидах [Mazzaoui, 1981, p.23].

Люди были еще одним ценным «товаром», покупавшимся и продававшимся на черноморском рынке [Verlinden, 1950, p.1–25; 1977; Balard, 1978, p.785–833]. Конечно, рабы не могли бы экспортироваться с Черного моря без соответствующего спроса на них по всему Ближнему Востоку, Средиземноморью и Западной Европе. Эта торговля началась намного раньше становления Золотой Орды и могла продолжаться еще долгое время после ее распада [Verlinden, 1977, II, p.978–998]. Начиная с 1270–1275 гг., значительное количество черкесов, абхазов, болгар, тюрков, лавов, венгров, русских, куманов и татар были

транспортированы в Александрию или Лигурию, а в последней четверти XIII в. торговля восточными рабами была полностью в руках Генуи [Balard, 1978, p.785]. До середины XIV в. имелось разнообразное количество этнических групп, представленных в торговле рабами, но после 1350 г. преобладали татары [там же, p.788]. Рабы из Понтийской степи, в основном в возрасте 14–25 лет, представляли 40% генуэзской торговли людьми, и до 1350 г. только 1/5 из этих рабов составляли русские. С 1300–1320-х гг. также многочисленными были куманы (кыпчаки), но последнее упоминание о куманском рабе относится к 1354 г. Черкесы (или зихи) были почти столь же многочисленными, как русские и куманы, но после 1350 г. их представительство увеличилось. Были также и рабы из других народов Кавказа, включая лезгин и аланов.

В XIV столетии, однако, именно татары составляли большинство восточных рабов. Согласно сохранившимся отчетам, из общего количества примерно в 900 человек в тот период татары составляли 90,9% рабов, экспортированных из Понтийского региона между 1351–1380 гг. и 80% рабов, экспортированных между 1381–1408 гг. Только после 1453 г., т.е. после завоевания Константинополя Мехметом II, проявилось снижение этой торговли. Хотя обычно возникает вопрос о том, какие группы были представлены под термином «татары» в этот период, мы, по крайней мере, знаем, каковы были их имена, т.к. до 1350 г. большинство их носили не западные имена; даже после 1350 г. только 10% именовались по христиански, и это, вероятно, указывает на их крещение после продажи. Рабы-мужчины носили такие имена, как Табогар, Аспертий, Смерлионий и Якомасий, а женщины, составлявшие 65,4% рабов, прозывались именами типа Котрало, Коколо, Арс Хатом, Карахоза, Мелиха, Кали, Бахиригни, Тактабей, Кологоз, Коргатан, Джиборра, Белиха, Хита, Бихака, Джайрета и Токтомис. В связи с их большим числом рабы из Понтийского региона составили 80,9% рабов, известных на период между 1300–1408 гг. [Balard, 1978, p.794–796]. Весьма удивительно представить, что рабы с территорий Улуса Джучи (и соседних областей, поставлявших рабов) оказались в Испании (Каталония, Арагон и Майорка) [Verlinden, 1977, I, p.334–350], во Франции [там же, p.765–781,783–785], Вене-

ции [Verlinden, 1977, II, p.566–642, 650–651], повсюду в Италии [там же, p.220–227] и в Средиземноморье. Фактически в некоторых областях их количество было настолько большим, что, как подсчитано для 1381 г., 4–10% населения Генуи состояло из рабов, многие из которых, конечно, прибыли посредством черноморской торговли [Balard, 1978, p.817]. Рабы экспортировались с Черного моря, главным образом, на судах, прибывавших из Таны. До 1381 г. эти суда могли провозить 3 рабов на каждого члена команды, а после 1381 г. – 4 рабов, таким образом, 400-тонное судно с командой в 50 человек могло везти 200 рабов. Очевидно, суда такого размера в Танае загружались, главным образом, зерном или рабами [Lane, 1973, p.133; рассуждения об этих судах см.: p.122–126].

Чрезвычайно важно выяснить участие Улуса Джучи в этой торговле, а также воздействие этой торговли на саму Золотую Орду. Мы можем предположить, что первоначальной целью Джучидов было привести под свой контроль торговлю предметами роскоши. Ведь укрепление государства ведет к установлению контроля над ресурсами страны для внутреннего производства предметов роскоши и к стимулированию роста производства товаров, которыми можно торговать ради заграничных предметов роскоши. Не удивительно, что инфраструктура Золотой Орды с самого начала была организована для поддержки государственной торговли. Понимание этого позволяет нам также исследовать дополнительные аспекты воздействия черноморской торговли на Золотую Орду.

Латинские путешественники, подобно арабским географам до них, прямо не обращаются к вопросу о торговле зерном в 1240–1250-х гг., хотя есть основания полагать, что она не прерывалась. Это, в частности, подтверждается венецианскими источниками, указывающими, например, на деятельность флота на Черном море в 1206 и 1232 гг. Таким образом, без всякого сомнения можно полагать, что существовал экспорт зерна, даже если нет прямых указаний на это.

Отсутствие явных описаний затрудняет получение сведений о сельскохозяйственной политике Бату-хана. Для периода же установления Монгольской империи мы можем только предполагать, что ее не было.

Если мы пересмотрим некоторые факты, попутно предлагаемые в этом контексте латинскими путешественниками, то начинает появляться определенная ясность. Согласно Плану Карпини, который путешествовал через Золотую Орду в 1240-х гг., крестьяне хранили все свое зерно в сараях своих хозяев, которые позволяли им сеять и оставляли достаточно продовольствия для сносной жизни [Mission to Asia, 1955/1980, p.42]. В другом месте Карпини добавляет, что, боясь их, они могли скрывать свое зерно (т.е. пшеницу) [там же, p.48]. Эти два утверждения, взятые вместе, могут указывать на то, что фактически пшеница была тем сельскохозяйственным продуктом, к которому монгольские правители имели, по крайней мере, некоторый интерес, и что они, возможно, были вовлечены в процесс контроля над сельскохозяйственным производством. Это подтверждено Рубруком, который писал, что крупные собственники имеют деревни на юге, обеспечивающие их просом и мукой на зиму [там же, p.100]. Таким образом, есть основание предполагать, что в течение 1240–1250-х гг. власти Улуса Джучи были заинтересованы в поставках зерна и что они, возможно, фактически их контролировали, по крайней мере, в некоторых частях Золотой Орды, если не во всем государстве. Не ясно, однако, выращивалось ли это зерно для внутреннего потребления или предназначалось на экспорт.

Военные кампании 1260-х гг. могут также рассматриваться в качестве дополнительно косвенного свидетельства коммерческой политики Золотой Орды, т.к. войны на Кавказе между Джучидами и Ильханами имели ряд экономических причин. Многие в этой борьбе было сосредоточено вокруг контроля над Дербентом, который являлся важным пунктом сбора пошлин. Мы не должны забывать, однако, что это был еще и период, когда экспорт зерна начинал увеличиваться, и что западная часть Северо-Кавказского региона была важной зернопроизводящей областью [там же]. Другие кампании, вероятно, были прямо связаны с контролем над зернопроизводящими регионами. Среди военных кампаний Золотой Орды, которые иначе не имеют смысла, можно указать на рейды против Дунайской Болгарии, Венгрии и Польши в 1280-х гг.; против Адрианополя в 1319 г. и Фракии в 1324 г., а также другие

набеги на Восточную Европу в 1330-х гг. Эти кампании, особенно против богатых сельскохозяйственных стран по западному побережью Черного моря, устью Дуная, и ниже – до Фракии, не были лишь бессмысленными атаками на оседлые поселения; скорее, их надо рассматривать в качестве попыток привести главные зернопроизводящие области под контроль поддерживавшейся государством золотоордынской торговли.

Возможно, имелась также связь между этими кампаниями и климатическими изменениями, которые могли неблагоприятно влиять на производство пшеницы в Золотой Орде, что тоже определенно вело к увеличению спроса на пшеницу в некоторых частях Европы. Нельзя забывать, что 1315–1322 гг. были периодом великого голода в южной Англии [Appleby, 1980, p.643–663]. Возможно, ханы Улуса Джучи просто хотели увеличить производство зерна под своим контролем в ответ на возраставший спрос. Но возможно также, что на зернопроизводящие области Золотой Орды повлияло внезапное понижение уровней осадков после 1280 г., с последовавшим умеренным восстановлением в течение первых двух десятилетий XIV в., а затем с еще одним понижением в 1320 г. и дальнейшим новым восстановлением в конце XIV в., что привело к снижению урожаев на южных территориях владений Джучидов, производивших пшеницу.

Аспектом, достойным отдельного рассмотрения, является характер отношений между Золотой Ордой и итальянскими купцами. Важно иметь в виду, что итальянцы могли учреждать свои колонии вдоль северного побережья Черного моря только с согласия золотоордынских правителей.

Ценное подтверждение отношений между итальянскими коммерческими центрами и элитой Золотой Орды содержится в заседаниях Венецианского Сената, о которых самые ранние сведения датируются только 1329 г. [см.: Thieret, 1958–1961, I, p.5–17]. Для периода конца правления Узбек-хана мы знаем, что Сенат в 1341 г. решил отправить двух послов ко двору хана, и что его смерть создала трудности для торгового центра в Тане [там же, p.120, 138]. Вслед за неприятностями в Тане венецианцам было запрещено вести торговлю на территориях Золотой Орды; в ответ на это они решили направить посольства к Джани-

бек-хану (январь–февраль 1344 г.; 28 апреля 1344 г.; 26 января 1345 г.) [там же, р.162, 169, 175]. Они решили, однако, что все усилия вести переговоры с ним будут напрасными, и венецианским послам в Тане было приказано возвратиться к 1 апреля 1346 г. [там же, р.185]. Тем не менее, 24 апреля 1347 г. Сенат отменил свой более ранний запрет от февраля 1344 г. против торговли в землях, подчиненных Джанибеку. Из-за острой потребности в пшенице венецианские купцы были уполномочены, по крайней мере, на тот момент, закупить пшеницу в земле Джанибека [там же, р.196]. Кроме того, 19 июня 1347 г. Сенат решил отправить двух послов, дабы напомнить Джанибеку о выгоде торговых отношений с Венецией и просить, если возможно, о возвращении более ранних привилегий [там же, р.201, 203]. 28 августа 1350 г. Сенат утвердил приказ консулу Таны послать хорошего посредника ко двору Джанибека и его матери и известить венецианских купцов, все еще находящихся в Кафе, чтобы они разместились под защитой территорий венецианской общины [там же, р.247].

Дополнительные документы показывают, что хан имел лишь ограниченное влияние на фактические повседневные решения, касающиеся торговых центров. 28 июля 1355 г. венецианскому посланнику было приказано представиться сначала правителю Солдайи, Рамадово (Рамадан), приобрести факторию на условии, что венецианцы будут платить не более 3 центанарио вместо 5 в Тане. Посол, кроме того, был проинструктирован следовать ко двору Джанибека, чтобы объяснить условия мира с генуэзцами. Венецианцы должны были выразить интерес в возобновлении своих торговых отношений, которые были прерваны на 3 года, просить Джанибека о благоприятных сроках и его заступничестве перед Рамаданом из Солдайи за освобождение двух купцов, содержащихся там под арестом [там же, р.273]. 7 июля 1356 г. Сенат приказал капитану галер в Романии плыть в Провато в Крыму и узнать о тамошних услови-

ях, поскольку Сенат только что узнал, что Рамадан предоставил им концессию не в Солдаиде, а в Провато [там же, р.299]. 22 марта 1358 г. Сенат решил еще раз отправить двух послов к Джанибеку, чтобы возвратить прежние лицензии [там же, р.324–325].

Изучение соглашений между Генуей и Золотой Ордой [Vasiliev, 1936, р.177–188], которые были составлены правителем Солхата (в 1380 г. Черкес, а в 1381 г. Ильяс Кутлубуга), действовавшим от своего имени и от имени хана, подтверждает, что местная знать управляла делами этих колоний в конце XIII в. и весь период XIV столетия. Так как соглашения 1380-х гг. передали контроль над значительными территориями в Крыму Генуе, это является признаком ослабления Золотой Орды. Он совпадает с периодом «смутного времени» в Золотой Орде, которое было вызвано Черной смертью и междоусобной войной.

Не может быть никакого сомнения в том, что зерно, особенно пшеница, было главным, и, возможно, наиболее важным предметом экспорта, производившимся на территориях Золотой Орды. Другие товары включали не только меха, но и менее эффектные, но равноценные товары, – такие, как хлопок и соль. Можно предположить, что по большей части в этой торговле существовала непрерывность с домонгольского периода до XIV–XV вв.

В свою очередь, Улус Джучи импортировал вино, оружие, инструменты, другие изделия, а также французское и итальянское полотно. Отмечено, что галеры, направлявшиеся в Романию, задержались с отъездом до прибытия галер из Фландрии, везших текстиль (ткани) и янтарь [Nystazopoulou Pélékidis, 1973, р.559]. Рубрук по совету купцов взял с собой фрукты, мускатное вино и отборное печенье из Константинополя [Mission to Asia, 1955/1980, р.92]. Он также отметил, что прибывавшие с севера привозят белку, горностая и другие ценные меха, в то время как едущие на север везут материалы из хлопка, шелк и душистые специи [там же, р.90].

ГЛАВА 3

Денежное обращение и финансовая система

Альфира Сингатуллина

Монеты, денежное дело и денежное обращение Улуса Джучи успешно изучаются уже третье столетие и, благодаря трудам Х.М.Френа, П.С.Савельева, В.В.Григорьева, А.Ф.Лихачева, А.К.Маркова, С.А.Яниной, Г.А.Федорова-Давыдова, А.Г.Мухамадиева и многих других исследователей, получено много важных научных результатов. Обращаясь к данной теме, невозможно обойтись без материалов и выводов этих ученых по проблемам четырех периодов денежного обращения, обозначенных тремя общегосударственными денежными реформами, метрологическими данными о районах обращения и проникновения дирхемов и пулов, общих и местных особенностях денежного дела, оформлении монет, городах чеканки, подражаниях, типологии и т.д. Целесообразно придерживаться выводов основных трудов Г.А.Федорова-Давыдова [1960; 1961; 1963; 1965; 1987; 2003].

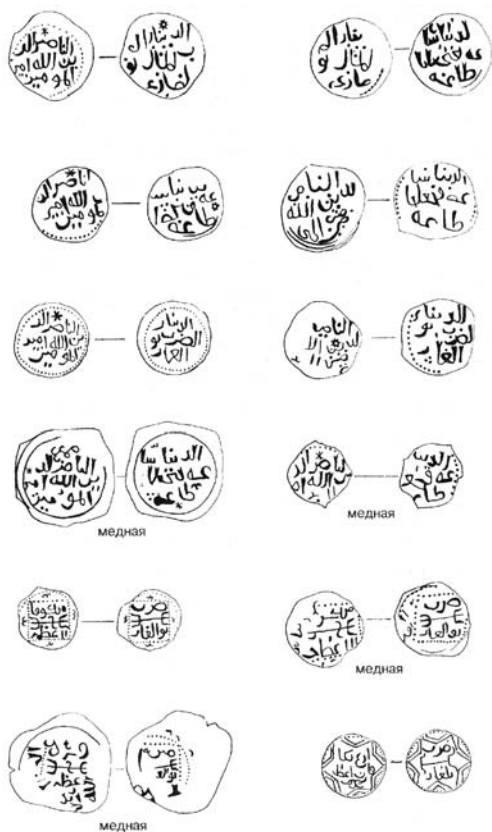
I период (с середины XIII в. до реформы 1310 г.)

После монгольского завоевания 1236 г. **Болгар** был вскоре восстановлен, он стал не только первой столицей джучидских ханов, но и первым и на какое-то время единственным монетным двором Улуса Джучи. Здесь, как и 200 лет тому назад, началась чеканка монет, но в отличие от немногочисленных именных болгарских дирхемов X в., первые джучидские монеты не несут на себе имена первых правителей Улуса – Бату или Берке. Эти загадочные серебряные и медные монеты с именем *ан-Насир ли-д-Дин Аллаха* и с указанием места чеканки (Болгар) являются частыми находками на территории бывшей Волжской Булгарии, особенно на Болгарском городище, но практически не встречаются в других регионах. Отсутствие дат и чингизидской тамги, а также присутствие имени халифа ан-Насира (1180–1225) привело к возникновению еще в начале XIX в. двух противоположных мнений относительно этих монет.

Сторонники домонгольского происхождения недатированных монет с именем ан-Насира считают их продукцией болгарского двора начала XIII в., ориентируясь на годы жизни данного халифа (Х.М.Френ, П.С.Савельев, А.Ф.Лихачев, А.Г.Мухамадиев). По другой теории имя халифа ан-Насира не является датирующим элементом, это – первые джучидские монеты (Х.М.Френ, С.А.Янина, Г.А.Федоров-Давыдов, А.З.Сингатуллина). Этот вопрос не разрешен и до сих пор, поэтому ему следует уделить несколько больше внимания.

Одним из аргументов сторонников домонгольского происхождения этих монет является отсутствие на них тамги «Кыпчакского улуса или тамги великого каана» [Мухамадиев, 1983, с.29–30]. Но тамги нет и на джагатаидских монетах (до середины XIII в.) [Давидович, 1972, с.10–13, 15], монетах Иконийского султаната (до конца XIII в.) [Джалагания, 1958, с.38], Грузии (до начала 50-х гг. XIII в.), Азербайджана (периода монгольского владычества) [Пахомов, 1926; 1938; Джалагания, 1958, с.42, 44–46]. Тамга отсутствует и на некоторых собственно джучидских монетах Болгара 686 г.х., Сарая с именем ан-Насира [Сингатуллина, 2003, с.85, №57, с.126, №244], всех дирхемах Укека и т.д.

Г.А.Федоров-Давыдов считал главным доводом против теории домонгольского происхождения этих монет «полное отсутствие таких монет в культурном слое Биляра, существовавшего как крупнейший город вплоть до монгольского завоевания и наличие большого числа находок этих монет в Болгарах, где есть раннемонгольский слой» [Федоров-Давыдов, 2003, с.10]. Наиболее вероятным временем их чеканки можно предположить 40-е гг. XIII в. – годы правления Бату-хана, до воцарения Мунке(Менгу)-каана (1251). В настоящее время известно около 200 таких серебряных монет, их вес заключен между 1,2–2,5 г. Вес медных монет с именем этого же халифа колеблется между 1,00–8,19 г, но только около 13,5% от всех монет имеют вес тяжелее

Серебряные и медные монеты.
Болгар. XIII в. НМ РТ

4 г. Серебряные монеты ан-Насира несут на себе обозначение номинала «динар», медные не имеют названий номинала и выходных данных – на них помещены только имя ан-Насира и благочестивая надпись: «Жизнь – час, поэтому сделай ее благочестивой».

В начале 1250-х гг. в Болгаре произошла резкая смена монет – было прекращено хождение монет от имени ан-Насира: серебро переплавлялось, а медь перечеканивалась новыми штемпелями с именем и тамгой каана Мунке (1251–1259), дружественно настроенного к Бату. И недаром именно Бату, как самый старший и могущественный в «Золотом роду», содействовал воцарению Мунке-каана, и выпуском болгарских монет показал всем Чингиздам пример почитания верховной власти. Смена монет должна была, очевидно, произойти в короткие сроки, т.к. все без исключения медные монеты каана Мунке отчеканены на меди ан-Насира без стирания прежних, часто четких надписей. Серебряные монеты этого каана были вновь изготовлены из перелитых «динаров» ан-Насира, и они с пулами полностью запол-

нили денежное обращение Поволжского региона.

Следующие за ними по времени серебряные монеты каана Ариг-Буги (1259–1264) имеют четкую верхнюю границу – 1264 – год поражения и сдачи каана в плен Хубилаю, но может быть 1266 – год смерти Ариг-Буги или самого хана Берке. Выпуском этих монет Берке мог выразить свое негативное отношение не столько к Хубилаю, сколько к его союзнику Хулагу, давнему врагу джучидских ханов. Имеется и другое объяснение причин появления тамги великих каанов на болгарских монетах: «Вся область (Болгар. – А.С.), часть ее или только один город, а возможно, квартал в городе с монетным двором» принадлежал потомкам Тулуя: Менгу и Ариг-Буге [Петров, 2005, с.171].

Серебряные монеты с именами и тамгами великих ханов имеют вес гораздо меньший, чем «динары» ан-Насира – 1,00–1,25 г (для Мунке) и 0,40–0,55 г (для Ариг-Буги), иногда вместе встречаются в кладках. Раньше ни у кого из исследователей не вызывало сомнения соотношение весов: 1 монета ан-Насира=2 монетам каана Мунке=4 монетам Ариг-Буги. Но по наблюдениям за весом монет трех ранних кладов Г.А.Федоров-Давыдов пришел к выводу, что «первые выпуски монет с именем Ариг-Буги по весу были близки, очевидно, последним выпускам монет с именем Менгу» [Федоров-Давыдов, 1991а, с.186]. Следовательно, вес первых джучидских монет даже за весьма короткие сроки чеканки постоянно уменьшался, и этим можно, вероятно, объяснить большие весовые разбросы не только монет каанов, но и монет ан-Насира.

Вопрос о монетах ан-Насира еще далек от разрешения: в последние годы появляются новые датировки этих загадочных монет, однако большинство исследователей придерживаются их джучидского происхождения. Например, монеты ан-Насира не были запрещены и продолжали функционировать и при Мунке, и Ариг-Буге, к ним в денежное обращение Болгара были добавлены половинные фракции (с именем Мунке) и еще более мелкая фракция (с именем Ариг-Буги) [Тростьянский, Егоров, 2005, с.30].

При хане Менгу-Тимуре (1266–1282) начинается собственная, независимая чеканка монет с обязательным помещением тамги Дома Бату. Эта тамга является обязательным атрибутом именных, анонимных, анэпиграфных джучидских монет XIII в. Первые дати-

рованные именные и анонимные монеты Болгара относятся к 671 г.х. (1272/73 г.), но, вероятно, первыми при Менгу-Тимуре могли быть анонимные недатированные монеты весом 1,2–1,27 г с изображением тамги Дома Бату и подчеркиванием ее главенства как «Главной» или «Высокой» тамги. Однако существует мнение, что эти монеты выпускались в промежутке между 1257 г. и началом двоевластия при Ариг-Буга каане (начало 1260-х гг.), и являлись проводниками антикаанских настроений Берке-хана, поместившего на них свою собственную тамгу [Мухамадиев, 1983, с.48]. Если принять новое определение тамги (тамга Берке), то невозможно объяснить наличие ее на монетах потомков Бату, ведь Берке-хан в свое время, как полагают, узурпировал власть, устранив потомков Бату. И данная тамга, традиционно именуемая в нумизматической литературе как «тамга рода или Дома Бату», вовсе не требует переименования.

В начале 70-х гг. XIII в. начинается выпуск серебряных монет по новой весовой норме 1,45–1,6 г (два даника по 0,78 г). Монеты одного типа не меняли своего веса за весь период их чеканки, но одновременно сосуществовали две основные группы монет, которые присутствуют в одних и тех же кладках. Однако в кладках с монетами Менгу-Тимура не отмечено нахождения ранних джучидских монет: с именами ан-Насира, каанов Мунке и Ариг-Буги. На некоторых серебряных монетах Менгу-Тимура имеется обозначение номинала – «дирхем». Это – монеты весом 1,45–1,6 г, но название номиналов одновременных им монет весом 1,3–1,4 г и 1,04–1,08 г. остается неизвестным. Интерес представляют анонимные недатированные однотипные монеты: дирхем (вес 1,45–1,6 г, диаметр 19–21 мм), а также условно названные «двойной дирхем» (3–3,04 г, диаметр 24–25 мм) и «полудирхем» (0,72–0,76 г, диаметр 15–16 мм) [Сингагулина, 2003, с.81, №43–45]. Дирхемы этого типа обнаружены в Альменевском (НМ РТ, №3230) кладе, содержащем ранние монеты хана Менгу-Тимура.

При хане Туда-Менгу (1282–1287) в Болгаре не произошло существенного изменения в весовой норме чеканки, его монеты весят 1,45–1,56 г и иногда несут обозначение номинала – «дирхем». В ГЭ хранится серебряная монета (№15085), однотипная с самым распространенным типом дирхема Туда-Менгу, но весом 0,28 г. Вероятно, это – 1/5 дир-

хема [там же, с.83, №51, 52]. Именных монет, чеканенных в Болгаре, следующих после Туда-Менгу ханов – Тула-Буги (1287–1290) и Токты (1290–1312) нет, а с середины 1280-х гг. на рынке Болгара господствуют анонимные и анэпиграфные монеты.

В начале 1290-х гг., вероятно, была проведена реформа, снизившая вес дирхема до 1,28–1,39 г.

Среди немногочисленных типов датированных монет этого периода обращают внимание дирхемы с именем *ан-Насир ли-д-Дина* без титула «повелитель правоверных» 692 г.х. (1292/93 г.), с тамгой дома Бату и надписью «дирхем» [Френ, 1832, с.4, №18]. Эти датированные монеты имеют много общего с первыми джучидскими монетами 40-х гг. XIII в., кроме того, известны недатированные серебряные и медные монеты Болгара с этим же именем и тамгой, и сарайские одноименные серебряные монеты с обозначением номинала «динар» и с той же тамгой. Недатированные «поздние» монеты с именем Насира некоторые авторы относят ко времени правления Менгу-Тимура, т.е. к 670-м гг.х. [Тростьянский, Егоров, 2005, с.31].

Монеты Болгара первого периода денежного обращения, несмотря на незначительные в сравнении с XIV и XV вв. объемы чеканки, характеризуются большим числом типов, номиналов, весовыми разбросами, но их объединяет наличие тамги: великих каанов или Дома Бату. Подмечено, что на болгарских монетах Менгу-Тимура перекладина тамги, за редким исключением, находится с правой стороны, а на монетах Туда-Менгу – слева. При хане Менгу-Тимуре существенно расширяется территория денежного обращения, в Поволжье открываются новые монетные дворы, а именно:

Биляр в 70-е–начале 80-х гг. XIII в. выпускал анонимные недатированные серебряные монеты с надписью «монета Биляра», в отличие от болгарских с надписью «чекан Болгара». Вес их, как и большинство болгарских монет того времени, – 1,45–1,6 г. Эти монеты датируются по наличию в кладках 70-х – начала 80-х гг. XIII в. – Альменевском и III Болгарском [Федоров-Давыдов, 1986], но отсутствию в более поздних кладках 80-х – начала 90-х гг. – I и II Болгарских [Федоров-Давыдов, 1972]. Денежная реформа Болгара 1290-х гг. коснулась и Биляра: анонимные дирхемы 692 г.х. (1292/93 г.) чеканятся по новой весовой норме 1,20–1,25 г.

Дирхемы. Чекан Биляра. XIII в. (по А.З.Сингатуллиной)

Эти монеты 692 г.х. имеют значительно больше сходных черт во внешнем оформлении с одновременными им болгарскими монетами, чем с более ранними, недатированными билярскими монетами 70-х гг. XIII в. После 692 г.х. монетный двор Биляра был закрыт, но жизнь города продолжалась.

Керман/Кирман (К-р-ман) стал известным по монетам Альменевского клада, найденного в 1938 г. на окраине д. Альменево Козловского р-на Чувашской АССР. Поиски на месте обнаружения клада в 1942 г. выявили обширное городище площадью 340 тыс. кв. м. Видимо, это и был Ке(и)рман – самое северное поселение Булгарского улуса [Калинин, Халиков, 1954, с.85, 93–94]. В последнее время некоторые исследователи ассоциируют Керман с современной Казанью [Мухамадиев, 1999, с.255–256]. Ранее этот ученый доказывал принадлежность данных монет (Кермана) хану Берке и читал надпись как имя хана – «Беркай» [Мухамадиев, 1983, с.50]. Выпуск керманских монет был кратковременным, а чеканка – серийной. Вес большинства монет находится между 1,4–1,70 г. По времени эти недатированные анонимные монеты относятся к раннему периоду чеканки правления Менгу-Тимура. Из известных в настоящее время 132 монет Кермана 130 штук были найдены в Альменевском кладе (НМ РТ, №3230), а 2 экземпляра хранятся в ГЭ (№ Д/8948, Д/12193). На всех монетах Кермана зафиксировано только правое положение ножки тамги.

Начало чеканки во вновь построенной на пустом месте столице государства – **Сарае**

относится к 671 г.х. [Лебедев, 1998, с.65–66]. Сарайские монеты начала 70-х гг. XIII в. имеют близкое сходство с анонимными болгарскими монетами того же времени, отличаюсь только названием монетного двора. Это явление может быть объяснено участием болгарских мастеров в налаживании и работе сарайского монетного двора.

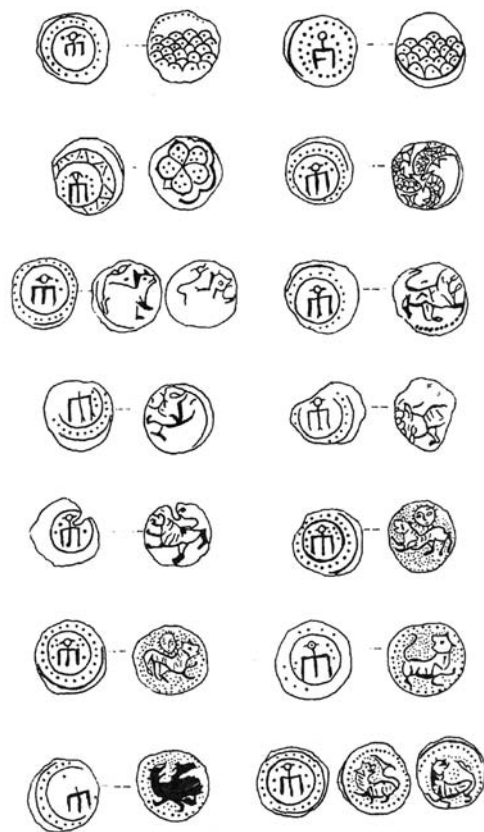
К началу 70-х гг. XIII в. первый монетный двор Улуса Джучи, размещенный в Болгаре, функционировал уже более четверти века, и вкрапления эле-

ментов куфи на болгарских и сарайских монетах могли быть результатом перемещений пленных среднеазиатских мастеров в Болгар, а затем вместе с болгарскими монетчиками – в Сарай. Чекан Сарая продолжался до 682 г.х. (1283/84 г.), затем после перерыва в 686 г.х. (1287/88 г.) и осуществлялся по весовой норме Болгара 1,5–1,55 г (два даника по 0,78 г). Необходимо отметить, что все ранние сарайские монеты – анонимные. Медные монеты Сарая неизвестны, а роль разменных денег в Сарае, как и в Болгаре, выполняли серебряные монеты небольшого размера и веса – условно называемые «полудирхемы». В Сарае, как и в Болгаре, чеканились недатированные серебряные «анонимные» монеты с именем *ан-Насир ли-д-Дина* с указанием номинала «динар», имеющие близкое сходство с болгарскими. Есть основания полагать, что начало чеканки сарайских монет с именем ан-Насира следует отнести к концу правления Берке и началу правления Менгу-Тимура, т.е. примерно к 1265–1267 гг. [Лебедев, 2005, с.16]. Существует мнение, что выпуск сарайских монет с именем ан-Насира мог осуществляться при Менгу-Тимуре или Туда-Менгу, а сами монеты изготовлены в Сарае болгарскими мастерами, которые скопировали «свои» монеты [Евстратов, Гумаюнов, 2005, с.106].

В 690–696 г.х. (1291–1297 гг.) начинается новый этап в сарайской чеканке: впервые появляются именные сарайские монеты хана Токты, при этом исчезает тамга, но главное – происходит увеличение веса. Монеты чека-

нятся по новой для Поволжья весовой норме 2,25–2,3 г из расчета 200 или 202 штуки из хорезмского ратля серебра весом 458,64 г [Федоров-Давыдов, 1961, с.85]. Сарайские монеты 697–709 г.х. (1297/98–1309/10 гг.) нам пока неизвестны. Неоднократно отмеченные черты сходства сарайских монет с болгарскими и хорезмскими явились итогом «того культурного сплава из самых разнообразных элементов культур покоренных народов, который составил золотоордынскую городскую культуру» [Федоров-Давыдов, 1964а, с.4]. Практически полное отсутствие находок монет XIII в. на Селитренном городище (из 11 тыс. монет, здесь собранных и введенных в научный оборот, только 4 монеты относятся к XIII в.) приводит В.П.Лебедева к выводу о том, что «уверенную локализацию Сарая XIII в. можно будет ожидать, когда археологи или любители опустятся на дно Ахтубы» [Лебедев, 2005, с.20].

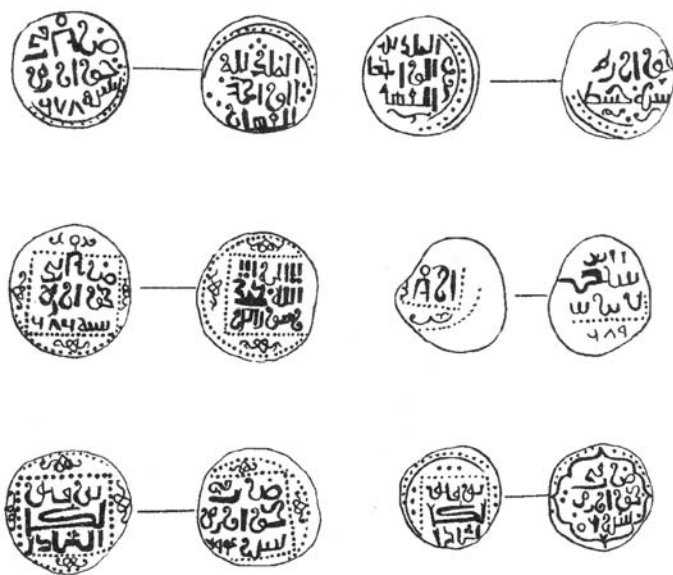
В **Укеке** (на месте г. Саратова), построенном монголами также на пустом месте, в самом начале XIV в. началась чеканка анонимных серебряных монет, имеющих некоторое сходство с болгарскими монетами XIII в., но без тамги. С 705–707 г.х. (1305/06–1307/08 гг.) на именных дирхемах хана Токты впервые воспроизводится трафаретная формула именованья джучидских ханов на монетах XIV в.: «Султан верховный Гийяс Токтогу правосудный». Весовая норма чеканки укекских монет была выше 1,5 г, здесь, как и в Болгаре и Сарае, имелись «полудирхемы», однотипные с дирхемами. Можно предположить, что укекская монетная чеканка началась после прекращения выпуска сарайских монет. Укекские монеты начала XIV в. в целом не похожи ни на сарайские дирхемы Токты 690–696 г.х. (1291–1297 гг.), ни на болгарские дирхемы XIII в., ни на хорезмские начала XIV в. Некоторое сходство в расположении надписей и титуловании хана Токты «султаном» на укекских монетах 706–707 гг.х, сарайских дирхемах 710 г.х. (1310/11 г.), видимо, дает основание предположить, что после закрытия укекского монетного двора мастера и оборудование были переданы в Сарай. И.В.Евстратов предполагает, что именно в Укеке в конце XIII– первом десятилетии XIV в. были отчеканены первые в Нижнем Поволжье медные монеты [Евстратов, 2004, с.78–80]. В последние годы изучением монет Укека успешно занимается Л.Ф.Недашковский [Недашковский, 2000, с.16–26].

Дирхемы. Серебро. Болгар. XIII в. НМ РТ

В улусе **Хорезм** монетная чеканка началась в 669 г.х. (1270/71 г.), причем эта дата заключена в недавно расшифрованной хронограмме [Лебедев, 1998, с.65–66]. Первые хорезмские монеты, как и сарайские, были анонимными, с тамгой Дома Бату, и в период правления хана Менгу-Тимура (1266–1282) весовая их норма существенно не отличалась от весового стандарта Болгара и других европейских центров джучидской чеканки XIII в. Хорезмские монеты выделяются красотой и изяществом исполнения и размещения легенд, что свидетельствует о многовековых традициях денежного дела Средней Азии. В 686–690 гг.х. (1287/88–1291 гг.) выпускаются анонимные дирхемы уже по новой весовой норме 2,25–2,30 г [Федоров-Давыдов, 1961, с.85].

В Хорезме монеты с именем Токты появились позже, чем в Сарае, но, как и там, помещение на них имени хана сопровождалось исчезновением тамги Дома Бату. Обращение хорезмских анонимных дирхемов сменяется в 693 г.х. (1293/94 г.) именованными монетами Токту-бека, однако изменение типа

Дирхемы. Серебро. Хорезм. XIII в. НМ РТ

монеты не повлияло в то время на весовую норму чеканки.

В 706–709 гг.х. (1306/07–1309/10 гг.) происходит заметное уменьшение веса: ни один из известных хорезмских дирхемов этого периода не достигает веса 2 г. С 708 г.х. (1308/09 г.) здесь начинается чеканка анонимных медных монет. Реформа хана Токты 710 г.х. не затронула Хорезм, здесь была проведена своя, отличная от европейских городов, денежная реформа, определившая вес дирхема 1,897 г (5/12 мискаля) вплоть до реформы хана Токтамышша [Федоров-Давыдов, 1965, с.206].

Крым стал вторым после Болгара монетным двором и крупным регионом первого периода денежного обращения в Улусе Джучи. Здесь чеканка монет началась с именных датированных монет хана Менгу-Тимура в 665 г.х. (1266/67 г.) с обязательной тамгой Дома Бату. Первые монеты весили 2–2,2 г, возможно, это – вес половины мискаля в 4,26 г. В 1280-х гг. вес крымских монет снизился до 1,6–1,63 г (200 монет из византийской литры 327,452 г или 100 монет из веса полной русской литры в 163,726 г). В 1290-х гг. произошло новое снижение – до 1,45 г, а в начале XIV в. вес их составлял только 1–1,05 г [Федоров-Давыдов, 2003, с.13].

В XIII в. в Крыму выпускались серебряные анонимные и именные монеты всех ханов: Менгу-Тимура, Туда-Менгу, Тула-Буги, Токты (в Болгаре именные монеты ханов Тула-Буги и Токты не чеканились). В конце XIII –

начале XIV в. производился обильный медный чекан Крыма, редко датированный, но с обязательной тамгой Дома Бату. Первые датированные медные крымские монеты относятся к 674 г.х./1275 г. [Крамаровский, 1997, с.102]. Известны именные медные монеты всех ханов от Менгу-Тимура и включая Токту [Лебедев, 2000, с.11–14]. Не позднее второй половины XIII в. выпускаются недатированные медные монеты с топонимом «Солхат» [там же, с.9; Крамаровский, 1997, с.103]. Имеются редкие медные недатированные монеты Солхата с изображением солнечного лика и сдвоенной тамгой (тамга Дома Бату с помещенным на общей головке трезубцем-тамгой времен-

щика Ногая) и легендой «хан правосудный Токта» [Северова, 2002, с.78].

В конце XIII – начале XIV в. чеканились серебряные и медные монеты с названием г. **Исакчи** (в низовьях Дуная, на территории Румынии). Некоторые медные монеты несут на себе сдвоенную тамгу, изображение солнечного лика, как на монетах Солхата, и имя хана Токты. Тамга-трезубец Ногая «либо сопровождает имя Токты в сочетании с государственной тамгой, либо монеты, имея обе тамги, анонимны, либо стоит только тамга Ногая, но в легенде есть имя Токты. Ставя на монетах Исакчи собственную тамгу, Ногай декларировал свою фактическую власть в регионе» [там же].

Основными центрами первого периода денежного обращения были Болгар и Крым. Чеканка в Укеке, Сарае, Хорезме, Биляре, Кермане, Сакчи была незначительной, рассчитанной только на местные регионы. Клады XIII в. практически не содержат иных монет, кроме своих, местных. Сферу денежного обращения в Поволжье обслуживали серебряные монеты разных номиналов: дирхем, полудирхем, четверть дирхема, но их местные названия того периода неизвестны. В Болгаре был осуществлен разовый выпуск двойного дирхема. Медные монеты обильно выпускались (и перечеканивались) в Болгаре только в 40–50-е гг. XIII в. В Крыму же осуществлялся постоянный выпуск медных монет, не только анонимных, но и с именами ханов от Менгу-Тимура до Узбека включительно.

Первый период денежного дела Улуса Джучи включает и первое десятилетие XIV в., когда выпускались дореформенные монеты Токты (анонимные в Болгаре), именные и анонимные в Сарая, Укеке, Крыму, Хорезме.

II период денежного обращения (реформа хана Токты 710 г.х. (1310/1311 г.))

Денежная реформа начинается с запрета старых монет и выпуска в 710 г.х. большого числа монет хана Токты в Сарая ал-Махруса. Поэтому вкладах XIV в. дореформенные монеты не встречаются. Весовой максимум этих монет равен 1,48–1,54 г. Вероятно, теоретическая их весовая норма была установлена в 1,52–1,56 г, т.е. 1/3 мискаля или 2 даника в 0,78 г [Федоров-Давыдов, 2003, с. 15].

В последнее время некоторые нумизматы отрицают возможность проведения общегосударственных денежных реформ, например: «никакой общегосударственной монетной реформы Токты в 710 г.х. не проводилось. И в это время единой весовой нормы чеканки дангов для местных дворов Золотой Орды не вводилось! Каждый регион самостоятельно решал вопросы, связанные с реформированием выпускаемой ими монетной продукции» [Петров, Студитский, Сердюков, 2005, с. 146]. Однако мы будем придерживаться периодизации денежного обращения, предложенной Г.А.Федоровым-Давыдовым, т.е. последовательно рассмотрим 4 этапа денежного обращения в Улусе Джучи, хронологически отделенных друг от друга денежными реформами ханов Токты, Токтамышша и Шадибека.

Именные монеты хана Токты не несут изображения тамги Дома Бату, неизвестны и именные или датированные анонимные дирхемы Токты производства Болгара. При хане Узбеке (1312–1341) помимо столицы Сарая (Сарая ал-Махруса) работали местные монетные дворы Болгара ал-Махруса, Азака (Таны), Крыма, Мохши. В самом начале XIV в. вес монет Азака и Крыма был около 1,02 г, при Узбеке в Азаке он повысился до 1,3–1,35 г [Федоров-Давыдов, 2003, с. 14]. В Азаке первые серебряные монеты датируются 1317 г., а в 732–734 г.х. (1331/32–1333/34 г.г.) выпускается большинство медных монет с надписью «Высочайшее повеление» и изображением «льва под солнцем». По мнению Н.М.Фомичева, выпуск этой меди отразил развитие торговли местного населения с итальянской (венецианской) колонией, а начавшаяся годом

позже чеканка в Сарая медных монет с таким же сюжетом была вызвана влиянием развивавшегося торгового пути через Тану (Азак) в Китай [Фомичев, 1981, с. 239–240].

В **Крыму** в начале XIV в. продолжалась чеканка именных серебряных и медных монет хана Токты с изображением тамги Дома Бату. Пореформенные крымские монеты Токты пока не обнаружены [Лебедев, 2000, с. 11]. Именные дирхемы Узбека, а также именные и анонимные датированные пулы времени его правления выпускаются с 713 г.х. На них также помещена тамга Дома Бату, а на дирхемах 720 г.х. (1320/01 г.) место чеканки обозначено как «Крым ал-Махруса». Крымские монеты 1325–1375 г.г. неизвестны [там же, с. 7, 16–17].

Во втором периоде денежного обращения в Среднем Поволжье продолжает работу только болгарский монетный двор. Недатированные анонимные и аэпиграфные монеты с тамгой Дома Бату могли выпускаться и обращаться здесь и в первом десятилетии XIV в. Именные монеты Токты в Болгаре неизвестны, но в 721–731 г.х. (1321–1331 г.г.) здесь осуществляется выпуск монет Узбека с тамгой Дома Бату, датой и указанием «Болгар ал-Махруса», т.е. «Болгар Богохранимый». С таким же эпитетом «Богохранимый» чеканятся именные дирхемы Узбека в Сарая ал-Махруса в 722 г.х. (1322 г.), но уже без тамги. Известен также один тип дирхема хана Джанибека 749 г.х. (1348/49 г.) из Сарая ал-Махруса [Френ, 1832, с. 12, №85].

Массовым типом болгарских монет являются анонимные, датированные пулы 734 г.х. (1333/34 г.) времени Узбека. Такие монеты очень часто встречаются в культурном слое Болгарского городища. Вероятно, при Узбеке или несколько ранее выпускались и пулы с изображением «решетки», но без тамги [Федоров-Давыдов, 1987, с. 176–177].

Только при хане Узбеке с 713 г.х. (1313/14 г.) чеканились серебряные дирхемы провинциального монетного двора **Улуса Мохши**. Монеты Мохши впервые описал Х.М.Френ [Френ, 1832, с. 6]. Позднее этот центр чеканки был отождествлен с Наровчатским городищем в Пензенской области и г. Нуриджан [Кротков, 1923, с. 27–31]. Медные анонимные монеты Мохши чеканились в 30–50-х гг. XIV в., именные медные монеты Мохши несут только имя Кильдибек-хана (1361–1362) [Белоусов, Голубев, 1998, с. 31–33]. На мохшинских, как и болгарских и крымских,

дирхемах Узбека обычно помещалась тамга Дома Бату, хорошо знакомая горожанам и их предкам с середины XIII в.

При хане Джанибеке (1342–1357) местные центры чеканки практически перестают выпускать свои монеты. Их место занимают многочисленные серебряные и медные монеты **Сарая ал-Джадид**, а с 50-х гг. XIV в. – **Гулистана**. Их вес очень устойчив, выверен, мало менялся до 1370-х гг. Максимум этих монет приходится на вес 1,48–1,54 г, вероятно, теоретическая весовая норма была 1,52–1,56 г, т.е. 1/3 мискаля или 2 даника в 0,78 г [Федоров-Давыдов, 2003, с.15]. Только в Хорезме продолжалась чеканка именных дирхемов Джанибека, Бердибека, Кульпы, Навруза, Хызра. В период смуты 60–70-х гг. XIV в. в Хорезме выпускались анонимные дирхемы, а в 781 г.х. (1379/80 г.) были изготовлены именные дирхемы Суюргатмыша (и Тимур-Гургена) и Токтамыш-хана [Федоров-Давыдов, 1965, с.182–186].

После гибели Бердибека в 1359 г. в Улусе начинается период раздоров и междоусобицы, государство условно разделяется на правобережье Волги с марионеточными ханами карачибека Мамай – Абдаллахом (1361–1370) и Мухаммад-Буляком (1370–1380) и левобережье с «сарайскими» ханами. К 1360-м гг. образуются «особые нумизматические провинции», восстанавливается местная чеканка, разрушается, хотя бы и номинальное, единство денежного обращения, усиливаются процессы тезаврации. К 1360-м гг. относится самое большое число кладов, в которых преобладают монеты столичной чеканки (Сарая ал-Джадид и Гулистана).

В **Сарае ал-Джадид** в 759–779 гг.х. (1357/58–1377/78 гг.) выпускались дирхемы от имени ханов Бердибека (1357–1359), Кульпы (1359–1360), Ноуруза (1360), Хызра (1360–1361), Тимур-Ходжи (август 1361), Орду-Мелика (1361), Кильдибека (1361–1362), Абдаллаха (1361–1370), Хайр-Булата (1364–1365), Азиз-Шейха (1365–1367), Тулунбек-ханум (1370–1372?), Уруса (1374–1375). В конце 1360-х и в 1370-е гг. наблюдается некоторое снижение веса новосарайских монет [Мухаммадиев, 1983, с.100–101], что объясняется, вероятно, сбоями с поступлением налогов и, в целом, ослаблением государственной власти.

С 50-х гг. XIV в. своей обильной серебряной, а затем и медной чеканкой выделяется **Гулистан**, город, о местоположении которого неизвестно до сих пор, хотя вопрос

об этом был поставлен еще в начале XX в. Среди существующих мнений отметим два основных: «Гюлистан находился в пределах Булгара» [там же, с.21–23, 94, 98], или его следует отождествлять с Царевским городищем [Гончаров, 2005б, с.99]. Известны монеты, чеканенные в Гулистане, Гулистане ал-Махруса, Гулистане ал-Джадид, Гулистане ли-с-Сарай в 752–768 г.х. (1351/52–1366/67 гг.) от имени ханов Мюрида, Азиз-Шейха, Булат-Ходжи.

Довольно устойчивый вес дирхема даже периода смуты поддерживался путем постоянных манипуляций с медными монетами: старые пулы, очевидно, запрещались, взамен предлагались новые, более тяжелого веса. Сохранение соотношения пула (старого и нового) к данику (16 пулов=1 данику) позволяло поднять курс серебра в дирхеме. Большой разброс веса медных монет даже одного выпуска позволяет заключить, что пулы обращались без точного учета их веса, они имели принудительный курс. Этот курс, установленный в провинциальных городах, действовал только в пределах определенной территории, а вне этого района медная монета обесценивалась. Принудительный курс пулов столичного чекана (Сарай, Сарай ал-Махруса, Гулистан) устанавливался и поддерживался центральной властью, поэтому сарайские и гулистанские монеты заполнили все местные рынки, за исключением Хорезма [Федоров-Давыдов, 2003, с.36–38].

В **Крыму**, входившем в состав «Мамаевой Орды», после долгого перерыва в 777 г.х. (1375 г.) начинается чеканка от имени Мухаммад-Буляка. Далее выпуск монет производился регулярно всеми претендентами на престол последней четверти XIV в. [Лебедев, 2000, с.17].

В **Азаке** в 1360-е гг. выпускаются дирхемы Бердибека, Кульпы, Ноуруза, Хызра, Орду-Мелика и Кильдибека, медные монеты ханов Абдаллаха и Кильдибека. Образуется особая нумизматическая провинция, где значительную долю составляют монеты Азака – на нижнем и среднем течении Дона и Сев. Донца. Весовой максимум монет Азака 1360-х гг. 1,3–1,35 г, при хане Абдаллахе (марионеточном хане Мамай) в 1370-е гг. он повысился до 1,4–1,42 г [Федоров-Давыдов, 2003, с.16].

В 1360-х гг. в Поднестровье в обращении значительную долю составляли местные дирхемы Абдаллаха Шахр ал-Джадид или Янги-

Шахра 1360-х гг. и пулы Азиз-Шейха [Янина, 1977, с.205]. До этого времени при Джанибеке здесь, как и по всей территории Улуса Джучи, господствовали столичные монеты (Сарая ал-Джадид и Гулистана).

В 1370-е гг. массово чеканили серебряную монету в степном, видимо, кочевом центре – **Орде**. Местонахождение Орды ханов Мамаевой орды Абдаллаха и Мухаммад-Буляка не определяется. По месту находок монет Орды и кладов с этими монетами можно предположить, что после ухода из Молдавии при Мухаммаде Орда кочевала на нижнем Днепре и в Приазовье. Чекан Азака и Орды осуществлялся по местным, отличным от новосарайского и гулистанского чекана, весовым нормам, и означал конец преобладания единой, мало менявшейся по весу золотоордынской серебряной столичной монеты, чеканенной в целом по единому весовому стандарту. Весовой максимум монет Орды 1370-х гг. составляет 1,45–1,5 г [Федоров-Давыдов, 2003, с.16].

В **Маджаре**, одном из крупнейших золотоордынских городов на Северном Кавказе, в 710 г.х. (1310/11 г.) или 715 г.х. (1315/16 г.) выпускались серебряные монеты Токты (?) с титулом «падишах справедливый». В 774 г.х. (1372/73 г.) в Маджаре ал-Джадид чеканились серебряные монеты Мухаммада. В конце 1360-х гг. – серебряные и медные монеты без обозначения города чеканки. Единственным критерием для определения принадлежности этих монет к чекану Маджара являются находки этих монет в данном районе. Медные монеты Абдаллаха, датированные 767 г.х. (1365/66 г.), несут на себе указание места чекана – Маджар [Ртвеладзе, 1971, с.78–79, 83–84].

В **Хорезме** еще в XIII в. с появлением имени хана Токты с монет исчезает тамга Дома Бату, нет этой тамги и на именных дирхемах Узбека. Типы хорезмских дирхемов с 714 г.х. (1314/15 г.) по 746 г.х. (1345/46 г.) не менялись даже при смене ханов, что свидетельствует об обособленности хорезмского денежного дела. Дирхемы чеканились по весовой норме, отличной от серебряных монет Поволжья. Их весовой максимум равен 1,85–1,9 г (возможно, это 5/12 мискаля, т.е. 2,5 даника в 0,78 г). Хорезмский дирхем, равный 2,5 даника, относился к сарайскому и гулистанскому дирхемам как 2,5:2 [Федоров-Давыдов, 2003, с.15]. С 762 г.х. (1360/61 г.) Хорезм объявил о своем обособлении от Улуса Джучи выпуском анонимных монет. По-видимому, анонимные монеты 60–

70-х гг. XIV в. чеканились династией Суфи, достаточно самостоятельной, чтобы не помешать устаю золотоордынского хана, но слишком слабой, чтобы чеканить монеты от своего имени [Федоров-Давыдов, 1965, с.185, 197]. С этим выводом не согласна С.А.Янина, утверждающая, что «династии кунградских Суфи» не существовало, а выделение монетного чекана Хорезма 760–770-х гг.х. из чекана Золотой Орды в самостоятельную группу не имеет оснований. По ее мнению, начало феодальных усобиц не отразилось на монетном деле Хорезма, но продолжается чекан дирхемов с именами Бердибека (758–760 гг.х.), Кульпы (760–761 гг.х.), Ноуруза (761 г.х.), Хызра (762 г.х.), даже медных именных монет Бердибека (760 г.х.). Простейшим объяснением выпуска анонимных серебряных монет с 762 г.х. (1360/61 г.) является географическая отдаленность Хорезма от центра Улуса Джучи, не позволяющая постоянно быть в курсе всех дворцовых событий и переворотов [Янина, 1971, с.60, 49–50, 47].

В **Сарайчуке** (на берегу р. Урал, в Казахстане) начало активного денежного обращения относится к 20-м гг. XIV в. Приток денежной массы шел из нижневолжских городов и Хорезма. Можно предположить, что в эти годы начинается активный экономический рост Заволжья и выравнивание ее потенциала с Хорезмом, а в 763 г.х. здесь перечеканивались пулы Хызра на пулы Мюрида [Гончаров, 2005а, с.9–10].

Известны серебряные монеты **Сыгнака** (на территории Кок-Орды) ханов Мубарак-Ходжи 728–729 гг.х. (1327/28–1328/29 гг.), Уруса 770, 773–775, 777–778 гг.х. (1368/69, 1371/72–1373/74, 1375/76, 1376/77 гг.), Токтамышша 780, 781, 783 гг.х. (1378/79, 1379/80, 1381/82 гг.) и медные анонимные 727, 731, 734, 768, 773 гг.х. (1326/27, 1330/31, 1333/34, 1366/67, 1371/72 гг.) [Пачкалов, 2002, с.87–88; Хромов, 2004а, с.13].

В основе денежно-весовой системы был дирхем или «йармак» – серебряная монета, чеканившаяся в массовых количествах. Дирхем составлял 2 даника в 0,78 г, – весовой и счетной единицы, равнявшейся 1/3 мискаля. Шесть дирхемов составляли счетную единицу – динар, по-тюркски «алтын». Медная монета называлась «пул», 16 пул приравнивались к 1 данику (счетно-весовой единице), о чем свидетельствуют монетные надписи «16 пул данник» на многих медных монетах Сарая 1320–1330-х гг. или «пул Мохши – 16 данг» [Федоров-Давыдов, 2003, с.33].

Однако эта классическая система в последние годы подвергается переосмыслению. Из множества мнений приведем только два. «В XIV в. золотоордынские серебряные монеты назывались денг (денги). Именно на соотношение к ним, реальным чеканенным денгом, и указывают легенды ряда типов джучидских пулов. По идеальной схеме, денг разменивался на 16 пулов. Такое соотношение между основным серебряным и медным номиналами, как и сами новые монеты, было введено около 710 г.х.» [Гончаров, 2002, с.157]. Еще одно объяснение: «основной серебряный номинал в джучидской монетной системе, по крайней мере, на Нижней Волге в XIII– первой половине XIV в., независимо от его реального веса, мог называться *акче*, а термин *данги*, упоминаемый в легендах джучидских пулов, означал весовую величину 0,78 г, равную одному дангу, или 1/6 мискаля весом 4,68 г» [Гумаюнов, Евстратов, 2004, с.82].

Однако иногда сами серебряные монеты XIII в. несут на себе название номинала «дирхем» [Сингатуллина, 2003, №12–18, 39, 51, 53, 60, 63, 222–225, 228, 233–234, 236], поэтому переименование серебряных монет без веских доказательств кажется преждевременным.

«Открытая» или «свободная» чеканка джучидских монет в XIV в. из приносимого на монетный двор частными лицами серебра существовала при сравнительно малом дефиците или отсутствии дефицита на серебро. В государстве было много серебра за счет русского «выхода», но всегда существовала угроза тезаврации, возникновения диспропорций в оценке серебра в монетной системе по сравнению с такой же оценкой в соседних странах, где серебро было дороже. Для повышения курса серебра в монете государство не шло на непопулярные меры, как ухудшение качества или уменьшение драгоценного металла в монете. Правительство корректировало денежное обращение путем постоянных манипуляций с медными монетами, оставляя на долгие периоды неизменным обращение серебра. Выпуск новых пулов, более тяжелых, чем старые, позволял повышать не только их номинал, но и курс серебра в дирхемах. Однако стоимость меди в пулах была ниже их номинальной стоимости, следовательно, пулы имели принудительный курс и обращались без точного учета их веса [Федоров-Давыдов, 2003, с.35–36, 38].

Медные монеты XIV в. в последнее время стали объектом активного изучения, причина тому – массовость их находок на различных золотоордынских городищах. Обильный болгарский чекан меди с именем ан-Насира, перечеканка от имени Менгу каана, многочисленные недатированные медные монеты с «решеткой» [Френ, 1832, с.36, №374] и анонимные пулы 734 г.х./1333–34 гг. Болгара [там же, с.7, №37] плюс редкие монеты XIII в. с «поздним» ан-Насиром [Сингатуллина, 2003, №65] – вот и вся медная продукция болгарского монетного двора примерно за 100 лет. В отличие от других мест, например, Мохши, Азака, Шахр ал-Джадид, Хорезма, местные болгарские пулы XIV в. составляют всего 8,9% от всех находок медных монет, а большинство – это пулы Сарая ал-Джадид, Гулистана, Сарая [Федоров-Давыдов, 1987, с.179–181].

Выводы Г.А.Федорова-Давыдова о регулировании курса серебра повышением веса медных монет подтверждаются результатами взвешивания медных монет Сарая ал-Джадид Е.Ю.Гончаровым. Впервые медные монеты выпускаются при Джанибеке (тип с двуглавым орлом) с указанием курса «16 даник», иногда с датой «743 г.х.». 32 пула соответствовали 1 дирхему. Следующие за ними пулы «с цветком» датированы 751–753, 760, 761 г.х. и имеют вес около 1,7 г. Этот тип выпускался при нескольких ханах (Джанибеке, Бердибеке, Кульпе и Ноурузе). Средние веса пулов 762 г.х. (Хызра) – 2,7 г; 763–767 г.х. (Кильдибека, Хайр-Булата, Азиз-Шейха анонимных) – 1,8–2,25 г; 768 г.х. (анонимная) – 5 г. При Тимур-Ходже (762 г.х.) и Улджатимуре (768 г.х.) – вес около 2,5 г. От 70-х гг. пока известны только два датированных выпуска – 773 г.х. (Тулунбек-ханум) весом около 2,8 г и анонимные пулы 776 г.х. – 1,7 г. По стилю они совершенно отличаются друг от друга и от пулов 60-х гг. [Гончаров, 1998, с.75–76].

Монетная чеканка в Нижнем Поволжье в 1370-х гг. скудеет и не может более обеспечить рынка серебряной монетой. Наступает давно назревавший кризис денежного дела, чувствуется дефицит серебряной монеты. Усиливается дробление денежного обращения на территориальные «нумизматические провинции». Кончается безраздельное господство столичных монет на большей части европейской территории государства. Возможно, в эти тяжелые для страны времена серебряные монеты получают

такую долю принудительного курса, которая теперь должна подтверждаться не только центральной, но и в большей мере местной властью. Вероятно, это связано с принятием в провинциальных центрах (Азак, Орда) отличных от столичной чеканки весовых норм [Федоров-Давыдов, 2003, с.48].

Местными властями принимаются различные меры (главным образом, надчеканивание и обрезание серебряных монет), позволяющие хоть как-то повысить курс обращающейся серебряной монеты и препятствовать ее тезаврации. Надчеканки были в виде различных значков (например, в виде решетки), имен ханов («Мюрид», «Азиз-Шейх», «Абдаллах»), слов («хан», «хакан», «законный»), животных, рыб, птиц [там же, с.49].

Обрезание серебряных монет началось в Среднем Поволжье еще в 1370-е гг. и продолжалось весь остаток XIV в., поэтапно уменьшая вес обращавшегося там дирхема. Не избежал этой процедуры и Хорезм. С 1370-х гг. появляются серебряные подражания джучидским монетам, причины выпуска и места их производства до сих пор не установлены [там же, с.51–52]. Разделы джучидской нумизматики, посвященные подражаниям, обрезанию серебра, надчеканкам дирхемов и пулов, весовым нормам чеканки пулов и дирхемов остаются или малоизученными, или спорными. Решение их – в увеличении источниковой базы и переосмыслении и перепроверке прежних результатов.

III период (с реформы Токтамышша 782 г.х. (1380/81 г.))

По единой весовой норме 1,42 г (1/144 слитка 204,7 г) должны были чеканить монеты все европейские города Улуса Джучи и города Закавказья, выпускавшие дирхемы с именем Токтамышша: Сарай, Сарай ал-Джадид, Орда, Азак, Хаджи-Тархан, Сарайчик, Маджар, исключением снова стал Хорезм. Хотя имеются монеты Токтамышша нового веса 781 г.х. (1379/80 г.), но развилась реформа в следующем 782 г.х. (1380/81 г.). Как и при Токте в 710 г.х., в 782 г.х. было отчеканено очень много монет, но эта реформа была осуществлена полностью только в Нижнем Поволжье. В провинциальных городах выпуск монет стал производиться по одной норме, что облегчило проникновение монет Азака и Орды в другие районы, прежде всего, на Нижнюю Волгу. Но в отличие от реформы 1310 г., реформа Токтамышша не заменила местные эмис-

сии столичными выпусками, а сохранила обильный провинциальный чекан, главным образом, в Азаке и Орде. Следовательно, она не преодолела экономической разобщенности районов страны и децентрализации масс серебра. В отличие от реформы 710 г.х. реформа Токтамышша 782 г.х. не вытеснила полностью из обращения старые серебряные монеты (по данным кладов, даже в Нижнем Поволжье около 10–30% монет старой чеканки еще оставались в обращении после этой реформы) [там же, с.16–17].

В Поволжье, Мордовских землях, частично в Рязанских, в Верховских землях, по Дону, в Азаке, Крыму, в низовьях Днепра старые серебряные монеты исчезают в значительной мере из обращения и заменяются новыми монетами Токтамышша. Несмотря на то, что в кладах из этих районов монеты Токтамышша составляют больше половины, примерно 53–100%, действие реформы было ограниченным [там же, с.48].

Если до Токтамышша по своим весовым нормам традиционно чеканили монету провинциальные центры – **Азак**, потом **Орда**, то при нем удалось унифицировать вес монет этих городов. В Азаке выпускались дирхемы 780, 782–783, 786–788 гг.х. (1378/79, 1380/81, 1381/82, 1384/85–1386 гг.) с эпитетом времен хана Узбека «Богохранимый» [Фомичев, 1997, с.33].

В **Крыму** в начале правления Токтамышша дирхемы чеканятся по общей весовой норме, введенной реформой (1,42 г), но уже вскоре после 785 г.х. (1383/84 г.) их вес снижается до 1,3 г, а после 796 г.х. (1393/94 г.) максимум веса крымских монет составляет всего 1,13–1,16 г. Этот вес в 1,13 г равняется 1/144 части русской литры в 163,7 г [Федоров-Давыдов, 2003, с.16; Иванов, 1996, с.10]. Таким образом, Крым, первоначально подчинившийся установкам центральной власти, затем резко снизил в два приема вес своих монет. И это на протяжении правления одного хана – Токтамышша.

В **Среднем Поволжье** резкой смены монет после реформы не было, или она имела место, но была неполной. В **Булгарском улусе** пореформенных монет Токтамышша было совсем мало. Новые монеты здесь уже не чеканились, а обращались старые, но обрезанные монеты, причем обрезанные под иную весовую норму, чем этот норматив (1,42 г). Возникший еще в 1370-е гг. дефицит на серебро привел к обрзыванию монет на болгарской

Дирхемы хана Токтамышша. Серебро. Азак, Орда ал-Муаззам, Орда ал-Джаид, Орда, Крым (по Г.А.Федорову-Давыдову)

территории и повышению курса серебра в монетной форме. Очевидно, этот более высокий, вероятно, принудительный курс серебра в монетах препятствовал проникновению в этот район дирхемов южных городов. Это приводило к усилению тенденций тезаврировать серебро, что, в свою очередь, влекло все прогрессирующее обрезывание монет на территории Булгарского улуса. Принудительный курс серебра продолжал действовать и в XV в. Сначала обрезывались серебряные монеты по преимуществу под вес 1–1,1 г. Обрезывание монет почти не сопровождалось последующим их надчеканиванием, т.е. подтверждением законности этого действия и полноценности монеты, хотя и с завышенным (принудительным) курсом. Обрезанные монеты Среднего Поволжья эпохи правления Токтамышша дают очень большой размах весов, но в нем можно выделить несколько пиков. Эти пики – отражение централизованного компонента в обрезывании монет, которое проводилось властями, поэтапно снижавшими норму обрезывания. А стертость графики в распределении

весов, их нечеткость отражают стихийность обрезывания монет населением [Федоров-Давыдов, 2003, с.52–53].

Нормы последующего обрезывания монет определены А.Г.Мухамадиевым: 1,02–1,05; 0,93–0,95; 0,82–0,85; 0,73–0,75; 0,65–0,68; 0,55–57; 0,47–48 г, – начало этого процесса он относит к правлению Абдалла хана. Исследователь полагает, что новочеканенные в 1380-х гг. монеты Токтамышша, попадая в Среднее Поволжье, обрезывались под вес 0,78 г, т.е. под вес 1 даника [Мухамадиев, 1983, с.103 и сл.].

В других местах новая монета Токтамышша сосуществовала вместе со старой, и они обрабатывались по установившемуся стихийно на рынке соотношению. Началом работы монетного двора **Хаджи-Тархана** считается 776 г.х. (1374/75 г.), ознаменованный выпуском медных монет с именем Черкес-бека. Известны анонимные медные монеты 777 г.х. (1375/76 г.) и 784 г.х. (1382/83 г.) времени Токтамышша. Серебряные монеты XIV в. известны для 782, 786, 795 и 799 г.х. (1380/81, 1384/85, 1392/93, 1396/97 гг.) ханов Мухаммад-Буляка и Токтамышша [Северова, 1997, с.35–36].

Хорезм, весь XIV в. чеканивший монеты по собственной весовой норме 1,89–1,9 г, при Токтамышше изменяет нормативный вес для своих серебряных монет, но также принимает вес, отличный от чеканки европейских городов. Весовой максимум хорезмских серебряных монет эпохи Токтамышша составляет 1,5 г, и, возможно, его норма рассчитывалась как удвоенный вес даника, т.е. как старая дотоктамышевская серебряная монета Поволжья. В Хорезме в 1360–1380-е гг. чеканили золотые монеты по весовой норме 1,16–1,17 г, что составляло 0,5 мискаля. И серебряные, и золотые монеты Хорезма в период, предшествовавший Токтамышшу, и во время его правления, подвергались обрезыванию. Это выравнивало, вероятно, соотношение стоимостей золота и серебра, закрепленное в монетной системе, и приближало его к рыночному соотношению цен на эти металлы [Федоров-Давыдов, 2003, с.17].

В последнее десятилетие в многочисленных публикациях приводятся данные о неизвестных ранее эмитентах, городах, местах монетной чеканки или пересматриваются прежние названия: «Шейхун» или «Шейхун Муаззам» [Пачкалов, 2001, с.71–73]; «Идиль» на месте Водянского городища [Евстратов, 2000, с.74–76]; «Ак-Сарай» на Царевском городище [Гончаров, Пачкалов, 2002, с.85–

87]; «Шонгат» на месте селища неподалеку от с. Большие Атрясы в Республике Татарстан [Гумаюнов, Евстратов, 2003, с.79–81]; «Янгикенд» в низовьях Сырдарьи [Лебедев, 2003, с.89–91] и т.д. К этим сообщениям следует относиться достаточно осторожно, огульно не отрицая, но и не принимая их без весомых доказательств.

По подсчетам Е.Ю.Гончарова, с 782 по 797 г.х. (1380/81–1394/95 гг.) в Улусе Джучи работало не менее 13 дворов, а с 796 до 800 г.х. (1393/94–1397/98 гг.) денежная чеканка Улуса сильно сокращается; пока имеется мало данных о чеканке монет в 797–799 г.х. (1394/95–1396 гг.) [Гончаров, 2003, с.94–95].

Упадок золотоордынских городов начался еще в 1370-е гг. – это было следствием «великой зямтни», о чем свидетельствуют археологические раскопки городищ и находки монет на них. Происходит гибель многих усадеб в столичных городах Нижнего Поволжья, городской торг испытывает дефицит серебра, которое уходит в клады, монеты Токтамышша редко встречаются на городищах, но часто в кладах.

Действие реформы Токтамышша было ограничено территориально, и более или менее полная смена монет была осуществлена только в столичных районах Нижнего Поволжья. В некоторых провинциях продолжали обращаться в большом количестве старые дирхемы дотоктамышевской чеканки. Однако эти старые дирхемы были обрезаны и обращались теперь в новом качестве и по новому курсу заключенного в них серебра. Если после реформы 1310 г. столичные монеты вытесняли местный чекан, то теперь сосредоточие чеканки в столичных центрах было нарушено уже в 1360 г., когда стали выпускать массовое количество монет в провинциальных центрах. Реформа Токтамышша закрепила это положение. Походы Тимура нанесли сокрушительный удар по Золотой Орде, многие центры монетной чеканки были уничтожены: Сарай ал-Джадид, Азак, Укек, Маджар, Хаджи-Тархан и др.

IV период денежного обращения (с реформы Шадибека 802 г.х. (1399/1400 г.))

Реформа хана Шадибека (1399–1407), ставленника улуг карачибека Идегея, не привела даже к временной унификации денежного дела и нивелировке денежного обра-

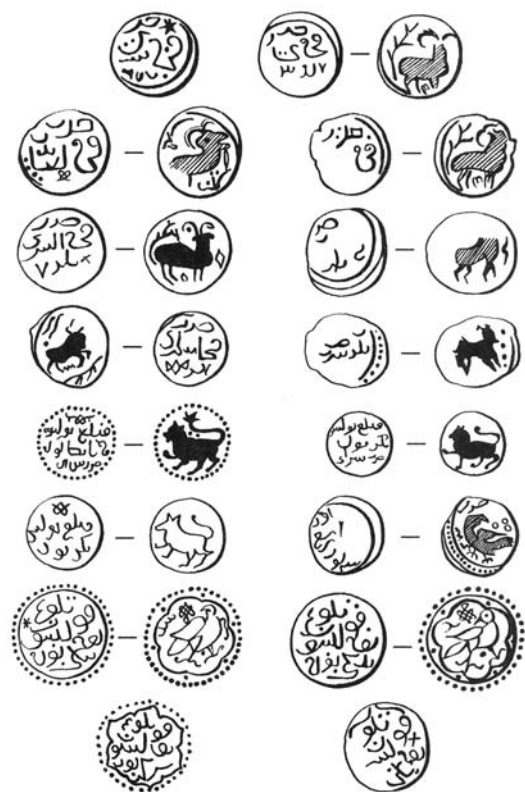
щения. Уменьшение веса дирхема до 1,13 г (вес 1,5 даника) по образцу крымского дирхема 796 г.х. (1393/94 г.) было произведено в Орде, Хаджи-Тархане, Сарае, Крыму, Сарайчыке и сопровождалось сменой старых токтамышевских дирхемов монетами Шадибека, затем Булата (1407–1411), Джалал ад-Дина (1411–1412). В Сарае в XV в. чеканят мало монет, появляются новые места чеканки – Бирди-Базар, Орда-Базар, Джиди-Бик-Базар («Базар Семи Беков»), Хел-Бирди-Базар, Иль-Уй-Маззам («Дом страны Высочайшей»), Улуг ал-Джадид – возможно, это были какие-то кочевые центры. Монеты Орда-Базара и Улуг ал-Джадид встречаются как болгарского, так и южного веса, что позволяет предположить кочевой характер этих центров чеканки [Федоров-Давыдов, 2003, с.18; Мухамадиев, 1983, с.192].

При Шадибеке география чеканки разделилась, в первые 12 лет XV в. работают те же 13 монетных дворов. Из списка монетных дворов выбыли Сарайчук и Маджар, но добавились Болгар и Раджан (последний при Булате). Крымская чеканка смещается в Кафу, небольшие выпуски характерны для Сарая, Орды, Хаджи-Тархана и Хорезма [Гончаров, 2003, с.95].

Монеты южных городов Улуса Джучи дают весовой максимум 1,1–1,154 г [Мухамадиев, 1983, с.120; Янина, 1954, с.453], но их вес в течение XV в. уменьшался. А.Г.Мухамадиев предположил, что понижение происходило не случайно, и вес южных монет все время соотносился с болгарскими как 1,5:1 [там же, с.128, 140]. В 1430-е гг. южные монеты весили около 0,9–0,95 г [там же, с.125]. Во второй четверти XV в. денежное обращение в Нижнем Поволжье прекращается полностью – нет кладов и находок монет этого времени.

После разгрома в 1395 г. Тимуром Азака и италийнской колонии в начале XV в. опять работает монетный двор Азака. От этого времени известны серебряные монеты Шадибека, однако, последний погром Таны в 1418 г. сопровождался сожжением всего поселка [Фомичев, 1981, с.241].

После взятия Хорезма в 1388 г. Тимуром и чеканки монет с его именем, на некоторое время вновь возвращаются Джучиды. В начале XV в. чеканятся серебряные монеты от имени ханов Шадибека и Булата. В 808–815 гг.х.(1405/06–1412/13 гг.) в Хорезме пребывал Идегей, и при нем чеканились монеты

Анонимные пулы. Сарай. Середина XIV в.
(по Г.А.Федорову-Давыдову)

от имени покойного хана Булата, а также Тимур-хана и Джалал ад-Дина, боровшихся за власть в Улусе Джучи. Весовая норма чеканки в Хорезме в начале XV в. была близка к 1,1–1,15 г, очевидно, как и в южных городах европейской части Золотой Орды, т.е. по норме реформы 800 г.х. (1397/98 г.), принятой, кроме Болгара, во всех городах государства [Федоров-Давыдов, 2003, с.19].

В начале XV в. восстанавливается чеканка Болгара. Топография находок монет XV в. с именем Болгар и Болгар ал-Джадид показывает, что этот монетный центр был где-то севернее Камы, возможно, это была Казань [Мухамадиев, 1983, с.13, 20, 115]. В начале XV в. при ханах Шадибеке и Булате болгарские монеты давали весовой максимум 0,75–0,8 г. Видимо, весовой нормой являлся даник в 0,78 г. Эта весовая норма прослеживается и на обрезанных монетах предшествующей эпохи [там же, с.104, 111, 120; Федоров-Давыдов, 2003, с.17].

А.Г.Мухамадиев по материалам Мало-Атрянского клада пришел к заключению, что монеты Токтамышша обрезаны в основном под

вес даника в 0,78 г [Мухамадиев, 1970, с.62]. Весовые нормы чеканки болгарских монет в течение первой половины XV в. постоянно уменьшаются. При хане Дервише (1414–1419) вес их становится 0,62–0,63 г, а при Гийас ад-Дине (1422–1426?), «...первом суверенном правителе Казани – 0,585 г» [Мухамадиев, 1983, с.125–126]. При Гийас ад-Дине и при Улуг-Мухаммаде понижение весовой нормы болгарских монет сопровождалось, видимо, денежной реформой, т.е. исчезновением старых монет и заменой их на новые. Об этом свидетельствуют клады [Федоров-Давыдов, 2003, с.18].

Снижается не только вес, но и качество чеканки. Монеты XV в. трудно определимы, небрежно или неумело изготовлены и составляют разительный контраст в сравнении с продукцией XIII и XIV вв. Некоторые монеты почти не несут на себе надписей, т.к. во время чеканки были смещены штемпеля, попадают монеты с зеркальными надписями, что является браком. Ухудшается и качество материала – серебра, что видно невооруженным глазом.

Вес монет южных городов Улуса Джучи и Хорезма также в течение XV в. уменьшался. А.Г.Мухамадиев заметил, что «...если вначале, непосредственно после реформы Шадибека, казанские монетчики должны были ориентироваться на вес сарайского дирхема, то, судя по стройности весовой нормы казанской чеканки к концу первой четверти XV в., можно допустить, что весовая норма чеканки монет Сарая изменяется вслед за весовой нормой монет Казани. Это объясняется тем, что к середине XV в. денежное обращение Нижнего Поволжья клонилось к упадку, а чеканка монет продолжала сокращаться. Почти вся продукция чеканки городов Нижнего Поволжья уходила в Казанское ханство, где денежное обращение сохранялось. Естественно, монетчики из городов Нижнего Поволжья вынуждены были ориентироваться на вес казанских монет» [Мухамадиев, 1983, с.128]. В Казанском ханстве монеты уже не чеканятся, а в обращение поступают русские монеты.

В XV в. возрастает роль монетного двора **Хаджи-Тархана**. Здесь следуют периодические серийные выпуски серебряных монет от 805 г.х. (1402/03 г.) Шадибека до 831 г.х. (1427/28 г.) Улуг-Мухаммада. Их сменяет серебряный чекан ханов Астрахани XV в. Наиболее активно хаджи-тарханский двор рабо-

тает в XV в., но медные выпуски не зафиксированы [Северова, 1997, с.35–36], однако Е.Ю.Гончаров сообщает о медных монетах Хаджи-Тархана в 808 г.х. (1405/06 г.) и 809 г.х. (1406/07 г.), подчеркивая, что в это время медные монеты в Золотой Орде уже не чеканили [Гончаров, 1997, с.182–183].

К середине XV в. только в Крыму и Казанском ханстве сохраняется денежное обращение. В **Крыму** в XV в. продолжался регулярный выпуск серебряных монет, кроме того, началась серебряная чеканка в городах юго-восточного Крыма. С первых лет XV в. в Крыму заработал второй монетный двор в генуэзской Кафе, где стали чеканиться дирхемы Шадибека и Булата. Собственно джучидские монеты Кафы появились в 802 г.х. (1399/1400 г.) при Шадибеке. Позднее, с 1419 до 1475 гг. (до конца существования генуэзской колонии в Крыму), выпускались двуязычные, т.н. генуэзско-татарские монеты. На одной стороне помещено изображение генуэзского портала и латинская надпись, на другой – арабская легенда с именем Суфи. Эти выпуски сменяются двуязычными монетами, на которых присутствует и золотоордынская тамга. Они уступают место монетам с именем крымского хана Хаджи-Гирея, и его монеты чекана Кафы уже несут гиреевскую тамгу [Федоров-Давыдов, 2003, с.19; Лебедев, 2000, с.17]. Таким образом, выпуск джучидских дирхемов закончился в 30-х гг. XV в., когда образовалось Крымское ханство. После 825 г.х. (1421/22 г.) появляются монеты другого монетного двора – Кафа ал-Джадид с именем Девлет-Бирди (1421–1426/27) [Хромов, 2002, с.94].

В Улусе Джучи кроме серебряных и медных монет в денежном обращении участвовали палочковидные серебряные слитки – сумы (сомы). Джучидские «ладьевидные» слитки весом 185–198 г были более короткие, чем русские гривны «новгородского типа». Слитки не находились в повседневном обращении и, представляя значительную ценность, участвовали только в крупных платежах или являлись сбережениями знати и богатых купцов.

Золотые монеты в Улусе Джучи не чеканились, исключением являются хорезмские анонимные динары времен «великой замятни» 1360–1370-х гг. Однако золотые индийские и египетские монеты проникали на тер-

риторию государства. Известно более 60 динаров Халдидской и Таглакидской династий Индии, найденных на территории Улуса Джучи. Появление этих монет во времена правления Узбек-хана, вероятно, связано с сообщением Ибн Баттуты об активной торговле Улуса с Индией, в частности, о выгодах доставки коней в Индию. Эти золотые динары, весом около 11 г, не участвуя в повседневной торговле, были средством накопления капитала. По подсчетам М.Г.Крамаровского, джучидский дирхем времен Узбека стоил в 81,5 раз меньше, чем индийский золотой динар [Крамаровский, 2005, с.153].

Денежное обращение Улуса Джучи прошло те же этапы, что и само государство. Оно зародилось в XIII в. в отдельных, мало связанных между собой районах локального функционирования денег, имеющих давние торгово-ремесленные традиции и оседлое население, издавна втянутое в торговую деятельность. В первой половине XIV в. при хане Узбеке наступает наивысший расцвет товарно-денежных отношений на всей территории государства. Усиление центральной власти повлекло к почти полному исчезновению провинциального чекана, а все рынки Улуса наполнились столичными монетами Сараев и Гулистана. Денежный рынок мгновенно отреагировал на ослабление центральной власти в 60–70-х гг. XIV в. во времена дворцовых переворотов, и продукция столичных монетных дворов снова уступает место местному чекану, появляются «нумизматические провинции». Местные власти в поисках дополнительного насыщения своих рынков монетой, помимо выпуска своих дирхемов и пулов, используют надчеканивание, обрезывание старых, имеющихся монет. После похода Тимура в 1395 г. и разорения основных городов Улуса, международные торговые пути, связывающие Запад с Востоком переместились к югу, в другую часть Передней и Средней Азии, а центром новой империи Тимура стал Самарканд. В XV в. сфера денежного дела и обращения сужается до границ XIII в. (бывшая Волжская Булгария и Крым, из нижеволжских городов – Хаджи-Тархан). В дальнейшем монеты выпускались только в Крымском ханстве (до конца XVIII в.), денежное обращение Казанского ханства обслуживали русские монеты.

ГЛАВА 4

Политическая власть и государственный строй

§ 1. Хан и аристократия: структура власти и управления

Искандер Измайлов, Дамир Исхаков

Нанести поражения в многочисленных войнах народам, жившим на огромной территории Центральной Азии и Восточной Европы, монголам удалось довольно легко, но покорить и удержать их в орбите своей власти оказалось значительно труднее. Не случайно многие кочевые империи исчезали в горниле истории сразу же после смерти своих создателей. Поэтому умудренный тысячелетним опытом потомок киданьских императоров Елюй Чуцай, ставший советником Чингиз-хана, говорил: «Основать империю, сидя верхом на коне можно, но управлять ею сидя в седле нельзя». Следуя этому правилу, Чингизиды на всей территории обширной, разнородной и многонациональной империи создавали сложную и разветвленную административную систему. В Улусе Джучи она начала складываться уже в 40-х гг. XIII в., а в первой половине XIV в. административно-территориальная структура Золотой Орды уже выкристаллизовывалась и позволяла достаточно эффективно осуществлять контроль над всеми областями империи.

Социально-политическому устройству Золотой Орды в научной литературе, в т.ч. и в отечественной, уделялось значительное внимание [Березин, 1864; Егоров, 1972; 1985; Федоров-Давыдов, 1973; Кляшторный, Султанов, 2000]. В целом по этому важному и сложному вопросу существует целый спектр различных мнений, суть которых можно понять, если очертить границы противоположных концепций. Одна считает, что империя Чингиз-хана и его потомков была потестарно-политическим организмом с неразвитой классовой структурой и отсутствием государственных институтов (см.: [Скрынникова, 1997, с.12, 32 и сл.]). Другая доказывает, что уже империя Чингиз-хана, не говоря уже об Улусе Джучи, были феодальными государ-

ствами («монгольский кочевой феодализм») со своеобразными, но вполне сопоставимыми с однопорядковыми политическими и социально-экономическими институтами других средневековых государств [Владимирцов, 1934; Федоров-Давыдов, 1973]. Обе эти крайние концепции, по всей видимости, не отражают реальной картины общественно-политического строя Улуса Джучи, который был довольно своеобразным, сочетающим различные элементы как традиционного кочевого общества во главе с правящим родом, так и развитую систему управления и администрирования восточного, мусульманского типа. Сама структура этой сложной системы может быть в настоящее время описана только в самом общем виде.

Продвинуться в направлении ее более глубокого понимания удалось лишь благодаря новым исследованиям американского историка Ю.Шамильоглу [Schamiloglu, 1984; 1986; 1992; 1993; 1998]. По мнению этого исследователя, социально-политическая структура Улуса Джучи основывалась на т.н. «системе четырех беков», или на союзе четырех «правящих племен». Лидеры последних, известные как «улусные эмиры (беки, беги)» (порусски – «ордынские князья», по-арабски – «амир ал-улус»), один из которых считался главным *улуг карачибек* (*беклярбек* ~ *бейлярбей* по-тюркски, *князь князей* русских источников), совместно с ханом из Чингизидов образовывали правящую корпорацию, в рамках коллективного правления которой уравновешивая хана-суверена. Внутри этой корпорации отношения между ханом и лидерами «правящих племен» регулировались перекрестными супружескими союзами по женской линии. Кроме того, из-за отсутствия четко установленной системы наследования власти от отца к сыну в правящем доме Чингизидов в

Золотой Орде гарантиями правления династии и выдвигения того или иного султана из рода Джучи выступали именно лидеры указанных племен, сажавшие хана на трон в буквальном смысле и, в случае необходимости, низвергавшие его. И.Шильтбергер, описывая церемонию интронизации хана в «Золотой Татарии» на рубеже XIV–XV вв., отмечает: «короля (т.е. хана. – *И.И., Д.И.*)... сажают... на белый войлок и три раза приподнимают. Затем носят его вокруг палатки, сажая на престол и вручают ему золотой меч, после чего он должен присягнуть по их правилам» [Шильтбергер, 1984, с.44]. Судя по этим данным, данную важнейшую государственную церемонию осуществляли именно карачибекки. Все это заставляет пристально изучать именно эту систему, которая опиралась на клановую структуру, через нее на улусы и более мелкие земельные владения.

Фактически можно уверенно сделать вывод, что вся внутренняя политика в Золотой Орде вращалась вокруг двух основных элементов политической власти – дома Чингизидов и кланово-племенной организации с ядром в виде конфедерации четырех «правлящих племен». Важность «системы четырех беков» как структурообразующего элемента государственной власти в Золотой Орде хорошо видна из предлагаемой схемы.

К сожалению, из-за нехватки источников до сих пор не удалось установить однозначно, в каждой ли из двух частей (крыльев) Улуса Джучи – Ак-Орде (правое крыло) и Кок-Орде (левое крыло) – имелась своя «система четырех беков», т.е. «правлящих племен», или они управлялись одной и той же конфедерацией, но разделенной на две половины. Возможность второго варианта вытекает из следующего высказывания историка XVI в. Утемиш-хаджи относительно времени правления хана Бердибека (1357–1359): «...Кыйат Мамай забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым, (а) левое крыло увел на берег Сыра Тенгиз-Буга, сын Кыйата Джир-Кутлы» [Утемиш-хаджи, 1992, с.108]. Но в целом из-за того, что приведенная информация относится

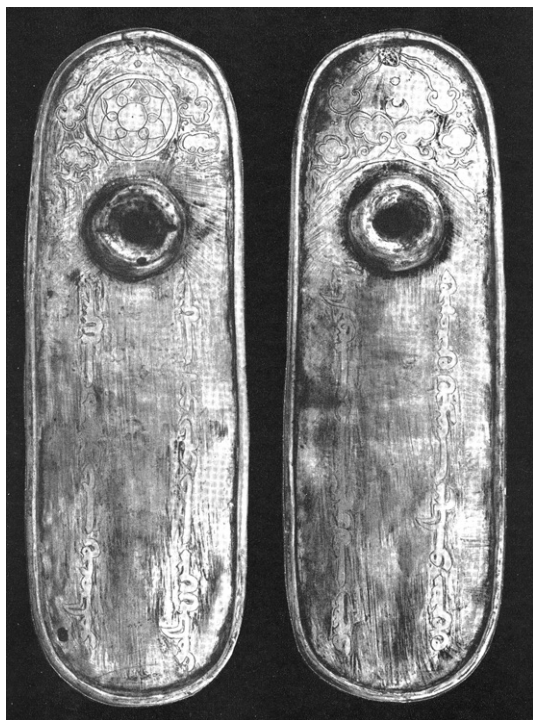

Административная система Золотой Орды в XIV в.

к периоду начавшегося распада государства, она нуждается в дальнейшем уточнении, что будет сделано далее при реконструкции кланового состава Золотой Орды. Высказанное в свое время Г.А.Федоровым-Давыдовым предположение о существовании вторичного деления на правое и левое крылья внутри улуса Бату, т.е. в собственно правом крыле Улуса Джучи – Ак-Орде, несмотря на некоторые аргументы в его поддержку [Федоров-Давыдов, 1973, с.59–60], требует дальнейшего обоснования и уточнения.

Стержнем политической системы империи Чингиз-хана и ханств, созданных его потомками, являлась власть «золотого рода»/«алтын уруга» – семьи Чингиз-хана над всей державой или ее частью – улусом, выделенном тому или иному наследнику Чингиз-хана. Занимать престол в империи Чингизидов могли только и исключительно потомки Чингиз-хана. Улус Джучи со всеми землями и населением по традиции, ведущейся от времени Чингиз-хана, принадлежал роду Джучидов, из которого и происходили все ханы, правившие страной в XIII–XV вв.

Ханам принадлежали верховная власть в стране и суверенитет над ее территорией. Именно они наделяли улусами и должностями других Чингизидов и своих вассалов, осуществляли внутреннюю и внешнюю политику, в т.ч. устанавливали новые законы, вводили налоги, чеканили монету и командовали войсками. Плано Карпини, описывая власть хана в Монгольской империи (это можно с оговорками отнести и к Улусу Джучи) в середине XIII в., писал: «Император этих татар имеет изумительную власть над всеми.

Пайцза. Серебро с позолотой. Крым.
Симферопольский клад. XIII–XIV вв. ГИМ

Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия» [Путешествия, 1957, с.45]. В период расцвета империи власть ханов была так велика, а авторитет их на Востоке настолько значителен, что даже такой независимо мыслящий историк, как Ибн Халдун, выделяя ханов Орды среди других Чингизидов, приравнивал их к великим монгольским каанам, называя «обладателями тронов».

Вместе с тем, это отнюдь не была власть безграничного самодержца и самовластного правителя. Теоретически хан правил с согласия и санкции всего «алтын уруга», выражая его коллективную волю и проводя его политику. Само выдвижение и избрание хана происходило на курултае и только на нем. В числе важнейших законоустановлений, видимо, содержавшихся в Йасе Чингиз-хана, Плано Карпини указывает такой: «...всякого, кто,

превознесаясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления» [там же, с.43]. Иными словами, принадлежность к роду Чингиз-хана и старшинство в роде являлись необходимыми, но отнюдь недостаточными условиями, чтобы стать ханом. Санкцию на власть давал «алтын уруг», выражая свою волю через курултай. По словам историка Т.И.Султанова: «Царствующий род как бы делегировал одного из своих представителей на исполнение определенных функций, наделив его известными правами» [Султанов, 2006, с.67]. Именно курултай, созванный из представителей Чингизидов и высшей аристократии, определял наследника, избирал его и возводил на престол. Разумеется, строго говоря, выдвижение и отбор кандидатов происходили заранее на совещаниях аристократии, а на самом курултае происходило единоголосное и согласованное выдвижение кандидата, провозглашение хана, принесение ему присяги и торжественное возведение на престол (подробнее см.: [там же, с.69–72]).

Само это выдвижение и выборы были строго регламентированными процедурами и церемониями, которые диктовались Йасой и, видимо, обычным правом. Главными из них являлись публичный отказ всех других представителей «алтын уруга» от власти и единоголосное наделение властью согласованной заранее кандидатуры. Как бы ни был подобный обряд прост, именно он делал одного из многих султанов не просто главой государства, но и наделял его харизмой всего рода Чингиз-хана, превращая в фигуру почти сакральную. История Улуса Джучи знает несколько вариантов престолонаследия, и все они признавались традицией правильными, а вопрос о предпочтении того или иного из них решался всякий раз с учетом конкретных обстоятельств и расстановки политических сил [там же, с.91–92]. Главным оставался один, но ключевой принцип – одобрение курултаем, собранным из представителей «алтын уруга» и клановой аристократии. В этой связи противоречивые рассуждения некоторых отечественных историков о том, что государства Чингизидов не имели строгой системы престолонаследия, что провоцировало перманентный кризис ханской власти, которые сопровождаются пассажами о самовластных ханах, способствовав-

ших утверждению самодержавия на Руси [Кривошеев, 1999, с.232–293], следует признать неверными. Государственный строй Улуса Джучи был достаточно устойчив, чтобы просуществовать почти 200 лет, а сама система власти не имела ничего общего с классическим восточным деспотизмом.

Хан, как носитель верховной светской власти, традиционно считался гарантом стабильности, правопорядка и процветания государства. По формуле средневековых источников хан обязан был заботиться о воих подданных и беках, «как мать» о своих детях, а они, в свою очередь, обязаны были ему подчиняться и почитать «как отца». При этом, в полном соответствии с универсальными средневековыми представлениями [Блок, 1998; Nelson, 1986], правитель являлся не только средоточием власти, но и хранителем закона и справедливости в державе, которые рассматривались как залог стабильности общества и государства.

Объем полномочий хана был весьма значителен. Кроме сакральных функций олицетворения своего государства и сохранения харизмы Чингизидов, хан имел целый ряд прав и должен был исполнять много других обязанностей. В числе главнейших из них следует отметить право распоряжаться всей землей и народом государства, вершить суд и хранить целостность державы в интересах «алтын уруга». Отсюда вытекали функциональные права на перераспределение улусов внутри рода, вести дипломатические переговоры, объявлять войну и заключать мир, вершить суд и расправу, издавать и проводить в жизнь законы и приказания.

Важным свидетельством верховной власти хана на земли и население государства являлось его право наделять и перераспределять владения. Г.Рубрук, проезжавший по землям Улуса Джучи в середине XIII в., писал: «Они (т.е. монгольские ханы. – *И.И., Д.И.*) поделили между собою Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ. А также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью» [Путешествия, 1957, с.91].

Разумеется, в каждом отдельном случае власть каждого хана зависела от его способностей и возможностей сосредоточить в сво-

их руках действенные и реальные механизмы управления, не передоверяя их своим приближенным и административно-бюрократическому аппарату, но это уже вопрос политики, как «искусства возможного». В любом случае, в Улусе Джучи были созданы своеобразные механизмы «сдержек и противовесов» для различных центров власти, чтобы сохранять стабильность общества и державы.

Одним из них в Улусе Джучи, как и во всех империях, следовавших этнополитическим традициям тюркских каганатов, являлся институт соправительства, когда наряду с ханом в одной из частей державы (крыле) правил наместник хана, чей статус уступал только сюзеренитету верховного правителя [Трепавлов, 1991, с.249–278]. Такими соправителями были Бату и Орду. Рашид ад-Дин об этом пишет следующее: «...из войск Джучи-хана одной половиной ведал он (Орду. – *И.И., Д.И.*), а другой половиной – Бату» [Рашид ад-Дин, 2002, II, с.66].

Но статус Кок-Орды оставался в целом вполне самостоятельным. Скажем, Рашид ад-Дин указывает: «...не бывало случая, чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам рода Бату..., (так как они) являются независимыми государями своего улуса». Но этот историк замечает, что у населения Кок-Орды «было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто является заместителем Бату, и имена их они пишут сверху своих ярлыков» [там же]. Речь, таким образом, идет все же об определенной подчиненности правителей Кок-Орды, при сильной центральной власти в Золотой Орде, явно возраставшей, – в источниках есть прямые указания о том, что правитель Кок-Орды Сасы-Бука «совершенно не сходил с большой дороги службы Тогрул-хану и Узбек-хану и не уклонился ни от одного вызова и курилтая» [СМИЗО, 1941, с.130]. Сын его Эрзен стал «его преемником» по «указу Узбек-хана», а сын последнего – Чимтай, после некоторой «смуты», опять-таки оказался «правителем того улуса» «по указу Дженибек-хана» [там же]. Представления о подчиненном положении потомков Орду при ханах Узбеке и Бердибеке сохранились в исторической традиции [Утемиш-хаджи, 1992, с.105, 108–112]. Возможно при этом, что формальный статус соправителя всего улуса сохранялся за ханом Кок-Орды, которые использовали его как

предлог для участия в смуте 60–70-х гг. XIV в. [Трепавлов, 1993, с.76–96].

Постепенно, однако, реальная власть соправителя перешла к улуг карачибеку (беклярибеку). Но это, видимо, произошло не сразу. К примеру, Ногай именовался в источниках «главным» или «старшим предводителем войск» (*амир-и лаишкар*) хана Берке, «правителем Орды в странах Севера», «государем Татарским», имевшим «полную власть над царями из дома Души-хана (Джучи-хана. – *И.И., Д.И.*)», и, даже «причисленный к ханам», около 1270–1271 гг. он упоминается наряду с «начальником правого крыла» эмиром Тайрой и «начальником левого крыла» эмиром Маву [СМИЗО, 1884, с.101, 110, 155, 381, 509]. Иными словами, используя механизмы власти, некоторые Джучиды, как Ногай, перехватывали реальную власть и право на соправительство у ханов из рода Орду.

Административно-территориальная система Улуса Джучи была похожа на внутреннее устройство других кочевых империй Евразии, ведущих свою родословную от гуннской державы, в которой все земли государства были разделены, как уже указывалось, на две части – правую и левую стороны («крылья»). Кроме того, оба эти «крыла», в свою очередь, в соответствии с традиционной тюркской системой четырехчленного деления державы, делилась на два крыла. Подобная структура находила отражение в военной организации, т.е. военная знать, приписанная к каждому «крылу», во время военных действий четко знала свое место во время сбора войск и в сражении. С эпохи Токтамышы (1395 г.) сохранилось одно любопытное сообщение, свидетельствующее о глубокой укорененности деления на левые и правые крылья. Когда в ходе битвы с Тимуром хану Токтамышу пришлось перебросить с правого крыла войск на левое клановое подразделение *Бахринов* (*Барынов*) во главе с Яглы-бием, это было воспринято как экстраординарная мера. Источник сообщает, что Яглы-бий бахадуру, бывшему «предводителем улуса бахринов – а со времен Огуз-хана это племя принадлежало к людям правой стороны», было велено перейти «на левое крыло». В итоге «с того дня улус бахринов получил на курилтае узбекских султанов место (*урун*) на левой стороне», тогда как «раньше, подобно своим родичам – конгуратам, найманам, джалаирам, уйшунам и

другим, это племя (находилось)... на правой стороне» [СМИЗО, 1941, с.208; Мирзо Улугбек, 1994, с.233]. Однако ясно, что данная военно-административная система имела корни еще в эпоху становления Улуса Джучи и распределения улусов после завоевания евразийских степей от Дуная до Иртыша.

Со времен Бату к правому «крылу» (Ак-Орде) относились улусы самого хана Бату, Берке, Хуррумши и др., а к левому «крылу» (Кок-Орде) – Орду-Эджэна, Тука-Тимура, Шибана, Удура и др. Скажем, тот же Плато Карпини, описывая свое путешествие по «стране команов», указывает их владения по речным системам: «Днепр (Nepet), возле которой со стороны России кочевал Коренца, а с другой стороны... кочевал Мауци, который выше Коренцы... Дон, у которой кочует... князь по имени Картан, женатый на сестре Бату». На Волге, по сообщению этого автора, «переходит с места на место» сам Бату, а на Яике (Яеес) – «две тысячи, один с одной стороны реки, другой с другой стороны» [Путешествия, 1957, с.70]. Или при описании путешествия египетских послов во владения хана Берке вначале речь идет о приходе их на берег около Судака, где «в местечке Крым» их встретил «правитель того края по имени Таюк», а когда они поехали степью, через день «нашли другого начальника по имени Тукбуга», который «начальствовал над 10000 всадников и был правителем всего этого края» [СМИЗО, 1884, с.63, 192].

Описывая восточные владения Бату, Плато Карпини сообщает, что в землях «черных китаев и океана», с севера прилегающих к владениям «сарацин», возглавлявшихся ранее «Алтисолданусом» (т.е. Ала ад-Дином Мухаммад-хорезмшахом), «пребывает Сыбан, брат Бату», а «Орду, старший над Бату» живет в «Орде, или дворе его отца» (т.е. в улусе Джучи) [Путешествия, 1957, с.73]. У Рашид ад-Дина про Орду говорится, что с «(этим) войском и четырьмя братьями – Удуром, Тука-Тимуром, Шингхумом – он составил левое крыло...; их до сих пор называют царевичами левого крыла... его юрт (и юрт этих) братьев и их войско находятся на левой стороне» [Рашид ад-Дин, 2002, II, с.66]. О таком делении автор XVI в. Утемиш-хаджи пишет следующее: «(Чингиз-хан) в соответствии с ханской ясой отдал Саин-хану (т.е. Бату. – *И.И., Д.И.*) правое крыло с вилайетами на реке Идил, (а) левое крыло с вилайетами вдоль реки Сыр от-

дал Иджану (Орду-Эджэну. – *И.И., Д.И.*)» [Утемиш-хаджи, 1992, с.93].

В целом начальный этап распределения владений внутри правого и левого крыла, судя по сведениям европейских послов и других источников, представляется следующим образом.

Самым западным улусом Ак-Орды в междуречье Дуная и Днестра и вплоть до Днестровско-Днепровского водораздела владел, очевидно, отец Ногая, а потом и он сам. Земли в Приднепровье принадлежали Хуррумши/Курмыши (*Куремса* русских летописей), сыну Орды, но в 1260-х гг. этот улус был передан кияту Бурундаю. На левобережье Дона находились владения Моуцы (*Моусу* из труда Плано Карпини), очевидно, Муджи Яя, второго сына Чагатая. Вполне очевидно, что после падения рода Чагатая в 1251 г. этот улус был передан правителю из дома Джучи. Вдоль правого берега Дона находился улус Картана, мужа сестры Бату. Правитель Степного Крыма в 40–50-е гг. XIII в. неизвестен, но в период правления хана Берке им был улусбек из тюменей Тук-Буга. Далее, в степях Волго-Донского междуречья, располагались владения Сартака, сына Бату. В степях Северного Кавказа и Западного Прикаспия располагались владения Берке, откуда он был переведен Бату, может быть, в Подонье. Поволжье являлось, скорее всего, ханским улусом – т.е. общим владением всего «алтын уруга» и, возможно, каждый Джучид имел здесь какие-то владения или права на доходы. Не исключено, что земли бывшей Булгарии имели особый статус и сначала подчинялись напрямую великому хану, а со второй половины XIII в. вошли в состав ханского улуса.

По Волго-Уральскому водоразделу, очевидно, располагалась граница между правым и левым крыльями, между Ак-Ордой и Кок-Ордой. Вдоль р. Джаик (Яик, Урал) находились владения какого-то Джучида, точное имя которого не сохранилось (может быть, Удура, Шингкума или Сингкума). В Западном Приаралье и на Мангышлаке располагались владения Тука-Тимуридов. Северный Хорезм с центром в Ургенче был особым владением, возможно, общим владением всех Джучидов, а во время правления хана Узбека был передан его дяде (сыну тетки по матери), бывшему улуг карачибеку кияту Кутлуг-Тимуру, сыгравшему решающую роль в возведении на трон Узбека. Южное Приуралье и степи За-

падной Сибири принадлежали Шибану, сыну Джучи, и его потомкам. Видимо, некоторое время к владениям Шибана относились земли Восточного Приаралья и низовой Сырдарьи с гг. Дженд, Сыгнак, Сайрам, но еще во время правления Орду-Эджэна эти земли вошли в его собственный улус. Изначально же ему принадлежали коренные владения Джучидов в верховьях Иртыша и близ оз. Алакуль, откуда собственно и началась история Улуса Джучи.

В историографии существует дискуссия как по вопросу о принадлежности тех или иных Джучидов тому или иному крылу (например, Шибана) и вообще о соотношении Ак-Орды с правым, а Кок-Орды с левым крылом. Литература по этому вопросу довольно многочисленна и противоречива. Проблема эта во многом связана с тем, что сами источники далеко не всегда однозначны. Многие спорные моменты вызваны тем, что некоторые сочинения относятся к позднему времени, а их авторы пытались примирить сведения из известных ему источников с современными реалиями. Ключевой в этом смысле является ошибка персидского автора «Анонима Искендера» Муин ад-Дина Наганзи, который, не разобравшись в соподчинении улусов и крыльев, отнес земли Шибана в низовьях Сырдарьи к владениям Ак-Орды, потом, пытаясь объяснить четкие указания своих источников о том, что Ак-Орда располагалась на западе Улуса Джучи, запутался в цветовом определении различных крыльев и генеалогии их правителей (так у него правитель Кок-Орды Сасы-Бука, вопреки четкой генеалогической традиции, стал сыном Ногая и т.д.). Снимающей все противоречия источников и объясняющей подобную запутанную ситуацию является весьма обоснованная гипотеза Г.А.Федорова-Давыдова, считавшего, что само тюркское цветоопределение крыльев вошло в обиход в середине XIV в. в связи с общей тюркизацией Улуса Джучи и еще не устоялось в традиции. Одновременно с общим соотношением Ак-Орды с правым крылом, а Кок-Орды – с левым, внутри каждого из этих крыльев в полном соответствии с единой военно-административной системой государства выделяются свои правое и левое крылья, которые позднее получили соответствующие цветовые определения [Федоров-Давыдов, 1973, с.141–144]. Однако вывод Г.А.Федорова-Давыдова о том, что улус Шибана и его потомков относится к правому крылу го-

сударства, к Ак-Орде [там же, с.144], представляется не просто сомнительным, но и противоречащим его собственным выводам. Скорее всего, в данном источнике (а он, кстати, единственный, который относит улус Шибана к Ак-Орде) речь идет об Ак-Орде левого крыла (Кок-Орды). В любом случае, относить владения Шибана к правому крылу нет никаких оснований, поскольку в этом случае придется предположить, что территория его улуса глубокоим языком вдавалась в земли Кок-Орды вплоть до Иртыша, а также объяснить, почему потомки Шибана позднее всегда относились к султанам левого крыла.

Внутри Ак-Орда и Кок-Орда, в свою очередь, делились на улусы, в которых также правили потомки братьев Бату и Орду, носившие титул «оглан» (царевич). Затем уже шли владения отдельных беков. Судя по всему, сами улусы представляли собой сложную военно-административную систему иерархически организованных и соподчиненных владений (*иль*). В состав улуса, владелец которого должен был выставлять в поход 10 тыс. вооруженных всадников, входили беки, выставлявшие по тысяче воинов, а им подчинялись владетели, командовавшие сотней. Все эти владения могли быть разными по форме собственности (тарханы, сойургал), но их место в системе «крыльев» и в военной организации оставалось неизменным. Тем самым, военно-административная система строго увязывалась с территориальными владениями и с родо-племенной структурой аристократии.

Правом наделения улусами пользовался хан, который мог передавать во владение особо отличившимся феодалам определенные земли. Так, Бату изъял часть владений Берке, находившихся «в направлении к Железным воротам», присоединил их к своему улусу, ибо купцы-«сарацины», проходившие через владения Берке, «привозили ему дары», отмечает Рубрук. Бату же, которому «все это казалось убыточным, ... приказал ему, чтобы он передвинулся с того места за Этилию, к востоку, не желая, чтобы послы сарацин проезжали через его владения» [Путешествия, 1957, с.117]. Этот пример как нельзя лучше показывает права хана. Берке, после серии военных поражений своего полководца Курмыши, передал его приднепровский улус в управление багатуру Бурундаю; известно, что хан Токта «подарил» Ногаю Крым, куда в итоге от-

правился сын последнего Актаджи [СМИЗО, 1884, с.111, прим.17]. Хан Токта вел войну, чтобы отнять улус у Ногая. После поражения, нанесенного ханом Токтой Ногаю, хан двух своих сыновей – Тукулбугу и Ильбасара – отправил во владения Ногая: первый утвердился на Дунае в Исаки, в местах, «прилегающих к Железным воротам», там, где «находились становища Ногая», а второй «устроился на р. Яике» [там же, с.117]. Тогда же хан на место эмира Абаджи «посадил» его брата Янджи, сына Курмыши [там же].

Судя по источникам, в Орде шел активный процесс дробления улусов. Если в середине XIII в. крупных и влиятельных беков было около двенадцати [Путешествия, 1957, с.44–45], то через 50 лет их число стало доходить до 50–60 (1264 г.) или 70 (1317 г.). Это, в частности, находит подтверждение в сведениях арабского историка ан-Нувайри, который, описывая курултай высшей знати, собравшийся в 1316 г. в ставке хана для решения вопроса о выдаче дочери хана Узбека замуж за султана Египта, писал, что на него «собрались ... эмиры, начальники десяти тысяч, всего 70 эмиров» [СМИЗО, 1884, с.168].

Принадлежность к царствующему дому и к «алтын уругу» давала огланам (или султанам), кроме прав на земельные владения, еще возможность занимать военные и чиновные должности. Сама система улусов с XIII в. эволюционировала от держания на время службы до наследственного владения. Владелец улуса был обязан платить своему сюзеру определенный налог и приводить под его знамена свои войска или нести чиновную и дипломатическую службу. В случае невыполнения этих обязательств или недовольства своим вассалом, хан мог лишиться его улуса.

Точные границы ханского улуса в XIV в. не совсем ясны, но есть интересное сообщение ал-Омари, что хан был «государем Сарая, Хорезма, Крыма и Дашт-и Кыпчака» [там же, с.250], что можно трактовать как указание на размеры личного домена правителей Золотой Орды. Скорее всего, внутри ханское владение также делилось на четыре крупных улуса, которые, в свою очередь, состояли из более мелких феодальных держаний, о чем свидетельствует, в частности, рассказ «О путешествии Пимена в Царьград», в котором при описании поездки по р. Дон упоминается, что путники «минухом Великую Луку и царев

Сарыхозин улус... В четверток же плавуще минухом Бек-Булатов улус... в неделю же шестую, Слепаго, плавуще минухом Ак-Бугин улус» [ПСРЛ, 11, с.96]. Другое сообщение содержится в записках Ибн Баттуты, который, описывая путешествие с одной из жен хана Узбека, отмечал, что «каждый эмир в этом крае сопровождал хатунь с войском своим и до крайнего предела своего участка» [СМИЗО, 1884, с.303]. Ибн Баттута, описавший Золотую Орду 1330-х гг., отмечает эмира Крыма Тулук-Темира, эмира азовского Мухаммад-ходжу ал-Хорезми, «правителя Хорасана» с центром в Хорезме эмира Кутлуг-Тимура [там же, с.282, 284, 311]. Про эмира Мамай, после смерти хана Бердибека «управлявшего всеми делами» государства при малолетнем хане Токтамыше (сын Бердибека), известно, что к его владениям принадлежал Крым (Крымский тумен) [там же, с.390]. В египетских источниках как отдельное владение во главе с эмирами Крым со столицей в г. Солхате упоминается довольно часто [там же, с.413, 452]. Известен также и астраханский «удел», возглавлявшийся во времена Мамай эмиром Хаджи-Черкесом [там же, с.391]. По данным Ибн Арабшаха, у Идегея осталось около 20 сыновей, каждый из которых был «царем владычным» (т.е. самостоятельным правителем), имея свой «особый удел, войска и сторонников» [там же, с.474]. Не исключено, что именно из ханского домена происходили большей частью те 50–70 знатных эмиров или улусбеков, которые собирались при дворе хана для решения важнейших государственных дел. Правда, на большом празднике в г. Сарае, увиденном Ибн Баттутой лично, присутствовало 17 эмиров, «предводительствовавших 170 тысячами» [там же, с.299], что, скорее всего, говорит о нахождении владений именно этих эмиров в центральном – ханском домене.

Управление этими землями, по словам средневековых источников, «по принятому обычаю» (аналогичная система практиковалась во многих кочевых тюркских государствах), от имени хана осуществляли четыре улусных эмира – карачибека или улусбека. На важное, почетное положение карачибеков указывает, в

Татарский лучник.
Миниатюра. Иран.
Начало XIV в.

частности, свидетельство Ибн Баттуты о приеме у хана Узбека: «Главные эмиры восседали на креслах справа и слева от хана... При входе в шатер находились представитель (наиб), везир, казначей (хасиб) и хранитель печати, которую они называют ал тамга... Все четверо встали, когда я вошел» (цит. по: [Шамильоглу, 1993, с.49]). Их функции были достаточно разнообразны. Скорее всего, именно улусбеки следили за строгим выполнением каждым феодалом своих вассальных отношений на вверенных им землях, собирая войска на периодические смотры. Кроме того, каждый улусбек владел крупным леном, который был источником его личных доходов вне государственной службы. Наиболее известными карачибеками были Кутлуг-Тимур, который во время правления хана Узбека управлял Дашт-и Кыпчаком, а потом Хорезмом, Мамай и Идегей, по существу правившие державой при номинальных ханах. В египетских материалах про Кутлуг-Тимура, являвшегося беклярибеком, сказано, что он не только «распоряжался управлением государством, устройством дел (его)», но и занимался «сбором податей» [СМИЗО, 1884, с.325, 516]. Хотя последнее и является, видимо, некоторым преувеличением, власть отдельных карачибеков была весьма высока, особенно в случаях, когда они были главами отдельных крыльев.

Эти карачибеки, как становится ясным из указания Ибн Баттуты и некоторых других источников, формировали высшую военно-административную власть в Золотой Орде. Назначаемые ханами улуг карачибек или бекля-

рибек (как правило, он был одним из улусных эмиров) и везир осуществляли непосредственное управление сложным государственным аппаратом и войском, проводя внешнюю и внутреннюю политику хана, который, по словам источников того времени, «из дел своего государства обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частностей относительно взимания и расходования (средств)» [там же, с.230]. Очевидно, что оба высших администратора руководили многочисленным и сложным аппаратом чиновников всех рангов.

Самую высокую должность при дворе хана имел улуг карачибек, или эмир ал-умара («эмир над эмирами»), или беклярибек («бек над беками»), которого именовали «наместником хана». В письмах египетского султана беклярибеку хана Джанибека Кутлубуге Инаку он именуется как «правитель в землях Узбекика... высокостепенство эмирское, великий, ученый, правосудный, укрепитель, пособник, устроитель... величия ислама и мусульман, глава эмиров двух миров, поборник воителей и борцов за веру, вождь ратей, предводитель войск... пособник царей и султанов, меч повелителя правоверных» [там же, с.348]. Судя по этой пышной титулатуре, великий эмир был командующим всем ханским войском («вождь ратей, предводитель войск», «меч повелителя правоверных») во время военных кампаний, поскольку ханы, формально считаясь главнокомандующими, непосредственно в боевых операциях участвовали редко. Так, в Азербайджане против Хулагуидов воевал при хане Берке Ногай, а при Узбеке – Кутлуг-Тимур. Недаром в послании из Египта, отправленном Ногаю (Ису-Ногаю), перечислены пышные эпитеты, включая и отражающие его положение как военного предводителя: «...к высокостепенному, достопочтенному, родовитому, воинствующему во славу господина своего, озаренному светом сердца своего, сокровищнице мусульман и помощи верующих...» [там же, с.101]. Другой сферой деятельности беклярибека была дипломатия, и, хотя переписка формально велась от имени и по поручению хана, основные переговоры вел сам улуг карачибек, судя по сообщениям египетских источников, обговаривая условия договоров и давая инструкции послам [там же, с.324]. В руках великого эмира была также сосредоточена судебная власть, особенно по

светским вопросам. По словам Ибн Баттуты, посетившего канцелярию беклярибека Кутлуг-Тимура во время суда, там присутствовали кади (судья) вместе с правоведами и «один из старших эмиров, при котором восемь (других) старших эмиров», причем, «что относится к делам религиозным, то решает кади, другие же дела решают эти эмиры» [там же, с.311–312]. Кроме того, беклярибек продолжал управлять одним из улусов Золотой Орды.

Не меньшей, хотя и менее заметной властью обладал везир. Он был советником хана, главой дивана – центрального исполнительного органа. Недаром в письме египетского султана везиру Хусам ад-Дину Махмуду по прозвищу «Диванный» его уважительно величают «везир ханский» в землях Узбека, «высокостепенство эмирское, великий... полновластный, покровительствующий... славе ислама и мусульман, величие эмиров и везирей в двух мирах, краса полновластных, единственный из близких друзей, сокровище государства, советник царей и султанов» [там же, с.348–349]. В его ведении находилась канцелярия, состоявшая из нескольких палат во главе с секретарями [Березин, 1850, с.10; Усманов, 1979, с.211–226] и управлявшая также финансово-фискальной политикой и внутриполитическими делами. Посредством бюрократического аппарата на местах она занималась организацией сбора дани с покоренных народов, установлением налогов и пошлин. Особой прерогативой везира было также право назначать и смещать всех многочисленных чиновников империи, ведающих финансами и налогами всех категорий, которых в Золотой Орде было не менее восемнадцати [Усманов, 1979, с.216–217]. За внешне неприметной деятельностью канцелярии везира стояла и важнейшая функция по обеспечению жизнеспособности государства, стабилизации внутренней жизни империи. Возможность распоряжения казной давала везиру огромную власть при ханском дворе.

Кроме того, внутри Улуса Джучи существовала разветвленная система гражданского чиновничества и иерархическая военно-ленная организация, пронизывающая сверху до низу все государство. Однако подлинной опорой государства, его станковым хребтом, была клановая аристократия. Значительная часть беков со своим кланом (илем) кочевала в степях Дашт-и Кыпчака, а другая – поступала на ханскую службу, переселялась в города и,

возможно, становилась основой городской чиновной аристократии. Многие аристократы под воздействием цивилизации стали менять образ жизни. В местах зимовий стали появляться оседлые поселения и даже настоящие усадьбы - замки. В них жили не только феодалы со своим двором, но и ремесленники, торговцы. Все это способствовало концентрации в руках степной аристократии огромных богатств. По словам ал-Калкашанди, крупные лены давали колоссальный ежегодный доход, до 100 тыс. и даже 200 тыс. египетских динаров [СМИЗО, 1884, с.244]. Крупные земельные владения и регулярные доходы от торговли и военных предприятий позволяли знати содержать многочисленные дружины тяжеловооруженных профессиональных воинов. Арабские источники упоминают о пяти эмирах, которые содержали 30 тыс. всадников с полным вооружением [там же, с.43].

Весьма важную роль в общественной жизни Улуса Джучи играл съезд аристократии – *курултай* – специфичный сословно-представительный орган. Как общественный институт он возник у кочевых народов еще в эпоху класообразования и был формой народоправства. Однако позднее его функции узурпировали аристократы – главы кланов и вожди военных дружин. В эпоху Чингиз-хана он являлся, в первую очередь, собранием правящего дома – «алтын уруга» и собирався, главным образом, для выборов хана. Рост числа Чингизидов и расширение их родственных связей с различными кланами постепенно размывали состав правящего рода и увеличивали число представителей клановой аристократии, которая в силу родственных связей получала права заседать на курултае. В Улусе Джучи нам практически не известен поименный состав членов курултая, но можно предполагать, что это были представители титулованной знати – представителей рода Джучи, наиболее знатные и могущественные главы кланов – улусбеки, поскольку указывалось, что все они «начальники 10 тысяч» [там же, с.168]. Обычно курултай представлял собой собрание 50 [там же, с.63, 193] или 70 [там же, с.168] знатнейших эмиров страны. Именно они решали важнейшие для государства вопросы: о престолонаследии (о возведении или низложении хана), о заключении договоров (как правило, связанных с территориальными уступками), о женитьбе потомков Чингиз-хана и даже о выдвигании «непомерных требований», идущих

вразрез с политикой хана [там же]. Например, после смерти хана Узбека «эмиры государства постановили, чтобы средний сын его, Джанибек, правил государством до времени прибытия старшего сына его, Тинибек» [там же, с.261, 263–264]. По существу, курултай служил органом, выражавшим коллективные интересы клановой аристократии, опиравшейся на свое военное могущество. Он был силой, сдерживавшей стремление ханов к единодержавию и сепаратизм феодалов, а также следившей за сохранением традиционных правоотношений в обществе, и одновременно служил своего рода противовесом самодержавию. В разные годы существования Улуса Джучи роль и значение курултая были различны: то ханы укреплялись, подчиняя своей власти знать, то аристократия вынуждала ханов идти ей на уступки. Это была своеобразная средневековая, можно сказать, степная демократия. Институт этот, очень важный для понимания функционирования политической системы Золотой Орды, свидетельствует, что представления о том, что это государство было восточной деспотией, несостоятельны.

В западной части Орды, по мнению Г.А.Федорова-Давыдова, развитие феодализма во второй половине XIV в. привело к укреплению наследственных форм держания тарханов [Федоров-Давыдов, 1973, с.124–127]. Впрочем, то же самое наблюдалось и на территории Кок-Орды. Скажем, после того, как эмир Урук-Тимур из клана *Ширин* ушел вместе с Токтамышем от Урус-хана к Тимуру, хан «пожаловал (дал в качестве суюргала) его тысячу другому». Когда затем этот эмир попал в плен к сыну отмеченного хана Тимур-Мелику, он просил «возвратить ему иль и людей (улус) его», на что получил отказ, – это послужило причиной повторного бегства опального эмира к Тимуру [СМИЗО, 1941, с.150]. Из этого примера видно, что на левом крыле Золотой Орды также существовали устойчивые владения эмиров (улусы), воспринимаемые ими как их «или» и «улусы». Расширение практики их выдачи привело не только к укреплению экономической и военной мощи крупных феодалов, в первую очередь, улусбеков, но и к усилению их желания получить доступ к рычагам центральной власти, что неизбежно вело к противоречиям. Сколь бы интересы знати ни совпадали, различия в ее среде также были весьма значительны.

Вместе с ростом городов усиливалось влияние чиновной аристократии Сарая, концентрировавшей в своих руках управление механизмом поступления и перераспределения огромных богатств. Все это вело к усилению противоборства между различными кланами за получение доступа к рычагам центральной власти и одновременно к чрезмерной централизации управления. В итоге явственно обострились и другие внутренние конфликты, что способствовало росту центробежных сил.

В середине XIV в. все эти тенденции зрели лишь подспудно и современникам империя Джучидов казалась «мировой державой», гла-

ву которой султан мамлюкского Египта Бейбарс в 1263 г. с почтением уведомлял о «принятии подданства и подчинения», причем эти отношения номинального суверенитета Орды длились до конца XIV в.

Несомненно, что и в глазах других правителей Европы и Азии ханы Золотой Орды были именно такими – великими, благородными, иногда и ужасными. Никто, видимо, даже не мог представить, что этот «столп дома Чингиз-хана» уже подточен внутренними противоречиями и готов рухнуть под влиянием разных факторов.

§ 2. Административно-управленческий аппарат

Миркасым Усманов

Вопросы государственного строя, в т.ч. управленческой системы державы Джучидов, давно находились в центре внимания российских ориенталистов. Начало специального изучения их относится к середине XIX столетия. Например, Г.С.Саблуков в 1844 г. написал очерк, основанный, правда, на ограниченном круге источников и публикаций (имеется 2-е исправленное и дополненное издание: [Саблуков, 1895]). До него на отдельные аспекты проблемы обращал внимание В.В.Григорьев [1842].

Однако сравнительно более полное приращение к тому времени освещение проблемы представлено в специальном исследовании И.Н.Березина, который до публикации своего основного труда по теме [Березин, 1864] осуществил ряд публикаций, в т.ч. по ханским ярлыкам и «восточным летописям» (перечень их см.: [там же, с.391–392]). В.В.Бартольд, оценивая научное наследие И.Н.Березина, отмечал, что трудам И.Н.Березина характерно преобладание в них филологического начала [Бартольд, 1926]. Это, видимо, вполне закономерно, т.к. определенные значения, содержания восточных понятий невозможно без предварительного лингвистического осмысления их. В этом плане ценна активность таких лингвистов, как В.В.Радлов, А.Н.Самойлович, С.Г.Вахидов, С.Е.Малов, А.Н.Курат, А.К.Боровков и многие другие (об их трудах см.: [Усманов, 1975, с.123–124, 129–130]; в этом плане достойно внимания и новейшее исследование А.М.Озъетгина [Özyetgin, 1996]).

Наличие таких филологических изысканий и полученные из них выводы позволяли историкам XX в. более основательно использовать материалы официальных актов в своих исследованиях. В этом отношении выгодно отличаются разработки таких историков, как А.Ю.Якубовский, А.Н.Насонов, В.Г.Вернадский, М.Г.Сафаргалиев, Г.А.Федоров-Давыдов. Хотелось бы особо отметить вклад Г.А.Федорова-Давыдова, который в своей фундаментальной монографии «Общественный строй Золотой Орды» [1973] проделал огромную по объему работу, собрав в одно место все известные и доступные ему материалы – высказывания, суждения, предположения, включая мнения и опыт зарубежных исследователей, – по социально-политической терминологии чингизидских по происхождению государств, естественно, прежде всего, по истории самой Золотой Орды. Ему удалось создать более или менее целостную, хотя и не очень стройную, картину социальной структуры, общественного строя державы Джучидов. Естественно, Г.А.Федоров-Давыдов, не имевший базового востоковедческого образования, особенно в области ориентальной филологии, иногда был несамостоятелен в своих частных выводах. Однако широта охваченного материала и комплексность анализа способствовали ему более обоснованно определить истоковые факторы управленческой структуры, т.е. государственной власти Чингизидов в целом, Джучидов в частности.

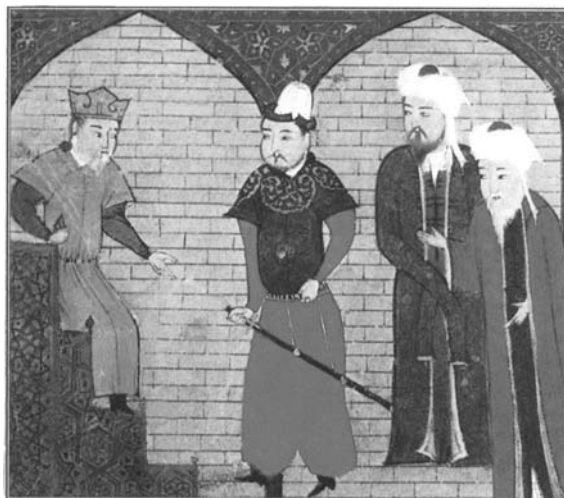
* * *

Улусы, их правители. Наиболее ранние, т.е. зачаточные элементы государственно-управленческих инструментов у кочевников Центральной Азии формировались, видимо, на базе родоплеменных организаций, приобретших со временем форму улусной системы. Как установил в свое время Б.Я.Владимирцов, «у древних монголов всякое объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, хана, нойона, баатура и т.д., называется «ulus» (улус)» [Владимирцов, 1934, с.97]. Такая система объединения, которая превращает роды и племена в потомственные крепостные (*унаган богол*) была не чужда, видимо, и другим кочевникам Центральной Азии. Ибо она из-за своей первоначальной простоты являлась как бы универсальной. Об этом говорит тот факт, что она сохранилась, может быть в несколько осложненном, точнее широко законченном виде, и после реформ Чингиз-хана. «Власть рода Чингис-хана над его улусом, т.е. народом-государством, – констатировал Б.Я.Владимирцов, – выражалась в том, что один из родичей, *altan urug* (*urux*), становится императором, ханом (*хан*, *hagan*), повелевающим всей империей, избираемым на совете всех родичей (...), другие же члены рода, главным образом мужские его отпрыски, признаются царевичами (...), имеющими право на то, чтобы получить в наследственное пользование удел – улус» [там же, с.99].

Уделы-улусы иногда назывались словом *инджу* или *инчи* [Березин, 1864, с.426; Бартольд, 1963, с.548] в значении наследуемой от отца «доли».

Удел царевичу Джучи (основа будущего Улуса Джучи) был выделен еще при жизни Чингиз-хана. В дальнейшем, после расширения за счет новых завоеванных земель, он был разделен между сыновьями Джучи на уделы-улусы. У Джучи всего было 14 сыновей, видимо, достигших зрелости [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.66; СМИЗО, 1941, с.41], поэтому полагалось, что внутри Улуса Джучи были четырнадцать уделов [Сафаргалиев, 1960, с.43].

Согласно устным преданиям, письменно зафиксированным в XVI в. от информаторов-Чингизидов в Хорезме, у Джучи было 17 сыновей; удел Шибана назывался Серой (Боз) Ордой; а Орду-Эджэн и Бату были единоут-

Чингиз-хан на троне. Миниатюра.
Иран. Начало XIV в.

робными братьями, т.е. рожденными от одной матери [Утемьш-хаджи, 1992, с.92, 121]. В «Сборнике летописей» в качестве имен матерей Орду и Бату названы различные имена – Сартак, Сартаф или Саркан, и Уки-фудж, Уки-фуджин и т.д. Однако в обоих случаях указан один и тот же род ее происхождения – «из рода кунгират» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.66 и 71; СМИЗО, 1941, с.41 и 48]. Речь идет, видимо, об одном и том же лице, названном информаторами по-разному (вряд ли Чингиз-хан дважды входил бы в родство с одним и тем же родом-племенем).

Как видно из этих кратко констатированных фактов, в Джучиевом Улусе как при образовании государства, так и позднее существовала архаичная своими истоками улусная система управления. Она, естественно, в результате становления новой державы с огромной территорией и пестрым населением, подвергалась определенным изменениям, т.к. свойственной прежде всего лишь для кочевой действительности системе приходилось приспосабливаться к новым условиям, когда в стране немонгольского населения оседлых регионов было значительно больше, чем кочевников, особенно самих монголов [Греков, Якубовский, 1950, с.69, 100–101; Вернадский, 2000, с.140, 216]. Однако суть улусной системы, как основной формы управления, сохранилась. Следовательно, страной правили улусные предводители – *огланы*, *султаны* – из царевичей-Джучидов во главе с

официально избранным на курултае верховным правителем – ханом из их же числа.

Следует особо отметить, что эти высшие представители правителей, соответственно природе социально-политического строя общества, первоначального «народа-государства», преобразованного в результате реформ Чингиза в мобильное «народ-войско», являлись и военными, и гражданскими вождями-управленцами одновременно.

Своеобразным (иногда эпизодическим) «продолжением» этих высших управленцев были основные члены семьи правящего хана: *хатуны*, т.е. жены, также *огланы* и *султаны* (как сыновья, так и дочери его). Правильность такого вывода относительно женщин подтверждается известными фактами регентства жен покойных ханов, например, до смерти Чингиз-хана, его сыновей, со правления Сююмбике в Казани после смерти Сафа-Гирея [Бартольд, 1963, с.553, 595; Насонов, 1940, с.31; Вернадский, 2000, с.210, 217 и др.; Худяков, 1923, с.109–113], также правами цариц, царевен выдавать жалованные ярлыки [Памятники русского права, 1955; Приселков, 1916; Вашари, 2002, с.195; Усманов, 1979, с.53, №51], также вести дипломатические переговоры с иноземными правителями (например, золотоордынская Тайдула, казанско-крымская царица Нур-Султан и др., см.: [Бережков, 1897; Худяков, 1923, с.173]). Естественно, уровень прав и возможностей таких лиц из числа прекрасного пола определялся, во-первых, личностными качествами их, во-вторых, конкретными случаями. Однако все они имели свои обозначения, отделяющие их от других членов общества. Например, царицы величались специальным словом *хатун*. Этому раннему термину, означавшему в монгольском государстве и Золотой Орде «госпожу» и «царицу» (жену хана) [СМИЗО, 1941, с.22, 42, 48 и др.; Греков, Якубовский, 1950, с.125–126], в позднейших татарских ханствах соответствовали, как его синонимы, *ханым*, *ханбике*, даже *бикем* [Вельяминов-Зернов, 1863, с.190, 509, 512; Худяков, 1923, с.181], а в некоторых позднейших частях Джучиева Улуса «*алтын ханым*» [Усманов, 1972, с.91–92].

Огланы и султаны. Тюркское слово оглан (буквально «дитя», «сын») первоначально как термин обозначал принца-Чингизида в значении русского «царевича» и персидского «шах-заде». Позднее, «в XV–XVI вв. означа-

ет служилое дворянство и просто воинов» [Федоров-Давыдов, 1973, с.46], и его вытесняет арабское слово «султан», обозначавшее сначала «государь», например, «ас-султан ал-‘адил» – «правосудный государь» многочисленных монетных легенд. В XIV–XVI вв. он стал обозначать принцев крови, причем обо его пола, превращаясь иногда, как и «бек», в компонент собственного имени (срав. примеры: [Вельяминов-Зернов, 1863, с.224, 305, 495, 503, 506–508 и т.д.]), т.е. происходит девальвация содержания этих терминов.

Карачи, вазирь, эмир, мирзы. Под общей «вершиной» социально-политической пирамиды, представленной ханом и его родственниками, находился собственно управленческий аппарат, т.е. многослойный правительственный организм, который также имел свою вершину в лице *ханского совета*. Он состоял из высших чиновников, как правило, из представителей господствующих сословий и ведущих родо-племенных кланов. Среди членов совета особым влиянием пользовались четыре советника, т.н. *четыре карачи* (о них см.: [Сафаргалиев, 1960, с.68; Федоров-Давыдов, 1973, с.90–91]). Термин «карачи» в качестве специального титула [Вельяминов-Зернов, 1864, с.411–417], как писал С.В.Бахрушин, имел точный смысл: *высший советник* [Миллер, 1937, с.487].

О месте и ранге карачи в составе высшей административной элиты тюрко-татарских ханств четкое сведение дают устойчивые формулы грамот-посланий (битиков) крымских ханов: *карачилардин ва биклардин ва мирзалардин* (из карачи, из беков, и из мирз), *карачиларымыз, бийлар ва мирзалар* (наши карачи, бийи и мирзы) и т.д. (примеры см.: [Материалы, 1864, с.22, 75, 87, 106, 377 и др.]). О том, что карачи занимали наивысшее после хана положение в административной системе, говорят данные жалованных ярлыков. Например, в инскрипциях (адресатах) жалований дается перечень основных видов военных и гражданских чиновников, от улусных правителей, огланов до мелких начальников, обязанных принимать к исполнению предписания государевых указов. Среди них (более шестидесяти проанализированных оригиналов актов) нет ни одного случая, где бы как исполнитель указа упоминался титул карачи. Он отсутствует полностью [Усманов, 1979, с.205–228], хотя, как мы только что видели, занима-

ет первое место в посланиях, адресованных иноземным правителям. Объясняется это, видимо, тем, что жалованные ярлыки выдавались своим подданным «с согласия», хотя бы теоретически (точнее, по устоявшемуся порядку), своих высших советников. Следовательно, карачи являлись как бы «соавторами» государевых указов.

Также не упоминаются в жалованных ярлыках самостоятельно, в изолированном виде, т.е. без определения, уточнения с объектом и управления титулы *вазир*, *амир* и *мирза*. Из них вазир (везир), входя в состав совета, занимал один из высших правительственных постов, по должности он был близок, как увидим далее, к *беклярбеку*. Он избирался (назначался), возможно, из числа четырех карачи. Титул стал активно употребляться в результате исламизации феодальных и государственных верхов страны. Какой тюркский титул соответствовал ему прежде – точно неизвестно. Частое употребление титула «вазир» в арабских и персидских письменных источниках является, по-моему, результатом отождествления одного из высших правительственных беков Улуса Джучи с его служебным «эквивалентом» в других мусульманских странах [Березин, 1864, с.433, 439–440; Федоров-Давыдов, 1973, с.91].

В значении бека-правителя в восточных источниках активно употребляется и титул *амир* (*эмир*), что также является результатом влияния исламизации, и им более активно пользовались мусульманские авторы.

Что касается термина *мирза* (*мурза*), то он, происходя из арабо-персидского *амир-заде* в значении «дети эмиров» [Березин, 1864, с.435], являлся не титулом, служебным чином, а означал феодально-аристократическое сословие, что-то вроде боярства и дворянства. Иначе говоря, мирза – не должность, а социальное сословие, из числа которого выходили различные правители.

Бек (*бег*, *бей*, *бик*, *бий*), *беклярбек*. Известный со времен Тюркского и Уйгурского каганатов (возможно с эпохи хуннов) древний термин «бек» означал первоначально родоплеменного предводителя, вождя в смысле «голова», «начальник» вообще. Русскими источниками и следовавшим за ними И.Н.Березиным термин золотоордынской эпохи переводился одним словом «князь» [Березин, 1864, с.434–435], а Ибн Баттута пере-

водит его как «эмир» [СМИЗО, 1884, с.246], что не всегда точно отражает конкретное содержание термина. На раннем этапе титул *бек* соответствовал, видимо, монгольскому слову *нойон*, но позднее, в результате усиления тюркизации оставшихся монголов и управленческого аппарата, последний был вытеснен полностью.

Когда *бек* означал лишь разово избираемого во время конкретных кампаний племенного предводителя, когда стал наследственным титулом, или везде ли такое происходило – нет четко фиксированных сведений. Он, судя по всему, имел не только ряд фактических вариантов, характерных для различных наречий и диалектов, но и располагал смысловыми оттенками, свойственными как для определенных регионов, этнической среды, так и для конкретных эпох, их периодов. Об этом свидетельствует его многофункциональная гибкость и своеобразная «универсальность» для обозначения любого главенствующего над другими начальника. Например, от руководителя десятка до предводителя тумена (десяти тысяч) воинов, даже правителя улуса (например, *онбеги* – бек десятка, *йузбеги* – бек сотни, *мингбеги* – бек тысячи, *туманбеги* – бек десяти тысяч, *даругабеги*, *улусбеги* и т.д.). То есть при соединении с названием объектов управления содержание двусоставного термина предельно конкретизируется. По этой модели создавались и другие двусоставные и широко распространенные титулы: главы селений, городов, областей (о «вариантах» таких «беков» см.: [Березин, 1864, с.450; Федоров-Давыдов, 1973, с.46–47; Усманов, 1979, с.206–209]). В источниках встречаются и такие титулы, как *тугбеги* (знаменный бек), *кушбеги* (сокольничий), *кошунбеги* (бек кошуна, отряда) и т.д. [Юдин, 1992, с.37].

Одновременно семантическая простота и гибкость для употребления данного термина-титула подтверждается тем, что его можно легко заменить другим, предельно ясным по содержанию и общепотребительным для многих языков смысловым эквивалентом: *баи* – голова (глава). Например, *онбаишы* – глава десятка, *туманбаишы* – глава десяти тысяч, *шахрбаишы* – глава города и т.д. и т.п.

Несмотря на такую простоту и бытовую широту употребления термина «бек», должность, обозначаемая им в Улусе Джучи и по-

зднейших татарских государствах, была строго официальная, т.е. назначаемая со стороны вышестоящих властей или избираемая на легитимных съездах, советах, как бы «снизу». Иначе говоря, *бекство* – должность бека – в означенную эпоху не было наследственным. Об этом четкую информацию дает карачи Кадыр-Алибек, хорошо разбиравшийся в тонкостях тюрко-татарских правовых норм. Например, освещающая взаимоотношения Тимур-Кутлуга и знаменитого бека Идегея, он сообщает, что «один был ханом, другой – бийем»; «улусом правил Шайх-Мамай-мирза, но сам он беком не стал» [Усманов, 1972, с.83, 92–93].

Слово «бек» в составе собственных имен, первоначально, видимо, в антропонимии аристократической среды, в дальнейшем теряет свое терминологическое значение.

Среди разнообразных по назначению, точнее, объектами управления чиновников, особое место занимает титул *беклярбек* (*беклярбеги*), который переводился арабами-современниками как «эмир ал-умара» (эмир над эмирами, старший эмир), т.е. «князь князей» [СМИЗО, 1884, с.227, 249, 401, 412]. Следовательно, он означал главного бека-правителя, назначаемого из числа четырех карачи, т.е. являлся главой правительства. По мнению исследователей, беклярбек руководил военно-административными делами, а вазир занимался гражданскими, финансово-налоговыми и хозяйственными проблемами [Сафаргалиев, 1960, с.68–69, 71; Федоров-Давыдов, 1973, с.90–91].

Основным правительственным аппаратом был ханский совет, носивший позднее, в результате исламизации страны, новое название – *ханский диван*. Он одновременно являлся высшей канцелярией. Во главе его был свой управляющий *диванбеги* – глава дивана (амир дивана) [СМИЗО, 1941, с.193, 201 и др.]. В руках дивана, как отмечал М.Г.Сафаргалиев, было сосредоточено руководство страной [Сафаргалиев, 1960, с.71]. Диваны имелись, естественно, и при улусных (удельных) правителях.

Баскаки. К категории высших чиновников-управленцев на раннем этапе истории Улуса Джучи относился *баскак* – своеобразный наместник-управленец, организовывавший перепись населения, сбор налогов и набор рекрутов, на что население покоренных княжеств отвечало бунтами, восстаниями. Вопрос о баскаках на основе русских источни-

ков подробно освещен А.Н.Насоновым, который установил наличие как обычных, так и старших по рангу баскаков (например, «великий владимирский» [Насонов, 1940, с.20, 23, 145–149]). Они также контролировали и «зорко следили за деятельностью своих васалов» из числа русских князей [Сафаргалиев, 1960, с.38]. Баскаков не было «на территории, непосредственно принадлежащей Золотой Орде», они были лишь в южных княжествах Руси, а в последней четверти XIII – начале XIV в. исчезают сведения и о них [Насонов, 1940, с.12, 20, 109, 149]. Следовательно, справедливо уточнение, что «баскаки и даруги также были представителями именно имперского, а не улусного управления» [Федоров-Давыдов, 1973, с.30]. Как сообщается в одном армянском источнике, в 1254–1255 гг. Мунке-каан и Бату отправили специальных чиновников «переписать народы... в Армению, Грузию, землю Агуанов» (цит. по: [Березин, 1864, с.465]; о других аналогичных мероприятиях см.: [Насонов, 1940, с.31, 55]).

С деятельностью баскаков связана, наравне с организацией переписи населения и сбора налогов, систематическая мобилизация рекрутов для имперского войска из числа покоренных народов [там же, с.14–15, 17, 54–55]. Значительные по количеству контингенты (10% от мужского, т.е. 5% от всего населения) мобилизованных из русских, аланов и кыпчаков «рабов-воинов» несли ханскую службу и принимали участие в боях как на Западе, так и на Дальнем Востоке [Чхао Чхучанг, 2002, с.189; Вернадский, 2000, с.135, 156–157, 179, 188, 222–223, 226]. Десятки тысяч таких воинов принимали участие в монгольских завоеваниях в Юго-Восточной Азии. Видимо, из числа таких воинов в 30-х гг. XIV в. близ Пекина образовалась целая русская колония [Вернадский, 2000, с.129].

Даруга. В вышецитированном уточнении Г.А.Федорова-Давыдова это слово, подобно баскаку, квалифицировано как титул имперского чиновника. На начальном этапе развития данный титул действительно имел такое значение, на что имеется некоторое указание в русских источниках в виде «даругачи», как одного из организаторов переписи населения, сбора налогов, набора рекрутов [Насонов, 1940, с.14–15; Вернадский, 2000, с.225–226], что точно соответствует функции даругачи в Центральной Азии [Бартольд, 1963, с.468–

469]. Как видно из формы самого слова, в русских источниках (даруга+ци, т.е. даруга+чи) наблюдается процесс его «тюркизации». Поэтому можно полагать, что монгольский по своему происхождению термин был эквивалентом тюркского по корню слова баскак, ибо оба они происходят от глагольной основы со значением «давить» [Березин, 1864, с.453; Федоров-Давыдов, 1973, с.30]. В дальнейшем в Улусе Джучи основа термина в виде «дорога» стала обозначать административно-территориальную единицу в значении «область», «земля», «удел» и «город», названия которых вместе со словом «бек» стали обозначать правителя какого-либо конкретного территориально-административного объекта. Об этом ясно говорят многочисленные примеры из тарханских и суюргальных ярлыков. Первые части инскрипций (адресатов) их содержат названия высших и следующих за ними титулов: огланы крыльев (флангов), беки улусов, беки туманов, беки тысяч, сотен, десятков, *беки даруг*, в т.ч. даруга-беки селений, городов [Усманов, 1979, с.206–208]. Последние примеры свидетельствуют о двойственном значении термина «даруга»: и чин военно-гражданского начальника, и административная единица, отражением чего являются «дороги» Казанского ханства (подробнее см. и срав.: [там же, с.210, 218]).

Во второй части инскрипций ярлыков содержатся обозначения религиозных «князей», т.е. представителей духовенства, каковых не было в ранних ярлыках. В поздних актах, составленных арабским письмом, представлены: *муфтий* (законовед), *казый* (кади – судья), *сайид* (сейд, потомок пророка), *мухта-сиб* (блюститель шариата), *шайх-машаих* (духовный старец), *мударрис* (учитель богословия), *имам* (духовный настоятель), *муаззин* (муэдзин) и т.д. [Березин, 1864, с.448–449; Усманов, 1979, с.211–213]. Появление их в позднейших ярлыках, в отличие от «митрополитических», связано с результатами исламизации верхов Золотой Орды. (О величании сайида «шарифом» – благородным и словом «ата» – отец, о политическом влиянии казья – судьи во времена Узбека сообщает Ибн Баттута [СМИЗО, 1884, с.296, 301]).

Вместе с тем носители этих религиозных санов не были прямыми управленцами, т.е. исполнителями ханской воли, а являлись об-

щественными авторитетами, принимающими к сведению законность, достоверность ярлыковых предписаний. Они могли выступать в качестве свидетелей, толкователей текстов при возникновении каких-либо споров. Следовательно, начиная с середины XIV в., определенное участие в правовом управлении обществом принимали и представители мусульманского духовенства.

Из их числа, судя по всему, более активными и действенными могли быть судьи по шариату (казый). Им предшествовали *йаргучи*, судившие по Йасе и обычному праву [Березин, 1864, с.450–451]. Это «исконное» для кочевого общества архаичное судопроизводство долго сохраняло, соперничая с шариатом, свою позицию [Барбаро и Контарини, 1971, с.145]. Йаргучи совершали правосудие во времена Узбека [СМИЗО, 1884, с.311–312]. Укрепление позиции ислама в Улусе Джучи в целом было относительным. Среди кочевой части населения еще долго сильны были пережитки старых правопорядков и верований [Барбаро и Контарини, 1971, с.146, 159, 223].

Таков основной корпус высших и высокостоящих администраторов и чиновников-управленцев Джучиева Улуса и образовавшихся при его распаде татарских государств.

Чиновники-исполнители нижестоящих рангов. Это те люди, которые, не обладая правами административно распоряжаться по всем проблемам, обязаны были исполнять указания, предписания монарха и соблюдать существующие правопорядки по отдельным конкретным вопросам. Перечень названий таких чиновников и ближестоящих к ним лиц содержится в ярлыках (в третьей части адресата [Усманов, 1979, с.213–221]). Их значением интересовался сперва И.Н.Березин, позднее В.В.Радлов, А.Н.Самойлович и др., предлагавшие свои переводы-осмысления. Наиболее влиятельным среди таких чинов, особенно на начальном этапе, был *битикчи* – писец (писарь, секретарь), принимавший активное участие как «численник» в осуществлении переписи населения на Руси в 1257–1258 гг. [Насонов, 1940, с.13–14]. Он представлен в ярлыках, данных русским митрополитам [Усманов, 1979, с.218, табл.ХVIII].

Своим происхождением термин *битикчи* обязан уйгурской канцелярской традиции, в которой первоначально активен был его мно-

гозначительный по семантике аналог *бахши* в значении писца и секретаря (подробнее см.: [Бартольд, 1968, с.501, 508]). В золотоордынских ярлыках XIV–XVI вв. *бахши* постепенно вытесняется арабскими словами *катиб*, *хафиз*. В поздних ярлыках активно употребляется сложный термин *диван-битикчи*. Он являлся ведущим инспектором – делопроизводителем правительственной канцелярии [Усманов, 1979, с.220–221, 267–268]. Термин *битикчи* в Джучиевом Улусе был довольно многозначительным – от крупного ханского чиновника, принимающего участие в переписи населения, сбора налогов на начальном этапе до специализированного канцеляриста позднее, руководившего составлением, оформлением официальных документов.

Значительными по влиянию чиновниками-исполнителями были лица, носившие титулы *букаул*, *караул*, *йасаул*, *туткаул*, *чири* и др. В осмыслении их содержания нет единства мнений. Например, И.Н.Березиным «букаул» оставлен без перевода, А.Ю.Якубовский понимал его как «регулирующий войска» [Греков, Якубовский, 1950, с.127], Г.В.Вернадский предлагал «интендант» [Вернадский, 2000, с.218] и т.д. В ярлыках они представлены как парные: *букаул-туткаул*, *букаул-чири*, *йасаул-букаул*, *караул-туткаул*. Это говорит, видимо, о том, что они, имея близкое содержание, означали в целом представителей «войсково-полицейской службы».

Как парные термины представлены *тамгачы* (таможенник) и *тартнакчы* (весовщик), *кимачи* (ладейщик) и *копурчи* (мостовщик), *йамчы* (почтмейстер) и *сусунчи* (кормовщик), *кушчы* (сокольник) и *барсчы* (барсовщик).

Были также отдельно, обособленно названные чины: *сюбаши* (глава войска), *актачы* (конюший), *анбарчы* (заведующий амбаром), *баурчы* (стольник) и т.д. Определенными полномочиями и правами пользовались *харафат агалары* (*картлар*) в значении «предводители ремесленников (старейшины)», *джаза-и ‘амил* – «исполнители наказаний» и *‘амали мутасарриф* – обладатели действий, т.е. уполномоченные вообще, и т.д. [Усманов, 1979, с.213–215]. Одни из них, представляя фискально-налоговые службы, были ответственны за хозяйственно-финансовые порядки, другие отличались лишь тем, что были ближе к «телу», тем самым могли оказывать влияние на ход тех или иных событий.

Таким образом, как видно, в державе Джучидов функционировала опирающаяся на богатую традицию народов Евразии административно-управленческая система. Аппарат управления был и простым, и сложным, многослойным, детально разработанным одновременно. Простота обеспечивалась традиционностью, многовековой проверенностью многих и основных институтов администрации и управленческого аппарата, сводящегося к улусно-бекской системе. Сложность связана с тем, что приспособленная, прежде всего, к кочевой действительности административно-управленческая система должна была функционировать в многоукладном государстве, в составе которого, наравне с кочевыми обществами, были крупные оседло-земледельческие регионы. В целом, как видно из приведенного здесь материала, Улус Джучи был словно-представительной феодальной монархией с улусно-бекской системой управления.

§ 3. Клановая структура*

Дамир Исхаков

Политически доминировавшее в Улусе Джучи население, разделенное на кланы и племена, до сих пор остается слабо исследованным. Но даже те историки, которые признают значимость исследований в этом направлении, в основном ограничиваются предварительными заключениями или описанием длинных списков кланов, извлекаемых из

поздних среднеазиатских исторических сочинений (см.: [Федоров-Давыдов, 1973; Султанов, 1982; Schamiloglu, 1998, Кляшторный, Султанов, 2000]). Есть проблема и в определении списка правящих кланов. Судя по некоторым источникам в Большой Орде – прямой наследнице Улуса Джучи, ими являлись кланы *Кыйат*, *Салджигут*, *Конграт* и *Мангыт*, но в Крымском, а также в Казанском и Касимовском ханствах, политическое ядро государства образовывали кланы *Ширин*,

* Параграф написан при участии И.Л.Измайлова.

Барын, Арғын и Кыпчак [Schamiloglu, 1998, p.90, 129; Inalchik, 1979–1980; Manz, 1987; Исхаков, 1998]. При этом в различных улусах Золотой Орды и наследовавших ей государств XV–XVI вв. известны и иные кланы. Однако использование поздних списков кланов для реконструкции ситуации в Улусе Джучи (см.: [История Казахстана, 2001, с.235]) неприемлемо, ибо может привести к искажению реальной этнополитической ситуации в Золотой Орде в XIII–XIV вв. Главным образом, из-за того, что ситуация XV в. отличается от обстановки до середины XIV в., когда в Ак-Орду произошла значительная инфильтрация клановой аристократии из Кок-Орды со своими войсками и частично, видимо, переселение самих родов.

Сложность изучения клановой системы связана с источниковедческими трудностями, поскольку из аутентичных средневековых сочинений не всегда ясно, какое сообщество скрывается под тем или иным термином средневековых источников (*уруг*, *кабиле* и т.д.). Определенная терминологическая расплывчатость и неопределенность, характерная для источников, отражается и на трудах историков (см., например, синонимическое употребление терминов «род» и «племя» в трудах источниковедов [Султанов, 1982]). Поскольку за этими терминами стоит определенная этнографическая традиция, то в данной работе под термином *клан* авторы подразумевают объединение более общее, чем род, объединявший кровных родичей или племя, являвшееся посттарно-политическим объединением.

Турко-монгольское общество и кланово-племенная структура империи Чингиз-хана. Завоевание Северной Евразии и создание империи Чингиз-хана разметало прежние родоплеменные структуры, возведя из их остатков свою собственную систему. С одной стороны, исчезновение прежней племенной организации было следствием насилия со стороны монголов, но с другой – для этого имелись и объективные внутренние предпосылки. Чтобы разобраться в племенной и клановой структуре Улуса Джучи необходимо выяснить, чем были рода и племена в предшествующую эпоху. Основной социальной (и, несомненно, экономической) единицей являлся *айл* (*айыл*), своего рода кочевнический двор, обычно состоявший, по крайней мере, из двух семей вместе с их иж-

дивенцами и другими людьми, связанными с ними системой подчинения и родства. Айл был наименьшей жизнеспособной независимой единицей в центральноазиатском кочевом обществе, поскольку обладал необходимой рабочей силой, чтобы гарантировать эффективный и производительный скотоводческий образ жизни (см.: [Вайнштейн, 1991]).

Выше уровня айла иногда существовали более крупные единицы, чтобы совместно использовать пастбища и защищаться от врагов. Считается, однако, что в Монголии XII в. наиболее распространенным было объединение «*будук ирген*» («маленький отряд») – некая смешанная группа, состоявшая, вероятно, из нескольких айлов или, вероятно, из одного очень большого айла, кочующего и не подчиняющегося никакому контролю со стороны [Мункуев, 1977, с.385 и сл.]. Очевидно, что именно такие независимые группы составляли блоки, из которых основатели степных империй строили свою государственную иерархию.

В отсутствии какой-либо хорошо определенной социальной организации выше уровня айла, критическую роль играли сложные сегментальные системы рода, известные как *обох* (*обок*) или *хамаг*. Хамаг (или обох), в отличие от урука, составленного из потомков по боковой линии реального, известного человека, состоял из потомков по боковой линии более отдаленного (максимально) предка (называющегося эбуген или обохтан). Его самой важной особенностью, однако, как системы происхождения был не его масштаб, но мобильность и универсальность. В отличие от урука, членство, в котором могло быть изменено только рождением или смертью, обох мог быть подвержен радикальным изменениям, поскольку первые предки обоха обычно имели легендарный характер, и новые линии происхождения могли быть легко изобретены, чтобы приспособить новые группировки, связывающие себя непосредственно с данным родом [Lindner, 1982, p.689–711]. То есть объединения, подобные «Хамаг монгол» Хабул-хагана или объединение татар, чаще всего были связаны вымышленными системами происхождения, в которых генеалогические линии, ведущие к далекому мифологическому предку, были изобретены, чтобы дать рационалистическое объяснение существующим отношениям родства и подчинения. Все они, как прави-

ло, имели единый знак собственности *тамгу* и один особый *уран* (боевой клич), животных-покровителей – онгонов, и почитали особой важнейшей и почетной определенной часть туши овцы (например, правый бок или лопатку). Некоторые из этих комбинаций айлов были под контролем отдельных семей или союзов семей и известны как улус (вотчина, государство).

Важно отметить, что, хотя каждый кочевой аил или группировка айлов имели свой установленный ареал кочевания, эта земля принадлежала не лично скотоводам, а всему обоху, с которым они были связаны происхождением и системой родства. Обох также обеспечивал правовые основания и возможность для отражения внешних угроз. Среди главных подобных объединений в монгольских степях в XII в. можно признать племена найманов, керейтов, татар и монголов. В большинстве случаев такие объединения носили весьма эфемерный характер, но некоторые из них создали свои династии, которые обеспечивали им лидерство во времена войны или другого кризиса. Сам Чингиз-хан принадлежал к боковой ветви подобной династии, что, возможно, помогло ему в его восхождении к власти. При этом обох и хамаг, несмотря на свою значимость в упорядочении территорий и значения для сплоченности группы и защиты, не смогли стать эффективными постоянными потестарно-политическими единицами, регулируемыми взаимодействием различных комбинаций айлов, и стать объединителями всех племенных группировок в степях Центральной Азии. Здесь господствовала примитивная анархия, а мелкие социальные единицы жестоко боролись между собой за ресурсы и власть.

Однако в ответ на давление внешних и внутренних обстоятельств, в кочевом обществе Центральной Азии конца XII – начала XIII в. произошла реорганизация многих мелких монгольских социальных единиц (аил, болок ирген), существовавших более или менее независимо друг от друга, в более крупные, более компактные и четко очерченные группировки с определенным политическим руководством, «племенные» группы, которые конкурировали друг с другом с чувством идентичности и с внешним миром. Показательна в этом смысле структура объединения татар. По данным Рашид ад-Дина,

татары, создавшие свой хамаг в районе озера Буир-Нор, объединяли шесть племен: ту-тукулийут, алчи, чаган, куин, терат, баркуй [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.103]. При этом он же указывает, что «другие тюркские роды, при (всем) различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и назывались татарами» [там же, с.102], а еще ранее он писал, что к таковым следует относить также дурбан, салджиут и катакин. Если же учесть также другие значительные группы племен – найманы, керейты, меркиты, то станет понятно, что сами тюрко-монгольские объединения не представляли собой единства в генетическом и языковом отношении, а являлись чисто этнополитическими сообществами, память о родстве внутри которых носила в значительной мере легендарный характер.

Этот процесс трайбализации многими способами отражен в наших источниках, но особенно ярко в меняющейся семантике важного термина *курень* (монгольское *гур'ен*). В своем старейшем значении *курень* означал способ лагерной стоянки, огораживание юрт и повозок с домашним скотом в центре, где за ними было легко присматривать. По словам Рашид ад-Дина, описывавшего его устройство: «В давние времена, когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-нибудь местности, оно [располагалось] наподобие кольца, а его старейшина находился в середине [этого] круга, подобно центральной точке; это и называли *курень*» [там же, с.86]. Позже, в конце XII в., этот термин приобрел вторичное значение временно укрепленного лагеря, а также социальной и политической единицы, имевшей укрепленный лагерь: «в настоящее время, когда вблизи находится вражеское войско, они [монголы] тоже располагаются в таком же виде для того, чтобы враги и чужие не проникли внутрь» [там же, с.86–87]. Таким образом, *курень* стал означать не просто круг юрт и повозок, расположенных вокруг вождя, но, главным образом, новую социальную и военно-политическую единицу, в основном эквивалентную «тысяче», полностью развитую племенную единицу монгольской империи. Фактически к началу XIII в. все монгольское общество было организовано в такие *курени*.

Чингиз-хан, став ханом новой конфедерации племен – праобразом Монгольской империи (*Еке Монгол Улус*), не сделал никаких

попыток изменить основной порядок нового общества. Он просто принял и расширил существующую племенную структуру, и в 1206 г., вскоре после формального прихода к власти, санкционировал племенной порядок своей державы, признав в своем ярлыке 9 новых или существующих племенных групп «тысячами», т.е. военно-административными и этнополитическими единицами, способными выставлять войска, приблизительно в одну тысячу годных к действию воинов во время войны (в «Сокровенном сказании» 92 упомянуты по имени), во главе которых поставил верных ему людей (см.: [там же, с.86, 266–278]). Среди этих 92 (или 98, как у Рашид ад-Дина) «тысяч» около 13 были сформированы из родового объединения, составившего первоначальную конфедерацию Темучжина в 1201 г., они стали «внутренним» ханским родом для Монгольской империи в целом и обеспечивали его личную гвардию и одновременно центральный аппарат управления новой державой [Кычанов, 1993, с.148–156].

Позже, с дальнейшей экспансией Монгольской империи, были сформированы другие новые «тысячи» и назначены новые их владельцы. Фактически организация «тысяч» и назначение их владельцев были частью процесса монгольской экспансии. Тем самым, прежняя клановая система была включена в военно-административную систему державы Чингиз-хана, но не в «чистом» родовом виде, а в виде подразделений прежних племен и родов. Например, одни и те же кланы вошли в несколько тысяч, а некоторые были просто разнесены по многим тысячам без указания на них. Например, люди из племени *кереит* были разделены между кланами сподвижников Чингиз-хана. Но некоторые кланы (например, *кийат* и *онгут*), видимо, целиком вошли в особые тысячи с сохранением прежней власти. Иными словами, вся эта структура в этноплеменном отношении была довольно сложным конгломератом, включая целую иерархию племен и родов, которые приобрели новую структуру знатности по мере близости к «алтын уругу» самого Чингиз-хана. То есть племенные реалии были, вероятно, изменены, но не стерты новым порядком.

Эта племенная структура сильно затрудняла растущую централизацию власти в руках хана, управлявшего посредством своего

курень (или двора) и через своих нукеров, поскольку утверждала власть всех представителей «алтын уруга» над кочевыми территориями и группами населения (институт «унаган богол») (подробнее см.: [Мункуев, 1977, с.386–390]), использующими их в целом (обохом), а не их лично, устанавливая коллективную собственность и родовое пользование власти и плодов этой власти. Эта традиция создала серьезные проблемы для молодой Монгольской империи, постоянно порождая противоречия внутри нее, которые так никогда не были полностью решены даже в государствах Чингизидов.

Однако перераспределение территорий прежних улусов и племенных объединений в рамках новой империи и передача их под начало владетелей, лояльных власти нового великого хана, было не единственным следствием утверждения новой власти. По мере расширения державы Чингиз-хана потребовалось держать новые территории в повиновении. Механизмом поддержания власти монголов в завоеванных и присоединившихся землях стали внутренние войска (*танма*) под командованием особых полномочных представителей центральной власти – *танмачи*. В Улусе Джучи их функции, очевидно, выполняли *даругачи* или *баскаки*. Для нас важно отметить, что эти войска набирались из различных родов и племен. Часто на местах эти отряды сами становились ядром и командным составом новых подразделений и соответственно наделялись властью и владениями.

Одновременно происходило выделение улусов и войск из различных кланов для сыновей Чингиз-хана, которые сами становились ядром для будущих обширных владений и также использовали свои отряды для создания на новой территории новой военно-административной организации, в основе которой лежали кланы, ведущие свое происхождение из Центральной Азии. Во всех деталях этот процесс, из-за состояния источников, проследить не удастся, но явно, что переселения одного или более одного цельных племен в новые владения, очевидно, не происходило. В новые улусы приходило войско, как смесь различных кланов, которые на новом месте опять начали разворачиваться в родо-племенные объединения, образуя военно-административные единицы и используя в качестве «строительного материала» остат-

ки прежнего кочевого населения. В Улусе Джучи таковыми стали роды кыпчаков и кимаков, асов и других степных обитателей, особенно восточной ее части.

Становление и развитие клановой структуры в Улусе Джучи. Само присутствие клановых структур в Золотой Орде не подлежит сомнению. Скажем, в послании хана Берке, полученном в Египте в 1262–1263 гг., был приведен список принявших ислам, «с подробным перечислением их по племенам и родам» [СМИЗО, 1884, с.98]. Когда около 1299 г. один из сыновей Ногая убил другого, это стало известно не только «родственникам», но и «племенам» [там же, с.116]. Ибн Арабшах об «области Дешт-Берке», «области исключительно Татарской», отмечает, что она «переполнена тюркскими племенами» [там же, с.459]. По его рассказу, когда хан Токтамыш собирал войско «правой и левой сторон», оно происходило «по племенам и родам». А когда Идегей послал гонцов к «своим родичам и соседям», принадлежавшим «к числу сторонников и друзей его», подразумевались «племена левой стороны» и «предводители левой стороны и начальники племен ее». Поэтому в разговоре с Тимуром Идегей мог апеллировать к «многочисленным племенам», «сердцам племен и родов» [там же, с.464–470]. После поражения хана Токтамыша от Тимура и смерти Токтамыша вначале «бойцов из племен» (*уймак* ~ *аймак*) собрал Чинтек-оглан, затем «все племена (иль)» оказались у Тимур-Кутлуга [СМИЗО, 1941, с.132–133]. Да и постоянное упоминание в источниках эмиров и беков – правителей десятитысячных и тысячных улусов, на самом деле в скрытой форме говорит о племенах, ибо за их спиной стояли клановые образования. Главная трудность – в расшифровке клановой принадлежности этих вождей на основе имеющихся источников.

В целях установления исходного состояния клановых структур в Улусе Джучи отдельные исследователи обращались к эпохе правления хана Бату. Судя по сведениям «Алтан дефтер», Джучи-хану первоначально было выделено в удел четыре тысячи, состоявших из представителей кланов *Сидживут* (*Салджигут*), *Кингит* и двух подразделений *Хушин* (*Уйшин*) [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.274–275]. В итоге было выяснено значение в тот период на западе владений Чингизидов

таких племен, как *Конграт*, *Уйшын*, *Ойрат* и *Алчи-Татар*, а на востоке – *Конграт*, *Саджират*, *Аргын*, *Кереит*, *Уйгур*, *Найман*, *Кыпчак*, *Меркит* [Schamiloglu, 1998, p.90–92]. При изучении брачных связей Джучидов и их эмиров к этому перечню можно добавить еще кланы *Сулдус*, *Тулас* (*Туклан*) в правом крыле и кланы *Огунан*, *Йисут*, *Баргут*, *Имен* – в левом крыле Улуса Джучи [СМИЗО, 1941, с.41–63]. Судя по поздним источникам («Бахр ал-асрар»), в составе войск Бату имелись также ополчения племен *Аргун*, *Огуз*, *Найман*, *Буйрак*, *Ойрат*, *Карлук*, *Кушчи*, *Усун* (*Уйсун*), *Минг*, *Конграт*, *Кереит*, *Барлас* [Кляшторный, Султанов, 2000, с.207]. Однако есть сомнения в достоверности этого компилятивного сочинения [Ахмедов, 1985, с.145] и в том, что все эти кланы остались в Улусе Джучи, а не вернулись в Монголию.

Клановая система, такая, какой она фиксируется для времени начального этапа формирования Улуса Джучи, для второй половины XIII в. практически неизвестна. Но уже в первой половине XIV в., во время правления хана Узбека (1312–1342) и его прямых наследников – Джанибека (1343–1357), Бердибека (1357–1359) и некоторых последовавших за ними ханов, материалов гораздо больше.

Известно, что аталыком у хана Бердибека был эмир Товлу ~ Тоглу (Тулу)-бий, происходивший из клана Канглы и считавшийся человеком «с многочисленными и сильными родичами» [Утемиш-хаджи, 1992, с.108]. По русским летописям он признается «князем темным (т.е. правителем тумена, «темником». – *Д.И.*) и сильным» [Сафаргалиев, 1960, с.111]. В числе приближенных хана Узбека Товлу-бий известен еще в 1339–1340 гг. [Горский, 2000, с.65]. Согласно «Анониму Искендера», этот князь считался у хана Джанибека «одним из столпов его державы» [СМИЗО, 1941, с.129] и участвовал в возведении на трон Бердибека в 1357 г. [Григорьев, 2004, с.87], а позже контролировал некоторое время таможно г. Азова [Григорьевы, 2002, с.152–153, 228] или был даже правителем (даруга-бек) Азовского тумена. Убит вместе с ханом Бердибеком в 1359 г. [Сафаргалиев, 1960, с.111]. Приведенные данные говорят о влиятельности клана *Канглы* среди других племен Золотой Орды.

Среди других кланов важнейшую роль играл клан *Кыйат*. Само присутствие его, образующего определенную военно-административную единицу в Золотой Орде, не вызывает сомнений. По данным Рашид ад-Дина, в период правления хана Токты (1291–1312): «...племя кият в настоящее время находится у Токтая и о котором говорят, что оно составляет один туман» [Рашид ад-Дин, 2002, I, 2, с.270; см. также с.46]. Однако локализация этого тумена не очень четкая.

Определенные сведения может дать анализ косвенных данных. В истории Улуса Джучи важную роль в 1360–1380-х гг. сыграл улусбек Мамай – «один из старших монгольских эмиров», женатый на дочери хана Бердибека [Сафаргалиев, 1960, с.114]. Он имел сильное влияние в западной части Ак-Орды, поскольку, по словам Ибн Халдуна, «к его владениям принадлежал город Крым» [СМИЗО, 1884, с.389]. Отца его, по сведениям Утемиша-хаджи, звали Алаш (возможны формы Альш ~ Алиш) [Kafali, 1976, s.39] и он принадлежал к клану Кыйат [Утемиш-хаджи, 1992, с.108]. Хотя отца Мамаю не удалось связать с другими исторически известными фигурами, можно утверждать, что сам клан Кыйат играл ведущую роль еще при хане Узбеке. В частности, «старший эмир», «начальник улуса» хана Узбека – Иса-бек (Исагурген), женатый на его дочери (сам хан, в свою очередь, был женат на дочери бека), может быть идентифицирован с Исатай Кыйатом [там же, с.67, 102–103, 104–105, 109; СМИЗО, 1884, с.295]. Судя по данным ал-Мухибби и ал-Калкашанди, домениальные владения клана Кыйат находились в Крыму до перехода его к клану Ширин.

Появление клана Кыйат в Крыму могло иметь место еще в годы правления Бату-хана. Сведения об этом содержатся в поздних источниках. Так, Утемиш-хаджи, когда речь идет о Шибане и о выделении ему ханом Бату «родов и племен» и «вилаяйтов», говорит, что Бату «добавил... к тем, выделенным [Шибани-хану] тридцати тысячам человек, еще десяти тысяч *кыйатов* [и] *йуралдаев*» и «отправил [его], назначив в вилайеты Крыма и Кафы». Эти данные имеются и в сведениях Абдулгаффара-Кырыми, который сообщает о посылке Бату Шибана в Крым со своим ата-лыком Бор Алтай Тараклы из клана Кыйат [Schamiloglu, 1998, p.94].

Еще об одном золотоордынском племени свидетельствует информация, относящаяся к времени правления хана Хызра (1360–1361) – среди приближенных этого выходца из Кок-Орды отмечается «бек из (племени) *Найман*» по имени Кутлуг-Буга [Утемиш-хаджи, 1992, с.112]. Не тот ли это Кутлуг-Буга, который известен из ярлыков Джанибека 1347 г. и Бердибека 1358 г. венецианцам (Cotloboga), а также из ярлыка 1357 г. митрополиту Алексею? [Федоров-Давыдов, 1973, с.146; Григорьевы, 2002, с.115, 163; Григорьев, 2004, с.113]. У ал-Мухибби под именем «Кутлугбуга» (Кутлугбуга Инак) с уточнением «наместник хана Джанибека», «один из [тех] четырех, которые по принятому обычаю, бывают правителями в землях Узбека», под 1351 г. отмечается, надо думать, он же [СМИЗО, 1884, с.348]. Не исключено, что этот Кутлуг-Буга в 1351–1357 гг. являлся улуг карачибекем хана Джанибека [Григорьев, 2004, с.113], а в 1358–1359 гг. занимал пост правителя Крыма [Григорьевы, 2002, с.209]. Есть вероятность того, что Кутлуг-Буга был родственником другого видного золотоордынского эмира – Могул-Буги (см.: [там же, с.208]). На этот счет можно привести еще один косвенный аргумент: согласно «Анониму Искендера», у хана Мюрида (1362–1363) «главным эмиром в Улусе Узбека» был Ильяс, сын Могул-Буги [СМИЗО, 1941, с.130]. Между тем, в отдельных русских летописях под 1365/66 г. есть сообщение: «...зимы еда из Литвы Веснеильясь Коултубузин сын был в Тфери» [ПСРЛ, 15, с.79]. Возможно, тут речь идет о выехавшем из Литвы на грани зимы и весны сыне Кутлуг-Буги Ильясе. Тогда путаница в том, кто являлся отцом эмира Ильяса как раз может свидетельствовать о том, что Могул-Буга и Кутлуг-Буга являлись близкими родственниками (возможно, братьями).

Приведенные данные говорят о вхождении клана Найман в Улус Джучи. Хотя Утемиш-хаджи локализует племя Найман далеко на востоке – в бассейне р. Иртыш в «Тайбугином юрте» [Kafali, 1976, s.44], не исключено проживание этого клана и в Ак-Орде, поскольку у Абу-л-гази говорится, что Батухан выделил Шибану «народ», который состоял из четырех племен, в числе которых было и племя Найман [Абуль-Гази, 1906, с.160]. Но уже во второй половине XIV в. представители этого клана играли важную

роль в политике Ак-Орды. Во всяком случае, в Крыму Аргынский улус в XVIII в. имел двойное название «*Аргын – Найман*» [Лашков, 1895, с.82].

Имеются и данные о вхождении в XIII–XIV в. в Золотую Орду клана *Салджигут* (*Сиджуд*). Рашид ад-Дин отмечает, что старшим эмиром хана Токты был Черкес «из рода» Мунгэде (Мунгур) – нойон из племени Сиджиут, переданного Джучи [Рашид ад-Дин, 2002, I, 1, с.183; II, 2, с.274]. Утемиш-хаджи также указывает, что во время правления хана Базарчи (?) (около 1362 г.) «был... Сиджуд Али-бек, из старших эмиров», которого Тайдула велела убить, а его сын Хасан «бежал и пришел к сыну Конграта Нагадая Ак-Хусейну, который был хакимом вилайета Хорезма» [Утемиш-хаджи, 1992, с.113; Kafali, 1976, s.44]. Салджигуты упомянуты также в другом сообщении Утемиш-хаджи, относящемся к 1312 г., когда Токта отправил Кыята Исатая (Иса-бека) и Сиджута Алатая с 40 тыс. воинов за будущим ханом Узбеком [Утемиш-хаджи, 1992, с.103]. Очевидно, что клан Салджигут занимал высокое положение в структуре власти Улуса Джучи в конце XIII – начале XIV вв.

По крайней мере, с конца XIII в. в Улусе Джучи фиксируется клан *Кунграт*, из которого довольно часто брали жен султаны «алтын уруга» еще со времени Джучи. Например, Рашид ад-Дин указывает, что женой хана Токты была дочь Салджидай-гургана из клана Кунграт, который женил своего сына на дочери Ногая [СМИЗО, 1941, с.70]. Скорее всего, клан Кунгратов (или его подразделение) относилось к правому крылу (Ак-Орде). Кстати, упоминание в приведенном выше сообщении «хакима вилайета Хорезм» Ак-Хусейна, сына Нагадая из клана Кунграт, позволяет подтвердить высокое положение этого клана в политической иерархии Улуса Джучи в первой половине XIV в. Дело в том, что эмир Нагадай (Нангудай) известен и из сообщения Ибн Баттуты – его дочь была второй по старшинству женой хана Узбека, а сам он, кажется, находился при дворе хана [СМИЗО, 1884, с.294]. Кроме того, под именем Нагадаин (Nagadain) он упоминается и в ярлыке хана Джанибека за 1342 г. в числе высшей золотоордынской знати [Григорьевы, 2002, с.48]. Скорее всего, Нагадай являлся улусбеком Хорезма, заняв эту должность после смерти в

1335–1336 гг. прежнего правителя Хорезма Кутлуг-Тимура (о нем см.: [СМИЗО, 1941, с.129, 140 и сл.]), а около 1361–1362 гг. был убит вместе с другими «старыми князьями» [Григорьев, 2004, с.145].

Сохранившаяся генеалогия Кунгратов позволяет заключить, что линия эмира Нангудая восходит к знаменитому нойону (или царевичу) Нукаю (Ногаю), чей сын Акхадай бахадур якобы правил в «странах Булгар, Черкес и Казан» [Bregel, 1982, p.367]. Сыном этого бахадур и был эмир Нангудай, согласно династической хронике правивший вначале «Черкесами», затем прибывший в район Нижней Волги, став «эмиром ал-умара» у Узбек-хана, в конце концов оказавшись в Хорезме [там же, p.370–371]. Даже если часть приведенных в этой хронике сведений легендарна, основная их канва соответствует историческим данным и подтверждает нахождение клана Кунграт в числе кланов Золотой Орды, по меньшей мере, с конца XIII в.

Несколько иная система кланов зафиксирована в различных источниках для времени правления хана Токтамышша (1380–1395), когда информация относительно состава племен Улуса Джучи становится более представительной. Так, во время первого столкновения войск Токтамышша с армией Тимура (1391 г.), в составе «эмиров и нойонов» Улуса Джучи Йезди в «Зафар-наме» называет: Али, Сулейман-Суфи *Конгурата*, Науруз *Конгурата*, Актау, Урусчук *Кыята*, Иса-бека (старший брат Идегея из рода *Мангыт* [СМИЗО, 1941, с.148]), Хасан-бека *Сарая*, Куке-Бугу, Яглы-бия *Бахрина*, Кунгур-бия. Во время описания второго сражения (1395 г.) в войсках Токтамышша упоминаются уже названный Актау, Давуд-Суфи (зять Токтамышша) и Удурку (правое крыло), а также отмеченный выше Иса-бек и Яхшы-ходжа, сын Урук-Тимура [Утемиш-хаджи, 1992, с.116] (левое крыло). Далее, при разгроме правого крыла войск Золотой Орды в 1395 г. сообщается об убийстве эмира Бекходжи. Затем еще известны перешедшие от Урус-хана к Токтамышшу эмиры Казанчи (Казан)-бахадур и Урук-Тимур [СМИЗО, 1941, с.118–121, 131–132, 146–148]. Из тех эмиров, чья племенная принадлежность в источниках напрямую не названа, Али-бек был *Конгуратом*, а Ак-Буга – *Бахрином*, и они считались старшими эмирами Токтамышша [там же, с.151].

К их же числу Йезди относил еще Урук-Тимура [там же], который, по-видимому, был из клана Ширин [Утемиш-хаджи, 1992, с.114]. Одним из «старинных нукеров» Токтамыша считался Кара-ходжа [СМИЗО, 1941, с.189], в котором следует видеть «бия Аргынов», упоминающегося в эпосе «Идегей» [Идегей, 1988, 142, 206 б.]. Таким образом, в подчинении у хана Токтамыша обнаруживаются кланы Конгурат, Бахрин (Барын), Мангыт, Кыйат, Сарай, Ширин, Аргын.

Есть мнение, что отмеченный в 1391 г. в войсках Токтамыша Хасанбек из клана *Сарай*, упоминающийся и в других документах (1380, 1384, 1393 гг.), был сыном Рамадана (Рамазана) Зайн ад-Дина, являвшегося в 1349–1358 гг. правителем Крыма (Солхата) [Григорьевы, 2002, с.172–174; СМИЗО, 1884, с.452], который находился в Крыму, видимо, уже в первой половине XIV в. Между тем, в составе так называемых «кочевых узбеков» племя Сарай известно [Султанов, 1977, с.166, 170]. Тем не менее, остается вопрос о возможной синонимичности этнонимов *Сарай* и *Кыйат*, так как последний клан занимал при ханах Токте и Узбеке ведущее положение в управлении государством, сосредоточенном в г. Сарая (отсюда и могло быть еще одно наименование клана – «Сарай»).

Клан *Ширин* также играл значительную роль в клановой структуре Улуса Джучи. По мнению Утемиша-хаджи, племя Ширин, происходящее от «племени Ас с тамгой «ковш» (чумеч)», было среди «нукеров» Туй-ходжи, отца Токтамыша. Затем Урек-Тимур, сын бека племени Ширин Дангы-бея, оказался на службе у хана Токтамыша, а в 1379–1380 гг. будучи его улуг беком, взял в жены вдову Мамаю, которая была дочерью хана Джанибека [Kafali, 1976, s.42]. Близкую информацию давали в XIX в. крымские мурзы Ширинские: «...при Токтамыше Дангы бей командовал войском, а сын его Руктемир (Урек-Тимур. – Д.И.) ... (находился) при хане Токтамыше... Руктемир (был)... возведен в первые над всеми подвластными хану бегами и народами... в диване (сидел)... с ханом с правой стороны его» [Лашков, 1889, с.99]. Ясно, что клан Ширин при хане Токтамыше заменил в Крымском тумене клан Кыйат. Об этих изменениях говорит и Утемиш-хаджи, указывавший, что «большая часть элей, оставшихся от Джанибек-хана, была у Мамаю.

Токтамыш хан убил Мамаю и забрал его эли и нукеров, пришел в вилайет Сарая» [Утемиш-хаджи, 1992, с.118]. Выражение «эли» в данном случае означает кланы. Абдулгаффар Кырыми также сообщает: «Ширин бей Урак-Тимур бине Дангы бей служил Токтамышу как главный бей (до 1398 г.) и его сын, Тегиня б. Урак-Тимур был отцом Ширинов в Крыму» [Schamiloglu, 1998, p.127]. Согласно сведениям Утемиша-хаджи, сын Урек-Тимура Яхшы-хаджи являлся аталыком сына Токтамыша Кепек хана, а другой сын – Теке-не бек, «служил» другому сыну Токтамыша – Кадыр-Бирди хану. Он был у этого хана, указывает Утемиш-хаджи, «беком правой стороны», тогда как Хайдар-бек из клана Кунгурат – «беком левой стороны» [Kafali, 1976, s.43]. У продолжателей летописи аз-Захаби заметка об Идегее (1419/20 г.) сопровождается следующим примечанием: «... он (Идегей. – Д.И.) был только вторым эмиром, так как при нем был еще другой эмир по имени Текина (Текиня). Старшими эмирами там бывают эмир правого крыла и эмир левого крыла. Должность эмира правого крыла правил Текина, а должность эмира левого крыла Идики» [СМИЗО, 1884, с.553].

Дополнительные сведения об этом дают русские летописи. Так, в войсках улуг карачибек Идегея, которые совершили вторжение на Северо-Восточную Русь и осаждали Москву в 1408 г., упомянут «князь Тегиня, Шихов сын» [Приселков, 1950, с.468], т.е. он был, скорее всего, сыном Йахши ~ Яхшы-хаджи. Другое сообщение о нем в русских летописях относится уже к 1432 г., когда «Ширин Тегиня», став уже «князем великим ординским» (т.е., видимо, карачибек) при дворе хана Улуг-Мухаммада, оказывал протекцию в получении великого княжения Московского князю Юрию Дмитриевичу, дяде великого князя Василия. Осенью он находился при дворе хана, а потом ушел «в Крым зимовати», а весной возвратился «ис Крыма в Орду» [ПСРЛ, 25, с.249]. Там же указывается, что у него при дворе был «братанич», «постельник царев» «Татарин Усеин именем» (т.е. Хусейн).

Характерно, что в тех же событиях участвовали и другие татарские кланы. Упомянутый выше у Утемиша-хаджи Хайдар бек из клана *Кунгурат* также фигурирует под 1432 г. в числе «великих князей Ординских» под именем

Айдара [ПСРЛ, 27, с.103; 11–12, с.15]. К нему и его брату Мин-Булату, также «великому князю ординскому», обратился с просьбой помочь получить подтверждение прав на великое княжение Василий Васильевич. В ходе многомесячных интриг и переговоров успех сопутствовал клану Кунграт и ярлык на великое княжение в Москве получил Василий Васильевич. То есть в этот период представители кланов Ширин и Кунграт играли ключевую роль при дворе хана, интригуя и проводя политику в интересах своего клана.

Происхождение клана Ширин от «племена ас» не обязательно означает, что он должен возводиться к кавказским аланам (асам). Дело в том, что ряд арабских историков XIV в. (Абу-л-Фида, Ибн Баттута, ал-Омари) различают аланов и асов, указывая, что последние были тюрками, исповедовали ислам и жили в степных районах, а также в Сараях [Алемань, 2003, с.328, 341, 359]. Судя по данным ал-Масуди (X в.) и ал-Бируни (XI в.), речь идет о потомках племени древнетюркских азов/асов, которые в X в. жили в окрестностях Хорезма, исповедовали ислам и назывались «al-Arsiyah», затем переселившись западнее. Их язык во времена Бируни состоял из смеси хорезмийского и печенежского [там же, с.348–349, 333]. Так как клан Ширин переселился из района Хорезма вместе с Токтамышем, его легендарную связь с «племенем ас» можно трактовать как отражение генезиса этого клана от племени ас/аз тюрко-иранского происхождения.

Не исключено, что и другие кланы (*Ар-гын, Барын, Кыпчак*), считавшиеся элями хана Токтамышя, сдвинулись на запад одновременно с кланом *Ширин*. Во всяком случае, Сарай-бек из клана *Барын* был аталыком у сына хана Токтамышя Джалал ад-Дина, служа и его другому сыну – Кадыр-Бирди [Kafali, 1976, s.43]. Поэтому эти группы также надо относить к числу племен, находившихся в Золотой Орде (первоначально, скорее всего, в левом крыле – Кок-Орде). О группе *Кыпчак* есть сообщение и в династической хронике Кунгратов, в которой говорится: Нагадай (Нангудай) «...бежал от черкес вместе с Кыпчаком Эсен-Бугой, другом отца и прибыл к Узбек-хану, (бывшему) в низовьях Волги» [Bregel, 1982, p.369]. В данном случае известие о группе Кыпчак восходит к первому десятилетию XIV в.

Место кланов в структуре власти. Клань, существовавшие в Золотой Орде, не были основаны на древних принципах кровного родства – они были нарушены еще при образовании Монгольского государства во главе с Чингиз-ханом. Точно также строилась клановая и военно-административная система Улуса Джучи. Скажем, в «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи есть целый ряд сюжетов, доказывающих это: в рассказе о походе Бату-хана (Саин-хана) против нукеров Иджан-хана (Орды), якобы убивших своего повелителя, речь идет о том, что когда «их великие бежали», все «роды и племена [Саин-хан] переселил к себе, присоединил к своему элю и каждый аймак отдал какому-либо беку в качестве кошуна»; в рассказе о времени правления хана Узбека говорится о выделении эмиру Алатаю из клана Салджигут «эли, состоявшей из племени Минг» [Утемиш-хаджи, 1992, с.94, 105]. Поэтому прав Ю.Шамильоглу, указывающий, что в Золотой Орде из-за постоянного перемешивания населения «действительное родство было усложнено до такой степени, что сделало родственные отношения неясными и племенное родство было вероятно номинальным». Тем не менее, по его мнению, это «фиктивное родство... выполняло роль в формировании социальных связей внутри общества» [Schamiloglu, 1998, p.94].

Одновременно широко были распространены брачные связи в среде клановой знати и стремление породниться с членами «алтын уруга». Родство эмиров по женской линии с Чингизидами являлось действенным социальным инструментом, позволявшим укрепить влияние при дворе и добиться важных должностей и владений. Для ханов же это был верный способ закрепить лояльность сильных кланов и добиться их поддержки в решении политических вопросов. Прекрасно известно, что матерью Бату была Уки-хатун из клана кунгратов, а женой – Баракчин-хатун из алчи-татар. Роль и значение этих связей ханов с кланами через брачные связи подчеркивал Рашид ад-Дин в особой главе своего труда [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.77–197]. Важная роль брачных связей демонстрирует следующий факт: во время осады в 1410 г. Хорезма войсками хана Тимура во главе с эмирами Текиня (Текинйя) из клана Ширин и Газаном, когда пришла весть о том, что ханом стал сын Токтамышя Джалал ад-

Дин, то женатый на его сестре эмир Газан сразу перешел на сторону нового хана, а Текиня, женатый на дочери хана Тимура, остался ему верен [СМИЗО, 1941, с.194]. Ханы были просто «опутаны» родственными отношениями с вождями правящих племен (см., например, рассказ Ибн Баттуты о родственных связях хана Узбека: [СМИЗО, 1884, с.290–293]).

Все это говорит о том, что кроме реальных институтов родства существовал целый ряд других механизмов внутриклановых и межклановых взаимодействий. Важную роль в этом в Золотой Орде играли институты *аталычества* и *имельдяшества*. Эти общественные институты, несмотря на свою кажущуюся архаичность, играли важное значение в социальной структуре тюрко-татарских государств. По сути дела они являлись связующим звеном между ханами-Чингидами и клановой аристократией. Подобные отношения родства были выгодны обеим сторонам: татарская аристократия приближалась к трону, а ханы получали опору среди родовой знати, в качестве преданных и надежных слуг. Аталыки были не просто учителями-наставниками, но и главными советниками будущих ханов, которые часто, не занимая официально высоких постов, реально активно формировали политику своих воспитанников, не говоря уже о том, что от личных качеств и авторитета аталыка и его клана во многом зависело, выберут его воспитанника ханом или нет. Точно также выбор имельдашей связывал взаимными обязательствами султана и будущего хана с кланами своих «молочных братьев». Как вступление в брак, выбор «имельдашей» и «аталыка» являлся ответственной процедурой и важным институтом укрепления власти хана. Неудивительно, что часто аталыками становились выдающиеся личности, способствовавшие продвижению своего султана к вершинам власти, происходившие, как правило, из ведущих кланов – Кийатов, Кунгратов, Мангытов и Ширинов. Например, явно являлся аталыком султана Тимур-Кутлуга эмир Идегей, хотя так он в источниках и не назван. В «Таварих-и Гузида-ий нусрат-наме» есть объяснение действия этого социального механизма в связи с Мухаммадом Шейбани-ханом – будущим правителем Государства кочевых узбеков. Когда он и его брат «остались маленькими» пос-

ле смерти отца, они «находились в доме уйгура Бай-Шайх-атеке, так как этот Бай-Шайх был *атеке* (т.е. аталыком. – Д.И.) их отца» [МИКХ, 1969, с.19]. Некоторые источники указывают на важную роль аталыка в военно-политических делах ханства. Так, по данным Абдулгаффара Кырыми, Бату послал Шибана с его *аталыком* Бор Алтай Тараклы в Крым [Schamiloglu, 1998, p.94] (см. также: [Утемиш-хаджи, 1992, с.95]). Или, когда Ногай конфликтовал с Токта-ханом, он потребовал у хана выдачи ему эмира Салджидая из клана Кунграт, бывшего отцом жены Токты. Хан на это не согласился и заявил: «Он мне как отец и воспитатель (т.е. видимо подразумевается аталык. – Д.И.), и [он] старый эмир» [СМИЗО, 1941, с.423].

Другим механизмом, способствовавшим инкорпорации кланов в «алтын уруг», был институт *имельдашей* / *имильдашей* («молочных братьев», побратимов) [Vasary, 1983]. Он создавал возможность кланам, отправляя младших сыновей в семьи султанов, связывать себя с ними родственными связями. Поскольку же реально в семье султанов отправлялись несколько сыновей, то это создавало стабильную систему внутриклановых связей, придавая ей устойчивость и стабильность.

Эти институты создавали реальную сеть социальных и межклановых связей. Так, например, эмир Салджидай из клана Кунграт, женатый на дочери хана Токты, посватал своему сыну дочь Ногай [СМИЗО, 1941, с.70]. В конечном счете это создавало ситуацию, когда династия Чингизидов оказалась «правлящей фамилией, мета-племенем или суперплеменной общностью, вытягивающей из всех племен [женщин] через регулярную систему супружества между ханами и дочерьми племенных вождей». В результате возможно было «перекрытие династии и племен», например, в случае с Ногаем – имея по отцу Чингизидское происхождение, через мать он обладал «племенной аффилицией», что давало ему «выдающуюся позицию внутри племенной организации» [Schamiloglu, 1998, p.95].

Кроме этих важнейших правящих кланов в Улусе Джучи существовал целый ряд других кланов. Полученные итоги изучения кланового состава Золотой Орды были сведены в таблицу, включающую всего 37 клановых наименований. Очевидно, что данный перечень кланов Золотой Орды не исчерпываю-

щий, поскольку глав туменов, как уже отмечалось, насчитывалось в первой половине XIV в. от 50 до 70, а в них надо видеть именно племенных вождей, во всяком случае, в большинстве своем. Но из-за состояния источников в обозримом будущем вряд ли удастся установить клановую принадлежность всех глав туменов.

Анализируя структуру кланов в Улусе Джучи, следует отметить, что состояние источников не позволяет реконструировать клановую систему достаточно четко, особенно в период до середины XIV в. Ясно, что определенная племенная организация присутствовала, но ее структура пока неизвестна. Единственное, что можно сказать точно, что уже в ранний период важную роль в политике Улуса Джучи играли представители кланов *Силдживут* (*Салджигут*), *Кингит* и *Хушин*, а также некоторые другие – *Алчи-татар*, *Кийат* и *Кунграт*. Во всяком случае они чаще других фиксировались в источниках, что отражало, в определенной степени, их «вес» в клановой структуре ханства, в первую очередь, за счет родственных связей с родом Джучидов. По крайней мере, точно известно, что улуг карачибек и султан Ногай был тесно связан с кланом Кийат, что заставляет думать, что в то время он являлся одним из правящих кланов. Вполне вероятно, что другие кланы в тот период еще не были столь многочисленными и не могли выдвинуться в число правящих родов.

Тяжелый удар, который нанесла всей социальной системе Улуса Джучи «великая зямтя» 60–70-х гг. XIV в., сказался на клановой системе. Не исключено, что прежние правящие кланы понесли значительные потери и начали постепенно сходить с политической арены, а их место начинают занимать выходцы из Кок-Орды. Уже в 1380-е гг. можно видеть совсем другую ситуацию – наряду с прежними кланами Кунграт, Кийат и Сарай, в число ведущих начинают выдвигаться кланы Мангыт, Ширин и Барын. Причем, клан Ширин закрепляется в Крыму, в начале XV в. из его среды происходят влиятельные карачибекы, а представители этого клана занимают важные государственные посты. Позднее, уже в XV в., именно из этих кланов выдвигаются четыре правящих клана в Казанском, Крымском и Касимовском ханствах – Ши-

рин, Барын, Аргын и Кыпчак. Другие кланы, такие как Кунграт, были оттеснены и сохранили ведущие позиции только в Кок-Орде и ханствах Шибанидов.

Сложен вопрос о самой структуре этих подразделений и их соподчинении. Не совсем ясен вопрос – насколько они были едины. Не исключено, что внутри деления на крылья существовали разные подразделения с одним и тем же названием и отдаленными воспоминаниями о своем родстве. Однако для правящих и наиболее сильных кланов следует, очевидно, предполагать наличие племенной территории, как для Кийатов в западной части Ак-Орды и Крыму или Сарая в Нижнем Поволжье, откуда их представители при дворе черпали силы для военно-политической борьбы за влияние в империи Джучидов. Позднее, во второй половине XIV–XV вв., совершенно точно свои племенные родовые территории имели Кунграты на Мангышлаке и Мангыты в Заволжье. Не исключено, что до определенного времени ханы сдерживали рост владений отдельных кланов и старались расплыть их по всей территории Улуса Джучи, тем самым, сплавивая империю, и только с середины XIV в., в условиях междоусобицы произошел чрезмерный рост владений отдельных кланов и резко усилилось их влияние.

При оценке роли кланов в Золотой Орде надо иметь в виду также демографический вес населения с клановой организацией в этом государстве и их ключевую роль в составе войска. По нашим подсчетам, основанным на данных о военных ресурсах Улуса Джучи, численность населения с клановым делением при Бату-хане могла составлять (даются минимальные и максимальные значения) от 600 до 800 тыс., при Берке-хане – 900–1200 тыс., при Токте-хане – 1,5–2 млн, при Узбек-хане и Джанибек-хане – 2–2,8 млн. Как видим, кочевое население являлось существенной частью населения государства. Хотя в своей народной массе оно в значительной мере восходило к кыпчакам, но их элита имела в основном татаро-монгольское происхождение. Прежняя же система кыпчакской родоплеменной номенклатуры в Золотой Орде полностью исчезла [Федоров-Давыдов, 1973, с.41–42] и ее заменила новая система тюрко-татарских кланов.

Название кланов	Время фиксации в составе владений Золотой Орды (века)			Этническое (языковое?) происхождение
	XIII	XIV	XV	
1. Аргын	–	–	+	Монгольское
2. Алчи(н)-Татар	+	+	+	Тюркское (тюрко-монгольское)
3. Бахрин (Барын)	–	+	+	Монгольское
4. Буйрак	+	–	+	Тюркское
5. Баргут (Буркыт)	+	–	+	Тюркское (тюрко-монгольское)
6. Джалаир	–	+	–	Тюркское
7. Емек (Имен)	+	–	–	Тюркское
8. Дурман (Дурбан)	–	+	+	Монгольское
9. Йисут	+	–	–	Монгольское
10. Кыйат	+	+	+	Монгольское
11. Кыпчак	+	+	–	Тюркское
12. Конграт	+	+	+	Монгольское
13. Керейт	+	–	–	Тюркское
14. Канглы	–	+	+	Тюркское
15. Кингит	+	–	–	Монгольское
16. Карлык (Карлук)	+	–	+	Тюркское
17. Кушчи	+	–	+	?
18. Кенегес	–	+	+	Монгольское
19. Кытай (Катай)	+	+	+	Монгольское
20. Курлеут	–	+	+	Монгольское
21. Карабогдан	–	+	–	?
22. Кырк (Крек)	+	–	+	Тюркское
23. Келечеи (Калач)	–	+	+	Тюркское
24. Меркит	+	–	–	Монгольское
25. Мангыт	–	+	+	Монгольское
26. Минг	+	+	+	?
27. Найман	+	+	+	Тюркское
28. Ойрат	+	–	–	Монгольское (?)
29. Огунан	+	–	–	?
30. Салджигут	+	+	+	Монгольское
31. Сарай	–	+	–	?
32. Сулдус	+	–	+	Монгольское
33. Гархан	+	–	–	?
34. Тулас (Туклан)	+	–	–	Тюркское
35. Уйшын	+	+	+	Тюркское
36. Уйгур	+	+	+	Тюркское
37. Ширин	–	+	+	Тюркское (тюрко-иранское?)

Список основных кланов в Золотой Орде в XIII – начале XV в. (составлен Д.М.Исхаковым)

ГЛАВА 5

Население Улуса Джучи и становление средневекового татарского этноса

§ 1. Ранние этапы этнической истории Улуса Джучи и ее особенности

Миркасым Усманов

Время начала самостоятельности отдельных улусов Монгольской сверхдержавы, т.е. время ее распада на четыре империи следует отсчитывать не с 1224 г., когда Чингиз-хан выделил автономные уделы своим сыновьям, и не с 40-х гг. XIII в. (характерный пример из официальных пособий см.: [Буганов, 1964, с.700]). Реальная самостоятельность улусов наступила после известной борьбы между Хубилаем и Ариг-Бугой за великоханскую власть в 60-х гг. XIII в., поражения последнего, перевода столицы из Каракорума в Пекин и начала чеканки в дальнейшем монет от имени улусных ханов, а также признания их суверенности со стороны как части самих Чингизидов, так и других государств. Об этом свидетельствуют факты договоренности между Чингизидами третьего и четвертого поколений из западных улусов (Чагатай и Джучи) на «лугах Таласа и Кенджека» весной 667/1269 г., когда после 7-дневного пира устроили курултай, на котором уточнили пределы своих владений и обещали соблюдать мирные взаимоотношения между собой [СМИЗО, 1941, с.77; Рашид ад-Дин, 1957, III, с.72]. Именно после такого политического процесса сараевские ханы стали чеканить монеты от своего имени с государственными титулами (материалы см.: [Федоров-Давыдов, 2003; Сингатуллина, 2003]).

Следует учитывать и то обстоятельство, что стремление к самостоятельности улусов от каганской власти сопровождалось признанием целесообразности сохранения династийного единства. Это подтверждается наличием как специальных уделов (*хуби*) улусных ханов на территории каганских владений [Чхао Чху-чанг, 2002, с.190], почти регулярной поставкой крупных воинских контингентов в Китай из подвластных Джучидам стран, в т.ч. из Руси

[Вернадский, 2000, с.156–158, 179, 222–224, 250; Чхао Чху-чанг, 2002, с.189], так и реальностью великоханских имущественных интересов, в т.ч. прав на долю налоговых поступлений, собираемых в западных территориях бывшей сверхдержавы (подробнее см.: [Вернадский, 2000, с.138–139]). Несмотря на фактическую самостоятельность улусных ханов, в Пекине их, в данном случае Джучидов, продолжали считать лишь «северо-западными царевицами», т.е. вассалами – наместниками [Чхао Чху-чанг, 2002, с.190]. Поэтому, как бы сохраняя хорошую мину при плохой игре (несмотря на поддержку ханом Берке Ариг-Бугу в его борьбе с Хубилаем), каганы продолжали утверждать каждого нового сараевского хана, выдавая им ярлыки на правление.

Таким образом, с конца 60-х гг. XIII в., несмотря на частые, а временами и длительные политические конфликты между ними, доходящие до военных столкновений, даже длительных войн, ставшие самостоятельными улусы составляли как бы своеобразную конфедерацию. Это особенно четко прослеживается во взаимоотношениях Джучидов с правителями из Ханбалыка, т.е. Пекина.

Так продолжалось до середины XIV в., т.е. до начала «великой замятни», продолжавшейся как знаменитая «тронная чехарда» второй половины XIV столетия. А в это время Золотая Орда во многих отношениях и в целом представляла собой, по общему признанию, тюркскую по языку и культуре страну. В связи с этим возникает такой закономерный вопрос: существует ли взаимосвязь между политической историей суперимперии и этнической историей отдельных ее регионов, входивших в состав единого этнополитического пространства Монгольского государства? Для Улуса Джучи обозначенная про-

блема сводится к выяснению следующего вопроса: как выглядело взаимодействие доминирующих в политическом плане малочисленных монголов с тюрками, составлявших реальное большинство? Можно предположить, что в Улусе Джучи процесс растворения монголов в тюркской среде отличался интенсивностью. Тут же следует и такой вопрос: когда, как начался этот процесс и когда он в целом завершился?

Во всех исследованиях, более или менее подробно освещающих историю Улуса Джучи, авторы отмечают многоэтничность этого государства и признают тюркоязычность большей части его населения [Греков, Якубовский, 1950, с.65–66; Федоров-Давыдов, 1966; 1973; 1976; Spuler, 1965, S.282–283; DeWeese, 1994]. Анализ письменных документов, в первую очередь, ярлыков, выданных правителями Улуса Джучи, подтверждает ведущую роль тюркского языка в сфере административного управления [Березин, 1851; Радлов, 1889; Малов, 1953, с.187–195; Боровков, 1966, с.13–24; Наджип, 1970, с.87–92; 1979, с.31–150; Султанов, 1973, с.53–61; Усманов, 1979, с.94–111, 218–244; Кононов, 1982, с.249, 318; Özyetgin, 1996; и др].

По завершении западной кампании 1236–1243 гг. последовало возвращение значительной части монгольских армий под предводительством Гуюка и Мунке в Центральную Азию. Оставшиеся же в Восточной Европе монголы на протяжении нескольких поколений подвергались ассимиляции в тюркоязычной среде Дашт-и Кыпчака. Это обстоятельство было отмечено современниками. Учтем также, что монголы в тюркской и мусульманской среде, равно как и в Китае, именовались *татарами*. Это тюркское обозначение монголов привилось не только в Средней Азии и на Ближнем Востоке, но и на Руси и в Западной Европе, вопреки тому, что сами монголы себя татарами не называли (см.: [Кляшторный, 1993, с.140–141]). Есть знаменитое указание ал-Омари о том, что «они (монголы) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их и все они стали точно кыпчаки...» [СМИЗО, 1884, с.235].

Сообщение ал-Омари относится к середине XIV в. и отражает наблюдения мусульманских дипломатов, интересовавшихся происхождением и реальным положением дел той

или иной правящей династии и конкретного правителя. Если довериться сообщению ал-Омари, то следует признать, что процесс растворения монголов в кыпчакской среде завершился до середины XIV в. Следовательно, процесс тюркизации монголов начался значительно раньше.

Насколько нарисованная арабским автором картина подтверждается языковыми фактами? Как считают видные лингвисты-тюркологи, на XIII–XIV столетия приходится третий этап проникновения тюркизмов в русский язык. Н.А.Баскаков приходит к выводу, что этот период «характеризуется широким проникновением в русскую лексику тюркских и в меньшей степени монгольских слов» [Баскаков, 1974, с.6]. Опираясь на результаты этих исследований, можно утверждать, что в первой половине XIV в. во владениях наследников хана Бату носители монгольского языка в количественном отношении не являлись доминантной группой. Иными словами, монголы в Улусе Джучи составляли этническое меньшинство, которое, несмотря на свое бесспорно ведущее военно-административное и политическое положение в государстве, не оказывало существенного влияния на языковую.

В процессе покорения этнически разнообразными татарами-монголами евразийских просторов от Алтая до Дуная (в 1218–1239 гг.) в составе войск Джучи и Бату заметно увеличился удельный вес существенно «перемолотого», т.е. смешанного, одновременно объединенного сильным и новым союзером тюркского компонента. Хлынувшие в Восточную Европу завоеватели, «татары», не были в этническом отношении исключительно монголами. Монгольские армии были конгломератом, в котором при организующем, руководящем положении монгольской элиты и ханской гвардии количественно преобладающим оказался тюркский компонент. Этим, скорее всего, и можно объяснить отмеченную выше особенность соотношения тюркских и монгольских заимствований в русской лексике. Этим же, наконец, была обусловлена отмеченная ал-Омари быстрая тюркизация монголов Джучиева Улуса. «Численное превосходство тюрков делало естественным то, что монголы постепенно должны были тюркизироваться» [Вернадский, 2000, с.216].

Выезд хана. Миниатюра. Иран. Начало XIV в.

Правомерен вопрос: почему побежденные в военном отношении тюрки в Улусе Джучи оказались победителями в этническом и культурном плане? Отвечая на этот вопрос, можно вспомнить факты, свидетельствующие о влиянии на монголов уйгурской культуры до образования империи (подробнее см.: [Краткая история, 1991, с.233–245]). Как указывал В.В.Бартольд, такому влиянию способствовала близость образа жизни, обычаев и мировоззренческих традиций этих народов [Бартольд, 1968, с.264]. По мнению В.Г.Вернадского, покоренные монголами «тюрки были признаны полноправными членами степного общества». Процесс этот «в значительной степени облегчался сходностью религиозного фона большинства обеих групп» [Вернадский, 2000, с.140, 216]. Характерно, что в источниках не прослеживаются факты неприязненного отношения монголов к тюркам или наоборот. Они чувствовали себя равными.

Необходимо учитывать также то обстоятельство, что в составе самого Монгольского государства еще до начала внешних завоеваний (примерно до 1206–1207 гг.) были отдельные тюркоязычные племена [Кара, 1972, с.17], а с 1209 г. в его состав «добровольно» вошли уйгуры, далее были включены кыргызы, урянхайцы и др. [Кутлуков, 1970, с.46–61; Трепавлов, 1993, с.51–53]. По мнению Б.Шпулера, еще во времена Чингизхана монгольские войска более чем наполовину состояли из тюрков [Spuler, 1965, S.281].

Однако не только эти обстоятельства оказали решающее влияние на этнические процессы в Улусе Джучи. Как уже говорилось, увеличение числа тюрко-тагар в составе монгольских армий, действовавших в западном направлении, существенно усилилось после их выхода на просторы Дашт-и Кыпчака. Известно, что эта часть евразийских просторов была заселена тюркоязычными племенами, которые без особого сопротивления влились в состав, выражаясь словами

Л.Н.Гумилева, «народа-войска» монголов [Гумилев, 1970, с.172–175].

Например о войске, приведенном Бату-ханом в Венгрию, современник событий архидьякон Фома Сплитский сообщает: «У них имеется великое множество воинов из разных покоренных ими в войнах народов, прежде всего, куманов, которых они насильно заставляют сражаться» [Фома Сплитский, 1997, XXXVII].

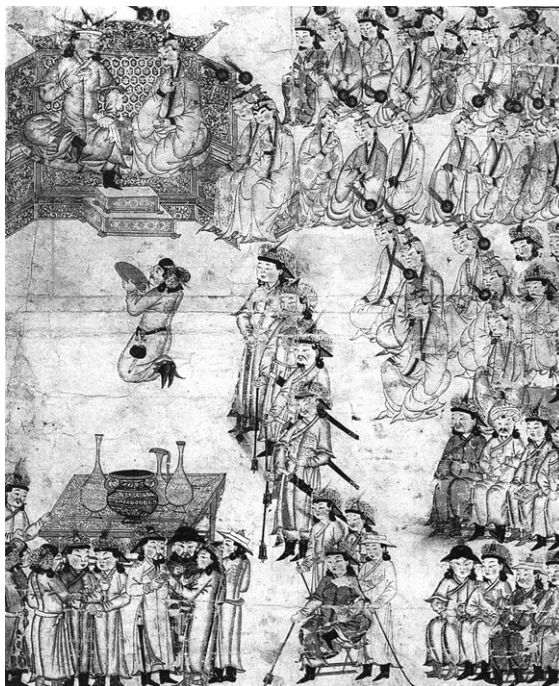
Каков был основной «механизм» включения тюрков в состав армий Джучи и Бату? Ответ следует искать в особенностях системы господства – подчинения, т.е. своеобразного степного «варианта» или «аналога» системы вассалитета в кочевых сообществах. В кочевых обществах зависимость простых скотоводов от родоплеменной аристократии, т.е. «классовость их взаимоотношений» проявлялась опосредованно, т.е. через собственность на скот. Кто был владельцем скота, тот и являлся в конечном счете реальным пользователем-владельцем земли [Владимирцов, 1934; Толстов, 1934]. Земля считалась общей собственностью всего рода, всего племени, независимо от имущественного положения любого члена конкретного общества [Марков, 1976, с.278–313].

Этот своеобразный «механизм» способствовал относительно легкому и быстрому включению тюрков в состав войск Джучи и Бату. Именно такой рычаг стал также основной и решающей причиной сравнительно

быстрой ассимиляции монголов на западе. Вообще своеобразие системы господства–подчинения, т.е. степного «варианта вассалитета» у кочевников, стало причиной как быстрого образования, так и быстрого распада кочевых империй Евразии.

Таким образом, для осмысления причин тюрко-монгольской этнической интеграции XIII–XIV вв. имелись, кроме наивных предположений о «дикости» и «варварстве» монголов, более существенные общественно-социальные предпосылки и условия. Уклад жизни, бытовые условия, социальное развитие монголов и тюрков Дашт-и Кыпчака в это время находились примерно на одинаковом уровне. Татаро-монголы, активно освоившие опыт, накопленный предыдущими обществами в сфере управления империей – о чем свидетельствуют организационные преобразования, т.е. реформы Чингиз-хана, – объективно оказались в военно-организационном плане на более высоком уровне, чем разобщенные племена степей и не только их.

Быстрота анализируемого этнического процесса подтверждается результатами многолетних археологических изысканий: «пришедшее в степи Дешт-и Кипчака монгольское население было сравнительно незначительным», а основные «степные территории сохраняли старое кочевое население, сменившее только свою родоплеменную аристократию на новых хозяев – степных ханов Золотой Орды и их эмиров» [Федоров-Давыдов, 1966, с.247]. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что процесс тюркизации монголов в Улусе Джучи произошел в сравнительно короткие исторические сроки. Сошлемся на некоторые дополнительные факты. Сторонник монголизации Джучидов С.Закиров, описывая прием ханом Берке (1257–1266) послов из Египта, привел следующее свидетельство ал-Муфаддала, который пользовался материалами Ибн Абд аз-Захира [Закиров, 1966, с.48]. По свидетельству египетских послов, привезенное ими письмо султана главный кадий перевел с арабского на тюркский язык, а вази́р прочитал его Берке. Хан и все присутствующие были чрезвычайно довольны его содержанием [СМИЗО, 1884, с.194]. Если для хана Берке и его окружения тюркский язык был вполне доступен, то для пос-

Ханский двор в белых одеждах отмечает праздник Нового года. Миниатюра. Иран. Около 1330 г. Музей Топкапы, Стамбул

ледующих Джучидов он стал, надо полагать, еще более близким, возможно родным. И это подтверждается документально. Например, как специально отметил В.В.Бартольд, Ибн Баттута, благосклонно принятый ханом Узбеком (1312–1342), описывая быт и нравы ханского двора, «слышал там только турецкие (т.е. тюркские. – М.У.) слова». Тюркский язык там «употреблялся и в мусульманском богослужении» [Бартольд, 1968, с.139–140]. Все это находит адекватное отражение в официальном делопроизводстве сараевских правителей, когда документы имели местное назначение [Усманов, 1979, с.94–111; 1979а, с.238–240].

В Джучиевом Улусе монгольский язык не сразу вышел из употребления. Скорее всего, Джучиды некоторое время оставались двуязычными [Бартольд, 1963, с.452–455]. На монгольском языке писались послания из Сарая к великим ханам в Каракорум и Ханбалык (Пекин), а также ранним Хулагуидам, дольше Джучидов употреблявших язык своих предков. На этом языке, отдавая дань традиции, писали тексты на пайцзах – своеобразных «охранных грамотах» [Усманов, 1979, с.100–101]. Монгольский язык мог дольше

сохраняться в быту отдельных семейств, осевших в степях. Имеются документальные факты, свидетельствующие о бытовом двуязычии некоторой части населения Джучиева Улуса [Поппе, 1941, с.81–134].

Таким же образом монгольский этнос и его язык угасали и в других «осколках» бывшей сверхимперии, сохранившись лишь в незначительной части исконной их родины. Такова, видимо, участь многих имперских народов прошлого.

§ 2. Арабские и персидские источники о династийно-политических наименованиях Улуса Джучи и этнониме «татары»

Политические наименования государства Джучидов из арабских трудов упоминаются лишь в сочинениях секретарей мамлюкских правителей Таки ад-Дина ал-Мухибби (конец XIV в.) и Абу-л-Аббаса ал-Калкашанди (конец XIV – начало XV в.).

Несмотря на редкую употребляемость в источниках, эти термины использовались в официальной переписке мамлюкских правителей с золотоордынскими ханами и вельможами, в титулы которых они и входили (свидетельства компетентных в вопросах дипломатической переписки мамлюкской державы ал-Мухибби и ал-Калкашанди не оставляют в этом сомнений). По словам ал-Мухибби, один из ордынских вельмож, «шейх Хасан Великий, начальник улуса», в числе прочих носил следующий титул: «удовлетворитель нужды **царства Каанского**» [СМИЗО, 1884, с.347–348]. Другой сановник именовался «везиром **царства Каанского**» [там же, с.349] (здесь и далее выделено нами. – А.А., И.М.). По свидетельству ал-Калкашанди, в послании египетского правителя ал-Малик ан-Насира Фараджа одному из золотоордынских ханов Улус Джучи также назван «царством Каанским» [там же, с.410].

Примечательно, что в поздних (конец XIV – начало XV в.) посланиях мамлюкских султанов Улус Джучи именуется «государством (царством) Каановым», хотя первоначально титул *каан* принадлежал лишь великим ханам – правителям Монгольской империи. Однако уже к концу XIV в. монгольские династии в бывших чингизидских улусах, кроме Джучидского государства, были свергнуты или захирели. Поэтому единственными реальными претендентами на каанский титул остались ханы Золотой Орды.

Алсу Арсланова, Ильяс Мустахимов

Персидскими авторами термин «татары» в отношении монголов и монгольских (чингизидских) государств XIII–XVIII вв. практически не употреблялся. Поэтому более продуктивным представляется рассмотрение политических и династийно-политических наименований государства Джучидов.

Особый интерес представляет использование персидскими источниками наименований составных частей Улуса Джучи, отражающих реалии его административно-территориального деления. Прежде всего, это относится к терминам «улус Бату», «улус Орды», «улус Берке», «улус Узбека» и др.

Можно наблюдать наличие подобных наименований Улуса Джучи и в арабских источниках. Так, со времени правления хана Берке (1257–1267) в некоторых арабских источниках Улус Джучи начинает именоваться династийно-географическими терминами («земли Берке», «степи Берке»). Впоследствии у арабских авторов появились и другие династийно-географические наименования, образованные от имен золотоордынских ханов, правивших позднее, – Токты (1291–1312) и Узбека (1312–1342).

Характерно, что в некоторых арабских источниках термин '*байт Барка*' («Дом Берке») используется, прежде всего, как обозначение правящей джучидской династии (см., например: [там же, с.116 (Бейбарс), 359 (Ибн ал-Фурат), 518 (ал-Айни)]). Об этом же свидетельствует появление наименования «Государство Дома Берке»: «Это тот (самый Берке), от которого производит начало свое это государство; оно называется Домом Берке (байт Барка), что значит: это государство Дома Берке (мамлака байт Барка), точно так, как о царстве Иранском говорят: это царство

Дома Хулаку (мамлака байт Хулаку)» [там же, с.405 (ал-Калкашанди)].

Возможно, это своеобразный перевод таких терминов как «Улус Берке», или «Улус Узбека», используемых в персидских источниках. Очевидно, довольно частое отождествление наименования государства с именами царствующих (или царствовавших) ханов Улуса Джучи не случайно и объясняется особенностями созданной Чингиз-ханом улусной системы. Согласно принципам этой системы, государство (*Yeke ulus* – «Великое государство», «Великий улус») представлялось родовым достоянием Чингизидов [Владимирцов, 1934, с.98–99]. После создания своей державы (*Mongyol ulus*), следуя кочевым традициям, Чингиз-хан начинает раздавать уделы-улусы своим сыновьям и ближайшим родственникам. У арабских авторов этот принцип нашел отражение в отождествлении ими правящей династии (именуемой ими «Домом Берке») с золотоордынским государством. Позже появились другие наименования джучидского государства, образованные от имен наиболее могущественных его ханов (Берке, Токты, Узбека), со времени правления которых Джучиев Улус стал фактически независимым государством.

Наиболее ранними и распространенными в персидских источниках являются такие династийно-политические наименования Улуса Джучи, как «улус Джучи[-хана]», «царство Джучи-хана», «улус Бату», «улус Орды». Одним из первых персидских авторов, использовавших эти наименования, был официальный историограф хулагуидского двора Фазлаллах Рашид ад-Дин. В сочинении «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»), при изложении истории монгольских завоеваний в Средней Азии и Восточной Европе, он именуется земли, выделенные Чингиз-ханом в удел своему старшему сыну Джучи, «улусом Джучи» [СМИЗО, 1941, с.29, 50–51, 65 и др.].

Позже в персидских источниках появились другие, схожие с арабскими, наименования Улуса Джучи, использующие имена правивших позднее ханов Берке и Узбека: «улус Берке», «Дашт-и Берке», «улус Узбека», «государство Узбека» и др. Основываясь на свидетельствах арабских и персидских источников, можно предполагать, что подобные наименования золотоордынского государства «имели хождение» и в самом Улусе Джучи.

Население Улуса Джучи с этнической точки зрения представляло собой конгломерат самых различных народов. В числе подвластных Джучидам народов источники называют волжских булгар, русских, буртасов, башкир, черкесов и др. Однако наибольшее распространение в арабских источниках для обозначения государства и населения державы Джучидов получили термины «татары» и «кыпчаки».

Так, для арабских современников Улус Джучи был известен, прежде всего, как «татарские земли» [СМИЗО, 1884, с.118, 123, 327], или «земли татарские на Севере» [там же, с.516], а его правители именовались «царями татарскими» на всем протяжении существования Золотой Орды [там же, с.55, 119–120 и др.].

Не менее часто для титулования джучидских правителей и обозначения территории Улуса Джучи в арабских и персидских источниках использовался этноним «кыпчак». Так, самыми распространенными из этногеографических и этнополитических наименований Улуса Джучи в арабских, и особенно персидских, источниках являются те, в качестве компонента которых присутствует этноним «кыпчак» («Дашт-и Кыпчак», «страна степей Кыпчакских», «Царство кыпчакское» и др.) [Мустакимов, 2001, с.263–279; Арсланова, 1997/98, с.30–41].

Встречается и параллельное использование терминов «татар» и «кыпчак» в одном и том же источнике. Так, Ибн ал-Фурат в своей летописи пишет: «В 665 году (хиджры) Менгу-Тимур... вступил на престол **царства Кыпчакского**. К нему перешло господство над **татарами** (т.е. «перешло к нему **царство Татарское**». – А.А., И.М.), Северными странами, Кыпчаком, Железными воротами и прилегающими к ним землями» [СМИЗО, 1884, с.358].

В силу определенных причин как западные, так и восточные (в т.ч. арабские и, частично, персидские) авторы с XIII в. имя «татары» распространили на все монгольское войско, состоявшее как из самих монголов, так и из представителей покоренных ими племен и народов (в значительной степени тюркоязычных) (подробнее см.: [Измайлов, 1993, с.17–32]). Более поздние арабские авторы, жившие после фактического распада Монгольской империи и образования самостоятельных чингизидских

государств, определения «татарские страны», «татарские цари» применяют не только в отношении Улуса Джучи и его государей, но и к другим государствам с правящей чингизидской династией («...пошлины и другие доходы с Судака делились между четырьмя **татарскими царями**, одним из них был Токтай» [СМИЗО, 1884, с.195 (ал-Муфаддал); с.73 (Ибн Васил)], в частности, к сопернику Улуса Джучи – государству Хулагуидов в Иране, а самих Хулагуидов также называют «царями татарскими» [там же, с.73 (Ибн Васил), с.121 (Бейбарс)]. В летописи Ибн ал-Фурата Хулагу также назван «царем татарским» [там же, с.359]. Поэтому ал-Айни, например, был вынужден говорить о «землях татарских на Севере», подчеркивая географическое местоположение Улуса Джучи [там же, с.516]. Таким образом, термин «татары» у арабских авторов к концу XIII в. приобретает скорее этносоциальное, нежели чисто этническое, значение, определяя, в первую очередь, правящую аристократию в этих государствах. Поэтому термин «татарские страны» в арабских источниках начинает означать всю ту территорию, страну (или страны), на которые распространялась власть ханов-Чингизидов («татарских царей»).

Позже татарами, а также, по традиции, монголами, стали именовать социальную верхушку чингизидских государств (см., например, у Ибн Баттуты: [там же, с.295]). Так, аз-Захаби именуется хана Берке (1256/57–1266) «монгол (*ал-магули*), царь Кыпчака и степей Судаких» [там же, с.204]. Ал-Асади золотоордынского хана Токту (1291–1312/13) также называет «монголом» [там же, с.275, 446].

Этноним «монгол» сохранялся в государстве Джучидов и его государствах-преемниках. Так, автор конца XIV в. ал-Муhibби среди прочих титулов ханов Улуса Джучи упоминает и следующий: «султан монголов, кыпчаков и тюрок» [там же, с.343], а крымский хан Мухаммад-Гирей еще в 1520 г. использует его в интитуляции одного из своих ярлыков [Усманов, 1979, с.193–194]. Очевидно, сохранение этого наименования связано с традицией.

Надо заметить, что в XIII–XIV вв. этноним «татары» в отношении населения Улуса Джучи арабские источники используют крайне редко. Более-менее внятно термин «татары» с населением именно Улуса Джучи отождествляют посетивший это государство в на-

чале XV в. арабский историк Ибн Арабшах и живший в это же время ал-Макризи. Ибн Арабшах отмечал: «Эта область исключительно **татарская**... переполненная... тюркскими племенами» [СМИЗО, 1884, с.459]; Макризи писал: «Он (Едигей) тот, который запретил **татарам** продавать детей своих, вследствие чего уменьшился привоз их в Сирию и Египет» [там же, с.474].

Чаще в отношении Улуса Джучи использовались термины с компонентом «кыпчак», который широко использовался как составляющая географических названий или титулов золотоордынских ханов [там же, с.334–343]. Особенно часто персидскими и арабскими авторами используется этнопоним «Дашт-и Кыпчак» («Кыпчакская степь»).

«Дашт-и Кыпчак» – одно из древнейших этногеографических наименований, относившихся к территории, занимаемой Улусом Джучи. Именно Дашт-и Кыпчак стал центром возникшего здесь монгольского по династии государства, включившего в себя степи Восточной Европы до Дуная, большую часть Западной Сибири и Казахстана.

Остановимся более подробно на этнопониме «Дашт-и Кыпчак». Известно, что топонимы, как и этнонимы, не всегда ведут себя одинаково. Одни из них очень устойчивы, содержание других с течением времени изменяется, обретает новый смысл. Это обстоятельство порой затрудняет их интерпретацию и служит причиной разногласий и разночтений, существующих в историографии по этой проблеме. Так, на наш взгляд, произошло с этнопонимом «Дашт-и Кыпчак». Разной в практике его использования наблюдается с XIX в., т.е. с того времени, когда началось серьезное изучение средневековых восточных источников применительно к нуждам исторической науки, а следовательно, более углубленное проникновение в суть проблем, связанных с историей народов нашей страны.

В отечественной исторической литературе к середине XIX в. в практике использования этнопонима «Дашт-и Кыпчак» сложилось три основных направления.

Представители одного из них, строго следуя сведениям отдельных восточных источников периода монгольских завоеваний и приняв на веру их терминологию, как таковую, не учитывали возможность его семантической неустойчивости. Они отождествля-

ли термины «Улус Джучи», «Золотая Орда», «Дашт-и Кыпчак» («Кыпчакская Орда», «Кыпчакское царство») для обозначения государства, основанного ханом Джучи с центром в Нижнем Поволжье. В работах Г.С. Саблукова, например, это хорошо видно уже из самих названий его работ: «Исследование о месте Сарая, столицы Кыпчакской Орды» (1843), «Монеты Золотой Орды» (1896), «Очерки внутреннего состояния Кыпчакского царства» (1844) и др.

Некоторые исследователи неправомерно, как нам кажется, относили распространение термина «Дашт-и Кыпчак» только к восточным пределам Улуса Джучи. Так, например, Н.Я. Аристов отчетливо указывал на то, что «Дашт-и Кыпчаком» звалась восточная половина Джучиева Улуса, а «степи Западной половины от Урала до Дуная служили для кочевков остатков половцев и предшествовавших тюркских племен, объединившихся с частью кыпчаков под общим названием Ногаев» [Аристов, 1896, с.314].

Ряду историков, однако, удалось разобраться в особенностях использования этого термина в персидских источниках. Исследователи пришли к выводу, что понятие «Дашт-и Кыпчак» было в них сильно обобщено. Дифференцированно подойдя к пониманию этого термина, они различали «Дашт-и Кыпчак» в «узком» и «широком» смысле слова. Н.И. Веселовский, например, отметил, что «Улус Джучиев заключал в себя, во-первых, Дешти-Кипчак (в обширном смысле слова); во-вторых, Крым, часть Закавказья, Хорезм и Русь. Но скоро улус этот, обнимающий обширные степи и оседлые страны, распался на две орды, – «золотую» и «синюю», а впоследствии раздробление пошло еще дальше» [Веселовский, 1877, с.75–90]. А.Н. Харузин придерживался мнения, что «под этим именем (в широком смысле) подразумевались и Крым, и все наши южные степи, и степи по ту сторону р. Урала... с частью Туркестана» [Харузин, 1895, с.76–81]. Новое государство, считали эти авторы, сохранило прежнее название «Дашт-и Кыпчак». Эту же точку зрения разделял и В.В. Бартольд.

Таким образом, очевидно, что российская историография не дала четкого, однозначного понимания термина «Дашт-и Кыпчак». Этот разнобой оказал определенное влияние на труды советских историков.

В XX в. время было написано много замечательных трудов, основанных на материале персидских нарративных исторических источников. В немалой степени этому способствовало появление труда В.Г. Тизенгаузена [СМИЗО, 1941]. Однако мы не можем назвать какой-либо работы, в которой был бы предпринят конкретный анализ содержания этнопонима «Дашт-и Кыпчак». Как правило, он лишь вскользь комментируется авторами в сносках без ссылок на источники, как нечто само собой разумеющееся. Но при изучении историографии можно заметить, что среди историков нет определенного единодушия в отношении его использования. Выделяются направления, аналогичные указанным выше для досоветского периода. Так, Н.И. Егоров [1984, с.90], А.Г. Мухамадиев [1983] и другие термином «Дашт-и кыпчак», наряду с термином «Золотая Орда», называют государство Улус Джучи, несмотря на то, что кроме Дашт-и Кыпчака в него входили и другие области – Крым, Хорезм, Волжская Булгария и т.д. «В первой половине XII в., – пишет Н.И. Егоров, – монголо-татарские полчища завоевали одно из первых государственных объединений Среднего Поволжья – Волжско-Камскую Булгарию, превратили ее в Булгарский улус Дешт-и Кыпчака...» [Егоров, 1984, с.90].

Еще ранее А.П. Чулошников высказывал предположение, что, хотя по данным восточных источников, начиная с XIV в., «Дешт-кипчакское государство» и «Золотая Орда» были синонимами, тем не менее, они не всегда совпадали. Первоначально это были только степи между Доном, Камой и Уралом, и лишь впоследствии термин распространился на всю южнорусскую равнину вместе с Крымом и на степи за р. Уралом и часть Туркестана [Чулошников, 1924, с.71–72]. С этим названием смыкается точка зрения А.Н. Кононова [Кононов, 1958, с.87] и Р.Г. Кузеева [Кузеев, 1974, с.87], которые под термином «Дашт-и Кыпчак» имеют в виду значительную степную полосу, простиравшуюся от верховьев Сырдарьи и почти до Дуная. Они подчеркивают, что в разное время этим термином обозначались разные отрезки этой обширной территории.

В монографии Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение» первая глава, написанная А.Ю. Якубовским, на-

зывается «Дешт-и Кыпчак (Половецкая степь) в XI–XIII вв. до прихода монголов». Автор справедливо считает, что слово «государство» нельзя применять к половцам и половецким объединениям в том смысле, который оно имело у монголов. Далее он писал: «В результате монгольских походов на огромной территории Дешт-и Кыпчак и ряда смежных областей образовалось большое государство, именуемое в восточных источниках Улусом Джучи или Синей Ордой. В русских летописях государство это называется Золотой Ордой, хотя до сих пор не выяснено, как и почему возникло это название» [Греков, Якубовский, 1950, с.59]. А.Ю.Якубовский рассматривал Дашт-и Кыпчак как основную часть Улуса Джучи, в котором располагалась кочевая ханская ставка. «К Дашт-и Кыпчак примыкали культурные земледельческие области (Крым, Северный Кавказ, Хорезм, Булгар)... Имя Дешт-и Кыпчак не только сохранилось, но и широко распространилось по всему тогдашнему миру, от Китая до Андалусии» [Пищулина, 1977, с.59–65].

Особо следует выделить труды Г.А.Федорова-Давыдова, в которых он ясно показывает, что Половецкая степь была главным районом Золотой Орды, ее ядром. «Не случайно, – пишет ученый, – что в ряде арабских и персидских источников Золотая Орда отождествлялась с Дешт-и Кыпчак, т.е. половецкой степью. Монгольские ханы в степях хозяйничали сами, не допуская местную аристократию к управлению» [Федоров-Давыдов, 1973, с.28]. Но одновременно он призывает к чрезвычайно внимательному обращению с терминами, обозначавшими Улус Джучи. Редактируя книгу А.Г.Мухамадиева, он указал в примечании, что с термином Дашт-и Кыпчак надо обращаться осторожно. А.Г.Мухамадиев называет государство, известное в литературе под именем Золотой Орды, – Кыпчак, по имени численно господствовавшего в степях населения. «Название Кыпчак, – пишет Г.А.Федоров-Давыдов, – имеет право на существование, так как главной частью государства были степи, называвшиеся Дешт-и Кыпчак... Древние писатели иногда называли Улус Джучидов Дешт-и Кыпчак или просто Кыпчак. Но как всякое название термин Кыпчак применительно к государству Джучидов односторонен, т.е. некоторые области его (Хорезм, Волжская Булга-

рия) не входили в Дешт-и Кыпчак» [Мухамадиев, 1983, с.8].

Из краткого обзора использования термина «Дашт-и Кыпчак» в исторической литературе можно сделать общий вывод о наличии следующих тенденций: с одной стороны, обращение историков к отдельно взятым средневековым источникам неизбежно привело их к сужению понимания термина – они видели в нем или часть Улуса Джучи, или же все государство в целом для всего периода его существования; с другой стороны, произошла абсолютизация одного его значения, т.е. термин закрепился за территорией, на которой доминирующее положение занимала племенная группа под именем «кыпчаки».

Таким образом, термин закрепился в тот исторический момент, когда миграционный процесс кыпчаков в южном направлении (с вытеснением отсюда огузов) и в западном – в Поволжье и т.н. южнорусские степи (где они сменили печенегов) достиг своего апогея. По мере усиления и возвышения кыпчаков, когда они стали играть господствующую роль в политической жизни Восточной Европы и Средней Азии, под «Дашт-и Кыпчаком» подразумеваются степи от Иртыша до Дуная.

Безусловно, непременным условием раскрытия семантики термина «Дашт-и Кыпчак» является комплексный анализ сведений, отраженных в письменных источниках. Именно такой подход может служить предпосылкой его верного понимания. Данные о кыпчаках и о земле кыпчакской имеются в русских летописях, в сочинениях европейских путешественников, в записках восточных авторов. Однако наибольшее распространение, как было отмечено, термин получил в персидских источниках XIII–XVIII вв.

В результате анализа использования рассматриваемого термина в указанных материалах мы можем отметить следующее. В персидских источниках XIII–XV вв. топоним *Дашт-и Кыпчак* (или его варианты: *Кыпчак*, *Дашт*, *Земля кыпчакская*, *страна кыпчакская*, *страна кыпчаков*, *земли Дашта*, *Царство кыпчакское*) встречается довольно часто. При более внимательном прочтении можно заметить, что в ранних персидских хрониках монгольских завоеваний термин «Дашт-и Кыпчак» упоминается в значении главного этногеографического региона Улуса Джучи на-

ряду с другими областями этого средневекового государства. Так, например, у Вассафа читаем: «...Джучи был старший сын Чингизхана, владевший Саксином, Кипчаком, Хорезмом, Булгаром, Крымом и Укеком до Руси» [СМИЗО, 1941, с.86]. В аналогичном значении термин звучит также в произведениях Джузджани «Табакат-и Насири», Джувейни «Тарих-и джахангуша», Ибн Биби «Сельджукнаме», Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих», Хамдаллаха ал-Казвини «Тарих-и гузиде».

Однако, начиная с сочинения Абу Бакра ал-Кутби ал-Ахари «Тарих-и шейх-Увейс», содержание его становится несколько шире. Теперь он сочетает в себе два значения: «Дашт-и Кыпчак» не только как часть государства, но и само государство в целом. Например, «в то время, когда в Дешт-и Кыпчаке царствовали сообща царевичи, (туда) прибыл Токтай, одержал над всеми верх и воссел на престол Берке и Бату» [там же, с.100]. В «Родословии тюрков» есть следующая информация: «В достоверных книгах истории записано, что после завоевания Хорезма, по приказу Чингизхана, Хорезм и Дешт-и Кыпчак, от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара, алан, башкир, урусов и черкесов, вплоть до тех мест, куда достигает копыто татарской лошади, стали принадлежать Джучи-хану, и он в этих странах утвердился на престоле ханства и на троне правления... Все султаны Дешт-и Кыпчака из потомства Джучи, сына Чингиз-хана, а их в общем 39 человек...» [там же, с.204]. Таким образом, привычный географический термин «Дашт-и Кыпчак» стал употребляться некоторыми персидскими историками с оттенком, придающим ему название государства. Последнее приобрело черты своеобразной историографической традиции, которая закрепилась и сыграла в дальнейшем свою роль в исторических исследованиях, опиравшихся на сведения этих источников. Среди них укажем также следующие: «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами, «Аноним Искендера» Муин ад-Дина Натанзи, продолжение «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йезди, «Матла ас-са'адейн» Абд ар-Раззака Самарканди, «Нусах-и джаханара» Гаффари, «Тарих-и Хайдари» Хайдера Рази. Например, у Шараф ад-Дина Али Йезди читаем: «...Токтамыш-хан, оставшись победителем, воссел на престол Дешт-и Кыпчака на место отцов и

послал Урус-ходжу к Тимуру доставить известие о победе» [там же, с.150].

В XV в. политическая и этническая ситуация в регионе кардинально меняется. В качестве существенного компонента кыпчаки приняли участие в процессе этногенеза целого ряда тюркоязычных народов, но термин, связанный с их этнонимом еще долгое время (до XVIII в. включительно) встречался в персоязычных историко-географических сочинениях Средней Азии. Однако речь в них идет уже исключительно о Восточном Дашт-и Кыпчаке, включавшем степи к востоку от Волги, ныне известные как казахские. Одновременно в западной части распавшегося Улуса Джучи термины «Дашт-и Кыпчак», «кыпчаки» постепенно заменяются словами «Татария», «татары». Следовательно, термины «Дашт-и Кыпчак» (или «Дашт», «Кыпчак», «Восточный Дашт-и Кыпчак») в этом круге источников имеют отношение к истории сложившихся в этом регионе казахского и узбекского народов. Немало сведений об этом содержится в таких источниках, как «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», «Шейбанинаме» Камал ад-Дина Бинаи, «Тарих-и Абу-лхайр-хани», «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммада Хайдара Дуглата, «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз-и Таныша, «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» Махмуда ибн Вали, «Тарих-и кипчаки» Ходжамкум-бека Балхи и т.д.

Отождествление Улуса Джучи с Дашт-и Кыпчаком, очевидно, не было случайным фактом в персидских и арабских источниках. Под «Дашт-и Кыпчаком» подразумевается кочевническое общество кыпчаков, составивших, по мнению арабо-персидских авторов, большинство населения этого государства и занимавших основную часть его территории. Поэтому этот термин имеет право на существование, но, как всякое название применительно к государству Улус Джучи, он исторически обусловлен.

Особенностью арабских источников, по видимому, заимствовавших этот термин у персов, является то, что они, в отличие от некоторых персоязычных (понимавших под «Дашт-и Кыпчаком» как часть джучидского государства, так и все это государство в целом [СМИЗО, 1884, с.43]), почти всегда «заужали» значение этого наименования, отождествляя с ним зачастую хотя и основную, но лишь часть Улуса Джучи («В 712 г.х. умер

Токта, царь Дашт-и Кыпчака и прилегающих к нему, входящих в его состав государств» (*Дашт ал-Кыбджак ва ма валаха*) [там же, с.174 (ал-Бирзали)]; «Дашт-и Кыпчак и то, что с ним» (*Дашт ал-Кыбджак ва ма ма'аху*) [там же, с.241, с.244 (ал-Омари)]; «...цари татарские в Хорезме и Дашт-и Кыпчаке на Севере» (*мулук ат-татар фи Хаваразм ва Дашт ал-Кыбджак*) [там же, с.377 (Ибн Халдун), с.406, 416 (ал-Калкашанди), с.553 (аз-Захаби), с.279, 303 (Ибн Баттута)]. Скорее всего, под «Дашт-и Кыпчаком» данные авторы подразумевали, прежде всего, улус Бату, второго сына Джучи – основную политическую и территориальную составляющую Улуса Джучи до начала XV в.

Термин «кыпчак» в арабских источниках включает в себя этногеографические и этнополитические наименования, относящиеся только к Улусу Джучи, в отличие от тех наименований, где их компонентом выступает термин «татар», относимый источниками ко всем чингизидским государствам.

Таким образом, использование наименований Улуса Джучи с этническим компонентом «кыпчак» в арабо-персидской историко-географической литературе было обусловлено, очевидно, сложившейся на Востоке традицией наименования населения зоны евразийских степей.

Термин «Дашт-и Кыпчак» в отношении территории Золотой Орды длительное время весьма активно использовался также в тюркоязычных источниках Поволжья и Крыма. В дастане «Идегей», сложившемся на прежней территории Золотой Орды, эта страна именуется «славной кыпчакской землей» (*данлы кыпчак жэире*) [Идегэй, 1988, 11 б.]. Частота использования термина «Дашт-и Кыпчак» в ярлыках и письмах крымских правителей с первой половины XVI в. указывает на то, что с этого времени он являлся обязательным элементом их титулов [Материалы, 1864, с.2, 13, 26 и т.д.; Тунманн, 1991, с.23; Усманов, 1979, с.193–194]. Употребляя его в адресанте своих грамот, наряду с титулом «Великие Орды великий царь», крымские ханы заявляли свои претензии на золотоордынское наследие. М.А.Усманов пришел к выводу о том, что начало использования указанных титулов крымскими правителями связано с результатами победы хана Менгли-

Гирея над основным правопреемником Золотой Орды – Большой Ордой в 1502 г., когда последняя была ликвидирована как государство [Усманов, 1979, с.193].

Большой исторический интерес представляло бы уточнение границ территории, именуемой в средневековых мусульманских источниках «Дашт-и Кыпчаком». Однако, по справедливому замечанию А.Ю.Якубовского, «трудно говорить о точных границах там, где сами современники их себе не представляли» [Греков, Якубовский, 1950, с.18].

Истинными же хозяевами Улуса Джучи стали ханы из династии Чингизидов, группа монгольской и часть примкнувшей к ним местной кочевой аристократии, после завоеваний получившие в арабских источниках имя «татары». Термин «татары» стал широко применяться многими азиатскими и европейскими авторами начала XIII в. для собирательного обозначения монголо-тюркских завоевателей. В этом же значении его использовали и некоторые арабские авторы (Ибн ал-Асир, Рукн ад-Дин Бейбарс, ан-Нувайри, ал-Омари и др.).

Позже на первый план выходит иное значение этого термина – «татарами» арабские авторы начинают именовать правителей-Чингизидов и пришлую монгольскую аристократию в новосозданных улусах Монгольской империи, обладавших всей полнотой власти, что и обусловило появление данного значения термина «татар» в арабских источниках. В этот же период иногда встречается использование этого термина для обозначения вообще кочевников чингизидских государств (например, у Ибн Баттуты) [СМИЗО, 1884, с.253]. Характерно, что после падения монгольской династии Хулагуидов в Иране (1336 г.) арабские авторы прекращают именовать его «татарским государством», тогда как Улус Джучи и его ханы продолжают оставаться для них «татарскими», а после распада Улуса Джучи титул «татарских царей» (т.е. «царей из династии Чингизидов», «монгольских царей») переносится на ханов образовавшихся на его бывшей территории государств.

Несомненно, термин «татары» имел распространение и в самом Улусе Джучи. Весьма активно этот термин использовался правителями постзолотоордынских государств.

Крымские ханы даже ввели выражение «несчетного множества татар... великий государь и великий хан» (*сансыз күп татарның... олуг падишаһы вә олуг ханы*) в свой титул [Материалы, 1864, с.2, 13, 26 и т.д.]. Причем термин этот в тюркоязычных и русских источниках периода XV–XVII вв. использовался, прежде всего, как термин социальный, обозначающий военно-служилое сословие, ведущее, как правило, кочевой образ жизни

(см., например, исследование этого вопроса: [Измайлов, 1993, с.17–32]). Так, в интитуляции некоторых крымских правителей синонимом термина *татар* выступает термин *чирү* (войско) [Материалы, 1864, с.228, 238, 245 и др.]. Очевидно, изначальный этноним «татары» стал социальным термином еще в период существования государства Джучидов, что и нашло отражение в арабских источниках XIII–XVI вв.

§ 3. Становление средневекового татарского этноса*

Искандер Измайлов

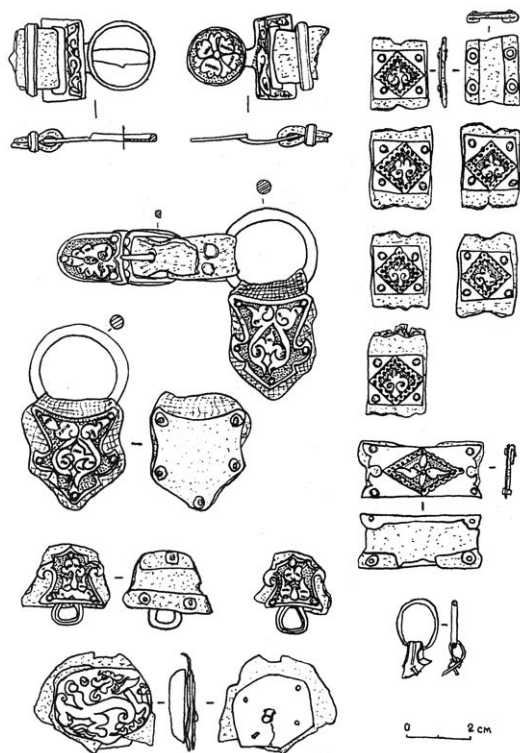
Монгольские завоевания: татары в Азии и Европе. Монгольское нашествие, прокатившееся в первой половине XIII в. по Азии и Европе, практически полностью разрушило прежнее течение жизни в цивилизованном мире. Последствия походов Чингизхана и его потомков, несмотря на их грандиозность, не привели, видимо, к массовому переселению в Восточную Европу и на Ближний Восток новых кочевых племен. Однако именно они сделали возможным создание империи Чингизидов и распространение здесь этнонима – «татары».

Формирование этнополитической структуры золотоордынского государства привело к последовательному изживанию принципов прежнего племенного устройства. Обширные завоевания, произведенные монгольскими ханами, разрушение привычного миропорядка и возникновение в короткий срок новых империй, вызвали шок у современников – «летописи не содержат ничего (сколько-нибудь) сходного и подходящего», писал очевидец этих событий арабский хронист Ибн ал-Асир [СМИЗО, 1884, с.2] – и желание больше узнать о таинственных пришельцах. И первое, что они выяснили, было их имя – «татары», которое просвещенные авторы Европы и Востока пытались объяснить в мифических и апокалиптических образах, навеянных «Откровениями» Иоанна и уточненных и развитых в «Откровении» Матфея Патарского. Поэтому первое, что сделали христианские авторы – это связали их происхождение с легендарными народами – Гогом и Магогом христианской,

или Йаджуджами и Маджуджами восточной традиций, якобы изгнанных Александром Македонским на край света. Одновременно европейцы нередко переосмысливали их имя как «выходцы из Тартара», т.е. преисподней, что, благодаря трудам многих известных историков XIII в. (Матфея Парижского, Роджера Бэкона и др.), глубоко врезалось в общественное сознание европейских народов [Матузова, 1979, с.137, 148, 153, 157, 207; Дробинский, 1948, с.125–127].

К концу XIII в., однако, когда европейцы, в основном благодаря путешествиям христианских миссионеров ко двору монгольских ханов, ближе познакомились с жизнью и историей «татар», в научный оборот стали входить новые, более реалистичные версии об их происхождении. Первые европейские монахи, проникавшие вглубь евразийских степей в надежде найти союзников против татар в лице жителей царства пресвитера Иоанна или «Великой Венгрии», к своему удивлению узнали, что татары отнюдь не завоеватели, а покоренный народ, и к тому же под их именем часто скрывается целый конгломерат покоренных племен и народов. Характерен такой отрывок из письма венгерского монаха-францисканца Юлиана: «Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооружившись, посылают против воли в бой впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли... и обязывают тех людей впредь именоваться татарами» [Аннинский, 1940, с.67]. Другой путеше-

* Параграф написан при участии Д.М.Исхакова.

Поясной набор. Укк. XIII в.
(по Л.Ф.Недашковскому)

стенник – Плано Карпини, побывавший с папским посольством при дворе великого хана в Каракоруме, даже назвал свой трактат «История монгалов, именуемых нами татарами». Но в тексте своей «Истории» он употребляет название «татары» как имя завоевателей, ставшее уже привычным для европейцев, хотя и упоминает о многих племенах, входивших в состав «страны татар» [Путешествия, 1957, с.57]. Об этом же свидетельствует и Гильом Рубрук, который, основываясь, надо полагать, на рассказах самих монголов из Каракорума, пишет, что они «не желают именоваться христианами, желая свое название, т.е. моал, превознести выше всякого имени; не желают они называться и татарами. Ибо татары были другим народом» [там же, с.114–115]. О татарах же он «узнал следующее»: это было одно из племен, живших рядом с монголами и способствовавших возвышению Чингиз-хана, которых он «повсюду посылал вперед..., и отсюда распространилось их имя, так как везде кричали: “Вот идут татары”. Но в недавних частых войнах почти все они были перебиты. Отсюда упомянутые моалы ныне хотят уничтожить это название и возвысить свое» [там

же, с.116]. Это известие стало довольно популярным в Европе, о чем говорит практически дословное повторение его в ряде историко-географических сочинений, в частности Р.Бэкона [Матузова, 1979, с.189–234]. Позднее, в конце XIII – начале XIV в. в Монголии и Китае побывал целый ряд купцов и деятелей католической церкви, оставивших свои описания увиденного, среди которых особенно выделяются книги Марко Поло, Монтекорвино, Одорика и Дж.Мариньоли [После Марко Поло, 1968; Книга Марко Поло, 1990]. Самые точные и подробные из них – воспоминания Марко Поло – широко использовались политиками, купцами и картографами вплоть до XVI в. [Гольман, 1988, с.24–28]. Между тем, он постоянно называет всех жителей империи Чингизидов «татарами», если, конечно, это не исправления переписчиков или поздние интерполяции. Как бы то ни было, ясно, что европейцы, даже хорошо знавшие реалии жизни в Монгольской империи, чаще называли ее жителей «татарами» и только изредка «монголами», следуя, видимо, традиции.

Армянские историки, также хорошо знавшие завоевателей Закавказья, описывая их, разделяют между собой «татар» и «мугал-татар», причем о последних пишут, что они – племя «из хазар, из гуннов, из гатийцев, из анкитанов и множества других варварских племен», а также называют их иногда «народом стрелков» [Гандзакеци, 1976, с.152–182; Галстян, 1977, с.166].

Византийская историография, отличающаяся особой консервативностью, пыталась связать имя новых завоевателей с традиционными, известными еще с античных времен, названиями азиатских племен, которые имели отдаленное и, очевидно, чисто фонетическое сходство. Например, современник монгольских завоеваний Георгий Пахимер (1242–1310) везде называет монголов «тохарами»: «тохары, называемые в просторечии *атарами*, растеклись по Персии, наподобие бурно текущего потока» [Лебедев, 1944, с.92]. Тем самым, в полном соответствии с принципом «тождества», возводя имя татар к античному народу тохарам, о реальных этнических корнях которых и об их родстве с монголами явно не имея никаких определенных сведений [Успенский, 1992, с.194–202].

Арабские и персидские источники нередко именовали их «монголами» (Рашид ад-Дин,

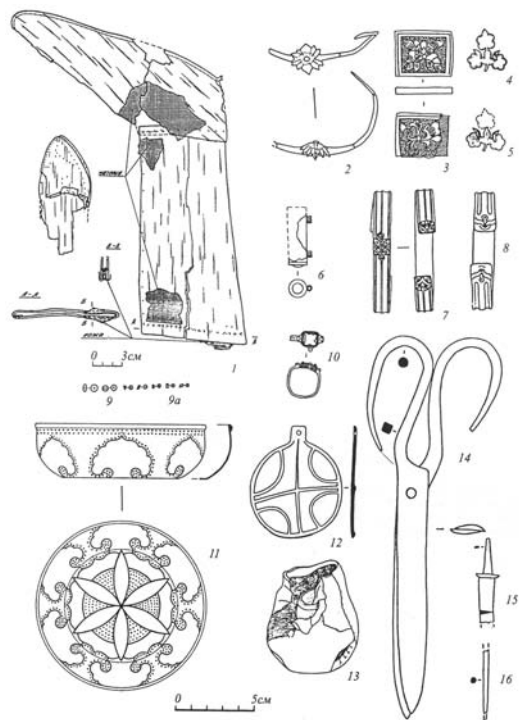
Джувейни) и «татарами» (особенно Ибн ал-Асир, ан-Насави), довольно часто различая их. Осведомленный в реальной обстановке в Центральной Азии перед эпохой Чингиз-хана придворный историк Хулагуидов Рашид ад-Дин писал: «Они (татары) в глубокой древности большую часть времени были покровителями и владыками большей части (монгольских) племен и областей, выделяясь своим величием, могуществом и полным почетом (от других). Из-за (их) чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при (всем) различии их разрядов и названий стали известны под их именем и все назывались татарами, и по этой причине еще (и поныне) в областях Хитая, Хинда и Синда, в Чине и Мачине, в стране киргизов, келаров и башкир, в Дешт-и Кыпчаке, в северных (от него) районах, у арабских племен, в Сирии, в Египте и Марокко (Магрибе) все тюркские племена называют татарами» [Рашид-ад-Дин, 1952, I, 1, с.102–103]. Однако в начале XIII в. татары потеряли прежнее значение, а главенствующее положение в степях захватили поддерживавшие Чингиз-хана, монгольские роды [там же, с.102; II, с.63 и сл.].

Русские летописи и другие письменные памятники, в отличие от иноязычных источников, практически без исключения называют войска монгольских ханов «татарами». «Придоша языци незнаеми... безбожники Моавитяне, рекомии Татарове, их же добре никто весть ясно кто суть и отколе придоша и что язык их и которого племени суть и что вера их. И зовут их Татары, а инии глаголять Таурмени, а друзии Печенези...» [ПСРЛ, 1, с.463]. Можно предполагать, что летописец в этом пассаже хотел связать имя новых завоевателей с известными, традиционными названиями тюркских степных народов. Однако в действительности летописец Новгородской первой летописи вводит в повествование не рациональные знания о реально существующем этносе, а иррациональные представления о них, восходящие к апокалиптической литературе, подчеркивая, что «...инии же глаголють, яко се суть о них же Мефодии Патомьскыи епископъ, съведетельствуетъ, яко си суть ишли ис пустыня Етриевьскыя, сущее между вьстоком и севером. Тако бо Мефодии глаголетъ, яко скончаие временъ явитися тем, яже загна Гедеонъ, и попленять всю зем-

лю от вьстокъ до Ефранта и от Тигрь до Поньскаго моря, кроме Ефиопия» [ПСРЛ, 3, с.61]. Иными словами, для русского летописца важна не реальная этническая принадлежность и племенной состав завоевателей, а соотнесение их с ментальной картой и библейской генеалогией народов.

Синхронные китайские источники знают как татар, так и монгол. Из текста «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар») следует, что завоевателей китайцы называли «татары» или «татаро-монголы», включая в их число не только монгольские, но и тюркоязычные и даже тунгусо-манчжурские племена [Мэн-да бэй-лу, 1975, с.92–94]. Несомненно, в данном конкретном случае историки сталкиваются с характерным для китайской историографии переносом традиционного термина «да-да» («татары») на монголов («мэн-гу жэнь»), что преследовало цель унижить их, т.к. в китайской традиции он имел уничижительный оттенок, со скрытым смыслом «дикий», «грубый» [Далай, 1983, с.63]. Характерно также, что термин «татары» здесь имел определенно надэтнический характер и обозначал не этнических татар, а всех завоевателей-некитайцев. Одновременно в официальной юаньской традиции монгольская династия называлась «правлящая династия» («го-чао»), а монголы, соответственно, «людьми правящей династии» («го-чао жэнь»), т.е. привилегированным слоем, принадлежащем к монгольским родам.

Судя по анализу письменных источников, определенно можно сказать, что правящая верхушка знати Великого Монгольского государства (*Еке Монгол Улуса*) предпочитала называть себя «монголы» [Мэн-да бэй-лу, 1975, с.92–94; Мункуев, 1977, с.378–385; Михайлов, 1993, с.179–198]. По словам Рашид ад-Дина, целый ряд племен «подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище – все они из-за самовосхваления называют себя монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.102]. Под именем татар, очевидно, понимались остатки разгромленных народов, собранных в особые войска. Не исключено, что основная часть этих разноплеменных отрядов была передана в Улус Джучи, т.к. собственно

Находки из женского погребения могильника Олень-Колодезь. Вторая половина XIII в. (по К.Ю.Ефимову) 1 – бокка (берестяной каркас, обернутый материей), 2 – украшения головного убора, 3 – деревянная подвеска, обернутая позолоченной серебряной фольгой, 4–5 – нашивки из кожи с перламутровой инкрустацией, 6 – амулетница, 7–8 – серебряные браслеты, 9–9а – бусы и бисер, 10 – золотой перстень, 11 – серебряная чаша, 12 – зеркало, 13 – парчовый чехол от зеркала, 14 – ножницы, 15 – нож, 16 – шило

монголы составляли здесь лишь 4 тыс. человек, а остальные были «из войск русских, черкесских, кыпчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним» [там же, с.275]. Военно-административная система Улуса Джучи по мере расширения росла как снежный ком, включая в себя как новые контингенты из Центральной Азии, так и местных тюрков, уже включенных в новую войсковую и клановую систему. Несомненно, что еще на этапе формирования первоначального ядра империи монголы тесно соприкасались с тюрками, которые входили в состав их державы и участвовали в завоевательных походах Чингизидов. Особенно сильны были, видимо, позиции тюрков в Улусе Джучи, где часть племен *татар*, *кунгратов*, *найманов*, *уйгур*, *канглов* и *онгутов* приняла участие в формировании Золотой Орды в весьма значительном числе [Bregel, 1982; Кадырбаев, 1993].

Вместе с тем, исследователи неоднократно отмечали, что поиски археологических «следов» пребывания в степях Восточной Европы монголо-татар, начатые еще в начале XX в. [Спицын, 1927] и продолженные во второй его половине [Зяблин, 1955, с.83–96; Федоров-Давыдов, 1966, с.150–160], привели ученых к мысли, что их там чрезвычайно

мало [Яминов, 1997, с.66–69; Костюков, 1997, с.11–12], а также к заключению, что «монгольский этнический компонент (а с ним и монгольский культурно-исторический пласт) практически не прослеживается в кочевых комплексах основной территории Золотой Орды. Исключениями являются некоторые женские погребения, содержащие *бокку* (вид головного убора). Что же касается мужских захоронений, то этническая атрибуция погребенных сомнительна даже в тех случаях, когда костом и вооружение выполнены в “монгольской” традиции» [Kramarovskiy, 1989, p.259].

Этот факт повергает сторонников теории «археологической этногенетики», привыкших рассматривать этнический процесс механически, как взаимодействие – диффузию или комбинирование элементов археологических культур (т.е. некоторых произвольных «этнических» или «этнодиагностирующих» признаков), в «культурный шок». Ведь в результате не получалось очевидного, поскольку формирование именно средневекового татарского этноса в недрах Золотой Орды прямо противоречило анализу археологических материалов. Выход из этой проблемной ситуации некоторые археологи и историки видят в двух различных направлениях. Одни из них считают, что, поскольку археологическая ситуация в степях Восточной Европы и Центральной Азии кардинально не изменилась, то здесь продолжали обитать прежние племена кыпчаков, с которыми «произошел своеобразный камуфляж» – монголы и кыпчаки в Золотой Орде стали частью называться «татарами», но в большинстве своем они сохранили свои прежние этнонимы [Гумилев, 1993, с.47; Халиков, 1985, с.16; Плетнева, 1990, с.185–188], а некоторые

историки вообще отрицают даже использование этнонима «татары» населением Улуса Джучи, считая его европейским экзоэтнонимом [Алишев, 2000, с.52–59]. Теория «этнического камуфляжа», сколь бы привлекательной и простой для понимания она ни казалась, никак не объясняет главное: *как и почему* монголы и кыпчаки сменили свой этноним на татарский? Последователи другого подхода, беря за основу тот же тезис о неизменности древностей кыпчаков в предмонгольское и золотоордынское время, делают попытку доказать, что татары уже в Центральной Азии были тюркоязычными и составляли значительную часть кыпчаков, переселившихся в Северное Причерноморье, Подонье и Заволжье. При этом татары-завоеватели в культурном и языковом отношении были так близки к кыпчакам, что без следа растворились в их среде [Фахрутдинов, 1992, 55–57 б.; 1993, с.9–11; 1993а, с.6–14]. В обоих случаях явно заметна попытка решать проблемы этнологии квазиэтнологическими методами, заменяя анализ этнических процессов в средневековье изучением соотношения археолого-этнических признаков в разные периоды истории и рассмотрением лингвистической ситуации. Между тем, проблема этнической ситуации в Дашт-и Кыпчаке не сводится к механическому соотношению татар, монголов или кыпчаков, их культур и языков, а заключается в сути этносоциальных и этнокультурных процессов, протекавших в Улусе Джучи во второй половине XIII в. Ключевым моментом их является установление нового этнополитического порядка и формирование соответствующей структуры сознания и идентичности.

Несмотря на то, что собственно татар и монголов в степях Восточной Европы было, скорее всего, относительно немного, создание Улуса Джучи и становление его социальной структуры полностью изменили этнополитическую ситуацию в регионе и, несмотря на сохранение прежнего хозяйственного уклада, само общество и его клановый состав приобрели совершенно иной характер [Измайлов, 1993, с.22–24]. Прежний порядок племенной организации кыпчаков, основанный на кровнородственных отношениях и власти родовых вождей, был сломан и заменен на военно-административную систему, сутью которой была личная лояльность новым правителям [Golden, 1992а, р.291–293].

Между тем, в трудах ряда историков можно встретить утверждения, что монголы были быстро ассимилированы кыпчаками, в подтверждение чего обычно ссылаются на слова арабского историка середины XIV в. ал-Омари: «Земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто от одного (с ними) рода, оттого что монголы (и татары) поселились на земле кыпчаков, вступили в брак с ними и оставались жить на земле их» [СМИЗО, 1884, с.235]. Этот пассаж, по мнению многих историков и археологов, прекрасно объяснял значительное сходство археологических материалов XIII–XIV вв. с более ранними домонгольскими, а в этническом плане доказывал сохранение кыпчакского этноса, воспринявшего от завоевателей только их этноним [Плетнева, 1990, с.186–187; Яминов, 1992, с.226–227]. При этом данному извлечению из сочинения секретаря мамлюкского султана ал-Мелик ан-Насыра придается не свойственный ему статус *ultima ratio* в системе приводимых доказательств. Однако, если обратиться к контексту этого сообщения, то оказывается, что автор в действительности имел в виду не факт «растворения» монголов кыпчаками, а разъяснял, почему рабы, привезенные из владений Узбека в Египет, столь же хороши, как и в более ранние времена. Средневековый автор объясняет это воздействием «природы», заставившей татар принять прекрасные физические и нравственные качества, присущие до этого кыпчакам. Очевидно, что ал-Омари руководствовался не только идеями географического детерминизма, но и политическим расчетом, поскольку этот пассаж не только изящно завершает пространное славословие доблестям кыпчаков, спасших мусульманский мир, но еще и тонко подает дополнительный аргумент к оправданию дружбы кыпчакских правителей Египта и разорителей Дашт-и Кыпчака [Костюков, 1999, с.165–166; 2004, с.227–230].

Реальная обстановка в Дашт-и Кыпчаке на самом деле была далека от идиллической картины, нарисованной египетским историком и воспроизведенной современными археологами. Монгольское завоевание не только уничтожило государства и разорило целые народы, но и подчинило их военно-административной системе Улуса Джучи. Включение кочевых племен (в т.ч. кыпчак-

ских) в монгольскую улусную и клановую структуру на правах зависимых сопровождалось уничтожением или изгнанием старой родовой элиты, массовыми переселениями племен и разрывом старых родовых связей [Федоров-Давыдов, 1973, с.35–43; Плетнева, 1990, с.182–184]. По сути дела, уже в период монгольского завоевания евразийских степей были уничтожены прежние родоплеменные структуры, родовые культы и традиции, введен территориальный принцип военно-административного управления и расселения народа, а также были образованы новые улусы и кланы, куда вошли осколки прежних кыпчакско-кимакских племен. Археологические памятники из Северной Евразии дают детальное представление об этих событиях: в XIV в. прекращается кыпчакская традиция установления каменных изваяний, количество и разнообразие погребальных комплексов резко увеличивается, обрядность их демонстрирует появление новых типов, а также смешение и комбинацию старых [Федоров-Давыдов, 1966, с.166–193; Kramarovskiy, 1989, p.255–273; Костюков, 1997]. Скорее всего, именно тогда в центральной части евразийских степей исчезли старые родовые и племенные кыпчакские этнонимы («бурчевичи», «токсобичи», «тебичи», «кулобичи» и т.д.), превратившиеся в ураны средневековых татарских племен [Дэфтэре, 2000, 18–21 б.] и некоторые топонимы [Исхаков, 2002а, с.60–67] и внедрились новые монгольские («мангыт», «джалаир», «барын», «найман», «аргын», «ширин», «кыят» и т.д.) [Султанов, 1982, с.7–51; Костюков, 1998, с.219]. Вместе с тем, очень небольшая часть кыпчакских и огузо-печенежских кланов сумела, очевидно, на востоке Улуса Джучи включиться в состав новой этнополитической системы, хотя и в измененном виде, например, *усунь* – *юшун*, *уйгур* – *югур*. Однако эти редкие исключения только подтверждают общее правило – прежняя кыпчакская родо-племенная система была уничтожена полностью. И хотя, как показывает изучение персидских источников, термин «Дашт-и Кыпчак» продолжал использоваться соседями применительно к восточноевропейским и поволжским степям, в XIII–XIV вв. он постепенно теряет этническую определенность и переосмысливается как территория государства Джучидов [Арсланова, 1990, с.13–14].

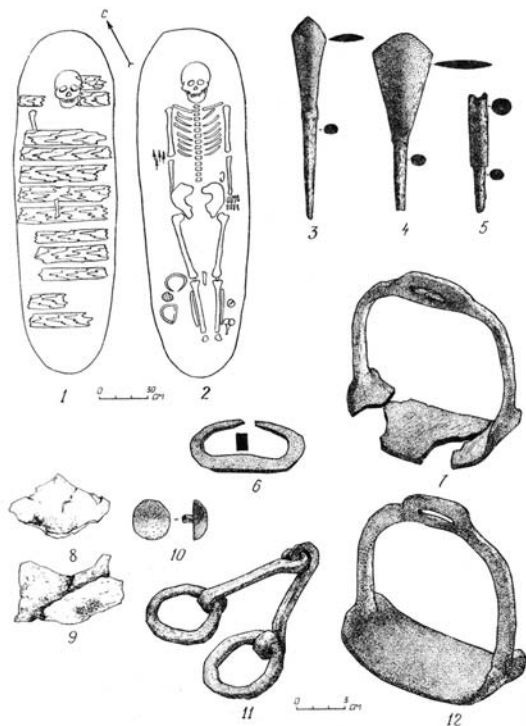
В последнее время делаются попытки подвергнуть сомнению тезис о растворении кыпчаков в клановой родо-племенной структуре татаро-монголов. Основные сомнения, четко выраженные В.П.Костюковым, состоят в том, что не могли кыпчаки, оказавшись в составе клана, например, кунгратов стать кунгратами, а наличие названия клана Кыпчак прямо свидетельствует о сохранении прежнего племенного названия – это «видимо, те счастливицы, которым повезло жить в той небольшой части степи, которую монголы милостиво предоставили прежним хозяевам» [Костюков, 2004, с.239]. Там же автор указывает, что, в случае специального навязывания монгольской этнонимии, она бы полностью господствовала, а монгольские племена стали бы наиболее крупными, чего, по его мнению, не наблюдается. Далее он недоумевает: какими мотивами руководствовались Джучиды, осуществляя или допуская массовую «запись» в монголы кыпчаков? И уверенно утверждает, что вряд ли «тюркские роды и племена стали менять свои названия на названия татарских или монгольских родов и племен и подправлять свою генеалогию, предавая забвению своих предков» [там же, с.240].

Поскольку это весьма серьезные сомнения, они требуют специального рассмотрения. Во-первых, судя по всем имеющимся у нас данным, в Улусе Джучи наблюдается практически полное соответствие монгольской этнонимии, хотя справедливости ради надо отметить, что сравнивать приходится этнонимии Монголии начала XIII в. и кочевых тюрков Приаралья XV–XVII вв. [см.: Султанов, 1982]. Других данных, к сожалению, нет. Но этот безотрадный факт имеет и обратную силу – вполне возможно, что этнонимия Улуса Джучи была вполне адекватна монгольской в XIII в. Что же касается этнонима «кыпчак», т.е. сомнения, что он отражает не этноним «счастливец», которые жили своим маленьким мирком на краю степи, сомнительно, что такой край вообще существовал, а, кроме того, сам термин «кыпчак» не являлся самоназванием различных родо-племенных групп евразийских степей, а был экзоэтнонимом, поэтому он, скорее всего, возник из тысячи, набранной из тюрков, например, Прииртышья, и в качестве таковой вошел в военно-административную систему Улуса Джучи. По

крайней мере, пока неизвестно существование в XII в. племени с подобным названием.

Во-вторых, зачем вообще Джучидам было «записывать» тюрков Евразии в татаро-монгольские кланы? Думается, ответ на этот вопрос лежит на поверхности – им катастрофически не хватало военных сил для завоевания западных стран, и они верстали в ряды своего войска представителей покоренных народов. Дело в том, что в средневековье военная система была неотделима от административной, а в государствах Чингизидов она не была отделима от клановой структуры, ибо войска уже в мирное время делились на крылья, тумены, тысячи и сотни. Сама же система принимала в свои ряды не отдельные племена кыпчаков целиком, а в качестве массы податного населения, вне зависимости от прежней их принадлежности к различным родам и племенам. Сначала прежняя кыпчакская племенная структура в степи была сломана, а сами тюрки истреблены, рассеяны и депопуляризованы, а уже потом их остатки поверстали в новые тысячи и тюрко-монгольские кланы. Зачем? Только для того, чтобы добиться лояльности и полного подчинения, поскольку самих завоевателей изначально было очень мало. Кроме того, иного механизма освоения завоеванных территорий, если это, конечно, были не земледельческие оседлые страны и народы, Джучиды просто не знали. Разделяя вновь завоеванные земли на крылья и выделяя улусы, ханы раздавали земли подданным представителям «алтын уруга», а те, в свою очередь, делили их на тысячи, наделяя ими родственные им кланы, те раздавали своим сородичам сотни и т.д. Так, шаг за шагом, расширяя владения и создавая новые тысячи, Джучиды и стоявшие за ними татаро-монгольские кланы «перерабатывали» население степи, превращая его из лояльных подданных в воинских соратников, которые шли в бой с уранами новых командиров, которые были для них еще и сюзеренами.

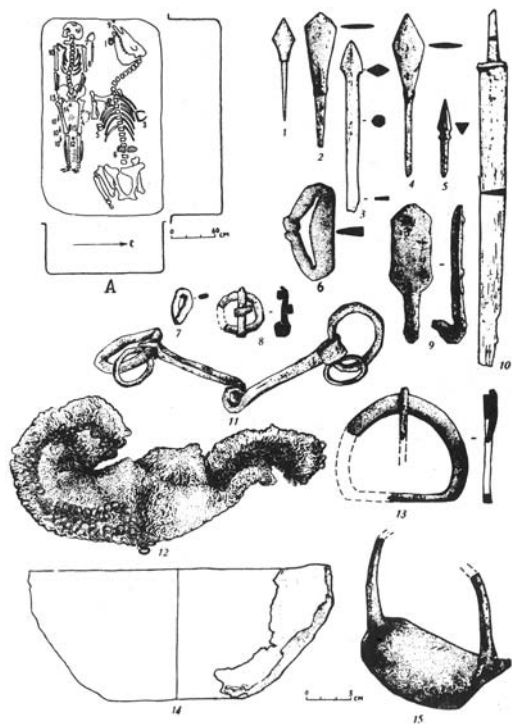
В-третьих, как могли кыпчаки забыть своих предков? Не совсем понятно как, но факт в том, что из сотни родо-племенных названий тюрков Приаралья XV–XVII вв. нет ни одного домонгольского. Конечно, можно считать это неправильным и даже несправедливым ходом истории, но факты – упрямая вещь, даже тогда, когда они нам не нравятся.

Погребение воина. Южный Урал. Начало XIV в. (по В.А.Иванову)

Более того, даже там, где кыпчаки, можно сказать, сохранили свою идентичность в Индии, Египте, Венгрии и Китае, практически нигде они не сохранили прежний племенной строй и свою этнонимию. Более того, в Египте уже в начале XIV в. название *токсоба* требовало специального пояснения – «из татарского рода». Это ли не лучшее доказательство того, что у кыпчаков отсутствовало единое самосознание, а их идентичность поддерживалась племенной знатью, при уничтожении которой она рассыпалась в степную пыль. Но населения без власти и аристократии, без социальной идентичности не существует, и в Улусе Джучи ее место заняли клановая солидарность и татарская этносоциальная и этнополитическая идентичность. По крайней мере, эта концепция развития событий в Улусе Джучи отвечает всем фактам и не противоречит им. Сам механизм становления и закрепления этого самосознания описан ниже [Измайлов, 2002, с.244–262].

Как бы то ни было, но в условиях распада старой племенной структуры, крушения родовых связей и аберрации сознания значительная часть населения, особенно аристократия, стремилась включиться в новую со-

Погребение из кургана Тлявгуловского могильника. Южный Урал. Конец XIII – начало XIV в. (по В.А.Иванову)

циальную систему, активно перенимая новую этнополитическую идентичность. В степях Дашт-и Кыпчака, где происходили подобные процессы распыления племенной структуры кыпчаков и новой консолидации населения степей, стянутого скрепами монгольской этнополитической системы и этносоциальной структурой тюрко-монгольских кланов, общим этнонимом становится имя *татар*. Об этом, в частности, свидетельствует Рашид ад-Дин: «вследствие силы и могущества татар... (ныне) в стране киргизов, келаров и башкир в Дашт-и Кыпчаке, в северных (от него) районах, у арабских племен, в Сирии, Египте и Марокко все тюркские племена называют татарами» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.103]. Этнокультурным отражением этих процессов может служить целый пласт восходящих к киданьско-чжурчженьскому искусству новых элементов центральноазиатских культур, связанных, прежде всего, с новыми традициями имперского государственного управления (металлические пайцзы, джучидские монеты и т.д.) и чингизидского рыцарства (украшения пояса, оружие и воинское снаряжение, орнаментированная конская упряжь

и т.д.) [Kramarovsky, 1989, p.260–264; Крамаровский, 1999, с.38–46].

Нельзя исключить также элемента некоторого противопоставления покоренных народов, воспринявших имя «татар», и правящей монгольской династии. Возможно также, что на раннем этапе государственности в Улусе Джучи такие настроения могли даже поддерживаться их ханами для оправдания и легитимации своего сепаратизма. Именно этим, возможно, следует объяснить тот факт, что в XIV в. термин «татары» достаточно широко употреблялся только в Улусе Джучи, в то время как в остальных частях империи начинают использоваться новые этнонимы «чагатаи» (Средняя Азия, Хорасан) и «моголь» (Восточный Туркестан, Индия) [Клавихо, 1990, с.72, 143–146; Бартольд, 1964, с.35–36, 49].

Иными словами, можно сказать, что по существу не кыпчаки ассимилировали монголов, а наоборот, новая клановая татарская или тюрко-монгольская система сумела растворить в себе кыпчаков, болгар, мадьяр и другие народы и внедрить в их среду новое этнополитическое, в их элиту – новое этносоциальное самосознание.

Улус Джучи: татарская или монгольская держава?

В отдельных научных исследованиях и популярных публикациях последнего времени, а также в учебной литературе по истории Отечества для общеобразовательных школ [Григорьев, 1987; Григорьевы, 2002; Егоров, 2003; Российская история, 1999] не только Монгольская империя, но и выделившаяся из нее Золотая Орда (Улус Джучи) начали определяться как «Монгольское государство». С одной стороны, это надо расценивать как реакцию московских историков на стремление татарской общественности избавиться от ярлыка установителей жестокого «татарско-монгольского ига» над русскими, традиционно подчеркивавшегося в учебниках истории советского периода [Исхаков, 2003; 2004]. Но, с другой стороны, под благовидным предлогом ликвидации отрицательного стереотипа, сформированного в России вокруг т.н. «монголо-татарского ига», некоторые круги историков, включая и академические, начали реанимировать старую идею о том, что современные татары вовсе не являются наследниками Золотой Орды, тем самым вычеркивая золото-

ордынский этап их этнической истории. Об этом же свидетельствует и содержание вузовского учебника «История России с древнейших времен до конца XVI в.», подготовленного Институтом российской истории РАН, в котором Золотую Орду авторы стремятся именовать «Ордой», а ее политически господствовавшее население – «ордынцами», хотя и не всегда последовательно – иногда «прорывается» и маркировка «татары» [История России, 2000, с.253]. Все это является возвратом к взглядам, возникшим в 1940-х гг. в условиях укрепления в СССР имперской идеологии, тогда – в советской форме [Измайлов, Гибадуллина, 1996, с.96–114; Исхаков, 1997, с.194–205]. Поэтому вопрос об этнической маркировке названия Золотой Орды, тесно связанный с проблемой формирования в рамках этого государства татарской средневековой общности, заслуживает отдельного рассмотрения.

Мнение о том, что Золотая Орда в ордынских источниках именовалась не только «Великим государством» (*Улуг/Олуг улус*) – так оно названо в послании хана Токтамышша к Ягайло (1393 г.) [Березин, 1850, с.66; Григорьев, 1987, с.40–41], но и «Монгольским государством», высказывал, прежде всего, российский историк А.П.Григорьев, следовательно, чтобы разобраться в этом вопросе, надо обратиться к анализу доказательной базы именно этого исследователя.

Начнем с того, что для XIII в. какая-либо этническая маркировка наименования Улуса Джучи в аутентичных документах не сохранилась. Единственная жалованная грамота хана Менгу-Тимура митрополиту Кириллу 1267 г., дошедшая до нас лишь в русском переводе, в указанном плане не представительна [ДРВ, 1891, с.196; Памятники русского права, 1955, III, с.467–468]. Правда, в одной из своих ранних работ А.П.Григорьев высказывал предположение, что выражение «людьским», шедшее в этом ярлыке, как он тогда полагал, как определение к словам «баскакам и князем», обозначало термин «улус» со значением «народ», «люди», «страна», отсюда «улусный» [Григорьев, 1987, с.42]. Далее следовала следующая логика: т.к. средневековые русские источники не знали этнонима «монгол», вместо него всегда употребляя термин «татар», имея в виду, что Монгольская империя официально именовалась «Великим монгольским государством» (*Еке монгол улус*, по-

тюркски в первой половине XIII в. – *Улуг монкул улус*), в ярлыке Менгу-Тимура значилась не просто «улус», а «Монгольский улус», т.е. «Монгольское государство» [там же, с.39–40, 42]. Но в своих новых работах он от этого вывода отказался, заявив, что русский редактор под этим термином понимал «светских, мирских», подразумевая «гражданских даруг-князей», поэтому сочетание «людьским баскакам и князем» можно передавать сочетанием «городов и селений даругам-князьям» [Григорьев, 1990, с.76; 2004, с.24–25]. Таким образом, применительно к XIII в. мы не можем говорить даже об использовании в аутентичных источниках применительно к Улусу Джучи обозначения «улус», не говоря уже о его каком-либо этническом определении. Таково состояние источников.

В XIV в. ситуация меняется. Кроме наименования «Улуг улус», появляющегося, как было отмечено, в конце этого столетия в послании хана Токтамышша, написанного на тюркском языке уйгурским алфавитом, этническая маркировка государственно-организованного «народа» Золотой Орды находит отражение в двух группах ярлыков правителей Золотой Орды – русским митрополитам (сохранились на русском языке) и венецианцам (сохранились в переводах на латынь и венецианский диалект итальянского языка) [ДРВ, 1891; Григорьевы, 2002; Григорьев, 2004]. В обоих случаях возникает сложная проблема интерпретации переведенных смыслов, в т.ч. и связанных с этнической маркировкой «народа-государства». Скажем, в грамоте хана Бердибека 1357 г., практически синхронной (1351 г.) грамоте ханши Тайдулы, и в несколько более позднем ярлыке хана Мухаммад-Буляка (1379 г.) есть выражение «татарским улусным и ратным князем» с добавлением других категорий представителей золотоордынской администрации [Григорьев, 2004]. Первоначально эти грамоты, сохранившиеся на русском языке, были написаны на тюркском языке уйгурским алфавитом [там же, с.210, 214]. Выражение «татарские улусные и ратные князья» и т.д. интересно тем, что в ярлыке венецианцам хана Джанибека (1374 г.) и в ярлыке хана Бердибека (1358 г.) ему же соответствуют сочетания: в первом случае – «Allo puouolo di Mogoli» [Григорьевы, 2002, с.89], во втором – «del pouolo deli Mogoli» [там же, с.131], в буквальном переводе являющиеся обращением, как в слу-

чае с «татарскими улусными и ратными князьями», к государственно-организованному «народу», в данном случае – «к (всему) народу монголов (моголов)», структурированному на разные властные уровни [там же, с.89]. Поэтому прав А.П.Григорьев, делающий заключение, что элемент «к народу монголов» равнозначен элементу «татарским улусным» [там же]. Но дальнейший вывод этого автора, утверждающего, что в выражении «к народу монголов» надо усматривать «официальное название Золотой Орды, которое в сохранившихся оригинальных текстах ордынских и крымскоханских ярлыков стояло в родительном падеже – “Монгольского государства”...» [там же, с.90], вызывает обоснованное возражение.

Во-первых, в отмеченных ярлыках присутствует лишь выражение «Великий улус» (*Улус улус*) [Усманов, 1979, с.63], а его приравнение к понятию «Монгольское государство» является не более чем результатом весьма спорных реконструкций А.П.Григорьева. Во-вторых, как в случае золотоордынских ярлыков, сохранившихся на русском языке, так и ярлыков, дошедших до нас на латыни и итальянском, мы имеем дело с переводами, в которых использован понятийный аппарат не составителей тюркоязычного (иногда – монгольскоязычного) оригинала, в некоторых случаях проходившего еще и стадию перевода на язык-посредник, например, на персидский [см.: Григорьевы, 2002, с.89, 92], а представителей иной этноязыковой среды. А это порождает проблему учета влияния взглядов последних на переводимые категории, в т.ч. и относящиеся к этническим номинациям. А.П.Григорьев вынужден был констатировать этот момент при анализе ярлыка Мухаммад-Буляка (1379 г.), изначально написанного на тюркском языке. Он отмечал: «...восстанавливать в данном акте название страны в форме, принятой для документов, составлявшихся на монгольском языке (напомним, что и они на самом деле являются реконструкциями. – И.И.), мы не можем..., название улуса Джучи в нем было другим (т.е. не «Монгольским улусом». – И.И.). Видимо, редактор сборника русских переводов унифицировал начало обращения в ярлыке..., подогнав его под текст ярлыка Бердибека» [Григорьев, 1987, с.42–43]. Как видим, исследователь при попытке интерпретации вопроса о реальном

названии государства или государственно-организованного народа, отраженном в ярлыке 1379 г., вынужден был перейти на зыбкую почву предположений. Если сюда еще добавить, что в лице т.н. сборника ханских ярлыков русским митрополитам мы имеем дело с его двумя редакциями – первой половины XV в. и более поздней – 40-х гг. XVI в., подвергавшихся различным редакционным изменениям [Зимин, 1962, с.29–40], ситуация еще более усложняется. Приведем конкретный пример, доказывающий это: в некоторых изданиях в ярлыках ханши Тайдулы 1351 г. и хана Мухаммад-Буляка 1379 г. вместо выражения «татарским улусным» стоит сочетание «Ордынским (и) улусным» [см.: ДРВ, 1891, с.193, 195; Григорьев, 1842, с.118, 122]. Несмотря на то, что эти сочетания являются синонимами, немедленно возникает вопрос о том, какая форма является «изначальной»? Вопрос не прост, т.к. представления редакторов сборника, составлявших его в первой половине XV в. и спустя столетие – в первой половине XVI в., по поводу переведенной выше двумя способами категории могли различаться. Как в таком случае докопаться до значения соответствующих мест, присутствовавших в тюркском (или, возможно, монгольском) оригинале? По-видимому, учитывая именно данное обстоятельство, издатель краткого собрания ярлыков татарских ханов московским митрополитам А.А.Зимин выражение «татарским улусным» из рассматриваемых золотоордынских документов предпочел определить как перевод термина «Великий улус» [Памятники русского права, 1955, III, с.473], а не «Монгольское государство», как полагает А.П.Григорьев.

С другой стороны, не все так просто и со «(всем) народом монголов» (*allo puouolo di Mogoli; del pouolo deli Mogoli*) из источников венецианского происхождения, ибо мы не можем не учитывать возможность влияния взглядов переводчиков при возникновении в них этого выражения. Вообще появление в этих документах «народа монголов» довольно необычно. Скажем, у венецианца Марко Поло, долгое время жившего в XIII в. среди монголов, по отношению как к населению собственно коренного юрта монголов, так и Улуса Джучи, практически всегда употребляется этноним «татары» [Карпини и др.,

1997, с.194, 197, 232]. Такая же традиция, хотя иногда и не совсем последовательная, наблюдалась в XIII в. и у других авторов-европейцев (у Плано Карпини, Гильома Рубрика и др.). Хотя при том, что они предпочитали именовать монголов, в т.ч. и из Улуса Джучи, «татарами», у европейцев в XIII в. осознание того, что они имеют дело с «моа-лами» ~ «монгалами», присутствовало отчетливо [там же, с.30, 43–44, 92, 114, 117, 129 и др.; Христианский мир, 2002, с.99–100, 142–144; Юрченко, 2002б, с.108–109, 113 и др.]. Да и у венецианцев в XIV в., судя по одному из рассматриваемых документов золотоордынского происхождения, двойственность в номинировании населения Золотой Орды на самом деле сохранялась. В частности, в итальянском переводе ярлыка хана Джанибека (1347 г.) есть начальная фраза, написанная на латыни, – «In nomine Domini et Maomethi, profete Tartarorum» [Григорьевы, 2002, с.87]. Если первая часть этой фразы, по справедливому замечанию А.П.Григорьева и В.П.Григорьева, есть богословский формуляр, состоящий из переводов в изложении коранических формул [там же, с.87], то завершающая ее часть должна быть переведена как «именем Бога и Магомета, Пророка Татарского».

Таким образом, переводчики данного золотоордынского ярлыка на самом деле понимали, что тюркское население Золотой Орды, включая его политически доминировавшее сословие с клановым делением, в XIV в. являлось «татарами». Отсюда получается, что «народ монголов» и «народ татар» (в лице «татарских улусных и ратных князей» и др.) – это на самом деле одно и то же. Кстати, ярлык хана Узбека 1332 г., данный венецианцам, получил название «*Pactum Venetorum cum Husbecho imperatore Tartarorum*» [Григорьевы, 1990, с.81]. Не исключено, что издатели документа при формулировании этого заголовка, отражающего существование татарской общности, учли какие-то старые архивные описи, т.к. названный ярлык хранился в материалах Венецианских ассамблей среди документов из серии «*Commemoriali*». В любом случае, понятие «*Tartarorum*» тут имеет тот же смысл, что и в ярлыке Джанибека 1347 г.

Еще одно замечание. Когда А.П.Григорьев и В.П.Григорьев разбирают содержание ярлыка хана Узбека венецианцам 1332 г., они

приходят к выводу, что выражение «*populi Venetorum*» из документа обозначает «венецианский народ» как этическую общность [там же, с.91]. Если это так, то и в случае с «*rouolo deli Mogoli*» («народ монголов») мы имеем дело с аналогичной общностью, сформировавшейся в Золотой Орде. Она, однако же, как мы уже видели, с равным успехом может быть маркирована и как «народ татар».

Поэтому «Великий улус» (*Улуг улус*) если и может трактоваться как «Монгольское государство», то только с учетом того, что с равным успехом он может быть назван и «Татарским государством».

Татары как этнополитическая и этносоциальная общность

Расцвет империи Джучидов, развитие городов, становление пышной и синкретичной культуры, формирование общепонятного городского койне и литературного языка («поволжский тюрки»), а также активное перемещение военно-феодалной знати привели к формированию средневековой золотоордынского-татарской этнополитической общности. Несмотря на довольно хорошо изученные последствия этих процессов, сам механизм такой этнополитической трансформации остается еще мало осмысленным. Однако, судя по современным этнологическим исследованиям и анализу специфики средневековой ментальности, можно предположить, что ключевую роль в этих процессах сыграли идеологические причины, а именно внедрение новой джучидской этнополитической идентичности.

Одним из исторических феноменов, возникших на стыке религиозных, политических и этнических процессов золотоордынской эпохи, вне всякого сомнения, является формирование идеологии «чингизизма» – политического культа Чингиз-хана и его потомков, в первую очередь, его сына Джучи. Появление и развитие ее не только отметило своеобразие эпохи, но и демонстрирует направление и тенденции формирования этнополитического самосознания населения Улуса Джучи. Именно формирование системы мифологем, ядром которых был культ Чингиз-хана, стало явлением, маркирующим глубинные процессы и механизмы становления и распространения татарской этносоциальной идентификации.

Выявить конкретные аутентичные изменения сюжетов и пути их обогащения в про-

цессе развития новыми элементами достаточно сложно, поскольку от цельной государственной историографической традиции Улуса Джучи до современности сохранились лишь переработанные в более позднее время отдельные сюжеты и отрывки. Некоторые исследователи даже склонны вообще отрицать существование золотоордынской историографии, считая, что «Чингиз-наме» и другие подобные произведения были не частью исторической традиции Улуса Джучи, а некой «степной устной историологией» [Юдин, 1992, с.25]. Но эта традиция не была устной, поскольку существовала в литературных трудах придворных историков, которые, разумеется, пользовались устными преданиями, но не только ими. Например, в труде «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи (XVI в.) пишет о «хрониках, которые... видел...» [Утемиш-хаджи, 1992, с.90], тем самым отмечая существование письменной исторической традиции. Не была она и степной, поскольку существовала в городах, в частности, при дворе золотоордынских ханов. Сложен вопрос и о соотношении устного предания и исторической традиции. Судя по значительному единообразию сохранившихся текстов, можно предположить, что предания постзолотоордынского времени сами испытали влияние исторической традиции Улуса Джучи.

Нельзя с достоверностью определить, когда и кем было положено начало созданию отдельной, собственно золотоордынской истории. Бесспорно, ясна ее цель – укрепить свою легитимацию в противоборстве с другими коленами Чингизидов и создание авторитетных аргументов в пользу собственной исключительности и прирожденного величия. В XV–XVI вв., но, скорее всего, и ранее – в XIV в., эта традиция в сложившемся виде приобрела очевидное политическое и социальное звучание.

В золотоордынской исторической традиции Чингиз-хан – это не «святой» и даже не столько «небесный патрон» династии и государства, а, скорее, «отец-основатель», создатель государства и законов («Йаса Чингиз-хана»), «вечный правитель», лишь временно передающий свои права очередному хану. В рамках этой идеологической парадигмы сформировались основополагающие представления о самостоятельном Улусе Джучи и этнополитическом единстве татар, определились параметры династической легитимно-

сти, преемственности власти, клановой и социальной иерархии. И только после распада единого государства в отдельных ханствах и владениях (Казанском, Крымском, Узбекском (Шибанидском) ханствах, Большой и Ногайской Ордах) появляются и формируются новые символы власти и механизмы легитимации, связанные уже с местными особенностями властных структур и более активным влиянием и внедрением ислама в эти процессы (возвеличивание отдельных колен потомков Джучи – Тука-Тимуридов, Шибанидов и даже неджучидов – потомков Идегея, появление местных святых – покровителей различных династий и т.д.).

В архаических представлениях о харизме правителя в Улусе Джучи в XIV в., под воздействием внедряющегося в ментальные структуры общества ислама происходит своеобразная перекодировка традиционных мифологем власти в новую систему понятий мусульманизированных религиозных и политических символов. Адаптировав культ Чингиз-хана и его сына Джучи к исламским ценностям, золотоордынская правящая династия оказывалась включенной в мусульманскую систему сакрализации и легитимации политической власти. Смысл этого процесса, нашедшего отражение в исторической традиции, разумеется, имевшего характер «интуитивного политического действия», может быть описан формулой «тюрко-монгольская традиция в исламской парадигме».

Важнейшие элементы этой традиции восходят к официальной монгольской истории рода Чингиз-хана – «Алтан дебтер» («Золотая тетрадь») [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.266]. Характерными повествовательными элементами ее являлись сконцентрированная в летописи генеалогия (мифологическая – предки Чингиз-хана от Алан-Гоа и историческая – Хабул-хаган и его потомки); связанные с генеалогиями краткие биографические описания; вкрапление «малых» сюжетных форм (панегирические, дидактические и другие рассказы); относительно слабо выраженное (часто в форме регистрации событий) хронологическое описание, но самое значительное место в историописании отведено жизни и деяниям Чингиз-хана [Неклюдов, 1984, с.223–241; Шастина, 1977, с.462–483].

Все тюркские генеалогии с той или иной полнотой передают эту монгольскую тради-

цию. Наиболее полная ее версия сохранилась в татарском историческом сборнике конца XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме» [Утемиш-хаджи, 1992; Ivanics, Usmanov, 2002], где имеются практически все элементы истории, имеющиеся в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина и, возможно, восходящие к ней, вплоть до упоминания прародительницы Алан-Гоа (в форме *Алангу*). Прямое заимствование части этой летописи и ее соединение с некоторыми другими татарскими источниками несомненны [Исхаков, 2006, с.151–156; Измайлов, 2006г, с.99–128]. Однако неясно, результат ли это поздней компиляции, или сохранившийся элемент ранней золотоордынской историографии. Но одновременно в этом источнике отсутствует такая деталь, как биография хана Джучи и его потомков (кроме Джанибека, которому посвящен отдельный дастан, весьма значительно переработанный в позднее время).

На территории Улуса Джучи в период становления самостоятельного государства тюрко-татарская традиция получила дальнейшее развитие. Ключевым ее элементом стали предопределение появления «алтын уруга Чингиз-хана» и передача власти его сыну Джучи в части государства (Улус Джучи), которая включала «Хорезм и Дешт-и Кыпчак от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара, алан, башкир, урусов и черкесов. Вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади» [СМИЗО, 1941, с.204]. Вот как описывает это Утемиш-хаджи: «Йочи-хан был старшим из его (Чингиз-хана. – И.И.) сыновей. Он дал (ему) большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчака, сказал: “Пусть будет пастбищем для твоих коней”. Дал (ему также) вилайет Хорезма» [Утемиш-хаджи, 1992, с.91]. В версии Абу-л-Гази это описывается очень похоже: «...Джучи с принадлежавшими ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил (всех) попавших (ему) в руки кыпчаков... Кыпчаки, обитавшие между Итилем и Тином, рассеялись на четыре стороны... Джучи-хан, взяв в плен кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. Из могольской (страны) он переселил сюда свою семью и все или, которые дал (ему) отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в кыпчакский юрт». Таким об-

разом, Джучи выступает здесь в двух ипостасях – как наследник харизмы Чингиз-хана и как основатель и создатель на завоеванных землях собственного Джучиева Улуса; «в этих странах он утвердился на престоле ханства и троне правления» – сказано в источнике [Жононов, 1958, с.44].

В подчеркивании получения инвеституры Джучи-ханом на власть в улусе от Чингиз-хана высвечивается мотив благородного происхождения, акцентируется внимание на династических связях, как отражении веры в наследование харизматических качеств, освящении власти Джучи и его потомков культом «Потрясателя Вселенной». Тенденцией развития этой традиции является постепенное насыщение ее мусульманскими элементами (особенно в XV–XVI вв.) посредством кратких экскурсов (сведения о принятии ислама ханами Берке и Узбеком, биографии святых и т.д.) и возведении генеалогии ханов и карачибек (Идегей) к святым пророкам. Постепенно данная традиция была встроена в мусульманскую картину мира и историографию. Распространению и внедрению в сознание тюркского населения этой традиции способствовали ее близость к фольклорным, эпическим системам и четкая локализация каждого клана внутри империи Джучидов [DeWeese, 1994, p.321–408]. Другой тенденцией стала «коренизация» истории государства, подчеркивание ее местных традиций и корней. Достигалось это за счет включения в государственную историографию историй племен и кланов, местных святых и популярных героев легенд и преданий.

Улус Джучи объединил значительное число тюрко-монгольских кланов, между которыми, в соответствии с генеалогической близостью к роду Чингиз-хана, была установлена определенная иерархия, закреплённая в исторической традиции. Создание в Улусе Джучи иерархии кланов во главе с Джучидами трактовалось не просто как учреждение государства, а как акт социального творения, упорядочения макрокосма. Закрепление этой исторической традиции в письменной, а позднее – в устной (фольклорной) формах делало ее общепризнанной и легитимной. Данная историческая традиция выработала основной набор мифологем и стала идеологическим обоснованием формирования нового этнополитического и этносциального, собственно татарского самосознания. Наибольшее распростра-

нение оно приобрело в среде военно-служилой аристократии (в значительной мере мусульманизированной), находившейся в вассальной зависимости от Джучидов, и включенной в их клановую и улусную систему, а также часто ведущих кочевую жизнь.

Создание джучидской (татарской) исторической традиции явилось важнейшим фактором формирования ментального универсума и сплочения различных тюркских народов, выработки татарской этнополитической идентичности. Добившись независимости от Монгольской империи, Улус Джучи получил необходимые рычаги для выработки и конструирования собственной державной исторической традиции, а после официального принятия ислама в качестве государственной религии приобрел и опору в богатых возможностях мусульманской историографической и философской традиции, обогатившись новыми мотивами и символами. В отличие от идеологии целого ряда других тюркских государств с расплывчатой социальной структурой и неразвитой государственной традицией, золотоордынская державная идеология (своеобразная «политическая теология») стала мощным всплеском тюрко-татарского самосознания. Ее парадигма оказалась настолько авторитетной, что растворила менее приспособленные и более слабые мифологемы предшествующих эпох, или, частично переработав, поглотила их, определив на многие века дальнейшее развитие тюркской историко-политической мысли позднесредневековых государств и народов Евразии. Средневековая татарская историческая традиция оказалась настолько сильной, что после распада Улуса Джучи вошла составной частью в локальные исторические традиции различных татарских государств XV–XVIII вв.

Таким образом, активное формирование слоя военно-феодальной знати, создание материальных и духовных символов надплеменного имперского единства, а также государственной идеологии с использованием как традиционных (тюркских и монгольских) мифологем, так и исламских идей и символики, привели к формированию на территории Улуса Джучи новой этнополитической общности с собственной идентичностью. По мере усложнения этнополитической структуры общества содержание термина «татары» изменялось, приобретая новые семантические оттенки. В

XIV–XV вв. он укореняется и активно используется, имея многозначную семантику, которую можно свести к нескольким смысловым блокам [Измайлов, 1993, с.17–32].

1. *Улус Джучи (Золотая Орда) как государство татар*. В этом смысле его употребляют арабские авторы («государство татар», «царство северных татар»), русские летописи и европейские путешественники [ПСРЛ, 1, с.40; Егоров, 1985, с.152–153; Клавиho, 1990, с.72, 143–146], а также народный эпос «Идегей» [Идегей, 1990, с.121, 124–125]. Такое стойкое употребление названия страны в разных, в т.ч. и аутентичных источниках, заставляет считать, что оно передает одно из названий страны и служит определением ее и живущего здесь народа по правящей татарской этносоциальной элите. Следует подчеркнуть, что, судя по сведениям ряда путешественников [Барбаро и Контарини, 1971, с.140–157], «татарами» они называли как кочевое, так и оседлое городское и сельское население.

2. *Татары как слой военно-феодальной знати*. Доказательством такой семантики, кроме вышеуказанных свидетельств Рашид ад-Дина и западноевропейских путешественников и купцов, служат также сведения арабских источников, сообщающих о прибытии в Египет в период правления Бейбарса (1269–1277) значительного количества кыпчакских эмиров, которых они называют *татарами*. Характерен факт, видимо, достаточно обычный, когда арабский филолог, объясняя название знатного кыпчакского рода «токсуба», пишет, что это «племя из кыпчакских татар» (т.е. «знатный род выходцев из Дашт-и Кыпчака») [Наджиб, 1989, с.86]. Об этом же свидетельствует историк Ибн Халдун: «племя токсоба из татар» [СМИЗО, 1884, с.541–542]. Важно отметить, что уже в конце XIII в. имя одного из самых известных кыпчакских родов, даже в среде, где вроде бы эти старые этнонимы должны были активно использоваться, требует объяснения, что свидетельствует о вытеснении старого самосознания новым татарским и подчеркивает принадлежность к более важной на тот период общности знати. Эти же процессы были характерны также и для оседлых областей Улуса Джучи, в т.ч. Руси и Волжской Булгарии. Например, многие исконные русские княжеские и боярские роды начинают включать в свои генеалогии мифических татарских мурз и царе-

вичей. Однако более важными следует признать данные из дас-тана «Идегей», непосредственно отражавшего этнополитическое сознание определенной части населения Поволжья и Приуралья XV–XVI вв., в котором главный герой неоднократно хвалится принадлежностью к «славному татарскому (татскому) роду» [Идегей, 1990, с.70, 108, 128, 135].

Начальный этап формирования этого военно-служилого слоя фиксируют источники XIII в., когда целые племена, попадая под власть монголов, становились их вассалами [Федоров-Давыдов, 1973, с.35–43]. Так, например, в позднейшей династийной истории кунгратов описывается их история и указывается, что они «сопровождались» многочисленной группой «других тюрок» (т.е., видимо, кыпчаков) [Bregel, 1982]. Однако по мере укрепления и расцвета улусной системы происходит расслоение внутри прежних племен и выделяется имперская военно-служилая аристократия, которая, скорее всего, активно использует социально-престижное имя татар, как это вытекает, в частности, из труда Рашид ад-Дина. Несомненно также, что именно в этой среде вырабатывается особая сословная рыцарская культура, имевшая надэтнический характер. Она включала в себя сходные типы и виды вооружения, конского снаряжения, геральдику, образ жизни и генеалогию [Дэфтаре, 2000], одним из элементов которой являлось наличие среди легендарных предков Татара [Кононов, 1958, с.40; Идегей, 1990, с.5]. Разумеется, конкретные элементы этой культуры требуют еще специального изучения, но уже сейчас ясно, что в XIV–XV вв. и позднее эта культура, как и употребление самоназвания «татар», имела надэтнический характер, несводимый к этноязыковому единству ее носителей, тем более что правящая ханская верхушка Улуса вплоть до середины XIV в. оставалась монгольской и частично монголоязычной [СМИЗО, 1884, с.261, 396; Григорьев, 1981].

Судя по этим данным, подобное этносоциальное татарское самосознание опиралось, в первую очередь, на принадлежность к военно-феодальному сословию, мусульманской

Чиновник и воин. Рисунок по шелку.
Империя Юань (1271–1368 гг.)

цивилизации и кочевому, как правило, образу жизни. Подобное самоопределение, скреплявшее единство золотоордынской элиты, не исчезло с распадом государства, а сохранилось именно в качестве социального термина. Это обозначение военно-служилой знати сохранялось в Поволжье вплоть до XVII в. и было зафиксировано в русских источниках под термином «служилые татары». Анализ его показывает, что под ним современники понимали не этнос, а «феодалную прослойку нерусских (главным образом, мусульманских татарских) феодалов», резко противопоставлявших себя тягловым слоям населения («ясачные чувашы» и «ясачные татары») [Ермолаев, 1982, с.63–67; Исаков, 1988, с.140–146; 1998, с.61–102].

3. *Татары как кочевой, преимущественно тюркоязычный народ.* Этот вариант употребления термина «татар» близок к предыдущему, хотя и отражает, скорее всего, не самоназвание народа, а является экзоэтнонимом. Вполне возможно, что знаменитая злая инвектива Мухаммедьяра (середина XVI в.), образованного поэта и мусульманина, против татар как раз подразумевает не этнос, а кочевников-скотоводов, чей образ жизни явно не внушал симпатий просвещенному горожанину [Измайлов, 1997б; Исаков, 1998, с.107–108]. Кроме того, в эпосе «Идегей» несколько раз говорится о «народе татар», как о населении степей Золотой Орды [Идегей, 1990, с.124–125, 231]. Вообще ко-

чевников причерноморских и поволжских степей называли *татарами* практически все европейские источники XV–XVII вв., хотя отделить эти представления от наименования всего населения Улуса Джучи довольно трудно [Барбаро и Контарини, 1971, с.140–157; Герберштейн, 1988, с.165–167].

Следует отметить, что подобное наименование страны и народа по названию господствующей элиты или правящего рода было весьма характерным для средневековых обществ Средней и Центральной Азии. Наиболее показателен в этом смысле термин «Чагатай», который обозначал государство – Улус Чагатай и его кочевую знать [Клавиho, 1990, с.93–94, 106; Бартольд, 1964, с.35–36, 49; Строева, 1958, с.216; Кутлуков, 1977, с.101]. Такое название от военно-дружинной терминологии получили казахи, узбеки и моголы [Федоров-Давыдов, 1973, с.174–175]. Внедрение этих имен в сознание народа имеет характер закономерности, механизм которой определяется не «навязыванием» чуждого этнонима или пресловутого «этнического камуфляжа» и не принятием на себя прозвища, данного соседями, а функционированием социальной структуры общества, развитием его культуры и формированием этнополитического и этносоциального самосознания. Именно поэтому динамика этих процессов в Восточной Европе в XIV–XV вв. зависела от усложнения этнополитической организации Улуса Джучи.

По мере распада единой Золотой Орды в конце XIV–XV вв. ее этносоциальный организм начинает дробиться, и в каждом улусе постепенно формируется свой этнос. Так, на фоне макроэтнонима и этносоционима «татары», сохранявшего свою социальную престижность, появляются новые названия народа по имени хана («узбеки», «шибаниды», возможно, «ногаи»), или по названию местности, главного города («крымцы», «казанцы»). Часть из них, пройдя через процесс становления этносоциального организма, стали полноценными народами, другие распались и растворились среди других этносов. Однако почти все они, имея корни в истории Улуса Джучи, сохранили в своем составе сходные клановые структуры – *ширин*, *кунграт*, *барын*, *кыпчак*, *аргын*, *мангыт*, а также общее обозначение военной знати как «татары».

«Мусульмане» как основная часть тюркского податного населения Улуса Джучи

К сожалению, этническое сознание основной части городского и сельского населения Золотой Орды и ханств, появившихся на ее территории в XV в., остается плохо изученным. Однако даже имеющиеся немногочисленные и отрывочные источники позволяют сделать вывод, что оно носило конфессиональный характер. Скорее всего, те *бесермены*, которые неоднократно упоминаются в русских летописях, особенно часто при описании событий XIV–XV вв., и есть оседлое население Улуса Джучи. Характерно, что в текстах летописей они не отождествляются с татарами («татар и бесермен и ормен... пограбиша» [ПСРЛ, 24, с.124; Приселков, 1950, с.382], «убиша ту бесермен» [ПСРЛ, 25, с.192; 18, с.117], «побиша татар и бесермен» [ПСРЛ, 18, с.170], «бесермен и тотар перебиша, и всю Татарскую землю плени» [Приселков, 1950, с.453; ПСРЛ, 25, с.226]). Об этом же пишет австрийский дипломат С.Герберштейн, побывавший в Москве в начале XVI в. и собравший много сведений о татарах. Говоря о них, он отмечает, что «татары разделены на орды» и «все исповедуют магометанскую веру; если их называют турками, они бывают недовольны, почитая это за бесчестье. Название же “бесермены” их радует, а этим именем любят себя называть и турки» [Герберштейн, 1988, с.167]. Впервые на эти факты обратил внимание М.Н.Тихомиров, который на их основании предположил, что «бесермены» и «татары» – две различные этнические группы, причем первые являлись потомками домонгольских булгар, постепенно «татаризуемых» золотоордынскими пришельцами [Тихомиров, 1973, с.84–90]. Причем автор оговаривается, что слово *бесермяне* в русских источниках, видимо, имело два значения – мусульманин, иноверец вообще и народ волжско-камских булгар. В этом заключено ключевое противоречие этого историка, который вынужден отмечать, комментируя сведения русских летописей о походе ушкуйников в 1375 г., когда те продали в Болгаре русских пленных «бесерменам» и отправились далее вниз по Волге, где разорили Сарай, «гости христианскыя грабячи, а бесермены бьючи» [Приселков, 1950, с.400; ПСРЛ, 24, с.132], что в обоих случаях под «бесер-

менами» русский летописец понимал совершенно разные общности: в первом – волжских булгар, а во втором – татар-мусульман.

Представляется, однако, что подобный подход является весьма искусственным навязыванием источнику своих представлений об истории народов, который способен лишь запутать и без того сложную этнополитическую ситуацию в Поволжье в XIV–XVI вв. Более правильным будет, видимо, доверять летописцам и их знаниям этнических реалий в Орде и пытаться понять причину одновременного упоминания двух этих терминов. Изучив все эти сообщения, можно констатировать, что летописцы почти всегда, когда речь шла о боевых столкновениях, писали «татары», или «татары и бесермены», а когда говорили о мирном населении, то почти всегда – «бесермены», действительно очень четко различая их. Видимо, эти данные могут служить еще одним доказательством реальности (но не этнического, а этносоциального) разделения этих терминов: «татарами» считалось военное сословие, а «мусульманами» – все остальное население. О важности для эпохи средневековья такой этноопределяющей характеристики, как религиозная принадлежность, говорит и существование этноса «бесермян» в Верхнем Прикамье, частично исповедующего ислам и, очевидно, в свое время находившегося под влиянием мусульманского населения [Тихомиров, 1973, с. 89; Исахов, 1980, с. 23–37; Родионов, 1984, с. 140–152].

* * *

Подводя итог, можно отметить несколько этапов использования термина «татары». В предмонгольский период (XII в.) он употреблялся в основном в степях Центральной Азии

разными этносами, входившими в орбиту проводившейся политики или контактировавших с могущественным союзом татарских племен. После разгрома татар Чингиз-ханом и включения их в Монгольское государство их этноним, однако, сохраняя престижность, распространяется среди других завоеванных монголами народов. В степях Восточной Европы после монгольского завоевания были уничтожены правящие роды, разорваны границы государств и перемешаны племена и народы, но также была установлена новая улусная система. По мере складывания и усложнения социальной структуры этноним «татары» активно внедряется и укореняется в обществе, особенно в среде клановой аристократии. Именно в рамках Улуса Джучи татары сформировались в средневековую этнополитическую и этносоциальную общность. Позднее, в XIV–XV вв., этот термин употребляется уже в качестве синонима Улуса Джучи, как обозначение господствующей элиты военно-служилого сословия и вообще кочевого населения, связанного клановой организацией, противопоставляя его носителей, как кочевников, мусульман и вассалов рода Джучи, остальным народам. Основное же население страны, скорее всего, называло себя по конфессиональному признаку «мусульманами». Таким образом, в Улусе Джучи активно проходил процесс формирования средневекового этноса, в основных чертах завершившийся ко времени распада государства, иначе трудно объяснить «кристаллизацию» именно татарских этнополитических общностей в рамках позднезолотоордынских государств XV–XVI вв.

§ 4. Антропологическая характеристика населения Улуса Джучи

Леонид Яблонский

Этническая история ряда современных народов Восточной Европы, Средней Азии и Казахстана неразрывно связана со средневековым золотоордынским государством. Немаловажную роль в политической и экономической жизни Золотой Орды играли города, которые были построены по повелению золотоордынских ханов, и расцвет которых происходит в XIV в.

Археологическое изучение этих памятников насчитывает уже вековую историю. Наряду с жилыми, хозяйственными и производственными комплексами, раскапывались и городские кладбища, где было вскрыто около 1 тыс. погребений.

Исследователи не раз отмечали, что мусульманские городские некрополи, несмотря на закономерное отсутствие в могилах

вещевого инвентаря, все же содержат материал, позволяющий в определенной мере судить о социальной, этнической и антропологической структуре населения [Геллах, 1956; Поляков, 1973; Халикова, 1976; Яблонский, 1978; 1980].

Круг проблем, возникающих при детальном исследовании мусульманских городских некрополей Золотой Орды, необычайно широк. И это не случайно. Золотоордынское государство, распространившее влияние на огромные территории, искусственно объединило под своей властью целый конгломерат племен и народностей, стоявших подчас на разных ступенях исторического развития. Не был единым и антропологический тип населения Золотой Орды. В т.ч. в науке обсуждается возможность выделения на городских некрополях Золотой Орды погребений, принадлежавших этническим татарам.

Долгое время не удавалось археологически выделить собственно центрально-азиатский погребальный обряд в Поволжье. Л.П.Зяблин в связи с этим выдвинул тезис о немногочисленности этнических татар и монголов в составе золотоордынского населения [Зяблин, 1955]. Для подтверждения этого тезиса автор приводит убедительные археологические данные и исторические свидетельства. Сведения о немногочисленности завоевателей содержатся также в работах В.В.Бартольда [1928] и А.Ю.Якубовского [1932].

Г.А.Федоров-Давыдов, который провел детальный анализ погребального обряда кочевого населения Золотой Орды, отмечает, что в эпоху монгольского завоевания в мусульманских погребениях прослеживается целый ряд признаков, происхождение которых можно было бы связывать с татаро-монголами [Федоров-Давыдов, 1966]. К таковым относятся, например, наличие подбоев в могильных ямах, находки характерных головных уборов типа «бокка», обнаруженные в некоторых погребениях антропоморфные бронзовые фигурки, северная ориентировка захороненных. Однако, как указывает ученый, все эти признаки статистически не связываются в единый погребальный комплекс и выступают независимо друг от друга.

Средневековые путешественники-европейцы при описании внешнего облика завоевателей-монголов отмечают, прежде всего, те

черты внешности, которые отсутствуют у них самих – сильную уплощенность лица и другие признаки, позволяющие определить их как монголоидные, характерные для представителей большой монголоидной расы (о термине см.: [Яблонский, 2003, с.162–163]). Так, например, Плато Карпини пишет: «Внешний вид лиц (монголов. – Л.Я.) отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул, нос у них плоский и небольшой, глаза маленькие и ресницы приподняты до бровей... Борода у всех почти вырастает маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которые они отнюдь не стригут» [Путешествия, 1957, с.26]. А вот как монголы описываются в средневековых армянских источниках (армяне – резко выраженные европеоиды): «Они были широкоплечие, с мускулистыми руками, большеголовые, с гладкими и взъерошенными волосами, узкоглазые, широколобые, плосконосые и редкородые» [Галстян, 1960].

Отечественные палеоантропологи уже давно и не раз выделяли в золотоордынских краниологических сериях черепа, имеющие ярко выраженные монголоидные особенности [Дебец, 1932; 1936; 1948; Трофимова, 1936; 1949; 1956; Залкинд, 1972]. Однако, как известно, монголоидный антропологический тип фиксируется в Поволжье и в дозолотоордынское время. Этот факт заставляет предполагать, что далеко не во всех случаях монголоидный элемент в составе золотоордынского населения может быть связан именно с монгольским нашествием. Он может иметь и более древние корни.

Трудности, возникающие при выявлении погребений собственно монголов из массы остальных, связаны, прежде всего, с методическими сложностями их атрибуции в условиях крайней антропологической неоднородности людей, захороненных в могилах, которые выполнены в целом по единым мусульманским канонам.

При этом характерной чертой мусульманского погребального обряда горожан Золотой Орды является конструктивное разнообразие надмогильных сооружений и погребальных камер. Это разнообразие настолько велико, что создание типологической схемы погребального

обрядя возможно лишь с применением статистических методов [Яблонский, 1975].

Отмечалось, что разнотипность погребального обряда была обусловлена влиянием целого ряда факторов, действующих по отдельности или в комплексе. Важнейшими из них являются, по-видимому, социальное положение умершего, его этническое происхождение, степень исламизации социального слоя, к которому он принадлежал. Так, например, очевидно, что различия между погребениями в богатых кирпичных склепах и простыми грунтовыми могилами без перекрытия связаны с определенным социальным расслоением городского общества. Погребения в склепах составляют на мусульманских городских некрополях лишь 7,4%, а погребения в простых могилах без перекрытия – 56% от общего числа исследованных. Эти цифры в какой-то мере отражают количественное соотношение богатых и малоимущих социальных групп.

В плане возможностей выделения обряда, который можно было бы связать с социальной элитой, заслуживают особого внимания два типа погребального обряда. Это – 1) погребения в кирпичных склепах и 2) погребения в могилах с подбоями. Поскольку именно в подбое, судя по свидетельству Джузджани, был похоронен хан Бату [СМИЗО, 1884]. Погребения в могилах с подбоями встречены на мусульманских некрополях Водянского (Бельджамен), Селитренного (Сарай ал-Махруса) городищ, на городище Хан-Тюбе.

По данным Г.А.Федорова-Давыдова, в период монгольского завоевания количество погребений с подбоями в степи резко возрастает [Федоров-Давыдов, 1966]. Процент могил с подбоями на городских некрополях не высок – 11,3% от общего числа исследованных погребений, что не расходится с данными об относительной немногочисленности этнических татар и монголов в городах. При этом приходится учитывать, что в плане выявления их погребений оба отмеченных типа погребального обряда сами по себе абсолютного значения не имеют. Среди имущих горожан могли быть, например, представители мусульманских священнослужителей, большинство которых, судя по письменным источникам, составляли выходцы из Хорезма [СМИЗО, 1884]. Погребения же с подбоями

были распространены в степи и в домонгольское время, они являлись традиционными для местного населения.

Эти обстоятельства диктуют задачу: попытаться связать типы погребального обряда с комплексом краниологических признаков захороненных по таким обрядам людей и затем найти место этих комплексов в исторической реальности. Задача осложняется тем, что весь накопленный краниологический материал свидетельствует о пестроте антропологического состава городского населения Улуса Джучи, за которым стоит, по-видимому, и его этническая неоднородность [Дебец, 1932; 1936; 1948; Трофимова, 1936; 1949; 1956; Залкинд, 1972; Алексеев, 1967а; 1974; Постникова (Рудь), 1970; 1970а; 1973; Яблонский, 1978; 1979; 1980].

Большинство крупных мусульманских городских некрополей Золотой Орды возникли не ранее конца XIV в. К этому времени все еще проявляется резкий синкретизм в погребальном обряде. Лишь постепенно в результате всеобщей исламизации населения происходит определенная нивелировка погребальных ритуалов. Параллельно идет процесс антропологической метисации исходно разноэтничного и гетерогенного городского населения. Все эти явления привели к тому, что мы практически не располагаем возможностями определенно связать какой-либо из типов погребального обряда с каким-либо этносом, а какой-то из этносов – с преимущественным антропологическим типом погребенных.

Оказалось, что связь между типом погребального обряда и комплексом краниометрических признаков может проявиться лишь в виде вероятностных, статистических тенденций. В качестве приема сопоставления типов обряда с краниометрическими признаками был выбран метод вычисления непараметрического показателя силы влияния в однофакторном дисперсионном комплексе [Плохинский, 1970]. Ранжированные (качественные) краниометрические признаки «раскладываются» по типам погребального обряда. Достоверность влияния между признаком и типом обряда устанавливается по критерию χ^2 . Такое сопоставление проводилось на материалах двух основательно изученных археологических памятников – некрополей Водянского и Селитренного городищ. Селитренное

городище является остатком исторического г. Сарая, а Водянское городище археологи связывают с известным по письменным источникам г. Бельджаменом [Егоров, Полубо-рянова, 1974].

Краниологическая серия из некрополя Водянского городища состоит из 32 мужских и 32 женских черепов. Основные характеристики серии опубликованы [Яблонский, 1978; 1979; 1980].

Для сопоставления с типами обряда был выбран признак, характеризующий угол выступления носа и индекс горизонтальной профилировки лицевой части черепа, составленный из полусуммы назомаллярного и зигомаксиллярного углов (эти углы демонстрируют степень уплощенности лицевого скелета на верхнем и среднем уровнях).

В результате подсчетов выявилась следующая тенденция: люди, захороненные в могилах с подбоями Водянского городища, статистически достоверно отличаются от остальных малым углом выступления носа и большим значением индекса горизонтальной профилировки, т.е. комплексом, характерным именно для представителей большой монголоидной расы.

Для проверки этих данных был использован другой статистический прием – вычисление коэффициентов качественной корреляции. Погребения с подбоем и в этом случае дали положительную статистически достоверную связь с малым углом носа погребенных, с большим зигомаксиллярным углом, со средним назомаллярным углом, с лопатообразностью резцов (монголоидный одонтологический признак). Результаты предыдущего анализа подтвердились.

Таким образом, для некрополя Водянского городища намечается тенденция связи между признаком «подбой» и комплексом краниологических признаков, характеризующим представителей большой монголоидной расы. При этом признак «склеп» на Водянском городище вообще не коррелирует с определенными краниологическими признаками (рис.1)*. По-видимому, при формировании данного типа обряда на некрополе Водянского городища решающее значение имел не эт-

нический фактор, а именно социальный [Яблонский, 1980].

Иные результаты были получены при обработке материалов некрополя Селитренного городища. В краниологическую серию здесь вошло 103 мужских черепа и 86 женских. Измерения опубликованы [Яблонский, 1979]. Способ коннекции краниометрических признаков и погребального обряда аналогичен тому, который был применен при исследовании материалов с некрополя Водянского городища.

Большая численность выборки позволила расширить программу сопоставления. Помимо угла выступления носа – (Март.75(1) и индекса горизонтальной профилировки с типами обрядов сопоставлялись два модуля черепной коробки. Модуль I представляет собой среднюю геометрическую трех тотальных диаметров черепной коробки. Он в определенной степени характеризует размеры мозговой коробки черепа. Модуль II – это частное от деления высотного диаметра черепа (Март.17) на среднюю геометрическую величину продольного (Март.1) и поперечного (Март.8) диаметров. Он хорошо дифференцирует черепа по относительной высоте мозговой коробки.

Оказалось, что погребенные в склепах на некрополе Селитренного городища достоверно отличаются от остальных относительно малым углом выступления носовых костей (рис.2).

Статистически значимых различий между людьми, похороненными по разным типам обряда, по уплощенности лица в горизонтальной профилировке нет.

Если суммировать полученные данные, то окажется, что люди, погребенные в склепах, отличались от остальных малым углом выступления носовых костей, относительно большей по размерам мозговой коробкой и более низким, чем у прочих, черепом, т.е. тем комплексом признаков, который характеризует представителей большой монголоидной расы. По величине модуля I они попадают в группу современных узбеков и киргизов, а по модулю II близки к киргизам и монголам. Наблюдается вполне определенная тенденция к захоронению в богатых погребениях людей более монголоидного облика.

Важно отметить, что на некрополе Селитренного городища погребенные в могилах с

* Все реконструкции выполнены по методу М.М.Герасимова.

Рис.1. Реконструкция лица по черепу мужчины из некрополя Водянского городища. Работа Л.Т.Яблонского

Рис.2. Реконструкция лица по черепу мужчины из некрополя Селитренного городища. Работа Л.Т.Яблонского

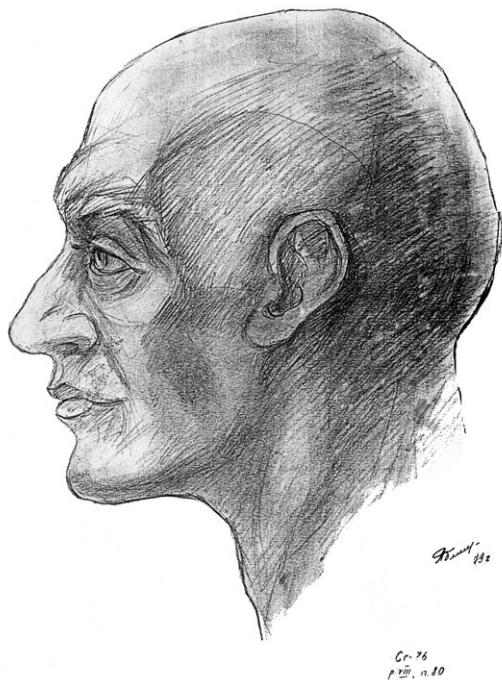

Рис.3. Мужчина из некрополя Селитренного городища. Работа Л.Т.Яблонского

Рис.4. Мужчина из мавзолея Селитренного городища. Работа Л.Т.Яблонского

подбоями по своему физическому облику тяготеют к европеоидному элементу населения (рис.3), а не к монголоидному, как это было в Бельджамене. По-видимому, обычай сооружения подбоя в могиле в Старом Сарая сложился под воздействием ислама. Мусульманские каноны предполагают возможность сооружения подбоя-ляхда в могиле. Лицо погребенного при этом должно быть обращено «на кыблу» – в сторону Мекки. На Селитренном городище это географически соответствует южному направлению. Чтобы подчеркнуть такое направление, мусульмане часто укладывали покойника в могиле в положении, промежуточном между позициями «на спине» и «на правом боку», со специальным разворотом на правый бок. При выявлении устойчивых типов погребального обряда некрополя Селитренного городища выяснилось, что только обряд погребения в подбоях во всех отношениях удовлетворяет требованиям ислама [Яблонский, 1980а].

В связи с этим было бы логично, на наш взгляд, предположить, что основу городской прослойки, оставившей на некрополе Сарая могилы с подбоями, должны были составлять люди, попавшие сюда из среднеазиатских областей, в первую очередь, из Хорезма (антропологически они принадлежали, в целом, к большой европеоидной расе). Именно в Хорезме мусульманство распространилось и окрепло задолго до прихода туда монгольских завоевателей. В процессе мусульманизации исходно разноэтничного золотоордынского населения, судя по данным письменных источников, самую активную роль сыграли именно хорезмийские имамы [СМИЗО, 1884]. Хорезмийцы (европеиды) должны были составлять значительную часть городского населения в Золотой Орде [Греков, Якубовский, 1950]. Прежде всего с ними, видимо, следует связывать хорошо оформленный, устойчивый мусульманский погребальный обряд.

Таким образом, выводы, полученные в результате обработки материалов двух некрополей – Сарая и Бельджамена, не идентичны. Очевидно, социально-этнические процессы в среде городского населения Улуса Джучи, в столице государства и за ее пределами произошли не совсем одинаково.

Специальные исследования показали, что антропологический состав жителей обоих го-

родов не был единым [Яблонский, 1979; 1980]. К началу XV в. большую часть горожан Золотой Орды составляли люди смешанного (европеоидно-монголоидного) типа. При этом определенно преобладал европеоидный компонент (рис.4). Судя по всему, как в провинции, так и в столице золотоордынского государства процесс антропологического смешения шел в направлении ассимиляции завоевателей-монголов. Антропологическая и этнокультурная ассимиляция в городском обществе развивалась бурными темпами и привела к нарушению, а затем и к полному исчезновению социальной и этнической замкнутости захватчиков.

Однако, по сравнению с Бельджаменом, этот процесс в столице имел некоторые особенности, нашедшие достаточно четкое отражение в материалах некрополя Сарая.

Во-первых, на некрополе Сарая погребальный обряд более унифицирован. К концу XIV в. здесь складываются устойчивые типы погребального обряда как в высших, так и в средних социальных слоях населения (погребения в склепах и в могилах с подбоями). По-видимому, исламизация горожан в столице проходила более быстрыми темпами. Сказывалось не только давление центральных властей, но и географическая приближенность Сарая к среднеазиатским центрам мусульманской цивилизации.

Во-вторых, погребения в склепах некрополя Селитренного городища имеют достаточно определенную связь с монголоидным компонентом населения. В Бельджамене эта связь весьма завуалирована. Здесь прослеживаются лишь отголоски изначальной традиции хоронить людей монголоидного облика в богатых склепах, в мавзолеях, на почетных участках кладбища, в мечети [Яблонский, 1980а]. Очевидно, в столице завоеватели в течение более длительного времени сохраняли свою социальную и этническую обособленность. Там их, вероятно, было численно больше, и они имели больший социальный вес.

В-третьих, погребения в могилах с подбоями получили чрезвычайно широкое распространение на некрополе Сарая, в то время как в Бельджамене они встречаются лишь в редких случаях.

В Бельджамене люди, погребенные в подбоях, отличались от остальных выраженным комплексом монголоидных признаков. В Са-

рае в могилах с подбоем захоронены в основном брахикранные (круглоголовые) европеоиды. Здесь в основе формирования этого погребального обряда лежат уже не этнические традиции какой-то группы городского населения, как это было в Бельджамене. Подчеркивается религиозная и, вероятно, социальная общность представителей разных этнических групп.

Таким образом, анализ палеоантропологических материалов позволяет предполагать, что монгольское нашествие изменило не только политический строй и социальную структуру покоренных народов, но в определенной мере повлияло и на их антропологический облик. Особенно большие изменения произошли в тех группах населения, которые осели в построенных золотоордынскими ханами городах. Хотя представителей собственно монголов в них было немного [Федоров-Давыдов, 1966]. Это дает основания предполагать, что роль пришлых народов в формировании физического облика золотоордынцев была далеко не равнозначной в отдельных районах государства. Выводы, полученные в результате сопоставления данных по некрополям Водянского и Селитренного городищ, подкрепляют этот тезис.

Неравномерность археологического исследования золотоордынских городищ существенно повлияла на качественную и количественную характеристику краниологических серий. Все же анализ и сопоставление краниологических материалов, происходящих из этих памятников, позволяют составить более полное представление об антропологическом составе городского населения Золотой Орды, помогают оценить роль монголов в формировании физического облика золотоордынского населения в отдельных уголках государства, занимавшего обширную территорию.

В качестве сравнительного материала были использованы следующие золотоордынские серии: Болгар («Четырехугольник», Среднее Поволжье) [Постникова (Рудь), 1970а]; Укек (Нижнее Поволжье) [Дебец, 1932; Трофимова, 1936]; Водянское городище (Бельджамен, Нижнее Поволжье) [Яблонский, 1978; 1979; 1980]; Царевское городище (Сарай ал-Джадид, Нижнее Поволжье) [Залкинд, 1972]; Селитренное городище (Сарай ал-Махруса, Нижнее Поволжье) [Яблонский, 1979]; кочев-

ники Нижнего Поволжья (Калмыцкая степь, правый берег) [Дебец, 1948]; половцы/кыпчаки (Нижнее Поволжье); городище Хан-Тюбе (Нижнее Поволжье); Миздахкан (Южное Приаралье, Хорезм) [Ходжайов, 1969; Ягодин, Ходжайов, 1970]; Сарайчик (Северный Казахстан) [Гинзбург, Залкинд, 1955; Гинзбург, Трофимова, 1972]; Маджар (Северный Кавказ) [Алексеев, 1967; 1974]; Верхний Джулат (Северный Кавказ) [Алексеев, 1964].

Характерной особенностью всех сравниваемых краниологических серий является брахикрания (круглоголовость), а также уплощенность лицевого скелета черепов в области переносья (назомаллярный угол). Более уплощенными на этом уровне оказываются черепа из степных курганов Нижнего Поволжья, из Сарайчика и половецкие. В этих сериях назомаллярный угол превышает 145° . Наблюдаются некоторые различия по зигомассиллярному углу (степень уплощенности на среднелицевом уровне). По довольно высокой степени уплощенности лица на этом уровне выделяются черепа кочевников, половецкие и черепа из Хан-Тюбе.

По высоте свода различия между черепами почти во всех случаях незначительны. Лицевая часть черепов высокая и широкая. Исключение здесь составляют жители Болгара. Более узкая лицевая часть по сравнению с другими у черепов из Миздахкана. Относительно широким лицом отличается население нижневожских степей, Царевского городища и Сарайчука.

Таким образом, по форме и размерам мозговой коробки все сравниваемые черепа обнаруживают сходство. Но по степени уплощенности лицевого скелета черепов прослеживаются определенные различия. Наименьшие абсолютные значения угла выступания носовых костей отмечаются в сериях из Сарайчика и Водянского городища, наибольшие – на черепах половецких и из Миздахкана.

В целом складывается впечатление о значительном антропологическом сходстве населения нижневожских городов – Сараев, Укека и Бельджамена. В облике всех кочевников Нижнего Поволжья наблюдается сдвиг в сторону монголоидности, а у населения г. Болгара – в сторону европеоидности.

Сравнительные материалы свидетельствуют о том, что на всей территории Улуса Джучи население городов по своему антропологиче-

скому облику было пестрым, сходным, но не идентичным. Намечаются отдельные локальные сочетания краниологических признаков, которые встречаются в различных комбинациях.

Очень близкое морфологическое сходство с городскими нижеволжскими черепами обнаруживает серия из Хан-Тюбе. И это не удивительно, т.к. это поселение находилось вблизи от городских центров Нижней Волги и имело с ними тесные культурно-экономические и, видимо, иные связи.

Сходны с нижеволжскими черепа хорезмийцев из Миздахкана, черепа из кладбища «Четырехугольник» в Болгаре. Население средневекового Хорезма и европеоидный брахикранный компонент нижеволжской популяции по комплексу признаков можно, видимо, отнести к единому расовому типу, а именно к расе среднеазиатского междуречья (в ее северном варианте). Кроме того, следует иметь в виду реальную возможность присутствия в составе населения городов средневекового Поволжья значительного числа переселенцев из хорезмийских областей. То же можно сказать и о волжских булгарах, принявших активное участие в жизни золотоордынских городов.

Исследования с использованием других методов межгруппового краниологического анализа [Ефимова, 1983, с.18] показали, что некоторые серии Волжской Булгарии (Большетарханский, Кайбельский, Семеновский II, Измерский могильники, могильник «Четырехугольник») обнаруживают сходство с населением салтово-маяцкой культуры и Хазарии, а в более позднее время – с городским населением Золотой Орды.

Серия черепов из Сарайчика и половецкая серия оказываются равноудаленными от нижеволжской. Эти данные подтверждают предположение о половецкой основе населения Сарайчика [Гинзбург, Трофимова, 1972]. В то же время кажется малопонятной такая отдаленность половецкой серии от нижеволжской. Ведь все археологические, исторические и лингвистические данные свидетельствуют о том, что осевшие в золотоордынских городах половцы должны были составлять значительный процент горожан. Вероятно, в нижеволжских городах процесс смешения шел активнее, чем на окраинах Золотой Орды. К концу XIV в. он мог привести к антропо-

логической нивелировке кыпчаков, проживающих в городах. Процесс этнического смешения в среде городского населения отчетливо прослеживается и на археологическом материале. Надо учитывать также и то обстоятельство, что половцы представлены в наших материалах очень небольшой выборкой, происходящей из одного могильника. Антропологический тип этой группы специфичен – у нее уплощенность в горизонтальном профиле сочетается с довольно большим углом выступления носа. Такое сочетание признаков встречается в Волго-Уральском регионе задолго до эпохи образования Золотой Орды, поскольку есть основания предполагать, что антропологический состав кыпчакских племен не был единым [Ахинжанов, 1976]. Проблема их антропологического состава может быть решена только в процессе дальнейшего накопления краниологического материала.

Достаточно показательны различия между городской нижеволжской и степной кочевнической сериями. В наших материалах средневековые кочевники представлены довольно многочисленной выборкой. Черепа происходят из могильников, расположенных в калмыцких степях. Выше упоминалось, что кочевническая серия обнаруживает заметный сдвиг в сторону монголоидности. Именно это и обеспечило отдаленность ее от суммарной серии нижеволжских городов. Значительную часть кочевников в Дашт-и Кыпчак должны были составлять группы, пришедшие на Волгу вместе с монгольскими войсками. И если население золотоордынских городов пополнялось в основном за счет свезенных из областей с развитыми традициями оседлости ремесленников, то степи заселялись в т.ч. этническими группировками, для которых именно кочевой образ жизни был привычнее, соответствовал их традиционному хозяйственному укладу. Именно этим объясняется, по-видимому, явление, отмеченное ранее Г.Ф.Дебецом, – если в золотоордынских городах преобладали европеоиды, то у населения степи, напротив, фиксируется повышенная доля монголоидного компонента [Дебец, 1948, с.272]. О том, что степное население Улуса Джучи по форме мозговой коробки и по размерам лицевого скелета черепа сближается с монголоидами Сибири (рис.5), писал еще В.П.Алексеев [Алексеев, 1967].

Рис.5. Мужчина из некрополя Селитренного городища. Работа Л.Т.Яблонского

Рис.6. Мужчина из Царевского городища. Работа Л.Т.Яблонского

Относительно резко отличаются по своему физическому облику жители городов Северного Кавказа – Маджара и Верхнего Джуклата. В данном случае это можно объяснить полным или почти полным отсутствием выраженности монголоидного компонента на кавказских черепах. По-видимому, участие монголоидного элемента в сложении антропологического облика населения золотоордынских городов Северного Кавказа было минимальным.

* * *

Возникновение городских центров средневекового Поволжья связано с историей образования и развития золотоордынского государства. В Золотой Орде, распространившей свое влияние на огромные территории, происходили бурные этнические процессы, положившие начало формированию многих современных народностей Поволжья и Средней Азии.

Физический облик населения Улуса Джучи оформился на основе смешения представителей двух больших рас – монголоидной и европеоидной. Присутствие монголоидного компонента в большей или меньшей степени ощущается в облике жителей всех золотоор-

дынских городов. Тем не менее, у городского населения преобладали в целом европеоидные черты (рис.6). Доля монголоидного компонента, которая, как известно, фиксируется в т.н. «южнорусских степях» еще в дозолотоордынское время [Дебец, 1948; Трофимова, 1949; Алексеев, 1971], несколько увеличивается в эпоху Золотой Орды. Это, вероятнее всего, связано с перемещением части центрально-азиатского населения. Заметим, однако, что исследования современного населения Волго-Уральского региона, проведенные на генетическом уровне, показывают (рис.7), что доля монголоидного компонента у современных татар даже ниже, чем у русских Башкирии [Лимборская и др., 2002].

Как археологические, так и палеоантропологические материалы свидетельствуют о том, что нашествие восточных племен в наибольшей степени отразилось на формировании физического облика населения Нижнего Поволжья, – области, которая являлась административным и политическим центром Улуса Джучи. Суммарная серия из некропелей нижеволжских городов отличается от хорезмийской, кавказских и булгарской

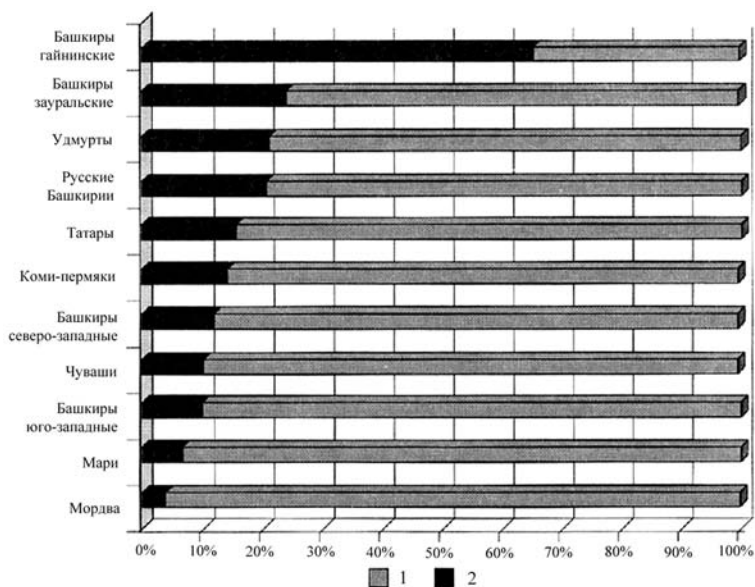

Рис.7. Соотношение европеоидного (1) и монголоидного (2) компонентов митохондриального генофонда популяций Волго-Уральского региона [Лимборская и др., 2002]

(рис.8), прежде всего, сдвигом в сторону монголоидности. При этом монгольское нашествие, как это было уже показано на материалах средневекового Поволжья [Трофимова, 1949] и Казахстана [Исмагулов, 1970], нельзя рассматривать как массовое переселение в европейские степи с востока.

В золотоордынском обществе этнический и социальный статусы сначала были необычайно тесно связаны. Как известно, на первых порах образования золотоордынского государства в верхних социальных слоях его оказались почти сплошь представители монголов и татар, а местная кочевая аристократия была уничтожена. Однако с ростом городов, в результате постоянного пополнения их за счет массового оседания кочевых племен, а также проводимой ханами политики всеобщей мусульманизации населения происходит постепенное срастание центрально-азиатской кочевой аристократии с представителями городской верхушки [Федоров-Давыдов, 1973].

Поэтому в начале имела определенная зависимость между высоким социальным положением человека и его монголоидной внешностью. Именно черепа из «аристократических» районов некрополя Водянского городища обнаруживают признаки монголоидности. Однако уже к концу XIV в. кочевая аристократия оказывается втянутой не только в торгово-экономические, но и в бурные межэтнические процессы, происходящие в это время в Нижнем Поволжье.

Не последнюю роль в изменении антропологического облика аристократии золотоордынских городов сыграли и своеобразные обычаи наследования у монголов и татар. Плано Карпини оставил следующее замечание по этому поводу: «Между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги» [Путешествия, 1957, с.30].

Не удивительно, что на некрополе Водянского городища в богатых кирпичных склепах, расположенных на территории мечети или мавзолея, хоронили людей вполне европеоидного облика. По всей видимости, сын монгола и, например, половчанки мог занимать высокое социальное положение, осознавать себя татаринном и иметь при этом европеоидную внешность. В равной степени не исключено, что среди городских бедняков были и люди с монголоидной внешностью.

Все эти сложные процессы и привели, по видимому, к постепенной нивелировке социального и этнического факторов к моменту окончательного сложения в городах мусульманского погребального обряда. Реминисцентные черты изначальных обычаев и традиций улавливаются лишь в виде более или менее статистически достоверных тенденций.

Палеоантропологические материалы позволяют предполагать, что в поволжской степи кочевые кланы дольше сохраняли присущий им антропологический облик. Однако и здесь постоянный процесс культурной и генетической диффузии гетерогенных популяций приводит к формированию этнической общности, исторически получившей единое название – «татары». В крупных городских центрах Улу-

са Джучи этот процесс шел с большей интенсивностью, чем в степи.

После распада Улуса Джучи начался новый исторический путь развития. Однако в этнографических материалах, относящихся уже к Новому времени, мы все еще можем проследить отголоски традиций и обрядов, существовавших в золотоордынское время. Так, есть сведения о том, что у казанских татар до начала XX в. сохраняется обычай социального уравнивания законных и внебрачных детей. Они по-прежнему производят захоронения в подбоях, кладут покойника на правый бок, лицом к Мекке [Знаменский, 1910]. Эти и другие данные свидетельствуют о том, что именно в золотоордынскую эпоху зарождается процесс, уничтоживший старые этнические границы между группами домонгольского населения Поволжья. В результате этого процесса происходит трансформация домонгольских объединений в татарскую общность.

Рис.8. Реконструкция лица по черепу мужчины из некрополя Болгар.
Работа Л.Т.Яблонского

§ 5. Средневековые уйгуры и их вклад в культуру Улуса Джучи

Александр Кадырбаев

Средневековые уйгуры сыграли заметную роль не только в Великой Монгольской империи, созданной Чингиз-ханом, а после ее распада в таких монгольских по династии государствах, как Юаньская империя в Китае и империя ильханов Хулагуидов в Иране и на Ближнем Востоке, но и в Улусе Джучи.

К началу XIII в., когда монголы познакомились со средневековой уйгурской культурой, она существовала уже более четырех с половиной веков, и, что удивительно для степных цивилизаций, она продолжала развиваться и после падения Уйгурского государства. Уйгурская культура расцвела тогда в областях Восточного Туркестана, в оазисах Бешбалыка, Кочо, Хами, а также в северо-западных областях Китая, в Дуньхуане, Сучжоу, Шачжоу, Ланьчжоу. Ей не был чужд буддизм согдийского, тохарского, китайского, индийского, тибетского толков. Иногда буддийские идеи смешивались с идеями манихейства – религии иранского мира по имени ее пророка Мани, а также с христианством сирийских несториан, и уже появились первые уйгур-

ские мусульмане [Кара, 1981, с.51–52]. Известно, что именно от средневековых тюркоязычных уйгуров монголы узнали секрет письменности, а конкретно от Тататунга (*Тататун-а* по китайским источникам), главы канцелярии улуса найманов, тем самым давшего монголам ключ к многовековой и высокоразвитой уйгурской культуре [Юань-ши, 1958, цз.124, с.27398 (1446)]. Это подтверждают персидские и западноевропейские летописцы. Так, Джувейни пишет: «Так как у татар (монголов. – *А.К.*) не было письменности, то Чингиз повелел, чтобы дети татарские (монгольские. – *А.К.*) выучивались грамоте у уйгуров... и его законы запечатлели бы на свитках. И – все записанное уйгурскими письменами называют Великою книгою Яса... Знание уйгурского языка и письма признают величайшей ученостью и талантливостью» [The Tarikh-i Jahan-gusha by Juvaini, 1912, p.40]. В свою очередь, Рубрук констатирует, что монголы заимствовали письмена уйгуров, и «уйгуры являются главными писцами среди них... И Мангу-хан (Мунке-хан)

посылает Вам (королю Франции. – А.К.) грамоту на языке моалов (монголов. – А.К.), но письменами уйгуров» [Путешествия, 1993, с.129]. Тататунг по приказу Чингиз-хана создал на базе средневекового уйгурского тюркского алфавита письменность монголов, которой они пользуются и поныне. Он же был и первым учителем грамоты у сыновей «Потрясателя Вселенной», а в дальнейшем образование представителей правящего «Золотого рода» Чингиз-хана становится в основном прерогативой уйгуров – буддистов и христиан несторианского толка. Среди уйгуров – учителей монгольских царевичей, потомков Чингиз-хана, китайские источники упоминают сына Тататунга Сулохая [Юань-ши, цз.124], Кара-Инах-буйрука, обучавшего сыновей Чингиз-хана, Арин-Тимура – наставника детей брата Чингиз-хана Отчигина, христианина-несторианца Сибаня (Шибана), учившего уйгурскому письму Каши – внука Чингиз-хана и сына Угедей-хана [там же, цз.134, с.27493 (1541)], Толочу – наставника Хубилая – будущего великого монгольского хана и основателя монгольского по династии государства в Китае. Были среди уйгуров, служивших монголам, врачи и лекари Юрунч-Хайя и его сын Чжирлахан. Велика была роль средневековых уйгуров в системе управления, созданной монголами в завоеванных странах. Видную роль в Монгольской империи, начиная от времени правления ее основателя Чингиз-хана и при его преемниках Угедей-хане и Гуюк-хане играл Чжэньхай, чья биография приводится в «Юань-ши». Пиком его карьеры была деятельность на посту главы правительства империи монголов в 1231–1241 гг. и в 1246–1248 гг. [Шаоминь, 1936, цз.192; Юань-ши, цз.135, с.27510 (1558)]. Всего в китайских источниках монгольской эпохи упоминаются более 300 высокопоставленных уйгуров, служивших монголам. Только в «Юань-ши» из 227 упоминаемых даругачи – наместников провинций Монгольской империи 34 были уйгурами. Статус правителей уйгурского Турфанского княжества, носивших титул *идикут*, за то, что идикут Барчук арт-тегин в 1211 г. добровольно присоединился к Чингиз-хану и во главе 10 тыс. уйгурских воинов принял участие в его западном походе, в т.ч. и против земель, впоследствии ставшими частью Джучиева Улуса, был достаточно высок при дворе ве-

ликих монгольских ханов [Юань-ши, цз.124, с.27399 (1447)]. Причина этого ясно выражена в заявлении Великого монгольского хана Хубилая корейскому правителю: «Ты покорился позже, поэтому ты рангом ниже ванов (членов рода Чингиз-хана. – А.К.). Во время правления нашего Тайцзу (Чингиз-хана. – А.К.) идикут был первым по рангу из тех, кто покорился и было приказано, чтобы он был первым по рангу среди ванов. А Арслан-хан (правитель карлуков. – А.К.) покорился следующим и поэтому он по рангу ниже его (идикута. – А.К.). Ты должен знать это» [Юань-ши, цз.1, с.26031(79)]. Чингиз-хан признал Барчук арт-тегина своим «пятым сыном» и тем самым предоставил уйгурскому Турфанскому княжеству статус улуса, на которые Чингиз-хан разделил Монгольскую империю между своим сыновьями.

Среди ближайшего окружения хана Джучи находился уйгур, христианин несторианского толка Куркуз (*Куэркуссу* китайских письменных источников). В юности Куркуз служил своему правителю, главе уйгурского Турфанского княжества в Восточном Туркестане. В силу указанных обстоятельств уйгуры пользовались доверием великих монгольских ханов и приняли активное участие в их завоевательных походах и в государственном строительстве их мировой империи. Еще при дворе идикута Куркуз, благодаря своим способностям, за короткое время изучил уйгурскую письменность. А знание уйгурского письма, чей алфавит использовался для монгольского языка, поощрялось монгольскими владыками и способствовало выдвижению знатоков этой письменности на высокие посты, обеспечивая им служебную карьеру. По этой причине Куркуз оказался в окружении Джучи-хана в числе его секретарей – битикчиев. Но до этого, когда монголы своими завоеваниями расширили пределы своих владений далеко на запад, Куркуз отправился за удачей в ставку сына Джучи – хана Бату. Сначала Куркуз служил пастухом у одного монгольского нойона, через некоторое время заслужил доверие и стал его приближенным. Куркуз встретился с Джучи-ханом на охоте, в которой участвовал в свите своего господина. Тогда Джучи-хан получил от своего отца Чингиз-хана ярлык, который ему и прочел Куркуз, т.к. других знающих уйгурское письмо в свите не оказалось. Бла-

гоприятное впечатление, произведенное Куркузом на Джучи-хана, способствовало его успешной карьере на службе у монголов. Джучи-хан распорядился зачислить Куркуза в число чиновников (катибов) своей канцелярии, а поскольку Куркуз проявил себя талантливым и красноречивым человеком, знатоком уйгурской письменности, то ему поручили обучение грамоте детей монгольской знати, в т.ч. и из царствующей династии Чингизидов. Вершиной его карьеры в Улусе Джучи было назначение советником даругачи – джучидского наместника в Хорезме, в г. Ургенче. В 20–30-е гг. XIII в. даругачи – монгольским управляющим сначала в двух персидских провинциях – Хорасане и Мазандеране, а затем на всей территории Персии и подвластных монголам землях Ближнего Востока был назначен Куркуз. Рашид ад-Дин свидетельствует по этому поводу: «Куркуз, получив в управление (Хорасан), привез биткиев и чиновников, привел в порядок дела Хорасана и Мазандерана. Он провел подушную перепись и определил твердые налоги, основал мастерские. Было приказано, чтобы Куркуз ведал всеми областями за Аму-Дарьей». Как явствует из дальнейшего текста, младший брат Джучи-хана – Великий монгольский хан Угедей, наследовавший трон их отца Чингиз-хана, «поручил (области) от Хорасана до границ Рума и Диярбека эмиру Куркузу». Один из сыновей Куркуза служил на посту монгольского даругачи Ирака и Азербайджана, чтобы «взять эти земли во владение и установить твердые налоги» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.46–48].

Бату-хан, сменивший отца в качестве главы Джучиева Улуса, ценил знатоков уйгурской письменности, каковым был при его дворе мусульманин Ходжа Наджм ад-Дин, возможно иранец по происхождению, назначенный в Улус Джучи на пост «улул битикчи» – «великого писца» последним Великим ханом тогда еще единой Монгольской империи – Мунке (*Менгу* по-тюркски). В окружении самого Мунке было немало уйгуров. Рубрук оставил сведения об их роли при монгольском дворе в 1253 г. Он сообщает интересные детали о ритуалах уйгуров – буддистов и христиан, как буддисты «молятся на север, хлопая в ладоши и простираясь на землю на согнутых коленях, причем челом опираются на руки», а «несториане не соединяют рук для молитвы, а мо-

Уйгурский правитель. Фреска.
Восточный Туркестан. IX в.

лятся, протянув руки перед грудью». Рубрук указывает на то, как и с какими церемониями посещали христианские несторианские богослужения Мунке-хан и его жены, что не оставляет никакого сомнения в заметной роли уйгуров в удовлетворении духовных и просветительских запросов монгольского владыки и его ближайшего окружения [Путешествия, 1993, с.129]. Прибывший в Рим посол монголов уйгур-христианин, несторианский священник Саума рассказывал католическим кардиналам: «Узнайте отцы, что многие наши отцы (уйгуры. – *А.К.*) шли в земли монголов, тюрков и китайцев и проповедовали» [История Мар Ябалахи, 1958, с.36]. Напряженные отношения уйгуров с мусульманами в Монгольской империи отмечал Рубрук, что в будущем трагически сказалось на судьбе уйгуров Джучиева Улуса: «Сарацины (мусульмане. – *А.К.*) настолько избегают их (уйгуров. – *А.К.*), что даже не желают о них и говорить. Отсюда, когда я спрашивал у сарацинов об обрядах югуров (уйгуров. – *А.К.*), они оскорблялись» [Путешествия, 1993, с.127].

Об уйгурах в окружении Бату-хана Рубрук сообщает следующее: «Затем мы месяц путешествовали с Бату, раньше чем могли получить проводника. Наконец, назначили мне

некоего Югура (уйгура. – *А.К.*), который, думая, что я ничего ему не дам, приказал, несмотря на мое заявление, что я хочу отправиться прямо в Армению, достать себе грамоту, что он проводит меня к Турецкому султану, надеясь получить от него подарки и иметь больше выгоды на этой дороге...» [там же, с.164]. У Бату-хана в отрочестве был специальный учитель, обучавший его уйгурскому письму, Бекбука, выходец из найманов, находившихся под заметным влиянием средневековой уйгурской культуры.

Число уйгуров, исповедовавших буддизм и христианство несторианского толка и служивших в канцеляриях Золотой Орды, было значительно в конце XIII – начале XIV в., когда после распада в 1259–1260 гг. мировой Монгольской державы Улус Джучи стал независимым государством. Об этом свидетельствуют события до и во время 1312–1313 гг., связанные с воцарением на золотоордынском троне юного Узбек-хана, который со всем воодушевлением новообращенного мусульманина и с пылом молодости, подогреваемой проповедью и наветами его мусульманского окружения, провозгласил ислам господствующей религией в государстве и первым делом «умертвил нескольких эмиров и вельмож, умертвил большое количество уйгуров, т.е. лам и волшебников, и провозгласил исповедание ислама» [СМИЗО, 1941, с.174]. Об этом Узбек-хан лично, письмом, известил египетских мамлюков ан-Насира [Усманов, 1990, с.70].

Средневековые уйгуры сыграли определенную культурную роль в истории Золотой Орды, свидетельством чего являются находки в городищах золотоордынских поселений в Поволжье монголо-уйгурских рукописей на бересте. Как сообщают арабоязычные источники, дипломатические послания первых ханов Золотой Орды султанам мамлюкского государства в Египте и Сирии составлялись, как правило, по-тюркски уйгурским письмом. Уйгурская письменность продолжала существовать при дворе ханов Золотой Орды и после принятия последними ислама как государственной религии Улуса Джучи. Так, золотоордынские ханы Токтамыш и Тимур-Кутлуг использовали уйгурское письмо для ярлыков и грамот, составленных на берегах Дона и Днепра в конце XIV в. До нашего времени дошел подлинник письма хана Токта-

мышы к королю Польши Ягайле уйгурским письмом. Известны написанные буквами средневековой уйгурской письменности ярлыки других ханов Золотой Орды: Менгу-Тимура (1267 г.), Бердибека (1357 г.), Бюлека (1379 г.) и грамоты Тайдулы за 1347, 1351 и 1354 гг., надпись на золотой пайцзе – символе государственной власти и своего рода удостоверения личности высокопоставленных лиц, относящейся к 1362–1369 гг., времени правления хана Абдуллы. Пайцзы с именами ханов Золотой Орды найдены в разные годы в районах Поволжья, Поднепровья и Крыма. На них прочтены имена ханов Токты, Узбека, Кельдибека. Все эти документы – ярлыки и пайцзы – были написаны уйгурским письмом по-монгольски, кроме ярлыка Бюлека, написанного по-тюркски. Употреблялось уйгурское письмо и на золотоордынских монетах [Султанов, 1978, с.234–235].

Значение средневекового уйгурского языка и письменности также состоит в том, что это – письменная форма языка не только самих средневековых уйгуров и монголов, ведущего этноса во всех монгольских империях XIII–XIV вв., но и кыпчаков, основного тюркского степного населения Золотой Орды, главной военной опоры ее ханов, среди которых уже в начале XIV в. стал заметен процесс этнической ассимиляции немногочисленных монголов Джучиева Улуса. Как отмечал Гильом де Рубрук, «у югуров заключается источник и корень турецкого и команского (кыпчакского. – *А.К.*) наречия...» [Путешествия, 1993, с.115].

Таким образом, уместно говорить о значении культурных, языковых, письменных связей между средневековыми уйгурами и другими народами Золотой Орды, в первую очередь, монголами и кыпчаками. Уйгуры, наряду с другими тюркскими народами, жили в Золотой Орде, во всяком случае, до 1313 г., хотя в отличие от них не имели важного источника пополнения своей общины, поскольку после распада единой Монгольской державы были отрезаны от страны своего происхождения – Восточного Туркестана, ставшего ареной междоусобных войн других монгольских государств – империи Юань с центром в Ханбалыке на месте современного Пекина и Улуса Чагатая в Средней Азии. Культурная значимость средневековых уйгуров для Джучиева Улуса обуславливалась и тем обстоятель-

ством, что в Золотой Орде, как и в других государствах, возникших на руинах Монгольской империи, созданной Чингиз-ханом и его первыми наследниками, уйгурское письмо было по преимуществу «ханским» и в каче-

стве такового продолжало употребляться вплоть до распада Золотой Орды в силу традиции, унаследованной от прежних времен, независимо даже от реалий новой эпохи.

§ 6. Иноконфессиональное население Улуса Джучи

Русское население городов Улуса Джучи

Марина Полубояринова

По письменным источникам известно, что монголы захватывали и уводили в плен множество жителей покоренных стран. Особенно много известий касается русских, благодаря сохранившимся русским летописям. Казалось, все они бесследно исчезли на бескрайних просторах нового государства – Улуса Джучи, растворились в массе завоевателей и других покоренных народов. Однако письменные и археологические данные позволяют в какой-то степени проследить их судьбу.

Письменные источники, сообщающие о пребывании русских в золотоордынских городах, очень разнообразны. О них упоминают русские летописи и жития святых, духовные и договорные грамоты русских князей, записки католических миссионеров, ярлыки, которые выдавали ордынские ханы русским митрополитам, сочинения арабских и персидских авторов.

Например, Ибн Баттута, арабский путешественник, посетивший в 1333–1334 гг. Золотую Орду, сообщает о г. Сарае (Селитренное городище), что в нем живут разные народы и в т.ч. русские. «Каждый народ, – добавляет Ибн Баттута, – живет на своем участке отдельно; там и базары их» [СМИЗО, 1884, с.306].

Большую часть русских жителей Улуса Джучи составляли пленники. Это была даровая рабочая сила, которую завоеватели использовали для строительства городов, организации ремесел, в войне и для продажи. По сообщению католического монаха Плано Карпини, татары, захватив город, оставляли среди пленных ремесленников тех юношей и девушек, которых хотели иметь своими рабами, а остальных убивали [Путешествия, 1957, с.54–55]. Среди рабов особенно ценились умелые ремесленники. «В земле Саррацинов

и других, – пишет Карпини, – в среде которых они являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам» [там же, с.58]. Некоторые пленные искусные ремесленники достигали высокого положения. Плано Карпини упоминает русского ювелира Кузьму, любимца Великого хана Гуюка, сделавшего в Каракоруме ханские трон и печать [там же, с.78]. Другой русский, женатый на французке Пакетте, был строителем. Но все же они, по всей видимости, оставались рабами, как и французский мастер Буше, взятый в плен в Венгрии, которого другой католический миссионер Рубрук называет рабом матери Менгу-хана [там же, с.166].

В рабство попадали не только пленные, но и должники – неплатильщики дани или долгов. Об этом под 1262 г. свидетельствует русская летопись, рассказывая о произволе откупщиков дани в русских городах [ПСРЛ, 1, с.476]. Карпини сообщает, что после захвата в рабство холостых мужчин и женщин, каждого из трех сыновей в семье, нищих, остальное население ханский чиновник обложил данью в виде мехов, а те, кто не дал дани, были отведены к татарам и обращены в их рабов [Путешествия, 1957, с.55]. Рубрук же пишет: «Когда русские не могут дать больше золота или серебра, татары уводят их и их малюток, ...чтобы караулить их животных» [там же, с.108]. О продаже русскими и татарами во время голода и засухи своих детей в рабство сообщает арабский автор ал-Омари [СМИЗО, 1884, с.241]. Продавали в рабство захваченных в плен русских и соотечественники – во время междоусобиц или в результате набегов на русские и болгарские города новгородских ушкуйников [ПСРЛ, 15, 1965, с.114].

Об участии в войске хана Токты русских, черкесов, кыпчаков и других сообщает Рашид ад-Дин [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.275], а анонимный автор «Продолжения сборника летописей» говорит о составе войска Токтамы-

Каменная иконка святителей (?). Болгар.
XIII в. (по Т.В.Николаевой)

ша, которое он выдвинул против Тимура: «...из русских, черкесов, болгар, кипчаков, аланов... собралось войско большое» [СМИЗО, 1941, с.156]. Ал-Омари говорит о хане Узбеке и его столице Сарае: «У султанов этого государства рабы из черкесов, русских и ясов» [СМИЗО, 1884, с.231]. Возможно, речь идет о наемничестве, которое могло применяться в более поздний период. В начале же это было чистое принуждение: «И вот чего татары требуют от них, чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно» [Путешествия, 1957, с.55]. По русским летописям, относящимся к этому периоду, завоеватели «гоняють люди и веляхуть съ собой воинствовати» [ПСРЛ, 5, с.190].

Излишки рабов, в т.ч. и русских, монголы продавали, что приносило очень большие доходы. Крупный рынок рабов был в Болгаре [ПСРЛ, 15, 1965, с.114] и, вероятно, во всех больших городах Поволжья, а также в Крыму и на Северном Кавказе.

Русские летописи чаще всего сообщают о пребывании на золотоордынской территории русских князей, как о важных исторических событиях. Русские князья были вынуждены посещать Орду, начиная с первых лет установления ига и почти до середины XV столетия. Бату и последующие ханы вызывали князей, чтобы те выразили покорность и получили из их рук ярлык на свое княжение.

Русские князья во время посещения ханской ставки должны были исполнять ряд языческих обрядов – проход между кострами, поклонение кусту, огню, солнцу, идолам. Перед ханом они должны были стоять на коленях. Им предлагалось пить «черный» кумыс – напиток, который русские считали греховным. Неисполнение этих обрядов грозило смертью – так, отказ от ритуала в 1246 г. стоил жизни князю Михаилу Черниговскому. «Они посылают также за государями земель, чтобы те явились к ним без промедления, а, когда они придут, то не получают никакого должного почета... Для некоторых также они находят случай их убить, ...иным же позволяют вернуться, чтобы привлечь других, некоторых губят также напитком или ядом», – так характеризует Плано Карпини политику завоевателей в отношении князей и правителей покоренных земель.

Если князя убивали в Орде, вместе с ним часто погибали и его бояре, слуги, как было в случае с Михаилом Тверским, казненным в ставке хана Узбека в предгорьях Северного Кавказа в результате поражения в борьбе с московским князем за великое княжение. Чтобы обеспечить покорность князей, ханы как заложников держали при себе годами не только их самих, но и их сыновей. Вероятно, князья бывали и в обеих столицах, и в ханских ставках, сопровождая хана при кочевках. Найденная на Селитренном городище княжеская печать говорит о пребывании в Сарае русского князя Константина. В Укеке была найдена каменная печать с именем князя Михаила.

Ездили в Орду и княжеские послы – килечи, которые отвозили хану дары, иногда выполняли дипломатические поручения, например, получали ярлык.

Золотоордынские ханы всемерно поощряли внешнюю торговлю в своем государстве, получая от нее огромные доходы. Заняв позиции на Великом Волжском и Донском путях – основных торговых артериях Восточной Европы, Золотая Орда возобновила международные и внутренние торговые связи. Русские купцы на ордынской территории фигурируют в некоторых письменных источниках. Рубрук сообщает о больших доходах, которые получают ханы Бату и Сартак с крымских солончаков, т.к. со всей Руси ездят туда за солью. О частых посещениях русскими купцами городов по Волге свидетельствуют и восточные

авторы XIII–XIV вв. Так, Ибн Абд аз-Захир сообщает: «Река Итиль... по ней ходят суда русских», а ал-Омари пишет: «По Итилю плавают большие суда и ездят к русским и к славянам» [СМИЗО, 1884, с.63, 241]. Персидский автор Хамдаллах ал-Казвини под 1340 г. повествует о кораблях из Руси, которые приходят по Волге и Каспию к о. Мазандеран.

Несколько раз о русских купцах в Орде сообщают русские летописи – под 1319, 1356, 1378, 1382 гг. В повести о разорении Москвы Токтамышем отмечено, что хан послал своих людей в Булгар и велел избить и ограбить христианских и русских купцов, а их суда и товары отнять и проводить к себе на перевоз [ПСРЛ, 15, 1965, с.143]. Иосафат Барбаро в XV в. оставил такие сведения: «Ежегодно люди из Москвы плывут на своих судах в Астрахань за солью» [Барбаро и Контарини, 1971, с.148, 157].

Православная епархия в Сарая

Марина Полубояринова

Веротерпимость монголо-татарских завоевателей отмечалась всеми современниками. Будучи язычниками на начальном этапе существования Золотой Орды, ее правители оказывали покровительство и православному духовенству, и католикам, и мусульманам. Возможно, монголы хотели обеспечить себе милость чужих богов, возможно, это был политический расчет. «Ведь татары военной мощью подчинили себе разные племена из народов христианских, но позволяют им по-прежнему сохранять свой закон и веру...», – писал в начале XIV в. францисканский монах из Венгрии Йоганка [Аннинский, 1940, с.91]. В летописных сообщениях под 1257 и 1275 гг. о переписи русского населения для обложения данью специально указано: «...Тoliko не чтоша поповъ и діаконовъ и чернецвъ» [ПСРЛ, 15, с.32]. Ханские ярлыки, выдаваемые русским митрополитам, освобождали, согласно Йасе Чингиз-хана, духовенство от всех поборов и повинностей: «Сию грамоту видяще и слышаще от попов и чернцов ни дани, ни иного чего ни возьмут баскаци, княжи писци, поплужники, тамошники, а возьмут ино по велицеи язе извиняться и умрут» (из ярлыка Менгу-Гимура 1267 г. [Приселков, 1916, с.34]). Освобождено было духовенство и от воинской повинности. Бла-

годаря этим привилегиям, русское духовенство с первых лет установления ига проникло в среду монголов. Конечно, здесь была надежда обратить в православие завоевателей-язычников, тем более, что католическая церковь осуществляла постоянный натиск на Восток с аналогичной целью. Папа был заинтересован в поддержке монголо-татар в его борьбе против турок-сельджуков, против германского императора Фридриха II, против Никейской империи. Поэтому к завоевателям засылались монахи-миссионеры, чтобы склонить ханов к принятию католичества. Некоторые из них оставили замечательные записки о своих скитаниях вплоть до Каракорума, об обычаях монголов, но цель их была другая. У римской церкви было стремление обратить и русских в католичество, об этом говорят папские послания к русским князьям. Особенно это касалось Даниила Галицкого. Планы православной и католической церковью подогревались слухами о существовании в Азии христианской секты несториан.

Усилия православной церкви по укреплению связей с ханской властью увенчались успехом. В 1261 г. при хане Берке, принявшем ислам, была учреждена православная епископия. Первым епископом Сарайским и Переяславским стал Митрофан. Ему подчинялась территория вверх от Сарая по Волге и Дону. В середине XV в. эти епископы назывались «Сарайские и Подонские».

Причин возникновения православной епископии в Золотой Орде было несколько. Увеличивалось русское население на золотоордынской территории; это были не только рабы, но и князья со свитами, купцы, посольства, проводившие здесь иногда годы. Церковь стремилась сохранить всех русских в своем лоне. Кроме того, духовные власти Руси надеялись через сарайскую епископию как-то влиять на политику ханов в отношении русских княжеств. Но и у ханов были свои расчеты: с помощью сарайских епископов укрепить связи с Византией. Второй сарайский епископ Феогност, единственный из русских епископов, присутствовал на Константинопольском патриаршем соборе в 1276 г., где выполнял какие-то дипломатические поручения хана и русского митрополита, а также задавал вопросы по некоторым особенностям отправления церковных служб в кочевых усло-

Бронзовая иконка
с изображением
святых Кирика и
Иулитты.
Округа Укека
(по Л.Ф.Недаш-
ковскому)

виях. В 1279 г. Феогност «...посланъ бо бѣ митрополитомъ к патриарху и царем Менгугемеремъ ко царю Гречьскому Палеологу» [ПСРЛ, 7, с.174]. Таким образом, и ханы, и русские митрополиты использовали сарайских епископов для сношений с духовной и светской властями Византии.

Укрепив свое положение в Орде, русская церковь смогла в какой-то мере противостоять католическому влиянию, но в 1315 г. и католическое епископство появилось в Золотой Орде, первым епископом стал францисканец Стефан. В начале XIV в. здесь было уже 12 францисканских монастырей. В 1336 г. монах Элемозина писал папе, что в Золотой Орде «...насаждена истинная церковь и здесь братья минориты учреждали свои убежища в десяти местах: пять из них в городах, пять в боевых станах и пастушеских таборах татарских... И среди татар, которые пасут свои стада, эти пять убежищ помещаются в войлочных юртах и передвигаются с места на место по мере того, как перекочевывают татары со стоянки на стоянку» [Golubovich, 1909, p.135].

Вероятно, в таких же непривычных условиях находилось и православное духовенство. Об этом говорят вопросы Феогноста к патриаршему Константинопольскому собору: например, можно ли освященную трапезу

переносить с места на место и употреблять при богослужении, как крестить несториан и яковит, которых хотели бы обратить в православие, каков должен быть ритуал крещения татар? «Приходящим от татар и не будет велика съсуда, в чем погружать ему?» [Памятники древнерусского канонического права, 1908, с.129, 136, 138].

Еще один сарайский епископ Измаил выступил проводником политики хана, когда в 1296 г. примирял русских князей на съезде во Владимире, где их судили ханские послы. К 1330 г. относится летописное сообщение «...Пожалова Азбекъ царь Сарайского владыку, даде ему вся по прошенію его и никто его ничимъ да не обидить» [ПСРЛ, 10, с.203]. В 1354 г. византийский патриарх Филофей упоминает о роли сарайского епископа в сношениях Руси и Византии. В обоих случаях имеется в виду епископ Афанасий.

Епископ должен был много времени проводить в ставке хана при его летних кочевках в Поволжье и Подонье. Вероятно, была и постоянная резиденция епископа в одном или обоих столичных городах. Летопись всегда сообщает о поставлении нового епископа «в Сарай», а не «в Орду». Новый Сарай (Царевское городище) ближе к русским землям и там, вероятно, было больше русских. На Царевском городище при раскопках А.В.Терещенко в сер. XIX в. было найдено множество личных православных крестов и иконок [Полубояринова, 1978, с.58–71].

К 1480 г. епископы Сарайские были переведены в Москву в усадьбу Крутицы и стали называться с тех пор Крутицкими.

Кроме церковников, постоянно живущих в городах, упоминаются и другие русские духовные лица, посещавшие Золотую Орду при разных обстоятельствах. Каждый новый русский митрополит должен был явиться к хану за ярлыком, подтверждавшим права церкви. При смене хана вся эта процедура повторялась. В 1357 г. в Орду ходил митрополит Алексей по приглашению Джанибека, чтобы исцелить его мать, ослепшую ханшу Тайдулу. Алексей вылечил Тайдулу, и она подарила ему парадное облачение (саккос) и перстень. Посещали Орду и митрополит Пимен в 1385 г. по дороге в Царьград, прошедший «в судъх по Волзь на низъ к Сараю» [ПСРЛ, 15, с.150] и другие священослужители.

Некоторых из золотоордынцев священники склоняли к принятию православия: крестились знатные татарки, вышедшие замуж за русских князей – дочь Менгу-Тимура, дочь Узбека, крестились татары, переселявшиеся на Русь, перешедшие на службу к русским князьям. Интересно исследованное Е.М.Пигаревым погребение на могильнике Маячный бугор I в Астраханской области. Погребенный подросток похоронен в могиле, выложенной сырцовым кирпичом и с кирпичным закладом, на дне могилы – остатки деревянного гробовища. На погребенном был надет билонный крест с криновидными концами, что говорит о православии. Дата погребения – конец XIII – начало XIV в. В обряде погребения наблюдается смешение мусульманских и христианских традиций [Пигарев, 1994, с.77–80].

Вероятно, православные церкви или часовни появились со временем во всех городах Золотой Орды, где было русское население. Еще хан Гуюк, по сведениям Плано Карпини, позволял православным священникам совершать богослужение «согласно обычаю Греков» в часовне перед своей палаткой [Путешествия, 1957, с.80]. В летописях имеются сообщения о наличии церквей в г. Бездеж (предположительно, Водянское городище), куда привезли тело князя Михаила Тверского, убитого в Орде, и где не позволили поставить его в церкви, а только в церковном дворе, так же, как в г. Маджаре на Северном Кавказе. Следовательно, и в Бездеже, и в Маджаре русские церкви были. Остатков православных храмов в золотоордынских городах пока не найдено, но отдельные предметы церковного оборудования встречаются – фрагменты хоросов, кадильницы. При раскопках Нового Сарая А.В.Терещенко в середине XIX в. были встречены каменные плиты с высеченными на них крестами, возможно, от церковных зданий.

Многочисленные находки крестиков и иконок на золотоордынских поселениях говорят о том, что большинство русских жителей продолжали придерживаться своей религии.

Наглядное подтверждение присутствия русских в золотоордынских городах может дать только археология. Краткое описание объектов, связанных с русскими, будет вестись по памятникам снизу вверх по течению Волги.

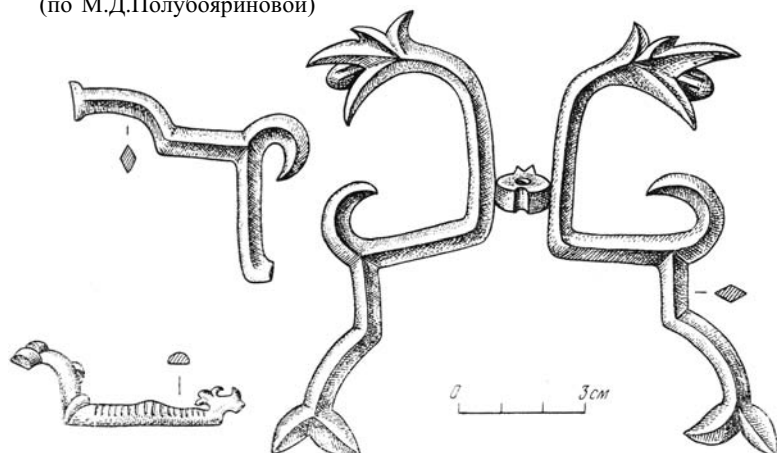

Каменная иконка св. Николы. Укск. XII–XIV вв. (по Т.В.Николаевой)

Селитренное городище (г. Сарай) – дало пока небольшое число находок, связанных с русскими. В основном это предметы православия. Найдена круглая медная иконка с изображением Иоанна Предтечи, входившая в состав деисусной композиции, возможно, вставленной в церковный напрестольный крест. Интересна миниатюрная стеклянная иконка с образом Богородицы с Младенцем на правой руке. Такие иконки изготавливались в Венеции или Константинополе в XIII в., но на Руси они встречаются чаще, чем в Западной Европе. Возможно, иконка принадлежала русскому, но не исключено, что ее привезли католические миссионеры. Здесь был найден также обломок бронзового креста-энколпиона из киевских мастерских XII – начала XIII в. На этом памятнике найдено несколько обломков стеклянных браслетов, русских по составу стекла и два шиферных пряслица, которыми после монгольского нашествия уже не торговали, но которые могли сохраниться у русских женщин.

В последние годы стало известно о находке браконьерами на Селитренном городище княжеской свинцовой печати. Печать по общему облику датируется XIV в. На одной стороне – надпись, говорящая о принадлежности печати князю Константину, на другой –

Детали хоросов. Укек. XIV в.
(по М.Д.Полубояриновой)

фигура святого в рост с крестом перед грудью и надписью «святой Константин».

Царевское городище (Сарай ал-Джадид) дало больше русских вещей, в основном из раскопок А.В.Терещенко. Отметим целый крест энколпион с рельефными центральными изображениями Распятия и Богоматери и гравированными крестами и знаками на верхнем и боковых концах. Такие энколпионы изготавливались на Руси в начале XIII в. Имеются еще две лицевые створки от двух энколпионов конца XII – начала XIII в., медный крест – тельник с шаровидными утолщениями на концах (XI–XIII вв.) и каменный крестик XII–XIV вв. К церковной утвари относится бронзовая цепь и обломок хороса. Упоминается также часть паникадила подсвечника, крышка от кадильницы, т.е. предметы церковного обихода.

При последующих раскопках Царевского городища пока найдены только редкие фрагменты русской керамики и оглавие крестаскладня [Матюхина, 2000, с.216–217, рис.39:2].

Водянское городище (Бельджамен). Русская керамика была зафиксирована здесь в 1963 г. при первом осмотре памятника Поволжской экспедицией. При раскопках выяснилось, что русские и, возможно, болгары были первыми строителями и жителями этого довольно значительного города. Русские обитали в центральной и юго-восточной части сохранившейся площади. В нижних слоях русская посуда составляла до 45% всего керамического материала. Здесь исследованы две

полуземлянки с русской керамикой и найден медный крестик. В этом же районе исследовано кладбище, возможно, христианское.

В раскопах и в подъемном материале было найдено несколько крестов-тельников различной формы XII–XIV вв., бронзовая иконка с изображением Распятия, обломок энколпиона (повторные отливки) и шестиплощадный держатель от церковного хо-

роса. Редкая вещь для русских древностей – миниатюрная литая иконка голубого стекла с изображением св. Николая и русской надписью. Дата: XIII–XIV вв.

На этом же памятнике найдена двухсторонняя каменная литейная форма для отливки двух круглых подвесок – с изображением т.н. «мальтийского креста» и с шестилепестковой розеткой. Оба орнамента характерны для русских подвесок. На боковой грани формы вырезана тамга в виде двух стрелок, подобные знаки встречаются на тарной золотоордынской керамике. Тамга могла принадлежать золотоордынцу – хозяину ювелирной мастерской; или это – тамга мастера, который не был русским.

В последние годы на Водянском городище была найдена лицевая створка медного энколпиона с Распятием в центре, святыми в боковых концах и крестом – в верхнем. Рисунок плоскостной, выполнен способом гравировки и чернения. Форма креста – с расширяющимися концами. Видимо, крест относится ко второй половине XII – началу XIII в. На Водянском городище находят кости свиньи, что также говорит о присутствии здесь христиан, видимо, русских.

Городище Увек (г. Укек) и округа. Из старых раскопок известны складень квадрифолийной формы с Распятием и Богоматерью с Младенцем на троне (XIV в.), иконка с закругленным верхом, изображающая св. Георгия, поражающего змея, обломок креста-энколпиона с Распятием. Две последние вещи являются производственным браком. Л.Ф.Недашковским опубликованы обломок

бракованной иконки, полуфабрикат цепи для паникадила и незаконченная литейная форма для отливки ушка иконки или креста, происходящие из Увека [Недашковский, 2000, рис.30, 18, 25, с.109]. Все эти находки говорят о том, что в Увеке изготавливали кресты и иконки для православных жителей.

С территории города происходит бронзовые крест XII в., прямоугольная иконка со св. Георгием (не ранее XIV в.), половинка складня-квадрифолия, отлитого в одной форме с упомянутым выше. Из каменных изделий отметим образок с изображением Спаса (XIV в.), образок со св. Николаем (XIV в.), образок из розового шифера с сюжетом Жен Мироносиц, образок со Спасом, Богородицею и святым, образок с архангелом византийской работы. В старых публикациях упоминается находка каменной печати овальной формы с изображением зверя и с именем владельца – князя Михаила. Л.Ф.Недашковским опубликованы медный перстень с солярным знаком (свастикой), бронзовый колт, обломок литейной формы для отливки колтов, два круглых в сечении стеклянных перстня, которые обычно относят к русским изделиям, подсвечники для хоросов, кадьница. М.Г.Крамаровским опубликована костяная печать с Увекского городища с русской зеркальной надписью «Семенова печать» [Крамаровский, 1999, с.39–40, рис.2]. Такие костяные печати встречаются в древностях Руси и датируются второй половиной XIII–XIV вв. Две подобных печати найдены в Болгаре. В Увеке отмечаются находки русской керамики.

Поселение Березовка, исследовавшееся в 50-х гг. XX в. А.Е.Алиховой, расположено на р. Усе в районе Самарской Луки, где существовал волок. Это – небольшой поселок второй половины XIII–XIV вв., кроме золотоордынцев в нем обитали русские и болгары. Русская керамика составляет 52,9%. Здесь найдены два киевских креста-энколпиона начала XIII в., каменный крестик-тельник XII–XIV вв. и костяной крест с перекрестиями на концах (по Новгороду – XII в.).

В Березовке раскопан наземный дом, где была русская керамика и костяной крестик, и землянка, также принадлежавшая русским. На памятнике встречены кости свиньи. Дата поселения – вторая половина XIII–XIV вв., причем следы пребывания русских присутствуют одинаково во всех горизонтах.

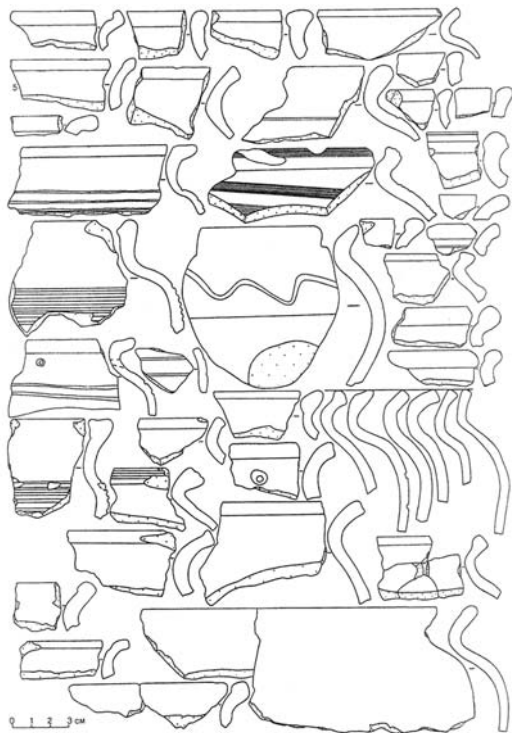
Русская керамика встречена и на других поселениях этого времени по р. Усе – у с. Печерские Выселки и у оз. Рубленное. Русская керамика и энколпион начала XIII в. найдены в комплексе полуземлянки, исследованной А.Е.Алиховой в золотоордынском г. Мохша (совр. Наровчат).

На поселении у с. Губино по правому берегу Волги был найден энколпион начала XIII в., у с. Балаково – змеевик XIII в. с св. Федором Стратилатом.

Из всех городов Золотой Орды **Болгар** наиболее богат находками, связанными с русским населением. Это объясняется близостью к границам Руси и прочными связями Булгарского улуса и Русского государства еще с домонгольского периода. Здесь чаще всего встречаются православные реликвии и древнерусская керамика [Полубояринова, 1993]. Отдельные кресты и образки с Болгарского городища начали собираться еще в XIX в. Таковы каменный образок с изображением св. Николая и семи спящих отроков эфесских XIII в., бронзовая церковная рипида XII–XIII вв., медный образок с Богородицею и обломок креста.

В настоящее время из Болгара известно 12 каменных крестов-тельников (XII–XIV вв.), металлические крестики-тельники (11 экз.) разных типов, в т.ч. 5 с криновидными концами (XII – начало XV в.) и различных других форм, встречающихся в русских древностях этого времени. Крестов-энколпионов, целых и в обломках, найдено 8 экз. Интереснейший из них – бронзовый, украшенный выемчатыми цветными эмалями с изображением св. Николая, иконографии Зарайского. Святой изображен в рост с воздетыми руками, по обе стороны от него русские колончатые надписи, содержащие его имя. Энколпион найден около т.н. «Греческой палаты» – христианского храма – в районе армянской колонии за валами городища.

Из других крестов-энколпионов рубежа XIV–XV вв. один целый недавно найден на берегу Волги близ городища. Он со ступенчатым средокрестием и крестовидными концами [Фасхутдинов, 1999, с.94–95]. В коллекции имеются обломки от двух крестов-энколпионов XII–XIII вв. и XIV–XV вв., оглавия еще двух и крест односторонний, отлитый по оттиску энколпиона XII–XIII вв. Не-

Русская керамика. Уек. XIII–XIV вв.
(по Л.Ф.Недашковскому)

давно на городище была найдена каменная нагрудная иконка с частично сохранившимся изображением двух святых; около одного сохранилась надпись «Евпатий».

Из вещей церковного убранства в Болгаре найден шестилопастной держатель цепи, на который подвешивался хорос, несколько деталей хороса, кадильница XIV в.

Предметами христианского культа не исчерпываются русские находки в Болгаре. Здесь встречены две костяные печати, подобные русской печати из Увека и находкам на русской территории, относящимся к середине XIII – началу XV в. Стекланные браслеты русского состава стекла, некоторые типы стеклянных бус, ювелирные украшения в виде металлических трехбусенных височных колец и перстней с солярным знаком (свастикой) на щитке вполне могли быть предметом торговли. О торговле с Русью свидетельствуют несколько русских монет конца XIV – середины XV в.

Наиболее массовой находкой является русская керамика, которая в разном количестве встречается почти во всех раскопах. Это сероглиняные, реже белоглиняные горшки, трехслойного обжига с примесью крупного

песка в тесте. Кроме них встречаются подобные по форме горшки, но из отмученного теста и лучшего обжига, скучее орнаментированные. Эти сосуды изготавливались, вероятно, под влиянием местного болгарского гончарства.

Русская керамика Болгарского городища зафиксирована в нескольких раннезолотоордынских (середина XIII – начало XIV в.) жилищах, в которых найдены также каменный крестик и шиферные пряслица и, в небольшом количестве, в культурном слое. В позднезолотоордынское время ее фрагменты составляют в слое от десятых долей процента до 4,3%. Исследованы жилища и хозяйственные ямы, где русская керамика составляет до 50%, например, в заречном районе или до 40% в центре города.

Топография находок этой глиняной посуды позволяет наметить места обитания русских в болгарском городе. Выяснилось, что на территории города, ограниченной валами, невозможно выделить участки, где было бы сосредоточено только русское население. Жилища с высоким процентом русской керамики и другими русскими вещами разбросаны по всему городскому пространству, кроме районов сосредоточения сырцовых домов, принадлежавших золотоордынской знати. Заречный район, заселенный с середины XIII в., был занят и мусульманами, и русскими, жившими вперемешку. Многие обитатели жилищ с русской керамикой были ремесленниками: ювелирами, металлургами, косторезами.

В исследованных позднезолотоордынских слоях с разной долей вероятности к русским можно отнести 13 жилищ, из них 4 наземные дома, остальные землянки и полуземлянки. В наземных домах в трех случаях прослежены подполья, в одном – обнаружена глинобитная печь на деревянном опечке. Четыре из углубленных в землю жилищ были землянками глубиной 1,4–1,7 м и площадью 16,5–21,5 кв. м. Стены облицованы бревнами, досками или частоколом. Очаг в центре или в углу. Отмечены столбы, подпиравшие кровлю. Полуземлянок пять, четыре жилые, одна – хозяйственная. Глубина 0,65–1,2 м, площадь 16–24 кв. м. В одном посередине печь, в других очаги. Стены облицованы досками или частоколом. По центральной оси и по краю котлована столбы. Детали конструкции углубленных жилищ обнаруживают сходство с по-

стройками на русской территории, в т.ч. в Северо-Восточной Руси.

На Ага-Базаре, торговой пристани Болгара, были найдены повторные отливки створки энколпиона с изображением в центре св. князя Бориса (оригинал XII–XIII вв.) и обломок от креста со ступенчатым средокрестием, подобного описанному выше (XIV–XV вв.). Кроме того, на Ага-Базаре найдено 3 каменных образка: с двумя святыми, со св. Стефаном (с надписью на обратной стороне), со святым-воином (обломок, надпись стерта).

На **Биярском городище** найден нижний конец креста-энколпиона с поясным изображением двух святых (XIV–XV вв.). Не исключено, что эти находки происходят из III Биярского селища.

Приведенные находки с золотоордынских памятников показывают, что наиболее надежным показателем присутствия русского населения служат предметы православного культа и керамика. Показательны также отдельные русские вещи, а также кости свиньи, которые в мусульманском городе могли быть оставлены только христианами. Найденные личные вещи – кресты-тельники, энколпионы, нагрудные иконки характерны для русских земель, где они первоначально и изготавливались. Большая часть этих предметов являются повторными. Изображение при следующих отливках получалось еще более нечетким, по краям изделия часто заметны литейные заусенцы. Изготовление крестов и иконок таким способом на месте объясняет тот факт, что вещи, датирующиеся в русских древностях более ранним временем, археологи находят в слоях XIV – начала XV в., когда ремесленные центры, где был изготовлен оригинал, уже не существовали или изготавливали другие типы. Встречаются и более поздние находки, которые могли привозиться из русских городов в XIV в. для продажи соотечественникам, живущим в Золотой Орде. С них тоже делали копии. О местном производстве христианских реликвий говорят находки каменных литейных форм для изготовления иконок и крестов, например, в Увеке.

Безусловно, к русским относятся предметы церковного оборудования – детали хоронов, кадилыницы, держатели и цепи лампад.

Керамика во все эпохи была наиболее традиционной частью быта. Русская глиняная посуда по цвету, качеству, формам резко выде-

ляется среди золотоордынского керамического материала. Ее могли изготавливать русские гончары, используя свои приемы заготовки теста, формовки сосудов и их обжига. В Болгаре встречены горшки русских форм, по тесту близкие к болгарским и лучшего обжига. Эти сосуды могли изготавливать болгарские гончары в маленьких мастерских специально для русских жителей или русские мастера, перенявшие технологию у болгар. Интересно, что в Увеке тоже выделена подобная керамика [Недашковский, 2000, с.111].

Помимо этого массового материала, на присутствие русских указывают такие уникальные находки, как княжеские и другие печати, писала.

Различные металлические и стеклянные украшения русского типа могли принадлежать русским, а могли быть товаром. В золотоордынских слоях особенно часто встречаются медные перстни с солярным знаком (свастикой) на щитке и следами светлой эмали, иногда – с изображением руки. Такие перстни делали в новгородской мастерской конца XIV в., возможно, что часть находок из Поволжья отлита на месте по образцу купленных у новгородских купцов.

Особенно много находок, связанных с русскими, происходит с территории Булгарского улуса Золотой Орды. Это объясняется не только территориальной близостью Руси и Волго-Камского региона, но и домонгольскими связями, в т.ч. и торговыми, этих двух стран.

Иудеи в Золотой Орде

Игорь Волков, Александр Кадырбаев

Присутствие иудейского населения в Восточной Европе известно задолго до монгольского завоевания, но оно концентрировалось преимущественно в Причерноморье, на Кавказе и в Средней Азии. Связано это было с тем, что еврейские общины играли самую активную роль в международной торговле.

По письменным (в первую очередь, эпиграфическим) источникам иудейские общины в Фанагории и вообще на Боспоре известны, по крайней мере, с III в. н.э. [Даньшин, 1993; Соломоник, 1997], но большинство имеющихся памятников позволяет делать двойственную интерпретацию. В частности, большинство надгробий, которых на Тамани известно около 60 [Соломоник, 1997, с.18], не имеет дат в надпи-

сях и надежной стратиграфической датировки [Даньшин, 1993, с. 71]. Более поздние письменные источники немногочисленны. Датированная 905 г. приписка Пятикнижия из Карасубазарской синагоги упоминает Матарху, Каракубан и Тохт [там же], но этот источник вполне может быть поздней подделкой. Присутствие евреев в Крыму фиксировали еврейские путешественники XI–XII вв. Иудеями, возможно, были те «хазары», которые благополучно жили в Тмутаракани при русских князьях. Причем не все иудеи уже в то время были евреями. Так, еврейский путешественник рабби Петахья (Птакия) из Регенсбурга в XII в. среди кыпчаков Приднепровья встретил евреев-сектантов и караимов-ананитов. Некоторые исследователи именно с ними связывают появление тюркоязычных караимов в Крыму.

Топонимика Северо-Восточного Кавказа также сохранила много названий, связанных с иудеями (горными евреями – тагами), появление общин которых здесь датируется эпохой поздних Сасанидов – правителей Ирана – накануне арабского нашествия в середине I тысячелетия н.э., в частности в Дербенте, и усиливается во время Хазарского каганата. Широкое распространение иудаизма на Кавказе связано с политикой Византийской империи, направленной на насильственную христианизацию своей иудейской общины, когда многие иудеи нашли приют у хазарского кагана, бежав «из Рума (Константинополя. – *И.В., А.К.*) в страну хазар» [Аликберов, 2003, с. 454–460]. Известно, что еще в конце VIII – IX вв. произошло обращение правителя-кагана и знати тюркского Хазарского каганата, охватывавшего территории, впоследствии ставшие владениями Золотой Орды – Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Южную Русь, в иудаизм, в чем свою роль сыграли еврейские купцы.

На Руси иудейская община зафиксирована начиная с X века, со времени правления великого князя Владимира Святославича, с именем которого связано православное крещение Руси. В стольном городе Киеве был богатый торгово-ремесленный еврейский квартал [Краткая еврейская энциклопедия, 1982, с. 253]. Отношения иудейской общины с православным населением было различным. Постоянное недовольство вызывала зависть к богатствам общины, которая занималась, в частности, ростовщичеством. Также

неприятие населения, к тому времени в основном уже принявшего православное христианство, вызывала религия общины, не признающая Иисуса Христа и оппозиционная христианству. В 1239 г., во время штурма и взятия монгольскими войсками Киева, иудеи пострадали, как и все жители города, от погромов завоевателей и бежали на запад – в Польшу и Венгрию. Впрочем, в Галицко-Волынском древнерусском княжестве иудейские общины остались и мало пострадали от монгольского завоевания, что, возможно, связано с изменением к этому времени тактики завоевателей.

В определенной степени следствием монгольских завоеваний и образованием единой Монгольской империи стало широкое расселение иудейских общин в основных городах и торговых пунктах по маршрутам оживленных караванных путей из Китая в Европу. После монгольских завоеваний произошли значительные перемены, связанные с переселением больших групп людей с Востока на Запад и с Запада на Восток. Вероятно, еврейские (иудейские) общины были вовлечены в эти миграционные процессы. Во всяком случае, посол римского папы Платин Карпини, совершивший в 1242 г. длительное путешествие через степи Восточной Европы и Центральной Азии в Каракорум – столицу Монгольской империи, называет среди тех, кого монголы «подчинили... которые суть иудеи» [Путешествия, 1993, с. 51].

Это не удивительно, поскольку в отличие от большинства европейских христианских стран, где на евреев смотрели как на эксплуататоров, злых колдунов, чернокнижников и отравителей, в многоэтничных городах Улуса Джучи и население, и правящая золотоордынская элита потомков Чингиз-хана, выполнявших требования Йасы о терпимости к представителям разных вероисповеданий, относились к иудеям лояльно. В Золотой Орде духовенству всех религий, в том числе православной и иудейской, был создан льготный режим, который сохранился и после принятия ислама в 1312 г. золотоордынским ханом Узбеком в качестве государственной религии. Духовенство было освобождено от выплаты дани и получило защиту от золотоордынских властей своего церковного имуществва, что несколько необычно для мусульманской империи, поскольку в государствах,

где господствовал ислам, «неверные», т.е. немусульмане, были обязаны платить налог, называемый «джизья», за право исповедовать свою веру. Но Улус Джучи был исключен из этого правила.

Наличие иудейских общин в различных золотоордынских городах фиксировали уже первые европейские путешественники. Так, Гильом де Рубрук в 1253 г. свидетельствует о городе Самарон между Дербентом и Шемахой на Кавказе, землями, которые оспаривали друг у друга ханы Улуса Джучи и монгольские правители Ирана и Ближнего Востока – ильханы Хулагуиды, где «живет много иудеев...» [там же, с.166].

Заметно усилились иудейские общины в районах традиционного их обитания в Северном Причерноморье и Западном Предкавказье, и этому есть свидетельства. После установления стабильной централизованной власти золотоордынских ханов иудеи начинают регулярно фигурировать в нотариальных актах, касающихся Приазовья, а в самом Азаке существовал еврейский квартал, называемый на венецианский манер Джудеккой. Источник иммиграции прозрачен – Крым и Причерноморье в целом. Наиболее значительная еврейская колония находилась в Севастополе (Сухуми) [Карпов, 1990, с.298–299]. «Устав 1449 г.» фиксирует значительное количество евреев на территории Кафы [Соломоник, 1997, с.10].

С XIII в. расширяется и число караимов в Крыму, где они обитают вместе с евреями-раввинистами. Так, посетивший Крым в начале XIV в. И.Шильтбергер, писал, что «От Каффы зависят четыре города, расположенные на берегу моря, где есть два рода евреев, имеющих две синагоги в городе и четыре тысячи домов в предместье» [Шильтбергер, 1984, с.45]. Караимские общины в это время были известны не только в Кафе, но и в Солхате, Кырк-Ере (Чуфут-Кале), Мангупе, причем караимы, как и ортодоксальные евреи, занимались в Крыму преимущественно ремеслами и мелкой торговлей.

Экзотическая религия могла распространяться даже среди итальянских колонистов. Примечательно, что это не всегда отражалось в именах ее носителей, как было в античное время [Даньшин, 1993, с.68–69]. Например, большая часть иудеев, упоминающихся в итальянских источниках, носит мусульманские

или христианские имена: Юсуф, Исмаил, Иоанн сын Андрея [Карпов, 1990, с.298–299, прим.172–174].

Еще более показателен владетель Матреги, а затем обитатель Копы Захария Гвизольфи, которого на основании имени совершенно невозможно признать за носителя (или хотя бы последователя) этой религии. Известно, что он был сыном Винченцо и внуком Симоне де Гвизольфи, происходившим от брака Винченцо и Бике-ханум, дочери адыгского князя Берозоха [Лавров, 1957, с.17–18]. Однако в русских источниках, касающихся его переписки с Иваном III, он именуется и «князем таманским» [Сборник РИО, 1884, с.73, 77] и «черкасином» [там же, с.114], и «фрязином» [Сборник РИО, 1895, с.309], и прямо «евреинном» или «жидовином» [Сборник РИО, 1884, с.41, 71–72].

Яркое свидетельство распространения евреев в низовьях Кубани относится к концу XV в., когда здесь жил Джорджио Интериано. В его сочинении, впервые опубликованном в Венеции в 1502 г., дается достаточно подробное этнографическое описание адыгов из плавней Кубани и среди прочего указывается: «Они не имеют письменности и не пользуются никаким алфавитом ни собственным, ни иностранным. Священники у них служат по-своему, (употребляя) греческие слова и начертания, не понимая их смысла. Когда же случается им писать кому-нибудь, хотя это бывает очень редко, то большею частью пользуются услугами евреев и еврейскими письменами, но чаще передают друг другу вести на словах, через посланцев» [Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974, с.48]. Позднее свидетельства присутствия евреев в приморских городах Тамани и Темрюке становятся регулярными.

Археологические подтверждения присутствия евреев в западной части Улуса Джучи немногочисленны. Одно из них – фрагмент амфоры предположительно середины XIII в. из окрестностей Анапы [Волков, 2002, с.42–45]. На фрагменте расположена еврейская надпись – с именем Ицхак.

О присутствии евреев восточнее сообщения отрывочны. Например, Ибн Баттута при описании Маджара отметил: «...я увидел еврея, который приветствовал меня и заговорил по-арабски. Я спросил его, из какой он страны, и он сообщил, что он из земли Андалуз-

ской, что он прибыл оттуда сушей, а не ездил морем, и проехал через Константинополь Великий, через Румские земли и страну черкесов» [СМИЗО, 1884, с.288], Этому путешественнику также принадлежит сообщение о существовании еврейского квартала в Сарае. В географическом сочинении ал-Омари зафиксировано, что в городе Хорезме есть только 100 домов иудеев и 100 домов христиан, а больше им иметь не дозволено [там же]. Под христианами здесь, скорее всего, подразумеваются сирийцы-несториане. Почти дословно эта информация повторена в «Географии» ал-Калкашанди [Григорьев, Фролова, 2002, с.282–283]. Хотя до конца не ясны причины этих ограничений, понятно, они были связаны с принятием при хане Узбеке ислама в качестве государственной религии. Вместе с тем, очевидно, что этим общинам было предоставлено много льгот во владениях Джучидов, в частности, право без ограничений исповедовать и распространять свою веру – иудаизм, а также заниматься традиционными для них видами экономической деятельности.

Довольно значительной была роль иудеев в ордынской политике на Руси. Связано это с тем, что ханы Золотой Орды стали привлекать иудеев на службу, поручая им вместе с мусульманами, служившими монгольским ханам, роль баскаков, т.е. сбор налогов с населения древнерусских городов, что еще более усиливало ненависть к мусульманским и иудейской общинам, и во время антиордынских восстаний это выплескивалось на всех мусульман и иудеев. Уже во второй половине XIII в., когда монголы установили свою власть на Руси, киевские князья с их разрешения приглашали иудеев селиться в Киеве [Солженицын, 2001, с.4–5]. В XV веке, накануне распада Золотой Орды, русские летописи упоминают о евреях – сборщиках податей в Киеве, обладавших значительным имуществом. В это время, в 1470 (или 1471) г., московский православный иерарх Иосиф Волоцкий в «Книге на еретики» сообщал, что в свите князя Михаила Олельковича из Великого княжества Литовского в земли, подвластные ордынцам, прибыл «жидовин именем Схариа». «Жидовин» был «изучен всякому злодейства изобретению, чародейству же и чернокнижию, звездозаконию же и астрологы». Православные церковники обвинили Схарию в том, что он проповеде-

вал иудаизм, который под влиянием его речей приняли несколько православных священников.

Таким образом, иудеи сыграли определенную роль в истории Золотой Орды, что, возможно, в известной степени было отражением традиции, восходящей еще к Хазарскому каганату. Хотя евреи не были заметны в ближайшем окружении ханов, правителей Улуса Джучи, все же их представители стали промежуточным звеном власти между ордынцами и православным восточнославянским населением, с которого завоевателями им был поручен сбор налогов. Однако иудеи в Золотой Орде и подвластных ей землях – это не только чиновники-баскаки, сборщики налогов, ростовщики и купцы, но и врачи-лекари, астрологи, духовные лица, обладающие способностью обращать в свою веру представителей других религий, оставившие свой след в симбиозной золотоордынской культуре.

После распада Улуса Джучи еврейское население сдвигается в районы более спокойные – в города и местечки южных приграничных областей Польско-Литовского государства, а также в Крым.

Армяне

Игорь Волков

Общепризнано, что значительную часть горожан в Крыму составляли именно армяне. Этому вопросу посвящена многочисленная литература [Якобсон, 1956; Микаелян, 1965; 1974; Корхмазян, 1978; Домбровский, Сидоренко, 1978, с.55–78]. Хотя появление здесь первых переселенцев относится к домонгольскому времени, очевидно, что массовое движение армян в Крым из Закавказья началось именно в XIII–XIV в. в связи с захватом этих областей Хулагуидами [Якобсон, 1956, с.60].

На северной окраине Золотой Орды, в городе Болгаре, в XIV в. существовала армянская колония. Археологически исследована «Греческая палата» – остатки армянской церкви и прилегающая к ней территория с могильником, в котором преобладал «арменоидный тип» погребенных [Смирнов, 1958, с.343–344]. На территории Волжской Булгарии найдена серия армянских надгробий, часть которых имела и арабские надписи [там же, с.331]. Основание этой колонии (как и в

Новгороде Великом и Киеве) может быть отнесено еще к X в. Между тем, все реальные находки относятся именно к XIII в.

Общественная архитектура Золотой Орды является продолжением традиций «сельджукского» стиля почти на всей территории государства [Смирнов, 1958, с.330–331; Зиливинская, 1991, с.12–22]. Архитектурный декор Золотой Орды находит близкие аналоги также в памятниках «сельджукского» стиля. При этом существенно, что в формировании «сельджукского» стиля армяне принимали весьма деятельное участие [Марр, 1934, с.36–37; Орбели, 1978, с.4–5]. Например, Тагавур ибн Стефан был строителем сельджукского медресе в Малатии, в Иконии работал архитектор Балует [там же]. Этот список может быть дополнен Калояном (Галояном), Гелуком ибн Абдаллахом и другими [Хачатрян, 1987, с.43]. Вполне вероятно, что среди архитекторов, упоминаемых в малоазийских надписях, было намного больше армян, т.к. в их среде легко воспринимались мусульманские имена [Grenard, 1901, p.551]. Это же явление получило распространение в Крыму в сходном виде – здесь в армянской эпиграфике начинают появляться тюркские имена [Якобсон, 1956, с.58].

Известно, что в Азаке был армянский квартал. О существовании, по крайней мере, одной армянской церкви в Азове, построенной в честь Святого Григория Просветителя, сообщается в трех памятных записях армянских рукописей, находившихся в Азове [Фомичев, 1992, с.49; Памятные записи, 1950, с.329–330]. Известно, что в 1341 г. (при хане Узбеке) настоятелем в ней был Тер Саргис, сын священника Тер Мануэля, видимо, служившего здесь же. При церкви Григория Просветителя работал также и писец Тертер Ереванци, оставивший одну из записей. Кроме того, известно, что в конфликте 1342 г., происшедшем в Азаке между венецианцами и татарами, пострадали армянские купцы, а после восстановления отношений хан уста-

Армянское надгробие. Крым. XIV в. ГЭ

новил специальный налог на венецианские товары для покрытия ущерба [Сборник венецианско-генуэзских грамот, 1860, с.183]. Армянская церковь и прихожане в Азове фигурируют при описании конфликта, происшедшего в 1355–1356 гг. между митрополитом Алании Симеоном и священниками Таны [Древние акты, 1867]. Можно уверенно говорить о существовании армянской архитектуры в золотоордынском Азаке.

Не только архитектурный декор, но и вообще резные каменные изделия в городах Золотой Орды несут черты «сельджукского» стиля, распространенного в Крыму и Закавказье и, возможно, также связанного с резчиками – выходцами из Закавказья и Анатолии, в том числе и армянами. Сходные орнаменты использовались для декора многочисленных каменных надгробий из Маджара и Азака. Золотоордынские изделия из резного ганча также находят прямые аналогии на территории Армении, в Двине [Федоров-Давыдов, 1976].

На сходство золотоордынской керамики с закавказскими и персидскими образцами исследователи неоднократно обращали внимание [Якобсон, 1950, с.112–114; Федоров-Давыдов, 1976, с.126–128]. В Сарае ал-Джадид работал гончар, носивший армянское имя Саркис, скорее всего, переселенец из Армении [Крамаровский, 1978]. Находки с клеймом этого мастера происходят с Царевского, Селитренного и Водянского городищ, а аналогичная продукция без клейма устойчиво достигала Азака. Следовательно, и здесь не обошлось без мастеров из Закавказья и соседних с ними областей.

Армянское надгробие. Болгар.
Середина XIV в. БГИАЗ

Одним из ярких примеров такого переселения было движение общины армян, засвидетельствованное памятной записью одной из рукописей Матенадарана [Микаелян, 1974, с.13–14; 1965, с.17–27]. В 90-х гг. XIII в. значительная их масса переселилась с территорий, подвластных Хулагуидам, в Золотую Орду, на Волгу. На новом месте они основали колонию возле Ак-Сарая. В 1299 г. эта община снова переместилась, теперь в Азак, а в 30-х гг. она переселилась в юго-восточный Крым, где колонии этого населения утвердились значительно раньше, еще в 80-х гг. XIII в. [Сидоренко, 1988, с.116]. Как уже было отмечено, часть армян продолжала жить в Азове и после этого. Писец Тертер Ереванци приехал в Азов из Еревана незадолго до 1341 г. по морю через Кафу [Памятные записи, 1950, с.329–330]. В Сарая также осталась часть переселенцев (именно там было написано Евангелие, привезенное в Азов в 1319 г.) [там же]. К сожалению, по таким примерам трудно представить реальное соотношение пришлого и местного населения в XIV в.

Более определенные сведения есть для XV в., когда, например, в Кафе армяне составляли около 65% населения, тогда как греки, караимы и татары – всего 15%, а генуэзцы – около 4% [Абрамян, 1973, с.25;

Mal'owist, 1939, p.40]. Город Азак не был временным пристанищем армян. Многочисленная их община существовала здесь, по крайней мере, до погрома Тимура 1395 г.

Интересные наблюдения дает эпиграфика Старого Крыма. С этого памятника происходит самая значительная коллекция погребальных надписей, на части из них указано происхождение покойных. Всего таких случаев зафиксировано 18, из них крымское происхождение отмечено только для 10 человек, в остальных 8 случаях мы имеем дело с выходцами из Малой Азии, Сирии, Ирака, Средней Азии [Акчокраклы, 1927; 1929]. Конечно, даже в случае указания нисбы происхождение погребенного нельзя считать безусловным: известны случаи, когда это дополнение к имени давалось по причине частых поездок в какой-либо заморский город [Гойтейн, 1981, с.42]. Но ошибки такого рода, видимо, компенсировались крымскими нисбами освоившихся на месте переселенцев. Например, на одном из надгробий Старого Крыма упомянут Хусейн, сын Айваза Крымского [Акчокраклы, 1929]. А эмигранты второго поколения получали местную нисбу [Акчокраклы, 1927].

После распада Улуса Джучи и гибели большинства поволжских городов армянское население перемещается в более спокойные регионы – в Крым, Казанское ханство, где в Казани существовала Армянская слобода, а также в города и местечки южной и юго-восточной части Великого княжества Литовского. Здесь образовалась со временем весьма значительная армянская община, которая сохраняла некоторые элементы городской культуры Улуса Джучи, например, долгое время члены этой общины вели переписку и составляли основные бумаги на татарском (поволжский тюрки) языке, но писали на армянской графике (см., например: [Абдуллин, 1974, с.166–185; Гаркавец, 1981, с.76–80]). Подобный культурно-языковой феномен не мог сложиться нигде, кроме как городах Улуса Джучи и служит важным показателем золотоордынской цивилизации.

Язык кыпчакского типа господствовал в городах Улуса Джучи, но пришлого населения было очень много, и распространение этого языка прошло во многом благодаря разноэтничности эмигрантов, в среде которых татарский язык стал городским койне.

Католические общины

Марк Крамаровский

Средоточием латинского присутствия в золотоордынском Крыму с 1260-х гг. становится Кафа. Вероятно, уже в XIII в. латинская община построила здесь церковь Девы Марии, разрушенную в 1308 г. [Balard, 1978, I, p.206]. В регистрах Массарии Кафы (за 1381 и 1386 гг.) упомянуты два храма, посвященные Деве Марии, два храма св. Доменика, храм и часовня св. Георгия, церкви св. Лаврентия, св. Анны флагеллантов, св. Николая, св. Катерины, св. Даниила, св. Антония, св. Креста, св. Иерихона, св. Ангела, св. Лазаря, св. Симона, св. Кириака, св. Христа. В бургах находились церкви св. Михаила, св. Франциска, св. Иоанна. В Уставе Кафы 1449 г. перечислены 18 храмов, добавляющих к перечисленным храмы св. Агнессы (соборный с 1318 г.), св. Марии Магдалины, св. Клары и св. Марии Коронато [там же, p.213; Устав, 1863, с.704–706]. Высшей законодательной властью в городе (статус города – *civitas* – Кафа получает в 1322 г. от папы Иоанна XXII) обладало Народное собрание. В его компетенцию входили вопросы строительства, водоснабжения и бюджета коммуны. Городское управление состояло из двух Советов – Большого (24 члена) и Малого (6 членов). Они избирались на один год из латинян и представителей нелатинской общины в соотношении 5:1. Общественной казной ведали два казначея, чьей обязанностью было вести приходно-расходные книги. Во второй половине XIV в. *clavigerii* (ключники) были заменены *массариями*, входившими в состав Большого Совета. В полномочия Малого Совета входил контроль за деятельностью чиновников, работой которых руководили синдикки. Главой исполнительной власти являлся консул, назначавшийся из Генуи на год или два. Ему же принадлежала и судебная власть в колонии. Ответственность за порядок в городе принадлежала кавалерию и капитану бургов. Последние опирались на наемную стражу, в том числе и на конный отряд во главе с капитаном *оргузиев*. С 20-х гг. XV в. в Кафе чеканится собственная двуязычная монета. В год падения Константинополя (1453) контроль над Кафой и крымскими колониями генуэзцев переходит к Банку св. Георгия. В этой связи крест св. Георгия, офи-

циальный символ латинских факторий, уступает место изображению св. Георгия.

В Солхате латиняне появляются в последней четверти XIII в. Акты генуэзского нотариуса Ламберто ди Самбучето, проработавшего в соседней Кафе три года (с июля 1288 г.), дают некоторое представление о его солхатских клиентах [Balard, 1973, p.138, 151]. Среди них торговец воском Барнабо ди Моньярдино, владелец портняжной мастерской Франциск и его жена Юлиана, кузнец Паоло из Пьяченцы, женатый на русской женщине по имени Франческа и др. Возможно, к 1290-м гг. здесь уже существовал генуэзский квартал, поскольку в нескольких документах упомянуты жители «генуэзского Солхата». Генуэзские интересы в городе защищало консульство, подчиненное Кафе. Согласно *Ordo de Caffa* (1316 г.), консул Солхата в виде исключения назначался из Кафы (а не выбирался на месте, возможно, из-за малочисленности общины). По мере усиления противоречий между Солхатом и Кафой жизнь латинян в городе становилась все менее безопасной, и в период открытой войны 1385–1386 гг., называемой в некоторых документах «*Bellum de Sorcati*», генуэзский квартал вряд ли существовал. Во всяком случае, среди восьми секретных осведомителей каффинского «резидента» Пьетро из Валенсии, действовавших в городе в пользу консулата, латинян как будто нет. В настоящее время трудно определить место расположения латинского квартала на плане средневекового города. Судя по акварели Жака Бальтазара Де Траверса (лист из собрания галереи Кайо в Париже), еще в 1780-е гг. городской силуэт Эски-Крыма украшала генуэзская башня, увенчанная характерной для XIV в. крышей смотровой площадки с мерлонами на консолях. Естественно думать, что утраченная в наши дни башня принадлежала к комплексу генуэзского подворья, вокруг которого и группировался «латинский квартал». Его предполагаемое место – неподалеку от дороги на Кафу между застройками исламской и еврейской общин. Подворье (историк XVIII в. Одерико называет его «замком Кирма» – «*Castello Kirma*») в 1430 г. было захвачено татарами Крыма, а после поражения Карло Ломеллино в 1437 г. вообще прекратило свое существование. Одерико приводит

Судакская крепость

сведения о фрагменте закладной (?) плиты с генуэзским крестом и гербом консула с изображением стоящего («геральдического») льва. Греческая надпись, выбитая, видимо, не позже 1464 г., сообщает, что плита «снята с замка Кирма». Пока список бесспорных материальных свидетельств жизни латинян в Солхате невелик. Возможно, к латинской группе находок должна быть отнесена бронзовая прикладная печать мастера-металлиста, кузнеца, судя по изображению молота и наковальни [Крамаровский, 2005, с.123, кат. №710]. Две другие находки – остеклованная подвеска-брелок из смальты (?) с изображением филина, расправляющего крылья; птица сидит на трехчастном цветке. Как и в Солдае, находка из Солхата происходит из одного из вспомогательных сооружений стекольной мастерской. Мы не располагаем данными, позволяющими утверждать о принадлежности мастерской стеколяру-латинянину, но и исключать такой возможности нельзя. Другая находка – фрагмент стеклянной ручки сосуда с росписью эмалями (не опубликована). Напомним еще и о находке итальянского стеклянного кубка с эмалями и геральдическими щитами в пригороде Солхата на поселении Бокаташ II [там же, с.124]. Разумеется, латиняне были и в других городах Золотой Орды, в том числе и Сарае, где функционировало католическое епископство; в 1362 г. епископом служил трапезундский минорит Косьма. В керамическом комплексе

городов и поселений Золотой Орды латинский компонент выражен не слишком убедительно. На Селитренном городище был найден фрагмент амфоры с оттиском европейского (может быть венецианского) клейма с изображением льва и латинской круговой надписью «Лагуна святой Марии...» [Волков, 1992]. Небольшая группа итальянской столовой посуды (два молочника), принадлежащая типу полумайолик (*mezza maiolica*) – обнаружена в Азаке [Белинский, Масловский, 1998, с.28–32, рис.7; Крамаровский, 2005, с.124, кат. №613, 619]. В Белгороде-Днестровском, Азаке и Крыму найдены фрагменты люстровых сосудов из Валенсии [Кравченко, 1986, с.99–103; Коваль, 1998; Тесленко, 2004]. В кладах Крыма и могильниках Северного Кавказа латинские изделия из серебра, в т.ч. привозные поясные наборы, сосуды, но также и наперстные католические крестики местной работы представлены несколько более полно [Крамаровский, 2001, с.120–124, 140–156, 157–161]. В этой группе вещей выделяется редкая находка на плато Мангупа – золотой перстень-печать с гербом известной генуэзской семьи Спинола [там же, с.162–168, рис.84].

Из христианских общин золотоордынских городов одно из самых заметных мест принадлежит православной. Греки, русские, а также принявшие православие турки и представители других этносов были неотъемлемой частью населения Золотой Орды. В Кры-

Асперы Улуг-Мухаммада и Хаджи-Гирея

му преобладали греческие общины. Мощным центром православия продолжает оставаться поздневизантийский Херсон. До конца XIII в. продолжается активная жизнь городов Готии. На городище Эски-Кермена до гибели города в конце XIII в. известны раннесредневековая базилика и пристроенная к ней в XIII в. часовня, храм «Донаторов» с фресками, созданными, возможно, константинопольским художником [Якобсон, 1964, с.101], и замечательный скальный храм «Трех всадников» (середина XIII в.). В росписи этого храма св. Георгий изображен как триумфатор, драконоборец и «освободитель пленных» [Степаненко, 2003, с.452–457]. Активная жизнь христианских общин подтверждена археологическими раскопками на городище Бакла, Тепе-Кермена, Алушты, чья городская площадь в XIII–XIV выросла до 3 га [Мыц, 1991, с.152]. В данном контексте любопытно отметить ремонт и обновление XIV в., проведенные в церкви Иоанна Крестителя (XII в.) в Керчи – Воспоро. Ни в одном из этих городов археологами не обнаружено ни русского слоя, ни русской керамики. Наиболее показательна с точки зрения соседства с исламскими кварталами жизнь православной общины Солхата. Как мы помним, Эвлия Челеби отметил для греков и армян пять городских кварталов. Едва ли греческих было более двух в XIV в. О месте греческой общины на плане города можно судить по храму в северозападном секторе городища рядом с армянскими кварталами. Храм бесстолпный, однефный, базиличного типа [Крамаровский, 2005, с.68–76, илл.1, план]. В плане представляет собой прямоугольник с размерами интерьера 4,55x6,74 м; толщина стен 0,87 м. Полукруглая апсида занимает почти всю ширину здания. Храм состоит из основного объема и притвора. Размеры притвора

4,1x5,1 м; толщина стен 0,6 м. Южная стена храма оказалась снабжена двумя аркосолиями, в которых были помещены склепные ниши. Оба аркосолия конструктивно схожи, но восточный крупнее. Снаружи аркосолия обозначены стрельчатым завершением [Крамаровский, 2005, с.124]. Склепы были использованы как фамильные усыпальницы, в одной из которых обнаружена створка литого бронзового энколпиона киевского типа. Базилика размещалась на месте кладбища и, вероятно, использовалась как часовня. Фундамент и нижние кладки перекрывают предшествующие храму безинвентарные погребения. Археологические наблюдения позволяют датировать храм серединой XIV – началом XV в. Ряд погребений, вскрытых со стороны апсиды, содержали по несколько (до 3–4-х) костяков, что указывает на недостаток места для развития некрополя в период доминирования исламской общины города. Представляется важным, что крупное поселение близ юго-восточной границы города Бокаташ II, где располагался один из ремесленных пригородов с развитым гончарным районом и некрополем [Крамаровский, Гуккин, 2004], был, судя по обряду погребения, заселен православным населением и, скорее всего, христианизированными тюрками. В сезоне 2004 г. здесь было открыто мужское захоронение XIV в. со створкой энколпиона сирийского типа XII – начала XIII в. с греческой надписью [Крамаровский, 2005, с.75, прорисовка]. В культурном слое поселения с монетами XIV в. (в т.ч. Византии, Трапезунда, Болгарии и Эпира–Лепанте) найден хлебный штамп с изображением равноконечного креста, выполненный из обожженной глины. Есть основание утверждать, что на поселении существовал христианский храм.

ГЛАВА 6

Военное дело Улуса Джучи

§ 1. Вооружение

Комплекс вооружения: традиции и инновации. Улус Джучи возник в результате военных походов и завоеваний и в сражениях же погиб. Вся история этой средневековой империи во второй половине XIII – начале XV в. была историей войн, междоусобиц и битв. Не удивительно, что эта эпоха стала временем сложения и развития оригинального комплекса вооружения, военного искусства и освоения военно-технических новинок.

Складывался он строго на основе принесенных с Востока, в основном из Центральной Азии, тюрко-монгольских традиций оружия, но восточноевропейская среда с ее развитым ремеслом и торгово-ремесленные связи, особенно с мусульманской Средней Азией и Ближним Востоком – все это не могло не сказаться и сказалось на развитии золотордынского оружейного комплекса. Дело в том, что в Восточной Европе завоеватели застали мощные и передовые для своего времени военные и ремесленно-оружейные традиции. Причем характерно то, что, несмотря на этноконфессиональные различия и государственную обособленность, многие черты вооружения и военного дела разных народов и государств Восточной Европы оказались сравнительно близкими и все вместе «противостояли» традиции центральноазиатской, принесенной и внедряемой завоевателями.

Действительно, какую бы военную традицию Восточной Европы мы ни рассматривали, везде мы увидим практически единый тип защитного вооружения, близкий набор наступательного оружия. Это, разумеется, касается, прежде всего, снаряжения основной военной силы того времени – конных дружин владык этих территорий, будь то Хорезмшахи или дагестанские владетели, русские князья или болгарские эмиры, кыпчакские ханы или беки Черных Клобуков, аланские ардары или черкесские пши. Везде в конце XII –

Михаил Горелик, Искандер Измайлов

начале XIII в. мы видим господство в защитном вооружении кольчуги с добавлением ламеллярного короткого панциря, сфероконического шлема с кольчужной бармицей, дощатых щитов каплевидной, а все чаще – круглой и треугольной формы. Типы и формы боевых топоров и булав, копий и луков все более унифицируются. Предпочтение сабли или меча различает не столько этнокультурные массивы (хотя, скажем, предпочтение сабли для юго-востока, особенно степи, как предпочтение меча на северо-западе региона – факт безусловный), сколько локальные, часто орнаментально-стилистические, изменяющиеся вместе с меняющимися мировыми военно-политическими обстоятельствами традиции.

В период завоевания и становления военно-административной и клановой системы Улуса Джучи здесь стал формироваться новый комплекс вооружения. Особенностью его стало то, что войска Бату, пополняемые за счет завоеванных народов, вступили в прямой контакт с местными военными традициями. Особенностью этой системы являлось то, что местные воинские контингенты, включенные в военную систему Улуса Джучи, явно преобладали. Недаром Рашид ад-Дин прямо указывает на доминирование в войсках Джучи не монгольских, а тюрко-татарских (в первую очередь, кыпчакских) контингентов. Характерно также упоминание среди войск Бату русских и черкесов. Раскопки последних десятилетий раскрыли богатейшую картину воинского снаряжения древнерусских княжеств и северокавказских обществ. Не менее разнообразной предстала картина вооружения и в результате раскопок ремесленных центров Булгарского улуса. Не случайно мы наблюдаем, что в болгарских городах сравнительно скоро после завоевания Бату-хана происходит процесс возрождения городов и ремес-

ла, а позднее произошел их бурный рост. Характерно, что в типах, формах и во внешнем облике изделий прослеживается синкретичное сочетание центральноазиатских элементов и местных традиций. Видимо, этот процесс сопровождался и расселением в болгарских городах пришлого населения, в том числе русских и, особенно, армянских мастеров, среди которых известны оружейники. Но больше всего было приведено мастеров из мусульманских областей левого крыла Улуса Джучи – особенно из сильно разоренного Хорезма.

Если описанные выше этнокультурные массивы участвовали в культурном обмене в области оружейного ремесла, опираясь на собственную традицию и воспринимая (вольно или по необходимости, или даже по принуждению) татарскую имперскую традицию, то хранителями и ее ревнителями были собственно монголы, а также приведенные ими в Европу тюрко-тагары, которые являлись уже носителями новой военной культуры. Именно они составляли кочевое население ордынских степей и основу военной силы Золотой Орды. В отличие от горожан-мусульман они сравнительно долго оставались язычниками (по крайней мере, определенная их часть во второй половине XIII – начале XIV в.) и являлись основой военно-служилого сословия – профессиональными военными. Они «жили» войной, а продолжительность их жизни была, очевидно, короче, чем горожан, поскольку они погибали в бою, или умирали от ран.

В результате мы наблюдаем сложение синкретичного золотоордынского оружейного комплекса (описание этого вооружения см.: [Горелик, 1983; 2002]).

Оружие дистанционного боя. Стрелометание являлось одним из важнейших боевых приемов всех чингизидских государств, что не раз отмечали иностранцы. Например, Марко Поло, почти всю свою молодость проведший в Китае при дворе великого хана Хубилая, специально отмечал, что «всего больше они пускают в дело лук, потому что ловкие стрелки» [Книга Марко Поло, 1990, с.81].

Лук, как оружие дальнего боя, основное оружие ордынской конницы, распространен в основном в своем центрально-восточноазиатском, «монгольском» варианте. Он отличался от других типов наличием особых костяных накладок – срединной фронтальной и

Наконечники стрел. Улус Джучи.
XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)

срединных боковых. Сложносоставные луки, армированные подобными накладками, были довольно мощными и надежными, за счет создания узла жесткости в центре и гибкости плеч, в конструкции которых использовался гибкий рог и различные породы дерева. Этот тип лука, судя по археологическим находкам, впервые был создан в степях Центральной Азии, а в Европе появляется в начале XIII в. Но наиболее широко распространился в Улусе Джучи в XIII–XV вв. Одновременно здесь стал применяться сложносоставной лук средне-ближневосточного типа, который постепенно сменил «монгольский» тип. Обычно он делался из нескольких пород дерева и мягкого рога, был более прост в изготовлении и немногим уступал другим типам лука по своим боевым качествам.

В XIII–XIV вв. широко применяются наконечники стрел центральноазиатских типов – различные срезни, кунжутолистные, двурогие, причем характерных для монголов очень крупных размеров, а также «бронбойные», хотя и в меньшей степени, чем в предшествующее время. Реже применялись, видимо, кыргызские трехлопастные с отверсти-

Колчаны с костяными накладками. Улус Джучи. XIII–XIV вв. (по М.В.Горелику)

ями наконечники, и долотовидные чжурчженские. К концу XIV в., а на окраинах степи – и раньше, размеры наконечников стрел отличались сравнительно меньшими размерами. Постепенно к середине XIV в. количество типов наконечников стрел заметно снижается, и наиболее популярными становятся около двух десятков типов универсальных удлиненно-треугольных форм.

Колчаны в Золотой Орде в XIII–XIV вв. в абсолютном большинстве случаев имели вид длинного узкого короба-пенала, в котором стрелы помещены целиком, наконечниками вверх, причем в центральноазиатском варианте: с закрытым, расширяющимся сверху приемником, часто с округлым «веерообразным» верхом, с целой системой подвески, в основном из костяных пластинок. Внешняя сторона поверхности этих колчанов была облицована костяными пластинками, богато украшенными гравированными, с подкраской, растительными и зооморфными узорами. В роскошных экземплярах кость в подвеске и облицовке могла заменяться золоченым серебром, а декор костяной облицовки мог быть прорезным, ажурным, с подложкой из золотой фольги [Малиновская, 1974].

В конце XIV – начале XV в. описанный тип колчана вытесняется колчанами в виде подпрямоугольного плоского футляра, в котором стрелы помещены оперением вверх, на половину длины древков. Подобная форма колчанов, характерная в X–XII вв. для киданей, чжурчженей, татар и китайской конницы, также была принесена в Европу монгольскими войсками, и, очевидно, получила здесь широкое развитие (впрочем, как и в других,

захваченных монголами, странах Евразии). Позднее данный тип колчана стал преобладающим в Северной Евразии.

Резными костяными, а также металлическими накладками украшался обычно кожаный налуч. Саадачный набор (налуч и колчан)

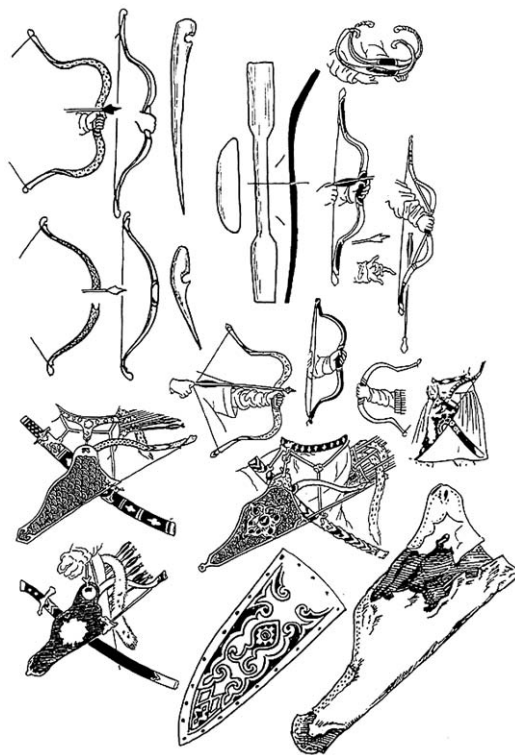
подвешивались к портупейному поясу, который обычно застегивался на крючок. Хотя парадным обычно был клинковый пояс, но известны также парадные образцы стрелкового, саадачного пояса. Подобный саадачный пояс известен, например, из «Симферопольского клада», он был сплошь унизан золотыми, с сердоликовыми вставками, овальными бляшками, бляхи-подвески и концевые пластины (одна – с крючком) сделаны из резного и гравированного золота, окаймляющего сердоликовые вставки, а шайба-приемник крючка отлита из золота в виде рельефной розетки.

Оружие ближнего боя. Как и ранее особую роль среди оружия ближнего боя играло клинковое оружие, в первую очередь, сабли. В период завоеваний войска Бату применяли мечи (оружие с прямым двулезвийным клинком и соосной клинку рукоятью), палаши (оружие с прямым клинком, однолезвийным, полутора- или двулезвийным и отогнутой под углом к лезвию рукоятью), и сабли (оружие с изогнутым одно- или полуторалезвийным клинком, обычно с отогнутой к лезвию рукоятью). Но в комплексе вооружения Улуса Джучи сабля получила наибольшее распространение, постепенно повсеместно и практически полностью вытеснив мечи и палаши. Клинок ордынской сабли по центральноазиатской традиции обычно имел на конце заточку на обушке длиной в 20–30 см и ромбическое в этой части сечение. К XIV в. в Прикубанских областях Улуса Джучи конец клинка стали отковывать в виде граненого штыка. Такой клинок получил название «черкесского», и широко распространился вплоть

до Средней Азии. Традиционно центральноазиатской деталью золотоордынских клинков была оковка клинка под перекрестием специфической обоймой с языком, охватывающим верх лезвия на 10–15 см. Эта обойма предохраняла указательный палец бойца, охватывавший нижний отросток перекрестия, а также устье ножен от пореза. Характерным признаком золотоордынских клинков стали долы, иногда парные, прорезавшиеся с обеих сторон клинка вдоль обушка, причем они были смещены относительно долов на другой стороне. Это придавало прочность клинку и облегчало его вес. Современные анализы стали золотоордынских клинков говорят об их подчас высочайшем качестве: их изготавливали из «дамасской» – сварной стали и даже из литого булата. С течением времени золотоордынские сабельные клинки становились все более изогнутыми. Во второй половине XIV в. они приобретают хорошо выраженную елмань – расширение в нижней трети-четверти клинка.

В подавляющем большинстве случаев сабли золотоордынского времени имели крестообразные узкоромбические перекрестия с оттянутыми вниз концами. Характернейшим раннемонгольским признаком ордынских перекрестий является их асимметричность – нижний отросток длиннее верхнего. Позднее, в XIV в. концы крестообразных гард расплющиваются или завершаются декоративными шариками. Этот тип перекрестий сменил все разнообразие домонгольских гард и определял моду практически до наших дней. Причиной этого стали простота и универсальность подобной защиты руки, способность обеспечить большее разнообразие фехтовальных приемов.

Сабля, как вообще клинковое оружие, являлась оружием профессиональных военных – служилой знати. Еще Дж. де Плано Карпини, описывая вооружение монголов, писал, что «богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые» [Путешествия, 1957, с.50]. Подобная традиция использования сабель сохранилась и в Улусе Джучи, где «сабли булатные» упоминаются в русских источниках, а также изображаются на миниатюрах, причем сабли абсолютно преобладают над другим клинковым оружием. Сабли служили не только оружием, но и символом знатности и богатства владельца, определителем его принадлежности к та-

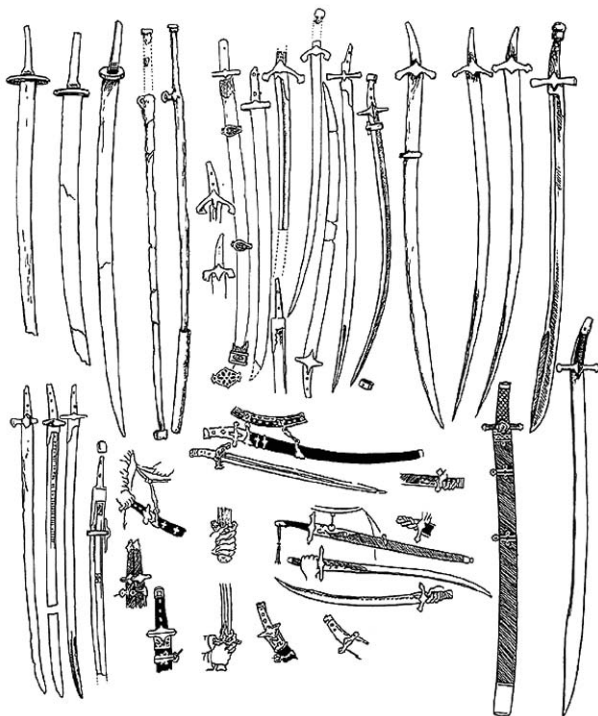

Луки и колчан. Улус Джучи и Иран.
XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)

тарской знати. Недаром, знаком особого почта являлось пожалование ханом драгоценного пояса, на котором подвешивалась сабля. Обычно сабля, как и боевой конь, имела особое «магическое» имя (например, «срубающая головы сверкающая сабля Токтамышша «Алжасман» из татарского дастана «Идегей»).

Сохранились также детали от ножен, как правило, имевшие по центральноазиатской традиции, вид обойм с подвижными кольцами для крепления к поясу. Этот вид крепления к поясу вошел в моду в Восточной Европе с начала XIII в. и в значительной степени обязан центральноазиатской моде. Позднее этот тип крепления ножен стал характерным признаком татарских воинов и стран, находившихся под влиянием их военной моды.

Очень характерны для снаряжения золотоордынского воина принесенные монголами боевые ножи с клинками длиной 20–39 см. Реже применялись прямые кинжалы – оружие с двулезвийным клинком. Последние стали чрезвычайно популярны на Северном Кавказе, дожив до наших дней. Дополнительным или, вероятно, детским оружием являлись кривые короткие сабли (длина до

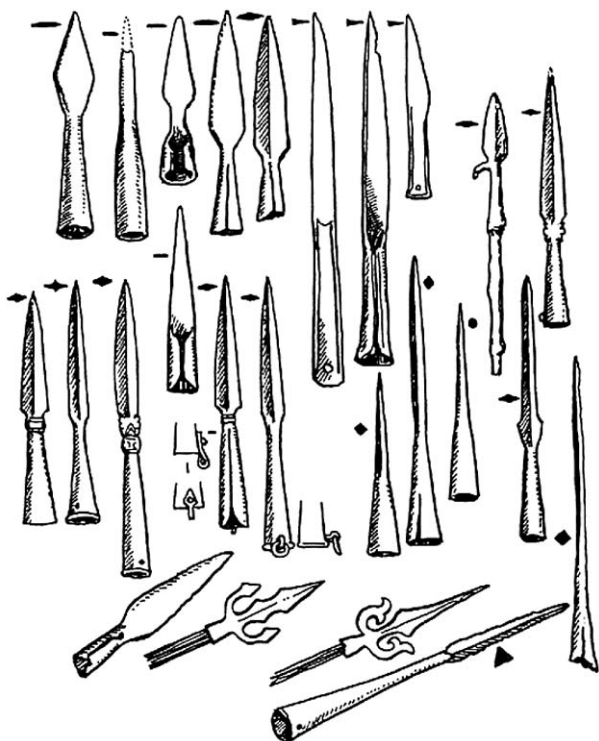

Сабли. Улус Джучи и Иран.
XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)

крюк. Характерно, но в Поволжье наряду с подобными наконечниками встречаются также традиционные для Среднего Поволжья узколезвийные граненые пики [Измайлов, Недашковский, 1993, с.73–74, рис.1, 1,2]. Одновременно здесь же зафиксированы находки широких копий с лавролистным пером и выемкой на лезвии – рогатин. Со второй половины XIV в. во всей «татаро-монгольской ойкумене» – от Дуная до Тихого океана и Персидского залива – узколезвийные и граненые типы наконечников постепенно начинают вытесняться другими формами удлиненных копий – вытянуто-листовидными или удлиненно-треугольными, ромбическими в сечении, либо уплощенными с осевым ребром. Подобные наконечники были более универсальными, наносили более обширные ранения, тогда как граненая пика была специально предназначена для пробивания панциря. Однако сосуществование различных типов наконечников копий продолжалось вплоть до начала XV в.

60 см), крепившиеся к рукояти с помощью штифтов. Среди них есть и экземпляры, переделанные из обломка настоящей сабли.

Древковое наступательное оружие – копьё – бытует в Золотой Орде в качестве одного из важнейших видов оружия второго удара. В русских источниках часто отмечалось боевое применение копий татарами, которые «одних мечами рубили, а других на копьё поднимали», или «ударили крепко копьями» и т.д. Эти упоминания, вкупе с изобразительными материалами, в первую очередь, персидскими миниатюрами, позволяют предполагать, что копьё использовалось конными латниками, применявшими таранный удар и действующими сомкнутыми массами. Типы копий были довольно разнообразны. Применялись, например, излюбленная центральноазиатскими воинами форма с наконечником в виде четырехгранника. Иногда – по восточной традиции, принесенной монголами в Европу, в гранях проделывались желобки, а к втулке под острием иногда приваривался

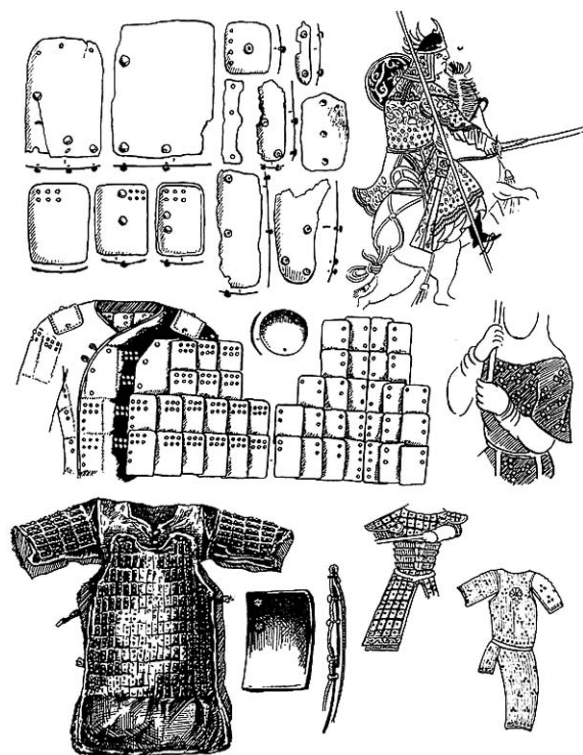
Наконечники копий. Улус Джучи.
XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)

Из ударного оружия ближнего боя широко распространились булавы и кистени, что зафиксировано изобразительными [Gorelik, 1979, p.30–63; Горелик, 2002, с.66–67] и письменными (например, Марко Поло: «вооружение у них меч и палица» [Книга Марко Поло, 1990, с.81]) источниками.

Булавы, имевшие типологическое многообразие в XIII – первой половине XIV в. – с навершиями в виде шара с выступающими боевыми гранями и шипами, в виде многогранников различных конфигураций начинают в XIV в. все более унифицироваться, вытесняясь боевыми навершиями с семью-восемью концентрически выступающими плоскими гранями – шестоперами или пернцами. Чаще всего подобные кистени изготавливались из бронзы и железа, но в XIV–XV вв. подавляющее количество боевых наверший делалось из стальных пластин [Галкин, 1963; Измайлов, Недашковский, 1993, с.74, рис.1, 4]. Характерна находка бронзовой булавы из Болгара с выступающими с трех сторон пирамидальными шипами, а с четвертой имеющей клювовидный выступ. Этот тип булавы продол-

Булавы и кистени. Улус Джучи и Иран. XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)

Куюк и панцирные пластины. Улус Джучи. XIII–XIV вв. (по М.В.Горелику)

жает домонгольские традиции, но наличие «клюва» делает их похожими по способу применения на боевые молоты – клевцы. Они применялись для пролома брони за счет веса и боевого острия. Многие экземпляры степных булав имеют удлиненные рукояти – это также центрально-восточно-азиатская традиция.

Среди кистеней выделяются бронзовые биконические восьмигранные и железные шаровидные с неподвижным ушком боевые грузики [Измайлов, Недашковский, 1993, с.74–75, рис.1, 5]. Разнообразие материала, из которого делались навершия кистеней – рог, бронза и железо, характерные для домонгольского периода, также постепенно сменяется применением одного железа. Очевидно, к началу XV в. относится появление кубических стальных кистеней со срезанными углами и с подвижным ушком на штыре, приклепанным к боевой гирьке.

Относительно боевых топоров можно сказать, что на степных территориях Улуса Джучи их боевая роль заметно падает. Постепенно исчезают из обихода и архаич-

Комбинированный панцирь по иранским миниатюрам. XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)

ные центральноазиатские топорики с узкими лезвиями и молоткообразными выделенными обушками, и чжурчженские широколезвийные топоры, имевшие и метательную функцию. В предгорьях же и на равнинах Северного Кавказа, а также в оседлых регионах Волго-Камья боевое применение топора несколько не уменьшилось. А в Поволжье заметно возрастание престижной, парадной роли боевого топора, как знака власти. Здесь начинают изготавливать богато украшенные узорной резьбой топорики, которые с течением времени займут видное место среди памятников прикладного искусства татарского Поволжья. Вообще среди топоров большое значение продолжали играть универсальные походно-боевые топорики с клиновидным, секторовидным и с длинным оттянутым лезвием. Формы их практически не отличались от рабочих, но вес был вдвое меньше. Применение подобных топорилов прямо зафиксировано в письменных источниках как элемент снаряжения татарского воина в походе.

Защитное вооружение. Активно развивалось в Золотой Орде защитное вооружение. В первую очередь, это касалось метал-

лических панцирей. В XIII–XIV вв. панцири собирались из прямоугольных (иногда с овальным или фестончатым краями) выпуклых пластин с отверстиями по краям. Различаются по величине деталей ламеллярные (собиравшиеся из сравнительно мелких пластин) и ламинарные (из крупных). По способу крепления панцирных пластин панцири делились на пластинчатые, где пластины соединялись между собой с помощью кожаных ремешков; на чешуйчатые, где пластины крепились к матерчатой или кожаной основе заклепками, а между собой ремешками; и кюяки (бригандины), собираемые из большого размера пластин, приклепывавшихся к кожаной или суконной основе. Все типы панцирей состояли из нагрудника и наспинника, соединенных между собой боковинами, длина которых доходила до бедер и пристегивавшихся между собой на боку и плечах. Развитие этих средств защиты в золотоордынское время шло в сторону увеличения их подвижности, непроницаемости и надежности. Характерным элементом доспеха этого времени являются специальные наплечники и длинный подол для защиты бедер с широкими вырезами спереди и сзади для удобной посадки в седле, а также пластинчатые защиты горла и лица.

Вместе с тем, письменные источники часто упоминают также кожаные доспехи. Например, Марко Поло, описывая снаряжение татарских воинов, указывает: «а на спине у них панцирь из буйволовой или другой какой кожи, вареной и очень крепкой» [Книга Марко Поло, 1990, с.81]. Скорее всего, конструкция кожаных доспехов была аналогична металлической броне и состояла из тех же пластин, но только сделанных из многослойной кожи.

Полное защитное вооружение, принесенное в Восточную Европу, произвело огромное впечатление на европейцев. Характерно, как автор Галицко-Волынской летописи описывает удивление европейцев, встретившихся на поле боя с войском Даниила Галицкого, полностью снаряженного на «татарский манер»: «Немцы же дивящиеся оружью Татарьскому... людье во ярьцех, и бе полков его светлость велика, от оружья блистающа» [ПСРЛ, 2, с.814].

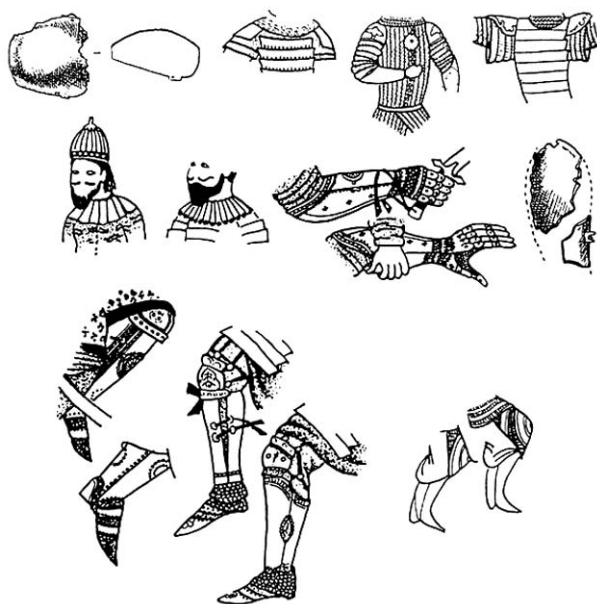
На первых порах мы встречаем здесь активное применение ламеллярного доспеха. Но

со второй половины XIII в. местная традиция кольчужного доспеха все более покоряет завоевателей. В XIV в. мы встречаемся с применением одновременно двух доспехов – кольчуги как нижнего панциря, и ламеллярного доспеха – как верхнего. Собственно, это вполне соответствовало предмонгольской традиции Восточной Европы, но только ламеллярный доспех в Золотой Орде имел монгольские варианты структуры и кроя. Тем не менее, кольчуга постепенно вытесняла ламеллярную, как и ламинарную броню. Смертельный удар ей нанесло гениальное изобретение золотоордынских оружейников последних десятилетий XIV в.: они придумали соединять железные пластинки не ремешками, а железными колечками. Очень быстро кольчато-пластинчатый доспех завоевал ведущие позиции на всем Среднем и Ближнем Востоке, в Восточной Европе. Его функциональные свойства – прочность, гибкость, относительная легкость – были непревзойденными. Недаром все его названия восходят к персидскому слову «бехтэр» – «наилучший». Недостатком его была только исключительная трудоемкость, поэтому он был достоянием знатных воинов.

Зато очень распространенным – ввиду простоты изготовления и высоких защитных свойств – стал принесенный монголами доспех, чья основа из мягких материалов была подбита с изнанки железными пластинами. Обычно это были чешуйчатые панцири – куяки, а также прототипы европейских бригадин из крупных стальных пластин.

Также распространились принесенные монголами створчатые кованые наручи, а также и кольчато-пластинчатые набедренники. Кованые створчатые поножи также получили кольчужные соединения. Надо отметить, что именно ордынские изобретения XIV в. послужили сложению полного кольчато-пластинчатого доспеха, распространенного на Ближнем и Среднем Востоке в XV–XVII вв., повлиявшего на развитие доспеха на Руси, в Речи Посполитой и в Венгрии.

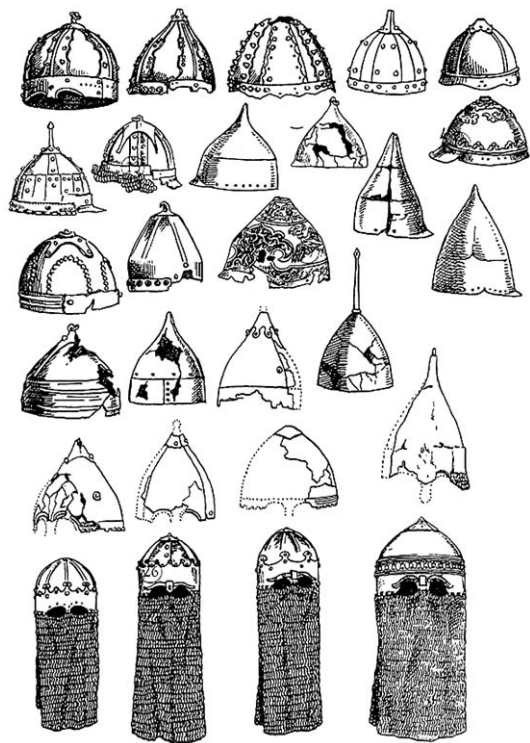
Относительно шлемов можно сказать, что здесь традиции, принесенные монголами в Восточную Европу, полностью возобладали. Среди археологических находок мы встреча-

Наплечники и наколенники по иранским миниатюрам. XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)

ем обычно шлемы именно с монгольскими признаками – козырьками, шпильями, с увенчанием кольцами для привязывания ленты. Но технически шлемы становились совершеннее, теперь их сваривали из околыша и трех-, двух- или даже односоставной тульи. Характерным ордынским признаком была отделка края околыша, или соединительных накладок, частой насечкой зубилом. Наконец, появились и цельнокованные шлемы. Уже к середине XIII в. формируются местные, ордынские системы защиты лица воина. Во-первых, это уже описанная выше полумаска или система «бровинос», во вторых – забрало в виде маски-личины. Все известные золотоордынские забрала одного типа изображают лицо с миндалевидными, окаймленными выпуклыми веками, глазами, с бровями вразлет, приоткрытым, чуть «улыбающимся» ртом, огромным горбатым носом и чаще всего загнутыми вверх остроконечными длинными усами. Иногда отковывалась борода, прикреплялись на шарнирах литые из бронзы уши. Этот тип забрала стал настолько популярен на мусульманском Востоке, что воспроизводился в северо-западном Иране, в восточной Анатолии, на Кавказе в XV–XVI вв.

Воины Золотой Орды полностью восприняли монгольский прутяной щит. В Прикубанье в середине XIII в., с появлением в при-

Шлемы. Улус Джучи. XIII–XV вв.
(по М.В.Горелику)

Кояры. Иранские миниатюры и реконструкция.
XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)

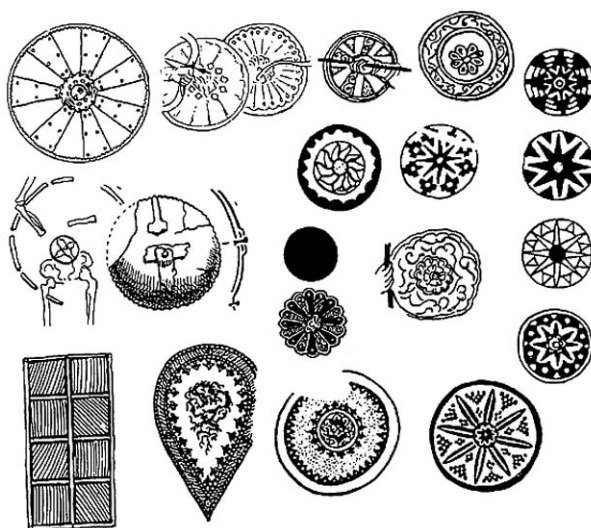
черноморско-приазовских владениях Улуса Джучи итальянских колоний, восприняли западноевропейскую систему оковки железом органической основы щитов. Так появились круглые умбоны, крепившиеся к основе наложенными крестообразно полосками железа, чьи концы расплющивались, пробивались, и в отверстия вставлялись заклепки с кольцами, к коим привязывались шнуры или ремешки рукояти. Края умбонов, по золотоордынской ремесленной традиции, также отделаны зубчатой насечкой. Умбоны дополнялись радиальными оковками из прутьев железа, расплющенных в местах приклепывания к основе. Подобная система укрепляла не только прутьяные щиты монгольского типа, но и дощатокожаные. Надо сказать, что с течением времени монгольские прутьяные щиты возобладали на всем Востоке – от Тибета до Турции, и от Китая до Египта, причем и появившаяся в Золотой Орде система оковки получила свое развитие на Кавказе и в Тибете.

Значительные изменения произошли в XIII в. в экипировке и защитном снаряжении коня. Седло облегчалось, а узда усложнялась

за счет использования центральноазиатских элементов – железных деталей. В конском доспехе нашла применение кольчуга (на толстой мягкой подкладке). А с появлением кольчатопластинчатой брони она стала лучшей защитой боевого спутника знатного татарского батыра. Еще чаще применялся доспех кожаных пластинок и полос, а особенно толсто стеганные панцири из мягких материалов. Характерно описание подобного типа вооружения, оставленного Галицко-Волынской летописью: «Немци же дивящееся ороужью Татарскому беша бо кони в личинах, и в коярах кожаных» [ПСРЛ, 2, с.814]. Крытые узорными тканями, обшитые металлическими пластинками, окаймленные бахромой и кистями, такие мягкие доспехи могли украсить коня и весьма знатной особы. Конский доспех всегда включал в себя маску-налобник – «личину». Его изготавливали из кованого железа или твердой кожи. Кожу расписывали, а железо гравировали узорами. Железную маску также могли оклеить узорной кожей. Дополняли убор коня наузы, плюмажи, кисти и металлические подвески узды и сбруи.

Итак, мы видим, что оружие Улуса Джучи, в котором традиции, принесенные монголами с Востока, наложились на ремесленную и воинскую традицию Восточной Европы, активно развивалось на протяжении XIV–XV вв. и выработало целый ряд оригинальных форм, новшеств, которые получили поистине мировое значение, приобретя популярность на огромных просторах Азии и Европы, и у самых различных народов – от поляков и русских до китайцев и арабов.

Но с момента нашествия Аксак-Тимура в 1395 г. приходится отметить сокращение оружейного ремесла в Нижнем Поволжье, и, вероятно, на Северном Кавказе. Зато Среднее Поволжье, Крым, как и горы Кавказа, заметно активизировали свою деятельность, обогатившись мастерами-оружейниками, бежавшими от разорения.

Щиты. Улус Джучи. XIII–XV вв.
(по М.В.Горелику)

§ 2. Военное зодчество

Айрат Губайдуллин, Искандер Измайлов

Вопросы возникновения и функционирования городов в период существования Золотой Орды тесно связаны с процессами градостроительства в этом государстве. Причины, время и место их появления были различны и на всей огромной территории золотоордынского государства протекали неодинаково. Одна градостроительная структура была характерна для регионов, где города строились в центре Улуса Джучи, таковы например, Сарай, Сарай ал-Джадид, Укек, Бельджамен, Маджар и др. Они строились сразу, в течение короткого промежутка времени. В то же время, продолжали развиваться большинство городов Хорезма, Булгарии и Крыма, многие из которых существовали еще в домонгольское время.

В связи с этим отличались их строительные традиции и военное зодчество. Большинство вновь построенных городов Улуса Джучи изначально не имели оборонительных сооружений, тогда как у других традиционных центров они существовали и эволюционировали на протяжении длительного времени, предшествующего монгольскому завоеванию.

Во многом различия диктовались географическим и геополитическим положением городов. Новые города, в основном, строились в центре золотоордынского государства. Поэтому какой-либо непосредственной и явной опасности извне они могли не опасаться. В свою же очередь, «периферийные» поселения, так или иначе, пусть и гипотетически, находились под угрозой внешнего противника. Это могли быть какие-то другие государства или окружающие народы. Своим присутствием, наличием крепостных валов и рвов, стенами и башнями крепости «окраин» могли охранять внутренние (и внешние) торговые пути, сельскохозяйственные территории, другие внутренние административные, духовные и ремесленные центры. Таким образом, они никому не позволяли войти на территорию государства и, в то же время, должны были защитить в случае необходимости и самих себя. Различные политические и экономические процессы, проходившие здесь в период Улуса Джучи, неразрывно связаны с такими же процессами и на сопредельных территориях. Зачастую можно говорить об их вза-

имосвязях и взаимовлияниях в развитии военно-оборонительного дела того времени.

В связи с данной темой, очевидно, следует остановиться на одной важной проблеме, которая стала историографическим фактом, но от этого не стала более убедительной. Речь идет о довольно часто встречающемся в исторической литературе мнении, что в Улусе Джучи якобы существовал «запрет» на возведение укреплений в покоренных странах, к числу которых относилась и Булгария. Примеры подобного заблуждения достаточно многочисленны. Наиболее последовательным защитником и, очевидно, первым, кто наиболее четко сформулировал эту гипотезу, был Г.А.Федоров-Давыдов [1994, с.42–44]. Из казанских археологов сторонником его, стремившимся «доказать» его реальность на болгарском материале, был А.Х.Халиков [1978, с.92; 1989, с.128].

Следует отметить, что в большей части научной литературы данное утверждение приводится как факт, без каких-либо ссылок на доказательства. Только в работе Г.А.Федоров-Давыдова [1994, с.42–44] они обрели плоть и смысл. Их, по существу, два. Первое – ссылка на сведения Марко Поло, который (по версии Рамузио) писал: «Во всех областях Катая и Манги [Манзи] и в остальных его (великого хана. – *А.Г., И.И.*) владениях есть довольно предателей и неверных, готовых возмутиться, а потому необходимо во всякой области, где есть большие города и много народа, содержать войска..., а городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск» [Книга Марко Поло, 1990, с.260]. Второе – неоспоримый факт, что золотоордынские города Нижнего Поволжья и частично Южного Приаралья вплоть до второй половины XIV в. не имели укреплений.

Между тем, оба эти доказательства мнимые. Так, в самом рассказе Марко Поло есть противоречие. Упомянув о «запрете», он сам во время своего путешествия по провинциям Китая постоянно упоминает о различных городах, крепостях и замках с «высокими стенами и башнями» [там же, с.56, 60, 65, 67, 117]. Наличие городских стен вокруг городов и особенно пограничных крепостей в Китае в юаньскую эпоху хорошо известно и по исторической литературе (см. например:

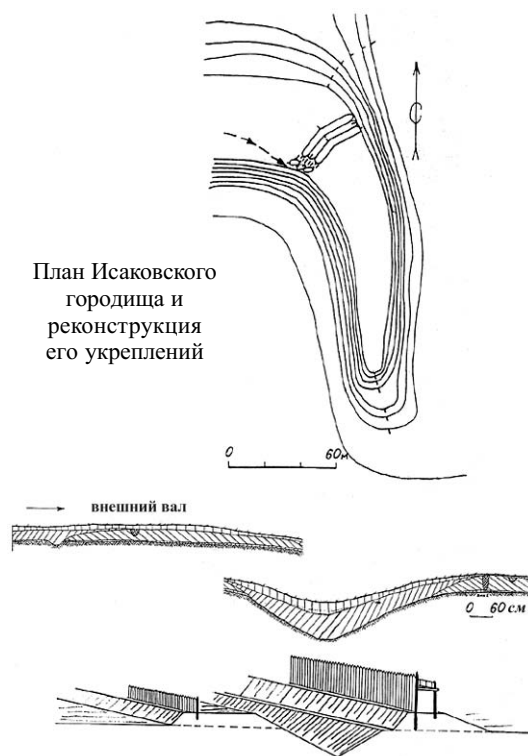
[У Хань, 1980; Бокщанин, Непомнин, 2002]). Иными словами, если подобный запрет и был, то действовал он весьма непродолжительное время. Кроме того, нужно еще доказать, что подобный запрет имел всеобщий характер и был распространен по всей империи от Приамурья до Поднепровья.

Вообще, возможно, в этом вопросе переплелись две разновременные и разнонаправленные политические тенденции. Действительно, практика уничтожения укреплений городов вообще была широко распространена в средневековом мире, но обычно сразу после завоевания. После установления власти новых правителей происходит постепенная либерализация политики, вассальные территории отстраивают стены своих городов и замков в силу роста самостоятельности, но не всегда сепаратизма, а, скорее, из-за возобновления внутренних распрей и междоусобиц. Характерным примером этого является Русь, где в период завоевания, как свидетельствуют данные археологии, были уничтожены многие города, а очевидец Плано Карпини прямо пишет, что монголы «в земле Руссии» «разрушили города и крепости» [Путешествия, 1957, с.45]. Позднее, во время похода 1259–1260 гг. на Польшу, татары заставили волынского князя Даниила Романовича снести укрепления основных городов Галицко-Волынской земли [ПСРЛ, 2, с.848–855]. Это свидетельствует в пользу существования некоего запрета, но, вместе с тем, в южнорусских землях, на Киевщине продолжали существовать, или были заново отстроены новые укрепленные города (подробнее см.: [Беляева, 1982, с.27 и далее]). Позднее же ситуация со строительством укреплений правителями Улуса Джучи, насколько можно судить по источникам, не только в Южной, но и Северо-Восточной Руси никак не контролировалась. Аналогичная ситуация возникла и в Булгарии после монгольского завоевания. Во время завоевания основные города, взятые штурмом, были уничтожены, возможно, на некоторых даже были срыты укрепления. Но уже после распада единого государства на несколько эмиратов происходит процесс стабилизации, и укрепленные города и крепости или возобновляются, те, что были разорены, или продолжают развиваться, не затронутые завоеванием, в частности, в Предволжье.

Справедливости ради стоит сказать, что на территории Нижнего Поволжья действительно существовали огромные неукрепленные города – Сарай, Сарай ал-Джаид, Хаджи-Тархан, Укек, Бельджамен и др., чьи остатки изучены археологически. Подобные же большие по площади поселения, являвшиеся средневековыми городами, также часто не имели оборонительных укреплений, например, золотоордынский Биляр (II и III Билярские селища) в Закамье, Большеатряское II селище («Тысячедомный Шунгат») в Предволжье, Русскоурматское селище в Закавказье и др. известны и в Среднем Поволжье. Но свидетельствует ли это о каком-то запрете? Очевидно, что нет. Само строительство укреплений было чрезвычайно затратным делом, и стены горожане возводили только в случае крайней необходимости. В Поволжье во времена расцвета Улуса Джучи просто не было такой необходимости, поскольку здесь почти в течение ста лет не велось активных военных действий, а само государство было настолько могущественным, что никому и в голову не могла придти мысль о вражеском нашествии. Весьма характерно высказывание одного купца-татарина, который на вопрос итальянского дипломата и негодянта И. Барбаро, восхищавшегося стенами генуэзской колонии Таны, ответил: «Ба! Кто боится, тот и строит башни!» [Барбаро и Контарини, 1971, с. 148].

Все это заставляет считать точку зрения о «запрете» весьма сомнительной. Скорее всего, речь следует вести о комплексе причин, который способствовал развитию военно-оборонительного зодчества или замедлял его становление. В любом случае, не было никаких всеобщих запретов, а тот или иной характер военного дела диктовался конкретной военно-политической ситуацией. В этом смысле крепости Булгарского улуса, особенно небольшие города и замки, хотя и имели оборонительные сооружения, но никакой внутренней угрозы для золотоордынского государства и его армии они несли не могли, а служили опорными пунктами на границах отдельных владений.

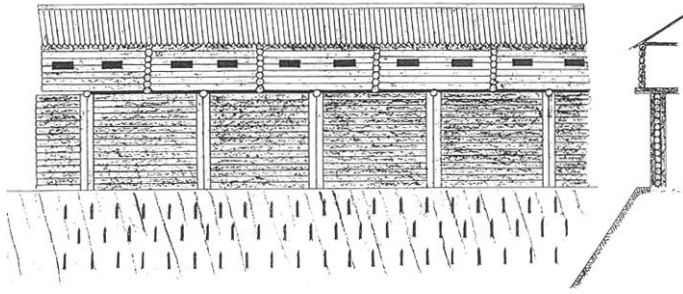
Окраинные земли Булгарского улуса продолжали строить укрепления на протяжении всего золотоордынского периода. Это хорошо видно на примере территории правобережья р. Волги – Предволжья. Данный регион характеризуется, в основном, своеобразным

План Исаковского городища и реконструкция его укреплений

«горным» рельефом, который представляет собой один сплошной хребет – историческую «Горную сторону» («Тау иле»). Тянется эта возвышенность от с. Верхний Услон (напротив г. Казани) до Самарской Луки, занимая всю его излучину, а также проходит по территории современной Пензенской области в районе г. Городище. Кроме этого, здесь располагаются и холмистые равнины. Попеременное чередование равнин и «горных» массивов определяет не только сложную структуру поверхности Предволжья, но и создает естественные природные рубежи, труднопреодолимые для противника, продвигающегося с юга или юго-запада. Вместе с тем, Предволжье удобно для проживания и ведения хозяйства.

Удобные пути для прохода в Предволжье с запада, юго-запада и юга находятся в долинах р. Свияга и ее притоков, например: Цильны, Булы, Кубни и др. Именно на них и расположено подавляющее большинство булгарских городищ, которые были построены там не только из-за удобства, но и несли наиболее важную функцию – оборону территории. Укрепленные поселения булгар как бы «запирали» эти долины, создавая непрерывную оборонительную цепочку.

Реконструкция стены. Болгар. XIII–XIV вв.
(по А.М.Губайдуллину)

В золотоордынское время контроль над долиной р. Свияга и ее притоками не теряется. Укрепленные поселения этого периода сдвигаются несколько севернее и северо-восточнее. Основная территория распространения золотоордынских поселений падает на среднее и нижнее течение р. Свияга. Остальные концентрируются отдельными группами на Самарской Луке, в современной Пензенской области или тяготеют к р. Волга. Таким образом, основную территорию с запада прикрывают: Тигашевское, Староянашевское и Большетолябинское городища, контролирующие долину р. Була; с юго-запада – Чувбездинское и Городищенское (Кала-Елгинское); с юга – Староалейкинское, Красносундюковское I и II городища, тяготеющие непосредственно к р. Свияга.

Однако по мере ослабления Улуса Джучи и в условиях разгоревшейся междоусобной войны картина начинает меняться. Нижневолжские города начинают укрепляться и обноситься валами и рвами. В период «великой замятни» стенами стали обносить даже такие города, которые до того времени их не имели. Во второй половине XIV в. появляются валы на Царевском (Сарай) и Староорхейском городищах. Только частично сохранились детали валов на Наровчатском и Увекском городищах, что затрудняет их реконструкцию. Тогда же, не позже первой половины XIV в., ограждается валами, рвами, деревянными стенами, башнями и надолбами Болгарское городище [Хованская, 1958, с.319–320; Краснов, 1987, с.99–123].

Для примера можно привести Болгарское городище, остатки одного из крупных и зна-

чимых центров Улуса Джучи – г. Болгара. В золотоордынское время он значительно расширяет свою территорию: с укрепленной площади в 25 га в предмонгольское время, до почти 400 га в XIII–XIV вв. Уже в первой четверти XIV в. вокруг него воздвигается вал и ров с крепостными стенами и дополнительными укреплениями [Хлебникова, 1987, с.70]. Наибольших размеров они

достигают в южной и юго-восточной частях памятника, т.е. на самом опасном направлении. Именно здесь в древности к городу подходили основные дороги. Однако и с других сторон Болгар был хорошо защищен не только человеком, но и самой природой. С запада к нему примыкала достаточно заболоченная территория, а также небольшие озера. Таким образом, во время расцвета и мощи Улуса Джучи г. Болгар, тем не менее, начал возводить оборонительные сооружения. Это явно свидетельствует о том, что отношение к укреплениям, особенно в оседлых областях империи Джучидов, начинает меняться. Поскольку для своей охраны горожане не могли рассчитывать на мощь всего государства, им пришлось начать создавать укрепления своими силами. Однако, если в Булгарском улусе традиции военно-инженерного дела сохранились, то в Нижнем Поволжье подобной практики не было. Отсюда и относительность понятия укреплений нижневолжских мегаполисов, которые в силу своей разбросанности по огромной территории просто не могли быть адекватно защищены. Как правило, жители нижневолжских городов пытались укрепить только отдельные окраины – наиболее опасные для наступления конницы участки обороны.

Таким образом, военное зодчество и, в целом, военно-инженерное дело в Улусе Джучи, в силу целого ряда причин фактически не развивалось. Укрепления практически не создавались, кроме окраинных и оседло-земледельческих областей, и сами городские стены не являлись частью системы тактики обороны.

§ 3. Организация войска

Искандер Измайлов

Структура военной организации: командование и войско. Военная организация войска Улуса Джучи остается все еще слабо изученной как по причине скудости источниковой базы, так и из-за невнимания историков к этой проблеме. Вместе с тем, исторические материалы дают значительный материал для характеристики военной организации и войска Улуса Джучи.

Анализ позволяет сделать вывод о том, что эта военная система была производной от сложившейся в империи Джучидов военно-административной структуры. Основой ее служила иерархически организованная система владений татарских кланов. Характерной чертой ее являлось переплетение военной и административной системы. Подобная организация военного дела была традиционной для тюрко-монгольской государственности.

По данным арабских источников, «управление в этом государстве делами воинскими и гражданскими (в общем) такое же, как в государстве Ирака и Ирана. Оно основано на (определенном) числе эмиров, законов и служащих. Однако у эмира улуса и везира (Дашт-и Кыпчака) нет (такого) права распоряжаться (по своему усмотрению), как у эмира улуса и везира в том государстве» [Григорьев, Фролова, 2002, с.299].

В определенном смысле это подтверждают слова арабских чиновников, которые, проанализировав дипломатическую переписку, пришли к выводу, что хан Узбек «обращал внимание на дела своего государства только в их совокупности, не вникая в детали всех обстоятельств. Он довольствовался тем, что ему доносили, и не рассматривал разные частности относительно взимания и расходования» [там же, с.299–300]. Иными словами, можно сказать, что, хотя формально главнокомандующим являлся хан, как правило, он не принимал участия в военных действиях. Даже когда сообщается, что хан отправился в поход вместе с войском, это не всегда означало, что он непосредственно руководил войсками. При этом иногда, когда хан брал командование на себя, это приводило лишь к военной катастрофе, как было, когда в 1285 г. и 1286–87 гг. Тула-Буга фактически прова-

лил военную кампанию против Венгрии и Польши.

Судя по имеющимся у нас сведениям, фактическим главнокомандующим являлся улуг карачибек (беклярибек). Именно к нему в официальной межгосударственной переписке обращались египетские султаны, как «поборнику воителей и борцов за веру, вождю ратей, предводителю войск, пособнику царей и султанов, мечу повелителя правоверных» [СМИЗО, 1884, с.348], явно подчеркивая военную составляющую его функций и полномочий. Именно носителей этого титула и должности мы видим, как правило, во главе золотоордынских войск во время крупных военных кампаний. При Берке-хане и его потомках таким военачальником был Ногай, при Узбеке – Кутлуг-Тимур, в период «великой замятни» – Мамай, а в начале XV в. – Идегей. Именно они проводили жизнь в походах и сражениях, осуществляя планирование и руководство войсками на поле боя, часто подвергая свою жизнь опасностям и получая ранения. Например, во время сражения с войсками Хулагуидов в 1256 г. Ногай был ранен в голову и потерял один глаз.

Сама военная организация Улуса Джучи носила феодальный характер. Характерной особенностью его являлось то, что все представители татарских кланов являлись социальной верхушкой золотоордынского общества. Они, как правило, вели полукочевой образ жизни, а быт их мало отличался от податных людей. Но при этом они имели одну важнейшую привилегию, отличающую их от остального населения – они имели право носить оружие и участвовать в военных походах. Именно отношение к службе делало того или иного человека татаринном, т.е. представителем военной знати. Вне кланов и военной службы никакой другой этносоциальной структуры и самоидентификации не существовало. Разумеется, внутри кланов существовала значительная сословная дифференциация, определяющая место каждого в социальной иерархии и в военной организации. Однако объединяло их всех одно – они, в силу происхождения, тех или иных заслуг и родственных связей, были включены в кла-

новую систему и принадлежали к военно-служилому сословию.

Структура татарского военно-служилого сословия прекрасно представлена в ярлыках XIV–XV вв. Верхушку общества и, соответственно, высшее военное командование составляли огланы правого и левого крыла – султаны из рода Джучи, следом шли улусбеки и даруга-беки, а вслед за ними беки (эмиры) тысяч, сотен и десятков (подробнее см.: [Федоров-Давыдов, 1973, с.89–93; Усманов, 1979, с.206–210]). В целом анализ ярлыков дает возможность реконструировать военную систему Улуса Джучи как иерархически организованную структуру, строящуюся по десятичной системе – от десятков до тумена (т.е. десяти тысячного корпуса), под командованием беков, эмиров, улусбеков и огланов. Структура управления войсками описана Марко Поло, который сам был чиновником в Юаньской империи. «Когда татарский царь идет на войну, берет он с собою сто тысяч верховых и устраивает такой порядок: ставит он старшину над десятью человеками, другого над сотнею, иного над тысячею, а иного над десятью тысячами; сносится он только с десятью человеками, а старшина над десятью тысячами сносится также с десятью человеками, кто над тысячею поставлен, также с десятью, кто над сотнею, также с десятью... Когда государь ста тысяч пожелает послать куда-нибудь кого-либо, приказывает он старшине над десятью тысячами, чтобы тот дал ему тысячу, а тот наказывает тысячнику поставить свою часть, тысячник сотнику, сотник приказывает десятнику, чтобы всякий поставил свою часть тому, кто над десятью тысячами; всякий, сколько ему следует дать, столько и дает. Приказу повинуются лучше, нежели где-либо в свете. Сто тысяч, знайте, называются *тут* (у Потье, *тут* – знамя), десять тысяч *томан*, тысяча *мин*, сто *юз*, десяток *он*» [Книга Марко Поло, 1990, с.81–82, 256].

В чистом виде, однако, подобная система вряд ли существовала даже при Бату-хане. Вполне очевидно, что это общая схема военно-административного деления, которая объединяла контингенты, лишь приблизительно соответствующие десяткам, сотням и тысячам. На деле подобные подразделения могли быть больше или меньше заявленной численности. Данная система была традиционной для военно-административного деления тюрко-мон-

гольских империй Центральной Азии, начиная, видимо, еще с гуннского времени. В основе ее лежал мобилизационный принцип, позволявший призывать ополчения кланов, которые распределялись по крыльям и нисходящей десятичной системе. Так, очевидцы прямо писали, что когда послы египетского султана находились в Улусе Джучи, то «из Крыма они в один день доехали до степи, где застали начальника десяти тысяч всадников, управлявшего этим краем» [СМИЗО, 1884, с.63]. При этом совершенно необязательно, что все войска формировались пропорционально месту в административно-территориальной системе и ленам-икта в степной территории, которая была поделена на улусы между кланами. Определенная часть войск и, видимо, значительная, хотя территориально располагалась в степи, доходы получала от различных налогов и сборов с оседлых территорий – Крыма, Булгарского улуса, Хорезма и, возможно, также из Руси. Концентрируя доходы с этих территорий, кланы могли содержать значительные военные контингенты.

При всем этом нет детальной картины, как происходило формирование военных контингентов на практике, кто собирал войска и т.д. Можно только предполагать, что главы кланов, являясь еще и улусбеками, собирали смешанные контингенты, которые состояли из их личных вассалов и приданных его корпусу ополчений других беков. Не исключено, что на практике происходила определенная ротация кланов и их владений и, соответственно, менялся состав войск.

По мнению Г.А.Федорова-Давыдова, во второй половине XIV в. в Улусе Джучи стали происходить определенные социальные сдвиги, которые усложнили эту систему. К сожалению, сейчас трудно достоверно установить, стало ли это следствием развития феодалных правоотношений, или последствиями природных и социальных кризисов середины XIV в., определенной смены клановой структуры и перераспределения улусов. Как бы то ни было, но в это время явно возрастает роль кланов и местной аристократии, часто, видимо, превращавших владения улусами на правах условного пожалования в свои наследственные уделы. Яркую характеристику подобных явлений дают арабские источники: «Что касается размеров жалования их воинов, то рассказывают со слов Шуджа

ад-Дина Абд ар-Рахмана, что если в руках кого-либо находился какой-нибудь (земельный надел) – икта, то он (остается) и в руках его сыновей. Потом он сказал: а у эмиров имеются населенные земли. Среди них есть такие, кому в год его земля приносит 200 тысяч динаров дохода или меньше – до 100 тысяч динаров дохода. А что касается простых воинов, то ни у кого из них нет ничего, кроме денег, которые они получают. Все они равны между собой, и каждый получает в год 200 динаров дохода» [Григорьев, Фролова, 2002, с.300]. Огромные средства позволяли некоторым эмирам содержать значительные воинские силы. Так, арабские источники указывают, что 5 эмиров в 1299 г. содержали 30 тыс. всадников с полным вооружением [СМИЗО, 1884, с.113]. Иными словами, клановая аристократия не только получала огромные доходы, но и узурпировала подчиненную ей по должности военную систему, превратив мелкую знать в своих вассалов, обязанных службой не хану и империи, а конкретному улусбеку и главе клана. Можно согласиться с мнением израильского историка А.Н.Поляка, что ленная система Золотой Орды была основана на желании обеспечить леннику ежегодный доход, соответствующий его чину: «В Орде мы находим более упрощенную форму этой системы: эмиры получают лены-икта, простые воины – только жалованье. Поскольку состав военно-феодалного класса был там более постоянным, система наследования икта была более твердой» [Поляк, 1964, с.56–57].

Иерархия воинской службы и ее постепенная дифференциация по уровню доходов не могли не сказаться и сказались на эволюции комплекса вооружения. В ранний период завоевания он, если судить по археологическим материалам, видимо, был довольно однородным, поскольку победоносные войны способствовали захвату и концентрации престижного вооружения у ветеранов походов Бату. Определенно выделялись знатные воины специфичным набором поясов, деталей костюма и чаш из драгоценных металлов (см.: [Крамаровский, 2001, с.10–108]). Однако уже в конце XIII–XIV вв. происходит постепенная дифференциация комплекса вооружения. Хотя определенные коррективы в подобные подсчеты вносит значительное количество мусульманских безинвентарных погребений, но

и при этом можно выделить группы погребенных по наличию престижных категорий вооружения. Социальные верхи войска, как в других странах средневековой Евразии, выделяются по использованию защитного вооружения (металлические панцири, шлемы, наручи, щит, а также иногда конский доспех) и престижных типов оружия (сабли, копья, садачные наборы и т.д.). Характерно, что часто именно погребенные с таким комплексом вооружения покоились в мавзолеях или полуподземных гробницах типа сагана. Все это указывает, что постепенно войско дифференцируется и водораздел проходит по характеру использования дорогого и престижного вооружения и снаряжения. Остальная часть войска была вооружена оружием дистанционного боя и универсальными типами оружия ближнего боя (копья, топоры, ножи). В этой связи представляется, что социальное деление отражало в значительной степени градацию войск Улуса Джучи на конных латников – беков и эмиров и простых конных лучников – батыров и казаков.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что имелась практика, когда во время боевых походов командующий за свой счет вооружал определенное количество своих воинов. Очевидно, что в Улусе Джучи, где существовало развитое ремесленное производство, и в руках клановой аристократии были сосредоточены огромные средства, подобная практика была развита. Подобные военные слуги, скорее всего, получали плату за службу и, очевидно, происходившие из одного с беком клана, составляли основу его воинского контингента, костяком территориального ополчения. Кроме самих воинов в составе войск обязательно были слуги. По некоторым сведениям, на одного воина-всадника приходилось, как минимум, два слуги.

Воинская повинность носила всеобщий характер для всего военно-служилого сословия, что являлось традицией для тюрко-монгольских кочевых обществ. Обычной практикой являлась служба с оружием, конями и походной амуницией. Выдвижение в поход и сама организация выступления войск к театру военных действий были отработаны еще в войсках Чингиз-хана. В войсках Улуса Джучи этот элемент подготовки к войне был также отработан довольно хорошо. Особенно тогда, когда сохранялось единство империи

Легковооруженный конный воин. XIV в.
(реконструкция М.В.Горелика)

и на решение этой задачи были направлены усилия целого штата чиновников и служащих различного ранга.

Немаловажной была и подготовка к походу самих войск. По данным арабских источников, для выступления в поход «каждый всадник из них обязательно имел при себе двух слуг, тридцать голов овец, пять голов коней, два медных котла и телегу» [Григорьев, Фролова, 2002, с.299]. Это необходимое снаряжение для регулярного войска включало, очевидно, передвижные мастерские оружейников, кузнецов, кожевников и других мастеров. Кроме того, каждый знатный эмир и вельможа имел не только особый шатер, но и целый двор с обслугой, включая «жилища, семьи, челядинцев (хаваш), имущество и скот» [СМИЗО, 1941, с.75].

Сами татары, как и все степные скотоводы, были неприхотливы и могли обходиться в боевых условиях, когда им приходилось отделяться от своих обозов, еще меньшими удобствами. Как пишут очевидцы, татары были чрезвычайно неприхотливы и выносливы. По словам Марко Поло, «когда отправляются в долгий путь, на войну, сбруи с со-

бой не берут, а возьмут два кожаных меха с молоком для питья, да глиняный горшок варить мясо. Везут также маленькую палатку укрываться на случай дождя» [Книга Марко Поло, 1990, с.82]. О том же писал и венецианец Иосафат Барбаро: «каждый из этих (т.е. татар. – И.И.), когда отделяется от своего народа, берет с собой небольшой мешок из шкуры козленка, наполненный мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда. У них всегда есть с собой несколько деревянных мисок. Если у них не хватает дичины, – а ее много в этих степях, и они прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки, – то они пользуются этой мукой, приготавливая из нее, с небольшим количеством воды, род питья; этим они и обходятся» [Барбаро и Контарини, 1971, с.142]. Неприхотливость, способность стойко переносить лишения и дисциплинированность делали из татар воинов, способных безо всяких обозов совершать стремительные и длительные переходы, преодолевая значительные расстояния, неожиданно врываясь на территорию противника. По рассказу того же Марко Поло, «...татарин зачастую уйдет на целый месяц, без всякой еды; питается кобыльим молоком да той дичью, что сам наловит, а конь пасется на траве, какая найдется, и не нужно ему брать с собою ни ячменя, ни соломы. Государю своему очень послушны, случится надобность, всю ночь простоит на коне вооруженным; а конь пасется всегда на траве. В труде и лишениях они выносливы более, нежели кто-либо, трат у них мало, покорять землю и царства самый способный народ» [Книга Марко Поло, 1990, с.81]. В другом отрывке он, развивая эту мысль, приводит новые свидетельства, что татары, если «случится надобность, так скачут... дней десять без пищи, не разводя огня, и питаются кровью своих коней; проткнет жилу коня, да и пьет кровь. Есть у них еще сухое молоко, густое, как тесто; его возят с собою; положат в воду и мешают до тех пор, пока не распухнет, тогда и пьют» [там же, с.82].

В этой связи весьма сложным представляется вопрос об оплате воинской службы. Представляется, что оплата за участие в войнах и походах была дифференцирована по социальному статусу и роду войск. Не исключено, что часто военная служба была во-

обще не оплаченной государством, или выплаты своим воинам осуществляли улусбеки из своих средств.

Скорее всего, воинская повинность состояла из нескольких различных служб. Походная включала не только участие в походе, но и обеспечение его, включая обслуживание проходивших мимо войск. В этой связи некоторые термины ханских ярлыков, обороты типа «все уполномоченные», или «тем, кто следует по всякому делу» [Усманов, 1979, с.215, 221], могут относиться и к организации походной службы. Сторожевая служба, кроме обычной пограничной и военно-полицейской, являлась, очевидно, смотром ближайшего резерва, который находился в готовности выступить в поход. Пограничная или военно-полицейская служба специально оговорена в некоторых ярлыках различными терминами – «букаул-гуткаул», «букаул-чири», «йасаул-букаул», «караул-чагдаул», которая в ярлыках русским митрополитам соответствует «буролажникам и заставщикам» [там же, с.214]. Войсковая служба являлась службой людьми, оружием, конями и снаряжением, т.е. полной готовности к длительному походу и боевым действиям. Характерно, что в ханских ярлыках, даже тарханских, воинская служба специально не оговаривается, что заставляет считать, что она регулировалась традицией, обычаем и законоустановлениями «Йасы» Чингиз-хана и являлась безусловной, не имеющей исключений, обязанностью каждого служилого татарина.

К сожалению, состояние источников не позволяет полностью восстановить продолжительность и связь службы с земельным держанием или обладанием части доходов с определенной территории. Можно только предполагать, что кроме неоплаченной службы, беки и их воины получали определенную компенсацию (*укулька*, *оглига*), часто, видимо, в виде повышенной доли военной добычи. Как отмечают военные историки для периода Средневековья, «деньги – почти обязательный посредник между властью и воинами» [Контамин, 2001, с.105]. Вряд ли что-то принципиально другое было и в Улусе Джучи. Это обстоятельство имело несколько важных следствий. Во-первых, это делало любую войну чрезвычайно дорогостоящим и затратным предприятием. Во-вторых, военная кампания должна была быть быстрой, стремительной и иметь конкретную цель, достижение которой сулило возмещение затрат на войну. В-третьих, война должна была быть победоносной и приносить доход. Очевидно, что когда поход проваливался или оканчивался неудачей, то любой полководец, включая хана, мог потерять контроль над своими подданными, как это случилось с ханом Туга-Бугой после провалов его военных походов.

Постоянной военной готовности ханы Улуса Джучи добивались с помощью регулярных сборов и смотров войск. Очевидно, что таковыми являлись сборы аристократии во время курултаев, когда происходила церемония вступления хана на престол, а затем клятвы верности с их стороны и переоформление ярлыков на земельные держания, различные другие ленные владения и должности. Например, во время приема посольства египетского султана в 1262 г. в ставке Берке был сделан смотр войска, «которое было в полном вооружении» [СМИЗО, 1884, с.64]. Этой же цели служили, очевидно, перемещения ханского двора по территории страны, когда сборы происходили на местах. Как правило, регулярно подобные местные сборы происходили и на местах во время важнейших календарных или мусульманских праздников. Подобные праздники сопровождались воинскими играми, различными состязаниями и смотрами. Один такой сбор эмиров и их войск описывает очевидец – купец и путешественник Ибн Баттута. Он рассказывал, что видел в ставке хана Узбека прием, на котором присутствовало 17 эмиров туменов. Ибн Баттута разъясняет, что «начальником томана у них (называется) тот, у которого 10000 всадников» [там же, с.299]. Во время этого сбора были устроены соревнования, каждый из этих 17 эмиров выразил преданность хану и получил от него богатые подарки.

Во время выступления в поход, очевидно, происходило постепенное пополнение сил. Первыми подходили войска нескольких надежных и ближайших улусбеков, которые являлись на смотр в ставку хана. Здесь происходило распределение войск по корпусам – кулам (колам), которые затем пополнялись за счет подходивших сил. Основой этих кулов служили наиболее боеспособные и хорошо вооруженные ополчения, связанные клановой принадлежностью и землячеством. Другие отряды, прибывавшие мелкими груп-

пами, приписывались к одному из корпусов. Эти резервы, очевидно, собирались в нескольких пунктах и присоединялись к войску на марше. Иными словами, это был своего рода марш-мобилизация. Он позволял не скапливать все силы сразу в одном месте, что затруднило бы их снабжение, а рассредоточить их и вливать в состав корпусов постепенно, увеличивая их численный состав до необходимой пропорциональности подразделений. Скорее всего, сбором и росписью отрядов по крыльям и корпусам ведал сам полководец и его свита, а формированием более мелких подразделений по экипировке и пропорциональной численности – командующий кулом. Командующий кулом назначался ханом. Обычно это был один из огланов, но при нем всегда был один из знатных эмиров, который командовал значительным подразделением или имел боевые заслуги и славу. При этом не всегда огланы становились командующими туменами. Например, во время похода на Тебриз 1385 г. хан Токтамыш направил 9 туменов во главе с 12 огланами [СМИЗО, 1941, с.151].

В каждом боевом отряде – кул (кол), кошун (служба, обслуга) и т.д. – воины группировались вокруг знамен и штандартов своих командующих. В различных источниках постоянно указывается, что каждый командующий туменом имел свое знамя. Хан имел штандарт с девятью конскими хвостами, командующий войском – семь, командиры кулов – пять, а кошунов – три. Кроме того, каждое из подразделений имело знамя своего командира – еленге (хорунга). Знамена также различались размерами и цветом. Скорее всего, знамя хана было голубым или зеленым и носило тамгу Джучидов и мусульманскую символику – надписи арабским шрифтом, содержащими коранические фразы.

Войска выступали в поход в строгом порядке и двигались, видимо, отдельными колоннами с боевым охранением, которое выдвигалось далеко вперед и в стороны от наступающего войска. Например, венецианец И.Барбаро писал, что передовые сторожа появились на несколько дней раньше того, как к Азаку выдвинулись основные силы во главе с ханом Кичи-Мухаммадом. Сторожевые отряды занимались тем, что выслежива-

ли неприятеля и осуществляли контроль над прилегающей территорией. Это же фланговое охранение осуществляло набеги (*илгар*) с целью захвата продовольствия и добычи на вражеской территории, разорения округи.

Характерной чертой кочевого быта, а значительная часть татарской знати вела именно такой традиционный образ жизни хотя бы несколько месяцев в году, являлись военные упражнения. Важнейшую роль в этом играли ежегодные сборы во время загонной охоты, которая являлась одним из важнейших способов добиться четких и слаженных действий значительных конных подразделений, действующих на огромной территории. Индивидуальным способом подготовки являлись тренинг боевой лошади, джигитовка и упражнения с оружием. Среди них важнейшим являлось стрелометание и стрельба из лука на всем скаку. На это указывал, в частности, Ибн Баттута, когда отмечал, что во время сбора войск в ставку хана Узбека были «поставлены щиты для стрельбы, каждому начальнику томана» [СМИЗО, 1884, с.298]. Искусство стрельбы из лука у татар неизменно вызывало восхищение иноземцев, которые неизменно выделяли его среди других состязаний. Довольно подробное, развернутое и очень типичное описание подобных состязаний приводит Иосафат Барбаро, который видел их во время посещения Таны в 1436 г., но «в этих местах состязания происходят следующим образом, – писал он, – к деревянной балке, положенной горизонтально на два деревянных столба (это устройство похоже на виселицу), привешивают на тонкой бечевке серебряную чашу. Состязаются на приз стрелки имеют стрелы с железной частью в виде полумесяца с острыми краями. Всадники скачут с луками на своих конях под эту виселицу и, едва только минуют ее, – причем лошадь продолжает нестись в том же направлении, – оборачиваются назад и стреляют в бечевку; тот, кто, срезав ее, сбросит чашу, выигрывает приз» [Барбаро и Контарини, 1971, с.155–156]. Другим видом соревнований, которое практиковалось аристократией Улуса Джучи, являлось конное поло – «игра в мяч» (см.: [СМИЗО, 1884, с.64]). Определенно, что и другие виды боевых искусств – борьба, упражнения с оружием и т.д. также использовались для воинской подготовки.

Татарские воины были не только прекрасно обучены, но и обладали храбростью и стойкостью. По словам Марко Поло, татары «бьются отлично и очень храбро» [Книга Марко Поло, 1990, с.81]. Тот же Иосафат Барбаро писал, что «военные люди в высшей степени храбры и отважны, причем настолько, что некоторые из них, при особо выдающихся качествах, именуется «талубагатер», что значит безумный храбрец. Такое прозвище рождается в народе, подобно тому как у нас «мудрый» или же «красивый»... Эти богатыри имеют одно преимущество: все, что бы они не совершали, даже если это в известной мере выходит за пределы здравого смысла, считается правильным, потому что раз это делается по причине отваги, то всем кажется, что богатыри просто занимаются своим ремеслом. Среди них есть много таких, которые в случаях военных схваток не ценят жизни, не страшатся опасности, но мчатся вперед и, не раздумывая, избивают врагов, так что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрецов» [Барбаро и Контарини, 1971, с.146]. Далее этот венецианский путешественник описывает случай, иллюстрирующий его слова, когда пятеро татар напали на сотню черкесов, чей отряд собрался напасть на окрестности Таны. В результате стремительного налета татар черкесы бежали, оставив убитыми и пленными около 40 человек [там же, с.147].

Нельзя не затронуть также вопрос об обучении военному делу. Если для обучения владением оружия требовались регулярные упражнения и физическая закалка, то для овладения тактикой необходимо было целенаправленное обучение. Фактически до нас не дошли сведения в татарской литературе о военном искусстве, однако, поскольку подобная литература была широко известна по всему мусульманскому Востоку, то можно предполагать, что различные трактаты о фаруси'ат, т.е. военном деле, использовались для знакомства с канонами военной науки. Эти науки, наряду с науками об управлении государством (типа «княжеских зеркал», таких, как «Благодатное знание» Йусуфа Баласагуни и «Поучение владыкам» ал-Газали), входили в свод учебной литературы аристократии всего мусульманского мира.

Другой тип источников, которые, видимо, использовались в обучении военному делу –

это различные исторические хроники, сочинения и генеалогии. Они повествовали о событиях, описывая различные эпизоды военной истории, сохраняя опыт ошибок и успехов на поле боя. Формированию воина способствовали также различные эпические сказания (например, «Идегей»), дастаны (например, «Кисекбаш китабы»). Все они устанавливали идеал рыцарственного поведения, повествовали о мужестве и воинской доблести.

Численность войск. Очевидно, что на протяжении своей истории численность войска Улуса Джучи не оставалась неизменной. Сложность решения этого вопроса не только в малочисленности источников, но и в приблизительности многих приведенных там данных. Ряд арабских историков XIV в. сообщают, что «их войска (настолько) многочисленны, (что) не поддаются учету» [Григорьев, Фролова, 2002, с.299].

Вместе с тем, они же отмечали, что сохранилось только одно достаточно достоверное известие о численности золотоордынских войск, когда поднял мятеж и выступил против хана Токты и против великого хана султан Мавераннахра Эсенбуга: «Тогда (хан) отрядил против него от каждого десятка (воинов) одного. И число отряженных достигло 250 тысяч из тех, кто вошел в счет. И это кроме тех, кто присоединился к ним добровольно» [там же, с.299]. Эти сведения вошли в энциклопедический труд ал-Калкашанди из трудов ал-Бирзали, аз-Захаби, ал-Омари и ал-Асади (см.: [СМИЗО, 1884, с.174, 206, 240, 446]). Отличаются от этого только сведения историка середины XV в. ал-Айни, который указывает, что численность войск Токты доходила до 150 тыс. всадников [там же, с.514]. Иными словами, указание на огромную численность войск Улуса Джучи являлось традиционно условным для описаний этой страны в арабской историко-географической литературе.

По другим сведениям Ибн Василя, когда началась война с Хулагуидами, то Берке, узнав о вторжении врага, «сделал воззвание войску своему, чтобы садился на коня всякий, кому 10 лет (и более) от роду. Село народу столько, что не видно было ни начала, ни конца» [там же, с.74]. Вместе с тем, известно, что войско Хулавуна достигало якобы численности 600 тыс. воинов, что заставляет думать, что войско татар также было близко к этому числу.

Очевидец сбора войск при дворе хана Узбека арабский купец Ибн Баттута специально указывает, что на сбор в 1333 г. явились 17 эмиров, командовавших 10 тыс. всадников: «присутствовало (таких) темников 17, предводительствовавших 170 тысячами; (впрочем) войско его (хана) больше этого» [там же, с.299]. Несмотря на такую значительную цифру, само войско ханов Улуса Джучи могло быть значительно больше, поскольку, видимо, число подобных улусбеков, командовавших туменами, могло достигать 50–60 человек. Например, послы хана Джанибека, прибывшие в Каир в ша'абане 758 г.х. (20.07–17.08.1357), сообщили о его победах в Хорасане и о том, «что войско этого султана простирается до 700000» [там же, с.448]. Однако достоверных данных, подтверждающих эти сведения, в нашем распоряжении довольно мало. Можно только констатировать, что различные источники указывают на непостоянную общую численность войск Улуса Джучи.

Во время войны хана Токты с Ногаем их ополчения достигали 200 тыс. всадников, причем у Ногая основой его войска были тумены 17 знатных улусбеков и эмиров [там же, с.111]. Примерно в это же время Рашид ад-Дин указывал, что во время противоборства хана Токты и Ногая их войска насчитывали 30 туменов, т.е. их общая численность могла достигать 600 тыс. всадников [СМИЗО, 1941, с.71]. Примерно об этом же писал Марко Поло, который отмечал, что войско Токты состояло из 20 туменов, а Ногая – из 15, насчитывая в общей сложности 350 тыс. всадников [Книга Марко Поло, 1990, с.205–206]. Во время похода 1265 г. все войско Берке-хана состояло из 300 тыс. всадников [СМИЗО, 1941, с.100]. Персидский источник «Тарих-и Шейх-Увейс» отмечает, что правитель Тебриза Малик Ашраф указывал на огромную численность войск Джанибека, говоря, что «этот сын Узбека, царь из урука Чингизханова, он имеет огромное войско в 300000 человек» [там же, с.102, 530].

При этом отдельные отряды, которые действовали как передовые, сторожевые или наступательные части для действия в определенной зоне, могли быть также различной численности. Передовые отряды хана Токты насчитывали более 10 туменов (т.е. около 100 тыс.) войска [там же, 83]. Во время похода хана Узбека на Азербайджан в 1318–1319 г. полководец Иса Куркуз командовал восемью

туменами [СМИЗО, 1884, с.521]. Значительное по численности войско в 9 туменов привели под стены Тебриза зимой 1384–1385 гг. полководцы Токтамышша Иса-бек, Яглы-бий, Казанчи [СМИЗО, 1941, с.109, 151]. Передовой отряд Ногая в походе на Хулагу в августе 1262 г. насчитывал до 30 тыс. воинов [там же, с.74, 99], а в походе на Хулагуидов в 1264–1265 гг. корпус Ногая состоял из 50 тыс. всадников [СМИЗО, 1884, с.152].

Таким образом, хотя общая численность войск варьировалась, проследить реальную его численность не представляется возможным. Во-первых, сами подразделения, такие, как тумены, тысячи, сотни и десятки, обозначали не фактическое число воинов, а принципиальную мобилизационную возможность. И в разные годы могли быть или больше, или меньше списочной численности. Во-вторых, есть сомнения в самих цифрах, которые используют восточные источники, поскольку не ясно, идет ли речь о численности всей армии или только воинов. Если только воинов, то общая численность всего войска могла доходить до 0,75–1 млн человек, что маловероятно. Поэтому общее число военнообязанных, как и численность всего военно-служилого сословия в Улусе Джучи может быть рассчитана лишь теоретически – от 0,6 млн в середине XIII в. до 3 млн в конце XIV в. Возможно, общее число воинов в некоторых военных походах могло доходить до 300 тыс., но подобной численности войско Улуса Джучи достигало только в редкие годы, во время чрезвычайных обстоятельств войн с Хулагуидами и Аксак-Тимуром. В других же военных действиях участвовали корпуса заметно меньшей численности.

Фактически самым крупным подразделением войск являлся тумен – 10 тыс. всадников. Очевидно, что именно подразделение такой численности в идеале должен был выставлять для ведения войны каждый улусбек. Но в боевых действиях на отдельных направлениях, решая собственные оперативно-тактические и даже стратегические задачи, могли действовать корпуса – кулы, состоявшие из 3–5 туменов. Как правило, именно такие подразделения проводили, судя по средневековым источникам, практически все военные походы, вели сражения и осады во второй половине XIII – начале XV в. Однако численность их сильно зависела от способа ком-

плектования и мобилизационных возможностей улусов и поэтому сильно варьировалась во времени и в пространстве.

Как правило, в боевых действиях против соседних стран, Византии, Польши и Литвы, а также мятежных русских княжеств, участвовали войска нескольких улусбеков, чьи владения или граничили с театром военных действий, или их доходы зависели от денежных поступлений с этих территорий. Скорее всего, хан назначал командующим или своего эмиссара, обычно оглана, с приданным ему корпусом, который становился костяком будущего войска (например, оглан Тудан и его «Дюденева рать»), или назначал им одного из улусбеков (во второй половине XIII в. Курмыши, Бурундай, позже Ногай).

Говоря о комплектовании войск, нельзя обойти стороной вопрос о наличии в татарских войсках контингентов зависимых стран, в частности из Руси. Долгое время в отечественной историографии считалось, что русские войска не посылались на помощь Орде, благодаря заступничеству Александра Ярославича, «отмолившего» эту милость у хана, но факт этот известен только по неким логическим допущениям и поздним житиям святого Александра Невского. Фактически единственным свидетельством реальности «налога кровью» служит участие нескольких русских князей в осаде и взятии аланского города Дедаков. Хотя в свите этих русских князей действительно было много слуг и даже дружинников, нет никаких известий, что они были призваны на войну и что участвовали в боевых действиях. Вместе с тем, в войсках татар служили русские люди. Один из них даже попал на страницы средневековых хроник, убив самого Ногая, который, как Чингизид, имел право на почетную смерть [там же, с.114]. Однако ни статус, ни его место в военной иерархии не известны. Скорее всего, в определенном смысле прав Л.Н.Гумилев, когда считал, что некоторая часть русских воинов могла служить татарским ханам, а кому-то из них даже могла открыться «дорога к богатству и чинам» [Гумилев, 1970, с.398]. Однако это был путь в лучшем случае наемника. Для того, чтобы действительно получить доступ к чинам и богатству, этот русский человек должен войти в тот или иной клан. Гораздо больше сведений о совместных военных действиях татарских и русских

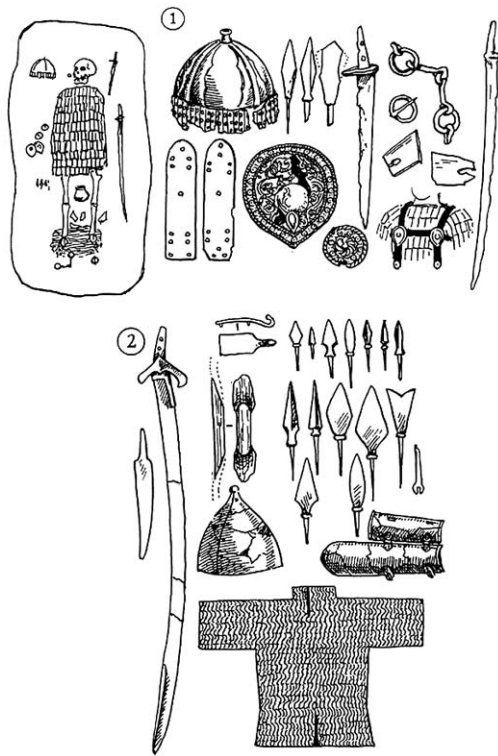
войск против Польши и Литвы. Но это – совместные походы против внешнего врага, угрожавшего как интересам южнорусских княжеств, так и самой Орде.

Не исключено, судя по данным археологии, что какие-то представители мордовских князей действительно служили как воины в ордынских войсках и даже вступали в брачные отношения с татарской знатью (см.: [Золотая Орда, 2005]).

Войско: рода войск и военная техника. *Конница*, состоявшая из тяжеловооруженных воинов, по единодушному признанию современников и военных историков, являлась символом средневековья. Именно отряды латной конницы, состоявшие из потомственных профессиональных воинов, не только главенствовали на полях сражений в это время, но и определяли стержень развития вооружения и военного дела. Одновременно всадники являлись самыми привилегированными воинами – слоем военно-служилой знати. В этих условиях становление и развитие средневековой кавалерии неотделимо от процессов возникновения и укрепления слоя рыцарства – аристократии и их военных слуг.

К войску Улуса Джучи все это относится в полной мере. Как правило, в источниках, в которых говорится о татарской армии, слова «воин» и «всадник» употребляются как синонимы. Например, Марко Поло прямо указывает, что в бою татары сражаются не спешиваясь [Книга Марко Поло, 1990, с.256]. Уже на начальной стадии своей истории держава Чингизидов создавалась как империя, подчиненная военно-служилому сословию, во главе с «алтын уругом». Иными словами, основой социально-политической и военно-административной системы этого государства являлись иерархически организованные конные отряды татарских кланов.

Важнейшим условием формирования огромных масс кавалерии являлось наличие обученных коней. Лошади, которых в Улусе Джучи было огромное множество, что единодушно отмечают все путешественники, позволяли производить набор в войско именно конных воинов и беспрепятственно и постоянно пополнять войска лошадьми. В смысле обеспечения лошадьми и их регулярной ремонтной работы Улус Джучи представлял собой уникальное явление в средневековой Европе, где эти проблемы стояли довольно остро. Определен-

Комплексы вооружения из татарских погребений XIII–XIV вв. (по М.В.Горелику)

но, что знатные воины имели более сильных, высоких и породистых коней, а простые воины использовали обычных степных лошадей. Неказистые степные лошади были отлично подготовлены для боевых действий. По словам того же Марко Поло, татары «коней своих приучили, как собак, ворочать во все стороны» [там же, с.82].

Знатные воины являлись на службу, окруженные слугами (их должно было быть не менее двух), с несколькими сменными лошадьми и полным вооружением. В XIII – первой половине XIV в. этот комплекс вооружения включал копье, саблю, саадчатый набор из колчана и налущья, а также защитное снаряжение – панцирь, шлем, иногда наручи и поножи и щит. Видимо, часть воинов имели и конский доспех, особенно в середине XIII – первой половине XIV в. Для характеристики подобного комплекса вооружения особенно важно отметить, что он связан со специализированным оружием и высокотехнологическим снаряжением воина-всадника. Граненые пики, булавы-клевцы, шестоперы и топоры-клевцы являлись специфичным оружием, способным

увеличить эффективность удара, проломить броню или «ошеломить» врага.

Еще более заметен прогресс в совершенствовании защитного вооружения. Кроме кольчуг, ламеллярных пластинчатых и кожаных доспехов, известных и в предмонгольское время, широко распространяются современные типы снаряжения: чешуйчатый панцирь, кольчуги с плоскими кольцами – байданы, кюяки – бригандины и различные комбинированные виды панцирей. Отличительной особенностью этого времени стало широкое использование конских доспехов – кояров.

Все это ясно показывает, что в Улусе Джучи сформировался комплекс боевых средств, характерный для латной кавалерии. Этот комплекс боевых средств был характерным сплавом монголо-татарских традиций и местных условий боевой практики, когда использовались многочисленные конные отряды, а исход боя решался в столкновении тяжеловооруженных всадников, применявших таранный удар копьем. Само сражение стало многоактным, а конные воины были способны вести стремительные и продолжительные схватки с противником.

Если набор оружия знатных воинов выделяется в целом довольно отчетливо, то наличие отрядов легковооруженной конницы выделить гораздо труднее. Нет сомнений, что основную часть войска составляли воины – мелкие владельцы икта, военные слуги и т.д., которые имели лишь некоторые виды оружия ближнего боя и защитного снаряжения. Очевидно, оно включало весь набор массового вооружения в различных сочетаниях, среди которого определяющим было метательное оружие. Отличие набора от оружия средних и низших слоев военно-служилого сословия знати было в несистематическом употреблении клинкового оружия и нерегулярном использовании металлического защитного снаряжения. Другой особенностью, отличающей вооружение основной части войска от специализированного, была его большая универсальность.

В целом арсенал боевых средств легковооруженных всадников включал лук и стрелы, боевой нож, боевой топор, возможно, копье, кистень, щит, а доспех состоял, скорее всего, из кожаного панциря и шлема. В пределах этого набора вооружения, видимо,

могли быть некоторые различия, обусловленные сложным социальным составом (ополчение горожан и воины, снаряжаемые за счет феодала и т.д.), которые пока трудно уловить.

Скорее всего, основную часть этих воинов составляли легковооруженные отряды конных лучников. Значение их на поле боя было довольно важным, поскольку они завязывали бой, осыпая стрелами противника, нанося ему значительный урон. Они же действовали, видимо, на флангах, прикрывая конных латников во время атаки, а также преследовали противника. Весьма значительной была роль этих воинов во время походов – в боевом охранении, охвате вражеской территории и сковывании резервов противника, окружении и блокаде его укрепленных пунктов. В целом можно сказать, что от действий этой части золотоордынского войска во многом зависел успех сражения и всей кампании. Следует также отметить, что в силу целого ряда обстоятельств именно эта средне- и легковооруженная конница стала определяющей для военного дела целого ряда постордынских государств.

Пехота, в силу своей специфики, не являлась сколько-нибудь важной, или значимой частью войск Улуса Джучи. В условиях, когда «царицей полей» была латная конница, пехоте отводилась весьма скромная, вспомогательная роль. В истории войн Улуса Джучи практически нет сведений о сколько-нибудь регулярном использовании пехоты. Даже для осады городских укреплений обычно использовались спешенные всадники. В силу этого набор вооружения пехоты фактически не фиксируется. Некоторые не очень ясные сведения о возможном присутствии пехоты на поле боя дают описания сражений при Кондурче (1391 г.) и Тереке (1395 г.), где упоминаются татарские полевые укрепления в виде рвов и фашин и, видимо, их охрана. Возможно, в этом случае охрана лагеря и подобных укреплений доверялась боевым слугам и частично спешенной коннице. Есть также позднее и весьма смутное упоминание отрядов мусульман, ясов и генуэзцев на стороне Мамаю в Куликовской битве. Если даже признать эти сведения за факт, то он является единичным и не характерным. Пехота ни в том, ни в другом случае не играла решающей роли и выполняла вспомогательные и охранительные функции.

Панцирь. XIV в.
(реконструкция М.В.Горелика)

Возможно, некоторым исключением является территория Булгарского улуса, где со второй половины XIV в. заметны некоторые изменения в наборе пехотного снаряжения. Он включал широкие удлиненно-треугольные, удлиненно-листовидные и лавролистные копья, топоры с клиновидным лезвием, а также универсальные походно-боевые секиры.

Возрастание значения пехоты связано с целым рядом факторов, среди которых, несомненно, усиление внутренней напряженности, а также укрепление экономической и политической самостоятельности городов, испытывавших потребность в эффективной обороне. Именно крупные города формировали, видимо, ополчения пехоты. Поскольку пехота не могла еще противостоять тяжеловооруженной коннице в открытом бою, то она успешно действовала при защите укреплений, в речных сражениях и при использовании огнестрельного оружия. Несомненно ее определяющее значение при проведении инженерных работ. В этих условиях заметна тенденция к повышению ее роли в военном деле.

Флот, как вид военных сил Улуса Джучи, фактически отсутствовал. Сохранилось

Конный латник. XIV в.
(реконструкция М.В.Горелика)

немало свидетельств, когда в ответ на действия итальянских пиратов и военно-морских сил торговых республик Венеции и Генуи, ханы и правители улусов совершали сухопутные походы против их портов и колоний, заставляя их самих обеспечивать охрану побережья. Практически только во второй половине XIV в. в городах Булгарского улуса начинает формироваться речной флот, который был способен противоборствовать набегам пиратов-ушкуйников и русских князей. Эти тенденции к увеличению значения в обеспечении военных действий речного флота проявились уже позднее, в XV в., в период Казанского ханства.

Артиллерия являлась важнейшей военно-технической новинкой XIV в., которая, развиваясь, стала определять характер дальнейшего развития военного дела в мире. Огнестрельная артиллерия возникла из сочетания двух открытий предшествующего времени – изобретения пороха и крупномасштабного литья бронзы, а позднее и чугуна. Первые достоверные сведения о составе пороха известны еще

с середины XI в. из китайского трактата «У цзин цзунъяо» («Важнейшее из основ военного дела»), где описывалось изготовление зажигательных и разрывных снарядов [Школяр, 1980, с.159–203]. Знакомые с достижениями китайского военного дела монголы активно использовали подобные пороховые снаряды для взятия вражеских крепостей. Прорыв к изобретению собственно огнестрельных орудий был совершен, очевидно, в Средиземноморье, где трубки, использовавшие пороховые заряды, сначала применялись для метания стрел и небольших ядер в конце XIII в. А с 30-х гг. XIV в. модифицированные пушки стали метать довольно крупные ядра и спустя десять-двадцать лет широко распространились по Европе. На территорию Улуса Джучи подобная военно-техническая новинка попала, скорее всего, с Ближнего Востока.

Уже в 70-е гг. XIV в. легкие пушки появились на вооружении у татар и использовались при обороне городов. Яркое описание использования огнестрельной артиллерии оставила русская летопись, сообщившая, что когда зимой 1377 г. по приказу великого князя Московского нижегородские войска пошли походом на Болгар, то осажденные встретили их выстрелами из пушек: «...з града гром пушаху, страшашее нашу рать» [Приселков, 1950, с.401]. Фактически это было первое знакомство русских войск с огнестрельным оружием. Но уже в 1382 г. при обороне Москвы от войск Токтамыша горожане вели обстрел их из легких пушек – тюфяков (тюфенков/тюфенгов): «друзии же тюфякы пушаху на ня...» [ПСРЛ, 25, с.26]. Таким образом, не подлежит сомнению факт знакомства татар с огнестрельным оружием практически в то же время, когда оно широко распространилось по Старому Свету.

Сам термин, которым русские называли тип ранних пушек – «тюфяк» – есть искаженное заимствование из тюркского «тюфенк», т.е. «небольшая пушка». Этот термин и ряд находок с территории Улуса Джучи дают ключ к рассмотрению конструкции ранних пушек. Они имели широкий, но недлинный канал ствола и заметно более узкую и длинную зарядную камору. Как правило, калибр подобных орудий был небольшим, а вес легких тюфяков достигал 12 кг. Стреляли подобные орудия каменными, а с середины XV в. – литыми бронзовыми и чугунными ядрами. Судя

по находкам, подобные стволы были довольно широко известны в XIV в. от Юаньского Китая до Западной Европы. Обычно тюфяки, судя по сообщениям русских летописей, использовались при обороне и осаде крепостей. Легкие тюфяки могли использоваться также и в полевых условиях, поскольку их небольшой вес позволял перевозить их на обычной повозке, о чем свидетельствуют обстоятельства битвы на Ворскле в 1399 г., когда войско Витовта применило легкие пушки против татарских полков Идегея. Однако у нас нет фактов, что татары также использовали пушки в полевых сражениях.

Постепенно конструкция подобных орудий стала меняться. В начале XV в. ствол у них вытягивается, а зарядная камера, в свою очередь, сокращается. Подобные пушки – бомбарды стали уже грозным оружием, особенно при осаде и обороне крепостей. Выбрасываемые огромные каменные ядра (одна подобная бомбарда имела вес 5,5 т и выстреливала ядра весом 120 кг), эти орудия разбивали каменные стены и наносили урон наступающим в полевом бою. В этот период заметно увеличивается разнообразие огнестрельных орудий от тяжелых бомбард – мортир, куртод и серпентин, стреляющих тяжелыми ядрами (от 20 кг и выше), до ручных бомбард – аркебуз, пищалей и ручниц, стреляющих свинцовыми шариками. Изменилась и конструкция пушек. Вместо бомбард, склепанных из полос кованого железа, появились литые железные (чугунные) орудия. Это сразу же увеличило надежность и огневую мощь пушек, сделав их еще более грозным оружием. В целом же расцвет огнестрельной артиллерии приходится на XV в.

Развитие огнестрельной артиллерии возвестило закат эры *метательной артиллерии*. Между тем, еще в начале-середине XIII в. различные типы метательных орудий переживали период расцвета. Камнеметы и аркбаллисты (самострелы) играли важную роль в успехах монгольских ханов в их завоевательных походах. Восточные, русские и западноевропейские источники постоянно указывают на орудия, которые разбивали городские

Ручная пушка – тюфенк.
Центральная Русь.
Конец XIV – середина XV в.
(по А.Н.Кирпичникову)

стены, ломали ворота и забрасывали город огненными снарядами. Например: «Татарове начаша пороки рядити, и к граду приступиша, и выбывше стену градную» [ПСРЛ, 15, с.369], или «и меташа на нь каменнем полтора перестрела, а камень же яко можаху 4 мужи силнии подбяти его» [ПСРЛ, 7, с.144], «постави же Батыи пороки к городу подле врат Лядских, ту бо бяху пришли дебри, пороком же бес престани биющим день и ночь, выбиша стены» [ПСРЛ, 2, с.785]. Но уже позднее, в конце XIII в., татары применяли военные машины не часто. Очевидно, это объяснялось тем, что войска эти были не столь многочисленны и не имели возможности вести длительную планомерную подготовку к штурму, предпочитая быстрый яростный натиск длительной подготовке.

Вместе с тем, в ряде случаев и позднее татары использовали различные типы доогнестрельной артиллерии при обороне своих городов. Наиболее выразительный пример этого – та же осада Болгара московскими войсками в 1377 г., когда в наступающие горожане «самострелныя стрелы пушаху» [Приселков, 1950, с.401]. Поскольку в этом сообщении речь идет также об использовании тюфяков, то можно предположить, что во второй половине XIV в. новая артиллерия не вытесняла старую, а сосуществовала с ней. Метательные машины типа аркбаллист дополняли огнестрельные пушки потому, что их результативность считалась различной.

Иными словами, хотя огнестрельная артиллерия в этот период делала все новые успехи, применение ее часто было комбинированным с метательными орудиями. При этом все эти военно-технические новинки использовались в большинстве случаев при обороне укрепленных городов, т.е. в основном крепостей Булгарского улуса.

§ 4. Военное искусство

Искандер Измайлов

Ведение войны. Стратегия. Перед всяким войском, стремящимся достичь успеха, стоят две равнозначные задачи – как преодолеть пространство и время. Пространство – это территория, через которую необходимо совершить марш к цели, завоевать и удержать ее, обеспечив снабжение своих войск и не дать использовать эти факторы противнику. Время – это инициатива, быстрота и натиск, которые создают дефицит времени у противника, не позволяют ему адекватно реагировать на угрозу. Стратегия в этом смысле – искусство овладения пространством и временем, внезапность наступления, стремительный марш, создание перевеса в определенной точке, что не позволит противнику собрать силы для контрудара. Понимание этих основ стратегии очень часто демонстрировали полководцы Улуса Джучи. Однако понимание не всегда рождало способность найти подходящее решение для этого.

Основными источниками для характеристики военной стратегии и оперативно-тактического мастерства татар Улуса Джучи являются данные русских летописей, арабо-персидских историко-географических сочинений и известия западноевропейских путешественников. Все они освещают данную тему довольно отрывочно и неполно, а нередко и тенденциозно. Однако при комплексном их анализе вполне возможно выявить некоторые элементы стратегии и оперативно-тактических приемов, которыми пользовались полководцы Улуса Джучи на полях сражений.

В отличие от европейских тактиков, которые испытывали боязнь решительных столкновений в полевом бою и испытывали «осадный рефлекс» – стремление опереться на укрепленные пункты и скрыться в них в случае угрозы [Контамин, 2001, с.235], татары весьма решительно преодолевали значительные пространства, отрываясь не только от своих пограничных земель, но и баз снабжения. При этом, поскольку уже в конце XIII в. ханы Улуса Джучи не ставили задачи завоевания новых территорий, то часто важные стратегические цели подменялись ограниченными успехами и «стратегией побочных выгод», выражавшихся в грабеже и взимании дани с определенной территории, а часто и вовсе использовалась вместо нее.

Изучение войн и военных походов правителей Золотой Орды позволяет заключить, что на разных театрах военных действий стратегия и соответствующая ей тактика боевых операций были различными. На западном направлении Улус Джучи не прекращал военного и дипломатического давления на страны Юго-Восточной и Центральной Европы даже после завершения грандиозного похода на Польшу, Чехию, Венгрию и Далмацию. Уже в 1243 г. отряд ордынцев предпринял поход на Галицко-Волынское княжество. Мощное давление ордынцев заставило князя Даниила, непримиримого врага монголов, воевавшего с ними еще в битве на Калке (1223 г.), приехать к хану Бату и признать себя его подданным. Подчинение его, однако, было не полным, скорее всего, формальным и вскоре он, заключив антиордынский союз с братом Александра Невского Андреем, стал решительно противодействовать установлению власти хана в Южной Руси. Только после разгрома Неврюем, военачальником Бату-хана, князя Андрея («Неврюева рать» 1252 г. русских летописей), было решено окончательно подчинить себе Юго-Западную Русь, в первую очередь, Галицкое княжество. Походы улусбека Курмыши (*Хуррумши*, *Куремса* русских летописей) и багатура Бурундая в 50-х гг. XIII в. нанесли сокрушительные удары по Галицкой Руси, Польше и Литве. Особенно разорительным был поход 1259 г., когда войска Бурундая, по пути уничтожая укрепления южнорусских городов своего союзника Даниила Галицкого и опустошая все окрест, ворвались в Польшу и, взяв штурмом, сожгли Сандомир [Щавелева, 1978, с.307–314; Егоров, 1985, с.188–190]. После этих войн западная граница Орды стабилизировалась по р. Прут и Карпатам – традиционной и естественной границе восточноевропейских кочевых племен.

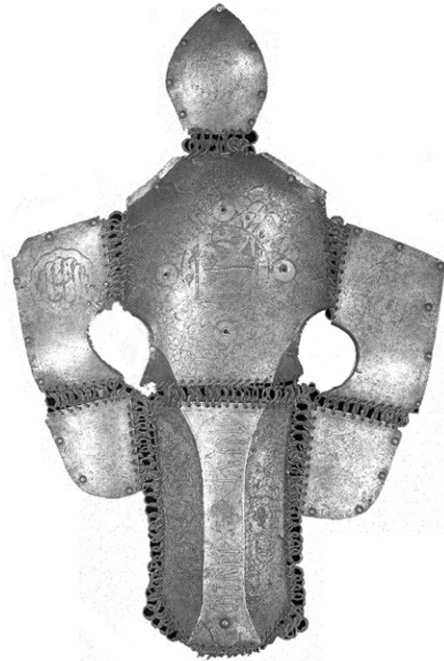
Новые военные походы, предпринятые владетелем западного улуса (Пруто-Днепровское междуречье) беклярибеком Ногаем (1275, 1277, 1280, 1286, 1287 гг.), уже практически не имели целью захват новых земель, тем более, что ряд из них проводился в союзе с галицким князем Львом и по его просьбе (походы 1275, 1277, 1280 гг.). Они, скорее, преследовали цель установления вас-

сальной зависимости балканских стран и Польши, чтобы наложить на них дань и военную контрибуцию, а также обезопасить границы империи от посягательств, набравших силу [Егоров, 1985, с.190–192].

Особняком стоят походы улусбека Ногая на Византию, вызванные желанием ханов нанести поражение союзнику Хулагуидов, с которыми началась жестокая конфронтация в Закавказье, а также обеспечить возможность беспрепятственного прохода через Дарданеллы торговым судам и ордынским посольствам [Лебедев, 1944, с.92–94]. Поход 20-тысячного войска хана Берке окончился осадой Константинополя, разорением Болгарии и включением ее в сферу влияния Орды (1269 г.). На некоторое время лояльность Византии была обеспечена. Но уже в 1270 г. новый хан Менгу-Тимур, испытывая «неудовольствие» от политики Византии, вновь двинул на нее войска своего улусбека. Под стенами Константинополя император встретил Ногая с покорностью и царскими почестями, даже дав согласие на выплату дани и нейтралитет в разгоравшейся войне Джучидов с ильханами Ирана. После этой бурной военно-политической активности в политике Улуса Джучи на западе наступило затишье. Оно лишь изредка, в периоды усиления власти хана при Узбеке (1312–1342), прерывалось локальными военными предприятиями (1337 г.).

Другим регионом, где заметно проявлялись завоевательные тенденции Улуса Джучи, были Предкавказье и Азербайджан. Если в Предкавказье столкновения ордынцев с воинственными и свободолюбивыми горцами не прекращались практически никогда, то горные долины и наиболее крупные города в этом регионе были захвачены практически уже к началу XIV в. Так, крупнейший город алан (ясов) Дедаков был взят штурмом при активном участии дружин вассальных русских князей и уничтожен. Тем самым, граница на юге стабилизировалась по Кавказскому хребту.

Район наиболее ожесточенных конфликтов пролегал в Закавказье, где Золотая Орда стремилась занять стратегически важные города Нахичевань, Марагу, Тебриз – центры торговли по Великому шелковому пути и плацдарм для завоевания всего Ближнего Востока. Войны, разгоревшиеся здесь с 1262 г., шли с перерывами и переменным успехом вплоть до 90-х гг. XIV в. Однако ни одной из сторон конфликта не удалось ни вытеснить противника полностью из Азербайджана, ни нанести ему решительного поражения. Фактически это

Стальной конский начельник.
Мамлюкский Египет. XV в.

была «столетняя», вялотекущая война, которая нужна была обеим сторонам для поддержания своей военной мощи. Она же являлась важным фактором международной политики, делавшей Улус Джучи стратегическим союзником Мамлюкского Египта и тюрок-сельджуков Малой Азии и принципиальным соперником ильханов Ирана, крестоносных королевств и Византии.

После кровопролитных войн 1260-х гг., когда войско хана Берке нанесло поражение полкам Хулагу (1263 и 1265 гг.), а войска Ногая были разбиты близ Шемахи (1267 г.) Хулагуидами, которые, в свою очередь, потерпели поражение от мамлюков Бейбарса при Айн-Джалуте (Палестина) (1269 г.), наступило время невооруженного противостояния и дипломатических интриг. Течение конфликта лишь изредка обострялось успешными походами Менгу-Тимура (1290 г.) и Узбека (1318/19 г.) и неудачами ордынцев (1325 и 1335 гг.). Можно сказать, что представления об ожесточенности этой борьбы имеют больше идеальное «книжное» происхождение, чем передают реальную ярость сторон и их желание завоевать земли соседа. Связано это с тем, что участники этого «мирового» конфликта весьма активно обменивались посольствами между собой, а источники сохранили довольно подробное описание всех перипетий войн и дипломатических перегово-

ров. В этом смысле наиболее известны связи между Волгой и Нилом – дипломатические контакты Золотой Орды и Египта.

Стратегия «прямого удара» и быстротечные войны естественно вытекали из характера военной организации Улуса Джучи, где основную военную силу составляли ополчения татарских кланов. Значительные по численности войска, в некоторых кампаниях против Хулагуидов, султанов Средней Азии и Тимура, они могли достигать двухсот пятидесяти тысяч и требовали огромных финансовых затрат на свое содержание. Поэтому ханы не могли вести длительную войну, особенно если она не сопровождалась захватом чужой территории и ее разорением. При такой стратегии войска должна была кормить не своя страна, а сама война и страна противника. Как правило, успех кампании достигался выдвиганием к какому-то стратегическому пункту и его окружением. В то время, как основные силы готовились к штурму, остальные отряды разоряли округу и подавляли сопротивление в ближайших городах. Взятие или капитуляция этого центра знаменовали, как правило, и достижение политических целей, поскольку противники предпочитали заключить мир, не продолжая войну.

В целом ряде случаев, особенно это характерно для войн Улуса Джучи с Хулагуидами и Тимуром, исход войны решался в одном или нескольких решающих сражениях. Это объясняется тем, что для того, чтобы собрать войско, равное по численности разгромленному у противника, просто не хватало сил, и его страна подвергалась тотальному разорению, как это было во время войны Токтамыша с Тимуром в 1395–1397 гг. В силу того, что Золотая Орда в течение двухсот лет доминировала в Северной Евразии, она не вела оборонительных войн. Только в период смут во второй половине XIV в. города Булгарского улуса стали подвергаться нападениям русских войск, что заставило их начать вырабатывать тактику обороны своих границ.

Выбор той или иной стратегии и плана операции основывался, разумеется, на оценке сил противника, характере его действий и своих собственных сил и возможностей. Очевидно, что обстоятельные и подробные данные о противнике не могли быть добыты без хорошо поставленной военной разведки и развитой агентурной сети. Подобная система сбора сведений и агентурных данных была, очевидно, традиционной для государств Чингизидов. Тесные международные и внут-

риордынские торговые связи открывали для этого широкие возможности. При этом весьма активно действовали также службы контрразведки. Например, такие крупные военные операции, как походы на Москву Токтамыша (1382 г.) и Идегея (1408 г.), оказались внезапными и неожиданными для московских князей. Весьма активной была, видимо, и дипломатическая агентура, которая активно действовала в Византии, сельджукских султанатах Малой Азии и Египте, а также, очевидно, в других соседних странах, как в Европе, так и в Средней Азии.

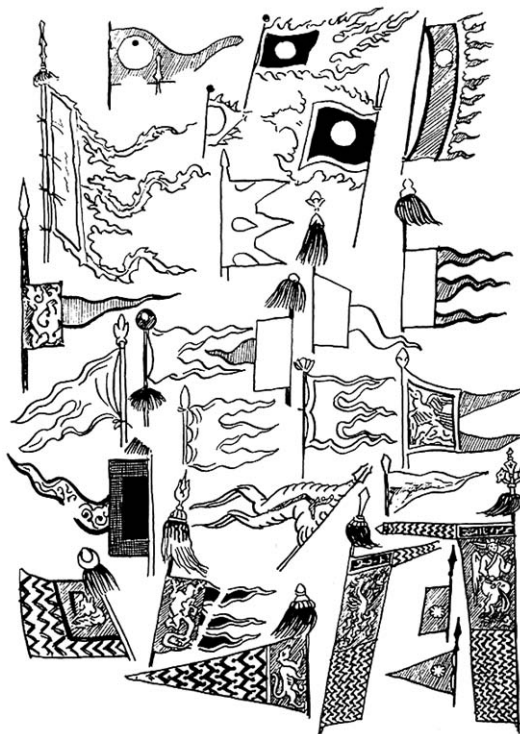
Тактика полевого боя. Считается, что средневековый бой – это беспорядочная свалка или стихийное сражение. Вероятно, иногда так и происходило. Но в значительном большинстве случаев искусство ведения полевого боя и его тактические приемы, применяемые татарами, были, как показывают источники, весьма разнообразными и прошли значительную эволюцию. В целом можно сказать, что средневековое сражение было столкновением организованных масс кавалерии, которые выполняли свои тактические боевые задачи.

Построение полков в реальном бою было, конечно же, различным и зависело от конкретных обстоятельств. В идеальном случае, когда в сражении принимало участие значительное количество войск, в XIII–XIV вв. построение татарских войск на поле боя (*йасал*) представляло собой, скорее всего, пятичленную, или даже семичленную систему построения корпусов – *кулов*. Она состояла из передового корпуса – *ертоула*, двух крыльев – *бараункар* и *джаункар*, центра и резерва. Иногда выделялись еще передовые – *караул* и фланговые охранения – *канбул*, а иногда и арьергард – *сургавыл*. Все кулы состояли из более мелких подразделений – *кушунов* (*кушунов*). По аналогии с организационной структурой средневековых европейских армий можно предположить, что внутри этих кушунов, вероятно, сходных с подразделениями типа «знамен» («стягов»), имевших определенную тактическую свободу, очевидно, имелись и более мелкие тактические единицы – «копья». По крайней мере, персидские источники постоянно упоминают эти подразделения, рассказывая о военных столкновениях с войском Токтамыша.

Подобное построение требовало различной плотности боевых линий войск, которые в бою обычно действовали компактными массами. Понятно, что руководить таким сражением было довольно трудно. В целях более

эффективного контроля за действиями различных подразделений и более успешного командования в качестве ориентиров использовались знамена и штандарты кулов, кушун и копий. По поднятым знаменам вели счет войскам, по положению штандарта главнокомандующего судили о центре боевых порядков. Целям управления служили также боевые трубы и барабаны – *накары*, а также командирские свистки. Вот как описывает Марко Поло татарское войско на поле боя перед атакой: «У татар вот какой обычай: когда их привезут и расставят биться, пока не прозвучит накар начальника, они не начинают брани, а все время играют на инструментах и поют...», «...когда они изготовляются и ждут битвы, нежели накар забудет, поют они и тихо играют на двухструнных инструментах; поют, играют и веселятся, ожидая схватку. И вот изготовились... И ждут по обычаю ударов накара и битвы; и просто удивительно, как хорошо они пели и играли» [Книга Марко Поло, 1990, с.92, 212].

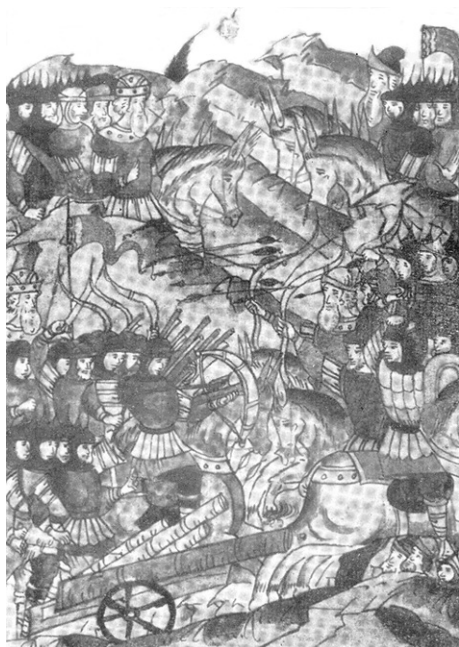
Вполне очевидно, что многочисленные эшелонированные подразделения могли действовать на поле боя, выполняя свои боевые задачи. Судя по данным персидских источников (Шахи, Йезди), можно предполагать, что центр выполнял роль своеобразной крепости, гарантировавшей неизбежность всего боевого порядка. Недаром именно центр, скорее всего, укреплялся окопными турами и фашинами [СМИЗО, 1941, с.168]. Чаше всего вступали в бой и вели тактические маневры передовые и фланговые кулы. В этой связи неудивительно, что как в битве при Кондурче (1391 г.), так и в битве на Тереке (1395 г.) именно фланги войск Токтамышша и Аксак-Тимура играли важнейшую роль в сражении. Особенно ярко подобная оперативная схема сражения проявилась в битве на Тереке, где крылья и канбулы войск Токтамышша первые два дня с некоторым перевесом противоборствовали с флангами войск Тимура и даже едва не захватили лагерь противника. Но на третий день были разбиты, что предопределило общее поражение татарских войск (обзор событий этих сражений см.: [Миргалеев, 2003]). Возможно, примером блестящего использования подобной тактики являлось сражение на Ворскле (1399 г.), где войска Витовта увязли в сражении с центром войск Идегея и были охвачены с флангов и разбиты [Измайлов, 1994]. Представляется, что это не случайность, а сознательная оперативная схема сражения, когда силь-

Монгольские и татарские знамена.
Средневековые миниатюры (по М.В.Горелику)

ный центр сдерживает основные силы противника и снабжает резервами крылья. Именно крылья и их боевое охранение – *канбулы* играли роль маневренных оперативно-тактических групп, самостоятельно действовали на флангах и должны были разбить фланги противника и охватить его с тыла. Подобная тактика могла планироваться и осуществляться только, если боевой порядок войск был довольно дробным, а оперативные подразделения могли действовать, самостоятельно решая свои боевые задачи.

Само сражение того времени представляло собой, видимо, последовательное введение в бой кушун легкой и тяжелой кавалерий с целью пробить фронт противника. Первым в бой вступал авангард из конных лучников. Пронесясь на всем скаку мимо неподвижного строя противника, они раз за разом буквально засыпали его стрелами. Главную роль в этом сражении играло метательное оружие, усиление которого новыми типами наконечников стрел и более совершенными типами луков позволило увеличить стрелковую мощь и эффективность действий легковооруженных всадников. Марко Поло дает яркое описание этой стадии боя, рассказывая о битве между Берке и Хулагу: «Через немного времени с двух сторон забил накар;

Битва на Ворскле. 1399 г.
Лицевой летописный свод. Конец XVI в.

и как только услышали они его бой, немедля бросилась одна сторона на другую; схватились за луки, пускают стрелы и метят ими во врага. Летают стрелы с той и другой стороны и через немного времени воздух ими так наполнился, что неба не было видно. Видно было, как много людей падали на землю и много также коней; и должны вы этому верить: не могло быть иначе, сколько стрел за раз было выпущено. Не переставали они пускать стрелы до тех пор, пока стрелы были в колчане, и вся земля покрылась мертвыми и насмерть ранеными. А когда израсходовали все стрелы, схватились за мечи и палицы...» [Книга Марко Поло, 1990, с.212].

Раскрывает суть подобной тактики конных лучников другой автор – С.Герберштейн (первая половина XVI в.), знакомый с тактикой татар по рассказам своих русских информаторов: «Сражение с врагом они начинают издали (пуская стрелы) и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а (пуская стрелы) обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то (при первой возможности) татары пускают назад в них стрелы (причиняя этим большой урон...); затем, внезапно повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов» [Герберштейн, 1988, с.168].

Далее автор разъясняет этот тактический прием, который был характерен, наверно, в

той или иной степени, для всех античных и средневековых армий кочевников (подробнее см.: [Горелик, 1990, с.155–160]): «Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю (ровными шеренгами), а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда, для этого у них есть опытные в сих делах вожатые, за которыми, они следуют. Но если эти вожатые или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага. Такой способ боя из-за сходства называют “пляской”. В немецкой редакции уточняется, что татары «...заводят “пляску”, как называют ее московиты; командир или вожатый приближается со своим отрядом к вражескому войску и, пустив стрелы, отъезжает; за ним – другой отряд, и таким образом один отряд за другим, пока первый снова не вернется вслед за последним. Если они сумеют устроить дело так, то преимущество на их стороне, но если командиры, едущие впереди отрядов, погибнут или оробеют, то они быстро приходят в замешательство» [Герберштейн, 1988, с.168]. Этот «хоровод» – исключительно эффективное построение, которое позволяло вести непрерывный массированный обстрел с максимально близкого и выгодного положения – вбок вперед и особенно – вбок назад. Именно при таком обстреле татары использовали свои специфические стрелы с огромными наконечниками – срезни, как о том свидетельствует Марко Поло: «У них заведено, что каждый воин в сражении имел 60 стрел, 30 маленьких – метать, и 30 больших с железными широкими наконечниками; их они бросают вблизи – в лицо, в руки, перерезывают ими тетивы и много вреда наносят ими» [Книга Марко Поло, 1990, с.193]. В варианте рассказа, сохраненном Рамузио, подчеркивается, что «татары, когда сражаются с врагом, так и не спешиваются, а все скачут кругом, да стреляют» [там же, с.256]. Во время первой фазы боя противник нес огромные потери, теряя воинов передовых линий и особенно лошадей, что достигалось не настильной стрельбой издали, а прицельной – сблизившись на расстояние выстрела. Другой целью этого стрелометания было расстро-

ить ряды противника, образовать разрывы и посеять панику, чтобы подготовить вторую фазу атаки. Она начиналась, когда вслед за стрелками в бой вступали воины с полным вооружением и часто с латными копейщиками в центре. По клишированному рассказу Марко Поло о битвах, когда у стрелков выходили все стрелы, они атаковали противника – «после того как перестреляют все стрелы, берутся они за мечи и палицы и крепко бьются», «вышли все стрелы, попрятали они свои луки в налучья, схватились за мечи и палицы», «...когда израсходовали все стрелы, и много людей и коней было побито, схватились за мечи и палицы...» [Марко Поло, 1955, с.193–194, 216–217 и т.д.]. Однако сам бой был многоактным и включал различные маневры, наскоки и ложные отступления. Характерно описание подобного сражения немецким историком конца XV в. А.Кранцем, который, говоря о тактике боя русских, писал, что они сражаются обычно, стоя в позиции, и, «набегая большими вереницами, бросают копыя и ударяют мечами или саблями и вскоре отступают назад» (цит по: [Кирпичников, 1976, с.14]). Ясно, что подобную тактику боя русские воины переняли у татар, как и основные виды вооружения.

По словам Марко Поло, это выглядит так: «В битвах с врагом берут верх вот как: убежать от врага не стыдятся, убегают, поворачиваются и стреляют. Коней своих приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся, славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражых коней, и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, а сам проигрывает, от того, что кони у него перестреляны, да и людей изрядно побито. Татары, как увидят, что перебили и вражых коней, и людей много, поворачиваются назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага» [Книга Марко Поло, 1990, с.82]. При этом кошуны, расстрелявшие свои стрелы отходили, вероятно, по возможности назад, пополняя свои колчаны. А на их место выдвигались свежие подразделения, продолжавшие штурмовать строй противника, чередуя стрелометание и атаки латной кавалерии, стремясь вклиниться в его строй и разорвать боевые порядки.

Таким образом, мы можем установить, что полевой бой средневековых татар включал две основные фазы: бой на далекой дистанции – при помощи лука и стрел, и ближ-

Битва. Миниатюра к книге Масуда Кухистани «История Абулхайр-хана». Мавераннахр. Середина XVI в.

ний бой древковым и клинковым оружием. Можно с уверенностью полагать, что вторая фаза полевого боя включала таранный удар копейщиков – тяжеловооруженных всадников одной–двух первых шеренг. Они атаковали противника сомкнутыми массами с копьями наперевес на галопе, чтобы набрать силу для удара. После первой сшибки сражение распадалось на отдельные схватки, которые отличались быстротечностью, ожесточенностью и быстрой сменой боевой обстановки. Нарастание интенсивности боя в немалой степени связано с гибкостью боевых построений и дробностью подразделений войск, которые позволяли вводить в бой все новые и новые отряды. На этой решающей фазе боя использовалось разнообразное оружие ближнего боя. При этом татары, судя по различным источникам, применяли не только фронтальные, но и фланговые атаки и охваты. Все эти элементы боя зафиксированы не только письменными, но и изобразительными источниками, прекрасно дополняющими эти сведения.

Если противник не выдерживал последовательных ударов конных копейщиков и бежал, то его преследовала легкая конница, захватывая пленных и добычу. Иногда преследование велось несколько десятков километров, например, татары, преследующие бегущие литовско-русские войска после битвы на Ворскле в 1399 г. подошли к самому Киеву и взяли с него выкуп. Скорее всего, преследование вели свежие резервные кулы, которые од-

новременно выполняли оперативно-тактические маневры с целью не дать собраться отступающим врагам и внезапно контратаковать татарские войска, измотанные битвой.

Трудно подсчитать боевые потери, которые могли быть в результате внешних и внутренних войн. Определенно, что они были различными в зависимости от условий сражения. Например, несомненно, что, несмотря на поражение в битве на Кондурче, Токтамыш смог сохранить не просто костяк своего войска, но и усилился за счет резервов из Болгара, Укека и Мохши, о чем свидетельствует то, что ни один крупнейший улусбек и глава клана не погиб, очевидно, отступив со своими кошунами. Но в битве на Тереке, очевидно, более масштабной и кровопролитной, потери Токтамыша оказались просто катастрофическими. За редким исключением ни один улусбек, сражавшийся в этой битве, не выжил. В этой связи представляется, что общие потери в войнах могли достигать до 20–50% участвовавших, причем большая часть воинов погибла при бегстве с поля боя. Представляется, что битвы Улуса Джучи с использованием масс кавалерии приводили к тому, что смертность в них намного превосходила потери в западно-европейских сражениях.

Никакой куртуазности и проявлений рыцарственности воины Улуса Джучи не знали. Противник, как правило, уничтожался полностью, если не успевал перейти на сторону победителя. Проигравшего в виде знака высшего милосердия ждала продажа в рабство. Арабские источники неоднократно описывают, как после победы Ногай над Токтой и после его поражения невольничьи рынки Крыма наполнялись пленными. В этом смысле татары не давали пощады врагам и сами ее не просили. Одна из самых кровавых страниц в военной истории Улуса Джучи – войны на Руси. Однако надо отметить, что русские князья и горожане неоднократно провоцировали подобные войны, поголовно истребляя ханские посольства.

Интересно, что долгое время в риторике правителей Улуса Джучи отсутствовали религиозные мотивы. Хотя египетские хронисты пытаются представить дело таким образом, что эти мотивы служили двигателем войн Джучидов с Хулагуидами. Однако проклятья Берке-хана («Да посрамит Аллах Хулавуна этого, погубившего Монголов мечами Монголов. Если бы мы действовали сообща, то покорили бы всю землю» [СМИЗО,

1884, с.75]) красноречиво свидетельствуют о степени религиозного накала этих войн.

Однако постепенно в XV в. религиозная составляющая политических и военных доктрин стала увеличиваться, став особенно заметной в последующие века.

Осада и оборона. Осады и взятие городов в средние века являлись одной из важнейших целей любой войны. Города и крепости были осью координат в стратегии любых войн, объединявшей в себе военные пространство и время. Захват города давал выигрыш в освоении пространства и определял преимущество во времени, а долгая бесплодная осада лишала этих же преимуществ. Например, быстрый захват Москвы (1382 г.) Токтамышем привел к стабилизации ситуации в Улусе Джучи и подчинению Руси, а долгая осада Москвы Идееем (1408 г.), которая привела к его отступлению – вызвала рост напряженности, способствуя распаду страны. В этой связи осада и оборона крепостей являются важнейшими элементами всей военной культуры страны.

Захват огромных территорий и нанесение поражений многочисленным государствам были бы невозможны, если бы монгольские войска не владели передовой тактикой штурма крепостей с использованием военно-технических новинок – камнеметов (типа *требуше* или *манджаник*), пороховых и зажигательных снарядов, различных таранов и систем защитных фашинов. Однако уже к концу XIII в. войска Улуса Джучи все реже и реже используют подобную тактику массированного штурма. Причина подобной метаморфозы кроется, очевидно, в геополитической стабилизации границ империи и вере в то, обладая многочисленной и сильной армией, ханы Улуса Джучи могли не заботиться о совершенствовании осадной и оборонительной тактик.

Еще одной причиной была психологическая. Довольно часто в истории Улуса Джучи захват городов противника осуществлялся не прямым штурмом, а благодаря угрозе его применения. Слава татар, как воинов, практически всегда бравших осажденные города, приводила осажденных к мысли о тщетности сопротивления и желании сдаться на милость победителей. Так, во время осады Москвы в 1382 г. на третий день безуспешной осады к городским стенам подошли послы Токтамыша с двумя сыновьями Дмитрия Суздальского, которые объявили: «Царь вас своих людей хочет жаловати, поне же

несте повиннии, ниже достоин смерти. Не на вас бо ваюя пришел, но на князя великово вашего ополчися есть, вы же милования до-стоини есте. Ничего же иного требует от вас, разве токмо изыдите противу ему в сретение с честью и с дары, купно же и с князем своим. Хочет бо видети град ось и внити в него и побывати в нем, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему врата градныя отворите» [ПСРЛ, 25, с.208]. Далее горожан стали просить князя Василий и Семен. Среди горожан начались раздоры, поскольку многие были против сопротивления хану. И город открыл ворота. В ряде случаев, действительно, города спасали себя от разорения и разграбления, но зачастую сдача приводила только к грабежу, но в меньших масштабах. Но иногда город все равно грабился, как, например, было с Москвой в 1382 г., когда горожане открыли ворота и вышли во главе с князем Остеем, архимандритами и другими лучшими людьми города, то они были безжалостно убиты, а город разорен и сожжен дотла.

Иногда тот же эффект достигался с помощью блокады, ведущей к нехватке продовольствия, воды или мора. Однако попытка действовать подобным образом в случае с Москвой в 1408 г. не привела к успеху. Город был хорошо укреплен, а Идегей, не имея артиллерии, не смог организовать штурм. В результате месячной блокады он вынужден был отступить. Этот случай показывает главную сложность подобной тактики. Сама стратегия войны для извлечения «прямой выгоды» заставляла действовать быстро. Возможности, как в Западной Европе, вести осаду месяцами и годами у ханов Улуса Джучи просто не было. Успех должен был быть достигнут быстро, невзирая на потери.

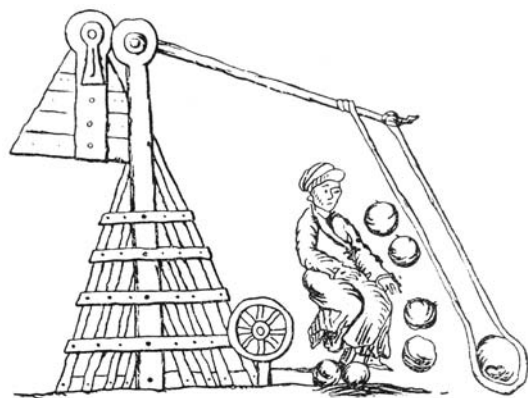
В таком случае войско должно было прибегнуть к прямому штурму. Поскольку осаждавшие, как правило, имели численный перевес, то они могли, не считаясь с потерями, попытаться преодолеть городские укрепления. Кроме того, существовали специальные военно-технические приемы блокады города для нейтрализации огневой мощи осажденных и использовались технические средства осады. Прекрасной иллюстрацией успешного применения подобной тактики служит описание осады и штурма Сандомира в 1259 г. в Галицко-Волынской летописи [ГВЛ, 2005, с.138–139]. Войска под командованием ветерана завоевания Запада Бурундая подошли к Сандомиру в ноябре. Сразу же город был окружен валом и

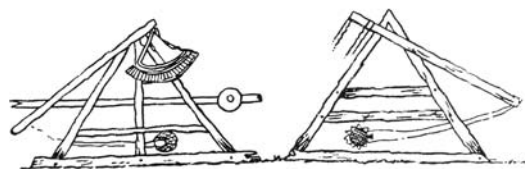
Осада русского города. Миниатюра. Лицевой летописный свод. Конец XVI в.

тыном, чтобы прикрыть осаждавших: «огородиша около своим городом». После этого в кратчайшие сроки были построены осадные машины, поскольку с собой татары, очевидно, везли только важнейшие их детали – «и порки поставиша: пороком же биющим неослабно день и ночь». Одновременно татарские стрелки вели обстрел городских стен, не давая возможности горожанам обстреливать осаждавших: «а стрелам не дадущим ни вникнути из заборол». Интенсивный обстрел продолжался четыре дня и увенчался успехом – бойницы-заборолы были сбиты со стены, а защитники, оставшись без прикрытия, сметены со стен. Одновременно осаждавшие, очевидно, засыпали рвы хворостом. После этого татары «начаша лествици приставливати к городу, и тако полезоша на город». Стены пали, ворота открыты, и татарско-русские войска ворвались в город. В результате город был взят, разграблен и сожжен. Фактически это был штурм, совершенный по всем канонам военной науки, проведенный так, как до этого монголы проводили штурмы городов во время своих завоеваний.

Однако со времени этого штурма 1259 г. осадная техника и тактика осады у татар идет на спад. В то время, как в соседних государствах разрабатывались новые совершенные

صورة
ریججار بالنجنتی ماخوذة من جامع التاریخ لرشید الدین

صورة
محفوظ لدى الندوة والفارسیة المجلدات والمراتبات

Манджаник – камнеметное орудие.
Миниатюра. Иран. Начало XIV в.

средства обороны – каменные стены, огнестрельная артиллерия, предстенные укрепления, – татары использовали традиционную тактику внезапного набега и захвата. Она строилась на тактике внезапного налета и взятия города, как это произошло со взятием Владимира в 1410 г. татарско-русскими войсками. Если внезапный налет не удавался, то в ход шла другая тактика. Татары вели интенсивный обстрел стен, стремясь сбить с них защитников, чтобы беспрепятственно взойти на стены и открыть ворота города. Суть ее описана в русских летописных повестях о взятии Москвы в 1382 г.: «Татарове же такы поидоша ко граду, граждане же пустиша на них по стреле, они же паче своими стрелами стреляху на град, акы дождь умножен зело, не дадуше ни прозрети. И мнози стоящеи на градных забралах от стрел падаху язвени, одолеваху бо стрелы Татарские паче, нежели градские» [ПСРЛ, 25, с.208].

Но уже с середины XIV в. эта тактика все реже приносит успех. Хотя отдельные успехи в захватах городов у войск Улуса Джучи были, например, взятие Тебриза в 1357 г., или Москвы в 1382 г., а также целого ряда других русских городов. Но эти успехи достигались или быстрыми налетами, или интенсивным обстрелом городских стен и последующим взя-

тием ворот. Тогда же, когда города закрывали ворота и имели достаточный гарнизон и необходимое продовольствие, осады и штурмы, в большинстве случаев, проваливались. Это явное свидетельство деградации тактики осады в Улусе Джучи в XIV в.

Поскольку в Улусе Джучи не существовало даже значительных оборонительных систем в приграничных улусах, то оборона городов мало заботила ханов. Вместе с тем, в регионах, где традиции строительства укреплений существовали, оборона городов была весьма серьезным образом подготовлена. Определенно, что в таких случаях, кроме валов, рвов и стен, города защищали специальные военные машины – камнеметы – *манджаник*, малые и средние катапульты натяжного действия – *аррада* и самострелы – *тирчарх*. Например, подобный арсенал существовал в пограничной хорезмской крепости Кят, отражавшей в 1372 г. наступление Аксак-Тимура [МИТТ, 1939, с.515]. Эти военные машины, увеличивая зону обстрела с городских стен, не позволяли осаждающим подвести к городским стенам свои осадные орудия, засыпать рвы и начать штурм. Во второй половине XIV в. начинает фиксироваться и новая военная техника – огнестрельная артиллерия. Часто, одновременно с началом обстрела осаждавших, гарнизон устраивал вылазки, мешая организованным действиям противника и не давая ему организовать блокаду города. Образец подобной тактики фиксируется русскими летописями под 1377 г., когда войска великого князя Московского Дмитрия Ивановича пошли походом на Болгар. Они подошли к стенам города 16 марта и стали разорять окрестности, в ответ: «Погани же Бесерменове изыдоша из града, противу их, сташа на бои и начяша стреляти, а инии з града гром пущаху, страшашее нашу рать, а друзии самострелныи стрелы пущаху, а инии выехаша на вельбудех, кони наши полошающе» [Приселков, 1950, с.401]. Тем самым, осажденные попытались сорвать планы по окружению города.

Осажденные надеялись на то, что их самоотверженная оборона заставит противника отступить, или они смогут выиграть время, чтобы успела подойти резервная армия, или в стане врага начнется нехватка продовольствия. В крайнем случае, они были готовы принять политические условия мира. Например, признать юрисдикцию новой власти, но до последнего стремились не открывать ворота противнику.

Часто военные действия вокруг укрепленных городов и крепостей выливались в целые военные кампании. Примером этого могут служить пять походов Аксак-Тимура на Хорезм, которые завершились взятием и разорением Ургенча в 1388 г., когда его правитель ас-Суфи бежал, оставив Ургенч без защиты. Но это происходило там, где были серьезные укрепления, изматывавшие силы врага в постоянных осадах и сражениях. Там же, где укрепления отсутствовали, например, в Нижнем Поволжье, оборона городов фактически становилась делом самих горожан. Она не носила организованного характера и была обречена на неудачу, что привело к военной катастрофе 1395 г., когда Аксак-Тимур беспрепятственно прошел вдоль Волги до Укека.

Иными словами, тактика осады и обороны Улуса Джучи фактически не стала центральной для их военного искусства, спустя некоторое время после завоевания она деградировала, перестав быть государственной программой. Тактика обороны сохранилась и развивалась лишь в некоторых регионах, которые испытывали постоянное военное давление соседей – Хорезм и Болгар.

* * *

Вооружение и военное дело Улуса Джучи прошло значительный путь развития. Начальный этап его становления был связан с грандиозными завоевательными походами Чингиз-хана и его потомков. В период до конца XIII в. вооружение и тактика военных действий войск империи Джучидов была сходна со снаряжением и способами ведения войны в других государствах Чингизидов. Однако постепенно стали увеличиваться различия, которые определялись, в первую очередь, быстрым социальным развитием Улуса Джучи. Это постепенно привело к дифференциации войска по набору вооружения и способу его применения. На одном полюсе сосредотачивались знатные воины и их слуги – латная кавалерия, вооруженная копьями, саблями и булавами, а на другом – конные лучники, имевшие в большинстве случаев только луки и стрелы, а также универсальные типы

Керамические зажигательные снаряды. Укек

оружия – топоры, копья и ножи. Особенно заметны эти перемены стали к началу XV в., когда изменились структура военной организации и сама тактика боя. Практически весь период истории Улуса Джучи происходит деградация искусства осады городов. Если во второй половине XIII в. татары часто осаждали и брали штурмом города в Польше и на Руси, то в начале XV в. практически применялась только блокада. В значительной мере это было связано с недооценкой использования огнестрельной артиллерии, которая в Улусе Джучи использовалась в большинстве случаев для обороны городов Булгарского улуса. Построение войск на поле боя состояло из нескольких тактических единиц – корпусов (кул), включавших целый ряд более мелких подразделений – кошунов. В результате само сражение происходило как последовательное введение в бой всех этих подразделений. Тактика полевого боя татар традиционно широко использовала маневры, засады, ложные отступления и внезапные атаки, которые подкреплялись интенсивными ударами в открытом бою отрядами кавалерии. Все это длительный период времени приносило успех военачальникам татар в битвах с врагами, обеспечивая доминирование Улуса Джучи в Северной Евразии. Однако определенный консерватизм и недооценка военно-технических новинок привели к тяжелым поражениям в войнах с Польшей, Литвой, Русью, а также с конными армиями Аксак-Тимура. Вместе с тем, нельзя не отметить огромное и определяющее влияние вооружения и военного дела Улуса Джучи на постордынское время.

ГЛАВА 7

Внутренняя политика Улуса Джучи

§ 1. Центральная власть и русские княжества

Чарльз Гальперин

Взаимодействие Золотой Орды с русскими княжествами и городами-государствами было интенсивным и обширным, повлиявшим на все сферы жизни Руси, особенно на экономическую, политическую, социальную и культурную. Это взаимодействие проходило в два этапа: 1) непосредственно в течение существования Золотой Орды – с XIII по XV вв., и 2) косвенно – после упадка Золотой Орды – через государства-преемники Орды – с XVI по XVIII столетия.

Глубоким индикатором той степени, до которой реакция Руси на татарское правление повлияла на изучение Орды, является известный факт, что название, данное джучидскому государству – «Золотая Орда» – имеет не татарское происхождение, а впервые появилось много позже распада Орды – не ранее чем в 1560-е гг. в русском литературном памятнике о завоевании Казани – «Казанской истории» [Halperin, 1986, p.162–165]. Точно так же термин, обычно используемый в российской историографии для ордынского правления – «татарское иго», – также является анахронизмом, возникшим во второй половине XVII в., вероятно, на территории Украины, подконтрольной Московскому государству [Halperin, 1984b].

Преобладание русских терминов в историографии Улуса Джучи – результат существенной роли русских источников при ее изучении. История Орды не может быть написана без русских источников, несмотря на их пристрастность, ошибки и упущения [Halperin, 2006]. К сожалению, российская наука об Орде и особенно о татарском влиянии на Русь часто характеризовалась пренебрежением или искажением истории первой [Halperin, 1982c; 2000a; 2004]. Некоторым исключением из этого обобщения являются представления евразийской школы, в области истории возглавлявшейся Г.В.Вернадским, которые характеризо-

вались чрезмерными метафизическими построениями [Halperin, 1982; 1985a].

Нет сомнения в том, что, несмотря на предположение в обратном, в течение 1237–1240 гг. Русь была завоевана монголами. Аргументы в пользу союза между Русью и монголами опровергаются обильными свидетельствами татарского правления Русью, которые были бы необъяснимы, если бы такой союз существовал [Halperin, 1998a, p.109, n.59].

Русские источники всегда были довольно двойственными в отношении признания татарского завоевания в теоретических рамках, предпочитая видеть русско-татарские контакты в качестве продолжавшейся серии военных столкновений [Halperin, 1982b; 1984; 1985, p.61–74; 1986; 1998a]. По этой причине победа московского великого князя Дмитрия Донского над эмиром Мамаем в 1380 г. в битве на Куликовом поле не была ясно сформулирована в литературных трудах Куликовского цикла в качестве «освобождения» Руси от «татарского ига» [Halperin, 1976; 1984b; 1986, p.94–136]. Куликовская битва не могла разрушить несуществовавший «миф о непобедимости монголов» [Halperin, 1998, p.325–335]. Даже «стояние на р. Угре» не было представлено в качестве главного поворотного пункта в русско-татарских отношениях до третьей четверти следующего столетия, а только двусмысленно – как «освобождение» [Halperin, 1986, p.149–166].

Место Руси в административной структуре Золотой Орды остается невыясненным [Halperin, 1998a, p.111–112]; описания Руси, как ханского улуса, или русских князей, как его улусников, служили определенным интересам и могли не отражать фактической традиции Улуса Джучи [Halperin, 1982d]. Вместо ясной концепции татарского владычества русские источники создают одностороннее впечатление о том, что русско-татарские от-

ношения состояли только из враждебных военных столкновений. Это искажение, к сожалению, часто сохраняется в современной историографии.

Сначала завоевание и последующее правление Орды имели очень разрушительное воздействие на русские княжества и города-государства. Захват русских городов, а позже необходимость уплаты дани и налогов для поддержки татарских правителей, их свиты и телохранителей на Руси, для путешествий в Орду и для подарков золотоордынским ханам – все это составило тяжелые расходы для экономики Руси, которые были таких размеров, что потребовался целый век, чтобы оправиться от них. Каменное церковное строительство на Руси прекратилось на столетие, некоторые художественные ремесла, типа черной финифти, были полностью утеряны, г. Рязань вынужден был переместиться в другое место из-за слишком частого разграбления. Но экономика Руси возродилась и в небольшой степени благодаря татарскому покровительству международной торговле. Хань издали указ, по которому балтийские купцы могли входить в Новгород без уплаты таможенных пошлин. Волжская торговля, пересекавшаяся с Шелковым путем, в особенности извлекла выгоду от *Rex Mongolica*, который в XIII в. простирался от Китая до Ирана. Русские города на Волге получили очень большую выгоду от этой торговли; благодаря ей расцвел Нижний Новгород. Конечно, продолжавшиеся татарские вторжения имели отрицательное влияние на экономическое развитие Руси. Однако какими бы тяжелыми ни были такие пошлины для Руси, они, вероятно, составляли лишь второстепенный источник дохода Улуса Джучи, главные доходы которой поступали от Шелкового пути [Halperin, 1985, p.75–86].

Русь находилась на периферии Золотой Орды, чьи главные городские центры располагались в других местах – в Болгаре, в Крыму, Сараях и в Хорезме. Она расходовала гораздо большее количество ресурсов, стараясь завладеть у ильханов богатыми пастбищами Азербайджана, чем поддерживать политический контроль над русской лесной зоной. Русь, поэтому, была периферийной для экономических и стратегических интересов Орды, несмотря на стремление русских письменных источ-

ников утвердить обратное мнение в связи с русско-татарскими отношениями.

В политическом плане Орда оставила княжескую инфраструктуру Руси нетронутой, но требовала, чтобы все князья лично представляли на начальном этапе перед великим ханом в Каракоруме, а затем перед золотоордынским ханом в кочевой орде, или в Сараях, в зависимости от того, где в то время хан находился. Хотя татары уважали законность династии Рюриковичей и никогда не возводили не-Рюриковичей на княжеские престолы, ханы осуществляли конечную власть при выборе великого русского князя всей Руси, что давало возможность политической манипуляции и поощряло русских князей к маневрированию среди фракций Орды и сил, добивавшихся политической поддержки. Однако русские князья вряд ли нуждались в ордынском руководстве для того, чтобы знать, как действовать подобно политическим деятелям, использовавшим уловки или хитрость [там же, p.44–60]. Не удивительно, что Русь нуждалась в информации и приобрела обширные знания о внутренней и внешней политике Орды, ее географии, династической и административной организации [Halperin, 1982a].

Хань Улуса Джучи не установили гарнизоны в русских городах и не заняли русскую лесную зону, но правили из степи через множество административных должностных лиц, чьи функции иногда не совсем ясны [Halperin, 1985, p.33–43]. Присутствие Орды в политике Руси было очень заметным, что доказывает казнь таких канонизированных церковью князей, как Михаил Черниговский и Михаил Тверской, вторжением татарских сил в лесную зону, или же частью княжеских междоусобиц при поддержке татарских правителей, или наложением налогов и воинской повинности, как в 1327 г. в Твери. Даже кампании Орды в защиту Руси против Венгрии, Литвы или Польши часто очень дорого стоили Руси, через территорию которой татарская конница следовала в пути к границе, хотя русские князья могли получать некоторую прибыль от приобретенной добычи. Поскольку внутренняя документация Орды и даже хроники отсутствуют [Halperin, 2000c], не ясно, управляла ли Орда в XIV в. конкуренцией между Москвой и Тверью, чтобы ослабить оппозицию Руси ордынскому правле-

В.Смирнов. Князь Михаил Черниговский.
1883 г. Третьяковская галерея

нию, или же, реагируя на внутренние политические события на Руси, в лучшем случае минимизировала угрозу ханскому правлению. Москва не была обязана своим величием Золотой Орде, но сначала с покорностью успешно эксплуатировала свою связь с Ордой, а затем получила одобрение народа оппозицией правлению Орды.

В период Золотой Орды нет свидетельств значительного заимствования Русью институтов ордынских политических и административных структур. Русская *Боярская Дума*, например, не являлась имитацией ордынского дивана, состоявшего из четырех улусбеков. Местные и городские русские правители (наместники и волостели) не копировали деление ответственности между военными и гражданскими функциями от Орды – отчасти потому, что такого разделения в Орде не существовало [Halperin, 2000].

В социальном отношении для Руси имела большая возможность познакомиться с ордынскими людьми, обычаями и жизнью, часто непреднамеренно или под принуждением, когда князья, ремесленники, рабы и духовные лица бывали в Орде. Татарских правителей на Руси было, вероятно, мало. Хотя в XIII и начале XIV в. иногда заключались

межнациональные браки между русскими князьями и чингизидскими принцессами, как, например, князя Глеба Васильковича Ростовского, Федора Черного Смоленского и Ярославского, или Юрия Даниловича Московского, а некоторые татары ассимилировались на Руси и приняли новую веру, но такие случаи, вероятно, были редки. Некоторые зарегистрированные случаи могли быть фиктивными, например, обращение царевича Петра в XIV в., хотя автор его жития был хорошо осведомлен о святости чингизидской крови, возможно, оно является вымышленным [Halperin, 1975]. Татарские основатели русских боярских кланов, таких как Годуновы и Глинские, которые, по общему мнению, поступили на русскую службу в то время, наверное, также легендарны. Русские князья и аристократы в XIII–XIV вв., конечно, разделяли привязанность татарской элиты к охоте и грубому рыцарству, как показано действиями, приписанными Бату по отношению к русскому эпическому герою (богатырю) Еватию при осаде Рязани в 1237 г., и описанием убегающих побежденных татар в эпосе «Задонщина» о Куликовской битве. Покровительство Орды русской православной церкви, несомненно, внесло свой вклад в экономическую основу расширения церкви и особенно монашества в XIV в. Татарское правление не принесло падения нравов русскому народу, во всяком случае, большего, чем при правлении Рюриковичей [Halperin, 1985, p.104–119].

В культурном отношении взаимное влияние было ограничено религиозными факторами, особенно после того, как ислам стал официальной религией Орды во время правления Узбек-хана в начале XIV в. [там же, p.120–125]. Многообразная и искушенная высокая мусульманская культура Улуса Джучи, наука, мусульманское богословие и юриспруденция не имели никакого значения или использования на Руси, которая игнорировала эти аспекты жизни Орды в их истоках. Тем не менее, даже русская православная церковь заимствовала ордынский художественный стиль, применяя благородные металлы, особенно золото, для украшения рукописного Евангелия, окладов икон, церковных облачений и принадлежностей. За неимением их, однако, Руси, в конце концов, пришлось вникнуть в культурные горизонты Орды, участвуя по ее приказу

в военной кампании против ильханов на Кавказе, или посылая войска в Юаньский Китай, но, более вероятно, пассивно, наблюдая за парадом папских легатов, генуэзских и венецианских торговых послов, посланников египетских мамлюков и ильханов Ирана, центральноазиатских купцов и улемов Орды.

С начала своей экспансии в Западной Евразии монголы были гораздо больше обеспокоены кыпчаками, родственными, а потому опасными кочевниками-скотоводами, чем Русью. Тюрки-кыпчаки составили демографическую основу Улуса Джучи и стали источником ожесточенной конкуренции ильханов с египетскими мамлюками. Их также направляли в Китай для включения в «этнические» военные соединения. Тюркизация монголов говорит о том, насколько большое влияние имели кыпчаки на Золотую Орду, чем на Русь [Halperin, 1983a; 1985, p.21–32; 2000b].

Структура русско-татарского взаимодействия, но не его интенсивности или значения, сменилась после распада Золотой Орды в середине XV в. на кочевое и все еще опасное ядро – Большую Орду, периферийные Казанское, Астраханское, Крымское ханства, служебное Московскому государству Касимовское ханство и на кочевых ногайских татар. Война неустанно продолжалась, но только в союзе с Крымом русские достигли т.н. освобождения от Большой Орды в 1480 г.; в ходе событий Крым позднее стал претендовать на право единственного наследника Золотой Орды и продолжал требовать дань и совершать набеги на Русское государство. Торговля, однако, также расширилась в некоторых отношениях; русская дворянская конница XVI в. не могла существовать без большого количества импортированных ногайских лошадей.

Только после распада Золотой Орды, с конца XV в., имеется свидетельство о широком заимствовании русскими институтов Орды, особенно политических. Русское государство скопировало татарскую организацию полевой армии в составе пяти дивизий (большой полк, правая и левая руки, передовой и сторожевой полки), а также татарское вооружение, конское снаряжение, даже, возможно, татарскую тактику ведения боевых действий. Русская почтовая служба *ям* была заимствована из татарской модели. Конечно, имея связи с восточными государствами, рус-

ские подражали Орде в дипломатическом церемониале и ритуалах. Налогообложение и чеканка монет также были во многом обязаны татарскому влиянию – русские унаследовали от Орды термины для таможенных налогов – *тамга*, для монетной чеканки – *деньга*, для казначейства – *казначей*. Масштаб такого институционального заимствования трудно очертить, т.к. иногда только этимология терминов свидетельствует о татарском источнике русской бюрократической практики [Halperin, 1985, p.87–103].

Однако как бы Русь ни усвоила уважение к монгольскому «Золотому роду» потомков Чингиз-хана и как бы долго ни продолжала оказывать, по крайней мере, социальное уважение к нему, она не приобрела у Орды никакого понятия о «государственности», и царь Москвы и всея Руси, начиная с Ивана IV, не являлся татарским ханом. Обряд коронации Ивана IV и придворный церемониал были византийскими по своему происхождению. Несмотря на корыстную ногайскую лесть, Иван IV прослеживал свою родословную от мифического Рюрика до такого же мифического Пруса, брата Августа Цезаря. Русские позволяли ногаям обращаться к Ивану IV как к «белому хану», но не принимали использование этого обращения для себя [Halperin, 2003]. После завоевания Казани и Астрахани Иван IV заявил, что стал преемником их ханов, но никак не ханов Золотой Орды [Гальперин, 2003]. Русское государство не пыталось собирать Золотую Орду, что требовало бы не только вторжения в Крым, но и в Хорезм, и на часть территорий Балкан. То, что Русь старалась оживить саму Монгольскую империю, перемещаясь с запада на восток, является не более, чем евразийским заблуждением. Московское государство было главной активной и агрессивной силой в степных регионах, которые прежде составляли Улус Джучи, но это никогда не было ее первоначальной особенностью.

С образованием Касимова и позднее все большее и большее количество татар перешло в Русское государство. Татары, по крайней мере, от имени правительства, «управляли» уделами, населенными православными русскими, хотя невозможно определить, были ли татарские *цари* и *царевичи* непосредственно связаны со своими русскоязычными христианами «подданными» [Halperin, 1985, p.109–110].

Многие татарские аристократы обратились в новую веру, женились на иноверках, ассимилировались в русской аристократии, но не ясно, насколько их татарская родословная внесла свой вклад в дальнейшее своеобразие или деятельность. Однако в XVI в. татарские пленники и иммигранты могли быть далеко не редкими во многих частях Русского государства, так что этносоциальный контакт продолжался. Вместе с тем даже крестившиеся татарские земледельцы остались социально обособленными в пределах Русского государства как *новокрещены*, не говоря уже о тех, кто сохранил собственную веру, поэтому многоэтничность, возможно, не обязательно могла способствовать космополитизму. Значение татарских контингентов и татарских командующих в русских армиях, вторгшихся в Ливонию и Литву, было преувеличено врагами русских, дабы заставить их выглядеть «азиатскими» и «варварскими», но их присутствие свидетельствует о выдающемся социальном и политическом положении татар в Русском государстве.

С развитием сильной русской антиисламской и антитатарской идеологии в середине XVI в. любая возможность культурного влияния татар на русских стала еще более слабой. С присущей ей непоследовательностью русская православная церковь одновременно проповедовала против неверующих и просила финансовых и судебных иммунитетов, которые она получала по ярлыкам правителей Золотой Орды, чтобы отклонить попытки московских правителей установить еще больший государственный контроль над церковными землями и людьми. Утверждения, что знаменитый Собор Василия Блаженного своей уникальной архитектурой обязан восточному влиянию, остаются привлекательными, но недоказанными. Знание ордынского тюркского бюрократического языка со стороны русских писцов (дьяков) было исключитель-

но функциональным [там же, р.92]. Только после упадка Золотой Орды русские авторы смогли обрести более безразличное отношение к истории Орды, свободно распространяя фантазии о поражении и смерти прежде напугавшего их завоевателя Бату [Halperin, 1983], хотя официальное уважение элиты к Чингизидам не было затронуто этой литературной вольностью. Начиная со времени после волнений (*смуты* или *смутного времени*), на рубеже XVII в., Русское государство все более и более поворачивалось от Юга и Востока к Западу и Северу.

Татары не были, конечно, ответственны за то, что история Руси стала более насильственной. Уровень насилия в средневековой Руси и в России раннего Нового времени никогда не был большим, чем везде, — он был характерен для соответствующих периодов и в Европе, и в Азии. Обвинение татар в предполагаемом «падении нравов» на Руси сильно отдает теми расовыми, этническими и культурными предубеждениями, которые низводили «азиатов» к более низкой ступени цивилизации. Это — субъективный предрассудок, а не объективная история [Halperin, 2005].

Сложные и противоречивые отношения между Золотой Ордой и русскими княжествами не могут быть полностью поняты, но и не должны игнорироваться. 240 лет взаимодействия — с 1240 по 1480 г. — уже сами по себе достаточны, чтобы сильно повлиять на историю Руси, даже если оставить в стороне постордынский период, который также должен быть принят во внимание. Попытки свести эту историю до простой формулы отрицательного или положительного влияния являются упрощенными и ложными. Необходимо более широкое исследование для дальнейшего анализа этой центральной характерной особенности средневековой истории Руси и истории России начала Нового времени.

§ 2. Крым в системе административного устройства Золотой Орды

Марк Крамаровский

Вопросы о структуре улусной системы Джучидов и истории складывания государственности вызывают интерес уже не первое десятилетие. Деление Улуса Джучи на две части — левое и правое крыло — прошло через всю историю Золотой Орды.

Крым являлся частью правого крыла Золотой Орды. Его «столицей» стал новый г. Солхат/Крым [Крамаровский, 1989, с.141–157; 1997, с.101–106]. Название «Солхат» выходит из употребления к концу XIV в. и замещается названием «Крым»; после 1475 г. имя

бывшей столицы распространилось на весь полуостров и его население – «*кырым халкы, кырым татарлары*» [Бартольд, 1965, III, с.467–468]. Существенно, что ал-Калкашанди, отразивший сведения второй половины XIV в., делит полуостров на 3 округа-*тумана* [Григорьев, Фролова, 2002, с.286–287]. «Собственных» округов на полуострове отмечено всего два: Крым, располагавшийся на юго-востоке в степной части полуострова, и «страна Ас» (крымская Алания) в юго-западной, горной части полуострова. Население Керчи – города и прилегающей степи с невысокими грядами Парпачского хребта, основной ландшафтной достопримечательности Керченского п-ова, отнесено к Азовскому туману [там же, с.270, 287–288]. Нет сомнения, что административное районирование золотоордынского Крыма, во многом обусловленное этнокультурными особенностями территорий, отразило традиционное, но все же изменяющееся во времени тяготение отдельных частей полуострова к разным политическим центрам за его пределами. Херсонес – Сары-Керман у ал-Калкашанди упомянут вскользь как захолустный городок «меньше, чем Акча-Керман (*Аккерман, Монкастро* итальянских источников)» [там же, с.270–271, 289].

За исключением периода Крымского ханства Таврика ни в древности, ни в средневековье не составляла единого государственного образования. Последнее стимулировало разные союзнические векторы в развитии отдельных территорий, но также и их цивилизационное своеобразие. В этом историческом феномене нашло отражение геополитическое положение полуострова, лежащего на стыке Великой Степи, Средиземноморья и Балкан.

В монгольской колонизации Таврики – Крыма выделяются несколько этапов. Она началась за пределами полуострова с вытеснения кыпчаков Котьяна из Дашт-и Кыпчака, частично ушедших в Венгрию осенью 1239 г., и продолжилась преследованием половецких орд, отступивших в Таврику в 635/1237–38 г. под давлением воинских соединений трех Чингизидов – Шибана, Бучека и Бури. Сама воинская операция, о которой мы почти ничего не знаем, была лишь эпизодом в грандиозной по масштабам семилетней европейской кампании 1236–1242 гг., в результате которой вся Великая Степь от Иртыша до Дуная оказалась во власти династии Джучидов.

Таврика уже была известна монголам по воинской экспедиции Субедея и Джебе в мае 1223 г. Три принца крови, несомненно, стояли во главе десятитысячных корпусов, но походное старшинство, можно думать, принадлежало Шибану. Ужасы голода 1236–1237 гг. в Восточном Крыму, вызванного перенаселением за счет ищущих спасения кыпчаков, оказались не забыты и полтора десятилетия спустя. В 1253 г. их отметил Рубрук [Путешествия, 1957, с.90]. В Таврике активность половцев, не исключаяющая присутствия их предшественников печенегов, становится заметна с последнего десятилетия XI в. В период кыпчакского господства до 20-х гг. XIII в. их главным городом, по сообщению Ибн ал-Асира, становится Сугдейя – Судак. По данным археологии, в тот период на полуострове сформировался печенежско-половецкий погребальный обряд [Айбабин, 1991, с.3–4; 2003, с.81]. Анализ погребального обряда позднекочевнического некрополя у Евпатории конца XIII–XIV вв. показал, что кыпчаки продолжают жить в традиционных местах выпасов скота и с приходом монголов адаптируются к жизни в новых условиях [Анохин, 1991, с.6–8]. Если судить по поздним восточным источникам, то Крым в 1260-х гг. принадлежал сыну Тука(й)-Тимура Уран-Тимуру [Абуль-Гази, 1906; Смирнов, 1887, с.47–48]. Вероятно, при нем (около 1267 г.) и было основано генуэзское поселение в Кафе, получившее городской облик в 70–80-е гг. XIII в., когда генуэзская община во главе с консулом обрела статус колонии. Основой латино-тюркского взаимодействия послужили особые льготы, выданные генуэзцам для торговли в Кафе Менгу-Тимуром (1267–1282). Ордынские преференции Республике св. Георгия есть все основания рассматривать как часть осмысленной широкой торговой политики Сарая.

События 1264 г. в Центральной Азии заставили золотоордынского хана принять два важнейших решения: Золотая Орда выходит из состава Монгольской империи и втягивается в затяжную конфронтацию с хулагуидским Ираном. Новая политическая ситуация в Азии и на Ближнем Востоке привела Золотую Орду к союзу с мамлюкским Египтом, сыгравшим ведущую роль в сохранении Аббасидов и Халифата. В этой связи именно при Берке внешние связи Золотой Орды с ислам-

ским Левантом обрели двуполосный характер. Постепенно налаживаются и торговые связи. Средиземноморская и черноморская торговля опиралась на порты Крыма. Роль проводника левантийского направления ханской политики принадлежала Солхату. Ранней весной 1263 г. каирское посольство к Берке-хану прибыло в Крым. В портовом районе Судака их встретил правитель Солхата по имени Таюк (Табук), располагавший почтовыми лошадьми (*юлак*). Из компиляции ал-Муфаддала [СМИЗО, 1884, с.176, 192] следует, что Судак находился в административном подчинении Солхата. По-видимому, солхатский правитель и начальник округа – одно и то же лицо. В то же время в одном дневном переходе на север от Солхата, в степи, посольство застало кочевую ставку темника Тукбуга, можно полагать, эмира Крымского тумана. С учетом должностной номенклатуры ярлыка Менгу-Тимура от 1270 г. допустимо, что перед нами первые на тот момент лица края, которых можно обозначить как улусных князей. В адресатах ярлыка подобные лица отнесены ко второй группе должностных лиц [Григорьев, 1990, с.76–77].

Таким образом, **первый этап** джучидского освоения Таврики (40-е – середина 60-х гг. XIII в.) завершился структурированием края в военно-административную и хозяйственную систему Джучидов. Крым из придатка Дашт-и Кыпчака постепенно преобразовывается в один из заметных центров политического и экономического влияния набирающего силу централизованного государства. Существует мнение, что на этом этапе колонизации полуострова Джучидам принадлежали лишь степи Юго-Восточного Крыма, а его горная часть сохранила некую независимость, выплачивая в Орду дань [Мыц, 1991, с.72]. В основе лежит сообщение Рубрука о том, что к последней декаде мая 1253 г. в Сугдею еще не вернулись его городские начальники (*capitaneos*), отправившиеся зимой с данью к Бату-хану [Путешествия, 1957, с.89]. Означает ли это известие об установлении особых даннических отношений, подразумевающих известную самостоятельность портового города? Ведь мы ничего не знаем ни о его руководителях, ни об адресном предназначении сборов. Можно лишь предположить, что речь идет о *тамге* – таможенном сборе в виде процента с купеческих операций. Для приморского

центра этот вид налога не кажется необычным, но он мог предназначаться и для великого хана. Сама система сбора налогов и рекрутов в это время еще только устанавливалась. В контексте наших предположений уместно обратить внимание на сообщение ал-Калкашанди о поволжском Укеке, «приписанном» к Крыму [Григорьев, Фролова, 2002, с.269, 286]. Но из сообщения ал-Муфаддала мы узнаем, что еще в конце XIII в. судакские доходы, куда входили и торговые сборы, делились между «четырьмя Татарскими царями» [СМИЗО, 1884, с.195]. Видимо, одним из них, наряду с Менгу-Тимуром, был Ногай, легитимный правитель правого крыла Золотой Орды. В этом смысле притязания темника и фактического соправителя (об «империи» Ногая см.: [Вернадский, 1997, с.181–195; Мыськов, 2003, с.112–139]) по меньшей мере трех золотоордынских ханов от Туда-Менгу до Токты на часть доходов Сугдеи, о которых сообщает ал-Муфаддал, не кажутся чрезмерными. Основные политические действия Ногая, чеканившего в Крыму от своего имени монеты с легендой «Хан правосудный Нухай» (без даты, но предполагаемым годом выпуска является 697 г.х.=1297/98 г. или 698 г.х.=1298/99 г., см.: [Северова, 2002, с.76–79]), были направлены на превращение правого крыла Золотой Орды в самостоятельное государство с центром в Сакджа/Исакча. Крыму в таком раскладе отводилась роль восточной провинции, ориентированной на придунайскую столицу Ногая [СМИЗО, 1884, с.117, 161]. Стоит обратить внимание на близость начертания государственной тамги на эрмитажной монете ГЭ, инв.№24492 (в сочетании с солярным знаком) и джучидской тамги в сопровождении лунного символа на геральдических плитах из генуэзской Кафы, основание которой М.Балард относит все же к 70-м гг. XIII в. [Balard, 1978, I, p.118]. В период с последней трети XIII в. и до 1308 г. Кафа пыталась защититься от ордынцев рвом и валом с деревянным палисадом. В канун гибели Ногая его внук отправляет баскаческие функции, вероятно, не только в Солхате, за что и был убит [СМИЗО, 1884, с.158]. Гибель Актаджи (по другим сведениям – Караджи) – показатель противоборства правящих элит за растущие доходы от левантийской торговли. По информации Ибн Халдуна, Караджа был отправлен в Крым для захвата доходов [там же, с.382]. Вероятно, Ка-

раджа выразил претензии на сбор суммарного налога [Григорьев, 1990, с.78–79], который уже был предназначен для Сарая. В этом же свете мы рассматриваем и полосу жесточайших репрессий 1297–1298 гг. в Крыму, хотя мотив личной мести Ногаю за смерть внука, к тому же не вполне доверявшего своим эмирам, очевиден. В Крыму, можно думать, действовали те же соединения, что и в нижнем течении Дона осенью 1297 г. при первом открытом столкновении с Токтой. Пострадали не только торговые города юго-востока – Солхат, Судак и Кафа, но и горного Крыма, вплоть до Херсона. После этой акции жизнь затухает на Тепе-Кермене, Эски-Кермене, Сюйрени, Исар-Кая и др. крепостях и поселениях городского типа [Якобсон, 1959, с.232–233; Мыщ, 1991, с.73]. В это время, по-видимому, лишаются оборонительных стен Судак и Алустан. Представляется неверным рассматривать ограбление Ногаем Кырк-Ера (среди других городов Крыма) как косвенное проявление некой «аланской» независимости от Золотой Орды, длившейся вплоть до конца эпохи Узбек-хана [Герцен, Могаричев, 1993, с.56]. Вопрос о джучидской суверенизации территориальных образований Таврики, как уже отмечалось, исчерпан при Бату-хане. Даже предполагаемая местная чеканка медных скифатных монет с именами деспотов Мануила и Андроника, выпуск которых относят к 40–60-м гг. XIII в. [Коршенко, 1998, с.48–49], – не слишком веский аргумент в пользу независимости Мангупа–Феодоро, поскольку золотоордынский монетный чекан еще только налаживался. Вместе с тем, уровень вассалитета локальных образований внутри полуострова определялся реальным положением дел в самих Сараях. И все же ногайское ограбление Крыма – результат противоборства соперничающих элит в борьбе за контроль над частью доходов с отдельных провинций в период фактического двоевластия. Гибель Ногая в битве у Куканлыка (699 г.х.=1299/1300 г.) положила этому конец.

Внешне **второй этап** в развитии Крымского улуса (середина 60-х – конец 90-х гг. XIII в.) оказался не богат на знаковые события. Однако несколько из них стоит выделить. Начнем с того, что в рассказе о первом египетском посольстве к хану Берке (1263 г.) Солхат-Крым описывается как селение – *кария*, где проживает ханский наместник

кыпчак Таюк (Табук). В исторической хронике сельджуков Рума топоним «Солхат» насчитывает пять форм написаний, одна из которых идентична монетной: Солхат. Пулы с топонимом «Солхат» и именем Токты чеканились на месте и впервые были обнаружены в раскопках археологической экспедицией Эрмитажа [Крамаровский, 1991, с.66]. Уже с 665 г.х. (1266/67 г.) в селении, где останавливаются послы, работает монетный двор и чеканятся дирхемы общеджучидского стандарта. При Берке темником Ногаем в Крым вместе с семьей и ближайшим окружением был доставлен иконийский султан Изз ад-Дин Кайкавус II. Пленнику Михаила VIII Палеолога, согласно хронике Ибн Биби, в *икта* (кормление) были переданы «Солхад и Сутак» [СМИЗО, 1941, с.26]. Вероятно, эти события состоялись около 1265 г. На правах ленного владения ханский бенефиций принадлежал Изз ад-Дину около пятнадцати лет, и после его смерти в изгнании в 678/1279–80 г. на короткое время перешел к его сыну Гийас ад-Дину Масуду. Вместе с иконийским султаном в долины Восточного Крыма из Добруджи пришла и часть населения, в которой П.Виттек видел тюрок-гагаузов [Wittek, 1952, р.639–668]. Впрочем, задолго до него эта версия была высказана Ф.К.Бруном и поддержана В.Д.Смирновым, считавшим тюркскую орду Сары-Салтыка кочевой по образу жизни и исламизированной по исповеданию [Смирнов, 1887, с.16–17]. Главным достижением, однако, стало утверждение в краевом центре исламской общины (с квартальной мечетью с 1263 г.). Это – не случайное событие для времени правления хана-мусульманина. Исламская община позволяла обеспечить выполнение поликонфессиональным Солхатом одной из важнейших задач – налаживание посольских связей с мамлюкским Египтом. Начиная со времени правления Берке, обмен посольствами и дипломатическими посланиями с Египтом стал нормой [Spuler, 1965, S.346–361].

Основным пунктом «дипломатического транзита» стал Солхат–Крым. В конечном итоге наместники джучидского Крыма получили право самостоятельной переписки с мамлюками [Закиров, 1966, с.123]. Для Солхата в Каире была утверждена специальная форма делового письма [СМИЗО, 1884, с.413]. Спустя четверть века после посольства 1287 г., сул-

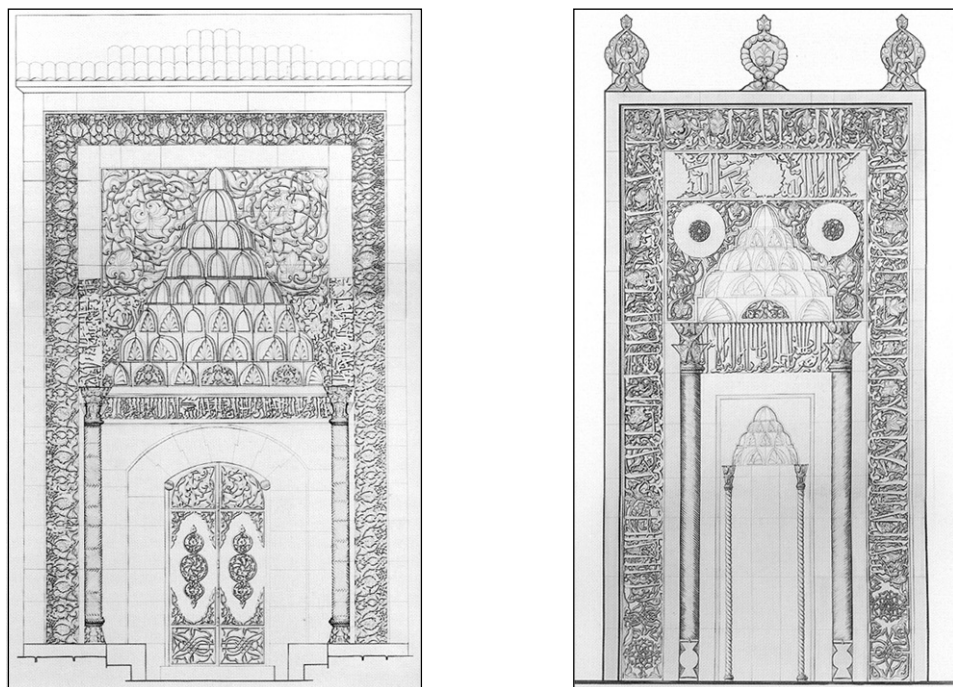
тан Калаун ал-Алфи прислал в Солхат 2 тыс. динаров на постройку пятничной мечети и камнереза для украшения портала надписью с его именем [Поляк, 1964, прим.100]. В конце 1290-х гг. контроль над Крымским улусом окончательно перешел к Токте. Заключительным актом обретения нового единства власти по отношению к Крыму стала карательная акция Токты, направленная против Кафы. Подробности о ней сообщают арабские источники [СМИЗО, 1884, с.120, 162].

Время правления Узбека (1312–1342) и его наследников – сыновей Тинибека (1342) и Джанибека (1342–1357) составляет **третий этап** в развитии ордынского Крыма, ознаменованный его расцветом.

В этот период джучидскую администрацию Солхата возглавляет Тюлек-Тимур (1300–1341), не самый яркий представитель исламской «партии власти», но родственник Узбека. Тюлек-Тимур – сподвижник Ногай, перешедший к Токте в 1300 г. Спустя год после утверждения в Сарае хана-мусульманина, в Солхате возводится мечеть с именем Узбека [Крамаровский, 1990, 124–127]. За годы правления Тюлек-Тимура войска Солхата трижды разоряют христианскую Сугдею: в 1322, 1327, 1328 гг. Разорение римско-католических приходов в 1322 г. вызвало обращение папы к Узбеку с просьбой о восстановлении церкви, оставленное без внимания. В 1334 г. Ибн Баттута нашел в Сугдее всего несколько семей греческих ремесленников. Впрочем, судя по обнаружению на ремесленном посаде в слое с монетами ханов Токты и Узбека остатков меднолитой мастерской [Джанов, 2001, с.151–152], жизнь посада продолжилась и в начале XIV столетия. Жесткое администрирование Тюлек-Тимура в сочетании с поощрением исламской благотворительности супруги – Инджибек-хатун, на чьи средства в середине 30-х гг. XIV в. в Солхате было построено великолепное медресе, дают основание рассматривать период первой половины XIV в. как один из пиков в развитии золотоордынского города в Крыму. Существенно, что сам Солхат-Крым именно в это время из селения перерастает в город, что и отметил побывавший здесь в 1334 г. Ибн Баттута [СМИЗО, 1884, с.280]. Приход к власти Узбека положил основание развитию исламских институтов и в поволжской столице – Сарае, и в Крыму. Мусульманское духовенство (во главе с *сайидами* –

потомками Пророка) получает ряд привилегий, в т.ч. в виде земельных наделов и вакфов ([DeWeese, 1994, p.90–142]; обзор работы Де-Визе см.: [Арсланова, 2001]). Хорошим тоном стало подчеркивать доброжелательство власти по отношению к кадиям, *факихам*-правоведам [СМИЗО, 1884, с.291], наряду с которыми существовали и тюркские шейхи – *йаргучи*, рассматривающие судебные иски на основе Йасы. В жизни городов заметное место заняли суфийские шейхи. Не случайно, по ярлыку Менгли-Гирея от 1453 г., крымские шейхи и суфии получили право на дополнительные привилегии в форме бесплатных услуг и продуктов. Уже Тюлек-Тимур мог твердо рассчитывать на поддержку *кадията*. Общегражданские дела в местном суде вели 8 йаргучи под председательством *амира йаргу*, назначаемые ханом [Греков, Якубовский, 1950, с.135–137]. Но высоко и значение шариатского суда. Отсюда – значение, которое придавалось взаимодействию гражданских властей с исламскими богословами. Так, в Солхате эмир Тюлек-Тимур делил судебную власть не только с ханафитом Шамс ад-Дином ас-Саили, главным кадием города, но и с шафиитским кадием Хызром. При этом в соборной мечети Солхата богословскую кафедру занимал имам-шафиит Абу Бакр [СМИЗО, 1884, с.281]. Потенциал исламской общины Солхата оказался настолько высок, что в 1382–1385 гг. строится еще одна пятничная мечеть площадью более 250 кв.м [Крамаровский, 1989, с.149]. Об успехах исламизации горного Крыма красноречиво свидетельствует сооружение в 1346 г. мечети на городище Чуфут-Кале [Ачкокраклы, 1928, с.172–178].

Одна из характерных черт в развитии исламского Солхата состоит в том, что своими успехами он обязан эпохе Узбек-хана. Совершенно необычно это находит подтверждение в структуре монетного клада из 608 дирхемов, обнаруженного нами при раскопках медресе Солхата в 1983 г. [Крамаровский, 1984; Северова, 1990; 2000, с.77]. В кладе обнаружены монеты с 710 по 778 г.х. десяти ханов от Токты до Мухаммада-Буляка. Монеты чеканены на шести монетных дворах: Сарай, Сарай ал-Джадид, Крым ал-Махруса, Гулистан, Орду, Маджар ал-Джадид. Из них 63,8% (388 экз.) отчеканены в период правления Узбека. Но самое примечательное состоит в том, что на 265 экз. монет Узбека

Портал (слева) и михраб (справа) мечети Узбека. Реконструкция

720 г.х., отчеканенных монетным двором Крыма ал-Махруса, имеются надчеканки, обеспечившие хождение этого типа дирхемов на протяжении всего XIV и первой четверти XV в. Из этого следует, что с 720 по 782 г.х. монетный двор Крыма не выпускал серебряной монеты. Ее в эти десятилетия в Солхате заменили старые выпуски с надчеканками в виде слова «хан» или трехногий тамги с навершием в форме птичьей головы, или в виде генуэзского портала.

Благодаря сообщению Ибн Баттуты мы знаем, что гг. Крым и Азак соединял наезженный маршрут с 18 станциями-ямами. Обряд гостеприимства, высказанный правителем Азака Мухаммадом ал-Хорезми правителю Крыма, свидетельствует о старшинстве Тюлек-Тимура [СМИЗО, 1884, с.285], в зону ответственности которого вошла и часть Приазовья. Походная свита крымского наместника, проливающая некоторый свет на структуру окружной исламской элиты, состояла из восьми человек. В нее, кроме брата и двух сыновей, вошли *имам* Са'ад ад-Дин, *проповедник* Абу Бакр, *кади* Шамс ад-Дин, *правовед* Шараф ад-Дин и *муарриф* Ала ад-Дин [там же с.282]. Исламское окружение эмира Азака представляли лишь *кади* и *та-*

либы, к которым после парадного обеда присоединились чтецы корана *мукри*.

Для Крыма период властвования Джанибека начинается с конфликта с генуэзской Кафой (1344 г.). Причины все те же – борьба за совокупный налог. Очередной конфликт – звено в системном подходе центральной администрации к торговым факториям латинян на территориях Улуса Джучи. Это хорошо видно на примере соседнего Азака. В 1343 г. Джанибек возобновил отцовский ярлык на деятельность венецианцев Таны (при условии выплат 3%-ного торгового налога в ханскую казну). В 1343 г. Джанибек изгоняет из Азака всех латинских купцов; спустя четыре года венецианцам было позволено вернуться в свой квартал. Пандемия 1348–1349 гг. и война венецианцев с генуэзцами за Причерноморье 1350–1355 гг. вызвала задержку в отношениях с латинянами. Но Миланский мир (1355 г.) привел враждующие лагеря к трехлетнему отказу латинян от плаваний в Тану. Дисбаланс сил, вызванный Миланским соглашением, привел к укреплению позиций генуэзской Кафы. Уже осенью 1355 г. дож Венеции направляет в Орду посольство Андреа Венерио с просьбой об аренде в Крыму бухты для постройки порта Провато. Джанибек

незамедлительно выдает венецианцам ярлык на право устройства новой венецианской фактории. В эпизоде с портом Провато, учрежденным как венецианский консульский центр (его тюркское название *Янгишахр* – Новый город), к концу 1355 г. возникает имя *даругачи* Солхатского тумена Зайн ад-Дина Рамазана [Григорьевы, 1997, с.149–154]. Торговая фактория в Янгишахре, по данным письменных источников, прекратила свое существование ок. 1380 г. [Григорьев, 1994, с.28–36]. Предположительно, Рамазан возглавляет Крымский улус с 1349 по 1357 гг., когда на смену ему с утверждением Бердибека (1357–1359) приходит сын Тюлек-Тимура, Кутлуг-Тимур. Имя Кутлуг-Тимура в форме *Cotolemur* упомянуто среди имен восьми известных ордынских беков, ходатайствующих перед Джанибеком в 1342 г. за венецианских купцов Таны [Григорьевы, 2002, с.68, 71]. Позже имя этого улусбека встречается еще в нескольких документах: предписании Бердибека 1358 г. и уведомлении самого Кутлуг-Тимура венецианским послам к хану Джованни Квирины и Франческо Бону, датированного тем же годом, что и предписание Джанибека [там же, с.158–191, 192–195, 209]. В 1358 г. Кутлуг-Тимур подтвердил права венецианцев на бухту Провато (разрешение было получено ими в 1356 г.) и позволил им доступ к Солдае и к гавани Калиера (Калитра). Можно предположить, что контакты крымского наместника с венецианцами отложились в его личной сокровищнице в виде двух парадных поясных наборов из золота и серебра [Крамаровский, 2001, с.144–145]. Период правления в Крыму Кутлуг-Тимура продолжался вплоть до захвата Сарая Кильдибеком (1361/1362 г.), поскольку в составе упомянутой сокровищницы обнаружена *пайцза* с его именем [Münküev, 1977, p.186–215]. При нем, очевидно, венецианцы получили право торговать в Солдае (1358 г.), куда ранее не допускались. Суммируя наши наблюдения, связанные с третьим этапом в развитии золотоордынского Крыма, нельзя не отметить одной характерной черты. В этот период ханские наместники получают широкие полномочия по ряду направлений внутриобластной и международной политики. Как явление, расширение объема «областных полномочий» прорастает из практики приволжских столиц. Можно со-

гласиться с М.Г.Сафаргалиевым, отметившим усиление влияния местных элит на принятие решений в ставке Узбека [Сафаргалиев, 1996, с.367]. В Крыму наместники сами решают вопросы войны и мира на подвластной им территории. К примеру, в региональных войнах с Судаком они вступают, правда, с разрешения хана, в переписку с венецианскими дипломатическими миссиями, но влияют на решения о Провато; наконец, ведут самостоятельную переписку с Каиром. Несомненно, что сегментация власти в Крымском улусе, ярко отразившаяся в структуре воинских сил ордынцев в сражении с Витовтом на Синих водах в 1362/1363 г., – результат конца эпохи Джанибека–Бердибека, когда в Крыму утверждается новое политическое образование – княжество Феодоро. Сама же воинская акция, проведенная силами трех крымских эмиров – Солхата, Кырк-Ера и Мангупа [Мыц, 2001, с.245–256], – скорее свидетельство собственной переоценки, чем наступательной «внутриобластной» политики (ср.: [Герцен, Могаичев, 1993, с.56]). Трудно, однако, понять и логику интерпретации Синеводской битвы как события, знаменующего освобождение территории Украины от ордынской зависимости [Ивакин, 2002, с.108], поскольку речь идет лишь о Подолии, подпавшей в результате под контроль Великого Литовского князя Ольгерда (1341–1377). Между тем, защита Крымом ордынских интересов в Подольских землях означала лишь, что налоговые сборы из этого района шли через администрацию правого крыла Джучидов. Князь Хаджибей и Дмитрий – эмиры Кырк-Ера и Мангупа, а многоопытный Кутлуг-Буга – правитель Солхата и Крымского тумена. Возможно, походный эмир Солхата и Кутлуг-Буга, вступивший в 1381 г. в должность крымского наместника, – одно и то же лицо. В 1387 г. Кутлуг-Буга, «*dominus Solcatensis*», заключает договор с Кафой от 12 августа, в котором правительство Токтамыша (1380–1398) подтвердило условия соглашения от 1382 г. [Basso, 1991, p.25–26].

Один из самых темных этапов в истории золотоордынского Крыма – это **четвертый период** – от убийства Бердибека до воцарения Токтамыша (между 1359 и 1380 гг.). Центральное действующее лицо этого 20-летия – улуг карачибек Мамай, зять Бердибека и один из его старших эмиров [СМИЗО, 1884,

с.389]. Принято считать центром Мамаева улуса Кучугурское городище, идентифицируемое В.Л.Егоровым с Шахр ал-Джадидом [Егоров, 1985, с.85], что в 30 км к югу от г. Запорожье. Вероятно, при нем в начале 60-х гг. XIV в. чуткие к событиям в Орде обитатели Мангупа предпринимают активные работы по «восстановлению Феодоро» [Малицкий, 1933, с.10; Герцен, 2001, с.170, 271]. Начавшийся затяжной кризис в Орде не преминул сказаться в Крыму: в 1365 г. генуэзцы захватили Солдайю и 18 деревень южного побережья [Vasiliev, 1936, p.177–182]; возможно, что в зависимости от Кафы в это время попадают венецианские гавани Провато и Калиера. В сущности, в отношениях с генуэзцами в середине 60-х гг. наступает рубеж, когда в роли обороняющейся стороны выступают сами ордынцы. Уже к 70-м гг. XIV столетия активное крепостное строительство ведется в Солдае, и одна из наиболее ранних строительных плит датирована 1371 г. [Skrzinska, 1928, p.107]. Внутренний кризис в Орде оказался так велик, что даже население «столичного» Солхата, напуганное приходом Мамая, приступило, судя по армянской памятной записи 1363 г., к сооружению оборонительного пояса в виде внешнего рва и стен [Крамаровский, 1989, с.144]. Судя по переписке с канцелярией египетского султана, Мамай твердо утвердился в Крыму только к 773 г.х. (1371 г.). Мамаевский Крым, по Г.А.Федорову-Давыдову, – «владение типа *сюргал*» [Федоров-Давыдов, 1973, с.136]. В октябре 1374 г. Мамай был торжественно принят консулом Кафы, а несколько месяцев спустя послу Мамая генуэзцы вручили богатые одежды [Balard, 1978, II, p.457]. В 1375 г. Мамай возвращает под джучидский контроль 18 селений Готии [там же, p.161]. Консолидация сил правого крыла к началу 1377 г., подчинение Северного Кавказа в 1379 г. и установление власти в Хаджи-Тархане привело в лагерь Мамая новых союзников. Анализ археологических материалов позволяет отметить вовлечение в круг экономических интересов Крыма славяно-тюркских поселений Днепровского Запорожья, где создаются генуэзские фактории Тавань и Белозерка [Ильинский, 1991, с.27]. Одно из направлений в жизни «мамаевского» периода Крыма – укрепление взаимодействия со старыми соперниками. В числе последних – итальянцы.

В период с 1374 по 1381 г. отношения Солхата и Кафы довольно равные. Консул Кафы оказывает знаки внимания «господину Солхата» Ага-Мухаммаду, посылая ему со своими чиновниками подарки и послания. Тесные отношения Солхата и Кафы подтверждаются присутствием кафинского викария на обеде с сыном солхатского даруги [Balard, 1978, II, p.460], который раненным в кампании 1391 г. попадает в плен к Тимуру [СМИ-ЗО, 1941, с.115, 165]. Поражение, нанесенное войскам правого крыла Золотой Орды Дмитрием Ивановичем московским, очень скоро привело Мамаю в дружественную Кафу. Здесь, на одном из базаров, между мартом и ноябрем 1381 г. он был убит [Balard, 1978, II, p.458]. О том, что антимамаевская акция шла из Солхата, нетрудно догадаться. В урочище «Три колодца» кафинцам противостояли две группы ордынских «переговорщиков» во главе с промамаевским Черкес-беком (в конце 1380 г.) и Ильясом, сыном Кутлуг-Буги (1381 г.), представлявшим интересы Токтамышша. Условия договора ясны не во всех деталях, но одним из его пунктов, несомненно, стало устранение Мамая. Взамен Кафа получила контроль над Солдаей, 18 селениями южнобережного Крыма (Готии) и новое партнерство с ордынцами. Токтамышш утвердил в Кафе нового сборщика налогов «по старому обычаю» и чиновника для контроля за кафинскими татарами. Вполне допустимо, что тело Мамая было выдано для погребения общине соседнего Солхата. Страх перед Токтамышшем заставил горожан, среди которых еще сохранялись бывшие приверженцы всеильного беклербека, захоронить патрона по исламскому обряду вне городской черты, в некрополе у генуэзских ворот [Крамаровский, 1996, с.38–41]. Судя по ярлыку Токтамышша от 1381 г., Крымскому тумену все еще подчинялись некоторые территории в Северном Приазовье [Григорьев, 1981, с.126–136].

Примечательно, что на протяжении всего четвертого этапа монетный двор Крыма почти бездействовал. Полагаю, это объясняется статусом Солхата–Крыма как личной вотчины Мамая. Трудно представить, чтобы беклербек Мамай и его мнимый отец, отставной беклербек в правительстве Джанибека, Кутлуг-Буга, был допущен в Солхат–Крым в качестве даруги. Тем более, что Мамай и Кутлуг-Буга были ориентированы на разные по-

литические силы. Не случайно Токтамыш после смерти Мамаю продолжил карьеру Кутлуг-Буги в Крыму вплоть до 1387 г.

Город в мамаевский период не приобрел ни одного общественного сооружения, в то время как его функция торгового посредника в большой международной торговле, хотя и подвергалась колебаниям, но оставалась неизменной. Есть еще одна веская причина для снижения тонуса общественной жизни в период смуты: борьба за политическую власть расшатала финансовую систему государства. Особенно резко это сказалось после захвата Токтамышем Сарая и Азака, традиционных центров монетных эмиссий. У населения Причерноморья, особенно после рокового 9 сентября 1380 г., стало просто не хватать денег. Недостаток ходячей монеты ханская администрация в последние месяцы жизни Мамаю пыталась компенсировать введением золотых *дангов* – «*dangai auge*» [Пономарев, 2002, с.116]. Эти монеты весом более 10 г пока не обнаружены археологами, но нашли отражение в документах массариев Кафы [там же, рис.2, прим.84].

Пятый этап определяется во временных границах от правления Токтамыша до Тимур-Кутлуга (с 1380 по 1400 г.). Токтамыш вошел в историографию Золотой Орды как хан-объединитель, возродивший единство Улуса Джучи. Между тем, состояние золотоордынского Крыма все больше зависело не только от власти в Сарае, но и от отношений Солхата с территориальными образованиями полуострова, включая генуэзскую Кафу и феодоритский Мангуп. При Токтамыше феодориты, судя по находке на Мангупе строительного камня с именем хана, не ставят под сомнение сюзеренитет Орды [Малицкий, 1933, с.5–8; Герцен, 2001, с.261]. В 1381 г. о своих интересах в Солхате и Провато снова заявляют венецианцы, лишенные по Туринскому договору возможности плавания в Тану на два года [Карпов, 1990, с.72]. В то время как в Солхате внимание было сосредоточено на противостоянии набирающей силу группировки Токтамыша со слабеющей мамайской, генуэзцы, обеспокоенные возможным усилением в Крыму венецианцев, вдвое увеличивают гарнизон Солдайи: с 42 человек в 1376 г. до 80 в 1381 г. В 1382 г. гарнизон Солдайи уменьшается до 12 человек (после подписания Туринского мира), но уже в

1386 г. снова вырастает до 60-ти [Balard, 1978, I, p.461]. Пришедший к власти в Солхате в 1381/1382 г. Ильяс, сын Кутлуг-Буги, не смог остановить кризис в отношениях между Солхатом и Кафой, и спустя 3 года противостоящие стороны вступили в открытое противостояние. Кафа, несомненно, была подготовлена к войне лучше. Сразу же после ремонта крепостных сооружений в цитадели (1381–1382 гг.) консулы Якопо Спинола (1383), Пьетро Казано (1384) и Бенедетто Гримальди (1385) ведут серьезные работы по строительству внешнего оборонительного пояса города [там же, р.207]. Достаточно сказать, что к 1389 г. протяженность крепостной линии каменных стен Кафы (высотой до 10 м), включающей 8 башен, достигает 5,2 км. Война 1385–1387 гг. [Basso, 1991, р.25–26] закончилась поражением Солхата, и 15 мая 1387 г. генуэзцы отметили победу раздачей вина в пригородах Кафы. Уже 12 августа Ильяс подписывает мирное соглашение с генуэзцами, подтверждающее условия договора 1382 г.; соглашение сопровождается обязательством чеканить дирхемы только «полного веса». Генуэзцы закрепляют свой контроль над этим участком восточно-крымского побережья строительством на средства коммуны Кафы муниципального (?) замка у селения Отузы [Бочаров, 2001, с.90]. Неудачи Токтамыша в Мавераннахре и Хорезме в 1388–1389 гг. привели к расколу в лагере золотоордынского хана. Уже осенью того же года изгнанный из Сарая Бек-Булат бежит в Крым, где его продолжает преследовать Токтамыш. Ибн Халдун сообщает и об осаде Крыма, во время которой *оглан* Булат был убит [СМИЗО, 1884, с.393]. Победа Токтамыша приводит в Крым в качестве наместника эмира Кутлуг-Бугу. Вполне вероятно, что при его правлении в Солхате возникает одна из самых монументальных мечетей города, известная под условным названием «мечеть Бейбарса» (о дате возведения этой мечети см.: [Крамаровский, 1991, с.69–70, план – с.128, рис.2]). Имя нового наместника мы узнаем из ярлыка Токтамыша от 10 сентября 1392 г., выданного одному из крымских аристократов Бек-Хаджи, объявленному «вольным тарханом» [Самойлович, 1927, с.141–142]. Войны с Тимуром в 1395–1396 гг. привели и Токтамыша, и Золотую Орду в целом на грань катастрофы. В 796 г.х. (1393/94 г.) на моне-

Монеты Шадибека (806–807 г.х.). Кафа

тах, отчеканенных в Крыму, выбита легенда – «Султан правосудный Таш-Тимур хан». В Сарае в это время правит ставленник Тимура Куюрчак-оглан, сын Урус-хана. Видимо, правление Таш-Тимура продлилось до прихода в Крым отрядов Тимура сразу же после победы на Тереке в 1395 г.: Ибн Дукмак говорит о 18-дневной осаде отрядами Тимура Кафы [СМИЗО, 1884, с.330], а Шараф ад-Дин Йезди – о сожжении Азова [СМИЗО, 1941, с.180]. Весьма вероятно, что наместником Солхата в период тимуровских потрясений был второй сын Кутлуг-Буги Синан (Dominus Sinan, Filius Chutlubei) [Малиновский, 1844, с.512]. Едва ли не все сведения арабских источников о тимуровском погроме в Крыму восходят к сообщениям египетского посла к Токтамышу эмиру Тулумену Алишаху, согласовавшему было вопрос о несостоявшемся военном союзе против Тимура. Тот же Ибн ал-Форат, после передачи известия о тимуровской кампании в Крыму, очень скупо сообщает, что уже в 1396 г. войска Токтамыша снова осаждают генуэзскую Кафу [СМИЗО, 1884, с.364]. Эта новая попытка Токтамыша отстоять свое право на Крымский улус позволяет выделить еще один этап – **шестой** – заключительный в эволюции золотоордынского Крыма. Суть в том, что в это время на полуострове формируется самостоятельная орда, объективно сыгравшая роль пускового механизма, подготовившего выделение Крымского улуса в качестве самостоятельного ханства при Хаджи-Гирее (1443 г.). В своей борьбе за Крым Токтамыш, как и в 1392 г., опирался на местную знать, среди которой поздние документы выделяют ширинского бека Руктемир-бея [Лашков, 1895, с.124]. Противниками Токтамыша в конце 1396 – начале 1397 г. выступают его зять Идегей и Тимур-Кутлуг. Борьба за Крым,

как всегда при смене власти, началась Идегеем с осады Кафы в 799 г.х. (1396/97 г.) [СМИЗО, 1884, с.531]. Уже весной 1397 г. Тимур-Кутлуг, первый из ханов идегеевой плеяды, получил возможность гарантировать крымским татарам собственные преференции. В ярлыке от 27 апреля 1397 г. новый правитель удовлетворил просьбу о тарханстве Мехмета (Махмуда?), сына Хаджи Байрама, вместе с его несовершеннолетними сыновьями [Радлов, 1889, с.21, 31]. Речь идет о семейной династии, пожалованной «истинным тарханством» до 1397 г. во времена «прежнего, умершего Саин-хана» (о титуле «Саин-хан» см.: [Бойл, 2002, с.28–32]). Ярлык 1397 г. дает представление не только об имущественной структуре местной землевладельческой элиты, не только о перечне «законных» налогов и практики «чрезвычайных» поборов, но и о номенклатуре военных, судейских и гражданских чиновников, начиная от самых высоких до базарных надзирателей. Указание на традиционную многочисленность тарханов в «области Крыма и Кырк-йора» свидетельствует, что привилегии *тарханства*, как и сам институт, распространялись преимущественно на элиту коренных округов-туменов, а не на все податное население Крыма.

Тимур-Кутлуг умер вскоре после поражения Витовта на Ворскле в 1399 г., и Идегей утвердил на троне подставного хана Шадибека (1401–1407). По-видимому, власть самого Идегея в Крыму до гибели Токтамыша не была полной. Клавихо, не указывая дат, говорит об активном неприятии его правления сыном Токтамыша, действующим из Кафы [Клавихо, 1990, с.144]. Солхат-Крым, пострадавший еще в тимуровскую кампанию, так и не вышел из состояния стагнации (по свидетельству Иоанна де Галонифонтибуса, в начале XV в. большая часть города все еще лежала в развалинах; см.:

[Галонифонтибус, 1980, с.14]). Время от времени здесь появляются представители то сына Токтамышша – Джалал ад-Дина (в 1410 г.), то Тимура, сына Тимур-Кутлуга и зятя Идегея, овладевшего Таной и вынудившего Джалал ад-Дина бежать к Витовту (в 1411 г.). В 1417 г. в Крым бежал один из сыновей Токтамышша Джаббар-Бирди, опиравшийся на поддержку Витовта [Сафаргалиев, 1996, с.444]. Преследующий его Идегей разграбил Тану и вскоре оказался в Крыму, осадив Кафу. Условием длительной осады города стало удаление из Крыма Джаббар-Бирди, ушедшего в Литву.

Судьба Крыма после смерти Идегея оказалась в руках Великого князя Литвы Витовта (1392–1430). С его одобрения и по согласованной позиции кланов Ширин и Барын очередным ханом Крыма на исходе 1421 г. оказался Улуг-Мухаммад, в будущем – основоположник первой династии казанских ханов ([Худяков, 1996, с.543; Хамидуллин, 2002, с.127–131]; анализ генеалогии Улуг-Мухаммада см.: [Исхаков, 2002, с.63–74]). В месяце *зу-л-ка’да* (=28.10–26.11) об этом событии стало известно при дворе правителя государства Тимуридов Шахруха [СМИЗО, 1941, с.196]. А в следующем году (825 г.х.) от Улуг-Мухаммада к Шахруху прибыло посольство с подарками, благосклонно принятое в Герате. В своей борьбе за трон с Худайдатом и Бараком Улуг-Мухаммад опирался на помощь Витовта. После короткого перерыва он в 1425 г. снова возвращается в Крым, а в 1426–1427 гг. подчиняет себе Астрахань и Болгар, где чеканит монеты от своего имени [Марков, 1896, с.503]. Летом 1426 г. Крым на время уходит из-под влияния Улуг-Мухаммада и здесь обосновывается Девлет-Бирди.

В 1427 г. за власть в Улусе Джучи боролись 3 хана: земли Сарая занял Улуг-Мухаммад, Крым – Девлет-Бирди, восточную часть, граничащую с землями Тимуридов, – Барак [СМИЗО, 1884, с.534]. К весне следующего года Девлет-Бирди уже не было в живых. И ал-Айни сообщает о возврате Крыма под управление Улуг-Мухаммада [там же]. Со смертью в октябре 1430 г. Витовта, давнего покровителя Улуг-Мухаммада, его шансы укрепиться в Крыму снизились. Шаткость положения Улуг-Мухаммада усугубили как непродуманный поход на Литву 1431 г., так и разрыв с влиятельным родом Ширин. В результате власть в Крыму в 1433 г. была захвачена Сей-

ид-Ахмадом (1433–1435). Улуг-Мухаммаду пришлось покинуть и Дашт-и Кыпчак, где он уступил власть Кичи-Мухаммаду. Согласно ал-Айни, Кичи-Мухаммад с 874 г.х. (1443/44 г.) [там же] владеет не только Даштом, но и Крымом. Главным оппонентом Кичи-Мухаммада в Крыму стал Хаджи-Гирей (ок. 1428–1456), появившийся на политической сцене Крыма еще в период взлета карьеры Улуг-Мухаммада. В.В.Бартольд отметил противоречивость сведений о деятельности «Хаджи-Гирея б. Гийас ад-дина б. Таш-Тимура, царевича из Золотой Орды» [Бартольд, 1963–1977, V, с.522]. М.Г.Сафаргалиев убедительно показал связь между крымскими делами и междоусобицей литовских князей Свидригайло, за которыми стоял Улуг-Мухаммад, и Сигизмунда, покровительствовавшего Хаджи-Гирею [Сафаргалиев, 1996, с.491–492]. В самом Крыму Хаджи-Гирей опирался на поддержку аристократических родов, давно добивавшихся самостоятельности полуострова из-за опасения потерять собственные привилегии. Но если в 1434 г. цементирующей активности влиятельного рода кунгратов (в первой половине XIV в. под их контролем находились кыпчаки и мангыты [Bregel, 1982, p.357–398]) хватило, чтобы перебороть сепаратистские настроения кланов Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак, то спустя десятилетие этот противовес исчез... вместе с Золотой Ордой. В Крыму Ширины и Барыны считались старшими [Сыроечковский, 1940, с.29; Manz, 1987, p.286]. Со времени Токтамышша эти же влиятельные роды отмечены и для других районов Золотой Орды. Идентичность клановых структур кроется в истории элей Токтамышша, что основывается на данных «Чингиз-наме» Утямыш-хаджи (XVI в.) [Юдин, 1992, с.115].

Чтобы точнее определить политическую сегментацию золотоордынского Крыма накануне исчезновения Улуг Улуса, как единого государства, обратимся к действиям Хаджи-Гирея в должности солхатского наместника, представляющего интересы общеордынского хана Улуг-Мухаммада. В 1433 г. Хаджи-Гирей – союзник мангупского князя Алексея в противостоянии с коммуной Кафы. В этом году греческая община крепости Чембало, относящейся к Капитанству Готии, взбунтовалась, несомненно, с ведома Алексея, и изгнала латинян [Vasiliev, 1936, p.203–208]. Однако планам феодалитского князя, стремившегося получить

выход к морю, не суждено было сбыться. Уже в июне коммуна Кафы призвала против восставшей крепости эскадру из Перы под руководством Бартоломео ди Леванто. Поскольку феодоритам удалось удержать Чембало, в марте 1434 г. для возвращения Чембало из Генуи была отправлена другая эскадра (в 20 кораблей) под руководством адмирала Карло Ломеллино. Уже в начале июля бунт был подавлен. В письме адмирала из Кафы в Геную от 9 июня в списке побед значатся: Чембало, Каламита, Брозони и вся Готия (*tota Gotia*) [Agosto, 1977, p.514–515]. По замыслу Кафы, вслед за феодоритами должна была настать очередь союзника Алексея – Хаджи-Гирея. Сражение состоялось 22 июня у с. Карагоз. Экспедиционный отряд Ломеллино из 10 тыс. пехотинцев с обозом из 700 повозок был атакован на марше конницей Хаджи-Гирея и разбит; погиб и Ломеллино ([там же, p.511–517]; документы Гатари приводят другое число участников сражения [Колли, 1913, с.110–120]). По мирному договору от 13 июля генуэзцы обязались очистить гавань от судов эскадры, разрушить две гребные галеры и еще одно судно, выплатить Солхату 100 тыс. аспров за 25 пленных латинян [там же, с.119–120]. В сущности, это последняя ордынская победа в Крыму. В ходе кампании 1434 г. ярко определились основные политические силы на полуострове. Среди них – татары, феодориты и генуэзская Готия во главе с Кафой. Каждая из них не представляла политического монолита и искала поддержки за пределами не только Крыма, но и Золотой Орды. Уже осенью победителю при Карагозе пришлось оставить полуостров и искать защиты в Литве при дворе Сигизмунда. Крым на время оказался в руках Сейид-Ахмада, опиравшегося на поддержку главы клана кунгратов Хайдара-мурзы ([Смирнов, 1887, с.215]; топоним «Кунграт» встречается в крымских судебных книгах XVI в., см.: [Иналджик, 1996, с.319, 322]).

Для нашей темы важно подчеркнуть, что и Сейид-Ахмад, и Хаджи-Гирей – крымские сепаратисты, не претендующие на участие в «большой» ордынской политике. Борьба Улуг-Мухаммада с Кичи-Мухаммадом в конечном итоге закончилась выделением из состава Золотой Орды Казанского ханства (в 1438 или 1445 г.), где установилась власть династии Улуг-Мухаммада. Власть в Дашт-и Кыпчаке

осталась за Кичи-Мухаммадом. Все еще неплохо осведомленный о крымских делах каирский хроникер сообщает, что в 874 г.х. (1443/44 г.) «...государем Крыма и Дашта был Мухаммад-хан» [СМИЗО, 1884, с.534]. Из анализа сообщения Мунаджим-баши (XVII в.), информирующего о застройке Бахчисарая Улуг-Мухаммадом, следует, что до переноса резиденции в новую столицу хан проживал все еще среди Ширинов в Солхате [Сафаргалиев, 1996, с.506]. Узость социальной опоры нового хана, привлечшего в Крым пришельцев вроде князей Мансуровых, несомненно, за счет владений местной татарской элиты, не позволила Улуг-Мухаммаду закрепить себя на полуострове. Принявший крымский трон из рук Великого литовского князя Казимира в Вильно Хаджи-Гирей возвращается «на царство Перекопское». Судя по тому, что в 1443 г. Хаджи-Гирей чеканит свою монету в Кырк-Ере с титулом «Султан верховный» [Марков, 1896, с.583], инициатива смены власти исходила от влиятельного рода яшлавских (сулешских) беков, вероятно, не без учета консолидированного мнения Ширинов, Барынов и Аргынов. Так в Крыму начинается новый этап, получивший название периода Крымского ханства.

Наш анализ места Крымского улуса в системе административно-территориальной и отчасти политической истории правого крыла Золотой Орды показал, что одна из основных функций центральной власти на месте заключалась в создании новой тюрко-латино-византийской контактной зоны под контролем Солхата–Крыма с двумя основными векторами связей. Первый, преимущественно политический, был нацелен на Каир. Второй, торговло-посреднический, обеспечивал нужды левантской и латинской торговли [Fedorov-Davydov, 2001; Хеллер, 2002, с.113–120] вплоть до территорий Центральной Азии и Китая. Проводником средиземноморского направления стало латинское владение Газзария с административным центром в генуэзской Кафе. Причем большая торговля обеспечивалась платежными слитками серебра двухсотграммового стандарта, клады которых обнаружены и в Крыму [Крамаровский, 1980, с.68–71; 2001, с.86–88; Мыц, Адаксина, 1999, с.159–169; Пономарев 2002, с.102–116; Еманов, 2003, с.129–130]. Формирование крупных на-

коплений привело к появлению в сокровищницах крымской знати золотых динаров из Северной Индии [Крамаровский, 1983, с.12; 1989, с.153; 2001, с.115, каталог, №612–621]. В этом смысле крымская знать вела себя так же, как и элиты Поволжья и Северного Кавказа [Федоров-Давыдов, 1978, с.253–254; Ртвеладзе, 1972, с.69–71; Волков, 2001, с.109–113]. Следы латинской и византийской торговли в городах Крыма (Солхат, Солдайя, Херсон) и Приазовья (Азак–Тана) обнаруживаются в находках золотых венецианских дукатов, серебряных денариев и квартари Гenuи, золотых и серебряных византийских монет [Крамаровский, 1989, с.152–153; Фронджуло, 1974 с.147; Фомичев, 2001, с.40–41; 2003, с.93–94; Слепова, 2001, с.112–114].

Вплоть до середины XV в., несмотря на поражение в войне 1385–1386 гг., реальная власть в Крыму принадлежала Солхату. При этом Солхат–Крым опирался не столько на воинскую мощь, сколько на силу денег, ибо монетный двор г. Крым обладал монополией региональной эмиссии общегосударственных номиналов. Во второй половине XIII в. эмиссиями монетного двора «Крым» обеспечивались нужды торговли всего Северо-Западного Причерноморья (вплоть до устья Дуная). От Солхата–Крыма вплоть до первой четверти XIV в. зависело денежное обращение Азака–Таны. Поэтому, опираясь на динамику роста монетных дворов региона, в жизни западной контактной зоны выделяются три этапа. Первый – в рамках 60-х гг. XIII в. и до начала XIV в.: монетная эмиссия осуществляется в Солхате–Крыме. Второй – в рамках первой четверти XIV – начала 50-х гг. XV в.: монета чеканится

в Крыме и Азаке (об азакском чекане см.: [Фомичев, 1981]). Третий – с 20-х гг. – середины XV в. и вплоть до падения Кафы в 1475 г. В этот период латинские владения Северного Причерноморья постепенно выходят из-под денежного контроля золотоордынских ханов и начинают чекан собственной монеты. Монетный двор генуэзской Кафы учреждается не ранее 1453 г., в период переподчинения генуэзской Газзарию Банку св. Георгия, хотя с 20-х гг. XV в. здесь получил распространение двуязычный номинал с тамгой Золотой Орды. Монетные находки последних лет выявили группу недатированных серебряных дирхемов, чеканенных от имени хана Девлет-Бирди после 825 г.х. монетным двором «Кафа ал-Джадид». Первоначально штемпели для нового монетного двора, очевидно, резали мастера Солхата–Крыма. Можно полагать, что в Кафе Девлет-Бирди опирался на общину северного предместья города, известного под названием «Шор Базар» [Книга путешествий, 1999, с.94]. Здесь же, видимо, несколькими годами ранее чеканились и первые генуэзско-тагарские монеты с именем Бек Суфи. Вероятно, на территории этого предместья размещалась и каирская торговая фактория. С 1433 г. в Кафе чеканятся монеты с тамгой Гиреев, но в 1453 г. изображение св. Георгия заменяет генуэзский портал. Последнее лишь подтверждает, что Крым уже в период властвования Идегея лишь номинально остается в составе Золотой Орды. Вмешательство Витовта в дела правого крыла Джучидов создает объективные условия для выделения Крымского улуса в самостоятельное политическое образование.

§ 3. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты

Искандер Измайлов

Становление и расцвет Булгарского улуса во второй половине XIII – середине XIV в. Булгарский эмират оказал наиболее длительное и ожесточенное сопротивление войскам Бату-хана. Но, в конце концов, булгары потерпели поражение, а все их основные города и крепости были захвачены или сдались. Территория бывшей Волжской Булгарии стала составной частью владений Бату-хана и полностью вошла в состав Улуса Джучи.

Плано Карпини в отчете о путешествии в Монголию несколько раз при перечислении покоренных монголами стран называл Булгарию, хотя и не уточнял степень ее зависимости [Путешествия, 1957, с.57, 72]. Рубрук, перечисляя подчиненные монголам страны, также называл «Великую Булгарию», а далее указал ее среди земель, подчиненных сыну Бату Сартаку [там же, с.111, 117–119, 123 и др.]. Об этом же свидетельствуют и восточные источники. Например, современник описываемых

событий, персидский историк Джузджани писал в своей истории «Насиловы разряды» (1259 г.), что под власть Бату «подпали все земли Туркестана (начиная от Хорезма), болгар, буртасов и сакалиба до пределов Рума» [СМИЗО, 1941, с.15]. В более поздних источниках эти сведения становятся традиционными. Так, в «Истории Вассафа» (нач. XIV в.) указывается, что Джучи получил во владение «земли от краев Каялыка и Хорезма и крайних пределов Саксина и Булгара до окраин Дербенда Бакинського» [там же, с.80].

Но если сам факт подчинения земель бывшей Булгарии не подлежит сомнению, то характер иерархии местной власти и роль в этом процессе болгарской традиции государственности остается предметом серьезных дискуссий. Существует несколько основных точек зрения на эту проблему. Одни историки считают, что территория бывшего Булгарского эмирата вошла в состав Монгольской империи, имея определенную автономию по типу древнерусских княжеств [Смирнов, 1963, с.67 и сл.; Гимади, 1948, с.197; Фахрутдинов, 1984, с.111–112; Халиков, 1994, с.51–57; Мухаметшин, 1994, с.101; Хамидуллин, 2002, с.97], другие считают, что эти земли были превращены «в составную часть Золотой Орды без каких-либо намеков на автономию» [Егоров, 1985, с.44]. Сложность решения этой проблемы упирается в недостаточную источниковедческую базу и концептуальную размытость многих исторических построений.

Реконструируя политико-административную ситуацию в завоеванной Булгарии, историки, как правило, обращаются к «Житию Федора Ярославского», в одном из вариантов которого, вошедшего в Великие Минеи Четьи, есть фраза: «начаша ходити рустии князи и болгаре в Орду, ко царю отчин своих просити у царя на столования своа» [Великие Минеи Четьи, 1869, стб.1263–1265]. Кажется, что этот отрывок обширного жития ярославского и смоленского князя, активного участника военно-политических событий на Руси и Северном Кавказе в 1276–1299 гг., дает замечательный шанс не просто соотнести практику получения княжеской инвеституры на княжение из рук хана, но и реконструировать политико-административную систему власти в Булгарии после ее завоевания, которая в таком случае предстает в виде отдельных княжеств, обладавших определен-

ной автономией, вассалитетом в рамках Улуса Джучи. Такой точки зрения придерживались российские и советские историки до 1950-х гг. [Шпилевский, 1877, с.162; Гимади, 1948, с.197; Смирнов, 1951, с.54]. Однако эта точка зрения была подвергнута сомнению М.Г.Сафаргалиевым, считавшим, что «внимательное изучение текста «Жития», однако, не дает нам утвердительного ответа на вопрос о возможности осуществления вассального болгарского княжества на Каме... По видимому, в «Житие» речь идет о дунайских болгарях» [Сафаргалиев, 1951, с.78; 1960, с.38]. Заново этот вопрос был изучен Г.А.Федоровым-Давыдовым, который посчитал, что данный отрывок относится именно к Волжской Булгарии, которая состояла из вассальных ханам Улуса Джучи княжеств [Федоров-Давыдов, 1973, с.27, прим.3]. Авторитет его исследования был так высок, что практически все историки и археологи вслед за ним использовали этот отрывок для характеристики Булгарии второй половины XIII в. (например, см.: [Фахрутдинов, 1984, с.103–105; Халиков, 1994, с.54–56; Алишев, 1995, с.188; Хамидуллин, 2002, с.98–99]).

Между тем, проблема вовсе не в том, к каким «болгарам» относить данный отрывок, поскольку по контексту речь идет именно о волжских болгарях, а о том, можно ли вообще считать это минейное сказание, как и текст Жития из Степенной книги [ПСРЛ, 21, с.307–314; Клосс, 2001, с.311–319], историческим источником по истории второй половины XIII в. Анализ истории текста этого Жития, проведенный Б.М.Клоссом, показывает, что для этого нет никаких серьезных оснований. Главный его вывод: «обследование рукописных хранилищ показало, что ранее 1463 г. (года обретения мощей) никаких житийных памятников, посвященных Федору Ярославскому, не существовало» [Клосс, 2001, с.252]. При этом самые ранние проложные редакции Жития (Краткая создана в 1467 г., а Пространная в 1470-х гг.) не содержат никаких подробностей ни о бурной жизни этого князя, ни о Булгарии (см.: [там же, с.252–274]). Даже следующая, довольно пространная редакция Жития в редакции Андрея Юрьева, составленная между 1470–1492 гг. (ее древнейший список относится к 1515 г.), также не содержит практически никаких исторических реалий, кроме указания, что Сата-

на, вселившийся в восточного царя Батю, навел его на русские земли, «грехов ради наших» (см.: [там же, с.275–284]). Следующим этапом развития текста стала редакция Антония, вошедшая в сокращенном виде в состав Служебной минеи на сентябрь и составленная, видимо, в 1505–1520-е гг. [там же, с.289–306; Великие Минеи Четьи, 1869, стб.1255–1261]. Но и в этом тексте «булгарские реалии» не обнаруживаются. Появляются указания на «булгарских князей», которые якобы ходили вместе с русскими за ярлыками и тема участия князя Федора Ростиславича в походе на Булгарию по приказу Менгу-Тимура, а также уникальное известие о женитьбе этого князя на дочери хана, принявшей православие, и получение им в виде приданого 36 городов, включая «Чернигов, Българы, Кумане, Корсунь, Туру, Казань, Арск, Гормир, Баламаты» и др. позднее. Все эти известия читаются только в тексте Жития, написанном для Великих Миней Четьих, составленных митрополитом Макарием в связи с канонизационным собором 1547 г. Если же вспомнить исторический фон этого собора и идеологическую подготовку к «Казанскому взятию», которая выразилась в редактировании летописного свода (Никоновская летопись) с целью представить доказательства «исконных прав» русских князей на земли Казанского ханства, то станет ясно, зачем и почему появились в этой редакции Жития указания на булгар и приданое в виде булгарских городов (Болгар, Казань, Арск, Тура и т.д.). Вполне очевидно, что это не изложение летописной или даже устной традиции, а просто еще одна политически злободневная имперская прокламация, составленная Макарием для обоснования законности и оправдания захвата Казанского ханства. Причем уже в редакции Степенной книги, созданной около 1563 г., болгары исчезают, а остаются только булгарские города, как свадебный дар хана князю Федору Ярославскому [Клосс, 2001, с.310–319; ПСРЛ, 21, с.307–314]. Исчезает в этой редакции и фраза об участии ярославского князя в походе на Булгарию в составе войск Менгу-Тимура. Таким образом, спор о том какие болгары ходили за ярлыками, вообще не актуален. Само это упоминание не составляет часть повествования о реальных событиях, а является идеологемой середины XVI в., отражая лишь

представления церковно-державной историографии о прошлом. По сути, оно является экстраполяцией на прошлое настоящей и будущей политики «Избранной Рады» молодого царя Ивана IV и не содержит вообще никаких исторических реалий, относящихся к XIII в., кроме смутной памяти о «Батыевом пленении». Определенно не может считаться в этой связи историческим фактом и поход хана Менгу-Тимура на Булгарию.

Аутентичные источники дают весьма скудные и отрывочные сведения об исторических процессах, протекавших во второй половине XIII в. в Среднем Поволжье. Однако есть основания полагать, что Поволжье являлось не просто центром империи Джучидов, а доминиальным владением ханов. При этом, судя по всему, г. Болгар становится сезонной столицей Бату-хана. Так, братья Поло, находившиеся в Улусе Джучи в 1250 г., рассказывали, что «прибыли к Барка-хану, что татарами владел и жил в Болгаре да в Сараяе» [Книга Марко Поло, 1990, с.39]. Из Болгара, судя их данным, существовал путь из Причерноморья, из крымского порта Солдайя (Солхат) и вниз по Волге в Сарай, через Укек [там же]. Об этом же свидетельствовал и Рубрук, который, двигаясь ко двору великого каана, пересек Волгу в районе г. Укека, где в августе 1253 г. встретил ставку Бату. При этом он упомянул, что двор Бату-хана совершал сезонные передвижения с юга на север: «...с января до августа он сам и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться». Таким образом, в летний период Бату находился со своей ставкой в Булгарии [Путешествия, 1957, с.118].

Отсутствие какой-либо автономии и полное подчинение Булгарии Бату-хану, а не великому хану, доказывает отсутствие в наших источниках какого-либо упоминания о булгарах при дворе великого хана, тогда как о русских, армянах, асах и других в них сохранились перекрестные упоминания. Это заставляет считать, что земли Булгарии были подчинены исключительно Джучидам и вошли в их личный улус. Очевидно, этому способствовал целый ряд обстоятельств. Во-первых, длительное и упорное сопротивление монгольскому завоеванию, что делало этот край потенциально нелояльным власти хана и требовало регулярной демонстрации могущества новой власти. Не исключено, что правящая династия и в

значительной степени аристократия, были просто истреблены в бескомпромиссной борьбе с завоевателями. Во-вторых, поскольку земли бывшего Булгарского эмирата были едва ли не самым экономически развитым регионом империи, Бату не желал делить доходы с них с другими Чингизидами. И, наконец, в-третьих, традиционные связи Булгарии с Нижним Поволжьем и удобство передвижения по Волге и вдоль нее делали Среднее Поволжье органичной частью, становым хребтом новой империи Джучидов.

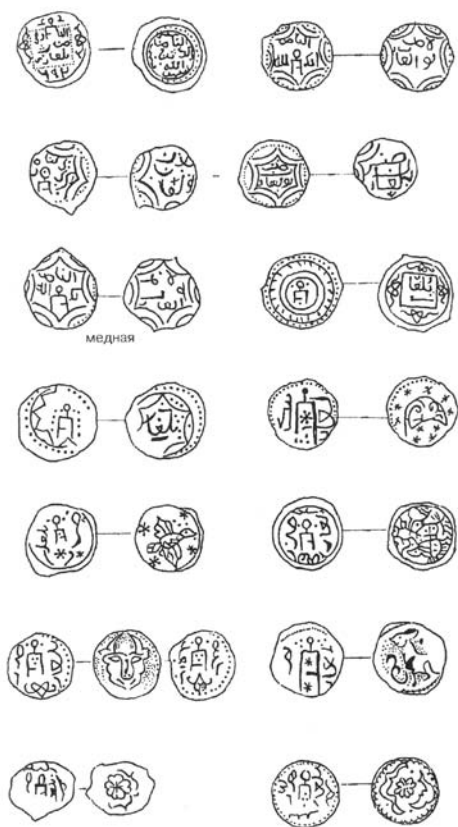
Относительно названия этой страны следует сказать, что вся она по исторической, закрепленной в письменной литературе, традиции именовалась «Болгарская» – «земля Болгарская» русских летописей. Однако из этого не следует, что в ней в какой-либо степени сохранились государственные традиции домонгольского периода. Очевидно, точнее будет называть бывшую Волжскую Булгарию в составе Золотой Орды Булгарским улусом, поскольку этот термин, определенно, более точно отражает тюрко-монгольскую административную систему в Среднем Поволжье XIII–XIV вв. Как отражение этой традиции следует, вероятно, понимать и сохранение в восточной литературе этого термина и гораздо позднее, вплоть до конца XVI в. В поздних источниках XIV–XVI вв. эта административно-государственная единица также называлась *вилайатом* (владением), В частности, термин «Булгарский вилайят» применительно к Казанскому ханству XVI в. упомянут в сочинении «Зафар наме-йи вилайяти Казан» Ш.Хаджитархани (1550 г.), где есть выражения «Казань, являющаяся престольным для Булгарского вилайята» и «правитель Булгарской области» [Хаджитархани, 1997, с.77, 81]. Но этот термин вряд ли можно считать «параллельным названием Казанского ханства» [Исхаков, 2004, с.9–10]. Во-первых, здесь мы имеем дело со старинной книжной традицией, своего рода каноном, во-вторых, само понятие «вилайят» / «владение» не зафиксировано в татарской традиции и является сельджукским (поскольку сама поэма была написана для Сулеймана Кануни и, очевидно, переписывалась в Турции, то в ней и могли появиться подобные термины), а, в-третьих, – в дипломатической переписке казанских ханов с Москвией и Речью Посполитой зафиксировано, хотя и в переводе, самоназвание это-

Дирхемы. Серебро. Болгар. XIII в. НМ РТ
(по А.З.Сингатуллиной)

го государства – «Казанское царство», т.е. собственно Казанское ханство, коль скоро в нем правили ханы. Что касается «булгарской» терминологии, то еще один ее вполне очевидный источник – сама казанская историческая традиция, стремившаяся «укоренить» свою власть в крае [Измайлов, 2006г, с.99–128]. Поэтому владение, возникшее на основе земель бывшего Булгарского эмирата, можно условно назвать Булгарским улусом по названию главного города этого владения Болгара.

Подтверждает это также чеканка первых монет Чингизидов в Восточной Европе именно в Болгаре, который был первым и долгое время единственным в то время центром монетной чеканки Улуса Джучи. До начала XIV в. монетный двор Болгара не имел себе равных по объемам чеканки во всем Поволжье, превосходя даже столичный Сарай [Мухамадиев, 1983, с.43; Сингатуллина, 2003, с.16]. Это определялось тем, что в Среднем Поволжье имелось плотное оседлое город-

Дирхемы. Серебро. Болгар. XIII в. НМ РТ
(по А.З.Сингатуллиной)

ское население, были развиты розничная торговля и денежное обращение и ощущалась потребность в денежном эквиваленте [Мухамдиев, 1983, с.43].

Особенностью джучидской монетной чеканки в Болгаре является отсутствие на монетах дат, имен джучидских ханов и помещение на них имен и династийных знаков каанов Мунке и Ариг-Буги, а также чеканка монет с именем багдадского халифа, к тому времени уже покойного, ан-Насира (1180–1225) и перечеканка медных монет ан-Насира новыми штемпелями с именем и тамгой каана Мунке [Сингатуллина, 2003, с.16].

Долгое время признаком определенной самостоятельности или даже некоторой «независимости» Джучидам Булгарского улуса служило для некоторых историков наличие значительного количества монет, чеканенных от имени покойного багдадского халифа ан-Насира. Как показал анализ казанского нумизмата А.З.Сингатуллиной, это мнение не

подтверждается фактами. Во-первых, долгое время монетный двор Болгара был фактически единственным, обслуживающим всю территорию страны и не представлял никакой самостоятельной территориально-политической единицы. Во-вторых, эти монеты чеканились по указанию ханов Улуса Джучи и, следовательно, данная чеканка лежала в русле их политики, а не отражала какие-либо региональные интересы. В-третьих, весовые нормы, традиции чеканки, диапазон весовых норм и т.д. монет Болгара подчинялись не своим особым правилам, а общеимперской традиции. Все это заставляет считать, что монеты Болгара второй половины XIII в., несмотря на отличия от чеканенных в Сарае, не дают оснований считать их символами какого-то автономного владения. Различия в целом не выходили за рамки особенностей различных монетных дворов и их традиций изготовления штемпелей [там же, с.16–40].

В отечественной историографии бытует мнение, что болгарская археологическая культура не претерпела больших изменений в золотоордынское время, что якобы должно свидетельствовать о полной преемственности населения. Думается, в целом так оно и было, но, если обратиться к деталям, то окажется, что изменения в культуре Среднего Поволжья во второй половине XIII в. произошли весьма значительные.

Отметим только эти важнейшие различия. Структура поселений претерпела серьезные изменения. Старый Биляр пришел в упадок, и золотоордынский Биляр был отстроен в его окрестностях, прекратили свое существование Вальинское, Богдашкинское, Юловское и целый ряд других поселений. Основными городскими центрами Булгарского улуса, судя по монетной чеканке XIII – первой половины XIV в., являлись гг. Болгар (Болгар ал-Махруса, Болгар ал-Джадид) и Биляр, а в Примокшанье – Мухша [Мухамдиев, 1983, с.11–19]. В эпитафиях XIII–XIV вв. упоминаются в тахаллусах (прозвищах) в качестве родины (может быть, исторической области) Болгар, Сувар и Биляр. Очевидно, что упоминание Суvara и Биляра – это дань затухающей традиции, поскольку после середины XIV в. они вообще перестали упоминаться. Причин этого может быть довольно много, но две главные – это упадок их политическо-

го и экономического влияния, а также, вероятно, пресечение актуальной булгарской исторической традиции.

Другими новыми центрами, как правило, становились города (Казань, Джукетау, Кашан, Елабуга и др.), ранее не являвшиеся значительными центрами (исключением, в некотором смысле, может считаться только Болгар). Появились эти новые центры как средоточие политической власти и сбора налогов, а также торговли и различных ремесел (например, Русскоурматское, Большенырсинское, Большеатряское, Именьковское, Лаишевское и др. селища). Как правило, рядом с ними обнаружено скопление мусульманских кладбищ с каменными надгробиями.

Серьезно изменились численность (сокращение почти в 2–3 раза) и топография сельских поселений. Обычно все эти изменения прямо связывались с катастрофическими последствиями монгольского завоевания, в последнее время в отечественной археологии принято считать, что само по себе завоевание было лишь общим фоном к значительным культурным трансформациям в Восточной Европе в XIII в. [Макаров, 2003, с.5–11]. Как и на Руси, на территории Булгарии во многих староосвоенных районах происходит сокращение числа поселений, а сами селища становятся малодворными. Происходит освоение водоразделов и отток населения в новые земли – в Предкамье, Предволжье, Икско-Бельское междуречье, бассейн р. Мокша и т.д. (подробнее см.: [Фахрутдинов, 1975, с.50–78; Белорыбкин, 2003, с.37–42]). Скорее всего, это связано с переменами в структуре власти и определенным кризисом сельского хозяйства в XIII в. в старых земледельческих районах. Только переселение и внутренняя колонизация способствовали преодолению этой кризисной ситуации.

Как бы то ни было, очевидно сходство булгарской и золотоордынской археологических культур; изменения также значительны. Хотя практически весь набор хозяйственных и бытовых орудий и предметов сохраняется, к середине XIV в. происходит заметное обеднение типов и номенклатуры вещей. Характерен пример керамики, которая в XIII в. фактически продолжает прежние традиции, но при этом постепенно увеличиваются различия в формах посуды, технологии гончарного производства, орнаментации и даже набо-

ра клейм. Наиболее разительный контраст представляет собой кашинная посуда, сменившая более простую местную поливную. Но особенно велики различия в наборе, формах и стиле украшений костюма. В первую очередь, речь идет о социально престижных деталях костюма, подчиняющихся всеобщей моде – украшениях, поясных наборах и т.д., которые наиболее подвержены влиянию меняющейся этносоциальной моды.

Население Среднего Поволжья оставалось мусульманским, но погребальный обряд его претерпел трансформацию в рамках мусульманского ритуала. Вместо обряда, совершенного по единому канону, идентичного для городских и сельских поселений, в период Улуса Джучи наметились серьезные отклонения от этой традиции. Появились кирпичные мавзолеи, каменные надгробия с эпитафическими надписями, положение рук и тела умершего становится более вариативным, в погребениях изредка встречаются вещи и т.д.

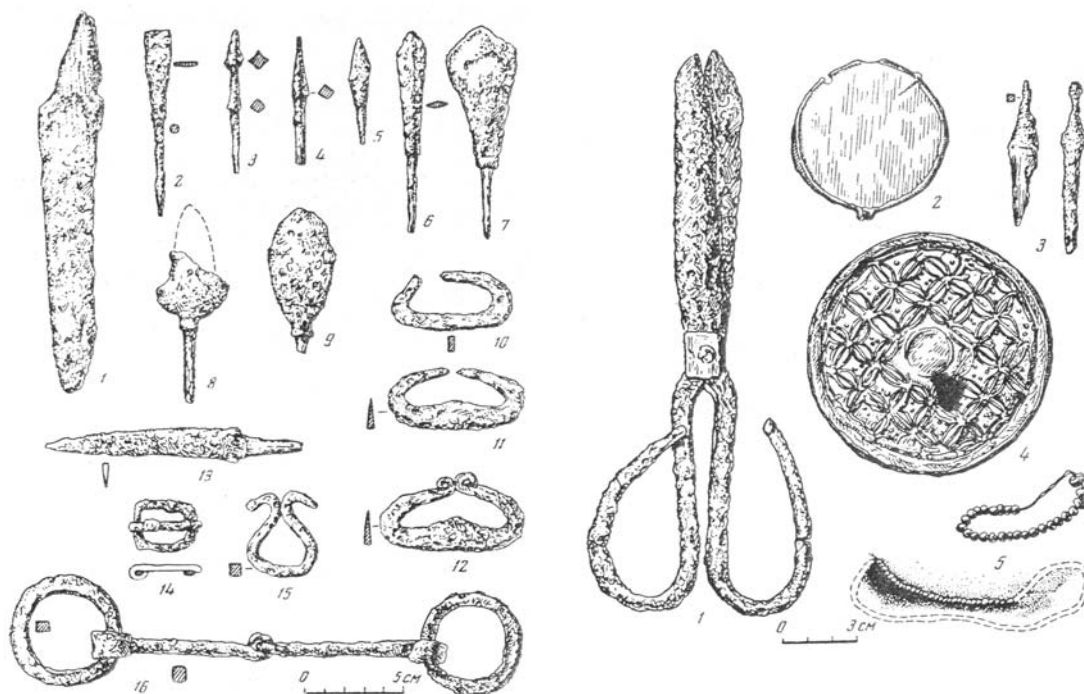
Все вместе это свидетельствует о серьезных переменах в погребальном ритуале и шире – в мусульманском законоведении и, соответственно, в самом мазхабе. Можно предполагать, что на территории Булгарии, где до этого действовало довольно жесткое, государственно регулируемое и унифицированное мусульманское право, произошла регионализация шариатского права и утвердился более лояльный к местным обычаям вариант мазхаба. В этой связи можно обратить внимание на выбор ханами Бату и Берке в качестве земного покровителя халифа ан-Насира (1180–1225). Как бы ни трактовать этот выбор – определенная фронда в отношении великого хана или направленный против несториан Хулагуидов выпад, – нельзя не отметить, что халиф ан-Насир умер не только до завоевания Булгарии монголами, но и вообще до начала их похода на Запад. Если бы Бату преследовал целью выбрать покровителя, чтобы унижить Хулагу, то логичнее было бы назвать таковым халифа Муста'сима (1242–1258). Очевидно, что выбор именно ан-Насира диктовался, скорее, внутренними целями. Возможно, он объяснялся тем, что ан-Насир был известен своей законоустановительной и правовой практикой, венцом которой стал знаменитый маншур (манифест) 1207 г., целью которого было собрать в единое целое различные религиозные, сектантские, мораль-

ные, этические и социальные элементы, объединив общество в пределах халифата. При этом он способствовал развитию умеренного суфизма и алиизма, пытался создать единое религиозно-политическое братство, наподобие военно-религиозного ордена – футува, в рамках всех стран ислама, признававших авторитет халифов. Тогда же он обратился ко всем правителям ислама для поддержки его начинаний и получил ее от целого ряда сельджукских эмиров и султанов (подробнее см.: [Михайлова, 1990, с.84–89]). Применительно к Улусу Джучи его программа могла быть преломлена в укреплении суфийских тарикатов, расширение прав шейхов по установлению некоторых норм шариата внутри своих общин, поддержку умеренных этических учений и отказ от религиозной нетерпимости. В этой связи можно предположить, что чеканка монет в Улусе Джучи от имени ан-Насира – это своеобразный (хотя, в принципе, просто единственный из дошедших до нас) акт публичного присоединения к маншуру ан-Насира и к его принципам во внутренней политике.

Об изменениях в мусульманской общине Булгарского улуса можно судить по такому косвенному факту, как тексты эпитафийных памятников. В них не просто весьма значительную группу составляют поминовения духовных лиц (шейхи, имамы, хаджи), но выделяется сравнительно большая группа духовных лиц, судя по тахаллусам, выходцев и их потомков из Закавказья и Средней Азии, например, Садр ад-Дин Ширвани, Хасан Самарканди, Мухаммад ал-Дженди, Мубарек-шах Курастани, Мухаммад-шейх ал-Кардари, Рса аш-Шемахи, Исмагил аш-Шемахи, Джафар-ага ал-Африкенджи и др. [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с.119]. Интересно, что часть из них прибыли из областей Улуса Джучи – Хорезма и Восточного Приаралья, а часть – из сельджукских областей Закавказья. Именно из этих регионов, судя по всему, и шло распространение ислама на территорию Улуса Джучи вместе с новыми школами богословия, правовыми традициями и духовными практиками. В частности, новым явлением стало распространение суфизма, суфийских тарикатов и исламского мистицизма. Характерно, что и Среднее Поволжье было включено в этот процесс реформирования шариатской практики.

Все это свидетельствует о том, что при всей преемственности, население Среднего Поволжья претерпело значительные изменения хронологического, стадийного и этносоциального характера. В первую очередь, это касается исчезновения, по крайней мере, в культурно-социальном плане, прежней булгарской знати. Очевидно, что она была в значительной степени истреблена. Некоторая ее часть смогла выжить и даже взаимодействовать с новыми правителями. Но при этом они выступали не как сплоченная социальная корпорация, а как отдельные семьи, включенные в структуру имперской власти. Важным свидетельством подобного положения дел является полное отсутствие преемственности в наборе, составе и оформлении социально престижных вещей домонгольского и золотоордынского времени. На смену довольно своеобразной тюрко-мусульманской культуре булгар пришла пышная имперская культура с центральноазиатскими истоками.

Другим новым явлением стало появление в Булгарском улусе новой этносоциальной верхушки – татарской клановой аристократии со своими воинскими отрядами, состоящими частично из кочевников со своими семьями. Археологическими свидетельствами новой этнокультурной ситуации могут служить многочисленные находки предметов раннезолотоордынского круга на памятниках XIII–XIV вв. в Среднем Поволжье (см.: [Сокровища Золотой Орды, 2000; Золотая Орда, 2005; Валеев, Руденко, 2005; Руденко, 2006]), а также материалы Балымерского курганного могильника. Этот памятник был открыт и обследован в 1961 г. Е.А.Халиковой [Халикова, 1965, с.114–116]. Могильник состоял из 21 кургана, из которых 4 было обследовано. Три кургана содержали по одному погребению, а одно – два. Под курганными насыпями обнаружены следы костров (прокаленная земля и угли), и в трех курганах конские черепа. Все они были погребены в неглубоких прямоугольных ямах (40–80 см от дневного уровня) с небольшими заплечиками с одной или двух длинных сторон. В одном случае прослежены остатки деревянного перекрытия. Погребенные лежали головой на север с небольшим отклонением к востоку. На дне ям обнаружен слой углей (подсыпка или остатки сгнивших деревянных конструкций). Мужские и женские (два) погребения

Находки из мужских (слева) и женских (справа) погребений.
Балымерские курганы. XIII в. (по Е.А.Халиковой)

бения различались погребальным инвентарем: женские сопровождались металлическими зеркалами, железными шильцами, шарнирными ножницами и украшениями из бисера, а в мужских встречены ножи, наконечники стрел, кресала, кольчатые удила, поясные пряжки и т.д. [там же, рис.41, 42].

Подобный обряд известен в степной части Улуса Джучи с середины XIII в., хотя не был очень распространен. По данным археологов, подкурганые погребения с северной ориентировкой составляют небольшую (до 6%) группу погребений, которые вкраплены в массу других типов обрядов с преимущественно широтной ориентацией [Федоров-Давыдов, 1966, с.120, 127, 159, табл.17; Гарустович и др., 1998, с.261–264]. Датировка этих погребений устанавливается по находке в одном из них бронзового зеркала с орнаментом в виде сетки из четырехлепестковых розеток, которые встречены на Дальнем Востоке и Приаралье, где датируются XII–XIII вв., а также в единичных экземплярах встречены в курганах золотоордынского времени [Федоров-Давыдов, 1966, с.84, 116; Полякова, 1996, с. 228, 237, рис.71, 8; Руденко, 2004, с.121]. Это позволяет довольно четко

датировать эту находку второй половиной XIII в. Остальной погребальный инвентарь, включающий наконечники стрел, кольчатые удила и другие предметы не противоречат этой датировке. Истоки этой группы населения вполне можно связать с районом Саяно-Алтая и Прибайкалья, где также обнаружены грунтовые и подкурганые погребения с северной ориентировкой [Могильников, 1981, с.194; Тишкин, Горбунов, 2005, с.146–147; Длужневская, Савинов, 2007, с.162–167]. В этой связи можно предположить, что Балымерские курганы оставило кочевое население из туменов, собранных в улусе, выделенном Джучи в 1208 г. Судя по особенностям обряда, этот воинский контингент сравнительно недавно пришел в Среднее Поволжье в составе войск Бату-хана и сохранил свои погребальные обычаи. Датировка Балымерских курганов первым этапом становления власти Джучидов в Среднем Поволжье также подтверждается аналогиями. В Приднепровье обнаружены погребения с северной ориентировкой, которые датируются, очевидно, более поздним временем – концом XIII – началом XIV в., но там все погребения грунтовые, а их обряд имеет смешанный

Надгробие с эпитафией. Казань. Конец XIII в.

характер, совмещающая различные элементы, в том числе центральноазиатские [Ельников, 2004, с.86–110].

Группа населения, оставившая Балымерские курганы, очевидно, являлась воинским контингентом, обеспечивающим стабильность новой власти в землях бывшей Булгарии. При этом высшую власть здесь осуществлял сам хан, а в периоды его отсутствия его улусбеки и даруги. Они выполняли основные административно-финансовые и военные функции, следя за сбором налогов и пошлин, выполнением разного рода повинностей и лояльностью местного населения. При этом очевидно, что территория Булгарии была разделена между татарскими кланами и не представляла ни единого, ни самостоятельного владения.

Если в 40–60-х гг. XIII в. система власти на территории бывшей Булгарии определялась непосредственным подчинением хану, то в четвертой четверти XIII в., очевидно произошли важные перемены. Представляется, что они были вызваны ослаблением централь-

ной власти в период междоусобиц между ханами и карачибекком Ногаем. Именно в этот период на территории Среднего Поволжья начала выкристаллизовываться система власти, которая станет играть определяющую роль в военно-административном управлении Среднего Поволжья.

Социальный состав населения Волжской Булгарии достаточно хорошо изучен благодаря надгробным эпитафиям [Юсупов, 1960; Хакимзянов, 1978; 1987; Мухаметшин, Хакимзянов, 1987; Мухаметшин, 1994] и представляет собой сложную сословно-иерархизированную структуру. Здесь выделяются правители – *султаны*, *эмиры* и *беки*. Встречены также термины, обозначающие жен и дочерей этих аристократов – *хатун*, *бика*, *би*. Уникальным, видимо, традиционным булгарским термином является *элчи* – госпожа, барыня [Хакимзянов, 1978, с.91–92; Мухаметшин, 1994, с.104]. Еще одним термином, вероятно, обозначающим знатную госпожу или господина, был традиционный термин *хум*, которым, как считается, могли именовать потомков рабов-слуг [Хакимзянов, 1978, с.93–94; Мухаметшин, 1994, с.105]. Семантика и этимология этого термина не совсем понятна, но считать их всех потомками рабов нет никаких оснований (на это уже обращено внимание историков: [Мухаметшин, 1994, с.105]).

Военно-служилое сословие представлено термином *йори* (*чури*), скорее всего, обозначающим воинов-профессионалов [Хакимзянов, 1978, с.80–82]. Характерно, что генеалогии части из них восходят еще к домонгольскому времени. Наличие чиновничества доказывается термином *тамгачи*, т.е. сборщик налогов [Юсупов, 1960, табл.12; Хакимзянов, 1987, с.96–97; Мухаметшин, 1994, с.105]. Другие знатные люди назывались, скорее всего, *ага*, *ходжа* [там же, с.103]. Есть и обозначения по цеховой принадлежности – *алтунчи*, т.е. ювелир, золотых дел мастер и *темирчи* – кузнец [там же, с.105].

Духовенство представлено несколькими терминами. Наиболее значимым, видимо, был термин *шайх великий*, а также просто *шайх* и *имам* [там же, с.104–105]. Довольно широко был представлен в эпитафийных памятниках термин *хаджи* – традиционная для мусульман приставка к имени для тех, кто совершил хадж в Мекку. Целый ряд других ти-

тулов – шах, малик, инал, наряду с беком, эмиром (мир), являлись, очевидно, частью сложных имен у аристократов.

Особый интерес для понимания этносоциальной структуры общества имеют титулы *султан* и *эмир*. Оба довольно редко встречаются. Термин «султан» встречен два раза на памятнике из Болгара и Казани (конец XIII в.?). В последнем случае он образует довольно сложную иерархию: «Эта гробница султана великого, знатнейшего помощника султанов, эмира чтимого... победоносного... почтенных и великих, знамени... к победоносному... двух почестей... гордости рода и веры, тени господ Хасанбек сын Мир-Махмуда» [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с.98; Мухаметшин, 1994, с.100]. Однако надо учесть, что Г.В.Юсупов читал эту надпись несколько иначе, считая термин «султан» не особым титулом, а обозначением правителя: могила «великого и знатного повелителя, помощника повелителей, эмира чтимого...» [Шпилевский, 1877, с.475–477; Юсупов, 1960, табл.2]. Решить этот вопрос, видимо, будет сложно без новых материалов. Однако, если речь в этих эпитафиях действительно идет о титуле «султан» применительно к Хасанбеку ибн Мир-Махмуду, то это – важнейшее доказательство притока в Булгарский улус татарской аристократии, поскольку в Улусе Джучи термин «султан» применялся исключительно к представителям рода Чингиз-хана. Никаких местных правителей с подобным цветистым титулом просто не могло быть.

Титул «эмир» был более распространен и применялся к представителям аристократии. Например, эпитафия из Болгара (1320 г.) содержит вычурную титулатуру: «эта гробница эмира великого, величайшего, весьма возвысившегося, весьма почетного, знатнейшего, славнейшего, благороднейшего, воспитателя ученых, подпоры слабых Ахмеда хаджи, сына Мумика, сына Мир-Хусейна Назара ал-Булгари» [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с.94; Мухаметшин, 1994, с.100]. Другие эмиры имели гораздо более скромные эпитафии. Например, надпись из Болгара (1323 г.) гласит: «Гробница эмира...Буляртая, сына Бюлемшак-бека» [Березин, 1852, с.109; Юсупов, 1960, с.56; Хакимзянов, 1987, с.100–101]. Не исключено, что следует в этой связи различать эмиров, как пред-

ставителей знати, от правящих эмиров, правивших городами и их округой.

К сожалению, невозможно ничего сказать об их происхождении – были ли они представителями старой булгарской знати или выходцами из татарских кланов. Не проясняют ситуацию тахаллусы «ал-Булгари» и «ас-Сувари», поскольку означали не этническую принадлежность, а место рождения или жительства. Вместе с тем, следует отметить, что в эпитафиях из Среднего Поволжья зафиксированы потомки приезжих, выходцев из Средней Азии и Закавказья [Мухаметшин, 1994, с.103]. Вообще на пришлый характер высшей аристократии из Болгара в определенной мере могут указывать антропологические данные, поскольку серии черепов из погребений центрального кладбища Болгара близ Джами-мечети близки сериям нижневолжских городов Золотой Орды [Яблонский, 1987а, с.124–142].

Иными словами, в конце XIII – начале XIV в. в землях бывшей Булгарии фиксируется наличие различных прослоек аристократии. Здесь были Чингизиды (султаны) и иерархически организованное военно-служилое сословие во главе с эмирами и беками, а также чиновниками (тамгачи), военной знатью (йури) и нетитулованной знатью. Вместе с тем, нет совершенно никаких оснований рассматривать кого-то из этих эмиров в качестве правителя Булгарии, возрождавшего единство страны и состоявшего в вассальной зависимости от ханов Улуса Джучи [Мухаметшин, 1994, с.101]. Скорее, наоборот больше оснований полагать, что высшая аристократия была связана своим происхождением с южными степными районами.

Целый ряд косвенных, но весьма красноречивых фактов свидетельствуют, что Булгарский улус являлся не автономией, а непосредственной частью административной системы Улуса Джучи. Пытаясь примирить эти сведения с гипотезой об автономии, Г.А.Федоров-Давыдов полагал, что в первой половине XIV в., когда при хане Узбеке ханская власть усилилась, суверенитет булгарских князей был ликвидирован, и власть хана в Булгарии стала прямой и сильной [Федоров-Давыдов, 1973, с.27]. Однако общая динамика развития этого региона в конце XIII – первой половине XIV в. была, очевидно, совсем другой.

Оправившись от разгрома, население Среднего Поволжья стало наращивать производство продуктов земледелия и ремесла, а в условиях расцвета торговли стали резко богатеть города. Возрождение хозяйства и городской жизни привело к укреплению власти и влияния улусбеков, управлявших Булгарским улусом. Объективная реальность способствовала расширению самостоятельности и укоренению татарской аристократии в местную городскую среду, определенной взаимной инфильтрации местной и пришлой аристократии и нивелировки их политических целей и ожиданий. Взаимное проникновение шло через браки и посредством других форм установления родства, которые позволяли местной знати инфильтроваться в татарские кланы и созданию синкретичного и сплоченного слоя местной знати. Следует учесть также то, что территория бывшей Булгарии до определенного времени, видимо, не представляла собой единого политического организма. Скорее всего, в конце XIII – начале XIV в. это был конгломерат владений, которые были иерархически соподчинены определенным региональным центрам. Можно предположить, что в этой военно-административной системе главенствующую роль играло синкретичное по происхождению татарское военно-служилое сословие, организованное по клановому признаку. При этом в городах, среди чиновничества, цеховых старшин и частично духовенства сравнительно больший вес сохраняли представители местного мусульманского населения, которое фиксируется в русских летописях под термином «бесермяне», т.е. мусульмане, очевидно, давая кальку с их этноконфессиональной самоидентификации.

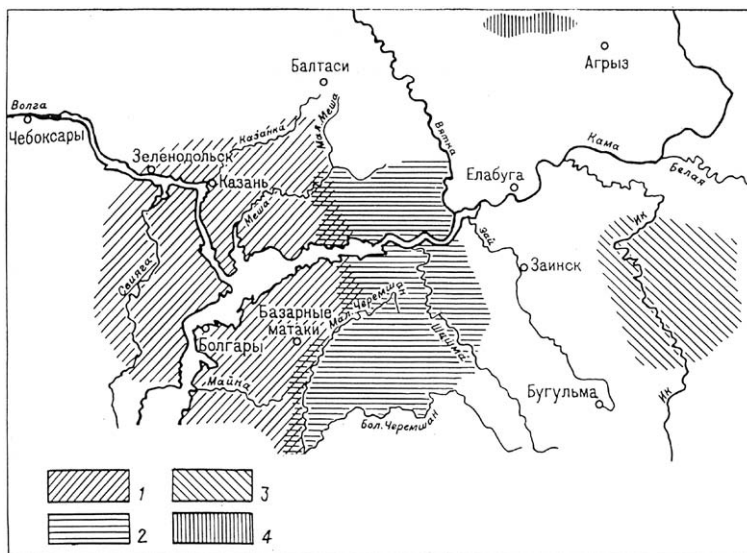
Все это не позволяет согласиться с гипотезой, что татары появились в Среднем Поволжье в 60-е гг. XIV в. и образовали некую «татарскую землю», размеры которой неопределенны, а административно-владельческий статус непонятен [Руденко, 2002, с.154 и сл.]. Проблема не в том, что Среднее Поволжье было частью «татарской земли» по наименованию господствующего этносословия, как, например, Киевская Русь была «русской землей», поскольку принадлежала династии «русов», а в том, что нет никаких доказательств, что в Среднем Поволжье существовали какие-либо другие «булгарские» княжества или владения. Имеющиеся в нашем распоряже-

нии источники как раз не фиксируют никаких булгар в Волго-Уральском регионе, в то время как целый ряд свидетельств однозначно указывают, что термин «татары» обозначал социальную верхушку общества (подробнее см.: [Измайлов, 1993, с.17–32; Исхаков, 1995, с.95–107; Исхаков, Измайлов, 2007, с.169–200]). Следовательно, татары, как военно-служилое сословие Улуса Джучи и корпорация феодалов, владели всей территорией этого государства еще с периода завоевания, и поэтому вся она называлась «татарской землей», что и зафиксировано в аутентичных источниках.

Вместе с тем, нет никаких данных о каком-либо едином правителе или даже о номинально главном эмире и о его политическом сепаратизме в отношении центральной ханской власти. Некоторые историки видят подобное стремление, исходя из трактовки некоторых исторических свидетельств о якобы имевших место международных контактах булгарского правителя.

Впервые об этом написал египетский историк Амин аль-Холи. Ссылаясь на свидетельство ал-Макризи, он писал, что в 731 г.х. (1330/31 г.) в период правления султана ан-Насира, царь булгар, желая добиться милостей от него, отправил в Египет послов с письмом. Он просил султана прислать ему меч и знамя, которые помогут ему покорить врагов. В ответ султан послал царю 2 меча, значок и быстрых коней [аль-Холи, 1962, с.21, 38, прим.46]. При этом сам историк, хотя и подчеркивал, что речь вроде бы идет о правителе дунайских болгар, но в то же время делал вывод, что средневековый автор ошибался и «вероятно, это были волжские булгары, а не придунайские. Именно волжские булгары повинувались владыке Сарая и исповедовали ислам» [там же, с.38, прим.46]. Это мнение было поддержано С.Х.Алишевым, подробно расписавшим, почему речь должна идти о волжских булгарах. Основная же его мысль заключалась в том, что «независимо от того, было ли посольство булгарского хана отправлено по разрешению могущественного Узбек-хана, или в обход Золотой Орды, оно все равно означало автономность и способность совершить самостоятельные политические акции булгарским царством» [Алишев, 1995, с.189]. Рассказ о прибытии посольства из страны болгар и сербов есть и у ал-Калка-

Региональные варианты
золотоордынских
эпитафийных памятников
XIII–XIV вв. (по Д.Г.Муха-
метшину). 1 – Болгарский,
2 – Керменско-Джукес-
таусский, 3 – Восточный,
4 – Северный

шанди [Григорьев, Фролова, 2002, с.289]. При этом автор путается в локализации двух Булгарий и, вслед за своим источником ал-Масуди, объединяет сведения о дунайских и волжских булгарах и пытается примирить противоречивые сведения. Так, зная, что дунайские болгары христиане, но обращаются к египетскому султану, он записывает историю о том, что в древности это была страна ислама.

Однако ошибались все же не средневековые авторы, а современные историки. Во-первых, в сообщении ал-Макризи нигде не идет речь, что дунайские болгары были мусульмане, а принять в качестве дара флаг еще не значит перейти в ислам. Во-вторых, сами реалии этого сообщения – титулатура («царь») и некоторые реалии (имена правителей «Истефан» – Стефан, «Искандер» – Александр). В-третьих, это был не единичный контакт, а целая система политических контактов мамлюкского Египта с Болгарией, которая отложилась в арабских источниках (подробнее см.: [Поляк, 1964, с.47–48]). Все это заставляет считать, что дипломатические контакты болгар с Египтом, как и их дипломатическая автономия – это плод недоразумения. Кстати, прекрасно знавший арабские источники В.Г.Тизенгаузен, делая свою выборку источников, рассмотрел этот вопрос и исключил данное сообщение, как не относящееся к истории Улуса Джучи (см.: [СМИЗО, 1884, с.441]). Дипломатической самостоятельностью в эпоху Улуса Джучи обладали не регионы, а суверены. Таковыми являлись ханы, а также исполнявшие государственные обязанности карачибекки и некоторые очень могущественные улусбеки из числа Джучидов, например, Ногай. Булгарский улус, множе-

ством клановых политических и торгово-экономических нитей связанных с Нижним Поволжьем, не мог и не обладал подобной автономией, он был всего лишь одним из регионов ханского домена.

К середине XIV в., судя по имеющимся у нас данным, Булгария не только сохраняла свое значение как один из важнейших регионов Улуса Джучи, но и укрепила его. В арабских источниках область Булгар неизменно фигурирует среди основных территорий ханства. Например, у ал-Калкашанди она одна из десяти областей Улуса Джучи [Григорьев, Фролова, 2002, с.288–290]. Залогом этого стал поступательный рост сельского хозяйства, развитие ремесел и расширение торговли. По данным некоторых арабских авторов, доход от болгарской торговли мог достигать 200–300% [Федоров-Давыдов, 1998, с.53–54]. Соответственно происходил подъем городов, расширялась их территория, появлялись новые торгово-ремесленные слободы и т.д. Примером роста благосостояния городов и усиления их политического влияния являлась перестройка в это время в Болгаре Джамии-мечети, которая украшается по углам своеобразными «бастионами», в это же время по похожему проекту строится, видимо, мечеть в Елабуге. Очевидно, что и в других городах шло активное строительство общественных зданий.

Важнейшими центрами Булгарского улуса к середине XIV в. являлись гг. Болгар и Джукетау. И это не случайно, поскольку Болгар, очевидно, контролировал волжскую, а Джу-

кетау – камскую торговлю. Судя по русским летописям, эти города являлись главными городами каких-то владений – эмиратов, которые в русских источниках названы «княжествами». К сожалению, ничего определенного ни об их военно-административной структуре, ни об их территории сказать невозможно. Однако некоторые косвенные данные об этом все же имеются. Изучая мусульманские эпитафийные надписи из Среднего Поволжья Д.Г.Мухаметшин [Мухаметшин, 1989, с.32–37; 2004] выявил закономерности в стилях орнаментации, графики, формул употребления коранических изречений и языка этих памятников в разных регионах, очертил их ареалы. Им были выявлены два ареала: 1) Болгарский, включающий Западное Заволжье, Предволжье и Предкамье в бассейне рр. Казанки, Меши и Ошита и 2) Керменско-Джукетаусский, включающий Среднее Закамье, бассейн р. Черемшан и Предкамье в бассейне р. Вятка. Учитывая, что камнеписменные эпитафии устанавливались над могилами аристократии, надо признать, что сами эти мастерские находились в тесном взаимодействии с высшей знатью и совместно вырабатывали свои каноны и моду на оформление надгробий. Иными словами, обособление дворов правителей регионов не могло не привести к выработке какой-то своей моды и традиций, которые довольно ярко проявились в данном случае в оформлении надгробий. Если это так, то конфигурация административного деления Булгарского улуса напоминает традиционное тюрко-монгольское деление на два крыла, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие владения. К сожалению, невозможно проследить становление подобной системы с середины XIII в., но есть основания полагать, что она имела определенную глубину традиции, по крайней мере, с первой половины XIV в. Владения эти вряд ли были чем-то вроде наследственных княжеств, типа русских, поскольку никаких сведений о местных династиях у нас нет, как и нет сведений о получении ими инвеституры от ордынских ханов. Наоборот, вмешательство ханов и безраздельное управление ими болгарскими владениями, прямо или через своих султанов, подчеркивают, что никакой местной династии здесь не существовало, а структура власти копировала исключительно общеордынские порядки. В этом случае сама система власти, военно-административная система

и этносоциальная структура Булгарского улуса предстает как татарско-золотоордынская, а не местная болгарская.

Интересно, что два других ареала надгробий в районе городища Гурья-Кала и в Икско-Бельском междуречье [Мухаметшин, 1989, с.36–37; 2004, с.14–15] также могут быть сопоставлены с некими особыми владениями. В бассейне р. Чепца – это некое фиксированное владение – «Чулыман/Джулиман» [СМИЗО, 1884, с.378], где позднее известно татарское Каринское княжество, а в районе рр. Ик и Белая с центром в районе совр. пос. Чишма, где может быть локализована историческая область «Башгырд/Башгирд» [там же], позднее включенная в состав Казанского ханства.

Булгарский улус в период «замятни великой». В конце 40-х гг. XIV в. Улус Джучи испытал несколько серьезных кризисов, которые подорвали стабильность развития этого государства (подробнее см. Раздел VI). Составляющими этого кризиса стала пандемия чумы, которая с 1346 г. обрушилась на многие области этого государства: «...бысть мор велик на люди... в Орде и в Орначи и в Сарай и в Бездеже... и на Бесермены и на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на прочая человеки, тамо живущая в них» [Приселков, 1950, с.368; ПСРЛ, 18, с.95]. Судя по данному сообщению, в 1346 г. пандемия лишь затронула Булгарский улус. Однако она возвращалась неоднократно в течение нескольких десятилетий, например, в 1364 г., когда от Нижнего Поволжья пришел мор, убивая в русских верхневолжских городах до 100 человек в день [ПСРЛ, 18, с.102–103]. Поэтому можно предположить, что Среднее Поволжье в полной мере испытало ужас Черной смерти. По предположению Ю.Шамильоглу, именно эта пандемия стала главным фактором, приведшим к исчезновению носителей сакрального р-зыка, на котором писалось значительное количество эпитафий вплоть до 70-х гг. XIV в. (см. Главу 1 в Разделе VI).

Тяжело ударило по Булгарскому улусу сокращение торговли и упадок Великого Шелкового пути. Разразившийся кризис привел в действие социально-политические механизмы дестабилизации обстановки в империи Джучидов, когда начались династийные распри и межклановые столкновения. Война за

власть между различными группировками татарской аристократии Ак-Орды, в которую вмешались ханы Кок-Орды, шла, то разгораясь, то временно затухая почти 20 лет. В этих условиях усилился не только сепаратизм различных регионов, но и начались вооруженные столкновения между областями, и начали совершаться набеги пиратские ватаги и разбойные отряды.

Булгарский улус не только не избежал общей участи, но и в силу своего положения оказался слишком близко от эпицентра разрушительных импульсов. Первым знаком будущей дестабилизации стал набег в 1360 г. новгородских пиратов – «ушкуйников» (от слова «ушкой» – большое речное судно, вмещающее до 50 человек) во главе с двинским боярином Анфалом Никитиным, которые «взяша... Жюкотин, и много бесермен посекоша, мужей и жен» [ПСРЛ, 4, с.289; 15, с.69; 27, с.242, 326; 30, с.112]. В ответ на это правители Джукетау отправили посольство к хану Хызру с просьбой наказать виновных в набеге. Хан отправил на Русь трех послов «старейши Оурус, другии Каирбек, трети Алтынбеи, и мног протор бысть и истома князем рускым» [ПСРЛ, 27, с.242]. Интересно, что в поздней Никоновской летописи указывается, что в отместку на набег ушкуйников «за то разбойничьство христиане пограблени быша в Болгарех от Татар» [ПСРЛ, 10, с.232]. Это известие не читается в аутентичных летописях, но, возможно, оно было в Тверской летописи, где в этом месте после фразы «за прогнвалися погани бесермена» есть обрыв текста [ПСРЛ, 15, с.69]. Вынужденные собраться на съезд в Костроме, князья разобрали жалобу и «выдаша разбойников, а посла отпустиша в Орду» [Приселков, 1950, с.377; ПСРЛ, 25, с.181]. Неизвестно каких виновников этого набег выдвали князья, но Анфал Никитин уже через некоторое время продолжил пиратствовать на Каме. Не исключено, что в условиях разразившейся ожесточенной междоусобной войны в Сарае просто никому не было дела до новгородских разбойников.

Этот набег и сомнительный успех попытки решить дипломатическим путем проблему безопасности, знаменовал начало коренных перемен в политической жизни Булгарского улуса. В условиях, когда правители булгарских эмиратов вдруг оказались перед ли-

цом военных угроз со стороны враждебных соседей и были оставлены без поддержки центральной власти, они попытались укрепить свою власть и усилить военную мощь.

Труднее сказать, как была организована эта власть. Скорее всего, во главе Булгарского эмирата стоял правитель, опирающийся на местную татарскую аристократию и осуществлявший на этой территории военно-административную власть. Здесь также нужно констатировать, что для первой половины XIV в. сведений на этот счет явно недостаточно и реконструировать этнополитические процессы можно только ретроспективно. Но после 1360-х гг., когда Среднее Поволжье в силу обстоятельств оказывается втянутым во внутриордынские распри с привлечением к ним русских князей, что и нашло отражение в ряде русских летописей, происходило втягивание булгарских эмиров в военно-политические события в Улусе Джучи, что делало их активными участниками данного процесса. В силу своего военно-экономического потенциала и выгодного стратегического положения, переход булгарских земель на ту или иную сторону мог повлиять на соотношение сил, что заставляло ханов следить за политической ориентацией булгарских правителей, часто предоставляя им определенную самостоятельность в обмен на лояльность.

По мере ослабления центральной власти все более самостоятельными становились правители Булгарского улуса. Логика событий толкала их к автономии. Ключевым событием в этом стал приход в 1361 г. в Болгар эмира Булат-Тимура, который «Болгары взял и все города по Волзе и улусы, и отня весь Волжескый путь» [ПСРЛ, 18, с.101; Приселков, 1950, с.378; ПСРЛ, 15, с.70]. В свое время П.С.Савельев, анализируя монеты, чеканенные в 768 г.х. (1366/67 г.), читал штамп на них как «Султан пок(ойный) Джанибек хан, да продлитсѧ ц(арствие его). Булат-Тему(р), сын Нугана» и указывал на монеты, битые от имени Булат-Тимура, но уже от имени действующего хана Азиз-Шейха (1364–1366) [Савельев, 1858, с.208 и сл.; Марков, 1896, с.472 и сл.]. Имя отца Булат-Тимура на его монетах А.Г.Мухамадиев читал как «Токлаби», т.е. карачибек Тоглу-бий (или *Товлубия* русских летописей) [Мухамадиев, 1983, с.93–94]. Можно согласиться с М.Г.Сафаргалиевым, что этот чекан – попытка эмира Бу-

лат-Тимура утвердить свою власть от имени умершего хана [Сафаргалиев, 1960, с.119]. Одновременно это показывает, что Булат-Тимур являлся представителем высшей татарской аристократии, возможно, сыном одного из карачибеков Тоглу-бия (хотя, возможно, и Нангудая (Манкытая)), погибших за год до этих событий в результате заговора [Федоров-Давыдов, 1973, с.137]. Остается только предполагать, был ли послан Булат-Тимур в Болгар, чтобы способствовать укреплению власти хана в этом важнейшем регионе империи, либо он сам, опираясь на клан своего отца, захватил там власть. Как бы то ни было, но почти на пять лет он стабилизировал власть в Булгарском улусе и, видимо, действовал в своих интересах, хотя и был вынужден в определенные периоды проявлять лояльность к центральной ханской власти.

Тем не менее, в 1366 г. Булат-Тимур, очевидно, попал в немилость к хану Азиз-Шейху. В 1367 г. он вступил в борьбу с нижегородскими князьями, не понятно по приказу или вопреки указаниям хана. Целью его действий было, видимо, стремление не допустить расширения влияния нижегородских князей на Заочье и Примокшанье – традиционную зону доминирования Булгарии. По словам летописи: «князь Ординьский именем Боулат Темирь прииде ратию Татарскою и пограби оуезд даже и до Волги и до Сундовити и села княжи Борисовы» [ПСРЛ, 15, 1965, с.85; 18, с.106; 4, с.291]. Возможно, осуществляя этот набег, Булат-Тимур рассчитывал, что недавняя распря между Дмитрием и Борисом Константиновичами за власть в Нижнем Новгороде не позволит им выступить сообща. Однако он ошибся. Братья выступили все вместе и, «собрав воя многы», двинулись навстречу татарам. Булат-Тимур не принял боя и повернул назад к р. Пьяне. Отступление переросло в бегство, в результате которого часть его войск была разбита, а часть утонула в реке [там же]. Сам же эмир «отъяду бежа в Орду... и тамо убиен бысть от Азиза царя» [там же]. А спустя некоторое время в междоусобице погиб и сам хан Азиз-Шейх.

Ослабление военной мощи эмира в Булгарском улусе и явная немилость хана немедленно привели к активизации ушкуйников. В 1366 г. флотилия из 150 ушкуйцев под командованием трех новгородских воевод подошла к Нижнему Новгороду, где «избиша Татар мно-

жество, Бесермен и Ормен...множество людеи, мужей и жен и детеи, и товар их безчислено весь пограбиша, а съсуды их, кербати и лодьи, и учаны, и пабусы, и струги, то все посекоша» [Приселков, 1950, с.382; ПСРЛ, 15, 1965, с.81; 4, с.292]. Оттуда ушкуйники «отъидоша в Каму и проидоша в Каму, и проидоша до Болгар, тако же творящее и воююще» [там же; ПСРЛ, 25, с.183]. Этот поход вызвал недовольство великого князя Московского Дмитрия Ивановича, который передал свое возмущение через посла: «за что есте хо(ди)ли на Волгу и гостей моих пограбиша много?». Те же ответили, что в набег ходили «люди молодые без нашего слова», а, кроме того, они, дескать «твоих гостей не грабили, толко били Бессермен» [ПСРЛ, 4, с.294]. Очевидно, недовольство князя Дмитрия вызвал не сам факт нападения на мусульманских купцов, а возможность использования этот набега для карательного похода на Русь.

В 1369 г. новгородцы попытались нанести по Булгарскому улусу новый удар. Два флота – один из 10 ушкуйцев шел по Волге, второй – по Каме. Ушкуйники соединились в районе Камского устья и направились на болгар, но «биша их под Болгары» [там же, с.295]. По крайней мере, это свидетельствует, что власти Булгара могли собрать воинские силы и противостоять набегам волжских пиратов.

После бегства и гибели Булат-Тимура эмиром Булгара стал Хасан (*Осан, Асан* русских летописей). Серьезное внимание этому титулу и личностям, носившим его, уделил М.Г.Сафаргалиев. Он высказал мнение, что «булгарским князем» Хасаном являлся правивший в 1368 г. в г. Сарая хан Хасан, который «через год бежал к болгарам и в 1369 г. встал во главе Булгарского княжества». Личность его М.Г.Сафаргалиев отождествил с султаном Хасан-огланом из потомков Шибана. Что касается «Салтана, Бакова сына», то в нем этот исследователь видит «царевича» (султана) Мухаммада (Махмать Солтанъ / Махмет Солтан / Маамат Салтан), «провозглашенного булгарским князем» и правившего «вместе с князем Асаном» [Сафаргалиев, 1960, с.125–126]. А.Г.Мухамадиев «князя Хасана» считает «наместником Булгара», вынужденным в 1370 г. подчиниться Мухаммад-Буляку (Мамат-Солтану), посаженному в том году ханом в Орде Мамай [Мухамадиев, 1983, с.95]. Р.Г.Фахрутдинов Асана также на-

зывает «правителем Булгара» или «Булгарии», полагая, что этот князь «сбежал из Орды», а в 1370 г. должен был разделить власть с «Султаном баковым сыном» [Фахрутдинов, 1984, с.120–123]. В последнее время были высказаны весьма интересные и доказательные гипотезы о ситуации в Болгаре и Казани, исходящей из того, что «князь Болгарский» Хасан и султан Мухаммад, скорее всего, он же «Баков сын», занимали различные места в улусной иерархии и отражали не некое гипотетичное «соправительство», а улусную структуру, когда при султানে-Чингизиде всегда присутствовал свой карачибек – глава местных татарских кланов [Исхаков, 2000; 2004а, с.123–128]. В этой связи кажутся весьма надуманными попытки не только связать Хасана с династией Шибанидов, поскольку эмир Хасан не был и не мог быть Чингизидом, в противном случае источники бы об этом не умолчали, но и отнести к этому времени появление в «булгарской» среде неких «татар» и мифической «Татарской земли» в составе Улуса Джучи, а, тем более, найти этой гипотезе доказательства в случайном наборе разновременных и разнотипных археологических памятников [Руденко, 2002, с.154–160].

Как бы то ни было, но Булгарский улус к 1370 г. представлял собой военно-административную единицу; территория, в свою очередь, представляла собой сложную систему из иерархически соподчиненных феодальных владений, которыми владели представители татарских кланов. Не исключено, что этот улус, в свою очередь, делился на крылья (или эмираты), центрами которых являлись Болгар и Джукетау. В условиях всеобщей войны и мятежей Булгарский улус был одним из ключевых регионов империи. Теперь во многом именно от его лояльности и поддержки зависел успех того или иного претендента на ханский трон, долговечность его власти. Укрепление власти и рост политического авторитета правителей Булгарского улуса толкал их к активности во внутриордынских делах. Именно так они оказались втянутыми в ордынскую междоусобицу.

К тому времени жестокая война Мамаю с ханами Кок-Орды и сарайской аристократией заставила его вспомнить о Болгаре. Судя по всему, Булгарский улус являлся важнейшей базой и тыловым ресурсом для сарай-

ских ханов, поэтому Мамай решил сокрушить своих врагов с помощью обходного маневра. В 1370 г. в Москву был направлен его посол Ачиходжа (Атаходжа) для организации наступления на Булгарский улус. Возможно, что в составе посольства находился султан ибн Баки («Мамат Салтан, Баков сын»). Московский князь Дмитрий Иванович, обязанный ярлыком на великое княжение Мамаю, согласился действовать по его приказу. Очевидно, что это диктовалось не просто благодарностью, а стремлением нанести удар по соперникам за власть в Сурско-Окском междуречье. Поэтому в поход вместе с Ачиходжей были направлены войска Дмитрия Константиновича Нижегородского во главе с его братом Борисом и сыном Василием «со многими силами» [Приселков, 1950, с.389]. Однако эмир Болгара Хасан не стал дожидаться начала активных военных действий. Он «посла противу их с челобитием и с многими дары. Они же дары взявше, а на княженьи посадиша Салтана, Бакова сына, и възвратишася на Русь» [там же, с.389–390; ПСРЛ, 25, с.185]. Таким образом, эмир Хасан, сохранив реальную власть, подчинился хану Мамаевой Орды и принял в качестве номинального правителя Мухаммад-Султана.

В результате этого похода выиграл Мамай, сумевший не только подчинить себе богатый улус, но и, обескровив центральную власть, смог нанести поражение ханам Кок-Орды и занять Сарай. Но уже спустя три года он начал терять свои позиции. Мамай был вынужден оставить столичный Сарай и все Нижнее Поволжье и втянулся в длительный конфликт с Московским великим княжеством. Поскольку в ответ на увеличение «ордынского выхода» московский князь Дмитрий Иванович ответил отказом, то Мамай начал интриговать, желая противопоставить московскому князю других претендентов на великое княжение – Михаила Тверского или Дмитрия Константиновича Нижегородского. В результате в 1374 г. произошел полный разрыв отношений Дмитрия Ивановича с Мамаем и началась открытая война между ними (подробнее см.: [Горский, 2000, с.83–90]).

Рост военной напряженности сразу же вызвал появление ушкуйников, готовых ударить по незащищенным мирным прибрежным городам и селам Поволжья и Прикамья. В 1374 г., по словам летописца, «идоша на низ

Вяткою ушкуйницы, разбоиници, съвокупившеся 90 ушкуев, и Вятку пограбиша, и шедшее взяша Болгары». Очевидно, они захватили подгорную часть – торгово-ремесленный посад и, чтобы спасти ее от грабежа и сожжения, жители выплатили им выкуп в 300 рублей. Здесь ушкуйники разделились. Один отряд «50 ушкуев поидоша по Волзе на низ к Сараю, а 40 ушкуев идоша въверх по Волзе, и дошедшее Обухова пограбиша все Засурье и Марквашь» [Приселков, 1950, с.396; ПСРЛ, 15, 1965, с.106; 25, с.189; 30, с.120].

Наиболее известный и разорительный набег совершили ушкуйники в 1375 г. Обстановка была выбрана удачно: основные войска союзников Дмитрия нижегородских князей были заняты в походе на Тверь, а ниже по Волжье раздиралось междоусобицами, когда в борьбу с Мамаем и местными эмирами включился правитель Кок-Орды Урусхан. Дождавшись, когда союзные рати Дмитрия Московского выступили в поход на Тверь, новгородцы двинулись по Волге к Костроме. На этот раз их отряд состоял из полутора тысяч воинов во главе с воеводами Прокопом и Смолянином, а их флотилия состояла из 70 ушкуев. Применяв умелый маневр, они разгромили более многочисленный гарнизон и захватили город, систематически разоряя его в течение недели. Оттуда они «шедшее на низ по Волге, пограбиша Новгород Нижний, и много полона взяша... град зажгоша». Затем, разоряя прибрежные поселения и торговые суда, пошли на Каму, а потом повернули к Болгару, где «полон весь христианский попродаша». Далее они двинулись вниз по Волге «гости христианския грабячи, а Бесермены бяючи». Их кровавый путь остановился только у стен Хаджи-Тархана, где «изби я лестию хазитороканский князь, именем Салчеи; и таков си без милости быша побьени, и ни един от них не остася» [Приселков, 1950, с.399–400; ПСРЛ, 4, с.304–305; 15, 1965, с.113–114, 435–436; 18, с.116–117].

В условиях надвигающейся войны с Мамаевой Ордой великий князь Московский, нанеся поражение Твери, решает укрепить свою власть на Волге. Зимой 1377 г., по приказу великого князя Московского Дмитрия Ивановича, нижегородские князья Василий и Иван, сыновья Дмитрия Константиновича и московский воевода Дмитрий Михайлович

Волынский пошли походом на Болгар. Они подошли к стенам города 16 марта и стали разорять окрестности. «Погани же Бесерменове изыдоша из града, противу их, сташа на бои и начяша стреляти, а инии з града гром пуцаху, страшашее нашу рать, а друзии самострелныя стрелы пуцаху, а инии выехаша на велбудех, кони наши полошающе» [Приселков, 1950, с.401]. Однако эта вылазка была отбита с потерями для осажденных. Поскольку отразить наступление московских войск не удалось, то эмир Хасан и Мухаммад-Султан предложили заключить мир. Русские воеводы также не стремились затягивать осаду, поскольку приближалась весна с ледоходом и распутицей. В результате был заключен мир на условиях признания сюзеренитета нижегородского и московского князей – «всю волю свою вземше», а Болгар должен был принять княжеских даругу и таможенника и выплатить огромный выкуп – 2 тыс. рублей князьям, а воеводам и рати – 3 тыс. рублей [там же, с.401–402; ПСРЛ, 15, 1965, с.116–117; 18, с.117–118; 23, с.120].

Булгарский улус попал под московский протекторат. Насколько долговечной и прочной была эта зависимость, остается только гадать. Скорее всего, она было довольно непрочной и продержалась недолго. Едва Мамай усилил давление на Москву, как эмир Болгара полностью вернул свою власть.

Но какого хана поддерживали правители Булгарского улуса, остается загадкой. В 1375–1377 гг. в Поволжье складывается сложная и запутанная ситуация. В Нижнем Поволжье в это время правили один за другим сторонники хана Кок-Орды Уруса, а в 1377 г. один из них – Арабшах совершил стремительный рейд на Засурье, разоряя его [ПСРЛ, 15, 1965, с.119; 18, с.119]. Успехи правителей Кок-Орды были значительными, но нет никаких сведений о подчинении Булгарского улуса их власти. Смутное упоминание в одном из поздних списков, пронизанного легендарными мотивами текста «Дафтар-и Чингиз-наме», о том, что болгары являлись «урусхановым юртом» [Сафаргалиев, 1960, с.130], вряд ли может считаться надежным свидетельством.

Но власть сарайских ханов в Среднем Поволжье была нестабильной. Мамай и его эмиры оставались более значимой величиной. Так, выступившая против Арабшаха рать нижего-

родского князя за р. Пьяной была внезапно атакована войсками Мамай и практически вся уничтожена, погиб даже князь Иван Дмитриевич. После чего татарские отряды стремительным рейдом подошли к Нижнему Новгороду, взяли его «изгоном», разорили и сожгли. Очевидно, на обратном пути они осадили и сожгли Переяславль Рязанский [Приселков, 1950, с.403; ПСРЛ, 4, с.307–308; 15, 1965, с.118–119; 18, с.118–119]. Но на следующий год Мамай потерпел серьезное поражение – его войска под командованием эмира Бегича 11 августа 1378 г. на р. Воже были разбиты ратями Дмитрия Ивановича [ПСРЛ, 15, 1965, с.134–135; 18, с.126–127]. Интересно, что фактически одновременно с этой битвой 24 июля 1378 г. «приидоша Татарове изгоном» к Нижнему Новгороду и опять разорили и сожгли город и его округу, не взяв даже предложенный выкуп [Приселков, 1950, с.415; ПСРЛ, 15, 1965, с.133–134]. По вполне обоснованному мнению В.А.Кучкина, этот поход вряд ли могли совершить войска Мамай, сосредоточенные против московских и рязанских ратей под командованием самого великого князя Московского Дмитрия Ивановича, и поэтому это нападение было организовано в Болгаре или, что менее вероятно, в Сарае [Кучкин, 1980, с.107–108]. Если это предположение верно, то значит, что Булгарский улус не просто вернул автономию, но и вступил на путь войны с нижегородским и Московским княжествами, возможно, координируя свои действия с Мамаем.

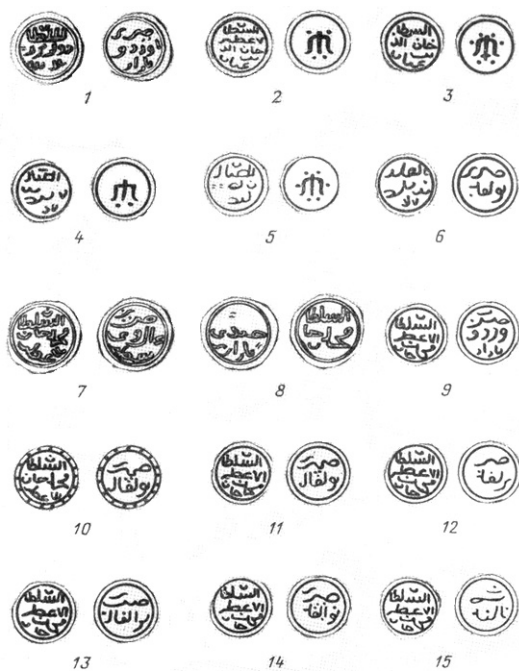
Как бы то ни было, в Волго-Камском регионе сохранялась обстановка смуты и всеобщей войны, которая осложнялась постоянной угрозой набегов новгородских ушкуйников, что заставляло даже зимой воевать против них (о походе вятчан против ушкуйников см.: [ПСРЛ, 18, с.129]).

В целом торговля и хозяйство переживало не лучшие времена. Показателем сокращения торговли и регионализация всей жизни стало увеличение резаной и порченной монеты, резкое увеличение количества денежных и вещевых кладов [Федоров-Давыдов, 1987, с.180–181]. Только укрепление ханской власти могло прекратить наступление русских князей и вернуть устойчивость хозяйству и внутренней политике в Среднем Поволжье.

Возвышение Казани в конце XIV – начале XV в. Поражение Мамай в Куликовской битве (1380 г.) предопределило его окончательное поражение и облегчило восхождение к власти хана Токтамыша. Укрепив свою власть, хан, хотя и получил от московского князя признание формальных верховных прав на Русские земли, но не добился обязательств полностью выплатить долги за «ордынский выход» и обеспечивать его регулярное поступление в Сарай. В этих условиях Токтамыш начал готовить большой поход на Москву (о политике сторон см.: [Горский, 2000, с.100–107]). Первым его действием в этом направлении стало демонстративное укрепление своей власти в Булгарском улусе: «Токтамышь посла в Болгары и повеле христианские гости Русския грабити, а съсуды их и с товарами отнимати» [ПСРЛ, 18, с.131–132; 15, 1965, с.143]. Сам же он скрытно перешел Волгу и внезапно вторгся на Русь, осадил и взял Москву (подробнее см.: [ПСРЛ, 18, с.132–133; 15, 1965, с.143–146; 3, с.378]).

Тем самым хан Токтамыш окончательно вернул под свою власть Булгарский улус. К сожалению, о деталях внутренней структуры в Улусе Джучи ничего не известно, но можно предполагать, что внутренней стабилизации не произошло. Зато можно заметить увеличение зависимости улуса от центральной власти и включенности этих земель в политику ханства. Так, в 1391 г. Токтамыш «посла царевича своего, именем Бектута, на Вятку ратью. Он же шел, Вятку взял, а люди посече, а иных в полон поведе, мужи и жены и дети» [ПСРЛ, 15, 1965, с.160–161; 18, с.141]. Возможно, поход стал следствием территориальных споров между вятчанами и татарами. Он также показывает, что значение Булгарского улуса для ханской власти увеличилось. Регион имел стабильное хозяйство, не стал ареной ожесточенной гражданской войны и сохранил свои воинские ресурсы, что повышало его значение для центральной власти и влияние в иерархии власти. Неудивительно, что с этого времени здесь постоянно упоминаются султаны – «царевичи», как представители ханской власти – военачальники и администраторы.

Важное указание на активизацию участия Булгарского улуса в военно-политических усилиях ханства является эпизод войны с Ак-

Дирхемы. Болгар ал-Джадид
(по А.Г.Мухамадиеву)

1–3 – Шадибек, 4–5 – Булат,
6 – Чекре, 7–15 – Дервиш

сак-Тимуром, когда перед битвой на Кондурче тот был вынужден инициировать начало битвы, опасаясь, что к Токтамышу подойдут подкрепления из Азака и Болгара [ПСРЛ, 2, с.164]. О силе и мощи войск Булгарского улуса свидетельствует и то, что Аксак-Тимур ни в 1391 г., ни в 1395–1396 гг. не рисковал вторгаться на его территорию, предпочитая обходить ее стороной.

В конце XIV в., впервые наряду с Болгаром, начинает фиксироваться Казань, как один из важных региональных центров. По данным русских летописей, в 1391 г. «Новгородцы Новгородца Великого да и Устюжане граждане выехаша в насадах и в юшкуях рекою Вяткою на низ и взяша Жукотин, и пограбиша весь, и Казань, и паки внидоша на Волгу и пограбиша гостей всех, и поидоша прочь» [Приселков, 1950, с.438; ПСРЛ, 18, с.141]. В ряде более поздних и частью сокращенных летописных сводов это сообщение содержит только название г. Джукетау (см.: [ПСРЛ, 23, с.132; 30, с.129]).

В следующий раз Казань упомянута на страницах летописей во время большого похода на Булгарию князя Юрия Дмитриевича в 1399 г. и явно названа центром одного из

эмиратов, наряду с Болгаром, Джукетау и Керменчуком. События, вызвавшие поход русских князей, связаны с общей ордынской политикой на ослабление власти Московского великого князя. Поводом к походу послужили претензии Семена Дмитриевича Суздальского на нижегородское княжение. Очевидно, великий эмир Идегей поддержал эти его претензии на власть и отправил вместе с ним султана Ентяка с войском. Судя по контексту и дальнейшим событиям, Ентяк был султаном в Булгарском улусе и прямо заинтересован, чтобы в Нижнем Новгороде сидел князем его союзник, а не враг. Войска Ентяка – «тысяча татар» с князем Семеном подошли к Нижнему Новгороду и начали осаду. Через некоторое время горожане сдались и 25 октября 1399 г. заключили мир с нападавшими, но те вероломно нарушили его и ограбили город. Князь Семен не мог остановить разорение города, что сразу же настроило горожан против него. Как только стало известно о приближении московской рати, татары, а вместе с ними и князь Семен, поспешили отступить. В ответ на это великий князь Василий послал войска во главе со своим братом Юрием Дмитриевичем, «а с ним воевод и старейших бояр и силу многу. Он же шед взяша град Болгары, Жукотин, Казань, Кременьчук и всю землю их повоева, и много бесермен и татар побиша, а землю татарскую плениша. И въевав три месяца, възвратися с великою победою и с многою корыстию в землю Русскую» [Приселков, 1950, с.453; ПСРЛ, 4, с.380; 15, с.470; 25, с.225–226]. Успех похода был серьезным. Весьма характерна сентенция летописца, описывавшего этот поход: «никто же не помнит толь далеча воева Русь Татарскую землю» [ПСРЛ, 4, с.380]. Позднее, в 1402 г. этот «царевич Ентяк» назван в качестве посла Идегея к великому князю Василию Московскому [Приселков, 1950, с.456; ПСРЛ, 25, с.232], что доказывает, что он был лоялен центральной власти и действовал в ее интересах [Горский, 2000 с.126].

Между тем, около 1406–1407 гг. Идегей вновь завоевал Булгарский улус. Сведения об этом содержатся в воспоминаниях немецкого солдата, попавшего в плен к туркам, а затем на службу к султану Чекре и участвовавшего вместе с ним в военно-политических событиях в Улусе Джучи в 1405–1427 гг. Он писал,

что Чекре после возвращения был взят в свиту Идегея и воевал вместе с ним в Сибири и в Поволжье, тогда то после покорения Сибири «...Едигей и Чакра вступили в Булгарию, которая также была ими завоевана. После этого они возвратились восвоися» [Шильтбергер, 1984, с.35]. Возможно, этот поход имел целью укрепить властные полномочия Идегея перед более важной и более значимой военной кампанией против Московского княжества. Скорее всего, тогда же был смещен султан Ентяк и назначен новый ханский представитель в Булгарском улусе.

Сконцентрировав власть в своих руках и подавив недовольство улусбеков, Идегей решает привести к покорности великого Московского князя и заставить его выплачивать «ордынский выход» в прежнем объеме, поскольку со времени начала правления Идегея Василий Дмитриевич перестал выплачивать дань и проводил самостоятельную политику. Убедившись в бесплодности мирных переговоров, Идегей осенью 1408 г. внезапно ворвался на Русь и осадил Москву. В это время его войска начали разорять основные города и «волости» Северо-Восточной Руси [Приселков, 1950, с.468–471; ПСРЛ, 15, 1965, с.177–185; 15, с.482–484; 4, с.400; 25, с.238–239]. Одновременно с этим, главными силами по Волге в пределы Нижегородского княжества вторглось другое войско во главе с «иным царевичем»; поскольку он не назван по имени, то это, очевидно, был не Ентяк, а другой султан – Талыч. В его составе были «мнози Татарове, и Болгарская сила и Мордва». Они захватили и разграбили многие города – Нижний Новгород, Городец и Курмыш и едва не дошли до Костромы и Вологды [ПСРЛ, 15, с.484]. Очевидно, вместе с ними пришел князь Даниил Борисович, который с помощью Идегея был восстановлен в отцовском уделе на нижегородском престоле, а вместе с ним его братья и родичи, потомки суздальских князей. В дальнейшем эти князья станут активными сторонниками ханской власти и противниками московского великого князя.

Война вызвала новые набеги ушкуйников. В 1409 г. знаменитый двинский воевода Анфал Никитин вновь собрал значительную судовую рать и решил разорить Булгарский улус. Движение должно было начаться с двух сторон. Одна флотилия в составе 100 судов – «насадов» должна была идти по Каме, а

другие 150 – по Волге. Однако волжская флотилия задержалась в пути, а камская была разбита: «и изби их в Каме Татарове, а Анфала яша и ведоша в Орду» [ПСРЛ, 25, с.239; 23, с.143]. Позднее он был, видимо, отпущен за выкуп и погиб в 1417 г.

На Руси, между тем, продолжалась война между Василием Московским и Даниилом Суздальским [Горский, 2000, с.134]. Летом 1410 г., воспользовавшись отсутствием московских войск, Даниил призвал султана Талыча и совершил совместный рейд на Владимир. Князь Даниил Борисович послал к городу отряд в 150 воинов во главе с боярином Семеном Карамышевым, к которым присоединился такой же отряд султана Талыча. Их отряды 3 июля «приидоша к Володимеру лесом безвестно из-за реки Клязмы» и неожиданно захватили город, разграбив его и «огнем...запалиша» [ПСРЛ, 18, с.160; 25, с.240; 23, с.143].

В ответ на это в январе 1411 г. Василий Московский двинул на Нижний Новгород свою рать во главе с братом – князем Петром Дмитриевича. Даниил и Иван Борисович призвали на помощь своих союзников. Правящая верхушка Болгара, очевидно, откликнулась на эту просьбу и выслала свои войска в составе «...с Болгарьскими князми, и с Жукотынскими и Мордовскими». Нижегородское войско соединилось с союзниками и стало поджидать московские полки на Лыскове острове. Битва произошла 15 января 1411 г. на волжском льду. Сражение было ожесточенным и кровопролитным: «И бысть между их сеча зла, и ту убиен бысть князь Суздальский Данило Василиевич, и мнози падоша ото обоа страны». Но победители «князи новгородские Нижняго Новгорода и князи казаньстии...сташа же на костех» [ПСРЛ, 15, 1965, с.186; 15, с.485–486]. Это был явный успех, как демонстрация военной силы Булгарского улуса, так и дипломатический, показавший способность эмиров Болгара и Джукетау вести активную дипломатическую игру в Поволжье. Но этот успех был неполным. Уже летом этого года был свергнут ханом Тимуром Идегей, и Улус Джучи был ввергнут в новую смуту.

Политическая ситуация в Булгарском улусе известна фактически только по нумизматическим данным и определяется выпуском монет нового монетного двора. Местом чеканки

этих монет был указан г. «Булгар ал-Джадид» («Новый Булгар») и, как предположил Г.А.Федоров-Давыдов, под этим названием скрывалась Казань. В «Булгар ал-Джадид», как столице улуса, монеты чеканились от имени правящего султана из рода Джучидов Гийас ад-Дина (1422–1425) [Мухамадиев, 1983, с.124–135]. Судя по ним, при нем была проведена денежная реформа и началась чеканка монеты с титулом «султан высочайший» и собственным гербом – лировидной тамгой. Очевидно, что при этом султানে булгарские земли были фактически объединены под властью Казани. При нем Булгарский улус пытается влиять и на внутриордынские дела, но неудачно. Уже с 1426 г. монетный двор «Булгар ал-Джадид» опять чеканит монеты от имени ханов Улуса Джучи. Видимо, это не случайно, поскольку именно на это время приходится укрепление власти хана Улуг-Мухаммада в Улусе Джучи. Не исключено, что он сместил явно тяготеющего к автономии султана Гийас ад-Дина и поставил своего ставленника.

Поддержка хана и увеличение военной мощи привели к тому, что Булгарский улус попытался играть активную роль в политике, защищая интересы своих владений. Зимой 1428–1429 гг. правители Булгарского улуса начали войну с Галичским княжеством. По словам летописи, зимой «придоша Татарове к Галичю», но, несмотря на внезапность нападения и месячную осаду, город они взять не смогли, разорив окрестности. Совершив быстрый марш, они на крещение 6 января «изгоном» взяли Кострому и «поплени ею», а позднее «взяли и Плесо и Лух». Захватив значительную добычу и пленных, татары стали отступать «на низ Волгою». Достигнув Нижнего Новгорода, войска повернули обратно. Однако брянский воевода Федор Константинович и суздальский князь Федор Давыдович Пестрый самовольно, не известив главнокомандующих, продолжили преследование и сумели догнать и разгромить арьергард противника. Услышав о набеге, в Москве снарядили погоню «посла за ними дядь своих, князя Андрея и Костянтина, и с ними Ивана Дмитриевича, с своими полкы». Но московские князья действовали с опаской и не спешили. В результате «не угонивши их възвратившася». Только князья Федор Палецкий Пестрый и Федор Константинович в тайне от других продолжили преследование и смогли от-

бить пленных [ПСРЛ, 25, с.248; 27, с.102; ср.: ПСРЛ, 4, с.451]. Тем не менее, это был впечатляющий успех, который свидетельствовал о прекрасной военной организации и мастерстве военачальников, а также об усилении Булгарского улуса при, возможно, главенстве Казанского эмирата.

Командовали татарами, по словам летописца, «царевич и князь Али Баба» [там же]. Насчет имени последнего султана есть некоторые сомнения, поскольку в летописи он не указан по имени. Как считает А.А.Горский, под этим «царевичем», возможно, скрывается Махмуд-Ходжа (Махмут-Хозя) [Горский, 2000, с.142], который был упомянут в договоре галичского князя Юрия Дмитриевича с рязанским князем Иваном Федоровичем: «Тако же и царевич Махмут-Хозя был у тебя в Галиче ратью...» [Духовные и договорные грамоты, 1950, с.86, №33]. А поскольку именно в ответ на набег 1429 г. был совершен русский поход 1431 г., когда был разорен Болгар, то резонно предположить, что его совершали правители из Булгарии.

Этот набег не мог остаться безнаказанным, и в 1431 г. на Среднее Поволжье были направлены московские войска под командованием стародубского князя Федора Давыдовича Палецкого Пестрого. Летописи довольно лаконично отмечают, что рать была послана на «Болгары Вольжские» и князь «же шед взя их, всю землю их плени» [ПСРЛ, 25, с.248; 27, с.102, 269; 23, с.147]. Странно, что для подобной, успешной в целом, кампании в летописи нет указаний на взятых пленных и военную добычу, что заставляет думать, что успех этого набега слишком преувеличен. В историографии преувеличенное значение этому походу придается в связи с тем обстоятельством, что после 1431 г. в летописях навсегда исчезает упоминание Болгара и Булгарской земли, а фигурирует исключительно Казань и Казанская земля. Не исключено, что военные предприятия начала 30-х гг. XV в. просто способствовали окончательному падению политического значения Болгара, который уступил первенство Казани.

Суммируя все отрывочные сведения из русских летописей о территории исторической Булгарии, можно сделать вывод, что в конце XIV в. «земля Болгарская», т.е. Булгарский улус, была, разделена, по крайней мере, на две части: одна – с центром в Болгаре (вероятно, столица) и другая с центром в

г. Джукетау. Первые сведения о самостоятельных политических действиях владельцев Джукетау можно отнести к 1360 г., когда в ответ на нападение ушкуйников они обратились с жалобой к хану Хызру, а тот заставил русских князей выдать разбойников [Приселков, 1950, с.377; ПСРЛ, 30, с.112; 25, с.181; 27, с.242, 326]. Последнее сведение, где джукетауские эмиры наряду с болгарскими фигурируют в качестве самостоятельной военно-политической силы, относится к 1411 г., когда они в союзе с суздальским князем Даниилом Борисовичем нанесли поражение московским войскам в битве при Лыскове [ПСРЛ, 15, с.186, 485–486].

Наоборот, в источниках фиксируются некоторые элементы увеличения числа новых центров и очевидный процесс постепенного упадка и потери прежнего значения старыми центрами власти и утверждения новых. По крайней мере, вместо двух центров (Болгара и Джукетау) в 1360–1380-е гг. источники уже в 1390-е гг. фиксируют четыре.

Важнейшим этапом на пути объединения всех болгарских земель под властью Казани стало приглашение на ее престол султана из рода Джучидов Гийас ад-Дина (1422–1425). При нем, очевидно, Казань становится центром Булгарского улуса. В этом можно видеть постепенный упадок Болгара, как главенствующего центра Булгарского улуса, в то время как Казань постепенно усиливалась. Примерно в это же время в Казани начинается чеканка своей монеты с указанием места чеканки как «Булгар ал-Джадид» [Мухаммадиев, 1983, с.118–135]. Все это указывает на усилившуюся военную мощь и политическое влияние казанских беков и султанов и на их возросшие претензии на суверенитет в конце XIV – начале XV в.

Для понимания структуры власти в Булгарском улусе важно подчеркнуть, что наряду с «князьями» на территории Булгарского улуса между 1370-ми и 1420-ми гг. отмечаются царевичи (султаны). Очевидно, что султанами, правящими в Болгаре, были Мухаммад-Султан (1370-е гг.), Бектут (ок. 1391 г.), Ентяк (1398/99 г.), Талыч (1410 г.), Гийас ад-Дин (1422–1425 гг.) и Махмуд-Ходжа (1429 г.). Таким образом, имеются убедительные свидетельства в пользу того, что в Булгарском улусе уже с 1370-х гг. правил султан из династии Чингизидов, назначаемый

ханом. Этот вывод исключает существование в Болгаре не только какой-либо местной болгарской династии, но и подчеркивает включенность этих земель в татарскую общеордынскую клановую систему.

Интересно, что в походе 1429 г. на Галич вместе с султаном среди участников похода указан еще и «князь Али-Баба» [ПСРЛ, 25, с.248; 27, с.102, 269]. Если связать казанского «вотчича Либяя» с «Али-Бабой», руководившим нападением казанских татар в 1429 г. на русские земли [Исхаков, 2000, с.151; Горский, 2000, с.142], то его имя, скорее всего, звучало как Али/Гали, а титул как «бей/бек». Ряд исследователей склонны сопоставлять его с Алим/Галим/-беком, согласно татарским историческим преданиям, зафиксированным в «Дафтар-и Чингиз-наме» [Усманов, 1972, с.97–133], являвшемся сыном убитого Тимуром правителя г. Болгара «хана» Габдуллы. Однако сама легенда об Алим-беке является, скорее всего, частью казанской историографической традиции и мифологемы ханства, подчеркивающей свое происхождение как от Улуса Джучи, так и от «Святого Болгара» [Измайлов, 2006г]. С другой стороны, под именем «Либяя» мог скрываться и титул «улубек» или «улусбек», т.е. улусный правитель, что делает понятным его титул «вотчич», который не может быть приложен, например, к Чингизиду Гийас ад-Дину. Не исключено, что этот термин обозначал улусбека или даругу, как главу татарских кланов и управителя военно-административными и фискальными делами в Казани и Булгарском улусе. Как бы то ни было, к настоящему времени однозначной позиции о происхождении этого казанского «вотчича» или «улусбека» выработать не удалось, но определенно можно сказать, что он играл ключевую роль в структуре власти в Казани до закрепления там династии самостоятельных ханов.

Интерес это упоминание вызывает также тем, что позволяет подтвердить мысль о том, что реальную власть в Булгарском улусе осуществляли представители татарских кланов через своих даруг (или позднее карачибек), которые имели реальную власть и командовали военными силами улуса. В свете приведенных фактов ясно, что в Булгарском улусе во второй половине XIV – начале XV в. сложилась ситуация, когда здесь властвовал султан из династии Чингизидов и правил «князь»/

эмир – даруга-бек или улусбек. Если экстраполировать эту ситуацию на структуру центральной власти, существовавшую в то время в Сарае, можно обнаружить ее полное соответствие. Как в Улусе Джучи при хане из рода Чингиз-хана управителем государственных и военных дел являлся улуг карачибек, так и в улусах при правителе – султаниде был, видимо, свой даруга-бек, он же улусбек или «князь-даруга» из ярлыков русским митрополитам. Эта структура, копируя систему управления всего Улуса Джучи, сама являла в потенции зародыш государственной власти. Требовался только авторитетный и могущественный султан, который мог бы защитить свои владения в Среднем Поволжье как от посягательств Москвы, так и Сарая.

Правивший ранее Гийас ад-Дин с этой миссией явно не справился, хотя и был близок к этому в 1420-е гг. Но уже с середины 1420-х гг. в Болгаре начинают чеканить монеты с именами ордынских ханов, что явно свидетельствует о снижении уровня властных притязаний правителей Казани.

Одновременно неудачи в войнах с Московским великим княжеством (например, разорение Болгара русскими войсками в 1431 г.) продемонстрировали неспособность болгарских правителей противостоять порознь

русским войскам и отсутствие помощи от занятых междоусобными войнами ордынских ханов. Тем самым, Болгар, как региональный центр и столица объединенного улуса уступил первенство другому центру власти – Казани. Хотя поздняя «Казанская история» пытается унижить Казань, указывая, что «на мало время смирился Казань и укротился, и охуде, и стояше пуста 40 лет» [ПСРЛ, 19, с.13]. На самом деле именно в этот период Казанский эмират переживает значительный экономический и политический подъем, становится действительным центром, объединившим земли Булгарского улуса в единое государство. Именно Казань, расположенная в центре нового освоенного земледельческого региона и не пострадавшая от войн предыдущих десятилетий, стала средоточием власти и военной силы всего улуса. Для объединения не хватало только авторитетного политического и военного лидера.

Поэтому, когда у границ казанских владений зимой 1438 г. появился изгнанный из Нижнего Поволжья и воюющий с московским великим князем Василием II Темным хан Улуг-Мухаммад с небольшой дружиной, казанская аристократия, скорее всего, заключила с ним союз, начав процесс создания самостоятельного ханства.

§ 4. Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Приуралья в золотоордынскую эпоху

Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья к началу XIII в.*

*Владимир Напольских,
Владимир Чураков*

Земли к югу от Оки в бассейне Суры и междуречье Волги и Мокши были заняты предками мордвы: эрзи – на севере и мокши – на юге региона. Вероятно наличие здесь и других мордовских групп, каковыми могли быть, например, предки теньгушевской мордвы или мордвы-шюкши, населяющей сегодня крайний северо-запад Республики Мор-

довия, для культуры и языка которой характерно сочетание как эрзянских (связанных, возможно, с изначальной близостью данной группы к эрзянам) и мокшанских (скорее всего – результат более позднего влияния), так, по-видимому, и своеобразных, не сводимых напрямую к этим двум компонентам, черт. На эти же территории могли переселяться группы родственного мордве населения из более северных районов: создатели культуры рязанских могильников, потомки летописных *муромы*, *мещеры*, а возможно – и *мери*, теснимые русской колонизацией Поочья, а также – восточнославянские и балтские группы.

В политическом отношении эти территории представляли собой своего рода буферную зону между Волжской Булгарией и Русью (Владими́ро-Суздальским и Рязанским княжествами). Уже с XII в. правобережье

* Положения данной части очерка в основном обоснованы в статье одного из авторов в предыдущем томе «Истории татар» [Напольских, 2006].

Суры находилось, по-видимому, под контролем Булгарии, влияние которой в начале XIII в. распространялось и дальше на запад – до верховий Алатыря (Саровское городище) и верхнего течения Мокши (г. Наровчат). В свою очередь, русские княжества контролировали правый берег Оки, простирая в начале XIII в. свою власть на нижнее течение Мокши (г. Кадом) и устье Оки (Нижний Новгород) [Белорыбкин, Зеленцова, 2006]. Однако ослабление Владимиро-Суздальского княжества в 20–30-е гг. XIII в., связанное с выделением на его территории нескольких уделов, во главе которых встали многочисленные сыновья Всеволода Большое Гнездо (1154–1212), способствовало обретению фактической самостоятельности князьями Мордовской земли. Здесь, между Волжской Булгарией и Владимиро-Суздальской Русью, где проходил важный в экономическом и политическом отношениях путь, связывающий Булгар и Киев, в ходе борьбы со сторонниками прорусской ориентации, из числа которых летопись называет *Пуреши* и его сына, не без военной помощи со стороны болгарских правителей возвышается мордовский князь *Пургас*, распространивший свою власть не только на мордву, но и на «русь Пургасову» [ПСРЛ, 25, с.122–123, 125]. Центром этого объединения могло быть Понетаевское или *Пургасово* городище XII–XIII вв. в верховьях Теши [Мокшин, 1977; 1991].

К северо-востоку от мордовских земель, на право- и левобережье Волги между Сурой и Камой к XIII в. в основном формируется общность марийских племен. При этом левобережье Волги, Ветлужско-Вятское междуречье было весьма мало задето болгарским присутствием и непосредственным влиянием: эти покрытые густыми лесами, обладающие не слишком плодородными почвами земли, через которые не проходили важные торговые пути, видимо, были мало привлекательны для болгар, и последние предпочитали поддерживать дружественные отношения с местным населением без вмешательства в его внутренние дела. Само же марийское население выполняло роль своего рода буфера между Булгарией и Русью, ставшую тем более актуальной после возникновения в 1221 г. Нижнего Новгорода и после сложения русского анклава на средней Вятке не позднее рубежа XII–XIII вв. [Макаров, 2001]. Роль

марийцев, как своего рода федератов Волжской Булгарии, реконструируется исходя из нескольких обстоятельств: старое, тюркское по происхождению, внешнее название марийцев – «черемисы» происходит, видимо, от тюркской основы **čer-* ‘войско, воевать’ и служило первоначально (вероятно, еще в хазарское время, в эпоху проникновения первых тюрков в Среднее Поволжье) обозначением ‘воинственного’ населения пограничья; в конфликтах русских с Казанским ханством луговые марийцы неизменно стояли на стороне последнего, оставаясь уже после падения Казани в эпоху «Черемисских войн» второй половины XVI в. последней активной силой в борьбе против Москвы – в то время, как на собственно марийских территориях на сегодняшний день не обнаружено болгарских укрепленных поселений; несмотря на раннее вхождение *черемисов*-марийцев в сферу политических интересов тюркских государств Поволжья (по крайней мере с X в., судя по письму хазарского кагана Иосифа, где они упоминаются), заимствования из языка болгарского типа (чувацкого) в марийском языке исследователи склонны датировать не ранее чем XIII в., и это означает, что культурные контакты предков марийцев с тюрками в домонгольское время были не слишком интенсивными.

Правобережье Волги, междуречье Волги и Суры, территория сегодняшней Чувашии были, по всей вероятности, заселены близким марийцам населением (это следует из очевидных параллелей в традиционной культуре и антропологическом типе марийцев и чувашей, многочисленных следов языковых связей – причем как лексических, так и системного структурного сходства фонетической системы обоих языков и параллелей в морфологии и синтаксисе), к которому, по крайней мере, с начала XIII в. применялось мордовское название *veden* (в современных мордовских языках – название чувашей), зафиксированное в форме *Veda* в «Слове о гибели Русской земли» [Бегунов, 1965, с.150] и *Wedin* в письме венгра Юлиана (см. ниже). На этих территориях, представлявших интерес для развития интенсивного земледелия, достаточно рано, уже с XI–XII вв. установилось прочное болгарское влияние и шла, по-видимому, постепенная ассимиляция местного населения, достаточно рано и органично

интегрированного в социальную систему болгарского государства. Помимо родственного марийцам этноязыкового компонента *Веда* ~ *Wedin* в этом процессе могли принимать участие мордовские группы на западе, *буртасы* на юге региона (на сегодняшний день не представляется возможным установить этноязыковую принадлежность этого народа, хотя гипотеза о его аланском происхождении выглядит наиболее предпочтительной) и другие финно-угорские и тюркские группы населения Волжской Булгарии.

На коренных землях Волжской Булгарии в левобережье Средней Волги от Самарской Луки на юге до нижнего Прикамья на севере, помимо собственно болгарского населения (которое к началу XIII в. также не было однородным в этноязыковом отношении, поскольку, как об этом свидетельствует болгарская эпиграфика, помимо R-тюркского, собственно болгарского языка, в ходу здесь был уже Z-тюркский язык огузо-кыпчакского типа), а также живших преимущественно в городах многочисленных представителей древнерусской, армянской, еврейской, хорезмийской и др. диаспор, присутствовали и финно-угорские группы. Прежде всего, в этой связи следует упомянуть т.н. «юлиановых венгров» – язычников, ведших, видимо, полукочевой образ жизни, живших где-то в пределах Булгарии и говоривших на языке настолько близком к венгерскому, что венгерский монах-доминиканец Юлиан, отправившийся на восток в поисках соплеменников, без труда понимал их [Аннинский, 1940, с.81–100]. Археологи усматривают возможность соотносить с этим населением создателей Больше-Тиганского могильника VIII–IX вв. в левобережье нижней Камы и некоторых других памятников с территории Волжской Булгарии [Халикова, 1976]: предполагается, что «юлиановы венгры» представляли собой часть древневенгерской племенной общности, которая осталась в Среднем Поволжье, в то время как большая часть древних венгров продолжила историческую миграцию с предполагаемой угорской прародины на юге Западной Сибири через южное Приуралье и Поволжье в степи Прикубанья и северного Причерноморья, завершившуюся в IX в. завоеванием новой родины венгров в Паннонии.

Район нижнего течения Камы, особенно ее правобережье (современное Заказанье, низовья Вятки), в болгарскую эпоху был, по всей вероятности, заселен прямыми предками удмуртов и близких им по культуре и языку бесермян, происходившими с территории пермской прародины в среднем Прикамье, тесные контакты которых с булгарами (точнее – включение в болгарское социо-культурное пространство) маркированы многочисленными старыми булгаризмами в удмуртском языке. Следует полагать, что именно здесь, в пределах Волжской Булгарии, и сложились как таковые эти две этнические группы с характерными особенностями их языка, традиционной культуры и самоназваниями. В Булгарии они составляли преимущественно крестьянское земледельческое население, выплачивавшее систематические подати (удм. *kerś* ← булг.: чув. *χirās̄* / *χirśā* ‘подушная подать, общественные сборы’ ← араб. *harj* ‘расход; паёк; дань, подать’) и не принимавшее ислам (для предков бесермян при этом следует реконструировать особый пиетет к исламу и признание его в качестве одного из компонентов народной религии). По-видимому, накануне монгольского нашествия наибольшую степень вовлеченности в болгарское общество по сравнению с другими финно-угорскими народами региона следует полагать именно для удмуртов, являвшихся фактически одной из этнических групп этой страны. Их органичная интеграция в болгарское общество была, по-видимому, причиной отсутствия упоминаний об удмуртах на страницах письменных источников вплоть до второй половины XV в.

Поскольку болгарское (говорившее на R-тюркском языке) население, по крайней мере, в XIV в. (булгарская эпитафия из с. Гордино на севере Удмуртии) присутствовало в бассейне р. Чепца, есть основания полагать, что не позднее XIII–XIV вв. начинается переселение на север вверх по Вятке каких-то групп болгар – предков чепецких (каринских) татар, вместе с которыми, по-видимому, переселяются удмурты и бесермяне. С уверенностью говорить о присутствии удмуртов и бесермян на Чепце в домонгольское время сегодня нет оснований, но исключать такую возможность нельзя. Во всяком случае, в основной своей массе севернудмуртский массив

должен был оформиться после сложения на средней Вятке русского анклава, Вятской земли, поскольку самоназвание чепецких удмуртов – *Ватка* – происходит от русского названия реки и города Вятки и Вятской земли.

На северной периферии Волжской Булгарии с IX–X вв. возникает охватывающая достаточно обширные районы верхнего Прикамья и бассейна Чепцы система укрепленных поселений, известных в археологической литературе как городища родановской и чепецкой культур. Время существования этих городищ совпадает со временем существования Волжской Булгарии, их население вело с Булгарией оживленную торговлю, и материалы этих поселений свидетельствуют о ведшемся в регионе массовом промысле пушного зверя, прежде всего, бобра – именно о прекрасных бобровых мехах, ввозимых в Булгар с севера, из земли *Ару*, сообщают арабские источники домонгольского времени. Название *Ару* (ارو) можно связывать с общетюркским корнем **ary* ‘та, противоположная сторона’: по-видимому, так булгары могли называть северные земли за Итилем, т.е. территории современных Кировской области, Удмуртии и Пермского края. Позднее это слово послужило основой для татарского названия удмуртов (*ar*) – как основного и самого близкого татарам народа бывшей страны *Ару* (см.: [Белых, 1996]). На ряде крупнейших родановско-чепецких городищ обнаружены следы присутствия довольно многочисленного мусульманского болгарского населения. С другой стороны, ни на одном из этих городищ не выявлено следов наличия какой-либо местной политарной организации: не раскопано ни резиденций князей и правителей, ни публичных святынь и т.п. Все эти обстоятельства заставляют видеть в городищах родановско-чепецкого типа болгарские фактории, основным назначением которых был сбор мехов, и которые могли управляться как болгарскими группами купцов, чиновников и воинов, так и представителями местной родо-племенной верхушки. Язык основного населения этих городищ был, – судя по происхождению археологических культурных особенностей из Прикамья, с территории пермской прародины, – пермским, но едва ли имеет смысл, как это делают археологи, дискутировать о его большей близости к коми или удмуртскому. Возможно, однако, и при-

сутствие здесь пермского и нетюркского в языковом отношении населения: сохранившиеся в удмуртском фольклоре имена богатырей-властителей чепецких городищ в большинстве своем не этимологизируются ни из пермских, ни из тюркских языков.

После прекращения функционирования чепецко-родановских городищ на большей части их ареала, вследствие гибели Волжской Булгарии в XIV в., судьбы местного пермского населения сложились по-разному. Чепецкое население вошло в состав удмуртов-*Ватка*, продвинувшихся вверх по Чепце со средней Вятки. Ассимиляция удмуртами близкородственного по языку пермского населения на Чепце происходила, по-видимому, достаточно быстро и безболезненно, показателем чего является распространение в фольклоре чепецких удмуртов упомянутых выше преданий о чепецких богатырях, воспринимавшихся удмуртами как «свои».

Судьбы северного пермского населения связаны с возрастающей ролью русского (новгородского и владими́ро-суздальского) влияния на северо-востоке. Ранее всего переориентировалось на Русь население Вычегды – создатели вымской археологической культуры, в которых можно видеть смешавшихся с местным, пермским же по языку, населением выходцев из Прикамья – предков коми-зырян, получивших в русских источниках имя *Пермь Вычегодская*. Население родановских городищ на верхней Каме в период гибели Волжской Булгарии и потери связей с нею, составлявших основу существования этих центров, также постепенно переориентируется на Русь, и это проявляется, в частности, в возрастании в XIV–XV вв. роли и значения самой северной части родановского ареала – района Чердыни, *Великой Перми* русских источников, с одновременным угасанием некогда самых крупных городищ на юге ареала. Процесс экономической, политической и культурной переориентации *Перми* завершается крещением коми на Вычегде и затем на верхней Каме (см. ниже).

Монгольское завоевание и судьбы финно-угорских народов. Монгольские завоевательные походы стали настоящим бичом для многих народов и государств Старого Света. Одними из первых в Восточной Европе разрушительную силу и жестокость кочевников испытали на себе финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья, ко-

торые в начале XIII в. были вовлечены в различные модели интеграции, в структуры политического, социально-экономического и культурного пространств Булгарского государства, Владимиро-Суздальской Руси и Великого Новгорода.

Грандиозный поход монгольской армии, который, согласно принятому на курултае 1235 г. решению, имел целью овладение «странами Булгара, асов и Руси» [СМИЗО, 1941, с.22], начался в конце 1236 г. Первой разрушению подверглась Волжская Булгария, о печальной участи столицы которой сообщается как в восточных, так и в русских летописях [там же, с.23; ПСРЛ, 25, с.117]. Подавив отдельные попытки организовать сопротивление захватчикам в «других областях» Булгарии, монгольские царевичи «составив совет, пошли каждый с своим войском облавой, устраивая сражения и занимая попадавшие им по пути области» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.38].

Обращает на себя внимание рассказ Юлиана о двух князьях в Мордовской земле, один из которых «со всем народом и семьей покорился владыке татар», а другой «с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил». Эта запись, относящаяся к 1237 г., перекликается с известиями русских летописей о подавлении в 1239 г., накануне похода монголов в Западную Европу, вспыхнувшего в Мордовской земле восстания [ПСРЛ, 25, с.130], а также с информацией Гильома де Рубрука, полученной им в Нижнем Поволжье в 1253 г., сообщающей о различии в положении двух соседних народов: моксель (*Moxel*) и мердас (*Merdas*) [Путешествия, 1957, с.110]. О первом Рубрук пишет, что «города у них нет, а живут они в маленьких хижинах. Их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно татары вели их вместе с собою до вступления в Германию». О мердас же говорится лишь, что они «сарацины». Учитывая эти сообщения, можно предположить, что в результате неудачного выступления против захватчиков некий мордовский князь, возможно, тот самый, о намерении которого «защищаться, если хватит сил» писал Юлиан, был в конечном итоге вынужден признать власть монголов. Со своей стороны, завоеватели, как это бывало неоднократно в других странах, принудили побежденных участвовать в походе на Венгрию и Германию в 1241 г.

Последствия монгольских походов для земледельческих народов, к каковым относились и финно-угорские народы Среднего Поволжья, были разрушительны. Уничтожение сельских и городских поселений, потрава многочисленными конными отрядами хлебных посевов, физическое уничтожение значительного числа людей и увод полона оказали огромное отрицательное влияние на их общественное развитие. Земли, избежавшие массового вторжения кочевников-завоевателей, а к ним представляется возможным отнести и основные районы расселения марийцев и удмуртов, также оказались в нелегком положении: приток беженцев, уничтожение сложившейся социальной инфраструктуры, связывавшей периферию с булгарскими центрами политической, социально-экономической и культурной жизни, имели далеко идущие последствия для их развития. Очевидно, именно период монгольских походов стал рубежным и в отношении смены населением Верхнего Прикамья пробулгарской ориентации с постепенным вовлечением его в орбиту усиливающегося влияния Великого Новгорода и северо-восточных русских княжеств.

Катастрофические события монгольского завоевания, приводившие к большим подвижкам населения, активизировали ассимиляционные процессы на территории Волжской Булгарии. По-видимому, именно к этому времени (вторая половина XIII – начало XV в.) следует относить окончательную ассимиляцию финно-угорского населения правобережья Средней Волги и формирование чувашей. Сложность и разнообразие фонетических соответствий чувашского языка с тюркскими может быть понята только в случае принятия гипотезы о нескольких сменявших друг друга волнах тюркизации проточувашского населения, и, соответственно, о длительном процессе перехода этого населения на R-тюркский язык. Вероятно, в этот же период были ассимилированы (а частично, возможно, и погибли, будучи как кочевое, представлявшее военную ценность, население вовлечены в монгольские походы) и «юлиановы венгры»: этнопонимы типа *мачар / можар* встречаются в русских (преимущественно) источниках эпохи Казанского ханства, но нигде нет указания на наличие соответствующей группы с особым языком и самосознанием [Vásáry, 1977].

Завершение активной фазы завоевательных походов монголов и образование Золотой Орды способствовали постепенной стабилизации в отношениях земледельческой периферии и кочевого ядра государства. Выработывались новые формы организации социальных связей (прежде всего, в области организации сбора и доставки в Орду дани), а там, где для этого оставались возможности, возрождались старые (главным образом, в области торговых контактов, расстроенных в предыдущий период, поскольку оказание посреднических услуг было также одной из основных форм пополнения ханской казны). Земли удмуртов и марийцев, вероятно, были включены непосредственно в состав Булгарского улуса Золотой Орды и управлялись его администрацией. Мордовская земля со своими князьями являлась, очевидно, вассальным политическим образованием, на территории которого, впрочем, также возник центр ордынской власти г. Мухшы (Наровчат). В последующем мордовские князья неоднократно оказывали помощь золотоордынским ханам, участвуя в их походах на Русские земли [ПСРЛ, 25, с.122–123, 125, 193], а по сообщению Шараф ад-Дина Йезди мордва (*м.к.с*) упоминается в составе разноплеменного войска, собранного ханом Токтамышем со всего Улуса Джучи, и направленного в 1388 г. против своего недавнего покровителя – среднеазиатского властителя Тимура [СМИЗО, 1941, с.156].

Известные источники XIII–XV вв. мало что могут рассказать о повседневной жизни марийцев и удмуртов в составе Золотой Орды, несколько более подробно они освещают положение мордвы, подчеркивая, что основными занятиями этого народа являлись земледелие, разведение домашнего скота, различные лесные промыслы и рыболовство [Путешествия, 1957, с.110; Барбаро и Контарини, 1971, с.134, 159]. Безусловно, столь же комплексное хозяйство, основой которого было пашенное земледелие, было присуще марийцам и удмуртам. Различными авторами также неоднократно отмечался «языческий» характер верований мордвы. Наиболее подробное из ранних описаний отдельных религиозных обрядов приводится в сочинении Иосафата Барбаро, полагавшего, что он обладает «хорошей осведомленностью относительно мордвы (*Мохиа*)» [Барбаро и Контарини, 1971, с.134, 159]. Действительно, очевидно, даже после

того, как ислам в правление хана Узбека становится официальной религией государства, в отношении зависимого населения правители Золотой Орды не предпринимали каких-либо активных действий, направленных на исламизацию. Это, конечно же, само по себе не исключает отдельных фактов принятия мусульманской религии представителями мордвы, марийцев и удмуртов. Кроме того, следует напомнить, что в числе последних еще с булгарских времен под влиянием соседей-мусульман происходило обособление этно-социальной группы бесермян.

Династические кризисы, которые стали сотрясать Золотую Орду со второй половины XIV в., вели к постепенному ослаблению ее власти на зависимых территориях. Многие царевичи и просто знатные и амбициозные аристократы стали захватывать отдельные окраинные территории. Так, в 1361 г. князь Булаг-Тимур, захватив Болгар и «отня весь волжский путь», очевидно, распространил свою власть на восточные районы мордовских, марийские и южноудмуртские земли; в 1362 г. мордву по р. Пьяне подчинил выходец из Приазовья Сегиз-бек; «а иныи князь Ординский, Тагаи имя ему, иже от Бездежа, а тои, Наручядь, ту страну отняв себе, ту пребываше» [ПСРЛ, 25, с.181; 15, с.71]. На средней Вятке в это же время укрепляется Вятская земля, в числе подданных которой были северные удмурты-*Ватка* (т.е. вятчане). Пользуясь слабостью Орды, нижегородско-суздальские князья, новгородцы и вятчане в 60–70-е гг. XIV столетия неоднократно «ходили ратью» на ее поволжские земли, грабя на своем пути по Волге, Каме, Ветлуге и Вятке мордовские, марийские и южноудмуртские селения. В русских летописях под 1379 г. сообщается, что один из таких отрядов вятчан был разбит в пределах Арской земли – территории расселения южных удмуртов [ПСРЛ, 25, с.201]. Временное восстановление могущества Золотой Орды в периоды правления хана Токтамышша (1380–1398) и Идегея, правившего от имени ханов Шадибека (1399–1407) и Булата (1407–1411), не смогли остановить дезинтеграционных процессов. Уже к концу XIV в. большая часть мордовских земель вошла в состав Московского и Рязанского княжеств, а марийцы и южные удмурты, с образованием бывшим золотоордынским ханом Улуг-Мухаммадом и его сыном Махмудом в 1438–1445 гг. Казанского ханства, стали его подданными.

Как уже отмечалось выше, накануне монгольского вторжения в Восточную Европу на территории расселения земледельцев коми шло оформление двух направлений интеграционных процессов. Коми, жившие на Вычегде, находились в даннической зависимости от Великого Новгорода. Впрочем, уже с конца XII в. все настойчивее в эти отношения стали вмешиваться владими́ро-суздальские князья, выказывавшие свои притязания на право обладать этим богатым пушниной регионом. Еще в 1178 г. в устье р. Юг князем Всеволодом был заложен «град Гляден», а в 1212 г. его сын ростовский князь Константин Всеволодович «заложил град Устюг» [ВВЛ, 1958, с.257]. В последующем Устюг становится опорным пунктом для проникновения и утверждения великокняжеской власти на земле Перми Вычегодской. Другая часть коми, проживавшая на территории Верхнего Прикамья, еще с X в. была ориентирована на поддержание тесных социально-экономических и культурных связей с Волжской Булгарией, разгром которой монголами в 1236 г. стал причиной, во многом обусловившей постепенное втягивание Верхнего Прикамья в сферу интересов северо-восточных русских земель.

Наиболее активно в XIII–XIV вв. великие князья владимирские действовали в более близкой Перми Вычегодской, постепенно выдавливая оттуда новгородцев. Хотя монгольские походы и не коснулись непосредственно этой территории, часть собранной с нее новгородцами и устюжанами дани направлялась для выплаты «черного выхода Ордынскому царю». В 1333 г. великий князь владимирский Иван I, очевидно, вследствие промедления с доставкой «выхода», полагавшегося «от Вычегды и от Печоры», «взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцов», в результате чего последние были вынуждены передать ему «Вычегду и Печору и с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди». В 1364 г. великий князь Дмитрий Иванович отобрал у ростовского князя Константина «Ростов и Устюг и пермские места устюжские». В 1367 г. он же после конфликта с новгородцами «взял к себе Печору, Мезень, Кегролские. Люди пермские за князя за Дмитрия крест целовали, а новгородцам не норовили» [там же, с.257–258].

Очередным шагом в сторону закрепления своих позиций в Перми Вычегодской стала под-

держка великим князем Дмитрием Ивановичем одобренного митрополитом Алексием начинания устюжского монаха Стефана по обращению коми в христианство. Его миссионерская деятельность началась «на Пыросе и на Виледи» в 1379 г., где он крестил «нечестивые племени пермян». Подобно «просветителям славян» Кириллу и Мефодию, Стефан сочинил «пермскую азбуку» и перевел на древнепермский язык ряд церковных текстов. Благодаря его усилиям по обучению неофитов были заложены основы древнепермской письменности. Успех деятельности Стефана Пермского уже в 1383 г. сделал возможным учреждение Пермской епархии с центром в Усть-Выми, первым епископом которой был назначен сам «апостол зырян» [ПСРЛ, 25, с.211]. Впрочем, христианское вероучение утвердилось в Перми Вычегодской далеко не сразу: в 1389 г. пришедшие к Яранску с Удоры и с Пинеги «пермяни-идопоклонницы... монастырское Пречистые Богородицы пожгли, пограбили, людей монастырских посекли», в 1392 г. сторонники пермского сотника Пама – активного противника миссионерской деятельности Стефана – совместно с вогульским князем Асыкой разорили погосты возле Усть-Выми [ВВЛ, 1958, с.260].

В начале XIV в. жители Перми Вычегодской вновь втягиваются в выяснение отношений между Москвой и Великим Новгородом [там же], а со второй четверти XV в. вычегодские земли становятся ареной кровавых столкновений претендентов на великокняжеский престол – Василия II и его дяди галицкого князя Юрия Дмитриевича, после смерти которого борьбу против Василия возглавил сын Юрия Дмитрий Шемяка. В 1451 г. для организации борьбы с Шемякой (ум. 1453) наместником в Усть-Выми с правом «правити пермской землей Вычегодскою... по грамоте наказной по уставной» великим князем Василием II был направлен представитель одной из боковых ветвей князей Верейских – Ермолай, положивший начало династии «вымских князей». Одновременно его старший сын Михаил был направлен наместником в Чердынь – центр Перми Великой, где он стал родоначальником «князей великопермских» [там же, с.261]. Таким образом, к середине XV в. обе исторические области расселения коми – Пермь Вычегодская и Пермь Великая – уже прочно находились в сфере социально-экономического и культурного влияния

Московской Руси, однако сохранявшаяся исторически административная разобщенность и связанное с этим более позднее начало крещения Перми Великой в 1455 г. уже при четвертом епископе Пермском Питириме стали основными факторами оформления двух близкородственных народов – коми и коми-пермяков.

Мордовские земли в составе Золотой Орды

Геннадий Белорыбкин

В начале XIII в. мордва располагалась в Сурско-Окском междуречье и проживала компактными группами в бассейне рр. Мокша и Теша. Об этом свидетельствует большое число поселений и могильников с характерной для мордвы культурой [Шитов, 2000].

Количество и территория распространения памятников постоянно менялись под влиянием военно-политической ситуации. С юга в Примокшанье в результате экспансии Волжской Булгарии активно распространялись болгаро-буртасские поселения, которые не только располагались среди мордовских, но и оказывали большое влияние на них [Белорыбкин, 2003]. Ярким примером этого служит распространение красной круговой посуды на мордовских памятниках и появление имитационной посуды.

Точно такие же процессы происходили на севере мордовской территории в устье р. Оки. Проникновение русского населения с севера и болгар с юга на территорию мордвы сопровождалось военными походами и ответными набегами мордвы на русские крепости и болгарские военные отряды.

То есть, в начале XIII в. территория мордвы стала ареной борьбы между Русью и Волжской Булгарией. Однако в результате монгольского нашествия ситуация резко изменилась.

В конце лета 1237 г. армия монголо-татар, со всеми обозами переправившись через Волгу (Итиль), двинулась на Русь, но, дойдя до р. Узы, остановилась и простояла в этих местах до конца года. Персидский историк Рашид ад-Дин так описал эти события: «...в год курицы, соответствующий 634 году хиджры, сыновья Джучи – Бату, Орду и Берке, сын Угетай-Каана – Кадан, внук Чагатая – Бури и сын Чингиз-хана – Кулькан занялись войной с мокшей, буртасами и арджанами и в корот-

кое время завладели ими» [СМИЗО, 1941, с.36]. В результате почти все города и села буртас и мордвы были уничтожены, и сегодня археологи находят на поселениях лишь остатки сгоревших строений вперемешку с монгольскими наконечниками стрел и следами погромов. Особенно наглядно картина сражения сохранилась на Золотаревском городище, где оборонительные валы и рвы усеяны наконечниками стрел, а окрестности усыпаны костями убитых воинов и жителей города [Белорыбкин, 2001].

В народной памяти до сих пор сохраняются легенды о царице Нарчатке, которая сражалась на льду р. Мокши с монгольским войском, и, увидев, что битва проиграна, бросилась с конем в прорубь [Лебедев, 1958].

В 1239 г., прежде чем двинуться на Киев, Бату направил часть своего войска на покорение мордовских земель. Огнем и саблей прошлось оно до самого Нижнего Новгорода и обратно. Как справедливо отмечают мордовские ученые, это было связано с необходимостью пополнения монгольского войска за счет покоренных народов [Гришаков, 2004, с.57]. Но покорить местное население монголы смогли только в 1242 г., когда в Среднее Поволжье Бату направил своего лучшего полководца Субедея. В результате этих событий население Сурско-Окского междуречья сильно поредело. Археологам известно лишь три-четыре небольших поселения этого времени в Верхнем Посурье и десяток-другой в Верхнем Примокшанье. Большая часть оставшихся в живых буртас и мордвы ушла на север – в Среднее Посурье и Примокшанье. Позже на мордовских землях возникли золотоордынские улусы. Одним из первых золотоордынцев «князь» Бахмет захватил в 1298 г. мещерские земли в низовьях р. Мокши. От него впоследствии пошли князья Мещерские, Беклемишевы, Бахметьевы. В начале XIV в. возникает улус Мохши. В 1361 г. приазовский «князь» Секиз-бей подчинил себе территорию южнее р. Пьяны. В это же время другой ордынский эмир основал г. Нуриджан (Мохши). Во второй половине XIV в. в среднем течении р. Мокши в районе Темникова обосновался «князь» Бехан. Все это сопровождалось массовыми переселениями татар на мордовские земли.

Копье. Могильник Татарская Лака. XIII–XIV вв.

О событиях после монгольского нашествия довольно подробно писал Плано Карпини: «Эта страна за Танаидом очень красива и имеет реки и леса. К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах. Их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно Татары вели их вместе с собою до вступления в Германию, поэтому Моксель очень одобряет германцев, надеясь, что при их посред-

стве они еще освободятся от рабства татар. Если к ним прибудет купец, то тому, у кого он впервые пристанет, надлежит заботиться о нем все время, пока тот пожелает пробить в их среде. Если кто спит с женой другого, тот не печалится об этом, если не увидит собственными глазами; отсюда они не ревнивы. В изобилии имеются у них свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы. Сзади них живут другие, именуемые Мердас, которых латины называют Мердинис и они – саррацины. За ними находится Этилия» [Плано Карпини, 1997, с.108–109].

Из источников совершенно очевидно проглядывает существование двух народов и двух князей на территории Сурско-Окского междуречья. Один народ – это моксель (вероятно, мокша) во главе с князем, который, как пишет Юлиан, покорился татарам, а Рубрук добавляет, что они чистые язычники, а их государь вместе со своим народом был убит в Германии. Другой народ – мердас, князь которого, по Юлиану, пытался сопротивляться татарам, а сам народ, по Рубруку, исповедовал ислам.

Исследователи, исходя из того, что оба эти народа относятся к мордве, считают, что Рубрук ошибался. Однако с учетом того, что в Примокшанье существовало множество поселений буртас, входящих в состав Волжской

Булгарии, где государственной религией был ислам, нельзя так однозначно отрицать присутствие мусульман среди мордвы. Если же сопоставить имя мердас с именем буртас, то трудно не заметить большого сходства. Исходя из всего этого мы вправе предположить, что один из народов – это булгаро-буртасы, жившие в Верхнем Примокшанье и Верхнем Посурье, а другой – мордва, жившая на Мокше и Теше. Представителей именно этого народа увели татары в военный поход – не случайно прекращает существование большинство могильников на р. Теша и в Среднем Примокшанье.

Сведения о князьях или государях этих народов подтверждают сведения русских летописей о князе Пургасе, возглавлявшем волость на территории мордвы, столица которой располагалась, вероятнее всего, на территории между рр. Мокша и Теша. Наиболее подходящим поселением в этом плане является Саровское городище, находящееся в центре этих земель.

Столица же князя народа мердас (буртас) располагалась в Верхнем Примокшанье и, вероятнее всего, на Наровчатском городище, ставшем впоследствии столицей золотоордынского улуса Мохши. Об этом же свидетельствует и тот факт, что разрыва между домонгольскими и золотоордынскими материалами практически нет.

В то же время практически полностью были уничтожены памятники болгарского типа в Верхнем Посурье и Примокшанье. Лишь в конце XIII в. в Посурье вновь появились отдельные поселения, но уже с золотоордынской посудой, а также половецкие курганы [Полесских, 1977]. Одновременно появляются могильники мордвы-мокши далеко к югу от Посурья, в верховьях р. Медведица.

В Примокшанье также после гибели поселений болгарского типа возникают в конце XIII в. золотоордынские поселения. Однако их здесь гораздо больше, чем на Суре. Процесс возникновения золотоордынских поселений сопровождался концентрацией возле них мордовских памятников и исчезновением поселений и могильников в среднем течении р. Мокши. Более того, мордовский Старосотенский могильник возник даже в улусном центре – г. Мохши. С учетом появления памятников мордвы-мокши на Самарской Луке и в верховьях р. Медведица можно отметить ди-

намику распространения мордовских памятников из Примокшанья на восток и юг.

Понесла потери и волго-тешская группа памятников. Памятники в среднем течении Тешы практически исчезают и при этом появляются поджурганские захоронения [Мартянов, 2001]. В то же время полностью сохраняются и даже увеличиваются памятники на р. Пьяна, а также на волжском правобережье.

На территории Поочья ситуация в этот период довольно стабильная. В то же время здесь наблюдается активное распространение древнерусских памятников, что свидетельствует о вытеснении мордвы с северных земель.

Таким образом, одна часть памятников мордвы-мокши Вадо-Мокшанского междуречья сосредотачивается вокруг г. Мохши, а другая переселяется на восток (Самарская Лука) и юг (верховья р. Медведица). Памятники мордвы-эрзи на Теше практически исчезают, а на Пьяне и Волге остаются нетронутыми.

Хотя на той же Пьяне в 1377 г. ордынский «князь» Арабшах разбил русскую рать и разграбил все окрестности вплоть до Нижнего Новгорода, мордовские поселения он, вероятно, не тронул, т.к. в этом же году мордовские князья сами напали на нижегородские поселения и разорили их. Однако русские летописи сообщают, что русские князья разбили мордовские отряды и ограбили их землю: «...воеваша землю Мордовскую, власти и села и погосты и зимницы пограбища и пожгоша, а самих избища, а жены их и дети пленища, и землю их всю пугу сотворища» [ПСРЛ, 11–12, с.29]. При этом каких-либо резких изменений в расселении мордвы в XIV в. не наблюдается как на Пьяне, так и на Мокше.

Все эти районы, по археологическим данным, были заняты определенными мордовскими племенами. Группа памятников XII–XIV вв. в бассейне рр. Теша и Пьяна (Сарлейский, Коринский, Гагинский, I–II Борнуковские и Мл. Кужендеевский могильники) большинством археологов рассматриваются как могильники мордвы-эрзи [Финно-угры, 1999]. Здесь же и поныне локализуется часть области расселения эрзи. В памятниках этого времени усиливаются этнографические своеобразия – устойчивой становится северная ориентация погребенных, распространяются кольцевидные застезки, а главное, отсутствуют вещи и не проявляются особенности, присутствующие для памятников мордвы-мокши. К

Стремя. Могильник Татарская Лака.
XIII–XIV вв.

XIII в. относится первое достоверное упоминание этнонима «эрзя» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.38].

В бассейне же р. Мокши располагаются Ефаевский, Паньжинский, Краснослободский, «Заря» и другие могильники XII–XIV вв., которые сохраняют свои этнографические древнемокшанские особенности – южная ориентация погребенных, преобладание скорченного положения на боку женщин, сохранение височных подвесок с ромбическими грузиками (Ефаевский могильник) и замена их в XIII–XIV вв. подвесками в виде знака вопроса, широкое распространение сюльгам с пластинчатыми трапециевидными щитками, а также толстых наконечников типа «пулокерь» [Алихова и др., 1959].

Территория расположения этих памятников, обычно рассматриваемых как древнемокшанские, совпадает с современным расселением мордвы-мокши. К XIII в. относится и первое упоминание имени мокши. В середине XIII в. Гильом Рубрук, посетивший завоеванные монголами земли, писал о народе: «Моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники» [Плано Карпини, 1997]. Как мы видели выше, Рашид ад-Дин помещает их рядом с буртасами и арджанами.

Очевидно, в результате монгольского нашествия некоторые группы мокши бежали в болгарские земли. Так могли появиться группы мордвы у Самарской Луки и в Казанском

Поволжье, оставившие могильники типа Мурранского, Карташихинского и др. [Алихова, 1954]. Может быть, от этого времени и осталась на Волге, напротив устья р. Камы, небольшая группа мордвы-каратаев.

К середине XV в. почти вся территория, занятая мордвой-эрзей, вошла в состав Русского государства. Мордва-мокша, занимавшая более южные районы, продолжала контакты с тюркоязычным населением Западного Поволжья – формирующимся татарами-мишарями. С XVI в. практически все земли, заселенные мордвой, оказались в составе Русского государства, что обусловило усиление процесса сближения мордвы-мокши и мордвы-эрзи и создание единой народности.

Вхождение мордовских территорий в состав Улуса Джучи оказало влияние и на их экономическое развитие. В южных районах это отразилось, прежде всего, на сельском хозяйстве и ремеслах, а в северных землях влияние Золотой Орды сказалось лишь на распространении украшений и практически не затронуло основу экономики – лесные промыслы.

В конце XIII в. в Примокшанье под влиянием золотоордынского улуса Мохши стала применяться соха, о чем свидетельствуют находки сошника на селище Паньжа и полицы в Старосотенском могильнике. Однако как соха с железным наконечником, так и тяжелый плуг использовались преимущественно на лесостепных черноземах, вокруг г. Мохши. Что касается лесной зоны, то там сохи стали использоваться лишь в XIV в. Об этом свидетельствует Нижнеборковский клад, состоящий из 4 сошников, 1 серпа, 5 наконечников стрел и инструментов [Циркин, 1971].

В то же время имеются некоторые свидетельства развития животноводства в Примокшанье в виде результатов остеологических исследований Итяковского городища (слои XIII–XVI вв.) [Гольшенков и др., 1970]. Благодаря им, было установлено, что в домашнем стаде преобладала низкорослая лошадь степного облика и крупный рогатый скот, также низкорослый и с малым весом. Помимо этого, встречаются кости мелкого рогатого скота и собак. Кости этих же животных встречаются и в погребениях, но редко, если не рассматривать конские захоронения. В целом же в составе стада на мордовских поселениях преобладала лошадь и свинья.

Самым распространенным занятием мордвы на протяжении почти всего средневековья были промыслы. Среди них в мордовских землях преобладала охота на пушных зверей и сбор меда. О составе пушной дичи может свидетельствовать тот факт, что до сих пор в лесах региона водятся лисицы, куницы, горностаи, белки, барсуки, хорьки, а в поймах – бобры и выхухоль. Помимо пушных зверей, мордва охотилась на лосей и медведей, которые до недавнего времени часто встречались в местных лесах.

В Примокшанье – на Итяковском поселении также встречены кости диких животных и птиц, которые вместе с наконечниками стрел свидетельствуют об охотничьем промысле, а кости и чешуя рыб вместе с рыболовными крючками и острогами – о рыболовстве.

Из письменных источников мы знаем и о развитии бортничества на территории мордвы. В середине XIII в. Рубрук писал: «В изобилии имеются у них [мордвы] свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы» [Плано Карпини, 1997, с.109]. Об этом же свидетельствуют находки кусочков воска.

О промыслах мордвы-мокши пишет в XV в. Иосафат Барбаро: «В таком виде они ей (лошади. – Г.Б.) поклоняются и приносят в дар соболей, горностаев, белок, лисиц и другие меха... Народ питается больше всего мясом, преимущественно диких животных, и рыбой, которую ловят в здешних реках. Это все, что мы могли рассказать о мокше» [Барбаро и Контарини, 1971, с.159; Мокшин, 1993, с.16]. Реки и озера снабжали жителей рыбой. Значительно шире в питании использовалась лесная дичь, а также грибы и ягоды.

О занятии мордвы бортничеством можно судить и по «Слову о погибели Русской земли» середины XIII в. [Слово, 1957, с.253]. И хотя все эти сведения относятся к позднему времени, мы можем предполагать, что упомянутые в них промыслы существовали и раньше.

Особенно большое значение охота на пушных зверей приобрела, на наш взгляд, в тот период, когда через территорию региона стали проходить международные торговые пути и возникли крупные государства.

Основным потребителем продукции сельского хозяйства и промыслов мордвы выступал г. Мохши, куда стекались продукты и товары. Отсюда же распространялись ремеслен-

ные изделия, среди которых преобладали глиняная и чугунная посуда, железные инструменты и предметы быта, а также украшения и деньги.

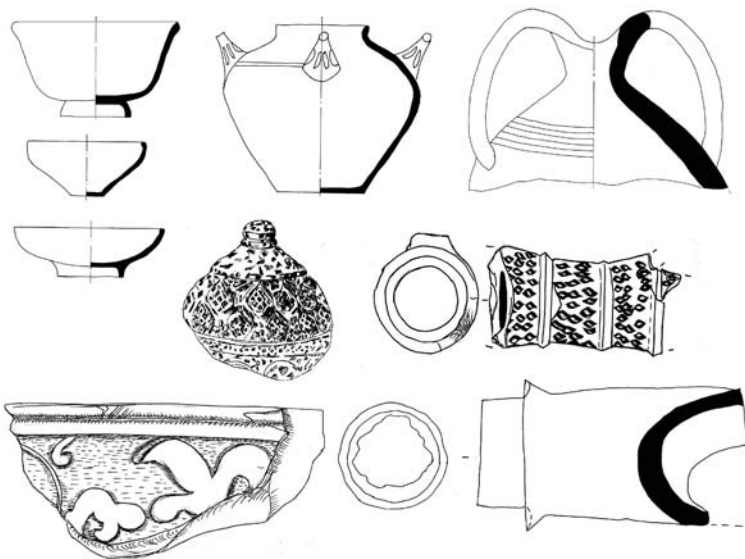
Начиная с XVI в., на южных мордовских поселениях в большом количестве встречается красная круговая посуда золотоордынского облика. Среди форм преобладают горшки, блюда и кувшины. На северных поселениях мордвы по-прежнему преобладает черная древнерусская круговая посуда. А вот на Самарской Луке, где сформировалась большая группа памятников мордвы, возникла особая барабашинская керамика, в которой смешались традиции мордовской, болгарской и русской посуды, представленной в основном горшками и чашками [Алихова, 1954].

В связи с большим спросом в г. Мохши на железо в Примокшанье начало активно развиваться железоплавильное производство.

В Примокшанье встречены железоплавильные печи на селищах Полянки и Паньжа, Стародевичье II. Вокруг них имеются следы руды, шлака, криц. У с. Рыбкино, где добывали железо до XIX в., найдена древняя шахта в виде глубокой траншеи и железоплавильная печь. Вокруг печи было множество кусков пережженной глины, древесного угля, шлака и криц.

Под влиянием Золотой Орды появляются новые украшения, происходят изменения и со старыми. Особенно показательны в этом плане сюльгамы, распространенные на всей территории мордвы. Они представлены кольцами со спиралью на концах и лопастями. Если первые появились еще в XII в., то лопастные приобрели в золотоордынский период свои особые формы. Лопастные стали плосковыпуклыми в форме треугольника, а кончик язычка у этих сюльгам расковывали в виде ромба. Изменились и бубенчики, которые теперь стали делать из двух тисненых половинок.

В Примокшанье, на р. Теша исчезает наконник, крепившийся к головному убору,

Круговая гончарная посуда и трубы.
Нуриджан. Мохши. XIII–XIV вв.

продолжается использование наконника с косой внутри и широко распространяется пулокер, появившаяся даже на Самарской Луке. Фактически наконник помещали дополнительно в деревянный или лубяной футляр и обматывали кожаным шнурком и бронзовой проволокой (Долгоруковский, Старобадиковский I, Беднодемьяновский, Красное I, Муранский могильники). Все пулокеры делятся на два варианта: со стержнем и без него.

Среди массовых золотоордынских украшений преобладают плетеные и пластинчатые браслеты с гравировкой, изображающей в основном львиные морды и цветочные розетки, дровяные браслеты со змеиными головками на концах, перстни и нашивки с арабской вязью, зеркала, серьги, новые типы ремennых накладок и пряжек. Становятся популярными плетеные браслеты с сердоликовыми вставками на концах, сюльгамы с треугольными в сечении лопастями. В то же время есть и редкие изделия, например, такие, как накладки на кожаные сумки. На Наровчатском городище найдена накладка с изображением животного с повернутой назад головой и закинутым за спину хвостом и с шестью фигурными лучами [Лебедев, 1958]. По одной такой же накладке встречено в Новгороде и Укеке [Варфоломеева, 1994, табл. III; Недашковский, 2000, с. 33].

Встречается также множество привозных украшений из Руси [Алихова и др., 1959,

с. 158–160]: шиферные пряслица, стеклянные браслеты, сердоликовые и серебряные бусы, кресты-энколпионы, лунницы.

Наряду с украшениями широко распространяются золотоордынские монеты, которые встречаются преимущественно в виде кладов. В Примокшанье встречено несколько крупных кладов золотоордынских монет [Федоров-Давыдов, 1960]. Важнейшим центром торговли и чеканки монет был г. Нуриджан, центр улуса Мохши [Лебедев, 1958; Белосусов, 1995; Голубев, 2001]. Особый интерес вызывает обнаружение кладов золотоордынских монет на рр. Алатырь и Пьяна, где нет никаких поселений XIV–XV вв. В XV в. начинают распространяться русские монеты на рр. Ока, Мокша, Цна, где были открыты крупные денежные клады (до 825 монет) (г. Муром, у с. Окулово, на левом берегу р. Цна) и серебряные слитки (у с. Кадыково) [Алихова и др., 1959, с. 161, табл. 66]. Все это свидетельствует об активной торговле мордвы с окрестными городами и государствами.

Вхождение мордвы в состав Золотой Орды сопровождалось, с одной стороны, военными набегами и гибелью людей, с другой стороны, вовлекло мордовское население в орбиту мировой торговли, что способствовало развитию экономики. Важнейшее значение в этом плане имело возникновение здесь золотоордынского улуса Мохши.

В политическом плане Улус Джучи остановил экспансию Волжской Булгарии на земли мордвы, а вот русская колонизация задержалась лишь на время и, в конечном итоге, привела к вхождению мордовских земель в состав Руси–России.

Относительная самостоятельность в составе Золотой Орды позволила мордве сформировать окончательно как общие этнические особенности, так и языческие культурные традиции мокши и эрзи. При этом мордва перенимала передовые достижения тех лет в области сельского хозяйства и ремесла. Что касается основной территории обитания мордвы в Сурско–Окском междуречье, то она по-прежнему была одним из крупнейших поставщиков мехов и меда, что способствовало притоку сюда денег и драгоценных украшений, и, как следствие, стала желанной добычей в борьбе ордынских феодалов между собой и с русскими князьями. В результате на территории проживания мордвы обосновались многочис-

ленные группы переселенцев, среди которых выделились татары-мишари, русские, мещера, татары касимовские и др. В ходе этих контактов закладывались основы современных традиций мордовского народа.

Предуралье в XIII–XV вв.

Андрей Белавин

Начиная с первого столкновения с монгольскими войсками в 1223 г., на протяжении многих лет Волжская Булгария упорно сопротивлялась захватчикам.

После гибели Биляра в 1236 г. многие жители Булгарии бежали за ее пределы, в Суздальское княжество, в земли мордвы, в Предуралье. Вероятно, часть походов монгольских войск, покорявших Булгарию, подавлявших многократные выступления болгар, пришлось и на территорию Предуралья. Среднее Поволжье было интегрировано в Орду, как самая развитая в экономическом отношении часть этой страны. Вероятно, уже во второй половине XIII в. болгары возобновляют свои широкие торговые операции в Предуралье и Зауралье.

О последнем свидетельствуют археологические находки на поселениях и могильниках Предуралья и, прежде всего, находки золотоордынских монет, в т.ч. чеканенных в Болгаре. В Удмуртском Предуралье наиболее известной находкой золотоордынских монет является клад 1888 г. у починка Ташьялудского на р. Лекме в составе 4 браслетов «татарского» типа и 242 монет XIV в. [Мавгр, 1896, с. 81].

Привезенные с Востока и имеющие аналогии в материалах Булгарии ордынского времени предметы второй половины XIII–XIV в. найдены в Рагозинском могильнике (две медные рукоятки от ножей или вилок в коллекции Ф.А. Теплоухова); бронзовые и железные замочки в виде лошадок и собачек найдены на Кудымкарском, Рождественском городищах, Вакинском селище и в Чердынском уезде; височные кольца в виде знака вопроса с кашинными, стеклянными или серебряными бусинами на конце найдены на Вакинском селище, Кудымкарском городище, в погребении №5 могильника Телячий Брод, Верх-Боровском могильнике и на других памятниках. В Верх-Язьве найден медный браслет с львиноголовыми окончаниями. Интересны находки медного сложнофигурного светильника, применяемого в мечетях, на Рождественском горо-

дище и султанчика от наносного ремня конской уздечки с чепецкого городища Маловенижский Поркар. Если первый предмет вместе с находками зеленой черепицы указывает на существование на Рождественском городище в ордынское время мечети, то второй предмет, по мнению А.Г.Иванова, связан с пребыванием на Чепце конного отряда ордынских сборщиков дани [Иванов, 1998, с.135].

К ордынскому времени относится и ряд блях-медальонов с изображением «сокольника», в частности, к ордынскому времени относятся два таких изделия из могильника Телячий Брод – из погребения №5 и из подъемного материала. Медальон из погребения №5 хорошо датируется находками в комплексе этого погребения височных колец в виде знака вопроса. Обращает на себя внимание, что в основном ордынским временем датируются и находки подобных блях на памятниках Приобья. Место производства таких изделий определить сложно, но на возможное происхождение бляхи из погребения №5 указывает клеймо в виде острого угла с лучом, расположенное на груди коня. Подобный знак имеется на изделии из Сайгатинского IV могильника в Приобье, где также датируется XIII–XIV вв. Такие клейма известны в керамических материалах Биляра и на ряде других изделий из Волжской Булгарии позднего домонгольского и раннеордынского времени.

Среди бус, находимых на предуральских памятниках, выделяются бусы из кашинной массы с поливой ярко-бирюзового цвета. Центр производства таких бус – золотоордынские города Поволжья [Лесман, 1994]. Такие бусы в Предуралье найдены на ряде чепецких могильников, на селище и могильнике Телячий Брод, Рождественском городище, Антыбарском могильнике.

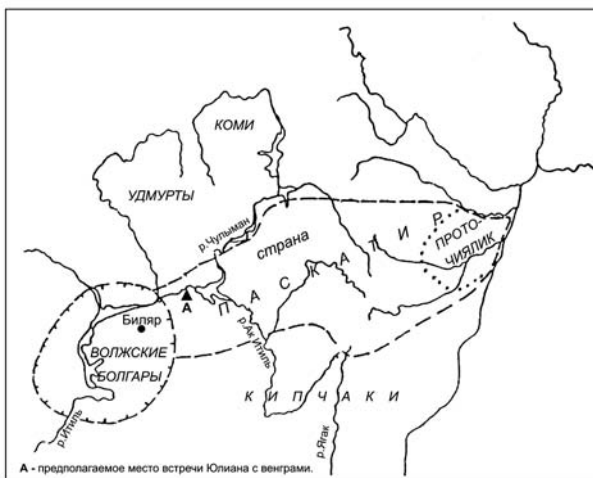
На проживание в XIII–XIV вв. в предуральских поселениях болгар и других представителей Орды указывают достаточно многочисленные находки керамической посуды ордынского времени на ряде памятников Пермского Предуралья (Рождественское, Кудымкарское и Кыласово городища). Среди гончарной посуды Рождественского городища имеется 215 фрагментов поливной керамики, с поливой буро-зеленого, зеленого и желто-зеленого цветов. Такая керамика имела распространение как в домонгольской Булгарии, так и в Булгарии золотоордынского

времени [Посуда Биляра, 1986]. На Анюшкаре найдено несколько фрагментов от сосудов типа альбарелло, изготовленных из теста красно-коричневого цвета, украшенных вертикальными канавками и покрытых поливой темно-зеленого цвета. Подобные сосуды имеют аналогии в материалах второй половины XIII–XIV в. из Ургенча, Царевского городища, Азака, Увека и других памятников Золотой Орды [Недашковский, 2000, с.105]. Весьма интересны находки фрагментов кашинной керамики из гончарной массы сероватого цвета, покрытые бирюзовой или белой поливой с росписями коричневого и бурого цвета. Такая керамика найдена на Анюшкаре, Кудымкарском городище и городище Иднакар. Аналогии таким кашинным поливным сосудам известны по находкам в городах Орды в Среднем и Нижнем Поволжье.

Интересный факт приводит И.А.Талицкая – в Черноевском могильнике на р. Иньва найдено погребение в бронзовом гробу [Талицкая, 1952, с.140]. По мнению В.А.Оборина, такие погребения характерны для татар Золотой Орды [Оборин, 1957, с.314].

О вовлеченности Предуралья в военно-политические события в Улусе Джучи во второй половине XIII–XIV в. свидетельствуют находки наконечников стрел тех типов, которые специалистами оцениваются как занесенные в Европу во время монгольского нашествия. На Рождественском и Редикарском городищах такие наконечники стрел собраны не только на площадке, но и на валу. Найдены срезни в виде широкой короткой лопаточки с упором. На городище Иднакар на валу, во рву и между валами собраны бронебойные шиловидные и долотовидные наконечники и монгольские срезни в виде узкой лопаточки. Их концентрация в этом месте городища свидетельствует о происходивших здесь боевых столкновениях [Иванова, 1995, с.18], на наш взгляд, с каким-то татарским отрядом.

Относительно небольшое количество восточных материалов ордынского времени в Предуралье свидетельствует как о значительной переориентации Булгарии на торговлю с другими территориями (в частности с Зауральем), так и о постепенном вытеснении болгарских товаров древнерусским и западно-прибалтийско-финским импортом. Булгария была сильно ослаблена в результате чумы 1346–1350-х гг., а Предуралье (Северное и

Локализация чияликских памятников
Урало-Поволжья

Пермское) было задето чумой, поразившей дважды (в 1352 и 1363 гг.) европейский северо-восток.

Однако внимание, с которым в Улусе Джучи относились к территориям по средней и верхней Каме, ослабло лишь в конце XIV столетия. И только тогда начинается активизация русского влияния на земли и народы Предуралья и постепенное проникновение в Прикамье русских поселенцев.

Угры Восточного Закамья в составе Улуса Джучи

Евгений Казаков

На всех этапах истории тюркоязычные мусульмане находились в тесных политических, экономических, культурных и др. контактах с огромным миром финно-угорских соседей [Казаков, 2006, с.629–630]. Письменные источники, которые в последние десятилетия подтверждены массовым археологическим материалом, свидетельствуют о проживании угров в Восточном Закамье.

О стране Баскарт и жителях ее – паскатирах – ценные сведения сообщают различные западноевропейские источники. Например, Г.Рубрук отмечал, что они имеют один и тот же язык с венграми, которые вышли из их страны, а также, что живут здесь пастухи, не имеющие никакого города, что свидетельствует о кочевнических традициях населения. Далее Г.Рубрук сообщает также: «То что я сказал о земле паскатира, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до

прибытия татар и с того времени жители ее были покорены соседями булгарами и сарацинами, и многие из них стали сарацинами» [Путешествия, 1957, с.74].

Открытие памятников чияликской культуры XIII–XIV вв. [Казаков, 2007, с.59–65] позволило подтвердить археологическими материалами указанные письменные сообщения. На широкой территории от Урала до Восточного Закамья выявлено более 20 чияликских селищ и свыше 30 могильников [Казаков, 1978; Гарустович, 1998]. Свое название культура получила по поселению, изученному в 1969 г. у д. Чиялик (Чиялек) Актанышского р-на Татарстана [Казаков, 1978, с.42–43]. Селища характеризуются небольшим культурным слоем.

Выявлены зимники и летники полукочевников, стационарные и переносные постройки (юрты, чумы, шалаши), подсобные (погребка, ямы) и культовые с каменной вымосткой сооружения. Летники отапливались кострищами, иногда обложенными камнями, зимники – чувалами.

На поселениях встречены орудия труда, предметы одежды, фрагменты керамики, в том числе от лепных круглодонных сосудов, украшенных гребенчато-веревочным орнаментом, большое количество костей животных. Судя по последним, в составе стада преобладал крупный рогатый скот и лошади.

Культурные истоки чияликских древностей обнаруживаются в макушинских памятниках, оставленных скотоводами Зауралья. Очевидно, они переселились в Урало-Поволжье, заняв в золотоордынский период ту же территорию, где в домонгольское время проживали угры, оставившие памятники постпетрогромской культуры.

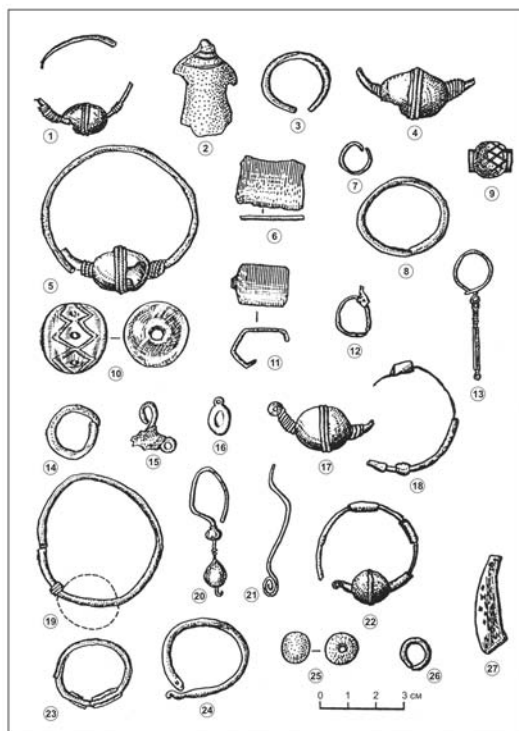
Большинство чияликских захоронений изучены в Актанышском р-не Татарстана. Здесь широко раскопаны Такталачукский, I Изметьевский, Дербешкинский могильники, на которых выявлено около 500 погребений, совершенных, как правило, по мусульманскому обряду. Умершие в неглубоких ямах (в большинстве глубиной 35–40 см), в соответствии с кыблой, лежали вытянуто, головой на запад, слегка повернутыми на правый бок, чтобы лицо было повернуто на юг, в сторону Мекки.

Особенностью погребального обряда является небольшая глубина могил, наличие гро-

бовищ и кострищ, а также наличие в ряде захоронений инвентаря в виде серебряных височных подвесок болгарского происхождения, бус, перстней, монет ханов Узбека и Джанибека, металлических деталей погребальных масок. Дети первых лет жизни, видимо, еще не прошедшие обряда посвящения в монотеистическую религию, сопровождалась лепными круглодонными сосудами с веревочно-гребенчатой орнаментацией.

В золотоордынское время в Восточном Закамье эти памятники существуют чресполосно с оседлым мусульманским населением. Возрастает количество селищ, слои которых содержат остатки материальной культуры болгаро-золотоордынского типа (круговая посуда, ювелирные изделия, оружие и т.д.). Памятники эти расположены как на левобережье Камы, так и вдоль рр. Ик и Белая (Семиостровское I, Баскульское VI, Бикбуловское, Меллятамакское I, Новохуторское I и др. селища). Здесь же обнаружены кладбища с мусульманскими надгробиями (Утяшкино, Средние Челны, Клятли). Данные материалы, как и письменные источники, четко характеризуют процессы исламизации и тюркизации поздних угров.

Одновременно здесь отмечены памятники золотоордынских кочевников. В Бавлинском р-не Республики Татарстан у с. Байрака-Тамак выявлен могильник XIV в., совершенный по языческому обряду [Казаков, 1978, с.93–95]. Однако уже в конце XIV в. языческие курганные могильники исчезают в Южном Приуралье, сменяясь мусульманским обрядом захоронения, свидетельством чего являются кирпичные или саманные мав-

Вещевой материал из чияликских погребений

золеи (кэшэнэ) XIV–XV вв. Все это свидетельствует, что население края к этому времени было практически полностью исламизировано, в значительной мере, культурно ассимилировано и, в конечном итоге, вошло в состав средневекового татарского этноса. При этом в культуре пермских татар и населения северо-восточных районов Башкортостана по этнографическим данным сохранились некоторые элементы культуры угров: пластинчатые варганы, хараусы и т.д.

§ 5. Северо-Западный и Центральный Кавказ в эпоху Золотой Орды

Александр Кадырбаев

Впервые народы Северо-Западного и Центрального Кавказа подверглись нашествию монгольских завоевателей в 1223 г., когда тумены полководцев Чингиз-хана – Субедейбагатура и Джебе-нойона осуществляли разведывательный рейд по странам, лежащим к западу от земель, подвластных их повелителю. Вернее назвать этот рейд – разведкой боем. Как и ныне, в ту эпоху Северо-Западный и Центральный Кавказ представляли собой пе-

струю картину в этнографическом плане, народы которого находились на разном уровне развития социальных отношений. Наиболее многочисленными из них были ираноязычные аланы, чьи «Аланские горы... к западу... от Каспийского моря находятся», они же асы, или асу – в китайских источниках монгольской эпохи, ясы – европейских хроник, создавшие к этому времени государственные образования в горах и предгорьях Северо-

Западного и Центрального Кавказа; горные адыго-абхазские племена, известные также как черкесы и абазины, в чьих общинах только зарождались ранние формы государственности; и тюркоязычные кыпчаки – *половцы* древнерусских летописей, обитавшие на обширных пространствах Дашт-и Кыпчака – евразийских степей от Алтая до Карпат, в т.ч. в предкавказских степях Причерноморья, примыкавших к Северо-Западному и Центральному Кавказу, находившиеся в социальном отношении в процессе создания ранней государственности.

Преодолев Главный Кавказский хребет, воины Джебе и Субедея вторглись в аланские пределы. Об этом сообщают мусульманские – арабо-персидские источники и китайская династийная история «Юань-ши», благодаря которым в предшествующих главах подробно описаны завоевание монголами аланов и кыпчаков Северо-Западного и Центрального Кавказа, союз которых им удалось разрушить приемами своей коварной дипломатии, что предредило поражение и тех, и других и подчинение их монголам, но уже в более поздние времена при правлении сына Чингиз-хана – великого монгольского хана Угедея, когда, по сведениям Рашид ад-Дина, объединенная монгольская армия Бату-хана в течение 1236–1242 гг. была послана на завоевание западных стран, среди которых упомянута Черкессия [Рашид ад-Дин, 1960, II, с. 71–72].

Известно, что часть асов, не покорившихся монголам, когда нахлынула очередная волна монгольского нашествия, закончившаяся взятием Киева, а именно три тысячи асских семей, вместе с 40 тыс. кыпчаков-половцев хана Котяна, отступили в Венгрию, где стали служить венгерским королям и получили известность как ясы, сохранявшие свой язык до XVIII в. и ныне представляющие собой этнографическую группу венгерского народа.

Но не все асы оказали сопротивление монголам, часть из них выразила покорность завоевателям, о чем свидетельствует биография аса Атачи, служившего монголам, помещенная в «Юань-ши», чей отец Кангуз (*Ханхусы* по-китайски), глава одного из государственных образований асов, во время монгольского нашествия добровольно перешел в монгольское подданство, за что великий хан Угедей оставил его владельцем сво-

их земель, наградил его почетным титулом Бадур (богатырь, герой) и пайцзой – государственным символом Монгольской империи, подтверждающей его властные полномочия. По приказу монголов Кангуз сформировал для участия в монгольских походах тысячу воинов-асов и поставил во главе их своего сына Атачи [Юань-ши, 1958, цз.132, с.27475(1523)].

Известной при дворе великих монгольских ханов была семья аса Юваши, отец которого Яньбадур (*Елибадур* по-китайски) подчинился монголам вместе с правителем асов Кангузом [там же, с.27478(1527)]. В «Юань-ши» приводятся и биографии других асов, служивших монголам и участвовавших в их завоевательных походах – внука Кангуза Байдара и правнуков Ороса и Фудина, крупных монгольских военачальников-асов Георгия (*Кюэрти* по-китайски), Шари (*Чэли*), Шилабадура, Петра (*Фудэ*) – отца Георгия, Дмитрия (*Дэмидира*) с сыном Сяншанем, Юруктама с сыном Бадуром и внуком Ногайчином, Анзорбуки (*Уцзоэрбухуа*), Матарша, Бецзеляна, Николая, Ильи, Арслана с сыном Асаньчэнем, Хурдудара с сыном Худутимуром [там же, цз.135, с.275(1557), с.27512(1560)–27513(1561); цз.132, с.27476(1524)–27477(1525); цз.123, с.27394(1442)]. Среди первого поколения асов, подчинившихся монголам, как видно из их биографий, помещенных в «Юань-ши», заметны иранские и христианские имена, что наглядно свидетельствует о распространении среди них христианства, тогда как у последующих поколений асов – монгольские и тюркские, – результат влияния монгольских и тюркских народов, прежде всего, кыпчаков, доминировавших в монгольских империях, в частности, в Золотой Орде.

О других народах Северо-Западного Кавказа в эпоху монгольского нашествия и Золотой Орды сведения разноязычных летописцев скудны и отрывочны. Интересно отметить, что китайский источник «Мэнзуршици» сообщает о гибели служившего монголам аса Асанчэня во время нападения на него племени туэргэ, которое автор этого труда историк Ту Цзи отождествляет с черкесами [Ту Цзи, 1934, цз.177]. В поздний период существования Золотой Орды о черкесах есть упоминание западноевропейского путешественника Иоганна Шильбергера: «...страна

(земля) черкесов, также на побережье Черного моря, населенная христианами, исповедующими греческую (православную. – *А.К.*) веру. Но, тем не менее, они злые люди и продают язычникам (мусульманам. – *А.К.*) своих собственных детей, которых они крадут у других. Они также занимаются разбоем и говорят на особенном языке...» [Шильтбергер, 1984, с.45]. Ал-Омари, указывая на «появление ислама» у черкесов и асов-алан, отмечает, что они «все-таки преступают правила ее (религии) во многих делах..., похищают детей их (кыпчаков. – *А.К.*) и продают их купцам», «хотя они (кыпчаки) одержали верх над ратями черкесов... и ясов» [Золотая Орда в источниках, 2003, 1, с.105]. В свою очередь, русские авторы сообщают: «Известно, что сии народы имеют жительство свое в горах Кавказских и разделены на множество владений под разными именами. Храбрость, презрение к смерти, военные подвиги и приобретение корысти силою оружия вменяют себе за честь и неподвластны никакому сильному государю, яко драгоценный дар почитают вольность, которую употребляют часто во зло, делая набеги и грабежи друг против друга и в окружных странах. Жилища их, расположенная в местах неприступных, и свойственная им храбрость защитили их от завоевания чуждыми народами...» [Броневский, 1996, с.28]. Но, тем не менее, далеко не всем племенам Северо-Западного и Центрального Кавказа удалось отстоять свою свободу от натиска монголов. По свидетельству ал-Омари: «Они (черкесы и ясы) не в силах сопротивляться султану этих стран (хану Улуса Джучи. – *А.К.*), и потому обходятся с ним как подданные его, хотя у них и есть (свои) цари. Если они обращались к нему с повиновением, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них грабительские набеги и стеснял их осадами; сколько раз он убивал их мужчин, забирал в плен их жен и детей, уводил их рабами в разные страны...» [Золотая Орда в источниках, 2003, 1, с.103].

Рубрук отмечает, наряду с тем, что «Черкисы (черкесы. – *А.К.*) и Аланы, или Аас (асы. – *А.К.*)... исповедуют христианскую веру», они «все еще борются против Татар...». Французский посол отмечает, что на его пути в ставку Бату-хана, повелителя Золотой Орды «мы ощущали сильный страх: именно... Аланы,

рабы их (Татар?), число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20–30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днем они скрываются, а когда их лошади утомляются, они подбираются ночью к табунам на пастбищах, обменивают лошадей, а одну или двух уводят с собою... Наш проводник сильно боялся такой встречи...» [Путешествия, 1993, с.96, 102]. Та же проблема возникла перед Рубруком через год, когда он возвращался на родину из подвластных монголам земель. «Удалившись... из Сарая... и направляясь к югу, мы добрались... до гор Аланов... Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха (сына Бату-хана и наследника трона Золотой Орды. – *А.К.*) двоим надлежало караулить горные ущелья. Чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, Аланы и Железными Воротами (Дербентом. – *А.К.*)... так что Татарам, жившим у подошвы гор Аланов, надлежало дать нам 20 человек, чтобы проводить нас...» [там же, с.165].

Как видно из сказанного, нападения аланов на близлежащие золотоордынские владения вынудили монголов установить особые караулы у выходов из ущелий. Эти сведения, отражающие обстановку в Алании середины XIII в., когда монгольские гарнизоны стояли в крепостях у выходов из гор, поразительно точно воспроизводятся в фольклоре потомков асов-алан – осетинском эпосе «Нарты». Оказалось, что в «Нартиаде» отложились имена правителей Золотой Орды – ханов Сайнаг-алдара (т.е. Саин-хана, «славного хана», Бату-хана, *Батыя* древнерусских летописей), Берке, брата Бату-хана, лишившего трона племянника Сартака, и темника Ногая. Согласно эпическому сказанию, враг нартов Балга-Берке сидит у выхода из горных ущелий со своими многочисленными войсками и подкарауливает нартовских юношей, делающих вылазки с целью угона стад в горы. От Берке, «засевшего в Осетии», особенно страдали аланы, когда большие массы их переправлялись через Главный Кавказский хребет и поступали на службу хану Хулагу – правителю монгольского государства в Иране, с которым Золотая Орда вела продолжительные войны. В эпосе «Нарты» отражена историческая ситуация на Северо-Западном и Цент-

ральном Кавказе эпохи монгольских завоеваний, где явственно видны антимонгольские мотивы. В этом отношении весьма показательна фигура Хъандзаргаса (Чингиз-хана) – врага нартов, насильника, похитителя девушек [Гуриев, 1981, с.104–106, 115].

Здесь также интересно свидетельство Г. де Рубрука об аланах, как искусных ремесленниках и оружейниках, садоводах, выращивающих виноград и изготавливающих вино. «И когда мы добрались до опасного перехода, то из 20 у двоих оказались латы. Я спросил, откуда они к ним попали. Они сказали, что приобрели латы от вышеупомянутых Аланов, которые умеют хорошо изготовлять их и являются отличными кузнецами... Прежде чем добраться до Железных Ворот, мы нашли один замок Аланов, принадлежащий самому Мангу-хану (Мунке – великому монгольскому хану. – *А.К.*), ибо он покорил ту землю. Там впервые нашли мы виноградные лозы и пили вино...» [Путешествия, 1993, с.165–166].

Как видно из вышеизложенного, вероятно, аланы и черкесские общины Северо-Западного Кавказа довольно автономно чувствовали себя и после монгольского нашествия. Власть Монгольской империи, а затем Улуса Джучи в их крае, видимо, не была прочной, о чем свидетельствует их образ жизни, выражавшийся в набегах на соседей, в т.ч. и на соплеменников, и активном занятии работорговлей, которую власти активно не пресекали, во всяком случае, до принятия золотоордынскими ханами ислама. Хотя народы Северо-Западного и Центрального Кавказа прославились не только на ратном поприще, набегами и работорговлей, но и как искусные ремесленники и садоводы. Согласно арабскому летописцу ал-Омари, черкесы и ясы – «жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодовых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя (т.е. водится скот), текут реки и добываются плоды...» [Золотая Орда в источниках, 2003, 1, с.103].

Таким образом, некоторые племена аланов и черкесов, обитавших в горных, труднодоступных для монгольских войск, районах остались независимыми от Джучиева Улуса. И во второй половине XIII в. золотоордынские ханы продолжали с ними воевать. Если северокавказские степи полностью находились во

власти Золотой Орды, то этого нельзя сказать даже о предгорьях Северо-Западного и Центрального Кавказа. Следует учитывать, что Северо-Западный и Центральный Кавказ со времени Бату-хана стали частью личного домена золотоордынских ханов и поэтому правители Джучиева Улуса имели особую заинтересованность в умиротворении региона. О длительности этой борьбы, не позволявшей Золотой Орде распространить свою власть в глубь предгорий, свидетельствует поход золотоордынского хана Менгу-Тимура 1277 г. на ясов (аланов), когда был взят и сожжен их главный город Дедаков. О проведении похода стало известно благодаря участию в нем древнерусских князей, отмеченному летописями. Результатом этого похода был разгром аланов и, по-видимому, других горских народов Северо-Западного Кавказа. Русские полки выступили совместно с туменами Менгу-Тимура. В результате этого 8 февраля 1277 г. Дедаков пал, а союзники – ордынцы и русские «полон и корысть велику взяша» [ПСРЛ, 5, с.199; 18, с.75]. Это было самое заметное участие русских отрядов в военных кампаниях ханов Золотой Орды. Память о нем сохранилась даже в русском песенном фольклоре, хотя конкретный маршрут похода не нашел отражения в письменных источниках и его можно отразить лишь условно [Егоров, 1985, с.194].

Ситуация постоянной войны на Северо-Западном и Центральном Кавказе обуславливалась не только постоянными набегами независимых аланских и черкесских племен из горных районов и восстаниями их соплеменников, подвластных Золотой Орде, но и тем, что этот регион был пограничным с империей ильханов Хулагуидов – монгольским государством в Иране и на Ближнем Востоке, с которым Джучиев Улус вел непрерывные войны после распада мировой Монгольской державы, напрямую затрагивающие Северо-Западный и Центральный Кавказ, хотя боевые действия велись на землях Грузии и Азербайджана. Аланы и черкесы могли стать союзниками Хулагуидов, действующими в тылу золотоордынских войск, пользуясь их уходом в Закавказье, что вызывало опасения властей Джучиева Улуса. В ходе длительной борьбы к XIV в. власть Улуса Джучи распространилась и на некоторые глубинные районы Кавказских гор. Судя по сообщениям письменных источников, более напряженная

обстановка в XIV столетии оставалась у черноморского побережья, где расселялись черкесы. Часть их, проживавшую на Кубани и на Таманском п-ове, удалось подчинить еще в XIII в. Таманский п-ов в XIII в. был частью Джучиева Улуса, однако, его пределы в это время не могли распространяться далеко на юг по побережью Северо-Западного Кавказа из-за борьбы с непокорными черкесами. Владения обитавших по кавказскому побережью Черного моря независимых, т.н. белых черкесов, простирались до окрестностей современного г. Туапсе. Восточные источники свидетельствуют, что золотоордынский хан Узбек в конце 20-х гг. XIV в. все еще вел с ними войны [Егоров, 1985, с.46]. Ал-Омари, умерший в 1349 г., сообщает, что составляющие заметную часть золотоордынских войск кыпчаки «одержали верх над ратями Черкесов,... и Ясов...» [Золотая Орда в источниках, 2003, 1, с.105].

Интересен анализ китайских политических терминов, обозначающий формы социальной организации у асов, сохранившихся в «Юань-ши». Применительно к эпохе монгольских завоеваний изучение соответствующей терминологии вызывает особый интерес ввиду формирования у народов Северо-Западного и Центрального Кавказа государственности в это время. Например, по отношению к асам в «Юань-ши» употребляется термин «Го» – государство [Юань-ши, 1958, цз.132, с.27475(1523)]. Определение термином «Го» образований асов представляется немаловажным для характеристики степени социального развития, которой достигли асы. В пользу этого свидетельствует то обстоятельство, что в китайской историографии издревле существовала четкая терминология для определения уровня развития племен и народов. По словам Рашид ад-Дина, «китайские государи не давали людям прозвищ без числа и по неосновательности. В настоящее время они имеют тот же самый обычай: их прозвища необычайно многочисленны, а степени, соответствующие каждому племени и каждой области чрезвычайно подобны и подходящи...» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.139]. Вероятно, в обществах асов и черкесов монгольской эпохи было социальное и имущественное расслоение, выделились влиятельные, пользующиеся преобладающим влиянием среди соплеменников роды и фамилии,

появились «свои цари», как информирует ал-Омари. Свидетельством уровня культурного развития аланов и черкесов является приобщение их к мировой монотеистической религии – православному христианству и наличие у них письменности. «...Алань, которые именуются... Аас, христиане по греческому образцу, имеющие греческие письмены и греческих священников», – пишет Рубрук [Путешествия, 1993, с.92]. У черкесов не было своей или заимствованной письменности, и они использовали древнееврейское письмо, если возникала такая необходимость, как сообщает итальянец Джорджио Интериано, живший в конце XV в. на Северо-Западном Кавказе, вероятно, в одной из генуэзских колоний [Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974, с.48].

Что касается степени экономического развития аланского общества, то оно было оседлым, и наблюдалась тенденция эволюции их поселений в города, о чем упоминал ал-Омари. Свидетельством зачатков городской культуры у аланов и черкесов является существование большого числа их оседлых поселений на Северо-Западном и Центральном Кавказе в XI–XII вв., жизнь большинства которых прервало монгольское нашествие, не дав им превратиться в развитые города. В золотоордынскую эпоху небольшие, но многочисленные поселения сменяются несколькими быстро развивающимися крупными городами, которые достаточно быстро становятся видными ремесленными и торговыми центрами. К их числу на Северо-Западном и Центральном Кавказе можно отнести г. Маджар, остатки которого находятся на берегах р. Кума, у современного г. Прикумск Ставропольского края. Расцвет города относится к золотоордынскому времени, хотя и не исключено, что до прихода монголов здесь существовало небольшое поселение. Развалины этого города, по свидетельству археологов, в начале XIX в. имели в диаметре 2 мили. Эта оценка площади Маджара свидетельствует не только о его обширных размерах, что позволяет утверждать о нем, как о самом большом городе Северного Кавказа в эпоху Золотой Орды. Но этим не исчерпывается его значимость, поскольку он играл видное место в политической и экономической жизни региона. Первейшее подтверждение тому – обладание правом чеканки монет, выпускавшихся здесь в XIV в.

На руинах Маджара еще в конце XVIII в. сохранялось довольно много монументальных кирпичных зданий золотоордынской эпохи, что хорошо иллюстрирует рассказ Ибн Баттуты: «Город большой, один из лучших тюркских городов». Археологические исследования выявили здесь не только остатки жилищ, но и следы различных ремесленных производств, а также сложный по устройству городской водопровод. В XIV в. Маджар представлял собой центр транзитной торговли на Северном Кавказе. С севера сюда вели два караванных пути: из Хаджи-Тархана и из Азака, – по которым доставлялись товары с Востока и Запада. В свою очередь, на базары Маджара свозились продукты экспорта со всего Северного Кавказа, заметную часть которых составляли различные металлические изделия.

Известным в то время на Северо-Западном Кавказе был г. Матрега, находившийся на Таманском п-ове, на месте современной Тамани и основанный задолго до появления монгольских завоевателей. Название этого города хорошо известно по итальянским источникам. Значение Матреги заметно возросло после основания здесь в золотоордынскую эпоху в начале XIV в. генуэзской колонии, развернувшей оживленную торговлю с местными народами. Население Матреги в основном состояло из греков и черкесов. Были итальянцы, аланы, турки, славяне. К XV в., по мере ослабления и распада Джучиева Улуса, в Матреге усиливалась власть генуэзцев, которые спешили укрепить оборонительные сооружения города из-за частых конфликтов с окружавшим черкесским населением.

С конца XIII в. в устье Кубани известен город Копа, основанный генуэзцами, специализировавшийся на торговле рыбой и икрой. Источники сообщают о ежегодно проводившейся здесь весенней ярмарке, на которую съезжались продавцы и покупатели рыбы. На черноморском и азовском побережье Северо-Западного Кавказа в XIV в. насчитывалось 39 генуэзских колоний, небольших поселков, известных по средневековым картам. Столь значительное их число свидетельствует об оживленной торговле итальянцев с местными народами. Генуэзцы предлагали местному населению хлопчатобумажные, суконные и дорогие виды тканей, соль, хлопок-сырец, ковры, пряности, клинки. Из вывозившихся с Северо-Западного Кавказа то-

варов источники называют различного приготовления рыбу, икру, кожи, меха, хлопчатую бумагу, воск, хлеб, вино, шафран, серебряную руду, фрукты и рабов [Егоров, 1985, с.122–123]. Кстати, работоторговля играла важную роль не только в экономических, но и политических взаимоотношениях Золотой Орды с Египтом – ее союзником в войнах с государством Хулагуидов, правящее военное сословие которого – мамлюки – к концу XIII в. и во все возрастающей степени в XIV в. продолжало формироваться не только из кыпчакских невольников, но и из уроженцев Северо-Западного Кавказа, рассматривавшихся мамлюкскими султанами Египта как «стратегический товар». Торговля невольниками из Северо-Западного Кавказа золотоордынскими властями оправдывалась тем, что невольники не были мусульманами.

В целом Северо-Западный и Центральный Кавказ представляли один из важных экономических регионов Золотой Орды, и масштабы его участия в международной торговле того времени наглядное тому свидетельство.

Но выходцы из Северо-Западного и Центрального Кавказа в золотоордынскую эпоху жили не только у себя на родине, о чем уже выше упоминалось. Вовлеченные в монгольские завоевания, жертвами и участниками которых они одновременно и поневоле стали, многие из них оказались в разных странах, завоеванных монголами – от Венгрии до Китая. Только в Китае в разное время в XIII–XIV вв. служили великим монгольским ханам в отборных элитных частях гвардии 10 тыс. асов, не считая членов их семей. Асы составляли там личную охрану монгольских владык [Юань-ши, 1958, цз.99, с.27188(1236)]. Асы приняли активное участие в походах монголов на Китай, где понесли тяжелые потери в боях [Путешествия, 1993, с.146]. Служили и жили асы-аланы и в Улусе Джучи, за пределами родных гор, где они упоминаются среди 62 основных племен и народов, в подавляющем большинстве монгольского и тюркского происхождения, составлявших главные военные силы и опору Золотой Орды на всем протяжении ее истории [Кляшторный, Султанов, 2000, с.202–209]. Ибн Баттута сообщает о кварталах асов и черкесов в столице Золотой Орды – Сарае. При этом он отмечает, что асы в Сарае стали мусульманами, а черкесы продолжали исповедовать христианство [Золотая

Орда в источниках, 2003, 1, с.143], хотя ал-Омари, современник Ибн Баттуты, отмечает «появление ислама в этих народах» [там же, с.105], не только у асов, но и у черкесов. Известно об аланских общинах в подвластном Улусу Джучи Крыму, в частности в г. Старый Крым – Солхате. В свою очередь, Плано Карпини сообщает об одном монгольском наместнике на Руси – алане Михее, который представлен, как «человек, преисполненный всякой злобы и коварства» [Путешествия, 1993, с.59]. Под 1358 г. известен черкес Зихабей, возвысившийся на золотоордынской службе, который являлся наместником в Тане. С 1379 по 1386 г. золотоордынским наместником в Крыму был Черкес-бек, он же Зихий Черкесий древнерусских летописей, чья резиденция была в Солхате. Он был сторонником беклярибека Мамай и в 1379 г. вынудил генуэзцев Кафы провести мобилизацию воинов в поддержку своего патрона, готовившего тогда поход на Москву. По сообщениям древнерусской летописи, Мамай в борьбе за власть в Сарае опирался на подвластные ему земли Джучиева Улуса – Крым и Северо-Западный Кавказ. «Ордынский князь Мамай... пришел со всей силой татарской и половецкой и кроме того еще и рати нанял:... черкесов и ясов» [Хотко, 2001, с.105]. Черкесы и асы-аланы принимали участие в военных походах и набегах ханов Золотой Орды, в «великой замятне», иногда по разные стороны баррикад в междоусобных войнах претендентов на сарайский престол. По данным ал-Омари, «у султана этого государства (хана Золотой Орды. – А.К.) рати Черкесов, Русских и Ясов...» [Золотая Орда в источниках, 2003, 1, с.103].

Во время войн Золотой Орды с самаркандским правителем Тимуром, которые в основном велись на подвластных ей землях, Северо-Западный Кавказ испытал нашествие его войск. Первыми подверглись нападению черкесы. Воины Тимура под командованием мирзы Мухаммад-султана, мирзы Мираншаха и эмира Джехан-шаха двинулись из Азака (Азова) на Кубань. Черкесы прибегли к тактике «выжженной земли», «сожгли луга между Азаком и Кубанью», лишив войско Тимура продовольствия, поскольку стада скота, его сопровождавшие, пали от бескормицы. Однако, несмотря на лишения и потери, воины Тимура «ограбили улус черкесский, захватили большую добычу... благополучно воз-

вратившись...». Сам Тимур «со всеми войсками повернул к горе Эльбурз (Эльбрус. – А.К.)» и «в намерении покорить неверных» напал «на Буракана, который был правителем асов». Во время похода его воины произвели вырубку леса и проложили дорогу, что позволило ему взойти на Эльбрус. «В горных укреплениях и защищенных ущельях у него много было стычек с врагами веры и во всех делах войско (его)... одержало победу, многих из тех неверных (асов. – А.К.), предав мечу..., разорили их крепости, и милостью судьбы для победоносного войска стала несметная добыча из имущества неверных. Возвратясь победоносно оттуда... с бесчисленной добычей, (Тимур) остановился в высочайшей орде...». Но на этом поход не закончился, воины под непосредственным командованием Тимура решили овладеть высокогорными крепостями, последним оплотом непокорных горцев – «обитателей Эльбурза», куда «пройти было чрезвычайно трудно, вследствие высоты их, которая была так велика, что у смотревшего мутился глаз и шапка валилась с головы... на такой вышине, что пущенная стрела не долетала...». Но самаркандский полководец успешно решил эту боевую задачу, «приказал сделать несколько высоких лестниц, привязать их одну к другой и, поставив их на первый уступ горы, взойти наверх, снова втащив, поставить на третий уступ горы, на котором находится крепость... храбрецы один за другим взобрались по лестницам. Другая группа смельчаков, наверху той горы опоясалась канатами, концы канатов прикрепили к вершине горы... и спустились до места, находившегося против крепости...» [там же, с.303–304, 359–361]. Затем оба отряда одновременно с разных высот атаковали крепость и, несмотря на тучи стрел и камней со стороны осажденных, овладели ею, устроив резню ее защитников. Следующей пала высокогорная крепость Пулад, где скрывался один из старших эмиров Золотой Орды – Утурку. Он был взят в плен и заключен Тимуром под стражу. Завершил поход Тимур в «местности Абаса», где жили абазины и абхазы. Лояльность ханам Золотой Орды и противодействие армии Тимура дорого обошлись народам Северо-Западного Кавказа, чьи земли подверглись опустошению. Но после походов Тимура на Золотую Орду, затем ушедшего в Среднюю Азию,

степная империя уже не оправилась и к концу XV в. распадается, утратив власть и над Северо-Западным и Центральным Кавказом.

Несмотря на трагизм, монгольская эпоха для Северо-Западного и Центрального Кавказа все же не была проста и однозначна. Созданная в основном в результате завоеваний, Золотая Орда при всем неприятии насилия и крови, играла и определенную цивилизующую роль для народов Кавказа. Ведь создание империй, каковой и была Золотая Орда, это попытки, хотя далеко и не совершенные, человечества к интеграции. После включения Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Улуса Джучи отмечается большая политическая стабильность на его землях, чем в предшествовавшие эпохи. К тому же отсутствию пространственных перегородок и границ в пределах этой обширной евразийской империи, существовавшей около трех веков, на протяжении жизни пяти-шести поколений, дало возможность сблизить народы, оказавшиеся под властью Золотой Орды. Культуры кавказских народов долгое время формировались и развивались в единой системе связей с цивилизациями других народов Золотой Орды, как степных – монголов, тюрков, так и оседлых – восточных славян, финно-угров, иранцев, что сближало их и приводило к объединению в единые многонациональные государства, подобные Золотой Орде. Тем более, что в истории народов Северо-Западного и Центрального Кавказа это был первый опыт многовекового общежития в составе мировой империи, причем, в отличие от последующих времен, при всех войнах с монголами и их золотоордынскими преемниками, не поставивший эти народы на грань истребления и существования, как этносов, на их исторических землях. Но этим не исчерпываются последствия золотоордынской эпохи для народов Северо-Западного и Центрального Кавказа.

Продолжительные и интенсивные исторические контакты народов Северо-Западного и Центрального Кавказа с монгольскими и тюркскими степными племенами, как в этом регионе, так и за его пределами, объективно создали условия для культурных взаимовлияний. О них можно, например, судить по данным языка потомков асов-алан – осетин, в лексике которого обнаруживается заметное количе-

ство заимствований из монгольского языка, в частности в лексике, топонимике и фамильной номенклатуре, что заставляет предполагать присутствие в Алании монголоязычного этнического элемента, который, возможно, ассимилировался в аланской среде. Рельефное отражение контакты аланов и степных завоевателей в монгольскую эпоху нашли в содержании и структуре осетинского нартовского эпоса, в частности, в заимствовании асами-аланами монгольских легенд и персонажей монгольского богатырского эпоса.

Значимы последствия золотоордынской эпохи в этнической истории Северо-Западного и Центрального Кавказа, поскольку в это время был дан импульс возникновению здесь новых этнополитических сообществ, ныне известных как карачаевцы, балкарцы и ногайцы, говорящих на кыпчакской ветви тюркских языков. Именно во времена Золотой Орды, преобладающим государственным языком которой уже к началу XIII в. стал кыпчакский, протекал и стал необратимым процесс тюркизации части горских племен Северо-Западного и Центрального Кавказа, в итоге приведший к появлению новых тюркских этносов. Довольно ярко влияние Золотой Орды прослеживается в генеалогических преданиях карачаевцев, балкарцев, ногайцев, заметная часть этнической элиты которых – их наиболее знатные фамилии – выводили свое происхождение от выходцев из Золотой Орды [Боразбиев, 2003, с.84–89]. В этногенезе карачаевского и балкарского народов, истоки которых относятся к XIV в., принимали участие местные адыго-абхазские горские народы, асы-аланы и тюркоязычные болгары, что в форме балкар отразилось в названии одного из упомянутых народов Северо-Западного Кавказа. Но преобладающее культурное влияние на этот процесс, когда часть горского населения Северо-Западного и Центрального Кавказа заговорила на тюркских языках, оказали кыпчаки-половцы, также сыгравшие определяющую роль в этногенезе степного ногайского народа. Таким образом, рождение карачаевцев, балкарцев и ногайцев – современных народов Северо-Западного и Центрального Кавказа – неразрывно связано с эпохой степной империи, заключительным аккордом существования которой стало падение Золотой Орды.

§ 6. Восточное Предкавказье в XIII–XIV вв.

Людмила Гмыря

В XIII–XIV вв. Дагестан оказался в сфере военных и политических интересов монгольских правителей – Чингиз-хана, ханов Золотой Орды, ильханов-Хулагуидов (см.: [Магомедов, 1940; Лавров, 1965; История Дагестана, 1967; Криштопа, 1974; Магомедов, Криштопа, 1978; История народов Северного Кавказа, 1988; Магомедов, 1991; Магомедов, Магомедов, 1994; Гадло, 1994; Гаджиев и др., 1996; История Дагестана, 2005 и др.]).

В середине XIII в. Монгольская империя распалась на ряд самостоятельных государств (улусов). Северный Дагестан с Дербентом отошли к Улусу Джучи [Гаджиев и др., 1996, с.301; История Дагестана, 2005, с.228–229]. Южный Дагестан (территории к югу от Дербента) попал под власть Хулагуидов [История Дагестана, 2005, с.229]. Государство ильханов-Хулагуидов (1256–1353), основанное внуком Чингиз-хана Хулагу-ханом (1258–1265), поставило в зависимость от себя страны Средней Азии, Ближнего Востока и Закавказья [Петрушевский, 1970, с.229–230; Али-Заде, 1956, с.265–310; Ашурбейли, 1983, с.157].

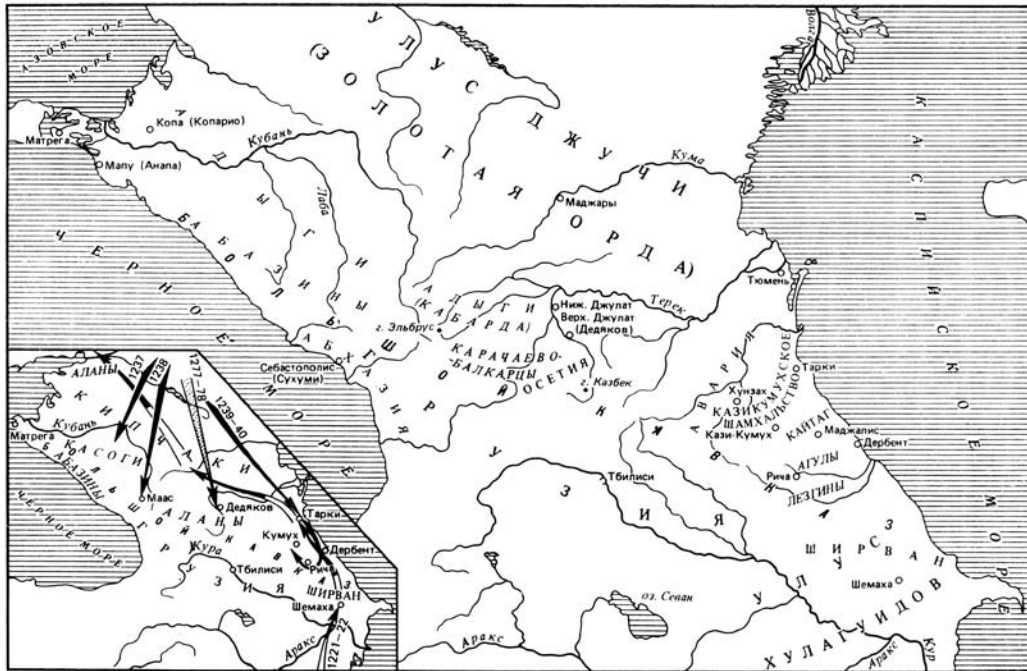
Оба улуса – Джучи и Хулагу – почти столетие (1262–1357 гг.) вели между собой ожесточенную борьбу за доминирование на Восточном Кавказе [Криштопа, 1974, с.96–118]. Первый этап этого противостояния продолжался 5 лет (1262–1267 гг.). Военные кампании велись обычно в осенне-зимние месяцы, как указывает Киракос, «...ибо летом они (воевать) не могли из-за жары и разлива рек» [Гандзакеци, 1976, с.237].

В августе 1262 г. золотоордынское войско в составе трех туменов (30 тыс. воинов) под командованием хана Ногая, пройдя через территорию Прикаспийского Дагестана с севера на юг, вторглось в Ширван и дошло до Шемахи. Поводом для этой военной акции послужило умерщвление в улусе Хулагу при различных обстоятельствах в 1261/62 г. трех золотоордынских царевичей – Балакана, Тутара и Кули, внуков Джучи и племянников Бату, командовавших у Хулагу вспомогательным корпусом. Операция не удалась, войско Ногая было разбито, с его остатками он отступил к Дербенту. Но 8 декабря под напором преследовавшей его армии Хулагу покинул город и с боями отошел к Тереку. В исследо-

ваниях отмечается, что Хулагу с войском добрался до правобережья Терека, а затем отправил вдогонку Ногаю 70-тысячную армию под командованием своего сына Абака-хана [Криштопа, 1974, с.98–99]. За Терекон это войско «уничтожило кочевья золотоордынцев» [там же]. Однако Киракос описывает ход военной акции Хулагуидов несколько иначе: «...Беркай собрал бесчисленное и несметное войско, чтобы прийти отомстить Хулагу за кровь сородичей своих. А великий Хулагу тоже собрал огромное войско и разделил его на три части: одну (рать) поручил своему сыну Абага-хану, к нему же отправил и правителя Аргуна и послал их в Хорасан на помощь Алгу с этой стороны; другую рать он собрал у Аланских ворот и, взяв с собой остальное войско, двинулся и вступил (на территорию) далеко за Дербентскими воротами, ибо туда есть лишь два пути: через аланов и через Дербент. И, разорив части Улуса Джучи, дошел до великой и бездонной реки Теркн Этиль, куда впадает множество рек и которая течет, разлившись подобно морю и впадает в Каспийское море» [Гандзакеци, 1976, с.237]. По данным Киракоса, авангард войск Хулагу под командованием Абака-хана преследовал отступающего к Тереку Ногая, двигаясь с юга на север. Другая часть войска под командованием самого Хулагу вторглась во владения Джучи на Северном Кавказе со стороны Дарьяльского прохода (Аланские ворота) и, двигаясь с запада к реке «Теркн Этиль», разорила «части улуса Джучи».

Здесь, на берегу реки «Теркн Этиль», произошло сражение между огромным по численности войском Золотой Орды, собранным накануне ханом Берке, по определению Киракоса – «мощной ратью», и силами Хулагу. Датируется это сражение февралем 1263 г. [История народов Северного Кавказа, 1988, с.204]. Киракос назвал это сражение «побоищем», описав его ужасные последствия: «Много было павших с обеих сторон, но особенно много было их со стороны Хулагу, ибо они мерзли от сильного снега и мороза, и множество людей утонуло в реке» [Гандзакеци, 1976, с.237].

Исследователи расходятся во мнении о месте проведения этой битвы. Указывается, что она состоялась «на Тереке» [Магомедов, Криштопа, 1978, с.9; История народов Се-

Расселение народов на Северном Кавказе в XIII–XIV вв. На врезке: Походы монголов в XIII в. (по [История народов Северного Кавказа, 1988, карта 6, с.190]).

верного Кавказа, 1988, с.204; Гаджиев и др., 1996, с.302] или «за Терек» [Криштопа, 1974, с.99]. С.Ш.Гаджиева полагала, что битва проходила в низовьях р. Этиль (Волги) [Гаджиева, 2000, с.57]. Л.А.Ханларян в комментариях к тексту Киракоса также указывает, что под названием реки «Теркн Этиль» у Киракоса следует понимать р. Этиль (Волгу) [Гандзакеци, 1976, прим.6 к гл.65, с.312, прим.1 к гл.55, с.307]. Описание реки «Теркн Этиль», данное Киракосом, сопоставимо с р. Волгой. В низовьях этой реки находилась столица Золотой Орды Сарай-Бату и, вероятно, именно к ней направлялся Хулагу со своим войском. Опасностью сложившегося положения можно объяснить и высокую степень мобилизации, проведенную в Золотой Орде накануне сражения – «из каждого десятка по 8 человек» [Криштопа, 1974, с.99].

Остатки войск Хулагу, преследуемые ханом Берке, через Прикаспийский Дагестан вернулись в Закавказье. От окончательного разгрома армию Хулагу спасло, как указал Киракос, мужество одного из его военачальников, сдержавшего натиск войск Берке. Войска Хулагу ушли на зимовку в Муганскую степь, однако «выставив дозор у Дербентских ворот» [Гандзакеци, 1976, с.237].

Весной 1263 г. золотоордынские войска опять вторглись через Дербент во владения Хулагуидов. Источники отмечают, что в отражении этой акции участвовали и грузинские войска. Хулагу принудил Грузию, где накануне было разгромлено антимонольское восстание, послать авангардные войска под Дербент и первыми принять удар армии хана Берке. Продвижение золотоордынских войск, видимо, было остановлено ценой огромных усилий, т.к. некоторые из отличившихся в этой операции князей были награждены «великими наградами» [История монголов по армянским источникам, 1873, с.48].

В 1265 г. золотоордынская армия под командованием хана Берке, воспользовавшись фактом смерти Хулагу, вновь вторглась через Прикаспийский Дагестан в Ширван [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.82; 1946, с.68; СМИЗО, 1884, с.121, 152, 203–205 и др.; 1941, с.92, 99, 210].

Несмотря на тяжелые потери в военной акции 1265 г., Золотой Орде удалось удержать Дербент. Сообщение Рашид ад-Дина о назначении ильханом Абакой своего брата Юшумута командующим по охране пограничных территорий на Северо-Восточном Кавказе и передаче ему во владение областей Аррана и Дербента [Рашид ад-Дин, 1946, III, с.67–68] интерпретируется в некоторых исследовани-

Сражение султана Джалал ад-Дина с грузинами. Миниатюра к книге Масуда Кухистани «История Абулхайр-хана». Мавераннахр. Середина XVI в.

ях как факт владения Дербентом ильханами. Однако назначение Юшумута состоялось до военной акции 1265 г., когда Дербент находился в пределах Золотой Орды, а факт передачи его во владение члену семьи ильханов свидетельствует о претензиях ильхана Абаки на пограничный город [История народов Северного Кавказа, 1988, с.205]. Косвенным подтверждением этому служат данные источников о строительстве Абака-ханом после событий 1265 г. на левом берегу Куры оборонительной линии (часть — сток и глубокие рвы) [СМИЗО, 1884, с.153, 510; Гандзакеци, 1976, с.238], необходимость в которой не требовалась бы при владении ильханами Дербентом.

После войны 1262–1267 гг. военная активность Золотой Орды у Дербента сменилась тактикой усиленной охраны как самого города, так и прилегающей к нему с севера территории. Был создан особый округ, включавший плоскостные территории современных Дагестана и Чечни. Охрана его границ, борьба с выступлениями местного населения осуществлялась боеспособной «сторожевой ратью» («лашкар-и караул»). Во главе округа был поставлен член ханского рода Токтай, сын казненного в 1261 г. Хулагуидами царевича Балакана. Рашид ад-Дин указал, что его называют также Тама-Токтай или Муртад-Токтай. Приставку к имени «Тама» («танма») — монгольский термин, означающий отряды, несущие гарнизонную службу) он получил, видимо, будучи командующим дербентскими укреплениями [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.103]. Другая форма его имени, включающая приставку Муртад, как считают исследователи, может свидетельствовать о его симпатиях к исламу [Криштопа, 1974, с.105]. За несение пограничной службы Тама-Токтай получил «зимовья» — пастбищные участки, находящиеся у р. Терек [Рашид да-Дин, 1960, II, с.103].

Тама-Токтай обладал широкими полномочиями, включавшими и ведение самостоятельных военных акций против государства Хулагу.

В период правления Менгу-Тимура, брата Берке-хана, обстановка на Восточном Кавказе, по данным письменных источников, оставалась беспокойной, но две враждующие силы старались не вести крупномасштабных операций. Интересы Золотой Орды в 1270-х гг. были отвлечены от Восточного Кавказа, что привело к усилению влияния в районе Дербентского прохода Хулагуидов.

В 1277/78 г. под власть Хулагуидов перешли территории Южного Дагестана («Лекзистан») и сам г. Дербент, причем произошло это мирным путем с помощью «добрых мероприятий» [Рашид ад-Дин, 1946, III, с.90]. В 1288 г. Дербент все еще находился под властью Хулагуидов, Тама-Токтай, как сообщает Рашид ад-Дин, направляясь в Ширван, захватил Дербент, ограбив местных купцов [там же, с.120]. В 1290 г. грабительский набег на Ширван был повторен Тама-Токтаем, военные действия продолжались пять недель (подробнее см.: [Криштопа, 1974, с.101–102]).

В районе Дербента правитель государства Хулагуидов Газан-хан (1295–1304), видимо, держал охранные контингенты, о чем свидетельствует сообщение Рашид ад-Дина за 1298 г. о направлении в Арран эмира Нурина «для защиты области Дербент».

Закреплению влияния Хулагуидов в районе Дербента способствовал вывод войск Тама-Токтая из Северного Дагестана в 1299 г. Тама-Токтай, как указывает Рашид ад-Дин, был отозван Токта-ханом, собравшим боль-

шие силы для войны с Ногаем [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.85], длившейся до 1300 г.

Северный Дагестан в начале XIV в. находился во власти Золотой Орды. По сообщению Рашид ад-Дина, в 1301 г. ставка хана Токты располагалась на его территории [Рашид ад-Дин, 1946, III, с.188–189].

Зимой 1301/02 г. Газан-хан провел в Ширване и Южном Дагестане т.н. «охоту» – своеобразные военные маневры, демонстрируя претензии Хулагуидов на эти территории [там же, с.189]. Заодно было разгромлено и антимонгольское сопротивление в Южном Дагестане. Рашид ад-Дин так описывает эти события: «В то время все эмиры Лекзистана, которые с давних пор, бунтуя и восставая, скрывались в этих неприступных горах, послушно и добровольно покорились и искренно обратили лицо к служению (государю) и взяли рукой за крепчайшую рукоять послушания и повиновения. Толпу воров и бродяг, которая укрылась из владения Азербайджана в те горы и предпochла грабежи и разбой на дорогах, переловили и перебили» [там же]. Предпринятые действия значительно укрепили позиции Хулагуидов как в Южном Дагестане, так и в районе Дербента.

Однако Токта-хан вскоре возобновил претензии Золотой Орды на Азербайджан. В 1302/03 г. через Прикаспийский Дагестан проследовало посольство Токта-хана, передавшее требование уступить Азербайджан и угрозу Токта-хана начать войну в случае неудовлетворения его.

Послы сообщили, что Токта-хан сосредоточил на южных границах Золотой Орды (от Крыма до Каракума и окрестностей Дербента) 10 туменов (100 тыс.) сторожевых войск [СМИЗО, 1941, с.82–83]. Газан-хан отклонил эти претензии и, обращаясь к золотоордынским послам, упрекнул их в излишней расточительности. Послы прибыли ко двору Газан-хана тремя группами на 325 почтовых лошадях, которые наняли в Дербенте. Газан-хан указал им, что «...посланнику вполне достаточно пяти нукеров; занимать же столько почтовых лошадей («улаг») от пределов Дербента, составляющего пограничную линию между нашими владениями... – значит, уклоняться от исполнения правил ясака...» [там же]. Упоминание в речи Газан-хана почтовых лошадей свидетельствует о нахождении в Дербенте в это время почтовой станции и включении ее в цепь единого государственного почтового тракта государства Хулагуидов [Криштопа, 1974,

с.108]. Эти сведения подтверждаются персоязычной надписью, обнаруженной А.В.Комаровым в Дербенте, в которой сообщается, что житель Дербента передал 10 мая 1301 г. в вахф почтовой станции (*чанар-ханэ*) источник воды и колодец [Лавров, 1966, с.114–115, надпись №276]. Термин «улаг», примененный Газан-ханом для обозначения почтовых лошадей, может свидетельствовать о бытовании в Дербенте подводной повинности населения, включающей предоставление по приказу властей требуемого числа лошадей на любой срок [Криштопа, 1974, с.108–109].

Незадолго до смерти в 1304 г. Газан-хан назвал Дербент в ряду других пограничных областей государства Хулагуидов [Рашид ад-Дин, 1946, II, с.285]; такое положение сохранялось до 1318/19 г.

В середине зимы 718 г.х. (1318/19 г.) была предпринята акция золотоордынцев против государства Хулагуидов. Конная армия хана Узбека прошла через Прикаспийский Дагестан и захватила Дербент: «Узбек... появился из пределов Саксина и Кипчака с огромным и бесчисленным войском, пустив вскачь боевых коней и обнажив сверкающие мечи; за каждым человеком следовало три коня. Прежде чем было получено известие, они как ревуший поток и яростный лев, задумав опустошение, прошли через Железные Ворота» [СМИЗО, 1941, с.86–87]. Автор этого сообщения объяснил столь легкое взятие Дербента тем, что местное население («племена лезгин») симпатизировало золотоордынцам и не дало знать о приближении их армии.

Армия хана Узбека превышала 80 тыс. человек. Пройдя до Куры и приняв ряд военных операций, закончившихся неудачей, хан Узбек поспешно отвел войска за пределы земель, подвластных ильханам. Войска Хулагуидов, возглавляемые амиром Чобаном, преследуя их, захватили Дербент [там же, с.100].

Повторный поход золотоордынцы совершили в том же 1319 г., но он также оказался неудачным. Войска Хулагуидов, преследуя их, дошли до Терека [там же, с.100–101].

В 1324/25 г. Халагуиды предприняли ответный набег на земли, подвластные Золотой Орде. Войско амира Чобана вторглось из Грузии в Центральное Предкавказье, произведя там значительные погромы. В улус Хулагу амир Чобан возвратился через Прикаспийский Дагестан и Дербент, что свидетельствует о том, что золотоордынские владения на Северо-Восточном Кавказе были утрачены в это время.

В 1335 г. огромное войско хана Узбека через Прикаспийский Дагестан вторглось в Ширван. Поход не был успешным [там же, с.93, 101, 143], но Дербент удалось закрепить за Золотой Ордой.

В 1356/57 г. 300-тысячная золотоордынская армия во главе с ханом Джанибеком перешла Терек и через Дербент вторглась в Ширван. Ей удалось захватить г. Тебриз в Северном Иране. Через Дербент и Прикаспийский Дагестан большая ее часть вернулась обратно, а еще через 2 месяца тем же путем прошел оставшийся в Закавказье 50-тысячный отряд золотоордынцев [там же, с.102–103].

На европейских картах этого времени граница владений обоих государств зафиксирована к югу от Дербента. На карте братьев Пицигани (1367 г.) к югу от Дербента изображена крепость с флагом Хулагуидов и поставлена подпись «Караул», в «Каталонском атласе» (1375 г.) также к югу от Дербента указан пункт под названием «Караул» [Егоров, 1985, с.134, 137].

После поражения Мамай в 1380 г. на Куликовом поле в источниках отсутствуют данные, свидетельствующие о наличии власти Золотой Орды на Северном Кавказе [Магомедов, Криштопа, 1978, с.15; История народов Северного Кавказа, 1988, с.213].

Однако уже в 1385 г. хан Токтамыш, захвативший власть в Золотой Орде, с 90-тысячной армией вторгся через Прикаспийский Дагестан в Ширван и укрепился там [СМИЗО, 1941, с.110, 151]. Чеканка монет Токтамыша в Баку и Дербенте [Марков, 1896, с.485, №1077–1078] свидетельствует о распространении в это время власти Золотой Орды на Ширван, Прикаспийский Дагестан и Дербент. В Дербенте чеканка джучидских дирхемов с именем Токтамыша была налажена с 1388/89 г. [Пахомов, 1956, с.49]. Большинство сохранившихся монет с именем Токтамыша происходят из кладов второй половины XIX в. Наиболее представительная коллекция монет Токтамыша, чеканенных в Дербенте, Шемахе, Шаберане, Махмудабаде, Гуштаспи в 788–791 г.х. (1386–1389 гг.), происходит из клада 1851 г., найденного в степи у с. Александровское (с. Воскресенское) совр. Днепропетровской обл. В нем находилось 7992 монеты Токтамыша [Гусев, 1995, с.92–93]. С администрацией Токтамыша сотрудничали, по свидетельству письменных источников, и некоторые феодальные образования Предгорного Дагестана [Магомедов, Криштопа, 1978, с.16; История народов Северного Кавказа, 1988, с.213].

Усиление позиций Золотой Орды на Восточном Кавказе привело к обострению отношений с государством Тимура, которое вылилось в непримиримую борьбу двух правителей.

В 1395 г. Тимур во главе огромной армии начал грандиозную военную акцию по завоеванию Северного Кавказа. Сосредоточив в низовьях р. Самур огромное войско, Тимур провёл его смотр. Выстроившаяся в линию армия растянулась от подошвы гор до берега моря [СМИЗО, 1941, с.174]. Войска Тимура, пройдя Дербент, направили свой удар на «область кайтагов» (северо-запад от Дербента) – сторонников Токтамыш-хана. По свидетельству Низам ад-Дина Шами, «из множества не спаслись (даже) немногие и из тысячи один... все те области были разграблены» [там же, с.119]. Продвинувшись далее на север к с. Тарки, Тимур, получив донесение о нахождении авангарда войска Токтамыша у р. Сулак, охранявшего переправу, направил туда свое войско. Разгромив его, Тимур, преследуя войско Токтамыша, дошел до места слияния Терека и Сунжи [История Дагестана, 2005, с.231]. 15 апреля 1395 г. между двумя армиями произошло сражение, завершившееся полным поражением Токтамыша [История народов Северного Кавказа, 1988, с.214–215; История Дагестана, 2005, с.231].

Разорив западные улусы Золотой Орды, низовья Дона, Среднюю Волгу, государства Северо-Западного и Центрального Кавказа [История народов Северного Кавказа, 1988, с.215–216], Тимур через территорию юго-восточной Чечни прошел в район р. Андийское Койсу, откуда направился на Предкавказскую равнину и, переправившись через р. Терек, остановился на зимовку в низовьях р. Кума.

Завоевательные походы в Дагестане Тимур продолжил весной 1396 г. Разорению и опустошению подверглись районы Центрального горного Дагестана (о завоеваниях Тимура в Дагестане см.: [История народов Северного Кавказа, 1988, с.214, 216–217; Гадло, 1994, с.186; Гаджиев и др., 1996, с.306–309; История Дагестана, 2005, с.232–234]). Установив здесь свою власть, Тимур вернулся в Дербент. Он приказал отстроить и укрепить крепостные сооружения города, а его охрану поручил ширваншаху Ибрахиму Дербенди (1382–1417).

В исследованиях указывается широкий спектр глубоких негативных последствий монгольских завоеваний, затронувших эко-

номическую и социальную сферы функционирования как отдельных политических образований Дагестана, так и всего края в целом [История Дагестана, 1967, с.205–207; Криштопа, 1974, с.117–118; Магомедов, Криштопа, 1978, с.16; История народов Северного Кавказа, 1988, с.188, 195, 204, 207; Гаджиева, 2000, с.56–57, 63; Гамзатов, 1982, с.8; Гадло, 1994, с.187; Гаджиев и др., 1996, с.300, 309–311; История Дагестана, 2005, с.234–235]. Местное население, оказывавшее сопротивление монгольским войскам, уничтожалось; монголы захватывали материальные ценности, скот, уводили в рабство массы людей, разрушали и уничтожали населенные пункты. Эти факты отмечаются как в письменных и эпиграфических источниках, так и в фольклоре народов Дагестана.

Особенно сильно пострадали равнинные районы Дагестана (Прикаспийский Дагестан), непосредственно входившие в сферу влияния Монгольской империи. Военные походы монголов, в которых задействовались крупные ресурсы (от 30 тыс. до 300 тыс. конницы, обозы со снаряжением, продовольствием, домочадцами, награбленным скотом, ценностями и др.), проходившие, главным образом, через Прикаспийский Дагестан, принесли непоправимые последствия экологии региона, разорили хозяйство местных жителей, привели к обезлюдиванию этих районов.

В период столетнего противостояния Золотой Орды с государством Хулагу (1262–1357 гг.) в источниках, как отмечалось, описаны 8 крупнейших военных акций, в которых была задействована территория Прикаспийского Дагестана. В 1262 г. через Прикаспийский Дагестан в Ширван проследовало 30-тысячное войско Золотой Орды, этим же маршрутом оно возвратилось назад; 70-тысячное войско Хулагуидов из Ширвана прошло к низовьям Волги, преследуя с боями золотоордынцев; этим же путем его остатки с боями возвратились в Ширван, преследуемые золотоордынцами. В 1263 г. – проход через Дербент в Южный Дагестан войск Золотой Орды; сражение с хулагуидами и грузинским авангардом у Дербента. В 1264 г. войско Золотой Орды прошло в Ширван через Прикаспийский Дагестан, этим же путем вернулось после разгрома.

В период относительного военного затишья (1266–1318 гг.) известны лишь незначительные по масштабам военные операции регионального значения (1288, 1290, 1301 гг.).

Но затем в 1318–1356 гг. были проведены еще 5 крупномасштабных военных акций. В 1318/19 г. 80-тысячное войско Золотой Орды проследовало через Прикаспийский Дагестан в Ширван и тем же путем вернулось назад; войска Хулагуидов, преследуя их, дошли до Дербента. В 1319 г. татары повторили свой поход в Ширван; войска Хулагуидов, преследуя их, дошли до Терека. В 1324/25 г. хулагуидские войска вторглись в Центральное Предкавказье и возвратились в Ширван через Прикаспийский Дагестан, разоряя населенные пункты. В 1335 г. золотоордынцы с огромным войском вторглись в Ширван и через Прикаспийский Дагестан вернулись обратно. В 1356/57 г. 300-тысячное войско татар проследовало в Ширван и Северный Иран и через Прикаспийский Дагестан вернулось на Терек. Последняя крупная акция Улуса Джучи, затронувшая Дагестан, относится к 1385 г., когда 90-тысячное войско хана Токтамыша через Прикаспийский Дагестан вторглось в Ширван, закрепившись там до 1395 г.

Все эти военные акции разворачивались на узкой приморской полосе Дагестана (ширина 3–10 км), где находились сельскохозяйственные угодья местных жителей. Часть селений на этой территории была уничтожена, жители других переселились в предгорья Дагестана. В письменных источниках в завершающий период монгольского господства в Прикаспийском Дагестане упоминается только одно селение – Тарки (пригородный район совр. г. Махачкалы), около которого разбил свой лагерь Тимур во время похода 1395 г.

Очень сильно пострадал от военных акций г. Дербент. Периодические штурмы и захваты города приводили к разрушению его оборонительных сооружений, сокращению площади заселения. Арабский географ Абу-л-Фида (ум. 1357) писал, что «...со слов некоторых путешественников, Баб ал-хадид – это городок, подобный деревням на Хазарском море... Баб ал-хадид незначительный, малонаселенный, маленький городок» (цит. по: [История Дагестана, 2005, с.235]). Сокращение городской территории в монгольский период зафиксировано и по археологическим данным [Гамзатов, 1982, с.10].

Исследователями отмечается, что горные политические образования Центрального и Северо-Западного Дагестана не были напрямую затронуты ни властью Золотой Орды, ни военным противостоянием ее с государством Хулагуидов. И хотя основные тяготы монголь-

ского нашествия легли на население Прикаспийского Дагестана, однако бесследно оно не прошло и для горского населения. Были нарушены традиционные экономические связи между горными и равнинными районами, что привело к застою в экономике региона.

В монгольский период было прервано функционирование международной сухопутной трассы через Прикаспийский Дагестан и морского транзитного пути через Дербент в низовья Волги, что также сказалось на экономическом развитии Дагестана, хотя в период относительного военного затишья правители Золотой Орды и государства Хулагуидов старались возобновить международную торговлю.

Члены ханской семьи Золотой Орды захватывали в северном Дагестане обширные пастбищные угодья, передавали их в частную собственность за несение военной службы по охране этих территорий, периодически устраивали на них ставки ханов и летовки крупных военачальников, сокращая тем самым места выпаса скота местных жителей.

В источниках нет данных об обложении населения Дагестана на подвластных Золотой Орде территориях какими-либо налогами. Однако в преданиях местных жителей сохранились факты поставки населением дани в виде девушек для гаремов [Семенов, 1891].

Население Южного Дагестана, находившееся под властью государства Хулагуидов, также страдало от военных акций монголов, оно подвергалось и карательным акциям (1301 г.). На приграничных с Золотой Ордой территориях ильханы поселяли чужестранцев (персов-мусульман), наделяя их земельными участками за несение военной службы и охрану горных проходов [История народов Северного Кавказа, 1988, с.209–210; История Дагестана, 2005, с.230]. Известны факты, когда местное население облагалось обязанностью снабжать всем необходимым войска Хулагуидов [История народов Северного Кавказа, 1988, с.210].

Дербент в период владения им Хулагуидами был включен в систему экономического развития государства. На его территории находилась также конечная почтовая станция, связанная с системой почтового тракта государства. Местное население Дербента было обложено повинностью, включавшей предоставление лошадей для нужд почтовой станции. Властями поддерживалось экономическое развитие города, поощрялась деятельность ремесленников и купцов, чеканилась

монета, имевшая хождение во многих странах [История Дагестана, 2005, с.236; Гусев, 1995, с.89–90].

В период правления хана Узбека, когда Золотая Орда достигла своего политического и экономического расцвета, укрепила свои международные торговые связи [Егоров, 1985, с.47, 56], усилилась и роль Дербента в волжско-каспийской торговле [Гусев, 1995, с.89; История Дагестана, 2005, с.236–237].

Монгольское присутствие в Дагестане оказало влияние на развитие военного и строительного дела. Горцами Дагестана были восприняты некоторые современные виды вооружения монгольских войск [Абакаров, 1974, с.256–261, рис.39]. В предгорных и горных районах Дагестана увеличились масштабы строительства оборонительных сооружений [История Дагестана, 2005, с.286–287]. В Дербенте получила распространение художественная глазурованная керамика из городов Золотой Орды [Гамзатов, 1982, с.13, 15].

Исследователи отмечают значительную роль правителей государства Хулагуидов и Золотой Орды в дальнейшей исламизации (2-й этап) населения Дагестана [История Дагестана, 2005, с.252]. Хан Берке, при правлении которого началась исламизация правящей верхушки Золотой Орды, и его последователи активно поддерживали мусульман на территории Золотой Орды, в т.ч. и в Дагестане. Купцам и торговым людям предоставлялись привилегии. Исламский фактор активно использовался золотоордынскими правителями в их борьбе с Хулагуидами. Правящая верхушка Золотой Орды поддерживала мусульманское духовенство Северного Кавказа и Поволжья, способствуя распространению ислама на этих территориях. На территориях, входивших в государство Хулагуидов при правлении Газанхана, принявшего ислам и сделавшего его государственной религией [История Дагестана, 2005, с.229], также преимущественным правом пользовались мусульмане.

Имена монгольских ханов, членов их семей, военачальников отложились в топонимике Дагестана, фиксируя местонахождение их ставок, уделов, военных лагерей, пути продвижения войск, места крупных сражений [Гаджиева, 2000, с.58–59, 61]. В фольклоре народов Дагестана запечатлелись многочисленные факты героической борьбы дагестанских народов против монгольского нашествия.

ГЛАВА 8

Внешняя политика Улуса Джучи

§ 1. Взаимоотношения с папским престолом

Александр Юрченко

В XIII в. восточная политика римских понтификов реализовывалась в крестовых походах, обратной стороной которых выступала торговая экспансия итальянских банкиров и коммерсантов, а дипломатические миссии возглавляли члены францисканского и доминиканского орденов [Pelliot, 1922–1932, 23, p.3–30; 24, p.225–235; 28, p.3–84; Sinor, 1956, p.39–62]. Иногда ситуация выглядела проще. Например, в 1271 г. дипломатическое послание папы Григория X монгольскому хану Хубилаю доставили в Китай венецианские купцы Николо и Матвей Поло [Книга Марко Поло, 1956, с.48–49]. В 1278 г. миссию из пяти францисканцев во главе с Джерардо из Прато, направленную папой Николаем III к Хубилаю, финансировали флорентийские банкиры, которые ссудили для этой цели папе 998 лир [Golubovich, 1913, p.427–429; Soranzo, 1930, p.238]. Сбор информации обычно был возложен на братьев из нищенствующих орденов; такова миссия венгерских доминиканцев 1237 г., чей маршрут включал Северный Кавказ и Поволжье [Sinor, 1952, p.589–602]. По свидетельству Винченца из Бове, братья-проповедники, имевшие обитель в Грузии, по поручению престола расследовали вопрос о статусе несторианского священника по имени Рабан-ата, который, находясь в монгольском войске, располагал важными полномочиями [de Saint-Quentin, 1965, p.70].

Переходя на язык символов, можно указать на три элемента, определявших движущие силы папской политики: меч, золото и крест. При всей условности и метафоричности такого подхода он позволяет увидеть истинные причины, повлиявшие на смещение геополитических интересов курии от Улуса Джучи к Ирану, управлявшемуся ильханами. Дело в том, что с монгольскими ханами в

равной степени можно было вступить в контакт и в Восточной Европе, и в Малой Азии. Не случайно первые папские послания, имеющие сходное содержание и датированные 5 и 13 марта 1245 г., были вручены францисканцу Иоанну де Плато Карпини, доминиканцу Асцелину и брату Лаврентию Португальскому, направленному папой в страны Ближнего Востока [Lurprian, 1981, p.141–149].

Маршрут первой миссии лежал через Польшу и Русь, а второй – через Средиземное море в Закавказье. Однако с дипломатической точки зрения конечный результат выглядел одинаковым: обе папские буллы были доставлены в Монголию, в Каракорум, где ответ готовила канцелярия великого хана. Известно, что Бату-хан в вопросах внешней политики ориентировался на решения великого хана, который, в свою очередь, учитывал волю участников курултая. Дипломатические миссии с Запада, или с Кавказа направлялись по требованию Бату в Монголию. Таким образом, для курии вопрос о географии контактов первоначально не имел решающего значения. До 1260 г. монгольский мир перед лицом Запада предстал в своем единстве. Соответственно, у нас нет оснований говорить о наличии самостоятельной дипломатической программы, предполагавшей тесные отношения между папским престолом и Улусом Джучи. Курия стремилась возложить эти контакты на русских князей – Даниила Галицкого [Большакова, 1976, с.122–129; Ледерер, 1961, с.191–192] и Александра Невского [Рошко, 1988, с.92–114]. Князьям поручалось информировать папских нунциев о монгольских планах [Матузова, Назарова, 2002, с.351–364].

Получив исчерпывающую информацию из уст францисканской миссии 1245 г., папа отказался от дальнейших шагов в этом направлении. Дипломатов сменили миссионеры. На тер-

ритории Восточной Европы курия вела лишь пассивную разведку, что контрастировало с ее дипломатической активностью в малоазиатском регионе. Советская историография в этом факте усматривала двойные стандарты папской политики, поскольку, с одной стороны, папы препятствовали сближению венгерских королей с правителями Улуса Джучи, а сами же с почетом принимали посольства ильханов [Пашуто, 1961, с. 210–211]. На самом же деле, речь шла о выборе приоритетов. В стратегическом плане ильханы Ирана были потенциальными союзниками крестоносцев, тогда как правители Улуса Джучи, начиная с Берке (1257–1266), ориентировались на союз с Египтом [Вернадский, 1927, I].

Вот один из ранних эпизодов западной политики, имевший целью заключение договора между франками и монголами. Дипломатическая миссия послов французского короля Людовика IX, встречавшихся с регентшей Туракиной в Монголии в 1248 г., закончилась, по словам Жуанвиля, безрезультатно. В 1253–1255 гг. Вильгельм де Рубрук, скрывая тот факт, что он посол Людовика IX, вел тайные переговоры с Сартаком, Бату-ханом и Великим ханом Мунке о военной помощи крестоносцам. Речь шла о союзе против египетского султана и судьбе Латинско-Иерусалимского королевства. Мы не знаем содержания переговоров и их результатов. Но, видимо, не случайно Людовик IX, несмотря на всю безнадежность положения крестоносцев, не покинул Святую землю и ждал извещения от своего посланника. Независимо от этих переговоров Хулагу в феврале 1258 г. взял Багдад и закончил завоевание Ирана. А в 1260 г. монголы в союзе с армянами и франками завладели Дамаском, Алеппо и другими городами Сирии.

Во второй половине XIII в. интересы генуэзских и венецианских торговых домов сосредоточились в Крыму и на территории Ирана, управляемого монголами. Карта расположения генуэзских колоний удивительным образом совпадает с картой францисканских миссий [После Марко Поло, 1968, с.56–59].

Распад Монгольской империи на ряд независимых улусов и военное противостояние Золотой Орды с персидскими ильханами, видимо, внесли коррективы в политику курии. С 1264 г. активность контактов между папским престолом и правителями Золотой Орды за-

Посольство папы к великому хану.
Миниатюра. Франция. После 1333 г.

метно падает, зато усиливаются связи с династией Хулагу, поскольку у них имелся общий враг – мамлюкский Египет. Переговоры между папами и ильханами о совместных военных проектах велись открыто. В этот период индийские пряности поступали в Европу через Тебриз, минуя Египет, что повлекло смещение главных караванных дорог в южные области Ирана [Петрушевский, 1937, с.112].

Тем самым обозначилась новая дипломатическая ось Генуя–Рим–Тебриз. Лионский собор 1274 г. уделил первоочередное внимание взаимоотношениям с персидскими ильханами [Borghesio, 1938, p.319–331; Roberg, 1973, S.241–302; Sinor, 1978, p.55–72].

Такова панорама событий, позволяющая объяснить, почему успешная миссия Иоанна де Плано Карпини, который был принят Бату-ханом, не имела прямого продолжения. По крайней мере, на протяжении последующих ста лет (до посольства Иоанна Мариньоли, посетившего в 1339–1340 гг. по пути в Ханбалык Золотую Орду в правление хана Узбека) официальных контактов между Авиньоном и Сараем не было. Инициатива перешла в руки генуэзских консулов. Францисканцы же продолжали на территории Золотой Орды свою миссионерскую деятельность, о чем свидетельствует письмо брата Иоганки Венгра к генералу ордена, брату Михаилу из Чезены [Аннинский, 1940, с.90–94]. Точкой отсчета для обзора темы взаимоотношений папского престола с монгольскими ханами следует выбрать события пятого крестового похода, а именно период сражений под Дамьеттой в 1219–1221 гг. Среди крестоносцев распространил-

ся слух о необычайном союзнике, который нанес сокрушительное поражение мусульманам на востоке и скоро объявится у границ Египта [Zarncke, 1879, S.1–22].

Ясно, что речь шла о военной кампании Чингиз-хана против хорезмшаха. Чингиз-хан в воображении лидеров крестоносцев рисовался потомком легендарного пресвитера Иоанна, и эту ассоциацию подкрепляли сведения о реальных успехах монголов в Иране [Куник, 1854, с.761–764]. В 1219 г. монгольские армии приблизились к восточным границам Багдадского халифата. Крестоносцы полагали, что их новый союзник в борьбе с мусульманами готов помочь в защите Гроба Господнего. Столь удивительная новость породила в сердцах крестоносцев необычайную надежду, что, однако, закончилось великим разочарованием. Для нас же важна мотивация, определявшая поступки папских легатов на Ближнем Востоке.

После покорения Дамьеты была найдена арабская книга пророчеств, которая обещала крестоносцам счастливый выход из затруднений. В «Книге Климента» предрекалось, что, когда приморский город Египта будет захвачен, одновременно с ним падут Александрия и Дамаск, и два короля, один с Запада, другой с Востока, встретятся в этот год в Иерусалиме [Ришар, 2002, с.214]. «Царь Давид», как он назван в письме легата Пелагия папе Гонорию III, уже находился в десяти днях пути от Багдада. Ожидавшимся царем с Запада был Фридрих II, чья коронация прошла в ноябре 1220 г. В 1222 г. Пасха пришлась на 3 апреля: все совпало, падение власти ислама должно было произойти в течение одного года. Одновременно епископ Акры Жак де Витри, получив от графа Раймунда из Триполи письменные сообщения разведчиков из восточного Туркестана, распространил донесение царя Давида (*Relatio de Davide rege Tartarorum Christiano*). Этот шаг был своеобразным дополнением к книге пророчеств, перевод которой инициировал Пелагий. В результате деятельности обоих прелатов в западные хроники попало следующее сообщение.

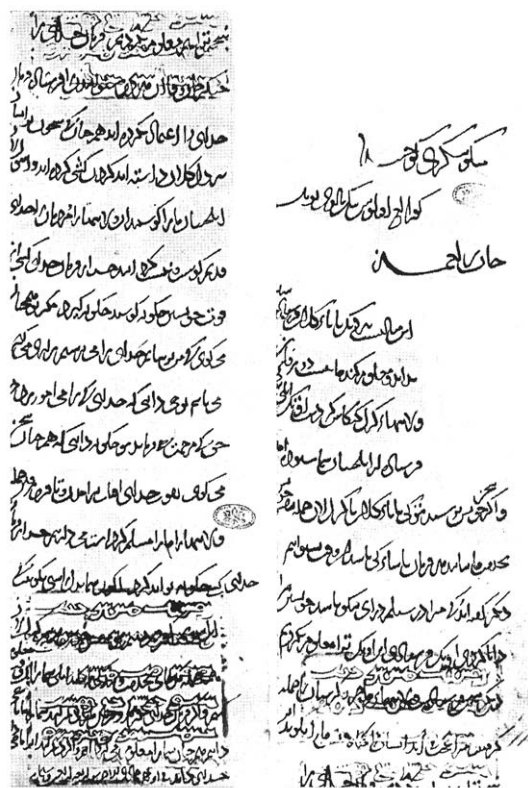
В Хронике Альберика де Труа-Фонтена под 1221 г. рассказывается о походе легендарного царя Давида, именуемого пресвитером Иоанном, чье царство расположено к востоку от Персии: «Царь Давид, или как некоторые говорят, его сын, прошел через Ко-

манию и предал избению несколько тысяч русских, а затем, говорят, что они разрушили великий город Торнакс, т.е. Орнакию, который часто посещали купцы из далеких стран» [MGH, 1874, p.911]. Город Орнакия или Орнас – это Ургенч, столица хорезмшаха [The Vinland Map, 1965, p.102–104]. Что же касается упомянутой Комании и русских, то масштабное событие отражает разведывательный поход двух монгольских туменов под руководством Субедея-багатура и Джебе-нойона, которые прошли из Ирана через Дербент в причерноморские степи и разгромили русские и половецкие полки на Калке. Вскоре папа Гонорий III получил письмо от грузинской царицы Русудан (1224 г.), отчасти прояснившее ситуацию [MGH, 1883, p.178 и сл.]. Мнимые союзники крестоносцев оказались монголами. Разведывательные миссии курии, как о том свидетельствует Винцент из Бове [de Saint-Quentin, 1965, cap.XXX, p.70], продолжали сбор информации в Закавказье, однако монголы исчезли из поля зрения папской дипломатии до событий 1240–1242 гг., когда армии Бату вторглись в Польшу, Венгрию и Далмацию. С этого момента курия начинает скрупулезный сбор сведений о грозном противнике, поскольку возникла реальная угроза самому существованию христианского мира. Напомним также, что отчет доминиканской разведки (странствие брата Юлиана в Поволжье в 1237 г. по инициативе венгерского короля Белы) был сразу же отправлен папскому легату Сальвио де Сальви [Dörtie, 1956, S.129–135]. А в 1238 г., согласно хронике Матфея Парижского, ко двору французского короля Людовика IX прибыло посольство исмаилитов с сообщением о том, «что с северных гор устремилось некое племя человеческое, чудовищное и бесчеловечное, и заняло обширные и плодородные земли Востока, опустошило Великую Венгрию и с грозными посольствами разослало устрашающие послания» [Матузова, 1979, с.135]. Упоминание Великой Венгрии, легендарной прародины древних венгров, локализуемой в Поволжье, в устах исмаилитов выглядит крайне удивительно. Скорее всего, это название попало к Матфею Парижскому из послания Юлиана, где, в частности, говорится: «Когда, в силу возложенного на меня послушания, я должен был отправиться в Великую Венгрию вместе с братьями, данными

мне в спутники, и мы, желая совершить порученное нам путешествие, достигли отдаленных пределов России, то нам удалось получить истинные свидетельства того, что все баскарты, а ведь именно так называются венгры-язычники, а также болгары и множество других царств разгромлены тартарами».

На Лионском соборе 1245 г. папа Иннокентий IV среди пяти бедствий, постигших христианский мир, в первую очередь, называет германского императора Фридриха II и угрозу со стороны монголов. Открытый внешнему миру Иннокентий IV был инициатором широкой дипломатической активности курии. Не в последнюю очередь его интересовали точные сведения, касающиеся монголов. Именно в Лионе, при дворе Иннокентия IV, западный мир впервые смог получить достоверные сведения о монголах от непосредственного участника событий, русского архиепископа Петра, «мужа честного, набожного и достойного доверия» [Матузова, 1979, с. 151]. И если в первых своих буллах папа именует монголов «посланниками Сатаны и служителями Тартара» [Regesta Pontificum Romanorum, 1874–1875, I–II, №11096], то в письме, которое вез на восток нунций апостольского престола Иоанн де ПIANO Карпини, проявлена большая дипломатическая гибкость.

Брат Иоанн, в связи с возложенной на него миссией, получил широкие полномочия папского легата. Очевидно, что дипломатическое путешествие в Центральную Азию не планировалось: папа не передал с послами ни одного подарка. Посланник должен был доехать до ближайшего монгольского войска, и для этого был выбран путь через Восточную Европу. По пути в Польше к ним присоединился брат Бенедикт Поляк. О важной роли этого участника миссии говорит в прологе своей книги брат Иоанн: «У нас было повеление Верховного Первосвященника все тщательно исследовать и рассмотреть; это делали ревностно как мы, так и брат Бенедикт Поляк, (принадлежащий к) тому же ордену, который был нам в нашей нужде спутником и переводчиком» (Иоанн де ПIANO Карпини. Книга о тартарах. Пролог) (латинский текст: [Carpine, 1989]). Донесение брата Бенедикта сохранилось в сокращенном переложении брата Ц. де Бридиа [Христианский мир, 2002]. Известен также рассказ брата Бенедикта в записи анонима – кельнского схоласта.

Письмо великого каана Гуюка папе Иннокентию. Ватикан

В данном случае нас интересует единственная тема – восприятие участниками миссии правителя Улуса Джучи как потенциального дипломатического партнера курии. В каких терминах францисканцы описывают владения Бату-хана? Для ответа на этот вопрос мы воспользуемся записью рассказа брата Бенедикта, выполненной кельнским схоластом. Итак, аноним передает: «При посредстве Конрада, герцога Польского, послы достигли Киева, города Руси, который ныне находится под тартарским владычеством. Правители этого города дали им проводников на шесть дней, до первой тартарской стражи, находящейся возле удела Комании» (Relatio fr. Benedicti Poloni. §1) [Sinica Franciscana, 1929, p.134]. Зависимость Киева от монголов обозначена термином *servitus* ‘подчиненность, подвластность, покорность’. Вместе с тем, в Киеве в июне 1247 г., по свидетельству брата Иоанна, находились итальянские купцы, прибывшие туда из Константинополя. Эти люди представляли интересы ведущих торговых домов Венеции, Генуи, Пизы

и Акры [Pelliot, 1973, p.73–74]. Не исключено, что итальянские купцы в Киеве покупали не меха, а рабов. Известна папская булла от 1 октября 1246 г., направленная патриарху Иерусалимскому, легату апостолической курии и всем архиепископам, назначенным по королевству Иерусалимскому, в которой осуждается торговля русскими рабами [Regesta Pontificum Romanorum, 1874, I, p.1039, №12283]. В булле говорится, что некоторые купцы из Пизы и Венеции, отплывая на кораблях из Константинополя, доставляли в Иерусалимское королевство множество христиан – греков, болгар, русских и владов, как мужчин, так и женщин, и выставляли их на продажу сарацинам; многие из проданных христиан содержались своими покупателями как рабы и, часто сбегаясь в церкви к прелатам, настаивали на том, что они свободны и что их обратили в рабство несправедливо (о торговле рабами, вывозившимися из Кафы в средиземноморском направлении см.: [Еманов, 1995, с.130]).

Вернемся к рассказу брата Бенедикта. Степное пространство между Днепром и Волгой, контролируемое монголами, «организовано» определенным образом, поскольку пересечь его можно, лишь перемещаясь от одной стражи (*custodis*) к другой. Мир, открывшийся взору послов, был социально упорядоченным. Отметим, что послам гарантировалась безопасность и скорость передвижения в обмен на дары. В качестве подарков использовались шкуры бобров и барсуков. «Когда начальствующие этой стражи узнали, что они являются послами папы, то запросили и получили дары. Оба упомянутых брата, Иоанн и Бенедикт, оставив там, как им было приказано, заболевшего третьего брата с лошадьми и слугами, коих они привели с собою, на лошадях, принадлежавших тартарам, вместе со своими вещами, невредимые были отвезены ко второй страже. И так намного численных стражах лошади переменались» (Relatio fr. Benedicti Poloni. §2) [Sinica Franciscana, 1929, p.135–136]. На третий день послы прибыли к предводителю войска, который начальствовал над восьмью тысячами воинов. Звали его Коренца (*Cureniza*). В русских летописях он известен как *Куремса* [ПСРЛ, 2, стб.806]. Улус Куремсы располагался в западной части владений Бату, соприкасаясь с территорией русских княжеств. Куремса расспросил послов о цели

путешествия и о роде занятий; затем он приставил к ним трех проводников, которые заботились о конях и пропитании до тех пор, пока они не прибыли в орду Бату. Служители Бату запросили дары и получили 40 шкурок бобров и 80 шкурок барсуков.

Любопытно, что земли, подвластные монголам, именуются францисканцами *Команией*, по имени прежних владельцев этой территории – команов (так в западных источниках называли кыпчаков). Команией называет владения Бату-хана и армянский историк XIII в. Киракос Гандзакечи: «Великий военачальник Батый, находившийся на севере, обосновался на жительство на берегу Каспийского моря и великой реки Атль (Итиль), равной которой не найдется на земле, ибо из-за равнинной местности она растекается, подобно морю. Там в великой и обширной долине Кипчакской и расположился он вместе с огромным, неисчислимым войском, ибо обитали они в шатрах, а когда снимались с места, шатры перевозили на повозках, впрягая в повозки множество волов и лошадей» [Гандзакечи, 1976, гл.55]. В пути от Киева до лагеря Бату-хана на р. Итиль послы провели более пяти недель. «Далее Бату, выслушав послание и взвесив слово за словом, со своим письмом через пять дней, а именно, на третий день Пасхи, отправил их вместе с вышеупомянутыми татарами, их проводниками, в родную землю тартар к сыну великого императора, а имя этого сына – Куйюк-кан». Брат Бенедикт полагает, что за две недели они пересекли Команию. По словам схоласта, на границе Комании они перешли реку, называемую Яик, за которой начиналась земля кангитов (*канглы*). По ней они ехали двадцать дней, не встречая людей. Земля кангитов была покрыта многочисленными солеными болотами и потоками, которые схоласт ошибочно принял за Меотидские болота. Монгольское присутствие в степях между Днепром и Волгой несомненно.

Что свидетельствует, на взгляд сторонних наблюдателей, о включенности этих территорий в политическое пространство Монгольской империи? Западные дипломаты отмечают два обстоятельства. Во-первых, произошла смена кочевых элит: то, что раньше принадлежало кыпчакским ханам, теперь находится в распоряжении монгольских ханов и царевичей. Кочевая орда Бату-хана совершала

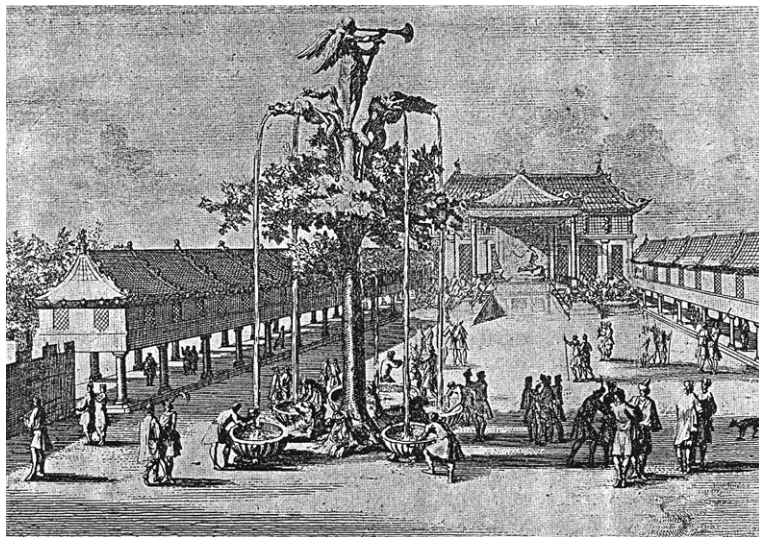
сезонные перемещения вдоль восточного берега Волги, а вдоль западного берега кочевала орда Сартака, сына Бату. Другие члены рода Джучи кочевали со своими ордами вдоль Дона и Яика. Как выразительно отметил Вильгельм де Рубрук, «они поделили между собой всю Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца; и каждый из предводителей знает, в зависимости от того, сколько людей находится под его властью, границы своих пастбищ, а также, где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север в более холодные» (Itinerarium. II. 1) [Sinica Franciscana, 1929, p.132]. Осведомленному в монгольских делах Марко Поло владения потомков Джучи представлялись так: «Первым царем западных татар был Саин; был он сильный и могущественный царь. Этот царь Саин покорил Росию, Команию, Аланию, Лак, Менгиар, Зич, Гучию и Хазарию; все эти области покорил царь Саин. А прежде, нежели он их покорил, все они принадлежали команам, но не были они дружны между собою и не составляли одного царства, а потому команы потеряли свои земли и были разогнаны по свету; а те, что остались на месте, были в рабстве у этого царя Саина» [Книга Марко Поло, 1956, с.227–228]. По мнению Дж.Э.Бойла, Сайн (sayin) в значении «хороший» – это устойчивый термин, для обозначения умерших [Бойл, 2002, с.28–30].

Второе обстоятельство, отмеченное францисканцами, условно говоря, связано со сменой «святых мест». На смену бесчисленным половецким статуям, портретно изображавшим умерших предводителей, и навечно установленным на высоких курганах, пришла единственная золотая статуя идола Чингиз-хана. Кланяться этой статуе должны были все иноземцы, прибывающие в орду к Бату-хану. По свидетельству францисканцев, идол Чингиз-хана находился на специальной повозке, и, следовательно, выступал в роли «мобильного святилища» [Юрченко, 2002а, с.245–260].

Сведения западных наблюдателей о монгольском дипломатическом церемониале могут быть использованы для описания статусной включенности «новых» подданных в имперскую иерархию. На ханских приемах иноземные правители и послы располагались далеко от центра и, как сообщают францисканцы, за

спинами сопровождающих их монголов, по той причине, что чужестранцы не входили в круг подданных великого хана. Порядок мест отражал устройство монгольского социума, а иноземные правители, чья политическая судьба еще не была решена великим ханом, и послы из дальних стран находились за пределами этого социума. Южносунский дипломат Пэн Да-я (1233 г.), сообщая о значимости того или иного места во время церемоний у монголов, обращает внимание на другую особенность: «Что касается (различия между) местами у них (по почетности), то самым почетным считается центр, за ним идет правая (сторона), а левая (сторона) считается еще ниже» [Линь Кюн-и, Мункуев, 1960, с.141]. По свидетельству брата Иоанна, чужеземные послы, еще не побывавшие в ставке великого хана, во время встречи с Бату-ханом должны были находиться в левой половине юрты, тогда как на обратном пути их всегда сажали справа (Иоанн де Плано Карпини. Книга о тартарах. IX. 17). Эта перемена была связана не только с повышением статуса послов, но и со своеобразным их приобщением к имперскому социуму. После церемонии представления монгольскому императору послы становились его «подданными», и поэтому на них распространялось его покровительство. Право занять положение «по правую руку» великого хана означало обретение конкретного места в монгольской «табели о рангах», тогда как нахождение «по левую руку» символизировало чужеродность и знаковую размытость иноземного посла (ибо мужчина находился на «женской» стороне). Для сравнения приведем сведения из независимого источника. Египетские послы, прибывшие в ставку Берке в 1263 г., войдя в ханский шатер, должны были остановиться на левой стороне, а, вручив послание, перейти на правую сторону. По предписаниям церемониала, оружие они должны были сложить на левой стороне [СМИЗО, 1884, с.62–63]. Заметим, что послы из Египта прибывали специально к Берке, именно ему было предназначено послание и подарки султана, иными словами, двор Берке был конечной точкой маршрута послов, и именно поэтому после прочтения султанского послания их заставили перейти с левой стороны шатра на правую.

Все описанные ритуалы происходили в ханской орде. Орда была политическим, административным и сакральным центром, доминантой, организующей жизненное пространство

Серебряное дерево, сооруженное мастером Вильгельмом. Гравюра к первому изданию книги В.Рубрука. 1735 г.

кочевого мира. Не случайно папские послы включили это слово в свой обиходный словарь (наряду с двумя другими терминами: титулом *кан*, толкуя его как «император»; и самой крупной войсковой единицей, обозначенной как *тумен*, тюрк. *tümen* ‘десять тысяч’). *Хан*, *орда* и *тумен* – три термина, которые сразу же обрели свое место в донесениях средневековых европейских дипломатов.

Термин *орда* (*orda*) активно используется в донесениях францисканской миссии 1245 г. В разных контекстах *орда* означает «стойбище, ставку, шатер монгольского хана или членов его семьи» (ср.: [Севортян, 1974, с.470–472]). Так, например, в донесении брата Бенедикта сказано: *Staciones can et principum ordea Tartarice appellantur* ‘стойбища кана и принцев называются по-тартарски орды’ (Ц. де Бридиа. История тартар. §38). Брат Иоанн пишет: *Vnde, cum essemus ante Ordam* (sic enim stationes imperatoris apudeos et principium appellantur) ‘когда мы находились перед Ордой (так ведь называются у них стойбища императора и принцев’ (Иоанн де Плано Карпини. Книга о тартарах. I. 5). По мнению Д.Синора, *орда*, в данном случае, означает дом – *domus* или шатер – *tentorium* [Sinor, 1970, p.546]. Очевидно, что это лишь одно из значений слова *орда*, поскольку место, где находился хан, включало жилища его жен, а также свиты и гвардии, которая несла дневную и ночную охрану ханского шатра. *Желтой Ордой* (*sira orda*) брат Иоанн именует большой двор императора. Подобным же образом характеризует «большую орду» южносунский

дипломат Пэн Да-я, говоря о шатрах императриц и стойбищах других подданных. В другом месте брат Иоанн пишет, что орда есть двор: *orda sive curia* (Иоанн де Плано Карпини. Книга о тартарах. IX. 25).

Проблема, однако, упирается в трактовку термина *stacio*, который, в зависимости от контекста, использовался францисканцами для обозначения жилища (юрты или шатра), стойбища или походного лагеря кочевников. Латинскому термину *stacio* наиболее соответствует слово «становище» (перс. *узрук*), употребляемое Рашид ад-Дином в отношении сыновей Чингиз-хана [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.257]. С помощью термина *stacio* описывается определенным образом организованное пространство, внутри которого и располагалась орда. Вместе с тем, брат Иоанн называет золотой шатер Гуюка, в котором происходила церемония коронации великого хана, *золотой ордой* (*orda aurea*). Наименование золотого шатра «золотой ордой» отражает реалии монгольского имперского быта [Serruys, 1962, p.356–378].

Орда всегда связана с фигурой хана, о чем, собственно, и сообщают францисканцы. Для того, чтобы представить себе, как выглядела орда, т.е. ставка монгольского императора или «принца», уместно привести описание ставки Бату из сочинения Вильгельма де Рубрука. «Когда я увидел двор (*curia*) Баату, то содрогнулся, потому что его собственные дома выглядели, как некий большой город, вытянутый в длину и окруженный со всех сторон людьми на целых три или четыре левки (примерно 11,5–15,5 км). И так же, как народ Израиля знал, в какую сторону от шатра должен был каждый ставить палатки, они знают, в какую сторону от двора они должны становиться, когда устанавливают дома. Поэтому они называют на своем языке двор (словом) *орда*,

что означает середину, так как (хозяин двора) всегда находится в середине, (окруженный) своими людьми, за тем исключением, что точно на юг (от шатра) никто не становится, так как в эту сторону открыты ворота двора. Но направо и налево растягиваются настолько, насколько хотят, в соответствии с требованиями местности, только бы не расположиться точно перед двором или с противоположной стороны двора» (Itinerarium. XIX. 4) [Sinica Franciscana, 1929, p.212–213]. Библейский текст, на который ссылается брат Вильгельм, – это Чис.1, 50–54; 2, 1–31. Не случайно, поэтому, употребление здесь библейской лексики – *tabernaculum* и *tentoria* (в русском синодальном переводе Библии: *скиния* и *стан*).

Первая фраза процитированного пассажи не сразу понятна; казалось бы, городом должна была выглядеть вся ставка в целом, а не только «собственные дома» Бату. Разъяснение вносится другой цитатой из сочинения брата Вильгельма: «У Баату двадцать шесть жен, у каждой из которых один большой дом, не считая других, маленьких (домов), которые ставят сзади больших; они представляют собой как бы комнаты, в которых живут рабыни; причем к каждому из этих домов могут прилетать и двести парных повозок. А когда они устанавливают дома, первая жена устанавливает свой двор первым с запада, а затем другие согласно их положению, так что последняя жена будет находиться на восточном конце, а расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться броску одного камня. Поэтому двор одного богатого моала будет выглядеть как некий большой город, и однако в нем будет чрезвычайно мало мужчин» (Itinerarium. II. 4) [Sinica Franciscana, 1929, p.173–174]. Слово *curia* у брата Вильгельма соответствует монгольскому *ordu*. Что касается ошибочного перевода братом Вильгельмом монгольского слова *orda* как «середина», то П.Пелльо предполагает, что наш автор перепутал монг. *ordu* 'palais, campement central' и тюрк. *urta* или *orta* 'середина', что, по его мнению, является дополнительным доказательством тюркского языкового окружения брата Вильгельма [Pelliot, 1973, p.106]. Круг, как кочевое поселение и как способ построения войска, кроме монголов отмечен у многих кочевников евразийских степей [Плетнева, 1964].

В словаре «Codex Cumanicus» (1303 г.) перевод *ordu* латинским словом *curia* означает, что составители словаря понимали термин *orda* как 'двор хана'. Характерно, что в персидской колонке словаря этому слову не нашлось другого эквивалента, и там стоит то же слово *ordu* [Pelliot, 1949, p.49]. Западные латинские источники XIII–XIV вв. называют *ordoy* ставку хана и военный лагерь. На итальянских картах близ *Saray Grando* 'Новый Сарай' показана *L'ordo de Saray*, т.е. 'Присарайская орда' [Чекалин, 1890, II, 2]. Венецианский дипломат и путешественник XV в. Иосафат Барбаро поясняет, что *orda* – это народ, находящийся под управлением хана – «lordò zoè ropulo» [Барбаро и Контарини, 1971, с.140, 168, прим.40]. Барбаро находит интересный образ для орды как «города на колесах»: «За исключением того, что их станы не окружены стенами, – они представляются (нам) огромнейшими и красивейшими городами»; «лишь только правитель остановился, они сразу же раскидывают базары, оставляя широкие дороги. Тут же, немедленно после того, как поставлены базары, они устраивают свои очаги, жарят и варят мясо и приготавливают свои кушанья из молока, масла, сыра. У них всегда бывает дичина, особенно же олени. В их войске есть ремесленники – ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла» [там же, с.471–472].

Материалы европейских дипломатов со всей очевидностью показывают, что Золотая Орда воспринималась как реальный участник международной политики. Язык, на котором описывались институты государственной власти Золотой Орды, демонстрирует их включенность в западный политический обиход. Христианский мир раздвинул свой культурный горизонт. Если до начала XIII в. в религиозных трактатах, изображающих вымышленный диспут между тремя адептами мировых религий, фигурировали три персонажа – христианин, мусульманин и иудей, то к концу этого столетия появился четвертый участник диалога – «татарин». Скорее всего, эта новость была связана с веротерпимостью, возведенной в ранг закона. Время апокалиптических ожиданий и мнимых слухов сменилось временем проверки взаимных интересов, сбора информации, адекватных прогнозов и утопических проектов.

§ 2. Военно-политические контакты с Византией и балканскими странами

Иштван Вашари

1.1. Первое завоевание татарами Балкан. Эпоха татарского влияния на Балканах продолжалась более 100 лет, начиная с большого татарского похода на Европу в 1242 г. до правления Джанибека (1342–1357) в Золотой Орде. Затем, вследствие политической сумятицы после смерти Бердибек-хана (1359), татарское государство утратило все свое влияние и интересы на Балканах. Этот столетний период может быть приблизительно разделен на три этапа. Первый характеризуется увеличивающейся властью Ногая, властителя самых западных территорий Улуса Джучи. Конец этого этапа отмечен смертью трех правителей региона: болгарский царь Константин Тих умер в 1277 г., хан Золотой Орды Менгу-Тимур скончался в 1280 г., а византийский император, основатель династии Палеологов, Михаил VIII умер в 1282 г. Смена власти в этих странах привела к ослаблению и распаду Болгарии и Византии, тогда как власть татарского вождя Ногая выросла до беспрецедентной высоты. За очень короткое время его сыну удалось даже утвердиться на болгарском троне. Расцвет татарского влияния на Балканах закончился со смертью Ногая (1300) и его сына Чеке (1301). Наконец, последняя фаза увядающего татарского присутствия на Балканах падает на период между 1302 г. и серединой XIV в.

Получив известие о смерти великого хана Угедея 11 декабря 1241 г., воины Бату-хана сразу же оставили разоренное Венгерское королевство и направились на свою азиатскую родину, но один контингент татарской армии под командованием Кадана продвинулся в Далмацию, преследуя короля Бела IV. После безуспешной погони за королем они ушли из Далмации в Болгарию. В то же время основные силы татар под командованием хана Бату также выступили вдоль Дуная на Болгарию [Hammer-Purgstall, 1840, S.124–126; Spuler, 1965, S.24]. Татарские армии начали опустошать Болгарию, но не встретили реального сопротивления с болгарской стороны. Может показаться, что ослабленное болгарское регентство приняло татарский сюзеренитет, уклоняясь, тем самым, от ужасного татарского разрушения, которое произошло в Венгрии из-за

сильного сопротивления короля Бела IV (хороший анализ татарского нашествия на Венгрию в 1242 г. см.: [Павлов, Атанасов, 1994]). Ценой за мир явилось подчинение Болгарии татарам в форме выплаты дани татарскому государству. В 1253 г., спустя одиннадцать лет после подчинения Болгарии татарам, Рубрук в своем знаменитом описании путешествия ясно указывает, что болгары платили им дань [Wyngaert, 1929, p.167–168, 331]).

Подчинение татарскому правлению должно было иметь формальный и довольно свободный характер. Затем восстановление Византийской империи в 1261 г. императором Михаилом VIII Палеологом создало радикально новые властные отношения на Среднем Востоке и на Балканах, которые также изменили относительное равнодушие татар к балканским государствам. Человеком, который решал татарскую политику на Балканах в последние четыре десятилетия XIII в., был золотоордынский эмир Ногай.

1.2. Эмир Ногай. Ногай был ключевой фигурой в татарской истории, т.к. являлся Чингизидом, одним из великих внуков Джучи (см.: [Веселовский, 1922, с.2–3; Pelliot, 1949, p.10–28, 52–54]). Впервые молодой оглан выделился в войне против Хулагуидов в битве на Тереке в 1255/56 г. (653 г.х.), где потерял глаз от удара копьем [СМИЗО, 1884, с.96, 121, 131, 152]. Ногай, подобно своему великому дяде Берке, принял ислам [Vásáry, 1990; СМИЗО, 1884, с.77, 99], вероятно, вскоре после обращения хана в 1250-х гг. С 1260-х гг. эмир Ногай стал абсолютным хозяином самых западных территорий Золотой Орды, простиравшихся от р. Дон до Нижнего Дуная. Хотя он не был ханом, но на упомянутых территориях вел себя как истинный самодержец, так что русские летописи часто называли его *царем* (русский перевод и эквивалент слову *хан*) и описывали как правителя, равного ханам Золотой Орды [ПСРЛ, 8, с.241]. Район Нижнего Дуная и Северной Болгарии непосредственно относился к сфере его влияния.

1.3. Татары освобождают 'Изз ад-Дина во Фракии в 1264 г. После восстановления власти Византии в Константинополе в 1261 г.

императором Михаилом VIII Палеологом начался новый период истории. До 1261 г. Египет султана Бейбарса и Латинская империя не имели прямых контактов, и обращение Берке-хана в ислам в 1250-х гг. подтолкнуло Египет к сближению с Улусом Джучи. В 1263 г. Бейбарс отправил своих послов к Берке, но они были задержаны при византийском дворе (см.: [Вернадский, 1927, с.77 и пр.; Ostrogorsky, 1940, S.328–329; Павлов, 1989]). Арест египетских послов усугублялся тем фактом, что 'Изз ад-Дин, прежний султан Иконии, содержался в качестве заложника, и египтяне также требовали его освобождения. Эти события создали основу для военной интервенции против Византии, предпринятой Берке-ханом в 1264 г. с целью освобождения 'Изз ад-Дина из плена.

'Изз ад-Дин Кайка'ус стал сельджукским правителем в 1245 г. То был смутный исторический период, спустя два года после монгольской победы при Косе Даг, когда сельджуки покорились татарам. 'Изз ад-Дин и его младший сводный брат Рукн ад-Дин Кылыч Арслан и 'Ала ад-Дин Кайкобад часто были просто орудием в политических играх монгольских повелителей, сельджукских эмиров и византийских императоров. После долгой борьбы за власть 'Изз ад-Дин, вместе с женой, сыновьями и эскортом был вынужден бежать (о жизни 'Изз ад-Дина см.: [EI, 1927, II, p.682–683; IA, 1992, VI, p.642–645; EI², 1971, III, p.846–847]). Сначала он поспешил в Анталию, откуда бежал к императору Михаилу Палеологу VIII, за некоторое время до того как тот отвоевал Константинополь у латинян 25 июля 1261 г. [Duda, 1943, p.135].

'Изз ад-Дин был сердечно принят Михаилом Палеологом, но теплые отношения между ними вскоре стали натянутыми, и султана задержали в одной крепости [Houtsma, 1902, p.296–298; Işıltan, 1943, p.55, 58–59; Flemming, 1964, S.29; СМИЗО, 1884, с.200, 203]. Затем он обратился за помощью к татарам Золотой Орды. Болгария находилась во враждебных отношениях с Византией с 1262 г., когда византийцы захватили Филиппополь (Пловдив), Станимак, Месембрию (Несебър) и Анхиалос, так что они также были настроены против Византии. Татарские и болгарские воины вскоре появились на Балканах, при этом доминирующим элементом были татарские войска [Schopeni, 1829, I, p.100; van Dieten, I, p.114].

Была зима, и татарские войска пересекли замерзший Дунай [Houtsma, 1902, p.297]. Согласно Пахимеру, татары, принимавшие участие в экспедиции, были независимыми или «автономными», и не были еще полностью подчинены Ногаю [Failler, Laurent, 1984, p.303]. Наиболее вероятно, что сам Ногай не принимал участия в данном походе, а татары не имели прямой политической цели, подобно болгарам, чья цель заключалась в пленении византийского императора. Согласно общему мнению, кампания ясно демонстрирует вассальную зависимость Болгарии от татар Золотой Орды: она должна была участвовать в татарском походе со своими вспомогательными войсками (см. напр.: [van Dieten, I, p.247, p.176]). Вопреки общепринятой точке зрения историков, это не был татарский «государственный поход», проводившийся Ногаем с помощью болгарских вспомогательных войск царя Константина Тиха против Византии [Ников, 1929, с.109–110], но, скорее, наоборот: болгары желали антивизантийского похода, и полунезависимые татарские группы дунайского региона с готовностью присоединились к экспедиции в надежде на богатую добычу. Освобождение султана 'Изз ад-Дина было лишь второстепенной целью некоторых авторитетных сил в Золотой Орде.

Мы можем уверенно заключить, что освобождение 'Изз ад-Дина имело место в 1263–1264 г., во время правления Берке-хана. Дальнейшая судьба 'Изз ад-Дина после освобождения была вне пределов византийских авторов. Но мусульманские источники дают некоторые намеки на его жизнь в татарском изгнании. 'Изз ад-Дин находился в Крыму, где Берке-хан даровал ему провинции Солхат и Сугдаю [Houtsma, 1902, p.298]. Более того, ему в жены дали одну из дочерей Берке – Урбай-хатун [СМИЗО, 1884, с.81, 103, 482, 511]. До своей смерти в 1278/1279 г. (677 г.х.) он оставался в Золотой Орде – в столичном городе Сарае.

1.4. Женитьба Ногая на византийской принцессе в 1272 г. В 1271 г. произошла новая татарская агрессия против Византии. На этот раз татары были приглашены Иоанном Сзастократором, правителем Фессалии и Андроником Тарханиотом для атаки на Византию [Ostrogorsky, 1940, S.329]. Эти события склонили императора Михаила к решению урегулировать свои отношения с новой вла-

стью в Улусе Джучи. Сначала он выдал за муж одну из своих дочерей, Марию, за ильхана Абаку [Failler, Laurent, 1984, p.234–235], затем в 1272 г. заключил мир с эмиром Ногаем, и в подтверждение брачного союза выдал за него другую свою незаконнорожденную дочь, Евфросинью [там же, p.242–243; Schopeni, 1829, I, p.149] (Никифор Григора называет дочь императора Ириной). Таким образом, лидеры обоих татарских государств (Ирана и западной части Золотой Орды) стали зятями и союзниками. Политическая цель и значение этих браков были абсолютно очевидными для современников. Благодаря мастерским маневрам императора Михаила, Византия могла опереться на дружественный круг союзников, который охватывал враждебный круг соседних с Византией сил. Так, хулагуидский Иран контролировал Иконийский султанат, Ногай и его татары твердо держали в своих руках Болгарию, Венгерское королевство следило за Сербией. С 1273 г. и далее когда-то бывший врагом Ногай стал близким союзником, который, если появлялась необходимость, помогал Византии даже против болгар. Удобный случай для интервенции вскоре представился.

1.5. Роль татар в борьбе за болгарский трон в 1277–1280 гг. В 1277 г. наступил новый период политической нестабильности в Болгарии. Весной 1277 г. вспыхнуло крупное крестьянское восстание, это движение сопровождалось борьбой за болгарский трон, продолжавшейся до 1280 г. (история этих тяжелых лет болгарской истории часто была объектом исследований, см.: [Златарски, 1940; Мутафчиев, 1943]). Самым лучшим источником, надежно описывающим события, опять является Пахимер, Никифор Григора также добавляет некоторые детали [Failler, Laurent, 1984, p.549–569, 589–591; Schopeni, 1829, I, p.130–133; van Dieten, I, p.129–131]. В сельской местности появился сильный претендент на трон в лице неграмотного свинопаса по имени Ивайло (см.: [Златарски, 1940, с.544 и сл.; Failler, Laurent, 1984, p.549; Schopeni, 1829, I, p.131; van Dieten, I, p.130]). Центр восстания, должно быть, находился где-то на северо-востоке Болгарии, возле района, позднее известного под названием Обруджа. Войска Ивайло одерживали одну победу за другой, и к осени 1277 г. грозные и непобедимые татары были вынуждены оставить Болгарию и отступить на

левый берег Дуная, на свою родину. Ивайло подошел к столице Тырново, затем в открытом бою армия царя Константина была разбита, сам он был убит от руки Ивайло [Failler, Laurent, 1984, p.551–553]. К началу 1278 г. мятежники были уже возле Тырново, столицы без правителя. В этот момент император Византии Михаил решительно вмешался в болгарские дела. Сначала он отдал одну из своих дочерей Ирину в жены Ивану, сыну Мицо, болгарскому беженцу знатного происхождения, бывшему на византийской службе. Иван был внуком Ивана Асена II, так что имел законное право на болгарский трон. Вскоре после свадьбы этот Иван, сын Мицо, был объявлен болгарским царем под именем Ивана Асена III. Дав присягу в верности императору Михаилу VIII, он отправился в Тырново с византийскими войсками, чтобы отстоять имперские права на Болгарию.

Весной 1278 г. царица Мария подчинилась и открыла ворота Тырново претенденту на трон Ивайло при условии, что он признает ее сына Михаила законным наследником трона. Затем Ивайло немедленно женился на ней и был коронован царем. В этот момент византийский император обратился к своему зятю – эмиру Ногаю, который отправил свои татарские войска на Болгарию. Появление татарских войск в Добрудже изменило течение событий. С осени 1278 г. повстанцам Ивайло пришлось сражаться на два фронта, сам Ивайло направился в крепость Дростор (совр. Силистра), которая 3 месяца осаждалась татарами. Весной 1279 г., когда объединенные византийские и татарские силы осаждали Тырново, болгарские бояре поняли, что их положение безнадежно. Они составили заговор, схватили царицу Марию и ее сына Михаила и передали византийцам, которые отправили их в Константинополь. Иван Асен III сел на трон, а Ивайло не смог вернуться в Тырново.

Татарские войска способствовали покорению Тырново. Если бы татарская армия не отвлекла внимание Ивайло на севере, византийские войска не смогли бы продвинуться от северных крепостей горы Гаймос к северочерноморскому району, откуда им удалось предпринять заключительную победную атаку против повстанцев. Император Михаил VIII вполне признавал татар, наградив татарского командующего Чавушбаши (Τζασουλτάξις) почет-

ным титулом протостратор (см.: [Moravcsik, 1958, II, p.310; Zachariadou, 1978, p.265–266]).

Но болгарские бояре, так же как они не желали Ивайло на болгарском троне, с подозрением относились к новому царю, византийской марионетке – Ивану Асену III. Никто из них не был подходящим для них человеком. Наоборот, наиболее популярной фигурой в Тырново был Георгий Тертер, боярин, равный им по положению (который годом позже, в 1280 г., был избран новым царем). Семья Тертера также была кыпчакского (куманского) происхождения, как и семья Асенидов, более того, Тертериды имели общую родословную с Асенидами по материнской линии (о Георгии Тертере см.: [Златарски, 1940, с.570–575]). Византийский император знал, что Иван Асен III не имел поддержки среди болгарской аристократии, так что хотел обеспечить их поддержку связью Тертера с новым царем и Византией. По договору Тертер развелся со своей болгарской женой, которая вместе с их сыном Светославом (позднее правитель Теодор Светослав: 1300–1321) была объявлена вне закона. Сам он женился на сестре Ивана Асена III и получил титул деспота. Платой за введение Тертера во власть было то, что болгары и византийцы утратили поддержку Чавушбаши, который был изгнан с этого высокого поста Георгием Тертером. Оскорбленный татарский командующий перешел на сторону Ивайло. Но Тертер никогда не отказывался от идеи стать царем, и с помощью бояр составил заговор. Иван Асен III лишился поддержки знати и через несколько месяцев пребывания на болгарском троне секретно оставил Тырново и направился через Месембрию в Константинополь. Все это произошло к концу 1279 г. В следующем 1280 г. Георгий Тертер был избран болгарским царем.

Затем Ивайло, вместе со своим новым союзником – татарским командиром Чавушбаши, решил попросить убежища у татарского эмира Ногая. Ногай сердечно принял их и обещал помощь. Но известия о пребывании Ивайло при дворе Ногая вызвали беспокойство в Византии, и император Михаил отправил своего зятя, экс-царя Ивана Асена III, к Ногаю, другому своему зятю, для обеспечения поддержки с его стороны в возвращении болгарского трона. Возникла очень затруднительная ситуация: два болгарских претендента на трон одновременно боролись за распо-

ложение татарского правителя, который соизволил принять подарки и свидетельства о почтении от обоих. Пахимер едко замечает, что «в действительности это была миссия для обоих из них, направленная против Тертера» [Failler, Laurent, 1984, p.591]. Один этот эпизод может проиллюстрировать политическое и военное значение татар Ногая того времени в политике Балкан. Наконец, Ногай принял решение (весьма вероятно, по подстрекательству императора Михаила VIII). Он созвал пир с участием всех «актеров»: Ивайло, Чавушбаши и Ивана Асена III. В определенный момент во время банкета он приказал убить Ивайло и Чавушбаши [там же]. Слуги Ногая, не колеблясь, исполнили приказ своего хозяина. Жизнь Ивана Асена III была сохранена, главным образом, благодаря вмешательству греческой жены Ногая – Евфросиньи.

После восшествия на трон Георгия Тертера и смерти Ивайло закончились и крестьянское восстание, и борьба за трон. Ногай и его татары присутствовали на всех основных стадиях борьбы, а их усилия оказались решающими только из-за того, что они были приглашены для решения спорных вопросов военными средствами самими воюющими сторонами. Хотя татары не были главными актерами болгаро-византийских сражений, по существу без их активного участия события могли принять иное направление.

2.1. Георгий Тертер (1280–1292) и Ногай. До 1280-х гг. традиционные балканские земли, т.е. территории к югу от Дуная, безусловно, принадлежали к сфере интересов Византии. Даже татары Золотой Орды не сомневались в авторитете Византии в балканских делах. Правитель западной части Ак-Орды Ногай также был связан с Новым Римом путем крепких брачных уз. Но смерть могущественного хана Менгу-Тимура (1280) и его тестя императора Михаила VIII (1282) открыли новые горизонты для дремлющих надежд Ногая на еще большую власть. В Улусе Джучи он стал влиятельнейшим лидером, возводившим претендентов на трон. Все трое следовавших друг за другом ханов – Туда-Менгу (1280–1287), Тула-Буга (1287–1291) и Токта (1291–1312) – своим восхождением на престол были обязаны эффективной помощи и могуществу Ногая. Его внимание вскоре обратилось на Болгарию, где он хотел играть такую же роль.

Монеты Ногая. Исакчи. Конец XIII в.

С момента восхождения на трон Тертер начал вести себя так, как если бы он был действительно независимым правителем, и за был о том, что надо считаться с политическими реалиями. Но стремление Тертера к большей независимости вскоре было сорвано Ногаем. В 1285 г. татары начали поход против Венгрии и, по слухам, хотели также вторгнуться во Фракию и Македонию. Однако, к счастью, планировавшийся татарами поход на Балканы в 1285 г. в действительности был отменен, вместо этого, татары направились против Польши и в 1286–1287 гг. опустошили Краков и Львов [Spuler, 1965, S.66–67]. В 1285 г. Тертер был вынужден отправить своего сына Светослава в качестве заложника ко двору Ногая, а свою дочь (имя неизвестно, сестру или сводную сестру Светослава) выдать замуж за Чеке, старшего сына Ногая. Но даже этот акт очевидного подчинения не мог удовлетворить аппетиты Ногая. Не только Тырновское царство после 1285 г. попало под сильную татарскую опеку, но также два болгарских деспотата – Видин и Браничево.

2.2. Улус Ногая становится независимым. В 1292 г. Тертер бежал от военной угрозы со стороны Ногая в Византию и скрылся возле Адрианополя. Но византийский император не рискнул предоставить ему политическое убежище [Bekker, 1835, II, p.264]. Смилец, следующий правитель, происходил из одной из благороднейших болгарских боярских семей и правил шесть лет на болгарском троне (1292–1298) в качестве послушной марионетки Ногая. После его смерти в 1298 г. в болгарской истории наступил долгий период хаоса.

Таким образом, в 1280-х гг. влияние Ногая и его старшего сына Чеке в районе Нижнего Дуная начало быстро расти. Этот факт получил много доказательств в последние десятилетия посредством ценных археологических (в основном нумизматических) находок

в Добрудже. В Исакчи (Isaccea) (округ Тулча в Румынии) и его окрестностях обнаружены монеты с греческими надписями. Монеты на своих аверсах имеют тамгу рода Ногая, а на реверсах изображены разнообразные греческие символы и легенды. Более того, на одной серебряной монете греческими буквами представлено совместное упоминание имен Ногая и Чеке. Эти нумизматические находки, очевидно, отражают тот факт, что в Добрудже существовал греческий деспотат с центром в Исакчи (по-татарски *Сакчы*), а с 1280-х гг. и далее этот деспотат признавал сюзеренитет Ногая и его сына Чеке [Oberländer-Târnoveanu, 1987, p.246–249]. Что касается датировки интересующих нас монет, то Оберлендер-Тырновеану сначала предположил 1285–1295 гг., но затем предпочел более раннюю дату – 1271–1285 [Oberländer-Târnoveanu, 1993, p.294, n.18].

За последние 20 лет выявились новые клады с различными монетами с арабскими надписями как в самой Исакчи, так и возле нее. Все эти находки свидетельствуют о существовании значительного монетного двора в городе Сакчы [там же, p.296–298]. Эти серебряные и медные монеты были биты с арабскими надписями, содержащими имена Ногая и Чеке, тамгу Ногаидов, а местом чекана всегда указан Сакчы. Эти клады имеют уникальное значение, т.к. проливают новый свет на историческую роль Ногая и его сыновей. Татарская чеканка монет началась в Сакчы в 1286 г. и продолжалась до 1351 г. Монеты Ногая и Чеке были биты в период между 1296 и 1301 гг. В свете этих находок мы должны по-новому интерпретировать исторические события последнего десятилетия XIII в. Ногай действительно основал новое ханство, мы можем назвать его ханством Ногаидов. Как Чингизид он имел для этого вполне законное оправдание, как хан он не мог считаться «не-

законным», самое большое – только «незаконнорожденным». Дальнейшая неустанная борьба между Ногаем и Токтой, законным ханом Золотой Орды (1291–1312) может быть объяснена сепаратистской политикой Ногая, которая привела в 1290-х гг. к созданию независимого улуса с центром в Сакчы. То есть в исламе чеканка монеты с именем правителя является явным знаком независимости. Официальным титулом Ногая, как отражено на монетах, был титул *хан*, тогда как его сын Чеке назван *султаном*; но при жизни своего отца, вероятно, уже в 698 г.х. (1298–1299 г.) он также принял титул *хан*. Оценивая указанные факты, все больше и больше становится ясно, почему Токта так резко реагировал на сепаратистское движение Ногая, которое закончилось со смертью Ногая на поле боя при Кугенлике, возле р. Буг в конце 1299 г. (см.: [СМИЗО, 1884, с.90–91, 113–114]). Византийский император хотел поддерживать дружественный, союзный статус с татарами и в постногоайский период. Вероятно, при жизни Ногая или сразу же после его смерти Андроник II предложил свою внебрачную дочь Марию в жены Токте, который принял это предложение. После завершения гражданской войны, когда все татарские кланы покорились хану, византийская императорская невеста была послана к Токте, и брак был заключен [Bekker, 1835, II, p.268]. Таким образом, византийско-татарский союз был сохранен и после исчезновения Ногая с исторической сцены.

2.3. Начало правления Чеке. После смерти татарского протезе Смилеца в ноябре 1298 г. средневековая Болгария на несколько лет столкнулась с новым периодом всеобщего политического хаоса. Наконец, внутренний хаос и смерть Ногая в начале 1300 г. заставили его сына Чеке лично включиться в балканскую политику. После смерти Ногая среди его сыновей началась ожесточенная борьба за наследство, окончательным результатом которой явилось их полное поражение за полтора года. После смерти отца в ужасной битве при Кугенлике Чеке вступил во владение всеми его территориями и оставил своего младшего брата Теке без наследства. Таким образом, Теке был обижен и попытался перейти к Токте, однако Чеке вскоре убил своего брата, но братоубийство отвратило от него даже его сторонников [СМИЗО, 1884, с.91–92, 115–

Монета Чеке. Исакчи

116]. Вскоре возникло восстание против Чеке под командованием двух эмиров: одним из них был Таз, сын Мунджука, муж дочери Ногая Тугулджи, другим был Тонгуз, сын Качана, который был назначен Чеке регентом во время своего прихода во власть (о Тонгузе см. [Rásonyi, 1969, p.133]). Сначала Чеке с небольшим отрядом в 150 воинов убежал в страну ясов (*асов* у Бейбарса). Эти ясы являлись преданными союзниками Ногая, они жили на Нижнем Дунае, на территории позднейшей Молдавии [Brătianu, 1929, p.43]. Ясы, представлявшие военную силу в 10 тыс. человек, присоединились к Чеке и вернулись в Приднестровье, где нанесли поражение войскам, руководимым Тазом и Тонгузом. Те были вынуждены вернуться к Токта-хану, пославшему к ним своего брата Бюрлюка с дополнительными войсками. При этих обстоятельствах Чеке посчитал нужным уйти в Болгарию (в арабском тексте слово *Ulaq* здесь обозначает Болгарию: [СМИЗО, 1884, с.93, 117, 139, 161, 370, 384]).

2.4. Чеке и Теодор Светослав в Болгарии. Чеке, должно быть, прибыл в Болгарию весной 1300 г. [Oberländer-Târnoveanu, 1987, p.256–257]. Здесь на сцене опять появляется Теодор Светослав, который являлся сыном Тертера I от болгарки [Bekker, 1835, II, p.265]. Сначала он был заложником у византийцев, затем его отец Тертер был вынужден послать его ко двору Ногая также в качестве заложника. Судьба Светослава ужесточилась, когда его отец Тертер также убежал в Византию, а Смилец в 1292 г. захватил болгарский трон. Но после смерти Смилеца в 1298 г. его положение не улучшилось; только брак его сестры с Чеке гарантировал ему политическое выживание. Теперь, весной 1300 г., Чеке прибыл в Тырново вместе со своей женой и зятем Теодором Светославом. Таким образом, это было совместное рискованное предприятие, из ко-

того извлекли выгоду все партии: Светослав, как сын прежнего правителя Георгия Тертера I, использовал свой авторитет среди болгарских бояр, тогда как Чеке обеспечил ему военную поддержку. Но Пахимер не оставляет никакого сомнения в том, кто из них кого превосходил [там же]. Светослав еще не был правителем Болгарии, а только регентом своего зятя Чеке. Как известно из факта недавно найденных монет, Чеке принял титул *хан* уже в 1296–1297 гг., при жизни своего отца, так что теперь, когда он двигался на Тырново, очевидно, считал себя законным правителем Болгарии. То есть с конца 1298 г. (смерть Смилеца) в Болгарии не было законного правителя. Брачная связь с дочерью Георгия Тертера в равной степени могла способствовать поддержке его болгарскими боярами и легитимации его власти. Но, по-видимому, Светослав не забыл, что он был сыном прежнего болгарского царя Георгия Тертера I. При первой возможности, поддержанный Токтой, ханом Золотой Орды, он схватил Чеке и заключил его в тюрьму в Тырново. Позднее с согласия Токты Чеке был там задушен [там же].

Так, к весне–лету 1301 г. Теодор Светослав стал болгарским царем. В его лице кумано-болгарская олигархия восстановила свою власть в Болгарии, и на двадцать лет на беспокойную землю Болгарии пришли относительно мир и консолидация. Взлет и быстрое падение Ногая и его сына Чеке означали конец сепаратистского движения Ногаидов. Балканские земли, особенно Болгария, хотя и граничили с территорией Улуса Джучи на Нижнем Дунае, были освобождены от прямой татарской угрозы. Центр притяжения татарской силы пал на долю Поволжского региона, а территории, простиравшиеся к западу от Буга, постепенно вышли из-под их непосредственного контроля.

2.5. Окончательное падение последних Ногаидов. После убийства Чеке Ногаидское ханство распалось. В Болгарии Теодор Светослав полностью восстановил власть Тертеридов, в то время как улус Чеке был отдан в регентство брата Токты – Сарай-Буге. Два сына Токты-хана – Тюгел-Буга и Ильбасар также были посланы в прежнюю страну Ногая. Тюгел-Буга стал правителем Сакчы и региона между Дунаем и Железными воротами, а Ильбасара послали на р. Яик (Урал) [СМИЗО, 1884, с.117, 161].

Но Токта не мог быть в безопасности пока Турай, третий отпрыск Ногая, был еще жив. Турай действительно хотел отомстить за смерть своего брата. Он втерся в доверие к новому регенту Сарай-Буге и систематически подстрекал его добиваться ханской власти против своего брата Токты. Но заговор Сарай-Буги и Турая вскоре был раскрыт Бюрлюком (братом Токты и Сарай-Буги), затем Токта подавил их мятеж и убил обоих зачинщиков. Регентство Сарай-Буги было отдано сыну Токты Ильбасару [там же, с.118, с.161].

Но драма Ногая и его сыновей еще не совсем завершилась. Хотя все три сына Ногая умерли, сын Чеке (внук Ногая) по имени Кара-Кесек был еще жив. Вместе с двумя своими родственниками Черик-Темиром и Йол-Кутлу он убежал на юг. Токта отправил своего брата Бюрлюка в погоню, чтобы захватить их. Кара-Кесек со своим отрядом бросился в страну Шишмана, в место под названием *Бдл* возле *Крк*, вместе с 3 тыс. всадников. Шишман поселил их в своей стране, где они все еще жили во время историографа Бейбарса (ум. ок. 1325) [там же, с.119, 162]. Страна Шишмана, вероятно, относится к Видину и его окрестностям, который являлся полунезависимым болгарским деспотом в 1301–1302 гг., когда Кара-Кесек появился в этой стране. Таким образом, названия *Бдл* и *Крк* могут быть исправлены на *Бдн* и *Крл* и прочитаны как Бдин (или Бодун) и Керел. Первое название, очевидно, воспроизводит слово Видин, последнее является арабо-персидским названием венгерских и польских королей в монгольский период, следовательно, соответствующих стран (венгерское *király* и польское *król*, т.е. в обоих случаях «король») (ср.: [Pelliot, 1949, p.116 и сл.; Ligeti, 1964]).

3.1. Татары в битве при Браничево в 1283/84 г. Сербский Драгутин был вынужден отдать трон своему младшему брату Милутину в 1282 г. [Hafner, 1976, S.73, 75], но Драгутин не ушел с политической сцены и приложил особые усилия для расширения своей власти в северном направлении – до буферной зоны, простиравшейся к югу от Венгерского королевства, между сферами интересов Венгрии и Византии. Эта обширная территория, лежащая к югу от Дуная, включала различные территориально-административные провинции, называвшиеся банатами (*bánság* по-венгерски, т.е. территория *bán*), организованные в XIII в.

в полунезависимые провинции венгерских королей. Этими провинциями были Усора – между рр. Сава, Врбас и Дрина; Соли – район вокруг современной Тузлы и Мачва – территория между рр. Сава, Дрина и Колубара. После 1284 г. Усора, Соли и Мачва стали собственностью Драгутина, который путем приобретения этих трех провинций стал хозяином обширной территории. Теперь его заветной целью было создание «северного» Сербского государства посредством объединения провинций к югу от Дуная, таким образом, стать противовесом «южному» государству брата Милутина. К востоку от р. Моравия имелись две территории, названные по имени их центральных городов – Браничево и Кучево.

С 1272 г. и далее Браничево стал венгерским банатом, но скоро его правители – братья Дорман и Куделин – сделали независимыми [Даничић, 1866, с.115]. Отделение двух олигархов в Браничево, должно быть, раздражало венгерского короля Ладислава IV, тогда как Драгутин обратил внимание на непокорную зависимость венгерского короля. Таким образом, венгры и сербы имели общий интерес в подавлении восставших братьев из Браничево. Эти Дорман и Куделин являлись то ли куманскими воинами на болгарской службе, то ли болгарскими боярами куманского происхождения, которые частично или полностью оболгарились.

Когда Драгутин начал атаку на братьев из Браничево, Дорман и Куделин обратились за помощью к куманам и татарам и наняли их в качестве вспомогательных войск. В тяжелом положении Драгутин обратился к своему брату королю Милутину и с его помощью смог одержать победу над Дорманом и Куделином [там же, с.115–116].

3.2. Татары Шишмана против сербов в Видине в 1290–1300 гг. Подобно Браничеву Видин также стал мишенью сербской экспансионистской политики на востоке. В конце XIII в. Видин являлся полунезависимым болгарским княжеством под политическим контролем татар. В 1280 г., когда болгарские бояре возвели Тертера на трон, другой куманский боярин Шишман сделался суверенном западного болгарского княжества Видин [там же, с.117] (об истории княжества Видин см.: [Ников, 1922]). Шишман вместе со своими татарскими и другими войсками вторгся в Сербию Милутина, но тот, преследуя их

обратно до Видина, опустошил город и землю, а Шишман бежал в леса на противоположной стороне Дуная. Однако, наказав и попеняв Шишману, Милутин вскоре восстановил его на троне на том условии, что тот станет его верным союзником. Политический альянс был закреплен браком Шишмана с дочерью сербского Великого жупана Драгоша. Более того, позднее Милутин отдал свою дочь Анну в жены сыну Шишмана Михаилу, который впоследствии, в 1323 г., стал царем Болгарии [Даничић, 1866, с.118–119].

3.3. Стефан Урош – татарский заложник. Так как территория эмира Ногая граничила по Дунаю, а сфера его интересов простиралась до правого берега Дуная – до княжеств Тырново, Видин и Браничево, столкновение с сербской властью, расширявшей свою экспансию на восток, было вопросом времени. В одно время между 1290–1300 гг. Ногай начал поход против Сербии Милутина, но тогда сербский правитель смог успешно предотвратить нависшую татарскую угрозу, отправив Ногаю своего сына Стефана (потенциального короля Стефана Уроша III в Дешани) в качестве заложника. Сын Милутина вместе со своей сербской свитой действительно долгое время провел при дворе Ногая и вернулся только годы спустя, вероятно, уже после смерти Ногая в 1299/1300 г. [там же, с.122].

3.4. Татары и ясы в битве при Велбужде в 1330 г. Смерть Ногая ослабила татарское давление на балканские земли, и Болгария с Сербией извлекли выгоду от падения клана Ногаидов. Византия озабоченно следила за укреплением болгаро-сербского союза и делала все возможное, чтобы ему воспрепятствовать. После длительной борьбы за власть между отцом и сыном в мае 1328 г. Андроник III со своими победоносными войсками под командованием Кантакузена двинулся на Константинополь и заточил в монастырь своего престарелого отца Андроника II. Началась новая эпоха в истории византийского упадка. Сербский Урош Дечански поддерживал отца в борьбе с сыном, так что связи между новой византийской властью и Сербией стали натянутыми. Одновременно началось похолодание в болгаро-сербских отношениях, и возобновилась византийско-болгарская дружба. Новое столкновение на Балканах казалось неминуемым.

Болгарская армия двинулась из Видина в Землен на р. Струма на болгаро-сербской границе, тогда как Стефан Дечански устроил свой лагерь на р. Каменча (совр. Саволштица) (описание битвы при Велбужде см.: [там же, с.178–196]; о других источниках (Никифор Григора, Кантакузен и т.д.) и анализ битвы см.: [Jigeček, 1876, p.292–296; Шкриванић, 1970]). Две армии находились к северу от Велбужда (совр. Кюстендил в Болгарии). Обе армии имели наемников в достаточном количестве: у сербского короля были испанские и германские тяжеловооруженные рыцари, болгарский царь использовал татарскую, яскую и валашскую легкую конницу. Предводителем валашских войск был Басараб, первый валашский воевода, который смог освободиться от вассальной зависимости от венгерского короля Карла Роберта Ангевинского. Так что он по праву считается настоящим основателем Валашского княжества, поскольку в ноябре 1330 г. Басараб одержал победу над венгерским королем в Южных Карпатах (сведения латинских и немецких хроник см.: [SRH, 1937, I, p.496–500; 1938, II, p.50, 220–222, 284]). Так как Басараб был женат на сестре болгарского царя Ивана Александра, естественно, он бросился на помощь своему шурина, когда тот нуждался в ней в Велбужде. Другими словами, Басараб также был потомком куманского клана, как и его шурина – Иван Александр – был отпрыском Шишманидов, тоже клана куманского происхождения в Видине. Болгарский и румынский (валашский и молдавский) высшие классы – слой *бояр* и *князей* (*knez*) – в XIII–XIV вв. были насыщены кыпчакскими (куманскими) этническими элементами (о куманском происхождении Басараба и его имени см.: [Rásonyi, 1935]).

Обе – болгарская и сербская – армии имели приблизительно 15 тыс. воинов, но болгарское войско включало, кроме болгар, еще и 3 тыс. татар, численность яской и валашской легкой кавалерии неизвестна. Битва была решена западными наемниками сербского короля [Fatouros, Krischer, II, S.78 ; Schopeni, 1828–1832, I, p.429–430, 455–456; van Dieten, II, 2, S.237], болгарский царь Михаил погиб на поле боя. Погибшие татарские воины были оставлены непогребенными в болгарском лагере.

4.1. Татарские набеги 1323 г. и новый полукуманский болгарский царь. В конце 1322 г., после короткого – менее года – правления болгарский Георгий Тертер II скончался, не оставив наследника трона. Болгарские города, находившиеся между Несебаром (Месебрия) и Сливеном (Стилбнос), перешли к византийцам, которые начали осаду Пловдива (Филиппополя), но не смогли его взять. Тем временем, болгарские бояре избрали своим царем правителя Видины. Деспот Видины – Михаил Шишман – по крови был наполовину куманом, наполовину болгарин [Fatouros, Krischer, I, S.124; Schopeni, 1828–1832, I, p.175] (о куманском имени Шишман см.: [Rásonyi, 1969, p.127]). Болгарские бояре явно выиграла от этого выбора: Михаил не был затронут междоусобицей болгарских бояр, не имел контактов с провизантийскими кругами, имел достаточно большую подвластную территорию и, что не менее важно, подобно своему отцу поддерживал близкие связи с татарами. Последнее было особенно важно, т.к. это способствовало привлечению на его сторону татарского военного контингента [Бурмов, 1968, с.230–231].

Болгарские бояре передали Тырново Михаилу Шишману, вновь избранному правителю, который сразу же направился в столичный город Болгарии со своей армией и союзными валашскими и татарскими силами. Осенью 1323 г. на территорию Византии началось крупномасштабное нашествие. Кантакузен является единственным автором, подробно сообщаящим об этих событиях [Fatouros, Krischer, I, S.133–136; Schopeni, 1828–1832, I, p.189–193]. Татарская армия состояла из 120 тыс. воинов (возможно, цифра преувеличена), в ней было два предводителя – Тайтак и Тоглу-Торган (об этих именах и личностях см.: [Schopeni, 1828–1832, I, p.189; Moravcsik, 1958, II, p.296, 315]). Это татарское вторжение было особенно продолжительным, т.к. татарские войска стояли во Фракии еще 40 дней после ее разграбления. Молодой император Андроник пытался противостоять татарам, собрав свои разбросанные войска из фракийских городов, но его попытка была безуспешной. В конце концов татары отошли и оставили византийскую землю. Появился стойкий слух, пишет Кантакузен в своем повествовании, что татары были приглашены старым императором для опустошения Фракии, которая

находилась под контролем его внука, молодого императора. Хотя Кантакузен решительно отвергает эту возможность, передача слуха читателям показывает его сомнения и подозрение в отношении старого Андроника II (о вторжении татар во Фракию в 1323–1324 гг. см. также: [Bosch, 1965, p.64 и сл.]).

4.2. Татары в болгарских и византийских событиях 1328–1333 гг. Византийский император Андроник II умер в 1328 г., а болгарский царь Михаил Шишман скончался двумя годами позже, в 1330 г. Оба события вызвали напряжение и беспокойство в византийско-болгарских контактах. Татарские наемные войска, как всегда раньше, вмешались в течение событий.

Вскоре после того, как 24 мая 1328 г. Андроник III завоевал Константинополь, Михаил Шишман предположительно в июле того же года совершил набег на Византию. Он вел с собой татарских наемников, и союзные болгаро-татарские войска целыми днями грабили города северной Фракии. Узнав печальные новости о болгаро-татарском вторжении, Андроник III направился в Бизье и приготовил свою армию для встречи с болгарями. Но войска Михаила Шишмана вернулись в Болгарию. Император преследовал болгар и в течение нескольких дней вошел на территорию их страны. Византийская армия захватила г. Диамполь (Ямбол), разграбила его и вернулась домой. В сентябре 1328 г., спустя 60 дней после вторжения императора в Болгарию, царь Михаил оккупировал Фракию во второй раз и взял город Букелон близ Адрианополя. На этот раз не говорится о татарских наемниках, но их присутствие в военных силах Михаила вероятно (об этих нашествиях см.: [Fatouros, Krischer, II, S.167, n.16–18]).

Византийскому императору оказывала поддержку и содействие внутренняя болгарская оппозиция. Весной 1331 г. болгарские мятежники посадили на трон Александра, сына Страцимира и кузена покойного царя Михаила. Сразу же после его возведения на престол царь Иван Александр начал атаку на непокорные города, которые, между тем, перешли на сторону Византии, и вернул их обратно, так же как и Месембрию на побережье Черного моря. В армии Александра татарские войска, как обычно, приняли участие в большом количестве. Услышав угрожающие вести, византийский император Андроник III направился в Болга-

рию и встретился с противником под Анхилосом, которым владели болгары. Император и болгарский правитель вскоре сошлись на том, что болгары вернут Анхилос византийцам, которые сдадут Диамполь. Соглашение состоялось 17 июля 1331 г., а церемония присяги и договора о взаимных уступках планировалась на следующий день [там же, S.98–100; Schopeni, 1828–1832, I, p.460–464]. В течение ночи, предшествовавшей присяге (17–18 июля), союзное татарское войско прибыло к болгарскому царю Александру. Он вызвал их на помощь для подавления мятежа своего дяди Белаура. Однако болгарский правитель злоупотребил татарской поддержкой и предательски попросил их атаковать византийского императора, чего бы они никогда не сделали, поскольку незадолго до этого заключили с византийцами договор. На следующий день татары начали атаку. Император, который в надежде на мир распустил большую часть своих войск, теперь чувствовал себя разочарованным и обманутым. Он думал, что его атаковали болгары, но скоро узнал татар по типичной форме трубного звука. Он не мог представить, что пришли татары, т.к. заключил с ними мир. Он думал, что в качестве болгарских союзников пришли валахи, по своему вооружению похожие на татарских стрелков. После долгой битвы, в которой участвовали также император и его друг Кантакузен, татары одержали победу, а византийская армия отошла в Росокастрон. Вскоре царь Александр отправил к ним посла, который предложил заключить ранее условленное мирное соглашение, а также попросил выдать в жены сыну Александра дочь императора. Последнее предложение было отклонено, но все другие условия приняты, и договор был заключен [Fatouros, Krischer, II, S.100–104; Schopeni, 1828–1832, I, p.464–470].

Летом 1332 г. император начал новую военную кампанию против болгар, чтобы отвоевать крепости на горе Гаймос, которые были захвачены царем Александром. Его дед Андроник II назначил Михаила Глабаса правителем Фракии и приказал построить или восстановить эти пятнадцать крепостей для воспрепятствования татарам в пересечении границ и набегам на округу. Император преуспел в завоевании нескольких новых крепостей, затем Александр отправил своих послов на переговоры, но они были отклонены им-

ператором. Александр собрал армию в 8 тыс. болгарских солдат и 2 тыс. татарских наемников. Оставив Тырново, они выдвинулись в Росокастрон, где расположились лагерем. Армия императора была намного меньше болгаро-татарских войск и насчитывала, по крайней мере, 3 тыс. человек. Две армии столкнулись и храбро бились. В результате византийцы не смогли достичь своей цели и вернулись домой [van Dieten, II, 2, p.252–255; Schopeni, 1829, I, p.483–488].

4.3. Последнее появление татар в Византии (1337, 1341 гг.). Андроник III (1328–1341) старался поддерживать дружественные отношения с татарами. В первые годы своего правления (до июля 1331 г.) он заключил с ними мирный договор [Fatouros, Krischer, II, S.101; Schopeni, 1828–1832, I, p.465]. Государственные отношения были еще более укреплены браком дочери императора Андроника II с Узбек-ханом. (Баялун была третьей женой (*хатун*) Узбек-хана. Ибн Баттута встретился с ней лично и сопровождал в Константинополь. Баялун направлялась в византийскую столицу, чтобы дать жизнь своему ребенку, но не вернулась в Золотую Орду [СМИЗО, 1884, с.290, 294, 301–302].) Несмотря на относительно сбалансированные в эти годы официальные отношения между Византией и Золотой Ордой, в 1337 г. Европу потрясли несколько серьезных «неофициальных» татарских вторжений, вероятно, последних в своем роде. Только Григора сообщает об этом событии, а Кантакузен молчит. Согласно первому, основной причиной этих вторжений явилось то, что Византия забыла послать регулярное подношение (т.е. дань) татарскому правителю и его знати. В начале весны армия татар пересекла Дунай и разграбила всю Фракию вплоть до Геллеспонта. Там она столкнулась с турками, которые часто пересекали Геллеспонт ради грабежа Фра-

кийского побережья. Эти турки были или захвачены в плен, или убиты при попытке сопротивления. Это нашествие совершенно отличалось от прежних, когда татары внезапно появлялись, грабили и на следующий день уходили. Теперь же они не ушли и грабили округу 50 дней. Покинув Фракию, они якобы взяли с собой 300 тыс. (!?) пленных [van Dieten, II, 2, p.280; Schopeni, 1829, I, p.535–536]. Рассказ об этом нашествии, хотя и отсутствует в повествовании Кантакузена, может считаться аутентичным. Это – последнее татарское вторжение в Византию, упомянутое источниками. Особая «пикантность» данного рассказа заключается во встрече татарских и турецких войск близ Геллеспонта. Можно рассматривать этот эпизод как символический: северные кочевые воины и опытные завоеватели Балкан сменились новыми амбициозными тюркскими солдатами, пришедшими с юга. Через несколько десятилетий турки вступят на Балканы более решительно, чем татары когда либо могли мечтать.

Хотя последнее татарское нашествие произошло в 1337 г., татарская опасность с годами не миновала. Весной 1341 г. византийское посольство во главе с Деметриосом Кидонисом отправилось к Узбек-хану, чтобы предотвратить предполагаемую татарскую атаку на Византию [Laurent, 1960, p.145–162; Fatouros, Krischer, II, S.251, n.359]. По-видимому, татары отказались от плана вторжения на Балканы вследствие внутренних трудностей. Величайший хан Улуса Джучи Узбек умер в 1341/42 г., с этого времени и далее Золотая Орда была втянута в другие театры военных действий и умерила свои интересы в самой западной части Балканского региона. Татарские кланы в Добрудже и Буджаке обрели независимость от центральной власти татар и потеряли прежнее политическое значение в событиях на Балканах [Spinei, 1986, p.127].

§ 3. Войны на Западе. Польша и Литва

Искандер Измайлов

После возвращения из европейского похода границы на западе определенным образом стабилизировались. Польское королевство стало северо-западным соседом империи Чингизидов, и взаимоотношения с ним, а позже с Великим княжеством Литовским, становятся

важнейшим аспектом внешней политики Улуса Джучи. Особое внимание, которое уделялось золотоордынскими ханами этому направлению, объясняется сложной дипломатической игрой, в которую они вступили, завоевав русские княжества и навязав вассальные отно-

шения балканским государствам. Попытки удержать в орбите своих интересов эти территории и обезопасить их от экспансии постоянно усиливавшихся Польши и особенно Литовского княжества, требовали активных превентивных наступательных действий. Серьезным побудительным мотивом для активных действий против польских и западнорусских земель являлось стремление изолировать галицко-волинских князей и не дать им возможности стать центром противостояния власти Улуса Джучи. Достижению этой цели служила политика разделения и изоляции потенциальных противников и поддержания «баланса страха» перед лицом угрозы со стороны Улуса Джучи. В этой связи политика ханов Улуса Джучи в отношении Польши и Литвы не преследовала цель завоевать их земли и даже навязать отношения вассалитета краковским Пястам и литовским князьям Миндовгу и Гедиминовичам, а служила более сложным геополитическим целям.

В целом историю взаимоотношений этих государств можно разделить на несколько этапов. **Первый период (1241–1320-е гг.)** был временем постоянного усиления Улуса Джучи, ханы которого стремились ослабить власть Галицко-Волинских князей (1240–1270-е гг.) и подчинить своему влиянию Польшу и Литву, а позднее удержать в зоне своего влияния Пруто-Днестровское междуречье и Южную Русь.

После возвращения из похода на Запад Бату-хан принялся активно осваивать завоеванные территории и приводить к вассальной зависимости от великого хана правителей всех ранее побежденных земель. Одной из главных и довольно острых проблем стала независимая политика, которую проводил могущественный князь Великого Галицко-Волинского княжества по отношению к ханам Улуса Джучи и своим соседям. Усиление и укрепление мощи Юго-Западной Руси с центром в Галиче никак не входило в интересы монгольских ханов. В 1243 г. был организован поход против Ростислава Михайловича, сына Михаила Черниговского, последнего великого князя Киевского, который, пользуясь поддержкой венгерского короля, галицкого боярства и Болховской земли, пытался захватить власть в Галицко-Волинском княжестве. По словам летописи: «...Ростислава разгнаша татарове в

Борку и бежа в Угры» [ГВЛ, 2005, с.113]. Одновременно Бату отправил двух своих военачальников («богатырей») «Маньмана и Балая», чтобы разыскать и схватить Даниила Романовича. Однако тот «затворил Холм» и избежал пленения. Отряды татар «...воеваша до Володавы и по озерам много зла створише христианом» [ГВЛ, 2005, с.113; ПСРЛ, 2, с.794]. Этот поход и неблагоприятно складывавшаяся внешнеполитическая и внутренняя обстановка заставили Даниила Галицкого явиться на зов Бату-хана и признать его власть над своим княжеством. Обе стороны в этом явно преследовали свои собственные цели: Даниил стремился обезопасить свои владения с востока в противоборстве с Ростиславом, мятежным боярством, поляками и венграми, а Бату добивался признания власти монгольских ханов над всей территорией Руси и на этом основании вмешиваться в европейскую политику. С этого момента судьба Галицко-Волинской Руси оказалась крепко связанной с внешней политикой Улуса Джучи на Западе.

В течение десяти лет существовал этот паритет, когда правители Улуса Джучи считали, что Даниил Галицкий выполнял их волю, а он, в свою очередь, полагал, что они и далее будут довольствоваться лишь его формальным вассалитетом и усиливал свою власть и авторитет, активно вмешиваясь в дела соседних Венгерского и Польского королевств. Укреплению его значения, как некоего регионального лидера способствовали его победы над венграми, союз с мазовецким князем Конрадом и брак его сына Льва с венгерской королевой Констанцией. При этом князь Даниил всегда помнил, что «рять татарская не престает зле живущи с нами» [ГВЛ, 2005, с.127; ПСРЛ, 2, с.826], как сказал он во время переговоров с папским легатом Опино из Мессаны. Эта мысль, очевидно, была основой его политики в отношении Улуса Джучи и западных соседей. Он стремился укрепить свою власть за счет и при помощи Запада, чтобы отразить наступление Орды.

Подобная политика явно вписывалась в интересы папского престола, как идейного вдохновителя европейской восточной политики. С одной стороны, это позволяло Западу с помощью минимальных и демонстративных мер сдерживать агрессивность монголов, а с другой, усиливать свое влияние в регионе. Еще

в 1245 г. Папский престол начал переговоры с представителями Даниила, дабы заключить с ним союз и склонить его к тому, чтобы он, его бояре и духовенство присягнули на верность папе римскому. Переговоры закончились провалом. Но в 1252 г. Даниил, втянутый в борьбу за австрийское наследство и испытывая военное давление татар, нуждаясь в сильных союзниках на Западе, возобновил их. Идя навстречу его пожеланиям, церковный собор в Лионе в 1253 г. призвал христиан к крестовому походу против Улуса Джучи. В этих условиях Даниил вынужден был пойти на некоторые уступки папскому престолу и принял королевский титул зимой 1253 г.

Ханы Улуса Джучи внимательно следили за его успехами на западе, но долгое время их активностью в этом направлении сдерживалась укреплением ханской власти в Северо-Восточной Руси и внутримонгольскими делами. Но после мятежа Андрея Ярославича – великого князя Владимирского в 1252 г., который был союзником Даниила Галицкого, отношение к нему резко изменилось. Правитель правого крыла Ак-Орды улусбек Курмыш (*Курмышши*, *Хуррумышши*, *Куремса* русских летописей), сын Орды, начал предпринимать действия, чтобы ослабить власть Даниила Галицкого и реально поставить его в подчиненное положение. Так Курмыш поддерживал антикняжеские настроения среди знати пограничных областей (Болховская земля) и даже присылал в некоторые города своих наместников – баскаков, беря их под свое покровительство (например, г. Бакоту [ГВЛ, 2005, с.128; ПСРЛ, 2, с.828–829]).

В 1254 г. Курмыш начал активные военные действия против Галицко-Волынского княжества, попытавшись внезапно захватить Кременец [ГВЛ, 2005, с.133], но не достиг цели. В ответ на это Даниил, отразив это вторжение, перешел в наступление и разгромил союзников Курмыша в Болховской земле и Побужье. На следующий год Даниил решил перейти в наступление и заключил союз с литовским князем Миндовгом, решил взять Взвягль, а далее, очевидно, атаковать Киевскую землю. Поход в целом удался и город – союзник Орды – был взят штурмом, разграблен, а его население зверски перебито («и нагрязе же озеро трупов и щитов и шеломов» [там же]). В споре за военные тро-

феи произошла распря между галичанами и Литвой, приведшая к разрыву союза. Отношения с Литвой у Даниила и ранее были довольно натянутыми из-за споров о разделе земель ятвягов.

В ответ зимой 1254 г. Курмыш, воспользовавшись отсутствием князя, атаковал Луцк и другие города, но безуспешно: «не успевше ничтоже, вратишася во станы своя, рекше в поле» [там же, с.134; ПСРЛ, 2, с.842]. В целом Даниил довольно успешно противостоял войскам Курмыша. Летописец прямо писал, что Галицкий князь «держаше рать с Коуремьсою и николи же не бояся Коуремьсе, не бе бо могл зла емоу створити никогда же Коуремьса» [ГВЛ, 2005, с.136; ПСРЛ, 2, с.846].

Обстановка изменилась в 1257 г., когда этот улус перешел во власть Бурундая-багатура. Обычно отечественная историография связывает эту смену правителей улуса с неудачами Курмыша в борьбе против Даниила (см.: [Пашуто, 1950, с.274; Егоров, 1985, с.188; ГВЛ, 2005, с.136, 312]), что объясняется обычным для российских историков стремлением представить Русь центром, вокруг которого вращалась политика ханов Улуса Джучи и взаимоотношения с которой якобы определяли всю их внутреннюю политику. Представляется, что подобный подход, переставляющий местами причину и следствие, не совсем верен. Смена Курмыша на Бурундая была вызвана обычной в Улусе Джучи практикой перераспределения улусов при вступлении нового хана на престол, хотя его клан сохранил власть и владения в Днестро-Днестровском междуречье, а его сыновья Абаджи, Караджин и Ианджи играли важную роль при дворе Ногая, причем указывалось, что они принадлежали «к числу старших военачальников и командовавших тьмами в Северных областях. Они были равны Ногаю по могуществу, значению и численности войска». Именно их поддержка резко усилила Ногаю в борьбе с ханом Токтой, а их переход на сторону хана принес ему победу [СМИЗО, 1884, с.112, 113, 117].

Не исключено, что причина передачи власти новому улусбеку вообще могла быть довольно банальной – смерть Курмыша. В этой связи кажется логичным, что новый хан Берке во главе одного из ключевых улусов – правого крыла Ак-Орды – поставил знаменито-

го полководца, давнего сподвижника Бату и Субедея. Одновременно это наглядно демонстрирует поворот в его внутренней и внешней политике, его желание избавить их от диктата великого хана и всемонгольского курултая, придать новый импульс территориальной экспансии. Одним из направлений этой новой завоевательной политики стали Польша и Литва. Галицко-Волынское княжество в свете этого нового курса стало просто рычагом, инструментом военно-политического воздействия на Запад.

По сравнению с предшественником Бурундай явно обладал большими военными возможностями. Это, видимо, было связано с тем, что он опирался на более могущественный клан. Скорее всего, в его руках была сосредоточена значительная военная сила, сопоставимая по численности с войском, вторгшимся в Польшу в 1241 г. Как бы то ни было, едва приняв власть в улусе «ста на местах Коуремьских» [ГВЛ, 2005, с.136; ПСРЛ, 2, с.846], Бурундай предпринял в 1258 г. большой поход на Литву. Выбор этот был не случаен. Вновь образованное Литовское княжество стремительно набирало силу за счет присоединения западнорусских и польских земель, используя трения между своими соседями. Поход Бурундай должен был остановить усиление Литвы, разорвать ее союз с Галичем и подавить фронду Даниила Романовича.

Подступив к границам Галицко-Волынского княжества, Бурундай выслал послов с лаконичным предложением: «Иду на Литву; аже еси мирен, поиди с мною» [там же]. Ослабленный войнами с соседями, Даниил не решился отказаться от этого предложения. Войска Бурундай из Поднепровья двинулись к границам Галицко-Волынского княжества, где из Берестья на соединение с ним вышли полки брата Даниила Василько. Встреча русского и золотоордынского отрядов произошла, видимо, где-то на правом берегу Немана. Соединенные силы продвинулись на север, разорив центр Литовского княжества – Трокскую и, располагавшуюся юго-восточнее, Нельшанскую землю [ГВЛ, 2005, с.136; ПСРЛ, 2, с.847]. Закончив разгром правобережного Понеманья, русско-золотоордынское войско переправилось на левый берег реки, в земли ятвягов [ПСРЛ, 2, с.847–848].

Независимые от южнорусского летописания авторы красноречиво указывали, что «взяша татарове всю землю Литовскую» [ПСРЛ, 5, с.189], подтверждая мнение о значительном разорении Литовского княжества. Из земель ятвягов татарско-русское войско повернуло к югу и вернулось в пределы Волыни, вступив в г.Дорогочин на Западном Буге [ГВЛ, 2005, с.136; ПСРЛ, 2, с.848]. Одновременно войска Даниила вторглись в Черную Русь и взяли Волковыск, стремясь захватить литовских князей Войшелка и Тевтивилла [там же]. Кроме своей прямой цели – нанести удар по укрепляющейся Литве, поход имел и другую цель – лишить Даниила потенциального союзника, превратив литовских князей в своих злейших врагов [Пашуто, 1950, с.283–284]. Эта часть плана также удалась. В том же году литовский князь Войшелк нанес удар по Черной Руси, захватил ее и даже пленил сына Даниила Романа.

Осенью следующего 1259 г. Бурундай двинул свои войска на Польшу, намереваясь нанести удар по наиболее богатой Сандомирско-Краковской земле (об обстоятельствах этого похода см.: [там же, с.284; Щавелева, 1978, с.307–314]). Путь его пролегал через Волынь – землю его союзника Галицкого князя. Князь Даниил выслал на встречу улусбеку своего брата Василько и сыновей Романа и Льва, а также холмского епископа Ивана. Сам он, как и в 1241 г., в страхе перед татарской мезтью бежал сначала в Польшу, а потом в Венгрию. Первым пунктом на Волыни, где остановилось войско Бурундай, был г. Шумск, где Бурундай в ультимативной форме («еже есте мои мирници»), явно угрожая в случае неповиновения разгромом их владений, приказал снести укрепления галицко-волыньских крепостей – Львова, Кременца, Луцка, Данилова, Стожеска. Добившись исполнения своего приказа, Бурундай двинулся к Владимиру Волынскому, укрепления которого также были сожжены и срыты. Только жители г. Холма, заперев ворота перед объединенной ратью, отказались подчиниться приказу князя Василько об уничтожении городских укреплений [ГВЛ, 2005, с.137–138; ПСРЛ, 2, с.851].

Длительная осада хорошо укрепленного города не входила в планы Бурундай, и он

Русские всадники. Лицевой летописный свод. Конец XVI в.

«вборзе» повел свои войска на территорию Польши к Люблину, «начаша воевати землю Лядскую». Далее объединенное войско двинулось к Завихосту, близ которого переправилось на левый берег Вислы и оттуда к Сандомиру [ГВЛ, 2005, с.138; ПСРЛ, 2, с.852]. Подойдя к Сандомиру, объединенное войско осадило его. По словам летописца, «оступиша с всех стран, и огородиша около своим городом, и пороки поставиша: пороки же биющим неослабно день и ночь, а стрелами не дадущим ни выникнути из заборола з города» [там же]. На четвертый день осады – 30 ноября 1259 г. – город был взят прямым штурмом, беспощадно разграблен и сожжен.

В целом этот поход не имел никаких далеко идущих последствий. Самым поразительным было то, что никаких политических требований Бурундай к польским князьям не выставлял – не требовал ни подчинения, ни выплаты дани, поэтому часто в отечественной историографии было принято рассматривать этот поход лишь в контексте ослабления Галицко-Волынского княжества и подавления самостоятельности князя Даниила [Пашуто, 1950, с.284; Щавелева, 1978, с.307]. Представляется, что это – слишком простая цель для подобного предприятия. Техника осады и штурм

Сандомира показали, что войско Бурундай могло без особого труда просто стереть с земли южнорусские крепости, если бы они оказали реальное сопротивление. При этом цель похода была достигнута даже без борьбы. Собственно это никак не объясняет целей и направления самого похода. Видимо, выбор цели этого похода можно объяснить только тем, что он являлся этапом «второго натиска на Запад», который собирался предпринять хан Берке. Однако взятие Сандомира осталось его единственным и, пожалуй, самым ярким эпизодом. Начавшаяся конфронтация, а потом и война с Хулагуидами заставила Берке свернуть военную активность на Западе, сосредоточив все силы в Закавказье.

Тем самым, обстановка на западных границах Улуса Джучи практически стабилизировалась. Галицко-Волынское княжество оказалось в полной власти ордынских ханов, что подчеркивает цитата из летописи: «тогда бо бяху вси князя в воли в татарьской» [ГВЛ, 2005, с.147; ПСРЛ, 2, с.872]. Как это ни парадоксально, но наибольшую выгоду из этих обстоятельств извлек Даниил Галицкий. С одной стороны, он перестал играть самостоятельную роль в восточноевропейской политике, но сохранил свои владения, а также получил в свое распоряжение возможность использовать военную мощь Улуса Джучи или угрозу ее использования в своих политических целях, тем более, что князь Даниил и его наследники стали испытывать нарастающую агрессию со стороны Литовского княжества, стремящегося расширить свои владения за счет южнорусских земель. Постоянные военные столкновения изматывали силы сторон. Особенно усилилось наступление литовцев после смерти князя Даниила и фактического распада единого княжества в 1264 г. В этих условиях князь Галицкий Лев Данилович неоднократно искал военную поддержку у ханов Золотой Орды. Активно участвуя в межгосударственных отношениях, он, опираясь на поддержку татар, стремился расширить свои владения и политическое влияние в Польше, Литве и Венгрии.

Начало этому было положено в 1275 г., когда Лев обратился к хану Менгу-Тимуру с просьбой о помощи против литовцев [там же]. В результате успешного зимнего похода 1275 г. был взят Новоградок и разорена его

округа. По словам поздней Воскресенской летописи, «ходиша татарове и рустии князи на Литву, и не успевшее ничто же, возвратишася назад; но много зла створиша татарове идущее християном» [ПСРЛ, 7, с.172].

Новый поход против Литвы состоялся в 1277 г., когда улусбек Ногай призвал галичских князей к походу на литовцев: «Всегда ми жалуете на Литву; осе же вам дал есмь рать и воеводу с ними Мамъшея, пойдете же с ними на ворогы своа» [ГВЛ, 2005, с.149; ПСРЛ, 7, с.877]. Его войска, пройдя галицко-волынские земли с юга на север, окружили Новогрудок и, не дожидаясь подхода сил русских князей, «звоевали все» [там же].

Новый всплеск военной активности Ногай был вызван смертью великого князя Болеслава Стыдливого в 1279 г. и стремлением галицкого князя Льва присоединить к своим владениям Люблинскую волость, принадлежавшую его отцу, или даже занять всю Малую Польшу (о политических взаимоотношениях князей см.: [ГВЛ, 2005, с.339]), «...и въсхоте собе Лев земле», как писал летописец [там же, с.151]. Как бы то ни было, но в 1279 г. он вновь обратился к Ногаю с предложением начать поход на Малую Польшу. Зимой 1279/80 г. татарские войска под командой «Кончака, и Козеа и Кубатана» вместе с князем Львом, его сыном Юрием, и братьями Мстиславом и Владимиром Данииловичами, которые, по словам летописца, «пойдоша неволею татарскою» [там же; ПСРЛ, 2, с.882]. Войско Льва подошло к Сандомиру, близ которого переправилось на левый берег Вислы. Постояв некоторое время под Сандомиром и оставив Владимира осаждать его, остальные войска двинулись к Кракову, видимо, отдельными отрядами, разоряя окрестности. Однако краковский князь Лешек Черный в феврале 1280 г. сумел нанести этим разрозненным отрядам ряд существенных ударов, возможно, даже нанес поражение дружине Льва («убиша бо Ляхове от полку его много бояр и слугы добрыа, и татар чьясть убиша»), заставив того с потерями и «великим бесчестьем» отступить в Галицкую землю [там же].

В ответ на это Лешек начал военные действия против князей Данииловичей, нападая на их земли и города. Одновременно волынские князья вмешались в междоусобную вой-

ну между польскими князьями Конрадом II и Болеславом за Мазовию, сплетя в тугой узел русско-польские отношения. Общеполитическим фоном для этих межкняжеских отношений служила западная политика Улуса Джучи. Новый всплеск ее активности пришелся на время наивысшего могущества улуг карачибека Ногай, который правил в западном крыле Ак-Орды. Располагая силой и мощью практически всей империи, он вмешивался в балканскую и центральноевропейскую политику, стремясь расширить свое влияние. Один из эпизодов его деятельности был связан с попыткой подчинить своей власти Венгрию.

В походе 1285 г., организованном Ногаем, участвовали оглан (султан) Тула-Буга, а также «неволею» русские князья Лев и его сын Юрий, а князь Владимир прислал свою дружину. При этом войска двигались, как и во время похода 1241 г., двумя колоннами: одна, во главе с Ногаем, двинулась в Семиградье общим направлением на Брашов, а другая, во главе с Тула-Бугой, должна была, видимо, пройти через карпатские перевалы и ворваться в Трансильванию. Для этой кампании были собраны значительные военные силы, по словам летописца: «в силе тяжьще, в бесчисленном множестве» [ГВЛ, 2005, с.154; ПСРЛ, 2, с.888]. В этом походе Ногаю сопутствовал успех, а Тула-Буга со своими войсками заблудился в горах. Летописец с иронией писал, что там, где Карпаты можно было пройти за три дня, они «блудя в горах» 30 дней, испытывая страшную нужду в продовольствии. Войска хана, так и не вступив в бой, потерпели страшный урон: «самовидци же тако рекоша: умроша бысть 100», а сам незадачливый полководец вернулся «пешь, с своею женою, (об) одной кобыле» [ГВЛ, 2005, с.154; ПСРЛ, 2, с.890–891]. В арабских источниках сведения об этом походе наложились на следующий поход на Краков, но описание его совпадает именно с рассказом волынской летописи о карпатской катастрофе. Ан-Нувайри писал, что Ногай и Тула-Буга возвращались из похода разными путями. «Усилилась [в то время] стужа и выпало много снега..., – писал этот арабский историк, – Ногай с находившимися при нем [войсками] отделился от него [Тула-Буги], отправился на зимовья свои и прибыл благополучно. Тула-Буга же пошел и сбился

Татары под стенами города. Миниатюра. Западная Европа. XIII в.

с дороги. Множество из бывших с ним погибло. Положение довело его до того, что люди его ели выючный скот свой, охотничьих собак и мясо тех из них [людей], которые умирали от сильной степени постигшего их голода. Он [Тула-Буга] заподозрил, что Ногай с умыслом устроил ему [эту] западню и задумал против него недоброе» [СМИЗО, 1941, с.156]. Военный крах был усугублен тем, что мазовецкий мятежный князь Болеслав, воспользовавшись отсутствием Данииловичей, напал на их владения, заставил их вернуться из похода, ослабив татарские войска.

Следующий поход, направленный на Малую Польшу, также состоялся зимой 1287 г. (в исторической литературе неоднократно отмечалась запутанная хронология этих походов и наложение сведений о них друг на друга [Веселовский, 1922, с.30–37; Пашуто, 1950, с.297–298], что иногда приводит некоторых историков к мысли о двух последовательных походах с одинаковым маршрутом и похожими действиями [Егоров, 1985, с.191]). Сама идея его, очевидно, возникла под влиянием и при деятельном участии князя Льва, который продолжал бороться с правителем Кракова Лешеком Черным за Люблинскую волость. По замыслу авторов, поход против Малой Польши и должен был привести к взятию Кракова, но в реальности развивался по совершенно непредсказуемому сценарию. Уже при его организации выявились противоречия между ханом Тула-Бугой и Ногаем. Не исключено, что князь Лев, пы-

таясь играть на противоречиях между ними, заручился поддержкой именно хана, поскольку арабские источники прямо говорят, что инициатива этого похода принадлежала именно хану, который «пригласил с собой Ногаю» [СМИЗО, 1941, с.156]. В этих условиях улул карачибек, не желая усиления власти хана, всячески мешал ему и саботировал его приказы. Недаром волынский летописец писал, что хан и его полководец не доверяли и даже опасались друг друга: «зане боястася сии

оба сей сего, а сей того». В дальнейшем отсутствие единоначалия сыграло роковую роль в провале этой кампании.

Очевидно, поздней осенью 1287 г. хан Тула-Буга, «сбрав силу многу», двинулся через юго-восточную границу Волынской земли, мимо Кременца к Перемышлю. Отсюда он проследовал к Бужску, где резко повернул на север, к Владимиру. Скорее всего, татарские войска действовали отдельными корпусами и часто без всякого согласования своих действий (по словам летописца, Ногай «с Телебугою не снимася»). Только этим можно объяснить, что какая-то часть татарских войск осталась в окрестностях Владимира, разоряя их и «учиниша пусту землю Володимерьскую» [ГВЛ, 2005, с.156; ПСРЛ, 2, с.893]. Большая часть войск Тула-Буги, совместно с ратями русских князей, совершила марш до города Завихоста, где не смогла переправиться через Вислу и была вынуждена подойти к Сандомиру. К этому времени лед на реках Сан и Висла стал и татарско-русские войска, перейдя их, разбили лагерь. В течение 10 дней они разоряли окрестности Сандомира и окружающие земли, а потом пошли на Краков. Но на марше внезапно получили известие, что туда уже вышли войска Ногай.

Как подчеркивал волынский летописец, Ногай, «не иде с Телебугою в Ляхы одиною дорогою, зане бысть межю има нелюбовие велико, но иде своею дорогою на Перемышль. И пришедши же ему к Кракову го-

роду и не вспевше в него ничто же, яко же и Телебуга в Судомира, но воеваша землю Лядскую» [ГВЛ, 2005, с.157; ПСРЛ, 2, с.895]. Получив это известие, Тула-Буга, видимо понимая, что военной добычи под Краковом ему уже не добыть, «не дошед его, воротися во Торжькоу». Раздраженный неудачей похода Тула-Буга, вернувшись и став под Львовом, в течение двух недель грабил окрестности и горожан, неосторожно выходящих из-под защиты городских стен. Ногай же, повоював окрестности Кракова, также повернул на юг.

Итогом этой военно-политической активности стало укрепление власти Улуса Джучи в Галицко-Волынских землях и влияния их вассалов. Примером может служить межкняжеская борьба между потомками Даниила, арбитром в которой выступала ханская власть [ГВЛ, 2005, с.174]. Но, вместе с тем, походы 80-х гг. XIII в. показали, что разрозненные полки нескольких южнорусских князей Даниловичей не могли в одиночку, без поддержки ханов Золотой Орды, противостоять натиску соседей. Фактически в регионе обнаружилось отсутствие центра силы, роль которого до определенного момента играл Ногай. Однако в период ослабления его власти и после его поражения и гибели в междоусобной борьбе в Улусе Джучи, регион оказался предоставлен сам себе, что привело к появлению нового регионального лидера – Литовского княжества. Все дальнейшие попытки ханов Улуса Джучи в первой половине XIV в. вернуть свое влияние в Центральной Европе окончились провалом.

Второй период (1320–1420-е гг.) был временем постепенного усиления и расширения Литовского княжества и Польши, которые, подчинив южнорусские земли, сами стали вмешиваться во внутриордынские дела, влияя на политику ханов.

Распад княжества Даниловичей на ряд владений и его ослабление в военном отношении сделали его территорию объектом постоянной экспансии со стороны Литвы, Польши и Венгрии. Пока Улус Джучи был на пике своего могущества, он сдерживал агрессивные устремления этих держав, защищая земли своих вассалов. В результате ряда успешных ударов в 20-е гг. XIV в. Литва потеряла ряд владений в Киевской земле. В

борьбе с Ордой Польша и Литва пытались опереться на силы католической Европы. Выполняя их просьбу, папа римский в 1329 г. со специальным посланием к христианским правителям, призвал их организовать крестовый поход против татар. Но никто не откликнулся на этот призыв.

Не встретив понимания среди европейцев, поляки сами решили развязать войну против Золотой Орды. Война эта шла с переменным успехом. В 1337 г. объединенные русско-татарские войска пытались захватить Люблинскую волость [Пашуто, 1959, с.391], но не преуспели в этом. А в 1340 г. польским шпионам удалось составить заговор и отравить Волынского князя Юрия. Пользуясь этим, польский князь Казимир, совместно с венграми, захватил все это княжество. В ответ хан Узбек в 1341 г. направил против Малой Польши 40-тысячное войско, которое хотя и потерпело поражение в сражении на Висле [там же], но перед этим сумело вытеснить из Волыни польско-венгерские войска. В следующем году татарские войска опять вторглись в Малую Польшу и разорили ее [Сафаргалиев, 1960, с.67]. Все это на некоторое время остановило польско-литовское наступление на западные земли Руси.

Но уже в 1344 г. Казимир начал новую войну за Волынь, и только соперничество с венграми не позволило тогда же присоединить это княжество к его владениям. Это случилось в 1349 г., когда его войска взяли под свой контроль ключевые волыньские города – Белз, Брестев, Владимир, а позднее под его власть перешла также Галиция. Известно, что, вступив в войну с Улусом Джучи, Казимир вновь обращался к папе римскому Клименту IV с просьбой организовать крестовый поход против татар [там же, с.105]. Одновременно усилилось давление литовских князей на земли смоленских, полоцких и пинских князей.

Поворотным моментом в западной политике стал масштабный кризис и период кровавой смуты в Улусе Джучи в середине XIV в., когда ослабленная империя не смогла оказать эффективную поддержку западно- и южнорусским княжествам, которые одно за другим переходили под власть великих литовских князей. Начала складываться новая военно-политическая ситуация. Историк М.С.Грушевский описал ее так: «Татарское верховенство

сменилось литовскою «зверхностью», но эта «зверхность» пришла гораздо более незаметно, быть может – постепенно, не производя резких перемен в жизни земли» [Грушевский, 1891, с.470]. Очевидно, автор совершенно прав, говоря, что власть литовских князей утверждалась постепенно, как бы вращаясь в прежнюю систему русских княжеств. По сути, это было не совсем завоевание, а, скорее, присоединение на основе договоров и династических браков, что гарантировало русским князьям и боярам сохранение их традиционных прав и привилегий.

К середине XIV в. власть литовских князей заметно укрепилась, они смогли подавить самовластие местной знати и направить ее активность на внешнюю экспансию, которая осуществлялась преимущественно частью литовского боярства, объединявшейся вокруг политического центра в Троках и князя Кейстуга. В борьбе за земли Галицко-Волынского княжества Литва столкнулась с польскими князьями, и после ряда польско-литовских войн 40–60-х гг. XIV в. они были разделены между победителями (о расширении Великого княжества Литовского см.: [там же, с.470–490; Любавский, 2004, с.49–70; Пашуто, 1959; Флоря, 1980, с.142–148]). Постепенно определились зоны интересов этих государств: малопольские князья и венгерские короли претендовали на Волынь и Галицию, а Литва на Смоленск, Полоцк, Киевщину и частично Волынь.

В силу подобной «ползучей» экспансии Великое княжество Литовское долгое время не вступало в открытую конфронтацию с Улусом Джучи, поскольку не меняло правового статуса русских княжеств. Однако, по мере ослабления ханской власти, во время «великой замятни» процесс поглощения русских княжеств стал настолько масштабным, что напрямую стал затрагивать интересы правителей Ак-Орды. Попытки остановить этот процесс не увенчались успехом. Решающий удар власти татарских ханов в Южной Руси был нанесен великим князем Литовским Ольгердом (подробнее см.: [Флоря, 1980, с.149–150; Центральна Україна, 2003]). Первую серьезную победу он одержал в битве при р. Синие Воды (среднее течение Южного Буга) в 1363 г. над татарским улусбеками Крыма Хаджибеем, Кутлуг-Бугой и Дмитрием, «а то три брата татарския князи отичи и дедичи По-

дольской земли, а от нех заведили атаманы, а баскаки, приезжаючи от них, атаманов, имывали с Подольской земли дань» [ПСРЛ, 8, с.31–32]. Военный успех открыл литовцам путь к подчинению Приднестровья и Приднепровья. Расширяя зону своего влияния, литовские войска продвинулись на юг, в низовья Днепра вплоть до Белобережья [ПСРЛ, 15, с.75; 35, с.66]. Еще одно столкновение литовской армии с золотоордынской отмечено под 1374 г., когда был разбит один из беков, чей улус сохранился на западной окраине государства. Точно локализовать это владение не удастся из-за отсутствия каких-либо географических ориентиров, но понятно, что это было Днепро-Днестровское междуречье [Флоря, 1980, с.153–154, прим.39]. Потерпев ряд серьезных поражений, ханы Улуса Джучи утратили не только контроль над южнорусскими княжествами, но и были оттеснены далеко в причерноморские степи.

Говоря о вытеснении Золотой Орды из южнорусских княжеств, нельзя не отметить важный вопрос о статусе этих владений по отношению к ханам Улуса Джучи. В историографии этот процесс обычно характеризовался однозначно, как освобождение от «золотоордынского ига». Например, еще А.Е.Пресняков писал, что переход под власть Литвы «сулил освобождение от татарской власти и постылого выхода» [Пресняков, 1918, с.142]. В рамках этой гипотезы находятся труды современных украинских историков (см. статьи: [Центральна Україна, 2003]). Однако представляется, что ситуация в русских землях была гораздо более сложной и далеко не столь оптимистичной в отношении «освобождения от татарского ига». Как доказали российские историки И.Б.Греков и Б.Н.Флоря [Греков, 1975, с.26–33; Флоря, 1980, с.145–148], захват русских княжеств еще не означал, что их статус радикально менялся, и ханы Улуса Джучи довольно успешно добивались признания их традиционных прав на все русские княжества. Стремление Великого княжества Литовского и Польского королевства, овладевших в XIV в. значительной частью западнорусских и южнорусских земель, ослабить зависимость своих владений от Орды являлось главным стержнем политических взаимоотношений этих государств с Золотой Ордой и татарскими ханствами во второй половине XIV–XV вв. Несмотря на общую тен-

денцию к ослаблению власти империи Джучидов, борьба эта приняла форму векового конфликта и была полна драматических коллизий. При этом далеко не всегда успех сопутствовал противникам Золотой Орды. Даже польскому королю Казимиру, захватившему в середине XIV в. Галицкую землю, хотя его владения находились достаточно далеко от основных владений татар, не удалось в то время добиться освобождения занятых земель от формальной зависимости.

Еще более определенные данные имеются в нашем распоряжении по отношению к русским владениям литовских Гедиминовичей. Так, в жалованной грамоте 1375 г. подольского князя Александра Кориатовича указывалось, что владениям жалуемого лица не предоставляется иммунитета от уплаты дани в Орду: «коли вси земляне имуть давати дань оу татары, то серебро имеютъ тако же тии люди дати» (цит. по: [Флоря, 1980, с.146]). Аналогичные указания имеются и в более поздних грамотах сидевших на Подоле литовских князей.

Наиболее четко данная коллизия прописана в знаменитом ярлыке хана Токтамыша 1397 г. великому князю литовскому Ягайлу Ольгердовичу, где читаем: «што межи твоее земле суть кня[же]ния, волости давали выход Белой орде, то нам наше дайте» [там же]. Текст ярлыка представляет собой перечень земель и волостей, пожалованных ханом великим князьям Литовским. Выдача этого ярлыка объяснялась тем, что, потеряв власть в Улусе Джучи и вынужденный бежать в Литву, Токтамыш, рассчитывая на поддержку Витовта, дал ему документ, по которому он отказывался от верховных прав Орды на земли Великого княжества и, следовательно, от получения выхода с этих земель; не случайно в перечне земель в тексте ярлыков подчеркивалось, что они передаются «з выходы и з данми». Рассмотрение помещенного в ярлыках перечня земель и волостей показывает, что «пожалование» Токтамыша распространялось на территорию позднейших Киевской, Волынской и Северной земель Великого княжества, а также на Подоле. Тем самым, становится очевидным, что и в конце XIV в. значительная часть территорий Великого княжества находилась в определенной зависимости от Орды. Для полноты картины

следует отметить, что и соглашение с Токтамышем не привело к полному прекращению уплаты дани с литовских владений. Еще в середине XV в. монголо-татарские «даруги» собирали «ясаки» с целого ряда городов Киевской земли [Сыроечковский, 1940, с.46, 70]. Судя по ярлыкам крымских ханов Хаджи-Гирея (1461 г.) и Менгли-Гирея (1472 и 1507 гг.) великим князьям литовским, традиция уплаты дани за русские владения крымским Джучидам сохранялась вплоть до XVI в.

Территории Южной Руси оставались не только в даннической зависимости от Улуса Джучи, но должны были, как вассалы хана, участвовать в его военных походах. Неизвестно, насколько это право было действенным и не сводилось ли оно также к денежным выплатам, но формально оно, видимо, существовало еще с XIII в. Об этом свидетельствует фрагмент мирного договора, заключенного в 1352 г. между Казимиром и Гедиминовичами, где специально оговаривалось: «Аже поидуть та[та]рове на ляхы, тогда руси (имеется в виду Литовская Русь. – *И.И.*) неволя пойти и с татары» (цит. по: [Флоря, 1980, с.147]). Таким образом, еще в середине XIV в. на русских землях Великого княжества лежала формальная повинность высылать войско на помощь ханам Улуса Джучи.

Политические взаимоотношения между Польшей, Литвой и Улусом Джучи во второй половине XIV – начале XV в. были довольно сложными и нередко доходили до военных столкновений. Однако после унии Польши и Литвы постепенно начал вырисовываться треугольник взаимоотношений, взаимодействие углов которого стало определять политику западной части Восточной Европы в XV–XVII вв. – Польско-Литовское государство, Московская Русь и Улус Джучи, а позднее ее наследники – Большая Орда и Крымское ханство. Уже начиная с 70-х гг. XIV в. эти государства вступали в различные недолговечные союзы между собой, стремясь утвердить свою гегемонию за счет соседей. Вплоть до 1380 г. довольно действенным был союз Мамай и зависимых от него ханов с великим князем Литовским Ольгердом. В период правления Токтамыша эти отношения были довольно стабильными и по большей части мирными.

На новый уровень отношения между Золотой Ордой и Великим княжеством Литовским вышли после 1397 г., когда разбитый Тимуром, а потом изгнанный из страны новым ханом Тимур-Кутлугом и его улуг карачибек Идегеем Токтамыш бежал к князю Витовту, приведя с собой значительную группу татар, свой двор и семьи его воинов. Часть из них, получив землю для поселения близ Трокая – с. Сорок татары, стала ядром, вокруг которого стали собираться другие выходцы из Улуса Джучи и центром формирования особых войсковых подразделений литовских татар. В Литве выходцы из Улуса Джучи селились по кланам, которые становились основой для военно-административного деления и деления на полки – хоругви. Названия, которые соответствовали клановому делению в Золотой Орде: Уланская гродненско-Ошмянской хоругви (очевидно, от потомков Джучидов – огланов); Юшинская Трокской хоругви (из клана Уйшун/Уйсун/Юшин); Найманская Виленской хоругви (из клана Найман); Ялаирская Новогрудской хоругви (из клана Джалаир/Ялаир), Кондратская Морешлянской хоругви (из клана Конгат/Кундрат), Барынская Новогрудской хоругви (из клана Барын) (подробнее см.: [Мухлинский, 1857; Гришин, 1995; 2000]). Позднее, уже в XV–XVII вв., когда эта военно-административная система будет отлажена, татарские хоругви сыграли важную роль в военной истории Речи Посполитой, являясь важнейшей опорой королевской власти и его регулярного войска.

Стремясь посадить Токтамыш на ханский трон и получить ключевого союзника для завоевания гегемонии на Руси, Витовт «...сбрал воя многи, с ним же бе царь Тахтамыш с своим двором, а с Витофтом Литва, Немцы, Ляхи, Жемот, Татарове, Волохи, Подоляне, единых князей с ним бе 50 числом, и бысть сила ратных велик зело. И с всеми плъкы и смногочисленными ратми оплъчився, поиде на царя Темирь Кутлуя и на всю его силу татарскую» [Приселков, 1950, с.450]. Однако попытка Витовта свергнуть Идегея и хана Тимур-Кутлуга не увенчалась успехом. Навстречу ему выступил Идегей и хан Тимур-Кутлуг, и в ожесточенной битве на р. Ворскле 12 августа 1399 г. Витовт и его союзник Токтамыш были разбиты войском

Идегея (подробнее о военно-политических обстоятельствах этой битвы см.: [Ляскоронский, 1907, с.18–38; Якубовский, 1947, с.30–45; Измайлов, 1994, с.80–83]). Разбив объединенное русско-литовско-польское и татарское воинство, Идегей двинулся к Киеву, а отдельные отряды доходили до Луцка: «И ходиша рати татарьские вьюючи даже до великаго Лучьскаго и много городов поплениша и много стран повоеваша и много зла съворив Темирь Кутлуи земли Литовской и отъиде в землю свою» [Приселков, 1950, с.451]. Витовт понес страшные потери, навсегда проотившись с мыслью об установлении своей власти на Руси.

Результатом этого поражения стало укрепление центральной власти в Улусе Джучи и ухудшение отношений с Литвой, хотя и без серьезных военных столкновений. Бывший хан Токтамыш был вынужден бежать и скрываться в Сибири, где и был убит в 1407 г. В 1409 г. в Литву бежали сыновья Токтамыша, их семьи и воинский отряд. Старший из Токтамышевичей султан Джалал ад-Дин был принят при дворе великого князя Витовта и включен в его свиту. Позднее молодой султан во главе своей тысячи участвовал в «Великой войне» против Тевтонского Ордена и Грюнвальдской битве 1410 г. [Длугош, 1962, с.57, 198, прим.23; Бискуп, 1991, с.14–16]. По одной из легенд, великий магистр Тевтонского Ордена Ульрих фон Юнгинген пал в этой битве от руки татарского военачальника Багарадина. Отряды татар в этой войне и позднее показали высокие боевые качества, отличаясь маневренностью, стремительностью и бесстрашием в бою.

Позднее, после мятежа знати и свержения Идегея, Витовт активно поддерживал своих ставленников Джучидов – сыновей Токтамыша в их борьбе с Идегеем. В конце концов, Идегей был убит в 1420 г., Улус Джучи распался на отдельные ханства, и Польско-Литовское государство стало искать союзников и воевать с врагами, формируя новую военно-политическую конфигурацию государств на постордынском пространстве.

Таким образом, взаимоотношения Улуса Джучи с Польшей и Литвой на протяжении почти полутора столетий являлись не только лишь внешним, но и важным внутривнутриполитическим фактором, от которого зависели под-

чиненные земли Южной Руси. Взаимоотношения Польши и Литвы с Улусом Джучи полны военно-политических контактов и войн, но ими они не исчерпываются, поскольку важную роль играли также дипломатические, торговые и этнокультурные связи. Десятки тысяч литов-

ских татар – наследников Золотой Орды – на протяжении нескольких столетий были частью сословий, высших и низших, польского и литовского общества, верой и правдой служа своей новой отчизне, оставив глубокий след в истории и культуре Польши и Литвы.

§ 4. Взаимоотношения Джучидов с Чингидами в Средней Азии

Алсу Арсланова

Как сообщал Рашид ад-Дин, Чингиз-хан выделил в улус своему старшему сыну Джучи наиболее отдаленные западные земли, многие из которых к тому же еще только предстояло завоевать – от Каялыга и Хорезма «до тех мест, куда достигали копыта татарских коней». В качестве доли в районе Средней Азии включалась северная часть Хорезма. С уходом войск Чингиз-хана Джучи оставил правителем Хорезма Чинтимура, который впоследствии был назначен Угедем правителем Хорасана и Мазандарана. Южная часть Хорезма, все междуречье Амударьи и Сырдарьи принадлежали Чагатаю. Н.И.Веселовский отметил существовавшую путаницу в историографии по поводу включения Хорезма в улусы Чингизидов. Он писал: «Мусульманские писатели, говоря о разделе Чингиз-ханом его империи, не сообщают ничего о том, что Хорезм отошел не к Джагатаидам, как это можно заключать из слов этих писателей, а к Джучидам. Это обстоятельство ввело некоторых европейских писателей, касавшихся раздела, в ошибку, так как они относили Хорезм к Джагатаеву уделу» [Веселовский, 1877, с.75].

Известно, что братья Джучи и Чагатай находились между собой в очень плохих отношениях. В.В.Бартольд обратил внимание на то, что при осаде Гурганджа (столицы Хорезма) Чагатай настаивал на уничтожении города, тогда как Джучи, наоборот, был настроен на сохранение центра своих будущих владений. По словам В.В.Бартольда, только вмешательство Чингиз-хана смягчило вспыхнувший было конфликт между Чингидами, а Гургандж впоследствии был стерт с лица земли [Бартольд, 1963, I, с.502]. Этот случай ярко демонстрирует проявившуюся специфическую особенность острой борьбы внутри самой монгольской элиты, среди которой имелись сторонники диаметрально противополо-

жных направлений, расходившихся во взглядах на суть ханской власти, на отношение к завоеванным народам, к их экономике и религии. И.П.Петрушевский называл эти направления политическими тенденциями. «Одна из них, относительно прогрессивная, – писал он, – ...имела в виду создание крепкого централизованного государства с сильной ханской властью и, в связи с этим, обуздание центробежных стремлений монголотюркской феодализованной военно-кочевой аристократии» [Петрушевский, 1949, с.111]. Сторонниками этого направления были Угедей, Мунке. Однако до конца XIII в. большая часть монгольской военно-кочевой знати поддерживала другое – реакционное и враждебное первому. Сторонники этого направления, сохраняя преданность монгольским кочевым традициям, крайне враждебно относились к оседлой жизни и местному населению, которое рассматривали исключительно как объект хищнической эксплуатации. «Они стремились к уничтожению городов, видя в них опорные пункты для антимонгольских восстаний, и превращению орошенных земель в пастбища. Кочевые феодалы были врагами ислама и местной культуры, которым они противопоставляли Ясу Чингис-хана и культуру кочевников-уйгур. Ярким выразителем этой политики был Чагатай, общепризнанный знаток и хранитель Ясы Чингис-хана, непримиримый враг мусульман, городской жизни и местной культуры. Борьба этих двух направлений красной нитью проходит через историю Золотой Орды, государств Хулагуидов и Чагатаев» [Строева, 1958, с.207]. Можно сказать, что ее суть заключалась не только в разногласиях о методах эксплуатации покоренных народов, но и в вопросе о слиянии с их феодальной верхушкой и принятии новой религии.

Второй сын Чингиз-хана Чагатай получил от отца во владение земли, населенные племенами барлас и кунграт, а также территории от Южного Алтая и р. Или до Амударьи. Таким образом, его домен включал Восточный Туркестан, большую часть Семиречья и Мавераннахр, т.е. значительную часть Средней Азии (включая Бухару и Самарканд) и современного Казахстана. «Основная территория его улуса называлась Иль-Аларгу, центром которой был г. Алмалык» [История Востока, 1995, II, с.409]. По данным восточных источников, Мавераннахр (территория между рр. Амударья и Сырдарья) входил в состав Улуса Чагатая, но фактически им владел каан Угедей. Известно, что в XIII в. монгольские ханы не занимались управлением хозяйственной и культурной жизни улусов, ограничиваясь получением податей с населения. «В западной зоне, – заметил Питер Голден, – некоторые границы между кочевниками и оседлыми были нечеткими, т.к. они были включены в тесный политический, социальный и экономический контакт. Тем не менее, оседлое общество часто было во власти степных всадников из-за того, что оставались сильными агрессивные, воинственные кочевые традиции, противостоявшие соблазну городов, кроме районов грабежа. Собственные личные склонности Чагатаидов, которые в упрощенной форме мы можем назвать про-кочевническими (согласно Джувейни, он был наделен управлением ясой (ясак, *монг.* Яса(г)), законами, племенными обычаями и приказами Чингисхана, эквивалента тюркскому *тöре*, т.е. воплощению кочевнического обычного права) и анти-городскими, усилили этот антагонизм... Кочевой образ жизни был, несомненно, элементом, способствовавшим нестабильности, что является постоянной темой в истории этого региона. Однако слабость чагатаидской центральной власти также была заимствована из крупных образцов чингизидской политики. Возведение на трон власти Толуидов, создание государства ильханов в Иране... и союз Толуидов с Джучидами, по крайней мере, в отношении Чагатаидов, все это послужило их изоляции и часто прерывало им доступ в городские центры и к торговле, необходимой для кочевой экономики. По необходимости Угедеиды и Чагатаиды вынуждены были моделировать нечто вроде государства ради самосохранения» [Golden, 1992a, p.303].

В первое время власть Чагатая распространялась лишь на кочевые степные племена, т.к. фактически Мавераннахром, согласно приказу Чингиз-хана, управлял богатый хорезмийский купец и откупщик Махмуд Ялавач, сделавший своей резиденцией г. Ходжент. Впоследствии Чагатай без согласия каана низложил этого наместника. Угедей, отдавший Мавераннахр Чагатаю в инжду, на это место назначил сына Махмуда Ялавача – Масуд-бека, который стал управлять делами и всем оседлым населением Средней Азии, Семиречья и Восточного Туркестана (от Бешбалыка до Самарканда и Бухары) до начала XIV в.

Во время правления великих ханов Угедея, Гуюка и Мунке в целом сохранялось единство Монгольской империи. Однако постепенно, по мере отдаления земель, отведенных членам ханского рода от центра, как отметил В.В.Бартольд, «в руки царевичей, располагавших самостоятельной военной силой, стала переходить вся полнота власти, и империя была обречена на распадение на ряд самостоятельных царств» [Бартольд, 1963, II, 1, с.59–60].

В 40–50-х гг. XIII в. между потомками Чингиз-хана началась ожесточенная борьба за власть, обусловленная все большим стремлением к независимости. Объективно этот процесс распада Монгольской империи был связан с недостаточными политическими, экономическими и культурными связями между ее разноплеменными частями и с их возрастающим военным и экономическим могуществом.

Вскоре после смерти Угедея в 1241 г. последовала и кончина Чагатая. По завещанию на престол Чагатайского улуса взошел его внук Хара-Хулагу, который подтвердил наместником «Мавераннахра, Туркестана и других областей» Масуд-бека. Сын Угедея Гуюк низложил Хара-Хулагу, заявив, что при жизни сына внук не может находиться на троне. Главой Чагатайского улуса он назначил Есу-Мунке – старшего из живых сыновей Чагатая.

В результате серьезного противоборства за трон великого хана между потомками Угедея и Тулуя к власти пришел Мунке (1251–1259), старший сын Тулуя, и многие царевичи из домов Угедея и Чагатая были обвинены в заговоре против него и казнены. В этой борьбе, как известно, активную

роль играл Бату, который сумел воспользоваться моментом. «Монгольская империя в середине XIII в. была фактически разделена между наследниками Тулуя и Джучи. Пограничные рубежи владений Бату, сына Джучи, и великого хана Мунке проходили по рр. Чу и Талас. Семиречье оказалось под властью Мунке, а Мавераннахр на время попал в руки Джучидов» [История Востока, 1995, II, с.410]. По словам Рубрука, граница между сферами влияния Мунке и Бату проходила к востоку от Таласа, так что часть земель Улуса Джучи входила в сферу влияния Мунке. Такое положение было связано с тем обстоятельством, что Хара-Хулагу поддержал кандидатуру Мунке на каанство, а Есу-Мунке оказался в числе его противников. Мунке восстановил власть Хара-Хулагу в Чагатайском улусе и дал ему ярлык, разрешающий убить Есу-Мунке. Однако Хара-Хулагу умер в пути на Алтае. По ярлыку хана его жена Эргэнэ-хатун убила Есу-Мунке и стала править Чагатайским улусом от имени малолетнего сына Мубарек-шаха. Мунке направил на запад войско с целью окончательного разгрома врагов и потомков Угедея и Чагатая. В результате улусы последних стали подвластны ему.

Таким образом, как считал В.В.Бартольд, в 50-х гг. XIII в. фактически произошел раздел Монгольской империи между Бату и Мунке, причем во владениях Мунке подданным Бату оказывалось больше уважения, чем людям великого хана во владениях сына Джучи [Бартольд, 1968, V, с.499]. Надо отметить, что сфера влияния Бату при Мунке распространялась и на те области Средней Азии, которые официально не входили в состав Улуса Джучи. «Этот вывод ученого (В.В.Бартольда. – А.А.) был поддержан и последующими исследователями, причем они сходились в том, что и Батый и Мунке старались не вмешиваться в жизнь «культурных» (прежде всего, оседлых) ее районов, предпочитая получить налог-ренту, собираемую ханским наместником этих территорий, сыном знаменитого разведчика Чингиз-хана Махмуда Ялавача Масуд-беком» [Арапов, 1999, с.41]. Границы наместничества Масуд-бека были значительно расширены: теперь ему подчинялись Мавераннахр, Туркестан, Отрар, область уйгуров, Хотан, Кашгар, Дженд, Хорезм и Фергана.

После смерти Мунке в 1259 г. возобновились междоусобные распри внутри «золотого рода» Чингиз-хана – между братьями Хубилаем и Ариг-Бугой. Эта борьба вылилась в кровопролитные столкновения. В 1260 г. Хубилай созвал незаконный курултай в Пекине, где был избран верховным правителем Монгольской империи, а столица империи была перенесена из Каракорума в Пекин, что еще более способствовало распаду империи на отдельные улусы.

Третий сын Джучи – Берке, ставший ханом Улуса Джучи после Сартака (старшего сына Бату), был единственным из внуков Чингиз-хана, отказавшимся признать Хубилая великим ханом и начавшим действовать самостоятельно. Он активно защищал интересы Джучидов в борьбе за власть с потомками Чагатая и Угедея, однако реально контролировал только западную часть улуса своего отца. Остальные Джучиды подчинялись ему лишь номинально [Бартольд, 1968, V, с.557–558]. «Пользуясь слабостью других монгольских государств, правительство Берке начинало вмешиваться в дела улусов Чеготая и Хулагу. Так, например, есть указания в источниках об ограблении христианской части населения Самарканда и Бухары войсками Берке, хотя Джучи не имели никакого отношения к этим городам, принадлежавшим потомкам Чеготая» [Сафаргалиев, 1996, с.318]. В первые годы правления Берке фактически был соправителем Великого хана Мунке и почитался в империи как второй по значению хан. Известно, что этот хан принял ислам и оказывал особое покровительство мусульманским святыням и общинам в Средней Азии. Политика покровительства исламизации страны, безусловно, диктовалась насущной необходимостью укрепления экономических и культурных связей различных районов.

Внук Чагатая Алгу, назначенный главой улуса Ариг-Бугой, а затем открыто восставший против него, удачно использовал ситуацию для расширения своих владений за счет Джучидов – он изгнал джучидских наместников и чиновников, поставленных Берке, из западной части чагатайских владений, распространив свою власть даже на Хорезм, который всегда принадлежал Улусу Джучи (через несколько лет он отнял у Берке и разрушил г. Отрар), и установил фундамент для создания независимого государства. Как пи-

шет В.В.Бартольд, «истребление в Бухаре отряда войск Беркая численностью в 5000 человек, о котором сообщает Вассаф..., вероятно, было сделано не по приказу Хубилая, как говорит Вассаф, или Хулагу, как предполагает д'Оссон (*Histoire des Mongols*, III, p.381), а по приказу Алгуя» [Бартольд, 1968, V, с.504]. Однако вскоре северная часть Хорезма была возвращена в состав Золотой Орды. На это указывают хорезмские монеты с именем золотоордынского хана Менгу-Тимура, чеканенные в начале 70-х гг. XIII в. Как заметил Г.А.Федоров-Давыдов, «...уже на первых хорезмских монетах, на которых знак дома Джучи говорит о принадлежности Хорезма к Золотой Орде, мы встречаем тревожный симптом острой политической ситуации, вызванной борьбой за Хорезм Джагатаидов и Джучидов: на некоторых монетах второго типа вместо тамги Джучи появляется тамга..., распространенная на джагатаидских монетах» [Федоров-Давыдов, 1958б, с.94].

На китайской карте 1331 г. также северная часть Хорезма с Ургенчем обозначены как принадлежавшие Золотой Орде. Мавераннахр остался за Чагатаидами, хотя Менгу-Тимур и Хайду, по решению курултая 1269 г., имели там свою часть. В то же время один квартал в Ургенче, а именно его цитадель, была включена вместе с Кятом и Хивой в улус Чагатая. «Конечно, – заметил Г.А.Федоров-Давыдов, – это владение было чисто номинальным. Но, тем не менее, оно, несомненно, было поводом для всякого рода феодальных споров и распрей между наследниками империи Чингисхана. Остроту этих столкновений увеличивала экономическая важность Хорезма – подлинной жемчужины Джучидского улуса» [там же].

В 60-х гг. XIII в. после создания независимого Чагатайского государства обострилась борьба отмеченных выше направлений. Первые два хана – Мубарек-ходжа и Барак, принявшие ислам, имели тенденцию к сближению с Мавераннахром. Однако эта ориентация встретила резкий отпор со стороны монгольской кочевой знати. Но Барак вскоре сумел расположить к себе монгольскую партию в Туркестане. Осенью 1266 г. он нанес решительное поражение Мубарек-ходже под Ходжентом и провозгласил себя ханом.

Внук Угедея Хайду, боровшийся за власть с Баракком, в то время как Хулагуиды воева-

ли с Джучидами за обладание Закавказьем и северо-западными областями Средней Азии, ради своих интересов встал на сторону последних. Западная граница владений Хайду и его верного вассала Дувы проходила по Амударье, в районе которой между ними и Хулагуидами с переменным успехом шла борьба. Менгу-Тимур, хан Улуса Джучи, заключил с Хайду союз и послал к нему на помощь против Барака 50-тысячный отряд. Его вмешательство в дела Чагатайского улуса, вероятно, было связано со стремлением обеспечить безопасность восточному торговому караванному пути от царевича Барака, вступившего на путь «несправедливости и произвола» и опустошившего Среднюю Азию. Разорение Баракком Самарканда, безусловно, непосредственно затрагивало интересы золотоордынской торговли. Хайду, поддержанный Менгу-Тимуром, в 1268 г. нанес Баракку поражение на Сырдарье и принудил его согласиться на раздел Туркестана. Разбитый в сражении Барак принял в результате условия Менгу-Тимура.

Весной 1269 г. хан Хайду собрал курултай в Таласской долине. Между улусами Джучи, Угедея и Чагатая был установлен мир и уточнены границы. Две трети Мавераннахра отошли Баракку, одна треть была разделена между Хайду и Менгу-Тимуром. По сообщению Рашид ад-Дина, Хайду имел право собирать дань во владениях всех участников курултая, мог поставить начальниками пограничных областей с владениями Джучидов, Хулагуидов и Хубилая своих сыновей. Тот же автор сообщает, что участники курултая заключили между собой договор о том, «что впредь будут селиться в горах и степях, не будут держаться вокруг городов, не будут пускать скот на засеянные поля и делать необоснованные взыскания с подданных (райя)» [История Узбекской ССР, 1967, I, с.307]. Кроме того, на том же курултае, по предложению Менгу-Тимура, был заключен союз между «домами» Джучи, Угедея и Чагатая против иранских Хулагуидов, с которыми Золотая Орда еще со времени хана Берке находилась в состоянии войны. «...Конец же их совещания был таков, – пишет Рашид ад-Дин, – чтобы весной Борак переправился через Аму, чтобы он повел свое войско в Иранскую землю и взял бы некоторые из владений Абака-хана, дабы у войска его вдоволь было пастбищ и земли и имуще-

ства. Борак сказал: «Если сердце ваше на такое предложение согласно, то мы заключим такой союз и договор»...» [СМИЗО, 1941, с.78]. «При наличии союза отпала, таким образом, угроза образования коалиции монгольских правителей против Золотой Орды.... Улусы Джучи, Чеготая и Угедея... были признаны в качестве самостоятельных государств. Их независимость была юридически оформлена и закреплена общим договором, ...освободившим дома Джучи, Чеготая и Угедея от посягательств потомков Тули» [Сафаргалиев, 1996, с.322]. Управление культурными оседлыми областями было вверено тому же Масуд-беку.

Таким образом, в течение почти полувека чагатайские ханы не пытались утвердиться в Мавераннахре, и их ставки находились в Семиречье, которое вследствие большого притока кочевников было обращено в пастбища. В своем стремлении к уничтожению городов и ограблению оседлого населения монгольская кочевая знать активно сотрудничала с кочевой знатью Хулагуидского государства. Илхан Абака отправил в Бухару и Хорезм две своих армии, приказав им опустошить их. Так, в 1273 г. и те, и другие участвовали в разгроме Бухары, которая стала вновь заселяться не ранее 1280 г.

После смерти Хайду в 1302/03 г. и кратковременного правления Тука-Тимура власть в Средней Азии перешла в руки союзника Хайду – Дувы (1282–1306) – потомка Чагатая. Обстоятельства сложились так, что он стал обладателем территории, которая ранее входила в состав улуса Чагатая, и князья дома Угедея вынуждены были ему подчиниться. В.В.Бартольд называл его подлинным основателем Чагатайской державы. После смерти Дувы начались междоусобицы царевичей и хроническое состояние смуты. Персидский историк Вассаф связывает с ними полный упадок земледелия и торговли в Мавераннахре и Туркестане.

В Золотой Орде в 1312 г. к власти при помощи эмира Кутлуг-Тимура пришел знаменитый Узбек-хан (1312–1342), который принял (вероятно, в 1321 г.) и окончательно утвердил ислам в этом государстве, причем обращал его в эту веру туркестанский шейх Сейид-Ата. Надо сказать, среднеазиатские шейхи, особенно Хорезма, оказывали влияние на золотоордынских ханов и после этого события. Правление Узбека сопровождалось

разносторонними дипломатическими связями и расцветом внешней торговли со странами Запада и Востока. В этот период наблюдается, в частности, расцвет Хорезма и его округа, как важного культурно-экономического и ремесленного центра государства. Наместником Хорезма стал Кутлуг-Тимур. Со слов Ибн Баттуты мы знаем, что это был «один из самых больших, значительных и красивых тюркских городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотоми. Он точно колеблется от множества своих жителей и волнуется от них, как волна морская» [СМИЗО, 1884, с.308]. В то время правителем Чагатайского улуса был Эсен-Бука, сын Дувы, который стремился к союзу с Узбеком против каана. Как сообщает анонимный автор «Продолжения сборника летописей», он даже послал ему письмо, где писал, что будто бы каан сказал: «Узбек недостоин быть государем; место Токтая я передам другому царевичу». Услышав это, Узбек захотел восстать против каана, но Кутлуг-Тимур, бывший эмиром и советником его (Узбека), сказал: «Если ты хочешь последовать моему совету, то не обращай внимания на слова Эсен-Буки, потому что он своекорыстный человек и в этом деле имеет в виду (только) собственную выгоду». Узбеку это мнение понравилось; послушавшись слова его (Кутлуг-Тимура), он не обратил внимания на то (заявление Эсен-Буки) и отправил послов к каану с предложением дружбы, единогласия, покорности и повиновения» [СМИЗО, 1941, с.141–142].

В Чагатайском улусе после смерти сына Дувы Эсен-Буки около 1318 г. трон занял его брат Кебек (1318–1326), который порвал с монгольской кочевой традицией и поддерживал процесс перехода к оседлости и городской жизни, стремясь обрести власть над богатыми и культурными областями Мавераннахра (нынешних Узбекистана и Таджикистана). Он окончательно перенес сюда ставку Чагатайского улуса (в г. Нахшеб) и построил недалеко от нее дворец («Карши»). Кебек покровительствовал мусульманам. С его именем связаны денежная и административная реформы, имевшие централизованные тенденции. До того времени в Чагатайском улусе не было единой государственной монеты. Они чеканились в Бухаре, Самарканде, Термезе

и других городах. Были также распространены монеты хорезмского и золотоордынского чекана. Была введена та же монетная система, что и в государстве Хулагуидов при Газан-хане. Надо отметить, что эта система имела широкое распространение и в XIV в., одновременно была введена в Золотой Орде, Чагатайском улусе и в государстве ильханов. Безусловно, эта система при лучших обстоятельствах могла бы способствовать интенсификации развития торгово-экономических связей между ними, если бы не враждебные отношения между Хулагуидами и Золотой Ордой, с одной стороны, и Чагатаидами с Хулагуидами, с другой. Преемники Кебека продолжили подобный курс и стремились консолидировать Чагатайский улус. Например, его брат Гармаширин (1326–1334), живший в центре Бухарского оазиса, совершенно отошел от кочевого быта, стал ревностным мусульманином и сделал ислам официальной религией Чагатайского государства, что, по словам ал-Омари, содействовало оживлению торговли между Мавераннахром и другими мусульманскими областями. В дальнейшем начались антимульманская реакция, феодальные смуты и борьба за власть среди кочевых феодалов, продолжавшиеся до 1346 или 1347 г.

Последним самостоятельным ханом Чагатайского улуса был сын Ясавура Казан, который сделал попытку восстановить авторитет ханской власти, но был убит представителем кочевой знати эмиром Казаганом в г. Карши в 1346 г. «Двенадцатилетнее правление Казагана (1346–1358) было временем осуществления стремлений и интересов военно-кочевой знати, заинтересованной в со-

хранении набегов и грабительских походов на соседние страны» [Строева, 1952, с.67].

В 40-х гг. XIV в. Чагатайский улус распался на Моголистан с преобладанием кочевого элемента и Мавераннахр с преобладанием оседлого, каждый со своими ханами. В конце 50-х гг. ханская власть была сведена к нулю, и Чагатайское государство распалось на 12–15 феодальных владений (кочевых или оседлых), непрерывно воевавших друг с другом за увеличение своих владений. Понятно, что кроме политической раздробленности это неизбежно вело к значительному разрушению хозяйства, упадку торговли и т.д. Этим смутным периодом умело воспользовался Тимур для захвата власти в Чагатайском улусе.

Стратегические военно-политические замыслы Токтамышя, мечтавшего хотя бы частично восстановить империю Чингизидов в пределах трех улусов, были обращены на земли, ранее составлявшие владения Чагатаидов и Джучидов. Но, как мы знаем, в дальнейшем только Тимуру удалось привлечь на свою сторону как кочевых чагатайских феодалов, так и феодальные круги оседлого Мавераннахра. Собственно, именно в этом и заключалась причина его успехов. «В Мавераннахре им была прочно установлена политическая стабилизация, ликвидирована угроза вторжений завоевателей, создана безопасность для караванных путей. Огромный поток материальных ценностей, приток людских масс, прекращение феодальных войн – все это способствовало развитию производительных сил страны.... Впервые за все время господства монголов, Мавераннахр стал объединенным и относительно централизованным государством» [там же, с.87].

§ 5. Войны Джучидов с Хулагуидами

Алсу Арсланова

В 30-х гг. XIII в. большая часть Ирана и страны Закавказья были завоеваны монголами. Непокоренными оставались владения исмаилитов в горах Альбурса и Кухистана, а также владения багдадских халифов в Ираке Арабском и в Хузистане. На всемонгольском курултае 1251 г., избравшем Великим ханом Мунке, было решено предпринять новый поход для завершения этих завоеваний под командованием Хулагу-хана. Для похода, ко-

торый рассматривался как общемонгольское дело, было выделено войско от всех четырех улусов, собранное из расчета по два воина из каждых десяти [СМИЗО, 1941, с.67; Петрушевский, 1977, с.231]. Войско хана вступило в пределы Ирана в 1256 г. Свой поход Хулагу начал с покорения многочисленных крепостей исмаилитов с центром в Аламуте. (В одном Кухистане их оказалось больше пятидесяти [Грумм-Гржимайло, 1926, с.474].

В этом походе, кроме войск, приведенных Хулагу, принимали участие также те отряды монголов, которые оставались в Иране со времени войн с Джалал ад-Дином, а также вспомогательные мусульманские контингенты [там же, с.475].)

Затем он отправился походом на Багдад, где правил халиф ал-Муста'сим (1242–1258). Благодаря захвату Багдада, монголы получили бы возможность выйти к Средиземному морю и овладеть очень важными торговыми путями – от Персидского залива до сирийских портов, что сулило богатую добычу и крупные доходы. Поэтому завоеванию этого города Хулагу-хан придавал большое значение. Багдад был взят монголами без особых потерь со своей стороны 5 февраля 1258 г., и впоследствии он потерял свое значение как одного из центров мировой торговли. В руки победителей попали огромные сокровища халифата, которые Хулагу-хан отправил в Азербайджан, для хранения в казнохранилище на горе Шахи близ оз. Урмия. Захваченный в плен халиф был казнен по приказу Хулагу, а вместе с ним прервалась и династия Аббасидов, правившая в Багдаде свыше 500 лет (750–1258). Дальнейшее продвижение монголов на запад остановили египтяне, оказав упорное сопротивление и разбив их в Сирии в 1260 г. Таким образом, Сирия была потеряна для монголов, а разгоревшаяся впоследствии война между Джучидами и Хулагу не дала последнему возможности осуществить задуманную карательную экспедицию в эту страну.

Несмотря на то, что монголам в результате неоднократных попыток на протяжении десятков лет так и не удалось завоевать Сирию, тем не менее, за короткое время они смогли утвердиться на обширной территории Передней Азии. В завоеванном Иране Хулагу основал собственное государство, столицей для которого определил Марату, а затем Табриз, т.е. в качестве центральной его области был избран Азербайджан. В состав этого государства вошли также Армения, Грузия, большая часть Малой Азии, Месопотамия и другие страны. В 1261 г. Хубилай-хан признал его правителем этих земель и пожаловал титул «ильхана» (т.е. владыки народа или племени). С этого момента и вспыхнула вражда между Джучидами и Хулагуидами. К тому же Берке-хан фактически обособился от главы Монгольской империи, порвав связи с Хубилаем после того, как принял сто-

рону его противника – Ариг-Буги – в борьбе за верховную власть.

Из многих источников известно, что среди войск, выделенных Хулагу для похода, имелись и золотоордынские войска, которые принимали участие во всех указанных завоеваниях. Как отметил А.А.Али-Заде, «из материалов этих историков явствует, что после того, как взаимоотношения между золотоордынским ханом Беркаем и Хулагу-ханом ухудшились, эти войска по указанию Беркая должны были вернуться обратно в Золотую Орду. Часть из них покинула территорию ильханов и, пройдя границу, вступила в земли египетских мамлюков, а некоторые из них, пройдя Дербент, вернулись в Золотую Орду» [Али-Заде, 1956, с.304]. Таким образом, Берке считал нужным отозвать свои войска, поскольку не был уверен в их безопасности. «Как известно, – писал А.А.Али-Заде, – египетский султан действительно оказал прибывшим золотоордынским войскам самый радушный прием: он приказал своим наместникам снабдить их всем необходимым и направить в Каир, куда отправился и сам для их встречи. Золотоордынцы были размещены в домах, специально построенных для них в ал-Луке. В их честь было устроено пиршество, султан наградил их почетными одеждами, лошадьми и деньгами, военачальников их сделал эмирами, а всех прочих включил в число «бахриев» (или бахритов). Первые отряды золотоордынских войск, покинувшие лагерь Хулагу, прибыли в Египет в 660 г.х. (1261/62 г.). Золотоордынские отряды продолжали прибывать в Египет и в дальнейшем, и были также радушно там приняты» [там же, с.309].

А.Ю.Якубовский считал, что, вероятно, Берке, оказывая военную помощь ильхану при завоевании Ирана и взятии Багдада, рассчитывал, что за это он получит от него в качестве своей доли территорию Азербайджана, где имелись прекрасные пастбища и богатая «ремесленная промышленность, преимущественно текстильная, которой славились города и селения Азербайджана» [Греков, Якубовский, 1950, с.76]. Об интенсивной торговле между Золотой Ордой и иранским Азербайджаном и о том, какое большое значение ей придавали Джучиды и Хулагуиды, свидетельствуют Вассаф, Киракос Гандзакечи и другие авторы. Однако в результате переговоры по этому вопросу ни к чему не привели. По мнению Н.И.Веселовского, Джучиды, так же как и Чагатаиды,

должны были содействовать походу Хулагу. В случае успеха это обычно вознаграждалось наделением участка на завоеванной территории. Очевидно, именно поэтому Берке и стал претендовать на Арран и Азербайджан, поскольку это соответствовало его экономическим и стратегическим интересам. «Но обе эти провинции остались за Гулагу, почему золотоордынский хан и счел себя обиженным» [Веселовский, 1922, с.4]. Во всяком случае, отсутствуют какие-либо документальные сведения о том, что между Хулагу и Берке существовала какая-либо договоренность по этому вопросу [Али-Заде, 1956, с.305].

По мере ухудшения взаимоотношений ильханов с Улусом Джучи все более благоприятные условия создавались для союза последнего с египетскими султанами. Они часто обменивались посольствами и драгоценными подарками, под предлогом защиты ислама подстрекали друг друга к войне против Хулагуидов. Как известно, Берке первый в Улусе Джучи принял ислам и старательно распространял его в своих владениях. Ислам в данном случае выполнял и роль определенного идеологического средства, которое Берке использовал для завоевания симпатий тех мусульман, которые находились на территории, подвластной ильханам, а также для заключения союза с египетским султаном, т.е. для привлечения на свою сторону внутренних и внешних врагов ильхана.

«Можно сказать, что одной из причин принятия ислама ордынским ханом Берке, братом и наследником Бату-хана, была его вражда с Хулагуидами и союз с противниками последних – египетскими султанами. Наоборот, как это ни странно на первый взгляд, ильханы долго не принимали ислам, т.е. религию, которую исповедовало большинство их подданных. Сам Хулагу вообще покровительствовал христианам, и его старшая любимая жена (кериитанка), как сообщает Рашид ад-Дин, была христианкой. Но то же самое делали и прочие Чингизиды, пока Монгольская империя не стала клониться к распаду. Пока шли упорные войны Джучидов и Хулагуидов (60–80-е гг. XIII в.), ильханы оставались язычниками, и их основной опорой были кочевые племенные ополчения, пришедшие в Иран еще с Хулагу» [История Востока, 1995, II, с.414]. Известно, что покровительство христианства со стороны Хулагуидов не было случайным фактом. В истории противоречий между Хулагуидами и Джучидами

оно сыграло значительную роль, послужив средством в их гибкой политике утверждения в завоеванных странах и в борьбе с Джучидами [Нарожный, 1989, с.112].

Таким образом, дипломатические отношения Улуса Джучи с Египтом были обусловлены важными политическими факторами и представляли собой результат продолжительного и тесного союза между этими, столь различными по культуре, странами на протяжении от середины XIII до конца XIV в. В связи с этим следует отметить, что инициатива в установлении взаимно комплиментарных отношений в основном исходила именно от Египта, так как он чаще «кровно был заинтересован» [Греков, Якубовский, 1950, с.78] в могуществе Улуса Джучи и в военном союзе с ним против своего непримиримого врага – иранских монголов. В Египте хорошо сознавали выгоду сраживания Золотой Орды с их непосредственным соседом – хулагуидским Ираном ради того, чтобы, в конечном счете, ослабить оба эти государства, в потенциале способных стать противниками египетских правителей. Более того, усилия последних были направлены на поддержание постоянной вражды между ними с целью отвлечения внимания Хулагу от завоевания Сирии. Джучиды, со своей стороны, также были в этом заинтересованы, т.к. не желали выхода Хулагуидов к Средиземному морю и захвата ими приморских сирийских городов для установления торговых связей с Европой.

В сочинениях арабских авторов имеются ценные сведения о переписке между ханами Улуса Джучи и египетскими султанами. Так, секретарь египетского султана ал-Малик аз-Захыр Рукн ад-Дина Бейбарса I, Ибн Абд аз-Захир, оставивший летопись современных ему событий, написал с его слов письмо Берке, подстрекая того для выступления против Хулагу, объясняя это тем, что для него «обязательна священная война с татарами (Хулагуидами)... ислам не состоит только в одних словах; священная война есть одна из (главных опор) его». Это письмо султан направил к Берке со специальным посольством. Как пишет далее тот же автор, «вместе с ними он отправил двух человек из упомянутых Татар, принадлежавших к слугам и сторонникам царя (Берке) и знавших (те) земли. При посредстве (этих) послов он написал письмо, в котором было много по части расположения и возбуждения к войне, описание войск мусульманских, многочисленности и разноплеменности

их, (с указанием) сколько в них конницы, Туркмен, курдских родов и Арабских племен, какие владыки мусульманские и франкские повинуются им, кто противодействует им и кто с ними в ладу, кто посылает им дары и кто с ними в перемирии, да как все они в повиновении у него (султана) и послушны указани-ям его. Кроме того, (письмо содержало) воз-буждение против Хулавуна – да посрамит его Аллах – объяснение ничтожности его дела (т.е. легкости справиться с Хулавуном), подстре-кательство против него, порицание беспечно-го отношения к нему, и внушение делать все, что будет делать, во вред ему (Хулавуну)» [СМИЗО, 1884, с.47, 55].

Как указывает Салих Закиров, это пись-мо послужило началом для целой серии под-стрекательств против Хулагуидов, которыми постоянно сопровождалась дипломатические отношения между Египтом и Улусом Джучи. Так, например, арабский историк ан-Ну-вайри сообщает: «В месяце рамазана упомянутого года (9 июля – 7 августа 1263 г.) султан Эльмалик Эззахыр отпустил послов его (Беркея) обратно и написал ему (письмо), возбуждая его против Хулагу и подстрекая его к войне с ним» [там же, с.131–132, 152].

Как справедливо отметил А.Ю.Якубов-ский, «расчеты мамлюкского султана Бейбар-са были чрезвычайно просты. Хулагуидский Иран являлся соседом Египта, владевшего также и Сирией. Границы пролегали в Месо-потамии. Сильный Иран – угроза мамлюкским султанам. Что может быть более действенным средством, чем вражда двух монгольских государств? Вот почему основной задачей всей внешней политики мамлюкского Егип-та и являлось – всячески поддерживать, а если можно, и усилить эту вражду» [Греков, Яку-бовский, 1950, с.78]. А.А.Али-Заде, подроб-но рассмотревший этот вопрос по материа-лам персидских и арабских источников, при-шел к выводу, что после того, как Хулагу захватил Ирак арабский и уничтожил Абба-сидский халифат, мамлюкские султаны де-лали все, чтобы не дать Хулагу продвинуться вглубь Сирии, старались вернуть себе захва-ченные сирийские города, а затем захватить Ирак арабский и территории Малой Азии и т.д. Илханы, в свою очередь, также стреми-лись к захвату всей Сирии и полному ее под-чинению. На самом деле факты уничтожения аббасидского халифа и уничтожение принад-лежавших мусульманам городов являлись не столько причиной, сколько поводом для на-

чала военных действий (см.: [Али-Заде, 1956, с.311]).

В начале XIII в. (в течение 40 лет), до тех пор, пока Хулагуиды не приняли ислам, «козырной картой» в руках мамлюкских султанов были призывы к «священной вой-не» против неверных. Так, например, араб-ский историк аз-Зехеби сообщает, что «од-ною из главных причин возникновения вой-ны, происшедшей между ним (золотоордын-ским ханом Берке. – А.А.) и Хулагу было умерщвление (последним) халифа». Аналоги-чные сведения приводят и другие арабские историки. Однако уже Хулагуид Токудар (1282–1284), а затем и Газан-хан (1295–1304) приняли ислам. Между тем, вражда между илханами и их соседями – мусуль-манами вовсе не прекратилась, а только раз-горелась. Таким образом, очевидно, что она носила характер не религиозных, а именно политических противоречий [там же, с.300]. В.В.Бартольд справедливо считал более правдоподобными те известия, «согласно ко-торым царевичи из дома Джучи считали, что их права были ущемлены из-за создания нового монгольского государства в Персии; с новым государством были объединены также такие области, как Арран и Азербайд-жан, где еще при Чингиз-хане прошли «ко-пыта монгольских коней» и которые, следо-вательно, по установлениям завоевателя, должны были принадлежать к уделу Джучи» [Бартольд, 1968, V, с.505].

Военное противостояние золотоордын-ских ханов и иранских илханов, которое про-должалось на протяжении почти ста лет (1262–1357 гг.) и изредка прерывалось пе-риодами непрочного мира, началось уже при Хулагу и Берке, т.е. сразу после образования илханского государства. Берке, как сын Джучи, считал себя старшим в роде и по праву требовал от Хулагу подчинения. При жизни Бату, который до появления в Персии Хулагу распоряжался монгольскими силами в Закавказье, сохранялись дружественные от-ношения. Сыновья Джучи и Тули даже со-вместно участвовали в возведении на трон Мунке-хана в 1251 г., однако вскоре после завоевания Багдада и образования государ-ства Хулагуидов ситуация резко изменилась, усилились противоречия между членами хан-ского дома. Дружба перешла в открытую вражду, поскольку Хулагу-хан стал ханом тех стран, которые раньше принадлежали Бату. Арабский историк ал-Омари заметил, что до

Хан Хулагу. Миниатюра. Иран. Начало XIV в.

смерти Бату Золотая Орда имела политическое влияние над странами Передней Азии, что Азербайджан и Иран входили в ее владения и что Джучиды противились походу Хулагу-хана на запад, главным образом, завоеванию Багдада [СМИЗО, 1884, с.246]. Когда власть в Улусе Джучи перешла к Берке-хану, Хулагу стал действовать независимо от него.

Рашид ад-Дин сообщает, что Хулагу был недоволен «своевластием Берке». Со своей стороны, Берке осуждал Хулагу за то, что тот «разорил все города мусульман, разгромил семейства всех государей ислама, не делал различия между другом и недругом, уничтожил халифа без совещания с родичами» [СМИЗО, 1941, с.74] и всячески наставлял и укорял его. «Но в виду того, – добавляет Рашид ад-Дин, – что Берке был старшим в роде (ака), Хулагу-хан переносил все это...». Вскоре, однако, это стало ему досажать и, как передает тот же Рашид ад-Дин, он сказал: «Хотя он (Берке) и старший в роде (ака), но так как он далек от пути скромности и мягкости и обращается ко мне с угрозой и насилем, то далее оказывать ему уважение я не хочу...» [там же, с.73–74]. Возможно, Берке, пользуясь своим авторитетом, хотел поставить Хулагу в зависимое от себя положение. Хулагу же, стремившийся к независимости, со своей стороны, намеренно лишил его тех некоторых доходов, которые тот получал до образования государства ильханов.

Таким образом, причинами этой войны, как указывал В.В.Бартольд, явились: притязания Джучидов на Арран и Азербайджан; высокомерие Берке, старшего в роде, в его сношениях с Хулагу; смерть джучидских царевичей в Иране (Берке подозревал, что их

отравили); к тому времени ставший мусульманином Берке объявил себя защитником приверженцев ислама от притязаний Хулагу [Бартольд, 1963, III, 1, с.59–60].

Салих Закиров заметил, что основные причины этого противостояния часто «оказываются скрытыми за очень многими второстепенными причинами, так как каждый историк и летописец, описывая ход событий, придерживался своих взглядов и выдвигал в качестве главной ту или иную причину, наиболее вескую с его точки зрения» [Закиров, 1966, с.9].

В некоторых, дошедших до нас, документах имеются сведения о границах Улуса Джучи и государства Хулагуидов, в них говорится и о причинах ухудшения взаимоотношений между ними, что было связано с территориальными притязаниями золотоордынских ханов к ильханам [Ичалов, 1975, с.172].

Персидский историк XIII–XIV вв. Вассаф, определяя границы Золотой Орды и Хулагуидов, писал, что «земли в длину от краев Каялыка и Хорезма и крайних пределов Саксина и Булгара до окраин Дербенда Бакинского он (Чингиз-хан. – А.А.) предназначил старшему сыну Туши. Что позади Дербенда, называемого Демир-капук (Железные ворота), то всегда было местом зимовки и сборным пунктом разбросанных частей войск (Туши); по временам они делали набеги до Аррана и говорили, что Арран и Азербайджан также входят в состав владений и становищ их (Джучидов)... Вот почему с обеих сторон, хулагидской и джучидской, – продолжает вышеуказанный автор, – стали проявляться одна за другой причины раздора и поводы к озлоблению» [СМИЗО, 1941, с.80–81]. Из этого сообщения, а также из ряда других арабских и персидских источников, очевидно, что ханы Золотой Орды не без основания претендовали на земли Закавказья, т.к. по завещанию Чингиз-хана они были выделены старшему сыну Джучи, но затем были захвачены Хулагуидами. Большинство же средневековых историков считают границы золотоордынского государства, начиная от Дербенда и далее к северу. «Таким образом, – заметил А.А.Али-Заде, – ...можно констатировать, что Дербенд (Баб-ал-абваб, Демир-капу) вошел в состав Золотоордынского

го государства, а ильханы владели Ширваном, Арраном и вообще Азербайджаном. Фактом, подтверждающим это положение, является то, что налоги, взимающиеся с этих областей, поступали в центральную казну ильханов, о чем имеются материалы у Хамдаллаха ал-Казвини. Как известно, последний в своем географическом произведении приводит общую годовую сумму налоговых поступлений из этих областей в государственную казну ильханов» [Али-Заде, 1956, с.310].

Собственно, основным камнем преткновения для обоих государств был Азербайджан с центром в Табризе, в котором, благодаря его естественным ресурсам и выгодно-му географическому положению находился один из главных узлов торговых караванных путей между восточными и западными странами [там же, с.316]. У Хамдаллаха ал-Казвини в сочинении «Нузхат ал-кулуб» дается подробное описание сети караванных путей, проходивших через территорию Азербайджана в различных направлениях, связывая южные районы с северными. Хулагу поэтому особенно ценил этот регион и столицей своего государства сделал Табриз, который при нем получил значительное развитие. Фактически после образования ильханского государства торговые связи между Джучидами и Хулагуидами были нарушены. «Для оценки значения этих путей, – заметил А.А.Али-Заде, – следует отметить, что при ильханах главная дорога Султанийе – Дербенд вследствие постоянных военных действий между ильханами и золотоордынскими ханами имела большое значение и часто служила для передвижения войск и перевозки военных материалов. В периоды кратковременных перемирий эта дорога снова приобретала и торговое значение; так, например, по словам Вассафа, в период правления Кейхату (после перемирия между ильханами и правителями Золотой Орды) возобновились торговые сношения, причем главными предметами торговли, привозимыми из Золотой Орды, были рабы, а также лошади и бараны; эти «товары», по словам Вассафа, заполняли рынки Аррана» [Али-Заде, 1952, с.75–76].

В своем повествовании о путешествиях по Азии Марко Поло дает свое суждение о причинах войны «между Алаем, царем левантским, и Баркою, царем запада». По его мнению, война возникла из-за пограничной области. «Каждому хотелось ею завладеть, – писал Поло, – и ни один не хотел уступить ее

другому: почитали они себя оба сильными и могущественными. Вызывали друг друга и говорили: «Пойду и возьму ее и посмотрю, кто у меня ее отнимет...» [Минаев, 1902, с.338]. Это объяснение ближе к реальности, чем объяснение ал-Муффаддаля и армянского историка Киракоса Гандзакеци, писавших, что Берке поддерживал Ариг-Бугу против Хубилая, а Хулагу «огорчился этим» и выступил против Берке [СМИЗО, 1884, с.187–189].

Между тем, все же очевидно, что дело не ограничивалось только узкими пограничными спорами, и в основе этих, глубоко зашедших, противоречий лежали более крупные интересы, а именно ожесточенная борьба за области, очень важные в экономическом и стратегическом отношении. Указанный выше ал-Муффаддал, ссылаясь на некоего Ала ад-Дина ибн Абдаллаха ал-Багдади отметил, что причиной войны был раздел доходов с завоеванных стран, который, по установлению Чингиз-хана, должен был делиться на пять частей, из которых две части отдавались Великому хану, две части – войску и одна часть должна была поступать хану из дома Бату. «Когда Бату умер и на престол вступил Берке, Хулавун удержал его долю» [там же]. Таким же образом объяснял причины войн Ибн Васил, указывавший на то, что по постановлению Чингиз-хана, с каждой покоренной области по третьей части должно было идти в пользу дома Берке, дома Чингиз-хана и войска. Хулагу перестал выполнять это постановление. «Когда Чингиз-хан умер, – пишет Ибн Васил, – то никто из Татар не отступился от решения его и от того, что им было предписано, но когда власть перешла к Хулавуну и он завоевал восток, Эльаджем и Эльирак и захватил имущество, то он никому из Татар не дал ничего, а оставил все имущество себе, не послав ничего ни дому Берке, ни дому Чингизханову, называвшемуся (ныне) домом Бату, который был у них царь великий и могущественный. Это было неприятно дому Берке» [там же, с.73].

Персидский историк Джузджани, бывший современником этих событий, писал, что Хулагу после захвата Багдада только «кое-что в виде подарка и доли отослал к Берке» [СМИЗО, 1941, с.19, прим.3].

Однако из сообщения арабского автора ал-Омари можно сделать иное заключение о финансовых счетах между Джучидами и ильханами. «Оказывается, что содержание вспомогательных корпусов, посланных в Персию

на помощь Хулагу, было обеспечено доходами с богатых промышленных городов Мераги и Тавриза. Следовательно, когда ильханам предъявлялись претензии, то дело шло не о пятой или третьей части добычи или доходов, в качестве компенсации за участие в походе, а о покрытии расходов по военным издержкам» [Козьмин, 1935, II, с.97]. Можно согласиться с азербайджанским автором М.А.Сейфеддини, который писал, что еще «до образования Ильханидского государства Золотая Орда свободно распоряжалась торговыми путями и обширными пастбищами Азербайджана, Грузии, а также частью Малой Азии. Кроме того, ввозимые ею товары не облагались налогами. Появление нового государства, которое стремилось овладеть торговыми путями, ведущими от Черного моря в южную часть Азербайджана, естественно ущемляло ее интересы» [Сейфеддини, 1981, 2, с.72–73]. Отсюда понятно, что военные действия между этими государствами становились неизбежными. Как писал И.П.Петрушевский, «борьба за обладание Закавказьем между Хулагуидами Ирана и Джучидами Золотой Орды была в немалой степени борьбой за обладание путями караванной торговли с Европой, пролежавшими через Закавказье» [Петрушевский, 1937, с.912].

Золотоордынские ханы, заинтересованные в поддержании непосредственных и беспешлиных торговых и политических отношений с восточными и западноевропейскими странами и в получении дохода с этой территории, стремились укрепиться в Азербайджане. «Таким образом, господство ильханов над некоторыми важнейшими торгово-караванными путями сообщения являлось одной из основных причин, заставлявших золотоордынских ханов предъявлять претензии на Азербайджан и время от времени совершать набеги на эту территорию» [Али-Заде, 1956, с.316]. Кроме того, здесь находились исключительные пастбища, столь излюбленные монголами, и важные естественные ресурсы.

Непосредственным поводом к войне между Джучидами и Хулагуидами стали отзыв Улусом Джучи своих вспомогательных подразделений из армии Хулагу-хана в 1261/62 г. и гибель трех командиров (царевичей – племянников Бату-хана) [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.81–82; 1946, с.54]. Поскольку все завоевания монголов осуществлялись всем народом, то и все приобретения становились собственностью всего царского дома, что

налагало определенные обязанности ханов улусов друг к другу и к монгольскому императору. Как было отмечено, когда Хулагухан отправился для покорения ряда областей Передней Азии, ему из каждого улуса были выделены войска, среди которых имелись и золотоордынские под командованием некоторых царевичей и крупных феодалов. По данным Рашид ад-Дина, все три командира этих отрядов – царевичи Балакан, сын Шибана, Тутар, сын Бувала, и Кули, сын Орды, т.е. внуки Джучи и племянники Бату, которые непосредственно участвовали в расширении Монгольской империи, требовали своей доли, при разных обстоятельствах были умерщвлены в улусе Хулагу [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.81–82]. Один из царевичей – Тутар – был обвинен в колдовстве и заговоре против Хулагу, подвергнут допросу и признан виновным. Хулагу в знак уважения к Берке отправил его к нему. Берке же, со своей стороны, убедившись в правоте обвинения, согласно Йасе Чингиз-хана, вернул его обратно к Хулагу, который приказал его казнить. Другие золотоордынские феодалы, по Рашид ад-Дину, умерли естественной смертью, однако Берке подозревал Хулагу в их умышленном отравлении. Семьи этих трех царевичей бежали в Иран, достигли Дербента и оттуда прибыли в Улус Джучи. Об оценке этого инцидента современниками можно судить из слов Рашид ад-Дина: «...когда родственников его (Берке. – А.А.): Тутара, Балагу и Кули постигла беда (смерть), то между ними (Хулагу и Берке) появилась вражда и озлобление, которое с каждым днем все усиливалось» [СМИЗО, 1941, с.74]. Золотоордынские отряды, принимавшие участие в завоевании Ирана, покинули ряды армии ильханов. Небольшая часть их перешла в Египет, враждебный Хулагуидам, другая через Хорасан или через Дербент ушла в Улус Джучи и стала активно участвовать в борьбе против Хулагу. Об этих событиях по-своему повествуют армянские средневековые историки. Например, инок Магакия так сообщал причину раздора между Хулагу и Берке: император Мунке повелел аргучиям (судьям) возвести Хулагу на ханство в завоеванных им землях, но некоторые царевичи возмутились против него. «Как только ханские сыновья узнали о том, что Гулаву намерен возвестить на ханский престол, то четверо из них пришли в ярость и не захотели повиноваться Гулаву. Такудар и Бора-хан подчинились, а Балаха, Тутар, Ка-

таган и Миган не согласились признать его ханом. Когда аргучи Мангу-хана убедились в том, что эти четверо не только не желают повиноваться, но еще намерены сопротивляться Гулаву, то приказали подвергнуть их ясаку, т.е. задушить тетивой лука, по их обыкновению, только этим способом можно было предавать смерти лиц ханского происхождения.... После того аргучи приказали армянским и грузинским войскам идти на войска мятежников и перебить их, что и было исполнено. Народу было истреблено столько, что от убитых татарских трупов зловоние распространилось по горам и полям. Только двое из предводителей, Нуха-куун и Аратамур, проведав заблаговременно об опасности, взяли с собой сокровища, золото, превосходных лошадей, сколько могли, и бежали с 12 всадниками. Переправившись через великую реку Кур, они воротились в свою сторону. Не довольствуясь тем, что спаслись, они возстановили против Гулаву Берке, брата Саин-хана, и в течение 10 лет производили страшное кровопролитие» [История Монголов инока Магакии, 1871, с.31–32]. Киракос Гандзакечи в главе «Кровопролитная война между Гулаву и Беркаем» также описывает эти события: «...Великий Гулаву, при котором находились великие и знатные князья равного с ним происхождения, родственники Бату и Беркая – Кули, Балаха, Тутар, Меган, сын Кули, Хатаган и многие другие, истребил их всех вместе со всеми их войсками, не щадя ни стариков, ни детей, потому что они вмешивались в его распоряжения. Только немногие из них и то лишенные жен, детей и имущества, успели бегством спастись к Беркаю и к другим своим родственникам. Узнав об этом, Беркай собрал многочисленное войско и приготовился к походу против Гулаву, чтобы отомстить ему за смерть родственников» [История монголов по армянским источникам, 1873, с.62–63].

За указанные сто лет войн между Джучидами и Хулагуидами военная и политическая инициатива переходила от одного государства к другому. Соответственно выделяются три периода: 1262 г. – 70-е гг. XIII в., когда инициатива находилась в руках Улуса Джучи; 70-е гг. XIII в. – 1318 г., когда инициатива была в руках Хулагуидов; 1318–1357 гг. – инициатива опять в руках Улуса Джучи. «Проявления этой инициативы, – по мнению А.Е.Криштопы, – со стороны золотоордынцев носили в основном военный характер (походы с целью завоевания – впрочем, неудачные) ввиду тер-

риториальных претензий Джучидов; активизация Хулагуидов находила выражение преимущественно в политических и экономических мероприятиях» [Криштопа, 1974, с.98].

Таким образом, политическое и военное противостояние Улуса Джучи и державы Хулагуидов было связано с их борьбой за очень выгодные для обоих государств в экономическом и стратегическом отношении территории. Эта борьба во многом определяла историческую ситуацию в этом обширном регионе, включавшем Дашт-и Кыпчак, Закавказье, Иран, Хорасан, Азию, Египет, и в целом определенно имела большое влияние на мировой исторический процесс.

Сведения о ходе военных действий имеются в арабских, персидских, армянских источниках, хотя часто они не лишены тенденциозности и некоторых неточностей. Персидские историки, сведения которых более достоверны, заслуживают большего внимания, поскольку лучше осведомлены о событиях.

Начало военных столкновений, по словам современника, арабского историка Ибн Василя, относится к 662 г. (1263 г.), причем он заявил, что первым выступил Хулагу [СМИЗО, 1884, с.70–71, 73]. Вассаф считал, что военные действия начались зимой 662 г. (1263/64 г.) [СМИЗО, 1941, с.50]. По Рашид ад-Дину, первая война между Хулагу и Берке началась с нападения Улуса Джучи на территорию Хулагуидов в августе 1262 г. [там же, с.74]. Берке отправил туда 30-тысячное войско под командованием полководца Ногай, сына погибшего Тутара, который прошел Дербенд и остановился в окрестностях Ширвана. Берке для этой кампании мобилизовал все имевшиеся у него людские силы. Со стороны Хулагу в войне приняли участие вассальные владетели Азербайджана, Армении и Грузии. По сообщению Рашид ад-Дина, Хулагу выступил из Ала-тага – места летнего кочевья ильханов – 20 августа 1262 г. Генеральное сражение, происшедшее между Чингизидами, подробно описывается многими авторами. [СМИЗО, 1884, с.70–75, 273, 275; СМИЗО, 1941, с.81, 92, 99–100, 219, 228]. 13 января 1263 г. на берегу р. Терек произошла решающая битва, продолжавшаяся целый день, в которой Хулагу потерпел серьезное поражение. Жертвы с обеих сторон были огромны. При отступлении войска сына Хулагу – Абака-хана – через Терек лед неожиданно треснул, и большое количество ильханских воинов утонуло. По словам Ибн Василя, «из

Татар не спасся ни один, который мог бы передать весть (о случившемся). Все, которые убежали вперед, утонули, а те, которые отстали, все были убиты. Что касается утонувших, то число их неизвестно; те же, которые отстали, все были убиты. Когда прибыл Берке и увидел место побоища, то он приказал собрать убитых (в одно место). Собрали их и составили из них 3 бугра (или) больших холма. Дожди и ветры успели уже вылощить их, и кости убитых уже побелели. Путешественники видели их на расстоянии 2-х дней (пути). Это сражение называется событием Темиркапукским. Хулавун бежал с небольшим отрядом. Автор летописи говорит: когда Берке прибыл на место битвы и увидел ужасное избиение, то он сказал: «Да посрамит Аллах Хулавуна этого, погубившего Монголов мечами Монголов. Если бы мы действовали сообща, то мы покорили бы всю землю...» [СМИЗО, 1884, с.72, 75]. По Ибн Касиру, Берке произнес сквозь слезы: «Грустно мне, что монголы убивают друг друга, но что придумать против того, кто изменил ясе Чингиз-хана?» [там же, с.273, 275]. Рукн ад-Дин Бейбарс сообщает о прибытии в 661 г.х. (1262/63 г.) послов Берке. В своем письме Берке особо подчеркивал свою приверженность исламу: «И да узнает султан, что я сразился с Хулагу, который от плоти и крови моей, для вознесения превыше всего слова Аллахова, из усердия к исповеданию ислама, ибо он (Хулагу) мятежник, а мятежник не верует в Аллаха и посланца его» [там же, с.77, 99]. Согласно источникам, однако, первое письмо Берке египетскому султану было написано «в местности Итиль» и помечено 1-м раджабом 661 г.х. (11.05.1263) [там же, с.178, с.189].

В результате Берке овладел Дербентом и вернулся обратно. Битва на Тереке имела тяжелые последствия для торговых отношений обоих государств. Вернувшись в Табриз, Хулагу приказал казнить и конфисковать имущество находившихся там золотоордынских купцов, так же поступил и Берке с купцами из государства ильханов. По словам Вассафа, Хулагу приказал, «чтобы купцов Берке-Огула, которые были заняты торговлей и торговыми сделками в Тебризе и которые имели огромные и бесчисленные богатства, всех казнили, а все имущество, которое у них было найдено, отобрали в казну... Многие из их числа держали свои вклады и ценности в руках именитых граждан Тебриза. После их

истребления те (упомянутые) богатства остались в руках держателей вкладов. Берке-Огул, в свою очередь, стремясь к возмездию, убил купцов их ханского царства (Хулагу) и так же поступил с ними. Дороги въезда и выезда и путешествие купцов, как и работы людей большого мастерства, – были разом стеснены, (зато) шайтаны вражды из бутылки времени выпрыгнули» (цит. по: [Греков, Якубовский, 1950, с.77]). Безусловно, победа Берке еще более сблизила Улус Джучи с Египтом и дала последнему возможность отвлечь свои силы от ильханов для борьбы с крестоносцами. Как писал ал-Макризи: «Султан (египетский) обрадовался... да и народ обрадовался, что Хулагу (из-за войны на Кавказе) был отвлечен от похода на Сирийские земли» [СМИЗО, 1884, с.429].

Сложившаяся ситуация имела серьезные последствия для внешней политики Хулагуидов. Они вынуждены были отказаться от активных широкомасштабных действий на сирийско-евфратской границе, пока не будет защищена северная граница от вторжения Джучидов. Основное внимание теперь было ими сосредоточено на борьбе против Улуса Джучи, поскольку отсюда исходила главная опасность. К тому же внимания стала требовать и восточная граница, откуда начал угрожать вторжением союзник Джучидов – Барак, правнук Чагатая.

В феврале 1265 г. Хулагу-хан умер. Хотя при жизни он вел усиленную подготовку к продолжению войны, однако до своей смерти не предпринял военных действий. Его преемником стал Абака (1265–1282), и война возобновилась. Как пишет Рашид ад-Дин, после восшествия на престол, Абака «прежде (всего)... послал своего брата Юшумута в Дербент, Ширван и Муган от Алтана, чтобы он охранял те пределы от врага» [Рашид ад-Дин, 1946, III, с.67]. Поначалу между Берке и Абакой наметилось что-то вроде мирного договора, и Джучиды даже получили некоторые привилегии – доходы с Тебриза и Мараги, но, видимо, это положение не удовлетворяло Берке-хана.

Ал-Омари рассказывает: «Что касается до сомнительности претензии царей Кипчацких на владение Тавризом и Мерагою, то господин Низамеддин Абульфадаил Яхья Этгайри рассказал мне следующее: «Когда Великий Кан отрядил Хулаку на бой с Исмаилитами и с теми, которые возмутились в Эльджебале, то Хулаку просил его об увеличении войск,

(посланных) с ним, и он (Кан) отправил с ним (людей) из войска каждого из царей Чингизхановичей. По завоевании тех стран, которые ими были взяты, эти войска остались при нем (Хулаку) и он отвел каждому отряду из них в содержание одну из (завоеванных) областей. То, что было отведено войску, отправленному с ним со стороны властителя земель Кипчацких, харезмийских, заключалось в Тавризе и Мераге. И стали они (Кипчаки) получать с них свое содержание. Потом, когда Хулагу умер и воцарился

сын его Абага, то они *постарались обмануть его* тем, что султан Берке хочет построить в Тавризе *соборную мечеть*. Он (Абага) дал им разрешение на это, и они построили ее, да написали на ней имя султана Берке. Потом они попросили (позволения) построить *фабрику для выделки там тканей для себя*. Он разрешил им и это. И стали они выделывать там материи для султана Берке. В этом положении оставалось дело до тех пор, пока произошел между ними разлад да они столкнулись, и Берке поразил Абагу. Разгневался Абага и *уничтожил фабрики*. Потом, когда это бывшее столкновение было забыто и дело между обоими царями уладилось, фабрики были возобновлены с тем, чтобы они (кипчаки) имели право привозить из своей земли имущество для изготовления там того, что захотят. Когда опять прошло некоторое время, то они мечеть и фабрики, построенные на имя султана Берке, выставили причиной этого своего домогательства (о Тавризе и Мераге)» [СМИЗО, 1884, с.239]. Видимо, Берке, таким образом, хотел подготовить жителей Тавриза к тому, что он и есть их законный правитель.

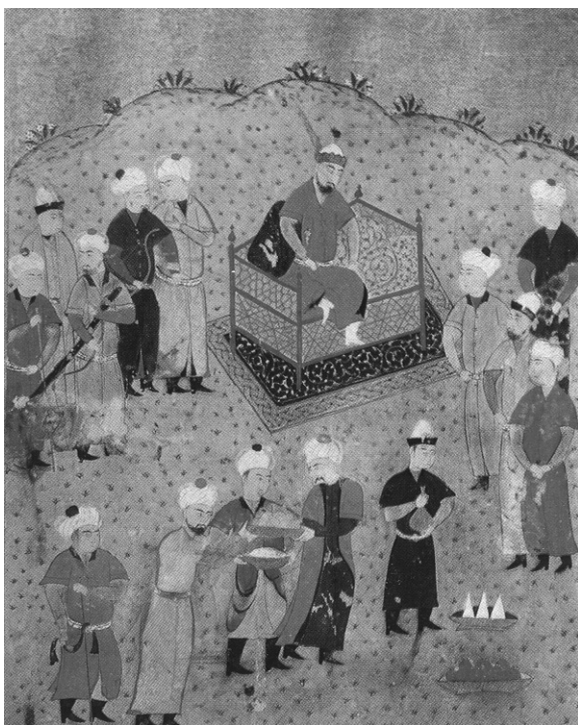
Продолжение войны было неизбежно. Произошло новое крупное сражение между войсками Берке и Абака. Летом 1265 г. Ногай с большим войском двинулся из Дербента на Ширван. Против него выступил хулагуидский царевич Юшмут (третий сын Хулагу). Как описывает эти события А.А.Али-Заде, «он перешел через реку и вблизи р. Джеган-муран (река Аксу) произошло ожесточенное

Преследование врага. Миниатюра. Иран. Начало XIV в.

сражение, в котором, по словам Рашид-ад-Дина, с обеих сторон были большие потери. Ногай был ранен стрелой в глаз. Войско его обратилось в бегство. По словам Рашид-ад-Дина, вслед за этим Абака-хан перешел через Куру, куда в это время прибыл сам золотоордынский хан Беркай со своим будто бы трехсоттысячным конным ополчением. Абака-хан с войском вернулся обратно. Переправившись на южный берег Куры, он приказал разрушить все мосты. Но и после 14-дневного пребывания здесь Беркаю не удалось переправиться через реку. Тогда он решил отправиться в Тифлис, чтобы там перейти Куру, но так и не достиг цели: по дороге заболел и умер. Тело его увезли в Сарай Бату и похоронили там, а войско его распалось и рассеялось. По словам Хамдуллаха ал-Казвини, часть воинов Беркайа попала в плен и они были распределены в качестве гуламов» [Али-Заде, 1956, с.320].

О враждебных действиях Берке на кавказской границе армянский автор Вардан Великий пишет: «С наступлением 715 г. (1265/66 г.) властитель Севера Берке, преемник Батые и Сартака, принявший мусульманскую веру, узнав о смерти Хулагу, прибыл с большой армией к реке Кура и остановился по ту сторону ее, против войск Абага и войск брата его Исмуда, желая тем самым показать им, что он жив, тогда как их отец скончался» (цит. по: [Микаэлян, 1952, с.338]). Абака же в данном случае придерживался оборонительной тактики.

Газан-хан на троне среди своих приближенных, поздравляющих его с принятием ислама. Миниатюра к книге Масуда Кухистани «История Абулхайр-хана». Мавераннахр. Середина XVI в.

Абака, таким образом, активно занялся возведением оборонительных укреплений на р. Куре. Об этом свидетельствуют арабские, персидские и армянские источники – Рашид ад-Дин, Вассаф, аз-Захаби, Киракос, Вардан. Стена, которую соорудили с южной стороны Дербента, названа ими «сиба» или «сибэ». По словам Вардана, «войска (Хулагуидов), стоявшие по сию сторону, устрешенные полчищами Берке, укрепили свои берега частоколом, называемым шибар, и всю зиму охраняли их» [там же]. По свидетельству Рашид ад-Дина, «В 664 году (1265/66 г.) Абага-хан приказал, чтобы по ту сторону реки Куры от Далан-наура до степи Курдаман, смежной с рекой Курой, построили вал и вырыли глубокие рвы. На защиту их назначили отряд монголов и мусульман, и с обеих сторон стали ходить туда и обратно караваны» [Рашид ад-Дин, 1946, III, с.68].

При Абака-хане, несмотря на заключенное перемирие, стычки не прекращались. Как писал Вассаф, «...Абака-хан, когда ему стали известны многочисленность (джучидского) войска и его отвага, построил с этой

(ильханской) стороны Дербента стену, называемую Сибэ с тем, чтобы дальнейшее вторжение и притязание этого смущающего мир войска стало невозможным. Эта вражда была постоянной и продолжительной, а избегание между обеими сторонами оставалось до времен царствования Гейхату-хана» [СМИЗО, 1941, с.82].

Следующее вторжение золотоордынских войск на территорию Хулагуидов произошло в царствование Тула-Буги (1287–1290) в рамазане 687 г.х. (1288 г.) под предводительством Тама-Токты и Ногая [там же, с.68; Рашид ад-Дин, 1946, III, с.118]. Аргун-хан (1284–1291) переправился через Куру, достиг Шемахи и отсюда отправил в разведку несколько эмиров и царевичей с целью выяснения позиций и наличных сил врага. Через несколько дней они вернулись обратно с сообщением о том, что противник отступил с их территории.

3 раби ал-авваля 689 г.х. (26.03.1290) войска золотоордынского хана опять вошли во владения ильханов. Первая схватка произошла 29 апреля того же года на берегу р. Кара-су, по ту сторону Дербента. Сражение носило ожесточенный характер, обе стороны понесли очень тяжелые потери, причем золотоордынцы потеряли убитыми и пленными несколько крупных военачальников. По свидетельству Рашид ад-Дина, битва закончилась победой ильханского войска, а их противник обратился в бегство. Сообщения об этой победе были разосланы по всем подвластным ильханам вилайетам [Рашид ад-Дин, 1946, III, с.208, 118].

После смерти Аргуна-хана, случившейся в местности Багче в Арране, взаимоотношения между государствами временно улучшились. По свидетельству Рашид ад-Дина, до царствования в Иране Газан-хана (1284–1291), а в Улусе Джучи – Токты (1290–1312) военных столкновений не было. Как писал Вассаф, «когда Токта сделался преемником царства Менгу-Тимура, то (вновь) открылся благодаря обмену послами и дипломатической переписке путь купцам и держателям торговых вкладов. Изготовлены были средства безопасности и спокойствия путешественникам. Область Аррана взволновалась от обилия арб и шатров, лошадей и овец, товары и редкости тех стран после перерыва в течение некоторого времени вновь нашли широкое обращение» (цит. по: [Греков, Якубовский, 1950, с.89]). В это время в Улусе Джучи уси-

лились междоусобные войны, которые продолжались до гибели Ногая в 1299/1300 г. Поэтому на какое-то время ханам пришлось отказаться от активной внешней политики. К тому же в этот период у Египта был мир с Хулагуидами. Когда в 1306 г. посольство от хана Токты пришло к египетскому правителю ал-Малик ан-Насиру Мухаммаду (1299–1309) с предложением совместно бороться с ильханами, султан вежливо отказался. Хулагуидам, кроме попыток захватить Сирию, приходилось контролировать свою границу с Чагатаидами. Однако, по данным персидских историков, Хулагуиды не использовали в своих целях неурядицы в стане Джучидов. Например, Рашид ад-Дин приводит слова, будто бы сказанные Газан-ханом золотоордынским послам, прибывшим от Токты: «В ваши междоусобные дела я не вмешиваюсь и (вашим) плохим положением не пользуюсь...». Своим приближенным он внушал так: «Мы ни в коем случае не начинаем ссоры и при всем, что влечет за собой смуту, не выступаем первыми, чтобы вина за ущерб, который постигнет улус, не пала на нас» [СМИЗО, 1941, с.72–73].

Свои притязания на Азербайджан золотоордынцы возобновили в то время, когда Газан-хан готовился к выступлению против Египта. В 1300/01 г. он выступил со своим войском в Сирию против египетского султана. В этом же году (3 мая) Газан-хана посетили послы Токты. Последний, вероятно, хотел воспользоваться ситуацией и добиться территориальных уступок со стороны ильхана. Однако переговоры ни к чему не привели. Токта, рассчитывая на внезапность, двинул свое значительное войско к границе с намерением захватить Азербайджан. Газан-хан, вернувшийся из похода на Сирию, отправился в Арран и дошел почти до пределов Дербента. Это вызвало тревогу среди золотоордынского войска. Однако о каких-то военных действиях в источниках не упоминается. Рашид ад-Дин отмечает только, что Токта-хан обратился в бегство, а его царицы и эмиры, предполагая, что Газан-хан намеревается наступать против них, отступили по ту сторону реки (Самура?). Когда золотоордынские военачальники увидели, что их предположение не соответствует действительности, мирные торговые взаимоотношения снова восстановились [Рашид ад-Дин, 1946, III, с.344–345, 188–189]. Историки сообщают, что Газан-хан оставил на территории Аррана военные силы для охраны границ.

Дальнейшие отношения между ильханом и ханом Улуса Джучи еще более ухудшились вследствие усилий, предпринимаемых Токтой в надежде использовать в своих интересах союз с египетским султаном. 22 декабря 1302 г. к Газан-хану прибыли послы египетского султана. Одновременно прибыли и послы от Токты, причем число их охраны значительно превышало обычно принятое в то время для дипломатического протокола. По словам Рашид ад-Дина, их число составляло 300 человек [там же, с.352–353, 193], а по Вассафу прибыло 3 посольских уймака с 325 почтовыми конями [СМИЗО, 1941, с.82]. Посольство Токты фактически предъявило Газан-хану требование уступки кавказских территорий. По словам Вассафа, Токта потребовал отдать Азербайджан Золотой Орде. «Когда Токтай сделался полновластным ханом и утвердился на вершинах почета и счастья, то (в нем) зашевелилась жилка тщеславия и спеси и возобновилось желание присоединить (к своим владениям) область Арран и Азербайджан...» [там же]. Свое требование он мотивировал тем, что, согласно предусмотренному завещанием Чингиз-хана разделу Монгольской империи, Арран и Азербайджан должны были принадлежать Бату-хану и «что вот уже (много) лет, как доходами и сборами с них неправильно владеют они (Хулагида)» [там же]. Токта угрожал Газан-хану и предупреждал о том, что если его требование не будет удовлетворено, он силой оружия достигнет своей цели. Газан решительно отклонил требования Токты. Он заявил: «Что касается требования земель..., то ответ таков: хотя со времен Хулагу-хана эти края отошли к обширным владениям (его), но (кроме того) монголам и таджикам, кочевникам и горожанам известно, что мы эту область завоевали посредством драгоценной вещи, кроме которой нет (другого) зеркала для лика победы и (другого) проповедника на кафедрах подчинения, и (другого) посредника в боевых столкновениях, и (другого) толмача для разговора победы..., то есть меча индийского происхождения; (следовательно) разговор об отторжении ее (той области) также нужно вести на языке меча...» [там же, с.83]. После переговоров Газан разрешил золотоордынским послам вернуться обратно. Как пишет тот же Вассаф, «...послов кипчакских (Газан-хан) почтил подарками и милостями, 21 сокола, которых они привезли, он передал в свой собственный охотничий дом и выдал из казны за каждого сокола на

1000 динаров жемчугу. Царевичу Токтаю он дал ответ, содержащий разные наставления, любезности и предложения оставаться на пути соглашения и взаимности» [там же, с.84]. Послы египетского султана были отправлены в Табриз (по Вассафу – в Хамадан) и там задержаны. О каких-то конкретных военных действиях между двумя ханами из источников не видно. По всей вероятности, попытки Токты не имели успеха.

После смерти Газана военных действий между золотоордынским ханом и султаном Мухаммадом Улджайту (1304–1316) не было, однако последний постоянно держал военные силы на территории Аррана. После его смерти положение резко меняется.

Следующий золотоордынский хан – Узбек (1312–1342), принявший ислам и расправившийся со своими внутренними врагами, снова решил предъявить свои претензии Хулагуидам, одновременно поддерживая оживленные союзнические дипломатические связи с Египтом. В начале царствования ильхана Абу-Са'ида, в 1318/19 г. золотоордынский хан и египетский султан выступили против него. Зимой указанного года крупные силы Узбека двинулись из Дербента на Арран. Эмиры со стороны ильханов без боя начали отступление, поэтому Джучиду удалось захватить большую территорию и достичь берегов реки Куры, на противоположном берегу которой находились войска Абу Са'ида, по численности намного меньшие, чем войска Узбек-хана. К тому же боевой дух их был не в лучшем состоянии из-за того, что они страдали от голода в связи с недостатком продовольствия, от неблагоприятных погодных условий, гибели посевов и скота. В это время все сильный эмир Чобан, двинувшийся было в Хорасан для подавления вспыхнувших там мятежей кочевых феодалов, узнал о вторжении Узбека и решил немедленно прийти на помощь войску ильхана, вероятно, намереваясь зайти противнику в тыл. Узбек вынужден был оставить захваченные земли и начал отступать в сторону Дербента [там же, с.87–88, 92]. Войска Абу Са'ида преследовали его до этого места.

Можно полагать, что на протяжении следующих нескольких лет взаимоотношения между двумя государствами были в целом мирными. Однако, по всей вероятности, Узбек-хан не оставлял тайную надежду на объединение под свой властью Улуса Джучи с хулагуидским Ираном. В «Истории Шейх-Увей-

са», между прочим, говорится о том, что некая Багдад-хатун вела с Узбек-ханом переписку, приглашая его на хулагуидский престол, за что и была казнена в 1335 г. [там же, с.101].

Умело используя междоусобия в стане ильханов, Узбек-хан еще раз попытался захватить Азербайджан. Предупрежденный доносчиками Абу Са'ид, не дожидаясь его нападения, в 1334/1335 г. (по Мирхонду – в начале 1335/1336 г.) с большим войском отправился в Арран и достиг Ширвана. Однако в его войске возникла эпидемия, и многие воины погибли. Сам ильхан тяжело заболел и 30 ноября 1335 г. скончался в Карабаге. По сообщениям некоторых историков, он был отравлен.

После смерти Абу Са'ида в государстве ильханов начались смуты и междоусобия, происходили народные восстания. Остро стоял вопрос о престолонаследии. Арпа-хан фактически был избран без созыва всех родоначальников ввиду чрезвычайного положения, связанного с вторжением Узбека. Воспользовавшись создавшимся положением, Узбек-хан с большим войском вторгся на территорию Аррана. Наследовавший после Абу Са'ида ильханский трон Арпа-хан зимой 1335/36 г. также двинулся со своим войском в Арран и достиг Куры. Между противниками произошло крупное сражение, закончившееся поражением золотоордынского хана. В это время в связи с сильной засухой ухудшились погодные условия. К тому же Узбек-хан получил известие о смерти Кутлуг-Тимура, и, как пишет Хамдаллах ал-Казвини, «у них не осталось возможности оставаться (на месте)» [там же, с.93]. А.А.Али-Заде, опираясь на сведения персидского историка Мухаммада Шейбангарай, писал: «По словам историка, при жизни Абу-Са'ида Узбек-хан намеревался выступить через Дербенд. Когда он узнал о кончине Абу-Са'ида, то двинул свою армию через Дербенд, приблизился к пределам Карабага и остановился на берегу реки Куры. Получив сведения о вторжении войск Золотой Орды, Арпа-хан, вместе со своим везиром, сыном Рашид ад-Дина, Гийас ад-Дином, эмирами, во главе крупного войска немедленно двинулся против войск золотоордынского хана Узбека. Войска обеих сторон в течение 45 дней стояли друг против друга, а военные действия происходили только два-три дня. В это время, по словам историка, в степи появилась какая-то трава, которую поели лошади золотоордынских войск и подошли. Кроме того, Узбек-хан, убедившись в том,

что сражавшиеся против него войска являлись теми войсками Абу-Са'ида, которые по боевым качествам, по количеству и по снаряжению превосходят золотоордынское войско, приказав вечером зажечь много огней, а в полночь, покинув захваченную территорию, вернулся обратно. На следующий день от золотоордынских войск не осталось и следа» [Али-Заде, 1956, с.328].

Арпа-хан был убит во время феодальных междоусобиц. Государство Хулагуидов распалось на ряд враждовавших друг с другом владений. Феодальными смутами был охвачен и Улус Джучи.

Золотоордынский хан Джанибек (1342–1357), продолжая традиции золотоордынских ханов по отношению к Азербайджану, который после Абу Са'ида захватили Чобаниды, стремился присоединить его к своим владениям. По словам автора «Истории Шейх-Увейса», многие ходжи (купцы) «Тебриза, Серакса, Ардебилы, Байлекана, Берда и Нахичевана», недовольные политикой Малик Ашрафа (1344–1356), явились к Джанибек-хану и просили его взять власть в Азербайджане в свои руки [СМИЗО, 1941, с.230, 101]. Как писал А.Ю.Якубовский, «по-видимому, Джанибек-хан имел в Азербайджане немалое количество преданных себе людей, которые

вели пропаганду джучидских интересов. Особенно энергично поддерживали его представители улемов – шейхи, казии и другие. Характерно, что известный кази Мухьи-ад-дин Бердаи в результате притеснений Малик Ашрафа уехал в Сарай Берке и в одной из своих проповедей стал призывать Джанибек-хана организовать поход на Тебриз» [Греков, Якубовский, 1950, с.264].

В декабре 1357 г. в районе Уджанского гурука Джанибек разгромил войско Малик Ашрафа, взял Тебриз, где короткое время чеканил свои монеты, и казнил Малик Ашрафа. На его место он поставил своего сына Бердибека. Таким образом, на короткое время Азербайджан был присоединен к Улусу Джучи. На обратном пути в свой улус Джанибек-хан заболел и умер. По другим данным, он был убит по воле Бердибека. Узнав об этом, Бердибек поспешил вернуться в Золотую Орду, чтобы не упустить ханский престол, бросив только что завоеванную страну. В дальнейшем, однако, ему не суждено было окончательно присоединить Азербайджан к Улусу Джучи.

Тебриз еще раз был завоеван при золотоордынском хане Токтамыше, но постоянная борьба с Тимуром не позволила ему удерживать за собой Азербайджан.

§ 6. Улус Джучи и мамлюкский Египет: политические и культурные связи

Александр Кадырбаев

Появление на карте мира Улуса Джучи и государства тюркских мамлюков в Египте совпало по времени (40–50-е гг. XIII в.), что не случайно, поскольку между этими событиями прослеживается определенная причинно-следственная связь.

XIII в. вызвал оживление работоторговли. После страшных войн, развязанных монгольскими владыками, оказалось огромное число людей, оторванных от родины, превращенных в невольников, которых можно было продавать и покупать. Сами монгольские армии были обременены массами пленных, превращенных в рабов. Монголы низко ценили рабов, достававшихся им дешево во время походов и грабежей. Когда войны стали стихать, пленные превратились в источник наживы, стали объектом купли и продажи. Огромное количество рабов из степей Дашт-и Кыпчака было продано монголами, мусульманскими и итальян-

скими купцами на рынках работоторговли в Сарае, Кафе (совр. Феодосия), Солдае (совр. Судак), Константинополе (совр. Стамбул), Багдаде, Дамаске, Александрии, Самарканде и Бухаре в Европу, в северо-западную Африку, Индию, но особенно много их попало в Египет и Сирию. Арабский летописец ал-Айни писал: «Взятые в плен из этих народов (кипчаков) были отвезены в земли сирийские и египетские...» [СМИЗО, 1884, с.503].

У каждого уважающего себя мусульманского правителя была личная охранная гвардия, в Индии она называлась *гульмами*, в Египте и Сирии *мамлюками*. Она пополнялась рабами, купленными еще детьми или юношами, обученными и воспитанными затем при дворце государя. Эти воины, как предполагалось, должны были быть преданными своему повелителю, независимы от государственного аппарата, правительства и его чиновников. Мам-

люки подчинялись только своему господину, правителю-монарху. Лучшими мамлюками и гулямами считались тюркские рабы.

В Египетско-Сирийском султанате, куда было продано очень много тюркских рабов, дворцовая гвардия уже в середине XIII в. оказалась в основном сформированной из кыпчаков. После смерти последнего султана Малика ас-Салиха из династии Айюбидов в 1250 г. трон овладела при помощи мамлюков его жена Шаджарат ад-Дурр, дочь тюркского раба. После ее кратковременного правления и гибели трон занимали кыпчакские мамлюки, создавшие армию, отличавшуюся высокими боевыми качествами, и отразили не только атаки западноевропейских крестоносцев, полностью изгнав их с Ближнего Востока, но и монгольских завоевателей, что удалось очень немногим. Среди победителей монголов были мамлюкские султаны-кыпчаки Кутуз, Бейбарс, Калавун, ан-Насир. Если Кутуз нанес монголам первое сокрушительное поражение при Айн-Джалуте, то его преемник Бейбарс не ограничивался в борьбе с монголами ильханов только военными усилиями, воспользовавшись раздорами между Хулагуидами и Джучидами, что, как указывалось выше, привело к переходу в стан мамлюков воинов Улуса Джучи, ранее сражавшихся под началом Хулагу. При этом Бейбарс в своем письме, посланном в 1261 г. хану Джучиева Улуса мусульманину Берке, призывал его, как единоверца, выступить против христианина Хулагу, что и возымело успех. Бывшие отряды Берке-хана быстро влились в состав мамлюков, многие стали эмирами, заняли высокие посты в мамлюкской иерархии. На фоне войн Улуса Джучи с Хулагуидами с 1262 г. первое посольство Бейбарса к Берке-хану в 1263 г. положило начало ряду аналогичных миссий на протяжении XIII–XIV вв. В их состав входили суннитские богословы, призванные способствовать распространению ислама, чиновники и мамлюкские эмиры-кыпчаки, общавшиеся с населением Джучиева Улуса и с большинством придворных золотоордынских ханов без переводчиков. С этого времени в арабских источниках и появляются сравнительно полные сведения об Улусе Джучи, не утратившие своего значения и поныне. Посредником в сношениях двух держав стала Византия, опиравшаяся на поддержку Улуса Джучи от захватнических поползновений Улуса Хулагуидов. В 60-е гг. XIII в. сложилась своеобразная ось Сарай–Константинополь–Каир, противостоявшая Хулагуидам и их вассалам

в Киликийской Армении, Грузии, за которыми стояла далекая Юаньская империя – государство монголов в Китае, а также латинскому Западу. Между всеми этими государствами торговое посредничество осуществляли итальянцы – для первой группы – генуэзцы, для второй – венецианцы. Посредничество генуэзцев и союз с Византией помогали мамлюкам пополнять свою армию соплеменниками за счет ввоза новых рабов-воинов из Улуса Джучи, с подвластного его ханам Дашт-и Кыпчака, сохраняя относительную гомогенность ее состава. Кыпчакские мамлюки играли господствующую роль в правящей элите Египетско-Сирийского султаната с 1250 по 1382 г., хотя и оставались чужеземцами в этих странах. Они были изолированной кастой в египетско-сирийском обществе, своеобразным привилегированным военным сословием и, хотя пополнялись рабами, все же подлинными рабами в эпоху правления кыпчакских мамлюков были широкие слои коренного арабского населения этих стран. Длительная изоляция от местного населения консервировала тюркский этнический характер мамлюкской верхушки, чей престиж подкреплялся традиционным образом тюрков в мусульманском мире, как опоры и ударной силы суннитского ислама. Арабские авторы называли государство мамлюков тюркским – *даулат ат-атрак* [Кораев, 2003, с.66–75]. Первые знаменитые тюркские султаны мамлюков, упоминавшиеся выше, кроме ан-Насира, практически не знали арабского языка, хотя остались в арабской истории избавителями от крестоносной и монгольской угроз, а также поборниками джихада – «священной войны». Языком общения мамлюков был тюркский. В Египетско-Сирийском султанате переводили произведения персидской и арабской поэзии на кыпчакский язык. В этой связи представляет интерес перевод на тюркский бессмертного произведения Фирдоуси «Шах-наме», выполненный поэтом Шарифом в кыпчакской мамлюкской среде. Кыпчаки Египта и Сирии говорили на своем родном языке, претерпевшем, однако, значительное изменение под влиянием других тюркских наречий, особенно огузского диалекта. На кыпчакско-огузском языке, оформившемся в Египте и Сирии, как литературным языком, ко второй половине XIV в., создается немало литературных произведений самого разнообразного содержания.

В свою очередь, в Улусе Джучи создавалась письменная культура на языке тюрки, ряд произведений которой вызвал интерес в

тюркской среде мамлюков, в частности памятники XIV в. «Хосров и Ширин».

Способствовали развитию золотоордынского-мамлюкских отношений и династийные браки. Например, хан Джучиева Улуса отдал свою дочь за султана Бейбарса, от которого родился первый его наследник Саид-хан Мухаммад, которого называли также в честь деда по матери Наср ад-Дин Берке-хан. Известно, что золотоордынская принцесса из рода Чингизидов, правивших в Улусе Джучи, по имени Тулунби, по инициативе его правителей была помолвлена с султаном ан-Насиром [Исламов, 2002, с.10–11].

В Египте и Сирии при кыпчакских мамлюках утвердилось много черт общественного и частного быта, которые они принесли из степей, подвластных Джучиевому Улусу. Мамлюки недолюбливали арабские обычаи. Им хотелось ввести свои правила, которые представляли причудливые сочетания кыпчакских обрядов и обычного степного права. Жители Каира с удивлением наблюдали, как мамлюкский эмир при выходе из дома посылал перед собой 300 всадников с музыкантами впереди, одетыми в тюбетейки и длинные кафтаны по-кыпчакски. По берегам Нила мамлюкские эмиры разъезжали на таких же арбах-повозках, которые видел и описал путешественник Плано Карпини в середине XIII в. в степях Джучиева Улуса. Как когда-то на степных просторах Дашт-и Кыпчака пировали их тюркские предки, так и здесь, в арабском Египте, к столу знатных мамлюкских эмиров и самих султанов закалывали лошадей и овец, они ели конину, пили кумыс. Ан-Насир, казалось бы, один из наиболее арабизированных мамлюкских правителей, тратил огромные деньги на покупку лошадей, для свадьбы своего сына заколол 20 тыс. овец. Кумыс подавали к столу на аудиенциях Бейбарса, что и послужило одним из обстоятельств его гибели. Бейбарс погиб случайно, во время небольшой драмы, которую он сам инсценировал. Он намеревался убить одного из своих соперников – мамлюкского эмира и приготовил для него чашу отравленного кумыса. Но, в стиле героев Шекспира, последний смог незаметно переменить чаши, и Бейбарс сам попал в свою ловушку, выпил яд и умер через 13 дней в ужасной агонии. Кыпчакские мамлюки пренебрегали даже шариатом в своей среде, предпочитая судить по степному обычному праву.

По свидетельству арабских летописцев Ибн Фурата и ал-Макризи, султан Калавун, кото-

рому принадлежит честь окончательного изгнания крестоносцев с Ближнего Востока и громкие победы над Хулагуидами, чья жизнь прошла по большей части в походах, известен не только ратными подвигами. Он выделил 2 тыс. динаров для постройки на землях Джучиева Улуса в Крыму (в Солхате) мечети и послал туда своего мастера-каменотеса для высечения на ее стенах своих титулов, которые видел путешественник из Марокко Ибн Баттута. А ранее, с разрешения хана Улуса Джучи, в Крыму была построена мечеть по инициативе Бейбарса. Археологические раскопки Сарая подтверждают предположение, что там в золотоордынскую эпоху работали мастера из Египта. Сходства с мамлюкской архитектурой Египта обнаруживаются и в сооружениях Болгара периода Золотой Орды.

Хотя мамлюкские правители Египта и Сирии были далеко не ортодоксальными мусульманами, тем не менее, они сыграли заметную роль в официальном принятии Сараем исламской религии, т.к. Каир тогда считался центром мусульманской цивилизации с более чем 300-летней историей. В 1261 г. в Египетско-Сирийском султанате был учрежден халифат, т.е. он стал главным государством в мусульманском мире. Поэтому мамлюкские султаны старались побудить ханов Джучиева Улуса к принятию ислама. В немалой степени плодами их усилий было принятие ханом Берке и его женой Джиджек ислама. Известно, что хан Улуса Джучи Туда-Менгу (1280–1287) отправляет с золотоордынским посольством в 1283 г. письмо в Египет, где просит дать ему мусульманское имя и прислать ему халифские знамена. По восшествии на золотоордынский престол в 1312 г. Узбека, он уже на следующий год известил мамлюкского султана об истреблении им той части ордынской знати, которая выступила против провозглашения ислама государственной религией в Джучиевом Улусе. Посольство мамлюков в 1323 г., наряду с множеством подарков из Сарая, привезло письмо султану с просьбой прислать в Улус Джучи книги по мусульманскому праву. В записях арабских ученых сообщается, что среди дорогих подарков из Египта для золотоордынских ханов был также и Коран Османа – одного из праведных халифов.

Тем не менее, как ни странно на первый взгляд, именно с эпохи Узбек-хана связи Улуса Джучи и мамлюкского Египетско-Сирийского султаната несколько утратили свою интенсивность, характерную для предшествующих времен, что объясняется охлаждением в

отношениях царствующих домов Сарая и Каира вследствие неудачного брака султана ан-Насира на одной из сестер хана Узбека, а также исламизацией Джучиева Улуса, приведшей к запрету торговать мусульманами и в итоге – к прекращению притока воинов-рабов из Дашт-и Кыпчака в Египет для пополнения мамлюкского войска. К числу причин упадка мамлюкско-золотоордынских связей относится ослабление общего союзника Византии под натиском малоазиатских эмиратов турок-сельджуков, по мере утраты Хулагуидами власти над ними, переходящей в руки династии Османов, поставивших при Орхане (1326–1362) под свой контроль Дарданеллы; падение общего противника – державы Хулагуидов, прекратившей в 1340-е гг. свое существование; затяжные кризисы в обеих империях, приведшие, в конечном счете, к утрате власти тюрками в Египте и Сирии и установлению гегемонии в 1382 г. кавказских или «черкесских» мамлюков, а в Золотой Орде к «великой замятне» 1350–1370-х гг., результатом которой стал окончательный распад Улуса Джучи [Ланда, 1995, с.44–45].

Но при всей первостепенной значимости мамлюкско-золотоордынских взаимоотношений, ими не исчерпываются связи Джучиева Улуса с мусульманским миром. По завещанию Чингиз-хана, например, земли турок-сельджуков в Малой Азии должны были отойти Улусу Джучи, а когда Хулагуиды узурпировали это право, между ними началась война и сельджукские эмираты подпали под власть Хулагуидов. Но после падения Хулагуидов, эмираты Анатолии – осколки империи турок-сельджуков, с 1399 г. вовлеченные в процесс создания новой империи, начало чему было положено Османом, правителем Конийского султаната, под именем которого она и существовала затем в течение столетий, восстанавливают связи с Джучиевым Улусом. Но уже скоро, на рубеже XIV–XV вв., они представлены единым политическим целым – Османской империей. Свидетельством связей Улуса Джучи с Османской империей служит дипломатическая переписка между золотоордынскими ханами и османскими падишахами, в частности письма ханов Улуг-Мухаммада и Махмуда соответственно султанам Мураду II и Мехмеду Фагиху. Как видно из этой переписки, ханы Улуса Джучи накануне распада своего государства де-факто признали переход Крымского ханства, ранее составной части Золо-

той Орды, в османское подданство. Интересно отметить, что османы, хотя и опосредованно, через крымских ханов, считали себя правопреемниками Улуса Джучи и почитали Джучидов – старшую ветвь потомков Чингиз-хана – династию, правившую в Золотой Орде и в ее наследных ханствах, одно из которых (Крымский юрт) стало частью Османской империи. В Османской империи официально закреплялось право на османский трон за Чингизидами – Гиреями, правителями Крыма, в случае пресечения династии Османов. К этому времени находившаяся на историческом подъеме молодая Османская империя и прошедшая пик своего могущества Золотая Орда, тюркские империи Евразии, подверглись сокрушительному разгрому со стороны тюркского же правителя Самарканда Тимура – «Железного хромца», основателя мировой империи от Малой Азии до Китая. Но если Османская империя выстояла и на много веков пережила империю Тимура, то Улус Джучи более не возродился, став достоянием истории.

Свидетельством связей Улуса Джучи с Делийским тюркским султанатом в Индии может служить тот факт, что султан Индии Ильтутмиш, достигший высот власти в этой стране, был уроженцем Нижнего Поволжья и Приуралья, проданный в свое время в рабство монголами и возвысившийся от гуляма, воина-раба, до правителя. При дворе султанов Дели служили кыпчаки из Джучиева Улуса, из крымских, причерноморских степей, например, шейх Раджаб ал-Буркуи «из города Ал-Керим (Старый Крым) из Кипчакской степи...». А для конницы, ударной силы Делийского султаната, покупали лошадей «тюркской породы» из «Татарии», т.е. из Дашт-и Кыпчака [Ibn-Battuta, 1929, p.12–18].

Таким образом, Улус Джучи имел широкие связи с мусульманским Востоком, особенно с Египтом и Сирией, а также с Анатолией в лице сельджукских эмиратов и Османской империи, Делийским султанатом, заимствуя не только религию, но и многое другое: ремесла, архитектуру, бани, стихи, орнаментальный декор, росписную посуду, геометрию и приборы, нравы и вкусы, более изощренные, чем у степных воинов Улуса Джучи, и «ордынская культура приобрела определенный мусульманско-средиземноморский оттенок», как считает известный востоковед К.Босворт [Босворт, 1971, с.191].

Раздел V

Золотоордынская цивилизация

ГЛАВА 1

Культурное наследие первых поколений Джучидов

Марк Крамаровский

Событийный ряд, приведший к образованию Улуса Джучи, основные этапы его эволюции дают, казалось бы, основание для четких хронологических границ нашего внимания. Но, поскольку процесс становления культуры нового государственного образования не сводится к этапам становления его военно-административных и политических структур, границы исследования все-таки несколько условны. Формально они очерчиваются периодом с 1207 г. – времени выделения улуса Джучи из состава отцовского наследства – по 1242 г. – времени окончания монголами европейского похода.

Вместе с тем, отсутствие единства в культурогенезе монголо- и тюркоязычных племен, обитавших севернее Великой китайской стены, уже на начальном этапе формирования единого Монгольского государства делает условной и хронологию установления культурных контактов монголов с соседями. Эта особенность в зеркальном отражении отмечена китайскими письменными источниками. Уровень культуры своих северных соседей китайцы определяли по степени приближения к стандартам собственной цивилизации. Отсюда в их представлениях имелось три группы монголов (татар): *белых*, *черных* и *диких*.

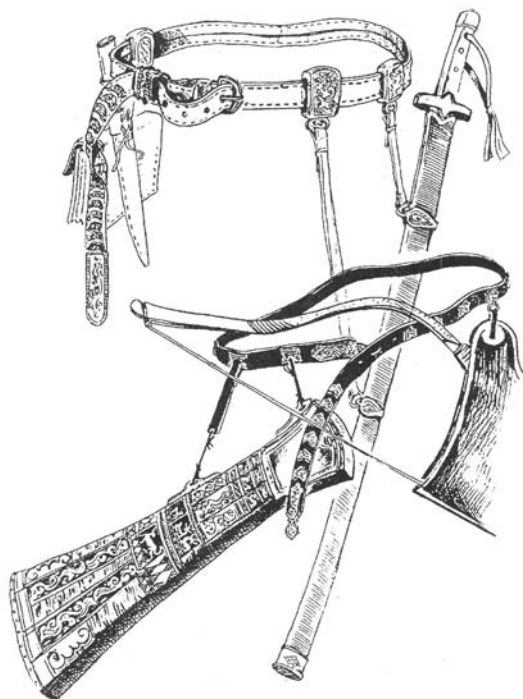
Все сведения о них до конца XII в. имеют отраженный характер и связаны, в основном, со взаимодействием монголов и чжурчженей государства Цзинь. Татары, джалаиры, керейты и найманы известны чжурчженям под киданьским именем *цзу-бу*. Монгольские племена упоминаются в событийном контексте преимущественно, когда речь идет о важных изменениях в двусторонних отношениях. Так, около 1135 г. цзиньцы, пригласив вождя монголов Хабул-хагана (предка Чингиз-хана) на коронацию Си-цзуна, попытались его уничтожить на обратном пути. Этот эпизод повлек за собой убийство в 1137 г. цзиньских послов и неудачную для чжурчженей экспедицию против монголов. Сын Хабул-хагана – Хутула-хан разгро-

мил цзиньцев, и выгодный для монголов мир был установлен лишь в 1147 г. Другие соседи цзиньцев – татары (их кочевья располагались вдоль западной границы цзиньских владений в Маньчжурии) в начале XII в. выдали для казни чжурчженям монгольского Амбагай-хана. В 1161 г. они помогли чжурчженям одержать победу над монголами у оз. Буир-Нор. Но в 1198 г. татары потерпели поражение от монголов, керейтов и чжурчженей. В 1202 г. единое племенное объединение татар было уничтожено Темучжином. В прямом контакте с чжурчженями находились и керейты. Их вождь Тоорил в 1198 г. за помощь в борьбе чжурчженей против татар и онгутов получил от цзиньцев королевский титул *вана* (отсюда – Ван-хан). В сражении на р. Улдже младшим партнером керейтов выступил Темучжин. В благодарность чжурчжени наградили его титулом *джаятхури* (великий эмир). С 1206 по 1209 г. Чингизхан продолжал быть соратником Ван-хана – вассала Цзинь. Спустя два года он начинает войну с чжурчженями, которая в 1235 г. заканчивается крахом государства Цзинь.

Это всего лишь несколько примеров из ранней истории монголо-татар в Центральной Азии. Но и они дают некоторое представление о качестве новой волны завоевателей, пришедших за Урал в европейскую зону лесостепи и Дашт-и Кыпчак уже с первым рейдом Субедея (анализ сведений «Юань-ши» о нем см.: [Кычанов, 1998, с.43–46]). Ясно, что ко времени курултая 1235 г., где было принято решение об окончательном завоевании Булгарии, страны асов и Руси, ни по опыту, ни по оснащенности «монголы» Бату не могут рассматриваться вне культурного контекста последней трети XII столетия. Речь идет об усилиях нескольких предшествующих поколений нойонов Чингиз-хана, для которых время побратимства и борьбы Темучжина и Джамухи совпало с собственной зрелостью или началом служебной карьеры.

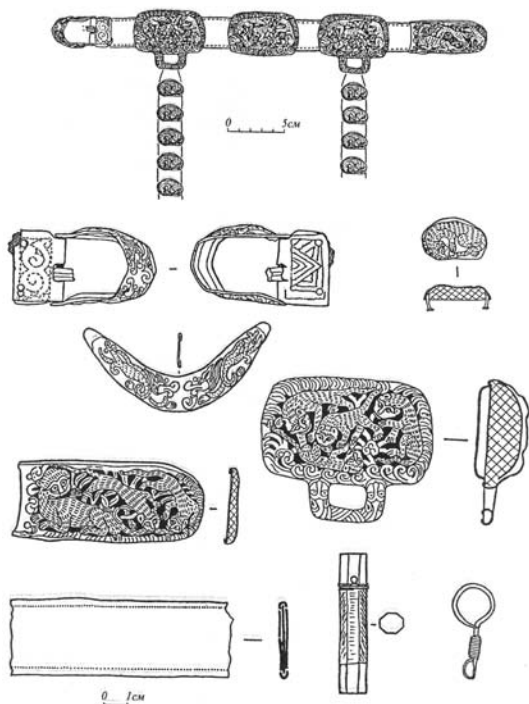
По подсчетам В.Россаби, численность армии западного похода, состоявшей из монголов, тюрок, киданей, китайцев, чжурчженей, тангутов, персов и прочих, не превышала 150 тыс. человек [Rossabi, 1988, p.10]. Ударную силу, несомненно, составили восточно- и южносибирские корпуса Джучидов.

Известно, как удачно сложился для Джучи 1207 г. Удовлетворение Чингиз-хана блестящей победой старшего сына в походе против «лесных народов» было отмечено выделением улуса в 9 тыс. юрт [Козин, 1941, с.175–176]. Но и завоеванные силами правого крыла (западной тьмы, прилегавшей к Алтаю, под общим командованием Боорчу) народы остались в подданстве Джучи. После того, как Джучи прошел по Туве и поступил к Хакасско-Минусинской котловине, к нему с выражением покорности явились кыргызские князья Еди-нал, Алдиер, Олебек-дигин [там же, с.174; Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.122–123, 150–151; I, 2, с.151, 178, 253]. Теперь вся территория Саяно-Алтайского нагорья, включая Туву, Горный Алтай и Хакасско-Минусинскую котловину, которая до прихода монголов управлялась енисейскими кыргызами, вошла в подчинение Джучи [Кызласов, 1984, с.87–88]. Так, в составе нового улуса оказались народы Восточной и Южной Сибири (ойраты, буруты, бархуны, урсуты, хабханасы, ханхасы, тубасы). После представления Чингиз-хану кыргызских темников и тысячников, а также нойонов лесных народов, союз дома Чингиз-хана с ведущими представителями местной элиты был закреплен династическими браками [там же, с.175]; выходцы из баргутов Джэдай-нойон и Джурджаган заняли высокое место в воинской среде [Зориктуев, 1995, с.90–95]. Уже только на этом локальном примере можно видеть, на каких условиях держались открытыми двери для вхождения в состав первоначально узкой группы правящей знати, составившей цвет единого монгольского государства. Правила оказались предельно простыми: личные достоинства соискателя определялись полезностью правящему дому. Так, «Юань-ши» среди заметных участников западного похода приводит имена тангута Сили Цяньбу, канглы Аймяо, китайца Гао Мина, уйгура Хэсымайли (Исмаила) и др. [Кычанов, 2002а, с.80–81].

Реконструкция сабельного и саадачного пояса (по М.Г.Крамаровскому и М.В.Горелику)

Сейчас о материальных аспектах воинской культуры Джучидов приходится судить, главным образом, по находкам XIV в. В сущности, ранний этап в пределах первой половины XIII в. – 1260-х гг. в археологии Золотой Орды пока еще темен из-за отсутствия надежных атрибуций. Но есть и исключения. Приведу два примера. Среди памятников Лесостепного Алтая выделяется курганный могильник Телеутский Ввоз I [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002]. В погребальном обряде этого курганного могильника наше внимание обращают погребения с использованием колоды с крышкой (курганы 2, 8, 9) и без крышек (курганы 1, 6). Исследователи отмечают аналогию в Горном Алтае – могила 17, датируемая монгольским временем на памятнике Кудыргэ [там же, с.137]. И, хотя алтайские коллеги не считают погребения в колодах собственно монгольскими (таковыми, по их мнению, являются погребения с использованием ящичков из продольных или поперечных досок), захоронения в колодах в западной части степной Евразии нередко связаны как раз с погребениями раннемонгольского времени и по специфическому инвен-

Поясной набор из погребения могильника Олень-Колодезь. Вторая половина XIII в. (по К.Ю.Ефимову)

тарю, как я думаю, могут быть отождествлены с элитой джучидского всадничества, может быть, и монгольского [Крамаровский, 2001, с.37–53]. В этой связи стоит остановиться на золотоордынском погребении в дубовой колоде из кургана №7 могильника Олень-Колодезь на левом берегу Дона [Ефимов, 1999, с.93–102]. Здесь в составе погребального инвентаря обнаружены кольчуга, шлем с бармицей, уникальный поясной набор из золоченого серебра с поясной чашей, снабженной ручкой в виде протомы дракона; из предметов вооружения выделим кинжал, копьё и боевой топор. Особенно интересны поясной набор, принадлежащий, по-видимому, ремеслу чжурчженей [Крамаровский, 2001, с.39], и железный топор с инкрустацией латунию и серебром. Подобные топоры принято относить к Северной Европе и датировать рубежом XII–XIII вв. [Paulsen, 1956, S.170–184, abb.88–92]. Основные аналогии происходят из случайных сборов на территории Центральной Европы – Шленска и Моравии. Здесь после побед в Силезии пролегал путь западного корпуса Бату, нацеленного на

Богемию и Моравию. Вполне допустимо, что кочевническое погребение близ Воронежа принадлежало ветерану европейского похода, закончившегося в 1242 г. возвратом монгольских корпусов в Дашт-и Кыпчак.

Расширение фонда археологических источников, связанных с первой монгольской волной, сдерживает сложившееся представление о времени и обстоятельствах появления южно-сибирской серии вещевых находок в культурах лесостепного Поволжья, на отдельных русских городищах, в Подонье и Венгрии [Кызласов, 2000, с.3–7]. До недавнего времени парадокс состоял в том, что т.н. «аскизские» изделия среди подъемного материала из слоев и сооружений русских городищ датировались раньше, чем эти же предметы, относимые на своей родине к каменскому этапу аскизской археологической культуры (XIII–XIV вв.). Пересмотр хронологии находок с древнерусских памятников в сторону омоложения на несколько десятилетий привел к известному компромиссу. Нельзя не заметить, что новая хронология массовых находок аскизского круга за пределами Южной Сибири, включающая ременные наконечники, стремена с аппликацией золотом и серебром, а также некоторые другие категории металлических предметов, в т.ч. крючки для шнуровки пластинчатых панцирей типа «Хатангу дегель», кресала, отдельные типы пряжек, накладок и пр., вплотную приближает нас к начальной стадии монгольской экспансии в Восточную Европу. С удивительной наглядностью проблема раннеджучидской интерпретации выступает при анализе аскизского комплекса вещей с территории Золотаревского поселения в верховьях Суры, правого притока Волги [Белорыбкин, 2001, с.160–172]. Проблема, на наш взгляд, состоит в том, что, во-первых, безукоризненная культурная и хронологическая атрибуция вещевых комплексов оказалась размыта авторской инверсией, где остатки аскизской экипировки джучидского воинского отряда, погибшего при штурме болгарского поселения в первой трети XIII в., приписаны наемным (?) защитникам [там же, с.172, 181–182]. Во-вторых, даты вещей, выполненных в XII в. и вплоть до 20–30-х гг. XIII в., воспринимаются порой слишком прямолинейно как индикаторы «домонгольских контактов» [Руден-

Поясные накладки из
могильника Таш-Башат
(Таласская долина).
Вторая половина XIII в.
(по Д.Ф.Виннику)

ко, 2000, с.48–127; 2001]. Между тем, воинское снаряжение – металлические детали конской упряжи, верховое седло, предметы защитного доспеха и вооружения, часто дорогое и высоко ценимое несколькими поколениями одной всаднической семьи, не изнашивалось со скоростью сапожного глянца в парадном строю. Об этом, кстати, и свидетельствуют вполне справедливые ранние даты отдельных предметов.

В комплексе вопросов о культурном наследии ранних Джучидов большое место занимает проблема генезиса художественного металла Чингизидов. Этой теме недавно коснулся Дж.Уотт в разделе каталога выставки «Наследие Чингизхана. Придворное искусство и культура Западной Азии, 1256–1353», посвященного обмену художественным опытом в Монгольской империи [Watt, 2003, р.63–73]. Интересно его наблюдение о сочетании китайских и исламских мотивов в форме, декоре и арабграфической надписи на венчике бронзового сосуда из Каракорума [Евтюхова, 1965, с.280–281, табл.143]. По мнению Дж.Уотта, сосуд был изготовлен до 1270 г. в районе ткацких мастерских Северного Китая и прислан в монгольскую столицу в качестве дани [Watt, 2003, р.67]. Л.А.Евтюхова полагала, что «местом выделки сосуда мог быть Кара-Корум» [Евтюхова, 1965, с.281]. Однако в небольшом по объему очерке, посвященном главным образом выделке тканей, немало спорного. Дж.Уотт настаивает, по-видимому, по аналогии с ткацким производством, что лучшие произведения торевтики Монгольской империи до 1270 г. принадлежат китайским ремесленникам. При этом автора нисколько не смущает, что отдельные интересующие его памятники генетически связаны с ремеслом чжурчженей государства Цзинь (1115–1234). Сложнее с находкой из урочища Гашун-Уста на Северном Кав-

казе [Watt, 2003, р.66–67, fig. 62, cat.143]. Дж.Уотт считает, что золотой поясной набор из Гашун-Уста является либо оригинальным памятником времени цзиньской династии в Северном Китае и военным трофеем монголов (т.е. до 1234 г.), либо сделан пленным китайским ремесленником из государства Цзинь для члена семьи Бату (т.е. в период между 1234 и 1270 гг.; ср.: [Крамаровский, 2001, с.51]). Согласиться можно только с одним тезисом: поясной набор принадлежал оглану, т.е. принцу крови из «Дома Бату». Об этом свидетельствует подвеска с тамгой [Watt, 2003, р.66–67, fig.62]. Тип тамги дает основание датировать находку 1270-ми гг. [Крамаровский, 2001, с.49]. Тип пояса из Гашун-Уста – не китайский [там же, с.35–60]. Не китайский поясной набор обнаружен в могильнике Таш-Башат из Таласской долины в Киргизии [там же, с.45–47, рис.20]. Основная тема в декоре поясных пластин из Таш-Башат – лани на фоне цветущей природы. Изображение ланей можно видеть и в декоре поясных накладок из коллекции Нассера Д.Халили [Alexander, 1992, р.30–31; Watt, 2003, р.67, fig.65, cat.151], которые также не китайского происхождения. Вместе с тем, каждая из находок несет черты искусства Дальнего Востока. Попытаемся проследить, с какими традициями на Дальнем Востоке связаны наши памятники.

Бронзовые и железные пряжки от поясных наборов с интересующими нас мотивами декора обнаружены в слоях XII – начала XIII в. на чжурчженском городище Лазовское в Приморье [Шавкунов, 1990, с. 140, табл.41: 1–4]. Поясные обоймицы из бронзы

Детали поясной гарнитуры с изображением оленей и ланей из комплекса погребения Гашун-Уста (Предкавказье). Вторая половина XIII в. (реконструкция пояса М.Г.Крамаровского)

с изображениями ланей найдены на Шайгинском городище; два других предмета с этим же сюжетом обнаружены на Ананьевском городище (свинцовая наременная накладка и каменная печать) [там же, табл.43: 3, 4, 18]. Лазовские находки – две пряжки и поясные обоймицы, очевидно, изготовлены киданьскими торевтами [Ходзевич, 1988, с. 90]. На связь с киданьской и чжурчженской традициями указывает и достаточно широкое распространение сюжета с ланями в нефрите династий Ляо и Цзинь. В качестве примеров приведем сабельные обоймы из пекинского Гугуна [Чжунго нейцзы цюаньцзы, с.104, 275] и чжурчженскую плакетку со сценой осенней охоты из собрания музея Гугун в Тайбее [Watt, 1996, p.60, pl.23]. Если и можно утверждать, что пояс из Гашун-Уста связан с традицией чжурчженского ремесла как-то более тесно, то следует вспомнить события 1233 г., когда монголы Субедея взяли цзиньскую столицу Кайфэн, а жители миллионно-

го города, куда бежало население всех окрестных провинций, получили пощаду именно благодаря сосредоточению в Кайфэне.

Итак, мои наблюдения весьма близки к наблюдениям Дж.Уотта. Но есть и разница: традиция ремесла чжурчженей, которую в российской науке принято отличать от китайской, кажется слишком очевидной. Механизм передачи традиции трудно объяснить, не имея документальных свидетельств о работе чжурчженского мастера в Золотой Орде. Возможно, ответ в том, что объемные детали поясного набора выполнены с применением матриц. На золотоордынских городищах известны находки бронзовых матриц с мотивом отдыхающей лани, например, находки из района Поволжья или матрица, купленная в Константинополе. Одна из подобных матриц недавно была найдена в Восточном Крыму в районе золотоордынского Солхата. Но вернемся еще раз к вопросу о дате находки из Гашун-Уста. Обороты больших обойм украшены изображениями «арабского» лотоса [Сокровища, 2000, с.62, 67, разворот на с.63–66; Крамаровский, 2001, с.48, рис.21: 1, 3]. Эти стилизованные цветы не похожи ни на лотосы танского

пояса, ни на лотосовидные накладки из лондонской коллекции Д.Халили [Alexander, 1992, p.48–51]. Ближайшую аналогию можно видеть в декоре люстровых изразцов мавзолея Пир-Хусейна, датированных (по надписям) около 1284 г. [Крачковская, 1946, с.101]. Дата в пределах 1270–1280-х гг. дает основание рассматривать находку из Гашун-Уста в рамках джучидской торевтики, сохранившей, как мы видим, чжурчженскую традицию.

По-видимому, с ремеслом чжурчженей следует связать и уже упомянутый поясной набор из золоченого серебра, найденный в могильнике Олень-Колодезь.

Стоит ли говорить о том, что подобные памятники переносят нас в эпоху складывания культуры Монгольской империи? Необходимо подчеркнуть, что начальный этап развития Улуса Джучи, начиная с 1207 г. и до окончания европейского похода в 1242 г., совпадают с периодом формирования культурного облика империи Чингиз-хана в целом, и великоханской

ставки, в частности. Поэтому для нас важны находки из золота и серебра, связанные с первыми поколениями Чингизидов как из районов Центральной Азии, так и Южной Сибири, или европейской зоны степей за Уралом. С одним из таких памятников (из района Воронежа) мы уже познакомились. Напомню, что в урочище Гашун-Уста на Северном Кавказе вместе с поясом найден ковш с ручкой в форме протомы дракона. Сосуды этого типа найдены в Сибири, на Волге, близ Воронежа, на Днестре [Сокровища, 2000, с.56–58, 163, рис.13, кат. №12–14, 21]. Близкая к этой группе сосудов двуручная чаша для вина найдена при раскопках Царевского городища (г. Сарай ал-Махруса) [там же, с.59, кат.№15]. Вся группа сосудов датируется в пределах рубежа XIII–XIV вв. [Крамаровский, 2001, с.61–72] и отличается от юньских сосудов этого типа [Сокровища, 2000, с.159, рис.11].

Теперь рассмотрим группу воинских поясных наборов с изображением драконов. Эмблематика «императора» и его «гвардии» с использованием изображения дракона сформировалась в узком промежутке времени между 1204 и 1217 гг. В 1221 г. ее наблюдал Чжао Хун, прибывший в Яньцзин, недавнюю столицу чжурчженей. Возможно, что этот промежуток времени может быть несколько сокращен. К настоящему времени находки воинских («гвардейских») поясов с изображениями драконов известны только в археологических материалах из европейской зоны степей, куда они попадают вместе с первым поколением джучидских всадников уже в период 20–40-х гг. XIII в. География находок очерчивается районами Поднепровья, Среднего Подонья и степного Предкавказья, Среднего и Нижнего Поволжья.

В Поднепровье таких находок три: из разрушенного погребения близ с.Карги; пояс (вероятно, серебряный) из погребения на ове Березань в Днепровском лимане; пояс из кургана у с.Ново-Подкряж в Среднем Приорелье. Сведения о погребальном обряде сохранились только для кочевнического захоронения близ с.Ново-Подкряж [Крамаровский, 2001, с.35–45, рис.14: 1–16].

Из Среднего Подонья и степного Предкавказья происходят еще три поясных набора интересующего нас типа (из инвентаря Власовского могильника, из кургана близ станицы

Новоберезанской в Краснодарском крае и из могильника в Ставропольском крае) [там же, рис.14: 17–19].

Из находок в Нижнем Поволжье выделим поясной набор из разрушенного погребения на городище Красный Яр [там же, рис.18]. Сохранился фрагмент ремня. Гарнитура – серебро с позолотой – состоит из пряжки, наконечника, скользящей обоймицы, двух сабельных обойм с петлями для подвешивания ножен и 25 лунниц [Сокровища, 2000, с.69, кат. №19]. При полной сохранности ремня длиной 125–150 см расчетное число в 65–70 единиц поясной гарнитуры кажется оптимальным.

Композиция декора лицевой пластины представлена двумя обращенными друг к другу драконами с рыбьими хвостами. Тыльная пластина наконечника с оборота покрыта чешуйчатым узором. Сабельные обоймы – полые, прямоугольной формы с крупными петлями. Лицевые пластины обойм выполнены в технике ажурного литья. Большую часть пространства занимает изображение трехпалого дракона. Нижнее поле занято фигурой птицы в полете; крупный клюв и мощное оперение говорят, возможно, о соколе. Тип сабельной обоймы с выделенной петлей и рельефным изображением трехпалого дракона на лицевой стороне пластины известен по сунскому нефриту.

Перечисленные поясные наборы принадлежат к одной культурной традиции.

Мы уже отметили, что в кругу новой чингизовской элиты фигура дракона получила значение общеимперского геральдического символа. В наших материалах нет пятипалого дракона императорского Китая. Встречается лишь трехпалый, подобный киданьскому. Дракон с тремя когтями изображен на восьми золотых пластинках из погребения киданьской принцессы Чэньдчжо, племянницы императора Шэнцзуна, умершей в 1018 г. Бляха из нефрита с великолепным драконом на лицевой стороне, очень близким к трактовке драконов сабельных обойм из Красного Яра, экспонирована в пекинском Гугуне. Важно отметить, что для китайского посла к монголам (Чжао Хуна), в его сопоставлении символов великого хана и го-вана принципиальны не детали (количество когтей дракона), а материал, из которого выполнен предмет.

Пояса с драконовидной геральдикой являются в монгольской среде как бы в од-

ночасье. По-видимому, они были вызваны к жизни резко изменившимся уровнем государственного строительства после реформ 1206 г., когда при выделении и бурном количественном росте новых ветвей родовой знати потребовались новые объединительные символы.

Итак, обе группы поясов принадлежат старшему поколению командного корпуса Джучидов, пришедшего в европейскую зону степей около середины XIII в. Типы и стилистика этих поясов сложились в Центральной Азии еще до образования Улуса Джучи. В них и можно видеть ту часть «монгольского наследства», которая попала в Дашт-и Кыпчак с первым поколением завоевателей и здесь, на новой почве, дала импульс к росту культурного феномена, впоследствии получившего название культуры Золотой Орды. Этот комплекс изделий центральноазиатского художественного ремесла впервые дает возможность обратиться к памятникам до 60-х гг. XIII в., не обнаруживающих себя до настоящего времени в метрополии.

На основе оригинальных археологических находок из погребальных комплексов, принадлежавших ранним Джучидам, из слоев отдельных поселений и селищ мы, таким образом, получили возможность впервые ознакомиться с некоторыми редкими материалами Великого Монгольского государства. Многие из этих памятников были перенесены из районов Иртыша и Южной Сибири в бассейны Посурья, Волго-Камья и степную зону Подонья всадниками сибирских корпу-

сов Бату, принявших активное участие в европейской кампании 1237–1242 гг.

Утрата норм тюрко-монгольской всаднической культуры дает о себе знать в материалах тюркетики уже в XIV в. – в период активной исламизации Золотой Орды [Крамаровский, 2001, с.93–108]. В Симферопольском кладе, одном из наиболее репрезентативных комплексов первой половины XIV в., принадлежавшем ордынскому правителю Крыма [там же, с.114–120], среди трех поясных наборов два принадлежат итальянским мастерам [Сокровища, 2000, с.106–107, кат. №517–526, 565–595] и только один – золотоордынским. В этом парадном стрелковом поясе симферопольской сокровищницы полностью отсутствуют черты раннеджучидской традиции, сформированной в период единства Монгольской империи [там же, с.83, кат. №527–564]. Для нашей темы все же очень любопытно, что один из интереснейших памятников этого клада – украшения женской шапочки [там же, с.82, кат. №307–330] – пусть в пережитках, но все еще обнаруживает стилистику и традицию ремесла, более характерную для Центральной Азии и восходящую к китайской династии Суй (581–617) (ср. украшение женского головного убора из золота и серебра из могилы Ли Джингсун в провинции Шанси, КНР [Wei, Deydier, 2001, p.112, #274]). По-видимому, здесь сказался консерватизм женского костюма. Необходимо заметить, что все предметы этого головного убора выполнены в Крыму, скорее всего, в ювелирных мастерских Солхата.

ГЛАВА 2

Культура населения восточных районов Улуса Джучи

Юлий Худяков

В эпоху развитого средневековья крупнейшим государственным образованием в западном ареале степного пояса Евразии был Улус Джучи, территория которого простиралась от устья Дуная и Карпат до верховьев Иртыша и Алтая. При изучении истории и культуры населения Золотой Орды основное внимание уделялось анализу археологических комплексов и исторических источников, относящихся к политическим и культурным центрам этого государства, находившимся в Поволжье, и памятникам культуры кочевников степей Восточной Европы и Южного Урала [Федоров-Давыдов, 1966, с.229–241; 1981, с.229–236; Мажитов, 1977, с.35–38, 112–118; 1981, с.222–223; Иванов, Кригер, 1988, с.39–41, 66–68]. Однако в состав Золотой Орды входили лесостепные и степные районы Западной Сибири, Алтая и Казахстана, на территории которых обнаружены и исследованы памятники «монгольского времени» XIII–XIV вв. [Грязнов, 1956, с.157; Могильников, 1981, с.194–200; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с.186–189; Адамов, 2000, с.83–84; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с.141–143; Кадырбаев, Бурнашева, 1970, с.46–53; Арсланова, 1970, с.58–59; Кадырбаев, 1975, с.132; Акишев, Байпаков, 1979, с.100–102; Исмагилов, Худяков, 2001, с.183–188]. Эти материалы принято относить к культуре сибирских татар и кыпчаков, которые составляли кочевое население восточных районов Золотой Орды [Адамов, 2000, с.84; Акишев, Байпаков, 1979, с.102].

Дашт-и Кыпчак не представлял единого государственного объединения. У разных групп кыпчакских племен были самостоятельные союзы во главе с ханами [там же, с.203]. В XII – начале XIII в. владения восточных кыпчаков были подчинены мусульманским правителям Хорезма. Войска хорезмшахов совершали походы вглубь степей. Под ударами хорезмских войск были вынуждены откочевывать в северные лесостепные районы. Племена восточных кыпчаков распались на два объединения. Одно

из них сохранило свои кочевья на Алтае, на Иртыше и в Тарбагатае, другое – в центральном Казахстане. Кыпчаки, жившие в степях центрального Казахстана, попали в вассальную зависимость от хорезмшахов.

Помимо погребальных, на территории, населенной кыпчаками, были исследованы поминальные комплексы. В центральном и восточном Казахстане были раскопаны каменные сооружения с изваяниями в центре, служившие святилищами для кыпчакских кочевников [Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985, с.149]. Эти памятники имеют черты сходства со святилищами, раскопанными в Восточной Европе [Швецов, 1979, с.207–209]. К предмонгольскому времени относится серия кыпчакских каменных изваяний из центрального и восточного Казахстана и Семиречья [Чариков, 1980, с.223]. Ареал распространения кыпчакских святилищ и изваяний в предмонгольское время должен соответствовать территории расселения восточных кыпчаков.

На землях кыпчакского объединения и вассальных племен в Казахстане и Западной Сибири изучены городища и поселения, свидетельствующие о процессе седентаризации обедневшей части кочевого населения, переходу к оседлому образу жизни и занятию земледелием [Могильников, 1981, с.193; Адамов, 2000, с.100–105].

К началу XIII в., когда на земли восточных кыпчаков пришли монгольские войска во главе с Джучи, на них обитали многочисленные кочевые племена, входившие в племенной союз, возглавляемый кыпчакскими ханами. В вассальной зависимости от кыпчакских правителей находилось оседлое население в степной и лесостепной зоне.

Начало образованию Улуса Джучи положил всемонгольский курултай 1206 г., на котором Темучжин был провозглашен Чингизханом, правителем всех монголов. В 1207 г. старшему сыну Чингиз-хана Джучи было по-

ручено покорить «лесные народы» западной Монголии и Саяно-Алтая [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.112].

Над «прииртышскими лесными народами» правителем был назначен монгольский нойон Хорчи. Под его власть были отданы не только монгольские, но и тюркские племена, жившие на Алтае, которые еще предстояло покорить. «Пусть Хорчи владеет не только тремя тысячами бааринцев, – повелел Чингиз-хан, – но также пополненными до тьмы эдаркинцами, чиносцами, толесами, теленгутами совместно, однако, с (тысячниками) Тохаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до Приэрдышских лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою лесных народов» [Козин, 1941, с.207].

Осуществить эти намерения должен был Джучи, который «был послан с войском правой руки к лесным народам. Проводником был Буха... Подчинив ойратов, бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов, Чжочи подступил к тумен-киргизам. Тогда к Чжочи явились кыргызские нойоны Еди Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами и белыми же соболями. Чжочи принял под власть монгольскую все лесные народы. Начиная отсюда по направлению к нам, а именно народы: шибир, кесадин, баит, тухас, тенлек, тоелес, тас и бачжиги» [там же, с.123].

В 1208 г. монголы разгромили на Иртыше племя меркитов, которое особенно ожесточенно сопротивлялось Чингиз-хану. Потерпевшие поражение меркиты бежали на запад «в страну канлийцев и кыпчаутов» [там же, с.151]. Это создало монголам предлог для нападения на кыпчаков. Однако в этот период монголы были заняты войнами против других противников, поэтому поход на кыпчаков был отложен на несколько лет.

В 1217 г. против притеснений со стороны монгольских начальников восстало племя туматов в Туве. Монголы разгромили восставших, но их сопротивление не было окончательно сломлено. В следующем, 1218 г., «в год барса. Когда восстало одно из племен тумат, сидевшие в Баргуджин-Токуме и Байлуке, для его покорения (монголы), из-за того, что оно было поблизости от киргизов, потребовали от киргизов войско (чарик); те не дали и восста-

ли» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.151]. Джучи пришлось вновь покорять кыргызов и другие племена Саяно-Алтая. Основное войско во главе с Джучи выступило в поход зимой, когда р. Енисей была скована льдом. Оно прошло в Минусинскую котловину и Горный Алтай, покорив не только кыргызов, но и племена урасут, теленгут и куштеми, «страна которых была расположена по ту сторону киргизов, (на расстоянии) около одного месяца пути». Джучи «захватил и те племена» [там же, с.123]. Очевидно, ставка Джучи в этот период находилась в северо-западной Монголии, откуда он совершил поход по Енисею и вернулся в Монгольский Алтай. Все «лесные народы» остались под управлением хана Джучи.

В 1219 г. отряды, возглавляемые Джучи, заняли земли восточных кыпчаков. Орда Джучи «была в пределах Иртыша» [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.78]. В источниках нет свидетельств о том, как происходило покорение восточных кыпчаков и объединение их вокруг Джучи. По видимому, значительная часть кочевников, входивших в состав объединения восточных кыпчаков, подчинилась без ожесточенного сопротивления, поскольку не могла противостоять победному натиску монгольских войск. Кто не желал покоряться, пытался уйти, откочевать подальше от опасных соседей, на запад, в степи Восточной Европы, занятые западными кыпчаками, или в северные, лесостепные и таежные районы Западной Сибири и Урала. Енисейские кыргызы после опустошительного похода войска Джучи ушли из степей Минусинской котловины на север. Часть кыргызского населения осела в лесостепных и таежных районах в долинах рр. Чулыма и Кии [Беликова, 1996, с.139]. По мнению В.А.Могильникова, в XIII в. монголы проникали по Иртышу вплоть до Тары и Тобольска [Могильников, 1965, с.281]. Эти походы монгольских войск преследовали цель подчинения тюркоязычных кочевых племен, входивших в состав кыпчакской конфедерации. Отток части кочевого населения в северные лесостепные районы способствовал тюркизации живших на этой территории угорских и самодийских племен.

После покорения восточных кыпчаков Джучи не стал возвращаться на прежнее место и перенес свою ставку в центральный Казахстан. Чингиз-хан поручил ему завоевать «северные страны», включая земли западных кыпчаков. Вероятно, Джучи собирался со-

брать больше военных сил для новой грандиозной военной кампании. Однако в 1227 г. он внезапно умер. По сведениям разных источников, тело Джучи было погребено на верхнем Иртыше или в гробнице, сооруженной в долине р. Сары-Су в центральном Казахстане [Рашид ад-Дин, 1960, II, с.185].

После смерти Джучи его преемником во главе улуса стал не старший сын Орду, а второй сын Бату, который был признан военачальниками наиболее достойным наследником. Чингиз-хан умер через полгода после смерти Джучи. Согласно его воле на всемонгольском курултае великим ханом был избран третий сын Угедей. Он подтвердил приказ Чингиз-хана Бату возглавить поход в Европу и направил в состав его войска отряды во главе с Субедейбагатуром и Кукдаем [Кляшторный, Султанов, 2000, с.188]. После смерти Джучи восточные земли, западная Монголия и Саяно-Алтай были включены в состав улуса великого хана и отданы под управление Тулуя, младшего брата Угедея. Правителю Джучиева Улуса хану Бату предстояло компенсировать эти потери за счет завоевания новых земель на западе.

Решение о крупномасштабных завоеваниях земель, лежащих к западу от владений Бату, было принято на всемонгольском курултае в 1235 г. Исследователи по разному оценивают численность войск, вторгшихся под командованием хана Бату в Восточную Европу.

При выделении улуса Джучи было предоставлено, по разным сведениям, от 4 до 9 тыс. воинов [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.198–201; Сокровенное сказание, 1990, с.120]. После покорения восточных кыпчаков и других тюркоязычных кочевых племен Казахстана и Западной Сибири численность армии Джучи должна была значительно возрасти. По своему этническому составу это войско было преимущественно кыпчакским. При подготовке к походам в Поволжье армия Бату была усилена 30-тысячным отрядом Субедея и Кукдая [Кляшторный, Султанов, 2000, с.189].

В ходе нескольких продолжительных и успешных походов в страны Восточной и Центральной Европы войскам хана Бату удалось присоединить к Джучиеву Улусу обширные территории с многочисленным кочевым и оседло-земледельческим населением. Основ-

ную часть подчинившихся кочевников составляли западные кыпчаки.

Восточные районы улуса со всем их населением были отданы Бату-ханом под управление своего старшего брата Орду, которому было выделено 10 тыс. воинов. Его ставка находилась на верхнем Иртыше и в районе оз. Ала-Куль. Владения Орду составляли левое крыло Джучиева Улуса и назывались, как и во время правления самого Джучи, Кок-Ордой [там же, с.196–199]. В его состав также входили владения Шибана, одного из младших братьев Бату, которые находились в степях западного и центрального Казахстана.

К этому времени Монгольская империя окончательно распалась на отдельные государства, между которыми шли войны за земли и сферы влияния.

Возможно, что с переносом ставки правителей Кок-Орды в долину р. Сырдарья, часть ее восточных земель была временно утрачена.

Население восточных районов Улуса Джучи в XIII–XIV вв. состояло из разных по происхождению этнических групп. Они различались по облику культуры и хозяйственным занятиям. В северных лесостепных районах Западной Сибири жили племена угорского и самодийского происхождения, воспринявшие элементы культуры от тюрков, кыргызов, кыпчаков. Помимо скотоводства они занимались подсобным земледелием, охотой и рыболовством. В XIII в. в их земли усилился приток тюркоязычных кочевников, стремившихся уйти от монгольских войск. В Степном Алтае, северном и восточном Казахстане жили племена кочевых скотоводов, входившие в состав объединения восточных кыпчаков. После монгольского завоевания часть из них в составе войск Бату была переселена в западные районы Дашт-и Кыпчака, часть мигрировала в северные лесостепные земли. Военным отрядам, сформированным из кыпчаков, пришлось воевать в составе монгольских войск и на территории Монголии, и Саяно-Алтая.

В ходе монгольского завоевания на земли Улуса Джучи было переселено монголоязычное кочевое население. Это были военные отряды, включенные в войска первых правителей улуса. Через несколько поколений они ассимилировались среди тюркоязычных племен.

Вероятно, уже со второй половины XIII в. все кочевое население восточных районов Золотой Орды называлось «татарами» и говорило по-тюркски.

Археологические материалы, изученные на территории лесостепной зоны Западной Сибири, позволили исследователям определить основные хозяйственные занятия населения.

Для погребальных комплексов, характерных, по мнению В.И.Молодина, В.И.Соболева и А.И.Соловьева, для этнических предков барабинских татар, были типичны захоронения под курганными земляными насыпями в прямоугольных могильных ямах. Погребения совершены по обряду одиночной ингумации. Тела умерших помещали в грунтовых ямах, берестяных чехлах или на деревянных плахах. Они лежат на спине, в вытянутом положении, ориентированы головой на запад, юго-запад или юг. Встречаются погребения на уровне древнего горизонта и случаи расчленения тел умерших. В одном из курганов в отдельной яме была захоронена лошадь. Среди сопроводительного инвентаря отмечены бусы и керамические сосуды с заупокойной пищей, предметы вооружения. В насыпях курганов обнаружены следы поминальных тризн, кострища и обломки керамики и костей домашних животных [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с.168–169]. Помимо тюркоязычного в Барабинской лесостепи чересполосно проживало и угорское население [там же, с.169–170].

На этой территории исследованы городища со сложной системой фортификации, включавшей несколько рядов земляных валов и рвов, и долговременные поселения с остатками жилых и хозяйственных построек. Жилища были углублены в землю, имели прямоугольную или округлую планировку и очаг в центре [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с.167].

Для предметного комплекса тюркоязычного населения Барабинской лесостепи характерна лепная керамическая посуда круглодонной или яйцевидной формы. Большинство сосудов орнаментировано округлыми или треугольными вдавлениями, косыми насечками. На городищах встречена импортная гончарная посуда, покрытая глазурью, произведенная в ремесленных центрах Золотой Орды в Поволжье или в Средней Азии [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с.16–34].

Из предметов вооружения в памятниках XIII–XIV вв. в Барабинской лесостепи най-

дены костяные накладки луков, железные плоские и костяные наконечники стрел, копья и панцирные пластины [там же, с.50–55, 73, 77].

Основным видом хозяйственной деятельности тюркоязычных групп населения Барабинской лесостепи было кочевое скотоводство. По оценке исследователей, его роль в экономике возросла в XIII–XIV вв. в результате переселения из степей Казахстана «орд кочевников» [там же, с.197]. Они разводили лошадей и овец, в меньшем количестве крупный рогатый скот. Перекочевки со стадами имели сезонный характер в меридиональном направлении.

В то же время часть населения жила оседло в укрепленных и открытых поселениях, практиковала подсобное земледелие. Важное место в хозяйстве занимала охота на диких копытных и пушных зверей. Пушным промыслом занимались таежные угорские племена. Добытая ими пушнина служила основным предметом торговли с купцами, приезжавшими из Поволжья и Средней Азии, и поставлялась в качестве дани кочевой знати. Об интенсивности этой торговли можно судить по находкам импортной посуды и предметов вооружения, которые закупались у приезжих купцов уграми для культовых целей [Борисенко, Худяков, 2001, с.91–93]. В XIII–XIV вв. основным торговым маршрутом, по которому эти изделия, произведенные в странах Среднего Востока, Византии, Западной и Восточной Европы, попадали в таежные районы Западной Сибири, пролегал из Среднего Поволжья через Уральские горы в Прииртышье. Какая-то часть товаров доставлялась через Барабинскую лесостепь в Степной Алтай и верховья Иртыша.

Большое количество памятников XIII–XIV вв. исследовано в Новосибирском Приобье. Проанализировавший эти материалы А.А.Адамов пришел к выводу, что погребальная обрядность тюркоязычного населения этого района в сравнении с предшествующим, предмонгольским временем не претерпела существенных изменений [Адамов, 2000, с.22].

Предметный комплекс приобских кочевников достаточно разнообразен. Вооружение представлено в нем луками со срединными и концевыми костяными накладками, стрелами с железными плоскими и круглыми в сечении наконечниками, костяными наконечниками раз-

ных форм. В состав воинского снаряжения входили берестяные колчаны закрытого типа. К снаряжению всадников относятся наборные пояса с бронзовыми пряжками, бляшками и наконечниками с железными кольцами с крюками, служившие для крепления голенищ кожаных сапог. В составе конского убранства были железные удила, стремена, накладки, пряжки от седельных ремней, плети с костяными рукоятями. В женских захоронениях были серьги, подвески, бусы и зеркала.

Керамическая посуда представлена круглодонными горшками и чашами, орнаментированными полосами штампованного орнамента по венчику и верхней части тулова [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с.32, 38–39, 41, 43, 46–47, 55, 57, 59–61].

Население, обитавшее в Новосибирском Приобье в монгольскую эпоху, практиковало разные виды хозяйственной деятельности. Ведущее место в экономике занимало скотоводство, разведение лошадей, овец и крупного рогатого скота. Для обитателей долговременных постоянных поселений скотоводство было отгонным, с сезонной сменой пастбищ. Население занималось также подсобным земледелием, охотой на диких копытных и пушных зверей и рыболовством.

Пушнина была предметом обмена и, вероятно, служила для уплаты дани правителям Кок-Орды. Вдоль Оби пролегал один из торговых путей в Среднюю Азию, по которому вывозились меха и завозились украшения и предметы роскоши.

В отношении этнической принадлежности населения Приобья в монгольскую эпоху высказывались предположения о том, что это были тюркоязычные, кыпчакские племена. На их основе в позднем средневековье сложилась этническая группа томских татар [Адамов, 2000, с.84].

В лесостепном Алтае исследованы различные по конструкции погребальные комплексы.

В Верхнем Приобье изучен курган с округлой земляной насыпью, в центре которого на горизонте находился сожженный бревенчатый сруб, внутри которого было захоронение по обряду ингумации. Вокруг сруба были предметы вооружения и бытовые инструменты. М.П.Грязнов считал, что сруб в центре кургана был характерным для скотоводческих и охотничьих кочевых и полукочевых племен лесостепной зоны Западной

Сибири. Близкие по конструкции сооружения были характерны в период этнографической современности для чатских и эуштинских татар [Грязнов, 1956, с.157].

В курганных могильниках лесостепного Алтая представлены округлые и овальные земляные насыпи, под которыми находилось по одной или несколько овальных могильных ям, иногда с деревянным ограждением, перекрытых жердями, бревнами или досками. В могилах были погребены умершие в деревянных колодах или дощатых гробовищах, иногда с подстилкой и перекрытием из бересты. Умершие захоронены по обряду одиночной ингумации, в вытянутом положении, на спине, ориентированы головой на запад, с разнообразным инвентарем [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с.135–138].

В лесостепном Алтае исследованы поселения и городища монгольского времени. В культурном слое обнаружены кости диких и домашних животных и рыб, бытовые предметы и украшения [Грязнов, 1956, с.153–154].

В предметном комплексе населения лесостепного Алтая выделяются разнообразные предметы вооружения. Оружие дистанционного боя представлено луками со срединными фронтальными накладками, концевыми вкладышами и накладками, стрелами с железными плоскими и трехгранными наконечниками и костяными трехгранными, ромбическими и шестигранными наконечниками. Стрелы хранились в берестяных колчанах, украшенных костяными, орнаментированными накладками. В наборе оружия ближнего боя были ударные копья и сабли [Худяков, 1997, с.60–71]. К монгольскому времени относятся находки железных пластин от ламеллярного панциря и сфероконический шлем [Горбунов, Исупов, 2002, с.136; Тишкин, 2002, с.144]. Конское снаряжение представлено железными удилами с кольчатými псалиями, стременами с уплощенной петлей и отверстием для путлища в дужке, железными и костяными пряжками, бляхами, накладками и начальниками [Ефремов, 1998, с.158–169; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с.65–85].

В памятниках алтайских кочевников найдены поясные пряжки и бляхи, серьги, бусы и перстни. Особый интерес представляют берестяные цилиндрические с раструбом наверху головных уборов, которые исследователи связывают с женскими головными уборами типа

«бокка» у монголов [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с.95]. В памятниках монгольского времени в Степном Алтае найдена золотоордынская монета и бронзовое зеркало с боковой петелькой и орнаментом в виде розетки, окаймленной полосой из полукружий, аналогичное зеркалам из кыпчакских могильников Приуралья [Иванов, 1999, с.149–151]. На поселениях найдена керамическая посуда.

Кочевники степной и лесостепной зоны Алтая в монгольскую эпоху были скотоводами. Разводили, преимущественно, лошадей и овец, в меньшем количестве крупный рогатый скот. Судя по находкам костей диких животных и рыб, важную роль в хозяйстве играли охота и рыболовство [Грязнов, 1956, с.153].

Памятники монгольского времени в лесостепном и Степном Алтае исследователи связывают с кыпчаками [Савинов, 1994, с.70]. Некоторые исследователи выделяют среди них комплексы местного тюркизированного и татарского населения [Ефремов, 2002, с.104, 108]. Высказано мнение о принадлежности мужских захоронений на могильнике Телеутский Взвоз-I воинам из состава войск Улуса Джучи, возглавлявшим местные кочевые племена телеутов [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с.142].

Погребальные комплексы монгольского времени исследованы в степях северного, восточного и центрального Казахстана, составлявших основные земли Кок-Орды, восточного крыла Золотой Орды.

Кочевники хоронили умерших сородичей по обряду одиночной ингумации в прямоугольных могильных ямах, перекрытых округлыми пологими каменно-земляными насыпями или овальными выкладками. Погребенных помещали в грунтовых ямах, в деревянных гробовищах, скрепленных железными скобами, перекрывали досками или берестой. Тела умерших сородичей укладывали в могилу на спину в вытянутом положении, головой на север или северо-запад, очень редко на восток. Мужчин хоронили с оружием, воинским и конским облачением, женщин – с украшениями, предметами туалета и конской сбруи.

На отдельных памятниках прослежены особенности в позе погребенных и составе сопроводительного инвентаря. На памятнике Тасмола в центральном Казахстане погребенный был положен на спине, руки и ноги разведены в

стороны, голова повернута на левую сторону. Помимо принадлежностей одежды, оружия, конской сбруи и бытовых вещей у погребенного в левом ухе была серьга, во рту и левой руке две серебряные монеты [Кадырбаев, Бурнашева, 1970, с.44–46]. Они были чеканены в XIV в. в Золотой Орде при ханах Токте и Узбеке [там же, с.49]. В мужском захоронении на могильнике Жартас, кроме оружия и сбруи, остатков одежды и обуви, находилась серебряная чаша и мешочек с тремя серебряными монетами [Акишев, Байпаков, 1979, с.101].

В женских захоронениях в Ждановском могильнике и разрушенном погребении в Павлодарском Прииртышье в северном Казахстане были найдены детали головных уборов типа монгольской бокки, серебряные нашивные украшения и бронзовое зеркало с серебряными кольцами и костяными дисками [Арсланова, 1968, с.54–57].

Для погребальной обрядности кочевого населения Казахстана было характерно полное изживание прежних традиций древнетюркского и кимакского периодов. Обряд погребения с конем или со шкурой коня сохранился только у западных кыпчаков (половцев) и на северной периферии Кок-Орды, в Верхнем и Новосибирском Приобье, где он встречается на одних и тех же памятниках, на которых преобладают погребения по обряду одиночной ингумации.

В казахских степях отчетливее, чем в Западной Сибири и на Алтае, прослеживается влияние на культуру местных кочевников монгольских культурных традиций и принятие частью населения ислама, строго регламентирующего заупокойную обрядность верующих мусульман.

К числу мусульманских погребений отнесены захоронения по обряду ингумации в грунтовых могилах на спине, в вытянутом положении, ориентированные на северо-запад, с лицом, повернутым на юго-запад, в сторону Мекки. В этих захоронениях, исследованных на памятнике Жартас в центральном Казахстане, нет сопроводительного инвентаря [Могильников, 1981, с.99].

С распространением ислама умерших стали хоронить в могилах с подбоем внутри надмогильных конструкций, сложенных из сырцового кирпича и в мавзолеях-гумбезах [там же, с.200].

Вероятно, под влиянием служителей исламской религии, активно борющихся с «идолопоклонничеством», население восточных районов Кок-Орды перестало сооружать святилища с каменными изваяниями в честь почитания предков.

Предметный комплекс культуры кочевников Казахстана XIII–XIV вв. достаточно разнообразен.

Среди предметов вооружения были луки с фронтальными или боковыми срединными накладками, стрелы с плоскими, линзовидными, четырехгранными и прямоугольными железными и костяными ромбическими наконечниками [Худяков, 1997, с.107–112]. Стрелы хранили в колчанах с берестяным приемником, украшенным костяными накладками с геометрическим или зооморфным орнаментом [там же, с.112–113]. В ближнем и рукопашном бою всадники атаковали противника саблями со слабо изогнутым клинком и ладьевидным перекрестьем. Такая сабля найдена на памятнике Королевка в Казахстане [Могильников, 1981, рис.72, 53]. Для защиты воины пользовались панцирями из железных пластин, соединенных между собой ремешками ламеллярным способом, и сфероконическими шлемами с наверхшиями и пластинчатыми бармицами.

Конская сбруя представлена железными двусоставными удилами с кольчатыми псалиями и стремянами с плоской подножкой, арочным проемом и уплощенной дужкой с отверстием для путлища, железные пряжки, бляшки и седельные пробои с кольцами для привязывания тороков [там же, с.196–197].

Поясные ремни украшались серебряными накладками с подвесными кольцами или нефритовыми бляшками. В орнаментации серебряных поясных накладок использовался растительный орнамент и арабские надписи, выполненные куфическим стилем [Акишев, Байпаков, 1979, с.97].

В качестве женских, а иногда и мужских украшений использовались металлические серьги в виде несомкнутого кольца или со стержнями и подвесками. Украшениями служили серебряные бляшки, подвески и бусы.

В погребении Жартас были найдены остатки штанов из овчины и сапог из сыромятной кожи. На памятнике Королевка голенища сапог были расшиты бронзовой нитью цветочным узором.

Женские головные уборы имели в своей основе серебряную цилиндрическую трубку с раструбом, украшенную полосами тисненого орнамента в виде плетеного шва [Арсланова, 1968, с.54–57]. Подобные головные уборы «бокки» были характерны для знатных монгольских женщин.

Бронзовое дисковидное зеркало имело в центре сферическую петлю, в которую была продета цепочка из двух серебряных колец с костяными дисками. На орнаментальном поле в два ряда изображены животные [там же]. Такие зеркала отливались в Китае. В культурах кочевников в подражание им изготавливались копии китайских зеркал.

В памятниках кочевников Казахстана XIII–XIV вв. найдены отдельные обломки и один неорнаментированный лепной горшок [Могильников, 1981, с.197].

Вероятно, керамическое производство у восточных кыпчаков утратило прежний уровень развития из-за приобретения гончарной посуды ремесленного производства, изготавливавшейся в городских центрах Средней Азии, и широкого использования не бьющейся металлической посуды.

Основным направлением хозяйственной деятельности кочевников, живших в засушливых степях Казахстана, было кочевое скотоводство. Разводили лошадей, овец, верблюдов и крупный рогатый скот. Кыпчаки считались народом, «очень богатым лошадьми». Они кочевали в зависимости от наличия «травы и воды», по сезонным маршрутам. С.М.Ахинжанов отметил, что для них были характерны маршруты перекочевок на большие расстояния от Иртыша до Сырдарьи [Ахинжанов, 1989, с.240–242].

Большое значение в их хозяйстве имела охота на диких степных, стадных копытных животных. Кочевники были очень азартными и выносливыми охотниками, могли без усталости преследовать джейранов и куланов, метко стреляли из лука на полном скаку. Охота выполняла и роль военных тренировок.

В то же время часть местного кочевого населения оседала на землю, селилась в городах, занималась земледелием и ремеслами [там же, с.250, 255–256].

Восточные районы Золотой Орды выполняли важную функцию в транзитной караванной торговле. Через казахстанские степи из

Семиречья в Прииртышье, на Алтай и в Западную Сибирь пролегал один из важнейших торговых путей, служивший меридиональным ответвлением трансконтинентальной торговой трассы, шедшей из Китая вдоль Тянь-Шаньских гор в Среднюю Азию. Памятники культуры кочевников XIII–XIV вв. в степях Казахстана все исследователи по традиции называют кыпчакскими [Кадырбаев, Бурнашева, 1970, с.53; Арсланова, 1968, с.58; Акишев, Байпаков, 1979, с.102], хотя точнее было бы считать их золотоордынскими.

Анализ археологических материалов из памятников кочевников, проживавших в восточных районах Золотой Орды, охватывавших обширные лесостепные и степные пространства Западной Сибири, Алтая и Казахстана, позволил проследить определенные изменения в культуре разных этнических групп населения в эпоху развитого средневековья.

В течение XIII–XIV вв. среди кочевников, вошедших в состав Кок-Орды, восточного крыла Золотой Орды, получили широкое распространение общие для всех монгольских улусов имперские надэтнические элементы культуры. Особенно наглядно это проявилось в предметном комплексе. Воины имели на вооружении луки монгольского типа, стрелы с плоскими и гранеными железными наконечниками, колчаны с орнаментированными накладками, копыя, сабли, палаши, панцири и шлемы. Большое сходство прослеживается в снаряжении воинов и конском убранстве. Широкое распространение получила мода на женские украшения, характерные для монгольского времени. Унификация основных элементов военно-дружинной культуры в кочевом мире связана не только со стремлени-

ем номадов подражать господствующему этносу, но и с выработкой оптимальных для этого времени форм вооружения и конского убранства.

Направление культурных связей в период вхождения Западной Сибири, Алтая и Казахстана в состав Золотой Орды соответствовало государственной принадлежности этих земель. В памятниках кочевников на этих территориях встречаются золотоордынские монеты, украшения, гончарная посуда, привезенные из городских центров Поволжья и Средней Азии.

Значительно меньше предметов, которые можно считать привезенными из Китая, входившего в состав монгольской империи Юань. Вопреки расхожему мнению, в памятниках кочевников XIII–XIV вв. на территории Западной Сибири, Алтая и Казахстана не наблюдается упадка культуры. Интенсивность торговых и культурных контактов между кочевниками и городскими ремесленными центрами по сравнению с предшествующим периодом возросла.

Период вхождения этих территорий в состав Золотой Орды связан со значительными перемещениями тюркоязычного кочевого населения. Значительная часть кыпчаков в ходе монгольских завоеваний мигрировала в Восточную Европу, в лесостепные районы Алтая и Западной Сибири, осела в оазисах Семиречья, Сырдарьи и Приаралья, что ускорило процессы тюркизации и аккультурации населения этих земель.

Золотоордынский период был временем распространения исламской религии, традиций, обрядности и культуры среди тюркоязычных кочевников Кок-Орды.

ГЛАВА 3

Феномен цивилизации Улуса Джучи

§ 1. Город и городская жизнь в Золотой Орде

Марк Крамаровский

Миф о культурах «чистых кочевников» хотя еще и не изжит, но в последние десятилетия все больше теряет свою привлекательность [Кызласов, 1998, с.47–64]. По расчетным данным, уже в империи азиатских гуннов (209 г. до н.э. – 48 г. н.э.) оседлое население примерно двадцати укрепленных поселений Монголии и Забайкалья (в этот счет не вошли поселения без стен) было призвано обеспечить продуктами земледелия и ремесла примерно 350–800 тыс. кочевников [Крадин, 2002, с.79]. Традиция оседания кочевников, нередко вынужденного, на поселениях и в городах, где большое место занимала прослойка несвободного населения, получила развитие у средневековых уйгуров, киданей, чжурчженей и, наконец, монголов и татар. По наблюдениям европейцев, вчерашними кочевниками город с его атрибутами воспринимался как неизбежное зло, а непривычные для Чингизидов городские стены – как признак слабости. Характерна тональность диалога двух купцов – венецианца Иосафат Барбаро, прожившего в Золотой Орде 16 лет с 1436 по 1452 гг., и степняка-татарина. Разговор состоялся у городских ворот Таны, где внимание собеседников привлекла архитектура надвратной башни:

– Не кажется ли тебе эта вещь замечательной? – спросил Барбаро своего случайного знакомого.

– Ба! Кто боится, тот и строит башни! – усмехнувшись, ответил тюрок [Барбаро и Контарини, 1971, с.148].

Психологическое отторжение стационарно быта, укоренившееся в среде тюркско-монгольских кочевников вплоть до рубежа Нового времени, выразительно характеризует поговорка: «Чтоб тебе как христианину оставаться на одном месте и нюхать собственную вонь» [Меховский, 1936, с.213, прим.46].

Есть необходимость предварительно обозначить несколько вопросов, имеющих методологическое значение для нашей темы. Золотая Орда, с цивилизационной точки зрения, представляла собой самостоятельную кочевническую империю. Мощь государства и единство империи Джучидов основывались, как и в случае с единым государством Чингиз-хана, на воинской силе номадов. Вместе с этим, Золотую Орду уже к середине XIV в. от «Великого эля» древних тюрок или даже государства монголов времени жизни основателя империи, т.е. до 1227 г., отличало массовое строительство в степной зоне новых городов и рост старых в лесостепной (после короткого периода военной разрухи середины 30-х – начала 40-х гг. XIII в.). Сентенция о невозможности управления государством, сидя на коне, высказанная киданьским министром Елюй Чуцаем великому хану, в какой-то мере объясняет необходимость появления столиц – Каракорума или Сарая. Но эта же идея мало что проясняет в причинах массового регионального строительства городов в степном Поволжье, Поднепровье, Подонье, Предкавказье и т.д. С городами и денежным обращением в Дашт-и Кыпчак и его земельческую периферию приходят новые формы разделения труда, основанные на экономическом характере концентрации, перераспределения и реализации прибавочного продукта, пришедшего из степи, земельческих зон империи, а также в результате торговых связей, из дальнего зарубежья. В период стабильного существования империи города становятся центрами международной торговли, центрами собственных периферий в ремесле и ближней торговли, центрами духовной жизни, различных форм интеллектуальной деятельности и полиэтнической культуры. Специфика же состоит в том, что энер-

горесурсы этих городов, ритм их жизни оказались подчинены степной империи. Крушение власти степных ханов автоматически приводит к краху степных городов.

От сезонных ставок к стационарным поселениям и городам: традиции Центральной и Западной Азии в XIII в. Традицию стационарных поселений у монголов-Чингизидов принято связывать с четырьмя ордами-резиденциями главных жен Чингиз-хана. Орды существовали параллельно с его личной ставкой, именуемой «Великой», но еще и «Шира Ордо» [Минерт, 1990, с.90]. Точное местонахождение орд главных жен Чингиз-хана неизвестно, хотя на этот счет имеется немало убедительных гипотез. Предполагается, что первая резиденция Темучжина располагалась на берегу р. Тола, в Темном Бору, обозначенном в «Сокровенном сказании монголов» как *Хара-тун* [Козин, 1941, с.189]. После переноса главной ставки на р. Орхон Л.К.Минерт предложил считать ее Северной. Южной главной ордой, по-видимому, была *Юй эрр ли*, к которой вела почтовая дорога [Си-ю-цзи, 1866, с.398]. Восточная орда, очевидно, находилась в низовьях Керулена [Кафаров, 1866, с.181]. Западную Великую орду Чингиз-хана исследователи помещают в верховья Селенги. Впоследствии она, возможно, была перенесена на южные склоны Монгольского Алтая в долину р. Булугун, где до разгрома находилась княжеская ставка найманов.

Один из очевидцев – даосский монах Чан Чунь, приглашенный ко двору Чингиз-хана и посетивший Юй эрр ли в 1227 г., засвидетельствовал на месте ставки «деревню, жители которой большею частью занимались хлебопашеством и рыболовством» [Си-ю-цзи, 1866, с.285]. Следовательно, ставка великого хана уже переросла в стационарное поселение. Здесь уже в допоселенческий период были, видимо, сооружения, от которых после разборки, в лучшем случае, остаются фундаменты из камня и кирпича, как в одном из сезонных лагерей Чингиз-хана, открытом недавно в Монголии [Shiraishi, 2001, p.79–98]. Нам известны, по меньшей мере, несколько летних ставок великих ханов-Чингизидов – Угедея (1229–1241) и Гуюка (1246–1248).

Возведение на трон Угедея на курултае 1228 г. происходило в долине Керулена в «чингисовой юрте», т.е. в бывшей резиденции Чингиз-хана на месте его главной Восточной орды.

Джувейни сообщает важные подробности, характеризующие характер сезонных передвижений двора великого хана, использующего стационарные дворцы и летние ставки в календарном режиме [Джувейни, 2004, с.163–165]. До интронизации Угедей проживал в резиденции неподалеку от Эмиля, после 1229 г. переданной сыну (наследному принцу Гуюку). После вступления во власть дважды в году, но преимущественно зимой и ранней весной, Угедей проживал в «китайском дворце» в парке близ Ордубалыка–Каракорума, где его окружали жилища братьев, сыновей и гвардии. Часть весенних дней великий хан проводил в малом дворце на вершине холма в трех милях от города. Начало лета (первые сорок летних дней) ханский двор проводил в местности Карши-Сури во дворце, выстроенном мусульманскими мастерами. Дворец в Карши-Сури отличали богатые охотничьи уголья с озерами и водоплавающей птицей. Жаркие дни лета Угедей проводил в горах в «китайском» шатре из белого войлока с верхом из ткани, затканной золотом. «Это место называлось Шира-Орду» [там же, с.164]. Здесь ханский двор пребывал до первого снега. Далее шло повторение алгоритма. Из текста Джувейни следует, что уже во второй трети XIII в. домостроительные инновации, основанные на архитектурных традициях Дальнего и Ближнего Востока, адаптированных к потребностям ранних Чингизидов, входят в рутинную практику царствующего дома, серьезно потеснив степную линию. Кажется, что сложившаяся ко времени Угедея парадигма должна быть в должной мере учтена при анализе обстоятельств, сопутствующих возникновению столицы Золотой Орды – Сарая, учитывая, что на Селитренном городище нет следов города середины – второй половины XIII в.

Однако позиция кочевнической юрты оставалась достаточно прочной. Судя по наблюдениям Плано Карпини, очевидца интронизации Гуюка, главенствующими сооружениями летних ставок были огромные тканые шатры для торжественных приемов. В ставке матери Гуюка Туракины, вдовы Угедея, правившей империей на правах регентши около 5 лет, это был шатер из «белого пурпура», вмещающий более 2 тыс. человек [Путешествия, 1957, с.74]. Шатер был огорожен деревянной оградой с «разными изображениями». Ставка Туракины носила название «Сыра-Орда»; здесь

проходило первое торжественное собрание участников курултая [там же, с.75]. При этом вне шатровой ограды на протяжении четырех недель пути оставалось более 4 тыс. знатных лиц из не монголов, послов и наместников из завоеванных земель и, в их числе, папский нунций. Собственно интронизация проходила в другом шатре, называемом «Золотой Ордой», хотя, может быть, более правильно его следовало бы назвать «золотым шатром». Шатер располагался в долине между горами у ручья в урочище Ангисумэ-голи в трех или четырех левках (переходах) от ставки Туракины, т.е. на расстоянии 90–120 км от Сыра-Орда. «Шатер... был поставлен на столбах, покрытых золотыми листьями и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдакином, а снаружи были другие ткани» [там же, с.76]. В «золотом шатре», куда был допущен Плано Карпини, кроме прочего, проводилась церемония вручения посольских подарков. В третьем шатре из «пламенно-красного пурпура» проходил собственно пир. При этом великий хан сидел на троне, помещенном на высоком помосте. Кроме трех парадных шатров – белого для собраний (курултая), золотого для церемонии интронизации и красного для пира, в ставках находились юрты из белого войлока, принадлежавшие ханским женам. Таким образом, структуры временных архитектурных «модулей» в сезонных лагерях-ставках соседствовали с легкими постоянными сооружениями. Позже эта комбинированная система, но уже на основе традиции, укоренилась в практике ханских ставок младшего поколения Чингизидов. Подобные постройки известны как в Восточной, так и в Западной Азии. Шанду, летняя столица династии Юань, в западной части города (Западное Внешнее Пространство) содержала дворец для удовольствий под названием «Бай-Орда» («Роскошная Орда»), по крайней мере, с пятью постоянными строениями. Здесь проходили диспуты с участием теологов, посольские приемы, наградные церемонии и пиры. Северная часть столицы (Северный сад) содержала ботанический сад, зверинец и павильон удовольствий под знакомым названием «Сыра-Орда». Возможно, что «бамбуковый дворец» Хубилая в Шанду, описанный Марко Поло как разборный, и есть Сыра-Орда – временная постройка, крепившаяся двумястами шелковыми веревками. Интерьеры дворца не

могли не поражать контрастом палаточных «стен», возможно, из пальмового волокна, и съемных лакированных столбов со слоновой костью, украшенных драконами, на чьих золоченых головах покоилась легкая бамбуковая кровля павильона [Книга Марко Поло, 1956, с.96, прим.3 к главе LXXV, с.279].

В 1255 г. по распоряжению среднеазиатского правителя Масуд-бека в Самарканде был построен шатер из ткани *насидж* (разновидность парчи с золотой нитью), крытый белым войлоком, в котором на протяжении сорока дней шли пиры в честь Хулагу. У Рашид ад-Дина упомянут великолепный шатер, построенный правителем Хорасана в 1256 г., где была использована тысяча золотых гвоздей. Ибн Баттута (1333 г.) описывает пирушественный золотой шатер хана Узбека, не уступающий по роскоши шатрам Ирана и Центральной Азии [СМИЗО, 1884, с.298, 301, 311]. Эти, поразительные по богатству отделки, временные строения объединяет одна важная черта – их функция ханской винницы – «дома вина» или (перс.) *шараб-хане*, восходящей к «Великой виннице» «Сокровенного сказания» [Козин, 1941, с.173]. Каракорумская «винница» с фонтаном из серебра для кумыса и вина, устроенного в виде грушевого дерева в 1254 г., была выстроена уже как стационарный дворец для съездов. О важности социального института «Великой винницы», как части элитарных удовольствий, куда входили и охоты, у ранних монголов свидетельствует притча, основанная, видимо, на Йасе, о разделении сфер деятельности четырех сыновей Чингиз-хана. Согласно воле основателя империи, старшему сыну была поручена забота об организации празднеств, совещаний и сборов, но также и дел разведки (*ойун*), переговоров и развлечений [Тоган, 2002, с.175]. Следовательно, и подготовкой пира после завершения похода 1224–1225 гг. на Хорезм, закончившегося спортивными состязаниями, и установкой знаменитой стелы Хирхирского городища, известной как «Чингисов камень», ведал Джучи. Нередко именно сезонные лагеря – летние и зимние, где протекала основная часть жизни членов царствующего дома, включая принцев, хатуней и высших должностных лиц, перерастали в города, или, по крайней мере, поселения городского типа. На раннем этапе существования «Великого монгольского государства», когда кочевнические традиции преобладали,

Поясная накладка. Бронза.
Болгар. XIII в. НМ РТ

официальная жизнь Чингизидов старшего поколения концентрировалась в основном в летних резиденциях, где проходили курултай, интронизации, пиры, вершился суд, принимались послы, назначались войсковые чины, утверждались решения о проведении сезонных охот. Однако после смерти основателя государства в 1227 г. великие ханы на востоке все еще единой империи (формально до конца 1260-х гг.) правили уже из столичного Каракорума и в дальнейшем из таких городов, как Даду, построенного Хубилаем, или Шанду.

Бату-хан первоначально обосновался в г. Болгаре, где в 40-е гг. XIII в. начался чекан первых джучидских монет. Уже во второй половине XIII в. жизнь в городе нормализуется настолько, что к концу столетия Болгар перерастает старые границы домонгольского времени. Центром города становится пятничная мечеть. В 30-х гг. XIV в. центр города украсили мощеная площадь перед пятничной мечетью и несколько крупных мавзолеев. К середине XIV в. город обрел целую группу монументальных каменных сооружений, водозаборных бассейнов и водопроводов.

В начале 1250-х гг. в Дашт-и Кыпчаке началось строительство столичного Сарая, идентифицируемого с руинами на Селитренном городище, а с 1282 г. здесь чеканится монета с арабским именем города «Сарай ал-Махруса» – «Дворец Богохранимый». Судя по тому, что в 230 км от Сарая по левому берегу Ахтубы в последние годы правления хана Узбека (1312–1342) находилась ставка ханбике Тайдулы, будущему городу на Царевском городище, можно думать, предшествовала летовка старшей хатуньи под названием «Гулистан» (перс. «цветник», «сад роз»). После смерти Узбека в этом месте вырос город, активно развивавшийся с конца 1350-х гг. В документе начала марта 1359 г. он носит название *Гулистан–Сарай* [Григорьев, 2004, с.225]. Ранее этот город идентифицировался как «Сарай ал-Джадид» – «Дворец Новый» [Федоров-Давыдов, 1964, с.270–271; Егоров, 1985, с.112–113]. Локализация Гулистана установлена И.В.Евстратовым [Евстратов, 1997, с.88–118]. Допустимо, что в двойном названии Гулистан–Сарая отразился догородской этап, соответствующий времени пребывания здесь сезонной ставки. Киоски (кушки) – деревянные башни-беседки неподалеку от огромного летнего шатра для царского приема эмиров, походной мечети и палаток для кадия, хатибов, шерифов и шейхов, пировавших отдельно, отметил в районе Сарая Ибн Баттута, описавший праздник и пир с участием Узбека в пятницу 2 июня 1334 г. [СМИЗО, 1884, с.298, 301, 311]. Чего не было в Золотой Орде, так это стационарных комплексов типа Рашидийа, которая была построена как религиозный город. Сакральный город у ордынцев, видимо, все же был. На эту роль больше других подходит городище Лапас на левом берегу Ахтубы, в 40 км ниже Сарая [Егоров, 1985, с.117–118]. Здесь сохранились руины четырех монументальных мавзолеев, которые исследователи предположительно рассматривают как усыпальницы четырех ханов-мусульман – Берке, Узбека, Джанибека и Бердибека [там же]. В окрестностях городища насчитывается еще более десятка мавзолеев. Судя по монетным находкам, жизнь поселения продолжалась до 1390-х гг., но пик активной жизни пришелся на первую треть XIV в. [Пигарев и др., 2005, с.150, табл.3].

По мере нарастания тенденции к интеграции шатровых модулей с комплексами ста-

ционарных летних лагерей, в которых располагались чингизидские «дворцы удовольствий», формируется стиль новой архитектуры империи. В строительстве все более заметно совмещение строительных культур Центральной и Восточной Азии. В Иране сын Аргуна Улджайту (1304–1316) свою новую столицу Султанния построил на месте летовки в иранском Азербайджане. По сведениям Хафиз-и Аbru (ум. в 1430), дворец Улджайту содержал закрытый двор, вымощенный мрамором. Огромный сводчатый *айван*, открытый в сторону двора, был способен, подобно парадному шатру, вместить 2 тыс. человек; вокруг двора располагалось 12 небольших помещений. Архитектурная структура, основанная на сочетании замкнутого пространства двора, окруженного айванами и небольшими служебными помещениями, отражает традиционный план персидского дворца домонгольского времени. В первой половине XIII в. так строились все известные в археологии монгольские сооружения, включая дворец великого хана в Каракоруме.

Планировочные структуры новых центральноазиатских городов Чингизидов в полной мере отразили традиции «старых» народов молодой империи. Усатривая корни монгольского урбанизма XIII в. в традициях Центральной Азии и, в частности, градостроительной культуре уйгуров и киданей, исследователи пришли к выводу о Каракоруме, как агломерации в масштабах всей долины р. Орхон [Минерт, 1990, с.94]. Но агломерации, основанной на соблюдении определенных принципов. Их суть в том, что на значительной территории ставки оседлой знати (дворцы) чересполосно соседствовали с застройкой, предназначенной для ремесленников и торговцев. Поселения знати и рядовых горожан перемежались с воинскими лагерями из кочевнических юрт, удобных для выпаса скота и огороженных пашен, что придавало агломерации характер разряженности и широты пространства. Если следовать этой версии, ядром «большого» города стал Дворец приемов Угедея, построенный в 1238 г. [Киселев, 1965, с.138–166]. При строительстве дворца монгольский вариант пространственных решений был воплощен на основе применения китайских строительных приемов. В 1253 г. Рубрук отметил в Каракоруме два квартала – купеческий исламский и ремесленный китай-

ский (он также был открыт экспедицией С.В.Киселева). Дворцы находились вне этих кварталов, а сам город окружала *глиняная стена с четырьмя воротами*, каждые из которых стали средоточием специализированной торговли: зерном – восточные, мелкого рогатого скота – западные, быков и повозок – южные, коней – северные. Вне городских кварталов разместилось 12 «кумирен» различных народов, в т.ч. две мечети и христианский храм на краю города. Ко времени посещения Каракорума францисканским миссионером город, основанный Чингиз-ханом в 1220 г., насчитывал как минимум тридцатилетнюю историю. Если город возник, как предполагается, на месте Великой ставки Чингиз-хана, то едва ли вместе с земляными валами и стенами. По-видимому, в планировке Каракорума нашла отражение идея модели империи. Опыт планировки и дворцового строительства в Каракоруме сказался на строительстве региональных центров нарождающейся империи. Например, городка на р. Хирхира в Забайкалье, где строительные работы начались в конце 1230-х гг. Этот город принадлежал брату Чингиз-хана Джучи-Хасару, а потом и его сыну Исунке, и был центром их земельных владений – юрта. Главное место на городище занимает укрепленный дворец правителя («цитадель»). Вокруг ханской резиденции – к западу, северу и востоку – расположены комплексы отдельных застроек. Пространство к югу от дворца остается открытым и свободным от какой-либо застройки, что выдает монгольскую традицию к планировочным структурам [Минерт, 1990]. На территории городка зафиксировано более 30 усадеб вокруг ханского дворца и более 100 отдельно стоящих построек [Артемьев, 2001, с.254].

Одна из характерных деталей относительно скудного городского ландшафта чингизидской метрополии – специализированные ремесленные поселения-городки типа Чжинь хай чэн на р. Алухуан (возможно, р. Орхон, впадающей в Селенгу). Согласно «Юаньши», этот городок был основан Чингиз-ханом как поселение ткачей. Сюда были переселены более 300 семей золототкачей из Туркестана, очевидно, после захвата Бухары и Самарканда в 1220 г., и столько же ткачей по шерсти из Китая, вероятно, вскоре после 1220 г., когда монголы Мухали завоевали

провинцию Шэньси [Си-ю-цзи, 1866, с.404]. В том же 1220 г. Чингиз-ханом был основан и Каракорум, возможно, на месте одной из ставок Великого хана [Минерт, 1990, с.94]. Еще раньше, после 1211 г., монголами на Восточном Алтае была создана колония из 10 тыс. пленных китайских ремесленников и мастеров обоего пола. Пленные выстроили город, который был назван Чингай-Балгас, т.к. во главе колонии был поставлен один из младших сподвижников Чингиз-хана, кереит Чингай, впоследствии министр Угедей-хана [Майдар, 1981, с.61]. Можно предположить, что количество чингизовых спецпоселений напрямую зависело от общего объема воинских трофеев, в т.ч. и в виде захваченных в плен ремесленников разных специальностей. Необходимо все же различать строительство спецпоселений и строительство городов. На территории Дашт-и Кыпчака спецпоселения типа Чингай-Балгас не выявлены археологически, хотя в обоих случаях использовался по преимуществу принудительный труд.

Тенденция к застройке на незаселенных территориях – характерная черта градостроительства Джучидов [Федоров-Давыдов, 1978, с.27; 1983, с.216]. В массовом городском строительстве Джучидов проявился все еще не вполне осознанный исторический феномен сознательного отступления от важнейшей заповеди Чингиз-хана о том, что его потомки вместе с монгольской знатью должны вечно жить в условиях кочевого быта, наслаждаясь преимуществами привольной жизни степей, но никак не городов [Владимирцов, 2002, с.198]. Очевидно, что в формировании нового сознания младшего поколения Чингизидов (поколения внуков) верх взяла новая прагматика, основанная на понимании роли торговли в изменившихся исторических обстоятельствах, наступившая к концу XIII в., но особенно в последующее время [Федоров-Давыдов, 1983, с.215]. Красноречивее всего об этом свидетельствует явление *уртачества* – долевого участия джучидской знати в купеческих операциях [Греков, Якубовский, 1950, с.154–155]. Не последнюю роль, видимо, сыграло и осознание доступности к неисчерпаемым ресурсам международной торговли на маршрутах степной ветви Великого шелкового пути, вошедших в активную фазу с начала 60-х гг. XIII в. – времени падения Латинской империи и возвра-

щения греками Константинополя. Совпадение во времени, пришедшегося на период правления ханов Бату и Берке (относящихся, кстати, к одному поколению), начала монетного чекана, возобновления действия трансконтинентального торгового пути и массового городского строительства в степи свидетельствует, на наш взгляд, о сознательном выборе правящим домом новых путей в формировании государства.

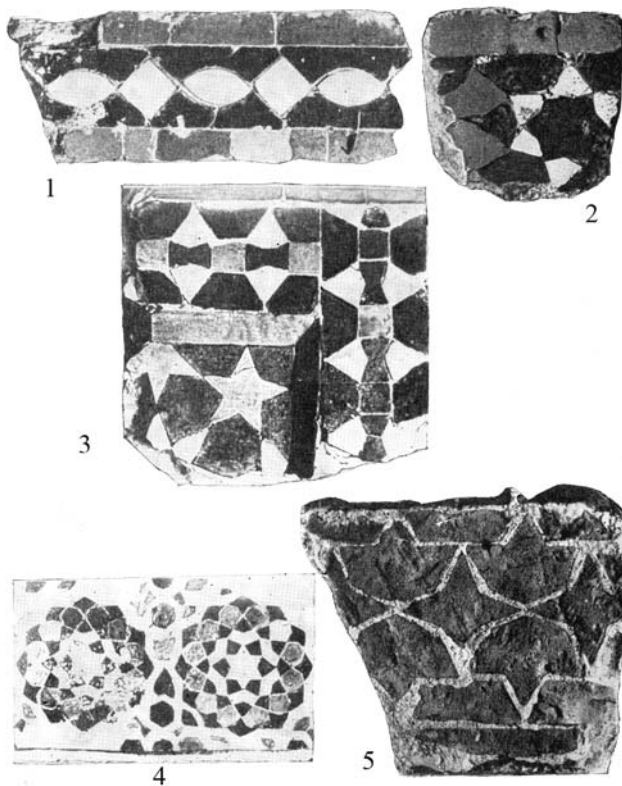
О системе городов в Золотой Орде. Выше мы коснулись вопроса о парадигме, приведшей Джучидов к масштабному городскому строительству. Разумеется, в ее основе лежит универсальный принцип, выражающийся в том, что город от деревни отличается развитый рынок. Однако город в Золотой Орде – не просто большое торжище. Это еще и место средоточия власти, денег, концентрации ремесленного потенциала и, наконец, место постоянного проживания духовной элиты. Да и рынок в городах имеет ряд отличий от многоцелевых базаров, например, в кочевых ставках. Основная черта городского рынка – определенная специализация; его функция – быть связующим звеном с близлежащими ремесленными поселениями, сельской округой и окружающей кочевой степью. Среди важнейших социальных функций рынка – коммуникативная, роль особенно важная с точки зрения налаживания межэтнических и межрелигиозных связей.

Города в Дашт-и Кыпчак возникают повсеместно как центры новой власти [Федоров-Давыдов, 1983, с.218; Егоров, 2000, с.267]. Видимо, в выборе места значительна роль зимников. Предполагается, что таким образом вырастает Сарай, о котором первое сообщение очевидца (брата Рубрука) относится к 1254 г. [Путешествия, 1957, с.185]. Вопрос о том, что новые города Джучидов появляются вне воли ханов и поддержки родовой и воинской аристократии, не стоит даже обсуждать: в Золотой Орде, тем более в XIII в., не было другой социальной силы, способной изменить стереотип кочевнического хозяйствования в пользу седентаризации.

В какой-то мере служебный вес «старых» и «новых» городских центров получил отражение в географическом описании Золотой Орды на страницах энциклопедии XIV в. ал-Калкашанди [Григорьев, Фролова, 2002, с.261–302]. В энциклопедии подчеркнут дву-

Мозаики с геометрическим орнаментом (по Л.М.Носковой)

- 1, 5 – Селитренное городище,
- 2 – Царевское городище,
- 3 – Мечетное городище,
- 4 – Увекское городище

составной характер Джучидского улуса, в котором выделяются две исторические области – Хорезм и Кыпчак. Ургенч, где располагалась ставка главы левого крыла Золотой Орды, ал-Калкашанди характеризует как вторую, вслед за древним Кятом, столичный город региона [там же, с.282–283]. Из городских центров Хорезма называются еще Малый Ургенч (Хива), Замахшар, Хазарасп, Дарган и Фарабр. Место расположения ставки главы правого крыла – город Солхат (Сулгат). Он же – столица округа Крым (ал-Кирым), включающего, как утверждает энциклопедия, «примерно сорок поселений». Если понимать числительное «сорок» как «много», можно думать, что речь идет о сельских и ремесленных поселениях, замкнутых на рынках этого небольшого регионального центра. Сорок поселений Солхата не следует путать со «страной Ас» в том же золотоордынском Крыму, но принадлежащей к другому административному округу со столицей Кырк-Ер – Киркир, тюркская этимология которой трактуется ал-Калкашанди как «сорок мужей» [там же, с.286, 290].

Описание столицы Крыма, расположенной на стыке зоны степей и предгорья, в энциклопедии ведется с учетом связей Солхата с двумя портовыми центрами – Кафой и Судаком, каждый из которых отстоял от Солхата на расстоянии дневного перехода [там же, с.287]. Только от ал-Калкашанди мы узнаем, что в ханском домене есть города, «приписанные» к Солхату и среди них – Увек (Увек), находящийся примерно на полпути между Сараем и Болгаром [там же, с.286]. По-видимому, речь идет о каких-то налогах в пользу Солхата. В то же время маленькая Керчь (ал-Карш), расположенная в Восточном Крыму, «замыкалась» на Азак, находящийся в пятнадцати дневных переходах от Крыма [там же, с.287–288]. Из текста еги-

петского автора следует, что в организации структурного соподчинения городов правого крыла сложилась система, базирующаяся не на принципах географического районирования, но административно-экономической целесообразности.

Наиболее подробно в энциклопедии описан столичный Сарай с его великолепной гаванью. Ал-Калкашанди, основываясь на свидетельствах очевидцев и письменной традиции, характеризует Сарай как большой город. К достопримечательностям города он относит не только ханскую резиденцию, где правитель и его эмиры живут зимой, но и городской пруд (с водой для технических целей). Сарай описывается как город, где есть рынки, бани, богоугодные заведения, товарные склады. Современные исследователи определяют площадь городских кварталов Сарая в 10 кв. км [Егоров, 1985, с.115]. Однако с идентификацией раннего Сарая не все ясно. До сих пор на Селитренном городище археологами не обнаружены остатки города XIII в. Некоторые историки объясняют это режимом трансгрессии Каспия на рубеже XIII–XIV вв., полагая, что культурный слой городища второй половины XIII в. смыт в

период мощных весенних половодий [Лебедев, 2005, с.19]. Другие же полагают, что ядро раннего Сарая (в т.ч., видимо, и дворец Бату) могло располагаться на 100 км южнее, в месте слияния рр. Ахтубы и Бузана на городище Красный Яр, где были обнаружены монеты второй половины XIII – начала XIV в. [Гончаров, 2005, с.97–98].

С укorenением городской жизни на Селитренном городище и ряде других поселений Среднего и Нижнего Поволжья ханский домен превращается в «страну городов». Только в Поволжье в XIV в. насчитывалось 47 городов и поселений, что составляет 33,5% от всего числа учтенных (140 идентифицированных и известных по материалам картографии) объектов городского типа. При этом следует учесть, что территория бывшей Волжской Булгарии с ее деревнями и городами в XIII–XIV вв. представляла собой район сплошной оседлости [Фахрутдинов, 1975, с.50–78]. С точки зрения современной археологии, панорама центральных в политическом и географическом смысле районов Золотой Орды в XIV в. представляла собой ландшафтную зону, насыщенную оседлостью. В этот период «побережье Волги, – отмечает В.Л.Егоров, – почти сплошь застраивается городами, поселками и деревнями. Вдоль левого берега р. Ахтубы (от самого ее истока до Сарая ал-Джадид и дальше) появляется непрерывная полоса оседлости, состоявшая из мелких городов, поселков и замков аристократии, окруженных возделанными полями. Такой же значительный по территории район возникает в месте наибольшего сближения Волги и Дона» [Егоров, 1985, с.77].

Золотоордынский город трудно отличим от деревни, разве что внешне: размерами, числом жителей, обилием базаров, общественных сооружений, великолепием жилищ знати и концентрацией бесчисленных ремесел. Вопреки устоявшемуся мнению, город даже не всегда эмитент: нередко монетный чекан осуществлялся в условиях кочевых (воинских) ставок. Но медные монеты, как правило, чеканилась все же городскими монетными дворами. В противовес европейскому городу золотоордынский с момента рождения не стеснен стенами, здесь никогда не было чего-то вроде кафедральных соборов или укрепленного кремля. Не было здесь цитадели, *шахристана* и *рабада*, как в горо-

дах Средней Азии и Ближнего Востока. Затруднения с выделением формальных признаков золотоордынских городов, думаю, кроются в особенностях генезиса степного градостроительства. В прояснении этой специфики обратимся к историографии.

Крайность, согласно которой генезис степных городов объяснялся сочетанием двух констант – военного лагеря (крепости) и транзитной торговли [Сафаргалиев, 1960, с.77–79], не прошла проверку временем. Археологическое изучение золотоордынских городов на востоке и Шахр ал-Джадид – на западе дает целый комплекс фактов, свидетельствующих о том, что в урбанизации коренных областей Улуса Джучи был использован способ принудительной концентрации ремесленников. Но не в форме укрепленных поселений. В степи Джучидам нечего было опасаться. Вероятнее всего, в основу был заложен принцип сочетания торговых факторий, действующих в свободном режиме, с поселениями без стен, где размещались и хозяева, и ремесленники, собранные на завоеванных территориях. Проследить эволюцию таких поселений в полноценный город, выделив при этом стадию *предгорода*, удастся крайне редко. К сожалению, размытость формальных признаков степного города (при отсутствии письменных свидетельств и статистических данных) только усложняет решение задачи.

Система городов и поселений в Дашт-и Кыпчаке была создана ханским домом искусственно, без опоры на традицию. В условиях превалирования кочевого уклада основной массы тюркского населения эти новые и обновленные «старые» города, как мы уже отмечали, были призваны обеспечить нужды правящей династии. Но только в той мере, какой ханской ставке удавалось сдерживать сопротивление степной аристократии.

Сейчас в золотоордынской урбанистике преобладает концепция двух путей городского строительства. «Степного», характерного для Нижнего Поволжья, равнинной части Северного Кавказа и лесостепной зоны Пруто-Днестровского междуречья (его основной признак – отсутствие домонгольской городской традиции). И «автохтонного», характерного для окраинных районов государства, где Джучиды использовали «старые» города местного населения, имеющего собственные тра-

диции градостроительства и землепользования [Бырня, 1984, с.32–35]. Для регионов оседлости эта типологическая схема не учитывает роста новых городов, чье формирование не связано с местными градостроительными традициями домонгольского времени, но чьи функции соответствовали идее обслуживания интересов татарской кочевой элиты и богатого купечества Золотой Орды. В западных районах – правом крыле государства – к таковым можно отнести Солхат–Крым и Кафу в Таврике, Тану в Приазовье, Монкастро, Килию и Вичину в низовьях Днестра и Дуная.

В попытках поиска генезиса некоторых городов в западных областях Золотой Орды ряд авторов обращается, с одной стороны, к гиперкритике фактора генуэзской торговой колонизации в Восточном Крыму, и, с другой, к критике роли государственной власти в градообразующей политике в Поднестровье середины – третьей четверти XIV в. Так, некоторые историки «иницизирующую роль» в процессе образования Кафы видят не в поступательной созидательной деятельности поселенцев-латинян, а в строительстве миссионерами францисканского и доминиканского орденов храмовых объектов, которые якобы стали некими «культовыми форумми» и «местами регулярного обмена» [Еманов, 1997, с.17–24].

Еще более противоречиво истоки градообразования объясняются для исторической Молдовы, где стадия предгорода также не выделяется. Н.Д.Руссев, буквально отождествляющий движение монет золотоордынского чекана с движением людей (подчеркнем, перемещением, не санкционированным ханской властью), в вопросе о возникновении новых городов Пруто-Днестровского региона высказал предложение, что два пика джучидского монетного обращения, пришедшиеся в Старом Орхее, Костештах и Белгороде-Днестровском на середину XIV в. и конец 60-х гг. этого столетия, могут быть объяснены массовой стихийной миграцией столичного населения из Сарая ал-Джадид [Руссев, 1999, с.35, 46–58]. Причин, по мнению ученого, две: поиск спасения от пандемии чумы и бегство части торгово-ремесленного населения Поволжья от гнета государства. Оба эти предположения не выдерживают критики, поскольку, судя по баням и мечетям Старого Орхее, выходцы из По-

волжья и здесь продолжили наслаждаться благами исламской цивилизации.

В 30-е гг. XIII в. вместе с армией в Дашт-и Кыпчак пришли как собственно монгольские, так и иноземные новшества. Порой их трудно разделить: законы, военная организация, система налогов и повинностей, правый запах одежды, характерные головные уборы, прическа, посуда, коллективные празднества, культ Неба – признаки, связанные с монгольской самобытностью, не исключающей заимствований, приобретенных в результате культурных контактов с соседями. Но здесь же выборочно следует назвать ряд усвоенных инноваций времени единого монгольского государства – международная торговля, домостроительство с канями, чугуно- и бронзолитейное дело, керамическое и ряд других, постоянно обновляющихся производств. Уместно заметить, что согласно палеопочвенным данным, на период XIII–XIV вв. пришелся пик повышенной атмосферной увлажненности нижневолжских степей и «значительной гумидизации климата всей евразийской степи» [Демкин и др., 2005, с.117–118].

Для золотоордынской культуры характерно сочетание двух хозяйственных типов – кочевнического (степного) и оседлого (сельского и городского). С возникновением в 50-х гг. XIII в. первой общегосударственной столицы – Сарая кочевническая (она же воинская) элита поселяется в городах, тем более, что в это время начался процесс восстановления разоренных войной «старых» городов. Спустя столетие эта тенденция в сочетании со строительством новых городов привела к созданию более или менее сбалансированной системы под контролем кочевнических верхов, которую можно обозначить как союз степи и городов, объединившихся ради получения преимуществ от транзитной торговли и, вероятно, роста собственного производства, сосредоточенного в городах.

На современную археологическую карту Золотой Орды нанесено уже 110 населенных пунктов городского типа; 30 городов, известных в средневековье, пока не локализованы [Егоров, 1985, с.139]. Наблюдения археологов близки к сведениям «Книги путешествия» Эвлии Челеби (XVII в.) о 170 городах в «степи Хейхат» [Челеби, 1979, с.143]. Большое значение города как хозяйственного центра

сразу же определило ведущую роль городов как административных центров, нередко занимавших ключевые позиции в развитии дальней торговли и организации сети караванных дворов на ее путях. В больших городах, таких как Сарай, Хорезм (Ургенч), Гулистан, Болгар, Биляр, Орда-Базар, Бек-Базар, Укек, Мохша, Сарайчик, Хаджи-Гархан, Маджар, Азак, Кафа, Солхат–Крым, Шахр ал-Джадид, с разной интенсивностью шло основное перераспределение товаров дальнего импорта (различных сортов тканей, включая сукно, шелка, парчу; изделий из дорогих сортов стекла, драгоценностей и пр.), изделий собственных металлургов, оружейников, гончаров, шорников, стеклодувов. Здесь же в товар превращалось сырье, поставляемое степью (лошади, скот, кожи, шерсть), и сельскохозяйственные продукты из близкой и дальней округи, а также из собственных садов и огородов, поскольку многие города продолжали оставаться полуаграрными центрами. При этом экономическим центром правого крыла были гг. Крым (Солхат) и Болгар, а экономическим центром левого крыла – хорезмийский Ургенч. Для налаживания продуктивного обмена – основной экономической функции городов – нужны были деньги. Правом чеканки монеты (монетными дворами) и были наделены в разное время те из них (общим числом не менее семнадцать), которые на какой-то период становились центрами административной власти. Феномен эмиссии денег в кочевых ставках лишней раз подчеркивает, что *политическая власть* в Золотой Орде *всегда*, вне зависимости от степени приверженности к номадизму, принадлежала кочевнической элите. Разумеется, и в периоды, когда она себя ассоциировала с городским образом жизни.

Очевидно, еще не пришло время говорить о системе городов как индикаторе эволюции административно-государственного устройства Улуса Джучи. Вместе с тем, если опереться на города/провинции-эмитенты с учетом смены действия во времени отдельных монетных дворов, начиная со второй половины XIII в. (см.: [Гончаров, 2005, с.97–102]), можно наблюдать следующую динамику лидерства наиболее значимых стационарных поселений и градообразующих провинций.

Первый период (1240–50-е – до 1290-х гг.): монетная чеканка сосредоточена в Болгаре,

Сарае, Крыму и Хорезме. При этом Болгар и Сарай входят в состав ханского домена. Крым и Хорезм – полярные области на широтных трассах еще только обустраивающейся степной ветви международного торгового пути в Китай. Нельзя не заметить, что чеканка дирхемов в области Крым в этот период до недавнего времени носила дискуссионный характер [Байпаков, Настич, 1981, с.46, рис.12, №13]. Сейчас выделена группа серебряных монет двух типов. Первый тип, состоящий из четырех монет, три из которых с надписью «*амир Крыма*», датируется между 1257 и 1280 гг. Ко второму типу относятся пять монет достоинством в 1/4 ярмака. На двух из них надписи гласят: лиц. ст. «*По повелению (?) Темир Буки (-Туки?) ярмак крым[ский?]*»; об. ст. «*Будь счастлив. Двенадцать этих монет – один алтун*». Предположительная дата выпуска – 1257–1267 гг. [Хромов, 2004, с.15–17]. Таким образом, легенды монет указывают, что, возможно, последние чеканены от имени Тука-Тимура, вероятного владельца Крымского улуса до 1270 г.

Второй период (1290–1341 гг.) начинается с тридцатилетнего исчезновения именной ханской чеканки в Болгаре. Работа монетных дворов Сарая, Крыма и Хорезма продолжается. С конца 1290-х гг. начинается чеканка монет Ногая (1280–1299) в Исакче. Между тем, Ногай, наряду с Менгу-Тимуром, – легитимный правитель правого крыла Золотой Орды (об империи Ногая см.: [Вернадский, 1997, с.181–195]). Известна его монета с грекоязычной надписью «*Преуспевающему Ногаю*» (прорисовку см.: [Лебедев, 1999, с.4]), отчеканенная где-то на Дунае. Исакча – средневековое городище в урочище Эски-кале, на правом берегу Дуная ([Руссев, 1999, с.29, 90–98, 110–115]; дискуссионные вопросы об идентификации столицы Ногая см.: [Хейвуд, 2002, с.133–134]).

Можно полагать, что основные действия Ногая, чеканившего и в Крыму *от своего имени* монеты с легендой «*Хан правосудный Нухай*» (известна одна, без даты, но предполагаемым годом выпуска является 697 г.х.=1297/98 г. или 698 г.х.=1298/99 г., см.: [Северова, 2002, с.76–79]), были направлены на превращение правого крыла Золотой Орды в самостоятельное государство с центром в Сакджа-Исакче. Отметим найденные в Исакче дирхемы Токты и анонимные

медные монеты, выпущенные монетным двором Крыма [E. and I. Oberländer-Târnoveanu, 1981, p.89–109; E. Oberländer-Târnoveanu, 1987, p.245–258; Руссев, 1999, с.130–131]. Крыму в таком раскладе отводилась роль восточной провинции, ориентированной на придунайскую столицу Ногаидов [СМИЗО, 1884, с.117, 161].

При хане Токте (1290–1312) начинается работа монетного двора Маджара на Северном Кавказе и возобновляется чеканка монет в Сарае ал-Махруса.

При хане Узбеке монетное серебро чеканится дворами Крыма, Сарая, Хорезма, Мохши и Болгара (?) в период с 711 г.х. (1311/12 г.) по 730 г.х. (1329/30 г.); в период до 730 г.х.к ним присоединились монетные дворы Азака и Сыгнака; в Сарае, Болгаре и Хорезме в период с 730 г.х. по 741 г.х. (1340/41 г.). Принципиально важно, что монетное серебро, за исключением чекана г. Сарая и Азака, чеканится дворами-эмитентами провинций (улусов). Полагаю, что феномен двойственности (город – *белед*, в значении «область, провинция») в производстве денег, скорее, указывает на подчиненное положение городов – центров реальной экономической жизни провинций, кочевой верхушке, для которой городской образ жизни все еще остается чуждым. В то же время сам город на этом этапе уже воспринимается кочевнической элитой Золотой Орды как необходимый инструмент социальной жизни.

Третий период – от Джанибека до Токтамышша (1341/42–1380/81 гг.). Бесспорными лидерами выступают монетные дворы Сарая ал-Джадид и Хорезма – главных эмитентов Джанибека с 740-х гг.х. Начиная с 752 г.х. (1351/52 г.) и до 768 г.х. (1366/67 г.) активная чеканка дангов велась в Гулистане и его провинции. К новому столичному округу ученые относят эмиссии Бельджамена и Ак-Сарая [Гончаров, 2005, с.98]. В это десятилетие пулы чеканятся в Мохше и Хаджи-Тархане (с 767 г.х.=1365/66 г.); в 763 г.х. (1361/62 г.) медь чеканится в Сарайчуке, где Мюрид перечеканил пулы Хызра.

В 762 г.х. (1360/61 г.) приобретает независимость Хорезм; в 768 г.х. (1366/67 г.) – прекращает работу монетный двор Гулистана. Видимо, с оформлением «эмирата» Мамайя в середине 1360-х гг. расцветают монетные дворы Шахр ал-Джадида в Поднепровье, Орду

(ал-Му'аззам) в Поднепровье, Азака в Подонье. В конце 1360-х гг. лидирует монетный двор в Орду, где концентрируется весь чекан серебряной монеты «эмирата». Этот потенциал Орду сохраняет до рокового для Мамайя сентября 1380 г.

На востоке Золотой Орды, в Хорезме, в 1360-х и 1370-х гг. медь безраздельно доминирует над серебром, но на протяжении всего периода отчужденности Хорезма от Поволжья здесь выпускаются золотые динары.

Четвертый период приходится на время правления от Токтамышша (1380–1398) до Джалал ад-Дина (1411–1412). В этот период все региональные центры становятся городами-эмитентами. Вместе с ними работает монетный двор кочевой ставки Орду, переведенный Токтамышем из Приазовья в Нижнее Поволжье.

Потенциал городских рынков оказался настолько силен, что вплоть до 1395 г. борьба Токтамышша с Тимуром существенно не отразилась на географии городов-эмитентов. В канун 1395 г. монетное серебро чеканится в Хорезме, Сарайчуке, Хаджи-Тархане, Орду ал-Махруса, Орду ал-Му'аззам, Сарае (ал-Джадид), Маджаре, Азаке (ал-Джадид), Орду (ал-Джадид), Крыме (ал-Джадид). Медную монету чеканит Болгар и новый монетный двор Едиль (794 г.х.=1391/92 г.). После 1395 г. наблюдается резкий, хотя и кратковременный, спад эмиссионной деятельности при общем сокращении количества монетных дворов. На Волге в режиме угасания работают монетные дворы Сарая ал-Джадид, Хаджи-Тархана и Орду; на западных территориях – Крыма, Орду ал-Джадид, Улуса ал-Джадид. Однако спустя несколько лет уже при Шадибеке (1399–1407) возобновляется работа всех монетных дворов, известных для периода правления Токтамышша. Список эмитентов дополняется монетным двором Кафы, мощность которого оказывается поразительно большой, что обусловлено объемом торговли города в первой четверти XV в.

В период борьбы Тимура с Идегеем сокращается список старых монетных дворов. Первым под власть Тимуридов переходит Хорезм.

Итак, динамика выделения монетных дворов в провинциях и городах-эмитентах в пределах 1250–1430-х гг. [Гончаров, 2005] убедительно показывает не только сложную модель становления и развития денежного про-

изводства, но оказалась полезной для определения темпов урбанизации Золотой Орды.

Здесь, в центрах оседлости экономически значимых провинций, но, главным образом, в главных городах-эмитентах, очень скоро выросших в региональные столицы, и складывается новая культура Золотой Орды. Ее нельзя рассматривать как «государственную» ни с нашей точки зрения, ни с позиции человека средневековья. Никакой «государственной политики» по отношению к культуре (материальной, во всяком случае) у Джучидов не было. Но, вместе с тем, это уже не монгольская, не булгарская культура или уж тем более не кыпчакская, равно как и не сарайская, не хорезмийская, не крымская (или моноэтническая – итальянская, греческая, армянская в том же Крыму, шире – Северном Причерноморье). Эта имперская культура – *золотоордынская* (ее «областные» аспекты в настоящем очерке не рассматриваются). Со времени хана Берке (1257–1267) она – материальная культура Золотой Орды – неоднократно окрашивалась в тона ислама, что получило отражение в облике городской застройки, типах общественных сооружений, поведенческих стереотипах, в т.ч. погребальном обряде золотоордынских горожан и значительной части кочевников. Вместе с внешними проявлениями мусульманского города Ближнего Востока и Средней Азии золотоордынские унаследовали принцип «расщепленности» его социальных структур. Для Дашт-и Кыпчака, я полагаю, вполне применим тезис об отсутствии ярко выраженной противоположности между городом и деревней. Наши археологические наблюдения над материалами из сельских поселений в ближайшей к Солхату степной и предгорной зонах позволяют присоединиться к мнению И.М.Лapidуса о социальной однотипности городской и сельской среды, снижающей разницу между городом и деревней, как это сложилось в условиях Ближнего Востока [Lapidus, 1967, p.95]. Внешнее сходство, конечно, сглаживало контрасты, лежащие в основе бытовой жизни сельской округи и золотоордынских городов, но по сути социальной организации механизм оставался неизменным.

Для Дашт-и Кыпчака решающее значение имело взаимодействие трех элементов: кочевой степи, города и сельских поселений в ближайшей городской округе, как это было, например, в Солхате. Город нуждался в про-

дукции деревни, а деревня еще более нуждалась в городе, его базарах, где сбывалась продукция ремесленных и сельскохозяйственных поселений пригорода. Примером поселения первого типа является поселение Бокаташ II, где было открыто 25 печей для обжига. Продукция печей была рассчитана к сбыту на городском рынке [Крамаровский, Гукин, 2004]. Второй тип сельского поселения в округе Солхата являет собой поселение Кринички. Здесь не было обнаружено никакого ремесленного производства, но, судя по монетному материалу, хозяйственным ямам и находкам керамики городского типа, товарная сельскохозяйственная продукция (какая именно осталась, к сожалению, неясно) обменивалась в Солхате на изделия, характерные для городского быта [Крамаровский, Гукин, 2002]. В Крыму описанная ситуация, прежде всего, отражает ситуацию XIV в. Поэтому трудно согласиться с В.Л.Егоровым, настаивающим в последнее время на полном отсутствии в Золотой Орде деревни [Егоров, 2000, с.269], что, кстати, противоречит его более ранним наблюдениям.

Зависимость от доходов транзитной торговли способствовала сближению интересов нойонства и городских элит. Рост уровня жизни в городах не мог не отразиться на востребованности собственной ремесленной продукции. Развитие ремесленного потенциала степных городов в сочетании с их дистрибутивной функцией, в конечном счете, и оказались одним из решающих факторов прогрессивного вектора в эволюции городов Дашт-и Кыпчака уже в конце XIII столетия. Однако основная масса кочевого населения и в меньшей степени деревня оставались все же за порогом цивилизационных достижений города. Контраст между ними достиг удручающей силы, особенно к концу XIV в.

Культурная традиция ислама в новых городах Дашт-и Кыпчака и Крыма. Археологические исследования последних десятилетий с очевидностью доказали исламский облик поволжских городов и региональных столиц Золотой Орды от Сарайчика на правом берегу р. Урал в Западно-Казахстанском регионе до Солхата–Крыма в Восточном Крыму. Этим они резко отличались от монгольских городов Центральной и Восточной Азии. На востоке в строительстве преобладала собственная программа планировочных идей,

возвращенная кочевникам в преобразованном «китайском виде» [Минерт, 1990, с.90–91]. В то же время строительные и декоративные приемы, использованные строителями монгольских городов Центральной Азии, своими корнями уходили в традиции времени династий поздней Тан (618–907) и Ляо (907–1125) [Steinhardt, 1983, p.137–158].

Было бы логично предположить, что с точки зрения планиметрии новые золотоордынские города должны быть сопоставимы с новыми монгольскими как на востоке, так и на западе, в том числе, в ильханидском Иране. Однако это не так. В урбанизации Дашт-и Кыпчака выявлены другие закономерности. Новые золотоордынские города, где внешне преобладают исламские формы и типы общественных сооружений, по планировочным структурам ничего общего не имели ни с городами Средней Азии, ни с городами Ближнего Востока. В Улусе Джучи не было городов с отдельно стоящей *цитаделью* – резиденцией правителя, *шахристаном* – городом знатных, вельмож и чиновников, и *рабадом* – торгово-ремесленным посадом с базарами, где каждая часть обладала своими стенами. Из старых городов Золотой Орды такая планировка характерна только для домонгольского Дербента на Кавказе.

Возможно, как дань исламской классификации города, согласно которой центры провинций отождествлялись с крепостями, начальный этап Солхата–Крыма иногда связывают с военным лагерем. Этому, согласно книжной традиции, способствовало и значение персидского «керман» – крепость. В «Кодекс Куманикус» (Codex Cumanicus) – половецком словаре, созданном в Крыму в первой половине XIV в. [Kuun, 1880], слово «керман» совершенно точно переведено как Castrum, Caste – укрепление, крепость, лагерь. Исходя из этих соображений этимологии, ошибочно считать, что большинство городов Золотой Орды, сооруженных при монголах, возникало на месте бывших военных лагерей [Сафаргалиев, 1960, с.79]. Однако из пяти перечисленных им городов – Крым (Старый Крым), Ак-Керман (Moncastro), Хан-Керман (Касимов), Керменчук (на р. Вятке), Кременчук (на Днепре) – только первые два имеют отношение к истории Улуса Джучи. Более продуктивной оказалась мысль о роли караванной торговли в развитии золо-

тоордынских городов: «Достаточно взглянуть на местоположение Золотоордынских городов, таких, как Солхат, Азак (Тана), Маджар, Сарай, Сарайчук, стоящих на путях караванной торговли, или на города Астрахань, Укек, Бельджамен, Бездеж – стоявших на Волге – все они в своем развитии были обязаны караванной торговле, которая приобрела при монголах мировой для того времени характер» [там же, с.79–80].

Как показали исследования, золотоордынские города Поволжья выросли на основе усадебной застройки монгольской знати и без городских стен [Федоров-Давыдов, 1994, с.14–15]. Речь, однако, идет об усадебном принципе планировки золотоордынских городов, восходящем к монгольским городам XIII в., а не о каракорумской модели агломерации. О планометрических характеристиках степных городов данных почти нет. Усадебная планировка отличается золотоордынские города Поволжья от среднеазиатских и южноказахстанских на востоке, – Отрара, например, и городов западной части, включая Белгород-Днестровский и города Крыма, где застройка осуществлялась поквартально. Важно еще раз отметить: у Джучидов, как и всех ранних Чингизидов времени единой империи, города на первом этапе строились как центры региональной власти. Но, в отличие от метрополии, мы не знаем в Золотой Орде специализированных ремесленных поселений-городков.

Для большинства золотоордынских степных городов, видимо, еще не время говорить о характерных чертах планировочных структур. Тем не менее, некоторые важные детали все-таки выяснены. Не обнаружены следы города XIII в. на Селитренном городище [там же, с.26]. Это означает, что город построен на целине. Возможно, в XIV в., учитывая топографию «пятен» культурного слоя за пределами зоны плотной застройки, здесь сложились черты агломерации, и участки с жилищами городского типа чередовались с сельскохозяйственными угодьями и выпасами для скота. В районе между Красным Бугром и Кучугурами выявлена сплошная застройка. Здесь прослежены улицы с водоотводящими стоками – арыками. В западной части города до 1370 г. располагался район аристократических усадеб. В 1380–1390-е гг. этот район частично заселяется рядовыми горожанами и заполняется могильниками, насту-

Архитектурная деталь. Крым. XIII–XIV вв.

пающими на микрорайон и с запада, и с востока. К северо-западу от основного ядра городища сохранились руины мавзолеев. Оценки масштабов городских площадей колеблются от 10 кв. км у В.Л.Егорова [1985, с.115] до 36 кв. км у Ф.В.Баллода [19236, с.31], что, вместе с количеством населения, на мой взгляд, говорит больше в пользу агломерационной застройки, чем о городе без стен в привычном понимании.

Ибн Баттута в своем перечислении народов, проживающих в Сарае, кроме монголов называет асов (алан), кыпчаков, черкесов, русских и византийцев [СМИЗО, 1884, с.306]. Его оценке Сарая можно довериться: «Город Сарай – один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненной людьми, с красивыми базарами и широкими улицами... все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопожних мест, ни садов» [там же].

В отличие от других городов Поволжья и других регионов Золотой Орды Сарай не был разрушен войсками Тимура в 1395 г. Дата его окончательного запустения неизвестна, но в первой половине XV в. он еще заметен как центр международной торговли [Заходер, 1967, с.166–167]. Золотоордынская столица – крупный ремесленный центр, где известны кварталы мастеров по металлу, гончаров, где распаны мастерские ювелиров и косторезов.

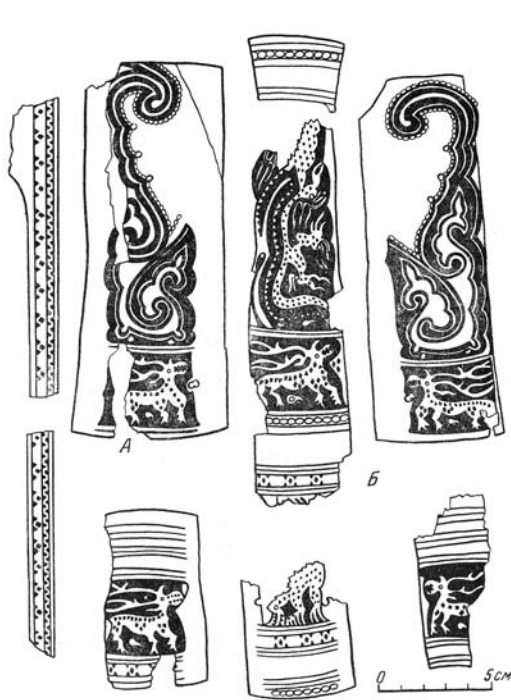
Царевское городище до последнего времени определялось как вторая золотоордынская столица. Сейчас оно отождествляется с городом Гулистаном [Евстратов, 1997, с.88–118]; здесь пока что выделяются лишь самые общие черты топографии [Fedorov-Davudov, 1984, p.21–23]. Представляется, что подобно застройке большого радиуса Селитренного городища, Царевское можно рассматривать

как агломерацию, где чересполосно городские строения, крупные усадьбы или их скопления чередовались с аграрными зонами и выпасами. К западу от города располагалось большое озеро, на берегах которого в середине XIV в. существовала жилая застройка, а в конце века вырос могильник.

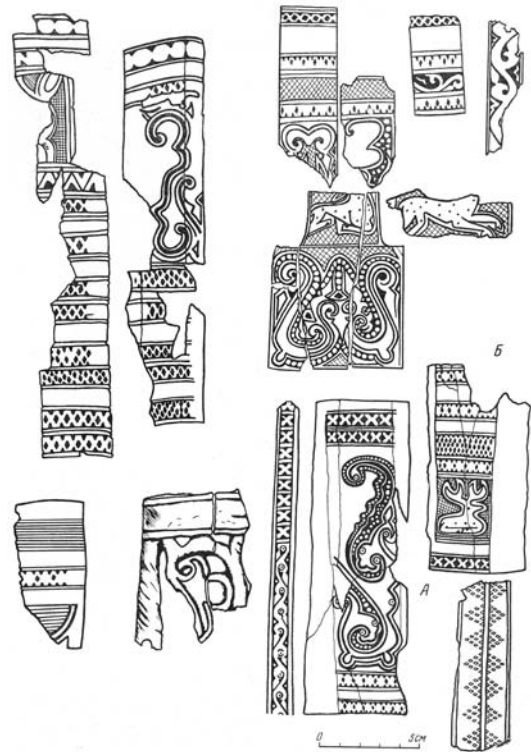
В центре Гулистана выявлена большая площадь, окруженная с юга и востока зданиями, выделявшимися своей величиной. От центра к окраинам вели улицы, снабженные арыками, вдоль которых в некоторых случаях прослежены пешеходные дорожки. В восточной части города по микрорельефу прослежена еще одна, почти квадратная площадь; в этом секторе городища, видимо, располагались и четыре искусственных водоема.

Царевское городище находится в пойме Ахтубы, и в древности город выходил к самому берегу реки. Археологическими исследованиями установлено не только существование городского водопровода, но и сложных гидротехнических сооружений, регулирующих уровень воды в водоемах. Первоначальное ядро города составляли несколько крупных аристократических усадеб [Федоров-Давыдов, 1973, с.85–87; Егоров, 1985, с.114]. В отличие от Сарая, Гулистан–Сарай был разрушен Тимуром в 1395 г.

Помимо Селитренного и Царевского городищ в Поволжье, кроме болгарского района, открыто более тридцати городищ и поселений, представляющих собой средние и малые городки, но среди них есть и такие известные, как Мохша, Укек, Бельджамен, Хаджи-Тархан [Егоров, 1985, с.106–120]. Количество только заметных городищ поразительно. В реальной жизни подобные центры были вызваны требованиями организации структуры государства и торговых обменов. Даже по необходимости беглое перечисление городищ дает панораму резкого подъема городского образа жизни в XIV в. Вот некоторые из городов и крупных поселений только в пределах правого крыла. В Предкавказье – Маджар, Малые Маджары, Верхние Маджары, в Дагестане – Дербент, в Северной Осетии – Верх-

Обкладки колчанов. Кость.
XIII–XIV вв. (по Н.В.Малиновской)

Обкладки колчанов из поволжских городищ
XIII–XIV вв. (по Н.В.Малиновской)

ний Джулат, в Карачаево-Черкессии – Нижне-Архызское городище, поселения Терско-Сулакского междуречья, в Кабардино-Балкарии – городище Терское и Нижний Джулат, в Приазовье – Азовское городище (г. Азак), ряд поселений, на Тамани – Матрега. Из новых золотоордынских городов в Крыму известен лишь Солхат (Крым). Вместе с тем, на разных уровнях – военных, политических и торговых – ордынская столица Крыма была тесно связана с другими городами полуострова – Воспоро на восточном побережье, Солдайей и Кафой на юго-восточном, Чембало на южном побережье, горным Кырк-Ером. К этому перечню следует добавить малые города и крепости Готии – Мангун, Эски-Кермен, Баклу Тепе-Кермен, Лусту, Партенит. Во владениях генуэзцев в XIV в. на узкой полосе от Кафы до Чембало насчитывалось до 32 мелких и средних поселений, деревень и замков [Бертье-Делагард, 1915, с.229–256; Бочаров, 2004, с.186–204]. На западе региона следует отметить угасающий, но все еще значимый в масштабах полуострова Херсон [Айбабин, 2003, с.277–306].

Солхат не относится к числу степных городов, хотя он и расположен на границе зоны степей и Крымского предгорья в районе Второй гряды. Город XIII–XIV вв. вырос на торговом тракте Солдайя – Кафа. Об этом свидетельствует расположение городских мечетей, пять из которых вытянуты в цепочку вдоль дороги с юго-запада на северо-восток. Эта градообразующая магистраль перерезает пятно городской застройки XV–XVIII вв. с запада на восток на отрезке 2,2 км, расчленяя средневековое городище на две неравные части. Нет сомнения, что «входу» и «выходу» магистрали сопутствовали городские ворота. Возможно, что еще одни нужно искать в юго-восточном секторе городища у выхода из города в сторону бывшей д. Бокаш, где было открыто одноименное христианское средневековое поселение с большим гончарным комплексом второй половины XIII–XIV вв. [Крамаровский, Гукин, 2004]. Согласно плану около 1783 г., общая площадь средневекового городища к середине XV в. составляла ок. 2,2 кв. км. Солхат не отличался высокой плотностью застройки. Воз-

можно, это было связано с полуаграрным характером города, насыщенного садами. В черте города купец из Севильи Перо Тафур отметил размещение юрт, – деталь, характерная и для городского быта Гулистан–Сарая и, возможно, столичного Сарая [Федоров-Давыдов, 1994, с.59]; жилища типа юрты открыты в Азаке и некоторых городищах Северного Кавказа. Изображение юрт можно видеть на рисунке тушью по штукатурке на городище золотоордынского Бельджамена. Юрты установлены на площади перед фасадом медресе с двумя минаретами. Подобные юрты, используемые, видимо, как походные мечети (на завершающих их шестах различимы навершия со словом «аллах»), изображены на миниатюре Тебризской школы из Берлинского собрания [Dschingis Khan, 2005, S.266, №294]. Ориентируясь на города Ближнего Востока и принимая расчетную цифру в 50 человек на 1 га, мы получим оценку числа населения Солхата в пределах 10–11 тыс. человек, что может быть даже слишком большой цифрой, учитывая неудобья, не допускающие полной застройки городища. Арабские источники чрезмерно преувеличивают число жителей Солхата в XIV в., называя 85 тыс. человек, пострадавших от чумы в 1346–1347 гг. – цифру ужасающую даже для всего полуострова. Все-таки для Таврики Солхат – большой город. Для сравнения приведу расчетное число жителей Херсона в XIII–XIV вв. – 3600–5000 человек [Романчук, 1986, с.185]; в Херсоне XII–XIII вв. археологами открыто 109 кварталов, но после погрома последней трети XIII в. город лежал в руинах, и его жизнь сосредоточилась в портовом районе. В 60-х гг. XIV в., в связи с угрозой вторжения войск Мамайя, город обрел оборонительные стены. Их длина на плане 1783 г. достигает 6,2 км; стены были усилены 28 башнями. Торговая магистраль разделила городище на две неравные части. При этом куст христианских памятников оказался сгруппирован в северо-западном секторе городища, а иудаистская *кенасса* – в юго-восточном секторе. Исламские кварталы, расположившиеся вдоль трассы, заполнили всю центральную часть городища, несколько потеснив кварталы христианской и еврейской общин. Примечательно, что два из шести христианских храмов, вероятно, принадлежащих армянской общине, после 1360-х гг. остались

вне городских укреплений. Среди пятисот каменных домов «с нижним и верхним этажами» многие к 1660-м гг. (времени путешествия Эвлии Челеби) выглядели заброшенными. Двухэтажная застройка со стропильной системой и черепичным покрытием, отмеченная путешественником для Солхата, хорошо коррелирует с наблюдениями археологов об усадебной застройке в других городах Крыма. В середине XVII в. Эски-Крым располагал пятью мечетями (двумя пятничными и тремя квартальными), двумя медресе, начальной школой, «старой» (видимо, старинной) баней, гостиним двором и базаром с двадцатью лавками горшечников и таким же количеством других рыночных лавок.

Солхат, как и Сарай, сохранился после катастрофы 1395 г., хотя и понес значительные потери. На протяжении всего периода существования с 60-х гг. XIII в. и вплоть до екатерининской эпохи Солхат жил и угасал как исламский город. Поэтому обзор архитектурных доминант целесообразно начать с одного из наиболее репрезентативных архитектурных комплексов – медресе и мечети Солхата (первая треть XIV – вторая половина XV в.). Нашими исследованиями установлено, что строительство комплекса началось с медресе. В основе планировки медресе лежит прямоугольник со стороной ок. 28 м [Крамаровский, 2005, с.113]. Посетитель, преодолев три ступени парадного крыльца, ведущие к порталному проему в восточной стене медресе и миновав порог входа, вступал в закрытый дворик, мощеный известняковыми плитами. Двор обрамляла аркада, от которой сохранились лишь каменные базы колоннады. В центре двора (пл. до 240 кв. м), ближе к западным его помещениям, взгляд отмечал небольшой фонтан и устье поглощающего колодца. За ними следовали компартименты трех закрытых помещений (№14–16), предназначенных для зимних занятий *талибов*. Летние занятия проходили под сводами двух открытых *айванов* – южном и северном (оба высотой до 7,35 м), обрамленных профилем с сельджукской цепью. В вечерние и ночные часы айваны освещались стеклянными лампами, укрепленными на цепях (сохранились железные кольца креплений). Одна из таких ламп, украшенная цветными эмальями с преобладанием синего цвета, обнаружена в раскопе в интерьере ме-

чети. Общее количество помещений для проживания учащихся – 14. В *худжры* юго-восточного крыла вел узкий коридор. Свет сюда проникал сквозь щель окна в южной стене. Таким образом, исключая двор, в состав медресе вошло 26 жилых, учебных и вспомогательных помещений, включая помещения, где были ниши для письменных принадлежностей и книг, а также *михрабная* ниша. В передаче Эвлии Челеби известна строительная надпись, из которой следует, что медресе построено на средства жены правителя Солхата в 1332–1333 гг. [Григорьев, 1974, с.27]. Данные стратиграфии подтверждают сведения утраченной ныне строительной надписи. В 1925 г. здесь было найдено мраморное надгробие с датой 776 г.х. (1371 г.), принадлежащее Инджибек-хатун, основательнице медресе [Бороздин, 1926, рис.13]. Для ее захоронения одно из помещений в северо-западном секторе медресе было перестроено под дюрбе. План медресе повторяет с небольшими отступлениями планировочную структуру медресе в Борисийе в анатолийском Сивасе (1271–1272 гг.). С анатолийскими сопоставимы и строительные метки на облицовочных блоках фасада медресе. В начале XV в., возможно, не позднее его первой четверти, медресе погибает, о чем свидетельствует клад из 608 серебряных монет (1310–1378 гг.), обнаруженных в одной из *худжр*, превращенной в сторожку при усыпальнице Инджибек-хатун [Северова, 2000, с.77; Крамаровский, 2003, с.515]. Портал медресе до нашего времени не дошел (не разрушенным оказался лишь его южный пилон с обломами почти классических форм). Обнаруженные архитектурные детали с плоской и глубокой трехплановой резьбой [Крамаровский, 2005, с.114, 116, кат. №206, 212–214] подтверждают наши наблюдения о работе строительной артели из Анатолии.

Сооружение мечети относится ко второму строительному этапу комплекса. Речь идет о переносе «старой» мечети 1314 г. с именем Узбека на новое место у северной стены медресе на рубеже XV–XVI вв. Имя золотоордынского хана и дата постройки первоначальной мечети взяты из надписи на портале. Трехнефная мечеть относится к базиличному типу. В первоначальном варианте аркада центрального нефа с тремя парами колонн (парадная пара с богато украшенными базами – у *михрабной* ниши) должна была поддерживать

Стеклянная лампа с росписью эмалью синего, красного, зеленого и белого цветов. Ближний Восток. После 1329 г.

систему деревянных стропил высокого фанаря, перекрытого двускатной крышей. После переноса конструкция мечети упростилась за счет изъятия фанаря. В северо-восточном углу мечети сохранился фрагмент ствола многократно возобновляемого минарета. Размеры мечети 13,5х17,5 м. Ее портал «приставлен» к северной стене без перевязок и восстановлен на переотложенном слое; восточная и западные стены тоже не имеют перевязок с северной стеной медресе. Подлинным украшением мечети являются ее портал и *михраб* [там же, с.114–115]. Портал в форме прямоугольника 4,01х6,03 м с подтреугольной нишей, заполненной сталактитами (*мукарнас*) из ганчевых элементов. Он обрамлен резным фризом и парой полуколонн с двухъярусными капителями [там же] и базами в форме ламп. В ленте над полуаркой входа арабская надпись «Хвала аллаху за его благости и благословит аллах Мухаммеда и наместников его. Приказал (повелено?) построить эту величественную мечеть в дни владычества величайшего хана Мухаммеда Узбека – да продлит бог царство его – раб (рабу?) бессиль-

Зеркала. Бронза. Укек. XIII–XIV вв.
(по Л.Ф.Недашковскому)

ный (-ому) нуждающийся (-щемуся) и упо-
вающий (-щему) на милость и прощение
бога, Абдул-Азиз (-у), сын (-у) Ибраима аль-
Ирбили, в год 714 лунный» [Акчокраклы,
1927, с.14]. Дата – 714 г. (1314 г.) – свиде-
тельствует о недолгих размышлениях ислам-
ской общины города поддержать новую по-
литику сарайского хана, пришедшего к вла-
сти после кровавого переворота в 1312 г. Имя
Ибраима ал-Ирбили, возможного строителя
(архитектора?) новой пятничной мечети, пе-
реносит нас на почву древнего Ирбиля (Ар-
бела). Между тем, как показывают обмеры и
графический анализ портала и михраба, оба
подлинных элемента первоначальной кон-
струкции мечети 1314 г. относятся к азиатско-
му типу. Анализ их декоративного убран-
ства приводит нас к истокам художествен-
ной традиции, сложившейся в северной части
Центральной Анатолии в период сельджук-
ских эмиратов. Примерно то же можно ска-
зать и об архитектуре медресе Солхата.

Михраб мечети (2,60x4,83 м) повторяет
структуру портала, но украшен еще богаче
[Крамаровский, 2005, с.115]. В эпиграфиче-

ском фризе читается коранический стих: «Нет
бога, кроме Аллаха, Мухаммед посланник его.
Бог сам свидетельствует о том, что нет
бога кроме бога. Ангелы и люди, одаренные
знанием и справедливостью, повторяют:
нет бога, кроме бога всемогущего и мудро-
го. Ислам – религия божья» [Акчокраклы,
1927, с.14]. В резном декоре михраба исполь-
зованы витые полуколонны с двойными ка-
пителями и базами в форме лампад, удвоен-
ные стрельчатые ниши со сталактитами и ро-
зетками с геометризированными восьмиуголь-
никами. Преобладающим мотивом выступа-
ют «византийские» стилизованные виноград-
ные листья на спиральных стеблях, органи-
чески переплетающиеся с гибким курсивом
почерка *наسخ*, которым выполнена кораниче-
ская надпись обрамления. Стиль орнаменти-
ки отличается насыщенностью композиции и
рисунка, буквально не оставляющего ни пяди
незаполненного, пустого пространства. Не
возникает сомнения, что художнику, компо-
новавшему рисунок михраба, был хорошо
знаком основополагающий принцип ислам-
ской орнаментики, отвечающей принципу *мил
ал-фараг* («заполнения пустоты»).

К сожалению, место первоначальной меч-
ети Узбека обнаружить не удалось. Казалось
бы на эту роль подходят руины близлежащей
базиличной мечети, чья аркада имела тот же
шаг колоннады, что и мечеть Узбека. Тем
более, что в раскопе у северной стены меч-
ети не удалось обнаружить ни одного резного
камня с ее портала. Но по нумизматическо-
му материалу мечеть датируется началом вре-
мени Токтамыша (1380–1398). Трудно ска-
зать, преобладал ли среди мечетей Солхата
базиличный тип (как в большинстве город-
ских мечетей Золотой Орды), но руины од-
ной из купольных мечетей, расположенной в
северо-восточном секторе городища, до нас
дошли. Речь идет о мечети Куршун–Джами
– «Свинцовая». Прямоугольное здание
(12,5x17,7 м) построено из рваного камня на
известковом растворе. В стены впущены де-
ревянные лаги, вероятно, с целью повыше-
ния антисейсмичности. С севера вход в мечеть
обрамляют пилоны портала. Здание разделе-
но на две неравные части. Прямоугольный
северный зал (10,5x4,5 м) был перекрыт тре-
мя коробовыми сводами; южный зал
(10,5x10,6 м) с михрабом в южной стене пе-
рекрывался куполом на парусах. В северо-

западном углу северного зала сохранилось основание минарета. Распор мощного купола погашался двумя парами контрфорсов у западной и восточной стен. Еще один контрфорс со стороны михрабной ниши на южной стене был расположен по длинной оси сооружения. По сообщению Эвлии Челеби, Куршун-Джами была построена в 1396 г. как дервишская обитель – *текие* – благодаря благотворительной деятельности внучки правителя города Кутлуг-Тимура Бай Буглы-хатун. Видимо, после тимуровского погрома 1395 г. эта акция имела большое социальное значение для жизни мусульманской общины Солхата. В 1398 г. здание текие было обращено в квартальную мечеть [Григорьев, 1974, с.27] и получило новую облицовку михрабной ниши. Кроме мечетей, как и в других исламских общинах Золотой Орды, в г. Крым строились мавзолеи, бани, странноприимные дома, минареты и другие общественно значимые сооружения.

О размахе культового строительства нижеволжских городов можно судить по информации Ибн Баттуты, отметившего только в Сарае 13 пятничных мечетей; по его словам, пятничные мечети он посетил в Маджаре и Кафе [СМИЗО, 1884, с.280, 287, 306]. К XIV в. относятся мечети, раскопанные на Водянском и Селитренном городищах. Мечеть Водянского городища датируется второй половиной XIV в. [Зиливинская, 1998, с.20–22]. Аналогичная мечеть открыта в Поднепровье на поселении Кучугуры близ Запорожья [Довженко, 1961]. Соборная мечеть Сарая – девяти-нефная, двухайванная, с мощным порталом и деревянными колоннами – была снабжена открытым двориком и круглым водоемом внутри мечети за входом. Мечеть построена из жженных кирпичей [Зиливинская, 1998, с.22–24]. Мечеть XIV в., к которой относится Тартупский минарет, раскопана на городище Верхний Джулат в Северной Осетии [Милорадович, 1963].

Характерную деталь городского ландшафта составляли бани (*араб.* «хаммам»). Сейчас на территории Золотой Орды известно более 20 бань. Общественные бани были широко распространены во всех основных золотоордынских городах, о чем можно судить, в частности, по пока еще не полностью раскопанной бане в Маджарах на Северном Кавказе [Зиливинская, 2003, с.58–59].

Архитектурная деталь. Крым.
Первая четверть XIV в.

До наших дней сохранилось в руинах и раскопано несколько десятков мавзолеев как в Дашт-и Кыпчаке, так и в Крыму, на Северном Кавказе, Южном Урале.

Итак, в отдельных районах востока и запада Золотой Орды работали высокопрофессиональные строительные артели и, вероятно, архитекторы и декораторы, обслуживающие заказы исламских общин или отдельных аристократических заказчиков. Вполне вероятно, что после 1395 г. значительная часть ремесленного потенциала Золотой Орды была использована Тимуром при строительстве в Мавераннахре.

В целом градостроительная история Золотой Орды пережила несколько этапов. На протяжении всей второй половины XIII в. доминировали старые города, чье восстановление относится к 40-м гг. XIII в. В первой половине 1250-х гг. начинается строительство новых городов. В 50–70-х гг. XIII в. активное строительство новых городов продолжается, но чекан Сарая и Укека в 1280–1290-е гг. остается маломощен [Федоров-Давыдов, 1994, с.16]. В конце XIII в. по интенсивности работы мо-

нетных дворов Болгар и Крым опережают восстановленный Хорезм. Но если степные города Поволжья в XIII в. отставали от болгарских, то в начале XIV в. при хане Токте начинается стремительный рост нижеволжских городов. С 1310 г. чекан Сарая постепенно вытесняет со всех рынков болгарские монеты [там же]. Расцвет золотоордынских городов приходится на эпоху ханов Узбека и Джанибека (1313–1357 гг.), во время правления которых в Хорезме, Крыму и на Северном Кавказе были созданы лучшие произведения исламской архитектуры Золотой Орды. С 1360 г. проявляются первые признаки «сползания» к затяжному кризису, закончившемуся военнополитической катастрофой 1395 г., после которой вместе с заказчиками исчезают и намечившиеся было локальные архитектурные завоевания.

Масштабы империи и разнообразие ландшафтных, исторических особенностей и цивилизационных особенностей предшествующих эпох не могли не повлиять на формирование различий в облике отдельных городов и культурных провинций, складывающихся вокруг них. В этом смысле отсутствие единства городской культуры Золотой Орды – черта вполне понятная и абсолютно закономерная. Среди локальных вариантов городских культур выделяется Поволжье с Болгаром, с одной стороны, и столичным Сараем, Гулистан–Сараем, Укеком и Бельджаменом, с другой. Поднепровье, Крым, Приазовье и Северный Кавказ, не говоря уже о востоке империи от Сарайчика до Хорезма, представляют регионы, чьи городские культуры во многих чертах отличались или даже не вполне сопоставимы с городскими культурами, сложившимися в ханском домене.

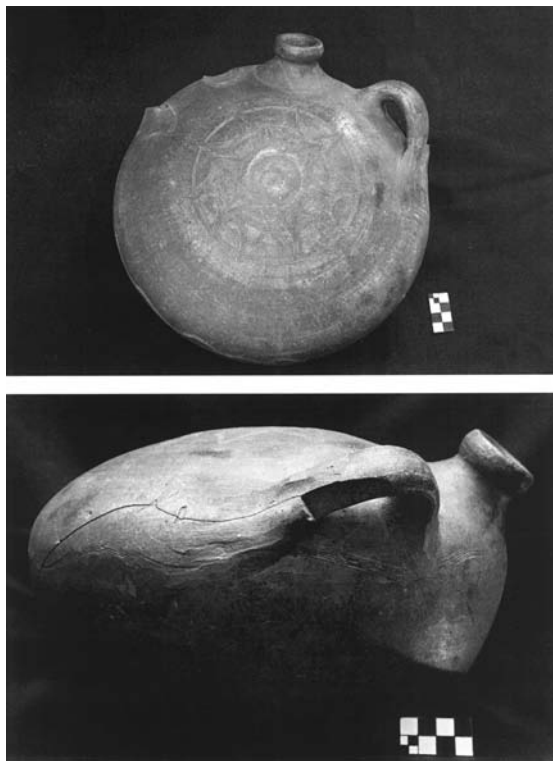
Неисламские общины в золотоордынском городе: быт и культура. Улица в больших и малых золотоордынских городах не была только исламской. В гуще столичного Сарая Ибн Баттута, предпочитавший проводить досуг в пределах исламской общины Сарая, различил немусульман и среди них – кыпчаков, черкесов, русских и византийцев (вероятно, греков) [СМИЗО, 1884, с.306]. Еврейский и греческий кварталы известны для Азака – Таны (ханафиты более терпимо, чем последователи других мазхабов, относились к иудеям и христианам) [Ковалевский, 1905, II, с.121–122]. Поквартальная застройка на

этноконфессиональной основе не составляла специфической особенности золотоордынских городов – для времени развитого средневековья это общепринятая практика. Византиец Иоанн Китр (XII–XIII вв.) в ответе на вопрос о том, могут ли армяне свободно строить свои церкви в местах расселения на территории империи ромеев, дал следующий ответ: «В христианских областях и городах изначально разрешается проживание людей иного языка и религии – иудеев, армян, исаиитов (т.е. мусульман), агарян (т.е. тюрок) – но только в отдельных кварталах» [Дагрон, 1999, с.190].

Приходы, состоящие из кварталов, группирующихся вокруг мечети, церкви, синагоги или кенассы, не только облегчали условия существования горожан в условиях этнической пестроты и религиозного многообразия Золотой Орды. Они обеспечивали возможность выживания, занимаясь привычным ремеслом, способствовали структуризации внутригородской общественной жизни, преодолению этнической замкнутости и лингвистической немоты. Объединительная роль церковных приходов еще мало изучена. Особенно с точки зрения их вклада в развитие городских субкультур и сохранения (или утрат) родовой аутентичности представителями отдельных этносов, проживающих в тех или иных кварталах. Рассмотрим это на двух примерах из истории армяно-григорианской и исламской общин Солхата (кроме них в городе функционировали христианская община греческого толка, латинская католическая, а также иудейская; последняя объединяла талмудистов и караимов). Особенно велика роль межэтнического общения внутри родственных приходов. Можно привести пример, когда разница вер не мешала профессиональному сближению. Так, одна из ранних солхатских армянских рукописей – Евангелие 1332 г. – в соборной армянской конгрегации мхитаристов в Вене, во-первых, снабжена миниатюрами, вдохновленными греческим образцом, а, во-вторых, в работе над ее украшением приняли участие четверо художников-греков. Об этом свидетельствуют надписи на греческом языке, указывающие на сюжет, выбранный для конкретной страницы рукописи. Вместе с греками работали два армянских миниатюриста (имя одного из них Папанун) [Buschhausen, 1976]. Близкий, или хотя бы в чем-то похо-

жий случай для исламской общины нам неизвестен. Но все же можно отметить существование в Сарае ал-Джадид армянского гончара или держателя мастерской, в личной печати которого армянское имя – Ананд сын Саркиса [Крамаровский, 2005, с.119, кат. №164, 575–576] – было написано по-арабски. Солхатский ономастикон свидетельствует, что количество тюркских имен увеличивается лишь к XV в. и среди них чаще встречаются общемусульманские: *Урус, Бейрам, Кутлу, Буджук, Лачин* [Крамаровский, 1989, с.141–159]. Нисбы типа *ал-Сиваси, ал-Кастамуни, ал-Токати, ал-Куневи* связывают определенную часть мужского населения исламского Солхата с Малой Азией. В свою очередь, такие нисбы, как *ал-Ахлати, ал-Тебризи, ал-Лури, ал-Дженди, ал-Халаби*, свидетельствуют о переселенцах из Ближнего Востока и Ирана. Нисбы двух строителей (архитекторов) – ал-Ирбили – переносят нас на почву Джазиры (древние Арабелы – город в Месопотамии). Есть еще один феномен, характерный не только для Крыма. Непрозрачность церковных имен резко снижает возможность этнического опознания. Редкое исключение составляют имена из синодиковых приписок к греческому Синаскарю Сугдака – Солдайи – Судака (1278 г.). В.Д.Смирнов [1887] обратил внимание на тюркские имена с эпитетами, указывающими на связь с церковным клиром, – попадью *Сююнчук*, жену попа Антипы-иконома, монаха *Алачи*, иеромонаха *Султана*. Им же выделены имена, указывающие на принадлежность тюркских жителей Судака к кругу местной византийской бюрократии: Бараки, дочери *севаста* Пула, Токтемира, сына *севаста* Стефана и др. Примечательны тюркские имена лиц, чьи родители носили церковные имена: Сонкур, сын Макария, Икугач, дочь Дмитрия Чогака и др. Наш пример еще раз подтверждает мысль о том, что конфессиональная принадлежность часто оказывалась важнее этно-родовой аутентичности. Несомненно, что в христианских кварталах Солхата и части его деревенской округи (на поселении Бокаташ, например) ситуация не могла быть принципиально иной. Из этого следует важное положение: погост православного храма – место упокоения и грека, и тюрка, и славянина. Этническая идентификация здесь уступает конфессиональной. Эта же закономерность, но под углом мусульманской парадигмы, повторяется в исламской общине

Солхата. Ибн Баттута, щедро перечисляющий имена кадиев, хатибов, правоведов, называет шейха греческого происхождения Музаффар ад-Дина. Ни в одном из случаев нет монгольских имен. Среди нисб, сохранивших в имени название собственного города – свидетельство, как минимум, второго поколения горожан, преобладает «ал-Крыми». По данным эпиграфики, нет прозвища «ас-Солхати», хотя оно и известно по сведениям письменного источника и звучит в имени Сайф ад-Дина Солхати, совершившего хадж в 1340 г. Сайф ад-Дин принадлежал к одной из самых богатых семей города, будучи племянником эмира-мусульманина Кутлуг-Тимура, этнического монгола. В Египте Сайф ад-Дин Солхати был известен как музыкант и руководитель придворного музыкального оркестра в Каире. Можно предположить, что в конфессиональных общинах преобладали те или иные этнические сообщества, но в целом имело место этническое многообразие при сохранении исповедальной свободы. Надгробие с арабской сентенцией [Крамаровский, 2005, с.72, кат. №210], где на одном торце изображена лампа, а на другом крест, позволяет высказать предположение о пребывании в городе христианина-сирийца. Выходцы из Сирии известны и в соседней Кафе. Хотя Ибн Баттута и сообщает о существовании за чертой города христианского монастыря, мы не знаем, к какой конфессии он принадлежал. Есть правда, сведения о том, что католический монастырь появился в Солхате на рубеже XIII–XIV вв. [Fedalto, 1973, p.408]. Существует мнение, что подавляющее большинство населения Солхата – армяне [Хачикян, 1982, с.340; Бабаян, Корхмазян, 2000, с.11]. Так ли это? В памятных записях Лекционария, созданного знаменитым Натером в солхатском скриптории между 1345 и 1349 гг., упоминаются 92 человека, оплативших работу переписчика кодекса [Памятные записи, 1950, с.359–367]. Если учесть только глав предполагаемых семейств (в списке значатся старцы и вдовы), то из расчета пяти членов семьи участников благочестивого действия окажется не более 350 человек – цифра, наталкивающая на мысль о приходе, состоящем из одного или двух кварталов. Но и увеличение этой цифры на два-три порядка не дает оснований для вывода о преобладающей численности армянской общины в Солхате. В XIV в. армянская колония, вероятно, занима-

Гончарная фляга. Уек. XIII–XIV вв.
(по Л.Ф.Недашковскому)

ла несколько кварталов, один из которых назывался «Верин (верхний) охетнер» [Микаелян, 1974, с.18]. Верхние кварталы как раз и принадлежали северо-западному сектору городища, где в 1982 г. нами обнаружено надгробие армянского мальчика, умершего в 1362 г., с надписями на боковых сторонах камня [Крамаровский, 2005, с.120, кат. № 218]. На городище открыто еще одно армянское надгробие 1349 г. Надгробие двускатное, украшено изображением мужской фигуры у алтаря огня (?) на одной из торцевых сторон; другой торец – с датой армянского летоисчисления «лета 798». С переездом семьи Натера город становится одним из заметных в Крыму центров армянской рукописной книги. В Матенадаране хранятся 12 рукописей первой половины XIV в., выполненных Натером в основном в Солхате. Здесь же работали его четыре сына – писцы и талантливые миниатюристы [Корхмазян, 1978, с.27]. Среди армян Солхата известны кузнецы, специалисты по изготовлению ножей, портные (?). Неподалеку от города армянами-григорианцами основано два армянских монастыря [Бабаян, Корхмазян, 2000]. Возможно, самая большая армянская

колония находилась в Кафе, где в XIV в. армянскими строителями воздвигнуты два значительных по архитектуре храма – Иоанна Предтечи и Святых Архангелов [Якобсон, 1956]. В Кафе выявлена группа датированных армянских хачкаров XIV–XV вв.: 1356, 1362, 1386, 1403, 1424, 1425, 1427, 1429, 1439, 1451, 1453, 1456, 1471 и 1496 гг. [Айбабина, 2001, с.62–72]. Армянские колонии в городах Золотой Орды известны в Болгарах, Ак-Мечети, в Маджаре и Азаке [Смирнов, 1958, с.330–359; Волков, 1995; Крамаровский, 1978, с.102; Фомичев, 1994, с.13]. Как и в Болгаре, где армянская община располагала своей церковью, банями и другими сооружениями, имеющими прямые аналоги в архитектуре Армении, армянские церкви строились в Азаке и Маджаре [Волкова, 1972, с.58]. На Тамани и в Маджаре найдены армянские хачкары [Волков, 1995].

Из инокультурных маргиналий золотоордынских городов менее всего изучены еврейские общины. Еврейские кварталы известны в Азаке–Тане [Ковалевский, 1905, с.121–122], городах восточного Крыма – Кафе и Солхате и, конечно, Чуфут-Кале. В Маджаре Ибн Баттута встретил еврея из Андалусии [СМИЗО, 1884, с.287], но неизвестно была ли в городе еврейская община. Сведений о населении иудаистского Солхата почти нет. На плане 1785 г. в юго-восточном секторе Солхата обозначены руины «еврейской школы». До сих пор не решен спор представителей караимской общины с раввинистами о принадлежности кенассы-синагоги (археологические исследования здесь не велись). Среди персоналий середины XIV в. отметим Авраама Крымского, уроженца Солхата, известного в еврейском мире экзегетарационалиста. В Солхате он написал обширный «Комментарий» на Пятикнижие (имеется в собрании РНБ). Из предисловия к «Комментарии» следует, что учителем Авраама был Шемарья б. Илия Икрити из Негропонта [Цинберг, 1924, с.93–100; Encyclopaedia Judaica, 1971–1972, 10, p.1046]. В качестве татарского пленника в 1506 г. в Эски-Крыме оказался Моисей б. Яков Га-Голе (изгнанник). Моисей б. Яков учился в Константинополе, где преуспел в астрологии, математике и филологии; в 1514–1515 гг. он закончил комментарий к «Ogar nechaned» Ибн Эзра. Памятники еврейской эпиграфики средневеко-

вого Солхата дают имена тюрко-монгольского происхождения [Фиркович, 1872, с.210]. Однако данные «Сафер авие-зикарон» («Книги камней»), собранные Авраамом Фирковичем, подвергнуты сомнению [Куник, 1876]. Но в 1979 г. был найден обломок стелы с еврейской надписью [Аччокраклы, 1927, с.7, №296]. Надпись на лицевой стороне стелы гласит: «Памятник могильный старца сына Иосифа, память его благословенна, сына Авраама, память его благословенна. А скончался (сын Иосифа) дня 3-го 23 адара первого года 5311 от сотворения мира. Да будет душа его влетена в венок жизни» (пер. Е.Мещерской). Итак, дата надгробия сына Иосифа, как сообщает надпись, – 1511 г. [Крамаровский, 2005, с.126]. В подъемном материале в районе юго-западной околицы современного Старого Крыма найдена серебряная прикладная печать XV–XVI вв. [там же,

кат. №172] с двуязычной арабо-караимской надписью: «*Моше бен кводрати Малика / Моисей, сын достопочтенного учителя Малика, да сохранит его Господь*» (караимский текст остается непрочитанным).

По данным источника середины XVII в., в городе сохранилось четыре мусульманских квартала, один еврейский и пять христианских, где проживали греки и армяне [Evlia Çelebi, 1314/1896, VII, с.662]. Можно утверждать, что Солхат все-таки дает некоторое представление о более или менее типичной картине межконфессионального сосуществования отдельных общин в период становления и расцвета городской жизни в Улусе Джучи. Доступные нам материалы, в т.ч. и археологические, свидетельствуют об отсутствии расовой или религиозной сегрегации в городах Золотой Орды, что в определенном смысле характерно для культур империй.

§ 2. Высокая исламская культура Золотой Орды

Юлай Шамильоглу

Исследователи исламской культуры любят отмечать, что современное слово, в языках многих мусульманских народов означающее понятие «цивилизация» (*madaniya*), является родственным арабскому слову в значении «город» (*madina*). Оба эти значения были крепко взаимосвязаны в Золотой Орде, где в новых городах в своеобразных приречных оазисах степной зоны была создана новая высокая культура. В дальнейшем, по крайней мере, до краха Золотой Орды, они будут сосуществовать с традиционными центрами высокой культуры в Хорезме, Крыму и в Волго-Камье. Для создания высокой культуры в новых городах, таких как Сарай и Сарай ал-Джадид, было необходимо выполнить несколько важных условий. Во-первых, требовалась значительная инвестиция капитала из любых источников для того, чтобы создать инфраструктуру и предложить покровительство, необходимое для поддержки развития высокой культуры. Во-вторых, поскольку правящая монгольская элита не унаследовала собственной значительной высокой культуры и быстро ассимилировалась большинством тюркоязычного населения, ей пришлось развивать ее в то время, когда тюркская высокая культура в Западной Евразии или на Ближнем Востоке еще полностью не

развилась. Наконец, учитывая тот факт, что в этой части средневекового мира знание в общем смысле приравнивалось к религиозному, появилась необходимость создать новую высокую культуру на основе одной из великих мировых религий со своей собственной традицией. Это могло быть выполнено только путем ввоза или привлечения ученых, сведущих в этой традиции. Хотя ислам не был единственной религией, исповедовавшейся на территории Золотой Орды, в начале XIV в. он возвысился до статуса государственной религии. Исламская тюркская высокая культура, медленно развивавшаяся в течение XIII–XIV вв., действительно начала процветать в середине XIV в., она отражает удачное соединение нескольких различных фактов: богатство, урбанизация, тюркизация и исламизация (я исследовал эти вопросы более полно в своей работе «The Golden Horde: Economy, Society, and Civilization in Western Eurasia, Thirteenth–Fourteenth Centuries». – Madison: Turko-Tatar Press, в печати).

Любое рассмотрение религиозной истории Золотой Орды (действительно, очень сложной) должно начинаться с традиционной системы верований местного тюркского населения ([DeWeese, 1994, p.27 и сл.; Golden, 1998,

р.180–227]; критику см.: [Schamiloglu, 2002, р.200–215, особенно р.215]), вновь прибывших монголов, в дальнейшем разнообразия мировых религий, конкурировавших за официальную поддержку, и, наконец, возвышения ислама до положения государственной религии Золотой Орды. Традиционную систему верований татар и монголов можно описать как анимистическую, совместимую с другими традиционными религиями Евразии, в которых шаманы служили в качестве посредников для призыва духов природных явлений. Некоторые аспекты монгольской религии, например, очищающую природу огня, можно увидеть в описаниях латинских путешественников XIII в. и в других письменных источниках. Не существует свидетельств какого-либо значительного влияния несторианских христиан-монголов времени, предшествовавшего завоеванию, на религиозную систему монголов Золотой Орды, даже притом, что европейские державы были вначале ошибочно убеждены, что великий христианский царь, «пресвитер Иоанн», мог быть их союзником на востоке. Ханы быстро воспринимали различные мировые религии в Золотой Орде и других государствах – «осколках» Великой Монгольской империи; этот феномен более очевиден в Иране при ильханах (см. сообщение Бенедикта Поляка: [Mission to Asia, 1955/1980, р.80; Heissig, 1980, р.6–23]).

Золотая Орда, подобно всей империи, терпимо относилась к разнообразию организованных конфессий. Не существовало политики, направленной против христиан, даже тогда, когда ислам при хане Узбеке стал государственной религией. Различные источники XIII–XIV вв., включая переводы ярлыков правителей Золотой Орды и русские летописи (составленные, конечно, духовными лицами), говорят, что православная церковь была освобождена от налогообложения [Приселков, 1916; Grigor of Akanc', 1949, р.269–399, особенно р.315; Гандзакеци, 1976, с.222; Meyendorff, 1989, р.45; Allsen, 1987, р.121–122]. Как будет далее видно, имеется и серьезное основание предполагать, что первые члены правящей элиты Золотой Орды и их семьи подпали под влияние христианства. Ниже уровня правящей элиты стояло значительное христианское население в городах Золотой Орды, включая местное и христианское духовенство, а также иностранных куп-

цов. Кыпчаки в южных степях были в этот период тоже частью христианами [Ibn Battūta, 1958–1971, II, р.470]. Ибн Баттута указывает, что кроме мусульман монголов и асов (алан), население Сарая включало и христиан – кыпчаков, черкесов, русских и греков (*Kūm*) [там же, р.515–517; Полубояринова, 1978]. С другой стороны, существуют лишь ограниченные свидетельства относительно евреев на территориях Золотой Орды [Ibn Battūta, 1958–1971, II, р.480]. Что касается буддизма, то монголы на востоке стали буддистами слишком поздно, чтобы оказать решающее влияние на Запад. По этой причине имеются только следы буддийских реликвий на территориях, унаследованных Бату [Поппе, 1941].

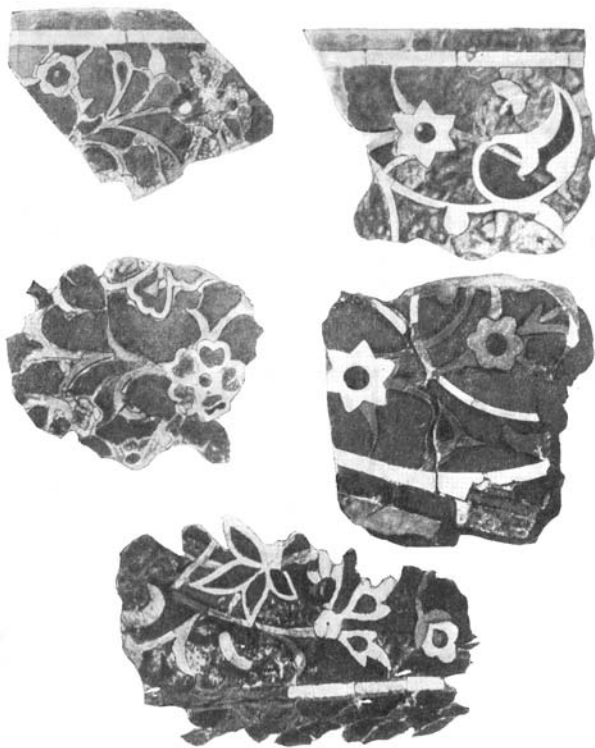
Православные, католические, армянские, несторианские и другие христианские традиции присутствовали на этой территории и конкурировали за верующих из одних и тех же больших и малых городов. Христианская миссионерская деятельность, исходящая из Крыма, частично может быть видна благодаря знаменитому «*Кодексу Куманикусу*» («*Codex Cumanicus*»), составленному итальянскими и немецкими миссионерами в Крыму, который является справочником по куманскому тюркскому языку (включая переводы религиозного материала) для использования при поисках новообращенных [Codex Cumanicus, 1880/1981; Ligeti, 1981, р.1–54; Kuun, 1880; Golden, 1992, р.33–63]. Значение и успех христианства на территориях Золотой Орды очевидны по ряду основанных там официальных христианских учреждений. Православная епархия Сарая была создана в 1260-х гг. и продолжала существовать до конца XV в., хотя, по-видимому, епископ не всегда жил в Сарайской резиденции в течение всего этого периода. Данный институт можно изучить в некоторых подробностях, поскольку русские источники предлагают обширную информацию о епископах Сарая (о православных епископах в Сарае см.: [Spuler, 1965, S.231; Meyendorff, 1989]). Во второй половине XIII в. францисканцы также получили привилегии и защиту для своей деятельности на территории Золотой Орды. К концу XIV в. повсюду, где путешествовали купцы, имелись францисканские монастыри и резиденции, включая гг. Солдайя, Кафа, Солхат (Крым) и Кырк-Ер в Крыму (позже также в Чимбало/Балаклава и Карасу), при-

брежные города на р. Кубань и в Абхазии. Францисканцы были в самом Сарае к 1286 г., в Укеке и Болгаре – к 1320 г. Другие места францисканской деятельности включали Астрахань, Ак-Сарай, Ургенч и пункты на востоке по дороге в Китай. Доминиканцы активно действовали в Кафе, Тане и других местах [Richard, 1977, p.86–97].

Католическая администрация организовала многочисленные епархии в Воспоро, Сарае и Матреге с архиепископством в Сарае. Во многих случаях цель этих епархий заключалась скорее в том, чтобы продвигать миссионерскую деятельность и обслуживать потребности странствующих торговцев, чем служить для нужд большой общины верующих [там же, p.230–255].

Первым высокопоставленным членом чингизидской элиты Золотой Орды, проявившим интерес к организованной мировой религии, вероятно, был Сартак, поскольку считалось, что он был христианином. Этот факт также рассматривался в качестве предлога для возможного убийства первого и, вероятно, единственного хана-христианина Золотой Орды ([Гандзакеци, 1976, с.219, 226; Richard, 1977, p.77 и сл.]. Ср. с сообщением Вильяма Рубрука: [Mission to Asia, 1955/1980, p.123, 149–150], согласно которому Сартак не был христианином), поскольку именно ислам достиг статуса господствующей религии в этом государстве. Первым будущим правителем Улуса Джучи, принявшим ислам, был Берке. Многие ученые уже описали роль, сыгранную в этом обращении шейхом среднеазиатского суфийского ордена Кубравийа Сайф ад-Дином Бахарзи [Richard, 1967, p.173–184; Vásáry, 1990, p.230–252; Waley, 1992, p.289–310; DeWeese, 1994, p.83 и сл.]. Конечно, это не было начальным этапом распространения ислама на территориях Золотой Орды, поскольку Волжская Булгария уже была обращена в него к началу X в. и, безусловно, Хорезм, который составлял неотъемлемую часть территории государства, был еще одним важным его оплотом с домонгольского периода.

Между тем, возвышение ислама, как политической силы и источника культурного вдохновения в Золотой Орде, шло очень не-

Мозаики с растительным орнаментом.
Царевское городище (по Л.М.Носковой)

простым путем. Ряд источников изображают некоторых ханов Золотой Орды после Берке как определенно не симпатизировавших исламу, христианские же источники наоборот. Хотя есть противоречия в источниках второй половины XIII в., ясно, что ислам только при хане Узбеке достиг, наконец, статуса государственной религии. Хотя Узбек вел кампанию против анимистов или буддистских священников, нет свидетельств, позволяющих предполагать, что он начинал какие-либо притеснения «людей писания», каковыми мусульмане считают иудеев и христиан. История расцвета религиозной жизни в Золотой Орде при хане Узбеке в действительности является историей интеграции Улуса Джучи в исламскую религиозную культуру, как в смысле богословской мысли, так и на уровне народного ислама. Мы много знаем об этом благодаря подробной уникальной информации, представленной великим путешественником Ибн Баттутой.

Приблизительно в январе 1333 г., во время своих путешествий через территорию Золотой Орды, Ибн Баттута повсеместно обнаруживал мечети, религиозных судей и суфий-

ские странноприимные дома (*завие*). Он обнаружил мечеть в Кафе; в г. Крым он оставался в странноприимном доме, возглавляемом шейхом Зада ал-Хурасани, где имелся главный религиозный судья (*кади*) мазхаба Ханафи, а также религиозный судья мазхаба Шафи'и. Ибн Баттута встретил также множество ученых, включая юриста и профессора, который был асом (аланом) в дополнение к проповеднику (*хатиб*), читавшему проповедь, а по пятницам читалось символически важное благословение во имя халифа в соборной мечети. Ибн Баттута упоминает мечеть, построенную в Крыму в 1288 г. с помощью египетского правителя Бейбарса, но мы также знаем о двух других мечетях, в т.ч. о соборной мечети Крыма, которую Узбек построил в 1314 г. [Ibn Baṭṭūṭa, 1958–1971, II, p.470–473; Якобсон, 1964, с.106–108 (о мечети и медресе в Солхате (Крым или позже Эски-Крым), плане основания и надписи строителя)]. В Азаке Ибн Баттута обнаружил религиозного судью и студентов, стал свидетелем чтения Корана с последующими проповедью и благословениями. Существовали также другие виды религиозного пения на арабском языке, которые затем были переведены на персидский и тюркский языки. В Маджаре путешественник останавливался в странноприимном доме набожного шейха из Ирака, а также посетил мечеть с проповедником из Бухары [Ibn Baṭṭūṭa, 1958–1971, II, p.475–481]. В Сарайчуке он видел странноприимный дом, принадлежавший набожному тюрку преклонного возраста, по имени Ата, встретился там с религиозным судьей. Позже в Кяте он встретил еще одного религиозного судью, а также набожного и благочестивого шейха Махмуда ал-Хиваки [там же, p.539, 549–550].

В описании путешественника Сарай был исключительным городом в отношении религиозной жизни. В нем находилось 13 соборных мечетей для пятничных молитв, включая одну для шафиитского мазхаба, было много других меньших мечетей. Ибн Баттута встретил шафиитского ученого Садр ад-Дина Сулаймана ал-Лакзи Малики, ученого Шамс ад-Дина ал-Мисри, египтянина, религиозного судью Сарая, Бадр ад-Дина ал-А'раки, который считался одним из лучших в своей профессии, и других религиозных ученых. Каждую пятницу, мусульманский день отдыха, хан

Узбек посещал странноприимный дом ученого проповедника (*имама*) Ну'ман ад-Дина ал-Хваризми, «одного из выдающихся шейхов, человека прекрасного характера, щедрого душой, чрезвычайной смиренности, но также чрезвычайной строгости к обладателям богатств этого мира». Хотя этот шейх был смиренным перед бедными братьями, нуждающимися и путешественниками, его поведение по отношению к Узбеку было противоположным. С другой стороны, с нашей современной перспективы мы можем еще отметить, что тот же самый человек подарил Ибн Баттуте тюркского мальчика-раба [там же, p.515–517].

В Хорезме великий путешественник обнаружил выдающийся центр исламской религии и учености, с которым, возможно, не могли соперничать ни Сарай, ни основанный позднее Сарай ал-Джадид. Здесь Ибн Баттута посетил соборную мечеть и медресе; это медресе содержалось великим эмиром Узбека по имени Кутлуг-Тимур, а мечеть была построена его женой, набожной Тюрабек-ханым. Ибн Баттута и его компаньоны по путешествию остановились в другом вновь построенном медресе. Он описывает встречу с рядом ученых мутазилитской школы суннитского толка. Поскольку хан Узбек и великий эмир Кутлуг-Тимур были приверженцами ортодоксального суннитского ислама, эти ученые явно не выказывали своей приверженности к школе мутазилитов. Ибн Баттута также описывает в Хорезме уникальный обычай предупреждения жителей о приближении часа молитвы. В каждой мечети был кнут, чтобы хлестать любого, кто не посещал коллективные моления, и тот человек еще штрафовался на 5 динаров, которые использовались на содержание мечети и кормление бедных. Это считалось древним обычаем с непрерывной традицией. Ибн Баттута также описал странноприимный дом, построенный над могилой шейха Наджм ад-Дина Кубра, убитого во время монгольских завоеваний и чтимого суфийским орденом Кубравийа. Все путешественники снабжались там продовольствием, а шейх Сайф ад-Дин ибн 'Асаб был учителем медресе и одним из главных граждан Хорезма. Был еще один странноприимный дом, шейх которого Джалал ад-Дин ас-Самарканди провел год или более в святых землях Мекки или Медины. В четырех милях от города находилась могила ученого

имама Абу-л-Касима Махмуда ибн ‘Умар аз-Замахшари.

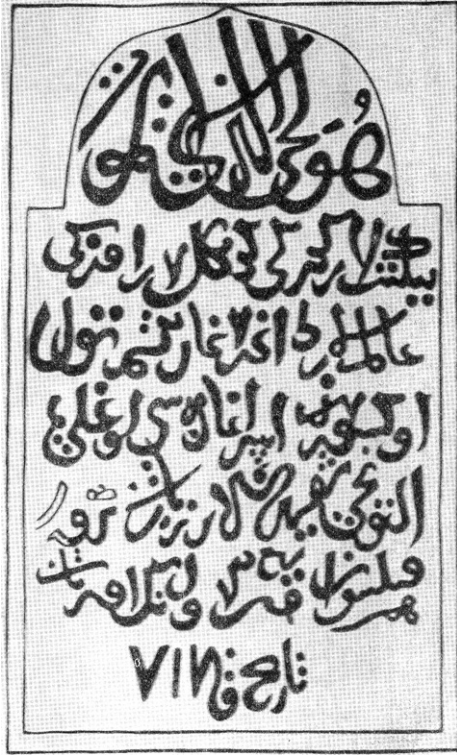
Ибн Баттута описал различные подробности своей встречи с религиозным судьей Абу Хафс ‘Умаром ал-Бакри, известным под титулом *садр*, и его помощниками. Этот судья был личностью, обладавшей большим богатством и земельной собственностью, а его свояченица была замужем за Кутлуг-Тимуром. Его дом был украшен богатыми коврами, тканью, висевшей на стенах, и сосудами серебряного, позолоченного и иракского стекла в многочисленных нишах, встроенных в стены. Он также упоминает, что в городе было множество увещевающих проповедников, и что проповедник (*хатиб*) на пятничных службах Мавлана Зайн ад-Дин ал-Макдиси являлся одним из четырех величайших проповедников, которых он когда-либо слышал. Ибн Баттута далее повествует, что в регулярную практику эмира входит то, что религиозный судья ежедневно посещает свою аудиторию. Один из великих эмиров сидит там в сопровождении восьми великих эмиров и шейхов из тюрок, называвшихся яргучи (*аргучи*). Религиозный судья улаживает разногласия людей в пределах юрисдикции религиозного закона, а эмиры улаживают другие споры ([там же, р.541–550]. По поводу титула *садр* см.: [Bulliet, 1972, p.53–67]).

Из информации, уникальным источником которой является Ибн Баттута, можно сделать очень важные умозаключения. В Хорезме и Болгаре (последний Ибн Баттута, вероятно, не посещал) преданность исламу продолжалась без большого перерыва с домонгольских времен. Трудно определить возраст исламской инфраструктуры в центрах, которые посетил великий путешественник в прибрежной полосе Северного Кавказа и в Крыму. Грандиозным, однако, было быстрое – в пределах десятилетий или, возможно, даже только нескольких лет – развитие ортодоксальных исламских институтов в Сарае. Равно захватывающим ко времени визита Ибн Баттуты было полное участие в религиозной жизни высших слоев правящей элиты, включая усмирение хана Узбека аскетичным религиозным лидером. Также мы не должны недооценивать роль суфийских орденов в продвижении ислама в широкие слои населения во всех религиозных пограничных областях Золотой Орды. Как при обращении в ислам Берке и Узбека суфийские шейхи, должно быть, участвовали в миссионерской деятельности среди широких слоев

общества, так они это делали и в другие периоды. Наверное, можно говорить о миссионерском исламе, распространявшемся суфийскими орденами на территории Золотой Орды во время хана Берке. Ко времени Узбека такой миссионерский ислам, несомненно, существовал, поскольку странноприимные дома, описанные Ибн Баттутой, по своей природе должны были служить опорными пунктами в исламской религиозной и миссионерской сети на всей территории владения Бату.

Узбек-хан, Кутлуг-Тимур, другие ведущие должностные лица и их семьи вкладывали огромные суммы денег в основание мечетей, медресе и обычно связанных с ними комплексов. Они, или некоторые другие личности, должно быть, делали большие вклады в религиозные фонды (арабское *вакф*, мн. ч. *авкаф*), пожертвования, доход от которых (часто контролируемый членами семьи жертвователя для своих собственных целей) поддерживал и содержал эти важные исламские учреждения на постоянной основе, как в любом другом месте исламского мира (о Средней Азии в более поздний период см.: [McChesney, 1991; Subtelny, 1991, p.38–61]). В Хорезме участие в религиозной жизни простиралось даже до брачных союзов между правящей чингизидской и религиозной элитами, что могло рассматриваться как новая важная форма законности, дополнявшая претензию Чингизидов на верховную власть.

Ясно также, что была значительная миграция религиозных деятелей для укомплектования мечетей и медресе новых городов. Большое количество религиозных ученых, упомянутых Ибн Баттутой, иммигрировали в Улус Джучи из других центров исламской цивилизации на Ближнем Востоке и из других мест, как указано их именами (*Мисри*, например, указывает на египетское происхождение). Фактически Золотая Орда была домом как для суфитов, так и для шнитов, и всех четырех ортодоксальных исламских мазхабов, представляющих исламскую юридическую практику во всем мире. Это отражает тесные связи между столицами Золотой Орды и крупными центрами традиционного исламского учения во всем исламском мире того времени и то, что представители всех этих различных групп прибыли в Улус Джучи. Это – еще одно указание на то, чего могло достичь огромное богатство элиты Золотой Орды за относительно короткий промежуток времени.

Надгробие с эпитафией. Болгар. 1317 г.

Однако не все ученые были иностранцами. Некоторые из религиозных ученых принадлежали к местным этническим группам, таким, как асы (аланы), или же происходили из традиционных домонгольских исламских центров Золотой Орды, прежде всего, Хорезма. Хотя столицы Улуса Джучи – Сарай и Сарай ал-Джадид, очевидно, ранее не имели учреждений по обучению исламского духовенства, однако, ко времени визита Ибн Баттуты в 1333 г. некоторые из религиозных ученых Золотой Орды могли получить образование в Сарае, независимо от того, упоминают ли источники отдельные религиозные медресе или нет. В конце концов, мечети, как центры религиозной жизни, возглавляемые учеными, также могли хорошо служить для этой цели. Конечно, обучение происходило в некоторых других южных центрах Крыма или прибрежной полосы Северного Кавказа, которые он посетил. Таким образом, правители не только создавали города с их постоянно растущим богатством, они жертвовали средства на строительство зданий для религиозной практики и обучения и наполняли их исламскими учеными. Даже новые городские центры Золотой Орды, включая столицы, теперь

могли претендовать на то, чтобы стать космополитическими центрами исламской науки, способными сохранять и обучать исламскому знанию для воспроизводства религиозного ученого класса, а также для распространения этого знания среди новообращенных, на что могло потребоваться несколько поколений [Bulliet, 1979].

Что же эта огромная инвестиция в города, исламская религиозная инфраструктура и человеческий капитал дали мировой цивилизации, и какую часть этого вклада, если таковая существует, можно назвать характерной для Золотой Орды? Действительно, разрушения и резня, сопровождавшие монгольские завоевания, вызвали серьезное нарушение интеллектуальной жизни, в некоторых районах, вероятно, навсегда. В то же время достойные сожаления неправильные представления омрачили общее представление о высокой культуре Золотой Орды. Единственным удовлетворительным ответом для периода до конца XIV в. является то, что Золотая Орда сделала значительный вклад в продолжение традиций цивилизации, уже существовавших на ее территориях, в поток знаний между ее собственными центрами и центрами за ее границами, в развитие новых цивилизационных традиций. Однако все это можно правильно понять, если приложить усилия для углубления в источники о цивилизации Золотой Орды и о месте этого государства в пределах соответствующего контекста культурного развития как во времени, так и в пространстве.

Мы уже отметили, что в этот период знание в целом приравнивалось к религиозному знанию и что мы должны обратиться к религиозным центрам, производившим все категории работ, имевших отношение к высокой культуре. Вероятно, большинство или все центры оседлой исламской цивилизации в Крыму, в прибрежной полосе Северного Кавказа, в месте слияния Волги и Камы, в Хорезме, описанные выше, продолжали играть ту роль, которую они играли за некоторое время до монгольских завоеваний. Трудно сказать, насколько центры Северного Кавказа были активны в период, предшествовавший монгольским завоеваниям, по сравнению с активной религиозной и культурной жизнью в XIV в. Согласно сообщениям ряда источников, Волжская Булгария имела активную интеллектуальную жизнь в X–XII вв., но, вероятно, сильно пострадала от культурного регресса в результате монгольских завоеваний, тогда как Хо-

резм, возможно, только с небольшим перерывом продолжал оставаться важным центром исламской учености.

До XIII в. арабский был основным языком исламской цивилизации (см.: [Gibb, 1963]). Персидская высокая литература получила должное развитие только в XI–XII вв. [Рурка, 1968], в то время как арабский использовался в качестве литературного языка на севере – в Болгаре до XIII в. (см., например: [Татар әдәбияты тарихы, 1984, I, 84–96 б.; Róna-Tas, Fodor, 1973, p.38–40]), персидский был более важен в южных областях территории будущей Золотой Орды. Как становится ясно из различных источников, в течение XIII–XIV вв. на территории Улуса Джучи продолжали создаваться важные богословские и литературные труды на арабском и персидском языках. В отличие от этих языков, до XIV в. традиции тюркских литератур только складывались. Первый литературный труд на тюркском языке был написан при Караханидах в 1060-е гг., продолжив доисламские традиции тюркоязычных уйгуров того же региона. Существовало еще лишь несколько трудов, написанных в XII в. в других местах Евразии на тюркском языке с использованием арабской письменности. Собрание мудрости суфийского среднеазиатского поэта Ахмада Йасави, позже известное как «Диван-и хикмет», восходит, в конечном счете, к XII в., как, возможно, и несколько других работ.

Основная группа чингизидской правящей элиты, пришедшей на Волгу, говорила на языке, который мы называем монгольским, хотя это означает упрощение сложной лингвистической ситуации в Средней Азии в XII в. и взаимодействия между теми, кто говорил на языках, принадлежащих к монгольской, тюркской и другим языковым семьям. Существует очень мало примеров письменного монгольского языка у потомков Бату в XIII–XIV вв. В арабских источниках есть ссылки на документы, написанные на монгольском, но существует дискуссия по поводу того, указывало ли это на документы, написанные на монгольском языке, или на документы, написанные на каком-то другом языке монгольским шрифтом (таком, как уйгурский, из которого был заимствован монгольский шрифт). Все эдикты и дипломатическая корреспонденция, известная под коллективным названием *ярлыки*, сохранились в оригинальной тюркской версии только с конца XIV в. (1398 г.) (переводы на русский язык см.: [Приселков, 1916; Па-

мятники русского права, 1955, с.463–491]; ссылки на тюркские оригиналы см.: [Bennigsen, 1978, p.405–409; Усманов, 1979, с.299–316; Vásáry, 1982, p.289–300; Muhamedyarov, Vásáry, 1987, p.181–216]). Более примечательно, что переведенные документы XIII–XIV вв., скорее всего, основывались на тюркском оригинале. Другие ссылки в источниках предполагают, что правящая элита Улуса Джучи, должно быть, тюркизировалась достаточно быстро, поскольку находилась в тюркском окружении.

Менее осознано, однако, то, что, помимо ярлыков, на землях Золотой Орды в течение XIII–XIV вв. составлялись и другие тюркоязычные сочинения. Сначала мы хотели бы кратко поговорить о языке волжских булгар, обычном письменном языке, известном только из надгробных надписей, написанных арабским шрифтом и найденных у слияния рек Волги и Камы (по поводу этих надписей см.: [Róna-Tas, Fodor, 1973; Хакимзянов, 1978; 1987]). Хотя арабский язык использовался на монетах, чеканенных в Волжской Булгарии в X в., самые ранние надгробные надписи на языке волжских булгар датируются только XIII в. Самый ранний надгробный камень в Болгаре датируется 1271 г., тогда как самые последние – 1356 г. [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с.120]. После этой даты нет ни одной позднейшей надгробной надписи, ни одного датированного письменного памятника на языке волжских булгар. Несколько тюркских надгробных надписей, найденных в Среднем Поволжье после 1357/58 г., написаны на обычном тюркском языке [Хакимзянов, 1987, №18, 19]. Помимо языка волжских булгар [Róna-Tas, Fodor, 1973, p.38–40; Хакимзянов, 1978, с.5–24; Róna-Tas, 1978, p.13–123], также существовали надгробные надписи на общепринятом тюркском диалекте, который можно считать предком языка современных казанских татар в том же регионе (см.: [Хакимзянов, 1987, с.5–15]; карту распределения обоих видов надписей см.: [там же, с.21]). Ф.С.Хакимзянов считает, что язык волжских булгар, переставший быть письменным после 1358 г., мог выполнять функцию сакрального языка, на котором, возможно, к тому времени уже не говорили [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с.120–126; Хакимзянов, 1987, с.5–15]. Рассмотрев все возможные аргументы, мы предположили, что язык волжских булгар пришел к внезапному концу в результате эпидемии чумы – «Черной Смерти» [Schamiloglu, 1991, p.157–

163; 1993, p.447–457]. Однако важным моментом является использование одного исламского тюркского языка, документированного в Волжской Булгарии в 1271 г., и введение второго языка в последующем столетии. Эти надгробные надписи отражают большое богатство от торговли, вероятно, большое техническое мастерство и культурные связи Булгарии с остальным арабговорящим исламским миром, поскольку часть этих надписей выполнена на арабском языке. Это – еще одно из новшеств, возникших в Улусе Джучи в сфере тюркских письменных языков.

С точки зрения развития высокой культуры более важным является создание ряда художественных и религиозных произведений на письменном тюркском языке (или языках, как настаивают некоторые лингвисты) на территории Золотой Орды [Bombaci, 1968; Togan, 1963, p.229–249; Eckmann, 1964, p.275–296]. Эти произведения позволяют нам говорить о литературе Золотой Орды, созданной на местном тюркском диалекте, языке, представляющем развитие более ранних традиций. Этот язык по-разному был описан тюркологами, как «язык Золотой Орды», «язык Хорезма», или другими терминами. Работы раннего периода XIV в. включают произведения Рабгузи «Кисас ал-анбия» («Сказания пророков») [Rabguzi, 1995; Kısaşı'l-Enbiyā, 1997]. Более поздние работы этого века включают романтические поэмы «Хосроу-о Ширин» (публикацию факсимиле и текста см.: [Zajaczkowski, 1958; Eckmann, 1964, p.280–285]), Хорезми «Мухаббат-наме» (публикации текста этой работы см.: [Щербак, 1959; Gandjei, 1957, p.131–161; 1958, p.135–166; Наджип, 1961; Eckmann, 1964, p.285–287]) и религиозный трактат «Нахдж ал-фарадис» (публикации текста этой работы см.: [Nehcü'l-ferādīs, 1995; Eckmann, 1964, p.287–291]).

Некоторые из этих работ, также, как и другие в иных языках, являются ясным подтверждением покровительства литературе правящей элитой Золотой Орды, поскольку мы думаем, что посвящение можно приравнивать к покровительству. В конце концов, этот процесс играл существенную роль в деятельности литераторов. «Кисас ал-анбия» Рабгузи является собранием историй о пророках до Мухаммада и других первых исламских фигурах. Она была составлена около 1310 г. в Рибат-и Огуз в Туркестане для местного бея Насир ад-Дина Токбути. «Му'ин ал-мурид» – короткий религиозный труд, составленный в Ургенче в 1313 г.

Содержание этой работы, из-за ее особого акцента на практике мистического ислама, показывает, что она была предназначена для кандидатов в суфийский орден.

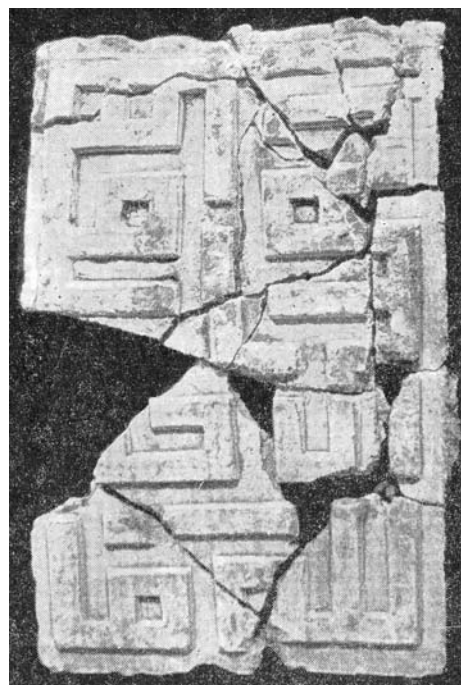
Самым ранним трудом, связанным с Золотой Ордой, было произведение Кутба «Хосроу-о Ширин» («Хосров и Ширин»), посвященное хану Тинибеку (1341/42) и его жене Мелике-хатун [Qutb/Hacıeminoğlu, 1968, p.191–195]. Очевидно, эта работа была написана для правителя в Сарае ал-Джадид. «Мухаббат-наме» («Книга Любви») Хорезми была написана на берегах Сырдарьи (или Азова) в 1353 г. и посвящена некоему Мухаммаду Ходжабеку [Наджип, 1961, текст с.35, пер. с.77; см. также с.15–16]. Обстоятельства, окружающие создание религиозного трактата «Нахдж ал-фарадис», имеющего подзаголовок на тюркском «Открытый путь в рай», более сложны. В любом случае, у него нет посвящения, частично потому, что это – благочестивый религиозный труд.

Романтическая поэма «Хосроу-о Ширин» является переработкой знаменитой романтической поэмы «Хосроу-о Ширин» (1180 г.) одного из пяти великих «сокровищ» персидского поэта Низами (ок. 1139 – ок. 1174–1222 гг.). Переработка более ранних эпических работ была одной из обычных проверок мастерства литератора. Как Низами переработал более ранние сюжеты, так и версия Кутба не была ни дословным переводом, ни литературным опытом, на который нужно смотреть отрицательно. Сам Кутб отмечал, что целью его работы был перевод этого произведения с персидского языка во имя своего хана [Qutb/Hacıeminoğlu, 1968, p.195]. Его версия возвела тюркский язык до литературного стандарта, следующего орфографическим традициям, впервые установленным в XI в. под влиянием уйгурского литературного языка (хотя и с определенными лингвистическими изменениями). Она также полагалась на метрические формы, использовавшиеся впервые в литературе Караханидов [Bombaci, 1968, p.96–97; Eckmann, 1964, p.280–285], и отражает близкое знакомство и даже склонность к персидской высокой культуре при дворе Джучидов. Это также видно из загадочного топонима Гулистан, упомянутого ранее, поскольку оно было названием известного персидского произведения Са'ади «Гулистан» («Розовый сад»). То же самое произведение было переработано Сайфи Сарайи в поэме «Гулистан бит-тюрки» (пуб-

ликацию текста этой работы см.: [Säyf-i Sarayı, 1969]).

Хотя содержание произведения Кутба игнорировалось во всех исследованиях об этом периоде, за исключением тех, что были посвящены исключительно литературе, в нем, помимо посвящения хану Тинибеку и его жене, имеется много важных утверждений, которые происходят из оригинального текста Низами и отражают опыт автора в Золотой Орде. Большинство работ такого рода начинаются с заявления о величии и единстве Бога, сопровождаемого положительными характеристиками пророка Мухаммада и похвалой четырем его сподвижникам (также известным как четыре правоверных халифа – Абу Бакр, Омар, Осман и Али). Похвала Кутба сподвижникам пророка описывает их как руководителей, которые могли заботиться о Мухаммаде и выполнять все пожелания, которые он высказывал, и что вместе они могли войти в 7 стран [Qutb/Hacıeminoğlu, 1968, p.190–191]. Мы можем утверждать, что это произведение предлагает религиозное объяснение отношениям между ханом и четырьмя племенными вождями, – эту политическую систему мы объяснили в другом месте [Schamiloğlu, 1984, p.283–297; Шамильоглу, 1993]. Вероятно, его можно рассматривать как религиозное предписание для племенных вождей, продолжавших оставаться верными хану.

Мы можем отметить несколько других интересных изменений, которые Кутб вводит в версию Низами. Одно из них – социальная структура общества во главе с ханом. Сначала – все бейи, затем – воины (*бахадур*), третьи – богатые, четвертые – бедняки, пятые – нуждающиеся, за которыми в конце следовали бесчисленные рабы, плюс другие. Сравнение с оригиналом Низами обнаруживает, что Кутб знал, кем были его покровители [Nizāmi/Massé, 1970, p.143; Qutb/Hacıeminoğlu, 1968, p.350–351]. Можно предположить в русле этой логики, что именно улус-беки, жены правящей элиты (*хатун*) и земельная знать представляются как распространявшие богатство. Эти члены элиты не упоминаются в оригинальной версии Низами, и их появление в данной версии неожиданно [Qutb/Hacıeminoğlu, 1968, p.421]. Наконец, там, где описание пира Низами включает блюда, которые были бы знакомы для его аудитории, версия Кутба в качестве своего варианта пира ссылается на жертвоприношение коров, овец, лошадей, гусей, цыплят и уток [Nizāmi/Massé,

Плита с арабграфической надписью.
Алебастр. Водянское городище
(по В.Л.Егорову и Г.А.Федорову-Давыдову)

1970, p.145; Qutb/Hacıeminoğlu, 1968, p.352]. Таким образом, включение Кутбом этих и других деталей дает нам информацию о его времени и пространстве, в то же время представляя дополнительные свидетельства того, что эта работа поддерживалась покровительством хана и была написана с сознательным пониманием того, как может отреагировать двор. Другими словами, хан и его двор понимали поэтический язык, который не был идентичен диалекту того времени, могли оценивать жанры персидской литературы и следовать нити рассказа, написанного в древнем Иране. Несомненно, это была высокая культура.

Хотя «Хосроу-о Ширин» не была совсем лишена моральных и религиозных уроков для двора, однако не это являлось целью данного произведения. Совершенно другой вид литературы представлен сочинением «Нахдж ал-фарадис» [Nehcü'l-ferādīs, 1995; Нуриева, 1999], которое являлось богословской работой. Уже в XIX в. Шигабутдин Марджани описал рукопись «Нахдж ал-фарадис» (ныне утраченную), скопированную в Сарае в 749/1358 г. Эта рукопись приписывала работу некоему Махмуду, родившемуся в Болгаре и нашедшему убежище в Сарае, чье фамиль-

ное имя (*нисба*) Кердери связывало его с городом Кердер в Хорезме. Другая рукопись говорит, что автор умер через 3 дня после 25 марта 1360 г. и указывает различные источники, на которых она основывалась, и, в конце концов, ссылается на автора, как на Мухаммада ибн Мухаммад ибн Хусрав ал-Хорезми [Bombaci, 1968, p.95; Nehcü'l-ferādīs, 1995, p.309; Нуриева, 1999, с.8].

Эта работа делится на 4 части, каждая из которых состоит из 10 глав. Часть I – «Положительные черты Пророка Мухаммада» – является подробным рассказом о его жизни, откровении ислама, о бегстве из Мекки в Медину, о чудесах, сопровождавших его жизнь, о возвращении в Мекку, о восхождении пророка во сне на небеса, разъяснение Небес, о битве при Хунейне и о его смерти. Часть II – «Положительные черты правоверных халифов, семья Пророка и Четыре имама» – включает рассказы о первых четырех халифах (Абу Бакре, Омаре, Османе и Али), жене пророка Фатиме, двух сыновьях Али – Хасане и Хусейне (которых шииты считают мучениками) и имамах, основавших четыре основных мазхаба (величайший имам Абу Ханифа, имам Шафи'и, имам Малик, имам Ахмад Ханбал). Часть III – «Объяснение добродетельных дел, приближающих к Богу» – толкует о добродетелях пятикратной молитвы, о раздаче милостыни, посте во время месяца рамадан, паломничестве в Мекку, уважительном отношении к родителям, об употреблении религиозно чистой (*халал*) пищи, о правильном поведении (включая умение отличать добро от зла), о религиозных обрядах вечером, о терпении и удовлетворенности. Часть IV – «Объяснение того, как злые дела отдаляют человека от Бога» – разъясняет зло, происходящее от несправедливого пролития крови, прелюбодеяния, употребления алкогольных напитков, надменности, лжи, любви к этому миру, лицемерия и обмана, злобы и зависти, пренебрежения и надежды на долгую жизнь.

Как следует понимать характер этого сочинения? Мы можем предположить, что содержание этой работы показывает, что она носит ортодоксальный суннитский характер, просто описывающий основное знание и наставления, необходимые человеку, чтобы стать хо-

рошим мусульманином. Она включает сбалансированную информацию о всех мусульманских юридических школах, отражая состав суннитских ученых в городах Улуса Джучи, как это было описано Ибн Баттутой. Если мы можем судить, основываясь на недавней публикации руководств для суфийских орденов того периода [Waley, 1992], то эта работа не была специально предназначена для *мурида* – кандидата в суфийский орден. Существование обеих традиций решает спорный вопрос о том, могли ли существовать какие-либо напряженные отношения между этими двумя отдельными религиозными воззрениями. В конце концов, ортодоксальный ислам, очевидно, доминировал в городах Золотой Орды вдоль Волги, в то время как в Хорезме и где-либо еще на юге существовала сильная суфийская традиция, сыгравшая свою роль в обращении хана Берке в ислам. Мы не можем знать, должно ли было сочинение «Нахдж ал-фарадис» служить просветительской цели, или было лишь благочестивым актом со стороны автора. Есть еще одно наблюдение, которое мы хотели бы предложить в этом отношении, а именно – если мы вспомним название этой работы, то заметим, что возрастало желание узнать, каким образом можно попасть на небеса. На это мог влиять факт увеличения количества обращенных в ислам. Как мы уже отмечали, это был период опустошительного действия Черной Смерти на территориях Золотой Орды. Как и в Западной Европе, Черная Смерть, должно быть, также оказала здесь значительное влияние на общество. В Западной Европе одним из откликов на разгул эпидемии явился рост религиозности, интереса к смерти и наказанию Божьему. Мы считаем, что население Золотой Орды, несомненно, имело много причин для беспокойства о том, попадет ли оно на небеса или нет, и эта работа была связана с этим страхом.

Таким образом, период Улуса Джучи был временем взлета тюркской исламской высокой культуры. Все это является доказательством утверждения исламского и тюркского культурного синтеза, достигнутого на территориях Золотой Орды в XIII–XIV вв. (до прихода Черной Смерти), который был очень важен с точки зрения развития как исламской, так и тюркской цивилизаций.

ГЛАВА 4

Ислам в Улусе Джучи

Искандер Измайлов, Миркасым Усманов

Улус Джучи по праву занимает особое место в средневековой истории Северной Евразии. В этот период истории ислам впервые перешагнул государственные и региональные рамки отдельных стран Восточной Европы и Средней Азии, став религией евразийской тюркской империи. Проблема становления и развития ислама и его культуры в Улусе Джучи многоаспектна и сложна и требует рассмотрения в контексте политики и культуры.

Обзор литературы. Тема распространения ислама в Улусе Джучи уже более двух столетий привлекает внимание исследователей, и литература, посвященная ей, достаточно обширна. Поэтому есть смысл остановиться только на самых важных и ключевых трудах.

Одним из первых к этой теме обратился автор первой обобщающей работы по истории Золотой Орды И.Хаммер-Пургшталь [Hammer-Purgstall, 1840], который, констатируя распространение ислама в государстве Джучидов, не дал четкой картины появления и развития в нем ислама, сосредоточив внимание на политической истории.

Более обстоятельную попытку представить ислам в контексте внутренней структуры золотоордынского общества предпринял известный казанский востоковед и историк И.Н.Березин. Однако, вследствие представлений о государстве Джучидов как аморфной кочевой стихии, только слегка задетой государственными структурами и оседлой цивилизацией, он и ислам представлял как достаточно чуждое для кочевого населения явление [Березин, 1864].

В русле интересов казанских востоковедов лежал и небольшой труд Г.С.Саблукова, в котором он развил идеи И.Н.Березина, представив более полную и целостную картину истории Улуса Джучи, уделив особое внимание распространению ислама, впервые попытавшись осветить эту проблему с привлечением всего комплекса источников, включая пись-

менные и археологические [Саблуков, 1884; 1895].

Все эти работы в той или иной мере следовали общей тенденции, характерной для науки того времени, выразившейся в признании кочевого характера золотоордынского государства и хронической слабости и аморфности его институтов, в т.ч. и религиозных.

Несколько особняком от этих тенденций развития российской историографии стояла татарская историческая мысль, которая, опираясь на собственную историческую традицию, начиная с трудов Ш.Марджани [1884, с.40–58; 1999; Мәржани, 1989], не только отмечала исламский характер Золотой Орды, но и подчеркивала непрерывность существования мусульманской цивилизации в Поволжье. По мнению татарских историков, в ее истории период Улуса Джучи играл во многом ключевую роль, определив ислам как государственную религию и основу культуры средневековых татар [Фәхрәтдин, 1996; Ахмаров, 1998; Исхаки, 1991; Баттал, 1996]. Одновременно все они подчеркивали веротерпимость и уважение к разным верам в Золотой Орде. Например, Г.Исхаки утверждал: «Необходимо отметить, что все религии в Золотой Орде пользовались одинаковой свободой. По законам Чингиз-хана за оскорбление религии полагалась смертная казнь. Духовенство каждой религии было освобождено от уплаты налогов» [Исхаки, 1991, с.17].

В русле этого направления следует отметить труды выдающегося татарского историка Г.Губайдуллина, где была удачно соединена российская академическая и татарская традиции [Губайдуллин, 1925, с.71–111]. На основе глубокого изучения литературы и источников, Г.Губайдуллин сделал несколько важных выводов по истории ислама в Золотой Орде. Особо подчеркивал он и свободу вероисповедания в Улусе Джучи [Губайдуллин, 1994, с.71–73].

Весьма интересны замечания о культуре Золотой Орды Ф.В.Баллода, который, опираясь на результаты археологических раскопок ряда нижневолжских городов, включая Сарай, Сарай ал-Джадид и Укек, сделал вывод о высоком развитии городской жизни восточного типа, созданной трудами «наиболее интеллигентных элементов народов Азии и Европы» [Баллод, 1924, с.349].

Значительный вклад в становление научного осмысления истории ислама в Золотой Орде и шире, Северной Евразии, внес В.В.Бартольд. Его труды, только частично касающиеся истории ислама в Золотой Орде, заставили смотреть на эту тему в контексте распространения ислама в других монгольских государствах [Бартольд, 1965]. При этом он отмечал, что после кратковременного спада, вызванного монгольскими завоеваниями, в странах ислама наступил период подъема культуры, одним из показателей которого стало развитие тюркской литературы [Бартольд, 1966]. В целом его труды как бы завершали большой период истории исторической науки, когда был собран свод письменных источников и дана политическая история Золотой Орды и ее институтов.

А.Ю.Якубовский в большом обобщающем исследовании уделил особое место причинам распространения ислама в Улусе Джучи [Греков, Якубовский, 1950]. Следует отметить, что в первом варианте этой работы [Греков, Якубовский, 1937], хотя ее тональность была более взвешенной, история ислама почти не затрагивалась. Он подробно рассмотрел сведения источников о различных верованиях монголов и причинах исламизации, главной из которых он считал развитие городской жизни, а также торговые и политические связи с мусульманскими странами, особенно Египтом [Греков, Якубовский, 1950, с.166–168]. Вместе с тем, автор подчеркивал, что «в самой гуще кочевников-трудящихся... ислам не имел успеха», и его распространение при хане Узбеке «не выходило за пределы городской жизни и феодальной верхушки степи» [там же, с.165, 168]. Вывод основан на внеисторических положениях теории исторического материализма и пристрастном использовании ограниченного круга источников, хотя и сопровождался оговорками о значительном развитии мусульманской в основе своей культуры городов Улуса Джучи.

В другой этапной работе по истории Золотой Орды М.Г.Сафаргалиев остановился на проблемах ислама, главным образом, в плане политической и дипломатической истории Улуса Джучи [Сафаргалиев, 1960], как и А.Ю.Якубовский оставив вопросы распространения ислама и его влияния на золотоордынскую культуру вне рамок своей работы.

Значительный шаг вперед по изучению культуры и истории Золотой Орды был сделан в трудах Г.А.Федорова-Давыдова, который опирался на огромный археологический материал. Его исследования заставили по-новому взглянуть на культуру Дашт-и Кыпчака, показали высокий уровень ее развития и активное распространение культуры ислама [Федоров-Давыдов, 1973; 1976; 1994]. Г.А.Федоров-Давыдов подчеркивал, что по мере роста городов в Улусе Джучи, прежде всего, в Поволжье, здесь пышно расцветает новая урбанистическая восточная средневековая культура, основой которой был ислам. Он внес ясность в вопрос о распространении ислама среди кочевого населения степи, доказав, что около рубежа XIV–XV вв. языческий обряд погребения на всей территории Улуса Джучи заменяется на мусульманский [Федоров-Давыдов, 1966, с.248].

Проблему распространения ислама в Золотой Орде изучал один из авторов данной главы, выделив 3 этапа от первоначального знакомства монгольской верхушки с исламом до официального принятия ислама при Узбеке и исламизации населения Улуса Джучи в конце XIV в. [Усманов, 1985, с.177–185]. Он также изучил по ярлыкам Джучиева Улуса состав духовенства и его иерархию [Усманов, 1979, с.211–213].

В последнее время интерес к проблеме исламизации заметно возрос. Изучались проблемы становления исламских традиций в тюрко-татарской культуре и значение в этих процессах периода Золотой Орды [Дәүләтшин, 1999]. Отдельные проблемы взаимодействия культур и проникновения ислама в литературу и «высокую культуру» изучают литературоведы и филологи (см. например: [Миннегулов, 1993; Исламов, 1998; Нуриева, 1999]). Эти исследования однозначно показывают, что проникновение ислама в разные слои населения было сложным и неравномерным.

В то же время среди ряда востоковедов наметилась тенденция возврата к прежней точке зрения о поздней и довольно поверхностной исламизации населения Улуса Джучи. Так, считая, что ислам проникает в среду степного тюркского населения довольно поздно, В.П.Юдин поспешил сконструировать особую золотоордынскую «веру» – «чингизизм»: «новый генеалогический комплекс, изложенный в терминах родоплеменного осмысления возникновения и сложения структуры человечества, стал базой формирования воззрений на происхождение всего человечества и вселенной. Он был дополнен традиционными элементами тюркомонгольского шаманизма, которые стали как бы верхним этажом и пристройками здания новой веры. Тем самым, был создан космогонический миф, т.е. сформировались иллюзорное мировоззрение и идеология. Так родилась новая религия» [Юдин, 1992, с.16–21]. Вряд ли сейчас столь однозначно можно считать «чингизизм» религией. Основанием подобной неверной трактовки послужило в немалой степени общее представление об обществе и государстве Джучидов, как о «степной империи», или «кочевом объединении», которые не могли якобы иметь развитых форм историографии и идеологии. Представляется, однако, что под термином «чингизизм» следует подразумевать особую парадигму монгольской и татарской (золотоордынской) политической идеологии [Исхаков, Измайлов, 2000, с.99–100].

Подобная концепция была развита в недавно вышедшей работе по истории государств евразийских степей. Автор раздела о Золотой Орде Т.И.Султанов заявляет, что «в государстве потомков Джучи не было... единой культуры, религии», а ислам окончательно утверждается в Дашт-и Кыпчаке только после русского завоевания [Кляшторный, Султанов, 2000, с.220–227]. Странно, что автор, игнорируя многочисленные сведения восточных, русских и западноевропейских источников, а также собственно золотоордынские государственные акты и археологические данные, акцентирует внимание на отдельных указаниях о традиционных верованиях и пережитках, хотя их место и значение в системе мировоззрения населения Золотой Орды, по сравнению с исламом, явно играли меньшую и подчиненную роль.

Особого внимания заслуживает специальная работа саратовских историков и археоло-

гов о религиях в Золотой Орде, где особый раздел А.И.Ракушина посвящен исламу [Малов, Малышев, Ракушин, 1998, с.94–125]. Автор, обобщив большой исторический материал, представил цельный очерк, сосредоточив внимание на ключевых моментах. В принципе изложение истории ислама и выводы исследователя не вызывают возражений, кроме двух основных – недооценка роли и значения оседлых областей и городской культуры, что ведет к отрицанию консолидации золотоордынского населения и становления татарской этнополитической общности (подобная тенденция ярко проявляется и в очерках, написанных Н.М.Маловым и А.Б.Мальшевым, причем авторы оперируют ненаучным понятием «народность», см.: [там же, с.23–37]; критику этих взглядов см.: [Исхаков, Измайлов, 2000, с.5–11, 89–111]).

Другим проявлением данной тенденции, хотя и в несколько ином аспекте, является преувеличенное внимание к «языческим» мотивам в ряде исторических произведений («Чингиз-наме») и эпосе об Идгее в работе американского ориенталиста Д.ДеВиза, посвященной исламизации Золотой Орды [DeWeese, 1994]. Следует оговориться, что автор не отрицает мусульманского характера Золотой Орды и подчеркивает важную роль ислама в интеграции населения Орды в единую этноконфессиональную общность [там же, р.516–532], но целью его работы было выяснить черты и мифологемы «народного ислама». Автор собрал и проанализировал большой материал, однако выбранное направление работы и подобранные для анализа источники предопределили его выводы. Привлечение же для анализа более широкого круга источников, например, литературных памятников этой эпохи, ярлыков и археологических находок (таких, как граффити, надписи на монетах и т.д.), доказало бы, что ислам в Улусе Джучи носил более развитый и сложный характер (см. очерк Ю.Шамильоглу в Разделе V).

В целом, история изучения ислама в Улусе Джучи прошла значительный путь. Собран и изучен огромный материал, что создает основу для дальнейшего комплексного изучения данной темы, ее расширения и развития.

Религиозная ситуация в период создания Улуса Джучи: христианство и ислам. К моменту завоевания Срединной Евразии здесь сложилась сложная и неустойчивая кон-

фессиональная ситуация. В Хорезме и Средней Азии с VIII в. безраздельно господствовал ислам, проникший оттуда в Поволжье, где с X в. он стал государственной религией Булгарии. Из этой самой северной точки своего распространения мусульманство, благодаря активности булгар, быстро проникало к народам Волго-Уральского региона. На Руси уже с конца X в. внедрялось православное христианство, к XIII в. оттеснившее все другие верования на периферию народной культуры. Одновременно на основе христианства в его воинствующей, «крестоносной» ипостаси шла выработка и идеологической доктрины Владимиро-Суздальской Руси [Измайлов, 1999, с.69–75]. Другим очагом христианства было побережье Крыма, где, кроме греков, жили еще потомки готов. Здесь же обитали многочисленные хазары-иудаисты, осколки некогда великого народа Хазарии. В предгорьях Кавказа был другой очаг христианства – аланские княжества. Между этими островками великих религий разливалось море языческих культов и верований.

Такая же картина наблюдалась и в зоне евразийских степей. Обитатели ее находились под влиянием различных цивилизаций и религий. Особенно активны в распространении ислама были в конце X–XI в. Караханиды. Как и все неопиты, они вели жестокие религиозные войны, считая прозелитизм с помощью оружия основой внешней политики. Наступление под знаменем джихада на кыпчаков и кимаков было достаточно успешным, вызвав их бегство и движение на запад [Кляшторный, 1993, с.124–127]. Жестокие и яростные религиозные войны породили особую письменную литературу и фольклор, частично сохранные караханидским филологом Махмудом Кашгари (XI в.), как, например, повествование о битве с уйгурами:

«Мы бунчуки надежней укрепили –
и на уйгуров с татами, что были
ворами все и нам противны были,
как стая хищных птиц, помчались мы.

...

Мы, как поток с вершины, устремились.
У городов их разом появились
и, руша храмы Будды, веселились –
над идолами изгалялись мы»

[Поэзия древних тюрков, 1993, с.114].

Все это, наряду с культурной экспансией, обеспечило распространение ислама в степях

Центральной Азии. Например, весьма компетентный историк Ибн ал-Асир (XIII в.), описывая историю державы Караханидов, писал, что «в 1043 г. приняли ислам 10 тыс. кибиток из неверных тюрков, которые бывало делали набеги на мусульманские города в краях Баласагуна и Кашгара... Они проводили лето в краях Булгара, а зимовали в краях Баласагуна, но когда приняли ислам, то рассеялись по стране...» [Ибн ал-Асир, 1973, с.60].

Было ли это единичным явлением, или оно затронуло более широкие массы кочевников, сказать трудно, но сам факт постепенного проникновения ислама к тюркам Северной Евразии отрицать невозможно. Еще более активно ислам внедрялся в среду кыпчаков во второй половине XII – первой трети XIII в. хорезмшахами-Ануштегинидами. Будучи сами выходцами из среды тюркской знати, они активно стремились пролить «свет истинной веры» на северных соседей [Бунятов, 1986, с.46; Ахинжанов, 1989, с.208–225].

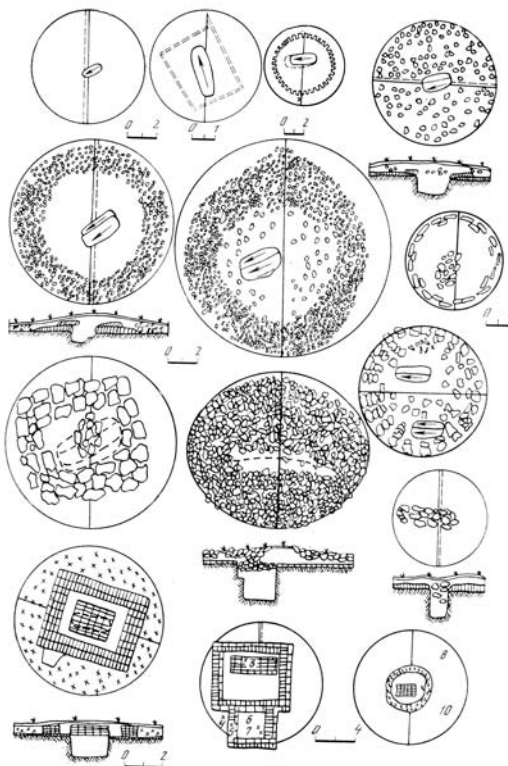
В целом, однако, можно сказать, что от Дуная до Иртыша кыпчаки в массе своей оставались язычниками, но их культура постоянно подвергалась воздействию той или иной монотеистической религии. Кыпчаки Причерноморья находились под идеологическим влиянием Руси, а также, видимо, Византии и Булгарии и частично, особенно правящая верхушка, уже приняли христианство, о чем говорят их имена, такие как Юрий Кончакович и др. Кыпчаки и йемеки Заволжья и Приаралья явно склонялись к исламу.

Эта картина была полностью изменена монгольским вторжением. В условиях разрушения старых государственных и племенных структур и создания империи Джучидов происходит сдвиг в религиозном сознании населения. Во второй четверти XIII в. после нескольких кровавых войн, побед и горьких поражений Волжская Булгария была сокрушена и завоевана войсками хана Бату, рвавшимися на запад, «к последнему морю». И хотя монголы достаточно лояльно относились к религиям завоеванных народов, ислам, как система официальной и господствующей религии, был сломан, став одной из многих религий Улуса Джучи. Наступил период некоторой веротерпимости, своеобразный языческий ренессанс. Основой для складывания имперской надэтнической золотоордынской культуры стал симбиоз различных элементов.

В эпоху формирования государственности и идеологии в империи Чингиз-хана в среде монгольских ханов и их кланов из ближайшего окружения традиционно были распространены шаманизм и христианство несторианского толка, например, у керейтов и найманов [Кычанов, 1997, с.192; Кадырбаев, 1993]. Эволюция мировосприятия населения Золотой Орды также определялась совместной жизнью с народами различных конфессий: христианами, в т.ч. и несторианами, и григорианами, иудеями и др. [Усманов, 1985, с.177; Полубояринова, 1978; Сочнев, 1993, с.107–117; Волков, 1995, с.24–27; Малов, Малышев, Ракушин, 1998, с.57–93].

Для начального этапа истории Монгольской империи была характерна определенная веротерпимость, возведенная в закон и имперскую политическую традицию, позволявшая потомкам Чингиз-хана сохранять свою власть. Создавая впечатление, что вероисповедание, если оно законопослушно по отношению к власти монгольских ханов и не призывает к «священной войне» против завоевателей, является личным делом населения державы, Чингизиды сохраняли «равноудаленность» от дел веры. В полном соответствии с китайской традицией государственного управления для монгольской администрации была важна именно политическая лояльность, а не духовное подчинение своей вере.

В первый период после завоевания Восточной Европы, особенно в оседлых странах, Джучиды также проводили политику терпимости и толерантности (закрепленные еще в «Йасе» Чингиз-хана) к местным религиям. Монгольские завоеватели не пытались навязывать покоренным народам свое верование – шаманизм. Чингиз-хан и его ближайшие потомки, несмотря на свои личные симпатии и антипатии как бы уравнивали представителей различных церквей, тем самым держа их как бы на одинаковом от себя расстоянии. Безусловно прав был В.В.Бартольд, определивший это своеобразие «религиозной тактики» ранних Чингизидов как проявление целеустремленной политики, призванной искать союзников в лице князей различных церквей и вероучений. Следовало бы лишь дополнить и уточнить это определение, потому что нетерпимость ранних Чингизидов в переходе в основную или ведущую религию населения своих улусов может быть объяснена и пси-

Типы надмогильных сооружений в курганах.
Южный Урал. XII–XIV вв.
(по В.А.Иванову и В.А.Кригеру)

хологическим фактором и практическими соображениями одновременно. Если при этом психологический фактор сводится к относительному отставанию сознания от потребностей реальной действительности, то практические соображения заключались, видимо, в том, что ранние Чингизиды, демонстрируя свою верность шаманизму – исконной вере предков, возможно и пытались сохранить идеологическое единство своего дома, следовательно, и империи, унаследованной от Чингиз-хана [Усманов, 1985, с.177].

Уже в конце правления Бату и его ближайших потомков происходит яростная борьба за влияние на ханский престол между различными группами знати, знаменем которых стало свое вероучение. После недолгой борьбы победу одержали сторонники хана Берке. Ожесточенность столкновения объяснялась, в частности, тем, что часть Джучидов была несторианами, в частности, ими, определенно, были жена Бату Баракчин и их сын Сартак ([СМИЗО, 1941, с.19]; о политических

обстоятельствах свержения потомков Бату см.: [Федоров-Давыдов, 1992, с.72–82]). Политически они ориентировались на единую Монгольскую империю. Другая часть знати во главе с Берке ставила своей целью отделение, создание независимого государства и ориентировалась на ислам.

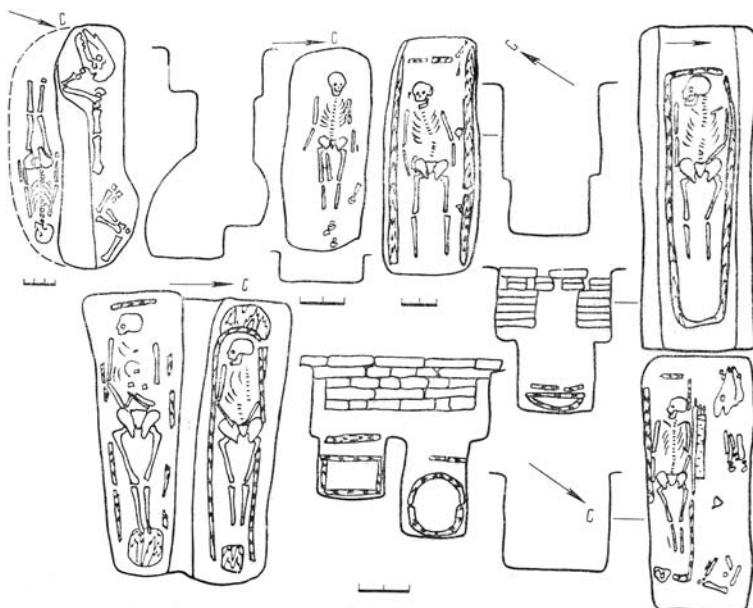
Берке стал первым золотоордынским ханом, принявшим ислам, поэтому понятно внимание, которое уделялось этому факту восточной историографией. Современник Берке Джузджани считал, «что Берке-хан принял ислам из рук Сейф ад-Дина Бахарзи» [СМИЗО, 1941, с.19]; арабские авторы XIV в. Ибн Халдун и ал-Айни также писали, что «Берке посещал в Бухаре мусульманских ученых, беседовал с ними, там же произошло и принятие им ислама от суфийского шейха Шамс ад-Дина ал-Бахарзи, ученика Наджм ад-Дина Кубра» [СМИЗО, 1884, с.369, 478].

По данным ал-Омари, принятие ислама Берке произошло во время его возвращения из Монголии с курултая, на котором Мунке был провозглашен Великим ханом (1251 г.). О принятии ислама Берке еще до коронации сообщает побывавший при дворе хана Бату в 1253 г. Рубрук [Путешествия, 1957, с.117].

Позднее, около 1257 г., Берке, уже став ханом, вновь посетил Бухару, дабы оказать почет и уважение выдающимся улемам этого города [СМИЗО, 1884, с.245–246]. В этом паломничестве хана Берке примечательным является то, что его наставник Сайф ад-Дин Бахарзи (ум. в 1261 г.) был в числе немногих живых мюридов авторитетного шейха Хорезма Ахмада ибн Умар Абу-л-Джаннаба Наджм ад-Дина ал-Кубра ал-Хиваи ал-Хорезми, который являлся теоретиком и практиком суфизма, основателем суфийского тариката «Кубрави» [Гордлевский, 1941, с.201; Бартольд, 1963, с.503; Снесарев, 1983, с.142–158]. Особо пикантной ситуацию делало то, что почитание этого святого связано не только с его деятельностью по выработке течения суфизма, но и с его героической гибелью во время взятия Ургенча (Гурганджа) войсками Чингиз-хана [Ибрагимов, 1988, с.73–74; СМИЗО, 1884, с.309]. Трудно сказать, был ли Берке последователем какого-либо суфийского тариката, но факт большого влияния именно суфийских сообществ (*тауифа*) на политику Золотой Орды, видимо, нельзя не признать.

Одновременно с Берке ислам принимают, очевидно, и его жены, и часть эмиров свиты, и его гвардия. Не без некоторого преувеличения в странах Востока распространялись слухи о том, что войско хана татар состоит из 30 тыс. мусульман, которые обязательно участвуют в пятничной молитве и не пьют вина. В Индию до историка Джузджани дошли рассказы о том, что у Берке богатая библиотека, при дворце его постоянно находятся богословы и законоведы, при участии которых происходят частые диспуты по вопросам шариата. Ан-Нувайри (XIV в.) писал о Берке, что «он первый из потомков Чингис-хана принял религию ислама..., оказывал почет правоведам, приблизил их к себе... и построил в пределах своего государства мечети и школы» [СМИЗО, 1884, с.151]. Другие арабские авторы, описывающие дипломатические контакты с Золотой Ордой, отмечали, что при приеме посольства ханом Берке присутствовали его старшая жена и около 50 или 60 эмиров, причем «у каждого из эмиров (находящихся) при нем есть муэдзин и имам; у каждой хатуни (также) свой муэдзин и имам». Отмечалось также, что дети знати учатся в медресе, где «слушают чтение досточтимого Корана» [там же, с.64, 194]. Принятие ислама ханом Берке, его женами и ближайшими эмирами стало фактором огромной политической значимости. Одновременно был дан ход действиям, которые прямо вели к отделению Улуса Джучи от власти великого каана: прекратилась чеканка монет с именем Мунке, на них появляется «высокая тамга» дома Джучи (с 1257 г.) и имя Берке (с 1259 г.), а после начала междоусобной войны в улусе великого хана между Хубилаем и Ариг-Бугой прекращается выплата налогов в Каракорум (примерно с 1260 г.) [Далай, 1983, с.34–44]. Изменения, которые начинают происходить в Золотой Орде при правлении нового хана, представляются далеко не случайными, а отвечавшими тенденциям развития общества. Победа Берке была облегчена и поддержкой его кандидатуры со стороны мусульманских купцов, привлеченных еще при Бату золотоордынской администрацией в качестве откупщиков дани и чиновников. Перед мусульманским духовенством открылось широкое поле для миссионерской деятельности. После прихода к власти Берке началось распространение ислама в Улусе Джучи, особенно среди кыпчаков, в некоторых регионах уже прошед-

Типы погребений,
характерные для земляных
курганов Южного Урала
XII–XIV вв.
(по В.А.Иванову и
В.А.Кригеру)

ших начальный этап исламизации. После завоевания, слома их старой племенной структуры и рассеяния их между улусами новых правителей, прежние племенные культы утратили священность, а их мифология потеряла почву. В этих условиях в общественное сознание кыпчаков Восточной Европы начинает внедряться новая религия – ислам.

Имело значение и то, что Бату и Берке, будучи соправителями «единой» империи, играли роль сюзерена для Хулагу и других улусных ханов [Федоров-Давыдов, 1978, с.26; Трепавлов, 1993, с.82–83]. Имело место также стремление Берке противопоставить свой удел владениям великого кагана и других улусных ханов в идеологическом плане [Усманов, 1985, с.179]. Но также в этом факте есть намек, что Берке, став первым мусульманским правителем, стремился жестко придерживаться норм ислама и ограничить влияние шаманизма. Если же рассматривать эти процессы как проявление глубинных тенденций политики ханов Улуса Джучи, то следует признать, что меры, предпринятые Берке, являются своего рода началом религиозно-идеологической переориентации Джучидов, т.е. поисков в связи с изменениями территории и состава населения подвластных им земель [там же, с.178].

Особенно ускорила процесс этой переориентации ханов Улуса Джучи война с Хулагуидами. Базовыми причинами ее были укрепление власти Хулагу и отказ его от признания старшинства Дома Джучи. Это происходило на фоне гибели Багдадского халифата (1258 г.) и усиления противостояния несторианина Хулагу с мамлюкским Египтом, куда был втайне перевезен потомок последнего аббасидского халифа Муста'сима, казненно-го монголами. В Египте он был провозгла-

шен халифом, но, лишенный каких-либо реальных рычагов власти, стал религиозным символом для стран ислама. Берке в условиях усилившегося противоборства с Хулагу обратился к религиозному фактору, как средству привлечения союзников. Послы, принятые султаном Египта с большим почетом, присягнули халифу, признав его авторитет и главенство в делах веры [СМИЗО, 1884, с.429–431]. В свою очередь, важнейшим аспектом дипломатических усилий султана Египта и халифа было «подстрекательство» Берке на войну против Хулагу. Она обосновывалась как прямая обязанность мусульманина вести войну с неверными, хотя бы они были его родичами; послание с изложением этой позиции завершалось выразительным резюме: «Ислам не состоит только в одних словах: священная война (джихад) есть одна из (главных) опор его» [там же, с.98 (Рукн ад-Дин Бейбарс ал-Мансури)]. Военно-политические аспекты этой войны хорошо известны [Али-Заде, 1946, с.16–38; Греков, Якубовский, 1950, с.74–82; Закиров, 1966, с.39–59], но гораздо важнее ее дипломатическая и культурная составляющие. Вступив в противоборство с государством Хулагу, Улус Джучи, тем самым, выступил противником православной Византии, католических стран Запада, их крестоносных владений на Ближнем Востоке и союзником турок-сельджуков и египетских мамлюков. Тем самым, были определены приоритеты политики и важней-

шее направление цивилизационной ориентации.

Вместе с тем, нельзя переоценивать масштабы распространения ислама среди населения Улуса Джучи. Массовой исламизации степного населения и основной части знати не произошло. Определенное равновесие сохранялось при Менгу-Тимуре (1266–1288), который продолжал внешнюю политику предшественников, но не был ревностным сторонником ислама. В государственном управлении и административной практике продолжали функционировать прежние традиции. Иными словами, ислам, хотя и имел сильные позиции среди татарской знати и городской верхушки, а также в ряде регионов Улуса Джучи (Хорезм, Булгария, Приаралье), но влияние его было еще далеко не определяющим.

Тем не менее, процесс этот стал необратимым. И во время междоусобных войн конца XIII в., когда решался вопрос о выборе пути дальнейшего развития Улуса Джучи, победа осталась за сторонниками ислама. В этом плане характерна деятельность Ногая. Поворотным пунктом его политической деятельности можно считать письмо в Египет (1270/71 г.), в котором он уведомляет султана о принятии им и рядом других эмиров ислама и о следовании ими «по пути отца нашего Берке-хана, следим за истиной и уклоняемся от лжи», заключающейся сентенцией: «Мы с тобой, как кончики пальцев в руке: действуем заодно с тем, кто с тобою в согласии, и противимся тому, кто тебе противится» [СМИЗО, 1884, с.101–102]. Вполне очевидно, что он опирался на мусульманские татарские кланы и городской нобилитет. Прав А.И.Ракушин, замечая, что Ногай, тем самым, заявил себя в качестве прямого продолжателя «дела Берке» [Малов, Мальшев, Ракушин, 1998, с.99]. Свидетельством реального следования Ногаем этим курсом стало возведение на престол после смерти Менгу-Тимура в 1281 г. хана Туда-Менгу (1281–1287), при котором он стал фактическим правителем Золотой Орды. Тогда же, видимо, Туда-Менгу принимает ислам и отправляет посольство к египетскому султану с просьбой: «просить для него... прозвище из имен мусульманских, которым он мог бы называться», также знамена и барабаны, чтобы «он мог двинуться с ними в поход и выступить навстречу врагам веры». После этого посольство совершило хадж в Мекку [СМИЗО,

1884, с.69]. Отстраненный от реального ведения государственных дел хан Туда-Менгу, скорее всего, занимался вопросами веры и своим духовным просвещением – он «привязался к шейхам и факирам, посещал богословов и благочестивцев, довольствуясь малым после большого» [там же, с.105–106]. Это стало поводом для переворота, участники которого, воспользовавшись отсутствием Ногая, обвинили хана в помешательстве и «отвращении от занятий делами государства» и заставили отречься от престола в пользу Тула-Буги (1287–1291).

«Мусульманская партия» при ханском дворе потерпела сильное поражение, но в целом своих позиций не утеряла. После раскола в стане «традиционалистов», в начавшейся междоусобной распри, Ногай поддержал группировку Токты и нанес поражение Тула-Буге и его сторонникам (сыновьям Менгу-Тимура и Тарбу). Токта (1291–1312), став ханом, расправляется с наиболее знатными врагами, истребив практически всех наиболее авторитетных вождей «традиционалистов». Позднее Токта стал тяготиться влиянием Ногая и начал лишать его реальных рычагов власти, что спровоцировало новый мятеж Ногая. Однако в этот раз мусульманская аристократия не поддержала его. Ногай потерпел поражение и был убит (1299/1300 г.). Правление Токты, хотя официально он и не был мусульманином, стало временем укрепления власти татарской исламизированной аристократии, среди которой следует выделить Кутлуг-Тимура, приближенного ко двору еще при хане Берке. Ислам получил новый импульс. Особенно широко он распространился, очевидно, в городах. Влияние мусульманских кланов на внутреннюю и внешнюю политику было очень велико. Стремясь заручиться их поддержкой, Токта уже с 1293 г. начинает чеканить монету со звучным именем «Насир ли-д-Дин Аллах» («Помощник веры и Аллаха») [Мухамдиев, 1983, с.46–49].

Благодаря поддержке мусульман, Токта не только разгромил своих врагов, но и добился небывалого укрепления Улуса Джучи. Расширилась мировая торговля, происходил рост городов, на внешнеполитической арене был одержан ряд побед. В степях и городах Золотой Орды с конца XIII в. все шире начинает распространяться мусульманство. Свидетельством тому служит сокращение числа языческих курганных могильников в Поволжье и При-

уралье, появление и распространение мусульманских некрополей [Федоров-Давыдов, 1966, с.248]. Тем самым, уже в начале XIV в. были подготовлены все предпосылки к повышению статуса ислама как *de jure* и *de facto* официальной религии Улуса Джучи.

Принятие ислама в качестве государственной религии. Наконец, в начале XIV в. мусульманская община среди татарской аристократии настолько усилилась, что не только возвела на престол своего ставленника — хана Узбека, но и решительно порвала с прежними религиозными и политическими традициями. Об этом ключевом событии истории Улуса Джучи существует сравнительно большое количество источников и значительная историография (разбор источников см.: [DeWeese, 1994, p.101–158]; канву событий см.: [Треков, Якубовский, 1950, с.90 и сл.; DeWeese, 1994, p.90–100]). В своем письме к египетскому султану, в пересказе ан-Нувайри, Узбек так описывал произошедшие события: «в царстве его (Узбека) оставалась еще шайка людей, не исповедовавших ислам, но что он, воцарившись, предоставил им выбрать или вступление в исламскую религию, или войну, что они отказались (от принятия ислама) и вступили в бой, что он напав на них, обратил их в бегство и уничтожил их...» [СМИЗО, 1884, с.163].

Обстановку того времени ярко передает их современник ал-Бирзали (первая половина XIV в.). Он пишет, что хан Токта был «неверным», придерживался религии идолопоклонников и любил «лам и волшебников, и оказывал им большой почет. Он был правосуден и расположен к людям добра всякого вероисповедания, но более других уважал мусульман... Был у него сын..., он был привержен к исламу, любил слушать чтение Корана великого, хотя и не понимал его, и предполагал, когда сделается царем этой страны, не оставить в царстве своем никакой другой религии, кроме мусульманской. Когда он умер (уже) при жизни отца, оставив сына. Когда он умер, то отец его (Токта) назначил наследником сына упомянутого сына своего, однако же ему не привелось повелевать, так как после него (Токты) царством овладел сын брата его, Узбек-хан... Он умертвил нескольких эмиров и вельмож, умертвил большое количество... лам и волшебников и провозгласил исповедание ислама» [там же, с.174].

Автор конца XIV в. Ибн Дукмак дополняет это сообщение рассказом о заговоре Кутлуг-Тимура, который, прежде чем возвести на престол Узбека, «взял с него слово, что когда он вступит на престол, то сделается мусульманином и будет придерживаться ислама». Уже после возведения на престол Узбек, по словам Ибн Дукмака, «усердно вступил в веру Аллаха и устроил себе соборную мечеть, в которой совершал (все) пять молитв, в установленное для них время, за что на него вознегодовала часть татарских эмиров и они собрались свергнуть его», но их заговор был подавлен, а зачинщики казнены [там же, с.232–233]. Эти же сведения повторяют с некоторыми дополнениями хроники ал-Айни (ум. в 1451 г.) и Ибн Халдуна (писал в 1406 г.) [там же, с.384–386, 515–516].

В более поздних версиях этого события (например, анонимной «Шаджарат ал-атрак / Родословие тюрков» (XV в.)) сообщается, что Узбек принял ислам гораздо позднее: «утвердившись на престоле (Узбек) восемь лет проводил жизнь со своим илем и улусом в странах северного (арка) Дашт-и Кыпчака... Когда с начала его султанства истекло восемь лет, то под руководством святого шейха шейхов и мусульман, полюса мира, святого Зенги-Ата и главнейшего сейида, имеющего высокие титулы, указывающего заблудившимся путь к преданности господу миров, руководителя странствующих и проводника ищущих, святого Сейид-Ата, преемника Зенги-Ата, он (Узбек) в месяцах 720 г.х. (12.11.1320–30.1.1321), соответствующего году курицы, удостоился чести принять ислам» [СМИЗО, 1941, с.207]. Это сообщение, отличающееся от других, характерно тем, что подчеркивает влияние туркестанских улемов на распространение ислама в Золотой Орде, очевидно, желая доказать древность своих претензий на право наставлять в вере ханов-Джучидов.

Следует подчеркнуть, что, начиная с Узбека, который на монетах чеканил свое полное мусульманское имя: «Султан Мухаммад Узбек-хан», все другие Джучиды также имели, кроме тюркского, еще и мусульманское имя – Джанибек (1342–1357) имел имя «Султан Джалал-ад-Дин Махмуд», Бердибек (1357–1359) и Урус – «Султан Мухаммад», Токтамыш (1379–1395) – «Султан Насир ад-Дин» и т.д. [Кляшторный, Султанов, 2000, с.223].

С этого момента исламская цивилизация становится определяющей силой в политическом и культурном развитии Улуса Джучи. Средневековое татарское государство, таким образом, становилось центром ислама на севере, недаром арабские дипломаты уважительно называли ханов из рода Джучи, правящих в Золотой Орде, «мечом ислама в северных землях».

Религиозная политика и духовенство.

В первой половине XIV в. в Улусе Джучи складывалась достаточно сложная идеологическая ситуация: ислам из рядовой, одной из нескольких конкурирующих, стал государственной религией. Мусульманство начало охватывать значительную часть населения страны, однако на первых порах формальное увеличение числа верующих отнюдь не привело к одномоментному глубокому проникновению ислама в общественное сознание.

Парадокс заключался в том, что если раньше небольшие и компактные мусульманские общины, имевшие устоявшиеся традиции, могли требовать более строгого следования обрядам и канонам веры, то после приобретения официального статуса поток прозелитов не мог не сделать эти нормы более гибкими и лабильными. Яркой чертой подобного развития духовной культуры населения Улуса Джучи стало, с одной стороны, появление значительного количества сочинений законоведов, богословов и писателей, разрабатывавших сложные теологические и вероучительные проблемы и сюжеты, а с другой – усилился поток новообращенных язычников из самых разных этнических и социальных групп, далеких от этих проблем. Этот сложный период взаимодействия ислама с традиционными верованиями ярко иллюстрируют курганные могильники, располагавшиеся, в т.ч., в окрестностях нижеволжских городов, где наряду с грунтовыми мусульманскими могильниками изучены многочисленные курганные захоронения, часто с костями или остовом коня и вещами [Федоров-Давыдов, 1966, с.150 и сл.]. Однако наиболее интересными представляются подкурганные погребения, в которых умершие положены в соответствии с кыблой, могильная яма выложена сырцовой кладкой (типа среднеазиатской полуподземной усыпальницы – *саганы*), часто без вещей [там же, с.161 и сл.].

Происходило становление не только ислама как государственной религии, но и выбор конкретной вероучительной практики и зако-

новедческих канонов, а также выработка соотношения местных традиций и мусульманского права. Судя по всему, в Улусе Джучи был воспринят суннизм в его ханафитском толке из Средней Азии. При этом, вопреки весьма расхожему мнению [Фахрутдинов, 2001, с.131], исламские традиции из Булгарии, существовавшие в более ортодоксальной и миллениаристской форме, чем в Хорезме и Мавераннахре, не оказали определяющего влияния на вероисповедание и ритуальную практику Золотой Орды, а позднее оказались размыты и нивелированы новыми традициями. Ханафитский мазхаб, а также в определенной степени, видимо, распространенный в золотоордынских городах, близкий к нему шафийитский, лояльно относившиеся к некоторым традициям и допускавшие в ряде случаев сохранение доисламских обычаев, лучше подходили для общества, находящегося в стадии внедрения ислама.

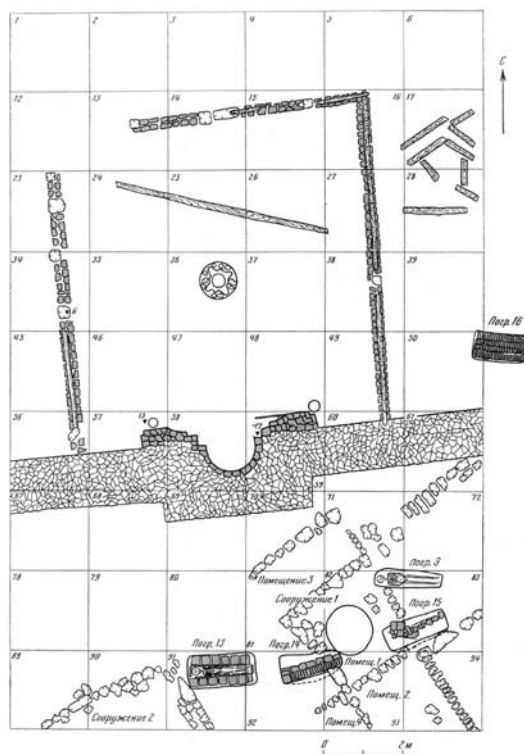
При этом хан Узбек и его ближайшие потомки внешне проявляли себя как строгие ревнители ислама. Это выражалось в изменении дипломатического этикета и практики, в появлении мусульманских фискальных терминов и мусульманского судопроизводства, которое освящалось авторитетом хана, а также в нетерпимости к иноверцам, которые с 1313 г. не допускались, судя по всему, в государственные и административные ведомства Улуса Джучи. Отношения между Золотой Ордой и Египтом при правлении Узбека и его потомков продолжали оставаться дружественными и союзными. Стороны неоднократно обменивались посольствами. Был выработан даже определенный дипломатический этикет и формы обращения при переписке [Закиров, 1966, с.98–143]. Ислам становится государственной религией и стержнем имперской идеологии, мусульманское духовенство – важнейшим проводником религиозной политики, получая большие земельные надель и вакфы [DeWeese, 1994, p.90–142].

Однако нельзя отрицать и определенные различия в следовании некоторым канонам мусульманского права со стороны различных слоев населения. Кочевая знать при всем показном внешнем благочестии явно позволяла себе некоторые послабления в ритуальной практике, например, это касалось питья вина, погребения в одежде и с оружием. И это отнюдь не случайно. Главным для ханов было не вероисповедание татарских аристократических кланов – «опоры трона», а их лояльность

власти, личная преданность хану, вера в святость «Дома Чингиз-хана». Недаром эмиры в ответ на требование хана Узбека принять ислам сказали следующее: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и каким образом мы покинем закон и устав (йасу) Чингиз-хана и перейдем в веру арабов» [СМИЗО, 1941, с.141]. Поэтому, хотя ислам и играл значительную роль при дворе ханов и служил идеологической санкцией на власть (в отличие от Юаньской империи и Хулагуидского Ирана, где ею была «Йаса» Чингиз-хана), в среде знати, особенно кочевой, мусульманство часто являлось внешней оболочкой, артикулированной на обрядовой стороне жизни, прикрывавшей рыцарский комплекс чести, местные культы святых и суеверия [DeWeese, 1994, p.231–319]. Более строго следовали ритуальной практике и канонам вероучения в городах и их окрестностях, а в кочевой степи господствовал народный ислам, воспринявший многие традиционные верования и ритуалы.

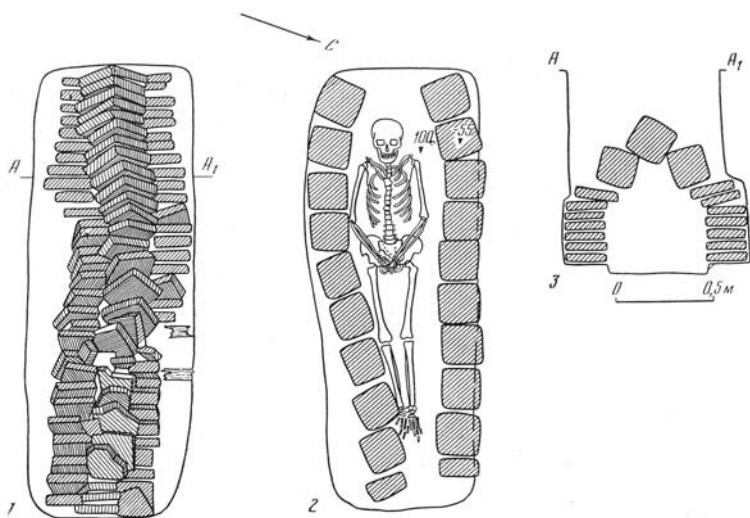
После краткого периода правления старшего сына Узбека, Тинибек (1341–1342), к власти пришел его младший брат Джанибек (1342–1357). Новый хан стал проводить более жесткую и ортодоксальную политику. Как писал персидский автор Му'ин ад-Дин Нанзи («Аноним Искендера»): «Весь улус Узбека он обратил в ислам, разрушил все капища идолов, воздвиг и устроил много мечетей и медресе. Все свое внимание он обратил на благополучие людей ислама. Много людей превосходных и ученых из разных краев и сторон государств ислама направились к его двору. Сыновья эмиров Дешта в его время почувствовали склонность к приобретению совершенств и изучению наук, каждый из них стал единственным своего времени, так что результаты мыслей и плоды их умов до сих пор передаются на собраниях и собраниях. Все обычаи стран ислама ввел в том государстве он» [СМИЗО, 1941, с.128]. И в своей политике Джанибек полностью следовал традициям отца, за исключением того, что не вмешивался в балканские дела.

В конце XIII – первой половине XIV в. в городах Улуса Джучи происходило активное строительство культовых зданий. Началось оно, судя по археологическим данным, в городах Булгарии, особенно в Болгаре, где была возведена знаменитая Джами-мечеть в центре города [Смирнов, 1951, с.205–214; Айдаров, 1970, с.39–57]. Постепенно мусульман-

План мечети и кладбища. Водяное городище (по В.Л.Егорову и Г.А.Федорову-Давыдову)

ские культовые здания, а также медресе, больницы и судебные палаты появляются во всех регионах страны. Уже для первой половины XIV в. известен целый ряд образцов культовой архитектуры в разных областях Улуса Джучи – 60-метровый минарет Кутлуг-Тимура, мавзолей Тюрабек-ханым и завие шейха Наджм ад-Дина Кубра в Ургенче, мечети (видимо, Джами-мечети) и медресе, а также, возможно, помещение судебной палаты в Сарае (Селитренное городище) и Бельджамене (Водяное городище), прекрасно сохранившиеся остатки Большой и Малой пятничных мечетей Верхнего Джулата, самая большая (почти 3 тыс. кв. м) мечеть золотоордынского времени на городище Старый Орхей (Приднестровье), мечеть Кучугурского городища (Нижнее Поднепровье), а также мечеть и медресе г. Солхат (Старый Крым) в Крыму [Зиливинская, 1998, с.16–37]. Все эти мечети и культовые здания, как и памятники домонгольской Булгарии, следовали традициям среднеазиатской и особенно сельджукской архитектуры. О восточном облике столицы Улуса Джучи и наличии соборных и квартальных мечетей писал побывавший в ней

Мусульманское погребение. Водяное городище
(по В.Л.Егорову и Г.А.Федорову-Давыдову)

в 1332 г. Ибн Баттута: «Город Сарай (один) из красивейших городов... В нем 13 мечетей для соборной службы; одна из них шафиитская. Кроме того, чрезвычайно много (других) мечетей» [СМИЗО, 1884, с.306].

Принятие ислама привело к изменению статуса всей государственной власти. Хан получал санкцию на власть не «Силой Вечного Неба», но Аллаха. Соответственно изменяется и государственная идеология и историография [Исхаков, Измайлов, 2000, с.98–106]. Материальным выражением этой перемены в цивилизационной ориентации стали новое джучидское делопроизводство, дипломатика и нумизматика [Усманов, 1979; Закиров, 1966; Мухамадиев, 1983]. Среди официальной титулатуры ханов Улуса Джучи и высших сановников появляются формулы «поборник воителей и борцов за веру», «величие ислама и мусульман», «подпора веры», «слава ислама и мусульман», «меч повелителя правоверных» и т.д. Насыщается исламскими мотивами традиционный фольклор и народный эпос.

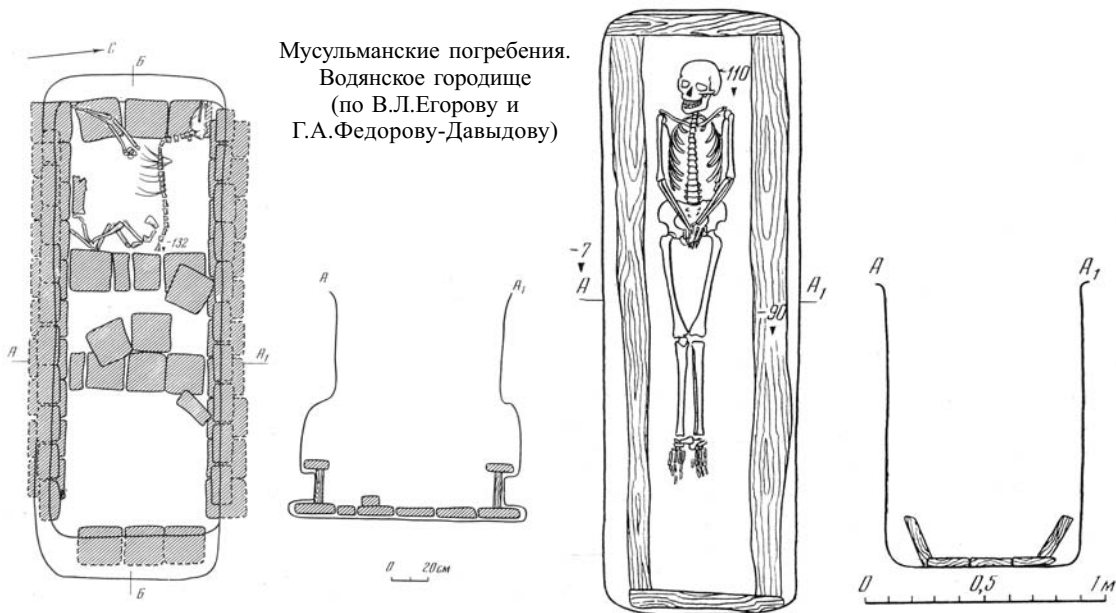
Постепенно в первой половине XIV в. в Золотой Орде складывается иерархическая структура мусульманского духовенства во главе с потомками пророка – сайидами (сеидами). Привилегированное положение сайидов нашло отражение в источниках; например, в «Родословии тюрков» после описания принятия ислама Узбеком сообщается: «признак того иля, который с Узбек-ханом пришел с севера (арка) вместе со святым Сейид-Ата тот, что мюриды Сейид-Ата, а у тех

людей, которые не являются мюридами Сейид-Ата... (выясняется), что они пришли раньше или присоединились позже» [СМИЗО, 1941, с.207]. Итак, люди (очевидно, духовного звания) из «иля Узбека» (т.е. из Улуса Джучи) считались мюридами конкретного сайида, причислявшего себя к потомкам святого Ахмада Йасави.

Золотоордынские сайиды (сеиды) были одним из основных элементов мусульманского духовенства страны, имевшего сложную внутреннюю структуру. Об этом мы можем судить по целому

ряду источников. Например, в ярлыке хана Узбека митрополиту Петру содержится обращение к «книжникам, уставодержателям и учителям людским» [Григорьев, 1842], а Ибн Баттута писал, что султан Джанибек «собрал шейхов, кадиев, правоведов, шерифов, факиров и устроил (им) большой пир» [СМИЗО, 1884, с.291]. В ярлыках Токтамыша (1391/92 г.) и Тимур-Кутлуга (1397/98 г.) также упомянуты среди должностных лиц «казии-муфтии» и «шейх-машейхи» (шейхи над шейхами), а также «шейхи-суфьи» [Березин, 1851, с.10–15; Федоров-Давыдов, 1973, с.126; Исхаков, 1997в, с.72–73]. Указанные духовные лица, несомненно, находились между собой в иерархической соподчиненности, хотя полностью их структура еще не определена.

Особая роль в этой иерархии духовенства отводилась судьям-чиновникам – кади, выбираемым общиной или назначаемым правителем и отправляющим правосудие на основании шариата. В соответствии с мусульманскими традициями их основной обязанностью было решение не только гражданских дел и разрешение вопросов вероучения, но и наблюдение за вопросами нравственности, надзор за имуществом вакфов и т.д. Очень часто кади выполнял функции административного руководителя общины, а иногда служил чиновником для особых поручений, недаром золотоордынские кади часто упоминаются как участники дипломатических контактов, например, с Египтом. В важных случаях, видимо, су-

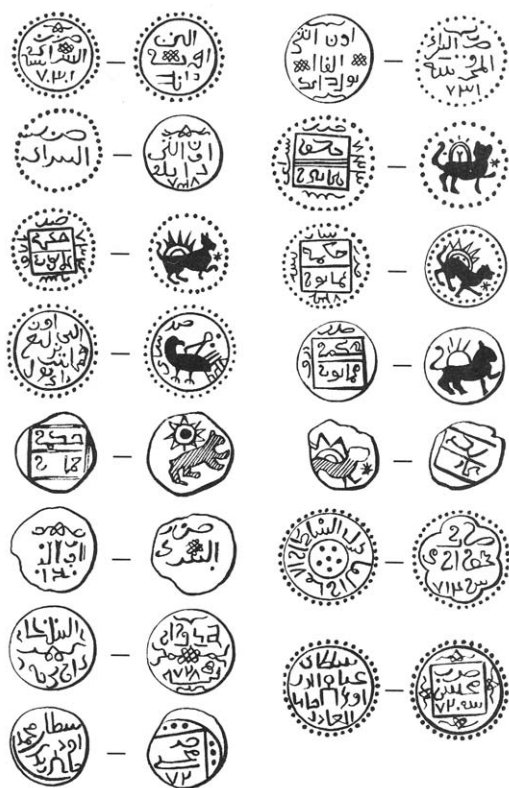
дебные функции исполнял сам улуг карачибек (беклярибек) Тимур-Кутлуг. Сохранилось описание заседания суда, сделанное Ибн Баттутой: «Одна из привычек этого эмира та, что каждый день кади приходит в его приемную и садится на отведенное ему сидение, вместе с ним (являются) правоведы и писцы. Напротив его садится один из старших эмиров, при котором восемь (других) старших эмиров и шейхов тюркских, называемых аргуджи; к ним люди приходят судиться. Что относится к делам религиозным, то решает кади, другие же (дела) решают эти эмиры» [СМИЗО, 1884, с.311–312]. Он также отметил: «Кади этой столицы (т.е. Сарая), Бедреддин ал-Арадж, один из лучших кадиев», и указал, что каждый мазхаб имел в Сарае своего кади [там же, с.306]. Очевидно, эта система была еще смешанной, когда религиозные и гражданские дела разрешали на основе разных традиций. Постепенно Сарай становится одним из активных центров изучения фикха, развивающего информационные связи со странами мусульманского Востока. Так, хан Узбек, по данным ряда арабских источников, просил прислать книги по вопросам фикха [аль-Холи, 1962, с.28].

В середине XIV в. в Улусе Джучи жили и творили выдающиеся знатоки богословия и фикха. Недаром Ибн Арабшах писал: «Сарай сделался средоточием науки и рудников благодатей, и в короткое время в нем набралась такая добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников, да всяких людей заслуженных, какой подобная

не набиралась ни в многолюдных частях Египта, ни в деревнях его» [СМИЗО, 1884, с.463]. Тогда же происходило и становление всеобщей системы мусульманского образования. Обычно медресе организовывались при известной усыпальнице (*завие*) какого-нибудь святого, служившего местом паломничества, или мечети (см.: [там же, с.308]). Средства на содержание мечети и медресе, а также часто больницы при них давали вакфы (обычно это были караван-сарай и/или бани).

Считается, что медресе служило целям подготовки класса профессиональных ученых для распространения в обществе мусульманского закона и веры, т.е. религиозной и юридической информации. Как бы то ни было, но образование системы мусульманского просвещения в Улусе Джучи служило целям дальнейшей институционализации ислама и профессионализации улемов, что стало существенным вкладом в распространение ислама вглубь и вширь.

Другим выражением процесса институционализации ислама не только в районах традиционного распространения ислама, но и в Нижнем Поволжье и Крыму стало широкое распространение в Поволжье, Хорезме и Крыму суфийских обителей (*ханака*, *рибаты*). Сущность учения суфизма, как мистического направления в исламе, благодаря трудам ал-Газзали и его последователей, а в тюркских странах Северной Евразии – проповедям и трудам Ахмада Йасави, вошла в самую суннитскую ортодоксию. Особенно широко ханаки,

Монеты Узбека (Сарай, Азак, Хорезм, Мохши)
(по Г.А.Федорову-Давыдову)

находящиеся близ мазаров, распространились в Золотой Орде в правление хана Узбека и его ближайших потомков, когда резко возрос их духовный авторитет и социальный престиж. Даже судя по глухим указаниям источников ясно, что ханаки получали богатые вакфы, денежное содержание и находились под патронажем самих ханов, как, например, усыпальница на месте погребения Наджм ад-Дина Кубра, которая был перестроена по указанию хана Узбека. Значительное влияние при дворе ханов имели в разные годы шейхи ал-Бахарзи, Сейид-Ага и др. (о распространении суфизма в Улусе Джучи см.: [DeWeese, 1994, p.72–142; Малов, Малышев, Ракушин, 1998, с.111–118]). Иными словами, суфийские ханаки, обычно близ мест поклонения святым местам и погребений святых (мазары), служили центрами распространения ислама в разных регионах страны (подробнее см.: [Ибрагимов, 1988, с.74]).

Неоправданной представляется мысль, которая часто встречается в трудах исследователей о том, что «мистически настроенные суфийские шейхи и дервиши нередко осознанно включали в комплекс своего вероучения

религиозно-бытовые традиции кочевников..., поэтому ислам, проповедуемый ими, был более жизнеспособен в кочевой степи». А специфика исламизации Улуса Джучи видится им в том, что «среднеазиатский суфизм, придавая многим традиционным тюрко-монгольским верованиям мусульманскую форму, вовлекал в процесс исламизации все новые и новые племена...» [Малов, Малышев, Ракушин, 1998, с.118]. Нет никаких оснований считать, что традиции народного ислама укоренились благодаря тому, что суфизм придавал мусульманскую форму тюрко-монгольским верованиям. Народный ислам и его специфические верования требуют специального изучения на предмет действительных традиций или новшеств, которые пришли вместе с исламом и, хотя и не приветствовались, но и не осуждались им. Причины достаточно быстрого распространения ислама среди татарского населения и глубокого проникновения его в ментальные структуры как аристократии, так и простого народа, думается, лежат не в удобной для тюрко-монгольских верований «мусульманской форме», а в значительном административном нажиме и, очевидно, ощущении борьбы за веру, сплачивавшей народ.

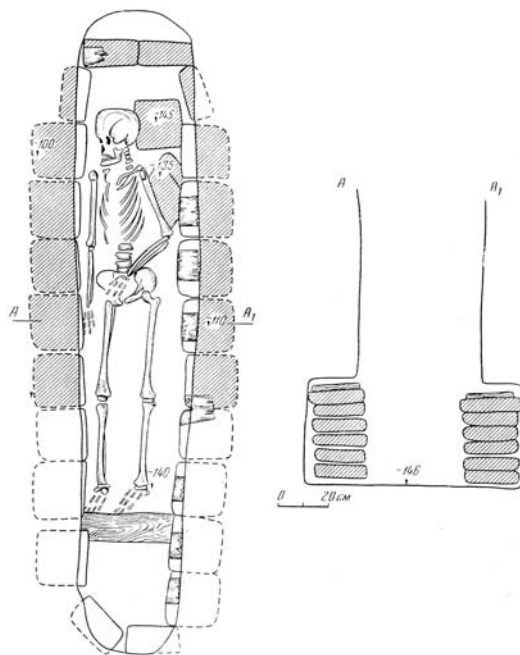
Суфизм, будучи одним из ключевых и ответственных механизмов этой конверсии, был многолик и включал различные тенденции общественной мысли. Однако общей чертой суфийских тарикатов на раннем этапе их развития были ортодоксия и практика воинствующей непримиримости в делах веры. Судя по философским и литературным произведениям, сохранившимся от эпохи Золотой Орды, они были насыщены суфийскими мотивами, а выраженный в них этический и социальный идеал был достаточно высок и требовал большого самоотречения и решительного внутреннего обновления [Амирханов, 1993]. Суфийские братства и их идеология сыграли значительную роль в институционализации ислама в Улусе Джучи, в обретении веры в ортодоксальной суннитской форме, причем среди суфийских тарикатов существовало влиятельное крыло, активно проповедовавшее вооруженную «священную» войну за веру. При этом, разумеется, среди населения Улуса Джучи продолжали сохраняться различные традиционные верования, но они находились на периферии общественного сознания и не играли сколько-нибудь значительной роли в менталитете общества и его ритуальной практике.

Недостаточно разработанным остается, тем не менее, вопрос о характере религиоз-

ности населения Улуса Джучи, внутренней организации жизни мусульманской общины. Некоторые данные по этому вопросу можно почерпнуть при изучении надгробных памятников с лапидарными надписями с мусульманскими эпитафиями с территории болгарских эмиратов [Юсупов, 1960; Хакимзянов, 1978; 1987; Мухаметшин, Хакимзянов, 1987]. Но и они не дают исчерпывающих данных о жизни уммы – гораздо меньше, чем о представлениях о смерти и официальной религиозной традиции.

В целом же, несмотря на явное преобладание ислама в Улусе Джучи в первой половине XIV в., здесь сохранялась веротерпимость. Немусульмане (в первую очередь, христиане и иудеи, поскольку язычники не считались придерживающимися какой-либо религии), очевидно, рассматривались как зиммии, т.е. находящиеся под покровительством мусульман, и сохраняли свое самоуправление (золотоордынская политика в отношении различных немусульманских конфессий достаточно подробно освещена в других работах, что позволяет нам не останавливаться на этом вопросе специально. См.: [Греков, Якубовский, 1950, с.282; Полубояринова, 1978; Сочнев, 1993, с.107–118; Малов, Малышев, Ракушин, 1998, с.57–93]).

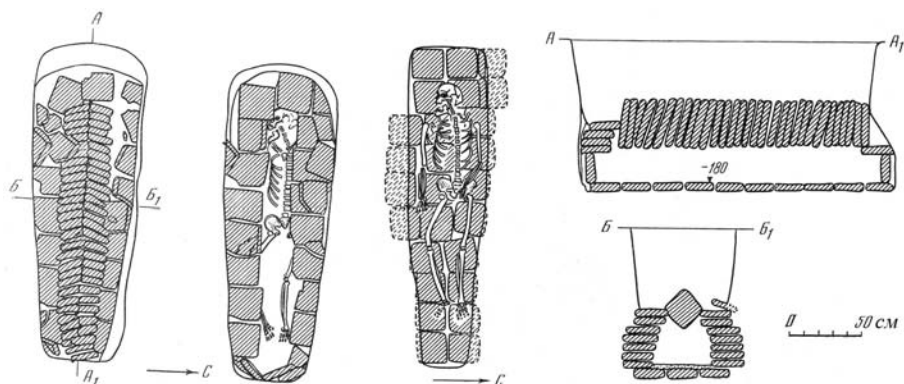
В городах Поволжья, наряду с мечетями, возводились и функционировали церкви всех христианских вероисповеданий и синагоги, а у каждой конфессиональной группы населения были свои кладбища. В Сарае проживали представители многих народов – монголы, асы (аланы), кыпчаки, черкесы, русские, византийцы. «Каждый народ живет на своем участке отдельно», – пишет арабский путешественник Ибн Баттута, добавляя, что там же в их кварталах располагаются их церкви [СМИЗО, 1884, с.306]. И это не случайно. Создав империю, ханы Улуса Джучи стремились соединить всех своих подданных, какой бы веры они не придерживались, в единую общность. Отсюда их стремление поставить все духовенство себе на службу, понимая, что именно от их политики будут исходить могущество трона Золотой Орды и лояльность подданных. Весьма широкие права были предоставлены христианам в Сарае. Уже в 1261 г. при Берке в Сарае была образована православная Сарайская епархия и назначен первый епископ Митрофан. Эта епархия находилась в Сарае вплоть до 1460 г., после чего была переведена в Москву, на Крути-

Мусульманское погребение.
Водянское городище (по В.Л.Егорову
и Г.А.Федорову-Давыдову)

цы, где продолжала существовать до 1764 г., когда была разделена между соседними епархиями [Греков, Якубовский, 1950, с.282; Сочнев, 1993, с.107 и сл.; Малов, Малышев, Ракушин, 1998, с.87–90].

В районах, где традиционно господствовало христианство (Русь, Алания, Южный Крым), положение было иным. Уже в годы правления Бату православное духовенство получило определенные льготы. При хане Менгу-Тимуре эта политика имела дальнейшее развитие. От его администрации (около 1267 г.) митрополит Кирилл получил ярлык «об освобождении их от всякой дани и налогов, об уважении богослужения их, и об удержании татарских чиновников от обид им и утеснения». Формула его гласила: «сию грамоту, видяще и слышаще от попов и чернецов, ни дани, ни иного чего не хотят ни возьмут баскаци, княжи писцы, коплужники, тамошники, а возьмут ине по велицей язе извиняться и умеруть» [Памятники русского права, 1955, с.467]. По этому и другим подобным ярлыкам за оскорбление церкви и веры, уничтожение церковного имущества полагалась смертная казнь. Ярлыки содержали и прямое обращение к русским князьям с призывом соблюдать эти привилегии

Мусульманское погребение. Водяное городище (по В.Л.Егорову и Г.А.Федорову-Давыдову)

церкви. И после становления ислама как государственной религии Золотой Орды православная церковь пользовалась громадным авторитетом. Так, в 1313 г., митрополит Петр совершил специальную поездку в Орду и встретил почетный прием, добившись закрепления льгот духовенства [Русское православие, 1989, с.72–76]. Это, кстати, опровергает позднейшие церковные легенды о церкви, как организаторе борьбы против «татарщины». Как раз наоборот, сильная ордынская власть являлась залогом дальнейшего процветания церкви. Недаром святыми в русском православии были названы тверские князья, подчинившиеся хану и встретившие свою смерть, не начав открытого сопротивления.

Наличие различных конфессий и религиозных общин в городах Улуса Джучи способствовало раннему проявлению самоидентификации как знати, так и основного населения страны. Водораздел в самоопределении людей пролегал по религиозной принадлежности. Становясь членом мусульманской уммы, человек осознанно или неакцентированно выбирал свою татарскую этнополитическую идентификацию.

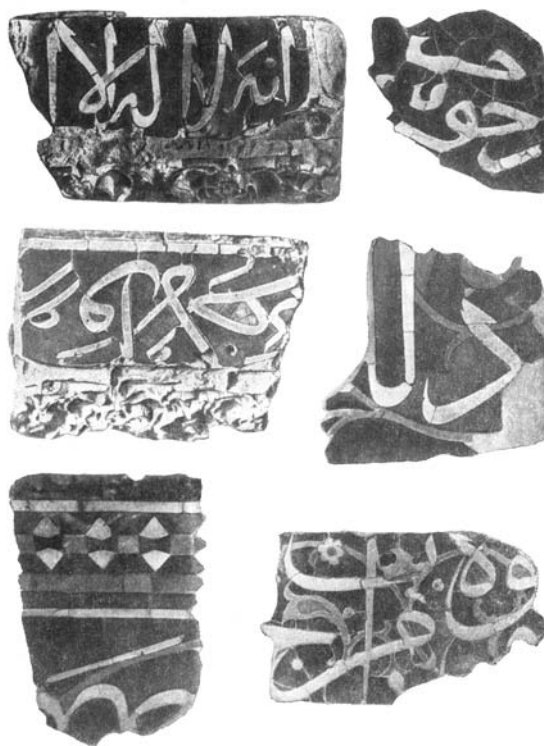
Ислам и культура Золотой Орды. Золотоордынская цивилизация – яркая страница истории мировой культуры. В Золотой Орде был создан пышный имперский стиль, впитавший в себя традиции многих народов, но не в хаотическом скоплении разнородных элементов, а в системе органично слитых явлений, перекрытых мощно звучащими стилями и направлениями, разными в разные периоды существования. Кроме синкретичного фона домонгольских культур, некоторые из которых имели развитый образный язык, основанный на мусульманских (хорезмская, болгарская) или

евразийских кочевых (кыпчаки, кимаки) традициях, в культуре Улуса Джучи нельзя не видеть центральноазиатских и дальневосточных элементов материальной и художественной культуры. Имперская культура Золотой Орды складывалась в результате творческой активности практически всех народов, входивших в состав Улуса Джучи, осваивая принесенный завоевателями на запад культурный репертуар. Наиболее ярко чингизидские традиции проявлялись в культурном круге социально престижных изделий, являвшихся принадлежностью и отличительной чертой военно-служилой знати – крою костюма, системе поясной гарнитуры, предметов оружия и конского снаряжения, других аксессуаров. Разумеется, полностью единой эта культура не являлась, поскольку изначально была строго социально ориентирована. Однако в начале XIV в., по мере роста городов в Улусе Джучи, прежде всего, в Поволжье, здесь пышно распускается новая урбанистическая восточная средневековая культура, «культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии» [Федоров-Давыдов, 1976, с.118]. Таким образом, специфика золотоордынской цивилизации заключалась в том, что она была синкретичной, пышной и надэтнической имперской культурой при ведущей роли ислама.

Города Поволжья были крупными культурными центрами, где развивались литература и искусство, формировались общеразговорный и литературный языки. Археологические остатки этих городов (известно более 100), среди которых выделяются остатки крупнейших

средневековых городов Евразии – Сарай (Селитренное городище), Сарай ал-Джадид (Царевское), Бельджамен (Водяное), Укек (Увекское), Болгар (Болгарское), Аккерман (Белгородское), Шахр ал-Джадид (Староорхейское) и др., а также многочисленные селища, могильники (курганые с элементами языческой обрядности до конца XIV в., грунтовые мусульманские со второй половины XIII в.) и мавзолеи (*кешене*) (XIV–XV вв.). Характерной особенностью домов является наличие печей, канов (горизонтальных дымоходов) и суфов (кирпичных лежанок), в городских постройках – наличие кирпичных и белокаменных общественных зданий (мечети, бани и др.). Стены многих, особенно многокомнатных кирпичных домов были облицованы расписной штукатуркой, резным ганчем (терракотой) и кашинными (или многоцветными поливными) изразцами, а полы – каменными плитками и кирпичом. Города имели сложную квартально-усадебную планировку, ключевым ядром их были крупные городские и пригородные усадьбы. В окрестностях крупных городов выявлены усадьбы (размеры от 500 до 5000 кв. м), окруженные стенами, внутри которых находились многокомнатные дома, отдельные жилые и хозяйственные постройки и водоемы (*хаусы*). Обнаружены сложные гидротехнические сооружения – искусственные озера, арыки и подземная (сложенная из керамических труб) водопроводная и канализационная система. Характерными элементами бытовой культуры золотоордынского периода являются круговая гончарная красноглиняная и кашинная посуда разнообразных форм (кувшины, чаши-пиалы, глубокие тарелки, бутылки и т.д.) с многоцветной росписью (растительные, геометрические, зооморфные и арабесковые орнаменты), украшения женского костюма и детали военного быта (ажурные и плоские поясные наборы, форма оружия и конского снаряжения и т.д.).

В период Золотой Орды тюркский язык и культура, наряду с арабской и персидской, стали носителями мирового уровня «высокой» культуры. Основным языком общения в золотоордынских городах и степных районах Улуса Джучи были различные диалекты кыпчакского языка. Именно на основе этого языка в городах Золотой Орды начало формироваться общегородское койне, и о том, что кыпчакский язык приобретает в городах Золотой Орды статус *lingua franca*, свидетельствует словарь *Codex Cumanicus*, составленный в XIII–

Мозаики с эпиграфическим орнаментом
(по Л.М.Носковой)

XIV вв. в одном из городов Улуса Джучи [Radloff, 1887; Абдуллин, 1974, с.166–184]. О характере этого языка и его распространенности среди различных слоев городского населения могут свидетельствовать археологические находки. Особого внимания заслуживает лопатка быка из Сарая ал-Джадид, на которой тушью нарисованы две рожицы и написано по-кыпчакски: «Карикатура, клянусь Аллахом. Руку приложил Али... сын Мухаммада (сделал?)» [Усманов, 1963, с.246].

Именно на основе этого общегородского койне и норм литературного караханидского (и, видимо, болгарского) языка сформировался литературный золотоордынский язык – поволжский тюрки [Усманов, 1979, с.101–106; Наджип, 1979; 1989]. На нем созданы такие дошедшие до нас произведения старотатарской литературы, как «Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сарай, «Мухаббат-наме» ал-Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба, «Нахдж ал-фарадис» («Открытый путь к раю») Махмуда ас-Сарай ал-Булгари, «Кыссас ал-анбийа» («История пророков») Рабгузи и многие другие, очевидно, не дошедшие до нас произведения [Наджип, 1989]. Особый жанр литературы составляли религиозно-философские

произведения социально-этического характера (подробнее см.: [Амирханов, 1993]).

Определенно, что в XIII – начале XIV в. монгольские указы и дипломатические документы частично переписывались или дублировались на кыпчакском языке (например, знаменитая жалованная грамота хана Узбека венецианскому послу А.Дзено, данная в 1332 г., была переведена на латынь с «куманского» [Григорьев, 1981, с.81–83]), но уже со второй половины XIV–XVI вв. в качестве официального государственного языка используется исключительно тюркский (кыпчакский или старотатарский) [Усманов, 1979, с.101 и сл.].

Расцвет империи Джучидов, развитие городов, становление пышной и синкретичной культуры, формирование общепонятного городского койне и литературного языка («поволжский тюрки»), а также активное перемещение военно-феодальной знати привело к формированию татарской этнополитической общности. Несмотря на довольно хорошо изученные последствия этих процессов, сам механизм такой этнополитической трансформации остается еще плохо изученным в деталях. Однако, судя по современным этнологическим исследованиям и анализу специфики средневековой ментальности, можно предположить, что ключевую роль в этих процессах сыграли идеологические причины, а именно внедрение новой джучидской этнополитической идентификации [Исхаков, Измаилов, 2000, с.89–111; Исхаков, 2001, с.85–96].

Распад Улуса Джучи и усиление исламизации. В середине XIV в. империя Джучидов казалась современникам «мировой державой», которую султан мамлюкского Египта Бейбарс в 1263 г. с почтением уведомлял о «принятии подданства и подчинения», а египетские султаны именовали Узбека «его высокое величество, султан, великий, брат, любезный, знающий, справедливый, крупнейший хан, единственный в своем роде, шахиншах, правитель, Узбек ильхан, султан ислама и мусульман, единственный среди правителей и султанов, опора царства, султан монголов, кыпчаков и тюрков, краса современных правителей, столп дома Чингис-хана, обладатель трона и короны, поддержка богобоязненных, клад верующих» [Поляк, 1964, с.40]. Однако могущество ханов Золотой Орды было уже подточено внутренними противоречиями.

В 1359 г. Орда вступила в полосу перманентного, все углубляющегося кризиса. Двадцать лет ее раздирали междуособные войны, мятежи и дворцовые перевороты. Окончатель-

ный распад Улуса Джучи предотвратил хан Токтамыш, который в 1380 г., благодаря поддержке восточной знати, сумел объединить страну и вернуть ей былую мощь. Но серия неудачных войн за гегемонию в Центральной Азии между Ордой и империей Тимура окончилась страшным разгромом Дашт-и Кыпчака. Страна лежала в развалинах. Большинство ее городов было разрушено, ремесло пришло в упадок, расстроилась торговля и денежное обращение. Длительные войны и страшные эпидемии буквально выкосили население. А феодальные междуособицы опять разорвали страну на части. В стране, еще недавно диктовавшей свою волю соседям, едва теплилась жизнь. А соседние государства, недавние вассалы Орды, вели политику расширения своих владений и активного вмешательства в дела Улуса Джучи. Частые междуособные войны и борьба с соседями вызвали к жизни усиление религиозного фактора.

В единой империи Джучидов правители следили скорее за лояльностью своих подданных, а не за их верой. Поэтому нередко были случаи выдвижения на высокие посты в Орде несториан и даже язычников. Веротерпимость была как бы всеобщей, а основной политической доктриной стал «чингизизм» – вера в божественность власти ханов из династии Чингиз-хана. Лишь с середины XIV в. мусульмане, благодаря усилению влияния городской аристократии и военной знати, вытесняют иноверцев. По мере же распада Улуса Джучи эти тенденции все больше выходят на поверхность, обнажая религиозные противоречия между ее моноконфессиональными областями.

В этих условиях начался новый этап исламизации Улуса Джучи, связанный уже с именем улуг карачибека (или беклярибека) Идегея. Он был фигурой поистине легендарной. Достаточно сказать, что он был щедро наделен умом и незаурядными способностями крупного государственного деятеля и, хотя от рождения не был знатен и богат, сумел подняться до самых вершин власти в Орде и стать одним из главнейших политических деятелей Восточной Европы и Центральной Азии на рубеже XIV–XV вв. Именно он сумел, используя разногласия среди кланов кочевой и столичной знати, нейтрализовать центробежные процессы в Улусе Джучи и сделал попытку стабилизировать внутреннее и внешнее положение страны. Ему удалось на некоторое время не только консолидировать всю страну и нанести целый ряд чувствительных поражений своим соседям, но

и на некоторое время вновь активизировать торговлю, упорядочить законы и налогообложение, усилить военную мощь.

Идегей установил в государстве «тонкие обычаи (туре) и великий закон (йасак), и люди из привольности попали в стеснение» [СМИЗО, 1941, с.133–134]. «Стеснение» это было вызвано также активным внедрением ислама, о чем писал каталонский посланник ко двору Тамерлана Руи Гонсалес де Клавихо, пересказывая чьи-то слова и явно преувеличивая драматизм ситуации: «...этот Едигей обращал и обращает татар в магометанскую веру, еще недавно они ни во что не верили, пока не приняли веру Магомета» [Клавихо, 1990, с.159]. Ему вторит другой европеец, живший в начале XV в. в Северном Причерноморье – итальянский купец и дипломат И.Барбаро. Описывая религиозную ситуацию в Улусе Джучи, он отмечает: «Магометанская вера стала обычным явлением среди татар уже около ста десяти лет тому назад. Правда, раньше только немногие из них были магометанами, а вообще каждый мог свободно придерживаться той веры, которая ему нравилась. Поэтому были и такие, которые поклонялись деревянным или тряпичным истуканам и возили их на своих телегах. Принуждение же принять магометанскую веру относится ко времени Идегея, воначальника татарского хана...» [Барбаро и Контарини, 1971, с.140]. Еще более убедительно свидетельствуют о повсеместной победе ислама в среде кочевого населения Улуса Джучи археологические данные [Федоров-Давыдов, 1966, с.9 и сл.; Гарустович, 1993, с.86–90; Гарустович и др., 1998, с.257–259].

Разумеется, это, прежде всего, касалось степного населения, поскольку городское, не только в традиционных мусульманских регионах – Булгарии, Хорезме, но и в Нижнем Поволжье – уже с начала XIV в. было в значительной степени исламизировано. Тем не менее, даже активная консолидация населения с помощью религии не спасла Улус Джучи. Отчаянная борьба Идегея окончилась драматически. Уже при его жизни закономерный распад Орды стал реальностью, а ее бывшее могущество осталось лишь в памяти потомков.

В заключение необходимо сказать, что золотоордынский период в истории Северной Евразии был временем сложных идеологических процессов. Ислам, имея длительную историю в Восточной Европе и Средней Азии еще до монгольского завоевания и образо-

вания Улуса Джучи, стал основой формирующейся золотоордынской цивилизации. Как известно, распространенный в средневековье на огромной территории, ислам у каждого народа имел свои особенности. Эти локальные различия большей частью связаны со спецификой народного быта и в значительной степени вызваны сохранением элементов домусульманских верований и традиций [Мухаметшин, 1994, с.31]. Золотая Орда, являясь тюркским государством (если не по династии, то по этнополитическим традициям), где довольно значительную часть населения составляли кочевники, долгое время сохраняла в своей культуре элементы более ранних верований.

Одним из важнейших внутренних консолидирующих и интегрирующих факторов в Улусе Джучи являлся ислам. Постепенно под влиянием ислама, бурного становления государства Джучидов и развития городов и городской культуры формируется новая имперская надэтническая культура, которая с начала XIV в. включается в исламскую цивилизацию. Элементы традиционной тюркской культуры вытесняются при этом на периферию общественного сознания, либо перерабатываются в исламском духе.

В результате становления татарской этнополитической общности [Исхаков, Измайлов, 2000, с.89–111] на первый план выдвигаются консолидирующие факторы, которые продолжали сохраняться даже после распада Улуса Джучи на отдельные ханства. Важнейшие из них – сохранение прежних социально-политических структур, клановая система, восходящая к структуре Улуса Джучи и объединявшая военно-служилую татарскую знать, а также мифологемы этнополитического единства и общая религия – ислам. При этом мусульмане Золотой Орды (особенно, видимо, аристократия) были объединены не только самим фактом принятия ислама, но и особым институтом сайидов (сеидов). Далеко не случайно, что в ряде позднезолотоордынских татарских ханств, сайиды (сеиды) – главы местного мусульманского духовенства – возводили свои генеалогии к общим предкам, жившим в эпоху Улуса Джучи [Исхаков, 1997в, с.21]. И это осознание связи населения татарских ханств через религию и ее институты было одним из факторов внутреннего единства исторического прошлого и культуры мусульманских народов Северной Евразии, оказавших определяющее значение на всю их последующую историю.

ГЛАВА 5

Архитектура и декоративно-прикладное искусство

Искандер Измайлов, Лилия Саттарова

Искусство государства Улус Джучи представляет собой весьма интересную и важную страницу истории мировой культуры. В результате монгольских завоеваний была полностью перекроена этнополитическая карта Евразии и началось становление новой цивилизации [Сафаргалиев, 1960; Золотая Орда, 2005; Крамаровский, 2005; Кульпин, 2004]. При этом, хотя роль наследия местных народов была довольно велика, определяющими стали центральноазиатские традиции. Симвоизм этих различных элементов стал основой для сложения имперской надэтничной золотоордынской культуры. Важнейшую роль в этих процессах сыграли два интегрирующих фактора: ислам, ставший уже на рубеже XIII–XIV вв. основой золотоордынской культуры [Измайлов, 2002б] и рост городов. Средневековое татарское государство, таким образом, становится центром исламской городской цивилизации на севере Евразии.

История изучения архитектуры и художественного искусства Золотой Орды началась уже в конце XVII – начале XIX в., когда появились первые описания поволжских городов и начались первые археологические исследования (см.: [Григорьев, 1847; Терещенко, 1850; 1853]). Все эти работы несли отпечаток начального этапа развития археологии в России и были, к сожалению, несистемными и случайными, использовали, за редким исключением, лишь в качестве иллюстрации к историческим трудам. В результате этого в отечественной науке стало постепенно складываться представление о Золотой Орде, как о кочевом слабо развитом государстве, чье искусство было целиком заимствовано от коренных народов.

Попытку пересмотреть подобное положение сделал в начале 1920-х гг. Ф.В.Баллод, который, проведя первые значительные научные изыскания на целом ряде нижеволжских

золотоордынских городищ, сделал вывод о расцвете городов и городской культуры Улуса Джучи [Баллод, 1923а; 1923б; 1924]. Позднее эстафету изучения городов подхватил А.П.Смирнов, начавший с 1938 г. систематические и целенаправленные раскопки Болгара, открывшие прекрасные памятники золотоордынской культуры [Збруева, Смирнов, 1939; Смирнов, 1940; 1941].

Новый этап изучения искусства Улуса Джучи начался с 1959 г., когда Г.А.Федоров-Давыдов и возглавляемая им Поволжская археологическая экспедиция начала интенсивные историко-археологические работы на целом ряде нижеволжских городищ, прежде всего, столиц Золотой Орды. Эти исследования не только в сотни раз расширили источниковедческую базу изучения, создали золотоордынскую археологию, но и позволили реконструировать цивилизацию этого средневекового государства. Труды Г.А.Федорова-Давыдова [1976; 1981; 1994], его учеников и последователей создали школу научного изучения искусства Золотой Орды, затронув разнообразные сферы ее культуры, что позволяет представить ее в качестве целостного и самостоятельного явления, имевшего свои истоки, традиции и тенденции развития. Исследования отечественных ученых заложили солидную основу для комплексного изучения искусства Улуса Джучи, его художественно-стилистических особенностей и специфики преломления различных традиций. Вместе с тем, следует отметить, что эти работы, построенные на археологических материалах, часто, в силу специфики материала, не содержали искусствоведческого анализа. В этой связи есть смысл остановиться на более общих тенденциях развития искусства Улуса Джучи, более подробно останавливаясь на ряде ярких и еще недостаточно освещенных, на наш взгляд, проблем.

Градостроительство

Урбанизация на территории Золотой Орды развивалась неравномерно. Такие регионы, как Хорезм, Булгария, Русь, Крым и Саксин (Нижнее Поволжье), имели достаточно давние, по крайней мере, с IX–X вв. (Хорезм – с античности), традиции градостроительства и городской культуры. Монгольские ханы, завоевав Восточную Европу и Среднюю Азию, воспользовались ими для создания своей городской инфраструктуры в Нижнем Поволжье. Сразу после стабилизации границ Золотой Орды разрушенные города в завоеванных странах начинают восстанавливаться, а в Нижнем Поволжье возникает новая зона урбанизации [Егоров, 1969, с.39–49; 1985, с.75–78]. На территории Улуса Джучи известны остатки более чем ста городищ, среди которых выделяются остатки крупнейших средневековых городов Северной Евразии: Селитренное (исторический город *Сарай*), Царевское (*Сарай ал-Джадид*), Водянское (*Бельджамен?*), Увекское (*Укек*), Болгарское (*Болгар*), Наровчатское (*Мухша*), Белгородское (*Ак-Керман*), Староорхейское (*Шахр ал-Джадид*), Сарайчикское (*Сарайчук*), Маджарское (*Маджар*), Азакское (*Азак*) и др. городища. Первые нижневожские города играли роль административных и торгово-ремесленных центров, позднее они стали подлинными средоточиями политической, религиозной и хозяйственной жизни Улуса Джучи, вокруг которых постепенно формируется сельская оседлая округа.

Своеобразное развитие урбанизации в Золотой Орде наложило отпечаток на градостроительство. В регионах старой оседлости города, испытывая культурные импульсы из центральных областей страны, развивали во многом свои традиции. В регионах «новой урбанизации» – в Северном Прикаспии, Приднепровье и Приднестровье, частично на Северном Кавказе – наиболее выразительными были именно золотоордынские традиции. Общей особенностью их были активная роль власти в возведении городов и краткий период строительства, усадьбы-замки в качестве градообразующего центра, обилие монументальных построек (как общественных и культовых, так и жилых зданий), синкретизм традиций, а также отсутствие такого характерного для средневекового градострои-

тельства элемента, как городские укрепления [Федоров-Давыдов, 1994, с.12–16].

Сердцем Улуса Джучи было Нижнее Поволжье. Именно эта область, по словам арабского историка второй половины XIV в. Ибн Халдуна, была «богата возделанными местами» [СМИЗО, 1884, с.378].

Здесь же находились два самых настоящих средневековых мегаполиса – Сарай и Сарай ал-Джадид (т.е. Новый Сарай), а также другие крупные города: Хаджи-Тархан (близ современной Астрахани), Бельджамен, Укек, Гулистан и Сарайчук, которые, вместе с десятками городков и поселений их окаймлявшими, образовывали густонаселенный земледельческий оазис, тянувшийся по обоим берегам вдоль всего нижнего течения рр. Волги и Урала. Здесь находился политический, экономический и культурно-религиозный центр империи, и уже в конце XIII в. произошел небывалый, стремительный рост и расцвет городской цивилизации.

Будучи важными политическими, экономическими и культурными центрами, города отличались высоким уровнем благоустройства, в них имелись централизованные водопровод и канализация, а большинство дворцов и общественных построек было сделано из сырцового кирпича. Археологические раскопки выявили целый ряд богатых построек и целых усадеб. Очевидно, значительные размеры имел и ханский дворец, о котором ал-Омари писал: «Место пребывания царя там большой дворец, на верхушке которого находится золотое новолуние... Дворец окружают стены, башни да дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимние помещения» [там же, с.241]. В городской черте определены целые ремесленные кварталы, жители которых специализировались на своем особом производстве: металлургия и металлообработка, гончарство, стеклоделие, ювелирное и косторезное дело и т.д. Все они вырабатывали продукцию не только для внутреннего потребления, но и на экспорт. Огромное значения для расцвета Сарая и других поволжских городов имела мировая транзитная торговля, поскольку именно через Сарай в XIV в. проходили знаменитые пути, по которым в Европу поступали шелк и восточные пряности, а также предметы роскоши. Сарай был настоящим «золотоордынским

Вавилоном», в котором жили монголы, кыпчаки, аланы, черкесы, русские, болгары, византийцы и итальянцы. Каждый народ имел свой квартал со своими культовыми зданиями, кладбищами и, главное, базарами. В целом же, основное население городов, видимо, было мусульманским и тюркоязычным.

Из других городов следует выделить гг. Болгар и Ургенч, как достаточно типичные для золотоордынского времени из традиционно земледельческого региона.

Город Болгар играл в истории Улуса Джучи во многом первенствующую роль, в чем сказались «его ремесленные традиции, богатства оседлой земледельческой страны, торговое значение Болгара в Восточной Европе» [Федоров-Давыдов, 1987, с.4]. Средневековый город, судя по данным археологии, занимал вместе с пригородами площадь до 6 кв. км. Градостроительным центром его стала площадка, расположенная на высоком коренном мысу, образованном р. Меленка. Здесь сохранились белокаменные здания второй половины XIII–XIV вв.: Джамии-мечеть, Малый минарет, «Ханская спальня», Белая, Красная и Черная палаты, целый ряд мавзолеев, несколько кирпичных бань и другие постройки. Центральное место среди этих построек занимала Улуг Джамии-мечеть, расположенная на краю террасы, откуда открывался великолепный вид на пойму Волги. Данная постройка, очевидно, была первой, заложенной в Улусе Джучи, и относится к 60-м гг. XIII в. Величественное монументальное здание должно было демонстрировать величие правителей Золотой Орды и их покровительство исламу и одной из важнейших своих провинций. На террасе и подгорной части средневекового города изучены жилые, торгово-ремесленные кварталы. Укрепления Болгара, возведенные в середине XIV в., имели общую протяженность 8 км и окружали площадь около 4 кв. км. У юго-восточных ворот города был построен т.н. «Малый городок» (возможно, караван-сарай). На мысу, у выхода к Волге располагались торговая пристань города и торгово-ремесленный пригород Ага-Базар. За пределами города существовали несколько поселений, в т.ч. армянская и русская (православная?) колонии.

Город Ургенч, также практически полностью уничтоженный при взятии монголами, в

конце XIII в. возродился, став одним из важнейших центров Улуса Джучи. Его планировка сохраняла традиционные черты среднеазиатского города – наличие укреплений, кварталы-уличная планировка и т.д. Интересны сохранившиеся культовые памятники центра Ургенча. Посетивший город в 30-х годах XIV в. путешественник Ибн Баттута описал его как «самый большой, значительный и красивый и величавый из тюркских городов, с прекрасными базарами, широкими улицами, многочисленными постройками и впечатляющими видами» [Ибрагимов, 1988, с.73]. Особо интересно упоминание нескольких крупных построек, в их числе медресе, соборная мечеть и ханака Тюрабек-ханым, ханака у могилы шейха Наджм ад-Дина Кубра, больница и дворец, у которого «деревянный разукрашенный купол, стены украшены разноцветными тканями, а потолок раззолоченным шелком» [там же]. Некоторые из этих ярких образцов архитектуры Средней Азии золотоордынского времени дошли до наших дней, показывая высокий уровень развития городской культуры Улуса Джучи.

В целом можно сказать, что планировка городов была довольно разнообразной. В центрах традиционной оседлости – Крыму, Болгарии и Хорезме – она продолжала более ранние градостроительные традиции, хотя и получившие новый импульс, которые полностью изменили облик этих городов. В Нижневолжском регионе градостроительная практика вырабатывалась как сплав влияния традиционных центров градостроительства и имперских центральноазиатских традиций, где города возникали на месте ставок правителей для обслуживания культурных и хозяйственных запросов знати. Именно такой была градостроительная тенденция городов в Нижнем Поволжье, Приднепровье, Заволжье и, видимо, в степной части Крыма и Северного Кавказа. В целом можно сказать, что планировка городов Улуса Джучи продолжала более ранние градостроительные традиции (местные и центральноазиатские), но при этом приспособив их к местным условиям (например, усадебно-уличная застройка вместо традиционной для Средней Азии квартальной, создание сложных систем водоснабжения и канализации, отсутствовавших в болгарских и русских городах и т.д.). Это заставляет го-

ворить о постепенной выработке в Золотой Орде собственных градостроительных традиций, которые наиболее ярко проявились при застройке нижневолжских городов, но отдельные элементы заметны и в строительстве в других регионах.

Архитектура и архитектурный декор

Монументальная архитектура. Архитектурные памятники эпохи Улуса Джучи были известны достаточно давно, но изучались чаще всего как отдельные, самостоятельные архитектурные объекты или части архитектурного ансамбля города или региона, вне связи с общим золотоордынским контекстом. Только в последнее время археологические раскопки целого ряда золотоордынских городов позволили вычленить монументальные здания разных категорий, рассмотреть их планировочные особенности и сравнить их с аналогичными постройками других регионов (см.: [Зиливинская, 1990; 1991; 1998; Федоров-Давыдов, 1994, с.45–77; Город Болгар, 2001]). Мечети, как места совершения молитвы, обращенной к Аллаху, появились на заре истории ислама. В Восточной Европе первые мечети, очевидно, появились в Крыму и на Северном Кавказе, но первые зафиксированные их остатки выявлены на территории Волжской Булгарии (средневековый Биляр), где датируются первой половиной X в. (см.: [Измайлов, 2002а]).

Принятие ислама ханами Улуса Джучи в 60-х гг. XIII в., его распространение среди городского населения и принятие в качестве государственной религии (1313 г.) привело к активному строительству мечетей, медресе, мавзолеев и других культовых зданий. По свидетельству Ибн Баттуты, в одном только Сарае было 13 соборных и множество других мечетей, не менее одной джами-мечети было и в других городах страны (например, в Маджаре) [СМИЗО, 1884, с.306, 326]. Однако, несмотря на наличие этих ранних традиций, золотоордынская архитектура развивалась довольно своеобразно, испытывая влияние различных школ и направлений. Всего с территории Улуса Джучи известно не менее 14 остатков мечетей и минаретов (на Болгарском, Елабужском, Селитренном, Водянском, Верхнедзулатском (Татартупском), Кучугурском, Староорхейском городищах,

Солхате (Крым), Ургенче и т.д.) [Зиливинская, 1998; Федоров-Давыдов, 1994, с.67–69; Айдаров, 1970, с.39–57; 2000; 2001].

Самым ранним и хорошо известным памятником мусульманского культового зодчества является Улуг Джамии – мечеть в Болгаре (т.н. «Четырехугольник»). Она была возведена, очевидно, в 60-е гг. XIII в. (начало строительства – конец 30-х гг. XIII в.) и существовала, претерпев неоднократные перестройки, до середины XVI в., а ее руины сохранялись вплоть до XX в. (см. [Егерев, 1958, с.376–382; Айдаров, 2001, с.9, 30; Полякова, 2001, с.174]; другое мнение см.: [Зиливинская, 1998, с.18]). В первый период строительства были сооружены стены здания, имевшего вид четырехугольника с небольшим расширением к югу (внутренние размеры: длина 32,6 м, ширина 28,2–29,6 м). Стены толщиной 1,2–1,3 м были сложены из кусков необработанного известняка и скреплены известковым раствором. По периметру стены были укреплены прямоугольными контрфорсами: восточная и западная – двумя, а южная – тремя, из которых средний приходился на михраб. В северной стене располагался входной проем шириной 2,2 м, оформленный снаружи порталом, от которого остались два прямоугольных пилона. К востоку от портала находился контрфорс стены, а к западу – симметричный ему прямоугольный цоколь минарета. Вся постройка была гармонично ориентирована по меридиональной оси. Внутреннее пространство мечети было разделено на пять нефов четырьмя рядами колонн. В каждом ряду было по пять колонн прямоугольного (85x92 см) или квадратного (92x92 см) в плане сечения. Стены мечети были оштукатурены внутри и снаружи белой известью. Полы покоились на галечно-песочном основании с известковой заливкой, позднее неоднократно перекрыты деревянным настилом с прочной известковой замазкой. Вдоль западной стены спустя некоторое время был сооружен помост на колоннах, для знатных прихожан.

В конце XIII – начале XIV в. мечеть была полностью перестроена, видимо, после сильного пожара. Была сделана кладка новых стен на более прочном растворе с каменной крошкой, поднят и перестелен пол. Возможно, именно тогда столбы угловых опор были заменены восьмигранными колоннами диа-

метром до 8–10 м. Сооружения эти, не имеющие аналогии в культовом зодчестве, вызвали споры среди исследователей об их назначении. Так А.С.Башкиров считал их угловыми минаретами [Башкиров, 1928, с.54], а В.В.Егеров утверждал, что это контрфорсы, укрепляющие углы здания уже после возведения его [Егеров, 1958, с.377]. Проведенные архитектурно-археологические исследования подтвердили правоту В.В.Егерова [Воскресенская, Смирнов, 1966; Полякова, 2001; Айдаров, 2001]. Угловые башни-контрфорсы были сооружены, очевидно, под влиянием среднеазиатской архитектуры, хотя и не часто использовались для оформления углов мечети. В 40-е гг. XIV в. было изменено также внутреннее убранство мечети. В восточной и западной стенах были пробиты дверные проемы, а по бокам от них – оконные. Изнутри ко всем трем входам пристроили легкие тамбуры. Перестроена была и колоннада мечети: восьмигранные каменные колонны на квадратных с усеченными углами базах были поставлены шестью рядами, по шесть колонн в каждом ряду. Базы и капители колонн были украшены резьбой в виде стилизованных пальметок, а порталы украшены резными фризами с кораническими стихами и арабесковым орнаментом. Подобный стиль украшения был характерен для культовой архитектуры Сельджукидов Малой Азии. По мнению исследователей, перекрытие Улуг Джамии-мечети в Болгаре было плоским и опиралось на аркады, поставленные на колонны зала. Крыша была скатной, возможно со световым фонарем в центре.

Подобная конструкция мечети, хотя и несколько меньших размеров (21x21 м), изучена на Елабужском городище. Она также имеет подквадратную форму и выступающие контрфорсы по одной округлой по сторонам и шестигранные (в одном случае, в других предположительно) по углам (диаметр около 9 м). Контрфорс с южной стороны, треугольный в плане, оформляет с обратной стороны михрабную нишу [Айдаров, 2000, с.78–79]. Существует мнение, что эта мечеть относится к домонгольскому времени по весьма поверхностной аналогии с крепостями подобными Сусу (Тунис) [там же]. Согласится с ним невозможно, поскольку при этом игнорируется прямая аналогия с Джамии-мечетью в Болгаре.

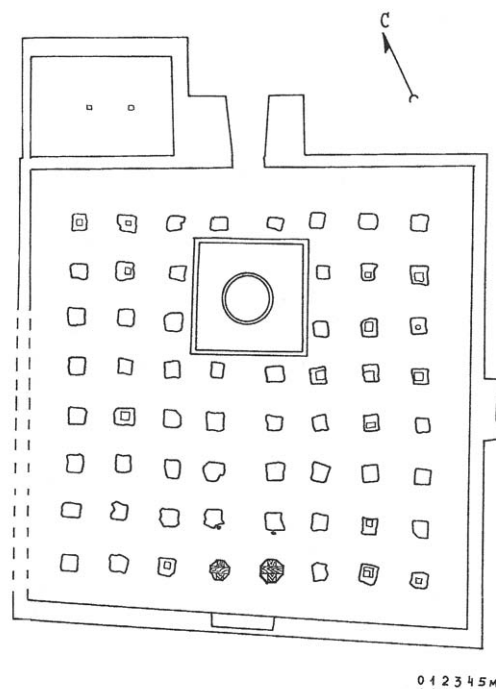
К зданию болгарской Джамии-мечети примыкает т.н. Большой минарет. Он, судя по рисункам XVIII–XIX вв. и археологическим изысканиям, имел вид кубического цоколя, который переходил в восьмигранник, на котором стоял ствол слегка сужающегося кверху цилиндра, завершающегося площадкой для муэдзина. С двух сторон минарета располагались по три окна, а посередине была вырезана какая-то фраза из Корана. Высота минарета достигала 24 м.

Сходное строение имел и сохранившийся до настоящего времени Малый минарет (длина 19 м), также имеющий кубический цоколь, переходящий в восьмерик, увенчанный цилиндрическим стволом минарета. Завершается он площадкой, на которой стоит цилиндрическая постройка со скатной крышей. Дверной проем, расположенный на высоте 1 м от земли, обрамлен жгутом и полосой растительного орнамента. Скосы четверика также имеют резной орнамент в виде трехлепестковых розеток.

Весьма близок к болгарским минаретам минарет Джамии-мечети Ургенча. Сама она, согласно свидетельству Ибн Баттуты построенная Тюрабек-ханым в начале XIV в., не сохранилась. Уцелел лишь ее кирпичный минарет высотой 60 м, являющийся уникальным примером сооружений этого типа. Он продолжает среднеазиатскую традицию возведения кирпичных минаретов с конической формой ствола, представленную минаретами XII в. в Вабкенте и Бухаре. По-видимому, он также был увенчан фонарем. Строительная надпись, выложенная резным кирпичом почерком куфи, упоминает имена Кутлуг-Тимура и султана Золотой Орды Узбек-хана (правил до 1342 г.) [Якубовский, 1930, с.20], что позволяет установить примерное время постройки – 1320–1330-е гг. Стройный минарет расчленен на семнадцать широких поясов орнаментальной кладки из сдвоенных кирпичей [Пилявский, 1974, рис. на с.42–43], разделенных в шахматном порядке резными «бантиками», уложенными вертикально и в некоторых верхних рядах покрытыми голубой глазурью. В четырех поясах размещены куфические надписи, из них три верхние плохо сохранились.

Из мечетей, открытых в столичных городах Нижнего Поволжья, следует выделить

мечеть из раскопок Селитренного городища (Сарай). Стены ее были сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе в четыре ряда (ширина до 1 м). Южная стена с михрабной нишей была более массивной и доходила до 1,5 м. Главный вход был сделан посередине северной стены. Дверной проем (ширина 2,7 м) снаружи был оформлен массивным порталом, пилоны которого имели длину до 5 м, ширину 3 (восточный) и 4,8 м (западный). Это объясняется тем, что западная стена была построена вперевязку с малым залом мечети. Стены мечети были, очевидно, покрыты белой штукатуркой. Молитвенный зал мечети был квадратным в плане, имел размеры 35,5x36,5 м и был разделен на девять нефов восемью рядами колонн. Во всех рядах, кроме двух средних, было по 8 колонн. В средних рядах вторые и третьи колонны с северной стороны отсутствовали, и на их месте находился внутренний дворик размерами 9,3x9 м, по периметру его был сделан парапет из поставленных на ребро обожженных кирпичей, скрепленных известковым раствором. Основная площадь дворика была вымощена кирпичом, положенным на известковом растворе плашмя. В центре его находился, очевидно, небольшой круглый водоем (диаметр 3,7 м, глубина до 3,3 м), облицованный жженым кирпичом. Фундаменты колонн состояли из нескольких рядов кирпичной кладки, а сами колонны были, судя по отпечаткам на известковой обмазке, деревянными, квадратными в сечении (диаметр около 38 см). Центральный неф немного шире остальных. Он вел к украшенному ганчем михрабу в южной стенке мечети. Две колонны перед михрабом, судя по особому устройству их баз, были каменными. В середине восточной стены имелся неширокий вход с пилонами. Очевидно, такой же вход был и в западной стене. К западу от главного портала находилось небольшое помещение с двумя колоннами и кирпичным полом, со стенами, богато украшенными мозаикой с позолотой. Эта мечеть была построена в 40-е гг. XIV в. и существовала, по крайней мере, 30 лет. Особенностью данной мечети было то, что к ней примыкало помещение г-образной формы с несколькими изолированными жилыми комнатами с канами, печами, самостоятельными входами. Внешний угол имел декоративную колонну. Одна комната была пустая, с небольшой нишей, ориентиро-

План мечети. Большие Кучугуры
(по Е.А.Армарчук)

ванной по кыбле. Это, очевидно, небольшая придомная мечеть. Э.Д.Зиливинская считала, что это помещение может быть библиотекой или судом при мечети, однако более прав, скорее всего, Г.А.Федоров-Давыдов, считая, что это – ханака (обитель суфиев) или странно-приимный дом [Зиливинская, 1998, с.22–26; Федоров-Давыдов, 1994, с.68–69].

Другая нижеволжская мечеть, открытая на Водянском городище, очень напоминает сарайскую. Однако лучшая сохранность позволила проследить детали декора молельного зала и минарета. Так, михрабная ниша сверху украшалась алебастровой плитой с рельефной надписью куфическим шрифтом, а перед михрабом находилась прямоугольная площадка, отгороженная от остальной части зала деревянными колоннами. В центре этой площадки напротив михраба была вкопана мраморная колонна, а под ней укреплена часть мраморной капители ранневизантийской эпохи, привезенная, очевидно, из Крыма. У северо-восточного угла мечети выявлен прямоугольный цоколь минарета (5x4,2 м) из больших каменных плит и блоков. Выше должен был подниматься цилиндрический ствол минарета, сложенный из обожженных кирпичей. Поверхность его украшали плитки с бирю-

Малый минарет. Болгар. Фото 1950-х гг. НМ РТ

зовой поливой, чередовавшиеся с ганчевыми вставками, на которых были отгиснуты надписи «Аллах», «Мухаммад», растительные и арабесковые узоры [Зиливинская, 1998, с.20–22; Федоров-Давыдов, 1994, с.67–68]. Эта мечеть была возведена в середине XIV в. и существовала вплоть до разгрома города Тимуром (1395 г.) [Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с.108–132].

Все остальные мечети в той или иной степени подобны вышеописанным и однотипны. Как правило, это квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие в виде балок или аркад. Прямоугольные мечети чаще вытянуты в меридиональном направлении, но могли быть – и в широтном (например, Большая мечеть Верхнедзулатского городища). Главный вход в молельный зал почти всегда был расположен напротив михраба и обрамлен порталом. Иногда здания имели и небольшие боковые входы (Болгар, Сарай, Кучугурское городище). Размеры молельных помещений колеблются от около 7x4 м (Куршун-Джами – г. Крым) до 35x36 м (Сарай), 33x28 м (Болгар) и поистине грандиозных построек 58x52 м (Шахр ал-Джадид). Внутри

стены, как правило, покрывались штукатуркой, а михраб украшался резным камнем и изразцами, чередующимися с ганчем. Полы чаще всего были деревянными, иногда покрытым известковым раствором.

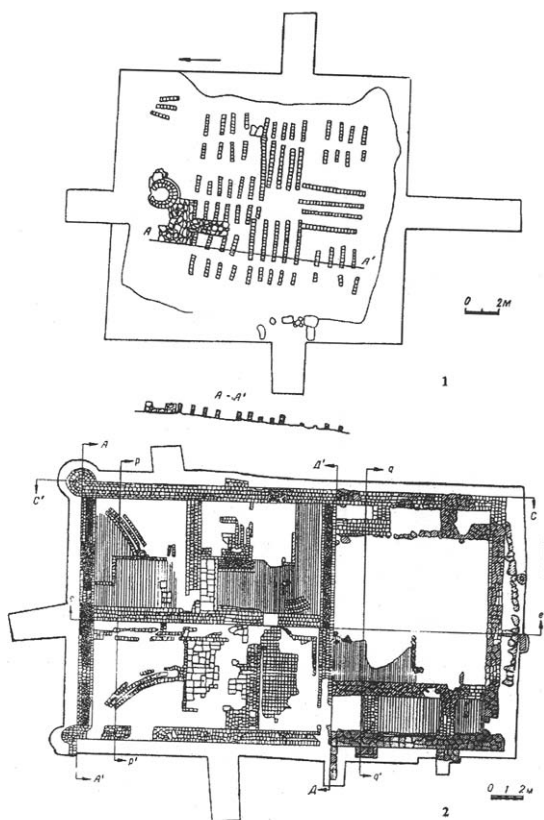
Истоки, по крайней мере, части подобных мечетей, следует искать в сельджукском зодчестве, где прямоугольные постройки внутри были разделены на нефы рядами столбов или колонн, соединенных балками или аркадами. Характерной чертой сельджукских мечетей является наличие в крыше светового люка, под которым находился сильно редуцированный внутренний дворик с водоемом или фонтаном. В мечетях Улуса Джучи мы также видим зал, разделенный на нефы, что хорошо прослеживается в конструкции мечетей Болгара, Кучугурского городища, а также в мечетях «Узбека» и «Бейбарса» в Крыму. В мечети Сарая и Бельджамена расстояние между рядами колонн и колоннами в ряду одинаково, но наличие трансепта в мечети Сарая говорит о ее принадлежности к базиличной планировке. На явные сельджукские истоки указывает также наличие внутреннего дворика с водоемом в центре. Для малоазийских мечетей было типично наличие купола, перекрывающего пространство перед михрабом, для выделения его из всего объема здания. Вероятно, наличие в мечети Бельджамена квадратной площадки, окруженной столбами, перед михрабом служило той же цели.

Особо следует остановиться на такой детали архитектурного оформления золотоордынских мечетей, как развитый, выступающий за пределы здания, портал. Иногда считается, что в культовых постройках Улуса Джучи возводился мощный пештак с входным проемом в виде стрельчато-арочной порталной ниши [Айдаров, 1970, с.41; 2000, с.21–22]. Однако в большинстве порталных сооружений мусульманского зодчества ниша пештака утоплена в толщу лицевой стены, а если и выступает за пределы основного объема здания, то распор арки погашается контрфорсами в виде декоративных минаретов и боковыми пристройками. Наличие пештака со стрельчатой аркой можно предполагать только у мечети Сарая в строительной технике которой заметно среднеазиатское влияние. Пилоны ее портала отличаются особой толщиной, а западный укреплен еще сложной вперевязку с ним стеной примыкающего зда-

ния (подробнее см.: [Зиливинская, 1998, с.33]). В отношении же мечетей Болгара, Бельджамена и Шахр ал-Джадида можно отметить, что толщина их пилонов не превышает толщины стен здания. Учитывая же связь с сельджукской архитектурой, здесь можно предполагать наличие портала со сталактитовой нишей и резьбой по камню, подобной известной мечети-медресе Крыма. По иному был решен выделенный вход в мечети Кучугурского городища, где он превратился в обширное помещение в виде айвана или входного тамбура.

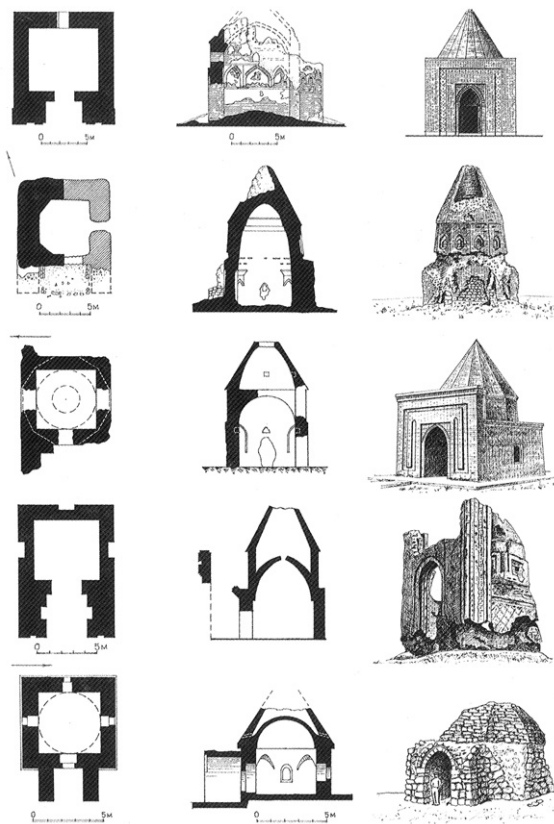
Значительный интерес также представляет полностью сохранившиеся до наших дней мечеть-медресе средневекового города Солхата (Крым), что нашло отражение в многочисленных исследованиях, посвященных этому комплексу [Башкиров, 1927, с.122–145; 1926, с.108–126; Бороздин, 1926, с.271–302; Засыпкин, 1927, с.113–169; Якобсон, 1964, с.104–108; Зиливинская, 1998, с.27–28]. Здание представляет собой базилику с тремя парами восьмигранных устоев, соединенных стрельчатыми арками. Размеры постройки – 17,5x13,5 м. Устои поддерживают деревянное стропильное перекрытие и двускатную черепичную крышу. В северо-восточный угол здания встроены цилиндрический ствол минарета. Вход в мечеть обрамлен порталом со сталактитовой нишей и резными каменными фризами. Аналогично оформлена и михрабная ниша. На резном портале мечети сохранилась надпись, датирующая ее временем правления Узбека (1314 г.). С юга к мечети примыкает медресе в виде обширной квадратной постройки с открытым двором посередине. Памятник этот рассматривался в качестве единого и синхронного комплекса. Однако археологические исследования этого памятника, проводившиеся М.Г.Крамаровским в 1978–1986 гг., доказали, что мечеть была пристроена к медресе 1330-х гг. позднее, в XVI в., а портал с надписью, как и весь декор михраба, был взят у другой более ранней мечети [Крамаровский, 1989]. При этом все исследователи единодушны в том, что этот комплекс построен при явном сельджукском влиянии.

Другой немаловажной формой культовой архитектуры являлись мавзолеи, находки которых довольно многочисленны и выразительны [Хлебникова, 1970; Ртвеладзе, 1973;

Планы бани и медресе. Большие Кучугуры (по Е.А.Армарчук)

Алихова, 1973; Палимпсестова, Рунич, 1974; Егоров, 1980, с.74–88; Баранов, Кавеев, 2001, с.176–199; Аксенова, 2001, с.200–216]. Выделяется несколько типов золотоордынских мавзолеев [Федоров-Давыдов, 1994, с.70–72]. Первая группа – квадратные в плане, встречающиеся на Южном Урале, Северном Кавказе и нижневолжских городах, завершались они, возможно, шатровым перекрытием. Вторая группа – квадратные в плане, с порталом в виде тамбура, с двумя длинными пилонами по бокам входа. По оформлению кровли они похожи, очевидно, на первую группу. Обнаружены в городах Болгар и Мохша, на Южном Урале, Северном Кавказе и Приднестровье; самый распространенный тип мавзолея золотоордынского времени. К третьей группе относятся однокамерные мавзолеи с массивным порталом, аналогичные среднеазиатскому пештаку. Известны богато украшенные мавзолеи этого типа, так в Сарае обнаружен мавзолеем с мозаичным порталом с вымосткой из жженных кир-

Типы мавзолеев – кешене. Приаралье.
XIII–XIV вв.

пичей над могилами. Подобные мавзолеи с шатрово-купольной кровлей известны на Южном Урале [Смирнов, 1957, №58, рис.8]. Еще одна группа – мавзолеи с двумя камерами: собственно усыпальницей («гур-хана») и местом оплакивания («зиярат-хана»). Могли иметь портал типа пештака. Подобные мавзолеи известны из некрополей нижневолжских городов, Болгара и Мохши, а также Южного Урала и Северного Кавказа. Портал одного мавзолея из Водянского городища украшала мозаика, «Гур-хана» другого богатого мавзолея была обложена вдоль стен изнутри деревянными брусами и имела ганчевую облицовку стен и купола. Подземный мавзолей из жженного кирпича на Селитренном городище был квадратным в плане и имел перекрытие, сложенное как «ложный свод». На этом же городище были открыты и другие обширные подземные мавзолеи с четырьмя стрельчатыми нишами в углах при переходе кубического объема в купол.

Как правило, мавзолеи были семейно-клановыми усыпальницами и содержали несколько погребений. Наиболее близкие параллели мавзолеям первого типа, по мнению Г.А.Федорова-Давыдова, обнаруживаются в архитектуре Средней Азии, особенно Хорезма. Мавзолеи же второй группы возникли, возможно, в Булгарии и оттуда распространились по всему Улусу Джучи. В оформлении ряда золотоордынских мавзолеев, особенно на Северном Кавказе, заметны черты сельджукской архитектуры [Федоров-Давыдов, 1994, с.72].

В целом следует подчеркнуть, что культовая архитектура Улуса Джучи складывалась под сильным влиянием сельджукских традиций. Но при этом, взяв за основу базиличную планировку с плоским перекрытием, золотоордынские зодчие творчески переработали ее, сообразуясь с местными условиями и вкусами заказчиков. В результате возникли оригинальные архитектурные решения, как, например, башнеобразные контрфорсы Улуг Джамии-мечети Болгара, пристройка ханака, примыкающая к мечети Сарая, входной тамбур кучугурской мечети.

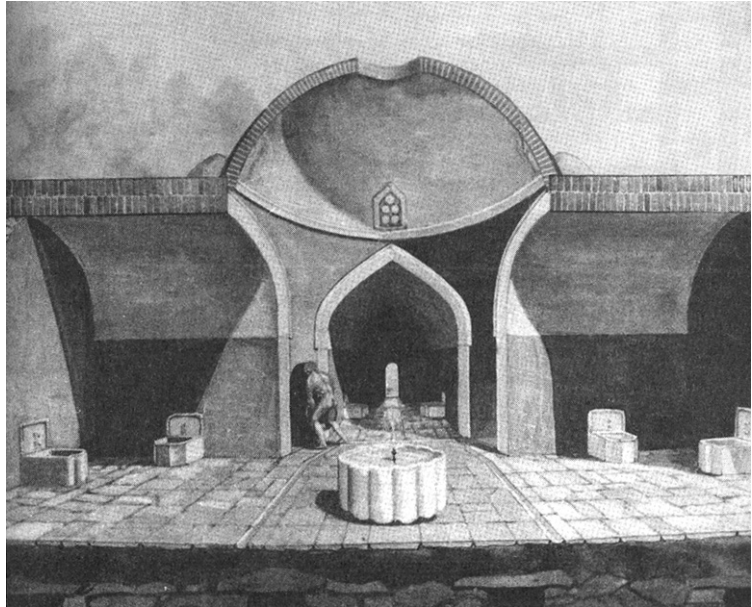
Средневековый мусульманский город невозможно представить без общественных бань – *хаммам*. Например, судя по письменным источникам, в Багдаде в IX в. было 5 тыс. бань [Мец, 1973, с.311] и, хотя эти цифры явно преувеличены, наличие огромного числа квартальных и частных бань в городах мусульманского мира не подлежит сомнению. Исследования золотоордынских городов в определенной мере подтверждают это. Так, при раскопках Болгарского городища изучено шесть бань, Наровчатского – восемь, Селитренного и Староорхейского – три, также еще несколько бань известны из раскопок Водянского городища, Азака и поселения близ Запорожья на Нижнем Днепре [Алихова, 1976; Бырня, Зиливинская, 1988; Зиливинская, 1990; Федоров-Давыдов, 1994, с.69–70; Шарифуллин, 2001].

Упрощенной конструкцией хаммама являются здания с прямоугольными в плане помещениями, расположенные в один ряд и состоящие из одного (или более) мыльных помещений с едиными капитальными стенами. Можно отметить, в частности, бани Наровчатского городища, где изучено семь небольших (от 8 до 20 кв. м) однокомнатных

кирпичных зданий, имевших топочную камеру и подпольную отопительную систему. Скорее всего, это были небольшие бани с деревянными предбанниками, входившие в усадебный комплекс. Это довольно редкий случай существования небольших частных бань. Еще одна подобная баня известна из раскопок в Азове и Сарая [Зиливинская, 1990, с.133, 135]. Более развитым видом этой конструкции являются бани с тремя помещениями: частично отапливаемого предбанника, горячей мыльни и топочного отделения. К ней относится баня из Сарая, которая входила в состав богатой усадьбы и примы-

кала к ее центральному зданию. Она состояла из большого холодного предбанника с расположенным в центре его прямоугольным бассейном, мыльного помещения с теплыми полами и топочной камеры. Вода отводилась с помощью водостока. Типична также баня из Болгара [Шарифуллин, 2001, с.222–223], помещения которой расположены анфиладно, по мере повышения температуры. Наиболее удаленное от печи имело размеры 3х5,5 м. Вдоль одной из стен прослежены два параллельных дымохода, представлявшие, очевидно, остатки суф-лежанок. Основное помещение мыльни имело почти квадратный план (6,2х6,6 м). Отапливалось он из соседнего топочного помещения с помощью подпольной системы жаропроводящих каналов.

Наиболее выразительный, типичный тип восточной бани – хаммам представлен многочисленными банями из Болгара (практически все, в т.ч. Красная, Восточная и Белая палаты [там же, с.221–256]), Мохши, Сарая, Бельджамена и поселения на Нижнем Днепре. Планировочная структура их такова: прямоугольный (чаще квадратный) объем с вписанным в него крестообразным залом, между сторонами которого устроены квадратные кабины-мыльни, представляет собой основу постройки и имеет подпольную систему обогрева. С двух противоположных сторон к

Реконструкция бани. Болгар. XIV в.
(репродукция работы Н.О.Фреймана)

нему, как правило, пристраивались служебные и вспомогательные помещения. Служебная часть предназначалась для тепло- и водоснабжения центральных помещений. Вспомогательные комнаты, иногда отделенные от мылен промежуточным тамбурным помещением, предназначались для переодевания и отдыха посетителей. В центральном зале мочевого помещения существовала целая система керамических труб для подачи и отвода воды, и, как правило, в центре зала располагалась каменная чаша водоема с фонтаном. Перекрытие помещений, видимо, было достаточно единообразным и идентичным: купольные своды над центром крестообразного зала и помещениями мылен; коробовые своды над сторонами основного помещения, тамбуром и цистерной; предбанник мог иметь плоскую или скатную кровлю [там же, с.255]. Одна из самых характерных из них из Мохши имела размеры 14х10,5 м и возведена на фундаменте из бутового камня, поверх которых шли кирпичные стены. Здание состояло из двух помещений различного назначения: крестообразного зала с четырьмя угловыми мочными и массивного топочного помещения. Печь располагалась в северной части бани, и горячий воздух из нее проходил по трем горизонтальным дымоходам, нагревая основное помещение. Жаро-

проводящие каналы были перекрыты сверху большими кирпичными плитами (6х18х6 см). В центре зала располагался водоем в виде круглой чаши (диаметр 1,2 м) с плоским дном, выложенным кирпичами, в центре его располагался, судя по наличию глиняной трубы с раструбом, фонтан. У входа располагалась неширокая камера, видимо, небольшой бассейн. Перед южной стороной бани располагался, очевидно, холодный предбанник [Алихова, 1976]. Одной из наиболее богатых бань являлась постройка из Сарая, вход которой располагался на площади перед Джами-мечетью [Федоров-Давыдов, 1994, с.70]. Впечатляют ее размеры – длина 26 м и ширина 13–16 м. Здание имело 9 помещений. Из тамбура через коридор посетитель попадал в холодный предбанник с суфами вдоль стен. Пол его был узорно выложен обломками и целыми жжеными кирпичами. Очевидно, в центре предбанника находился фонтан, к которому вел кубурный водопровод. Предбанник имел окна с ганчевыми застекленными решетками – панчжара. Кроме предбанника были еще две раздевальни. Из входного тамбура можно было попасть либо в них, либо в предбанник с фонтаном. Горячие помещения имели подпольное отопление и общую для них топку. Помещение для мытья имело характерную крестообразную форму. Баня отличалась тщательностью отделки и декором – изразцовые стены, мозаичные полы, витражи в окнах. Она явно предназначалась для зажиточных слоев городского общества.

Вызывает дискуссию вопрос об истоках подобной архитектуры. Есть точка зрения, что простые и анфиладные конструкции бань «являются продолжением античных традиций» [Зиливинская, 1990, с.137]. Однако наличие тех или иных конструктивных элементов бани (отсутствие тамбура, сдвоенный объем) или замена отдельного элемента основного объема (часть мыльни) вспомогательным помещением (топочная камера или цистерна) могло диктоваться прагматическими соображениями: желанием заказчика сэкономить материалы и топливо при ограниченном доступе посетителей и т.д., а не древними традициями. Кроме того, практически для всех подобных построек в Восточной Европе с болгарского (X–XIII вв.) до золотоордынского (XIII–XV вв.) времени была характерна сис-

тема подпольных каналов с вертикальными тяговыми дымоходами для принудительной циркуляции дыма и жара, тогда как для античной традиции свойственно устройство пола на столбиках, обеспечивающих свободное движение воздуха и жара [Шарифуллин, 2001, с.257]. До недавнего времени считалось, что конструкция бань-хаммамов с центральным водоемом была принесена в Улус Джучи армянскими мастерами [Хованская, 1954, с.422; Егерев, 1958, с.388]. Но поскольку подобная конструкция не известна в Армении, но очень характерна для малоазийского зодчества, то можно предполагать сельджукские истоки данного типа построек [Зиливинская, 1990, с.131]. При этом здесь явно переплелись ранние болгарские, среднеазиатские и очень сильные сельджукские традиции.

Архитектурный декор. Грандиозное строительство, которое велось ханами Улуса Джучи в новых и старых городах империи, сопровождалось расцветом архитектурного декора. Отделка монументальных культовых зданий – мечетей и мавзолеев, а также дворцов правителей и знати, невиданно пышная по размаху и обширная по масштабам применения, сочетала все известные до этого в мусульманском декоре материалы и техники. Фаянсовая мозаика и изразцы, резная терракота и гипс, резной камень и роспись по штукатурке, в той или иной степени, известны в декоративном оформлении монументальных зданий всех золотоордынских городов.

В наружной отделке и декоре интерьеров общественных зданий широко использовалась фаянсовая мозаика – техника орнаментального набора из фигур, вырезанных из покрытых разноцветной глазурью керамических плит (см.: [Meinecke, 1976]). Именно ей отдавалось предпочтение (по сравнению с изразцами) в облицовке порталов и пилонов, внутренних поверхностей куполов, сплошной декорировке больших плоскостей стен. Большим преимуществом мозаики, наряду с созданием долговечного декоративного покрова с ярким и отчетливо выделяющимся на значительном расстоянии узором, была способность пластически вторить очертаниям многочисленных в мусульманской архитектуре криволинейных и профилированных поверхностей – арок, сводов, куполов, подку-

польных барабанов, трюмпов, полусводов михрабных ниш и сталактитов-мукарнас.

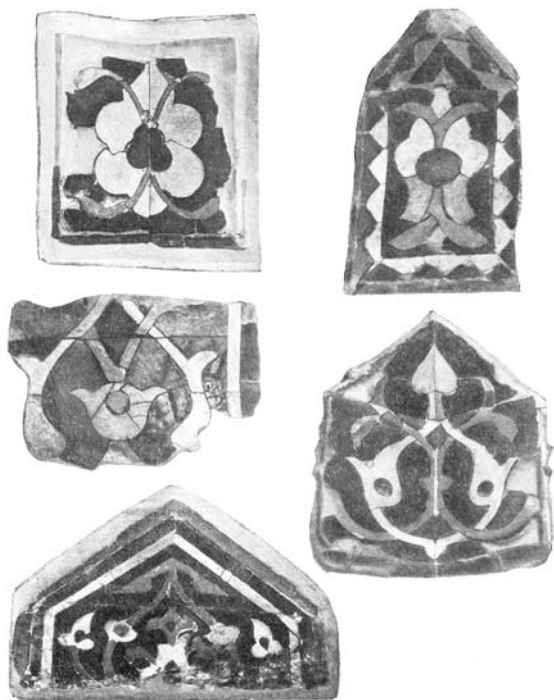
Поиск прямых аналогий золотоордынским мозаикам в архитектурном декоре Средней Азии, Закавказья и Ирана успехом не увенчался [Носкова, 1976, с.25]. Не удалось найти убедительных доказательств зарождения самой техники фаянсовой мозаики в Хорезме или Мавераннахре, где вплоть до XIV в. основным облицовочным материалом была резная терракота, и появление мозаик связано с постройками Самарканда конца XIV в. В этих известных, но довольно поздних памятниках, встречаются многие идентичные поволжским мотивы. Исследователь архитектурного декора золотоордынских городов Нижнего и Среднего Поволжья Л.М.Носкова объясняет более раннее, чем в Мавераннахре, появление майоликовых мозаик в Поволжье и Хорезме тенденцией «сплошного украшения зданий», требовавшей «изобретения таких облицовок, которые позволили бы с большой эффективностью украшать большие поверхности, значительно удаленные от наблюдателя» [там же, с.28].

Верно подмеченная тенденция, однако, гораздо раньше дала о себе знать в архитектурном декоре Ближнего Востока, а именно в Малой Азии, оставив в качестве неоспоримого свидетельства великолепные образцы поливной декорации. Сельджукская эпоха вообще стала временем расцвета многих художественных ремесел, аккумулировавших технические приемы и нововведения предыдущего времени. Поступательное развитие декора в кирпичной архитектуре Саманидов, Газневидов и Караханидов оформилось в это время как логическое продолжение, ряд существовавших до этого техник достигли высокого расцвета. Искусство анатолийских Сельджукидов в течение XI–XIII вв. впитало множество художественных традиций, в том числе опыт иранских, сирийских и закавказских мастеров. Многие из них, спасаясь от монгольского нашествия, нашли убежище в Малой Азии и участвовали в строительстве и отделке монументальных зданий Конийского султаната [Bayburtluoglu, 1993]. Среди них были, несомненно, керамисты – мастера изразцового и мозаичного декора [там же, с.210–228]. Фаянсовая мозаика в Малой Азии уже в XI–XII вв. применялась в

Майолики с растительным орнаментом
(по Л.М.Носковой)

наружном декоре зданий в сочетании с узорной кладкой из жженого и глазурованного кирпича, а на протяжении XII в. она стала самым распространенным видом отделки интерьеров культовых сооружений. Внутренние помещения светских зданий – дворцов, бань – были покрыты сплошной облицовкой фигурными изразцами. Можно с уверенностью утверждать, что «на протяжении XIII в. основное и блистательное развитие архитектурной керамики происходило в анатолийско-тюркском искусстве» [Aslanapa, 1993, s.318]. Обращение к мозаичному декору культовых зданий сельджукской Анатолии представляется чрезвычайно важным в контексте проблемы происхождения золотоордынских мозаик. Дошедшие до наших дней в виде облицовок в памятниках Хорезма и известные из археологических раскопок в Поволжье, они дают богатый материал, который позволяет установить технологическую и стилистическую преемственность с анатолийскими предшественниками.

Майолики с растительным орнаментом
(по Л.М.Носковой)

Одним из примеров этого является мозаичный декор мавзолея Тюрабек-ханым в Ургенче – блистательный образец дотимуридского архитектурного декора. Необходимо отметить, что фаянсовая мозаика служила декоративным покровом как внутренних поверхностей, так и значительной части наружных плоскостей. И здесь, и там искусно использован шлифованный кирпич естественного желтовато-розового цвета, которым выложены основные разделители декоративных мозаичных акцентов. Наружный декор, сохранившийся фрагментарно, в настоящее время несколькими вставками, преимущественно бирюзового цвета, отмечает места, где он был прежде сосредоточен. В портале мозаики служили покровом обрушившегося декоративного сталактитового заполнения полусвода, панно над входом четко выделяли два бордюра, вдавленных в плоскость прямоугольной рамы. В восьми гранях основного объема здания и боковых стенах портала мозаичный декор усиливал живописность членений, повторяющих порталную схему. Самым выразительным цветовым акцентом снаружи был синий конический шатер, венчавший в свое время здание усыпальницы. Под-

держивавший шатровое завершение барабан разбит на прямоугольные панно с тщательно выложенными тонкими кирпичными обрамлениями. В свою очередь, сотовый рисунок панно также выложен тонкими кирпичиками, между которыми сохранились «швы» осыпавшихся позднее мозаик. Декор барабана завершали карниз из двух рядов сталактитов и лента надписи под ним (утрачена) (см.: [Пилевский, 1974, с.52]).

Замечательна тектоническая разработанность интерьера, в котором обращает на себя внимание разбивка зоны перехода от основного объема уступчатых стен к барабану и куполу. В барабане двенадцать слепых арочных ниш стрельчатых очертаний, заполненных мозаиками, повторяются в аналогичных формах чередующихся с ними двенадцати проемов окон. Сталактитовые паруса и панно переходной от шестигранника к барабану зоны также насыщены мозаичным декором. Изящество и законченность композиций, вызывающие в памяти лучшие образцы восточных миниатюр, в первую очередь, относятся к декору купола. В основу его орнамента положено плетение рисунка девяти- и пятиконечных звезд, сочетающихся в вариациях и закономерно убывающих по размеру к центру купола. Уникальная композиционная схема мозаичного убранства купола не имеет предшественников в средневековом искусстве Средней Азии и Ирана. Во всяком случае, среди немногочисленных дошедших до нас хронологически более ранних мозаичных купольных интерьеров они сравнимы по мастерству композиции и исполнения лишь с двумя памятниками (купол Каратай Медресе в Конье и Эшрефоглу-джами в Байшехире).

Одноцветные фаянсовые (майоликовые) плиты с мягкой и хрупкой массой черепка (20x20x2 см, толщиной 15–20 мм, слой поливы до 0,75 мм), предназначенные для выпиливания, были обнаружены в керамических мастерских нескольких золотоордынских городов [Носкова, 1976, с.25]. Мотивы орнамента и фрагменты заполнения фона выпиливались по заранее подготовленным лекалам в натуральную величину. Обратный вид набора, применявшийся в золотоордынской архитектуре [там же], предполагал выкладку деталей узора лицевой стороной вниз по ровной поверхности, вплотную друг к другу, с последующей заливкой готового фрагмента

раствором с обратной стороны. Выпиленные детали орнамента в профиле имели слегка коническую форму, что было особенно удобно и важно при выкладке узора по вогнутой поверхности. Он идентичен технологии набора мозаичных блоков в декоре сельджукской Анатолии (наряду с этим в анатолийских мозаиках, преимущественно в монументальной эпиграфике, декоре сталактитов в михрабах, использовался и «прямой» набор, когда детали мозаики помещались на подготовленной плоскости стены, где белый фон связующего гипсового раствора играет равноценную роль; см.: [Yetkin, 1986, s.162]).

Из раскопок г. Болгара золотоордынского периода также известны детали архитектурной майолики с подглазурной росписью, из которых набирались декоративные настенные панно. Обычно майоликовые плитки имеют прямоугольный вид и богато орнаментированы. На болгарской плитке изображены небольшие желто-коричневые цветы на длинных изогнутых стеблях с резными листьями, поверх которых идет белая арабская надпись почерком «нашх», очевидно, передающая изречение или аят Корана. Интересна находка майоликовой панели из Укека с алиидскими мотивами, вписанными в декор. Характерны были также резная терракота, с поливой и без нее. Этим элементам декоративного убранства зданий есть также много аналогий в мусульманской архитектуре, особенно Малой Азии.

В орнаментальном репертуаре золотоордынских мозаик и майолик наибольшим богатством мотивов и композиционной свободой выделялась область растительного орнамента. В сравнении со среднеазиатскими узорами с их тягой к раппортному построению, поволжские памятники отличает «свободное расположение, индивидуальность и неповторяемость отдельных орнаментальных схем» [Носкова, 1976, с.25]. Основу композиций больших панно составляли ветви и переплетающиеся побеги с листьями, бутонами и цветами; причем в изображениях последних узнаются некоторые растения, вероятно, излюбленные в то время. В мозаиках можно выделить оригинальные приемы стилизации тех или иных цветочных форм, иногда фантастических, а чаще всего гвоздик, тюльпанов, незабудок, нарциссов и лилий. Фон таких композиций обычно ультрамариновый, на нем выделяются побеги и ветви бирюзового цве-

та. Детали фона и орнаментальные вставки плотно пригнаны друг к другу. Цветочный ковер мозаики, обладая сложным линейным рисунком, обогащен яркими декоративными цветовыми сочетаниями. В палитре мозаик – насыщенный желтый, красный, синий, белый цвета. Звучность ключевых элементов панно, повторяющихся основных мотивов бордюров усилена яркими контрастными вставками – красными на желтом, желтыми на синем; эти мелкие вставки круглой, капле-видной, сердцевидной и фигурной формы вырезаны с большим искусством [Федоров-Давыдов, 1976, илл.74–80].

Особым изяществом отличаются мозаики Сарая ал-Джадид. В стремлении к точности и узнаваемости каждый из мотивов подвергнут тщательной детализировке, не нарушающей, впрочем, общей условности изображения. Цветы, ставшие и здесь главным источником вдохновения, трактованы в манере, сравнимой с видением мастера-ювелира: лепестки цветов имеют тонкий контур контрастного цвета, вся поверхность панелей охвачена переплетением стеблей и завитками побегов, близким к узору ажурной филигрании; широко распространен прием, когда цветы, листья, стебли, словно движимые случайным порывом ветра, перекрывают друг друга. Еще одна оригинальная находка – изображение «прозрачности» листа, имеющего фигурную вставку, сквозь которую «виден» проходящий под ней тонкий стебелек [Носкова, 1976, табл. I, 5, II, 1, 3, 6]. Особого внимания заслуживают композиции, украшавшие ячейки мукарнас – сталактитов, формирующих декоративные карнизы стен и полусводы ниш. Это компактные небольшие панно пятиугольной формы, в декоре которых выработаны лаконичные схемы из немногих побегов и бутонов [там же, табл. III, 1-4; Федоров-Давыдов, 1976, илл.76].

Именно широкое использование красного цвета отличает мозаики золотоордынских городов Поволжья [Кверфельдт, 1947, с.88; Носкова, 1976, с.26; Федоров-Давыдов, 1976, с.122]. Вставки кирпично-красного тона, характерные для архитектурной керамики Сарая ал-Джадид, можно связать с применением земляной краски – обмазки, покрытой мягкой прозрачной глазурью. Другой прием обогащения цветового строя мозаик – надглазурное золочение, иногда сплошное,

отдельных частей узора, которое в таком виде не имеет аналогов в средневековой мусульманской архитектуре [Носкова, 1976, с.26].

Мозаикой выкладывались, по-видимому, большие эпиграфические фризы и вставки в декоре стен, возможно, михрабов. Буквы надписей всегда были белыми. Дошедшие до нас фрагменты позволяют говорить об использовании преимущественно курсивного почерка «насх» в заполнении строгих лент надписей на одноцветном фоне [там же, табл.V, 1, 2] или эпиграфических панно на фоне растительных узоров [там же, табл.V, 4, 5; Айдаров, Аксенова, 1983].

Многочисленные археологические находки на развалинах средневековых городов Поволжья (Болгарском, Водянском, Селитренном, Мечетном, Маджарском, Увекском городищах) фрагментов изразцов позволяют говорить о своеобразном развитии этого искусства в регионе в рассматриваемый период [Носкова, 1976; Федоров-Давыдов, 2001, с.147–159]. Формирование особого орнаментального стиля золотоордынских изразцов было обусловлено активным развитием собственного керамического производства. Весьма вероятно участие в его становлении мастеров из Ирана, Малой и Средней Азии, где кашинная архитектурная керамика известна с начала XII в., поскольку на болгарских майоликах сохранились служебные персидские надписи, при помощи которых мастера обозначали порядок набора плиток [Носкова, 1976, с.24].

Цветовой строй, рисунок, техника нанесения росписи золотоордынских изразцов отличаются большим разнообразием. Излюбленным цветом фона был ультрамариновый, на котором обычно располагались композиции с использованием растительных, геометрических или эпиграфических орнаментов.

В поволжских городах Улуса Джучи изразцовые облицовки не сохранились достаточными фрагментами, которые могли бы дать представление о характере композиций на больших площадях стен. Однако даже самые небольшие дошедшие до нас детали могут служить основой для некоторых реконструкций. Так, среди майолик Селитренного городища привлекают внимание изразцы с надглазурной росписью и золочением кусочками фольги, имеющие форму неправильного

ромба [там же, табл.VIII, 5; Федоров-Давыдов, 1976, илл.87]. Изразцы фигурной формы, подобные этому, были частью мозаичной выкладки, составляющей сплошную облицовку нижнего яруса стен. Аналогии формы и мотива росписи находим в оформлении дворца сельджукских султанов в Конье. Нижний ярус стены в одном из помещений дворца был облицован мелкими изразцами, образующими шестиугольники [Sarge, 1937, S.19–20, Taff.6,7; Oney, 1988, рис.84].

Панели из крещатых изразцов, перемежающихся с плитками восьмиугольной или квадратной формы, характерные для декора средневекового Ирана, Азербайджана и Анатолии, играли определенную роль и в золотоордынских интерьерах. Об этом, в частности, может свидетельствовать фрагмент майоликовой восьмиугольной (?) плитки с изображением человека из раскопок золотоордынского Сарая [Федоров-Давыдов, 1976, илл.89]. Изображение воина в шлеме, которое существенно отличается от известных изображений на архитектурной и бытовой керамике иранского круга, позволило говорить о выработке мастерами Улуса Джучи своей собственной художественной манеры [Носкова, 1976, с.26]. Полихромная декорация наружных и внутренних стен обогащалась панелями из изразцов прямоугольной формы с растительным орнаментом, плетенками и надписями. Эти майолики в основном производились на кашинном тесте с подглазурной росписью. Мелкие по размеру и более тонкие по рисунку плитки с надглазурной росписью использовались достаточно редко, встречаясь в оформлении интерьеров (бордюры, карнизы).

Степень дифференциации декора изразцов в связи с назначением памятника может быть показана на ряде примеров. Так, чрезвычайно интересно кирпичное надгробие с двухцветной майоликовой облицовкой, обнаруженное в мавзолее на Водянском городище. Майолики нижней платформы надгробия несут мотив, применявшийся для обрамления основного рисунка [там же, с.15]. Интересную трактовку данного мотива, чрезвычайно характерного для анатолийско-сельджукского архитектурного декора (Гёк Медресе Месджит в Сивасе, мозаичный бордюр под барабаном купола; мозаичное панно в устье ми-

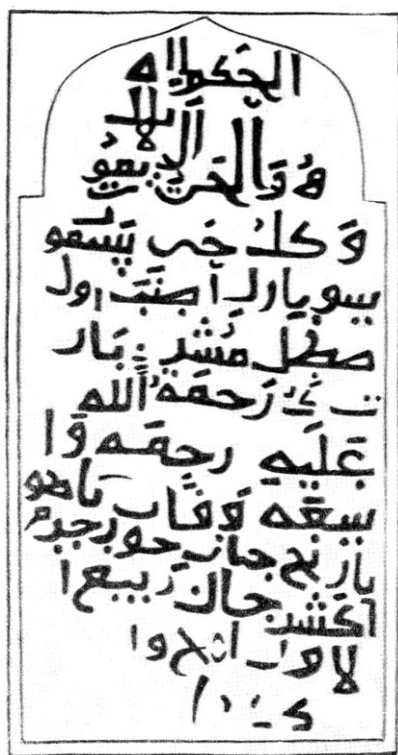
нарета Чифте Минарели Медресе в Эрзуруме, архивольт арки входного айвана, медресе Абу-л-Муджахид Йусуф в Чае; в камне – гравированный бордюр над аркой входа и портал в Чифте Минарели Медресе в Сивас, портал мавзолея Мама Хатун в Терджане и т.д.), можно встретить и в полихромных изразцах с подглазурной росписью из облицовок т.н. «Ханской усыпальницы» Болгара [Червонная, 1983, илл.6].

Резные и штампованные гипсовые панели и бордюры были традиционным приемом отделки как культовых, так и светских зданий. Сочетание резного гипса с фаянсовыми облицовками или росписью по штукатурке характерно для целого ряда памятников [Ефимова, 1969, с.67]. Резьбой по гипсу был оформлен михраб соборной мечети средневекового Бельджамена (Водянского городище): сохранились следы сложно профилированной прямоугольной рамы михрабной ниши и алебастровая панель с коранической надписью; в наружной декоративной кладке ствола минарета соседствовали лекальный жженный и поливной бирюзовый кирпич, узорные и эпитафические вставки, выполненные штамповкой из стука [Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с.108, 123–125, рис.16–23].

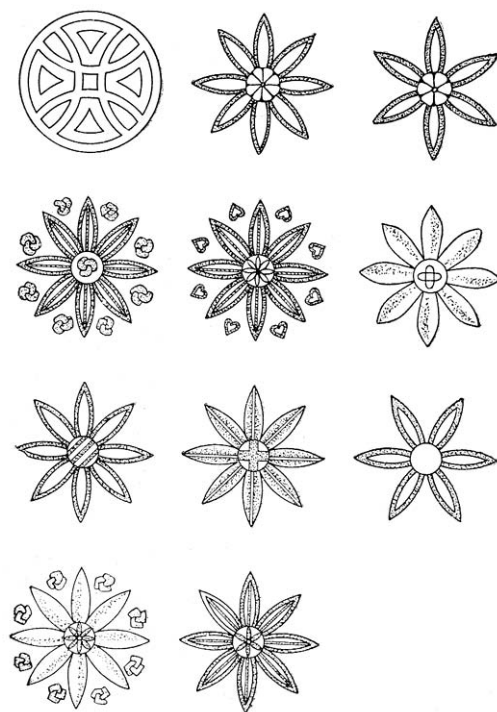
Стены одного из дворцов в Сарае украшали стукковые панели с сюжетными изображениями. Сохранившиеся фрагменты бордюра, выполненного с помощью формовки [Федоров-Давыдов, 1976, илл.93–99], представляют собой популярное в репертуаре светского искусства Передней Азии и Ближнего Востока изображение звериного гона. Правда, в качестве аналога (и возможного источника) для данных бордюров, с точки зрения сюжета, материала исполнения и места в ансамбле облицовок интерьера, можно привести лишь резные гипсовые бордюры сельджукского дворца в Конье, где газели, леопарды и т.п. даны в движении на фоне арабесковых завитков [Sarre, 1937, Taff.9–11]. Золотоордынские рельефы кажутся репликой конийских, но в них отсутствует проработанный фон и какая-либо моделировка тел животных, переданных довольно схематично. Тенденция к упрощению, приведшая к разбивке на несложные раппорты, сказалась также в декоре массовых деталей интерьера. Такова, например, резная колонна из Сарая [Федоров-Давыдов, 1976, илл.92].

Резьба по камню. Репертуар золотоордынского архитектурного декора обогащается в памятниках Болгара каменной резьбой. Сложенные из известняка, эти здания в большинстве случаев имели облицовку из хорошо отесанных туфовых блоков, покрытых декоративной резьбой в определенных зонах. Так, резьба украшает капители, входную арку и оконные проемы Джамии-мечети (прорисовки см.: [Валеев, 1975, рис.60, 1-4]). Сохранившиеся фрагменты позволяют поставить вопрос об истоках декоративных приемов и орнаментальных мотивов, в которых, так же как и в архитектурных формах болгарских построек оформления оконных проемов мечети, сопоставимые по приемам декора рассматриваемого периода, прослеживаются прямые заимствования и опосредованные влияния искусства Малой Азии XII–XIII вв. Типично «сельджукскими» выглядят резные детали декора и по технике резьбы сравнимы со многими малоазийскими памятниками [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с.10]. Особенно характерны использованные здесь ступенчатость орнаментальных бордюров, лента геометрической сетки, прием окантовки с вырезанными треугольниками (анalogии в искусстве Малой Азии, например, см. в мечети Ала ад-Дина в Нииде), тщательная шлифовка и кладка камня.

Плиты, представляющие собой остатки декоративного убранства портала, дают интересные образцы эпитафического орнамента. Две из них – часть облицовки архивольта входной арки – содержат фрагменты двух бордюров. Один – с простой плетенкой из двух «бегущих волн» и одного «побега» с листиками, второй – с мотивами «куфеск», производными от «плетеного» куфи. Другой известный фрагмент – т.н. «надпортальная плита» северного фасада – несет рельефную надпись сульсом, помещенную на фоне двух концентрических растительных побегов с мелкой листвой («арабесок»). Судя по стилю и характеру надписи, плита являлась частью эпитафического фриза в декоре портала. Буквы надписи и детали арабескового орнамента, призванного быть для нее фоном, на одинаковую высоту выступают из плоскости, покрывая ее плотной орнаментальной сеткой. Между тем, в известной нам монументальной каменной эпитафике подобные фризы не имели арабес-

Надгробие с эпитафией. Болгар. 1322 г.

Типы резных розеток на надгробиях.
Среднее Поволжье. XIII–XIV вв.
(по Д.Г.Мухаметшину, Ф.С.Хакимзянову)

кового фона, – это сочетание было более характерно для резьбы по стучу (см.: панно с надписями в мавзолее Султана Санджара в Мерве (1157) и внутренний бордюр михраба Арслан-хана Джами в Анкаре (1289/90)), а также фаянсовой мозаики (в памятниках Анатолии см.: мозаичные бордюры в Сырчалы Меджит, Сырчалы Медресе и Каратай Медресе в Конье, Гёк Медресе в Токкате, Буруджийе Медресе в Сивасе, Эшрефоглу Джами в Бейшехире). Таким образом, можно уверенно говорить о малоазийских истоках этой техники резьбы по камню.

Чрезвычайно характерен каменный декор другого памятника золотоордынского Болгара – Малого минарета. Скосы, оформляющие переход от нижнего восьмигранника к круглому стволу, решены в виде шестилопастной раковины, обычной в декоре сталактитов и тропов в интерьерах каменных зданий Малой Азии. Декор ниши и входного проема отличается по стилю орнамента и тщательности исполнения от резной орнаментики Улуг Джами-мечети; по-видимому, он выполнялся местными мастерами в более позднее вре-

мя, когда школа резьбы была уже утрачена. Килевидная арка декоративной ниши на западном фасаде обрамлена резной прямоугольной рамой с крупными розетками в углах. Композицию завершает стрельчатая арка слепой ниши, в тимпане которой еще в XIX в. находилась плита с арабской надписью. Резьба арки входа плохо сохранилась, однако можно говорить о витой колонке, продолжающейся в архивольте арки, а также двух прямоугольных бордюрах с плетенкой и изысканным узором с мотивами пальметт.

В культуре мусульман Поволжья золотоордынского периода формируется еще одна область применения архитектурно-декоративной резьбы в этом регионе – каменные надгробия. Уже к концу XIII в. складывается характерный тип намогильных камней с надписями и богатым орнаментом. Эпиграфика данных памятников была тюркоязычной, насыщенной, в то же время, многими арабизмами и кораническими цитатами [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987]. Как тексты, так и каллиграфический стиль надписей чрезвычайно своеобразны. Эпитафии часто содер-

жат надписи, выполненные разными стилями арабского письма – сульс, куфи, насх. Некоторые массивные плиты (до 3,5 м в высоту) имели завершение в виде килевидной арки, в тимпане которой помещалась надпись (кораническая формула) изящным сульсом, близким по стилю монументальной архитектурной эпиграфике памятников Болгара. Резные бордюры, в качестве разделителей между тимпаном и прямоугольным полем основной надписи, или орнамента боковых сторон плиты, чаще всего представляли собой варианты плетенки или побега с интересной формой трех- и четырехдольных листьев, бутонов и цветов [Мухаметшин, 1977, рис.2; Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, илл. на с.11, 21, 37, 51, 64]. В ряде памятников манера письма, использование определенных коранических формул, приемы орнаментики свидетельствуют о наличии нескольких локальных центров.

Декоративно-прикладное искусство

Характерными чертами декоративно-прикладного искусства Улуса Джучи являются орнаментальность, полихромность в использовании цветовой гаммы, наличие арабесковых мотивов и т.д. Наиболее выразительными образцами этого искусства является художественная керамика, ювелирные украшения и предметы быта, а также украшения воинского быта (вооружения и конского снаряжения).

*Художественная керамика**. Одним из важнейших признаков культуры золотоордынского периода являются круговая гончарная красноглиняная и кашинная посуда разнообразных форм (кувшины, чаши-пиалы, глубокие тарелки, бутылки и т.д.) с многоцветной росписью (растительные, геометрические, зооморфные и арабесковые орнаменты). Вообще, керамика – особенно поливная (глазурованная) посуда – яркое и характерное явление золотоордынской цивилизации. Можно сказать, что эта полихромная бытовая посуда наиболее ярко отражала синкретизм культуры городов Улуса Джучи, а в силу массовости и распространенности – выражала моду и вкусы средневековых татар. Вся посуда по

характеру керамики делится на красноглиняную и кашинную, среди которой, в свою очередь, выделяются изделия с подглазурной и надглазурной росписью. Трудно даже перечислить всю номенклатуру золотоордынской посуды, настолько она типологически разнообразна. Также многообразны орнаментальные мотивы и стили, украшающие поливную посуду, по большей части это были геометрические и цветочно-растительные мотивы, а также зооморфные сюжеты. Изучается золотоордынская посуда уже достаточно давно [Папа-Афанасопуло, 1925; 1930; Якубовский, 1931; Вактурская, 1959; Кверфельдт, 1947; Булатов, 1969; 1976], но вопросы истории технологии керамического производства в Улусе Джучи и художественных особенностей керамики продолжают вызывать дискуссии.

Неполивная красноглиняная посуда, являющаяся наиболее массовой и разнообразной по формам, судя по данным археологов, возникла из сплава местных традиций, в первую очередь, болгарских, крымских и хорезмских. В результате смешения техник гончарства, а также взаимообогащения типами орнамента произошло становление особого золотоордынского керамического комплекса. Керамика отличалась хорошим обжигом. Цвет ее – от желто-красной и желтой до бурой и коричнево-красной, встречается также серая посуда. Орнаментация их отличается наличием строго расположенных резных зональных линий в несколько рядов как самостоятельного элемента, так и в сопровождении с волнистыми и арочными зональными линиями.

Рассматривая истоки поливной кашинной керамики, большинство исследователей (Н.Н.Вактурская, Э.К.Кверфельдт), вслед за А.Ю.Якубовским, считали, что в формировании техники и технологии ее изготовления преобладало влияние Хорезма. Однако исследования Н.М.Булатовым всей технологической цепочки изготовления этого типа посуды: тесто-цвет поливы, полива (класс стекол) и росписи (под- или надглазурная), показали, что традиции золотоордынской кашинной посуды сложились под воздействием Средней Азии, Ирана и Малой Азии [Булатов, 1969, с.48]. В результате такого развития получилось, что в технико-технологическом отношении поливная кашинная посуда более близ-

* Параграф написан в соавторстве с Н.Ф.Лисовой.

Кашинная чаша. Сарай. XIII–XIV вв.
(по Г.А.Федорову-Давыдову)

ка к среднеазиатскому керамическому ремеслу, а по орнаментальным мотивам и сюжетам – к керамике ирано-малоазийского круга. Особое внимание следует обратить на многочисленные находки чаш с черной подглазурной росписью под бирюзовой поливой, весьма сходные с бирюзовой керамикой Ирана и Средней Азии. Керамика такого рода в XIII–XIV вв. стала модной от Египта до Средней Азии, но в Улусе Джучи был выработан свой стиль художественной керамики, близкий вообще мусульманскому художественному ремеслу, но, вместе с тем, поддающийся анализу как самостоятельный стиль керамики [Федоров-Давыдов, 1976, с.128].

Весь комплекс поливной золотоордынской посуды делится на два вида – кашинную и красноглиняную. Кашинные изделия (т.е. керамика, выполненная из особого состава с большим количеством силикатного песка с примесью каолина (глины с высоким содержанием алюминия) шамота, глины и известняков на специальном клее (животного происхождения)) составляют от 30% до 70% всех находок керамики. Перед тем как нанести орнамент, изделия из рыхлого кашина чаще всего покрывали ангобом, а затем глазурировали. Посуда орнаментировалась как надглазурным способом, так и подглазурным.

Декоративность на изделиях поливной керамики Нижнего Поволжья стоит на высоком уровне художественных достижений прикладного искусства. На протяжении почти двух столетий формируются основные принципы композиционных построений, размещения орнаментов на сосудах разных форм. В орнаменте золотоордынской посуды выделяются несколько основных групп: растительный, геометрический, эпиграфический, абстрактный, зооморфный, антропоморфный. Как исключение имеется один образец с полиморфным орнаментом.

Растительный орнамент. Растительный орнамент в большой степени связан с устоявшимся каноническим стилем изображения. При этом в нем последовательно проявляются черты регионального золотоордынского стиля, такого, как свободное расположение и неповторимость отдельных орнаментальных схем. Количество растительных мотивов в кашинной керамике доходит до 26 элементов, но самыми распространенными растительными изображениями как в кашинной, так и в красноглиняной керамике являются цветы лотоса или лотосовый куст в центральном круге или на стенках сосуда, а также растительные побеги из толстых листьев и бутонов в керамике с рельефом и разнообразные мотивы травного узора в керамике без рельефа. В красноглиняной керамике растительные мотивы стилизованы и не столь разнообразны.

Геометрический орнамент в золотоордынской орнаментике, имеющий определенное своеобразие, применяясь в сложных декоративных композициях, насыщенных растительными и эпиграфическими узорами, нередко оказывается скрытым. Все элементы геометрического орнамента в кашинной керамике, особенно с надглазурной росписью, правильно выверены и построены с учетом точных геометрических знаний. Для поливной посуды нижеволжских городов излюбленным геометрическим мотивом в центральном орнаментированном круге является шестиконечная звезда. В каймах под венчиком открытых сосудов располагался мотив из углов или плетенок. Дополнительным орнаментом являлась диагональная сетка.

Зооморфный орнамент. Зооморфный орнамент получил в средние века широкое распространение. Фигуры животных утратили свое самостоятельное значение и полностью подчинились композиции и формам листьев, ветвей, бутонов, геометрических линий и фигур. Изображения животных в золотоордынской керамике были подчинены особенностям линейного узора, что характерно для декоративного стиля мусульманского Востока. Утки, павлины, попугаи, барсы, олени, зайцы – реальные и фантастические существа, украшающие золотоордынскую кашинную керамику, как правило, переданы в движении – шествующими, бегущими, летящими. Очень часто в орнаментах встречаются рисунки животных и птиц, вписанные в медальоны, часто занимающие все пространство чаши и обрамленные растительными мотивами. Золотоордынские мастера прекрасно владели мастерством соотношения формы предмета и его орнаментики. Растительные мотивы гармонирует с пластикой движения животного или птицы и усиливают выразительность рисунка.

Эпиграфический орнамент. Основным видом письма золотоордынской бытовой керамики является стиль простого *куфи*, который характеризуется строгим и стройным начертанием букв и представлен повторяющимся стилизованным арабским словом *икбал* («успех»). В общей композиции декора эпиграфические ленты или панно обычно играют роль структурных элементов, нарушающих монотонное течение узора и оживляющих ткань рисунка. В кашинной керамике эпиграфический орнамент является наиболее характерным и сочетается с различными орнаментами; растительным, геометрическим, зооморфными и другими. Располагается он всегда отдельной широкой полосой в каймах вокруг основного центрального орнамента, реже является его частью. Кроме слова *икбал* в кашинной керамике без рельефа появляются и персидские стихи, выполненные тонкой линией скорописным почерком *наسخ* и нередко псевдоэпиграфические орнаменты. Там, где удалось их прочесть, оказалось, что это обычные благопожелания, распространенные на поливной керамике Среднего Востока.

Антропоморфный орнамент в золотоордынской керамике является редкостью. Между тем, он был широко распространен на иранской архитектурной и бытовой керамике, встречается он и на территории Средней Азии, Закавказья и в Крыму. Изображения человека на золотоордынской керамике по трактовке значительно отличаются от известных нам изображений. Если в основе иранских изображений лежал багдадский миниатюрный стиль, нашедший отражение в технике *минаи* и миниатюрной живописи, то в Поволжье мастера-керамисты сумели выработать свой собственный стиль и художественную манеру изображения.

Полиморфный орнамент. На одной из чаш из Селитренного городища в центральной части сосуда изображен крылатый зверь, имеющий туловище лошади, голову человека, а хвост тигра увенчан головой птицы. Манера изображения перьев на его крыльях, типичная для рисунков птиц. Скорее всего, это изображение мифического зверя ал-Бурака, описанного в Коране.

Абстрактный орнамент. В золотоордынском орнаменте наряду с другими видами широко применялись дополнительные виды орнамента, которые невозможно отнести ни к растительным, ни к геометрическим, ни к другим видам орнамента. В кашинной керамике подобные мотивы включали элементы типа «павлиний глаз», «листья папоротника», «павлиний хвост», а также «елочка в листе» и различные облакообразные фигуры. Для красноглиняной посуды характерны S-образные и ланцевидные фигуры и др.

Композиционное распределение орнаментов на золотоордынской поливной посуде основывается на принципах композиционных построений, размещения орнаментов на сосудах разных форм. На протяжении золотоордынского периода в орнаментике поливной посуды применяются разнообразные гаммы цветов и сочетаются различные мотивы и элементы орнаментов. Мотивы орнаментов, комбинируясь и дополняя друг друга, создавали самые разнообразные композиции. В поливной посуде Золотой Орды выделяются различные виды композиций: центрическая, радиальная, концентрическая, радиально-концентрическая, полосчатая, вихревая, медаль-

Кашинные чаши с полихромной росписью под прозрачной поливой. Городища Нижнего Поволжья. XIII–XIV вв. (по Н.Ф.Лисовой)

онная, сплошная, отвесная, ковровая, внутри которых имелись свои мотивы орнамента.

Композиции в кашинной керамике демонстрируют высокое и мастерское владение искусством композиции и объемно-пластического рисунка, а также знакомство с приемами ближневосточной миниатюрной живописи. Для нижеволжских керамистов было характерно строгое соблюдение композиции – будь то концентрическое, медальонное или радиальное расположение орнамента. Почти нигде не наблюдается отступление от воображаемого канона, такое, как введение случайных элементов, не характерных для данного вида, или выход орнамента за пределы установленных границ. Так, для кашинных изде-

лий с полихромной росписью и рельефом, характерны композиции из стилизованных растительных узоров, или повторяющегося слова «икбал», расположенных в концентрических поясах. В центральном орнаментированном круге вводилось стилизованное изображение птиц, животных, шестиконечной звезды, реже – цветов и растительных побегов. Дополнительными элементами орнамента являлись «павлиний глаз» и эпитафическая надпись в виде слова «успех». Определяющая стилевая черта этого отдела керамики – декоративность и уравновешенность композиции при использовании минимальных элементов. Для полихромной керамики с рельефом под прозрачной поливой характерны основные принципы композиции, такие как: концентрическая, медальонная, радиально-концентрическая, сплошная и, как исключение, – ковровая.

Керамика без рельефа стилистически близка к художественному стилю рельефного изображения, но отсутствие рельефа давало мастеру-керамисту больший простор для воображения при орнаментации сосудов. При создании композиций использовалось большое количество разнообразных элементов и мотивов в неповторимых сочетаниях. Для него также характерно сочетание на од-

ном сосуде различных типов орнаментации. Основными композиционными принципами распределения орнаментов для кашинной керамики с полихромной росписью и без рельефа являлись концентрическая, вихревая, сплошная, радиальная, радиально-концентрическая и медальонная.

В сине-черной керамике основным и излюбленным вариантом рисунка, демонстрирующим полное овладение кистевой росписью, стал растительный узор. Вытянутые с тремя или пятью зубчиками листья-травинки, плавно изгибаясь на тонком, как волос, стебельке, меняя длину и направление, превращались в райский сад для сказочных птиц и оленей. Новым для этого отдела кашинной керамики является применение ажурного переплетенного растительного орнамента, а также оригинальное использование абстрактного элемента «птичек-крестиков» для получения подобия диагональной сетки на сферических стенках чаш. В целом композиции сосудов в сине-черной керамике менее разнообразны и состоят в основном из концентрической, радиальной, ковровой и реже – отвесной.

В бело-синей кашинной керамике золотоордынские мастера переработали орнаментальные мотивы, заимствованные из китайского фарфора. Здесь особенно ярко проявился своеобразный художественный стиль золотоордынского керамического ремесла. Если для китайского бело-синего фарфора характерен символизм, где каждый элемент орнамента несет особую смысловую нагрузку, то золотоордынские мастера украшали свои сосуды растительными и зооморфными мотивами, используя их в значительной мере как декоративный элемент, причем в них отсутствовали изобразительные сюжеты, обычные для китайского фарфора. Особенностью золотоордынской кобальтовой керамики также является выработка особой техники своеобразного легкого, свободного мазка и соединение его с орнаментом «рисовое зерно». Свободное и виртуозное владение кистью позволяло золотоордынскому мастеру создавать все новые композиции и все дальше уходило от китайских прототипов. Разнообразны варианты композиции, представленные в бело-синей керамике: центрическая, концентрическая, радиально-концентрическая, вихревая, ковровая, полосчатая, медальонная, отвесная. Центрическая композиция орнамен-

та в виде точек на дне маленьких чаш в целом не находит аналогий в декоре других отделов кашинной керамики Золотой Орды.

Вся красноглиняная керамика Золотой Орды, хотя и отличается по технике исполнения декора, в целом демонстрирует в орнаменте особый золотоордынский стиль оформления сосудов. Если для кавказской и крымской керамики был характерен тектонический узор, подчеркивающий форму сосуда, то в нижеволжской керамике с графическим орнаментом мы можем отметить отступления от этого стиля. Орнаменту как бы не хватало места в замкнутом концентрическом круге в центре чаши, и он пытался «вырваться» за его пределы. Робкие попытки нарушить строгую тектонику мы можем наблюдать и в растительных орнаментах, где кончики радиально расположенных лепестков заходят на орнаментальный пояс под венчиком сосуда, а также в геометрическом узоре, на примере построения различных плетенок. Образцом разрушения замкнутости узора является знаменитая фигура барса, где он, занимая всю поверхность чаши, вдобавок еще как бы притянут к краям чаши радиальными полосами.

Для красноглиняной керамики, в отличие от кашинной, наиболее характерны сплошные композиции, где орнаментом покрывается вся поверхность чаши. Наиболее популярным являлся тип радиальной композиции, и реже – концентрический, медальонный и полосчатый. Наиболее частыми вариантами взаимосочетаний элементов орнамента в красноглиняной керамике являются растительный, абстрактно-геометрический и абстрактный.

На становление художественного стиля золотоордынской посуды повлияли различные художественные центры, при участии которых происходило зарождение и становление золотоордынского керамического ремесла Нижнего Поволжья. По мнению А.Л.Якобсона, вся поливная керамика в обширной зоне Средиземноморья, Причерноморья, в Закавказье и Средней Азии, на Ближнем Востоке и Среднем Востоке – представляет собой одно историко-художественное явление. И лишь сравнительно немногие мотивы орнаментации, имеющие обычно значение знака или символа, можно считать строго ограниченными в своем распространении.

Наиболее ярко прослеживаются заимствования орнаментальных мотивов в полихромной керамике без рельефа. Аналогии орнаментальных мотивов данного отдела прослеживаются на керамике практически всех культурных областей, связанных так или иначе с Золотой Ордой. Элементы орнамента этого отдела характерны для керамики Дальнего Востока, Закавказья, Средней Азии, и выделить какой-нибудь один район заимствований практически невозможно. Так же прослеживаются аналогии с керамикой Кавказа, Ани, Сарайчика. Кашинная керамика, широко распространенная на огромной территории, имеет общий источник развития – керамическое ремесло Ближнего Востока.

В более сложных формах орнамента золотоордынской кобальтовой керамики, особенно в «тимуридской» керамике, прослеживается влияние китайского керамического искусства. Однако заимствование среднеазиатских и китайских орнаментальных мотивов в керамических центрах Улуса Джучи сопровождалось выработкой собственного, золотоордынского стиля. Особенно это воздействие заметно на примере растительного орнамента в широком применении во многих отделах керамики цветка лотоса. Наиболее заметно воздействие керамического ремесла средневекового Западного Кавказа и Крыма.

Изучение стилизового развития золотоордынского орнамента бытовой керамики позволяет выделить некоторые особенности ее художественного оформления. Во-первых, вся цветовая гамма росписей кашинных изделий выдержана в холодных тонах; все оттенки зеленого от серо-зеленого, ярко-зеленого до почти черного, кобальтово-синего, и растекающийся бирюзово-голубой. Исключением из этого правила является кашинная керамика типа «минаи» с яркой полихромной расцветкой и редко встречающаяся красноглиняная керамика с гравированным орнаментом под желтой поливой. Во-вторых, орнаментом в золотоордынской бытовой керамике покрывается все зеркало чаши в открытых сосудах и вся поверхность в закрытых формах. В-третьих, разнообразие орнаментальных схем на изделиях, характерных для одного отдела керамики. В-четвертых, в орнаментах золотоордынской художественной керамики преобладала декоративность орна-

ментов и почти полное отсутствие изобразительных сюжетов и «картинных» композиций с пейзажной концепцией растительного фона в кашинной керамике, а в красноглиняной – минимальное количество зооморфных изображений. Обобщая все выше сказанное, можно сделать вывод, что золотоордынские мастера создали необычайно уникальную самостоятельную школу золотоордынского керамического художественного ремесла.

Сравнительный стилистический анализ показал, что орнаментальное искусство золотоордынской керамики несет в себе три мощных импульса из страны мусульманского мира (Иран и Средняя Азия), Византии и Восточного Закавказья, а также стран Дальнего Востока. Вместе с тем, золотоордынский орнамент имеет существенные различия в оформлении художественной керамики.

На становление золотоордынского керамического орнаментального искусства повлияли несколько причин: приток в города Нижнего Поволжья высококвалифицированных специалистов из покоренных стран с развитым керамическим ремеслом; совместный труд в одной мастерской мастеров-керамистов из разных стран; влияние вкусов и запросов потребителя на декор керамических сосудов – будь-то аристократическая верхушка, простое городское или сельское население; расширение массового производства, вызванное повышением и стабильным спросом на бытовую керамику, как в самой стране, так и за ее пределами; налаженные торговые связи городов Нижнего Поволжья со многими странами и городами как входившими в состав Улуса Джучи, так и с другими соседними странами, что позволяло экспортировать посуду в массовых масштабах.

Стилистический анализ орнаментов бытовой поливной керамики отражает процесс формирования единой парадной имперской художественной культуры нового средневекового государства Золотая Орда. В авангарде этого процесса, очевидно, в силу своей доступности было керамическое искусство. Художественная керамика, проникающая во все слои населения и являющаяся материалом как монументального, так и декоративно-прикладного искусства, и где этот процесс проявляется наиболее отчетливо. Однако яркая золотоордынская керамика не была слепым подражанием

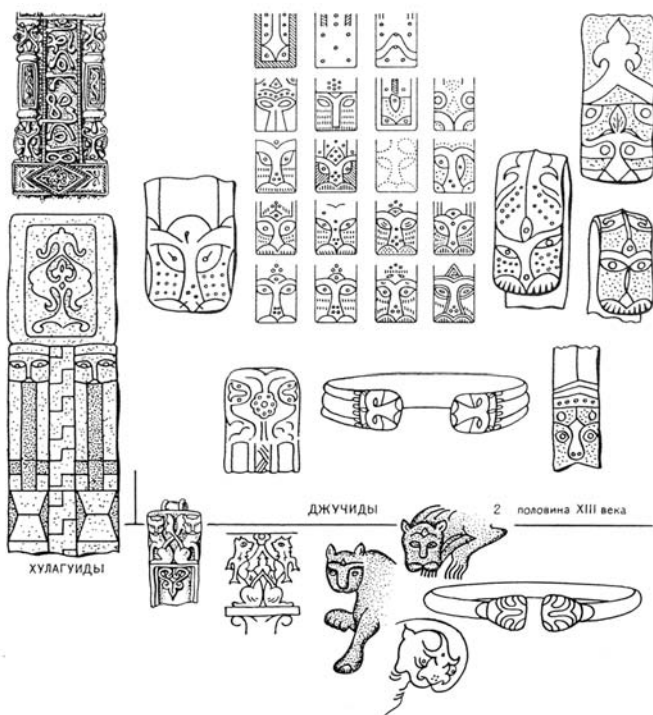
Браслеты с львиными головами:
схема происхождения и развития
(по М.Г.Крамаровскому)

традиций гончарства Востока, взяв все наиболее передовые тогда приемы и следуя веяниям моды, в гончарных мастерских Улуса Джучи выработали свой стиль, оригинально синтезировав все влияния и традиции.

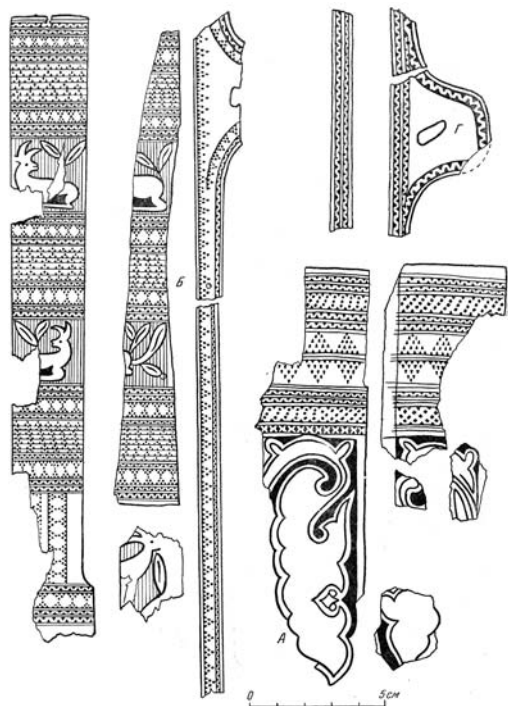
Ювелирные украшения и предметы быта. Характерной частью золотоордынской культуры были различные ювелирные украшения. Многие из них широко представлены в музейных собраниях Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Саратова, Астрахани и других городов Поволжья (об истоках и начальном этапе развития ювелирного искусства Золотой Орды см. очерк М.Г.Крамаровского в Разделе V).

Одним из самых многочисленных типов украшений являлись браслеты, из которых излюбленным типом средневековых женских украшений Поволжья были пластинчатые браслеты с несомкнутыми концами, украшенными чеканными изображениями стилизованных львиных личин. Эти браслеты, судя по находкам литейных форм из Сарая ал-Джадид, вырабатывались в поволжских мастерских во второй половине XIII в. под влиянием малоазийско-иранского (сельджукского) художественного стиля и были чрезвычайно широко распространены по всей Восточной Европе вплоть до XV в. [Крамаровский, 1978, с.46–51].

Одним из самых распространенных видов бытовых предметов и образцов художественного ремесла являются зеркала. Тысячи их известны из сборов и раскопок городов и погребений с территории Улуса Джучи, например, из Болгара известно 879 экземпляров, из Укека – 80, несколько десятков – из погребений кочевого населения Золотой Орды и т.д. Все они чрезвычайно разнообразны по орнаментации. Встречаются зеркала с простым геометрическим орнаментом в виде концентрических окружностей, радиально-

круговых композиций, цветочно-растительных орнаментов (особенно часты мотивы растительного побега, обтекающего кольцевую зону вокруг центра) и т.д. Есть зеркала с зооморфными композициями: в виде двух или четырех симметрично расположенных сфинксов («ал-бораков»), рыб, волков, а также зеркала со свернувшимися в традиционной для китайского искусства позе драконами и сюжетами охоты. Определенную часть составляют зеркала с эпиграфическим арабесковым орнаментом, напоминающие переднеазиатские и малоазийские образцы. Для понимания сути симбиоза культур в Золотой Орде интересны зеркала, соединяющие китайский мотив рыб с арабской надписью по краю и растительным побегом. Изучив многочисленные зеркала золотоордынского времени, Г.А.Федоров-Давыдов сделал вывод, что «зеркала наглядно показывают нам эклектизм вкусов и разноречивый в стиле, господствовавший в золотоордынское время... Художественная культура Золотой Орды восприняла и поглотила как составной свой элемент не только вещи, разные по этническим своим традициям и по происхождению, но и вещи одного происхождения, но совершенно разностильные, разных эпох» [Федоров-Давыдов, 1976, с.181].

Обкладки колчана. Улус Джучи. XIII–XIV вв.
(по Н.В.Малиновской)

Украшения воинского быта (вооружения и конского снаряжения). Как и в домонгольское время, довольно выразительным был воинский костюм. Особым разнообразием отличались поясные украшения – накладки, пластины и бляхи к ремням, а также пряжки. Из них наиболее выразительны изделия с фестончатым краем с изображением драконов, восходящих к центральноазиатским (киданьско-чжурчженским) прототипам, а также прорезные и сканные поясные накладки, отражающие уже этап становления собственно золотоордынской школы ювелирного производства [Крамаровский, 1999; Крамаровский, Полубояринова, 1982].

Оружие (из слоя поселений и из погребений), в силу обстоятельств, сохранилось довольно мало, но еще меньше предметов, поддающихся изучению, таких, как предметы художественного ремесла. Одной из ярких находок является обломок сабли (так называемая «сабля Узбека») с куфической надписью, хранящийся в Эрмитаже и найденный на развалинах Сарая.

Из других украшенных предметов воинского быта необходимо выделить весьма ха-

рактерные колчаны, декорированные резными костяными накладками [Малиновская, 1974]. Всего их с территории Улуса Джучи известно 84 в наборе и множество отдельных накладок. Анализ находок показал, что они появились в Золотой Орде во второй половине XIII в. и употреблялись аристократической верхушкой татаро-монгольских кланов. Известны они на большой территории от Приднестровья до центрального Казахстана, но наибольшая концентрация находок приходится на район Нижнего Поволжья [там же, с.134–135, рис.2]. Однако, несмотря на то, что они были распространены на большой территории, их объединяет несомненное стилистическое сходство. Орнаментированные накладки на колчан демонстрируют высокое искусство древних мастеров, умело сочетавших различные технические приемы резьбы по кости. Наиболее часто применявшимися приемами резьбы были гравировка и техника выемчатых треугольников и ромбов. Гравировкой обычно выполнялись растительные и спиралевидные мотивы пластин, а также резные полосы – разграничители отдельных орнаментальных групп. При этом простой по форме линейный рисунок дополнялся и оживлялся прорезыванием контурных углубленных линий и заполнением их цветной пастой, а фон сюжетного рисунка (звери, люди, фантастические животные) нередко заполнялся штриховой насечкой. Эта манера обводки изображения была характерна для орнаментики средневековых кочевников Евразии. Очень характерны изображения ланей, иногда с головой, повернутой назад, или оленей, закинувших за спину могучие ветвистые рога – мотив, часто встречающийся в декоре поясных наборов Улуса Джучи, ильханидского Ирана и Малой Азии, особенно в раннее время, когда актуально было великоханское наследие Чингиз-хана [Крамаровский, 1995, с.193–198; 1999]. Встречены также изображения всадника верхом на скачущем коне, а также фантастических драконов и зверей, полученных в результате соединения частей тела различных животных и птиц. Все это позволяет говорить, что все эти накладки существовали одновременно и изготавливались в одной среде. Центром их изготовления, несомненно, были поволжские города [Малиновская, 1974, с.169; Федоров-Давыдов,

1966, с.204]. Общий узор растительной плетени и стилизованной животной формы в слиянии дают тератологический стиль ажурных обложек из кургана 8 Верхнепогромного могильника. Обложки этого колчана, по мнению Н.В.Малиновской, «пожалуй, самые совершенные по форме, стилю и исполнению. Природный цвет костяных пластин сочетается с яркой окраской (черная, красная паста) чрезвычайно искусно вырезанных фигур и золотой фольгой, служащей фоном всех изображений. Одна за другой следуют фигуры кошачьих хищников и собак, ланей и зайцев, птиц и фантастических зверей» [Малиновская, 1974, с.140, табл.IV]. Пластины этого колчана отличаются от всех прочих «романизированным» изображением животных, аналогии этому стилю можно заметить на иранско-малоазиатской полихромной керамике и золотоордынской торевишке. Иными словами, разнообразие состава животных на резных пластинах колчанов и непостоянство изображения сходных образов свидетельствуют, что средневековые мастера не имели какого-то одного образца для подражания и заимствовали лишь сами сюжеты и мотивы рисунков. Очевидно, это направление косторезного искусства, выросшее из богатых традиций средневекового евразийского искусства, претворило в новые прекрасные формы обобщенный опыт всего традиционного и нового, возникшего в Улусе Джучи.

В целом эта яркая деталь воинского быта свидетельствует о переплетении и смешении различных традиций (центральноазиатских, кыпчакских) и выработке общего художественного стиля, обслуживающего аристократов Улуса Джучи, живших как в городах, так и в степи. Эта общая воинская мода, определявшая вкусы и стиль костюма военно-служилой знати и подчинявшаяся общим тенденциям развития, служила важным фактором единения военно-служилого сословия Улуса Джучи.

* * *

Золотоордынская цивилизация – яркая страница истории мировой культуры. В Золотой Орде был создан пышный имперский стиль, впитавший в себя традиции многих народов, но не в хаотическом скоплении раз-

народных элементов, а в системе органично слитых явлений, перекрытых мощно звучащими стилями и направлениями, разными в разные периоды существования. Кроме синкретичного фона домонгольских культур, некоторые из которых имели развитый образный язык, основанный на мусульманских (хорезмская, болгарская) или евразийских кочевых (кыпчаки, кимаки) традициях, в культуре Улуса Джучи нельзя не видеть центральноазиатских и дальневосточных элементов материальной и художественной культуры. Имперская культура Золотой Орды складывалась в результате творческой активности практически всех народов, входивших в состав Улуса Джучи, осваивая принесенный завоевателями на запад культурный репертуар. Наиболее ярко чингизидские традиции проявлялись в культурном круге социально престижных изделий, являвшихся принадлежностью и отличительной чертой военно-служилой знати – крою костюма, системе поясной гарнитуры, предметов оружия и конского снаряжения, других аксессуаров. Разумеется, полностью единой эта культура не была, поскольку изначально была строго социально ориентирована. Однако в начале XIV в., по мере роста городов в Улусе Джучи, прежде всего в Поволжье, здесь пышно распускается новая урбанистическая восточная средневековая культура, «культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изыскано тонкого орнамента и каллиграфии» [Федоров-Давыдов, 1976, с.118]. Таким образом, специфика золотоордынской цивилизации заключалась в том, что она была синкретичной, пышной и надэтнической имперской культурой при ведущей роли ислама, который как вуалью покрывал традиционную тюркскую культуру. Золотая Орда являлась одним из мощных и высокоразвитых средневековых мусульманских государств Северной Евразии, более чем два столетия определяя тенденции ее развития, чьи традиции оказали решающее влияние на многие тюркско-мусульманские народы.

ГЛАВА 6

Письменная культура и научные знания

§ 1. Научные и прикладные знания

Гамирзян Давлетшин

В Золотой Орде на основе высокоразвитой письменной культуры и благодаря сосредоточению в городах Хорезма, Болгар, Кавказа, Крыма многочисленных просвещенных людей мусульманского мира развиваются различные научные знания: математика, астрономия, геодезия, география, медицина, история, логика, риторика и т.д. Эти знания достигают здесь значительных успехов.

Развитие точных наук в Улусе Джучи было тесно связано вначале с экономической жизнью, но далее они постепенно начинают играть важную роль также и в административном, и в государственном строительстве. Государственное и военное строительство Улуса Джучи было основано в некоторой степени на математическом исчислении. Военно-политические единицы были разделены на 10000, 1000, 100, 10. Особенно города – центры торговли, ремесла, архитектуры – стали благодатной почвой для развития математических знаний. Без математических же знаний не могли развиваться ни астрономические, ни географические представления.

В Улусе Джучи была четко регламентированная налоговая система. Налоги, требующие при установлении и взимании достаточно сложных математических расчетов, были разнообразными. Определялось количество, объем налогооблагаемых товаров. Применялись такие математические расчеты, как исчисление доли величины, процента и т.д.

Большинство налогов были подушными. Поэтому необходимо было провести в стране и в подчиненных землях перепись населения. Она производилась неоднократно. Перепись населения – важное событие для любого государства. Она требует серьезной готовности общества и в математическом отношении.

Активная внутренняя и внешняя торговля в Улусе Джучи не могли существовать без высокоразвитой денежно-весовой системы.

Монеты являются ценными историческими источниками, в т.ч. и для выяснения математических знаний в обществе. В денежно-весовой системе того времени можно найти множество соотношений, требующих математических действий. Монеты имели четко выдержанный вес [Мухамадиев, 1983, с.46]. Установка стоимости монеты из драгоценных металлов по весу в денежно-весовой системе привела к усложнению математических расчетов, подняла их на более высокий уровень. Уже в это время на гирях встречаются точки, означающие кратность. Однако это была не простая «кратность». Сначала надо было определить весовую систему, к которой принадлежала гиря, потом произвести довольно сложные математические расчеты.

Такие сложные математические исчисления не всегда можно было запомнить. Поэтому иногда денежно-весовые единицы кратко отмечены на монетах, посуде, тарелках весов. И здесь торговец или покупатель, быстро взглянув на надпись, производил свой расчет. Любопытно еще вот что: путешественники того времени очень интересовались ценами товаров на рынках. Поэтому в путевых заметках немало арифметических расчетов.

Сильная математизация общества, т.е. необходимость математических расчетов во многих областях его жизнедеятельности, нашла отражение и в произведениях художественной литературы. Например, в них говорится о финансовых делах, и в связи с этим поднимаются морально-этические проблемы. В поэме «Хосроу-о Ширин» ведется разговор о вычислениях, цифрах, математических символах (*ракым*), о принадлежностях для черчения и т.д.

Улус Джучи – страна городов. В обширных степях, где раньше не знали городской жизни, сравнительно быстро появляются многочисленные города. В них сооружаются ве-

личественные здания. Гидротехнические и охранительные сооружения, общественные здания не могли строиться без математических знаний.

Болгар уже с середины XIII в. начал переживать период больших строек. Знание особенностей различных геометрических фигур и их умелое чередование позволило зодчим создать величественные архитектурные ансамбли. Говоря словами ученого-математика В. Беркутова, «строительные конструкции подобных типов показывают, что болгары были хорошо осведомлены о науках стереометрии и о приемах стереографической проекции» [Беркутов, 1994, 150 б.].

«Симфония» геометрических фигур характерна и для многих архитектурных памятников Болгарского городища. Самой таинственной среди памятников является т.н. «Черная палата». Архитектурные массы, состоящие из жестких геометрических фигур, образуют друг с другом четкие соотношения. Таким образом, план этого памятника состоит из вписанных квадратов разных размеров, восьмигранника и круга.

Дюрбе – мавзолей, где были похоронены болгарские эмиры и их родственники, кубы, которые составляют основание памятников, благодаря срезам плавно переходят в восьмигранный второй ярус, в северном мавзолее, возможно, в 16-гранник. Внутри здания завершаются полусферическим куполом, а снаружи – восьмигранным шатром.

Н.Ф. Калинин и А.П. Смирнов, исследовав бани на Болгарском городище, пришли к выводу о том, что «отношения между основанием и высотой сводов соответствуют простым пропорциям «египетского треугольника»: для восточного свода – 4:3, для южного – 3:2, для западного – 5:4» [Калинин, Смирнов, 1946].

Построение архитектурных памятников по принципу чередования геометрических фигур характерно и для других золотоордынских городов. Нередко сооружения Сарая ал-Джадид в плане составляют вписанные прямоугольники, напоминающие «вавилон». Чертежи «вавилон» наблюдаются и на кирпичах в нижеволжских городах [Федоров-Давыдов, 1961а, рис.87]. Использование соотношений линий «вавилон» при сооружении в плане прямоугольных, квадратных, 8-ми и 16-ти граничных зданий было намного удобнее. Правда,

такие чертежи использовались и при играх (например, в «мельницу») [Полякова, Фехнер, 1973]. Подобный чертеж был обнаружен в детской комнате большого дома, исследованном в г. Сарай-Бату [Федоров-Давыдов, 1994, с.58]. Кроме того, имелись и другие математические игры. Существовала вера в магические силы цифр, увлечение широко распространенными в мусульманском мире магическими квадратами. Игральные фишки, стороны которых отмечены разными количествами точек-углублений, фигуры шахмат, шашек – обычное явление на раскопках золотоордынских городищ [там же, с.178].

Поскольку математические знания были тесно связаны с практической деятельностью, трактатов, относящихся к этой области науки, составлялось мало. Несмотря на это, отдельные ученые-энциклопедисты славились и в этой области. Таковым, например, является трактат ат-Тафтазани по геометрии [Мержани, 1885, 83 б.].

Золотоордынские звездочеты пользовались широко распространенными в то время на Востоке инструментами типа астролябий. Некоторые их части обнаружены на Царевском городище (Сарай ал-Джадид) [Федоров-Давыдов, 1964б].

Найденные А.В. Терещенко в середине XIX в. на Царевском городище астрономические инструменты являются двумя фрагментами т.н. планиферных или плоских астролябий с градусной сеткой и обозначениями градусов с арабскими буквами. В противоположность сферическим в них небесная сфера представлена на плоской поверхности. О популярности астрономических инструментов можно судить и по литературным произведениям. Например, в поэме «Хосроу-о Ширин» Кутба речь идет об астролябии [Котби, 1992, №5, 35 б.].

Кроме того, астролябия, квадрант использовались при землемерных работах для измерения горизонтальных углов. Недалеко от Сарая ал-Джадид было расположено очень сложное для своего времени большое гидротехническое сооружение. «Совершенство всех гидротехнических сооружений нас буквально поражало... Золотая Орда в эту пору действительно могла гордиться своей столицей и ее инженерами», – писал один из ранних исследователей руин столицы Улуса Джучи Франц Баллод [Баллод, 1923а, с.21–22, 27–28]. Это величественное гидротехни-

ческое сооружение – результат научно-технического достижения своего времени.

В 1963 г. на Царевском городище были найдены и два фрагмента литого бронзового квадранта. Квадрант – угломерный астрономический инструмент для измерения высоты небесных светил над горизонтом и угловых расстояний между светилами. В отличие от астролябии он составляет четвертую часть круга. Пластина квадранта покрывалась градусной шкалой и линиями, пересекающимися друг друга, по которым можно было легко подсчитать различные дуги и углы с достаточной точностью. На найденных фрагментах точки и линии отмечены арабскими буквами, т.е. абджадом. Слова «восток», «градус» также даны на арабском языке [Федоров-Давыдов, 1964б]. В мусульманском мире, нет сомнения, и в Улусе Джучи, были распространены специальные трактаты об этих инструментах [Искусство ислама, 1990, рис.49].

Краткость ночи летом в Болгаре и, вследствие этого, затруднительность совершения положенных шариатом пяти намазов в день и в это время продолжает беспокоить исламский мир. В золотоордынский период все больше она обосновывается астрономическими знаниями. С помощью инструментов тщательно вычисляется, измеряется время для совершения молитв, снятия запретов во время поста. Упомянутый у ал-Омари Мас'уд [СМИЗО, 1884, с.237] в Болгаре был не только «определителем времени», но и астрономом. Болгар превращается в один из центров точного определения времени путем наблюдения за небесными светилами. Болгарские звездочеты ведут наблюдения за небесными светилами далеко на севере, в 700 верстах от Болгара (20-дневный путь у ал-Омари) [Kurat, 1920, s.789]. Это земли племени вису. Вследствие того, что ученые из мусульманских центров не имеют такой возможности, болгарские ученые делают вклад в мусульманскую астрономическую науку.

В Улусе Джучи не ограничивались лишь астрономическими и геодезическими знаниями, удовлетворяющими практические или религиозные потребности. Делали и определенные теоретические обобщения в специальных трактатах. Автором одного из них, судя по данным Хаджи Халифы, был Камал ад-Дин ат-Туркмани, который в городе Гулистане в 755 г.х., т.е. приблизительно в 1354 г., напи-

сал комментарии на астрономическое сочинение известного хорезмийского ученого Махмуда ибн Омар ал-Чагмини «Избранное из астрономии» [СМИЗО, 1884, с.463].

Средством распространения знаний, в т.ч. астрономических, в то время была художественная литература. Сейф Сараи (1321–1396) в своем произведении «Сухайл и Гульдурсун» как бы невзначай, как о совершенно естественном, обычном явлении, пишет, что девушка – героиня поэмы, крутится около своего возлюбленного, как Земля вокруг Солнца («Гөнәш гәрдендә йөргән йир тик») [Миңнегулов, 1994, 25 б.; Поэзия Золотой Орды, 2005, с.155]. Другой поэт – Кутб, пишет о далеких мирах, о том, что каждая звезда – это особый мир, между ними – большие расстояния, а во Вселенной существует вечное движение. Одна глава его поэмы так и называется «Движение во Вселенной» [Котби, 1992, №5, 35 б.].

Таким образом, астрономические знания у тюрко-татар проходят развитие от космогонических, мифологических воззрений до подлинно научных. Астрономия, будучи одной из популярных наук в мусульманском мире, воздействует и на золотоордынское общество. Ее развитие прямо было связано с требованиями исламской религии, ее обрядами, потребностями. Названия небесных светил, их символы присутствовали в обрядах, нашли отражение также в народных приметах, гаданиях, которые включали и знания, полученные с помощью астрономических инструментов.

Астрономические знания средних веков, не подвергаясь особым изменениям, продолжали иметь место у татар в быту до конца XIX в. И в это время звездочеты (*йолдызчы*) широко применяли приспособления типа квадрант, секстант.

В 1260 г. уже полностью сформировавшийся Джучиев Улус объединяет в своих границах значительную часть территории Азии и Европы. Естественно, необъятные размеры страны оказывали серьезное влияние на географические взгляды его жителей. Путешественники, посетившие Джучиев Улус, в своих записях о размерах этой страны, конечно, опирались и на сведения, полученные от самих жителей страны. Ал-Омари при описании Джучиева Улуса приводит много сведений на основе данных известного купца, шейха этой страны ан-Нугмана ал-Хорезми.

Булгария не утратила своей роли посредника между югом и севером в торговых делах и в период Джучиева Улуса. Эта посредническая роль совершенно ясно подчеркнута в письменных источниках того времени. Данные таких географов, как ал-Гарнати, ал-Марвази, Бируни о северных территориях и народах Булгарии, приведенные в их трудах и относящиеся еще к домонгольскому периоду, остаются неизменными и в эту пору. Однако среди авторов встречаются и другие мнения о северных территориях, в которых наблюдается сплетение сюжетов из Корана и рассказов, которых слушались путешественники [СМИЗО, 1884, с.240–241].

В то время восточным интеллектуалам р. Волга представлялась несколько иначе. Большая Волга включала в себя Верхнюю Каму (Белая Волга), Нижнюю Каму (Черная Волга) и оставшуюся часть Волги до Каспийского моря. Такое представление о р. Волге сложилось еще в хазаро-болгарский период и стало традиционным [Дәүләтшин, 1999, 374 б.].

Интересны географические взгляды на восточные территории, существующие в Джучиевом Улусе. Из источников следует, что к центру Монгольской империи было два пути. Первый – древний путь: через Нижнюю Волгу, Среднюю Азию, Казахстан. Другой – из Булгарии в Башкортостан, через Сибирь, Чулыман. Нет сомнения в том, что именно этот путь предпочитали болгары. Видимо, они его освоили еще в домонгольский период.

Довольно точно определены и расстояния между областями и городами Джучиева Улуса. В Монгольской империи, в т.ч. и в Джучиевом Улусе, большое внимание уделялось состоянию дорог, мерам безопасности, организации почтовой службы, обустройству придорожных удобств [СМИЗО, 1884, с.460].

Все эти условия внутри страны оказывали положительное влияние на расширение географических знаний ее жителей. Вот поэтому-то еще они были хорошо знакомы со многими местами Евразии.

Джучиев Улус состоял в многосторонних тесных связях со многими странами мира. Их объединяли давно проложенные караванные пути. Особенно тесные связи были с Китаем, Монголией, Индией, Ираном, Ираком, Афганистаном, Средней Азией, Византией, Египтом, Сирией, Русью, Польшей, Вен-

грией и Италией. Весьма активную политическую дипломатию Джучиев Улус вел со всеми соседними и дальними странами, особенно с Египтом. Только в течение 1260–1430 гг. эти две страны обменялись 50-ю посольствами [Закиров, 1966].

С конца XIII в. города Северной Италии – Генуя и Венеция и их области были известны как сильные торговые территории, республики. Торговые колонии Генуи и Венеции располагались в Крыму вдоль берегов Черного моря. Вначале монголы состояли в тесной связи даже с Папой римским. Например, в 1248 г. папа Иннокентий IV (1234–1254) принял монгольское посольство [Федоров-Давыдов, 1968б, с.76].

На болгарских надгробных памятниках встречаются имена людей иностранного происхождения, которые жили и умерли в Булгарии (например, Ширвани, Шамахи, Самарканди, Кардари, Дженди, Курсани (Хорасани), Африканджи) [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с.119]. Исламский мир и в то время был очень велик. Он включал в себя многие страны. Для путешествий по этим странам вполне достаточно было быть мусульманином. В мусульманских странах для путешественников, торговых людей, странников-дервишей многие преграды были сняты. По всему Джучиеву Улусу, особенно в период усиления суфизма, существовали пристанища (*ханака*) для религиозных деятелей – шейхов, паломников, дервишей. В них останавливались путешественники из многих стран. Ибн Баттута, например, остановился в ските шейха из Ирака в г. Маджар (Маджир) на Кавказе, где было «около семидесяти факиров арабских, персидских, тюркских и румских» [СМИЗО, 1884, с.287]. Путешествия, странствования способствовали распространению религии, открытию новых путей, поэтому считались благородным делом.

Странники обогащали друг друга сведениями о своих странах. В Джучиевом Улусе появились и свои профессиональные путешественники, географы. Один из них – Ала ад-Дин ан-Номан (Ногман?) ибн Давлатшах ибн Гали ал-Хорезми, отправившись из дома в 21 год, в 1318 г. прибыл в Дамаск. Побыв там некоторое время, направился в Каир во дворец султана. Потом отправился в Мекку и снова возвратился в Каир. Он повидал мно-

гие страны, встречался со многими знатными людьми; его принимали как дорогого гостя во дворцах ханов Менгу-Тимура, Токты и Узбека [там же, с.175].

Ханы обычно с интересом расспрашивали знаменитых путешественников о том, что они видели на своем пути, что слышали. Таким образом, они получали информацию для пополнения и уточнения своих знаний. Ал-Муфаддал описывает, как хан Берке с интересом расспрашивает египетских послов об их стране. Он интересуется необычными для Джучиева Улуса животными, такими как слон, жираф. Затем спрашивает, правда ли то, что он слышал, будто мост через Нил сделан из человеческих костей [там же, с.194]. В те времена немало было фантастических рассказов о чужих странах, которые передавались из уст в уста и в письменном виде. Путешественники нередко и сами прибегали к такому приему, чтобы сделать свои рассказы более увлекательными.

Все это способствовало расширению географических знаний жителей Джучиева Улуса. В свою очередь, хозяйство и культура Джучиева Улуса тоже были открыты для иностранного влияния, здесь были охотно освоены многие импортные нововведения.

Санитарно-гигиеническое состояние золотоордынских городов заметно отличалось от европейских. Источники отмечают благоустройство, чистоту, совершенство общественных строений и сооружений, красивые базары, ставшие своеобразными общественными центрами, широкие улицы, множество мечетей. Исследователь Болгарского городища А.П.Смирнов, описывая его, заключает, что «благоустройство города, его чистота и ряд общественных построек и сооружений намного превосходили большинство европейских городов той эпохи» [Смирнов, 1981, с.209].

Одним из красивейших городов средневековья был Сарай. Арабский путешественник из Магриба Ибн Баттута, посетивший столицу Золотой Орды, писал: «Город Сарай – один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины..., переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами» [СМИЗО, 1884, с.306]. Таким образом, золотоордынские городские улицы, в отличие от европейских, были широкими. Это благоприятно отражалось на санитарном состоянии города. Расположение большинства

улиц в Сарае в направлении вращения Земного шара создавало, возможно, не только физические, но и биопсихологические удобства. Благоустройство, санитарно-гигиеническое состояние домов имело социальную направленность. Полы в домах, где жили представители средних слоев населения, были покрыты мощеными жжеными кирпичами и имели иногда в центре умывальник – тошнау. Они состояли из двух помещений – жилой комнаты и каморки для хранения и приготовления продуктов [Егоров, 1970].

Важнейшей проблемой всякого средневекового города и его благополучного санитарно-гигиенического состояния было снабжение его водой и отвод сточных вод. На Царевском городище арыки и ров соединялись сетью каналов с большими искусственными озерами, сооруженными на северной окраине города. Холмы и отроги речной надпойменной террасы Волги – Ахтубы были соединены дамбами, и вода, стекавшая в сезон таяния снегов в низменный район, где был расположен город, задерживалась в этих искусственных водоемах. Так достигалось предохранение городской территории от заболоченности, и одновременно создавались запасы воды. Кроме того, арыки наполнялись водой из колодцев, включенных в их систему [Федоров-Давыдов, 1994, с.64]. Подобные системы подземных дренажей, водосборных бассейнов, водопоглощающих колодцев были исследованы в Болгарах, на Селитренном городище.

Слава благоустроенных болгарских и золотоордынских бань была распространена далеко за пределами страны. Они, расположенные на центральных площадях, были обустроены системой подпольного отопления, водопроводом с холодной, горячей водой и канализацией с керамическими трубами, а также бассейнами, фонтанами. Имелся отводящий воду канал с отстойником [Зиливинская, 1989; Калинин, Смирнов, 1946; Шарифуллин, 1984, с.23–25]. Оздоровительный эффект бань был хорошо известен населению. Имеется татарская легенда о лечебных свойствах бани и березового веника. Бани на Востоке и в античном Риме имели не только санитарно-оздоровительное назначение, они выполняли роль места отдыха. Здесь играли в шашки и шахматы, играли на музыкальных инструментах и слушали музыку, угощались изысканными яствами. При раскопках в Болгарах

найлены шашки, шахматные фигурки, остатки музыкальных инструментов, фрагменты дорогой посуды [Калинин, Смирнов, 1946; Шарифуллин, 1984, с.23–25].

В золотоордынских городах имелись и общественные туалеты. Например, в Сарае-Бату около площади был расположен двухкамерный туалет, построенный из кирпича, с ямой, вырытой под полом [Федоров-Давыдов, 1994, с.67].

В Золотой Орде медицина имела практическое направление. Медицинские знания должны были отвечать повседневным требованиям.

Ибн Баттута пишет о распространении среди тюрков подагры [СМИЗО, 1884, с.296], одной из причин которой было обильное употребление жирного мяса. В некоторых тюркских племенах была распространена болезнь ног. Возможно, эта болезнь – результат постоянной езды верхом на коне [там же]. Причина смерти известного хана Улуса Джучи Менгу-Тимура (1266–1282) был «нарыв, наскочивший у него в горле. Он проколол его и умер» [там же, с.68, 103]. По данным некоторых источников, причиной смерти Берке-хана были «колики». С точки зрения современной медицины, такие боли могли быть связаны с заболеваниями почек, печени, кишечника и т.д.

Но все же источники большее внимание уделяют эпидемии чумы и холеры в Улусе Джучи в 1346–1350, 1353 гг. [там же, с.529–530]. По мнению населения Улуса Джучи, чума началась в «Стране Мраков». В действительности, эпидемия чумы в то время началась в Китае, часть земель которой входила в состав Монгольской империи. В истории мусульманских стран это была шестая эпидемия и самая страшная, «опустошившая», как пишут современники, «страны и жилища и поражавшая людей онемением и кровохарканьем» [там же]. Страшная эпидемия моровой язвы (холеры) в Улусе Джучи повторилась в 1428–1430 гг., когда «погибло множество народа, уцелели немногие татарские роды» [там же, с.439].

Все же люди, используя природные, в определенной степени уже испытанные веками лекарства, пытались противостоять различным болезням. Использовали различные растения, минералы, целебные источники. Лекарь в это время по-тюркски традиционно на-

зывался «отачы», т.е. дословно «травник». Таким образом, лекарственные растения были самыми важными средствами лечения.

При раскопках золотоордынских городищ нередко встречаются т.н. «чернильные орешки», или по-латински *galla* [Григорьев, 1847, с.570]. Это – патологические израстания на органах растений. Галлы на дубе, сумахе и фисташке богаты дубильными веществами. Они широко использовались и во врачебной практике.

Большое значение в этот период придавалось силе целебных источников и целебных свойств минеральных вод. Ал-Омари пишет о таком источнике под священной горой в Хорезме: «На ней ключ, известный тем, что к нему приезжают люди, страдающие хроническими болезнями. Они остаются у него 7 дней и каждый день купаются в воде его утром и вечером, и после каждого купания пьют ее до тех пор, пока напьются вдоволь и, таким образом, получают исцеление» [СМИЗО, 1884, с.242]. Ибн Баттута, бывший на Кавказе в 1333 г., о здешних целебных источниках пишет следующее: «Ставка султана Мухаммад Узбек хана в четырех днях пути от Маджара (золотоордынский город на Кавказе. – Г.Д.) – Бишдаг (в переводе Пятигорье. – Г.Д.), где ключ горячей воды, в котором тюрки купаются. Они полагают, что кто выкупается в нем, того не постигнет кручина болезни» [там же, с.289].

В 1264–1265 гг. султан Египта организует хадж в честь хана Берке. После этого он направляет посольство в Сарай с многочисленными подарками, среди которых были два флакона т.н. «замзами» – священной воды из источника Замзам и бальзамовое масло [там же, с.164, 358]. Известия о целебных свойствах священных вод имеются и в русских летописях. Например, сообщается о том, что никто из лекарей Берке-хана не мог вылечить его единственного сына. На помощь пришел ростовский владыка Кирилл и вылечил его освященной водой.

И в то время люди мечтали о бессмертии, вечной жизни, об омолаживании. Упоминание о вечной воде (*маңгелек суы*) встречается в поэме золотоордынского поэта Хорезми «Поэма о любви». На фрагменте большой красивой вазы, найденной в усадьбе богача в Сарай-Бату, на персидском языке написаны такие слова: «Говорят в мире есть живая вода...»

[Fedorov-Davydov, 1984, p.231]. В легендах повествуется об исцеляющей, омолаживающей живой воде, воде вечности [Риваятьләр һәм легендалар, 1987, 214 б.].

Бумаги с арабским текстом, молитвами, по мнению мусульман, также имели лечебное свойство. Кроме того, население в качестве целебного средства использовало белемниты. Они пытались усилить лечебные свойства белемнитов путем нанесения на них священных для мусульман арабских букв, слов. Таким образом, в этот период арабские буквы – священные письма ислама, служили своего рода лечебными средствами и оберегами от болезней. На бытовых предметах, в частности на посуде, наряду с другими можно прочесть и пожелание здоровья обладателю.

Все же развитая для своего времени страна Улус Джучи не жила без профессиональной медицинской службы. Источники говорят о наличии в Золотой Орде такой системы, когда, кто бы не заболел, мог обращаться к определенному лекару. Это, как естественное явление, отражается и в литературных произведениях той поры. Примечателен в этом отношении сборник рассказов Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-фарадис», написанный в 1358 г. Так, в одном из рассказов говорится об излечении женщины от бесплодия путем психологического воздействия. Одним из способов диагностирования у золотоордынских врачей было простукивание пульса больного [Мэхмүд әл-Болгари, 2002, 195–196 б.]. В литературных произведениях периода Золотой Орды имеются строки и об отдельных лекарствах.

В Улусе Джучи складывается система здравоохранения. В особо развитых областях страны, например в Хорезме, открываются пункты стационарного лечения (больницы). Об этом свидетельствуют факты жизни Ала ад-Дина ан-Номана Даулатшаха ибн Али ал-Хорезми, который был известным религиозным деятелем – шейхом, крупным географом. Один из его современников – ал-Бирзали, так отзывался о нем: «Это был человек замечательный; он выехал из своего края в 21 год, объехал разные страны, сходил со знаменитостями, изучал логику, диалектику и медицину, и вернулся на свою землю в 701 г. Здесь он сдружился с царем ее Меликтимером, служил у него врачом и сделался старшим врачом больницы в Хорезме

(т.е. в Ургенче). Потом Меликтимер послал его к царю Токте, Берковичу, царю Дешти-кипчакской земли, у которого имел большой успех» [СМИЗО, 1884, с.175].

По сообщениям Ибн Баттуты можно заключить, что больница в Хорезме была знаменита и за рубежом. В ней работали известные медики из других стран. Один из них был выходцем из сирийского г. Сахуна [там же, с.309].

Энциклопедическими знаниями обладал и табиб Ибн Неджам Абдаррахим ибн Абд ар-Рахман ибн Наср ал-Маусули (1254–1330). Он во время правления Узбек-хана занимался в Сарае различными науками, в т.ч. медициной. В 1324 г. он прибыл в Дамаск. Преподавал в медресе аз-Захария ал-Берали, ал-Джарухи, заведовал скитом «Ал-Каср». Одновременно был шейхом-факихом [там же, с.463].

Таким образом, медицина в Улусе Джучи, основанная на народных традициях и тесно связанная с достижениями мусульманских стран того времени, превращается в профессиональное занятие. Появляются стационарные лечебные учреждения. Эти больницы и практиковавшие там известные табибы, работали, жили под покровительством ханов и местных властей. Особое внимание уделяют медицине ханы Узбек и Токта, они приближают табибов к себе, покровительствуют им [там же, с.175, 206, 277, 514].

В Улусе Джучи была своя государственная идеология и служившее ей историческое знание. Эта идеология была очень созвучна с общеисламской, распространенной в мусульманских странах. В исторических трудах того периода содержатся сведения о распространении ислама, о принятии его ханами Берке, Узбеком, о взаимосвязях Сарая с тогдашним центром ислама – Каиром, о натянутых отношениях, военных столкновениях золотоордынцев со считавшимся в то время врагом ислама Хулагу.

В исторических знаниях все больше места занимают родословия, что тесно связано как с древнетюркскими традициями, так и с исламом. В исламе немало официальных должностей, чинов связано с близостью по родству к пророку Мухаммаду и его роду. После избрания нового халифа в Каире составляется история его рода, заверяется печатью и подписью главы кадиев положение о его родстве с пророками. Об этом сообщается всему мусульманскому миру, в первую очередь, пра-

вителям Улуса Джучи [там же, с.430]. В исламском мире известны и другие чины, для которых было обязательно составление истории рода. Широко распространяется в Улусе Джучи составление родословных записей. В них авторы стремятся, в первую очередь, подчеркнуть благородство своего рода, его древность, количество колен. Утвержденное авторитетными кадиями родословие превращается в важнейший аргумент для получения высоких должностных постов. Составление родословия становится модным и среди ученого люда страны. Этот документ имел важное значение для решения спорных моментов. Но родословие – это не только перечисление по порядку колен рода. История личности излагается в них в связи с важными, общеизвестными историческими событиями, своего рода ориентирами истории страны. Родословные сохранялись в письменной форме или передавались из уст в уста, превращаясь в ценное явление истории тюрко-татарской культуры. Каждый татарин, как минимум, должен был знать свою родословную до седьмого колена – это стало неписанным правилом.

Египетско-золотоордынские тюрки, видимо, были знакомы и с летописями. Произведения некоторых арабских историков, хорошо осведомленных о тюрках Дашт-и Кыпчака, также назывались летописями. События, касающиеся Джучиева Улуса, описаны в них с самыми мельчайшими подробностями. К таким, например, относится историческое произведение Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури (умер в 1325 г. в Каире) под названием «Летопись Бейбарса», состоящая из 11 томов [там же, с.73]. Другой историк Ибн Тагри-бирди, умерший в 1470 г., написал о египетском эмире Артыше, который тщательно изучил Йасу Чингиз-хана, установил генеалогию различных татарских родов и очень часто при этом обращался к летописям своего народа [там же, с.XI]. Под понятием «свой народ» здесь, прежде всего, подразумеваются поволжские тюрки. Да и сам эмир Артыш, уехав из Поволжья в Египет, похоже, достиг там высокого положения в обществе.

Восточная, в т.ч. золотоордынская, художественная литература также была выигрышным средством распространения исторических знаний. В литературных произведениях часто обращались к античности, Востоку, особенно к образу исторических личностей. Эти

сведения, переходя из одного произведения в другое, освещали деятельность одних и тех же людей и связанные с ними исторические события. Типичные персонажи этих рассказов – Искандер (Александр Македонский), Афлетун (Платон) – символ мудрости в золотоордынской литературе, Дионисий I Старший, тиран Сиракуз – символ зла, жестокости, Ануширван – символ справедливого правления, Харун ар-Рашид – в литературе, в фольклоре отношение к нему противоречивое...

В поэме Хисама Кятиба «Джумджума султан» проводится философская идея о кратковременности пребывания человека на земле. В качестве исторических ориентиров называются имена знаменитых людей прошлого [Борынгы төрки, 1981, 157 б.]. Здесь мифическая история чередуется с реальной. Наряду с кораническими, арабо-персо-тюркоязычными литературными персонажами упоминаются всемирно известные шахи, цари, ханы, такие, как Махмуд Газнави, Чингиз-хан, достойные быть историческими ориентирами.

В это время иностранные арабо-персидские авторы немало пишут об Улусе Джучи и его истории. Главный сюжет их произведений – это принятие ислама ханами Берке и Узбеком, их возвеличивание. В своих трудах они умело использовали также и предания, бытовавшие у местного населения. Из историков, которые писали историю в качестве непосредственных свидетелей, можно назвать двоих: Ибн Арабшаха (1388–1450) и Ибн Баззаса (ок.1343–1423).

Под именем Ибн Арабшах был известен историк Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад ибн Абдулла. Он побывал в Улусе Джучи и написал свое произведение на основе собственных наблюдений, а также сообщений местных информаторов. Родом из Дамаска, он жил в Сарае, Болгаре, Астрахани. Посетил Китай, Ирак, Византию, Хорасан, Хорезм, Крым. Таким образом, познакомился со многими областями Улуса Джучи. Об этой личности, особенно о его жизни, связанной с Улусом Джучи, довольно много сведений есть в трудах Ш.Марджани. Он пишет о нем как о собственно тюрко-татарском историке. По его словам, Ибн Арабшах – «ученый, писатель и поэт, был осведомлен о быте народа, всемирной истории, о событиях прошедших времен... Используя увиденное, писал много книг. Долго жил в Барийател Баракате (Улусе Джучи. – Г.Д.)» [Марджани, 1885, 88 б.]. Наиболее из-

вестны такие его труды, как: «Гара'иб ал-макдур фи навадир-и Тимур», «Фукахат ал-хулафа», описания тюркских и татарских династий и др. Своими учителями Ибн Арабшах считал известных ученых, историков того времени, таких, как Кутб ад-Дин ар-Рази, аш-шейх Са'ад ад-Дин ат-Тафтазани.

В числе известных историков исследуемого периода следует считать также аш-шейх Хафиз ад-Дина Мухаммада ибн Шихаб ибн Йусуфа ал-Хорезми ал-Кардари, популярного под именем Ибн ал-Баззас. По сведениям Ш.Марджани, начальное образование он получил в Кардаре, затем побывал в Болгаре, Крыму, Руме и др. городах и землях. Встречался там с образованнейшими людьми, что позволило ему пополнить свои знания. Пользовался уважением среди ханов. Особой популярностью пользовалась его книга «Ал-фатави ал-Баззасия», посвященная религии и истории. Когда спросили у известного муфтия своего времени Абу с-Сауда: «Почему он не пишет книгу о событиях своего времени», – он ответил: «Мне стыдно было бы перед Баззаси, он уже осветил все проблемы». С уважением к нему относились и золотоордынские ханы [там же, 87 б.].

В Джучиевом Улусе из уст в уста передавались также сказания об известных исторических и еще живых личностях того периода. Примечательно то, что уже во времена Ибн Арабшаха было распространено немало повествований об известном государственном деятеле Джучиева Улуса, талантливом военачальнике Идегее. Историк пишет о нем следующее: «О нем (сообщают) удивительные рассказы и былицы, и чудные диковины (небылицы): стрелы бедствий, (пущенные) во врагов его, (всегда) попадали в цель, помышления (его были) козни, битвы, западни...» [СМИЗО, 1884, с.473].

Судя по произведению Мирхонда «Раузат ас-Сафа», болгарские генеалогические легенды домонгольского периода с определенными изменениями продолжают бытовать и в золотоордынское время. В этих исторических изысканиях особое внимание уделяется г. Болгару. Вернее, прежние, относящиеся к Болгару – Биляру, сведения больше связываются с г. Болгар на Волге.

Таковыми являются продолжения болгарских генеалогических легенд, сюжеты о строительстве Болгара Искандером Зу-л-Карнай-

ном («Есть сведение, что его построил Зу-л-Карнайн после выхода из страны Мрака»). В исторических преданиях рассказывается о построении им в III в. до н.э. г. Болгара.

В золотоордынское время в официальной исторической литературе этническая история отходит на второй план, на первый выходит религиозная, общемусульманская история. Появляются профессиональные историки, исторические произведения, составляются родословия. Они всесторонне удовлетворяют интерес к историческим знаниям общества.

Ученые, писатели и поэты, религиозные деятели в то время могли жить и творить только при покровительстве правителей и имущих людей. Занятие наукой и литературой особо поощряли ханы Берке, Узбек и Джанибек, которыми, в свою очередь, ученые и писатели посвящали свои произведения (Кутб – жене золотоордынского хана Тинибека Мелике; Хорезми – родственнику Джанибек хана – правителю Мухаммад-ходже; Сейф Сараи – египетскому эмиру Тайхас-беку; Ибн Махмуд аз-Захиди – Берке; Тафтазани – Джанибеку).

Ибн Халдун сообщает о хане Берке следующее: «Он распространил его (ислам) между всем народом своим, стал строить мечети и училища во всех своих владениях, приблизил к себе ученых и законовевов и сдружился с ними» [там же, с.379]. Ал-Омари пишет так об Узбек-хане: «Узбек хан построил в нем (Новом Сарае) медресе для науки, (потому что) он очень предан науке и людям ее» [там же, с.229]. Тюркский историк и хан Хивы XVII в. Абу-л-Гази Бахадур хан восхваляет могущественного хана Джанибека: «Этот Джанибек хан замечательно хорош среди мусульманских правителей. Он оказывал особое внимание людям, занимающимся познавательной деятельностью, особенно ученым и преданным религии людям» [Абуль-Гази, 1906, с.54].

Ученым и писателям оказывали покровительство не только представители высших слоев общества, но и власть имущие, стоявшие на более низкой ступени, что отражается и в надписях на надгробных памятниках. В эпитафии 1314 г. содержатся такие строки: «Содержавший ученых и любивший их, мечети воздвигавший, множества подаяний вершитель, бедных... сын Худжа сын (Османа) сборщик податей Ибрахим ал-Суварий...» [Юсупов, 1960, табл.12]. Таким обра-

зом, просвещение, ученость в Улусе Джучи были в большом почете. Содержание ученых, писателей, религиозных деятелей, их покровительство считалось богоугодным делом.

Профессиональные научные знания в Золотой Орде были передовыми для своего времени. Развитие их, в первую очередь, было связано с влиянием научных и культурных центров мусульманского мира. Научные знания

нередко были далеки от повседневной жизни, а профессиональные, наоборот, исходили, в первую очередь, из потребностей общества. Тюрко-татарские ученые писали преимущественно на арабском языке. Поэтому их труды получили общемусульманское звучание. Само развитие научных знаний в Улусе Джучи было своеобразным откликом тюрко-татарского мира на Восточное Возрождение.

§ 2. Исторические сочинения и становление историографической традиции

Искандер Измайлов

Одно из самых распространенных представлений об Улусе Джучи, которое бытует не только среди неспециалистов, но и историков, состоит в том, что «кочевое население» этого государства не нуждалось и не имело своей письменной историографической традиции. Исторические представления, по этому мнению, сохранялись в устной традиции и имели фольклорный, изустный характер. Подобное мнение ведет свое происхождение от времени, когда Золотая Орда считалась «диким полукочевым паразитическим государством». И хотя некоторые исследователи склонны отрицать существование золотоордынской историографии, считая, что «Чингиз-наме» и другие произведения этого круга были не частью исторической традиции Улуса Джучи, а некой «степной устной историологией» [Юдин, 1992, с.25], подобные представления вступают во все более явное противоречие с теми источниками, комплекс которых был выявлен в последние десятилетия.

По мере углубленного изучения археологических и исторических данных становится ясно, что развитое по средневековым меркам государство, находившееся в рамках мусульманской цивилизации, должно было иметь достаточно развитую систему исторических сочинений, которые бы легитимизировали власть золотоордынских ханов и возводили их династию к великим предкам. При этом, учитывая распространение грамотности и письменной культуры, ясно, что распространялись подобные произведения не только в устной, но и в письменной форме.

Вместе с тем, следует отметить, что трудность выявления и изучения золотоордынской

исторической традиции связана с тем, что до нас не дошло ни одного цельного аутентичного произведения на историческую тему, которую можно было бы трактовать, как историософскую концепцию истории Улуса Джучи и, тем более, говорить о ее развитии во времени. Выявить конкретные аутентичные изменения сюжетов и их обогащение новыми элементами в процессе развития достаточно сложно, поскольку от цельной государственной историографической традиции до современности сохранились лишь переработанные в более позднее время отдельные сюжеты и отрывки. Однако следует признать, что эта традиция не была устной, поскольку существовала в трудах придворных историков, которые, разумеется, пользовались устными преданиями, но не только ими. Например, в труде «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи, автор XVI в., пишет о «хрониках, которые... видел...» [Утемиш-хаджи, 1992, с.90], тем самым отмечая существование письменной исторической традиции. Не была она и степной, поскольку существовала в городах, при дворе ханов. Сложен вопрос и о соотношении устного предания и исторической традиции. Судя по значительному единообразию сохранившихся текстов, можно предположить, что предания постзолотоордынского времени сами испытали влияние исторической традиции Улуса Джучи.

Нельзя с достоверностью определить, когда и кем было положено начало созданию особой, именно золотоордынской истории. Бесспорно, что нам ясна ее цель – укрепление собственной легитимации в противоборстве с другими коленами Чингизидов и создание аргументов в пользу своей исключи-

тельности и природного величия. По мере внедрения и укоренения ислама, *чингизизм* в его золотоордынском варианте приобретает очевидные коннотации. В этом процессе явно отразились новые формы этнополитической и социальной идентификации, в частности, осознание Джучидами важности религиозных символов для упрочения исламской репутации династии. В XV–XVI вв., но, скорее всего, и ранее – в XIV в., *чингизизм* в сложившемся виде приобрел очевидное политическое и социальное звучание, которое В.П.Юдин поспешил назвать особой религией: «новый генеалогический комплекс, изложенный в терминах родоплеменного осмысления возникновения и сложения структуры человечества, стал базой формирования воззрений на происхождение всего человечества и вселенной. Он был дополнен традиционными элементами тюрко-монгольского шаманизма, которые стали как бы верхним этажом и пристройками здания новой веры. Тем самым, был создан космогонический миф, т.е. сформировались иллюзорное мировоззрение и идеология. Так родилась новая религия» [Юдин, 1992, с.16–21]. Вряд ли сейчас столь однозначно можно считать «*чингизизм*» религией, хотя бы потому, что сам автор пишет, что она была также «мировоззрением, идеологией, философией, санкцией общественного строя и социальных институтов, политической и правовой системой, культурологической доктриной, основой просвещения, средством регуляции поведения в семье и обществе», а далее открывает еще целый спектр квазирелигий – «*огузизм*», «*идегеизм*» [там же, с.19, 55–56].

Иными словами, для рассматриваемого автора любая «ложная идеолого-мировоззренческая система, конструировавшая картину и функционирование мира», и есть религия. Не вдаваясь в понимание сущности религии, хочется все же отметить, что поскольку ее основой, видимо, следует считать веру в сверхъестественное, то автор описывает именно мифологическое мышление [Мелетинский, 1983, с.377; Токарев, Мелетинский, 1991, с.11–20]. При такой постановке проблемы обнаруживается, что у монголов была своя, не сводящаяся к «*чингизизму*», мифологическая система [Неклюдов, 1991, с.170–174]. Чингиз-хан отнюдь не являлся «всевышним богом», как это представляет-

ся В.П.Юдину, хотя бы потому, что сам он правил с санкции «Вечного Неба» [Трепавлов, 1993, с.59–67; Скрынникова, 1997, с.56–73]. Кроме методологических недостатков, данная теория имеет и «политические» корни. Основанием подобной неверной трактовки послужило в немалой степени общее представление об обществе и государстве Джучидов, как о «степной империи» или «кочевом объединении», которые не могли якобы иметь развитых форм историографии и идеологии. Представляется, однако, что под термином «*чингизизм*» следует подразумевать особую парадигму монгольской и татарской (золотоордынской) политической идеологии.

Между тем, Чингиз-хан золотоордынской исторической традиции – это не «святой» и даже не столько «небесный патрон» династии и государства, а, скорее, «отец-основатель», создатель государства и законов («Йаса Чингиз-хана»), «вечный правитель», лишь временно передающий свои права очередному хану. В рамках этой идеологической парадигмы сформировались основополагающие представления о самостоятельном Улусе Джучи и этнополитическом единстве татар, определились параметры династической легитимности, преемственности власти, клановой и социальной иерархии. И только после распада единого государства в отдельных ханствах и владениях (Казанское, Крымское, Узбекское (Шибанидское) ханства, Ногайская Орда) появляются и формируются новые символы власти и механизмы легитимации, связанные уже с местными особенностями властных структур и более активным влиянием и внедрением ислама в эти процессы (возвеличивание отдельных колен потомков Джучи – Тука-Тимуридов, Шибанидов и даже неджучидов – потомков Идегея, появление местных святых – покровителей различных династий и т.д.).

Образы святых-правителей – одно из характерных и парадоксальных явлений средневекового сознания [Блок, 1998; Nelson, 1986]. Но при всей близости и схожести образов святых в различных цивилизационных и социальных контекстах, они могли иметь некоторые отклонения. Культ правителя Чингиз-хана, правящего с санкции «Вечного Неба», в этой связи как раз и отвечал подобным требованиям, легко укладывавшись в систему исламских ценностей. Феномен арис-

токрагической ханской власти, возникший в языческой (или в несторианской) среде, явно восходит к системе мифологических представлений о сверхъестественной природе власти [Трепавлов, 1993, с.59–67; Скрынникова, 1997, с.56–73]. Однако в архаических представлениях о харизме правителя в Улусе Джучи в XIV в. под воздействием внедряющегося в ментальные структуры общества ислама, происходит своеобразная перекодировка традиционных мифологем власти в новую систему понятий – мусульманизированных религиозных и политических символов. Адаптировав культ Чингиз-хана и его сына Джучи к исламским ценностям, золотоордынская правящая династия оказывалась включенной в мусульманскую систему сакрализации и легитимации политической власти. Смысл этого процесса, нашедшего отражение в исторической традиции, разумеется, имевшего характер «интуитивного политического действия», может быть описан формулой «тюрко-монгольская традиция в исламской парадигме». Не исключено также, что правы те исследователи, кто считает, ссылаясь на широкий антропологический контекст, что в могиле святости правителя и харизмы его власти отразились процессы мифологизации вождя, определяемые понятием «сакральный правитель» [Скрынникова, 1997, с.100–148].

К сожалению, переходя от анализа идеологической и социальной составляющей этого культа к некоторым конкретным проблемам, следует констатировать, что проблемы почитания центральноазиатских и европейских мусульманских святых, становление и развитие их культов, соотношение их с традиционными тюркскими верованиями не стали объектом целенаправленного и систематического изучения, если не считать прекрасного труда Д.ДеВизе [DeWeese, 1994], где подробно проанализированы историческая традиция и фольклорные источники по исламизации Улуса Джучи. Особо выделен образ святого Баба Тукласа, который, на взгляд автора, является ключевым сюжетом в понимании механизмов об исламизации Золотой Орды и демонстрирует внедрение исламских мотивов в архаические традиционные культы населения Центральной Азии [там же, с.321–516]. Вместе с тем, самому образу Чингиз-хана и его потомков – Джучидов, как важ-

нейшей составляющей государственной идеологии Улуса Джучи, уделено гораздо меньшее внимание и роль связанных с этим кругом образов высвечена менее отчетливо.

Важнейшие элементы этой традиции восходят к официальной монгольской истории рода Чингиз-хана – «Алтан дептер» («Золотая тетрадь») [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1]. Характерными повествовательными элементами ее являлись сконцентрированная в летописи генеалогия (мифологическая – предки Чингиз-хана от Алан-Гоа и историческая – Хабул-хаган и его потомки), связанные с генеалогиями краткие биографические описания, вкрапление «малых» сюжетных форм (панегирические, дидактические и другие рассказы), относительно слабо выраженное (часто в форме регистрации событий) хронологическое описание, но самое значительное место в историописании отведено жизни и деяниям Чингиз-хана [Неклюдов, 1984, с.223–241; Шастина, 1977, с.462–483].

Все тюркские генеалогии с той или иной полнотой передают эту монгольскую традицию. Наиболее полная версия сохранилась в татарском историческом сборнике конца XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме», где имеются практически все элементы истории, присутствующие в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, вплоть до упоминания прародительницы Алан-Гоа (в форме *Алангу*). Прямое заимствование части этой летописи и ее соединение с некоторыми другими татарскими источниками несомненны. Однако неясно, результат ли это поздней компиляции, или сохранившийся элемент ранней золотоордынской историографии, но одновременно в этом источнике отсутствует такая деталь, как биография хана Джучи и его потомков (кроме Джанибека, которому посвящен отдельный дастан, весьма значительно переработанный в позднее время).

В других источниках, где золотоордынская традиция сохранилась, видимо, полнее, отрывки, касающиеся истории «золотого рода», полностью отсутствуют. Скорее всего, в более ранних вариантах джучидской историографии эти мотивы, в той или иной степени, были представлены, но, потеряв постепенно этнополитическую актуальность, были сокращены или переделаны. Образцы подобного сокращения генеалогии представлены в вариантах «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи и «Родо-

словия тюрков» («Шаджарат ал-атрак») [Утемиш-хаджи, 1992; СМАЗО, 1941, с.202–209], где с некоторыми разночтениями указывается, что «величайший обладатель счастливой звезды (сахибкыран) великий Чингиз-хан» пожаловал сыну Джучи часть своих владений – Дашт-и Кыпчак и Хорезм. Никаких других подробностей о величественности и грандиозности завоеваний, предпринятых Чингиз-ханом, в сохранившейся поздней тюркской традиции не отмечается. Все они оставлены как бы за скобками династической истории Джучидов, представляя разительный контраст с монгольской традицией [Шастина, 1977; Неклюдов, 1984, с.223–241].

Вариант переработки связан также с насыщением истории исламскими мотивами. Ранний этап ее представлен уже у Рашид ад-Дина, который сочетает сведения о предках Чингиз-хана с сюжетом об истории огузов – «Огуз-наме» [Рашид ад-Дин, 1952, I, 1, с.80–91], где одновременно присутствует мусульманская генеалогия народов, и предки Огуз-хана возводятся к пророку Йафету (Яфесу).

Уже в несколько переработанном виде этот дастан попал в золотоордынскую традицию, где пополнился некоторыми новыми актуальными мотивами. Вся родословная правителей возводится к Адаму и его потомку Йафету. Например, по Абу-л-Гази, «... пророк Нух каждого из своих трех сыновей послал в разные земли... сына своего Яфеса послал в страну северного полюса. О Яфесе некоторые говорят, что он был пророком, а некоторые говорят, что он не был пророком. Яфес, по воле своего отца, покинул гору Джуда и отправился к берегам Итиля и Яика». После Йафета в северной стране правил его сын Тюрк, которого отец якобы посадил на престол, сказав другим сыновьям: «Тюрка считайте своим государем, из повиновения ему не выходите!» [Кононов, 1958, с.39]. После череды правлений других ханов, в т.ч. Могола и Татара, которые не находят параллелей в «Огуз-наме» Рашид ад-Дина, правителем тюрков становится Кара-хан, а после него сын Огуз-хан. Таким образом, одной из особенностей джучидской исторической традиции следует считать отсечение «монгольских» предков Чингиз-хана, а другой – включение в традиционные тюрко-мусульманские легенды («Огуз-наме») эпонимов «Татар» и «Могол». И не только эпонимов, в тексте встре-

чаются указания на то, что держава Огуз-хана военным потенциалом была обязана «воинам могольских и татарских илей» [там же, с.45].

Другим важным моментом этих мифологем является возвеличивание благородных предков, по праву рождения призванных править тюрками, начиная от легендарного эпического Тюрка до Огуз-хана. В этой последовательности Чингиз-хан выглядит одним из ключевых персонажей. Общественное сознание тюрко-татарских ханств поглощает его и адаптирует его образ, делая закономерным продолжателем и наследником великих тюркских владетелей степи. Но роль его не столько в завоевании мира и верховенстве среди тюрков (например, в ряде историй особо подчеркивается, что основная его завоевательная политика была направлена на другие страны и регионы), а в передаче власти над тюрками исключительно своему сыну Джучи [Утемиш-хаджи, 1992, с.91; Кононов, 1958, с.44].

На территории Улуса Джучи в период становления самостоятельного государства эта традиция получила дальнейшее развитие. Ключевым ее элементом стали предопределение появления «золотого рода Чингиз-хана» и передача власти его сыну Джучи в части государства (Улус Джучи), которая включала «Хорезм и Дешт-и Кыпчак от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара, алан, башкир, урусов и черкесов. Вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади» [СМАЗО, 1941, с.204]. Вот как описывает это Утемиш-хаджи: «Йочи-хан был старшим из его (Чингиз-хана. – И.И.) сыновей. Он дал (ему) большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчака, сказал: «Пусть будет пастбищем для твоих коней». Дал (ему также) вилайет Хорезма» [Утемиш-хаджи, 1992, с.91]. В версии Абу-л-Гази это описывается очень похоже: «... Джучи с принадлежавшими ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил (всех) попавших (ему) в руки кыпчаков... Кыпчаки, обитавшие между Итилем и Тином, рассеялись на четыре стороны... Джучи-хан, взяв в плен кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. Из могольской (страны) он переселил сюда свою семью и все или, которые дал (ему) отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в

кыпчакский юрт». Таким образом, Джучи выступает здесь в двух ипостасях – как наследник харизмы Чингиз-хана и как основатель и создатель на завоеванных землях собственного Джучиева Улуса («в этих странах он утвердился на престоле ханства и троне правления») [Кононов, 1958, с.44].

Видимо, это ключевая мифологема формируемого джучидского политического культа. К сожалению, в имеющихся в нашем распоряжении источниках тема о Джучи-хане развита слабо, отражая, очевидно, более поздний этап развития историографии. Возможные сюжеты, раскрывающие образ Джучи, содержатся в ряде персоязычных источников, созданных при дворе Тимуридов, но значительно переделанных и дополненных уже при Шибанидах. Например, в «Родословии тюрков» («Шаджарат ал-атрак») имеется три ключевых мотива: о законности Джучи, как старшего сына Чингиз-хана (здесь обсуждается широко известный эпизод с захватом беременной жены Чингиз-хана Борте меркитами, что бросило тень на законность наследника); об особой любви Чингиз-хана к своему старшему сыну (которого он любил якобы «больше, чем всех своих детей мужского и женского пола»), приводя в качестве доказательства распространенную тюркскую легенду о певце, инскапательно сообщавшем хану о гибели сына; о вражде и ревности по отношению к Джучи со стороны младших братьев – Чагатая и Угедея [СМИЗО, 1941, с.203–204]. Подобных эпизодов, разумеется, не было в историографической традиции других монгольских государств, в которых на первый план выходили другие мифологемы легитимации власти и подчеркивались другие связи с политическим культом Чингиз-хана (например, в государствах Чагатаидов и Хулагуидов, в Могулистане, в государстве Великих Моголов и др.).

В подчеркивании получения инвеституры Джучи-ханом на власть в Улусе от Чингиз-хана высвечивается мотив благородного происхождения и акцентируется внимание на династических связях, как отражении веры в наследование харизматических качеств, освящении власти Джучи и его потомков культом «Потрясателя Вселенной». То есть, сюжетная линия, связанная с Джучи, определяет не только включение политического культа Чингиз-хана в джучидский политический

пантеон, но и знаменует формирование золотоордынской этнополитической мифологемы. В дальнейшем развитие тюркской исторической традиции Улуса Джучи происходит уже в рамках этой повествовательной парадигмы. Основой ее являлась генеалогия определенного потомка Джучи, с краткой характеристикой предшествующих поколений и более подробное описание биографии хана (Джанибек, Орду-Эджэн, Урус, Абу-л-Хайр и др.) или знатного карачибека (Мамай, Идегей).

Главной тенденцией развития этой традиции является постепенное насыщение ее мусульманскими элементами (особенно в XV–XVI вв.) посредством кратких экскурсов (сведения о принятии ислама ханами Берке и Узбеком, биографии святых и т.д.) и возведением генеалогии ханов и карачибек (Идегей) к святым пророкам. Постепенно данная традиция была встроена в мусульманскую картину мира и историографию. Распространению этой традиции и внедрению в сознание тюркского населения способствовали ее близость к фольклорным, эпическим системам и четкая локализация каждого клана (микрокосм) внутри империи Джучидов (макркосм) [DeWeese, 1994, с.321–408]. Другой тенденцией стала «коренизация» истории государства, подчеркивание ее местных традиций и корней. Достигалось это за счет включения в государственную историографию историй племен и кланов, местных святых и популярных героев легенд и преданий.

Улус Джучи объединил значительное количество тюрко-монгольских кланов, между которыми, в соответствии с генеалогической близостью к роду Чингиз-хана, была установлена определенная иерархия, закрепленная в исторической традиции. Создание в Улусе Джучи иерархии кланов во главе с Джучидами трактовалось не просто как учреждение государства, а как акт творения, упорядочения макрокосма. Закрепление этой исторической традиции в письменной, а позднее, в устной (фольклорной) формах, делало ее общепризнанной и легитимной. Данная историческая традиция выработала основной набор мифологем и стала идеологическим обоснованием формирования нового этнополитического «татарского» самосознания. Наибольшее распространение оно приобрело в среде родовой и чиновничьей знати (в значительной мере му-

сульманизированной), находившейся в вассальной зависимости от Джучидов, включенных в их клановую и улусную систему и часто ведших кочевую жизнь.

Создание джучидской (татарской) исторической традиции явилось важнейшим фактором формирования ментального универсума и сплочения различных тюркских народов, выработки татарской этнополитической идентификации. Добившись независимости от Монгольской империи, Улус Джучи получил необходимые рычаги для выработки и конструирования собственной державной исторической традиции, а после официального принятия ислама в качестве государственной религии, приобрел и опору в богатых возможностях мусульманской историографической и философской словесности, обогатившись новыми мотивами и символами. В отличие

от целого ряда других тюркских государств, с расплывчатой социальной структурой и неразвитой государственной традицией, золотоордынская державная идеология (своеобразная «политическая теология») стала мощным всплеском тюрко-татарского самосознания. Ее парадигма этнополитической идеологии оказалась настолько авторитетна, что рождала менее приспособленные и более слабые мифологемы предшествующих эпох или, частично переработав, поглотило их, определив на многие века дальнейшее развитие тюркской историко-политической мысли позднесредневековых государств и народов Евразии. Татарская историческая традиция оказалась настолько сильной, что после распада Улуса Джучи вошла составной частью в локальные исторические традиции различных татарских государств XV–XVIII вв.

§ 3. Делопроизводство и канцелярская культура

Миркасым Усманов

В Улусе Джучи, соответственно уровню его общественно-политического, хозяйственно-экономического развития, военно-административному строю государства, эффективно действовавшему аппарату правления, сложился и функционировал высокоразвитый для своей эпохи нормативно-правовой управленческий «инструмент», представленный, прежде всего, **официальным делопроизводством**, создававшим различные деловые документы, в т.ч. актового характера. Такие документы, составленные в официальных канцеляриях Джучидов писцами-специалистами, призваны были обслуживать, удовлетворять социально-экономические, административно-управленческие, следовательно, и идеолого-политические интересы и потребности верхов общества. В то же время деловые документы – продукты делопроизводства – по своей природе являются неотъемлемой частью, важным компонентом многослойной письменно-коммуникационной культуры в целом. Поэтому они имели свои предыстории, представленные различными истоковыми традициями.

Соответственно сложному и многокомпонентному происхождению государства официальное делопроизводство Джучидов имело несколько истоков и отдельные периоды

своего развития, каждый из которых достоин внимания. В связи с этим следует отметить, что, несмотря на плохую сохранность автохтонно-аутентичных нарративных письменных памятников по истории Джучиева Улуса, по части автохтонных документальных источников имеется более или менее значительный материал. Он дает возможность получить представление как об истоках, так и этапах развития джучидской школы делопроизводства, являющейся первоначально одной из ветвей монгольско-уйгурской канцелярской культуры. Имеются в виду как оригиналы ханских ярлыков и посланий правителей самой Золотой Орды и татарских ханств, отколовшихся от нее, но продолжавших ее традиции (о них см.: [Березин, 1851; Усманов, 1979]), так и переводы подобных актов на различные языки [Памятники русского права, 1955; Зимин, 1962; Григорьев, 2004; Лашков, 1891; 1897; Вашари, 2002; Григорьевы, 2002 и др.]. Наиболее ранние тексты таких документов, сохранившихся в переводах, были написаны **уйгурским письмом** на одном из наречий средневекового тюркского языка.

Монголы до образования их государства были, как известно, бесписьменным народом.

Однако административно-управленческие потребности складывающейся государственности привели их к необходимости принять какую-либо письменность. Выбор пал на письменность более цивилизованных уйгуров – ближайших тюркоязычных соседей ряда племен и народностей древней и средневековой Центральной Азии [Бартольд, 1909, с.367–368; Мэн-да бэй-лу, 1975, с.125–128; Краткая история, 1991]. Ибо язык и письменность уйгуров, сложившиеся в VIII–X вв., продолжая традиции древних тюрков, «служили средством культурного общения народов Центральной и Средней Азии» [Исиев, 1991, с.225]. Поэтому уйгурская письменность, принятая в X в. киданями, в XI в. – найманами, в начале XIII столетия – монголами [там же, прим.3], легко распространилась среди последних и выдержала конкуренцию с другими алфавитными системами [Кара, 1972, с.27–32]. Таким образом, она на протяжении длительного времени сохраняла статус **ханской** – государственной письменности. Этому способствовало то, что монголы с самого начала приспособили ее к своему языку [Мэн-да бэй-лу, 1975, с.128].

Большое значение имело также активное привлечение монгольскими правителями нескольких поколений – со времен самого Чингиз-хана до правления его правнуков – уйгурских грамотеев к службе в качестве учителей для своих детей [Бартольд, 1909, с.367] и чиновников-управленцев различных рангов, от писцов-канцеляристов до крупных сановников. По подсчету А.Ш.Кадырбаева, в источниках упомянуты имена более трехсот высокопоставленных уйгуров на монгольской службе. Уйгурские интеллектуалы той эпохи внесли существенный вклад в распространение среди монголов – и не только среди них – различных религиозных учений и книжных знаний [Кадырбаев, 1991, с.235–243]. Все это привело к тому, что уйгурская письменность надолго сохранила свою прочную позицию не только в самой Монголии, Юаньской империи, но и в других отколовшихся от сверхдержавы улусах – Джучи, Чагатай и Хулагу [там же, с.245].

Долголетие уйгурской письменности в Улусе Джучи способствовало несколько факторов. Например, фактор освоенности уйгурописьменной традиции в быстро разросшейся империи монголов к 30–40-м гг. XIII в.,

когда складывалась и территория владений будущего государства Джучидов, в котором продолжались финансово-хозяйственные, канцелярско-делопроизводственные и управленческие навыки прежней «единой державы» Чингизидов. Поэтому значительная часть ранних денежных знаков, также тексты ярлыков и посланий ранних Джучидов, оформлялись уйгурским письмом.

Участие уйгурских князей со своим войском в завоеваниях Джучи на западе (например, турфанского идикута Барчука), наличие уйгурских секретарей-битикчиев в ставках Джучи и Бату (например, Куркуза, – подробнее см. в материалах А.Ш.Кадырбаева) оказали прямое влияние на формирование раннеджучидского делопроизводства. Об этом же свидетельствует канцелярская терминология уйгурского происхождения: *битик* (письмо), *битилди* (написан), *битикчи* (письмоводитель, т.е. секретарь), синоним последнего *бахши* и т.д., вытесненная позднее в процессе исламизации местными тюркскими или арабскими эквивалентами (*йазыг*, *хафиз*, *катиб* и т.д.) [Усманов, 1979, с.125–129, 267–270].

Существенное значение имел и следующий фактор. В процессе продвижения монголов на Запад, начиная с территорий уйгуро-караханидского Восточного Туркестана, в составе войска, следовательно, и населения будущего Джучиева Улуса, увеличился удельный вес тюркоязычного компонента, т.е. происходила тюркизация монголов. Поэтому ранние Джучиды, по крайней мере, их канцеляристы, были двуязычными.

Сам **уйгурский язык** начала XIII в., проходя через ареалы литературно развитого караханидско-карлукского мира, пластов кыпчакско-огузской стихии, подвергался изменениям, т.е. обогащался, усложнялся. На западе империи он уже не был тождественен тому уйгурскому языку, который известен по центральноазиатским документам IX–X вв. (образцы см.: [Radloff, 1928]). Именно такой, подвергавшийся некоторому изменению, уйгурский письменный язык, испытавший караханидское влияние, принимал участие в формировании официального тюркского языка Золотой Орды. Такую эволюцию, такое изменение уйгурского языка на Западе под влиянием караханидского имел в виду А.Н.Кононов, когда писал, что «литературный язык Караханидского государства» был ба-

зой для литературного языка Джучиева Улуса, ставшего в дальнейшем основой для «чагатайского» [Кононов, 1963, с.65].

Необходимо учитывать также следующую особенность лингво-графической ситуации в Улусе Джучи. В состав будущего владения Джучидов были включены такие тюркские по основному населению и культуре регионы, как Хорезм, Булгар, Нижнее Поволжье, Крым, значительная часть Северного Кавказа. В результате соотношение сил в будущей державе бесспорно изменилось в пользу тюркского языка, чему способствовало, надо полагать, и отмеченное выше место уйгурских чиновников в управленческом аппарате западного улуса еще единой империи. Тюркоязычность подавляющего большинства раннеджучидских актов [Памятники русского права, 1955; Боровков, 1966; Усманов, 1979, с.99–101], а также особенности дальнейшего развития тюркского литературного языка в Золотой Орде говорят в пользу такого вывода. Стремления некоторых исследователей [Григорьев, 1977, с.145] квалифицировать ранние жалованные акты Джучидов как монголоязычные, как было в свое время показано, не выдерживают критики [Усманов, 1979, с.94–97].

Однако письменность уйгуров, в отличие от положения их языка, оказалась в более сложной ситуации. С ней не без успеха конкурировала освоенная задолго до завоеваний арабская письменность мусульманизированных регионов – Хорезма, Булгара, Нижнего Поволжья, Кавказа (дагестано-азербайджанского региона). Арабописьменные легенды в определенной части раннеджучидских монет подтверждают такой вывод. То есть уйгурская письменность, несмотря на свое положение «ханского письма», не смогла вытеснить арабскую графику, тесно связанную с культурой местных народов. Еще более сильно подорвана была позиция уйгурской письменности после официального принятия ислама в Золотой Орде.

В таком же примерно положении оказалась, видимо, и монгольский язык в Улусе Джучи. Уйгурская письменность и монгольский язык применялись, разумеется, и несколько позднее, особенно в переписке с правителями сперва Каракорума, затем Ханбалыка (Пекина) и с Хулагуидами, дольше Джучидов употреблявшими язык и письменность своих предков. В Иране чаще, чем в

Золотой Орде встречаются монголоязычные монеты [Тизенгаузен, 1889–1890, с.304–307]. Традиционно оформлялись пайцзы – своеобразные «охранные грамоты», для которых важна была внешняя форма. Монгольский язык и уйгурская письменность могли дольше сохраняться в быту отдельных семейств, для которых свойственно было двуязычие (подробнее см.: [Усманов, 1979, с.100–101]). О двуязычии в Золотой Орде свидетельствуют тексты берестяной рукописи с Поволжья [Поппе, 1941].

Необходимо отметить, что уйгурская письменность на западе Евразии имела более широкое распространение, чем это скороговоркой констатируется в литературе. Она была известна и в зависимых от Золотой Орды странах и соседних государствах. Например, в подлиннике жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича 1435 г., выявленной М.А.Оболенским, была уйгурописьменная «надпись... монгольскими буквами». Она, расшифрованная монголистом Г.Гомбоевым и переведенная тюркологом Х.Фаизхановым, оказалась татароязычной резолюцией: *булай унь гурдук* – «в таком виде мы одобрили», т.е. «одобряем (утверждаем)», принадлежавшей, видимо, ханскому чиновнику. Правильность прочтения и перевода текста на исконно русской грамоте подтвердил О.М.Ковалевский: «Эти же слова до сего времени между казанскими татарами существуют в прежнем своем значении» [Оболенский, 1861, с.22–23].

М.А.Оболенским выявлена также духовная грамота 1453 г. княгини Софьи, вдовствующей супруги великого князя Василия, где также была уйгурописьменная татарская резолюция: *алтмышда янбар аида*, т.е. «в шестидесятое (лето) в январе месяце», соответствующая, по уточнению М.А.Оболенского, дате 6960 г. «от сотворения мира» [там же, с.23–24]. Расшифрованную О.М.Ковалевским и переведенную А.Махмудовым надпись публикатор также считал резолюцией татарского (ханского или ордынского-чиновничьего) происхождения [там же, с.24]. А.А.Бобровников, наоборот, утверждал, что надписи эти принадлежали самим русским, владевшим языком и письменностью своих сюзеренов [Бобровников, 1861, с.24–25, 28]. В принципе обе стороны правы: факты утверждения русских грамот XIV в. в Сарае подтверждаются и новейшими исследованиями

по русской дипломатике [Черепнин, 1948, с.16–19, 29 и др.]. Такое явление могло иметь место и в XV в.

Однако исконно русская датировка второй грамоты усиливает мнение А.А.Бобровникова, потому что факты о реальном месте уйгурской письменности в ордынско-московской переписке XIII–XIV вв., следовательно, факты об освоении уйгурской графики в канцеляриях великих князей подтверждаются и другими сведениями. Например, в описях Царского архива XVI в. хранился целый ящик, в котором находились «дефтери старые от Батья (хана Бату. – М.У.) и от иных царей; переводу им нет – *нихто перевести не умеет*» [Описи, 1960, с.32] (курсив мой. – М.У.). Прежние великокняжеские канцеляристы, умевшие их читать, видимо, не утратили себя их переводами. Достоинно внимания то, что И.Н.Березин в 1850 г. при издании уйгурописьменного послания Токтамыша, т.е. до публикаций М.А.Оболенского, писал, «что в Литве, подобно России, вероятно, были знатоки татарского языка и уйгурского письма» [Оболенский, 1850, с.44]. Можно уточнить, что эту письменность и язык знали и в других странах, например, в Египте и Турции (подробнее см.: [СМИЗО, 1884, с.228, 251; Rahmeti, 1939, s.285–322; Усманов, 1994, с.125–130; 1979, с.112–114]).

Таким образом, уйгурская письменность имела относительно широкое распространение и прочную позицию в официальных кругах (верхах) как самой Золотой Орды, так и зависящих от нее регионов. Она параллельно с арабской графикой, успешно с ней соперничавшей, функционировала почти до третьей четверти XV в. Как видно из данных описи Царского архива, она вышла из употребления в конце XV или самом начале XVI в., что связано с окончательным утверждением позиции ислама, арабской графики в постордынских татарских ханствах [Усманов, 1985], с одной стороны, и укреплением самостоятельности Руси, с другой.

Такова судьба одного из основных истоков джучидского делопроизводства, вернее, его основного инструмента – письменности.

Что касается палеографических особенностей уйгурописьменных актов Джучидов, то о них, из-за отсутствия их подлинников (сохранились лишь переводы их), можно судить лишь по опосредованным данным.

Например, Д.Банзаров, видевший подлинник ярлыка-послания Токтамыша 1393 г. к Ягайло, о его почерковых особенностях писал, что он «писан четким уйгурским шрифтом; в палеографическом отношении он отличается точностью правописания и по шрифту близко подходит к надписи на каменной плите, найденной в Нерчинском округе, а еще ближе к пайцзе (Абдуллы)..., в каллиграфическом отношении он далеко уступает двум письмам персидских Чингизидов к французскому королю Филиппу Прекрасному» [Оболенский, 1850, с.41].

В.В.Радлов, в целом соглашаясь с мнением Д.Банзарова, указывал, что почерк послания к Ягайло принадлежит уверенной руке и тяготеет по почерку не к монгольской-уйгурской разновидности, а к уйгурско-мусульманским памятникам [Радлов, 1889, с.4, 18].

Как видно из таблицы «Образцы почерка» монгольского письма, имеется неоспоримая близость между начертаниями ряда букв золотоордынского и восточнотуркестанского почерков [Кара, 1972, с.65]. Этот факт подтверждает мое мнение о прямом влиянии собственно уйгурской, т.е. восточнотуркестанской письменно-культурной традиции на таковую Улуса Джучи [Усманов, 1979, с.114–115].

Другим важным истоком делопроизводительной и канцелярской культуры Джучидов была аналогичная **традиция мусульманских стран и народов Ближнего и Среднего Востока**, преимущественно Ирана. Проникновению и интенсивному освоению ее по восходящей линии и вытеснению в дальнейшем уйгурского начала способствовали как ранняя исламизированность ряда регионов будущего государства (Булгара, Хорезма), так и бурно развивавшиеся политические, деловые и культурные контакты Золотой Орды, начиная со времен хана Берке, с мусульманскими странами, особенно с Египтом (о них подробнее см.: [аль-Холи, 1962; Закиров, 1966; Греков, Якубовский, 1998] и др.). По этой причине сохранилось больше памятников официального делопроизводства, исполненных арабографически и по-тюркски. Лучшему сохранению их способствовало и то, что золотоордынская делопроизводительная традиция, юридические нормы продолжались и в постордынских татарских государствах. Следовательно, есть возможность изучать не только содержание, но и внешние атрибуты

их. Основным, возможно и единственным, **писчим материалом** в Улусе Джучи была **бумага** (использование пергамента неизвестно). Если ранние Чингизиды использовали, скорее всего, китайскую, то Джучиды имели дело преимущественно со среднеазиатской, в т.ч. восточнотуркестанской бумагой. Потому что производство изобретенной в древнем Китае или в Восточном Туркестане бумаги в VIII в. было освоено в Самарканде [Малкин, 1940, с.19–22]; после арабских завоеваний оно распространилось по мусульманскому миру [Бартольд, 1920, с.353]. Поэтому большинство ранних джучидских официальных актов представлено на лощенной среднеазиатской бумаге. Популярностью пользовалась среднеазиатская бумага, изготовленная из шелковых очесов. Встречается бумага также западного, преимущественно итальянского производства, особенно в более поздние времена [Усманов, 1979, с.86–88]. Сведениями относительно местного производства бумаги мы не располагаем.

Джучидские канцеляристы пользовались **красителями различных цветов** (основные тексты известных в подлинниках ярлыков написаны черными чернилами различных оттенков – от иссиня-черного до буроватого). Они пользовались, видимо, различными рецептами изготовления черных чернил, известными в мусульманских странах (на раннем этапе, надо полагать, пользовались и китайской тушью).

Наравне с черными чернилами применялись и цветные красители – желтые, красные и синие. Причем желтые были производными от «золотых» чернил, вернее, заменяли чернила с примесью золота. Такими чернилами писались, как правило, инвокации (богословия), слово «хан» и его местоимения с соответствующими оборотами. Золотые чернила получались из твореного, т.е. истертого в порошок и смешанного с клейким веществом (яичным белком) золота [Казиев, 1966, с.98]. Иногда желтые краски в своем составе имели довольно заметные крупинцы драгоценного металла. Красные краски использовались для получения оттисков *Алой тамги*, синие (темносиние) – для *Кок тамги*, т.е. изображений текстов официальных государственных печатей квадратной формы. Для них применялись т.н. «жирные краски» [Усманов, 1979, с.89–91]. Последняя разновидность красителей по происхождению связана с ки-

тайскими, следовательно, и раннемонгольскими аналогами [Кара, 1972, с.117]. Достойны внимания также письменные принадлежности джучидских канцеляристов. Чернильницы бывали разнообразными по форме и материалу – как металлическими, так и керамическими. Например, вместе с берестяной книжкой, датируемой XIV в., была найдена бронзовая чернильница [Поппе, 1941, с.81; Кара, 1972, с.112]. Найдены и фаянсовые чернильницы [Усманов, 1979, с.91–92].

Орудием письма служили разнообразные перья. Для исполнения текстов мелким почерком подходили и птичьи (гусиные, лебединые) перья. Крупные почерки, судя по данным ханских ярлыков (по толщине начертаний букв), исполнялись тростниковыми **каламами**. Тростник получали из южных стран – Средней Азии, Ирана и Египта. Приготовление калама было целым искусством, требовавшим большого опыта и знания [Казиахмед, 1947, с.116–119; Казиев, 1966, с.35, 38–40]. Готовый к употреблению калам испытывали точкой [Костыгова, 1957, с.136–139]. Потому что, во-первых, правильно и красиво исполненная точка для каллиграфии имела существенное значение в арабо-персидской письменности, где из 32 букв более 20 содержат над- и подстрочные точки; во-вторых, ширина и высота отдельных букв измерялись количеством рядом расположенных точек среднего размера.

Наравне с птичьими перьями, тростниковыми каламами, в Улусе Джучи применялись костяные перья, о чем свидетельствует находка такого инструмента вместе с берестяной книжечкой и бронзовой чернильницей [Поппе, 1941, с.81; Кара, 1972, с.110, 112]. Однако наиболее интересным для истории палеографии является тот факт, что в Золотой Орде было изобретено и металлическое перо: одно такое бронзовое перо с расщепом на пишущем конце найдено в Сарай-Берке, погибшем в конце XIV в. Оно вместе с фаянсовой чернильницей выставлено в Эрмитаже [Кара, 1972, с.112]. Это один из самых ранних фактов применения металлического пера не только в Поволжье, но и во всей Европе, где стальное перо стало применяться лишь с XVIII столетия [Люблинская, 1969, с.31].

В канцеляриях Джучидов, наравне с «жесткими» перьями, изготовленными в большинстве случаев из тростника, костей, даже

металла, применялись и «мягкие» – кисточки. Ими, видимо, писали крупные начертания знаков – богословие, адресант, исполненные, как было отмечено, золотом или имитировавшим его красителем.

Как видно из этого краткого обзора, джучидские канцеляристы располагали богатым и разнообразным арсеналом труда – материалами и орудиями письма, благодаря которым им удавалось создавать высокохудожественные произведения письменно-канцелярской культуры.

В тюрко-татарских канцеляриях существенное значение придавали **внешним атрибутам** документов – их форме, материалу и графическому, а также юридическому оформлению. Каждая традиционная культура и следовавшая ее правилам официальная канцелярия создавала характерные только ей атрибуты. Это приводило к тому, что каждое государственное делопроизводство отличалось от такового других стран, создавших только им свойственные традиции. В Улусе Джучи, в результате органического слияния нескольких самостоятельных истоковых начал, сложился характерный лишь этому государству вид официального делопроизводства. Об этом хорошо знали аутентичные специалисты из других стран. Например, согласно ал-Омари и ал-Муhibби, ал-Калкашанди и ал-Макризи – осведомленным в золотоордынско-египетских контактах авторам – египетский сановник уличил во лжи прибывшего из Крыма человека, выдававшего себя за посла Токтамышша, ибо привезенная им грамота не соответствовала «условным правилам ханских писем в отношении бумаги (видимо, формата ее. – М.У.) и (способа изложения) письма» [СМИЗО, 1884, с.248, 251, 341, 350, 407, 414–415, 431].

Ханские ярлыки и послания, как видно из описаний их подлинников, представляли собой **длинные и узкие свитки**, состоящие из нескольких (от 2 до 6) склеенных листов; при ширине листа примерно 17–30 см длина ее колебалась от 20 до 200 и более см. Такими были собственно золотоордынские и наиболее ранние ярлыки из татарских ханств [Усманов, 1979, №1–2, 5–7, 11, 13–15, 18 и др.]. Позднее, в результате деградации прежней традиции, менялось и соотношение ширины к длине свитков, что происходило постепенно [там же, №35–37, 45, 51, 53 и др.].

Внешнюю особенность ханских ярлыков и посланий составляли также их **почерки** – им в джучидских канцеляриях, как в других мусульманских странах, уделяли существенное внимание (подробнее см.: [Кази-Ахмед, 1947; Садик-бек, 1963; Семенов, 1940]). Как писал искусствовед: «Ни в одной части средневекового мира письменность не получила такого эстетического значения, как в странах Ближнего и Среднего Востока» [Веймарн, 1974, с.144]. В мусульманских странах были изобретены, усовершенствованы десятки каллиграфических почерков (в XIX в. насчитывалось более 70 их разновидностей [Мурадов, 1967, с.7–8]). В городах Джучиева Улуса в эпоху могущества империи «пышно распускается... яркая урбанистическая восточная средневековая культура, культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов..., *изысканно тонкого орнамента и каллиграфии*» [Федоров-Давыдов, 1976, с.118] (курсив мой. – М.У.).

Как показывают почерки подлинных жалований, основными письменными стилями в Улусе Джучи и ранних татарских ханствах были почерки *сульс* и *дивани*. Из 39 известных мне документов-подлинников 9 составлены сульсом, 22 – дивани в различных вариантах и лишь 1 – *наста'ликом*. Из них сульс характерен для более раннего периода (крупным сульсом написаны были, видимо, и те ранние жалования, которые дошли до нас в старинных копиях, см.: [Усманов, 1979, с.32–41, №5–7, 11, 18–21, 23]). Почерком дивани были исполнены как собственно золотоордынские, так и постордынские ханские ярлыки [там же, с.29, 31, 37–38, 43, №1, 13–15, 26]. Со временем наблюдается постепенное упрощение почерков, что шло параллельно с нарушением прежних форм свитка (сокращением их длины).

Заметным внешним показателем официальных актов, наравне с формой свитка и почерков, являются также **корроборационные**, т.е. **удостоверяющие знаки** – оттиски печатей. Такие знаки имели, в основном, две разновидности. К первой относятся **Золотая, Алая и Синяя** тамги. Эти, значительные по размеру, печати квадратной формы (примерно от 6х6 до 13х13 см) являлись **государственными** – царственными удостоверительными знаками [там же, с.143–150].

Ко второй разновидности относятся небольшие по размеру перстневые печати миндалевидно-овальной формы. Такая печать удостоверяла **личность** представителей царствующего дома, как самого хана, так и его ближайших родственников. То есть квадратные печати могли принадлежать исключительно царствующим Джучидам, а миндалевидные – всем членам клана, династии. Причем перстневая печать царствующей личности отличалась от таковой других Джучидов, родственников хана, наличием в их тексте т.н. тамги-грезубца – родового знака Гиреев [там же, с.140–143, 164–167].

Вместе с тем, применение миндалевидных печатей было прерогативой не только Гиреев. Оно было в обиходе как у ранних Джучидов, так и других Чингизидов более поздних времен. Есть сведения о том, что Токтамыш одному беку из рода (клана) Ширин жаловал, в виде исключения, право иметь *бадеми*, т.е. миндалевидную печать, «каковой печати более никто из беев не имел» [там же, с.171].

Легенды печатей, в зависимости от функций, официального назначения их, также имели отличия. Тексты миндалевидных печатей состояли из имени и отчества владельца, краткого титула плюс грезубца (иногда). В квадратных тамгах тексты были более развернутыми: они состояли из арабоязычного богословия (иногда к богословию примыкал девиз), далее из эпитета-титула и имени хана, отчества, благопожелания себе, т.е. содержали от пяти-шести до семи-восьми оборотов [там же, с.140–167, табл. XII–XIII].

Для оттисков квадратных тамг использовались «жирные» краски золотистого, красного и синего, возможно, и черного цветов. Оттиски перстневых печатей были черными, их получали путем копчения металлической матрицы – лицевой части перстня на огне.

Перстневые печати по происхождению связаны с бытом, правовыми нормами верхов мусульманских стран Среднего и Ближнего Востока, через них – с культурной традицией античного мира. Что касается внешней формы и особенностей применения квадратных тамг, т.е. способа изображения символов в качестве оттисков непосредственно на самом документе, а не в висящем виде (как это принято было на Западе и на Руси), то они имели другие истоки. Как писал еще В.В.Григорьев, прототипом для джучидских квадратных тамг

служили китайские печати с письмом «чжунань». Джучидские делопроизводители, чтобы добиться достаточного сходства с ними, «произвели (...) новый вид куфического письма, встречающийся только на этих монголо-татарских печатях» [Григорьев, 1844, с.343]. Так, в результате творческого «скрещивания» основ и качеств двух совершенно отличных друг от друга письменных систем – арабской алфавитной письменности с китайскими иероглифами – получился новый вид куфического почерка, непохожий на другие стили его. Поэтому его следует назвать **золотоордынско-тюркским** или **тюрко-татарским куфи**, отличным от стилей данного почерка из Средней Азии, Кавказа, Ирана, Аравии и т.д. [Усманов, 1979, с.151].

Удостоверяющая функция квадратных печатей выражалась в том, что обычно их отпечатали в начале и конце текста, написанного на свитке. В начале, после инвокации и адресанта, с правой стороны, напротив нескольких строк оставляли свободное место, чтобы там располагался первый оттиск. Если длинный свиток состоял из нескольких, более двух, склеенных листов, то на каждом стыке их находились новые оттиски той же тамги, из-за чего на каждом из соседних листов оказалось по пол-оттиска. В результате каждый лист многосоставного по бумаге свитка оказался заверенным официальной печатью. Следовательно, анализируемые знаки, наравне со своей основной функцией и назначением – юридически заверять подлинность и официальность документа в целом – выполняли и сугубо канцелярско-делопроизводственные задачи: удостоверяли подлинность отдельных физических частей актов, т.е. каждого листа свитка. Иначе говоря, оттиски квадратных печатей одновременно являлись и своеобразными *скрепами* [там же, с.176]. Такие порядки наблюдались в делопроизводстве и других чингизидских государств, поэтому невозможно было из актов вырывать отдельные листы (части) свитка или заменять их поддельными текстами [Кара, 1972, с.117–118]. Такой своеобразный и тонко продуманный способ заверения документов восходит к более древним, т.е. веками апробированным канцелярским традициям, например, к традициям стран и государств Дальнего Востока, прежде всего, древнего Китая.

Факты нарушения этих правил, строго характерных для оформления более или менее ранних джучидских актов, наблюдаются позднее в татарских ханствах, когда в них выработывались новые правила, формировались новые традиции.

Таким образом, в становлении и развитии сфрагистического искусства Джучидов обнаруживаются следы истоков различных по происхождению и истории культур и цивилизаций. Не только во внешнем оформлении, но и в составлении самих документов, т.е. текстов также строго соблюдались определенные, местами очень жесткие правила. Эту особенность можно проследить по ханским жалованиям – различным по подвиду ярлыкам. Тексты их состояли из следующих компонентов, состоящих, в свою очередь, из нескольких формул-оборотов:

начальный протокол – состоял из *инвокации* (богословия), *интитуляции* (адресанта), *инскрипции* (адресата); в посланиях к главам других стран после адресата следует *салютация*, т.е. приветствие;

основная часть – в нее входили *вступительно-повествовательная часть*, *диспозиция* (суть указа, распоряжения), *санкция* и *корроборация* (предупреждение за нарушение и текстовое удостоверение наличия печати);

конечный протокол (эсхатокол) – содержал сведения о *дате*, *месте* выдачи документа, также имена *ходатаев* и *исполнителей* оформления акта (подробнее см.: [Усманов, 1979, с.184 и сл.]).

В становлении и развитии структуры, т.е. разделов и формуляров текстов официальных актов Чингизидов, следовательно, и ранних Джучидов, был учтен опыт дальневосточных управленческих традиций, особенно детально разработанной китайской. В приспособлении последней к монголо-тюркской действительности активное участие принимали уйгурские писмоводители, лучше знающие условия, потребности, правовые нормы, нравы и возможности степного, кочевого мира. Несколько позднее, по мере необходимости, изменения религиозно-культурной ориентации, был заимствован опыт, эстетические принципы делопроизводственной культуры мусульманских стран, преимущественно иранско-среднеазиатского варианта, что видно из материалов предлагаемого здесь краткого обзора.

Богословские формулы, исполняемые крупными почерками и красителями, у немусульманских Чингизидов и ранних Джучидов, названные исследователем «преамбулами» [Григорьев, 1975, с.161–162], могли быть как монгольско-шаманскими, так и буддийскими. После принятия ислама джучидские invocации стали, естественно, мусульманскими. Ими могли быть различные религиозные формулы. Invocации, придавая своей формой торжественный вид государевым фарманам – указам, декларировали, в основном, религиозную принадлежность данного монарха, т.е. не если какую-либо конкретную социально-экономическую нагрузку. Этим, видимо, объясняется их отсутствие в ряде ярлыков.

Обязательным для всех джучидских ярлыков является адресант. Он представлен формулой типа **Toktamış sözüm** – «**Мое Токтамыш слово**» (возможные варианты: «Мое Токтамыш-хана слово», «Наше Токтамыш-хана слово», «Мое великого хана Токтамыш-хана слово» и т.д., здесь имя хана условно).

Формула неоднократно привлекала внимание исследователей (наравне с российскими учеными и венгерских тюркологов [Fekete, 1957; Ivanics, 1975, p.215]). Основную смысловую нагрузку в формуле имеет **söz** – «слово», которое рядом с именем монарха и с притяжением первого лица (**-m: sözüm** – «мое слово») приобретало особое значение: **воля, повеление, приказ, указ, торжественное заявление хана** и т.д.

Результаты специального анализа показали, что такой адресант имеет *видоопределяющее* значение, позволяющее осуществлять первичный, т.е. основной этап классификации ханских грамот. Наличие или отсутствие элемента «мое слово» дает возможность отделить собственные указы-повеления от других подвидов, например, *битиков*, т.е. от посланий главам других стран [Усманов, 1979а, с.223–240; 1979, с.198–200].

Ранние джучидские адресанты писались обычными, но более крупными буквами, чем основной текст. В поздних актах, крымских, они стали оформляться (под влиянием Османской традиции) в виде замысловатой *тугры* [Усманов, 1990; Ivanics, 1992], чего не было в ранних актах Джучидов.

Богатую информацию об административном аппарате, корпусе различных управлен-

цев, чиновников, об их прямых и косвенных обязанностях дает развернутая инскрипция, содержащая также богатый перечень всевозможных лиц, обязанных исполнять предписания указа; в посланиях назывались имена конкретных адресатов – глав других государств (подробнее см.: [Усманов, 1979, с.206–218, табл.XV–XVIII]).

В основной части жалованных актов в источниково-информационном плане наиболее ценной является диспозиция, включающая в себя перечень всевозможных налогов и повинностей в тарханских и описание объекта управления в суюргальных и служилых (служебных) актах. Сведения именно этого компонента, совместно с данными инскрипции, дают более или менее достоверную информацию об административно-управленческом строе государства, социальных взаимоотношениях «верхов и низов» общества (подробнее см.: [Усманов, 1979, с.233–247]). Как показывают результаты анализа налогового-повинностной номенклатуры диспозиций разных ярлыков (установление парных терминов, определение синонимов и частотности применения их), в литературе имело место искусственное увеличение количества налогов и повинностей [Мухамедьяров, 1962, с.144–159], что не очень достоверно отражало реальную действительность.

Диспозиции жалованных актов определяли права и привилегии держателей жалований. Санкция указывала на известные ограничения прав как самих жалуемых, так и всевозможных исполнителей предписаний ярлыка. Указывалось также на возможные меры наказания за нарушение государевой воли.

Одним из важных пунктов, на что обращали внимание джучидские делопроизводители, являлась корроборация – удостоверительная формула в конце основной части о виде печати, оттиски которой представлены на ярлыке [Усманов, 1979, с.247–256].

Джучидские делопроизводители были пунктуальными в оформлении эсхатокола, т.е. конечного протокола актов. Это качество четко отражается в сведениях, сообщающих о дате и месте их составления. Они присутствуют во всех без исключения актах. На раннем этапе Джучиды пользовались 12-летним циклическим, т.е. «животным» календарем, фонетически совпадающим с терминологией уйгурского летосчисления. С середины

XIV в., т.е. после официального принятия ислама, стали параллельно датировать документы и по хиджре. Полное вытеснение хиджрой «языческого» календаря из джучидского делопроизводства происходит в самом начале XVI в. [там же, с.256–271].

Формула датума в джучидском официальном делопроизводстве была строго обязательным и весьма развитым элементом. Такая особенность связана с качеством истоков традиций, например, с развитостью уйгурской канцелярской культуры, с одной стороны, и детальной разработанностью мусульманского делопроизводства, с другой. Этим, надо полагать, объясняется отличие конечного протокола джучидских документов от эсхатокола, например, русских грамот, в которых он является наиболее слабо развитой частью [Каштанов, 1975, с.111–112, 116]. Поэтому перед исследователями тюрко-татарских актов, если они не дефектны, не стоит задача определения их даты, чем они отличаются от специалистов по русской дипломатике, уделяющих много внимания установлению даты ранних грамот [см.: Черепнин, 1948, с.13–38 и др.].

Как было отмечено, в ярлыках вместе с датой обязательно указывалось и место выдачи жалования или составления послания, чем фиксировалось местопребывание хана, его ставки в отмеченное время. (Следовательно, официальная канцелярия со своими делопроизводителями постоянно сопровождала хана в его передвижениях).

Завершался текст жалованного акта специальной статьей, являющейся своеобразным канцелярским удостоверением, т.е. формулой, сообщающей о *ходатаях* и *писцах*, принимавших непосредственное участие в составлении документа (подробнее см.: [Усманов, 1979, с.125–131, 267–270]). Наличие такой статьи свидетельствует о существовании в канцеляриях Джучидов строгих правил составления и выдачи жалований и об ответственности исполнителей относительно законности и достоверности акта.

Полностью написанный документ представлялся на утверждение – приложению оттисков печати, алой или синей тамги, хранящейся у крупного по рангу сановника, например, у главы дивана, т.е. государственной канцелярии. После этого ярлык становился действительным.

Утвержденный ярлык свергивали, начиная с конца, в трубку. Поэтому начальная часть документа образовывала верхние слои свитка. В канцеляриях Джучидов иногда к верхней части актов приклеивали кусок сафьяновой кожи, которая, складываясь в трубку, служила своеобразным футляром. Известны факты, когда для важных документов изготавливались специальные футляры. В таких хранились, например, послание Улуг-Мухаммада и уйгурописьменный ярлык турецкого султана Мехмеда II, составленный по правилам чингизидских актов [Kurat, 1940, s.6; Rahmeti, 1939, s.286].

Для удобства хранения ярлыков в ханском диване, до вручения их держателям, на обороте начальной части или конца каждого свитка обозначали имена исполнителя-секретаря и будущего владельца жалования [Усманов, 1979, с.35, 38–40, №11, 15, 19].

Все вышележащее свидетельствует о том, что в Золотой Орде был «высокий уровень организации делопроизводства (...), более совершенной, чем на Руси и в европейских государствах того времени» [Демин, 1974, с.519]. И это было вполне закономерно, т.к. тюрко-татарское официальное делопроизводство XIII–XVI вв. складывалось в результате органического слияния и творческого в дальнейшем развития правовых норм, нескольких истоковых компонентов, являющихся плодами управленческих знаний ряда развитых цивилизаций от Дальнего до Ближнего Востока.

Официальное вручение происходило, надо полагать, в присутствии крупных чиновников, иногда, возможно, и самого хана. При глухом хрусте новой бумаги медленно разворачиваются верхние слои свитка, за торжественной, таинственной для многих арабоязычной инвокацией наступает небольшая пауза – следует чистое место; затем, как голос монарха, звучит краткий, категорично властный адресант – волеизъявление самодержца: **Мое Токтамыш-хана слово!** Снова предупреждающая пауза, за ней равномерное перечисление всех правителей туменов, военачальников, князей, духовных предводителей, всевозможных чиновников, блюстителей порядка; вот имя держателя ярлыка, его привелегии и права... Живо исполненные буквы все двигаются равномерной поступью, временами подымаясь вверх, как бы стремясь в «благодатное будущее», двигаются и строй-

ные, торжественно-легкие строки... Диван молчит; слушает, видимо, стоя на коленях и думая о будущем, счастливый держатель жалования...

Так оформлялись и вручались «благославленные» жалованные акты, которые под пером талантливых писцов-каллиграфов, умело сочетавших стандартное с разово-неповторимым, казенщину с художественностью, превращались иногда в подлинные произведения письменного искусства.

Так создавались грозные и всемогущие юридические акты – ханские ярлыки, бывшие не только свидетелями, но и непосредственными соучастниками благополучия, роскоши одних – меньшинства, нищеты и страдания других – большинства.

Так жалованные акты оказались свидетельствами правопорядков в сферах социально-экономических, общественно-политических отношений, правовых норм своей эпохи, воспитавших одновременно уважительное отношение у людей к документам. Это и было, в конечном счете, причиной сохранности значительного количества подобных жалований в частных «архивах» потомков прежних держателей их через 300–400 лет. Именно такое, веками воспитанное, уважительное отношение к письменности в целом, к документам в особенности, было причиной того, что в XVII–XIX вв. татарское население России, при полном отсутствии у них каких-либо национальных государственных структур или управленческих институтов, свои внутриэтнические, социально-хозяйственные, нравственно-правовые взаимоотношения регулировало при помощи частных актов [Миннуллин, 1988].

Так, благодаря только что отмеченному уважительному отношению к документам, и сохранились, дошли до нас – причем на фоне стертых с лица земли десятка и десятка золотоордынских городов – образцы тюрко-татарских официальных актов XIII–XVI вв., своеобразных памятников, свидетельствующих как об уровне общественно-политической, социально-экономической действительности, особенностях административно-государственного строя, так и об истоках, становлении, развитии и специфике делопроизводственно-канцелярской культуры – своеобразной части тюрко-татарской письменной культуры джучидской эпохи в целом.

§ 4. Золотоордынский литературный язык

Фануза Нуриева

Период наибольшего политического и экономического могущества империи Джучидов приходится на время правления ханов Узбека и Джанибека, когда на гребне подъема хозяйства и торговли произошло резкое усиление центральной власти, сложилась единая система управления государством. При поддержке ханской администрации интенсивно развивались десятки крупных городов, в которых был выработан свой пышный, выразительный, во многом эклектичный стиль. Было также завершено принятие ислама в качестве государственной религии, что способствовало дальнейшей интеграции народов, формированию единого этноса и наложило глубокий отпечаток на все тюркские народы Евразии [Исхаков, Измаилов, 2000, с.61–62; Фахрутдинов, 1995, с.108–110; Усманов, 1985, с.177–185].

Несомненно, религиозный фактор сыграл значительную роль в политике, идеологии, управлении общественными институтами, экономике, торговле, духовной культуре и искусстве. В силу вступает характерный для ислама принцип слияния светского и духовного, что означает обязанность верховного правителя следить за правильным ходом всех сторон жизни, за их соответствием божественному закону. В этих условиях не случайно, что основная масса сохранившихся тюркских рукописных сочинений XIV в. и их списков представлена религиозной и религиозно-дидактической литературой: «Кысас ал-анбия» Рабгузи, «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари, дастан «Джумджума султан» Хисама Кятиба, «Кисекбаш китабы». Преобладание религиозной литературы обусловлено как спросом на нее, так и традицией, порожденной и постоянно укрепляемой властью мусульманского духовенства, его огромным влиянием на все слои общества и на все стороны его жизни.

Известные к настоящему времени материалы позволяют характеризовать Золотую Орду как государство, в котором преобладал оседлый образ жизни, а градостроительная культура была на высоком уровне. Изучение исторических трудов в совокупности с другими источниками (ярлыки, различные сообщения) приводит нас к мнению о значимости город-

ского сословия (торгово-ремесленного, чиновничьего, духовенства) в культурной жизни населения Золотой Орды, что сыграло важную роль в возникновении потребности у всего общества в духовных ценностях.

Исследование социально-культурной жизни городов и других культурных центров Золотой Орды позволяет сделать два важных вывода:

1) в этих центрах были созданы условия для формирования устно-разговорного койне, языковую основу которого составляли тюрки, носители диалектов кыпчакской языковой группы;

2) культурная среда, наличие административных центров и местных правители, а также мусульманская образованность, представленная медресе, библиотеками, улемами, грамотными муллами, создали базу для письменной фиксации наддиалектной формы языка и создания на его основе письменных литературных текстов разных жанров и стилей.

Золотоордынские источники – прозаическая и поэтическая художественная литература, религиозные, юридические тексты известны тюркологии не один десяток лет. Они привлекали внимание нескольких поколений тюркологов, начиная с В.В.Радлова. В отечественной тюркологии значительная заслуга в разработке проблемы литературных традиций письменных тюркских языков и сама ее постановка принадлежит А.Н.Самойловичу.

Положение о единстве литературного языка и об изменчивости его под влиянием живых диалектов составляли основу выдвинутой А.Н.Самойловичем периодизации письменной культуры тюркских народов в рамках исламской цивилизации. А.Н.Самойлович придавал особое значение второму периоду, кыпчакско-огузскому, т.к. именно в этот период, а не в чагатайский, наметилась, благодаря образованию империи Чингиз-хана, обстановка, благоприятная для выработки единого литературного языка всех мусульманско-тюркских племен монгольского государства. Кроме того, именно к этому периоду относится зарождение главных современных мусульманотюркских литературных языков. Ученый прямо указывал на преемственность современ-

ного татарского языка относительно литературного языка Золотой Орды: «...казанско-татарский литературный язык, переживший несколько периодов развития, старейшие корни свои, корни кыпчакские, имеет не в XV в., как принято утверждать, а в еще более ранних литературных произведениях Золотой Орды, в коих преобладают кыпчакские языковые элементы. Такова же начальная судьба и крымско-татарского литературного языка» [Самойлович, 1928, с.21].

Дальнейшее развитие концепция А.Н.Самойловича о преемственности единой книжной традиции получила развитие в трудах Э.Р.Тенишева [1988, с.67–85; 1997, с.35–38].

Крупнейший специалист в области истории средневековых литературных языков Э.Н.Наджиб, в отличие от А.Н.Самойловича, исходит из признания множества литературных языков, языков различного генетического плана и по преимуществу смешанных [Наджиб, 1965, с.3–8; 1970, с.87–92; 1989, с.244–249]. Сопоставительное изучение памятников, появившихся в Египте и созданных на территории Золотой Орды, которое основывается, прежде всего, на выявлении их лексических особенностей, выделение лексем по их диалектным признакам и последующей их статистической обработке, привели Э.Н.Наджиба к следующим выводам: 1) к XIV в. оформляется общий для Золотой Орды и Египта кыпчакско-огузский литературный язык й-группы; 2) параллельно с этим качественно новым литературным языком продолжает функционировать более архаичный письменный язык з-группы, который Э.Н.Наджиб называет огузско-кыпчакским литературным языком Нижнего Поволжья и Хорезма. Впоследствии этот язык дальше Поволжья не распространяется, а в Средней Азии он вытесняется й-языком. В Поволжье же он продолжает существовать вплоть до начала XX в. как язык повествовательных произведений мистического содержания [Наджиб, 1989, с.81–82].

В истории татарского языкознания в начале 20–40-х гг. лингвистическое изучение языка памятников золотоордынского цикла представлено небольшим количеством работ. В то же время их описание с литературоведческой точки зрения и определение их места в истории тюркских литератур представлено очень широко. Уже первые татарские ученые Г.Рахим, Г.Губайдуллин (Газиз), Н.Хахим, Г.Саг-

ди широко использовали тексты тюрко-татарской литературы, включали их в учебные пособия, при этом они обращали внимание и на языковые особенности, о чем свидетельствуют исследования С.Вахида, в которых обобщены наблюдения по разным стилям: «Во второй половине XIV века в Золотой Орде существовал вполне обработанный местный литературный язык, отличающийся от уйгурского и так называемого чагатайского наречия» [Архив 53-1].

В исследованиях татарских ученых язык периода Золотой Орды называется разными терминами: обычно используемое общее название – «төрки тел», т.е. тюрки (при спецификации: *болгар төркисе, Казан төркисе, Идел буе төркисе*); термин «поволжский тюрки», использованный в исследованиях Э.Н.Наджиба [Наджиб, 1957, 17 б.], быстро вошел в научный оборот; в современных исследованиях ученые-историки и филологи пользуются термином «тюрко-татарский», восстановленный М.А.Усмановым [Усманов, 1979, с.17], который отмечает, что термин привносит новое, конкретизирующее содержание: тюркское по роду и татарское по виду.

В исследованиях языка золотоордынских памятников употребляется термин «смешанный язык». Под термином «смешанный» тюркологи понимают содержание в тексте памятника фонетических, грамматических и лексических элементов, принадлежащих, с их точки зрения, языку другой классификационной группы. При этом обычно эти языковые элементы приписываются определенной группе языков или диалектов (кыпчакской, огузской, уйгурской, карлукской). Очень часто вместо указанной языковой атрибуции эти элементы обозначаются географическими или ареальными терминами: «хорезмийский письменный язык», «хорезмско-золотоордынский письменный язык» [Inan, 1953], «восточно-тюркский язык» [Brockelmann, 1954], «золотоордынско-египетский литературный язык» [Наджиб, 1965], или же даются хронологические определения: «древнетюркский», «среднетюркский», иногда социально-политические: «мамлюкско-кыпчакский» [Eckmann, 1964], «чагатайский» язык [Köprülü, 1926].

Учитывая сложившуюся в тюркологии ситуацию с термином «смешанный язык» памятника, мы предпочитаем при атрибуции исследуемого текста говорить не о его смешан-

ном характере, а о соотношении нормативности и вариативности в языке данного памятника. При квалификации языка памятника мы идем на расслоение текста и вычленение в нем базисных и периферийных элементов.

Тексты религиозно-дидактического содержания. Памятник «**Кысас ал-анбия**» **Рабгузи** (далее КР), написанный в 1310 г. в северной части Хорезма. Его древняя рукопись, хранящаяся в Британском музее Лондона, относится к 1489 г. Следует подчеркнуть, что данный памятник был чрезвычайно востребован в мусульманском мире, поэтому до наших дней дошло большое количество списков, общее число которых в рукописных хранилищах доходит до 35, не считая рукописей, хранящихся у частных лиц. Обширна и география мест, где выявлены списки памятника: Российская Федерация, (включая Татарстан), Узбекистан, Азербайджан и др. Ясно, что в эти списки переписчиками вносились многие языковые новации, поэтому наше исследование базируется на древнейшем списке. Анализ его языка, в конечном итоге, позволил выделить следующие нормативные признаки в области фонетики и графики. Сравните: для языка КР характерно одновариантное традиционное написание слов с | (алиф) типа *اذگو* *ädgü* «праведный», графическое колебание несет определенную семантическую дифференциацию: *آر* *är* «мужчина», *اير* *ir* «воин». Устойчиво сохраняется губная гармония, орфографической нормой являются слова с *δ*-графемой, вариативность появляется в более поздних списках. Устойчиво сохраняется **-q-** в интервокальной позиции *ساقيندى* : *saqindy* «подумал», сочетания **-aγu-**, **-uγu-**, **-yγy-**: *اغيز* *aγyz* «рот», ауслатное **-γ**: *ساريع* *saryy* «желтый».

Среди морфологических признаков базисная система склонения относится к уйгурско-кыпчакскому типу.

Хронологически близкой к КР является рукопись другого религиозно-дидактического объемного произведения «**Нахдж ал-Фарadis**» **Махмуда ал-Булгари ас-Сараи** (далее НФ). Несмотря на меньшее количество выявленных списков – 10, названный памятник играл значительную роль в культурной жизни поволжских народов. Особенно он интересен в плане изучения истории общественной мысли средневекового Поволжья, поскольку его автор опирался на большое ко-

личество трудов (зафиксировано всего 20 источников), известных мусульманских богословов. Текст является контаминацией религиозно-этических учений с художественной формой его воплощения. Увлекательные новеллы, мудрые притчи были призваны выработать верность исламу и стойкий иммунитет к соблазнам, подстерегающим мусульманина на пути к райскому блаженству. Именно эта дидактическая направленность текста отличает его от КР. Все это вместе делает язык НФ насыщенным художественно-образительными приемами, синонимами, антонимами, фразеологизмами и др., а в целом характеризует его как приближенный к народно-разговорной форме. Взаимодействие литературной нормы и народно-разговорного языка подтверждается тем, что в языке НФ чаще, чем в языке предыдущего памятника, наблюдается вариативность и в фонетико-графическом оформлении лексики, и в наборе грамматических показателей. Однако и здесь прослеживается соблюдение базисной системы, восходящей к устойчивой письменной традиции. К этим базисным признакам в области графо-фонетики относится последовательное сохранение губной гармонии. В НФ фиксируются отдельные случаи написания этих аффиксов с нарушением губной гармонии (чаще аффиксы принадлежности, аффиксы прошедшего категорического времени). В основах с колеблющимся гласным анлаутном написание с | (алиф) все чаще заменяется *اي* (алиф йай). Однако эта вариативность очень непоследовательна. Возрастает также вариативность при употреблении **d~δ-j** с преобладанием написания *δ*-графемы: *قوزوغ* *qozuy* «колодец», *ايزى* *idi* «хозяин» и др. Расширение функции **-j**: *قايغى* *qajyi* «горе» и др. свидетельствует об отражении в графике элементов разговорной речи. При доминировании **-q-** в интервокальной позиции появляется вариативность типа *jaruyy* «его света». Однако сочетание **-aγu-**, **-uγu-**, **-yγy-** устойчиво сохраняется, как и ауслатное **-γ**: *بوغون* *buyun* «состав», *باغ* *bay* «связка» и др. К числу новых явлений относится довольно последовательное отражение звонкости и глухости в аффиксах падежей и аффиксах прошедшего категорического времени. Система склонения продолжает отражать уйгурско-кыпчакский тип, а низкочастотные периферийные формы отражают огузский тип скло-

нения. Интересно отметить, что многие из фразеологических единиц не только по содержанию, но и по форме продолжают жить в современных поволжских языках, в частности, в татарском. Сравни: *irgä barmaq* «выходить замуж», *küz qataşmaq* «рять в глазах», *til tigürtäk* «наговорить» и др.

Анализ памятника на основе статистической обработки базовых норм и периферийных элементов показывает, что язык НФ отражает устойчивую традицию караханидско-уйгурского литературного языка, причем по сравнению с КР усиливается его вариативность, что, на наш взгляд, связано с одной стороны, с его содержанием, ориентированным на широкий читательский круг, с другой стороны, с усиливающимся влиянием разговорной стихии – кыпчакского койне.

Следующий хронологический срез датируется 1369 г., и он отражен в языке популярного в Поволжском регионе «Джумджу-ма султан» Хисама Кятиба (далее Дж), произведения религиозно-дидактического содержания. Очевидно, Кятиб был видным поэтом своего времени. Это видно даже из того, что данную поэму он начинает увлекательно, философствуя о бренности всего сущего на земле, о том, что все люди, в конце концов, превращаются в прах, а на том свете все переживают одни и те же муки за свои поступки, независимо от того, кем были на земле. Поэт, художественными средствами изображая жизнь и действия своего героя, Джумджу-ма султана, через его собственное восприятие, ведя повествование от имени самого героя, сумел убедительно выразить идею гуманизма, мысль о том, что правитель должен заботиться о своих подданных. Поэма завершается также философски, утверждением, что мусульманская религия самая правильная из религий.

В языке этого памятника сохраняется караханидско-уйгурская основа, которая выражается в базисных признаках: в сохранении губной гармонии: *كوزوم küzüm* «мой глаз», глухого **-q-** в интервокальной позиции: *جيقب çuqub* «выйдя», ауслатного **-γ:** *قوروع qurıu* «сухой», традиционных сочетаний типа **-uγu**, **-yuy-** и др. Примечательно, что при кыпчакском базисном типе склонения наблюдается оформление исходного падежа аффиксом **-dyn**. Прошедшее на **-dy** – одна из наиболее

частотных временных форм, создающих общий фон повествования.

Поскольку текст данного произведения дошел до нас в поздних списках, то возможно предположить, что заметное усиление кыпчакских черт в его языке обусловлено особенностями языка его позднейших переписчиков. Однако на общем фоне исследованных нами памятников складывается картина постепенного поступательного внедрения кыпчакских языковых черт, являющихся периферийными признаками, в традиционную базисную систему караханидско-уйгурского языка.

Памятник религиозно-дидактического содержания «Кисекбаш китабы» (далее Кб) хронологически относится к рассматриваемому периоду. Жанр произведения определяется как дастан, так его называет и сам автор. При ознакомлении с содержанием «Кисекбаш китабы» бросается в глаза то, что его сюжет совпадает с сюжетом известного в Поволжье произведения Кятиба «Джумджу-ма султан», хотя Кб проще, не на столь высоком художественно-философском уровне, как Дж Хисама Кятиба. Стихотворный размер исследуемого дастана еще раз подтверждает предположение о времени его написания: раннее средневековье, когда метр аруз еще не получил своего полного утверждения в тюркоязычной поэме [Ахметгалева, 1979, с.56–57]. Хотя Я.С.Ахметгалева считает стихосложение в «Кисекбаш китабы» несложившимся арузом, наши исследования показывают, что никаких ошибок в размере шестистопного усеченного рамаля нет. Обилие списков свидетельствует о том, что произведение было одним из популярных текстов в Поволжье.

В языке памятника, как и в языке Дж, аффиксы родительного падежа и прошедшего времени не подчиняются губной гармонии, хотя в других случаях сохраняются относительно устойчиво. При чередовании **d~δ~j** в языке Кб наблюдается одновариантное употребление слов: а) или только с **δ**-признаком: *اذاق адаq* «нога»; б) или только с **j**-признаком: *قويوع qıju* «колодец»; вариативное написание слов не зафиксировано.

Базисная система склонения памятника сопоставима со склонением кыпчакского типа. Описанные регулярные формы род., вин., дат. падежей начинаются на согласный по всем парадигмам, но в именной парадиг-

ме дательного падежа налицо одинаковое варьирование форм кыпчакского **-ya** и огузского **-a**. Примененный в тексте исходный падеж на **-din** относится к уйгурскому типу склонения.

Характерной особенностью памятника является традиционное употребление форм прошедшего времени на **-dy**, в единичных случаях – употребление на **-myş** и отсутствие **-yan**.

Оценивая язык проанализированных произведений религиозно-дидактического содержания, следует отметить, что комплекс выделенных базисных признаков характеризует этот язык как продолжателя караханидско-уйгурской письменной традиции как в области фонетики, так и в области морфологии. Несмотря на четкое проявление признаков кыпчакской языковой системы во всех проанализированных текстах, необходимо отметить, что они в языке религиозно-дидактических памятников занимают периферийное положение. Характерно, что, прежде всего, кыпчакизация нашла отражение в системе склонения, о чем свидетельствуют данные Дж и Кб (о языковых особенностях этих памятников подробнее см.: [Нуриева, 2004, с.48–193]).

Тексты светского характера. Тексты светского характера включают в себя «Хосроу-о Ширин» Кутба (1383), «Мухаббат-наме» Хорезми (1353), «Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сарай (1391). Тексты светского содержания не раз были предметом исследования тюркологов. Учитывая достижения наших предшественников, мы подвергли анализу указанные тексты, используя методику стратификации языка на базисные и периферийные компоненты.

Наиболее показательным результатом такого подхода явилась классификация базисной системы языка «**Хосроу-о Ширин**» **Кутба** (далее ХШ), принадлежащего караханидско-уйгурской традиции, а два других текста по своим базисным формам представляют кыпчакскую языковую систему. Объясняется это различие, прежде всего, тем, что автор произведения Кутб, будучи, видимо, из Поволжского региона, свою литературную деятельность связал с Сараем, создал в конце жизни по заказу правителя Тинибекана данное произведение, причем, как установлено литературоведами, образцом для него послужило произведение Низами, язык которого

был классическим литературным фарси. Как показали исследования Х.Ю.Миннегулова, в произведении Кутба нашли отражение многие стороны поэмы Низами, однако ХШ – не дословный перевод, а вольное изложение содержания поэмы Низами [Миннегулов, 1993]. Таким образом, мы должны обратить внимание на несомненное влияние художественной формы поэмы Низами на творчество Кутба. Кроме того, Кутб, преподнося свое произведение правителю Золотой Орды, естественно, придерживался традиционного этикета, предполагающего высокий поэтический стиль, облаченный в поэтическую литературную форму языка, который в тюркской литературе того времени восходил к караханидско-уйгурской традиции. Представляется, что все эти факторы повлияли на особенности поэмы «Хосроу-о Ширин» Кутба.

Что касается «**Гулистан бит-тюрки**» **Сейфа Сарай** (далее Гб), то это произведение является переводом знаменитого произведения Са'ади «Гулистан». Сарай был известен в мире поэтов и ученых Золотой Орды как большой мастер поэтики, и поэтому друзья рекомендовали ему взяться за перевод. Известно, что Сарай родился в 1321 г. в Поволжье, учился и занимался литературной деятельностью в Сараях и в 1380-е гг. эмигрировал в мамлюкский Египет [Миннегулов, 1976; 1999а]. Таким образом, родным языком Сарай был язык кыпчакского типа, но, благодаря своей образованности, он владел языком тюркской классической литературы того времени. Поэтому, по сравнению с ХШ, условия создания Гб были иными, этим объясняется, на наш взгляд, то, что в базисной системе языка этого памятника прослеживается кыпчакская языковая основа.

История создания третьего светского по духу источника – поэмы «**Мухаббат-наме**» **Хорезми** (далее МН) – точно такая же. Хорезми был известным поэтом своего времени, жившим на территории Золотой Орды, конкретно в Сыгнаке, где по заказу Мухаммада Ходжабека, просившего создать поэму *bizniñ til birlä* «на нашем языке», т.е. на тюрко-кыпчакском языке, написал «Мухаббат-наме». Хорезми в качестве образца взял популярный на востоке сюжет, который представлял собой собрание любовных посланий, облаченных в стихотворную форму. Будучи, вероятно, по происхождению кыпчаком и выпол-

няя конкретный творческий заказ своего патрона, Хорезми (это – тахаллус, настоящее его имя неизвестно) и создал произведение, язык которого базируется на кыпчакской основе. Как и у других авторов, сочинение Хорезми является не дословным переводом оригинала, а вольным его изложением.

На фоне последних двух памятников язык XIII, имевший караханидско-уйгурскую основу, в своей вариативной части на уровне периферийных признаков содержит весьма значительный пласт кыпчакских элементов. Как показывает наш анализ, в ряде случаев кыпчакские элементы начинают внедряться в базисную парадигму и нередко приобретают в языке этого памятника статус норм.

В языке XIII губная гармония уже не образует единой строгой системы, наблюдается сложное взаимоотношение книжной традиции и живого разговорного языка, о чем свидетельствует вариативное написание большого количества слов и словоформ. Сравни: *بولوت* *bulut* (17 раз) ~ *بولت* *bulyt* (8 раз) «облака». Для языка XIII характерна эллизия *-γ, -q*, причем с нарушением губной гармонии типа: *jazuqlur* ~ *jazuqlu* «грешный». Во многих словах традиционно сохраняется *-δ*-графема, хотя есть и дублетные написания слов: *اذاق* *adaq* (77 слов) ~ *اياق* *ajaq* (20 слов) «нога». Констатируя относительную устойчивость ауслатного *-γ*, отмечается вариативное написание с пропуском конечного *-γ*. Склонение строится по уйгурско-кыпчакскому типу, а структурно упорядоченные периферийные показатели относятся к огузскому типу.

Изучение языка «Мухаббат-наме» Хорезми важно как одно из звеньев большой работы по исследованию становления и формирования литературного языка Золотой Орды, его связей с другими литературными языками тюркских народов и определению влияния его норм на литературные языки более поздних периодов. Как уже говорилось, в этом памятнике начинают доминировать кыпчакские языковые элементы. Базисная система склонения ближе к кыпчакскому типу, а периферийные формы – к огузскому. В дательном и местном падеже прослеживается низкочастотный карлукский тип. Перфект представлен двумя конкурирующими формами *-γan, -yp tur*. Примеры: *çiçäk japraqлары jirgä tüşüptür* «*рассыпались по земле лепест-*

ки цветов»; *iki jaktu güvhär yälämgä birgän* «*два светлых жемчуга дал он миру*».

Язык поэмы красочен, богат и образен. Автор умело использует разнообразные художественные средства, в частности, эпитеты, сравнения и метафоры. Особенно часто Хорезми обращается к сравнениям для создания портрета изумительно красивой девушки: *irür jüzi qujaş tek yäläm ara* «*украсит ее лицо как солнце вселенную*» и др. Поэма украшена многочисленными художественными метафорами: *usyryaň danasi – zührä, jüzün – aj* «*Венера – лишь камешек в твоей сережке, а луна – это лицо твое*» и др. (подробное описание языковых особенностей указанных литературных памятников см.: [Нуриева, 2004, с.193–283]).

Проанализированные выше тексты письменно-литературного языка Золотой Орды не исчерпывают весь состав памятников письменности тюрко-татарского литературного языка этого периода. Важными источниками являются арабско-кыпчакские глоссарии, грамматики, а также переводные литературные произведения XIII–XVI вв., созданные в мамлюкском Египте в течение почти 250 лет.

Среди источников изучаемого региона особое место занимает «**Codex Cumanicus**» (далее СС), который является крупнейшим письменным памятником кыпчакского разговорного языка золотоордынского периода, а также замечательным источником для изучения истории становления и развития практически всех современных языков кыпчакской группы. Достоинство этого памятника в том, что здесь тюркский язык представлен в латинской графике, которая позволяет более точно отразить фонетические особенности. Тексты памятника в своей основе ориентированы не только на разговорную речь, но, прежде всего, на доступность языка в тюркской среде. Именно поэтому памятник ценен как образец фиксации разговорного стиля в кыпчакских диалектах XIII в. Об этом свидетельствует, в частности, регулярный *j*-признак: все слова пишутся одновариантно через *j*. Устойчиво наблюдается озвончение интервокального *-q-*, хотя есть и случаи его сохранения: *çууар* «выпусти», *sayуs* «печаль», *joqary баqур* «смотря вверх» и др. Сочетание *-ayу, -uyу* регулярно отражается как дифтонг *-uw*: *awuz* «рот», *buzau* «теленки». Ре-

гулярно опускается конечное *-γ*: *bitti* «письмо», *jatai* «заплата», *tau* «гора». В склонении родительный падеж подчиняется губной гармонии, винительный падеж имеет формативы *-ny*, *-ni*, в 3-м лице почти на равных существуют *-yn* (17 раз) и *-yну* (18 раз), дательный падеж представлен аффиксом *-qa-* и его соответствующими гармоничными вариантами, исходный имеет форму *-dan*, *-tan*. Широко распространен в системе посессивно-именного склонения инфикс *-n-*. Таким образом, иллюстративный материал словаря демонстрирует чистый кыпчакский тип склонения. Высокочастотна временная форма на *-yp tur*, а форма на *-γan* и *-myş* встречается сравнительно редко. Таким образом, подтверждается абсолютно кыпчакский базисный тип языка «Codex Cumanicus».

В 1990-х гг. был введен в научный оборот памятник по мусульманской юриспруденции «Иршад ал-мулук ва с-салатин» (далее ИМ). На последней странице рукописи имеется запись: «*Bu kitabyn vüçüdü zayıf latif olan Allahyn rāxmätinā muxtāz qırçaq sojundan vä Xänäfi mäzhäbinä mänsul Bärkä ibni Bäräküz ibni Ögü tarafyndān jazylısynıñ son ärmişi 789 sänäsi Şäüval aynunıñ jirminçi künündä büjük Iskändärijä Şährindä İllah onu här türlü afätän korusunluqu bulmuştur*» «Эту книгу написал слабое и милое существо, которое нуждается в благословении господина, выходец из кыпчакской среды и принадлежащий мазхабу Ханефидов Берке ибни Беракүз ибни Огу в великой Искандерии в 789 году месяц Шаввал 20 дня (1387 года 20 октября)».

Памятник «Хосроу-о Ширин» был переписан в Египте известным каллиграфом Берке Факихом. Были упоминания, что перу Берке Факиха принадлежат и другие рукописи. Здесь Берке еще раз подчеркивает, что он из кыпчаков и известен как ученый, поэт и переводчик в мамлюкском Египте. Но особо значимо его заявление о том, что, желая написать все свои мысли в стихотворной форме, используя стихотворный размер «Кутадгу билик», он, к сожалению, не смог реализовать замысел. Эти слова для нас являются неопровержимым доказательством того факта, что караханидско-уйгурская традиция для тюркских носителей мусульманской культуры в Золотой Орде и в Египте была не «абстрактной моделью», а основывалась на реальном знании конкретных литературных текстов

и, самое примечательное, крупного литературного памятника караханидской эпохи «Кутадгу билик» Йусуфа Баласагунского, о котором Берке говорит спустя 200 лет. Изложенные аргументы дали нам основание привлечь для нашего анализа язык документа мусульманской юриспруденции «Иршад ал-мулук ва с-салатин».

Этот памятник, включающий в себя свод законов шариата, является сборником фетв, собранных из произведений известных и почитаемых ученых, знатоков законов шариата, которые в большинстве своем придерживались правовых взглядов мазхаба ханифитов. Произведение состоит из вступления, 29 книг, 56 разделов-глав и 93 глав. В конце имеется глава, включающая в себя 49 вопросов по законам шариата (фикха), а также заключение.

Анализ показал, что базисная система языка этого произведения организована на кыпчакской основе. Об этом говорят такие признаки: устойчивое написание *ا* (алиф йай), в чередовании *d~δ~j* сохраняется только написание с *j*-ом, хотя имеются случаи варьирования, сохранение глухого интервокального *-q-* представлено спорадически: *اقار aqar ~ اغار aγar* «течет», отмечается даже переход *-aγu>au*. Сравните: *سوق ~ سوغوق* «холод», *تاغوق ~ توق* «курица» и т.д. (подробнее см.: [Нуриева, 2004, с.283–307]).

Таким образом, анализ двух памятников показывает важность их для истории тюрко-татарского литературного языка раннего периода, особенно в связи с тем, что в «Codex Cumanicus» разговорное койне является базисной системой.

Наши исследования показывают, что общая линия развития тюрко-татарского языка, начиная с XIII в., выглядит следующим образом. Письменно-литературная форма языка периода Золотой Орды в своем развитии в ее литературных центрах вначале ориентируется на фонетико-графические и грамматические нормы литературных языков караханидско-уйгурского ареала. Это вполне объяснимо тем, что указанные ареалы в этот исторический период оставались центрами распространения мусульманской образованности, включавшей, помимо религиозных основ, также и соответствующие формы письменно-литературного языка. Культурная жизнь Золотой Орды, начиная со времен становления самостоятельного государства, со-

проводилась сильным культурным воздействием знаменитых мусульманских подвижников-богословов. Поэтому неудивительно, что в региональных литературных центрах Золотой Орды столь значимые позиции занимал литературно-письменный язык, базирующийся на караханидско-уйгурском варианте тюркского письменного языка, который закрепил свои позиции и в литературных центрах Золотой Орды. В то же время основное население Джучиева Улуса, как оседлое, так и кочевое, являлось носителем племенных языков кыпчакского типа, хотя среди жителей Золотой Орды были носители языков огузского и карлукского типов (например, уйгуры в канцеляриях).

Таким образом, упомянутые носители мусульманской цивилизации в силу этнодемографических условий оказались в преобладающей среде кыпчакоязычного населения. Данная этническая ситуация способствовала сложению в культурных и торговых центрах наддиалектного койне, базирующегося на кыпчакской языковой стихии. Влияние и взаимодействие старой традиции с новыми языковыми процессами по-разному отражено в языке отдельных памятников, в зависимости от жанровой принадлежности памятника (религиозно-дидактическая литература оставалась более устойчивой, а светская литература быстрее принимала новации), от уровня образованности и принадлежности автора к определенной литературно-художественной школе, от заказчика произведения, от конкретных условий места создания, от переписчика, его племенной принадлежности и владения родным языком. Наши исследования на примере выделенных фонетико-графических и морфологических признаков и их статистическая обработка показывают, что каждый письменный памятник есть конкретное, живое отражение языковых ситуаций, в которых он создавался, и в то же время сам язык служит источником для ее характеристики. Можно констатировать, что в ранних памятниках Золотой Орды устойчиво сохраняется караханидско-уйгурская традиция, параллельно с которой именно в Поволжье формируется новый вариант регионального литературного языка.

Таким образом, максимум из выделенных фонетических признаков караханидско-уй-

гурской традиции реализуется в «Кысас ал-анбия» Рабгузи, минимум в «Codex Cumanicus» и «Иршад ал-мулук».

Морфологическая характеристика языка памятников показывает, что они также являются отражением общих закономерностей формирования языка золотоордынского периода.

Рассмотрение морфологических категорий приводит к следующим выводам. Системное изучение склонения в языке памятников и соотнесение всех данных, полученных из анализа каждого памятника, учет всех совпадений и расхождений позволяют утверждать, что именно в XIV в. начался переход от уйгурско-кыпчакского типа склонения к кыпчакскому. По классифицирующим признакам уйгурско-кыпчакский и кыпчакский типы склонений представлены консонантическими формами, эти же формы употребляются в посессивно-именной парадигме.

К уйгурско-кыпчакскому типу относится склонение в языке «Кысас ал-анбия» Рабгузи, «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, «Хосроу-о Ширин» Кутба. Кыпчакский тип склонения доминирует в языке «Гулистан би-т-тюрки» Сарай, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Джумджума султан» Кятиба, «Кисекбаш китабы», «Codex Cumanicus» и «Иршад ал-мулук».

Рассмотрение системы времен в языке золотоордынских памятников показывает, что эта система, наряду с устойчивыми базовыми компонентами, восходящими к более ранним этапам развития тюркских языков и отражающими преимущественно караханидско-уйгурскую языковую традицию, в новом, поволжском ареале, так же, как и система склонения, претерпевает заметные сдвиги в сторону включения в него новых местных региональных форм кыпчакского типа. Характерно, что язык отдельных памятников отражает разные этапы этой динамики (сравните язык НФ и МН).

Что касается неличных форм глагола, среди них главный интерес представляет распределение причастных форм в атрибутивной функции в языке разных памятников. Отметим, что в текстах встречаются все формы причастий, известные в истории тюркских языков рассматриваемого периода: **-r**, **-yan**, **-an**, **-myş**, **-yu**, **-yucu**, **-duq**, **daçy**, **-asy**. Как

видно, среди них есть типичные для огузской и уйгуро-огузской, карлукской языковых групп и языка кыпчакской группы. Формы огузские и уйгурские занимают самое периферийное место среди неличных атрибутивных форм: **-an**, **-asy**, **-yu**, **duq**, **yuçu**, **-daçu**. Основная конкуренция в атрибутивной функции наблюдается между высокочастотными **-yan** и **-muş**, причем в языке конкретных памятников вызывает интерес их соотношение по частоте употребления. В целом доминирующей оказывается форма на **-yan**, хотя и форма **-muş** еще воспринималась авторами памятников как полный его семантический эквивалент, который можно было использовать в художественных текстах.

В сфере неличных субстантивных форм абсолютно доминирует форма **-maq**, синонимом которой выступает **-maşa**. Форма **-maq**, известная ряду тюркских языков, в целом характеризует тюркские языки восточного ареала, и ее фиксация в литературных памятниках связана, скорее, с посткараханидским периодом. Она получает широкое распространение, начиная с языка золотоордынских и чагатайских памятников. Из девяти проана-

лизированных нами памятников только в языке ХШ, МН, Гб, СС, ІМ фиксируется новая субстантивная форма **-rqa**. Она функционирует чаще всего как форма супина, т.е. обозначает цель какого-либо действия. Несмотря на низкую частотность, эта форма является региональной, свойственной для языка Поволжского региона, некоторых тюркских наречий Северного Кавказа. Таким образом, рассмотренные памятники фиксируют начальный этап распространения этой формы в языках Поволжья.

Проведенный языковой анализ, имеющий важное социолингвистическое содержание, с одной стороны, позволил выявить истоки старотатарского литературного языка, которые стались непрерываемой литературной традицией тюркских народов, уходящей в эпоху тюркских и уйгурских каганатов; с другой – была определена роль регионального койне кыпчакского типа, которое, будучи широко распространенным в пределах Золотой Орды, оказало решающее влияние на старый литературный письменный язык, что и привело в конечном итоге к формированию тюрко-татарского литературного языка раннего периода.

§ 5. Литература

Хатип Миннегулов

За период своего более чем двухсотлетнего существования Золотая Орда добилась значительных успехов не только в политической, экономической, социальной жизни, но и в духовной сфере. Наличие многовековых богатых тюркских, в т.ч. булгаро-хазарских традиций, расцвет городов, веротерпимость, тесные взаимосвязи со многими государствами, особенно с мамлюкским Египтом, способствовали развитию литературы в Золотой Орде. Но, к сожалению, многие памятники письменной культуры этого периода по различным причинам были уничтожены или утеряны. Это и понятно, ведь не только книги, написанные на бумаге, но и великолепные поволжские города с каменно-кирпичными постройками были стерты с лица земли завоевателями.

Дошедшие до нас письменные памятники Золотой Орды представляют собой сочинения различного характера и назначения. Среди них имеются словари, эпитафийные надписи, официальные документы (ханские яр-

лыки), научные трактаты, религиозные книги, путевые записи, художественные произведения и др. Подавляющее большинство из них написано на тюрко-татарском языке, т.е. на языке межнационального общения Золотой Орды и большей части Евразии. Есть и сочинения, созданные на других языках. В частности, словарь «Кодекс куманикус» (1303) составлен на латинском, другие – на персидском языках. Поэт Хорезми сочинял свои стихотворения и на тюрки, и на фарси. Следует отметить, что известные мыслители, поэты и путешественники мусульманского Востока, такие, как Кутб ад-Дин ар-Рази, Са'ад ад-Дин ат-Тафтазани, Камал Худжанди и др., в течение ряда лет жили и творили в г. Сарай. В путевых записях Ибн Баттуты и Ибн Арабшаха имеются интересные сведения о духовной жизни Золотой Орды, о высоком интеллектуальном уровне сарайских ученых, в частности, о состязаниях по сочинению стихотворений типа муламмаг на смешанных

языках (на тюркском, персидском и арабском).

Литература Улуса Джучи создавалась и развивалась не только на самой территории Золотой Орды, но и в мамлюкском Египте, т.к. здесь с середины XIII в. до начала XVI столетия правили выходцы из Дашт-и Кыпчака – мамлюки. Между Нилом и Волгой были тесные политические, научно-культурные взаимосвязи. Многие ученые, педагоги, писатели Золотой Орды (Махмуд Сарай Гулистан, Сейф Сарай, Берке Факих и др.) по тем или иным причинам переехали в Египет и там продолжили свое творчество. В мамлюкском Египте немного позднее, т.е. в начале XVI в. было создано знаменитое произведение «Тюркское Шах-наме» Шарифа или, по-другому – Татар Али Эфенди [Исламов, 2002].

Литература Золотой Орды, с одной стороны, продолжила лучшие традиции древнетюркского, болгарского словесного искусства. Здесь почитались и высоко ценились произведения Йусуфа Баласагуни, Ахмада Йасави, Сулеймана Бакыргани, Кул Гали и других авторов предшествующей тюркоязычной поэзии. С другой стороны, тюрко-татарская литература периода Золотой Орды развивалась в тесной связи с письменной культурой мусульманского Востока. Произведения Фирдоуси, Газзали, Низами, Атгара, Руми, особенно Са'ади, читались на языке оригинала и в различных переводах и комментариях. Стихами Са'ади даже были разукрашены стены некоторых зданий Сарая (см.: [Терещенко, 2001, с.11–12]).

Когда речь идет о литературе средневековья, необходимо иметь в виду, что между произведениями словесного искусства и другими видами письменных памятников нет резких границ, они часто смешиваются, переходя друг в друга. Так, например, сочинение Махмуда Булгари «Нахдж ал-фарadis» одновременно выполняет и эстетические, и познавательные, и религиозно-этические функции.

О литературе Золотой Орды имеется множество трудов на различных языках. В част-

Мухаммад Мурад Самарканди. Миниатюры к книге Фирдоуси «Шах-наме». 1556–1566 гг.

ности, значительная часть первого тома «Истории татарской литературы» (Казань, 1984) посвящена данному периоду (с.158–282). Много фактов и наблюдений о словесном искусстве Улуса Джучи содержится в книге «Средневековая татарская литература VIII–XVIII вв.» [1999, с.63–118], а также в монографиях Х.Ю.Миннегулова, Р.Ф.Исламова и других авторов.

Художественная литература Золотой Орды характеризуется разнообразием жанров, идейно-эстетическим богатством, отточенностью стиля и языка. Она представлена оригинальными и переводными произведениями, прозой и поэзией, назире (т.е. стихотворными ответами) и др.

Писатели Улуса Джучи сочиняли свои произведения в жанрах хикаят, кыйсса, дас-тан, поэма, газель, касыда, рубай (четверостишие), ода-мадхия, элегия-марсия, басня и др. Есть и стихотворный роман Кутба «Хосроу-о Ширин». Объемистые книги Рабгузи, Махмуда Булгари, Сейфа Сарай считаются образцом жанра т.н. «ящичной композиции». При реализации художественного замысла авторы свободно оперируют материалами фольклора и мифологии, религиозных и исторических книг, литературой предшествующих эпох, реальной действительности. Например, в стихотворении Берке Факиха запечатлена судьба самого автора: его переезд из Дашт-и

Кыпчака в мамлюкский Египет, его трудная жизнь. Рабгузи обильно использует сюжеты и образы из Корана, из сочинений арабских авторов.

Поэты и прозаики Золотой Орды разрабатывают различные вопросы жизни и человеческого бытия. Их больше всего интересуют морально-этические проблемы, смысл жизни, устройство общества, отношение человека к Богу, взаимоотношения правителей и их подданных, любовь и др. Светские мотивы часто и естественно переплетаются с религиозно-суфийскими идеями. Нравственность, разум, знание считаются основными компонентами эстетического идеала. Жить и трудиться во благо людей, оставить после себя «доброе имя» – вот смысл жизни.

А теперь кратко охарактеризуем творчество отдельных, наиболее известных авторов литературы периода Золотой Орды.

Бурхан ад-Дин Рабгузи жил во второй половине XIII – первой четверти XIV в. в восточной части Улуса Джучи – в Хорезме. Он известен своей книгой под названием «Кысас ал-анбия» («Сказание о пророках», 1310), которая была очень популярной среди тюрко-татарских читателей. Впервые это объемистое сочинение опубликовано в 1859 г. в Казани и далее выдержало более десяти изданий. «Кысас ал-анбия» содержит в себе различные легенды и сказания о пророках, об их деяниях, утверждает нормы и критерии религиозной нравственности. Таджеддин Ялчыгул (1768–1838), Каюм Насыри (1825–1902), Габдулла Тукай (1886–1913) использовали отдельные мотивы и образы этого произведения в своем творчестве.

Жизнь и деятельность **Кутба** (1297 г. – середина XIV в.) связаны с Поволжьем, в первую очередь, с Сараем. Дошедший до нас единственный экземпляр стихотворного романа «Хосроу-о Ширин» (1342) хранится в Национальной библиотеке Парижа. Во второй половине XX в. он был издан в Варшаве, в Казани, в Ташкенте и в других городах. «Хосроу-о Ширин» Кутба написан на основе одноименного произведения Низами [Миннегулов, 1993, с. 158–162]. В нем поэт воспевает величие любви, утверждает идеалы красоты и гуманизма.

Как для Кутба, так и для Хорезми любовь – основной компонент идеала совершенного человека («каmil инсан»), важнейший кри-

терий испытания его нравственности. Основная идея лирической поэмы Хорезми «Мухаббат-наме» («Послание о любви», 1353) заключается в том, что любовь – цель и смысл жизни человека. В своей касыде поэт подчеркивает значимость полнокровной жизни, бессмертие поэтического слова.

Махмуд Булгари (Махмуд ибн Гали ал-Булгари ас-Сараи ал-Кардари) (1297–1360) родился в окрестностях Болгара. Основную часть своей жизни провел в столице Золотой Орды – Сарае. Там же умер. Махмуд Булгари был очень уважаемым человеком своего времени: богословом, педагогом, писателем. Его сочинение «Нахдж ал-фарadis» («Путь в райские сады», 1358) уже более шести веков играет значительную роль в удовлетворении духовных запросов тюрко-татарских читателей. Имеются многочисленные списки этого сочинения. Самый древний из них составлен в 1360 г. в г. Сарае. Научным исследованием «Нахдж ал-фарadis» занимались Ш.Марджани, Б.Яфаров, Ш.Абилов, Э.Наджиб, Я.Экман, Х.Миннегулов, Ф.Нуриева и другие ученые. Имеется несколько публикаций по изучению данного сочинения (например: [Мәхмүд әл-Болғари, 2002]).

«Нахдж ал-фарadis» состоит из четырех глав (баб), каждая из которых содержит десять разделов (фасл). В первых двух главах в основном говорится о жизни и деятельности пророка Мухаммада, об его окружении и первых халифах. Третья глава посвящена отображению качеств и поступков, приближающих к Богу. А в последней главе речь идет о деяниях, отталкивающих от Всевышнего. В книге приводятся хадисы, комментарии к ним и многочисленные хикаяты-рассказы. «Нахдж ал-фарadis» можно считать учебником нравственности. Автор утверждает идеи доброты, справедливости, щедрости, скромности, приемом антитезы резко критикует их противоположности.

Дастан Хисама Кятиба «Джумджума султан» (1369) насыщен пристальным вниманием ко времени [Миннегулов, 1993, с. 158–162]. С первых же строк он начинается с размышления о «бренности жизни», недолговечности человеческого существования. Для подтверждения своего тезиса о бренности земной жизни автор перечисляет имена многих легендарных и исторических личностей. По мнению Хисама Кятиба, все они владели

«миром», но, в конце концов, вынуждены были оставить все «богатство, власть и жизнь» и перейти в потусторонний мир. Для художественной иллюстрации этой мысли автор приводит рассказ о Джумджуме. Его история типологически напоминает сочинения Данте «Божественная комедия» и Маари «Послание об ангелах». Хисам Кятиб считает, что каждый человек в ответе за свои дела и поступки, принцип «что посеешь – то и пожнешь» универсален для всех. Как и Махмуд Булгари, Хисам Кятиб сочувственно относится к идеям суфизма. Главное для суфиев – не богатство, не власть, а довольствование малым, духовное самоусовершенствование человека, набожность.

Кульминацией тюрко-татарской литературы периода Золотой Орды считается творчество **Сейфа Сарай**. Он уже при жизни был признанным, известным поэтом. Вот что пишет о нем его современник (подстрочный перевод):

«Где можно видеть в мире такого умного (человека) как Сарай Сейф?!

Не зная, как описать его, (поэт) проливает кровь сердца.

Если найдется человек, которому не нравятся стиль (достоинство) его стихов, –

Тот или глуп или же нет души в его теле».

По данным сегодняшней науки считается, что Сейф Сарай родился в 1321 г. в Камышлах Поволжья, учился и занимался литературной деятельностью в столице Золотой Орды, в 1380-е гг. эмигрировал в мамлюкский Египет. Там продолжил творчество. Умер в 1396 г.

Творческое наследие Сейфа Сарай пока известно нам по двум рукописям: «Китаб-и Гулистан би-т-тюрки» и «Ядгяр-наме». Первая из них была составлена в мамлюкском Египте в конце XIV в. Затем она через Крым, Турцию попала в Голландию и в настоящее время хранится в библиотеке Лейденского университета (№1553).

«Китаб-и Гулистан би-т-тюрки» состоит из 373 страниц. На с.3–356 помещен «Гулистан би-т-тюрки», а на остальных – стихи восьми тюрко-татарских поэтов (Мауля Казый Мухсин, Мауляна Исхак, Мауляна Ходжа Мауляви, Габделмазид, Ахмед Ходжа Сарай, Туглы Ходжа, Хорезми и Хасан углы) и после каждого – стихотворные ответы (назире) на

них Сейфа Сарай. Кроме того, в начале и в конце рукописи имеются оригинальные стихи, в т.ч. и газели Сарай и некоторых других авторов. Факсимиле «Китаб-и Гулистан би-т-тюрки» впервые было полностью издано в Анкаре в 1954 г. турецким профессором Ф.Н.Узлюком. Затем последовали другие издания: на основе латинской графики – в Будапеште (в 1969 г., подготовил А.Бодроглигети), на арабской графике – в Казани (в 1980 г., подготовили Х.Усманов, З.Максудова и Р.Кадыров) и др.

Другое произведение Сейфа Сарай – «Ядгяр-наме» составлено также в Египте. Рукопись была привезена в Среднюю Азию в XVIII в. одним из паломников. Она известна науке с 1965 г. и в настоящее время хранится в Институте рукописей им. Х.Сулеймана АН Узбекистана (№311). В сборнике помещены поэма «Сухайл и Гулдурсун» и несколько стихотворений Сейфа Сарай, а также лирические произведения Ахмеда Ургенджи, Мауляна Исхака и Туглы Ходжы. Все в настоящее время известные произведения Сейфа Сарай, т.е. все тексты (в т.ч. и стихотворения других авторов, имеющиеся в рукописях «Китаб-и Гулистан би-т-тюрки» и «Ядгяр-наме») опубликованы в сборнике, вышедшем в 1999 г. в Казани [Мицнегулов, 1999а].

Дошедшие до нас произведения Сейфа Сарай – лишь часть его творческого наследия, а судьба другой части пока неизвестна.

Основное сочинение Сейфа Сарай – «Гулистан би-т-тюрки» («Тюркский Гулистан», 1391) по своей жанровой структуре входит в группу произведений т.н. «ящичной композиции». В нем нет сквозного сюжета, единой темы. Он состоит, в основном, из хикаятов (их всего 180), насихатов (наставлений – 18), хикметов (57) и других композиционных единиц, написанных сочетанием поэзии и рифмованной прозы. Такая «ящичная композиция» «Гулистан би-т-тюрки» вызвана дидактическим характером произведения. Цель автора – дать поучительные наставления и советы по основным вопросам жизни, быта и морали.

Основная часть «Гулистан би-т-тюрки» разделена на тематические главы: I глава (баб) – о жизни правителей, II – о нравах дервишей, III – о преимуществах довольства малым, IV – о преимуществах молчания, V – о любви и молодости, VI – о старости и слабости, VII – о роли воспитания и VIII – о

правилах общения. Несколько страниц книги составляют традиционные вступительная и заключительная части.

«Гулистан би-т-тюрки» написан на основе знаменитого «Гулистана» (1258) Са'ади. Сопоставительный анализ произведений персидского и тюрко-татарского авторов показывает, что Сейф Сараи, как и его предшественник Кутб, творчески подходит к оригиналу, проникает в его эмоционально-образный мир. В результате этого «Гулистан би-т-тюрки» стал памятником самостоятельной эстетической значимости, обогатил тюрко-татарское словесное искусство гуманистическими идеями, новыми художественными формами и образами.

Назире Сейфа Сараи – прекрасные образцы лирики периода Золотой Орды. Они служили источником вдохновения и для других авторов. Например, средневековый тюрко-османский поэт Ахмад Дагый создал назире на одну из газелей Сейфа Сараи.

В поэме «Сухайл и Гулдурсун» (1394) утверждаются гуманистические идеалы, разоблачаются несправедливость, деспотизм современного автору общества. Дастан начинается с изображения ужасов войны. Далее повествуется тяжелая судьба Сухайля, попавшего в плен. Дочь «шаха»-победителя Гулдурсун, полюбившая невольника, освобождает Сухайля из темницы и вместе с ним тайком убегает из отчего дома. Но в пути из-за долгих мытарств и жажды девушка погибает. В отчаянии Сухайл вонзает себе в грудь кинжал.

Герои поэмы привлекают читателей своей красотой, верностью в любви, смелостью дей-

ствий. Поступок Гулдурсун воспринимается как большой, благородный поступок.

Литературное наследие талантливого поэта средневековой тюрко-татарской литературы Сейфа Сараи своим гуманистическим содержанием, эстетической ценностью, богатым языком привлекает внимание литературоведов, лингвистов и филологов, представителей мировой ориенталистики. Ему посвящены многочисленные статьи, книги на различных языках.

Как и в дастане «Сухайл и Гулдурсун», в стихах слепого поэта Ахмеда Ургенджи разоблачается агрессивная политика Тимура. Автор считает его «злодеем», «кровопийцей» и напоминает ему о божьей каре.

Лирические стихотворения Ахмада Ходжи Сараи, Мауляна Исхака, Мауля Казый Мухсина и других золотоордынских авторов характеризуются богатством мыслей и чувств, совершенством формы, изяществом поэтического слога. Имеются и другие произведения, относящиеся к периоду Улуса Джучи («Кисекбаш» – очень популярный дастан; по мнению некоторых ученых, он также написан в период Золотой Орды).

Литература Золотой Орды составляет одну из ярких страниц многовековой истории тюрко-татарской письменной культуры. Ее традиции были успешно продолжены последующими мастерами пера, в частности, Мухаммад-Амином, Мухаммедьяром, Утыз Имяни, Габдулджаббаром Кандалий, Дэрдмендом, Габдуллою Тукаем и другими поэтами (о литературных традициях Золотой Орды см.: [Мицнегулов, 1999, 64–88 б.]).

Раздел VI

Кризис и распад Улуса Джучи

ГЛАВА 1

Природный, социально-экономический и политический кризисы

§ 1. Экологические катаклизмы

Искандер Измайлов

Улус Джучи был средневековой империей, где существовала жесткая иерархическая структура управления провинциями и покоренными народами, жестокая машина подавления любого недовольства. Все это требовало содержания огромного штата чиновников, а непрерывные войны на границах, междоусобицы и мятежи аристократии – наличия огромной и боеспособной армии, состоявшей из отрядов знати, что тяжким грузом ложилось на население страны.

Но эти соображения не должны заслонять от нас и положительные стороны создания «мировой державы». После своего возникновения Улус Джучи переживал период расцвета, когда вслед за многолетними междоусобными войнами и взаимными набегами, а также кровавого завоевания, наступил период относительно прочного мира, даже при периодических столкновениях на границах. Единые законы, отсутствие многочисленных таможенных перегородок и стабильное управление воспринимается населением как огромное благо. Путешественники особо отмечали, что «купцы, снабженные тамгой, свободно странствовали повсюду, и никто не дерзал трогать их» [Федоров-Давыдов, 1998, с.38–39]. Беспрепятственная торговля позволяла быстрее обмениваться новинками науки и техники, быстрее претворять их в производство (например, производство чугуна и огнестрельного оружия [Кирпичников, 1976, с.77–78; Рязанов, 1997]). Кроме того, перераспределение продукта в пределах державы способствовало сосредоточению его в руках местной знати, например, на Руси, в Булгарии и т.д. Судя по археологическим материалам, благосостояние даже простого населения столицы было довольно высоким, а средоточие излишков богатств и продуктов в отдельных городах вызвало в них бурный расцвет ремесла, науки и культуры.

Однако во второй половине XIV в. перед Улусом Джучи встали сложные проблемы, и он должен был претерпеть изменения, чтобы соответствовать требованиям времени. В этот период Улус Джучи не только раздирали борьба за власть между претендентами на ханский трон, но и потрясли катаклизмы, которые привели к кровавой смуте, затронувшей все общество, самые основы его существования. Историки и философы уже давно пришли к выводу, что любое государство, как всякий социальный организм, проходит определенные стадии развития – появления, расцвета и гибели. Иногда этот цикл протекает очень медленно, растягиваясь на века, иногда чрезвычайно быстро. Характер и скрытые механизмы этого процесса далеко еще не познаны. Почему одни государства, возникнув в результате великих завоеваний, гибли буквально в течение жизни одного–двух поколений, а другие, даже переживая крупные потрясения, продолжали существовать многие века? Особенно интересны ответы на этот вопрос, когда речь идет о государствах, созданных кочевыми народами. Объяснений причин появления и распада кочевых империй довольно много, но все они, в той или иной мере, могут быть сведены к «географической» и «социальной» теориям. Первая ставит во главу угла циклические колебания климата, т.е. периоды увлажнения и усыхания (аридизации) степей, которые, непрерывно пульсируя, оказывают непосредственное влияние на кочевые народы, неся им то процветание, то упадок. Синхронизируя между собой даты исторически известных движений кочевников и данные палеогеографии, историки нашли поразительные совпадения, позволившие сделать вывод о неслучайности их совпадения. Среди исследователей этой теории такие выдающиеся исследователи, как З.Хантингтон, А.Тойнби и Л.Н.Гумилев. Од-

нако не меньше сторонников имеет и другая – социальная теория. Особой популярностью она пользуется среди отечественных историков, установивших закономерности развития кочевых обществ в зависимости от изменений в их общественном строе. Динамика этих процессов хорошо показана в работах Б.Я.Владимирцова, И.Я.Златкина, Г.А.Федорова-Давыдова и многих других.

Как бы ни была привлекательна та или иная теория, нельзя забывать, что в истории действует целый комплекс причин, которые дают в каждом конкретном случае свою составляющую, влияющую на общество. Видимо, в таком противопоставлении «природное – социальное» данная проблема не может иметь убедительного решения. Для любого народа «расклад сил», толкнувший его в водоворот истории, был различен, неизменным остается само наличие этих противоречивых сил. При таком понимании природные и социальные факторы кажутся не антагонистичными, а взаимно дополняют друг друга, как бы «подталкивая» общество к созиданию или разрушению. Каким бы фатальным ни казался этот взгляд на историю общества, он позволяет отойти от старой, строго детерминированной социально-экономическими причинами концепции истории. Видимо, во многом прав был А.Тойнби, указывавший, что перед обществом постоянно встают вопросы («вызовы»), вызванные природными, демографическими, социальными, хозяйственными и политическими факторами, и в зависимости от того, какой ответ находит общество – соответствующий или нет – оно развивается дальше или гибнет.

Каковы же были основные черты этого вызова? Наиболее популярным в советской историографии объяснением распада Улуса Джучи является концепция о росте сепаратизма отдельных местных феодалов, чье стремление к власти разорвало страну на враждующие области. Механизм этого процесса вполне ясно описан историками [Федоров-Давыдов, 1973, с.109–144]. Главный конфликт, по их мнению, протекал между различными, экономически и политически вполне самодовлеющими, улусами и владеющими ими группировками знати, выдвигавшими своих претендентов на ханский трон. Они стремились овладеть центральным административным аппаратом с целью получить доступ к казне империи, вершить ее внутреннюю и внешнюю политику для собственного обогащения. Все это ослабляло центральную

власть и, таким образом, вело к сокращению внешнеполитической активности, что, в свою очередь, усиливало сепаратизм кочевой аристократии, видевшей в военных походах один из главных источников своего обогащения [Греков, Якубовский, 1950; Федоров-Давыдов, 1973; Егоров, 1980; 1985].

Представляется, однако, что социальный фактор был все-таки достаточно поверхностным и внешним явлением в условиях, когда страну поразил системный кризис; он стал, скорее, спусковым механизмом политического кризиса, нежели его причиной. Превеличение же социально-политических явлений может привести историков к парадоксальному выводу: центральная власть слабела от сепаратизма феодалов, тогда как главным их стремлением был захват сарайского престола и, следовательно, укрепление центральной власти! Вряд ли только одним сепаратизмом можно объяснить резкое ослабление империи Джучидов и усиление центробежных тенденций в 60–80-х гг. XIV в.

К сожалению, все аспекты данной проблемы подробно изложить невозможно из-за недостатка фактических данных, поэтому следует остановиться на ключевых моментах, наметить основные составляющие этого процесса. В первую очередь, видимо, надо указать на природные факторы, самый важный из которых – резкое усыхание степной зоны запада евразийских степей в XIV–XV вв. – подтверждается трудами ряда геологов, географов и даже историков [Гумилев, 1966; 1966а; 1967а; 1989а; Алексин, Гумилев, 1997, с.8–22; Судьба степей, 1997; Кульпин, 1998, с.77–105; 2004, с.128–131]. Следует особо подчеркнуть, что все аграрные общества, к типу которых относилась и Золотая Орда, всегда испытывали зависимость от колебаний климата в целом и погодных условий в каждый год, в частности.

Улус Джучи в этом смысле являл собой территорию, которая зависела от изменений климата в гораздо большей степени, чем многие другие страны. Объясняется это тем, что эта страна находилась в центре евразийского материка и являлась зоной резко континентального климата, для которого характерны значительные перепады климата и недостаток влаги. Уже вследствие этого территория Улуса Джучи была подвержена аридизации. Неслучайно значительную часть этой территории занимали степи и полупустыни.

Климат степей вообще является экстремальной природной зоной для жизни чело-

века. Кроме естественных суровых климатических условий, таких как сухие и холодные северо-восточные и восточные ветра, резкий континентальный климат (обычно холодная малоснежная зима и жаркое сухое лето) и минимальное количество осадков, в определенные периоды времени все эти факторы могли действовать одновременно и их абсолютные показатели могли быть близки к экстремуму. Важнейшим показателем взаимодействия всех этих факторов является наличие и распределение воды. По выразительному заключению эколога И.Иванова, «богатство видов и интенсивность жизни степи во всей ее истории, от плейстоцена до голоцена, определялась не столько похолоданиями и потеплениями и толщиной гумусного слоя, сколько уровнем увлажненности» (цит. по: [Кульпин, 2004, с.129–130]). Аридизация климата в Дашт-и Кыпчаке вела к уменьшению количества выпадавших осадков летом и установлению холодных малоснежных зим, что вело к постепенному наступлению песков на некогда благодатные степи (см. подробнее: [Алексин, Гумилев, 1997, с.8–22]). Сами по себе циклические изменения климата, которые происходят постоянно и постепенно, не могли бы нанести сильнеего удара по хозяйству. Видимо, решающую роль в том, что последствия оказались столь трагичными, сыграло резонансное сложение ряда факторов. Главными из природных аномалий, очевидно, стали не просто ухудшение климата и его аридизация, но резко из года в год повторяющиеся неблагоприятные годы – малоснежные холодные зимы, потепления и морозы весной, сухие ветра и жара летом, которые превзошли «запас прочности» сельского хозяйства.

Судя по тому, что мы знаем о хозяйстве населения Улуса Джучи, главным в его стаде были овцы и лошади. Когда условия для хозяйствования были благоприятны, это способствовало росту благосостояния скотоводов и росту их стад. Но постепенно нарастали и негативные явления. Возросшее количество скота, особенно овец, с одной стороны, наносило существенный урон ландшафту (вытаптывалась и съедалась трава, даже самая низкая), а с другой – огромная концентрация масс скота не позволяла скотоводам быстро перемещаться, выбирая нетронутые участки степи. В условиях недостатка влаги и суровых зим огромные массы овец были не способны выжить, что вызывало массовый падеж скота.

Примеров подобных экологических катастроф в истории Внутренней Азии было множество, так, например, изучение массовой гибели скота в XIX–XX вв. в Волго-Уральском междуречье показало, что кризис был спровоцирован годами благоприятных природных условий и соответственно резким увеличением поголовья скота (с 200 тыс. до 5 млн голов), в котором 77% составляли овцы.

Скорее всего, именно с таким кризисом «перепроизводства» мелкого рогатого скота столкнулось население Улуса Джучи, когда в благоприятных климатических условиях стало наращивать поголовье овец. Но резко возросшее число овечьих отар стало интенсивно эксплуатировать почвы, способствуя их деградации. Ситуация стала кризисной тогда, когда неблагоприятные для сельского хозяйства годы стали не чередоваться с благоприятными, а следовать один за другим. Сами же причины катастрофы земледелия очевидец описывает очень ярко и точно: «в год неурожайный, вследствие падежа, приключаящегося скоту их, или вследствие (сильного) снега и утолщения льда» [СМИЗО, 1884, с.235].

Эти природные катаклизмы нанесли также страшный урон и земледелию. Само по себе возделывание почв в этой зоне «рискованного» земледелия было кризисным, поскольку даже в условиях более-менее благоприятных считается, что во Внутренней Азии каждый третий год является неурожайным. Но когда площадь возделанных земель постоянно сокращалась под воздействием общей аридизации, то чередование этих неблагоприятных условий могло и, скорее всего, привело к катастрофе, которая ударила не только по полукочевому скотоводству, но и по земледелию. Свидетельствуют об этом, в частности, современники. Так, ал-Айни сообщал, что в 1302–1303 гг. «...в землях Токты оказались мор, засуха и дороговизна вследствие того, что они (жители) сеяли 3 года сряду и ничего у них не выросло, и что погиб весь их скот» [там же, с.513].

Другим свидетельством этому являются записи секретаря при дворе египетского султана ал-Малика ан-Насира ал-Омари (ум. 1349), который, опираясь на рассказы купцов и проповедников, побывавших в Улусе Джучи, дал его описание. В этих записях есть один интересный рассказ очевидца: «Эта страна (одна) из самых больших земель (изобилующая) водой и пастбищами, дающая бога-

тый урожай, когда сеется в ней (хлеб), но они (жители ее) народ бродящий и кочующий, обладающий скотом; у них нет (никакой) заботы о посевах и посадках. До покорения ее (этой страны) Татарами, она была повсюду возделана, теперь же в ней (только) остатки этой возделанности... Плоды, существующие у них в настоящее время, суть остатки того, что погибло из насажденного теми, кто был до них из таких (людей), у которых страсть к посевам и насаждениям» [там же, с.233]. Долгое время в отечественной историографии это являлось свидетельством в пользу «разрушительного монгольского нашествия, разорившего Восточную Европу». Но в настоящее время есть основания взглянуть на это свидетельство с другой стороны. Во-первых, оно противоречит тем историко-археологическим сведениям, которые есть у нас о хозяйстве населения восточноевропейской степи в XII – начале XIII в., которое было скотоводческим и только в некоторых районах Подонья сохранило очаги земледелия. Во-вторых, по данным археологии мы знаем о значительном развитии земледелия в сельской округе Улуса Джучи, что заставляет с сомнением относиться к свидетельству об «отсутствии заботы о посевах и посадках». Тем более, что далее тот же свидетель говорит о том, что в землях Улуса Джучи растут «разные деревья, разные плоды (как-то): виноград, гранаты, айва, яблоки, груши, абрикосы, персики и орехи» [там же], что предполагает не просто возделывание, но значительные навыки земледелия, особенно в отношении виноградарства. Далее он же отмечает, что в городах «разводится много овощей, как-то: брюква, репа, капуста и другие» [там же, с.234]. Иными словами, представляется, что автор описывает ситуацию, которая сложилась не 100 лет назад во время монгольского завоевания, а в 40-е гг. XIV в., когда в условиях климатических аномалий земледелие постепенно деградировало, а скотоводство, при всех других условиях, было более жизнеспособным и гибким.

Одновременно началась трансгрессия (повышение уровня) Каспийского моря, волны которого затопили значительную часть дельты Волги и многие поселения в ней, вплотную подступив к нижневолжским городам. По словам итальянского географа Марино Санудо (1320 г.), «море каждый год прибывает на одну ладонь и уже многие хорошие города уничтожены» (цит. по: [Алексин, Гу-

милев, 1997, с.15]). Повышение уровня Каспия было периодическим в разные десятилетия даже одного столетия и постепенным, а не катастрофическим, о чем свидетельствуют морские отложения на целом ряде нижневолжских археологических памятников. Но не вызывает сомнений факт, что наивысшей точки повышение уровня Каспия достигло в конце XIII – первой половине XIV в. (подробнее см. [там же]). В любом случае затопление плодороднейших земель в низовьях Волги нанесло сильнейший удар по земледельческой округе, что способствовало подрыву экономической основы хозяйства Орды.

В это же время всю Европу, как Западную, так и Восточную, постиг страшный демографический удар. Благоприятные климатические условия и улучшение жизни вызвали рост народонаселения. Численность населения, например, в Западной Европе в X–XIII вв. выросла почти в 2 раза. Видимо, так же резко увеличилось население и в Восточной Европе и, хотя монгольское нашествие нанесло большой ущерб населению, рост его продолжался даже более ускоренными темпами. На территории Золотой Орды он стимулировался политической стабильностью, появлением огромных городов и множества поселений. Трудно сейчас говорить о численности жителей Орды, но, несомненно, что она достигала нескольких миллионов человек. Ухудшение природных условий все чаще приводило к периодическим продовольственным кризисам. Засуха и голод следовали друг за другом. В ряде русских летописей прямо подчеркивается связь между засухой, голодом и мором: «Того же лета бысть сухомень велиа по всей земле и въздух куряшеся и земля горяше», а потом наступала «хлебна дороговь повсюду и глад велий» [ПСРЛ, 11, с.162]. За ними приходил «мор на люди велик и силен, а пришел из Низу от Бездежа, в Новгород в Нижний... Тако же и по всем градом был мор велик и страшен» [ПСРЛ, 30, с.113]. Связь между этими бедствиями не случайна, а вполне закономерна.

Голод гнал людей в города, где они вынуждены были даже продавать своих детей, о чем сообщают арабские географы [СМИЗО, 1884, с.231, 235]. Скопление людей, ослабленных недоеданием, в городах Поволжья, Крыма и Хорезма оказалось благоприятной почвой для болезней. Не исключено, что латентно существовавшие болезни в некоторых регионах, где обитали больные мелкие грызу-

ны, выплеснулись в перенаселенные города, где стали собирать скорбную жатву, набирая силу до пандемии невероятных размеров. Наиболее страшной стала эпидемия бубонной чумы, которая к середине XIV в. несколько раз кругами возвращалась в Дашт-и Кыпчак, буквально выкашивая население, особенно в перенаселенных городах. Русский летописец писал об этом «великом море» под 1346 г.: «Быть от бога на люди под восточную страну, на город Орначь и на Хозторокань и на Сарай и на Бездеж и на прочие грады в странах их, бысть мор силен на Бесермены и на Татарове и на Ормены и на Обезы и на Жиды и на Фрязы и на Черкасы и, на всех томо живущих, яко не бе кому их погребати» [ПСРЛ, 4, с.57; 5, с.225; 15, с.57, 76–77]. Эпидемия 1346–1350 гг. нанесла колоссальный удар по всей Европе. По подсчетам демографов, в Европе Черная смерть унесла жизни до 25%,

а в ряде плотно населенных мест до 90% населения [Самаркин, 1976, с.84–90].

Для Улуса Джучи этот удар оказался особенно страшен. По словам современника, арабского историка и географа Ибн ал-Варди, «в землях узбековых» произошла эпидемия чумы, от которой «обезлюдели деревни и города». Он же пишет, что ежедневно в Крыму умирало до тысячи человек, а всего там умерло более 85 тыс. жителей [СМИЗО, 1884, с.498, 530]. Последствия шестивия Черной смерти по Орде, судя по этим данным, были просто катастрофическими для всей хозяйственной, демографической и социальной структуры государства. Особенно невосполнимым оказался урон, нанесенный городам и их округе в Поволжье и Северном Причерноморье. Можно сказать, что именно с этого времени начался закат городской жизни в Нижнем Поволжье и Нижнем Поднепровье.

§ 2. Черная смерть и ее последствия

Юлай Шамильоглу

Известно, что эпидемии и широкомасштабные пандемии являются важным фактором в истории. Социальным, политическим, и экономическим последствиям Черной смерти середины XIV в. в Западной Европе посвящена особенно богатая литература [Gottfried, 1983, p.257–267; The Black Death, 1983; библиографию см.: Carmichael, 1986, p.166–175]. Проблема роли этой болезни для истории Центральной Азии, однако, до сих пор редко рассматривалась. В этой связи важные данные, наблюдения и гипотезы, касающиеся эпидемий в этом регионе [McNeill, 1976; Dols, 1977], заслуживают соответствующего рассмотрения.

Прямое отношение к этому имеет гипотеза В.МакНилла о том, что подъем Монгольской империи обусловил различные обстоятельства, приведшие в XIV в. к переносу бациллы бубонной чумы, *Yersinia pestis* [Carmichael, 1986, p.6–7], в Европу. Во время образования Монгольской империи один из естественных очагов возникновения бациллы, возможно, находился в пограничной полосе между Индией, Китаем и Бирмой, в предгорьях Гималаев. Евразийские степи между Маньчжурией и Северным Причерноморьем, согласно В.МакНиллу, почти наверняка еще не были местом ее появления, хотя он и полагает, что монгольские войска могли иметь контакт с этой зараженной обла-

стью уже в 1252–1253 гг. В.МакНилл пишет, что распространение бациллы людьми в степных районах, вероятно, произошло незадолго перед 1331 г., т.е. первым годом крупной вспышки бубонной чумы в китайской провинции Хубей. Эта эпидемия повторилась в 1353–1354 гг., широко пройдясь по всему Китаю [McNeill, 1976, p.142–145].

Распространение бубонной чумы, однако, не ограничилось Китаем. Как В.МакНилл, так и М.В.Долс соглашаются в отношении западного направления этой вспышки через Центральную Азию [там же, p.144–146; Dols, 1977, p.35–50]. Надгробные плиты несторианских погребений вблизи оз. Иссык-Куль показывают, что вспышка чумы произошла там в 1338–1339 гг. [McNeill, 1976, p.145–146; Dols, 1977, p.48–50; подробнее об этих надгробиях см.: Thacker, 1967, p.94–107]. Сведения Ибн ал-Варди (согласно которому, чума появилась в «земле мрака»; возможно, это означало Внутреннюю Азию, см.: [Dols, 1977, p. 40; McNeill, 1976, p.144; пер. см.: Near Eastern Numismatics, 1974, p.443–455]) и Макризиды (согласно которому, эпидемия возникла в землях великого хана, после чего достигла земли Узбека, см.: [Maqrizi, 1958, p.773; Dols, 1977, p.40–41]), подтверждают, что болезнь появилась в Центральной Азии и бушевала там 15 лет. Затем чума поразила города Золотой Орды, включая Сарай и Хад-

жи-Тархан. Отсюда прошла через Кавказ в Азербайджан и Большую Армению. Итальянские коммерческие центры Крыма стали местом передачи Черной смерти на Ближний Восток и Европу. Итальянские торговцы были изгнаны из Таны (Азака) в 1343 г. и дважды, в 1343 и в 1345–1346 гг., осаждались в укрепленном г. Кафа. Во время осады 1345–1346 гг. бубонная чума появилась как в татарском войске, так и на остальной части Золотой Орды (Макризи дает 742/1341–1342 г., как дату начала эпидемии в землях Узбека [Maqrizi, 1958, p.773]). Благодаря своему сильному сопротивлению и, возможно, ослабленному состоянию армии, ведущей осаду, генуэзцам удалось ее снять. После этого много генуэзцев бежало в Константинополь, разнося инфекцию с собой. К 1347 г. чума достигла Италии и Египта. Ее разрушительному воздействию подверглись Европа и Средний Восток [Dols, 1977, p.40; McNeill, 1976, p.50–67; Gottfried, 1983, p.22–32].

Несмотря на отсутствие исторической литературы, посвященной значению болезни для истории Центральной Азии, на основе фактов ее проявления в Западной Европе, Китае и на Ближнем Востоке можно сделать ряд предварительных замечаний, касающихся влияния Черной смерти на Золотую Орду. Фактически такая линия исследования уже была предложена В.МакНиллом, который предложил, но не разработал ряд гипотез для Золотой Орды и других территорий в Центральной Азии. Результаты воздействия Черной смерти на Улус Джучи можно объединить в четыре группы, рассматриваемые ниже.

Крупномасштабное сокращение населения – один из самых главных результатов Черной смерти и других пандемий в истории [Ziegler, 1969, p.224–280; Gottfried, 1983, p.134–136]. Например, было подсчитано, что в Византии эпидемия 541–542 гг. сократила население в районах распространения на 20–25%, а за период 541–700 гг. – в общем на 50–60% [Russell, 1968, p.174–184; Dols, 1977, p.17].

Черная смерть середины XIV в. имела сходные последствия. Считается, что в 1331 г., т.е. в первый год ее вспышки, в китайской провинции Хубей умерло 9/10 населения. В течение второй волны эпидемии, в 1353–1354 гг., утверждают китайские источники, умерло 2/3 населения [McNeill, 1976, p.143–144]. Население Египта, возможно, уменьшилось на 1/4 или на 1/3 [Dols, 1977, p.212–223]. Было подсчитано, что в Европе приблизительно 1/3 на-

селения умерла за период 1346–1350 гг. [McNeill, 1976, p.149–150].

Несомненно, воздействие Черной смерти на население Золотой Орды и остальной части Центральной Азии было в равной степени жестоким. Уже было замечено, что болезнь посетила многочисленные населенные центры в южных областях Золотой Орды. Так, Макризи упоминает о сокращении населения в степном районе до прибытия Черной смерти на Средний Восток [Maqrizi, 1958, p.773–774; Dols, 1977, p.40–41]. Согласно Ибн ал-Варди, когда болезнь пришла в «землю Узбека» (bilad Uzbek) в месяце раджаб 747 г.х./октябрь–ноябрь 1346 г., деревни и города обезлюдели. Кади Крыма дает оценку в 85 тыс. умерших (см.: [СМИЗО, 1884, с.498, 530; Dols, 1977, p.51–52]).

Дополнительные свидетельства предлагает территория Руси, где в городах, как сообщают русские летописи, происходили многочисленные случаи появления чумы, сопровождавшиеся высокой смертностью (значение Черной смерти для истории России сравнительно недавно стало объектом пристального изучения; см.: [Alef, 1970, p.15–58; Langer, 1975, p.53–67; Alexander, 1980]). Вслед за первым своим появлением в 1349 г. в Полоцке, в 1352 г. она пришла во Псков, Новгород, Смоленск, Киев, Чернигов, Суздаль «и всю русскую землю», дойдя в 1353 г. до Москвы. В 1360 г. чума снова посетила Псков, а в 1364–1366 гг. – Нижний Новгород и все крупные города Северо-Восточной Руси. В источниках зафиксировано много последующих рецидивов болезни [Дербек, 1905, с.14–25; Alef, 1970, p.37–38; Langer, 1975, p.55–61; Alexander, 1980, p.12–15].

Появление Черной смерти на территориях, граничивших с Золотой Ордой, предполагает, что пандемия оставила свой след и там, т.к., перефразируя замечание Густава Алефа, масштабная пандемия, принесшая такое опустошение на Русь, не могла быть остановлена каким-либо восточным железным занавесом [Alef, 1970, p.36]. Хотя многие считают, что самая ранняя волна, вспыхнувшая в 1349 г., дошла до Руси с запада, все еще остается вопрос о том, не могла ли она прийти с юга, т.е. из пораженного района Золотой Орды, такого, как Крым [Langer, 1975, p.56–57; Alexander, 1980, p.13]. Более того, русские источники дают ценное подтверждение нескольким дополнительным эпизодам распространения Черной смерти в Золотой Орде в XIV в. Считается, что волна 1364 г.

возникла в Сарае [Langer, 1975, p.57], а вспышка 1374 г. поразила не только «всю русскую землю», но также Золотую Орду [Дербек, 1905, с.23; Langer, 1975, p.57]. Последняя волна XIV в., как полагают, поразила Золотую Орду в 1396 г. [Дербек, 1905, с.25; Alexander, 1980, p.15]. Принимая во внимание свидетельства о первоначальной атаке Черной смерти на южную Золотую Орду в 1346 г. (возможно, это волна, распространившаяся на север в 1349 г.), и подтверждения чумы в других местах Золотой Орды в 1364, 1374 и 1396 гг., мы считаем приемлемым допустить, что в этот период болезнь посетила большинство, если не все западные территории Улуса Джучи (здесь имеется в виду улус Бату или Ак-Орда).

Демографический спад и неустойчивость политических структур. Первоначальная волна бубонной чумы в Западной Европе сопровождалась повторными вспышками ее или других болезней, приведших к длительному демографическому спаду. Для Англии было зафиксировано продолжение сокращения населения в течение последующих 100–133 лет, т.е. в течение 5–6 поколений после первой волны. Британское население достигло самой низкой точки своей численности где-то между 1440–1480 гг., и только после этого стало медленно восстанавливаться [McNeill, 1976, p.150]. Точно так же считается, что население Руси приблизительно до 1500 г. не вернулось к уровню, предшествовавшему периоду Черной смерти [Langer, 1975, p.62]. Рецидивы чумы – к настоящему времени это доказанный факт для Европы, Руси и Ближнего Востока [там же, p.55–61; Dols, 1977, p.223–231; McNeill, 1976, p.149–153] – могли также послужить для ухудшения и без того плохой обстановки в Золотой Орде. Если такой длительный демографический спад можно приложить и к Золотой Орде, то в 1340-х гг. ее население, вероятно, находилось еще только в начале длительного периода устойчивого сокращения.

В то же время нужно быть осторожными при обсуждении предполагаемого первоначального сокращения на 20–45% (цифра для Британии) [McNeill, 1976, p.149] населения Золотой Орды или других областей в Центральной Азии. Исследователями было отмечено, что в то время, как некоторые европейские общества испытали полное вымирание, другие, такие как, например, жители Милана, вероятно, полностью избежали этой участи [там же, p.147]. Причины подобных си-

туаций сложны и могли подразумевать разные пути, которыми бактерия распространялась (как людьми, так и блохами). Исторически порты захода торговых кораблей и прибрежные области близ них были, очевидно, наиболее вероятными очагами вспышки [там же, p.149; Norris, 1977, p.16]. Все это дает основание считать, что разные области Центральной Азии в разной степени перенесли опустошения, некоторые даже вовсе избежали их. Такие нюансы распространения чумы, включая разное влияние на плотное городское население, менее плотное сельское и на наименее плотное кочевое, скорее всего, должны были привести к демографическим диспропорциям между разными областями Центральной Азии (вернемся к этому ниже).

Другим прямым следствием распространения бубонной чумы стала нестабильность политических структур, явившаяся результатом демографической катастрофы [McNeill, 1976, p.81; Gottfried, 1983, p.146–152]. Можно также предположить сокращение имевшихся в наличии военных людских ресурсов, что повлияло на способность Монгольской империи управлять своими территориями [McNeill, 1976, p.168–170]. Ясно, что демографические потери одинаково коснулись как правящих классов, так и более низких социальных слоев. Такое объяснение было предложено в связи с фактом преждевременных смертей членов монгольской династии Юань в Китае [Dols, 1977, p.41]. В Москве Черная смерть ответственна за смерть великого князя Семена и двух его сыновей, его брата Андрея и митрополита Феоноста в 1353 г. [Alef, 1970, p.38].

Для Золотой Орды, несомненно, нет оснований предполагать полное раздробление централизованной власти в период, последовавший за вспышкой чумы в 1345–1346 гг. или ранее (наиболее обстоятельные обзоры политической истории Золотой Орды см.: [Spuler, 1965; Греков, Якубовский, 1950, с.261 и сл.; Сафаргалиев, 1960, с.101 и сл.; Федоров-Давыдов, 1973, с.145 и сл.; Kafali, 1976, p.54 и сл.; Егоров, 1985, с.207 и сл.; Halperin, 1985, p.54 и сл.]). Как известно, Узбек-хана (1313–1341) можно считать одним из наиболее успешных ханов в истории западной половины Улуса Джучи (Ак-Орды). Его слава происходила не только по причине долгого правления: Узбек твердой рукой управлял татарскими кланами, добился успеха в своих усилиях по исламизации государства, при нем начала развиваться высокая мусуль-

манская культура, и он смог сохранить целостность большинства территорий, находящихся под его властью.

Узбеку наследовал сначала его сын Тинибек (1341–1342), а позже другой сын – Джанибек (1342–1357). Хотя именно в начале правления Джанибека бубонная чума впервые посетила западные территории Золотой Орды, ясно, что в течение большей части его пребывания на троне сохранялась внутренняя стабильность. Например, модель племенной организации, которую я называю «системой четырех беков» (об этой системе см. Раздел IV, глава 4 и [Schamiloglu, 1984, p.282–297; рус. пер. см.: Шамильоглу, 1993, с.44–60]), исправно функционировала в это период. Двухлетнее правление его сына и наследника Бердибека (1357–1359), однако, предшествовало полному и абсолютному краху централизованной власти Золотой Орды. Это время «больших тревог» в Орде – «великой замятни», как его называют русские источники, никогда не было удовлетворительно объяснено.

Обычно интерпретация беспорядков в Золотой Орде, начавшихся в конце 1350-х гг., затрагивает только политические события: убийство Бердибеком своего отца в 1357 г., последующее убийство Бердибека его собственным сыном Кульпой в 1359 г., затем убийство Кульпы и т.д. Хотя этот материал мог бы лечь в основу сюжетов греческих трагедий, он не является убедительным для понимания основного механизма полного распада централизованной власти в Золотой Орде. Не впервые происходило, что власть переходила из рук в руки при насильственных обстоятельствах: длительная карьера Ногая по манипулированию ханами – выдающийся пример этого.

Обычно политическое единство Золотой Орды сохранялось конфедерацией 4-х главных правящих племен внутри государства. После смерти Бердибека все 4 главных племенных вождя поддерживали разных кандидатов на ханский трон. Этот конфликт долго не находил внутреннего разрешения, и в результате политическая целостность Золотой Орды была потеряна навсегда. Представляется, что смерть значительной части правящей элиты имела даже большее влияние на Золотую Орду, чем на окружающие страны, такие, как Русь, т.к. центральные власти в Золотой Орде опирались на согласие различных внутригосударственных этносоциальных групп. Обычная борьба между группировками, борющимися за власть, могла быть только уси-

лена перерывом непрерывности в правящих иерархиях династии Чингизидов и «правящих кланов». Упомянутый выше аргумент о сокращении военных сил, возможно, также способствовал разрушению централизованной власти. Ясно, что Черная смерть должна стать одним из факторов, который мы принимаем во внимание при исследовании развала многих традиционных политических структур Золотой Орды в этот период.

Третье значительное следствие Черной смерти, которое следует рассмотреть – **культурный и технологический регресс** [McNeill, 1976, p.107; Gottfried, 1983, p.141–156]. В городских центрах Западной Европы волны чумы имели губительный эффект на крупные сосредоточения ремесленников, торговцев и ученых. Города Золотой Орды были аналогичным центром притяжения для людей с высоким образованием или развитыми трудовыми и ремесленными навыками (см. Раздел IV, глава 1 наст. издания). Черная смерть, атаковавшая городские районы Золотой Орды, как уже отмечалось, должна была иметь особенно разрушительные результаты для этих слоев населения. В.МакНилл предположил, что сокращение населения, возможно, явилось более важным фактором упадка городских центров в западных степных областях, чем кампании Тамерлана (Тимура или Аксак-Тимура). Он предлагает интересное наблюдение о том, что в то время, как городские центры в Анатолии и Индии быстро оправились от походов Тамерлана и перемещения ремесленников, города Золотой Орды – нет [McNeill, 1976, p.169].

Имеется также свидетельство, позволяющее предположить, что, как и в случае с латинским литературным языком в Европе, именно технологический регресс прервал развитие тюркского литературного языка и даже грамотности в Золотой Орде [Schamiloglu, 1992, p.157–163]. Возможно, более близкой параллелью упадку латыни, как литературного языка, является яркий пример технологического упадка тюркских эпитафийных надписей из Волжской Булгарии. В этом регионе первые арабграфические надписи на арабском или тюркском языках на монетах, надгробиях и т.д. датируются X в., тогда как последняя надпись датируется 1357 г. (см.: [Róna-Tas, Fodor, 1973, p.38–49]). В г. Болгар самая ранняя надгробная плита датируется 1271 г., а последние – 1356 г. [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с.120]. В то время здесь существовало два отдельных тюркских

языка или диалекта, использовавшихся в подобных надписях: один был болгарский язык, самый близкий современный его родственник – чувашский язык, а другой был языком, который может рассматриваться в качестве прародителя современного языка казанских татар (см.: [Хакимзянов, 1978; Хакимзянов, Измайлов, 2006, с.621–628]). К 1356–1357 гг., только через десятилетие после последнего случая фиксации Черной смерти на территориях Золотой Орды, наступает внезапный конец практики написания погребальных надписей в этой северной области Золотой Орды. Одновременно волжско-болгарский язык прекращает существовать в качестве письменного языка. Эту информацию следует считать аргументом в пользу того, что Черная смерть оказала сильное воздействие на северные территории Золотой Орды, включая Волжскую Булгарию.

Миграция населения вследствие демографических причин [McNeill, 1976, p.169–173]. Как было подчеркнuto, различные географические области могли по-разному испытать вспышки бубонной чумы. Возможно, некоторые области полностью избежали ее последствий. Также, вероятно, большинство, если не все западные территории Золотой Орды были опустошены ею, по-видимому, потеряв около 20–45% населения (если судить по опыту других регионов мира) или даже больше. К сожалению, мы довольно мало знаем о последствиях бубонной чумы в восточной половине Золотой Орды, известной как Кок-Орда, или в других областях Центральной Азии. Вполне допустимо, что некоторые области Кок-Орды не пострадали столь же значительно от пандемии, как территория Ак-Орды. Если это именно тот случай, то он может объяснить те миграционные тенденции, которые произошли во второй половине XIV в.

Смерть Бердибека сопровождалась двумя десятилетиями анархии и раздробленности власти Золотой Орды. Хотя клановый предводитель и улуг карачибек Мамай достиг высшей власти при марионеточных ханах, сам он оставался не более, чем вождем отдельного «правлящего племени», был улусбеком, каким позже будет Идегей, или современник Мамай в ханстве Чагатаидов, Тамерлан. Позднее ни один Чингизид из западной половины государства, кажется, так и не смог придти к власти на западных территориях Золотой Орды.

Ослабленная Золотая Орда начинает испытывать усиливающееся сопротивление со стороны подчиненных русских княжеств и сталкивается с литовской экспансией на юг (1362, 1399 гг.). Вместе с тем, с 1360-х до 1370-х гг. с востока ведется наступление татарских племен. Сначала Урус-хан, а затем Токтамыш осуществляют кампании против центральных золотоордынских территорий. Для восстановления реалий этого процесса детали не особенно важны. Достаточно отметить, что когда в 1380-х и, частично, в 1390-х гг. Токтамыш стал фактически или юридически правителем западных территорий, его поддержала конфедерация 4-х «правлящих племен», состоявших из кланов Ширин, Аргын, Барын и Кыпчак. Доказано, что эти 4 племени мигрировали на эти территории в конце XIV в. вместе с Токтамышем [Kafali, 1976, p.31–47, 101–114]. Те же самые 4 племени позднее сформируют этносоциальную основу Крымского, Казанского, отчасти, Касимовского ханств.

Значение данного факта становится ясным, только если признать, что первоначально конфедерация 4-х племен в Золотой Орде была, вероятно, совершенно иной. Четырьмя племенами кочевой Большой Орды в XV в. были: Кыйат, Мангыт, Салджигут и Кунграт. Если считать их последними остатками и прямым продолжением более раннего населения Золотой Орды, то их надо также считать первоначальными кланами Золотой Орды. Смена правящих кланов может рассматриваться в качестве яркого примера движения населения с востока в области, опустошенные Черной смертью. Возможно, другие перемещения населения в степных областях за период 1350–1500 гг. также могут быть объяснены стремлением к переселению в затронутые пандемией районы.

В заключение следует отметить, что предложенные нами гипотезы последствий Черной смерти выходят за пределы обычных и традиционных в историографии интерпретаций истории Золотой Орды. Из нашего анализа становится ясно, что пандемия середины XIV в. привела к периоду интенсивных социальных и экономических преобразований в Центральной Азии, которые заслуживают дальнейшего изучения, поскольку Черная смерть не была единственной зафиксированной вспышкой среди болезней, имевших значительное влияние на историю Азии.

§ 3. Экономический и социально-политический кризисы

Искандер Измайлов

Упадку хозяйства Улуса Джучи во многом способствовал также **кризис трансазитской торговли**. Основой этой беспрецедентной системы евразийской торговли, важнейшим отрезком которой являлась территория Улуса Джучи, были три обстоятельства.

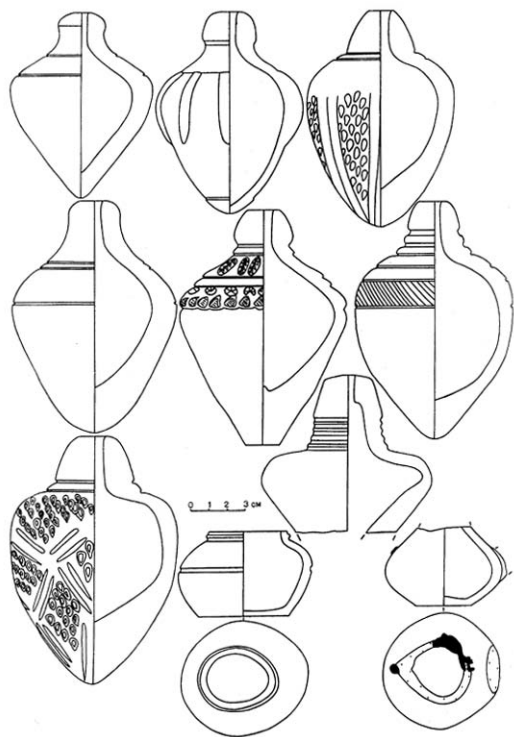
Практически все главные торговые пути имели не просто направление в пространстве, но четко организованную инфраструктуру. Первым шагом к этому стало создание системы бесперебойно функционирующих коммуникаций – *ямов (йамов/джамов)* – почтовых станций с лошадьми и караван-сараями. Здесь гонцы, чиновники и другие уполномоченные, следующие по официальным делам, могли отдохнуть, сменить лошадей и получить продовольствие. Обычно ямы располагались на расстоянии 30–60 км между собой, т.е. на длину дневного перехода на всех важнейших караванных путях, связывая различные города и порты страны, плотной сетью покрывая всю территорию Улуса Джучи. В период становления Монгольской империи создание ямов являлось частью государственных мероприятий по освоению вновь завоеванных земель, обеспечивая быструю и бесперебойную почтовую связь с самыми дальними пределами империи. Ямская повинность была одной из важнейших государственных повинностей населения, избавление от которой особо оговаривалось в тарханских ярлыках, например, русскому духовенству. Кроме чисто государственных интересов – быстрого распространения важной государственной информации во все концы страны, система ямов, вместе с возникшими рядом с ними караван-сараями, сформировала важнейшие торговые артерии страны, по которым беспрепятственно и безопасно двигались караваны с товарами от портов Крыма до Каракорума и Ханбалыка. Яркое описание пути из Кафы в Сарай, а из него в Ургенч и оттуда в Индию дал в начале XIV в. путешественник и географ Ибн Баттута. Это были не только пути движения материальных ценностей, но и информации – культурной (в частности религиозной) и технологической. Недаром часто караван-сарай служили вакуфом для какой-либо суфийской общины и, наоборот, близ этих караван-сараяев возникали святые места, мечети и *ханака* – странноприимные дома.

Одновременно ямы служили узлами, стягивавшими огромную империю в единую сис-

тему. Они не только обслуживали властные полномочия ханов, но и обеспечивали сохранность и безопасность магистральных путей. Флорентийский негодант Ф.Пеголотти, описывая торговые пути Евразии, отмечал: «Путь из Таны в Китай, по словам купцов, совершивших это путешествие, вполне безопасен и днем и ночью; только если купец по дороге туда и обратно умрет, то все его имущество передают государю страны, в которой он умер, и будет взято его чиновниками, но если вместе с ним там окажется его брат или близкий друг, который скажет, что он – брат умершего, то ему и будет отдано имущество умершего, и оно, таким образом, будет сохранено» [Pegolotti, 1936, p.21–23]. Сохранность и практически полная безопасность купцов и их товаров на всем пути от Причерноморья до Китая способствовали резкому росту торговли в Евразии. Во многом этому благоприятствовала также сложившаяся торговая конъюнктура. Старые традиционные торговые пути из Леванта в Северное Средиземноморье перестали функционировать после череды поражений крестоносцев в Палестине и Сирии в конце XII в. и вернули свое значение в XIII–XIV вв. из-за монгольских завоеваний и войн между Хулагуидами и мамлюками Египта.

По магистральному торговому пути, начинавшемуся в Китае и проходившему через Орду, шли многие необходимые для Западной Европы товары – пряности, специи, красители, шелк, хлопок, драгоценные камни, хлеб и рабы [Петров, 1995, с.60–91]. Этот поток товаров, чрезвычайно ценившихся на рынках Европы, обогащал посредников и служил одной из основ благосостояния всех городов Дашт-и Кыпчака. С торговлей были связаны не только поступление в казну от торговых пошлин, но и благополучие многочисленной услуги: караванщиков, проводников, охраны, владельцев караван-сараяев, ремесленников и т.д. Кроме того, многие мастерские занимались изготовлением предметов на продажу и переработкой полуфабрикатов. Все они очень чутко реагировали на любые изменения торговой активности.

Другим важным условием служило создание стабильной до определенных пределов денежно-финансовой системы Улуса Джучи. Уже в середине XIII в. здесь была создана своя денежно-весовая система, основой ко-

Гончарные сфероконысы. Уек. XIII–XIV вв.
(по Л.Ф.Недашковскому)

торой стал серебряный *дирхем* (*йармак*) весом 1,56 г. Позднее эта система была упорядочена ханом Токтой в 1310/11 г. и с некоторыми изменениями просуществовала вплоть до гибели государства, а в некоторых регионах и позднее. Одновременно выпускались и медные монеты, пропорциональные ценности серебряной монеты, которые имели хождение внутри страны и за ее пределами, а в некоторых государствах (например, Московском великом княжестве) она стала основой возникшей денежно-весовой системы. Стабильность и кредитоспособность торговцев Улуса Джучи способствовали не только укреплению их связей со Средиземноморьем, но и появлению передовых форм кредитно-финансовых систем – банков и векселей. По аналогии с Юаньским Китаем, возможно, на территории Улуса Джучи имели хождение и бумажные деньги – государственные векселя.

Способствовала этому также унифицированная весовая система. В Улусе Джучи действовала обычная восточная система, основой которой служил *мискаль*, состоявший из 100 *ратлей* (455,7 г). Одна десятая часть ратля составляла вес 4,68 г и соответствовала обычному сарайскому дирхему. Вес его в 1,56 г складывался из двух даников по 0,78 г, вес

которых составлял 1/6 часть мискаля. То есть обычный мискаль составлял 144 весовых норм дирхема. Единообразие и сопоставимость денежно-весовых систем с весовыми системами Востока делала рынок Золотой Орды открытым для взаимодействия с разными странами, привлекая торговцев со всего мира.

Укрепление денежно-весовой системы вместе со стабилизацией торговли сделали доходы от торговли важной составляющей бюджета страны. Некоторые историки вообще считают ее основной статьей пополнения государственной казны [Губайдуллин, 1994, с.69]. В разные годы таможенные сборы, т.н. *тамга* и пошлины, вероятно, варьировались от складывавшейся конъюнктуры, способа продажи и сорта товара. В XIII в. *тамга*, видимо, не превышала 10% от стоимости сделки. Но уже в конце XIII – начале XIV в. она была, очевидно, снижена и в Причерноморье доходила до 3% [Григорьевы, 1990, с.92]. Учитывая огромный товарооборот за счет собственных товаров и, особенно, транзитной торговли, можно только предполагать поистине колоссальные прибыли государственной казны и местных властей.

Крупнейшими торговыми центрами транзитной торговли являлись порты Северного Причерноморья, служившие источниками огромных прибылей. Например, постановление Сената Венеции от 30 декабря 1343 г. прямо подчеркивало их значение, указывая, что «в тех районах (наши) купцы извлекают самую большую выгоду и прибыль, так как там – целый источник товаров...» (цит. по: [Карпов, 1990, с.302]). Это не удивительно, поскольку товарооборот только итальянских купцов в Причерноморье достигал сотен тысяч дукатов и составлял примерно около трети всего товарооборота, например, Генуи. Прибыль от внешней торговли и сумму таможенных сборов в Улусе Джучи вряд ли можно будет вычислить достаточно точно, но ясно, что она являлась весьма существенной частью бюджета Улуса Джучи.

Вместе с тем вовлеченность в евразийскую торговлю ставила экономику Золотой Орды в зависимость от колебаний мировой торговой конъюнктуры. Но если итальянские торговые республики могли менять направление своих торговых контактов, то для Улуса Джучи резкое сокращение товарооборота со странами Средиземноморья было невозможной утратой.

Спад в международной торговле начался еще в 40-х гг. XIV в. и достиг пика во второй

половине века. Вызван он был рядом причин, среди которых освободительное восстание в Китае против монгольской династии Юань, нестабильное положение в Средней Азии и Могулистане, эпидемии чумы, смута в Анатолии после распада державы Ильханов, а также вспышка войны между основными средиземноморскими торговыми державами – Генуей и Венецией. Все это вызвало ограничение товарооборота между Востоком и Западом, резко подорвав экономическое положение нижеволжских городов.

Другой составляющей кризиса стало расстройство денежно-весовой системы страны (подробнее см.: [Федоров-Давыдов, 2003, с.15–17; Мухамадиев, 1983, с.81–118]). В 1370-е гг. монетная чеканка в Нижнем Поволжье скудеет и не может обеспечить страну серебряной монетой. Судя по монетнымкладам, возрастает число монет местной чеканки, тогда как в первой половине XIV в. преобладали выпуски монет из Сарая ал-Джадид и Гулистана. Другим следствием Черной смерти и экологических кризисов стало увеличение числа кладов, что указывает на стремление населения страны копить деньги, а не пускать их в оборот. По данным Г.А.Федорова-Давыдова, на 60–70-е гг. XIV в. приходится более 70% кладов монет, зарытых между реформами 1310/11 и 1380 гг. [Федоров-Давыдов, 1960]. Следствием этого стало извлечение серебряных денег из денежного обращения, а также увеличение оборота обрезанных и медных монет, а также монет более низкой весовой нормы. Все это является свидетельством глубокого кризиса, поразившего товарно-денежные отношения в государстве, превратив его из развитой рыночной страны в конгломерат территорий, ведущих натуральное хозяйство. И, хотя периодически происходила некоторая стабилизация и даже оживление торговли, этот рост был устойчивым вплоть до 1380-х гг.

Только в конце XIV в. наметился медленный выход из кризиса, несколько ожививший мировую торговлю [Карпов, 1990, с.60–63, 300–331], но он способствовал только некоторой стабилизации ситуации в Улусе Джучи, поскольку за годы смуты была полностью уничтожена инфраструктура трансасиатских торговых магистралей.

Усиление могущества клановой аристократии и рост сепаратизма регионов. Нельзя сбрасывать со счетов, конечно, и социально-политические процессы. За 100 лет своего существования Улус Джучи не толь-

ко пережил становление, но и достиг высокого уровня общественного развития.

Внутри страны происходили сложные процессы, которые вели к феодализации ее территории, а уже к XIV в. здесь достаточно заметны черты высокоразвитого феодализма, для которого именно характерны децентрализация владений и власти [Федоров-Давыдов, 1973, с.109–138]. Долгое время эта система уравнивалась сильной центральной властью и была достаточно стабильной, но в неблагоприятных условиях она стала быстро трансформироваться и распадаться.

По письменным источникам явно заметен рост могущества как улусбеков, так и стоящей за ними клановой татарской знати – владельцев более мелких ленных владений – икта и суйургалов. Экономическая мощь их базировалась на развитом скотоводстве и земледелии, а также на участии в дележе государственных налогов и других доходов, а политическая – на влиянии их кланов в системе имперской власти. Сильная судебная и административная власть в пределах подчиненных им улусов давала для этого важные финансовые и политические рычаги. Кроме того, многие крупные феодалы становились во второй половине XIV в. тарханами, т.е. владельцами безусловных держаний, освобожденных практически от всех налогов и повинностей в пользу хана [там же, с.124–134]. Материальные ресурсы некоторых из них были просто колоссальными. Так, арабские источники указывали, что некоторые эмиры крупных владений, получая от них доход до 100–200 тыс. золотых динаров, могли содержать войско в 5 тыс. хорошо вооруженных всадников [СМИЗО, 1884, с.244]. Кроме обширных владений и значительного числа военных отрядов, татарская аристократия, объединенная в кланы, имела своих представителей в придворных кругах и столичном чиновничестве, благодаря чему кланы имели также солидные поступления от сбора налогов и пошлин. Судя по историческим данным, число высших эмиров, собиравшихся на курултай, варьировалось от 50 до 70 человек [там же, с.168]. Очевидно, эти эмиры составляли высший слой татарской клановой аристократии.

Вместе с тем, в социальной жизни страны в XIV в. наметились новые тенденции. Все чаще бывали случаи превращения улусбеками своих владений, включавших города и кочевья, в полунезависимые владения. С одной стороны, мелкие феодалы и города, быв-

шие опорой власти ханов, стали подпадать под власть более могущественных эмиров и улусбеков, видя в этом единственную возможность ослабить влияние природных и социальных действий. С другой – возросло число кланов, могущество которых увеличилось, а место в клановой иерархии оставалось второстепенным. Они рвались к власти, но их амбиции сдерживала существующая 4-клановая система. Представители этих кланов, используя силу традиции, ресурсы ордынской казны и вооруженные силы империи, не позволяли претендовать на повышение своего статуса другим кланам, не входившим в число правящих.

В принципе эта этнополитическая система была достаточно стабильной и обеспечивала преемственность и устойчивость власти в Улусе Джучи. Ее единство не могла поколебать даже попытка Ногая во второй половине XIII в. узурпировать власть. Однако в результате пандемии Черной смерти, очевидно, именно традиционные правящие кланы понесли значительные потери и стали терять свое влияние. Ослабление их власти вызвало желание у других кланов занять их место. Однако в существовавшей в Улусе Джучи политической и этносоциальной системе достичь власти можно было только в том случае, если клан мог привести к власти хана, связанного с ним теми или иными родственными узами. Система из 4-х правящих кланов, которая в обычных условиях делала государство стабильным, в условиях пандемии чумы и природных катаклизмов стала причиной жестокой борьбы за власть и источником политической деконсолидации. Очевидно, что целый ряд кланов начал борьбу за власть, используя в качестве предлога выдвижение собственного султана из рода Джучи, надеясь с его помощью сместить другие кланы и занять главенствующее положение при дворе. Но, поскольку претендентов было много, а поддержкой большинства крупных и знатных кланов не пользовался никто, то это привело к хаосу и полному падению авторитета ханской власти. Так, описывая ситуацию в стране, сложившуюся после смерти Бердибека, историк Ибн Халдун писал: «Было также (кроме Мамаю. – *И.И.*) несколько (других) эмиров монгольских, поделившихся в управлении владениями в окрестностях Сарая; они были несогласны между собою и правили своими владениями самостоятельно. Так,

Хаджичеркес завладел окрестностями Астрахани, Урус-хан своими уделами; Айбек-хан таким же образом. Все они назывались походными эмирами» [там же, с.289].

Вместе с тем, вопреки мнению ряда историков [Егоров, 1985, с.56–58], нельзя преувеличивать стремление к сепаратизму ордынских эмиров в середине XIV в., – как бы то ни было, большинство из них боролось между собой именно за овладение сарайским престолом.

Еще одним следствием ослабления центральной власти, череды эпидемий и экологических кризисов стал распад внутренних связей в стране. Фактически в условиях этих бедствий, а также наступивших политических катаклизмов, целый ряд процветающих областей (Крым, Хорезм, Мухша, Булгария) оказались в состоянии вакуума власти и вынужденной автономии. В меньшей степени подверженные экологическим кризисам, чем Нижнее Поволжье, они сохранили экономическую устойчивость или быстро оправались от пандемии чумы. В условиях распадающихся внутренних связей и натурализации хозяйства они меньше всего нуждались в едином государстве, тяготея к обособлению. В ряде случаев обособление от центральной власти опиралось на давние и полузабытые традиции прежнего регионального единства. Недаром в условиях междоусобицы страна начала раскалываться по старым границам, очевидно, имеющим некоторую хозяйственно-культурную основу, – Крым, Булгария, Мухша и Хорезм.

Стремление к децентрализации находило поддержку и в полунезависимых вассальных регионах, где всегда была сильна тенденция к отделению от Орды; наиболее явственно это прослеживается на Руси. Здесь именно в это время не просто укрепляются силы, готовые противостоять власти «ордынского царя», но и возникает идеологическое обоснование этой борьбы за освобождение от власти «басурман».

В условиях хозяйственного и политического кризисов в стране в регионах возникли и укрепились силы, стремящиеся бороться за сохранение власти в пределах своих владений, но получить перевес они смогли только в начале XV в. До тех пор, пока сохранялась единая политическая власть (хан и его администрация) и экономические связи (торговля, единая денежная система) Улус Джучи оставался единым.

ГЛАВА 2

«Великая замятня»

Искандер Измайлов

Политическим поводом для взрыва центробежных сил послужила борьба за ханский престол сразу нескольких Чингизидов, каждый из которых имел права на державу предков и многочисленные отряды сторонников. Ухудшение природных условий, упадок земледелия и скотоводства, затухание торговли и ремесла, уменьшение притока дани и военной добычи в Поволжье, разлад денежного обращения, ослабление власти и влияния центральных органов управления, служившие фоном для усиления мощи отдельных кланов и стремления их к рычагам центральной власти, – все это стало чертами нарастающего кризиса. Именно эти причины неумолимо поставили вопрос о существовании империи, а все попытки ответа на вызов времени оказались неудачными.

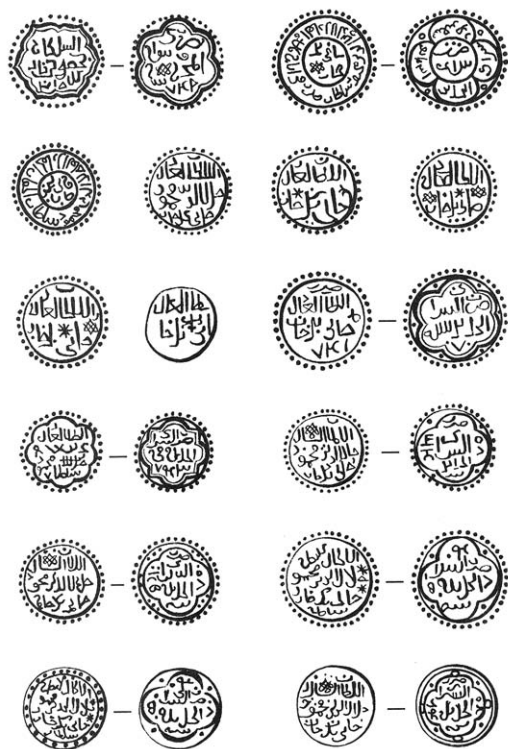
Нараставшую катастрофу, однако, казалось бы, ничего не предвещало. Более того, годы перед «замятней» характеризовались укреплением Орды и крупными внешнеполитическими успехами.

После долгих лет кровавого, но большей частью бесплодного соперничества, начавшегося еще при хане Берке, татарские войска под командованием Джанибека подошли в 1358 г. к р. Куре, переправились через нее и вторглись в Южный Азербайджан. Иран переживал смутные времена и ослабление центральной власти после свержения власти Хулагуидов. Местные властители не смогли организовать действенного сопротивления. Войска Джанибека быстро продвинулись к югу и без особого труда овладели Тебризом. Впервые за 100 лет противостояния золотоордынским ханам удалось захватить весь Азербайджан, что позволило им присоединить к своим владениям богатую провинцию и одновременно овладеть ключевым участком Великого шелкового пути. Возможно, именно желание установить контроль над всеми ответвлениями трансасиатской торговой магистрали и толкало Джучидов на войну с

Ираном. Оставив управлять завоеванной провинцией своего сына Бердибека с 30-тысячной армией, Джанибек вернулся в Орду. Здесь он почувствовал себя смертельно больным. Узнав об этом, Бердибек бросил войско и подчиненную ему провинцию и поспешил в столицу.

После смерти отца, очевидно, осенью 1357 г. Бердибек вззошел на престол. Некоторые восточные авторы, передавая различные слухи, возможно, небезосновательные, обвиняли Бердибека в убийстве отца. Положение его было довольно непрочным, т.к. часть эмиров была настроена против него. Пытаясь укрепить свою власть, он прибег к репрессиям. Бердибек, по словам современников, вызвал к себе всех царевичей и за один раз всех их уничтожил, не пощадив даже своего 8-месячного брата [СМИЗО, 1941, с.129, 234].

Он правил в течение почти 3-х лет и умер, очевидно, летом 1359 г. Русские летописи (Симеоновская, Рогожская) просто сообщают о смерти хана Бердибека: «Того же лета Бердибек царь умре, а Кулпа седеет на царствии» [ПСРЛ, 13, с.100]. Однако поздняя, Никоновская летопись сообщает, что Бердибек и его карачибек Тоглу-бий (Товлу-бий) в 1359 г. были убиты в результате заговора [ПСРЛ, 10, с.230–231]. Не исключено, правда, как считал В.Л.Егоров, что Бердибек умер своей смертью, а заговор устроил карачибек Бердибека – Тоглу-бий, чтобы возвести на престол послушного бекам хана [Егоров, 1980, с.182]. Как бы то ни было, но хан Кулпа не стал безвольной марионеткой в руках карачибек. Он сумел беспощадно подавить оппозицию знати и утвердился на сарайском троне. Его власть, судя по чеканенным от его имени монетам, распространилась на весь Улус Джучи. Трудно сказать, какова была его реальная политика, но в любом случае резкий рост недовольства правящих кланов прослеживается довольно явственно. Именно эта

Монеты Джанибека (Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джадид) (по Г.А.Федорову-Давыдову)

Монеты Кильдибека, Мюрида, Хайр-Булата, Азиз-Шейха, Булат-Ходжи, Тулунбек-ханум, Черкес-бека (Сарай ал-Джадид, Азак, Гулистан, Хаджи-Тархан) (по Г.А.Федорову-Давыдову)

придворная аристократия составила новый заговор. В результате хан Кульпа в начале зимы 1359 г., процарствовав всего 5 месяцев, был свергнут и убит. Как сообщают русские летописи, хан Кульпа «убьен бысть от Навруза с двема сынома, с Михаилом(?) и Иваном(?)» [ПСРЛ, 18, с.100]. Новым ханом стал Ноуруз (Новруз).

Так, в 60-е гг. XIV в. в Золотой Орде закружилась кровавая карусель внутренней войны. Ханский престол, ставший объектом борьбы между различными кланами Ак-Орды и Кок-Орды, начал переходить из рук в руки с калейдоскопической быстротой. Важным обстоятельством, вызвавшим эту чехарду власти, явилось то, что после репрессий Бердибека прямых наследников уже не осталось, но была значительная группа султанов, находившихся в той или иной степени родства с родом Джучи. Это давало повод отдельным кланам выдвигать своих претендентов на власть. За период с 1359 по 1380 гг. в Сарае сменилось, по меньшей мере, 17 ха-

нов (некоторые занимали престол по несколько раз), причем о многих из них историки не знают практически ничего, кроме имен на чеканенных ими монетах, и до сих пор спорят об их историчности и последовательности правлений [Егоров, 1980, с.190–192; Мухамдиев, 1983, с.88–99; Григорьев, 1983].

Ноуруз, судя по чеканенным от его имени монетам, вступил в борьбу с Кульпой уже в 1359 г., когда начал бить свою монету в Азаке. Имея своей базой развитые улусы Причерноморья, он, видимо, без особых трудов взял Сарай ал-Джадид, где удерживался до весны 1360 г. Власть Ноуруза, судя по монетам, битым от его имени, распространялась на всю территорию страны от Хорезма до Крыма и Азака. Он даже успел навести порядок во внутригосударственных делах, в частности, вызвал в ставку русских князей и выдал им новые ярлыки на их княжения от своего имени: «седе на царстве царь Наврус и к нему приидоша вси князи Русскыя, и бысть им в орде раздел княжением их, и ко-

торои же смх по временном своим възвратишася в свояси, и кои же их прииде в свою отчину» [ПСРЛ, 18, с.100].

Вместе с тем, власть нового хана была неустойчива, поскольку он не обладал достаточной легитимностью, а поддерживающие его кланы не обладали неоспоримым могуществом. Видимо, среди придворной аристократии не было единства, что создавало благоприятную среду для интриг и заговоров. Следует сказать, что восточные авторы недаром осуждают эмиров за поддержку Кульпы, поскольку они в угоду своим амбициозным планам возвели на престол султана, имевшего в обычных условиях мало прав на трон Джучидов. Такие же сомнительные права на трон имел и Ноуруз. Не исключено, что он был чисто номинальным правителем, а вся власть принадлежала столичной знати, группировавшейся вокруг вдовы хана Узбека Тайдулы-хатун. Само возведение на трон представителя боковой линии Джучидов стало еще одним симптомом надвигающегося политического кризиса в стране, где не осталось ни законного правителя, ни авторитетного органа власти, ни единой системы правящих кланов. Везде царили упадок, разруха и недоверие.

Критическим для всей дальнейшей истории Улуса Джучи стало то, что на востоке страны, в Кок-Орде, очевидно, в меньшей степени затронутой чумой, правящие кланы не только сохранили могущество, но и захотели распространить свою власть на всю территорию страны, оттеснив традиционные правящие кланы Ак-Орды. Знаменем этой борьбы стали многочисленные султаны из рода Джучи от его сыновей Шибана, Тука(й)-Тимура и других.

Вполне очевидно, что эти султаны формально имели больше прав на ханский трон, чем представители боковых ветвей потомков Бату. Однако традиция престолонаследия в Улусе Джучи не предполагала возведение на престол султанов «левой руки» из Кок-Орды. Подобная смена могла произойти только тогда, когда кланы из левого крыла произведут ротацию правящих кланов и оттеснят традиционные роды. Сделать это можно было только путем военного переворота. Очевидно, в качестве предлога была использована сомнительная родовитость хана Ноуруза и лозунг борьбы против узурпатора престола, который

должен принадлежать огланам из «алтын уруга». Не исключено, что этому способствовал раскол среди правящих кланов Ак-Орды и часть из них сама обратилась за поддержкой к хану Кок-Орды Чимтаю, предлагая ему занять трон. Но он отказался и послал в Сарай своего брата Орду-Шейха и нескольких огланов с войском [СМИЗО, 1941, с.130]. Поздняя Никоновская летопись также передает какие-то слухи об этих событиях, дошедшие до Руси. Полагаться на них сложно, но они дают информацию о том, что какие-то ордынские князья начали «тайно ссылаться с Хидырем, царем Заяцким, лукавствующие на Волжского своего царя Науруса и составися тайна леств в их дело» [ПСРЛ, 10, с.232].

Как бы то ни было, но Орду-Шейх не только мирно вошел в столицу, но и, видимо, позиционировал себя как силу, способную примирить враждующие группировки. Однако весной 1360 г. он отстранил от власти Ноуруза и возвел на престол оглана Хызра, сына Сасы-Буки. Русские летописи довольно точно указывают, что «Тое же весны (1360 г. – *И.И.*) приде на царство Волжское некий царь с востока, именем Хидырь, и бысть леств в князех ординских и убьен бысть царь Наврус от Кыдаря» [ПСРЛ, 18, с.100]. Новый хан обрушил репрессии не только на родственников прежнего правителя – были казнены его сын Тимур и даже ханбике Тайдула [там же], но и на поддерживавших того глав родов, «иже в любви и в совете быша», а также «Муалбузина чадь со множеством Татар их избиении быша» [ПСРЛ, 10, с.232]. Есть основания сопоставить эту «Муалбузину чадь» с именем влиятельного карачибека 1350-х гг. Могул-бия. В этой связи можно предполагать, что основные репрессии обрушились на родовую знать, видимо, группировавшуюся вокруг Тайдулы и карачибека Могул-бека (Мовлу-бия) и прежние правящие кланы, в первую очередь, на кланы Найман и Кийат. Не исключено, что это вызвало их бегство в свои родовые улусы, располагавшиеся в Приазовье и Крыму, где они обрели вождя в лице улусбека Мамаю, который, по данным Ибн Халдуна, сверг правителя Крыма Кутлуг-Тимура и завладел этим улусом.

Появление нового хана, отсутствие единства среди аристократии Ак-Орды и наличие большого войска из Кок-Орды несколько стабилизировало положение в стране. При нем

Монеты Кульпы, Ноуруза, Хызра, Тимур-Ходжи
(Хорезм, Сарай ал-Джаид, Гулистан)
(по Г.А.Федорову-Давыдову)

центральная власть несколько укрепилась и была признана всеми поволжскими улусами. Хызр-хан повел активную внутреннюю политику, заставив некоторых русских князей приехать к нему за ярлыками на великое княжение, а также выдать ему на суд ушкуйников, разоривших в 1360 г. Джукетау (Жукотин) на Каме в Булгарском улусе (вилайате). Правил он в Сарае около года, но весной 1361 г. в результате очередного мятежа был убит. По словам летописца, «и бысть при них замятня велика в Орде, убьен бысть царь Кидырь от своего сына Темирьхожина, и седе на царство на 4 день» [ПСРЛ, 18, с.101].

Однако Тимур-Ходжа, хотя и взошел на престол, переступив через труп своего отца, видимо, обладал лишь видимостью власти и то лишь в Сарае и близлежащей округе. Воспользовавшись ситуацией, на него двинул войска улусбек Мамай. Русские летописи сообщают, что «Мамай, князь ординский, осилел с другую сторону Волгу, царь бе у него именем Авдуля» [там же]. Едва успев отчеканить собственную монету, хан Тимур-Ходжа вы-

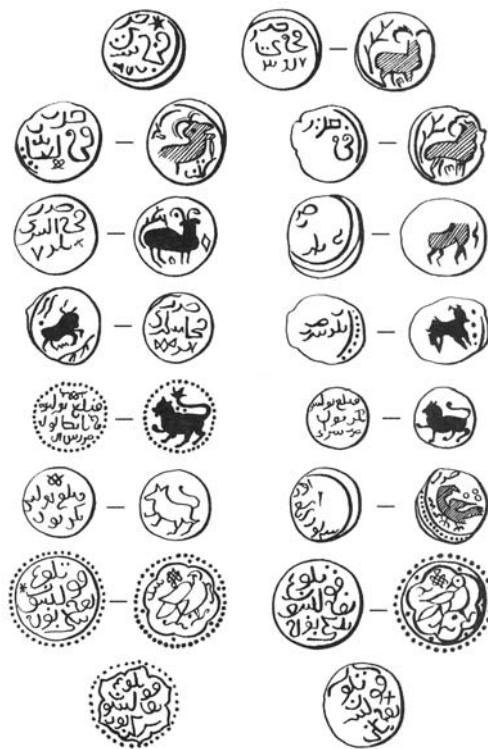
нужден был бежать в Заволжье: «А Темирьхожа побеже за Волгу и тамо убьен бысть, а князь Мамай прииде за Волгу на горнюю сторону, и орда вся с ним» [там же]. Очевидно, заняв Сарай, Мамай провозгласил ханом Абдуллаха, вероятно, какого-то потомка Узбека или Бердибека. Власть хана была номинальной, поскольку все рычаги власти крепко держал в своих руках его улуг карачибек Мамай. Красноречиво пишет об этом Ибн Халдун: «Мамай поставил ханом отрока из рода Уздаха, по имени Абуллах» [СМИЗО, 1884, с.390]. Однако и Мамай с Абдуллахом, не чувствуя поддержки от столичной знати, отступили в Крым, чтобы там собраться с силами для нового наступления на Сарай.

Здесь следует подробнее остановиться на фигуре Мамае, который почти 20 лет оставался ключевым действующим лицом в ожесточенной борьбе улусов. По имеющимся у нас источникам, а их, кстати, неизмеримо мало по сравнению с той ролью, какую Мамай сыграл в жизни Орды, он принадлежал к знати правого крыла, хотя и не был Чингизидом. Есть сведения о его принадлежности к клану Кий-ат. Ханский престол, ставший объектом борьбы между Мамаем, столичной аристократией и татарскими кланами Кок-Орды, переходил из рук в руки с невероятной быстротой, так что, видимо, даже сами современники не всегда успевали уследить за последовательностью смены правлений. О многих из ханов того времени историки не знают практически ничего, кроме имен на чеканенных ими монетах. Выдвинулся к вершинам власти Мамай, скорее всего, при хане Бердибеке, когда не только женился на дочери хана, но и стал одним из старших эмиров, «управляя всеми делами» ханства [там же, с.389]. Вряд ли он занимал пост улуг карачибека, как полагал В.Л.Егоров [1980, с.185], т.к. его имя не встречается среди карачибек, подписывавших государственные ордынско-венецианские договора и ярлыки русским митрополитам. Скорее всего, он являлся визирем и, определенно, занял этот пост в конце правления этого хана. Преуспел он, видимо, позднее, уже в период дворцовых интриг, когда черед дворцовых переворотов и чисток смела верхний слой аристократии. В этих условиях он смог не только избавиться от многих конкурентов в борьбе за влияние на ханов, но и стал улусбеком Крыма. Во время переворота, вознесше-

го на ханский трон Хызр-хана, Мамай, видимо, избежал смерти и отступил в Крым со своим кланом. Скорее всего, в 60-е гг. XIV в. западная часть Ак-Орды с центром в Крыму во главе с Мамаем стала оплотом традиционных правящих кланов и последних представителей рода Бату. Сам факт женитьбы на дочери хана сделал Мамаю родственником ханов с почетным титулом «гурган», наделив значительными правами, кроме права на престол, — не удивительно, что при его дворе, по словам русских летописей, находились «Орда и царицы вси с ним» [ПСРЛ, 15, с.71]. В отечественной историографии его пренебрежительно называют «временщиком», а его роль в истории обычно оценивается через призму итогов Куликовской битвы, т.е. сугубо отрицательно. Но, если подойти к его личности без предвзятости, то следует признать, что это был выдающийся государственный деятель, умный и изворотливый политик, сумевший в условиях смуты сохранить очаг централизации и пытавшийся противостоять центробежным устремлениям.

В пределах своих владений в западной части Ак-Орды он предпринял ряд мер, направленных на стабилизацию хозяйства и расширения торговли. В результате его военных кампаний в Азаке в 1362–1363 гг. отмечается значительный приток рабов, что вызвало снижение цен на «живой товар», но привело к активизации торговли [Карпов, 1991, с.193]. Этому же способствовали определенные торговые привилегии, предоставленные венецианским негодьям в 1362 г. [Скржинская, 1973, с.116]. Характерно, что одним из центров его владений был г. Шахр ал-Джадид (Янги-Шахр), который локализуется в Приднестровье и сопоставляется с городищем Старый Орхей. Само его название — «Новый город» должно было перекликаться с именем столицы «Сарай ал-Джадид», демонстрируя политическую независимость от власти ханов из Кок-Орды.

Внешнеполитическая активность его диктовалась стремлением предотвратить или ослабить давление со стороны Великого княжества Литовского и сохранить вассальную зависимость русских княжеств. В определенной степени это ему удалось. Потеряв ряд владений в Западной и Южной Руси, он сумел сохранить в этих княжествах часть своих привилегий и заключить выгодный союз

Анонимные пулы Сарая. Середина XIV в.
(по Г.А.Федорову-Давыдову)

с великими князьями Литовскими Кейстутом и Ольгердом. Но он не в силах был уже удерживать Приднестровье, которое постепенно попадало под власть молдавских господарей.

Главной целью его военно-политических усилий были Сарай и Поволжье, которые он стремился подчинить своей власти. В 20-летней войне против всех он, однако, так и не смог ее достичь.

Более того, истощив в этой бесплодной борьбе силы стоявших за ним кланов, он неуклонно стал терять власть в регионах. Постепенно он все больше превращался в препятствие объективным тенденциям к объединению, которые шли из Кок-Орды, становясь главной движущей силой распада страны. В результате — поражение и горькая участь гонимого беглеца в своем собственном улусе. Несмотря на трагический конец, его судьба долго являлась путеводной звездой для многих, стремившихся достичь вершин власти в Улусе Джучи. Но все это случилось спустя 2 десятилетия.

Очевидно, в конце лета 1361 г. Мамай, изгнав огланов «левой руки» из Сарая, достиг вершин власти, поставив ханом послушного

ему юношу. Однако это не прибавило ему авторитета среди столичной аристократии, которая по какой-то причине упорно не желала признавать его верховенство и последовательно интриговала против него. Тогда он вернулся в Крым, откуда начал свою борьбу за объединение страны. Вот тогда-то и началось настоящее «размирие» в Улусе Джучи.

Мамай со своими ставленниками не имел сил, чтобы победить не только войска Кок-Орды, но и подчинить своей власти сарайскую знать. Но и татарские кланы Нижнего Поволжья не могли объединить страну, поскольку среди них отсутствовало единство. Одновременно и Мамай, и его соперники воевали и интриговали против огланов Кок-Орды, стремясь сохранить традиционную структуру власти. Этот многосторонний конфликт держал в напряжении всех участников исторической драмы, вызывая все новые военные походы, мятежи и заговоры, которые раскалывали державу, раздирая ее непримиримыми противоречиями и заставляя корчиться в кровавой междоусобице. Парадоксально, но факт: стремясь к централизации власти, Мамай объективно больше других политиков того времени способствовал деградации ханской власти и ускорению центробежных тенденций.

После отступления Мамай наступил период междувластия, когда, по данным восточных источников, правил некий Кутлуг-Тимур. Но осенью 1361 г. сарайская знать вновь призвала оглана «левой руки», провозгласив ханом Орду-Мелика (или Орду-Шейха). О его происхождении источники молчат, а историки спорят, был ли он братом правителя Кок-Орды хана Чимтая, возводившим на трон Хызра, или сыном Хызр-хана. В любом случае, он явно пользовался покровительством хана Кок-Орды и столичной знати. Очевидно, он сумел оттеснить Мамай в Крым и занять Азак, где чеканились монеты от его имени. Хан Орду-Мелик на короткий срок вновь объединил почти всю империю. Во всяком случае, кроме Крыма, остальные области власть его признали. Но через месяц столичная знать стала вновь интриговать против него. По данным Рогожского летописца, «Ардемелика посадили на царстве, и тот царствовал месяц и оне его убили. И бысть в орде замятня велика и сеча старьи княз(и) Сарая и Когуи, и инех множество побища» [ПСРЛ, 15,

с.71]. Более подробно об этом событии повествует автор «Анонима Искендера», хотя в целом его сведения довольно путанные: «Эмиры до истечения одного года соглашались на царство Орда-Шейха. После этого один из неизвестных и недалеких людей в порыве невежества сказал: “Как это уруг султанов Ак-Орды (следует читать Кок-Орды. – *И.И.*) станет властителем трона царей Кок-Орды (соответственно следует читать Ак-Орды. – *И.И.*)”. Среди ночи он одним ударом ножа покончил его дело. Наутро, когда эмиры узнали об этом, по его ложному указанию зарезали и казнили несколько невинных...» [СМИЗО, 1941, с.130].

После этого сарайские эмиры в конце осени 1361 г. «дабы дела царства не расстроились... согласившись (между собой) возвели на трон царства неизвестного человека, под предлогом, что он Кильдибек, сын Джанибек-хана» [там же, с.129]. Из этой оговорки Муин ад-Дина Натанзи, автора «Анонима Искендера», можно сделать вывод, что многое выдавший придворный историк удивлен появлением на троне человека с более чем сомнительными правами. Были, видимо, подобного же мнения и русские летописцы, которые осторожно отмечают, что один из ханов был «именем Кильдибек, творящееся сын Чанибека» [ПСРЛ, 18, с.101]. Характерно использование этим авантюристом имени Джанибека. С одной стороны, называясь прямым потомком этого хана, он явно пытался указать, что будет руководствоваться его принципами в политике и станет бороться за сильную централизованную власть. С другой – он явно противопоставлял себя претендентам на власть из Кок-Орды, защищая традиционную клановую систему и порядок престолонаследия в Ак-Орде только огланами «правой руки». Это также может косвенно свидетельствовать о пересечении других ветвей династии потомков Бату в Ак-Орде.

На первых порах Кильдибек действительно усилил свою власть, распространив ее на Поволжье, Азак и Мухшу, успешно противоборствуя с Мамаем. Сложилась сложная ситуация, когда в Ак-Орде шла война между Мамаем и Кильдибеком, а оба они одновременно действовали против нового ставленника эмиров Кок-Орды Мюрида, выступившего из Заволжья и занявшего часть Нижнего Поволжья, где начал чеканить свою монету, местом чеканки указывая Гулистан.

В сложной ситуации хан Кильдибек решил укрепить свои позиции и уменьшить зависимость от клановой аристократии. Универсальным средством для этого он, как и его предшественники, выбрал репрессии против нелояльных его власти эмиров: «и тои многих поби» [там же]. По словам Натанзи, он «счел порукой своей жизни гибель эмиров; тайно вызывал кого из них, заставлял заниматься покушением друг на друга» [СМИЗО, 1941, с.129–130]. Все эти действия, конечно, не способствовали внутренней стабилизации, а лишь обострили борьбу между различными кланами и группировками аристократии в Золотой Орде.

Этим опять воспользовались эмиры Кок-Орды. Их ставленник хан Мюрид, родственник правителя Кок-Орды Чимтая и брат Хызра, осенью 1362 г. занял Сарай ал-Джадид. Кильдибек бежал в Волго-Донские степи, а летом следующего года, собрав своих сторонников, двинулся на столицу. О дальнейших событиях Рогожская летопись сообщает: «Мурут на одной стороне Волги, а на другой Кильдибек, и межи их бысть сеча и Кильдибека убили» [ПСРЛ, 15, с.73]. Итак, в результате битвы Кильдибек «убьен бысть» [ПСРЛ, 18, с.101]. Но эта победа не принесла Мюриду ожидаемого единодержавия.

Уже осенью 1362 г. против него опять выступил Мамай, который «привел с собою царевича» Абдуллаха. В сражении на правом берегу Волги («быть Мамаю с Мурутом сеча о Волге» [там же]) войска Мюрида были разбиты, и он отступил в Заволжье. Сарай ал-Джадид был вновь захвачен Мамаем, но это не принесло ему окончательной победы. Единственным реальным результатом этого похода было признание его «царевича» «царем». В Поволжье вспыхнула эпидемия чумы, и он, категорически не пользуясь поддержкой столичной аристократии, отступил на запад. Мюрид сумел дать отпор притязаниям Мамаю и утвердился в столице и в Заволжье. Сложно сказать, на кого он опирался в этой борьбе, но, кроме восточных войск, его явно поддерживали какие-то кланы Ак-Орды. По существу, страна разделилась на 3 большие части. Одна область – европейская часть Орды западнее Волги, где правил от имени ханов Мамай, – в русских летописях стала называться «Мамаева Орда», вторая – Нижнее Поволжье с центром в Сарае ал-Джадид – получила название «Муротова Орда» и третья – земли Кок-Орды. Разумеется, на деле

таких частей было гораздо больше. Они периодически появлялись, завоевывались или распадались, особенно на окраинах страны.

С этого времени в Улусе Джучи начинался длительный период упадка, ведущий к распаду единого государства. Начавшаяся междоусобица и потеря развитых областей, таких как Булгария, Хорезм и Мухша, несли с собой также ухудшение финансового положения и углубление спада в торговле и ремесленном производстве. Из-за опасности быть подвергнутым нападению прекратилось регулярное функционирование караванных путей, и, как следствие, нарушился ввоз сырья и вывоз продукции ремесла. Происходил постепенный упадок земледелия и запустение оседлых поселений в Поволжье. Столичные города стали обносить стенами. На волне ослабления центральной власти укрепляли свою самостоятельность правители Руси, Булгарии, Мухши, Хорезма и других улусов. В условиях междоусобицы именно они, довольно стабильно развивавшиеся области, стали объектами борьбы ханов на выплату дани, манипулирования претендентами на власть и карательных набегов. Все эти действия разрушали привычный порядок и вызывали желание отстоять свои земли от посягательств самозванных ордынских правителей.

В 1361 г. от Орды полностью отпал Хорезм, где стала править местная династия Суфи [Федоров-Давыдов, 1965, с.183–184]. Тогда же, вследствие репрессий ханов против клановой аристократии, она перемещается вместе со своими кланами из центра на окраины. Здесь они встречают поддержку местной знати и создают свои сепаратные владения, иногда даже начиная чеканить собственную монету. Среди таких эмиров можно выделить Тагая, который правил в Бельджамене, а в начале 60-х гг. XIV в. ушел на север, где, по словам русской летописи, «Нуручадь (Улус Мухша. – *И.И.*) страну отнял себе, ту живяше и прибывающе» [Приселков, 1950, с.378; ПСРЛ, 18, с.101]. Здесь, оставаясь в безопасности от сумятицы в центре Орды, он основал свое княжество и совершал частые набеги на соседние русские княжества. Только в 1365 г., после неудачного набега на Переяславль Рязанский сведения о нем пропадают. Возможно, воспользовавшись поражением, его просто свергли местные беки. Еще один эмир («князь ординский») Булат-Тимур, видимо, сын знаменитого улусбека Тоглубия, «Болгары взял и все города по Волзе и улусы, и отня весь

Волжеский путь» [там же]. Фактически став правителем полунезависимого владения в 1360–1366 гг., Булат-Тимур удерживал власть в Болгаре вплоть до 1367 г., когда он, потерпев поражение в борьбе с нижегородскими князьями, «оттуда бежа в Орду», где и был казнен по приказу хана Азиз-Шейха. Постоянно нараставший раскол Улуса Джучи не был единственным следствием «замятни». Одновременно очень низко упал престиж ее как мировой державы. Воспользовавшись смутой, ее территорию стали разрывать на части соседи. Так, литовский князь Ольгерд, разбив в 1363 г. отряды улусбеков Мамаю в битве на Синих водах, занял всю Южную Русь, а позднее все Пруто-Днестровское междуречье подпало под власть Молдавского княжества.

В этих условиях подняли голову различные авантюристы и разбойники. Северо-Восточные русские княжества, находившиеся под властью Золотой Орды, получали один за другим знак слабости Орды. Это показали практически безнаказанные набеги ушкуйников в 1360, 1366, 1374 и 1375 гг., причем в последнем случае они прошли с боями всю Волгу, и только в Хаджи-Тархане их сумел уничтожить правитель города Черкес. Другим, не менее важным показателем неспособности Орды управлять Русью, стала тяжба о ярлыке на великое княжение. В 1362 г., разобрав спор между Дмитрием Ивановичем Московским и Дмитрием Константиновичем Суздальским, ханские послы присудили ярлык московскому князю. Узнав об этом, Мамай спешно шлет гонца с ярлыком этому же князю от имени Абдуллаха. Тогда, наперекор своему решению, хан Мюрид демонстративно передает ярлык суздальскому князю. Дмитрий Константинович не сумел удержать этот титул, но пришедший к власти в Сарая новый хан Азиз-Шейх, стремясь утвердить на Руси приемлемую для него властную иерархию, вновь, игнорируя ярлык Абдуллаха, выдает ярлык именно в Суздаль и утверждает на княжение в Нижнем Новгороде Бориса Константиновича. Подобные шаги вызвали жесткие ответные меры со стороны московского князя Дмитрия Ивановича и Мамаю. Эта сумятица способствовала росту недовольства вассальных русских князей, чьи владения не только стали игрушкой в руках меняющихся с калейдоскопической быстротой ханов, но и служили объектом набегов враждующих между собой претендентов на власть в Орде. Эти действия разрушали прочный порядок утверждения княжений, вносили

элемент нестабильности и вызвали желание отстоять свои земли от всех посягательств извне. Апофеозом этого стала война московского князя Дмитрия Ивановича против Мамаю (1378–1380 гг.) [Кучкин, 1980; Мухаммадиев, 1983, с.88–99; Горский, 2000, с.80–118].

Сложность ситуации была также в том, что меньше затронутые пандемией Черной смерти и экологическими бедствиями русские княжества стали усиливаться, расширяя свои владения за счет присоединения земель по левобережью Суры и Пьяны, в Мещере и Мордовии. Ослабленные владельцы Мухши, не получая поддержки ни от Сарая, ни от Мамаю, не могли противостоять этой «ползучей» экспансии. К 1380 г. значительная часть татарских земель в этом регионе была захвачена Нижегородским и Рязанским княжествами, а в 1382 г. «татарские места» в составе рязанских земель указываются в договорных грамотах [Духовные и договорные грамоты, 1950, с.29].

Одновременно снижался авторитет и в глазах традиционных партнеров Улуса Джучи. Султаны Египта, еще недавно объявлявшие свою вассальную зависимость от ее ханов, теперь почти прекращают переписку. Мамай, который пытался ее вести, получал письма, где египетский султан, унижая его, пишет о себе как о его «родителе», а не «брата», как было принято по протоколу [СМИЗО, 1884, с.350]. Несомненно, хорошо зная положение в Дашт-и Кыпчаке, египтяне не хотели связывать себя союзом с одним из претендентов на власть...

Междоусобица продолжалась. Против Мюрида в 1363 г. выступил некий Хайр-Булат (Хайр-Пулад, Пулад-Ходжа, Пулад-Тимур). Он вытеснил Мюрида из Сарая в Гулистан и был провозглашен ханом. В конце 1363 г. сведения о нем пропадают, а последние монеты, чеканенные от его имени, датируются сентябрем 1364 г. Муин ад-Дин Натанзи, сообщая пикантные подробности причин его гибели, указывает, что главным действующим лицом заговора против хана являлся улуг карачибек Ильяс ибн Тоглу-бий [СМИЗО, 1941, с.130]. Если отбросить фривольные детали, то нельзя исключить, что правящие кланы просто решили сместить укрепившегося хана, чтобы не дать возможности кланам с востока оттеснить их от власти. Тогда же, очевидно, Хайр-Булат занял все Поволжье, включая Гулистан. Но правление его было непродолжительным. В 766 г.х. (1364/65 г.) в Сарая ал-Джадид чека-

нил свою монету ставленник Мамай хан Абдуллах. Но и он не смог надолго задержаться на вершине власти. Видимо, сарайская аристократия опять объединилась и прогнала его в Предволжские степи.

В конце 1364 г. ханом опять стал ставленник Кок-Орды Азиз-Шейх, сын Тимура-Ходжи. Он пробыл в Сарае достаточно долго – почти до 1367 г., что можно объяснить только поддержкой со стороны аристократии Сарая. Как и многие его предшественники, он вел изнурительную борьбу с Мамаем, который предпринял массированное наступление на владения своих противников. Войска Мамаи заняли весь Северный Кавказ, где в Маджаре от имени Абдуллаха чеканились монеты 767 г.х. (1365/66 г.). Но уже в следующем 768 г.х. (1366/67 г.) монеты Абдуллаха чеканились в Сарае ал-Джадид. Любящий раскрывать закулисные подробности частной жизни ханов Улуса Джучи автор «Анонима Искендера» глухо намекает на какие-то «скверные дела», которые якобы любил творить хан Азиз-Шейх и которые стали причиной мятежа против него [там же]. Скорее всего, наступление Мамаи вызвало раскол среди сарайской знати, что привело к свержению и гибели Азиз-Шейха.

Следствием этого стало ослабление власти кланов из Нижнего Поволжья. Чеканка монет в Сарае практически прекратилась, а никаких других сведений источников у нас нет. «Аноним Искендера» сообщает о недолгом правлении после гибели Азиз-Шейха Хаджи-хана, сына правителя Кок-Орды Эрзена [там же], но это единственные сведения об этом хане. Не совсем понятно даже, где он правил. Не исключено, что он был провозглашен ханом в Кок-Орде, но не имел ни малейшего влияния на политику в Сарае.

Мамай же резко усиливается. В 1370 г. его даруга Ачи-Ходжа, совместно с друзьями нижегородского князя Дмитрия Константиновича, осаждают Болгар и, сместив местного эмира Хасана, назначают правителем («на княжении посадиша») вассала Мамай султана «Салтан Бакова сына» [ПСРЛ, 18, с.109]. Тем самым власть Мамаи утверждается во всем Поволжье, где он поставил под свой контроль всех ранее полунезависимых правителей. Практически он становится правителем всей Ак-Орды. Однако в период наивысшего могущества в его владениях происходят какие-то внутренние процессы, ослабившие его власть. Подробности этого неизвестны, но с начала 70-х гг. XIV в. его

Хан и его приближенные наблюдают за переправой войска. Миниатюра к книге Масуда Кухистани «История Абулхайр-хана». Мавераннахр. Середина XVI в.

власть начинает постепенно ослабевать. Именно в 1370 г. до Руси доходят известия, что «Мамай у себе в Орде посадил царя другого Мамаг Салтан» [ПСРЛ, 15, с.92; 18, с.109]. Судьба прежнего хана Абдуллаха осталась неизвестной, но во владениях Мамаи начала чеканиться монета от имени нового хана Мухаммад-Буляка – «султана справедливого Мухаммед-хана» [Мухаммадиев, 1983, с.96].

После почти 5-летнего промежутка в Сарае в 772 г.х. (1371/72 г.) начинают чеканиться монеты от имени Тулунбек-ханум [Френ, 1832, с.22, №179; Федоров-Давыдов, 2003, с.191]. Немногочисленность этих монет и отсутствие какой-либо информации об этой правительнице в письменных источниках вызвали появление в современных исследованиях взаимоисключающих версий, касающихся происхождения Тулунбек-ханум и интерпретации ее имени (от чтения его как мужского имени [Егоров, 1980, с.201] до признания ошибки в дате и сопоставления ее с женой Токтамыша [Григорьев, 1983, с.43 и др.]). Как бы то ни было, дальнейшие события показы-

вают, что власть «Мамаевой Орды» в Нижнем Поволжье заметно ослабла, и ему пришлось завоевывать ее вновь в 773 г.х. (1371/72 г.).

Новым центром объединения сил противников Мамая стал Хаджи-Тархан, где с 1374 г. правил эмир Хаджи-Черкес [СМИЗО, 1884, с.389]. В русских летописях под 1375 г. содержатся сообщения об этом нижеволжском правителе, названном «Хазитороканским князем, именем Салчеи», который уничтожил новгородских ушкуйников атамана Пркопа, разоривших Кострому и волжские берега [ПСРЛ, 18, с.117; 25, с.192]. Личность Салчея русских летописей можно соотнести с эмиром Хаджи-Тархана, выпускавшего здесь в 776 г.х. (1374/75 г.) медные монеты от имени Черкес-бека [Френ, 1832, с.22, 182; Федоров-Давыдов, 2003, с.191]. Согласно сообщениям Ибн Халдуна, Хаджи-Черкес, собрав значительные силы, «пошел на Мамаю, победил его и отнял у него Сарай», заставив того удалиться в Крым [СМИЗО, 1884, с.391]. В результате этой победы он объединил под своей властью все Нижнее Поволжье. Однако могущество его было скорее кажущимся, т.к. ему приходилось постоянно отбиваться от других претендентов на власть в этом районе. На востоке он вел борьбу с Айбеком, с которым попеременно владел г. Сарайчуком в 1373–1374 гг.

Конец власти Черкеса в Сарае ал-Джадид положило новое вторжение мощного войска из Кок-Орды. Повествуя о дальнейших событиях 776 г.х., Ибн Халдун рассказывает, что против Хаджи-Черкеса выступил хан Кок-Орды Урус из рода Тука-Тимуридов, который сумел после ряда неудач подчинить своей власти Сарай [там же]. Вероятно, известные монеты Урус-хана, которые представляют сарайский монетный двор [Савельев, 1858, с.437 и сл., №433 и сл.; Мухамадиев, 1983, с.95–96], могли быть чеканены в первой половине 1375 г. Поддержку войску хана Уруса в Заволжье оказывал правивший в Сарайчуке один из потомков Шибана, известный по монетным легендам под именем Алп-Ходжа [Савельев, 1858, с.419 и сл., №418], а по сочинениям восточных авторов как Айбек (Ильбек, Ильбан, Ильсан, Ильпак) [СМИЗО, 1884, с.391; 1941, с.54 и сл.; Шейбаниада, 1849, с.69; Хафиз-и Таныш Бухари, 1983, с.76 и др.].

Срок пребывания хана Уруса в Нижнем Поволжье не превышал нескольких месяцев, поскольку его задачей, очевидно, являлось утверждение здесь своих ставленников. Уже в следующем 777 г.х. (1375/76 г.) в Сарае

ал-Джадид чеканятся монеты от имени старшего сына Алп-Ходжи – Каганбека [Френ, 1832, с.22, №183; Янина, 1954, с.447, №108]. Правил он недолго, и через 2 года его сменил хан Арабшах. Русские летописцы зафиксировали это событие под 1377 г., когда «перебежа из Синие Орды за Волгу некоторый царевич, именем Арапша» [ПСРЛ, 18, с.118; 25, с.194]. Генеалогические построения средневековых источников называют Арабшаха сыном Булата (Пулада) [Шейбаниада, 1849, с.69 и сл.; СМИЗО, 1941, с.55; МИКХ, 1969, с.35; Хафиз-и Таныш Бухари, 1983, с.76 и др.], являющегося, в свою очередь, братом упомянутого Алп-Ходжи. Известные монеты этого эмитента выпускались в Сарае ал-Джадид на протяжении 779–782 г.х. (1377–1381 гг.) [Савельев, 1858, с.430 и сл., №427 и сл.; Янина, 1958, с.447, №109; Федоров-Давыдов, 1978, с.46, №156], что позволяет утверждать о сохранении контроля со стороны Арабшаха над столицей Улуса Джучи вплоть до вступления на сарайский престол Токтамышша (конец 1380 г.). Борьба между различными династическими группировками в Нижнем Поволжье в конце 1370-х гг. нашла отражение в пассаже арабского автора ал-Джаннаби: «Потом стали усиливаться смуты и неурядицы между эмирами и разделились голоса в Дешт-Кыпчаке. Одни были за Урус-хана, (одного) из потомков Чингизхана, другие за Токтамышша, а некоторые – за Абав-Араб-оглана (т.е. за «царевича» Арабшаха. – *И.И.*)» [СМИЗО, 1884, с.537].

Ослабление «Мамаевой Орды» и вторжения на Русь ханов Кок-Орды (например, Арабшаха в 1377 г. и т.д.) вызвали всплеск антиордынской активности в русских княжествах, наблюдавшийся в середине 1370-х гг. Московские князья настолько усилились, что в 1377 г. подчинили себе Болгар, до этого находившийся в сфере влияния Мамаю. В условиях политической дестабилизации ответные действия Мамаю ограничивались организацией походов в Поочье и Посурье, призванных, скорее, лишь подкрепить дипломатическое давление. Формальным поводом к дальнейшему обострению взаимоотношений с Московским княжеством послужило требование Мамаю об уплате в прежних объемах дани «русского выхода» [Сказания и повести, 1982, с.18, 53]. Переяславльская программа единения русских княжеств в условиях междоусобицы в Золотой Орде перерастает в конце 1370-х гг. в идею о необходимости полного разгрома сил «Мамаевой Орды». Становится более замет-

ной антиордынская направленность политики некоторых церковных кругов.

В условиях резкого ослабления своей власти, Мамай стал испытывать внутривнутриполитические сложности. Не исключено, что часть поддерживавших его татарских кланов готова была пойти на компромисс с ханами Кок-Орды. Но Мамай упредил их, проведя в 1379 г. очередную смену хана. Прежний хан вместе с приближенными был казнен, а на его место заступил новый правитель, известный по монетным легендам под именем «Буляк» или «Туляк» – второе прочтение более приемлемо [Мухамадиев, 1983, с.97]. Поздняя версия убийства Мамаем своего царя изложена в Патриаршей летописи: «Волжския Орды нечестивый и гордый князь Мамай всею Ордою владеаше и многих князей и царей изби и постави себе царя по своей воли. Также паки во мнози смущения бе, и не веряшеса ему никтоже, и паки многих князей и алпутов изби во Орде своей. Также и самого царя своего уби...» [ПСРЛ, 11, с.46]. Это же имя, переданное в форме «Тюляк», упоминается в тексте ханского ярлыка от 1379 г., выданного митрополиту Михаилу (Митяю) [Памятники русского права, 1955, с.465], а сходное имя «Теляк» или «Тетяк» содержится в «Сказаниях» Куликовского цикла [Сказания и повести, 1982, с.20]. Вопреки мнению В.Л.Егорова, нет оснований предполагать, что это пренебрежительное именование Мамаю, который якобы провозгласил себя ханом, поскольку во всех летописных источниках он называется не иначе, как «князь ордынский». Кроме того, в летописях есть прямые указания на присутствие в «Мамаевой Орде» хана из рода Чингизидов накануне Куликовской битвы [ПСРЛ, 3, с.376].

Готовясь к решающей битве, Мамай попытался укрепить свою власть в Нижнем Поволжье, о чем свидетельствуют монеты хана Туляка, выпущенные в Хаджи-Тархане в 782 г.х. (1380/81 г.) [Савельев, 1858, с.418, №416]. Хотя Мамаю удалось собрать значительные силы и привлечь некоторое число наемников из Генуи и заручиться поддержкой литовского князя Ягайло (см.: [Бегунов, 1966, с.507]), в Куликовской битве он потерпел сокрушительное поражение и бежал в свой улус (подробнее о сражении, его политических причинах и следствиях, о военных аспектах см.: [Греков, Якубовский, 1950, с.289–294; Сафаргалиев, 1960, с.132–136; Греков, 1975, с.127–164; Куликовская битва, 1980; Кирпичников, 1980; Данилевский, 2001, с.270–312]).

В Причерноморье Мамай попытался подготовиться к новому походу, но права на реванш история ему не оставила. Планы Мамаю по подготовке нового войска были сорваны вторжением с востока, «из Синия Орды», армии хана Токтамышша, захватившего к данному времени большую часть территории Улуса Джучи. Встреча двух противников на р. Калке завершилась переходом «Мамаевых князей» на сторону нового хана, которые «сшедше съ конь своих и биша челом Тахтамышу, и даша ему правду по своей вере, и яшася за него» [ПСРЛ, 4, с.83; 15, с.141; 18, с.130; 25, с.205]. В числе последних, несомненно, находились упомянутые выше Кутлуг-Буга и его сын Ильяс, получившие затем влиятельные должности в составе улусной администрации Крыма. Измена собственного войска заставила Мамаю бежать в Крым, где он надеялся получить помощь и защиту у генуэзцев, с которыми был связан договором. Однако жители Кафы, оценив реальное соотношение сил, предпочли конфликту с новым ханом физическое устранение Мамаю.

Описанные события, перенасыщенные договорами, битвами, при обилии сменяющих друг друга правителей, создают ощущение головокружительного спуска с горы. Действительно, это было время, когда держава стремительно катилась в пропасть и задержалась на самом краю. Годы «великой зямтни», когда вся Золотая Орда в течение 20 лет кружилась в кровавой круговерти, прошли роковой межой, разделившей ее историю. Отныне, диктуемая совокупностью объективных причин и интересов людей, деятельность политиков, какие бы они цели при этом не преследовали, постепенно свелась к борьбе за единство или раздробление страны. И, хотя железная логика необходимости пробивала себе дорогу, находились люди, смеющие бросить ей вызов.

Между тем, стремление к объединению страны и возрождению ее великодержавия не потеряло своей исторической инерции. Выразителем этих интересов стал хан Токтамыш (1380–1396), опиравшийся на военные силы татарских кланов, которые прочно утвердились в Кок-Орде и Сарае, потеснив прежних властителей. Взойдя на трон, он «послы своя отпусти... ко всем князем русским, поведая им свои приходь и како воцарися, и како супротивника своего и их врага Мамаю победи, а сам шед седее на царстве Волжском» [ПСРЛ, 15, с.141].

ГЛАВА 3

Попытки стабилизации Улуса Джучи в конце XIV – начале XV в.

§ 1. Правление Токтамыш-хана

Ильнур Миргалеев

В период правления Токтамыш-хана татарская элита проводила очень активную политику по возвращению золотоордынского государства в разряд великих мировых держав. Уже к концу 70-х гг. XIV в. Токтамыш был известным человеком (история его борьбы за власть детально рассмотрена в кн.: [Миргалеев, 2003]). Согласно письменным источникам и данным нумизматического материала, в 782 г.х. (1380/81 г.) Токтамыш окончательно взял под свой контроль всю территорию Улуса Джучи. Ал-Аскалани сообщает, что «в 782 г.х. овладел землями Дешта Чингизид Токтамышхан и был убит хан, процарствовавший (там) 20 лет» [СМИЗО, 1884, с.452]. Весь 1381 г. Токтамыш был занят восстановлением института власти на всей территории Улуса Джучи. Персидский историк Абд ар-Раззак Самарканди отмечал, что «власть его стала усиливаться, и он поднял знамя возвышения» [СМИЗО, 1941, с.191]. Вскоре все почувствовали сильную руку нового хана. Литовский князь Ягайло начал платить дань за те русские и татарские земли, которые он захватил во время смуты в Золотой Орде [Греков, Якубовский, 1950, с.324; Бартольд, 1968, с.566; Сафаргалиев, 1996, с.404]. Теперь экспансия западных соседних государств была остановлена.

В 1381 г. Токтамыш отправил послов к русским князьям с требованием, чтобы те явились в Сарай. Но посол «дошедъ Новогорода Нижнего возвратился, а на Москву не иде» [ПСРЛ, 8, с.42]. Вероятно, Токтамышхан хотел обсудить ситуацию в русском улусе в целом, упорядочить отношения после смутных лет и увеличить размер дани. Мог быть поднят вопрос и о погашении долга за последние годы [Горский, 2000, с.109]. Князь нижегородский и рязанский приняли тре-

бования хана, но Дмитрий Московский не пожелал подчиняться нововведениям.

Токтамыш действовал решительно. Чтобы поход был неожиданным, задержали русских купцов, торгующих в Поволжье, после чего он «со всею силою своею, идяше безвестно, внезапно, с умением». Татарская армия двигалась очень быстро, «борзо бо бяше иды» [ПСРЛ, 23, с.127]. Были взяты Владимир, Суздаль, Переяславль, Москва и ряд других городов [Соловьев, 1960, с.289–290]. Согласно некоторым русским летописям, в Москву приехал внук Ольгерда Литовского – князь Остей, пытавшийся организовать оборону города. Но, когда москвичи узнали, что «пришел царь своего холопа показнити Дмитрея, а ныне убегль», и что Токтамыш «не пришель улуса своего истеряти, но соблюсти» и хочет «жаловати» [ПСРЛ, 15, с.442], оборонявшие пустили татар в Москву. Однако вопреки обещаниям хана город был ограблен и сожжен. Дмитрий был вынужден признать сюзеренитет хана Улуса Джучи. Только выполнив все требования Токтамышша, Дмитрий смог вернуться в Москву [ПСРЛ, 4, с.90; 16, с.130; 18, с.134].

После этого «мира» сыновья великих князей отправлялись в Сарай в качестве заложников [Вернадский, 1997, с.274; Гумилев, 1997, с.202], а сами князья участвовали в военных походах хана [ПСРЛ, 25, с.218; 35, с.30]. Русские летописи уже под 1384 г. отмечают, что «бысть дань велика, по полтине з деревни. Тогда и золотом давали в Орду, а на Новегороде черной бобр» [ПСРЛ, 18, с.135; 20, с.205; 23, с.130]. После 1382 г. размер выхода «был увеличен почти вдвое» [Сафаргалиев, 1996, с.393]. В Новгородской IV летописи даже называется конкретная цифра: «прия царь въ 8000 сребра» [ПСРЛ, 4, с.90]. А.А.Гор-

ский предположил, что эта сумма является выходом за 2 года (с территории великого княжества Владимирского) [Горский, 2000, с.108]. Бесспорно, дань с русского улуса начала поступать в казну Орды регулярно и в установленных Токтамышем размерах. В 1382 г. сарайский епископ был переселен в Москву [Белозеров, 2002, с.24]. Ему дали полномочия представителя татарской власти в русском улусе, и он должен был контролировать деятельность русских князей.

С 1380 по 1385 г. Токтамыш занимался в основном внутренними проблемами. Им был проведен ряд реформ экономического и политического характера, включая унификацию денежно-весовой системы. Все его действия свидетельствуют о том, что он предложил обществу Улуса Джучи идеологию единства и величия страны, которую он называл «Улуг Улус», т.е. «Великим государством» [Березин, 1850, с.38]. Ремесленное производство и внутренняя торговля, благодаря возобновлению правопорядка в стране, получили возможность восстановиться. Как отмечают археологи, во время правления Токтамыша экономика (в т.ч. торговля) золотоордынских городов переживает подъем [Федоров-Давыдов, 1960, с.113–114; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с.112; Ртвеладзе, 1972, с.45].

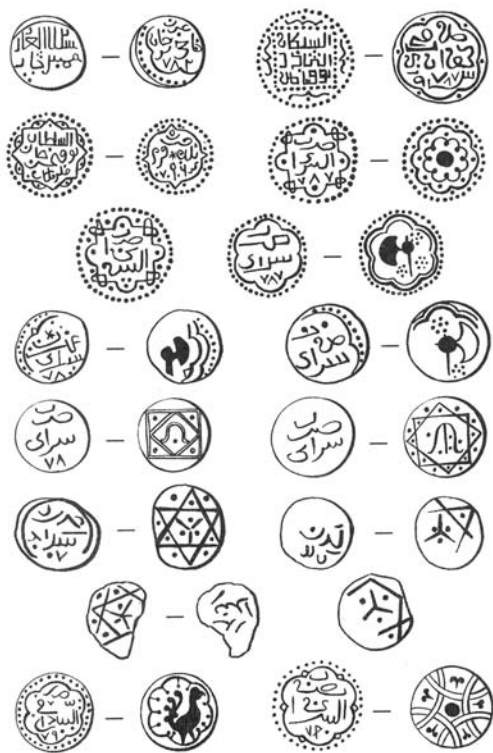
Изменения затронули и общественный строй страны. Татарские кланы, которые способствовали возвышению Токтамыша, получили большие права. Эмиры и беки, перешедшие на его сторону, подтверждали свои иммунитеты тарханными ярлыками. В дальнейшем выдвинулись новые феодалы [СМИЗО, 1941, с.109]. Хана активно поддерживали Шибаниды и Тука-Тимуриды из Джучидов, а из татарских кланов – Мангыты, Кунграты, феодалы Крыма и эмиры городов, особенно Сарая. Позже в татарских ханствах карачибии были представлены в основном несколькими кланами, такими как Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак, Мангыт, Джелаир и т.д. [Вельяминов-Зернов, 1863, с.209; 1864, с.411–420; Худяков, 1996, с.674–675; Шамильоглу, 1993, с.45], большинство из которых первоначально происходило из Кок-Орды [Утемиш-хаджи, 1992, с.115]. Токтамышу нужны были верные слуги и большие финансовые средства. Поэтому, с одной стороны, он подтверждал права старых феодалов, а с другой –

Монеты Токтамыша (Азак, Орда ал-Муаззам, Орда ал-Джадид, Крым)
(по Г.А.Федорову-Давыдову)

активно раздавал суюргалы новым своим сторонникам, конечно же, в обмен на службу центральной власти.

После упорядочения внутренней жизни правительство Токтамыша повело активную внешнюю политику. Здесь преследовались две цели. Во-первых, нормализовать отношения с другими государствами и обеспечить бесперебойную торговлю. Осуществляя эту экономическую цель, Токтамыш пытался поднять и укрепить значение северного маршрута трансконтинентальной торговли, проходившей по территории Дашт-и Кыпчака. Вторая цель – возвращение Улуса Джучи в международную жизнь. Были восстановлены дружественные связи с мамлюками [аль-Холи, 1962, с.15; Закиров, 1966, с.93] и Османской империей. В письме Улуг-Мухаммада султану Гази Мураду говорится, что «Токтамышхан был в дружественных отношениях с вашим прадедом Гази Баязид-беком, между ними ходили послы» [Kurat, 1992, s.350–353]. До 1385 г. Токтамыш установил дружественные отношения со всеми соседними государствами, в т.ч. и с Могулистаном, закавказ-

Монеты Токтамыша
(Хаджи-Тархан, Хорезм, Крым, Сарай)
(по Г.А.Федорову-Давыдову)

скими государствами и Тимуром. Но после того, как последний начал претендовать на наследие Хулагуидов, внешняя политика Токтамыша резко меняется.

Как справедливо полагал М.Г.Сафаргалиев, захват Тимуром Ирана и Азербайджана нанес бы удар по золотоордынской торговле [Сафаргалиев, 1996, с.405]. Политическая сторона изменения во внешней политике правительства Токтамыша заключалась в том, что если бы Тимур завоевал Иран и закавказские государства, то граница его империи обхватила бы всю южную и юго-восточную границу Золотой Орды.

Впервые военная сила во внешней политике была использована Токтамышем в 1385 г. Как свидетельствует Ибн Халдун, в 784 г.х. (1382/83 г.) Тимур овладел Мазандараном [СМИЗО, 1884, с.392], воспользовавшись тем, что после смерти Султана Увейса в 1374 г. между его сыновьями началась борьба за верховенство. Аксак-Тимур предъявил претензии на территорию ильханов и, начиная с 1380 г., начал систематическое ее завоевание. В это время Токтамыш в своей внешней политике

большое внимание начал уделять именно Закавказью, пытаясь договориться с Ахмадом Джелаиридом, хотя тот не мог контролировать все свои владения.

В 1385 г. вблизи г. Султания произошло сражение между Ахмадом и Тимуром, закончившееся победой последнего [Греков, Якубовский, 1950, с.331]. Послы Токтамыша, направленные к Ахмаду, попали к Аксак-Тимур. По сообщению Фомы Мецопского, Токтамыш «отправил посланника к хану тавризскому Султану Ахмеду сыну, для заключения дружбы и мира. А Тимур оскорбил его злым и подлым своим поступком». Разгневанный Токтамыш послал войско, от которого, однако, Тимур, избегая встречи, ушел [Фома Мецопский, 1992, с.360]. Причина его отступления крылась не только в том, что появились «более важные дела», но и в нежелании сражаться с татарской армией, окончательно не разгромив Ахмада.

Татары взяли под свой контроль северные области Джелаиридского государства. Судя по монетам, Золотой Орде подчинились такие города, как Шемаха, Шаберань, Махмудабад, Гуштаспи, Баку [Савельев, 1858, с.319, 322–326; Марков, 1896, с.484–487; Пахомов, 1926, с.59; 1938, с.45, 74; Федоров-Давыдов, 1960, с.157, 163–166, 173]. После взятия Тебриза, татарская «армия двинулась в Мерагу, оттуда повернула назад и вновь пройдя через Тебриз, опустошила области Маранда и Нахичевана» [СМИЗО, 1941, с.98]. Испанский посол Клавихо сообщает, что Токтамыш «ограничил многие земли, разрушил города и земли, но и частично восстановил их для себя... закончив весь этот грабеж, особенно в землях, принадлежащих Тамурбеку, (Тотамих) возвратился в Тарталию» [Клавихо, 1990, с.143]. Из этого следует, что войско Токтамыша взяло под свой контроль ту территорию государства Джелаиридов, которая не была еще завоевана Тимуром, а те земли, которые уже успел захватить среднеазиатский эмир, они опустошили [СМИЗО, 1884, с.392].

Токтамышем немедленно было отправлено войско, которое дошло до р. Самур, но было разбито. Эмир Тимур не хотел усугублять свои взаимоотношения с Золотой Ордой и отпустил пленных [СМИЗО, 1941, с.110, 152]. Потому что против него в это время в Багдаде Ахмад собирал силы. В Южном Азербайджане находились войска Кара-Му-

хаммада, государя анатолийских туркмен Кара-Коюнлу, которые, как известно, были ярыми врагами Тимура, а в Сирии находились войска мамлюков, активно помогавшие Ахмаду Джелаириду. В ответ Токтамыш решил открыть еще один фронт – уже в Средней Азии. В союзе с эмиром Могулистана Камар ад-Дином они нанесли одновременный удар с севера и востока Мавераннахра [Сафаргалиев, 1996, с.406]. Зейн ад-Дин сообщает, что в 789 г.х. (1387/88 г.) войско Токтамыша «прибыло в области Бухарскую и Самаркандскую и произвело большое опустошение в столице» [СМИЗО, 1941, с.98]. Камар ад-Дин и военачальник татар Ак-Хаджиоглан вторглись в Мавераннахр через Туркестан. Аксак-Тимур в это время был занят войной с Джелаиридами. Союзное войско рассеялось, войско Токтамыша, взяв Ташкент, Карши и ряд других городов, приступило к осаде Бухары и Самарканда [там же, с.154]. В феврале 1388 г. туда со всей своей армией прибыл и сам Тимур. Союзники отступили, «некоторые ушли в Хорезм, а некоторые направились в Дешти-Кипчак» [там же]. Осаждавшие столицу Самарканд золотоордынцы были разбиты прибывшими тимуридскими войсками, и это вынудило их отступить. Тимур, преследуя их, дошел до Хорезма и разрушил город, а всех жителей увел в рабство [там же, с.155].

Поздней осенью 1388 г. Токтамыш организовал новый поход. Согласно русским летописям, татары «градъ его далнии повоева, а самого не изможе дати и возвратися» [ПСРЛ, 11, с.121; 18, с.139; 34, с.141]. Тимур не мог продолжить войну, т.к. началось восстание в Хорасане и Могулистане [Сафаргалиев, 1996, с.408–409]. Согласно персидским источникам (Шами, Йезди, «Аноним Искендера» и Самарканди), в 1388 г. в Хорасане восстали Мулуксарбатар и Хаджи-бек и перешли на сторону Токтамыша [МИКК, 1978, с.106; МИТТ, 1939, с.523]. «Хаджи-бек Джавуни-Курбани, думая, что Тохтамыш разбил Тимура, заключил союз с Мулюком сербедаром и Исой туркменом, укрепил город Тус и стал чеканить монеты и читать хутбу с именем Тохтамыша» [МИТТ, 1939, с.523].

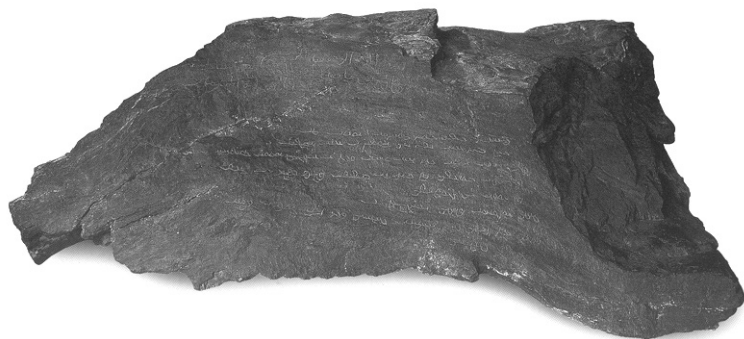
Аксак-Тимур оказался в сложной ситуации. Но в это время в самой Золотой Орде произошли политические осложнения, заставившие Токтамыша вернуться в Сарай. Со-

Тимур. Реконструкция М.М.Герасимова

гласно данным татарского нумизматического материала, в Крыму утвердился Бек-Булат. Известные его монеты чеканились в Крыму, в Азаке и в Орде с 792 по 794 г.х. (1389–1392 г.) [Fraenli, 1826, p.357–358; Марков, 1896, с.491; НМ РТ, №2949; Иванов, 1996, с.12; Савельев, 1858, с.334–338; Федоров-Давыдов, 1960, с.157–173]. В 1388 г. Бек-Булат был во главе войск на Кавказском фронте. Пока Токтамыш-хан боролся с Бек-Булатом, летом 1390 г. Тимур захватил Ширван. Последние монеты Токтамыша, чеканившиеся в ширванских городах, датируются 792 г.х. [Марков, 1896, с.487]. Токтамыш не смог отвоевать Хорезм, наоборот, потерял Ширван и свои кок-ордынские города и получил политическую нестабильность в Золотой Орде. Именно борьба антитоктамышской партии золотоордынских феодалов была одной из главных причин неудач во внешней политике конца 80-х гг. XIV в.

К концу 1390 г. войска Аксак-Тимура подошли вплотную к собственным границам Золотой Орды на Кавказе и взяли под свой контроль крепость Дербент. Не известно, была ли связь между Тимуром и Бек-Булатом в 1389 г., но, учитывая, что в письме Токтамыша говорится о тайном сношении мятежников

«Камень Тимура». 1391 г. ГЭ

с Тимуром [Березин, 1850, с.37], возможно, такая связь была и в 1389 г. После подавления восстания в Средней Азии и Иране Тимур приказал готовиться к походу на Золотую Орду. «Русский хронограф» отмечает, что Тимур, собираясь воевать пустынные земли, якобы «сеяше просо за шесть месяцев, еже прекормити толикое множество воинства» [ПСРЛ, 22, с.421]. Как свидетельствуют все тимуридские истории, в этот поход Аксак-Тимур готовился с особой тщательностью [СМИЗО, 1941, с.158–159; Khaund-Emir, 1836, p.477; Boudaq de Qazwin, 1836, p.441].

Токтамыш-хан в 1389–1390 гг. находился в сложной ситуации. Дальнейшие события показывают, что между Токтамышем и Бек-Булатом до Кондурчинской битвы был найден компромисс. Судя по данным татарского нумизматического материала, улус Бек-Булата был ликвидирован только в 794 г.х. [Fraenli, 1826, p.358; Марков, 1896, с.491], соответствующем, скорее всего, весне 1392 г. Согласно и письму Токтамыша [Березин, 1850, с.37], и сведениям Ибн Халдуна [СМИЗО, 1884, с.392–393], Шараф ад-Дина Йезди [СМИЗО, 1941, с.168], Мирхонда [Mir-khaund, 1836, p.461], Бек-Булат участвовал в сражении на р. Кондурче на стороне Токтамыша. Потеряв закавказские территории, присырдарьинские города и Хорезм, Токтамыш решил выйти из войны. Он должен был заняться внутренними проблемами.

Битвы, прошедшие в 1391 и 1395 гг., оказали колоссальное влияние на дальнейший ход истории всего Евразийского континента. Практически все исследователи отмечают, что удар Тимура для Золотой Орды был роковым (о сражениях 1391 и 1395 гг. см.: [Миргалеев, 2003а]). В начале 1391 г. к Аксак-Тимуру при-

был послан Токтамыш-хана с предложением мира [СМИЗО, 1941, с.112, 159]. Хотя в источниках и говорится, что было решено продолжить поход и поэтому посол был оставлен в лагере в качестве проводника, но, как нам представляется, ответ Тимура («пусть пошлет навстречу нам Али-бека») [там же, с.113], был отправлен Токтамышу для дезинформации,

чтобы тот сразу не обнаружил его вторжение. Как видно из дальнейших действий Токтамыша, он не ожидал вторжения Тимура через Кок-Орду, полагая, что чагатайцы не осмелятся пересечь огромные степи. Поэтому все приготовления должны были происходить на кавказской границе.

По свидетельству Абд ар-Разака Самарканди, Тимур приказал собирать войска «по прежнему и новому числу» [там же, с.191]. Он увеличил свою армию. Опираясь на данные Карасакпайской надписи, мы считаем, что оно достигало 300 тыс. воинов [Поппе, 1940; Пономарев, 1945]. Войско Тимура двигалось быстрым маршем. Однако его вторжение вскоре было обнаружено. Токтамыш-хан «тотчас же дал знать во все стороны, собрал войско правого и левого крыла» [СМИЗО, 1941, с.164]. Пытаясь выиграть время, разведчики и караульные отряды Токтамыша, показываясь ежедневно, не давали расслабиться противнику [Char moy, 1836, p.116], оставляли многочисленные костры, демонстрируя, что впереди находится большое войско [СМИЗО, 1941, с.113], поджигали траву.

Главное сражение произошло 18 июня 1391 г. Сначала инициатива была у Токтамыша, войско которого с обоих флангов окружило врага и вышло к нему в тыл, вызвав расстройство в армии Тимура. Но предательство части войска изменило все планы Токтамыша. Армия Тимура состояла из самостоятельных корпусов, действовавших автономно. Фланговые авангарды и арьергард его армии организовали хорошую оборону, а весь центр, правое и левое крыло ударили в центр армии Токтамыша и разбили его [Char moy, 1836, p.121]. Конкретно о потерях золотоордынцев говорит только Мухаммад Адриано-

польский, называя цифру «более ста тысяч человек» [Mouhammed d'Andrinople, 1836, p.505]. Потери Тимура должны были быть тоже значительными. Говоря о причине поражения татар, нужно учесть, что фактор неожиданности сыграл значительную роль, не дав возможности Токтамышу использовать весь военный потенциал своего государства и союзников. И все же главной причиной поражения Токтамыша была «склонность его великих эмиров к Тимуру» [СМИЗО, 1941, с.209]. Эта причина названа и в официальной версии – письме Токтамыша литовскому великому князю [Березин, 1850, с.37].

После разгрома татарского войска, Тимур повернул обратно, армия его двигалась враспыленную, грабя, сжигая и уводя население в плен. Похоже, что Аксак-Тимур в этом походе определил для себя главную цель – удар по людским ресурсам Дашт-и Кыпчака. Токтамыш скрылся на северных окраинах болгарского улуса и, когда «спокойствие его водворилось, собрал войско свое и призвал на помощь народ свой, который помог ему» [СМИЗО, 1884, с.470]. Токтамыш очень энергично принялся за наказание предателей, которые «отправились в пограничные области и утвердились там» [там же, с.393]. Уже к началу 795 г.х. (1392/93 г.) «их сказнили так, што опять не будут... пакостити» [Березин, 1850, с.21–22]. Был казнен и один из главных изменников – Бек-Булат, который покинул хана во время битвы и напал на столицу [СМИЗО, 1884, с.393].

К лету 1392 г. Токтамыш-хан полностью восстановил свою власть в Золотой Орде. Весь 1393 г. он всецело отдался решению внутренних проблем и восстановлению международных связей Золотой Орды. Прежние договоренности с Литвой были подтверждены в 1392 г. [Березин, 1850, с.37]. Были достигнуты соглашения и с Османской империей [Kurat, 1992, s.350–353]. В начале 1394 г. послы Токтамыша прибыли и в Египет с предложением быть одной «рукою на мятежника-злодея Тимурленка» [СМИЗО, 1884, с.363]. Золотая Орда, османы и мамлюки пытались как-то координировать свои действия против Аксак-Тимура. Переговоры шли о создании антитимуровского союза с участием этих великих держав. В летописи Ибн Тагрибирди говорится, что в антитимуровскую коалицию входили Токтамыш, правитель османов Бая-

зид, мамлюкский султан Баркук, эмир Сиваса Ахмад Бурхан ад-Дин, правитель Кара-Кюнлу Кара Юсуф, Джелаириды, правитель Мардина и Туркменский эмират [Таккуш, 1998, с.382–390]. Но именно в момент переговоров Тимур напал на одного из главных ее инициаторов, на Токтамыша, и вытеснил татар из активной международной политики.

В 1394 г. обстановка на кавказской границе Золотой Орды вновь накалилась. С целью захвата Дарьяльских ворот, войско Аксак-Тимура напало на Грузию [История Грузии, 1962, с.258]. А золотоордынское войско, пройдя через Дербент, вышло в тыл врага [Сафаргалиев, 1996, с.419] и отрезало войско Тимура от всех коммуникационных снабжений, грозя оставить его в окружении. Аксак-Тимур был вынужден отступить [СМИЗО, 1941, с.173]. На зимовку он остановился в Северном Азербайджане и дал приказ сбора дополнительного контингента войск. Русские летописи отмечают, что Тимур собрал «со всех... странь... тмочисленные полкы» [ПСРЛ, 8, с.65; 24, с.160–161; 25, с.222].

Желая выиграть время и усыпить бдительность Токтамыша и, как утверждает Шараф ад-Дин Йезди, для того, чтобы «вызвать повод», Тимур отправил посольство с предложением мира [СМИЗО, 1941, с.174]. По утверждению Низам ад-Дина Шами, Токтамыш-хан «склонился к миру и дружбе» [там же, с.119]. Но отправленный вслед за этим его посол обнаружил вторжение врага. Токтамыш «послал авангардное войско для охраны переправы через реку Кой-су» [там же, с.119, 175] и приступил к сбору войска. Татары охраняли каждую переправу и соорудили фортификационные укрепления. Вся армия получила приказ собраться у р. Курай. Токтамыш-хан с имеющимися войсками выступил из Сарая и укрепился на левом берегу Терека, не давая врагу возможности переправиться. Но, как рассказывает Клавихо, Тимур применил особую хитрость и все же переправился через Терек, смяв фортификационные сооружения татар [Клавихо, 1990, с.144].

14 апреля 1395 г. войска расположились одно напротив другого. О численности обеих армий источники ничего конкретного не говорят. Некоторые историки предполагают, что у Тимура было примерно 300 тыс. воинов [Хизриев, 1982, с.49]. Турецкий историк и путешественник Эвлия Челеби, опира-

ясь на рассказы татар, численность войск Тимура оценивает в «три раза по сто тысяч» [Челеби, 1979, с.142]. Учитывая, что Тимур увеличил число корпусов арьергарда и других войсковых единиц и то, что его войско после битвы целый год еще воевало на территории Улуса Джучи, мы полагаем, что оно было больше, чем в 1391 г., и доходило до 350–400 тыс. человек. Войско Золотой Орды должно было быть чуть меньше. Как сообщает Клавихо, «это была великая и славная победа, так как Тотамах (Токтамыш. – И.М.) имел огромное войско, и одна из величайших битв, которые выиграл Тамурбек, даже, говорят, более (важна) чем с Турком» [Клавихо, 1990, с.144].

По сообщению различных источников, сражение длилось 3 дня [СМИЗО, 1884, с.442, 448, 454, 466; 1941, с.207; ПСРЛ, 11, с.159]. Первые 2 дня инициатива была в руках Токтамыша, татары чуть было не захватили в плен самого Тимура [Хизриев, 1982, с.51]. По сообщению Ибн Арабшаха, перед третьим днем сражения Токтамыша покинул военачальник правого крыла [СМИЗО, 1884, с.465–466], вероятно подкупленный Тимуром. Левое крыло было также очень ослаблено. Поэтому Токтамыш перебросил некоторые тумены правого крыла на левый фланг. Но это не помогло, к концу третьего дня сражения татары были разбиты, а войско рассеяно. После битвы 1395 г. Токтамыш «ушел в сторону Булгара в лесистую местность» [СМИЗО, 1941, с.178].

Победивший Тимур приступил к систематическому разорению и уничтожению военного потенциала Улуса Джучи, в первую очередь, к разорению золотоордынских городов. Рус-

ские летописи отмечают, что Аксак-Тимур «велику брань сотвори и много мятежь възвиже въ Орде... много брани въздвиже, многи сечи показа и многы победы учини, многим полкомъ съ противным одоле и многи грады раскопа, много люди погуби... и проиде всю землю Татарскую» [ПСРЛ, 5, с.247–248]. Эвлия Челеби даже в XVII в. видел очень много разрушенных Тимуром городов. Он отмечает, что «этот край Тимур-хан превратил в руины и развалины, а народ его сжег на кострах». А о Сарае, развалины которого еще в XVII в. были «видны на расстоянии двухдневного перехода», он говорит с особой болью. Тимур «так разрушил и опустошил этот величественный город, что сожаления достойно, а жителей его изрубил в куски» [Челеби, 1979, с.109, 135]. Показания Эвлия Челеби подтверждаются и многочисленными археологическими данными [Ртвеладзе, 1972, с.42–47; Егоров, 1997, с.72–76; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с.68–171; Фомичев, 1981, с.219–241]. Были разрушены Маджар, Азак, Хаджи-Тархан, Сарай ал-Джадид и много других городов. Эвлия Челеби, вероятно, опираясь на какие-то татарские источники, даже называет конкретную цифру: «во всех концах Дешт-и-Кыпчака имелось 170 крупных городов. Все упомянутые города разрушил могучий Тимур-хан» [Челеби, 1979, с.143].

Тимур хотел оставить максимально разрушенную страну. Больше года его армия разрушала города, а жителей истребляла. С наступлением весны 1396 г. Тимур дал приказ отступить и ушел в Иран через Кавказ, уводя с собой награбленное имущество и пленных.

§ 2. Идегей и его время

Искандер Измайлов

Нашествие Тимура фактически уничтожило Улус Джучи. Города лежали в руинах, привычная жизнь людей была нарушена, вследствие военных действий и разорения начался голод и болезни. Опять вернулась чума, эпидемия которой в некоторых районах страны свирепствовала до 1405 г. Картину общего разорения ярко описывает Ибн Арабшах: «обитатели Дешта дошли до оскудения и разорения, до разъединения и безлюдства, до

нищеты и совершенного извращения. Они дошли до того, что если бы кто поехал по нему (Дешту) без вожака и руководителя, то он, вследствие опустошения его (края), непременно погиб бы при переездах своих. Летом ветры сдувают пески и скрывают да сметают дорогу путнику, а зимний снег, падающий там, скопляется на ней и покрывает ее, так что вся земля его (Дешта) пустынна и жилища его безлюдны, привалы и водопой

покинуты, пути его, по всему вероятно, губительны и недоступны» [СМИЗО, 1884, с.470–471].

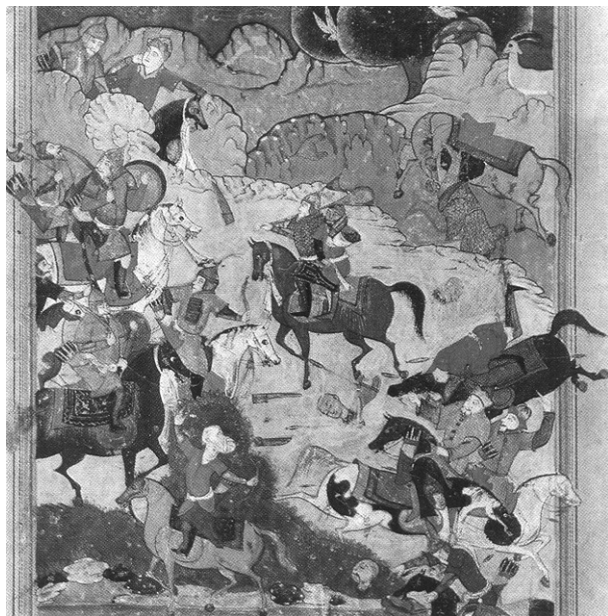
Единое государство фактически перестало существовать, поскольку хан Токтамыш бежал к границам Великого княжества Литовского, оставив его на произвол судьбы. В результате страна оказалась разделена на несколько улусов – в Причерноморье обосновался хан Токтамыш, в Крыму – Таш-Тимур (Баш-Тимур), в Сарае и Нижнем Поволжье – Койурчак (Куйурчак), а в Заволжье правил Тимур-Кутлуг (другую и, очевидно, искаженную картину исторических событий см.: [Сафаргалиев, 1960, с.174]). Положение правителей этих улусов было непрочным, а их границы аморфными и изменчивыми. Казалось, что в этих условиях распад Улуса Джучи был неизбежен.

Но некоторые политические деятели не желали с этим мириться. Небольшой шанс сохранить целостность государства еще сохранялся. В 1395–1397 гг., очевидно, вся Кок-Орда объединилась под властью султана Кутлуг-Тимура и его улуг карачибека Идегея (Едигея). Именно здесь сохранились людские и хозяйственные ресурсы, которые могли стать ядром консолидации Улуса Джучи. В 1398 г. войска во главе с Идегеем вторглись в Нижнее Поволжье. Захватив Сарай ал-Джадид, Идегей провозгласил ханом Тимур-Кутлуга. В короткое время они разгромили Койурчака, потом подчинили своей власти Северный Кавказ и Азак, вынудив Токтамыша бежать в Киев, ко двору Великого князя Литовского Витовта. К концу 1398 – началу 1399 г. их войска захватили Крым, взяв главный портовый г. Кафу, который защищал один из сыновей Токтамыша. Через несколько лет, рассказывая об этих событиях, испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо писал, что «Едигуй напал на этот город Кафу, т.к. сын Тотамиха (т.е. Токтамыша. – И.И.) бежал к Тамурбеку» [Клавихо, 1990, с.144]. Весной 1399 г. фактически вся держава Джучидов была объединена под властью Тимур-Кутлуга.

Наступила эпоха, в которой главным действующим лицом сделался Идегей. Судьба этого выдающегося и весьма противоречивого тюрко-татарского военного и государственного деятеля является яркой иллюстрацией к сложному и противоречивому периоду истории Улуса Джучи конца XIV – начала

XV в. Его жизнь и деяния в контексте эпохи много раз привлекали внимание современников и историков (подробнее см.: [Фәхретдин, 1996, с.110–114; Бартольд, 1963а, с.797–804; Якубовский, 1947, с.30–45; Сафаргалиев, 1960, с.178–195, 227–229; Греков, 1975, с.223 и сл.; Измайлов, 1992а; 1994; Селезнев, 2001]), а сохранившийся у многих тюркских народов, наследников населения Улуса Джучи, эпос, созданный в его честь, – объектом пристального изучения [Исәнбет, 1940; Жирмунский, 1974, с.351–386; Урманче, 1999]. Неоднократно роль и значение Идегея в истории татарского народа становились объектом политических манипуляций и клеветы (подробнее см.: [Леушин, 1996, с.85–95; Измайлов, Гибадуллина, 1996, с.96–114; Исхаков, 1997, с.194–205]).

К 1398 г. Идегей был уже довольно взрослым человеком, прошедшим тернистый путь. Родился он, возможно, в Приаралье не позднее середины 1350-х гг. (другие точки зрения см.: [Мухамедьяров, 1967, с.474; Селезнев, 2001, с.55]). Его семья принадлежала к клану Мангыт (Ак-Мангыт) – высшей аристократии Кок-Орды. Его отец, эмир Балтычак (Балынмак), был одним из карачибек Урус-хана и его сына хана Тимур-Мелика [СМИЗО, 1884, с.133]. По каким-то, оставшимся неясными, причинам Идегей прерывает свою карьеру при дворе Тимур-Мелика и бежит к Аксак-Тимуру, где в это время скрывается также султан Токтамыш. Стремясь посадить на престол Кок-Орды верного ему человека, эмир Тимур оказывает ему военную поддержку. После серии походов, битв и поражений в 1377/78 г. Токтамыш захватил Сыгнак и был провозглашен ханом в Кок-Орде. Прежний хан Тимур-Мелик с несколькими приближенными эмирами, среди которых находился отец Идегея, был казнен. Однако Токтамыш сохранил жизнь его сыну Тимур-Кутлугу и даже сделал Идегея его аталыком. Судя по сведениям восточных авторов, в то время Идегей был одним из доверенных лиц Токтамыша. По словам благожелательно относившегося к нему историка Ибн Арабшаха, «эмир Идику был у Токтамыша одним из главных эмиров левой стороны, (одним) из вельмож, избравшихся во время бедствий для устранения их, и из людей здравого смысла и совета; племя его называлось Кунграт» [там же, с.457]. Своими во-

Битва Тимура с турецким султаном Баязидом.
Миниатюра. Иран. XV в.

енными и дипломатическими талантами он немало способствовал росту авторитета Токтамышя среди клановой аристократии и конечной победе. Скорее всего, он также участвовал в походе на Мамаю (1379–1380 гг.), а потом и во взятии Москвы (1382 г.). Однако в этот момент его отношения с ханом испортились. Есть предположение, что Токтамыш предпочел его представителям традиционной ак-ордынской аристократии. Как бы то ни было, Идегей, посчитав, что его усилия не были по достоинству оценены, устроил заговор, в который втянул несколько султанов, включая и своего юного воспитанника Тимур-Кутлуга. Планы заговорщиков были раскрыты, и зимой 1388/89 г. Идегею вместе с несколькими Джучидами пришлось бежать в Самарканд. Потянулись долгие годы жизни на чужбине. Всеми забытые и не обласканные вниманием, изгнанники в течение нескольких лет находились при дворе Аксак-Тимура. Но здесь Идегей не уставал подстрекать азиатского правителя к войне против Улуса Джучи [там же, с.459].

Шанс вернуться на родину выпал в 1391 г., когда эмир Тимур во главе огромного войска двинулся через пустыни Приаралья и степи Заволжья против Токтамышя. Вместе с другими султанами Кок-Орды Идегей участвовал в этом походе и с ополчени-

ем султанов «левой руки» был в битве на Кондурче, способствуя поражению ордынского хана. Тимур хотел сохранить земли Кок-Орды в своей власти, но Идегей не позволил ему этого сделать. В очередной раз он изменил своему покровителю. Когда Тимур ушел в свои владения, он остался. Во главе войск своих сторонников Идегей занял Сарайчук. По данным автора «Анонима Искендера», Тимур-Кутлуг и Идегей «отстали от Тимура и вернулись в стремлении (завладеть) узбекским улусом... Когда получило известие о прибытии Тимур-Кутлуг-оглана и все племена (иль) стали отставать (от него), Чинтек со своими приближенными бежал, и царство досталось Тимур-Кутлугу, а эмиратство Идигу» [СМИЗО, 1941, с.133]. Дипломатично лавируя между Тимуром, которому направлялись посольства с уверениями в покорности, и набиравшим силу Токтамышем, суверенитет

которого Тимур-Кутлуг формально признавал, Идегей сумел уберечь свои владения от участия в военных авантюрах этого хана. Выждав, пока Тимур покинет разоренное Поволжье, а страна погрузится в хаос, Идегей в 1397 г. снова вступил в борьбу за власть в стране. Несколько победоносных кампаний позволили ему в начале 1399 г. вновь объединить державу. Русские летописи констатировали, что едва «царь Большой Орды» Токтамыш разослал своих послов во все страны, уведомляя, что «одолел зло», вызванное нашествием Аксак-Тимура, как «внезапу прииде некоторый царь именем Тимур-Кутлуи и прогна» его и «сеед в Орде и в Сарай» [Приселков, 1950, с.448].

К этому моменту Идегей стал, по существу, неограниченным правителем, улуг карачибекком при молодом хане. Вся его предшествующая жизнь и деятельность были лишь ступеньками к вершине власти, ради которой он воевал, устраивал заговоры, предавал прежних союзников, оставался безучастным к гибели отца, терпел лишения в походах и ел горький хлеб изгнания. Он достиг своей цели и мог, наконец, начать делать то, к чему собственно стремился – возродить великодержавие Улуса Джучи. По иронии истории, вся его прежняя борьба с Токтамышем служила целям разрушения централизованной

империи, а теперь, придя к власти, Идегей стал бороться за ее укрепление, проводя политику подавления сепаратизма.

Между тем, неукротимый Токтамыш отступил во владения Великого княжества Литовского вместе со своей ордой – родичами, воинами, их семьями и многочисленными обозами и стадами. По словам летописца, он «бежал из Орды в Киев и с царицами да два сына с ним» [там же, с.449], а по словам польского историка Яна Длугоша, у него было несколько тысяч воинов [Dlugosz, 1868, s.495]. Здесь он повел себя как законный владыка Золотой Орды и предложил Великому князю Витовту союз против Идегея. В обмен за военную поддержку Токтамыш готов был сделать определенные территориальные уступки, а также признать права Витовта на владение Псковом, Новгородом и Московской Русью. По словам автора известия в Новгородской IV летописи: «И похваляся на Орду Витовт глаголаше: “поидем, пленим землю Татарьскую, победим царя Темиркутлуя, возьмем царство его и разделим корысть его; и посади в орде на царстве его царя Тахтамышя, а сам яду на Москве на великом княжении, на всей Русской земли, а Великий Новгород с Псковом мои будут”». Союз этот предполагал взаимную военную поддержку: «Свеща Витовт с Тахтамышем в единой думе, глаголя: “азъ ты посажу в Орде на царстве, а ты мя посадишьна великом княжении на Москве и на всей Русской земле”» [ПСРЛ, 4, с.103; Приселков, 1950, с.450; ПСРЛ, 11, с.172; 15, с.458]. Используя благоприятную ситуацию, Витовт сумел заручиться поддержкой Тевтонского Ордена, который, в обмен на обещание уступить им Псков, прислал свой военный отряд.

В Восточной Европе начала складываться совершенно новая расстановка сил. Если бы Витовт сумел одолеть Идегея и восстановить власть Токтамышя, то они совместно с Орденом смогли бы разгромить Москву и сделать Литву центром объединения всех русских княжеств. Великий князь Московский Василий Дмитриевич с огромной тревогой следил за приготовлениями своего воинственного соседа и смертельного врага, но помешать ему был не в состоянии. Вооруженных сил, способных противостоять силам Литвы, Токтамышя и Ордена у него не было. Более того, можно сказать, что значительная

часть русских князей (Андрей и Дмитрий Ольгердовичи), которые в свое время воевали на Куликовом поле под знаменами Москвы, ныне составляли костяк войска Витовта.

Рассчитывая на легкую победу над обескровленными татарами, Витовт в ответ на требование послов Тимур-Кутлуга: «выдай ми нашего беглаго цесаря Тактамышя» высокомерно ответил: «яз цесаря Тактомышя не выдам, а с цесарем хошу ся видети» [НПЛ, 1950, с.394] и двинулся из Киева на юг, в степь (подробности см.: [Ляскоронский, 1907, с.18–38]).

Под своим командованием Витовт собрал значительное войско. Кроме собственно литовских и жемойтских полков, его поддерживали вассальные русские князья, польские войска Великого князя Подольского Спытко в составе 400 «копий» («копье» – небольшое подразделение, включавшее рыцаря, конных и пеших военных слуг, не менее трех), войска Ордена – 100 «копий», а также конница Токтамышя. По словам русского летописца, современника этих событий, «князь Витофт Кестутьевич Литовский събрав воя многи, с ним же бе царь Тахтамыш с своим двором, а с Витофтом Литва, Немцы, Ляхи, Жемот, Татарове, Волохи, Подоляне, единых князей с ним бе 50 числом и бысть сила ратных велика зело» [Приселков, 1950, с.450]. Новшеством военного дела было использование Витовтом «кованых телег», оснащенных небольшими пушками – бомбардами, которые позднее успешно применяли чешские гуситы. Войска неспешно двинулись и подошли к р. Ворскле, где обнаружили походный лагерь Тимур-Кутлуга. Окружив себя стеной из кованых телег «на чепех железных, со многими пищальми и пушками и самострелами» [ПСРЛ, 11, с.173], Витовт выдвинул ультиматум – признать себя (хана) вассалом Литвы и выплачивать «дани и оброки».

Вид огромной союзной рати заставил хана Тимур-Кутлуга дрогнуть; стремясь выиграть время, чтобы дождаться отставших туменов Идегея, он вступил в переговоры. Однако Витовт, приняв это за слабость, ужесточил требования, потребовав не только формального вассалитета, но и фактического, чтобы «бытии на денгах Ординских знамение Витофтово» [там же], т.е. клеймо Витовта на монетах Золотой Орды. Между тем, подошли войска Идегея, который, возмущившись ходом пере-

говоров в намеренно оскорбительных выражениях, дал отповедь на предложения Витовта: «Вправду ты взял волнаго нашего царя Болшиа Орды в сыны себе, понеже ты еси стар, а волный нашъ царь Великиа Орды Темирь Кутлуй млад естъ; но подобает тебе разумети и се: ...яко аз есмь стар пред тобою, а ты млад предо мною, и подобает мне над тобою отцем, а тебе у меня сыном быти...» [там же]. Это было приглашение к битве.

Утром 12 августа 1399 г. два огромных войска сошлись в кровавой битве, решая судьбы всей Восточной Европы, поскольку ее военно-историческое значение намного превосходит, например, значение Куликовской битвы. Сражение было продолжительным, ожесточенным и кровопролитным, по словам летописца: «и не бывала такова Литовьской земле с Тотары» [НПЛ, 1950, с.394]. В ходе его литовцы применяли пушки и другое огнестрельное оружие и арбалетчиков. Долгое время ни одна сторона не могла взять верх. Но в ключевой момент боя, когда Витовт исчерпал свои резервы, Идегею удалось, видимо, применив тактический маневр, провести удачную атаку (подробнее см.: [Измайлов, 1994]). Войска Витовта дрогнули. Отступление быстро превратилось в павальное бегство. В результате союзная рать потерпела сокрушительное поражение: «Побиша же Татарове на том великом побоище много князеи литовьских и воевод и бояр великих и христиан много и Литвы и Немець и Ляхов и иных люди многое множество бесчисленное паде тогда, а мало остася их» [Приселков, 1950, с.450]; достаточно сказать, что на поле битвы или во время бегства погибли князь Полоцкий Андрей Ольгердович, князь Брянский Дмитрий Ольгердович, князь Киевский Иван Борисович, князь Смоленский Глеб Святославич, князь Волынский Дмитрий Волынский, князь Рыльский Федор Патрикеевич, князь Бельский Иван Юрьевич и воевода Подольский князь Спытко, а «всех князи именитых 74» [ПСРЛ, 4, с.104; 15, с.165, 458; НПЛ, 1950, с.395; ПСРЛ, 5, с.251; 25, с.229]. Преследуя бегущих на протяжении «500 верст», войска Идегея дошли до Киева, с которого взяли огромный выкуп и разорили Южную Русь вплоть до Луцка [там же]. Хотя Токтамыш и великий князь Витовт сумели избежать гибели, их планы рухнули. Можно точно сказать, что именно на берегах Ворсклы погибла идея объединения

Руси вокруг Литвы. Храбрость и мужество татар спасли будущее Москвы, как политического центра Руси.

Наступил звездный час Идегея. Разгромив Токтамыша и его союзника Витовта, он отстоял единство Улуса Джучи и начал укреплять свою державу. По словам его панегириста Ибн Арабшаха, «устраивалось дело людское по указам Идику: он водворял в султанство кого хотел и смешал его с него, когда хотел; прикажет – и никто не противится ему, проведет грань – и (никто) не переступит этой черты» [СМИЗО, 1884, с.472], а египетский чиновник и историк Бадр ад-Дин ал-Айни писал о нем, как о «государе Дешта, Сарая и Северных стран, ...правителе Крыма, Сарая и прочих земель Дештских», именуя его «эмиром велика, правосудным» [там же, с.532]. Об этом же свидетельствует и поздний русский летописец: «сей князь Едигей Ординьский вяще всех князей Ординьских и все царство Ординьское един дръжаше и по своей воли царя поставляше» [ПСРЛ, 11, с.206]. Слава о могуществе Идегея достигла и двора Тимура. Испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо писал о нем, как о «сеньоре Татарии», «императоре Татарии» [Клавихо, 1990, с.144, 151]. Иными словами, Идегей стал не просто улуг карачибekom, но фактическим правителем державы при номинальном правлении ханов-Чингизидов. При его непосредственной поддержке курултай избирал ханов, которые сохраняли, очевидно, лишь представительские функции. Так, после смерти Тимур-Кутлуга (1399/1400 г.) престол занял Шадибек (1400–1407), затем правил Булат-Султан (1407–1411), а позже на трон был возведен Тимур (1411 г.). Высшее место Идегея во внутриордынской иерархии подтверждает официальный документ, вышедший из ханской канцелярии: в тарханном ярлыке Тимур-Кутлуга прямо указывается, что Идегей стоит «во главе» «огланов правого и левого крыла, тысяцких, сотских и десятских бегов» [Березин, 1851, с.10; Самойлович, 2005, с.198, 208; Усманов, 1979, с.206].

Правление Идегея ознаменовалось целым рядом мер, призванных упорядочить социальные отношения, в первую очередь, подтвердить земельные и имущественные права лояльных эмиров и урегулировать межклановые взаимоотношения. Это касалось ук-

репления позиций поддерживающих его кланов, в первую очередь, очевидно, Мангытов и Кунгратов. Одновременно правительство Идегея пыталось повысить авторитет судебной власти. Восточные источники пишут об установленном им «порядке» в стране, «тонких обычаях» («тура») и «великом законе» («Йаса»), которые не всегда встречали с одобрением самовластные эмиры.

Для укрепления финансовой системы Идегей стремился стимулировать торговлю и стабилизировать денежное обращение, чему должна была способствовать денежная реформа 802 г.х. / 1399–1400 г., которая реально привела к замене прежних монет новыми выпусками от имени ханов Шадибека и Булата, но заметное оживления торговли не принесла [Федоров-Давыдов, 2003, с.54–59]. Эффективность этих усилий была незначительной, поскольку большая часть поволжских городов лежала в руинах, международная и внутренняя торговля нарушилась. Свидетельством этому служит то, что монетная чеканка в начале XV в. сосредотачивается в регионах, где сохранился сравнительно высокий уровень внутренней и внешней торговли – в Крыму, Азаке, Болгаре и т.д., тогда как в Сарае и Нижнем Поволжье она практически полностью прекращается.

Интересно указание испанского посла де Клавихо, что «этот Едегуй обращал и обращает татар в магометанскую веру, еще недавно они ни во что не верили, пока не приняли веру Магомета» [Клавихо, 1990, с.144]. Ему вторит другой европеец, живший в начале XV в. в Северном Причерноморье, – итальянский купец и дипломат И.Барбаро. Описывая религиозную ситуацию в Улусе Джучи, он отмечает: «Магометанская вера стала обычным явлением среди татар уже около ста десяти лет тому назад. Правда, раньше только немногие из них были магометанами, а вообще каждый мог свободно придерживаться той веры, которая ему нравилась. Поэтому были и такие, которые поклонялись деревянным или тряпичным истуканам и возили их на своих телегах. Принуждение же принять магометанскую веру относится ко времени Идегея, военачальника татарского хана...» [Барбаро и Контарини, 1971, с.140]. Еще более убедительно свидетельствуют о повсеместной победе ислама в среде кочевого населения Улуса Джучи археологиче-

ские данные. Обряд языческого захоронения в кургане изредка использовался во второй половине XIV в., но в начале XV в. он практически везде заменяется мусульманскими грунтовыми погребениями и захоронениями в мавзолеях – кэшэнэ [Федоров-Давыдов, 1966, с.9 и сл.; Гарустович и др., 1998, с.257–259]. Широкое распространение ислама в Улусе Джучи во второй половине XIV в. можно объяснить целым рядом причин, среди которых не последнюю роль сыграла, видимо, возросшая религиозность населения вследствие Черной смерти, а также сознательная политика властей с целью консолидировать население страны.

Для преодоления внутренней разобщенности в стране Идегею необходимо было не только подавить сепаратистские настроения клановой аристократии, которая использовала любой повод для мятежа. Так, после внезапной смерти хана Тимур-Кутлуга, по словам придворного историка Тимуридов Низам ад-Дина Шами, «Тимур-Кутлуг-хан в области узбеков умер, улус его смешался и они друг с другом враждуют и борются. По этой причине область его пошла вверх дном» [СМИЗО, 1941, с.125]. Идегей смог подавить этот мятеж и возвел на престол нового хана Шадибека, сына Кутлугбека и потомка рода третьего сына Тукай-Тимура, Урунг-Тимура. Не исключено, что за оговоркой автора «Анонима Искендера» о том, что в условиях междувластия Идегей «по необходимости посадил на трон Шадибек-оглана, который по праведности и способностям был известнейшим и старейшим» [там же, с.133], кроится компромисс с клановой знатью, которая, не желая самовластия Идегея, делала ставку на лояльного ей хана.

Однако ни он, ни новый хан не считали себя в безопасности, пока был жив Токтамыш – их главный соперник в борьбе за власть и центр притяжения всех недовольных. Бывший хан, который, очевидно, вынужден был покинуть Литву по условиям ордынско-литовского мирного договора, бежал в улус Шибана, где, видимо, имел сторонников. Здесь он, собрав войско, попытался вернуть себе власть. Идегей был вынужден вступить с ним в борьбу. Ибн Арабшах, излагая некую легендарную версию этого противостояния, сообщает, что Токтамыш с Идегеем сражались 15 раз с переменным успехом и лишь на шестнадцатый раз Токтамыш был побежден [СМИЗО, 1884,

с.470–471]. Очевидно, что постепенно силы сторонников Токтамышша таяли и, по словам персидского историка Йезди, он «скитался по степям в плохом положении и растерянный» [СМИЗО, 1941, с.189].

В такой безвыходной ситуации Токтамышш вынужден был обратиться за помощью к Аксак-Тимуру. Находившийся в то время при дворе Тимура испанский посол де Клавихо свидетельствует, что: «Тотамих (Токтамышш. – *И.И.*), император Тарталии, и Тамурбек прижились и вместе стараются обмануть Едегюя... Этот Тотамих и его сыновья живы и (состоят) в дружбе с Тамурбеком» [Клавихо, 1990, с.144]. Аксак-Тимур, верный своей политике, затеял интригу с Идегеем, притворно предлагая ему дружбу и даже обещая женить одного своего внука на его дочери, но Идегей, по словам испанского посланника, ответил, «что знает его слишком хорошо и все его хитрости и что такими уловками его не провести, что он понимает, что все эти доводы только для того, чтобы его обмануть, и если они действительно станут друзьями, так только на поле (брани) с оружием в руках» [там же]. Но Тимур не спешил встретиться с Идегеем на поле боя. В его планах был грандиозный поход на Китай, для которого он начал собирать в Отраре огромное войско. Прибывшему от Токтамышша послу Тимур ответил: «После этого похода я, с Божьей помощью, опять покорю улус Джучиев и передам ему (т.е. Токтамышшу)» [СМИЗО, 1941, с.189]. Однако Идегей готов был померяться силами и с Тимуром. Он начал готовиться к открытому столкновению с правителем Мавераннахра. Но, как пишут восточные авторы, «начертание пера судьбы было другое». Тимур умер в Отраре перед самым походом 18 февраля 1405 г., а между его потомками началась жестокая война за власть. Разгром Токтамышша, оставшегося без могущественного союзника, стал делом времени. Постепенно он был окружен, разбит и погиб в битве, а его сыновья «разбрелись в (разные) стороны: Джелаледдин и Керимбирди в Россию, а Кубал и остальные братья – в Саганак» [СМИЗО, 1884, с.471–472]. Русский летописец, передавая известия об этих событиях, писал: «Тое же зимы (6914 г.) царь Шадибек убил царя Тохтамышша в Симбирской земле» [Приселков, 1950]. В поздней (начала XVII в.) «Истории» Хайдера Рази год

смерти Токтамышша указан как 807 г.х. (10.07.1404–28.06.1405).

Избавившись от заклятого врага, Идегей развязал себе руки для наступления на Тимуридов. Воспользовавшись возникшей после смерти Тимура смутой, он вторгся в Хорезм и изгнал оттуда наместника Тимура. Затем он совершил рейд по Мавераннахру. По словам Ибн Арабшаха, Идегей двинулся из Хорезма «с конницей своей к Бухаре, опустошил окрестности ее, но затем вернулся в Харезм... В Харезме и областях его он поставил со своей стороны человека по имени Анка» [СМИЗО, 1884, с.472]. По данным Абд-ар-Раззака Самарканди, «эмир Идигу в реджебе 808 г.х. (23.12.1405–21.01.1406) взял Хорезм и, оставив правителем его эмира Анка, ушел в Дешт» [СМИЗО, 1941, с.193].

Уход Идегея диктовался осложнившейся ситуацией внутри Улуса Джучи, где хан Шадибек, видимо, уже в 1406 г. стал проявлять самостоятельность и организовал заговор против своего улуг карачибека. Источники описывают этот конфликт как недовольство хана теми обычаями и законами, которые установил Идегей, в результате чего некие «люди из привольности попали в стеснение» [там же, с.133]. Учитывая все обстоятельства, следует, очевидно, понимать это как нежелание клановой аристократии ограничивать свою власть в пользу центральной власти. Причем выразителем их интересов стал хан, недовольный самовластьем своего сановника. В результате возник заговор, раскрытый кем-то Идегею, который «узнал то, что у него (хана. – *И.И.*) в уме, и хотел до возникновения смуты принять меры против его дела» [там же]. Но не успел. Шадибек, узнав о провале заговора, «бежал в сторону Дербенда Бакинского, укрылся у эмира Шейх-Ибрахима Дербендского» [там же, с.134]. Русские летописи позволяют конкретизировать дату бегства Шадибека и возведения на престол султана Булата. Дело в том, что Тверской князь Иван, отправившись в Сарай за ярлыком на княжение 20 июля, узнал, что там случилась «заямтня велика, згони Шадибека с царства Булат салтан» [Приселков, 1950, с.465; ПСРЛ, 25, с.236–237]. Получается, что раскрытие заговора, бегство и возведение на престол Булата приходится на май–июль 1407 г.

Находясь в изгнании, он продолжал считать себя правителем Улуса Джучи и даже

чеканил от своего имени монету (до 1408 г.). Сложилась опасная ситуация. В то время, как в столице был провозглашен ханом его сын Булат (Пулад), который чеканил монету в Сарае ал-Джадид, на границе возник новый очаг дестабилизации. В ответ на дипломатическое давление Идегея ставленник Тимура эмир Дербента Шейх-Ибрахим отказался выдать Шадибека [СМИЗО, 1941, с.134]. Однако в 811 г.х. / 1408–1409 г. беглый хан вдруг неожиданно скончался [там же, с.134, 193, 212, 214], что сняло политическое напряжение и укрепило позиции Идегея.

Одним из самых крупных военно-дипломатических успехов Идегея явился поход на Москву. Усиление власти Московского великого княжества давно беспокоило Идегея. За время противостояния Улуса Джучи с Тимуром московские князья сумели расширить свои владения и опутать другие княжества договорами, ограничивающими их суверенитет в пользу Москвы (например, Тверское и Рязанское). Дело дошло до того, что в 1399 г. в ответ на поход султана Ентяка и князя Семена Дмитриевича на Нижний Новгород для возвращения того к власти, видимо, с санкции Идегея, московские войска князя Юрия Дмитриевича нанесли мощный удар по одной из наиболее развитых областей Орды – Булгарии.

Формальным поводом для войны были требования Идегея, указанные в ярлыке Василию Дмитриевичу, написанном уже после похода в декабре 1408 г., чтобы великий князь платил дань «по старине и правде», в то время как он не ездил за ярлыком в Орду со времени воцарения Тимур-Кутлуга, а также перечисляемые «обиды»: оказание поддержки детям Токтамыша, плохое обращение с послами, увеличение торговых пошлин с татарских купцов и т.д. (см.: [ПСРЛ, 4, 1, с.406–407; 42, с.172–173; СГГД, 1819, с.16–17; Горский, 2000, с.196–197]). Сам факт написания от своего, а не ханского, имени говорит о том, что реальная власть принадлежала именно Идегею (в последнее время среди историков возникла дискуссия относительно аутентичности «ярлыка Идегея»). А.П.Григорьев предложил считать его «письмом», которое написал русский автор в середине XV в. [Григорьев, 1988, с.92–93], однако А.А.Горский подверг критике его аргументы и убедительно доказал, что это под-

Анонимные пулы Хаджи-Тархана. Начало XV в.
(по Г.А.Федорову-Давыдову)

линный документ [Горский, 2000, с.128–131]). Иными словами, поводов для организации похода на Москву было довольно много, но военно-дипломатических возможностей для этого у Идегея до определенного времени было явно недостаточно. Вначале он укреплял свою власть и боролся против Токтамыша, затем опасался нового вторжения Тимура. И только сейчас пришло время привести к покорности Москву.

Походу предшествовала серьезная дипломатическая подготовка с целью ослабить власть Василия I на Руси (попытка Юрия Всеволодовича добиться части владений в Твери, получение ярлыка князем Иваном и захват с помощью татарского отряда Пронска) и максимально обострить его отношения с Великим княжеством Литовским. Идегей написал письмо Витовту, в котором уведомлял его о якобы настоятельных просьбах московского князя организовать совместный поход на Литву, и, наоборот, предупреждал Василия об агрессивных намерениях Витовта ([ПСРЛ, 15, с.178–179; 18, с.155], подробнее см.: [Греков, 1975, с.247–266; Селезнев, 1999, с.34–

37]). Реальность этого подтверждали враждебные действия Василия, который принял на службу целый ряд литовских князей – Свидригайло Ольгердовича, Патрикея и Александра Звенигородских из Путивля, князя Семена Перемышльского и других князей и бояр. В сентябре 1408 г. татарский отряд участвовал в походе московских войск против войск Витовта, который закончился противостоянием на р. Угре [ПСРЛ, 23, с.142]. В условиях этого противостояния Идегей ускорил подготовку к походу.

Желая отвести подозрения и притупить бдительность Василия, осенью 1408 г. в Москву прибыло посольство, сообщившее: «ведыи буди, Василие, се идет царь на Витовта да мьстит, колико есть сотворил земли твои, ты же воздажь честь цареви, еще не сам да сын твои послы ко цареви, аще ли то единаго от велможь послы, ничтоже боясь» [ПСРЛ, 15, с.182].

Непосредственно перед самым вторжением Идегея в начале ноября в Москву прибыл татарский перебежчик, который «поведаа великому князю Василию Дмитриевичу, яко князь великий ординский Едигей хоцет воевати землю твою» [там же, с.205]. Узнав о приближении татарского войска, великий князь направил посольство во главе с неким Юрием, которое было задержано.

Вторжение Идегея было стремительным. Зимние походы для средних веков вообще большая редкость, поскольку требовали серьезной выучки войск, умелой организации снабжения и полководческого таланта. Для этого похода Идегей мобилизовал значительные силы. Так, по данным русских летописей, в походе участвовали 4 султана: Бучек, Тегри-Бирди, Алтын-Эмир и Булат, а также, видимо, карачибекы и знатные эмиры: Мухаммад, сын Йусупа Сулеймана, Тегиня, сын Шаха, Сарай, сын Урус-шаха, Ибрагим, сын Темирязя, Якши-бий, сын Идегея, а также Сентяли-бий, Бурак, Ерикли-Бирди и др. Всего войско насчитывало более 30 тыс. воинов [Приселков, 1950, с.468; ПСРЛ, 15, с.179–184, 482–484; 18, с.155–158]. Вряд ли татарское войско было более многочисленным (указывается численность в 70 тыс. воинов [Селезнев, 2001, с.61]), поскольку в условиях зимы и свирепствовавшего на Руси мора прокормить людей и, главное, их коней было бы невозможно.

Скрытно подойдя к границам Руси, войско улуг карачибека Идегея 23 ноября 1408 г. двинулось на Москву [НПЛ, 1950, с.400]. По пути войско захватило Переяславль Рязанский и Коломну. Великий князь Василий, не успевая организовать сопротивление, передал командование обороной Москвы Владимиру Серпуховскому и своему брату Андрею, а сам с семьей спешно отъехал в Кострому. 1 декабря Идегей подошел к Москве, но белокаменные стены, вооруженные пушками, оказались для него неприступными. Став лагерем в Коломенском, Идегей блокировал город и направил значительные силы во главе с султаном Тегри-Бирди в погоню за великим князем, а отдельные отряды начали разорять Северо-Восточную Русь, последовательно захватывая и сжигая Ростов, Дмитров, Серпухов, Звенигород, Переяславль Залесский и другие города и села вплоть до Клины, тверской границы. В это же самое время другой корпус под командованием «ино царевича» (м.б. Ентяка) действовал в районе Нижнего Новгорода: «А иний царевич прииде к Новугороду к Нижнему, и с ним мнози Татарове, и Болгарская сила и Мордва». Эти войска взяли и сожгли Нижний Новгород, Городец и разорили их округу вплоть до «Белогородия» и едва не дошли до Костромы. Повернув назад, они, «воюючи и секучи остатка людей», прошли через Нижний Новгород, вышли к р. Суре, где взяли и сожгли крепости Курмыш и Сару [ПСРЛ, 15, с.484].

Не имея осадной техники для прямого штурма хорошо защищенного города, Идегей посылает посольство к Великому князю Тверскому, «веля ему бытии у Москвы часа того со всею ратью Тферскою и с пушками и с тюфякы и с самострелы и с всеми сосуды градобойными, хотя разбивати град Москву». Но тверской князь не спешил выполнить приказ, и выехал к Идегею без пушек и «не в мнозе дружине». Между тем, Идегей стал готовиться к длительной осаде города, чтобы взять его измором, тем более, что на Руси в тот год была засуха и мор. Он простоял под стенами Москвы 3 недели, когда вдруг получил известие, что один из сыновей Токтамышша, видимо Джалал ад-Дин, напал на ставку хана, «за малым бо и самого царя не захвати и мног мятеж в Орде створив, отыде». В этих условиях Идегею пришлось начать переговоры с защитниками Москвы и,

взяв огромный выкуп в 3 тыс. рублей, он двинулся в Нижнее Поволжье, разоряя окрестности и уводя людей в плен [Приселков, 1950, с.468; ПСРЛ, 15, с.179–184, 482–484; 18, с.155–158].

Поход Идегея нанес чувствительный удар по престижу Великого князя Московского и хозяйству всей Северо-Восточной Руси, на время ослабив антиордынскую коалицию русских князей. Поход был успешным в военном отношении, однако его политические результаты оказались весьма ограниченными, уступая по своим последствиям походу Токтамыша в 1382 г., – они показали общее ослабление позиций Золотой Орды на Руси. Вместе с тем, это был несомненный успех, урок соседям и вассалам – насколько опасно и даже губительно игнорировать законные требования и права ханов. Одновременно он показал, что внутри Улуса Джучи зреют силы, готовые бросить вызов власти Идегея.

Особую роль в этом играли сыновья Токтамыша, среди которых выделялся Джалал ад-Дин (*Зелени-султан* русских летописей). После поражения от Идегея он бежал в Москву к Василию, где прославился борьбой с Ордой, недаром Идегей прямо писал в ярлыке Василию: «Тохтамышевы дети у тебя и того ради пришли се мы ратию». После набега 1408 г. Джалал ад-Дин отступил в Литву, где вместе со своей конницей принимал участие в знаменитой Грюнвальдской битве с Тевтонским Орденом [Длугош, 1962, с.57, 73, 198]. После этой победы Витовт оказал поддержку султану, чтобы он вернул себе отцовский трон и сначала завоевал Крым.

Не исключено, как полагал М.Г.Сафаргалиев, что хан Булат погиб в борьбе против Джалал ад-Дина за Крым [Сафаргалиев, 1960, с.185]. На престол вступил Тимур-бек, сын Тимур-Кутлуга, по словам автора «Анонима Искендера», «из-за согласия, которое было (у него) с его отцом», и положение в стране вновь стабилизировалось: «снова большое государство выправилось» [СМИЗО, 1941, с.134]. Новый хан предпринял успешную попытку вернуть Приазовье, осадил и взял штурмом Тану, видимо, помогавшую мятежному султану, который вновь бежал ко двору Витовта.

В то время в самом Улусе Джучи произошли события, ставшие фатальными для ее дальнейшей судьбы. Тимур-бек, возведенный

на престол Идегеем, давшим ему в жену свою дочь, «чтобы, благодаря родству сузился доступ для разговоров подстрекателей» [там же] стал тяготиться опекой властолюбивого вельможи. По словам современника событий Ибн Арабшаха, Тимур-бек «...не вручил своих бразд Идику, сказав: “Нет за ним ни славы, ни почета; я передовой баран, которому повинуются, как же я стану подчиняться; я бык, за которым следуют, так как же я стану сам идти за другим?”». Возник между ними обоими разлад, появилось со стороны ненавистников скрытое лицемерие, пошли бедствия и несчастья, войны и враждебные действия» [СМИЗО, 1884, с.472–473]. По словам автора «Анонима Искендера», «протекло некоторое время, и Тимур-султан совсем понравился людям, они склонились к тому, чтобы уничтожить Идигу. Между ними возникла вражда и озлобление, так что они один-два раза сражались (друг с другом). Так как у узбеков всегда было стремление к проявлению державы потомков Чингиз-хана, то они, кто из подражания, а кто из почтения, направились служить двору Тимур-султана. И он стал сильным» [СМИЗО, 1941, с.134]. Потерпев поражение от войск Тимур-бека, Идегей в 1410 г. бежал в Хорезм, где, очевидно, был центр его клана. Преследуя его, Тимур-бек осадил Ургенч, где между ними опять произошли жестокие сражения, но одержать победу хан не смог [там же].

Отсутствием хана в Поволжье воспользовались султан Джалал ад-Дин и его братья. Они захватили Сарай; здесь многие эмиры, «которые во время правления их отца видели много благополучия, явились к ним, некоторые из подражания также перешли к ним» [там же]. Таким образом, хан Тимур-бек остался без ханства, а когда попытался двинуть войска на Сарай, то войско его оставило. Он бежал и «в этом бедствии умер». По другой версии его убили восставшие эмиры его же войска, осаждавшие Ургенч, и предались новому хану [там же, с.134, 193–194]. Эти события произошли в 814 г.х.(1411/12 г.) [СМИЗО, 1884, с.473]. Теперь уже войска Джалал ад-Дина осаждали город, где укрылся Идегей, но так и не смогли его взять. По предложению Джалал ад-Дина они предложили Идегею мир, по которому он должен был признать власть нового хана, дать в заложники своего сына Султан-Махмуда и отдать свою жену – дочь

Токтамыш. Идегей согласился, и войска отступили от города. Однако коварный хан не желал оставлять в покое Идегея. Он послал новое войско, которое превосходило по численности ополчение Идегея. Однако, благодаря военной хитрости, Идегей разгромил войско Джалал ад-Дина и многих взял в плен [СМИЗО, 1941, с.194]. Сам он откочевал со своим кланом в Приаралье.

Попытался воспользоваться междуусобицей в Улусе Джучи и вновь отвоевать Хорезм Тимурид Шахрух, но потерпел унижительное поражение от войск эмиров Идегея – его войско бежало, едва прошел ложный слух, что на выручку городу спешит грозный Идегей [там же, с.195].

Между тем, Джалал ад-Дин заметно укрепил свою власть. Показательно, что в 1411 г. Великий князь Московский Василий Дмитриевич и князь Иван Тверской совершили поездку ко двору Джалал ад-Дина для получения ярлыка на княжение [ПСРЛ, 18, с.161]. Однако ему не суждено было править долго. Разгорелся конфликт между братьями. По сообщению автора «Анонима Искендера», источником мятежа стали татарские кланы, недовольные, что их оттесняют от власти. В результате «эмиры оказались стеснены и соблазняли его (т.е. Джалал ад-Дина. – *И.И.*) брата Султан-Мухаммеда до тех пор, пока в фантазии его не возникла мысль о царстве. Подстрекаемый эмирами, он высунул голову из воротника смуты. После того, как брат его правил один год, он в полночь неожиданно захватил его на троне и безжалостно убил» [СМИЗО, 1941, с.134]. Как бы то ни было, но русские летописи также сообщают, что «злый наш недруг царь Зелени-Салтан Тахтамышевич умре, застрелен в войне от своего брата Кирил-Бердея» [ПСРЛ, 11, с.219]. То ли в Орде прошла череда дворцовых переворотов, то ли до разных авторов дошли разные известия, но известны монеты Керим-Бирди, чеканенные в Крыму, Сарае и Хаджи-Тархане [Савельев, 1858, с.320–321; Мухамадиев, 1983, с.121]. Однако и его правление длилось недолго. В отличие от братьев, он, видимо, принял промосковскую позицию, и Витовт организовал его свержение руками других сыновей Токтамыша – Бетсабула (Бахтибека) и Кубека (Кепека) (подробнее см.: [Сафаргалиев, 1960, с.189–190]).

В 1413 г. сын Идегея был изгнан из Хорезма Тимуридом Шахрухом [СМИЗО, 1941, с.195], но мангыты во главе с Идегеем обосновались в междуречье Волги и Урала, вновь ставшем базой для борьбы за власть в Улусе Джучи. В 1414 г. Идегей изгнал сыновей Токтамыша и возвел на трон хана Чекре (Чакре). Монеты от его имени чеканились в Сарае, Болгаре, Хаджи-Тархане и относятся к 817–818 г.х. (1414–1416 гг.) [Савельев, 1858, с.324–325]. Очевидно, что его правление прошло в постоянных войнах с другим ставленником Витовта, сыном Токтамыша Джаббар-Бирди. Чекре, видимо, погиб в этой войне. В ответ на поддержку сыновей Токтамыша литовским князем Идегей в 1416 г. предпринял рейд по Южной Руси. На этот раз разорение было действительно страшным. По словам южнорусского летописца: «Едика, гетман Тамерлянов царя Татарского поплени русскую землю, и Киев, и Печерский монастыр сожже и со землею соровна, яко отголе Киев погуби красоту своєю, и даже доселе уже не може бытии таков; но единаче замку тогда не може взятии в Киеве Едика» [ПСРЛ, 2, с.353].

Однако в том же году Джаббар-Бирди, судя по данным Абд ар-Раззакка Самарканди, «обратив в бегство Чингиз-оглана (т.е. Чекре. – *И.И.*), овладел улусом Узбекским» [СМИЗО, 1941, с.195]. Положение его было явно непрочным. В следующем, 1417 г., его сверг другой ставленник Идегея – хан Дарвиш, объединивший под своей властью значительную часть Улуса Джучи, поскольку его монеты чеканились в 820–821 г.х. (1417–1419 гг.) в Сарае, Сарайчуке, Хаджи-Тархане, Болгаре и Дербенте [Марков, 1896, с.503; Мухамадиев, 1983, с.122–123]. По данным арабских источников, при дворе Идегея «находился человек из рода Чингизханова, по имени Дервиш, которого Идики поставил (над ними) в виде хана, но (на самом деле) власть да право приказывать и запрещать принадлежали ему (Идегею). За Дервишем же было только имя» [СМИЗО, 1884, с.532]. В 1417 г. Джаббар-Бирди бежал в Крым к итальянцам, но войска Идегея, преследуя его, напали на Тану и разорили ее. После этого Идегей ворвался в Крым и осадил Кафу. В итоге длительной осады генуэзцы заключили мир с Идегеем и выдворили сына Токтамыша из города. Он бежал в Литву, где

погиб в конце того же года (см.: [Сафаргалиев, 1960, с.193]).

Однако борьба за ханский трон на этом не прекратилась. Витовт оказал значительную поддержку еще одному сыну Токтамышша – Кадыр-Бирди, который сумел вытеснить Идегея и Дервиша из Поволжья. По данным ал-Айни, сын Токтамышша Кадыр-Бирди «постоянно воевал с Идики из-за царства. В этом (т.е. 822 г.х. / 1419–1420 г.) Кадирбирди (снова) пошел на Идики; а Идики (со своей стороны) выступил против него. Встретились они, и произошли между ними бой великий и сражение ожесточенное. С обеих сторон было убито много народу; Кадирбирди (сам) был убит во время схватки и соратники его бежали. Идики также был поражен множеством ран во время схватки и войска его также обратились в бегство». Оставленный в одиночестве Идегей стал жертвой случайной группы воинов Кадыр-Бирди, которые нашли его раненого и «разрубили на куски» [СМИЗО, 1884, с.532]. Есть и другие версии его смерти: например, Ибн Арабшах писал о том, что Идегей утонул [там же, с.473]. Все эти сведения полуполюгендарны, что наводит на мысль, что гибель Идегея стала результатом случайного стечения обстоятельств.

Так завершил свои дни этот великий воин, полководец и противоречивый государственный деятель, которого даже враждебно настроенные хронисты называли «князь великий бе во всей Орде, и мужествен, и крепок, и храбр зело» [ПСРЛ, 11, с.173]. После его смерти единая великая империя Улус Джучи перестала существовать. По словам ал-Айни, «когда случилось все это, то царством Дештским стал править некто из рода Чингизханова, по имени Мухаммад-хан, но при нем смуты сделались постоянными и дела расстроились (окончательно)» [СМИЗО, 1884, с.533].

Таким образом, новая попытка вернуть стабильность Улусу Джучи путем успешных государственных, идеологических и экономических реформ (укрепление централизации, монетная реформа, внедрение ислама и т.д.), предпринятых талантливым военачальником и дипломатом улуг карачибекем Идегеем, на некоторое время действительно укрепили страну и сняли внутреннее напряжение.

Однако вернуть былую стабильность они не смогли. Час великодержавной Золотой Орды пробил, а ее падение стало неизбежным. Об этом трагическом событии образно и красноречиво повествуется в татарском дастане «Идегей»:

*...Темный день на землю пришел.
Сотворенный Чингизом престол
Стал престолом, где кровь лилась.
Ханский дворец исчез из глаз.
Край разоренный стал пустым.
Самостоятельными илями стали
Аждаракан, Казань и Крым,
Золотая распалась Орда.*

Но даже после распада Улуса Джучи его историческая судьба не прекратилась, поскольку остался переживший становление в этот период татарский народ, сохранились лучшие образцы богатой культуры. На территории Улуса Джучи возникли позднезолотоордынские татарские ханства, продолжавшие его этнополитические и культурно-цивилизационные традиции.

Среди важнейших консолидирующих факторов было сохранение прежних социально-политических структур, клановой системы, восходящей к истории Улуса Джучи и объединявшей военно-служилую татарскую знать, а также мифологемы этнополитического единства и общая религия – ислам. Понятно, что мусульмане Золотой Орды, особенно, видимо, аристократия и кочевое население, были объединены не только самим фактом принятия ислама, но и через особый институт сайидов (сеидов). Далеко не случайно, что в ряде позднезолотоордынских татарских ханств сайиды (сеиды) – главы местного мусульманского духовенства – возводили свои генеалогии к общим предкам, жившим в эпоху Улуса Джучи [Исхаков, 1997в, с.21]. Перечисленные вполне реальные связи и механизмы социального и конфессионального единства, несомненно, основывались на золотоордынских этнополитических мифологемах и символах единства, основой которых на всей территории Улуса Джучи было представление о единстве «татар», как клановой аристократии, «белой кости» общества.

ГЛАВА 4

Распад Улуса Джучи и его наследие

§ 1. Агония империи

Искандер Измайлов

В 1420 г., когда Идегей потерпел поражение и погиб в битве с сыновьями Токтамыша, начался окончательный распад единой империи. В стране появилось несколько претендентов на власть, фактически разделивших страну на отдельные владения. В западной части Улуса Джучи, при поддержке Великого княжества Литовского, верх взял Улуг-Мухаммад, а в Кок-Орде началась ожесточенная борьба между Чингизидами.

В это время Кок-Орда выделилась из состава Улуса Джучи. Во главе процессов обособления стал улус Шибана. Правителем его стал Хаджи-Мухаммад (1420–1430), который являлся сыном Али и потомком Бахадура, второго сына Шибана и внука Джучи. В период междоусобицы в 1416–1420 гг. он поддерживал Идегея в борьбе за власть, сражаясь в его войске против Кадыр-Бирди. После гибели Идегея, Хаджи-Мухаммад не признал хана Улуг-Мухаммада и при поддержке сына Идегея – ногайского мурзы Мансура, объединив улусы правого крыла Кок-Орды, основал Сибирское (в русской традиции Тюменское) ханство с центром в г. Чимги-Тура (на месте совр. г. Тюмень), где и был провозглашен ханом. В 1421 г. он вступил в борьбу с другим ханом левого крыла Кок-Орды Бараком, но был разбит и подчинен ему. Барак также начинал свою карьеру при дворе Идегея, но после его смерти бежал в Самарканд к Тимуриду Улугбеку. Заручившись его военной поддержкой, он вернулся в Кок-Орду и подчинил ее своей власти. В 1421–1422 г. он вторгся в Поволжье и нанес поражение войскам Улуг-Мухаммада, заставив его отступить в Подолию. На короткое время он установил свою власть на большей части Улуса Джучи и в 1425 г. даже чеканил свою монету в Болгаре. Но в 1425–1426 гг. он был разбит Улуг-Мухаммадом и отступил в Поволжье. Здесь он нанес поражение Улугбеку

и разорил Мавераннахр, образовав свое ханство с центром в Сыгнаке.

Воспользовавшись ослаблением Барака, в 1427 г. против него восстал Хаджи-Мухаммад, способствуя его поражению в войне с Могулистаном. После гибели Барака (1428 г.), Хаджи-Мухаммад объединил под своей властью сибирские улусы от рр. Туры и Тобола до Ишима. Но когда он начал войну в Приаралье за объединение под его властью всей Кок-Орды, это вызвало мятежи сибирской знати. В 1428–1429 г., Хаджи-Мухаммаду удалось в битве при Джатар-Джалкин разгромить мятежные войска Шибанида Джумадыка, провозглашенного ханом и казнить его. Однако он был вынужден помиловать других мятежников. Уже на следующий год они вновь восстали, поддержанные войсками ногайских мурз под руководством внука Идегея Уккаса (Ваккаса). Мятежные Шибаниды провозгласили своим ханом Абул-Хайра, двоюродного племянника Хаджи-Мухаммада. В битве на р. Тобол Абул-Хайр разгромил Хаджи-Мухаммада, взял его в плен и казнил (1430 г.).

В 1431 Абул-Хайр вторгся в Хорезм, где, при поддержке ряда татарских кланов во главе с Кунгратами и Мангытами, основал новое, т.н. Узбекское, ханство. В 1440–1443 гг. он, воевал с правителем Хаджи-Тархана Мустафой и изгнал его. Вел борьбу с Тимуридами. В 1446 г. захватил Нижнюю Сырдарью и гг. Джэнд, Сауран, Сыгнак. Последний стал столицей его ханства. В 1450-х гг. Абул-Хайр, стремясь укрепить свою власть, казнил Уккаса, что вызвало недовольство и мятежи кочевой знати и клана Мангытов. Воспользовавшись его ослаблением, в 1454 г. в его владения вторглись ойраты (калмыки) во главе с Уз-Тимур-тайши, которые в битве при Кук-Кушанах (близ Сыгнака) разгромили его войско, заставив подписать мирный договор.

Ослабление его власти привело к уходу от него войск мангытов и казахской орды под предводительством Гирея и Джанибека, образовавших собственное Казахское ханство. В 1468 г. Абу-л-Хайр предпринял поход в Могулистан, во время которого умер и был погребен в Сыгнаке.

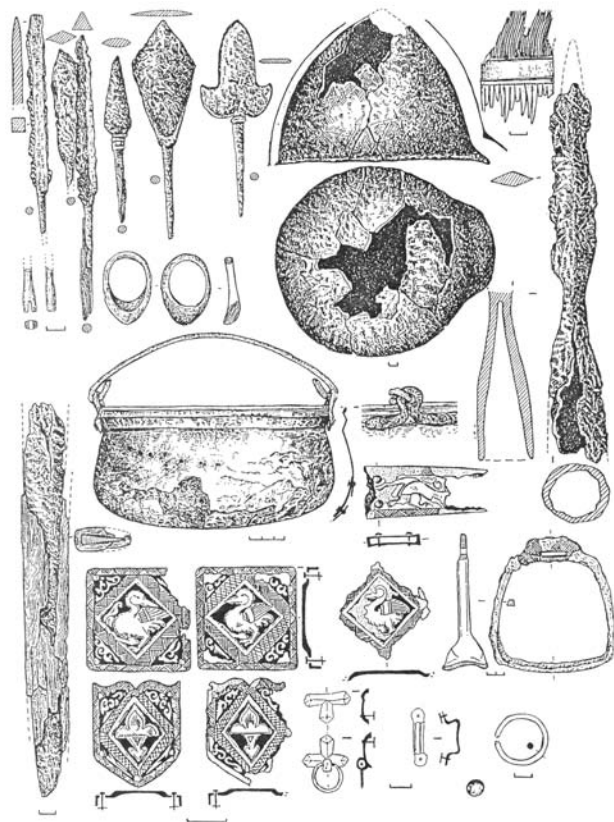
После гибели Идегея в 1419/20 г. во главе западной части Улуса Джучи стал Улуг-Мухаммад (*Улу Махмед, царь Махмед* русских источников), которого поддерживал Великий князь Литовский Витовт. Улуг-Мухаммад был сыном Ичкеле-Хасана и происходил из рода Тука-Тимура, сына Джучи (см.: [Исхаков, 2002]). Монеты с его именем начинают чеканить в ряде улусов (Булгарские эмираты, города Нижнего Поволжья и т.д.). В 1421/22 г. Улуг-Мухаммад потерпел поражение в войне с Баракком и отступил к границам Литвы. В 1423 г. Улуг-Мухаммад при помощи литовского князя Витовта наносит поражение Баракку и вытесняет его из Крыма, а в 1424/25 г. – из Поволжья. В 1426 г. Улуг-Мухаммад возвращает себе власть в западной части Золотой Орды и, укрепив свою власть, участвует в походах против Руси и Ливонского Ордена на стороне Литвы (поход на Псков (1426 г.) и на Рязань (1427 г.)). Одновременно Улуг-Мухаммад ведет борьбу с мятежными Чингизидами. В 1427–1429 гг. он побеждает Девлет-Бирди, который погибает (1429), и отбирает у него Крым. Усиление власти Улуг-Мухаммада повышает международный авторитет Золотой Орды. В 1428 г. Улуг-Мухаммад устанавливает дипломатические отношения с турецким султаном Мурадом II [Султанов, 1978], а в 1431/32 г., используя борьбу русских князей Василия II и Юрия Дмитриевича, укрепляет зависимость Московского великого княжества от Орды, выдав ярлык на великое княжение Василию II, на условии выплаты регулярной дани [Горский, 2000, с.142–143]. Усиление ханской власти Улуг-Мухаммадом вызвало недовольство части знати, особенно мангытских (ногайских) биев. Этим воспользовались Джучиды – противники хана Улуг-Мухаммада, начав наступление на него. Зимой 1436/37 г. против него выступил хан Кичи-Мухаммад, а на его сторону перешел эмир ногаев Ноуруз, сын Идегея. Их войска нанесли поражение Улуг-Мухаммаду, вынудив его отступить на север к русско-литовской границе

(зима 1437 г.). Против Улуг-Мухаммада, укрепившегося в литовском г. Белёве, Василий II направил княжеские полки, которые численно превосходили татарские в несколько раз. Однако в сражении (5.12.1431) московские войска потерпели сокрушительное поражение.

После этого, весной 1438 г., клан Улуг-Мухаммада, видимо, двинулся в Среднее Поволжье. По мнению ряда историков (С.М.Соловьев, М.Г.Худяков, Р.Г.Фахрутдинов и др.), именно в 1438 г. Улуг-Мухаммад подчинил Казань. Закрепившись в Казани, Улуг-Мухаммад начал наступление на Московское княжество. Предлогом для военного давления на Москву являлось то, что он считал себя единственным законным правителем Улуса Джучи, которому великий князь Московский был обязан выплачивать «ордынский выход». В 1439 г. Улуг-Мухаммад внезапно подошел к Москве, осадил ее, разорив окрестности. Результатом похода видимо, стал мир между Москвой и Казанью. Однако в 1445 г. хан неожиданно умирает. По некоторым версиям он был убит в результате заговора. Следующим правителем Казани стал его сын Махмуд, ставший первым, действительно, фактически и юридически казанским ханом.

В целом, Улуг-Мухаммад-хан был выдающимся государственным деятелем и полководцем Золотой Орды. При его правлении Золотая Орда в последний раз была объединена в единое государство, имевшее зафиксированные контакты со многими странами средневековой Евразии, в частности, с Турцией. Его поражение знаменовало начало новой эпохи – татарских ханств. Огромная роль принадлежит ему и в становлении Казанского ханства – национального татарского государства, где первоначально правила династия из его рода. Тем самым, эта историческая личность как бы объединяет Золотую Орду и новое Казанское ханство, утверждая преемственность и последовательное развитие традиций.

Правителем западной части Улуса Джучи после изгнания Улуг-Мухаммада стал Кичи-Мухаммад. Однако его власть была непрочной и не распространялась на всю страну. Принявший крымский трон из рук Великого Литовского князя Казимира в Вильно Хаджи-Гирей возвращается в Крым, основывая

Находки из погребения. Среднее Подонье.
XIII – середина XIV в.
(по В.В.Кравцу, В.Д.Березуцкому, А.А.Бойко)

свое ханство. Уже в 1443 г. в Кырк-Ере он чеканит свою монету с титулом «Султан верховный» [Марков, 1896, с.583]. Судя по всему, создание нового ханства поддержали влиятельные кланы Крыма – Яшлав (Сулждеут), а также Ширины, Барыны и Аргыны.

Кичи-Мухаммад (*Кичи-Ахмад*, *Махмет* русских летописей) (1437–1450-е гг.) был сыном Тимур-хана, внуком Тимур-Кутлуга. Воспитывался, видимо, при дворе Идегея, а после его смерти правил самостоятельно в Заволжье. В 1436 г., воспользовавшись ослаблением власти Улуг-Мухаммада в Улусе Джучи, Кичи-Мухаммад вторгся в Нижнее Поволжье, где на его сторону перешел улуг карачибек Ноуруз, сын Идегея. В конце 1430-х – начале 1440-х гг., после ряда междоусобных войн с Сейид-Ахмадом, укрепившимся на западе, Кичи-Мухаммад занял Подонье и Поволжье. В 1440-х гг. власть его заметно усилилась, о чем свидетельствует регулярный обмен посольствами с Москвой и выплата ею дани. В 1442–1443 гг. Кичи-Мухам-

мад ходил походом на Русь, но был остановлен на Оке. В конце 1440-х и 1460-х гг. Сейид-Ахмад вытеснил Кичи-Мухаммада из Подонья. Воюя с Сейид-Ахмадом, Кичи-Мухаммад пытался найти союзника в лице Московского княжества. Улус Кичи-Мухаммада стал последним осколком единой империи Джучидов – Улуг Улуса, чье название в русской кальке – Большая Орда – стало наименованием этого государства у современников и в русской историографии.

Противником Кичи-Мухаммада являлся Сейид-Ахмад (*Седи-Ахмат*, *Сиду-Ахмат* русских летописей), который являлся сыном Керим-Бирди и внуком Токтамыша. Находился при дворе Улуг-Мухаммада, но после ослабления его власти в середине 1430-х гг., выступил против него, традиционно опираясь на поддержку Литвы. После вытеснения Улуг-Мухаммада из степи Кичи-Мухаммадом (осень 1437 г.), Сейид-Ахмад захватил Крым, сделал его своим улусом, а в начале 1440-х гг. он захватил все степное Причерноморье. Отсюда он проводил регулярные военные походы на соседей, стремясь подчинить

их своей власти. Особенно ожесточенными были его войны с западными соседями. В 1442 г. Сейид-Ахмад вторгся в Подолию и дошел до Львова, в 1444 г. вторгся в Литву, а в 1447 г. – вновь в Подолию. В 1449 г. он помог занять Киев мятежному князю Михаилу, внуку Кейстута. Агрессивная политика хана вызвала недовольство внутри его собственного улуса. Используя поддержку польского короля Казимира IV и опираясь на клан Ширин, султан Хаджи-Гирей в 1449 г. отделился и провозгласил себя ханом, отвовав у Сейид-Ахмада Причерноморье.

Сам же Сейид-Ахмад сумел нанести поражение Кичи-Мухаммаду и вытеснить его из Подонья (около 1449). Отсюда войска Сейид-Ахмада начали вторжения на Русь: в 1441 г. султан Мазовша осаждал Москву, в 1449 г. войска вторглись в Подмосковье, а в 1466 г. – в Поочье. Результатом этих набегов стала регулярная выплата дани хану Сейид-Ахмаду московским великим князем Василием II Темным. Однако в 1456 г. во время похода на

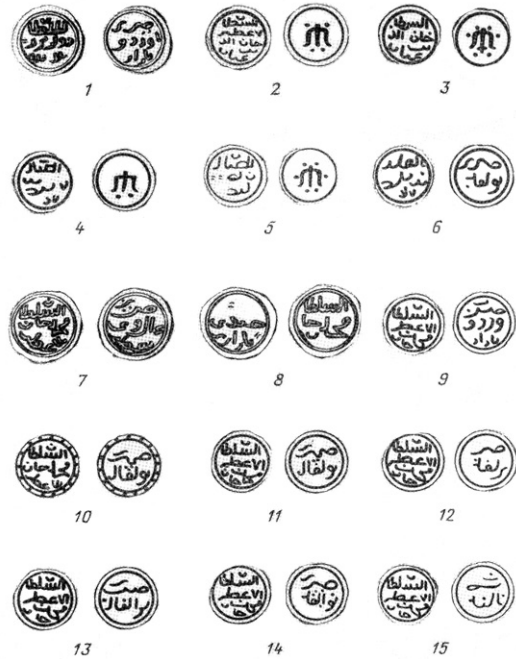
Литву, Сейид-Ахмад был разбит киевским князем Семеном Олельковичем и взят в плен. Поражение ослабило его улус и в начале 1460-х гг. он был захвачен ханом Ахмадом.

Хан Ахмад (*Ахмат*, *Ахмут* в русских источниках), хан Большой Орды (1459–1481), был сыном Кичи-Мухаммада. Улус Ахмада или Улуг Улус (*Большая Орда* по русским источникам) располагался в Нижнем Поволжье и Подонье. Московское великое княжество отказалось признать его власть, что вызвало вторжения татарских войск на Русь. Летом 1460 г. Ахмад совершил поход на Переяславль-Рязанский, но после безуспешной осады отступил в степь. Очевидно, московский князь пошел на какие-то уступки хану, поскольку крупные вторжения на время прекратились.

В 1469 г. Ахмад резко усилил свою власть, захватив улус Сейид-Ахмада, сделавшись самым могущественным ханом в западной части Улуса Джучи. Этот успех позволил ему в 1470-е гг. начать активные дипломатические усилия с целью повышения своего международного авторитета. В 1471–1474 гг. он вел переговоры с Венецией, обещая ей помощь в борьбе с Османской империей, а в 1470–1471 гг. установил союз с королем Речи Посполитой Казимиром IV. Целью военно-политических усилий Ахмада было восстановление могущественного Улуса Джучи. Однако против усиления его власти выступили Крым и Москва. Война хана Ахмада с Русью началась в ответ на нападение русского флота на Сарай и его разорение (1471 г.). Ахмад летом 1472 г. вторгся на Русь и, обойдя укрепления на Оке, осадил и взял 31.07.1472 г. Алексин. Здесь Ахмад ожидал помощи от войск Казимира, но, не дождавшись, отступил в Орду.

Надеясь ослабить власть Ахмада, московский князь Иван III устанавливает тесные связи с крымским ханом Менгли-Гиреем в 1474 г. и казанским ханом Ибрагимом (приезд султана Муртазы в 1472 г.).

В 1476 г. хан Ахмад дважды вторгается в Крым, наносит поражение Менгли-Гирею, которого поддерживала Турция, и заменяет его своим ставленником Джанибеком, настаивая на своих правах на всю территорию Улуса Джучи. Укрепив свою власть в Орде, Ахмад отправляет посольство с требованием приезда Ивана III за ярлыком на княжение в Орду

Дирхемы XV в. 1 – Девлет-Бирди,
2–5 – Гийас ад-Дин, 6–15 – Улуг-Мухаммад
(по А.Г.Мухамадиеву)

и выплаты дани (1476) (о взаимоотношениях Москвы и Улуг Улуса см.: [Горский, 2000, с.163–177]). После отказа Ивана III, Ахмад начал готовится к войне, но в 1477–1479 гг. его власть резко ослабла. Весной 1479 г. хан Менгли-Герей, опираясь на поддержку Турции, занял Крым, а Казанское и Астраханское ханства выступили против усиления его власти. После длительной борьбы Ахмад в 1479 г. нанес поражение узбекскому хану Шейх-Хайдеру и подчинил себе Астрахань.

В 1479/80 г. Ахмад возобновил союз с Казимиром VI и начал готовить большой поход на Москву. Летом 1480 г. Ахмад вторгся на Русь, но был остановлен на р. Угре. Успешные действия Ивана III и набег крымского хана на Литву помешали хану Ахмаду успешно закончить поход и не позволили Казимиру оказать ему военную поддержку. Простояв на Угре до ноября 1480 г. и разорив окрестные области, Ахмад отступил. Фактическое поражение подорвало его власть в степи. Зимой 1480–1481 гг. против него выступили сибирский хан Ибак (Айбак) и ногайские мурзы Муса и Йамгурчи. Напав на ставку хана Ахмада в Подонье, они разгромили ее и убили хана. После смерти хана Ахмада

Большая Орда фактически распалась. Окончательно она перестала существовать, когда крымский хан Менгли-Гирей нанес поражение сыновьям Ахмада в 1502 г. и в своей титулатуре стал именовать себя ханом Улуг Улуса, претендуя на главенство среди других ханов Улуса Джучи. Однако это уже были скорее идеологические претензии, не подкрепленные реальной военно-политической силой.

§ 2. Улус Джучи как предтеча Российской державы

Александр Кадырбаев

Истоки феномена российской имперской государственности, наглядным олицетворением которой были Московское царство в период его расцвета и Российская империя, имеют в своей основе синтез трех компонентов: древнерусской государственности Киевской Руси, идеологической и культурной традиции Византийской империи, через посредство православной христианской религии, и имперского наследия Золотой Орды.

Спор о евразийском наследии Улуса Джучи не утратил злободневности в наши дни. В этой связи представляет немалый интерес проблема золотоордынского наследия по отношению не только к тюркским народам Восточной Европы и Центральной Азии, но и к восточнославянским, и угро-финским. А истоки данной проблемы уходят в эпоху монгольских завоеваний XIII в.

При всем трагизме монгольская эпоха не была проста и однозначна. Это относится и к таким сложным конгломератам, как империи Чингиз-хана и его первых наследников, в числе которых Золотая Орда. Поэтому абсолютно негативное отношение к монгольскому завоеванию и всему, что с ним связано, видимо, не совсем правомерно. Этого мнения, в частности, придерживался такой серьезный исследователь данной эпохи, как В.В.Бартольд [Бартольд, 1963–1977, I–IX]. Создаваемые в основном в результате кровавых завоеваний, эти империи в дальнейшем играли и цивилизующую роль. Ведь создание империй, при всем неприятии насилия и крови, это и попытки, хотя далеко и несовершенные, человечества к интеграции. Примеры тому не только державы Ахеменидов и Александра Македонского, Рим, Арабский халифат, Османская, Британская и

Таким образом, после гибели Идегея распад Улуса Джучи оказался неизбежным. Стремительно распадавшаяся империя в течение восьмидесяти лет переживала жестокую агонию, а на ее территории возникли новые татарские ханства – Сибирское (1420 г.), Крымское (1428 г.), Казанское (1438 г.) и Большая Орда (Улуг Улус). Возникла новая этнополитическая ситуация.

Российская империи, но и сами результаты монгольской экспансии. Созданные в итоге походов Чингиз-хана и его первых наследников государства, ярким примером которых стал Улус Джучи, включивший в свой состав и Русь, являют собой пеструю картину во всех отношениях. Более того, отмечается возникновение гораздо большей политической устойчивости после образования этих государств во всей Евразии от Восточной Европы до Центральной Азии и Китая.

К тому же отсутствие пространственных перегородок в пределах этих обширных империй создавало возможность сближения народов Евразии. Культуры тюркских, монгольских, восточнославянских, угро-финских, кавказских и других народов Евразии длительное время формировались, находясь в единой системе связей, что сближало их, определяя во многом сходство жизненного уклада и менталитета этих народов, и это приводило к объединению их в многонациональные государства, каковыми и были империи потомков Чингиз-хана, такие как Улус Джучи. Поэтому лишь отрицательный взгляд на них, как на «дикие», был бы исторически несправедлив.

После распада империи Чингиз-хана древнерусские земли вошли в состав Улуса Джучи. Монголы принесли собственное общественное устройство только в подвластные им пространства степей Дашт-и Кыпчака, в отношении же Руси завоеватели довольствовались ее полным подчинением, учредив на ее землях институт баскаков – сборщиков налогов, но не меняя общественное устройство. Впоследствии и сбор налогов перешел в ведение местных русских князей, признающих власть

Джучиева Улуса. От выплаты дани была освобождена Русская православная церковь, получившая специальные ярлыки, которые защищали церковное имущество от произвола светских властей. Такая ситуация сохранялась в Джучиевом Улусе и после объявления ханом Узбеком ислама в качестве государственной религии, – явление, невиданное в других мусульманских империях. В 1261 г. в золотоордынской столице – Сарае – возникла православная епархия. Так, Джучиды, потомки Чингиз-хана, выполняли его завет терпимо относиться к представителям различных вероисповеданий. Поэтому представляется спорным утверждение, что Русская православная церковь вдохновляла русское общество на борьбу с золотоордынской властью, как и мнение, что поражение ордынцев Мамаем на Куликовом поле подорвало власть Улуса Джучи на Руси. Победа коалиции русских княжеств во главе с Москвой над Мамаем, который не был даже ханом Золотой Орды и возглавлял только часть золотоордынских войск, имела больше моральное и психологическое значение, но не для Джучиева Улуса, а для Руси, как ее первая крупная победа над ордынцами более чем за 150 лет. В ближайшее время после Куликовской битвы хан Токтамыш взял и разрушил Москву, восстановив *status quo*, существовавший до этого. Улус Джучи сокрушил правитель Самарканда Тимур, основатель мировой империи от Малой Азии до границ Китая, совершивший 3 похода в его пределы. Были разрушены города Джучиева Улуса, караванные пути переместились на юг, во владения Тимура. От этих потрясений Золотая Орда уже не смогла оправиться и в первой половине XV в. распалась на отдельные владения: Большую Орду, Крымское, Казанское, а затем Астраханское ханства, Узбекский улус, на руинах которого возникли Ногайская Орда, Казахское и Узбекские ханства, а также Великое княжество Московское, где по золотоордынским образцам функционировала военная организация, фискальная система, посольский обычай, протокольная традиция государственных канцелярий, ценилось ханское звание и принадлежность к роду Чингизидов. Русская знать легко находила соответствия своей титулатуре в золотоордынской системе и устойчиво вписывалась в ордынские порядки [Трепавлов, 1998, с.101–114]. Сходство по-

рядков в Улусе Джучи и на Руси было столь значительно, что еще в «Задонщине», русской повести XV в., Русь называлась «Залесская Орда». В свою очередь, в государственной структуре Великого княжества Московского Чингизиды считались «честью бояр выше» [Ланда, 1995, с.44–67]. В сознании тюркской знати постордынских ханств, да и среди потомков ордынской знати в числе московской аристократии, еще долго, вплоть до середины XVI в., было живо убеждение в праве господствовать над Москвой и ее землями. В конце концов, оно воплотилось в восхождении на русский трон Бориса Годунова, потомка золотоордынца Чет-мурзы. Именно Годунов своим официальным царским указом уравнил Чингизидов, ханов вассального от Москвы Касимовского ханства, являвшихся к тому же мусульманами, с грузинскими православными царевичами, жившими в Москве, и с высшими иерархами Русской православной церкви. И позднее потомки ордынской знати играли видную роль при царском дворе, породившись в середине XVII в. с правящей в России династией Романовых.

Хотя Чингизиды создали империю военным путем, тем не менее, их государство опиралось не только на военную силу, что объясняет их почти 300-летнее владычество на Руси. Воистину пророческими оказались слова китайского древнего мудреца Лу Цзя, приписываемые зачастую Конфуцию: «Можно завоевать империю, сидя на коне, но нельзя с коня управлять ею». На Руси потомки Чингиз-хана сумели лучше адаптироваться к местным условиям и создать более эффективную систему управления завоеванными территориями, чем в Китае – в Юаньской империи, или в Иране – Улусе ильханов Хулагуидов, где они были у власти гораздо меньше времени – примерно 100 лет.

Со своей стороны, Русь имела в лице метрополии, каковой была для нее Золотая Орда, духовную и военную поддержку в многочисленных войнах с католической Европой, объявившей крестовый поход против Руси и ордынцев. Таким образом, выбор князя Александра Невского, победителя шведов и тевтонцев, «приемного сына» и фаворита хана Бату, был сделан в пользу союза с Золотой Ордой. И этот выбор был освящен Русской православной церковью. Наглядное тому под-

тверждение – причисление Александра к лику православных святых. Этого выбора придерживались и другие видные деятели Руси золотоордынской эпохи, например, Великий князь Московский Иван Калита. Именно золотоордынская система сделалась прообразом российской имперской государственности. Это проявилось в установлении авторитарной традиции правления, в жестко централизованной общественной системе, дисциплины в военном деле и веротерпимости. Хотя, конечно, были и существенные отклонения от этих принципов в определенные периоды российской истории. Помимо этого Русь и другие подвластные Джучиевому Улусу земли были вовлечены в находившуюся на более высоком уровне финансовую систему золотоордынской империи; завоеватели создали эффективную, пережившую века, ямскую систему путей сообщения, сеть почтовых организаций на значительной части Евразии, в т.ч. на территории будущей России. Наследием Золотой Орды стало обыкновение (хотя и не всегда на всем протяжении истории России) не ассимилировать новые, завоеванные и включавшиеся без кровопролития в состав Российского государства земли, не изменять жизнь, религию и язык покоренных народов.

Российская имперская идея во многом представляет синтез золотоордынских и византийских имперских традиций, между которыми есть и общее, и существенные различия. Как Византия, так и Золотая Орда были великими евразийскими державами, и Российская империя унаследовала от них эту особенность. Что касается отличий, то византийское наследие прослеживается больше в духовной жизни, а золотоордынское – в практике государственного строительства и управления, хотя и далеко не исчерпывается только этим. Отличие состоит также и в том, что Российская империя была единственной именно имперской наследницей Джучиева Улуса, в то время как среди имперских преемников Византии, наряду с Россией, была и Османская империя. Но подлинное величие России, как великого государства, при всем значении древнерусской и византийской традиций, было заложено не столько восточ-

ными славянами, варягами и византийцами, сколько ордынцами. В силу исторических обстоятельств древнерусская государственность не развилась до имперского уровня, а пошла по пути «дробления» и пала под натиском тюрко-монгольских завоевателей, создавших мировую евразийскую державу – Золотую Орду, ставшую предтечей Московского государства и Российской империи.

Оказавшись в составе Джучиева Улуса, подвластные этой империи народы не остановились в своем развитии. Были радикально изменены пути этого развития, что в итоге привело Русь, например, к принятию от Улуса Джучи эстафеты гегемонии среди евразийских держав, когда к концу XV в. Русь в лице Московского государства становилась решающей силой в великом состязании «царств-наследников» Золотой Орды. Эта борьба за гегемонию в евразийском наследии Золотой Орды затянулась до конца XVII в., когда Московское государство прекратило выплату дани, правда, нерегулярную, т.н. «поминок», Крымскому ханству, своему основному сопернику в борьбе за наследие Джучиева Улуса.

Став частью исторического прошлого, это соперничество оставило о себе память и в виде многочисленных российских княжеских родов тюркского происхождения, истоки формирования которых относятся как ко времени Золотой Орды, так и к более поздней эпохе [Баскаков, 1979]. Окончательная точка в этом многовековом состязании в пользу Российской державы была поставлена во второй половине XIX в., когда последнее тюркское государство – наследник Золотой Орды – Хивинское ханство на землях древнего Хорезма стало частью Российской империи. История совершила очередной виток по спирали – все вернулось «на круги своя» [Кадырбаев, 2003, с.66–75]... Евразийская держава возродилась, хотя и в ином обличье. Таким образом, ответ о путях возрождения России, как великой державы, во многом следует искать, обращаясь к исторической традиции формирования ее имперской государственности, где весьма заметно наследие Золотой Орды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Миркасым Усманов

Об Улусе Джучи до сих пор сказано мало. Однако всестороннее полноценное научное освещение истории этого огромного, сложнейшего по образованию, этническому составу, культуре и судьбе государства – фактически мировой империи средневековья – еще не осуществлено. Как и прошлое ряда стран и государств, история державы Джучидов в широкодоступной литературе, прежде всего, в учебниках (в этих самых действенных средствах влияния на умы), обрамлена всевозможными мифами, легендами и облеплена негативными ярлыками-эпитетами.

Разумеется, несмотря на такую общую картину и господствовавшую историографическую тенденцию по отношению к Золотой Орде вообще, были созданы вполне удовлетворительные по качеству исследования на специальные или частные темы. Прежде всего, имеется в виду достаточно последовательное освещение этапов монгольских завоеваний в Восточной Европе в 30–40-х гг. XIII столетия. К таковым также относятся, например (независимо от целей исследований и предлагаемых выводов), сюжеты из истории политических взаимоотношений правителей Улуса и русских князей эпохи зависимости, хотя в них история государства Джучидов рассматривалась лишь как внешний фактор.

Достоинны внимания фундаментальные труды отечественных ориенталистов, опубликовавших письменные памятники, которые до сих пор находятся в научном обиходе как основные источники информации.

Интересные разработки, хотя и неполные по содержанию, представлены по истории взаимоотношений Джучидов с отдельными странами Востока, например, с Египтом Мамлюков, Ираном Хулагуидов.

Существенные успехи достигнуты в археологическом изучении некоторых памятников Поволжья и Крыма. Трудями Ф.В.Баллода, Г.А.Федорова-Давыдова, его учеников и последователей поднята из небытия целая цивилизация – городская мусульманская культура средневековой Восточной Европы.

Достижения имеются в области изучения социально-экономических особенностей империи, в т.ч. в разработках по финансово-денежному делу. Но возможности нумизматического наследия еще не исчерпаны...

Вместе с тем, несмотря на такие отдельные достижения, во многом освещение истории

Улуса Джучи представлено до сих пор фрагментарно и разорвано на отдельные сюжеты, изученные с различной степенью полноты.

В данной работе, представленной на суд читателей, сделана первая попытка осветить историю Джучиева Улуса многопланово и по возможности системно. Она рассматривается не узко, как история одного-двух позднейших народов, хотя бы даже «титulyных», а значительно шире, так как она разворачивалась в те времена в реальной действительности. Ведь держава Джучидов оставила – хотим мы того или нет – глубокий след в истории десятка народов, множества племен, обитавших от Саяно-Алтайского региона на востоке до Дуная и Балкан на западе. Следовательно, тех народов, потомки которых до сих пор продолжают жить на означенной территории.

Однако следует признать, что в этой работе не все вопросы удалось охватить и осветить должным образом, что связано со следующими двумя основными причинами. Во-первых, история ряда народов означенного пространства, не имевших в прошлом и не имеющих ныне своей государственности, оказалась неразработанной в достаточной степени по различным периодам.

Во-вторых, как следствие этого, имеет место отсутствие подготовленных специалистов по средневековой истории ряда регионов северо-западной Евразии и проживавших там народов. Проще говоря, проблематично было найти соответствующих авторов по той или иной конкретной теме. По этой причине некоторые темы и сюжеты остались вообще затронутыми.

Имеются и другие недостаточно проработанные, еще не осмысленные должным образом, проблемы общего характера, необходимые для понимания ряда особенностей политической истории, общественных отношений как самой Золотой Орды, так и других, в т.ч. татарских государств, возникших при ее распаде.

Многие основные институты общественно-социальных, государственно-политических и административно-управленческих структур Монгольской сверхдержавы, следовательно – и отколовшегося от нее Джучиева Улуса, восходят, как устанавливается, к центральноазиатским истокам домонгольского периода, т.е. к своеобразной кочевой цивилизации, на протяжении тысячелетий приспособленной к су-

ровым географо-климатическим условиям, испытывавшей влияние в т.ч. древнекитайской культуры. Поэтому у этих «детей природы» были свои простыи, и, в то же время, довольно сложные правила жизни, собственные этические установки, правовые нормы, существовавшие в форме обычного права. Многие компоненты и элементы этих устоев и норм легли, как было показано, в основу Йасы Чингизхана, предписания которой действовали и в державе Джучидов. Таким образом, для того, чтобы лучше понимать, а следовательно и правильнее интерпретировать особенности общественно-политических отношений в Золотой Орде, в других татарских государствах, в т.ч. их взаимоотношения с покоренными, соседними странами и народами, необходимо знание основ этих нравственных устоев и правовых норм. Проиллюстрируем это несколькими примерами.

Достоинны специального внимания вопросы положения и роли женщины в верхах кочевого общества. Факты управления империей и государством после смерти своих мужей, в качестве регентш, причем годами (например, после смерти Чингизхана и Угедея), также активные вмешательства монарших дам в государственные дела, в около-тронные интриги (Эргэнэ-хатун в Чагатаевом Улусе; Тайдула в Золотой Орде; Нур-Султан в Крыму; Гаухаршад, Сююмбике в Казани – примеры можно увеличить) свидетельствуют, помимо личных качеств упомянутых особ, о некоторых глубинных особенностях обычаев и правовых норм.

Представляется, что общепризнанная религиозная терпимость Джучидов, точнее ранних Чингизидов, специально узаконенная в Йасе, также связана с культурой и менталитетом народов домонгольской Центральной Азии, где веками мирно сосуществовали разные религии. Характерно то, что один и тот же народ (например, уйгуры), неоднократно менявший свои верования, не стремился полностью уничтожить памятники, следы прежних религий.

Мусульманство в Улусе Джучи в виде ханифитского мазхаба (толка) также проявляло терпимость к другим книжным религиям. Традиция сохранилась и позднее. Например, в Казанском ханстве не было попыток насильственной исламизации христиан, даже пленных.

Весьма сложной проблемой в истории постчингизовской Монгольской империи, в т.ч. после ее окончательного политического рас-

пада в конце 60-х гг. XIII в., являются особенности взаимоотношений между улусами, ставшими самостоятельными. Если мы более или менее подробно знаем о взаимоотношениях Джучидов и Хулагуидов, то этого не можем сказать о взаимоотношениях с Чагатаидами в XIII – первой половине XIV в. Еще более сложным вопрос становится при рассмотрении истории связей между Сараем и Ханбалыком, т.е. столицей Юаньской империи того же периода. Факты выделения доли с налогов из владений великого хана в пользу сарайских правителей и поставки Джучидами XIV в. отдельных туменов воинов из числа подвластных им асов, русских, кыпчаков для службы в Китае, а также наличие личных земельных владений Джучидов на Дальнем Востоке и великих ханов – в Золотой Орде – все это требует специального исследования.

Создается впечатление, что между некоторыми улусами бывшей единой Монгольской империи действовали какие-то малоизвестные нам юридическо-межгосударственные нормы взаимоотношений. Если до распада сверхдержавы взаимоотношения между улусами имели, условно выражаясь, подобие «федеративной» формы, то после распада, они, видимо, приобрели характер своеобразной «конфедерации». Следовательно, невозможно ограничиться лишь констатацией того, что в такие-то годы империя распалась на самостоятельные государства, ибо вышеотмеченные факты противоречат этому. Можно надеяться, что специальное изучение и осмысление этих аспектов межулусных взаимоотношений, их правовой природы способствовали бы лучшему пониманию политической истории как отдельных частей бывшей суперимперии, так и самой Золотой Орды, а также ее «осколков» – Казанского, Крымского, Астраханского, Сибирского ханств и Большой Орды, между которыми, как известно, имелись «тронные претензии», способствовавшие и их собственной гибели.

Наравне с такими общими проблемами, важными для лучшего осмысления культуры, политического быта населения и государств как всей Центральной Азии в целом, так и державы Джучидов, в частности, имеется еще целый ряд нерешенных конкретных вопросов по истории самого Улуса Джучи. Например, долгое время дискутировались проблемы локализации Ак-Орды и Кок-Орды. Высказывались противоречивые, порой совершенно противоположные мнения. Сейчас картина несколько определяется, хотя невыясненными

должным образом остаются вопросы границ между ними и их административные, также политико-правовые взаимоотношения.

Сложными, туманными продолжают оставаться вопросы взаимоотношений между отдельными племенами, родами, кланами кочевой части населения Улуса Джучи, сыгравшими известную роль во время «великой замятни» и «тронной чехарды», означавших начало кризиса и распада государства.

Освещая историю кризиса и распада империи следовало бы уделить должное внимание на значение как «черного моря» (пандемии чумы), так и географо-климатических, экологических катаклизмов, отмечаемых специалистами из области социо-естественных дисциплин. Наивно сводить причину кризиса и гибели могущественного государства лишь к внешним факторам. Вряд ли правомерно также ставить знак равенства между всем государством и темником-сепаратистом. Следовательно, результаты социо-естественных исследований, а также изучение известного демографического кризиса должны в будущем занять достойное место при освещении проблемы.

Нет ясности и четкости в употреблении, толковании значения термина «татары», особенно композиты «татаро-монголы» или «монголо-татары». Во многих работах в них, независимо от времени и места, вкладывают одно и то же содержание – завоеватели, находящиеся под предводительством монгольских правителей, начиная от самого Чингиз-хана, кончая ханами XV–XVI, даже XVII вв. В действительности этнический состав завоевателей середины и второй половины XIII столетия отличался от такового первого десятилетия XIII в. Благодаря, прежде всего, персидским, затем арабским авторам, прежний этноним *татары*, являвшийся собирательным *экзоэтнонимом*, позднее превращается в *политоним* с чрезвычайно расширенным содержанием.

Однако из-за изменения этнического состава завоевателей в процессе их продвижения на запад, вследствие увеличения в их среде тюркского компонента, затем из-за возвращения с Гуюком значительной части монгольского воинства в Центральную Азию, население владений хана Бату приобрело несколько иной этнический облик. Поэтому, начиная со времени правления Берке (1256–1266), применительно к населению страны неуместно употребление этнонима *монголы*. Учитывая такие особенности сложного этнического процесса, более правомерно применение композиты *тюрко-татары*. Ибо сло-

жение такой этнической общности, начавшееся в 20–30-х гг. XIII в., почти полностью завершилось к середине XIV столетия.

Этот сложный процесс нуждается в дальнейших исследованиях, в которых этнонациональное лицо основного и подавляющего по численности населения не подменялось бы этническим происхождением правящей династии, также подвергавшейся тюркизации. (В этой связи уместен вопрос: можно ли, исходя из варяжского происхождения ранних князей в Киеве, все славянское население страны называть норманами и культуру городов «норманской»?).

В специальном и комплексном исследовании нуждаются проблемы возникновения и развития *системы городов* золотоордынской эпохи, которые стали центрами тюркомусульманской культуры и представляли собой новый тип городской цивилизации. В них сложились многие элементы «высокой» культуры – письменной литературы, духовно-религиозной мысли, административно-канцелярской системы управления, различных ремесел, градостроительного искусства (бани, канализация, водопровод, оросительные каналы) и т.д. и т.п. Все это явилось существенным нововведением – по истокам синкретичным, по форме оригинальным новым явлением – для всей северо-западной Евразии.

Естественно, для удовлетворительного изучения такой сложной культуры (и не только ее), вместе с привлечением возможностей письменных источников, необходимо осуществлять расширенное обследование археологических памятников, причем не ограничиваясь территорией лишь нескольких центральных городищ. Остается актуальным вопрос восстановления традиций планомерных и системных археологических поисков и исследований 60–80-х гг. прошлого столетия. Одновременно нужно добиваться улучшения охраны городищ от произвола хозяйственников и грабежа «черных археологов».

Такие же задачи стоят перед нумизматами, располагающими богатейшим монетным наследием, свидетельствующим о хозяйственной, торгово-экономической и финансовой деятельности, т.е. социальной жизни. Наравне с исследованиями содержания отдельных кладов необходимо создание сводных каталогов джучидских монет.

Все это говорит о том, что одной из актуальных задач на будущее является подготовка нового поколения высококвалифицированных, свободных от политических шор и эт-

нических предубеждений специалистов как по общим проблемам средневековой истории региона, так и по специально-вспомогательным дисциплинам исторического знания.

Таковы вкратце некоторые актуальные задачи, стоящие перед медиевистами, изучающими прошлое ряда народов средневековой северо-западной Евразии, неразрывно связанной с еще недостаточно осмысленной историей Центральной Азии, через нее – с Дальним Востоком.

* * *

Что касается судьбы самой Золотой Орды, как явления прошлого, то она, как мы видели из предложенного материала, вступив во второй половине XIV в. в полосу закономерного длительного кризиса, потерпев жестокое поражение в конце того же столетия от Тимура, почти полтора столетия развивалась по нисходящей линии. То есть, образно говоря, наступили сумерки империи. В конечном счете, это привело к ее постепенному распаду. Полный распад происходит в течение XV столетия, когда друг за другом, но в разные годы на территории различных частей империи образовались новые самостоятельные и соревнующиеся между собой тюрко-татарские ханства: Астраханское, Казанское, Казахское, Касимовское, Крымское, Сибирское, Большая Орда и др. Последняя, т.е. Большая Орда, как бы являлась наследницей центральной части и трона бывшей Золотой Орды.

В 1502 г. Большой Орде был нанесен смертельный удар со стороны правителя одного из бывших улусов державы Джучидов – Крымского ханства, к которому Большая Орда была присоединена. Хан Менгли-Гирей, одержавший победу в борьбе с последним ордынским ханом Шайх-Ахмадом, к своей титулатуре добавил новый компонент: «Великий хан Великого улуса» (*Улуг Орданың улуг ханы*).

Этим событием будет посвящен следующий том «Истории татар».

Таким образом, начиная с XVI в. тюрко-татарский и собственно татарский фактор в северо-западной Евразии вступает в новую полосу – полосу бесповоротно нисходящего политико-государственного влияния.

В этих политических условиях на широкую международную арену выходит развивающийся по восходящей линии новый фактор – русский, окрепший в недрах Джучиева Улуса в результате упорной и умелой борьбы в трех направлениях за самостоятельность (против

внутреннего сепаратизма, польско-литовского соперничества и сарайских давлений).

Так, с середины XVI в. начинаются новые внешние завоевания, ликвидация других государств, как это издревле было заведено в истории человечества.

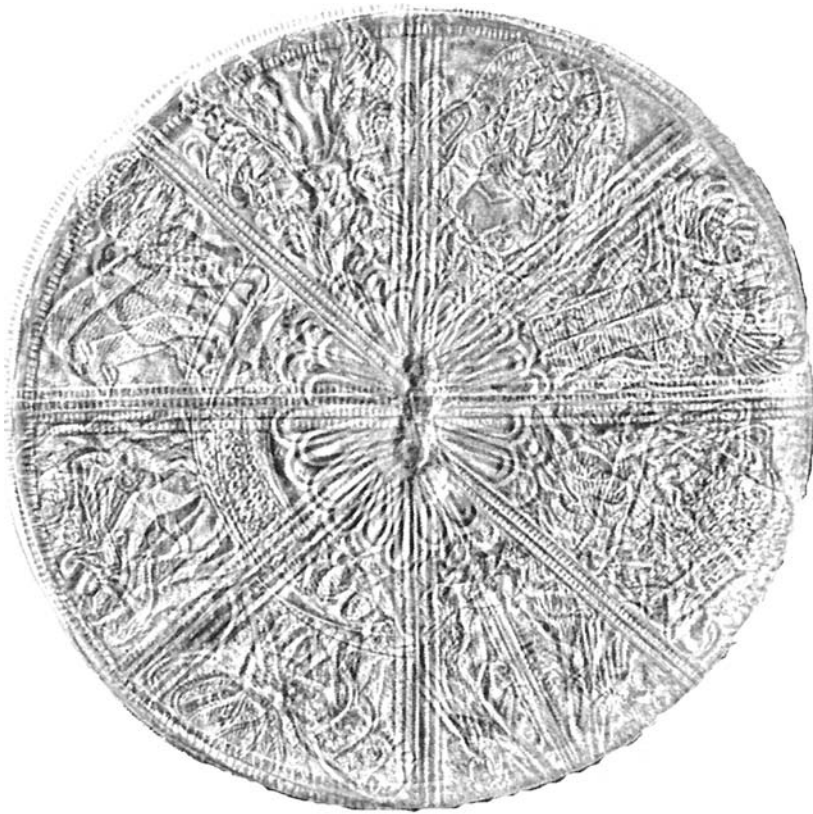
Если тюрко-монгольские завоевания XIII в. шли от востока к западу, то новый процесс – обычное явление в ряду многих аналогичных «картин» всемирной истории – развивался от запада к востоку и югу. В результате в северо-западной Евразии образовалась новая крупная держава – Российская империя, сыгравшая роль доминанты в судьбах других народов субконтинента.

Однако тюрко-татарский фактор не сходит на нет сразу после 1552–1556 гг., т.е. после падения Казани, покорения Астрахани, даже после покорения Сибири в 80–90-х гг. того же столетия. Российской империи, наравне с экспансией в северо-западном направлении, приходилось длительное время иметь дело с одним из «осколков» Улуса Джучи, существовавшим дольше других. Окончательно и полностью судьба татарского фактора в северо-западной Евразии была решена в пользу новой империи лишь после присоединения к России в 1783 г. Крымского ханства.

* * *

После распада Монгольской сверхдержавы внучатые потомки Чингиз-хана основали династии в четырех государствах: Юаньской империи, улусах Джучи, Чагатай и Хулагу. В Китае, Средней Азии и Иране примерно через 90–120 лет Чингизиды были свергнуты. Маломощные Чагатаиды (Туглукиды) в Могулистане занимали трон почти до конца XVII в. Дольше всех на ханском престоле находились представители Джучидов. Так, если от могущественного хана Бату (условно с 1227 г.) до последнего правителя Большой Орды они занимали ханский трон в течение 275 лет, то в Астрахани, Казани, Касимове, в Крыму – на западе и в Сибири, казахских просторах, Средней Азии – на востоке некоторые Джучиды, в т.ч. Шибаниды, еще дольше, почти до середины XIX в., правили отдельными улусами-ханствами (например, казахскими ордами). Гирей – представители тех же Джучидов – оставались ханами до 1783 (1785) г. Следовательно, в северо-западной Азии и Восточной Европе Чингизиды-Джучиды, постепенно деградируя социально и политически, официально царствовали от 550 до 650 лет.

Приложения

И. Источники по истории монгольских завоеваний и образования Улуса Джучи

№ 1

Из поучений Чингиз-хана

В.Л. Котвич (1872–1944), видный польский востоковед-лингвист, отмечал: «Это беседа Чингиз-хана с его сыновьями, которая включена в «Почтения Чингиз-хана его младшим братьям и сыновьям». Почтения эти известны нам в двух немного различающихся между собою вариантах, из которых один был издан еще в 1836 г. в монгольском тексте А.Поповым в его «Монгольской хрестоматии», а другой – Ц.Жамцарано отдельной брошюрой в 1915 г. в Урге. Это один из немногих образцов монгольского эпического творчества, записанный, по-видимому, в очень давнюю пору. Ниже мы помещаем перевод интересующей нас части этого памятника, отдавая предпочтение варианту, изданному А.Поповым».

Источник цитируется по изданию: Котвич В.Л. Из поучений Чингиз-хана // Восток. – Пг., 1923. – Кн.3. – С.94–96.

«Чингиз-хан спросил у своих сыновей: – «Какое празднество¹ выше всех празднеств? Какое наслаждение выше всех наслаждений?»»

На это Чагатай сказал: – «Если устроить счастливое празднество и пировать по случаю того, что минует старый год и ему на смену приходит новый, – это и будет высшее празднество». – Но Чингиз-хан промолвил: – «Это ваше празднество не есть настоящее празднество. Ведь в то время, когда младенец еще не родился, и ему не дано имени; когда он еще не вышел из утробы и не увидел света, – кому же будет нарекаться имя, чье начало будет праздноваться впервые? Если же впоследствии вы будете праздновать и наслаждаться, вспоминая день, когда вы получили начало от отца и родились от матери, то это будет подлинное празднество».

Чагатай сказал: – «По моему мнению, если подавить врага, разгромить наездника, расторгнуть сговоренных, заставить верблюдицу реветь по верблюджатам и привести с собой добычу, – это будет высшее удовольствие».

Джучи сказал: – «На мой взгляд, высшее удовольствие – разводить многочисленные табуны лошадей, пускать запаски многочисленных двух-леток, воздвигнуть себе ставку и забавляться пиршествами».

Угэдэй сказал: – «Я полагаю, что лучшее из наслаждений будет в том случае, если обеспечить благоденствие великому государству, созданному трудами нашего отца-хана, положить ноги на почву и руки на землю², предоставить своему собственному народу жить в ставке, держать в порядке дела государственного управления, дать возможность наслаждений старейшинам и начальникам и обеспечить спокойствие подрастающей молодежи».

Тулуй сказал: – «По моему мнению, высшее блаженство заключается в том, чтобы тренировать своих аргамаков, бродить по глубоким озерам, спуская своих старых Ястребов, и устраивать охоту на птиц, ловя серых уток».

Чингиз-хан сказал: – «Джучи и Тулуй, вы оба говорите речи маленьких людей. Чагатай ходил вместе со мной на врагов и потому говорит такие слова. Однако, когда относились с пренебрежением к чужим, то не раз являлись причиной плача своих жен. Когда относились с пренебрежением к рыбе хариусу, то не раз были случаи, что он ранил до боли ладонь руки. Слова же Угэдэя – вполне правильны».

Этим и кончается беседа Чингиз-хана с его сыновьями, из которых он, как известно, своим преемником наметил Угэдэя, изложившего программу мирного устройства государства. В тех же «Почтениях Чингиз-хана» имеется краткое изложение своих взглядов и самим монгольским завоевателем. Вот приписываемые ему слова:

Чингиз-хан сказал: – «Если дела государственного управления находятся в порядке, если владыка государства – мудр и искусен, если начальствующие братья его обладают совершенствами, если давшие ему жизнь отец и мать живы и невредимы, если у него имеются чиновники, знающие дела государственного управления, если он располагает войском, способным подавить не унижающегося врага, если его жены, дети и потомство будут здравствовать до скончания веков, если ему будет покровительствовать могучий вечный дух вселенной, – то в этом и будет заключаться его несравненное великое блаженство»».

Материал подготовила Алсу Арсланова

¹ Монгольское слово *хурим* означает празднество и соединенное с ним пиршество.

² Это образное выражение, характеризующее спокойную жизнь (по-видимому, в противоположность боевой жизни на коне).

№ 2

«Хэй-да шилюэ» («Краткие известия о черных татарах»)

В 1233–1236 гг. в столице Монгольской империи побывало несколько южнокитайских дипломатических миссий. От них, к сожалению, не сохранилось официальных отчетов. Однако до нас дошли заметки, которые были сделаны двумя чиновниками из состава этих миссий – Пэн Да-я (в 1233 г.) и Сюй Тингом (в 1236 г.), сведенные в «Хэй-да шилюэ» («Краткие известия о черных татарах»). Тут надо сразу разъяснить термин «черные татары», т.к. это – китайский термин, применявшийся к народностям, которые сейчас принято называть монгольскими. Дело в том, что в средневековой китайской историко-географической литературе укрепились своего рода классификация «северных варварских народов», т.е. народов, живших к северу от Великой китайской стены. К XI–XII вв. их всех чаще всего называли обобщенно – «тата», или «татань» (китайские транскрипции этнонима), т.е. «татары». Но для различения, очевидно, разных – тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народностей, скрывавшихся под названием этих «татар», применялись дополнительные определения. Так появились в китайских текстах «белые татары» (*онгуты*), «черные татары» (собственно монгольские народности), «дикие татары» (*хойин ирген*, «лесные народы») и даже «водяные татары».

Миссии, в которых участвовали Пэн Да-я и Сюй Тин, происходили в период плотного взаимодействия южно-китайской династии Сун с Монгольской империей – в 1233 г. сунцы и монголы, пока еще союзники, договаривались о согласовании действий в предстоящей кампании против Цзинь (в феврале 1234 г. сунцы совместно с монголами взяли последний оплот чжурчженей – их столицу Цайчжоу и покончили с империей Цзинь), а в 1236 г. сунским властям надо было срочно решать проблемы, возникшие у них с монголами по поводу раздела цзиньского наследства. В обоих этих случаях сунцы нуждались в конкретной и точной информации о состоянии дел в Монгольской империи. Значительная часть этих сведений и вошла в «Хэй-да шилюэ»*, сочинение, представляющее собой интересный феномен: оно относится, с одной стороны, к жанру путевых записок (что ценно ввиду достоверности его как свидетельства очевидцев), но, с другой стороны – это и вид памятной записки для властей государства Южная Сун, что определенным образом формализует сведения, в нем изложенные. Композиция произведения при этом необычна – это соединение 2-х сочинений, проведенное и отредактированное автором одного из них (Сюй Тингом). Дело в том, что Пэн Да-я написал свое сочинение сразу после поездки в Каракорум, а Сюй Тин свое – через 2 года после этого. Но они оба встретились в 1236 г. и обменялись своими сочинениями для взаимопроверки, после чего Сюй Тин взял за основу сочинение Пэн Да-я, снабдил его практически поабзацно своими добавлениями и комментариями и издал получившееся произведение как единое целое. Т.о., получился своего рода «слоеный пирог» из текстов Пэн Да-я и Сюй Тина**.

Номенклатура сведений, представленных Пэн Да-я и Сюй Тингом в XIII, чрезвычайно широка и разнообразна. В первой половине текста они в основном касаются описания высшего руководства Монгольской империи, кочевого быта, обычаев, верований, письменности и социально-политических реалий как самих монголов, так и подвластной им империи. И в этой части сведения Пэн Да-я и Сюй Тина не более подробны, чем описания других путешественников к монголам, хотя и добавляют немало интересных деталей. Зато в другой половине XIII их сведения являются крайне важными и ценными, т.к. они подробно описывают военное дело монголов, их разведку, коневодство, устройство военных лагерей и гарнизонов и ход принятия высшим руководством стратегических решений. Кроме Пэн Да-я и Сюй Тина никто из их современников не оставил сведений по этим темам в сколько-нибудь сопоставимом с ними виде – как в объеме, так и в детализации.

* Пэн Да-я, Сюй Тин. «Хэй-да шилюэ» // Ван Го-вэй Хайнин Ван Цзин-ань сяньшэн ишу (Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Хайнина). Т. 37. Чанша, 1940, «Шаньу иньшугуань» (далее – XIII). Ниже также цит.: «Юань ши» (История династии Юань), «Чжунхуа шуцзюй чубань». Пекин, 1976 (далее – ЮШ).

** Здесь, как и в более ранних русскоязычных публикациях, тексты Пэн Да-я и Сюй Тина набраны разными шрифтами.

Помимо указанных сведений, в составе XIII есть очень интересные сообщения о соседних с монголами народах – как тех, которых они покорили, так и тех, с кем они еще сражаются (на момент пребывания Пэн Да-я и Сюй Тина у монголов). Списки т.н. «покоренных народов» и «народов, что еще сопротивляются монголам», которые приводят Пэн Да-я и Сюй Тин, удивительным образом перекликаются с аналогичными списками в «Сокровенном сказании» и в отчетах францисканских миссий (Плано Карпини, Бенедикт Поляк, Ц. де Бридиа). Их исследование и сопоставление дают большую дополнительную информацию о соседних с монголами тюркских, тунгусо-маньчжурских и тибетских народностях.

Особо ценными являются уникальные сведения о сопротивлении кыпчакских племен монголам и важности для последних его подавления (отметим, что в «Сокровенном сказании» поход монголов в Европу под руководством Бату так и назывался – «Кыпчацкий»). Причем Сюй Тин лично наблюдал весной 1236 г. выступление в поход против «мусульманских стран» крупного контингента монголов и, вполне возможно, это были именно те войска, которые через 2–3 года воевали в Восточной Европе против булгар, русских, половцев, алан и черкесов.

К сожалению, до настоящего времени был опубликован на русском языке перевод только около половины текста памятника [Линь Кюн-и, Мункуев, 1960]. Ниже предлагаются важнейшие фрагменты «Хэй-да шилюэ», в основном касающиеся обычаев, верований, быта, военного дела, социально-политической истории и взаимоотношений с соседними народами монголов («черных татар») в первой трети XIII в., извлеченные из нового критического перевода полного текста источника.

Внутри оригинального текста Пэн Да-я встречаются примечания, набранные мелкими иероглифами в две колонки сразу за комментируемым местом. Как установил Ван Го-вэй, выдающийся китайский текстолог и историк, они принадлежат самому Пэн Да-я, который пояснял своим китайским читателям непонятные реалии или некитайские слова. В настоящем переводе эти примечания в круглых скобках помещены в текст самого перевода и далее не оговариваются специально. В связи со спецификой китайских реалий и терминов (идиомы, китайские аналогии для некитайских реалий, транскрипции некитайских слов и названий иероглифами, титулы и должности, даты и т.д.), которые авторы памятника упоминают и используют в нем, они потребовали значительного числа комментариев и подстрочных сносок.

Пэн Да-я, Сюй Тин. «Краткие известия о черных татарах»

«Государство черных татар (т.е. северного шаньюя)^I называется Великой Монголией^{II}. В Шамо^{III} имеется гора Мэнгушань, а в татарском языке серебро называется «мэнгу». Чжурчжени называли свое государство «Великой золотой [династией]», поэтому татары называют свое государство «Великой серебряной [династией]»^{IV}.

Их [черных татар] правитель^V, который первым узурпировал титул императора, звался детским именем Тэмочжэнь^{VI}, а по узурпированному им титулу – императором Чэнцзисы^{VII}. Нынеш-

^I Т.е. земли, на которые распространялась власть шаньюя сюнну во времена поздней Хань.

^{II} Неточное название монгольского государства при Чингиз-хане и его преемниках, которое официально называлось «Еке монгол улус» (Великое государство монголов). Само же название монголов – *мэнгу* известно в формах *мэн-у* и *мэн-ва* со времен Тан – они наблюдаются в династийных хрониках «Синь Тан шу» и «Цзю Тан шу».

^{III} Так китайцы называли территории севернее Великой китайской стены, букв. «пустыня».

^{IV} Название монгольского государства, равно как и название династии Чингизидов никогда не было связано с «серебром». Пэн Да-я судя по всему воспринимал на слух слова 'монгол' и 'монгон' (серебро) как одинаковые. Его привязка этнонима *монгол* к названию серебра неверная и основана на созвучии этих слов.

^V Собственно в тексте стоит 主 'чжу', «владелец, господин». Авторами источника оно употребляется в отношении правителя татар регулярно по той же причине, по которой они не забывают предварять титулы и названия должностей в Монгольской империи эпитетами 僭 'цзянь' («узурпаторский, незаконно присвоенный») и 偽 'вэй' («незаконный, фальшивый»), т.к., с точки зрения Сун, все остальные государства на территории Китая были «незаконными», будь то чжурчженьское или монгольское.

^{VI} В тексте 忒沒真 'Тэ-мо-чжэнь'. Так передано настоящее имя Чингиз-хана – Темучжин.

^{VII} В тексте 成吉思皇帝 'Чэн-ци-сы-хуанди', т.е. «император Чингиз». Впрочем, Чингиз-хан – это титул, а не имя.

ний их правитель зовется детским именем Укудай^{VIII}. Вместе с ним узурпировали титулы [всего] восемь человек^{IX}.

Его [правителя] сыновья прозываются: Кодуань, Кочу, Хэсидай (возведен в ранг незаконного наследника престола, изучает китайскую письменность и культуру, его наставник – секретарь Ма) и Хэлачжи^X.

Его министры – четыре человека, [их] зовут так: Аньчидай ([он] черный татарин, хитроумный и способен к решительности), Ила Чуцай^{XI} (по прозвищу Цзинь-цин, [он] кидань и именуется *чжуншу шилан*^{XII}), Няньхэ Чуншань ([он] чжурчжень и именуется *цзянцзюнем*^{XIII}) – [они] совместно ведают делами, [касающимися] китайцев; и Чжэньхай^{XIV} ([он] уйгур^{XV}), который особо ведает делами мусульманских стран. <...>

Ила Чуцай с Чжэньхаем сами называют себя *чжуншу сянгун*^{XVI} и держат в своих руках управление делами государства. Чжэньхай не прекращает [при этом] ведавать делами мусульман. Татары не называют их министрами^{XVII}, а зовут только лишь *бичэчэ*. *Бичэчэ* – это те, кто по-китайской *линши*^{XVIII}. Им поручено ведавать перепиской и официальными бумагами, и только.

Их [черных татар] земли за Цзюйюн (100 с лишним ли на северо-запад от Янь^{XIX}) постепенно возвышаются и понемногу расширяются, а за Шацзином (80 ли от уезда Тяньшаньсянь) [местность] открытая и ровная на все четыре стороны, до самого горизонта заросшая бурьяном пустошь. Виднеющиеся вдалеке горы поначалу как-будто высокие и величественные, при приближении к ним – [становятся] пологими холмами. И вот уже вокруг – одни пески с гравием.

Те пески с гравием, что [я, Сюй] Тин видел, тоже не очень крупные, только лишь песок с раскрошенным камнем, вот и все.

^{VIII} В тексте 兀窟斛 ‘У-ку-дай’, т.е. Угедей. В ЮШ его имя записано как 窩闊台 ‘Во-ко-тай’, т.е. Окотай.

^{IX} Что касается этих восьмерых человек, то имеются в виду: Еку, сын Джочи-Хасара, младшего брата Чингиз-хана; Алчидай, сын Хачиуна; Темугэ-отчигин и Бельгутэй – младшие братья Чингиз-хана; Угедей; Бату, сын Джучи; Чагатай, второй сын Чингиз-хана; Менгу, сын Толуя, четвертого сына Чингиз-хана. Только эти восемь человек на момент миссии Пэн Да-я являлись ханами (7 человек имели самостоятельные уделы/улусы, плюс сам верховный каан), поэтому слова о «незаконных титулах» надо отнести именно к ним.

^X В ЮШ, в генеалогических таблицах императорского рода (цз.107), указано 7 сыновей Чингиз-хана. Старший из них – Гуюк, второй – царевич Кодан, третий – царевич Кочу, четвертый – ван Халачар, пятый – даван Хаши. Кочу из текста Пэн Да-я – это как раз Кочу из ЮШ. ‘Хэсидай’ – это Хаши из ЮШ, а ‘Халачжи’ – это ван Халачар. Пэн Да-я не учел Гуюка, поскольку Пэн Да-я был послан к монголам тогда, когда Гуюк как раз отправился в поход в Ляодун. Поэтому-то он и написал, что «Хэсидай возведен в ранг незаконного наследника престола», ошибочно передав услышанное.

^{XI} Другой вариант фамилии Елюй Чуцай.

^{XII} 中書侍郎 ‘чжун-шу ши-лан’. В данном случае Пэн Да-я приводит старое титулование Елюй Чуцай, восходящее к тому времени, когда в Монгольской империи еще не была введена система высших должностей по китайскому образцу, и все высшие чиновники у Чингиз-хана назывались одинаково – «битекчи» (писцы по-тюркски) или «бичэчэ» в китайской огласовке. Далее в тексте памятника эта ситуация разъясняется, равно как и практика самоназваний чиновниками на службе монголов привычными для себя китайскими наименованиями. По-видимому, пока в 1231 г. не был образован главный имперский секретариат для управления империей (中書省 ‘чжун-шу-шэн’) и Елюй Чуцай не стал его главой (ЮШ, цз.2), он называл себя «товарищем главы» (*шилан*) реально пока не существовавшего *чжуншушэна*. Во всяком случае, такое же наименование должности Елюй Чуцай помещено на титульном листе «Си ю лу» («Записки о путешествии на Запад») – книги, написанной им самим и изданной им же в Яньцзине в 1228 г.

^{XIII} 將軍 ‘цзян-цзюнь’, т.е. «полководец» или «командующий», общий элемент для многих составных названий высших воинских должностей.

^{XIV} В тексте 鎮海 ‘Чжэнь-хай’. Так в XIII в. передавалось имя Чинкай (Cinqai) – министра у Чингиз-хана и Угедя, звучание которого известно и по другим источникам.

^{XV} В тексте 回回 ‘хуйхуй’, т.е. вообще-то «мусульманин», но в XIII в. эти же знаки использовались как синоним для собственно названий уйгуров – 回鶻 ‘хуйху’ и 回紇 ‘хуйхэ’, поэтому только из контекста можно понять – говорится ли о мусульманах вообще, или об уйгурах, в частности. Пэн Да-я называет Чжэньхай по национальности «уйгуром». Но, согласно тексту его жизнеописания в ЮШ (цз.120): «Чжэньхай из рода керейтов».

^{XVI} 中書相公 ‘чжун-шу сянгун’, т.е. букв. «министры *чжуншу*[шэна]».

^{XVII} В тексте просто 相 ‘сян’, сокращение от обычного 相公 ‘сянгун’, т.е. «министр».

^{XVIII} В тексте 令史 ‘лин-ши’, т.е. «писарь».

^{XIX} Янь – древнее название области вокруг Пекина.

У них [черных татар] климат холодный, пронизывающий. Не имеется четырех времен [года] и восьми сезонов (например, в 'Пробуждении насекомых' не бывает гроз)^{XX}. В четвертую луну и восьмую луну часто бывает снег. Погода меняется слабо [в течение сезона]. За последнее время к северу от Цзюйюангуань, например, в Гуаньшань, Цзиньляньчуань и прочих местах, даже в шестой луне, тоже бывает снег.

[Я, Сюй] Тин, на обратном пути из степи заночевал у подножия перевала Ехулин как раз в начале седьмой луны. Утром 5 дня [этой луны] встал совершенно озябшим, все руки и ноги замерзли.

Растущие у них [черных татар] степные травы в четвертой луне начинают зеленеть, в шестой луне начинают расцветать, а к восьмой луне уже высыхают. Помимо трав, ничего в тех местах не имеется.

У них [черных татар] выращиваются коровы, кони, собаки, овцы и верблюды. Овцы у северных племен с пушистой шерстью и веерообразными курдюками. Китайские овцы называются [у черных татар] «гулюй». [Их] верблюды бывают как с двумя горбами, так и одногорбыми, или [вообще] не имеющими горбов.

[Я, Сюй] Тин, видел в степи коров, которые все были желтыми. Величиной они с южнокитайских буйволов, чрезвычайно выносливые. Поскольку [татары] не пахут плугом, то [быки] только тянут повозки. У большинства [быков] не продето [кольцо] через нос.

Они [черные татары] живут в куполообразных жилищах (то есть в войлочных шатрах), [у них] нет городов со стенами и [каменными] домами. [Черные татары] передвигаются в зависимости [от наличия] воды и травы, [их маршруты] непостоянны. Владетель татар перевозит [свои] шатры вслед за ними, устраивая облавную охоту. Все незаконные чиновники и подчиненные следуют за ним – [это] движение называется 'поднять лагерь'.

Их повозки тащат быки, лошади и верблюды. Сверху повозок [поставлены] комнаты, в которых можно сидеть, а можно – лежать. Называют их – 'шатры-повозки'. Повозки представляют собой четырехугольную [раму] с вертикально стоящими столбами и наложенными в перехлест досками.

[Черные татары] используют памятные столбы для поклонения Небу, это называется [молением] о еде и пропитании.

[Черные татары] составляют упряжки из пяти повозок в каждой, которые как колонны муравьев, или как извивающиеся веревки, растянувшиеся в длину до 15 ли, располагаются и слева, и справа, и со всех боков и стремятся к своему [месту назначения]. Как только половина их достигает воды, то останавливаются, это называется 'установить лагерь'.

Шатер правителя обращен [входом] к югу и располагается один впереди остальных. Ряд [шатров] жен и наложниц – за ним. Гвардия с незаконными чиновниками и подчиненными – в следующем за ними ряду. Обычно то место, где находятся охотничий шатер главы татар, все называют 'ордой'.

'Большой ордой' называют только то стойбище, в котором вместе подняты золотой шатер (так называется, потому что его подпорки покрыты золотом) их [правителя] и все остальные [шатры] – незаконных императриц и подчиненных.

Местность для их [стоянок выбирается] окруженной возвышенностями и сзади склона холмов – для того, чтобы умерять силу ветров. Их перекочевки похожи на походные ставки императорских выездов у китайцев: такие же не определенные заранее остановки, а перемещения – или через одну луну [стоянки], или через один квартал.

Когда [я, Сюй] Тин, прибыл в степи, [татары] установили золотой шатер. Думаю, это потому его поставили, чтобы показать величественное зрелище послу, которого лично отправил император нашей династии. Когда прибыла [к татарам] предшествующая [нашей] миссия Цзоу, назначенного посланником, [золотой шатер] не ставили, а когда прибыла последовавшая [за нами] миссия Чэна, великого посла, а потом пришла еще и миссия Чжоу, назначенного посланником, то для всех них не ставили [золотой шатер]. Он [золотой шатер] делается из того войлока, который во множестве катают в степи. [Для золотого] шатра снизу доверху используется войлок в качестве внешнего покрытия. Посередине [купола], между связанных ивовых [пруть-

^{XX} Речь идет о 8 из 24-х сезонов китайского сельскохозяйственного календаря. Тот из них, который назывался 驚蟄 'цзин-чжи', «пробуждение насекомых», начинался около 5–6 марта.

ев каркаса] – окно-отверстие для пропускания света, используется более тысячи веревок, чтобы натянуть [войлок на каркас]. Единственная дверь, порог со столбами [внутри шатра] – все [они] обложены золотом, поэтому [такое] название [т.е. золотой шатер]. Внутри [его] можно поместить несколько сотен человек. *Хуское*^{xxi} ложе, на котором владетель татар восседает в шатре, походит на амвон внутри буддийского храма, который так же декорирован золотом. Жены и наложницы расположены согласно рангам и сидят как будто в загородке.

Юрты [у татар] имеются двух видов. Те из них, что делаются в Яньцзине, используют ивовое дерево в качестве каркаса, который в точности походит на решето с юга [Китая]. [Их] можно сворачивать и разворачивать, дверь открывается вперед^{xxii}. Верх [их] походит на каркас зонта, а на самой верхушке проделано одно отверстие, его называют ‘небесным окном’. Все [они] покрыты войлоком и могут быть помещены на лошадей. В тех из них, что делаются в степях, плотный круглый [каркас], сплетенный из ивовых прутьев, просто обтягивается войлоком. [Они] стационарные и не могут сворачиваться или разворачиваться. [Их] помещают на повозки и так ездят. Когда вода и трава иссякают, то [татары] перекочевывают. Заранее дни [кочевок] не определены.

Их [черных татар] еда – мясо, а не зерно. То, на что [они] охотятся и добывают – это зайцы, олени, кабаны, тарбаганы, дикие бараны (из костей их позвоночников можно сделать ложки), дзерены (у них сзади желтый хвост подобно большому вееру), дикие лошади (похожи наружностью на ослы), рыба из рек и источников ([ее] можно ловить когда наступят холода). То, что [они] разводят и готовят в пищу – это овцы, [их] основной скот. Следующие за ними [овцами] по порядку – лошади, которых, если нет большого пира и собрания, [черные татары] не режут. Жарку на огне [черные татары] применяют] в девяти случаях из десяти, а варку в котлах-треножниках – в 2–3 случаях из десяти. Мясо они режут ломтями и сначала едят [сами], а потом кормят других.

[Я, Сюй] Тин, пробыв в степи более месяца, ни разу не видел, чтобы татары убивали крупный рогатый скот для еды.

Они [черные татары] пьют кобылье молоко и кумыс из коровьего и овечьего [молока]. Каждый раз, наливший [напиток], в начале обязательно сам отопьет первым, затем [дает] пить второму. Вторым, который получил питье, однако, прежде предлагает первому [чашу]. Третий и четвертый [в это время] причмокивают – это называется «распробованием». Первый не пьет, а передает [чашу] для питья третьему. Третий пьет все до конца, зачерпывает и потчует второго. Вторым опять не пьет, а [дает] пить четвертому. Четвертый действует по тому же ритуалу, что и третий. Только после этого второй выпивает до конца, зачерпывает и потчует первого. Первый в том же порядке наливает, чтобы третий и четвертый выпили. Это называется ‘меняться чашами’. Исходно [так делали], чтобы защититься от яда, а потом так приучились, что это стало обычным [делом].

Их [блюда] приправляются одной только солью. <...>

Они [черные татары] готовят пищу на травяном угле (коровий и конский кизяк).

Они [черные татары] жгут в лампах травяной уголь в качестве наполнителя, а баранье сало – в качестве масла.

Их обычаи – стрельба из лука и охота. Всякий раз, когда их владетель устраивает облаву, то обязательно собирает толпы народа. [Они] выбирают места, чтобы сделать ямы, втыкают деревянные [колья] в качестве вешек, соединяют [их] волосяными веревками и навешивают [на них] войлочную бахромку [из лоскутов], подобно способу китайцев ловить зайцев сетью. [Ограждения] тянутся и охватывают пространства в 100–200 ли и когда подует ветер, то бахрому развеивается, так что все звери шарахаются в испуге и не смеют убежать, после чего облавные [охотники] их прижимают [к ямам], удерживают [там и потом] забивают в них.

[Я, Сюй] Тин, видел, что татарские семьи, во время их кочевок, добывают волосяные веревки и войлок и считают это достаточно тяжелым [занятием]. Лошади, которыми [я, Сюй] Тин, всю дорогу пользовался на станциях-ямах, по большей части были острижены и лишены своих грив. [Когда я] разыскивал [причину] этого, то [мне] сказали, что из них [конских волос] были сделаны веревки, а последние были сданы в ставку-орду для использования в устраиваемых охотах. Период облавных охот [начинается] с девятой луны, а во второй луне заканчивается.

^{xxi} В тексте 胡 ‘ху’, т.е. «хуское». Ху – традиционное название в Китае «северных варваров», т.е. сюнну. «Хуским ложем» китайцы называли легкие раскладные сидения.

^{xxii} Т.е. в южную сторону, так же как и по китайскому обычаю.

Каждый раз, когда устраиваются охоты, повседневной пищей [татар] являются те животные, которых затравят на охоте, в то время как овец режут мало.

Их [черных татар] головные уборы и прически: [волосы они] распускают и сводят в узлы; зимой носят шапки и летом – конусовидные шляпы из бамбука; женщины [носят] на макушке *гу-гу*^{XXIII}

[Я, Сюй] Тин, видел это. В изготовлении *гу-гу* используется раскрашенное дерево^{XXIV} в качестве каркаса, который обертывают красным тонким шелком и золоченой шелковой тканью. На самом верху его [*гу-гу*] используются ивовые или сделанные из железа прутики в 4–5 чи длиной, обернутые синим войлоком и которые: у людей из верхов – украшены [вывезенными из] нашего государства султанами из перьев зимородка или разноцветными шелковыми [лоскутами], развевающимися от их движений; тогда как у людей из низов – использованы для украшения перья фазанов. От природы красивые женщины [татар] используют волчий кал для обмазывания лица^{XXV}.

Их [черных татар] одежда запахивается направо квадратной полрой, в старые времена [она шилась] из войлока, шерсти и кожи, а сейчас – из полотна и шелков, [прошитых] золотыми нитями. Цвета [одежды бывают] красными, пурпурными, фиолетовыми и зелеными. [Одежда имеет] узоры в виде солнца, луны, драконов и фениксов. Не имеется различий [в одежде] у знати и простонародья.

[Я, Сюй] Тин, исследовал это. Она [одежда татар] шьется в совершенном подобии и по образцу платья *шэнь-и*^{XXVI}. Только пола этих [одежд татар] в точности походит на одеяние даосов нашего государства. Пола, которую называют квадратной, это пола похожая на четырехугольник. Воротники такие же, какие делают и китайцы. Владетель татар вместе с членами *чжуншу*[*шэнь*] и прочими людьми из верхов [общества] уже не носят [такое одеяние]. На талии [платья татар] вплотную друг к другу сделано столько мелких складок, что невозможно пересчитать их число – если в *шэнь-и* [их] не более 12, то у татар складок [намного] больше. Так же еще [татары] используют красные и фиолетовые шелка, скрученные в кушак, находящийся поперек талии, и который называют поясом. Возможно [татары] хотят, чтобы при езде на лошади поясной кушак был туго затянут, выделялся разноцветием и яркостью, и выглядел красиво.

Они [черные татары] пользуются устной речью и не имеют письменности. Многие [слова] происходят из заимствований и звучат соответственно. Их [надо] растолковывать и объяснять, ради этого [именуются] переводчики.

У него имена являются детскими именами и не имеется фамилий и вторых имен^{XXVII}. Когда в душе [у черных татар] появляются плохие предчувствия [насчет имени], то его меняют.

[Я, Сюй] Тин, наблюдал, [что у татар], от высших до самых низших, [есть] только детские имена и совсем не бывало фамилий, более того – не имеется названий должностей. Например, если [человек] ведаёт официальными бумагами, то называется «*бичэчэ*», если руководит народом, то называется «*далхуачи*», а [тот, кто] несет круговую охрану – «*холучи*»^{XXVIII}. Аналогично министры, а ими были как раз [Елюй] Чуцай и другие, сами назвались *чжуншу сянгун*. А если взять к примеру Ван Цзи, то он сам назвался [почетным титулом] *иньцин-гуанлу*, императорским

^{XXIII} Богтаг – национальный монгольский головной убор у женщин.

^{XXIV} Изготовление *гу-гу*, описанное здесь, есть древний обычай монголов. Есть предположение Ван Го-вэя в его комментарии к «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар») Чжао Хуна, что здесь описка – вместо 樺木 'хуаму', «береза», стоит 畫木 'хуаму', «раскрашенное дерево».

^{XXV} Ван Го-вэй в своем комментарии пишет: «Во фразе “волчий кал для обмазывания лица” подозреваю, что имеется ошибка в иероглифе. В «Мэн-да бэй-лу» сказано: «Женщины часто мажут лоб желтыми белилами. [Это] является заимствованием старой китайской косметики». По-видимому, так сказано [Чжао Хуном] в уподобление [обычаю] танских женщин ставить желтые мушки на лбу».

^{XXVI} Парадная одежда в древнем Китае. Представляла собой широкий халат с широкими складками-полосами.

^{XXVII} Здесь подчеркивается отличие от китайской системы личных имен – в детстве китаец получал детское имя, при этом у него имелось родовое наименование – фамилия в европейском понимании, а позже, повзрослев, он брал второе имя или прозвище.

^{XXVIII} Так Сюй Тинем переданы названия должностных лиц у монголов: *битекчи*, по-тюркски «писарь», *даругачи* (его тюркский синоним – *баскак*) и *хорчи* («стрелок»). Причем *хорчи* входили в состав личной гвардии монгольского каана (*кешиг*).

главным цензором, *сюаньфуши* (уполномоченным по усмирению) и *жугоши*^{xxix}. Изначально они [все эти титулы и должности] татарскими правителями не давались и не жаловались.

Их правила вежливости: обнимают друг друга в знак приветствия и припадают на левое колено в качестве поклона.

[Я, Сюй] Тин, видел как они [татары] обнимают друг друга [в знак приветствия], то есть они так обхватывают друг друга.

Они [черные татары] помещают в середину самых почитаемых [людей], следующих [по почитаемости] – справа от них, а левая [сторона] – для ниже их стоящих.

Их система летоисчисления раньше использовала символы, обозначающие [годы] двенадцатилетнего животного цикла...

Всему этому научили их китайцы, кидани и чжурчжени. Если же взять исконно татарские обычаи, то первоначально [черные татары] не разбирались [в календаре]. [Они] только лишь отмечали: если зазеленели травы, то значит [прошел] один год, а если впервые появлялся молодой месяц – значит [прошла] одна луна. Когда их [черных татар] спрашивают сколько [прошло лет] от рождения до [нынешнего] возраста, то они, перебирая пальцы, отсчитывают сколько раз зазеленели травы. <...>

Если они [черные татары] выбирают по календарю счастливый день для совершения дела, то при этом смотрят: полна или ущербна луна, чтобы начать или завершить [дело, соответственно] (они избегают [совершения дел] в обоих случаях – и до достижения молодой луной ущерба [1-й четверти], и после достижения полумесяцем [последней четверти]), [а при виде] молодого месяца – обязательно кланяются.

Они пишут официальные бумаги с помощью деревянных палочек. [Знаки письменности] похожи на след змеи и кривых дождевых червей, сходны со стилем *фучжуань* «Небесной книги» и подобны нотным [знакам] 五 (у), 凡 (фань), 工 (гун) и 尺 (чи). Мусульманские буквы^{xxx}, вероятно, им братья [т.е. сродни].

[Я, Сюй] Тин, исследовал это. Татары исходно не имели письменности, однако, теперь та [письменность], что они используют, имеет 3 разновидности. Те [документы], которые в ходу в собственно татарском государстве, это только маленькие дощечки, длиной в 3–4 *цуня*. Их надрезают по четырем углам. К примеру, посылают за десятью лошадьми, тогда надрезают десять зарубок. В общем, надрезают только их [предметов] число.

Они [татары] нравом искренние, а их мысли сосредоточены на одном [деле, которым заняты в данный момент], поэтому в речи не отклоняются [от правды]. По их закону, того, кто скажет неправду, убивают, поэтому они не осмеливаются лгать и обманывать. [Татары], хотя и не имеют письменности, но самостоятельно основали государство. Вышеуказанные маленькие дощечки – это в точности древние верительные бирки [китайцев].

В тех [документах], которые в ходу в мусульманских [частях монгольского государства], используются мусульманские [или уйгурские] буквы, а заведует ими Чжэньхай. В уйгурском [или мусульманском] письме имеется только 21 буква. В нем [письме] дополнительные [знаки] лишь добавляются с боков и так соединяются [в слова].

В тех [документах], которые в ходу во всех погибших государствах китайцев, киданей и чжурчженей, используются лишь китайские иероглифы, а заведует ими [Елюй] Чуцай.

Кроме того, на задней стороне листов [документов], после даты Чжэньхай лично пишет мусульманскими [или уйгурскими] буквами: «Передать тому-то и тому-то». Вероятно, это специальная мера предосторожности к [Елюй] Чуцаю, потому что эти слова, [записанные] мусульманскими [или уйгурскими] буквами, являются контролем. Если их не имеется, то официальный документ недействителен. Вероятно, так хотят использовать это визирование со стороны Чжэньхай, чтобы было возможным вести взаимопроверку.

В городских школах Яньцина многие учатся мусульманской [или уйгурской] письменности и переводу с языка татар. Как только становятся в состоянии переводить, то сразу же дела-

^{xxix} *Иньцин гуанлу* – почетный титул, букв. «сановник, пожалованный серебряными нитью и печатью». А серебряная нить с печатью – это атрибуты высших сановников в старом Китае. *Сюаньфуши* – это «уполномоченный по усмирению», обычно звание полномочного комиссара центральной власти в провинции. *Жугоши* – это почетный титул, букв. «посол, прибывший в страну».

^{xxx} Или уйгурские, хотя в тексте 回回字 – букв. «мусульманские знаки».

ются переводчиками. После чего [вместе с] татарами ходят [везде] и по собственному усмотрению требуют под угрозами *сахуа*^{xxxI}, вымогают и получают вещи и пропитание. <...>

Дела, без [деления на] большие и малые, должны решаться самим незаконным главарем [черных татар]. [Елюй] Чуцай, [Няньхэ] Чуншань и Чжэньхай совместно держат в руках кормило власти у татар.

Дела [стран] четырех сторон [света] или те, по которым нет указов главы татар, а также право [распоряжаться] жизнью и смертью, наградами и взысканиями, все это – в руках того, к кому переходит в распоряжение печать.

[Я, Сюй] Тин, исследовал это. Те единственные [сановники], кто просматривает официальную документацию – это как раз [Елюй] Чуцай и Чжэньхай, которые заполучили [способ] осуществления дел в свою личную пользу, потому что владетель татар не умеет грамоте. Если же взять дела военные, использование войск и тому подобные важные дела, то только лишь глава татар лично решает [их]. Однако он также обдумывает их вместе со своей близкой родней. Китайцы и другие люди не участвуют [в этом].

Обычно татары кличут себя по собственным родам и костям^{xxxII}.

Пусть [у судящихся] и имеются хорошие связи, но все равно в судебных делах используется *сахуа*: даже сообщив [свое дело] перед главой татар, все равно [без *сахуа*] в итоге не дадут решения и уйдешь [ни с чем].

Их [черных татар] гадание – это исследование обожженных костей бараньих лопаток. Знаки на них определяются по их [направлениям] – вперед или назад – как определяющие счастье или несчастье, и тогда выясняется окончательное решение – отказало Небо, или Небо пожаловало. [Черные татары] очень искренне верят в это. Называется оно [гадание] – «обжигание пи-па»^{xxxIII}. Нет дела, мелкого или крупного, которое [делалось бы] без гадания. Гадание [по всяким случаям] непременно [делают], по многу раз и постоянно. <...>

Они [черные татары] в обычных разговорах всегда говорят: «Полагаюсь на силу и мощь бессмертного Неба и на покровительство счастья императора!». Если имеется у них такое дело, которое они хотят [совершить], то тогда говорят: «Пусть Небо сделает так!». Если дело уже совершено этими людьми, то тогда говорят: «Небо знает!». Нет ни одного дела, которое бы не относили к [влиянию] Неба – [так делают все] от владетеля татар, до его подданных, и никак иначе.

Их налоги и подати называются *чай-фа*. Полагающиеся [количества] лошадей и молока, необходимых [количества] овец и продовольствия – все это раскладывается на двory простого народа, [в соответствии с] численностью пасущегося у них скота, и взимается с них. Это все равно что *шан-гун*^{xxxIV} у китайцев.

Что касается устройства почтовых станций, то разрешено главарям и начальникам во всех пунктах самим определять длительность обслуживания.

В последнее время китайское население, за исключением ремесленников, [обложено] ежегодными налогами, без различия на мужчин и женщин: с каждого горожанина – [взимается] шелковой пряжи на 25 лян [серебра]; [с каждого] быка или овцы – шелковой пряжи на 50 лян (имеется в виду то количество серебра, которое уже взято взаймы у мусульман, и на которое куплено продовольствие, отданное послам и чиновникам, проехавшим через [город]); [с каждого] сельского земледельца ежегодно [взимается] шелковой пряжи на 100 лян и зерновая подать в 4 даня неочищенного риса, безотносительно величины пашни [у него].

Партии серебра, перевозящиеся [в качестве налогов] со всех провинций [составляют] 20 000 дин ежегодно. Что касается внедрения налогов [татаарами], то невозможно описать боковые тропинки и извилистые дорожки [способов для этого].

В их землях, по которым [я, Сюй] Тин, проехал в Шамо, всякий – от татарского правителя, незаконных цариц, царевичей, принцесс, [членов] рода правителя и ниже – имеют определен-

^{xxxI} Это передача монгольского слова *сауца*, т.е. «подарок», им обозначались обязательные подношения чиновникам и начальникам.

^{xxxII} Ясун, т.е. «кость», был у монголов термином этносоциальной структуры и означал родство, отсчитываемое по прямой мужской линии от общего предка.

^{xxxIII} Пи-па – род китайского музыкального инструмента, вроде мандолины с плоской задней стороной.

Данное название гадания у монголов было дано ему китайцами.

^{xxxIV} Налог, существовавший при Тан и Сунн, букв. означает «снабжение императора». Представлял собой отчисление части доходов налогоплательщиков непосредственно на нужды императорского двора.

ные границы [владений]. Все их простонародье отдает в качестве *чай-фа* скот, коней, оружие, работников, баранину и кобылье молоко, потому что татары распределили управление землями в степи, и с каждого [такого удела] отдается *чай-фа*. [Среди] и знатных, и подлых нет ни одного, кто бы получил освобождение [от податей]. Кроме того, имеется [еще] один вид [податей] – из всех *чай-фа*, приходящегося на каждую землю [удела], выделяются необходимые [средства] на почтовые станции, находящиеся в нем [уделе]. Высшие и низшие также на равных основаниях [облагаются податями] – таким вот является *чай-фа* в степи!

Если перейти к *чай-фа* в китайских землях, то, кроме [получения] с каждого тяглого из каждого двора шелковой пряжи и ваты, в пересчете на серебро, с каждого [берется] фураж, продовольствие, утварь и снаряжение для проезжающих послов и сановников, а также для передислоцирующихся войск и конницы. И все это, использованное в казенных целях, затем, через некоторое время, подсчитывается, а общая сумма всего использованного в виде подати [раскладывается] на население. Во всех погибших государствах люди считают это весьма тягостным, [их] негодование и возмущение достигают до небес, но ничего с этим не могут поделать! Владелец татар в любое время посылает чиновников из степи в китайские земли устанавливать *чай-фа*. <...>

Они [черные татары] ведут меновую торговлю овцами и лошадьми [на] золото, серебро, плотно и шелк.

Если [говорить] об их торговле и купле-продаже, то [они] все, начиная от владельца татар до незаконных царевичей, незаконных князей, незаконных принцесс и прочих, отдают мусульманам [в оборот] серебро. [Те же] или дают его взаймы народу и [имеют на] нем огромные проценты – на один вложенный дин накручиваются за 10 лет проценты в [размере] 1024 дин –, или покупают всяческие товары и перевозят для торговли [в дальних местах], или требуют с народа возмещения убытков, ссылаясь на [якобы] ночное воровство.

[Я, Сюй] Тин, видел как татары только и делали, что [получали] *сахуа*. [Среди них] нет никого, кто бы разбирался в торговле и спекуляциях. [Они все], начиная от татарского правителя и до [самых] низших, отдают серебро мусульманам, приказывая тем лично ехать торговать и спекулировать, чтобы получить прибыль [на данное серебро]. Мусульмане либо сами пускают [это серебро] в оборот, давая его в рост, либо лично [едут] во все страны торговать и барышничать, либо ложно заявляют, что подверглись грабежу, и получают возмещение с населения округов и уездов.

В основном татары желают [покупать] только плотно, шелк, железо, котлы-треножники [для варки пищи] и разноцветное дерево, которые необходимы для удовлетворения нужд в одежде и питании. Китайские, мусульманские и прочие торговцы приезжают в степь, и татары с радостью меняют овец и лошадей на них [т.е. на вышеперечисленные товары].

Нравы татар настолько искренни, так что они не подымут оброненное на дороге^{xxxv}. Однако неизбежно случаются грабежи, которые [совершают] только люди из погибших государств. Кроме того, мусульмане кладут [какие-нибудь] вещи в безлюдном месте, [а сами] отходят и издалека наблюдают с высокого места. Как только случится кому-то дотронуться до них, то сразу же прибегают и ложно обвиняют в краже. Коварного нрава мусульман весьма опасаются. А еще [они] очень ловкие и хорошо умеют говорить на языках всех стран. Воистину это поразительно!

Их [черных татар] чиновники незаконно называются [следующими титулами]: *гован*, или «временно замещающий императора»; либо *цзюньван*^{xxxvi}; либо *сюаньчай*^{xxxvii}.

[Чиновники из числа] пленных из всех погибших государств именуются либо *чжуншу чэнсян*^{xxxviii}; либо *цзянцзюнь*; либо *шлан*^{xxxix}; либо *сюаньфу-юньши*^{xl}.

Вследствие того, что [черные татары] по своей воле и как разбойники давали эти звания, то с самого начала не издавались императорские указы для назначения чиновников на их службы.

[Я, Сюй] Тин, исследовал это. У татар с самого начала не было принято назначать на должности и просить жалования, правитель татар тоже не уяснил [значения этого]. Чиновники^{xli} рассказали о значении этого и почему это нужно. У татар [теперь] имеются только золотые

^{xxxv} В тексте 道不拾遺 'дао бу ши-и'. Идиома, означающая высокую нравственность народа.

^{xxxvi} Жалованный князь 4-го ранга.

^{xxxvii} Т.е. «императорский посланец».

^{xxxviii} Министры *чжуншу шэна*, т.е. центрального правительства-секретариата.

^{xxxix} Обычно соответствует заместителю министра.

^{xl} Старший уполномоченный пограничной области или командующий там войсками.

^{xli} Т.е. имеются в виду цзиньские или китайские чиновники.

пайцзы с тигриной головой, простые золотые пайцзы и простые серебряные пайцзы [согласно рангу чиновников]. Имеющие заслуги [чиновники] сами предоставляют золото и серебро, а татарский правитель дает разрешение, чтобы [эти чиновники] сами отчеканили пайцзы с вырезанными сверху уйгурскими [или мусульманскими] буквами, которые гласят ни что иное, как: «Силою вечного Неба...» и так далее, весь этот [текст] на внешней стороне [пайцзы].<...>

Их [черных татар] организация простого народа^{XLII}: начальник над десятью людьми называется «десятником», от десятка до сотни, от сотни до тысячи, от тысячи до десятка тысяч – каждый имеет своего начальника.

Запреты в их [черных татар] государстве.

Тех, кто при восходе травы копает землю, и тех, кто оставит огонь и спалит траву, они казнят вместе с их семьями.

Что касается тех, кто подберет оброненное; кто [коснется] обувь порога; кто постоянно избивает лошадей; кто прелюбодействует и сбегает с соседской [женой], то казнят только их самих.

Что касается тех, кто во время еды икает и тех, у кого изо рта и носа идет кровь, то их они признают виновными в [дурных] намерениях.

Что касается тех, кто пренебрегает [запретом] не мыть войлочные занавески, то на них возлагается ответственность в [дурных] намерениях, и [их] приводят связанными с веревкой на шею к татарскому владетелю [на суд].

Если всадники встречаются с теми, кто скачет им навстречу и проходят левой стороной к ним, то это считается обоюдно благоприятным [знаком].

Когда людей кормят мясом, и [они] принимают его левой рукой, то это считается обоюдно неблагоприятным [знаком].

Что касается тех, кто при разливе молока и кумыса роняет сосуд, то их считают [обреченными] лишиться потомства.

Если случается гром с пожаром [от молнии], то [черные татары] все бросают – имущество и скот – и убегают. [Они] обязательно выжидают год и потом возвращаются [на прежнее место].

[Я, Сюй] Тин, видел как татары каждый раз, когда слышали раскат грома непременно затыкали уши и сгибались телом до земли, [при этом они] как будто свешивают [голову] и прячут лицо.

Что касается их [черных татар] системы наград и наказаний, то, согласно обычаям [черных татар], исполнение своих обязанностей считается в порядке вещей, и [никто] не осмеливается считать это заслугой.

Когда они [черные татары] наставляют друг друга, то всякий раз говорят так: «Если господин пошлет меня в огонь ли, в воду ли – то пойду туда!». И, дав их [эти слова], так и поступают^{XLIII}. Тем словом [у черных татар], что относится к голоду, холоду и претерпеванию всяческих несчастий, является [только единственное] слово *дай* (что касается [слова] *дай*, то оно означает «плохой»^{XLIV}). По этим причинам их государство в спокойные времена [вообще] не награждает. Только когда используются войска и в сражении они побеждают, тогда [их] награждают – конями, или золотыми и серебряными пайцзами, или отрезами полотна и шелка. Взавшим город – отдают его на произвол, [они могут] грабить и забирать детей, женщин, драгоценности и шелка. Первые и последние [в очереди] на грабежи и похищения – ранжируются в соответствии с их заслугами. Тот, кто вырвался вперед – втыкает стрелу в двери дома, пришедшие после – не смеют уже входить. Если найдутся преступившие [этот обычай] – их наказывают смертью. Это называется «аньдаси»^{XLV}.

^{XLII} В тексте 民戶 'минь-ху', букв. «дворы населения» (у оседлых народов) или кибитки/семьи (кочевых народов).

^{XLIII} Вариант перевода может быть и другим, в зависимости от понимания знака 相 'сян': 1) если принимается его основное значение «по отношению друг к другу», то тогда получается вышеприведенный вариант перевода; 2) если же тут имеется сокращение от 相公 'сянгун', т.е. «министр», которое применяется в этом тексте неоднократно, причем самим Пэн Да-я, то возможен и другой вариант перевода: «Когда их министрам даются наставления [ханом], каждый раз [они] говорят так: «Если господин пошлет меня в огонь ли, в воду ли – то пойду туда!». И дав их [эти слова], так и поступают».

^{XLIV} В тексте стоит знак 斛 'дай', т.е. «плохой». Видимо, Пэн Да-я неверно понял своего монгольского информатора, скорее всего, речь идет о монгольском слове 'дайн' – «война».

^{XLV} В тексте 安打奚 'ань-да-си', т.е. монгольское слово *aldagi* (*andagi*) – «сделать ошибку». Этот монголизм неоднократно встречается в различных юаньских документах.

Не [присужденных к] смерти наказывают ссылкой на тяжелые работы в войске батуров (то же, что по-китайски «бесстрашные воины»), и прощают их только после трех-четырех случаев [заслуг]. У тех, чья вина считается легкой, – конфисковывается половина их имущества.

[Я, Сюй] Тин, считаю, что их [татар] лучший из законов – умерщвлять тех, кто лжет.

Они [черные татары] наказывают смертью тех, кто преступит закон и разбойничает. Их жены, дети и скот конфискуются и поступают в распоряжение семей, потерпевших от [этих] разбойников. [Если] рабы, принадлежащие некоему А, похитят имущество некоего Б, или имущество рабов, принадлежащих Б, то все [имущество, жены, дети и скот] конфискуются у А, вместе с женами, детьми и скотом, принадлежащими рабам [А], а самих рабов вместе с А – казнят. Это называется «вынести приговор главному»^{XLVI}.

[Я, Пэн] наблюдал, что когда они хотели [заполучить что-либо], то это называли *сахуа*. Если они получали его, то говорили: «Нашаинь»^{XLVII}. На татарском языке [это означает] «хорошо!». Если они не получали его, то говорили: «Маоу»^{XLVIII}. На татарском языке [это означает] «плохо!». Что касается *сахуа*, то по-китайски [это означает] «вымогать».

Что касается их [черных татар] стрельбы с коня, то [они еще] в младенческую пору привязываются накрепко к спине коня. И так [они] следуют с матерью повсюду. В 3 года [их] привязывают веревкой к [луке] седла, так что рукам есть за что держаться, и [пускают] толпой нестись во весь опор. В 4–5 лет [им] дают держать маленький лук и короткие стрелы, вместе с которыми они и растут.

Круглый год [черные татары] занимаются охотой в поле. Все они стремительно носятся на лошадях, [при этом они] стоят на носках [в стременах], а не сидят, поэтому основная сила у них находится в икрах, а в бедрах [ее] почти нет совсем. [Они] быстры как идущий смерч и могучи как давящая гора. Поскольку [в седле они] поворачиваются налево и переворачиваются направо [с такой скоростью] как будто крылья ветряной мельницы, то могут, повернувшись налево, стрелять направо, [причем] не только туда – целятся еще и назад. Что касается их стрельбы в пешем положении, то они становятся, широко раздвинув ноги, делают широкий шаг и изгибаются в пояснице, полусогнув ноги. Потому [они] обладают способностью пробивать панцирь [своей стрельбой из лука].

[Я, Сюй] Тин, видел как татарская баба родила ребенка в степи. Только родив, [она] употребила овечью шерсть для обтирания [родившегося ребенка], тут же завернула [его] в баранью шкуру и привязала внутри маленького ящика длиной 4–5 чи и шириной в 1 чи. Сразу после этого женщина взяла его подмышку, села на лошадь и поехала.

Их [черных татар] лошади пасутся в поле и не [нуждаются] в сене и зерне. В шестой луне [они] откармливаются молодой травой, так что они становятся упитанными и крепкими. Когда [жеребцам] исполняется четыре года, [их делают] меринами^{XLIX}. По этой причине [они] очень крепкие, имеют спокойный покладистый нрав и без норова, способны переносить ветер и мороз долгое время. Если же их не холостят, то напротив – [они] кроме того, что переменчивого нрава, еще ржут и пугаются, так что невозможно [их] использовать в засадах.

Т.к. копыта [татарских лошадей] легко режутся и боятся камней, то [их укрепляют] железными или деревянными пластинами. Они называются «ножные накладки».

Во всех случаях быстрой скачки [у татар] нельзя досыта кормить [лошадей], их всегда [после скачки] освобождают от седел, непременно связывают так, чтобы морда была задрана вверх, и ждут пока их *ци*^L придет в равновесие, дыхание успокоится и ноги охладятся.

^{XLVI} В тексте 斷案主 ‘дуань-ань-чжу’, букв. «выносить приговор по судебному делу главному зачинщику». Значение этого выражения разъяснено Ван Го-вэем в его комментарии к XIII: «Что касается выражения “вынести приговор главным”, то его следует понимать так, что основному наказанию [за преступление] подвергали глав родов/семей [к которым принадлежали преступники], что было также в ходу и на территории Северного Китая».

^{XLVII} Искраженное монгольское слово ‘маш саин’, т.е. «очень хорошо».

^{XLVIII} Искраженное монгольское слово ‘муу’, т.е. «плохо».

^{XLIX} Т.е. холостят.

^L 氣 ‘ци’, китайское понятие для духа, жизненных сил организма.

После того как наступают холода, их [лошадей] отпускают [двигаться вслед за] водой и травой. Тех, кто их пасет, называют *улачи*¹¹. Мусульмане среди них занимают три [места из десяти], а северяне¹² составляют семь [мест из десяти].

[Я, Сюй] Тин, исследовал систему коневодства у татар. С самого начала весны [они] прекращают боевые действия. После [весны они] всегда выступают на войну уже с добрыми конями.

Притом [татары] свободно отпускают их [двигаться вслед за] водой и травой, не приказывая всадникам направлять [их] движение. А вот когда до них доходит западный ветер, то [татары] ловят, обуздывают их [лошадей] и треножат у шатров. [Лошади] потребляют траву и воду понемногу, и за месяц, в течение которого [они] сбрасывают жир и притом становятся крепкими, всадниками вместе с ними проходит несколько сот ли. Таким образом, [они находятся] в естественном положении и не потеют, и потому в состоянии переносить дальние [переходы] и военные походы. Обыкновенно, во время движения по основному пути, [татары] не разрешают им [отойти] на боковые [дороги] для поедания травы и питья, вероятно [потому, что если] в ходе тяжелой работы поесть травы и попить, то жир не выработается и появятся болезни. Такая система коневодства хорошая. Южане же поступают наоборот, потому-то [их] кони часто болеют.

Они [татары] тех из оставленных жеребцов, которые самые сильные и лучшие, называют *ила*, [т.е.] кони-производители. Большинство же остальных [жеребцов], за исключением [*ила*], сделаны меринами. По этим причинам [у татар] не может не быть сильных и крепких [коней]. Что касается вожаков, то [они] казенные кони. Мерин никогда не водит табун кобыл, которые не смешиваются с табуном мерин. Табуны мерин и кобыл, каждые по-отдельности, составляют собственные стада. Все лошади [разбиты] на стада, в которых, чаще всего, по 400–500 голов и которыми ведает только пара *улачи*. [Они] управляют [стадом], держа в руках круглые железные [пруты] с острием. Ими бьют как плетью. Лошади, увидев их, сразу пугаются.

Каждое утро и вечер всякий *улачи* проводит тех лошадей, которыми управляет, вокруг шатра владельца [лошадей] и ставит по сторонам его. Через некоторое время [после этого] каждый [*улачи*] уводит [своих лошадей] в разные стороны.

Всякий раз, когда надо поить лошадей, они [татары] выкапывают колодец, из которого за раз могут напиться только 4–5 лошадей. Каждая [лошадь] самостоятельно придерживается порядка очередности: [лошади] подходят друг за другом, при этом пришедшая [первой] и вдоволь напившаяся уходит, а следующая за ней делает то же самое. Если случается, что кто-то нарушает [этот] порядок, то *улачи* достаточно издадека помахать железным прутом, и [лошадь] покорно склоняет голову, а ее ноги замирают на месте. И никто уже не смеет бунтовать, в общем устанавливается совершеннейший порядок. Каждый их [татар] табун кобыл ведет конь *ила*, [из расчета] один конь [*ила*] на 50–60 голов кобыл. Если кобыла выходит из табуна, то конь *ила* непременно кусает и лягает ее, понуждая вернуться. Или когда конь *ила* другого табуна пересечет [ему путь] и зайдет в него, то конь *ила* [первого] табуна обязательно будет его кусать, лягать и заставит уйти. На самом деле, есть и [много] другого удивительного, что стоит посмотреть [у татар].

Их [черных татар] седло и сбруя легкие, простые и удобные для быстрой скачки. Вес не превышает 7–8 цзиней. Впереди их симметричного седла вертикальная [лука], а сзади – плоская, так что [всадник может] крутиться во все стороны, при том лопатки [лошади] не получают травм. Поскольку стремяна круглой формы, то ноги [в стремянах] занимают центральную позицию, и притом не имеется перекоса в какую-либо из сторон. Т.к. низ [стремени] широкий, то сапоги [черных татар] легко входят в стремяна и сцепляются с ними. Кожа стремян ручной выделки и не дубленая селитрой, а [только] смазанная бараньим жиром, чтобы [она] выдерживала дождь и не гнила. [Сбруя] связана из [кожаных] ремней шириной более одного цуня и длиной не превышающих четырех [цуней], а потому весьма удобная для поворотов всем телом [всадника], встающего [на стремянах].

Их [черных татар] войско – это те из простого народа, кому 15 лет и больше. В [войске] имеются [только] конные воины и нет пеших солдат. На человека [приходится] или по две-три лоша-

¹¹ Т.е. *улагчи*, по-монгольски «ямщик».

¹² В тексте 漢人 ‘ханьжэнь’, букв. «ханьцы», но южнунцы тогда так называли не только китайцев-ханьцев, но чжурчженей и киданей, долгое время владевших Северным Китаем и живших там.

ди, или по шесть-семь лошадей. 50 всадников называются *дю* (фаньце^{LIII} [иероглифов] ‘ду’ и ‘ю’ [читается как] *дю*, что означает ‘один отряд’).

Воинственные вожаки и [их] крепкие слуги собираются в подразделения, которые находятся в особом подчинении у старших военачальников. Их называют войсками батуров^{LIV}. Раньше, когда они нападали на тангутов и чжурчженей, то во всех [этих] государствах гнали [вперед] их людей [как рабов] и атаковали их города.

[Мне, Сюй] Тину, [за время] поездок в степь и обратно ни разу не пришлось увидеть кого-нибудь, кто бы путешествовал пешком. Когда их [татар] войско выступает [в поход], предводители едут на одной лошади и имеют вдобавок [к ней] еще по 3–4, или 5–6 коней. Если же собирается [в поход] обыкновенный [воин], то ему столько и не нужно, достаточно одного-двух коней.

Они [черные татары] имеют на вооружении доспехи «ивового листа»^{LV} и [похожие на] сито плетеные доспехи (кожа [сплетена] в 6 слоев).

[Черные татары] имеют также луки из рогов архаров (пластины из рога прикрепляются к наверхшам [луков, луки имеют] 3 чи общей длины) с поющими стрелами (то есть «сигнальные стрелы»). Есть еще стрелы из верблюжьих костей и стрелы с длинными и плоскими [похожими на] иглы наконечниками. Тонкооструганное дерево используется в качестве древков стрел, а привязанные орлиные [перья] служат в качестве оперения стрел.

[Черные татары] имеют также изогнутые клинки, сделанные по образцу мусульманских^{LVI}. [Они] легкие, прочные и очень острые, а рукояти маленькие и узкие, поэтому [сабли черных татар] такие удобные для движения и размаха. [У черных татар] есть еще короткие и длинные пики с клинками^{LVII}, [которыми действуют] с оттягом подобно резцам, и потому подвергшиеся [их действию] предметы не могут ускользнуть. [Они] могут пробивать крепкие пластины [доспеха].

[Черные татары] имеют также прямоугольные щиты, сплетенные из кожи, а вместо бамбука [в их каркасе] – ива. Ширина [щита] 30 цуней, а длина – в полтора раза больше ширины. Есть еще круглые плетеные щиты специально [для воинов] передовой линии атаки, носящих их на локте. Их используют, когда [черные татары] спешиваются и только лишь стреляют [из лука], чтобы сокрушить противника. [Черные татары] имеют также круглые железные щиты, заменяющие шлемы. Их берут ради удобства быстрых разворотов и увертываний, когда проникают [в бой] в строй [противника]. Есть еще деревянные щиты на шестах, являющиеся приспособлениями для укрытия от камней [противника] при атаке городов.

У каждого большого начальника и военного предводителя [черных татар] имеется по одному боевому стягу. И только один [он имеет на то право] (людям низкого ранга нельзя ставить [стяги]), вот и все! Обычно свернутые и убранные [стяги], всякий раз при встрече [с противником], то разворачивают, то сворачивают, [чтобы] управлять сражением.

Что касается нападений на города, то [черные татары для этого] имеют камнеметы. Еще имеются камнеметы на башнях. Башни имеют набор канатов, а сами они используются для зашиты тех, кто тянет за канаты [придвигая башню к стенам].

^{LIII} Китайский метод фонетической транскрипции иероглифов через стяжение известного чтения 2-х других иероглифов – из первого берется инициаль, а из второго финаль. Поэтому приведенное Пэн Да-я фаньце знаков *ду* и *ю* дает чтение ‘дю’.

^{LIV} В тексте 八都魯 ‘ба-ду-лу’, транскрипция монгольского слова ‘баатур’, «отважный воин, герой», со временем «батур» стал титулом или званием, дававшимся за храбрость в боях. В ЮШ есть упоминание о том, что за батурами закреплялись кибитки простого народа: «[Гуюк] указал каждой сотне монгольских кибиток быть под управлением одного *батура*» (ЮШ, цз.2, с.39).

^{LV} Т.е. имеется в виду доспех, сплетенный из кожаных ремней.

^{LVI} Вариант: уйгурских, т.к. в тексте стоит 回回 ‘хуйхуй’, т.е. букв. «мусульманский», но это может означать и «уйгурский». См. выше.

^{LVII} В тексте 槍刃 ‘чан-жэнь’, букв. «пика-лезвие», но т.к. 刃 ‘жэнь’ еще и родовая морфема для всех видов холодного оружия с клинком и, ввиду дальнейшего описания Пэн Да-я действия этого оружия, его можно идентифицировать с пальмой – клинковым оружием на длинном, от 0,5 до 1,5 м, древке. Пальмы были, по данным археологии, весьма распространенным оружием среди монголов.

Когда [черные татары из камнеметов] били по городу Фэнсян, то специально наносили сильные удары в один [выбранный] угол его стены, [для этого] было установлено 400 камнеметов^{LVIII}.

Остальные их [военные] орудия и приспособления отличаются [от вышеприведенного] не слишком значительно. Если перейти к самому главному из их [видов вооружения], то лук со стрелами будет на первом месте, а сабля – на следующем после них.

[Я, Сюй] Тин, исследовал это. Татары вначале [были] примитивными и не занимались ни одним из ремесел. Да и есть ли что-нибудь еще, что они могут производить, за исключением разведения скота? Их [татар] народ туповатый, простой и спокойный, чтобы быть в состоянии [ремесленничать]. То, что [татары] только и могут сделать [сами], так это очистить дерево для луки седла и натянуть на него баранью кожу. Стремена они также вырезают из дерева. Что касается наконечников стрел, то их [татары делали] из кости, [поскольку им] неоткуда было получить железо. Позже, когда мусульмане [или уйгуры] были разгромлены, [татары] впервые заимели производство [ремесленных] изделий – впервые заполучили мастеров и впервые появилось оружие и инструменты. Т.к. мусульманские мастера весьма искусны в знаниях техники, то усовершенствовали [татарам] орудия для штурма укреплений. Еще больше обучили [татар] после гибели Цзинь пленные [специалисты] по всем ремеслам и технике. После этого [татары] хорошо оснастились [техникой и мастерами].

Их [черных татар] армейский провиант – баранина вместе с надоенным кобыльим [молоком] ([черные татары] руками выжимают их [кобыл] молоко, это называется 'дойть'). Что касается первого дневного молока от кобыл, то [черные татары] разрешают его пить жеребяткам. Что касается вечера, то [кобыл] собирают для дойки. [Молоко] накапливают в кожаных сосудах непрерывно несколько суток. Вкус [его] слегка прокисший, когда впервые можно его пить. Называют [его также] кумысом.

Едва лишь нарушив чужие границы, [черные татары] непременно занимаются грабежом и реквизициями, следуя указанию Сунь-цзы: «использовать провиант [отобранный] у противника».

[Я, Сюй] Тин, часто наблюдал, как они [татары] днем выдаивают молоко у кобыл. Также неоднократно расспрашивал [татар] об этом. [Ответ был такой]: сначала [татары] не придерживались дневной и вечерней дойки их [кобылиц]. По их [татар] правилам, сначала дают жеребяткам немного пососать, чтобы заставить пойти молоко, а потом отгоняют жеребят и [уже] сами люди руками выдаивают [молоко] в кожаное ведро, затем переливают в кожаный мешок и колотят по нему. Простолюдины уже через несколько дней пьют [из этого мешка].

Впервые прибыв в золотой шатер татарского владетеля, [я]пил прозрачный кумыс сладкого вкуса. Если сравнивать [его] с тем [кумысом], который обычного белого цвета, при том мутный, прокисшего вкуса и вонючий, то [они] вообще не имеют никакого сходства. Называют его 'черный кумыс', вероятно потому, что прозрачный, а значит кажется черным [как дно и стенки сосуда]. [Я] расспрашивал о нем, [мне] ответили так: этот [кожаный мешок] наполняют [молоком] и колотят его 7–8 дней, чем сильнее колотят – тем более чистым [становится кумыс], а когда [кумыс становится] прозрачным, то запах его перестает быть вонючим.

Только в тот единственный раз [мне] удалось пить [черный кумыс]. В других местах [я] больше никогда не был удостоен подношения таких изысканных яств. Кроме того, [когда я был] во второй раз в золотом шатре, [мне] прислали виноградное вино... [я] запомнил, что [вино] привозится как дань из уйгурского государства.

Их [черных татар] движущееся войско все время опасается внезапного удара из засады. Даже с флангов войска в обязательном порядке, прежде всего, высылаются во все стороны отборные наездники, которые выдвигаются, [согласно поговорке] «подняться высоко – глядеть далеко», дозорами вглубь [территории противника] на 100–200 ли. [Они] внезапно нападают и захватывают тех, кто или живет, или проходит [там], чтобы выведать истинное положение дел, как то: какие дороги лучше и можно ли продвинуться [по ним]; какие [есть] города, на которые можно напасть; какие земли можно воевать; в каких местах можно стать лагерем; в каком направлении имеются вражеские войска; в каких местностях есть провиант и трава. Обязанности всем [этим] заниматься лежат на конных дозорах, которые возвращаются с докладами [к главным силам].

^{LVIII} Пэн Да-я здесь, скорее всего, упоминает об осаде Фэнсяна в 1230 г. Факты сосредоточенного огня по выбранной точке крепостной стены из множества камнеметов отмечены в ходе кампаний 1232–1233 гг., во время осад других цзиньских городов, например, Кайфына или Лояна.

Если основные войска [черных татар] соединяют [свои] силы и выполняют построение «еж разворачивается»^{LIX}, то [черные татары] вначале обжигают пи-па и [потом] избирают одного человека, чтобы командовал всеми подразделениями.

[Я, Сюй] Тин, не наблюдал у татар, [чтобы они] располагали крупными [контингентами] войск внутри тех городов Хэнани, по которым я проезжал на север. Внутри городов – [центров] округов и уездов – также не было ни одного воина [татар]. Только за пределами городов, в селах, имелись конные дозоры, разбросанные по всем направлениям и хозяйничавшие [в тех местах]. При тревоге от внезапно появившихся клубов пыли [от подходящего войска], [дозоры] реагируют разведыванием и выслеживанием со всех сторон. Если [они] получают [подтверждение] истинности этих [известий], то срочно докладывают [своим] непосредственным командирам, а [от них донесение] доходит до главных начальников конного войска [татар].

[Когда] они [черные татары] разбивают лагерь, то непременно подыскивают высокий холм. Шатер главнокомандующего обязательно ставится к юго-востоку. Перед ним устанавливаются конные патрули, на татарском языке *толочи*^{LX}, которые, сменяясь по очереди, охраняют местность (только прямо перед [шатром] войска не размещены). По сторонам шатра [главнокомандующего] и позади палаток сановников [расположены] все подразделения войска, каждое из которых подчинено своему военному предводителю (тоусян), которые расставляют их по порядку. Кроме того, знатные [черные татары] распределяют службы и приказывают разойтись на занятые места для удобства фуражирования и расквартирования. [Предводители] оставляют в лагере нерасседланными на ночь каждую вторую лошадь в качестве меры предосторожности против непредвиденных [обстоятельств].

Имя командира лагеря – это как раз ночной пароль. Если случится тревога в одном лагере, то в соседнем лагере приготовлены лошади, ожидающие [сигнала на] преследование или внезапное нападение. Если же говорить об остальных лагерях, то [они] совсем не двигаются. Только лишь с биваками конных дозоров дело обстоит иначе [чем с этими лагерями].

После того, как командир [лагеря] расположится в центре, вокруг него занимают места войска. [Командир лагеря] передает в дальние концы дощечки с надрезами^{LXI} для сменных ночных патрулей (это то же самое, что в китайской армии система передачи [вестовых] стрел). Лошадей кормят внутри лагерей, чтобы не допустить их бегства. Еще до заката в своих биваках они [патрули] разводят костры. Их называют «кострами эстафеты»^{LXII}. И пока длится ночь, [патрули] перемещаются туда, где их не увидят, для того, чтобы предупредить о ночном нападении. При этом костры эстафеты следуют друг за другом, от находящегося в самом начале до тех биваков, которые до утра не двигаются.

[Я, Сюй] Тин, видел, как они [татары] много раз использовали эстафету из собак^{LXIII}.

Они разбивают лагерь утром, пока светло [им] необходимо разведать условия местности [вариант – военную позицию] вокруг.

Их [черных татар] боевой порядок выгоден для полевого сражении. Если они не чувствуют превосходства – не продвигаются вперед. Во время движения и остановок узнают сильные и слабые

^{LIX} Т.е. маневр на одновременное окружение выброшенными из военных порядков маневренными конными отрядами.

^{LX} 托落赤 ‘то-ло-чи’, транскрипция монгольского слова ‘торчи’, т.е. «тот, кто ловит сетью», от слова ‘тор’ – «сетка, силки».

^{LXI} Сюй Тин выше уже рассказывал о них.

^{LXII} В тексте 火鋪 ‘хо-пу’, букв. «костер-станция/ям». В древности так назывались сторожевые вышки, с которых наблюдали за врагом и по цепочке сигнальных огней сведения о действиях врага передавались на дальние расстояния. Ср. в «Цзычжи тунцзянь» («Всеобщее зеркало, помогающее управлению», 1084 г.), цз.288: «Начальный год девиза Цянь-ю [правления] Гао-цзу (948 г. – Р.Х.)... тогда убрали знамена и успокоили барабанный бой (т.е. остановили боевые действия. – Р.Х.), и только лишь установили вдоль [Хуан]хэ сторожевые вышки (в тексте 火鋪 ‘хоту’. – Р.Х.), которые следовали друг за другом через каждые несколько десятков ли, поочередно сменяя пехотинцев [на вышках], чтобы охранять их».

^{LXIII} В тексте 狗鋪 ‘гоу-пу’, букв. «собака-станция». Хотя немецкие исследователи XIII P.Olbricht и E.Pinks и предлагают считать это ошибкой или искажением исходного текста, тут явная параллель с предыдущим описанием способа передачи информации монголами через эстафету из костров. Кроме того, в XIII в. знак 鋪 использовался не только как самостоятельное понятие промежуточной станции различных видов ямов/эстафет, но и в качестве родовой морфемы эстафет. Например, так он используется в указе Хубилая от 1260 г. касательно системы эстафет правительственных курьеров (急遞鋪) (ЮШ, цз.101, с.2596).

места противника. Сотня всадников окружает и может охватить десяти тысячное войско, а тысяча всадников, разделившись и растянувшись, может заполнить пространство на сотню *ли*. При сокрушении сильного построения [войск противника] и взятии позиции сполна применяют на острие атаки воинов в доспехе из скрепленных кож. Должны быть впереди, как правило, из [каждых] десяти [атакующих] таких трое. Обычно, при столкновении с противником, боевой строй [черных татар] таков: рассыпной, по 4–5 [человек в группе], так чтобы [они] никоим образом не скапливались в толпы, которые смогут быть охвачены противником. Вообще же, если [черные татары применяют] пеший порядок, то в регулярном [строю], а если конницу – то в рассыпном. Если противник рассеивается, то и [черные татары] рассеиваются, если противник соединяется, то и [черные татары] соединяются, поскольку их конница действует стремительно. Близко или далеко, много или мало, собрались или рассеялись, выступили или еще нет [войска противника], [черные татары] движутся подобно падающему небу и проходят подобно молнии. Это называется 'войска [как] стая ворон, рассыпающихся во все стороны'. Они [черные татары] соединяются и [затем] расходятся, глядя по тому направлению, которое [задает их предводитель] своей плетью. Они расходятся и [затем] соединяются, услышав звуки [барабана] «гугуй» в качестве сигнала. [Черные татары] от близких и до дальних [расстояний проходят] 1000 *ли* за очень короткое время. Если они собираются на ночевку, то наблюдают за сигнальными огнями, так что знают [куда двигаться]. Местность, где они [предпочитают] сражаться, должна быть очень холодной. Если нет снега, то [черные татары] размалывают камни и возносят моления Небу.

[Я, Сюй] Тин, наблюдал военное искусство татар. [Оно] только единственного вида, [татары] невежественны и считают правильным только по-дикарски нападать, вот и все! Они к тому же такие люди, что никоим образом не боятся смерти. С того времени, как [татары] применяют [свои] войска во вторжениях на юг, [они] с каждым разом все меньше терпят неудач и по этой причине храбрость [их] все более увеличивается. [Татары] отважны и при том позволяют [себе] быть неучеными [в китайском военном искусстве].

Провиант у татар ограниченный – это только лишь овцы и лошади, которые следуют [за ними] в походах. [Татары] не практикуют перевозок продовольственных пайков. Однако, хотя [их] армия по-преимуществу состоит из немалых количеств [самых] татар, но все остальные – это люди погибших государств. Татарам самим не хватает следующих [за ними] в походе овец и лошадей для питания, а людям всех погибших государств к тому же еще требуется для пропитания зерновое довольствие. <...>

Что касается того, как они [черные татары] сокрушают врага, то [они, согласно поговорке,] «поднявшись высоко и глядя далеко», первым делом изучают рельеф местности, выведывают у врага положение дел, специально ищут удобного момента замешательства [у противника], и тогда вступают в сражение с ним. Всякий раз сначала [черные татары] используют отряд всадников – атаковать напрямик главный пункт строя противника. И едва лишь [противник] поддастся, то [черные татары], не раздумывая много или мало [противника], наступают широким фронтом и преследуют по пятам врага. И хотя и было бы [противника] 100 000, но [он] не в состоянии удержаться. Если [противник] не поддается, то первоначальный отряд отходит вбок, следующий по очереди отряд снова нападает. Если опять не вышло проникнуть [в строй противника], то последующие отряды берут пример с того, как [действовали] они [предыдущие отряды]. Поэтому то время, пока они прорывают [позицию] противника – это выигрыш темпа для тактического приема [черных татар] сосредоточить войска слева, справа и сзади [противника]. И как только войска замкнут [окружение] со всех четырех сторон, то те, которые выполнили [маневр] самыми последними, дают [сигнальный] звук [барабана] «гугуй». [Черные татары] с четырех сторон и восьми направлений^{LXIV} отключаются [на него], одновременно объединяют силы и все вместе наносят удар.

Кроме этого приема [черные татары применяют]:

– еще вот что – если [черные татары] сходят с коня, держа на руке круглый плетеный щит, на ходу пуская стрелы с каждым шагом прямо в цель, то с обоих флангов [они] непременно разгромят [строй противника], и тогда обязательно смешают [его], преследуют смешавшегося [противника] и быстро врываются [в ряды] врага;

^{LXIV} Идиома, означающая «со всех сторон».

– или – если [черные татары] видят удобный момент для зажимания пехоты [противника] всадниками, то тогда сзади пехоты [противника] располагают отряд [конницы], который, когда [черные татары] обращают в бегство врага, встречным ударом атакует противника;

– или – если крепкие позиции [противника] не поддаются прорыву всеми тактическими приемами, то непременно гонят [на них] крупный рогатый скот;

– или – [черные татары] плетьюми [гонят] диких лошадей [на противника], чтобы создать помеху вражескому построению в совершенно непреодолимую позицию;

– или – если частокол алебард выставлен из строя [противника] и конница, получив сопротивление, прекращает свою атаку, то [черные татары] устанавливают кольцо всадников [вокруг противника], которые на отдалении патрулируют и время от времени пускают стрелы, вынуждая противника тратить силы на передвижения, через некоторое время такого напряженного противостояния у противника обязательно кончится продовольствие;

– или – если нехватка травы и воды заставляет уходить [противника], то [черные татары] атакуют и принуждают [его сдаться];

– или – [когда] строй противника уже в движении, то поэтому [черные татары] не спешат атаковать, выжидая его [противника] усталости и истощения, и только после этого врываются внутрь [его рядов];

– или – если войск мало, то сначала [черные татары] покидают [данную] местность, волоча за собой деревья и вызывая пыль, поднимающуюся до небес, [так что] противник подозревает, что войско [черных татар] велико и всякий раз оказывается в растерянности, а [черные татары] не теряются – наступают на него и всегда могут разбить;

– или – [черные татары] заставляют взятых в плен слушаться их приказов и те сражаются, [так что черные татары] побеждают, воспользовавшись изнурением сил противника от атак [этих пленных на его] отборные и обученные части;

– или – как только [черные татары] скрестят клинки [с противником], то симулируют поражение и бегут, для обмана бросая поклажу, вот почему враг [отвлекается] на подбирание золота и серебра;

– или – [когда черные татары] делают такой вид, что действительно терпят поражение, а их преследуют, не прекращая атаковать, их [черных татар] засадная конница выступает и никого не оставляет [из противника].

И еще – [черные татары] и когда терпят поражение, то в результате удачи и при наличии искусной тактики, добывают [в итоге] победу.

Просто [черные татары] всегда существовали в ситуации, что [больше всего их] заботили [сражения] друг с другом, и [они] обладают такими [тактическими приемами], о которых не говорится в древних наставлениях [по военному искусству]. Если они побеждают, то преследуют противника, наносят быстрые удары и убивают, не допуская [чтобы кто-нибудь] спастся. Если они терпят поражение, то рассыпаются на все четыре стороны и убегают, так что преследователи не в состоянии их настигнуть.

Командующими их [черных татар] конницы прежде были семнадцать ее военных предводителей^{LXV}: Тэмчжэнь (то есть Чэнцзисы; после смерти его конница [принадлежит] матери Укудая, сейчас она сама возглавляет ее)¹, незаконный старший царевич Чжочжи ([он] уже погиб)², незаконный второй царевич Чахэдай (был отправлен на северо-запад в мусульманские государства)³, незаконный третий царевич Укудай (является ныне татарским правителем), незаконный четвертый царевич Толуань (вернувшись из Хэнани заболел и умер, вышеперечисленные четыре человека – все сыновья Тэмчжэня)⁴, Тэмогз-вочжэнь (сокращенно именуется как Вочэнь, кроме того, титулуется как 'Няо-шэн даван', является младшим братом Тэмчжэня)⁵, Аньчжидай

^{LXV} В тексте 頭項 'тоу-сян', термин, который впервые зафиксирован у киданей и является передачей термина taqan, известного еще в Тюркском каганате (см. ниже). В ЮШ он также встречается и относится, как правило, к тысячникам, которые командовали тысячами войск, составленными из воинов их собственных родов/обоков. Часто в таких случаях такой тоусян, будучи номинально тысячником, на самом деле командовал несколькими тысячами, у каждой из которых был свой реальный командир – собственно тысячник в исходном значении этого слова. Данная практика тоже соответствует статусу тарханов у монголов, как владельцев кочевого удела и командиров своих собственных военных сил.

(племянник Тэмочжэня, младший брат^{LXVI} Укудая⁶, Боду-[фу]ма (зять Тэмочжэня)⁷, Байсыма (первое имя Байсыбу, является незаконным царевичем белых татар и зятем Тэмочжэня, прежний муж незаконной принцессы Алахань)⁸, Мухуали-гован (черный татарин, [он] отец Бово и покровитель Чалавэня)⁹, Гэтэ-цзюньван (черный татарин)¹⁰, Сяо-фужэнь¹¹ (кидань, специально ведает дворами, приписанными для нужд артиллерии¹²), Ахай (кидань, изначально пребывал в Дэсинфу)¹³, Тухуа (является младшим братом Ахая, изначально пребывал в Сюаньдэфу)¹⁴, Минань¹⁵ ([он] кидань; его сын Ханьтабу¹⁶, дагэ^{LXVII} Яньцзина, ныне управляющий им) и Лю Бо-пинь (китаец, командир тумена «младших братьев»)¹⁷.

О численности войск – точное количество не установил, только известно, что [у черных татар] на одного мужчину приходится несколько жен и на одну жену – несколько детей. И если раньше [черных татар] было мало, а теперь – множество, то значит [численность войск] увеличивается и не уменьшается [число] нынешних их предводителей. Кроме того, не знаю сколько старых главарей и опытных полководцев умерло. Однако большая часть [этих полководцев], ранее участвовавших в завоевании Цзинь и сражавшихся в [землях] между заставой [Тун]гуань и [Хуан]хэ, таких как Субудай¹⁸, Тэмодай¹⁹, Тачар (ныне именуется Бэньчжань)²⁰ и Аньчар²¹, все еще благополучно здороват. И хотя [черные татары] беспрерывно сражаются, но пожоже, что [у них] все еще нет недостатка в таких воинах, что способны продолжать [сражаться].

[Я, Сюй] Тин, наблюдал их [татар] обычаи – один муж имеет несколько десятков жен или более сотни жен. Имущество [в виде] скота, приходящееся на одну жену, доходит до [размеров] богатства. Чэнцзисы установил как закон, что необходимо их [татар] породе преумножать свое потомство. [Татары] не позволяют иметь [среди себя] ревнивцев²².

Ныне владетель татар Укудай, он родился в год бин-у^{LXVIII}.

[Варварские племена] ху²³, в том числе черные татары, [обладают] малой растительностью на лице, поэтому [варвар] ху с большой [растительностью на лице] непременно оказывается знатным.

[Когда я, Сюй] Тин, находился перед золотым шатром, то внезапно увидел владетеля татар, который вышел наружу из шатра вместе с одним или двумя спутниками, чтобы просто пострелять из луков. Владетель татар лично выстрелил 4–5 стрел, дальность [стрельбы] вышла в 200 шагов. Так постреляв, [они] закончили стрельбу и сразу же вошли в золотой шатер.

Что касается того, как их [черных татар] военные предводители распределили охрану границ, то войска Вочжэня находятся в Ляодуне, войска Чахэдая находятся в мусульманских [странах], а войска Боду-фума находятся в Хэси. Каждый из них имеет заботу о безопасности тылов [друг друга].

Темников у черных татар 8 человек. В некоторых туменах неполный состав, однако это войска из родни [правителя черных татар]: всяких дядей, племянников, детей старших и младших братьев²⁴, которые не входят в число [вышеуказанных] темников²⁵. Темников [войск из] ханьских земель²⁶ – 4 человека...

Другие [военачальники], хотя также возглавляют войска, все уступают этим четверем. Численность войск – большая, а их силы – многочисленные. Подобно армиям в Ляодуне, Хэси и всех мусульманских государствах, [черные татары] еще располагают [войсками] помимо ханьских туменов.

[Я, Сюй] Тин, когда находился в степи, видел как их [татар] повозки начальников и простолюдинов были нагружены тяжелой поклажей вместе со стариками, детьми и имуществом, и весь народ шел несколько дней без перерыва. А еще большинству [этих татар] было 13–14 лет. Когда я спросил о [причине] этого, то получил ответ: «Эти все татары перебрасываются воевать мусульманские государства, куда 3 года пути. Тем, кому сейчас 13–14 лет, будет 17–18 лет, когда достигнут тех мест и все [они] уже будут превосходными воинами»²⁷.

Мусульмане всех видов уже полностью покорились и перешли на службу [к татарам]. А эта единственная разновидность мусульман [что не покорилась] находится на другой стороне Сичу-

^{LXVI} Тут Пэн Да-я совершенно верно передает родственные термины монголов, т.к. у последних не было в то время понятия «кузен», двоюродные братья назывались у них просто братьями (младшими или старшими).

^{LXVII} Как разъяснил Н.Ц.Мункуев, дагэ – это передача монгольского слова *дарга*, фонетического варианта слова «даруга» («даругачи») [Мэн-да бэй-лу, 1975, с.161–162].

^{LXVIII} 23.01.1186 – 9.02.1187.

ань^{LXIX} и противостоит [татарам]. Столица их государства 300 ли [в размере]. [Эта] местность изобильная и [в ней] много всего производится. [Она] теплая для выращивания 'пяти злаков' и плодовых деревьев^{LXX}, [а выращиваемые в ней] бахчевые – огромные в объёме.

Касательно [стран], что до сих пор не соглашаются стать вассалами [татар] – Чахэдай воюет с ними уже несколько лет, поэтому [татары] еще более увеличивают [там численность] войск.

Они [черные татары] очень жестоко обращаются со всеми государствами! Те [из них], которые уже разгромлены и не сопротивляются, имеют [следующие] названия:

- на юго-востоке – это белые татары²⁸ и цзиньские инородцы (нюйчжэни)²⁹,
- на северо-западе – это наймани (или еще [они] зовутся наймань)³⁰, уйгуры³¹, сары-уйгуры³², сарты³³ и канглы³⁴ ([это все] названия мусульманских государств)³⁵;
- строго на севере – это татары (то есть род урсут)³⁶ и меркиты³⁷;
- строго на юге – это Си Ся³⁸.

Те [государства], которые еще сопротивляются и [покорение которых] не завершено, имеют [следующие] названия:

- на востоке – это Корея и [государство Пусянь] Ваньну (то есть чжурчженское государство Дачжэнь)³⁹ <...>;
- на северо-востоке – это нишу⁴⁰ и нахай-ирген⁴¹ («Собачье государство». [У его] мужчин квадратные физиономии и кулаки, при том на сосках имеется шерсть. Ходят [они так быстро], что могут нагнать бегущую лошадь. Их девочки красивы и изящны. Татары нападают на них, но не в состоянии победить)⁴²;
- на юго-западе – это усу-ирген (водяные татары)⁴³ и мубо⁴⁴ (племя на западных окраинах [Китая], управляется вождями и не имеет правителей на троне)⁴⁵;
- на северо-западе – это кыбчак⁴⁶ (мусульманское государство, [они] являются видом уйгур)⁴⁷, вначале [они] подчинились, а потом взбунтовались, бежали в теснины и за реки, чтобы там сопротивляться⁴⁸.

Тэмочжэнь еще при жизни произнес такое установление⁴⁹: «Хоть десять лет трудись, но обязательно заверши завоевание: если удержишься завершить завоевание, то остатки цзиньской породы вновь размножатся. Лучше уж оставить Чахэдая охранять [непокоренных мусульман], а [самим] забрать остатки Цзинь и окончательно покончить [с ними]». После того [т.е. смерти Чингиз-хана] этим и занялись.

В год гуй-сы^{LXXI} теми местностями, на которые напал Чахэдай, к тому времени ставший главным царевичем, были: Синду (черные мусульмане, в их земле нет дождей и воду продают, считается государством)⁵⁰; а строго к северу [от него] – хара-хидат ([это] черные кидане, иначе еще называют [просто] киданями, а некоторые зовут [их] «большие кидани», это как раз государство Даши Линь[я]⁵¹). [Чахэдай] или отторгает территории у этих государств, или берет в плен их население, подобно [тому как это делается] в Корею, [государстве Пусянь] Ваньну, Собачьем государстве, [государствах] водяных татар и мубо.

Все [эти государства татары] в состоянии приобрести и при том без вопросов. Только единственное государство кыбчаков излишне воинственно. Если не прибить искры [их сопротивление], то [черные татары] поимеют достаточно горя от степного пожара. Они [кыбчаки] как раз те, с кем татары непременно будут вести борьбу. <...>

По причине того, что татары особо заботятся о лошадиных копытах и богатых [кормом] путях, [они] еще отправляют [заранее людей] с поручением следить за ростом трав в степи. <...>

Когда они [черные татары] находятся в армии и умирают, то их тела отправляют назад домой. Если так не получается, то тогда кладут в мешок и хоронят его, а имущество опустошают.

^{LXIX} В переводе – «Западные реки/долины». Речь тут идет о р. Вэйгань в Синьцзяне, которая со времен Тан известна как Сичуань на территории уйгурского государства Куча (Восточный Туркестан), вместе с парной ей р. Дунчуань («Восточная река»). В то же время, согласно «Чжунго гу-цзинь димин да цыдянь» («Большой словарь древних и современных географических названий Китая». Шанхай, 1935, с.743), есть и другая территория под названием Сичуань – это земли к западу от провинции Сычуань, скорее всего, именно они имеются в виду в другом месте XIII, где передается рассказ о стратегическом плане Угедея.

^{LXX} Так в Китае издавна называют основные зерновые и сельскохозяйственные культуры: рис, просо, ячмень, пшеницу и бобы.

^{LXXI} 11.02.1233 – 30.01.1234.

[Я, Сюй] Тин видел тех из них [татар], что умерли, когда находились в войсках. Если сами слуги смогли отправиться с останками их хозяина и вернуться домой, то им оставляли и раздавали без остатка скот [умершего]. Если другие люди делали это [доставку тела домой], то все становилось их – его [умершего] жены, рабы и скот.

Их [черных татар] могилы не имеют курганов. [Черные татары] используют коней, чтобы вытоптать [могилу] и довести до совершенно ровного места. Что касается могилы Тэмочжэня, то [вокруг нее] воткнуты стрелы в качестве ограды (шириной свыше 30 ли) и патрулируют всадники в качестве охраны.

[Я, Сюй] Тин видел могилу Тэмочжэня, находящуюся на берегу реки Лугоу. Горы и река окружают [ее]. Мне передали рассказ, что Тэмочжэнь родился в этом месте, поэтому [когда он] умер, то и похоронили [его] там же. Не знаю, действительно ли это так или нет. <...>

Написано в начальный день первой летней луны года дин-ю [девиза правления] Цзя-си^{LXXII} Сюй Тинем из Юнцзя, по прозвищу Чанжу».

Список китайских мер и весов

ли – ок. 576 м; 1 чи = 10 цуней – 32 см
цзинь – ок. 600 г; лян – ок. 37 г; 1 дин = 50 лян

Комментарий

¹ Речь идет о главной жене Чингиз-хана – Борте, матери Джучи, Чагатая, Угедея и Толуя. Женщины в монгольском обществе были вполне равноправны мужчинам и имели как собственное имущество, так и права на имущество мужа после его смерти. В правящем роду это также распространялось и на функции управления, поэтому женщины часто выполняли роль регентов.

² Т.е. Джучи, старший сын Чингиз-хана. Умер в конце февраля – начале марта 1227 г.

³ Чагатаю, второму сыну Чингиз-хана, были выделены в удел земли Восточного Туркестана и Мавераннахра (кроме Бухары) еще при жизни Чингиз-хана.

⁴ Толуй, 4-й и последний сын Чингиз-хана от его главной жены Борте-фуджин. После смерти Чингиз-хана ему, как младшему сыну, отошла большая часть монгольских кибиток, которыми владел монгольский каан, в т.ч. и значительные военные силы – ввиду характера монгольской армии как народа-войска (по свидетельству Рашид ад-Дина их число у Толуя составило 101 тыс., см. [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.266]). Согласно ЮШ, Толуй умер в сентябре–октябре 1232 г. (ЮШ, цз.2, с.32). Его сыновьями были 2 каана – Менгу-каан и Хубилай, а также Хулагу – основатель монгольского ильханата на территории Ирана, Афганистана и Передней Азии.

⁵ Темугэ-Отчигин, младший брат Чингиз-хана, 4-й сын их отца Есугея-баатура. Пэн Да-я передает его имя весьма близко к варианту ЮШ – *Темугэ-Вочицзинь* (*Temoge-O[t]čigin*).

⁶ Здесь под Аньчжидаем подразумевается Алчидай/Алджидай – сын Хачиуна, младшего брата Чингиз-хана, и двоюродный брат Угедея. В генеалогических таблицах ЮШ он назван *Аньчжицзидай* (*Алджигидэй*), а у Рашид ад-Дина – *Элджидай*.

⁷ В ЮШ (цз.118) есть биография Боту. Согласно ей, Боту был из рода икирэсов и был женат сначала на младшей сестре Чингиз-хана, а после смерти последней – на его дочери Ходжин-беги. Т.е. это его Пэн Да-я называет *Боду-фума* (*фума* – это принятое в Китае наименование зятя императора). Рашид ад-Дин также упоминает Буту-гургэна (по-монгольски зять – ‘гургэн’) – мужа Фуджин-беки, старшей дочери Чингиз-хана. Согласно ЮШ, Боту умер во время похода на Си Ся, т.е. в 1226–1227 гг. Так что здесь, как и еще в нескольких случаях упоминания умерших к 1233 г. высших командиров монгольских войск (например, Мухали), Пэн Да-я говорит не о самом Боту, но о войсках, которые были под его командованием и перешли под команду его наследника. В данном случае это сын Боту – Сорхак, который тоже был женат на принцессе императорской крови – Алтун-гунчжу (дочь младшего брата Чингиз-хана – Отчигин-нойона, *гунчжу* – название принцесс императорского рода в Китае) (ЮШ, с.2922).

⁸ Здесь идет речь о Буян-Сибане, старшем сыне главы *онгутов* Алахуш-дигитхури (ЮШ, цз.118, с.2924). В «Мэн-да бэй-лу» (далее – МЛ) он также назван Байсыбу, но записан знаками 白四部 в отличие от 白廝卜 в ХШ. «Басыма» же – это трансформация из ‘Байсыбу-фума’, т.к., согласно МЛ, он был женат на дочери Чингиз-хана Алахай-беги. Буян-Сибан был христианином несторианского толка, отсюда его имя ‘Сибан’ – тюркизированной форма христианского имени Стефан/Степан. Он назван в тексте «царевичем» (*тайцзы*), как наследник Алахуш-дигитхури, однако, как и в других случаях, тут говорится об умершем предводителе монгольских войск – Буян-Сибан был убит еще между 1211–1213 гг. и Чжао Хун в 1220 г. пишет об Алахай-беги уже как о его вдове (см. [Мэн-да бэй-лу, 1975, с.57]).

⁹ Мухали (1170–1223) ко времени появления у монголов Пэн Да-я уже умер. Его положение и титулы унаследовал его единственный сын Бо’ол. Пэн Да-я передает его имя весьма близко к реальному произношению – ‘Боо[л]’, тогда как в жизнеописании Мухали в ЮШ это имя передано как *Болу*. Упомянутый в тексте ХШ ‘Чалавэнь’ (察刺溫 – так передано в ХШ монгольское имя ‘Чалаун’) – это на самом деле Тас, старший внук Мухали, первый сын Бо’ола, как это сообщается в списке сыновей Бо’ола: «7 сыновей: старший – Тас, следующий за ним Сугулчак... Тас, [его] первое имя – Чалаун» (ЮШ, с.2937). Его упоминание у Пэн Да-я не случайно – Бо’ол умер за 5 лет до прибытия к монголам Пэн Да-я, т.е. еще в 1228 г. Поэтому в 1233 г. титулы Мухали и его сына Бо’ола унаследовал как раз Тас, он же ‘Чалавэнь’ (查刺溫). Упоминание о некоем «покровительстве» Чалауну/Тасу со стороны Мухали является весьма точной информацией – в жизнеописании Таса в ЮШ говорится, что он с детства отличался большими способностями, и его дед Мухали видел в нем достойного продолжателя своего рода. Видимо, это было связано со слабым здоровьем единственного сына Мухали – Бо’ол умер в возрасте 31 года и Тасу пришлось стать его преемником в 17 лет (ЮШ, с.2937–2938).

¹⁰ Кэтай, вместе с его отцом Чжурчедаем, входили в состав тех первых 95 тысячников, должности которых были учреждены Чингиз-ханом в 1206 г. Оба они были предводителями рода Урууд, поэтому Чингиз-ханом им были отданы в подчинение люди этого рода [Сокровенное сказание, 1941, с.158, 162]. Т.о., Кэтай принадлежал к самой верхушке кочевой знати в момент образования государства Чингиз-хана. Он сохранил этот статус и во времена Угедая. Кроме того, Кэтай был женат на Ибаха-беги, дочери Чжаха-Гамбу, брата главы керейтов Ван-хана, которая была сначала женой самого Чингиз-хана [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.72]. Последний позже отдал ее в жены Кэтаю вместе со всеми ее крепостными вассалами и имуществом. Данный поступок Чингиз-хана был проявлением его милости и высокой оценки заслуг Кэтая. Т.о., Пэн Да-я совершенно правомерно включил Кэтая в список главных сановников – тарханов (*тоусян*).

¹¹ Надо согласиться с объяснением Ван Го-взя касательно искажения в титуле. Т.е. в настоящем тексте следует читать вместо 夫人 ‘*фужэнь*’ 大夫 ‘*дафу*’, как сокращение должности 御史大夫 ‘*юйши дафу*’. Кроме того, сличение рассказов о взятии в год и-хай Северной столицы Цзинь в жизнеописаниях Мухали и Шимо Есяня показывает – тот, кто в первом жизнеописании назван «Сяо Есянь», во втором собственно Шимо Есянь (см. (ЮШ, с.2931, цз.150, с.3542)). Т.о., это подтверждает сообщение жизнеописания Шимо Есяня, что его родовая фамилия была Сяо. Однако у Пэн Да-я речь, скорее всего, идет не о Шимо (Сяо) Есяне, а о его старшем сыне Чжала (т.е. Чжала[r]). Дело в том, что Шимо Есянь погиб еще в 1219 г., при этом Чжалар унаследовал его звание *юйши дафу* (ЮШ, с.3542–3543). Скорее всего, именно он упоминается в жизнеописании Мухали под именем «Сяо Темура». Использование монгольского имени «Тэмур» не должно смущать – в знак заслуг монголы награждали своих немонгольских соратников почетным правом носить монгольские имена или прозвища – или в качестве добавления к их исходным именам, или как полную их замену на монгольское имя. Согласно сочинению юаньского автора Ван Юня (умер в 1304 г.) «Ши чжун-у гун цзя чжуань», известно, что Сяо Чжалар был темником, причем вместе с двумя другими – Ши Тяньцзэ и Лю Хэй-ма, ему было приказано составлять правое крыло войск [Мэн-да бэй-лу, 1975, с.64].

¹² Шимо Есянь был основателем т.н. «Черной армии», сформированной из китайцев, киданей и чжурчженей, перешедших на сторону монголов. Причем снабжалась она за счет специально выделенных ей и прикрепленных для этих целей дворов китайского населения. Шимо (Сяо) Чжалар после смерти отца возглавил ее и участвовал ее силами в осадах многих городов, где широко применялась камнеметная техника. Особо выделены в жизнеописании Чжалара его заслуги во взятии крепко защищенных ворот Жэньхэмэнь при осаде Кайфына в 1232–1233 гг. (ЮШ, с.3543), т.е. как раз во время пребывания Пэн Да-я у монголов. А согласно сведениям из «Цзинь ши», известно, что каждая стена и каждые ворота Кайфына во время этой осады находились под длительным и массивным обстре-

лом большого числа камнеметов. Поэтому в зоне ответственности Чжалара, очевидно, были и значительные силы китайских камнеметчиков, что, видимо, и отмечено Пэн Да-я в настоящем тексте.

¹³ Елюй Ахай – потомок киданьского императорского рода. Вначале служил цзиньцам, но в 1203 г. перешел на сторону Чингиз-хана. Произошло это тогда, когда его отправили послом к кереитскому Ван-хану – в то время Чингиз-хан был не столько союзником Ван-хана, сколько его вассалом и часто бывал у кереитов. В ходе этой миссии Елюй Ахай наладил контакт с Чингиз-ханом, который предложил ему перейти к нему на службу. Но тот не стал сразу открыто переходить на сторону монголов. Вместо этого он договорился о службе у монголов младшего брата – как заложника, своеобразной страховки, пока сам оставался послом у Ван-хана. Но вскоре Елюй Ахай переходит к монголам – уже в 1203 г. Елюй Ахай отмечен среди окружения Чингиз-хана. В ходе первой кампании против Цзинь в 1211 г. Елюй Ахай был заместителем Джебе и командовал авангардом его корпуса. Пэн Да-я верно передает тот факт, что в ходе первых монгольских завоеваний в Северном Китае Елюй Ахай захватил Дэсинфу, и его войска стояли во всей столичной области Янь – это же сообщает и жизнеописание Елюй Ахая (см. ЮШ, цз.150, с.3549). Однако ко времени появления у монголов Пэн Да-я, Елюй Ахай давно умер – он активно участвовал в походе на хорезмшаха, войска под его командованием брали ряд крупных городов Средней Азии – например, Бухару и Самарканд. Сразу после взятия Самарканда (1220 г.) Елюй Ахай остался в нем наместником, а потом и главным даругачи всех завоеванных городов Средней Азии. Но вскоре после этого заболел и умер [там же]. Поэтому, как и в других случаях, тут Пэн Да-я сообщает скорее о потомках Елюй Ахая, которые вплоть до царствования Менгу-каана были в столичной области или главнокомандующими войсками (Манхудай, старший сын Елюй Ахая командовал киданьским и монгольским корпусами), или главными даругачи (сначала им был Мал-Сэргэг, средний сын Елюй Ахая, а потом эту должность унаследовал его сын Майгэ) (ЮШ, с.3550).

¹⁴ Елюй Тухуа – был сначала заложником у Чингиз-хана для гарантии поведения его старшего брата Елюй Ахая, которому Чингиз-хан доверил под командование часть войска. Впрочем, статус таких заложников был высоким – реально они входили в состав кешига, личной гвардии Чингиз-хана: так, даже Субедей начинал свою службу таким заложником. После разрыва с Ван-ханом и поражения при Мао-Ундур Чингиз-хан с остатками самых преданных сторонников прятался в районе озер и болот Балчжуна – среди них был и Елюй Ахай с Елюй Тухуа. Данное обстоятельство считалось высоким отличием, всех кто «пил воду Балчжуны», по свидетельству Рашид ад-Дина, считали особо приближенными к Чингиз-хану, который видел в них надежных и проверенных людей. Так, в целом ряде жизнеописаний в ЮШ тоже специально подчеркивается в качестве важной характеристики положения героя жизнеописания в иерархии Монгольской империи, что он сам или его предки входили в число тех, кто был с Чингиз-ханом у Балчжуна. В войне с Цзинь Елюй Тухуа участвовал с самого начала – в 1211 г. он вместе с подчиненным ему подразделением выступал в роли проводника, находясь в составе корпуса Мухали (ЮШ, с.3532). В 1217 г. Чингиз-хан, оставляя покорение Северного Китая Мухали, придал ему ряд войск, в составе руководства которых был Елюй Тухуа – он командует уже отдельным корпусом китайских войск [Палладий, 1877, с.191]. Ко времени правления Угедея Елюй Тухуа стал одним из крупнейших монгольских полководцев в Северном Китае – он получил звание «главноначальствующий великий нойон», и в кампании против Цзинь ему подчинялись темники Чжалар, Лю Хэй-ма, Ши Тянь-цзэ и другие, всего 7 темников (ЮШ, с.3543). Во время этого похода он умер (в его жизнеописании нет даты смерти, по мнению Ту Ци, это случилось в 1231 г., но это не может считаться точно установленным). Его сын Чжугэ унаследовал должности отца, в т.ч. и командование над 7 темниками [там же]. Однако в данном случае Пэн Да-я сообщает о самом Елюй Тухуа, а не о Елюй Чжугэ, т.к., скорее всего, Пэн Да-я в 1233 г. не мог знать о смерти Елюй Тухуа.

¹⁵ Шимо Мингань (1164–1216) был доверенным лицом цзиньского главнокомандующего Ваньянь Цзюцзиня. Хотя его переход к монголам обычно датируется сразу после сражения при Сюаньдэфу (сентябрь 1211 г.), но, по другим данным, он перебежал к монголам в 1213 г. Вместе с монгольским отрядом китайские войска Шимо Минганя принимали активное участие в осаде и взятии Яньцзина в 1214–1215 гг. Назначенный после взятия Яньцзина главнокомандующим всеми войсками (монгольскими и китайскими) в этой столичной области Шимо Мингань вскоре заболел и умер в 1216 г.

¹⁶ Пэн Да-я приводит более ясную форму записи имени сына Шимо Минганя, т.к. в жизнеописании Шимо Минганя в ЮШ его имя транскрибируется через знаки 咸得不 ‘Сяньдэбу’, что тоже передает близкое звучание – ‘Ханьтэбу’. Согласно МЛ, он был дагэ Яньцзина, а по его жизнеописанию – синиэн Яньцзина, т.е. «управляющим» Яньцзина (ЮШ, цз.150, с.3557). Т.о., дополнительно под-

тверждается, что как *дагэ* записан вариант слова *дарга/даругачи*. В 1220 г. Чжао Хун уже застаёт Ханьтабу в Яньцзине на этой должности, поэтому и тут сведения Пэн Да-я довольно устаревшие, т.к. Ханьтабу к 1233 г. уже 17 лет как наследовал своему отцу.

¹⁷ Лю Бо-линь (1149–1221) перешел к монголам в 1211 г., когда монголы осадили г. Вэйнин, в котором он был тысячником, командующим обороной.

¹⁸ Субедей – самый знаменитый монгольский полководец Чингиз-хана и Угедея (перевод его жизнеописания в ЮШ см. [Храпачевский, 2004, с.497]). С середины 1232 г., после болезни и смерти Тулуя, он руководил войной против Цзинь. При этом с марта 1232 г. по февраль 1233 г. Субедей находился под южной столицей Цзинь – г. Кайфын, который монгольское войско осаждало почти целый год. Поэтому Пэн Да-я в 1233 г. мог иметь о нем только опосредованную информацию.

¹⁹ Тэмодай (忒沒得) из ХШ и Тэмудай-хорчи (忒木歹火兒赤) из «Шэн-у цинь-чжэн лу» («Записки о личных походах священно-воинственного [Чингисхана]») (см. [Палладий, 1877]), о котором пишет Ван Го-вэй в комментарии, являются, очевидно, одним лицом, которого надо отождествить с чжалаиром Тэмуртаем (в тексте ЮШ это имя затранскрибировано как 忒木台 ‘Тэмутай’) из жизнеописания его сына Ауругчи в цз.131 ЮШ. Согласно этому жизнеописанию, Тэмуртай был во времена Угедея крупным военачальником и ему подчинялись большие контингенты собственно монгольских войск – костяка армии Монгольской империи, которая к тому времени имела уже большие количества немонгольских подразделений. Кроме того, «Цзинь ши» упоминает «главнокомандующего Тэмодая» как командира монгольских войск, первыми подошедших к Кайфыну в 1232 г. А по сведениям ЮШ, Тэмуртай командовал по особому приказу Угедея отдельным корпусом, составленным из 5 монгольских родов «Урууд, Манхунд, Икирэс, Хунгират и Чжалаир» и был руководителем т.н. «походного секретариата» (行中書省 ‘син-чжуншуншэн’, особый орган военно-административного управления в провинции) в Хэнани (ЮШ, с.3190). Если сравнить эти данные с известиями «Основных записей» правления Угедея и жизнеописаний Субедея в ЮШ, то можно заключить, что в 1232–1233 гг. Тэмуртай, хотя и был командующим, но при этом находился в оперативном подчинении Субедея, как руководителя всей кампании против Цзинь.

²⁰ Тачар имеет свое жизнеописание в цз.119 ЮШ. Согласно ему, он действительно имел прозвище ‘Бэньчжань’ (т.е. ‘Балчжал’). Тачар был внучатым племянником Борохула – одного из т.н. «четырёх кулоков» Чингиз-хана. Правда, ряд китайских авторов считает, что в этом ЮШ ошибается, и Тачар был сыном Борохула. Сам Тачар считался одним из самых удачливых монгольских полководцев в правление Угедея. Согласно «Цзинь ши», в 1233 г. Тачар во главе монгольских войск был направлен осаждать Цайчжоу. После ее падения, на следующий год, Тачар остался наместником в Центральном Китае и занимался там подготовкой войск к набегам на земли Сун, пока не умер в 1237/38 г. (см. (ЮШ, с.2953)).

²¹ Алчжар – согласно его жизнеописанию в ЮШ (цз.122), он был из древнего сяньбийского рода Тоба и очень рано присоединился к Чингиз-хану. После провозглашения Чингиз-хана кааном (в 1206 г.) он стал ближайшим помощником Мухали и затем участвовал в его кампании по завоеванию Северного Китая, в ее ходе командовал крупными отрядами и проведением серьезных военных операций. В период нахождения у монголов миссии, где был и Пэн Да-я, Алчжар участвовал под началом Субедея в осаде Кайфына в 1232–1233 гг. (ЮШ, с.3007).

²² Ср. с законом, установленным Угедеем на курултае 1234 г.: «Признаются виновными все те женщины, которые носят парадную и домашнюю одежду, не соответствующую законам; а также те, которые ревнивые» (ЮШ, цз.2, с.33).

²³ Общее название «северных иноплеменников» – сюнну и прочих тюркских и монгольских народов в Китае.

²⁴ Чингиз-хан, а потом и его преемники, выделял своим кровным родственникам, а также т.н. «тарханам» в собственность кибитки простолюдинов-харачу (т.е. закреплял этих харачу за ними). Своим господам они с этого момента служили, в т.ч. и как воины. Номинально они входили в состав общемонгольской армии – поскольку родственники каана и тарханы, которым они были подвластны, сами были обязаны подчиняться его приказам. Однако, по сути они были уже закреплены за своими господами и выступали в качестве их личных войск. Именно они составляли т.н. «войска таммачи» в составе монгольской армии, которые известны по различным источникам. В разделе трактатов ЮШ говорится, что с самого начала монгольская армия состояла как из регулярных войск, подчиненных каану и назначенным им темникам/тысячникам, так и из «войск таммачи» (ЮШ, цз.98, с.2508).

²⁵ Очевидно, что командующие такими «личными войсками», или «войсками таммачи», имели ранг тысячника или тархана (*тоусяна*), но не темника. Судя по всему, для Пэн Да-я было важно подчеркнуть такое различие в статусах разных командующих высших рангов в армии монголов.

²⁶ Имеется в виду Северный Китай и его народы – не только собственно хань, т.е. китайцы, но и кидани, чжурчжени и прочие.

²⁷ Так Сюй Тин описывает сложную систему призывных возрастов у монголов. Хотя выше Пэн Да-я определяет ее предельно просто: «кому 15 лет и больше», по другим документам юаньской эпохи известны те ее детали, о которых тут рассказывает Сюй Тин. Дело в том, что младшие призывные возраста имели у монголов специальное название и выделялись в отдельную категорию – «постепенно подрастающих». Так, в ЮШ в разделе трактатов «Войска» (цз.98) есть несколько примеров, сходных с ситуацией, которую описал Сюй Тин: «Мужчины в семье, старше 15 и меньше 70 [лет], все сколько ни есть – зарегистрированы в призывном реестре как воины... Ребята, которые еще не взрослые, всё равно вписываются в этот [призывной] реестр и называются «корпус подрастающих»; в феврале 1278 г. Походный секретариат Юньнани сообщил: «Монгольские войска, ранее поставленные гарнизонами в Юньнани, весьма малочисленны. Поэтому берутся для подготовки к выступлению в поход войска из подрастающих» (см. (ЮШ, с.2508 и 2517)).

²⁸ Имеются в виду онгуты, кочевавшие в непосредственной близости от Великой китайской стены, т.е. на юго-восток от коренных монгольских земель. Глава онгутов Алахуш-дигитхури еще в 1203 г. признал свою зависимость от государства Чингиз-хана. Далее в тексте Пэн Да-я продолжается «список покоренных народов», имеющий значительное сходство с аналогичным перечнем покоренных монголами стран и народов, приводящемся в записках францисканских миссий к монголам. Данное сходство, скорее всего, вызвано общим первоисточником, следы которого видны в нескольких похожих списках в «Сокровенном сказании», где перечислены как покоренные, так и оказывающие еще сопротивление монголам народы и страны.

²⁹ В тексте 女真 ‘*нойчжэнь*’, т.о., ханец Пэн Да-я отделяет ханьское население империи Цзинь от господствовавшей в ней народности чжурчженей.

³⁰ Найманами называлось племенное объединение различных родов/обоков монгольского и тюркского происхождения (*найман* по-монгольски «восемь»). Сведения об их покорении включены в данный «список покоренных народов» ввиду большой значимости события – уничтожение найманского протогосударства в 1204 г. было важным этапом на пути построения империи Чингиз-хана. Кроме того, в 1216–1218 гг. остатки найманов, бежавших в Восточный Туркестан, были окончательно инкорпорированы монголами в свое государство. В списке П.Карпини найманы также названы вторыми, но после Китау, что объяснимо – монголы называли цзиньцев *kitad* (см. [Сокровенное сказание, 1941, с.298]).

³¹ Пэн Да-я передает в своем списке покоренных народов названия, которые он слышал от монголов. Поэтому уйгуры у него названы близко к их произношению, а не принятыми китайскими написаниями – ‘хуйху’ или ‘вэйур’. Именно по-монгольски это название передает и Плано Карпини – *Huyur* [Путешествия, 1957, с.57].

³² Через ‘сали’ Пэн Да-я передает старомонгольское слово ‘сары’, т.е. «желтый» (в халхал-монгольском – ‘шар’). Ван Го-вэй правильно отождествляет данный этноним с шара-уйгурами, или «желтоголовыми уйгурами», народностью, существующей и сейчас в Монголии, Китае и Тибете. В списке П.Карпини они присутствуют как *Sari-Huyur* [там же].

³³ Китайская транскрипция ‘салита’ передает слово ‘сартаул’ – название мусульманского населения Туркестана у монголов (ср. с *sarta’ul* в «Сокровенном сказании» [Сокровенное сказание, 1941, с.301]). У Плано Карпини также присутствует этот этноним в пресловутом списке покоренных в виде *Sarti* [Путешествия, 1957, с.57].

³⁴ ‘Канли’ весьма точно передает этноним канглы, причем наиболее близко к монгольскому названию ‘канлин’, имеющемуся в «Сокровенном сказании». В данном случае под канглами подразумевается тюркский народ, живший в восточной части Дашт-и Кыпчака, родственник кыпчакам – некогда, как и кыпчаки, канглы были в составе Кимакского каганата. У Г.Рубрука они названы *Can-gle* [там же, с.118], а у П.Карпини – *Kangit* [там же, с.57].

³⁵ Указание на «мусульманские государства» может означать как принадлежность к исламу, так и на родственность уйгурам-тюркам этих трех народов. Т.е., видимо, следует расценивать это примечание Пэн Да-я как его дополнительное указание на этническую принадлежность шара-уйгуров, сартов и канглов к тюркскому миру.

³⁶ Среди тунгусо-маньчжурских народов юга Маньчжурии в XIV–XV вв. выделяется группа «хулуньских чжурчженей», которая отличалась от той группы племен, которая была ядром племенного объединения Нурхацы в XVI в., называвшегося «маньчжоу». Сам Нурхацы это подчеркивал, говоря послу хулуньцев: «Мы – маньчжуры, вы – хулунь». Эта хулуньская группа тунгусо-чжурчженских племен состояла из четырех главных родов, одним из которых был ‘Ула’. Ула и Урут назывались также и районы расселения тунгусо-маньчжурских и монгольских родов и племен на стыке Внутренней Монголии и Маньчжурии, согласно маньчжурской росписи родов Циньской империи «Чжа-кунь гусай маньчжусай мукунь хала бэ ухэри эчжэхэ битхэ» («Общее обозрение маньчжурских родов, находившихся в составе восьми знамен», XVII в.). Так, в ней отмечены и монгольский род Урут и маньчжурский Ула, кроме того, в этой росписи отмечен ряд совпадений названий родов и племен, который имелся как в маньчжурской, так и в монгольской частях этой росписи. В китайских источниках вообще-то и ранее записывали в ‘Тата’ не только монгольские племена. Поэтому Пэн Да-я считал урсутов родом Тата.

³⁷ Меркиты – одно из крупных племенных подразделений монголов, бывших противниками Чингизхана. Локализация их на севере правомерна – меркиты кочевали в бассейне р. Селенга, т.е. севернее рр. Толы, Керулена и Онона – родины собственно монголов, обока Чингизхана. Меркиты также перечислены в списках «покоренных народов» в известиях францисканских миссий и минорита Гильома Рубрука.

³⁸ Си Ся – официальное название Тангутского государства. Оно было уничтожено монголами к концу 1227 г. Об оказанном монголам сопротивлении со стороны тангутов в этой войне на уничтожение рассказывает Г.Рубрук, причем он передает легенду о пленении тангутами Чингизхана [Путешествия, 1957, с.130], что перекликается с аналогичной легендой о гибели Чингизхана в войне с тангутами в Ипатьевской летописи. Очевидно, эта легенда основывается на факте болезни Чингизхана в ходе похода 1227 г. на Си Ся и смерти его в сентябре того же года.

³⁹ В ноябре 1215 г. командующий цзиньскими пограничными войсками Пусянь Ваньну объявил Ляодун независимым от Цзинь государством Дачжэнь, а себя – его правителем Тянь-ваном (ЮШ, с.19). Пусянь Ваньну принадлежал к роду Пусянь, одному из главных чжурчженских родов, основавших империю Цзинь.

⁴⁰ Скорее всего, это какие-то племена северо-востока Маньчжурии и Приамурья. В XIII в. знаки *нишу* передавали звучание *nizhu* – возможно, так называлось какое-то подразделение тунгусо-маньчжурских племен, исконно живших на территории современной Маньчжурии и пров. Хэйлуцзян (так китайцы называют р. Амур). Ср. с самоназванием народности на Амуре – нивхи, или, правильнее, «нивух», что значит «люди».

⁴¹ ‘Нахай-ирген’ – это по-монгольски «род/племя собаки». Возможно, что название дано по тому собаки. Но устойчивое упоминание неких «песьих народов», «песьеголовцев» у Карпини, Бенедикта Поляка и Ц. де Бридиа говорит в пользу другой версии – искаженной передачи информации о народах Северо-Восточной Азии, использовавших собачьи упряжки. Кроме того, и локализация этих народов на северо-востоке также указывает на каких-то кочевых охотников, использовавших в качестве средства передвижения собачьи упряжки.

⁴² Подробности данного рассказа о стране «песьеголовцев», скорее всего, передача мифических представлений чжурчженей и монголов о населении Северо-Восточной Азии, имеющих параллели и в китайской географической традиции. Однако тут Пэн Да-я, возможно, отражает также и некоторые исторические события – монголы проводили военные экспедиции (как сами, так и перешедшие на их сторону чжурчжени) против т.н. «лесных народов» Маньчжурии и Приамурья. В эпосе ряда тунгусо-маньчжурских народов Приамурья сохранились предания о нападениях на них монголов, из-за чего им пришлось покинуть родные места и переселиться с юга, т.е. Маньчжурии, на север.

⁴³ Монгольское слово ‘усу-ирген’, т.е. «водяной народ». В пояснении Пэн Да-я они еще названы 水韃靼 ‘шуй-дада’, т.е. «водяные татары». Сведения францисканских миссий и Г.Рубрука содержат известия о «су-монголах», или «водяных монголах» (см. у Карпини – «Su-moal, id est Moal aquatici Mongoli»), причем у Пано Карпини они также включены в «список покоренных народов» (как «Су-Монгал» [Путешествия, 1957, с.57]). Учитывая, что китайцы специально не выделяли именно монголов из разнообразных ‘та-та’ («татар»), то можно отождествить «водяных монголов» европейских путешественников 1240–50-х гг. с «водяными татарами» – «водяным народом» у Пэн Да-я. «Водяные татары» часто упоминаются в юаньских текстах, причем обычно рядом с чжурчженями и в Маньчжурии. См., например в ЮШ, о решении Хубилая «призвать в гарнизонные войска [людей] из земель чжурчженей, шуй-дада (水達達) и харбин» (ЮШ, цз.98, с.2512). По мнению же некоторых

исследователей, под «водяными монголами» надо понимать покоренных Чингиз-ханом собственно татар – исходно тюркской народности, но со временем монголизировавшейся. «Су» же в приставке к их названию объясняется как *su* «августейший», слово, которое сопутствовало имени хана, и, т.о., покоренные татары – это «татары, принадлежащие августейшему». Аналогичным образом предлагается понимать под «су-монголами» тех монголов, которые принадлежали лично Чингиз-хану (см. всю аргументацию в [Путешествия, 1957, с.201]). Однако такое объяснение не может устранить независимого понимания как европейцами, так и Пэн Да-я «су» и «усу» как «водяные» (по-тюркски и по-монгольски, соответственно) в приставке к названию народа. Вместе с тем, то обстоятельство, что Пэн Да-я локализирует «усу-иргэн» к юго-западу от коренных монгольских земель, рядом с тибетскими племенами мубо, возможно, указывает на какие-то иные племена, может быть, родственных шивэй или сяньбийцам (в китайской традиции – предки монголов, поэтому Пэн Да-я мог их считать «татарами»), и живших рядом с тангутами и тибетцами.

⁴⁴ «Бод» является самоназванием тибетцев, а «Му», согласно тибетским хроникам, один из «четырех главных родов»: Сэ, Му, Дон и Тон, «первопредков» всех тибетцев, по названиям которых были названы и исторические области их расселения.

⁴⁵ Т.е. уровень этих племен, в представлении Пэн Да-я, был весьма низок – они имели только вождей, которые в виде «милости» получали от китайских императоров различные почетные звания.

⁴⁶ Китайская транскрипция «кэбишао» хорошо передает монгольское название кыпчаков – «кибчаут», зафиксированное в произношении XIII в. в «Сокровенном сказании» как «kibčaud». Т.о., знаком, ныне читающимся как *shao*, во времена Пэн Да-я записывалась транскрипция монгольского окончания *-čaud* (с показателем множественного числа *'-ud'*) в этнонимах, т.к. в среднекитайском языке знак *shao* (современное чтение) соответствовал фонеме **djew[t]* (см. [Старостин, 1989, с.682]).

⁴⁷ Скорее всего, так указывается на принадлежность кыпчаков к тюркскому миру. Вряд ли Пэн Да-я тут передает известия об общем происхождении уйгуров и кыпчаков – время такой общности слишком далеко отстоит от времени самого Пэн Да-я, к тому же в своих кратких примечаниях он дает сведения самого общего характера.

⁴⁸ О причинах ожесточенной войны монголов с кыпчаками известно и из других источников: кыпчаки подвергались постоянным нападениям монголов еще с 1216 г., когда они приняли на своих землях меркитов и найманов, бежавших от своего врага Чингиз-хана (ими тогда занимались карательные корпуса Субедяя и Джебе, см. [Рашид ад-Дин, 1952, I, 2, с.177, 183]); потом они воевали с монголами в качестве вассалов хорезмшаха во время войны с государством последнего в 1219–1222 гг.; и, наконец, часть их родов (в Восточном Туркестане) была насильственно включена в состав армии Субедяя по приказу Чингиз-хана в 1225 г. ((ЮШ, из.121, с.2976)). Скорее всего, события последнего столкновения и описаны Пэн Да-я как «покорились... потом взбунтовались».

⁴⁹ В тексте 常曰 «чан-юэ», синоним 常言 «чан-янь», т.е. «афоризм, изречение». С другой стороны, знак 常 имеет также значение «закон, установление». Очевидно, тут Пэн Да-я повторяет услышанный от кого-то из монголов *билик* («изречение» по-тюркски) Чингиз-хана.

⁵⁰ Индия. В мусульманских и тюркских источниках она называлась *Синд*. «Черными мусульманами» ее жителей информаторы Пэн Да-я называют по двум причинам: из-за темного цвета кожи жителей Индии и религии господствовавшего в то время класса (в указанное время значительная часть Индии была под властью мусульман). Описание практики продажи воды вполне достоверное: в странах Среднего Востока и в Индии до сих пор существует профессия продавца воды, торгующей ею в разнос.

⁵¹ В китайских источниках государство кара-китаев Западное Ляо называлось также государством Даши Линья – по имени его основателя Елюй Даши (*линья* – это киданьский титул высших сановников в государстве Ляо). Государство кара-китаев существовало в Мавераннахре и Восточном Туркестане. Оно было основано Елюй Даши (耶律大石), членом императорской фамилии Ляо, после крушения этого государства от ударов чжурчженей.

Материал подготовил Роман Храпачевский

№ 3

Сведения «Истории династии Юань» («Юань-ши») о татарах

Наибольший материал о татарах содержится в официальной китайской династийной истории «Юань-ши», в разделе «Лечжуань» («Жизнеописания»), где собраны биографии высокопоставленных сановников, военачальников, деятелей культуры, находившихся на службе у монгольских ханов в XIII–XIV вв., а также краткие описания тех стран, из которых эти персонажи происходили. Среди этих жизнеописаний есть и биографии татар, выходцев из племен, обитавших накануне и во времена Чингиз-хана и его первых наследников в Монголии и прилегавших к ней районах Центральной Азии, а также их потомков. Это – биографии татар Ванутая, Тимурбуки, Дачжира, Дахайтимура, Тоиньны. В «Юань-ши» приводятся данные о сыне Чингиз-хана по имени «У-лу-чи-тайцзы», «царевич Уручи», чья мать, по свидетельству Кэ Шаомина, автора китайской династийной истории «Синь Юань-ши» («Новой истории Юань»), была татаркой.

В «Юань-ши» татары именуется по разному, и их названия пишутся различными китайскими иероглифами – «дадар»/«татар», «дадаи»/«татаи», «дадалитай»/«таталитай». Биографии указанных выше персонажей достаточно объемные, но в них практически нет сведений о событиях, имеющих отношение к истории центральноазиатских татар в Монголии до объединения кочевых народов Центральной Азии в государство Чингиз-хана, т.е. до 1206 г., и все они посвящены жизнеописаниям татар на службе у Чингизидов, в основном во время царствований Чингиз-хана и его сына Угедей-хана, а также в эпоху Юань – период правления монголов в Китае (1271–1368 гг.).

«Ванутай. Из монгольского племени дадар. Его деда звали Дасьхорчи. Под командованием Тайцзуна (Угедей-хана) устанавливал (монгольский) порядок на китайской равнине. Отличился (в боях) и стал даругачи (монгольским наместником) в Дунпинлу (провинции Китая). Seriously возвысился. Ванутай служил Шицзу (Хубилай-хану, внуку Чингиз-хана и основателю Юаньской империи – монгольского государства на территории Китая и собственно Монголии после распада в 1260 г. единой Монгольской державы) в округе Бачжоу (в северном Китае) в должности «цзунлу-цзунгуагуаня» (высокопоставленного чиновника). На седьмом году Чжи-Юань (1270 г.) вновь стал темником войск, следующих в боевом авангарде. (За заслуги) был опоясан золотой и тигриной пайцзами. На восьмом году (1271 г.) был изменен (в должности) до монгольского темника... Учредил военно-морские части на южном побережье Вань-шаня (в Китае). На девятую луну (в сентябре того же года) с (монгольскими) войсками атаковал (китайские города и крепости) Сяньян и Гучэн... Разбил войска (китайской империи) Сун в Аньяне. Сражался и оторвался на 80 ли (в пылу боя от боевых порядков своих войск)... На 10 луну (в октябре) большое войско атаковало (монголов)... (Ванутай) разделил (подчиненные ему) войска и стал дозором на пяти дорогах... Ванутай тогда возглавил пятое крыло войска... В награду (за ратные подвиги) получил 100 лян (1 лян ≈ 37 г) золота... Сяньян пал... Предстал пред очи государя, был награжден 50 лянами серебра, а также... латами и другими подарками. На одиннадцатом году (1274 г.) под командованием чэнсяна (министра) Баяна и пинчжана (особо уполномоченного чиновника) Ашу покорял юг (Китай). Получил приказ быть под бунчуком (т.е. в подчинении) темника Шигэшуая. Неоднократно у хребта Цзян-шань сталкивался с войсками Сун и прорывал их боевые порядки... Его войска продвигались с боями и разбили их (китайскую армию империи Сун)... (Ванутай) первым поднимался на стены (китайских крепостей во время их штурма)...» [Юань-ши, 1958, цз.131, с.(1514)27466–(1516)27468].

«Тимурбука. Из дадалитай... На седьмом году Чжи-Юань (1270 г.) получил тигровую пайцзу (особый знак отличия, удостоверяющий полномочия чиновника)... Участвовал в захвате боевых кораблей противника (т.е. китайских кораблей империи Сун) и преследовал его до Юньнани (юго-западной провинции Китая)... Нанес мощное поражение (империи Сун)... Получил повышение в Синшэне (походном императорском секретариате – ведомстве, ответственном за подготовку и проведение военных походов) за свои заслуги. Был награжден 50 лянами белого золота и одним комплектом одежды, седлом и уздечкой. Дополнительно на девятом году (1272 г.) стал темником. На одиннадцатом году (1274 г.)... под командованием чэнсяна Баяна ходил карательным походом на Сун и разбил их великого полководца Фу Гуя... Великая армия монголов форсировала Янцзы. (В этом) его заслуги были очень велики. (За что) он был пожалован 500 лянами белого золота. (Затем) вновь, следуя с войсками, принудил к сдаче (китайскую крепость и город) Эчжоу (ключевой пункт обороны империи Сун), покарал Гуанси (провинция южного Китая)...» [там же, цз.132, с.(1530)27482].

«Дачжир. Из монгольского племени дадар... Сражался с армией Сун и разбил ее... Не раз громил войска Сун, обезглавил более 500 врагов (в бою)... Захватывал боевые корабли (империи Сун)...

Вновь сражался с войсками Сун, лично убил более 10 врагов (в бою)... Был пожалован серебряной пайцзой и получил должность тысячника в правительственной армии (империи Юань). Затем покорял народ водуань (Хотана?)... Сражался с мятежными ванами (враждебными империи Юань Чингизидами)... Победил их... Подступил к Ганьчжоу (на северо-западе Китая). Был награжден золотой пайцзой и повышен в должности до цзунгуаня... Под началом чжувана (принца) Хэбаня и юаньшуая (главнокомандующего) Ваньгудая в составе их войск подошел к землям народа водуань (Хотана на территории Восточного Туркестана)... Чжуван Баба взбунтовался. (Дачжир) во главе воинов подошел и атаковал (мятежника) Чжидара. По частям разбил их (мятежников) и свыше 500 человек из их толпы казнил... Продвинулся (по служебной лестнице) до поста заместителя темника... Взял в плен более 30 человек... был пожалован золотой пайцзой, стал обладателем титула «проникнутого доблестью полководца, умиротворившего Ян» (т.е. Сяньян, одну из крепостей Сун) и другие лу (провинции), был назначен даругачи в управлении темников. Умер. Ему наследовал сын Цзянду-бухуа (Тямбука)» [там же, цз.133, с.(1535)27487].

«Дахайтимур. Из дадалитай... Служил говану (владельцу государства) Мухули... Монгольское войско покорило Чжуньян (северный Китай)... (Дахайтимур) захватил восемь западных округов (в северном Китае), разбил (вражеских) военачальников, ванов (владельцев) и гунов (князей) и их войска. Обезглавил гунов. Затем... покорил Хэси (тангутов), уничтожил (империю чжурчженей в северном Китае и Маньчжурии) Цзинь. Везде отличился (на поле брани) и был награжден земельными участками. Покорил Шу (Сычуань – провинцию Китая). Умер в Синъюани. Дед его Джалатай... Отец Бадар отличался доблестью... (Дахайтимур) разбил армию Сун в Байшуйцзяне. Захватил один вражеский военный корабль, пленил толпу врагов из 30 человек. Получил повышение и титул «доблестного полководца правительственных войск». Воевал под командованием военачальника Есудара... Под его же командованием участвовал в покорении стран Сиюй, (лежащих к западу от Китая)...» [там же, цз.135, с.(1556)27508].

«Тоиньна. Из племени дадаи. Во времена Шицзу (Хубилай-хана) участвовал в умиротворении Наяна (полководец Хубилай-хана, изменивший ему во время его междоусобиц с другими Чингизидами, оспаривавшими престол великого хана), отличился и был высоко оценен (юаньским тронем). На седьмом году Да-Дэ (1303 г.) стал тысячником в личной императорской охранной гвардии (монгольских правителей Китая), сформированной из цзиньча (кипчаков), и даругачи. (Тоиньна) был пожалован титулом «полководца, проникнутого добродетелью» и золотой пайцзой... На десятом году (1306 г.) был перемещен на пост даругачи в управлении темников... и соответственно (должности) награжден золотой пайцзой. Был продвинут (по службе) и стал обладателем титула «полководца дальних завоеваний». Был изменен (по должности) и получил титул «сановника, преданно воспринимающего указы государя»... По-прежнему совмещал предшествующие должности. На втором году Чжи-Да (1309 г.) стал цаньджи-чжэнши («участвующим в управлении политическими делами»), т.е. советником в Синшэне – императорском походном секретариате в Ганьсу. Дошел (по служебной лестнице) до «сановника, назначенного по высочайшему указу императора». На четвертом году (1311 г.) стал циню (чиновником) в ведомстве Тайпу. Был повышен до «сановника, преданно воспринимающего высочайшие указы». На первом году Хуан-Цин (1312 г.) получил пост даругачи в управлении темников аэрлу (аргынов (?) – тюркских племен) и ханьских (китайских) войск (на монгольской службе) в городе Сяньян. По-прежнему возглавлял ведомство Тайпу. На третьем году Янь-Ю (1316 г.) был пожалован титулом «добродетельного сановника» и ючэна (помощника главы ведомства) императорского походного секретариата в Ганьсу (на северо-западе Китая). На второй год Чжи-Чжи (1322 г.) дошел (по служебной лестнице) до чжэнши (советника). Несколько раз был передвинут на службе на пост фуяоаньши (заместителя начальника ведомства). (Затем) вновь был возвращен на пост чжэна (советника)..., разделил ведомство в Шанду (Кайпине – летней столице империи монголов в Китае). На восьмую луну, весной (1328 года) был убит Даолашао (Давлатшах, мусульманин и глава правительства монголов в Китае). Вэньцзун (монгольский император Туктимур) вступил на трон (империи монголов в Китае). Он особо наградил Тоиньну титулами «сановника, озаренного славой», «слуги, олицетворяющего добродетель и преданность», «столпа государства». (Тоиньна) служил пинчжан-чжэнши (особо уполномоченного по делам управления) в Чжуншу (госсовете или правительстве). Следом был пожалован титулом «и-го-гуна» («князя, опоры государства»). Посмертное имя Тоиньны – Чжун Ин. Имел сыновей Динтуна и Чжиэрлахана. Динтун наследовал пост отца, стал даругачи в управлении темников китайских войск (бывших в подчинении монголов) из Сяньяна и управления темников войск аэрлу. Получил пояс с золотой пайцзой и титул «полководца, озаренного славой». Чжиэрлахан задолго до этого стал даругачи и тысячником императорской кыпчакской гвардии, был опоясан пайцзой из золота, стал обладателем титулов «полководца, оваянного доблестью», «сановника императорского двора»... Был повышен до «сановника, воспринимающего высочайшие указы» [там же, цз.135, с.(1561)27513–(1562)27514].

Материал подготовил Александр Кадырбаев

№ 4

Ала ад-Дин Ата-Мелик Джувейни. «История завоевателя мира»

Источник цитируется по изданию: Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Перевод с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на англ. язык Дж.Э.Бойла. Перевод с англ. на русский язык Е.Е.Харитоновой. – М., 2004. – С.18–25, 28–31, 183–186, 399–436.

«ПЕРВАЯ ЧАСТЬ* <...>

[Ш]

О законах, созданных Чингисханом, и ясах, которые он распространил после своего прихода к власти

...Всевышний, как было предсказано, наделил Чингисхана силою могущества победой владычества, ибо «Поистине мощь Господа твоего крепка»; и поскольку от дерзости богатства, могущества и величия большинство городов и стран мира встретили его восстаниями и ненавистью и отказались выказать повиновение (в особенности земли ислама от границ Туркестана до отдаленных областей Сирии), то повсюду, где царь, либо правитель, либо управляющий городом оказывали ему сопротивление, он уничтожал их всех с их семьями, приспешниками, родственниками и чужаками; так что где было народу сто тысяч, не осталось, без преувеличения, и сотни душ, и подтверждением сего утверждения может служить судьба многих городов, о каждом из которых сказано в должном месте.

В соответствии и согласии со своим собственным суждением он ввел правило для каждого дела и закон для каждого обстоятельства, и для каждой вины установил кару. А так как у племен татарских не было письма, повелел он, чтобы монгольские дети обучались письму уйгуров; и чтобы ясы и приказы были записаны на свитках. Эти свитки называются Великой Книгой Ясы, и лежат они в казне старших царевичей. И когда станет хан садиться на трон, или будет набирать великое войско, или соберутся царевичи и [станут советоваться] о делах государства и управления, то приносят те свитки и с ними сообразуют свои дела; и к построению войска, и к разрушению стран и городов приступают по тому порядку, который в них предписан.

В начальную пору его владычества, когда с ним соединялись монгольские племена, он отменил дурные обычаи, которые соблюдались теми племенами, признавались ими, и установил обычаи, достойные похвалы, диктуемые благоразумием. Среди тех установлений есть многие, которые согласуются с шариатом.

В указах, что рассылал он во все страны, призывая народы к повиновению, он никогда не прибегал к запугиванию и угрозам, что было обычаем царей-тиранов древности, которые угрожали своим недругам захватом их земель и мощью своего снаряжения и припасов; монголы же, наоборот, в виде крайнего предупреждения, писали так: «Если вы не смиритесь и не подчинитесь, что можем мы знать? То Древний Бог ведает». Если поразмыслить о значении этого, [видно], что это слова тех, что полагаются на Бога: «И сказал Господь Всевышний: *«А кто полагается на Аллаха, для того Он достаточен»*, – так что при необходимости всякий достигнет того, что он носит в своем сердце и о чем просит, и исполнит всякое свое желание.

Поскольку Чингисхан не был приверженцем никакой веры и не следовал никакому исповеданию, то он не проявлял нетерпимости и предпочтения одной религии другой и не превозносил одних над другими; наоборот, он почитал и чтит ученых и благочестивых людей всех религиозных толков, считая такое поведение залогом обретения Царствия Божия. И так же, как он с почтением взирал на мусульман, так миловал и христиан и идолопоклонников. А дети и внуки его, по несколько человек, выбрали себе веру по своей склонности: одни приняли Ислам, другие христианство, некоторые избрали идолопоклонство, а еще некоторые остались верны древним обычаям дедов и отцов и ни на какую сторону не склонились, но таких было меньшинство. Но хоть и приняли они разную веру, но по большей части избегают фанатизма и не уклоняются от ясы Чингисхана, что велит все толки считать равными и различий меж ними не делать.

И ввели они еще один похвальный обычай, закрыв двери чинопочитания, похвалы титулами, крайнего высокомерия и недоступности, кои обычны у удачливых и могущественных. Когда один из них восходит на ханский престол, то ему добавляют одно имя – хан или каан, и только, и более ничего не пишут [в официальных документах], а сыновей его и братьев зовут теми именами, что даны им

* Примечания опущены. – Прим. ред.

при рождении, в лицо и за глаза, и это правило установлено как для простолюдинов, так и для знати. И так же, когда пишут обращения в письмах, пишут только одно имя, не делая разницы между султаном и простолудином; и излагают только дела, избегая излишних званий и выражений.

Большое внимание он уделял травле зверя и говорил, что охота на диких зверей подобает военачальникам; и обучение ей – обязанность воинов и бойцов, [чтобы те знали], как охотники гонят зверя, как ведут охоту, как строятся и как окружают добычу, смотря по числу людей. Ибо когда монголы собираются на охоту, они вначале высылают дозор, чтобы осведомиться о роде и численности зверя. А когда они не заняты военным делом, то всегда занимаются охотой и войско свое к тому приучают, и не только ради добычи, но также для того, чтобы воины были привычны к охоте и обучались стрельбе из лука и перенесению тягот. <...>

Что же до устройства их войска, то со времен Адамовых и до сего дня, когда большая часть земли находится под владычеством рода Чингисова, ни в одной истории не прочитано и ни в одной книге не написано, что когда-либо какой-то царь, бывший господином многих народов, имел войско, подобное татарскому, такое же выносливое и непривычное к удобствам, такое же покорное полководцу в благополучии и лишениях, не из-за жалованья и корма и не из-за ожидания повышения и дохода. И это поистине есть наилучший порядок организации войска; ибо львы, пока не проголодаются, не выходят на охоту и не нападают ни на какого зверя. Есть персидская пословица «От сытой собаки нет охоты», и еще сказано: «Мори голодом свою собаку, чтобы она следовала за тобою».

Какое войско во всем мире может сравниться с татарской армией? В бою они, нападая и атакуя, подобны натасканным диким зверям, а в дни мира и спокойствия они как овцы, дающие молоко, шерсть и многую другую пользу. В дни бедствий и несчастий между ними нет раздора и противостояния. Это войско подобно крестьянству, что выплачивает разные подати (*mu'an*) и не выказывает недовольства, чего бы от него ни требовали, будь это копчур, специальные налоги (*avārīzāt*), содержание (*ikhrājāt*) проезжающих, почтовых станций (*yam*) с предоставлением лошадей (*ulagh*) и корма для них (*ulūfāt*). Эти крестьяне в образе войска, все как один, от мала до велика, от знатного до низкого, во время сражений рубят саблями, стреляют из луков и колот копьями и способны свершить все, что ни потребуется. Когда бы ни ставилась задача уничтожить неприятеля или усмирить бунтовщиков, они готовят все, что потребуется в этом случае, от различного оружия и снаряжения до знамен, иголок, веревок, верховых и вьючных животных, таких как ослы и верблюды; и каждый должен предоставить свою долю сообразно своему десятку или сотне. В день смотра они предьявляют свое снаряжение, и если чего-то не хватает, виновного жестоко наказывают. И даже когда они участвуют в сражениях, они выплачивают столько разных налогов, сколько необходимо, а повинности, которые они выполняли, возлагаются на их жен и тех, кто остался дома. Так что если затеется работа, в которой должен был нести повинность (*bīgār*) мужчина, а он будет отсутствовать, то его жена пойдет лично и выполнит за него повинность.

Смотр и учет войска ведутся так, что пропала необходимость записывать результаты проверки (*daftar-i-'arz*) и содержать специальных людей и их помощников. Ибо все разделены на десятки, и из каждого один человек назначен начальником над другими девятью; и из десяти начальников десятков один получает звание «командующего сотней», и вся сотня ему подчинена. И так с каждой тысячей, и точно так же с десятью тысячами человек, над которыми назначен начальник, называемый «командующим тумена». В соответствии с этим порядком, если возникнет необходимость и понадобится человек или вещь, то дело передают темнику, а тот, соответственно, – тысяцкому, и так далее до десятников. В этом есть истинная справедливость; каждый человек трудится как другой, и между ними не делают разницы, не принимая во внимание ни богатство, ни власть. Если вдруг понадобится войско, издается приказ, что столько-то тысяч людей должны явиться в такое-то место в такое-то время дня или ночи. «Они не замедлят ни на час (назначенное им время) и не ускорят». И они не опоздают и не придут прежде времени ни на мгновенье ока. Повиновение и послушание их таковы, что если начальник тумена, будь он от хана на расстоянии, отделяющем восход от заката, совершит оплошность, хан шлет одного-единственного всадника, чтобы наказать его, как будет приказано; если требуется голова, он отрубит голову, а если золото, то заберет его у него. <...>

А еще есть такая яса, что никто не может перейти в другое место из тысячи, сотни или десятка, к которым он приписан, или искать убежища у других. И если этот порядок будет нарушен, то того, кто перебежал, убивают принародно, а того, кто укрыл, сурово наказывают. Поэтому ни один человек не может дать укрытия другому; и если (к примеру) военачальник – царевич, то и самого низкого звания человека он к себе не пустит и тем самым избежит нарушения ясы. Следовательно, никто не может своевольничать со своим начальником или вождем, и другие начальники не могут никого переманивать.

Ну а если в войске находятся луноликие девы, их собирают и передают из десятков в сотни, и каждый делает свой выбор вплоть до темника. После того девиц ведут к хану или царевичам. Те также делают свой выбор, и над теми, которые окажутся достойны и на вид прекрасны, произносят: «Удержатъ, согласно обычаю», а над остальными: «Отпуститъ с благодеянием». И они поступают в услужение к женам хана или царевичей; пока не захотят хан и царевичи пожаловать их кому-нибудь или сами будут спать с ними.

И когда удлинились и расширились их владения и стали происходить важные события, стало необходимо знать, чем занимаются их враги, и также нужно было перевозить товары с Запада на Восток, и с Дальнего Востока на Запад. Поэтому по всей ширине и длине страны были учреждены *ямы*, и сделаны распоряжения о содержании и расходах по каждому *яму*, и выделено для них определенное число людей и животных и количество яств, напитков и прочих необходимых вещей. И все они были поделены между *туменами*, и каждые два *тумена* должны были содержать один *ям*. И соответственно переписи они так распределяют их, чтобы гонцам не приходилось подолгу скакать до места, где взять свежих лошадей, и чтобы ни крестьянство, ни войско не терпели постоянного неудобства. Более того, гонцам дан строгий наказ беречь лошадей и другие наказания – перечисление всего займет слишком много времени. Ежегодно *ямы* осматриваются, и если случается какой-либо недостаток или пропажа, убыток возмещают крестьяне.

Так как все страны и народы находятся под их господством, то они повсюду ввели перепись по установленному образцу и все население поделили на десятки, сотни и тысячи и установили порядок набора войска, ямскую повинность и расходы на проезжающих и поставку фуража, не считая денежных сборов; а сверх всех этих тягот наложили еще *кочур*.

У них есть обычай, что, если умрет чиновник или крестьянин, то какое бы имущество после него ни осталось, большое или малое, его не трогают, и никто захватить его не может. А если не было у того наследника, его (имущество) отдают его ученику либо рабу. Ни в коем случае не забирают собственность умершего в казну, ибо считают это неподобающим.

Когда Хулагу назначил меня в Багдад [в управление], налоги на наследство взимались в тех местах повсюду; я отменил те порядки и упразднил пошлины, что существовали в Шуштерской и Баятской землях.

И много есть еще других яс, и на описание каждой уйдет много времени; поэтому мы ограничились пересказом вышеупомянутых. <...>

[IV]

О сыновьях Чингисхана

У Чингисхана было много потомков, как мужского, так и женского пола, от его жен и наложниц. Его старшую жену звали Есунджин-беки. А монгольский обычай таков, что положение детей, рожденных от одного отца, зависит от положения их матерей, поэтому сын, рожденный от старшей жены, имел преимущество и пользовался предпочтением. От этой жены у Чингисхана было четыре сына, которые подвергали опасности свои жизни, свершая для него подвиги и великие дела, и были четырьмя опорами трона царства и четырьмя колоннами ханского дворца. Каждому из них Чингисхан выбрал особую должность. Туши, самому старшему, он поручил надзирать за охотой и ловлей зверя, которые у монголов были важными занятиями и высоко ими почитались; Чагатаю, следовавшему за ним по старшинству, досталось следить за соблюдением Ясы и закона, насаждая их и взыскивая и наказывая за их нарушение. Угэдэя он выбрал для всего, что требовало разума и совета и для управления государством; Толи он назначил командовать войсками, их устройством и снаряжением. Когда с Онг-ханом было покончено и племена монголов – одни по доброй воле, другие по принуждению – были приведены под его начало и стали покорны и послушны его приказам, он разделил между этими сыновьями племена и народы монголов и найманов, а также все войска; и каждому из других своих сыновей и своим братьям и родственникам он выделил часть войска. И после он всегда призывал к укреплению согласия и упрочению привязанности между сыновьями и братьями; и всегда сеял семена гармонии и согласия в сердцах своих сыновей, братьев и родственников и рисовал в них картины помощи друг другу и поддержки. И он упрочивал те здания и укреплял те основания с помощью притч. Однажды он собрал вместе всех своих сыновей и, достав из колчана стрелу, переломил ее. Затем он достал две стрелы и также переломил их. И он продолжал так делать, добавляя к пучку по одной стреле, пока не набралось столько стрел, что даже богатыри не могли сломать их. Тогда, повернувшись к своим сыновьям, он сказал: «Так и с вами. Слабая стрела вместе со множеством других стрел становится прочной, и даже могучие воины не могут переломить ее и в бессилии опус-

кают руки. Поэтому, пока вы, братья, будете поддерживать друг друга и крепко помогать один другому, какими бы сильными и могущественными ни были ваши враги, они не смогут вас победить. Но если не будет промеж вас вождя, чьему совету сможете последовать другие братья, и сыновья, и супруги, и товарищи, и чьим приказам они будут повиноваться, то вы будете подобны змее о многих головах. Однажды ночью, когда стояла злая стужа, головы решили заползти в нору, чтобы укрыться от мороза. Но когда одна голова просовывалась в нору, другие мешали ей, и так они погибли все по одной. А другая змея, у которой была всего одна голова и длинный хвост, заползла в нору, где нашлось место и для ее хвоста, и для всех ее членов, и они спаслись от лютого холода». И он рассказывал много таких притч, чтобы упрочить в их головах свои наставления. И они всегда потом следовали его завету; и хотя власть и сама империя принадлежали одному человеку, тому, кто назначался ханом, в действительности все его дети, внуки и дядья получали свою долю власти и богатства; и об этом свидетельствует то, что Император мира Менгу-каан на втором *курултае* распределил и поделил все свои царства между своими родственниками, сыновьями и дочерьми, братьями и сестрами.

Когда во времена правления Чингисхана размеры царства стали огромны, он дал каждому удел для его местопребывания, которое они называют *юрт*. Так, своему брату Отегин-нойону и нескольким своим внукам он выделил земли в пределах государства китаев. Своему старшему сыну Туши он отдал область, простирающуюся от Кайялыка и Хорезма до крайних пределов Саксина и Булгара и дальше, где только касалось земли копыто татарского коня. Чагатай получил территорию, простирающуюся от земли уйгуров до Самарканда и Бухары, а местом его резиденции стал Куяш, расположенный неподалеку от Алмалыка. Столица Угэдэя, предполагаемого наследника, во время правления его отца находилась в его *юрте*, в окрестностях Эмиля и Кобака; но когда он вззошел на трон ханства, то перенес ее на их исконные земли между государством китаев и страной уйгуров, а тот другой удел отдал своему сыну Гуюку; описание различных мест, в которых он жил, дано особо. Земли Толи также лежали по соседству и располагались в середине империи, как центр в круге.

То, что мы рассказали, лишь малая часть истории. Число детей и внуков Чингисхана свыше десяти тысяч человек, и каждый имеет должность (*таqām*), юрт, войско и снаряжение. Перечислить их всех невозможно; а то, что мы рассказали, мы сделали для того, чтобы показать какое согласие преобладало меж ними, в противоположность тому, что рассказывают о других царях, когда брат нападает на брата, а сын замышляет погубить отца, и как все они неизбежно бывают покорены и завоеваны, а их власть – низложена и свергнута. Всевышний сказал: «*И не преирайтесь, а то ослабеете. И уйдет ваша мощь*». Хань же из числа детей Чингисхана, которые унаследовали его трон после него, помогая друг другу и поддерживая один другого, завоевали весь мир и уничтожили всех своих врагов до последнего. И цель этих рассказов и историй состоит в том, чтобы умный человек учился на чужом примере и это повествование служило бы ему уроком. <...>

[XXXVIII]

О Туши и о вступлении на престол вместо него Бату

Когда Туши, который был старшим сыном, отправился в Куланбаши соединиться с Чингисханом, и вернулся оттуда, пробил назначенный час. И из всех его сыновей возраста достигли семеро: Богал, Хорду, Бату, Сибакан, Тангут, Берке и Беркечер; и Бату наследовал своему отцу и стал править царством и своими братьями. И когда Каан вззошел на трон Империи, Бату подчинил и покорил себе все края, прилегающие к его территории, включая остатки кифчакских земель, аланов, ясов и русов, а также такие земли, как Булгар, Магас и другие.

И Бату жил в своем собственном лагере, который он разбил в районе Итиля; и он построил там город, который называется Сарай; и его слово стало законом во всех странах. Он был царем, не склоняющимся ни к какой вере или религии: он признавал только веру в Бога и не был слепо предан какой-либо секте или учению. Его щедрость была безмерна, а его терпимость безгранична. Правители всех стран и монархи со всех сторон света и все остальные приходили к нему; и до того как их подношения, которые копились веками, успевали убрать в казну, он раздавал их монголам и мусульманам и всем присутствующим, и не смотрел, много это было или мало. И купцы из разных стран приносили ему всевозможные товары, и он брал все, и увеличивал цену в несколько раз против начальной. И он дал денег султанам Рума и Сирии и вручил им ярлыки; и ни один из тех, кто приходил к нему, не ушел, не достигнув своей цели.

Когда ханство унаследовал Гуюк-хан, Бату по его просьбе и приглашению отправился навестить его. Когда он достиг Алакамака, Гуюк-хан скончался. Он остался в этом месте, и отовсюду к нему прибыли царевичи; и они передали ханство Менгу-каану, о чем будет рассказано в главе о Менгу-

каане. И оттуда он отправился назад и пришел в свою собственную *орду*, и предался удовольствиям и развлечениям. И всякий раз, когда готовился поход, он, соответственно необходимости, посылал войска, которые возглавляли члены его семьи, его родственники и ратоводцы. Когда в 653 году (1255–1256) Менгу-каан проводил очередной *курултай*, он послал к нему Сартака, который был приверженцем христианской веры. Не успел Сартак прибыть, как исполнился приказ Господа, и неизбежное свершилось в году... И когда Сартак прибыл, Менгу-каан принял его с величайшей добротой, выделив его среди равных; и он отпустил его с такими богатствами и сокровищами, которые подобали такому великому царю. Не успел он достичь своей *орды*, доехав лишь до..., как отправился вслед за своим отцом. Каан послал своих эмиров утешить его жен и братьев; и он приказал, чтобы Боракин-хатун, которая была старшей женой Бату, издавала бы приказы и занималась воспитанием Улагчи, сына Сартака, пока он не станет взрослым и не займет место своего отца. Но судьба распорядилась иначе, и Улагчи скончался в тот же год.

[XXXIX]

О завоевании Булгара и земель ясов и руссов

Когда Каан во второй раз собрал великий *курултай*, они все вместе думали, как истребить и подчинить себе всех непокорных, которые еще оставались; и было решено захватить земли булгар, и ясов, и русов, которые граничили с владениями Бату; ибо, вводимые в заблуждение обширности своей территории, они не покорились окончательно. Тогда он назначил нескольких царевичей помогать и оказывать содействие Бату, а именно Менгу-каана и его брата Бочека; своих собственных сыновей Гуюк-хана и Кадагана; из других царевичей – Колгена, Бури и Байдара; братьев Бату, Хорду и Тангута; и еще несколько царевичей, а также Субутай-бахадур из числа высших военачальников. Царевичи разъехались каждый в свою ставку, чтобы подготовить свои войска и армии; и весной каждый из них выступил из своей собственной земли и поспешил завершить это дело. Они сошлись все вместе в землях булгар. От множества их войск земля стонала и гудела, и даже дикие звери столбенели от шума их полчищ. Прежде всего, они захватили штурмом город Булгар, который на весь мир славился крепостью своих стен и обилием запасов; и как предостережение другим они убили жителей или увели их в плен. А оттуда они направились в землю русов, и захватили всю ту страну до самого города Магаса, жители которого были так же многочисленны, как муравьи или саранча, и вокруг которого росли такие леса и чащи, что сквозь них не могла проползти даже змея. Все царевичи остановились в окрестностях города, и с каждой стороны они проложили дороги, такие широкие, что по ним могли проехать в ряд три или четыре телеги. И напротив городских стен они установили катапульты и через несколько дней не оставили от города ничего, кроме его тезок, и захватили богатую добычу. И они приказали отрезать у каждого из жителей правое ухо, и набралось двести семьдесят тысяч ушей. И оттуда царевичи повернули домой.

[XL]

О конниках келеров и башгирдов

Когда русы, кифчаки и аланы были уничтожены, Бату решил приступить к истреблению келеров и башгирдов, которые есть многочисленные народы, исповедующие христианство и, как говорят, граничат с землей франков. С этим намерением он собрал свои войска и выступил на следующий год. А те люди были самонадеянны от своей многочисленности, мощи своей власти и силы своего оружия; и когда они услышали о приближении Бату, они также выступили ему навстречу с четырьмя тысячами конников, каждый из которых был знаменитым воином и считал побег позором. Бату послал вперед своего брата Сибакана с десятитысячным отрядом, чтобы разведать их численность и сообщить о степени их силы и могущества. Сибакан выступил вперед, повинувшись его приказу, и к концу недели вернулся и доложил, что их число вдвое превышало численность монгольского войска, и все они были превосходными воинами. Когда две армии подошли ближе друг к другу, Бату поднялся на вершину холма и весь день и всю ночь он ни с кем не говорил, а только молился и причитал; и он велел мусульманам также собраться и возносить молитвы. На следующий день они приготовились к битве. Широкая река разделяла две армии: Бату отправил ночью один отряд, а потом переправилось и его [главное] войско. Брат Бату лично участвовал в сражении и предпринимал одно наступление за другим; но неприятельская армия была сильна и не отступила ни на шаг. И тогда сзади подошло [главное] войско; и одновременно Сибакан перешел в наступление со всеми своими полками; и они бросились на их королевские шатры и перерезали веревки своими саблями. И когда монголы опрокинули их шатры, войско келеров дрогнуло и обратилось в бегство. И никто из

того войска не уцелел, и те земли тоже были покорены. Это было одним из их величайших подвигов и одной из самых их жестоких битв. <...>

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ <...>

[II]

О Бачмане и его гибели

Когда Каан направил Менгу-каана, Бату и других царевичей завоевать земли Булгара, Аса, и Руса, кифчаков, аланов и других племен, все эти земли были освобождены от смутьянов, и те, кому удалось избежать меча, склонили свои головы в повиновении. Тем не менее, одному из вождей поверженных кифчаков, человеку по имени Бачман, удалось уйти от преследования с отрядом кифчакских воинов, и к нему присоединились другие беглецы. Не имея никакого убежища или укрытия, он каждый день и каждую ночь отправлялся на новое место. И из-за своей собачьей природы он, подобно волку, нападал на всех и каждого и уходил с награбленным. Со временем зло, причиняемое им, росло, и наносимый им вред увеличивался; и каждый раз, когда войско преследовало его, его нельзя было отыскать, поскольку он уходил на новое место и запутывал следы.

Большая часть его укрытий и убежищ находилась на берегах Итиля. Здесь он прятался в лесах, откуда выскакивал подобно шакалу, хватал что-нибудь и вновь скрывался. Князь Менгу-каан приказал построить двести кораблей и в каждый из них посадить сто монголов в полном вооружении. После этого со своим братом Бочеком он устроил *нерге* на обоих берегах реки. Пройдя вдоль Итиля, они подошли к лесу и увидели в нем следы лагеря, который был покинут лишь утром: разбитые повозки и лежащие повсюду испражнения людей и животных. Посреди всего этого они заметили старую больную женщину. Они спросили у нее, что произошло, кто были эти всадники и откуда, и как они выглядели. Они узнали, что Бачман только что покинул свой лагерь и укрылся на острове посреди реки и что все животные и все награбленное им добро также находились на том острове. У них с собой не было лодок, а река бушевала подобно морю, и по ней нельзя было плыть, не говоря уж о том, чтобы ехать верхом. Неожиданно налетел ветер и отогнал всю воду от подступов к острову, так что показалось дно. Менгу-каан приказал войску немедленно войти в реку. Не успел Бачман опомниться, как был захвачен, и его войско было уничтожено всего за час: одних сбросили в воду, других перебили на месте. Монголы захватили в плен их жен и детей, а также забрали множество ценной добычи. После этого они отправились назад. Вода начала прибывать, и когда они достигли берега, она вновь поднялась, не причинив вреда ни одному воину.

Когда Бачман был приведен к Менгу-каану, он умолял, чтобы последний убил его собственными руками. Однако Менгу-каан велел своему младшему брату разрубить его надвое.

Эти знаки указали на причину передачи власти и ключей империи Императору Мира Менгу-каану, которая не требует дальнейших доказательств.

[III]

О восшествии на трон ханства повелителя семи стран, справедливого императора Менгу-каана и о том, как он расстелил ковер справедливости, подобной справедливости Нуширвана, и возродил обычаи верховной власти и заложил основы монархии

<...> Итак ключи царства – *«Ведь земля принадлежит Аллаху: Он дает ее в наследие, кому пожелает из Своих рабов»* – были вложены в могущественную руку Верховного Монарха, Владыки всего человечества, Хана всех ханов, арабских и иных, Менгу-каана (*да продлится его жизнь до скончания века!*); и поверхность лица земли вновь украсилась и похорошела из-за его всеобъемлющей справедливости, и дела всего человечества и в особенности мусульман вновь пришли в порядок и достигли расцвета. Обстоятельства этого проявляются в событиях, которые будут описаны в следующих главах. *«И мы полагаемся на милость Аллаха. Истинно, к Нему мы обращаемся за помощью»*.

Бату выступил из своей орды в стране булгар и саксинов, чтобы проследовать ко двору Гуюк-хана, и, прибыв в Алакамак, что в неделе пути от города Каялыка, получил сообщение о смерти Гуюк-хана. Он остался там, где находился, и стал слать одного гонца за другим ко всем своим родственникам, чтобы сообщить о своем прибытии: он просил их прибыть [к нему туда]. Менгу-каан выступил из области Каракорума. А что до Сиремуна и других внуков и жен Каана, которые находились в том краю, они послали своим представителем Конкуртакай-нойона, эмира Каракорума, передав с ним такое письмо: «Бату – *ага* всех царевичей. Что бы он ни приказал, его слово – закон. Мы соглашаемся со всем, что он посоветует и что сочтет наилучшим, и не будем возражать против этого». А что до других царевичей, [а именно] сыновей Гуюк-хана, то они, поскольку нахо-

дились уже поблизости, явились к Бату раньше [остальных]. Они пробыли там день или два, а потом, не испросив разрешения, повернулись и отправились в свою собственную орду под тем предлогом, что люди, искусные в науке *кам*, не разрешили им задерживаться на более длительное время. Они оставили у Бату своим представителем Темур-нойона, наказав ему, когда ожерелье собрания будет полностью нанизанным, выразить свое согласие со всем, с чем согласятся *ага* и *ини*.

Вскоре все царевичи собрались. От сыновей Каана прибыл Кадаган-Огул, а от сыновей и внуков Чагатая – Кара-Хулагу и Мочи. [Также прибыл] Менгу-каан со своими братьями Моге и Ариг-боке, а от эмиров – Ухатай и Есу-Бука; и из других земель прибыли эмиры и нойоны и другие царевичи и племянники Бату. Они устроили великое собрание и после пиршеств, продолжавшихся несколько дней, стали размышлять о том, что управление ханством нужно доверить человеку, который подходил бы для этого и испытал бы добро и зло, горе и радость, и вкусил бы сладость и горечь жизни, и водил бы войско в далекие и близкие земли, и прославился бы на пирах и в бою. Несколько дней и ночей они взвешивали и обсуждали это, то есть кто из царевичей из племени и рода (*urugh*) Чингисхана своим здравым суждением и проницательным умом подходил для того, чтобы управлять землями и охранять дороги; поскольку если бы дела Империи по-прежнему оставались в запустении, сама основа благосостояния оказалась бы опрокинута, а узлы управления ослаблены, так что их нельзя было бы привести в порядок рукой мудрости и благоразумия и немисливо исправить обсуждением.

И ни один господин не будет потерян для нас, но мы возрастим среди нас юношу, чтобы он стал нашим господином.

Наконец после долгих раздумий и размышлений все, кто присутствовал на том сборе, царевичи, эмиры и *нойоны*, пришли к решению, что поскольку Бату был старшим из царевичей и вождем среди них, ему лучше было известно, что хорошо, а что плохо в делах государства и династии (*daulat*). Ему решать, стать ли ему самому ханом или предложить другого. Все присутствующие согласились с этим решением и написали письменные обязательства в том, что они никоим образом не отступят от своего слова и не нарушат приказания Бату. И, завершив и закончив таким образом обсуждение, они стали пить и веселиться.

На следующий день, когда было развернуто знамя дневного света и снято покрывало тьмы, – Такой день, что ослепил [даже] освещающее мир светило;

Его рассвет поднялся над Раем, а его ветер – дыханье Мессии, –

ожерелье собрания царевичей, как и в предыдущий день, было нанизано, подобно Плеядам. В тот день первым говорил Бату, а поскольку к сказанному им никто не смог ничего добавить, он продолжил: «Управление таким великим государством и решение такого непростого вопроса может быть исполнено только тем человеком, кто сможет найти выход из затруднительного положения, кто знает *ясы* Чингисхана и обычаи Каана и следует им, кто в состязании мудрости и на скачках мужественности перехватил стрелу превосходства у себе равных и лично занимался важными делами, и решал серьезные вопросы, и преодолением трудностей и подавлением мятежников обеспечил тому бесспорные доказательства. И в роду (*urugh*) Чингисхана есть Менгу-каан, знаменитый своей мудростью и храбростью и прославившийся своей дальновидностью и доблестью. Дела ханства должны решаться и управляться его непревзойденными, украшающими мир решениями, и благосостояние земли и людей будет обеспечено удачей, способствующей его ослабляющим узлы решениям и предусмотрительности.

В этом мире всегда найдется человек для любого дела и дело для любого человека.

«Есть люди, способные на любое дело, и все доступно тому, кто создан для этого». Я хочу вложить бразды управления этими делами в руки его умения и надеть печатку империи на палец его решимости и опыта, ибо мир, этот необъезженный жеребец, будет укрощен шпорами его строгости и доблести, а меч, оберегающий государство и защищающий границы, не будет извлечен из ножен его решимости и бесстрашия».

Услышав те слова ухом разума и понимания, все присутствующие уверовали, что выгода и польза от того решения послужит на благо всего человечества, и их благо в особенности, а все, что будет решено сверх того, будет излишним: «*преступная то, что решено, ты поступаешь бесчестно*». И все они воскликнули как один: «*Ты вручил лук тому, кто согнул его, и поселил в доме того, кто построил его*». За этим привалом нет дороги. «За Аббаданом нет другой деревни». И каждый искренне произнес такие имеющие скрытый смысл слова:

«Если я вырву из твоих рук мое сердце

и заберу у тебя мою любовь, на кого я смогу излить эту любовь

и кому отдать это сердце?».

И всякий драгоценный камень находит подобающую ему оправу.

Однако Менгу-каан не дал своего согласия и несколько дней продолжал отказываться и не брал на себя эту тяжелую ношу и не принимал эту высокую обязанность. Когда его упорство перешло всякие границы, его брат Мого-Огул, украшенный драгоценными камнями мудрости и влияния, поднялся и сказал: «Все на этом собрании приняли на себя письменные обязательства и все здесь присутствующие пообещали повиноваться приказаниям Бату-каана, и не нарушать их, и не отступать от них, и не желать ничего прибавить к его словам. Но поскольку Менгу-каан теперь стремится уклониться от совета *агой* и от выполнения своего собственного обещания, то пусть тогда потом, когда между *агой* и *ими* возникнут какие-либо разногласия, это не станет причиной для порицания и поводом для упреков».

И он продолжал говорить такие речи и алмазом своих слов пронзил жемчужину этого решения. И это стало убедительным доказательством и наглядным свидетельством, и Бату одобрил эти слова и похвалил Мого. А Менгу-каан наконец дал свое согласие.

И поскольку необычайные и удивительные дела Аллаха придали крепости корням и сделали раскидистой крону растущего у ручья молодого дерева государства, о котором сказано: «*И мы сделали вас царями*», Бату, по обычаю монголов, встал, и все царевичи вместе с ним преклонили колени. И он взял кубок и отвел ханству подобающее ему место. И все проповедники и новообразованные одобрили его поступок.

*Власть явилась к тебе с покорностью,
волоча полы своей одежды.*

Она была создана лишь для него, а он был создан лишь для нее.

*И если бы кто-то другой возжелал ее,
земля содрогнулась бы своим содроганием.*

И все, кто был на том собрании, провозгласили [Менгу-каана] своим властелином и договорились провести великий курилтай в Онон-Келурене в следующем году. И с этим намерением каждый вернулся в свой собственный лагерь.

Слухи об этом распространились по всему миру и достигли самых отдаленных его уголков. И Соркотани-беки стала оказывать чужеземцам всевозможные знаки внимания и благоволения и склонять на свою сторону родственников величайшей учтивостью и обходительностью.

А что до тех, кто высказывался уклончиво и откладывал [решение] этого дела, придумывая отговорки и сочиняя небылицы под предлогом, что власть над ханством должна принадлежать роду (*urugh*) Каана или Гуюк-хана, они забыли о смысле слов: «*Ты даруешь власть, кому пожелаешь*», и потому отправили гонцов во все стороны, а также послали гонца к Бату, чтобы заявить о своем несогласии с этим решением и о неучастии в этом договоре.

Бату отвечал так: «Соглашением между *агой* и *ими* мы решили это дело, и его обсуждение завершено – «*Решено дело, о котором вы спрашиваете*». Невозможно отступить от него, и если мы не завершим его так, как было установлено, и назначим кого-то другого вместо Менгу-каана, порядок ведения дел будет нарушен, и в законах государства и делах людей воцарится такое смятение, что с этим нельзя будет ничего поделать. И если вы посмотрите на это глазами разума и дальновидности, вам станет ясно, что интересы сыновей и внуков Каана были соблюдены, ибо для управления такой великой империей, которая простирается от самых дальних земель востока до крайних западных областей, недостаточно детских сил и детского разума».

Так прошли назначенный год и половина следующего, и все еще не видно было никаких признаков решения этого дела. А с каждым годом дела мира приходили во все более отчаянное положение, и с каждым месяцем на одеждах человечества появлялись новые прорехи.

Бату назначил своими представителями своих братьев Берке и Тока-Темура. Выступили также Кадаган и Кара-Хулагу. Отправились в путь и другие царевичи, согласные с общим мнением. Из Улуг-Эфа, орды Чингисхана, прибыли другие царевичи.

Тем временем Менгу-каан и Соркотани-беки послали за теми, кто не был постоянен и откровенен в своем сердце, и ступили на путь увещевания и доброго совета – «*нужно приласкать верблюдицу, прежде чем доить ее*». Поскольку их уговоры и предостережения не оказали на них никакого воздействия и ничто не говорило об изменении в их поведении, они посылали к ним одного гонца за другим, то используя лесть, то прибегая к запугиваниям и угрозам; и они усилили свои доводы, надеясь сдержать их добротой и словами примирения и пробудить их души от сна гордыни и пренебрежения. Но дальновидная Мудрость говорит так:

*О ты, упрекающий любящих, оставь тех,
кого Аллах ввел в заблуждение,*

*ибо Он вернет их на путь истинный.
Упреки бессильны, и те, кто ближе всех к тебе,
отдалятся от тебя.
Неудачливый человек ничего не сделает по просьбе мудреца;
ничто никогда не сделает неудачника удачливым.*

Когда год подошел к концу и людские сердца возрадовались очередной весне, Повелитель Планет начал постепенно продвигаться от мест своего убывания и ущерба к своему апогею во дворцах чести и славы и отправился в путь к дому своего наивысшего величия. Подобно победоносному Хосрову Парвизу, он обратил свой озаряющий мир лик ко дворцу могущества. И когда он возложил бремя власти на помет Овна, задули ветры плодородия – нежные, как северный зефир, чье дуновение, исходящее из спальни роз, колыхнет благоуханные травы. И усмиренные озера, скованные холодом Дая, и, подобно Бачману, помещенные в оковы снега и льда (*bahman*), усилиями теплого ветра стали свободны и сбросили поводья.

*Услышав ветра на поверхности воды возникла тысяча волн (chīn),
а на каждой волне – тысяча китайских (Chīn) мускусных мешков.*

И поверхность земли стала веселой и радостной от тепла горячих испарений. Природные силы [живых организмов] пришли в движение с их ростом и развитием, и запели птицы в лугах.

*Теперь мы должны испить сладкого вина,
Ведь запах мускуса поднимается от ручья;
Каждый сад покрылся лепестками цветов;
Каждый холм – тюльпанами и гиацинтами.*

<...> Погода, подобная любви красавицы с родинкой на щеке, была так приятна, как только можно было желать, и болезнь года сменилось его выздоровлением. Мир превратился в розовый сад, и дни поражали великолепием.

*Эта весна и ее свет – прекрасны ее ночи,
и прекрасны ее дни.*

Большинство царевичей уже собралось на Келурене. Они отправили Шилемуна-битикчи к Огул-Гаймиш и ее сыновьям Ходже и Наку и Алам-Дара-битикчи к Есу-Менгу со следующим посланием: «Большинство членов семьи Чингисхана уже собралось, и дело, из-за которого созван *курултай*, откладывается из-за вас. Нет больше времени для оправданий и отсрочек. Если вы хотите единства и согласия, вы должны как можно скорее прибыть на *курултай*, чтобы единогласно решить дела государства и снять грязный покров отчуждения (*vaḥshat*) с лица гармонии».

Перед этим Сиремун уже послал гонцов к Ходже и Наку поскольку между ними возникли отношения любви и дружбы, ибо

во времена бедствия дурные чувства исчезают.

Когда они поняли, что из задержки не выйдет добра, Наку-Огул отправился в путь. Выступили из своих ставок и Кадак-нойон и некоторые эмиры двора Гуяк-хана. И Есун-Тока-Огул, брат Кара-Хулагу, [выступив] из своих владений, прибыл с ними к Сиремуну, так что все они собрались в одном месте; и пошли слухи, что они замыслили недоброе против мусульман.

После этого и Ходжа стал потихоньку собираться, говоря то «сегодня», то «завтра» и оттягивая время своими «может быть» и «возможно». И они все еще рассчитывали, что дело, ради которого был созван *курултай*, не пойдет или не будет иметь успеха без их присутствия и что вопрос [вступления на трон] не будет решен. Поскольку Сиремун и Наку были очень близки, царевичи, эмиры и нойоны, бывшие с Менгу-кааном, отправили им совместное послание, в котором говорилось: «Если вы проявите медлительность и нерасторопность и не придете на собрание, мы [сами] возведем Менгу-каана на трон ханства». Увидав, что промедление и отсрочки не приведут к достижению их целей и желаний, они пообещали прибыть на собрание в такое-то время. И они отправились в путь со скоростью неподвижных звезд, двигаясь медленно с лошадьми, всадниками и войском, с навьюченными верблюдами и бесчисленными повозками.

*Как медленна поступь верблюдов, несут ли они камни
или железо, или людей, сидящих на них, согнувшись!*

Когда назначенное время прошло, а они все еще не торопились появиться и их задержка и опоздание превысило все пределы, несколько присутствовавших там мудрецов и астрологов назначили дату 9 раби II 649 года [1 июля 1251], поскольку по гороскопу в этот день счастливые планеты должны были принести удачу, Юпитер – усилить ее влияние, а Венера – озарить ее своим светом. И одним из признаков возраставшей с каждым днем удачи было то, что за эти несколько дней набежали облака,

и хлынули дожди, и солнечный лик был скрыт за покровом дымки и за ширмой тумана; и в назначенный час астрологи делали свои записи, но черные тучи затмили солнечное сияние, и они не могли определить высоту. И вдруг солнце, сбросив чадру, подобно невесте, которую показали жениху после того, как стерегли ее, и скрывали от него, и не позволяли на нее взглянуть, в назначенный час явило свой прекрасный лик, и небо очистилось настолько, что стал виден солнечный шар, и освободелось от плотного тумана; и астрологи стали измерять высоту. Мир украсился светом и блеском, а с лица земли исчезли тень и темнота. Восход дома Великого Покровителя был определен движением небес, была измерена сила угла Восхождения; влияние неблагоприятных планет и Темных Уровней уменьшалось из-за благоприятного Восхождения, Великое Светило находилось в апогее в десятом доме, а Анареты (*qavā'i*) – в двенадцатом доме.

Все присутствующие – царевичи, такие как Берке-Огул и его брат Тока-Темур, их дядя Ельчигей-старший, сыновья Отегина, Котяна и Колгена и эмиры, нойоны и старшие чиновники орды Чингисхана, а также другие вожди, которые находились в тех краях, вместе с бесчисленным войском – [все эти] царевичи сняли в орде свои головные уборы, перекинули через плечо пояса и, подняв Менгу усадили его на трон царства и верховной власти. Они стали называть его Менгу-кааном, и со звенящих небес раздался возглас, как предсказание для слуха самой души:

*«О король, оставайся в своем королевстве тысячу лет,
а потом еще тысячу лет гордись своей славой,
И пусть в году будет тысяча месяцев, в месяце – сотня дней,
в сутках – тысяча часов, а каждый час – как тысяча лет».*

А что до эмиров и войска, они придвинулись к орде – более тысячи людей, закаленных в боях, знаменитых воинов, которые были истинными львами сражений в моменты возмездия или в минуты отчаяния, – *Отряд мужей, подобных угрюмой Ночи, с палашиами, сверкающими, как рассвет после темной ночи, –*

и одновременно с царевичами, находившимися внутри орды, трижды преклонили колени. <...>

В первую очередь он назначил войска в земли востока и запада к арабам и другим народам. Восточные земли и провинции Хитай, Маньцзы, Солангай и Тангут он поручил Хубилай-Огулу, отмеченному мудростью и здравомыслием, великим умом и проницательностью. Он назначил в свиту к нему высокопоставленных нойонов и сделал его начальником над всеми эмирами, проживающими в тех областях справа и слева. Западные страны он поручил другому своему брату – Хулагу-Огулу, знаменитому своей твердостью и достоинством, своею бдительностью и осторожностью, своим могуществом и ревностным отношением к долгу; и ему он выделил в два раза большее войско. А Кед-Бука Бавурчи отправился в путь первым в середине месяца джумада I 650 года [июль 1252], чтобы начать расправу с еретиками.

*По твоему посланному вперед слову
пусть они спешат день и ночь, из Чина в Рум и из Рума в Чин.*

А чтобы определить величину налогов и переписать имена людей, он назначил правителей, *шихне* и писцов. Восточные страны от начала Пятой страны на берегах реки Окс до дальних пределов земель китаев, которые есть Первая страна, он, как и прежде, поручил великому министру (*ṣāḥīb-i-tū'azzam*) Махмуду Ялавачи и его достойному наследнику Масуд-беку, отдав Махмуду Ялавачи, который был вознагражден за свою прежнюю службу знаками расположения и прибыл еще до его благословенного восшествия, земли китаев, а Масуд-беку, который явился объятый страхом и трепещущий, испытал вначале ужас и опасности из-за своей преданности и приверженности императору, но в конце концов, избежав той угрозы, стал всемогущим и был удостоен великих почестей, досталась вся Трансоксания, Туркестан, Отрар, страна уйгуров, Хотан, Кашгар, Джанд, Хорезм и Фергана. И поскольку они прибыли еще до курилтая, он отпустил их раньше других, и все, кто его сопровождал, были отмечены всевозможными милостями.

После их отъезда прибыл великий эмир Аргун, преодолевший огромное расстояние [в пути], подвергаясь угрозам и опасностям, и явившийся ко двору 20 сафар 650 года [2 мая 1252], уже после того, как *курултай* был окончен и все царевичи разъехались по домам. И поскольку он всегда пользовался неизменным монаршим покровительством и его всегда отличали незаурядные способности, а также поскольку он уже ранее проявил себя непоколебимой верностью династии и искренней преданностью царствующему дому использованием жестких мер и мудрых решений (*«утром люди возносят благодарность вечеру»*), он был вознагражден исполнением своих желаний и достижением своих целей, и в его руки было передано управление Хорасаном, Мазендераном, Индией, Ираком, Фарсом, Керманом, Луром, Арраном, Азербайджаном, Грузией, Мосулом

и Алеппо. И все прибывшие с ним *мелики*, эмиры и *битикчи* были по его просьбе и его ходатайству отмечены наградами и милостями, и 20 рамадана того же года они отправились [в обратный путь]. У некоторых же из их числа оставались еще различные дела, которые нужно было решить; они задержались на несколько дней, а затем, радостные, отправились вслед за ним.

Император назначил *нукеров* к только что названным правителям и приказал им провести в провинциях перепись и определить размер налогов, а когда они покончат с этим, не мешкая вернуться ко двору. И каждому из них даны были указания тщательно рассмотреть и изучить положение, сложившееся в прошлом, и никто из них не должен был уклоняться от трудностей этой задачи. Однако «*Аллах прощает старые грехи*», а император был озабочен облегчением участи людей, а не пополнением своей казны. И он издал ярлык, которым уменьшил взимаемые с людей налоги (*tu'an*), текст которого хранится в архивах и из которого видно, как велико было его внимание и сочувствие к делам человечества и как он заботился об их интересах.

После смерти Гуюк-хана царевичи издали великое множество *ярлыков*; они участвовали в торговых предприятиях и посылали *ельчи* во все части земли. Более того, люди и высокого, и низкого происхождения искали для себя защиты, которую предоставляло звание *ортака*, и их подданные бежали от непосильного бремени. И император приказал, чтобы все *ярлыки* и *пайцзу*, изданные во времена Чингисхана, Каана, Гуюк-хана и других царевичей, находившиеся у кого бы то ни было в провинциях, были возвращены и чтобы впредь царевичи не давали устных и письменных распоряжений ни по каким вопросам, связанным с управлением доходами (*maṣāliḥ*) провинций, не посоветовавшись предварительно с представителями двора. А что до самых важных *ельчи*, то они не должны были использовать более четырнадцати *улагов*; им следовало продвигаться от яма к яму и не заходить в те деревни и города, в которых у них не было какого-то дела; и они должны были получать не больше провизии (*ulūfa*), чем прочие люди. Кроме того, поскольку тирания и притеснения перешли все границы, а крестьяне, в особенности, были разорены непомерными налогами (*tu'ūnāt*), размер которых более чем вдвое превышал собираемый ими урожай, он повелел всем *ортакам* и налоговым и управленческим чиновникам (*aṣḥāb-i-'amal va shughl*) вести себя сдержанно по отношению к народу. Каждый должен платить сообразно своему положению и возможностям определенную для него сумму согласно расчету (*bar vajh-i-mu'āmalat*) за исключением тех, которые были освобождены от налоговых (*tu'an*) тягот распоряжением Чингисхана и Каана, т.е. из мусульман это были великие *сейиды* и, превосходные имамы, а из христиан, которых они называли *эркеун*, – монахи и ученые (*aḥbār*), а из идолопоклонников – священники, которых они называют *тойин* – знаменитые *тойины*; а также те из представителей всех этих людей, что были в преклонных годах и не могли более зарабатывать на жизнь. Евреи услышали об этом распоряжении и поскольку в нем ничего не говорилось о них, они были сильно раздражены и раздосадованы, и они были смущены и озадачены и запустили в свои бороды руки замешательства. Вот как описывает Захир одного еврейского проповедника:

Рыжебородый муж явился и, выслушав, за бороду схватился.

Сказал он так: «Мы не из их числа.

Нет места нам ни в том, ни в этом мире».

А чтобы каждый чиновник (*ṣāhib-shughl*) не распределял (*qismat*) [налоги по своему собственному усмотрению], он ввел годичный порядок (*muvāza'a*), согласно которому в землях китаев богатый человек облагался налогом в одиннадцать динаров, и далее налог, соответственно, уменьшался вплоть до бедного человека, который платил всего один динар; и такой же порядок был в Трансоксании; а в Хорасане богатый платил десять динаров, а бедный – один динар. Он также повелел правителям и писцам не оказывать послаблений или снисхождений; им запрещено было брать взятки и скрывать правду или выдавать ложь за истину. А что до налога на скот (*marā'i-yi-chahār-pāi*), который они называют *кунчур*, то если у человека было сто голов животных одного вида, он должен был уплатить один динар, а если меньше – то не платить ничего. А если где были задолженности (*baqāyā*) по налогам, то никто из крестьян, имеющих их, не должен был выплачивать [эту задолженность], и нельзя было их с них взыскивать. А что до купцов и ортаков, заключивших крупные сделки с Гуюк-ханом, его женой и их детьми, то он приказ заплатит им из новых налоговых доходов (*az māl-i-nau*).

Из всех сект и общин он более всего почитал и уважал мусульман. Именно им он оказывал наибольшие милости и именно они пользовались величайшими привилегиями. Доказательством этому может служить следующее. По случаю праздника *ид-и-фитр*, а 650 году [5 декабря 1252] мусульмане явились к императору и расположились у главных ворот его орды вместе с главным кади Джамал ад-Миллой вад-Дином, достойнейшим из улемов, Махмудом из Ходжента (*да сохраним Аллаха память о нем навечно!*). Главный кади встал во главе молящихся и прочитал проповедь, украшая *хутбу* упоми-

нениями об истинных халифах и о Предводителе Правоверных. И когда они закончили праздничную молитву, которая, по словам Пророка, превосходит две тысячи поклонов в Каабе, главный кади вступил в орду и, действуя как *имам*, произнес [в честь императора] следующие слова:

*«Да станет для тебя счастливой восходящая звезда
этого праздника, ибо твой гороскоп несет счастье
всему человечеству.*

*Ряды твоих врагов уменьшаются, как лик луны
во время затмения, а твоя удача, подобно растущему месяцу,
увеличивается день ото дня».*

Император взирал на него милостиво и с одобрением и велел несколько раз повторить молитву. А в качестве праздничного подарка он пожаловал ему несколько телег, нагруженных золотыми и серебряными *балышами* и всевозможные дорогие одежды, и большинство людей также получили свою часть подарков; и его щедрость к мусульманам велика и безгранична не только в праздничные дни.

*Из-за твоих подарков каждый день для нас
стал как праздник,*

*Как же тогда мы узнаем, когда настанет
настоящий праздник?*

И по всему своему государству каждому узнику или преступнику, которые находились в неволе и унижении заточения, он приказал даровать избавление и освобождение и тем самым спас их от испытаний и оскорблений этого мира. И здесь я привожу следующие строки, которые, хоть это и неподобающее место для них, оценит человек, обладающий вкусом и проницательностью:

*Кто же я для Аллаха, если он не простит мне моих грехов,
когда я грешу?*

*Прощения ждут от сыновей Адама, как же тогда не ждать
его от Аллаха?*

В скольких сердцах пробудилась надежда, когда головы были оставлены на плечах, а дирхамы и динары в кошельках и сумках! И с этим поручением ельчи и посыльные поспешили во все концы его государства.

*Пусть короли, дарующие серебро и золото,
научатся обычаю даровать жизнь у нашего султана Бахрам-шаха.*

*Подобно солнцу, находящемуся в зените,
чей свет озаряет земли востока и запада.*

Но если начать описывать все события, ежедневно происходящие в жизни и вспоминать все проявившие себя добрые дела, для этого не хватит и целых томов. Лишь малость от многого, каплю от океана и частичку от солнца передал и передаст язык пера уху внимающего. *«Малая часть этого поведаст о большей части».*

И поскольку слава о его доброте и справедливости разлетелась по всему миру, все народы, далекие и близкие, искренне ищут убежища в преданности ему, чтобы тем самым найти защиту под покровом его могущества. Другие, те, кто находится слишком далеко, лелеют ту же мечту, и прибывают послы и *ельчи* из страны франков, и далекой Сирии, и Обители Мира, и султаны привозят и присылают к его двору бесчисленные дары и тяжело груженные повозки с подарками.

*Те, кто живет в этих городах, присылают подарки,
ибо они слабы и не могут воевать с ним.*

И они возвращаются, удовлетворив свои нужды и исполнив свои желания. И обо всех из них будет рассказано в отдельной главе.

О Хосров, да продлится твое царствование и твоя жизнь,

И да будет румяным лик твоей удачи!

Твоя удача – середина солнца, да не коснется оно орбиты упадка! <...>».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 5

**Памятники литературы Древней Руси.
Русские летописи о татарах и Улусе Джучи**

Русские источники имеют важное значение для изучения истории монгольских завоеваний и Улуса Джучи. Особенно важны и уникальны сведения о завоевании русских княжеств, о взаимодействии ханов с русскими князьями и других аспектах внутренней политики этого государства, таких как межконфессиональное взаимодействие и т.д.

Сведения собраны в блоки, которые содержат наиболее важные сведения из русских летописей. Летописные тексты представлены с заменой букв древнерусского алфавита, вышедших из употребления, и буквенных цифровых обозначений современными буквами кириллицы и арабскими цифрами.

После изложения текста летописи приводятся его источники в виде принятых в науке буквенно-цифровых обозначений (Ил – Ипатьевская летопись, Лл – Лаврентьевская летопись, НЛ – Новгородская первая летопись, НЛ – Новгородская четвертая летопись). Повторяющиеся тексты даны, как правило, только в случае наличия существенных разночтений, указывающих на разные источники (протографы) или авторскую редакцию составителя летописи.

Монгольское завоевание Руси**1. Битва на р. Калке**

«Того же лета (6731/1223 г.). Явишася языци, ихже никтоже добре ясно не весть: кто суть и отколе изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вера ихъ. И зовуть я Татары, а инии глаголють Таумены, а друзии – Печенези. Ини глаголють, яко се суть, о нихъже Мефодии Патомьскыи епископъ свидѣтельствует, яко си суть ишли ис пустыня Етриевьскы, суще межю востоком и севером. Тако бо Мефодии рече, яко къ скончанью время явитися темь, яже загна Гедеонъ, и попленья всю землю, от востока до Ефранта и от Тигръ до Понетьскаго моря, кроме Ефиопья. Богъ же единъ весть ихъ: кто суть и отколе изидоша. Премудрии мужи ведятъ я добре, кто книги разумно умееть. Мы же их не вемы: кто суть, но сде вписахом о них памяти ради Русскых князии беды, яже бысть от них. И мы слышахом, яко многы страны поплениша: Ясы, Обезы, Касоги и Половецъ безбожных множество избиша. А инехъ загнаша, и тако измроша, оубиваеми гневомъ Божьимъ и Пречистья его Матере. Много бо зла створиша ти оканнии Половци Рускои земли. Того ради всемилостивыи Богъ, хотя погубити и наказати безбожныя сыны Измаиловы Куманы, яко да отмстыятъ кровь хрестьянску. Еже и бысть над ними безаконными. Проидоша бо ти Таурмению всю страну Куманьску и придоша близъ Руси, идеже зовется валь Половечьскыи. И слышавше я Русстии князи – Мстиславъ Киевьскыи и МстисльвЪторопическыи и Черниговьскыи и прочии князи – здумаша итии на ня, мняще, яко ти поидуть к ним. И послашася в Володимерь к великому князю Юргю, сыну Всеволожю, прося помочи у него. Он же посла к ним благочестиваго князя Василька, сыновца своего, Костянтиновича с Ростовци. И не оутяну Ваилко прити к ним в Русь. А князи Русстии идоша и бишася с ними. И побежени быша от них. И мало ихъ избы от смерти. Ихже остави судъ жити, то ти оубежаша. А прочии избьени быша: Мьстиславъ старыи добрый князь ту оубьень бысть, и другыи Мстиславъ, и инех князии 7 избьено бысть, а боляръ и прочих вои – много множество. Глаголють бо, тако яко Кыянь одинех изгыбло на полку томъ 10 тысячъ. И бысть плачь и туга в Руси и по всеи земли слышавшим сию беду. Се же ся зло склочи месяца мая въ 30, на память святаго мученика Еремиа. Се же слышавъ Василко, приключьшееся в Руси, възвратися от Чернигова, сохранень Богомъ и силою креста честнаго и молитвою отца своего Костянтина и стрья своего Георгия, и вниде в свои Ростовъ, слава Бога и святую Богородицю».

Лл. Стлб.445–447.

«В лето 6732 (1223 г.). Приде неслыханая рать, безбожнии Моавитяне, рекоми Татарьве, придоша на землю Половецкоую. Половцемъ же ставшимъ, Юргии Кончакович бе болиише всихъ. Половецъ, не може стати противоу лицу их, бьгаючи же емоу. И мнози избьени быша до реки Днепра. Татаром же възвратившися, идоша в вежа своя. Прибегшимъ же Половцемъ в Роускоую землю, глаголющимъ же имъ Роускимъ княземъ: «Аще не поможета намъ, мы ныне исечени быхомъ, а вы наоутрее исечени боудете». Бывшю же светоу всих князеи во граде Кыеве, створиша светъ сице: «Люуче ны бы есть пряти я на чужеи земле, нежели на своеи». Тогда бо беахоуть Мьстиславъ Романовичъ в Кыеве, а Мьстиславъ в Козельске и в Чернигове, а Мьстиславъ Мьстиславичъ в Галиче. То бо беахоу стареишишы в Роускои земли. Юрья же князя великого Соуждальскаго не бы в томъ свете. Се же паки млади князи Даниль Романовичъ, Михаилъ Всеволодичъ, Всеволодъ Мьстиславичъ Киевьскыи, инии мнозии князи. Тогда же великыи князь Половецкыи крестися Басты. Василка же не бе, бе бо в Володимере млад.

Оттоудоу же придоша месяца априля и придо к реце Днепроу, ко острову Варяжьскому. И приеха тоу к нимъ вся земля Половецкая, и Черньниговцемъ приехавшимъ, и Кияномъ, и Смолняномъ, инемъ странамъ всянамъ; по соухоу же Днепръ прешедшимъ, яко же покрыти воде быти от множества людии. А Галичане и Вол(ы)нцы киждо со своими князьми, а Коуряне и Трубчане и Поутивлицы, и киждо со своими князьми придоша коньми. А выгонци Галичкыя придоша по Днепро и воидоша в море, бе бо людеи тысяща, и воидоша во Днепръ, и возведоша пороги, и стаха оу реки Хорьтице на бродоу оу Протолчи. Бе бо с ними Домамеричъ Юрьгии и Держикраи Володиславичъ.

Пришедши же вести во станы, яко пришли соуть видеть олядии Роускыхъ. Слышавъ же Даниль Ромнович и гна вседъ на конь видети невиданной рати. И соущии с ними коньници и инии мнозии князи с нимъ гнаша видети невиденое рати. Онем же отшедшимъ, Юрьги же имъ сказываше, яко: «Стрелцы суть». Инии же молвяхоуть, яко: «Простии людье соуть, поущен Половецъ». Юрьги же Домамирчъ молвяхеть: «Ратници соуть и добрая вои».

Приехавше же сказаха Мьстиславоу Юрьги же все сказа. И рекшимъ молодымъ княземъ: «Мьстиславе и другии Мьстиславе, не стоита, поидемъ прогивоу имъ». Переидоше же вси князи: Мьстиславъ и другии Мьстиславъ Черниковьскыи рекоу Днепръ, инии князи придоша и поидоша в поле Половецкое. Переидоша же Днепръ во день во вторникъ. И оусретоша Татареве полкы Роускыя. Стрелцы же Роускыи победиша и и гнаша в поле далеце, секоуще. И взяша скоты ихъ, а со стады оутекоша, яко всимъ воемъ наполнитися скота.

Оттоудоу же идоша 8 дньи до реки Калкы, стретоша и сторожьеве Татрьскыи. Сторожемъ же бившимся с ними, и оубьень бысть Иванъ Дмитреевичъ, иная два с нимъ. Татаромъ же отехавшимъ.

На прочьне реце Калькъ оустретоша и Тотарове Половецкыя полкы Роускыя. Мьстиславъ же Мьстиславичъ повеле впередъ переити рекоу Калкоу Данилови с полкы, инемъ полкомъ с нимъ, а самъ по немъ переиде, еха же самъ во стороже. Видевшоу же емоу полкъ Татарьскыя, приехавъ рече: «Вороужитесья». – Мьстиславоу же и другомоу Мьстиславоу, сидящему во стану не ведоущема. Мьстиславъ же не поведа има, зависти ради: бе бо котора велика межу има.

Съразившимися полкомъ на место. Даниль же выеха на передъ, и Семьонъ Олюевичъ, и Василко Гавриловичъ поткоша в полкы Тотарьскыя. Василкови же сбодену бывшоу, а самому Данилоу бодену бывшоу в перси – младства ради и боуести, не чюяше ранъ бывшихъ на телеси его, бе бо возрастомъ 18 летъ, бе бо силенъ. Данилови же крепко борюущися, избивающыи Тотары. Видивъ то Мьстиславъ Немьи, мневъ яко Даниль сбодень бысть, потче и сам в не, бе бо моужъ и ть крепокъ, понеже оужика сыи Романоу от племени Володимеря прирокомъ Маномаха. Бе бо великоу любовь имеа ко отцю его, емоу же пороучивше по смерти свою волость, дая князю Данилови.

Татаромъ же бегающимъ, Данилови же избивающыи ихъ своимъ полкомъ, и Олгови Коурьскому крепко бившимся инемъ полкомъ, сразившимся с ними. Грехъ ради нашихъ, Роускимъ полкомъ побеженнымъ бывшимъ. Даниль видив, яко крещеиши брань належитъ в ратныхъ, стрельцемъ ихъ стреляющимъ крепце, обрати конь свои на бегъ, оустремления ради противныхъ. Бежашо же емоу и вжада воды. Пивъ почюти раноу на телеси своемъ: во брани не позна ея, крепости ради моужьства возраста своего, бе бо дерзь и храборъ. От главы и до ногу его не бе не немъ порока.

Бысть победа на вси князи Роускыя, тако же не бывало никогда же. Татаромъ же победившимъ Роускыя князя за прегрешение крестьяньское. Пришедшимъ и дошедшимъ до Новагорода Святопольскаго. Не ведающимъ же Роуси лъсти ихъ, исходяхоу прогивоу имъ со кресты. Они же избиша ихъ всехъ.

Ожидая Богъ покаяния крестьяньскаго и обрати и воспать на землю восточноу. И воеваша землю Таногоустьскоу и на ины страны. Тогда же и Чаногизъ, кано ихъ, Таногоуты оубьень бысть. Ихъ же прельстивше и последи же лъстию погоубиша иныя же страны ратми. Наипаче летью погоубиша».

Ил. С.740–745.

«В лето 6732 (1223 г.). ... Том же лете, по грехомъ нашимъ, придоша языци незнаеми, их же добре никто же не вестъ, кто суть и отколе изидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вера ихъ; а зовутъ я Татары, а инии глаголють Таурмены, а друзии Печенези; инии же глаголють, яко се суть, о них же Мефодии, Патомьскыи епископъ, съведетельствуетъ, яко си суть ишли ис пущыни Етриевьскыя, суще межи вьстокомъ и северомъ. Тако бо Мефодии глаголетъ, яко скончанию времени явитися темъ, яже загна Гедеонъ, и попленьятъ всю землю от вьстокъ до Ефранта и от Тигръ до Поньскаго моря, кроме Ефиопия. Богъ единъ вестъ, кто суть и отколе изидоша; премудрии мужи ведятъ я добре, кто книги разумеетъ; мы же ихъ не вемы, кто суть; нъ сде вьписахомъ о нихъ памяти ради рускыхъ князь и беды, яже бысть от нихъ имъ. Слышахомъ бо, яко многы страны поплениша, Ясы, Обезы, Касогы, и Половчъ безбожьныхъ множество избиша, а инехъ загнаша и тако измроша убиваемы гневомъ Божиимъ и Пречистыя его Матере; много бо зла створиша ти оканьнии Половчи Русьской земли, того ради всемилостивыи Богъ хотя погубити безбожныя сыны Измаиловы Куманы, яко да отмьстятъ кровь крестьяньску, еже и бысть над ними безаконьными. Придоша бо ти

Таурмени всю страну Куманьску и придоша близь Руси, идеже зоветься валь Половьчскыи. И прибегоша оканьнии Половчи, избьеныхъ избытъкъ, Котянь с ѡнеми князи, а Даниль Кобяковиць и Гюрги убьена быста, с нимъ множество Половьчъ; съ же Котянь бе тьсть Мьстиславу Галицьскому. И приде съ поклономъ съ князи Половьчскими къ зяти въ Галичь къ Мьстиславу и къ всемъ княземъ русьскимъ, и дары принесе многы: кони и вельблуды и буволы и девкы, и одариша князь русьскихъ, а рекуче тако: «Нашю землю днесь отъяли, а ваша заутро възята будеть»; и възмолися Котянь зяти своему. Мьстислав же поця молитися княземъ русьскимъ, братьи своей, река тако: «Оже мы, братье, симъ не поможемъ, ть си имуть придатися к нимъ, ть онемъ больши будеть сила». И тако думавьше много о себе, яшася по путь, и поклону деля и молбы князь половьчскихъ. И начаша вое пристраивати, кождо свою власть; и поидоша, съвъкупивьше землю всю Русскую противу Татаромъ, и быша на Днепре, на Зарубе. Тьгда же уведавьше Татари, оже идутъ русстии князи противу имъ, и прислаша послы, къ русьскимъ княземъ: «Се слышимъ оже идете противу насъ, послушавше Половьчъ; а мы вашей земли не захомъ, ни городъ вашихъ, ни сельъ вашихъ, ни на васъ приходомъ, нъ придохомъ Богомъ пущени на холопы и на конюси свое на поганья Половче; а вы възмите с нами миръ; аже выбежать къ вамъ, а бите ихъ отголе, а товары емлите к себе: занеже слашомъ, яко и вамъ много зла створиша; того же деля и мы биемъ». Того же русстии князи не послушаша, нъ послы избиша, а сами поидоша противу имъ; и не дошьдьше Ольшья, и сташа на Днепре. И прислаша к нимъ второе послы Татари, рекуче тако: «А есте послушали Половьчъ, п послы наша есте избили, а идете противу нас, ть вы поидите; а мы ва не заяли, да всемъ Богъ»; и отпустиша прочь послы ихъ. Тьгда же Мьстислав перебродеса Днепръ, преиде в 1000 вои на сторожи татарьскыя, и победи я, а прокъ ихъ въбеже съ воеводою своимъ Гемябегомъ въ курганъ Половьчскыи, и ту имъ не бы мочи, и погребоша воеводу своего Гемябега жива въ земли, хотяще животь его ублюсти; и ту и налестоша, испросивьше Половьци у Мьстислава, и убиша и. Слышавьше же то князи русстии, поидоша за Днепръ и поидоша вси въкупе, по нихъ же идоша 9 днии, и заидоша за Калакъ реку, и послаша въ сторожихъ Яруна с Половьци, а сами станомъ сташа ту. Тьгда же Ярунь съступися с ними, хотя битися, и побегоша не успевьше ничтоже Половци назадъ, и потыпташа бежаше станы русьскихъ князь, не успеха бо исполчитися противу имъ; и съмятошася вся, и бысть сеця зла и люта. Мьстислав же, Кыевьскыи князь, видя се зло, не движесе съ места никамо же; сталь бо бе на горе надъ рекою надъ Калкомъ, бе бо место то камянисто, и ту угоши городъ около себе въ колехъ, и бися с ними из города того по 3 дни. Ини же Татари поидоша по русьскихъ князихъ, бьуче до Днепря; а у города того оста 2 воеводе Цьгырканъ и Тешюканъ на Мьстислава и на зяти его на Андрея и на Ольксандра Дубровьчскаго: беста бо 2 князя съ Мьстиславомъ. Ту же и бродници съ Татары быша, и воевода Плоскына, и ть оканьнии воевода целовавъ крестъ честьный къ Мьстиславу и къ обема князема, око ихъ не избити, нъ пустити ихъ на искупъ, и сьлга оканьнии: преда ихъ, извзавъ, Татаромъ; а городъ възышь, и люди искоша, и ту костью падоша; а князи имьше, издавиша, подькладьше подь дьскы, а сами верху седоша обедати, и тако животь ихъ концяша. А иныхъ князь до Днепре гоняче, убиша 6: Святослава Яневьскаго, Изяслава Ингворовиця, Святослава Шюмьскаго, Мьстислава Церниговьскаго съ сыномъ, Гюргя Нежевьскаго. Тьгда же Мьстислав Мьстислалить, прежде перебежъ Днепръ отрея от берега лодье, да не идутъ Татари по нихъ, а самъ одва убежа; а прочии вои десятыйи приде кождо въ свояси; а иныхъ Половци побиша ис коня, а много ис порта. И тако за грехы наша Богъ вьложи недоумение въ нас, и погыбе много бешисла люди; и бысть вьплъ и плачь и печаль по городомъ и по селомъ. Си же злоба сътворися месяца мая въ 31, на святого Еремья. Татари же възвратишася от реки Днепря; и не съведаемъ, откуда суть пришли и кде ся деша опять: Богъ вестъ, отколе приде н нас за грехы наша».

Нл. Стар. изв. С.61.

2. «Побоище Батьево»

«В лето 6744 (1236 г.). Бысть знамень в солнци месяца августа в 3, в неделю по обедех: бысть видети всем аky месяцъ четыре дньи. Тое же осени придоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари и възаша славный Великий город Болгарьскыи и избиша оружьем от старца и до унаго и до сущаго младенца и възаша товара множество, а город их пожгоша огнем и всю землю их плениша.

В лето 6745 (1237 г.). На зиму придоша от восточные страны на Рязаньскую землю лесом безбожнии Татари, и почаша воевати Рязаньскую землю, и пленоваху и до Проньска. Попленивше Рязань весь и пожгоша, и князя их оубиша. Ихже емше овы растинахуть, другья же стрелами растреляху в ня, а ини опаки руце связывахуть. Много же святых церкви огневи предаша, и монастыре и села пожгоша. Именья не мало обою страну възаша. Потом поидоша на Коломну.

Тое же зимы. Поиде Всеволод, сын Юрьев, внук Всеволожь противу Татаром. И сступишася оу Коломны. И бысть сеча велика. И оубиша у Всеволода воеводу Еремья Глебовича и иных мужии много

убиша оу Всеволода. И прибежа Всеволод в Володимерь в мале дружине. А Татарове идоша к Москве.

Тое же зимы взяша Москву Татарове и воеводу убиша, Филипа Нянка за правоверную хрьстьянскую веру. А князя Володимера яша руками сына Юрьева. А люди избиша от старьца и до сушаго младенца. А град и церкви святые огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и, много именья въземше, отидоша.

Тое же зимы. Выеха Юрьи из Володимеря в мале дружине, оурядив сыны своя в собе место: Всеволода и Мстислава. И еха на Волгу с сыновци своими, с Васильком и со Всеволодом, и с Володимером. И ста на Сити станом, а ждучи к собе брата своего Ярослава с полкы и Святослава с дружиною своею. И нача Юрьи князь великыи совокупляти вое противу Татаром. А Жирославу Михаиловичю приказа воеводство в дружине своеи.

Тое же зимы. Придоша Татарове к Володимерю месяца февраля в 3, на память святого Семеона, во вторник преж мясопуст, за неделю. Володимерци затворишася в граде. Всеволод же и Мстислав бяста, а воевода – Петр Ослядюкович. Володимерцем не отворящимся, приехаша Татари к Золотым воротам, вода с собою Володимера Юрьевича, брата Всеволожа и Мстислава. И начаша просити Татарове князя великого Юрья – ест ли в граде. Володимерци пустиша по стреле на Татары. И Татарове такоже пустиша по стреле на Золотая ворота. И посем рекоша Татарове Володимерцем: «Не стреляйте». Они же умолчаша. И приехаша близь к воротам, и начаша Татарове молвити: «Знаете ли княжича вашего Володимера?» Бе бо уныл лицом. Всеволод же и Мстислав стояста на Золотых воротех и познаста брата своего Володимера. О оумиленое виденье! И слез достоино. Всеволод и Мстислав с дружиною своею, и вси гражане плакахуся, зряще Володимера. А Татарове отшедше от Золотых воротъ и объехаша весь град, и сташа станом пред Золотыми враты назреемо множество вои бечислено около всего града. Всеволод же и Мстислав сжалистаси брата своего деля Володимера и рекоста дружине своеи и Петру воеводе: «Братья! Луче не ест оумрети перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правоверную веру хрьстьянскую!» И не да воли их быти Петр Ослядюкович. И рекоста оба князя: «Си вся наведе на ны Бог грех ради наших. Яко пророк глаголет: «Несть человеку мудрости, ни е мужства, ни ест думы противу Господеви. Яко Господеви годе бысть, тако и бысть. Буди имя Господне благословенно в веку».

Створися велико зло в Суждальской земли, якоже зло не было ни от крешенья, якоже бысть ныне. Но то оставим.

Татарове станы свое оурядив оу города Володимеря, а сами идоша: взяша Суждаль и святую Богородицю разграбиша, и двор княж огнем пожгоша, и монастырь святого Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша. А чернцы и черницы старья, и попы, и слепья, и хромья, и слукья, и трудова- тья, и люди все иссекоша. А что чернец уных и черницъ, и попов, и попадии, и дяконы, и жены их, и дчери, и сыны их, то все ведоша в станы свое. А сами идоша к Володимерю.

В суботу мясопустную почаша наряжати лесы и пороки ставиша до вечера. А на ночь огороди- ша тыном около всего города Володимеря. В неделю мясопустную по заоутрени приступиша к городу, месяца февраля в 7, на память святого мученика Феодора Стратилата. И бысть плачь велик в граде, а не радость, грех ради наших и неправды. За оумноженье безаконии наших попусти Богъ поганья, не акы милуя их, но нас кажа, да быхом встягнулися от злых дел. И сими казньми казнить нас Бог нахоженьем поганых: се бо ест батогы Его, да негли встягнувшеся от пути своего злаго. Сего ради в праздники нам наводить Богъ сетованье, якоже пророк глаголаше: «Преложю праздники ваша в плачь и пени ваша в рыданье». И взяша град до обеда: от Золотых ворот оу святого Спаса внидоша по примету черес город, а сюде от северныя страны, от Лыбеди к Ориным воротом и к Медяным, а сюде от Клязмы к Волжьским воротом. И тако вскоре взяша Новыи град. И бежа Всеволод и Мстислав, и вси людье бежаша в Печерний город. А епископ Митрофан и княгыни Юрьева с дчерью и снохами, и со внучаты, и прочие княгини Володимеря с детми, и множество много бояр, и всего народа людии затворишася в церкви святяго Богородица. И тако огнем без милости запалени быша... и тако скончашася.

Татарове же силоу отвориша двери церковныя и видеша овы огнем скончавшася, овы же оружь- ем до конца смерти предаша, святую Богородицю разграбиша, чюдную икону одраша, оукрашену златом и серебром и каменьем драгым. И монастыре все и иконы одраша, а иные иссекоша, а ины поимаша. И кресты честныя, и ссуды священныя, и книги одраша. И порты блаженных первых князии, еже бяху повешали в церквах святых на память собе, то же все положиша собе в полон. Якоже пророк глаголетъ: «Боже! Придоша языци в достоянье Твое. Оскверниша церковь святую твою. Положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша трупья раб Твоих брашно птицам небесным, плоть преподобных Твоих зверем земным, прольяха кровь их акы воду». И оубьен бысть Пахоми, архиман- дрить монастыря Рожества святяго Богородица, да игумен Оуспенский Феодосий Спаський и прочии игумени, и чернцы, и черницы, и попы и дяконы – оуного и до старца, и сушаго младенца. И та вся

иссекоша: лвы оубивающе, овы же ведуще босы и без покровен в станы свое, издыхающа мразом.

Но ныне на предреченая взидем. Татарове поплениша Володимеръ и поидоша на великого князя Георгия. Оканныи ти кровопиинци и ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городецъ. И ти плениша все по Волзе, доже и до Галича Мерьскаго. А ини идоша на Переяславль и ть взяша. И оттоле всю ту страну и грады многы – все то плениша, доже и до Торжку. И несть места, ни вси, ни сел тацех редко, идеже не воеваша на Суждальскои земли. И взяша городов 14, опрочъ свобод и погостов, во один месяц февраль кончевающюся 45-тому лету.

Но мы на предняя видим. Яко приде весть к великому князю Юрью: «Володимеръ взят и церкви зборная, и епископ, и княгини з детми, и со снохами, и со внучаты огнем скончашася. А старейшая сына Всеволод с братом вне града убита, люди избиты, а у тебе идут». Он же се слышав, възпи гласом великим со слезами, плача по правоверней вере хрестяньстеи, преже и наипаче о церкви и епископа ради, и о людех, быше бо милостив, нежели себе и жены и детии. И въздохнув из глубины сердца, рек: «Господи! Се ли бы годе Твоему милосердью новий Иовъ бысть терпением и верою, яже Богу?» И нача молитися, глаголя: «Оувы мне, Господи! Луче бы ми оумерети, нежели жити на свете семь. Ныне же что ради остася азъ единъ?» И сице ему молящюся со слезами, и се внезапно поидоша Татарове. Он же отложив всю печаль, глаголя: «Господи! Оуслыши молитву мою и не вниди в сдъ с рабом Своим, яко не определится пред Тобою всяк живый, яко погна враг душою мою». И паки второе помолися: «Господи, Боже мой! На ТЯ оуповах – и спас мя, и от всех гонящих избави мя».

И поидоша безбожнии Татарове на Сить противу великому князю Горгю. Слышав же князь Юрги с бротом своим Святославом, и с сыновци своими Василком и Всеволодом, и Володимером, и с мужи своими поидоша противу поганым. И сступишася обои. И бысть сеча зла. И побегоша наши пред иноплеменники. И ту оубьен бысть князь Юрь, а Василка яша руками безбожнии и поведоша в станы свое. Се же зло здеся месяца марта в 4 днь, на память святою мученику Павла и Оульяны. И ту оубьень бысть князь великий Юрь на Сити на реце, и дружины его много убиша. А Василка Костянтиновича ведоша с многою нужною до Шерньского леса. И яко сташа станом, нудиша и много проклятии безбожнии Татарове обычаю поганьскому быть в их воли воевати с ними. Но никакоже не покоришася их безаконью и много сваряше я, глаголя: «О, глухое цесарьство оскверньное, никакоже мене не отведете хрестяньское веры, аще и велми в велице беде есм. Богу же как ответ дасте? Емуже многы душа погубили есте бес правды, ихже ради мучити вы. Имати Бог в бесконечныя веки, и стяжет бо Господь душе те, ихже есте погубили». Лни же вскрежташа зубы на нь, желающе насытитися крове его.

Сего бо блаженнаго князя Василка спричте Богъ смерти, подобно Андрееве, кровью мученичьскою омывъся прегрешении своих, с братом и отцем Георгием, с великим князем. Се бо и чудно и бысть, ибо и по смерти совкупи Богъ телеси ею. Принесоша Василка и положиша и в церкви святыя Богородица в Ростове, идеже и мати его лежитъ. Тогда же принесоша голову великаго князя Георгия и вложиша ю гроб, к совему телу».

Лл. Стлб.460–470.

«В лето 6745 (1237 г.). Придоша безбожнии Измаильтяне, преже бившеся со князи Роускими на Калкох. Бысть первое приход их на землю Рязаньскоую и взяша град Рязань копьем, изведше на лъсти князя Юрья и ведоша Прыньскоу: б бо в то время княгини его Прыньскы. Изведоша княгмню его на лъсти, оубиша Юрья князя и княгини его. И всю землю избиша. И не ошадеша отрочат – до соущих млека. Кюр Михайлович же оутече со своими людми до Соуждаля. И поведа великому князю Юрьеву безбожных Агарян приход. Нашествие то слышав, великий князь Юрья посла сына своего Всеволода со всеми людми и с ним кюръ Михайловичъ. Батыеви же оустремлешюся на землю Соуждальскоую. И срете и Всеволод на Колодне. И бившимся им, и падъшим многим от них, от боих. Побеженоу бывшоу Всеволоду, исповеда отцю бывшоую брань оустремленных на землю и грады его. Юрья же князь, оставив сын свои во Володимер и княгиню, изииде из града. И совокупляющоу емоу около себе вои. И не имеющоу сторожи, изъехан бысть безаконным Боурндаема: весь город изогна и самого князя Юрья оубиша. Батыеви же стоящоу оу града, борющоуся крепко о граде, молвящим им лъстью, гражаном: «Где соуть князи Рязаньстии? Ваш град и князь вашъ великий Юрья не роука ли наш емши и смерти преда?» И оуслышав о семь, преподобный Митрофан епископ начат глаголити со слезаи ко всем: «Чада! Не оубоимся о прельщънии от нечестивых и ни примемъ си во оум тленьнаго сего и скоро минующаго житья, но оном не скоро минующем житьи попечемъся, еже со ангельии житье. Аще и град наш, пленъше, копием возмоуть и смерти ны предастъ, аз о том, чада, пороучьник есмь, яко венца нетленьнаа от Христа Бога примете». О сем же словеси слышавше, вси начаша крепко боротися. Тотаром же пороки градъ бьющемъ, стрелами бецисла стреляющим. Се оувидев князь Всеволод, яко крепче брань належить, оубояся, бе бо и сам млад сам из град изииде с малом дружины и несы со собою дары многии надеяше бо ся от него живот прияти. Он же яко сверепыи зверь не пощади оуности его: веле пред собою зарезати. И град

всь избье. Епископу же преподобному во церковь оубегшоу со княгинею и с детьми. И повеле нечестивый огнем зажещи. Ти тако душа своя предаша в роуце Богу град емоу избившоу Володимерь, поплени гради Соуждальские и приде ко граду Козельскоу, боудоушоу в нем князю младу именем Василью. Оуведавши же нечестивии, яко оум крепкодушными имеют людье во граде, словесы лестными не возможно бе град прияти. Козляне же свет створше не вдатися Батью, рекше: «Яко аще князь наш млад есть, но положим живот свои за нь: и сде славою сего света приимше, и там небесныя венца от Христа Бога приемем». Тотаром же бьющимся о град, прияти хотящим град, разбившим градоу стеноу. И возидоша на вал Татаре. Козляне же ножи резахоуся с ними. Светь же створиша изинити на полкы Тотарьскыи. И исшедше из града, исекоша прища их, нападше на полькы их. И оубиша от Татар 4 тысящи. И саме же избьени быша. Батьи же взя город, изби вси. И не пощаде от отрочат до сосущих млеко. О князи Василью неведомо есть. И инии глаголахоу, яко во крови оутоноул есть, понеже оубо млад бяше есть. Оттоудоу же воу Татарех не смеють его нареши: «град Козлеск», но «град злыи», понеже бишася по сем недель, оубиша бо от Татар сыны темничю три. Татари же искавши и не могоша их изнати во множестве троуп мертвых. Батьеви же вземшоу Козлеск и поиде в землю Половецкуюю. Оттоуда же почя посылати на грады Роусьскыи. И взять град Переяславль копьем, изби всь и церковь архангела Михаила съкроуши, и сосоуды црковныи бещисленныя златыя и драгаго каменя взят. И епископа преподобнаго Семеона оубиша. В то же время посла на Чернигов, обстоупиша град в силе тяжце. Слышав же Мьстиславъ Глебовичъ нападение на град иноплемьных, приде на ны со всеми вои. Бившимся им, побежен бысть Мьстислав и и множество от вои его избьеным бысть. И град взяша и запалиша огньмь. Епископа оставиша жива и ведоша и во Глоухов. Меньгоуканови же пришедшоу сглядат град Києва. Ставшоу же емоу на онои стране Днестра, во градька Песочного. Видив град, оудивися красоте его и величеству его, присла послы свои к Михайлоу и ко гражаном, хотя е прельстити. И не послоушаша его.

В лето 6746 (1239 г.). Михаил бежа по сыноу своему перед Татары Оугры, а Ростислав Мстиславичъ Смоленского седе Києве. Данил же еха на нь и я его, и остави в нем Дмитра. И вдасть Києв в роуце Дмитрови обьдержати противоу иноплемьных язык, безбожных Татаровъ.

<...> В лето 6748 (1240 г.). Приде Батьи Киевоу в силе тяжце многомъ множствомъ силы своеи, и оукроужи град, и остолпи си Татарьская. И бысть град во обьдержаньи велице. И бе Батьи оу города. И отроци его обьстедяхоу град. И не бе слышати от гласа скрипания телегъ его, множества ревения вельблудъ его и рьжания от гласа стад конь его. И бе исполнена земля Роуская ратных. Яша же в них Татарина именемъ Товроул, и т исповеда им всю силоу их. Се бяхоу братья его силныи воеводы Оурдю и Баидар, Бирюи, Каидан, Бечак и Меньгоу, и Кююкь, иже вратися, оуведав смерть кановоу, и бысть каном. Не от роду же его, но бе воевода его перввыи – Себедяи-богатоуръ и Боуроуньдаии-багатырь, иже взя Болгарьскоую землю и Соуждальскоую. Инех – бещисла воевод, иже не исписахом зде. Постави же Баты пороки городу подле вратъ Лядьскых. Тоу бо беахоу пришли дебри. Пороком же, бес престани бьющим день и ношь, выбиша стены. И возидоша горожаны на избыть стены. И тоу беаше видити лом копеины и щеть скепание. Стрелы омрачиша свет побеженным. И Дмитрови раненоу бышоу, взидоша Татаре на стены и седоша того дьне и нощи. Гражане же создаша паки другии град около святое Богородице. Наоутрея же придоша на не, и бысть брань межи ими велика. Людем же оузбегшим и на церковь, и на комар церковныи и стовары своими. От тягости повалишася с ними стены церковныи. И приять бысть град сице воими. Дмитрея же изведоша язвена и оубиша его, моужьства ради его.

В то же время ехал бяше Данил Оугры королеви и еще бл бяшетъ не слышал прихода поганых Татар на Києв. Батью же вземшоу град Києв, и слышавшоу емоу о Даниле, яко Оугрехъ есть, поиде сам Володимероу. И приде к городу Колодьяжноу, и постави порока 12, и не може разбити стены. И начать перемолвливати люди. Они же, послоушавше злого съвета его, передашася и сами избити быша. И приде Каменцю Изяславлю, взят я. Видив же Кремянец и град Данилов, яко не возможно прияти емоу, и отиде от них. И приде к Володимироу, и взя и копьем, и изби и, не шадя. Тако же и град Галичь, иньи грады многы, имже несть числа. Дмитрови же Киевьскому тысяцкому Даниловоу рекшоу Батьеви: «Мози стряпати в земле сеи долго: время ти есть на Оугры оуже поити. Аще ли встряпаеши, земля ти есть силна: сбероуться на тя и не поустыят тебе в землю свою». Про то же рече емоу, види бо землю гибноушоу Роускоюу от нечестиваго. Батьи же послоуша съвета Дмитрова, иде Оугры...».

Ил. С.778–786.

«Въ лето 6746 (1237 г.) ...придоша иноплемьници, глаголемии Татарове, на землю Рязаньскую, множество бещисла, акы пружи; и первое пришедше и стаха о Нузле, и взяша ю, и стаха станомъ ту. И оттоле послаша послы своя, жену чародеицю и два мужа с нею, къ княземъ рязаньскимъ, просяче у нихъ десятины во всемъ: и в людехъ, и въ князехъ, и въ конихъ, во всякомъ десятое. Князи же Рязаньстии Гюрги, Иньгворовъ братъ, Олегъ, Романъ Иньгоровичъ, и Муромьскыи и Проньскыи, не выпусыае къ

градомъ, выехаша противу имъ на Воронажъ. И рекоша имъ князи: «Олна насъ всехъ не будетъ, тоже все то ваше будетъ». И оттоле пустиша ихъ къ Юрью въ Володимиръ, и оттоле пустиша о Нухле Татары въ Воронажи. Послаша же рязанстии князи къ Юрью Володимирскому, просяче помочи, или самому пойти. Юрьи же самъ не поиде, ни послуша князии рязанскихъ молбы, но самъ хоте особъ брань створити. Но уже баше божию гневу не противитися, яко речено бысть древле Иесуу Наугину богомъ; егда веде я на землю обетованую, тогда рече: азъ послю на ня преже вас недоумение, и грозу, и страх, и трепет. Также и преже сихъ отъя господь у нас силу, а недоумение, и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехи наша. Тогда же иноплемьници погании оступиша Рязань и острогомъ оградиша и; князь же Рязанский Юрьи затворися въ граде с людми; князь же Романъ Инъгоровичъ ста битися противу ихъ съ своими людми. Князь же Юрьи Володимирский тогда посла Еремея въ сторожихъ воеводою, и сняся с Романомъ; и отступиша ихъ Татарове у Коломны, и бишася крепко, и прогониша ихъ к надолобомъ, и ту убиша князя Романа и Еремея, и много паде ту съ княземъ и съ Еремеемъ. Москвичи же ничегоже не видевше. Татарове же взяша градъ месяца декабря въ 21, а приступили въ 16 того же месяца. Также избиша князя и княгыню, и мужи и жены и дети, чернъца и черноризиць, иерея, овы огнемъ, а инехъ мечемъ. Поругание черницамъ и попадаямъ и добрымъ женамъ и девицама пред матерьми и сестрами; а епископа ублюде Богъ: отъеха проче во ть годъ, егда рать оступи градъ. И кто, братье, о семь не поплачется, кто ся нас осталъ живыхъ, како они нужную и горкую смерть подьяша. Да и мы то видевше, устрашилися быхомъ греховъ своихъ плакалися съ въздыханиемъ день и ночь; мы же въздыхаемъ день и ночь, пекущися о имении и о ненависти братьи. Но на предлежащая възвратимся. Тогда же Рязань безбожнымъ и поганымъ Татаромъ вземшемъ, поидоша къ Володимирю множество кровопролитець крестьянския крови. Князь же Юрьи выступи изъ Володимира и бежа на Ярославль, а въ Володимири затворися сынъ его Всеволодъ съ матерью и съ владыкою и со всею областию своею. Безаконнии же Измаилти приближишася къ граду, и оступиша градъ силою, и отыниша тыномъ всь. И бысть на заутрѣ, увиде князь Всеволодъ и владыка Митрфанъ, яко уже взяту быти граду, внидоша въ церковь святую Богородицю, и истрогошася вси въ образъ, таже въ скиму, от владыки Митрофана, князь и княгыни, дчи и сноха, идобрии мужи и жены. И яко уже безаконнии приближишася, поставивше пороки, взяша град и запалиша и огнемъ, в пяток преже мясопустныя недели. И увидевше князь и владыка и княгыни, яко зажжень бысть градъ, алюдье уже огнемъ кончаваются, а инии мечемъ, вбегоша въ святую Богородицю и затворишася в полате. Погании же, отбивше двъри, зажгоша церковь, наволочивше леса, и издвушиша вся: ти тако скончашася, предавшѣ душа своя Господеви; инии же погнашася по Юрьи князи на Ярославль. Князь же Юрьи посла Дорожа въ просоки въ 3-хъ 1000-хъ; и прибежа Дорожь, и рече: «А уже, княже, обишли нас около». И нача князь полкъ ставити около себе, и се внезапно Татарове приспеша; князь же не успея ничтоже, побеже; и бы на реце Сити, и постигоша и, и животь свои сконча ту. Богъ же вестъ, како скончася: много бо глаголють о немъ инии. Ростовъ же и Суждаль разидеся розно. Оканьнии же они оттоле пришедше, взяша Москву, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тферь; ту же и сынъ Ярославль убиша. Оттоле же придоша безаконнии, и оступиша Торжекъ на сборъ чистой недели, и отыниша тыномъ всь около, якоже инии гради имаху; и бишася ту оканнии пороки по две недели, и изнемогашася людье въ граде, а из Новагорода имъ не бы помочи, но уже кто же собе сталъ бе в недоумении и страсе; и тако погании взяша градъ, и исекоша вся от мужьска полу и до женьска, иереиский чинъ всь и черноризьский, а все изьобнажено и поругано, горкою и бедною смертью предаша душа своя Господеви, месяца марта въ 5, на память святого мученика Никона, въ среду средохрестную. Туже убьени быша Иванко, посадникъ новоторжьский, Якимъ Влоуеньковичъ, Глебъ Борисовичъ, Михаило Моисиевичъ. Тогда же гаяшася оканнии безбожници от Торжку Серегерьскимъ путемъ оли и до Игнача креста, а все люди секуще акы траву, за 100 верстъ до Новагорода. Новгородъ же заступи Богъ и святая великая и зборная апостльская церкви святая Софья и святый Кюриль и святыхъ правоверныхъ архиепископ молитва и благоверныхъ князии и преподобныхъ черноризецъ иереискааго сбора. Да кто, братье и отци и дети, видевше Божие попущение се на всеи Русьской земли. Грехъ же ради нашихъ попусти Богъ поганьяна ны. Наводить Богъ, по гневу своему, иноплемьники на землю, и тако съкрушеномъ имъ въспоманутся къ Богу. Усобная же рать бываетъ от свжения дьяволя: Богъ бо не хоцетъ зла въ человецехъ. Но блага; а дьяволъ радуется злomu убииству и кровопролитию. Земли же сгрешивши которой, любо казнить Богъ смертью или гладомъ или наведениемъ поганыхъ или ведромъ или дъждемъ сильнымъ или казньми инеми, аще ли покаемся и в нем же ны Богъ велитъ жити, глаголетъ бо к амъ пророкомъ: «Обратитесь ко Мне всемъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ». Да еще сице створимъ, всехъ грехъ прощени будемъ. Но мы на злая възвращаемся, акы свинья валяющеся в кале греховнемъ присно, и тако пребываемъ; да сего ради казни приемлемъ всякыя от Бога, и нахождение ратныхъ; по Божию повелению, грехъ ради нашихъ казнь приемлемъ».

Нл. Стар. изв. С.74–76.

Материал подготовил Искандер Измайлов

№ 6

Смбат Спарапет. «Летопись»

Выдающийся полководец и историк киликийской Армении XIII в. Смбат Спарапет (1208–1276) составил ценные труды, одним из которых является «Летопись», в которой имеются сведения о монголах и других народах. История здесь изложена в хронологическом порядке.

Как заметил А.Г.Галстян, Смбат Спарапет «сообщает ценные сведения о событиях своей эпохи, о которых до него ни один средневековый историк ничего не пишет... В ранее опубликованных текстах Смбата почти не было никаких сведений о монгольских завоеваниях, за исключением нескольких страниц, где рассказывалось о переправе монгольских войск через Сырдарью и Амударью («История монголов», вып. I, стр. 66–67), и нескольких слов о поездке Смбата в Монголию к Гуюк-хану...

В древнеармянских текстах «Летописи» Смбата Спарапета, опубликованных в Москве в 1856 г. и в Париже в 1859 г., о монголах и об их завоеваниях также было сказано очень мало. Это относится и к трем рукописям Матенадарана: №4584, 1900 и 4337. В Венеции в 1956 г. была опубликована недавно найденная рукопись «Летописи» Смбата Спарапета, датированная 1315 г. В ней имеются довольно интересные материалы о монголах и их завоеваниях. Мы перевели из указанного труда только ту часть, которая относится к армяно-монгольским отношениям и нашествию монголов на Ближний и Средний Восток и Закавказье.

В своем труде Смбат Спарапет рассказывает об армяно-византийских, армяно-грузинских, армяно-персидских, армяно-арабских и армяно-турецких отношениях. Довольно подробно Смбат говорит об истории эмиграции армян из Великой Армении в разные страны Запада, в частности в Византийскую империю.

В своей «Летописи» Смбат довольно обстоятельно рассказывает о монгольских завоеваниях. Интересные сведения он дает о Хорезме. Смбат сообщает, что «монголы разбили хорезмского шаха Дарбайна и обратили его в бегство». Затем он сообщает о взятии монголами городов Средней Азии. Подробно рассказывая о взятии Мараканды (Самарканда), он пишет, что шах Хорезма побежал на ту сторону реки и думал, что монголы не смогут форсировать ее. Смбат продолжает: «Чингис-хан, глава татар, сделав мост из связанных лодок, перешел Гохон и захватил великий город Самарканд в четыре дня, но не мог разрушить его в течение четырех лет, потому что Самарканд на турецком языке означает «богатый» город». Далее Смбат пишет о завоевании монголами румского султаната. В труде Смбата мы находим интересные сведения о путешествии армянского царя Гетума I в Монголию. После возвращения Гетума из Монголии он собрал большую армию и вторгся в Рум с целью отомстить за разрушение армянских областей румским султаном во время его отсутствия. Одержав победу над румскими войсками, Гетум с ценными трофеями возвратился в свою страну.

Смбат подробно рассказывает о взятии Багдада монголами. Он сообщает некоторые данные о социальных противоречиях в феодальной Армении, о междоусобицах среди армянских феодалов и т.п.

В историческом труде Смбата Спарапета содержатся также достоверные данные по истории и географии стран Средней Азии и Ближнего Востока» [Армянские источники о монголах, 1962].

Источник и примечания цитируются по изданию: Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер., пред. и прим. А.Г.Галстяна. – М., 1962. – С.47–64.

«В эти дни татары вошли в Рум. Мать султана забрала свою дочь и убежала с ней в Киликию. Татары отправили к царю Гетуму (Гетуму I. – А.Г.) посла, который потребовал вернуть беглянок. В противном случае, [говорили они], союз, который вы заключили с нами, будет недействителен. Он (Гетум I. – А.Г.), боясь вторжения татар в его страну, выдал беглянок¹.

Тогда султана Кай-Хосров-шаха и всех мусульман охватил страшный гнев. Собрав конницу, он отдал ее под командование парона Костантина, владетеля Ламброна, который проник в горы Паперон, сжигая все на своем пути. Тогда парон Костантин Тагавораайр² и Смбат гундстабль³ вошли в Тарс, а царь устремился со своей конницей в Адану. Турки осадили Тарс, затем они направились вдоль берега реки, овладели [тамошней] местностью и оставались там шесть дней. После этого они вернулись через Куклка в Капан. Царь преследовал их со своей конницей. В то время Тагавораайр и Смбат гундстабль прибыли в местность, называемую Майцар.

Он (султан. – *А.Г.*) с многочисленными войсками повернул обратно. Тогда мы напали на него, с божьей помощью помешали их продвижению и, разгромив их, преследовали до Путанде⁴.

Через год, в году 695 (1246), [турки] собрали многочисленное войско и, перейдя через Куклку, вошли в Капан в составе 260 тысяч человек и осадили Тарс. Тагавораайр и я, Смбаг гундстабль, вошли в Тарс. Если бы мы захотели описать все то, что нам пришлось перенести от катапульта и битв, то это было бы слишком много. На протяжении всего течения реки через город, на расстоянии полета стрелы, стена города была тяжело повреждена. С обеих сторон погибло много людей, но со стороны осаждавших [турок] во сто крат больше, ибо с нами были хорошие франкские стрелки.

От татар прибыл гонец с предложением снять осаду, но сельджуки отказались, считая, что город ими взят. Однако бог, много раз шадивший христиан, жалился и на этот раз, ибо в эти дни султан Гияс ад-Дин в своем замке Калонорос во время выпивки вдруг воскликнул: «Ко мне, ко мне!» – и умер. Тогда эмиры, осаждавшие Тарс, услышав об этом, вступили в переговоры с царем и потребовали только Пракан, с тем чтобы заключить мир и вернуться к себе. Царь передал им Пракан, и они, сняв осаду, ушли.

Мы тогда не знали о смерти султана, иначе мы могли бы как следует расправиться с ними. Через два года мы отняли Пракан назад, и, по божьей воле, никто из врагов не успел убежать. В течение всего времени, пока шла война, ни разу не было дождя, но, как только был заключен мир, начался дождь и не прекращался в течение двадцати дней и ночей. Вся страна была затоплена, и, когда турки отходили, более ста тысяч пехотинцев утонуло, мы бы их истребили, если бы прежде не связали себя клятвой.

В году 697 (19 января 1248) я, Смбаг гундстабль, отправился в Монголию и в году 699 (18 января 1250) вернулся к своему брату, царю Гетуму (Гетуму I. – *А.Г.*)⁵. <...>

В году 702 (1253) армянский царь Гетум переделся погонщиком и с небольшим числом людей оставил свою страну Киликию и отправился на Восток к народам стрелков, к Мангу-хану. Он с опаской прошел через земли исмаилитов, которые жили в стране Каппадокия. Проводником у него был некий инок, по имени Барсег⁶, неоднократно ездивший по этой дороге. Они достигли местности, называемой Вардени, находящейся в районе Феодосии⁷, и остановились в доме одного князя, по имени Курд. Там они пробыли до тех пор, пока из Киликии привезли дары, предназначенные для хана. Костантин Тагавораайр с верными людьми отправил Гетуму приготовленные подарки. После того, как царь получил эти великолепные подарки, он поехал к Мангу-хану и преподнес их ему. Хан радостно принял армянского царя и исполнил все его просьбы.

Он (Мункэ-хан. – *А.Г.*) поручил своим слугам, одноглазому Маркатею и Бачу, сопровождать царя Гетума до его страны Киликии. В том же году царь Гетум выдал свою дочь Сипил замуж за Боэмунда – принца Антиохии и графа Триполи. <...>

В году 705 (1256) в сентябре месяце вернулся армянский царь Гетум от упомянутого выше Мангу-хана и по тому пути, который он [раньше] прошел тайком, возвращался, подобно льву: он благополучно прибыл в замок Бардзраберд, где находились его отец Костантин, сыновья и дочери, очень обрадовавшиеся его возвращению. Затем в том же году в октябре месяце царь Гетум собрал всю свою армию, со своими близкими родственниками и азатами, их число, говорят, доходило до ста тысяч человек. С этими войсками он вторгся в область Рума, у подножия горы Тавр возле города Аракли, чтобы отомстить за разрушенные церкви и крепость Муранд. Они там забрали много крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, мулов, рабов, золота и с большой добычей возвратились домой и много дней провалили. <...>

В году 707 (1258) народ стрелков двинулся [с востока] и дошел до города Вавилона. Все тысячники и сотники под водительством своего хана Хулагу, окружив город, страшно притеснили их (жителей. – *А.Г.*). В городе было много населения; да к тому же туда собралось много мусульман. Были две причины [для сбора]: во-первых, они годом раньше узнали о наступлении на них [Хулагу-] хана, поэтому как следует подготовились к войне, во-вторых, халиф, который сидел в Каире, умер при короле Балдуине, который царствовал в Иерусалиме и притеснял Египет.

Султан Халеба пришел и убил халифа, после чего их нечестивый патриарший престол перевели в Багдад. Вот почему собралось в городе много [мусульман] под командованием их предводителей. Тогда жители города поднялись против них (татар. – *А.Г.*) и уничтожили многих из войска стрелков и обратили их в бегство. Отогнав их немного, они оставили их и возвратились в город. А они предприняли повторное наступление на город, чтобы продолжать войну. Тогда халиф отправил [людей] к Хулагу-хану и передал: «Бери свое войско и уходи от нас, иначе если мы объявим [войну], то вы все погибнете⁸, но если среди вас найдутся люди нашего вероисповедания, то я их пощажу».

Когда его слова услышал хан [и его люди], они засмеялись над халифом и, жуя [бетель (?)], плевались, будто в лицо халифу. Хулагу громко произнес: «С помощью бога и по велению Чингисхана всех вас предам мечу за то, что хвастаетесь своим посланием». Когда об этом стало известно, поднялись две стороны на войну друг на друга. Народ стрелков пошел на них со всех сторон, подняв громкий крик. Смело напали на них и, подняв страшный шум, сломили их сопротивление и обратили в бегство. И вслед за ними вошли в город и перебили всех мужчин и женщин, так что воды широкой реки Евфрат, которая протекала через город, много дней текли смешанные с кровью. Истребляли жителей до тех пор, пока сами не устали, а затем назначили своих наместников и налоговосборщиков и с большой добычей возвратились. <...>

В году 709 (1260) Хулагу-хан со своим огромным войском, словно вешний разлив, двинулся на [запад]. Где бы он ни проходил, всюду всех подчинял себе, кого уговорами, кого войной. Он дошел до Халеба и осадил его, затем отправил людей к царю Гетуму, чтобы тот явился к нему. Он [Гетум] без промедления со своими войсками прибыл к хану. Хан с радостью принял его. Хан-победитель при помощи многочисленных машин осадил город Халеб. В течение семи дней он разрушил широкую городскую стену и глубокий ров вокруг города сделал легко проходимым для наступающих войск.

Поднялся страшный крик, и от их (войск хана. – А.Г.) голосов сотряслась земля. Они ворвались в крепость и безжалостно истребляли мечом исмаильтян, а верующих [христиан] не убивали, а только грабили их имущество. И никто не может описать число убитых. Захватив с собой добычу и пленных, они ушли в Дамаск. Все города, деревни и крепости до Иерусалима подчинили себе. Всюду они над ними назначили своих наместников, а бюрапетом⁹ назначили некоего Китбугу. Могущественный хан взял свои войска и со своим сыном Абагой отправился к себе на восток, но бюрапет Китбуга не остался на своем месте, как было ему поручено, он собрал свое войско, а также потребовал у киликийского царя 500 человек и выступил против Египта. Когда египетские лазутчики узнали об этом, тут же сообщили своим, те вооружились, приготовились и пошли им (войскам Китбуги. – А.Г.) навстречу, прошли четырехдневный путь и дошли до местечка Ппр. На расстоянии полудневого пути [от Китбуги] они разбили свой лагерь. С восходом солнца разразилась страшная битва, но от сильной жары и слабости коней народ стрелков потерпел поражение¹⁰ и обратился в бегство, а египтяне стали их преследовать. Мало кто спасся. В этой битве был убит главнокомандующий Китбуга, а жену и детей его увели в плен в Египет. Остальные ушли к Хулагу-хану и рассказали о случившемся. Он заревел, подобно льву, и угрожал пойти туда и отомстить за кровь своего войска. В этом же году армянский царь Гетум собрал войско и совершил переход через Каппадокию и Иконию, чтобы присоединиться к войскам народа стрелков в стране Галатии, на Гангре, на границе Смирны и Ласкары. Ибо заранее к нему было послано приглашение явиться к ним, но, когда он приготовился пойти к ним на ту сторону, то они уже были на другой стороне. И так велик был страх перед монголами, что он не свернул с полпути, а, подвергаясь смертельной опасности с малочисленными людьми, прошел, как было сказано выше, и прибыл к ним, но напрасно, так как те, на которых они наступали, заранее узнали, что они собираются напасть на них, и потому закрепились в пещерах и на вершинах скал. Вот почему они безрезультатно разошлись по своим местам. Один из князей войска царя Гетума, родом грек, Василь Кероненц скончался по пути, но его привезли в Киликию и похоронили рядом с его предками. <...>

А в году 720 (1271) 6 января в столице Тарсе в святой Софии короновали сына царя Гетума – Левона – царем Армении. Все христиане собрались там, чтобы видеть радость этого достойного зрелища. В этот день народ получил вознаграждение, была амнистия и многие были освобождены. После роспуска собрания, спустя несколько дней, новокоронованный царь отправился в Исаврию, чтобы осмотреть эту область; после осмотра ее он радостный возвратился домой. В этом же году египетский султан Бейбарс Пундуктар выступил на страну Киликийскую, но царь Левон навстречу ему отправил послов, которые уговорили [султана] возвратиться в Египет.

После чего царь Левон отправился на восток к Абага-хану. Хан отдал в его распоряжение 20 тысяч воинов, которые должны были вместе с царем для защиты его страны отправиться в Киликию. А хан обещал спустя несколько месяцев приехать в Армянскую Киликию. Царь Левон, взяв с собой немногих из этих воинов, возвратился в свою страну. <...>

Примечания

1. Киракос Гандзакечи эту историю описывает несколько иначе. Он говорит, что когда царь Гетум I увидел, что монголы разгромили такое могущественное государство, как Румское, он по-

спешил заключить с ними союз и отправил для этого своих представителей. Бачу-нойон с радостью принял предложение армянского царя, предварительно потребовав выдачи матери, жены и дочери султана, нашедших убежище в Киликийской стране. По словам Киракоса, Гетум был очень опечален. «Легче бы было мне, если бы они потребовали сына моего Левона, чем их», – говорил Гетум, но боязнь суровой кары заставила его выполнить требование монголов и выдать своих гостей (Киракос, стр. 270). Об этом см. также: Магакия, *История о народе стрелков*, стр. 16; Магакия, стр. 76, прим. 29; Г.Алтунян, *Монголы и их нашествия в XIII в.*, стр. 39.

2. Тагавораайр – так в армянской исторической литературе называли великого парона Костантина, отца царя Гетума. Костантин Тагавораайр после смерти Левона II был регентом при царице Забелле. Впоследствии совершил государственный переворот, захватил власть, а сына своего Гетума объявил царем. Но так как сын был малолетним, он долгое время управлял сам.

3. Гундстабль – термин заимствован из старофранцузского языка (*коннетабль*). Получил объяснение в народной этимологии (в древнеармянском языке этим словом называли полководцев, командующих вооруженными силами страны). Эта должность была введена в Киликийской Армении при Левоне II.

4. Все указанные выше города находятся на территории Киликии.

5. Нам кажется, что поездка Смбата Спарапета в Каракорум датируется здесь неправильно. Сам Смбат, говоря о своей поездке в письме из Самарканда, указывает дату: 1246 г. По нашему мнению, мы имеем дело с интерполяцией переписчика, так как в ереванской рукописи этой фразы нет. О поездке Смбата Спарапета в Монголию говорят также другие историки – современники Смбата (Киракос, стр. 301–302, 350; Мхитар Айриванец, стр. 82; Магакия, стр. 17; «Мелкие хроники», т. I, стр. 81, 215; Иоанн Дарделл, *Летописная история*, СПб., 1882, стр. 17. На арм. яз.). <...>

6. Барсег – активный дипломат. Он вел оживленные переговоры с монгольскими ханами в их резиденциях. Сначала он посетил Бату, а затем отправился к Мункэ-хану. Барсег находился среди сопровождавших царя Гетума I во время его поездки в резиденцию Мункэ (Киракос, стр. 352; Алишан, *Айапатум*, стр. 462; «История монголов», вып. II, стр. 82, Ачарян, *Словарь личных имен*, т. I, Ереван, 1942, стр. 397.

7. Феодосия – г. Феодосиополь на Евфрате.

8. В тексте сказано так: **զի մի յորժամ հանիցեմ զպատմունճանն , պատգամարհին մեր ի տեսմարդիան առ հասարակ կորիցէք**. Дословно можно перевести: «Если я сниму при людях плащ с нашего посланника на общее обозрение, то все вы погибнете». По нашему мнению, это символическое выражение равнозначно «бросить перчатку».

9. Бюрапет – темник, десятитысячник.

10. По сообщению Киракоса Гандзакеци, Китбуга потерпел поражение, потому что не обеспечил охрану своих войск (Киракос, стр. 152), а Магакия говорит, что, когда Хулагу-хан оставил его своим наместником, «татарский предводитель Китбуга не принял мер предосторожности, зашел в неприятельскую землю на десять дней пути ниже Иерусалима. Узнав об этом, поганые и нечестивые египтяне с большими силами напали на татар, частью истребили их, частью обратили в бегство» («История монголов», вып. I, стр. 38). Имеются сведения, что Китбуга по происхождению был найманом, а по вере христианином («История монголов», вып. I, стр. 97, прим. 71; Рашид ад-Дин, стр. 23; «Мелкие хроники», т. II, стр. 82»).

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 7

Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в.

Основным источником по истории Грузии конца XIII – начала XIV в. является летописное повествование XIV в. «Жамта-агмцерели», по-русски обычно называемое «Хронограф». Оставшийся безымянным автор этого обширного произведения является, безусловно, незаурядным, талантливым писателем.

Как пишет издатель источника: «В приписке, составленной «Комиссией ученых мужей» под руководством царя Вахтанга VI в первой трети XVIII в., говорится, что этим произведением завершается старый цикл свода грузинских летописей «Картлис Цховреба» («История Грузии»).

Имя автора утеряно. Это обстоятельство связано с тем, что составители указанного свода изначально (с XII в.) ставили себе целью создание непрерывного повествования по истории Грузии и свертывали воедино отдельно существовавшие письменные памятники. В результате невольно уничтожались их начальные и заключительные строки. Поэтому подлинные их названия и имена авторов каждого из них предавались забвению. Кроме того, судя по ряду фразеологических оборотов, «Хронограф» испытал целый ряд интерполяций то ли переписчиков, то ли даже авторов целых сюжетов...

Исследователи всегда признавали источниковое значение данного письменного памятника, а такой строгий исследователь, как знаменитый монголовед Б.Я.Владимирцов, относил его к тем нарративным источникам по истории и этнографии монголов, «которые описывают нам возникновение монгольской кочевой империи, рассказывают нам о великом завоевателе Чингисхане»....

...Автор (или авторы?) этого обширного повествования по существу является родоначальником грузинского историописания последующих веков (Парсадан Горгиджанисдзе, Бери Эгнаташвили, Вахушти Багратиони, «Комиссия ученых мужей» при царе Вахтанге VI и др.). Перечисленные и другие авторы позднего средневековья реалистического направления в средневековой грузинской литературе решительно отвергли романтическую оценку исторических фактов, характерную для писателей и историков эпохи расцвета Грузинского феодального царства.

В силу реалистичности творческой манеры анонима, рисующего правдивую картину внутреннего положения своей страны в сложный период ее истории, особую ценность приобретают его сведения об этнополитической истории Грузии и сопредельных с нею народов...

Перевод осуществлен по изданию «Столетняя история». Предисловие и примечания Р.К.Кикнадзе. Тбилиси, 1983».

Источник цитируется по изданию: Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Отв. ред. Л.О.Башелеишвили. Пер. со старогрузинского и предисловие Г.В.Цулая. – М., 2005. – Вып. I. Текст. – С.22–152.

«Теперь же упомянем малость о детях Чингиз-каэна

У сего Чингиз-каэна было множество жен, а также детей. А старшая жена Севинджи родила ему сына, которого звали Туши и коего грузины именовали Джочи. Второй – Чагата, третий – Окота, четвертый – Тули. Сих четырех пребывающий в Хагаети определил каэнами. Старшему – Туши – дал половину (собственного) воинства и отправил в Великую Кивчакию, Овсети, Хазарети и Русь до (земель) Мрака. И все это отдал он данному (сыну), а о прочих (его детях) упомянем потом.

И так, узнав о том – приближении татар – высокий и величайший из всех царей – хорезмшах, который в ту пору по обилию дней своих был преклонных лет, а султанство и бразды правления владениями находились в руках сына его Джалалдина, владевшего (страной) от Джеона, Хорасаном и Ираном, призвал он (Джалал ад-Дина) со всем его войском в шестьсот тысяч человек и двинулся на Чингиз-каэна.

Тот же выступил супротив хорезмшаха. Разразилась битва мощная и жестокая, в которой с обеих сторон было побито несчетное множество (людей), были одолены хорезмийцы.

Но престарелый хорезмшах со своим небольшим отрядом оставался в рядах (сражавшихся), и окружили его татары. Видя это, сын его – султан Джалалдин – муж доблестный и храбрый, мужественный и бесстрашный, словно бестелесный, силач отменный и дивный в боях, с малочисленным отрядом пришел на выручку к отцу, мгновенно подхватил его, и бежали оба в Хорасан.

После этого вновь и неоднократно бился Джалалдин (с татарами), а именно – трижды ввязывался с ними в бой за Джеоном и четырежды в Хорасане, по сю сторону Джеона. И так, из-за грехов наших Господь предал страну нашу татарам, был он осилен сполна и изгнан. Узнав о бегстве и

сокрытии его в крепостях, Чингиз-каэн отправил (в погоню) за ним двух вышеупомянутых предводителей – Иаму и Салпиана, коих грузины именуют Себа и Джебо. Велел им пройти земли Хорасана и Ирака и, покуда хватило бы сил, разведать те страны. Двинулись же они с двенадцатью тысячами всадников, без доспехов и снеди, но только с луками и без мечей.

Прошли Туран, Джеон, Хорасан, Ирак, Адарбадаган и достигли Гандзы. И никто не противостоял им. Кто бы где не явился, побеждали всех. Достигли пределов Грузии, приступили к опустошению земель Гаги. Провели об этом Варам Гагский и *атабаг* Иванэ и сообщили царю Лаше о вторжении чуждых племен, чуждых языков, опустошении Армении. Царь же созвал войско свое, *имеров* и *амеров*, и собрал девяносто тысяч конников. Двинулись на татар, стоявших в окрестностях Гаги. Затем примкнули к ним с большой ратью *атабаг* Иванэ вместе с племянником Шаншэ – сыном своего брата *амирспасалара* Закарэ, *мсахурт-ухуцесом* Варамом Гагским, и выступили.

Они же (татары), стоявшие лагерем на берегу Бердуджи, ныне называемой Сагим, мигом оседлали коней и вступили в схватку. И разразилась битва жестокая. Половина татар бежала, а (другая) половина скрылась в засаде и нагрянула с тыла. И тут постиг нас гнев Всевышний за безверие и прегрешения наши, и бежали грузины и воины их, и сам Царь Лаша, и погибло несметное число душ христианских. В бою этом великий *атабаг* Иванэ – самцхийский *спасалар* – еле спасся живым, и был убит сын *мечурчет-ухуцеса* Кваркваре – отменный воин Бека. И тут постиг нас гнев Божий сполна, настало обречение племени грузинского из-за обилия безверия нашего, и отвернулось счастье от победоносного, великого и славного дома Давидова, ибо по сию пору многомилостивый и предопределяющий судьбы Господь даровал высоко осчастливленному дому Давидову победы, и победоносный род Давида и Горгасала не ведал поражений. Но отныне ввиду превратности судеб племени грузинского не далась ему победа над татарами до самой поры нашей. И они, (некогда) славные и могущественные, (ныне) беглые, достигли города. Силу и славу их сменили вздохи печальные, ибо, поскольку потревожили мы Господа делами злыми, постольку наполнил он сердца наши горем и посрамил нас перед врагами нашими.

А татары достигли Самшвилде и оттуда повернули обратно и содеяли нечто дивное: пошли по дороге Дарубандской, и потому как не смогли противостоять им ни ширваншах, ни дарубандцы, прошли Врата Дарубандские и вступили в Кивчакию и навязали (здешнему населению) бой, и во многих местах бились с ними кивчаки, но повсюду одолели татары и так с боями удалились. И как я уже говорил, без доспехов и на некованых лошадях, проделав подобный путь, пройдя Кивчакию и обогнув море Дарубандское, достигли Каракурума и предстали пред царем своим Чингиз-каэнам. И поступили они столь необычно – прошли все пути-дороги, выйдя из Каракурума, и без роздыха да на некованых лошадях вновь в него же вернулись.

Узнав о том, что татары одолели повсюду, Чингиз-каэн отправил сыновей своих на розыски хорасанского султана Джалалдина. Проведав об этом, султан Джалалдин собрал войско и многожды вступал в схватку, как о том я говорил. Но, почуяв полное бессилие свое, снялся с места со всеми домочадцами своими и в сопровождении ста сорока тысяч воинов со всеми их домочадцами бежал от погони татар, и направились они в страну нашу, о чем будет поведено в нижеследующих словах.

Преставился царь Лаша, поскольку не усмирился гнев раздосадованного нами Господа многомилостивого и добродетельного.

Чуя наступление кончины, царь Лаша призвал вельмож именитых царства его и доверил им сестру свою Русудан, со слезами говоря: «Ведома мне рода царского безупречная преданность вам, присным Грузии, и, уповая на Бога, поручаю вам сестру мою Русудан, дабы по мне вы ее сделали государыней, как повелось то в обычаях ваших предков. Служите ей верно и мужеством вашим защитите престол царский от злобы вражьей. Да пусть она не мужчина – женщина, но не лишена мудрости и знаний государевых дел. Вам же, знатным царства сего, ведомы и памятны милость, щедрость и почести блаженной и добропамятной, блистательной среди царей матери моей. Да и сестра моя, ежели на то будет воля Божья, удостоится вашей почести. Ныне молю вас пред Богом сделать ее царицей, преемницей моей. Сестре же моей Русудан я пред Богом во всеулышание ваше поручаю вырастить сына моего Давида и, когда ему будет посылно править и станет воином, пусть сделает царем Давида, поставьте его государем и наследником царства моего. Хотя он и отрок покуда, но ежели Господь даст ему возрасти, думаю, что станет достойным царения, ибо телом он статен и прекрасен ликом».

Завершив свое повеление, упокоился тот, по ком остались скорбь и печаль несказанные. И была в трауре сестра его Русудан многие дни, и понесли его в усыпальницу царскую Гелати. <...>

Тут вернемся к прежде упомянутому Чингиз-каэну. Как только татары достигли страны нашей, гонимый султан Джалалдин бежал и покинул царство свое. (Татары) легко прибрали к рукам Туран, Турцию и весь Хорасан. И поделил (Чингисхан) на четыре (части) воинство свое и определил четырех сыновей ханами:

первородному вручил половину воинства и отправил в Великую Кивчакию до (страны) Мрака. Овсетию, Хазарию, Русь до боргаров и сербов, ко всем жителям Северного Кавказа, как о том говорено мною;

второму же сыну – Чагата – отпустил воинов и страну уйгуров до Самарканда и Бухару до страны Алмотской; это, кажется, Туран;

третьему сыну – Окота – дал, собственно, престол свой, а также Каракурум, Чин-Мачин, страны Эмелийскую, Кутакскую и Хатаети;

четвертого сына звали Тули; ему он выдал войско и земли к востоку (от владений) Окота.

Сих четырех определил ханами и уведомил: раз в году братьям старшим являться к Окоте для созыва Курултая, так как престол был отдан Окоте. <...>

Тогда представили посланника пред великим каэном, который восседал в Каракуруме, на троне Чингиз-каэна, ибо Чингиз-каэн был преставлен, а каэнство прибрал к рукам сын его по имени Окота, что был человеком добрым и весьма щедрым и правосудным, да и он преставился. А в каэны возвели сына Окоты по имени Кука и он помер, каэнство прибрал к рукам сын Куки – Мангу. Отправили к нему посланника и известили о захвате Персии, Грузии, Греции и отовсюду послали ему шапки и латы и одеяния и уведомили о следующем порядке: «Грузины явились сполна, царь и с ним заодно мтавары, которые имеют веру добродетельную и избегают лживости, и меж ними нельзя указать на отравника». А о персах уведомили так: «Персы – лживы, предатели и клятвопреступники и во множестве находятся (меж ними) отравники и бесчисленно – мужеложцы».

Посланник прежде пришел к Бато, что был сыном Туши – первородного сына Чингиз-каэна, потому как у Бато были преимущества перед всеми, овладел он Овсетией и Великой Кивчакией, Хазаретией и Русью до (земель) Мрака и моря Дарубандского. А он отправил его к Мангу каэну. Увидя посланника – возрадовался, а при виде шлема его – удивился. И возвестил Мангу каэн ноинов следующим образом: «Поскольку вы убедились в доброте грузин в сражениях, и нет лживости меж ними, и знают преданность, держите их при себе для борьбы против неприятелей ваших, а персов истребите, а главарей их страны отправьте к каэну». Когда же сей посланник вернулся, Аваг, который царицей Русудан из *амирспасаларов* был возведен в *атабаги*, совместно с хлатским султаном был отправлен *ноин* Чагата к каэну Бато. Пошли они по неведомым путям, никогда прежде не проходимым никем из рода грузин. Когда же дошли до Бато, который в ту пору был главнейшим из каэнов и величайшим и превосходительным по благолепию своему, то говорил *атабагу* Авагу взятый им с собой сын Иванэ Ахалцихского, по имени Давид, *эджиб* Авага: «Потому как подступил ты ко племени чуждому и неведомо тебе, что может произойти с нами, я советую тебе (притвориться) так, будто я являюсь *патроном* и предводителем твоим, а ты мой слуга. Ежели он волеизъявит умертвить тебя, пусть убиенным буду я, но не ты. Я не думаю, чтобы вместе с господином они убили бы и слугу». И так многократными мольбами и упорством убедили Авага поступить сим образом. Когда же вошли к Бато, (Аваг) пропустил вперед Давида, будто главного. Вот такое благоволение изъявил Давид, собственной жизнью жертвовавший за *патрона* своего. Узрел их Бато, возрадовался и оказывал им почести (в течение) многих дней. И как только познали благодеяния Бато и не стало опасности смерти, то в один (из дней) Бато призвал (Давида), а Аваг выступил (и пошел впереди). Увидя это и изумившись увиденным, каэн говорил: Авагу: «Ты, что – совершенно невежественный?». Но Давид с улыбкой отвечал: «Великий, великий победоносный государь! Он и есть мой патрон, а я – слуга его». И изумленный каэн спросил о причине такого (обстоятельства), о чем тот говорил ему: «Я потому так поступил, великий каэн, что мы несведущи о благородстве твоём, и неведомо было нам, что ты нам уготавливаешь. И ежели бы ты изъявил казнить, то казненным прежде был бы я, а не господин мой». Изумился он этому весьма, хвалил Давида и произнес: «Ежели род грузинский таков, повелеваю, чтобы среди всех родов, которые пребывают под властью моголов, да будет он лучшим и знатнейшим и сопричислят их к воинству могольскому, вотчины и имущества их принадлежат им и полагаться на них во всем». Волю сию он повелел начертать и выдать, и решение сие отправил великому Мангу каэну в Хатаети и Каракурум. Так было до сих пор; мы же возвернемся к оставленному нами слову.

Вышла царица Русудан из Лихи и прибыла в Тбилиси и встречала ее вся знать царства ее. И отправила сына своего Давида к *казнам*, которые с почетом его приветили и отдали ему царство его сполна, всю знать и всех *мтаваров* Грузии. Таким образом, вновь оказалось царство под властью царицы Русудан. <...>

В эту пору произошло и следующее: потому как *казн* Бато, что был величайшим среди всех *казнов*, соизволил высчитать и переписать все страны, он и разыскал некоего человека, из рода оирдов по имени Аргун, правотворца и праворечивого и глубоко сметливого и разумника избранного. Его и отправил он по всей подвластной ему державе – Русь, Хазаретию, Овсетию, Кивчакию, до (самого) Мрака, и на Восток до Чина и Хатаети, чтобы высчитать и установить всадников и воинов, (способных) идти в поход с *ноинами*, великих и малых, в соответствии с их *улупой*, что суть подношения путникам, цена коням и вьюкам.

Как только упорядочил он державу Бато, (этот) отослал его в Карокурум к *казну* Кубилу, дабы он навел у себя порядок руками Аргуна. И прибыв к *казну* Кубилу, этот тоже изволил поступить также и отправил того же Аргуна упорядочить государство свое. И определил ему тот же порядок. И (затем) явился пред престолом *казна* Чагата и Уркан. И этот изволил также и ввел ему тот же порядок в Туране и уладил тамошние (дела) сполна. И прошел он Джеон и прибыл в Хуарасан, Эрак и весь Ромгур и также все там обустроил.

И прибыл он пред *казнам* Уло, а он приветил его с почестью и отправил в Грузию, к царю Давиду, и в Грецию и во все подвластные ему земли, произвел перепись и правление. И когда он прибыл в Грузию, предались великому бедствию все жители царства Давида. И стали переписывать от людей до скотины, от нив до виноградников, от садов до огородов. И из девяти зажиточных крестьян одного отбирали для военных походов. И вышло из царства Давида девять *думанов* всадников, сопутствующих татарам, что составляет девять *бевров*. И установили (размеры) подношений – от одного селения для предводителя тысячи всадников одного ягненка и один *драхкан*, а для главаря *бевра* – одного барана и два *драхкана*, а плата за коня – три *тетри* ежедневно. И упорядочив, таким образом, отбыл в Грецию и Багдад и (далее) повсюду.

Наведя порядок в четырех *казнствах*, сей Аргун остался доволен, ибо был он человек правотворный. Но в учреждения священников и монашества и церкви не ввел подати, ни *калан*, а также шейхов и дервишей и людей всякой веры, чина Божеского – освободил. <...>

И каждый ждал свершения зла над царем и казни Саргиса. Тогда и ниспослал Господь милость уповающим на Него, и нынче же защитил их. И когда царь и *казн* обменялись друг с другом словами, появился человек из Дарубанда, (один) из путевых сторожевых *казна*, коих именовали караулами, и пока еще не были завершены переговоры, вошел сей человек *казна* в Орду и доложил *казну*: «Нет времени для словопрений, ибо тронулся *улус* великого из великих *казнов* Бато, и сын его великий *казн* Берка ступает по пути Дарубандскому с бесчисленным и великим полчищем воинов».

Услыхав об этом, *казн* спешно созвал свою рать, и она спешно собралась пред ним. Тут же отправились первыми вступить в бой, и когда обе рати сблизились друг с другом царь взмолился *казну*, дабы определить царя и воинов его, да и в обычае грузин – биться в передовых. Внял ему Уло и назначил царя передовым, стоящим подле него. А Саргиса Джакели расположил лично пред собою, и установил справа и слева. Организаторы отрядов отправились.

Но случилось и такое. В отряд вторгся олень, которого Саргис Джакели, одетый в доспехи, поразил. Прошли немного, и тот же Саргис стрелою сразил лису. (Затем) вновь попутно убил зайца. Свидетелем всех трех (случаев) был *казн* Уло и весьма хвалил Саргиса и много доброго говорил ему.

Тогда оба войска сблизились друг с другом, и среди них показался некий именитый человек, коего отправил великий *казн* Берка, ибо сам *казн* не выступил. Сей приблизился к царю Давиду, что весьма смутило царских воинов, ибо был тот человек могуч и мощен и беспромашный стрелок. Но царь выхватил стрелу из колчана, поразил коня его в грудь, вонзил и пронзил воину сердце. А возликовавшие грузины воспряли и устремились вперед.

Произошла сильная и жестокая сеча на поле Шабаранском. Мощно сражались царь и воины его, сред коих Саргис совершил столь славный подвиг пред Уло, что изумился *казн*. И затянулась битва повсюду, и с обеих сторон погибло бесчисленное (множество). Бежало войско Берка, и начали стремительно его преследовать, случилось и такое: во время сего преследования продолжал стоять, примерно с четырьмя людьми на каком-то малом холме. И когда те беглецы увидели его, то семеро (из них), отборных воинов, ринулись на *казна*. Видя это, проходивший (тут же) с тремя людьми

Саргис, напал на тех семерых воинов и с тремя бойцами схватился с ними, и четырех тут же перебили Саргис и *азнауры* его, а трое (оставшихся) бежали. Тут (Уло) узрел собственными глазами Саргиса и слуг его и возрадовался. И вновь продолжали преследовать воинов Берка до Врат Дарубанда, прошли Дарубанд и в течение трех дней преследовали прочих. <...>

И как наступило (время) сбора урожая, отправился *казн* в страну Ширванскую, к рубежам Грузии, в местность которую именуют Чаган-усун, то есть Белая река. И оградили берег реки оградой и назвали это Сибя, ибо подумывал он о вторжении Берка *казна*. И с этой поры стояли в Сибя татары и грузины от (времени) сбора урожая до весны. А весной удалялись на летнее становище.

Но случилось и такое, что вышеупомянутые дети *казновы*, отправленные к Уло – Тутар, Кули и Абага, *казн* Уло схватил и троих же казнил. И захватил страну их и все сокровища. И узнали об убиении владетеля своего домочадцы его, стоявшие в Греции и главным у которых был некий Ала-Темур, человек именитый, снялся он со скарбом (своим) и домочадцами и бежал в сторону Самцхе.

Узнавши о бегстве Ала-Темура, татары Уло *казна* приступили к погоне и настигли их. Те же повернули и схватились с ними и перебили множество людей Уло *казна*. И чтобы не продолжать далее слова, (скажем), что до вступления в Колайские горы двенадцать раз настигали их, и двенадцать раз Ала-Темур одолевал и прогонял их. И, таким образом, достигли Нижней Артани, деревни, которую называют Глинави. И там их встретил Мурван Гурклийский, сын Мухаджага, встретил идущего на охоту, и схватили его татары и чуть было не убили. Он же взмолился и обещал повести их в Залихье (Лихтимери) и представить их *казну* Берка. Они же поверили ему. Повел он их и впустил их в Самцхе, напустил в Гурклисчалу и так всех выдал. Отправили человека и уведомили Саргиса Тмогвели и Шалву – сына Боцо и всех месхов и воинов Саргиса Джакели собраться воедино и схватить Ала-Темура и сдать его Уло *казну*. И отправились, но об этом проведал Ала-Темур, снялся со всем скарбом своим и домочадцами, переправились через Куру и двинулись в сторону Джавахети. Прошел местечко Эласи под Ошори и прибыл в местность, именуемую Лердзави, ибо там предстал ему Тмогвели, увидя коего, он уклонился. Саргис и сын Боцо и их воинство преследовали их совместно, а за ними по пятам их верно преследовал Мурван Гурклели. И настиг их Гурклели с малым войском, ибо ни воины сына Боцо и Саргиса, ни Тмогвели не явились на помощь к Гурклели.

Схватились мощно, одолели татары и множество придворных *азнаутов* было перебито, и бежал Гурклели.

А Татары прошли Джавахети и Триалети и переправились через Куру у Рустави. И повсюду сталкивались войска татар и армян, повествовать о чем нет времени. Ала-Темур повсюду оставался победителем. И прошли Камбечани, Кахети, Эрети и повсюду с боями и удалились по пути Белаканскому, вторглись в Хундзети, ибо противостоял им царь хундзский, но победили снова татары и победно вернулись к Берка *казну*. И сотворили они столь дивные дела, что из тех татар, которые там остались, именовали *агнарами*, то есть старшими или старейшинами. Разгневанный этим Берка стал готовиться к выступлению. И эти татары соорудили ограду у реки и там зимуют они, как я уже говорил. <...>

В ту пору выступил по дороге Дарубандской великий *казн* Берка с несметным воинством мстить за дела Тутара, Балаги и Кули. Узнав об этом, *казн* Абага созвал воинов своих и царя Давида и двинулся навстречу. Но, узнав мощь и размеры войска Берка, не решился перейти Куру, но прошел по берегам и все проходы. Занял все высокие места и поставил воинов там, где сливаются Кура и Рахси – отсель и до Мцхеты.

Берка разорил земли Ширвана, Эрети, Кахети и все побережье Иори, и рать его дошла до Тпилиси, и истребили множество душ христианских. А *казн* Берка стал в горах Гареджийских. Тогда глянул Господь милостиво на страну и *казна* Абагу, вошел недуг в Берка, и помер он. Когда же воины его узнали о смерти *казна* своего, забрали тело его и прошли Ворота Дарубанда. Так утихомирилась страна сия. <...>».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 8

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.

Историческое сочинение, известное как «Великопольская хроника» представляет собой обширную компилятивную хронику, в которой имеется значительный новый материал по сравнению с трудами предшествующих авторов. Хронист Великой Польши довел свое повествование до 1273 г. Освещая события XIII в., он в основном использовал данные польских анналов. Как пишет издатель источника: «Хроника Великой Польши справедливо считается исключительным трудом, который возникла постепенно и потому отразил в себе две ступени развития исторической мысли XIII и второй половины XIV в., она – источник как периода феодальной раздробленности, так и дальнейшего этапа, связанного с единством страны времен Казимира Великого. Но, прежде всего, ее значимость велика потому, что история XIII в., написанная непосредственными очевидцами, заполняет лауну, образовавшуюся между хроникой Винцентия Кадлубка и сочинениями последующих столетий. Хронику можно по праву считать крупнейшим произведением средневековой польской историографии».

Источник и примечания цитируются по изданию: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Под ред. члена-корр. АН СССР В.Л.Янина. – М., 1987. – С.154–155, 235–236.

«Глава 71. О первых татарах, которые проникли в Польшу и Венгрию»

В году 1241 Батый, татарский хан, со своим войском – народом многочисленным и жестоким, пройдя Русь, вознамерился вторгнуться в Венгрию¹. Но, прежде чем он достиг венгерских границ, он направил часть своего войска против Польши. Они в день Пепла² опустошили и город, и Сандомирскую землю, не пощадив ни пола, ни возраста. Затем они через Вислицу пришли в Краков, подвергнув все опустошению³. Недалеко от Ополья их встретили князья [Владислав] опольский и [Болеслав] сандомирский и начали было с ними сражаться, но бежали, не имея возможности сопротивляться ни их многочисленности, ни воле Божьей. И, таким образом, упомянутая часть татарского войска, опустошив Серадз, Ленчицу и Куявию, дошла до Силезии. С ними Генрих, сын Генриха Бородатого, князь силезский, польский и краковский, со многими тысячами вооруженных [воинов] храбро встретился на поле у крепости Легница и, уповав на Божью помощь, уверенно с ними сразился. Но с соизволения Господа, который иногда допускает избиение и своих за их преступления, знаменитый вышеупомянутый князь Генрих вместе со многими тысячами несчастных людей пал на поле боя⁴. С ним вместе пал подобным образом князь Болеслав, прозванный Щепелка. Когда Батый, татарский князь, вторгся в Венгрию, ему преградили дорогу венгерские короли, братья Бела и Коломан⁵. Последние, потеряв в сражении большую часть своего войска, обратились в бегство. Так, Батый, опустошая Венгрию, жестоко убивая людей от мала до велика, не щадя ни пола, ни возраста, переправился через реку Дунай. Пробыл он в этом королевстве год или более, учинив жестокую резню в народе и нечестивое разорение городов⁶. <...>

Примечания

¹ Прежде чем вторгнуться в Венгрию хан Батый писал венгерскому королю и требовал подчинения. Король Бела IV, опасаясь нападения татар, отправлял многочисленные доминиканские и францисканские миссии для разведки (Fontes autentici itinera (1235–1238) fratres Juliani illustrantes / Ed. L. Bendefy // Archivum Europae Centro-Orientalis. Budapest, 1937. Т. III. P.1–47; История Венгрии. Т. I. С.147; Матузова В. Монгольское нашествие в свете политических взглядов Матвея Парижского // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С.189–190).

² Среда перед первым воскресеньем Великого поста.

³ Краков был razoren 22 марта 1241 г.

⁴ В битве под Легницей 9 апреля 1241 г. погиб со своим войском один из самых могущественных польских князей силезский князь Генрих Благочестивый. Но взять Легницу монголо-татарам не удалось (см.: Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С.286; Groblewski W. Skutki pierwszego najazdu tatarów na Polskę // Szkice legnickie. Wrocław, 1971. Т. VI. S.81–99).

⁵ Хронист допускает неточность, говоря о Коломане (Кальмане) как «городе венгров». Кальман (1208–1241) был королем Галича, а с 1226 г. – герцогом «всей Славонии». <...>

⁶ В битве при Шайо (апрель 1241 г.) Батый разбил 60-тысячное венгерско-хорватское войско. Монголо-татары взяли Пешт, razорили левобережную Венгрию, а также находившуюся под властью Венгрии Словакию. Покинули страну они лишь в марте 1242 г. (Rogerii Carmen miserabile // SRH / Ed. E.Szentpétery. Budapest, 1937. Т. II. P.569–571, 576–580; Бертенъ Й. Международное положение Венгрии после татарского нашествия // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С.315–319). <...>».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 9

Матфей Парижский. «Великая хроника» («Chronica majora»)

Матфей Парижский (ок. 1200–1259), автор «Великой хроники» («Chronica majora», «Historia major») – один из крупнейших и интереснейших хронистов английского средневековья. Как и для большинства средневековых авторов, источником сведений о нем являются его собственные сочинения. Многие в его биографии остаются неясным. Его прозвище «Парижский» объясняется то его французским происхождением, то тем, что он получил образование в Парижском университете.

Уникален и документальный материал хроники, почерпнутый Матфеем из королевского архива, куда он получил доступ как приближенный короля Генриха III (1234–1272). Многие папские и императорские послания (например, послание германского императора Фридриха II – фрагмент 6) содержатся только в «Великой хронике». Сочинение Матфея Парижского ценно тем, что в нем отразились многие современные хронисту события, среди них Лионский собор 1245 г.

Матфей был широко образован в области средневековой историографии. Ему были известны сочинения Беды, хроники Уильяма Мальмсберийского, Генриха из Хантингдона, Флорентия Вустерского, Гервасия Кентерберийского, Джеффри Монмутского и др. Он использовал анналы некоторых английских и французских монастырей. Матфей упоминает также сочинения Григория Турского, Пьера Ломбардского и Петра Коместора. Знаком он и с произведениями античных (римских) авторов: он неоднократно цитирует Вергилия, Горация, Овидия, Ювенала Лукана, Теренция, Сенеку и др.

Кроме «Великой хроники», Матфеем Парижским написаны «История англоv, или Малая хроника» («Historia anglorum, or Historia minor»), «Деяния аббатов Сент-Олбанского монастыря» («Gesta Abbatum Sancti Albani») и несколько агиографических сочинений.

Источник и комментарий цитируются по изданию: Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. – М., 1979. – С.107–171.

«ПЕРЕВОД

1

[1237]

[Послание кардиналам Германа II, патриарха константинопольского]¹

<...> Одно только добавлю и этим кончу, что, как явствует, существуют многие великие народы, которые веруют, как и мы, и с нами, греками, схожи во всем. Во-первых, те, что живут в ближней части Востока: эфиопы, затем сирийцы и прочие, еще более значительные и сильные, а именно: иберы², лазы³, аланы⁴, готы⁵, хазары⁵, неисчислимый народ Руси и победоносное королевство улгар⁶. И все они как будто послушны матери нашей [церкви], до сих пор пребывая неизменно в древней ортодоксии. <...>

2

[1238]

О тартарах, вырвавшихся из пределов своих [и] разоряющих северные земли

В эти дни посланы были к королю франков⁷ официальные послы от сарацин⁸, сообщающие и правдиво излагающие, в основном от имени Горного Старца⁹, что с северных гор устремилось некое племя человеческое, чудовищное и бесчеловечное, и заняло обширные и плодородные земли Востока, опустошило Великую Венгрию¹⁰ и с грозными посольствами разослало устрашающие послания. Их предводитель утверждает, что он – посланец всевышнего бога, [для того] чтобы усмирить [и подчинить]¹¹ народы, восставшие против него. А головы у них слишком большие и совсем не соразмерные туловищам. Питаются они сырым мясом, также и человеческим. Они отличные лучники. Через реки они переправляются в любом месте на переносных, сделанных из кожи, лодках. Они сильны телом, коренасты, безбожны, безжалостны. Язык их неведом ни одному из известных нам [народов]. Они владеют множеством крупного и мелкого скота и табунов коней. А кони у них чрезвычайно быстрые [и] могут трехдневный путь совершить за один [день]. Дабы не обращаться в бегство, они хорошо защищены доспехами спереди, [а] не сзади. У них очень жестокий предводитель по имени Каан¹². Полагают, что они, именуемые тартарами (от [названия] реки Тар¹³) [и] весьма многочисленные, обитая в северных краях, то ли с Каспийских гор, то ли с соседних [с ними], словно чума, обрушились на человечество, и хотя они выходили уже не раз, но в этом году буйствовали и безумствовали страшнее обыкновенного. Вот почему жители Готии¹⁴ и Фризии¹⁵, убоявшись их нашествия, не пришли в Англию, в Гернему¹⁶, как у них заведено, во время лова сельди, которой

они обычно нагружали свои суда. А поэтому сельдь в этом году в Англии из-за обилия [ее шла] почти за бесценок – также и в отдаленных от моря местностях до сорока или пятидесяти штук продавали за одну серебряную монету, хотя она и была самой отборной. И этот сарацинский вестник, облеченный полномочиями и знатного рода, прибывший к королю Галлии, которому было поручено от имени всего Востока возвестить об этом и который искал помощи у западных [стран], чтобы успешнее справиться с тартарской угрозой, со своей стороны направил к королю Англии¹⁷ одного сарацинского вестника, который явился, чтобы все это возвестить королю, и он сказал, что если они [сарацины] не смогут сдержатъ такой натиск, то останется только одно: они [татары] и западные страны разорят, как говорится у поэта: «Дело о скарбе твоём, стена коль горит у соседа»¹⁸. А потребовал этот вестник помощи, в такой момент нависшей над всеми ними опасности, [для того], чтобы сами сарацины, опираясь на помощь христиан, отразили их нападение. Ему остроумно ответил случайно тогда присутствовавший епископ Уинчестерский¹⁹, при этом осенив себя крестом: «Предоставим собакам²⁰ этим грызться между собой и полностью уничтожить друг друга. Когда же мы пойдем на оставшихся [в живых] врагов христовых, [то] уничтожим их и сметем с лица земли. Да подчинится весь мир единой католической церкви, и да будет един пастырь и едино стадо!»²¹ <...>

5

[1241]

Об ужасном разрушении, [причиненном] бесчеловечным племенем, называемым тартарами

В продолжение же этих дней племя это бесчеловечное и лютое, не ведающее законов, варварское и неукротимое, которое тартарами зовется, предавая безумным и неистовым набегам северные земли христиан ужасному опустошению, повергло всех христиан в безмерный страх и трепет. Вот уже и Фризию²², Гутию²³, Польшу, Богемию и обе Венгрии²⁴ в большей их части, после того, как правители, прелаты, горожане и крестьяне бежали или были убиты, неслыханной жестокостью как бы в пустыню превратили. Среди письменных свидетельств об этом событии, посланных в близлежащие края, сохранилось свидетельство в таких словах:

Послания о вышесказанном, направленные герцогу Брабантскому:

«Любезному и всегда высокочтимуому господину и тестю нашему, светлейшему владыке герцогу Брабантскому Г[енрих], божьей милостью граф Тюрингенский, палатин саксонский, [выражает] искреннее желание и готовность служить, на благо ему. Несчастья, издревле в Священном писании предреченные, по грехам нашим посланные, и поныне не иссякают и ширятся. Ведь некое племя жестокое, бесчисленное, незаконное и свирепое, вторглось в соседние с нами пределы и заняло [их] и уже до самой Польской земли дошло, многие другие земли пройдя и народы [их] истребив. О них как от собственных послов, так и от короля Богемии²⁵, любезного брата нашего, мы получили уведомление и [услышали] призыв, чтобы мы поспешно приготовились для подмоги ему и для защиты правоверных. Ведь доподлинно и досконально известно нам, что это племя тартарское намерено приблизительно через неделю после пасхи жестоко и стремительно вторгнуться в земли Богемии, и если не прийти ему вовремя на помощь [против них], они [татары] причинят неслыханное разорение. И, так как соседняя с нами стена уже занялась²⁶, и ближняя земля ждет опустошения и другие уже опустошаются, мы, взывая в тревоге и слезах, просим помощи и совета у бога и соседей, братьев наших, во имя вселенской церкви. И, поскольку промедление смерти подобно, все мы настойчиво просим вас [внять нам], чтобы взялись за оружие и поспешили нам на подмогу во имя как нашего, так и вашего избавления, скорее снарядив многочисленное войско, созвав не медля могучих и храбрых представителей знати с подвластными им людьми, чтобы пребывали они в состоянии готовности [к бою], когда мы снова направим к вам наших послов. Мы же через содействие прелатов наших, проповедников²⁷ и миноритов²⁸, возглашаем повсюду крестовый поход, ибо речь идет о царе распятом, назначаем молебны и посты и призываем к войне за Иисуса Христа все наши земли. К этому также прибавим, что большая часть этого гнусного народа с войском, [состоящим] из всех, к нему примкнувших, опустошают Венгрию с неслыханной жестокостью, да так, говорят, что король [ее]²⁹ с трудом сохранил ничтожную часть [своих владений]. И чтобы в немногих [словах] выразить многое, [скажу, что] церковь и народ северных стран настолько угнетены и подавлены всеми этими бедствиями, что такого никогда и никому не доводилось претерпевать от начала мира». Дано в год благодати 1241, в день, когда поют «Возрадуйся, Иерусалим!» Послания такого же [содержания] были направлены герцогом Брабантским парижскому епископу³⁰. Подобным же образом написал английскому королю³¹ архиепископ кельнский³².

Ведь из-за этого ужасного раздора, губительного для церкви, который возник между господином папой и государем императором³³ назначены были во многих краях посты и молебны с щедрой

раздачей милостыни, дабы господь, сжалившись над народом, низринул гордыню тартар, ибо он равно торжествует над врагами своими как с малыми, так и с великими [народами].

И вот, когда угроза бича господня нависла над народом, получив известие об этом, сказала мать короля франков³⁴, достопочтенная и любимая богом женщина, королева Бланкия³⁵: «Где ты, сын мой, король Лодовик?» А он, приблизившись, сказал: «Что с Вами, мать моя?» А она, глубоко вздохнув, зарыдала, но, будучи женщиной, она все же не по-женски осмыслила эту нависшую опасность и сказала: «Что же нам делать, сын мой возлюбленный, при столь страшных событиях, ужасный слух о которых прошел по земле нашей? Ныне неудержимое нашествие тартар грозит полным уничтожением всем нам и святой церкви». Услышав это, король со слезами, но не без божественного внушения ответил: «Да укрепит нас, мать моя, божественное утешение. Ибо если нападут [на нас] те, кого мы называем тартарами, то или мы ниспровергнем их в места тартарейские³⁶, откуда они пришли, или они сами всех нас отправят на небо». И [этим] как бы сказал: «Или мы отразим их [натиск], или, если случится нам быть побежденными, то мы отойдем к богу как истинные христиане или мученики». И эта речь, достойная упоминания и похвалы, воодушевила и вдохновила не только франкскую знать, но и жителей прилежащих пределов.

6

[1241]

Узнав об этом, государь император³⁷ христианским правителям, и прежде всего – английскому королю³⁸, написал в таких выражениях:

Послание императора о нашестве тартар³⁹

«Фридрих император и прочая приветствует короля Англии. Мы не можем умолчать о деле, которое особенно касается как Римской империи, чей долг – проповедовать Евангелие, так и всех королевств мира, исповедующих христианскую религию, [ибо] всему христианскому миру грозит всеобщее уничтожение. И хотя до нас правда об этом событии дошла совсем недавно, все же мы предложим ее вашему вниманию. Ведь не так давно с крайних пределов мира, из южной области, вышел народ, варварский по происхождению и образу жизни, который долго скрывался в выжженном солнцем поясе, в раскаленной пустыне, [и] который потом в северных краях, внезапно захватив [эти] районы, долго пребывал и множился, как саранча, и нам неизвестно, по месту или по происхождению называется [он] тартарами. Не без умысла божьего сохранился он до сего времени для порицания и исправления его [божьего] народа – о, если бы не для истребления всего христианского мира! Ведь нашествие принесло с собой всеобщее бедствие, опустошение всех королевств и гибель плодородной земли, по которой прошел народ нечестивый, не щадя [никого, невзирая на] пол, возраст или положение и намереваясь уничтожить весь род человеческий, считая себя единственными достойными править во всех землях, благодаря своей великой и безмерной силе и численности. И вот, убивая и грабя все, что ни попадалось им на глаза, и оставляя за собой всеобщее опустошение, упомянутые тартары (более того – выходцы из Тартара) пришли в обильно населенную местность куманов⁴⁰. И так как они не щадят своей жизни, а луки являются для них самым привычным оружием, наряду со стрелами и прочим метательным оружием, каким они постоянно пользуются (отчего и руки их сильнее, чем у других [людей]), [то] они наголову разбили [куманов]. А тех, кого не спасло бегство, сразил их кровавый меч. Но соседство [их] не особенно-то заставило рутенов⁴¹, живших неподалеку, быть начеку, чтобы, по крайней мере, обдумать, как защититься от непривычных набегов этого неведомого народа, которого они боятся, как огня. Ибо они нападают внезапно, чтобы грабить и истреблять. От внезапных набегов и под натиском этого варварского народа, который, словно гнев божий и молния, стремительно обрушивается, пал крупнейший из городов этого королевства Клева⁴², и все это знаменитое королевство после того, как жители его были уничтожены, предано было опустошению. Что должно было послужить знаком для соседнего [с ними] Венгерского королевства», чтобы вооружаться и возводить укрепления, [но оно] безмятежно пренебрегло этим. Их король⁴³, ленивый и чрезвычайно беспечный, у которого тартары требовали через вестников и послания, чтобы он, если жаждет жизни для себя и своих [подданных], поспешил снискать их расположение передачей [в их руки] себя и своего королевства, даже и такой испуганный и настороженный этим, не подал примера ни своим, ни чужим в том, чтобы со своими подданными начать тщательнейшим образом готовиться к обороне и защите от [их] набегов. Но пока они, презирая врагов из надменности или по неведению, мирно спали по соседству с недругом, доверившись природным укреплениям⁴⁴, те, ворвавшись, словно вихрь, их внезапно окружили. А венгры, неожиданно окруженные и разбитые, ибо были не подготовлены, прилагали все силы, чтобы выступить им навстречу. И [когда] расстояние примерно в пять миль⁴⁵ отделяло тартарское войско от венгерского⁴⁶, тартарские передовые [отряды] стреми-

тельно ворвались в рассветном полумраке, и, быстро окружив венгерские укрепления и убив сначала прелатов и уничтожив всю знать, которая выступила против них, погубил вражеский народ великое множество венгров, учинив неслыханное побоище, – едва ли припомнится с древнейших времен какоу-не сражение, подобное этому⁴⁷. А король бежал, едва спасшись от гибели, на самом быстром скаку-не. Он, в сопровождении немногих спутников, поспешил в доставшееся его брату Иллирийское королевство⁴⁸, чтобы там, по крайней мере, найти убежище. А победители, ликуя, захватили укрепления и военную добычу побежденных. Вот уже и большую и плодороднейшую часть Венгрии за рекой Дунаем они жестоко опустошают огнем и мечом и, жителей ее [уничтожая], дерзко угрожают смести остальное, о чем мы узнали от ватиенского епископа⁴⁹, посла упомянутого короля Венгрии, направленного к нашему престолу, а затем – к римскому. Он, проезжая сначала через наши владения, дал свидетельство того, что видел, и в высшей степени истинно свидетельство его⁵⁰. Равным образом мы очень подробно узнаем об этом из посланий возлюбленного сына нашего Конрада⁵¹, избранного королем римским, наследника августейшего [императора] и Иерусалимского королевства навечно, и от короля Богемии⁵² и от герцогов Австрии⁵³ и Баварии⁵⁴, а также со слов [их] вестников, на опыте убедившихся в близости врагов. И мы вняли [этим сообщениям] не без великого душевного волнения. Действительно, как стало известно и [как] гласит опережающая события молва, неизмеримое войско их продвигается, разделившись на три горе несущие части, ибо господь потворствует их пагубным замыслам. Ведь одна [часть была] послана против пруктенов⁵⁵ и вошла в Польшу; повелитель той земли пал от учиненного ими побоища⁵⁶, а потом и все то королевство было ими разорено. Вторая [часть] вторглась в пределы Богемии и была остановлена благодаря мужественному отпору, оказанному им королем этой страны. Третья [часть] промчалась по Венгрии, подступив к границам Австрии. Поэтому страх и трепет, порожденные безумными зверствами вторгнувшегося врага, побуждают к действиям отдельных [владык], сама необходимость, которой усиливает непосредственная опасность, требует выступить против них и зовет всех влиятельней земных, и прежде всего – христианского мира, спешно объединить общие усилия [в борьбе с ними]. Ведь народ этот дик и не ведает человечности и законов. Однако он имеет повелителя⁵⁷, за которым следует, которому послушно повинуются и [которого] почитает и величает богом на земле. Что касается роста, то люди они низкорослые, но крепкие, коренастые и кряжистые. Они жилисты, сильны и отважны и устремляются по знаку своего предводителя на любые рискованные дела. У них широкие лица, косой взгляд; они издают ужасные крики, созвучные [их] сердцам. Одеты они в невыделанные воловьи, ослиные или конские шкуры. Доспехи у них [сделаны] из нашитых [на кожу] железных пластин; ими они пользуются до сего времени. Но, о чем не без сожаления можем сказать, теперь-то они вооружились награбленным у побежденных христиан оружием, лучшим и более красивым, дабы, [по замыслу] разгневанного бога, мы были преданы более позорной и страшной смерти [нашим] собственным оружием. Кроме того, [теперь] они владеют лучшими конями, вкушают изысканнейшие яства, наряжаются в красивейшие одежды. Эти тартары, несравненные лучники, возят [с собой] сделанные из кожи пузыри, на которых спокойно переправляются через озера и быстротечные реки. Говорят, что если не хватает пищи, кони их, которых они ведут с собой, довольствуются древесной корой и листьями и корнями трав; и все же в нужный момент они всегда оказываются чрезвычайно быстрыми и выносливыми. Мы же все это, насколько могли, предвидели и часто предуведомляли в посланиях и через вестников Ваше королевское величество, равно как и других христианских правителей, серьезно советовали и требовали от Вас, чтобы процветала среди тех, кто восседает на тронах, единая воля, любовь и мир, чтобы утихли распри, которые довольно часто причиняют вред государству Христа, [и чтобы они] живее поднимались в согласии против той опасности, которая недавно возникла, так как ожидаемая стрела ранит менее опасно, и чтобы общие враги, готовясь в путь, не радовались, что среди христианских правителей процветают такие раздоры. О боже! Как и сколько раз желали мы унизиться, всячески изыскивая добрую волю [к этому, только] чтобы папа римский⁵⁸ прекратил распространяемое по всему миру поношение нас по причине его неприязни к нам и обуздал свой неразумный гнев, чтобы мы могли умиротворить наших законных подданных и управлять ими в состоянии мира, [а] не защищал бы тех, кто выступает против нашего авторитета, немалая часть которых до сих пор находит ласку и защиту с его стороны. Так, когда бы мы мирно уладили дела и усмирили наших восставших подданных, в борьбе с которыми мы потратили огромные денежные суммы и истощили человеческие силы, мощь наша еще возросла бы и усилилась в сопротивлении общему врагу. Но, поскольку собственная его воля была для него законом и он не сдерживал безудержный поток [своей] речи и не считал нужным воздержаться от бесчисленных попыток к раздорам, то он к радости мятежников, тяжко злоумышляющих против чести и славы нашей, через своих легатов и нунциев приказал возгласить против меня, правой руки и защитника церкви, крестовый

поход, который следовало бы начать против тирании тартар или сарацин, вторгшихся в Святую землю и захвативших ее. А так как наше самое неотложное дело – освободиться от внутренних врагов, то как отразить нам и варваров? Ибо через лазутчиков своих, которых они повсюду высылают вперед, они, хотя и не направляемые божественным законом, но все же сведущие в военном искусстве, узнали об общественном разномыслии и о беззащитности и ослабленности земель; и, услышав о раздоре королей и распрях между королевствами, они еще более воодушевляются и поднимаются. О, сколько сил придает радостное воодушевление! Итак, имея в виду и то, и другое, мы, с божьей помощью, приложим силы и энергию, дабы отразить опасность, грозящую церкви как со стороны внутренних врагов, так и со стороны варваров. Мы решительно повелели возлюбленному сыну нашему Конраду и другим знатным людям нашей империи всеми силами препятствовать мощному вторжению врагов-варваров. Также и Вашу светлость во имя общего дела творцом веры нашей христианской, господом нашим Иисусом Христом от всей души умоляем как можно скорее подготовить действенную помощь, постоянно размышляя и заботясь о себе и своем королевстве, которое да сохранит бог в состоянии процветания. Мы требуем этого во имя пролитой крови Христа и родственного союза, связующего нас⁵⁹. И пусть они присоединятся к нам, чтобы стойко и мужественно сражаться за освобождение христианского мира и [в борьбе против] врагов, уже готовых вторгнуться в пределы Германии, словно во врата христианского мира, совместными силами обрести заслуженную победу во славу войска господня. Да не пройдет это незамеченным Вами и да не покажется подлежащим отсрочке. Ведь если, не дай боже, они вторгнутся в пределы Германии и не встретят у входа преград и препятствий, то остальные ворвутся внезапно, [как] молния грозы, которая, мы убеждены, разразилась по слову божьему, ибо мир запятнан разными позорными делами и охладела любовь во многих⁶⁰, кем должна бы проповедоваться и упрочиваться вера, и по гибельному их примеру мир запятнан суею и разного рода симонией и тщеславием. И пусть Ваше величество позаботится, пока общие враги бесчинствуют в соседних краях, чтобы как можно скорее оказать им сопротивление Вашими силами; ибо из земель своих они движутся с тем намерением, чтобы, невзирая на [грозящие] жизни опасности, подчинить себе весь Запад, упаси, господи, и веру в имя Христа погубить и уничтожить. И из-за неожиданной победы, которая им с соизволения божьего до сих пор сопутствовала, они дошли до такого невероятного безумия, что уже мнят, [будто] королевства мира принадлежат им и что королей и владык, подчиненных презренной их власти, они попирают и унижают. Уповаем же только на господина Иисуса Христа, с чьим именем мы до сих пор торжествуем, свободные от врагов наших, чтобы и они, которые вырвались из мест Тартарейских, потеряв свою гордыню, испытав на себе силы Запада, выступившего против них, были бы сброшены в свой Тартар. И не будут они гордиться, что прошли безнаказанно столь многие провинции, одолели столь многие народы, совершили столь многие злодеяния, когда непредвиденный жребий, вернее – сам Сатана, увлечет их, обреченных на смерть пред победоносными знаменами могучей Европейской империи, как только Германия, поднявшись бурно и пылко на войну, родоначальница и питомица отважного рыцарства Франция, воинственная и смелая Испания, славная мужами и оснащенная флотом богатая Англия, избилующая неутомимыми бойцами Алеманния⁶¹, морская Дания, неукротимая Италия, не ведающая мира Бургундия, беспокойная Апулия с пиратскими и непобедимыми островами в морях Греческом⁶², Адриатическом и Тирренском, Крит, Кипр, Сицилия с островами и землями, прилежащими к океану, кровавая Гиберния⁶³ с бодрым Уэлсом озерная Шотландия, ледовая Норвегия и прочие знаменитые и славные на западе расположенные королевства [создадут] свое отборное войско, возглавляемое хоругвью с животворящим крестом, которого страшатся не только мятежные народы, но и восставшие демоны. Дано на обратном пути после взятия и разорения Фавенции⁶⁴, в третий день июля. <...>

8

[1243]

Одно весьма страшное послание, направленное архиепископу Бордоскому⁶⁵

В те же дни следующее послание, переданное архиепископу Бордоскому⁶⁶ и разосланное многим христианским государям, во многом созвучное посланию императора об ужасном разорении, [причиненном] бесчеловечным народом, который называется тартарами⁶⁷ (но в нем [послании. – В.М.] таттарами или татарами именуется), многих, даже невозмутимых людей повергло в великий страх.

«Гиральда, милостью божией архиепископа Бордоского, приветствует Ивон, рекомый Нарбоннский, некогда [один] из недостойнейших его служителей... [В начале послания Ивон кается в своих грехах, истолковывая татарское нашествие как божественную кару.] Я потому сказал об этом, что некое племя огромное, люди бесчеловечные, закон которых – беззаконие, гнев – ярость, бич гнева господня, безграничные земли проходя, жестоко [их] разоряет, яростно снося все преграды огнем и

мечом. Этим именно летом сей упомянутый народ, называемый таттарами, вступив в Паннонию, которую захватил без сопротивления, бесчисленным войском жестоко осадил тот город⁶⁸, в котором мне тогда случилось быть. И было в нем из многих воинов всего пятьдесят человек, которых с двадцатью арбалетчиками⁶⁹ герцог⁷⁰ оставил для охраны. Все они, завидев войско с одного возвышенного [укрепления], содрогнулись перед нечеловеческой жестокостью спутников Антихриста, и слышался им возносящийся к богу христианскому горестный плач [всех тех], которые без разницы положения, состояния, пола и возраста равно погибли разною смертью, врасплох застигнутые в прилегающей [к городу] местности. Их трупами вожди со своими и прочими лотофагами, словно хлебом питались, [и] оставили они коршунам одни кости. Но что удивительно – голодные и ненасытные коршуны побрезговали тем, чтобы доесть случайно оставшиеся куски плоти. А женщин старых и безобразных они отдавали, как дневной паек, на съедение так называемым людоедам; красивых не поедали, но громко вопящих и кричащих толпами до смерти насиловали. Девушек тоже замучивали до смерти, а потом, отрезав им груди, которые оставляли как лакомство для военачальников, сами с удовольствием поедали их тела. И когда лазутчики увидели с вершины одного горного отрога герцога австрийского с королем Богемии⁷¹, патриархом Аквилейским⁷², герцогом Каринтии⁷³ и, как говорили, маркграфом Баденским⁷⁴ и с огромными силами соседних держав и уже построенными в боевой порядок, все это нечестивое войско тут же исчезло и все эти всадники вернулись в несчастную Венгрию. Они отступили так [же] стремительно, как и нагрянули; вот почему они внушили тем больший страх всем, видевшим это. Из числа бежавших правитель Далмации⁷⁵ захватил восьмерых, один из которых, как узнал герцог австрийский, был англичанин, из-за какого-то преступления осужденный на вечное изгнание из Англии. Он от лица презреннейшего короля татарского дважды приходил к королю Венгрии⁷⁶ [как] посол и толмач и угрожал, предварительно приведя достаточно примеров, злодеяниями, которые они учинят, если он не отдаст себя и королевство свое в рабство таттарам. Когда же его наши государи заставили говорить правду о таттарах, он, как кажется, ничего не утаил, но приводил такие сведения, что можно было поверить и в самого дьявола. *[Далее следует рассказ англичанина о его злоключениях после изгнания из Англии.]* Его же, захваченного лазутчиками, таттары увели с собой; и после того, как они получили ответ⁷⁷, что обретут господство над всем миром, склонили [его] на верность и служение себе многими дарами по той причине, что нуждались в толмачах. [Говоря] о нравах их и верованиях, о телосложении их и росте, о родине и о том, как они сражаются, он клятвенно заверил, что они превосходят всех людей жадностью, злобой, хитростью и бессердечием; но из-за строгости наказания и жестокости кар, назначаемых их властителями, они удерживаются от ссор и от взаимных злодеяний и лжи. Родоначальников своих племен они называют богами и в установленное время устраивают торжественные празднества в их честь; и многие [из празднеств] местные, но лишь четыре общих. И они убеждены, что только ради них одних все было создано. Проявление жестокости по отношению к оказывающим сопротивление они вовсе не считают грехом. А грудь у них крепкая и могучая, лица худые и бледные, плечи твердые и прямые, носы расплюснутые и короткие, подбородки острые и выдающиеся вперед, верхняя челюсть маленькая и глубоко сидящая, зубы длинные и редкие, разрез глаз идет от висков до самой переносицы, зрачки бегающие и черные, взгляд косой и угрюмый, конечности костистые и жилистые, голени же толсты, но, [хотя] берцовые кости короче, [чем у нас], все же они одинакового с нами роста, ибо то, чего недостает в берцовых костях, восполняется в верхних частях тела. Родина их, земля некогда пустынная и огромной протяженности, [лежит] далеко за всеми халдеями, откуда они львов, медведей и прочих хищников изгнали при помощи луков и другого оружия. Из их кож они изготавливают себе, хотя и легкие, но все же непробиваемые доспехи. Они привычны не к очень рослым, но очень выносливым коням, довольствующимся небольшим количеством корма, на которых сидят, крепко к ним привязавшись; они без усталости и храбро сражаются копьями, палицами, секирами и мечами, но предпочтение отдают лукам и метко, с большим искусством из них стреляют. Поскольку со спины они защищены хуже, чтобы не обращаться в бегство, то отступают под ударом лишь тогда, когда увидят, что знамя их вождя движется вспять. В случае поражения они не молят о пощаде, а побежденных не щадят. Они все, как один человек, настойчиво стремятся и жаждут подчинить весь мир своему господству. Их, однако, насчитывается не более тысячи тысяч. Приспешники же [их] числом шестьсот тысяч, когда они [их] посылают с целью подготовки места для привала войска, мчась верхом на скакунах, за одну ночь покрывают расстояние трех дневных переходов. Внезапно рассеиваясь по всем землям, захватывая всех людей, невооруженных, беззащитных и разобщенных, они производят такое разрушение, что король или вождь захваченной земли не найдет, кого собрать и выслать против них. Они вероломно нападают в мирное время на народы и вождей

[этих] стран по причине, которая вовсе не является причиной. Они измышляют, что покидают родину то для того, чтобы перенести к себе царей-волхвов⁷⁸, чьими мощами славится Кельн; то, чтобы положить предел жадности и гордыне римлян, которые в древности их угнетали; то, чтобы покорить только варварские и гиперборейские народы; то из страха перед тевтонами⁷⁹, дабы смирить их; то, чтобы научиться у галлов военному делу; то, чтобы захватить плодородные земли, которые могут прокормить их множество; то из-за паломничества к святому Якову, конечный пункт которого – Галисия. Из-за этих вымыслов некоторые из доверчивых королей, заключив с ними союз, разрешали им свободно проходить по своим землям, но все равно погибли, так как они союзы не соблюдают.

9

[1244]

*Это сказал Петр, архиепископ Руссии,
бежавший от тартар, когда его спросили об их жизни⁸⁰*

И пока этот роковой жребий надвигался на мир, некий архиепископ из Руссии, по имени Петр, муж, как можно было судить, честный, набожный и достойный доверия, изгнанный тартарами, бежал из своего королевства и спасся, переправившись в области по эту сторону Альп, чтобы для архиепископства своего получить совет и помощь и от братьев своих утешение, если помогут ему, по велению божьему, Римская церковь и милостивая благосклонность [здешних] правителей. Когда же его спросили, насколько осведомлен он о деяниях этих тартар, вопрошающим ответил так:

«Я думаю, что они были последними из мадианитов, бежавших от лица Гедсона до самых отдаленных областей востока и севера и осевших в месте ужасном и в пустыне необитаемой, что Этревом называется. И было у них двенадцать вождей, главного из которых звали Тартаркан. От него и они названы тартарами, хотя некоторые говорят, что они названы от Тарахонта. От него же произошел Чиартхан, имевший троих сыновей. Имя перворожденного – Тесиркан, второго – Чурикам, третьего – Бататаркан. Они, хотя и были взращены в горах высочайших и почти недоступных, грубые, не признающие закона и дикие и воспитанные в пещерах и логовах львов и драконов, которых они изгнали, все же были подвержены соблазнам. И вот вышли отец и сыновья с бесчисленными полчищами, по-своему вооруженными, и некий величайший город, название которого Эрнак, осадив, захватили его и владыку этого города, которого сразу убили, а Курцевсу, его племянника, бежавшего, преследовали по многим провинциям, опустошая все провинции, которые давали ему убежище. Среди них в большей части опустошена Руссия вот уже двадцать шесть лет. По смерти же отца трое братьев отделились друг от друга. И в течение долгого времени, став пастухами стад, которые захватывали всех соседних [им] пастухов, или убили, победив, или себе покорили. Итак, став многочисленными и более сильными, избирая из своего числа вождей, они стремительно нападали на самые отдаленные места и покоряли себе города, побеждая их жителей. Тесиркан пошел против вавилонян, Чурикан – против тюрков, Бататаркан остался в Орнаке и послал вождей своих против Руссии, Польши и Венгрии и многих других королевств. И эти трое со своими многочисленнейшими полчищами замышляют напасть на соседние части Сирии. И уже прошло, как говорят, тридцать четыре года с тех пор, как впервые вышли они из пустыни Этрев».

Когда его спросили о вероисповедании [их], он ответил, что они веруют в единого владыку мира, и когда отправили посольство к рутенам, поручили [сказать] такие слова: «Бог и сын его – на небе, Чиархан – на земле».

Об образе жизни [их] сказал: «Они едят мясо лошадей, собак и других презираемых [обычно] животных, также, в крайних случаях, человеческое, однако не сырое, а вареное. Пьют кровь, воду и молоко. Они сурово наказывают за преступления, прелюбодеяния, воровство, ложь и убийства, – смертной казнью. Многоженства не осуждают, [и] каждый имеет одну или много жен. Они не позволяют чужестранцам ни жить вместе с собой, ни вести торговые дела, ни участвовать в советах. Они разбивают лагерь обособленно, и если кто чужой замыслит проникнуть в них, того тотчас убивают».

Об обрядах же и верованиях их сказал: «Повсюду утром они воздевают руки к небу, поклоняясь творцу. Вкушая, первый кусок подбрасывают в воздух; [приступая к] питью, сначала часть [жидкости] выливают в землю, поклоняясь творцу. И говорят они, что предводитель их – святой Иоанн Креститель. В новолуние они устраивают шумные празднества. Они сильнее и подвижнее нас и способнее переносить трудности; точно так же и кони их и скот. Женщины [их] – прекрасные воины и особенно лучницы. Доспехи у них из кожи, почти непробиваемые; наступательное оружие [сделано] из железа и напоено ядом. Есть у них многочисленные устройства, метко и мощно бьющие. Спят они под открытым небом, не обращая внимания на суровость климата. Они вобрали в себя

уже многих от всех народов и племен. А намерены они подчинить себе весь мир, и было им божественное откровение, что должны они разорить весь мир за тридцать девять лет. И утверждают они, что [как] некогда божественная кара потопом очистила мир, так и теперь всеобщим избиением людей, которое они произведут, мир будет очищен. Они полагают и говорят, что будет у них суровая схватка с римлянами, ибо они называют всех латинян римлянами, и они боятся чудес, [так как веруют, что] приговор о будущем возмездии может меняться. Если они победят, то утверждают, что воистину будут властвовать [над] всем миром. Они довольно хорошо соблюдают договоры [с теми], кто сразу им сдается и обращается в невольника; они берут себе из них отборных воинов, которых всегда в сражениях выставляют вперед. Разных ремесленников они точно так же оставляют себе. Из восстающих против них или презирающих их ярмо они не щадят никого, как и тех, кто их ожидает. Послов они благосклонно принимают, расспрашивают и отпускают».

В конце же, когда его спросили о переправе через моря и реки, сказал, что реки они переплывают на конях и пузырях, для этого приготовленных. И что в трех местах готовят они суда на море. Сказал также, что некто из тартар, по имени Калаладин, зять Чиркана, бежал в Руссию, ибо был уличен во лжи. Его [лишь] благодаря его жене пощадили старейшины тартарские, [а] не убили его. <...>

16

№ 61. [Донесение о татарах, сообщенное в Лионе⁸¹, доминиканцем Андре⁸². 1245 г.]

[...] Кроме того, брат Андреас и еще один проповедник недавно прибыли в Лугдун; один из них был послан два года тому назад господином папой к царю тартарскому. И брат тот на расстоянии сорока пяти дневных переходов за Аконом нашел некое войско тартарское, в котором было около трехсот тысяч всадников из числа самих тартар, не считая пленников, обложенных данью, от многих народов. И это войско [находилось в авангарде ?] войска великого царя, [отстоявшего от него] на расстоянии пяти месяцев пути. Появился же в этом войске некто по всем делам и облику и вере ревностный католик, из тех, кого называют монахами, и который получил от царя такую власть, что прежде, чем какое-либо царство должно быть завоевано, он просит [уберечь] то, что мирно, и защищает церкви и возводит и восстанавливает разрушенные; он берет под свое покровительство всех верующих людей и всех христиан, которые отдают себя под власть этого царя. Ибо царь тартарский стремится только к господству надо всеми, а также к монархии всего мира и не жаждет ничьей смерти, но каждому позволяет пребывать в своей вере после того, как подчинит себе, и никого не заставляет обращаться в чуждую ему веру.

О религии их

Также брат, которого спросили о религии их, ответил, что они верят, что есть один бог, и имеют свои обряды, которые всеми должны соблюдаться под угрозой наказания. Государством своим они управляют справедливейшим образом. Ведь если кого-либо, пренебрегшего своими женами и служанками, они застают с женой или служанкой или дочерью другого, или уличат во лжи, безо всякой жалости предадут того смерти.

О мощи их

Также мощь их такова, что они уже подчинили себе почти всю Восточную Азию, находясь на расстоянии всего двух дневных переходов от Антиохии⁸³, и вторглись бы уже и в нее, если бы упомянутый монах не удержал их. Но ныне он более не может их удерживать. И прошло двадцать пять лет с тех пор, как они изгнали хоразминов⁸⁴ из земли их, а они (хоразмины. – В.М.) одержали победу над христианами в Святой земле⁸⁵, и поэтому они (татары. – В.М.) насмеяются над ними (христианами. – В.М.), что они осмеливаются выступить против могущественнейшего царя тартарского. И среди прочих царств он покорил себе некоего султана Иконии⁸⁶, земля которого гораздо обширнее всех царств по сию сторону гор; и каждый день он посылает ему в качестве дани тысячу золотых перперов⁸⁷ и одного квирита в услужение. Вооружение у них легкое и [сделано] из кожи. Баллистами они не пользуются, но зато они – отличные лучники. Пища их довольно скромна; ибо вяленое и высушенное мясо лошадей и тому подобных животных они измельчают в порошок и растворяют порошок в воде, или в кобыльем молоке и пьют, и так насыщаются.

О происхождении царя тартарского

Также тот брат сказал, что царь их – сын христианки. Ибо отец его, когда покорил себе всю Индию и того, кто называется пресвитером Иоанном⁸⁸ (имя, которое дается всем царям Индии), убил, то взял в жены его дочь, а от нее родился тот царь, что ныне правит у тартар. И по настоянию этой женщины и был приведен к царю тартарскому упомянутый монах. Ибо он был ранее с упомянутым пресвитером Иоанном. И когда царь тартарский понял, что он – святой человек и дает доб-

рые советы, он оставил его и передал ему указанную власть. Этот монах послал господину папе⁸⁹ через упомянутого брата в дар посох из слоновой кости и написал ему и Фридриху, что он любит их, [но] осуждает за то, что, будучи главами церкви, они находятся во взаимной вражде, не обращая внимания на то, что могущественнейший царь тартарский вот-вот выступит против них, а мощи его не сможет противостоять и весь христианский мир.

Также об упомянутом брате

Упомянутый брат рассказал многое другое, что перешло бы границы достоверного, если бы его авторитет не являлся подтверждением истинности сказанного. Знает он также арабский и халдейский языки, и от него не могло утаиться ничего из того, о чем они говорили. И был он с упомянутым монахом в течение двадцати дней, и монах оказал ему великие почести и послал гонца своего с ним к господину папе.

Также дядя этого царя тартарского стоит во главе того войска, которое напало на Венгерское королевство⁹⁰. Я слышал также от одного брата, что папа написал епископу Осанскому (?), что вскоре будет избран новый царь, лучше, чем тот, который умер. <...>

Комментарий

¹ Константинопольский патриарх Герман II (1222–1240) неоднократно обращался к папе римскому, Григорию IX с предложением об унии греческой и латинской церквей, мотивируя это тем, что латиняне и греки, связанные единством веры, должны объединиться для борьбы с врагами церкви. В 1232 г. он пишет послание по повелению василевса Иоанна III Дуки Ватаца (1222–1254). Греческий текст послания не издан. Изложение его см. в кн.: *Laurant V. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople*, t.1 (4). Paris, 1971, № 1257, p.65–68. В заключительной части послания Герман II перечисляет народы, находящиеся под властью греческой церкви. Среди них – «неисчислимый народ Руси». В латинском переводе послания, приводимом Матфеем Парижским под 1237 г., среди упоминаемых в оригинале народов отсутствуют «авсги» (т.е. абхазцы).

² Иберы – одно из кавказских племен.

³ Лазы – одно из кавказских племен, коренное население юго-восточного побережья Черного моря.

⁴ Аланы. О христианстве у аланов (асов), предков современных осетин, см: *Кулаковский. Ю.А. Христианство у Алан*. ВВ, СПб., 1898, № 1, с. 1–18.

⁵ Готы, хазары – речь идет, видимо, о готах и хазарах, живущих в Кассарии (Крым). Об их вероисповедании см.: *Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды*. Киев, 1906.

⁶ Королевство улгар – Болгария. Возможно, это намек на победу у Клокотницы, одержанную весной 1230 г. царем Иваном Асенем II (1218–1241) над императором Феодором Ангелом (1224–1230). Полагают, что послание Германа II было написано вскоре после этого события.

⁷ Король франков – Людовик IX Святой (1226–1270), французский король из династии Капетингов.

⁸ Сарацинами в эпоху средневековья называли все мусульманские народы.

⁹ Горный Старец. В «Путешествии Марко Поло» есть описание некоей страны Мулект (*Mulecte, Mulcete, Mulette, Melete, Mulete, Milicie, Mulehet*), в которой жил горный старец по имени Ала ад-Дин. В комментарии, составленном В.В.Бартольд, читаем, что Ала ад-Дин (убит в 1255 г.) был главой секты исмаилитов, или асасинов; ему наследовал его сын Рукн ад-Дин, свавшийся в 1256 г. монголам. Главные замки асасинов находились в Кухистане и в особенности в горах к югу от Мазандерана (*Минаев И.П. Путешествие Марко Поло*. Ред. В.В.Бартольд. СПб., 1902, с.57). Д.Сондерс полагает, что посланцы от «Горного Старца» могли быть из северной Персии или из Сирии (*Saunders J.J. Matthew Paris and the Mongols. Essays in Medieval History, presented to V.Wilkinson. Toronto, 1969, p.120*); под «северными горами» тогда следует понимать – Кавказ (*ibid.*, p.121). Образ Горного Старца, быть может, заимствованный из сочинения Марко Поло, сохранился в одном из вариантов старофранцузской поэмы «Семь римских мудрецов» (ок.1300 г.) (*Runte H.R. A Forgiven Old French Version of the Old Man of the Mountain. – Speculum, Cambridge, Mass., 1974, v. XLIX, p.544*).

¹⁰ В XIII в. с Великой Венгрией отождествлялась Башкирия. Подробнее см. комм. 114 к «Великому сочинению» Роджера Бэкона

¹¹ ad e[do]mandas – букв.: чтобы укротить.

¹² В данном случае титул «хан» воспринят автором хроники как имя собственное, Г.Люард предположил, что здесь имеется в виду Бату (*Matthei Parisiensis Chronica Majora, vol. III. London, 1876, p.488*).

¹³ Это одна из попыток дать этимологическое истолкование этнониму «татары». Матфей Парижский производит его от названия легендарной реки Тар (или Тартар), хотя позднее всеми принятой стала этимология, основанная на каламбуре французского короля Людовика IX, назвавшего татар «выходцами из Тартара» (ада) (*Voegelin E. The Mongol Orders of Submission to the European Powers, 1245–1255. – Byzantium, Boston, 1941, vol.15, p.406; Saunders J.J. Op.cit., p.124*). На самом деле, надо полагать, в основе лежит китайское «тата» понятие, относящееся к северным от Китая племенам (*Saunders J.J. Op. cit., p.124*). Самоназвание кочевников «монголь» впервые появляется у Плано-Карпини, и с этого времени этнонимы «татары» и «монголь» становятся взаимозаменяемыми в латинской литературе средневековья.

- ¹⁴ Готия – остров Готланд.
- ¹⁵ Фризия – это название относилось в Средние века к Нидерландам (*Saunders J.J. Op. cit., p.118*).
- ¹⁶ Гернему – Ярмут.
- ¹⁷ Король Англии – Генрих III (1234–1272).
- ¹⁸ Гораций Флакк Квинт (65–8 гг. до н.э.). Послание XVIII, 84 (пер.Н.С.Гинцбурга). Цитируется по изданию: *Гораций Флакк Квинт*. Полное собрание сочинений. Пер. под ред. Ф.А.Петровского. М.-Л., 1936, с.318).
- ¹⁹ Епископ Уинчестерский – Пьер де Рош. (Petrus de Rupibus) (1205–1238) (*Handbook of British Chronology*, ed. F.M.Powicke. London, 1961. p.258).
- ²⁰ С.Томашевский усматривал в этом игру слов: canes – собаки, can – хан (*Томашевский С. Предтеча Исидора Петро Акерович, незнаний митрополит русский (1241–1245)*. – *Analecta ordinis s. Basilii Magni*. Записки чина св. Василия Великого, Жовква, 1927, т. II. вып.3–4, с.244).
- ²¹ Еванг. от Иоанна, X, 16.
- ²² См. комм. 15.
- ²³ Гутия – Готия. См. комм.14.
- ²⁴ Средневековые авторы различают Великую (в Поволжье) и Малую (в Паннонии) Венгрию.
- ²⁵ Король Богемии Вацлав I (1240–1253).
- ²⁶ См. комм. 18.
- ²⁷ Проповедники – монахи-доминиканцы.
- ²⁸ Минориты – монахи-францисканцы.
- ²⁹ Король венгерский – Бела IV (1235–1270).
- ³⁰ Парижский епископ Гильом III Овернский.
- ³¹ Английский король – Генрих II.
- ³² Архиепископ кельнский – Конрад Гогенштадский.
- ³³ Имеется в виду церковно-политический конфликт между папой римским Григорием IX (1227–1241) и германским императором Фридрихом II Гогенштауфеном (1212–1250).
- ³⁴ Король франков – Людовик IX Святой.
- ³⁵ Королева Бланкия – Бланка Кастильская (1188–1252), жена Людовика VIII Льва, короля Франции.
- ³⁶ Полагают, что именно эти слова породили толкование этнонима «татары» как «выходцы из Тартара».
- ³⁷ Германский император Фридрих II Гогенштауфен.
- ³⁸ Английский король Генрих III.
- ³⁹ Послание Фридриха II Генриху III сохранилось только в составе «Великой хроники» Матфея Парижского.
- ⁴⁰ Куманы – половцы. См. комм. 59 к «Великому сочинению» Роджера Бэкона.
- ⁴¹ Рутены – русские.
- ⁴² Клева – Киев; Киев был взят 6 декабря 1240 г. <...> Плано-Карпини пишет о том, что татары «осадили Киев, который был столицей Руси, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города» (*Карпини – Рубрук*, с.45) (см. [Путешествия, 1957]. – *Прим. ред.*).
- ⁴³ Венгерский король Бела IV.
- ⁴⁴ Видимо, подразумеваются Карпатские горы (*Heinisch K.R. (ed.). Kaiser Friedrich II. in Briefe und Berichte seiner Zeit. Darmstadt, 1968, S.514*).
- ⁴⁵ Миллиарий – в английских источниках: миля.
- ⁴⁶ Сражение произошло у местечка Мохи (Мухи) на реке Шайо (История Венгрии, т.I. / Ред. В.П.Шушарин. М., 1969, с.148).
- ⁴⁷ Сражение состоялось 11 апреля 1241 г.
- ⁴⁸ Иллирийское королевство. Бела IV отправился в Хорватию, а затем нашел убежище на прибрежных островах Далмации (*Ледерер Э. Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями эпохи*. – *Acta historica Academiae scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1953, t.2, fasc. 1–2, p.14, 17; История Венгрии, т.I, с.148). С XIII в. власть в Хорватии и Далмации иногда передавалась сыну или брату венгерского короля (История южных и западных славян / Под ред. И.А.Воронкова, М., 1969, с.49). В 1227–1241 гг. герцогом Хорватии и Далмации был Кальман, брат Белы IV.
- ⁴⁹ Вагиенский епископ – епископ вацкий Стефан II. Рогерий в «Жалобной песне» говорит, что Бела IV «послал Стефана, вацкого епископа, за помощью к императорской и римской (папской. – *В.М.*) курии» (*Rogierius*, p.575) (см. *Carmen Miserabile super Destructione Regni Hungariae per Tartaros*. Ed. L.Juhasz // *SRH*. Vol. II. Budapest, 1937–1938. P.543–588. – *Прим. ред.*).
- ⁵⁰ Взято из Евангелия: «Сей ученик и свидетельствует о сем и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его» (Иоанн, XXI, 24).
- ⁵¹ Король германский Конрад IV (1250–1254).
- ⁵² Король Богемии Вацлав I.
- ⁵³ Герцог Австрии Фридрих II Бабенберг (ум.1246).

- ⁵⁴ Герцог Баварии Оттон II (1231–1253).
- ⁵⁵ Пруктены – один из этнонимов, обозначающих пруссов. См. также комм. 84 и 100 к сочинению Бартоломея Английского «О свойствах вещей». Другое прочтение – рутены (*Heinisch K.J.* (ed.). Op. cit., S.515).
- ⁵⁶ Генрих II Силезский погиб в битве при Лигнице 9 апреля 1241 г.
- ⁵⁷ Имеется в виду Бату.
- ⁵⁸ Папа римский Григорий IX.
- ⁵⁹ Женой Фридриха II в третьем браке была дочь Генриха III Изабелла (ум. в декабре 1241 г.).
- ⁶⁰ Евангелие от Матфея, XXIV, 12.
- ⁶¹ Алеманния – Швабия.
- ⁶² Греческое море – Эгейское (Эллинское) море.
- ⁶³ Гибберния – Ирландия.
- ⁶⁴ Фавенция – Фаэнца.
- ⁶⁵ Послание принадлежит Ивону Нарбоннскому и описывает события 1241 г. (*Strakosch-Grassmann G.* Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Innsbruck, 1893, S.191). Г.Штракош-Грасманн выражал сомнение по поводу точности большей части этого послания (*ibid.*, S.188).
- ⁶⁶ Епископ Бордоский Гиральд.
- ⁶⁷ В данном случае соблюдается орфография латинского оригинала.
- ⁶⁸ Нейштадт (Neustadt), город в Австрии, расположенный примерно в 8 милях от Вены. Основан в 1194 г. (*Пристер Е.* Краткая история Австрии. М., 1952, с.14).
- ⁶⁹ Арбалетчики считались тем родом войск, который мог успешнее, чем тяжело вооруженные рыцари, отразить атаки татар (*Ледерер Э.* Указ. соч., с.15, 36).
- ⁷⁰ Герцог – Фридрих II Бабенберг.
- ⁷¹ Король Богемии Вацлав I.
- ⁷² Патриарх Бертольд Аквилейский.
- ⁷³ Герцог Бернгард II Каринтийский.
- ⁷⁴ Маркграф Баденский Герман V. Г.Штракош-Грасманн полагал, что показание Ивона Нарбоннского о совместных действиях этих европейских правителей вполне достоверно (*Strakosch-Grassmann G.* Op. cit., S.190–191).
- ⁷⁵ Правитель Далмации. Кальман, младший брат Белы IV, король Галиции (1214–1241), герцог Хорватии и Далмации.
- ⁷⁶ Бела IV.
- ⁷⁷ «...они получили ответ...». О религиозных обрядах татар см. комм. 141 к «Великому сочинению» Роджера Бэкона.
- ⁷⁸ Тела трех вифлеемских царей-волхвов хранились в Кельне будто бы с 1164 г. и почитались в качестве святых, хотя сведений об их канонизации нет (*Harris S.* The Historia trium regum and the Medieval Legend of the Magi in Germany. – *Medium Aevum*, Oxford, 1959, vol. XXVIII, p.23–24).
- ⁷⁹ Тевтоны – немцы.
- ⁸⁰ См. комментарий к «Анналам Бертонского монастыря», где также приводится изложение речи Петра.
- ⁸¹ Лионский собор 1245 г.
- ⁸² Доминиканец Андре – Андре из Лонжюмо, совершивший путешествие к монголо-татарам на Ближнем Востоке в 1245–1247 гг. (*Bezzola G.A.* Die Mongolen in abendländischer. Licht, 1220–1270. Eih Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern–München, 1974, S.123).
- ⁸³ Антиохия – центр Антиохийского княжества, возникшего в 1098 г. в результате завоевания крестоносцами Северной Сирии и близлежащих районов.
- ⁸⁴ Хоразмины (хорезмийцы) были изгнаны татарами и бежали на запад.
- ⁸⁵ Победа над христианами в Святой земле – имеется в виду отвоевание Иерусалима в 1244 г.
- ⁸⁶ Икония, или Иконийский султанат – государство в Малой Азии.
- ⁸⁷ Перпер – золотая монета.
- ⁸⁸ О пресвитере Иоанне см. комм. 120 к «Великому сочинению» Роджера Бэкона.
- ⁸⁹ Папа римский – Иннокентий IV (Синибальдо Фиески) (1243–1254).
- ⁹⁰ Монголо-татары вторглись в Венгерское королевство тремя колоннами. Во главе войск стояли крупный военачальник Кадан, хан Байдар и главный хан Бату. «Царь царей и господин тартарский, который вторгся в Венгрию, звался именем Бату» (*Rogierius*, p.563).

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 10

Письмо короля Венгрии Белы IV к германскому королю Конраду IV

Оригинал послания утерян. Копия представлена в т.н. Baumgartenberger Formelbuch (Wiener Hofbibliothek Nr. 409 Handschrift 52/a). Текст неоднократно публиковался: J v. Hormayr-Hortenburg: Die Goldene Chronik von Hohenschwangau. Muenchen 1842. II S.65; Wenzel AUO II S.127–128; H.Baerwald: das Baumgartenberger Formelbuch (Fontes rerum Austriacarum II. XXV). Wien 1866, S.347.

Датировка послания отсутствует, но ее можно определить по контексту, который содержит упоминание о посольстве епископа Стефана весной 1241 г. Письмо может быть также упомянуто в связи с другим посланием, которое король перед тем направил Фридриху II. В нем Бела IV просил у императора помощи, обещая в будущем признать себя его ленником. (Riccardo de sancto Germano: Chronica. Rerum Italicarum Scriptores VII/2 [1936–38] S.290 сл.; Annales sancti Pantaleonis Colonensis MGH SS XXII, S.535). В его ответном письме, сохранившемся у Матфея Парижского (СМ IV, S.114) Фридрих обещал помощь; просит, однако, Белу IV обратиться к его сыну, королю Конраду. Действительно Конрад собирает армию в Баварии, очевидно, скорее намереваясь защищать границы империи, чем помогать венграм. Ибо, когда ему в июле доложили, что монголы остановили свое продвижение на Дунае, он распустил свои отряды (см.: В.Номан: Geschichte II, S.149).

Источник и примечания переведены по изданию: Göckenjan H., Sweeney J.R. Der Mongolensturm // Ungarns Geschichtsschreiber, Bd. IV. Wien, 1985. S.283–288 (перевод: Thietmar, 2001; электронный ресурс).

«Прославленному повелителю Конраду¹, божьей милостью сиятельному королю Германии передает Бела, такой же [божьей] милостью король Венгрии, свое приветствие и свое послание и готовность предложить свои услуги.

Мы вынуждены явить горькие стенания, исходящие из глубин сердца, и превратить нашу радость в глубокую печаль. Опасаемся же мы, из-за несчастного исхода нашей судьбы, гибели христианства. Ибо наш Спаситель явил, устав от превосходящей все злобы нашего времени, такую бурю, что корабль веры, не только бросаем волнами туда и сюда, но и грозит полностью погибнуть, если Господь не услышит вопль стенающих, и наконец не поспешит на помощь стесненному народу².

Ибо Он, по чьему приказанию управляется мир, из-за грехов людских, как мы твердо верим, допустил, что свирепые народы, называющие себя татарами пришли с востока, как саранча из пустыни³, и опустошили Великую Венгрию, Булгарию, Куманию и Россию, а также Польшу и Моравию. Лишь немногие замки, оборонявшиеся до сегодняшнего дня, остались невредимы⁴. Множество людей было подло истреблено. Передав [завоеванные] земли новым обитателям⁵, они заняли – о несчастье! – все наше королевство по ту сторону Дуная⁶. С великой болью сообщаем мы, что уважаемые архиепископы, епископы, аббаты, монахи, францисканцы и доминиканцы, равно как и монахини, женщины и девушки, которых перед тем бесчестили, были низким образом умерщвлены. А так как мы сопротивлялись не без больших потерь в людях и имуществе, судьба была снова неблагоприятна к нам. Тот, к кому мы забросили якорь нашей надежды, заставил нас, из-за грехов, наших, понести поражение.

Впрочем они планируют, как я узнал из надежного источника, по наступлении зимы врасплох захватить Германию и как только там будет подавлено всякое сопротивление – занять остальные государства и страны⁷. И так как по опыту прошлого, в настоящее время ставка в игре – не только наша судьба, но судьба всего христианства, наш же защитный вал уже частично прорван, мы просим и призываем Вас настойчиво и с молитвами к Господу, чтобы Вы, ради возвеличивания имени Господа, без промедления поспешили на помощь нам и, более того – всему христианству, и ваших подданных просьбами и увещаниями побудили к этому благочестивому делу. Если услышите вы наши просьбы, которые мы от имени всего христианства направляем к Вам, и отведете от остальных верующих опасность, грозящую всему миру, то мы будем вам в благодарность за это вечно обязаны. Впрочем, те кто окажется достойным божьего назначения и поведут к нам вашу помощь, могут предупредить нас о их прибытии, чтобы мы с почетом встретили их на границе нашего государства. Если же передатчик этого письма будет докладывать как наш посланец, то окажите ему Ваше милостивое доверие.

Примечания

¹ Король Конрад IV (1250–1254), второй сын Фридриха II от его брака с Изабеллой II (Иолантой) Бриеннской, наследницей Иерусалимского королевства. Королем Конрад был выбран еще при жизни своего отца в 1236 г. и представлял интересы императора в Германии.

² Здесь намекается на укрощение Иисусом бури на Генисаретском озере. (Марк. 4. 35–41)

³ Иоанн Богослов 9.1–12, см. также изображение нашествия саранчи в Ветхом завете. Иавель 1, 1–12. Сравнение монгольских войск и туч саранчи имеет место также у арабских авторов, например, у ал-Омари (Das mongolische Weltreich S.95)

⁴ Эти замки поименованы в письме одного венгерского прелата к папе.

⁵ Страна севернее и восточнее Дуная.

⁶ Указание на колонизацию завоеванных земель.

⁷ О намерении монголов двинуться против Рима и западных правителей сообщает уже Юлиан и его соратники. Здесь Бела очевидно опирается на эту информацию».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 11

Иоанн де Плано Карпини.

«История монгалов, именуемых нами татарами»

Источник и примечания цитируются по изданию: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957. – 270 с.

«ГЛАВА ПЯТАЯ

О начале державы Татар, об их князьях, о власти императора и его князей

Сказав об их обычаях, следует присовокупить об их державе, и сперва скажем об ее начале, во вторых, об ее князьях, в-третьих, о власти императора и князей. <...>

§ II. О князьях Татар

I. А у него было четыре сына¹: одного звали Оккодай, второго звали Тоссук-кан, третьего звали Хыдадай², а имени четвертого мы не знаем³. От этих четырех лиц произошли все вожди Монгалов. Первый, именно Оккодай-кан, имел следующих сыновей⁴: первого – Куйюка, который ныне императором, Коктена и Хиренена; имел ли он больше сыновей, мы не знаем. Сыновья же Тоссук-кана суть⁵: Бату (Bati), он наиболее богат и могуществен после императора; Орду, он старший из всех вождей; Сыбан, Бора, Берка, Фаут, имен других сыновей Тоссук-кана мы не знаем. Сыновья Хыдадая суть Бурин и Кадан⁶ имена других сыновей его нам неизвестны. Имена же сыновей другого сына Чингиз-кана, имени которого мы не знаем⁷, суть следующие: один называется Менгу⁸, мать коего Сероктан⁹; эта госпожа пользовалась среди всех Татар предпочтительным уважением, за исключением матери императора, а Менгу был могущественнее всех, за исключением Бату; другой называется Бихак¹⁰. У него было еще несколько сыновей, но имен их мы не знаем.

II. Имена вождей суть следующие: Орду¹¹, он был в Польше и Венгрии, Бату, Кадан, Сыбан¹², Бурин¹³ и Буигек, все они были в Венгрии; Хирподан¹⁴, он находится до сих пор за морем, [в борьбе] против неких солданов земли Саррацинской и других, которые находятся за морем. Другие остались в своей земле, а именно: Менгу, Коктен, Хиренен¹⁵, Хубилай¹⁶ (Hubilay), Серемум, Синокур, Фуатемур, Карахай, старец Сибедей, который у них называется воином¹⁷, Бора, Берка¹⁸, Мауци¹⁹, Коренца²⁰, но это самый младший среди других. Других же вождей очень много, но имен их мы не знаем.

§ III. О власти императора и его князей

I. Император же этих Татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождам, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия. Точно так же, если он просит дочь девицу или сестру, они дают ему без всякого противоречия; мало того, каждый год или по прошествии нескольких лет он собирает девиц из всех пределов Татар и, если хочет удержать каких-

нибудь себе, удерживает, а других дает своим людям, как ему кажется удобным. Каких бы, сколько бы и куда бы он ни отправлял послов, им должно давать без замедления подводы и содержание²¹; откуда бы также ни приходили к нему данники или послы, равным образом им должно давать коней, колесницы и содержание. Но послы, приходящие из других стран терпят большую нужду как в содержании, так и в одежде, ибо издержки на них скудные и малы, а в особенности когда они прибывают к князьям и должны там иметь пребывание. Тогда на десять человек дается так мало, что на это едва могут прожить двое; также и при дворах князей и в путешествии дается им поесть только раз в день, и очень мало; точно так же, если им причиняют какие-нибудь обиды, они отнюдь не легко могут жаловаться, поэтому им следует терпеливо сносить эти обиды.

III. Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, то есть Татары и другие, распределены между вождами. Также и послам вождей, куда бы те их ни посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны лошадей и для услуг послам. Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко, на год, на два или на три, как ему будет угодно; и подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никого свободного. И, говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет благоугодно.

IV. По смерти императора, как сказано было выше, вожди собрались и выбрали в императоры Оккодая, сына вышеназванного Чингиз-кана. Он, устроив собрание князей, разделил войска Бату, который приходился ему во втором колене, он послал против земли Высокого Султана и против земли Бисерминов; ибо они были Саррацины, но говорили по-комански. И когда он вошел в их землю, он сразился с ними и войною подчинил их себе. А один город, по имени Бархим²², долго противился ему; именно они сделали большие рвы вокруг города и закрыли их, а когда те подходили к городу, то падали во рвы. Отсюда они не могли занять этого города раньше, чем заполнили те рвы. Люди же из некоего города, по имени Ианкинт²³ (Iankint), услышав это, вышли им навстречу и добровольно предались в их руки, отчего город их не был разрушен, но они убили многих из них, а других переселили и, произведя грабеж города, наполнили его другими людьми. Пошли они также против города, который именуется Орнас²⁴. Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно Хазар (Gazari)²⁵, Русских, Аланов²⁶ и других, а также Саррацинов. Саррацинам же принадлежала и власть над городом²⁷. А этот город был полон многими богатствами, ибо был расположен на некоей реке, которая течет через Ианкинт и страну Бисерминов и которая впадает в море, отсюда этот город служит как бы гаванью, и другие Саррацины имели в нем огромный рынок. И так как они не могли одолеть его иначе, то перекопали реку, которая текла через город, и потопили его с имуществом и людьми.

V. Совершив это, они вступили затем в землю Турков²⁸, которые суть язычники, победив ее, они пошли против Руси и произвели великое избиение в земле Руси, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руси, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Руссию. Из Руси же и из Комании вышеназванные вожди подвинулись вперед и сразились с Венграми и Поляками²⁹; из этих Татар многие были убиты в Польше и Венгрии; и, если бы Венгры не убежали, но мужественно воспротивились, Татары вышли бы из их пределов, так как Татары возымели такой страх, что все пытались сбежать. Но Бату, обнажив меч пред лицом их, воспротивился им, говоря: «Не бегите, так как если вы побежите, то никто не ускользнет, и если мы должны умереть, то лучше умрем все, так как сбудется то, что предсказал Чингиз-кан, что мы должны быть убиты; и если теперь пришло время для этого, то лучше потерпим». И, таким образом, они воодушевились, остались и разорили Венгрию.

VI. Возвратившись оттуда, они пришли в землю Мордванов³⁰, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгарии³¹, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, то есть великой Венгрии³², они победили и их. Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Паросситам³³, у которых, как нам говорили, небольшие желудки и маленький рот; они не едят мяса, а варят его. Сварив мясо, они ложатся на горшок и впитывают дым и этим только себя поддерживают; но если они что-нибудь едят, то очень мало. Подвинувшись отсюда, они пришли к Самогедам³⁴, а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись

оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудовищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо, как у собаки; два слова говорили они на человеческий лад, а при третьем лаяла, как собака, и, таким образом, в промежутке разговора они вставляли лай, но все же возвращались к своей мысли, и таким образом можно было понять, что они говорили. Отсюда вернулись они в Команию, и до сих пор некоторые из них пребывают там.

VII. Хирподана же в то же время послал Оккодай-кан с войском на юг против Кергис³⁵, которых он победил на войне. Эти люди – язычники, они не имеют волос на бороде; обычай их таков: когда умирает чей-нибудь отец, то они от скорби вырезают на своем лице в знак печали как бы один ремень от одного уха до другого. Победив их, он пошел к югу против Арменов; но когда он переходил через пустыни, то они, как нам говорили за верное, нашли также некоторых чудовищ, имеющих человеческий облик, но у них была только одна полная рука, то есть как до локтя, так и после локтя, и то на середине груди, и одна нога, и двое стреляли из одного лука; они бегали так сильно, что лошади не могли их догнать, ибо они бегали, скача на одной ноге, а когда утомлялись от такой ходьбы, то ходили на руке и ноге, так сказать, вертясь кругом, Исидор³⁶ называл их Циклопедами. А когда они утомлялись таким образом, они бежали по прежнему способу. Все же некоторых из них Татары убили, и, как нам говорили Русские клирики при дворе, пребывающие вместе с вышеуказанным императором, многие из них приходили в посольстве вестниками ко двору вышеуказанного императора, чтобы иметь возможность заключить мир с ним. Двинувшись отсюда, они пришли в Армению, которую победили войною, а также часть Георгиании³⁷; и другая часть явилась по их приказу, и каждый год они платили им в качестве дани по сорок тысяч иперперов³⁸; это же они делают и доселе. Отсюда они подвинулись к земле солдана Урумского³⁹, который был довольно велик и могуществен; с ним они также сразились и победили. И, воюя и побеждая, они прошли дальше до земли солдана Халапии⁴⁰ (Halapiae) и теперь также занимают эту землю, а сверх того, предполагают завоевать там другие земли, и впоследствии вплоть до ныне текущего дня они не возвращались в свою землю. То же войско пошло против земли калифа Балдахского⁴¹, которую они также подчинили себе, и он им всякий день платит в качестве дани четыреста бизанциев⁴², помимо балдакинов и других даров; и всякий год они отправляют послов за калифом, чтобы он явился к ним. Тот посылает вместе с данью великие дары, прося, чтобы они его извинили; сам же император принимает дары и, тем не менее, посылает за ним, чтобы тот явился. <...>

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*Как они заключают мир с людьми; о названиях земель, которые они покорили;
о землях, которые оказали им сопротивление, и о жестокости,
которую они проявляют к своим подданным*

Описав, каким образом они воюют, надлежит сказать о землях, которые они подчинили своей власти. Об этом напишем мы таким образом: сперва скажем, как они заключают мир с людьми; во-вторых, о названиях земель, которые они себе подчинили: в-третьих, о землях, которые оказали им мужественное сопротивление; в-четвертых, о жестокости, которую они проявляют к своим подданным. <...>

§ II. О названиях земель, которые они себе подчинили

Названия земель, которые они одолели, суть следующие: Китай¹, Найманы, Соланги, Кара-Китай, или черные Китай, Комана, Тумат², Войрат, Караниты, Гуйюр (Huyur), Су-Монгал, Меркиты, Мекриты, Саригуйюр, Баскарт, то есть великая Венгрия, Кергис³, Касмир⁴, Саррацины⁵, Бисермины⁶, Туркоманы⁷, Билеры, то есть великая Булгария, Корола, Комуки⁸, Буритабет, Пароситы, Кассы⁹, Якобиты¹⁰, Аланы, или Ассы, Обезы, или Георгианы, Несториане¹¹, Армены¹², Кангиты¹³, Команы, Брутахи, которые суть Иудеи¹⁴, Мордвы, Турки, Хозары, Самогеды, Персы (Perses), Тарки¹⁵, малая Индия, или Эфиопия, Чиркасы¹⁶, Руфены¹⁷, Балдах, Сарты¹⁸; есть и еще много земель, но имен их мы не знаем. Мы видели даже мужчин и женщин из вышеуказанных стран. <...>

§ IV. О жестокости, которую они проявляют к своим подданным

В земле Саррацинов и других, в среде которых они являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия. Все посевы они убирают в житницы своих господ; однако те отпускают им семян, а также столько хлеба, сколько им вполне достаточно для продовольствия; другим же каждому они дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как неболь-

шую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах. Сверх того, когда угодно господам, они забирают всех юношей с женами и сыновьями и заставляют идти сзади себя со всеми своими слугами. Впрочем, эти юноши принадлежат к числу Татар, а вернее сказать, к числу пленных, так как, хотя они считаются в их среде, однако не пользуются таким уважением, как Татары, но приравняются к рабам и посылаются на все опасности, как другие пленные. Ибо в войнах они идут первыми, а также если приходится перейти болото или опасную воду, то им надлежит сперва изведать брод. Им также нужно работать все, что надлежит делать. Точно так же, если они кого-нибудь оскорбят или не повинуются по мановению, то их бьют, как ослов. И, говоря кратко, они мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастеров и других хороших ремесленников. Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают, и у них нет времени от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могут делать те, кому позволено иметь жен или собственную ставку. Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всякой жалости: мы видели, как они весьма часто ходят в меховых штанах, а прочее тело у них все нагое, несмотря на сильнейший солнечный зной, зимою же они испытывают сильнейший холод. Мы видели также, что иные от сильной стужи теряли пальцы на ногах и руках; слышали мы также, что другие умирали или также от сильной стужи все члены тела их становились, так сказать, непригодными.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как надлежит встретить Татар на войне, что они замышляют, об оружии и устройстве войск, как надлежит встретить их хитрости в бою, об укреплении крепостей и городов и что надлежит делать с пленными

Сказав о землях, которые им повинуются, следует изложить, как надлежит встретить Татар на войне. Об этом, кажется, нам следует сказать таким образом: сперва следует написать о том, что они замышляют, во-вторых, об оружии и устройстве войск, в-третьих, как надлежит встретить их хитрости при столкновении, в-четвертых, об укреплении крепостей и городов, в-пятых, что надлежит делать с их пленными.

§ I. Что замышляют Татары

I. Замысел Татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, как сказано выше, они имеют приказ Чингиз-кана. Поэтому их император так пишет в своих грамотах: «Храбрость Бога, император всех людей»; и в надписании печати его¹ стоит следующее: «Бог на небе и Куйюк-кан над землею храбрость Божия. Печать императора всех людей». И потому, как сказано, они не заключают мира ни с какими людьми, если только те случайно не предаются в их руки. И так как, за исключением Христианства, нет ни одной страны в мире, которой бы они ни владели, то поэтому они готовятся к бою против нас. Отсюда да знают все, что в бытность нашу в земле Татар мы присутствовали в торжественном заседании, которое было назначено уже за несколько лет пред сим, где они в нашем присутствии избрали в императоры, который на их языке именуется кан, Куйюка. Этот вышеназванный Куйюк-кан поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божией и Римской Империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае, если бы они не исполнили того, что он приказывает Господину Папе, государям и всем народам христиан на Западе. Нам кажется, что этого отнюдь не следует исполнять как по причине чрезмерного и невыносимого рабства, которое доселе не слышано, которое мы видели своими глазами и в которое они обращают все народы, им подчиненные, так и потому, что к ним нет никакой веры, и ни один народ не может доверять их словам, ибо они не соблюдают всего того, что обещают, когда видят, что обстоятельства им благоприятствуют, коварны во всех своих делах и обещаниях, замышляют даже, как сказано выше, уничтожить с земли всех государей, всех вельмож, всех воинов и благородных мужей и делают это по отношению к своим подданным коварно и искусно. Точно так же недостойно христиан подчиниться им вследствие мерзостей их и потому, что почитание Бога сводится у них ни к чему, души погибают, тела терпят разнообразные мучения больше, чем можно поверить; вначале, правда, они льстивы, а после жалят, как скорпионы, терзают и мучают. Затем они меньше числом и слабее телом, чем христианские народы.

II. А в вышеупомянутом собрании были назначены ратники и начальники войска. Со всякой земли их державы из десяти человек они посылают троих с их слугами. Одно войско, как нам говорили, должно вступить через Венгрию, другое – через Польшу; придут же они с тем, чтобы сражаться

бесперывно 18 лет. Им назначен срок похода: в прошлом марте месяце мы нашли войско, набранное у всех Татар, через область которых мы проезжали, у земли Руссии; в три или четыре года они дойдут до Комании, из Комании же сделают набег на вышеуказанные земли. Однако мы не знаем, придут ли они сряду после третьей зимы или подождут еще до времени, чтобы иметь возможность лучше напасть нежданно. Все это твердо и истинно, если Господь, по Своей Милости, не сделает им какого-либо препятствия, как Он сделал, когда они пришли в Венгрию и Польшу. Именно они должны были подвигаться вперед, воюя тридцать лет, но их император был тогда умерщвлен ядом², и вследствие этого они доныне успокоились от битв. Но теперь, так как император избран сызнова, они начинают снова готовиться к бою. Еще надо знать, что Император собственными устами сказал, что желает послать свое войско в Ливонию и Пруссию.

III. И так как он замышляет разорить или обратить в рабство всю землю, а это рабство, так сказать, невыносимо для нашего народа, то надлежит, стало быть, как сказано выше, встретить его на войне. Но если одна область не захочет подать помощь другой, то та земля, против которой они сражаются, будет разорена, и вместе с теми людьми, которых они заберут в плен, они будут сражаться против другой земли, и эти пленники будут первыми в строю. Если они плохо будут сражаться, то будут ими убиты, а если хорошо, то Татары удерживают их посулами и льстивыми речами, а также, чтобы те не убежали от них, сулят им, что сделают их великими господами, а после того, как могут быть уверенными на их счет, что они не уйдут, обращают их в злосчастнейших рабов; точно так же поступают они с женщинами, которых желают держать в качестве рабынь и наложниц. И, таким образом, вместе с людьми побежденной области они разоряют другую землю. И нет, как нам кажется, ни одной области, которая могла бы сама по себе оказать им сопротивление, если только за ее жителей не пожелает сражаться Бог, потому что, как сказано выше, люди собираются на войну со всякой земли державы Татар. Отсюда, если христиане хотят сохранить себя самих, свою землю и христианство, то царям, князьям, баронам и правителям земель надлежит собраться воедино и с общего решения послать против них людей на бой, прежде чем они начнут распространяться по земле, так как, раз они начнут рассеиваться по земле, ни один не может соответственно подать помощь другому; ибо Татары толпами отыскивают повсюду людей и убивают, а если кто запрется в крепости, то они ставят вокруг крепости или города для осады их три или четыре тысячи людей и больше, а сами, тем не менее, рассеиваются по земле и убивают людей. <...>

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

*О тех областях, через которые мы проехали, и об их положении,
о дворе императора Татар и его князей и о свидетелях, которые нас там нашли*

Сказав, как надлежит встретить их на войне, скажем напоследок о пути, который мы свершили, о положении земель, через которые проехали, о порядках двора императора и его князей и о свидетелях, которые нашли нас в земле Татар.

§ I. О пути, который мы совершили, и о положении земель, через которые проехали

<...> После этого нам дали лошадей и трех Татар, которые были десятниками, а один – человек Бату, чтобы отвезти нас с возможною поспешностью к вышеназванному вождю. А этот Бату наиболее могуществен по сравнению со всеми князьями Татар, за исключением императора, которому он обязан повиноваться.

IX. В понеделник же после первого воскресенья Четырнадцатницы¹ мы поспешно отправились в путь к нему, и, проезжая столько, сколько лошади могли пройти вскачь, так как обыкновенно у нас бывали свежие лошади три или четыре раза всякий день, мы ехали с утра до ночи, а, кроме того, весьма часто и ночью, но не могли добраться до него ранее среды Страстной Недели². Ехали же мы через всю страну Команов, представляющую собой сплошную равнину и имеющую четыре большие реки: первую – Днепр (Непер), возле которой, со стороны Руссии, кочевал Коренца, а с другой стороны по тамошним степям кочевал Мауци, который выше Коренцы; вторую – Дон, у которой кочует некий князь по имени Картан³, женатый на сестре Бату; третью – Волгу, эта река очень велика, у нее переходит с места на место Бату, четвертая называется Яик (Яес), у нее переходят с места на место два тысячника, один с одной стороны реки, другой с другой стороны. Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек поднимаются на горы. Море же это есть Великое Море⁴, из которого выходит рукав Св. Георгия⁵, текущий в Константинополь. На Днепре же мы в течение многих дней ехали по льду. Эти реки велики и преисполнены рыбами, а особенно

Волга; эти реки впадают в море Греции, именуемое Великим Морем. По берегам этого моря мы в очень многих местах с большой опасностью в течение многих дней проезжали по льду, ибо оно хорошо замерзает на три левки⁶ от берега. Но, прежде чем нам попасть к Бату, двое из наших Татар поехали вперед, чтобы передать ему все слова, которые мы сказали у Коренцы.

X. Когда же мы стали добираться до Бату, то нас с удобством поместили в пределах земли Команов на одну левку расстояния от его ставок. Когда же нас должны были отвести к его двору, то нам было сказано, что мы должны пройти между двух огней, чего нам не хотелось делать в силу некоторых соображений. Но нам сказали: «Идите спокойно, так как мы заставляем вас пройти между двух огней не по какой другой причине, а только ради того, чтобы, если вы умышляете какое-нибудь зло против нашего господина или если случайно приносите яд, огонь унес все зло». Мы ответили им: «Мы пройдем ради того, чтобы не подать на этот счет повода к подозрению». И когда мы добрались до орды, то его управляющий, по имени Елдегай⁷, спросил нас, чем мы желаем поклониться, то есть какие дары желаем дать ему. Мы ответили ему так, как раньше сказали Коренце, а именно, что Господин Папа не посылал даров, а мы желаем почтить его, как можем, из того, что по милости божьей и Господина Папы имели на продовольствие. По вручении и принятии подарков управляющий Бату, по имени Елдегай, спросил у нас о причине нашего прибытия. Мы высказали ему те же самые причины, которые раньше сказали Коренце.

XI. Выслушав причины, нас ввели в ставку, после предварительного преклонения и выслушания напоминания о пороге, как о том сказано выше. Войдя же, мы произнесли свою речь, преклонив колена; произнеся речь, мы поднесли грамоту и просили дать нам толмачей, могущих перевести ее. Их дали нам в день Великой Пятницы⁸, и мы вместе с ними тщательно переложили грамоту на письмена русские и саррацинские и на письмена Татар⁹; этот перевод был представлен Бату, и он читал и внимательно отметил его. Наконец, нас отвели обратно к нашей ставке, но нам не дали никакой пищи, кроме как один раз, в первую ночь по приезде в чашке немного пшена.

XII. А этот Бату живет с полным великолепием, имея привратников и всех чиновников, как и император их. Он также сидит на более возвышенном месте, как на троне, с одной из своих жен; другие же, как братья и сыновья, так и иные младшие, сидят ниже посредине на скамейке, прочие же люди сзади их на земле, причем мужчины сидят направо, женщины налево. Шатры у него большие и очень красивые, из льняной ткани, раньше принадлежали они королю Венгерскому¹⁰. Никакой посторонний человек не смеет подойти к его палатке, кроме его семейства, иначе как по приглашению, как бы он ни был велик и могуществен, если не станет случайно известным, что на то есть воля самого Бату. Мы же, высказав свое дело, сели слева, так именно поступают все послы при езде туда; а при возвращении от императора нас всегда сажали справа. На середине, вблизи входа в ставку, ставят стол, на котором ставится питье в золотых и серебряных сосудах, и ни Бату, ни один Татарский князь не пьют никогда, если пред ними не поют¹¹ или не играют на гитаре. И когда он едет, то над головой его несут всегда щит от солнца или шатерчик на копье, и так поступают все более важные князья Татар и даже жены их. Вышеупомянутый Бату очень милостив к своим людям, а все же внушает им сильный страх; в бою он весьма жесток; он очень проницателен и даже весьма хитер на войне, так как сражался уже долгое время.

XIII. В день же Великой Субботы¹² нас позвали к ставке, и к нам вышел раньше упомянутый управляющий Бату, сообщая от его имени, чтобы мы поехали к императору Куйюку, в их собственную землю, оставив некоторых из наших в той надежде, что их отошлют обратно к Господину Папе. Мы дали им для вручения ему грамоту о всех наших деяниях, но, когда они вернулись к Мауци, их там удержали до нашего возвращения. Мы же в день Воскресения Господня, отслужив обедню и совершив кое-какую трапезу, удалились вместе с двумя Татарами, которые были приставлены к нам у Коренцы, с горькими слезами, не зная, едем ли мы на смерть или жизнь. Мы были, однако, так слабы, что с трудом могли ехать: в течение всей той Четырнадцатницы – равно как и в другие постные дни – пищей нашей служило только пшено с водою и солью, и у нас не было, что пить, кроме снега, растаявшего в котле.

XIV. С севера же к Комании, непосредственно за Руссией, Мордвинами и Билерами, то есть великой Булгарией, прилегают Баскарты, то есть великая Венгрия; за Баскартами Паросситы и Самогеды, за Самогедами те, кто, как говорят, имеет собачье лицо, на берегах Океана в пустынях. С юга же к Комании прилегают Аланы, Чиркасы¹³, Хозары (Gazaros), Греция и Константинополь, также земля Иберов, Хахи¹⁴, Брутахии¹⁵, которые слывут иудеями – они бреют голову, – также земля Циков¹⁶, Георгианов и Арменов и земля Турков. А с запада прилегают Венгрия и Руссия. И вышеупо-

мянутая земля очень велика и длинна. Мы проехали через нее наивозможно быстро, так как всякий день, по пяти или семи раз на дню, у нас бывали свежие лошади, за исключением того времени, когда мы ехали по пустыням, как сказано выше, и тогда мы получали лошадей лучших и более крепких, могущих выдержать непрерывный труд, именно с начала Четырехдесятичной и кончая неделей после Пасхи. Этих Команов перебили Татары. Некоторые даже убежали от их лица, а другие обращены ими в рабство; однако весьма многие из бежавших возвращаются к ним.

XV. После этого мы въехали в землю Кангитов, в которой в очень многих местах ощущается сильная скудость в воде, даже и население ее немногочисленно из-за недостатка в воде. Поэтому люди князя Русского, Ярослава, ехавшие к нему, в татарскую землю, в большом количестве умерли в этой пустыне. В этой земле, а также в Комании, мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу; через эту землю мы ехали, начиная с восьмого дня после Пасхи и почти до Вознесения¹⁷ Господа Нашего. Эти люди были язычники, и как Команы, так и Кангиты не обрабатывали земли, а питались только скотом; они не строили также домов, а помещались в шатрах. Их также истребили Татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабов.

XVI. Из земли Кангитов въехали в землю Биссерминов¹⁸. Эти люди говорили и доселе еще говорят команским языком, а закона держатся Саррацинского. В этой земле мы нашли бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости и много опустошенных селений. В этой земле есть одна большая река¹⁹, имя которой нам неизвестно; на ней стоит некий город, именуемый Янкин (Janckint), другой по имени Бархин и третий, именуемый Орнас, и очень много иных, имена которых нам неизвестны. У этой земли был владыка, которого звали Алтисолданус²⁰; он был умерщвлен Татарами вместе со всем своим потомством; собственное имя его нам неизвестно. А в земле этой существуют величайшие горы; с юга же прилегают к ней Иерусалим, Балдах²¹ и вся земля Саррацинов²²; по близости их границ живут два вождя – родные братья Бурин и Кадан²³; с севера же прилегает к ней часть земли черных Китаев и Океан. Там пребывает Сыбан, брат Бату. Через эту землю мы ехали от праздника Вознесения и кончая почти неделей до праздника блаженного Иоанна Крестителя²⁴. <...>

Примечания*

К главе 5

¹ У Чингиз-хана было четыре сына от старшей жены Бортегельджин-хатун: Джочи (1185(4?)–1224), Угэдэй (1186–1241), Чагатай (1190(?)–1242(?)) и Тулуй (1192–1232). Кроме того, у него был еще сын Кулкан от Хулан-хатун, второй жены, который был убит во время похода на русские княжества при осаде одного из городов. <...>

² Русское искажение имени Chagatai. По свидетельству персидских историков, его владения простирались от страны Уйгуров до Аму-Дарьи. (Прим. А.И.Малеина).

³ Четвертым сыном Чингиз-хана был Тулуй, который, согласно древнемонгольскому обычаю, как младший сын являлся хранителем домашнего очага и носил почетное прозвище «отчигин», т.е. «князь огня», а также титулы «иеке нойон» (великий господин) и «едзен» (владыка). Младший сын, по обычаю, всегда находился при отце и наследовал его основное имущество («юрт»). Поэтому Тулуй, помимо удела, полученного при жизни Чингиз-хана, должен был получить еще основной удел – улус хана-отца и войска, составлявшие его собственность.

⁴ Угэдэй имел семерых сыновей – Гуюк-хана (1205–1248), Годана (Коктен у Плано Карпини), Кучука, Харачара, Хаши, Хадана и Мелика.

⁵ У Джочи было семь сыновей. Старший был Орду-Ичен, вторым сыном был Бату (ум. 1256 г.) основатель ханства «Золотая Орда», третьим – Бэркэ (Беркай русских летописей), сменивший Бату на ханском троне «Золотой Орды» (1256–1266), четвертым – Бэркэчэр, пятым – Шибан, шестым – Танкут, седьмым Бо'ал, отец известного в русских летописях Ногай.

⁶ Сыновьями Чагатая были Мотукан (или Моатуган), погибший при осаде Башьяна, Байдар и Ийссу-Мункэ. Бурин же был внуком Чагатая, а Кадан, или Годан, его племянником.

⁷ Подразумевается Тулуй, который имел девять сыновей, в том числе двух, ставших великими ханами – Мункэ и Хубилая, Хулагу, основавшего в Персии династию иль-ханов, и Ариг-Буку, соперничавшего с Хубилаем.

⁸ То есть Мункэ-хан (1209–1259), старший сын Тулуя, ставший четвертым великим ханом (1251–1259), престол которого получил в условиях феодальной борьбы, при помощи своего двоюродного брата, могущественного Бату. Плано Карпини употребляет тюркскую форму имени Мункэ – Мэнгу.

* Текст примечаний значительно сокращен. – Прим. ред.

⁹ Имя вдовы Тулуя пишется авторами того времени по-разному. В «Сокровенном сказании» она названа Сорхатани-бэги, в Юань-ши – Соргок-тэни, грузинский историк Стефан Орбелиани называет ее Сурахтхамбек, Джувейни – Сорхийатай-беки, или Беки-Сорхихитай, Рашид ад-Дин – Соркуктани-беги и т.д. Правильное написание этого имени Сорхатани-беки было восстановлено П.Пелльо [Pelliot, 1932, vol.29].

¹⁰ Восточные историки называют его Вужек, Буугек, или Вучек, китайские – 朮赤. (Прим. А.И.Малеина.) Буджек – был сыном Тулуя.

¹¹ Орду-Ичен, старший сын Джочи, принимавший участие в походах на русские княжества, на Польшу и Венгрию.

¹² Пятый сын Джочи, участник походов 1235–1236 гг. на русские княжества, Польшу и Венгрию. В результате анализа всех вариантов имени Шибана, которые имеются у разных восточных авторов, П.Пелльо высказал предположение, что это имя христианского происхождения представляет собой монгольскую модификацию имени «Степан».

¹³ Вероятно, Бури, внук Чагатая, участник походов 1235–1236 гг. на русские княжества и в Юго-западную Европу.

¹⁴ Charmagun, воевавший в Юго-Западной Азии в 1229–1231 гг., умер в 1241 г. (Прим. А.И.Малеина). Чормагун, крупный монгольский военачальник, принимал активное участие в походах Чингиз-хана на Среднюю Азию, покоритель Грузии, Армении в 1232–1233 гг., где был затем наместником. Неоднократно упоминается в «Сокровенном сказании».

¹⁵ Ширемун, сын Гуюк-хана от старшей его жены Огул-Гаймиш. Относительно имени Ширемун Пелльо высказывает предположение о том, что оно является тюркской и монгольской модификацией христианского имени Шлемун, или Соломон, и было распространено у монголов-несториан.

¹⁶ Хубилай (1216–1294), внук Чингиз-хана, знаменитый пятый и последний великий хан, при котором Монгольская империя фактически распалась.

¹⁷ Sobodai, Subutai или Subudai, один из величайших монгольских вождей – воин, так переводит Карпини слово Bahadur. (Прим. А.И.Малеина). Субэдей-бахатур – один из наиболее талантливых полководцев Чингизхана, возглавлявший поход против кыпчаков, разбивший русские и половецкие отряды на р. Калке. Происходил из рода Урянхат, был ближайшим сподвижником Чингиза в числе девяти Орлюков. Субэдей носил титул «bahatur», или «bagatur», что значит «богатырь».

¹⁸ В русских летописях Беркай и Бирка. Бэркэ-хан, по-видимому, из политических соображений принял ислам. Собственное имя Бэркэ по-монгольски значит «трудный, затруднительный», по-тюркски, согласно утверждению В.Минорского, значит «заложник».

¹⁹ Варианты: Montij, Мопсу. Это Mauchi, второй сын Хыаадая. (Прим. А.И.Малеина). У Чагатая был сын Мотукан.

²⁰ Плано Карпини называет этого князя также Cugomza. Вероятно, это был третий сын Орду, внук Джочи, по имени Хурумши. Среди Чингиз-ханидов имелось несколько Хурумши. Но тот, о котором упоминает Плано Карпини, был, скорее всего, сыном Орду и племянником Бату. В русских летописях есть упоминание о Хурумши в форме Куремса.

²¹ В Монгольской империи для обслуживания всей системы управления была организована в 1235 г. почтовая служба, обязанная перевозить послов, гонцов и всяких чиновных лиц. Были организованы почтовые станции – ямы, на которых должны были находиться по 20 человек улачинов и табун свежих лошадей, а также стадо баранов, для продовольствия приезжающих. Содержание ямов и средств передвижения – «ула» ложилось тяжелой повинностью на население.

²² Вероятно, на р. Сыр-Дарье. (Прим. А.И.Малеина). В долине р. Сыр-Дарья был расположен г. Барчкенд, или Барчынлыгкенд.

²³ Город Янчикент, находившийся в низовьях р. Сыр-Дарья. Ныне его развалины известны под именем Джаныкент.

²⁴ Судя по описанию города, которое делает Плано Карпини, под этим названием следует понимать Ургенч, столицу Хорезма, при завоевании которой был применен отвод русла реки.

²⁵ Народ тюркского происхождения, обитавший в низовьях Волги и волжско-донских степях. В VII в. хазары образовали Хазарский каганат.

²⁶ Аланы – кочевые племена сарматского происхождения, жившие в южнорусских степях. Часть аланских племен в результате великого переселения народов ушла в Европу, часть же осталась и вошла в состав Хазарского каганата. От аланов остались интересные и богатые по археологическим материалам погребения в Керчи, Осетии, на Донце и в других местностях. Аланы считаются предками осетин.

²⁷ В данном случае под саррацинами подразумеваются хорезмийцы.

²⁸ То есть Торков. Это одно из тюркских племен, кочевавшее в южнорусских степях. (Прим. А.И.Малеина).

²⁹ Монгольские отряды вторгались в Польшу несколько раз в течение 1240 и 1241 гг. Они разорили Люблин, Сандомир, Краков, прошли в Силезию, где разбили встретившие их войска силезского герцога Генриха, который был убит в сражении под Лигницем. Полному разорению подверглась также Моравия.

³⁰ То есть мордвы, племени финского происхождения, обитавшего в бассейне среднего течения Волги (по рекам Мокша, Сура). Часть мордовских земель была покорена монголами в 1229 г. Монголы ценили меха, мед, воск и хлеб, имевшиеся у мордвы (см. А.А.Коротков, К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства, стр. 77). Окончательное покорение полуразоренной мордовской земли произошло в 1239 г.

³¹ Речь идет о Волжской Булгарии, которая появилась в результате распада «Великой Булгарии».

³² В данном случае под Баскарт надо понимать башкиров. Следует отметить, что название Башкыр (Баскарт у Плано Карпини) употреблялось арабскими и персидскими авторами для обозначения Венгрии, что и явилось причиной употребления этого термина Плано Карпини.

³³ Арабские и средневековые авторы называют борасситами пермяков, вотяков и другие племена финского происхождения, обитавшие в бассейне р. Вятки и других областях на север от Волжской Булгарии. Замечание Плано Карпини о дыме вряд ли следует понимать столь конкретно, как это делает А.Малеин. Скорее всего, Плано Карпини в данном случае повторяет одну из легенд о народах северо-востока, которые были широко распространены у античных авторов. Рассказы о народах, питающихся воздухом или запахами, имеются у Плиния, Страбона и других античных писателей.

³⁴ То есть к самоедам. Сообщение Плано Карпини о самоедах было одним из первых известий об этом народе в западноевропейской географической литературе.

³⁵ То есть черкесов. В данном случае Плано Карпини под названием кергис подразумевает черкесов. В дальнейшем он употребляет этот же термин для обозначения киргизов. (См. прим. 131.)

³⁶ То есть Исидор Севильский (570–636), испанский епископ, выдающийся ученый, писатель раннего средневековья. Автор многочисленных сочинений, обнаруживающих большую начитанность и умение популяризировать в доступной и краткой форме знания своего времени.

³⁷ Латинское название Грузии.

³⁸ По-видимому, одно из названий бизанта, употреблявшегося в Византийской империи.

³⁹ То есть султана Рума. Под названием Рум в античное время восточные народы называли Рим. После разделения Римской империи в IV в. название Рум применялось только к Византии. С конца же XI в. оно относится лишь к Малой Азии, где после завоевания Азии огузами-туркменами образовалось государство, возглавлявшееся малоазиатской ветвью династии Сельджукидов. Во время завоевания Малой Азии монголами султаном Рума был Ала ад-Дин Кей Кобад I (1219–1236).

⁴⁰ То есть султана Халеба. Область Халеб находилась в северной части Сирии, столицей ее был город Ма'арра, вторым по величине считался одноименный с названием этой области Халеб (современный Алеппо).

⁴¹ То есть халифа Багдадского. Балдах – средневековое название Багдада, столицы аббасидских халифов, правивших Ираном с 762 по 1258 г.

⁴² Разумеются так называемые византины, первоначально византийские солиды, а затем всякая восточная золотая монета (отсюда франц. *besant*). Цена ее очень колебалась и зависела от места чеканки (и, стало быть, количества металла). С византинами, вероятно, тождественны иперперы. (Прим. А.И.Малеина).

К главе 7

¹ Подразумевается северный Китай, или Цзиньская империя.

² Хори-Тумат, племенной союз нескольких монгольских племен, существовавших еще в до-Чингизовское время.

³ То есть кыргызы и кэм-кэмджиуты, племена тюркского происхождения, жившие в северо-западных районах Монголии, в верховьях Енисея и Оби. Кыргызы были покорены Чингизом в 1206 г.

⁴ То есть Кашмир.

⁵ То есть подданные султана Алеппского. (Прим. А.И.Малеина).

⁶ Хорезмийцы.

⁷ Туркмены. (Прим. А.И.Малеина).

⁸ Эти имена восстановлены гипотетично: в рукописях стоит *Satorocomuty, Korola Tomici, Colona Thorati*.

⁹ Вариант *Jassi*. Народ в точности неизвестный.

¹⁰ Плано Карпини, наряду с названиями народов, перечисляет также и некоторые распространенные на Востоке названия христианских сект, в том числе яkobитов, или яковитов, принадлежавших к ереси монофизитов.

¹¹ Христианская секта, основанная в V в. в Сирии патриархом Несторием, от имени которого и получила свое название. Несторий был низложен на Вселенском соборе в Эфесе в 431 г., а проповедуемое им учение о человеческом естестве Христа объявлено ересью.

¹² То есть армяне.

¹³ Рубрук называет их канглами. Канглы – кочевое племя, входившее в состав Дашт-и Кыпчак. В XIII в. канглы обитали на восток от р. Яик (р. Урал).

¹⁴ Скорее всего, под Брутахами следует подразумевать буртасов, завоеванных монголами во время похода последних на Волжскую Булгарию. Буртасы обитали на правом берегу Волги, в среднем ее течении, и были связаны с булгарами.

¹⁵ Неизвестный народ; рукописи дают формы: Tarsi, Tartı, Tati, Thaos, Thoas. (Прим. А.И.Малеина).

¹⁶ То есть черкесы. (Прим. А.И.Малеина).

¹⁷ То есть русские. (Прим. А.И.Малеина).

¹⁸ Монголы называли сартагулами жителей Средней Азии, в частности хорезмийцев. Плано Карпини и повторяет монгольское название. Название сарты восходит к санскритскому *sārtha*, что значит «торговец». <...>

К главе 8

¹ Текст надписи, приведенный у Плано Карпини, значительно отличается от надписи печати, скрепляющей письмо Гуюк-хана, привезенное Плано Карпини и сохранившееся в архивах Ватикана (о письме см. прим. 217). Письмо и печать были исследованы и опубликованы П.Пелльо. Текст печати состоит из шести строк, вырезанных монгольским шрифтом:

Mongka t(ä)ngri-yin kücün-dür yeke mongγol ulus-un dalai-in xan j(a)rl(i)χ il bolγa irgün – dür kürbäsü büširätügüi ayutuγai (Текст приведен в транскрипции, примененной П.Пелльо.) что значит: «Силою вечного неба народа великих Монголов Далай-хана приказ. Если он прибудет к покорившемуся народу, то пусть они почитают его и пусть они боятся». <...>

Можно сказать, что завоевательные тенденции монгольских ханов нашли свое яркое выражение в надписи на ханской печати. Частично они отражены и в варианте, приведенном в тексте Плано Карпини, который записал содержание надписи со слов Чинкая, Бала и Хадака – ханских секретарей, переведя ее на латинский язык не слишком точно. Особенно интересен этот отпечаток потому, что надпись была выгравирована и вся печать сделана русским мастером, ювелиром Козьмой, тем самым Козьмой (Космой), который помогал Плано Карпини в трудные для того минуты, о чем с такой теплотой вспоминает наш путешественник. По-видимому, Козьма был одним из тех русских мастеров, которые во время походов на русские княжества были захвачены в плен и уведены в далекую Монголию.

² Плано Карпини передает какие-то слухи об обстоятельствах смерти Угэдэя, который, по сведениям Юань-ши, умер в результате неумеренного употребления вина (История первых четырех ханов из дома Чингизова, стр. 284, 285). Рассказ Плано Карпини заслуживает внимания, если сопоставить его с материалами «Сокровенного сказания» о болезни Угэдэя и о лекарстве, приготовленном для него, которое было выпито Тулумом (см. Сокровенное сказание, § 272), т.е. о попытке отравить Угэдэя.

К главе последней

¹ 26 февраля 1246 г.

² То есть 4 апреля 1246 г. Таким образом, выехав из Киева 4 февраля, Плано Карпини добрался до Волги, где находилась ставка Бату, через два месяца.

³ Варианты: Carton, Carbon, Tirbon. (Прим. А.И.Малеина).

⁴ Через несколько строк Плано Карпини пишет: «греческое море, которое называют «Mare Magnum», т.е. Черное море, называвшееся в древности «Понтом Евксинским». Географические представления у Плано Карпини были довольно неясными: он путает Черное море с Каспийским и с Аральским. Волга впадает, по его мнению, в Черное море.

⁵ Босфор.

⁶ Левка есть древнегалльская мера длины, соответствующая французскому лье $\frac{1}{25}^0$ меридиана = 4445 метр. (Прим. А.И.Малеина).

⁷ Наши летописи, упоминая это лицо по поводу убийства св. Михаила Черниговского, называют его Елдега и стольником Батыевым. (Прим. А.И.Малеина).

⁸ 6 апреля. (Прим. А.И.Малеина).

⁹ Монголы после 1206 г. стали пользоваться уйгурским алфавитом, приспособив его для монгольского языка. Наиболее ранним из дошедших до нас образцов этого письма является надпись на так называемом «Чингизовом камне», датированная 1219 г.

¹⁰ То есть Бела IV (1235–1270), потерпевшему поражение в бою за Пешт в 1241 г. от монгольских войск, во главе которых находился Бату. Бела бежал от монголов в Австрию, затем в Далмацию, наконец, на острова Адриатического моря, где и выжидал уход монгольских войск.

¹¹ Гомбоев называет это пение выражением уважения к известному лицу. (Прим. А.И.Малеина).

¹² 7 апреля. (Прим. А.И.Малеина).

¹³ То есть черкесы. (Прим. А.И.Малеина).

¹⁴ Иберы, то есть население страны, находящейся между Мосхскими горами, Кавказом и Арменией. Иберы – народ с высокой культурой – жили в многочисленных городах. Кахи – кахетины.

¹⁵ См. прим. 143.

¹⁶ Варианты написания: Sittorum, Zythorum, Zichorum. Первый издатель путешествия Плато Карпини на русском языке Д.Языков полагает, что земля Цикков это «Цихия, Зихия на восточном берегу Черного моря». (Д.Языков. Собрание путешествий к татарам, стр. 270.)

¹⁷ 17 мая 1246 г.

¹⁸ В данном случае под биссерминами подразумеваются хорезмийцы.

¹⁹ Река Сыр-Дарья, в долине которой было расположено много городов: Отрар, Ясы, Сабран, Сыгнак, Баргкенд, Янгикент, Дженд, Ашнас и др. О некоторых из них упоминает Плато Карпини.

²⁰ То есть Ала ад-Дин Мухаммад Хорезмшах (1200–1220), погибший в борьбе с монголами.

²¹ Средневековое название Багдада.

²² В данном случае под Саррацинами, именем которых Плато Карпини называет мусульман вообще, надо понимать персидские земли.

²³ Эти царевичи не были родными братьями, Бурин, или Бури, был внуком Чагатая, а Кадан сыном Угэдэя.

²⁴ 24 июня».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 12

Вильгельм де Рубрук. «Путешествие в восточные страны»

Источник и примечания цитируются по изданию: Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. – М., 1957. – 270 с.

«ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О стране Сартаха и об ее народах

Эта страна за Танаидом очень красива и имеет реки и леса. К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксель¹, не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах. Их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно Татары вели их вместе с собою до вступления в Германию, поэтому Моксель очень одобряет Германцев, надеясь, что при их посредстве они еще освободятся от рабства Татар. Если к ним прибудет купец, то тому, у кого он впервые пристанет, надлежит заботиться о нем все время, пока тот пожелает пробыть в их среде. Если кто спит с женой другого, тот не печалится об этом, если не увидит собственными глазами; отсюда они не ревнивы. В изобилии имеются у них свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы. Сзади них живут другие, именуемые Мердас², которых Латинцы называют Мердинис, и они – Саррацины. За ними находится Этилия. Эта река превосходит своею величиною все, какие я видел; она течет с севера, направляясь из Великой Булгарии к югу, и впадает в некое озеро³, имеющее в окружности пространство [пути] в четыре месяца; о нем я скажу вам после. Итак, эти две реки, Танаид и Этилия, отстоят друг от друга в направлении к северным странам, через которые мы проезжали, только на десять дневных переходов, а к югу они очень удалены друг от друга. Именно Танаид впадает в море Понта, а Этилия образует вышеназванное море или озеро, вместе со многими другими реками, которые впадают в него из Персии. К югу у нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, Черкисы (Cherkis) и Аланы, или Аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против Татар. За ними, вблизи моря или озера Этилии, находятся некие Саррацины, именуемые Лесгами⁴, которые равным образом не подчинены [Татарам]. За ними находятся Железные Ворота, которые соорудил Александр для

преграждения варварским племенам входа в Персию; о положении этих ворот я скажу вам впоследствии, так как я проезжал через них при возвращении, и среди этих двух рек в тех землях, через которые мы проехали, до занятия их Татарами, жили Команы Капчат. <...>

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

О Русских, Венграх, Аланах и о Каспийском море

Что касается до Сартаха, то я не знаю, верует ли он во Христа, или нет. Знаю только, что христианином он не хочет называться, а скорее, как мне кажется, осмеивает христиан. Именно он живет на пути христиан, то есть Русских, Валахов (Власогум), Булгаров Малой Булгарии, Солдайнов, Керкисов и Аланов, которые все проезжают через его область, когда едут ко двору отца его, привозя ему подарки; отсюда он тем более ценит христиан. Однако, если бы явились Саррацины и привезли больше, их отправили бы скорее. Он имеет также около себя священников несториан, которые ударяют в доску⁵ и поют свою службу. У Бату есть еще брат, по имени Берка⁶ (Жегга), пастбища которого находятся в направлении к Железным Воротам, где лежит путь всех Саррацинов, едущих из Персии и из Турции; они, направляясь к Бату и проезжая через владения Берки, привозят ему дары. Берка выдает себя за Саррацина и не позволяет есть при своем дворе свиное мясо. Тогда, при нашем возвращении, Бату приказал ему, чтобы он передвинулся с того места за Этилию к востоку, не желая чтобы послы Саррацинов проезжали через его владения, так как это казалось Бату убыточным. В те же четыре дня, когда мы были при дворе Сартаха, о нашей пище вовсе не заботились, кроме того, что раз дали нам немного кумысу. А на пути между ним и его отцом мы ощущали сильный страх: именно Русские, Венгры и Аланы, рабы их (Татар?), число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днем они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают лошадей, а одну или двух увозят с собою, чтобы в случае нужды съесть. Наш проводник сильно боялся такой встречи. Во время этого пути мы умерли бы с голоду, если бы не взяли с собой немного сухарей. Итак, мы добрались до Этилии, весьма большой реки. Она вчетверо больше, чем весьма глубокая Сена; начинается Этилия из Великой Булгарии, лежащей к северу, направляется к югу и впадает в некое озеро или в некое море, которое ныне называется море Сиркан⁷ по имени некоего города, лежащего на берегу его в Персии. А Исидор называет его Каспийским морем. К югу от него находятся Каспийские горы и Персия, а к востоку горы Мулигек⁸, то есть Человекоубийц⁹ (Ахасиногум), которые соприкасаются с Каспийскими горами, к северу же от него находится та пустыня, в которой ныне живут Татары. Прежде же там были некие Команы, называвшиеся Кангле. С этой-то стороны море принимает Этилию, которая летом увеличивается, как Египетский Нил. К западу же от Каспийского моря находятся Аланские горы, Лесги, Железные Ворота и горы Георгианов. Стало быть, это море с трех сторон окружено горами, а с северной стороны к нему прилегает равнина. Брат Андрей лично обогнул две стороны его, именно южную и восточную, я же другие две, именно северную при путешествии от Бату к Мангу-хану и равным образом при возвращении, западную же – при возвращении от Бату в Сирию. Море это можно обогнуть в 4 месяца, и неправильно говорит Исидор, что это – залив, выходящий из океана, ибо он нигде не прикасается к океану, но отовсюду окружен землей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О дворе Бату и том, как он нас принял

Вся эта страна от западной стороны того моря, где находятся Железные Ворота Александра и горы Аланов, до северного океана и Болот Меотиды, где начинается Танаид, обычно называлась Албанией¹⁰. Исидор говорит про нее, что там водятся собаки такие большие и такие свирепые, что они хватают волов и умерщвляют львов. Это верно, судя по тому, что я узнал от рассказывавших, как там, в направлении к северу, собаки, в силу своей величины и крепости, тянут повозки, как быки. Итак, в том месте, где мы остановились на берегу Этилии, есть новый поселок¹¹, который Татары устроили вперемежку из Русских и Саррацинов, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда, потому что Бату находится на другом берегу в восточном направлении, и он не проходит через это место, где мы остановились, когда поднимается лето, а он уже начинал спускаться. Именно с января до августа он сам и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться. Итак, мы спустились на корабле от этого поселка до двора Бату, и от этого места до городов Великой Булгарии к северу считается пять дней пути. И я

удивляюсь, какой дьявол занес сюда закон Магомета. Ибо от Железных Ворот, находящихся в конце Персии, требуется более тридцати дней пути, чтобы, поднимаясь возле Этили, пересечь пустыню до упомянутой Булгарии, где нет никакого города, кроме неких поселков вблизи того места, где Этилия впадает в море; и эти Булгаре – самые злейшие Саррацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой. Итак, когда я увидел двор Бату, я оробел, потому что собственно дома его казались как бы каким-то большим городом, протянувшимся в длину и отовсюду окруженным народами на расстоянии трех или четырех лье. И как в Израильском народе каждый знал, с какой стороны скинии должен он раскидывать палатки, так и они знают, с какого бока двора должны они размещаться, когда они снимают свои дома [с повозок]. Отсюда двор на их языке называется ордой, что значит середина, так как он всегда находится по середине их людей, за исключением того, что прямо к югу не помещается никто, так как с этой стороны отворяются ворота двора. Но справа и слева они располагаются, как хотят, насколько позволяет местность, лишь бы только не попасть прямо перед двором или напротив двора. Итак, нас отвели сперва к одному Саррацину, который не позаботился для нас ни о какой пище. На следующий день нас отвели ко двору, и Бату приказал раскинуть большую палатку, так как дом его не мог вместить столько мужчин и столько женщин, сколько их собралось. Наш проводник внушил нам, чтобы мы ничего не говорили, пока не прикажет Бату, а тогда говорили бы кратко. Он спросил также, отправляли ли вы к ним послов. Я сказал, что вы посылали их к Кен-хану и что не отправляли бы ни послов к нему, ни грамоты к Сартаху, если бы не думали, что они были христианами, так как вы послали нас не из-за какого-нибудь страха, а с целью поздравления, потому что вы слышали, что они – христиане. Затем он отвел нас к шатру [павильону, *pariionem*], и мы получили внушение не касаться веревок палатки, которые они рассматривают как порог дома. Мы стояли там в нашем одеянии босиком с непокрытыми головами, представляя и в собственных глазах великое зрелище.

Там был брат Иоанн де Поликарпо¹², но он переменял платье, чтобы не подвергнуться презрению, так как был послом Господина Папы. Тогда нас провели до середины палатки и не просили оказать какое-либо уважение преклонением колен, как обычно делают послы. Итак, мы стояли перед ним столько времени, во сколько можно произнести «Помилуй мя, Боже», и все пребывали в глубочайшем безмолвии. Сам же он сидел на длинном троне, широком, как ложе, и целиком позолоченном; на трон этот поднимались по трем ступеням; рядом с Бату сидела одна госпожа¹³. Мужчины же сидели там и сям направо и налево от госпожи; то, чего женщины не могли заполнить на своей стороне, так как там были только жены Бату, заполняли мужчины. Скамья же с кумысом и большими золотыми и серебряными чашами, украшенными драгоценными камнями, стояла при входе в палатку. Итак, Бату внимательно осмотрел нас, а мы его; и по росту, показалось мне, он похож на господина Жана де Бомон¹⁴, да почует в мире его душа. Лицо Бату было тогда покрыто красноватыми пятнами. Наконец он приказал нам говорить. Тогда наш проводник приказал нам преклонить колена и говорить. Я преклонил одно колено, как перед человеком. Тогда Бату сделал мне знак преклонить оба, что я и сделал, не желая спорить из-за этого. Тогда он приказал мне говорить, и я, вообразя, что молюсь Богу, так как преклонил оба колена, начал речь с молитвы, говоря: «Государь, мы молим Бога, от которого исходят все блага и который дал вам сии земные, чтобы после этого он даровал вам небесные, так как первые без последних ничтожны». Он внимательно выслушал, и я прибавил: «Знайτε за верное, что не получите небесных благ, если не станете христианином. Ибо сказал Бог: «Кто уверует и крестится, спасен будет. Кто же не поверит, будет осужден». При этом слове он скромно улыбнулся, а другие Моалы начали хлопать в ладоши, осмеивая нас, и мой толмач оцепенел, так что надо было ободрить его, чтобы он не боялся. Затем, когда настала тишина, я сказал: «Я прибыл к вашему сыну, так как мы слышали, что он – христианин, и я привез ему грамоту от господина короля Франков. Он сам послал меня сюда к вам. Вы должны знать, по какой причине». Тогда он приказал мне встать и спросил об имени вашем, моем, моего товарища и толмача и приказал все записать; так как он знал, что вы вышли из вашей земли с войском, то спросил также, против кого ведете вы войну. Я ответил: «Против Саррацинов, оскорбляющих дом Божий в Иерусалиме». Он спросил также, отправляли ли вы когда-нибудь к нему послов. «К вам», – сказал я, – «никогда». Тогда он приказал нам сесть и дать выпить молока; это они считают очень важным, когда кто-нибудь пьет с ним кумыс в его доме. И так как я, сидя, смотрел в землю, то он приказал мне поднять лицо, желая еще больше рассмотреть нас или, может быть, от суеверия, потому что они считают за дурное знамение или признак, или за дурное предзнаменование, когда кто-нибудь сидит перед ними, наклонив лицо, как бы печальный, особенно если он опирается на

руку щекой или подбородком. Затем мы вышли, и спустя немного к нам пришел наш проводник и, отведя нас в назначенное помещение, сказал мне: «Господин король просит, чтобы ты остался в этой земле, а этого Бату не может сделать без ведома Мангу-хана. Отсюда следует, чтобы ты и твой толмач отправились к Мангу-хану; а твой товарищ и другой человек вернутся ко двору Сартаха, ожидая там, пока ты не вернешься». Тогда мой толмач, человек Божий, начал скорбеть, считая себя погибшим, а товарищ мой стал свидетельствовать, что пусть ему лучше отрубят голову, чем он отделится от меня. И я сказал, что не могу отправиться без товарища, прибавив, что мы очень нуждаемся в двух служителях, так как если кому случится захворать, то другой не может оставаться одиноким. Тогда он, вернувшись ко двору, передал эти слова Бату. Тогда тот приказал: «Пусть отправляются два священника и толмач, а причетник пусть вернется к Сартаху!» Проводник, вернувшись, сообщил нам это решение, а когда я хотел говорить в защиту причетника, чтобы тот ехал с нами, проводник сказал: «Не рассуждайте больше, так как Бату решил, и я не смею больше возвращаться ко двору». Из вашей благости у причетника Госсета было 26 иперперов, не больше; 10 из них он удержал для себя и для служителя, а 16 отдал Божьему человеку для нас, и так мы расстались друг с другом со слезами: он вернулся к Сартаху, а мы остались там.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

О пути братьев ко двору Мангу-хана

Накануне Успения¹⁵ наш причетник прибыл ко двору Сартаха, а на следующий день священники-несториане, облаченные в наши одеяния, были перед лицом Сартаха. Меж тем нас отвели к другому хозяину, который должен был заботиться для нас о помещении, пище и конях. Но так как у нас не было, что дать ему, то он делал все плохо. И мы ехали с Бату, спускаясь возле Волги, в течение 5 недель¹⁶. Иногда мой товарищ ощущал столь сильный голод, что говорил мне почти со слезами: «Мне кажется, что я никогда не получу есть». Рынок всегда следует за двором Бату, но этот базар был так далек от нас, что мы не могли пойти туда. Ибо нам приходилось, за недостатком лошадей, идти пешком. <...>

Я видел Бату разъезжавшим с своим отрядом, и все главы семейств ездят с ним. По моему расчету, их было менее пятисот человек. Наконец, около праздника Воздвижения Святого Креста пришел к нам некий богатый Моал, отец которого был тысячником, что считается важным среди них, и сказал: «Я должен отвести вас к Мангу-хану; это – путь четырех месяцев, и там стоит столь сильный холод, что от него раскалываются камни и деревья. Смотрите, сможете ли вы выдержать». Я ответил ему: «Надеюсь на милость божию, что мы выдержим то, что могут выдерживать другие люди». Тогда он сказал: «Если не сможете выдержать, я оставлю вас на дороге». Я ответил ему: «Это было бы несправедливо, так как мы отправились не по своей воле, а только посланы вашим государем, поэтому с тех пор, как мы вам доверились, вы не должны нас покидать». Тогда он сказал: «Все будет хорошо». После этого он приказал нам показать ему все наши платья и, что ему казалось менее необходимым, велел оставить под охраной нашего хозяина. На следующий день каждому из нас принесли по овечьей шубе с длинной шерстью, штаны из того же меха, сапоги или полусапожки согласно их обычаю, а также войлочные башмаки и меховые шапки согласно их обычаю. На второй день после Воздвижения Святого Креста мы выехали¹⁷, причем у нас троих было две выючные лошади, и мы ехали, не переставая, в восточном направлении вплоть до дня праздника Всех Святых. И по всей той земле, и еще дальше жили Канглы, какие-то родственники Команов. К северу от нас была Великая Булгария, а к югу вышеупомянутое Каспийское море.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране

Проехав 12 дней от Этилии, мы нашли большую реку, именуемую Ягак¹⁸; она течет с севера из земли Паскатири и впадает в вышеупомянутое море. Язык Паскатири¹⁹ и Венгров – один и тот же; это – пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стороне, нет более никакого города. Поэтому Великая Булгария – последняя страна, имеющая город. Из этой земли Паскатири вышли Гунны, впоследствии Венгры, а это, собственно, и есть Великая Булгария. И Исидор говорит, что на быстрых конях они переправились через преграды Александра, удерживавшие дикие народы скалами Кавказа, так что им платили дань вплоть до Египта. Они разорили также все земли вплоть до Франции, поэтому

они обладали большим могуществом, чем нынешние Татары. С ними боролись Валахи, Булгары и Вандалы. Ибо те Булгары, которые живут за Дунаем вблизи Константинополя, вышли из упомянутой Великой Булгарии. И вблизи Паскатира живут Иллак, что значит то же, что Блак, но Татары не умеют произносить Б; от них произошли те, кто живет в земле Ассана²⁰. Ибо обоих, как тех, так и этих, именуют Иллак. Язык Русских, Поляков, Чехов (Воетогум) и Славян один и тот же с языком Вандалов, отряд которых всех вместе был с Гуннами, а теперь по большей части с Татарами, которых Бог поднял из более отдаленных стран, не народ и племя несмысленное, по словам Господним²¹: «Я вызову их, то есть не хранящих своего закона, чрез того, кто не народ, и раздражу их племенем несмысленным». Это исполняется буквально над всеми народами, не хранящими закона Христова. То, что я сказал о земле Паскатира, я знаю через братьев проповедников²², которые ходили туда до прибытия Татар, и с того времени жители ее были покорены соседними Булгарами и Саррацинами, и многие из них стали Саррацинами. Другое можно узнать из летописей, так как известно, что области за Константинополем, именуемые ныне Булгарией, Валахией и Склавонией, были областями Греков. Венгрия, таким образом, была Паннонией. Итак, мы ехали через землю Кангле от праздника Святого Креста до праздника Всех Святых, причем почти всякий день, как я мог рассчитывать, делали такое расстояние, как от Парижа до Орлеана²³, а иногда и больше, смотря по тому, какое у нас было количество лошадей. Именно иногда мы меняли лошадей дважды или трижды в день, а иногда ехали без перемены два или три дня, потому что не встречали народа, и тогда приходилось ехать медленнее. Из 20 или 30 лошадей у нас всегда были худшие, так как мы были чужестранцами. Ибо все, ехавшие раньше нас, брали лучших лошадей. Для меня всегда сохраняли крепкого коня, так как я был очень дороден, но я не смел предлагать вопрос о том, хорошо ли идет конь, или нет, не смел я также жаловаться, если он имел не рысистый шаг, но каждому надлежало терпеть свою участь. Отсюда для нас возникали весьма тягостные затруднения, так как неоднократно лошади утомлялись раньше, чем мы могли добраться до народа, и тогда нам надлежало их погонять и бить кнутом, даже перекидывать одежду на других вьючных лошадей, переменять коней на вьючных лошадей, а иногда двоим ехать на одной лошади. <...>

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Путешествие из Каракарума к Бату, а от него в город Сарай

<...> Итак, мы ехали до Бату два месяца и 10 дней, не видя за это время ни разу города или следа какого-нибудь здания, кроме гробниц, за исключением одной деревеньки²⁴, в которой не вкушали хлеба. И за эти два месяца и 10 дней мы отдыхали только один единственный день, так как не могли получить лошадей. Мы возвращались по большей части через область того же самого народа, но совсем по другим местностям. Именно мы ехали зимою, а возвращались летом и по гораздо более высоким северным странам, за исключением того, что пятнадцать дней подряд приходится ехать туда и обратно возле какой-то реки между гор, в которых нет травы иначе, как возле реки. Мы ехали по два, а иногда и по три дня, не вкушая никакой пищи, кроме кумыса. Иногда мы подвергались сильной опасности, будучи бессильны найти людей, а съестных припасов нам не хватало, и лошади были утомлены. Проехав 20 дней, я услышал новости про царя Армении, что он в конце августа проехал навстречу Сартаху, двинувшемуся к Мангухану со стадом крупного и мелкого скота, с женами и малолетками, однако большие дома его остались между Этилией и Танаидом. Я ходил на поклон к Сартаху и сказал ему, что охотно остался бы в земле его, но Мангу-хан пожелал, чтобы я вернулся и отвез грамоту. Он ответил, что волю Мангу-хана должно исполнить. Тогда я спросил у Койяка про наших людей. Он ответил, что они пребывают при дворе Бату и окружены тщательным попечением. Я потребовал также наше облачение и книги, и он ответил: «Разве вы привезли их не Сартаху?» Я сказал: «Я привез их Сартаху, но не отдал ему, как вы знаете». При этом я повторил ему, как я ответил, когда он спросил, желаю ли я отдать их самому Сартаху. Тогда он ответил: «Вы говорите правду, и правде никто не может воспротивиться. Я оставил ваши вещи у моего отца, пребывающего вблизи Сарая, это – новый город, построенный Бату на Этилии; но наши священники имеют некоторые из облачений здесь с собою». Я ответил ему: «Из облачений удерживайте, что вам угодно, лишь бы мне возвращены были книги». Тогда он сказал, что передаст слова мои самому Сартаху. «Мне следует», сказал я, «иметь грамоту к вашему отцу, чтобы он вернул мне все». Но они были уже препоясаны в путь, и он сказал мне: «Двор госпож следует за нами здесь вблизи, вы слезете там, и я перешлю вам через вот этого человека ответ Сартаху». Я беспокоился, не обманул бы он меня, однако спорить с ним не мог. Вечером пришел ко мне тот человек, на которого он указал мне, и принес с собой

две рубашки, которые я считал за цельную, не разрезанную шелковую ткань. Этот человек сказал мне: «Вот две рубашки: одну Сартах посылает тебе; а другую, если ты считаешь это удобным, представь от его имени королю». Я ответил ему: «Я не ношу таких одеяний; обе представлю я королю в знак уважения к вашему господину». – «Нет, – отвечал он, – поступи с ними, как тебе будет угодно». Мне же угодно обе послать вам, и я посылаю их через подателя настоящего послания. Он дал мне также грамоту к отцу Койяка, чтобы тот вернул мне все принадлежащее, так как он не нуждался ни в чем из моего имущества. Прибыл же я ко двору Бату в тот же день, в который удалился от него в истекшем году, а именно два дня спустя²⁵ после Воздвижения Святого Креста, и с радостью обрел наших служителей здоровыми, но удрученными сильной скудностью, о чем рассказывал мне Госсет. И не будь царя Армении, доставившего им великое утешение и поручившего их вниманию самого Сартаха, они погибли бы, так как думали про меня, что я умер; Татары уже стали спрашивать, умеют ли они стеречь быков или доить кобылиц. Ибо, не вернись я, их обратили бы в рабство. После этого Бату приказал мне явиться перед его лицо и велел перевести для меня грамоту, которую посылает вам Мангу-хан. Ибо Мангу написал ему так, что, если ему угодно что-нибудь прибавить, отнять или изменить, то пусть он это сделает. Затем Бату сказал мне: «Вы доставите эту грамоту и заставите ее перевести». Он спросил также, какую дорогу хочу я избрать, по морю или по суше. Я сказал, что море недоступно, так как наступала уже зима, а потому мне надлежит отправиться по суше. Я думал, далее, что вы пребываете еще в Сирии, и направил свой путь в Персию. Ибо, знай я, что вы переправились во Францию, я отправился бы в Венгрию и скорее добрался бы до Франции, и по пути менее тягостному, чем в Сирию. Затем мы месяц путешествовали с Бату, раньше, чем могли получить проводника. Наконец, назначили мне некоего Югура, который, думая, что я ничего ему не дам, приказал, несмотря на мое заявление, что я хочу отправиться прямо в Армению, доставить себе грамоту, что он проводит меня к Турецкому султану, надеясь получить от него подарки и иметь больше выгоды на этой дороге. Затем я пустился в путь к Сараяу ровно за две недели²⁶ до праздника Всех Святых, направляясь прямо на юг и спускаясь по берегу Этилии, которая там ниже разделяется на три больших рукава; каждый из них почти вдвое больше реки (Нила) у Дамиегты. Кроме того, Этилия образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись через эту реку на судах в 7 местах. При среднем рукаве находится город, по имени Суммеркент²⁷, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше, чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Сарацины. Там мы нашли одного немца с женой, человека очень хорошего, у которого останавливался Госсет. Именно Сартах посылал его туда, чтобы облегчить, таким образом, свой двор. Вблизи этих мест пребывают, около Рождества Христова, Бату с одной стороны реки, а Сартах с другой, и далее не спускаются. Бывает, что река замерзает совершенно, и тогда они переправляются через нее. Здесь имеется огромное изобилие трав, и татары прячутся там между тростников, пока лед не начнет таять. Отец Койяка, получив грамоту Сартаха, сам вернул мне облачения, кроме трех стихарей, омофора, вышитого шелком, епитрахили, пояса, а также одежды на алтарь, вышитой золотом, и еще одного диаконского одеяния (*Supergellicium*); вернул он также и серебряные сосуды, кроме курильницы и коробочки, в которой было миро; эти сосуды были у священников, находившихся вместе с Сартахом. Книги вернул он все, кроме псалтыря госпожи королевы, который удержал с моего позволения, так как я не мог отказать ему в этом. Именно он говорил, что псалтырь очень понравился Сартаху. Он просил меня также, чтобы, если мне доведется вернуться в те страны, я привез к ним человека, умеющего изготавливать пергамент. Именно, по поручению Сартаха, он строил большую церковь на западном берегу реки и новый поселок и хотел, как он говорил, приготовить книги для нужд Сартаха. Однако я знаю, что Сартах об этом не заботится. Сарай и дворец Бату находятся на восточном берегу; долина, по которой разливаются упомянутые рукава реки, имеет более 7 лье в ширину, и там водится огромное количество рыбы. Не мог я получить также переложенную в стихи библию, книгу на арабском языке, стоящую тридцать византиев, и еще много другого.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

*Продолжение пути от Сарая через Албанские и Лесгийские горы,
через Железные Ворота и через другие места*

Удалившись, таким образом, из Сарая в праздник Всех Святых²⁸ и направляясь все к югу, мы добрались в праздник Святого Мартина²⁹ до гор Аланов. Между Бату и Сараем, в течение 15 дней, мы не встретили никого из людей, кроме одного из сыновей Бату, который двигался вперед с соколами, и его сокольников, бывших в большом количестве, и одного маленького поселка. Две недели,

начиная с праздника Всех Святых, мы не находили никого из людей; и мы чуть не умерли от жажды в течение одного дня и одной ночи, не найдя воды почти до трех часов следующего дня.

Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти Аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, Аланами и Железными Воротами, отстоящими отсюда на два дневных перехода, где начинается равнина Аркакка. Между морем и горами живут некие Саррацины, по имени Лесги, горцы, которые также не покорены, так что Татарам, жившим у подошвы гор Аланов, надлежало дать нам 20 человек, чтобы проводить нас за Железные Ворота. И я обрадовался этому, так как надеялся увидеть их вооруженными, ибо я никогда не мог увидеть их оружия, хотя сильно интересовался этим. И когда мы добрались до опасного перехода, то из 20 у двоих оказались латы. Я спросил, откуда они к ним попали. Они сказали, что приобрели латы от вышеупомянутых Аланов, которые умеют хорошо изготавливать их и являются отличными кузнецами. Отсюда, как я полагаю, Татары сами имеют немного оружия, а именно только колчаны, луки и меховые панцыри (*pelliceas*). Я видел, как им доставляли из Персии железные панцыри (*platas*) и железные каски, а также видел двоих, которые представлялись Мангу вооруженными в выгнутые рубашки из твердой кожи, очень дурно сидящие и неудобные. Прежде чем добраться до Железных Ворот, мы нашли один замок Аланов, принадлежащий самому Мангу-хану, ибо он покорил ту землю. Там впервые нашли мы виноградные лозы и пили вино. На следующий день мы добрались до Железных Ворот, которые соорудил Александр Македонский. Это – город, восточная оконечность которого находится на берегу моря, и между морем и горами имеется небольшая равнина, по которой тянется самый город вплоть до вершины горы, прилегающей к нему с запада; таким образом, выше нет никакой дороги из-за непроходимых гор, а ниже нельзя пройти по причине моря, и дорога лежит единственно прямо по середине города поперек, где находятся Железные Ворота, от которых назван город. Он имеет в длину более одной мили, а на вершине горы стоит крепкий замок; в ширину город простирается на полет большого камня. Он окружен крепчайшими стенами без рвов, с башнями, построенными из больших обтесанных камней. Но Татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравнив башни со стеною. Внизу этого города земля считалась прежде за настоящий рай земной. На два дня пути отсюда мы нашли другой город, по имени Самарон³⁰, в котором живет много Иудеев; когда мы проехали через него, то увидели стены, спускающиеся с гор до моря. И, покинув дорогу через горы у этих стен, так как она сворачивала там на восток, мы поднялись на горы в южном направлении. <...>

Примечания*

К главе 16

¹ Вероятно, народ мокша-эрзя финско-мордовского происхождения, населявший бассейн р. Мокша (левый приток р. Оки).

² Т.е. мордва, см. прим. 101 к путешествию Платона Карпини.

³ Т.е. Каспийское море.

⁴ По-видимому, лезгины. Согласно сведениям автора X в. Ибн ал-Асира, лезгины (или как он их называет «лекз») исповедовали и мусульманство и Христианство.

К главе 20

⁵ Греч. *Semanterium*.

⁶ Т.е. Бэркэ, см. прим. 86 к путешествию Платона Карпини.

⁷ *Mare Sirsan*, в других рукописях Рубрика *Sirtan* или *Sircan*, что представляет собой, по-видимому, ошибку переписчика, вместо *mare Servanicum* или море Ширванское.

⁸ «Имеется в виду арабское слово *мульхид* = еретик».

⁹ «Название секты было Хашишин от одуряющего напитка хашиш. Убийства исмаилитов получили такую известность, что от названия их секты произошло французское слово *assassin* (убийца)». (Прим. А.И.Малеина).

К главе 21

¹⁰ Это определение Албании взято Рубриком из Исидора Севильского, который в своих знаменитых «Этимологиях» (кн. XIV, стр. 501) пишет: «Албания называется так от цвета народа, который имеет светлые (*alba*) волосы; она начинается на Востоке у Каспийского моря и простирается через

* Текст примечаний значительно сокращен. – *Прим. ред.*

степи и леса вдоль берега Северного Океана до Меотидских болот. В этой стране имеются огромные собаки, столь свирепые, что хватают быков и повергают львов». О свирепых собаках Албании рассказывают многие средневековые авторы.

¹¹ Вероятно, Рубрук говорит об Увеке. Марко Поло называет его Укака.

¹² Разумеется Плано Карпини. Об упоминаемой затем перемене платья говорит толмач Плано Карпини, Бенедикт. (Прим. А.И.Малеина).

¹³ Вероятно, первая жена Бату, которую звали Борақчин.

¹⁴ Участник седьмого крестового похода, адмирал французского флота, сопровождавший Людовика IX при высадке в Египет в 1249 г. Его племянник Гильом де Бомон был также в этом крестовом походе в звании маршала.

К главе 22

¹⁵ Т.е. 14 августа.

¹⁶ Нет ничего удивительного, что Бату вместе со своей свитой путешествовал медленно, вероятно, не более 10–15 км в день, так как Рубрук, указывает, что ему приходилось идти пешком за недостатком лошадей.

¹⁷ Рубрук выехал ко двору хана Мункэ 15 сентября 1253 г. Он оставил Волгу в ее течении между 48° и 50° градусами северной широты, значительно севернее того места, куда он впервые пришел на Волгу с запада. К такому выводу пришел Г.Юль, изучая маршрут Рубрука. Это мнение Юля удерживается и поныне.

К главе 23

¹⁸ Т.е. р. Яик, переименованная в р. Урал во второй половине XVIII в.

¹⁹ Баскарт у Плано Карпини, см. прим. 103 к путешествию Плано Карпини.

²⁰ Передвижение части булгар с Волги и занятие ими Валахии произошло в 485 г. н.э., но только в начале VI в. часть из них, возглавляемая Аспаруком, перешла Дунай и заняла земли современной Болгарии, «земли Ассана» по Рубруку.

²¹ Второзаконие, XXXII, 21 (ср. Посл. к Римлянам, X, 19). В нашей Библии: «Они раздражили Меня не богом, суетными своими огорчили Меня: и я раздражу их не народом, народом бессмысленным огорчу их». (Прим. А.И.Малеина).

²² Об этих первых проповедниках, принадлежавших к доминиканскому ордену, имеется только одно упоминание в «Хронике» Albert Tri um Fontium под 1237 г.: «Распространились слухи, что татары намереваются захватить Команию и Венгрию, поэтому четыре проповедника путешествовали в течение ста дней и дошли до Старой Венгрии и, вернувшись, они утверждали, что татары уже вторглись в Старую Венгрию и подчинили ее своему господству». Судя по словам Рубрука, были и другие попытки доминиканцев проникнуть на восток Европы.

²³ Сто километров. По вычислениям Ф.Шмидта Рубрук делал ежедневно по 80 км. <...>

К главе 49

²⁴ В оригинале una villula, что правильнее передать «одного городка», хотя Rockhill переводит one little village. Шмидт (стр.231) предполагает, что это был Омыл, который Рубрук, по его словам (стр.113), посетил при возвращении. (Прим. А.И.Малеина).

²⁵ 16 сентября 1254 г.

²⁶ 16 октября. Рубрук провел месяц в ставке Бату на обратном пути.

²⁷ Мусульманский географ Абд ар-Рашид (XV в.) упоминает о городе Сакассин, который был затоплен Волгой. Точное местоположение его неясно. Быть может, Суммеркент Рубрука представляет собой искажение названия Сакассин.

К главе 50

²⁸ Т.е. 1 ноября.

²⁹ Т.е. 15 декабря.

³⁰ Точное положение этого города неизвестно; он находится в середине между Дербентом и Шемахой, на два дня пути от того и другого города. (Прим. А.И.Малеина)».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 13

Донесение Бенедикта Поляка

В 1247 г. участники дипломатической миссии, францисканцы Иоанн де Плано Карпини и Бенедикт Поляк вернулись в Европу с ответным письмом монгольского хана Гуюка и подробными донесениями. Есть основания полагать, что переводчик миссии, брат Бенедикт, в силу своих обязанностей владел всей полнотой информации. В одном из городов Восточной Европы, где участники посольства нашли приют в обители братьев францисканцев, по настоянию отца Богуслава, управителя ордена в Богемии и Польше, некий аноним сделал краткую копию с донесения брата Бенедикта. Судьба самого донесения на сегодняшний день неизвестна. Что же касается копии, выполненной анонимом, (которого принято называть Ц. де Бридиа, ибо он подписался только инициалом С), то она сохранилась до наших дней в латинской рукописи XV в. Наличие этого текста позволяет со всей определенностью утверждать, что авторство большей части сведений миссии, ранее безоговорочно приписываемых брату Иоанну, принадлежит брату Бенедикту, поскольку в его донесении они сохранили завидную полноту, монгольскую терминологию и ее адекватный перевод.

В 1965 г. американский историк Г.Д.Пейнтер опубликовал текст «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа¹. В 1967 г. немецкий филолог О.Оннерфорс подготовил второе, исправленное, издание этого текста². В 2002 г. в Санкт-Петербурге издательство «Евразия» выпустило в свет новое критическое издание (где учтены все поправки к тексту, предложенные Ц.Х.Книпкенсом³) и перевод донесения на русский язык с подробными комментариями⁴. Представленный ниже перевод опирается на последнюю публикацию.

Наиболее впечатляющая часть донесения, получившая условное название «Роман о Чингизхане», где говорится о легендарных походах трех монгольских армий к пределам мира, освещена в специальном исследовании⁵ и по этой причине в данном случае не комментируется.

«История Тартар» брата Ц. де Бридиа

Начинается История Тартар.

<...> [2] Итак, следует знать, что, согласно тартарам и некоторым другим [народам] обитаемого мира⁶, его устройство делится на две главные [части], а именно Восток и Запад, широко распростершись от [точки] восхода солнца до [точки] его захода в зимнее и летнее время. Запад же начинается от земли Ливонии и простирается от Пруссии до самой Греции и непосредственно за нее и включает в себя Вселенскую церковь католической веры⁷. Поэтому и тартары называют папу [римского] «великим папой» всего Запада⁸. А прочая же часть, именуется Восток, в которой расположена земля тартар, где восток соединяется с севером, соседствуя с северным морем-океаном, и называется Моал. <...>

[23] По свершении этих [событий, т.е. гибели Чингиз-кана] Оккодай⁹, сын его, наследовал его империю посредством избрания среди других. Ведь Чингиз-кан оставил четырех сыновей, а именно: Оккодая, который и наследовал ему; Тоссука, Чагадая¹⁰, имя четвертого я не узнал ни от братьев, ни от других¹¹. Сыновей у Оккодая трое, а именно: Куюк¹², который с недавнего времени является каном, то есть императором, Коктен¹³ и Киренен¹⁴. У второго сына, а именно Тоссука-кана, – сыновья: Бати¹⁵ (он является самым могущественным после кана) и Орду¹⁶. Он – старший среди вождей и наиболее уважаем. Других двух сыновей он имел от другой жены, а именно Сибана¹⁷ и Хаута [Тангута]¹⁸. Сыновьями третьего [сына Чингиз-кана], а именно Чагадая, являются Ка[да]н¹⁹ и Бури²⁰. Сыновья четвертого [сына Чингиз-кана], имени которого я не знаю – Менгу²¹ (он был старшим, чья мать – Серекта²², которая [наиболее] известна среди тартар после матери императора; [Менгу] является наиболее могущественным после Бати), а другой – Бехак²³. Имен других сыновей я не узнал. А имена вождей таковы: Орду (он прошел через Польшу в Венгрию), Баты, Бури, Кадан, Сибан, Бугиек (эти были в Венгрии), Кирбодан²⁴ (он до сих пор сражается против султана Дамаска); но в земле тартар остались Менгу, Коктен, Сиренен и многие другие, называть которых нет необходимости.

[24] А Оккодай, будучи очень силен множеством [людей], подобно тому, как ранее сделал его отец, организовал три [войска]. Над первым он назначил Бати, сына брата, и послал его на Запад против церкви Божьей и всех областей Запада. Он [Бати], придя, покорил землю Альтисольдана²⁵ и землю бисерменов. Они были сарраценами, говорящими по-комански. Там же он взял, хотя и после долгой войны, очень укрепленный город по названию Барчин. А другой город, по названию Иакин, сдался сам, и поэтому он его не разрушил, а, взяв добычу и умертвив наиболее знатных по своему

обычаю и заставив переселить жителей, поселил других людей в этом городе. И проследовал по направлению к Орнасу²⁶, огромному городу, наполненному христианами, то есть газарами и аланами, а также разными сарраценами из различных частей [света]. И расположен он на реке (занимающей большую часть [берега] моря), которая протекала через город. Тартары, перекрыв реку в верхней части, пустили воду стремительным потоком и потопили город со всем, что в нем было.

[25] Кроме этого, Бати в то время подчинил землю Теркомен [Туркмен] и землю Кангитов, а также Великую Команию, а также Русию, и захватил Киев, столицу Руси, город очень большой и известнейший. [Достиг он этого] уничтожением большого количества людей и многочисленными сражениями, [описание] которых в настоящий момент я опускаю, потому что это требует особого повествователя.

[26] Куйук, сын Оккодая, двоюродный брат Бати, который с недавнего времени является каном, возвращался [с западного похода], тайно узнав о смерти отца, и на обратном пути захватил землю Газаров и землю Аланов, потом землю Тх'ет, и в конце концов, землю Тартар. Это – земли христиан, разных по языку, и расположены они на юге вблизи моря. Сделав это, он вернулся в свою землю.

[27] А Бати выступил затем, будучи на Руси, против Билеров, то есть Великой Булгарии²⁷, и мордванов, и, захватив их [знать], присоединил их к своему войску. Затем он двинулся оттуда против Польши и Венгрии и, разделив войско на границах [этих] земель, послал против Польши десять тысяч воинов со своим братом Орду, из которых многие были приведены в замешательство и пали в битве в самом начале этой земли от [рук] поляков из княжеств Краковского и Сандомирского. Но поскольку зависть (что соответствует истине) является пищей для многих пороков, то поляки, не стремясь во взаимном единстве ко благу, которого они достигли, из-за спеси высокомерия и зависти друг к другу жалким образом были разбиты тартарами.

[28] Тартары же, проследовав дальше в Силезию, вступили в битву с князем Генрихом, который в те времена был самым [благочестивым] христианином в своей земле, и в тот момент, когда, как [тартары] рассказывали самому брату Бенедикту, они уже хотели бежать, неожиданно клинообразно сомкнутые ряды христиан вдруг обратились в бегство. Тогда, схватив князя Генриха, тартары раздели его полностью и заставили преклонить колена перед мертвым [тартарским] князем, который был убит в Сандомире, потом голову его, словно овечью, отослали через Моравию в Венгрию к Бати и затем бросили ее среди других голов убитых.

[29] Когда сам Бати вошел в Венгрию и [его войско] прошло больше половины этой земли, возле некоей реки они [встретили] многочисленное [войско] двух [венгерских] королей, братьев единоутробных, а именно: Белы, который и ныне правит, и блаженной памяти Коломана, который в первой же схватке собственноручно сбросил главного вождя тартар с моста над этой рекой вместе с лошадью и оружием в бездну смерти. Также он выдержал их второй и третий [натиск] и [сражался] до тех пор, пока тартары не обратились в бегство. А Бати тем временем послал войско через реку в верхнем ее течении на расстояние одного или двух дней пути, чтобы они неожиданно с тыла напали на сражающихся на мосту противников. Что и было сделано. Вследствие этого исход дела принял неожиданный оборот. И после того, как венгры пренебрегли предупреждением короля Коломана, тартары перешли через мост. И, как рассказывали сами же тартары, что уже после того, как они побежали от венгров, Бати обнажил меч и принудил их [вернуться] к битве, в то время как венгры, считая, что они, словно в безопасности, отдыхали, презрев тартар. Венграми же двигала преждевременная гордыня, точно так же, как и поляками – зависть. А тартары, напав [на них], побили многих и преследовали Белу, короля венгров, вплоть до самого моря.

[30] А когда Бати был в Венгрии и узнал о смерти Оккодай-кана, который умер, отравленный [своей] сестрой, и похоронен «с богатым в аду», то он немедленно вернулся в Команию. Его также видели и братья [францисканцы], возвращаясь к Господину папе от тартар. Кроме того, братья говорят, что из своих владений он уже направляется к Куюк-кану. К тому же между ними возник большой разлад, и если бы он имел продолжение, [то] христиане смогли бы получить в течение многих лет передышку от тартар.

[31] А второе войско, которое возглавлял Гирподан, и которое пошло на юг, покорило землю, которая называется Киргиз. Люди этой земли – язычники, и у них нет волос на подбородке, и [когда] у кого-то умирает отец, то он, выражая скорбь и боль из-за смерти отца, вырезает на подбородке ремень от одного уха вплоть до другого. Также он [Гирподан] завоевал Армению, также Георгианию, также Нубию, также Туркию, также Балдак [Багдад], и [земли] многих других сарраценов султанов. Говорят, что он доныне сражается с султаном Дамаска.

[32] Третье же войско сражается с какими-то восточными [народами], которые до сих пор не полностью подчинились власти тартар.

[33] Итак, после смерти Оккодай-кана тартары были лишены кана в течение семи лет, и поэтому они совсем не воевали в западном направлении. Сына его, Куюка, избрали каном единогласным решением, когда наши братья присутствовали [при этом в орде]. Он же, после избрания, поднял триумфальное знамя против церкви Божией, и господства христиан, и всех государств Запада и третью часть всей своей мощи направил на войну. И приходят они, чтобы сражаться непрерывно в течение восемнадцати лет, и они не остановятся до тех пор, пока не останется [в живых] ни знатного, ни императора, ни королей. И хотя они знали, что рано или поздно они должны быть убиты христианами, но, однако, они не знают ни дня и ни земли, в которой Бог назначил этому случиться, когда неожиданно Бог мщения отомстит кровь неотмщенных.

[34] Названия же земель, которые тартары завоевали, суть таковы: Китай, Соланги, Эфиопия, Войрат, Кераниты, Буритебет, Уйгур, Киргиз, Саруйхур, Меркит, Мекрит, Найман, Каракитай, Туркия, Нубия, Балдак [Багдад], Урумсолдан, Бисермины, Кангиты, Армения, Георгиания, Аланы, которые называют себя Аззами, Киркасы [Черкесы], Газары, Команы, которые называют себя Кусскара [Кыпчаками], Мордвины, Баскарт, то есть Великая Венгрия, Билеры, Корола, Кассиды, Паросситы, Песьи [народы], Замогеды [Самоеды], Несториане, Нусия [Русия], [земли] персидских султанов, которые именуют себя сарраценами.

[35] Итак, описав войны тартар и их происхождение, [отметим], где бы ни была их земля, сейчас известно, что земля эта в некоторой части очень гориста, а в другой – совершенно равнина. Она не плодородна, потому что песчана. Климат [ее] крайне переменчив, и это, вероятно, из-за чередования гор и равнин. [Эта земля] изобилует сильнейшими ветрами. Бывают там также молнии, громы и грозы, и [к тому же] вне сезона, ибо говорили они братьям, что несколько лет тому назад климат у них начал удивительным образом меняться. Поэтому часто кажется, что вблизи земли тучи словно сражаются с тучами, и рассказывали они дальше, что незадолго до приезда [наших] братьев к ним сошел огонь с небес и уничтожил лошадей многие тысячи и скота со всеми рабами, пасущими [его], за исключением немногих. А когда братья присутствовали на [церемонии] избрания кана, то есть императора, выпал такой сильный град, что после его внезапного таяния утонуло более ста шестидесяти человек, и [поток] далеко унес вещи вместе с жилищами. А жилищу братьев, которое находилось рядом, не было нанесено совершенно никакого ущерба. К тому же, когда братья страдали вместе с другими при виде этого [бедствия], начался сильнейший ветер, поднявший такую пыль, что никто не смог бы удержаться на лошади или даже устоять на ногах.

[36] Эти тартары в основном среднего роста и достаточно стройные, благодаря, [во-первых, употреблению] молока кобылиц, которое делает человека худым, и, [во-вторых, повседневному] труду. Лица у них широки. [Они] имеют выдающиеся вперед скулы. И кроме того, они выбривают на голове круг, наподобие наших клириков, имеющих [тонзуру], от которого они обыкновенно выбривают в направлении каждого уха [полосу] размером в три пальца. А на лбу они носят челку до самых бровей, ниспадающую в виде полумесяца. А оставшиеся же волосы они отпускают и заплетают [в косы], как саррацены.

[37] Об их одежде необходимо знать, что у мужчин и женщин одежда одинакова и поэтому их невозможно сразу различить. Однако это представляется более любопытным, чем полезным. По этой причине далее я не озаботил себя описанием прочих их нарядов и одежды.

[38] Жилища их называются юртами. Они круглые и сделаны из веток и кольев. Наверху они имеют круглое окно для [выхода] дыма и света. Крыша и вход – из войлока. Однако они различаются по размерам и могут переноситься [с места на место]; согласно с тем, что требует величина [юрты] (достаточно одного быка, или трех, или четырех, или даже большего [количества]) для ее переноски. Стойбища кана и принцев называются по-тартарски *орды*. Городов они не имеют, но в различных местах они устраивают стойбища [наподобие городов]. Есть у них один город, который называется Каракарон, возле которого наши братья были в полдня пути, когда они находились в Желтой Орде, то есть лучшем дворе императора. Из-за малого количества дров, как знатные, так и простые [люди] для разжигания огня не имеют ничего другого, кроме бычьего и конского навоза.

[39] Согласно некоторым преданиям, Чингиз-кан был создателем их [религиозного права], но в большинстве случаев наши братья, будучи среди них достаточно долго, почти ничего не узнали об исполнителях [этих традиций]. Однако [выяснили, что] тартары верят в единого Бога, создателя вещей, видимых и невидимых, и подателя благ, [отмеренных] на этот век, равно как и зла. Однако они не почитают Его

должным образом, потому что имеют разных идолов. У них есть некие изображения человеческих фигур из войлока, которые они помещают по обеим сторонам от входа в юрту над выменем, сделанным ими из войлока подобным же образом, и утверждают, что они являются хранителями скота и приносят им в жертву молоко и мясо. Но в большей степени они почитают шелковых идолов, которых они кладут на крытую повозку [внутри ее], [или] у входа в юрту. Если кто-либо из этого что-нибудь украдет, то его немедленно убивают. А тысячники и сотники имеют в центре юрты козлиную шкуру, наполненную сеном или соломой, и приносят ей в жертву молоко всякого рода. И когда они начинают есть или пить, то идолу, который находится в повозке, предлагают на блюде сердце животного, которое утром убирают и съедают. Кроме того, когда-то они сделали идол Чингиз-кана, который они устанавливают перед юртой всякого [правлящего] кана и приносят ему дары. Коня же, принесенные ему в дар, в дальнейшем не используются для езды. Также животных, которых они убивают для употребления в пищу, сначала предлагают ему, то есть идолу, [и] кости животного не ломают. Этому же идолу кланяются на юг, словно Богу, и к этому же многих принуждают, в особенности покоренную знать.

[40] Поэтому недавно случилось так, что правитель Михаил, из великих князей Руси, когда он подчинился их власти и не захотел названному идолу кланяться, говоря, что это не дозволено христианам, и когда он упорно настаивал на [непоколебимости своей] веры в Христа, было приказано бить его пяткой ноги в грудь до смерти. И когда его воин поощрял к стойкости в мученичестве, то ему перерезали горло ножом, а воину, который поощрял, отсекали голову. Также они приносят в жертву дары солнцу, луне, воде, земле, и привыкли они делать это в особенности по утрам.

[41] Кроме того, у них есть некие традиции, [созданные] Чингиз-каном, которые они соблюдают. Он установил не очищать внутренности брюха животного, как сказано выше, путем вскрытия кишок, но выжимать [кал] руками и очищенное, таким образом, брюхо готовить для еды. А также, если кто-нибудь, движимый гордыней, по собственной воле захочет стать каном, то он должен быть немедленно убит. По этой причине, перед избранием Куйук-кана, племянник Чингиз-кана был убит, потому что возжелал [захватить] власть. Он [Чингиз-кан] также установил, чтобы [тартары] покорили все земли мира, и не заключали бы мира ни с кем, разве только те сами открыто и безоговорочно не сдадутся им, и на этот случай приказал щадить простых людей, а всех более знатных умерщвлять. Он им [т.е. тартарам] также предсказал, что в конце концов все они будут убиты в земле христиан, однако немногие оставшиеся [в живых] будут соблюдать закон [той] земли, в которой отцы их погибли различными смертями. Также он повелел, чтобы в войске были предводители: десятники, сотники, тысячники и десятитысячники, то есть десять тысяч [воинов] под [началом] одного, что русские имеют обыкновение называть *тьма*.

[42] Страх Божий [явился причиной] их утверждений о существовании неких больших грехов. Один [из грехов] – пронзять огонь, или каким-либо образом касаться [огня] ножом, также извлекать мясо из котла ножом. Также вблизи огня рубить дрова, потому что, как они утверждают, этим отсекается голова огня. [Запрещено] также садиться на конскую плеть (ибо они не используют шпоры), или прикасаться плетью к стрелам, или брать птенцов из гнезда. Также [запрещено] уздой бить коня, также мочиться в юрте. Если [кто-либо] сделает это намеренно, после этого его убивают, если же нет, то необходимо, чтобы он заплатил заклинателю, чтобы тот очистил их, [проведя] между двух огней, таким образом, чтобы они сами вместе с юртой и с тем, что в ней есть, прошли сквозь [огни]. И, прежде чем это не произойдет, никто не смеет прикасаться к чему-либо [находящемуся] в юрте. Также, если кто-либо, положив себе [в рот] кусок, (или же *болус*, что означает то же самое), не будет в состоянии [его] проглотить и выплюнет изо рта, то юрта подкапывается, и через это отверстие его вытаскивают и немедленно убивают. Также если кто-либо наступит на порог юрты вождя, то безжалостно лишается жизни; поэтому наши братья научены были не наступать на порог. Также они считают грехом проливать с намерением кобылье молоко на землю. Когда же братья сказали им, что грех – проливать человеческую кровь, напиваться допьяна, присваивать чужое и многое другое в этом духе, то они засмеялись, совершенно ни мало не заботясь об этом. Они также не верят в вечную жизнь святых и не [верят] в вечное проклятие, но [верят] только лишь в то, что после смерти они вновь будут жить, приумножать стада и поглощать [пищу]. Обращаются они также к изготовлению зелий и заклинаниям и верят, что ответы демона – это [ответы] Бога, коего Бога называют Иуга, а команы – [называют] Кодар. Они никого не принуждают оставлять свою веру, только бы повиновался во всем их приказам. В противном случае они принуждают [к подчинению] насильно или же убивают. Так они принудили младшего брата князя Андрея в Руси (убитого ими по ложному обвинению), взять в жены вдову брата, уложив их на одно ложе в присутствии других людей.

[43] Также они имеют обыкновение начинать какое-либо дело в начале лунного месяца или в полнолуние. Также они говорят, что луна – это великий император и, преклонив колени, поклоняются ей. А солнце, говорят они, это мать луны, потому что от него [луна] получает свет и потому что у него [солнца] огненная природа, которую они сами почитают превыше всего, ибо они верят, что через огонь все очищается. Поэтому каким бы то ни было послам с дарами, которые они приносят их владыкам, надлежит пройти между двух огней, чтобы яд, если они его принесли, или же дурное намерение, очистились. По этой причине даже наши братья прошли между огней, [перед тем, как были допущены ко двору].

[44] Когда кто-нибудь среди них серьезно заболевает, то около его юрты воздвигается шест [длинной] девять локтей, обмотанный черным войлоком, и с этих пор никто чужой не осмеливается войти в [обозначенные таким образом] границы стойбища. Когда же [у умирающего] начиналась агония, редко кто-нибудь остается возле него, потому что никто [из] тех, кто присутствовал при смерти, не смог бы войти в орду какого-либо вождя и [тем более] императора до начала нового лунного месяца.

[45] Если умирает богатый, его хоронят тайно в поле вместе с его юртой, сидящим в ней, и вместе с [деревянными] корытцем, полным мяса, и чашей кобыльего молока. Также с ним хоронят кобылицу с жеребенком, коня с уздой и седлом, лук с колчаном и стрелами. Одного же коня съедают друзья, и шкура его, наполненная сеном, поднимается на деревянных опорах. Они верят, что в будущей [жизни умерший] будет нуждаться во всем этом, а именно, в кобылице для получения молока, в коне, для того, чтобы ездить, и также в другом [из того, что положено с ним]. Подобным же образом кладут золото и серебро.

[46] Некоторых более важных хоронят так: выкапывают тайно в поле яму, края которой квадратны и достаточно малы, а внутри с обеих сторон [яму] расширяют, а другую [яму], в которой они имитируют похороны [умершего], роют рядом со стойбищем публично и открыто. Раба же, которого [умерший] при жизни ценил сверх остальных, кладут под мертвое тело, оставляя могилу открытой. Если [раб] на третий день из под него в муках поднимался, то он становился свободным и во всем этом роду [т.е., роду умершего] уважаемым и могущественным. После этого, зарыв [истинную] могилу, они в течении ночи над [этим] местом гоняют кобылиц или овец, чтобы выровнять место, дабы чужеземцы не смогли найти сокровища, положенные вместе с ним [умершим]. Иногда также они укладывают сверху ранее снятую [с этого места] траву.

[47] Кроме того, они имеют в своей земле два кладбища: одно – для простых [людей], другое – для императоров, вождей и знати. И они прилагают все усилия к тому, чтобы похоронить на этом кладбище всю знать, принявшую смерть на чужбине, как это было в Венгрии. Если кто-либо, за исключением зрителей, приблизится к этому кладбищу, то к нему относятся со всяческим злом, поэтому наши братья, которые, не зная [об этом запрете], вошли [на территорию кладбища], были бы оскорблены жестоко, если бы они не являлись послами великого папы, которого тартары называют *юл-боба*, то есть «великий папа».

[48] А после того, как кто-либо умер, то необходимо очистить все, что относится к его стойбищу. Поэтому разводят два костра, рядом с которыми вертикально воздвигаются два шеста, на верхушке связанные поясом, к которому прикрепляются несколько кусков букерана. Под этим поясом между шестами и кострами надлежит пройти людям, животным и провести юрту. Как с той, так и с другой стороны [шестов], стоят две заклинательницы, которые брызгают водой и произносят заклинания. А если же повозка, проезжая [между огней] сломается, или если какие-либо вещи [с нее] упадут, то заклинательницы сразу же берут их по своему праву. Сходным образом, если кто-либо умирает, пораженный громом, то все, что он имел, всячески отвергается всеми [как нечистое] до тех пор, пока не будет очищено упомянутым образом.

[49] Они имеют столько жен, сколько могут содержать. В целом же они их всех покупают, поэтому они [жены] являются словно их собственностью, кроме знатных. И они берут себе в жены безразлично [кого], исключая мать, дочь и сестру от той же матери. После смерти отца берут в жены мачеху и вдову брата [берет в жены] младший брат или [другой] родственник. Жены делают всю [домашнюю] работу, а именно, короткие сапоги, [мелкие] кожаные вещи, и другие подобные [вещи]. Мужчины [делают] только стрелы и упражняются [в стрельбе] из луков. Они также заставляют трехлетних или четырехлетних мальчиков таким же образом в этом упражняться. Кроме того, некоторые женщины, и в особенности девушки, используют стрелы и вообще ездят верхом, как мужчины. Если кого-либо застали за прелюбодеянием и развратом, то умерщвляются как мужчина, так и женщина.

[50] Кроме того, они также послушны своим господам более, чем другие народы, или даже больше, чем лица духовного звания своим прелатам. У них нет места для жалости по отношению к

перебежчикам, поэтому у их императора над ними всевозможная власть. Ибо у них нет выбора перед смертью или жизнью, раз так сказал император. Император может, когда бы он ни захотел, взять себе в жены дочерей и сестер у кого бы то ни было. А после того, как он ими обладал и не захотел оставить при себе, он их отдает кому захочет.

[51] Послам, которых он [император] посылает, или которые посланы к нему самому, выдается бесплатно содержание и почтовые лошади, однако иноземным послам выдается ничтожное содержание, ибо тот [минимум], что съели бы двое или трое, выдавался на десятерых. Меня охватывает дрожь, когда я пишу о том, сколько и какие злоключения наши братья претерпели из-за этого, потому что даже они сами, которые пережили [все] это, удивляются, как милость Иисуса Христа оберегла их наперекор человеческой природе. О, сколь часто они проезжали на сменных лошадях тартар в течении одного дня более, чем тридцать богемских миль, не отведав хлеба и воды, но на скорую руку имели лишь только днем или ночью и то не всегда, ничтожнейшую похлебку из вареного проса. И не удивительно, что они столь много проехали на лошадях, поскольку всякий раз они могли остановиться и поменять истощенных ранее лошадей на сильных и свежих, которых им подводили тартары.

[52] Все стойбища устанавливаются и перемещаются по повелению кана; поскольку он сам определяет места для вождей, которые [в свою очередь, назначают места] для тысячников, а они – для сотников, а те – для десятников. К тому же все они, как знатные, так и бедные, крайне скупы и величайшие вымогатели даров. Если же они не получают даров немедленно, то они истязают посланников мучительным голодом или затягивают дело так, что тот, кто по своей воле отказался дать [дары], впоследствии вынужден предлагать их вопреки своему желанию. Поэтому случилось так, что наши братья по большей части отдали в [качестве] даров милостыню добрых людей, которую они приняли для того, чтобы довести до конца возложенную на них апостольским Престолом специальную миссию. В противном случае, они оказались бы в большом затруднении, а также в пренебрежении, [служба] делу Вселенской церкви.

[53] Также они в высшей степени презирают людей других народов, поэтому даже тартарские переводчики, хотя они и низкого происхождения, тем не менее, опережают вверенных им послов, в шествии и сидении [во время приемов], даже если это послы или легаты апостольского Престола или же королей. Также они совершенно не придерживаются правды по отношению к чужим. Потому что вначале они обещают многие блага, а в конце беспощадно творят бесконечные жестокости. Ведь их обещание подобно скорпиону, который внешне кажется вкрадчивым, однако, внезапно наносит удар ядовитым жалом [своего] хвоста.

[54] Они также упиваются более, чем другие народы мира, потому что всякий раз, когда от чрезмерной выпивки они опорожняют свой желудок, сразу начинают пить в том же самом месте, и они привыкли делать это многократно в течении одного дня. Кроме того, они имеют обыкновение пить молоко всякого рода. Также они едят без меры все нечистое: волков, лисиц, собак, падаль, посылы, мышей, и в случае необходимости, человеческую плоть. Сходным образом они не отвергают ничего из того, что летает, но едят чистое в равной степени с нечистым. Тряпками для рук и столовыми скатертями для еды они не пользуются, и потому едят неопрятно сверх меры. Блюда они моют редко и очень плохо, то же самое происходит и с ложками.

[55] Однако между собой они живут мирно; разврат и супружеская измена встречаются среди них очень редко. Их замужние женщины своим целомудрием превосходят женщин других народов. За исключением того, что в шутку они часто высказывают непристойные слова. Воровство среди них является необычным [делом], поэтому юрты и все их вещи не запираются. Если же кем-то будут найдены лошади или быки, или что-нибудь в этом роде, им либо свободно позволяют идти [своей дорогой], либо их отводят к настоящим [их] владельцам. Они имеют в большем изобилии коней и кобылиц, быков, коров и овец, чем [какие-либо] люди на земле. Они достаточно дружелюбны между собой и свои вещи охотно разделяют между собой по причине взаимной уступчивости. Кроме того, они очень выносливы, ибо часто они поют и шутят, словно они превосходным образом наелись, хотя в течение дня или двух они ничего не ели. Охотно один другого возвышает в почестях. А беспорядки между ними возникают редко, и не удивительно, что они следуют этому [правилу], потому что, как я говорил выше, нарушителей среди них наказывают безжалостно.

[56] Сейчас кратко необходимо отметить их [способы ведения] битв и каким образом им же можно противостоять. Всякий раз, когда тартары собираются захватить чужие земли, войско, которое ими направляется для завоевания [этих земель] стремится вперед с большой осторожностью со всеми домочад-

цами, то есть, женами, детьми, рабынями, [а также] шатрами и всей утварью, со стадами рабочего скота и овец, в повозках и верхом. Также они везут с собой в большом количестве оружие, луки, колчаны и стрелы. Когда тартары начинают приближаться [к противнику], они посылают вперед очень быстрых лазутчиков, которые внезапно своей наводят ужас на людей и убивают [их], для того, чтобы против них сразу же не собралось войско. И если они не встретили препятствия, то они всегда продолжают двигаться вперед вполне открыто и за ними следует [все это] множество со всем своим [скарбом].

[57] Если же они [т.е. отряды лазутчиков] увидят непреодолимое множество [противников], то немедленно скачут назад к своим и войско организуют следующим образом. Ядро войска располагают вокруг триумфального знамени в центре с великим множеством [воинов], а на его флангах помещают два меньших [войска], с каждой стороны по одному на малом расстоянии [от центра] и сильно выступающие вперед. Немногих же оставляют для защиты женщин, немощных, детей, и того [имущества], которое они привезли.

[58] Когда же они должны сойтись с врагами, многие из них вооружаются большим количеством колчанов и стрел, и, прежде чем стрелы противника достигнут их, они выпускают свои, даже если это преждевременно, и они не могут выпускать [стрелы] прицельно. А когда они могут достать [противника] стрелами беспрепятственно, говорят что [это напоминает] скорее дождь, чем летящие стрелы. И это [происходит] по причине крайней густоты [летящих] стрел. Если же они застают врагов не готовыми [к сражению], то они неожиданно окружают их словно венцом [т.е., со всех сторон] и гонят их по одному [специально оставленному] пути с тем, чтобы они побежали и как бы обрушиваются на них, метая без меры [стрелы]. Так что, если кто-либо в середине [не продолжает] сражаться, то погибает, спасаясь бегством. Поэтому, я полагаю, что лучше умереть, достойно сражаясь, чем высматривать [путь] для позорного бегства.

[59] Замечательно то, что в случае удачного продвижения вперед, они, сами продвигаясь далее, оставляют позади себя стойбища для тысячников или сотников, и в зависимости от потребности [оставляют] людей и выючных животных. При этом наиболее крупные и укрепленные стойбища находятся ближе всего к основным силам войска.

[60] А если в землях, которые они захватили, остались города или укрепленные замки, (которые могут успешно противостоять им), где может вестись натиск стрелами и метание машинами, и где запасы, продукты и питье или дрова кончаются, создавшееся положение может исправить мужество и смелость людей, [находящихся в осаде]. Подобно тому, как случилось в земле древних саксонцев, которые часто малым количеством выходили из города и убивали многих из тартар и, пока женщины гасили подожженный тартарами город, мужчины защищали кольцевую стену; а когда тартары проникли в центр города по подземному ходу, то [осажденные] перебили [многих], а остальных обратили в бегство. Люди совершенно не могут скрываться в лесах, где летом и зимой их можно обнаружить. Они [тартары] выслеживают людей словно диких зверей. Однако безопасно в море и в местах вышеперечисленных.

[61] В какой степени можно противостоять тартарам можно в достаточной мере уяснить из различных историй царей Маккавейских, где описываются впереди войска идущие лучники и различным образом устроенные засады. К тому же, я считаю, что в высшей степени необходимо заключение мира [между нашими] правителями, чтобы, собравшись воедино, они выставили против врагов три или более войска, в зависимости от того, как этого требует подготовка воинов. Кроме того, следует устраивать на фланге засады на отборных лошадях. А баллистарии, расположенные перед войском и составленные по меньшей мере в три [ряда], должны метать стрелы, прежде чем они могут достичь боевого порядка тартар, [то есть] лучшим образом и одновременно, чтобы их собственные боевые ряды или побежали, или были приведены в замешательство. Если же враги обратятся в бегство, баллистарии с лучниками, а также те, кто находится в засаде, преследуют их, в то время как войско понемногу движется за ними. Если же не будет других баллистариев [для преследования], тогда вперед выдвигаются [всадники] на закованных в броню конях. Заслоняясь очень мощными щитами, сомкнутыми перед лошадыми, они внезапно приводят в смятение тартарских лучников. Прочие дополнения о [ведении] войн я оставляю тем, кто в такого рода занятии обучен более на опыте, чем по написанному.

[62] Итак, я молю Ваше Преподобие, поскольку, если я записал что-либо менее упорядоченно, то это, скорее, приписывается не воле, но незнанию моему. Изложено в III календы августа [30 июля] 1247 [года] от Воплощения Господа. [На этом] завершилась «Жизнь и история Тартар».

Примечания

¹ The Vinland Map and the Tartar Relation / by R.A.Skelton, Th.E.Marston, and G.D.Painter, for the Yale University Library, with a foreword by A.O.Vietor. New Haven; London, 1965, pp.54–101.

² *Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi* / Ed. et annot. A. Önnersfors. Berlin, 1967. S.3–37.

³ *Kneepkens C.H.* Randbemerkingen zum Text der *Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi* // *Mittellateinisches Jahrbuch* 14, 1979. S.273–277.

⁴ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа / Критический текст, перевод с латыни С.В.Аксенова и А.Г.Юрченко. Экспозиция, исследование и указатели А.Г.Юрченко. СПб., 2002.

⁵ А.Г.Юрченко. Империя и космос. Реальная и фантастическая история походов Чингиз-хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002.

⁶ Вероятно, это отражение слов из письма Иннокентия IV к хану Гуюку от 13 марта 1245 г.: *mundialia elementa machinae*, см.: *Painter*, p. 55, n. 2.1.

⁷ Это разделение между Западом и Востоком скорее политико-религиозное, чем географическое, так как вместо традиционного меридиана Иерусалима или разделительной черты по Танаису, восточная граница римской церкви взята как разделяющая линия.

⁸ В «Хронике» брата Салимбене Парского, приводится рассказ брата Иоанна, согласно которому великий хан Гуюк спросил у папского посла, кто наиболее могуществен на Западе – папа или император, и брат Иоанн, исполненный сознанием долга отвечал: папа.

⁹ *Оккодай*; лат. *Oscodai*, монг. *Ögödei*, Угедей (1186 – 11.XII.1241), третий сын Чингиз-хана (китайское храмовое имя Тай-цзун). После смерти Чингиз-хана унаследовал престол и получил титул хаган, правил с 1229 по 1241 гг.

¹⁰ *Чаадай*; лат. *Chiaadai*, монг. *Ca'adai*, Чагатай (? – 1242), второй сын Чингиз-хана.

¹¹ *Толуй*, монг. *Tolui*, Толуй (1193–1232), четвертый сын Чингиз-хана. Его имя осталось неизвестным францисканцам в силу монгольского запрета называть и использовать имена умерших людей.

¹² *Куйук*; лат. *Suuyuc*, монг. *Güyüg*, Гуюк (1205–1248), старший сын Угедея (китайское храмовое имя Дин-цзун), правил Монгольской империей в 1246–1248 гг.

¹³ *Коктен*; лат. *Costen*, монг. *Köden*, Годан (1206–1251), второй сын Угедея.

¹⁴ *Киренен*; лат. *Surenen*, *Sirenen*, монг. *Siremün*, Ширемун (? – ок. 1252), не сын, а внук Угедея от его третьего сына *Küciü*, Кучу.

¹⁵ *Бати*; лат. *Vati*, монг. *Batu*, Бату (1208–1256), второй сын Джучи, основатель и первый хан Улуса Джучи (1242–1256).

¹⁶ *Орду*; лат. *Ordu*, монг. *Ordu*, старший сын Джучи. После смерти отца получил во владение часть Улуса Джучи – области Сибири.

¹⁷ *Сибан*; лат. *Siban*, монг. *Šiban*, Шейбан, пятый сын Джучи. Впоследствии стал владельцем степей Северного Казахстана и Сибири вплоть до Оби.

¹⁸ *Танухт*; лат. *Chauth*, *Tanuht*, монг. *Tangyut*, Тангут, шестой сын Джучи.

¹⁹ *Кадан*; лат. *Cadan*, монг. *Qadan*, Кадан. Вопреки сведениям францисканцев, Кадан сын не Чагатая, а Угедея, шестой по старшинству.

²⁰ *Бури*; лат. *Burin*, монг. *Büri*, Бури (? – 1251), не сын, а внук Чагатая от его старшего сына Мутугэна, погибшего в юности.

²¹ *Менгу*; лат. *Mengu*, монг. *Möngke*, Мункэ (10.I.1209 – 11.VIII.1259), старший сын Толуя, (китайское храмовое имя Сань-цзун), монгольский ка'ан (VII.1251 – 11.VIII.1259).

²² *Сероктан*; лат. *Serocstan*, монг. **Sorqaqtani*, Соркуктани (? – 1252), жена младшего сына Чингиз-хана Толуя, мать двух великих ханов: Мункэ и Хубилая, другие ее сыновья: Ариг-бука и Хулагу, основатель монгольской династии в Иране.

²³ *Бечак*; лат. *Vechac*, монг. *Vüjek*, Бучек, седьмой (согласно Рашид ад-Дину) или восьмой (согласно «Юань-ши») сын Толуя.

²⁴ *Хирподан*; лат. *Chirpodan*, монг. *Šorqaqan*, Чормаган (? – 1242), монгольский полководец из этнической группы сунит. Чормаган-нойон участвовал в походах Чингиз-хана на Среднюю Азию, покоритель Грузии и Армении в 1232–1233 гг., где был затем наместником.

²⁵ *Альтисольдан* (*Altisoldan*) – султан Джалал ад-Дин, сын хорезмшаха.

²⁶ *Орнас* (*Ornas*) – Ургенч, столица Хорезма.

²⁷ Под *Magna Bulgaria* в сообщениях францисканцев следует, безусловно, понимать Волжскую Булгарию.

Материал перевел и подготовил Александр Юрченко

II. Источники по истории Улуса Джучи в период расцвета

№ 1

Памятники литературы Древней Руси.

Русь и Улус Джучи во второй пол. XIII – сер. XIV в.: противостояние Твери и Москвы

После изложения текста летописи приводятся его источники в виде принятых в науке буквенно-цифровых обозначений (Ил – Ипатьевская летопись, Лл – Лаврентьевская летопись, НЛл – Новгородская первая летопись, НЛл – Новгородская четвертая летопись, Тв.сб. – Тверской сборник, Сим. – Симеоновская летопись, Рог. – Рогожский летописец, Вл. – Владимирский летописец).

«В лето 6751 (1243 г.). Великий князь Ярослав поеха в Татары к Батыеви, а сына своего Костянтина посла к Канови. Батыи же почти Ярослава великого чествоу и мужи его, и отпусти, и рек ему: «Ярославе, буди ты старей всем князем в Русском языке». Ярослав же възвратися в свою землю с великою чествоу». Лл. Стб. 470.

«В лето 6750 (1243 г) ... Того же лета князь великий Ярослав Всеволодович ходи в Орду к царю Быгню, а сына Костянтина посла к Кановичемь. Батыи же почестивъ великого князя Ярослава, и отпусти его, дав ему старейшинство в всем Руском языке; и прииде с великою честию в землю свою». Тв.сб. С.385.

«В лето 6758 (события 1245 г.) Приславшию же Могучеве посол свой к Данилови и Васильку, будуще има в Дороговьску: «Дай Галичь!» Бысть в печали велице, зане не утвердил бе земле своея грады: и дума с братом своим посеха к Батыеви рече: «Не дам полуотчины своея, но еду к Батыеве сам». ... И прииде к Переяславлю, и сретоша и татарове. Оттуда же еха к Куремьси, и виде, яко несть у них добра. Оттуда же еха к Куремьси, и виде, яко несть у них добра. Оттуда же болма нача скръбити душею, видя бо обладанны Диаволом: скверна их кудешьскаа бляденья и Чингызаконова мечтания, сквернаа его кръвипитиа, многыа его волшьбы; приходящиа цари и князи и велможи, солнцю и луне и земли, и Диаволу, и умрѣшим во аде отцем их и дедом и матереем, водяше около куста поклонятися имь. О скверна прелестъ их! Сии же слыша велми нача скръбит. Оттуда же прииде к Батыеви, на Волгу, хотящу ся ему поклонити. Пришедшию же Ярославю человеку Сьньгурови, рекшию ему: «Брат твой Ярославъ кланялься кусту; и тебе кланятися»; и рече ему: «Диавол глаголет из усть твоих; Бог загради уста твоа и не слышано будетъ слово твое». И в тѣй час познан бысть Батыем, избавлен Богом бысть и злого их бешения и кудешьства; и поклонився по обычаю их и вѣнииде в вежую его. Рекшию ему: «Данило! Чему еси давно не пришел, а ныне иже еси пришел, а то добро же; пиеш ли черное молоко, наше питие, кобылей кумуз»? Оному же рекшию: «Доселе есмь не пил; но же ты велишь, пию». Он же рече: «Ты уже нашъ же татарин: пей наше питие». Он же испивъ поклонися, по обычаю их, измолва слова своя, рече: «Иду поклонитися великой княгини Баракъчинови». Рече: «Иди». Шед поклонися ей по обячаю: и присла вина чюм и рече: «Не обykle питии молока, Пий вино». О злее зла честь татарьскаа!

<...> Бывшю же князю в них дней 20 и 5, отпущен бысть и поручена бысть земля его ему, иже бяху с ним; и прииде в землю свою. <...>».

Ил. С.805–808.

«В лето 6754 (1246 г.) ... Того же лета Михаило князь Черниговьскый со внуком своим Борисом поехаша в Татары и бывший им в стане посла Батыи к Михаилу князю веля иму поклонитися огневи и болваном их. Михаило же князь не повинуся веленью их, но укори и, и глухия его кумиры, и тако без милости от нечестивых заколен бысть и конецъ житью прият месяца семтявря в 20 день на память святого Евстафия. Батыи же князя Бориса отпусти и к Сартаку сыну своему. Сартак же почтив князя Бориса отпусти я в своя си.

Тое же осени Ярослав князь сын Всеволожь преставися во иноплеменничах, идя от Кановичъ месяца семтявря в 30 день на память святого Григория».

Лл. Стб. 471.

«В лето 6754 (1246 г.) ... Князь Святослав Всеволодичь, нареченный Гавриил, и брат его князь Иван Стародубский Всеволодичь с сыновци своими приидоша ис Татарь на свою отчину; а великого князя Ярослава посла Батый х Кановичемь.

Того же лета убиень бысть князь Михайло Всеволодичь, Чермного сынъ, Черниговский с Федором боярином своим, зане не поклонишася солнцу, и кусту и идолом.

<...> Слышавшее же се, иже бяху розбежались по чюжим землям, и что их избылося, нача събиратися помалу; начаша же их звати Татарове с нуждею, глаголющее: «не подобает вам жити на земле канонове (и) Цареве Батыеве, не поклонившееся има»; мнози же ихавше поклонишася Батию царю. Обычай же имевше Батый царь и кхан, аще кто придет поклонитися има, не веляше пръвие вести пред ся, но приказано бяше влхвом вести а сквозе огонь, поклонитися кусту и огневи: а иже что с собою принесоша цареви дары, от всего того взимающее влхвова, възметающе пръвее в огонь, потом же и саех пред царя пушаху с дары. Мнозии же князи и з бояры своими идяху с(к)возе огонь, и поклоняхуся солнцу, и кусту и идолам ихъ, славы ради света сего, прашаше кождо их власти; они же без възбранения даяху им, кто которыа власти хотяше, да прелстятся славою мира сего».

Тв.сб. С.386–388.

«В лето 6757 (1249 г.). Князь Глебь Всеволодичь ходи в Орду к царю Сартаку Батыевичу; и Сартак почтивъ его отпусти. Тоя же зыми князь великий Александрь Ярославичь приде из Орды от Кановичъ на великое княжение на Киев и на всю Рускую землю; а Андрей, брат его, (седе) в Володимери на столе».

Тв.сб. С.395–396.

«В лето 6760 (1251 г.). Иде Олександр князь Новгородский Ярославич в Татары. И отпустиша и с честью великою, давшее ему старейшинство во всеи братьи его.

<...> В то же лето. Здума Андрей князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели цесарем служити, и побеже на неведому землю со княгыню своею и с бояры своими.

И погнаша Татарове в след его [Андрея Ярославича], и постигоша и у города Переяславля. Бог же сохрани и и молитва его отца. Татарове же россунушася по земли и княгыню Ярославлю яша, и дети изымаша, и воеводу Жидослава ту убиша, и княгыню убиша, и дети Ярославли в полон послаша, и людии бечисла поведоша до конь и скота, и, много зла створивше, отидоша.

Того же лета. Пустиша Татарове Олга князя Рязанского в свою землю.

Того же лета. Приде Олександр князь великий ис татар в град Володимерь и со кресты оу Золотых ворот, митрополит и вси игумени и граждане, и посадиша и на столе отца своего Ярослава. <...>».

Лл. Стб. 473.

«В лето 6760 (1252 г.). Князь великий Александрь Ярославичь иде в Орду къ Сартаку царю. Того же лета прииде Неврюй, и Котьякъ и Олабуга храбрый на великого князя Андрея Ярославича и на всю землю Суздалскую; идоша к Переяславлю таящеся, и сrete их князь великий Андрей с полки своими, и победиша их Татарове. И беже князь Андрей в Новгород Великий, таже и к Пскову, туже дождався княгыни, иде в Кольвань; оттуду паки иде в Свейскую землю, и тамо местер Свейский сrete его, и приа его с честью, он же посла по княгыню в Кольвань, и тамо за морем князь Андрей в Свейской земле убиень бысть. А Татарове Неврюевы взяша Переяславль, и яша княгыню Ярославлю и з детми, и паки убиша ю, а дети в полон поведоша, и Жидислава воеводу убиша».

Тв.сб. С.396–397.

«В лето 6764 (1256/57 г.). Поихали вси князи Суздалский в Татары, и чтив Уланчия и вся воеводы его, възвратишася в своаси.

Тои же зими (прииде) Глеб от Кановичь, и женися в Татарех. Тоя же зыми приидоша из Орды от царя численици на Рускую землю, и изочтоша всю землю Рускую, изъставиша десятники, сотники, тысящники; толко не чтоша игуменовъ, и поповъ и черньцов, кто служит святым церквам. Се все бысть на Рускую землю грех ради наших. И не наведи, Господи, гнева противу делом нашим; но (по) милости твоей спаси ны, человеколюбче благый Господи!».

Тв.сб. С.400–401.

«В лето 6765 (1257 г.). Приде весть из Руси зла, яко хотять Татарове тамгы и десятины на Новгороде; и смятошася люди чересь все лето.

Тои же зими приехаша послы татарский с Олександромъ, а Василии побеже в Пльсковъ; и почаша просити послы десятины тамгы, не яшася новгородьци по то, даша дары цесареву, и отпустиша я с миромъ; а князь Олександр выгна сына своего из Пльскова и посла в Низь, а Александра

и дружину его казни: овому носа урезаша, а иному очи выимаша, кто Василья на зло повел; всяко бо злыи зле да погыбнуть».

Нл. С.82.

«В лето 6767 (1259 г.). ...приеха Михаило Пинещинич из Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: «Аже не иметеса по число, то уже полкы на Низовьской земли»; и яшася новгородци по число. Тои же зимы приехаша оканьнии Татарове сыроядци Беркаи и Касачик с женами своими, и инех много; и бысть мятежь велик в Новегороде, и по волости много зла учиниша, беруче туску оканьным Татаром. И нача оканьнии бояться смерти, рече Олександрю: «Дай нам сторожи ать не избьютъ нас». И повеле князь стеречи их сыну посадничю и всем детем боярьским по ночем. И реша Татарове: «Дайте нам число, или бежим проче»; и чернь не хотеша дати числа, но реша: «Умрем честно за свягую Софью и за дома ангельския». Тогда издвоишася люди: кто добрых, тот по святой Софьи и по правой вере; и створиша супор: вятшии велятса яти меншим по числу. И хоте оканьнии побежати, гоним Святымъ Духомъ; и умыслиша свет зол, како ударити на город на ону сторону, а друзии озером на сю сторону; и възбрани им видимо сила Христова, ине смеша. И убоявшеся, почаша ся возити на одну сторону к святой Софьи, рекуще: «Положим главы своя у святой Софьи». И бысть завтра, съеха князь с Городища, и оканьнии Татарове с нимъ; и злых светомъ яшася по число: творяху бо бояре себе легко, а меншим зло. И почаша ездити оканьнии по улицам, пишпоче дома христьяньския: зане навел Бог за грехы наша ис пустыня звери дивия ясти сильных плети и пити кровь боярьскую, и отъехаша оканьнии, взявше число, а князь Олександр поеха после, посадив сына своего Дмитрия на столе. Того же лета, на канун Бориша дни, бысть мраз велик по волости, но Господь не хотя места сего святой Софьи оставити пуста, отврати ярость Свою от нас и призре окомъ милосердия Своего, кажа нас на покаяние; но мы грешнии акы пси обращаемся на своя бльвотины, не помышляюще казни Божия, яже на ны приходит за грехы наша».

Нл. С.82–83.

«В лето 6770 (1262 г.). Избави Бог от лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовския земля, вложи ярость в сердца крестьяном, не терпяще насилья поганых. Изволиша вещь и выгнаша из городов: из Ростовы, из Володимеря, ис Суждаля, из Ярославля. Окупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани и от того велику пагубу людем творяхуть, работяще резы и многы души крестьянския раздно ведоша. Видевше же человеколюбець Бог, послуша моленья Материя, избави люди своя от великия беды. Том лете оубиша Изосиму преступника, то бе мних образомъ, точьо сотоне съсуд; бе бо пьяница, и студословець, празднословець, и кощоньник, конечное же отвержеся Христа и бысть бесурменин, вступив в прелесть лжаго пророка Ма(х)меда. Бе бо тогда титям приехал от царя Татарского именем Кутллубий зо сыи бесурменин, того послехом оканьнии лишеник, творящее христианом велику досаду, кресту и святым церквам поругаеся. Егда же люди на врагы своя двигшася на бесурмены, изгнаша иных избиша, тогда и сего незаконного Зосиму оубиша в городе Ярославли, бе тело его ядь псом и вороном».

Лл. Стб. 476.

«В лето 6777 (1269 г.) Придоша Немци в силе велице под Пльсков в неделю на Всех святых, и приступиша к городу, и не успеха ничтоже, но большую рану възприяша, и стояша 10 дни. Новгородци же с дех поехаша вборзе; и яко уведаша Немци новгородьския полк, побегоша за реку. Новгородци же приехаша в Пльсков, и взяша мир чрес реку на всеи воли новгородьскои. Тое же лета приеха князь Ярослав в Новьгород, и нача жалити: «мужи мои и братья моя и вша побита; а вы розьратилися с Немци» ...Новгородци же сташа за них; князь же хоте из города ехати. Новгородци же кляняхуса ему: «княже, тем гнева отдаи, а от нас не езд»; еще бо не добре ся бяху умирили с Немци. Князь же того не послуша и поеха прочее. И послаша владыку с вятшими мужи с молбою, и възпятиша и с Броньници. Тогда же Даша тысячское Ратибору Клуковичю по княжи воли. Того же лета, на зиму, князь Ярослав, с новгородци сдумав, посла на Низовьскую землю Святъслава полков копить, и совкупи всех князи и полку бещисла и приде в Новгород; и бяше ту баскак велик володимирьския, именем Амраган, и хотеша ити к Кольванно. И увидевшее Немци, прислаша послы с молбою: «кланяемся на всеи воли вашей, Норовы всеи отступаемя, а крови не проливаите»; и тако новгородци, гадавшее, взяша мир на всеи воли своени».

Нл. С.87–88.

«В лето 6789 (1281 г.) Рать бысть на князя Дмита Татарьскаа: Ковадыи и Алчедан, пришед к Переяславлю, князя не обретоши, град и церкви пожгоша и села Переяславьскаа и Ростовьскаа пограбиша.

В лето 6790 (1282 г.). Князь Андреи Александровичъ с Сменом Толигневичем цареви би челом на брата на своего Дмитрея, и въздвигну рать Татарьскую, и взяша Переяславль на щит; а князь Дмитрей выступи с мужи своими и с двором своим, и поеха мимо Новьгорода, хотя в Копрорью.

Другая рать бысть на дмитрея: Тоуратемер и Алын, всю приведе Андреи на своего брата, а с ними Смен Тольевичъ. Князь Дмитрей иде к Ногоую царю в Орду.

Того же лета прииде из Орды князь Дмитрей от царя Ногоуя и смирился с братом своим, с князем Аньдреем, а Смена оубиша».

НІVл. С.244–245.

«В лето 6791 (1283 г.) ... Того же лета прииде князь великии Дмитрии Александровичъ из Орды и сирися с братом своим князем Аньдреем.

Того же лета учинися зло в княжении Русской области. Безсерменин Ахмат бачманство держа Курскаго княжения и откупаше у Татар всяку дань и тем многу досаду князем и людем; еще и наряди две свободы в отчине Олга, князя Рылскаго, и насилие много творяше людем около Воргола и Рылскаго. Князь же Олег о семь идее ко царю Телебузи по слову сродник своих Святославом, князем Литовским. Царь же Телебуга дасть пристава князем князю Олгу, и веля свободы те разграбити. И пришед Олег ис Татар и Святослав, повеле разграбити обе свободы. Ахмат в ту пору у Ногая царя; и слыша Ахмат свободы разграблены и оклевета Олга и Святослава, глаголя царю: «Олга и Святослава не князя, но разбоиника, и на тебя царю зло мыслят, аще хочешь испытать, то пошли к ним своя послонники, да ловят с ними лебеди да идет к тебе, аще не идет к тебе, то ти есть ратен». Князь Олег не сме ехать к Ногою; царь же Ногои разгневался, даст рать на Олга и веле его изымать, а княжение его взял все. И приидоша Татарове ко городу Ворголу месяца генваря 13 день. Князь Олег бежа ко Телебузи царю, а Святослав бежа в лесы взяша 13 болших, и свободу тем наполниша опять людами. И выдаша бояр тех Ахмуту, он же изби их, Ахмат оставя два брата своя на свободах тех. <...>

В лето 6792 (1284 г.) ... Того же лета идоста два безсерменина и свободы во свободу, а с ними Руси болши 30 человек; князь Святослав удари на них разбоем и уби Руси 25 человек, а те два брата утекоста, также разбегошася обе свободы.

Того же лета прииде Олег ис Татары и посла ко Святославу, глаголя: «о чем еси возложил разбоиничество на себе и на мене, а ко царю с мною не шол, а ходити было с мною с единой думы, а то мя Бог с тобою расправит». Святослав глаголя: «своих врагов избих». Того же лета прииде Олег с Татары на Святослава и уби Святослава, и посеем князь Александр, брат Ярославль, и уби князя Олга и два сына его».

Вл. С.97.

«В лето 6798 (1290 г.) ... Бысть знамение в Луне: аки кровава и потом приложися в тьму. Тогда же заратися Татарове, Тохта с Телебугою и с Агумем, и пособие бысть Токтеи. <...>

В лето 6799 (1291 г.) ... Ногуи царь оуби Телебоугоу царя и Алгоуя.

В лето 6801 (1293 г.) ... О Дюденева рати. Князи приидоша из Орды, Андреи Александровичъ, Федор, Дмитрей с Костянтином; а с ними прииде рать Татарьскаа, царь Дюдень, на князя Дмитрея Александровича, князь же отъеха Плесковоу. Татарове же взяша Володимерь, Переяслав, Москву, Волок, всех взяша 14 градов, и много зла сътворися в Роуской земли, и крестьян посекоша, а иных плениша. Новгородци послаша к царю Дюденю на Волок Смена Климовича с дары; князь же Андреи слышав брата своего в Плескове, и идее в Новгород, а рать Татарьскаа възвратися в свою землю».

НІVл. С.248.

«Того же лета (6822/1314 г.) ... приеха Федор Ржевський в Новьгород от князя Юрья с Москвы, и изыма наместники Михайловы, и держаша их в владычни дворе, а новгородци с князем Федоромъ поидоша на Волгу; и выиде князь Дмитрии Михайлович со Тфери и ста об ону сторону Волгы, и тако стояша и до замороза, а Михаилу князю тогда суццо в Орде. Посемь докончаша с Дмитриемъ мир, и оттоле послаша по князя Юрья на Москву, на всеи воли новгородскои; а сами възвратишася в Новьгород. Тои же зимы, пред великымъ заговениемъ, приеха князь Юрьи в Новьгород на сто с братом Афанасьемъ; и ради быша новгородци своему хотению. <...>

В лето 6823 (1315 г.). Поиде князь великый Юрьи из Новагорода, позван в Орду от цесаря, марта 15, в суботу Лазореву, оставив в Новегороде брата своего Афанасья. Того же лета поиде князь Михайло из Орды в Русь, ведьи с собою Татары, оканьнаго Таитемеря. Услышавше же новгородци с князем Афанасьемъ, изидоша к Торжку и пребыша ту с 6 недель, весть переимаюче. Тогда же поиде князь Михайло со всею Низовьскою землею и с Татары к Торжку; новгородци же с князем Афанасьемъ и с новоторжци изидоша

противу на поле. Бысть же то попущениемъ Божиимъ: съступившема бо ся полкома обема, бысть сеча зла, и створися немало зла, избиша много добрых муж и бояр новгородских . . . а инии останок вбегоша в город и затворишася в городе с княземъ Афанасьемъ. И присла князь Михайло к новгородцем в Торжок: «Выдайте ми князя Афанася и Федора Жрвьского, а яз с вами мир dokonчаю». И рекоша новгородци: «Не выдаем Афанася, но измрем вси честно за святую Софью». И присла князь Михайло опять: «Выдайте ми Федора Жрвьского»; и не хотевши выдати, по неволи выдаша его, и на собе dokonчаша 50 000 гривен серебра, и dokonчаша мир и крест целоваша. И по миру князь Михайло призва к собе князя Афанася и бояры новгородскыи, и изыма их, и посла на Тферь в тали, а останок людии в городе нача продаяти, колико кого станеть, а снасть отыма у всех. А бои бысть мьсяца февраля 10, на святого мученика Харлампия. И посла князь Михайло наместники своя в Новьгород, а посадничьство даша Семену Климовичю».

НЛ. С.94–95.

«В лето 6825 (1317 г.) Прииде князь Юрий из Орды, приведе с собою посла силна, именем Кавгадиа; и срете их князь великий Михайло у Костромы, а с ним вси князи Суздалстии, и стояша о Волгу долго время; и съслався с Кавгадиемъ, съступися великаго княжения князь великий Михайло Юрию князю, и поиде в свою отчину во Тверь, и заложил болший град кремль. <...>

Той же зыми Юрий князь с Кавгадыем и с всеми князи Суздалскими прииде с Кострыми к Ростову, от Ростова к Переяславлю, и много зла творяху христианом; а ис Переяславля в Дмитров, а из Дмитрова в Клин. <...>

А Юрий князь с Татары и со всею силою Суздалскую почаша воевати Тверския волости, села пожгоша и жито, а люди в плен поведоша, и придоша близъ к граду 15 верст, и стоаша на месте том 5 недель а всего мотчали в Тверской отчине три месяци; и ездиха послове от Кав(га)дыа к великому князю Михайлу, а все с лестию, и не бысть межи ими мира. И поиде Кавгадый к Волзе, и Юрий князь, и вси князи Суздалстии, и сташа на переезде у Волги. Великий же князь Михайло съвокупися, и мужи Тверичи и Кашинци поидоша противу Юрию, а Юрий опльчися противу; и ступишася обои, и бысть сеча велика, и пособи Бог великому князю Михайлу Ярославичу, и много их избиша; а князи мно(ги) руками поимаша и приведоша въ Тверь, и княгыню Юрию Кончака, а Юрий князь бежа в Новгород Великий в мале дружины, а Кавгадый повеле дружине своей стяги поврещи, а сам поиде не любя а в стани. Се же зло бысть декабра в 22. Наутриа же великий князь видевся с Кавгадыем взят мир, и поят его в Тверь с своею дружиною; почтив его и отпусти.

Той же зыми кприиде князь Юрий с Новгородци къ Броду и изыиде противу ему великий князь Михайло, и взяша мир. Той же зыми великий князь Михайло посла сына своего Костантина в (О)рду.

В лето 6826 (1318 г.). Посла великий князь Михайло Олексу Марковича на Москву посолством о любви, и уби его Юрий князь.

Того же лета поиде в Орду князь Юрий Данилович с Кавгадеем. . . Дошедшу же Орды князь Юрию, а с ним началнику всего зла, беззаконному и проклятому Кагадию, наставляеми Диаволом, начаша, вадити на великого князя Михаила беззаконному царю Озбяку, глаголющее: «князь Михайло, събрав по градом многы дани, хоцет ити в Немци, а (к) тебе ему не бывати». Разгнева же ся царь, повеле сына его, князя Костантина, гладом морити; и затвориша его в единой храмине. Сему же бывшу, неции рекоша ко цареви: «аще его убиеша, отцу его не бывати к тебе». И повеле его пустити».

Тв.сб. С.410–411.

«В лето 6826 (1317 г.) . . . Того же лета выиде князь великий Юрь из Орды с Татары и со всею Низовьсккою землею. И поиде ко Тфери на князя Михаила. И, прислав Телебугу, позва новгородци; и они, приехавшее в Торжок, и dokonчаша с князем Михайломъ, како не вступатися ни по одному: понеже не ведаху князя Юрья, с полкы близъ Тфери за 40 верст, и ту выиде на нь князь Михайло со Тфери, и съступишася, и бысть сеча зла, много паде голов о князи Юрьи; а брата его Бориса и княгыню Юрьеву Яша и приведоша во Тфер, тамо ю и смерти предаша; а сам прибежа в Новьгород, и позвановгородцев с собою, и идоша с ним весь Новгород и Пльсков, поимше владыку Давыда с собою; и пришедшее на Волгу, и dokonчаша с Михайлом княземъ мир, како ити в Орду обема, а брата Юрьеваи княгыню пустити. И придоша новгородци вси в Новгород, весне суши; а князь Юрь идее на Москву и оттоле в Орду.

В лето 6827 (1318 г.) Уби cesарь в Орде князь Тферьского Михаила, а великое княжение дасть Юрю. <...>».

НЛ. С.95–96.

«Лета 6827 (1318 г.) Убиение великого князя Михаила Ярославича тферьскаго в Ворде от царя Азбяка. . . В Орде седел . . . царь именем Азбяк, поиде в богомерзкую веру срачиньскую, и оттоле наипаче не пощади нача роду крестьянскаго. <...>

И еже се бысть за наша согрешения. Но мы бывшее възг(лаго)лем. И отгле нача бытии вражда межн(я)зема Сима, аще бо и створяста многажды мир межн(я)зема, но враг наш, всепагубный дьявол, паки рать въздвигаюше, и паки бывшими великими кн(я)зема в Орде, и бывша пре велице джеви има. И оставиша великого кн(я)зя Юрья Даниловича у себя в Орде, а великого же кн(я)зя Михаила отпустиша на Русь. И минувшу лету и паки незаконнии измалтяне суще мздоимства, его же желааше, и вземше много серебра, и Даша великое кн(я)ж(е)ние великому кн(я)зю Юрью Даниловичю, и отпустиша с ним на Русь единого от кн(я)зь своих, незаконного и треклятого Кавгадыя. Бл(а)женныи же велики кн(я)зь Михаило сrete его с полкы своими и посла к кн(я)зю великому Юрью Даниловичю, рек тако: «Брате, аже дал ц(а)рь тебе великое княжение, то и аз отступаюся тебе, княжи на великом кнженни, но в мою опришнину не вступайся. Роспусти вся воя своя и поиде в свою вотчину с домочадци своими». Ипаки дьявол не prestaющее желая кровопролития, и еже и створися за грехы наша, прииде бо велики кн(я)зь Юрьи Данилович ратью к Тфери, совокупив всю землю Низовскую, и с кровопивцем Кавгадыем, и множество татар и бесермен, и мордвы, и начаша горо жеци и многа села. И бысть туга немала, имающа мужа и мучаша различными муками и см(е)рти предаяху, а жены их оскверниша поганин, пожгоша всю власть Тферьскую и до Волгы, и поидоша на другую страну Волгы, и по той стороне хотя то же сътворити. <...>

Блажньныи же князь велики Михаило ... утвердившееся ч(е)стным кр(е)стом и поиде противу ратным, и яко быша близь себя, и бысть видети ратных бесчисленное множество. И яко Съступишася полцы, и бысть сеча велика, не могущее брани носити, вдаша противни плещи свои ... и победи бл(а)говерньныи велики князь Михаил и бысть видети бесчисленное множество ратных, падающее язвени под кони, яко снопы в жатву на ниве.

Велики же кн(я)зь Юрьи Данилович виде многы падающее воя его язвени и от(ъ)еха в Тожеск с малым ратных, и оттоле еха в велики Новгород. А окаанного же Кавгадыя с други его не повеле велики кн(я)зь Михаил избивати. <...>

Юрьи Данилович совокупив множество новгородцев и пскович и поиде к Тфери. И сrete его бл(а)говерньныи велики кн(я)зь Михаило противу Синеевскаго, и паки не хотя видети другого кровопролития за толь малы дни, умирившееся... И рече ... великии кн(я)зь Михаило: «Поидем, брате, оба в Орду, жалуемся вместе ц(а)рю, абы ны чем помочи крестьяном сим».

Велики же кн(я)зь Юрьи Данилович паки соимся с Кавгадыем, и поидоста наперед в Орду, поимши с собою все кн(я)зи низовские и бояре с городов и от Новгорода по повелению окаанного Кавгадыя, и написаша много жалованств на ... великого кн(я)зя Михаила.

Велики же князь Михаил посла в Орду сына своего князя Костянтина, а сам после его в орду же поиде, благословяся у епископа своего Варсунофия и от игуменов, и от попов, и у отца своего духовного игумена Ивана последнее исповедание сотвори на реци на Нерли, на мног час очищая душу свою, глаголаше: «Аз, отче, аще много мыслив, како бы ны пособити крестьяном сим, но и моих ради грехов множаишая тягота съворяется в наю разности. Ныне же, отче, благословите мя, аще ли случится, пролию кровь свою за них, да негли бы ми Господь отдал грехов, аще сеи крестьяне се сколько починют». И еже и бысть молитвою его. <...>

Он же поиде к Володимерю, а с ним сына его князь Дмитрии и князь Александр, и бывшу ему в Володимери, и се приеха посол от царя из Орды именем Ахмыл, глаголя: Зовь ты царь, поиде вборзе, буди за месяц. Аще ли не будеши, то уже воимянова на ты рать и на твои города. Обадил ты есть ко царю Кавгадыи, глаголя: «Не бывати ему в Орде». Думаша же бояре его, ркуще: «Се сын твой в Орде. Аще другого пошли». Та же сына его глаголаста ему: «Господине, драгьи отче, не езди в орду сам, наю котораго пошли, аще възхощещи, занеже обажен еси ко царю, дондеже минеть гнев его». Крепким ж умом исполнен смирения глаголаше; «Видете, чада мои, яко не требует вас царь, детьи моих, ни иного котораго, разве меня, но моя главы хошет. Аще бо аз сде уклонюся, то отчина моя вся в полонубудеть, и множество крестьян избьени будут. Аще ли после того умерети же ми есть, то луче ми есть ныне положить душу свою за многыя душа». <...>

Дошедшо же ему в орду месяца сентябрия в 6 день ... и ту сrete его сын, его князь Костянтин, царь же дасть ему пристава, не дадушу никому же его обидети, се умякнуша исперва словеса их паче олея, и та бо ныне быша стрелы. И егда же одари все князи ординьския и царици, после же и самого царя, и бывшу ему в Орде полтора месяца. И рече царь князем своим: «Что миестя молвили на князя Михаила, створите има суд с князем великим московским Юрьем Даниловичем, да котораго правду скажете мне, того хочю жаловати, а виноватого казни предати». А не веси окаание, еже еси своею казнью сплель ему венець пресветел. В един день собрашася все князи ординстии в едину вежу цареву двор и покладаяху

многы грамоты с многым замышлением на великаго князя Михаила, глаголющее: «Многы дани поимал еси на городех наших, царю же не далеси». Истинный же Христов страдалец Михаило, любя правду, глаголя истину, с всякою неправдою обличааше лжи их свидетельства, о таковых судях речено бысть: «Поставлю властеля ругателя их, судию немилующих». Си бо бяше нечестивый Кавгадыи сам судья, то же и сутяжаи, тои же лжи послух бывааше, покрывааше лжу свою истинная словеса великаго князя Михаила, изрече много замышления вины на непорочнаго Христова воина, а свою страну оправдая.

И паки минувшей единой недели по суде том, в день субботный от нечестивых Изиде повелением беззаконно, поставиша его на другом суде связана, блаженнаго князя великаго Михаила, износяще ему неправедное осуждение: «Царевы дани не давал еси, противу посла бился еси, а княгиню великаго князя Юрья уморил еси». Благоверный же велики князь Михаиле с многымъ свидетельством глаголаше «Колико скровищъ своих издал есмь цареви и князем, все бо исписано имейше, а послы паки избавих на брани и с новою честью отпустих его». А про княгиню, Бога послуха призывааше, глаголя: «Яко ни на мысли ми того творити». Они же безаконии по глаголющему пророку: «Уши имуть, не слышать правды, и уста тимуть, глаголють истинны, очима да не видять, ослепи бо язва их». И не вмениша себе нимала словеси преподобнаго, но реша в себе: «Понзы узами стяжем его и смертью не лепотною осудим его, яко неключим есть нам и не последуетъ нравом нашим». Яко же бо въсхотеша, то и створиша, в настоящую убо ночь представиша от семи князей семь Сторожев и иных немало и покладаху пред блаженным многыя ужа железныя, хотящее отягчаати нозии его, и вземши от порт его и поделишася. В ту ночь мало отпустиша ему от уз железных, но связана тако пребысть всю ночь. Тое же ночи отгнаша от него вся бояре его и слуги, силно бьющи, и отца его духовнаго игумена Александра, и оста един в руку их, глаголаше бо в себе: «Удалиша от мене дружину мою и знаемых от страсти».

Наутрия же в неделю повелением безаконных възложиша колоду велику от тяшка древа на выю святого и прообразующе ему поносную муку... Повеле безбожнии вести после царя, бяше бо пошел на ловы. <...>

Минувшим же днем 20 и 4-м святому в неизреченном том терпении, нечестивый же Кавгадыи имея яд аспиден под устами своими и паки досажая душу терпеливаго великаго князя Михаила, и повеле его привести в торг в такой укоризне, созва вся заимодавца, и повеле святого поставить на колену пред собою. И величаашеся безаконный, яко власть имы на праведном, и много словеса изорче досадна праведному, и по сем рече: «Ведая буди, Михаиле, так царев обычан, аже будеть ему на кого гнев, хотя и от своего племени, ти таково же въскладають древо на него, егда же гнев его минеть, и паки в первую честь въводить его. Утру бо или в предгрядущий день тягота си отъидеть от тебе, и в болшии чести будеши». <...>

Бывше же блаженному и великому князю в неизречениемъ том томлении и тяготе дни 26 за рекою Терекон на реце на Сеньце под городом Тетяковым, минувшее все горы высокие Ясьские и Черькаския близь Ворг Железных. В среду рану ... в от час един ото отроча его, въскочив в вежу обледившим лицем и измолкъним голосом: «Господине княже, едет уже ото Орды Кавгадыи и велики князь Юрьи с множеством народа прямо твоеи вежи». Он же наборзе въстав и въздохнув, и рече: «Ведаю на что едут, а убиение мое». <...>

Кавгадыи и велики князь Юрьи послаша убиини, а сами съедше с конь в торгу, близь бо бяше торгу, яко каменею верече. Убиини же, яко дивие зверье, немилостивии кровопивци, разгнавше блаженнаго все люди его и въскочивше в вежу, обретоша его стояща и тако похвативше его за дерево, иже на выи его, и удариша им силно, и възломиша и на стену, и проломися вежа. Он же паки въскочи, и тако мнози имше его и повергоша на земли, и бяху и пятами нещадно. И се един ото безаконных именем Романец и извлек велики ножь, и удари и святого в десную страну, и обращая ножь семо и овамо, и отреза честное сердце его. И тако предасть святую и блаженную душно свою в руце Господни месяца ноябрия в 22 день в среду в 7 час дне. <...>

Вежу же блаженнаго разграбиша Русь и татарове, а честное тело его повергоша наго никим же не брегомо. Един же приеха в торг и рече: «Се уже повеленое вами сътворихом». Кавгадыи же и велики князь Юрьи приехаша въскоре над тело его. Кавгадыи же виде тело наго повержено и г(лаго)ла с яростию, рка к великому кн(язю) Юрью: «Не брат ли ти старейшии как отець кн(язь) велики? Да чему тако лежит тело его наго повержено?». Велики же кн(язь) повеле своим покрытии тело его котыгою своею, юже ношаше, и положиша его на велице дъске, и възложиша и на телегу, и увиша и ужи крепко, и повезоша и за реку, рекомую Аджь, еже зовется гореть. <...>

А бояре его и слугы не мнози гоньзнуша рук их, и еже дерзьнули убежати в Орду ко царице, а иных изымаша, влечахуть нагих, терзающее нещадно, акы некия злодея, и приведшее в станы своя,

и утвердиша я во оковех. Сами же князи и бояре в одной вежи пяху вино, повествующее, кто какову вину изрече на святого. <...>

...И отголе посла тело бл(а)ж(ен)наго во Моджьчары с своими бояры ...

И отголе повезоша его к Безьежу. И яко приближившия им к граду ...

И отголе повезоша его в Русь, везущим по городом по рускым, и доvezьши Москвы, и положиша в церкви святого великаго Спаса в монастыри».

Сл. Стб. 375–396.

«В лето 6828 (1320 г.) на весне приездил в Кашин Гаяпчар Татарин с Жидовином должником, много тягости очинили Кашину».

Рог. С. 41.

«В лето 6833 (1324 г.) поиде в Орду князь велики Дмитриеи Михайловичь. Тое же зимы в Филипово говенье, месеца ноября в 21, на память честнаго Введения святей Богородици, князь Дмитриеи Михайловичь Тферский, в Орде убил князя великаго Юрья Даниловичя, и превезоша тело его на Москву и положиша его в церкви святого Михаила».

Сим. С. 89.

«В лето 6834 (1325 г.) сеп(тября) 15 оубиша в орде два князя Дмитриа Михайловича Тферскаго да князя Александра Новосилскаго, одинаго дни на едином месте на реце, нарицаеи Кондраклии».

Рог. С. 41.

«В лето 6835 (1327 г.) ... Того же лета, на Успенье святыя Богородица, князь Александр Михайловичь изби Татарь много во Тфери и по иным городом, и торговци гость хопыльскый исече: пришел бо быше посол силен из Орды, именем Шевкаль, с множеством Татарь. И прислал князь Александр послы к новгородцем, хотя бечи в Новгород, и не прияша его. Того же лета присла князь Иван Даниловичь наместники своя в Новгород, а сам идее в Орду. На ту же зиму приде рать татарская множество много, и взяша Тферь и Кашин и Новоторжскую волость, и просто реши всю землю Русскую положиша пугу, толко Новгород ублюде Бог и святая София. А князь Александр вбежа в Пльсков; а Костянтин, брат его, и Василии в Ладогу; и в Новгород прислаша послы Татарове, и Даша им новгородци 2 000 серебра, и свои послы послаша с ними к воеводам с множеством даров. Убиша же тогда Татарове Ивана, князя Рязаньского. <...>».

Нл. С. 98.

«В лето 6835 (1327 г.) ... Того же лета приеха посол силен из Орды Щелкан с множеством Татар на Тферь, и великое насилье начаша творити, а князя Александра и братью его хотящее побитии, а Щелкан хотя сести в тфери на княжении, а иноую князю свою посажати по иным градем Русским, хотящее привести крестьяны в бесерменьскоую веру. И съзва князь Тферици и поиде на Щелкана, рек тако: «не аз почал избивати, но он: проля кровь праведноу, егда мне се же сътворить?» и поидоша на них. Они же, слышавшее Александра на ся ратью, изидоша противу им, и съступишася въсходящо солнцю, и бишася чрес весь день, и оуже к вечерю одоле князь Александр, а Щелкан побеже на сени; и Александр зажже отца своего двор, а Щелкан с дружиною своею стгорев, пропаде; а победиша их на Оупение святыя Богородица, и гость их Хопыльский весь изсекоша. Поиде Иван Даниловичь в Орду, а на зиму прииде из Орды ратью на Русь 5 темников да с ними князь Иван Даниловичь, и плени град Тферь, и всеи земли много зла створися; а князь Александр бежа в Псков».

Нл. С. 261.

«В лето 6835 (1327 г.) ... Тое же осени князь Иван Даниловичь Московский в Орду пошел. Тое же зимы и на Русь пришел из Орды; и бысть тогда великая рать Татарская, Федорчук, Туральк, Сюга, 5 темников воевод, а с ними князь Иван Даниловичь Московский, по повелению цареву, и шед ратью, плениша Тферь и Кашин и прочии города и волости, села и все княжение Тферское взяша и пусто сътвориша, и бысть тогда земли великая тягость и много томления, множества ради грех наших, кровь христианская проливаема бываше от поганых Татар, овых в полон поведоша, а другиа мечи изсекоша, а инья стрелами истреляше и всяким оружием погубиша и смерти предаша, а князь Александр побежал с Тфери в Псков.

<...> Того же лета убиша князя Ивана Ярославичя Рязанскаго. Великий же Спас милостивый человекочец Господь своею милостию заступил благовернаго князя нашего Ивана Даниловичя и его ради Москву и всю его отчину от иноплеменник от поганых Татар.

В лето 6836 седе князь велики Иван Даниловичь на великом княжении всеа Руси, и бысть отголе тишина велика на 40 лет и престаша погани воевать Русскую землю и закалати христиан, и отдохну-

ша и починуша христиане от великиа истомы и многыа тягости, от насилия Татарскаго, и бысть оттоле тишина велика по всеи земли».

Сим. С.90.

«В лето 6836 (1328 г.). Ходи князь великий Иван Данилович и Костянтин Михайлович, и Новгородци от себе послаша Феодора Колесницю, в Орду к цареви; и отпусти а царь Озбяк, и повеле искати князя Александра. И посла князь Иван свои послы, а Новгородци от себе Моисеа владыку и Авраама тысячкого к князю Александру в Псков, веляще ему, паки шел бы в орду, и не послуша их. Седе князь Иван Данилович на великом княжении, и бысть тишина велика крестьяном по всеи земли Руской».

НІВл. С.261–262.

«В лето 6838 (1330 г.). ...Заложи оканный враг дьявол в сердце князем Роускимъ взыскати князя Александра, повелением окааннаго царя Озбяка; подьяша всю землю Русскоую. И приеха князь Иван Данилович в Новгород, бяху же с ним Тферьский князи: Костянтин, Василей, Александр Суздальский, и подьяша Новгородцев; и посла болярина своего Луку Протасьева, а Новгородци от себе Моисеа владыку и Авраама тысячкого, и послаша в Псков, рекше Александру: «Поиди в орду, не погоуби крестьян от поганых». Отвеща Александр: «Се и тако ли им любо? Погании Тферь взяша, а люди овых плениша, овых мечи иссекоша, а иных ножи изрезаша», сжалився, вьсхоте ехати в рдоу, сице глаголя паки: «един аз да оумру за вся крестьяны». И ркоша ему Псковици: «не езд, господине, в орду; аще что боудет на тебе, изомрем с тобою в едином месте». И поиде князь Иван с всеми князи и с Новгородци на Псковице ратью и ста в Опоке, и оуведав, что не вынати Александра ни выгнати ратью, и намолви митрофолита Феогнаста; и посла митрофолит проклятие и отлучение на Александра и на Псков. И рече Псковицам: «братиа и друзи мои, не буди на вас проклятья но отлучение мене ради; еду из города вашего вон; не боуди крестьянаго целования на мене, ни моего на вас», и отьеха в Литву. И Плесковици к князю Ивану и к Новгородцем прислаша послы с челобитием в Опоку, и смиришася».

НІВл. С.262–263.

«В лето 6848 (1340 г.). <...>

Той же, декабря 29, убиша в Орде князя Александра Михайловича и сына его Феодора, призвал бо их царь Озбяк, с лестью рек: «хочеть вас царь жаловати»; онем же послоушавшим поганого лестных словес, приемша тамо горкую и нужную смерть.

Тои же зимы выиде из Орды Товлюбии, отпущен царем к городу Смоленску ратью Татарскою, с ним князь Иван Коротопольый, и приидоша в Переяславль Рязаньски. А князь Проньский Александр Михайлович пошел в орду к цареви с выходом, и оустрете го Коротопол, имя и грабил, а самого веде в Рязаньский Переяславль, и тоу оубьен от своего брата Ивана, а рать поиде ис Переяславля ко Смоленскоу. А князь Иван Данилович послал же рать с Товлубьемъ по повелению цареви: князя Костянтина Васильевича Суздальского, Костянтина Ростовскаго, Иоанна Ярославличъ Юрьевского, Иоана Дрютьскаго, Феодора Фоминьскаго, а с ними воевода Александр Иванович, Феодора Онкифовича. И стоявше рать у Смоленска немного днии, отступи вся прочь, а город не взяша; милостию Божию и святей Богородици сблюдеся вся рать Рускаа, ни чем же не вреждена бысть».

НІВл. С.270.

«В лето 6854 (1346 г.) ...Казнь бысть в городе под восточною странаю, в Ворнаце, в Сарай, в Хазьторокани и по иным странам: мор бысть на люди силен и на Бесермен, толма яко не мощно погребати их; яко преже казнь бысть на Египтян, тако и сих казни Бог».

НІВл. С.276.

«В лето 6857 (1349 г.). Прииде король Краковьский, и взя лестью землю Вольньскую, и много зла крестьяном сътвори, а церкви крестьяньския претвори на Латыньское богомерское служение. Ходиша Новгородци и Двиняне на Мурманы. И князь Семион посла в Орду князя Феодора Глебовича, а сним киличих Федора Шюбачеева, Аминя; и вытягаша князеи Литовских, Михаила да Корияда, да Семиона Свиловскаго, Аикша; и приведени быша на Москву послом царевым Тотоумь».

НІВл. С.279.

Материал подготовил Искандер Измайлов

№ 2

Письма папы Бенедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 г.

В духовной сфере понтифик Бенедикт XII (1334–1342) (француз из Фуа Жак Фурнье) был более успешен, чем на политическом поприще. Он плохо разбирался в тонкостях дипломатии, пытался выйти из-под контроля короля Франции Филиппа VI (1328–1350) и предпринял попытку примириться с Людовиком Баварским, но французский король через подданных убедил папу, что это может привести к ереси и восстанию. Бенедикт XII пытался организовать очередной крестовый поход против мусульман, но встретил противодействие со стороны Филиппа VI, занятого войной с Англией.

Источник цитируется по изданию: Рассказ Римско-католического миссионера Доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских Венгерцев, совершенном перед 1235 годом и письма папы Венедикта XII к Хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году* // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т.5. – Одесса, 1863. – С.998–1006.

«П. Письмо папы Венедикта XII к хану Узбеку»

Венедикт епископ и проч. Его Величеству хану Узбеку Императору Татар светлейшему милость в настоящем, которая пусть приведет к славе в будущем. С радостью и благосклонно приняли мы любезных сыновей мужей благородных Петрано дел Орто (de Lorto), бывшего владетеля Каффы и Альберта, его товарища, исповедующих католическую веру, посланников вашего величества, вместе с любезным сыном Гелия (Helya) из Венгрии, францисканцем, посланником высокого князя Джанибека (Gyubek), Вашего первородного сына, назначенных к нам, и то, что они от имени Вашего Величества постарались предложить, мы выслушали терпеливо и ласково и обсудили прилежно. Поелику же упомянутые посланники, превознося множеством громких похвал Ваше величие, могущество, а равно и чувство любви и уважения, питаемое Вами до сих пор и прежде к нам и св. Апостольской столице, объяснили нам, присоединив приятный рассказ, что Вы, выражая это чувство любви и уважения в похвальных делах, посланников наших, отправленных нами задолго перед тем в Китайскую империю (Cathayense), представившихся Вам, приняли милостиво и ласково из уважения к Богу, к нам и упомянутой апостольской столице, и человеколюбиво повелели выдать им деньги и все нужное и снабдить их на дорогу до самого места назначения не только не скудно, но даже с избытком и роскошно. – Дальше, что снисходя благосклонно на наши просьбы и увещания, с которыми мы поручили Вашей милости христиан католиков, подлежащих Римской церкви, живущих в Вашей Империи, Вы усугубили относительно их Вашего Величества щедрости и милости, предоставив им свободу починять и строить по-прежнему церкви и другие церковные строения, и епископам и духовным католическим проповедовать слово Божие, и совершать св. церковные таинства по обычаю и обряду св. Римской церкви, матери всех верных и учительницы. – Кроме того, что, когда несколько подлых людей, решившихся на неслыханное злодеяние, низким и изменническим образом покусились на жизнь Вашу и ночью осадили Вас в Вашем дворце, подложив под него огонь, а после того старались несправедливо сложить это злодеяние на упомянутых христиан, Вы, счастливо избавившись с помощью Божьего от подобной опасности, помня наши просьбы и увещания и вдохновенные Божественною мудростью, сочли упомянутое обвинение несправедливостью и клеветой и по милости Вашей выпустили означенных христиан мирно на свободу, как невиновных в означенном преступлении, исключая трех, которые по наущению злого духа присоединились, говорят, к злодеям и были вместе с ними наказаны. Все это в высшей степени угодное Богу и нам и нашей столице, любящим справедливость и милосердие и одобряющим то, что достойно одобрения, увеличивает славу Вашего имени и приспособляет Вас к получению милости Божественной благодати. Поистине мы надеемся и веруем, что Божественное провидение, которое не ошибается в своих предначертаниях, внушило Вам вышеупомянутые и другие благочестивые дела, в которых Вы, как мы с радостью узнали, преуспеваете, и ниспошлете вдохновение в сердце Ваше,

* Из собрания памятников, относящихся к истории Венгрии, хранящихся в Ватиканском Архиве, изданного в 1858 г., в Риме, Августином Тейнером, под заглавием: *Vetera monumenta historica, Hungariam sacram illustrata, maximam partem nondum edita, ex tabulariis vaticanis deprompta et collecta ac serie chronologica disposita ab Augustino Theiner. Tomus primus ab Honorio pp. III. usque ad. Clementem pp. VI. 1216–1352. Romae, 1859.*

так что Вы, узнав, наконец, истину, т.е. Христа, озаренные светом католической веры, и приняв ее, без чего нет никому спасения, войдете в одну овчарню, в которой один пастырь, и не лишитесь пастбищ вечного насыщения по окончании настоящей жизни. По этой причине мы, заступающие, хотя и за недостаточные заслуги, место Бога на земле, желая этого горячо для спасения души Вашей, просим Ваше Величество и настоятельно увещеваем, чтобы Вы, подумав внимательно, во глубине души Вашей, как коротка жизнь человеческая и как неверны и часто внезапны судьбы мира сего, старались усердно, по силам Вашим, преуспевать во всем, чтобы соединиться с сонмами небесными. Об этом и о всем прочем, относящемся к Вашему спасению, мы покорными молитвами просим и будем просить Бога. Далее за благосклонность и милости оказания, как это сказано выше, милостью Вашею упомянутым, христианам католикам и за подарки от Вас, от Вашего достославного первородного сына и светлейшей императрицы, супруги Вашей, поднесенные нам упомянутыми посланниками и принятые нами с благодарностью во уважение к пославшим их, мы приносим Величеству Вашему чувствительнейшую благодарность, присоединяя к вышесказанным просьбам и увещаниям, чтобы благосклонность Вашей милости к упомянутым христианам католикам, подведомственным упомянутой Римской церкви, всегда возрастала и увеличивалась. Кроме того, так как мы узнали, что между Вами и чиновниками и подданными любезнейших в Христе сыновей наших, светлейших королей Венгерского... и Польского... случаются иногда на границах Вашего и их государств ссоры и войны, которых следствием убийство людей, опустошение и более еще плачевная опасность для душ, то благоволите, Ваше Высочество, прекратить нападение Ваше на эти государства: а если упомянутые короли нанесут Вам или Вашим подданным незаслуженную обиду или оскорбление и Вы заблагорассудите сообщить об этом нам, мы будем стараться всеми силами с помощью Божьей, чтобы со стороны королей сделано было Вам и Вашим подданным приличное удовлетворение. В Авиньоне, 17 Августа, в шестой год первосвященства (1340).

III. Письмо того же папы к Джанибеку

Венедикт Епископ и проч. Достойному мужу, князю Джанибеку, первородному сыну Е. В. государя Узбека, Императора Татар, светлейшего милость в настоящем, которая пусть приведет к славе в будущем. Представившегося нам недавно любезного сына Гелию из Венгрии, Францисканца, посланника вашей знатности мы приняли ласково, как по уважению к Вам, так равно приняв во внимание его честность, и то, что от имени Вашего он хотел нам сообщить, мы выслушали благосклонно и уразумели прилежно. Хотя о любви Вашей, внушенной Вам Господом, которую Вы питаете и питали до сих пор к св. апостольской столице и Римской церкви, матери всех правоверных христиан и учительниц, а вместе с тем о благосклонности и расположении, которые оказываете постоянно и беспрестанно христианам католикам, повинующимся Римской церкви, живущим в Империи отца Вашего, из любви к Богу и уважения к нам и к упомянутой апостольской столице, мы давно слышали из приятных нам донесений; однако ж упомянутый посланник, превознося и величая Вас множеством громких похвал, как за это, так равно и за другие хорошие и благочестивые дела, говорил нам много приятного об Вас и о многих Ваших добродетелях, которыми податель всех благ наделил Вас. Радуюсь в Господе добродетельным поступкам Вашим и желая Вашего спасения и преуспевания в том, чем можете заслужить милость в настоящей жизни и славу вечного блаженства в будущей, мы убедительно просим Вашу знатность и увещеваем в Господе, чтобы Вы, неусыпно заботясь о всем, что нужно для спасения души Вашей, принимали охотно душеспасительные наставления и увещания упомянутого Ильи, посланника Вашего, любящего Вас, как мы убедились, искренно, и чтобы Вы, не дозволяя потухнуть в себе чувству благоговения, данному Господом всех добродетелей, приняли упомянутых христиан под Ваше покровительство и оказывали им нужную благосклонность и милости, чтобы сам Бог, источник всех благ и не оставляющий без награды ни одного доброго дела, озарил Вас оком благодати своей, пролил в душу Вашу свет истинной веры и направлял действия Ваши к тому, что угодно ему и полезно для Вашего спасения. За присланный Вами подарок, представленный упомянутым посланником, и за милости оказанные Вами упомянутым христианам, мы еще раз изъявляем чувствительнейшую благодарность. Дано в Авиньоне, 17 Августа, в шестой год.

IV. Письмо того же папы к жене Узбека Тайдолу

Венедикт епископ и проч. Достойнейшей Государыне Тайдолу (Taydolu), Императрице северной Гартарии, милость в настоящем, которая пусть приведет к славе в будущем. На днях представившиеся нам любезные сыновья Илья из Венгрии, Францисканец и благородные Петрано дель Орто, бывший владетель Каффы, и Альберт, его товарищ, посланники Его В. Государя Узбека Императора

Татар, супруга Вашего, постарались нам, между прочим, представить с какою любовью Вы, питая дух благоговения и кротости и нося в душе преданность к нам и св. римской церкви, обходитесь с христианами католиками, повинующимися римской церкви, живущими в той стране, и с какою готовностью к делам милосердия Вы оказываете милости и полезное покровительство. Мы, следовательно, выслушав с удовольствием донесение упомянутых посланников, прославляющих имя Ваше, как по причине вышесказанного, так равно и за многие другие похвальные поступки, радуемся очень и благодарим Всевышнего, который внушил Вам эти чувства, надеясь в Господе, от которого происходят все блага, что упомянутые добрые дела Ваши он внушает для того, чтобы Вы, наконец, познав и приняв истину, т.е. Христа, не лишились радостей жизни вечной, по окончании жизни настоящей несчастной и непостоянной. По этой причине, просим Ваше Величество и увещеваем убедительно в Господе, чтобы Вы, продолжая похвально добрые дела Ваши, и через принятие истинной веры католической, без которой никто не может быть спасен, заслужив получить благодать Божественной милости, упомянутых католиков христиан приняли под Ваше покровительство. Мы же, с нашей стороны, за спасение Ваше, супруга Вашего и детей, душевное и телесное просим Бога усердными молитвами. За милости, оказанные Вами упомянутым христианам, и подарок, присланный от имени Вашего, который мы приняли с благодарностью по уважению к Вам, благодарим чувствительно. Дано в Авиньоне, 17 Августа, в шестой год».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 3

Ярлыки татарских ханов московским митрополитам

Предисловие, источник и обзор цитируются по изданию: Ярлыки татарских ханов московским митрополитам: Краткое собрание // Памятники русского права. Вып. III / Под ред. Л.В.Черепнина. – М., 1955. – С.463–491.

«Краткое собрание ханских ярлыков является одним из немногих сохранившихся актовых источников, которые рисуют систему татаро-монгольского властвования в Северо-Восточной Руси.... Золотоордынские ханы, стремясь обеспечить себе поддержку русской церкви, давали русскому духовенству льготы, которые были строго определены в их льготных иммунитетных грамотах – ярлыках. Ярлыки освобождали духовенство от поборов в пользу ханов и их ставленников.

Дошедшие до нас ярлыки, хотя и исходили от татарских ханов, но отразили также нормы русского права, применявшиеся в отношении духовенства. Изучение ярлыков позволяет судить о многообразии правовых норм, имевших применение на Руси. Ярлыки показывают также, что высшие представители русской церковной иерархии стремились использовать покровительство татарских ханов с целью сохранить свои земельные богатства и власть над зависимыми крестьянами.

Ярлыки дают характеристику различных форм недвижимой собственности духовных феодалов.

Для изучения структуры финансовых отношений Русского государства большую ценность имеют сведения о многочисленных налогах, распространенных на территории Северо-Восточной Руси и нашедших свое отражение в ярлыках.

Часть ханских ярлыков, хранившихся в архиве русских митрополитов, в конце XIV – начале XV вв. была переведена с уйгурского на русский язык и снабжена послесловием. Так появилось краткое собрание ярлыков. Высококачественный перевод документов свидетельствует о развитии практической дипломатики на Руси XIV–XV вв. Дошедшие до нас тринадцать списков собрания ярлыков образуют несколько видов двух изводов. Первый извод – полный – состоит из трех видов: Троицкий I, сохранившийся в одном списке середины XV в. (по нему мы печатаем ярлыки); Троицкий II, сохранившийся в двух списках (один список Троицкий II – 70-х гг. XV в., другой список – Овчинниковский – 70-х гг. XVII в.); Львовский (четыре списка).

Текст полного извода по спискам Львовского вида помещен в составе Львовской летописи, куда он попал не позднее середины XVI в. Второй извод – неполный (в нем отсутствует последний ярлык и заключение) – только в некоторых случаях лучше передает протограф собрания, обычно же его чтения – результат творчества позднейших переписчиков. Состоит он из двух видов: Воскресенского (помещен в приложении к летописному сборнику – списки Воскресенский и Архивский I) и Датированного (в нем ярлыки помечены датами). Датированный вид состоит из списков Архивского II,

Дубровского, восходящих к летописному сборнику XVI в., а также Синодального и Уваровского списков, восходящих к митрополичьему сборнику XVI в.

В 40-х гг. XVI в. начало складываться пространное собрание ярлыков, которое представляет собой позднейшую переработку текста краткого собрания с добавлением фальшивого ярлыка хана Узбека митрополиту Петру, составленного по образцу ярлыка хана Менгу-Тимира.

Составители пространного собрания, принадлежавшие к русским церковным властям, преследовали задачу фальсификации исторических документов с целью доказать неизбежность прав духовенства на его недвижимую собственность и на неподсудность духовенства светским властям. Эта коллекция сохранилась также в двух видах: неполном (без «ярлыка» хана Узбека) и полном (с «ярлыком» хана Узбека). Пространная коллекция в настоящем издании не печатается.

ЯРЛЫКИ* ИЖЕ СУТЬ ДАВАЛИ ЦАРИ ОРДИНЬСКИЕ МИТРОПОЛИТОМ КИЕВЬСКИМ
И ВСЕЯ РУСИ НА ЦЕРКОВНЫЯ ДОМЫ И НА ЛЮДИ

1. [1379 г.]

ЯРЛЫК ТЮЛЯКА, ВЫДАННЫЙ МИТРОПОЛИТУ МИХАИЛУ
ПРЪВЫИ ЯРЛЫК ДАЛ ТЮЛЯК ЦАРЬ МИХАИЛУ МИТРОПОЛИТУ

Бесмертного бога силою и величеством из дед и прадед. Тюляково слово Мамаевою дядиною мыслию, татарским улусным и ратным князем, и волостным самым дорогам, и князем, писцем, таможником побережником и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодейщиком или кто на каково дело, ни поидеть многим людем и ко всем.

Пред Чингиз царь, а опосле того цари Азиз и Бердебек, и за тех молились молебники и весь чин поповьскыи; ино какова дань ни будеть или коя пошлина, – ино тем того ни видети не надобе, чтобы во упокой бога молили и молитву въздавали. Да не ли иное что, кто ни будеть, вси отведав ярлыки подавали. И нынеча паки пръвых ярлыков не изыначив, одумав, и мы по тому же сего Михаила митрополита пожаловали есмы. И как сед в Володимери, богу молиться за нас и за племя наше в род и род и молитву въздаеть. Тако есмы възмолвили: ино никакова дань, ни которая пошлина, ни подвода, ни корм, ни питье, ни запрос, ни даров не дадуть, ни почестья, не въздають никакова. Или что церковный дома, воды, земли, огороди, винограды, мельници, – и в то ся у них не вьступаеть никто, ни насильства не творять им никакова. А кто что будеть взял или что вземлеть, и он отдасть назад. А в церковных домех кто ни будеть, чтобы не ставились, ни рушили их. А кто ся иметь в церковных домех ставити или рушити их, – и те люди в гресех будуть да умруть смертию.

А ты, Михаиле митрополит, възмолвишь, что тако есми пожалован, да тем домом церковным или землям или водам и в огородах и в виноградах или над людми церковными, что чрез пошлину учинишь, – ино то на тебе. Или учинить татьбу или ложь или иное кое злое дело, а не имешь того смотри, – ино то и сам ведаешь, каков ответ богу вздаси. А за нас богу молитву въздавай, занеже ты прежде, а мы о том ничего же не мльвим.

Тако рекши, на утвержение с алоу тамгою ярлыки дали есмы овечья лета дарыка семьсот осмое леть сылгата месяца в десятый нова. На Веколузе на речном орда кочевала. Написано.

2. [1347 г. сентября 26]

ЯРЛЫК ТАЙДУЛЫ РУССКИМ КНЯЗЬЯМ

2 ЯРЛЫК ДАЛА ТАИДУЛА ЦАРИЦИ ИОАНУ МИТРОПОЛИТУ

Таидулино слово к таиде. Всь Иоан митрополит за нас молебник молиться от пръвых добрых времен и доселе такоже молебник. Не надобе им мзда, ни какая пошлина ни емлют у них ничего, занеже о нас молитву творять. И что есмы мльвили, то бы есте вси ведали. Или что в городех какие пошлины или какие дела или сила будеть им, а тебе скажють, и ты слово их выслушай да по истине дело их управи. Или паки от кого пред самими на попы и на их люди слово приидеть и ты бы им силы не чинил никакие, упокоины бы были, а о нас бы молитву творили.

А вы, русские князи, Семеном точен всеми митрополиты, как наперед сего кои дела делали, а нынеча также делают.

Молвя о нишенем грамоту дали есмы. Свиного лета осмаго месяца в 5-и ветха. На Желтой Трости орда кочевала. Написано.

* Историко-правовой обзор «Ярлыков» см. ниже. Текстологический комментарий «Ярлыков» опущен. – *Прим. ред.*

3. [1267 г. августа 1]
ЯРЛЫК МЕНГУ-ТЕМИРА

3 ЯРЛЫК ДАЛ МЕНГУТЕМИР ЦАРЬ

Вышняго бога силою вышняя троица волею Менгу-темерьво слово людьским баскаком и князем и польчным князем и к данщиком и к писцем и к мимояздящим послом и к соколником и к пардусником. Чингиз царь потом что будеть дань или корм, ать не заммають их да правым сердцем богови за нас и за племя наше моляться и благоволяють нас. Тако мльвя и последний цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов. Дань ли или иное что ни будеть, тамга, поплужное, ям, война кто чего ни попросить и рькли были дати, кто паки того у нас не ведаеть, вси ведаем. И мы, богу молясь, и их грамоты не изыначили. Тако мльвя по первому пути, которая дань, или поплужное, или подвода, или корм кто ни будеть, да не просять; ям, война, тамга не дають. Или что церковное, земля, вода, огороди, винограды, мельници, зимовища, летовища – да не заимають их. И яже будуть поимали, – и они да въздадуть назад. А что церковное мастери, соколници, пардусници кто ни будеть, да не заимають их, ни стерегуть их. Или что в законе их книги или ино что – да не заимають, ни емлють, ни издеруть, ни погубять их. А кто иметь веру их хулити, – тот человек извиниться и умереть. Попове един хлеб ядуше и во едином дому живуше, у кого брат или сын, и тем по тому же пути пожалование, ажь будуть от них не выступились. Будет же ли, от них выступились дань ли или ино что, – ино им дати. А Попове от нас пожаловани по прьвои грамоте, бога молящи и благословляюще нас стоите.

А иже имете не правым сердцем о нас молитесь, – богу тот грех на вас будеть. Так мльвя. Аж кто не поп будеть, иные люди, иметь к себе приимати, хотя богови молитесь, что в том будеть. Так мльвя, сему митрополиту грамоту дали есьмя. Сию грамоту видяще и слышаще от попов и от черньцов ни дани ни иного чего ни хотятъ ни възмутъ баскаци, княжи писци, поплужники, таможници, а възмутъ ине по велицей язе извиняться и умеруть.

Тако мльвя зачего лета осеннего прьваго месяца в четвертый ветха на Талы. Писано.

4. [1351 г. февраля 4]
ЯРЛЫК ТАИДУЛЫ МИТРОПОЛИТУ ФЕОГНОСТУ

4 ЯРЛЫК ЧЕНИБЕКОВА ЦАРИЦИ ДАЛА ФЕГНОСТУ МИТРОПОЛИТУ ТАИДУЛА

По Ченибекову ярлыку Таидулино слово татарьским услусным князем и волостным и городным и селным дорогам и таможником и побережником и мимохожим послом, или кто на какове дело придеть ко всем. Из давных из добрых времен и доселе что молятся богомолци и весь поповьский чин, и те никаких пошлин не ведають – самому богу моляться за племя наше в род и род и молитву въздають. Тако мльвя Феогноста митрополита царь пожаловал с алою тамгою ярлык дал. И мы первых ярлыков не изыначя мльвя Феогносту митрополиту с нишением грамоту дали есмы. И как в Володимери сед богу молиться за Зденибека и за нас и за наши дети молитву въздаеть. А пошлина ему не надобе, ни подвода, ни корм, ни запрос, ни каков дар, ни почестия не въздаст никакова, ни люди его. А земля его, ни вод, ни огородов, ни Виноградов, ни мелнець кто ни будеть не заимають их, ни силы, ни истомы не творять им никакие ни отьимають у них ничего. Или где стануть да не емлють у них ничего. Так есмы мльвили. А кто пак беспутно силу учинить какову или пошлину замыслить, умереть и поблюдеться. И ты, Фегност митрополит, възмолвишь, что так есмь пожалован. А котории к тебе не причястни огороди, виногради, воды, земли, сам нечто не так учинишь, то сам ведаешь. А за нас богу молитву въздавай. Тако мльвя на утвержение нишеную грамоту дали есмы. Заечия лета арама месяца во осмыи новаго в Сарае орда кочевала. Написано.

А жалобу положил Таоббога, Акъхочя мухтар Учюгуи карапчии. Писано.

5. [1357 г. ноябрь]
ЯРЛЫК БЕРДИБЕКА, ВЫДАННЫЙ МИТРОПОЛИТУ АЛЕКСЕЮ

5 ЯРЛЫК БЕРДИБЕК ЦАРЬ ДАЛ АЛЕКСИЮ МИТРОПОЛИТУ

Бесмертнаго бога силою и величством из дед и прадед Бердебеково слово татарьским улусным и ратным князем Муалбугиною мыслию волостным самим дорогам и князем, и писцем, и таможником, побережником и мимохожим послом и соколником, и пардусником, и бураложником, и заставщиком, и лоденищиком или кто на каково дело ни поидеть многим людем и ко всем.

Ченгизь царь и последний цари наши отци наши и за тех молилися молебники и весь чин поповьскый. Какова дань ни буди или пошлина, ино тем не надобе ни видети, чтобы во упокой бога молили и молитву въздавали. Тако мльвя, ярлыки подавали. И кто ни будеть, вси уведав ярлыки подавали. И нынечя мы прьвых царей ярлыки не изыначивая, одумав, по тому же есмы Алексия⁴³ митрополита пожаловали. И как сед и Володимери богу молиться за нас и за племя наше молитву творит. Так есмы мльвили – и кая дань ни будеть или пошлина, не емлют у них, ни подвод, ни кормов, ни пития, ни запросов, ни почестия не въздають. Или что церковнии домове, земли и воды, огороди, виногради, мелници, – и того у них не емлют, ни силы над ними не творять никакие. А кто будеть что взял или кто возметь, – и тот да отдасть назад. А в церковных кто ни будеть чтобы ся у них не ставили ни рушити их. А кто ся иметь ставити или рушити их, – и той в гресех будеть да умереть. А ты, Алексеи, митрополит и весь вашь поповьскый чин възмолвить, что сяк пожаловани есмы да церковным домом, землям, водам, огородом, виноградом или над церковными людьми что учинишь чрез пошлину, – ино то на тебе. Или кто разбоем, татбою, лжею лихое дело учинить каковь, а не имешь того смотрити, ино то сам ведаешь, каково о том исправление учинишь. А о нас к богу молитву твори, занеже ты преже, а мы потом не мльвим ничего.

Так рекши, баису да ярлык с алою тамгою дали на утвержение вам тигигуя лета десятаго месяца в семьсот осмое сылгата месяца в десятый нова, а орда кочевала на Каонге. Написано. Мувалбога усяин сараи ягалтаи Кутлубугаи. И те головные князи жалобу клали, сеунчь Темурь мюрь бакшии писал.

6. [1354 февраля 11]

ЯРЛЫК ТАИДУЛЫ, ВЫДАННЫЙ МИТРОПОЛИТУ АЛЕКСЕЮ

А СЕ ШЕСТЬЙ ЯРЛЫК ТОМУ ЖЕ АЛЕКСИЮ МИТРОПОЛИТУ ТАИДУЛА ЦАРИЦИ ДЧЕНЕБЕКОВА, ДАЛА, ЧТО ЕМУ ЛУЧИТЬСЯ, КОЛИ КО ЦАРЮГРАДУ ПОИТИ

По Дченибекову ярлыку Таидулино слово к темным и к тысящным, князем, и сотником и десятником, и волостелем, и городным дорогам, и князем, и к мимохожим послом, и ко многим людям и ко всем.

Всь митрополит Алексии, коли ко Царюграду, поидеть, и кто где ни будеть, чтобы его не переимали, ни силы бы ему не чинили никакие. Или где ему прилучиться постояти, чтобы его никто не имал, ни людей бы его ни переимал никто, ни коней бы у них не имали ни иного ничего – в упокой бы были, занеже за Дченебека и за дети и за нас молитву творить. Сяк есмы мльвили. А кто пак силу учинить и он на велицей пошлине перемолвиться.

Так мольва, нишену грамоту дали есмы еита году арама месяца в вторыи ветха, орда кочевала на Гулистане. Написано. Темир ходчя жалобу положил.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОСТАВИТЕЛЯ СБОРНИКА

СУТЬ ЖЕ И ИНИИ МНОЗИ ЯРЛЫЦИ ПРЕДАНИ БЫША К ЦЕРКВИ БОЖИИ И ПРЕЧИСТЫЯ ЕГО МАТЕРЕ ОТ БЕЗБОЖНЫХ ОНЕХ ЦАРЕИ И КРЕПОСТЬ БЫСТЬ МИТРОПОЛИТУ И ВСЕМУ ПРИТЧУ О НЕМ

[Не реку от Саина, иже бе попленил Рускую землю, но паче рещи и всех царей, еже по нем царствоваша, но – ох, увы – слезы мя постигоша великы. Понеже убо милость получи святая церкви и даже и доньне от неверных и поганых. Вы же, провословнии князи и бояре, потщитесь к святым церквам благотворение показати, да не в судни от онех варвар посрамлении будете. Яко же рече господь в еуангелии царица Южьская встанеть на суд с родом сим и судить их проповедию Иониною, зане не покашася].

Елико же обретохом в святейший митрополии старых царей ярлыки, но иных не възмогохом превести, зане неудобь позналаемою речью писани быша, ниже пак именовахом zde. Доволно бо есть нам наказание от саракин, неже правда християнская не разумеющих поистине бога, но ослепленных суетою, еже преобидети святыя церкви и дома их.

ГБЛ Троицк, № 765 лл. 174–180.

Историко-правовой обзор

Первый ярлык

Обращенный к различным татарским должностным лицам, ярлык освобождает служителей русской церкви от уплаты всевозможных даней и повинностей в пользу ханской власти. Это освобождение обусловлено тем, что «чин поповский» совершал богослужения за татарских ханов. Вместе с тем, ярлык подтверждает нерушимость и иммунитетные права землевладения русских духовных феодалов. В основе ярлыка Туляка (Тулунбека) лежит не дошедший до нас ярлык хана Тохты, выданный митрополиту Петру. Он был датирован «семьсот осмое лето сылгата месяца в десятый нова», то есть 12 апреля 1308 г. Это было время, когда Петр вступал на митрополичий стол (согласно «Житию митрополита Петра», он умер в декабре 1326 г., сидев на митрополичьем столе «лет 18 и месяц 6»). М.Д.Приселков полагает, что ярлык Тохты был подтвержден его преемником Узбеком в 1313 г. (при его восшествии на престол), когда митрополит Петр ездил в Орду (ПСРЛ, т. XXV, с. 160), и вторично около 1333 г., когда митрополит Феогност также побывал в Орде. Позднее ярлык Тохты был подтвержден ханами Бердибеком и Азисом («опосле того царя Азиз и Бердебек»). Ярлык Бердибека от 1357 г. сохранился (см. пятый ярлык), а ярлык Азиса (около 1365 г.) не дошел до нас. После этого, наконец, был издан комментируемый ярлык, выданный митрополиту Михаилу. Этот ярлык является самым поздним из числа сохранившихся ханских ярлыков, пожалованных русским митрополитам. Он датирован неопределенно: «овечья лета». В данном случае, в переводе с монгольского летоисчисления, это означает 1379 г. В 1379 г. Михаил (Митяй) получил митрополичий стол на Руси.

Несколько замечаний следует сделать о датировках ярлыков, имеющих в их заголовках (в так называемом Датированном виде). Датированный вид неполного извода появился в результате сопоставления текста ярлыков со сведениями летописей. О летописной редакции этого вида ярлыков свидетельствуют даты, проставленные в их заголовках (списки С, А II). Составитель Датированного вида предположил, что имеет дело с собранием ярлыков, расположенных в хронологическом порядке (согласно летописной манере изложения материала), и попытался установить время их выдачи, руководствуясь данными летописей. Ориентиром ему служили упомянутые в тексте ярлыков митрополиты. В летописи под 6862 г. отмечено: «выиде из Орды князь Иван Иванович и седе на великом княжении в Володимере. Того же лета поставлен бысть митрополитом владыка Алексей и на ту же осень выиде на Русь» (ПСРЛ, т. XXVI, с. 121; ср. г. XXV, с. 179). Судя по контексту, составитель хронологического варианта Краткого собрания ярлыков полагал, что речь идет и о выходе Алексея из Орды, а отсюда появилась дата – 6864 г., как дата выдачи последнего из его коллекции, пятого ярлыка митрополиту Алексею. Под 6850 г. (а может быть, в некоторых списках и под 6851 г.) в летописях говорится: «Тое ж зимы выиде из Орды митрополит Феогност»¹; отсюда появилась дата – 6851 г. – дата выдачи четвертого ярлыка Феогносту.

В текстах Датированного вида стоящий перед ним третий ярлык связывается с митрополитом Петром. Составитель коллекции датировал его 6816 г., то есть первым годом пребывания Петра на русской митрополии. Второй ярлык отнесен в тексте данного вида к митрополиту Иоанну. В летописи митрополит с этим именем упоминается под 6673 г. Эта же дата могла быть поставлена и перед ярлыком².

Первый ярлык коллекции относится к митрополиту Михаилу. Согласно рассуждению составителя датировок, он должен был быть митрополитом ранее Иоанна, и действительно, в летописях под 6642 (1134) г. такой митрополит встречается. Отсюда появилась последняя дата собрания, так же неверная, как и все остальные.

Бесмертнаго бога силою и величеством (пер.) – Вечного неба силою; по изволению Вечного неба.

Из дед и прадед – по заветам дедов и прадедов.

Мыслию (пер.) – во главе с.

Татарском улусным (пер.) – Великого Улуса.

Ратным князем – бекам, военачальникам (ср. полчные князья из третьего ярлыка).

Волостным самым дорогам – даруга – высший начальник над всеми поступлениями в ханскую казну. Ведал также переписью населения, сбором дани и ее доставкой. Волостные даруги – его помощники, посаженные по волостям. В ярлыке Менгли-Гирея (1453 г.) упомянуты даругабеки, в

¹ ПСРЛ, т. XXIV, с. 128; ср. т. XXV, с. 175.

² Впрочем, дата 6670 (1162) поставлена в сохранившихся списках, но, очевидно, последняя буква – цифра «г» могла быть просто опущена.

ярлыке Тимур-Кутлуга (1398 г.) – «внутренних селений даруги»; в четвертом ярлыке – «городные», «волостные» и «селные» даруги; в шестом ярлыке – «волостели» и «городные даруги». В XIII–XIV вв. в Орде существовали специальные «дорога московский», «тверской», с которыми сносились князья отдельных княжеств по вопросам уплаты дани.

Князем – бекам (нойнам, эмирам), представителям татаро-монгольской феодальной знати.

Писцем – битикчи (писцы), секретари диванов (канцелярий). Главою их был битикчи при великом диване (ср. диван битикчи при великой тамге в ярлыке Менгли-Гирея 1453 г., ср. «писцы палат»; в ярлыке Тимур-Кутлуга; ср. «княжи писци» в третьем ярлыке).

Таможником – очевидно, сборщики тамги, торговой пошлины, ср. «таможенных» ярлыка Тимур-Кутлуга и «тамговщиков» ярлыка Менгли-Гирея.

Побережником – сборщикам пошлин с пристававших к берегу судов. «Побережное» – (см. в жалованных грамотах второй половины XIV–первой половины XV вв.; ААЭ, т. I, № 17, 21, 42; ДАИ, т. I, № 8, 9).

Мимохожим послом – ср. в третьем ярлыке «мимоездящим послом», в ярлыке Тимур-Кутлуга «мимохожие и мимоезжие послы».

Соколником – слуги, в ведении которых находились соколы; ср. также в ярлыке Тимур-Кутлуга и в ярлыке Менгли-Гирея «сокольничьи».

Пардусником – «барсникам», слугам-ловчим, ведавшим барсами.

Бураложником – по Березину, слуги – ловчий, «волчари», от татарского – бурулуку, волчарник. Быть может, в термине лучше видеть испорченное «берложники». Это – неудачный перевод наименования одного из монгольских чиновников – туткаула (туткаул, между прочим, значит «логово зверя»); ср. близость букаулов к туткаулам, отражающуюся в других ярлыках.

Заставщиком – ханские чиновники, собиравшие проездные пошлины на заставах; ср. в ярлыке Менгли-Гирея «пограничников» (туткаулов).

Лодещиком – гребцам в лодях; ср. в ярлыке Тимур-Кутлуга «лодочки».

Пред Чингиз царь (пер.) – прежде Чингиз-хан.

Нынеча паки (пер.) – теперь же.

Пръвых ярлыков не изыначив (пер.) – согласно ярлыкам предшественников, по примеру прежних ярлыков.

Дань – в данном случае побор, платившийся в татарскую казну (иначе – ордынское серебро, выход соразмерно имуществу тяглеца.) Иногда этот побор назывался десятиной (Новгородская первая летопись под 1257 г.): Определялся на основе переписи имущества (в первую очередь, земли) плательщиков.

Подвода – обязанность доставления (подводить) ездуку оседланной лошади. Ср. ярлык Тимур-Кутлуга: «со скота их не берут подвод»; в ярлыке Тохтамышша 1382 г. «к гоньбе подвод не принуждать». «Подвода» как повинность упомянута уже в жалованной грамоте 1362–1374 гг.; ДАИ, т. I, № 8.

Корм – поставка пищевого довольствия.

Запрос – экстраординарный побор. Ср. в Троицкой летописи под 1357 г.: «Того же лета приде из Орды посол... по запрос ко всем князем русским». Ср. Новгородскую первую летопись под 1339 г.: «запрос царев, чого у мене царь запрашал».

Даров – дар в данном случае – добровольно-принудительное приношение ханским чиновникам.

Почестья – о почестье см. в грамоте Ростислава Смоленского 1150 г.

Винограды – на Руси под виноградом (виноградником) – могли разумеать сады вообще (в ярлыке Тимур-Кутлуга упоминается «повинность с виноградников»).

В гресех будуть (пер.) – тем будет худо.

На утвержение (пер.) – в удостоверение.

С алою тамгою – с красною печатью.

Дарыка – тариха, летоисчисления; ср. ярлык Тохтамышша 1393 г. О переводе дат ярлыков на современное летоисчисление см. Л.В.Черепнин, «Русская хронология», М., 1944, с. 82–88.

Второй ярлык

Наряду с освобождением русского духовенства от поборов в пользу татарских ханов ярлык Тайдулы содержит обращение к русским князьям с требованием не нарушать «пошлину» в их отношениях с митрополитом.

Начало ярлыка попорчено: никакого митрополита Иоанна на Руси в 1347 г. не было (ярлык дан 26 сентября 1347 г. – «свиного лета осмаго месяца в 5-и ветха»). В 1347 г. московский князь Семен Иванович ездил в Орду к Джанибеку и возвратился в 1348 г. «с пожалованием» (ПСРЛ, т. XXV, с. 177) К этой поездке,

очевидно, и следует отнести ярлык. В целом ярлык подтверждает право неподсудности духовенства княжескому суду; ср. уставную договорную грамоту митрополита Киприана 1404 г.

От пръвых добрых времен (пер.) – «возможно, со времени давно бывшего Саина» (прозвище Батяя «Саин» означало «добрый»).

Или пакы – если же.

Русские князи, Семеном почен – русские князья во главе с Семеном; ярлык обращается ко всем русским князьям, главой которых считается московский князь Семен Иванович.

Всеми митрополиты – со всеми митрополитами.

С нишеном – с нишаном, с печатью.

На Желтой Трости – в Сары Камыше (около современного Камышева).

Ярлык дан от имени ханши Тайдулы. Историк XIV в. Ал-Омари пишет о монголах, что «жены их участвуют с ними (мужьями) в управлении; повеления исходят от них (от обоих)» (В. Тизенгаузен, Сборник материалов, т. I, СПб, 1884, с. 229).

Третий ярлык

Ярлык Менгу-Темира – самый ранний из числа ярлыков, представленных в кратком сборнике. Он выдан, очевидно, 1 августа 1267 г.: «заекого лета осеннего пръваго месяца в четвертый ветха». Менгу-Темир вступил на ханский престол в 1266 г. В летописи под 6774 (1266) г. говорится: «умре царь татарский Беркан, и бысть ослаба християном от насилия Бесермен» (ПСРЛ, т. XXV, с. 146).

Вышняго бога силою вышня троица волею (пер.) – Вечного неба силою, по изволению Вечного неба.

Людьским (пер.) – от «улус» – народ, люди. В подлинном тексте ярлыка стояло: «Великого улуса».

Баскаком – баскаки, татаро-монгольские чиновники, обязанностью которых являлась служба внутренней «охраны» в подвластных им странах (А.Н. Насонов). Своими вооруженными отрядами они поддерживали монгольских сборщиков дани, писцов – «численников». Народные движения 20-х гг. XIV в. в Северо-Восточной Руси принудили татаро-монголов ликвидировать там систему баскачества. Поэтому в других ярлыках (XIV в.) баскаки не упоминаются.

К данником – даньщики, в данном случае сборщики ордынской дани. В связи с ликвидацией системы баскачества на Руси сбор дани был поручен русским князьям, поэтому в ярлыках XIV в. даньщики не упоминаются.

Не заммають – не трогают.

Поплужное – дань, взимавшаяся с плуга, «рала». «Поральское серебро» упоминается в завещании Климента 1270 г.; «поральное» встречается в жалованной грамоте 1477 г.; ср. «посошное» XV в.

Воина – доставка рекрутов во время военных действий.

Мелници – первое упоминание о мельницах на Руси.

Зимовица, летовица – зимние и летние кочевья (механически перенесено в ярлык, предназначенный для русского духовенства). Ср. Лаврентьевскую летопись под 6707 г.

Мастери – ремесленники.

Извиниться – повиниться, будет обвинен; ср. ст. 4 договора 1229 г.

По тому же пути пожалование – такая же льгота.

Княжи писци – см. писцы в комментарии к первому ярлыку.

Поплужники – даньщики (см. выше).

По велицей язе – имеется в виду «яса» Чингиз-хана.

На Талы – тала (монг.), степь, равнина.

Л.В.Черепнин сравнивает ярлык со ст. 12 уставной грамоты митрополита Киприана 1404 г.: «А который попович хотя будет писан в мою службу (великого князя), а всхочет стати в попы или в диаконы, ино ему волно стати. А попович, который живет у отца, а хлеб ест отцов, ино той митрополич. А который попович отделен и живет опричь отца, а хлеб ест свои, а то мои, князя великого» (см. выше).

Четвертый ярлык

Заечия лета арама месяца во осмы новаго – в данном случае 4 февраля 1351 г.

По М.Д.Приселкову, в основу грамоты положен ярлык Джанибека («по Ченибекову ярлыку») Джанибек, по летописи стал ханом в 1342 г. (ПСРЛ, т. XXV, с. 73), когда, по М.Д.Приселкову, он и мог выдать свой ярлык. М.Д.Приселков полагает, основываясь на грамоте Тайдулы, что ярлык Джанибека не был столь льготным, как ярлык Тохты и других ханов. В летописи Джанибек характеризуется иначе: «умре бо добрын царь Чжанибек» (ПСРЛ, т. XXV, с. 180). Но одновременно под 6850 (1342) г. рассказы-

вается о поездке Феогноста в Орду, причем митрополит «много же и пострада в Орде, сбадиша бо его к царю и имше мучиша его, а ркуще: «давай дань полетнюю». Он же в то не вдался и положи посула 600 рублей» (там же, с.175). В связи с этим характерно исчезновение в ярлыке Джанибека освобождения церковных людей от уплаты дани и одновременно – ссылок на восстановление Чингиз-хана и его наследников, исчезает запрещение постоя в церковных домах, право необжалования решений митрополита перед ханской властью (ср. иное в первом и пятом ярлыках).

А кто пак беспутно силу учинить (пер.) – а если же кто беспорядок учинит.

Умреть и наблюдаться (пер.) – и он да побоится, иначе умрет.

Нишенную грамоту (пер.) – ярлык.

А жалобу положил (пер.) – а докладывал (прошение докладывал).

Мухтар (пер.) – старшина.

Каранчиш (пер.) – карачий – смотритель, приближенный хана.

Пятый ярлык

Ярлык Бердибека, так же как и ярлык Тюляка 1379 г., восходит к ярлыку хана Тохты митрополиту Петру от 12 апреля 1308 г.: «в семьсот осмое сылгата месяца в деятии нова». Выражение «как сел в Володимере» относилось к Петру, а не к Алексею (последний к моменту выдачи ярлыка сидел на митрополичьем престоле уже три года, а Петр только получил назначение).

Тигигуя лета десятого месяца – куриного лета (от техия – курица) десятого месяца, то есть в ноябре 1357 г. По М.Д.Приселкову, в это время Бердибек подтвердил старый, льготный вариант ханских ярлыков, отвергнув вариант его отца и предшественника на ханском престоле Джанибека. Такому повороту в политике ханов способствовало, по мнению М.Д.Приселкова, «исцеление» митрополитом Алексеем в Орде царицы Тайдулы в том же году (ср. ПСРЛ, т. XXV, с.180).

Пятый ярлык имеет незначительное отличие от первого. Новые только имена ханов (Бердибеково вместо Тюляково; Муалбугиною вместо Мамаевою дядиною; «наши отци» – вместо Азиза и Бердибека; Алексия вместо Михаила; добавлено Муалбога и далее до конца), дата и место составления ярлыка («на Каонге» вместо Веколуге на речном; «тигигуя лета десятаго месяца» вместо «овечья лета дарыка»). Остальные разночтения объясняются, очевидно, особенностями переводов. Отсутствует: «Пред» («Чингиз-царь»); «в род и род», «ни даров», «домех». Добавлено: «не емлют у них», «и весь ваш поповьскыи чин», «байсу». Иначе изложено: «и последний» вместо «а после того»; «тако мльвя» ярлыки подавали вместо «тако есмы взмолвили»; «да не ли иное что уведав» вместо «отведав»; «прьвых цареи ярлыки» вместо «паки прьвых ярлыков»; «творит» (молитву) вместо «взьдаеть» и др.

Последний цари – последующие за Чингиз-ханом цари, ханы.

Силы над ними не творять – не творят над ними насилия.

Байсу – байса, пайдзе, дощечка (чугунная, серебряная, золотая) с надписью, заменяющая официальным лицам дорожную грамоту. Байса обеспечивала ее обладателю право на средства передвижения, постоя и пропитание в пути.

На Каонге – около Канга (в бывшей Астраханской губернии).

Кутлугугаи – в 1387 г. Кутлугуга возобновлял торговый договор с генуэзцами. На его имя как крымского правителя в 1382 г. дан ярлык Тохтамышша Бей-Ходжи. Около 1381 г. был послан Тохтамышем к литовскому князю Ягайлу (см. ярлык Тохтамышша 1393 г.). Впрочем, известен еще Катлуг-Буга, сын правителя Ак-Орды – Урус-хана, убитый около 1374–1375 гг.

Мюрь бакиши – начальник (эмир) писцов.

Шестой ярлык

После мая 1353 г. Алексей отправился в Царьград для посвящения в митрополиты. Ярлык 11 февраля 1354 г. он получил, надо думать, от Тайдулы. Этот ярлык обеспечивал ему беспрепятственный проезд в Царьград («коли ко Царьграду поидеть»). В том же 1354 г. в Царьграде Алексей был «поставлен в митрополиты» и осенью выехал на Русь (ПСРЛ, т. XIV, с.179). Характерно, что в дорожной Тайдулы Алексей уже назван митрополитом («всь митрополит Алексии»).

К темным и к тысяцным князем и сотником и десятником – к татаро-монгольским военачальникам: бекам-темникам – начальникам туманов (отрядов в 1000 человек), бекам-тысячникам – отрядов в 1000 человек, сотникам – начальникам отрядов в 100 человек, десятникам – начальникам отрядов в 10 человек.

Пак силу учинить – кто же учинит насилие, силу.

Еитя году арами месяца во вторый ветха – 1354 февраля 11. Арам – месяц, которым начинался год у уйгуров (см. таблицы Улуг-бека).

На Гулистане – по В.Трутовскому, Гулистан – малая столица золотоордынских ханов, остатки которой находятся в «Селитряном городище» бывшей Астраханской губернии, в 220 верстах от развалин Сарая. По Н.Веселовскому, – дворец вблизи Сарая.

Заключение

От *Саина* – со времени Батгя.

Вы провословнии князи и бояре – цель составления краткой коллекции ярлыков состоит в обращении к князьям и боярам с призывом защищать богатства и привилегии церкви. В этом обращении не упоминаются великие князья, что делает наиболее вероятной датировку собрания концом XIV в.

В святейшии митрополии – в архиве митрополии. Неясно, о московском или о владимирском архиве идет речь. Последнее вероятнее, ибо в более позднее время (с конца XV в.) в московском митрополичьем архиве ярлыков не было: копияльные книги и формуляры московских митрополитов их не знают: не упоминаются ярлыки и в других официальных документах того времени (упоминание о ярлыках в «ответе» митрополита Симона 1503 г. о монастырском земледелии – позднейшая вставка).

Не възмогохом привести – не смог привести».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 4

Ярлык Менгу-Тимура князю Ярославу Ярославичу

Ярлык хана Улуса Джучи Менгу-Тимура великому князю владимирскому Ярославу Ярославичу, содержащий гарантии безопасности проезда через его землю немецким гостям. Предлагаемый источник имеет весьма большое значение для изучения истории Золотой Орды. Малочисленность джучидского актового материала в целом, в особенности ранних этапов его становления и развития, в частности, еще более повышает значимость данного документа. Источник был обнаружен в Рижском городском архиве и впервые издан К.Е.Напьерским в 1868 г. Документ не датирован, время его появления можно отнести к промежутку между 1266 и зимой 1271/72 гг., т.е. с момента прихода к власти в Улусе Джучи хана Менгу-Тимура до смерти великого князя владимирского Ярослава Ярославича. Скорее всего, ярлык был выдан в 1270 г., на что указывает следующий текст договорной грамоты Новгородца с князем Ярославом Ярославичем: «А гости нашему гостити по Суждальской земли безъ рубежа, по цесареве грамоте» [Грамоты, 1949, с.11–13]. На обороте договорной грамоты написано: «Се прияхаша послы от Менгу Темеря цесаря сажать Ярослава съ грамотою Чевгу и Баиши» [там же].

Данный ярлык Менгу-Тимура (как и его ярлык киевскому митрополиту Кириллу) сохранился лишь в русском переводе. Документ очень информативен, содержание его несоизмеримо больше его объема. Ценность предлагаемого источника также заключается в том, что его переписчик объединил в одном документе по сути дела два акта. Источник, таким образом, можно разделить на две части: первая – собственно ярлык Менгу-Тимура, и вторая – охранная грамота князя Ярослава. Краткость первой части документа позволяет предположить, что подобное сокращение было сделано самим переписчиком. Компилятор оставил ярлык золотоордынского правителя лишь в форме краткого предписания или приказа своему вассалу, который, в свою очередь, доводит этот приказ до сведения своих непосредственных подданных. Интересно, что переписчик уделил больше внимания указу князя Ярослава, этим он подчеркнул права и полномочия местного правителя, но при том отметил его зависимость от хана Улуса Джучи. Охранный ярлык хана Менгу-Тимура весьма краток и лаконичен. Скорее всего, это сокращение было сделано самим компилятором, который старался передать лишь суть документа (дела), сохраняя при этом его общую структуру. По крайней мере, здесь мы можем выделить начальный протокол, который характерен для золотоордынских и в целом для чингизидских актовых материалов. В нашем случае одним из главных признаков, свидетельствующих о золотоордынском происхождении анализируемого документа, является интитуляция. Здесь выделяется типичный для всех золотоордынских ярлыков адресант – «Менгу Темерево слово». Инскрипция или адресат не соответствует известному формуляру золотоордынских ярлыков, ско-

рее всего, это результат сокращения переписчика. Основная часть ярлыка представлена лишь распоряжением («дай путь Немецкому гости на свою волость»). Как видим, основная часть была передана переписчиком лишь в общем смысле. Другие компоненты абстрактного формуляра им вовсе пропущены. Таким образом, на основе краткого формулярного анализа первой части рассматриваемого документа можно сделать определенные выводы о достоверности ярлыка Менгу-Тимура князю Ярославу Ярославичу.

Источник цитируется по изданию: Des Fürsten Jaroslaw Jaroslawitsch mit Bewilligung Mengu Temir's, des Chans der (1266–72) goldenen Horde, ertheiltes Sichergeleit für die rigischen und andre (fremde) Gäste durch sein Gebiet. Ohne Datum (zwischen 1266–1272) // Russisch-livländische Urkunden. Gesammelt von K.E.Napiersky. Hrsg. von der archäographischen Commission. St.Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1868 (Русско-ливонские акты. Собранные К.Е.Напьерским. Изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография Императорской АН, 1868). – S.13–14.

Слово источнику: «Менгу Темерево слово кль Ярославу князю: даи путь Немецкому гости на свою волость. Отъ князя Ярослава ко Рижаномъ а к болшимъ и к молодымъ, и кто гостить, и ко всемъ: путь вашъ чиста есть по мое волости. А кто мне ратнии, с тимъ ся сам ведаю. А гостю чистъ путь по моей волости».

Материал подготовили Марат Гатин, Ленар Абзалов

№ 5

Марко Поло. «Книга о разнообразии мира»

Источник и примечания цитируются по изданию: Книга Марко Поло / Пер. со старофранцузского текста И.П.Минаева. Ред. и вступит. статья И.П.Магидовича. – М., 1956. – С.227–343.

«ГЛАВА ССXX

Здесь описываются цари западных татар

Первым царем западных татар был Саин; был он сильный и могущественный царь. Этот царь Саин покорил Росию, Команию, Аланию, Лак, Менгиар, Зич, Гучию и Хазарию¹; все эти области покорил царь Саин. А прежде нежели он их покорил, все они принадлежали команам [кыпчакам], но не были они дружны между собою и не составляли одного царства, а потому команы потеряли свои земли и были разогнаны по свету; а те, что остались на месте, были в рабстве у этого царя Саина. После царя Саина царствовал Пату [Бату], после Пату царствовал Берка [Берке], после Берки царствовал царь Монглетемур [Менгу-Темур], после него царь Тотамонгур [Туда-Менгу], а потом Токтай [Тохта], что теперь царствует².

Рассказали вам о царях западных татар, а расскажем потом о битве, что была между Алаем [Хулагу], царем левантским, и Баркою [Берке], царем Запада; скажем, из-за чего они дрались и каким образом произошла битва.

ГЛАВА ССXXI

Здесь описывается война между Алаем и Баркою [Хулагу и Берке] и битвы, что были между ними

В 1261 г. по р.х. произошла великая распря между Алаем, царем восточных татар, и Беркою, царем западным, из-за области, что была смежна тому и другому: каждому хотелось ею завладеть, и ни один не хотел уступить ее другому: почитали себя оба сильными и могущественными¹. Вызывали друг друга и говорили: «Пойду, возьму ее и посмотрю, кто у меня ее отнимет». И после того, как вызвали они друг друга на войну, собрал каждый всех своих; стали изготовляться так, как и не видано было; каждый, что есть мочи, старался превзойти другого.

Через шесть месяцев после вызова собрал каждый до трехсот тысяч всадников, прекрасно вооруженных всем, что, по их обычаю, нужно для войны. И когда все было готово, Алау, восточный царь, пошел в поход со всеми своими. Скакал он много дней без всяких приключений и приехал в большую равнину между Железными вратами и Сарайским морем², и расставил в порядке свой стан на этой равнине; скажу вам, по истинной правде, много было тут богатых ставок³ и много

богатых палаток; видно было, что стан богатых людей. Решил Алау здесь поджидать Берку с его войсками. Тут он и жил, поджидая врага. А место, где он станом стоял, было на границах двух царств. Оставим Алау и его людей, вернемся к Берке и его войскам.

ГЛАВА ССXXXII

Как Барка [Берке] с войском шел навстречу Алау [Хулагу]

Изготовился Берка, собрал своих людей, и узнал он тут, что Алау со всем своим войском пошел в поход; решил он, что и ему нельзя отставать, и немедля пустился в путь. Скакал он до тех пор, пока не прибыл на большую равнину, где уже враг был; стал и он в порядке, станом, подле Алау, в десяти милях. Стан его был так же хорош, как и стан Алау, и так же богат, были тут шатры¹ из золотых тканей, богатые палатки; по правде, красивее и богаче стана не видано было прежде; и было тут войска более, нежели у Алау: у Берки было более трехсот пятидесяти тысяч конных. Стали они станом и отдыхали тут два дня. Собрал тогда Берка своих людей и говорил им так: «Славные государи, – сказал он, – вы, конечно, знаете, что с тех пор, как я царствую, любил я вас, как братьев и сыновей, мудры вы, и многие из вас были со мною во многих больших битвах, и много из тех земель, чем мы владеем, вы помогали мне покорять; знайте еще: все, что мое, то и ваше, и так как все это правда, каждый, сколько есть мочи, должен стараться поддержать честь; до сих пор действовали мы хорошо. Знайте, что великий и сильный Алау хочет драться с нами; и неправ он, потому что, воистину, вот что: правда на нашей стороне, а на его неправда, а поэтому всякий да будет уверен, что мы победим; вот еще что должно вас поддерживать – людей у нас больше, нежели у него. Мы знаем очень хорошо, что у него не более трехсот тысяч всадников, а у нас триста пятьдесят тысяч таких же хороших, да еще и лучших. По всему этому, славные государи, видите вы ясно, что мы должны победить в битве. И так как мы пришли сюда драться издалека, то через три дня хочу я дать сражение, станем действовать умно и в порядке, чтобы дело наше шло от хорошего к лучшему. Умоляю, как умею, всем быть храбрыми и действовать так, чтобы весь свет о нас заговорил. Больше этого не хочу говорить; прошу всех в назначенный день быть готовыми, действовать умно и быть храбрыми».

Замолк тут Берка и не сказал больше ничего. Оставим его; об его деле кое-что мы рассказали. Расскажем об Алау и его войске, да и о том, что он делал, когда Берка с войском подошел близко. <...>

ГЛАВА ССXXXIV

О великой битве между Алау и Баркою [Хулагу и Берке]

Когда настал день, назначенный для битвы, Алау встал ранним утром и вооружил всех своих людей; умно и хорошо расставил он их и распределил, как и подобает умному человеку. Разделил он войско на тридцать отрядов, и в каждом было по десяти тысяч всадников; было у него около трехсот тысяч всадников. К каждому отряду он приставил хорошего начальника и предводителя; и когда он устроил хорошо и умно свои дела, приказал он своим отрядам ехать на врага. Поехали по его велению воины рысцою и приехали на полпути между двумя станами; здесь они остановились и стали поджидать врага на битву. И вот так-то, как вы слышали, они поджидали врага.

Берка, со своей стороны, поднялся также рано со всеми своими воинами, вооружился, приготовился хорошо и умно; расставил и распределил свои отряды хорошо и умно; разделил он войско на тридцать пять отрядов, и в каждом отряде, так же как и у Алау, было десять тысяч всадников, хорошие начальники и предводители. Кончил все это Берка и приказал своим отрядам ехать вперед; славно поскакали они, да с толком, и стали в полумиле от врага; они остановились тут, постояли немного и пустились опять на врага.

И что вам сказать? За два выстрела обе стороны остановились и поджидали отряды, что отстали; было то самое лучшее и раздельное место в равнине; множество всадников могли там драться. И нужна была такая славная и большая равнина: столько воинов, как тут, нигде не билось. Было тут шестьсот пятьдесят тысяч всадников двух самых могущественных в свете людей, Алау и Берки; оба они, скажу вам, были близкие родственники, оба были императорского рода чингисханова.

ГЛАВА ССXXXV

Еще о битве между Алау и Баркою [Хулагу и Берке]

Стояли оба царя невдалеке друг от друга, поджидая начала битвы и с нетерпением прислушиваясь к накару¹. Через немного времени с двух сторон забил накар; и как только услышали они его бой, немедля бросилась одна сторона на другую; схватились за луки, пускают стрелы и метят ими во

врага. Летают стрелы с той и другой стороны, и через немного времени воздух ими так наполнился, что и неба не было видно. Видно было, как много людей падали на землю и много также коней; и должны вы этому верить: не могло быть иначе, столько стрел за раз было выпущено. Не переставали они пускать стрелы до тех пор, пока стрелы были в колчане, и вся земля покрылась мертвыми и насмерть ранеными. А когда израсходовали все стрелы, схватились за мечи и палицы, бегут друг на друга и раздают удары сильные. Началась битва злая и жестокая. Жалко было смотреть. Видно было, как отсекались руки и головы; валялись на земле кони и люди мертвые; много погибло; в дурной час началась эта битва; просто жалость! Ни в одной битве не погибло столько, как тут. Крик и шум был такой, что грома божьего не услышать. Скажу вам, по истинной правде, по мертвым телам приходилось ходить; вся земля ими была покрыта и от крови стала багровая. По истинной правде, скажу вам, давно уже не было битвы, где столько людей погибло бы, как тут. Такой тут был плач, и так кричали те, что на землю пали смертельно раненные и не могли подняться. Просто жалость было смотреть! В дурной час началась битва для той и другой стороны. Много жен стали вдовами и много детей сиротами. Показали они, что добра друг другу не желают и враги смертельные.

Царь Алау [храбрец]² и в драке сильный, отличился в этой битве, показал себя способным землею владеть и венец носить. Совершал он великие воинские подвиги, своих воинов поддерживал; видят они, что царь их действует так хорошо и смело, мужаются они. Поистине, был то удивительный воинский подвиг; изумлялся всяк, кто видел это, и друг, и враг; казался Алау не человеком, а молнией и бурей. Так-то, как вы слышали, действовал Алау в битве.

ГЛАВА ССXXVI

Как Барка [Берке] действует храбро

Скажу вам, как Берка также отличился. Действовал он хорошо и был храбр; действовал, поистине, так, что весь свет его хвалил; но в этот день ничего из его храбрости не вышло; люди его все померли, да были поранены и на землю повергнуты, и стало ему невтерпеж. А потому, когда битва продлилась до вечерни, Берка и его воины не могли больше терпеть, приходилось им оставить поле битвы.

И что вам сказать? Когда не могли они более терпеть, пустились они бежать, сколько есть мочи, погоняли коней; а Алау и его воины увидели, что враг побежал, и пустились им вслед; гонят их, бьют и убивают, злодействуют так, что жалость было глядеть. Погнались немного, да и перестали, вернулись к своим ставкам. Снимают вооружение, раненых омывают и перевязывают. Устали они и утомились так, что никто не хотел более биться, и все хотели отдохнуть. Утомленные и усталые отдыхают они в эту ночь; а когда утро настало, приказывает Алау, чтобы все тела, свои и вражеские, были сожжены; и тотчас же его веление исполняется.

И после того, как все это было сделано, Алау возвращается в свою сторону с теми, кто уцелел в битве. Знайте, хоть он и победил, а много у него народу погибло; но воистину у врага побито было еще больше. Погибло в этой битве столько, что кто услышит, так и не поверит.

Так-то, как вы слышали, произошла эта битва, и Алау победил¹.

Оставим Алау и эти дела и расскажем ясно, как вы услышите, о битве татар западных.

ГЛАВА ССXXVII

Как Тотамагу [Туда-Менгу] сделался царем западных татар

Монгутемур [Менгу-Темур] был царем татар на западе, и царство его должно было перейти к Толобуге [Тулабуга], человеку молодому; Тотамангу [Туда-Менгу] был могуществен и с помощью Ногая, другого татарского царя, взял да и убил Толобугу¹. Не процарствовал он долго и помер; на царство был выбран Токтай [Тохта], муж мудрый и храбрый; царствовал он и властвовал в стране Тотамангу. Случилось тем временем, два сына Толобуги, что был убит, подросли и стали храбрыми воинами. Были они и мудры, и храбры; эти два брата, что были сынами Тотамангу, снарядились с добрыми спутниками и пустились в путь ко двору Токтая. Пришли они туда и повели себя там хорошо и умно; стали оба на колени; а Токтай [Тохта] им сказал «Добро пожаловать» и велел подняться. И как встали оба юноши, старший сказал так-то: «Славный царь Токтай, скажу тебе, как умею, зачем мы пришли сюда; знаешь ты очень хорошо, что сыны мы того Тотамангу, кого убили Толобуга да Ногай; Толобуга помер и ничего не может сказать, а от Ногая мы требуем отчета и просим тебя, нашего справедливого господина, чтобы ты заставил его дать отчет, зачем он убил нашего отца; просим, чтобы призвал его перед себя и заставил его дать отчет в смерти нашего отца. Вот зачем пришли к твоему дворцу и молим, чтобы ты нам это сделал».

Замолк юноша и не сказал более ничего.

ГЛАВА ССXXVIII

Как Токтай [Тохта] требует у Ногая отчета в смерти Тотамагу [Туда-Менгу]

Выслушал Токтай [Тохта], что юноша ему говорил; знал он, что это правда, и отвечал так: «Милый друг, – говорил он, – просишь ты, чтобы я потребовал отчета у Ногая; сделаю я это охотно; призовем его ко двору перед себя и поступим с ним, как подобает».

Посылал тогда Токтай двух гонцов к Ногаю и приказывал ему явиться ко двору ответ держать двум сынам Тотамагу [Туда-Менгу]. Принесли гонцы эти вести Ногаю, а он посмеялся, да и сказал, что не пойдет туда. Услышали гонцы такой ответ Ногая и пустились в обратный путь, приехали ко двору своего господина и рассказали ему, как наказывал Ногай, что ни за что не придет. Выслушал Токтай то, что ему наказывал Ногай, и разгневался на него; сказал он так громко, что все кругом слышали: «С божьей помощью, – говорил он, – или Ногай придет сюда передо мной отдать отчет сынам Тотамагу, или я со всем моим народом пойду уничтожить его».

И немедля послал он двух других гонцов с такими словами, как вы услышите.

ГЛАВА ССXXIX

Как Токтай [Тохта] посылает гонцов к Ногаю

Пустились два гонца в путь и приехали ко двору Ногая. Пошли они к нему и поклонились честь честью, а Ногай им сказал: «Добро пожаловать». Заговорил тогда один гонец и сказал так: «Славный государь, – говорил он, – наказывает тебе Токтай [Тохта], – что если ты не придешь ко двору отдавать отчет сынам Тотамагу [Туда-Менгу], пойдет он на тебя со всем своим народом и учинит тебе такое зло, какое только сможет, и добру твоему, и тебе самому, а поэтому подумай, как тебе действовать, и с нами отвечай».

Услышал Ногай, что Токтай ему наказывал, разгневался и сказал гонцам так: «Господа гонцы, – говорил он, – вернитесь к своему господину и скажите ему от меня, не боюсь я войны с ним; скажите ему еще, что если он пойдет на меня, не стану я ждать, чтобы он взошел в мою страну, пойду ему навстречу, за полпути. Вот что я наказываю и отвечаю вашему царю».

Замолк и более ничего не сказал.

Выслушали гонцы слова Ногая и немедля тотчас же пустились в путь и поскакали к своему царю. Рассказали ему все, что наказывал Ногай, что не боится он войны и пойдет к нему навстречу за полдороги. Выслушал Токтай и видит, что войны не миновать; тотчас же, немедля рассылает гонцов по разным странам, ко всем, кто ему подвластен, извещает их, чтобы готовились они итти на царя Ногая. И что вам сказать? Стал он делать большие приготовления. А с другой стороны, как узнал Ногай за верное, что Токтай собирается на него с большим войском, стал и он сильно готовиться, но не так, как Токтай; не было у него ни столько народу, ни столько силы, но был и он велик и могуществен.

ГЛАВА ССXXX

Как Токтай [Тохта] пошел на Ногая

Снарядился царь Токтай [Тохта] и поехал; пошел в поход со всеми своими воинами; вел он с собою двести тысяч конных. Скакали они без всяких приключений до тех пор, пока не приехали в славную и великую равнину Нерги¹. Тут он стал станом и поджидал Ногая: знал он, что и тот спешит на битву. Оба сына Тотамагу [Туда-Менгу] были здесь с добрым отрядом всадников; пришли они отомстить за смерть отца.

Но оставим Токтая и его воинов и вернемся к Ногаю и его людям. Как узнал Ногай, что Токтай пошел в поход и идет на него, не стал он медлить и со всеми своими пошел в дорогу; было у него полтораста тысяч конных, народ все храбрый и славный, много лучше воинов, что были у Токтая.

И что вам сказать? Не прошло и двух дней с тех пор, как Токтай пришел в эту равнину, а уже Ногай со всеми своими был тут и в отличном порядке расставил свой стан в десяти милях от врага. И когда стан устроился, видно было много красивых ставок² из золотого сукна, много славных шатров; видно было, что стан богатого царя; а токтаев стан был не хуже и не беднее, а даже лучше и богаче; были тут удивительно богатые ставки и богатые шатры. Сошлись два царя на равнине Нерги и стали отдыхать, чтобы быть свежими и не утомленными в день битвы.

ГЛАВА ССXXXI

Что Токтай [Тохта] говорит войску

Собрал Токтай [Тохта] своих людей, созвал большой совет и говорил им так: «Государи, – сказал он, – пришли мы сюда драться с Ногаем и его людьми, и дело то справедливое; знаете всю нашу ненависть и злобу оттого, что Ногай не хотел притти отдавать отчет сынам Тотамагу [Туда-Менгу]. На нашей стороне правда, и мы должны победить, а он помрет и сгинет; и всякий из вас должен этим утешиться и крепко надеяться на победу; но все-таки, прошу вас, будьте храбры и старайтесь, сколько мочи есть, разбить и уничтожить врага».

Замолк и более ничего не сказал.

Ногай, с другой стороны, собрал свой совет и говорил так: «Дорогие братья и друзья, – сказал он, – знаете вы, во многих больших битвах, во многих больших схватках мы уже побеждали, со многими сильными людьми имели мы дело, кончалось оно хорошо для нас, и так как это правда и вы это знаете, потому должны быть уверены, что победите и в этой битве. На нашей стороне правда, а на той зло. Хорошо вы знаете, что не государь мой приказывал мне явиться к себе ко двору отдавать отчет другим. Ничего более не хочу вам говорить; прошу каждого приготовиться хорошо действовать; отличимся в этой битве так, чтобы весь свет об этом заговорил и все всегда боялись и нас, и наших потомков».

Замолк Ногай и не сказал больше ничего.

После того, как оба царя сказали свои речи, немедля стали они на другой день приготовляться и вооружаться. Царь Токтай разбил свое войско на двадцать отрядов и в каждый отряд назначил хорошего начальника и предводителя. А царь Ногай разделил войско на пятнадцать отрядов: в каждом было по десяти тысяч конных, и в каждый отряд назначил доброго начальника и хорошего предводителя.

И что вам сказать? Когда оба царя хорошо вооружили и приготовили свои войска, оба пустились в путь, поскакали друг на друга, и как были друг к другу на полет стрелы, остановились тут и стали поджидать. Немного прошло времени, как забил накар, и как раздался его бой, бросились они друг на друга, пуская стрелы. И видно было, как стрелы летали с той и с другой стороны; и диво, сколько их было. Кони и люди валились на землю, мертвые и насмерть раненные. Много было крику и плача много. А как растратили стрелы, и не было ничего пускать, схватились за мечи и палицы, бросились друг на друга, раздавая удары сильные. Началась схватка сильная и жестокая; отсекались длани и руки, резались тела, рубились головы; и видно было, как на землю валились мертвые всадники или насмерть раненные. И крик, и шум, и звон мечей были таковы, что и грома божьего не услышать. И было тут столько мертвых, как никогда ни в какой битве; но, воистину, у Токтая погибло людей больше, нежели у Ногая. У Ногая воины были лучше, нежели у Токтая. Скажу вам, по истинной правде, оба сына Тотамагу хорошо вели себя в этой битве и храбро дрались; что есть мочи старались они отомстить за смерть отца, да не вышло из этого ничего, нелегко было убить Ногая.

И что вам сказать? Жестокая и злая то была битва; не в добрый час она началась; много было на заре здоровых и сильных, и побиты были они в этой битве; много жен стали вдовами; да и неудивительно: злая то была битва. Из всех сил старался царь Токтай поддержать своих людей и спасти свою честь, и много он отличался: вел он себя так, что весь свет его прославлял. Бросался он, не боясь смерти, среди врагов; направо и налево раздавал он удары; идет и разносит людей и хватает их. И сделал он то, от чего в этот день много вреда было и другу, и врагу: врагу был вред, потому что многих он своею рукой побил; был вред и своим: видят они, что действует он храбро, мужаются и они, бегут смело на врага и гибнут и мрут оттого.

ГЛАВА ССXXXII

Как царь Ногай отличался

О царе Ногае скажу вам вот что: знайте, отличался он так, как никто ни на той, ни на другой стороне. Честь и слава битвы были его. Бросался он на врага так же смело, как лев на диких зверей. Шел, повергая их в прах и убивая. Много вреда он учинил. Бросался он туда, где видел самые сильные схватки, и разносил он людей, как мелкую скотину. Видят его люди, что действует так их господин, и стараются, что есть мочи, бегут на врага с остервенением и много зла чинят.

Без лишних слов, знайте, воистину, старались, сколько есть мочи, спасти свою честь люди Токтая [Тохты], но не вышло ничего из этого, пришлось ведаться с воинами славными и сильными. Терпели они много и увидели, что если останутся тут, так помрут все; и как увидели, что не выдержать им больше, так и пустились бежать, что есть мочи. А Ногай со своими погнался за ними, убивал их и злодействовал.

Так-то, как вы слышали, победил Ногай¹. Скажу вам, погибло до шестидесяти тысяч, но царь Токтай спасся, и два сына Тотамагу [Туда-Менгу] спаслись тоже. <...>

Примечания

К главе ССXX

¹ <...> Под Менгиаром, вероятно, следует понимать страну мадьяр, или венгров, под Зичем – страну черкесов, под Гучией – страну крымских готов. (*Комания* – страна команов, т.е. кыпчаков (иначе – половцев); *Алания* – страна аланов (предков осетин). *Крымские готы* – потомки сравнительно небольшой части германского племени готов, переселившейся в Южный Крым в III в. н.э. и затем смешавшейся с местным коренным населением. – *Прим. ред.*).

² Марко Поло ошибочно отличает Саина от Батыя [Бату], который получил от монголов прозвание Саин-Хан («добрый хан»). Остальные ханы: Беркай [Берке] (ниже в подлиннике Барка, Берка, Берха, 1257–1266), Менгу-Тимур (1266–1280) и Туда-Менгу (1280–1287). (После Туда-Менгу и перед Тохтой (Токтой) золотоордынским ханом был Тулабуга (1287–1290), пропущенный в перечне в тексте. – *Прим. ред.*).

К главе ССXXI

¹ Спор шел за области Арран (в Закавказье) и Азербайджан; ср.: Оссон, III, 379.

² Т.е. между Дербентским проходом [Каспийскими воротами] и северной частью Каспийского моря. Битвы происходили в 1262 г. в местности к северу от Дербента и на Тереке. (Сараинским морем Марко Поло называет северную часть Каспия по имени столицы Золотой Орды – городу Сараю, расположенному в низовьях Волги (Сарай-Бату). – *Прим. ред.*).

³ В подлиннике: pavelonz.

К главе ССXXII

¹ В подлиннике: pavilons.

К главе ССXXV

¹ Накар – боевой барабан.

² В подлиннике: prodonmes (храбрец).

К главе ССXXVI

¹ Исход войны не был так благоприятен для Хулагу; ему удалось разбить отряд Ногай к северу от Дербента и разграбить лагерь Беркай [Берке] за Терекком; но во время грабежа его войско неожиданно подверглось нападению со стороны Беркай и потерпело страшное поражение. Остатки войска бежали через Терек, где под ними проломился лед, и множество воинов потонуло.

К главе ССXXVII

¹ В тексте подлинника, как видно из дальнейшего, смешиваются имена Толобога или Толобуга [Тулабуга] и Тотамагу, или Тотамагу, или Тотамигу [Туда-Менгу]. Тулабуга низложил (по словам [персидского] историка Вассафа также убил) хана Туда-Менгу, но не удержал власти в своих руках; его убил Тохта с помощью Ногай. Об участии сыновей Туда-Менгу или Тула-буги в борьбе между Тохтой и Ногаем историки не говорят. Ногай был правнуком Джучи, старшего сына Чингис-хана. (О Ногае см. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. «Золотая Орда и ее падение». М., Л., 1950, стр. 84–88. – *Прим. ред.*).

К главе ССXXX

¹ Nerghi. Битва между Тохтой и Ногаем, кончившаяся победой Ногай, произошла около Дона. (Название Нерги не выяснено. – *Прим. ред.*).

² Pavillonz, ниже paveilonz.

К главе ССXXXII

¹ Впоследствии Ногай около Днепра был разбит Тохтой и убит. Эти события произошли в последние годы XIII в., после 1295 г.; установление более точных хронологических дат пока невозможно. (Ногай был разбит Тохтой и убит в 1300 г.; см. «Золотая Орда и ее падение», стр. 87. – *Прим. ред.*).

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 6

Георгий Пахимер. «История о Михаиле и Андронике Палеологах»

Георгий Пахимер (1242 – ок. 1310), современник вторжения монголов в Малую Азию, в течение своей жизни занимал ряд высоких должностей в государстве как по церковному, так и по гражданскому управлению. Был близок к делам государства и был знаком с такими его сторонами, которые обычно скрыты для других лиц, поэтому его известия особенно ценны.

Выдающийся по своему образованию и по своей литературной деятельности среди современников Пахимер оставил несколько сочинений, дошедших до нас. Важнейшим трудом является «История Михаила и Андроника Палеологов», охватывающая период с 1255 по 1308 гг. В этом произведении Пахимер приводит свидетельства о взаимоотношениях Византии и монголов при первых Палеологах. Первое известие о монголах в «Истории» Пахимера относится к тому времени, когда Михаил Палеолог, уже объявленный соправителем малолетнего Иоанна, сына никейского государя Феодора II Ласкаря, и коронованный на царство, начинает проявлять стремление к единодержавию. Хронологически известие датируется 1261 г. В это время монголы, которых Пахимер называет везде тохарами, представляли грозную силу.

Источник цитируется по изданию: Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной Академии. Георгия Пахимера История о Михаиле и Андронике Палеологах. Тринадцать книг. Том I. Царствование Михаила Палеолога 1255–1282. Перевод под ред. проф. Карпова. – СПб., 1862. – С. 159–325.

«3. Устроив дела хорошо и по своему желанию, царь начал отправлять и дальние посольства именно к правителю Тохарцев, Халаву, и к Ефиопскому султану. Персидский же султан Азатин был при нем и жил в городе, распутно, проводя время в разврате и пьянстве на перекрестках; ибо, так как город был еще пуст и перекрестки уподоблялись пустыням, то он, бесстыдно садясь там с большою толпою приближенных, предавался Дионисовым оргиям и пьянству. Итак к тем царь отправлял посольства и обратно оттуда принимал послов. За Халава выдавал он побочную свою дочь Марию, рожденную от Дипловагацины, и посредником при этом назначил монаха и священника Принкипса. Принкипс, бывший тогда архимандритом обители Вседержителя, сопровождал означенную девицу великолепно, роскошно и вез с собою разнообразное богатство, имея при себе и походный храм из толстых покровов, также изображения святых, обделанные золотом, скрепленные крестами и шнурками, и священные драгоценные сосуды для употребления при святой жертве. Но, между тем, как это бракосочетание приготавлилось с таким великолепием, Халав скончался прежде, чем прибыл к нему Принкипс, – и девица, опоздавшая приездом к отцу, сочеталась с его сыном Апагою, который остался преемником его власти. Ефиопского же султана войти с царем в переговоры побуждала другая нужда. Этот султан происходил из Команов и, быв одним из отданных в рабство, имел похвальную причину домогаться союза с своими родичами. Известно, что климаты на земле северный и южный, как противоположные один другому, имеют влияние на врожденные способности жителей, – телесные и душевные, равно как и на темпераменты, которых различие можно замечать не только в бессловесных животных, сравнительно с подобными им животными, но и в людях сравнительно с людьми. На севере – животные белые, а на юге – черные. Люди на севере вообще несмысленны и едва ли разумные существа: у них нет ни правил словесности, ни естественных наук, ни познаний, ни рассудка, ни экономии в жизни, ни искусств, и ничего другого, чем люди отличаются от бессловесных; они имеют только наклонности воинственные и, будучи стремительны, всегда готовы вступить в бой, тотчас бросаются, лишь бы кто подстрекнул их. Отношение их друг к другу какое-то дерзкое и вакхическое, и они служат Арею. А на юге все напротив: эти благородны, вообще очень благоразумны и превосходны в общественной жизни, славятся искусствами, словесными науками и совестливостию, зато медленны в стремлениях, слабы для сражений и склонны скорее жить малым в бездействии, чем иметь много посредством усиленных трудов. Естественною причиною таких явлений можно почитать солнце, которое на севере мало показывается и недостаточно согревает мозг; ибо тогда как от теплоты его происходят хорошие естественные качества, – холод, сжимающий кожу, сообщает членам грубость. На южной части, напротив, солнце стоит долее и способствует развитию хороших естественных качеств, чрез что однакож все члены тела для подвигов мужества становятся слабее; а физика говорит, что телам соответствуют и души. Поэтому

Ефиопляне и прежде высоко ценили Скифов, когда приобретали их для рабских услуг, или когда пользовались ими, как копнами: теперь же и самая власть находилась в руках Скифа; так Скифы с большим радушием были там принимаемы и составляли вспомогательное войско. Но им, нанявшись, не иначе можно было туда переправиться, как чрез пролив Евксинского моря; а делать это без согласия царя было трудно. Посему к царю нередко присылаемы были послы с подарками, чтобы находившимся на кораблях он позволил войти в Евксинское море и, за большие деньги наняв скифских юношей, отправиться с ними обратно домой. И это, как мы знаем, делалось часто: оттуда присылаемы были к царю подарки, а отсюда плователям открывался свободный путь к султану.

Между тем, дерзость Тохарцев мы еще удерживали – не мужеством войск, а дружественными, или, лучше сказать, рабскими пожертвованиями, – вступали с ними в родственные связи и посылали им подарки, иногда превосходные и величайшие. Таков был второй по времени союз, заключенный с западными Тохарцами, которые вышли неизвестно откуда и с огромными силами занимали северные страны под начальством своего вождя Ногая. Царь выдал за него вторую свою незаконную дочь, по имени Ефросинию; от чего и случилось, что дружелюбно получили они то, чем едва ли овладели бы посредством самой трудной войны.

Теперь следует рассказать о Султанине Азатине, который был жестоким бичем для Македонян и Фракиян, и явно осуществил то, что предвещала комета. Прожив долгое время в Константинополе и непрестанно ожидая, что возвратится восвояси с большою силою, Азатин наконец потерял всякую надежду на успех; ибо видел, что царь занят другими делами и знал о тайных его условиях с Апагою, по которым надлежало оттянуть его возвращение на родину. Поэтому, воспользовавшись удобным случаем, когда царя не было дома, он вступил в сношения с одним из своих родственников, – человеком, на северных бережьях Эвксинского Понта весьма славным, и тайно просил у него помощи против царя, который держит его безоружным и прикидывается другом, тогда как ничем не отличается от врага. Если захочешь помочь мне, прибавлял Азатин, то можешь сойтись с Константином и убедить его тоже к нападению на Римлян; а я, между тем, буду увиваться около Михаила и, находясь с ним, выкину его прямо в ваши руки, особенно, если с тобою будут – не только Константин болгарский, но и Тохарцы. Как скоро царь, таким образом, будет захвачен, – нападение для вас совершенно облегчится; а не то, – вы соберете, по крайней мере, богатейшую добычу и овладеете царскими сокровищами: ты же из той добычи получишь самое лучшее; только помни родство и прежнюю славу. Но если мало и этих двух причин, чтобы спешить, – мало родства и надежды отважиться на дело великое; то одно уже желание помочь родственнику и сжалиться над ним стоит того, чтобы оно осуществилось надлежащим содействием. Переписываясь, таким образом, тайно с своим дядею и получая письменные уверения от него самого, Азатин стал прикидываться, что сильно желает видеть царя и говорил, что даже писал к нему об этом и просил позволения – быть у него, потому что ему тяжело столько времени не видеть лица царского. Даст он, или нет, позволение, прибавлял Азатин, и без того поеду к нему; потому что нудит и мучит меня сильное желание. – Узнав об этом, царь (мог ли он тут подозревать какое коварство?) сам писал к султану и позволял ему приехать к себе, тем более, что он будет иметь случай видеть страны запада, которых, живя на востоке, никогда не видывал. Получив такое дозволение, султан поспешил отъездом и, оставив все свое богатство, даже жен, детей, сестру и мать, частью – чтобы устранить от себя подозрение, частью же, чтобы беспрепятственнее совершать свой путь, выехал из города с одной прислугой и направился прямо к царю. Между тем, упомянутый дядя его, отправившись к царю болгарскому, Константину, открыл ему, или лучше, его супруге, о намерениях султана против царя и успел склонить их к тому, к чему они давно были готовы. После того, чрез послов призывает он к себе множество Тохарцев, обещая им добычу, если они соединятся с ним самим и с Болгарами. Этот народ в то время управлялся еще самовластно; так как не со всем пока подчинил его себе Ногай, который начал первый низвергать Деспотов. Живя с Тохарцами дружелюбно и обходясь запросто, он вместе с ними и при их содействии завоевывал области не в пользу хана, который посылал его, как они думали, но все, что приобретал, усвоил себе и им. Услышав о таком приглашении, Тохарцы немедленно бросились с жадностью собак опустошать лучшие области. Это было еще до родственного союза, в который царь вошел с Ногаем; ибо незаконнорожденная его дочь Евфросиния выдана была за Ногаю уже впоследствии. В то самое время, когда царь, по окончании дел на западе, возвращался в свой город, – они вдруг сошлись с Константином и, всю свою массу пробираясь чрез ущелья Гемуса, остановились там лагерем. Впрочем, эти толпы не составляли одного строя и стояли не в одном месте, но, рассеиваясь отрядами по многим холмам, выска-

кивали вместе с другими из засад и, таким образом, производили ужасы, – грабили, умерщвляли, уводили в плен, причиняли всякого рода зло. Естественно, что слух об этом скоро достиг до ушей царя; ибо они совершали свои нападения не тайно и не с осторожностью, но быстро обхватили всю страну, наподобие свирепеющего огня. При первой вести об этом сердце Михаила затрепетало, и он увидел себя в крайнем затруднении. К сражению он был вовсе не готов (войска были распушены по домам), и возвращался домой с немногими дворцовыми слугами; а между тем Тохарцы известны были Римлянам, как народ непобедимый. Невозможно было и бежать, потому что враги, заняв и кругом обложив проходы, без страха бегали всюду во множестве, и одних убивали, других отводили к варварам в жалкое рабство; так что, куда бы кто ни обратился, нигде не мог надежно спасти свою свободу. Окружив, таким образом, все место, они едва не схватили державного; ибо, судя по тому, как успевали доносить вестники о варварстве неприятелей, между ними и царем не было расстояния и на пол дня верховой езды; так что вечером они останавливались лагерем там, откуда царь выступил утром, или, – сегодня располагались там, где тот был вчера. Впрочем, шли они в таком беспорядке, что не были распределены на фаланги, но рассыпались повсюду, с надеждою на добычу, и эта надежда была у них выше всякого страха. Тут же, между прочим, ехал в колеснице и Константин, который, сломив себе когда-то ногу, с тех пор не мог владеть ею надлежащим образом, – шел ли пешком, или ехал верхом. Окруженный Болгарами, он тщательно осведомлялся, где находится царь, и надеялся схватить его, когда он останется один; ибо все окружавшие царя, – слуги и домочадцы, опасаясь каждый за себя, без оглядки бежали, кто куда, и, предоставляя царю заботиться о своем спасении самому, скрывались. Теперь каждый имел в виду только личную безопасность и не думал уже о своем ближнем: одни управлялись благоразумным страхом, другие – излишней трусостью; иные притом влеклись необходимостью, – что если то есть не позаботятся о себе, то должны ожидать плена; а некоторые, не понимая беды сами, смотрели на других и, приходя к той же мысли, удалялись, кто где надеялся спастись. Соединиться и в боевом порядке принять врагов они не могли; ибо и сам предводитель их испуган был этою нечаянностью и думал, куда бы уйти. И, действительно, имея при себе немногих, особенно приближенных и верных людей, царь пробирался теперь с ними по глухим путям и, устранившись от одних ужасов, наталкивался на другие; так что, избегнув опасности там, подвергался ей здесь и, спасшись от первого зла, впереди ожидал другого, еще большего. Объятый несказанным страхом, он и вершины гор нередко принимал за вооруженных воинов. Даже всякая весть представлялась ему страшною; ибо не было никого, кто, встретившись с ним, или подошедши к нему, не рассказал бы каких-нибудь ужасов. Поэтому, когда кто говорил, что он был вблизи неприятелей с намерением узнать, сколько их и где они идут, – находившиеся с царем, имея в виду только спасение, не верили такой отваге. Наконец, благодаря ночной темноте и разным обходам, царь кое-как достиг горы Гана, а прочих оставил спасаться, где могут. Что же касается задних, то в них он совершенно отчаялся и считал их в плену. Между тем, эти имели на своих руках царскую казну, и с ними ехал султан Азатин. Возшедши на гору, посылает он гонцев, – одних для наблюдения за врагами, наказав им быть осторожными и тщательнее скрывать свое бегство, других – для скорейшего пригнания к горе легкой трииры; а сам, переходя с места на место, искусно укрывался от неприятеля, когда этот показывался. Узнав же, что триира приготовлена, он сошел с горы вместе с прочими и, севши на нее, благополучно прибыл в Константинополь. Борьба с обеими сторонами была ужасная, но защитники крепости наконец почувствовали свое бессилие и видели гибель над головою; поэтому выслала послов – согласиться на выдачу султана, если только осаждающие дадут клятву пред Богом и святыею, что оставят их в покое (это посольство было отправлено к Константину). Отправив посольство и получив согласие неприятелей, они обратились к местному своему епископу. Епископ, возложив на себя священные одежды и взяв святые иконы, вышел со всем клиром и направил путь к Константину. Когда Константин произнес клятвы пред Богом и иерархом, архиерей возвратился в крепость, и осажденные немедленно выдали султана со всею его свитою и имуществом. Взяв его, враги тотчас удалились и не требовали ничего другого; ибо поклялись довольствоваться выдачею одного султана и ничего больше не делать. Но видно судьба сильна; сколько ни умудрайся противиться ей, определения не избежнешь. Спустя день–два после того на море являются царские трииры. Не успели они еще войти в пристань, как жители крепости раскаялись уже в своем поступке. Однакож теперь нечего было сделать, раскаяние опоздало и вовсе ни к чему не вело. Поэтому, не могши возвратить того, что уже сделано, они начали думать, по крайней мере, о сохранении денег, боясь, как бы и тут не ошибиться; потому что страна наполнена была еще множеством рассеявшихся неприятелей. Поставив против города трииры и по

обеим сторонам пути к морю протянув войска, они вынесли царские сокровища и положили их на суда, а потом и сами сели на них и поплыли. Когда прибыли они в Константинополь и возвестили царю о всем случившемся, царь, раздраженный такими вестями, вдруг пришел в неудержимый гнев и выходил из себя. Епископ был вытребован пред суд Церкви, обвинен и едва не подвергся особому наказанию за то, что принял участие в этих делах; слуги были высечены и, в посрамление, одетые в женские платья, прогнаны с царских глаз; жена, дочь, мать и сестра султана, равно как дети его и вся прислуга, заключены в крепких тюрьмах; а все его сокровища, деньги серебряные и золотые, богатые покрывала, одежды и пояса, также жемчуг и драгоценные камни, – словом, все предметы персидской роскоши, как называли их, сданы в общественное казнохранилище.

4. Ногай из Тохарцев был человек могущественнейший, опытный в управлении и искусный в делах воинских. Посланный от берегов Каспийского моря начальниками своего народа, носившими название ханов, с многочисленными войсками из туземных Тохарцев, которые назывались Монголами (*Мбуолийи*), он напал на племена, обитавшие к северу от Евксинского Понта, издавна подчиненный Римлянам, но по взятии города Латинянами и по причине крайнего расстройтва Римских дел, отложившиеся от своих владык и управлявшиеся самостоятельно. При первом своем появлении, Ногай взял те племена и поработил. Видя же, что завоеванные земли хороши, а жители легко могут быть управляемы, он отложился от пославших его ханов и покоренные народы подчинил собственному своему владычеству. С течением времени соседние, обитавшие в тех странах племена, каковы Аланы, Зикхи, Готфы, Руссы и многие другие, изучив их язык и вместе с языком, по обычаю, приняв их нравы и одежду, сделались союзниками их на войне. От этого Тохарское племя, скоро, до чрезвычайности распространившись, сделалось могущественным и, по своей силе, неодолимым; так что, когда напали на него, как на племя возмущившееся, верховные его повелители, оно не только не поддалось им, но еще множество их положило на месте. Вообще народ Тохарский отличается простотою и общительностью, быстр и тверд на войне, самодоволен в жизни, невзыскателен и беспечен относительно средств содержания. Законодателем его был конечно не Солон, не Ликур, не Дракон (ибо это были законодатели Афинян, Лакедемонян и других подобных народов, – мужи мудрые из мудрых и умных, по наукам же ученейшие), а человек неизвестный и дикий, занимавшийся сперва кузнечеством, потом возведенный в достоинство хана (так называют их правителя); тем не менее, однакож, он возбудил смелость в своем племени – выйти из Каспийских ворот и обещал ему победы, если оно будет послушно его законам. А законы эти были такого рода: – не поддаваться неге, довольствоваться тем, что случится, помогать друг другу, избегать самозакония, любить общину, не думать о средствах жизни, употреблять всякую пищу, никакой не считая худою, иметь много жен и предоставлять им заботу о приобретении необходимого. Отсюда быстрое размножение этого племени и изобилие во всем нужном. У них положено было также – из вещей приобретенных ничего не усвоить навсегда и не жить в домах, как в своем имени, но передвигаться и переходить в нужде с одного места на другое. Если бы недоставало пищи, ходить с оружием в руках на охоту, или проколов коня, пить его кровь; а когда понадобилась бы более твердая пища – внутренности овцы, говорили, налей кровью и положи их под седло, – запекаясь немного от лошадиной теплоты, она будет твоим обедом. Кто случайно найдет кусок ветхой одежды, то сейчас пришей его к своему платью, нужна ли будет такая пришивка или не нужна, – все равно (цель та, чтобы делая это без нужды, Тохарцы не стыдились к ветхим одеждам пришивать старые заплатки, когда бы настала необходимость). Этими-то наставлениями законодатель приучал своих подданных жить в полной беспечности. Получая от женщины и копые, и седло, и одежду, и самую жизнь, Тохарец, без всяких хлопот, тотчас готов был к битве с врагами. Охраняемые такими постановлениями своего Чингиз-хана (я припомнил теперь, как его зовут: – Чингиз его имя, а хан – это царь), они верны в слове и правдивы в делах; а будучи свободными в душе и отличаясь прямою сердцем, они ту же не обманчивость речи, когда кого слушают, ту же неподдельность поступков желают находить и в других.

Итак, вступив в родственный союз с вождем их, Ногаем, царь отправил к нему множество материалов для одежды, и для разнообразных кушаньев, и сверх того, – целые бочки пахучих вин. Отведав кушанья и вин, Ногай с удовольствием принял это, вместе с золотыми и серебряными кубками. Но что касается разных калиптр и одежд (ибо и такие вещи присланы были ему от царя в подарок), то отодвигая их руками, он спрашивал принесшего: полезна ли эта калиптра для головы, чтобы она не болела, или эти рассеянные по ней жемчужины и другие камни имеют ли силу защищать голову от молнии и ударов грома, так, чтобы человек под такую калиптрою был непоразим? А эти драгоценные платья избавят ли члены моего тела от утомления? Если его не останавливали, то он рвал присланные

одежды; а когда иную и примерял, – то только по дружбе к царю, да и то на минуту, а потом тотчас снова являлся в своей собачьей или овечьей, и гордился ею больше, чем теми многоценными. Точно так же обращался он и с калиптрами, выбирая из них нужные, предпочтительно пред драгоценными. Находя же что-нибудь полезным, он говорил принесшему: это – сокровище для того и для того, и тотчас надевал на себя, обращая внимание не на камни и жемчуг, а на пригодность вещи. <...>».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 7

Рашид ад-Дин. «Сборник летописей»

Источник и примечания цитируются по изданию: Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Том II / Пер. с перс. Ю.П.Верховского, примеч. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова, ред. проф. И.П.Петрушевского. – М.-Л., 1960. – С.78–87.

«ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОВЕСТВОВАНИЯ О ДЖУЧИ-ХАНЕ;
ДАТА [ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ] И РАССКАЗЫ О ВРЕМЕНИ
ЕГО ЦАРСТВОВАНИЯ; ИЗОБРАЖЕНИЕ ТРОНА, ЖЕН, ЦАРЕВИЧЕЙ
И ЭМИРОВ ВО ВРЕМЯ ВОСШЕСТВИЯ ЕГО НА ПРЕСТОЛ;
ПАМЯТКА О ЕГО ЛЕТНИХ И ЗИМНИХ КОЧЕВЬЯХ И О НЕКОТОРЫХ ВОЙНАХ,
КОТОРЫЕ ОН ВЕЛ, И О ПОБЕДАХ, КОИ ОН ОДЕРЖИВАЛ;
ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЕГО ЦАРСТВОВАНИЯ

Все области и улус, находившиеся в пределах реки Ирдыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включал в свои владения области Дашт-и Кыпчак и находящиеся в тех краях государства. Его юрт был в пределах Ирдыша, и там была столица его государства. Вот и все!

Краткий рассказ о делах Джучи-хана

Так как Джучи-хан умер раньше [своего] отца, то нельзя вкратце привести рассказ, который относился бы исключительно к нему, поэтому [здесь] приводится краткое описание его деяний, которые [уже] подробно упоминались в повествовании о Чингиз-хане, и излагаются обстоятельства его болезни и смерти. А это было так:

Так как Джучи-хан по приказу Чингиз-хана постоянно находился в походах и завоевал и покорил много областей и городов, то, когда Чингиз-хан, направляясь в область таджиков, дошел до границы Отрара, он оставил его [Джучи-хана] там, предназначив его для покорения Отрара. Джучи-хан, как [уже] было рассказано в повествовании о Чингиз-хане, взял Отрар и, овладев его крепостью и разрушив ее, повернул обратно. Области, которые попадались на его пути, он покорял, пока не прибыл к отцу в пределы Самарканда. Оттуда Чингиз-хан снова отправил его с братьями, Чагатаем и Угедеем, [в поход] для покорения Хорезма. Когда они осадили то место¹, то взять его не удавалось по причине несогласия его [Джучи-хана] с Чагатаем. Чингиз-хан приказал, дабы в той войне предводителем был Угедей. Благодаря своим способностям он установил между братьями согласие, и они сообща взяли Хорезм. Чагатай и Угедей направились к отцу и прибыли к [нему] к крепости Таликан. А Джучи-хан через Хорезм направился в сторону Ирдыша, где находились его обозы, и присоединился к своим ордам. [Еще] раньше Чингиз-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны, как-то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кыпчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингиз-хан, крайне рассердившись, сказал: «Я его казню, не видать ему милости». Джучи же неожиданно заболел и поэтому, когда отец по возвращении из страны таджиков прибыл в свои ставки, не смог приехать к нему, но послал ему несколько харваров² добытых на охоте лебедей³ и рассыпался в извинениях. После этого Чингиз-хан еще несколько раз приказывал вызвать его к себе, но [тот] из-за болезни не приезжал и приносил извинения. Затем [однажды] какой-то человек из племени мангут проезжал через пределы юрта Джучи; а Джучи, перекочевывая, шел от юрта к юрту и таким же большим достиг одной горы, которая была местом его охоты. Так как сам он был слаб, то послал охотиться охотничьих эмиров. Когда тот

человек увидел это сборище охотившихся людей, то подумал, что это [охотится сам] Джучи. Когда он прибыл к Чингиз-хану и тот спросил его о состоянии болезни Джучи, то он сказал: «О болезни сведений не имею, но на такой-то горе он занимался охотой...». По этой причине воспламенился огонь ярости Чингиз-хана, и, вообразив, что [Джучи], очевидно, взбунтовался, что не обращает внимания на слова отца, он сказал: «Джучи сошел с ума, что совершает такие поступки». И приказал, чтобы войско выступило в поход в его сторону и чтобы впереди всех отправились Чагатай и Угедей, и сам собирался выступить в поход вслед за ними. В это время прибыло известие о печальном событии⁴ с Джучи в ...⁵ году. Чингиз-хан пришел от этого в великую печаль и огорчение, он произвел расследование, выявилась ложь того мангута и было доказано, что Джучи был в то время болен и не был на охоте. [Чингиз-хан] потребовал того человека, чтобы казнить его, но его не нашли. Почтенные эмиры и гонцы, которые в разное время приезжали из улуса Джучи, сказали, что смерть его произошла между тридцатью и сорока [годами его жизни], и эти слова сравнительно близки [к истине]. Другие же говорят, что его не стало в двадцатилетнем возрасте, но это чистое заблуждение. После смерти его и Чингиз-хана, когда на трон воссел Угедей-каан, он на основании ранее изданного Чингиз-ханом неукоснительного указа Джучи-хану о покорении северных областей поручил [это] членам его рода, и они занялись этим [покорением] с помощью других царевичей.

Рассказ о восшествии на престол Бату в качестве преемника отца и памятка об обстоятельствах его [жизни] во время [его] царствования

Когда скончался Джучи-хан, его второй сын, Бату, в качестве преемника отца воссел в своем улусе на ханский престол. Его братья подчинились ему и покорились. В эпоху Угедей-каана, как о том было подробно сказано в повествовании о нем, он назначил его с братьями и другими царевичами, согласно прежнему указу [Чингиз-хана], на покорение северных областей. Все они, собравшись у него, сообща выступили в поход и, как [уже] было изложено, завоевали большую часть тех государств. После возвращения царевичей Менгу-каана и Гуюк-хана [из похода] он [Бату] с братьями, как о том [уже] упоминалось в добавлении к его родословной, занялся завоеванием оставшихся частей тех областей. В начале 639 г. х. [июль 1241 г. н.э.], когда скончался Угедей-каан, Бату, вследствие преклонного возраста, почувствовал упадок сил, и когда его потребовали на курилтай, то он под [предлогом] болезни уклонился от участия [в нем]. Так как он был старший из всех [родичей], то из-за его отсутствия около трех лет не выяснялось дело [о звании] каана. Правила старшая из жен Угедей-каана, Туракина-хатун. В это время разруха проникла на окраины и в центральные части государства. Каан сделал наследником престола своего внука Ширамуна, но Туракина-хатун и некоторые эмиры не согласились и сказали: «Гуюк-хан старше» – и для возведения его на престол опять попросили Бату. Хотя он и был обижен на них и опасался печальных событий из-за прежних отношений, но все же тронулся в путь и двигался медленно. [Еще] до его прибытия и появления родичей они собственной властью утвердили каанство за Гуюк-ханом. Так как Гуюк-каан страдал неизлечимой болезнью, то под предлогом того, что «вода-де и воздух старинного юрта, который дал мне отец, для меня полезнее», со всем войском направился в пределы Эмиль-Куджина⁶. Когда Бату подошел близко к тому месту, он стал немного опасаться. Соркуктани⁷-беги, старшая жена Тулуй-хана, на основании той дружбы, которая со времен Чингиз-хау установилась и укрепилась между Джучи и Тулуй-ханом и родами обеих сторон, тайно прислала весть, что прибыл Гуюк-хан в те края не без хитрости. В связи с этим подозрения Бату усилились, и он с предосторожностями и осмотрительностью ожидал прибытия Гуюк-хана. Сам же [Гуюк-хан], когда прибыл в пределы Самарканда, в местность, от которой до Биш-Балыка одна неделя пути, скончался в 640 г. х. [1 июля 1242 – 20 июля 1243 г. н.э.] от болезни, которой страдал. Снова трон долгое время оставался не занятым государем, и опять правила Туракина-хатун.

Соркуктани-беги, когда распространилась молва о болезни Бату, отправила к нему своего сына Менгу-каана под предлогом навестить больного. Бату обрадовался его прибытию и, поскольку он воочию увидел в нем признаки блеска и разума и будучи [кроме того] обижен на детей Угедей-каана, сказал: «Менгу-каан – старший сын Тулуй-хана, который был старшим сыном Чингиз-хана; коренной юрт и место [Чингиз-хана] принадлежат ему. Этот царевич⁸ сам по себе очень умен и даровит и подготовлен к царствованию. При наличии его каким образом кааном станет кто-либо другой? Тем более, что дети Угедей-каана поступили вопреки словам отца и не отдали власти Ширамуну и, преступив древний закон и обычай, не посоветовавшись с родичами, ни за что убили младшую дочь Чингиз-хана, которую он любил больше всех [своих] детей и называл Чаур-сечен. По этой причине каанство им не подобает». Он сам возвел⁹ Менгу-каана на каанство и заставил всех

своих братьев, родственников и эмиров подчиниться и покориться ему. Он послал вместе с ним своего брата Берке и своего сына Сартака, который был наследником престола, с тремя туманами войска, дабы они в местности Онон и Келурен, которая была коренным юртом Чингиз-хана, посадили его на престол каанства и трон миродержавия и исправили и загладили бы козни детей Угедей-каана, замысливших вероломство.

В общем, передача каанства дому Тулуй-хана и утверждение [ими] прав за собой произошли благодаря способностям и проницательности Соркуктани-беги и помощи и содействию Бату, вследствие дружбы с ним. После этого до конца его жизни, и после его смерти, во времена Сартака и Улагчи, и большую часть времени Берке между домами Тулуй-хана и Бату был проторен путь единения и дружбы.

И еще при жизни Бату Менгу-каан назначил своего третьего брата, Хулагу-хана, с многочисленным войском в Иранскую землю и определил [выделить] из войск каждого царевича по два человека с десятка, дабы они отправились вместе с Хулагу-ханом и стали его помощниками. Орда отправил через Хорезм и Дехистан своего старшего сына Кули с одним туманом войска, а Бату послал через Дербенд Кипчакский¹⁰ Балакана, сына Шейбана, и Тутара, сына Мингкадара сына Бувала, седьмого сына Джучи-хана, чтобы они, прибыв, стали подкреплением войску Хулагу-хана, служили ему. А Бату скончался в 650 г. х. [14 марта 1252 – 2 марта 1253 г. н.э.] в местности ...¹¹, на берегу реки Итиль. Жития его было сорок восемь лет. Менгу-каан встретил прибытие его сына Сартака с почетом, утвердил за ним престол и государство и дал [ему] разрешение на отъезд. В пути его [Сартака] также не стало. Менгу-каан послал гонцов, склоняя и располагая [к себе] его жен, сыновей и братьев, и также пожаловал Улагчи [сыну Бату] престол и царство отца и отличил всех разными милостями и ласками. Улагчи также в скором времени скончался и оставил другим престол и царство. Вот и все!

Рассказ о восшествии Берке на престол улуса Джучи-хана и об обстоятельствах [его] жизни

Когда Бату скончался и его сыновья Сартак и Улагчи, которые были назначены ему преемниками, скончались один за другим и [когда] его младший брат Берке в 652 г. х. [21 февраля 1254 – 9 февраля 1255 г. н.э.] воссел на его место, то его повеления стали неукоснительно исполняться в его улусе, и он по обычаю поддерживал с домом Тулуй-хана искреннюю дружбу, идя по пути преданности, благорасположения и единения. В 654 г. х. [30 января – 20 декабря 1265 г. н.э.] Балакан, который был в этом государстве¹², задумал против Хулагу-хана измену и предательство и прибегнул к колдовству. Случайно [это] вышло наружу¹³. Учинили о том допрос, он тоже признался. Для того, чтобы не зародилась обида, Хулагу-хан отослал [Балакана] с эмиром Сунджаком к Берке. Когда они туда прибыли, была установлена с несомненностью его вина, Берке отослал его [обратно] к Хулагу-хану: «Он виновен, ты ведаешь этим». Хулагу-хан казнил его. Вскоре после того скончались также Татар и Кули. Заподозрили, что им с умыслом дали зелья. Поэтому у них возникло недовольство [друг на друга], и Берке стал враждовать с Хулагу-ханом, и, как это будет рассказано в повествовании о Хулагу-хане, они сразились в шаввале 660 г. х. [август 1262 г. н.э.]. Войска, прибывшие с Кули и Тутаром в это государство, большей частью разбежались. Некоторые вышли через Хорасан и расположились от гор Газны и Бини-Гау до Мултана и Лахавура, которые являются границами Хиндустана. Старшим из эмиров, которые были их предводителями, был Никудер, а Ункуджене, из эмиров Хулагу-хана, шел за ними по пятам. Другие через Дербенд добрались до своих жилищ. Эта распря между Берке и Хулагу-ханом оставалась в продолжение [всей их] жизни. Полководцем Берке был Нокай, сын Джарука¹⁴ сына Тумакана сына Кули, царевич очень отважный и удалой. Когда Хулагу-хан в 663 г. х. [24 октября 1264 – 12 октября 1265 г. н.э.] скончался на зимнем стойбище в Чагату и на место его воссел на престол сын его Абага-хан, то между ними и Берке все так же продолжалась вражда. В 663 г. х. [24 октября 1265 – 12 октября 1266 г. н.э.] Берке вернулся в пределы Ширвана с войны с Абага-ханом и, пройдя через Дербенд, умер близ реки Терек, в 664 г. х. [13 октября 1265 – 1 октября 1266 г. н.э.] Вот и все!

Рассказ о восшествии Менгу-Тимура, сына Тукукана, второго сына Бату, на [престол] царствования над своим улусом

Когда Берке скончался, на его место посадили упомянутого Менгу-Тимура. Он тоже долгое время противился Абага-хану, и они несколько раз сражались, и Абага-хан одерживал победы. В конце концов они в году ...¹⁵ в силу крайней необходимости заключили мир, как о том будет подробно изложено в повествовании об Абага-хане. С той поры они оставили споры до времени Аргун-хана, когда в месяце рамазане 687 г. х. [29 сентября – 28 октября 1288 г. н.э.] опять пришел от них громадное войско, их предводителями [были] Тама-Токта и Бука. Аргун-хан [уже] направлялся из зимних стой-

бищ в Арране и Мугане на летовку. Когда он услышал весть об их прибытии, то вернулся обратно и в передовой рати отправил старших эмиров Тогачара и Кунджи-бала с войском. Они дали бой и убили Бурултая, [одного] из предводителей их войска и много воинов. Враги, разбитые, повернули обратно. С той поры до сего времени, благословенной эпохи государя ислама Газан-хана, да увековечит Аллах его власть, они больше не принимались за распри и вследствие [своей] слабости предпочли соглашению раздору, ищут дружбы и единодушия и посылают к государю ислама гонцов с извещениями об обстоятельствах [дел] с дарами и подношениями. Вот и все!

Рассказ о восшествии на престол Туда-Менгу, о свержении его сыновьями Менгу-Тимура и Тарбу, о царствовании их сообща, о бегстве от них Токтая, о захвате их хитростью при помощи Нокая и об убийении [их]

Когда Менгу-Тимур, после того как он процарствовал 16 лет, скончался в 681 г. х. [11 апреля 1282 – 31 марта 1283 г. н.э.], то того же числа воссел [на престол] Туда-Менгу, третий сын Туркукана, и некоторое время был государем. После того сыновья Менгу-Тимура, Алгу и Тогрыл, и сыновья Тарбу, старшего сына Тукукана, Тула-Бука и Кунчек свергли Туда-Менгу с престола под тем предлогом, что он помешанный, и сами совместно царствовали пять лет. Против Токтая [же], сына Менгу-Тимура, матерью которого была Олджай-хатун, внучка Келмиш-ака-хатун, они стали совместно замышлять, когда увидели в нем признаки храбрости и мужества. Он узнал об этом обстоятельстве, бежал от них, искал защиты у Йилькчи, сына Беркечара, и послал к Нокаю, который был полководцем Бату и Берке, сообщение: «Двоюродные братья покушаются на мою жизнь¹⁶, ты же старший, я прибегаю к защите того, кто является старшим, дабы он поддержал меня и прекратил покушение родственников на меня. Пока я жив, я буду подчинен старшему и не нарушу его благоволения». Когда Нокай [об этом] узнал, в нем заговорили ревность и негодование. Притворившись больным, он выступил из областей Урус и Кехреб, которые он сам завоевал и сделал [своим] юртом и местопребыванием, переправился через реку Узи и склонял на свою сторону каждую тысячу и каждого эмира, к которым приходил, и говорил [им]: «Подходит пора старости, я оставил споры, распри и смуты, ни с кем не ссорюсь и не помышляю воевать. Однако есть у меня от Саин-хана¹⁷ указ, что если кто-либо в его улусе совершит непутевое и расстроит улус, то чтобы я расследовал это [дело] и склонил их сердца к согласию друг с другом». Тысячи и воины, слыша эти наставления и видя с его стороны участие к себе, все покорились и подчинились ему. Когда он приблизился к орде упомянутых царевичей¹⁸, то притворился больным – пил свежую кровь и остаток изрыгал из горла обратно. Он шел по пути дружбы и приязни, а тайком послал Токтаю весть: «Тебе надо быть готовым и после извещения прибыть [ко мне] с войском, которое [тебе] удастся собрать». Когда мать Тула-Бука услышала об умеренности и бескорыстии Нокая и о том, что он харкает кровью, она обязала сыновей: «Как можно скорее удостойтесь беседы с тем немощным старцем, оставляющим [сей] мир и твердо решившим отправиться в другой мир. Если вы допустите [в этом деле] небрежность и нерадивость, то молоко [ваших] матерей да не будет вам впрок!» Царевичи по совету [своих] матерей неосмотрительно и неблагоприятно прибыли к Нокаю, чтобы навестить его. Он сказал им в виде назидания: «Дети, я служил отцам вашим, и в старину и в недавние времена устанавливал всяческую справедливость, поэтому вам необходимо выслушать мое нелицеприятное слово, дабы я дал вам мир». И он беспрерывно выплевывал из горла запекшуюся кровь. Известив Токтая [об их прибытии], он таким умасливанием усыплял бдительность царевичей, пока неожиданно не подospel Токтай с несколькими тысячами и захватил тех царевичей и немедленно их умертвил. Нокай сейчас же повернул обратно и, переправившись через реку Итиль, направился к своему постоянному юрту. Вот и все!

Рассказ о восшествии Токтая на престол¹⁹ своего улуса, о появлении разногласий между ним и Нокаем, об их войне друг с другом, о поражении Нокая и об умерщвлении его

После того как Токтай при помощи и содействии Нокая убил упомянутых царевичей, он стал на престоле Джучи самодержавным властелином, неоднократно посылал к Нокаю гонцов и приглашал его к себе, обнадеживая хорошими обещаниями. [Но] Нокай не соглашался. Отец жены Токтая, Салджидай-гургэн из племени кунгират, муж Келмиш-ака-хатун, посватал для своего сына по имени Яйлаг, родившегося от упомянутой хатун, дочь Нокая, некую Кабак, Нокай согласился. Через некоторое время после того, как свадьба была сыграна, Кабак-хатун стала мусульманкой. Яйлаг [с ней] не ладил, так как принадлежал к религиозной общине уйгуров, и между ними из-за религии и убеждений постоянно были ссоры и пререкания. Они презирали Кабак. Она [об этом] сообщила

отцу, матери и братьям. Нокай крайне разгневался и послал к Токтаю гонца и сообщил: «Людам известно, сколько я понес трудов и тягот, самого себя я сделал причастным к вероломству и коварству, чтобы хитростью освободить для тебя трон Саин-хана²⁰, а теперь на этом троне правит карачу Салджидай. Если сын [мой] Токтай хочет, чтобы между нами укрепились отцовско-сыновние отношения, то пусть он Салджидай отошлет в его юрт, который находится вблизи Хорезма». Токай не согласился. Снова Нокай послал [к нему] гонцов с просьбою относительно Салджидай. Токтай сказал: «Он мне как отец и воспитатель, и [он] старый эмир, как же я отдам его в руки врага?» И не выдал [его]. У Нокая была жена, крайне умная и способная, по имени Чапай. Это она неоднократно ездила с посольской миссией к Токтаю. Она имела трех сыновей: старший – Джукке, средний – Еке и младший – Тури. Они прельстили несколько тысяч, принадлежавших Токтаю, и, подчинив их себе, переправили через [реку] Итиль, простерли руку дерзости и насилия над владениями Токтая и стали [там] самовластно править. Токтай рассердился и потребовал вернуть [те] тысячи. Но Нокай также не согласился и сказал: «Я отошлю их тогда, когда он пришлет ко мне Салджидай, его сына Яйлага и Тама-Токту». По этой причине с обеих сторон запыхало пламя смуты и вражды. Токтай собрал войска и в 698 г. х. [9 октября 1298 – 30 августа 1299 г. н.э.] на берегу [реки] Узи сделал смотр приблизительно тридцати туманам войск. Так как в ту зиму [река] Узи полностью не замерзла, то он не смог [через нее] переправиться. Нокай же не трогался с своего места. Весной Токтай повернул обратно и сделал летовку на берегу [реки] Тан. На другой год Нокай переправился с сыновьями и женами через [реку] Тан, снова приступил к уловкам и говорил: «Я имею намерение [устроить] курилтай, чтобы примириться с вами». Так как он знал, что войско Токтая разошлось и при нем [находится] небольшое число, он поспешно двинулся вперед, чтобы внезапно напасть на него. Токтай узнал о его прибытии и собрал войско. В местности Бахтияри, на берегу реки Тан, они сошлись и вступили в бой. Токтай был разбит и, обращенный в бегство, удалился в Сарай. Эмиры Маджи, Сутан и Сангуй отвернулись от Нокая и направились к Токтаю. Токтай потребовал к себе Тома-Токту, сына²¹ Елуги, который долгое время был охранителем и защитником Дербенда, опять двинул большое войско и выступил войной на Нокаю. Нокай не имел силы противостоять, уклонился [от сражения] и переправился через реку Узи. Они разграбили город Крым и увели много пленных. Тамошние жители направились ко двору Нокая и умоляли о возвращении пленных. Нокай приказал возвратить пленных. Воины сразу озлобились на Нокаю и послали Токтаю извещение: «Мы рабы и подданные ильхана²²; если государь простит нас, то мы схватим Нокаю и приведем». Сыновья Нокая узнали о том послании и решились на борьбу с тысячами. Эмиры-тысячники послали человека ко второму сыну Нокая, Теке, [передать]: «Мы все сговорились относительно тебя, если ты поспешишь к нам, то царствование мы передадим тебе». Теке отправился к ним. Они его немедленно заточили. Джукке, который был старшим братом, собрал войско и сразился с большими тысячами. Тысячи были разбиты, и один эмир-тысячник попал в его руки. Он послал его голову к другим тысячам, которые захватили Теке. Его стерегли триста человек. Став заодно с ним, они ночью бежали и отправились к Нокаю и [его] сыновьям. Когда Токтай услышал о несогласии их с войском, он переправился с шестьюдесятью туманами войска через реку Узи и расположился на берегу реки Тарку, где был юрт Нокая. А с той стороны [реки] прибыл, сидя в арбе, Нокай с тридцатью туманами [войска] и расположился на берегу [той же] реки. Снова под предлогом болезни он лег в арбе, послал к Токтаю гонцов и передал: «Раб твой не знал, что государь лично благополучно прибывает. [Мое] царство и войско принадлежат рабам ильхана²³, раб [твой] человек старый, немощный, всю [свою] жизнь провел на службе отцов ваших. Если и произошел какой-нибудь пустяк, то [это] было по вине сыновей. Вся надежда на милость государя, что он соизволит простить эту вину». Тайно же он послал Джукке с большим войском, чтобы тот переправился через реку Тарку выше и ударил на Токтая и его войско. Караулы Токтая захватили лазутчика, и он рассказал положение дела. Когда Токтай узнал о его коварстве, он приказал войскам приготовиться и выступить. Войска с обеих сторон завязали бой. Нокаю и его сыновей разбили, и множество народа в том сражении было убито. Нокай бежал с семнадцатью всадниками. Русский всадник из воинов Токтая нанес ему рану. Нокай сказал: «Я – Нокай, отведи меня к Токтаю, который является ханом». Урус, взяв [коня] его за повод, вел к Токтаю. По дороге он отдал [богу] душу. Токтай же победоносно вернулся в Сарай Бату, который является их столицей. Сыновья Нокая без пользы [для себя] колебались; так как они не видели от своей судьбы ничего хорошего, то Еке, мать его Чуби и Яйлак, мать Тури, сказали Джукке: «Самое лучшее – оставим раздоры и строптивость и отправимся к Токтаю». Джукке испугался этого и убил брата и жену отца, а сам с некоторыми приверженцами стал [бесцельно] бродить и скитаться»

ся²⁴. Он укрылся в одной крепости, путь к которой узок, как [мост] Сырат²⁵, и тесен, как сердце скареда; каков-то будет его конец? Еще до этого Нокай с Абага-ханом и Аргун-ханом положил начало искренней дружбы и единения, в ...²⁶ году он послал к Абага-хану свою жену с сыном своим Тури и одного эмира и сватал у него двух дочерей. Он [Абага-хан] выдал одну дочь за Тури. Они пробыли там некоторое время, и их отпустили обласканными. Когда между ним [Нокаем] и Токтаем наступили раздор и война, он посылал постоянно к государю ислама [Газан-хану], да увековечит Аллах его власть, почтенных послов, умолял [его] о помощи и хотел стать зависимым²⁷ от его высочайшей особы. Правда, случай был очень хороший, но государь ислама Газан-хан, да увековечит [Аллах] его царствование, по величию [своих] помыслов не согласился [на это] и не обратил внимания на неблагоприятные обстоятельства [Токтая], изволив сказать: «В настоящее время предательство и нарушение слова далеки от благородства; коварство и обман осуждаются и запрещаются рассудком, божественным законом и ясой; хотя у нас с Нокаем полная дружба, но мы не входим в их споры и ссоры, так как использование во зло удобного случая – качество не похвальное, в особенности у великих государей». Токтай же, поскольку [и сам] боялся и опасался, то для устранения этого обстоятельства [также] отправлял послов с изъявлением дружбы. Государь ислама Газан-хан, да увековечит [Аллах] его власть, вызывал к себе послов обеих сторон и говорил им во время приема: «Я не вхожу в ваши междоусобные дела и не пользуюсь [вашими] неблагоприятными обстоятельствами. Если бы вы еще поладили друг с другом, то было бы хорошо и похвально». И для того, чтобы [устранить] их подозрения и сомнения, он сам своей благословенной особой не ходил на зимовку в Арран, а зимовал в Багдаде и в Диярбекре, дабы души их были спокойны. До сего времени он сохраняет в сердце дружбу и искренность как с Токтаем, так и с сыновьями Нокая. Он неоднократно приказывал и [всегда] приказывает, чтобы никто из родичей не начинал с ними распри и не искал повода к вражде. «Мы никогда не начнем ссоры [говорил он] и не приступим [первыми] к тому, что влечет за собой смуту, дабы вина за разруху, которая постигнет улус, не обратилась на нас». Словно создатель всевышний сотворил его беспорочное существо и лучезарную душу из чистой доброты и безграничной милости. Это государь, одаренный благородством характера, знаменитый во всех концах света [своей] справедливостью и добродетелью. [Это] царь царей, пекущийся о вере, справедливый судья, устроитель войска, ласковый к подданным, [родившийся] под счастливой звездой, избранник молвы. Бог всевышний и всевеликий да дарует ему [быть во главе] народов мира на многие лета и бесконечные века и да даст ему в удел наслаждение жизнью, державой, царством и властью. Клянусь честью лучшего из пророков [Мухаммеда] и его рода праведников! Да помилует Аллах раба [своего], сказавшего «Аминь». <...>

Примечания

- ¹ «Бухару».
² خوار «харвар» – мера веса, равная в Табризе 300 кг.
³ قوقو «лебедь»?
⁴ Т.е. смерти.
⁵ Пропуск в рукописях.
⁶ ایمل قوجین.
⁷ سیورقو قتینی.
⁸ Дословно «сын», имеется в виду Менгу.
⁹ Дословно «поднял».
¹⁰ دربند قیجا.
¹¹ В рукописях пробел.
¹² Т.е. в Иране.
¹³ I, B, VI* – «выступил доносчик».
¹⁴ В рукоп. А под этим именем написано: «Татара, сына Буал». <...>
¹⁵ Во всех рукописях пробел.
¹⁶ Далее до конца предложения вместо 2-го лица всюду 3-е лицо.

¹⁷ Т.е. от Бату.

¹⁸ Дословно «сыновья».

¹⁹ Дословно «на царствование».

²⁰ Т.е. Бату.

²¹ Царевича?

²² ما بنده و ایل الخانیم.

²³ از ان بندگان ایخانست – т.е. ильхану.

²⁴ یوکرمق. от гл. یوکرمق. Будагов, т. II, с. 380 (Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869; Т. II. СПб., 1871. – Прим. ред.).

²⁵ По мусульманскому поверью, мост, навешенный над адом, тонок, как волос, и остер, как сабля. Через него праведные пройдут в рай, а грешники низвергнутся в вечное пламя.

²⁶ Во всех рукописях пробел.

²⁷ متعلقان «под покровительством?»).

Материал подготовила Алсу Арсланова

* А – рукопись XIV в. из собрания Джурабека Государственной Публичной библиотеки Узбекистана; I – рукопись 1596 г. Тегеранского музея; B – рукопись 1576 г. Института востоковедения РАН; VI – издание текста «Джами ат-таварих» E. Blochet в GMS, Leyden-London, 1911.

№ 8

Утемиш-хаджи. «Чингиз-наме»

Автор «Чингиз-наме» – Утемиш-хаджи, сын маулана Мухаммада Досты; выходец из влиятельной семьи, бывшей в услужении у Ильбарс-хана (918/1512–931/1525). Предки его были подданными Шибанида Йадгар-хана, улус которого в 80-х гг. XV в. располагался в низовьях Сырдарьи. Утемиш-хаджи служил вначале у вышеупомянутого Ильбарса, по-видимому, в должности дворцового писаря.

Большой вклад в изучение «Чингиз-наме» внес видный казахстанский востоковед В.П.Юдин, который подготовил памятник к печати на русском языке, снабдив его содержательными текстологическими примечаниями и транскрипцией оригинального текста. «Чингиз-наме» заняло особое место в источниковедческих изысканиях В.П.Юдина как источник, достоверно и ярко воспроизводящий политическую и социально-экономическую историю Дашт-и Кыпчака XIV в., военное дело, быт, культуру, идеологию и язык его кочевого населения.

Сочинение Утемиша-хаджи охватывает время правления Чингиз-хана и Чингизидов – XIII–XIV вв. и содержит сведения о ханах Золотой Орды, начиная с Бату-хана и кончая приходом к власти Тохтамыш-хана.

«Чингиз-наме» написано в основном на материале преданий и устной информации.

Источник и комментарии цитируются по изданию: Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П.Юдина. Комментарии и указатели М.Х.Абусейтовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – С.91–104, 108–118.

«[Глава первая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О ЧИНГИЗ-ХАНЕ

Когда Чингиз-хан овладел вилайетами¹, одной стороной [которых] был Багдад, другой – Хиндустан, третьей – Дашт-и Кыпчак [и] река ‘Идил², он пожаловал эти вилайеты своим четырем-пяти сыновьям. Вилайет Ирака он отдал Хулагу-хану³. Угедей-хана поставил в своем вилайете. Тули-хана держал около себя. Чагатай-хану отдал вилайеты Бухары, Самарканда⁴, Хорасана⁵ и Хисара⁶.

Йочи-хан был старшим из его сыновей. Он [Чингиз-хан] дал [ему] большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчака, сказал: «Пусть будет пастбищем для твоих коней». Дал [ему также] вилайет Хорезма. Когда Йочи-хан отправился в вилайет Дашт-и Кыпчака, он достиг Улуг-Тага⁷, который известен. Однажды, когда он охотился в горах, ему повстречалось стадо марал-кийиков. Преследуя его и пуская стрелы, он свалился с коня, свернул себе шею и умер.

[Глава вторая]

ИДЖАН-ХАН [И] САИН-ХАН

Иджан-хан и Саин-хан известны. Они родились от дочери Турали-хана, его [Йочи-хана] жены. [У него было] еще семнадцать сыновей, которые были от других его жен. Эти Иджан и Саин // уступали друг другу ханствование. Саин-хан был моложе. Сказал он своему старшему брату Иджану: «Ты мой старший брат, [который] заменил мне отца. Значит, ты мне отец. Мы уходим в чужой юрт⁸. Ты будь ханом». Иджан сказал: «Верно, что я старше тебя годами. Но наш отец очень любил тебя и вырастил баловнем. До сих пор я лелеял тебя и покорялся тебе. [Но] может [статься так], что я, если стану ханом, [уже] не смогу по-прежнему покоряться тебе, так что между нами возникнет война [и] ненависть. [Так] будь же ханом ты. Я снесу твоё ханствование, ты же моего ханствования не перенесешь». Много раз предлагал [Саин] своему старшему брату, говоря: «Что это за слова?! Как подобает мне стать ханом, когда у меня есть старший по йасаку⁹ брат?!» Когда тот не согласился и когда [Саин] сказал: «В таком случае давай что-нибудь предпримем. Давай пойдем к нашему великому деду Чингиз-хану. И я изложу свои слова, и вы изложите ваши слова. Каково бы ни было повеление нашего деда, по тому и поступим», – [тот] одобрил эти слова и принял [их]. Два сына, родившиеся от одной матери, и семнадцать сыновей, родившиеся от других матерей, все вместе отправились на корунуш¹⁰ к великому хану. Когда они прибыли на служение к своему [деду] хану, хан поставил им три юрты: белую юрту с золотым порогом поставил для Саин-хана; // синюю орду¹¹ с серебряным порогом поставил для Иджана; серую орду со стальным порогом поставил для Шайбана¹².

Одним словом, в трех отношениях огланы Шайбан-хана гордятся и похваляются перед огланами Тохтамыш-хана¹³, Тимур-Кутлы¹⁴ и Урус-хана¹⁵, говоря: «Мы превосходим вас». Во-первых, это – юрта. [Они] говорят: «Когда после смерти нашего отца Йочи-хана наши отцы отправились к нашему великому деду Чингиз-хану, то он после Иджана и Саина поставил юрту [и] для нашего отца Шайбан-хана. Для вашего [же] отца [он] не поставил даже и [крыгой] телеги. И во-вторых, – говорят [они], – когда Узбек-хан, разгневавшись, проявил милость к Кыяту Исагаю и отдал [ему] в качестве кошуна¹⁶ всех своих огланов вместе с их родами и племенами, он, опять оказав нам почет и уважение, дал нам двусоставный эль¹⁷, сказав: «[Они] – огланы богатыря Шайбана, рубившего саблей [и] покорявшего юрты». Один из них – карлык, другой – буйрак. [Мы] взяли те два эля, [и он] предоставил нас самим себе в нашем юрте, определенном [нам] Саин-ханом. Мы, когда [прочие огланы] укладывали камни [и] кирпичи в мавзолей того Джир-Кутлы¹⁸ и когда [они] стояли в кругу перед дверьми [юрты] его сына Тенгиз-Буги¹⁹ [и] преклоняли колена во время [исполнения] гимна в его честь, нас в тех делах не было». Так [было], что, когда при Бердибек-хане²⁰ сгнули огланы Саин-хана, Тай-Дуали-бегим, мать Джанибек-хана, решив, что теперь юрт и ханство достанутся огланам Шайбан-хана, призвала Хызр-хана, сына Мангкутая²¹, [и] сделала [его] ханом в вилайете Сарая²². «После огланов Саин-хана // ханствование на троне того хана досталось нам», – говорят [они]. Рассказ этот приведен здесь в примерной передаче.

Теперь мы опять подошли к началу прежнего предания.

Одним словом, когда они, вернувшись с корунуша у [Чингиз] хана, пришли в вилайеты, назначенные им ханом, Саин-хан, прибыв на берег реки 'Идил, снарядил войско и пошел походом на Маскав²³, город вилайета Урус.

Рассказывают. В том походе [Саин-хан] дал Шайбан-хану тридцать тысяч человек и отправил в передовой отряд, [а] сам двигался следом за ним. [Шайбан-хан] шел впереди на расстоянии трехдневного пути. Московский государь получил известие [о движении врага. Он] вышел навстречу со ста пятьюдесятью тысячами человек. Они получили известие о том, что московский государь идет навстречу. Шайбан-хан решил двинуться на него форсированным маршем. Сколько ни отговаривали [его] беки, [он] не согласился. Двинувшись вперед форсированным маршем с расстояния, удаленного [от основных сил] на три дня пути, [он] ворвался в расположение его [русского государя] войска, пребывавшего в неведении. Русский государь не смог разгромить [Шайбан-хана, и тот] схватил его [русского вилайета] государя. Убили из его войска тех, кому суждено было быть убитыми, [а] остальных взяли в полон. Столько досталось [им] имущества и снаряжения, кольчуг [и] панцирей, что не было тому ни числа, ни счета. Однако Шайбан-хан повелел, чтобы ни единая вещь и [предмет] снаряжения, которые попали [в руки] каждому человеку, не были присвоены [и] чтобы их все принесли. Говорят, [что] из каждого рода [вещей] нагромодили груды. Было [этих] груд без счета.

Через два дня прибыл [Саин-] хан, увидел эту победу. Принесли всю эту добычу [и] преподнесли [ее Саин-хану]. Очень был [тот] обрадован [и] очень восхвалял Шайбан-хана. Затем, когда прибыл [Саин-хан и] устраивал корунуши, много различных милостей и благоволение оказал он Шайбан-хану // и сделал [ему] пожалования. Всю попавшую [им в руки] добычу [он] пожаловал Шайбан-хану, [а тот] всю ее подарил своему войску. Наутро [они] двинулись в путь [и затем] пришли в вилайет Маскав. Там они находились несколько месяцев, устроили дела вилайета, взыскали мал [и] харадж²⁴, поставили даруга²⁵ [и] хакимов²⁶ и с победой и одолением вернулись в свой вилайет.

Между тем, до того как они вернулись, нукеры²⁷ Иджан-хана подняли мятеж против своего господина и убили Иджан-хана вместе со всеми его огланами. Когда это известие пришло к Саин-хану, он держал глубокий траур. После того как он прибыл домой и дал поминальное угощение, он снарядил войско и пошел походом на этого врага. А те не были в состоянии оказать сопротивление, и их великие бежали. Все другие роды и племена [Саин-хан] переселил к себе, присоединил к своему элю и каждый аймак²⁸ отдал какому-либо беку в качестве кошуна. По той причине вплоть до настоящего времени остался обычай предавать мечу мятежников и врагов.

И вот, когда Саин-хан овладел [всеми] этими вилайетами и этими элями, то роздал он затем всем своим родственникам роды и племена и назначил [им] земли и юрты. Но, когда он советовался со своими беками в то время, когда давал Шайбан-хану роды и племена и давал вилайеты, беки его сказали: «Этот человек сделал очень большое дело. И теперь он заважничал.

Не подобает, дав ему роды, племена и вилайеты, держать [его] при себе. К тем тридцати тысячам человек, [которых ты] недавно выделил ему, добавь еще войска и пошли того человека в непокоренные вилайеты. Пусть любой вилайет, который он подчинит, будет его». Слова эти понравились

[Саин-]хану, добавил он к тем, выделенным [Шайбан-хану] тридцати тысячам человек, еще десять тысяч кыйатов [и] йуралдаев и отправил [его], назначив в вилайеты Крыма²⁹ [и] Каффы³⁰.

[Глава третья]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О ШАЙБАН-//ХАНЕ

Много удивительных и поразительных дел совершил Шайбан-хан. Одно дело из того числа припомнили мы в этом кратком сочинении. Это одно дело его таково.

В вилайете Крыма есть мощная крепость из гранита под названием Кырк-Йер³¹, мощь и неприступность которой известны во [всем] мире. Несколько лет [Шайбан-хан] осаждал [ее и] штурмовал, [но] взять не смог. Наконец он повелел: «С вечера и до зари бейте друг о друга любые предметы, которые издают звон!». [Люди его] взяли [такие вещи] в обе руки и начали бить [ими] одна о другую, и начали бить они в медные котлы, подносы и чаши. Среди войска поднялись такие гвалт и грохот, что задрожали земля [и] небо [и] оглохли уши. Осажденные в страшной панике начали метаться во все стороны, вопрошая, что же случилось. В ту ночь тот гвалт и грохот не стихали до зари, а осажденные не ложились спать. Когда заря занялась, [осаждающие] перестали [шуметь]. Когда опять настал вечер, они опять, как прежде, учинили гвалт и грохот. Недельно [или] около десяти дней поступали они так. От бессонницы осажденные до такой степени изнемогли, [что] начали говорить: «Если бы они намеревались что-то предпринять, [то уже] предприняли бы. Вероятно, есть у них в такое время года такой обряд и [такой] обычай», – и успокоились. Когда Шайбан-хан узнал, что они успокоились, он собрал свое войско. Говорят, что та крепость находилась на голой скале. В эту ночь [осаждающие] шумели и кричали больше [чем обычно]. С четырех сторон крепости заложили подкопы. До зари проложили [такой] подкоп, через который мог бы пройти человек. Осажденные из-за гвалта и грохота не расслышали стука кирок [и] не сумели обнаружить [подкопа]. Когда подкоп был готов, [осаждающие] бросились на штурм ворот. Осажденные прибежали к воротам. Один отряд бахадуров назначили на тот подкоп. [Бахадур] выбежал из того подкопа, // бросился в крепость и взял ее. Мы расспрашивали путешественников, видевших ту крепость; они сказали, что [и сейчас] еще сохранились следы того подкопа.

Затем [Шайбан-хан] пошел походом на вилайет Улак³² и захватил его. Затем пошел походом на вилайет Корал. Корал – очень большой вилайет. Много было за него сражений. Наконец он покорил Корал и сделал его столицей. Там он скончался. И сейчас [еще] есть потомки государя [вилайета] Корал. Шайх-Ахмад-хан несколько лет был там в плену, затем опять благополучно выбрался [оттуда] и пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан³³. Он рассказывал: «Каких бы только омаков ни были эли в нашем узбекском народе, изо всех них есть там [такие же омаки]: ушли вместе с Шайбан-ханом и там остались».

И вот, когда закончили мы рассказ о Шайбан-хане, мы опять подошли к рассказу о Саин-хане. Саин-хан стал великим государем в вилайете Дашт [-и Кыпчака]. Несколько лет он правил в счастье и благополучии. Когда настал смертный час и он ушел из мира, у него было два сына. Имя одного было Сары-Так³⁴, имя другого – Туган³⁵. Сары-Так умер раньше его самого в возрасте восьми лет. Остался [без отца] малолетним также [и] Туган. Беки в согласии послали гонца к Хулагу-хану. Послали ножны без сабли и рубаху без ворота, то есть эль остался – государей у него нет, женщины остались – мужей у них нет.

Когда Хулагу-хан услышал это известие, он выступил в поход, пришел в вилайет Ширвана³⁶ и, снарядив большое войско, послал [его] вместе [с гонцом]. Пока это войско приближается, мы подошли [к рассказу о] Берке-хане³⁷ – да пребудут над ним милость и благоволение [Аллаха]!

[Глава четвертая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О БЕРКЕ-ХАНЕ

Упомянутый [Берке-хан] – да будет над ним милость [Аллаха] – знаменит [тем, что] с рождения матерью был мусульманином. Когда он появился на свет, он не сосал молока [ни] своей матери, // [ни] молока других женщин-немусульманок. По этой причине показал [его Йочи] своим колдунам и ведунам. Когда те сказали: «Он – мусульманин. Мусульмане не сосут молока женщин-немусульманок», – то разыскали и доставили женщину-мусульманку. Ее молоко он начал сосать.

Когда через несколько лет после этого события его отец Йочи-хан умер, он пришел в город Сыгнак³⁸, не будучи в состоянии находиться среди неверных. Когда [же] он пришел в этот вилайет, то, прослышав о достохвальных качествах Шайх ал-'алам Шайх Сайф ад-Дина Бахарзи³⁹, который был [одним] из халифа хазрата полюса полюсов Шайх Наджм ад-Дина Кубра⁴⁰, со страстным желанием и любовью прибыл к нему на служение и в течение нескольких лет ревностно стремился овладеть

крайней степени [духовного] совершенства святых. Он все еще находился на служении у шейха в то время, когда умер Саин-хан [и] беки его в согласии послали гонца к Хулагу-хану.

Однажды хазрат шейх сказал Берке-хану: «О, сын [мой]! Такое последовало повеление от Господа Всевышнего: «Отправляйся и правь в юрте отцов [своих]!» [Тот сказал]: «Обрету на службе у вас. Еще отправлюсь и обреку себя на правление этим [тленным] миром и его тяготы». Когда [же] шейх сказал: «Нет спасения от суда Господа Всевышнего, коль попадешь ты в передрыгу, коль примешь муки ее», – то упомянутый хан так же оказался в безвыходном положении и согласился. Несколько дней он готовился [и затем] отправился. Хазрат шейх проводил [его] из Бухары до Кара-Куля⁴¹. Хан пешком шел при поводе [коня] шейха. Из Кара-Куля шейх, благословив [Берке-хана], вернулся, [а] хан // отправился в вилайет Дашта.

Когда вилайет Дашта подчинился Берке-хану, то большую часть неверных он обратил в ислам. Некоторые говорят, что правил он тринадцать лет, а другие – шестнадцать лет. Затем он соединился с милостью бога. Потомства от хазрат хана не осталось. Выше было упомянуто, [что] у Саин-хана было два сына: один был Сары-Таки, другой – Туган. Сары-Таки // умер раньше своего отца в возрасте восьми лет. От Тугана [же] остались два сына: одного звали Туда-Манги⁴², а другого-Мунк-Тимур⁴³. [Когда умер Берке-хан], этот Мунк-Тимур был маленьким. А Туда-Манги, хотя [и] достиг он совершеннолетия, был, однако, слабоумным, очень поврежденным рассудком человеком. Не найдя никого кроме него из потомства Саин-хана, беки, объединившись, сделали ханом упомянутого [Туда-Манги]. Много о нем странных и удивительных преданий и необыкновенных рассказов. Но [лишь] один [или] два рассказа вспомнаны в этом кратком сочинении.

Рассказывают. Прибыли однажды послы от верховного (?) хана. Этому хану [Туда-Манги] беки его все вместе сказали: «Пришел этот посол, приехавший издалека. Не вздумай пороть при нем ерунды. Спроси, здоров ли хан; спроси также, благоденствует ли эль. Больше не спрашивай ничего». Еще сказали: «Вы не вольны поступать по собственному усмотрению. К ногам вам мы привяжем веревку и кто-нибудь заберется под трон и пусть сидит [там] и держит эту веревку. [И] всякий раз как вы, забыв про наши наставления, начнете пороть ерунду, пусть дергает он ту веревку. [И] тогда вы переставайте говорить». Сказали они [так], и он согласился. Говорят, [что] хорошим в нем было то, [что], несмотря на свое помешательство, он соглашался со всем, что беки, объединившись, наказывали ему, и из повиновения им не выходил. Потому правил он в вилайете Дашта восемнадцать лет.

Эдигу-бий – да помилует его Аллах – говаривал: «Если решите вы накликать беду на вашего врага, творите такого рода молитву: «О Боже единый! Лиши разума врага моего. А еще, сделай [так, чтобы] не внимал он и словам разумеющих!». [Таковую] молитву творите». // Говаривал он [также]: «Если кто-то сам не понимает, [но] внимлет словам разумеющих, то он уже и понимает. Нет в том разницы!»

Одним словом, наутро дали послу аудиенцию. [Туда-Манги-хан] спросил, здоров ли хан. Спросил, благоденствует ли народ. Потом спросил: «Много ли мышей в вашем эле?». [Посол] сказал: «Много». Потом еще спросил: «Много ли дождей бывает в вашем эле?». [Посол] сказал: «Да, много выпадает».

Тот, державший [в руках] веревку, человек увидел, что [хан] начал заговариваться. Он дернул веревку. [Тогда] хан сказал послу: «Спросил бы тебя еще о чем-нибудь, да меня дергают за ноги». Беки тут же забрали посла, удалились с [аудиенции] и проводили [его], преподнеся коня [и] шубу.

Вернувшись, тот посол явился на служение к своему государю. Когда хан тот спросил: «При каких обстоятельствах видел ты нашего брата-хана и что за человек он?», – посол сказал: «Был на аудиенции лишь один раз. Как следует не разобрал. На той аудиенции спросил он о вашем здоровье и спросил о благоденствии народа. Еще спросил: «Много ли мышей в вашем эле?» Я сказал: «Да, много». Еще спросил: «Много ли дождей выпадает в вашем эле?» Я сказал: «Да, [много] выпадает». Еще сказал: «Спросил бы тебя еще о чем-нибудь, да дергают меня за ноги». Потом беки сразу же поднялись и удалились [с аудиенции]. Удалился и я. Вот так я видел хана». Хан этот и беки его поразмыслили над этим рассказом и сказали: «[Это] хорошо, что он спросил, много ли дождей выпадает, потому что всем народам от дождей бывает благо. И не плохо также то, что он спросил про мышей: от них всем бывает вред». Но сколько ни размышляли они, [так и] не смогли уразуметь его слов: «Дергают веревку». [Так] рассказывают. <...>

Некоторые рассказывают, [что] был он ханом восемнадцать лет, [а] некоторые – [что] ханствовал он восемь лет. Затем, когда возмужал младший брат его Мунк-Тимур, сам он и поступил по справедливости, сказал он: «Сколько времени уже, из-за отсутствия [достойного] человека, признавали вы меня ханом. И вы мучились, мучился и я. Теперь [вот] младший брат мой, слава [Аллаху], вырос. Я доволен вами. Сделайте ханом моего брата», – и сам отказался от ханствования. И беки его обрадовались этим словам [и] подняли ханом младшего брата его Мунк-Тимура.

[Глава пятая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О МУНК-ТИМУР-ХАНЕ

[Мунк-Тимур-хан] был государь очень справедливый, могущественный и мудрый. Во время Мунк-Тимура народ жил в большом благоденствии. За чрезвычайную доброту его дали [ему] имя Колук-хан. Так [вот и] знаменит [он под именем] Мунк-Тимур-Колук-хан. Рассказывают, [что] ханствовал он тринадцать лет, [а] затем скончался. От него остались два сына. Одному из них именем [было] Токтага⁴⁴, другому – Тогрул⁴⁵. После смерти их отца ханом стал Токтага.

[Глава шестая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О ТОКТАГА-ХАНЕ

Этот Токтага-хан был очень великий государь. Среди огланов Саин-хана мало было [таких] государей, которые могли бы сравниться с ним. Рассказывают, [что] у него был такой пышный стол, [что] ежедневно для него, помимо коней, коров, овец и других животных, готовили девяносто кабанов. Был у него сын по имени Эль-Басар. Он [Токтага-хан] истребил своих родственников и свое потомство, всех их, опасаясь, что после его смерти они затеют с ним [Эль-Басаром] свару за ханствование. Убил даже младшего брата своего Тогрула. Некоторые, однако, говорят, [что] Тогрул умер сам от болезни. Была у Тогрула жена по имени Келин-Байалин⁴⁶. Красивая была. Когда умер Тогрул, у нее был сын. Увидела она, что из-за сына избивает Токтага-хан своих родственников. С несколькими человеками отправила [ребенка] в бега, отослала в Черкесские горы. Знаменитый Узбек-хан – да будет над ним милость [Аллаха] – [и] есть тот оглан. Немного спустя взял [Токтага-]хан Келин-Байалин в жены. Очень любил он ее. Прошло несколько лет после этих событий. Рассказывают, [что] хану было девяносто лет: в десять лет стал он ханом, восемьдесят лет ханствовал. Некоторые рассказывают, [что] ханом стал он в двадцать лет, ханствовал семьдесят лет. Когда жизнь его подошла к концу, то, короче говоря, умер раньше него самого сын его, которого оберегал он, чтобы стал он ханом после него. Очень скорбел он, что был [вот] у них сын, а он, опасаясь, что затеют после него свару с ним за ханствование, полностью истребил свой уруг⁴⁷, [а] также [и из-за того, что когда] и сам он от старости достиг предела жизни своей, [то] и сын этот умер раньше него самого, [и] что за страдание и мука от того. В конце концов от скорби этой заболел он, и болезнь его затянулась.

Однажды лежал он в постели, ворочался с боку на бок и стонал. Келин-Байалин поняла, почему он стонет [и] сказала: «Болели вы постоянно. [Но] почему [же именно] сейчас вы стонете?» Когда хан сказал: «Как же мне не стонать?! Истребил я полностью свой уруг, опасаясь, что затеют свару с моим единственным сыном Эль-Басаром за ханствование. И с сыном моим приключилось то же самое, и меня самого настигает смерть. Уйдет [теперь] юрт мой к чужаку. От того мои страдания», – Келин-Байалин сказала: «Сделала я кое-что вопреки вашему указу. Если простишь ты мой проступок, я расскажу». Хан тут же поднялся, сел и спросил: «Что же ты сделала?» И от радости почувствовал себя [Токтага-] хан так, будто и не болел [он вовсе], когда ответила [ему Келин-Байалин]: «В то время, когда умер ваш младший брат, был от него сын. Опасаясь, что вы убьете, отправила я [его] в бега, отослала в Черкесский вилайет. Теперь ежегодно приходят вести о его благополучии. [Исполнилось] ему в этом году четырнадцать лет. Он приехал бы, наверно, если бы приказали вы и послали [за ним] людей». За радостную весть подарил [Токтага-хан] Келин-Байалин туман⁴⁸ в две тысячи [человек]. Наутро созвал он беков, дал Кыйат Исатаю и Сиджут Алатаю сорок тысяч человек и отправил [их] за Узбек-ханом – да будет над ним милость [Аллаха].

[Однако] до того, как они вернулись, Токтага-хан скончался. Был [некто] по имени Баджир Ток-Буга⁴⁹ из омака уйгур⁵⁰. [А уйгур] был эль с многочисленными [и] сильными родами [и] племенами, и был он также атальком хана. Шайган попугал [его] – ведь был он черный человек – провозгласил себя он ханом. И взял также в жены Келин-Байалин и других жен хана. Некоторые [же так] рассказывают. Баджир был уйгур, [а] Ток-Буга-нутин. Похоже, [что] это утверждение ошибочно, так как трудно, чтобы в одном месте из двух [разных] родов два [человека] одновременно были ханами. Вернее, что имя его было Баджир, а прозвище – Ток-Буга.

Словом, этот Баджир Ток-Буга провозгласил себя ханом, женился на женах [Токтага-] хана и подчинил себе весь народ.

В это время те уехавшие беки вместе с хазрат Узбек-ханом пришли к берегу [реки 'Идил?]. Получили известие, что [Токтага-] хан умер и [что] Баджир Ток-Буга провозгласил себя ханом и подчинил себе весь народ. Очень они растерялись и встревожились от этого известия и устроили совет относительно того, что можно бы им было предпринять. Когда Кыйат Исатай⁵¹ сказал: «И прежде он был человеком

с многочисленными [и] сильными родами [и] племенами, теперь же его признал весь народ. Не выйдет у нас дело, если мы сейчас, отсюда уже, обнаружим враждебность. Давайте попробуем с помощью какой-нибудь уловки добраться до него, а там что придет нам на ум, [то и] сделаем», – все согласились с этими словами и отправили [к Баджир Ток-Буге] гонца. [Так они] говорили: «Наш господин хан посылал [нас] по своему делу. [Сейчас] мы возьмем сюда того человека. Этот человек также потомок многих поколений ваших повелителей. Не нужно было вам так поступать. Теперь [же] вы сами в соответствии с вашим достоинством провозгласили себя ханом. Вам покорился и подчинился весь народ. И мы точно так [же] покорились [и] подчинились вам. Мы [и] не помышляем о непокорности. Да если и помыслили бы, то откуда у нас силы?! Этот [человек] – мальчишка. Привезем [его] и передадим вам. Как вам заблагорассудится, так, вероятно, вы и поступите». Отправили [гонца], наказав [ему передать Баджир Ток-Буге]: «Нет у нас потому желания разлучиться с нашим домом и элем».

Когда гонец их прибыл, [Баджир Ток-Буга] чрезвычайно обрадовался, встретил [его] и обласкал. И он тут же отослал его [назад] вместе со [своими] людьми. Отослал [он его], сказав: «Я поступил так потому, что опасался, как бы кто-то другой до их прибытия не поднял головы и не пожелал ханства».

Допустимо ли, чтобы возжелал я стать ханом, когда есть сын моего повелителя? Пусть государь приезжают. Что ханство это, что народ – все их!». Как только слова эти достигли их, так тут же они пустились в путь. [Но] до их приезда Баджир Ток-Буга и беки его устроили совет и договорились: «Когда войдут они в двери вдовьей ставки, изольтуют они горе [свое в воплях]. Мы нападём после того, как они изольтуют горе, [вознеся вопль] «ч'ав-ч'ав» [лишь] дважды».

Одним словом, такой уж обычай у калмаков. Когда умирает у них государь или [какой-то] великий [человек], то приезжают они толпа за толпой, каждый род их отдельно, и изъявляют скорбь, вознося вопль «ч'ав-ч'ав» трижды. И поныне существует еще тот обычай среди них в Улуг-Таге.

В один из дней Узбек-хан и беки его ехали, когда не наступил еще рассвет. Навстречу им попался какой-то человек, [который] проехал мимо [с] устрашающим криком: «Скажи «ч'ав» и скажи «ч'а». Произнес один раз и проехал. [Те] не придали значения [его словам]. Когда он вновь произнес [свои слова] вторично, Кыйат Исатай спросил: «Что за слова ты говоришь?» Тот человек ответил: «Мое имя – Сангусун. Поймешь ты остальное».

Кыйат Исатай сказал про себя: «[У него] есть что-то сказать», – поехал следом за этим человеком и сказал: «Расскажи мне. Что это за секрет?». Тот сказал: «Баджир Ток-Буга и беки его сговорились, посоветовавшись, напасть и перебить вас после того как вы приедете, войдете в двери ставки и изъявите скорбь, дважды возопя «ч'ав-ч'ав». Если вы не ринетесь и не нападете на них, возглася [лишь] один раз «ч'ав», то конец вам – сгинули все вы. Суть этой тайны моей такова, [как] сказал я тебе». Когда передал Исатай весть эту бекам своим, решили они, что следует им начать действовать, возгласив «ч'ав» [лишь один раз].

Наутро двинулись они и прибыли к месту, где находилась ставка. Баджир Ток-Буга сидел на троне в ставке, [а] беки его и нукеры стояли на страже перед дверью. Подъехали они, спешили перед дверью и, возопя единожды «ч'ав-ч'ав», вскричали «ч'а» и ринулись на Баджир Ток-Бугу. Не успел он подняться [с трона], как подскочил [к нему] Исатай и рубанул его по шее, [да так, что] голова его отлетела на целый шаг. Алатай насадил [ее] на кинжал, поднял высоко [над собой] и когда закричал: «Вот [она] голова вашего повелителя! Не двигайтесь со своих мест!», – все оторопели [и так и] застыли [на своих местах]. Потом носили эту голову по куреням и возглашали: «Воцарение черных людей с этой поры да прекратится!».

Когда убили Баджир Ток-Бугу, подняли ханом хазрат Узбек-хана, и воссел он на троне. <...>

[Глава девятая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О БЕРДИБЕК-ХАНЕ

Стал ханом на троне отца своего сын его [Джанибек-хана] Бердибек. Очень глупым и безрассудным человеком был этот Бердибек. Убивал он своих родственников и огланов своих в страхе, что оспорят они ханство у него.

Говорят, был человек с многочисленными и сильными родичами по имени Канглы Тулубай⁵². Был он атальком хана. Не преступал [хан] слов его, что бы ни говорил тот. Был у него сын по имени Сумай. Богатырь-стрелок он был. Разбойничал тот Сумай во время Джанибек-хана. Убил его по той причине хан – да пребудет над ним милость [Аллаха]. Тулубай в злобе за этого своего сына подавал [Бердибек-хану] такой совет, внушал: «Ты сейчас – молодой человек. Сыновья, народившиеся у тебя в эту пору, будут расти [с тобой] наравне. Ты будешь стареть ото дня ко дню, они [же] – мужать».

Оспорят они и отберут у тебя ханство завтра, когда состаришься ты. [Так] убивай [же] их сейчас. Как начнешь стареть, тогда и оставишь [их в покое]». И тот злосчастный слушался его и убивал [своих сыновей]. Называют его по этой причине Керкин-Көтән-хан.

В его время было много смут. Кыйат Мамай забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым, [а] левое крыло увел на берег реки Сыр Тенгиз-Буга, сын Кыйата Джир-Кутлы. [Бердибек-] хан со своими внутренними [людьми] находился в Сарая. Три года был он государем в городе Сарай, затем скончался.

Тай-Туглы-бегим, которая была знаменита, жена Узбек-хана [и] мать Джанибек-хана – была жива в то время, [когда] не осталось никого из потомства Саин-хана. Сказала [тогда] упомянутая бегим: «Теперь ханство и юрт достанутся потомству Шайбан-хана».

Был в то время сын Мангутая из потомства Шайбан-хана, [которого] звали Хызр-оглан. Юрт Мангутая, назначенный [ему] Саин-ханом, находился в [местности] под названием Ак-Куль⁵³. Мы упоминали уже выше, почему [Мангутай] отделился от прочих огланов [Йочи] и находился в своем юрте. Одним словом, упомянутая бегим призвала Хызр-оглана и сделала [его] ханом на троне Саин-хана в вилайете Сарая. [Но] пусть рассказ этот [пока] прервется на этом месте. <...>

Подошли мы теперь к рассказу о Хызр-хане. Когда Тай-Дуглы-бегим призвала Хызр-хана и сделала [его] ханом на троне Сарая, поставила она в качестве свадебной юрты золотую юрту, оставшуюся от Узбек-хана и Джанибек-хана. Рассказывают. Бегим покрасила свои волосы в черный цвет [и] пожелала выйти замуж за [Хызр-]хана. Желание жениться [на ней] было и у хана. Был, однако, у него бек из [племени] найман по имени Кутлуг-Буга, который воспротивился этому. Сказал он: «Она – человек, который был подвластен Узбеку и Джанибеку. Ты [же] вырос человеком противостоящего [им рода]. Прочти ее. Не женись!» Послушался он его слов и не женился.

Когда почуяла бегим, что не возьмет он ее в жены, начала она оказывать [ему] меньше почета и уважения, чем прежде. Когда же и хан, озлившись на нее, решил разломать золотую юрту, [а золото] поделить между своими казаками⁵⁴, то прослышав [о том], бегим послала к хану человека, сказала: «Пусть так не поступают. Когда нет золота [и] серебра, для человека, ставшего ханом, [золотая юрта] – сокровище. Но здание, построенное прежними добрыми [людьми], [все-таки] пусть не разрушают!» Не прислушался к ее словам [Хызр-хан], разломал и поделил. Бегим запылала, в свою очередь, злобой на [Хызр-]хана, собрала своих внутренних беков и прогнала его. Хан ушел назад и снова пришел к Ак-Кулю. Подняла [тогда] ханом та самая бегим кого-то под именем Кельдибека. Другие беки называли его Лже-Кельдибеком. Все говорили: «Кельдибека убил Бердибек. Как же он воскрес?!»

Когда эль не подчинился ему [Лже-Кельдибеку], подняли ханом [человека] по имени Базарчи⁵⁵, который был из потомков Боавула. Был в то время Сиджуд ‘Али-бек, из старших беков. Полагая, что не покорится он этому Базарчи, вызвала его [бегим], привели [его и] убили. У ‘Али-бека был сын по имени Хасан. Когда тот бежал и пришел к сыну Конграта Нагадая Ак-Хусайну, который был хакимом вилайета Хорезма, [а] этот Хасан был ему племянником, [Ак-Хусайн] пришел в ужас от этих непристойных поступков бегим и отрекся от нее.

Направил тогда Ак-Хусайн посла к Хызр-хану, сказал: «Совратилась эта женщина на путь шайтана, такие-то [вот] дела творит. Мы же – отреклись от нее. Мы выступим против нее, если проявите вы великодушие и станете во главе!» Он также был человеком мстительным – хвала [ему] великая! Ак-Хусайн собрал воедино войско Хорезма, пришел к Ак-Кулю, упомянутого [Хызр-] хана поднял ханом и пошел походом на вилайет Сарая. Под Сараем произошла битва. Базарчи [и] бегим были схвачены. Посадили бегим в крытые санки, полость крепко завязали и, заложив [в санки] бешеного жеребца, отпустили на все четыре стороны. Этот бешеный конь понес санки и бил [их] по оврагам и буеракам, пока бегим не погибла. Узбеки⁵⁶ говорят: «Тай-Дуглы-бегим убил Хызр-хан». Обстоятельства этого – таковы.

Когда, убив ее [бегим], Хызр-хан во второй раз стал ханом, то был он государем в течение полутора лет. Был у него дурной сын по имени Бурут⁵⁷. Не стерпел он, что ханом был его отец, внезапно заколол [его и] сам стал ханом. Не прошло двух-трех дней, [как] убили и его. После того случилась смута. Всяк повсюду поднял голову. Город Сарай порушился. Большая часть эля ушла в вилайет Крыма к Кыйату Мамаю. Повествование это здесь закончилось.

Опять подошли мы к рассказу о Кара-Ногае. Три года был Кара-Ногай государем на берегах Сыра, правил вилайетами Туркестана⁵⁸. Через три года он скончался. Ханом стал младший брат его по имени Туглы-Тимур⁵⁹. В дафтаре, который находится у гордости султанов хазрат Дост-султана, говорится, [что] Туглы-Тимур этот стал великим государем, правил Самаркандом и Бухарой. Срок его правления, однако, не известен.

После него ханом стал Урус, сын Бадык-оглана. Урус-хан этот стал великим государем, правил вилайетами всего Туркестана. Тохтамыш-хану и Тимур-Кутлы-хану в то время ханствования не доставалось. Находились они на служении у этого названного хана. Так как по милости божьей заметен был в особе Тохтамыш-оглана царственный фарр, то нукеры [Урус-]хана и другие люди невольно склонялись к этому названному оглану. По этой причине упомянутый хан люто возненавидел Тохтамыш-оглана и решил погубить [его].

Ту зиму [Тохтамыш-оглан] пробыл на службе [Тимур-] бека. Пришла весна, и [Тимур-] бек дал ему несколько человек. Когда [Урус-хан] шел на летовку, [Тохтамыш-оглан] нагнал его эль и отогнал табун. Погоня настигла их и в бою разбила. Опять возвратился он к [Тимур-] беку. Словом, казаковал [вот так] Тохтамыш-оглан, отгонял от эля [Урус-]хана табуны и совершал набеги на эль.

Ширин, барин⁶⁰, аргун⁶¹ [и] кыпчак были давними, со времен предков, элями Тохтамыш-оглана. [И когда] оглан этот самый, подвизаясь в казаках, начал творить такие [вот] дела, сорви-головы, лихие молодцы из этих элей потянулись к нему в нукеры и начали поддерживать [его]. Начал творить жестокие насилия над этими элями и Урус-хан. В свою очередь, и они послали [тогда] человека с наказом к Тохтамыш-оглану: «Из-за тебя изливает гнев [Урус-] хан на нас и отбирает у нас скот. Беда нависла уже и над нашими головами. Если не сумеешь ты как-то позаботиться о нас, [то] руки наши [вцепятся в] твой ворот, когда грядет день страшного суда!» Расстроился Тохтамыш-оглан, когда услышал эти слова, и сказал посланцу: «Как двинетесь в этом году на летовки, кочуйте позади [всего] эля. На летовку располагайтесь на берегу такой-то реки и готовьтесь. Бог даст, буду жив, проберусь к вам непременно!»

Когда наступила весна, [Урус-] хан отправился на летовки. Следом за [всем] элем перекочевал и этот эль. Когда достигли летних пастбищ, каждый эль ушел на берег [какой-нибудь] речки. Эти эли расположились летним кочевьем на берегу обусловленной речки. Люди пили кумыс и предавались удовольствиям и развлечением. В это [-то] время Тохтамыш-оглан [и] пробрался [тайно] в этот эль. Поскольку, как было договорено, они заранее подготовились, [то] каждый глава семьи заложил в телегу пару коней, посадил своих детей, и бежали они в направлении реки 'Идил.

[Лишь] через два дня до [Урус-] хана дошло известие, что Тохтамыш-оглан забрал [эли] ширин, барин, аргун, кыпчак, а также и прочие свои эли и ушел к реке 'Идил. Хан немедленно выступил с людьми, что находились при нем, разослал по сторонам гонцов и пустился сам в погоню за этими [бежавшими] элями. Эли [же Урус-] хана [в то время] рассеялись по летовкам. Была пора, когда кони разжирели. [Урус-] хан стремительно продвигался вперед. Войско дальних элей не успело к хану, а у ближних элей кони их также разжирели.

Когда [Урус-] хан почти настиг их [бежавшие эли], при нем осталось мало людей, было их человек двести, самое большее – человек триста. На закате прискакали караульные этого [бежавшего] эля, увидев [вдали облако] пыли, [поднятое отрядом Урус-] хана. Они [беглецы] устроили совет и единодушно решили: «Они подходят на заморенных конях. Скоро ли, нет ли, но как только нагонят, они [тут же] нападут на нас. Мы – смертники. Так умрем же перед нашими семьями. Иначе, да не стинет наше семя! Отделим Джалал ад-Дин-султана⁶² и Иахшы-Ходжу с привычными уже к жизни в седле мальчиками и выделим им человека, знающего пути-дороги. Пусть ведет [он их] рядом с нашим отрядом на расстоянии голоса. Если врага одолеем мы, они узнают [это] по нашему урану и нагонят нас. Если враг одолеет нас, то это станет ясным из их урана. [И] пусть они попытаются [тогда] без промедления спастись бегством!» Они отделили Иахшы-Ходжу, а он был старшим сыном Урик-Тимура, и еще несколько привычных уже к жизни в седле мальчиков во главе с Джалал ад-Дин-султаном. Джалал ад-Дин-султану было тогда двенадцать лет. Около того было и Иахшы-Ходже.

Этой ночью они ехали сбоку от основного отряда примерно на расстоянии голоса. Когда минула одна стража ночи, [Урус-] хан нагнал их. Свои повозки они пустили впереди себя, [а сами], приняв боевой порядок, ехали следом. [Урус-] хан сказал: «Этих людей больше, чем нас. Плохо будет, если вдруг светает и они увидят, как нас мало. Так ночью же давайте и нападём [на них] с криком. Они не поймут, сколько нас, и побегут». И они напали с боевым кличем. Когда [люди Урус-хана], атаковав, отошли, под Урик-Тимуром пал конь и он завопил: «Эй, подлый Тохтамыш, такой ли был у нас уговор?! Я [же] остался [без коня], когда они повернули назад!» В тот момент те мальчики стояли в одном месте, натянув поводья своих коней, и вслушивались. Иахшы-Ходжа узнал голос своего отца и сказал Джалал ад-Дин-султану: «Видишь? Это [же] мой отец! Его схватили. Сейчас схватят и твоего отца. Что за жизнь будет у нас, зеленых юнцов, без отцов?! Разве не лучше умереть заодно и нам?!» И тогда Джалал ад-Дин-султан и эти мальчики, при поддержке Аллаха Всевышнего прискакали к основному отряду, каждый из них как отважный витязь выкрикнул боевой клич, [и все они] разом

погнали коней в карьер (на врага). Люди [Урус-] хана с перепугу натянули поводья [коней]. Тохтамыш-оглан галопом примчался назад, ринулся [на врага и], подняв к себе на коня [Урик-Тимура], ускакал. Кони под людями [Урус-] хана были заморенные, [потому] многим из них так-то вот и взяли. Полагая, однако, что позди него [Урус-хана] находится его основной отряд, [люди Тохтамыш-оглана] далеко преследовать [людей Урус-хана] не посмели. Захваченных там [же] побили стрелами, [а сами], захватив их коней и снаряжение, двинулись дальше следом за своими [основными] силами.

Далеко бежали ускользнувшие от плена люди [Урус-] хана, [но, наконец] собрались, смотрят, [а] хана нигде нет. Один из них сказал: «Был я рядом с ханом, видел, как налетели двое и схватили его. А что с ним случилось потом, не знаю». Повернули [все они] назад, приехали на место битвы [и] нашли труп хана. Тотчас же забрали его тело и бежали назад по домам. Также и те [беглецы] в страхе, что [Урус-] хан их настигнет, бежали в другую сторону.

Таковы обстоятельства гибели Урус-хана. Узбеки говорят: «Когда Джалал ад-Дин-хан был мальчиком, он во время боя Урус-хана с его отцом напал сбоку во главе группы мальчиков, разбил и убил Урус-хана». Так это было.

Затем [Тохтамыш-оглан] выступил в путь и пришел к реке 'Идил. В городе Сарае не было ни хана, ни султана. Пришел, взял Сарай и, воспользовавшись случаем, прочитал в пятничной мечети хутбу⁶³ [на свое имя и] стал ханом.

[После этого он] выступил в поход и пошел на Кыята Мамай. Пришел навстречу с большим войском и Мамай. Произошло жестокое сражение. Войско Мамай было разбито, а сам он был схвачен. Убили [его]. Эль-кун его забрали и привели на берег реки 'Идил. На этот раз в городе Сарае на троне Саин-хана Тохтамыш-хан стал великим государем.

Большая часть элей, оставшихся от Джанибек-хана, была у Мамай. [Тохтамыш-хан] убил Мамай, забрал его эли и нукеров и, когда пришел в вилайет Сарая, то люди, которые повсюду в вилайете Дашт[-и Кыпчака] своевольно подняли головы, волей-неволей явились сами и покорно стали нукерами. Пришел и упомянутый Кан-бай. [Тохтамыш-хан] дал ему место в устье Тана, потому что то было место, которое тот сам дал [ему прежде]. Но с 'Араб-огланом он виделся постоянно. Отвел [ему] кочевье на правом крыле, усадил рядом с собой и устроил конные состязания. На том празднестве пели песни джатба⁶⁴:

«На Коксдее стал ты ханом.

Не хвастай, [что] повел [ты людей] за собой.

Раздул [спесиво ты] грудь,

Били мы тебе челом, подолгу стоя кверху задом,

Зачем же ты пришел следом за нашей задницей, Кан-бай!?»

Одним словом, [Тохтамыш-хан] много оказал разных милостей и сделал пожалований 'Араб-оглану и повелел: «Да соберется к тебе весь народ, принадлежавший Шайбан-хану, и где бы ни находился раб, бежавший от своего хозяина, и эль, бежавший от йасака...». <...>

Комментарии к переводу*

¹ Вилайет – административная единица, область в странах Востока – араб., букв, страна, область, провинция (МИКХ. 1969, с.525).

² 'Идиль (Итиль, Волга) – река вливается в Кулзумское (Каспийское) море. В исторических летописях написано *Атал*, по-могульски ее называют *Идиль* (Тарих-и Рашиди, МИКХ. С.220). «Оставив там обоз и выделив отборное войско, он выступил в набег и отправился в погоню за Токтамышем, перешел через переправу Идиля, которую турки называют Туратур...» (СМИЗО, 1884, с.12).

³ Хулагу-хан – сын Тули, внук Чингиз-хана, основатель династии Хулагуидов в Иране; годы правления 1256–1265.

⁴ Самарканд – вилайет, в него входили округа: Бухарский, Кеш, Карши, Хузар, Кермине, Кара-Куль; туманы: Сугудский, Шаурадский (МИКХ, С.537).

⁵ Хорасан – область на северо-востоке Ирана. В то время Хорасан включал в себя северо-восточную часть Ирана, юг современной Туркмении и северо-западную часть современного Афганистана.

⁶ Хисар – область и город в долине к юго-востоку от Гиссарского хребта. При Тимуридах и узбеках был резиденцией фактически независимых правителей. Более прочно власть узбеков установилась здесь со времени Абдаллах-хана II (*Бартольд В.В. Гисар (Хиссар)* // Соч.: в 9 т. М., 1965. Т.3. С.401–402). Сейчас территория Хисара входит в Сурхандарьинскую обл. РУз. и частью, вместе с г. Хисаром, – в Таджикистан.

* Текст комментариев значительно сокращен. – *Прим. ред.*

⁷ Улуг-Таг (Улу-Таг, Улуг-Даг) – часть Алайского горного хребта, массив высоких гор к западу от горного перехода Исфайрам и перевала Кара-Кадык. Протяженность Ала-Тага – 50 км. Горы на западе Карагандинской области, к северу от реки Сарысу.

⁸ Юрт – термин, употребляющийся в источниках в значении «территория», в пределах которой происходило кочевание данной административно-племенной единицы; употребляется также в значении «страна» (МИКХ. С.496).

⁹ Ясак – здесь имеются в виду так называемые «постановления Чингиз-хана» (йаса/йасак. – *Прим. ред.*), т.е. узаконенные им народные воззрения и обычаи, соблюдение которых было обязательно для всех без исключения жителей империи.

¹⁰ Корунуш – церемония представления.

¹¹ Орда – исходное значение слова «орда» – юрта, ханская юрта, дворцовая юрта, парадная юрта, из которого выросло новое значение – «ставка, резиденция хана, правителя» (*Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С.116–117).

¹² Шайбан – сын Джучи-хана, брат Бату.

¹³ Тохтамыш-хан (Токтамыш) – Тукатимурид, который объединил на недолгое время под своей властью левое и правое крылья улуса Джучидов, годы его правления – 1380–1395 гг.

¹⁴ Тимур-Кутлы (Темюр-Кутлуг) – потомок Тука-Тимура, 13-го сына Джучи. Он основал династию астраханских ханов (*Юдин В.П.* Орды... С.123).

¹⁵ Урус-хан (1369–1379) – один из правителей левого крыла Улуса Джучидов.

¹⁶ Кошун – «сотня» – единица в организации войска.

¹⁷ Эль – термин, в источниках и исследователями употребляющийся в различных значениях: племя, племенной союз, народ, государство, держава, страна, орда, объединение аристократии различных племен. Здесь – род, племя.

¹⁸ Джир-Кутлу – личность историческая. По «Чингиз-наме», он также был сыном Кыйат Исаята, а его сын Тенгиз-Буга построил над могилой отца на берегах Сырдарьи мавзолей, в строительстве которого принимал участие отряд Джучидов – «каторжан». Строительство производилось в год смерти Бердибек-хана, т.е. в 1359 г.

¹⁹ Тенгиз-Буга – сын Кыйата Джир-Кутлы, полновластного владетеля левого крыла Золотой Орды, который, по сведениям некоторых источников, был убит Урус-ханом. Во время правления Бердибек-хана (1357–1359) Кыйат Мамай увел часть людей Золотой Орды в Крым, а Кыйат Тенгиз-Буга – к низовьям Сырдарьи. Так появилась знаменитая Мамаева Орда и возникла неизвестная еще историкам Орда Тенгиз-Буги на территории Казахстана (*Юдин В.П.* Орды... С.154).

²⁰ Бердибек-хан (1357–1359 гг.) – сын Джанибек-хана (1341–1357 гг.), имел прозвище Керкин-Котан-хан.

²¹ Мангутай (Манкутай, Монгатай) – третьим из двенадцати сыновей Шайбан-хана является Кадак-оглан. У него был один сын по имени Тала-Бука. А он, Тала-Бука имел двух сыновей. Их имена Мангутай и Туман-Тимур (СМИЗО, 1941, с.55).

²² Сарай – первая столица Золотой Орды, основанная Бату-ханом в начале 50-х гг. XIII в.

²³ Маскав – город Москва.

²⁴ Харадж – термин, относящийся к податной системе, рента продуктами известна, главным образом, под названием «харадж»; синоним этого термина – *маль* (иногда *мал-и харадж* или *хараджи-и маль*, *мал-и галля*) (*Абдураимов М.А.* Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – в первой половине XIX века. Ташкент, 1970. Т.2. С.148).

²⁵ Даруга – монгольский правитель, ханский наместник в городе; в обязанности даруги входило общее управление, наблюдение за правильным поступлением дани, налогов и исполнением повинностей. В XV–XVI вв. термин «даруга» имел более широкое значение – правитель, управляющий, заведующий вообще, начальник над взиманием повинностей в пользу казны, губернатор (*Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С.471).

²⁶ Хаким – правитель города или области по назначению хана, отправлявший административные и судебные функции.

²⁷ Нукер – монг., букв. друг. Воин, слуга. Термин, обозначавший свободного воина, обязавшегося служить своему вождю. У тюркских народов термином «нукер» обозначался «дружинник», «военный слуга» (МИКХ. С.500).

²⁸ Аймак – равнозначный «омак», «обак», которые означают «племя», «род»; то же и в мусульманских сочинениях XV–XVIII вв. (МИКХ. С.494).

²⁹ Крым – остатки его находятся на месте современного города Старый Крым.

³⁰ Каффы (Кафа) – средневековый город на южном побережье Крымского полуострова в древности, сейчас вновь Феодосия. Во второй половине XIV в. южный берег Крыма был занят генуэзскими городами-колониями, административным центром которых служила Кафа (Феодосия). До 60-х гг. XIII в. представлял собой небольшой поселок.

³¹ Кырк-Йер (Кырк-Ер, Чуфут-Кале) – остатки его в настоящее время известны под названием Чуфут-Кале и находятся неподалеку от Бахчисарая. На протяжении XIII в. город представлял собой автономное феодальное владение, полузависимое от Золотой Орды. В 1299 г. был разрушен войсками Ногай, после чего автономия его была ликвидирована, и он вошел в число золотоордынских городов полуострова. После возникновения Бахчисарая (XVI в.) Кырк-Йер окончательно потерял свое значение (Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С.120).

³² Улак – по предположению В.П.Юдина, слово написано так, что его нужно читать как Улак. Однако *харакат* при написании получает вначале утолщение, так что *фатха* становится похожей на *замма*. Но может быть здесь все-таки *фатха*, и нужно читать *Авлак*, т.е. *Валах*. См.: Текстологические примечания. Л. 41а, строка 178.

³³ Хаджи-Тархан (Ходжи-Тархан, Азтаракан) – остатками его является городище Шареный бу-гор, находящееся на правом берегу Волги, несколько выше Астрахани.

³⁴ Сары-Так (Сартак) (1256–1257 гг.) – Сартак, сын Бату-хана правил, вероятно, менее года.

³⁵ Туган (Тукан, Тоган) – сын Саин-хана (СМИЗО. Т.2. С.288).

³⁶ Ширван – располагался между Дербентом и Курой, со столицей в Шемахе.

³⁷ Берке-хан (Беркай, Барка, Барака) – сын Бату (Саин)-хана. По Босворту, Берке-хан правил с 655/1257 г. (Босворт, Мусульманские династии. С.203).

³⁸ Сыгнак – район северного и нижнего течения Сырдарьи с городами Отрар, Сайрам, Сыгнак, Дженд – составлял главную часть владений ханов Кок-Орды. Остатки Сыгнака находятся на правом берегу Сырдарьи у г. Яныкурган Кызыл-Ординской области Республики Казахстан.

³⁹ Шайх ал-‘алам Шайх Сайф ад-Дин Бахарзи (1190–1261 гг.) – знаменитый шейх, ученик Надж ад-Дина ал-Кубра, основателя суфийского братства *кубравийа*. Им основана ханака в Соктари под Бухарой (община *кубравийа* при ней активно действовала до конца XVIII в., а ее члены распространили идеи ал-Кубра вплоть до западных границ Китая) (Ислам. Энциклопедический словарь. С.140).

⁴⁰ Наджм ад-Дин ал-Кубра, Шайх Абу-л-Джаннаб Ахмад ибн Умар (1145–1221 гг.) – основатель суфийского братства *кубравийа*, известный персидский теоретик и практик суфизма, поэт. В 618/1221 г. погиб во время взятия монголами Гурганджа, который он защищал со своими учениками с оружием в руках. Его могила находится в поселке Куя-Ургенч. Ал-Кубра создал свою школу мистического пути познания. Он разработал 10 принципов – основ братства *кубравийа* и правила поведения мюрида. Свои взгляды изложил в ряде трактатов на арабском языке (Бертельс Е.А. Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. М., 1965. Т.3; Ислам. Энциклопедический словарь. С.139).

⁴¹ Кара-Куль – район к западу от Бухары. Город-крепость, расположенный между Бухарой и Чарджоу на Амударье. Сейчас – районный центр Бухарской области РУз.

⁴² Туда-Менгу-сын Тугана, сына Бату. В 681 (11 апреля 1282- 31 марта 1283 г.) вступил на престол Сарайский после смерти его брата Менгу-Тимура. В 686 (16 февраля 1287 – 5 февраля 1288 г.) Туда-Менгу, царь Татарский в северных областях отрекся от царства (СМИЗО. Т.1. С.122).

⁴³ Менгу-Тимур (1266–1281) – сын Тугана, сына Бату.

⁴⁴ Токтага, Токта – хан Золотой Орды (1290–1312 гг.). Его имя подается в формах Токтай, Токтайга, Тохта, Токтогу, сын Мунка-Тимура, сына Тукукана, 2-го сына Бату.

⁴⁵ Тогул (Тогрылча, Тоглук, Тулича) – сын Мунг-Тимур-хана, родной брат Токтага (Тохта).

⁴⁶ Келин-Баялици (Баялун) – византийская принцесса, жена Тогрылчи, затем Токты, затем Бачкыр Ток-Буги и, наконец, Узбек-хана. По «Чингиз-наме», она была матерью Узбека. Обращает на себя внимание тот факт, что Узбек, по сообщениям арабских источников, чтобы жениться на Баялун, должен был получить специальное разрешение мусульманских законовевов, и оно было якобы дано только потому, что его отец был неверным, и брак отца Узбека с Баялун был признан незаконным. Между тем, другие ханы Золотой Орды женились на мачехах по левирату без какого-либо вмешательства мусульманских законовевов. Факт, естественно, настораживающий. По другим источникам, Баялун не была матерью Узбека.

⁴⁷ Уруг или Урук – имеет значение «семья, потомок, род». Термин в памятниках XV–XVII вв. употреблялся в значении более узком, чем «аймак» или «омак», и обозначал объединение кровных родственников во главе с патриархом, или лицом почему-либо игравшим в объединении главенствующую роль (МИКХ. С.497).

⁴⁸ Туман (Тюмен) – административная единица (феодальное владение), поставляющая тумен войска. Некоторые исследователи считают этот термин в данном случае племенным названием. По-

видимому, это не так. Употребление его в восточных сочинениях говорит за то, что это, скорее, социальный термин, и его обычное значение – десять тысяч, воинское соединение в 10000 чел., район, который мог выставить или содержать 10000 воинов (МИКХ. С.494).

⁴⁹ Ток-Буга (Тула-Бука) (1287–1291 гг.) – Джучид, сын Тукукана, сына Бату-хана.

⁵⁰ Уйгур – одно из крупных племен Дашт-и Кыпчака; уйгуры ушли с Мухаммад Шайбани-ханом в Мавераннахр, позднее расселились в Хорезме.

⁵¹ Кыйат Исатай-бек – могущественный временщик Золотой Орды из племени кыйат, посадивший, по сообщению Кадыр-Али-бий ибн Хушум-бий джалаира, на трон Узбек-хана и возглавлявший в его время, по сообщению Утемиша-хаджи, особый отряд Джучидов. Его потомки пользовались большим политическим влиянием в Восточном Дашт-и Кыпчаке и иногда сосредоточивали в своих руках всю полноту власти (МИКХ. С.493). Кыйат Иса-гуркен, или Иса-курэкан, т.е. Исаханский зять, и Иса-Коркоз. т.е. Иса-Одноглазый; был женат на Иткуджуд-жук, дочери Узбек-хана (СМИЗО, 1884, с.294). Один из главных вельмож и фаворитов-временщиков Узбека основал линию биев племени кыйат в левом крыле Золотой-Орды, которая после смерти Бердибек-хана (1359 г.) даже узурпировала власть на Сырдарье. Его потомки пользовались широкой известностью в Восточном Дашт-и Кыпчаке и много времени спустя после смерти Узбек-хана (умер в 1341 г.). Например, Бузанджар-бий кыйат действовал в конце XV – начале XVI вв. Был также тестем Узбека – его дочь Ордуга была женой хана (СМИЗО, 1884, с.295), другая дочь Исатая была замужем за Сиджут Алатаем (СМИЗО, 1884, там же).

⁵² Тулубай (Туглы-бий, Тавлублий, Тувлублий) – один из наиболее влиятельных эмиров времени правления Джанибек-хана.

⁵³ Ак-Куль – небольшое озеро на северо-востоке от современного г. Ташауза (Туркмения), озеро, в которое впадает река Желаншик (Джиланчи) (МИКХ. С.543, 546). <...>

⁵⁴ Казаки – как считал В.П.Юдин, слово «казак» появляется в источниках только в послемонгольское время в XIII в. Оно применяется к человеку, отделившемуся от своего государства, племени или рода и принужденному вести жизнь искателя приключений. В тюркских языках слово дало несколько производных: казак – «казак», казаклык кылмак – «казаковать, вести образ жизни казака», казакламак – также «казаковать, вести образ жизни казака». Одним из наиболее ярких свидетельств исходного значения слова казак является известное сообщение Мирза Мухаммад Хайдар доглата о присвоении части узбеков, откочевавших вместе с Гиреем и Джанибеком из Дашт-и Кыпчака в Семиречье, прозвища казак, которое стало затем их народным именем (Юдин В.П. К этимологии этнонима казах (казак) (Рукопись)).

⁵⁵ Базарчи – новый хан Золотой Орды, посаженный на трон Тайдулой. Отдел (потомок. – Прим. ред.) Тангкута, сына Йоджи-хана. У Тангкута было два сына. Их имена – Токуз и Судай. У Токуза было три сына. Их имена – Калмутай, Арслан, Боалки. И из их потомства Тубай, Базарчи-хан... и сын Базарчи-хана – Тимур-Малик (МИКХ. С.38).

⁵⁶ Узбеки – в XIV и XV столетиях название узбеки употреблялось как собирательное, политическое имя для обозначения местных тюркских и тюркизированных монгольских племен Восточного Дашт-и Кыпчака, а не как этноним (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Алма-Ата. Т.2. 1979.С.177; Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.С.11–16; Гафуров Б.Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С.547–548).

⁵⁷ Бурут (Мурат, Амурат) – в «Новом Сарае» и «Белада Гюлистане» он чеканил монеты с 762 г. до 764 г. хиджры, который скончался 10 октября 1362/1363 г.

⁵⁸ Туркестан (Яссы, Йассы) – город и вилайет. В конце XIV в. город стал ареной борьбы между Токтамышем и Тимуром. В XVI в. город получил название Туркестан и играл видную роль в истории казахских ханств.

⁵⁹ Туглы-Тимур – о Туглы-Тимуре мы знаем, что он был ханом, но в известных источниках он отождествлялся с могулистанским ханом Чагатаидом Туглук-Тимуром.

⁶⁰ Барин – другие варианты этнонима – «байри, барым, бахрим, багрин, баарин». Известное тюрко-монгольское племя, подразделения которого оказались разбросанными по улусу Чагатая. Иль барин отмечен в составе могулов Могулистана для времени Улуг-бека (Тарих-и Рашиди, Рук. ИВ АН РУз. В 648. С.395). В качестве самостоятельного аймака они упоминаются даже в сер. XVII в. на территории Кашгарии (Шах Махмуд чорас, Та'рих, л. 74а, 84а; Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами // Изв. АН КазССР, ООИ, 1965. Вып.3. С.55).

⁶¹ Аргун – племя, в период правления Абу Саида перекочевавшее из бассейна Сырдарьи в Мавераннахр. Ополчение даштских аргунцев участвовало и во взятии Герата Абу Саидом в 862 г. х. (1457–58). Представители племени Аргун упоминаются также среди сановников Тимурида Ахмад-мирзы

(Таварих-и гузидаи нусрат-наме. Рукопись ИВ РАН. С.745; *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья. С.11).

⁶² Джалал ад-Дин, султан (Зелени-султан) – сын Тохтамыш-хана.

⁶³ Хутба – представляет из себя своего рода поучение, которое начинается провозглашением единства Аллаха и призывом к благословению пророка и его семейству; затем следует моление за царствующего повелителя правоверных и в заключение нравственное поучение с цитатами из Корана и изречений Мухаммеда (*Мухаммед Юсуф Мушши.* Муким-ханская история. С.239. Прим. 34.).

⁶⁴ Джатба – особый жанр песни».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 9

Повесть о Петре, царевиче Ордынском

«Повесть о Петре, царевиче Ордынском» посвящена основателю Ростовского Петровского монастыря, племяннику хана Берке, принявшему христианство и перешедшему на службу к ростовскому князю. Надо отметить, что в исторических документах имя Петра и его потомков не упоминается. «Повесть» возникла в XV в. с целью утвердить права на земельные угодья потомков Петра и монастыря. Автор «Повести» довольно вольно передал историю ростовских князей.

Источник и примечания цитируются по изданию: Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). – М., 1982. – С.151–160 (напечатана по по списку начала XVI в. (Софийское собр. № 1364 Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина)) // Русские повести XV–XVI веков / Сост. М.О.Скрипиль. М.-Л., 1958. – *Прим. ред.*).

«Житие блаженного Петра, племянника хана Берке¹, как пришел он в страх божий, и умилился душой, и пришел из Орды в Ростов в 6761 (1253) году, и крестился и как явились ему в видении святые апостолы Петр и Павел на поле, где ныне стоит церковь святых апостолов Петра и Павла и монастырь создан Благовослови, отче.

Святой епископ ростовский Кирилл ходил в Орду к царю Берке с честью просить на храм святой Богородицы. Царь услышал от него о святом Леонтии, что был из греческой земли родом, как крестил он город Ростов, как утвердил в вере живших там людей, как пришел он туда по благословению патриарха, приняв честь от русских князей и от греческого царя, и патриарха, и всего вселенского собора, и как после смерти Леонтия совершаются чудеса от мощей его у гробницы донныне. И еще много поучал Кирилл от евангельских святых наставлений. И выслушал царь Берке епископа, возрадовался, и почтил его, и дал ему то, что он просил, и отпустил его. Осмелюсь сказать, что царь Берке повелел, чтобы после смерти епископа Кирилла князья ярославские ежегодно давали оброк на украшение его гробницы. В том же году разболелся единственный сын Берке. Царь не получил от врачей никакой пользы и надумал послать в Ростов за святым владыкой, обещав ему богатые дары, чтобы тот исцелил его сына. Владыка повелел служить молебны по всем церквам Ростова, освятил воду и, прийдя в Орду, исцелил царского сына². Царь обрадовался со всем домом своим и со всею Ордою своей и повелел давать ежегодный оброк владыке на дом святой богородицы. Некий же отрок, сын брата царя, будучи юным, но всегда предстоя перед царем, услышав поучения святого владыки, умилился душой и прослезился. Уединяясь, уходил он в поле и размышлял: «Как же веруют цари наши этому солнцу, и месяцу, и звездам, и огню и кто же является истинным богом?» Размышлял он как некогда древний Авраам, но тот был ветвью от доброго корня, а отрок сей – доброй ветвью от злого корня. И решил он уйти со святым владыкой, чтобы видеть храмы Русской земли и чудеса, творимые святыми. Говорил он: «В наших странах не бывает чудес от солнца, месяца, звезд и огня». В то время отец его, брат царя, уже умер, а мать его распоряжалась большим богатством, принадлежавшим ему. Он же, пренебрегая им, устремлялся всей душой своей к вере. Мать же его, плача о намерении сына, показала ему все богатства отца его. Он же все богатства те роздал татарским нищим и много сокровищ отдал епископу.

И скрылся он ото всех, снискав тем себе большую благодать еще прежде, чем принял крещение. Так древний Мельхиседек, царский сын, бежав, стал священником и благодать до крещения приобрел. О таковых в Евангелии сказано: «Многие первые будут последними, а последние – первыми». И пришел сын царев с владыкой в Ростов и увидел там церковь золотом, и жемчугом, и драгоценными

каменьями, словно невесту, украшенную³. В ней же пение доброгласное, подобно ангельскому: тогда в церкви святой Богородицы левый клирос пел по-гречески, а правый – по-русски.

Услышал это отрок, пребывавший в неверии, и огонь воспылал в сердце его, взошла луна в мыслях его, воссияло солнце в душе его. Припал он к стопам святого владыки и сказал: «О святитель божий, господин мой, я размышлял о богах нашего царя и родителей своих – о солнце, о луне, об огне и понял, что это твари божии, а ваша вера правая и благая, ваш бог истинен. Молю тебя, дай мне святое крещение». Владыка почтил его, но повелел ждать, ибо размышлял он об исканиях отрока.

Немного времени спустя царь Берке умер, в Орде началась смута⁴, и там не искали отрока. Тогда крестил его святой владыка и дал ему имя Петра. И учился Петр вере христианской, каждый день в святилище у владыки пребывая. И преставился святой владыка Кирилл, и с честью похоронили его с молитвами, вечная ему память. И принял святительский престол владыка Игнатий⁵. Он начал крыть оловом крышу храма святой богородицы Ростовской и пол устилать мрамором. Ходил он в Орду за оброком царским. Петр же, как научил его владыка, денно и ночью молился богу и посты соблюдал.

Но не оставлял он своей царской потехи: выезжал он на соколиную охоту к озеру Ростовскому. Однажды он охотился у озера и после обычной молитвы уснул: был уже поздний вечер. И вот пришли к нему два светлых, как солнце, мужа, разбудили его и сказали: «Друг Петр, услышана молитва твоя и милостыня твоя богом». Разве это не чудо, братия! Не удивительно ли, что милостыня в неверии розданная, в вере была услышана! Так в древности Евстафий Плакида⁶, будучи язычником, милостыню раздавая, в вере вознагражден был еще при жизни, как и Петр, а после смерти – царствием небесным. О милостыни сам господь так сказал: «Хоть и пять птиц продаете по единой денежке, но ни одна из них не забыта богом». Так и блаженного того Петра милостыня, в неверии розданная, в вере с молитвой услышана была. Петр, проснувшись, увидел перед собой двух исполинов, в страхе показались они ему ростом до самых облаков, а светом своим словно весь мир освещали. В ужасе встал он и упал, снова встал и опять упал, и в третий раз так же. Эти же два светлых мужа взяли его за руку и сказали ему: «Друг наш Петр, не бойся, мы посланы к тебе богом, в него ты уверовал и крестился. Он укрепит род твой, и племя твое, и внуков твоих до конца мира; он вознаградит тебя за милостыню твою, а за труды свои примешь ты вечные блага». И дали ему две сумы и сказали: «Возьми эти сумы, в одной из них золото, а в другой серебро. Утром пойди в город и выменяй три иконы⁷: икону святой богородицы с младенцем, икону святого Дмитрия и святого Николы – и отдай за них то, что попросят». Петр посмотрел на них, и увидел их теперь как обычных людей, и взял сумы, полагая, что укрепляют они его татарское племя, не понимая сказанного ему. И, собравшись с мыслями, сказал им: «Господа мои, а если спросят меня меняющие иконы, откуда у меня сумы, что мне делать? А вы кто такие?» И ответили ему два светлых мужа: «Сумы эти держи у себя за пазухой, чтобы никто о них не знал. А попросят меняющие иконы с тебя девять Серебренников, а десятую монету золотую, и ты им отсчитай по одной и, взяв иконы, иди к владыке и скажи ему: «Петр и Павел, Христовы апостолы, послали меня к тебе, чтобы ты создал церковь у озера на том месте, где я спал. А вот и знамение от них – иконы, которые я выменял, и сумы эти дали мне. Что с ними велишь мне сделать?» И что велит тебе, то и сотвори. А мы – Христовы апостолы, Петр и Павел». И стали невидимыми. Смотрите, братия, ведь не ложно сказал господь: «Прославляющего меня прославлю». Так и сего Петра бог прославил милостыни его ради.

Той же ночью и владыке явились святые апостолы и привели его в трепет. Они сказали ему: «Построй церковь из епископских средств слуге нашему Петру, ибо много он владыке золота в епископство дал, и освяти эту церковь в наше имя. Если же этого не сделаешь, то смертью уморим тебя». И так сказав, стали невидимы. И святой Игнатий, пробудившись от сна, стал размышлять о видении. Золота и серебра много было в его епископии.

Позвал он к себе князя Ростовского и сказал ему⁸: «Что делать, не знаю. Явились мне Петр и Павел – точь-в-точь как на иконе, – и устроили меня, и приказали мне строить церковь во имя свое, а где – я и не знаю». Князь же отвечал ему: «Вижу тебя, господин, ужасом объятым».

Так беседовали они в епископии, и увидел князь Петра, идущего из церкви святой Богородицы в епископию, а свет сиял от икон его сильнее огня, поднимаясь выше церкви. И пришел князь в ужас и сказал: «О владыка, что это за огонь?» И показалось им, что это человек горит. Из других же никто не видал этого огня. Петр же еще утром пришел в город, взял иконы и пошел и поставил их перед князем и перед владыкой. Он поклонился им до земли и сказал: «Владыка, Петр и Павел, Христовы апостолы, послали меня к тебе, чтобы ты построил церковь у озера, там, где я спал, а эти иконы – знамения их, и сумы эти дали мне. Что с ними велишь сделать?»

Было то время перед службою. Князь и владыка встали и поклонились святым иконам, не ведая, откуда они, ибо не было в городе их иконописцев, а Петр был еще юн и, как они знали, происходил из татар. И спросили они его: «У кого ты выменял иконы эти?» Петр же ответил: «На торгу я выменял их, господа». И размышляли они о видении, которое было. Свет же в палате от икон, где они были, засиял, словно солнце, и все присутствующие ужаснулись. И после службы утренней пел молебны владыка Игнатий святой госпоже богородице, и святому Дмитрию, и святому Николе. И почтил святой Игнатий Петра, повелел ему взойти на колесницу с иконами и ехать к тому месту, где он спал. Владыка же, и князь, и весь город проводили с пением иконы до места Петрова, и на месте его сна отслужили молебен святым апостолам. Князь и владыка на молебне со слезами и радостью призывали имя святых апостолов Петра и Павла и пожертвовали им хутора и села. Отслужив молебен, люди поставили повелением князя часовню, привезенную из города, и забором ее оградил, а затем возвратились. Петр же там иконы поставил.

Князь, сев на коня, шутя молвил Петру: «Владыка тебе церковь построит, а я места не дам. Что сделаешь?» Петр ответил ему: «Князь, повелением святых апостолов я куплю у тебя столько земли, сколько выделит милость твоя». Князь же, видевший суммы Петровы еще в епископии, молча подумал: «Надо их у тебя забрать, пока владыка в страхе пребывает от явления святых апостолов». И сказал про себя: «Может ведь так быть, как при Илье-пророке: горсть муки не оскудеет, ушат воды не опустеет и горшок с маслом не убудет». И сказал, как бы шутя, Петру: «Петр, спрошу я тебя: что дал ты за иконы, то и за мою землю дай. Выложи девять гривен серебра, а десятую – золота. Сделаешь так?» Петр ответил: «Святые апостолы сказали мне: как владыка повелит тебе сделать, так и поступай. Пойду спрошу его, господин». И спросил Петр владыку. Владыка же, взяв крест, благословил Петра и сказал: «Чадо Петр, господь своими устами сказал: «Всякому просящему у тебя дай», – а ты, чадо, не пожалей богатства родителей, ибо писано: «Горшок масла не убудет, горсть муки не оскудеет». Молитвою, чадо, святых апостолов род твой благословен будет. Отдай по воле князя за землю столько, сколько он хочет». Петр поклонился владыке до земли, и, веря словам его, пришел к князю, и сказал: «Да будет, князь, все по воле святых апостолов и твоей!».

И повелел князь бросить мерный шнур от воды до ворот и от ворот до угла, а от угла – до озера – то место просторное. Петр же сказал: «Прикажи, князь, рвом окопать место то, как это в Орде бывает, чтобы не урезали потом место то». Так и сделали. И горожане, те, что провожали иконы, в тот же час выкопали ров, который сохранился и доныне. Петр же начал от воды по шнуру выкладывать монеты, вынимая их из мешка по одной – девять гривен серебряных, а десятую золотую, – и наполнили возчики Петровыми деньгами те колесницы, которые клеть часовни привезли, так что едва кони могли сдвинуть их. Увидели князь и владыка множество золота и серебра, что стоило десяти выходов⁹, а мешки целыми и сказали себе: «Что же такое, господи? Не по нашим грехам это сотворил. Видно, великую благодать человек этот обрел перед богом, удивляемся милости твоей и силе святых апостолов». И поставили на стражу у двора Петрова обещанных людей, что были на молебне, и повелели Петру сесть на коня. И была радость великая в городе, почтили Петра великою честью и многими дарами, и много дней служили молебны, прославляя бога и святых апостолов чудеса, бывшие в наши дни, и многую милостыню раздавали и кормили нищих.

Не знал Петр, как же свершилось это чудо, и пребывал в молчании, уединяясь. И заметили владыка и князь, что Петр все молчит, и стали друг с другом говорить: «Если сей человек, ханского племени, уйдет от нас в Орду, то будет вред большой граду нашему». Был Петр ростом высок и лицом красив. И сказали ему: «Петр, хочешь ли, мы найдем тебе невесту?» Петр, прослезившись, отвечал князю и владыке: «Я, господа, возлюбил вашу веру и оставил веру родительскую, придя к вам. Так будет же воля господня и ваша». Князь сосватал ему невесту у большого вельможи. Жил тогда в Ростове ордынский вельможа. Владыка обвенчал Петра, и построил ему церковь, и освятил ее по наказу святых апостолов.

Князь брал с собою Петра на царскую потеху, на ястребиную охоту к озеру, дабы его в нашей вере удержать. И сказал ему князь: «Великую благодать обрел ты пред богом и благодаря тебе – город наш. Ибо сказано: «Воздам господу от всех благ, которые он воздаст нам». Прими, Петр, немного земли от нашей вотчины, что против храма святых апостолов возле озера Ростовского. Я же тебе грамоту дарственную напишу». Отвечал на это Петр: «Князь, ни я, ни отец мой, ни мать землю не владели, и грамота эта для чего?» Князь же сказал: «Я тебе все сделаю, Петр. А грамоты нужны на то, чтобы не отняли тех земель мои дети и внуки у твоих детей и внуков после нас». Петр ответил на это: «Да будет, князь, воля господня». И повелел князь перед епископом писать грамоты

Петру на владение многими землями вдоль озера, и водами, и лесами. Эти грамоты есть и доныне. И устроили Петру дома по его землям. Орда же тогда пребывала в мире много лет.

Таковы были Петровы сладкие ответы и добрый нрав во всем. И князь настолько полюбил Петра, что и за стол без него не садился, так что пришлось владыке побратать его с князем в церкви. И прозвался Петр братом князю. И родились у Петра дети, его преемники.

И немного лет спустя святой епископ Игнатий преставился и принял царствие небесное, вечная ему память. Старый князь также через несколько дней после владыки преставился. И этого князя дети звали Петра дядею до его старости. И, мирно прожив много лет, преставился Петр в старости глубокой, в иноческом чине «к господу отойдя. И положили его у святого Петра и Павла, у того места, где он когда-то спал. И после того дня был создан этот монастырь¹⁰.

Внуки же старого князя¹¹ забыли Петра и добродетель его и начали отнимать луга и окраинные земли у Петровых детей. Тогда сын Петра пошел в Орду и рассказал там, что он внук брата царева. Обрадовались его дядья, почтили его многими дарами и попросили царя отправить с ним посла. Пришел ханский посол в Ростов и, рассмотрев грамоты Петра и старого князя, рассудил сына Петра и внуков старого князя. И установил он рубежи землям и оправдал Петрова сына, дав ему грамоту с золотой печатью, определявшую по ханскому слову отношения молодых князей. И ушел посол обратно. И молодые князья между собой и своими боярами говорили: «Слыхали мы, что родители наши звали дядею его отца, Петра, что дед наш много у него серебра взял и побратался с ним в церкви. Но ведь род-то их татарский – не наша кость! Какая они нам родня! Серебра нам ведь не оставил ни Петр, ни родители наши». И так вот беседовали они, позабыв о чуде святых апостолов и прародительской любви. И так прожили они много лет, завидуя Петровым детям, которых в Орде принимали с большим почетом, чем их! У сына же Петра родились также сыновья и дочери, и он в глубокой старости отошел к господу.

Внук Петра, Юрий, как и его родители, почитал святую госпожу богородицу в Ростове, возлагал гривны на икону, устраивал ежегодно пиры владыке и клиру соборной церкви на праздник памяти святых апостолов Петра и Павла и в поминальные дни по своим родителям и прародителям. Рыбакам же его доставались большие уловы, не то что городским ловцам. Словно играя, петровские рыбаки забрасывали сеть и вытаскивали множество рыбы, а городским, сколько ни трудились они, доставался скудный улов. И пожаловались рыбаки князьям: «Господа наши князья, если петровские рыбаки не прекратят ловли, то озеро наше опустеет. Они всю рыбу переловят». Правнуки старого князя обратились к Юрию: «Слыхали мы давно, что дед ваш владельческие грамоты взял у прародителей наших на место под монастырем вашим, определив рубежи земель его. А озеро Ростовское – наше, грамоты на него нет, и пусть не ловят в нем рыбаки ваши». И сбылось предсказание старого князя, брата Петрова, который предвидел, что внуки будут чинить обиды, и потому дал свою грамоту.

Выслушал их Юрий, внук Петров, и пошел в Орду, где сказал, что он правнук брата хана. Дядья его с честью приняли, и многими дарами почтили его, и, испросив у царя, послали с ним посла. Прибыл посол в Ростов и поселился в монастыре святого Петра и Павла, и боялись князья ханского посла. И он судил их с внуками Петровыми. Юрий положил перед послом все грамоты, и посол, посмотрев грамоты, сказал князьям: «Не ложны ли грамоты эти на покупку земли? Ваша ли вода в озере? Есть ли под нею земля? Можете ли вы воду снять с земли той?» И отвечали князья: «Ей-ей, господин, не ложны грамоты эти. А земля под водою озера есть, вода – наша отчина, но снять мы ее не можем, господин!» И сказал судья, ханский посол: «Раз вы не можете снять воду с земли, то почему ее своей называете. Ведь сотворена она вышним богом на службу всем людям». И присудил ханский посол по границам земли и воду внуку Петрову, Юрию: «Как земля куплена, так и вода на ней». И дал Юрию грамоту с золотой печатью по ханскому слову и отбыл посол. Князья же ростовские не смогли никакого зла причинить Юрию. И текла мирно жизнь внуков Петра многие годы, и славили они бога, и, как научили их родители, творили память святым апостолам со слезами и радостью, вспоминая их чудеса, и ежегодно поминали родителей своих, раздавая большую милостыню.

И вырос правнук Петров, сын Юрия – Игнат. И вот что случилось при его жизни. Пришел на Русскую землю Ахмыл¹², и сжег он город Ярославль, и пошел к Ростову со всей своей силой. И устрашилась его нашествия вся земля: бежали князья ростовские и владыка Прохор¹³. Игнат же, извлеки меч, догнал владыку и сказал: «Если не пойдешь со мной против Ахмыла, то зарублю тебя. Там наше племя и сородичи». И послушался его владыка и вместе со всем клиром, в ризах, взяв крест и хоругвь, пошел навстречу Ахмылу. А Игнат пошел впереди крестного хода с горожанами, взяв потеху царскую – кречетов, шубы и меды, стал на колени на берегу озера перед Ахмылом и

сказал ему, что он из древнего племени брата царева. «А это вот село ханское и твое, господин. Куплено оно прадедом нашим, ибо здесь чудеса совершались». Со страхом смотрели все на рать Ахмылову вооруженную. И сказал Ахмыл: «Ты мне царскую потеху даришь, а эти кто – в белых ризах с хоругвью стоят, – не хотят ли они биться с нами?» Отвечал Игнат: «То богомольцы царевы и твои, они пришли, чтобы благословить тебя, и несут они иконы по закону нашему».

В то время в Ярославле в тяжком недуге пребывал сын Ахмылов; возили его на повозке. И повелел Ахмыл привезти сына, чтобы благословили его. Владыка Прохор, освятив воду, дал ему пить и благословил его крестом. И выздоровел сын Ахмылов. Ахмыл же, увидев сына здоровым, сошел с коня перед крестным ходом и, воздев руки к небу, воскликнул: «Благословен бог всевышний, что вложил в сердце мое мысль идти сюда. Праведен ты, владыка Прохор, раз молитва твоя воскресила сына моего. Благословен и ты, Игнат, поскольку спас ты людей своих и сохранил этот город. Царской ты кости и нашего племени. Если от кого тебе будет здесь обида, не ленись прийти к нам». Ахмыл взял 40 мер серебра и отдал их владыке, а 30 мер отдал клиру его, и взял у Игната царскую потеху, поцеловал Игната, а владыке поклонился, сел на коня и поехал восвояси. Игнат же, проводив Ахмыла, возвратился с владыкой и горожанами в город. Возрадовавшись, отслужили молебен, прославляя бога.

Дай же, господи, утешение читающим и пишущим о деяниях прародителей! Дай им здесь и в будущем веке покой! Сохрани весь род Петров и умножь его! И не оскудеет в нем радость без печали, и будет вечна их память до окончания мира. А Иисусу Христу, господу нашему, слава и власть, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Примечания

¹ *...братанича царя Берке...* – Хан Берке, брат Батыея, захватил власть в Золотой Орде, убив своего племянника Сартака в 1257 г., правил Ордой до 1266 г. Принял мусульманство, провел на Руси перепись населения для сбора дани, освободив от нее духовенство. Легенда о выходе из Орды племянника Берке возникла, вероятно, в XV в. Многие боярские фамилии на Руси возводили свой род к ордынским выходцам: Годуновы, Сабуровы, Шеины, Вельяминовы. Широко бытовали легенды об ордынцах – основателях церквей и монастырей.

² *Владыка... исцели сына царева.* – Кирилл II, епископ Ростовский (1231–1261), умер в 1262 г. Летописи ничего не сообщают о его поездках в Орду.

³ *...виде церковь украшену...* – Успенский собор в Ростове (см. прим. 7 к «Сказанию о Леонтии Ростовском»), его новое каменное здание было отстроено в 1231 г. В настоящее время на его месте постройка XVI в.

⁴ *...царю Берке умершу, Орде мятуцесея...* – Берке умер в 1266 г., на ханский престол взошел его брат Менгу-Темир (1266–1280). Епископ Кирилл умер в 1262 г. и крестить ордынца не мог.

⁵ *Владыка Игнатий* – епископ Ростовский (1262–1288), покрыл оловом верх Успенского собора и выложил пол красным мрамором в 1280 г., неоднократно ходил в Орду.

⁶ *Евстафий Плакида* – римский полководец, принявший христианство; казнен императором Адрианом около 118 г., причислен церковью к лику мучеников.

⁷ *...вымени три иконы...* – Икону, согласно «правилам», нельзя купить или продать, ее можно только выменять.

⁸ *Призва князя и рече ему...* – При епископе Игнатии князьями ростовскими были Борис Васильевич (ум. в 1277 г.), а затем его сын Константин (ум. в 1309 г.).

⁹ *...еже бы десять выход дата...* – Выход – дань, которую платили русские Орде.

¹⁰ *И от того дне уставися монастырь сей.* – Согласно свидетельству летописи, Петровский монастырь в Ростове существовал еще в XII в.

¹¹ *Внуци же старого князя...* – Вероятно, внуки Константина Борисовича – Константин и Федор Васильевичи, разделившие между собой Ростовское княжество.

¹² *Ахмыл* – золотоордынский посол, пришел на Русь вместе с московским князем Иваном Калитой в 1322 г. и разорил Ярославль.

¹³ *Владыка Прохор* – ростовский архиепископ (1311–1328), автор жития Петра-митрополита).

Материал подготовила Алсу Арсланова

III. Источники по истории Улуса Джучи во второй половине XIV – первой трети XV века

№ 1

Памятники литературы Древней Руси. «Замятня великая» и кризис ханской власти на Руси

После изложения текста летописи приводятся его источники в виде принятых в науке буквенно-цифровых обозначений (НIVл – Новгородская четвертая летопись, Тв.сб. – Тверской сборник, Сим. – Симеоновская летопись, СЛ. – Софийская первая летопись, Тр. – Троицкая летопись, Сокр.св. – Сокращенный летописный свод 1493 г., Тип. – Типографская летопись, Вл. – Владимировский летописец, Рл. – Рогожский летописец, Млс. – Московский летописный свод конца XV в.).

1. «Замятня великая» в 60–70-е гг. XIV в.

«В лето 6865 (1357 г.) Взя царь Жданибек Тиврижкое царство. Тое осени прииде на Русь посол из Орды силен именем Комак, и велика высть истома князем русским. И на ту зиму умре добрый царь Жданибек, и седе на царстве сын его Бердибек, убив братьев своих 12, оканным его предателем Товлюбием. И тогда бысть в Ворде митрополит Алексеи и многу истому приим от татар, божию помощью и пречистыя его матерее молитвою цел и здрав от насилия поганых выиде на Русь».
СЛ. С.432–433.

«В лето 6868 (1360 г.) ... Того же лета нвогородци взяша Жукотин и много безъсермен посекли, мужей и жен».

СЛ. С.432.

«В лето 6868 (1360 г.) ... Тое же зимы взведоша из Орды посла Жукотинцы о разбоиницех, и бысть всем князем съезд на Костроме, князь великий Дмитрии Костянтинович и брат его старший Андреи Нижняго Новагорода, князь Костянтин Ростовский, и выдаша разбойников, а посла отпустиша в Орду».
Тр. С.377.

«В лето 6868 (1360 г.) ... Того же лета Анфал взял Жукотин и много бесермен посече. На ту зиму князи жукотинские подъяша от царя три послы, старейши Оурус, другии Каирбек, трети Альтынъ-беи и мног протор бысть и истома князем руским».

Сокр.св. 1493 г. С.242.

«В лето 6868 (1360 г.) ... Того же лета бысть в Ворде мятеж силен мнозии цари побьени быша и царицы, и царевичи, и рядци, иссекошася межди себе.

<...> В лето 6869 (1361 г.) Князи рускыи пошли в Ворду к новому царю к Ходырю: великий князь Дмитрии Иванович да князь Ондrei Костянтинович, и брат его князь Дмитрии Костянтинович, князь Костянтин ростовский, князь Михаило ярославский, и при них убиен бысть царь Хыдырь от своего сына Темирь-Хожина, а на 4 день седе на царстве, и на 7 день царства его темник его Мамаи замятне всем царством его, и бысть мятеж велик в Орде. А князь Андреи Костянтинович поиде из Орды в Русь, и на пути удари на него князь Рятикозь, и поможе Бог князю Андреи Костянтиновичу, цел и здрав прииде на Русь. А Темирь-Хозя побеже за Волгу и тамо убиен бысть. А князь Мамаи переде за Волгу на горнюю сторону, и Орда вся с ним, и царици, а иный царь вьста именем Килдибек, и тот многих побил, а последи же и сам убиен бысть. А иный князи сарайский затворишася в Сарай, а царя у себе именующа Амурата, а Булат-Темирь князь ординьский поймавше города по Волзе и улусы. И тогда в Ворде ограбиша князеи ростовских.

В лето 6870 (1362 г.) И князь великий Дмитрии Иванович и князь Дмитрии Костянтинович спершия межди себе о великом княженьи и послаша киличеев в орду, и вынесоша великое княжение от царя Мурата в великому князю Дмитрию Ивановичу».

СЛ. С.432–433.

«В лето 6874 (1366 г.) ... Того же лета проидоша из Новагорода из Великаго Волгою полтараста ушкуев, ноугородци разбоиници ушкуиници избиша Татар множество, Бесермен и Ормен в Нове-городе в Нижнем, множество людей, мужей и жен и дети, и товар их безчислено весь пограбиша, а съсуды их, кербати и лодьи, и учаны, пабусы, и струги, то все посекоша, а сами отъидоша в Каму и проидоша в Каму и проидоша до Болгар, тако же творящее и воюющее».

Тр. С.382.

«В лето 6874 (1366 г.) ... Того же лета князь Ордынскы именем Боулактемер, прииде ратью Татарскою и пограби оуезд весь по Волзе, даже и до Соундовити, и села княжи Борисовы. Князь же Дмитрий Костянтинович с братом Борисом и з детми, собрав вои, поиде противу емоу. Он же оканный не ста на бой, но побежа за реку Пиану, и гонящи по нем, много Татар остаточных загонных избил, а инии мнози в реце Пиане истопоша, а Боулактемер в Орду бежа и тамо оубиен бысть от Азиза царя».

Тип. С.124.

«В лето 6877 (1369 г.) ... Тои же осени шло Волгою 10 оушкуев, а инии шли Камою, и биша их под Болгары.

В лето 6878 (1370 г.) ... двожды шли Новгородци Волгою и много зла сътвориша».

НІVл. С.295.

«В лето 6878 (1370 г.) Мамаи у собе в орде посадил царя другаго Мамант Салтан. ... Того же лета князь Дмитрии Костянтинович Суждальскый събра воя многи, посла брата своего князя Бориса и сына своего князя Василя, со многими силами, а с ними и посол царев именем Ачихожа, посла я на Болгарскаго князя Осанна. Осанн же посла противу их с челобитием и с многими дары. Они же дары взявше, а на княженьи посадиша Салтана, Бакова сына, и възвратишася на Русь».

Тр. С.389–390.

«В лето 6884 (1377 г.) ... Тое же зимы князь велики Дмитрии Ивановичь посла князя Дмитрии Михайловичя Волынского ратью на безбожныя Болгары, а князь Дмитрии Костянтинович Суждальскый посла сына своего князя Василя и другаго сына своего князя Ивана, а с ним бояр и воевод и воя многи, и приидоша к Болгаром в великое говение, месяца марта в 16 день, в понедельник на вербной недели. Погани же Бесерменове изыдоша из града, противу их, сташа на бои и начяша стреляти, а инии з града гром пушаху, страшашее нашу рать, а друзии самострелныя стрелы пушаху, а инии выехаша на велбудех, кони наши полошающе. Наши же никако же устрашающеся грозы их, но крепко противу сташа на бои и устремишася единомушно и скочиша на них; они же окаанныи побегоша в град свои, а наши посла, бьючи, и убиша их Бесермен числом 70 и высла из города князь Болгарскый Осанн и Маахмать Салтань, и добиста челом князю великому и другому 2000 рублей, а воеводам и ратем 3000 рублей. Наши же възратишася, всю свою волю взявше, а даригу и таможника посадиша, а ссуды и села и зимници пожгоша, а люди посекоша и отъидоша с победою».

Тр. С.401–402.

«В лето 6883 (1375 г.) ... Коли князь Дмитрии был под Тферью, а в то время пришедшее Новгородци Великого Новагорода оушкуиници, 70 оушкуев, и старейшина беаше оу них Пркоп, а другыи Смолнан, и, пришедшее, взяша град Кострому. ... и взяша град и пограбиша его до конца, и стоявшее в граде неделю целу, и всякого скровища изыскавшее изнесоша, и всяки товар изьобретше и поима-ша. Не все же товарно с собою попроводиша, но елико драгое и легчаишие, а прочее тяжкое излишнее множайшее в Волгу меташа и глоубине предаша, а иное огнем пожгоша, и множество народа крестьяньскаго полониша, моужей и жен и девиць, с собою провадиша, и отъидоша от Костромы. И шедшее на Низ по Волге, пограбиша Новгород Нижней, много всякого полона взяша и град зажгоша. И поидоша на Низ и повернуоша в Каму, и тамо помедлиша неколико время. И потом внидоша Камою на Волгою, и дошедшее на Низ по Волзе града Болгар, и тамо полон весь крестьяньский попродаша Бесерменом, или Костромьский или Нижняго Новагорода, жены и девици, и сами поидоша в носадех по Волзе на Низ к Сараю, гости крестьяньския грабящее, а Бесермены бьющее. И доидоша на оусть Волгы, близ моря, града некоего Хазьторокана, и тамо избиша лестию Хазитороканский князь, именем Салчии; и таков си безъ милости побьени быша, и ни один от них не остана, а имение их все взяше Безьсерменове; и такова бысть кончина Прокопу и дружине его».

НІVл. С.303–304.

«В лето 6885 ... В осень приидоша Мордва из невесть изгоном на уезд Нижнего Новагорода и много поплениша и пожгоша и много зла сътвориша. Идее за ними князь Борис Костянтинович и постиже их у реки Пияны, они же погани побегоша за реку Пияну, а останцы избиша, инии в реце истопоша».

Вл. С.123.

«Того же лета перебежа из Синие Орды за Волгу некоторый царевич, именем Арапша, и въсхоте ити к Новугороду к Нижнему. Князь же Дмитрие Костянтинович посла весть к зятю своему к князю великому Дмитрею Ивановичю. Князь же великий Дмитрие събрав воя многы и прииде ратью к Новугороду к Нижнему в силе тяжце, и не бысть вести про царевича Арапшу и взратися на Москву, а посла на них воеводы своя, а с ними рать Володимерскую, Переяславскую, Юрьевскую, Муромскую, Ярославскую; а князь Дмитрие Суждальский посла сына своего князя Ивана, да князя Семена Михайловича, а с ними воеводы и воя многы, и бысть рать велика зело. И поидоша за реку за Пиану, и прииде к ним весть, поведаша им царевича Арапшу на Волчьи воде. Они же ополошишася и небреженьем жожаху, доспехи своя на телеги своя въскладоша, а ины в сумы, а иных сулицы еще не насажены бяху, а щиты и копья не приготовлены, а ездят порты своя с плечь спускав, а петли ростегав, аки распрели: бяхе бо им варно, бе бо в то время зноино. А где наехаху в зажитьи мед или пиво и испиваху до пьяна без меры, и ездят пьяни, по истине за Пьяною пьяни, а стареишины их или князи их или бояре стареишиа, велможы или воеводы, те вси поехаша ловы деюще, утеху си творящее мящееся, аки дома. А в то время погани князи мордовстии подведоша втаю рать татарскую из Мамаевы Орды на князеи наших, а князем нашим не ведущим, и про им вести не было, и доидоша наши Пару, абые погани борзо разделишася на 5 полков и внезапно из невести удариша на нашу рать в тыл, бьющее и коллоще и секуще без вести. Наши же не успеха ничтоже, что бы им сътворити, побегоша крепце ко пьянее, а Татарове после, бьющее, и ту убиша князя Семена Михайловича, и множество бояр; князь же Иван Дмитриевич прибегоша в оторопе к реце ко Пиане, гоним напрасно, и вержесе на коне в реку и ту утопе, и с ним истопоша в реце множество бояр и слуг, и народа безчислено. Ся же злоба здеся месяца августа в 2 день. <...>

Того же лета пришед прежереченный царевич Арапша, и пограби Засурье и огнем пожже».

Гр. С.402–403.

2. Куликовская битва

«В лето 6886 ... того же лета приидоша Татарове изгоном к Новугороду Нижнему, а князя в Новогороде несть, а люди ся розбегли, граждане град повергыше побежаша за волгу, и в то время приеха с Городца князь Дмитрие и виде град взят и посла к Татаром, дая окуп з города, они же окупа не взяша, а град пожгоша в самыи Боришь день, а на завтрее от града отидоша и идучи повоеваша Березово поле и уезд весь. Тогды у святого Спаса иконы пожгоша и двери выжгоша чюднее, иже беша устроены дивно медию золоченою. <...>

Того же лета Ординский князь поганый Мамай, собрав воя многы и посла Бегича ратию на князя великаго Дмитрея Ивановича и на всю землю Русскую. Се же слышав князь великий Дмитрея Иванович, собрав воя многы и поиде противу в силе тяжце и переехав за Оку, вниде [въ] землю Рязанскую и сретошася с Татары оу реки оу Вожжи и стояху, промежу собою реку имущее. Не по мнозех же днех Татарове переехаша на Сю сторону и удариша в кони свои и скочиша вборзе, и нюкнуша гласы своими и поидоша на грунах и тъкнуша на наших, и удари на них с одну сторону Тимофеи околичии, а с другую сторону князь Данилеи Проньскы, а князь великий удари в лице. Татарове же в том час повергоша копья своя и побегоша за реку за Вожю, а наши после за ним бьючи их, секучи и коллочи и убиваша их множество, а инии в реце истопоша. А се имяна избытых князеи: Хазибии; Коверга, Карабалук, Костров, Бегичка. По сих же приспе вечер и заиде солнце и смерчесе свете и наста ночь и бысть тма и нельзе бяхе гнатися за ними за реку. А на завьутрие бысть мъгла велми велика, а Татарове так и побегоша еще суци с вечера и чрес всю ночь бежаху. Князь же великий на завьутрие оуже перед обедом поиде за ними следом их и погнаша их убежавших далече, обретоша бо в поле повержены дворы их и шатры их и вежи их и юртовища и алачюги и телеги их, а в них товар бещислен, все пометано, а самих не обретоша, бяху бо побежали к Орде. ... Тогда убиен бысть Дмитрие Монастырев да Назар Данилов Кусакова. Се бысть побоище прилучися месяца августа в 11 день на память святого мученика Еоупла диакона, в среду при вечере, и поможе Бог князю великому Дмитрею Ивановичю одоле ратным и победи врагы своя и прогна поганых Татар, и посрамлени быша ооканнии Половци, възвратишася с студом без оуспеха нечестивия Измалтыне ... прибегоша в Орду к своему царю, паче к пославшему Мамаю, понеже царь их,

иже в то время имяху оу себе, не владеяше ничим же и несмеаша ничто же сотворити пред Мамаем, но всяко старейшинство сдръжаше и Мамаи и всеми владеаше в Орде.

Видев же Мамаи изнеможение дружины своя, прибегшее к нему, а иныя избиты князи и велможи и алпаоуты и многы воя свря изгибша, разгневался зело и възярися злобою. И тое же осени собрав останочную силу свою и совокупив воя многы, поиде ратию вборзе без вести изгоном на Рязаньскую землю. Князь же Олег не приготовился бе и не ста противу их на бои, но выбежали из своя земли, а град свои поверже, и перебежа за Оку. Татарове же пришедши град Переяславль Рязаньский взяша и огнем пожгоша и волости и села повоеваша, а люди много посекоша, а иные в полон поведоша и возвратишася во страну свою, много зла сотворившее».

Рл. С.134–135.

«В лето 6888 (1380 г.) . . . Того же лета безбожныи злочестивыи Ординский князь Мамаи поганый, собрав рати многы и всю землю Половечскую и Татарьскую и рати понаимовав, Фрязы и черкассы и Ясы, и со всеми сими поиде на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую. И бысть месяца августа, приидоша от Орды вести к князю к великому Дмитрию Ивановичю, аже въздвизается рать Татарьская на христианы, поганый род Измалтеский, и Мамаи нечестивый люте гневашеся на великаго князя Дмитрия о своих друзех и любовницех и о князех, иже побieni бысть на реце на Вожже, подвижася силою многою, хотя пленити землю Русскую.

Се же слышав князь велики Дмитрей Иванович(ь), собрав воя многы, поиде противу их, хотя боронити своя отчины и за святыя церкви и за правоверную веру христианьскую и за всю Русьскую землю. И переехав Оку, прииде ему паки другыя вести, поидоша ему Мамаи за Доном собравшася, в поле стояша и ждуша к собе Ягаила на помощь, рати Литовские.

Князь же велики поиде за Дон и бысть поле чисто и велико зело, и ту сретошася погани Половци, Татарьстии пълци, бе бо поле чисто на усть Непрядвы. И ту изопльчишася обои, и устремишася на бои, и сосупишася обои, и бысть на длъзе часе брань крепка зело и сеча зла. Чресъ весь день сечахуся и падоша мертвых множество бесчисленно от обоих. И поможе Бог князю великому Дмитрею Ивановичю, а мамаевы пълци погани побегоша, а наши после, биючи, секуще поганых без милости. Бог бо невидимою силою устраши сыны Агаряны, и побегоша обрати(ша) плещи свои на язвы, и мнози оружием падоша, а друзии в реце истопоша. И гнаша их дореки до Мечи и тамо множество их избиша, а другии погрязоша в воде и потопоша. Иноплеменници же гоними гневом Божиим и страхом одръжили суще, и убежа Мамаи в мале дружине в свою землю Татарьскую. Се бысть побоище месяца сентября в 8 день, на Рождество святыя Богородица, в субботу ло обеда. И ту оубieni быша суиме князь Федор Романович Белозерский, сын его князь Иван Феодорович, Семен Михайлович, Миккула Василиевич, Михаило Иванович Окинфвич, Андреи Серкизов, Тимофеи Волуи, Михаило Бренков, Лев Морозов, Семен Мелик, Александр Пересвет и инии мнози.

Князь же велики Дмитрей Иванович(ь) с прочими князи Русскими и с воеводами и с бояры и с велможами и со остаточными пълки Русскими, став на костех, благодаря Бога и похвали похвалами дружинусвою, иже крепко бишася с иноплеменники и твердо зань брашася, и мужьскы храброваша и дръзнуша по Бозе за веру христианьскую, и возвратися отьтуду на Москву в свою отчину с победою великою, одоле ратным, победив врагы своя. И мнози вое его возрадовашася, яко обретающее користь многу, погна бо с собою многа стада кони, вельблюды и волы, имже несть числа, и доспех, и порты, и товар.

Тогда поведаша князю великому, что князь Олег Рязаньский послал Мамаю на помощь свою силу, а сам на реках мосты переметал. Князь же велики про то възхоте на Олга послати рать свою. И се внезапно в то время приехаша к нему бояре Рязаньстт и поведоша ему, что князь Олег поверг свою землю, да сам побежал и со княгинеею и з детми и с бояры и з думцами своими. И молиша его о сем, дабы на них рати не слал, а сам биша ему челом и рядишася у него в ряд. Князь велики, послушав их и прием челобитие их, не остави их слова, рати на них не посла, а сам поиде в свою землю, а на Рязанском княжене посади свои наместници.

Тогда же Мамаи не во мнозе утече с Доньского побоища и прибеже в свою землю в мале дружине, видя себе бита и бежавша и посрамлена и поругана, паки гневашеся, неистовяся, яряся и съмушашеся, и собраша останочную свою силу, еще възхоте ити изгономпаки на великого князя Дмитрея Ивановича и на всю Русьскую землю. Сице ему умысльшу и се прииде ему весть, что идет на него некий царь со востока, именован Токтамышь из Синее Орды. Мамаи же, еже уготовал на ны рать, с тою ратию готовую поиде противу его, и сретошася на Калках. Мамаевы же князи, сшедше с коней своих, и биша челом

царю Токтамышу и Даша ему правду по своей вере, и пища к нему роту, и яшася за него, а Мамай оставиша, яко поругана. Мамай же, то виде, и скоро побежа со своими думцами и с единомысленики. Царь же Токтамышь посла за ним в погоню воя своя и оубиша Мамай, а сам шед взя Орду Мамаеву и царичи его и казны его и улусевь пойма и богатство Мамаево раздели дружине своей.

И отъгуду послы своя отпусти на Русскую землю ко князю великому Дмитрию Ивановичю и ко всем князем Русским, поведавая им свои приход и како въцарися, и како супротивника своего и их врага Мамай победи, а сам шед седее на царстве Волжском. Князи же Русстии пословего отпустиша с честью и с дары, а сами на зиму ту и на ту весну за ними отпустиша коиждо своих киличеев со многими дары ко царю Токтамышю».

Рл. С.139–141.

«В лето 6888 (1380 г.) <...>

А Мамай тогда не во мнозе убеза и прибеже в землю свою, виде себе обита и побежена и поругана и поругана, и паки гневашеся и яряшеся зело и собрав остаточную свою силу еще восхоте ити изгоном на Русь. И сице ему умыслившу, и се весть прииде к нему, что идет на него некий царь со востока именем Тахтамышь ис Синие Орды. Мамай же на ны рать угодова и с тою ратью готовою поиде противу его, и сретошася на Калках, и бысть им бои, и царь Тахтамышь победи Мамай и прогна его. Мамаевы же князи шед с коней своих и биша челом царю Тахтамышю и давшее ему правду, по своей вере яшася по него, а Мамай оставиша поругана. Мамай же виде скоро беже с своими единомысленики, царь же Тахтамышь посла за ними в погоню воя своя. Мамай же гоним сыи, бегая пред Тахтамышевыми гонители и прибеже близь города Кафы и сослсая с ними по опасу, да бы приняли его на избавленье, донде же избудеть от гонящих его. И повелеша ему, и прибеже Мамай в Кафу со множеством имениа, злата и серебра, Кафинци же свещавшеся створивше лесть над ним убиша его. Тако конец безбожному Мамаю.

Царь же Тахтамышь шед взял Орду Мамаеву и цесарици его и казну его и все улысы пойма и раздели богатство Мамаево дружине своей».

Млс. С.205.

«В лето 6889 (1381 г.) ... Того же лета выидоша из Орды киличееве князя великаго Толбуга да Мокшеи к Госпожину дни. Того же лета царь Токтамыш, послав своего посла к великому князю Дмитрию Ивановичю и ко всем князем Русским, царевича некоего Акъхозю, а с ним дружину 700 Татаринев и дошед Новагорода Нижняго и возвратися воспать, а на Москву не дрзнул ити, но посла неких от своих товарищев, не во мнозе дружине, но ити не смеяху болмач».

Рл. С.142.

«В лето 6890 ... Того же лета царь Токтамышь посла в Болгары и повеле христианския гости Руския грабити, а съсуды их и с товаром отнимати и провадити к себе на перевоз, а сам, събрав воя многы, подвижеся к Волзе с всею силою своею и с всеми своими безбожными полкы Татарскими, и перевеся Волгу, поиде изгоном на великаго князя Дмитрия Ивановичя и на всю землю Русскую. И то слышав князь Дмитрией Костянтинович, и посла ша к царю два сына своя, князя Василиа, да князя Семена, и гнаша в след его, и переехаша дорогу его на Серначе, и поидоша в влед его, и постигоша его на Рязани. А князь велики Олег Рязанский обеде царя около всеи своей отчины. И прииде въскоре весть на Москву.

Князь же велики Дмитрией Иванович, то слышав, что сам царь идет на него с всею силою своею, не ста на бои, ни противу его поднял руки, противу царя Тахтамышя, но поеха в свои град на Косторому.

Царь же, перешед реку Оку, и преже всех взял град Серпухов и огнем пожже и, и оттуду поиде к Москве, напрасно устремися, волости и села жгучи и воюючи, а ро христиански секучи и убиваючи, а инья люди в полон емлючи. И прииде к граду к Москве месяца августа в 23 день в понедельник; а в городе Иоскве тогда затворися князь Остеи, внук Олгердов, с множеством народа, с теми елико осталось граждан, и елико бежиан с волостей збежалося, и елико от инех збежалося, а в то время приключишася и елико игумени, и прозвитери, и чернеци, и нищи и убозии, и всяк възрастмужей и жены, и дети, и младенци.

Царь же стоя у города 3 дни, а на 4 день оболга Остея лживыми речми и миром лживым, и вызва его из города, и уби его пред спы града, а ратем своим всем повеле оступати град весь с все страны, и по лествицам възлезшем им на город на заборолы, и тако взяша град, месяца августа 26 день, на

память святого мученика Андреяна и Наталии, в 7 час дни. Людие христиане, сущии в граде затворишася в церквах зборных каменных. Татарове же силою разбиша двери церковныя и сих мечи изсекоша, а другиа оружием до конца смерти предаша, церкви сборныя разграбиша, и иконы чудныя и чесныя одраша украшенныя златом и сребром, и жемчугом, и бисером, и камением драгым, и пелены попраша, и съсуды церковныя священныхя поимаша, и ризы поповскыя пограбиша. Книгы же толико множество снесено с всего города и из загородья и из сел в соборных церквах, до стропа наметано, съхранения ради спроважено, то все без вести съвориша. В церквах же и в олтарех убиство съдеаша и кровопролитья съвориша окаяннии, и святая места погани оскверниша; ...проляше кровь их, яко воду, около Москвы, и не бе погребаяи, иереи, священници оружием падоша, и ту убиен бысть Семен, архимандрит Спаскый и другиа архимандрит Иаков, и игумен Акинф Кирилов, и инии мнози игумени, и прозвитери, и чернци, и крилошане, и чернеци, и Попове, диакони, и простыци от унаго и до старца, и младенца мужеска полу и женьска, тии все побиени быша; друзии же в полон поведе, ни быша в погонь. И бяше в граде видети тогда плачь и рыдание и вопль мног, слезы, крик, стонание, охание, сетование, печаль горкая, скорбь, беда, нужда, горесть смертная, страх, трепет, ужас, дряхлование, ищезновение, ропгание, безчестие, поругание, понос, смехание врагом и укор, студ, срамота, поношение, грех ради наших. Татарове же вземше Москву град, товар же и имениа вся пограбиша, и по сем огнем пожгоша, град убо огню предаша, а людеи мечю предаша, и тако въскоре взяша град.

А иную силу царь распусти по земли воевати, а иныя ходиша к Звенигороду, а иныи к Волоку и к Можайску, а иныи к Дмитрову, а иную рать посла на Переяславль; и те, тамо шедшее, взяша град Переяславль и огнем пожгоша, а людие выбегоша вон из города по озеру в судех и тамо избыша. Татарове же волости повоеваша, и города поимаша, а села пожгоша, а монастыри пограбиша, а христиан посекоша, а иных в полон поведоша, и много зла сътвориша.

А князь Володимир Андреевичь, сбрав воя многы около себе истояше ополчившееся близ Волока. И тамо неции Татарове наехаша на нь; он же прогна их от себе. Они же прибегоша к Тахтамышю царю пострашены и биты. Царь же, слышав, что князь велики на Костроме, а князь Володимир у Волока, поблюдаюшеся, чья на себе наезда; того ради не много днии стояше у Москвы, но взем Москву, скоро отъиде. И оттоле идучи, отпусти рать к Коломне. И те шед взяша град Коломну и отъидоша. Царь же перевезеза за реку Оку и взять всю Рязанскую землю, и огнем пожже, и люди посече, а полон поведе в Орду множество безчисленное. Князь же Олег Рязанскый то виде, побеже.

Царь же, идучи от Рязани, отпусти посла своего посольством к князю Дмитрию Костянтиновичю, своего шурина, именем Шихмата, с его сыном вкупе, с князем Семеном, а другого сына его поят, князя Василя, с собою в Орду.

Отшедшим же Татаром и потом не по мнозех днеш князь великий Дмитрии Ивановичь и брат его князь Володимир Андреевичь с своими бояры вехаша в свою отчину в град Москву, и видеша град взят и огнем пожжен, и церкви разорены, а людеи мертвых множество безчисленное лежащих, и о сем зело съжалишася, яко расплакатыся има, и повеле телеса их мертвых трупиа хоронити, и даваста от 40 мертвецъ по полтине, а от 80 по рублю, и съчитоша того всего дано бысть полтараста рублев.

На ту же осень князь великий Дмитрии Ивановичь посла свою рать на князя Олга Рязанскаго. Князь же Олег Рязанскый не во мнозе дружине утече, а землю всю и до остатка взяша, и огнем пожгоша и пугу сътвориша, пуше ему стало и Татарской рати.

Тое же осени к князю великому Дмитрию Ивановичю от царя Тахтамышя прииде посол, именем Карачь».

Сим. С.131–133.

«В лето 6891 (1383 г.) ...Тое же весны князь великий Дмитрии Ивановичь отпусти в Орду к царю Тахтамышю сына своего старейшаго князя Василя из Володимеря, а с ним бояр старейших и тамо пребысть 3 летца; идоша в судех по Волзе на низ».

Тип. С.426.

«В лето 6897 (1389 г.) ...Того же лета князь Борис Костянтиновичь ходил в Орду, а в то время царь Тохтамышь пошел на воину ратью на Темирь Аксака; князь же Борис състиже его, и уверну его от места нарицаемого от Уруктана, и повеле ему без себе пребыти и дождати своего пришествия в Сарай, а сам шед воева землю Темирь Аксакову, и град его далии повоева, а самого не изможе дойти и возвратитися пакы в своя улус. <...>

Того же лета августа в 15 день Василей Дмитриевич седее на столе отца своего и деда и прадеда, а посажен быстьцаревым послом Шихматом».

Тр. С.434–435.

«В лето 6899 (1391 г.) ... Того же лета Новгородци Новагорода Великаго да и Устюжане гражане выехаша в насадах и в юшкухе рекою Вяткою на Низ и взяша Жукогин, и пограбиша весь, и Казань, и паы выидоша на Волгу и пограбиша гостей всех, и поидоша прочь».

Тр. С.438.

«В лето 6899 (1391 г.) ... Того же лета царь Тахтамышь посла царевича Бектута на Вятку, а люди посече, а иные в полон поведе».

Млс.С.219.

«В лето 6903 Бои бысть царю Темирь-Кутлюю с Тактамышом, и прогна Тактамыша в Литву, а сам седее на царстве».

Сл. С.511.

«В лето 6906 (1398 г.) ... Того же лета в радости велице бывшу царю Тахтамышу Болшиа Орды от съпротивных свободшуся и послы своя посылаюшу по всем странам, имя свое прославяюшу и злато и серебро и дары многы емлюшу и татар отсюду к себе призываюшу, Орду свою напrenaюшу понеже обить бысть и одоле зело от Темирь Аксака в мимошедшая лета и абие внезапу прииде некоторый царь именован Темирь-Кутлюи и прогна царя Тахтамыша и седее в Орде и в Сарай на царстве, а Тахтамышь съслался с Витофтом и бежа из Орды в Киев и с царицами да два сына с ним. <...>

В лето 6907 (1399 г.) ... Князь Витофт Кестутьевич Литовский събрал воя многи, с ним же бе царь Тахтамыш с своим двором, а с Витофтом Литва, Немцы, Ляхи, Жемот, Татарове, Волохи, Подоляне, единых князеи с ним бе 50 числом, и бысть сила ратных велик зело. И с всеми плъкы и смногочисленными ратми оплъчився, поиде на царя Темирь Кутлюя и на всю его силу татарскую. Похвалився глаголаше бо Витофт: поидем и победим царя Темирь Кутлюя, взем царство его посадим на нем царя Тахтамыша, а сам сяду на Москве на великом княжении, на всей Руской земли. Прежде бо того съвершашася Витофт с Тахтамышем, глаголя: аз тя посажу в Орде на царство, а ты мя посадишь на княжени на великом на Москве, на всей Руской земли. И на том поидоша на царя Темирь Кутлюя. А царь Темирь Кутлюи в то время приспе с многими своими плъки ратными и с князми своими ординскими и с всею силою татарскою и сретошася с Витофтом обои в поли на реце на Ворскле и бысть им бои велик, месяца августа 12 день, надолзе же бующимся, поможе Бог Татаром, и одоле царь Темирь Кутлюи, победи Витофта и всю силу литовскую. И убеже Витофт в мале дружине, а Татарове погнаша по них секуше, а Тахтамыш царь бежа с бою того, много же пакости учини земли Литовской. Побиша же Татарове на том великом побоище много князеи литовских и воевод и боар великих и христиан много и Литвы и Немець и Ляхов и иных люди многое множество бесчисленное паде тогда, а мало остана их. И поиде царь Темирь Кутлюи к Киеву и взя с него окуп 3000 рублей литовским серебром, а силу свою всю распусти воевати земли литовские. И ходиша рати татарские вьюючи даже до великаго Лучьскаго и много городов поплениша и много стран повоеваша и много зла съворив Темирь Кутлюи земли Литовской и отъиде в землю свою.

Се же имена князеи Литовских, избитых тогда на бою том: князь Андрей Полотский Олгердович, брат его Дмитрией Дъбрянский, князь Иван Дмитриевич Кидырь, князь Андрей пасынок Дмитриев, князь Иван Евлашкович, князь Иван Борисович Киевский, князь Глеб Святославич Смоленский, князь Лев Корьядович, князь Михаило Васильевич, брат его князь Семен, князь Михаило Подбереский, брат его князь Александр, князь Михаило Данилович, брат его князь Дмитрией, князь Феодор Патрекеевич Вельнский, князь Ямант Тулукович, князь Иван Юриевич Белский, князь Луспытко Краковский».

Тр. С.450–451.

«В лето 6907 (1399 г.) ... Поиде Витовт и Тахтамыш с всею силою Литовскою, и Немци, и Ляхове, Жемоть, Татарове, Волохи, Подоляне и двор Тахтамышев, и бе сила велми велика, и поиде на Темирь Кутлюка. Похвалився (Витовт) Тахтамыш на Орде посадити, а самому на Москве сести, бе бо того доля и учинил такуюю брань; Тахтамышь ему посули Москву и всю землю Русскую. И погани помыслиша всеу, о них же пророк глаголець: «Господь разоряет съветы языком».

И в то время приспе Темирь Кутлюй с многими полкы ратными, и сретошася с Витовтом в поле на реце на Врскле, и бе страшно видети в той час 2 силы великыя снимающееся, а наперед прииде

Едигей, и ударишася полци идущее, стрелы акы дождеваа туча обоих, от Ляхов самострелы, и начаша Едигеа самострелы премогати Литва; и потом царь прииде с великою силою, и обиде Витовта кругом, и подстреляше под ним кони, и бе брань крепка зело; и одоле царь Темир Кутлуй, а Тахтамыш преже всех побежа, а после Витовт побеже в мале дружине, а Татарове много побиха гонячи за Витовтом. Се же побоище скончися месяца августа 12 день на память святых мученик Фотеа и Ныкити. А се князи побитыи Литовскыи: князь Андрей Полоскый и Дмитрий брат его Брянский, Ольгердовичи, князь Михайло Евнутьевич, князь Иван Дмитриевич Кыдырь, князь Андреи пасынок Дмитриев, князь Иван Евлашкович, князь Иван Борисович Киевский, князь Глеб Святославич Смоленский, князь Левь Корьядович, князь Михайло Васильевич, брат его князь Семен Васильевич, князь Михаило Подберезский, князь Дмитриеи Волынский, князь Амонтъ, иже (в) Смоленску бе; иных много полегоша князи, и бояр и панов, Ляхов множество и многих земель.

Царь Темир Кутлуй прииде к Киеву, а силу распустити воевати землю Литовскую; и ходиша до Луцка, и гради многы поплениша, и землю пусту сътвориша; а ис Киева Темир Кутлуй, взявша 3000 сребра, поиде в свою землю».

Тв.сб. Стб.458–459.

«В лето 6907 (1399 г.) ... Тое же осени князь Семен Суздальский приде ратью к Ноугороду Нижнему, а с ним царевич Ентяк с тысячею татар, а люди затворишася в городе, а воеводы бяху у них Володимир Данилович, Григорей Володимирович, Иван Лихорь. И бысть им бои три дня и много людеи от стрел паде и по сем взяша мир. Христиане крест целоваша, а татарове по своей вере Даша правду, что им никоторого зла христианом не творити и (потом) татарове створиша лесь, а клятву преступиша, пограбиша всех христиан нагих отпустиша, а Семен глаголаше: не аз есмь створивши се, но татарове, а яз не волен в них, а с них не могу. И тако татарове Новгород взяша октября в 25 день и пребыша ту со две недели, дондеже услышаша, што князь велики идет на ня (ратью) и побежаша (к Орде).

А князи велики слышав се и събра рати многы, посла брата своего князя Юрия Дмитриевича, а с ним воевод и старейших боар и силу многу. Он же шед взяша град Болгары, Жукотин, Казань, Кременчук и всю землю их повоева, и много бесермен и татар побиха, а землю татарскую плениша. И въеватт три месяца, взратися с великою победою и с многою корыстию в землю Русскую».

Тр. С.453.

«В лето 6913 (1405 г.) прииде к великому князю от царя Шадибека посол, именем Мирза, иже бе казначей царев».

Тр. С.459.

«В лето 6914 (1406 г.) ... Того же лета месяца сентебря в 7 день князь велики Василей Дмитриевич, събрав воя многы, поиде на Витовта и пришед ста на Плаве. Прииде же к нему их Орды рать Татарская от царя Шадибека на помощь, а Витовт с своею силою пришед, ста на Пешкове гати и стоявшее немного, разидошася, вземше перемирие до того же году. <...>

Тое же зимы царь Шадибек убил царя Тахтамыша в Симбирской земли».

Тр. С.461–462, 465.

«В лето 6915 (1407 г.) ... Того же лето июля 20 князь Иван Тферьскы поиде в Орду в судех по Волзе к царю Шадибеку и бысть в то время замятня велика, згони Шадибека с царства Булат салтан».

Млс. С.236.

«В лето 6916 (1408 г.) ... Тое же зимы некоторыи князь ордынский, имене Едегеи, повелением Булата царя, прииде ратью на Русскую землю, а с ним 4 царевичи да прочии князи Татарстии; а се имена их: Бучак царевич, Тегрибердии царевич, Алтымырь царевич, Булат царевич, князь великыи Едигеи, князь Махмет, Исуп Сюлименев сын, князь Тегиня, Шихов сын, князь Сарай, Урусархов сын, князь Обрягим, Темиряева сын, князь Якъшибии, Егедеев сын, князь Сеитялибии, князь Бурнак, князь Ериклиберди. Се же слышав, князь велики Василей Дмитриевич не стал на бои противу Татар, но отъеха вборзе на Кострому. И бысть в Филипово говенье месяца декабрия в 1 день, в службу до обеда поиде Едегеи к Москве ратью с всею силою Татарскою, и распустити их по всему великому княжению и разсыпашася по всеи земли, акы злии вльци, по всем градом и по странам и волостем и по селом и не остася такового места, идее же не бывали Татарове. Взяха град Переславль и огнем пожгоша, такоже и Ростов, и Дмитров, и Серпухов и Новьгород Нижней и Городец».

А за князем за великим в погоню послан бысть царевич Тегрибердии да князь Якъшибии, сын Едегеев, да князь Сеитялибии, да с ними избранная рати 30 000. И те гнавшеся по нем не постигоша его, ниже обретоша его и паки възвратишася к Едигею.

Стоя же Едигеи у Москвы в селе Коломенском и тогда посылает послы своя Булата царевича да князя Ериклиберди на Тверь к князю великому Ивану Михайловичу Тверскому, веля ему бытии у Москвы часа того и с всею ратью тверскою, и с пушками, и с тюфяки, и с самострелы и с всеми съсуды градобивными, хотя разбитии град Москву. Князь же Иван не хотя сего сътворити, ни изменити крестнаго целования и давнаго мира и любви с великим князем, но сице умыслил: с Твери поиде без рати, не в мнозе дружине, и не доехав Москвы възвратися паки с Клина на Тверь. И таковым коварством перемудрова: ни Едегея разгнева, ни князю великому погрубил, обоим обоего избежа. Се же створи уменски, паче же истински. Град же Москва в печали велице бысть вои обстоим, а людие в нем затворишася, посад же около его сами пожгоша, боящееся примета.

В граде бо затворилися с ними: князь Володимер Андреевич, князь Андреи Дмитриевич и брат его князь Петр и князь Иван Юриевич и мнози бояре с ними и епископы и весь священнический чин и стран збегошася твердости ради градные. Скорбию же великою одержими бяху, ни откуда пособа имущее, но точию от единого Бога помощи получитьи прошаху и пречистей матери его молящееся, скорби в бедах помощники христианскому роду ... Всеблагии же милостивии человеколюбец Бог услыша скорбь люди своих и молитв и моления и вздыхания их не презре, но обычным своим человеколюбием помилова люди своя от безбожных Измаилтян избави.

В время бо се, в не же Едигеи пришед у Москвы стояше. хотя и зимовати ту, всячески же похваляшеся град взятии хотяше.

А в то время в Орде некия царевич приобрете себе некия споборники паче же обреее себе время благополучно, егда вся Орда истошися: вси бо татарове изыдоша на Русь воевати, мало женцы от них оставшася около царя ... и царевич ударил на ня изгоном, устремился напрасно на Орду, но обаче спону створи ему проводник его, его же и пресече: не бо приведе его на царя, но на торг, еще же и мгла бысть велика. Но аще и желаемого не получи, но и тако по премногу смутив я: за малым бо и самого царя не захвати и мног мятеж в Орде створив, отыде. Царь же Булат в ужасе зело бысть и посылает вскоре на Русь по Едигея скоропосольники своя, веляще ему без всякого пождания поити к себе, с многу скоростью, боася да не паки пришед изгонять его с Орды или имуть.

Слышав же се Едигеи и искаше подобна времена како бы отступити от Москвы, не яко одолеет, но всячески победив, и нача просити окупа з города. Суции же в граде князи и бояре и вся людие не ведущее бывшего повинущася дати окуп 3000 рублей. Едигеи же взем окуп поиде от Москвы в Орду, стоя же у города 3 недели, а к граду не приступал, ни рати припушал, но стоял все в Коломенском селе. Егда же отйти хотяше и тако отпусти преже своя воя с множеством полона, а сам с всею ратью поиде месяца декабря в 20 день ... Отшедшим же татаром с множеством полона и всякого товара и всякого узорочия наивавшеся, полона же толико множество ведяху яко многы тысяща числом превосходяше. Жалостно же бе видяху и достойно слез многих, яко един татарин до четыредесять христиан ведяше с нужею повязавши. Много множество иссечено бысть, инии же от мраза изомроша, друзии жажею и гладом умираху, отци и матери плакаху зрящи чад своих разбиваемых и умерщвляемых, также и чада рыдаху разлучения от родителей своих, и не бысть помилующего, ниже избавляющего ни помогающего. И бысть тогда в всей Руской земли всем христианом туга велика и плачь неутешим и рыдание и кричание: вся бо земля пленена бысть, начен от земли Рязанския и до Галича и до Белоозера».

Тр.С.468–470.

«В лето 6917 (1409 г.) ...Того же лета ходи Анфал на Болгары Камою и Волгою, 100 насадов Камою, а Волгою 100 и 50. И избиша их в Каме Татарове, а Анфала Яша и ведоша в Орду, в Волжьские насады не успели».

Млс. С.239.

«В лето 6920 (1412 г.). Князь великий Василий Дмитриевич ходи в Орду ко ц(а)рю Зелини-Салтану Тактамышову сыну».

Слп.С.534.

«В лето 6930 (1422 г.) ...Того же лета ...августа ...Того же месяца 31 царь Барак побил Куидодата, а на осень приходи к Одоеву ратью и отыде прочь города не взем, а зло учинив, и отыде с полоном

в поле. И князь Юрьи Романович Одуевъскы да Григорей Мценскы състиг его, били и полон отъгмали».

Млс. С.245.

«В лето 6939 (1431 г.) ...Князь великы Василей посылал ратью на Болгары Волжьскыя князя Федора Давыдовича Пестрого, он же шед взя их, всю землю их плени.

<...> Того же лета князь великы Василей да князь Юрьи Дмитриевич. Дядя его, спершися о великом княжене и похотеша ити в Орду к царю Махметю на праздник же пречистыа Успенъа. Князь великы по отпущении литургия ...и поиде к Орде того же дне <...>

В лето 6940 (1432 г.). Месяца семтеврия в 8 князь Юрьи Дмитриевич на праздник рождества пречистыа Богородици ... поиде за великимкнязем ко Орде же.

И яко же им пришедшим в Орду и взят их к собе в улус дорога Московьскои Минбулат. Князю же великому честь бе велика от него, а князю Юрью бесчестие, истома велика.

Но добр бяше до князя Юрья князь великы Ординьскы Ширин Тегиня, и пришед той и взят его силою у Минбулата и великое княжение обеща ему дати. И поиде Ширин Тегиня и с князем Юрьем в Крым зимовати, а князь великы оста в Орде у Минбулата. Боарин же тогда с великим князем Иван Дмитриевич, той здума великому князю начат бити челом великим князем Ординьским, Алдару и Минбулату. И прочим глаголя коемуждо тако: «се ли господине, ваше печалование к царю и верное ваше слово о нашем государе великом князе, что не может царь ис Тегинина слова выступити мимо всех вас, но хочет по его слову дати великое княжение князю тогда что будет, князь Юрьи князь великы будет на Москве, а в Литве князь великы побратим его Швитригаило, а Тегиня в Орде и во царе волен, не молвив вас». И тем словом яко же стрелою уязви сердца их, и таков си они князи Ординьстии начаша царю бити челом за великого князя и въпреки глаголати с ним, и одолеша царю, и рече к ним царь: «аще речет Тегиня за князя Юрья о великом княжене, то убити его повелеваю».

И как бысть весна и тогда прииде Тегиня ис Крыма в Орду, а княжение великое князю Юрью хотя дати. Нехто же Татарин Усеин именем, постельник царев, братанич тому Тегине, сказа ему думу цареву и князеи всех, аще что речеть о князе Юрье, то убиту ему бытии. Слышав же то Тегиня и не смев ничто противу глаголати их или въпречитися.

Царь же повелев своим князем судити князеи Русских, и много пря бысть межи их, князь великы по отечеству и по дедьству искати стола своего, князь же Юрьи летописци и старыми списки и духовною отца своего велиого князя Дмитрея. И тогда рече боярин великого князя Иван Дмитриевич царю и князем его, глаголя сице: «государь, волны царь, ослободи молвити слово мне, холопу великого князя. Нашь государь великы князь Василей ищет стоал своего великого княжения, а твоего улусу, по твоему цареву жалование перед тобою. А господин нашь князьЮрьи Дмитриевич хочет взятии великое княжение по мертвои грамоте отца своего, а не по твоему жалованию волного царя, а ты волен во своем улусе, кого въхощешь жаловати на твоеи воле. А и государь нашь князь велики Василей Дмитриевич великое княжение дал своему сыну великому князю Василью, господине, которой год сидит на своем столе, а на твоём жалование, тебе, своему государю, правеся. Волному царю, а самому тебе ведомо». И тогда царь дасть великое княжение князю Василью Васильевичю и повеле князю Юрью и конь повести под ним. Князь же великы не восхоте того, дяню своего обесчестити, а Ширин Тегиня ста о том же противу царя и хоте отступати от него, поне же бо в то время пошел бяше на Махмета Кичь-Ахмет царь, он же убоявся того створи по Тегинину слову, да придал князь Юрью к его вотчине Дмитров со властью всеми.

И отпусти царь их на свое отчины, и прииде князь великы на Москву на Петров день, а князь Юрьи в Звенигород, а оттоля в Дмитров».

Млс. С.248–249.

Материал подготовил Искандер Измайлов

№2

Из сочинения Ибн Арабшаха

Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад, более известный под именем Ибн Арабшаха, родился в Дамаске в 791/1388 г. Подростком был увезен в плен в Самарканд, где изучил персидский и монгольский языки. Он побывал в Хатайских землях, Хорезме, Сарае, Астрахани, в Крыму и Адрианополе. Вернувшись на родину, вскоре перебрался в Каир, где и умер в раджаве 854 г.х./ август 1450 г. Он составил «Аджа'иб ал-макдур фи нава'иб Тимур» («Чудеса предопределения в судьбах Тимура») – сочинение, написанное рифмованной прозой.

Источник и примечания цитируются по изданиям: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. – СПб., 1884. – С.455–474; История Казахстана в арабских источниках. I том. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузенем. Переработанное и дополненное издание. – Алматы, 2005. – С.329–349.

*«О возвращении его (Тимура) из Дийар Багра и Ирака и походе его в степи Кипчакские; описания царей и владений их, да объяснение селений и путей их»*¹... Направился он (Тимур) в Дашт-Кипчак, усердствуя по части быстроты и спешности. Он (Дашт-Кипчак) царство обширное, обнимающее степи ужасные; султан его Токтамыш – тот самый, который в войне с Тимуром был во главе султанов мятежных, как знамя: ведь он первый, который выступил против него враждебно, и, противопостав ему в землях Туркестанских, сразился с ним, но был побежден при этом, как сказано выше, Саййидом Барака. Страна Даштская называется Дашт-Кипчак и Дашт-Берке; на персидском языке *дашт* означает «степь», а «*Берке*» – имя приставочное в родительном падеже. Он (Берке) первый султан, который принял ислам и развернул в ней знамена религии мусульманской; (до него) они (Кипчаки) были только идолопоклонниками и многобожниками, не знавшими ни ислама, ни правове-рия. Некоторые из них до сих пор еще поклоняются идолам. В этот-то край он (Тимур) двинулся по дороге Дербендской, подвластной Шейху Ибрахиму, султану владений Ширванских... Другая причина похода его (Тимура) в эти владения, хотя в нем и не было надобности, заключалась в следующем: эмир Идику был у Токтамыша одним из главных эмиров левой стороны, (одним) из вельмож, избиравшихся во время бедствий для устранения их, и из людей здравомыслия и совета; племя его называлось Кунграт. У Тюрков (разные) племена и наречия, как у Арабов. Заметив со стороны своего владыки перемену в расположении (к нему), Идику стал бояться за себя, и так как Токтамыш был свирепого нрава, то он (Идику), опасаясь, чтобы несчастье не застигло его внезапно, постоянно остерегался его и всегда был наготове бежать, коли увидел бы, что это нужно. Он стал наблюдать и следить за ним, ухаживать за ним и льстить ему, но в одну из ночей веселья, когда звезды чаш кружились в сферах удовольствия и султан вина уже распоряжался пленником ума, случилось, что Токтамыш сказал Идику – а огонь разума то потухал, то вспыхивал: «(Настанет) для меня и для тебя день, (когда) свергнет тебя беда в нищету, придется тебе после трапез жизни поститься, и наполнится глаз существование твоего сном от действия гибели». Идику старался обойти его и стал шутить с ним, говоря: «Не дай Бог, чтобы владыка наш, хакан, разгневался на раба неповинного и дал завясть деревцу, которое сам насадил, или разрушил основание (здания), которое сам построил». Затем он (Идику) выказал наружно смирение, покорность, убожество и принижение, но, убедившись в действительности того, что он подозревал, он стал изоцрять свой ум на счет спасения и употреблять на это в дело пронизательность и сметливость, понимая, что если оставить без внимания свое дело или отсрочить его, с тем чтобы подождать немного, то (им) займется султан. Он быстро проскользнул между свитой и слугами и вышел в сильном смущении, как будто хотел исполнить нужное дело, отправился в конюшню Токтамыша в сильном неулегавшемся волнении, устремился на оседланного, породистого, быстроногого коня, стоявшего готовым на всякий случай, и сказал одному из слуг своих, в котором был уверен, что он не выдаст тайны его: «Кто захочет застать меня, тот найдет меня у Тимура; не разглашай этой тайны до тех пор, пока не удостовериться, что я перебрался чрез пустыни». Затем он, оставив его, уехал; хватились его только тогда, когда он уже (далеко) ускакал вперед и верхом постепенно, благодаря милостям пути, успел проехать длиннейшие пространства. Не настигли следов его и не догнали ни его, ни пыли (поднятой им). Он прибыл к Тимуру, облобызал руки его, изложил ему историю свою, поведал ему, что с ним случилось, и сказал: «Ты устремляешься в страны дальние, да в местности

дикие и заброшенные, из-за этого подвергаешься опасностям, пересекаешь хребты пустынь и перебираешь книги путешествий, а вот добыча холодная, перед самыми глазами твоими; ты добудешь ее легко и удобно, как тебе будет угодно и приятно. Для чего же мешкать и дремать? Или медлить и отлагать? Поднимись с твердой решимостью, и я тебе порука в том, (что) нет крепости, которая тебя задержит, и нет преграды, которая тебя остановит; нет пресекателя (меча), который отгонит тебя; нет отражателя, который загородит тебе путь; нет супостата, который противостанет тебе, и нет воителя, который сразится с тобой. Там только сброд и сволочь. Богатства же там поддадутся утону, и сокровища придут (к тебе) на своих ногах!». Он (Идику) не переставал подстрекать его (Тимура) к этому, возбуждать да опутывать его на все лады... Тогда Тимур с величайшей быстротой приготовился к завоеванию Дашт-Берке. Это область исключительно Татарская, переполненная разными животными и Тюркскими племенами, со (всех) сторон огражденная и во (всех) частях возделанная, обширная по объему, здоровая водой и воздухом. Люди ее – мужи (в полном смысле), воины ее – (превосходные) стрелки. По языку это самые красноречивые Тюрки, по жизни – самые праведные, по челу – самые прекрасные, по красоте – самые совершенные. Женщины их – солнца, мужчины их – полнолуния, цари их – (великие) головы, бояре их – (богатырские) груди. Нет в них ни лжи, ни обмана, нет между ними ни хитрости, ни лукавства. Обычай их – ездить на телегах с уверенностью, не знающей страха. Городов у них мало, и переходы их (от одного привала до другого) продолжительные. Граница Даштской земли с юга – море Кулзумское (Каспийское), злобное и своенравное, да море Египетское, завернувшее к ним из области Румской. Эти два моря почти что сталкиваются, не будь промеж них гор Черкесских, составляющих между ними «грань непроходимую»². С востока – пределы владений Хорезма, Отрар, Саганак, да другие земли и страны по направлению к Туркестану и землям Джетским, вплоть до границ Китайских, принадлежащих к владениям Монголов и Хатайцев. С севера – Ибир и Сибир, пустыни и степи, да пески (нагроможденные) точно горы. И сколько этой степи, где бродят птицы и звери! Она подобна милости вельмож (нашего) времени: край, до которого не доберешься, и предел, до которого не доплетешься. С запада – окраины земель Русских и Булгарских, да владения христиан-нечестивцев; к этим окраинам прилагают владения Румские, (лежащие) по соседству с землями, подвластными Ибн Осману. Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха и опаски, вдоль до (самого) Крыма, а переход этот (требует) около трех месяцев, в ширину же – море песка, длиною в семь морей, в которых не отыщет пути и вожак и по которому не пройдет самый отважный из сметливых людей. Караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корма для лошадей, и не брали с собой проводника, вследствие многочисленности (тамошних) народов, да обилия безопасности, еды и питья у (живущих там) людей. Путешествовали они не иначе, как от одного племени до другого, и останавливались только у того, кто (сам) предлагал у себя помещение. Это точно про них говорит стих³: «Все они расположились по обе стороны Оказа, а дети их созывают там (друг друга) на игру крича «'ar'ar». Ныне же в тех местах, от Хорезма до Крыма, никто из тех народов и людей не движется и не живет, и нет там другого общества, кроме газелей и верблюдов. Столица Дашта – Сарай. Это город мусульманской постройки, чудная крепость. Описание его будет приведено (ниже). Султан Берке – да помилует его Аллах! – приняв ислам, построил его (Сарай), избрал его столицей (своего) царства и возлюбил его. Он побудил народы Дашта ко вступлению в заповедье и на пастбище ислама, и вот почему он (Дашт) стал (сборным) местом всякого добра и блага, так что к (прежнему) прозвищу «Кипчак» прибавилось (еще) прозвание «Берке»⁴. Маула и саййид наш Ходжа Исам ад-Дин, сын покойного муллы и саййида нашего Ходжи Абд ал-Малика, одного из сыновей знаменитого шейха Бурхан ад-Дина ал-Маргинани⁵, – да помилует его Аллах! – возвращавшийся из славного Хиджаза в 814 году (25 апреля 1411–12 апреля 1412 г.), а в наше время, т.е. в 840 году (16 июля 1436–4 июля 1437 г.), сделавшийся начальником в Самарканде, продекламировал мне (следующее) стихотворение свое в Астрахани, одном из Даштских городов, претерпев на пути Даштском разные невзгоды: «Я слышал было, что благо находится в степи, прозванной по своему султану Берке (т.е. степью благодати). Дал я верблюдице моего путешествия остановиться на одной из окраин ее (степи), но не нашел там никакой благодати...».

Когда Берке-хан был пожалован почетной одеждой ислама и водрузил в землях Даштских знамена в честь исповедания ханафитского, то он пригласил к себе ученых из всех краев да шейхов со всех сторон и концов, чтобы они научили людей уставам религии своей и указали им пути своего единобожия и правoverия, раздавал им (за это) богатые подарки и на тех из них (ученых), которые пришли (на его призыв), излил (целые) моря даров. Он оказывал покровительство науке и ученым, уважал законы Аллаха Всевышнего и уставы пророков. Были у него в это время, а после него у Узбека, да у

Джанибек-хана, мулла наш Кутб ад-Дин, ученейший ар-Рази⁶, шейх Са'д ад-Дин ат-Тафтазани⁷, саййид Джалал ад-Дин, толкователь «Хаджибийи»⁸, и другие знаменитости ханафитские и шафи'итские⁹, а потом, после них, мулла наш Хафиз ад-Дин ал-Баззази¹⁰ и мулла наш Ахмад ал-Худжанди¹¹ – да помилует их Аллах! При содействии этих саййидов Сарай сделался средоточием науки и рудником благодатей, и в короткое время в нем набралась (такая) добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников, да всяких людей заслуженных, какой подобная не набиралась ни в многолюдных частях Египта, ни в деревнях его. Между построением Сарая и разрушением тамошних мест (прошло) 63 года. Это был один из величайших городов по положению (своему) и населеннейший по количеству народа. Рассказывают, что у одного из вельмож его сбежал невольник и, поселившись в месте, отдаленном от (большой) дороги, открыл там лавочку и торговал в ней, снискивая себе пропитание. Так прожил этот негодяй около десяти лет, и господин его (ни разу) не встречал его там, не сходил с ним и не видел его, вследствие величины его (города) и многочисленности жителей его. Он (лежит) на берегу реки, отделившейся от реки Итиль, относительно которой путники, летописцы и странствователи (?) согласны, что больше ее нет (ни одной) в числе рек проточных и вод пресных, нарастающих. Выходит она из земли Русских, и нет от нее другой пользы, кроме той, что она радует души. Впадает она в море Кулзумское (Каспийское), подобно Джайхуну и прочим рекам Аджамским, хотя море Кулзумское закрыто и окружено несколькими Персидскими владениями, как то: Гиланом, Мазандараном, Астрабадом и Ширваном. Имя Сарайской реки Сингила; через нее переезжают не иначе, как на (больших) судах; не вступает в нее нога ни пешехода, ни всадника (т.е. не переправляются через нее вброд). Да сколько рукавов отделяется от этой длинной и широкой реки, а каждый рукав больше Евфрата и Нила!

О том, как настал этот потоп (Тимурово нашествие) и смыл народы Даишские после поразения Токтамышева¹². Прибыл Тимур в этот край (Дашт-Кипчак) с войсками несметными, нет – с морями бурными, с обладателями стрел летучих, мечей секущих, да копий зыбучих, со львами задушающими и тиграми нападающими, со всякого рода настигателями, вымещающими на неприятеле месть свою, защищающими добро свое и соседей своих, логовище свое и убежище свое, добычу свою и род свой, ввергающимися в пучины моря боевого и противоборствующими волнам и потокам его (моря). Тогда Токтамыш послал к старейшинам своих людей и начальникам своих народов, к жителям своих песчаных степей и обитателям окраин своих, к главам своей родни и вождям (собств. «коренным зубам») правой и левой сторон, созывая их и приглашая их к сопротивлению и к бою. Они пришли, влача за собою одежду повиновения и устремляясь (к нему) со всех высей, собрались по племенам и родам, конные и пешие, вооруженные мечами и стрелами, надвигающиеся и наступающие, отражающие и поражающие острым мечом и копьем. Эти люди – самые отборные и меткие стрелки; метатели их не дают промахов и стреляют лучше Со'aley¹³. Когда они натянут тетивы, то и попадут в жилы, и когда доискиваются нужного, то и достигают цели, сидит ли она неподвижно или летает. Затем он (Токтамыш) двинулся в бой и приготовился к битве и состязанию с войсками, похожими на песок по многочисленности своей и на горы – по громадности своей.

О раздоре, возникшем в войске Токтамышевом во время сражения¹⁴. Когда оба строя противостали друг другу и обе рати вступили в бой, то из войска Токтамышева выступил один из вождей правого крыла, имевший злобу на одного из эмиров, и потребовал (выдачи) его от него (от Токтамышева), прося у него (Токтамышева) разрешения убить его (эмира). Он (Токтамыш) сказал ему: «Да, твое желание будет уважено и твоя просьба будет улажена, но ты видишь, что случилось, что приключилось с людьми, так оставь нас в покое, пока мы не управимся и не добьемся того, чего желаем; (тогда) я отдам тебе твоего должника и предоставлю тебе твоего соперника, и ты вымести на нем твою злобу и удовлетвори твои притязания». Но он ответил: «Нет, (мне он нужен) сейчас, а коли нельзя, то нет тебе (от меня) ни послушания ни повиновения!». Тот (Токтамыш) возразил: «Мы (находимся) в тяжком горе, которое озабочивает (нас) более твоего желания, и в мрачном положении, которое кручинит (нас) более твоей беды, так потерпи и не торопи, да успокойся и не бойся: ни от кого не уйдет то, что (ему) следует, и не пропадет то, на что он имеет право. Не заставляй же слепого искать убежища на обрыве и не будь из тех, которые чтут Аллаха ради барыша; ты (теперь) точно среди ночи несчастья, уже минувшей, и зари благоденствия, уже занявшейся, так оставайся на своем месте и напускайся на своих противников, наступай и не отставай, да верши, что тебе приказано». Но этот эмир (не послушался и) двинулся с громадной толпой; за ним последовали все изменники и отступники, да все его племя, которому имя Актау. Отправился он, устремляясь во владения Румские, пришел со своими людьми в земли Адрианопольские и поселился в этих местах. Вследствие

этого расстроилось войско Токтамышшево, и стрелы желания его не попадали в то место, в которое они пускались. Не видя возможности уклониться от стычки и избежать встречи, он подбодрил свой дух и свое войско, отбросил свою спесь и свое легкомыслие, выставил вперед удалцов из своих ратей, выстроил конницу и пехоту, укрепил центр и фланги, да наладил стрелы и мечи. Что же касается войска Тимура, то оно обошлось без этих приготовлений, потому что дело ему было известно, да положение его ясно, и на челе его знамен были начертаны слова победы и власти. Затем обе рати сошлись, ударили друг на друга, смешались и запыхали огнем сражения. Столкнулись враги с врагами, протянулись шеи для нанесения ударов мечом, и выпрямились груди для метания копий; помрачились лица и покрылись пылью; оскалили зубы волки боевые и завыли; ожесточились тигры злобные и выпрямились (для прыжка); сцепились львы полчищ и встали дыбом; покрылись кожи перьями стрел и вздрогнули; опустили чела вождей и головы глав в михрабе битвы (как бы преклоняясь) к молитве и простерлись (на земле); закрутилась пыль, и взвился прах; погрузились в моря крови все – и знатные и простые; во мраке пыли летание стрел стало метанием снарядов в бесовских вождей, и в тучах праха сверканье мечей сделалось блестящим сиянием над царями и султанами. Кони смертей не переставали носиться и крутиться, а львы отрядов нападать и напускаться (на врагов); взвивалась на воздух пыль от копыт, и лилась по степи кровь от мечей, так что земель стало шесть, а небес, как морей, – восемь. Длился этот бой и погром около трех дней; затем явилась пыль от бегства войска Токтамышева, показавшего тыл; рати его разбежались и отступили, а полчища Тимура разбрелись по владениям Даштским, да расположились (в них). Он покориł племена их, и (ему) подчинились последние и первые из них. Завладел он движимым и разделил его, да недвижимым и унес его с собой, собрал (все) захваченное и роздал добычу, дозволил грабить да полонить, произвел гибель и насилие, уничтожил племена их, истребил говоры их, изменил порядки да увез (с собой все) захваченные деньги, пленных и имущество. Передовые войска его дошли до Азака, и он разрушил Сарай, Сарайчук, Хаджжитархан и (все) эти края. Возвысилось положение Идику при нем. Затем он перебрался в Самарканд¹⁵ в сообществе Идику, пожелав от него, чтобы он последовал за ним.

О том, что устроил Идику, и как он обманул Тимура да провел его¹⁶. Идику послал гонца к своим родичам и соседям, да к племенам левой стороны – все они принадлежали к числу сторонников и друзей его – без ведома о том Тимура, (сказать), чтобы они ушли из своих мест и откочевали из своих родных краев, направляясь туда, где и самый центр и местности до него (представляют) трудное сообщение и множество опасностей; чтобы они, коли возможно, на одном привале не оставались два дня и чтобы они (непременно) поступили так, иначе Тимур, застигнув их, рассеет их и погубит всех. Они последовали тому, что им предписал Идику, и шли, не останавливаясь. Узнав, что дружина его ушла и люди его ускользнули от Тимура, Идику сказал ему: «О, владыка наш, эмир, есть у меня громадное множество родичей и домочадцев; они (составляют) мои мышцы и мои руки, и с исправностью их средств пропитания (сопряжено) мое благополучие, но они не безопасны, ибо после меня им приключатся обида и притеснение от Токтамышя; я не сомневаюсь, что он погубит и истребит их всех до единого. Пока я сам защищен против него по милости вашего величества, он будет вымещать злобу своего характера на моих домочадцах и родичах; ведь я наладил нить этих столкновений и ввергнул его в теснины бедствия и лохмотья поражения. Во всяком случае, мне не весело на душе, что они живут в одном с ним месте, и может ли жизнь мне быть приятной, пока мои друзья – его соседи? Если светлый разум (твой) разрешит послать гонца в те места и к (этим) многочисленным племенам с монаршим указом и высочайшим наказом, чтобы склонить мысли их и умирить сердца племен и родов их, да приказать им откочевать и улучшить положение свое, то мы все будем (жить) под достославной тенью, в садах благоденствия, покрытых листвою и плодоносных¹⁷. Мы высвободимся из гладкой степи этого Дашта¹⁸, завершив минувшие бедствия, и проведем остальное (время) в вертоградах, у подножия которых протекают реки. Но выше всего – разум высочайший, и для рабов первое дело – следовать тому, что он постановляет». Тогда Тимур сказал ему: «Ты пальмочка его (народа) подпертая и столбик его потертый¹⁹ и, несмотря на твой сан, ты (сам) исходил эти дороги». Он (Идику) возразил: «Все люди – рабы твои, следующие твоему желанию, и твои послушники; кого ты признаешь достойным какого-либо дела, для того любой труд легок». Он (Тимур) сказал: «Нет, ты первый затеял это дело, так будь и порукою его; ведь не требует (чужого) решения, кто сам повелитель города». Он (Идику) ответил: «Присоедини ко мне одного из эмиров; пусть он будет мне защитой против них²⁰, с указами монаршими относительно того, что порешит разум высочайший». Он (Тимур) согласился с ним, исполнил желание его и придал ему

того, кого он пожелал. Покончив свои необходимые дела, оба двинулись и направились к своему месту искомого. По уходе Идику от Тимура, последний захотел исправить свое упущение, поняв, что Идику прельстил его ум и обманул его. Он отправил к нему гонца (с приказанием) вернуться к нему по одному делу, которое случилось, и для совещания, которое подвернулось, но когда гонец предстал пред ним (Идику) и сообщил ему, для чего он прислан, то он (Идику) сказал ему и бывшему при нем эмиру, запретив обоим следовать за ним: «Управьтесь с вашим делом, да отправьтесь к вашему господину, облобызайте его руки и сообщите ему, что сроку нашего общения тут конец и я (далее) непричастен ему, ибо страшусь Аллаха». Им нельзя было грубо отнестись к нему, и в таком критическом положении они могли только ласково обойтись с ним. Поэтому они распростились с ним, повернули назад и уехали, не останавливаясь. Когда это дошло до Тимура, то он огорчился и смутился, встревожился и закручинился, вспылал на него гневом великим и раскаялся, когда (уже) миновало время раскаяния. Со злобы на него он чуть было (сам) не убил себя и испил чаши (сказанного в Коране): «и (настанет) день, (когда) беззаконник станет кусать руки свои»²¹. Но не одолела его страсть расправиться с ним и не нашло желание двинуться на него, а отправился он в свои владения, да затем в Самарканд, и оставил его (в покое). Вот чем кончилось дело его с Дашт-Берке, так что говорят: не обманул и не перехитрил Тимура, да не ввел его в заблуждение и в ошибку словом и делом никто, кроме упомянутого Идику и, скажу я (со своей стороны), кроме главного кади, Вали ад-Дина Абд ар-Рахмана Ибн Халдуна ал-Малики, о котором будет сказано ниже²².

О сражениях и боях, происходивших в Северных странах между Токтамышем и Идику до тех пор, пока изменились дела и положение каждого из них²³. Когда Тимур удалился с тем, что он добыл, и, возвратясь в свои владения, утвердился в них, а Идику присоединился к своим сторонникам и обрадовался своим приятелям и наперсникам, то последний принял за разведку дел Токтамыша, остерегался и оберегался его, но приготавливался и вооружался к отражению его, не будучи в состоянии зашить то, что разорвал, и починить то, что разломал. Кроме того, он не мог присвоить себе название султана, потому что таким, будь это возможно, (непреренно) провозгласил бы себя Тимур, завладевший (всеми) царствами. Тогда он (Идику) поставил от себя султана и в столице возвел (особого) хана, созвал к нему предводителей левой стороны и начальников племен ее. Они вняли зову его и прибыли к нему, будучи сильнее других и безопасны от злобных действий Джага-тайцев и несправедливости их. Вследствие этого султан его усилился, и хан его обогатился (целыми) караванами полчищ; основания его в столице утвердились, и столбы его (власти) возвысились. Что касается Токтамыша, то он – когда страх его отошел и в мозгу его (опять) утвердился разум, а враг его ушел и спокойствие его водворилось – собрал войска свои и призвал на помощь народ свой, который и помог ему. Не прекращались удары боя в ожидании битвы между ним (Токтамышем) и Идику и, глаза покоя, точно веки судьбы, претворяющейся слепой, не переставали смыкаться для примирения их друг с другом. Дошло до того, что они сразились между собой 15 раз, (причем) раз тот одержит верх над этим, а другой раз – этот над тем. Дела племен Даштских стали ухудшаться да расстраиваться и, вследствие малочисленности убежищ и крепостей, подверглись разъединению и розни, тем более, что на них нападали два льва и налегали две беды. Большая толпа их ушла с Тимуром, которому она стала подвластной и у которого находилась в плену. От них отделилась часть, которая не поддается ни счету, ни числению и не может быть определена ни диваном (палатой), ни дефтером (списком); она ушла к Румийцам и Русским и по своей злополучной участи и превратной судьбе своей очутилась между христианами многобожниками и мусульманами-пленниками, точно так, как это случилось с Гассанидом Джабала²⁴. Имя этому отряду – Карабогдан. По этим причинам жившие в довольстве обитатели Дашта дошли до оскудения и разорения, разъединения и безлюдства, нищеты и совершенного извращения. Они дошли до того, что если бы кто поехал по нему (Дашту) без вожака и руководителя, то он, вследствие опустошения его (края), непременно погиб бы при переездах своих. Летом ветры сдувают пески и скрывают да сметают дорогу путнику, а зимой снег, падающий там, скопляется на ней и покрывает ее, так что вся земля его (Дашта) пустынна и жилища его безлюдны, привалы и водопои покинуты, пути его, по всему вероятно, губительны и недоступны. Пятнадцатое сражение было не в пользу Идику: он был разбит и рассеян, обращен в бегство и прогнан. И погрузились он да около 500 человек из его приближенных в море песчаное, которого никто не знает. Токтамыш стал единодержавцем в царстве, и очистился для него Дашт-Берке, но при всем том он жаждал известий об Идику и делах его да очень желал собрать сведения о том, как он погиб в песках своих. Так прошло около полугода; исчезли след его из глаз и молва о нем с языков, но Идику был превосходный знаток этих песчаных бугров и холмов и (один)

из тех, который поступью ног своих (часто) пересекал поверхность этих бесплодных и диких степей. Он шел, выжидая и высматривая, размышляя и обдумывая смысл того стиха, который я произнес: «Следи за делом и высматривай удобный случай, пользуйся временем, когда оно настало, и соединяй терпение с рассудительностью; таким способом лист тутового дерева становится шелком».

Убедившись, что Токтамыш отчаивается в нем и уверен, что его растерзал «лев смертей», он (Идику) стал допытываться вестей о нем, выслеживать и высматривать следы его, да разведывать, пока из (собранных) сведений не удостоверился в том, что он (Токтамыш) один без войска (находится) в загородной местности. Тогда он, сев на крылья коня, укутался в мрак наступающей ночи, занялся ночной ездой и променял сон на бдение, взбираясь на выси так, как поднимаются водяные пузыри, и спускаясь с бугров, как опускается роса, пока (наконец) добрался до него, (ничего) не ведавшего, и ринулся на него, как рок неизбежный. Он (Токтамыш) очнулся только тогда, когда бедствия окружили его, а лвы смертей схватили его, и змеи копий да ехидны стрел уязвили его. Он несколько (времени) обходил их и долго кружился вокруг них; затем пал убитый. Из битв это был шестнадцатый раз, закончивший столкновение и порешивший разлуку (с жизнью). Утвердилось дело Даштское за правителем Идику, и отправились дальний и ближний, большой и малый, подчиняясь его предписаниям. Сыновья Токтамыша разбрелись в (разные) стороны: Джалал ад-Дин и Каримбирди (ушли) в Россию, а Кубал²⁵ и остальные братья – в Саганак²⁶...

Потом Идику из края Северного поднялся с войсками (многочисленными), как песок, и с решимостью да осмотрительностью двинулся во владения Хорезмские, которыми правил наместник (Тимура), по имени Мусика²⁷. Узнав о Татарах, последний убоился гибели своей и ушел, забрав с собою своих людей и приверженцев. Это было после нашествия Татар Румских²⁸, которые ушли к Аргуншаху (полководцу Тимурову) и перебрались через Джайхун, в то время замерзший. Вернулся Аргуншах в свое местопребывание, и прибыл Идику в Хорезм да овладел им²⁹. Двинулся он (оттуда) с конницей своей к Бухаре, опустошил окрестности ее, но затем вернулся в Хорезм, потому что в Джагатайе уже запыхал огонь (брани) и причинил зло. В Хорезме и областях его он поставил со своей стороны человека, по имени Анка³⁰...

Устраивалось дело людское по указам Идику: он водворял в султанство кого хотел и смещал его с него, когда хотел; прикажет – и никто не противится ему, проведет грань – и (никто) не переступит этой черты. К числу тех, которых он поставил, принадлежат Кутлугтимур-хан и брат его Шадибек-хан, затем – Фулад-хан, сын Кутлугтимура, а потом – брат его, Тимур-хан. В его (Тимурханово) время расстроились дела; он не вручил свои бразды (эмиру) Идику, сказав: «Нет за ним ни славы, ни почета; я передовой баран (т.е. глава), которому повинуются, как же я стану подчиняться (другому); я бык (вождь), за которым следуют, так как же я стану сам идти за другим». Возник между ними обоими разлад, появилось со стороны ненавистников скрытое лицемерие, пошли бедствия и несчастья, войны и враждебные действия. В то самое время, когда сгущались мраки междоусобиц и перепутывались звезды бедствий, между обеими партиями в сумраках Даштских, вдруг, в полном величии (собств.: «в полнолунии») власти Джелалиевой появился (один) из блестящих потомков Токтамышевых и поднялся, выступая из стран Русских³¹. Произошло это событие в течение 814 года (25 апреля 1411–12 апреля 1412 г.). Обострились дела, усложнились бедствия и ослабело значение Идику. Тимур(хан) был убит³², и продолжались смуты да раздоры между царями владений Кипчакских, пока, (наконец), Идику, раненый, потонув, не умер. Его вытащили из реки Сайхун, у Сарайчука, и бросили на произвол судьбы, да смилуется над ним Аллах Всевышний! О нем (сообщают) удивительные рассказы и быличьи, и чудные диковины (небылицы): стрелы бедствий, (пущенные) во врагов его, (всегда) попадали в цель, помышления (его были) козни, битвы (его) – западни. В основах управления (государством) у него (обращались) монеты хорошие и дурные, разбор которых выделяет (настоящую) цель (его стремлений) от того, что (им) достигнуто³³. Был он очень смугл (лицом), среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой пронизательности и сообразительности, любитель ученых и достойных людей, сближался с благочестивцами и факирами, беседовал (шутил) с ними в самых ласковых выражениях и шутилых намеках, постился и по ночам вставал (на молитву), держался за полы шарията, сделав Коран и сунну, да изречения мудрецов посредниками между собой и Аллахом Всевышним. Было у него около 20 сыновей, из которых каждый был царь владычный, имевший (свой) особый удел, войска и сторонников. Правил он всеми делами Даштскими около 20 лет. Дни его (царствования) были светлым пятном на челе веков и ночи владычества его – яркой полосой на лике времен³⁴. <...>

Примечания

- ¹ Ed. Manger, I, с.348–382. Калькут. изд. с.107–118.
- ² См. Коран LV, 20.
- ³ Древнего поэта ан-Набиги ад-Зубйани. (См.: Journ. Asiat. 1868, Sept. p.275, и Fleischer, Sitz.-Berichte d. k. sächs. Gesellsch. d. Wiss. 1865, p.283).
- ⁴ В оригинале эта фраза представляет неперебиваемую игру слов, так как тюркское имя Берке или Барака по-арабски значить: «благодать».
- ⁵ Ум. в 593 г. (24 нояб. 1196 – 12 нояб. 1197 г.). См.: Hadji Khalfa VII, p.1059, № 2257.
- ⁶ Более известный под названием ал-Тахтани, ум. в 776 г. (1374–1376 г.). См.: Hadji Khalfa, VII, p.1134, №5043. В соч. ал-Дженнаби (см. ниже, главу XXVI), где почти целиком приведено это место из Ибн Арабшаха, вслед за этим ар-Рази прибавлен еще العلامة مختار بن محمود الزاهدی т.е. «ученейший Мухтар, сын Махмуда, аз-Захида», о котором затем сказано следующее: ...«В 668-м г. (18 дек. 1259 – 5 дек. 1260 г.) умер Мухтар, сын Махмуда, сына Мухаммада, аз-Захида, ал-Кармини (у Хаджжи Халифы VII, с.1187, № 6988: ал-Газмини), Наджм ад-Дин Абу Риджа, написавший прекрасное толкование на «Мухтасар» ал-Кудури (Hadji Khalfa V, 452). Он (также) автор книги о законоведении, книги «Дорожный запас имамов» (Hadji Khalfa III, 526), книги «Избранное по части основных правил» (Hadji Khalfa V, 382) и «Сборника по части регул и обязательных постановлений» (Hadji Khalfa II, 580). Им сочинено (также) послание, названное им «Насирийским» и сочиненное им для Берке-хана (Hadji Khalfa III, 448 и VI, 290). Он читал Коран у Йусуфа ас-Сикаки, хорезмского ученого, погрузившегося в науки арабские, автора «Ключа» (Hadji Khalfa VI, 15), – родившегося в ночь на среду 3-го джумади ал-авваля 555 г. (т.е. 11 мая 1160 г.) и умершего в 626 г. (30 нояб. 1228 – 19 нояб. 1229 г.)». – О других сочинениях, которые Хаджжи Халифа приписывает тому же Мухтару, см.: Lexis. bibliogr. III, 11, 400, 445, 452. IV, 106, 399, 453, 572. V, 130.
- ⁷ Ум. в 791 г. (1389 г.). См.: Hadji Khalfa, VII, p.1202, № 7560.
- ⁸ Под этим названием не значится сочинения в Библиографии Хаджжи Халифы. По мнению покойного С.Десеси, это должен быть известный грамматический трактат الكافية فى النحو (Hadji Khalfa V, 6), названный Хаджибией «по имени автора его», Ибн Хаджиба. В таком случае под толкователем «Хаджибийи» можно разуметь Джлал ад-Дина Ахмада ал-Годждивани (Hadji Khalfa V, 8), как уже полагал пок. акад. Френ, который на своем экземпляре Манжерова изд. Ибн Арабшаха (I, p.381) сделал следующую приписку: جلال الدين احمد بن على بن محمود العجدوانى, fuit discipulus tou Husam Signaky, qui ipse adhuc a. 676 studiis vacabat (v. me ad Cast. voc. جلال).
- ⁹ В числе ученых, живших в то время в Сарае, находился также шейх Ибн Наджам, о котором ал-Айни (см. главу XXV) сообщает следующее (рукоп. Азиат. муз. № 524, d, IV, fol. 450, г.): ...«Шейх имам Абд ар-Рахим, сын Абд ар-Рахмана, сын Насра, ал-Маусили, известный под именем Ибн Наджама, умер в ал-Джарухии 2-го раби ал-ахира 730 г. (23 янв. 1330 г.) и похоронен на «Кладбище Суфиев» в Дамаске. Родился он в 652 г. (21 февр. 1254 – 9 февр. 1255 г.) в Мосуле, покинул родину свою мальчиком, странствовал по (разным) землям и жил (сначала) в Багдаде, где некоторое время занимался наукой, потом поселился в городе Сарае, в царстве Узбек-хана. В Дамаск он прибыл в 724 г. (1324 г.) и занялся (там) преподаванием в (школе) аз-Захирийе-ал-Баранийе, к чему после него присоединилось еще преподавание в (школе) ал-Джарухийе и заведывание скитом ал-Касре. Был он шейхом-факихом и врачом. Да помилует его Аллах!». В другом месте (IV, fol. 547, v.) тот же ал-Айни говорит об умершем в 790 г. (1388 г.) преподавателе в Каирской школе аз-Захирийе-ал-Баркукийе Ала ад-Дине Ахмаде, сыне Мухаммада, ас-Сайрами, который прежде تبريز و قرم و صرخى و بلاد خوارزم و بلاد خوارزم و صرخى و قرم و تبريز, т.е. «учил и давал фетвы (т.е. заключения) в Хорезме, Сарае, Крыму и Табризе». К тому же времени принадлежит Камал ад-Дин ат-Туркмани или ат-Теркали, который в городе Гюлистане в 755 г. написал комментарий на астрономическое сочинение ал-Чагмини (Hadji Khalfa II, 601, VI, 113, VII, 952).
- ¹⁰ Ум. в 827 г. (5 дек. 1423 – 22 нояб. 1424 г.). См. Hadji Khalfa VII, p. 1078, № 2947.
- ¹¹ Вероятно, Ахмад, сын кади Бурхан ад-Дина Махмуда, сына Асада, ал-Ходжанди, автор соч. ملخص فى الفتاوى (Hadji Khalfa VI, 112).
- ¹² Ed. Manger, I, с.384–387; Кальк. изд. с. ۱۱۸–۱۱۹.
- ¹³ Соали или Бену-Соаль составляли отрасль большого южно-арабского племени Тайитов, отличавшуюся своим наездничеством и меткостью стрельбы.
- ¹⁴ Изд. Манжера I, с.388–397; изд. Калькут. с.119–122.
- ¹⁵ В другом месте (изд. Манжера I, с.424; изд. Калькут. с.۱۳۰) говорится, что Тимур «не мог остаться в Персии вследствие (множества) народа Даштского, находившегося с ним, и потому на-

правился в Самарканд, где он вытряс свои бурдюки и опорожнил мешки свои от Даштского добра, которым наполнил их».

¹⁶ Изд. Манжера I, с.398–407; Кальк. изд. с. ۱۲۲–۱۲۵.

¹⁷ Френ в своем экземпляре изд. Манжера приписал следующую заметку С.Десаси: *وريف duplici sensu accipi potest, 1° ut sit فعيل a روف (multo virore splenduit planta) et tunc erit معطوفى على وريف aut بدل منه 2° ut sit ريف (solum culturae idoneum), tunc erit معطوف على روض*.

¹⁸ «Et evademus ab hoc Deschto cujus planities est laevis, i.e. omnibus vegetabilibus caret. S.de Sacy (там же).

¹⁹ Поговорка, выражающая положение человека, имеющего значение и силу.

²⁰ Из приписки в Френовом экземпляре видно, что С.Десаси вм. وزراء читал وزارا «adjumentum vel munimen».

²¹ Коран, сура XXV, 29.

²² См.: изд. Манжера, II, с.186; изд. Калькут. с.669. Срав. Также: Journ. Asiat. 1844, I, с.350–352.

²³ Изд. Манжера, I, с.408–422; изд. Калькут. с.125–130.

²⁴ Т.е. с гассанидским царем Джабалом, сыном ал-Айхама, о котором см.: D'Herbelot, Bibl. Orient. T. II, p.116.

²⁵ Чит.: Кубяк. – Fraehn (l.l.): lege *كوياك* Küjak.

²⁶ Для соблюдения хронологического порядка я счел полезным вставить здесь сперва рассказ Ибн Арабшаха о походе Идику в Хорезм (Изд. Манжера II, с.608–611; изд. Кальк. с.375–379), а затем уже поместить конец этой главы.

²⁷ Или Мусака, по поручению Тимура восстановивший город Хорезм. См.: Hist. de Timour-Bec II, 4.

²⁸ Об этих Румских Татарах или Карататарах, в 806 году переселенных Тимуром в Мавараннахр, см. Quatremère в Not. et Extr. XIII, 77-79.

²⁹ В раджабе 808 г. (23 дек. 1405 – 21 янв. 1406 г.). См.: Not. et Extr. XIII, 226.

³⁰ На этом оканчивается вставка, упомянутая в прим. 2.

³¹ Т.е. Джалал ад-Дин, известный в наших летописях под именем Зелени-Салтана.

³² Френом сделана следующая приписка: «Censeo legendum *قتل* et occisus est Timur (scil. a Dschelal-ud-dino; cf. Schildberger)». Правильность этой поправки очевидна, потому что Идику не был убит, а утонул, как рассказывается ниже самим Ибн Арабшахом.

³³ С.Десаси переводил последнюю фразу следующим образом: «*nunmi parati boni et nummi monetae pravae, de quibus si inquirere voluerimus, id alienum fuerit a scopo quem nobis proposuimus*». Френ же предлагал такой перевод: «*pecuniae probae aequae ac adulterinae, quarum disquisitio superabat omnem quem inde petere licet fructum*», но прибавил к этому вопросительный знак.

³⁴ Известия Ибн Арабшаха относительно Идику почти целиком воспроизведены в биографическом словаре ал-Макризи *درر العقود الفريدة*, часть которого заключается в рукописи Готской Герц. Библи. (см. Pertsch, Die arab. Hdschr. III, 353, № 1771, fol. 149, r. – 150, v.). От себя ал-Макризи добавил в заключение только следующее замечание *وهو الذي منع الطظر من بيع اولادهم فلذلك قل جلبهم الى الشام و مصر*, т.е.: «он (Идику) тот, который запретил Татарам продавать детей своих, вследствие чего уменьшился привоз их в Сирию и Египет».

Таким же замечанием оканчивается статья об Идику, помещенная в биографическом словаре Эссахави (рукоп. Лейден. библи. № 871 = 369, b., s. v. *ايدكو*) и представляющая коротенькое извлечение из соч. Ибн Арабшаха, но смерть Идику отнесена в ней ошибочно к 814-му году, который у Ибн Арабшаха значится только годом появления Токтамышева сына, Джелаледдина. Встретив однако же в других источниках известие о смерти Идику в 822 году, Эссахави предположил, что это должно быть другое лицо, которому и посвятил, под особым заголовком *ادكى*, следующую заметку:

ادكى بكسر الدال المهملة و فتحها صاحب مملكة الدشت مات قتيلا فى سنة ٢٢ (٨) و استقر بعده محمد

خان ذرية جنكز خان, т.е. «Идику или *Идеки*, государь царства Даштского, умер насильственной смертью в (8)22-м году. После него утвердился Мухаммад-хан из рода Чингиз-ханова».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 3

Письма и ярлыки золотоордынских ханов

А. Письмо Токтамыш-хана польскому королю Ягайле

Информация об источнике и примечания цитируются по изданию: Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975. – М., 1978. – С.234–251.

«Подлинник; написан уйгурским письмом на так называемом чагатайском языке на двух листах лощенной бумаги, из которых первый длиной 39,6 см, второй – 41,8 см; ширина того и другого – 19,8 см. На обоих листах имеется знак бычьей головы. Текст письма написан чернилами на лицевой стороне каждого листа. Всего в документе 25 строк, из них 13 – на первом листе и 12 – на втором. Первая строка (*Toqtamiş sözüim*) и первое слово шестой строки первого листа (*bizgä*), равно как начало первой (=14-й) (*Tänri bizni jarliıyap*) и шестой (=18-й) строк (*bizgä*) второго листа, написаны золотом. Три строки (3–5), следующие после упоминания имени адресата, сдвинуты «вниз» (влево). В начале письма, с правой стороны, рядом с третьей, четвертой и пятой строками виден золотой оттиск четырехугольной печати 6х6 см, состоящей из двух квадратов, один внутри другого, с текстом на арабском языке куфическим шрифтом – во внутреннем квадрате: «Султан правосудный Токтамыш»; во внешнем: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха. Да благословит его Аллах и да приветствует его»¹. Написано в год курицы, 8 раджаба 795/20 мая 1393 г.

Письмо было обнаружено в 1834 г. К.М.Оболенским в главном архиве Министерства иностранных дел в числе бумаг, «находившихся некогда в Краковском коронном архиве и бывших в руках польского историка Нарушевича»². Разбором этого документа и его разъяснением с разной степенью участия занимались крупные отечественные и зарубежные востоковеды (Х.М.Френ, В.В.Григорьев, О.М.Ковалевский, А.К.Казем-Бек, И.Н.Березин, Д.Банзаров, Дж.Хаммер-Пургшталь и др.). Существует несколько вариантов перевода письма на русский язык, сделанных разными учеными (О.М.Ковалевским – 1835 г., А.К.Казем-Беком – 1837 г., И.Н.Березиным – 1850 г., В.В.Радловым – 1888 г.), из которых наиболее точными и часто цитируемыми являются переводы В.В.Радлова³ и И.Н.Березина⁴ с историко-филологическими комментариями. В 1927 г. А.Н.Самойлович опубликовал статью, в которой, «не задаваясь целью произвести полную переработку издания и перевода» письма, сделал несколько частных поправок к переводу И.Н.Березина и В.В.Радлова⁵.

В подлиннике место составления письма обозначено выражением: *ordu dan-da äriir-da*, что О.М.Ковалевский, А.К.Казем-Бек, И.Н.Березин переводили как «когда Орда была на Дону»⁶. В русском переводе XIV в. и в переводе письма на польский язык (XVII в.) местом написания названо «устье Дона»⁷. В.Г.Тизенгаузен и В.В.Радлов предпочитали переводить *dan-da* «в Тане»⁸, понимая под Таной город близ устья Дола (Азов)⁹. А.Н.Курат при слове Тан ставит знак вопроса¹⁰. Однако интерпретация, предложенная В.Г.Тизенгаузеном и принятая В.В.Радловым и В.В.Бартольдом¹¹, представляется убедительной: в тех известных случаях, когда документ составлялся действительно на берегу реки, в тексте употреблены слова *qinarında* (ярлык Тимур-Кутлука) или *jaqasında* (письмо Улуг-Мухаммада и Махмуд-хана), которые отсутствуют в письме Токтамыш-хана.

Оригинал письма Токтамыш-хана долгое время находился в архиве Министерства иностранных дел в Москве. В 1921 г. он был передан Польше и ныне хранится в Центральном архиве в Варшаве. В научной литературе кроме воспроизведения факсимиле¹² существует печатное издание текста¹³, а также несколько публикаций текста письма арабскими буквами¹⁴, монгольскими буквами¹⁵ и латиницей¹⁶.

Письмо использовано в трудах по истории Золотой Орды¹⁷, в хрестоматиях¹⁸ и грамматиках тюркских языков¹⁹, а также в исследованиях, посвященных документам эпистолярного характера²⁰, и в некоторых литературоведческих работах²¹.

Примечания

¹ И.Н.Березин. Ханские ярлыки. 1. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамышша к польскому королю Ягайлу. 1392–1393 г. Издан М.А.Оболенским. Казань, 1850, с.12.

² Там же, с.5.

³ В.В.Радлов. Ярлыки Токтамышша и Темир-Кутлука. – ЗВОРАО. Т.3. 1889, с.1–17.

⁴ И.Н.Березин. Ханские ярлыки. 1, с.49–70.

⁵ А.Н.Самойлович. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана // «Изв. Таврич. о-ва истории, археологии и этнографии». Т.1. Симферополь, 1927 (отд. отд., с.1–4). Комментарии Ч.Ч.Валиханова к переводу И.Березина см.: Ч.Ч.Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах. Т.1. А.-А., 1961, с.121–135.

⁶ См.: И.Н.Березин. Ханские ярлыки. 1, с.30, 38, 51.

⁷ См. там же, с.22, 26. Переиздание русского текста письма см.: Е.Ф.Карский. Западнорусский ярлык хана Золотой орды Тохтамышша к польскому королю Ягайлу 1392–1393 г. Е.Ф.Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. Л., 1962, с.443–444.

⁸ В.В.Радлов. Ярлыки Токтамышша и Темир-Кутлуга, с.17.

⁹ О городе Тана – Азак – Азов см.: В.В.Бартольд. Азак // Соч. Т.3. М., 1965, с.313.

¹⁰ A.N.Kurat. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kirim ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940, с.147 (далее: A.N.Kurat. Yarlık ve bitikler).

¹¹ В.В.Бартольд. Токтамыш // Соч. Т.5. М., 1968, с.566.

¹² И.Н.Березин. Ханские ярлыки. 1, с.12.

¹³ И.Березин. Турецкая хрестоматия. Т.1. Казань, 1857, с.10–11; В.В.Радлов. Ярлыки Токтамышша и Темир-Кутлуга, с.4–5.

¹⁴ И.Н.Березин. Ханские ярлыки. 1, с.16, 49–50; он же. Турецкая хрестоматия. Т.1, с.11–12; Ч.Ч.Валиханов. Собрание сочинений Т.1, с.132–133.

¹⁵ И.Н.Березин. Ханские ярлыки. 1, с.47–48.

¹⁶ A.N.Kurat. Yarlık ve bitikler, с.147.

¹⁷ И.Н.Березин. Ханские ярлыки. 3. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб., 1850, с.8; он же. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб., 1863, с.44, 54; В.В.Бартольд. Отец Едигея // Соч. Т.2. Ч.1. М., 1963, с.801–802; он же. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. // Соч. Т.5, с.122, 448, 566; Б.Д.Греков, А.Ю.Якубовский. Золотая орда и ее падение. М.-Л., 1950, с.103, 153–154; М.Г.Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, с.15, 150–151, 155, 160; Г.А.Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. Изд-во МГУ, 1973, с.115–116, 118–119, 142; J.Hammer-Purgstall. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840, с.355–356; В.Спuler. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223–1502. Lpz., 1943, с.131–132, 309–310.

¹⁸ И.Н.Березин. Турецкая хрестоматия. Т.1, с.10–12.

¹⁹ А.М.Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.-Л., 1962, с.50–51.

²⁰ А.Н.Самойлович. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга. (Посвящается памяти В.В.Григорьева) // «Изв. Российской Академии наук». Серия 6. Т.12. № 11, Пг., 1918, с.1110–1112; И.Клюкин. О чем писал иль-хан Аргун Филиппу Красивому в 1289 г. Владивосток, 1925, с.2; С.Закиров. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966, с.126, 135–137, 139, 142; А.П.Григорьев. «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана, с.194; A.N.Kurat. Yarlık ve bitikler, с.3, 7, 10, 13, 15, 40, 129.

²¹ [А.М.Позднеев]. Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского университета А.М.Позднеевым в 1895/96 акад. году. Записал и издал студент Х.П.Кристи. СПб., 1896, с.50, 145, 146; А.Азиз, А.Рахим. Татар әдәбияты тарихы. Джилт 1. Казан, 1923, с.59–74».

Предисловие и источник цитируются по изданию: Радлов В.В. Ярлыки Токтамышша и Темир-Кутлуга // ЗВОРАО. 1888. Т.3. – СПб., 1889. – С.1–17.

«Ярлык Токтамышша к Ягайлу был издан и переведен И.Н.Березиным, а ярлык Темир-Кутлуга Гаммером, Березиным и Вамбери. Переводы эти настолько верны, что новый перевод не может дать важных исторических фактов, до сих пор неизвестных. Несмотря на это, я считаю полезным издать эти ярлыки в транскрипции и с исправленным переводом. <...>

Ярлык Токтамыш-хана

ПЕРЕВОД

Я, Токтамыш, говорю

Ягайлу.

Для извещения о том, как Мы воссели на великое место, Мы посылали прежде послов под предводительством Кутлу Буги и Хасана, ты тогда же посылаи к Нам своих челобитчиков. Третьего года послали некоторые оғланы, во главе которых стояли Бекбулат и Коджа-медин, и беки, во главе которых стояли Бекиш, Турдучак-берди и Давуд, человека по имени Эдугу к Темиру, чтобы призвать его тайным обра-

зом. Он пришел на этот призыв и, согласно их злонамерению послал им весть. *Мы* узнали об этом (только) тогда, когда он дошел до пределов (нашего) народа, собрались, и в то время, когда *Мы* хотели вступить в сражение, те злые люди с самого начала пошатнулись, и вследствие этого в народе произошло смятение. Все это дело случилось таким образом. Но *Бог* милостив был и наказал враждебных нам огланов и беков, во главе которых стояли Бекбулат, Коджамедин, Бекиш, Турдуак-берди и Давуд.

Для извещения об этих делах мы теперь посылаем послов под предводительством *Хасана* и *Туулу Ходжи*. Теперь еще другое дело. Ты собирай дань с подвластных *Нам* народов и передай ее пришедшим к тебе послам, пусть по прежнему опять твои купеческие артели разъезжают; это будет лучше для состояния великого народа.

Такой ярлык с золотым знаком мы издали. В год курицы по летосчислению в 795-й, в 8 день месяца Реджеба, когда орда была в Тане, мы (это) написали».

Б. Тарханные ярлыки Тохтамышша и Тимур-Кутлука

Предисловия и переводы ярлыков цитируются по изданию: Тарханные ярлыки Тохтамышша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея с введением, переписью и примечаниями, изданные И.Березиным, профессором Казанского университета. – Казань, 1851. – С.1–15.

«I. ЯРЛЫК ТИМУР-КУТЛУКА

Этот ярлык в подлиннике был доставлен из Константинополя чиновником австрийского посольства А. фон Раабом известному ориенталисту Гаммеру, который напечатал его с транскрипцией арабскими буквами и переводом в VI томе *Fündgruben des Orients* (359–362 стр.). Подлинник ярлыка, которого литографированный снимок на четырех страницах находится при статье Г-на Гаммера, писан на старом тюркском языке (уйгурского наречия) уйгурскими буквами: почерк этого ярлыка довольно красив и отличается от Тохтамышева ярлыка к Ягайлу большею вычурностью и каллиграфическими узорами: можно сказать, что почерк Тимур-Кутлукова ярлыка относится к почерку последнего, как украшенная скоропись к обыкновенному письму. С ярлыками Аргуна и Олджайту почерк Тимур-Кутлукова ярлыка также не сходится и по той же причине. Г. Гаммер, печатая тот ярлык, не сказал ничего о наружности и фигуре подлинника: надобно полагать, что он писан на продолговатом листе, как и другие ярлыки, что на нем приложены печати Тимур-Кутлука, и что, наконец, заголовок и все выражения: *Мы*, *Нас* и т.п. писаны золотыми буквами, как это водится в ханских ярлыках. Кроме того, первая строка должна стоять выше остальных.

Тимур-Кутлук, как известно, был Золотоордынский Хан, вступивший на царство в 800–1397 году. Данный им ярлык принадлежит к числу тарханных, т.е. обладатель этого ярлыка Мухаммед, которого предки были тарханами, утверждён в этом же звании с детьми своими, на что и дана ему настоящая грамота, (см. подробное объяснение *Тархана* в изданном мною «Внутрен. устройст. Золотой Орды»). В тарханных ярлыках обыкновенно изчисляются повинности, от которых освобождается жалуемый в тарханы: это изчисление не во всех ярлыках одинаково, но так как из истории не видно, чтобы тарханы были разных степеней, то и можно думать, все они были равного достоинства, и равно освобождались от всех повинностей гражданина.

ПЕРЕВОД

Тимур-Кутлуково слово.

Правого крыла левого крыла Угланам, Бекам темным, во главе коих Эдеку, Тысячным, Сотным, Десятным, внутренним селениям, духовным судьям, духовным законоведцам, старцам, отшельникам, секретарям палат, таможникам, весовщикам, архитекторам, дорожникам, букаулам, заставщикам, почтмейстерам, кормовщикам, сокольникам, барсникам, ладейщикам, мостовщикам, находящимся на базаре.

У предков владеющего сим ярлыком Мухаммеда со времени давнопрошедшего Саин Хана от одного к другому переходил ярлык по обычаю истинного тарханства; отца его Хаджи-Байрам Ходжу пожаловал старший брат наш Хан; и, так как он просил дать знать о сделании его Тарханом, просьбу его видя основательной, мы изрекли, чтоб Мухаммед, нами пожалованный, был Тарханом. Отныне впредь в Крымско-Гыргк-ерской области, в соседстве селения, именуемого Судак, по обычаю законного обязательства с давнего времени из известной привилегии с привилегией Ундинчи утверждаемых Тарханов, землям и водам его, – сыновья Мухаммеда Ильки Хаджи Мухаммед и

Махмуд пусть будут вольными тарханами – этих землям и водам, виноградникам и садам, баням и мельницам, владеемым местам, прежде оставшимся вольноотпущенными их и ещё остающимся, земледельцам и паевщикам, кому бы то ни было, да не причиняется насилие и оскорбление; без причины вещи их да не замают и не берут; житную тамгу, с земледельческих произрастений и молодого хлеба амбарное и гуменное, дань раскладываемую на подданных, оброк называемый подушные, недоимки, выходы да не взимают; при шествии и приходе, входе и выходе в Крыму и Кафе при покупке и продаже чего бы то ни было тамговых и весовых да не взимают; для тарханской горной дороги да не требуют караулов; скотов их в подводы да не забирают; постой да не ставят; кормов и содержания да не требуют; от какого бы то ни было беспокойства, тревог и неприятностей да будут они защищены и сохранены: сидя право в тишине да возсылают молитвы и благословения утром и вечером в священные времена за нас и за наше потомство. Так молвя, для держания дали золотозначный, красно-печатный ярлык. Писан года восемьсотого, в лето барса, месяца Шабана в шестой день, во время нахождения в Муджуране на берегу Днепра.

II. ЯРЛЫК ТОХТАМЫША

Этот ярлык принадлежал первоначально какому-то Крымскому владельцу; из Крыма он был представлен, как документ на право владения, к Князю Михаилу Семеновичу Воронцову, бывшему тогда Новороссийским и Бессарабским Генерал-Губернатором. В последствии он издан Одесским обществом Истории и Древностей по копии, сделанной А. Борзенковым, в литографическом снимке, в величину подлинника, Тромонина, с транскрипцией арабскими буквами и переводом первого драгомана татарского языка Министерства иностранных дел Ярцова, с коротким введением и некоторыми примечаниями Г. Григорьева.

Этот ярлык Тохтамыша принадлежит к числу тарханных: он пожалован Тохтамышем некоторому Бек Хаджию в подтверждение льгот, дарованных Тимур-Пуладом племени Суткул. Вообще формою своей этот ярлык сходен с предыдущим, но в нем упоминаются некоторые чины, опущенные в первом, в исчислении же льгот находятся также некоторые отличия, которые легко видеть можно по сравнении обоих ярлыков.

Подлинник писан арабскими буквами почерком *джелий* или *дивани* очень красивым и фигурным: первые две строки, имя Тимур-Пулада и фраза: написаны золотыми буквами; в двух местах приложена красная печать Тохтамыша, величиной почти вдвое больше печати на грамоте к Ягайлу. – Язык этого ярлыка старый тюркский (уйгурского наречия).

ПЕРЕВОД

Предаюсь на Бога и уповаю на милость и благодать его !

Тохтамышево слово.

Крымской области начальникам, во главе коих Кутлу-Буга, Бекам, духовным судьям, духовным законоведцам, настоятелям, старцам, секретарям палат, таможникам, весовщикам, букаулам, заставщикам, каким бы то ни было мастерам, всем.

Так как Тимур-Пулад повелел так: «владеющий сим ярлыком Бек Хаджи с принадлежащими ему людьми, все нами пожалованы (они платили в государственное казначейство ежегодно все какие бы то ни было требуемые расходы с надбавками). Отныне впредь да не налагают на Суткуль называемые «подушные», да не требуют подвод и корму; да не требуют на амбары хлебного харчу; областные власти да не трогают никакого подчиненного Суткулю человека внутри Крыма, вне, на местах остановки; всем им вкупе сущим, ради освобождения их от требуемых расходов, оказывания покровительства и помощи, написания паизового тарханного ярлыка, вы все в этом случае оказывайте безпрекословное содействие Бек Хаджию», то посему делающие раскладку областных подушных непременно побоятся причинять беспокойство и обиду. Но, если ты Бек Хаджи, говоря: «Я есмь вот как пожалован» станешь причинять насилие жалким беднякам, и тебе же доброго не будет. Так молвя, для держания дали краснопечатный ярлык. Орда находилась на Дону, на Ур-губе, на степи. Писано в лето обезьяны девяносто четвертого года месяца Зулькаада двадцать четвертого».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 4

Иоганн Шильтбергер. «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г.»

Иоганн Шильтбергер родился в Мюнхене (1380 – не ранее 1438). Он принимал участие в походе 1396 г. венгерского короля Сигизмунда против турок и в первый раз попал в плен в сражении при Никополе. Долгое время он находился на службе при дворе султана Баязида I. В 1402 г. Шильтбергер был взят в плен войсками Тимура в сражении при Ангоре и оставался в плену до 1427 г. «За время своего 30-летнего пребывания в плену Иоганн Шильтбергер вместе со своими хозяевами побывал во многих странах Европы, Азии и Африки: Венгрии, Болгарии, Валахии, Молдавии, на Украине, в Турции, Византии, Египте, Палестине, Иордании, Иране, Хорасане, Средней Азии, Азербайджане, Грузии, Дагестане, Черкессии и в других областях Северного Кавказа, Крыму, Астраханском крае и Сибири» [Шильтбергер, 1984, с.4].

Вернувшись на родину после долгих лет скитаний, неграмотный баварский солдат Иоганн Шильтбергер составил описания своих путешествий, которые, по словам З.М.Буниятова, «кажутся иногда фантастическими, преувеличенными и требуют к себе критического отношения» [там же].

Источник и примечания цитируются по изданию: Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. со старонемецкого Ф.К.Бруна; ред. и прим. акад. АН Азерб. ССР З.М.Буниятова. – Баку: «Элм», 1984. – С.33–82.

«25. О королевском сыне

При Абу-Бакре находился королевский сын из Великой Татарии¹. Этому принцу было предложено возвратиться на родину, чтобы занять там престол. С согласия Абу-Бакра он отправился туда в сопровождении 600 всадников, в числе которых находился и я с четырьмя товарищами. <...>

Отсюда королевский сын перешел в Великую Татарию, к вельможе, которого звали Едигей² и который послал ему предложение возвратиться для занятия там престола, Едигей готовился тогда к походу в страну, называемую Сибирь.

Должен заметить, что в Великой Татарии есть сановник, который назначает и низвергает королей, которые во всем от него зависят. Тогда эту высокую должность занимал Едигей.

Татарские владетели имеют также привычку кочевать зимой и летом с женами, детьми и своими стадами. Там, где останавливается король, должны быть построены 100 тысяч юрт.

Вышеупомянутый королевский сын по имени Чакра провожал Едигея в Сибирь. Они двигались два месяца пока не прибыли в эту страну, где есть горы, простирающиеся на 32 дня ходьбы. По рассказам местных жителей, этот горный хребет примыкает к пустыне, доходящей до края света и в которой люди жить не могут из-за водящихся в ней диких животных и змей. В самих же горах отдельными семействами живут дикари, у которых нет постоянных жилищ. Все их тело, кроме лица и рук, покрыто волосами и они, подобно другим животным, скитаются по горам, питаются травой и всем, что попадется им под руки.

Наместник этого края прислал Едигею мужчину и женщину из этих дикарей, которых поймали в горах, где водятся также лошади, ростом не больше ослов. Страна эта изобилует также разными породами животных, которые совсем не встречаются в Германии и которых я не могу даже назвать. Тут водятся также собаки величиной с осла, которых запрягают в повозки и сани и которые также употребляются для перевозки чемоданов. Замечу также, что местные жители поклоняются Христу, подобно трем царям, пришедшим для принесения ему жертвы в Вифлеем³, где его видели в яслях. Поэтому в их храмах можно видеть изображение Христа, представленного в том виде, в каком его заслали три царя, и перед этими образами они молятся.

Приверженцев этого толка называют угинами⁴; они и в Татарии встречаются в большом числе.

В этой стране существует также обычай, при котором в случае смерти молодого неженатого человека на него надевают его лучшие платья и кладут его в гроб, покрытый балдахинном. После этого приходят молодые люди в праздничных нарядах и несут покойника к могиле в сопровождении музыкантов, которые играют и поют веселые песни. За ними следуют родители и близкие усопшего, которые, наоборот, рыдают и жалуется.

После погребения к могиле приносят кушанья и напитки, которыми наслаждаются, веселясь, молодые люди и музыканты. Родители же и приятели их сидят отдельно и продолжают жаловаться.

Наконец, всех их провожают домой и этим заканчивается церемония, которая должна представлять собой празднование свадьбы умершего, если бы он не скончался.

В этой стране сеют только просо, и хлеба вовсе не едят. Все это я видел своими глазами, когда находился при упомянутом выше королевском сыне Чакре.

26. Каким образом сменялись владельцы

После покорения Сибири Едигей и Чаkra вступили в Булгарию⁵, которая ими также была завоевана. После этого возвратились восвояси.

Примерно в это же время в Татарии королем был некто по имени Шадибек-хан (слово «хан» по-татарски означает «король»). Когда он узнал, что приближается Едигей, он обратился в бегство и погиб⁶ в стычке с людьми, посланными за ним в погоню Едигеем. Едигей затем возвел на престол короля по имени Пулад, который царствовал полтора года и был⁷ изгнан другим [претендентом] по имени Джалал ад-Дин, который был низвергнут братом Пулада Тимуром⁸. Последний, однако, царствовал не более 14 месяцев и погиб в борьбе с возвратившимся Джалал ад-Дином. Этот последний, царствовавший 14 месяцев, был убит в войне с родным братом Кепеком, который, однако, должен был уступить престол другому брату Керим-Берди. Последний после 5-месячного царствования должен был уступить место брату Джабару. Этот же был изгнан Едигеем⁹ и моим господином Чакрой, который был возведен на престол согласно обещанию Едигея.

Однако уже через девять месяцев им пришлось бороться с новым претендентом на престол по имени Мухаммад. Чаkra был вынужден бежать в страну, называемую Дешти-Кыпчак, и Мухаммед воссел на престол¹⁰.

Свергнутый Бараком Мухаммад, собравшись с силами, в свою очередь, изгнал его, однако затем сам был изгнан Девлет-Берди, который после трехдневного царствования был вынужден уступить престол Бараку. Последний затем погиб в борьбе с моим господином Мухаммадом, снова овладевшим престолом. Мой господин Чаkra, который хотел низвергнуть Мухаммада, сам погиб в борьбе с ним. <...>

35. О Красной (Золотой) Татарии

Был я также в Золотой Татарии¹¹, где жители из хлебных растений сеют только одно просо. Вообще они не едят хлеба и не пьют вина, которое у них заменяется молоком лошадиным и верблюжьим. Они питаются мясом этих животных.

Нужно заметить, что в этой стране король и вельможи кочуют летом и зимой с женами, детьми и своими стадами, перевоза с собой все свое прочее добро и странствуя по этой совершенно ровной стране от одного пастбища к другому. Еще надо сказать, что при избрании короля они сажают его на белый войлок и три раза приподнимают. Затем носят его вокруг палатки, сажают на престол и вручают ему золотой меч, после чего он должен присягнуть по их правилам.

Достоин замечания также, что они, подобно всем язычникам, садятся на пол, когда хотят есть или пить. Нет между язычниками народа столь храброго, как обитатели Золотой Татарии, который мог бы переносить столько лишений в походах и путешествиях, как они. Я сам видел, как они, когда терпели недостаток в съестных припасах, пускали кровь [у лошадей] и, собрав ее, варили и ели. Подобным же образом, когда нужно наскоро отправиться в путь, они берут кусок мяса и разрезают его на тонкие полоски, которые кладут под седло. Посолив предварительно это мясо, они едят его, когда голодны, воображая, что они приготовили хорошую пищу, ибо мясо от теплоты лошади высыхает и делается под седлом мягким от езды, во время которой из него вытекает сок. Они прибегают к этому средству, когда у них нет времени готовить себе еду иначе. Еще у них в обычае подносить своему королю, когда он утром просыпается, лошадиное молоко в золотом блюде, и он пьет это молоко натошак.

36. Страны, подвластные Татарии, в которых я был

К числу этих стран принадлежит, во-первых, Хорезм с главным городом Ургендз, лежащий [на острове] на большой реке Итиль¹². Затем страна Бештамак, весьма гористая, с главным городом Джулад¹³. Там же и большой город Астрахань в хорошей стране, и город Сарай¹⁴ – резиденция татарского короля. Есть еще город Болгар¹⁵, богатый разного рода зверьями, а также города Сибирь¹⁶ и Азак, называемый христианами Тана¹⁷. Он лежит на берегу Дона, изобилующего рыбой, которую вывозят на больших судах и галерах в Венецию, Геную и острова Архипелага.

Далее, страна, называемая Кыпчак, со столицей Солкат¹⁸. В этой стране собирают разного рода хлеба. Есть [в этой стране] город Каффа, на берегу Черного моря¹⁹, окруженный двумя стенами. Во внутреннем городе шесть тысяч домов, населенных итальянцами, греками и армянами. Это один из главных

черноморских городов, имеющих по внешней черте до 11 тысяч домов, населенных христианами: латинскими, греческими, армянскими и сирийскими. В этом городе местопребывание трех епископов: римского, греческого и армянского. В городе есть и много язычников, которые имеют в нем свой храм.

От Каффы завязят четыре города, расположенные на берегу моря, где есть два рода евреев, имеющих две синагоги в городе и четыре тысячи домов в предместье.

Далее – город Киркьер²⁰, в хорошей области, именуемой Готфией²¹, но которую язычники называют Тат. Она заселена греческими христианами и в ней производят хорошее вино. В этой стране, лежащей на берегу Черного моря, возле города Сарукерман²² был утоплен св. Климент. Там же страна (земля) черкесов²³, также на побережье Черного моря, населенная христианами, исповедующими греческую веру. Но, тем не менее, они злые люди и продают язычникам своих собственных детей и тех, которых они крадут у других. Они также занимаются разбоем и говорят на особенном языке. У них есть обычай класть убитых молнией в гроб, который потом вешают на высокое дерево. После этого приходят соседи, которые приносят с собой еду и напитки и начинают плясать и веселиться, режут баранов и быков и раздают большую часть мяса бедным. Это они делают в течение трех дней и повторяют то же самое каждый год, пока трупы совсем не истлеют, воображая, что человек, пораженный молнией, должен быть святым²⁴.

Так же королевство Россия, которая платит дань татарскому королю. Нужно заметить, что между золотыми татарами есть три поколения: кайтаки²⁵, джамболуки²⁶ и монголы²⁷. Их страна имеет протяжение три месяца ходьбы, представляя собой равнину, в которой нет ни леса, ни камней и есть только трава и камыш.

Все отмеченные земли входят в состав Золотой Татарии и во всех этих землях я был. <...>

Примечания

¹ Речь идет о золотоордынском принце Чакре (1414–?) из рода Уруса, сына Орды. Под Великой Татарией подразумевается Белая Орда, или Восточный Кыпчак.

² Это – знаменитый Мурза Едигей, в руках которого много лет была сконцентрирована фактическая власть в Белой Орде. Убит в 1416 г.

³ Вифлеем – город в Палестине, западнее Мертвого моря. В Вифлееме в правление царя Ирода I Великого (37 г. до н.э.) родился Иисус Христос.

⁴ По Ф.Бруну, угины были «последователями ламаизма, т.е. модификации буддизма, введенного Чингиз-ханом из Тибета в Монголию».

⁵ Булгария (Болгария) – область, расположенная в бассейне Средней Волги.

⁶ Шадибек-хан, сын Кутлуг-Буки, внук Урус-хана в 1407 г. пытался освободиться от влияния Едигея, но был разбит, бежал в Астрахань, а оттуда в Шемаху. Едигей потребовал от ширваншаха Шейха Ибрахима выдачи Шадибека, однако ширваншах отказал ему в этом. Шадибек умер в Шемахе в 1408 г.

⁷ Пулад-хан (Хан-Булат Солтан русских хроник) был сыном Шадибека. Умер он в 1410 г.

⁸ После смерти Пулад-хана правителем стал Тимур-хан, сын Тимур-Кутлуга, внук Тимур-Малика и правнук Урус-хана. Чтобы прибрать Тимур-хана к рукам, Едигей выдал за него одну из своих дочерей. Однако через несколько месяцев Тимур-хан выступил против своего тестя, и разбитый Едигей бежал в 1411 г. в Хорезм. Тимур-хан, однако, правил короткое время и был свергнут сыном Тохтамышом Джалал ад-Дином.

⁹ Все эти дворцовые перевороты происходили до 1419 г., когда Едигей был убит сыном Тохтамышом Кадыром-Берди.

¹⁰ Монеты с именем Чакры чеканились до 1414 г. С 1419 г. областях Афьон-Карахисар или Антильи (побережье Средиземного моря).

¹¹ Земли «Золотой Татарии» (Восточной Орды) тянулись от Урала до Сырдарьи и Черноморья.

¹² Хорезм (Хорезм) – область, расположенная между Амударьей и Сырдарьей. Ургандз (Ургенч) был столицей Хорезма. Итиль в данном случае означает Амударью.

¹³ О Джуладе см.: прим. 109. Локализовать «страну Бештамак (Бестан)» не удалось. Возможна идентификация с горой Бештау (Бестак, Бестау, Бешдаг, Бештаг).

¹⁴ По Эвлии Челеби (Книга путешествия, вып. 2, с.136), город Сарай «был крупным поселением на берегу великой реки Волги, на расстоянии двухдневных переходов к северу от побережья Каспийского моря. Этот город Сарай построен так, что он имеет пристань на берегу реки Волги. Она огибает город с севера и с запада, затем течет вниз – на юг».

¹⁵ О городе Булгар (Болгар) и Булгарии см.: прим. 113.

¹⁶ В данном тексте Сибирь неуместна. Шильбергер мог спутать Сибирь с сабирами, расселенными в Каспийско-Азовском междуморье (см. М.И.Артамонов. История Хазар, с.69–78 и карту на с.72).

¹⁷ Тана дошла до нас под именем Азак через арабские и персидские источники. Город был торговым центром Венецианской и Генуэзской республик на левом берегу реки Дон, в его устье. Он регулировал громадный торговый оборот. Был разрушен Тамерланом в 1395 г., но вскоре восстановлен венецианцами.

¹⁸ Солкат (Солхат) – совр. Старый Крым. До середины XV в. был административным и торговым центром Крымских степей. [См. также: Эвлия Челеби. Там же, с.100, 162, 231].

¹⁹ Каффа (Кафа) – совр. Феодосия.

²⁰ Ф.Брун Киркьер (Киркиер) идентифицирует с Чуфут-кале (Крым).

²¹ Готфия – это Таврида. Готы некогда жили между Кафой и Балаклавой (Чембулак).

²² Сарукерман – это Херсон. [Ср.: Гильом де Рубрук. Путешествие, с.88, 89: «Керсона, в котором был замучен святой Климент» и «Керсона, город Климента»].

²³ Черкесы когда-то обитали на с.-з. отрогах Кавказа, по обе стороны реки Кубань, вдоль берега Черного моря.

²⁴ Ср.: Аполлоний Родиос (III в. до н.э.). Аргонавтика, XII, с.200–209: «Покинув корабль они увидели много деревьев с тонкими листьями и с мертвыми телами, привязанными к их верхушкам веревками. До настоящего времени колхи кремацию тел умерших считают тяжким грехом. Они не сжигают покойников и не устанавливают мемориальных памятников на могилах. Они заворачивают тела в сырую кожу и подвешивают их на деревьях вдали от города» (Апполон Родосели. Аргонавтика. Пер. А.Урушадзе, Тбилиси, 1975, с.122).

²⁵ Кайтаки (кайтаги) – небольшая этническая группа даргинцев, живущих в Дагестане и говорящих на кайтагском диалекте даргинского языка. Кайтаки живут на юго-востоке Дагестана.

²⁶ Джамболук – Джамболукская или Эвболукская орда ногайцев, до XVII в. кочевавшая в бассейне реки Эльбы. Затем ногаи переместились к западным берегам Азовского моря.

²⁷ В данном случае под монголами Шильтбергер подразумевал калмыков, язык которых относится к группе монгольских языков».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 5

Иосафат Барбаро о татарах

Иосафат Барбаро происходил из благородной венецианской семьи. В 1436 г. он в качестве посла Венецианской Республики и как купец прибыл в Тану (ныне Азов), который в то время принадлежал генуэзцам и являлся местом для складирования китайских и индийских товаров. Барбаро провел в Крыму 16 лет, объездил его и морем, и сухим путем, поэтому имел хорошую возможность собрать очень подробные и важные сведения о татарах. В двух последних главах своего сочинения он говорит о России и землях татар, лежащих к востоку и югу от нее. В 1471 г. по повелению Республики он совершил путешествие в Персию к Узун Хасану, чтобы помочь тому военными запасами и советами в войне против турок. Когда он в 1479 г., как он сам говорит, вернулся на родину, то спустя восемь лет, т.е. в 1487 г., описал оба своих путешествия, так что мог в них упомянуть еще о завоевании русскими Казани и Новгорода. Умер Барбаро в 1494 г. в Венеции.

Источник и комментарий цитируются по изданию: Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч.Скряжинской. – Л., 1971. – С.136–187.

«ИОСАФАТ БАРБАРО

Путешествие в Тану

<...> Итак, я намерен разделить свое повествование на две части. В первой я расскажу о путешествии в Тану, во второй – о путешествии в Персию. Однако ни в той, ни в другой я не буду говорить – за редким исключением – ни о трудностях, ни об опасностях или неудобствах, с которыми мне приходилось встречаться.

§ 4. В 1436 году я предпринял свое путешествие в Тану, где год за годом я оставался в течение целых шестнадцати лет. Я объездил те области, как по морю, так и по суше, старательно и с любопытством.

§ 5. Равнина Татарии¹ представляется человеку, стоящему посередине, в таких границах: с востока она имеет реку Ледиль²; с запада и северо-запада – Польшу; с севера-Россию; с юга, там, где земли

обращены к Великому морю³, – Аланию, Куманию, Газарию⁴; последние страны все граничат с Забакским морем⁵. Итак, равнина эта лежит между названными пределами.

§ 6. Для того, чтобы меня лучше поняли, я поведу рассказ, двигаясь вдоль Великого моря, частью по его побережью, частью же по более глубоко расположенным землям, вплоть до реки Эличе⁶, которая находится уже за Каффой⁷, примерно в сорока милях от нее. Перейдя эту реку, идут по направлению к Монкастро⁸. Там находится Данубий, река знаменитейшая. О местах еще дальше отсюда я уже не скажу ничего, так как они хорошо знакомы.<...>

§ 13. Магометанская вера стала обычным явлением среди татар уже около ста десяти лет тому назад. Правда, раньше только немногие из них были магометанами, а вообще каждый мог свободно придерживаться той веры, которая ему нравилась. Поэтому были и такие, которые поклонялись деревянным или тряпочным истуканам и возили их на своих телегах. Принуждение же принять магометанскую веру относится ко времени Едигея⁹, военачальника татарского хана, которого звали Сидахамет-хан¹⁰. Этот Едигей был отцом Науруза; о нем-то и пойдет теперь речь.

§ 14. В степях Татарии в 1438 г. правил хан по имени Улумахмет-хан¹¹, что значит великий Магомет император. Правил он много лет. Когда со своей ордой, т.е. со своим народом¹², он находился в степях, лежащих в сторону России, а военачальником у него был этот Науруз¹³, сын Едигея, при котором Татария обратилась в магометанскую веру, возникло между Наурузом и его императором некоторое разногласие. Вследствие этого Науруз отделился от императора и ушел от него с тем войском, которое захотело за ним [Наурузом] следовать. Он направился к реке Ледиль, где стоял некий Кезимахмет¹⁴, что значит малый Магомет, происходивший из рода татарских императоров. Оба они объединили как свои замыслы, так и военные силы и решили вместе идти против того Улумахмета.

§ 15. Пройдя около Астрахани, они пришли в Таманские степи¹⁵; затем, обогнув Черкесию, они направились по пути к реке Дону¹⁶ и к заливу Забакского моря¹⁷; и море и река Дон были покрыты льдом. Ввиду того, что и народу было много, и животных было немалое число, им пришлось двигаться широким фронтом, чтобы идущие впереди не уничтожили всю солому и другую пищу, нужную для тех, которые шли сзади. Поэтому один головной отряд этого племени со стадами дошел до места, называемого Паластра¹⁸, а другой – до реки Дона в том месте, которое называется Бозагаз; это слово значит «серое дерево». Промежуток между этими местами составляет сто двадцать миль; на такое расстояние растянулся этот движущийся народ, хотя не все эти места были удобны для прохождения.

§ 16. За четыре месяца до прихода [татар] к Тане мы уже знали об этом; за месяц же до появления упомянутого царевича [Кезимахмета] начали приближаться к Тане отдельные сторожевые разъезды¹⁹; разъезд состоял из трех или четырех юношей на конях, причем каждый [всадник] имел еще одну лошадь на поводу.

Тех из них, которые заезжали в Тану, приглашали к консулу; им оказывался ласковый прием и подносились подарки. На вопрос, куда они едут и что собираются делать, они говорили, что это все молодежь и что ездят они просто для своего удовольствия. Ни о чем другом не удавалось заставить их говорить. Они задерживались не более одного-двух часов и уезжали. Ежедневно повторялось одно и то же, кроме только того, что с каждым разом число их становилось несколько больше. Когда царевич приблизился к Тане на расстояние пяти-шести дней пути, они стали появляться в числе от двадцати пяти до пятидесяти человек, в полном вооружении; когда же он подошел еще ближе, они насчитывались уже сотнями.

§ 17. Наконец, царевич²⁰ прибыл и расположился около Таны на расстоянии выстрела из лука, в старой мечети. Консул немедленно решил отправить ему подарки и послал одну новенну ему, другую – его матери, третью – Наурузу, его военачальнику. Новенной называется дар, состоящий из девяти различных предметов, например шелковой ткани, scarлатового сукна и других вещей, числом до девяти: таков обычай при подношениях правителям в этих областях.

Случилось, что именно я должен был отправиться с подарками; мы повезли ему хлеб, медовое вино, бузу – иначе пиво – и другие вещи, числом до девяти. Войдя в мечеть, мы застали царевича возлежащим на ковре и опирающимся на военачальника Науруза. Царевичу было года двадцать два, а Наурузу лет двадцать пять.

Поднеся ему все привезенные подарки, я препоручил [его защите] город вместе с населением, сказав, что оно пребывает в его власти. Он отвечал мне самой вежливой речью, но затем, глядя на нас, принялся хохотать и бить в ладони, говоря: «Посмотри, что это за город, где на троих людей приходится только три глаза!». Это было действительно так: Буран Тайя-пъетра²¹, наш переводчик, имел всего один глаз; некий Дзуан, грек, консульский жезлоносец, – также только один; и человек, который нес медовое вино, равным образом был одноглазый.

Получив от царевича разрешение удалиться, мы вернулись в город.

§ 18. Если бы кто-нибудь попал в эти места, ему могло бы показаться мало разумным, что упомянутые сторожевые отряды ездят группами по четыре, по десять, по двадцать и тридцать человек по этим равнинам, оставаясь вдаль от своих людей на расстоянии добрых десяти, шестнадцати, а то и двадцати дней пути; и он мог бы спросить, чем же они питаются. Я отвечаю ему, что каждый из этих [наездников], когда он отделяется от своего народа, берет с собой небольшой мешок из шкуры козленка, наполненный мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда. У них всегда есть с собой несколько деревянных мисок. Если у них не хватает дичины, – а ее много в этих степях, и они прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки, – то они пользуются этой мукой, приготовляя из нее, с небольшим количеством воды, род питья²²; этим они и обходятся.

Когда я спросил одного из них, что же едят они в степи, он тут же задал мне встречный вопрос: «А разве кто-нибудь умирает от того, что не ест?», – как будто бы говоря: «Иметь бы мне лишь столько, сколько нужно, чтобы слегка поддержать жизнь, а об остальном я не забочусь». Они ведь довольствуются травами, кореньями и всем, чем только возможно, лишь бы была у них соль. Если они не имеют соли, то рот их покрывается нарывами и гноится; от этого заболевания некоторые даже умирают; случается у них и понос.

§ 19. Но вернемся к тому, на чем мы остановились. После отъезда царевича начал подходить народ со стадами. Сначала шли табуны лошадей по шестьдесят, сто, двести и более голов в табуне; потом появились верблюды и волы, а позади них стада мелкого скота²³. Это длилось в течение шести дней, когда в продолжение целого дня – насколько мог видеть глаз – со всех сторон степь была полна людьми и животными: одни проходили мимо, другие прибывали. И это были только головные отряды; отсюда легко представить себе, насколько значительна была численность [людей и животных] в середине [войска].

Мы все время стояли на стенах²⁴ (ворота мы держали запертыми) и к вечеру просто уставали смотреть. Поперечник равнины, занятой массами этих людей и скота, равнялся 120 милям; все это походило на некую паганею.

Это греческое слово, которое я впервые узнал, будучи в Морее²⁵, на охоте у одного князька. Он привел с собой сто вилланов; каждый из них держал в руках дубину. Они были размещены на расстоянии десяти шагов один от другого и подвигались вперед, ударяя дубинами в землю и выкрикивая какие-то слова, чтобы заставить зверей выбежать [из лесу]. Охотники же, кто верхом, а кто пеший, с птицами и собаками, расстановивались по местам, где им заблагорассудится. Когда наступал подходящий момент, они бросали [в воздух] птиц и спускали собак. <...>

§ 22. У этого народа в употреблении бесчисленные повозки на двух колесах, повыше наших. Они устланы [сверху] камышовыми циновками и покрыты одни войлоком, другие сукнами, если принадлежат именитым людям. На некоторых повозках помещаются дома, которые они строят следующим образом: берут деревянный обруч, диаметром в полтора шага, и на нем устанавливают несколько полуобручей, пересекающихся в центре; промежутки застилают камышовыми циновками, которые покрывают либо войлоком, либо сукнами, в зависимости от недостатка. Когда они хотят остановиться на привал, они снимают эти дома с повозок и живут в них²⁶. <...>

§ 25. Суд происходит во всем лагере, в любом месте и без всякой подготовки. Поступают таким образом.

Когда кто-то затевает с другим ссору, причем оба обмениваются бранными словами (однако не совсем так, как это бывает у нас, а без особенной оскорбительности), то оба, – а если их было больше, то все, – поднимаются и идут на дорогу, куда им покажется лучше, и говорят первому встречному, если он человек с каким-нибудь положением: «Господин, рассуди нас, потому что мы поссорились». Он же, сразу остановившись, выслушивает, что ему говорят, и затем решает, как ему покажется, без всякого записывания, и о том, что он решил, никто уже не рассуждает. В таких случаях собирается толпа людей, и он, высказав свое решение, говорит: «Вы будете свидетелями!». Подобные суды постоянно происходят по всему лагерю, если же какая-либо распря случится в походе, то они соблюдают то же самое, приглашая быть судьей всякого встречного и заставляя его судить.

§ 26. Однажды, находясь в орде²⁷, я увидел на земле опрокинутую деревянную миску. Я подошел и, подняв ее, обнаружил, что под ней было вареное просо. Я обратился к одному татарину и спросил, что это такое. Он мне ответил, что это положено «hibuth peres», т.е. язычниками. Я спросил: «А разве есть язычники среди этого народа?». Он же ответил: «Хо, хо! их много, но они скрываются»²⁸.

§ 27. Начну с численности этого народа и скажу [о ней] предположительно – потому что пересчитать его нет возможности, – приводя [цифру] ни больше, ни меньше, чем я думаю. Я уверен и

твердо этого держусь, что их было триста тысяч душ во всей орде, когда она собрана воедино. Делаю такое замечание потому, что частью орды²⁹ владел Улумахумет, как я уже сказал выше.

§ 28. Военные люди в высшей степени храбры и отважны, причем настолько, что некоторые из них, при особо выдающихся качествах, именуются «талубагатер», что значит безумный храбрец³⁰. Такое прозвище рождается в народе, подобно тому, как у нас «мудрый» или же «красивый», отчего и говорят – Петр такой-то, по прозвищу «Мудрец», или Павел такой-то, по прозвищу «Красавец». Эти богатыри имеют одно преимущество: все, что бы они ни совершали, даже если это в известной мере выходит за пределы здравого смысла, считается правильным, потому что раз это делается по причине отваги, то всем кажется, что богатыри просто занимаются своим ремеслом. Среди них есть много таких, которые в случаях военных схваток не ценят жизни, не страшатся опасности, но мчатся вперед и, не раздумывая, избивают врагов, так что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрецов. Прозвище их кажется мне весьма подходящим, потому что я не представляю себе отважного человека, который не был бы безумцем. Разве, по-вашему, это не безумство, когда один отваживается биться против четверых?

Разве не сумасшествие, когда кто-нибудь с одним ножом готов сражаться с многими, да еще вооруженными саблями?

§ 29. По этому поводу расскажу, что однажды случилось при мне, когда я был в Тане. Стоял я как-то на площади; пришли в город татары и сообщили, что в роще, мили за три отсюда, спрятались черкесы-наездники, числом около сотни, которые задумали совершить набег под самый город, как это было у них в обычае. Я сидел в лавке мастера по выделке стрел; там же был еще один купец-татарин, пришедший туда с цитварным семенем³¹. Узнав о черкесах, он встал и сказал: «Почему бы нам не отправиться захватить их? Сколько там этих всадников?». Я ответил ему: «Сто человек». – «Вот и хорошо», – сказал он, – «нас пятеро, а у вас сколько найдется всадников?». Я ответил: «Сорок». А он сказал: «Черкесы не мужчины, а бабы. Идем, схватим их!». Услышав все это, я пошел искать мессера Франческо и рассказал ему об этих речах, он же со смехом спросил меня, хватит ли у меня духу пуститься туда. Я ответил, что хватит.

И вот мы сели на лошадей, приказали нашим людям прибыть по воде и к полудню налетели на этих черкесов. Они стояли в тени, некоторые из них спали, но, к несчастью, случилось так, что немного раньше, чем мы достигли их, наш трубач затрубил. Поэтому многие успели бежать; тем не менее, и убитыми, и пленными нам досталось около 40 человек. Но вся красота этого дела относится к тому, что говорилось о «безумных храбрецах». Тот татарин, который предлагал ехать хватать черкесов, не удовольствовался добычей, но в одиночку бросился в погоню за беглецами, хотя мы все кричали ему: «Ты же не вернешься, никогда ты не вернешься!». Он возвратился спустя почти целый час и, присоединившись к нам, жаловался, говоря: «Горе мне, не смог я поймать ни одного!» – и сильно сокрушался. Судите сами, каково было его безумство, – ведь если бы хоть четверо из черкесов обернулись против него, они изрубили бы его на мелкие куски. Более того, когда мы упрекали его, он все обращал в шутку.

§ 30. Сторожевые отряды (я говорил о них выше), которые подходили к Тане раньше, чем пришло все войско, двигались впереди него по восьми разным направлениям, чтобы со всех сторон разузнавать о возможной опасности, находясь в отдалении от него на много дней пути и действуя соответственно его нуждам.

Лишь только правитель остановился, они сразу же раскидывают базары³², оставляя широкие дороги. Если это происходит зимой, то от множества ног животных образуется величайшая грязь; если же летом, то величайшая пыль. Тут же, немедленно после того, как поставлены базары, они устраивают свои очаги, жарят и варят мясо и приготавливают свои кушанья из молока, масла, сыра. У них всегда бывает дичина, особенно же олени.

В их войске есть ремесленники – ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла.

Если бы ты спросил меня: «Они, значит, бродят, как цыгане?»³³ – я отвечу отрицательно, так как – за исключением того, что их станы не окружены стенами, – они представляются [нам] огромнейшими и красивейшими городами³⁴. В связи с этим [скажу следующее]: однажды, когда я находился в Тане, где над воротами была очень красивая башня, около меня стоял один купец-татарин, рассматривавший эту башню; я спросил его: «Не кажется ли тебе эта вещь замечательной?». Он же, взглянув на меня и усмехнувшись, сказал: «Ба! кто боится, тот и строит башни!». В этом, мне думается, он был прав.

§ 31. Упомянув о купцах, но возвращаясь к нашему предмету, а именно к татарскому войску, скажу, что при нем всегда находятся купцы³⁵; одни различными путями привозят сюда товары, другие же лишь проходят через орду с намерением идти в иные страны.

§ 32. Татары прекрасные охотники с соколами, и у них много кречетов; они ловят птиц на репейник³⁶ (что у нас не применяется), ходят на оленей и на другого крупного зверя. Кречетов они носят на кулаке одной руки, а в другой держат посошок; когда устанут, потому что ведь [эти птицы] вдвое больше орлов, они подставляют посошок под руку. Временами над их войском пронесется стая гусей; тогда люди из лагеря пускают стрелы толщиной в палец, изогнутые и без оперения. Стрелы летят прямо, затем повертываются и летят наперерез птицам, раздробляя – когда достигнут их – то шею, то ноги, то крылья. Иногда кажется, что этими гусями полон воздух; от крика людей они, оглушенные, пугаются и падают на землю. <...>

§ 34. Что же рассказать о великом, даже бесчисленном множестве животных в этой орде³⁷? Поверят ли мне? Это как угодно, но я все же решусь сказать, сколько их там.

Начну с лошадей. Среди этого народа есть торговцы лошадьми; они выводят лошадей из орды и гонят их в различные места. В одном караване, пришедшем в Персию еще до того, как я оттуда уехал, их было четыре тысячи голов³⁸. Не удивляйтесь этому: действительно, если бы вы пожелали за один день купить в орде сразу тысячу или даже две тысячи лошадей, вы нашли бы их там, потому что лошади ходят табунами, как скот. Обычно отправляются в табун и говорят продавцу, что желательно достать сотню таких-то коней. У него есть дубинка с арканом на верхнем конце, и он настолько привычен к своему делу, что едва лишь покупатель укажет ему – «слови, мол, мне этого коня или слови того», – как он уже накинул петлю коню на голову, вытащил его из среды других и поставил в стороне. Таким способом он вылавливает столько коней, сколько требуется покупателю, и тех именно, каких тот желает. Мне случилось встречать в пути купцов, гнавших лошадей в таком количестве, что они покрывали пространство целых степей.

Но вот что удивительно: страна эта не производит очень породистых лошадей; они низкорослы, с большим брюхом и не едят овса. Когда их гонят в Персию, то наибольшее достоинство, которое можно за ними признать, состоит в том, что они едят овес, потому что если бы они его не ели, то не могли бы, в случае надобности, переносить усталость.

Второй вид животных, которых имеет этот народ, – прекрасные крупные быки, причем в таком количестве, что их вполне хватает даже на итальянские бойни. Их гонят в Польшу, а некоторую часть направляют через Валахию в Трансильванию; кроме того – в Германию, а оттуда уже ведут в Италию. В тех местах [в степях] быки носят поклажу и вьюки, когда это требуется.

Третий вид животных, которых держит этот народ, – высокие мохнатые двугорбые верблюды. Их гонят в Персию и продают там по двадцать пять дукатов за каждого. Верблюды с востока имеют один горб и малы ростом; их продают по десять дукатов за каждого.

Четвертый вид животных, которых разводит этот народ, – огромнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и с такими хвостами, что некоторые весят до двенадцати фунтов каждый. Я видел подобных баранов, которые тащили за собой колесо, а к нему был привязан их хвост. Салом из этих хвостов [татары] заправляют свою пищу; оно служит им вместо масла и не застывает во рту.

§ 35. Не знаю, кто, кроме очевидца, мог бы рассказать о том, о чем я сейчас сообщу³⁹. Ведь вы могли бы спросить: «Чем же питается такое количество народа, если он находится в пути целыми днями? Откуда берется хлеб, который они едят? Где они находят его?». Я, сам видевший все это, так отвечу вам.

Около февральского новолуния устраивается клич по всей орде, чтобы каждый, желающий сеять, приготовил себе все необходимое, потому что в мартовское новолуние будет происходить сев в таком-то месте, и что в такой-то день такого-то новолуния все отправятся в путь. После этого те, кто намерен сеять сам или поручить сев другим, готовятся и уговариваются между собой, нагружают телеги семенами, приводят нужных им животных и вместе с женами и детьми – или же с частью семьи – направляются к назначенному месту, обычно расположенному на расстоянии двух дней пути от того места, где в момент клича о севе стояла орда. Там они пашут, сеют и живут до тех пор, пока не выполнят всего, что хотели сделать. Затем они возвращаются в орду.

Хан поступает со своей ордой так же, как мать, пославшая детей на прогулку и не спускающая с них глаз. Поэтому он объезжает эти посева – сегодня здесь, завтра там, не удаляясь [от своих людей] больше чем на четыре дня пути. Так продолжается, пока хлеба не созреют. Когда же они созреют, то он не передвигается туда со всей ордой, но уходят туда лишь те, кто сеял, и те, кто хочет закупить пшеницу. Едут с телегами, волами и верблюдами и со всем необходимым, как при переезде в свои поместья.

Земли там плодородны и приносят урожай пшеницы сам-пятьдесят – причем она высотой равна падуанской пшенице, – а урожай проса сам-сто. Иногда получают урожай настолько обильный, что оставляют его в степи.

§ 36. Расскажу здесь, кстати, и о следующем. Был тут сын одного из сыновей Улумахумета; он правил несколько лет и все опасался, как бы один его двоюродный брат, находившийся по ту сторону реки Ледиль, не лишил его той части его народа⁴⁰, которая обычно уходила туда на посевы и потому подвергалась особенной опасности. Одиннадцать лет подряд не разрешал он сеять, и в течение этого времени все они питались только мясом, молоком и подобными вещами; на базаре все же бывало немного муки и проса, но по дорогой цене. Когда я их спрашивал, как же они обходятся, они лишь усмехались, говоря, что у них есть мясо. Тем не менее, упомянутый [царевич] был все же изгнан этим своим двоюродным братом.

В конце концов Улумахумет (о котором мы говорили выше), – после того, как в пределы его владений пришел Кезимахумет, – видя, что не сможет ему сопротивляться, покинул орду и бежал вместе со своими сыновьями и другими своими людьми. А Кезимахумет объявил себя ханом всего того народа⁴¹.

§ 37. Он пришел к Дону в июне месяце и переправлялся через реку в течение почти двух дней со своим многочисленным народом, с телегами, со скотом и со всем имуществом. Поверить этому удивительно, но еще более удивительно самому видеть это! Они переправлялись без всякого шума, с такой уверенностью, будто шли по земле. Способ переправы таков: начальники посылают своих людей вперед и приказывают им сделать плоты из сухого леса, которого очень много вдоль рек. Затем им велят делать связки из камыша, которые прилаживают под плоты и под телеги. Таким образом, они и переправляются, причем лошади плывут, таща за собой эти плоты и телеги, а обнаженные люди помогают лошадям⁴².

Спустя месяц [после виденной мною переправы] я отправился по реке на тони и встретил такое количество брошенных плотов и фашин, которые плыли по течению, что мы едва смогли пробиться. По берегам в этих местах я видел, кроме того, также огромное множество плотов и фашин и был просто поражен. Когда мы прибыли на тони, то обнаружили, что здесь был нанесен вред гораздо больший, чем тот, о котором я уже писал выше. <...>

§ 46. Степь на «острове Каффы» подвластна татарам⁴³. Их правителем является Улуби⁴⁴, сын Азихарея. Татар очень много, и при надобности они могли бы поставить от трех до четырех тысяч конников. У них есть два поселения, обнесенные стенами, но не представляющие собой крепостей. Одно – это Солхат⁴⁵, который они называют Инкремин, что значит «крепость», другое – Керкиарде⁴⁶, что на их наречии означает «сорок селений».

§ 47. Однако я хотел бы только рассказать о гибели Каффы, именно то, что я узнал от одного генуэзца, Антонио да Гваско, который там находился, затем бежал по морю в Грузию, а оттуда пришел в Персию как раз в то время, когда я там был⁴⁷. Послушайте, каким образом этот город достался в руки туркам.

Тогда правителем в том месте, а именно – в степях, был один татарин по имени Эминакби⁴⁸. Он ежегодно брал с каффинцев определенную дань, что было обычным явлением в тех краях. Случились между ним и каффинцами некоторые разногласия, по поводу которых консул Каффы – это был тогда генуэзец – решил обратиться к хану⁴⁹, чтобы призвать [правителем] кого-либо из родичей этого Эминакби. При его содействии и при помощи его сторонников консул намеревался изгнать Эминакби. Поэтому он послал [из Каффы] корабль в Тану⁵⁰. На корабле был посол от консула, который и отправился в орду, где находился хан. Когда там был найден какой-то родич Эминакби, по имени Менглиери, посол, получив разрешение, отвез его в Каффу через Тану. Эминакби, узнав об этом, пытался установить мир с каффинцами путем договора, по которому они должны были отослать Менглиери обратно. Но каффинцы не согласились на подобный договор; тогда Эминакби, опасаясь за свое дело, отправил посла к Оттоману, обещая ему (если он пошлет свой флот для осады Каффы с моря) осадить город с суши и, таким образом, отдать ему Каффу, которой тот хотел овладеть.

Оттоман, который весьма желал этого, послал флот и в короткое время взял город; Менглиирей был захвачен и отослан к Оттоману, у которого оставался в тюрьме многие годы.

§ 48. Некоторое время спустя Эминакби из-за дурного отношения к себе со стороны турок начал жалеть, что отдал город Оттоману, и перестал допускать туда ввоз какого-либо продовольствия. Поэтому там начал [ощущаться] большой недостаток хлеба и мяса, так что город находился как бы в осаде. Тогда Оттоману напомнили, что если бы он послал Менглиирея в Каффу и держал его внутри города под домашней охраной, в городе наступило бы изобилие [питания], потому что этот

самый Менглигирей пользовался большой любовью у окрестного населения. Оттоман, рассудив, что такое напоминание полезно, отослал Менглигирея [в Каффу]. Лишь только стало известно, что он вернулся, тотчас же в городе наступило великое изобилие, потому что Менглигирея любило также и городское население. Он содержался под нестрогой охраной и мог ходить повсюду в пределах города. Тогда-то однажды и были устроены состязания по стрельбе из лука.

В этих местах состязания происходят следующим образом. К деревянной балке, положенной горизонтально на два деревянные столба (это устройство похоже на виселицу), привешивают на тонкой бечевке серебряную чашу. Состязающиеся на приз стрелки имеют стрелы⁵¹ с железной частью в виде полумесяца с острыми краями. Всадники скачут с луками на своих конях под эту виселицу и, едва только минуют ее, – причем лошадь продолжает нестись в том же направлении, – оборачиваются назад и стреляют в бечевку; тот, кто, срезав ее, сбросит чашу, выигрывает приз.

И вот Менглигирей, воспользовавшись случаем, когда происходили эти игры, устроил так, что сотня всадников из татар, с которыми он сговорился, спрятались в одной долинке неподалеку за городом. Он сделал вид, что также хочет состязаться в стрельбе, поскакал во весь опор и скрылся бегством среди своих сообщников. Немедленно же, лишь только узнали об этом событии, множество людей из населения «острова» последовало за Менглигиреем. Вместе с ними, в полном порядке, он ушел к Солхату – этот город отстоит от Каффы на шесть миль – и захватил его⁵². Убив Эминак-би, Менглигирей стал правителем тех мест.

§ 49. На следующий год он решил пойти к Астрахани, которая находится в шестнадцати днях пути от Каффы; она была тогда подвластна Мордасса-хану⁵³. Последний в это время находился вместе с ордой на реке Ледиль. Менглигирей вступил с ним в сражение, взял его в плен и забрал себе его народ, большую часть которого послал на «остров Каффы», а сам остался зимовать на упомянутой реке. В нескольких днях пути оттуда стоял другой татарский правитель, который, узнав, что Менглигирей зимует в том месте, – а река уже замерзла, – решил сделать на него неожиданное нападение, одолел его и освободил Мордасса-хана, которого Менглигирей держал в заключении. Потерпевший поражение Менглигирей вернулся с расстроенным войском в Каффу.

На следующую весну Мордасса с ордой пошел на него прямо к Каффе, сделал несколько набегов и причинил вред внутренним частям «острова». Однако, не располагая достаточными силами, чтобы подчинить своей власти эти земли, он повернул обратно. Тем не менее, как мне говорили⁵⁴, он снова собирает войско с намерением вернуться на «остров» и изгнать Менглигирея.

§ 50. Все это само по себе достоверно, но в то же время послужило поводом к вымыслу, а именно: люди, которые не понимают, почему ведутся войны между этими двумя правителями, и не представляют себе разницы между великим ханом и Мордасса-ханом, но слышали, что Мордасса-хан собирает новое войско с намерением вернуться на «остров», говорят и распространяют известие, что сам великий хан идет на Каффу вместо Оттомана и собирается двинуться дальше по пути на Монкастро, в Валахию и Венгрию, и вообще всюду, куда ни захочет Оттоман⁵⁵. Все это – ложные сведения, хотя они и получаются через письма из Константинополя. <...>

§ 53. Эдиль – многоводная и необычайно широкая река; она впадает в Бакинское море⁵⁶, которое находится на расстоянии около двадцати пяти миль от Астрахани. В реке, как и в море, неисчислимо количество рыбы; в море добывается много соли.

Вверх по течению по этой реке можно почти доплыть до Москвы, города в России: останется лишь три дня пути⁵⁷. Ежегодно люди из Москвы плывут на своих судах в Астрахань за солью⁵⁸.

На реке [Эдиль] много островов и лесов; некоторые острова имеют в окружности до тридцати миль. В лесах попадаются такие липы, что из одного выдолбленного ствола делают лодки, вмещающие восемь-десять лошадей⁵⁹ и столько же людей. <...>

§ 59. О татарах же нечего сказать другого, кроме разве того, что те из них, которые остались язычниками, поклоняются истуканам, возя их с собой на своих телегах; однако среди них есть и такие, которые имеют обычай поклоняться каждый день какому-нибудь животному, встреченному ими при первом выходе из дома. <...>

Комментарий* к тексту и переводу Барбаро

¹ La pianura – равнина, здесь лучше – степь. Это слово в приложении к степным южнорусским территориям встречается у Барбаро часто, иногда в значении, весьма близком к слову «саванна».

* Текст комментариев значительно сокращен. – Прим. ред.

Таким образом, и «*riapuga*» и «*camrapna*» в текстах, относящихся к Северному Причерноморью, надлежит понимать как «равнинная местность», «степь».

² *Ledil*, *Edil*-Игиль, Эдиль, общеизвестное средневековое название Волги, происходящее от ее тюркского названия. Таково имя Волги у кочевых племен: хазар, печенегов, половцев, татар. Западно-европейские и восточные писатели – географы и путешественники – широко распространили это название величайшей в Европе реки.

³ Великое море, *mar Mazor*, *mare Maius* – обычное название Черного моря, употреблявшееся итальянцами. Так оно называется на итальянских портоланах и в любых письменных источниках XIII–XV вв. Это наименование – *mar Mazor* – встречается на страницах сочинений Барбаро и Контарини.

⁴ Алания, Кумания, Газария – три области, не имеющие, разумеется, четких границ, которые располагались вокруг Азовского («Забакского») моря: Алания примыкала к его восточному побережью, простираясь далее по Северному Кавказу; Кумания – к северному побережью (на портолане Бенинказы 1474 г. здесь помечена *Chumania*); Газария, соответственно позднее (к XIII–XIV вв.) утвердившемуся названию, лежала в Таврике, преимущественно в восточной, не-готской ее части. Указанием на эти три области, с названиями этнического происхождения, Барбаро заканчивает рассказ о намеченных им в самых общих чертах границах Татарии, причем, говоря о севере (Россия) и западе (Польша), он действительно называет области, куда не распространялись ни поселения, ни кочевья татар; но говоря о востоке и юге, он называет места, которые вполне были районами распространения татар.

⁵ *Mar delle Zabache* – Забакское море, нынешнее Азовское море. Возможно, что в слове *Zabache* скрывается название рыбы: «чабак» до сих пор на Нижнем Дону значит лещ. Азовское море и устья впадающих в него рек богаты, как известно, рыбой (ценные породы осетровых рыб – осетр, севрюга, белуга; судак, лещ, сазан, чехонь). Как видно по запискам Барбаро, он и другие венецианские купцы имели рыбные ловли на Дону – *le reschiere*. Следует отметить, что восточные авторы называли Тану (XIV–XV вв.) Азак. Отсюда название Азовского моря – Озачское – в «Хожении» Игнатия Смолнянина: «проидохом устье (т.е. Боспор Киммерийский, Керченский пролив) Озачьского моря и взидохом на Великое (т.е. Черное) море» (Игнатий Смолнянин, стр. 5). Иногда Азовское море определялось как Франкское. Так назвал его персидский писатель Абд-ар-Раззак Самарканди (1413–1482): «Они (царевичи и эмиры Тимура) опустошили и ограбили эту область (улус черкесский) до берегов Франкского моря, называемого морем Азакским» (Тизенгаузен, II, стр. 181, примеч. 1).

⁶ *Elise* – Днепр. Это отчетливо объяснено в сочинении Контарини: «В Киеве (*Chio*) есть река, которая на местном языке называется *Danambre* (Данапр, Днепр), а на нашем – *Leresse*; она протекает около города и впадает в Великое море» (Contarini, p. 68 v).

⁷ *Sarpha*, *Caffa* – самая значительная итальянская колония Северного Причерноморья. Город Каффа, предшественник нынешней Феодосии, принадлежал генуэзцам с 60-х годов XIII в. до 1475 г., когда был взят турками. В последние годы существования генуэзской Каффы там – кроме основного, генуэзского – был и венецианский консул. Каффа, предоставленная генуэзцам татарами, платила им дань.

⁸ *Moncastro* – итальянское название крепости в устье Днестра. У Константина Порфирородного эта крепость обозначена словом *Ἀστρον*, которое было переводом местного печенежского названия (см.: *Const. Porph. De adm. imp.*, cap. 37), а в списках епископий встречается название *Аспрокастрон* – Белая крепость. Отсюда современное название Белгорода Днестровского. В XV в. Монкастро был отправным пунктом для путешественников, приходивших по Черному морю с Кавказского побережья (на пути из Грузии, из Персии) и отправлявшихся в Польшу, Германию, Италию. – *Via de Moncastro*, особенно на пути с Востока, предпочиталась дороге через Каффу (*via de Caffa*), так как, идя через Монкастро вверх по Днестру, можно было миновать трудный переход по татарским степям, направляясь к Днепру и Киеву (см.: *Cornet, Le guette*, doc. 18, a. 1471, Oct. 25, p. 31).

⁹ Едигей был полновластным правителем Золотой Орды в течение 1397–1419 гг.

¹⁰ *Sidhameth can* – неправильная у Барбаро транскрипция имени татарского хана Шадибека. Такая транскрипция более подходила бы к имени Сайид-Ахмеда (1433–1465), но время его правления выходит за пределы жизни Едигея, который умер в 1419 г. Шадибек был одним из «подставных ханов» при Едигее, в 1400–1407 гг.

¹¹ Улуг-Мехмед (царь Махмут в русских летописях) был первым ханом Золотой Орды после смерти Едигея.

¹² Барбаро правильно поясняет, что «орда» – это «народ», «население» (*lordo zoe populo*). То, что русские именовали Золотой Ордой, восточные писатели называли Синею Ордой или Улусом Джучи. Улус же означает население, подвластное хану или представителю чингисханова рода (см.: Якубовский. Зол. Орда, стр. 35). В летописях иногда употребляется слово «улус», равнозначное «орде» (Моск. свод, стр. 249).

¹³ Науруз, сын Едигея, был нойоном (или эмиром) хана Улуг-Мехмеда, главнокомандующим его войск (*capitano*); он имел ту же высокую должность, какую имел его отец, «*capitano della gente*», как правильно определил его Барбаро. Однако власть Науруза была гораздо слабее, чем почти неограниченное могущество его отца при ничтожных ханах-Чингизидах. Все же сын стремился к власти, подобно его несомненно более талантливому отцу, и потому в 1438 г. покинул Улуг-Мехмеда (Барбаро правильно указывает 1438 г. – последний год хана Улуг-Мехмеда в Золотой Орде) и перешел с частью войска, следовавшего за ним, к малоизвестному еще тогда некоему (*uno*) чингизиду (*de sanguine de questi imperatori*) Кичик-Мехмеду (*Chezimehameth*).

¹⁴ Кичик-Мехмед (1435–1465) – хан Золотой Орды, соперник предшествовавшего хана Улуг-Мехмеда.

¹⁵ Барбаро говорит о хорошо известной ему дороге с Нижней Волги на Нижний Дон. В данном случае войско Кичик-Мехмеда прошло мимо Астрахани и направилось далее на запад по Таманским степям (*de campane de Tumen*), обогнув Черкесию. Следует подчеркнуть, что здесь *Tumen* может означать только Тамань и не имеет, конечно, никакого отношения к Тюмени, находящейся в бассейне Иртыша.

¹⁶ Барбаро называет Дон описательно: «река Таны» (*fiume della Tana*). Восточные писатели неоднократно называют древний Танаис Таном (ставшим впоследствии Доном).

¹⁷ Залив (*colpho, golfo*) Забакского моря соответствует нынешнему Таганрогскому заливу.

¹⁸ Паластра – селение на северном берегу Азовского моря, отмечавшееся на портоланах (например, на портолане Бенинказы 1474 г.) около Бердянского залива.

¹⁹ Сторожевые отряды, которые высылались татарскими военачальниками вперед для разведки пути, прежде чем по нему пройдет основное войско, назывались «караулами» или «хабаргири».

²⁰ Барбаро, делегированный венецианским консулом поднести подарки пришедшему со своей ордой Кичик-Мехмеду, его матери и его нойону Наурузу, повидал молодого еще хана, уже занявшего, по-видимому, господствующее положение на Нижней Волге. Барбаро, однако, в своих записках не называет его «императором», как западноевропейские люди называли золотоордынских ханов, но определяет его общим термином «синьор». Возможно, что соперничество Кичик-Мехмеда с Улуг-Мехмедом еще продолжалось, или же в тот период временно одержал верх другой претендент на ханство в Золотой Орде – Сайид-Ахмед, – по некоторым сведениям, сын Тохтамышша.

²¹ Неясно, что в данном случае обозначает слово «*taiapetra*», – скульптора (или просто каменотеса) или же фамилию, известную в XIV–XV вв. в Венеции. Судя по должности переводчика (*turzimano*) и по людям, названным рядом с ним, – жезлоносец консула (*bastoniero*) и носильщик, – Буран был каменотесом (*taiapetra*).

²² Описанию у Барбаро способа приготовления мучной похлебки татарами во время похода, особенно в конных отрядах, выезжавших на разведку и, таким образом, отрывавшихся от всего войска, которое двигалось по степям с большим обозом, соответствует сообщение персидского автора Абд-ар-Раззакка Самарканди (1413–1482) [СМИЗО, 1941, стр. 192].

²³ Ср.: *Tana*, § 34, – о торговле лошадьми, рогатым скотом, верблюдами, курдючными баранами.

²⁴ Стены Таны, на которых стояли наблюдающие за подходом к городу татарской орды (являясь укреплениями последнего периода существования самостоятельного города), были возведены после 1395 г., когда Тимур разрушил Тану (Азак).<...>

²⁵ Барбаро узнал Морею, когда был проведитором в Албании в 1465 г. по организации сопротивления туркам. Одно из впечатлений от этой страны и вспомнилось Барбаро, когда он писал, как движущиеся массы татар и их стад гнали по степи к городу огромное количество куропаток и дроф. Это было похоже на охоту с организованной облавой, которую он видел во владениях какого-то морейского князька.

²⁶ Сходное с этим описание татарских «домов» – шатров, крытых войлоком или сукном, – Барбаро помещает и во вторую часть своего сочинения «Путешествие в Персию» (*Persia*, р. 56 г; *Rimusio*, II, р. 109 г), причем сам ссылается на свое же описание, находящееся в первой части – «Путешествии в Тану». Эти крытые повозки или кибитки кочевников, их «дома» на телегах, описывали еще в древности.

²⁷ Выше Барбаро употребил слово «орда» (*lordo*) в основном смысле – улус, население, народ; здесь же в смысле – земля, кочевье, территория улуса, что обычно выражалось тюркским термином «юрт». Ср. примеч. 40.

²⁸ В истории внедрения мусульманства в Золотой Орде заметны три этапа: при хане Берке, при хане Узбеке, при Едигее. Тем не менее, язычество (шаманизм) не исчезло в массах татар-кочевников, что и отражено в ответе, полученном Барбаро на его вопрос о существовании язычников (*idolatri*) среди татар.

²⁹ Барбаро, зная подробности сложных политических отношений в Орде, жившей в атмосфере непрерывных междоусобий и соперничества среди представителей рода Чингизхана, правильно говорит, что хан Улуг Мехмед, Улу-Махумет (1419–1424; 1427–1438), властвовал лишь над частью всей Золотой Орды.

³⁰ Bagater, бахадур – монгольский титул XIII–XV вв., присваивавшийся за военные заслуги, за акты безудержной, рискованной храбрости. Бахадур значит витязь, храбрец, удалец, отважный рубака, смельчак.

³¹ Semencina – так называемое цитварное семя, весьма широко употреблявшееся в средние века глистогонное средство, которое привозилось, как товар во все крупные города Леванта и Западной Европы из причерноморских и приазовских степей. «Semencina» получалась не из семян, а из соцветий цитварной полыни, содержащих сантонин. У Пеголотти много раз назван этот товар («santonico» или «seme da vermini»), относившийся к специям, но не из числа тех, которые назывались «spezierie minute» (мелкие и более ценные), а из числа «spezierie grosse» – грубые, крупные специи, такие, как мыло, квасцы, воск, сахар, масло животное и растительное и т.п. (Pegolotti, p. 293–297). <...>

³² Татарское войско («орда» вместе со ставкой хана, или царевича, или нойона), если располагалось станом, всегда раскидывало рынки, «базары», на которых продавалось как все необходимое (пища, предметы обихода, оружие и т.п.), так и военная добыча. Барбаро, сам неоднократно бывавший в татарских станах, правильно и живо описывает походные базары, перечисляя при этом некоторых ремесленников (artesani), которые продавали свои изделия: одежду и сукна, металлические предметы, военное снаряжение и др. Кроме временных базаров при кочевом войске Барбаро отметил, попутно со своим рассказом, лавки ремесленников в Тане; например, он вспоминает, как однажды он сидел в лавке, где хозяин (maestro) изготовлял и продавал столь необходимые в степи стрелы (freze – § 29).

³³ По приводимому здесь автором вопросу видно, что (в Тане?) определение «cingan» (Ramusio, II, p. 95: zingani) было понятным и употребительным в смысле людей бродячих, не имеющих домов и хозяйства. Ясно также, что этим словом не называли (в Тане же) окружающих кочевников-степняков. Считается, что упоминание о цыганах в письменном источнике XV в. было одним из ранних упоминаний об этом племени (ср.: Thomas, p. 18).

³⁴ Барбаро говорит о своем впечатлении от лагеря татарского войска: занятая им территория похожа на громадный город. То же впечатление было у Ибн-Батуты, побывавшего в Дешт-и-Кыпчаке на сто лет раньше Барбаро. Ибн-Батута пишет о приближающейся к месту привала орде: «мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары да дым от кухонь, взвивающийся по воздуху» (Тизенгаузен, I, стр. 289). Нельзя не отметить необыкновенно подробного и обстоятельного описания, которое сделал Барбаро по своим наблюдениям во время похода Узун Хасана с места его стоянки в степи в сторону города Ширази, захваченного его сыном в связи со слухами о смерти отца. Двигалось войско Узун Хасана, его ставка, его приближенные, члены его семейства, слуги и служанки; за ними следовало множество сопровождавших войско людей – мужчины, женщины, дети и грудные младенцы (et in cuna) – верхом на лошадях или в повозках; за войском шли различные ремесленники и купцы. Наконец, тут же следовали массы животных; одни из них были выючные, другие парадные (son menati per rompra) в дорогом убранстве. Гнали стада крупного и мелкого рогатого скота. Везли животных и птиц для охоты (леопардов, собак, соколов, коршунов и др.). Барбаро ездил по лагерю со своим прислужником и отсчитывал (при помощи бобов!) по полусотне и людей и животных. В своем рассказе он сообщил все цифры этого подсчета (Persia, p. 40 v–43 r).

³⁵ Ценное замечание Барбаро о том, что в татарских станах (и, конечно, в городах) всегда были купцы, сходявшиеся в различные пункты Дешт-и-Кыпчака по разным путям (per diverse vie), отовсюду привозившие свои товары (robbe). Как известно, при татарах торговые пути по разным, установившимся веками направлениям, были более безопасны, чем при половцах, и караваны купцов, – всегда, впрочем, вооруженных, – проходили по ним чаще всего беспрепятственно.

³⁶ Samaleone – вид сорной травы с колючими, цепкими плодами, вроде репейника. По-видимому, «uscillare a samaleoni» значит ловить мелких птиц при помощи этих цепких плодов, которые своими шипами прикрепляются к перьям и мешают птицам улететь. Барбаро замечает, что в Италии не знают такого способа ловли птиц.

³⁷ Этим вопросом о бесчисленности (innumerabil multitudine) животных (лошадей, крупного и мелкого рогатого скота) в степи, во владении татар Большой Орды, Барбаро подготавливает итальянского читателя к представлению о немислимых для Италии огромных стадах и табунах на просторах Дешт-и-Кыпчака.

³⁸ О массовой продаже лошадей из Татарию в Персию Барбаро писал и в «Путешествии в Персию» (Persia, p. 42 v), повторяя, что табуны (le mandre) лошадей, пригонявшихся из причерноморских и приволжских степей, достигали 4–5 тысяч голов. Эти лошади не отличаются красотой; они малорослы, стоят по 4–6 дукатов и употребляются для выюков. О пригоне продажных лошадей говорится и в летописи: татары гнали свои многочисленные табуны не только на юг, но и на русский север.

³⁹ Барбаро сообщает о весьма интересной черте экономической жизни Золотой Орды – о земледелии у татар. Это сообщение считается единственным, так как, если и есть сведения о земледелии на территории Орды, то они относятся к исконному земледельческому населению края, такому, каким был Булгар или Крым. Недаром автор предпосылает своему рассказу о полеводстве у татар некоторое вступление, в котором предполагается удивление читателей: с одной стороны – откуда же хлеб у кочевников, с другой стороны – как же кочевники могут обрабатывать землю. Относительно первого ответ прост: часто, даже почти всегда, многие группы кочующих татар обходились без хлеба. Контарини, наблюдавший быт в Большой Орде почти одновременно с Барбаро, хотя и более поверхностно, пишет без всяких оговорок, что пища татар состоит исключительно из мяса и молока, другого питания у них не бывает (ne niun altro alimento hanno); «они не знают, что такое хлеб, кроме немногих купцов, которые побывали в России» (Contarini, p. 93 r). А Барбаро рисует картину систематического сева в марте с выездом на определяемое ханом место; на эти поля отправляются с женами и детьми, гонят необходимых для работы животных, везут семена. После пахоты и сева все возвращаются в орду. Когда хлеб созреет, хан снова выводит своих земледельцев на поля для уборки; туда же съезжаются закупщики зерна (quelli che han semenato e quelli che voleno comprar li formenti, con carri, voi e camelli). Урожай бывает иногда настолько богат, что часть его оставляют в степи.

⁴⁰ Раздоры между мелкими ханами случались постоянно. Здесь указывается, что предводители стремились защитить не столько свой юрт – территорию, на которой они кочевали, – сколько свой улус: подчиненных им людей, свою часть орды (parte del popolo). <...>

⁴¹ Кичик-Мехмед получил власть в 1435 г.

⁴² Таким же способом переправился через Днепр Контарини со своими спутниками и ехавший с ним литовский посол в Орду. Из Киева они дошли до Черкасс (Cercas) и 15 мая 1474 г. переплыли Днепр (Danambre) на плотках (Contarini, p. 69 r–69 v); о переправах Контарини через Волгу ср. p. 95 v, 96 v–г. <...>

⁴³ Здесь ясно показано, как распределялись земли в Таврике, когда о ней писал Барбаро, т.е. к середине XV в. (то же самое было и в XIV в.). В западной горной части полуострова было государство Феодоро, о котором Барбаро ничего не сказал, хотя писал о готах и об их языке. Степная часть принадлежала татарам и управлялась сначала зависимыми от Золотой Орды правителями (в итальянских документах – «domini», «signori»), а в середине XV в. – крымскими ханами из рода Гиреев. Правители имели центром город Солхат, Гирей – город Кырк-йер (ср. ниже, примеч. 112 и 113). Приморские города, находившиеся в руках генуэзцев, с центром в Каффе, были самостоятельны, но правительство (консул и его администрация) Каффы платило дань (tributum) степным татарам (см. примеч. 21).

⁴⁴ Это имя крымского хана не выясняется по источникам. Возможно, что это был один из десяти сыновей Хаджи Гирея (ум. в 1466 г.).

⁴⁵ Солхат, Солхад, нынешний Старый Крым (Эски Крым), находился в 25 км к западу от Феодосии и примерно на таком же расстоянии прямо на север от Судака. Солхат был (в XIV – первой половине XV в.) центром степной области в Крыму.

⁴⁶ Cherchiarde, правильнее Кырк-йер (Qyrk-jer в транскрипции Шпулера), в русских грамотах Кыркор, отождествляется с Чуфут-Кале в западном Крыму, неподалеку от Бахчисарая. Правители крымских татар имели в своей степной области два города – Солхат и Кырк-йер. Когда образовалось Крымское ханство, значение столицы в нем приобрел как раз Кырк-йер.

⁴⁷ Описание Барбаро «потери» или «гибели» Каффы (la perdita de Capra), взятой турками в июне 1475 г. (Tana, § 47–48), можно считать достоверным, так как рассказ о падении Каффы был передан ему по самым свежим впечатлениям человеком, спасшимся бегством из Каффы, где турки перебили всех христиан. Житель Каффы или ее окрестностей, из известного среди крымских генуэзцев рода Гваско, морем и через Грузию достиг Персии и там был принят в доме Барбаро в Тебризе, о чем Барбаро упомянул в своем «Путешествии в Персию» (Persia, p. 63 r).

⁴⁸ Эминакби (Эминек-бей или бег), правитель степного Крыма, происходил из татарской знати и был в родстве с чингизидом, сыном Хаджи-Гирея, Менгли-Гиреем. Может быть, он был его братом, так как первым, захватившим власть после смерти Хаджи-Гирея (ум. в 1466 г.), считается его сын, Нур-Девлет, которого уже в 1468 г. изгнал его брат, Менгли-Гирей.

⁴⁹ Ханом Большой Орды был тогда (незадолго до падения Каффы, происшедшего летом 1475 г.) Ахмед (1465–1481).

⁵⁰ Тана по своему географическому положению была ближе всего к территории Большой Орды (приазовские степи, Нижнее Поволжье), и потому генуэзцы, сносясь с татарами, посылали свои корабли в Тану, чтобы затем попасть в ставку хана (*in el lordy*).

⁵¹ В сочинении Барбаро говорится о стрелах трех видов: 1) стрелы для лука, самого распространенного оружия у татар (Тана, § 29); 2) стрелы, которыми убивают летящих гусей (§ 32); эти стрелы короткие и искривленные, без оперения; в полете они изменяют свое направление (*se voltano*); 3) стрелы для состязаний в стрельбе из лука; они имеют на конце металлический полумесяц, предназначенный для перерезывания веревки, на которой подвешена серебряная чашка (§ 48). Иоанн Плато Карпини тоже отметил разные виды стрел у татар. Он пишет, что кроме боевых стрел бывают стрелы «для птиц, для зверей и для невооруженных людей» (*loh. de Plano Carpini*, p. 689).

⁵² В этом месте Рамузио сделал пространную вставку, что наводит на мысль о какой-то особой рукописи, из которой он почерпнул эти сведения. После слова «*prese*» он напечатал (*Ramusio*, II, p. 97 r): «Нарастало количество народа, готового ему подчиниться, и тогда он пошел в Кырк-иер (*Cherchiarde*) и взял его» (*Crescendo poi il pololo a sua ubidienza ando a Cherchiarde e quella similmente prese*). Ясно, что влияние Менгли-Гирея возросло и он завладел обоими значительными городами татарского Крыма – Солхатом и Кырк-иером (Чуфут-Кале близ Бахчисарая). Ср. примеч. 113. Контарини называет город *Chercher* (см. примеч. 19 к Контарини).

⁵³ Мордасса или Муртеза, Муртаза, сын хана Ахмеда; Мордасса был ханом Большой Орды, соправителем двух своих братьев – Шигахмеда (или Шихахмата) и Сейид-Ахмеда. Эти братья-соправители враждовали друг с другом и с крымским ханом Менгли-Гиреем (см., например: Моск. свод, стр. 332). Барбаро отметил один из моментов этих междоусобий, когда Менгли-Гирей воевал с Муртазой на Волге около Астрахани и взял его в плен; скоро появился там же «другой хан» (*un altro signor, pur tartaro*) – по-видимому, один из братьев-соправителей (Шпулер называет Шигахмеда; см. *Spuler*, S. 188–189) – и освободил Муртазу. Это случайно отразившийся в сочинении Барбаро эпизод, каких было много в период полного распада Большой Орды, наступившего после смерти ее последнего более или менее сильного правителя, хана Ахмеда.

⁵⁴ Барбаро, уже будучи в Венеции, продолжал интересоваться положением Большой Орды (в 80-х годах XV в.) и отметил, что сведения, которые он записал, были ему кем-то переданы – «*fi me ditto...*»; Рамузио поправляет: «*mi fu detto...*» (*Ramusio*, II, p. 97 r).

⁵⁵ Из слов Барбаро следует, что один из трех братьев – сыновей хана Ахмеда – был «великим ханом» («*gran can*»); раньше его называли «императором», т.е. имел больше власти, чем его соправители. «Великим ханом» был (см.: *Spuler*, S. 454) Шигахмед (1481–1502), соправителями – Сейид-Ахмед и Муртаза.

⁵⁶ Бакинское море (*mar de Bachu*) – Каспийское море. Это один из многочисленных примеров, когда море называлось по имени какого-либо крупного города на его берегах – например, море Каффинское, море Сурожское, море Стамбульское – Черное море и др. Пеголотти (*Pegolotti*, p. 380) называет Каспийское море не по Баку, а по Сараю (*mare del Sara*). Контарини, которому пришлось плыть по Каспийскому морю от Дербента до Астрахани, называет его Бакинским морем (*Contarini*, p. 89 r), поясняя при этом, что оно же – море Каспийское (*il mare di Bachan cioè mare Caspio*).

⁵⁷ Ошибка относительно трех дней, в течение которых можно (от Астрахани?) достичь Москвы. Этот срок – три дня – повторен в альдовском издании 1543 г. (p. 20 v) и у Рамузио в издании 1559 г. (*Ramusio*, II, p. 97 v).

⁵⁸ Рамузио здесь добавляет (*Ramusio*, II, p. 97 v): «Это легкий путь (*la via facile*), потому что река Москва впадает в другую реку, называемую Ока (Осса), которая спускается в реку Эрдиль». Этого добавления нет в издании 1543 г.

⁵⁹ Автор имеет в виду 8–10 лошадей, а не 18».

Материал подготовила Алсу Арсланова

IV. Источники по культуре Улуса Джучи

№ 1

Золотоордынская рукопись на бересте

Предисловие и источник цитируются по изданию: Поппе Н.Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. 1941. – №2. – С.81–134.

«В 1930 г. на левом берегу Волги, почти против Увека, близ сел. Терновки (Подгорного), на территории Автономной Советской социалистической Республики немцев Поволжья колхозниками, занятыми рытьем котлована для силосной ямы, была обнаружена в земле берестяная коробка, содержащая небольшую рукопись, писаную на бересте. Рукопись передана колхозниками в республиканский музей, находящийся в г.Энгельсе, откуда она была переслана на выставку в Государственный Эрмитаж в Ленинграде. Вместе с рукописью были найдены костяное перо и бронзовая чашечка с остатками туши.

Произведенное впоследствии археологическое обследование места этой находки обнаружило там остатки золотоордынского поселения, в нескольких километрах от которого находилось аналогичное поселение. Было также установлено, что рукопись, чашечка (очевидно, служившая чернильницей) и перо были извлечены из погребения, датируемого XIV столетием, но по археологическим признакам могущего быть отнесенным и к XV столетию. Погребение это носит характер рядового погребения, не богатого и не знатного.

На основании того, что рукопись написана уйгурским шрифтом, она была априорно определена сотрудниками Государственного Эрмитажа как уйгурская, однако, видевшие рукопись тюркологи могли обнаружить уйгурские слова лишь на некоторых фрагментах, значительная же часть рукописи и притом наиболее сохранившаяся была ими признана не уйгурской. Н.Н.Поппе установил, что значительная часть ее содержит монгольский текст, остальные же фрагменты были, на основании немногих сохранившихся и ясно читаемых слов, признаны уйгурскими. <...>

Всего рукопись состоит из 25 фрагментов, из которых 19 содержат текст с обеих сторон – на лицевой стороне и на оборотной, а 6 исписаны только с одной стороны. Монгольский текст содержит лишь 6 фрагментов, а остальные образуют уйгурскую часть рукописи... Наибольшей сохранностью отличается монгольская часть рукописи, в состав которой входит несколько полностью сохранившихся страниц, размеры которых колеблются между 85 x 95 и 85 x 100 мм, из чего следует, что первоначальный формат рукописи был 85 x 95 (100) мм. <...>

Рукопись представляет большой интерес с различных точек зрения: с палеографической, лингвистической, историко-литературной и культурно-исторической, так как она является одним из весьма многочисленных дошедших до нас памятников монгольской письменности древнейшего периода ее развития.

Прежде всего, остановимся на вопросе о датировке рукописи. Рукопись эта никаких дат не содержит, тем не менее, датировать ее можно, как сказано выше, довольно точно, так как XI фрагмент рукописи, один из фрагментов текста на уйгурском языке, содержит несколько ясно сохранившихся знаков монгольского квадратного письма. <...>

Гораздо большее значение для нас имеют эти знаки в том отношении, что позволяют датировать рукопись и притом довольно точно. <...>

Следовательно, рукопись относится к промежуточному времени между 1269 и 1368 гг. При этом можно с некоторой уверенностью утверждать, что, скорее всего, рукопись относится не к началу этого периода, но к первой четверти XIV столетия, ибо нам известно, что распространение квадратной письменности шло очень медленно и, несмотря на повторные императорские эдикты, она прививалась слабо и долгое время оставалась достоянием только некоторых учреждений. Таким образом, рукопись эту следует относить к началу XIV столетия. <...>

Прежде всего, это пока единственная монгольско-уйгурская рукопись, притом содержащая глоссы на квадратном письме. Что это монгольско-уйгурская рукопись, а не фрагменты двух рукописей – одной монгольской, и другой уйгурской, можно заключить по размерам фрагментов, величине букв

и по сходству почерка. В конце концов, даже неважно, принадлежат ли эти фрагменты одной рукописи. Гораздо существеннее то, что отдельные листки ее были написаны одним лицом и что все фрагменты были найдены в одном погребении при чернильнице и пере. Этот памятник монгольской письменности является одной из тех находок, которые обнаружены наиболее далеко на западе. <...>

Рукописи типа нашей, содержащие не что-то иное, как стихи, могли иметь распространение только среди людей, знавших монгольский язык. Следовательно, эта находка является свидетельством того, что на территории Золотой Орды в начале XIV столетия встречались люди, владевшие монгольской письменностью и притом пользовавшиеся монгольским письменным языком не только в канцелярской переписке, но и в быту. Свидетельством этого является факт находки этой рукописной книги стихов: если она и не была написана на месте, то, во всяком случае, она там кем-то читалась. Что рукопись, однако, была написана на месте, все же вполне возможно, так как она была найдена при чернильнице и пере. А то обстоятельство, что писчим материалом послужила береста, может рассматриваться как свидетельство того, что рукопись эта представляла собой собственность не состоятельного лица, не какого-нибудь военачальника или чиновника, но человека небогатого и, скорее всего, это был писец. Этим, вероятно, и объясняется двуязычность рукописи, а знание двух языков – монгольского и уйгурского – и трех письменностей – монгольской квадратной и уйгурской – трудно предполагать у простого воина, и, наоборот, владение ими со стороны писца вполне естественно. Можно предполагать, что рукопись была положена в погребение как образчик письма умершего при его орудиях производства. У кыпчаков такие писцы назывались *baqši*, и засвидетельствованное в рукописи в написании знаками квадратного письма слово *baqši* как раз могло относиться к этому писцу. Таким образом, рукопись эта является весьма ценным свидетельством того, что монгольской письменностью среди монгольских элементов Золотой Орды продолжали пользоваться еще в начале XIV столетия, что, следовательно, монголы, вообще слабо переходившие в Золотой Орде на оседлость, продолжали еще, вопреки утверждению ал-Омари, сохранять свой язык, во всяком случае, в первой четверти XIV столетия. Рукопись является, вместе с тем, одним из немногих свидетельств использования монголами бересты в качестве писчего материала. <...>

Можно допустить, что рукопись была написана на месте обнаружения ее писцом, прибывшим из более далеко на восток лежащих областей, или местным человеком, познакомившимся с квадратной письменностью на востоке. <...>

Велико также значение рукописи в историко-литературном отношении. Здесь следует, прежде всего, указать на то, что рукопись содержит первое художественно-литературное произведение, писанное знаками уйгурского алфавита. Как известно, первые памятники монгольской письменности – Чингисов камень, грамоты ильханов и т.д., относящиеся частично к XIII, частично к началу XIV столетия, не являются литературными в полном смысле этого слова произведениями, ибо это камнеписные памятники, дипломатические послания, документы и т.д. Мы располагаем сведениями лишь об одном художественном произведении первой половины XIV столетия, написанном знаками уйгурского алфавита: это стихотворение Мухаммед ибн Омар ибн Хасан ибн Махмуд Абдал-Гаффар ас-Самарканди, написанное им в 724 г.х. на четырех языках, распространенных в ту эпоху в Иране, в том числе на монгольском. Год хиджры 724 соответствует 1324 г. нашего летосчисления.

Таким образом, стихотворение ас-Самарканди относится приблизительно к тому же времени, что наша рукопись, но оно осталось неопубликованным, вследствие чего издание настоящей рукописи является пока первым изданием художественно-литературного произведения на монгольском языке, написанного в первой четверти или трети XIV столетия и являющегося либо современным прежде известному стихотворению ас-Самарканди, либо даже еще более ранним. <...>

Основное содержание ее составляет диалог матери и сына. <...>

Содержание этого стихотворного текста и общий тон его мало характерен для аристократической поэзии монголов XIII–XIV столетия. На этом основании мы полагаем, что имеем здесь дело не с литературным произведением господствующего класса монгольской военно-феодалной империи, но с народным произведением, фольклорным, образчиком древнемонгольской народной лирики, притом с древнейшим образчиком из числа дошедших до нас. <...>

Перевод

Начало отсутствует.

«Когда ты с решимостью достигнешь [[благодетельного]] властителя,
пади под перекладной!

Зачем огорчаться

На том основании, что упал под перекладной?

[к благодетельному] прекрасному властителю
.....будешь ты взято, дитя мое!»

.....
.....
.....

[[«Человеком]] [взято] ты [будешь, дитя] мое!

Когда ты с решимостью достигнешь заботливого властителя,
пади под [воротами]!

Зачем глядеть и смотреть, оттого, что упал

Под [воротами]?»

«Смотревшим властителем

будешь ты забрано и взято, дитя мое!

Когда достигнешь [[с решимостью]] божественного
властителя,

[пади под] порогом!

[[Зачем.....и.....

на том основании]] [упал под порогом]?

[[К божественному властителю

будешь ты.....и взято, дитя мое!»]].

Зачем оставаться и.....?

Приходя и.....к омраченному властителю, будешь
ты взято, дитя мое!

О достойный и прекрасный кречет!».

Пропуск не менее одного листа.

«Когда ты в надежде прибудешь к.....

зачем огорчаться под дверью?

К залятому человеку [отправишься] ты [дитя мое]!»

[[«Когда ты достигнешь.....]

[.....] и прекрасного [властителя],

[зачем] огорчаться [под.....]?

К рабам отправишься ты в расстройстве, дитя мое!

О.....и прекрасный ястреб!

Когда ты достигнешь вплотную,

пади под острием!

Зачем лукавствовать

На том основании, что упал под острием?»

«На службу, будучи разыскиваемо, будешь ты взято, дитя мое,
судьбою данным прекрасным властителем!»

Золотой соловушко, дитя ее,

Приступил к пению ответной песни

Матери своей, милой матушке,

Мать, милая матушка Моя!

.....жена.....
твой.....

Сказал: «Встретимся!» и отправился.

Пропуск, вероятно, одного листа.

«Отправлюсь!
 О мать моя, милая матушка!
 Трава лужайки стала сочнеть,
 Близкие друзья стали отправляться.
 Да отправлюсь я на свою приветливую родину!

.....
 Мать моя, милая матушка!
стали.....
 достиг.....
 Отправлюсь в страну, где буду жить!

Мать моя, милая матушка
 [Приступила] к пению ответной песни:
 «Волосики твоей.....
 Сделаю [.....золотыми] и сказала она
 «Не подвергайся нападению со стороны злого духа и.....!
 Шествуй [взлети], дитя мое!
 Волосики твоей груди
 Я сделаю отделанным золотом!» сказала она.

«Увечьям и страданиям не подвергайся!
 Отправляйся, взлети, дитя мое!
 Волосики твоей груди
 Сделаю сплошь золотыми!», сказала она.
 «С [напастями] и злыми духами не встречайся, дитя мое!
 Волосы на твоей [голове я сделаю] рассыпным золотом!», сказала она.

.....

 «Когда ты [[в страхе]] достигнешь
 [[благодетельного]] и [прекрасного] властителя,
 зачем огорчаться под тесовой телегой?
 К имеющему.....руки отправишься ты в смятении,
 дитя мое!
 Свои ладони.....

Пропуск одного листа.

«Буду питать с аил (?)!
 Сделаю.....и золотым с корзину (?)!».
 Во время своего взлета
 Матери своей, милой матушке
 Так спел он:
 «Горные травы начинают становиться лужайкой,
 братья начинают отправляться.
 Отправлюсь я на свою родину, где проживаю,
 чтобы быть там!»».

№ 2

Хорезми. «Мухаббат-наме»

Предисловие и источник цитируются по изданию: Хорезми. Мухаббат-наме / Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н.Наджиба. – М., 1961. – С.7–105.

«Одним из произведений, свидетельствующих о существовании в Золотой Орде, в частности на территории Ак-Орды, в XIII–XIV вв. художественной тюркоязычной литературы и литературного языка, является *Мухаббат-наме*.

Нам неизвестно имя автора: Хорезми – его литературный псевдоним. Этот псевдоним упоминается в *Латафат-наме* Ходжанди, произведении, созданном в XV в. в Средней Азии в подражание *Мухаббат-наме*. В конце перевода *Гулистана Са’ди*, сделанного в том же веке в кыпчакской фактории Египта Сейфом Сарай, имеется газель, принадлежащая Хорезми. Быть может, наш поэт и этот Хорезми – одно и то же лицо. Стамбульский список *Нахджу-л-фарадис*, произведения, созданного в то же время на территории Золотой Орды, переписан еще при жизни автора неким Хорезми. Известно, что поэты нередко ради заработка переписывали чужие труды. Можно высказать предположение, что этот Хорезми – автор *Мухаббат-наме*. <...>

Других сведений о Мухаммед-Ходжа-беке мы не имеем. Известно, что Джаныбек, сын Узбек-хана, с именем которого Хорезми связывает имя Мухаммед-Ходжа-бека, правил Золотой Ордой с 1342 по 1357 г. Поэт говорит о том, что свое произведение он создал на берегу Сыр-Дарьи. Известно, что низовья Сыр-Дарьи и культурный центр Сыгнак в эпоху создания памятника были наиболее населенной частью Ак-Орды (Белой Орды), существовавшей в этот период в пределах Золотой Орды уже на правах самостоятельной области. Таким образом, *Мухаббат-наме* – этот замечательный памятник XIV в. – было написано в одном из культурных центров своего времени, где за двести лет до этого на языке, близком к языку *Мухаббат-наме*, были созданы *хикматы* поэта-мистика Ахмада Есеви.

Мухаббат-наме Хорезми дошло до нас в двух списках. Один из них написан арабским письмом и относится к XVI в., другой, более ранний и более дефектный и неполный, написан уйгурским письмом. Обе рукописи хранятся в Лондоне. Арабописьменный вариант, хранящийся в Британском музее под шифром Add. 7914¹, относится к 914 г. хиджры, т.е. к 1508/9 г. по нашему летосчислению. Рукопись хорошо сохранилась. Впервые она была исследована А.Н.Самойловичем². Отдельные письма и газели этого списка опубликованы в транскрипции в хрестоматиях, учебниках по узбекской литературе и в «Антологии узбекской поэзии»³. Уйгурописьменный вариант составляет часть большой рукописи, хранящейся в Британском музее под шифром Or. 8193. Сообщение об этом сборнике было сделано еще в 1924 г. академиком В.В.Бартольд⁴. Этот сборник содержит различные религиозные и поэтические произведения и составлен в марте – апреле 1432 г. бахши Бакыр Мансуром для Мир Джелаладдина, который в 1407–1444 гг. занимал при Шахрухе должность верховного военачальника в Герате. В этом сборнике уйгурописьменный вариант *Мухаббат-наме* занимает страницы 1586–177а. В.В. Бартольд отмечает, что *Мухаббат-наме* является довольно ранним поэтическим произведением, написанным в Золотой Орде.

Уйгурский вариант этого памятника исследован А.М.Щербаком⁵. В 1957 г. в Неаполе в «Анналах» университета опубликована первая часть исследования Т.Ганджеи⁶, содержащая транскрипцию уйгурописьменного варианта с критическим аппаратом и факсимиле.

Арабописьменный вариант состоит из 47 страниц, заключающих 948 стихотворных строк, или 474 бейта. Один бейт (364) повторен дважды.

Произведение состоит из одиннадцати писем влюбленного к своей возлюбленной. <...>

¹ Ch. Rieu, *Catalogue of the turkish manuscripts in the British Museum*, [London], 1888, p.290.

² Самойлович, стр.1–23 (Название использованной работы А.Н.Самойловича издателем не указано. – Прим. ред.).

³ «Адабиёт хрестоматияси», Тошкент, 1951, стр.95–98; «Узбек поэзиясининг антологияси», Тошкент, 1948, стр.97–98.

⁴ [Бартольд, 1924, с.57–58].

⁵ А.М.Щербак, *Огуз наме. Мухаббат-наме. Памятники древнейуйгурской и староузбекской письменности*, М., 1959.

⁶ Tourkhan Gandjei, *Il «Muhabbat-nāma» di Hōrazmī («Annali»*, Napoli, 1957, vol. VII), pp.135–106.

С именем великого бога на устах
 Я создал *Мухаббат-наме*.
 Два светлых жемчуга дал он миру,
 Сокровищем любви наделил человека.
 По [велению] книги судеб он окрасил ночь,
 Основу мира поставил на слове.
 Семь сфер величественного золотого портика
 Создал всевышний в шесть дней.
 Лебеда в воздухе он сделал пищей коршуна,
 Каплю воды уподобил полной луне.
 Он дал волосы, ниспадающие до земли, той,
 Алой щечке, которой подарил родинку.
 Он сотворил гиацинт на черной земле
 И среди колочек поселил розу.
 Твердый камень он превращает в драгоцен-
 ный алмаз,
 Сахарным делает пустой тростник.
 Могущество его сотворило на земле реки,
 Вложило в раковину сверкающую жемчужину.
 Чистую розу он сделал пищей для пчелы,
 Утренний зефир нарек слугой лужайки.
 Грохочут и носятся ветер и тучи
 И проливаются дождем там, где он прикажет.
 Он дает в руки комарику большой нож,
 Которым тот вынимает мозг у Немруда.
 Он превратил ветер в скакуна Соломона,
 Ветер, который является владыкой мира.
 Он дал Моисею посох, чтобы пасти овец,
 Он Иосифа посадил султаном в Египте.
 Он Иакова сделал другом страданий
 И в огне сохранил сына Азара.
 Солнце он обратил в венец на голове Иисуса,
 Вознес на небо Мухаммеда Мустафу.
 Мухаммед стал шахом пророков,
 Своей любовью достиг любви Аллаха.
 От Мухаммеда возникла любовь,
 И такая любовь меня сделала безумным.
 О Аллах, брось взгляд на поэта Хорезми,
 Не уменьшай любовь в его сердце!

ОН РАССКАЗЫВАЕТ О ПЕРВОЙ СВОЕЙ ВСТРЕЧЕ

В тот вечер, когда показалась праздничная
 луна,
 Мухаммед-Ходжа-бек, владыка государства,
 Приказал, – и на холме был разбит шатер,
 Принесли бокалы, и начался пир.
 Настроив саз на мелодию *хусайни*,
 Певец начал эту газель.

ГАЗЕЛЬ

Как ты красив, о гордый кипарис,
 Ведь роза изумлена [красотой] твоего лица.
 Когда я вижу молодое деревце с гордо
 поднятой головой,

Вспоминая о твоём стане, я целую его ствол.
 Твое лицо – солнце, жемчуг у тебя в ушах –
 словно Венера;

Похоже на то, что Венера стала возлюблен-
 ной Солнца.

Нежный пушок на твоём лице под мускусным
 локоном –

Словно птенчик попугая в когтях у сокола.
 Как похож на твои губы каждый рубин и яхонт,
 Но не во всяком перстне есть [такое] чудо.

Пока можешь, кокетничай с нами,

Ведь так приятно бывает кокетство прелест-
 ного друга.

Бросающий аркан индус не так черен и кова-
 рен, как твои кудри,

Твой глаз – словно быстрый турецкий стрелок
 из лука.

Ты султан на троне царства красоты,
 Жертвующий иногда нам, несчастным, свое
 время.

Когда бывает цветник без соловья,

А красота лиц красавиц без любопытного
 взгляда?

Как приятен [будет] тот день, когда Хорезми
 снова

Сделает свои глаза прахом [под] твоими ногами.

ГОВОРIT О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО

Он улыбнулся и сказал:

«Принеси нам подарок, достойный нас.

Много жемчугов в море твоего сердца,

Много в мире твоих книг на фарси.

В лирических стихах ты превзошел многих,

[Своим] сахароподобным языком ты покори-
 л мир.

Я хочу, чтобы ты на нашем языке

В эту зиму книгу написал при мне.

Тленные дни промчатся, как ветер,

Пусть останется от нас в этом мире подарок».

Я согласился, поцеловал землю и сказал:
 «О, шах,

Быть у твоего порога – счастье для меня.

Я буду трудиться всеми силами,

На весь мир прославлю твое доброе имя.

Сегодня до зари пей вино

И послушай эту газель, которую я сложил сей-
 час».

ГАЗЕЛЬ

Я увидел в твоём лице, о, душа, праздничную
 луну,

Пусть я буду твоей жертвой в благодарность
 за это.

Если даже солнце не взойдет,

Сияние твоего лица осветит жилище раба.

Если Платон влюбится в тебя,
То и он забудет о всех своих помыслах и намерениях.

Сколько сказочных птиц души
Изловила твоя сладкая речь!
Счастье и благоденствие кроили
Для твоего стана одежду изящества.
Если ты разрешишь, я, как утренняя заря, [что расстилается над всем миром],
На весь мир прославлю твою красоту.
К тебе пришел Хорезми, окажи ему покровительство,
Как все шахи оказывают покровительство
обездоленным.

МЕСНЕВИ

Шах выслушал газель до конца
И пожаловал мне халат и пару коней.
Прошло немного времени, снова пир разгорелся,
Пошли вкруговую чаши, и вино ударило в головы.
И опять нашел я удобный момент
И прочитал в его присутствии эту газель.

ГАЗЕЛЬ

Творец, который создал душу в теле,
Поставил тебя царицей над прекрасными.
Он создал твое лицо сияющим, как солнце,
А меня он сделал изумленным, как небо.
В тот день, когда создал тебя господь,
Твоя красота стала кыблой для народа.
Над кипарисом он повесил полную луну,
А на луне сотворил раскрывающийся бутон.
Твою красоту он заставил сиять на весь мир,
Меня создал пораженным этим образом.
Ты когда-нибудь слышала про красоту Иосифа?
Тебя он создал в сто раз прекраснее!
Великодушный господь, стремясь к совершенству,
Создал тебя, луну, безупречной.
Как прекрасно, что всемогущий бог каплю
воды
Сделал рудником жемчугов любви.
Создавая мир, он сделал Хорезми обездоленным,
А того, к кому направлены его взоры, сделал султаном.

* * *

Я начал книгу и хочу закончить ее,
Пусть дойдет *Мухаббат-наме* до Сирии и Египта.
За этим столом объявляю всем,
Что сделаю *Мухаббат-наме* из десяти писем.

А две главы напишу на фарси,
Ибо многознающему идет атласный халат.
Сперва я прославлю бека,
А после этого я начну письма.

СЛАВОСЛОВИЕ МУХАММЕД-ХОДЖА-БЕКУ

Хвала тебе, храбрый лев из племени Кунграт,
Великий из великих с младенческих лет!
Мухаммед-Ходжа-бек – радость мира,
Источник счастья, сокровищница блаженства.
До тебя страна была телом без души,
О ты, находящийся в родстве с шахиншахом Джаныбеком.
Твои войска укрепляют веру,
Несчастному дают сокровищницу Феридуна.
Ты шах, царствующий, как Соломон,
С [воскрешающим] дуновением Мессии и
лицом Иосифа.
Когда твой конь идет рысью, он обгоняет ветер,
Твое имя охватило мир, как солнце.
Если воскреснет тысячу лет назад умерший
Хатем-и Тай,
Он поцелует землю, когда услышит твое имя.
Для страны ты – хорошее предзнаменование,
Юпитер – раб твоей красоты.
Силой своего ума ты правишь страной,
В сражении кровь стекает с твоей камчи.
Мужество и щедрость всегда с тобой,
Ибо ты мужествен и щедр.
Сам Хатем устыдился бы своего пиршества,
А Рустем уступил бы тебе в бою.
Когда твои войска встречаются с врагами,
Знай: как стрелы, летят твои воины.
Твой воин бросается в бой, как на пиршество,
Бросается в сечу, как голодный волк на овцу.
Ты достоин называться Рустемом,
Ибо твой меч надвое рассекает войско [врага].
Если будет писать восхваления тебе [Меркурий] – писец неба,
За тысячу лет не закончит он и тысячной доли.
Как бы долго ни горели в небе
Писец-Меркурий и музыкант-Венера,
Пусть, как солнце, сияет твоя власть,
Пусть семь небес рабами склонятся у твоего порога.
Пусть помолится за тебя твой покорный слуга
Хорезми,
Вознагради его своей щедростью.
Я сотку атлас из похвал –
Среди зимы прочту весенние стихи.
Покой, где ты пируешь, – рай,
[Здесь] всегда лето, веющее ароматами рая!

ГАЗЕЛЬ

В саду пошли вкруговую чаши,
 Пейте, наслаждаясь, ароматное вино в ароматном саду!
 Слуга лужайки, утренний зефир,
 Разлил по саду аромат роз.
 Они расцвели, но лето прошло, и те, которые были
 Иосифами цветника, теперь в темнице.
 Рассыпались по земле лепестки цветов,
 Как сердолик в руднике.
 О роза рая! Выйди на лужайку,
 Не прячься сегодня во дворце!
 Выпьем за здоровье нашего бека,
 Хотя мы и не в почете.
 Мухаммед-Ходжа-бек, подобно Али,
 Отличается на поле брани.
 Если вдруг стрела его попадет в наковальню,
 Наконечник ее исчезнет в ней.
 О победоносный, от ударов меча которого
 Враги обливаются кровью!
 Пусть на многие годы творец продлит твою
 жизнь, мой бек,
 Пусть протекает она в благополучии.
 Нет подобного тебе
 Ни в Ираке, ни в Руме, ни в Ханаане!
 Хорезми совсем потерял голову,
 Застыло его тело, замерла душа.

НАСТАВЛЕНИЯ ПОЭТА

О джигит, пей вино, вкушай сладости,
 После сегодняшнего дня живи еще сто пятьдесят лет!
 Пей глоток за глотком радость и наслаждения,
 Затумань вином разум.
 Ведь так непостоянен этот мир,
 Не вечен он для человека.
 Окажи милость и прояви заботу о народе,
 Всегда будь веселым и счастливым!
 Твое доброе имя покорило весь мир,
 Пусть бог сохранит тебя от дурного глаза!
 Полный любви молился за тебя твой раб,
 Пусть будут приняты его молитвы!
 Я закончил похвалу Мухаммед-Ходжа-беку
 И приступал к *Мухаббат-наме*:

КОНЕЦ КНИГИ

Здесь закончил я слова *Мухаббат-наме*,
 Все это я написал на берегу Сыра.
 Хотя ты и являешься Джемшидом и Асафом,
 Удостой взглядом *Мухаббат-наме*.
 Прочти, это ведь фатиха. Смотри на тебя,
 Пусть радуется раб Хорезми Равани.
 Это произведение, которое получилось [прекрасным, как] египетский сахар,

Завершено в семьсот пятьдесят четвертом году.

К концу дал господь милость:
 Послушайте сейчас еще один интересный рассказ.

РАССКАЗ

В тот год, когда я отправился в Дамаск,
 Я много исходил пешком,
 С посохом в руках, с башмаками за пазухой;
 В каком бы положении я ни был, мне везде было хорошо.

Одни мне давали хлеб, другие воду,
 Словно кудри красавиц, носило мой челн [по ветру].

Уповая на бога, я переплыл море, прошел из конца в конец

Все Румийское царство.

Я, как дервиш, [не спеша], посещал каждую пещеру,

Где, я слышал, жил кто-нибудь из секты эбдали.
 Затем меня направили в Дамаск,
 Я отправился в Дамаск через Византию.
 У меня был попутчик из знатного рода,
 Молодой, целомудренный, рожденный сейи-дом.

Две скрученные косы на его плечах
 Покорили небеса.

[Иногда] на нем была грубая одежда дервиша,
 На голове – шапка Баязида.

Дервиш, он много терпел из-за своей добровольной бедности,

Как солнце, скрытое за тучей.

В его присутствии горькая вода казалась сладкой.

Соломон стал сотрапезником муравья,
 Птица феникс, слетевшая с дворца царей,
 Стала другом воробья.

Мы шли то среди цветов, то среди колочек,
 То рощами, то по горам.

Так мы шли, как вдруг кто-то из каравана
 Нарочно его оскорбил:

«Ты не сейид, помилуй бог, ты нищий,
 Который говорит, что он потомок Мухаммеда».
 Вместе с нами был один старик-христианин,
 Который шел в Иерусалим и в монастырь в Мина.

Он подбежал, схватил того человека за руку и сказал:

«У нас в Тартабидане есть храм,
 Где сейчас находится триста копыт осли [Христа],
 Украшенных рубинами и жемчугом.

Люди относятся к этому по-разному,
 Ведь у одного осли [может быть] только четыре копыта, а не триста.

Но они почитают их все
 Ради осла Христа.
 Они поклоняются каждому копыту [из трех-
 сот],
 Хотя только одно среди них [может быть]
 настоящее [копыто осла Христа]».
 Он [так] сказал и ушел,
 Заблудшего наставил на путь.
 Когда христианин смеялся над мусульманами,
 Тот человек сразу уверовал в него.
 Он поклонился ему и, пока мы были в дороге,
 Непрестанно оказывал ему много услуг.
 Ты также зажги свечу в темноте,
 Мусульманству учись у христиан.
 Ни на волосок не растравляй сердца сейидов,
 Подобно Хорезми, будь другом знатных семей.
 Если ты в бедности довольствуешься малым,
 То ты сам себе и шах и эмир.

Хорошо, когда ты ведешь веселый, беззабот-
 ный образ жизни
 И занимаешь достойное тебя положение.
 [Но] не строй воздушные замки, это напрасно,
 Глоток воды и кусок хлеба достаточны для
 тебя.

ПРОСЬБА

Кто прочтет эту книгу с любовью,
 Тот познает истинный мир.
 Я хочу, чтобы поминали в молитве
 Того, кто повествовал и писал эту книгу.

ФАРД

А тебя прошу, о кумир,
 Не забудь раба, ради Аллаха!
 Закончено [перепиской] *Мухаббат-наме*
 Хорезми в 914 году».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 3

«Шейбаниада»

Предисловие и источник цитируются по изданию: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И.Березиным, Профессором Казанского Университета, Магистром восточной словесности, действительным Членом Русского Географического Общества и Общества любителей Отечественной Словесности, Членом Азиатских Обществ в Париже и Лейпциге, Членом-Корреспондентом Археологическо-Нумизматического Общества, и проч. – Казань: в Университетской типографии, 1849. – С.V–XII, XXXIV–XLVIII.

«Изучение Монгольского периода Русской Истории, весьма поучительное для историка-наблюдателя, для русского исследователя составляет предмет большой важности, тем более, что возникшие в последнее время сомнения и появление новых данных бросают на этот период нашей истории иную тень. Дольше, однако, ни один русский ориенталист не посвятил своего дарования разрабатыванию русско-монгольских соотношений, а из иностранцев представленная Г-м Гаммером *Geschichte des Goldenes Horde* не была признана удовлетворительной по многим причинам. Не желая оставаться деятелем, совершенно чуждым Русской Истории, и сознавая в то же время слабость сил моих и ограниченность средств, я решился приступить к собиранию и обнародованию в подлиннике и переводе сказаний восточных писателей о Монголах, а также и о Тюркских и других племенах, обитавших в первобытной России, пополняя эти известия извлечениями из географов мусульманских.

Предлагаю на первый раз небольшую историю Монголо-Тюрков. Это сочинение издано мною по единственной известной рукописи, принадлежащей Азиатскому Музею С.-Петербургской Академии Наук под № 591* рукопись приобретена от почтенного наставника моего Мирзы А.К.Казем-Бека, состоит из пятидесяти листов in 8° и писана простым, но четким почерком полу-шикэстэ, по-видимому, грамотным писцом или, правильнее сказать, писцами, потому что с XXXIX по XLIII лист идет письмо несколько отличного почерка, а на XXXVIII листе соединены два письма. Впереди этой истории находится нравоучительное сочинение известного джагатайского писателя Мир Али Шири «Возлюбленный сердец», писанное в 1253 году гиджры другим почерком и на другой бумаге. Весьма затруднительный

* В Библиотеке Казанского Университета находится под № 101 список с этой рукописи: он не заслуживает доверия, потому что писавший его неизвестный писец придавал джагатайским словам татарское правописание и недобросовестно сокращал или выкидывал целые периоды.

вопрос представляет эта История Монголо-Тюрков: кем и когда она сочинена? Содержание самой истории некоторым образом должно определять время сочинения ее: вот это содержание.

Автор делит свою книгу на два отделения: в первом рассказывается коротко история Монгольских и Тюркских племен сообразно с Мусульманским преданием от Ноя до вступления на Императорство Чингиз Хана. <...>

Второе отделение содержит в себе неполные исторические известия о племени Гконгират, состоявшем в родстве по женской линии с многими Монгольскими Ханами. Устремив свое внимание преимущественно на это родство, автор весьма немного говорит о других племенах, о Чингиз Хане, его сыновьях, но более о Гконгиратских Беках, дает родословную Абуль Ххаир Хана и его наследников и оканчивает это отделение семью благочестивыми султанами. Это отделение изложено еще с большею непоследовательностью, нежели предыдущее, но оно дает возможность пополнить и исправить родословие Бухарских Ханов, изложенное у Абуль Гази и Мухаммед Юсуфа Эль-мунши. Генеалогия потомков Абуль Ххаир Хана доведена автором до пятого колена, т.е. до середины XVI столетия. – В изложении родства Гконгиратских Беков автор следовал опять Рашид Эд-дину, который, по известию Г-на Гаммера (Wien. Jahrbücher, 1837, В. LXXVII, 21), распространяется очень подробно об этом племени.

Собственно этим отделением и должно бы оканчиваться сочинение, но автор снова принимается за рассказ и излагает довольно подробно историю междоусобий по смерти Абуль Ххаир Хана и походы Мухаммед Шейбани Хана, внука Абуль Ххаирова, заключая это повествование смертью Шейбани Хана в битве с Персидским Шахом Исмаилем, что случилось в 1510 году по Р.Х. Здесь автор объявляет титул своей книги – «Шейбани-намэ» Шейбаниада, но ничего не говорит ни о себе, ни о времени появления в свете труда своего. После этого заключения, мы находим опять генеалогию потомков Абуль Ххаир Хана, в частности несколько отличную от прежней, но почти столь же подробную.

Таким образом, не находя нигде прямых указаний на сочинителя Шейбани-намэ, из содержания его книги мы можем только заключить, что он жил не позже первой половины XVI столетия, а приводимые им генеалогии заставляют думать, что сочинение его написано не раньше 1510–1530 года. – Рукопись переписана в 1235 году гиджры, как заставляет думать неуместное указание на этот год в конце второго отделения. Не должно удивляться, что здесь соединены вместе две рукописи различного времени и различных писцов и притом так, что позднейшая рукопись переплетена спереди юнейшей по времени письма: у Мусульманских переписчиков это допускается. <...>

Текст единственной находящейся у меня рукописи я печатаю без малейшего изменения, но в выносках исправляю явные описки или пропуски переписчика, а часто употребляемым словам придаю однообразное джагатайское правописание, исключая собственные имена, исправлять которые я не считал нужным в настоящем издании и оставил их без перемены как в тексте, так и в переводе, предоставляя себе делать исправления в примечаниях как к Шейбаниаде, так и к следующим за нею сочинениям о Монголо-Тюркской Истории. Недостающие или излишние, по моему мнению, места в тексте я вставлял между знаками вносными: отличить одни от других не трудно при сличении перевода с оригиналом. – В чтении собственных имен я старался сохранить произношение того народа, которому принадлежит имя: так, в названиях Монгольских лиц и племен я согласовал по-возможности правописание нашей рукописи с правописанием Сананг Эцэна, монгольского историка, не подвергая, впрочем, первое поправкам или невозможным изменениям, а в чтении тюркских названий я следовал тюркскому произношению Джагатайцев.

Перевод я старался представить не только буквальным, но и столько же безыскусственным, как и тюркский подлинник: знакомые с Джагатайским диалектом увидят, что в тексте очень часто встречаются слова неизвестные ни в каких лексиконах, и что поэтому перевод, несмотря на простоту рассказа, представлял немало трудности.

Примечания я старался по возможности ограничить филологическими, а очень редко историческими или географическими замечаниями: в последующих томах Восточной Библиотеки довольно еще будет случаев к объяснению темных мест в истории Монголо-Тюркских племен.

В приложениях я поместил перевод описания Мавераннахра из Всеобщей Географии Хаджи Хальфы и доставленные мне нашим ученым Монголом, Кандидатом Казанского Университета, Банзаровым мемуары относительно Монгольской Истории. В заключении находится реестр Тюркский и Русский всех собственных имен, упоминаемых в настоящем издании. <...>

<...> ИЗЛОЖЕНИЕ О БАРТАН БАҒАДУРЕ И ЕГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
И ПОВЕСТВОВАНИЕ О ГКУТИЛА ГКААН*

Бартан Баһадур есть дед Чингиз Хана, а Гкутила Гкаан меньшей брат второго после него. В могулском языке деда называют Эбугэ. Он взял жену из племени Бургкут по имени Сиюнбил Гкуджин; от этой жены было у него четыре сына: старшего имя Мунггедун Гкиян, второго Негун Тайши, третьего Исуга Баһадур, четвертого Дариной Утджугин. Племя Гкыят происходит от рода Мунггедун Гкияна: он был муж очень храбрый. Ему дали это имя потому, что в могулском языке оно значит «текущий с горы огромный поток». Исугай Баһадур есть отец Чингиз Хана, и они происходят от рода Буругкчин Гкыята; значение Буругкчина есть «кареглазый и желто-лицый». От Исугай Баһадура рожденные дети и дети детей большею частью суть бараньеские и желто-лицые, да и Алангоа говорила: «По всему знайте, что от моих детей явятся Государи именитые».

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ИСУГАЙ БАҒАДУРЕ И БАРТАНЕ БАҒАДУРЕ

Исугай Баһадур есть отец Чингиз Хана; Могулы отца называют Ичэгэ. По смерти отца, дядья, родственники и родичи поставили его на царство и большинство. Молодечество его стало известно между улусами. Он взял девушку из племени Олгконот, называвшуюся Уалун Гкуджин, которую также называют Уалун Иджэгэз. От этой жены у него было четыре сына; имя старшего сына было Темучин: его прозвали Чингиз Ханом, когда он сделался Государем.

Второй сын – Чучи Гкасар, в могулском языке Вильтуни, что Сарты (Персияне) называют гиеной. Он был очень страшный и сильный муж. В исторических книгах так написано, что плечи и грудь его были так широки, а талия так тонка, что, когда он протягивался спать, собака проходила под его боком, и он такую силу имел, что когда сердился на человека, то, схватив его, поднимал с земли, сокрушал, и, подобно переламыванию молодого дерева, переломив ему спину, кидал. Он всегда с старшим братом был заодно. Имя третьего сына Гкаджиюн. Имя четвертого Темука Утджугин.

Темука есть имя, а Утджугин значит «хозяин юрты и пищи», а также называют его Отчи Нояном: под этим именем он прославился. Он взял жену из родственниц матери Чингиз Хана, по имени Сандугк Джин (Сенед Гкуджин) из племени Ангконот: от этого его весьма почитали и уважали, и Чингиз Хан любил его больше других родных. Он был большой охотник строить: куда приходил, он устраивал загородные сады, богоугодные заведения и дворцы. Пятый есть Бильгутаи Ноян, но этот происходил от другой матери, и поэтому ему не оказывали много уважения.

ПОВЕСТВОВАНИЕ ЧИНГИЗ ХАНА

В 549 году Исугай Баһадур, по причине войны с племенем Татарским, выступил в поход: у жены его Авалун Икэ во чреве был Чингиз Хан. Имя Государя Татарского племени было Темучин Угэ. Исугай Баһадур, победив его, убил и завладел найденным имуществом. После того в месяце Зулгк'аде в год свиньи, который соответствует 549 году гиджры, Чингиз Хан родился от матери. У него в правой руке был комок запекшейся крови величиной с чашку (ковшик): принявши это за доброе предзнаменование, дали ему имя Темучин. Едва ему исполнилось тринадцать лет в год свиньи, отец его умер. Тайджиотский Ил, который был из родичей дяди Чингиз Хана, весь от него отделился и положил начало бедствию. Братья меньшие его были еще малы; от этой причины Уалун Иккэ, мать Чингиз Хана, стала очень печальна.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЧИНГИЗ ХАНЕ

Чингиз Хан остался после отца тринадцати лет; Табджиотский ил вошел с ним во вражду: начались раздор и смуты. Начиная с тринадцатого года, как остался после отца, в течение двадцати восьми лет он встречал разные беды: Всевышний Бог спас его от тех бед и напастей и даровал ему на пятьдесят первом году в год свиньи Императорство и Ханство. Он царствовал 21 год, взял большую часть мира и 72 лет велением Всевышнего Бога скончался. <...>

РАССКАЗ

Во время первой молодости Чингиз Хан однажды, предавшись страсти, отправился для похищения девушки из иля Табджиотского. Во время шествия его на дороге перед ним все катился по полю

* Примечания опущены. – *Прим. ред.*

большой камень. Чингиз Хан изумился: «этот камень никто не катит, ветер не двигает, да и нет столь сильного ветру, чтоб такой камень, катя мне навстречу, принести». Сказал, удивился и думает, что «значение этого есть то, что по этой дороге не ходи, а воротись!» Но сатана произвел еще обольщение и не допустил его воротиться: пойдя (оборотясь лицом вперед) Чингиз Хан пустился по дороге. Случайно Государь Табджиютского иля Тарггутаи Гкарлукк был на охоте. Чингиз Хан неожиданно встретился с ним. Схватив Чингиз Хана, он связал, надел на шею колодку и отправил в свою орду, чтоб там стерегли его. Одна старуха из Табджиютского иля по имени Ичэгэ ухаживала за Чингиз Ханом: на шею, которая была изранена от колодки, она клала войлок, расчесывала ему косу и разделяла с ним горе. В этом положении было уже близко к трем годам. Однажды Табджиютский иль отправился на охоту. Чингиз Хан пользуется случаем, бежит с колодкой. В окрестности было большое озеро: вошедши в воду с колодкой, он садится. Табджиюты, по возвращении с охоты, не найдя его, принялись искать его. Из Сулдусского иля по имени Сургган Ширэ, которого жилище находилось вместе с Табджиютами, нечаянно увидел колодку Чингиз Хана и дал знак, что «опусти голову твою в воду». Чингиз Хан головой нырнул в воду. Сулдус Сургган Ширэ говорит Табджиютам: «вы идите в другую сторону и сделайте поиск, а я сделаю поиск и дознание в этих сторонах и в этой окрестности». Табджиюты, говоря: «делая дознание, должно отыскать Чингиз Хана», разделились в разные стороны. Лишь настали сумерки, Сулдус вытащил Чингиз Хана из воды, привел в свое жилище, снял колодку с шеи и спрятал его между телегами. Табджиюты не нашли в мстах, в которые ехали, следов его, возвратились и по следу его пришли к жилищу Сулдуса. Они втыкали дротики в войлоки, которые находились на телеге, отыскивали его. Всевышний Бог, по предопределению его голове превеликих благополучий, сохранил его здоровым под своим покровом: Табджиюты не нашли его, и он был спасен от этой беды. После этого Сюррган Ширэ дает ему темно-гнедую кобылу, несколько сырого мяса, стрелы и лук, аркан вместо лошадиной узды, огниво и дает еще мешок для воды.

В то продолжение, как он был задержан, мать Чингиз Хана Уалун Икэ и жены его, отчаявшись, думали, что его убили. Но четвертый сын его, Тулуй Хан, четырех-пятилетний мальчик, играя, прыгая, говорил: «Мой отец едет на темно-гнедой кобыле, а сбоку лошади его привязано для меня мясо». Мать его Бюртэ Фуджин драла его за уши и била палкой: «Зачем ты, говоря вздор, огорчаешь нас? Зачем, напоминая нам отца твоего, наводишь на нас тоску? Отца твоего убили». Но он, не оставляя эту речь, точно также всегда говорил, что Чингиз Хан завтра придет на темно-гнедой кобыле. Мать Чингиз Хана Уалун Ичэгэ и жена его Бюртэ Фуджин, дочь Дай Нояна Гконгиратского, изумленные, удивлялись словам мальчика этих лет, приняли за (счастливое) предзнаменование себе эти слова. «Наше предзнаменование хорошо!» Говоря, давали милостивы и делали великие пиры. Бог ведает поистине!

ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

О ВЫСОКИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯХ ПЛЕМЕНИ ГКОНГИРАТ, О ДАВАНИИ ИМИ СИЛ ЧИНГИЗ ХАНУ И О ВСТУПЛЕНИИ ИХ В РОДСТВО С ИМПЕРАТОРАМИ ПОСРЕДСТВОМ БРАКОСОЧЕТАНИЙ

Племя Гконгиратское происходит от корня тех двух мужей, которые вошли в гору Узгене Гкон и упоминались прежде этого. В хрониках так излагается, что род Гкяята с Ногузом очень размножился: от рода их явились племена. Когда ветви племен очень размножились, то, не имея достаточного помещения, они предприняли выйти из горы Узгене Гкон. Гконгиратское племя без народного совещания прежде всех с такою поспешностью вышло, что огневые очаги других илей были попрапы их ногами, и Могулы верят, что от этой причины между племенем Гконгиратским встречается часто болезнь ног, которую называют *наффридз*. От племени Гконгират разветвилось много племен: у каждого из них есть свое имя и прозвание. Если угодно Богу Всевышнему, опишем всех в этом трактате. – В «Собраниях исторических» так написано, что Гконгират есть человек, родившийся на золотой перине. Уйгурские ламы много изложили и описали в ххаттайской истории величия и знатности этого Гконгиратского племени, и, сказав и написав, что «родится на золотой перине», они высказали этим все нужное о величии и знатности их (Гконгират) и изложили объяснения о них. У Гконгирата были сыновья следующие: имя старшего сына Юрлукк Мерган, которого племя ныне стало известно под именем Гконгират. Второй сын есть Гкубай Ширэ: у него были сыновья Икрас и Олгконот. Третий сын есть Тусбудау: у него также было два сына Гкаранут и Тунглиют. От ветви Юрлукк против него: поэтому-то Чингиз Хан не обратил их в уделы и не привел в рабство, а, введя в совет, давал им дорогу. Они находились в родстве с Чингиз Ханом.

РАССКАЗ О ПЛЕМЕНИ ТУСБУДА

У Тусбуда было два сына: имя одного Гкоанут, а имя другого Гконглиют. Этот Гконглиют взял жену своего отца: от нее явился сын, которому дано имя Мейсер Юлюк. Этот также взял жену отца своего; от нее явился сын, которому дали имя Гкорляс: племя Гкорляс происходит от его рода. Он взял жену из народа Ххатайского, которая родила сына, названного Ильджигином: племя Ильджигин происходит от его рода.

РАССКАЗ О ПЛЕМЕНИ ГКАРАНУТ

Гкаранутское племя происходит от старшего сына Тусбуда, и это племя называют его именем.

ПОВЕСТЬ О ПЛЕМЕНИ ГКОНГЛЮТ

У Гконглиюта был сын по имени Мейсер Юлюк; на могулском языке называют так человека, который ничего не боится, хотя ныне еще называют вообще какое-нибудь умершее существо «юлюк». У этого Мейсер Юлюка была такая привычка, что если он спал, то спал три дня и три ночи без просыпу. Говорят, что он был так силен, что столб шатра в руке его становился плетью. Еще говорят, что он пошел на берег моря, чтоб наловить ракушек, сварить на огне и есть. Наловив много ракушек и положив их в куль, он нес: в пути склонил его сон, он заснул, положив под голову подушкой куль с раковинами, и три ночи и дня спал беспробудно и не трогался. Птица, называемая Абру, несла яйца на спине его, представив себе тут гнездо. Мейсер Юлюк также взял жену отца своего, и от нее явился сын, которому дали имя Гкорляс. Все Гконгираты и Икрасы отделились от одной ветви. Икрас с Гкорлясом, родственники, всегда сражаясь одни с другими, находились во вражде и распри. Чингиз Хан обратил в бегство Бутук Хана из племени Икрас; когда Чингиз Хан шел к Бальджию; 3,000 человек Гконгират с Гкорлясами, родственники, пошед, соединились с ним в Бальджиюнэ; после этого Чингиз Хан, отправясь в Бальджиюнэ, одержал победы. Отчи Ноян и Дар Куркан суть из этого племени.

ПОВЕСТВОВАНИЕ С РАССКАЗОМ И ИЗЛОЖЕНИЕМ О ЖЕНАХ,
СЫНОВЬЯХ И ДОЧЕРЯХ ЧИНГИЗ ХАНА

У Чингиз Хана было пятьсот жен и легион наложниц, но из них пять жен взято по могулскому браку и закону. Главная из всех есть дочь Дай Нояна из племени Гконгират по имени Бюртэ Фуджинь: этот Дай Ноян был старшина и Государь Гконгиратского племени. У Чингиз Хана было от Бюртэ Фуджин четыре мальчика и пять дочерей. Старший сын есть Чучин Хан: Государь и Хань, которые суть в Дешт Гкапчакге, Кашггаре, Уруше, Чагкмагке и на пределах Ххатайской страны, происходят от его рода. В хрониках так упоминается и развивается, что в то время как Чингиз Хан воевал с Илем Мергитским, он был разбит; Бюртэ Фуджин впала в их руки, беременная Чучи Ханом. Мергитский Иль был подвластен Онге Хану: Бюртэ Фуджин отправили к Онге Хану. Онге Хан, приняв ее почтительно и уважительно, оказал почет, потому что у него была дружба с отцом Чингиз Хана и он называл Чингиз Хана сыном. Беки Онге Хана сказали ему: «зачем ты не берешь ее»? Он дал ответ, что «она моя невестка: не приходится вероломным глазом смотреть на нее и от человечности (это) далеко». Чингиз Хан после этих слов отыскивает (ее); он послал отца Сартагк Нояна, который был Саба из племени Джалаир, к Онге Хану и просил Бюртэ Фуджин. Онге Хан, угостив его, и вручив Бюртэ Фуджин, послал. Дорогой родился Чучин Хан: шел снег, и дорога была весьма исполнена страха, так что не было возможности устроить колыбель. Из части муки сделали мягкое тесто, держали его (Чучи) в тесте и, завернув в подол, шли к Чингиз Хану. От внезапности рождения дали ему имя Чучи Хан. – Второй сын есть Джагатай Хан, которому пожаловано от Кашггара по Тюркестан и от Тюркестана по реку Аму. – Третий сын есть Угэдай Хан, который после отца сделался Гкааномь, и все родственники большие и малые, по сделанному Чингиз Ханом завещанию, провозгласив его Государем, стали повиноваться и покоряться. Четвертый сын есть Тулуй Хан: его прозвание также называют Иккэ (Эгэ) Ноян и Улутг Ноян, а Чингиз Хан называл его Нукером; большую часть времени он находился со своим отцом и на полях битвы был подле него. На могулском языке Тулуй значит зеркало. Менгу Гкаан, Гкубилай Гкаан, Нулагу Хан и Аригк Буга суть его дети, а также его дети Тимур Гкаан, Ггазан Хан и Сульган Абу Саид Хан, и много от линии и рода иго Государей. Этих четырех сыновей Чингиз Хана всех по молодечеству совершенству и совершенности называли четверьмя Кулюками.

РАССКАЗ О ТОМ, ЗА КОГО ОТДАНЫ ПЯТЬ ДОЧЕРЕЙ ЧИНГИЗ ХАНА

И пять дочерей, которые суть от этой Бюртэ Фуджин Гконгиратской и кому каждую из них Чингиз Хан отдал – вот подробные речи: имя старшей дочери – Фуджин Бикэ. Сначала было в мыслях отдать эту дочь за сына Сенгуна, внука Онге Хана, но по причине не состояния этого дела, она отдана потом за сына Бегун Буту Куркана из племени Икрас. Вторая дочь есть Чичкан: она отдана за Туралджи Куркана, который есть сын Гкутутга Бикэ, а Гкутутга Бикэ был Государем племени Ойратского. Третья дочь Алагкай Бикэ отдана за Дженгуя, сына Онгутского Государя. Четвертая дочь, имя которой Тумалун, отдана за сына Гконгиратского Государя по имени Куркан. Имя пятой дочери – Алталун, а также называли Алталун Гкаан: эта отдана за сына Тайджу Куркана из племени Олгконот по имени Чадыр Сачан; Тайджу Куркан есть меньший брат матери Чингиз Хана. Изложение и повествование об этих зятях велико: в этом (сокращенном) трактате нельзя рассказать о них, потому что зайдешь далеко, а поэтому и не написано.

РАССКАЗ О СЫНЕ ЧИНГИЗ ХАНА, НАЗЫВАЕМОМ КУЛЮГАН

У старшины Мергитского племени Ттавахаза была дочь Гкулан Госпожа; от этой жены родился сын, которому дали имя Кулюган. У этого Кулюгана было четыре сына: имя старшего сына Гкоджа. Гкулюган умер в молодости; по смерти его он (Чингиз Хан?) дал сыну его Гкоджи 6,000 человек и место отца его. У Гкоджи был сын по имени Ордуи: этот также по смерти отца своего занял его место и находился при Гкубилай Гкаане. У него был сын по имени Эбуган: он соединился с Гкайду Ханом и с многими Принцами крови и стакнулся с родом Таггаджар Нояна: они задумали отложиться от Гкубилай Гкаана, но Гкубилай Гкаан, узнав это обстоятельство, всех их схватил и казнил.

ИЗЛОЖЕНИЕ И РАССКАЗ О РОЖДЕНИИ СЫНА ОТ ДЕВУШКИ ПО ИМЕНИ САРТАГКЕ ФУДЖИН, ВЗЯТОЙ ЧУЧИ ХАНОМ ИЗ ПЛЕМЕНИ ГКОНГИРАТ

У Чучи Хана было четыре главных жены и несколько наложниц: старше всех была Гконгиратская девушка по имени Сартагк. От нее родился сын по имени Ордэ. Эта жена взята во время Чингиз Хана. У этого Ордэ было семь сыновей: старший сын – Гконджи Баян. Он также взял из Гконгиратского племени дочь Мога Нояна по имени Ильган. У Ордэ также была жена из Гконгиратского племени по имени Тобагкана – госпожа. Бату есть второй сын Чучи Хана и его также называют Саин Хан: мать его была из племени Гконгиратского. Бату второй сын Чучи Хана и известен под именем Саин Хана: мать его Оки Фуджин есть дочь Алчи Нояна из племени Гконгират. Бату жил долго после смерти Чучи Хана: жизнь его перешла за сотню. Он еще здравствовал по смерти Джагатай Хана, Угэдэй Хана и Тулуй Хана. Все ханские дети и внуки, собравшись к нему, устроили Гкурултай, и по его приказу занялись завоеванием стран. У него было четыре сына: Сартагк, Тогкган, Эбуган, Олагкчи. Второй сын Тогкган взял жену Олджай из племени Гконгират, да и старшая жена Туду Менгу Хана Аригкадж – госпожа происходит из племени Гконгират.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КОНЧИНЫ ЧУЧИ ХАНА

Чучи Хан скончался прежде отца своего Чингиз Хана и обстоятельство это таково: когда Чингиз Хан отправился к областям Сартским и достиг области Атрар, то для взятия их и области Атрар оставил его (Чучи) и отдал приказ: «мы пошли на Буххару, а ты приди к нам и все города и крепости за нами на дороге покори». Чучи, покорив по указу города и крепости, присоединился к Чингиз Хану в Самарканде. Из Самарканды Чингиз Хан послал его, присоединив к нему двух меньших братьев его Джагатай Хана с Угэдай Ханом, с сильным войском на покорение страны Ххарезмской. По прибытии на место, по несогласию его с Джагатай Ханом, покорение Ххарезма не состоялось: Чингиз Хан повелел, чтоб «в том деле он был главой и чтоб братья не выходили из повиновения своего старшего брата». Когда по указу дело сделано, страна Ххарезмская до исхода десяти дней была покорена. После того Джагатай Хан с Угэдай Ханом пошли за Чингиз Ханом, присоединились к нему в области Термез. Чучи Хан же оттуда пришел в Северные страны и прошел в Башгир, в Уруш, Черкес и Дешт Гкапчагкскую страну. И по той причине, что он пошел без позволения Хана, Хан был весьма огорчен и говорил: «я его казню». Чучи Хан сделался болен. Чингиз Хан, возвратясь из страны Сартской, пошел в свою страну; Чучи Хан отправил на нескольких верблюдах наловленных птиц, говоря: «я болен: поэтому извините, что не иду». Один человек из племени Мангкит проходил близко юрт Чучи Хана, и переходя из одной юрты в другую, достиг некоторой горы, где было место охоты его (Чучи Хана). Так как он (Чучи) был болен, то и сказал Бекам своим: «вы охотьтесь на этой горе». Мангкит, увидя это

сборище, подумал, что-де Чучи Хан сам охотится. Когда он явился к Чингиз Хану, тот спросил у него: «какая у тебя есть весть о Чучи и его болезни?» (Мангкит) отвечал: «о болезни его я не знаю сам, а вот у такой-то горы он охотился». Едва услышал эти слова Чингиз Хан, как рассердился на него (Чучи), пришел в гнев и решил, что «Чучи Хан возмутился, что не слушается моего слова, или сошел с ума, что делает такие дела». (Чингиз Хан) отдал приказ, чтоб сначала Угэдай Хан с Джагатай Ханом пошли на него: «я сам выступлю в походе вслед за ними». Войско было уже снаряжено, как вдруг приходит весть о смерти Чучи Хана. Хан стал весьма печален и огорчен. Искали того Мангкита, который сказал ту ложную весть, чтоб казнить его, но он бежал и не был найден. В некоторых хрониках так упоминается, что Чучи Хан, доживя до 20 лет умер, а некоторые говорят, что он обрел смерть между тридцатью-сорока годами. Знание у Бога!

Рассказ. Чингиз Хан во время кончины, по сделании завещания детям своим, сказал своим бекам: «всякой, кто хочет знать закон, уложение и науку, пусть идет к Джагатаю; всякий, кто хочет имения, добычи и храбрости, пусть идет к Угэдаю; всякий, кому нужно благонравие, благоразумие, твердость и спокойствие, пусть пристанет к Тулюю». Других слов кроме этих он не сказал и разделил своих Беков сыновьям своим. <...>».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 4

«Codex Cumanicus»

Рукопись «Codex Cumanicus» была обнаружена в библиотеке собора св. Маркуса в Венеции в отделе редких книг. Поэт и библиофил Ф.Петрарка в свое время получил ее от некоего Антониуса Финале и в 1362 г. вместе с другими своими книгами подарил республике Венеция.

«Codex Cumanicus» представляет собой две тетради из 168 страниц, сильно отличающихся между собой. Первая тетрадь, дата написания (или переписи) которой обозначена – 1303 г., 11 июля – это трехязычный латино-кумано-персидский словарь, состоящий из двух частей. Первая часть содержит примерно 1600 слов. Это – глаголы, имена существительные, имена прилагательные, местоимения, образцы их спряжения и склонения, а также наречия. Вторая часть – более 1100 слов, сгруппированных по тематическому принципу. Вторая тетрадь состоит из кыпчакско-немецкого словаря, в котором, кроме отдельных слов, приведены отдельные предложения, справочные сведения по грамматике кыпчакского языка. За словарем следуют отдельные тексты, основную часть которых составляют христианские молитвы на латинском языке и их переводы на кыпчакский. Затем из образцов народного творчества здесь приведены 46 загадок, которые занимают один лист с обеих сторон. Большой вклад в изучение текстов внесли такие известные ученые-тюркологи, как Г.Кун, В.Банг, В.Радлов, Ю.Немет, С.Малов, А.Чеченов, Х.Махмутов. Именно благодаря их работам тексты, загадки были включены в научный оборот.

Относительно места, времени и цели создания, а также автора этого произведения существуют разные версии. Полагают, что оно было составлено между 1303 (дата, указанная в самой рукописи) и 1362 годами (время передачи ее Ф.Петраркой в Венецианскую библиотеку) [Журьшжанов, Репин, 1966, с.38–39; Чеченов, 1978]. По гипотезе немецкого ученого В.Банга, этот словарь был составлен в XIV в. монахами францисканского монастыря Святого Иоанна в г. Сарае [Bang, 1913, S.244–245]. По мнению же Д.Расовского [Расовский, 1929, с.211], он создан в городе Солхат в Крыму, где находилась итальянская колония.

Город Солхат (Эски Кырым) был в то время одним из цветущих городов Причерноморско-Каспийской области, а в золотоордынскую эпоху еще и резиденцией наместника ордынского хана.

М.Сафаргалиев [Сафаргалиев, 1960, с.36] считает, что «Codex Cumanicus» составлен в Италии с сугубо практической целью в качестве пособия для венецианских купцов, торговавших в Золотой Орде и, соответственно, нуждавшихся в знании языков этой местности.

Впервые «Codex» был издан в Париже в 1828 г. в неполном варианте. Полностью его издал в 1880 г. в Будапеште Геза Кун [Kun, 1880].

В 1887 году В.В.Радлов издал «Codex» на немецком языке под названием «Тюркские языковые материалы Кодекса куманов», причем материал был подан в транскрипции на кириллице [Radloff, 1887].

В.В.Радлов, тщательно изучив специфические фонетические особенности куманского (половецкого, кыпчакского) языка, убедительно показал его причастность к западным тюркским наречиям и сблизил с мишарским диалектом татарского языка [Радлов, 1884, с.52–53].

Всестороннему изучению этого письменного памятника посвящено большое количество работ тюркологов самых разных стран. Довольно часто на него ссылаются и в исследованиях по истории татарского языка и литературы. Содержание «Codex Cumanicus» заслуживает особого внимания с точки зрения отражения в нем особенностей старотатарского языка. Язык «Codex» уже в нем самом назван татарским. Например, в той части памятника, где излагаются основы католической религии, язык памятника назван татарским: «татар телгә көнелди» переведено на татарский язык, «битик тилинчә-татарча» на книжном языке – по татарски [Radloff, 1887, S.48, 83].

Точку зрения В.В.Радлова поддерживают известные тюркологи А.М.Самойлович, С.Е.Малов, а татарские филологи усиливают эту мысль и в своих трудах приводят убедительные доводы в пользу этой версии.

По мнению специалиста по древней татарской литературе Х.Мухамметова, «Язык этого памятника очень близок к современному татарскому языку. Словарь «Cumanicus» почти на 70 % состоит из слов, которые использованы в древней татарской литературе. Большинство из них в настоящее время бытуют в татарском языке или в его диалектах. То же самое можно сказать и о грамматических формах» [Мөхәммәтов, 1963, 182 б.]. Языковед Л.Т.Махмутова, исследовав лексику «Codex Cumanicus» в сравнении с лексикой современного татарского языка, на конкретных примерах доказала сохранность лексики «Codex» в современном татарском языке на 80 %. Близость или даже полное совпадение не только отдельных слов, но также грамматических норм, порядка слов, конструкции предложения этого памятника с современным татарским языком вполне очевидны [Махмутова, 1982, с.68–153].

Еще в 1919 г. профессор Н.В.Никольский высказал предположение о генетической близости между куманским (половецким, кыпчакским) и казанско-татарским языками [Никольский, 1919].

Как видно из переводов, христианских вероучений, а также рифмованных стихов-псалмов, составители «Кодекса Куманикуса» хорошо владели татарским (кыпчакским) языком¹.

При передаче одних и тех же звуков, употреблены разные графемы: [y] – у, ү, у, v; [ɣ] – к, г; [ə] – е, и, ä, äi; [x] – к, h, х, [ç] – ч, ц и т.д. Эти разнонаписания ясно указывают на то, что в данный период не была четко разработана специальная графическая система передачи тюркских звуков. В.Радлов при транскрипции текста на основе кириллицы латинскую графему ч, щ транскрибировал ошибочно как [ц], а не [ч].

Тексты²

Einzelnb Satz (79 стр.).

- 1) Kym maga bersa mendagar beraym, kym maga bermassa mendagar berman, pag. 23.
- 2) Men saha assow etizerim, pag. 132.
- 3) It uradir, it ugriadir, coy mangreydir, syr mungreydir, yilki kyzineydir, taoh çacharadir, böri uluydir, kysi inçkaydir, pag. 134.
- 4) Emganip, terlep, kinalip andan tamagin beslagil kazan bogday, sazarsen aar kovra biter alabota tigenek dage rata, kukel biter, pag. 134.
- 5) Sening iazucning allenda men turrumen, p. 139.
- 6) Bilga cetik kyziler benim sösim esittingler eki iolne ayingler iarle miskin kysiler iacsi bitik bilmesler talaschman sösin esittingler ianirler örtik tamucka tuscherler, iecning tusacne cilnirler anda ylap aLssow ioch, neçe çagirsä esitmach ioch, ioch hergis dage kuttılmak ioch, pag. 141.

1) Ким маға бәрса, мән дә ағар бәрәим, ким маға бәрмәсә, мин дә ағар бәрмән.

2) Мән саға асау әтишәрим.

¹ Исследование ведется на основании текста Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. – StP, 1887. – Wörterverzeichnis. – S.1–132. – Einzelne Sätze. – S.1–79. – Vorwort. – S.80–111.

² Порядок представления текстов: латинский текст, транскрипция В.В.Радлова, перевод на татарский, русский языки.

3) Ит үрәдир, ит уғраядыр, кои маңраидыр, сир муңраидыр, жылкы кішнәидир, таук цакарадыр, бөрү улуидыр, кіші ынцкаидыр.

4) Амғанип, тәрләп, кыналып андан тамағыңны бәсләгил! кацан буғдаи цацарсын, ар каура битәр, алабута тигәнәк битәр, дағы күкәл битәр.

5) Сәнің язык(ың)ның алында мән турумән.

6) Билгә кәтик кішіләр мәнним сөзүм әшһинәләр! әки јолны аерыңлар! јарлы мискин кішіләр јакшы битик билмәсләр, талашман сөзүм әшһитиңләр! јанырлар, өртлү тамукка түшәрләр, јәкнің тузақы кылнырлар, анда асау јок, нәцә цағырса әшһитмәк јок, јок һәргис дағы кутулмак јок.

1) Кем миңа бирсә, мин дә аңа бирим, кем миңа бирмәсә, мин дә аңа бирмәм.

2) Мин сиңа ашау (ризык) бирермен.

3) Эт өрәдер, сьер мөғридер, ат кешнидер, тавык кытаклыидыр, бүре улыидыр, кеше борчыладыр.

4) Имгәнәп, тирләп, кыйналып, шулай тамағыңны туйдыр. Кайчан бодай чәчәрсең, чүп үләннәре бетәр, алабута, тигәнәк бетәр, тагы күкәл (тигәнәк) бетәр.

5) Синәң языгың алдында мин торырман.

6) Белеме китек кешеләр, минем сүземне ишетегез. Ике јолны аерыгыз. Јарлы, мескен кешеләр јакшы (дини) белем белмәсләр, әйткән сүземне ишетегез, јанарлар, кисәүле тәмугка төшәрләр. Анда ашау јок, ничә (күпме) чакырса(ң) ишетмәк јок, һичкайчан тагың котылу јок.

Перевод

1. Я воздам всякому кто воздает мне, но не воздам тому, кто мне не воздаст.

2. Я дам тебе пищу.

3. Собака лает, корова мычит, лошадь ржет, курица кудахчет, волк воет, человек горюет.

4. Трудясь в поте лица, изнемогая от усталости добывай себе пищу. Когда посеешь свое поле пшеницей, то исчезнут на нем сорные травы, и лебеда, и репейник, и колючки.

5. Я стою над грехом твоим.

6. Услыште меня непосвященные. Умейте различать истинный путь от ложного. Услыште же меня бедные, несчастные, незнающие истину, вы будете гореть в аду. И нет там пищи, сколько бы не звали, никто не услышит, и нет возможности спастись.

De Sto Stephano (83 стр.)

Bis ockurbis are Steffandan kim cömtösdı tengri uçun dage cöp taglar etti tengrinig buluschmachibile. kaçan cöptan tostdı. sungirassında tazbile tazlap öldurdiler. kaçan ani tazbile tazlarıdı ol aytırıdı iocharı bachıp körugis me korarme kim kök barçe açeluptur dage xpc turur ata sening sakolında kaçan anayttı andan katlı ura bazladıdar tizin cöcwıp iwğundi. Dagen ayti beym tengeri sen bozatchil alarga bilmesler ne dirlar dage ayti beym tengeri benim tını algil. Ol sözne aya da ganin tengeri eline berdi.

Bu kun sekizinçi. ku ağırlalık. neçik beymis tengeri are kyz mariandan tochdı. bu gu aytilde aning algisie ate barçıdan wstwn. barçıdan kwçlu, barçıdan tatle, ihc xpc bitik tilinçe tararçe kutkardaçı ol kertirir barçe elm kutkardaçı.

De Sancto Stephano.

Биз окурбыс ары Стефан[тоғрусын]дан, кім көп төзді тәңри үцүн, дағы көп таңлар әтті тәңринің болушмақы билә. Кацан көптән төзді сонрасында таш билән ташлап өрдүрдүләр. Кацан аны таш билән ташлар әді, ол айтыр әді: жокары бакып көрүнүз! мән көрәрмән, кім көк барца ацылыптыр. Дағы Christos туруп, ата, сенің сак колында! Кацан аны айтты, анда қатты ура башладылар. Тизін цөкүп јүгүндү. Дағын айтты: Бім тәңрим бошаткіл (кацүргил) аларға, билмәсләр нә дirlәр, дағы айтты: бім тәңри мәнним тынымны алғыл! Ол сөзүнү айтты да, цанын әlinә бәрді.

Бу күн сәкізинчи күн, ағырлалык! нәчик бiiмиз тәңри ары кыз Мариамдан тоқты, бүгүн айтылды. Аның алғышлы аты барцадан үстүн[дә], барцадан күңцү, барцадан татлы. Jesus Christos битик тилиңдә, татарца куткардацы.

Изге Стефан

Без укырбыз изге Стефан хақында, кем күп түзде тәңре өчен, тагы күп моғжизалар эшләде тәңренәң булышыгы белән. Бик озак түзде, ахырда таш белән бәреп үтерделәр. Кайчан аңа таш белән ташлар иделәр, ул әйтер иде: югары карап күрегез, мин күрәмен, күк йөзе барца ачылган. Тагы Христос торыр, ата, синәң сағында. Кайчан аны әйтте, қатырак ора башдылар. Тезен чүгеп тезләнде. Тагы әйтте: Биём Тәңре, бушат, кичер аларны, ни дигәннәрен белмәсләр, тагы әйтте:

Бием Тәңре, минем тынымны (жанымны) ал! Ул сүзен әйтте дә жанын тәңре кулына бирде.

Бу көн сизгенче көн, олылык. Ничек биебез тәңре изге кыз Мәрьямнән туды, бүген әйтелде. Аның мактаулы исеме барчадан өстен, барчадан көчле, барчадан татлы. Иисус Христос битик теленчә, татарча коткаручы, ул барча галәмне коткаручы.

Святой Стефан

Мы читаем о святом Стефане, кто долго терпел ради господина, также совершил много чудес благодаря господу. Очень долго терпел, в конце его убили, закидав камнями. Когда на него кидали камни, он говорил: «Посмотрите наверх, я вижу, небо все раскрылось. Там стоит отче наш, Христос, на вашей защите». Когда он произнес эти слова, стали его сильнее бить. Он встал на колени. Еще произнес: «Господь мой, прости их, они не знают о чем говорят». Еще произнес: «Господь мой, возьми мою душу». Как произнес эти слова, отдал душу богу.

Это восьмой день, благословим. Как Спаситель наш родился от святой непорочной Марии, сегодня было сказано. Его благословенное имя выше всего, могучее всех, слаще всех. В языке письма – на татарском – Иисус Христос называется Спаситель, Спаситель всей вселенной.

91 стр.

Atamis kim köctä sen. Algizle bulsun senig hanlechin. bulsu senig tilemegin nezikkim kocta alley ierda. kundegi ötmackimisni bisga bugun bergil. dage iazuclarmisme bisgä bozzatkil. neçik bis bozzatirbis bisgä iaman etchenlergä. dage iecnik sinamakina bisni kuurmagil. bassa barçe iamandan bisni kuthargil Ame.

Sounçlu bolgil maria söwrgamachbile tolu sen. bey tengri senigbile. barçe katunlar arassinda algizlä sen. dage algizle iemiz senig köcsugde ihc ch c Amen.

[Pag. 137] 1 Ave uçmakning kabagi
tirilikning agaçi
jemissing bisgä teyirding
ihne kaçan tuurdug
2 Ave Maria ki bisgä
tuurdug bu g^handa

Атамыз, ким көктә сән, алғышлы болсун сәнің[атың]! канлыкың [кәлсін]! болсун сәнің тиләмәгиң нәңик ким көктә алаі järдә! күндәги өтмәкімізні! бізгә, бүгүн бәргил! дағы языкларымызны бізгә бошаткыл, нәңик біз бошатырбыс бізгә яман әткәнләргә! дағы јәкннң сынамакына бізні курмағыл! база барца јамандан куткарғыл! Amen.

Сәүнчлү болғыл Maria сәүргәмәк bilä толусән, би тәңри сәнің bilä, барца катынлар арасында алғышлы сән, дағы алғышлы јәмш (sic!) сәнің (урукуһ сәнің) көксүндә[ки] Jesus Christus. Amen.

1 Ave уңмакның кабағы!
тірілікнің ағацы!
јәмшнң бізгә тірднң,
Jesus-ны кақан турдуң.
2 Ave Maria, ким бізгә
турдуң бу цыһанда

Атабыз, күктә син! Мактаулы булсын синең исемең ханлыгың. Синең теләгәнең ничек күктә булса, шулай ук жирдә булсын. Көндәге икмәгебезне безгә бүген бир, тагы гөнаһларыбызны бездән бушат (гөнаһларыбызны ал), ничек без бушатырбыз (кичерербез) безгә яман әйткәннәрне. Тагы безне начарлык сынавына калдырма, тагы барца яманлыклардан коткар. Амин!

Сөөк, Мария, шатлык белән тулы син. Бөөк алла синең белән. Барца хатыннар арасында хәер-фатихалы (сайланган) син. Тагы хәер-фатихалы жимешен, синең уругың, корсагыңдагы Иисус Христос. Амин.

Яшәсен, ождахның ишеге,
Тереклекнен агачы.
Жимешенне безгә үстердең
Ииусны кайчан тудырдың
Ave Мария, кем безгә
Тудырдың бу жиһанны.

Отче наш небесный, да святится имя твое, да наступит царство твое, да исполнится воля твоя на земле, как на небе. Хлеб наш насущный пошли нам каждый день и прости нам грехи наши, как мы простили тех, кто причинил нам зло. И не введи нас во искушение, избавь нас от лукавого. Аминь!

Радуйся Мария, господь с тобою, будь благословенна. Из всех женщин на земле ты благословенная из благословенных. Благословен род твой и плод, которого ты носишь, Иисус Христос. Аминь.

Ave, врата рая,

Древо жизни.

Взрастившая для нас свой плод

Родившая Ииуса

Ave, Мария, родившая нам Спасителя.

103 стр.

66. Ave ki tatli ovlinga
özözing körüpt'gada
ötli sirkä içirdil
haçka kerip tolt'dil
67. Ave jarli johsil bolga
soyurgamnak bizgä tapga
tengri saa boldi bolus
anda bizga bar kutulis

66. Ave, kim tatly oğlyña,
öz öžün körün turğanda,
ötli sirkä içirdilär,
kaçka kârip öldürdülär.
67. Ave jarly jokсыл болған,
sojurgamakny bizgä tapkan,
täңri sa boldy boluş,
anda bizgä bar kutuluş.

66. Ave кем ташлы углыңа
Үз-үзең күреп торганда
Утлы серкә ичерделәр
Хажга (крестка) кертеп үтерделәр
67. Ave, ярлы, йуксыл (хәерче) булган
Бәхет юлын безгә тапкан
Тәңре булды сина булымчы
Анда безгә бар котылу

66. Слава тебе, у которой на глазах
Её любимого сына,
Поили едким уксусом
А потом распяли на кресте.
67. Слава тому, кто был обездолен.
Он показал нам путь к счастью.
Всевышний во всем был ему помощник.
В нем все наше спасение.

4 стр.

[23] jazda javli tokmak jatir.
Ol kirpi dir.
[24] jazda javli hays jatir.
Ol ylan dir.
[25] içer jer jnina kirer.
Ol biçak dir
[23] Жазыда жаулы токмак жатыр.
Ол кірпі дір.
[24] Жазыда жаулы кайш жатыр.
Ол жылан дыр.
[25] Ічәр, жәр, інінә кірәр.
Ол быцак тыр.

[23] Далада майлы тукмак ятыр.
Керпе.
[24] Далада майлы каеш ятыр.
Ул елан.
[25] Эчәр, ашар өненә керер.
Пычак.
[23] В степи лежит блестящая колотушка
Еж.
[24] Далада майлы каеш ятыр.
Ул елан.
[25] Пьет, ест затем войдет в нору.
Нож.

Материал подготовила Фануза Нуриева

№ 5

Махмуд ал-Булгари. «Нахдж ал-Фарадис»

Предисловие и источник цитируются по изданию: Нуриева Ф.Ш. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. – Казань, 1999. – 208 с.

«Нахдж ал-Фарадис» («Открытый путь к раю») Махмуда бин Гали ал-Булгари ас-Сараи представляет эпическое произведение объемом 444 страницы, имеющее богословско-дидактический характер. Этот ценный памятник, со времени создания которого прошло 650 лет, дошел до нас в 11 списках. Подлинник отсутствует. За основу исследования был избран стамбульский список. Язык рассматриваемой копии ценен тем, что она выполнена в XIV в. Список является одним из полных (4 главы и 40 разделов), нам более известным, широко привлекаемым в тюркологических исследованиях. В конце рукописи имеется приписка: *«Эта книга завершена в семьсот шестьдесят первом году шестого дня в благословенном богом месяце Джумади ал-аввал. Окончена рано утром. Да еще составитель этой книги из тленного мира переселился в мир вечности в упомянутое воскресенье»* (с.443–444). В этой приписке указана дата завершения снятия копии Мухаммадом ибн Хосроу ал-Хорезми. Особая ценность этой приписки заключается в том, что она сохранила точную дату смерти автора этого произведения.

Бесспорным является факт рождения автора в г.Булгаре и то, что он жил и творил в г.Сарае. Третий тахаллус – «Кердер» вызывает спор. Я.Кемаль допускает, что Кердер – это один из известных городов Хорезма [Кемаль, 1930, с.11]. Э.Н.Наджип связывает происхождение автора с казахским родом Курдер [Наджип, 1971, с. 63]. Б.Яфаров высказывает мнение, что это мог быть пригород Булгара – Кардар, основываясь на том, что во многих текстах слово «Kard» употребляется со словом Булгар [Яфаров, 1949, 70 б.]. Слово Кард Булгар упоминается в книге Ш.Марджани «Мустафад ал-ахбар». В С.-Петербургском Институте восточных рукописей РАН под шифром 344 хранится стихотворение, в котором на персидском языке восхваляется Кард Булгар.

Проблема языка, на котором написан памятник, привлекала внимание отечественных и зарубежных тюркологов – Ш.Марджани [Мержани, 1885], А.Н.Самойловича [1927], С.Вахиди [Архив 53-1, 26-43], Я.Кемаля [1930], Б.Яфарова [1949], Я.Экмана [Eckmann, 1956], Кеваметдина [Kivametdin, 1934], Э.Н.Наджипа [1971; 1989], Ш.Ш.Абилова [1977], Э.И.Фазылова [1966; 1971], Ф.Ш.Нуриевой [1998; 1999; 2002] и др. Первые сведения о языке «Нахдж ал-Фарадис» дал историк Шигабутдин Марджани. При перечислении древних татарских литературных памятников он включает в их число и «Нахдж ал-Фарадис».

Благодаря неустанным поискам талантливого ученого, историка С.Вахиди, были обнаружены три списка рукописи «Нахдж ал-Фарадис». В неопубликованных записях [Архив 53-1, 28] сохранились ценные мысли о значении памятника и о его языке. С.Вахиди, изучая списки произведения, пришел к такому выводу: в XIV веке в Поволжье существовал язык, отличный от уйгурского и чагатайского, который служил татарам Урала и Поволжья вплоть до революции 1905 года [Архив 53-1, 27]. Такого же мнения придерживались и литературоведы Г.Рахим и Г.Газизов [Рахим, Газиз, 1924, 5 б.].

В тюркологии специальное изучение языка памятника начинается с известных трудов А.Н.Самойловича, который непосредственно связывал язык памятника с историей казанско-татарского литературного языка Золотой Орды, в котором преобладают кыпчакские языковые элементы [Самойлович, 1927, с.20], тем самым подкрепляя мысль Ш.Марджани о том, что язык «Нахдж ал-Фарадис» по сравнению с другими тюркскими языками более близок к татарскому.

В изучении этого памятника велика заслуга крымско-татарского ученого Якуба Кемаля, который исследовал язык «Нахдж ал-Фарадис» по еще не известному в науке списку. Наследие этого ученого тем более ценно, что данный список позже был утерян.

Э.Н.Наджип, известный ученый-исследователь тюркских языковых традиций средневековья, считает, что на обширной территории тюркоязычного мира от низовьев Сырдарьи и Северного Хорезма до Азербайджана, Крыма и мамлюкского Египта создавалась большая литература разнообразного содержания на смешанных тюркских языках... «Параллельно с кыпчакско-огузским языком на тех же территориях формировался и другой литературный язык, восходящий к карлукско-уйгурскому литературному языку периода караханидов... Этот язык, условно названный нами огузо-кыпчакским, относится к **d-δ-j** – группе тюркских языков. На этом литературном языке написаны «Хосроу и Ширин» Кутба, среднеазиатский «Тафсир», «Кысас Рабгузи» и «Нахдж ал-Фарадис» [Наджип, 1971, с.56].

Эти высказывания об атрибуции языка памятника подтверждаются более современными исследованиями в тюркологии. Э.Р.Тенишев [1987, с.133–137] в статьях, посвященных истории татарского литературного языка, связывает, например, появление таких письменных памятников, как «Кисекбаш китабы», «Бедавам» и также «Нахдж ал-Фарадис» непосредственно с поволжским регионом. Изучению языка памятника довольно большое внимание уделяется в трудах узбекских ученых. Языковые факты произведения, наряду с другими памятниками среднеазиатского литературного языка, нашли довольно последовательное отражение в сводных трудах словарного или структурно-грамматического характера таких ученых, как Э.Фазылов [1966, 1971], Ш.Шукуров [1974] и другие. В вопросе языковой атрибуции эти ученые склонны рассматривать памятник на более широком фоне среднеазиатско-хорезмийских памятников. Этой точки зрения придерживается и татарский ученый, академик М.З.Закиев. По его мнению, «до XV века старотюркский письменный язык был общим для всех тюрков, живших в Караханидском государстве, Волжской Булгарии и сельджукском объединении, Золотой Орде, Дашт-и Кыпчаке, и памятники X–XV вв., именуемые старотюркскими, должны быть поэтому признаны общим достоянием и стать предметом изучения при исследовании истории литературы и языка всех тюркоязычных народов (кроме чувашского и якутского)» [Закиев, 1986, с.140–141].

В изучении языка памятника внесли лепту и зарубежные тюркологи, такие, как Я.Экман, Заки Валиди, Е.Блоше, В.Киваметдин, Ф.Кепрюлю-Заде и другие. Я.Экман опубликовал текст памятника на основании стамбульского списка. Ахмед Заки Валиди [Velidi, 1926, II], опираясь на стамбульский список памятника высказал интересные мысли по лексическому составу памятника. Не проводя специального языкового анализа и учитывая лишь расставленные хараке, он предположил что эта рукопись написана с начала до конца жителем Хорезма. Свой довод З.Валиди подтверждает тем, что автор в своем труде ссылается исключительно на ученых-богословов среднеазиатского происхождения. Здесь нет ничего удивительного, потому что Средняя Азия в этот период являлась общепризнанным центром богословия. И мы должны считаться с фактом, что ни в Хорезме, ни в Средней Азии не найдены списки этой рукописи.

Профессор М.Фуад Кепрюлю-Заде, присоединяясь к мнению З.Валиди, связывает происхождение данного памятника с Хорезмом [Körçülü, 1926, s.344–345].

Хотя мы считаем, что нет здесь прямого противоречия, ведь Хорезм входил в состав Золотой Орды, но детальное исследование языка памятника дает нам больше повода непосредственно связывать его появление именно с Поволжским регионом, и наша позиция при исследовании языка памятника приближается к точке зрения исследователей первой группы (Ш.Марджани, С.Вахиди, Б.Яфаров, Э.Н.Наджиб и др.), считавших наиболее вероятным регионом появления памятника Поволжье и определявших язык произведения как кыпчакизированный вариант золотоордынско-хорезмского языка, т.е. близкого предшественника старотатарского литературного языка.

Почти все списки рукописи «Нахдж ал-Фарадис» известны исследователям и отчасти описаны в работах С.Вахиди (неопубликованные труды), Б.Яфарова, Я.Кемалья, З.Тогана, Я.Экмана, Я.Блоше, Э.Н.Наджиба, вновь найденные списки описаны Ш.Абиловым (полную информацию о списках рукописи «Нахдж ал-Фарадис» см.: [Нуриева, 1999, с.20–28]).

Как сказано во введении (мукаддимэ) Махмуд ал-Булгари при написании книги использовал надежные источники (могтэмэд китаплар): «Масабах ас-сунна» («Святительники сунны») Хусейна ал-Багави, «Ат-та'аруф ли мазхаб ахл ат-тасаввуф» («Исследование суфийского пути») Мухаммада ал-Калабази, «Машарик анвар ан-набавийа мин сихах ал-ахбар ал-мустафавийа» («Восход светочей») ас-Сагани, «Нисаб ал-ахбар» Абу 'Аля ал-Уши, «Кенз ал-ахбар» Мухаммада ибн Башравия, «Шихаб ал-ахбар» 'Абдуллы ал-Куда'и, «Ал-Мабсут» ас-Сарахси, «Ихья голум ад-дин» («Воскрешение наук о вере») Абу Хамида ал-Газали, «Танбият ал-гафилин» («Пробуждение беспечных») Абу Лейси ас-Самарканди, «Ал-Джами ас-Сахих» («Достоверный сборник») ал-Бухари, «Сахих» («Достоверный сборник») Муслима ан-Нишабури, «Джами ас-Сахих» Абу 'Иса ат-Тирмизи, «Муснад ан-нас» Шабгана ибн Махди.

В заключении (хатиме) переписчик называет и другие источники, которыми пользовался Махмуд ал-Булгари при написании своей книги: «Составитель этой книги (Махмуд ал-Булгари) говорил так, комментарии к тафсирам (толкованиям) основаны на книгах имама Джаруллаха ал-алама «Кашшаф», имама Абу-Ма'али ибн Ахмад ибн Мухаммад ал-Исфяхани «Тафсир». Еще в начале каждой главы приводятся хадисы пророка Мухаммада и названия книг, откуда они цитированы, передатчиками являются ученые и шейхи, которые использовали книги имама Абу Талиба Мекки «Кут-ал-

Кулуб», Зайнулы Имамат Фирдауси «Мужтала» и комментарии к тексту «Мужтала», имама Вакыйди «Магази» и имама Мухаммада Катиба «Магази»». В заключительной части также указывается и тафсир Аз-Замахшари «Кашшаф 'ан хакаик ат-танзил», который является единственным и полным мутазилиским комментарием, дошедшим до наших дней. Одно лишь перечисление авторов этих трудов наглядно демонстрирует степень осведомленности автора в области богословско-теологической литературы. В то же время анализ источников, вовлеченных в круг интересов Махмуда ал-Булгари, помогает раскрыть характер распространения, развития трудов восточных философов, ученых в Поволжском регионе и их роль в формировании общественной мысли XIV в.

Главная идея сочинения – изложение правил поведения истинного мусульманина, обеспечивающих ему райское блаженство в потустороннем мире – раскрывается в основной части произведения которое состоит из четырех глав (баб). Каждая глава разделена на десять разделов (фаслов). Первая глава посвящена житию пророка Мухаммада. В фаслах рассказывается следующее: о добродетелях пророка; о получении пророком откровения; о первых сподвижниках пророка и об их подвигах; объяснение причин выезда пророка из Мекки в Медину; чудеса пророка; завоевание Мекки пророком; вознесение пророка; путешествие пророка в ночь вознесения в рай и ад; помощь ангелов пророку в битвах; о смерти пророка. Во второй главе даются биографические исторические данные о четырех халифах: Абу Бакре Омаре, Османе и Гали, да будет над ними мир, о родных пророка Мухаммада – его дочери Фатиме, внуках Хасане и Хусейне и четырех имамах: имаме Абу-Ханифе Куфи, имаме Шафиги, имаме Малике, имаме Ахмаде ибн Ханбале. Третья глава посвящена богоугодным делам, приближающим к богу; намаз, закят, исполнение постов (ураза), совершение паломничества в Мекку (хадж), о повиновении отцу и матери, о принятии только дозволенной еды (халал йемэк), совершение добрых дел, о подобающем проведении времени, о терпении в несчастьях. Четвертая глава посвящена действиям, отдаляющим человека от бога: пролитие невинной крови, прелюбодеяние, вред от хмельного, надменность, ложь, привязанность к земной жизни, богатству, злопамятность, гордость и упование на отдаленные надежды.

По своей жанровой и композиционной структуре «Нахдж ал-Фарадис» относят к так называемым произведениям «ящичной композиции» [Миннегулов, 1993, с.243]. Все они состоят из различных, относительно самостоятельных композиционных единиц – хикаятов. Хикаяты помещены по различным идейно-тематическим разделам, для подтверждения хадиса и цитат из сочинений видных ученых суфиев. Приведенные рассказы демонстрировали на жизненном материале идею хадиса, его мудрость, истинность.

III баб

Отрывки из седьмого фасла

«О необходимости умерять аппетиты»

У Захри спросили: «О, Захри, ты великий ученый, почему ты прислуживаешь сынам Марвана?» «Вот вам мой правдивый ответ, – сказал он. – Я не сумел противостоять своему чревоугодию, но и иметь все, что требовала моя плоть, у меня не было возможности. Поэтому я стал прислуживать Эмиру и Султану. Теперь я понимаю, что поступил тогда плохо, пошел на поводу у своей плоти. Если бы, укротив свою плоть, довольствовался бы тем, что имею, было бы лучше» (300–301).

Однажды один ученый посетил дом своего ученика. Ученик накрыл стол для своего учителя, однако на столе ничего, кроме корочки хлеба, не было. Ученик очень стеснялся своей бедности. Учитель почувствовал это. «Вставай, пойдем к воротам тюрьмы», – сказал он ученику. Ученик удивился, не понял, для чего надо идти к воротам тюрьмы. Когда они подошли к тюрьме, то за воротами увидели: одних жестоко избивают, другим отрезают руки, или подвергают каким-то другим пыткам. Учитель сказал: «Понял ли ты, дорогой мой ученик, с какой целью я привел тебя сюда?» «О, учитель, нет, я не понял твоего замысла», – признался ученик. Тогда учитель сказал: «Знай же и запомни: эти несчастные люди не хотели довольствоваться простым куском хлеба, им хотелось чего-то большего, ради этого они шли на воровство, на другие нарушения мусульманских заповедей, поэтому они обречены на такие мучения». Один из заключенных с кандалами на ногах и с цепью на шее обратился к ним: «Эй любезные, я очень голоден, уже несколько дней у меня во рту не было ни крошки, подайте хоть кусочек хлеба, ради бога». На это учитель сказал: «О, закованный в кандалы человек, если бы ты умел довольствоваться куском хлеба, ты бы не оказался в таком положении».

– О, любезный, правду говоришь, действительно, так и было, – сказал человек в кандалах. Учитель сказал:

– О, мой ученик, мы пришли сюда, чтобы научиться усмирять свои низменные страсти (301).

Однажды шейх Фатхи Муассали увидел двоих детишек. У обоих в руках было по куску хлеба. У одного из них поверх хлеба лежала халва. Другой, у которого не было халвы, говорит: «Дай мне немного халвы». «Хорошо, – говорит тот, который с халвой, – я тебе дам кусочек, если ты согласишься стать моей собакой».

Тот согласился. Тогда ребенок, у которого была халва, перевязал кусочек халвы веревкой, засушил этот кусочек в рот тому, который просил халву, и потянул его за собой как собаку.

Пронаблюдавший все это шейх сказал: «Если бы ребенок согласился довольствоваться своим куском хлеба без халвы, то он не превратился бы в собаку». Вывод отсюда такой: тот, кто не умеет довольствоваться тем, что есть у него, завидует чужому добру, жаждет его, становится рабом своей страсти, тот фактически превращается в собаку.

III баб

Отрывок из восьмого фасла

«О необходимости делать добро и опасаться несправедных дел»

<...> Сагид Худри вспоминает слышанное им от Пророка: «Если кто из вас увидит, что свершается что-то плохое, то обязательно должен это исправить. Если нет возможности исправить это физически, то надо хотя бы сказать: «То, что ты делаешь, это очень плохо, не делай этого». Если ты почему-либо боишься сказать что-нибудь, может это опасно для тебя, тогда хотя бы отнесись к этому с осуждением в душе. Но только пассивное осуждение – это самый слабый способ защиты имана». <...>

IV баб

Отрывок из седьмого фасла о вреде хмельного

Ибне Гомер и Ибнелгаббас рассказывают, что Пророк, мир ему, говорил, что из всех греховных дел самый большой грех употребление алкоголя. Как только мусульманин возьмет в руки чашу с хмельным напитком, этот раб божий тут же будет лишен благодати Аллаха и никогда больше не будет их удостоен. Как только глотнет из этой чаши, тут же окунется в божье проклятие, когда алкоголь дойдет до его желудка, он подвергнется божьему наказанию, а тот, кто не пьет хмельного, но сидит за одним столом с теми, кто пьет, с того спадет ожерелье мусульманства (363).

<...> В Багдаде жил один моздзин по имени Салих. Сорок лет он служил моздзином. Возле мечети жил один христианин, у которого была дочь, очень красивая. Когда Салих взбирался на минарет мечети, чтобы произнести молитву азан, то всегда смотрел на нее и любовался ею. В конце концов он влюбился в нее, очень сильно. Однажды, в очередной раз взобравшись на минарет для молитвы, он увидел, что девушка дома одна. Он долго смотрел на нее и, влюбившись еще сильнее, не выдержал, спустился с минарета, вошел к ней в дом и пытался обнять ее. Но девушка позвала отца. Моздзина схватили и пристыдили, сказав: «Ты же мусульманский моздзин, а сам вон какое плохое дело задумал. Вот отведем тебя к мусульманскому судье, опозорим». Моздзин сказал христианину: «Я безумно влюблен в твою дочь, отдай ее за меня замуж». «Хорошо, – сказал христианин, – я отдам за тебя дочь, если ты выполнишь мои условия: примешь мою веру, будешь есть свинину и пить водку». «Нет, я не могу предать свою веру, приняв твою, – сказал моздзин, – и свинину есть не могу, это очень большой грех, водки немного выпью». Принесли водку, девушка сама подала моздзину водку, он ее выпил, опьянел и стал закусывать свиным салом. Тогда отец девушки сказал: «Стань христианином, иначе я тебе дочь не отдам». У моздзина не хватило духу отказаться от девушки, и он принял христианство. Отец девушки отдал ему свою дочь. Оставили их наедине. Моздзин, решив немного проветриться, развезть хмель, поднялся на минарет, но не удержался на высоте, потому что был пьян, упал на землю, и, так и не достигнув желаемого, умер. Так водка не принесла моздзину счастья, но лишила его имана и обрекла на вечные муки ада.

IV баб

Отрывок из шестого фасла о вреде излишней любви к земным благам

<...> Абу Хорайра рассказывал: «Однажды Пророк сказал мне, мир ему: «Ну что, Хорайра, не показать ли тебе картину мира?» Он взял меня за руку и привел к какому-то водоему. Этот водоем был сильно загрязнен, в нем плавали человеческие головы и кости, кости животных, старые тряпки

и отходы человеческой жизнедеятельности. «Ну вот, Абу Хорайра, это и есть картина мира, – сказал Пророк. – Здесь ты видишь головы тех, кто был жаден до земных удовольствий, кто гонялся за земным богатством. Так же как и вы, они надеялись иметь очень много. Теперь, Абу Хорайра, видишь ли ты, что от них остались одни кости, нет ни кожи, ни мяса. Через несколько дней и кости эти превратятся в прах. Ты видишь эти отходы. Раньше все это было пищей, которую они взяли с собой. Теперь это просто грязь, вызывающая отвращение. О, Хорайра, – продолжал он, – ты видишь эти старые тряпки, все эти клочья были когда-то одеждой этих людей. Они наряжались в них. Теперь их в руки-то взять противно. Видишь эти скелеты? Это были животные. На некоторых из них люди ездили верхом, путешествовали по свету, некоторых люди заставляли на себя работать. Теперь это груда костей. Только ветер гуляет над ними». «Неужели это и есть наш мир, наша жизнь?», – подумал я и заплакал. «Если кто-то хочет оплакать этот мир, пусть плачет», – сказал Пророк, мир ему. Пророк Иса (Иисус), да благословит его Аллах, однажды со своими апостолами пришел в один город. Все жители этого города были мертвы, не было ни одного живого существа, только белые кости и запах тлена. Пророк Иса сказал своим ученикам: «Видимо, по воле Всевышнего погибли жители этого города. Если бы они умирали естественной смертью в своих постелях, то хоронили бы друг друга. Здесь же никто не похоронен. Не удивлюсь, если окажется, что Всевышний уничтожил этот город в течение одного часа». Апостолы сказали: «О, Иисус, умоляем тебя, пусть Господь позволит кому-нибудь из них поговорить с нами, рассказать о том, что случилось». Пророк Иса, мир ему, обратился к Господу с этой просьбой, и Господь повелел: «О, Иса, приходи со своими учениками к этой груде костей в полночь и задайте им все вопросы, которые вас интересуют. Вы получите ответ». Пророк Иса со своими учениками пришел на это место в полночь и позвал: «Эй горожане, как вы себя чувствуете, что с вами случилось, расскажите нам». Тут из груды костей послышался голос: «О, сын божий, знай, и всем Расскажи нашу историю. Когда мы жили в спокойствии и в добром здравии, на нас пала божья кара, мы все погибли и попали прямо в ад». «За что вас покарал Всевышний?» «Мы любили все, что было неудобно богу, мы слишком сильно привязались к этому миру, как ребенок привязывается к своей матери! Когда что-нибудь было не по-нашему, мы плакали и сердились на нашу жизнь, как ребенок сердится, когда мать наказывает его, и плачет, когда внимание матери отвлекается от него. Когда мы получили от жизни все, что хотели, и удовлетворили все свои земные страсти, мы все погибли». «Эй, тот кто разговаривает с нами, почему именно тебе разрешено это, а не кому-нибудь другому?» – спросил Иса. «Я тоже был среди них, но я не так сильно был привязан к земле, как они, но я тоже погиб вместе с ними, однако они попали прямо в пекло ада, а я остался на краю ада, где еще есть надежда спастись». После этих слов Иса обратился к своим ученикам: «О, мои ученики, не лучше ли жить на земле скромно, есть ячменный хлеб, носить простую одежду, спать на голой земле, вести праведную жизнь, чем гореть в аду в царстве божьем». На это ученики ответили: «О, сын божий, прав ты. Пусть так и будет».

Материал подготовила Фануза Нуриева

№ 6

Татарские сказания

Источник и примечания цитируются по изданию: Вагабов Г.А. Татарские сказания // Известия Восточного отделения Императорского археологического общества. – Часть I. – Выпуск 1. – СПб., 1858. – С.1–9 (перепечатано из Каз. Губ. Вед. 1852 г. №№ 43 и 45. – *Прим. ред.*).

«Взятие Булгара Тимуром»¹

И наши Булгары славились своим развратом. Ученые законными уловками разрешали брать проценты, а равно много было грехов прелюбодеяния и смертоубийства; по причине же пьянства оставили Джуму², оставили обряды, употребляемые после пятикратных молитв; считали дозволенным пить бузу и пиво; говоря, что нет у нас Мисра³, оставили сборное моление; порицали Имама Шафи, говоря, что его слова – пустословие; также оставили аид (духовные праздники): стали весьма грешны противу Всевышнего Бога. И по этому-то Всевышний Бог предал их Господину Аксак-Тимур.

В то время в Булгаре Ханом был Бикчур. Господин Мир-Тимур⁴ отправил послов к Бикчуре Хану: почему вы не отправляете Джуму и Аид? Хан своим ученым сказал: что вы можете отвечать Мир-Тимур? Ученые сказали: ты дай им ответ по книгам. – И булгарские ученые отвечали, что Булгар не есть Миср, представили подтвердительные тексты из Хидаэ, Викаэ и других⁵. Господин Мир-Тимур в ответе своем написал: Почему вы не руководствуетесь Далджием, Тимурташем, Кинеєю и другими книгами, в коих повелевается непременно исполнять Джуму и в селах? Равно и в книгах шести преданий⁶ не видно, чтобы для этого требовался Миср, а в книге, называемой Дурруль-асар, предание: нет Джумы, нет обращения к Востоку, иначе, как в Мисре-сборном не есть предание, но только слова одного сподвижника⁷ Мухаммедова, и притом еще сей сподвижник подлежит сомнению – неизвестно который именно он был из сподвижников, да и в книгах шести преданий не отыскано такого предания. В толковании на Дурруль-асар сказано, что Имамун-Хумам Господин Нуман, сын Сабита, в этом месте ошибся, и что ошибка Мюджтехида⁸ простительна. Еще в деревне около Медины, называемой Джуса, было сорок возмужалых мужчин: сам Мухаммед с тремя человеками прочитал молитву Джуму. Кроме этих и другие ответы написал и с послом препроводил в Булгары. Булгарские ученые отвечали: из того, что ты Великого Имама отнес к ошибочным, что предание: нет Джумы и нет обращения к Востоку не признаешь преданием, что мы не должны придерживаться слов книги, называемой Дурруль-асар, мы несомненно узнали, что ты принадлежишь к расколу: мы тебя считали до сего времени достойным уважения, но ты, как видно, раскольник.

Надобно знать, что книга, называемая Дурруль-асар, не есть раскольничья; под названием шестикнижия разумеются: первая Сахихуль ислам, вторая – Сахихуль наджади, третья – Мусабах, четвертая – Мюшкат, пятая – Мубарак и шестая – Мушарак.

В те времена наши булгарские и хорезмские ученые занимались изучением Риторики, Логики, Философии и учили им, ибо наставник наш ученый Доктор Тафтазани написал истолкование на Акаид; ученики же его, достопочтенные Мулла Хаяли и Мулла-Ахмед пристрастились к чтению лекций. Он же в Логике сочинил Тахзиб, а ученейшие из его учеников составляли толкования, к которым другие писали примечания, так что в этих трех странах наука преданий, уничтожаемых одно другим, превратилась в Софистику, и предалась изучению и преподаванию науки Айна и науки Хидаэ, посредством созерцания и диспута, так что изучение Сунны осталось только в странах Дагестан и Египет. Ученые же этой страны (Булгара) были несведущи в Сунне.

И так Господин Аксак-Тимур, услышав упомянутые слова Булгарцев, велел своим войскам: стrelайте в унпи (тараны) и пушки.

И сказал: Клянись Величайшим Господом, я уничтожу этот город Булгар и уничтожу память о нем! – И клялся.

В три дня город Булгар он обратил в ничто, как-будто и не существовало его. Сколько у него было войска, кроме Всевышнего Бога, никому не ведомо. Приказав разбивать каменные укрепления унпием (тараном), бросал их на дно Волги; велел у Бикчуры Хана и двенадцати его везирей отрубить головы; девиц и женщин, подобных жемчужинам, обратив в рабы, роздал начальникам войск; повесил тридцать шесть ученых на виселице, и в продолжение одной недели приказал разогнать уцелевший народ в разные стороны, наказав, чтоб они здесь не обитали. Старик Джанбакти, соста-

вив с своим поколением деревню, населил деревню Джанбакти. Старик Муселлям с своим поколением, отправясь к Ташбилги, составил деревню Ташбилги. Старик Тетюш с поколением своим очутился у оврага Булги, и стало селение Тетюш. Старик Лаиш с своим поколением очутился на берегу Белой реки (Камы), стало селение Лаиш. Старик Мамадыш остановился на р. Нукрат (Вятке), стала деревня Мамадыш. Некоторые переселились в Новую Казань, что на устье Казанки; некоторые переселились на восточную сторону Урала в Сарайчик; некоторые переселились к Киргизам; разбрелись по всем странам мира.

По мусульманской эре в восемьсот шестьдесят девятый год, в 1-й день месяца Мухаррема в пятницу, после отправления молитвы, а по христианскому летосчислению в 26 день созвездия близнецов (Мае) город Булгар был обращен в ничто и небытие: в мире осталось только одно имя его. В то время в Булгаре было десять тысяч двадцать четыре дома.

В эту же эпоху он (Аксак-Тимур) разорил город Билярск. Разорив город, самих жителей рассеял по лицу земли. – На берегу реки Камы (Белой реки) стоял город, называемый Кашан⁹: разорив и его, рассеял все население.

По разорении Булгара, Билярска и Кашана, Господин Мир-Тимур вознамерился завоевать Москву. В то время в Москве был Русский Царь Иван Васильевич¹⁰. Предположив обратить его в Ислам, (Мир Тимур) выступил из Булгарии с своим войском и спустя несколько времени достигли они Русского города, называемого Владимиром. Там переночевали. В эту ночь приснился Господину Миру-Тимуру Хизр¹¹ да будет с ним мир. – который сказал ему: «Нет тебе дозволения от Всевышнего приглашать Московию к Исламу: не пришла та пора, это должно исполниться по появлении Мехди¹². Возвратись в Самарканд. Законник Абуллеис Самаркандский в лоне своей могилы с любовию ожидает тебя; место твоего погребения там». Сказав это, скрылся. Встав поутру и прочитав утреннюю молитву, Господин Мир Тимур рассказал свой сон ученойшему Тафтазани; тот отвечал ему: «О, Султан! Если нет дозволения, то не пойдем, ибо проклятый сатана не может преобразиться в Хизра».

Так как в этот день было Воскресенье и первый день Октября, который Русские называют днем Покрова, то они находились в церкви для моления. – В соседстве у одного Русского была двухлетняя воронья кобылица. Когда Русские выходили из церкви, Господин Мир Аксак Тимур, схватив за задние ноги вороную кобылицу, выбросил из хлева того Русского¹³. Где упала эта кобылица, явилось озеро для того, чтобы войска Аксак Тимура совершили омовение; ибо не было реки при городе Владимире, Русские продовольствовались колодезною водою. И по сие время существует это озеро: Русские говорят, что эта вода нечистая и не пьют ее.

Господин Мир Тимур направился в обратный путь к Самарканду. Дорога лежала на Новую Казань. В то время в Новой Казани Ханом был Ильгам Хан. Услышав, что идет Мир Тимур, он вышел навстречу. Мир-Тимур вошел в Новую Казань, войска свои расположил по окрестностям. В продолжении двух месяцев он с Везирями своими ходил на поклонение могилам последователей¹⁴. (Здесь в подлиннике следует исчисление последователей, коих имен я не привожу.)

После того Господин Мир Тимур прибыл в Содом, то есть в город Элабугу. В то время в Содоме Ханом был Ильбакти, сын Уразбакти Хана. Этот Хан не знал никакой веры и религии; Мир-Тимур обращал его в Ислам, но они не согласились. Упомянутый Содом был небольшой городок. Его также обратил в прах и, приказав разломать ворота, бросил их в Каму; жителей же взял в плен, а остальных разогнал всех по разным странам света. Он посетил могилы последователей, находящиеся на устье Туймы. (Следует исчисление последователей). Оттуда, переправясь через реку (Каму) и остановившись в деревне Мьялкас, он поклонялся (последователям); войска же квартировали у жителей по реке Каме. Наступила осень и время идти снегу.

Устье реки Ирни впадает в Свиягу. На том месте был Хан называемый Байраш, сын Кули-Хана. Аксак-Тимур к нему написал письмо, говоря, что я приду к тебе зимовать. Байраш-Хан ему написал в ответ: «О, Султан Мир-Тимур! я всегда пребываю к вашим услугам. Наш отец и мать пусть будут вам жертвою. Я согласен. Бог есть пропитатель».

Байраш-Хан построил на реке Баграше – эта река изливается в Ирню; у той реки есть высокая гора – на вершине этой горы большой дворец. Когда дворец был готов, то он пригласил господина Мира, который и пришел с своим войском.

Байраш из Свияжска встретил его с своим войском, привел его к дворцу на вершине означенной горы и ввел его, говоря: слуга твой Байраш для тебя выстроил дворец; если будет благоугодно, остановитесь здесь. Господин Аксак-Тимур, обозрев дворец, одобрил и дал Байраш Хану много казны.

И так он ту зиму прозимовал там, посетил могилу муллы Хафиза из Ташкенда. Река Мензели изливается в реку Ик. Также он был гостем у Мустафы Хана. (Исчисление поклонениям). Возвратясь он вошел во дворец, построенный Байраш Ханом на реке Баграше. Перезимовав, в двенадцатый день Ближнецов (Мая) Господин Мир-Тимур тронулся с своим войском, распрощавшись с Байраш Ханом. Байраш Хан сопровождал его до Икского государства Тугаш-Хана. (Следует поклонение последователям).

После того Мир-Тимур, распрощавшись, отправился в Самарканд, а Байраш Хан возвратился в Свяжск.

И так Господин Мир-Тимур, переправясь через Урал, пошел к киргизскому народу, приглашал их принять Ислам, а также приглашал и Туркменов. Принявших Ислам оставлял при своих жилищах и ставил из среды их Ханов; не соглашавшихся, делая рабами, брал в полон. Так он царствовал в Самарканде три года; на четвертый год скончался в двадцать седьмой день месяца Рамазана. Ученейший Тафтазани скончался в день праздника. Это было по гиджре в восемьсот семьдесят втором году, в год Собаки.

Примечания

¹ Из второй части «Тевари-х-и болгарие» Болгарские повествование, соч. Хюсам-Эд-дина Булгарского (См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1846 г. Май, отд. IV. Описание турецко-татарских рукописей в С.-Петербурге, И. Березина).

² *Джума* у Мусульман есть название Пятницы и сборного моления в пятницу.

³ *Миср*, в мусульманской теологии означает вообще большой город.

⁴ *Мир* вм. *Эмир*, Князь, Повелитель.

⁵ Хидает, соч. Альмюргинани, и Викает, соч. Махмуда Бюрхан-еш-шариат, суть руководительные богословские сочинения у Мусульман тюркестанских.

⁶ У Мусульман считается шесть отдельных наук, составляющих «Эшшариет» науку веры и закона; также считается шесть степеней законоведения, а здесь под книгами шести преданий разумеются исчисленные ниже.

⁷ Слово *Асхаб* я перевел словом сподвижник, так как они были сподвижники в военных действиях Мухаммеда.

⁸ Мюджтехиды составляют три высшие класса мусульманским законоведцев.

⁹ У Булгар известен был город Куман: не вместо ли него стоит здесь Кашан, упоминаемый еще в татарском отрывке о Казанских царях, напечатанном в № 12 Каз. Губерн. Вedom. 1852 года.

¹⁰ Явная ошибка.

¹¹ По мусульманскому поверью, Хизр достиг источника жизни и потому бессмертен, ходит по миру в виде старца. Дом, в котором он побывает или тот, с кем встретится, становится счастливым. Народная легенда.

¹² Мехди, последний из 12 Имамов, должен явиться, по мусульманским понятиям, при конце света.

¹³ В подлиннике в этом месте прибавлены нелепые подробности.

¹⁴ Ученики сподвижников Мухаммада».

Материал подготовила Алсу Арсланова

№ 7

Отрывки из киргизского сказания об Идыге

Предисловие, источник и примечания цитируются по изданию: Потанин Г.Н. Отрывки из киргизского сказания о Идыге, из записей Ч.Валиханова // Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Императорского Русского Географического Общества / Под ред. Председательствующего в Отделении этнографии В.И.Ламанского. – Вып. IV. – СПб., 1891. – С.156–163.

«К.К.Гутковская, приводя в порядок бумаги своего покойного отца К.К.Гутковского, нашла между ними несколько писем Чокана Валиханова, а также несколько рукописей, хотя и переписанных частью рукой К.К.Гутковского, частью другими руками, но, очевидно, представляющими списки с записей и статей Чокана Валиханова. В числе рукописей тут найдены киргизское сказание о Идыге с отрывками из вариантов, отрывок из Каракиргизского сказания о Манасе, именно эпизод: Смерть Кукотай-хана и его поминки, заметка о Шуно-батыре, о киргизских поверьях и друг. <...> Мы здесь ограничиваемся помещением только начала сказания о Идыге с его вариантами, которое представляет интересное скучение нескольких тем. <...>

«Джир (рапсодия, глагол *джирламак* означает *говорить речитативом*. – Прим. ред.) Идыге по событиям относится к концу XIV века, должен быть составлен в начале XV. Это доказывается многими старинными словами и оборотами, которых теперь нет в языке. Примечательно также и то, что в целой рапсодии нет ни одного персидского или арабского слова, тогда как теперь с распространением магометанской религии даже в обыкновенном разговоре между простым народом вошли в употребление слова из этих языков» (Ч.Валиханов. – Прим. ред.).

Валиханов признавал, по-видимому, что киргизская сказка относится к историческому Идыге. В одном месте он говорит: «Самый замечательный исторический джир киргизский это Идыге, тот самый Идыге, Эдеку, Идыгей, о котором говорится в ярлыке Токтамышша, тот самый бек, *mangab(?)* и темник, который разил Витовта при Ворскле и управлял ордой безотчетно при четырех ханах». В другом месте: «Существование Идыге несомненно, как существование Тохтамыш-хана и Тамерлана. Оно подтверждается не только народными преданиями, но и письменными фактами. Ибн-Арабша говорит об Идыге, что он был одним из дьяволов Тамерлана. В хрестоматии Хальфина (изданной в Казани) находится родословная Идыге, составленная по преданиям казанских Татар. Западная часть горы Улутау в Средней Орде, составляющая совершенно отдельный утес от главного хребта, называется Идыге. На вершине этого утеса есть курган, сложенный из плитнику и буту; курган этот, имеющий форму всех оба (по-монгольски обд), т.е. курганов, воздвигнутых в честь и воспоминание падших или умерших героев, называется Идыгенын обасы; самая гора называется просто Идыги; Киргизы, почитая его, как национального героя и святого по происхождению, часто приносят на могиле его жертвы. Иногда режут скот, что теперь очень редко, а большею частью привязывают к растущему тут кустарнику лоскутки одежды или конские волосы. А.И.Шренк¹ был на этом кургане и очень верно срисовал вид этого утеса. Неизвестно, где находится могила Тохтамыш-хана; современники его и Идыге (были) Кен-джанбай, Кара-Кипчак-Кублин, Киен-бай, о котором, впрочем, не говорится в этой рапсодии, Худай-берды, Кос-девлет, Кара-коджа; этому последнему Киргизы приписывают, что он был родоначальником Аргынов²; Кара-коджа был сын святого Оккесы Сабага; кажется Рашид-эддин говорит, что Кара-коджа был посланником от Тохтамышша к Тамерлану. Курганы этих героев находятся на правой стороне реки Ишима; могилы ли это их, или только памятники, определить невозможно до тех пор, пока эти курганы не будут раскопаны».

Из выписки, сделанной Валихановым из хрестоматии Хальфина, изд. 1822, гл. IV, видно, что казанское предание выводит Баба-Токласа от Абу-бекра; это был потомок Абу-бекра в 15 колене; а в шестом колене потомок Баба-Токласа был Идыге. Баба-Токлас был государем в Мекке; вот его нисходящая линия: Термеул (явился на Волге и Джаике), Кызычи, Ислям-кая, Кадыр-кия, Кутлукеба; сын последнего был Идыге. Кутлукеба был убит Урус-ханом. По одному повествованию у Баба-Токласа было четыре сына; по другому – только три; из них третий, Търме, был на Волге и Джаике. Паломники в Каабе сначала поклоняются гробу Пророка, потом гробу Алем-Муртазы-Сеида, потом гробу святого чудотворца Баба-Токласа. Узбек-хан, сделавшись правоверным, посылал в благо-

родную Мекку витязя Урана, который привел с собою этих трех святых (т.е. трех сыновей Баба-Токласа?) и потом народ сделался правоверным.

Далее Валиханов говорит: «Соображая народное (?) казанское предание, сохранный Хальфином и показанию Ибн-Арабша с этою степною рапсодией можно с достоверностью заключить только то, что Идыге был происхождения духовного; что он занимал при Тохтамыше значительную должность, потому что сам Тохтамыш поручал ему и «Крымские споры и военные дела» и потом же он называет его бием по преимуществу, говоря: «видано ли было, чтобы хан бежал, а бий его преследовал?»

Перевод сказания или былины об Идыге, сделанный Валихановым, как видно из его примечаний, представляет свод из трех списков, сделанных для него его отцом Чингисом Валиевичем. Перевод этот в сохранившейся рукописи был на тринадцати листах, из которых два (10 и 11) потеряны. Кроме этого на отдельных листах записаны еще два варианта начала сказания. Валиханов, по-видимому, различал две версии, киргизскую и ногайскую. Полный вариант на 13 листах – это киргизская версия; два варианта, обрывающихся в самом начале, по-видимому, оба ногайские. Что у Валиханова значит «ногайская версия», не знаем. Это может значить или что версия записана у нынешних Ногайцев на Кавказе, где Валиханов не бывал, или что она найдена у казанских Татар или других соседних Тюрков, но не у Киргиз, или в каких-нибудь книжных памятниках, и по догадке Валихановым относилась к древним Ногайцам. Мы помещаем сначала начало киргизской версии (№ 1), потом две версии ногайские (№ 2 и 3).

1. В древние времена жил один святой Баба-Умур; будучи 15-ти лет, он начал производить чудеса. В это время ему приглянулась одна девушка; девушка приглянулась и стала беременна; сделавшись беременной, родила сына, которому дали имя Баба-Токты-чачта-азиз. Достигши двадцатипятилетнего возраста, Баба-Токты отправился в мир производить чудеса и, пришед к текущему морю, увидел сидящую на берегу девицу, золотым гребнем расчесывающую свои золотые волосы, но лишь только он приблизился к девице на недалекое расстояние, она, увидав его, нырнула и спряталась под водой. «Разве я не Баба-Токты-чачты-азиз», сказал святой, «что не могу нырнуть за нею»? Сказал и вслед за девицей бросился в воду.

Шестьдесят белых отавов³ стоят под водою, в одном из них сидит девушка. Сказал бы солнце глаза есть, сказал бы месяц есть рот... такой она была удивительной красоты. Баба-Токты, взглянув на нее, бежал изумленный назад. Но девушка, схватив за полу, удержала, говоря: «Куда же ты бежал, джигит?»⁴ «Я не могу говорить с тобою», отвечал Баба-Токты. – «Если заговорю, то приму на себя большой грех. Лучше пусти меня, я убегу отсюда». Но девушка сказала: «Я искала подобных тебе и нашла. Если ты уйдешь отсюда, на мне не женившись, то возьмешь на себя еще больше грехов». Баба-Токты остановился, начал думать думу: если не возьму я этой девушки, больше греха мне будет, нежели как возьму; лучше взять. И положил своим рассудком жениться.

Обвенчавшись, девушка говорит молодому: «Теперь, когда ты стал моим мужем, а я твоею женою, прошу тебя исполнить только три моих завета: когда я буду скидать сапоги, не смотри мне на ноги; когда буду скидать рубаху, не гляди под мышку и когда буду мыть мои волосы, не гляди на голову».

Однажды Баба-Токты видел, как она скидала сапоги и, взглянув на ноги, увидел, что ноги у нее с копытами (козлиные); в другой раз, когда скидала она рубаху, заглянул ей под мышку и сквозь тело увидел ее внутренности (легкие). Жена догадалась об этом и поднялась к небу, закричав: «О, мой любезный!» и снова упала на землю. Но через несколько времени после того Баба-Токты, войдя в комнату, увидел, что жена его, сняв кожу с головы и вымыв волосы, расчесывает их золотым гребнем, он взглянул на темя и сквозь кожу увидел ее мозг.

Жена узнала это и, поднявшись к небу, сказала своему мужу: «Эй, джигит! под грудь у меня шестимесячное дитя. Оно улетит вместе со мною, но на берегу Нила-реки под стенами Кум-Кент-города я оставлю дитя наше, сама же должна лететь дальше. Иди ты сам и найди его в сказанном мною месте».

И так женщина улетела. Баба-Токты-чачты-азиз, отыскивая свое дитя, пошел к берегам Нила-реки, под стенами Кум-Кента города нашел ребенка, завернутого в шелковый платок. И так как ребенок этот рожден в безлюдной пустыне, то и назвал его Идыге.

Привязав ребенка на спину, Баба-Токты принес его во владения Тохтамыш-хана, повелителя сильного народа. Ногайского поколения был этот народ. До трех лет воспитывал при себе Идыге Баба-Токты-чачты-азиз, (потом), отдав его учиться биям, сам улетел неизвестно куда. – Идыге учился до восьми лет вместе с другими детьми, которых было всех девяносто и однажды, зазав всех детей в поле бороться, поборол их всех и, собрав их одежды, сложив в кучу, сел на верх этой кучи и сказал: «Вот я сел на трон Тохтамыш-хана».

Случилось также в один день, когда Идыге гулял с детьми в поле, увидели они двух людей, к ним идущих; Идыге сказал детям, чтобы они первые не приветствовали идущих. «Если же пришедшие будут первые приветствовать, то примите их приветствие и отдайте им селям. Если же они будут спрашивать, отчего мы не первые сказали им селям, то я за вас дам ответ». Двое идущих приблизились, но дети не сказали им селяма. «Отчего вы нас не приветствовали, дети»? спросили пришедшие; «разве не видите, что мы старше вас летами»? «Кто из нас старше»? спросил Идыге, «вы ли двое или нас девяносто детей»? «Разумеется мы старше, потому что вы все дети», отвечали пришедшие. «Нет. Если я сложу вместе всех девяносто детей, то выйдет, что мы несравненно старше вас обоих и потому-то вы первые должны сделать нам приветствие». Двое пришедших растерялись в словах после этого ответа. Тогда один из пришедших начал говорить другому: «Какое будет рассказать этому ребенку наш спор; пусть он нас рассудит. Эй, дитя! Мы идем к Тохтамыш-хану на суд в одном споре, между нами происшедшем. Окончишь ли ты наше дело»? «Если Бог вложит мне в уста мудрость, окончу», отвечал Идыге. «Вот это отец Алсина, Кок-джалды стрелок, я же сын Кенеса, Кен-джанбай. Эдыл и Джаик⁵ принадлежат мне; даже заяц, который бегаёт по землям этим, мой. На берегах Джаика, близ Белого озера увидел я лежащего белого зайца и пошел домой за ружьем в намерении застрелить зайца. Но в то время, как я ходил за ружьем, Кок-джалды (Синяя грива) убил зайца и взял его себе. Рассуди ты теперь, кому должен принадлежать заяц». Идыге спросил тогда у Кок-джалды: «На каком расстоянии ты стрелял в зайца»? Кок-джалды указал примерно расстояние. Идыге сказал: «Если я вам обоим скажу решение, будете ли вы с ним согласны»? Согласны, отвечали оба. Тогда Идыге одному из детей дал держать зайца и поставил его в поле на такое расстояние, с которого стрелял в зайца Кок-джалды, и сказал Кен-джанбаю: «Стреляй! попадешь в ребенка, давай кун; в поле пустишь стрелу, откажись от ребенка; попадешь в зайца, он твой». «Не доволен я твоим решением», сказал Кен-Джанбай и, осердясь, пошел было к Тохтамыш-хану, но, опять возвратился. «Заставь ребенка держать зайца. Я буду стрелять!» И, ни сколько ни тронув ребенка, попал в зайца как раз в то место, которое выдавалось на поле. «Заяц, тобою прежде виденный, принадлежит тебе», сказал Идыге. Но Кок-джалды стрелок, решением стал не доволен и, осердясь, ушел. Кен-джанбай и Кок-джалды стрелок пошли к Тохтамыш-хану и Кок-джалды начал говорить ему о споре и решении мальчика; Тохтамыш-хан, выслушав его, сказал: «Это решение совершенно справедливо, лучшего и я не могу сказать».

Идыге, достигши восьмилетнего возраста, вышел из науки и, надеясь приобрести себе какое-нибудь состояние, нанялся у одного человека пасти баранов. Будучи в поле, он увидел четырех человек, ведущих в середине хромую скотину. Четыре человека, увидев Идыге, сказали друг другу: «Расскажем наше дело вот этому пастуху с грязною задницей; пусть он разберет нас». Четверо, приблизившись, сказали: «Все мы четверо братья; у всех нас единственное имущество, доставшееся нам в наследство, вот эта хромая скотина. Голова скотины принадлежит старшему брату, каждому из нас на долю осталось по одной ноге. Эта хромая скотина зашла на пашню одного *каурà*⁶ и теперь за четыре следа, проложенные ею на пашне, требуют с нас четыреста тилля⁷. От этого-то мы теперь спорим. Рассудишь ли ты наш спор»? сказали. Идыге отвечал: «Если Бог поможет мне, то я решу это дело. Хромая нога кому из вас принадлежит»? спросил Идыге. «Мне», отвечал самый младший из братьев. «Ну, так ты от платежа свободен. Старший брат, которому принадлежит голова хромой скотины, должен заплатить двести тилля, потому что глаза видели, а голова вела все тело; двое средних братьев должны заплатить каждый по сту тилля, владелец же хромой ноги ничего не должен платить, потому что здоровые ноги увлекли большую и сделали четыре следа на пашне». Трое старших братьев, будучи недовольны этим решением, пошли к Тохтамыш-хану, но лишь только объявили, что они просят правосудия, как младший сказал хану, что они уже получили решение. Хан спросил, как их решили и когда младший рассказал, то Тохтамыш сказал, что лучшего решения и он дать не в состоянии. С тем и ушли четверо братьев.

Еще случилось, что два человека вели в поводу четырехлетнего верблюда – самца и, увидев в поле Идыге, сказали друг другу: «Пусть рассудит нас этот пастух с грязною задницей». Приблизившись, сказали: «Эй, пастух! спор у нас вот из-за этого верблюда. Разбери нас и скажи решение!». «Согласен!» сказал Идыге. Тогда один из спорящих сказал: «Верблюжонком одного года пропал у меня этот верблюд и теперь я узнал его уже четырехлетним. Вор, укравший у меня верблюжонка, вот этот человек». «Ну-ка ты теперь говори!», обращаясь к другому, сказал Идыге. Другой сказал: «От собственной моей верблюдицы родился этот верблюд, моего жеребца верблюда он сын; спор со стороны этого человека напраслина». Тогда Идыге сказал обоим спорящимся: «Есть ли у вас верблюдица, мать

этого верблюда)? И когда оба они сказали: есть! он приказал привести обеих матерей и, взяв аркан, обернул им задние ноги атана⁸ и начал завязанную веревку скручивать палкой. На крик мучимого верблюда одна из верблюдиц отвечала криком. Тогда Идыге сказал ее хозяину: «Возьми атана, он твой, и этот человек вор действительно». Но вор, недовольный решением Идыге, пошел к Тохтамыш-хану и рассказал ему о решении пастуха, и Тохтамыш-хан сказал: «Лучше этого решения и я дать не могу».

В то же время, как Идыге ходил за баранами, случилось, что шли две женщины, двое мужчин и одно дитя между ними степью и спорили, но, увидев Идыге, сказали: «Каково будет, если рассудит нас этот пастух с грязной задницей»? «Пусть рассудит!» сказали другие. И все четверо вместе приблизились к Идыге. «Эй, пастух! Вот мы между собою в споре и хотим судиться. Не решишь ли ты нашего спора»? Идыге согласился. Тогда один мужчина и женщина сказали, что это дитя еще с колыбели потеряно ими, и что теперь они признают его за собственное; между тем другая женщина начала говорить: «Это мой собственный ребенок; десять месяцев я носила его в животе; десять месяцев стигбался мой крестец от него, а слова этой женщины чистая напраслина». Тогда Идыге взял ребенка, дал держать его за руку обеим женщинам, из которых каждая называла себя матерью и, вынув меч, поднял его над ребенком, говоря: «Я разделю вам пополам этого ребенка», намереваясь его разрубить. Тогда первая женщина сказала: «Делайте, что хотите!» А другая сказала: «Не убивайте ребенка! отдайте лучше ей! Когда дитя вырастет, оно найдет меня, настоящую свою мать». Тогда Идыге сказал: «Возьми своего ребенка! Он действительно твой!» Но первая женщина сказала, что она недовольна этим решением и пошла на суд к Тохтамыш-хану. Когда же все четверо пришли к хану и объявили ему, какое им произнесено пастухом решение, то хан сказал, что решение это настоящее решение. «И я лучшего дать вам не могу».

Наконец Тохтамыш-хан сказал: «Кто же это такой, решивший такие замысловатые дела уже четыре раза? Позвать мне его». Тотчас приближенные хана пошли и привели Идыге. «Ты ли четыре раза решивший в степи дела»? спросил хан. «Я, нижайший раб ваш», отвечал Идыге. «Как тебя зовут»? «Идыге». Худую его одежду хан приказал с него снять.

На этом мы прекращаем полную передачу текста Валиханова, и доскажем историю Идыге вкратце. Идыге усмирил врагов Тохтамыша и успокоил царство, стал приближенным Тохтамыша. Однажды ханша говорит хану, что предназначение этого наемщика (т.е. Идыге) выше предназначения его, хана. «Эй, глупая женщина! – говорит хан. – Откуда ты узнала, что предназначение наемщика выше моего». Ханша объясняет, что она заметила, как при каждом входе Идыге в ханскую ставку хан в испуге невольно вздрагивает; ханша предлагает, чтоб проверить истину, прикрепить полы ханского платья к войлоку, на котором он сидит⁹. Тогда Тохтамыш задумывает гибель Идыге. По совету ханши, хан приказал приготовить араб и сараб¹⁰, выставить шестидесятиголовую¹¹ кибитку собрать народ, и Идыге сделать разносчиком. Когда, угощаемый народом, Идыге одурееет, предполагено убить его. Разговор этот слышал шестилетний мальчик сын, друг Идыге, и предупредил его. Поставили большую юрту, собрали народ, у входа в кибитку поставили девять богатырей; в степи в засаде посадили шестьдесят силачей. Идыге сделали подносчиком. Он подвязал себе козий мех и половину только пил, половину украдкой выливал в мех. В это время Ангусынт резал левые стремяна у седел всех гостей, и когда это сделал, залез на юрты и запел: «Готов твой конь большекопытный» и пр. Это был условленный знак. Идыге, как стрела, выскочил из кибитки, вскочил на своего коня Торламбоза. Девять богатырей, стоявших у порога, один другого поразил ножами.

Идыге бежал за Волгу. Кен-джанбай и другие богатыри догнали его и стали приглашать переехать назад за Волгу, но Идыге отказался вернуться к Тохта. Убегая далее, он встречает шатер, в котором находит девицу, дочь Са-темир-хана, увезенную алпом¹² Деу-кабаном. Он просит девицу сказать ему, когда алп заснет. Девица присылает ему семь с половиной баурсаков¹³; Идыге понимает, что она назначает ему приходиться в полдень на восьмой день. Дочь Са-темир-хана обнажает грудь спящего алпа; Идыге спускает стрелу и расширяет тело алпа надвое; умирая, алп успевает, однако, схватить за хвост коня Торламбоза. Идыге отвозит царевну к отцу и женится на ней. У нее родится сын, который едет мстить за отца, убивает Тохтамыша и привозит его голову, хотя завет отца был не убивать Тохтамыша¹⁴. Кен-джанбай, чтобы поссорить Идыге с сыном, уговорил Идыге в отсутствии сына разделить свое ложе не только со своей женой, но и с невесткой. Когда, возвратившись, сын увидел отца сидящим между двух женщин и занимающим их, он так закричал, что от его крика у Идыге выскочил глаз и изломалась нога¹⁵.

2. Идыгэ происходил от Баба-Туклас (Чакли-азиз) в 9-м колене.

Предание Ногайцев о происхождении Баба-Туклас следующее: некто увидел на пути череп с надписью на лбу: «я живой убил несметное число людей, мертвый могу убить сорок». Нашедший человек сжег череп, пепел взял в узелок, привез домой и отдал дочери на хранение. Дочь из любопытства развернула тряпку и, увидевши белый порошок, взяла на палец и попробовала вкус, отчего сделалась беременною и родила сына, который и был Баба-Туклас.

Мальчик, будучи еще учеником, обнаружил необыкновенную проницательность ума. Однажды хан той страны видел сон, будто он сидел на мосту через большую реку, и из реки вынырнули драконы – двадцать с одной стороны моста, и двадцать с другой – и хотели его пожрать. Хан созвал своих ученых и требовал, чтоб они объяснили его сон. Ученые пришли в тупик; тогда Баба-Туклас предложил им, что он бы разрешил сон ханский. Ученые привели его к хану. Баба-Туклас стал просить хана, чтоб удалить ученых, так как он смущается присутствием своих учителей и когда они вышли, он сказал хану, что драконы – его сорок ученых, которые находятся в связи с его женой и ходят к ней по очереди в виде черных старух. Хан велел наблюдать. Оказалось, что толкование Баба-Тукласа справедливо. Ученых убили и тем исполнились слова, написанные на черепе относительно сорока жертв. От этого и называются потомки Идыге-бия аксуяками, «белою костью».

Однажды Баба-Туклас (святой муж), встретил на берегу моря девицу, которая, прилетев в виде голубя, обратилась в девицу и, сидя на берегу, золотым гребнем расчесывала свои золотые волосы, но, лишь только он приблизился к девице на недалекое расстояние, она, увидев его, погрузилась в воду, оставив на берегу голубиную шкуру, называемую кебе. Это была, по мнению одних, дочь солнца (кун-сулу); другие считают ее дочерью духа Албасты. Оставшись на берегу, Баба-Туклас сказал: «Разве я не Баба-Туклас-чакли-азиз, что не могу нырнуть за нею»? Сказал и вслед за девицей бросился в воду.

Далее вполне тожественно с дальнейшим текстом киргизской версии. Баба-Туклас находит там девицу и хочет от нее бежать. Девица удерживает его словами, что если он на ней не женится, то возьмет на себя больше грехов, чем если б женился. На этом этот отрывок обрывается.

3. Идиге происходит от Баба-Туклас-ази в девятом колене. Отец его был Кутлу-Кия (ази). Однажды этот святой муж встретил девицу, которая, прилетев в виде голубя¹⁶, погрузилась в воду, оставив голубиную шкуру на берегу (это была, по мнению одних, дочь солнца Кун-Слу, другие думают, это была дочь духа). Кутлу-Кия завладел кебаной. «Пусти!» Нет! «Ты не сумеешь владеть мной!» Уговор: «не смотри мне на голову, под мышку и на пятки». Далее, как в киргизской редакции. Нашедши, сам Кутлу-Кия отправился в улус к Тохтамышу, у которого он был приближенным. У Тохтамыша была птица...¹⁷. Са-Темир хан просил у Тохтамыша яйцо этой птицы, чтобы (вывести) у себя птенца. Тохтамыш не дал; тогда Са-Темир обратился к Кутлу-Кие, который украл яйцо и послал Са-Темиру. Птица эта приносила три яйца; украденное было показано (sic). Тохтамыш, узнавши об этом, отсек голову Кутлу-Кие и хотел убить его сына Идиге, но бий, которому Кутлу-Кия поручил его воспитание, дал своего сына на убийство. Идиге пас баранов вместе с другими детьми. Затем следует первое разбирательство Идиге по поводу утки, застреленной в чужом озере. Вследствие этого дела Тохтамыш призвал мальчика, как годного на...¹⁸. Находясь у хана, он решил еще два дела, которые сам хан и все бии не могли решить. Первое – спор между двумя женщинами о ребенке; второе – два бия о...¹⁹. О ребенке то же, что у Киргиз о верблюжонке – бросить в воду, куда воспоследовала и matka его²⁰. Ханша (говорят одни вследствие отвергнутой любви) снова говорит хану, что он, юноша, человек опасный для хана, затемнит со временем его величие, ибо когда он входит, то хан невольно содрогается и вскакивает со своею (подушкой). Тогда Тохтамыш созвал народ и потребовал, чтобы...²¹ народу этого юношу, так как он по своим доблестям должен быть не простого рода, а сам между тем поставил несколько человек.

Примечания

¹ Путешественник по Киргизской степи в сороковых годах.

² Аргыны – один из самых больших родов Средней Орды.

³ Отавы вообще юрты новобрачных; название это (за юртой) сохраняется (и потом); в степи отавами называют юрты женатых сыновей относительно юрты отцов (по Ч.Валиханову).

⁴ Джигит – «юноша».

⁵ Эдьль-река – Волга; Джаик-река – Урал (Яик).

⁶ Объяснения этому слову в бумагах Валиханова не нашлось.

⁷ Тилля – «золотая монета».

⁸ Атан – выложенный верблюд-самец.

⁹ Вслед за опытом, который был исполнен по словам ханши, вставлен следующий эпизод. Ханша налила в чашку устоявшегося катыка (квашеного коровьего молока), помочилась в катык и эту смесь поднесла вошедшему в кибитку Идыге. Тот разрезал катык ножом на крест, середину смешал и выпил. На вопрос ханши, хорош ли катык, он отвечал: «Если бы посуда не была так стара, то был бы вкусный». Тохтамыш объяснил ханше, что под посудой Идыге разумеет ее ханшу, а ханша растолковала Тохтамышу, что разрезание катыка на крест означает, что он разделит народ Тохтамыша на четыре части, а смешение середины, что в народе начнется бунт.

¹⁰ Вероятно, вино, подобное самым крепким сортам вина у Монголов, так называемым ардза и хардза.

¹¹ Головами называются верхние концы решетин в кереге (решетке) кибитки.

¹² Алп – великан.

¹³ Баурсак – мелкие мучные колобки, жаренные в сале.

¹⁴ Вероятно, в древнейшем варианте Идыге высказывал упрек своему сыну за то, что он поднял руку на царя.

¹⁵ Сказка об Идыге записана г. Радловым в двух редакциях, барабинской и киргизской, и помещена в его Proben, Т. III, и Т. IV, 35. В барабинской сказке тайным другом Идыге назван Цанпай (т.е. Кен-джанбай?): Ангусына нет. Дочь Са-темир-хана увезена русским богатырем Анисимом (Орус надыр Анисым).

¹⁶ В числе монгольских рассказов о деве-птице есть один, в котором герой, похищающий лебединую одежду купающейся небесной девы, называется Одюгэ-бо (см. Очерки северо-зап. Монголии, IV, 24); Идыге у Киргиз иногда является в виде парного Идыге-би. Одюгэ-бо был кривой; Идыге также окривел вследствие крика его сына; в барабинской редакции (у Радлова) от удара балалайкой.

¹⁷ Не дописано.

¹⁸ Не дописано.

¹⁹ Не дописано.

²⁰ В напечатанной выше киргизской версии не сходно.

²¹ Не дописано».

Материал подготовила Алсу Арсланова

Источники и литература

- Abu'l Faraj, 1976* – Abu'l Faraj. Chronography of Gregorius Abu'l Faraj, 1225–1286. Vol. I. Amsterdam, 1976.
- Abu-Lughod, 1991* – Abu-Lughod Janet L. Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350. Oxford University Press, 1991.
- Agosto, 1977* – Agosto A. Due lettere inedita sugli eventi del Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434 // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Vol. XVII (XCI). Genova, 1977.
- Alef, 1970* – Alef G. The crisis of the Muscovite aristocracy: a factor in the growth of monarchical power // Forschungen zur osteuropaischen Ceschichte. 1970. № 15 [reprinted in: Alef G. Rulers and Nobles in Fifteenth Century Muscovy. L., 1983. V].
- Alexander, 1980* – Alexander J.T. Bubonic Plague in Early Modern Russia. Public Health and Urban Disaster. Baltimore, 1980.
- Alexander, 1992* – Alexander D. The Arts of War. Arms and Armour of the 7th to 19th Centuries. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art, vol. XXI / Gen. ed. Julian Raby. Oxf., 1992.
- Alinge, 1934* – Alinge C. Mongolische Gesetze. Darstellung des geschriebenen mongolischen Rechts. (Privatrecht, Strafrecht und Prozess). Leipzig, Weicher, 1934.
- Allsen, 1981* – Allsen Th.T. Mongol Census Taking in Rus 1245–1275 // Harvard Ukrainian studies. 1981. Vol. V. № 1.
- Allsen, 1983* – Allsen Th.T. Prelude to the Western Campaigns: mongol military operations in the Volga-Ural region, 1217–1237 // AEMA. 1983. Vol. 3.
- Allsen, 1985* – Allsen Th.T. The Princes of the Left Hand: An Introduction to the History of the *Ulus* of Orda in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // AEMA. 1985–1987. Vol. 5.
- Allsen, 1987* – Allsen Th.T. Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley, 1987.
- Allsen, 1987–1991* – Allsen Th.T. Mongols and North Caucasia // AEMA. 1987–1991. Vol. 7.
- Allsen, 1989* – Allsen Th.T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260 // Asia Major. III, 2/ii. 1989.
- Almagia, 1944* – Almagia R. Planisferi, carte nautiche e affini dal secolo XIV al XVII esistenti nella Biblioteca Apostolica / Monumenta Cartographica Vaticana. Citta del Vaticano. Vol. 1. Roma, 1944.
- al-Omari, 1927* – Ibn Fadl Allah al-Omari. Masalik el absar fi mamalik el amsar. I. L'Afrique moins l'Egypte. Traduit et annoté avec une introduction et 5 cartes par Gauderfroy-Demombynes. Paris, 1927.
- Amitai-Preiss, 1995* – Amitai-Preiss R. Mongols and mamluks. The Mamluk-Ilhanid War (1260–1281). Cambridge, 1995.
- Appleby, 1980* – Appleby A.B. Epidemics and Famine in the Little Ice Age // Journal of Interdisciplinary History. Vol. 10. №. 4, History and Climate: Interdisciplinary Explorations (Spring, 1980).
- Aslanapa, 1979* – Aslanapa O. Kirim ve kuzey azerbaycan'da turk eserleri. Istanbul, 1979.
- Aslanapa, 1993* – Aslanapa O. Turk Sanati. Istanbul, 1993.
- Bagrow, 1956* – Bagrow L. Italians on the Caspian // Imago Mundi. 1956. Vol. 13.
- Balard, 1973* – Balard M. Genes et l'Outremer. 1. Les actes de Caffa di notaire Lamberto di Cambuceto 1289–1290. Paris, La Haye, 1973.
- Balard, 1978* – Balard M. La Romanie genoise (XII – debut du XV siècle). Rome, 1978. Vol. 1–2.
- Balletto, 1976* – Balletto L. Il commercio del pesce nel Mar Nero sulla fine del Duecento // Critica storica. 13. 1976.
- Ballod, 1926* – Ballod F. Ali-Sarai und Neu-Sarai, der Hauptstadte der Goldern Horde. Riga, 1926.
- Bang, 1913* – Bang W. Uber die Herkunft des Codex Cumanicus / W.Bang. Classe, 1913.
- Bar Hebraeus, 1932* – см.: *Budge, 1976*.
- Barry, 2004* – Barry J.M. The Great Influenza: The Epic Story of the Deadliest Plague in History. NY., 2004.
- Barthold, 1962* – Barthold W. Zwölf Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Darmstadt, 1962.
- Barthold, 1977* – Barthold W. Turkestan Down to the Mongol Invasion. L., 1977.
- Basso, 1991* – Basso E. Il «Bellum di Sorcati» ad i trattati del 1380–1387 tra Geneva e l'Orda d'Oro // Studi Genovesi. 1900–1908. Nuovo serie. Genova. 1991.
- Batha, 1975* – Batha A. Hungarian Society in the 9th and 10th centuries. Budapest, 1975.
- Bat-Ocuir Bold, 2001* – Bat-Ocuir Bold. Nomadic society: A Reconstruction of the 'Medieval' History of Mongolia. Carzon Press, 2001.
- Bayburtluoglu, 1993* – Bayburtluoglu Z. Anadolu'da Selcuklu Donemi Yapi Sanatçilari. Erzurum, 1993.
- Beazley, 1903* – Beazley C.R. The Texts and Versions of John de Plano Carpini and William de Rubrukquis. L., 1903.
- Bekker, 1835* – Bekker. Georgii Pachymeris de Michaelae et Andronico Palaeologis libri XIII. Recensuit I. Bekkerus. I–II. Bonnae, 1835.
- Bennigsen, 1978* – Bennigsen A. et al. Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. Paris, Hague, 1978.
- Berindei, Veinstein, 1976* – Mihnea Berindei, Gilles Veinstein. La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe – milieu XVIe siècle) // Turcica. 1976. # 8 (ii).
- Biraben, 1975–1976* – Biraben J.-N. Les hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens, i–ii, Civilisations et sociétés 35–36. Paris, 1975–1976.
- The Black Death, 1983* – The Black Death. Natural and Human Disaster in Medieval Europe. NY., 1983.
- Blair, 1986* – Blair Sh.S. The Mongol Capital of Sultaniyya, The Imperial // Iran. 1986. № 24.
- Blair, 1993* – Blair Sh.S. The Ilkhanid Palace // Ars Orientalis. 1993. 23.
- Blake-Frye, 1949* – Blake-Frye. History of the Nation of the Archers (the Mongols) by Grigor of Akanc'. Hitherto Ascribed to Marak'ia the Monk /

The Armenian Text, edited with an English Translation and Notes by Robert P.Blake and Richard N.Frye // HJAS. 1949. 12.

Bodrogligeti, 1971 – Bodrogligeti A. The Persian vocabulary of the Codex Cumanicus. Budapest, 1971.

Bolgar tele kaya kitkän, 1994 – Bolgar tele kaya kitkän? // Idel. 1994.

Bombaci, 1968 – Bombaci A. Histoire de literature torque. Trans. I.Melikoff. Paris, 1968.

Borghesio, 1938 – Borghesio G. Un episodio delle relazioni tra la Santa Sede e i Mongoli (1274) // Istituto di Studi Romani. Atti del IV congresso nazionale di Studi Romani. Vol. I. Roma, 1938.

Bosch, 1965 – Bosch U.V. Kaiser Andronikos III Palaiologos. Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341. Amsterdam, 1965.

Boudaq de Qazwin, 1836 – Extrait des Joyaux des Annales ou Djouharel Habar du Secretaire d'Etat Boudaq de Qazwin // Memoires de l'Academie imperiale des sciences de Saint-Peterbourg. Sixieme serie, sciences politiques, Histoire et philologie. T. III. SPb., 1836.

Boyle, 1958 – Boyle J.A. The History of the World-Conqueror by 'Ata Malik Juwaini / Translated from the Text of Mirza Muhammad Qazvini. Bd. I–II. Manchester, 1958.

Boyle, 1963 – Boyle J.A. The Mongol commanders in Afghanistan and India according to the Tabaqat-i Nasiri of Juzdjani // Islamic studies. II/2. 2. Karachi, 1963.

Boyle, 1968 – Boyle J.A. Dynastic and Political History of the Ilkhans // The Cambridge History of Iran, Vol. V. The Saljuq and Mongol Periods. Cambridge, 1968.

Boyle, 1971 – Boyle J.A. The Successors of Gengis Khan / Transl. from the Persian of Rashid al-Din by. J.A.Boyle. New York, 1971.

Boyle, 1974 – Boyle J.A. Some Thoughts on the Sources for the Il-Khanid Period of Persian History // Iran. 1974. № XII.

Boyle, 1977 – Boyle J.A. The Mongol World Empire 1206–1370. L., 1977.

Bratianu, 1929 – Bratianu G.I. Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929.

Bregel, 1982 – Bregel Y. Tribal tradition and dynastic history: the early rulers of the qongrats according to Munis // Asian and African Studies. 1982. 16.

Bretschneider, 1876 – Bretschneider E. Notices of the medieval geography and history of Central and Western Asia // Journal of the North China branch of the Royal Asiatic society. 1876. Vol. 10.

Bretschneider, 1910 – Bretschneider E. Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources // Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th Century. Vol. II. L., 1910.

Bretschneider, 1967 – Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. I. L., 1967.

Bridges, 1897–1900 – The Opus Maius of Roger Bacon / Ed., with introduction and analytical notes by J.H.Bridges. Vol. I–III. Oxf., L., 1897–1900.

Brockelmann, 1954 – Brockelmann G. Osttürkische grammatik der Islamischen litteratursprachen mittelasiens. Leiden, 1954.

Brown, 1902 – Brown E.G. A Literary History of Persia. L., 1902.

Brown, 1904 – Brown E.G. Note on the contents of the Ta'rikh-i Jahan-Gusha, or history of the world conqueror Chingiz-khan by Juwayni, with an appreciation and comparison of some of the manuscripts of this work // JRAS. 1904, January.

Brown, 1951 – Brown E.G. A literary History of Persia. Vol. 3. The Tartar Dominion (1265–1502). Cambridge, 1951.

Budge, 1976 – Budge. The Chronography of Gregory Abu'l-faradg. I–II / Ed. and English translation E.A.Budge. L., 1932; Amsterdam, 1976.

Buell, 1992 – Buell P.D. Early Mongol expansion in Western Siberia and Turkestan (1207–1219): a Reconstruction // CAJ. 1992. Vol. 36.

Bulliet, 1972 – Bulliet R.W. The Shaikh Al-Islam and the Evolution of Islamic Society // Studia Islamica 35. 1972.

Bulliet, 1975 – Bulliet R.W. The Camel and the Wheel. Cambridge, 1975.

Bulliet, 1979 – Bulliet R.W. Conversion to Islam in the Medieval Period: An Essay in Quantitative History. Cambridge, 1979.

Burke, 1928 – The Opus Majus of Roger Bacon / Transl. R.B.Burke. Vol. I–II. Philadelphia, 1928.

Buschhausen, 1976 – Buschhausen H., Buschhausen H., Zimmermann E. Die illuminierten Armenischen handschriften der mechitharisten-congregation in Wien. Wien, 1976.

Campbell, 1986 – Campbell T. Census of pre-sixteenth-century portolan charts // Imago Mundi. 1986. Vol. 38.

Caraci, 1953 – Caraci G. The Italian cartographers of the Benincasa and Freducci families and the so-called Borgiana map of the Vatican Library // Imago Mundi. 1953. Vol. X.

Carmichael, 1986 – Carmichael A.G. Plague and the Poor in Renaissance Florence // Cambridge History of Medicine. Cambridge, 1986.

Carpine, 1989 – Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Ed. critica del testo latino a cura di E.Menestò; trad. italiana a cura di M.C.Lungarotti e note di P. Daffinà; introduzione di L.Petech; studi storico-filologici di C.Leonardi, M.C.Lungarotti, E.Menestò. Spoleto, 1989.

Cathay, 1866 – Cathay and the way thither / Translated and edited by H.Yule. London: Hakluyt society, 1866. V. I.

Charmoy, 1836 – Charmoy M. Expedition De Timour-i lenk ou Tamerlan contre Toqtamische, Khan de l'owous de Djoutchy, en 793 de l'hegire ou 1391 de Notre ere // Memoires de l'Academie imperiale des sciences de Saint-Peterbourg. Sixieme serie, sciences politiques, Histoire et philologie, T. III. SPb., 1836.

Chronica, 1970 – Chronica Polonie Maioris Monumenta Polonie historica. N.S. Warszawa, 1970.

Chrysostomides, 1970 – Chrysostomides J. Venetian Commercial Privileges Under the Palaeologi // Studi Veneziani. 12. 1970.

- Clavijo, 1928* – Clavijo R.G. Embassy to Tamerlane. 1403–1406 / Introduc. and comment by G. Le Strange. L., 1928.
- Codex Cumanicus, 1880/1981* – Codex Cumanicus / Ed. G.Kuun. Budapest Oriental Reprints B1. Budapest, 1880/1981.
- Crosby, 1989* – Crosby A. America's Forgotten Pandemic: The Influenza of 1918. New York, 1989.
- Crowe, 1978* – Crowe Y. Central Asia and Afghanistan // Architecture of the Islamic World. Its History and Social Meaning. L., 1978.
- Das mongolische Weltreich, 1968* – Das mongolische Weltreich. al-'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abšār fī mamālik al-amšār. Mit Paraphrase und Kommentar herausgegeben von Klaus Lech. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968.
- D'Ohsson, 1835* – D'Ohsson C. Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan. I–IV. Amsterdam, 1834–1835.
- D'Ohsson, 1852* – D'Ohsson. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'a Timour Bey ou Tamerlan par M.le baron C.D'Ohsson. T. 1. Amsterdam, 1852.
- Dąbrowski, Nagrodzka-Majchrzyk, Tryjarski, 1975* – Dąbrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E. Hunowie europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1975.
- Dardess, 1973* – Dardess J.W. Conquerors and Confucians. Aspects of Political Change in Late Yüan China. New York, 1973.
- de Hartog, 1996* – de Hartog L. Russia and the Mongol Yoke. L., 1996.
- de Saint-Quentin, 1965* – de Saint-Quentin S. Histoire des Tartares. Publiée par J.Richard. Paris, 1965.
- Devlet, 2002* – Devlet N. Empires in Eurasia. From Chingiz Khan to 20th Century. Yeditepe Üniversitesi Yayınları, İstanbul, 2002.
- DeWeese, 1994* – DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania State University, 1994.
- Dialogus miraculorum, 1851* – Caesarii Heisterbacensis monachi ordinis Cisterciensis Dialogus miraculorum / Ed. J.Strange II. Köln 1851.
- Die Mongolien, 1989* – Die Mongolien und ihr Weltreich. Mainz am Rhein, 1989.
- Diplomatarium, 1880* – Diplomatarium Veneto-Levantinum. T. 1 / Ed. G.M.Thomas. Venetiis, 1880.
- Djami el-tevarikh, 1911* – Djami el-tevarikh. Histoire generale du monde par Fadl' Allah Rashid ed-Din. Tarikh-i moubarek-i Ghazani. Histoire des Mongols éditée par E.Bloch. T. II. Contenant l'histoire des empereurs mongols successeurs de Tchinkiz Khaghan. Leyden–London, 1911 (в серии GMS, vol.XVIII, 2).
- Djuwayni, 1963* – Djuwayni // The encyclopaedia of Islam / Ed. by B.Lewis. Vol. 11. Leyden–L., 1963.
- Dlugosz, 1868* – Dlugosz J. Dziejow Polskich. T. III. Krakow, 1868.
- Dlugosz, 1873* – Dlugosz J. Polonicae. T. II. Opera omnia / Ed. A.Przedziecki. T. XI. Cracoviae, 1873.
- Dmytryshin, 1972* – Dmytryshin B. Medieval Russia. A Source Book, 900–1700. 2th ed. Oregon, 1972.
- Dobrovits, 1994* – Dobrovits M. The turco-mongolian tradition of common origin and the historiography in fifteenth century Central Asia // AOH. 1994. T. XLVII (3).
- Doerfer, 1963–1975* – Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I–IV. Wiesbaden, 1963–1975.
- Dols, 1974* – Dols M. Ibn al-Wardī's *Risālah al-naba' 'an al-waba'* / A Translation of a Major Source for the History of the Black Death in the Middle East // Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History. Studies in Honor of George C.Miles / Ed. D.K.Kouymjian. Beirut, 1974.
- Dols, 1977* – Dols M.W. The Black Death in the Middle East. Princeton, 1977.
- Dörrie, 1956* – Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen. Die Missionreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Göttingen, 1956. № 6.
- Drimba, 2000* – Drimba V. Codex Comanicus: Édition diplomatique a vec fac-similés. Bucarest: Editura Enciclopedica, 2000.
- Dschingis Khan, 2005* – Dschingis Khan und seine Erben Das Weltreich der Mongolen. Kataloge zu Ausstellungen in der Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland (Bonn). München: Hirmer Verlag, 2005.
- Duda, 1943* – Duda H.W. Zeitgenössische islamische Quellen und das Oğuznāme des Jazydzyoğlu 'Alī zur angeblichen türkischen Besiedlung der Dobrudscha im 13. Jhd. n. Chr. Българска Академия на Науките и искуствата 66/2. 1943.
- Dunn, 1989* – Dunn R. The Adventures of Ibn Battuta. Los Angeles, 1989.
- Eckmann, 1956* – Eckmann J. Nehcū'l-Feradis I, Tipki Basim. Ankara, 1956.
- Eckmann, 1964* – Eckmann J. Die kiptschakische Literatur. 1: Die Literatur von Chwarezm und der Goldenen Horde // Philologiae Turcae Fundamenta, ii / Ed. P.N.Boratov. Wiesbaden, 1964.
- EI, 1927* – Enzyklopaedie des Islam. 1st ed. Bd. II. Leiden–Leipzig, 1927.
- EI², 1971* – The Encyclopaedia of Islam. 2nd ed. Vol. III. Leiden–London, 1971.
- Elliot, 1869* – Elliot H.M. The History of India as told by its own historians. Vol. II. The Muhammadan period / Ed. from the posthumous papers of late sir H.M.Elliot, East Company's Bengal civil service; by prof. John Dowson. L., 1869.
- Embajada a Tamorlan, 1943* – Embajada a Tamorlan. Estudio y edicion de un manuscrite del siglo XV par F. Lopez Estrada. Madrid, 1943.
- Encyclopaedie Judaica, 1971–1972* – Encyclopaedie Judaica. In sixteen volumes. Jerusalem: Keter Publishing House; N.Y.: the Macmillan Company, 1971–1972.
- Eschedy, 1963* – Eschedy H. Trade-and-war relations between the Turks and China in the record half of the 6-th century // AOH. XXI. 1963 (3).

Evlia Çelebi, 1314/1896 – Evlia Çelebi. Seyahatname. Cilt II–VII. Istanbul, 1314/1896.

Failler, Laurent, 1984 – Georges Pachymères. Relations Historiques. Edition, introduction et notes par Albert Failler, traduction française par Vitalien Laurent. I (livres I–III); II (livres IV–VI) (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, Series Parisiensis XXIV/1, 2). Paris, 1984.

Fatouros, Krischer, 1982/1986 – Johannes Kantakuzenos. Geschichte. Übersetzt und erläutert von Georgios Fatouros und Tilman Krischer. Erster Teil (Buch I). Anton Hiersemann: Stuttgart, 1982; Zweiter Teil (Buch II). Stuttgart, 1986 (Bibliothek der Griechischen Literatur 17, 21).

Fedalto, 1973 – Fedalto G. La chiesa Latina in Oriente. V. I. Verona, 1973.

Fedorov-Davudov, 1984 – Fedorov-Davudov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. BAR International Series. Oxford, 1984.

Fedorov-Davydov, 1984 – Fedorov-Davydov G.A. Städte der Godenen Horde an der unteren Wolga. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, 11. Munich, 1984.

Fedorov-Davydov, 2001 – Fedorov-Davydov G.A. The Silk Road and the Cities of the Golden Horde. Berkeley (Zinat Press), 2001.

Fedorow-Dawydow, 1972 – Fedorow-Dawydow G.A. Die Goldene Horde und ihre Vorgänger. Leipzig, 1972.

Fehervari, 2000 – Fehervari G. Ceramics of the Islamic World in the Tareg Ragab Museum. L., NY., 2000.

Fekete, 1957 – Fekete L. Arbeiten der Grusinischen orientalistik auf dem Gebiete der Türkischen und Persischen Palaographie und die Frage der formal *söziimüz* // AOH. 1957. T. VII.

Fennell, 1980 – Fennell J. The Tatar Invasion of 1223: Source Problems // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 27. 1980.

Flemming, 1964 – Flemming B. Landschaftsgeschichte von Pamphylien, Pisidien und Lykien im Spätmittelalter. Franz Steiner GMBH. Wiesbaden, 1964.

Fraenli, 1826 – Franeli Ch.M. Resensio numerum muhammedanorum. Academiae imp. Scient, Petropolitanae inter Prima Academiae imp. Saecularia Edit. Petropoli, 1826.

Frank, 1998 – Frank J.A. Islamic Historiography and «Bulghar» Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. Leiden–Boston–Köln, 1998.

Furusiyya, 1996 – Furusiyya. Vol. I. The Horse in the Art of the Near East. Riyadh: The King Abdulaziz Public Library, 1996.

Gandjei, 1957–1958 – Gandjei T. II 'Muḥabbatnāma' di Horazmī // Annali dell'Institutio Universitario Orientale de Napoli. N.S.6 (1957); N.S.7 (1958).

Gasparrini, 1954 – Gasparrini T.L. Il Mappamondo di Fra Mauro. Roma, 1954.

Geschichte des Gazan-han's, 1940 – Geschichte des Gazan-han's aus dem Ta'rih-i-mubarak-i-Gazani des Rashid al-Din. Ed. K.Jahn. London, 1940 (в серии GMS, New series, vol.XIV).

Gibb, 1963 – Gibb H.A.R. Arabic Literature. An Introduction. Oxf., 1963.

Göckenjan, 1980 – Göckenjan H. Zur Stammesstruktur und Heeresorganisation altaischer Völker. Das Dezimalsystem // Europa Slavica – Europa Orientalis. Festschrift für Herbert Ludat zum 70. Geburtstag / K.-D.Grothausen – K.Zernack (Hrsg.). Berlin, 1980.

Göckenjan, 1989 – Göckenjan H. Die Welt der frühen Reitervölker // Die Mongolen und ihr Weltreich / Arne Eggebrecht (Hrsg.). Mainz, 1989.

Göckenjan, 1991 – Göckenjan H. Der Westfeldzug (1236–1242) aus mongolischer Sicht. In: Wahlstatt 1241. Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen. Hrsg. von Ulrich Schmielewski. Würzburg, 1991.

Göckenjan, 2000 – Göckenjan H. Weltherrschaft oder Desintegration. Krise und Zerfall des Mongolischen Großreiches // Das Verdämmern der Macht / R.Lorenz (Hrsg.). Frankfurt, 2000.

Göckenjan, Sweeney, 1985 – Göckenjan H., Sweeney J.R. Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235–1250. Ungarns Geschichtsschreiber 3. Graz, Wien, Köln, 1985.

Goehrke, 2004 – Goehrke G. Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern vom Frühmittelalter bis zur Gegenwart. Zürich, 2003–2004.

Golden, 1979/1980 – Golden P.B. The polovci Dikii // Harvard Ukrainian studies. 1979/1980. Vol. III–IV (1).

Golden, 1980 – Golden P.B. Khazar studies. A historic-philological inquiry into origins of the Kazars. Vol. 1–2. Budapest, 1980.

Golden, 1986 – Golden P.B. Cumanica II: The olberli (olperli): The Fortunes and misfortunes of Inner Asian clan // AEMA. 1986. Vol.6.

Golden, 1987 – Golden P.B. The Cumans // The Cambridge History of Early Inner Asia. Ed. by D.Sinor. Cambridge, 1987.

Golden, 1992 – Golden P.B. Codex Cumanicus // Central Asian Monuments / Ed. H.B.Paksoy. Istanbul, 1992.

Golden, 1992a – Golden P.B. An introduction to the history of the Turkic peoples: ethnogenesis and state formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East. (Turcologica; Bd.9). Wiesbaden, 1992.

Golden, 1998 – Golden P.B. Religion among the Qipcaqs of Medieval Eurasia // CAJ. Vol. 42. 1998.

Goldschmidt, 1944 – Goldschmidt E.P. The Lesina portolan chart of the Caspian Sea with a commentary by G.R.Crone // Geographical Journal. L., 1944. Vol. 103.

Golubovich, 1909 – Golubovich G. Bibliografica Terra Santa e dell'Oriente Franciscano. T. II, Quarach, 1909.

Golubovich, 1913 – Golubovich G.Fr. Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Franciscano (1215–1300). Quaracchi-Firenze, II. 1913.

Gorelik, 1979 – Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle east from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour / Ed. by R.Elgood. L., 1979.

Gorelik, Kramarovsky, 1989 – Gorelik M.V., Kramarovsky M.G. The Mongol-Tatar states of the thirteenth and fourteenth centuries // Nomads of Eurasia. Los Angeles, 1989.

- Gottfried, 1983* – Gottfried R.S. Black Death // Dictionary of the Middle Ages / Ed. by J.R.Strayer. NY., 1983.
- Grenard, 1901* – Grenard F. Note sur les monuments du Moyen Age de Malatia, Divrighi, Siwas, Darende, Amasia et Tokat // JA. 1901. Vol. 17.
- Grigor of Akanc', 1949* – The History of the Nation of Archers (The Mongols) by Grigor of Akanc'. Ed. trans. Robert P.Blake and Richard N.Frye // Harvard Journal of Asiatic Studies. 12. 1949.
- Grousset, 1939* – Grousset R. L'empire des Steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. Paris, 1939.
- Grousset, 1970* – Grousset R. The Empire of the Steppes. A History of Central Asia. New Brunswick, New Jersey, L., 1970.
- Guillelmus de Nangiaco, 1840* – Guillelmus de Nangiaco. Chronicon. Recueil des historiens des Gaules et de la France. XX. Paris, 1840.
- Guldenstadt, 1787* – Guldenstadt J.A. Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebirge. SPb., 1787. B. 1.
- Györffy, 1960* – Györffy G. Einwohnerzahl und Bevölkerungsdichte in Ungarn bis zum Abgang des XIV. Jahrhunderts. Budapest, 1960.
- Györffy, 1980* – Györffy G. Ungarn von 895 bis 1400. Handbuch der europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Hg. V.Hermann Kellenbenz. II. Stuttgart, 1980.
- Györffy, Szücs, 1981* – Györffy G., Szücs J. A tatárjárás emlékezete / Zum Gedenken den Tatarensturm. Budapest, 1981.
- Haenisch, 1937* – Monghol un niuca tobca'an (Yüan-chao pi-shi). Die Geheime Geschichte der Mongolen, aus der chinesischen Transkription im mongolischen Wortlaut wiederhergestellt / Haenisch E. (hg.). Leipzig, 1937.
- Haenish, 1940* – Haenish E. Steuergerechsamkeit der chinesischen Kloster unter der Mongolenherrschaft. Leipzig, 1940.
- Hafner, 1976* – Serbisches Mittelalter. Altserbische Herrscherbiographien. Band 2: Danilo II. und sein Schüler: Die Königsbiographien. Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Stanislaus Hafner. Verlag Styria: Graz–Wien–Köln 1976. (Slavische Geschichtsschreiber IX.)
- Halperin, 1975* – Halperin Ch.J. A Chingissid Saint of the Russian Orthodox Church: 'The Life of Peter, tsarevich of the Horde' // Canadian-American Slavic Studies. 1975. № 9 (3).
- Halperin, 1976* – Halperin Ch.J. The Russian Land and the Russian Tsar: The Emergence of Muscovite Ideology, 1380–1408 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1976. № 23.
- Halperin, 1982* – Halperin Ch.J. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // Slavic Review. 1982. Vol. 41 (3).
- Halperin, 1982a* – Halperin Ch.J. Know Thy Enemy: Medieval Russian Familiarity with the Mongols of the Golden Horde // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1982. № 30.
- Halperin, 1982b* – Halperin Ch.J. Russia and the 'Mongol Yoke': Concepts of Conquest, Liberation and the Chingissid Idea // AEMA. 1982. Vol. 2.
- Halperin, 1982c* – Halperin Ch.J. Soviet Historiography on Russia and the Mongols // Russian Review. 1982. Vol. 41 (3).
- Halperin, 1982d* – Halperin Ch.J. Tsarev ulus: Russia in the Golden Horde // Cahiers du monde russe et soviétique. 1982. # 23 (2).
- Halperin, 1983* – Halperin Ch.J. The Defeat and Death of Batu // Russian History. 1983. Vol. 10 (1).
- Halperin, 1983a* – Halperin Ch.J. Russia in the Mongol Empire in Comparative Perspective // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1983. Vol. 43 (1).
- Halperin, 1984* – Halperin Ch.J. The Ideology of Silence: Prejudice and Pragmatism on the Medieval Religious Frontier // Comparative Studies in Society and History. 1984. Vol. 26 (3) (перевод на русск. яз. см.: [Гальперин, 2001]).
- Halperin, 1984a* – Halperin Ch.J. The Six-Hundredth Anniversary of the Battle of Kulikovo Field, 1380–1980, in Soviet Historiography // Canadian-American Slavic Studies. 1984. Vol. 18 (3).
- Halperin, 1984b* – Halperin Ch.J. The Tatar Yoke and Tatar Oppression // Russia Mediaevalis. 1984. Vol. 5 (1).
- Halperin, 1985* – Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985.
- Halperin, 1985a* – Halperin Ch.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1985. Vol. 36.
- Halperin, 1986* – Halperin Ch.J. The Tatar Yoke. Columbus (Ohio), 1986.
- Halperin, 1998* – Halperin Ch.J. Russo-Tatar relations in Mongol Context. Two notes // AOH. 1998. Vol. 51.
- Halperin, 1998a* – Halperin Ch.J. The East Slavic Response to the Mongol Conquest // AEMA. 1998–1999. Vol. 10.
- Halperin, 2000* – Halperin Ch.J. Muscovite Political Institutions in the Fourteenth Century // Kritika. 2000. № 1 (2).
- Halperin, 2000a* – Halperin Ch.J. Kliuchevskii and the Tatar Yoke // Canadian-American Slavic Studies. 2000. № 34 (4).
- Halperin, 2000b* – Halperin Ch.J. The Kipchak Connection: the Ilkhans, the Mamluks, and Ayn Jalut // BSOAS. 2000. № 63 (2).
- Halperin, 2000c* – Halperin Ch.J. The Missing Golden Horde Chronicles and Historiography in the Mongol Empire // Mongolian Studies. 2000. № 23.
- Halperin, 2003* – Halperin Ch.J. Ivan IV and Chinggis Khan // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2003. № 51 (4).
- Halperin, 2004* – Halperin Ch.J. Omissions of National Memory: Russian Historiography on the Golden Horde as Politics of Inclusion and Exclusion // Ab Imperio. 2004. № 3.
- Halperin, 2005* – Halperin Ch.J. The Scourge of God: The Mongols and Violence in Russian History // Violence in Russian Literature and Culture. Tatyana Novikova, Marcus Levitt, eds. (Madison, WI, в печати).
- Halperin, 2006* – Halperin Ch.J. Russian Sources on the History of the Golden Horde and Its Successor States // Proceedings of the Second International Conference on the Golden Horde and Its Successor States.

Timur Kacaoglu and Uli Schamiloglu, eds. Istanbul, 2006 (в печати).

Hambis, 1945/1954 – Hambis L. Le chapitre CVII du Yuan che. Leiden, 1945; Hambis L. Le chapitre CVIII du Yuan che. Leiden, 1954. T. 1.

Hambis, 1970 – Hambis L. L'Histoire des Mongols avant Gengis-Khan d'après les sources chinoises et mongoles, et la documentation conservée par Rashidu-d-din // CAJ. 1970. № 1–3.

Hammer-Purgstall, 1840 – Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840.

Hammer-Purgstall, 1856 – Hammer-Purgstall J. von. Geschichte Wassaf's. 1. Vienna, 1856.

Harvey, 1991 – Harvey P.D.A. Medieval maps. L., 1991.

Heath, 2003 – Heath W.L. Pushing the Stone Uphill: The Impact of Bubonic Plague on Ottoman Urban Society in the Fifteenth and Sixteenth Centuries // Osmanlı Araştırmaları. 2003. # 23.

Heissig, 1980 – Heissig W. The Religions of Mongolia / Trans. G.Samuel. Berkeley, 1980.

Heissig, 1982 – Heissig W. Ethnische Gruppenbildung in Zentralasien im Lichte mündlicher und schriftlicher Überlieferung: Studien zur Ethnogenese. Opladen, 1982.

Henschel, 1841 – Henschel A.W. Document zur Geschichte des schwarzen Todes // Repertorium für die gesammte Medicin. Ed. Heinrich Haeser. II. Jena, 1841.

Heyd, 1959 – Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen-Age. Leipzig, 1885–1886. Amsterdam, 1959.

Histoire des Mongols de la Perse, 1836 – Histoire des Mongols de la Perse, écrite en Persan par Raschid-Eldin. Publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M.Quatremère. T. I. Paris, 1836.

Holt, 1995 – Holt P.M. Early Maluk Diplomacy (1260–1290), Treaties of Baybars Qalawu with Christian Rulers. Leiden, NY., Köln, 1995.

Hopkins, 2002 – Hopkins D.R. The Greatest Killer: Smallpox in History. Chicago, 2002.

Houtsma, 1902 – Houtsma Th. Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure d'après l'Abregé du Seldjouknameh d'Ibn Bibi. (Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoudides IV). Leyden, 1902.

Howorth, 1888 – Howorth H.H. History of the Mongols. III. London, 1888.

Hsiao, 1978 – Hsiao Chi-ching. The Military Establishment of the Yuan Dynasty. L., 1978.

Hystoria Tartarorum, 1967 – Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi / Ed. A.Önnerfors. Berlin, 1967.

IA, 1992 – İslâm Ansiklopedisi. Vol. VI. İstanbul: Millî Eğitim Basımevi, 1992.

Ibn al-Athir, 1853 – Ibn-el-Athir Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Volumen XII / Ed. C.J.Tornberg. Lugduni Batavorum, 1853.

Ibn Battūta, 1958–1971 – Ibn Battūta. Rihla, trans. H.A.R.Gibb, The Travels of Ibn Battūta, A.D. 1325–1354, I–III, Works Issued by the Hakluyt Society, 11, 110, 117, 141. Cambridge, 1958–1971.

Ibn-Battuta, 1929 – Ibn-Battuta. The Travels in Asia and Africa. L., 1929.

Il libro dei conti, 1956 – Il libro dei conti di Giacomo Badoer (Costantinopoli 1436–1440). Testo a cura di Umberto Dorini e Tommaso Bertelè. Venice: Istituto poligrafico dello Stato, 1956.

Il mappamondo di Fra Mauro, 1956 – Il mappamondo di Fra Mauro. A cura di Tullia Gasparrini Leporace, presentazione di Roberto Almagia. Venice: Istituto poligrafico dello Stato, 1956.

Inalchik, 1979–1980 – Inalchik H. The Khan and tribal aristocracy: The Crimean Khanat under Sahib Girai // Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. 2–4. Part 1.

Inan, 1953 – İnan A. XIII–XV yüzyıllarda Mirsir'da Oğuz-Türkmen ve Kıpçak Lençeleri ve Halis Türkçe. TDAY Belleten. 1953.

Irwin, 1986 – Irwin R. The Middle East in the Middle Ages (The Early Mamluk Sultanate 1250–1382). Cabondale and Edwardsville, 1986.

Işiltan, 1943 – Işiltan F. Die Seldschuken-geschichte des Aksarâyî. Leipzig, 1943.

Ivanics, 1975 – Ivanics M. Format and Linguistic peculiarities of 17th century Crimean tatar Letters addressed to princes of Transylvania // AOH. 1975. T.XXIX (2).

Ivanics, 1992 – Ivanics M. Die Beglaubigungsmittel der Krimtatarischen urkunden // Proceedings of the 35th PIAC. September 12–17. 1992. Taipei, China.

Ivanics, Usmanov, 2002 – Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Çingiz-namä). I. (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). Szeged, 2002.

Іналджик, 1996 – Іналджик Галіл. Знахідка кадійських сіджілів (судових книг) Кримського ханату // Марра Мунді. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів – Київ – Нью-Йорк, 1996.

Jireček, 1876 – Jireček C.J. Geschichte der Bulgaren. Prague, 1876.

Johannes Dlugosii Annales, 1975 – Johannes Dlugosii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Varsoviae, 1975.

Jones, 1978 – Jones D. The Elements of Decoration: Surface, Pattern and Light // Architecture of the Islamic World. Its History and Social Meaning. L., 1978.

Juvaini, 1912 – Ala al-Din Ata Malik Juvaini. Ta'rikh-i jahangusha. Pt. 1. Leiden, L., 1912.

Juvaini, 1936 – Ala al-Din Ata Malik Juvaini. Ta'rikh-i jahangusha. Pt. 3. Leiden, L., 1936.

Juvaini, 1958 – Juvaini. The History of the World-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini / Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A.Boyle. Manchester, 1958.

Kafali, 1976 – Kafali M. Altin orda hanlığinin kurulus ve yükseliş devirleri. Istanbul, 1976.

Kamal, 1926–1951 – Kamal J. Monumenta Cartographica Africae et Aegypti. Le Caire, 1926–1951. 5 vols. in 16 books.

Kelly, 2005 – Kelly J. The Great Mortality: An Intimate History of the Black Death. The Most Devastating Plague of All Time. NY., 2005.

Kern, 1938 – Kern A. Der «Libellus de Notitia Orbis» Johannes III (De Galonifontibus). O.P. Erzbischof von Sulthanyeh // Archivum Fratrum Praedicatorum. 1938. VIII.

Khalikov, Sharifullin, 1977 – Khalikov A.Kh., Sharifullin R.F. On the development of architecture in pre-mongolian Volga-Bulgaria // AAH. 1977. Vol. 29.

Khaund-Emir, 1836 – Habib ou's sier de Khaund-emir // Memoires de l'Academie imperiale des sciences de Saint-Peterbourg. Sixieme serie, sciences politiques, Histoire et philologie. T. III. SPb., 1836.

Kısaşü'l-Enbiyâ, 1997 – Kısaşü'l-Enbiyâ (Peygamber Kıssalı), ed. Aysu Ata, i: Giriş-Metin-Tıpkıbasım, ii: Dizin, Türk Dil Kurumu Yayınları 681. Ankara, 1997.

Kivametdin, 1934 – Kivametdin Burslan. Nehcül-Faradis'ten Derlenen Türkçe sözler // Türkijat Mecmuası. Istanbul, 1934.

Klaproth, 1812–14 – Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Berlin, Halle, 1812–1814.

Kneepkens, 1979 – Kneepkens C.H. Randbemerkungen zum Text der Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi // Mittellateinisches Jahrbuch. 1979. # 14.

Köprülü, 1926 – Köprülü Fuad. Türk Edebiyatı Tarihi. Istanbul, 1926.

Korta, 1985 – Korta W. Najazd Mongolów w 1241 r. i jego legnicki epilog. Acta Universitatis Wratislaviensis 8000. (Historia L). Warszawa, Wrocław, 1985.

Kotwicz, 1934 – Kotwicz W. Formules initiales des documents mongoles aux XIIIe et XIVe siecles // Rocznik Orientalistyczny. 1934. № 10.

Kramarovsky, 1989 – Kramarovsky M.G. The Culture of the Golden Horde and the Problem of the «Mongol legacy» // Rulers from the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery. Vol.2. Los Angeles, 1989.

Kramarovsky, 1993 – Kramarovsky M.G. The Golden Horde and Levant in the epoch of Fr. Petrarca: trade, culture, handicrafts // Rivista di Bizantinistica. № 3. Bologna: Edizioni CUSL, 1993.

Kramarovsky, 1998 – Kramarovsky M. The import and manufacture of glass in the territories of the Golden Horde // Gilded and Enamelled Glass from the Middle East. L., 1998.

Kristo, 1996 – Kristo G. Hungarian history in the ninth century. Szeged, 1996.

Kurat, 1920 – Kurat A.N. Bulgar // Islam Ansiklopedisi. Istanbul, 1920.

Kurat, 1937 – Kurat A.N. Kazan hanlığını kuran Ulug Muhammet Hanın yarlığı. Konstantinopole, 1937.

Kurat, 1940 – Kurat A.N. Topkapı Sarayı Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. Istanbul, 1940.

Kurat, 1992 – Kurat A.N. IV–XVIII yüzyıllarda karadeniz küzeyindeki Türk kavimleri ve devletleri. Ankara: Murat Kitabevi Yayınları, 1992.

Kuun, 1880 – Kuun G. Codex Cumanicus bibliothecae ad teplum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880.

Labuda, 1959 – Labuda G. Wojna z Tatarami w roku 1241 // Przegląd Historyczny (Warszawa). 1959. № 2.

Lane, 1973 – Lane F.C. Venice. A Maritime Republic. Baltimore, 1973.

Lane, 2003 – Lane G. Early Mongol Rule in thirteenth Century Iran. A Persian Renaissance. L., 2003.

Langer, 1975 – Langer L.N. The Black Death in Russia: its effects upon urban labor // Russian History. 1975. № 2.

Lapidus, 1967 – Lapidus I.M. Muslim Cities in the Later Middle Ages. Cambridge (Mass.), 1967.

Laurent, 1960 – Laurent V. L'assaut avorté de la Horde d'Or contre l'empire byzantin // Revue des Etudes Byzantines. 1960. # 18.

Lech, 1968 – Das Mongolische Weltreich. Al-Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masalik al-absar fi mamalik al-amsar. (Asiatische Forschungen 22) / Lech K. (Hg.). Wiesbaden, 1968.

Le stoffe di Cangrande, 1983 – Le stoffe di Cangrande. Ritrovamenti e ricerche sul 300 veronese. Firenze: Alinari, 1983.

Ligeti, 1964 – Ligeti L. A magyar nép mongol kori nevei (magyar, baskír, király). Magyar Nyelv. 1964. # 60.

Ligeti, 1981 – Ligeti L. Prolegomena to the Codex Cumanicus // AOH. 1981. Vol. 35.

Limper, 1980 – Limper B. Die Mongolen und die christlichen Völker des Kaukasus. Eine Untersuchung zur politischen Geschichte Kaukasien im 13 und beginnenden 14 Jahrhundert. Köln, 1980.

Lindner, 1982 – Lindner R.P. What was a Nomadic Tribe? // Society for Comparative Study of Society and History. 1982. №24.

Lupprian, 1981 – Lupprian K.E. Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13. Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels. Studi e Testi 291. Città del Vaticano, 1981.

Mal'jwist, 1939 – Mal'jwist M. Kaffa w drugej polowine XV-ego wieku. Warszawa, 1939.

Manz, 1987 – Manz B.F. The clans of Crimean Khanat. 1466–1532 // Harvard Ukrainian Studies. 1987. Vol. 2–3.

Maqrizi, 1958 – Maqrizi. As-suluk li-ma'rifal duwal al-muluk. II/3 / Ed. M.M.Ziada. Cairo, 1958.

Marczali, 1902 – Marczali H. Enchiridion fontium historiae Hungarorum. A Magyar történet kütüföinek kékikönyve. Budapest, 1902.

Marquart, 1914 – Marquart J. Über das Volkstum der Comanen. Ost türkische dialektstudien, Abh. Der Konigl., Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen. 1914. Bd. XIII. № 1.

Martin, 1978 – Martin J. The Land of Darkness and the Golden Horde: The Fur Trade under the Mongols, XIII–XIV Centuries // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1978. # 19.

Marx, 1899 – Marx K. Secret diplomatic history of eighteenth century. L., 1899.

Matthew Paris's, 1852–1854 – Matthew Paris's English History from the Year 1235 to 1273. Trans. J.A.Giles. L., 1852–1854.

Matth. Paris., 1872–1883 – Mattheus Parisiensis. Chronica Majora. Rolls Series. Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores. Vol. I–VII. L., 1872–1883.

Mazzaoui, 1981 – Mazzaoui M. The Italian Cotton Industry in the Later Middle Ages, 1100–1600. Cambridge, 1981.

McChesney, 1991 – McChesney R.D. Waqf in Central Asia: Four Hundred Years // The History of a Muslim Shrine. 1480–1889. Princeton, 1991.

McNeill, 1976 – McNeill W. Plague and Peoples. Garden City, NY., 1976.

- Meinecke, 1976* – Meinecke M. Fayencedecorationen seldschukischer Sakralbauten in Kleinasien. (Istanbul Mitteilungen. Beiheft 13). Teil I: Text und Tafeln. Teil II: Katalog. Tübingen, 1976.
- Mellinger, 1987–1991* – Mellinger G. The Silver Coins of the Golden Horde: 1310–1358 // AEMA. 1987–1991. Vol.7.
- Meyendorff, 1989* – Meyendorff J. Byzantium and the Rise of Russia. Crestwood, 1989 (Cambridge, 1981).
- MGH, 1861* – Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XVII. Hannoverae, 1861.
- MGH, 1874* – Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XXIII. Hannoverae, 1874.
- MGH, 1883* – Monumenta Germaniae Historica. Epistolae saeculi XIII e regestis pontificum Romanorum selectae. T. I. Berolini, 1883.
- Mill, 1919* – Mill J.S. Consideration on representative government. NY., 1919.
- Mir-khaund, 1836* – Mir-khaund. Extrait du Raouzetous-Szefa // Memoires de l'Academie imperiale des sciences de Saint-Peterburg. Sixieme serie, sciences politiques, Histoire et philologie. T.III. SPb., 1836.
- Mission to Asia, 1955/1980* – The Mongol Mission: narratives and letters of the Franciscan missionaries in Mongolia and China in the XIII and XIV centuries, translated by a nun of Stanbrook Abbey / Ed. C.Dawson. NY., 1955; Mission to Asia: narratives and letters of the Franciscan missionaries in Mongolia and China in the XIII and XIV centuries, translated by a nun of Stanbrook Abbey / Ed. C.Dawson. L., 1980.
- Moravcsik, 1958* – Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. I–II. Zweite Auflage. Berlin, 1958.
- Morgan, 1982* – Morgan D.O. Persian Historians and the Mongols // Medieval Historical Writing in the Christian and Islamic Worlds / Ed. by D.O.Morgan. L., 1982.
- Morgan, 1982a* – Morgan D.O. Who ran the Mongol Empire? // JRAS. 1982.
- Morgan, 1986* – Morgan D.O. The Mongols. Oxf., New York, 1986.
- Morgan, 1990* – Morgan D.O. The Mongols. Oxf., 1990.
- Mori Masao, 1965* – Mori Masao. On chi-li-fa (Eltabar- Eltabir) and chi-chin (irkin) of the T ieh-le Tribes. Asiatica, 1965. Vol. 9.
- Mouhammed d'Andrinople, 1836* – Mouhammed d'Andrinople // Memoires de l'Academie imperiale des sciences de Saint-Peterbourg. Sixieme serie, sciences politiques, Histoire et philologie. T.III. SPb., 1836.
- Moule, Pellio, 1938* – Moule A.C., Pellio P. Marco Polo: The Description of the World. Vol.1–2. London, 1938.
- Muhamedyarov, Vásáry, 1987* – Muhamedyarov Sh., Vásáry I. Two Kazan Tatar Edicts (Ibrahim's and Sahib Girey's Yarliks) // Between the Danube and the Caucasus. A Collection of Papers Concerning Oriental Sources on the History of the Peoples of Central and South-Eastern Europe / Ed. Gy. Kara. Oriental Sources on the History of the Peoples of South-Eastern and Central Europe. 4. Budapest, 1987.
- Muhammed an-Nasawī, 1891* – Muhammed an-Nasawī: Histoire du sultan Dje' al-ed-Din Mankobirti, prince du Kharezm / Ed. O.Houdas. Paris, 1891.
- Muir, 1968* – Muir W. The Mameluke or Slave Dynasty of Egypt A.D. 1260–1517. Amsterdam, 1968.
- Mularczyk, 1989* – Mularczyk J. Mongolowie pod Legnica w 1241 r. // Kwartalnik Historyczny. 1989. № 96.
- Miünküev, 1977* – Miünküev N.Ts. A New Mongolian P'ai-tzu from Simferopol // AOH. 1977. XXXI. (2).
- Nagy, 2003* – *Tatárjárás*. Szerk. Nagy Balázs. Osiris. Budapest, 2003.
- Near Eastern Numismatics, 1974* – Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History. Studies in Honor of George C.Miles / Ed. by D.K.Kouymjian. Beirut, 1974.
- Nedashkovsky, 2004* – Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR International Series. № 1222. Oxford: Archaeopress, 2004.
- Nehcü'l-ferādīs, 1995* – Nehcü'l-ferādīs. Uştamhların açuq yolu (Cennetlerin açık yolu), ed. J.Eckmann et alia, i: Metin, ii: Tıpkbasım. Türk Dil Kurumu Yayınları 518. Ankara, 1995.
- Nelson, 1986* – Nelson J. Politics and Ritual in Early Medieval Europe. L., 1986.
- Nemeth, 1971* – Nemeth J. The runiform inscriptions from Nagy-Szent-Miklos and the runiform scripts of Eastern Europe // Acta Linguistica (Budapest). 1971. Vol. 21 (1–2).
- Nicol, 1988* – Nicol D.M. Byzantium and Venice. A Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge, 1988.
- Nizāmī/Massé, 1970* – Nizāmī. Trans. Henri Massé, Le roman de Chosroès et Chîrîn. Paris, 1970.
- Norris, 1977* – Norris J. East or West? The geographic origin of the Black Death // Bulletin of the History of Medicine. 1977. № 51.
- Novgoroder Chronik, 1971* – Die Erste Novgoroder Chronik nach ihrer ältesten Redaktion (Synodalhandschrift) 1016–1333/1352. Edition des altrussischen Textes und Faksimile der Handschrift im Nachdruck / Hg. Von Joachim Dietze. Leipzig, 1971.
- Nystazopoulou Pélékidis, 1973* – Nystazopoulou Pélékidis M. Venise et la Mer Noire du XIe au XVe siècle // Venezia e il Levante fino al secolo XV, I/2. Florence, 1973.
- Oberlander-Tarnoveanu, 1973* – Oberlander-Tarnoveanu E. Numismatical Contributions to the History of the South-Eastern Europa at the end of 13th century // Revue roumaine d'histoire. 1973. № 3.
- Oberlander-Tarnoveanu, 1981* – Oberlander-Tarnoveanu E. and I. Contributii la studiul emisiunilor monetare si al formatiunilor politice din zjna Gurilor Dunarii in secolele XIII–XIV // Studii si cercetari de istorie veche si arheologie. Nr.I. Bucures, 1981.
- Oberländer-Tárnoveanu, 1987* – Oberländer-Tárnoveanu E. Numismatical contributions to the history of South-Eastern Europe at the end of the 13th century // Revue roumaine d'histoire. 1987. № 26.
- Oberländer-Tárnoveanu, 1993* – Oberländer-Tárnoveanu E. Un atelier monétaire inconnu de la Horde d'Or sur le Danube: Saqy-Isaccea (XIIIe–XIVe siècles) // Actes du XIe Congrès International du Numismatique. Louvain-la-Neuve, 1993.
- Oberländer-Tárnoveanu, 1993a* – Oberländer-Tárnoveanu E. si Oberlander-Tarnoveanu I. Noi desoperiri de monede emise in zona gurilor Dunarii in

secoles XIII–XIV // Actes de XIe Congress International de Numismatique. Vol. III. Paris, 1993.

Ögel, 1964 – Ögel B. Sino-Türccica. Taipei, 1964.

Ogel, 1987 – Ogel S. Anadolu Selcuklulari'nin Tas Tezyinati. Ankara, 1987.

Olbricht, Pinks, 1980 – Men-Ta pei-lu und Hei-Ta shih-lieh: Chinesische Gesandtenberichte über die frühen Mongolen, 1221 und 1237. Olbricht P., Pinks E. (Hg.). (Asiatische Forschungen 56). Wiesbaden, 1980.

Oney, 1988 – Oney G. Architectural Decoration and Minor Arts in Seljuk Anatolia. Ankara, 1988.

Ostrogorsky, 1940 – Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1940.

Ostrowski, 1990 – Ostrowski D. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions // Slavic Review. 1990. 49. (4).

Ostrowski, 1989 – Ostrowski D. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions // Slavic Review. 1989. Vol. 49 (3).

Ostrowski, 1998 – Ostrowski D. Muscovy and Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier. 1304–1589. Cambridge, 1998.

Özyetgin, 1996 – Melek Özyetgin A. Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına Ait Yarıık ve Bitiklerin Dil ve Uslup İncelemesi. Ankara, 1996.

Pastoureau, 1992 – Pastoureau M. Voies Océanes. Cartes marines et grandes découvertes. Paris: Bibliothèque Nationale, 1992.

Paulsen, 1956 – Paulsen P. Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa. Bonn, 1956.

Pauthier, 1865 – Pauthier M.G. Le Livre de Marco Polo, Citoyen de Venise... Rédigé en Français sous sa Dictée en 1298 par Rustician de Pise. Pt. 1–2. Paris, 1865.

Pegolotti, 1936 – Pegolotti F.B. La pratica della Mercatura ed by Allan Evans. Cambridge (Mass.), 1936.

Pelenski, 1974 – Pelenski E. Russia and Kazan: conquest and imperial ideology (1438–1560). Paris–La Hague–Mouton, 1974.

Pelenski, 1982 – Pelenski J. The Contest Between Lithuania-Rus' and the Golden Horde in the Fourteenth Century for Supremacy over Eastern Europe // AEMA. 1982. Vol.2.

Pelliot, 1909 – Pelliot P. Sur notes de chinois bibliographie // BEFEO. 1909. T. 9.

Pelliot, 1914 – Pelliot P. Sur quelques travaux chinois concernant l'époque Mongol. Toung Pao, 1914.

Pelliot, 1920 – Pelliot P. A propos des Comans // Journal Asiatique. Ser.11. Paris, 1920. T. 15.

Pelliot, 1922–1932 – Pelliot P. Les Mongols et la Papauté. Documents nouveaux édités, traduits et commentés par M. Paul Pelliot, avec la collaboration de M.M.Borghезio, Massé et Tisserant // Revue de l'Orient Chrétien. 3-e série. 1922–1923. Vol. 23; 1924. Vol. 24; 1931–1932. Vol. 28; 1932. Vol. 29.

Pelliot, 1949 – Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Oeuvres posthumes. Vol. II. Paris, 1949.

Pelliot, 1959 – Pelliot P. Notes on Marco Polo. Vol. I. Paris, 1959.

Pelliot, 1973 – Pelliot P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient, opera postuma publicata a cura di J.Dauvillier et L.Hambis. Paris, 1973.

Pelliot, Hambis, 1951 – Pelliot P., Hambis L. Histoire des campagnes de Chengis Khan. Chen-wu-tsin-tcheng-lou. Leiden, 1951. T. 1.

Peyer, 1950 – Peyer H.C. Zur Getreidepolitik oberitalienischer Städte im 13. Jahrhundert. Vienna, 1950.

Pietraszewski, 1843 – Pietraszewski I. Numi Mohammedian. Fasciculus I / Berolini. Apud Alexandrum duncker, 1843.

Pritsak, 1979 – Pritsak O. The Role of the Bosphorus Kingdom and Late Hellenism as the Basis for the Medieval Cultures of the Territories North of the Black Sea // The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds: The East European Pattern / Ed. A.Ascher et al. Brooklyn, 1979.

Pritsak, 1981 – Pritsak O. Studies in medieval Eurasian history. L., 1981.

Qutb/Hacieminoğlu, 1968 – Qutb'un Husrev ü Şirin'i ve dil hususiyetleri, ed. by M.N.Hacieminoğlu. Istanbul, 1968.

Rabğuzi, 1995 – Rabğuzi. The Stories of the Prophets. Qisas al-anbiya'. An Eastern Turkish Version, ed.-transl. H.E.Boeschoten et alia. Leiden, 1995.

Rachewiltz, 1965 – Rachewiltz de J. Some remarks on the dating of the Secret History of the Mongols // Monumenta Serica. 1965. V. 24.

Rachewiltz, 1974 – Rachewiltz I. de. The papa envoys to the Great Mongol Khans. Stanford, 1974.

Rachewiltz, 1980 – Rachewiltz I. de. The Secret History of the Mongols // Papers on Far Eastern History. 1980. Vol. 21.

Radloff, 1887 – Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des «Codex Cumanicus». SPb., 1887.

Radloff, 1928 – Radloff W. Uigurische Sprachdenkmaler. L., 1928.

Rahmeti, 1939 – Rahmeti R.A. Fatih Sultan Mehmedin yarlığı // TM. 1936–1939. C.VI.

Rásonyi, 1935 – Rásonyi L. Contributions à l'histoire des premières cristallisations d'état des Roumains. L'origine des Basaraba // Archivum Europae Centro-Orientalis (Budapest). 1 (1935).

Rásonyi, 1969 – Rásonyi L. Kuman özel adları // Türk Kültürü Araştırmaları. 1966–1969. #3–6.

Ratchnevsky, 1983 – Ratchnevsky P. Çinggis-Khan: Sein Leben und Wirken. Wiesbaden, 1983.

Ratchnevsky, 1991 – Ratchnevsky P. Genghis Khan: His Life and Legacy. Oxf., 1991.

Raverty, 1881 – Tabaqat-i Nasiri. General History of the Mohammadan Dynasties of Asia / Translated from Original Persian Manuscripts by Major H.G.Raverty. L., 1881.

Regesta Pontificum Romanorum, 1874–1875 – Regesta Pontificum Romanorum / Ed. A.Potthast. Berlin. 1874–1875. T. I–II. № 11096 (21 июля 1243 г.).

Richard, 1967 – Richard J. La Conversion de Berke et les débuts de l'islamisation de la Horde d'Or // Revue des études islamiques. 1967. # 35.

Richard, 1977 – Richard J. La Papauté et les missions d'orient au Moyen-Age (XIIe–XVe siècles). Rome, 1977.

Risch, 1930 – Johann de Plano Carpini. Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245–1247 / Ed. F.Risch. Leipzig, 1930.

- Roberg, 1973* – Roberg B. Die Tartaren auf dem 2. Konzil von Lyon 1274 // *Annuaire historique international. Internationale Zeitschrift für Konzilengeschichtsforschung*. Paderborn, 1973.
- Róna-Tas, 1978* – Róna-Tas A. Bevezetes a czuvas uyely ismeretebe. Budapest, 1978.
- Róna-Tas, Fodor, 1973* – Róna-Tas A., Fodor I. *Epigraphica bulgarica* // *Studia Uralo-Altica* (Szeged). 1973. Vol. 1.
- Rorlich, 1989* – Rorlich A.-A. The Volga Tatars: Modern Identities of the Golden Horde // *Rulers from the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery*. Vol. 2. Los Angeles, 1989.
- Rorlich, 2000* – Rorlich A.-A. The Volga Tatars: a Profile in National Resilience. (1st ed. Stanford, 1986). Moscow, 2000.
- Rosental, 1968* – Rosental F. A History of Muslim Historiography. Leiden, 1968.
- Rossabi, 1988* – Rossabi M. Khubilai Khan: His Life and Times. Berkeley, Los Angeles, L., 1988.
- Roublev, 1970* – Roublev M. The Mongol Tribute According to the Wills and Agreements of the Russian Princes // *The Structure of Russian History. Interpretive Essays* / Ed. M.Cherniavsky. NY., 1970.
- Ruotsala, 2001* – Ruotsala A. Europeans and Mongols in the middle of the thirteenth century // *Encountering the other* / Ed. A.Ruotsala. Helsinki, 2001.
- Russell, 1968* – Russell J.C. That earlier plague // *Demography*. 1968. 5/1.
- Rypka, 1968* – Rypka J. et alia. History of Iranian Literature. Dordrecht, 1968.
- Rypka, 1968a* – Rypka J. *Historiography* // *The Cambridge History of Iran* / Ed. by J.A.Boyle. Cambridge, 1968. Vol. 5.
- Sagaster, 1973* – Sagaster K. Herrschaftsideologie und Friedensgedanke bei den Mongolen // *CAJ*. 1973. Vol. 17.
- Sarre, 1937* – Sarre F. Der Kiosk von Konia. Berlin, 1937.
- Saunders, 1971* – Saunders J.J. The History of the Mongol Conquests. L., Boston, 1971.
- Saunders, 1971* – Saunders J.J. Rashid al-Din, the first Universal Historian. A Persian servant of the Mongol khans wrote the first really global History // *History today*. 1971. Vol. XXI.
- Saunders, 1977* – Saunders J.J. Muslims and Mongols. New Zealand, 1977.
- Säyf-i Sarayi, 1969* – Säyf-i Sarayi. Ed.-trans. A.Bodrogligeti. A Fourteenth Century Turkic Translation of Sa'dī's Gulistān (Säyf-i Sarāyī's Gulistān bi't-turkī). Budapest, 1969.
- Schamiloglu* – Schamiloglu U. The Golden Horde: Economy, Society, and Civilization in Western Eurasia, Thirteenth–Fourteenth Centuries (Madison, в печати).
- Schamiloglu, 1984* – Schamiloglu U. The *Qaraçı* Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // *AEMA*. Vol. 4. 1984.
- Schamiloglu, 1986* – Schamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Columbia University, 1986 (Ph. D. Dissertation).
- Schamiloglu, 1990* – Schamiloglu U. The Formation of a Tatar Historical Consciousness: Şihabädin Märcani and the Image of the Golden Horde // *Central Asian Survey*. Vol. 9. № 2. 1990.
- Schamiloglu, 1991* – Schamiloglu U. The End of Volga Bulgarian // *Varia Eurasistica*. Festschrift für Professor András Róna-Tas. Szeged, 1991.
- Schamiloglu, 1992* – Schamiloglu U. The *Umdet ül-ahbar* and the Turkic Narrative Sources for the Golden Horde and the Later Golden Horde // *Central Asian Monuments*. Ed. H.B.Paksoy. Istanbul, 1992.
- Schamiloglu, 1993* – Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // *Central Asian Survey*. Vol. 12. № 4. 1993.
- Schamiloglu, 1998* – Schamiloglu U. The Golden Horde: Economy, Society, and Civilization in Western Eurasia, Thirteenth–Fourteenth Centuries. Рукопись редакции 1998 г.
- Schamiloglu, 2002* – Schamiloglu U. The Islamic High Culture of the Golden Horde // *The Golden Cycle*. Proceedings of the John D. Soper Commemorative Conference on the Cultural Heritage of Central Asia. UCLA Conference Center at Lake Arrowhead, October 1–4, 1998. Ed. Andras J.E. Bodrogligeti. Central Asia Information Project, Sahibqiran, 2002.
- Schamiloglu, 2004* – Schamiloglu U. The Rise of the Ottoman Empire: The Black Death in Medieval Anatolia and its Impact on Turkish Civilization // *Views From the Edge: Essays in Honor of Richard W.Bulliet*. Ed. N.Yavari, L.G.Potter, J.-M.Oppenheim. NY., 2004.
- Schopeni, 1828–1832* – Ioannis Cantacuzeni imperatoris historiarum libri IV. Cura L. Schopeni. I–III. Bonnae, 1828–1832.
- Schopeni, 1829/1830* – Nicephori Gregorae Byzantina historia Graece et Latine. Cura L. Schopeni. I: Bonnae, 1829; II: Bonnae, 1830.
- Schütz, 1973* – Schütz E. Tatarenstürme in Gebirgsgebiete. (Transkaukasien, 1220, 1236) // *CAJ*. 1973. Vol.17.
- Sea charts of the early explorers, 1984* – Sea charts of the early explorers: 13th to 17th century. New York: Thames and Hudson, 1984.
- Serruys, 1962* – Serruys H. Mongol *Altan* 'Gold' = 'Imperial' // *Monumenta Serica*. 1962. T. XXI.
- Shiraishi, 2001* – Shiraishi Noriyuki. Archaeological Studies on Chinggis Khan. Tokyo: The Dohsei Publishing Co., 2001.
- Shnirelman, 1996* – Shnirelman V.A. Who gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian intellectuals in Russia. Washington, 1996.
- Shrewsbury, 1970* – Shrewsbury F.D. A History of the Bubonic Plague in the British Isles. Cambridge, 1970.
- Sinica Franciscana, 1929* – Sinica Franciscana. Vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit etadnotavit P.Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M. Quaracchi-Firenze, 1929.
- Sinor, 1952* – Sinor D. Un voyageur du treizième siècle: le Dominicain Julien de Hongrie // *BSOAS*. 1952. Vol. 14/3.
- Sinor, 1956* – Sinor D. Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Béla IV // *Cahiers d'Historie Mondiale*. 1956. T. III (1).

- Sinor, 1970* – Sinor D. Mongol and Turkic Words in the Latin Versions of John of Plano Carpini's Journey to the Mongols (1245–1247) // *Mongolian Studies* edited by Louis Ligeti. Budapest, 1970.
- Sinor, 1972* – Sinor D. Horse and Pasture in Inner Asian History // *Oriens Extremus*. 1972. T. XIX.
- Sinor, 1978* – Sinor D. Le Mongol vu par l'Occident, dans 1274 // *Année charnière Mutations et continuité*. Paris, 1978.
- Skrzinska, 1928* – Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Theodosie, Soudak, Balaklava) // *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. Vol. 56. № 32. Genova, 1928.
- Skržinskaja, 1968* – Skrzinskaja E. «Storia della Tana» // *Studi Veneziani*. 10. 1968.
- Soranzo, 1930* – Soranzo G. Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari. Un secolo di penetrazione occidentale in Asia. Milano, 1930.
- Spinei, 1986* – Spinei V. Moldavia in the 11th–14th centuries. București, 1986.
- Spinei, 2003* – Spinei V. Les répercussions de la grande invasion mongole de 1241–1242 sur l'espace carpato-danubien reflétées surtout dans les oeuvres des chroniqueurs italiens // *Südost-Forschungen*. 61–62. 2002–2003.
- Spuler, 1922* – Spuler B. The evolution of Persian Historiography // *Historians of the Middle East* / Ed. by B.Lewis. L., 1922.
- Spuler, 1943/1965* – Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223–1502. Leipzig, 1943; 2-е изд. Wiesbaden, 1965.
- Spuler, 1972* – Spuler B. History of the Mongols. Based on Eastern and Western Accounts of the 13 and 14th Centuries. Berkeley, Los Angeles, 1972.
- SRH, 1937/1938* – *Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit E.Szentpétery*. Budapestini, 1937. T. I; 1938. T.II.
- Steinhardt, 1983* – Steinhardt N.Sh. The Plan of Khubilai Khan's Imperial City. *Artibus Asiae* 44, 2/3. 1983.
- Strakosch-Grassmann, 1893* – Strakosch-Grassmann G. Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Innsbruck, 1893.
- Subtelny, 1991* – Subtelny M.E. A Timurid Educational and Charitable Foundation // *Journal of the American Oriental Society*. 1991. Vol. III.
- Tabakat-i Nasiri, 1881* – Tabakat-i Nasiri: A general History of the Muhammadan dynasties of Asia, including Hindustan, from A.H.194 (810), to A.H.618 (1260) and irruption of the infidel Mughals into Islam by the Maulana Minhaj-ud-Din, Abu-'Umar-i-'Usman. Trans. by Major H.G.Raverty. Vol. I. London, 1881.
- Tamura Jitsuzo, 1973* – Tamura Jitsuzo. The Legend of the Origin of the Mongols and Problem concerning the Migration // *Acta Asiatica*. 1973. # 24.
- Tardy, 1978* – Tardy L. The Caucasian Peoples and their neighbours in 1404 // *AOH*. 1978. T. 32 (1).
- Ta'rih-i-mubarak-i-Gazani, 1941* – Ta'rih-i-mubarak-i-Gazani des Rashid al-Din Fadl Allah Abi-l-Hair. Geschichte der Ilhane Abaga bis Gaihatu (1265–1295). Kritische Ausgabe mit Einleitung, Inhaltsangabe und Indices von K.Jahn. Prague, 1941.
- Taube, 1989* – Manfred Taube (Hg.). Geheime Geschichte der Mongolen. Herkunft, Leben und Aufstieg Činggis Qans. München, 1989.
- Thacker, 1967* – Thacker T.W. A Nestorian gravestone from Central Asia in the Gulbenkian Museum, Durham University // *The Durham University Journal*. 1967. № 54.
- The book of Ser Marco Polo, 1903* – The book of Ser Marco Polo the Venetian concerning the kingdoms and marvels of the East. Translated and edited, with notes, by H.Yule. London: John Murray, 1903. V.II.
- The Cambridge History of Iran, 1968* – The Cambridge History of Iran / Ed. by J.A.Boyle. 1968. Vol. 5.
- The history of cartography, 1987* – The history of cartography. Vol. 1. Cartography in prehistoric, ancient, and medieval Europe and the Mediterranean / Ed. by J.B.Harley and D.Woodward. Chicago, L., 1987.
- The journey of William of Rubruck, 1900* – The journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the World 1253–55, as narrated by himself with two accounts of the earlier journey of John of Plan de Carpine / Translated from the Latin and edited with an Introductory Notice, by W.W.Rockhill. L.: Hakluyt Society, 1900.
- The Nikonian Chronicle, 1984–1989* – The Nikonian Chronicle / Trans. S.A.Zenkovsky and B.J.Zenkovsky. I–V. Princeton, 1984–1989.
- The Secret History, 1982* – The Secret History of the Mongols. By Fr.Wodm. Cambridge-Mass., 1982.
- The Shajarat ul-Atrak, 1838* – The Shajarat ul-Atrak or Genealogical Tree of the Turks and Tatars / Translated and abridged by col. Miles. L., 1838.
- The Ta'rih-i-guzida, 1910* – The Ta'rih-i-guzida or «Select History» of Hamdu'llah Mustawf-i-Qazvini. Composed in A.H. 730 (A.D. 1330) and now reproduced in fac-simile from a manuscript dated A.H. 857 (A.D. 1453) / Introduction by E.G.Brown. Vol. 1. Leiden, 1910.
- The Tarikh-i Jahan-gusha by Juvaini, 1912* – The Tarikh-i Jahan-gusha by Juvaini. Leiden–L., 1912.
- The travels of Ibn Battuta, 1971* – The travels of Ibn Battuta A.D. 1325–1354. Translated with revisions and notes from the Arabic text edited by C.Defrémery and B.R.Sanguinetti by H.A.R.Gibb. Cambridge: University Press, 1971. Vol. III.
- The Vinland Map, 1965* – The Vinland Map and the Tartar Relation. By R.A.Skelton, Th.E.Marston, G.D.Painter, for the Yale University Library. New Haven, L., 1965.
- Thieret, 1958–1961* – Thieret F. Regestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie, I–III. Paris, Mouton, 1958–1961.
- Thieret, 1959* – Thieret F. La Romanie vénitienne au Moyen Age. Le Développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien, XIIe–XVe siècles. Paris, 1959.
- Thomas arch., 1894* – Thomas archidiaconus Spalatensis: Histori Salontanorum pontificum atque Spalatensium a S. Domnio usque ad Rogerium (1266) / Hg. V.Fr. Rački. Zagreb, 1894.
- Thomsen, 1924* – Thomsen W. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung // *ZDMG*. NF. 3. 1924.

Togan, 1962 – Togan Z.V. The Composition of the History of the Mongols by Rashid ad-Din // CAJ. 1962. Vol. VII (1).

Togan, 1963 – Togan Z.V. Zentralasiatische türkische Literatur. II: Die islamische Zeit. Turkologie, Handbuch der Orientalistik. Ed. B.Spuler, 1, v.1. Leiden, Köln, 1963.

Toynbe, 1963 – Toynbe J. A Study of History. The inspirations of historians. Vol. 10. NY., 1963.

Treasure of the Land of Darkness, 1986 – Treasure of the Land of Darkness. The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia. Cambridge, 1986.

Twitchett, 1979 – Twitchett D. Population and Pestilence in T'ang China // Studia Sino-Mongolica. Festschrift für Herbert Franke. Ed. Wolfgang Bauer, Münchener ostasiatische Studien. 25. Wiesbaden, 1979.

van Dieten – Nikephoros Gregoras: Rhomäische Geschichte. Historia Rhomaike. Übersetzt und erläutert von J.L. van Dieten. Erster Teil (Kapitel I–VII). Stuttgart, 1973. VIII; Zweiter Teil (Kapitel VIII–XI), 2. Halbband. Stuttgart, 1979; Dritter Teil (Kapitel XII–XVII). Stuttgart, 1988. X.

Vásáry, 1977 – Vásáry I. A Volga-viduki magyar törtédeké a mongol kor után // Magyar őxstörténeti tanulmányok. Budapest, 1977.

Vasary, 1982 – Vasary I. A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qırq-yer from 1478/79 // CAJ. 1982. Vol. 26.

Vasary, 1983 – Vasary I. The institution of foster-brothers (emildas and kokaldas) in the Chingisid states // Acta Orientalia. Budapest. T. XXXVI. Fasc. 1–3. 1983.

Vásáry, 1986 – Vásáry I. Az Arany Horda. Budapest, 1986.

Vásáry, 1990 – Vásáry I. History and Legend in Berke Khan's Conversion to Islam // Aspects of Altaic Civilization III. Indiana University. Bloomington, 1990.

Vasary, 1993 – Vasary I. The Role of the Turkic Peoples in the Ethnic History of Eastern Europe // Ethnicity and Nationalism. Marburg, 1993.

Vasary, 1995 – Vasary I. Mongolian Impact on the Terminology of the Documents of the Golden Horde // AOH. 1995. T. XLVIII (3).

Vasiliev, 1936 – Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936.

Velidi, 1926 – Velidi Z. Harezmda yazilmis Eski Turke Eserler // Turkiyat Mecmuası II, 1926 / Z.Velidi. Istanbul, 1928.

Verlinden, 1950 – Verlinden Ch. La colonie vénitienne de Tana centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle // Studi in onore di G.Luzatto. Milan, 1950. II.

Verlinden, 1977 – Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe médiévale. i–ii. Brugge, 1955–1977.

Vernadsky, 1953 – Vernadsky G. The Mongols and Russia. A History of Russia. iii. New Haven, 1953.

Waley, 1992 – Waley M.I. A Kubrawī Manual of Sufism: The Fuṣūṣ al-ādāb of Yaḥyā Bākhārī // The Legacy of Mediaeval Persian Sufism / Ed. L.Lewisohn. NY., 1992.

Ward, 1993 – Ward R. Islamic Metalwork. Thames and Hudson. 1993. Ill.23.

Watson, 1985 – Watson O. Persian Lustre Ware. L., 1985.

Watt, 2003 – Watt J.C.Y. The Legacy of Genghis Khan: Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. Exh. cat. / Ed. by L.Komaroff, S.Carboni. The Metropolitan Museum of Art. NY., New Haven, L., 2003.

Watt, Wardwell, 1998 – Watt J.C.Y., Wardwell A.E. When Silk Was Gold: Central Asian and Chinese Textiles. Essay by Morris Rossabi. The Metropolitan Museum of Art in cooperation with The Cleveland Museum of Art. NY., 1998.

Wei, Deydier, 2001 – Han Wei, Deydier Ch. L'or de la Chine Ancienne. Paris, 2001.

Weiers, 2004 – Weiers M. Geschichte der Mongolen. Kohlhammer Verlag, 2004.

Wenzel, 1860–1874 – Wenzel G. Árpádkori új okmánytár. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. Bd. I–XII. Pest–Budapest, 1860–1874.

Winter, 1962 – Winter H. The Fra Mauro portolan chart in the Vatican // Imago Mundi. 1962. Vol. XVI.

Wittfogel, Feng Chia-Sheng, 1949 – Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng. History of the Chinese Society. Liao (907–1125). Philadelphia, 1949.

Wyngaert, 1929 – Wyngaert A. Sinica Franciscana. Itinera et Relationes Fratrum Minorum saeculi XIII. et XIV. B. 1. Quaracchi-Firenze, 1929.

Yahn, 1962 – Yahn K. Study on supplementary Persian Sources for the Mongol History of Iran // Aspects of Altaic civilization. Proceedings of the fifth Meeting of the Permanent Conference Held at Indiana University, June 4–9, 1962 / Ed. by D.Sinor. Vol.23.

Yetkin, 1986 – Yetkin S. Anadolu'da turk cini sanatinin gelismesi. Istanbul, 1986.

Zachariadou, 1978 – Zachariadou E. Observations on some Turcica of Pachymeres // Revue des Etudes Byzantines. 1978. #36.

Zajaczkowski, 1958 – Zajaczkowski A. Najstarsza wersja turecka «Husräv-u-Širīn» Qutba. Część I. Tekst. Polska Akademia Nauk, Komitet orientalistyczny. T. VI. Warszawa, 1958.

Zambaur, 1968 – Zambaur E. von. Die münzprägungen des Islams. Zeitlich und Örtlich Geordnet. I. Band. Wiesbaden, 1968.

Zarncke, 1879 – Zarncke F. Der Priester Johannes. Erste Abhanlung, enthaltend Capitel I–IV. Leipzig, 1879.

Ziegler, 1969 – Ziegler P. The Black Death. NY., 1969.

Zimonyi, 1990 – Zimonyi I. The Origins of the Volga Bulgars. Szeged, 1990.

Zimonyi, 1992/3 – Zimonyi I. The Volga Bulgars between Wind and Water (1220–1236) // AOH. 1992/3. T. XLVI (2/3).

Абакаров, 1974 – Абакаров А.И. Некоторые предметы вооружения монгольского времени из Горного Дагестана // Древности Дагестана. Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1974.

Абдуллин, 1974 – Абдуллин И.А. Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. Казань. 1974. Вып. 3.

- Абилов, 1977* – Абилов Ш.Ш. О новонайденных списках памятника XIV века «Нахдж ал-Фарадис» // СТ. 1977. № 2.
- Абрамян, 1973* – Абрамян В.А. Ремесла в Армении VI–XVIII в. и цеховые организации армян ремесленников в городах Закавказья с XVIII по начало XX в.: АДД. Ереван, 1973.
- Абуль-Гази, 1906* – Абуль-Гази. Родословное дерево тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана / Пер. и пред. Г.С.Саблукова. Казань, 1906.
- Автобиография Тамерлана, 1894* – Автобиография Тамерлана / Пер. с тюрк. Нила Лыкошина. Ташкент, 1894.
- Агаджанов, 1969* – Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и тукмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.
- Агапов, Кадырбаев, 1979* – Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Агеева, Максимова, 1959* – Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т. 7.
- Агеева, Пацевич, 1958* – Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ. 1958. Т. 5. Археология.
- Адамов, 2000* – Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск–Омск, 2000.
- Адрианова-Перетц, 1947* – Адрианова-Перетц В.П. Задонщина. Текст и примечания // ТОДРЛ. М.-Л., 1947. Т. 5.
- Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974* – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред., вступл. В.К.Гарданова. Нальчик, 1974.
- Аитова, Самашев, 1998* – Аитова С.М., Самашев З.С. Джучидские монеты с городища Сайрайчик // Известия МОН – НАН РК. 1998. № 1.
- Айбабин, 1991* – Айбабин А.И. Печенеги и половцы в Крыму // Проблемы истории Крыма: ТДНК. Симферополь, 1991. Вып 1.
- Айбабин, 2003а* – Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003.
- Айбабин, 2003б* – Айбабин А.И. Крым в X – первой половине XIII века. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология / Отв. ред. Т.И.Макарова, С.А.Плетнева. М., 2003.
- Айбабина, 2001* – Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVII вв. Симферополь, 2001.
- Айдаров, 1970* – Айдаров С.С. Архитектурное исследование руин соборной мечети в Болгарах // Поволжье в средние века. М., 1970.
- Айдаров, 2000* – Айдаров С.С. Опыт реконструкции мечети-крепости «Алабуга-Елабуга» // Древняя Елабуга. Елабуга, 2000.
- Айдаров, 2001* – Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.
- Айдаров, Аксенова, 1983* – Айдаров С.С., Аксенова Н.Д. Великие Булгары. Путеводитель по Булгарскому историко-архитектурному заповеднику. Изд. 3-е, испр. и доп. Казань, 1983.
- Акишев, Байпаков, 1973* – Акишев К.А., Байпаков К.М. Кяризы Саурана // Вестник АН Каз. ССР. 1973. № 4.
- Акишев, Байпаков, 1979* – Акишев К.А., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1969* – Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969.
- Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972* – Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
- Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981* – Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981.
- Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987* – Акишев А.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата, 1987.
- Аксенова, 2001* – Аксенова Н.Д. Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.
- Акчокраклы, 1927а* – Акчокраклы О. Старокрымские и огузские надписи XIII–XIV вв. // ИТОИАЭ. Т. 1. Симферополь, 1927.
- Акчокраклы, 1927б* – Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму (Материалы научно-этнографической экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925 г.) // ИТОИАЭ. Т. 1. Симферополь, 1927.
- Акчокраклы, 1928* – Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАЭ. Т. 2. Симферополь, 1928.
- Акчокраклы, 1929* – Акчокраклы О. Старокрымские надписи (по раскопкам 1928 г.) // ИТОИАЭ. Т. III. Симферополь, 1929.
- Ала ад-Дин Джувейни, 1997* – Ала ад-Дин Джувейни. История покорителя Вселенной. Пер. В.В.Трепавлова // Родина. 1997. № 3–4.
- ал-Гарнати, 1971*. Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971.
- Алексеев, 1964* – Алексеев В.П. Краниологические типы средневекового населения Северного Кавказа // Современная антропология. М., 1964.
- Алексеев, 1967* – Алексеев В.П. К краниологии населения равнинных районов Кабардино-Балкарии // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. 25.
- Алексеев, 1967а* – Алексеев В.П. Золотоордынский форпост на Марийской земле // Вопросы антропологии. М., 1967. Вып. 26.
- Алексеев, 1967б* – Алексеев В.П. Антропологический состав средневекового города Маджары и происхождение балкарцев и карачаевцев // Уч. зап. КБНИИ. 1967. Т. 25.

- Алексеев, 1969* – Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.
- Алексеев, 1971* – Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Алексеев, 1974* – Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- Алексеев, Беслекова, 1963* – Алексеев В.П., Беслекова К.Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // МИА. 1963. № 114.
- Алексеев, Карпов, 1958* – Алексеев С.П., Карпов В.Г. История СССР. Учеб. книга для 4 класса. М., 1958.
- Алексин, Гумилев, 1997* – Алексин А., Гумилев Л. Каспий, климат и кочевники Евразии // ТА. 1997. № 1.
- Алемань, 2003* – Алемань Агустин. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
- Ал-Идриси* – Ал-Идриси. Нузхат ал-муштак. Рук. ГПБ. Ар.Н.С.176, л.65а.
- Али-Заде, 1946* – Али-Заде А.А. Борьба Золотой Орды и государства ильханов за Азербайджан // Известия АН Азерб. ССР. 1946. № 5, № 7.
- Али-Заде, 1949* – Али-Заде А.А. Из истории государства ширваншахов в XIII–XIV вв. // Изв. АН Азерб. ССР. 1949. № 8.
- Али-Заде, 1952* – Али-Заде А.А. Некоторые сведения о природных богатствах и занятиях оседлого населения Азербайджана // Изв. АН Азерб. ССР. 1952. № 7.
- Али-Заде, 1956* – Али-Заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956.
- Аликберов, 2003* – Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.). М.: Вост. лит., 2003.
- Алихова, 1948* – Алихова А.Е. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Саранск, 1948.
- Алихова, 1954* – Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // МИА. 1954. Вып. 42. Т. 1.
- Алихова, 1959* – Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I-го – начала II-го тыс. н.э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.
- Алихова, 1969* – Алихова А.Е. Гончарные горы города Мохши-Наручадь // КСИА 120. 1969.
- Алихова, 1973* – Алихова А.Е. Мавзолей города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2.
- Алихова, 1976* – Алихова А.Е. Постройки древнего города Мохши // СА. 1976. № 4.
- Алихова др., 1959* – Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.
- Алишев, 1985* – Алишев С.Х. К вопросу об образовании булгаро-татарской народности // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1985.
- Алишев, 1995* – Алишев С.Х. Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.
- Алишев, 2000* – Алишев С.Х. Историк. Татарский народ. Казань, 2000.
- Алтан Тобчи, 1858* – Алтан Тобчи: Монгольская летопись. Пер. ламы Галсана Гомбоева // Труды ВО ИРАО. СПб., 1858. Ч. IV.
- аль-Холи, 1962* – аль-Холи Амин. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962.
- Амброз, 1971* – Амброз А.К. Проблемы ранне-средневековой хронологии Восточной Европы. I–II // СА. № 3, № 4. 1971.
- Амирханов, 1993* – Амирханов Р.М. Социально-философская мысль средневековья (XIII – середина XVI вв.). Казань, 1993.
- Андреев, Чехович 1972* – Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк (кремль) Бухары в конце XIX – начале XX вв. Душанбе, 1972.
- Андрианов, 1969* – Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
- ан-Насави, 1973* – ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. с араб., пред., comment. и прим. З.М.Буниятова. Баку, 1973.
- ан-Насави, 1996* – ан-Насави. Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны: (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Критич. текст, пер. с араб., пред., comment. З.М.Буниятова. М., 1996.
- Аннинский, 1940* – Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т.3. М.-Л., 1940.
- Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века, 2005* – Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. Пер. со старогрузинского Г.В.Цулая. Вып. I. Текст. М., 2005.
- Анохин, 1991* – Анохин В.В. Позднекочевнический некрополь у Евпатории // Проблемы истории Крыма: ТДНК. Симферополь, 1991. Вып. 1.
- Антонин, 1863* – Антонин. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом синаксаре // ЗООИД. 1863. Т. 5.
- Арапов, 1999* – Арапов Д. В.В.Бартольд о ханах Улуса Джучиева // Русское средневековье. Международные отношения. 1998 г. М., 1999. Вып. 2.
- Арзютов, 1949* – Арзютов Н.К. Отчет о раскопках, проведенных в 1937 году на месте развалин золотоордынского города Сарайчика // Известия АН Казан. ССР. № 67. Серия археолог. Алма-Ата, 1949. Вып. 2.
- Аристов, 1896* – Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. СПб, 1896. Вып. III–IV.
- Армарчук, 1998* – Армарчук Е.А. Изучение памятников Куня-Ургенча: старые и новые гипотезы // Приаралье в древности и Средневековье. М., 1998.
- Армарчук, 2001* – Армарчук Е. Мавзолей Тюрабек-ханым в Старом Ургенче: форма, функция и возраст // ТА. 2001. № 1–2 (8–9).

- Армянские источники о монголах, 1962* – Армянские источники о монголах: извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А.Г.Галстяна. М., 1962.
- Арсланова, 1968* – Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
- Арсланова, 1970* – Арсланова Ф.Х. Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
- Арсланова, 1986* – Арсланова А.А. Из истории изучения Золотой Орды по данным персидских источников XIII – первой половины XV вв. в отечественной историографии // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986.
- Арсланова, 1988* – Арсланова А.А. Из истории изучения материальной культуры Улуса Джучи // Развитие культуры Татарии в дооктябрьский период. Казань, 1988.
- Арсланова, 1988а* – Арсланова А.А. Сведения Ала ад-Дина Джувейни о завоевании монголами Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.
- Арсланова, 1990* – Арсланова А.А. Кыпчаки и термин Дашт-и Кыпчак (по данным персидских источников XIII–XIV вв.) // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1990.
- Арсланова, 1991* – Арсланова А.А. Особенности использования термина-топонима Дашт-и Кыпчак и его содержание по данным персоязычных источников XIII–XVIII вв. // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991.
- Арсланова, 1997/98* – Арсланова А.А. К вопросу об этнониме «татары» // *Tatarica*. 1997/98. № 1.
- Арсланова, 2001* – Арсланова А.А. Обзор монографии Девина ДеВизе «Исламизация и исконная религия в Золотой Орде: Баба Тюклес и обращение в ислам в исторической и эпической традиции» // Эхо веков. Историко-документальный журнал. [Казань], 2001. Вып. 1/2.
- Арсланова, 2002* – Арсланова А.А. Остались книги от времен былых...: Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья. Казань, 2002.
- Арсланова, Кляшторный, 1973* – Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // ТС. 1972. М., 1973.
- Артамонов, 1962* – Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- Артамонова, 1963* – Артамонова О.А. Могильник Саркела-Белой Вежи // МИА. 1963. № 109.
- Артемьев, 2001* – Артемьев А.Р. Новые исследования города монгольского хана Есунгу в Забайкалье (XIII–XIV вв.) // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Материалы международной научной конференции. Владивосток, 2001.
- Арутюнов, 1989* – Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Археологическая карта Казахстана, 1960* – Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
- Археологические памятники, 1990* – Археологические памятники бассейна р.Черемшан. Казань, 1990.
- Археология Волжской Булгарии, 1993* – Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.
- Архив 53-1* – Архив Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, фонд С.Вахидова, ф.53, оп.1, д.26–43.
- Арциховский, 1969* – Арциховский А.В. Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Часть 1. Материальная культура. М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Асылгараева, 2001* – Асылгараева Г.Ш. Результаты исследований остеологических материалов из раскопок селищ северо-западной округи Биярского городища // Поволжье в средние века. Нижний Новгород, 2001.
- Ахинжанов, 1973* – Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кыпчаков и Хорезма в XII – начале XIII века // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
- Ахинжанов, 1976* – Ахинжанов А.Е. Об этническом составе кыпчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам, Алма-Ата, 1976.
- Ахинжанов, 1978* – Ахинжанов С.М. Об этнониме принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
- Ахинжанов, 1983* – Ахинжанов С.М. Этнонимы «кимак» и «кипчак» // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983.
- Ахинжанов, 1987* – Ахинжанов С.М. Этнокультурная принадлежность памятников средневековых кочевников Прииртышья // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987.
- Ахинжанов, 1989* – Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.
- Ахинжанов, Трифонов, 1984* – Ахинжанов С.М., Трифонов Ю.И. К происхождению и этнической атрибуции погребальных памятников Верхнего Прииртышья VIII–X вв. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.
- Ахмаров, 1998* – Ахмаров Г. Избранные труды. Казань, 1998.
- Ахмедов, 1965* – Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- Ахмедов, 1979* – Ахмедов Б.А. Улугбек и его исторический труд «Тарих-и арба' улус» // Из истории науки эпохи Улугбека. Ташкент, 1979.
- Ахмедов, 1985* – Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент, 1985.
- Ахмедов и др., 1994* – Ахмедов Б., Норкулов Н., Хасаний М. Мирзо Улугбек. Тўрт улус тарихи. Тошкент, 1994.
- Ахметгалеева, 1979* – Ахметгалеева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». М., 1979.
- Ашмарин, 1902* – Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша. Казань, 1902.

Ашурбейли, 1983 – Ашурбейли С. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983.

Бабаян, Корхмазян, 2000 – Бабаян Ф., Корхмазян Э. Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степана близ города Старый Крым. Ереван, 2000.

Багаутдинов, Зубов, Богачев, 1998 – Багаутдинов Р.С., Зубов С.Э., Богачев А.В. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.

Багрянородный, 1989 – Багрянородный Константин. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий. М., 1989.

Базилевич, 1948 – Базилевич К.В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III // ВМУ. 1948. История. № 1.

Байер, 2001 – Байер Ханс-Файт. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.

Байпаков, 1973 – Байпаков К.М. Жилые кварталы позднесредневекового Отрара и вопросы исторической демографии. Ташкент, 1973.

Байпаков, 1977 – Байпаков К.М. О локализации позднесредневековых городов Казахстана // СА. 1977. № 2.

Байпаков, 1978 – Байпаков К.М. Городища типа «торткуль» // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.

Байпаков, 1978 – Байпаков К.М. Периодизация городской и оседлой сельской жизни в Илийской долине // Бартольдовские чтения. Год 4-й. М., 1978.

Байпаков, 1986 – Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Алма-Ата, 1986.

Байпаков, 1990 – Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата, 1990.

Байпаков, 1998 – Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998.

Байпаков, 1999 – Байпаков К.М. Древний и средневековый Отрар // Города Туркестана. Алматы, 1999.

Байпаков, Акылбек, Воякин, 2005 – Байпаков К.М., Акылбек С.Ш., Воякин Д.А. Археологические исследования на городище Каялык в 2005 г. // Археологиялык зертеуллер жайлы есеп. Алматы, 2005.

Байпаков, Грищенко, Савельева, Ходжаев, 1999 – Байпаков К.М., Грищенко А.Н., Савельева Т.В., Ходжаев М.Б. Археологические исследования Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции // Известия Министерства науки и высшего образования НАН РК. Серия общ. наук. Алматы, 1999. № 1.

Байпаков, Ерзакович, 1971 – Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971.

Байпаков, Ерзакович, 1979 – Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Байпаков, Ерзакович, 1990 – Байпаков К., Ерзакович Л. Керамика средневекового Отрара. Алматы, 1990.

Байпаков, Настич, 1981 – Байпаков К.М., Настич В.Н. Клад серебряных вещей и монет

XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.

Байпаков, Ходжаев, 1999 – Байпаков К.М., Ходжаев М.Б. Раскопки архитектурного ансамбля конца XIV – начала XV вв. на Отраре // Города Туркестана. Алматы, 1999.

Балданжапов, 1970 – Балданжапов П.Б. Алтан-Тобчи, монгольская летопись XVIII в. Улан-Удэ, 1970.

Баллод, 1923а – Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай – столицы золотой Орды. Казань, 1923; переиздание: ТА. №№ 1(2), 2(3). Казань, 1998.

Баллод, 1923б – Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». М., Пг., 1923.

Баллод, 1924 – Баллод Ф.В. Культура Золотой Орды // Новый Восток. 1924. № 6.

Баранов, 2001 – Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар. Мемориальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.

Баранов, Кавеев, 2001 – Баранов В.С., Кавеев М.М. Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища // Город Болгар. Мемориальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.

Барбаро и Контарини, 1971 – Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступит. статьи, подготовка текста, перевод и коммент. Е.Ч.Скржинской. Л.: Наука, 1971.

Бартольд, 1891 – Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1. СПб., 1891.

Бартольд, 1909 – Бартольд В.В. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов // [Живая старина. 1909]. Бартольд В.В. Соч. Т. V.

Бартольд, 1920 – Бартольд В.В. Хранение документов в государствах мусульманского Востока // Бартольд В.В. Соч. Т. VIII [Архивные курсы, 1920].

Бартольд, 1924 – Бартольд В.В. Новая рукопись уйгурским шрифтом в Британском музее. Доклады Российской Академии наук, январь–март. Л., 1924.

Бартольд, 1925 – Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Лекции, читанные в Университете и в Ленинградском институте живых восточных языков. Л., 1925.

Бартольд, 1926 – Бартольд В.В. И.Н.Березин – как историк // [ЗКВ, 1926]. Бартольд В.В. Соч. Т. IX.

Бартольд, 1928 – Бартольд В.В. История тюрко-монгольских народов. Ташкент, 1928.

Бартольд, 1963–1977 – Бартольд В.В. Соч. Т. I–IX. М., 1963–1977.

Бартольд, 1963а – Бартольд В.В. Отец Едигея // Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.

Басилов, 1992 – Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992.

Баскаков, 1969 – Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

Баскаков, 1974 – Баскаков Н.А. Предисловие // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974.

Баскаков, 1979 – Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

- Башкиров, 1926* – Башкиров А.С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. 1926. № 2.
- Башкиров, 1927* – Башкиров А.С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1.
- Башкиров, 1928* – Башкиров А.С. Памятники болгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1928.
- Башкирские шежере, 1960* – Башкирские шежере / Состав., пер. текстов, введ. и коммент. Р.Г.Кузеева. Уфа, 1960.
- Бегунов, 1965* – Бегунов Ю.К. Памятник русской письменности XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.-Л., 1965.
- Бегунов, 1966* – Бегунов Ю.К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.-Л., 1966.
- Бейліс, 1996* – Бейліс В. Країна ал-Куманія у «Географічному творі» ал-Ідрісі та Половецька земля Іпатіївського літопису // *Marra Mundi*. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагодийого 70-річчя. Львів – Київ – Нью-Йорк, 1996.
- Белавин, 1999* – Белавин А.М. Об этнической принадлежности так называемых «булгарских эсгел» // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.
- Белавин, 2000* – Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000.
- Беленицкий, 1949* – Беленицкий А.М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV–XVI веках // Изв. Тадж. Фил. АН СССР. 1949. № 15.
- Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973* – Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Беликова, 1996* – Беликова О.Б. Среднее Причумырье в X–XIII вв. Томск, 1996.
- Белинский, Масловский, 1998* – Белинский И.В., Масловский А.Н. Импортная поливная керамика Азака (XIV в.) // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. ТДК. Ялта 25–29 мая 1998 г. Симферополь, 1998.
- Белозеров, 2002* – Белозеров И.В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII–XIV в.: АКД. М., 2002.
- Белорыбкин и др., 1999* – Белорубкин Г.Н., Поляков В.А., Гусев Л.П., Мельниченко О.В., Ставицкий В.В. Очерки Наровчатской истории. Пенза, 1999.
- Белорыбкин, 1988* – Белорубкин Г.Н. Монголы в землях обугаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.
- Белорыбкин, 1995* – Белорубкин Г.Н. Городища X–XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (материалы к археологической карте) // Страницы истории Волго-Донья. Пенза, 1995. Вып. 1.
- Белорыбкин, 2000* – Белорубкин Г.Н. Аскизские следы в Сурско-Окском междуречье // Аскизские древности в средневековой Евразии. Казань, 2000.
- Белорыбкин, 2001* – Белорубкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.–Пенза, 2001.
- Белорыбкин, 2003* – Белорубкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003.
- Белорыбкин, Зеленцова, 2006* – Белорубкин Г.Н., Зеленцова О.В. Мордва и Волжская Булгария // История татар. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.
- Белоусов, 1995* – Белоусов С.В. Монетный двор города Мохши // Страницы истории Волго-Донья. Пенза, 1995.
- Белоусов, Голубев, 1998* – Белоусов С.В., Голубев О.В. Типы мохшинских монет // Краеведение. 1998. № 3–4.
- Белых, 1996* – Белых С.К. Еще раз об этнониме *ar* // Финно-угроведение. 1996. № 3.
- Беляев, 2001* – Беляев Л.А. Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века // Город Болгар. Мемориальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.
- Беляев, 2004* – Беляев В.А. Монгольское квадратное письмо на монетах и банкнотах // Двенадцатая всероссийская нумизматическая конференция, 19–24 апреля 2004 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 2004.
- Беляева, 1982* – Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV в. Киев, 1982.
- Бердяев, 1993* – Бердяев Н.А. Евразийцы (1925 г.) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.
- Бережков, 1897* – Бережков М. Нур-салтан, царица Крымская (Историко-биографический очерк) // ИТУАК. 1897. № 27.
- Березин, 1849* – Березин И.Н. «Библиотека восточных историков». Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И.Березиным. Т. 1. Казань, 1849.
- Березин, 1850* – Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды по ханским ярлыкам. СПб., 1850.
- Березин, 1850a* – Березин И.Н. Ярлык Тохтамыш-хана к Ягайлу. Казань, 1850.
- Березин, 1851* – Березин И.Н. Тарханные ярлыки Тохтамышы, Тимур-кутлука и Саадет-гирея. Введ., перепись, перевод и прим. Казань, 1851.
- Березин, 1852* – Березин И.Н. Болгар на Волге. Казань, 1852.
- Березин, 1852a* – Березин И.Н. Тарханные ярлыки, данные ханами Золотой Орды русскому духовенству // КГВ. 1852. № 22.
- Березин, 1853* – Березин И.Н. Первое нашествие монголов на Россию // ЖМНП. 1853. № 9.
- Березин, 1854* – Березин И.Н. Библиотека восточных историков, издаваемая И.Березиным, профессором Казанского университета. Т. III. Ч. 1. История Абуль-Гази. Казань, 1854.
- Березин, 1855* – Березин И.Н. Нашествие Батые на Россию // ЖМНП. 1855. Ч. 86. Отд. II.
- Березин, 1864* – Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева // Труды ВО ИРАО. 1864. Т. VIII.
- Бернштам, 1946* – Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.-Л., 1946.

Бернштам, 1949 – Бернштам А.Н. Проблема древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Изв. АН Казах. ССР. Серия археолог. 1949. № 67. Вып. 2.

Бернштам, 1951 – Бернштам А.Н. Древний Отрар // Изв. АН Каз. ССР. Серия археолог. 1951. № 108. Вып. 3.

Бернштам, 1952 – Бернштам А.Н. Историко-археологический очерк Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. №26. М.-Л., 1952.

Берс, Худяков, 1994 – Берс Е.М., Худяков Ю.С. Погребение у с. Бичикту-Бом // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994.

Бертельс, 1948 – Бертельс Е.Э. Литература на персидском языке в Средней Азии // СВ. 1948. Кн. V.

Бертье-Делагард, 1914 – Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ЗООИД. 1914. Т. XXXII.

Бира, 1978 – Бира Ш. Монгольская историография: (XIII–XVII вв.). М., 1978.

Бискуп, 1991 – Бискуп М. Великая война Польши и Литвы с Тевтонским орденом (1409–1411 гг.) в свете новейших исследований // ВИ. 1991. № 12.

Бичурин, 1829 – Бичурин Н.Я. (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова. Пер. с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829.

Бичурин, 1950 – Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 2.

Блок, 1998 – Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.

Блохин, 2003 – Блохин В.Г. Нижневолжские мечети Золотой Орды: к проблеме формирования архитектурной традиции // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003.

Бобров, 1976 – Бобров А.Г. Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1976.

Бобровников, 1861 – Бобровников А.А. О монгольских надписях на русских актах // Известия РАО. 1861. Т. III. Вып. 1.

Богатова, 1970 – Богатова Г.А. Золотая Орда // Русская речь. 1970. № 1.

Бойл, 2002 – Бойл Дж. Э. Посмертный титул Бату-хана // ТС. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Бокщанин, Непомнин, 2002 – Бокщанин А.А., Непомнин О.Е. Лики Срединного царства. М., 2002.

Болдырев, 1957 – Болдырев А.Н. Зайнадин Васиби. Сталинабад, 1957.

Большакова, 1976 – Большакова С.А. Папские послания галицкому князю как исторический источник // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975. М., 1976.

Боразбиев, 2003 – Боразбиев М.И. Золотая Орда и Крымское ханство в генеалогических преданиях высшего сословия тюрков Центрального Кавказа (балкарцы, карачаевцы, ногайцы). Дешти-Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной

научно-практической конференции 11–12 апреля 2003 г. М., 2003.

Борисенко, Худяков, 2001 – Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Значение болгарского торгового пути в поступлении западноевропейского экспорта в Западную Сибирь в XII–XIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик – Омск, 2001.

Боровков, 1966 – Боровков А.К. Опыт филологического анализа тарханских ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1966. Т. XXV. Вып. 1.

Бороздин, 1926 – Бороздин И.Н. Солхат // Новый Восток. 1926. № 13/14.

Босворт, 1971 – Босворт К.Э. Мусульманские династии. М., 1971.

Бочаров, 2000 – Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы (конец XIII в. – 1774 г.): фортификация, культовые памятники, система водоснабжения: АКД. М., 2000.

Бочаров, 2001 – Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии геноузской Газарии XIV–XV веков // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы МНК. Харьков, 2001.

Бочаров, 2004 – Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии геноузской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма // О древностях южного берега Крыма и гор Таврических (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеплена). Киев, 2004.

Бромлей, 1983 – Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Броневский, 1996 – Броневский С.М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича доньне. Репр. воспр. СПб., 1996.

Брун, 1867 – Брун Ф. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. / Пер. с нем. яз. Ф.Бруна // ЗИНУ. 1867. Т. 2.

Брун, 1872/73 – Брун Ф.К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // ЗИНУ. Одесса, 1872. Т. 8; 1873. Т. IX.

Брун, 1879–1880 – Брун Ф.К. Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. 1–2. Одесса, 1879–1880.

Бубенок, 1997 – Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев, 1997.

Бубнова, 1963 – Бубнова М.А. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX–XII вв. // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Буганов, 1964 – Буганов В.И. Золотая Орда // СИЭ. Т. 5. М., 1964.

Булатов, 1968 – Булатов Н.М. Классификация полевой кашинной керамики золотоордынских городов // СА. 1968. № 4.

Булатов, 1969 – Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // ВМУ. 1969. № 2.

Булатов, 1972 – Булатов А.Б. Среднее Поволжье на трех картах мира, составленных в XIV–XV вв.

венцианцами и испанцем // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1972. Вып. 2.

Булатов, 1974 – Булатов Н.М. Кобальт в керамике Золотой Орды // СА. 1974. № 4.

Булатов, 1976 – Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

Буниятов, 1986 – Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231. М., 1986.

Бурмов, 1968 – Бурмов А. История на България през времето на Шишмановци (1323–1396 г.) // Бурмов А. Избрани произведения. I. София, 1968.

Бурнакова, 2001 – Бурнакова Е. К вопросу о возникновении цивилизации Хорезма // Природа и культура. Социоестественная история. Вып. XX. М., 2001.

Бурханов, 2001 – Бурханов А.А. Раскопки Большого бугра на Селитренном городище // Поволжье в средние века. Нижний Новгород, 2001.

Бурханов, 2002 – Бурханов А.А. Памятники Иске-Казанского комплекса. Препринт доклада. Казань, 2002.

Бурханов, 2003 – Бурханов А.А. Археологическое изучение памятников эпохи Улуса Джучи и Казанского ханства // Древности. Вып. 36. М., Казань, 2003.

Бурханов, 2005 – Бурханов А.А. Золотоордынские памятники Поволжья. Стамбул, Казань, 2005.

Бусятская, 1972 – Бусятская Н.Н. Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X–XIV вв.) // Вестник МГУ, сер. IX история. № 2. 1972.

Бусятская, 1976 – Бусятская Н.Н. Стекланные изделия золотоордынских городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

Бутков, 1824 – Бутков П. О Ногае и всех прочих Монгольских ханах Дашт-Кипчака // Северный архив. 1824. Ч. X, XI, XII.

Буцик, 1959 – Буцик Л.П. История СССР. Учебник для 8 класса средней школы. М., 1959.

Быков, 1969 – Быков А.А. Находки средневековых индийских монет в Восточной Европе // Эпиграфика Востока. XIX. Л.: Наука, 1969.

Бырня, Зиливинская, 1988 – Бырня П.П., Зиливинская Э.Д. Бани Старого Орхоя // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1988.

Бырня, Рябой, 1997 – Бырня П.П., Рябой Т.Ф. К вопросу о топографии золотоордынского города в Молдавии (по материалам Старого Орхоя) // Новые исследования археологов России и СНГ: Материалы пленума ИИМК РАН. СПб., 1997.

Вагабов, 1858 – Вагабов. Татарские сказания // Изв. ВО РАО. Ч. 1. Вып. 1. СПб., 1858.

Вайнберг, 1959 – Вайнберг Б.Н. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме // СЭ. 1959. № 5.

Вайнер, 1967 – Вайнер И.С. О некоторых видах ремесла Нового Сарая // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Вып. 1. Казань, 1967.

Вайнер, Федоров-Давыдов, 1963 – Вайнер И.С., Федоров-Давыдов Г.А. О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая // СА. 1963. № 3.

Вайнштейн, 1991 – Вайнштейн С.И. Мир ковчежников центра Азии. М., 1991.

Вактурская, 1958 – Вактурская Н.Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Труды ХАЭЭ. М., 1958. Т. 2.

Вактурская, 1959 – Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Керамика Хорезма. М., 1959.

Вактурская, 1963 – Вактурская Н.Н. О средневековых городах Хорезма // Труды ХАЭЭ. Т. IV. (Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7). М., 1963.

Вактурская, 1964 – Вактурская Н.Н. Хорезм в XI–XVI вв. // Очерки истории Каракалпакской АССР. Ташкент, 1964.

Вактурская, 1979 – Вактурская Н.Н. Новые данные о городище Асанас // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Валеев, 1975 – Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.

Валеев, 1993 – Валеев Р.М. Из истории Казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордый Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. Казань, 1993.

Валеев, 1995 – Валеев Р.М. Волжская Булгария: Торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. Казань, 1995.

Валеев, Руденко, 2005 – Материальная культура населения Булгарского улуса Золотой Орды в XIII–XIV вв. // Золотая Орда: история и культура. Каталог выставки / Автор концепции М.Г. Крамаровский. Под общей научной редакцией М.Б. Пиротровского. СПб., 2005.

Валеева, 1983 – Валеева Д.К. Искусство волжских булгар (X – начало XIII вв.) Казань, 1983.

Валиди, 1923 – Валиди (Валидов) Дж. Очерк истории образованности и литературы татар. Казань, 1923 (2-е изд. Казань, 1998).

Валиулина, 1997 – Валиулина С.И. Бытовая керамика золотоордынского Биляра // Проблемы межэтнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях (на примере региона Среднего Прикамья). Сарапул, 1997.

Валиулина, 1997 – Валиулина С.И. Парадная посуда золотоордынского Биляра (по результатам раскопок Билярского III селища) // Гуманитарные науки: проблемы и аспекты изучения. Казань, 1997.

Валиулина, 1998 – Валиулина С.И. Алабикки Билярского городища // Уч. зап. КГУ. Казань, 1998.

Валиулина, 2000 – Валиулина С.И. Исследования золотоордынского Биляра // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 2000.

Валиулина, 2002 – Валиуллина С.И. Золотоордынский Биляр: начало исследований // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 гг. Казань, 2002.

Валиулина, 2004 – Валиулина С.И. Балынгузское (Торекское) III селище и проблема преемст-

венности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // ТА. № 1–2 (12–13). 2004.

Валиулина, Недашковский, 2005 – Валиулина С.И., Недашковский Л.Ф. Стекланные изделия Укека и его округи // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград, 2005.

Валиханов, 1850 – Валиханов Ч. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392–1393 года. Казань, 1850.

Ван Говэй, 1959 – Ван Говэй. Гуань тан цзи линь (Собрание сочинений Гуань тана). Пекин, 1959. Т. III.

Варваровский, 1999 – Варваровский Ю.Е. «Мамаева Орда» (по данным письменных источников и нумизматики) // Stratum plus 1999. №6.

Вардан Великий, 1861 – Вардан Великий. Всеобщая история / Пер. Н.Эмина. М., 1861.

Варфоломеева, 1994 – Варфоломеева Т.С. Металлические детали кожаных футляров XI–XV вв. из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1994.

Васильев, 1857/1859 – Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джурджитах и Монголо-Татарах. СПб., 1857; ТВОРАО. Ч. IV. СПб., 1859.

Васильев, 2001 – Васильев Д.В. Городище Ак-Сарай // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001.

Васильев, 2001a – Васильев Д.В. Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы ВНИПК. Астрахань, 2001.

Васильев, 2003 – Васильев Д.В. Мусульманские мавзолеи Золотой Орды как архитектурные и погребальные памятники // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003.

Васильев, 2004 – Васильев Д.В. О болгарском компоненте населения Самосдельского городища в дельте Волги // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. Казань, Болгар, 2004.

Васильева, 1993 – Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург, 1993.

Васильев, Горелик, Кляшторный, 1993 – Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

Вахидов, 1925 – Вахидов С.Г. Ярлык хана Сахиб-Гирея // ВНОТ. Казань, 1925. № 1–2.

Вахидов, 1926 – Вахидов С.Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // ВНОТ. Казань, 1926. № 4.

Вашари, 2002 – Вашари И. Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

ВВЛ, 1958 – Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихийская) летопись // Историко-филологический сборник. Вып. IV. Сыктывкар, 1958.

Веймарн, 1974 – Веймарн Б.В. Искусство арабских стран и Ирана VII–XVII вв. М., 1974.

Великая хроника, 1987 – «Великая хроника» о Польше, Руси и их связях XI–XIII вв.: (Перевод и комментарии) / Сост. Л.М.Попова, Н.И. Щавелева. М., 1987.

Великие Минеи Четьи, 1869 – Великие Минеи Четьи, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 14–24. Вып. 2. СПб., 1869.

Вельяминов-Зернов, 1859 – Вельяминов-Зернов В.В. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // Записки РАО. Т. XIII. СПб., 1859.

Вельяминов-Зернов, 1863/1864 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1; СПб., 1864. Ч. 2.

Вернадский, 1927 – Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский вестник. 1927. Кн. 5.

Вернадский, 1934 – Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени. Берлин, 1934.

Вернадский, 1939 – Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингис хана. С приложением главы о Ясе из истории Джучеи в переводе В.Ф.Минорского. Брюссель, 1939.

Вернадский, 1997 – Вернадский Г.В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Е.П.Беренштейна, Б.Л.Губмана, О.В.Строгановой. Тверь, М., 1997.

Вернадский, 2000 – Вернадский В.Г. История России. Монголы и Русь. Тверь, М., 2000.

Веселовский, 1877 – Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.

Веселовский, 1884 – Веселовский Н.И. Золотая Орда // Энциклопедический словарь Ф.Брокгауза и А.Эфрона. СПб., 1884. Т. 24.

Веселовский, 1922 – Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Записки РАН. Серия VIII. 1922. Т. XIII. № 6.

Веселовский, 1927 – Веселовский Н.И. Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // *Seminarium Kondakovianum* (Прага). 1927. Вып. I.

Вильгельм де Рубрук, 1911 – Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. СПб., 1911.

Владимирцов, 1934 – Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Владимирцов, 2000 – Владимирцов Б.Я. Чингисхан. [2-е изд.] СПб., 2000.

Владимирцов, 2002 – Владимирцов Б.Я. Чингиз-хан // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002.

Владимирцов, 1992 – Владимирцов Б.Я. Чингисхан. Горно-Алтайск, 1992.

Войцеховский, 1972 – Войцеховский В.А. Строительные надписи на стенах крепости в Белгороде-Днестровском // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.

Волжская Булгария и Русь, 1985 – Волжская Булгария и Русь. Казань, 1985.

Волин, 1960 – Волин С.Л. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды ИИАЭ. Т. 8. Алма-Ата, 1960.

Волков, 1991 – Волков И.В. Новые данные о керамике золотоордынского города Маджара // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990). Грозный, 1991.

Волков, 1992 – Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка): АКД. М., 1992.

Волков, 1995 – Волков И.В. Хачкар из Темрюкского музея (наблюдения о влиянии армянской диаспоры на городскую культуру Золотой Орды) // Армяне Северного Кавказа. Краснодар, 1995.

Волков, 1995а – Волков И.В. Армяне в Золотой Орде (археологические свидетельства) // Проблемы взаимодействия национальных культур. Межэтнические взаимодействия в полиэтничном регионе. Астрахань, 1995. Ч. 2.

Волков, 2000 – Волков И.В. Столицы Золотой Орды во внешних источниках // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы научной конференции. ТГИМ. Вып. 122. М., 2000.

Волков, 2001 – Волков И.В. О времени составления портоланов Азовского и Каспийского морей // Картография XXI века: теория, методы, практика: Доклады II Всероссийской научной конференции по картографии, посвященной памяти А.А.Лютюго (Москва, 2–5 октября 2001 г.). М., 2001. Т. 2.

Волков, 2001а – Волков И.В. Золотая Орда и христианский мир (археологические свидетельства исторических явлений) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 4. 2001.

Волков, 2002 – Волков И.В. Гончары и историограф // Рубикон. Сборник работ молодых ученых. Вып. 15. Ростов-на-Дону, 2002.

Волков, 2005 – Волков И.В. Об обращении джундидского дирхема в московских землях во второй половине XIV – начале XV вв. // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Саратов 2001, Муром 2003. М.: Нумизматическая литература, 2005.

Волков, Зиливинская, 1996 – Волков И.В., Зиливинская Э.Д. Керамическое производство и импорт в Маджаре // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). М., 1996.

Волкова, 1972 – Волкова Н.Г. Маджары (из истории городов Северного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. Т. 5. М., 1972.

Вольский, 1854 – Вольский М. Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времен до 1852 года. Одесса: В типографии Францова и Нитче, 1854.

Воробьев, 1975 – Воробьев М.В. Чжурчжени и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975.

Воскресенская, Смирнов, 1966 – Воскресенская А.С., Смирнов А.П. Археологическое исследование

соборной мечети «Четыреугольника» в Великих Болгарах // СА. 1966. № 1.

Востоковедение, 1963 – Востоковедение // СИЭ. Т.3. М., 1963. Стб. 722–736.

Выписки из разных сочинений, 1822 – Выписки из разных сочинений о путешествии Армянского царя Гетума к Мангу-Хану // Сибирский вестник. 1822. Ч. 17.

Гаврилова, 1965 – Гаврилова А.А. Могильник Кудрыгэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965.

Гаджиев и др., 1996 – Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996.

Гаджиева, 2000 – Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое, культура, быт. Махачкала, 2000.

Гадло, 1979 – Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1970.

Гадло, 1989–1991 – Гадло А.В. Тмуророканские этюды. I–V // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1989–1991.

Гадло, 1994 – Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, 1994.

Газимзянов, Измайлов, 1992 – Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л. Исследование полуземлянки и братских могил на Старокуйбышевском V селище // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992.

Галенко, 2005 – Галенко О. Золота Орда у битви біля Синіх Вод 1362 р. // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005.

Галкин, 1963 – Галкин Л.Л. Булава из Нового Сарая // СА. 1963. № 4.

Галкин, 1975 – Галкин Л.Л. Керамические горны золотоордынского города Азака // СА. 1975. № 1.

Галкин, 1984 – Галкин Л.Л. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. 1984 № 2.

Галонифонтибус, 1980 – Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). (Из сочинения «Книга познания мира») / Под ред. З.М.Бунятова. Баку: Элм, 1980.

Галстян, 1960 – Галстян А. Новые источники о монголах. М., 1960.

Галстян, 1977 – Галстян А. Завоевание Армени монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.

Гальперин, 2001 – Гальперин Ч. Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе / Пер. З.Н.Цыганенко-Исидоровой. Американская рустика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара, 2001.

Гальперин, 2003 – Гальперин Ч. Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды // Родина. 2003. № 12.

Галаяудинов, 1990 – «Тарих нама-и Булгар» Таджетдина Ялчигулова. Уфа, 1990.

Галаяудинов, 1998 – Галаяудинов И.Г. «Тарих нама-и Булгар» Таджетдина Ялсыгулова. Уфа, 1998.

Гамзатов, 1982 – Гамзатов Г.Г. Дагестан в XIII–XVI вв. (по данным письменных источников и археологии): АКД. М., 1982.

Гандзакеци, 1976 – Гандзакеци Киракос. История Армении / Пер. с древнеармян., пред. и комментарий Л.А.Ханларян. М., 1976.

Гарипов, Кузеев, 1985 – Гарипов Т.М., Кузеев Р.Г. Волго-Уральский регион культурно-языкового взаимодействия уральских и алтайских этносов // Урало-Алтайстика. Археология. Этнография. Язык. М., 1985.

Гаркавец, 1981 – Гаркавец А.Н. Две новонайденные армяно-кыпчакские рукописи // ТС 1977. М.: Наука, 1981.

Гарустович, 1988 – Гарустович Г.Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.

Гарустович, 1992 – Гарустович Г.Н. Население лесостепной зоны Южного Урала в X – начале XIII вв. // Археология Южного Урала. Стерлитамак, 1992.

Гарустович, 1993 – Гарустович Г.Н. Могильник Сараджин I (к вопросу об исламизации Джучиева Улуса) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Гарустович, 1998 – Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тыс. н.э.: АКД. Уфа, 1998.

Гарустович и др., 1998 – Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа, 1998.

Гаффаров, 1913 – Гаффаров М.А. Из области персидской историографии монгольского периода // Древности восточные. Т. 4. М., 1913.

ГВЛ, 2005 – Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Н.Ф.Котляр, В.Ю.Франчук, А.Г.Плахонин; под ред. Н.Ф.Котляра. СПб.: Алетей, 2005.

Геллах, 1956 – Геллах Г.Ф. Мусульманские могильники как исторический источник: АКД. М., 1956.

Генинг, 1970 – Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.

Генинг, 1989 – Генинг В.Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.

Генинг, Халиков, 1964 – Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. Больше-Тарханский могильник. М., 1964.

Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987 – Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.

Герберштейн, 1988 – Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Герцен, 1991 – Герцен А.Г. К вопросу об этнической истории средневекового Мангупа // Проблемы истории Крыма: Тезисы докладов научной конференции. Симферополь, 1991. Вып. 1.

Герцен, 2001 – Герцен А.Г. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // Античная древность и средние века. Вып. 32. Екатеринбург, 2001.

Герцен, Могаричев, 1993 – Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей Кырк-ор – Чуфут-кале. Симферополь, 1993.

Гибб, 1960 – Гибб Х. Арабская литература. Классический период: (Мусульманская историография). М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960.

Гийас ад-Дин Али, 1958 – Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. М., 1958.

Гимади, 1948 – Гимади Х.Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948.

Гимади, 1949 – Гимади Х.Г. Из истории народов Булгарии под игом Золотой Орды: АКД. М., 1949.

Гимади, 1951 – Гимади Х. О некоторых вопросах истории Татарии // ВИ. 1951. № 12.

Гимади, 1954 – Гимади Х.Г. Об употреблении названия «татары» // ВИ. 1954. № 8.

Гимади, 1955 – Гимади Х.Г. Народы Булгарского государства под игом Золотой Орды // История Татарской АССР. Казань, 1955.

Гинзбург, Залкинд, 1955 – Гинзбург В.В., Залкинд Н.Г. Материалы к краниологии казахов // Сб. Музея антропологии и этнографии. М.-Л., 1955. Т. 16.

Гинзбург, Трофимова, 1972 – Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Гмыря, 1995 – Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1995.

Гойтейн, 1981 – Гойтейн С.Д. Изменения на Ближнем Востоке (950–1150) в свете документов каирской Генизы // Мусульманский мир 950–1150. М., 1981.

Голден, 1997 – Голден П.Б. Половцы дикие // Tatarica. 1997. № 1.

Голубев, 2001 – Голубев О.В. Клад джучидских монет, найденных в с. Наровчат в 1986 году // Археология Поволжья. Пенза, 2001.

Голубева, 1973 – Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973.

Голубева, 1979 – Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979.

Голубовский, 1884 – Голубовский П.М. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.

Гольишенков и др., 1970 – Гольишенков А.П., Мачинский А.П., Шеянов Е.Я., Душин И.А., Сарычев И.И. О состоянии скотоводства, охоты, рыбной ловли у жителей Итяковского городища // Труды МНИИ ЯЛИЭ. Саранск, 1970. Вып. 39.

Гольман, 1988 – Гольман М.К. Изучение истории Монголии на Западе (XIII – середина XX вв.). М., 1988.

Гончаров, 1997 – Гончаров Е.Ю. Медные монеты XIV в. Хаджи Тархана // Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. М., 1997.

Гончаров, 1998 – Гончаров Е.Ю. Медные монеты Сарая ал-Джадид (XIV в.) // VI ВНК. ТДС. СПб., 1998.

Гончаров, 2000 – Гончаров Е.Ю. Старый и Новый Сарай – столицы Золотой Орды (новый взгляд

на известные источники) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Т. I.

Гончаров, 2001 – Гончаров Е.Ю. О городище Сарайчик // Диалог культур Евразии. Казань, 2001. Вып. 2.

Гончаров, 2002 – Гончаров Е.Ю. Что такое золотоордынские *денги* и откуда взялись русские «денги» // X ВНК. Псков, 15–20 апреля 2002 г.: ТДС. М., 2002.

Гончаров, 2003 – Гончаров Е.Ю. Последствия похода Тимура на Золотую Орду (нумизматический аспект) // XI ВНК. СПб., 14–18 апреля 2003 г.: ТДС. СПб., 2003.

Гончаров, 2005a – Гончаров Е.Ю. Монетное обращение города Сарайчук в средние века // Труды I международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV вв.». Саратов, 17–21 сентября 2001 г. М., 2005.

Гончаров, 2005b – Гончаров Е.Ю. Монетные дворы Улуса Джучи // Труды II МНК «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV вв.». Муром, 6–12 сентября 2003 г. М., 2005.

Гончаров, Алексеев, 1998 – Гончаров Е.Ю., Алексеев Н.А. Балаклавский клад джучидских монет начала XV в. // VI ВНК. ТДС. СПб., 1998.

Гончаров, Пачкалов, 2002 – Гончаров Е.Ю., Пачкалов А.В. О монетном дворе Ак-Сарай (Золотая Орда) // X ВНК. Псков, 15–20 апреля 2002 г.: ТДС. М., 2002.

Горбунов, Исупов, 2002 – Горбунов В.В., Исупов С.Ю. Монгольские шлемы с территории Алтая // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002.

Гордлевский, 1941 – Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.-Л., 1941.

Гордлевский, 1947 – Гордлевский В.А. Что такое «босый волк»? // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 6. Вып. 4. М., 1947.

Горелик, 1980 – Горелик М.В. Оружие и доспех русских и монголо-татарских воинов конца XIV в. // Вестник АН СССР. 1980. № 8.

Горелик, 1983 – Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

Горелик, 1987 – Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.

Горелик, 1990 – Горелик М.В. Степной бой // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.

Горелик, 2002 – Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002.

Горелик, 2004 – Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в.) // МИА Северного Кавказа. Армавир, 2004.

Город Болгар, 1987 – Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.

Город Болгар, 1988 – Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Город Болгар, 1996 – Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Город Болгар, 2001 – Город Болгар. Монумен- тальное строительство, архитектура, благоустрой- ство. М.: Наука, 2001.

Города Поволжья в средние века, 1974 – Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Городцов, 1911 – Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 г. // Труды XIV археологиче- ского съезда. М., 1911.

Горский, 1992 – Горский А.А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедение и историко-культурные проблемы. М., 1992.

Горский, 1996 – Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути исторического развития. М., 1996.

Горский, 2000 – Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000.

Горский, 2004 – Горский А.А. Русь: От славян- ского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Государство Сельджукидов и Средняя Азия, 1991 – Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.

Греков, 1937 – Греков Б.Д. Татарское нашествие // ИЖ. 1937. № 6.

Греков, 1975 – Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.

Греков, Калинин, 1948 – Греков Б.Д., Кали- нин Н.Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948.

Греков, Шамагонов, 1986 – Греков И.Б., Ша- магонов Ф.Ф. Мир истории. Русские княжества XIII–XV вв. М., 1986.

Греков, Якубовский, 1937 – Греков Б.Д., Яку- бовский А.Ю. Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII– XIV вв.). Л., 1937.

Греков, Якубовский, 1941 – Греков Б.Д., Яку- бовский А.Ю. Золотая Орда. М., 1941.

Греков, Якубовский, 1950/1998 – Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.- Л., 1950; 2-е изд. 1998.

Гречкина, Васильев, 2001 – Гречкина Т.Ю., Ва- сильев Д.В. Предварительная хронология существо- вания Самосдельского городища // XV Ураль- ское археологическое совещание: ТДМНК. Орен- бург, 2001.

Грибов, 2000 – Грибов Н.Н. Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–XV веков // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород, 2000.

Григорьев, 1842 – Григорьев В.В. О досто- верности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Историко-филологическое исследование. М., 1842.

Григорьев, 1844 – Григорьев В. [Ярцов Я.О.]. Ярлык Тохтамыша и Сеадет-Гирея // ЗООИД. Т. I. 1844.

Григорьев, 1847 – Григорьев В.В. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая // ЖМВД. 1847. Кн. XIX.

Григорьев, 1850 – Григорьев В.В. Монеты афганских султанов Индии, найденные в развалинах Сарая // Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. СПб.: В типографии экспедиции заготовления государств. Бумаг. Т. II. 1850.

Григорьев, 1876 – Григорьев В.В. О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды // Григорьев А.П. Россия и Азия. СПб., 1876.

Григорьев, 1908 – Григорьев В.В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчикской крепости // Труды ОУАК. Оренбург, 1908. Т. 19.

Григорьев, 1974 – Григорьев А.П. «Книга путешествия» Эвлии Челеби – источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // ИИИСАА. Вып. III. Л., 1974.

Григорьев, 1975 – Григорьев А.П. Конкретные формуляры чингизидских жалованных грамот XIII–XV вв.: Ч. I // ТС 1974. М., 1975; Ч. II // ИИИСАА. 1975. Вып. IV; Ч. III // Востоковедение. 1975. Вып. 2; Ч. IV, там же. 1977. Вып. 4.

Григорьев, 1977 – Григорьев А.П. Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII–XV вв. // Востоковедение. 1977. Вып. 3.

Григорьев, 1978 – Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XIV вв. Л., 1978.

Григорьев, 1981 – Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // ТС 1977. М., 1981.

Григорьев, 1981a – Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение. 1981. Вып. 8.

Григорьев, 1983 – Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70 гг. XIV в.: хронология правлений // ИИИСАА. 1983. Вып. 7.

Григорьев, 1986 – Григорьев А.П. Формуляр золотоордынских жалованных грамот // *Topologia*. М., 1986.

Григорьев, 1987 – Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // ИИИСАА. 1987. Вып. X.

Григорьев, 1988 – Григорьев А.П. «Ярлык Едигея»: анализ текста и реконструкция содержания // ИИИСАА. 1988. Вып. XI.

Григорьев, 1990 – Григорьев А.П. Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания // ИИИСАА. 1990. Вып. XII.

Григорьев, 1994 – Григорьев А.П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1994. Вып. 2.

Григорьев, 2004 – Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Историко-ведческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.

Григорьев, Фролова, 2002 – Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // ТС 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Григорьевы, 1990 – Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Узбека венецианским купца Азова: Реконструкция содержания // ИИИСАА. 1990. Вып. XIII.

Григорьевы, 1992 – Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Джанибека от 1342 г. венецианским купцам Азова (Реконструкция содержания) // ИИИСАА. 1992. Вып. XIV.

Григорьевы, 1997 – Григорьев А.П., Григорьев В.П. Письмо правителя Крыма Рамадана венецианскому дожу (1356 г.) // Востоковедение. 1997. Вып. 19.

Григорьевы, 1998 – Григорьев А.П., Григорьев В.П. Уведомление правителя Крыма Рамадана венецианским купцам в Янгишехре (1356 г.) // Востоковедение. 1998. Вып. 20.

Григорьевы, 2002 – Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. Историко-ведческое исследование. СПб., 2002.

Гришаков, 2004 – Гришаков В.В. Мордва и Золотая Орда // Мордва. Саранск, 2004.

Гришин, 1995 – Гришин Я.Я. Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань, 1995.

Гришин, 2000 – Гришин Я.Я. Польско-литовские татары: взгляд через века. Казань, 2000.

Грум-Гржимайло, 1926 – Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926.

Грушевский, 1891 – Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. Киев, 1891.

Грушевский, 1993 – Грушевский М. Історія України-Руси. Т. IV. XIV–XVI віки – відносини політичні. Київ, 1993.

Грязнов, 1956 – Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1956. № 48.

Губайдуллин, 1925 – Губайдуллин Г.С. Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925. Вып. II.

Губайдуллин, 1927 – Губайдуллин (Газиз) Г. К вопросу о происхождении узбеков // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. 1927. № 5.

Губайдуллин, 1928 – Губайдуллин Г.С. К вопросу о происхождении татар // ВНОТ. 1928. № 8.

Губайдуллин, 1994 – Губайдуллин (Газиз) Г. История татар. М., 1994.

Губайдуллин, 2002 – Губайдуллин А.М. Фортификация городов Волжской Булгарии. Казань, 2002.

Гулямов, 1957 – Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.

Гумаюнов, Евстратов, 2003 – Гумаюнов С.В., Евстратов И.В. Шонгат – неизвестный монетный двор Золотой Орды // XI ВНК. СПб., 14–18 апреля 2003 г.: ТДС. СПб., 2003.

Гумаюнов, Евстратов, 2004 – Гумаюнов С.В., Евстратов И.В. О названии основного серебряного номинала в монетной системе джучидов // XII ВНК. Москва, 19–24 апреля 2004 г.: ТДС. М., 2004.

Гумилев, 1959 – Гумилев Л.Н. Удельно-лестничная система у тюрок в VI–VIII веках (к вопросу о ранних формах государственности) // СЭ. 1959. № 3.

- Гумилев, 1960* – Гумилев Л.Н. Хунну. Середняя Азия в древние времена. М., 1960.
- Гумилев, 1966* – Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (Ландшафт и этнос. IV) // Вестник ЛГУ. 1966. № 6.
- Гумилев, 1966а* – Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века (Ландшафт и этнос. V) // Вестник ЛГУ. 1966. № 18.
- Гумилев, 1967/1993/2004* – Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967 (М., 1993; М., 2004).
- Гумилев, 1967а* – Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. № 1.
- Гумилев, 1970/1994/2003* – Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «Государстве пресвитера Иоанна». М., 1970 (СПб., 1994; СПб.-М., 2003).
- Гумилев, 1989/1992/1997* – Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989 (М., 1992; М., 1997).
- Гумилев, 1989а* – Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. 2-е изд. Л., 1989.
- Гумилев, 1993а* – Гумилев Л.Н. О термине «этнос» // Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.
- Гумилев, 1994а* – Гумилев Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994.
- Гуриев, 1981* – Гуриев Т.А. Проблема монгольского компонента в осетинском эпосе «Нарты». Литературные связи Монголии. М., 1981.
- Гурлянд, 1904* – Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по XVIII столетие // ИОАИЭКУ. Т.20. Вып.4-5. 1904.
- Гусев, 1995* – Гусев С.В. Северо-Восточный Кавказ в эпоху средневековья: монеты рассказывают. М., 1995.
- Гусева, 1985* – Гусева Т.В. Золотоордынский город Сарай ал-Джадид. Горький, 1985.
- Гусейнов, 1960* – Гусейнов Р.А. Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. Баку: Изд-во АН Аз. ССР, 1960.
- Гюзелев, 1995* – Гюзелев Васил. Очерки върху историята на България Северо-изток и Черноморието (края на XII – началото на XV век). София, 1995.
- д'Оссон, 1937* – д'Оссон К. От Чингисхана до Тамерлана. Иркутск, 1937.
- Давидович, 1972* – Давидович Е.А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Масуд бека (XIII в.). М., 1972.
- Давлетшин, 1990* – Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период, X – начало XIII вв.). Казань, 1990.
- Давлетшин, 1991* – Давлетшин Г.М. Биляр-Булгар в устном народном творчестве // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991.
- Дагрон, 1999* – Дагрон Ж. Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX–XII вв.) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Под ред. Р.М.Шукурова. М., 1999.
- Далай, 1983* – Далай Ч. Монголия в XIII–XIV в. М., 1983.
- Данилевский, 2001* – Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001.
- Данилов, Косулина, 2005* – Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России с древнейших времен до конца XVI века. Учебник для 6 класса. М., 2005.
- Даничић, 1866* – Животи краљева и архиепископа српских / Изд. Ђ.Даничић. Загреб, 1866.
- Даньшин, 1993* – Даньшин Д.И. Фанагорийская община иудеев // Вестник древней истории. № 1. 1993.
- Даркевич, 1976* – Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976.
- Даулет, 1996* – Даулет Н. Развитие национального самосознания у татар в XX в. (об этнониме «татар») // Панорама-Форум. 1996. № 2(5).
- Даутова, 1981* – Даутова Р.А. Старогладовское поселение – новый памятник Золотой Орды на Тереке // Археология и краеведение – вузу и школе. Грозный, 1981.
- Дебец, 1932* – Дебец Г.Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // Антропологический журнал. 1932. № 1.
- Дебец, 1936* – Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. Нижнее Поволжье // Антропологический журнал. 1936. № 1.
- Дебец, 1948* – Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948.
- Демин, 1974* – Демин А.С. Элементы тюркской культуры в литературе древней Руси XV–XVII вв. (К вопросу о видах связей) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.
- Демкин, 2005* – Демкин В.А., Алексеев А.О., Борисов А.В., Демкина Т.С., Якимов А.С. Палеопочвы и природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград, 2005.
- Дербек, 1905* – Дербек Ф.А. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени // Серия докт. дисс., допущенных к защите в Императорской военно-медицинской академии в 1904–1905 учебном году. 14. СПб., 1905.
- Джалагания, 1958* – Джалагания И.Л. Из истории монетного дела в Грузии XIII века. Тбилиси, 1958.
- Джанов, 2001* – Джанов А.В. Меднолитейная мастерская XIV века на ремесленном посаде Сугдеи // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX МНК 25–30 мая 1998 г. Ростов-на-Дону, 2001.
- Джанполадян, 1973* – Джанполадян Р.М. Армянские лапидарные надписи Поволжья // Вестник Матенадарана. 1973. № 11 (на армянском языке).
- Джанполадян, 1982* – Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани // Археологические памятники Армении (12). Средневековые памятники. Вып. IV. Ереван, 1982.
- Джанполадян, 1984* – Джанполадян Р.М. Армянские надписи на Волге // Эпиграфика Востока. 1984. Вып. XXII.
- Джонес, 1824* – Джонес, Вилиам. О татарах. (Речь Президента Бенгальского Общества Сира

Вилиама Джонеса, произнесенная в торжественном Собрании онога Общества 21 Февраля 1788 г. и напечатанная в Азиатских исследованиях // Сибирский вестник. 1824. Ч. 1.

Джувеини, 2004 – Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувеини. Перевод с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на английский язык Дж.Э.Бойла. Пер. текста с англ. на русс. язык Е.Е.Харитоновой. М., 2004.

Джуманов, 1999 – Джуманов Р.У. «Один из лучших городов» // Газета МИГ Астрахань, № 69 от 22 июля 1999.

Димитриев, 1957 – Димитриев В.Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957.

Димитриев, 1984 – Димитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чувашы. Чебоксары, 1984.

Димитриев, 1997 – Димитриев В.Д. Опустошение болгарской земли в конце XIV – начале XV веков // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1997.

Димитриев, Паськов, 1958 – Димитриев В.Д., Паськов И.П. Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1958.

Димитров, 1984 – Димитров Б. България в средновековната морска картография XIV–XVII век. София: Наука и изкуство, 1984.

Длугош, 1962 – Длугош Я. Грюнвальдская битва. М.-Л., 1962.

Длужневская, Савинов, 2007 – Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древних культур на дне Тувинского моря. СПб., 2007.

Добродомов, 1978 – Добродомов И.Г. О полевских этнонимах в древнерусской литературе // ТС 1975. М., 1978.

Довженюк, 1961 – Довженюк Б.Й. Татарське місто на нижньому Дніпрі пізнього середньовіччя Археологічні пам'ятники УРСР. Т. X. Київ, 1961.

Довженюк, 1953 – Довженюк В.И. Отчет Горностаевской археологической экспедиции 1953 г. о раскопках татарского города в урочище «Большие кучугуры» в Днепровских плавнях Запорожской области // НА ИА НАНУ №1953/2, ф.е. № 2217.

Доде, 2001 – Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М., 2001.

Домбровский, Сидоренко, 1978 – Домбровский О.И., Сидоренко В.А. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь: Изд-во «Таврия», 1978.

ДРВ, 1891 – ДРВ. Ч. 1. (Январь–июнь, 1775 г.). СПб., 1891.

Древнетюркский словарь, 1969 – Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Древние акты, 1867 – Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. Т. VI. Одесса. 1867.

Древняя Казань, 1996 – Древняя Казань глазами современников и историков / Сост. и авт. коммент. Ф.Ш.Хузин и А.Г.Ситдииков. Казань, 1996.

Дробинский, 1948 – Дробинский А.И. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. 1948. № 26.

Дубынин, 1956 – Дубынин А.Ф. Археологические исследования в Зарядье (Москва) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1956.

Думан, 1968 – Думан Л.И. Общественный строй сяньби и тоба III–IV вв. н.э. // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.

Дурдыев, Ходжаниязов, 1973 – Дурдыев Д., Ходжаниязов Т. Археологические памятники Ташаузской области. Ашхабад, 1973.

Духовные и договорные грамоты, 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950.

Е Лун-ли, 1979 – Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введение, комментарий и приложения В.С.Таскина. М., 1979. Т. XXXV.

Евразийство, 1992 – Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992.

Евстратов, 1997 – Евстратов И.В. О золотоордынских городищах, находившихся на местах Селитренного и Царевских городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей (Материалы МНК, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д.Рау (1897–1997), г. Энгельс, 12–17 мая 1997 г.). Саратов, 1997. Ч. 2.

Евстратов, 2000 – Евстратов И.В. Идиль – монетный двор Золотой Орды // VIII ВНК. Москва, 17–21 апреля 2000 г.: Тез. докл. и сообщ. М., 2000.

Евстратов, 2004 – Евстратов И.В. Об одной группе джучидских пулов с легендой // XII ВНК, 2004. Москва, 19–24 апреля 2004 г.: ТДС. М., 2004.

Евстратов, Гумаюнов, 2005 – Евстратов И.В., Гумаюнов С.В. Вес, размер и достоинство серебряных монет, чеканенных в Сарае и Укек в XIII – нач. XIV века // Труды II МНК «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV вв.» Муром, 6–12 сентября 2003 г. М., 2005.

Евтюхова, 1965 – Евтюхова Л.А. и др. Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В.Киселев. М., 1965.

Егерев, 1958 – Егерев В.В. Архитектура города Болгара // МИА. 1958. Т. 61.

Егоров, 1969 – Егоров В.Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII–XIV вв. // История СССР. 1969. № 4.

Егоров, 1970 – Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959–1965 гг.) // Поволжье в средние века. М., 1970.

Егоров, 1972 – Егоров В.Л. Государственное и административное устройство Золотой Орды // ВИ. 1972. № 2.

Егоров, 1974 – Егоров В.Л. Развитие центро-

бежных устремлений в Золотой Орде // ВИ. 1974. № 8.

Егоров, 1975 – Егоров В.Л. О времени возникновения Казани // СА. 1975. №4.

Егоров, 1977 – Егоров В.Л. География городов Золотой Орды // СА. 1977. № 1.

Егоров, 1980 – Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.

Егоров, 1980б – Егоров В.Л. Мавзолеи Водянского городища // СА. 1980. № 1.

Егоров, 1984 – Егоров Н.И. Болгаро-чувашско-кыпчакские этноязыковые взаимоотношения в XIII–XIV вв. // Болгары и чуваша. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1984.

Егоров, 1985 – Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Егоров, 1990 – Егоров В.Л. Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990.

Егоров, 1997 – Егоров В.Л. Александр Невский и Чингизиды // ОИ. 1997. № 2.

Егоров, 1998 – Егоров В.Л. Раскопки Поволжской археологической экспедицией золотоордынских городов на Нижней Волге // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып. 1.

Егоров, 2000 – Егоров В.Л. Города Руси и Золотой Орды в XIII–XIV вв. // Наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. МНК. ТГИМ. Вып. 122. М., 2000.

Егоров, 2003 – Егоров В.Л. Монгольское иго на Руси // Татарский мир. Татар дөнъясы. 2003. № 14.

Егоров, Полубояринова, 1974 – Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в Средние века. М., 1974.

Егоров, Федоров-Давыдов, 1976 – Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

Ельников, 2001 – Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). Запорожье, 2001. I.

Ельников, 2004 – Ельников М.В. Грунтовый кочевнический могильник Мамай-Гора XIV в. из Нижнего Поднепровья // Татарская археология. Казань, 2004. № 1–2 (12–13).

Еманов, 1995 – Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: На материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995.

Еманов, 1997 – Еманов А.Г. Образование городской коммуны Каффы (до сер. XV в.): АДД. Екатеринбург, 1997.

Еманов, 2002 – Еманов А.Г. «На краю Европы»: становление города на границе цивилизаций и культур // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2002.

Еманов, 2003 – Еманов А.Г. Sommo di Caffa XIII–XV вв. // XI ВНК. СПб., 2003.

Ерзакович, 1968 – Ерзакович Л.Б. О позднесредневековом городище Аснара // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.

Ерзакович, 1972 – Ерзакович Л.Б. Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья в Таласской долине // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972

Ерзакович, 1973 – Ерзакович Л.Б. Некоторые типы жилищ Золотой Орды / Археологические исследования в Казахстане Алма-Ата, 1973.

Ермолаев, 1982 – Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. Управление Казанским краем. Казань, 1982.

Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985 – Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985.

Ефимов, 1999 – Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3–4.

Ефимова, 1952 – Ефимова А.М. Древние инженерные сооружения по укреплению берега в городе Болгары // КСИИМК. 1952. № 44.

Ефимова, 1954 – Ефимова А.М. Гидротехнические сооружения древнего Болгара // МИА. 1954. № 42.

Ефимова, 1957 – Ефимова А.М. К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии. Казань, 1957.

Ефимова, 1958 – Ефимова А.М. Черная металлургия города Болгара // МИА. 1958. № 61.

Ефимова, 1969 – Ефимова А.М. Кладбище у «Ханской усыпальницы» на Болгарском городище // Древности Восточной Европы. М., 1969.

Ефимова, 1983 – Ефимова С.Г. Антропология древнего населения Волжской Булгарии: АКД. М. 1983.

Ефимова, 1991 – Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.

Ефремов, 1998 – Ефремов С.А. Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников I пол. II тыс. н.э. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998.

Ефремов, 2002 – Ефремов С.А. Погребальный обряд алтайских племен в XI–XIV вв. // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2002. Т. 5.

Животи краљева и архиепископа српских, 1866 – Животи краљева и архиепископа српских, написао архиепископ Данило и други. Загреб, 1866.

Жирмунский, 1974 – Жирмунский В.М. Сказание об Идегее // Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Жиромский, 1953 – Жиромский Б.Б. Подгорная слобода города Болгара // КСИИМК. 1953. Вып. 50.

Жиромский, 1954 – Жиромский Б.Б. Ага-Базар // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. М.: Наука, 1954.

Загайнова, Зеленев, Зеленцова, 2006 – Загайнова Л.П., Зеленев Ю.А., Зеленцова О.В. Новые данные о проникновении культуры волжских болгар в мордовские земли (поселения X–XIV вв. в лесостепном Посурье по работам 2005 г.) // Средневековая археология Евразийских степей. М., Йошкар-Ола, 2006.

- Зайковский, 1910* – Зайковский Б.В. Штемпель на золотоордынском сосуде, хранящемся в историческом музее // СУАК. 1910. Вып. 26.
- Зайцев, 2004* – Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004.
- Закиев, 1986* – Закиев М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986.
- Закиев, 2003* – Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. М., 2003.
- Закиев, Кузьмин-Юманади, 1993* – Закиев М.З., Кузьмин-Юманади Я.Ф. Волжские булгары и их потомки. Казань, 1993.
- Закиров, 1966* – Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом XIII–XIV вв. М., 1966.
- Залкинд, 1972* – Залкинд Н.Г. Краниологические материалы из Нового Сарая (Сарай-Берке) // Труды Моск. общества испытателей природы. М., 1972. Т. 43.
- Засыпкин, 1927* – Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2.
- Захариков, 2003* – Захариков А.П. Отчет о раскопках курганов в Лысогорском районе Саратовской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23926–23927.
- Заходер, 1955* – Заходер Б.Н. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. К вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передней Азией // Краткие сообщения ИВ АН СССР. М., 1955. Вып. 14.
- Заходер, 1967* – Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967.
- Збуева, Смирнов, 1939* – Збуева А., Смирнов А. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла 1938–1939 гг. // Вестник древней истории. 1939. № 4 (9).
- Зеленев, 1991* – Зеленев Ю.А. Северные провинции Золотой Орды. Машинопись. Фонд ПГОКМ, н/а 628/5. 1991.
- Зеленев, 1994* – Зеленев Ю.А. Отчет о раскопках Царевского городища (Ленинском районе Волгоградской области) в 1994 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 18607.
- Зеленев, 1995* – Зеленев Ю.А. Отчет о раскопках Царевского городища в Ленинском районе Волгоградской области за 1995 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 19213.
- Зеленев, 1996* – Зеленев Ю.А. Отчет об исследованиях Царевского городища в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20117.
- Зеленев, 1998* – Зеленев Ю.А. Отчет о раскопках Царевского городища в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21966.
- Зиливинская, 1989* – Зиливинская Э.Д. Средневековые бани Нижнего Поволжья // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
- Зиливинская, 1990* – Зиливинская Э.Д. Еще раз о банях города Мохши // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1990. Вып. 2.
- Зиливинская, 1991* – Зиливинская Э.Д. Мону-ментальное строительство в городах Золотой Орды: АКД. М., 1991.
- Зиливинская, 1994* – Зиливинская Э.Д. Археологические работы на городище Маджары в 1989–91 гг. и 1993 г. // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994.
- Зиливинская, 1995* – Зиливинская Э.Д. Раскопки на городище Маджары // АО в 1994 году. М., 1995.
- Зиливинская, 1996* – Зиливинская Э.Д. Работы на городище Маджары в Ставропольском крае // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX «Крупновские чтения». М., 1996.
- Зиливинская, 1998* – Зиливинская Э.Д. Мечети Золотой Орды (общие принципы планировки) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998.
- Зиливинская, 2001* – Зиливинская Э.Д. Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований. М., 2001.
- Зиливинская, 2001а* – Зиливинская Э.Д. Раскопки богатого усадебного дома на Красном холме Селитренного городища // Поволжье в средние века. Н. Новгород, 2001.
- Зиливинская, 2003* – Зиливинская Э.Д. Археологические исследования памятников Золотой Орды на Северном Кавказе // РА. 2003. № 2.
- Зиливинская, 2004* – Зиливинская Э.Д. Исследование слоев домонгольского времени на городище Самосделка в Нижнем Поволжье // Древность и средневековые Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. Казань–Болгар, 2004.
- Зиливинская, 2007* – Зиливинская Э. Проблемы хронологии поселенческих памятников Нижнего Поволжья / Средневековая археология евразийских степей. Т. 1. Казань, 2007.
- Зиливинская, Чеченов, 2004* – Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М., 2004.
- Зимин, 1962* – Зимин А.А. Краткое и простр-анное собрание ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962.
- Зимин, 2006* – Зимин А.А. Слово о полку Иго-реве. СПб., 2006.
- Зимони, 1993* – Зимони И. Первый монголь-ский рейд на Волжскую Булгарию // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.
- Златарски, 1940* – Златарски В.Н. История на българската държава през средните векове III. София, 1940.
- Знаменский, 1910* – Знаменский П. Казанские татары. Казань, 1910.
- Золотая Орда в источниках, 2003* – Золотая Орда в источниках. Т.1. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г.Тизен-гаузена / Сост., ввдн. стат. и коммент. Р.П.Храпачевского. М., 2003.
- Золотая Орда в источниках, 2009* – Золотая Орда в источниках. Т.3. Китайские и монгольские источники. Сборник сведений, относящихся к истории Золотой Орды (улусу Джучи), из китайских и монгольских источников / Пер. с китайского яз., сост., ввдн. стат. и коммент. Р.П.Храпачевского. М., 2009.

Золотая Орда, 2005 – Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005.

Зориктуев, 1995 – Зориктуев Б.Р. Взаимоотношения племен Прибайкалья и Монголии в эпоху Чингиз-хана // «Тайная история монголов». Источниковедение, история, филология. Новосибирск, 1995.

Зотов, 1990в – Зотов В.В. О датировке минарета Кутлуг-Тимура // Архитектура и строительство Узбекистана. 1990. № 7.

Зуев, 2001 – Зуев Ю.А. Кипчакский Урбе-хан в эпохе и истории // Материалы международной научно-теоретической конференции «Древнетюркская цивилизация. Памятники письменности», посвященной 10-летию независимости Республики Казахстан. Алматы, 2001.

Зяблин, 1955 – Зяблин Л.П. О «татарских курганах» // СА. 1955. № 2.

Иакинф, 1829 – Иакинф (Бичурин Н.Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.

Иакинф, 1850 – Иакинф. Кто таковы были монголы // Москвитянин. 1850. Ч. VI.

Ибн ал-Асир, 1940 – Тарих ал-Камиль / Пер. с араб. П.К.Жузе. Баку, 1940.

Ибн ал-Асир, 1973 – Ибн ал-Асир. Китаб ал-Камиль фи-т-та'рих // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1.

Ибн ал-Факих – Ибн ал-Факих. Китаб ахбар ал-булдан. Фотокопия Мешхедской рукописи. ИВ РАН. ФВ-202, л.168.

Ибн Батута, 1841 – Ибн Батута. Путешествие шейха Ибн-Батуты в Золотую Орду в половине XIV века // Русский вестник. 1841. Т. 1. Кн.2.

Ибн Батута, 2000 – Извлечения из «Путешествия» Ибн Батуты / Пер. Н.Ибрагимова // Средневековые письменные источники о древнем Ургенче. Ашхабад, 2000.

Ибн Рузбахан Исфгани, 1976 – Ибн Рузбахан Исфгани, Фазлаллах Михман-наме-йи Бухара (Записки Бухарского гостя) / Перевод, предисл. и примеч. Р.П.Джалиловой. Под ред. А.К.Арендса. М., 1976.

Ибрагимов, 1966 – Ибрагимов С.К. «Михман-наме-и Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Т. 8. Алма-Ата, 1960.

Ибрагимов, 1975 – Ибрагимов Н. Легенда и реальность в «Путешествии» Ибн Батуты // Вопросы восточной текстологии и истории литератур народов Ближнего и Среднего Востока. Научная сессия, посвященная памяти Е.Э.Бертельса. 4–6 февраля 1975 г.: ТДС. М., 1975.

Ибрагимов, 1988 – Ибрагимов Н. Ибн Батута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.

Ивакин, 2002 – Ивакин Г. Южная Русь и Батыевое нашествие // Родина. 2002. № 11–12.

Иванин, 1875 – Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875.

Иванин, 1998 – Иванин М. О военном искусстве при Чингисхане и Тамерлане. Алматы, 1998.

Иванин, 2003 – Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб., 2003.

Иванич, 2002 – Иванич М. «Дафтар-и Чингизнаме» как источник по истории кочевых обществ // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Иванов, 1988 – Иванов В.А. Magna Hungaria – археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.

Иванов, 1996 – Иванов Н.Н. Клад джучидских монет, найденный в Крыму в 1964 году. М., 1996.

Иванов, 1998 – Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1998.

Иванов, 1999 – Иванов Г.Е. Погребение золотоордынского времени с поселения Островное 3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X.

Иванов, Кригер, 1987 – Иванов В.А., Кригер В.А. Проблемы изучения средневековых кочевников Южного Урала // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987.

Иванов, Кригер, 1988 – Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988.

Иванова, 1995 – Иванова М.Г. Городище Иднакар IX–XIII вв.: материалы исследований территории между валами // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск, 1995.

Идегей, 1990 – Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990.

Иерусалимская, 1967 – Иерусалимская А.А. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // СА. 1967. №2.

Иерусалимская, 1972 – Иерусалимская А.А. Великий шелковый путь и Северный Кавказ. Л., 1972.

Из глубины столетий, 2000 – Из глубины столетий / Составление, подбор иллюстраций, вступительные статьи, обработка текста и комментарий Б.Л.Хамидуллина. Казань, 2000.

Известия, 1890 – Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. СПб., 1890.

Измайлов, 1988 – Измайлов И.Л. Из истории домонгольского и раннезолотоордынского защитного доспеха волжских булгар // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.

Измайлов, 1992 – Измайлов И.Л. Татары средневековья (этнополитическое самосознание населения Золотой Орды) // Татарстан. 1992. № 11/12.

Измайлов, 1992а – Измайлов И.Л. Идегей: Жизнь, ставшая легендой // Татарстан. 1992. № 1; № 2.

Измайлов, 1993 – Измайлов И.Л. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды в XIII–XV вв. // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

Измайлов, 1993а – Измайлов И.Л. Улус Джучи: взгляд на историю средневековой империи // Татарстан. 1993. № 7; № 8.

Измайлов, 1994 – Измайлов И.Л. Битва на Ворскле. 1399. Звездный час эмира Идегея // Цейхгауз. № 3 (№1/1994). М., 1994.

Измайлов, 1996 – Измайлов И.Л. Этнополитические аспекты самосознания болгар X–XIII вв. // Панорама-Форум. 1996. № 1(4).

Измайлов, 1997 – Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Магадан, 1997.

Измайлов, 1997a – Измайлов И.Л. «Идегеево побоище» ЦК ВКП(б) // Родина. 1997. № 3/4.

Измайлов, 1997б – Измайлов И.Л. Лукавое обаяние дилетантизма // Татарстан. 1997. № 12.

Измайлов, 1999 – Измайлов И.Л. «Безбожные агаряне»: Волжская Булгария и болгары глазами русских (X–XIII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто: Материалы к конференции. М., 1999.

Измайлов, 2000 – Измайлов И.Л. «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Наука, 2000.

Измайлов, 2001 – Измайлов И.Л. Поволжье и Мусульманский Восток в средние века (торговые пути и распространение ислама) // Россия и Иран: иранистика в Татарстане / Под ред. А.З.Егорова, Н.М.Мамедовой. М., 2001.

Измайлов, 2001a – Измайлов И.Л. Родословия мусульманских эпитафических памятников (к проблеме этнокультурной истории Булгарии XII–XIII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы к конференции. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001.

Измайлов, 2001б – Измайлов И.Л. Средневековые болгары: этнополитические и этноконфессиональные аспекты идентификации // Диалог культур Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии. Вып. 2 / Под ред. А.А.Бурханова. Казань, 2001.

Измайлов, 2001в – Измайлов И.Л. Ислам в Улусе Джучи (Золотой Орде) // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань, 2001.

Измайлов, 2002 – Измайлов И.Л. Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 / Отв. ред. М.А.Усманов. Казань: Мастер Лайн, 2002.

Измайлов, 2002a – Измайлов И.Л. Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки / Под ред. Р.М.Мухаметшина. Казань: Мастер Лайн, 2002.

Измайлов, 2002б – Измайлов И.Л. Ислам в Золотой Орде // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность.

Очерки / Под ред. Р.М.Мухаметшина. Казань: Мастер Лайн, 2002.

Измайлов, 2003 – Измайлов И.Л. Монгольские завоевания в Поволжье в начале XIII в.: Т.Т.Олсен и его взгляд на проблему // ИТ. 2003. № 2.

Измайлов, 2004 – Измайлов И.Л. Ислам и язычество в Улусе Джучи: проблемы и дискуссии // Культурные традиции Евразии. Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии / Под ред. А.А.Бурханова. Казань, 2004. Вып. 4.

Измайлов, 2006 – Измайлов И.Л. Прошлое татарского народа как средство национальной мобилизации // Татарская нация в XXI веке: проблемы развития. Казань, 2006.

Измайлов, 2006a – Измайлов И.Л. Военное дело // История татар с древнейших времен. Т.П. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.

Измайлов, 2006б – Измайлов И.Л. Внешняя политика Булгарского государства // История татар с древнейших времен. Т.П. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.

Измайлов, 2006в – Измайлов И.Л. Средневековые болгары: этнополитическая и этноконфессиональная общность // История татар с древнейших времен. Т.П. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.

Измайлов, 2006г – Измайлов И.Л. Нашествие Аксак-Тимура на Болгар: мнимая реальность и татарская историческая традиция // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А.Усманова / Сост. Д.М.Усманова, Д.А.Мустафина; научн. ред. И.А.Гилязов. Казань: КГУ, 2006.

Измайлов, Гибадуллина, 1996 – Измайлов И.Л., Гибадуллина Р. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...» // Эхо веков = Гасырлар авазы. 1996. № 3/4.

Измайлов, Недашковский, 1993 – Измайлов И.Л., Недашковский Л.Ф. Находки предметов вооружения с территории золотоордынского города Укека из музеев Казани и Саратова // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

Ильиньчжэнь – Ильиньчжэнь. Чжунго бэйфан миньцзу юй мэngu цзу юань. Отд. оттиск.

Ильинский, 1991 – Ильинский В.Е. Дикое Поле в XIII–XVI вв. (в связи с северной политикой Крыма) // Проблемы истории Крыма: Тезисы докладов научной конференции. Вып. 2. Симферополь, 1991.

Ильминский, 1854 – Ильминский Н.И. Исторические материалы и разыскания. Выписки из Ибн-эль-Атира о первом нашествии татар на кавказские и черноморские страны, с 1220 по 1224 год // Ученые записки императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1854. Т. II.

Илюшин, 1999 – Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья. Кемерово, 1999.

Именник, 1981 – Именник на българските ханове. Критично издание с коментар и обяснителни бележки от Ив. Богданов. София, 1981.

- Иностранцев, 1924* – Иностранцев К. Хунну и гуны. Л., 1924.
- Иоанн де Пано Карпини, 1911* – Иоанн де Пано Карпини. История Монгалов. СПб., 1911.
- Исиев, 1991* – Исиев Д.А. Культура уйгуров IX–XII вв. // Краткая история уйгуров. Алма-Ата, 1991.
- Искусство ислама, 1990* – Искусство ислама. Каталог выставки. Л., 1990.
- Исламов, 2002* – Исламов Р.Ф. «Шахнаме» Шарифа в контексте золотоордынской и кипчакско-мамлукской литературы (Источники. Поэтика): АКД. Казань, 2002.
- Исмагилов, Худяков, 2001* – Исмагилов Р.Б. Худяков Ю.С. Находки монгольского времени из Северного Казахстана // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Проблемы истории и археологии. Казань, 2001. Вып. 2.
- Исмагулов, 1970* – Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.
- Истомина, 1981* – Истомина Е.Г. Историческая география России XVIII в. М., 1981.
- Историки. Татарский народ, 2000* – Историки. Татарский народ. Казань, 2000.
- История «скифов», 2001* – История «скифов» глазами современников / Составление, подбор иллюстраций, обработка и подготовка текста, предисл. Б.Л.Хамидуллина. Казань, 2001.
- История Алтая, 1995* – История Алтая. С древнейших времен до 1917 года. Барнаул, 1995. Ч. I.
- История Востока, 1995* – История Востока. Т. II: Восток в средние века. М.: Вост. лит-ра, 1995.
- История Грузии, 1962* – История Грузии. Т. 1. С древнейших времен до 60-х годов XIX века. Тбилиси, 1962.
- История Дагестана, 1967* – История Дагестана. Т. I. М., 1967.
- История Дагестана, 2005* – История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В двух томах. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М., 2005.
- История Ирана, 1958* – История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.
- История Казахской ССР, 1979* – История Казахской ССР. Т.2. Алма-Ата, 1979.
- История Казахстана, 1997* – История Казахстана. Т. 2. Алматы, 1997.
- История Казахстана, 2001* – История Казахстана и Центральной Азии: Учеб. пособие / Абусейтова М.Х. и др. Алматы, 2001.
- История Казахстана, 2005* – История Казахстана в арабских источниках. Т.1. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном. Перераб. и доп. издание. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
- История Мар Ябалахи, 1958* – История Мар Ябалахи III и раббан Саумы / Исследование и перевод Н.В.Пигулевской. М., 1958.
- История Монголов инока Магакии, 1871* – История Монголов инока Магакии, XIII века / Перевод и объяснения К.П.Патканова. СПб., 1871.
- История монголов по армянским источникам, 1873/1874* – История монголов по армянским источникам / Пер. и объяснения К.П.Патканова. СПб., 1873. Вып. I; 1874. Вып. II.
- История народов Северного Кавказа, 1988* – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
- История народов Узбекистана, 1950* – История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. 1.
- История России, 2000* – История России с древнейших времен до конца XVII века / А.П.Новосельцев, А.Н.Сахаров, В.И.Буганов, В.Д.Назаров; отв. ред. А.Н.Сахаров, А.П.Новосельцев. М., 2000.
- История СССР, 1955* – История СССР. Краткий курс. Учебник для 4 класса / Под ред. А.В.Шестакова. М., 1955.
- История СССР, 1975* – История СССР с древнейших времен до конца XVIII века / Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1975.
- История Татарии в материалах и документах, 1937* – История Татарии в материалах и документах. М., 1937.
- История Узбекской ССР, 1967* – История Узбекской ССР. Т. I. Ташкент, 1967.
- История Чингисхана и Тамерлана, 1907* – История Чингисхана и Тамерлана // ТОУАК. 1907. Вып. XIX.
- Источниковедение, 2002* – Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.
- Исхаки, 1991* – Исхаки Г. Идель-Урал. Казань, 1991.
- Исхаков, 1980* – Исхаков Д.М. Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынского-тюркского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980.
- Исхаков, 1988* – Исхаков Д.М. Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. (критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края // СЭ. 1988. № 5.
- Исхаков, 1995* – Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – сер. XVI вв.). // Панорама-Форум. 1995. № 3.
- Исхаков, 1997* – Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997.
- Исхаков, 1997а* – Исхаков Д.М. Ключевой этап татарской истории // Татарстан. 1997. № 3.
- Исхаков, 1997б* – Исхаков Д.М. Этнополитическая история татар // Идель. 1997. № 1/2.
- Исхаков, 1997в* – Исхаков Д.М. Сеиды в поздnezолотоордынских татарских государствах. Казань, 1997.
- Исхаков, 1998* – Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998.
- Исхаков, 2000* – Исхаков Д.М. О титулах «князь Болгарский» и «князь Казанский» // Этнос и культуры на стыке Азии и Европы: сб. ст. к

50-летию научной деятельности член-корр. РАН Р.Г.Кузеева. Уфа: Гилем, 2000.

Исхаков, 2001 – Исхаков Д.М. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV века // Татары. Серия «Народы и культуры» / Под ред. Р.К.Уразмановой, С.В.Чешко. М., 2001.

Исхаков, 2002 – Исхаков Д.М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // ТС 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Исхаков, 2002a – Исхаков Д.М. О ранних кыпчакских этнонимах среди волго-уральских татар (по материалам топонимов и другим данным) // Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы одноименной научной конференции. – Казань, 2002.

Исхаков, 2003 – Исхаков Д.М. Научная интеллигенция и национальное самосознание татар (1940–1990-е годы) // Татарский путь: права народа и политкорректность. Казань: Магариф, 2003.

Исхаков, 2004 – Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Научно-методическое пособие. Казань, 2004.

Исхаков, 2004a – Исхаков Д.М. Еще раз о казанских князьях рубежа XIV–XV вв. // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань, 2004.

Исхаков, 2004b – Исхаков Д.М. Общие сведения о татарах // Этнография татарского народа. Казань, 2004.

Исхаков, 2006 – Исхаков Д.М. Еще раз о казанских князьях рубежа XIV–XV вв. // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А.Усманова / Сост. Д.М.Усманова, Д.А.Мустафина; научн. ред. И.А.Гилязов. Казань: КГУ, 2006.

Исхаков, Измайлов, 1999 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Татары // Из истории Альметьевского региона / Отв. ред. Д.М.Исхаков. Казань, 1999.

Исхаков, Измайлов, 2000 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. Казань, 2000.

Исхаков, Измайлов, 2001 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары. Серия «Народы и культуры» / Под ред. Р.К.Уразмановой, С.В.Чешко. М., 2001.

Исхаков, Измайлов, 2005 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань, 2005.

Исхаков, Измайлов, 2007 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань, 2007.

Ичалов, 1975 – Ичалов Г.Х. Дагестан – арена военных столкновений Хулагуидов и ханов Золотой Орды в XIII–XIV вв. // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Вып. III. Махачкала, 1975.

Ишболдин, 2005 – Ишболдин Б. Очерки из истории татар. Казань, 2005.

Кавеев и др., 1988 – Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская

Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.

Кавеев, 1995 – Кавеев М.М. Город Болгар // Древние народы и города Поволжья. Пенза, 1995.

Кадырбаев, 1975 – Кадырбаев М.К. Зооморфные костяные пластины из Северного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.

Кадырбаев, 1982 – Кадырбаев А.Ш. Уйгуры в империи Чингиз-хана и его преемников XIII–XIV вв. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI научная годичная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1982.

Кадырбаев, 1983 – Кадырбаев А.Ш. О культурной роли уйгуров в империи Юань (по китайским источникам) // Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата, 1983.

Кадырбаев, 1986 – Кадырбаев А.Ш. Китайские источники эпохи Юань о государственности тюркских кочевников Казахстана – кыпчаков и канглы // XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1986.

Кадырбаев, 1986 – Кадырбаев А.Ш. Уйгуры в Иране и на Ближнем Востоке в эпоху монгольского владычества (XIII–XIV вв.) // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата, 1986.

Кадырбаев, 1988 – Кадырбаев А.Ш. Уйгуры в междоусобных войнах Чингизидов // XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1988.

Кадырбаев, 1989 – Кадырбаев А.Ш. «Юань-ши» как источник по истории керайтов и найманов. Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. М., 1984.

Кадырбаев, 1989 – Кадырбаев А.Ш. Кипчаки в империи Юань // IX научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1978.

Кадырбаев, 1989 – Кадырбаев А.Ш. Китайские источники монгольской эпохи о внешнеполитических связях тюркских кочевников Казахстана – кыпчаков и канглы с народами Центральной Азии и Дальнего Востока (XII – начало XIII вв.) // XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.: Наука, 1982.

Кадырбаев, 1989 – Кадырбаев А.Ш. Тюрки в империи Чингиз-хана и его преемников XIII–XIV вв.: Научно-аналитический обзор. Алма-Ата, 1989.

Кадырбаев, 1990 – Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. Алма-Ата, 1990.

Кадырбаев, 1990 – Кадырбаев А.Ш. Уйгуры Восточного Туркестана в политике монгольских завоевателей XIII–XIV вв. // Из истории международных отношений в Центральной Азии. Алма-Ата, 1990.

Кадырбаев, 1991 – Кадырбаев А.Ш. Культура средневековых уйгуров XIII в. // Краткая история уйгуров. Алма-Ата, 1991.

Кадырбаев, 1992 – Кадырбаев А.Ш. Казахстан в эпоху Чингиз-хана и его преемников. XII–XIV века. Алма-Ата, 1992.

Кадырбаев, 1993 – Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, жалаиридов, найманов и кирейтов. Алма-Ата, 1993.

Кадырбаев, 1997 – Кадырбаев А.Ш. За пределами Великой степи. Алматы, 1997.

Кадырбаев, 1998 – Кадырбаев А.Ш. Золотая Орда и ее евразийские наследники // Казахстан – аналитические исследования. Спектр. 1998. № 3 (4).

Кадырбаев, 2002 – Кадырбаев А.Ш. Путешественники Запада и Востока в Центральной Азии XIII–XIV вв. // Altaica. 2002. Т. VII.

Кадырбаев, 2003 – Кадырбаев А.Ш.. Золотая Орда как предшественница Московского государства и Российской империи // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов: Материалы МНПК, 10–11 апреля 2003 г. М., 2003.

Кадырбаев, Бурнашева, 1970 – Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.

Кадыргали Жалайыр, 1997 – Кадыргали Жалайыр. Шежірелер жинағы. Алматы: Қазақстан, 1997.

Казаков, 1978 – Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.

Казаков, 1988 – Казаков Е.П. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.

Казаков, 1992 – Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.

Казаков, 1997 – Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. 1997. № 1.

Казаков, 1999 – Казаков Е.П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. 1999. № 1/2.

Казаков, 2006 – Казаков Е.П. О взаимодействии волжских болгар с финно-уграми // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.

Казаков, 2007 – Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007.

Казаков, Пигарев, 1998 – Казаков П.В., Пигарев Е.М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–1990 гг.) // МИАП. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998.

Казим-Ахмед, 1947 – Трактат о каллиграфиях и художниках. 1596–97/1005 / Введение, пер. и коммент. Б.Н.Заходера. М.-Л., 1947.

Казиев, 1966 – Казиев А.Ю. Художественно-технические материалы и терминология средневековой книжной живописи, каллиграфии и переплетного искусства. Баку, 1966.

Калинин, 1948 – Калинин Н.Ф. К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождение казанских татар. Казань, 1948.

Калинин, Смирнов, 1946 – Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Реконструкция болгарской бани XIV в. (из материалов Куйбышевской экспедиции 1940 г.) // КСИИМК. 1946. Вып. 13.

Калинин, Халиков, 1954 – Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань, 1954.

Кара, 1972 – Кара Д. Книга монгольских кочевников. (Семь веков монгольской письменности). М., 1972.

Кара, 1981 – Кара Д. Уйгуро-монгольские литературные связи. Литературные связи Монголии. М., 1981.

Карамзин – Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 томах, 5-е издание. СПб., 1842–1844. Т. IV.

Карамзин, 1991 – Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II–III. М.: Наука, 1991.

Карамзин, 1992 – Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. М.: Наука, 1992.

Каргалов, 1966 – Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966.

Каргалов, 1967 – Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.

Каргалов, 1972 – Каргалов В.В. [Рец. на книгу «Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей»] // НАА. 1972. № 5.

Каргалов, 1980 – Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1980.

Каргер, 1949 – Каргер М.К. Киев и монгольские завоевания // СА. 1949. № 11.

Каргер, 1958 – Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. М.-Л., 1958 (Т. 2. М.-Л., 1961).

Карпини и др., 1997 – дель Пано Карпини Дж. История монголов. Де Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997.

Карпов, 1981 – Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейское государства в XIII–XV вв. М.: Изд-во МГУ, 1981.

Карпов, 1990 – Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990.

Карпов, 1991 – Карпов С.П. Документы по истории венецианской фактории. Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М., 1991.

Карпов, 1994 – Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994.

Карпов, 2000 – Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000.

Каррыев, Мошкова, Насонов, Якубовский, 1954 – Каррыев А., Мошкова В.Г., Насонов А.Н., Якубовский А.Ю. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII–XIX вв. Ашхабад, 1954.

Кастанье, 1910 – Кастанье И.А. Древности Киргизской степи Оренбургского края // Труды ОУАК. Оренбург, 1910. Т. 22.

Катанов – Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири // Уч. зап. КГУ. 1903. Кн. 12.

Кафаров, 1866 – Кафаров Палладий. Си-ю-цзи или описание путешествия на запад. Перевод с китайского с примечаниями // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866.

- Каховский, 1965* – Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965.
- Каховский, 1984* – Каховский В.Ф. Археология Волжской Болгарии и вопросы этногенеза чувашской народности // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984.
- Каховский, Смирнов, 1972* – Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972.
- Кашгарский, 1960–1963* – Махмуд Кашгарский. Девону луготит-турк. Т. 1. Ташкент, 1960; Т. 2. Ташкент, 1961; Т. 3. Ташкент, 1963.
- Каштанов, 1975* – Каштанов С.М. Русские княжеские акты X–XIV вв. (до 1380 г.) // АЕ за 1974 год. М., 1975.
- Кверфельдт, 1947* – Кверфельдт Э.К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.
- Кемаль, 1930* – Кемаль Якуб. Тюрко-татарская рукопись XIV в. «Нахжд-уль Ферадис». Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1930.
- Кикшин, 1924* – Кикшин Н.Ш. Копет-даг: геологическое и гидрогеологическое исследования в Полторацком уезде Туркменской области в 1923 г. Ташкент, 1924.
- Килиевич, 1982* – Килиевич С.Р. Детинец Киева IX – первой половины XIII веков (По материалам археологических исследований). Киев: Наукова думка, 1982.
- Кирпичников, 1957* – Кирпичников А.Н. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия // СА. 1957. № 3.
- Кирпичников, 1976* – Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
- Кирпичников, 1980* – Кирпичников А.Н. Куликовская битва. Л., 1980.
- Киселев, 1949* – Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. М.-Л., 1949.
- Киселев и др., 1965* – Киселев С.В., Евтюхова Л.А., Кызласов Л.Р., Мерперт Н.Я., Левашова В.П. Древнемонгольские города. М., 1965.
- Клавихо, 1881* – Клавихо Р.Г. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. / Подлинный текст с пер. и прим., сост. под ред. И.И.Срезневского. СПб., 1881.
- Клавихо, 1990* – Клавихо, Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). Перевод со староиспанского / Пер., предисл., коммент. И.С.Мироновой. М.: Наука, 1990.
- Клавихо, 1992* – Клавихо Г. История великого Тамерлана // Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния / Сост., обр. и подг. текста Р.Рахманалиева. М., 1992.
- Клапрот, 1823* – Клапрот Ю. Что такое Татары? // Северный архив. 1823. Июнь. Ч. 6. № 11.
- Клейн, 1993* – Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993.
- Клосс, 1980* – Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
- Клосс, 1998* – Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
- Клосс, 2001* – Клосс Б.М. Избранные труды. Т. II: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001.
- Ключевский, 1871* – Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- Ключевский, 1987* – Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М.: Мысль, 1987.
- Кляшторный, 1964* – Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный, 1973* – Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии // ТС 1972. М., 1973.
- Кляшторный, 1993* – Кляшторный С.Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993.
- Кляшторный, Савинов, 1994* – Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.
- Кляшторный, Султанов, 1992* – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: 1992.
- Кляшторный, Султанов, 2000* – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Кляшторный, Султанов, 2004* – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье / 2-е изд., исправл. и доп. СПб., 2004.
- Книга Марко Поло, 1956* – Книга Марко Поло / Перевод старофранцузского текста И.П.Минаева. Ред. и вступ. ст. И.П.Магидовича. М., 1956.
- Книга Марко Поло, 1990* – Книга Марко Поло. 2-е изд. Алма-Ата, 1990.
- Книга путешествия, 1999* – Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и комм. Е.В.Бахреvesкого. Симферополь, 1999.
- Книга странствий, 2006* – Книга странствий / Пер с лат. и ст.-фр., сост., статьи и комм. Н.Горелова. СПб., 2006.
- Кобищанов, 2002* – Кобищанов Ю.М. Особенности исламской цивилизации на периферии // Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. 1: От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания. М., 2002.
- Кобланды-батыр, 1975* – Кобланды-батыр. Казахский героический эпос. М., 1975.
- Ковалевский, 1905* – Ковалевский М.М. К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV в. // Труды XII АС. Т. II. М., 1905.
- Ковалевский, 1956* – Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Коваль, 1995* – Коваль В.Ю. Люстровая керамика Ближнего и Среднего Востока из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.9. Новгород: АО Типография «Новгород», 1995.

- Коваль, 1997* – Коваль В.Ю. Восточная керамика золотоордынской эпохи в средневековом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.11. Новгород: АО Типография «Новгород», 1997.
- Коваль, 1998* – Коваль В.Ю. Средневековая керамика Испании в Италии и Восточной Европе // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики: ТНК. Ялта 25–29 мая 1998 г. Симферополь, 1998.
- Коваль, 2003* – Коваль В.Ю. Глазурованная керамика из окрестностей Увека // КСИА. 2003. № 215.
- Ковтун, 1963* – Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.-Л., 1963.
- Козин, 1939* – Козин С.А. Фрагмент из цикла эпических сказаний о Чингисе // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1939. № 20. Вып. 1.
- Козин, 1941* – Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Под названием Mongol-un Niḡuḡa tobḡiyan. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. Т. 1. Введение в изучение памятника. Пер., тексты, глоссарии. М.-Л., 1941.
- Козьмин, 1935* – Козьмин Н.Н. Экономические причины войн между Чингизидами // Изв. Иркутского гос. пед. ин-та. М., Иркутск, 1935. Вып. II.
- Кокиев, 1929* – Кокиев Г. Некоторые исторические сведения о городищах Татартуп и Дзулата // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов-на-Дону, 1929. Т. 2.
- Кокорина, 2002* – Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. Казань, 2002.
- Колли, 1913* – Колли Л.П. Хаджи-Гирей хан и его политика // Известия ТУАК. Вып. 50. Симферополь, 1913.
- Колызин, 2001* – Колызин А.М. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). М.: ООО «Информполиграф», 2001.
- Комаи Есиаки, 1961* – Комаи Есиаки. Моко си дзэсэцу. Киото, 1961.
- Коновалова, 1988* – Коновалова И.Г. Итальянские навигационные пособия XIII–XIV вв. как источник по истории и исторической географии северо-западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988.
- Коновалова, 1989* – Коновалова И.Г. Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989.
- Коновалова, 1991* – Коновалова И.Г. Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1990 год. М., 1991.
- Коновалова, 1999* – Коновалова И.Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т.Пашуто. М., 1999.
- Коновалова, 1999а* – Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.
- Коновалова, Руссев, 1988* – Коновалова И.Г., Руссев Н.Д. О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей в первой трети XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, 1988.
- Кононов, 1958* – Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М.-Л., 1958.
- Кононов, 1963* – Кононов А.Н. Ценный труд по грамматике староузбекского языка // Общественные науки в Узбекистане. 1963. № 8.
- Кононов, 1982* – Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. 2-е изд., доп. и испр. Л., 1982.
- Контамин, 2001* – Контамин Ф. Война в Средние века. СПб., 2001.
- Кораев, 2003* – Кораев Т.К. Золотая Орда и мамлюкский Египет // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003.
- Корецкий, 1981* – Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. В.Н.Татищев и изучение русского летописания. М., 1981.
- Коринный, 1992* – Коринный Н.Н. Переяславская земля, X – первая половина XIII века. Киев, 1992.
- Корхмазян, 1978* – Корхмазян Э.М. Армянская миниатюра Крыма (XIV–XVII вв.). Ереван, 1978.
- Коршенко, 1998* – Коршенко А.Н. Находки скифатных монет на Мангупе // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 1998.
- Корякова и др., 1999* – Корякова Л.Н., Ражев Д.И., Ковригин А.А., Шарапова С.В., Берсенева Н.А. Средневековый комплекс Большеказакбаевского 2 курганного могильника // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф.Генинга. Ч. 2. Екатеринбург, 1999.
- Костыгова, 1957* – Костыгова Г.И. Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеда // Тр. ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина Т.II (V). Восточный сборник. Л., 1957.
- Костюков, 1997* – Костюков В.П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе Улуса Шибана): АКД. Уфа, 1997.
- Костюков, 1998* – Костюков В.П. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным источникам) // Проблемы истории, филологии, культуры. Выпуск VI. М.-Магнитогорск, 1998.
- Костюков, 1999* – Костюков В.П. Кыпчаки и Золотая Орда // XIV Уральское совещание. 21–24 апреля 1999 г.: ТД. Челябинск, 1999.
- Костюков, 2004* – Костюков В.П. О кыпчаках в Джучидском государстве // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2004.
- Котвич, 1923* – Котвич В. Из поучений Чингис-хана // Восток. Кн. 3. Вып. 2. М.-Пг., 1923.
- Котляр, 1971* – Котляр М.Ф. Грошовий обіг на Україні доби феодалізму. Київ, 1971.

Котляр, 1981 – Котляр М.Ф. Нариси історії обігу й лічби монет на Україні XIV–XVIII ст. Київ, 1981.

Котляр, 2002 – Котляр Н. Тмутороканский остров // Родина. 2002. № 11–12.

Кочекаев, 1988 – Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988.

Кошелев, 1992 – Кошелев В.С. Мусульманская община на территории Белоруссии в прошлом и настоящем // Ислам и проблемы межкультурного взаимодействия. Май 1992: Тезисы докладов и сообщений. М., 1992.

Кошечев, 1993 – Кошечев В.Б. Еще раз о численности монгольского войска в 1237 г. // ВИ. 1993. № 10.

Кравченко, 1986 – Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев, 1986.

Крамаровский, 1978 – Крамаровский М.Г. «Булгарские браслеты»: генезис декора и локализация // Сообщения ГЭ. 1978. Вып. XLIII.

Крамаровский, 1980 – Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков из Старого Крыма и золотоордынские *су*мы // Сообщения ГЭ. 1980. Вып. XLV.

Крамаровский, 1984 – Крамаровский М.Г. Отчет СКАЭ ГЭ за 1984 г. // Архив ИА АН УССР.

Крамаровский, 1985 – Крамаровский М.Г. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII–XIV веков (по материалам Крыма и Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.

Крамаровский, 1989 – Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989.

Крамаровский, 1990 – Крамаровский М.Г. Солхат и Амасья в XIV в. К итогам археологического изучения архитектурного комплекса медресе и мечети Узбека в г. Крым (Старый Крым) // Проблемы истории архитектуры: ТДНК. М., 1990.

Крамаровский, 1991a – Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: тюркский этнос и городская культура XIII–XIV вв. // Проблемы истории Крыма: ТДНК. Симферополь, 1991. Вып. 1.

Крамаровский, 1991b – Крамаровский И.Г. Чаша со сценой пира из Солхата // Древние памятники культуры на территории СССР. СПб., 1991.

Крамаровский, 1991в – Крамаровский М.Г. Новые находки золотоордынского серебра из Приобья. Северокитайские и исламские черты в торевтике 13–14 вв. // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Л., 1991.

Крамаровский, 1995 – Крамаровский М.Г. Монгольская золотая пластинка из коллекции Халили // Эрмитажные чтения. 1986–1994. СПб., 1995.

Крамаровский, 1996 – Крамаровский М.Г. Погребение беклярибека Мамая (?): археологические наблюдения и исторический контекст //

Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского: Тезисы докладов. СПб., 1996.

Крамаровский, 1997 – Крамаровский М.Г. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // ТА. 1997. № 1.

Крамаровский, 1999 – Крамаровский М.Г. О доблести и пряжке у Чингисидов (в связи с новой находкой воинского пояса первой половины XIII в.) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского: ТД. СПб., 1999.

Крамаровский, 1999 – Крамаровский М.Г. Печать конца XIII–XIV вв. с исламским вариантом христианской легенды, об отроках из Эфеса // ТА. 1999. № 1–2 (4–5).

Крамаровский, 1999 – Крамаровский М.Г. Поясной набор со сценой «спора о вере» из собрания Эрмитажа (XIV – первая половина XV вв.) // Античная древность и средние века. Вып. 30. Екатеринбург, 1999.

Крамаровский, 2001 – Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды СПб., 2001.

Крамаровский, 2002 – Крамаровский М.Г. Новые находки золотоордынских *со(у)мов* в Крыму // IX ВНК: ТДС. СПб., 2001.

Крамаровский, 2003 – Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003.

Крамаровский, 2005 – Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005.

Крамаровский, Гукин, 2002 – Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички II (Результаты полевых исследований). СПб., 2002.

Крамаровский, Гукин, 2004 – Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001–2003 гг.). СПб., 2004.

Крамаровский, Полубояринова, 1982 – Крамаровский М.Г., Полубояринова М.Д. К характеристике городского ювелирного дела Золотой Орды // СА. 1982. № 3.

Краснов, 1974 – Краснов Ю.А. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // СА. 1974. № 3.

Краснов, 1987 – Краснов Ю.А. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округа // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987.

Краснов, 1987 – Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.

Краснов, 1987a – Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987.

Краткая еврейская энциклопедия, 1982 – Краткая еврейская энциклопедия. 1976. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин. 1982.

Краткая история, 1991 – Краткая история уйгуров. Алма-Ата, 1991.

Краткий обзор, 1860 – Краткий обзор писателя XIII в. Киракоса Гандзакци о монголах // Русское слово. 1860. № 6.

Крачковская, 1946 – Крачковская В.А. Изречения мавзолея Пир-Хусейна. Тбилиси, 1946.

Крачковский, 1957 – Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. IV. М.Л., 1957.

Кривошеев, 1999 – Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб., 1999.

Кривошеев, 2003 – Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. Изд. 2-е, испр., доп. СПб., 2003.

Кривошеев, Соколов, 2002 – Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Русская церковь и ордынские власти (вторая половина XIII – первая четверть XIV в.) // ТС. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Кригер, 1984 – Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.

Кригер, 1985 – Кригер В.А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века: (X–XIV вв.): АКД. М., 1985.

Криштопа, 1974 – Криштопа А.Е. Дагестан XIII–XIV вв. по сообщениям восточных авторов // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. V. Махачкала, 1974.

Кротков, 1923 – Кротков А.А. В поисках Мохши // ТОИАЭ при Саратовском университете. 1923. Вып. 34. Ч. I.

Кротков, 1928 – Кротков А.А. К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1928. № 5.

Кротков, 1930 – Кротков А.А. Два собрания джучидских монет // Труды Нижне-Волжского общества краеведения. Саратов, 1930. Вып. 37.

Кротков, 1938 – Кротков А.А. Норовчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. Рукописный архив Наровчатского краеведческого музея, папка 21. 1938.

Крупнов, 1963 – Крупнов Е.И. Христианский храм на городище Верхний Джулат // МИА. 1963а. № 114.

Крюков, 1976 – Крюков М.В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. № 6. М., 1976.

Крюков, Малявкин, Софронов, 1984 – Крюков М.В., Малявкин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984.

Крюков, Малявкин, Софронов, 1987 – Крюков М.В., Малявкин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.

Куза, 1989 – Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989.

Кузеев, 1974 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974.

Кузеев, 1987 – Кузеев Р.Г. Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и

Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия н. э. до XVI в. Препринт. Уфа, 1987.

Кузеев, 1992 – Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала (Этногенетический взгляд на историю). М., 1992.

Кузеев, Иванов, 1983 – Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья (V–XIV вв.): Препринт доклада. Уфа, 1983.

Кузеев, Иванов, 1984 – Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V–XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984.

Кузнецов, 2003 – Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X–XV веках. Владикавказ, 2003.

Куликовская битва, 1980 – Куликовская битва. М., 1980.

Кульпин, 1998 – Кульпин Э.С. Золотая Орда (Проблема генезиса российского государства). М., 1998.

Кульпин, 2004 – Кульпин Э.С. Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации // Цивилизации. Вып. 6: Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. М., 2004.

Кумекоев, 1972 – Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

Кумекоев, 1986 – Кумекоев Б.Е. Этнокультурные контакты кыпчаков и татар: по арабо-персидским источникам // ТД XXIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). М., 1986.

Кумекоев, 1987 – Кумекоев Б.Е. К открытию расселения куманов на территории Казахстана по материалам средневековых арабских источников // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987.

Куник, 1854 – Куник А.А. О тождестве пресвитера Иоанна и царя Давида с Чингис-ханом // Уч. зап. РАН. 1854. Т. 2. Вып. 5.

Куник, 1876 – Куник А.А. Тохтамыш и Фиркович. СПб., 1876.

Курьшижанов, Репин, 1966 – Курьшижанов А.К., Репин Б.И. К истории изучения языка древнекыпчакских памятников XIII–XVII вв. // Известия АН Каз. ССР. Серия общественная. № 4. Алма-Ата, 1966.

Кутлуков, 1970 – Кутлуков М. Монгольское господство в Восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Кутлуков, 1977 – Кутлуков М. Монгольское господство в восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М., 1977.

Кутуков, 1999 – Кутуков Д.В. Структура погребальных памятников золотоордынского времени Нижнего Поволжья // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.

Кучера, 1975 – Кучера М.П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

Кучкин, 1962 – Кучкин В.А. «Сказание о смерти митрополита Петра» // ТОДРЛ. 1962. Т. 18.

- Кучкин, 1974* – Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.
- Кучкин, 1976* – Кучкин В.А. Ярлыки ханские // СИЭ. Т.16. 1976.
- Кучкин, 1980* – Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой// Куликовская битва. М., 1980.
- Кучкин, 1984* – Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Кучкин, 1985* – Кучкин В.А. К датировке «Задонщины» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
- Кучкин, 1991* – Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991.
- Кучкин, 1995* – Кучкин В.А. Дмитрий Донской // ВИ. 1995. № 5/6.
- Кучкин, 1999* – Кучкин В.А. Древнейшая редакция повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М., 1999. [Вып.] 2.
- Кърымтатар халкъ, 1991* – Кърымтатар халкъ агъыз яратыжылыгы. Хрестоматия. Ташкент, 1991.
- Кыдырниязов, 1999* – Кыдырниязов Д.С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVI вв. Махачкала, 1999.
- Кыдырниязов, 1979* – Кыдырниязов М.Ш. Города Хорезма золотоордынского времени: АКД. Нукус, 1979.
- Кыдырниязов, 1989* – Кыдырниязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV веках. Нукус, 1989.
- Кызласов, 1975* – Кызласов Л.Р. Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. История и культура Восточной Азии. Т. III. Новосибирск, 1975.
- Кызласов, 1984* – Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
- Кызласов, 1998* – Кызласов Л.Р. Города гуннов // ТА. 1998. № 2 (3).
- Кызласов, 2000* – Кызласов И.Л. Успехи в изучении древнехакасских изделий, найденных на Руси и в Поволжье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000.
- Кычанов, 1963* – Кычанов Е.И. Сведения «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке // Известия АН Киргизской ССР. Сер. обществ. наук. 1963. Т. V. Вып. 1.
- Кычанов, 1968* – Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968.
- Кычанов, 1993* – Кычанов Е.И. Кешектены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993.
- Кычанов, 1995* – Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан и его эпоха. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995.
- Кычанов, 1997* – Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Кычанов, 1998* – Кычанов Е.И. Субудай-боходур // Кюнеровские чтения. 1995–1997. Краткое содержание докладов. СПб., 1998.
- Кычанов, 1999* – Кычанов Е.И. Сведения «Юань-ши» о завоевании Руси монголами // ИИИСАА. Вып. XVIII. СПб., 1999.
- Кычанов, 2002* – Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.
- Кычанов, 2002a* – Кычанов Е.И. О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань ши») // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Лавров, 1957* – Лавров Л.И. К истории русско-кавказских отношений XV в. // Ученые записки Адыгейского НИИ экономики, языка, литературы и истории. Майкоп. Т. 1. 1957.
- Лавров, 1965* – Лавров Л.И. Нашествие монголов на Северный Кавказ // История СССР. 1965. № 5.
- Лавров, 1966* – Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1.
- Ланда, 1995* – Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995.
- Лантратова, Голиков, Орфинская, Владимиров, Егоров, 2002* – Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимиров О.Ф., Егоров В.Л. Исследования уникальных археологических памятников из собрания Государственного исторического музея – комплексов одежд XIII–XIV вв. М., 2002.
- Латышев, 1898* – Латышев В.В. Новые заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД. Т. XXI. Одесса, 1898.
- Латышев, 1918* – Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. № 65. 1918.
- Лашков, 1889* – Лашков Ф.Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды IV АС. Т. IV. Одесса, 1889.
- Лашков, 1891* – Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве МИД. Симферополь, 1891.
- Лашков, 1895* – Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Ч. 2 // Известия ТУАК. 1895. № 23.
- Лашков, 1897* – Лашков Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897.
- Лашук, 1968* – Лашук Л.П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов // СЭ. 1968. № 1.
- Лебедев, 1944* – Лебедев Н.С. Византия и монголы в XIII веке (по известиям Георгия Пахимера) // ИЖ. 1944. № 1.
- Лебедев, 1958* – Лебедев В.И. Загадочный город Мохши. Пенза, 1958.
- Лебедев, 1990* – Лебедев В.П. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990.

Лебедев, 1998 – Лебедев В.П. Новые данные о раннем чекане Хорезма и Сарая // VI ВНК. Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.: ТДС. СПб, 1998.

Лебедев, 1999 – Лебедев В.П. Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII – XIV вв.) // Вестник Одесского музея нумизматики. № 2. Одесса, 1999.

Лебедев, 2000 – Лебедев В.П. Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII – нач. XV в.). Одесса, 2000.

Лебедев, 2003 – Лебедев В.П. Янгикент – монетный двор Золотой Орды времени Узбека // XI ВНК. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.: ТДС. СПб, 2003.

Лебедев, 2005 – Лебедев В.П. Судьба города Сарая XIII в. // Труды I МНК «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV вв.». Саратов, 17–21 сентября 2001 г. М., 2005.

Лебедев, Клоков, 2001 – Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монеты с юго-восточных окраин Сарая // ТА. № 1–2(8–9). Казань: Тип. Управления делами Президента РТ, 2001.

Лебедев, Клоков, 2004 – Лебедев В.П., Клоков В.Б. Денежное обращение Сарая и его округи после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.-Нижний Новгород: Нумизматическая Литература, 2004.

Лебедев, Клоков, 2005 – Лебедев В.П., Клоков В.Б. Иноземные монеты XII–XV вв. на золотоордынских городищах Поволжья // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Саратов 2001, Муром 2003. М.: Нумизматическая литература, 2005.

Левшин, 1823 – Левшин А. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823.

Ледерер, 1961 – Ледерер Ф. Венгерско-русские отношения и татаро-монгольское нашествие // Международные связи России до XVII в. / Под ред. А.А.Зиминой, В.Т.Пашуто. М., 1961.

Лерх, 1870 – Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867. СПб., 1870.

Лесман, 1994 – Лесман Ю.М. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.

Леушин, 1996 – Леушин М. История татар перед судом ЦК ВКП(б) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 1996. № 3/4.

Лимборская и др., 2002 – Лимборская С.А., Хусунутдинова Э.К., Балановская Е.В. Этногенетика и геногеография народов Восточной Европы. М., 2002.

Лимонов, 1961 – Лимонов Ю.А. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества // Международные связи России до XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Лимонов, 1967 – Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. М., 1967.

Линь Кюн-и, Мункуев, 1960 – Линь Кюн-и, Мункуев Н.Ц. «Краткие сведения о черных тата-

рах» Пэн Да-я и Сюй Тина // Проблемы востоковедения. 1960. № 5.

Лисова, 1960 – Лисова Н.Ф. Золотоордынская поливная керамика как культурное явление // Древности. Вып. 36. М., Казань, 2003.

Лисова, 2003 – Лисова Н.Ф. Орнамент золотоордынской керамики на Кашине (из собраний музеев Татарстана) // НТ. 2003. № 3/4.

Лисова, 2004 – Лисова Н.Ф. Орнамент поливной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья: АКД. Казань, 2004.

Литаврин, 1985 – Литаврин Г.Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII – начало XI вв.) // Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М., 1985

Лихачев, 1876 – Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II АС. М., 1876.

Лихачев, 1983 – Лихачев Д.С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков / 2-е изд. Л., 1983.

Лихачев, IV – Каталог коллекции джучидских монет, принадлежащих А.Ф.Лихачеву / Рукопись. Тетрадь IV. ОР НБ КГУ.

Лобовская, 2004 – Лобовская М. Московские страницы еврейской истории. Этносфера. М., 2004.

ЛПС, 1851 – Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851.

Лубо-Лесниченко, 1994 – Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М., 1994.

Лубсан Данзан, 1973 – Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание) / Пер. с монгольского, введ., коммен. и прил. Н.П.Шастиной. М., 1973.

Лурье, 1976 – Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

Лурье, 1985 – Лурье Я.С. О путях доказательства при анализе источников (на материале древнерусских памятников) // ВИ. 1985. № 5.

Лурье, 1985a – Лурье Я.С. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40.

Лурье, 1994 – Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994.

Лызлов, 1990 – Лызлов, Андрей. Скифская история / Отв. ред. Е.В.Чистякова. Подготовка текста, комментарии и аннотированный список имен А.П.Богданова. М., 1990.

Лэн-Пуль, 1899 – Лэн-Пуль Ст. Мусульманские династии: хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями / Пер. с англ. яз. с прим. и доп. В.В.Бартольда. СПб., 1899 (2-е изд. М., 2004).

Любавский, 2004 – Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до люблинской унии включительно. СПб., 2004.

Люблинская, 1969 – Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1969.

Ляо-ши, 1958 – Ляо-ши (История династии Ляо). В серии Сонинь-бонабэнь (24 династийные истории). Пекин–Шанхай, 1958.

Ляскоронский, 1907 – Ляскоронский В.Г. Русские походы в степь в удельно-вечевое время и

поход князя Витовта на татар в 1399 г. // ЖМНП. 1907. №5.

МавГР, 1896 – Материалы по археологии Восточных губерний России, собранные и изданные Императорским Московским Археологическим Обществом на Высочайше дарованный средства. Вып. II. М., 1896.

Мавродин, 1946 – Мавродин В.В. О появлении огнестрельного оружия на Руси // ВИ. 1946. № 8–9.

Магидович, 1955 – Магидович И.П. Вступительная статья // Книга Марко Поло. М., 1955.

Магомедов, 1940 – Магомедов Р.М. Дагестан в эпоху татаро-монгольского ига. Махачкала, 1940.

Магомедов, 1991 – Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1991. Изд. 2-е.

Магомедов, Криштопа, 1978 – Магомедов Р.М., Криштопа А.Е. Борьба против татаро-монгольских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы (общественные науки). 1978. № 3.

Магомедов, Магомедов, 1994 – Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1994.

Мажитов, 1977 – Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977.

Мажитов, 1981 – Мажитов Н.А. Южный Урал в XII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Мажитов, 1997 – Мажитов Н.А. За объективное освещение истории Волжской Булгарии и Золотой Орды // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: Труды междунар. конф. Т. 3. М.: ИНСАН, 1997.

Мажитов, Султанова, 1994 – Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: Гилем, 1994.

Майдар, 1981 – Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии. VIII. М., 1981.

Майко, 2003 – Майко В.В. Кырк-Ерский клад XV вв. // XI ВНК, 14–18 апреля 2003 г.: ТДС. СПб. 2003.

Макарий, 1995 – Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 3. М., 1995.

Макаров, 1997 – Макаров Л.Д. Славяне между Волгой и Уралом в X–XV вв. (по археологическим данным) // Труды VI Конгресса славянской археологии. Проблемы славянской археологии. М., 1997.

Макаров, 2001 – Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001.

Макаров, 2003 – Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Малето, 2005 – Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников, XII–XV века: исслед., тексты, коммент. М.: Наука, 2005.

Малиновская, 1974 – Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Малиновский, 1844 – Малиновский В. О надписи на тремнике, хранящемся в армянской церкви в Каменец-Подольском // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. I.

Малицкий, 1933 – Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангула // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.-Л., 1933. Вып. 71.

Малкин, 1940 – Малкин И.Т. История бумаги. Изд-во АН СССР, 1940.

Малов, 1947/1948 – Малов С.Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники // ЭВ. 1947. I; ЭВ. 1948. II.

Малов, 1951 – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.

Малов, 1953 – Малов С.Е. Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А.Гордлевскому к его семидесятилетию: Сборник статей. М., 1953.

Малов, Мальшев, Ракушин, 1998 – Малов Н.М., Мальшев А.Б., Ракушин А.И. Религии в Золотой Орде. Саратов, 1998.

Малаявкин, 1974 – Малаявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.

Малаявкин, 1983 – Малаявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983.

Мамедов, Мурадов, 1998 – Мамедов М.А., Мурадов Р.Г. Архитектура Туркменистана. М., 1998.

Мамедов, Мурадов, 2000 – Мамедов М.А., Мурадов Р.Г. Гургандж. Стамбул, 2000.

Мамедов, Мурадов, 2000a – Мамедов М.А., Мурадов Р.Г. Средневековые письменные источники о древнем Ургенче. Ашхабад, 2000.

Маньковская, 1980 – Маньковская Ю.Л. Типологические основы зодчества Средней Азии (XI – начало XX в.). Ташкент, 1980.

Маргулан, 1951 – Маргулан А.Х. Раскопки Сарайчика. Тезисы доклада на Всесоюзном археологическом совещании в 1951 г. в г. Ленинграде // Архив ИА МОН РК. Инв. 763А.

Марданшина, 2004 – Марданшина Е.М. Сельскохозяйственные орудия Балыгузского (Торецкого) III селища // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования. Ч. I. Казань, 2004.

Марджани, 1884 – Марджани Ш. Очерк истории Болгарского и Казанского царств // Труды IV АС. Казань, 1884.

Марджани, 1999 – Марджани Ш. Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф (Подробное о предшественниках и приветствие потомкам) / Пер. А.Н.Юзева. Казань, 1999.

Марко Поло, 1955 – Книга Марко Поло. М., 1955.

Марков, 1896 – Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896.

Марков, 1976 – Марков Г.Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

Марр, 1934 – Марр Н.Я. Ани. Книжная история и раскопки на месте городища. М.-Л., 1934.

Мартынова, 1984 – Мартынова М.В. Оклад иконы «Богоматерь Млекопитательница» из собрания музеев Московского Кремля // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984.

- Мартьянов, 2001* – Мартьянов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас, 2001.
- Массон, 1930* – Массон М.Е. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Ташкент, 1930.
- Массон, 1957* – Массон М.Е. Исторический этюд по нумизматике Джагатайдов: (по поводу таласского клада монет XV в.) // Труды САГУ. Новая серия. Вып. 111: исторические науки. Ташкент, 1957.
- Матвеева, 1972* – Матвеева Г.И. и др. Работы в Куйбышевской области // Археологические открытия 1971 года. М., 1972.
- Матвеева, Кочкина, 1998* – Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф. Муромский городок. Самара, 1998.
- Материалы, 1864* – Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению имп. Академии наук из Московского главного архива МИД (составил Х.Фаизханов, издал В.В.Вельяминов-Зернов). СПб., 1864.
- Материалы, 1968/1973* – Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Перевод, предисловие и примечания В.С.Таскина. Вып. 1. М., 1968; Вып. 2. М., 1973.
- Материалы по истории Средней и Центральной Азии, 1988* – Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент: Фан, 1988.
- Материалы по истории Татарии, 1948* – Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1.
- Матузова, 1979* – Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты; Перевод; Комментарии. М., 1979.
- Матузова, Назарова, 2002* – Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002.
- Матюхина, 2000* – Матюхина Ю.А. Новые находки русских вещей с памятников золотоордынского времени // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.
- Махмутова, 1982* – Махмутова Л.Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику «Codex sinaiticus» по данным лексики // Исследования по исторической диалектологии. Вып. 2. Казань, 1982.
- Медведев, 1963* – Медведев А.Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде // Материалы и исследования по археологии СССР. № 117. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Медведев, 1966* – Медведев А.Ф. Ручное металлическое оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966.
- Мелетинский, 1983* – Мелетинский Е.М. Мифология // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Мелиоранский, 1900* – О Кудатку-Билике Чингис-хана, реферат Мелиоранского // Вестник всемирной истории. СПб., 1900, апрель. № 5.
- Мерперт, Паушто, 1955* – Мерперт Н.Я., Паушто В.Т. Рец. на Spuler V. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223–1502. Leipzig, 1943 // ВИ. 1955. № 8.
- Мерперт, Паушто, Черепнин, 1962* – Мерперт Н.Я., Паушто В.Т., Черепнин Л.В. Чингисхан и его наследие // История СССР. 1962. № 5.
- Мерциев, 1969* – Мерциев М.С. Поселения XIII–XIV веков в западном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969.
- Меховский, 1936* – Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936.
- Мец, 1973* – Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1973.
- Микаелян, 1965* – Микаелян В.А. История армянской колонии в Крыму: АДД. Ереван, 1965.
- Микаелян, 1974* – Микаелян В.А. На Крымской земле. История армянских поселений в Крыму. Ереван, 1974.
- Микаэлян, 1952* – Микаэлян Г.Г. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952.
- МИКК, 1978* – Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1978.
- Миклухо-Маклай, 1958* – Миклухо-Маклай Н.Д. Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи Института востоковедения АН СССР // Уч. зап. ИВ АН СССР. Т. XVI. М.-Л., 1958.
- Миклухо-Маклай, 1975* – Миклухо-Маклай Н.Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. Исторические сочинения. М., 1975.
- МИКХ, 1969* – Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
- Миллер, 1937* – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.-Л., 1937.
- Милорадович, 1963* – Милорадович О.В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА. 1963. № 114.
- Милорадович, 1963a* – Милорадович О.В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА. № 114. М., 1963.
- Минаев, 1902* – Минаев И.П. Путешествие Марко Поло / Ред. В.В.Бартольд. СПб., 1902.
- Мингулов, 1981* – Мингулов Н.Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма. (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.
- Минерт, 1985* – Минерт Л.К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
- Минерт, 1990* – Минерт Л.К. Монгольское градостроительство XIII–XIV вв. // Центральная Азия и соседние территории в средние века. История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1990.
- Миннегулов, 1993* – Миннегулов Х.Ю. Татарская литература и Восточная классика (Вопросы взаимосвязей и поэтики). Казань: Изд-во КГУ, 1993.
- Миннуллин, 1988* – Миннуллин З.С. Историко-ведческая характеристика татарских частных актов XVII – I-я пол. XIX вв.: АКД. Казань, 1988.

- Минорский, 1963* – Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М., 1963.
- Миргалеев, 2003* – Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003.
- Миргалеев, 2003а* – Миргалеев И.М. Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. Казань, 2003.
- Мирзо Улугбек, 1994* – Мирзо Улугбек. Тўрт улус тарихи. Тошкент, 1994.
- МИТТ, 1939* – Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С.Л.Волина, А.А.Ромаскévича и А.Ю.Якубовского. М.-Л., 1939.
- Михайлов, 1993* – Михайлов Т.М. Развитие этнического самосознания монголов в XII–XIV вв. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993.
- Михайлова, 1990* – Михайлова И.Б. Средневековый Багдад: (Некоторые аспекты социальной и политической истории города в середине X – середине XIII в.). М.: Наука, 1990.
- Михальченко, 1973* – Михальченко С.Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. 1973. № 3.
- Могильников, 1965* – Могильников В.А. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы // СА. 1965. № 1.
- Могильников, 1981* – Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Могильников, 2002* – Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002.
- Мокшин, 1977* – Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы. Саранск, 1977.
- Мокшин, 1991* – Мокшин Н.Ф. Тайны мордовских имен. Исторический ономастикон мордовского народа. Саранск, 1991.
- Мокшин, 1993* – Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993.
- Молодин, Савинов и др., 1988* – Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосмак Н.В., Сидоров Е.А., Солосьев А.И., Бородовский А.П., Новиков А.В., Ким А.Р., Чикишева Т.А., Беланов П.И. Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988.
- Молодин, Соболев, Соловьев, 1990* – Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990.
- Монгайт, 1948* – Монгайт А.Л. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. XIX. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Монгайт, 1961* – Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Мордкович, Гиляров, Тишков, Баландика, 1997* – Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландика С.А. Судьба степей. Новосибирск: Мангазья, 1997.
- Мори Масао, 1967* – Мори Масао. Кодай торку миндзоку си кэнкю. Токио, 1967.
- Мункуев, 1965* – Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965.
- Мункуев, 1977* – Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1977.
- Муравьева, 1983* – Муравьева Л.Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII – начала XV века. М., 1983.
- Муравьева, 1991* – Муравьева Л.Л. Московское летописание второй половины XIV – начала XV века. М., 1991.
- Муравьева, 1998* – Муравьева Л.Л. Рогожский летописец XV века. М., 1998.
- Мурадов, 1967* – Мурадов А. Из истории каллиграфии в Средней Азии: АКД. Ташкент, 1967.
- Мургулия, Шушарин, 1998* – Мургулия М.П., Шушарин В.П. Половцы, Грузия и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.
- Мустакимов, 2001* – Мустакимов И. Об особенностях использования некоторых этногеографических и этнополитических наименований Джучиева Улуса в арабских источниках XIII–XVI вв. // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001.
- Мутафчиев, 1943* – Мутафчиев, П., История на българския народ. I: София 1943.
- Мухамадиев, 1970* – Мухамадиев А.Г. Об обрезанных монетах в Волжской Болгарии в конце XIV в. (Мало-Атрянский клад) // НЭ. Т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1970.
- Мухамадиев, 1974* – Мухамадиев А.Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Мухамадиев, 1983* – Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.
- Мухамадиев, 1990* – Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань, 1990.
- Мухамадиев, 1995* – Мухамадиев А.Г. Золотая Орда // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.
- Мухамадиев, 1997* – Мухамадиев А.Г. Город Биляр по нумизматическим данным // Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников. Казань, 1997.
- Мухамадиев, 1999* – Мухамадиев А.Г. О времени возникновения города Казани // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 8–10 сентября 1998 г. Казань, 1999.
- Мухамадиев, 2005* – Мухамадиев А.Г. Древние монеты Казани. Казань, 2005.
- Мухамедьяров, 1953* – Мухамедьяров Ш.Ф. Народы Среднего Поволжья и Приуралья в IX – первой четверти XIII в. // Очерки по истории СССР. IX–XIII вв. М., 1953.
- Мухамедьяров, 1962* – Мухамедьяров Ш.Ф. К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // Ученые записки КГУ. Т.1222. Кн. 2. Казань, 1962.

Мухамедьяров, 1964 – Мухамедьяров Ш.Ф. Дешт-и кипчак // СИЭ. Т. 5. М., 1964. Стб.143–144.

Мухамедьяров, 1967 – Мухамедьяров Ш.Ф. Едигей // СИЭ. Т. 5. М., 1967.

Мухамедьяров, 1968 – Мухамедьяров Ш.Ф. Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности // VIIIth Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. В.2: Culture History. Tokio, 1968.

Мухамедьяров, 1973 – Мухамедьяров Ш.Ф. Изучение в СССР основных этапов военно-политической истории тюркских народов Поволжья и Приуралья // САУ. 1973. Vol. XVII. № 2–4.

Мухамедьяров, 1977 – Мухамедьяров Ш.Ф. Изучение в СССР этнокультурных связей тюркоязычных и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья // Altaica. Proceedings of the 19th annual meeting of the PIAC. Helsinki, 1977.

Мухаметшин, 1977 – Мухаметшин Д.Г. Об орнаментике эпиграфических памятников города Болгара // Древности Волго-Камья. Казань, 1977.

Мухаметшин, 1989 – Мухаметшин Д.Г. О региональных вариантах болгарских эпиграфических памятников XIII–XV вв. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов на Дону, 1989.

Мухаметшин, 1994 – Мухаметшин Д.Г. Социальная терминология болгарских эпитафий XIII–XIV вв. // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.

Мухаметшин, 1997 – Мухаметшин Д.Г. Топонимы Биляр и Сувар на материалах нумизматики и эпиграфики // Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников: ТНК. Билярск, сентябрь 1997 г. Казань, 1997.

Мухаметшин, 2001 – Мухаметшин Д.Г. Резьба по камню в Среднем Поволжье по материалам эпиграфики XIII–XVI вв. // Поволжье в средние века. Нижний Новгород, 2001.

Мухаметшин, 2004 – Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники татар Поволжья и Приуралья. Региональные особенности и этнокультурные варианты: АКД. Казань, 2004.

Мухаметшин, Хакимзянов, 1987 – Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Богара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987.

Мухаммадрафи, 1993 – «Тарих Дагестан» Махаммадрафи / Введение, перевод, комментарии А.Р.Шихсаидова // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразав Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

Мухлиньский, 1857 – Мухлиньский А. Исследование о происхождении и составе литовских татар. СПб., 1857.

Мыськов 2001 – Мыськов Е.П. Раскопки общественного здания с эпиграфическими находками на Водянском городище // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград, 2001.

Мыськов, 2000 – Мыськов Е.П. Золотая Орда в XIII – начале XIV в. (политический аспект): АКД. Волгоград, 2000.

Мыськов, 2001 – Мыськов Е.П. Отчет об исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище, Северо-западном и Северо-восточном пригородах Царевского городища в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 22251.

Мыськов, 2002 – Мыськов Е.П. Керамические комплексы русского поселка и русского квартала Водянского городища / Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002.

Мыськов, 2002 – Мыськов Е.П. Отчет об исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23675.

Мыськов, 2003 – Мыськов Е.П. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище, могильниках Жирновск 3, Недоступов и кургане у села Линево в Дубовском и Жирновском районах Волгоградской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23798.

Мыськов, 2003 – Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003.

Мыськов, 2003а – Мыськов Е.П. Погребальные сооружения с кирпичными оградами могильника Маляевка 6 у северо-западного пригорода Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003.

Мыц, 1991 – Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991.

Мыц, 2001 – Мыц В.Л. Битва на Синей Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтани мангупской надписи 1361/62 г. или мнимый князь Феодоро Дмитрий // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.

Мыц, 2002 – Мыц В.Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50–70 гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.

Мыц, 2003 – Мыц В.Л. В плену историографических иллюзий // Stratum plus. 2003. № 6.

Мыц, 2005 – Мыц В.Л. Начальный этап правления господина Готии Алексея и первый вооруженный конфликт между Кафкой и Феодоро в 1422–1423 гг. // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь, 2005.

Мэн-да бэй-лу, 1975 – Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Факсимиле ксилографа. Пер. с кит., введение, комм. и прилож. Н.Ц.Мункуева // Памятники письменности Востока. М., 1975. Т. XXVI.

Набиуллин, 1998 – Набиуллин Н.Г. Оборонительные сооружения Джукетау // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции. СПб., 1998.

Набиуллин, 1999 – Набиуллин Н.Г. Раскопки в ремесленном районе Джукетау (по материалам

раскопа V 1994 г.) // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.

Набиуллин, 2000 – Набиуллин Н.Г. Город Джукетау по итогам новых исследований // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М., 2000.

Набиуллин, 2001 – Набиуллин Н.Г. Город Джукетау в XIII–XIV вв. (к проблеме перехода домонгольского города в золотоордынский) // ТА. 2001. №1–2 (8–9).

Набиуллин, 2006 – Набиуллин Н.Г. Комментарии и примечания [к ст. В.Ф.Смолина «Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джуке-Тау»] // ТА. 2006. № 1–2 (16–17).

Набиуллин, 2007 – Набиуллин Н.Г. Город Джукетау и его округа // ТА. 2007. № 3–4 (18–19).

Наваан, 1962 – Наваан Д. Клад железных предметов из Хара-Хорина // Монгольский археологический сборник. М., 1962.

Наджип, 1961 – Наджип Э.Н. Хорезми. Мухаббат-наме. М., 1961.

Наджип, 1965 – Наджип Э.Н. Кыпчако-огузский литературный язык мамлюкского Египта. XIV века: АДД. М., 1965.

Наджип, 1970 – Наджип Э.Н. О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках // Советская тюркология. 1970. № 1.

Наджип, 1971 – Наджип Э.Н. О памятнике XIV в. «Нахдж ал-Фарадис» и его языке // Советская тюркология. 1971. № 6.

Наджип, 1979 – Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в. Кн. 1. М., 1979.

Наджип, 1989 – Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М., 1989.

Назаров, 1978 – Назаров В.Д. Русь накануне Куликовской битвы // ВИ. 1978. № 8.

Назаров, 1983 – Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.

Напольских, 2006 – Напольских В.В. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.

Народы Поволжья, 1985 – Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М., 1985.

Нарожный, 1989 – Нарожный Е.И. О роли христианства в хулагуидо-джучидских взаимоотношениях в предкавказской зоне // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989.

Насонов, 1940 – Насонов А.Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.-Л., 1940.

Насонов, 1955 – Насонов А.Н. Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2.

Насонов, 1958 – Насонов А.Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археологический ежегодник за 1957 г. М., 1958.

Насонов, 1969 – Насонов А.Н. История русско-го летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.

Настич, 1975 – Настич В.Н. Поясная накладка из Отрара // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.

Настич, 1987 – Настич В.Н. Улджайтимур – неизвестный золотоордынский хан // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа): Краткие ТДС. Л., 1987.

Наумов, 1973 – Наумов Д.В. Химический состав стекла Селитренного городища // СА. 1973. № 1.

Небольсин, 1852 – Небольсин П. Очерки Волжского Низовья. СПб., 1852.

Неверов, 1982 – Неверов С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М.Сергеева) // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982.

Недашковский, 2000 – Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Недашковский, 2001 – Недашковский Л.Ф. Рыболовные принадлежности из Укека и его округа // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 2001.

Недашковский, 2002 – Недашковский Л.Ф. Введение // Пырсов Ю.Е. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения / Отв. ред. Л.Ф.Недашковский. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002.

Неклюдов, 1981 – Неклюдов С.Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // ТС. 1977. М., 1981.

Неклюдов, 1984 – Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. М., 1984.

Неклюдов, 1991 – Неклюдов С.Ю. Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. М., 1991.

Неразик, 1976 – Неразик Е.Е. Сельское поселение в Хорезме (I–XIV вв.) // Труды ХАЭЭ. Т. IX. М., 1976.

Ников, 1922 – Ников П. История на Видинского княжество до 1323 г. София, 1922.

Ников, 1929 – Ников П. Български и татари в средните векове // Българска историческа библиотека. София, 1929. Кн. III. Год. II.

Николае, 1999 – Николае Е. Две монеты финальной стадии золотоордынского господства к западу от Днестра // Stratum plus (Кишинев – Одесса – СПб.). 1999. № 6.

Никольский, 1919 – Никольский Н.В. Половцы и татары // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1919. Т. 30. Вып. 2.

Новгородова, 1981 – Новгородова Э.А. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // ТС. 1977. М., 1981.

Новгородова, 1981a – Новгородова Э.А. Ранний этап этногенеза народов Монголии (конец III – I тыс. до н.э.) // Этнические проблемы истории

Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). М., 1981.

Новосельцев, 1983 – Новосельцев А.П. Киевская Русь и страны Востока // ВИ. 1983. № 5.

Новосельцев, 1989 – Новосельцев А.П. Некоторые аспекты развития мусульманской историографии средних веков // Всемирная история и Восток. М., 1989.

Новосельцев, 1990 – Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Носкова, 1976 – Носкова Л.М. Мозаика и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

НПЛ, 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.

Нудельман, 1975 – Нудельман А.А. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV – начале XVI вв. (По материалам кладов) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев: Изд-во «Штиинца», 1975.

Нуриева, 1998 – Нуриева Ф.Ш. Отражение фонетических изменений в письменном памятнике XIV в. «Нахдж ал-Фарадис» // Вопросы истории диалектологии и функционирования языка. Казань, 1998.

Нуриева, 1999 – Нуриева Ф.Ш. «Нахдж-ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. Казань, 1999.

Нуриева, 2002 – Нуриева Ф.Ш. Использование трудов мусульманских богословов в тюркоязычном памятнике XIV в. «Нахдж ал-Фарадис» // Тюркология. 2002. № 2.

Нуриева, 2004 – Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюркотатарского литературного языка золотоордынского периода. Казань: КГУ, 2004.

О Золотой Орде, 1824 – О Золотой Орде. Извлечение из описаний Шилдбергера // Записки и труды ОИДР при имп. Московском университете. М., 1824. Ч. II.

О состоянии и мерах, 1954 – О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации // О партийной и советской печати. М.: Правда, 1954.

Об отношениях российских князей к Монгольским и Татарским ханам, 1823 – Об отношениях российских князей к Монгольским и Татарским ханам, от 1224 по 1480 год // Сибирский вестник. 1823. Ч. I.

Об этническом составе кыпчаков XI–XVIII вв., 1990 – Об этническом составе кыпчаков XI–XVIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 2. М., 1990.

Об этнонимии кыпчакской конфедерации, 1993 – Об этнонимии кыпчакской конфедерации Западного Дешт-и Кыпчака XII – нач. XIII вв. // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. Алматы, 1993. Вып. 1.

Обзор русской духовной литературы, 1884 – Обзор русской духовной литературы. Книга I. 862–1720 / Соч. Филарета (Гумилевского). Изд. 3-е, с поправками и доп. СПб., 1884.

Оболенский, 1850 – Оболенский М.А. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. 1392–1393 года. Казань, 1850.

Оболенский, 1861 – Оболенский М. Восточные надписи на старинных русских грамотах // Изв. РАО. 1861 Т. II. Вып. 1.

Оборин, 1957 – Оборин В.А. Коми-пермяки в IX–XIV вв. (родановская культура): Дис. ... канд. ист.н. // Рук. архив ИА РАН. № 1403. 1957.

Образцов, 1925 – Образцов М. Золотоордынская Астрахань // Астрахань в кармане. Астрахань, 1925.

Овчинникова, Ахметзянов, 2004 – Овчинникова Б.Б., Ахметзянов Р.Н. Наследники Ногайской Орды (сер. XVI – XVII вв.) // Культурные традиции Евразии. Казань, 2004.

Олсен, 2003 – Олсен Т.Т. Прелюдия к западным кампаниям: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе. 1217–1237 гг. / Пер. с англ. А.А.Арслановой // НТ. 2003. №№ 2, 3/4.

Описи, 1960 – Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С.О.Шмидта. 1960.

Орбели, 1978 – Орбели И. Проблема сельджукского искусства. Ереван, 1978.

Осипян, 2007 – Осипян А.Л. Роль Киликийской Армении в латино-монгольских отношениях и проект совместного крестового похода (1247–1307 гг.) // Средние века: исследование по истории Средневековья и раннего Нового времени / Институт всеобщей истории РАН. М., 2007. Вып. 68(1), 68(3).

Очерки истории СССР, 1953 – Очерки истории СССР. Ч. 1. IX–XIII вв.; Ч. 2. XIV–XV вв. М., 1953.

Павленко, 2001 – Павленко Ю.А. К вопросу о распространении суфизма в Нижнем Поволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001.

Павленко, Лебедев, 2005 – Павленко В.М., Лебедев В.П. Нумизматические новинки из Маджара // Труды III МНК «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV вв.». Старый Крым, 3–9 октября 2004 г. М., 2005.

Павлов, 1989 – Павлов П. България, Византия и мамлюкски Египет през 60-те–70-те години на XIII в. // Исторически преглед. 1989. № 3.

Павлов, Атанасов, 1994 – Павлов П., Атанасов Д. Преминаването на татарската армия през България (1241–1242 г.) // Военноисторически Сборник. 1994. № 63.

Паламарчук, 2000 – Паламарчук С.В. Тюрки Буджака в эпоху позднего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья: Сборник статей. Донецк, 2000. Т. I.

Палимпсестова, Рунич, 1974 – Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О ессентукских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА. 1974. № 2.

Палладий, 1877 – Палладий (Кафаров). Старинное китайское сказание о Чингисхане. Шэн-вучин-чжэн-лу («Описание личных походов священно-воинственного») / Пер. с предисловием и при-

мечаниями // Восточный сборник. СПб., 1877. Т. 1.

Пальмов, 1925 – Пальмов Н. Интерес к древней культуре Астраханского края // Наш край. 1925. № 3.

Памятники армянской агиографии, 1973 – Памятники армянской агиографии / Пер. с древнеармянского, вступительные статьи и примечания К.С.Тер-Давтян. Ереван, 1973.

Памятники архитектуры Туркменистана, 1974 – Памятники архитектуры Туркменистана. Л., 1974.

Памятники древнерусского канонического права, 1908 – Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. Памятники XI–XV вв. СПб., 1908.

Памятники литературы Древней Руси, 1981 – Памятники литературы Древней Руси. В 12-ти книгах. XIII в., XIV – середина XV в. / Вступит. статья Д.С.Лихачева. Составление и общая ред. Л.А.Дмитриева, Д.С.Лихачева. М.: Художественная литература, 1981.

Памятники русского права, 1955 – Памятники русского права. Вып. III. Памятники права периода образования Всероссийского централизованного государства XIV–XV вв. / Под ред. Л.В.Черепнина. М., 1955.

Памятные записи, 1950 – Памятные записи армянских рукописей XIV в. Составитель Л.С.Хачикян. Ереван, 1950 (на арм. яз).

Панкратов, 1993 – Панкратов Б.И. Образцы переводов из «Юань-чао би-ши» (подготовка к печати и предисловие Ю.Л.Кроля) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993.

Папа-Афанасопуло, 1925 – Папа-Афанасопуло К.Н. Золотоордынская керамика (Опыт систематизации и описания золотоордынской посуды) // Уч. зап. СГУ. Саратов, 1925. Т. III. Вып. 3.

Папа-Афанасопуло, 1930 – Папа-Афанасопуло К.Н. Декоративная керамика золотоордынской архитектуры // Материалы по ремонту и реставрации памятников ТАССР. Казань, 1930. Т. IV.

Папазян, 1958 – Папазян А.Д. Историографическая ценность персидских рукописей государственного Матенадарана // Материалы I Все-союзной научн. конференции востоковедов. 4–11 июня 1957 г. Ташкент, 1958.

Параска, 1981 – Параска П.Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981.

Парижский, 1865 – Парижский Магфей. Монголы и завоевание Иерусалима хорезмийцами, 1244 г. // Стасюлевич М. Эпоха крестовых походов. Крестовые походы. 1096–1291. СПб., 1865. Ч. 1.

Пахимер, 1862 – Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах. Т. I. Царствование Михаила Палеолога. 1255–1282 / Пер. под ред. проф. Карпова // Византийские историки. СПб., 1862. Ч. 2.

Пахомов, 1926 – Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Вып. 3. Баку, 1926.

Пахомов, 1938 – Пахомов Е.А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып.2. Баку, 1938.

Пахомов, 1956 – Пахомов Е.А. Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье с

половины XIV в. до начала XV в. по монетным данным // КСИА. 1956. № 66.

Пахомов, 1970 – Пахомов Е.А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970.

Пацевич, 1956 – Пацевич Г.И. Гончарная печь на городище Сарайчик (по материалам Западно-Казахстанской археологической экспедиции) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1956. Т. 1.

Пацевич, 1959 – Пацевич Г.И. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике // КСИИМК. М., 1959. Вып. 69.

Пачкалов, 2001 – Пачкалов А.В. Шейхун – забытый монетный двор джучидов // IX ВНК. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.: ТДС. СПб., 2001.

Пачкалов, 2002 – Пачкалов А.В. Нумизматика Сыгнака // X ВНК, 2002. Псков, 15–20 апреля 2002 г.: ТДС. М., 2002.

Пачкалов, 2003 – Пачкалов А.В. Время возникновения города Сарайчук: нумизматические и археологические материалы, письменные источники // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003.

Пачкалов, 2004 – Пачкалов А.В. Монетные дворы Золотой Орды и их локализация // АЕМА. 2004. Vol. XIII.

Пашино, 1868 – Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г.: Путевые заметки. СПб., 1868.

Пашуто, 1950 – Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Пашуто, 1956 – Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956.

Пашуто, 1959 – Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

Пашуто, 1961 – Пашуто В.Т. Некоторые данные об источниках по истории Монгольской политики папства // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: сборник статей к 70-летию А.А.Новосельского. М., 1961.

Пашуто, 1970 – Пашуто В.Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Пашуто, 1977 – Пашуто В.Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977.

ПДРВ, 1795 – ПДРВ. Ч. X. СПб., 1795.

Петренко, 1984 – Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.

Петренко, 1988 – Петренко А.Г. Остеологические остатки животных из Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Петров, 1961 – Петров К.И. Киргизско-кыпчакские отношения // Изв. АН Кирг. ССР. Серия общ.наук. 1961. Т. 3. Вып. 2.

Петров, 1995 – Петров А.М. Великий шелковый путь (о самом простом, но мало известном). М., 1995.

Петров, 2001 – Петров П.Н. Булгар середины XIII в. и Великая Монгольская империя // Девятая

Всероссийская нумизматическая конференция: ТДС. СПб., 2001.

Петров, 2005 – Петров П.Н. Тамги на монетах монгольских государств XIII–XIV вв. как знаки собственности // Труды II МНК «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV вв.». Муром, 6–12 сентября 2003 г. М., 2005.

Петров, Студитский, Сердюков, 2005 – Петров П.И., Студитский Я.В., Сердюков П.В. Проводилась ли Токтой общегосударственная реформа 710 г.х. Кубанский клад времени Узбекхана // Труды II МНК «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV вв.». Муром, 6–12 сентября 2003 г. М., 2005.

Петрушевский, 1937 – Петрушевский И.П. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья // Изв. АН СССР. Отд. общ.наук. 1937. № 4.

Петрушевский, 1949 – Петрушевский И.П. Из истории Бухары XIII в. // Учен. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Л., 1949. Вып. I.

Петрушевский, 1949 – Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – нач. XIX в. Л., 1949.

Петрушевский, 1952 – Петрушевский И.П. Рашид-ад-Дин и его исторический труд // Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. А.А.Хетагурова. Т. 1. Кн. 1. М.-Л., 1952.

Петрушевский, 1960 – Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII–XIV вв. Л., 1960.

Петрушевский, 1970 – Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Петрушевский, 1977 – Петрушевский И.П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е. М., 1977.

Пигарев, 1994 – Пигарев Е.М. Погребение с крестом из средневекового могильника Маячный бугор I // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4. Волгоград, 1994.

Пигарев, Скисов, Лосев, Минаев, 2005 – Пигарев Е.М., Скисов С.Ю., Лосев Г.А., Минаев А.П. Монетные находки с городищ «Красный Яр», «Лапас» и «Чертово городище». Астраханская область 2001–2003 гг. // Труды II МНК «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV вв.». Муром, 6–12 сентября 2003 г. М., 2005.

Пигулевская, 2000 – Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000.

Пилявский, 1974 – Пилявский В.И. Куны-Ургенч. Л., 1974.

Пиотровский, 2005 – Пиотровский М.Б. У нас в музее цирка не бывает. Беседа с А.Морозовым // Новые Известия, 19–28 августа 2005.

Пипериди, 2005 – Пипериди К.Л. Две неизданные монеты Азака XV века из случайных находок на территории Солхата // Труды III МНК «Монеты

и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV вв.». Старый Крым, 3–9 октября 2004 г. М., 2005.

Пириев, 1988 – Пириев В.З. Некоторые особенности персоязычных исторических сочинений XIII–XIV вв. // Источниковедческие разыскания. 1985. Тбилиси, 1988.

Пищулина, 1969 – Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории Казахских ханств в XV–XVII вв. // Казахстан в XV–XVII вв. (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969.

Пищулина, 1977 – Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в сер. XIV – нач. XV века: Вопросы политической и социально-экономической истории. Алма-Ата, 1977.

ПЛ, 1941–1955 – Псковские летописи. Вып. 1–2. М.-Л., 1941–1955.

Плано Карпини, 1993 – Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.

Плано Карпини, 1997 – Плано Карпини Д. История монгалов // История монгалов / Д. Дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. М., 1997.

Плахов, 1985 – Плахов В.В. Отчет по раскопкам усадьбы века на городище Хаджи-Тархан // Астраханский музей-заповедник. 1985. НВ 10950, НВ 10951.

ПлДР, 1981 – Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV в. М., 1981.

Плетнева, 1958 – Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. М.-Л., 1958. № 62.

Плетнева, 1964 – Плетнева С.А. Построение кочевнического лагеря-вежи // СА. 1964. № 3.

Плетнева, 1967 – Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.

Плетнева, 1974 – Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974.

Плетнева, 1982 – Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Плетнева, 1990 – Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.

Плетнева, 2003 – Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, 2003.

Плохинский, 1970 – Плохинский Н.А. Биометрия. М., 1970.

Повесть о Петре, 1982 – Повесть о Петре, царевиче Ордынском (перевод) // Древнерусские предания (XI–XVI вв.) / Составление, вступит. статья и коммент. В.В.Кускова. Подготовка древнерусского текста и переводы В.В.Кускова, В.А.Грихина, Г.Ю.Филипповского. М., 1982.

Позднеев, 1900 – Позднеев А.М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1900.

Покровский, 1925 – Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры. Ч. 1. М.-Л., 1925.

- Покровский, 1933* – Покровский М.Н. Откуда взялась внеклассовая теория русского самодержавия // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов: Историогр. очерки, крит. статьи и заметки. Вып. 1. М.-Л., 1933.
- Полевой, 1969* – Полевой Л.Л. Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты – Гырля (1946–1959 гг.) // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969.
- Полевой, 1979* – Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев, 1979.
- Полевой, Бырня, 1974* – Полевой Л.Л., Бырня П.П. Средневековые памятники XIV–XVII вв. Кишинев, 1974.
- Полесских, 1970* – Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Пенза, 1970.
- Полесских, 1977* – Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза, 1977.
- Полное собрание ученых путешествий, 1824* – Полное собрание ученых путешествий по России. СПб, 1824. Т. 6.
- Полубояринова, 1978* – Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- Полубояринова, 1988* – Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Полубояринова, 1991* – Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.
- Полубояринова, 1993* – Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993.
- Полубояринова, 2003* – Полубояринова М.Д. Болгар в XIII веке // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.
- Полубояринова, 2004* – Полубояринова М.Д. Каменные котлы из Болгара // Восточная Европа в средневековье (К 80-летию В.В.Седова) М., 2004.
- Полубояринова, 2006* – Полубояринова М.Д. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // РА. 2006. №4.
- Поляк, 1964* – Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А.С.Тверитиновой. М., 1964.
- Поляков, 1973* – Поляков С.П. Этническая история северо-западной Туркмении в средние века. М., 1973.
- Полякова, 1978* – Полякова Е.А. Некоторые сведения о «Тарих-и Вассаф» // Общественные науки в Узбекистане. 1978. № 8.
- Полякова, 1996* – Полякова Т.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- Полякова, 2001* – Полякова Г.Ф. Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.
- Полякова, 2001* – Полякова Г.Ф. Археологическое исследование Соборной мечети // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.
- Полякова, Фехнер, 1973* – Полякова Г.Ф., Фехнер М.В. Игра в мельницу в Древней Руси // Slovanska Archeologia. 1973.
- Пономарев, 1945* – Пономарев А.И. Поправки к чтению надписи Тимура // СВ. М.-Л., 1945. Т.3.
- Пономарев, 2000* – Пономарев А.Л. Территория и население гунуэзской Кафы по данным бухгалтерской книги – массарии казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в средние века. Вып. V. СПб., 2000.
- Пономарев, 2002* – Пономарев А.Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи: Квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики. М. 2002.
- Попов, 1895* – Попов П.С. Мэнгу-ю-му-цзи: Записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895.
- Попов, 1907* – Попов П. Яса Чингис-хана и Уложение Монгольской династии Юань-чао-дяньчжан // Записки ВО РГО. СПб., 1907. Т. XVII. Вып. IV (последний).
- Попов, 1971a* – Попов С.А. Работы в Оренбургской области // Археологические открытия 1970 года. М., 1971.
- Попов, 1971b* – Попов С.А. Тайны Пятимаров. Челябинск, 1971 (2 изд. Челябинск, 1982).
- Поппе, 1940* – Поппе Н.Н. Карасакпайская надпись Тимура // Тр. отдела Востока ГЭ. Т.2. Л., 1940.
- Поппе, 1941* – Поппе Н.Н. Золотоордынская рукопись на бересте // СВ. 1941. № 2.
- Послание хана Абаки, 1961* – Послание хана Абаки папе, Клименту IV // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А.А.Новосельского. М., 1961.
- После Марко Поло, 1968* – После Марко Поло: Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий / Пер. с лат. и старо-итал. яз., вступит. статья и прим. Я.М.Света. М., 1968.
- Постникова (Рудь), 1970* – Постникова (Рудь) Н.М. Антропологический состав населения Болгарии в эпоху средневековья // АКИН. М., 1967.
- Постникова (Рудь), 1970a* – Постникова (Рудь) Н.М. К антропологии средневекового могильника «Четырехугольник» // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1970. № 164.
- Постникова (Рудь), 1973* – Постникова (Рудь) Н.М. К антропологии населения Волжской Булгарии. Антропологические материалы из могильника «Малый Минарет» // СА. 1973. № 3.
- Посуда Биляра, 1986* – Посуда Биляра. Сб. ст. / Редкол.: Е.П.Казаков, А.Х.Халиков, Ф.Ш.Хузин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986.
- Потанин, 1891* – Потанин Г.Н.. Отрывки из киргизского сказания о Идыге, из записей Ч.Валиханова // Живая старина. Отд. этнографии РГО. СПб., 1891. Вып. IV.
- Почекаев, 2006* – Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006.

Поэзия древних тюрков, 1993 – Поэзия древних тюрков VI–XII веков. М., 1993.

Поэзия Золотой Орды, 2005 – Поэзия Золотой Орды / Пер. Р.Бухараева. М., 2005.

Пресняков, 1918 – Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918.

Приселков, 1916 – Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

Приселков, 1950 – Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.-Л., 1950.

Приселков, 1996 – Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.

Приселков, 1998 – Приселков М.Д. Образование Великорусского государства. М., 1998.

Причерноморье в средние века, 1991–1998 – Причерноморье в средние века. Вып. 1–3 / Под ред. С.П.Карпова. М.-СПб., 1991–1998.

Пространная коллекция ханских ярлыков русским митрополитам, 1788 – Ярлыки, сиречь жалованные грамоты, иже давали первые цари Ординские и сущии по них вси, святейшим преосвященным митрополитом Киевским и всея Руси, легость церковным домам и людем православным, 1313 года // Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. VI.

Против исторической концепции, 1939 – Против исторической концепции М.Н.Покровского. М.-Л., 1939.

Пряхин, 1988 – Пряхин А.Д. Археология... Наследие. Воронеж, 1988.

ПСРЛ, 1 – ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1962 (М., 1997).

ПСРЛ, 1, 1928 – ПСРЛ. Т. I. Вып. 3. Московская Академическая летопись. Л., 1928.

ПСРЛ, 2 – ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962 (М., 1998).

ПСРЛ, 3 – ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

ПСРЛ, 4 – ПСРЛ. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

ПСРЛ, 5 – ПСРЛ. Т. V. Псковская и Софийская летописи. СПб., 1851 (2-е изд. Л., 1925).

ПСРЛ, 6 – ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.

ПСРЛ, 7–8 – ПСРЛ. Т. VII–VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001.

ПСРЛ, 9–10 – ПСРЛ. Т. IX–X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ, 11–14 – ПСРЛ. Т. XI–XIV. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965 (М., 2000).

ПСРЛ, 15 – ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 1965 (М., 2000).

ПСРЛ, 16 – ПСРЛ. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000.

ПСРЛ, 17 – ПСРЛ. Т. XVII. Белорусско-литовские летописи. Уваровский, Супрасльский, Ольшевский и пр. списки. СПб., 1907.

ПСРЛ, 18 – ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007.

ПСРЛ, 19 – ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М., 2000.

ПСРЛ, 20 – ПСРЛ. Т. XX. Львовская летопись. М., 2005.

ПСРЛ, 21 – ПСРЛ. Т. 21. Степенная книга. Ч. I. СПб., 1908.

ПСРЛ, 22 – ПСРЛ. Т. XXII. Русский хронограф. М., 2005.

ПСРЛ, 23 – ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. М., 2004.

ПСРЛ, 24 – ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. Пг., 1921 (М., 2000).

ПСРЛ, 25 – ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л., 1949.

ПСРЛ, 26 – ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л., 1959.

ПСРЛ, 27 – ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М., 1962.

ПСРЛ, 28 – ПСРЛ. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.-Л., 1963.

ПСРЛ, 30 – ПСРЛ. Т. XXX. Владимирский летописец. М.: Наука, 1965.

ПСРЛ, 32 – ПСРЛ. Т. XXXII. Литовско-белорусские летописи и хроники. М., 1975.

ПСРЛ, 33 – ПСРЛ. Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л.: Наука, 1977.

ПСРЛ, 34 – ПСРЛ. Т. XXXIV. Постниковский, пискаревский, московский и бельский летописцы. М., 1978.

ПСРЛ, 35 – ПСРЛ. Т. XXXV. Летописи Белорусско-литовские. М., 1980.

ПСРЛ, 37 – ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.

ПСРЛ, 42 – ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.

Пугаченкова, 1972 – Пугаченкова Г.А. Музыка в камне // Памятники Туркменистана. Вып. 1. Ашхабад, 1972.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971 – Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. и коммент. О.Г.Большакова, А.Л.Монгайта. М. 1971.

Путешествие армянского царя Гетума, 1822 – Путешествие армянского царя Гетума к Бату (Батью) и к Мангу-хану. В лето армянского счисления 703–704 (1254–55 н.э.) // Сибирский вестник. 1822. Ч. 19.

Путешествие Ивана Шильтбергера, 1867 – Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Пер. с нем. Ф.Брун // Зап. Новороссийского ун-та, год I. Одесса, 1867. Т. I. Вып. 1–2.

Путешествие шейха Ибн-Батуты, 1841 – Путешествие шейха Ибн-Батуты в Золотую Орду в половине XIV века // Русский вестник. 1841. Т. 1. Кн. 2.

Путешествия, 1957 – Джованни дель Плано Карпини. История Монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Редакция, вступительная статья и примечания Н.П.Шастиной. М., 1957.

Путешествия, 1993 – Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.

- Рабинович, 1970* – Рабинович М.Г. Поселения. Жилище // Очерки русской культуры. XIII–XV вв. М., 1970.
- Радкевич, 1990* – Радкевич В.А. Великий шелковый путь. М., 1990.
- Радлов, 1884* – Радлов В.В. О языке куманов. По поводу издания куманского словаря // Записки РАН. 1884. Т. XLVIII. № 4.
- Радлов, 1884a* – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1884. Т. I. Ч. 2.
- Радлов, 1889* – Радлов В.В. Ярлыки Токтамышша и Темир-Кутлуга // ЗВОРАО. 1889. Т. III. Вып. I–II.
- Разсказ Римско-католического миссионера, 1863* – Разсказ Римско-католического миссионера Доминиканца Юлиана, о путешествии в страну приволжских Венгерцев, совершенном перед 1235 годом и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолло и сыну Джанибеку, в 1340 году // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. 5.
- Ракушин, 1998* – Ракушин А.И. Мусульманство у золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья в XIII–XIV вв.: АКД. Саратов, 1998.
- Рапов, 1983* – Рапов О.М. Русские города и монгольское нашествие // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
- Расовский, 1929* – Расовский Д.А. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus // Seminarium Kondakovianum. 1929.
- Расовский, 1933* – Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Seminarium Kondakovianum. 1933. № 6.
- Расовский, 1935* – Расовский Д.А. Половцы // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1935. № 7.
- Рахим, 1930* – Рахим А. (Али Рахим) Татарские эпиграфические памятники XVI в. Казань, 1930.
- Рашид ад-Дин, 1858/1861* – Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина. Т. I. Введение: о турецких и монгольских племенах. Перевод с перс., с введ. и прим. И.Н.Березина // ТВОРАО. Ч. V. СПб., 1858; Перс. текст, с предисл. и прим. И.Н.Березина // ТВОРАО. Ч. VII. СПб., 1861.
- Рашид ад-Дин, 1868* – Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина. Т. II. История Чингиз-хана до восшествия его на престол. Перс. текст, с предисл. И.Н.Березина, русский пер. с предисл. и прим. И.Н.Березина // ТВОРАО. Ч. XIII. СПб., 1868.
- Рашид ад-Дин, 1888* – Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина. Т. III. История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины. Перс. текст в издании И.Н.Березина; русский текст с прим. И.Н.Березина // ТВОРАО. Ч. XV. СПб., 1888.
- Рашид ад-Дин, 1946* – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К.Арендса. М.-Л., 1946.
- Рашид ад-Дин, 1952* – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л.А.Хетагурова, ред. и прим. А.А.Семенова; Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И.Смирновой, прим. Б.И.Панкратова и О.И.Смирновой, ред. А.А.Семенова. М.-Л., 1952.
- Рашид ад-Дин, 1957* – Рашид ад-Дин Фазлуллах. Джамии-ат-таварих (Сборник летописей). Т. III. Составитель научно-критического текста на перс. языке А.А.Али-Заде, пер. с перс. А.К.Арендса. Баку, 1957.
- Рашид ад-Дин, 1960* – Рашид ад-Дин. Сборник летописей Т. II / Пер. с перс. Ю.П.Верховского, прим. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова, ред. И.П.Петрушевского. М.-Л., 1960.
- Рашид ад-Дин, 1965* – Рашид-ад-Дин Фазлаллах. Джамии ат-таварих (Сборник летописей). Т. I. Ч. 1 / Критич. текст А.А.Ромаскевича, А.А.Хетагурова, А.А.Али-Заде. М., 1965.
- Рашид ад-Дин, 1971* – Рашид ад-Дин. Переписка: Перевод, введение и комментарий А.И.Фапиной. М.: Наука, 1971.
- Рашид ад-Дин, 2002* – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1–2; Т. II–III. М., 2002.
- Рева, 2005* – Рева Р.Ю. «Узел счастья в треугольнике». Об одном типе ранних монет Азака // Труды III МНК «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV вв.». Старый Крым, 3–9 октября 2004 г. М., 2005.
- Рипка, 1970* – Рипка Я. История персидской и таджикской литературы / Пер. с чеш.; ред. и автор предисл. И.С.Брагинский. М., 1970.
- Ришар, 2002* – Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство / Пер. с франц. А.Ю.Карачинского. СПб., 2002.
- Родионов, 1984* – Родионов В.Г. Этнокультурные черты и история бесермян как свидетельства болгарочувашской преемственности // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984.
- Родословное дерево тюрков* – Родословное дерево тюрков. Сочинение Абу-л-Гази, Хивинского хана // Известия ОАИЭ при Казанском университете. Т. XXI. Вып. 5–6.
- Розанов, 1916* – Розанов С.П. Повесть об убийстве Батые // Известия Отдел. рус. яз. и словесности АН. Пг., 1916. Т. XXI. Кн. I.
- Розен, 1865* – Розен В. Памяти барона В.Г.Тизенгаузена // ЗВОРАО. 1865. Т. XVI. Вып. 2–3.
- Романов, 1980* – Романов В.К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. М., 1980.
- Романчук, 2000* – Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
- Российская история, 1999* – Российская история с древнейших времен до начала XVI века: Учебник для 6 класса основной школы / А.А.Данилов и др. М., 1999.
- Россия в средние века, 1997* – Россия в средние века. Тверь. М., 1997.
- Рошко, 1988* – Рошко Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия (послания Папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Галицкому) // Символ. Париж, 1988. № 20.
- Ртвеладзе, 1969* – Ртвеладзе Э.В. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья // СА. 1969. № 4.
- Ртвеладзе, 1970* – Ртвеладзе Э.В. Надпись Джанибек-хана на плите из Маджар // СА. 1970. № 3.

- Ртвеладзе, 1971* – Ртвеладзе Э.В. Новые данные о монетном чекане города Маджар // *НС ГИМ. Ч. IV. Вып. III. М., 1971.*
- Ртвеладзе, 1972* – Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар // *СА. 1972. № 3.*
- Ртвеладзе, 1972* – Ртвеладзе Э.В. О медных именных монетах Тохтамыша и подражаниях им // *ЭВ. Т. 21. Л.: Наука, 1972.*
- Ртвеладзе, 1973* – Ртвеладзе Э.В. Мавзолен Маджара // *СА. 1973. № 1.*
- Рубрук, 1993* – Г. де Рубрук. Путешествие в Восточные страны // *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.*
- Рудаков, 2000* – Рудаков В.Г. К вопросу о двух столицах Золотой Орды и местоположении города Гюлистана // *Наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: МНК. (ТГИМ. Вып. 122). М., 2000.*
- Рудаков, 2002* – Рудаков В.Г. Отчет об археологических разведках на территории Селитренного городища и его окрестностей в 2002 г. // *Архив ИА РАН. Р-1. № 22894–22895.*
- Руденко, 1962* – Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М. Л., 1962.
- Руденко, 1998* – Руденко К.А. Исследование селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993–1994-м гг. // *Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998.*
- Руденко, 1999* – Руденко К.А. Могильник на острове «Песчаный» // *ТА. 1999. № 1–2(4–5).*
- Руденко, 2000* – Руденко К.А. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии // *Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000.*
- Руденко, 2001a* – Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV. Казань, 2001.
- Руденко, 2001б* – Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань, 2001.
- Руденко, 2002* – Руденко К.А. «Татарская земля»: археологические памятники XIV – начала XV в. // *Поволжье и сопредельные территории в Средние века. М., 2002.*
- Руденко, 2002a* – Руденко К.А. Новые находки деталей пластинчатого доспеха из Волжской Булгарии // *Военное дело nomадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002a.*
- Руденко, 2004* – Руденко К.А. Металлические заркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // *ТА. 2004. № 1–2 (12–13).*
- Руденко, 2006* – Руденко К.А. Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // *ТА. 2006. № 1–2.*
- Рукописный отдел ГПБ* – Рукописный отдел ГПБ, ф.671, ед.хр.100, л.841, 846–844 с.
- Руссев, 1999* – Руссев Н.Д. На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII–XIV вв. Кишинев, 1999.
- Русские летописи, 2001* – Русские летописи. Т.10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань, 2001.
- Русское православие, 1989* – Русское православие: веки истории / Под ред. А.И.Клибанова. М., 1989.
- Рустамов, 1964* – Рустамов Я.А. Этнографические данные о кяризной системе водоснабжения в Азербайджане в XIX – нач. XX вв. М., 1964.
- Рыбаков, 1952* – Рыбаков Б.Н. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // *КСИИМК. 1952. Вып. XLIII.*
- Рыбаков, Сахаров и др., 1985* – Рыбаков Б.А., Сахаров А.М. и др. История СССР. Учебник для 7 класса средней школы. М., 1985.
- Рыбина, 1978* – Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
- Рычков, 1759* – Рычков П. История Оренбургская, по учреждению Оренбургской губернии. СПб, 1759.
- Рязанов, 1997* – Рязанов С.В. Чугунолитейное ремесло в городах Золотой Орды (итоги предвзрительного исследования). Уфа, 1997.
- Рязановский, 1931* – Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931.
- Саблуков, 1843* – Саблуков Г.С. Исследование о месте Сарая – столицы Кипчакской Орды // *Саратовские губ. ведомости. 1843. № 48–49.*
- Саблуков, 1844* – Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства // *Саратовские губ. ведомости. 1844. № 26–30, 32–36.*
- Саблуков, 1884* – Саблуков Г.С. Остатки древности в с. Усть-Набережном Уевке Саратовской губернии и уезда. Археологический очерк // *Известия ОАИЭ при Казанском университете. 1884. Т. 3.*
- Саблуков, 1895* – Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Изд. 2-е, исправл. и доп. // *Известия ОАИЭ при Казан. ун-те. 1895. Т. XIII. Вып. 3.*
- Саблуков, 1896* – Саблуков Г.С. Монеты Золотой Орды // *Известия ОАИЭ при Казан. ун-те. 1896. Т. XIII. Вып. 6.*
- Савельев, 1857/1858* – Савельев П.С. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша Вып.1. СПб., 1857; Вып.2. СПб., 1858.
- Савельева, 1987* – Савельева Э.А. Вымские могильники IX–XV вв. Л.: Наука, 1987.
- Савинов, 1976* – Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников // *Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.*
- Савинов, 1979* – Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // *История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.*
- Савинов, 1984* – Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Савинов, 1984a* – Савинов Д.Г. Этнокультурные процессы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья (вторая половина I тыс. н.э.) //

Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. Кемерово, 1984.

Савинов, 1994 – Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994.

Савицкий, 1993 – Савицкий П.Н. Степь и оседлость (1922 г.) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.

Савицкий, 1993а – Савицкий П.Н. Евразийство (1925 г.) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.

Савич, 1936 – Савич А. Золотая Орда // История в школе. 1936. № 2.

Савченко, 1919 – Савченко С.В. Письмо магистра Тамплиеров к Людовику Святому о вторжении татар в Западную Европу // Университетские известия (Киев). 1919. № 1–4.

Савченкова, 1996 – Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Сади́к-бе́к, 1963 – Сади́к-бе́к Ашраф. Ганун осовар (трактат о живописи). Баку, 1963.

Самаркин, 1976 – Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976.

Самашев, 1998 – Самашев З.С. Исследование золотоордынского города Сарайчик (предварительное сообщение) // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998.

Самашев, Кузнецова, 2000 – Самашев З.С., Кузнецова О.В. Поливная керамика Сарайчика // Известия МОН – НАН РК. Серия общ. наук. 2000. № 1.

Самойлович, 1913 – Самойлович А. Среднеазиатская турецкая надпись на глиняном кувшине из Сарайчика // ЗВОРАО. 1913. Т. XXI. Вып. 1.

Самойлович, 1917 – Самойлович А.Н. Тийишь (Тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков // Известия РАН. 1917.

Самойлович, 1918 – Самойлович А.Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // Известия РАН. 1918. № 11.

Самойлович, 1927 – Самойлович А. К истории крымско-татарского литературного языка // ВНОТ. 1927. № 7.

Самойлович, 1927 – Самойлович А.Н. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамышхана // Известия ТОИАЭ. 1927. Вып. 1 (58).

Самойлович, 1927а – Самойлович А. К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае // Новый Восток. 1927. Кн. 18.

Самойлович, 1928 – Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Мир Али Шир. Л., 1928.

Самойлович, 2005 – Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005.

Сандаг, 1970 – Сандаг Ш. Образование единого Монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Саттарова, Измайлов, 2006 – Саттарова Л.И., Измайлов И.Л. Архитектура Волжской Булгарии // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.

Сафаргалиев, 1950 – Сафаргалиев М.Г. Рец. на: Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950 // ВИ. 1950. №9.

Сафаргалиев, 1951 – Сафаргалиев М.Г. Один из спорных вопросов истории Татарии // ВИ. 1951. № 7.

Сафаргалиев, 1960 – Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // Учен. зап. Мордов. НИИ при СМ Мордов. АССР. Вып. 11. Саранск, 1960.

Сафаргалиев, 1996 – Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). [Составитель И.Б.Муслимов]. М., 1996.

Сахаров, 2007 – Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до конца XVI века. Учебник для 10 класса. М., 2007.

Сборник венецианско-генуэзских грамот, 1860 – Сборник венецианско-генуэзских грамот (1342–1349) // ЗООИД. 1860. Т. 4. Отд. 2 и 3.

Сборник РИО, 1884 – Сборник РИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. Т. I. С 1474 по 1505 гг. Эпоха свержения монгольского ига в России. СПб., 1884.

Сборник РИО, 1895 – Сборник РИО. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. Т. II. Ред. Г.О.Карпов. СПб., 1895.

СГД, 1819 – Собрание государственных грамот и договоров. Т.2. М., 1819.

Северова, 1990 – Северова М.Б. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (по материалам Старокрымской археологической экспедиции) // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т.54. Л. 1990.

Северова, 1994 – Северова М.Б. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н.э.) // ВНК: ТД. СПб., 1994.

Северова, 1997 – Северова М.Б. Характеристика нумизматического материала, полученного в ходе археологических работ на Шареном Бугре (1966). V ВНК. Москва, 21–25 апреля 1997 г.: ТДС. М., 1997.

Северова, 2000 – Северова М.Б. Обзор кладов восточных монет из собрания Эрмитажа // VIII ВНК. М., 2000.

Северова, 2002 – Северова М.Б. И снова о монете с именем Ногай, а также о редкой крымской монете с двумя тамгами // X ВНК. Псков, 15–20 апреля 2002 г.: ТДС. М., 2002.

Северова, 2003 – Северова М.Б. Нумизматический материал (Золотая Орда, XIV век), полученный в ходе археологических работ на Шареном бугре в 1966 году // Нумизматический сборник. 2003. СПб., 2003.

Севортян, 1974 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.

Седов, 1987 – Седов В.В. Венгры в Восточной Европе // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Сейфеддини, 1981 – Сейфеддини М.А. Монетное и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. Кн. 2. Баку, 1981.

- Селезнев, 1999* – Селезнев Ю.В. «Едигеева рать» 1408 г.: ордынская политика Василия I на рубеже XIV–XV вв. и ее результаты // Новик. Вып. 2. Воронеж, 1999.
- Селезнев, 2001* – Селезнев Ю.В. Политик и полководец Золотой Орды эмир Идигу (Едигей) (Исторический портрет) // Новик. Вып.4. Воронеж, 2001.
- Семенов, 1891* – Семенов Н. Легенда о Кизляре // Терские ведомости. 1891. № 3.
- Семенов, 1940* – Семенов А.А. Гератское искусство в эпоху Алишера Навои // Родоначалниче узбекской литературы. Ташкент, 1940.
- Семенов, 1947* – Семенов Л.С. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.
- Сенигова, 1978* – Сенигова Т.И. Керамика городища Туркестана из верхнего строительного горизонта (XVII–XVIII вв.) // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
- Сергацков, 2002* – Сергацков И.В. Отчет об охранных археологических работах в зоне строительства магистрального газопровода Починки – Изобильное на участке Жирновской компрессорной станции в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23451.
- Сергацков, 2003* – Сергацков И.В. Отчет о раскопках курганного могильника Ольховка I на трассе строительства магистрального газопровода «Починки – Изобильное» за 2003 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23940.
- Серебрянский, 1915* – Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития // Чтения в ОИДР. М., 1915. Кн. 3.
- Серов, 1970* – Серов В.М. Поход монголов в Корею 1231–32 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Сидоренко, 1988* – Сидоренко В.А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.
- Сидоренко, 1991* – Сидоренко В.А. Монетное производство золотоордынского Крыма // Проблемы истории Крыма: ТДНК. Симферополь, 1991. Вып. 1.
- Сидоренко, 2000* – Сидоренко В.А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Сингатуллина, 1998* – Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов в XIII в. (Материалы из каталога) // ТА. 1998. № 1(2).
- Сингатуллина, 2002* – Сингатуллина А.З. Монеты Царевского городища (Раскопки 1998 г.) // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып.135. М.: «Гиссо-Полиграф», 2002.
- Сингатуллина, 2003* – Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII века. Казань, 2003.
- Синьоводська проблема, 2005* – Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях // Збірник статей, Інститут історії України НАН України, Київ, 2005.
- Ситников, 2001* – Ситников А.В. Отчет Волго-Донской археологической экспедиции Комитета по культуре Администрации Волгоградской области и Областного научно-производственного центра по охране памятников истории и культуре за 2001 год о раскопках на территории Ленинского и Чернышковского районов Волгоградской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 24039–24040.
- Си-ю-цзи, 1866* – Старинное сказание о Чингисхане. Перевод Кафарова // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т.4. СПб., 1866.
- Сказания и повести о Куликовской битве, 1982* – Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
- Скоробогатова, 1983* – Скоробогатова Т.В. Одна из групп золотоордынской художественной керамики XIV в. // СА. 1983. № 2.
- Скржинская, 1971* – Скржинская Е.Ч. Вводные очерки // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971.
- Скржинская, 1973* – Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро, 1362г.) // ВВ. 1973. Т. 35.
- Скржинская, 2000* – Скржинская Е.Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000.
- Скрынников, 1997* – Скрынников Р.Г. История Российской. IX–XVII вв. М., 1997.
- Скрынникова, 1997* – Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
- Слепова, 2001* – Слепова Т.И. Монета Иерусалимского, Родосского и Мальтийского ордена Святого Иоанна из раскопок Херсонеса // Девятая всероссийская нумизматическая конференция: ТДС. СПб., 2001.
- Слово, 1957* – Слово о погибели русской земли. М., 1957.
- «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, 1966* – «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.-Л., 1966.
- Смагулов, 1999* – Смагулов Е.А. Некрополь средневекового Туркестана // Города Туркестана. Алматы, 1999.
- Смбат Спарпет, 1974* – Смбат Спарпет. Летопись / Пер. с древнеармян., пред. и прим. А.Г.Галстяна. Ереван, 1974.
- СМИЗО, 1884* – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В.Г.Тизенгаузена. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- СМИЗО, 1941* – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л., 1941.
- Смирнов, 1887* – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
- Смирнов, 1940* – Смирнов А.П. Очерки по истории волжских булгар // Труды ГИМ. 1940. Вып. XI.
- Смирнов, 1940a* – Смирнов А.П. Баня XIV в. в Великих Болгарах // КСИИМК. 1940. Вып. 6.
- Смирнов, 1941* – Смирнов А.П. Болгары // ТД археол. сессии Ученого совета ГИМ. 19–23 марта 1941 г. М., 1941.
- Смирнов, 1946* – Смирнов А.П. К вопросу о происхождении татар Поволжья // СЭ. 1946. № 3.

- Смирнов, 1948* – Смирнов А.П. Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948.
- Смирнов, 1951* – Смирнов А.П. Волжские булгары // Труды ГИМ. 1951. Т. 19.
- Смирнов, 1952* – Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28.
- Смирнов, 1954* – Смирнов А.П. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография // МИА. № 42. М., 1954.
- Смирнов, 1957* – Смирнов А.П. Железный век Башкирии // МИА. 1957. № 58.
- Смирнов, 1958* – Смирнов А.П. Армянская колония города Болгар // МИА. 1958. № 61.
- Смирнов, 1963* – Смирнов А.П. Роль Болгарского государства в формировании Казанского ханства // Труды Общества истории, археологии и этнографии. Вып. 1 (36). Казань, 1963.
- Смирнов, 1966* – Смирнов А.П. Археологическое исследование соборной мечети «Четыреугольника» в Великих Болгарах // СА. 1966. № 1.
- Смирнов, 1972* – Смирнов А.П. Об этническом составе Волжской Болгарии // Новое в археологии. М.: Наука, 1972.
- Смирнов, 1974* – Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974.
- Смирнов, 1981* – Смирнов А.П. Волжская Булгария // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Смирнов, 2005* – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. 1. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. Изд. 2-е. М., 2005.
- Смирнов, Федоров-Давыдов, 1959* – Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. 1959. № 4.
- Смолин, 1921* – Смолин В.Ф. К вопросу о происхождении народности каско-волжских болгар. Казань, 1921.
- Смолин, 1925* – Смолин В.Ф. Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джуке-Тау // ВНОТ. 1925. № 3.
- Снесарев, 1983* – Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983.
- Собрание путешествий к татарам, 1825* – Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях / Пер. Д.И.Языкова. СПб., 1825.
- Сокровенное сказание, 1990* – Сокровенное сказание. Анонимная монгольская хроника 1240 г. Элиста, 1990.
- Сокровища Золотой Орды, 2000* – Сокровища Золотой Орды. Концепция выставки, сост. и науч. ред. аннотаций М.Г.Крамаровский. СПб., 2000.
- Сокровища Приобья, 1996* – Сокровища Приобья. СПб.: Славия, 1996.
- Сокровища сарматских вождей, 1989* – Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
- Солженицын, 2001* – Солженицын А.И. 200 лет вместе. (1795–1995). М., 2001. Ч. 1.
- Соловьев, 1960* – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3–4. М.: Изд-во соц.-эк. лит.-ры, 1960.
- Соловьев, 1988* – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I, II. Т. 1–4. М., 1988.
- Соломоник, 1997* – Соломоник Э.И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма: исторические очерки. Симферополь, Иерусалим. 1997.
- Сочнев, 1993* – Сочнев Ю.В. Христианство в Золотой Орде в XIII веке // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.
- Спицын, 1906* – Спицын А.А. Из коллекции императорского Эрмитажа // ЗОРСА РАО. 1906. Т.VIII. Вып. I.
- Спицын, 1906* – Спицын А.А. К вопросу о Мономаховой шапке // ЗОРСА РАО. 1906. Т.VIII. Вып. I.
- Спицын, 1909* – Спицын А.А. Бухарский клад и Мономахова шапка // ИАК. 1909. Вып. 29.
- Спицын, 1914* – Спицын А.А. Некоторые новые приобретения Саратовского музея // ИАК. 1914. Вып. 53.
- Спицын, 1927* – Спицын А.А. Татарские курганы // Известия ТОИАЭ. Т.1 (58). Симферополь, 1927.
- Средневековая татарская литература, 1999* – Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.). Казань: Фэн, 1999.
- Средневековые памятники Поволжья, 1976* – Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- Средневековые письменные источники о древнем Ургенче, 2000* – Средневековые письменные источники о древнем Ургенче. Ашхабад, 2000.
- Старостин, 1989* – Старостин С.А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М.: Наука, 1989.
- Стасюлевич, 1865* – Стасюлевич М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. М., 1865. Т.III.
- Степаненко, 1991* – Степаненко В.П. К истории Боспора Киммерийского XI–XII вв. // Проблемы истории Крыма: ТДНК. Симферополь, 1991. Вып. 1.
- Степаненко, 2003* – Степаненко В.П. К иконографии храма «Трех всадников» под Эски-Керменом // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. Симферополь, 2003.
- Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981* – Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1981.
- Столярова, 1997* – Столярова Е.К. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // РА. № 4. 1997.
- Стори, 1972* – Стори Ч.А. Персидская литература: Био-библиографический обзор / Пер. с англ., перераб. и доп. Ю.Э.Брегель. В 3-х частях. М.: Наука, 1972.
- Строева, 1952* – Строева Л.В. Возникновение государства Тимура // История и филология стран

Востока. Серия востоковедческих наук. Л., 1952. Вып. 3. (№ 128).

Строева, 1958 – Строева Л.В. Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. // Памяти академика И.Ю.Крачковского. Л.: Изд-во «ЛГ», 1958.

Судьба степей, 1997 – Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А. Судьба степей. Новосибирск, 1997.

Султангареева, 1998 – Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа, 1998.

Султанов, 1970 – Султанов Т.И. К вопросу о терминах «Ак-Орда» и «Йуз-Орда» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1970.

Султанов, 1973 – Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II // ТС. 1973. М., 1975.

Султанов, 1977 – Султанов Т.И. Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илатий» // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.

Султанов, 1978 – Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.

Султанов, 1982 – Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.

Султанов, 1994 – Султанов Т.И. «Муизз алансаб» и Чингизиды – подпоручики «Кижэ» // Восток. 1994. Вып. 6.

Султанов, 2001 – Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.

Султанов, 2002 – Султанов Т.И. Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии // ТС 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Султанов, 2006 – Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.

Суперанская, Исаева, Исхакова, 1995 – Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф. Введение в топонимию Крыма. Ч. I. М., 1995.

Сухарева, 1976 – Сухарева О.И. Квартальная община позднесредневекового города Бухары. М., 1976.

Сыроечковский, 1940 – Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Уч. зап. МГУ. 1940. Вып. 61. История. Т. 2.

Тагирджанов, 1962 – Тагирджанов А.Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ. Т.1. История, биографии, география. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.

Таккуш, 1998 – Таккуш Мухаммад Сахиль. Тарих аль-мэмлик фиһи Миср вэ бэл мэк эш-Шэм. 1250–1517. Бейрут, 1998 (на араб. яз.).

Талицкая, 1952 – Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. 1952. № 35.

Талицкий, 1951 – Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. 1951. № 22.

Тамура Дзицудзо, 1971 – Тамура Дзицудзо. Тюкоку сэйфуку оте-но кэнкю. 1971. Т. 2.

Тасмагамбетов, Самашев, 2001 – Тасмагамбетов И.Н., Самашев З.С. Сарайчик. Алматы, 2001.

Татаро-монголы, 1970/1977 – Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970; 2-е изд. М., 1977.

Татищев, 1966 – Татищев В.Н. История Российская. Т. 6. М.-Л., 1966.

Татищев, 1995 – Татищев В.Н. История Российская. Ч.2 // Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. IV. М., 1995.

Тенишев, 1987 – Тенишев Э.Р. О языке поэмы «Кыссаи Йусуф» Кул Гали // Поэт гуманист К.Гали. Казань, 1987.

Тенишев, 1988 – Тенишев Э.Р. Принципы составления исторических грамматик и истории литературных языков // СТ. 1988. № 3.

Тенишев, 1997 – Языки мира: Тюркские языки / Под ред. Тенишева Э.Р., Поцелуевского Е.А., Кормушина И.В. и др. М., 1997.

Теплоухов, 1894 – Теплоухов Ф.А. Древности Пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути // Пермский край. 1894. Т. III.

Терещенко, 1850 – Терещенко А.В. Археологические поиски в развалинах Сарая // Записки СПб. Археол.-нумизм. общ-ва. СПб., 1850. Т. II.

Терещенко, 1853 – Терещенко А.В. Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кипчакского царства // Уч. зап. Имп. Акад. наук по Первому и Третьему отделениям. СПб., 1853. Т. II. Вып. 1.

Терещенко, 2001 – Терещенко А.В. Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кипчакского царства // ТА. 2001. № 1–2 (8–9).

Тер-Мкртчян, 1985 – Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии VIII–XVIII вв. М., 1985.

Тесленко, 2004 – Тесленко И.Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004.

Тизенгаузен, 1889–1890 – Тизенгаузен В.Г. Восточные монеты Н.П.Линевича // ЗВОРАО. СПб., 1889–1890. Т. IV. Вып. III–IV.

Тихомиров, 1961 – Тихомиров М.Н. Пути из России в Византию в XIV–XV вв. // Византийские очерки. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Тихомиров, 1969 – Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

Тихомиров, 1973 – Тихомиров М.Н. Выступление на защите диссертации Х.Г.Гимади (23.05.1949 г.) // М.Н.Тихомиров. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973.

Тихомиров, 1973а – Тихомиров М.Н. Бесермены в русских источниках // Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVI веков. М., 1973.

Тихомиров, Дмитриев, 1948 – Тихомиров М.Н., Дмитриев С.С. История СССР. С древнейших времен до 1861 года. М., 1948.

Тихомолова, 1991 – Тихомолова И.Р. Китайские селадоны городища Большие Кучугуры // Международные связи в средневековой Европе. Запорожье, 1991.

Тихомолова, 2002 – Тихомолова И.Р. Фарфор и фаянс в керамическом комплексе городища Боль-

шие Кучугуры // Старожитності степового Причорноморія і Криму. Запоріжжя, 2002. Т. X.

Тишкин, 2002 – Тишкин А.А. Предметы вооружения монгольского времени из окрестностей Бийска // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002.

Тишкин, Горбунов, 2005 – Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005.

Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002 – Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002.

Тоган, 2002 – Тоган И. Джучи хан и значение осады Хорезма как символы законности // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2002.

Токарев, Мелетинский, 1991 – Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира. М., 1991.

Толочко, 1980 – Толочко П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков. Киев, 1980.

Толочко, 1999 – Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999.

Толстов, 1934 – Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.-Л., 1934. Вып. 103.

Толстов, 1943 – Толстов С.П. Города гузов // Советская энциклопедия. 1943. № 3.

Толстов, 1958 – Толстов С.П. Работы ХАЭЭ в 1949–1953 гг. // Труды ХАЭЭ. Т. 2. М., 1958.

Толстов, 1962 – Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Томилов, 1993 – Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск, 1993.

Топография, 1887 – Топография Оренбургской губернии / Сочинение П.Н.Рычкова 1762 г. Оренбург, 1887.

Топорова, 1990 – Топорова А.В. Создание и распространение средневековых текстов на примере францисканской литературы XIII–XIV вв. // Книга в системе международных культурных связей. М., 1990.

Трепавлов, 1991 – Трепавлов В.В. Соправительство в Монгольской империи (XIII в.) // АЕМА. 1991. Vol. VII.

Трепавлов, 1993 – Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Трепавлов, 1993а – Трепавлов В.В. Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // *Mongolica*. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993.

Трепавлов, 1997 – Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии в XV–XVII вв. // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкирии. № 2. Уфа, 1997.

Трепавлов, 1998 – Трепавлов В.В. Тюркская знать в России (Ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. № 1–2 (4–5). М., 1998.

Трепавлов, 2001 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трифонов, 1973 – Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) // ТС. 1972. М., 1973.

Трифонов, 1987 – Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987.

Троицкая, Молодин, Соболев, 1980 – Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980.

Тростьянский, 2004 – Тростьянский О.В. Клад суздальско-нижегородских монет XV века с Селитренного городища // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М., Нижний Новгород, 2004.

Тростьянский, Егоров, 2005 – Тростьянский О.В., Егоров Э.Н. Анонимные и анэпиграфные монеты Булгара XIII–XIV вв. // Труды I МНК «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV вв». Саратов, 17–21 сентября 2001 г. М., 2005.

Трофимова, 1936 – Трофимова Т.А. Краниологический очерк татар Золотой Орды // Антропологический журнал. 1936. № 2.

Трофимова, 1949 – Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // Тр. Ин-та этнографии. М.-Л., 1949. Т. VII.

Трофимова, 1956 – Трофимова Т.А. Антропологический состав населения г. Болгары в X–XV вв. // Антропологический сборник. 1956. № 1.

Трубецкой, 1925 – Трубецкой Н.С. Наследие Чингис-хана. Берлин, 1925.

Трубецкой, 1993 – Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре (1923 г.) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.

Трубецкой, 1993а – Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм (1927 г.) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.

Ту Ци, 1934 – Ту Ци. Мэнзэр-шици (Исторические записки о монголах). Б.м., 1934.

Тунманн, 1991 – Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1991.

У Хань, 1980 – У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980.

Указ, 1997 – Указ Президента Российской Федерации от 5 мая 1997 № 452. Приложение № 1.

Уложение Тимура, 2005 – Тамерлан. Автобиография. Уложение. М., 2005.

Умняков, 1976 – Умняков И.И. Аннотированная библиография трудов акад. В.В.Бартольда / Н.Н.Туманович. Описание архива акад. В.В.Бартольда. М., 1976.

Урманче, 1999 – Урманче Б. Народный эпос «Идегей». Казань, 1999.

Усманов, 1963 – Усманов М.А. О языковых особенностях надписи из Нового Сарая // СА. 1963. № 3.

- Усманов, 1972* – Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария», Татарские шаджара. Казань, 1972.
- Усманов, 1972a* – Усманов М.А. Рец. на кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей. М., 1970 // Народы Азии и Африки. 1972. № 5.
- Усманов, 1975* – Усманов М.А. Официальные акты ханств Восточной Европы XIV–XVI вв. и их изучение // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975.
- Усманов, 1979* – Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.
- Усманов, 1979a* – Усманов М.А. Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева Улуса // Актовое источниковедение. Сб. статей. М., 1979.
- Усманов, 1979b* – Усманов М.А. О новых ярлыках ханств Джучиева Улуса XIV–XVI вв. // АЕ за 1978 г. М., 1979.
- Усманов, 1982* – Усманов М.А. Мусульманское духовенство в ханствах Джучиева Улуса XIV–XVI вв. (по данным жалованных ярлыков) // Баргольдские чтения 1982 г. М., 1982.
- Усманов, 1985* – Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI веков // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.
- Усманов, 1990* – Усманов М.А. О тугре в официальных актах и посланиях Джучидов // Баргольдские чтения 1990 г.: ТДС. М., 1990.
- Усманов, 1994* – Усманов М.А. О документах русско-восточной переписки на тюркских языках в XV–XVIII вв. и их источниковедческое значение // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994.
- Усманов, 2000* – Усманов М.А. Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000.
- Усманов, 2001* – Усманов М.А. Состояние и перспективы источниковедения истории Улуса Джучи // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1226–1556. Казань, 2001.
- Успенский, 1926* – Успенский Ф.И. Византийские источники о монголах и египетских мамлюках // ВВ. 1926. Т. XXIV.
- Успенский, 1992* – Успенский Ф. Византийские источники о монголах и египетских мамлюках // Забвению не подлежит. Казань, 1992.
- Устав, 1863* – Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году // ЗООИД. 1863. Т. V.
- Устюжский летописный свод, 1950* – Устюжский летописный свод. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Утемиш-хаджи, 1992* – Утемиш-хаджи. Чингис-наме / Факсимиле, транскрипция. Текстологические примечания, исследование В.П.Юдина. Комментарии и указатели М.Х.Абусейтовой. Алма-Ата, 1992.
- Уэзерфорд, 2005* – Уэзерфорд Дж. Чингисхан и рождение современного мира. М., 2005.
- Фазылов, 1966/1971* – Фазылов Э.И. Староузбекский язык. Хорезмские памятники XIV в. Ташкент: Фэн, 1966. Т.1; 1971. Т.2.
- Фазылов, 1967* – Фазылов Э.И. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века: АДД. Ташкент, 1967.
- Фалина, 1989* – Фалина А.И. Рашид ад-Дин // Историография Ирана нового и новейшего времени. М., 1989.
- Фасеев, 1966* – Фасеев Ф.С. Краткий грамматический справочник татарского языка // Татарско-русский словарь. М., 1966.
- Фасмер, 1927* – Фасмер Р.Р. О двух редких золотых монетах делийских султанов // Известия ОАИЭ при Казанском университете. Т. XXXIII. Вып.4. 1927.
- Фасхутдинов, 1999* – Фасхутдинов А.Н. Два креста-энколпиона из окрестностей города Болгара // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Болгар, 1999.
- Фаттахов, 1979* – Фаттахов Р.М. Антропологическая характеристика материалов из IV Билярского могильника (по раскопкам 1972–1973 гг.) // Новое в археологии Поволжья / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1979.
- Фахрутдинов, 1975* – Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
- Фахрутдинов, 1984* – Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии / Отв. ред. С.А.Плетнева. М., 1984.
- Фахрутдинов, 1990* – Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топография болгарских городищ // СА. 1990. № 4.
- Фахрутдинов, 1993* – Фахрутдинов Р.Г. Золотая Орда и ее роль в истории татарского народа // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.
- Фахрутдинов, 1993a* – Фахрутдинов Р.Г. Золотая Орда и татары. Что в душе у народа. Набережные Челны, 1993.
- Фахрутдинов, 1995* – Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Казань: Магариф, 1995.
- Фахрутдинов, 1998* – Фахрутдинов Р.Г. Проблема формирования татарской народности в современной исторической науке // Ислам и этническая мобилизация: Национальные движения в тюркском мире. М., 1998.
- Фахрутдинов, 2001* – Фахрутдинов Р.Г. Проблема формирования татарской народности в современной исторической науке // Иордан М.В., Кузев Р.Г., Червонная С.М. Ислам в Евразии: современные этические и эстетические концепции суннитского Ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. М., 2001.
- Федорова, 1990* – Федорова Н.В. Булгарские сканные украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- Федоров-Давыдов, 1958a* – Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV–

XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче // Труды ХАЭЭ. М., 1958. Т. 2.

Федоров-Давыдов, 1958б – Федоров-Давыдов Г.А. Из истории политической жизни Хорезма XIV века // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 30. М., 1958.

Федоров-Давыдов, 1960 – Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде // НЭ. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Федоров-Давыдов, 1961 – Федоров-Давыдов Г.А. О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарая в конце XIII века // ЭВ. Вып. XIV. М., 1961.

Федоров-Давыдов, 1961а – Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках в 1961 г. на Царевском городище (Сарай Берке) Ленинского района Волгоградской области // Архив Института археологии АН СССР. Р-1, № 2331.

Федоров-Давыдов, 1963 – Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. 1963. Т. IV.

Федоров-Давыдов, 1964 – Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА. 1964. № 1.

Федоров-Давыдов, 1964а – Федоров-Давыдов Г.А. Культура и общественный быт золотоордынских городов. М., 1964.

Федоров-Давыдов, 1964б – Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках на Царевском городище (Сарай Берке) 1964 г., 2885, л.158. Архив Института археологии АН СССР.

Федоров-Давыдов, 1965 – Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // НЭ. 1965. Т. V.

Федоров-Давыдов, 1966 – Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.

Федоров-Давыдов, 1968а – Федоров-Давыдов Г.А. «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Федоров-Давыдов, 1968б – Федоров-Давыдов Г.А. Курганы, идолы, монеты. М., 1968.

Федоров-Давыдов, 1969 – Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII–XIV вв. // Древности Восточной Европы. М., 1969.

Федоров-Давыдов, 1970 – Федоров-Давыдов Г.А. Кочевая Орда в Улусе Джучи // Вестник МГУ. 1970. № 5.

Федоров-Давыдов, 1972 – Федоров-Давыдов Г.А. Два клада серебряных монет XIII в. из Болгар // НЭ. 1972. Т. X.

Федоров-Давыдов, 1973 – Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов, 1974 – Федоров-Давыдов Г.А. Астральный амулет из Царевского городища // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Федоров-Давыдов, 1976 – Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976.

Федоров-Давыдов, 1978 – Федоров-Давыдов Г.А. Золотая Орда и монгольский Иран // Вестник МГУ. 1978. № 6.

Федоров-Давыдов, 1978а – Федоров-Давыдов Г.А. Досаевский клад золотоордынских монет // Исследования по археологии Чувашии / Труды Чувашского НИИ. Вып. 80. Чебоксары, 1978.

Федоров-Давыдов, 1981 – Федоров-Давыдов Г.А. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Федоров-Давыдов, 1983 – Федоров-Давыдов Г.А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII–XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Материалы Всесоюзного совещания 13–15 мая 1981 г. г.Алма-Ата. Алма-Ата, 1983.

Федоров-Давыдов, 1986 – Федоров-Давыдов Г.А. Клад серебряных монет XIII в. из Болгар // КСИА. 1986. Вып. 183.

Федоров-Давыдов, 1987 – Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.

Федоров-Давыдов, 1987а – Федоров-Давыдов Г.А. Введение // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.

Федоров-Давыдов, 1991а – Федоров-Давыдов Г.А. Клад монет XIII в. из Волжской Болгарии // Проблемы археологии Евразии. М., 1991.

Федоров-Давыдов, 1991б – Федоров-Давыдов Г.А. Некоторые проблемы археологии Поволжья железного века // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». Вып. 2. М., 1991.

Федоров-Давыдов, 1992 – Федоров-Давыдов Г.А. Смерть хана Бату и династическая смута в Золотой Орде в освещении восточных и русских источников (источниковедческие заметки) // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992.

Федоров-Давыдов, 1994 – Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Федоров-Давыдов, 1998 – Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998.

Федоров-Давыдов, 1998а – Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Поволжской археологической экспедицией золотоордынских городов на Нижней Волге // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998.

Федоров-Давыдов, 1998б – Федоров-Давыдов Г.А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология: традиции и перспективы. М., 1998.

Федоров-Давыдов, 2001 – Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ, 2001.

Федоров-Давыдов, 2003 – Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: ПАЛЕОГРАФ, 2003.

Федоров-Давыдов, Булатов, 1989 – Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища. Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.

- Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974* – Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970* – Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970.
- Федотов, 1984* – Федотов М.Р. О болгарском и чувашском языках // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984.
- Федченко, 1950* – Федченко А.П. Путешествия в Туркестан. М., 1950.
- Фейзханов, 1863* – Фейзханов Х. Три надгробных болгарских надписи // Известия РАО. СПб. 1863. Т. 4.
- Феннел, 1989* – Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989.
- Феодальная Таврика, 1974* – Феодальная Таврика. Киев, 1974.
- Филипс, 2003* – Филипс Э.Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов. М., 2003.
- Финно-угры, 1999* – Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
- Фиркович, 1872* – Фиркович А. Сефер авицикарон. Вильна, 1872.
- Фирсов, 1921* – Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1921.
- Флоровский, 1993* – Флоровский Г.В. Евразийский соблазн (1928 г.) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.
- Флоря, 1980* – Флоря Б.Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. М., 1980.
- Фома Мецопский, 1957* – Фома Мецопский. История Тимур-Ланка и его преемников. Пер. Т.Тер-Григоряна и А.Баграмяна. Баку, 1957.
- Фома Мецопский, 1992* – Фома Мецопский. Тамерлан // Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния / Сост., обр. и подг. текста Р.Рахманалиева. М.: Гураш, 1992.
- Фома Сплитский, 1997* – Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Вступит. статья, пер. и коммент. О.А.Акимовой. М., 1997.
- Фоменко, 2007* – Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М., 2007.
- Фомичев, 1981* – Фомичев Н.М. Джучидские монеты из Азова // СА. 1981. № 1.
- Фомичев, 1992* – Фомичев Н.М. О происхождении названия и времени основания города Азова // Очерки истории Азова: Вып. 1. Азов, 1992.
- Фомичев, 1994* – Фомичев Н.М. Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака-Таны в XIV–XV вв. // Очерки истории Азова. Вып. 2. Азов, 1994.
- Фомичев, 1997* – Фомичев Н.М. О реконструкции изображений на штемпелях дирхемов Азака. V ВНК. Москва, 21–25 апреля 1997 г.: ТДС. М., 1997.
- Фомичев, 2000* – Фомичев Н.М. О группе золотоордынских пулов // VIII ВНК: ТДС. М., 2000.
- Фомичев, 2001* – Фомичев Н.М. Новые находки медных византийских и западных монет XIV в. в Азове // IX ВНК: ТДС. СПб., 2001.
- Фомичев, 2003* – Фомичев Н.М. Некоторые факты, относящиеся к нумизматике Азака-Таны в XIV–XV вв. // XI ВНК: ТДС. СПб., 2003.
- Френ, 1832* – Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении / [Пер. с нем. М.Волкова]. СПб., 1832.
- Фронджуло, 1974* – Фронджуло М.А. Раскопки в Судак // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
- Хабарова, 2001* – Хабарова Н.В. (автор-составитель каталога). Культура средневековых Кочевников и городов Золотой Орды. Волгоград, 2001.
- Хаджитархани, 1997* – Хаджитархани Ш. (Кул Шариф). Зафер наме-и вилайет-и Казан (Послание о победе Казани, 1550 г.). Казань, 1997.
- Хакимзянов, 1978* – Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978.
- Хакимзянов, 1987* – Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1987.
- Хакимзянов, Измайлов, 2006* – Хакимзянов Ф.С., Измайлов И.Л. Языки населения Волжской Булгарии и проблема «болгарского» языка // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.
- Халиков, 1968* – Халиков А.Х. Волжская Булгария // История Татарской АССР. Казань, 1968.
- Халиков, 1971* – Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Халиков, 1973* – Халиков А.Х. Исследование Билярского городища // АО 1972 года. М., 1973.
- Халиков, 1976* – Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследование Великого города. М., 1976.
- Халиков, 1978* – Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978.
- Халиков, 1984* – Халиков А.Х. Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Нижнего Поволжья. Казань, 1984.
- Халиков, 1985* – Халиков А.Х. О происхождении, этимологии и распространении имени «татары» в Среднем Поволжье и Приуралье // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985.
- Халиков, 1988* – Халиков А.Х. Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.
- Халиков, 1989* – Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
- Халиков, 1989а* – Халиков А.Х. Основные этапы истории и археологии ранних болгар в Среднем Поволжье и Приуралье // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.
- Халиков, 1992* – Халиков А.Х. Кто мы: болгары или татары? Казань, 1992.

- Халиков, 1992a* – Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.
- Халиков, 1994* – Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Фэн, 1994.
- Халиков, Хакимзянов, 1997* – Халиков А.Х., Хакимзянов Ф.С. Об этнонимах и топонимах булгарского времени // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Т. 1. М., 1997.
- Халиков, Халиуллин, 1988* – Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.
- Халиков, Шарифуллин, 1976* – Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города. М., 1976.
- Халиков, Шарифуллин, 1979* – Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.
- Халикова, 1965* – Халикова Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // КСИА. 1965. № 104.
- Халикова, 1975* – Халикова Е.А. Magna Hungaria // ВИ. 1975. № 7.
- Халикова, 1976* – Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. 1976. № 3.
- Халикова, 1976* – Халикова Е.А. Мусульманские могильники Волжской Болгарии X – начала XIII в. как исторический источник // АКД. М., 1976.
- Халикова, 1979* – Халикова Е.А. IV Билярский некрополь // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.
- Халикова, 1986* – Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, 1986.
- Халимов, 1991* – Халимов Н.Б. Памятники Ургенча. Ашхабад, 1991.
- Халиуллин, 1988* – Халиуллин И.Х. О монгольском походе 1232 г. на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.
- Халиуллин, 1995* – Халиуллин И.Х. Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье в XIII в. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.
- Хамдаллах Мустауфи Казвини, 1986* – Хамдаллах Мустауфи Казвини. Зайл-и тарих-и гузида (дополнение к «Избранной истории» / Вступ. ст., пер. с перс., прим. и указатели М.Д.Кязимова и В.З.Пириева. Баку: Элм, 1986.
- Хамидуллин, 1998* – Хамидуллин Б. Марко Поло о татарах и Золотой Орде // Идель. 1998. № 8.
- Хамидуллин, 2002* – Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань, 2002.
- Хамидуллин, 2002* – Хамидуллин Б.Л. Предыстория Казанского ханства: образование и этническая история Казанского «княжества» (постановка проблемы) // Казанского ханство: актуальные проблемы исследования. Казань, 2002.
- Хамидуллин, 2002* – Хамидуллин Б.Л. Чингизхан – 850. Кн.1. Казань, 2002.
- Хамраев, 1948* – Хамраев А.Х. К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве в XIX в. // Труды САГУ. Новая история. Ташкент, 1948. Вып 9.
- Ханские ярлыки II, 1851* – Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851.
- Хань Жу-линь, 1982* – Хань Жу-линь. Чэньцзисы хань (Чингиз-хан). Цзянсу жэньминь чубаньшэ. 1982.
- Хара-Даван, 1929* – Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV века. Белград, 1929.
- Хара-Даван, 1991* – Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста, 1991.
- Хара-Даван, 1996* – Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. 2-е изд. // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996.
- Харузин, 1895* – Харузин А.Н. К вопросу о происхождении киргизского народа // Этнографическое обозрение. 1895. Кн. XXVI. № 3.
- Хатиби, 1985* – Хатиби С.О. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана – XIII–XIV вв. Ашхабад, 1985.
- Хауссиг, 1977* – Хауссиг Г.В. К вопросу о происхождении гуннов // ВВ. 1977. № 38.
- Хафиз-и Таныш Бухари, 1983* – Хафиз-и Таныш ибн Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы) / Пер., введ., прим. и указ. М.А.Салахетдиновой. Ч. 1. М., 1983.
- Хафизов, 2000* – Хафизов Д. Казань на географических картах XIV – начала XVII в. Краткий обзор // Средневековая Казань: возникновение и развитие. 2000.
- Хачатрян, 1987* – Хачатрян А.А. Корпус арабских надписей Армении VIII–XVI вв. / Отв. ред. О.Г.Большаков. Ереван, 1987.
- Хачикян, 1982* – Хачикян Л.С. «Гости-сурожа» в русских летописях и Сказаниях о Мамаевом побоище. (К вопросу об их национальной принадлежности) // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982.
- Хвольсон, 1869* – Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, словаках. СПб., 1869.
- Хейвуд, 2002* – Хейвуд К. Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2002.
- Хеллер, 2002* – Хеллер, Клаус. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2002.
- Хечумян, 1982* – Хечумян В. Книга книг / Перевод с арм., предисловие и комментарий Т.Мартirosяна. М., 1982.
- Хизриев, 1982* – Хизриев Х.А. Нашествие Тимура на Северный Кавказ и сражение на Тереке // ВИ. 1982. № 4.

- Хинц, 1970* – Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.
- Хлебникова, 1970* – Хлебникова Т.А. Археологическое исследование мавзолеев города «Великие Болгары» в 1966 г. // Поволжье в средние века. М., 1970.
- Хлебникова, 1975* – Хлебникова Т.А. К истории Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970–1972 гг.) // СА. 1975. № 1.
- Хлебникова, 1984* – Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984.
- Хлебникова, 1987* – Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Хованская, 1954* – Хованская О.С. Бани города Болгара // МИА. 1954. № 42.
- Хованская, 1958* – Хованская О.С. Оборонительная система города Болгара // МИА. 1958. № 61.
- Ходжайов, 1969* – Ходжайов Т.К. Краниологические материалы XIII–XIV вв. н.э. (Миздахкан) // Вопросы антропологии. 1969. Вып. 31.
- Ходзевич, 1988* – Ходзевич Л.П. О происхождении сюжета на одной уникальной поясной гарнитуре из Лазовского городища // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток, 1988.
- Хорезми, 1961* – Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н.Наджиба. Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия, IV. М., 1961.
- Хотко, 2001* – Хотко С.Х. Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб., 2001.
- Храпачевский, 2004* – Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2004.
- Храпачевский, 2005* – Храпачевский Р.П. Эволюция государственного аппарата в государстве Чингисхана и ее влияние на экономическую политику в Монгольской империи (по китайским источникам) // Труды III МНК «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XIV веков», Старый Крым 3–9 октября 2004. М., 2005.
- Хрестоматия по истории средних веков, 1963* – Хрестоматия по истории средних веков. Т. II.: X–XV вв. М., 1963.
- Христианский мир, 2002* – Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа / Критич. текст, пер. с латыни С.В.Аксенова и А.Г.Юрченко. Экспозиция, исслед. и указ. А.Г.Юрченко. СПб., 2002.
- Хромов, 1997a* – Хромов К.К. Несколько неописанных монет династии Гиреев // НФ. 1997. № 2.
- Хромов, 1997b* – Хромов К.К. Медные монеты Хаджи Гирея // НФ. 1997. № 3.
- Хромов, 1999* – Хромов К.К. Заметки по золотоордынской нумизматике Крыма (Монеты Солхата) // НФ. 1999. № 4(12).
- Хромов, 2002* – Хромов К.К. О правлении джучидских ханов в Крыму в 1419–1422 гг. по нумизматическим данным // X ВНК Псков, 15–20 апреля 2002 г.: ТДС. М., 2002.
- Хромов, 2004a* – Хромов К.К. Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций. Ч. I. Монеты Джучидов XIII–XV веков. Киев. 2004.
- Хромов, 2004b* – Хромов К.К. Новые данные о серебряном монетном чекане Крыма раннего золотоордынского периода // Нумизматика. 2004, июль (5).
- Хромов, 2005a* – Хромов К.К. Новое в изучении медных генуэзско-татарских монет города Кафы XV века // Труды III МНК «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XIV веков», Старый Крым 3–9 октября 2004. М., 2005.
- Хромов, 2005b* – Хромов К.К. К вопросу о технологии чеканки джучидских монет // XIII ВНК. Москва, 11–15 апреля 2005 г.: ТДС. М., 2005.
- Хромов, Настич, 2003* – Хромов К.К., Настич В.Н. Два редких типа серебряных монет Крыма золотоордынского периода // XI ВНК. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.: ТДС. СПб., 2003.
- Хроника Быховца, 1966* – Хроника Быховца / Рус. пер. Н.Н.Улащика. М., 1966.
- Хрусталева, 2004* – Хрусталева Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в.) СПб., 2004.
- Худяков, 1922* – Худяков М.Г. Мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань, 1922.
- Худяков, 1923* – Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.
- Худяков, 1982* – Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982.
- Худяков, 1986* – Худяков М.Г. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- Худяков, 1986a* – Худяков М.Г. Кыргызы на Енисее: Учебное пособие. Новосибирск, 1986.
- Худяков, 1991* – Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. 3-е изд. (Воспроизведено по тексту издания 1923 г.). Казань, 1991.
- Худяков, 1991* – Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.
- Худяков, 1996* – Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996.
- Худяков, 1997* – Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997.
- Худяков, 1998* – Худяков М.Г. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1998.
- Хузин, 1988* – Хузин Ф.Ш. Великий город и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.
- Хузин, 1994* – Хузин Ф.Ш. Новые исследования на Джукетау // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
- Хузин, 1995* – Хузин Ф.Ш. Булгары на Волге и Каме до монгольского завоевания (вторая половина VIII–XIII вв.) // Материалы по истории татарского народа / Отв. ред. С.Х.Алишев. Казань, 1995.

Хузин, 1995а – Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Казань, 1995.

Хузин, 1997 – Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время. (X – начало XIII веков). Казань, 1997.

Хузин, 2001 – Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань, 2001.

Хузин, 2006а – Хузин Ф.Ш. Городская застройка: жилые дома, хозяйственные постройки и общественные здания // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.

Хузин, 2006б – Хузин Ф.Ш. Территория // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.

Хузин, Набиуллин, 1999 – Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999.

Хузин, Ситдииков, 2005 – Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Древняя Казань. Казань, 2005.

Цалкин, 1967 – Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. М., 1967. Т. LXXII. Вып. 1.

Центральна Україна, 2003 – Центральна Україна за доби клаичного середньовіччя: студії з історії XIV ст. Київ, 2003.

Цзинь-ши, 1958 – Цзинь-ши (История династии Цзинь). В серии Соинь-бонабэн (24 династийные истории). Пекин–Шанхай, 1958.

Цинберг, 1924 – Цинберг С. Авраам Крымский и Моисей Киевский // Еврейская старина. Т. XI. 1924.

Циркин, 1971 – Циркин А.В. Нижнеборковский клад // СА. 1971. № 1.

Цулая, 1973 – Цулая Г.В. Грузинская книжная легенда о Чингис-хане // СЭ. 1973. № 5.

Цулая, 1981 – Цулая Г.В. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981.

Цыбин, 1987 – Цыбин М.В. Юго-восточная окраина Руси в XII–XIV вв. (по данным археологии). АКД. Киев, 1987.

Чариков, 1980 – Чариков А.А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.

Чебоксаров, 1980 – Чебоксаров Н.Н. Значение данных антропологии для разработки проблем происхождения и этнической истории тюркских народов // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980.

Чекалин, 1889 – Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным // Труды СУАК. 1889. Т. 2. Вып. 1.

Чекалин, 1890 – Чекалин Ф.Ф. Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро // Труды СУАК. 1890. Т. II. Вып. 2.

Челеби, 1979 – Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.

Червоная, 1983 – Червоная С.М. Изобразительное искусство Советской Татарии. Альбом. М., 1983.

Черепнин, 1948 – Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1–2. М.-Л., 1948–1951.

Черепнин, 1958 – Черепнин Л.В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.-Л., 1958.

Черепнин, 1977 – Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.

Чернышевский, 1989 – Чернышевский Д.В. «Придоша бесчисленны, яко пружи» // ВИ. 1989. № 2.

Чеченов, 1967 – Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // Уч. зап. КБНИИ. 1967. Т. XXV.

Чеченов, 1968 – Чеченов И.М. Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата в 1967 г. // Вестник КБНИИ. 1968. Вып. I.

Чеченов, 1969 – Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

Чеченов, Зиливинская, 1999 – Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. М., 1999.

Чингис-наме, 1934 – Автобиография Тимура. Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Тимура. М., 1934.

Чойсамба, 2006 – Чойсамба Ч. Завоевательные походы Бату-хана. М., 2006.

Чулошников, 1924 – Чулошников А.П. Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. I. Оренбург, 1924.

Чхао Чху-чанг, 2002 – Чхао Чху-чанг. К вопросу о взаимоотношениях юаньских и золотоордынских правителей (по данным китайских источников) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Шабульдо, 1987 – Шабульдо Ф.М. Земли Юго-западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

Шавкунов, 1990 – Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей-удиге XII–XIII вв. и проблема тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.

Шакарим Кудайберды-улы, 1990 – Шакарим Кудайберды-улы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Алма-Ата, 1990.

Шамильоглу, 1991 – Шамильоглу Ю. Формирование исторического сознания татар: Шигабутдин Марджани и образ Золотой Орды // Татарстан. 1991. № 10.

Шамильоглу, 1993 – Шамильоглу Ю. «Карачи беи» поздней Золотой Орды: заметки по организации монгольской мировой истории // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

Шамильоглу, 2002 – Шамильоглу Ю. Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2002.

Шаниязов, 1974 – Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974.

Шаниязов, 1980 – Шаниязов К.Ш. Кипчаки в узбекской этнической среде в дооктябрьский период (процессы интеграции) // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

Шаоминь, 1936 – Кэ Шаоминь. Синь Юань-ши (Новая история Юань). В серии Цуньшу-цзицэн (25 династийных историй). Шанхай, 1936.

Шара туджи, 1957 – Шара туджи. Монгольская летопись XVII в. М.-Л., 1957.

Шарапова, 1975 – Шарапова З.М. Торговые связи Золотой Орды в XIV–XV вв. // Историко-краеведческие записки. Вып. III. Волгоград, 1975.

Шарифуллин, 1984 – Шарифуллин Р.Ф. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.

Шарифуллин, 1993 – Шарифуллин Р.Ф. О ранних жилищах волжских булгар (X – начало XIII вв.) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.

Шарифуллин, 1999 – Шарифуллин Р.Ф. Природные условия и минеральное сырье булгарских строителей // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Болгар, 1999.

Шарифуллин, 2001 – Шарифуллин Р.Ф. Бани Булгара и их изучение // Город Болгар. Мемориальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.

Шаскольский, 1994 – Шаскольский И.Б. Сведения об истории Руси в исландских анналах // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1994. Вып. 25.

Шастина, 1971 – Шастина Н.П. Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингиса // Страны и народы Центральной, Восточной, Юго-Восточной Азии. М., 1971.

Шастина, 1977 – Шастина Н.П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.

Шахматов, 1938 – Шахматов А.А. Обзорные русские летописных сводов XIV–XV вв. М.-Л., 1938.

Швецов, 1979 – Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. 1979. № 1.

Шейбаниада, 1849 – Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте / Пер., прим. и прилож. И.Березина / Библиотека восточных историков. Т. 1. Казань, 1849.

Шер, 1966 – Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1966.

Шильтбергер, 1866 – Шильтбергер И. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Одесса, 1866.

Шильтбергер, 1984 – Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. Ф.К.Бруна; изд., ред. и прим. З.М.Бунятова. Баку, 1984.

Шитов, 2000 – Расселение древней мордвы // Финно-угорский мир: история и современность. Саранск, 2000.

Шихсаидов, 1958 – Шихсаидов А.Р. О пребывании монголов в Рича и Кумухе // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Махачкала, 1958. Т. 4.

Школяр, 1980 – Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия. М.: Наука, 1980.

Шкриванић, 1970 – Шкриванић Г. Битка код Велбужда 28 VII 1330 // Весник воиног музея (Београд). 1970. №16.

Шнайдитейн, 1978 – Шнайдитейн Е.В. Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1978 г. М., Архив ИА РАН, Р-1, № 7255.

Шнайдитейн, 1979 – Шнайдитейн Е.В. Новые средневековые памятники в дельте Волги // Древняя история Поволжья. (Т. 230). Куйбышев, 1979.

Шнайдитейн, 1979а – Шнайдитейн Е.В. Отчет о работах на территории Кремля в 1979 году. Астраханский музей-заповедник, 1979, НВ 16217.

Шпилевский, 1844 – Шпилевский С.М. Город Булгар // Труды IV АС. Т. 1. Казань, 1844.

Шпилевский, 1877 – Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

Шрайнер, 1981 – Шрайнер П. Купцы и товары Причерноморья: фрагмент византийской конторской книги // Byzantino-Bulgarica. Sofia: Editions de l'Academie Bulgare des Sciences, 1981.

Шукуров, 1974 – Шукуров Ш. Наклонение и времена глагола в письменных памятниках узбекского народа в сравнительном освещении: АДД. Ташкент, 1974.

Щавелева, 1978 – Щавелева Н.И. К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.

Щавелева, 1990 – Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1990.

Щербак, 1959 – Щербак А.М. Огуз-наме – Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.

Щербатов, 1774 – Щербатов М.М. История Российская. Т. III. СПб., 1774.

Щербатов, 1901 – Щербатов М.М. История Российская. Т. 1–2. СПб., 1901.

Эрдели, 1986 – Эрдели И. Археология Венгрии VI–XI вв. // Археология Венгрии конец II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 1986.

Юань чао ши, 1986 – Юань чао ши. Пекин, 1986. Т. 1.

Юань-чао би-ши, 1962 – Юань-чао би-ши (Секретная история монголов) / Изд. и пред. Б.И.Панкратова. Т. 1. М., 1962.

Юань ши, 1935 – Юань ши (История династии Юань). Шанхай, 1935.

Юань-ши, 1958 – Юань-ши (История [монгольской] династии Юань). В серии Соинь-бонабэн, эр-ши-сы-ши (24 династийные истории). Пекин–Шанхай, 1958.

Юдин, 1992 – Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.

Юргевич, 1863 – Юргевич В. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о

путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 г. // ЗООИД. 1863. Т. 5.

Юрченко, 2002a – Юрченко А.Г. Золотая статуя Чингис-хана (русские и латинские известия) // ТС 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Юрченко, 2002b – Юрченко А.Г. Империя и космос. Реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002.

Юрченко, 2002в – Юрченко А.Г. Францисканская миссия 1247 г. во владениях Бату-хана // ТС. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Юсупов, 1960 – Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику / Отв. ред. М.Х.Гайнуллин. М.-Л., 1960.

Юсупов, 1971 – Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика, как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

Юсупов, 1993 – Юсупов Х. Сердце древнего Хорезма. Ашхабад, 1993.

Яблонский, 1975 – Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестник МГУ. Сер. История. 1975. № 2.

Яблонский, 1978 – Яблонский Л.Т. Об этнической связи подбойных погребений мусульманского некрополя XIV в. Водянского городища // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978.

Яблонский, 1979 – Яблонский Л.Т. Некоторые результаты исследований мусульманского некрополя Селитренного городища в 1976–1977 гг. // Полевые исследования ИЭ АН СССР за 1977 г. М., 1979.

Яблонский, 1980 – Яблонский Л.Т. Мусульманский некрополь Водянского городища // СА. 1980. № 1.

Яблонский, 1980a – Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманском некрополе Селитренного городища // Полевые исследования ИЭ АН СССР за 1978 г. М., 1986.

Яблонский, 1987 – Яблонский Л.Т. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии (монголы в средневековых городах Поволжья) // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.

Яблонский, 1987a – Яблонский Л.Т. Некрополи Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.

Яблонский, 2001 – Яблонский Л.Т. Значение материалов Поволжской археологической экспедиции для понимания проблем этногенеза народов Поволжья // Поволжье в средние века. Нижний Новгород, 2001.

Яблонский, 2003 – Яблонский Л.Т. (отв. ред.) Антропологический словарь. М., 2003.

Яблонский, 2004 – Яблонский Л.Т. История межпопуляционных контактов в Волго-Уральском регионе (по материалам Поволжской экспедиции) // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии / Серия «Восток-

Запад: Диалог культур Евразии». Вып. 4. Казань, 2004.

Яворская, 1987 – Яворская Л.В. Особенности погребального обряда в некрополях окрестностей Царевского городища (опыт статистической обработки) // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.

Ягодин, Ходжайов, 1970 – Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

Якобсон, 1950 – Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. М.-Л., 1950. № 17.

Якобсон, 1956 – Якобсон А.Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. 1956. Т. 8.

Якобсон, 1959 – Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // МИА. 1959. № 67.

Якобсон, 1964 – Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры. М.-Л., 1964.

Якубовский, 1929 – Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака (Сунака) // Сообщения ГАИМК. Л., 1929. Т. 2.

Якубовский, 1930 – Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча // Известия ГАИМК. Л., 1930. Т. 6. Вып. 2.

Якубовский, 1931 – Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке // Известия ГАИМК. 1931. Т. 8. Вып. 2/3.

Якубовский, 1932 – Якубовский А.Ю. Феодализм на Востоке: Столица Золотой Орды – Сарай-Берке. Л., 1932.

Якубовский, 1940 – Якубовский А.Ю. Монгольская империя // ИЖ. 1940. № 3.

Якубовский, 1946 – Якубовский А.Ю. Тимур: (Опыт краткой характеристики) // ВИ. 1946. № 8.

Якубовский, 1947 – Якубовский А.Ю. Из истории падения Золотой Орды // ВИ. 1947. № 2.

Якубовский, 1974 – Якубовский А.Ю. Проблемы социальной истории народов Востока в трудах акад. В.В. Бартольда // Вестник ЛГУ. 1974. № 3.

Яминов, 1992 – Яминов А.Ф. Кыпчаки на Южном Урале в XIII–XIV вв. // Археология Южного Урала. Стерлитамак, 1992.

Яминов, 1997 – Яминов А.Ф. Монгольский «след» в Восточной Европе: итоги и реальность археологических поисков // Россия и Восток: археология и этническая история. Омск, 1997.

Яминов, 2003 – Яминов А.Ф. «Кыпчакский ренессанс» XIII–XIV вв.: быть или желаемое? // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003.

Янина, 1954 – Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. № 42. М., 1954.

Янина, 1958 – Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // МИА. № 61. М., 1958.

Янина, 1960 – Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г. // МИА. № 80. М., 1960.

Янина, 1962 – Янина С.А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов

- Куйбышевской археологической экспедицией в Болгарах (1946–1958 гг.) // МИА. М., 1962. № 111.
- Янина, 1970* – Янина С.А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970.
- Янина, 1971* – Янина С.А. Золотые анонимные монеты Хорезма 60–70 гг. XIV века в собрании ГИМ // НС ГИМ. Ч. IV. Вып. III. М., 1971.
- Янина, 1977* – Янина С.А. «Новый город» (Янги Шехр – Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // НС ГИМ. Ч. V. Вып. 1. (Труды ГИМ. Вып. 49). М., 1977.
- Ярлыки, 1955* – Ярлыки татарских ханов московским митрополитам: Краткое собрание // Памятники русского права. Вып. 3 / Под ред. Л.В.Черепнина. М., 1955.
- Атласи, 1911* – Атласи Х. Себер тарихы. Казан, 1911.
- Атласи, 1920* – Атласи Х. Казан ханлыгы. Казан, 1920.
- Атласи, 1992* – Атласи Х. Себер тарихы. Соенбике. Казан ханлыгы (Тарихи эсэрлэр). Казан, 1992.
- Баттал, 1996* – Баттал Г. Казан төркиләре. Тарихи язмалар. Казан, 1996.
- Беркутов, 1994* – Беркутов В. Алтын Урда чоры Булгар дәүләтендә математика фәнненең үсеше // Мирас. 1994. № 5–6.
- Борынгы төрки, 1981* – Борынгы төрки һәм татар әдәбиятының чыганаclarы: Уку-укуту эсбабы / Төзүчесе Х.Госман. Казан, 1981.
- Вэлиди, 1992* – Вэлиди Ә.-З. (Тоган). Кыскача төрек-татар тарихы. Беренче жэзь. Казан, 1992.
- Гобэйдуллин, 2002* – Гобэйдуллин Газиз. Фэни-биографик жыентык. Казан, 2002.
- Губайдуллин, 1923* – Губайдуллин (Газиз) Г. Татар тарихы. Казан, 1923.
- Дэфтэре, 2000* – Дэфтэре Чыңгыз-намэ. Казан, 2000.
- Дэүләтшин, 1999* – Дэүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдэниятэ тарихы. Казан, 1999.
- Идегэй, 1988* – Идегэй. Татар халык дастаны. Казан, 1988.
- Исламов, 1998* – Исламов И.Ф. Алтын Урда һәм мәмлүклэр Мисыры: язма мирас, мәдэни багланьшлар. Казан, 1998.
- Исанбет, 1940* – Исанбет Н. Татар халык эпосы «Идегэй» дастанынын 500 еллыгы // Совет әдэбияты. 1940. № 11, 12.
- Закиев, 1977* – Закиев М.З. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977.
- Котби, 1992* – Котби. Хэсрэү-Ширин хикэяте. Р.Әхмэтжанов тәржемэсендэ // Мирас. 1992. № 5.
- Миңнегулов, 1976* – Миңнегулов Х.Й. Сэйиф Сараи. Тормышы һәм ижаты. Казан, 1976.
- Миңнегулов, 1993* – Миңнегулов Х.Й. Алтын Урда чоры язма мәдэниятэ // Мирас. 1993. № 6.
- Миңнегулов, 1994* – Миңнегулов Х.Й. Тугрылыклы мэхэббэт мэрсиясе // Мирас. 1994. № 7–8.
- Миңнегулов, 1999* – Миңнегулов Х.Й. Дөнъяда сүземез бар... Казан, 1999.
- Миңнегулов, 1999а* – Миңнегулов Х.Й. Сэйиф Сараи. Гөлестан. Лирика. Дастан. Казан: Тат. кит. нэшр., 1999.
- Мэржэни, 1885–1887* – Мэржэни Ш. Мөстафадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Булгар. Казан: 2 т. 1885–1887.
- Мэржэни, 1989* – Мэржэни Ш. Мөстафадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. Казан, 1989.
- Мэхмүд эл-Болгари, 2002* – Мэхмүд эл-Болгари. Нэһж эл-фэрадис / Басмага өзерлэнүче Ф.Нуриева. Казан: Тат. кит. нэшр., 2002.
- Мөхэммэтов, 1963* – Мөхэммэтов Х. Язма әдэбият / Х.Мөхэммэтов // Борынгы татар әдэбияты. Казан, 1963.
- Нэжип, 1957* – Нэжип Э.Н. Татар әдэбиятының һәм әдэби теленең кайбер оныгылган язма истэлеклэре турында // Совет әдэбияты. 1957. № 12.
- Риваятьлэр һәм легендалар, 1987* – Риваятьлэр һәм легендалар / Томны төзүче, кереш мәкалэ һәм искэрмэлэрне язучы Гыйлажеддинов С.М. Казан, 1987.
- Рэхим, Газиз, 1924* – Рэхим Г., Газиз Г. Татар әдэбияты тарихы. Беренче жилд. Борынгы дәвер. Икенче бүлек / Г.Рэхим, Г.Газиз. Казан, 1924.
- Татар әдэбияты тарихы, 1984* – Татар әдэбияты тарихы. Казан: Татар. китап. нэшр., 1984. 1 т.
- Фахрутдинов, 1992* – Фахрутдинов Р.Г. Татар татармы, татар түгелме? // Мирас. 1992. № 12.
- Фэхретдин, 1996* – Фэхретдин Р. Алтын Урда ханнары – Ханы Золотой Орды. Казан, 1996.
- Фэхретдин, 1999* – Ризаэтдин Фэхретдин: фэни-биографик жыентык. Казан, 1999.
- Фэхретдинев, 1993* – Фэхретдинев Р. Болгар вэ Казан төреклэре. Казан, 1993.
- Халиков, 1991* – Халиков А.Х. Беренче дәүләт (Первое государство). Казан, 1991.
- Яфаров, 1949* – Яфаров Б.А. X–XIV йөзлэрдэ Кама-Волга болгарлары әдэбияты һәм «Нэһж эл-Фэрэдис» кулъязмасы: АКД. Казан, 1949.
- Әхмэрэв, 2000* – Әхмэрэв Г.Н. Тарихи-документаль жыентык. Казан, 2000.
- Әхмэтжанов, 1998* – Әхмэтжанов М.И. Болгар теленең язмышы (Эпиграфика материаллары буенча) / О судьбе болгарского языка (по материалам эпиграфики) // ТА. 1998. № 1(2).

Список сокращений

- ААН – Acta Archaeologicae Hungaricae. Budapest
 АЕМА – Archivum Eurasiae Medii Aevi
 АОН – Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae (Budapest)
 BAR – British Archaeological Reports. Oxford
 BEFEO – Bulletin de l'École Française de l'Extrême Orient
 BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies
 CAJ – Central Asiatic Journal
 EI – Enzyklopaedie des Islam. 1st ed. Leiden–Leipzig
 EI² – Encyclopaedia of Islam. 2nd ed. Leiden–London
 HJAS – Harvard Journal of Asiatic Studies
 İA – İslâm Ansiklopedisi. İstanbul
 GMS – Gibb Memorial Series. Leyden–London
 JA – Journal asiatique. Paris
 JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society. London
 L. – London
 MGH – Monumenta Germaniae Historica
 MGH SS – Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum
 MGH LL – Monumenta Germaniae Historica. Leges
 MGH DD – Monumenta Germaniae Historica. Diplomata
 MGH Epp. – Monumenta Germaniae Historica. Epistolae
 NY. – New York
 PIAC – Permanent International Altaistic Conference
 SK – Seminarium Kondakovianum. Prague
 SRH – Scriptorum Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Budapest
 TM – Türkiyat Mecmuası. İstanbul
 ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenlaendischen Gesellschaft
- ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. 1–4
 АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник
 АДД – Автореф. дисс... на соискание ученой степени доктора ... наук
 АЕ – Археографический ежегодник (М.)
 АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841–1842. Т. 1–4
 АКД – Автореф. дисс... на соискание ученой степени канд. ... наук
 АКИН – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук
 АН СССР – Академия наук СССР
 АН УССР – Академия наук Украинской ССР
 АНТ (АН РТ) – Академия наук Татарстана (Академия наук Республики Татарстан)
 АО – Археологические открытия
 АС – Археологический съезд
 АЭБ – Археология и этнографии Башкирии (Уфа)
- БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
 БГИАПМЗ – Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник
 БНЦ – Башкирский научный центр
 БФАН СССР – Башкирский филиал АН СССР
 ВВ – ежегодник «Византийский временник» (М.)
 ВИ – ж. «Вопросы истории» (М.)
 Вл – Владимирский летописец // ПСРЛ. Т.30. М., 1965
 ВМУ – Вестник Московского университета
 ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция
 ВНОТ – Вестник научного общества татароведения
 ВНКП – Всероссийская научно-практическая конференция
 ВОИАО – Восточное отделение Императорского археологического общества
 ВО ИРАО – Восточное отделение ИРАО
 ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
 ВО РГО – Восточное отделение Русского географического общества
 ВФ – Вопросы философии
 ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
 ГВЛ – Галицко-Волынская летопись
 ГГО – Государственное географическое общество
 ГИМ – Государственный исторический музей (М.)
 ГОМ РТ – Государственный объединенный музей Республики Татарстан (Казань)
 ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (М.)
 ГЭ – Государственный Эрмитаж (СПб.)
 ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб.
 ДРВ – Древняя российская вивлиофика
 Ерм – Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004
 ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел (М.)
 ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения (М.)
 ЗВОРАО – Записки ВО ИРАО
 ЗИНУ – Записки Императорского Новороссийского университета (Одесса)
 ЗКВ – Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗОРСА РАО – Записки отделения русской и славянской археологии РАО
 ИА МОН РК – Институт археологии МОН РК
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
 ИАК – Известия Археологической Комиссии
 ИАН – Императорская Академия наук (СПб.)
 ИВ АН СССР – Институт востоковедения АН СССР
 ИВИ РАН – Институт всеобщей истории РАН

- ИЖ – Исторический журнал (М.-Л.)
 ИЗ – Исторические записки
 ИИ АН РТ – Институт истории АН РТ
 ИИАЭ АН Каз. ССР – Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
 ИИИСАА – Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки
 ИИМК – Институт истории материальной культуры
 ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы
 Ил – Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1998
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии
 ИОАИЭКУ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 ИРАО – Императорское Русское археологическое общество (РАО)
 ИСССР – История СССР
 ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
 ИЭ – Институт этнографии
 ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
 ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории (с 1997 г. – Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимов АН РТ)
 ИЯЛИЭ – Институт языка, литературы, истории и экономики
 КАЭ – Куйбышевская археологическая экспедиция
 КБНИИ (ныне КБИГИ) – Кабардино-Балкарский НИИ национальной культуры (Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований)
 КГВ – Казанские губернские ведомости
 КГПИ – Казанский государственный педагогический институт
 КГУ – Казанский государственный университет
 КНР – Китайская Народная Республика
 КНЦ – Казанский научный центр АН СССР
 Коми НЦ УрОАН СССР – Коми научный центр УрОАН СССР
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
 КСИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КФАН – Казанский филиал Академии наук СССР
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 Лл – Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1997
 МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
 МарГУ – Марийский государственный университет
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МИАП – Материалы и исследования по археологии Поволжья
 МИД – Министерство иностранных дел
 МИКК – Материалы по истории киргиз и Киргизии (М.)
 МИКХ – Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков
 МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркмении (М.-Л.)
 Млс – Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М.-Л., 1949
 МНИИЯЛИЭ – Мордовский НИИЯЛИЭ
 МНК – Международная научная (или нумизматическая) конференция
 МНР – Монгольская Народная Республика
 МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан
 МООРП – Материалы общества охраны и реставрации памятников
 МТД – Материалы по татарской диалектологии
 МУГЧ – Музей уездного города Чистополя (Краеведческий музей)
 НIVл – Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Часть 1. М., 2000
 НIl – Новгородская первая летопись старшего и младшего извода // ПСРЛ. Т. III. М., 2000
 НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины
 НАА – Народы Азии и Африки
 НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан
 НГПУ – Нижегородский государственный педагогический университет
 НИИ – Научно-исследовательский институт
 НИИЯЛИЭ – НИИ языка, литературы, искусства и этнографии
 НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
 НПЛ – Новгородская первая летопись
 НС ГИМ – Нумизматический сборник ГИМ
 НТ – ж. «Научный Татарстан» (Казань)
 НФ – Нумизматика и фалеристика (Киев)
 НЦАИ – Национальный центр археологических исследований Института истории АН РТ
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика (М.)
 ОИ – Отечественная история
 ОИАЭ – Общество истории, археологии и этнографии
 ОИДР – Общество истории и древностей российских при Московском университете
 ОР НБ КГУ – Отдел рукописей Научной библиотеки КГУ
 ОРРК – Отдел редких рукописей и карт Научной библиотеки им. Н.Лобачевского КГУ
 ОУАК – Оренбургская ученая архивная комиссия
 ПГОКМ – Пензенский государственный объединенный краеведческий музей
 ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
 ПГУ – Пермский государственный университет
 ПДРВ – Продолжение древней российской вивлиофики
 ПЛ – Псковские летописи. Вып. 1–2. М.-Л., 1941–1955
 ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей Т. 1–42. СПб., Л., М., 1841–2005
 РА – ж. «Российская археология» (М.)
 РАН – Российская Академия наук
 РАО – Русское археологическое общество (ИРАО)

- РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РГО – Русское географическое общество
РИО – Русское историческое общество
Рог. – Рогожский летописец // ПСРЛ. Т.XV. М., 1965
РТ – Республика Татарстан
Сл – Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т.VI. Вып.2. М., 2000
СА – ж. «Советская археология» (М.)
САГУ – Среднеазиатский государственный университет (Ташкент)
САИ – Свод археологических источников
СВ – ж. «Советское востоковедение» (М.)
СГУ – Саратовский государственный университет
СГГД – Собрание государственных грамот и договоров
Сим – Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т.XVIII. М., 2007
СИЭ – Советская историческая энциклопедия
СКАЭ ГЭ – Старокрымская археологическая экспедиция ГЭ
СМИЗО – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
Сокр. св. 1493 г. – Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Т.27. М.-Л., 1962. С.163–298
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СТ – Советская тюркология
СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
СЭ – ж. «Советская этнография» (М.)
ТА – ж. «Татарская археология» (Казань)
ТАЭ – Татарская археологическая экспедиция
Тв. сб. – Тверской сборник // ПСРЛ. Т.XV. М., 1965
ТВОРАО – Труды ВО РАО
ТГТИ – Татарский государственный гуманитарный институт
ТГИМ – Труды ГИМ
ТД – Тезисы докладов
ТДМНК – Тезисы докладов международной научной конференции
ТДНК – Тезисы докладов научной конференции
ТДС – Тезисы докладов и сообщений
ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
Тип. – Типографская летопись // ПСРЛ. Т.24. Пг., 1921
ТНК – Труды научной конференции
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
ТОИАЭ – Труды ОИАЭ
ТОИКИВ – Труды отдела истории культуры и искусства Востока государственного Эрмитажа
ТОУАК – Труды ОУАК
Тр. – Троицкая летопись // Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л., 1950
ТС – Тюркологический сборник
ТУАК – Таврическая ученая архивная комиссия
ФТИ – Физико-технический институт РАН
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЭВ – Эпиграфика Востока (М.-Л.)
ЭО – Этнографическое обозрение

Указатель именной

- Абака (Абага) – 42, 181, 493–495, 510, 532, 533, 541–544
- Абаоци – 64, 67, 72
- Абд ар-Раззак Самарканди (Камал ад-Дин ‘Абд ар-Раззак ибн Мавлан Джалал ад-Дин Исхак Самарканди) – 46, 347, 706, 709, 710, 718, 722
- Абдаллах – 302, 303, 305
- Абдаллах Кашани – 42
- Абрахам Креск ((Abraham Cresques) – 58
- Абу Бакр – 347, 440, 441, 597, 598
- Абу Са’ид – 42, 44, 46, 546, 547
- Абу-л-Гази (Абуль-Гази) – 76, 186, 237, 240–243, 246, 331, 361, 437, 652, 656
- Абу-л-Фарадж (Abu’l Faraj) – 100, 102, 104, 179, 181
- Азиз-Шейх – 302–305, 461, 462, 696, 702, 703
- Аксак-Тимур см. *Тимур, Тамерлан* – 210, 405, 416, 425, 430, 431, 465, 466, 689, 708–714, 718
- Ала ад-Дин Ата Малик Джувейни см. *Джувейни* – 41
- Ала ад-Дин Мухаммад – 92, 128, 314
- Ала ад-Дин Мухаммад-и Хотани – 128
- Алан-Гоа – 67, 84, 178, 360, 361, 655
- Ал-Атуна (Ели-хатун) – 90, 126
- ал-Бакри – 74, 593
- ал-Гарнати – 647
- ал-Гаффари (Ахмад ибн Мухаммад ибн ‘Абд ал-Гафур ал-Казвини, Ахмад ал-Гаффари) – 46, 213, 347
- Алгу – 175, 493, 531, 532
- Александр Македонский (Искандер, Искандер Зу-л-Карнайн) – 349, 651, 728
- Александр Ярославич (Александр Невский) – 4, 13, 417, 422, 500, 729, 730
- Алексеев – 6, 234, 236, 367, 371–373
- Алексей митрополит – 50, 331, 382, 476
- Али – 106, 222, 258, 332, 597, 598, 615, 710, 724
- Али Рахим – 26
- Али-Заде – 25, 493, 535–540, 543, 546, 547, 605
- Алихова – 60, 208, 209, 385, 479–482, 625, 626, 628
- Алишев – 30, 353, 449, 458
- ал-Казвини – 223
- ал-Калкашанди – 39, 213, 319, 331, 342, 343, 348, 390, 415, 437, 438, 458, 459, 572, 573, 663
- ал-Макризи (Макризи, Maqrizi) – 100, 105, 344, 458, 459, 542, 549, 663, 686, 687
- ал-Малик ан-Насир – 342, 545, 684
- ал-Марвази – 74, 647
- ал-Масуди – 334, 459
- ал-Маусыли (Ибн Неджам Абдаррахим ибн Абдаррахман ибн Наср ал-Маусыли) – 650
- ал-Омари – 39, 75, 163, 191, 213, 217, 264, 265, 267, 268, 280, 284, 316, 334, 339, 348, 353, 379–381, 390, 415, 487–489, 491, 534, 537, 539, 542, 604, 619, 646, 649, 652, 663, 684
- Алп-Арслан – 75
- Алтуншах – 74
- Алчидай – 171
- Альфонсо V – 59
- аль-Холи – 223, 458, 611, 661, 707
- Амбагай-хаган – 72, 85, 552
- Амбис Л. (Hambis) – 65, 66
- Амброджо Контарини – 225, 265–267, 269, 270, 271, 285, 287, 325, 362, 364, 381, 407, 412, 414, 415, 475, 480, 507, 567, 617, 717
- Андреа Бьянко – 59
- Андрей Ольгердович Полоцкий – 716
- Андроник II – 283, 439, 509, 513, 515, 517, 518
- Андроник III – 39, 515–518
- Анжело Фредучи – 59
- ан-Насави (Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ибн Али ибн Мухаммад ан-Насави) – 37, 38, 76, 120, 131, 351
- ан-Насир – 129, 295–298, 304, 378, 452–454, 458, 548, 549, 550
- ан-Насир ибн Кала’ун – 38, 39
- ан-Насир ли-д-Дин – 295, 297, 298
- ан-Нувайри – 38, 171, 316, 348, 523, 537, 604, 607
- Ануштегиниды – 126, 602
- Аоло (Оэлуны) – 72
- Арабшах – 249, 286, 464, 479, 704
- Аргун – 41, 53, 244, 493, 544, 571
- Аргун-ака – 121
- Аргын (Аргун) – 327, 330, 332–334, 336, 337, 354, 364, 446, 447, 707, 726
- Ардиер – 125
- Арзютов – 245
- Ариг-Буга – 4, 175, 176, 181, 296, 297, 338, 452, 531, 535, 539, 604
- Аристов – 76, 345
- Арсланова – 15, 23, 37, 141, 144, 193, 342, 343, 354, 440, 529, 534
- Арсланова Ф.Х. – 559, 564–566
- Арслан-хан – 90, 127, 130, 376, 486
- Асанбука – 77, 78
- Асцелин – 53, 500
- Атласи – 25, 26
- Афанасий Никитин – 50
- Ахмад Джелаирид – 708, 709
- Ахмад хан (Ахмед, Ахмат, Ахмут) – 727, 728
- Ахмаров (Әхмәреү) – 25, 599
- Ашин – 64
- Багров (Bagrow) – 58, 59
- Байдар – 141, 159, 486
- Байпаков – 15, 60, 247, 259, 260, 262, 559, 564–566, 576
- Балакан (Балагу, Балаха) – 243, 244, 493, 495, 540, 541
- Балард (Balard) – 287–292, 393, 438, 443, 444
- Баллод (Ballod) – 10, 26, 60, 211, 217, 218, 580, 600, 618, 645, 731
- Бандучар (Балтучак) – 140
- Банзаров – 12, 661
- Баньдучар – 77
- Барак (Барак-хан, Борак) – 237, 239, 240, 250, 260, 446, 532, 533, 542, 724, 725
- Баракчин-хатун (Баракчин) – 111, 334, 603
- Барбаро – 225, 265–267, 269–271, 285, 287, 325, 362, 364, 381, 407, 412, 414, 415, 475, 480, 507, 567, 617, 717
- Баргут – 330, 337, 553

- Бартольд (Barthold) – 3, 7, 10, 12, 18, 22–25, 40–47, 76, 79, 101, 103–108, 238, 242, 243, 259, 320–322, 324, 326, 340, 341, 345, 356, 364, 366, 437, 446, 529–533, 537, 538, 600, 603, 604, 659, 662, 706, 713, 728
- Барчук – 90, 126, 130, 376, 659
- Барын (Бахрин) – 314, 327, 332–334, 336, 337, 364, 446, 447, 528, 690, 707, 726
- Бата-Чиган (Батачи) – 65
- Баттал Г. (Таймас) – 25, 599
- Бату (Бату-хан, Батый) – 4, 9, 13, 16–19, 46, 48, 52, 81, 82, 103, 105, 106, 108, 111–113, 121, 138, 140–164, 167, 172–175, 177, 180, 181, 183, 186, 189, 190, 192, 208, 215, 217, 226, 236, 237, 240–244, 278, 289, 292, 295–297, 299–303, 311, 313–316, 321, 324, 330, 331, 334–336, 339, 340, 342, 343, 347, 348, 367, 376–378, 380, 396, 398, 410, 411, 421, 422, 434, 436, 438, 439, 448–451, 453, 455, 477, 486–488, 493, 494, 500–508, 519, 521, 531, 536–541, 543, 545, 552, 554, 555, 558, 561, 570, 572, 574, 590, 593, 595, 602–605, 613, 645, 649, 659, 661, 688, 697, 699, 700, 729, 733, 734
- Бахадур – 240, 243, 724
- Бахрушин – 322
- Бачман – 140, 143, 154, 155
- Башкиров – 194, 622, 625
- Баязид – 54, 707, 711, 715
- Баян – 145, 156, 237
- Бейбарс – 56, 108, 279, 284, 285, 320, 362, 423, 444, 509, 536, 537, 548, 549, 592, 616, 624
- Бек-Булат – 317, 444, 709–711
- Бектер – 84
- Бек-Тимур – 112
- Бектут – 465, 469
- Бела IV – 156, 162, 163, 165, 502, 508
- Белавин – 15, 482
- Белорыбкин – 81, 137, 146, 208, 209, 453, 471, 477, 554
- Бенедикт Поляк – 51, 52, 146, 158, 503, 504, 506, 590
- Бердибек – 47, 228, 236, 238, 270, 302–304, 311, 313, 317, 330, 331, 357, 358, 378, 442, 508, 547, 570, 607, 689, 690, 694–696, 698
- Бердяев – 27, 28
- Березин – 12, 22, 23, 35, 100, 104, 108, 142, 194, 318, 320, 321, 323–326, 339, 357, 457, 599, 610, 658, 661, 707, 710, 711, 716
- Берке – 4, 19, 106, 107, 109, 113, 146, 155, 157, 175, 180, 183, 241, 243, 278, 279, 285, 295–298, 314–316, 318, 330, 336, 338, 341–344, 347, 361, 381, 409, 413, 415, 416, 423, 425, 428, 437–439, 453, 477, 487, 493–495, 499, 501, 505, 508, 509, 520, 522, 531, 532, 535–544, 547–549, 570, 572, 578, 591, 593, 598, 603–606, 613, 648–652, 657, 661, 695, 733
- Берке Факих – 674, 677
- Беркутов – 645
- Беха ад-Дин ар-Рази – 129
- Бируни – 334, 647
- Бичурин Н.Я. (отец Иакинф) – 12, 36, 72, 77, 174
- Бобровников – 660, 661
- Бодончар – 67, 84, 178
- Борис Годунов – 729
- Борте – 84, 85, 171, 657
- Борте-Чино – 65, 66, 178
- Босворт – 106, 550
- Браун – 42
- Бретшнейдер (Bretschneider) – 37, 40, 80, 161, 163
- Брун – 54, 58, 439
- Бувал – 177, 243, 540
- Букдай – 158, 167
- Булат (Пулад) – 228, 229, 307–309, 466, 475, 704, 717–719, 721
- Булатов – 30, 60, 225, 272, 283, 635
- Булат-Султан – 716, 718, 720
- Булат-Тимур – 199, 209, 210, 461, 462, 475, 701, 702
- Булат-Ходжи – 302, 696
- Буниятов – 38, 93, 602
- Бури – 141, 146, 149, 154–156, 159–161, 437, 477
- Бурундай (Бурундай-батыр, Бурундай-багатур) – 141, 151, 152, 159, 315, 316, 417, 422, 429, 520–522
- Бурханов – 60, 219, 244, 247, 250
- Бусятская – 60, 274, 275, 284, 285
- Бухуму – 75, 77, 79
- Бучек – 141, 155, 157, 159, 160, 437, 720
- Бушин – 6
- Буюрук-хан – 86, 88, 124
- Бырня – 60, 575, 626
- Бюлек – 378
- Ваздар – 91, 127
- Вайнер – 60, 221, 222, 268, 284, 707, 712
- Вактурская – 60, 250, 252, 253, 635
- Вали ад-Дин Абд ар-Рахман Абу Зейд ал-Малики ал-Хадрами Ибн Халдун см. *Ибн Халдун* – 38
- Валиди А.-З. (Тоган) (Валиди, Velidi) – 25, 26
- Валиди Дж. – 26
- Валиулина – 60, 200, 202, 271, 274–276
- Ван Говэй – 75
- Ван Мин-цзи – 66
- Ван-хан – 72, 73, 75, 86–89, 552
- Вардан Арвелци (Вардан Великий) – 56, 543, 544
- Василий I – 719, 720
- Василий II – 202, 286, 333, 334, 429, 470, 476, 660, 725, 726
- Василий Московский – 466, 467, 715, 719–722
- Вассаф (Шараф ад-Дин Абдаллах ибн Изз ад-Дин Фадлаллах Ширази) – 22, 41, 44, 213, 267, 347, 449, 532, 533, 535, 538, 539, 541, 542, 544–546
- Вахидов (Вахиди) – 320, 669
- Вашари (Vasary, Vásáry) – 15, 322, 335, 474, 508, 591, 595, 658
- Вельяминов-Зернов – 22, 322, 707
- Вернадский (Vernadsky) – 17, 22, 27, 28, 32, 100–106, 108, 109, 142, 164, 176, 320–322, 324, 326, 338–340, 432, 438, 501, 509, 576, 706
- Веселовский – 22, 345, 508, 524, 529, 535, 536
- Вильгельм де Рубрук (Рубрук, Виллем де Рубрук, Гильом де Рубрук, Гильом Рубрук, William of Rubruck) – 52, 53, 55, 76, 77, 105, 106, 108, 139, 158, 165, 167, 168, 174, 217, 225, 226, 241–243, 264, 265, 267, 268, 270, 271, 278, 288, 289, 293, 294, 313, 316, 350, 359, 375, 377–380, 389, 437, 438, 448, 450, 474, 478, 479, 480, 484, 487–489, 501, 505–508, 531, 571, 572, 591, 604
- Винцент де Бовэ – 52

- Винцентий Кадлубка – 55
Витовт (Витофт) – 421, 425, 442, 445, 446, 448, 527, 528, 713, 715, 716, 719–723, 725
Владимирцов – 7, 12, 99–101, 105, 108–110, 126, 310, 321, 340, 343, 572, 683
Волин – 24
Волков – 57, 232, 271, 283, 285, 286, 387, 389, 390, 394, 448, 588, 603
Газан-хан – 42–44, 267, 270, 334, 335, 495, 496, 499, 534, 537, 544–546
Газзали – 611, 677
Галкин – 60, 245, 274, 401
Гальперин (Halperin) – 15, 22, 32, 135, 432–436, 688
Геккенъян (Göckenjan) – 15, 32, 161–164
Генрих Благочестивый – 162
Георгий IV Лаша – 165
Георгий Всеволодович Владимирский – 148
Георгий Пахимер – 350, 509–511, 514
Георгий Тертер – 511–516
Герберштейн – 364, 426
Гетум (Гайтон) – 56, 116
Гетум I – 56, 174, 260
Гетуиды – 56
Гийас ад-Дин – 208, 286, 308, 446, 468–470, 727
Гийас ад-Дин Али – 45
Гийас ад-Дин Масуд – 439
Гийас ад-Дин Мухаммад – 44, 546
Гильденштедт (Guldenstadt) – 230, 231, 233, 234
Гимади – 29, 30, 449
Глеб Василькович Белозерский – 176
Глеб Святославович Смоленский – 716
Гмелин – 230, 231
Гмыря – 165, 493
Гоа-Марал – 65
Голден (Golden) – 32, 133, 137, 139, 353, 530, 589, 590
Гончаров – 245, 246, 249, 283, 302–304, 306, 307, 309, 574, 576, 577
Горелик (Gorelik) – 68, 71, 76, 111, 113, 118, 136, 184, 224, 396–405, 412, 418–420, 425, 426, 553
Городцов – 231
Горский – 22, 33, 51, 192, 330, 463, 465–469, 702, 706, 707, 719, 725, 727
Греков – 6, 17, 24, 26, 27, 30, 135, 138, 142, 280, 321, 322, 326, 339, 345, 346, 348, 370, 440, 526, 535–537, 542, 544, 547, 572, 600, 605, 607, 613, 661, 683, 688, 705, 706, 708, 713, 719
Григорий X – 53, 500
Григорий XI – 55
Григорьев – 22, 23, 35, 222, 245, 246, 270, 280, 282, 286, 295, 320, 330, 331–333, 356–359, 363, 390, 409, 411, 412, 415, 437–439, 442, 443, 459, 570, 572, 583, 585, 610, 616, 618, 649, 658, 660, 664, 665, 692, 696, 703, 719
Груссе (Grousset) – 28, 29
Губайдуллин (Газиз) (Гобәйдуллин) – 26, 599, 669, 692
Губайдуллин А.М. – 405, 408
Гумилев – 17, 31, 32, 98, 102, 109, 135, 142, 180, 340, 352, 417, 682–685, 706
Гусева – 30, 60, 218, 221, 268
Гуюк – 16, 41, 52, 53, 56, 57, 141, 144, 148, 156–158, 160, 161, 164, 173, 174, 178, 181, 241, 339, 376, 379, 383, 503, 506, 530, 568, 733
Давлетшин – 600, 644
Даниил Галицкий – 48, 160, 381, 402, 422, 500, 519–521, 525
Даниил Романович – 134, 159, 406, 519, 521
Данилевский – 135, 147, 152, 705
Дворниченко – 60
ДеВиз (DeWeese) – 33, 339, 361, 440, 589, 591, 601, 607–609, 612, 655, 657
Девлет-Бирди (Деулет-Бирди, Даулет-Бирди) – 229, 309, 446, 448, 725, 727
Дервиш – 229, 308, 466, 722, 723
Джаббар-Бирди – 446, 722
Джалал ад-Дин (Джалал ад-Дин Манкбурны) – 37, 56, 93, 120, 131, 138, 158, 167, 229, 307, 308, 334, 446, 495, 528, 535, 577, 720–722
Джалал ад-Дин ас-Самарканди – 592
Джамуха – 68, 85–88, 125, 552
Джанибек (Дженибек, Чанибек) – 211, 214, 218, 226, 227, 230–232, 238, 240, 253, 270, 279, 282, 286, 293, 294, 301–304, 313, 318, 319, 330–333, 336, 357, 359, 361, 382, 416, 440–443, 461, 485, 497, 508, 547, 570, 577, 586, 607, 609, 610, 652, 655, 657, 668, 689, 695, 696, 700, 725, 727
Джебе (Джэбе, Джэбэ, Чжебе, Чжэбэ) – 81, 91, 93, 126, 128, 131, 133–138, 142, 146, 165, 166, 437, 485, 486, 502
Джелаириды – 285, 286, 708, 709, 711
Джиджек – 549
Джику – 145, 156
Джорджио Интериано – 389, 489
Джувейни (Ала ад-Дин Ата Малик Джувейни, Djuwayni, Juvaini) – 22, 40, 41, 44, 76, 80, 100–102, 104, 106, 137, 141, 143–145, 147, 150, 154, 155, 161, 176, 179, 180, 278, 347, 351, 375, 530, 568
Джуджани (Минхадж Абу Умар Усман б. Сирадж Мухаммад Джуджани) – 41, 76, 170, 173, 347, 367, 449, 539, 604
Джурджаган – 553
Джучи (Джочи, Йочи, Чжочи, Души) – 4, 18, 19, 23, 41, 85, 86, 89, 91–93, 103, 113, 125, 126, 128, 129, 131–133, 136–138, 144, 146, 170–173, 180, 181, 185, 186, 188, 189, 236–240, 259, 277, 288, 311, 313–315, 319, 321, 330, 332, 338–340, 343, 345, 347, 348, 358–361, 365, 376, 377, 396, 410, 449, 455, 477, 493, 505, 508, 529, 531–533, 537, 538, 540, 552, 553, 559–561, 569, 601, 604, 605, 608, 654–657, 659, 694, 696, 697, 724, 725, 734
Джучиды – 4, 5, 7, 10, 16–19, 23, 34, 44, 59, 62, 113, 116, 133, 138, 140, 141, 157, 158, 172–178, 180–183, 186, 189, 190, 192, 195, 216, 237, 238, 240, 246, 259, 277–279, 292, 293, 307, 311, 314, 315, 320, 321, 326, 330, 336, 338, 341–344, 346, 349, 354, 355, 359, 361, 362, 390, 408, 409, 414, 423, 428, 431, 436–438, 442, 448, 450–452, 455, 459, 460, 468, 469, 527–532, 534–536, 538–542, 545, 546, 548, 550, 552, 553, 555, 558, 567, 572, 574, 578, 579, 596, 599, 601–603, 605, 607, 616, 617, 654–662, 664–668, 683, 695, 697, 707, 713, 714, 725, 726, 729, 731, 732, 734
Джэдай-нойон – 553

- Дмитриев – 6
 Дмитрий Александрович – 48
 Дмитрий Вольнский – 716
 Дмитрий Донской (Дмитрий Иванович) – 49, 51, 199, 238, 430, 432, 443, 462–465, 476, 702, 706
 Дмитрий Константинович – 462–464, 703
 Дмитрий Михайлович Вольнский – 464
 Дмитрий Ольгердович – 715, 716
 Дмитрий Суздальский – 428, 702
 Долс (Dols) – 686–688
 Д’Оссон (D’Ohsson) – 28, 532
 Дува – 532, 533
 Дэрдменд – 680
 Е Лун-ли – 68, 98
 Евпатий Коловрат – 150, 434
 Евстратов – 298, 299, 304, 306, 307, 570, 580
 Егерев – 621, 622, 628
 Егоров – 10, 17, 30–32, 60, 146, 172, 186, 191, 192, 201, 217–219, 230, 245, 247, 249, 254, 310, 356, 362, 368, 422, 423, 443, 449, 488–490, 497, 499, 520, 524, 570, 572–575, 578, 580, 597, 609–611, 613, 614, 619, 624, 625, 633, 648, 683, 688, 694–696, 698, 703, 705, 712
 Егоров Н.И. – 345
 Еди Инал – 125, 553, 560
 Елюй Даши – 68, 127
 Елюй Люге – 91
 Елюй Чуцай – 95, 114, 132, 310, 567
 Ентяк – 466, 467, 469, 719, 720
 Ер Таргын – 246
 Еремей Глебович – 149
 Ерзакович – 60, 227, 247, 260
 Есугай (Есугай-баатур) – 73, 84, 85
 Есу-Мунке – 181, 530, 531
 Есунхэ – 116
 Ефимова – 194, 196, 198, 633
 Жиромский – 194, 199
 Закиров – 279, 341, 439, 537, 538, 605, 608, 610, 647, 661, 707
 Зейн ад-Дин – 44, 709
 Зеленеев – 208, 215, 218, 220, 221
 Зиливинская – 60, 139, 209, 230–233, 235, 247, 391, 585, 609, 621, 623–628, 648
 Зимин – 35, 51, 358, 658
 Зимони (Zimouyi) – 32, 81
 Златкин – 683
 Ибн ал-Асир (Изз ад-Дин Абу-л-Хасан Али ал-Джезири) – 38, 81, 134, 135, 166, 167, 348, 349, 351, 437, 602
 Ибн Арабшах (Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад ибн Абдулла) – 75, 248, 317, 330, 344, 611, 651, 652, 676, 712, 713, 716–718, 721, 723
 Ибн Баттута (Абу Абдаллах Мухаммад ибн Абдаллах ал-Лавати ат-Тунджи, Ibn Battuta, Ibn-Battuta, Ibn Battūta) – 39, 109, 191, 193, 194, 213, 217, 226, 236, 245, 246, 251, 253, 255, 256, 258, 265, 266, 268, 280–282, 285, 288, 309, 317, 318, 323, 325, 332, 334, 335, 341, 344, 348, 379, 389, 413, 414, 416, 440, 441, 490, 491, 518, 533, 549, 550, 569, 570, 580, 585–588, 590–594, 598, 610, 611, 613, 620–622, 647–650, 676, 691
 Ибн Васил – 139, 344, 415, 539, 541
 Ибн Тагрибирди – 651, 711
 Ибн Халдун (Вали ад-Дин Абд ар-Рахман Абу Зейд ал-Малики ал-Хадрами Ибн Халдун) – 38, 75, 191, 215, 312, 331, 348, 362, 438, 444, 604, 607, 619, 652, 694, 697, 698, 704, 708, 710
 Ибрахим-султан – 45
 Иван I (великий князь владимирский) – 476
 Иван I Данилович (Иван Калита) – 8, 11, 48, 730
 Иван III – 8, 389, 727
 Иван IV – 8, 228, 435, 450
 Иван Юрьевич Бельский – 716
 Иванин – 7, 12, 103, 142, 241
 Иванич (Ivanics) – 103, 361, 665
 Иванов – 60, 305, 355, 356, 483, 559, 564, 603, 605, 684, 709
 Идегей (Едигей, Едегуй, Едика, Идигей, Идига, Идигу, Идики, Идику, Идегэй) – 6, 29, 34, 47, 54, 184, 229, 244, 246, 307, 317, 324, 330, 332, 333, 335, 344, 348, 360–363, 399, 409, 415, 421, 424, 425, 428, 429, 445, 446, 448, 466, 467, 475, 528, 577, 601, 616, 617, 652, 654, 657, 690, 712–726, 728
 Изз ад-Дин Абу-л-Хасан Али ал-Джезири см. *Ибн ал-Асир* – 38
 Изз ад-Дин Кайкавус (‘Изз ад-Дин Кайка’ус) – 439, 508, 509
 Измайлов – 15, 16, 18, 19, 29, 47, 81, 82, 133, 138, 145, 190, 194, 214, 215, 223, 245, 263, 265, 310, 326, 343, 349, 353, 355, 357, 361–363, 396, 400, 401, 405, 409, 422, 425, 448, 451, 458, 469, 518, 528, 599, 601, 602, 610, 616–618, 621, 653, 668, 682, 690, 691, 695, 712, 713, 716, 724
 Илбарс-хан – 46, 47
 Илинъчжэнь (Иринчин) – 67, 68
 Иловайский – 142
 Ильбасар – 316, 514
 Имен – 330, 337
 Инанч-хан – 124
 Инассу – 77, 80
 Инджибек-хатун – 440, 583
 Иннокентий IV – 51, 178, 503, 647
 Иоанн де Галонифонтибус – 55, 191, 445, 446
 Иоанн де Плано Карпини (Джованни дель Пьяно-Карпини, Плано Карпини, Giovanni di Pian di Carpine) – 16, 51, 52, 55, 77, 106–109, 119, 120, 123, 139, 144, 146, 159–161, 163, 165, 173, 237, 240, 242, 259, 264, 265, 267, 277, 288, 289, 293, 311, 312, 314, 315, 350, 358, 359, 366, 374, 379, 380, 383, 388, 399, 406, 448, 478–480, 491, 500, 501, 503–506, 549, 568, 569
 Иоганн Шильтбергер – 54, 243, 270, 311, 389, 467, 486, 487
 Иона митрополит – 49
 Искандер Зу-л-Карнайн см. *Александр Македонский* – 652
 Искендер – 45, 46, 213, 315, 330, 331, 347, 609, 700, 703, 709, 714, 717, 721, 722
 Исламов – 549, 600, 677
 Исхаки – 25, 599
 Исхаков – 15, 310, 326, 327, 337, 349, 354, 356, 357, 361, 363, 365, 446, 451, 458, 463, 469, 601, 610, 616, 617, 668, 713, 723, 725
 Ишболдин – 25
 Иш-султан Шайбанид – 46
 Йасави – 595, 610, 611, 677

- Йафет (Яфес) – 656
 Йисут – 330, 337
 Йусуф Баласагунский (Йусуф Баласагуни) – 415, 674, 677
 Кавеев – 145, 194, 195, 625
 Кадан – 141, 146, 149, 154–156, 159, 160, 477, 508
 Кадырбаев – 15, 74, 236, 245, 352, 375, 387, 485, 547, 559, 564, 566, 603, 659, 728, 730
 Кадыр-Бирди (Кадирбирди) – 333, 334, 723, 724
 Казаков – 145, 484, 485, 553, 559, 563, 564
 Казаринов – 194
 Кайранбай – 75
 Калинин – 59, 298, 645, 648, 649
 Камар ад-Дин – 259, 709
 Камбар – 246
 Карамзин – 21, 49, 135, 141, 147
 Караханиды – 127, 595, 596, 602, 629
 Каргалов – 8, 17, 22, 30, 97, 142, 153
 Карл VI – 55
 Карпов – 6, 56, 268, 270, 271, 286, 287, 389, 444, 692, 693, 699
 Кастанье – 244, 245
 Кафтанников – 194
 Качир-укулэ – 155
 Кверфельдт – 631, 635
 Кебек – 259, 533, 534
 Керим-Бирди (Кирым-Бердей, Керимбирди) – 228, 718, 722, 726
 Керн (Kern) – 55
 Кильдибек (Кельдибек) – 209, 249, 301, 302, 304, 378, 442, 696, 700, 701
 Кир Михайлович – 149
 Киракос Гандзакечи – 56, 165–167, 173–175, 260, 350, 493–495, 504, 535, 539, 541, 544, 590, 591
 Кирпичников – 116, 421, 427, 682, 705
 Кичи-Мухаммад – 229, 414, 446, 447, 725–727
 Киян – 66
 Клапрот (Klaproth) – 230, 231, 235
 Клосс – 47, 50, 449, 450
 Ключевский – 21
 Кляшторный – 66, 76, 77, 98, 99, 112, 171, 224, 236, 237, 244, 250, 310, 326, 330, 339, 490, 561, 601, 602, 607
 Ковалевский – 12, 586, 588, 660
 Козин – 36, 65, 72, 79, 80, 87, 95, 103, 125, 126, 128, 129, 140–142, 157, 171, 178, 180, 553, 560, 568, 569
 Койричак – 237–239
 Комаи Есиаки – 65, 67, 72
 Конграт (Кунграт, Конгурат) – 237, 321, 326, 330, 332–337, 364, 447, 528, 690, 707, 713, 717, 724
 Коростовец – 106
 Костоков – 240, 241, 352–354
 Котян – 134, 156, 437, 486
 Кравченко – 60, 394
 Крамаровский (Kramarovsky) – 10, 15, 60, 62, 110, 194, 224, 268, 274, 300, 309, 352, 354, 356, 385, 391, 393–395, 411, 436, 439, 440, 442–444, 447, 448, 552–558, 567, 578, 581–584, 587–589, 618, 625, 641, 642
 Краснов – 194, 198, 267, 269, 408
 Кригер – 60, 244, 559, 603, 605
 Криштопа – 493–498, 541
 Кротков – 208, 209, 211, 301
 Кротов – 194
 Крупнов – 233, 234
 Куду (Ходу) – 79, 80
 Кузьмин – 32
 Кукдай – 138, 561
 Кул Гали – 677
 Кули – 243, 493, 540, 541
 Кулькан – 141, 146, 149, 150, 477
 Кульпа – 232, 302–304, 689, 695–698
 Курат (Kurat) – 25, 26, 35, 320, 646, 667, 707, 711
 Кутб (Котби, Qutb) – 222, 596, 597, 615, 645, 646, 652, 672, 675, 677, 678, 680
 Кутб ад-Дин ар-Рази – 652, 676
 Кутлуг-Буга (Кутлубуга, Кутлук-Буга) – 331, 442–445, 526, 705
 Кутлубуга Инак – 318
 Кутлуг-Тимур (Кутлук-Темир) – 253–256, 258, 315, 317, 318, 332, 409, 442, 533, 546, 585, 587, 592, 593, 606, 607, 609, 622, 697, 700, 713
 Куту-Тэмур – 88
 Кучкин – 17, 22, 30, 32, 50, 51, 79, 80, 465, 702
 Кучлук (Цюйшулай) – 88, 91–93, 125–128, 130, 132, 133
 Кучунь – 77
 Кыдырниязов – 60
 Кызласов – 67, 553, 554, 567
 Кыйат (Кийат, Кыйат, Кыят) – 311, 326, 329, 331–333, 335–337, 354, 690, 697, 698
 Кыпчак (Кипчак) – 327, 330, 334, 336, 337, 354, 364, 446, 690, 707
 Кычанов – 15, 36, 64, 70, 79, 84, 89, 95, 98, 100, 124, 128, 136, 138, 140, 154, 329, 552, 553, 603
 Лавров – 167, 168, 389, 493, 496
 Ладислав IV – 515
 Ладислаус IV – 165
 Лапидус (Lapidus) – 578
 Лебедев – 282, 284, 298–302, 307, 309, 350, 423, 477, 481, 482, 574, 576
 Левшин – 245
 Ли Джингсун – 558
 Линь Гань – 71
 Лисова – 222, 635, 638
 Лихачев – 47, 295
 Ломоносов – 20
 Лубсан Данзан – 36, 170, 171, 178, 179, 188, 189
 Лурье – 47, 49
 Людовик IX Святой – 52, 57, 501, 502
 МакНилл (McNeill) – 686–690
 Малеин – 52
 Малик Ашраф – 416, 547
 Малиновская – 398, 581, 642, 643
 Малов – 59, 101, 223, 245, 320, 339, 601, 603, 606, 612, 613
 Малышев – 223, 245, 601, 603, 606, 612, 613
 Мамай – 184, 229, 238, 302, 311, 317, 324, 331, 333, 409, 419, 432, 442–444, 462–465, 491, 527, 577, 582, 657, 690, 694, 697–705, 714, 729
 Мамлюки – 277, 284, 547, 549, 731
 Мангыт – 326, 332, 333, 335–337, 354, 364, 690, 707, 713, 717, 724, 725
 Маргулан – 245
 Марджани (Мәржани) – 24, 25, 597, 599, 645, 651, 652, 678
 Маркварт (Marquart) – 75

- Марко Поло – 53, 54, 106, 107, 109, 117, 119, 120, 195, 213, 243, 270, 350, 358, 397, 401, 402, 406, 410, 412, 415–418, 425–427, 450, 500, 501, 505, 539, 569
- Марков – 229, 295, 340, 446, 447, 461, 497, 708–710, 722, 726
- Маркс (Marx) – 22
- Масуд-бек – 259, 530, 531, 533, 569
- Масхут Хурумши – 132
- Матфей Парижский (Mattheus Parisiensis, Matthew Paris's) – 9, 54, 161, 164, 349, 502
- Махмуд ал-Хиваки – 592
- Махмуд ас-Сараи ал-Булгари (Махмуд ибн Гали ал-Булгари ас-Сараи ал-Кардари) – 222, 615, 650, 668, 670, 675, 677–679
- Махмуд Газнави – 651
- Махмуд ибн Вали – 239, 242–244, 347
- Махмуд ибн Гали ал-Булгари ас-Сараи ал-Кардари см. *Махмуд ас-Сараи ал-Булгари* – 678
- Махмуд ибн Омар ал-Чамини – 646
- Махмуд Кашгари (Кашгарский) – 74–76, 79, 602
- Махмуд Ялавач – 132, 174, 530, 531
- Махмуд, сын Улуг-Мухаммада – 475, 550, 725
- Махмуд, хорезмиец – 129
- Махмуд-Ходжа (Махмуд-Хозя) – 468, 469
- Менгли-Гирей – 348, 440, 527, 727, 728, 734
- Менгу-Тимур – 4, 19, 106, 112, 176, 182, 206, 214, 217, 243, 244, 270, 279, 296–300, 343, 357, 378, 381–383, 423, 437, 438, 450, 488, 495, 508, 511, 522, 532, 544, 576, 606, 613, 648, 649
- Меркатор – 57
- Миллер – 21, 230, 231, 322
- Милорадович – 233, 234, 585
- Милоков – 21
- Минерт – 568, 571, 572, 579
- Миннегулов (Миңнегулов) – 600, 646, 672, 676–680
- Минорский – 102, 104, 106
- Мир Алишер Навои – 46
- Миргалеев – 425, 706, 710
- Михаил III – 284
- Михаил VIII Палеолог – 289, 439, 508–511
- Михаил IX Палеолог – 283
- Михаил Всеволодович – 161
- Михаил Черниговский – 158, 159, 162, 380, 433, 434, 519
- Михаил Ярославич Тверской – 48, 50, 380, 383, 385, 433, 463
- Михальченко – 60
- Морган (Morgan) – 40, 44, 164
- Мори Масао (Mori Masao) – 70, 71
- Мочжо – 70
- Мстислав Глебович – 157
- Мстислав Мстиславович Галицкий (Удалой) – 134–136
- Мстислав Романович киевский – 134, 136
- Мстислав Святославич смоленский – 134
- Мстислав Черниговский – 136
- Мубарак – 237, 238, 260, 303
- Муган-каган – 64
- Му'ин ад-Дин Натанзи – 45, 238, 239, 315, 347, 609, 700, 701, 702
- Мунке (Мунка, Менгу, Мангу-хан) – 52, 56, 57, 77, 80, 141, 143, 144, 148, 149, 151, 154–156, 158, 160, 161, 174–176, 180, 181, 259, 262, 295–297, 304, 324, 339, 375, 377, 379, 452, 488, 501, 529–531, 534, 537, 540, 541, 604
- Мункуев (Münküev) – 37, 142, 327, 329, 351, 442, 505
- Муртад-Токтай (Тама-Токтай) – 244, 495, 544
- Мустакимов – 342, 343
- Мухали – 37, 92, 571
- Мухамадиев – 30, 32, 60, 194, 200, 208, 217, 218, 284, 295, 297, 298, 302, 306–308, 345, 346, 451, 452, 461, 462, 466, 468, 469, 606, 610, 644, 693, 696, 702–705, 707, 712, 722, 727
- Мухаметшин – 60, 200, 276, 449, 454, 456, 457, 459, 460, 595, 613, 617, 633–635, 647, 689
- Мухаммад Мурад Самарканди – 677
- Мухаммад Шейбани – 335
- Мухаммад-Амин – 680
- Мухаммад-Буляк – 229, 302, 303, 306, 357, 358, 440, 462, 703
- Мухаммад-Султан – 463, 464, 469, 491
- Мухаммедьяр – 363, 680
- Мюрид – 302, 303, 305, 331, 577, 696, 700–702
- Набиуллин – 202–205
- Нагадай (Нагудай) – 332, 334, 462
- Наджип (Нажип) – 222, 339, 362, 596, 615, 669, 678
- Наджм ад-Дин Кубра – 254, 256–258, 592, 604, 609, 612, 620
- Намуонь – 68
- Напольских – 470
- Насир ад-Дин Махмуд-шах I – 41
- Насонов – 22, 27, 47, 49, 50, 192, 320, 322, 324, 325
- Насыри Каюм – 678
- Недашковский (Nedashkovsky) – 60, 210, 211, 213, 214, 263, 265–267, 270–277, 283, 299, 350, 382, 384–387, 400, 401, 481, 483, 584, 588, 692
- Неразик – 250–253
- Низам ад-Дин Шахи (Низам ад-Дин Абд-ал-Васи Шахи, Низам ад-Дин) – 44–46, 214, 347, 425, 497, 709, 711, 717
- Низами – 596, 597, 672, 677, 678
- Ногаиды – 512, 514, 515, 577
- Ногай (Нухай) – 54, 184, 189, 191, 240, 244, 269, 300, 314–316, 318, 330, 332, 335, 336, 409, 416, 417, 422, 423, 428, 438–440, 456, 459, 487, 493, 496, 508–515, 520, 523–525, 541, 543–545, 576, 606, 689, 694
- Носкова – 60, 573, 591, 615, 629–632
- Ноуруз (Новруз, Навруз, Науруз, Наурус) – 302–304, 332, 696–698, 725, 726
- Нукуз – 66
- Нуриева – 15, 222, 597–600, 668, 672–674, 678
- Нур-Султан – 322, 732
- Оболенский – 660, 661
- Огунан – 330, 337
- Олибек-дигин – 125
- Олсен (Allsen) – 32, 81, 133, 137–140, 143, 155, 240, 288, 289, 590
- Ольгерд – 442, 526, 527, 699, 702, 706
- Омар – 45, 597, 598
- Орду (Орда) см. *Орду-Эджэн* – 113, 141, 144, 146, 148, 162, 163, 172, 177, 189, 190, 237, 313–316, 321, 342, 343, 477, 520, 540, 561
- Орду-Мелик (Орда-Мелик) см. *Орду-Шейх* – 302, 700

- Орду-Шейх (Орда-Шейх) см. *Орду-Мелик* – 238, 697, 700
- Орду-Эджэн (Орда-Эджен, Иджан, Орда-Ичен) см. *Орду* – 172, 183, 185, 186, 190, 236–240, 242, 243, 249, 314, 315, 321, 334, 657
- Осман – 78, 549, 550, 597, 598
- Османы – 550
- Островски (Ostrowski, Ostrovski) – 32
- Оэлун – 84, 85
- Паллас – 230, 231, 245
- Пацевич – 245, 247
- Пачкалов – 245, 246, 249, 303, 306
- Пашуто – 28–30, 142, 156, 501, 520–522, 524–526
- Пеленски (Pelenski) – 32
- Пельо (Pelliot, Pelliо) – 53, 75, 76, 84, 179, 243, 500, 504, 507, 508, 514
- Петр I – 59, 194
- Петр митрополит – 50, 610, 614
- Петрушевский – 9, 40, 42–44, 109, 129, 165, 259, 493, 501, 529, 534, 540
- Пиотровский – 10
- Пицигани – 58, 205, 213, 281, 283, 497
- Плахов – 225, 227, 228
- Плетнева – 32, 352–354, 507
- Покровский – 26, 29
- Полубояринова – 15, 30, 60, 107, 194, 195, 218, 247, 274–276, 283–286, 368, 379, 381, 382, 384, 385, 590, 603, 613, 642
- Пономарев – 194, 211, 444, 447, 710
- Почекаев – 33, 138, 142, 143, 147, 158
- Приселков – 35, 47–49, 82, 270, 322, 333, 364, 381, 420, 421, 430, 460–467, 469, 528, 590, 595, 701, 714–716, 718, 720, 721
- Пулад Чингсанг – 44
- Пусянь Ваньпу – 94
- Рабгузи (Бурхан ад-Дин Рабгузи, Rabġuzi) – 222, 596, 615, 668, 670, 675, 677, 678
- Радлов (Radloff) – 35, 222, 268, 270, 287, 320, 325, 339, 445, 615, 659, 661, 668
- Разин – 142
- Рачневский (Ratchnevsky) – 32, 69, 84, 85, 163
- Рашид ад-Дин (Рашид ад-Дин Фадлаллах б. Имад ад-Даул Аби-л-Хайр ал-Хамадани) – 16, 22, 23, 34, 41–46, 65–69, 73, 77–80, 84–89, 91–93, 100–105, 108, 111, 112, 116, 120, 121, 125, 127–129, 133, 135, 138, 141, 144–148, 150–157, 159, 160, 165–167, 171, 174, 175, 178–181, 189, 236, 237, 240, 242, 244, 262, 285, 313, 314, 321, 328–332, 334, 338, 343, 347, 350, 351, 356, 360–363, 377, 379, 396, 416, 474, 477, 479, 486, 489, 494–496, 506, 529, 532, 536, 538, 540–546, 553, 560, 561, 569, 655, 656
- Роджер Бэкон (Roger Bacon) – 54, 55, 242, 349, 350
- Роман Ингваревич – 149, 150
- Ромаскевич – 24
- Ростислав Михайлович – 519
- Ростислав Мстиславович – 159
- Ртвеладзе – 60, 231, 236, 303, 448, 625, 707, 712
- Руи Гонсалес де Клавихо – 54, 356, 362, 364, 445, 617, 708, 711–713, 716–718
- Рукн ад-Дин Бейбарс ал-Мансури (Рукн ад-Дин Бейбарс) – 38, 243, 244, 269, 342, 344, 348, 513, 514, 542, 605, 651
- Руми – 677
- Рустичано (Рустикано) – 53
- Русудан – 173, 502
- Рыбаков – 6, 32
- Рычков – 245
- Рязановский – 100, 101, 106
- Са’ади – 596, 672, 677, 680
- Саблуков – 12, 22, 23, 211, 320, 345, 599
- Савельев – 22, 228, 295, 461, 704, 705, 708, 709, 722
- Савицкий – 27, 28
- Сад ат-Тафтазани (Са’ад ад-Дин ат-Тафтазани) – 223, 645, 652, 676
- Сайид Ахмад – 258
- Сайф ад-Дин Бахарзи – 591, 604
- Сайф ад-Дин Солхати – 587
- Салджигут (Сидживут) – 326, 330, 332, 334, 336, 337, 690
- Салджидай-гурган – 244, 332, 335
- Самойлович – 35, 222, 320, 325, 444, 668, 669, 716
- Сангум – 86–88
- Сарай – 332, 333, 336, 337
- Сартак (Сартах) – 4, 52, 105, 106, 175, 176, 181, 226, 278, 289, 315, 321, 380, 448, 487, 501, 505, 531, 543, 591, 603
- Сасы-Бука (Сасы-Буга) – 237, 260, 313, 315, 697
- Сатгарова – 618
- Сафа-Гирей – 322
- Сафаргалиев – 18, 30, 40, 190, 210, 271, 279, 320–322, 324, 330, 331, 442, 446, 447, 449, 461, 462, 464, 525, 531, 533, 574, 579, 600, 618, 688, 705, 706, 708, 709, 711, 713, 721–723
- Сахаров – 6, 7
- Свистунова – 8
- Сейид-Ата – 533, 607, 610, 612
- Сейид-Ахмад (Седи-Ахмет, Сиди-Ахмет) – 446, 447, 726, 727
- Сейф Сарай – 222, 615, 646, 652, 672, 675, 677, 679, 680
- Сейфеддини – 540
- Сергий Радонежский – 50, 51
- Симон де Сент-Квентин (Simon de Saint-Quentin) – 52, 53, 173, 500, 502
- Сингатуллина – 200, 284, 295, 297, 298, 304, 338, 451, 452
- Сингум (Сингкум) – 186, 315
- Синор (Sinor) – 164, 500, 501, 506
- Ситдииков – 206
- Смбат Спарапет (Гундстабль) – 56, 57
- Смирнов – 30, 31, 60, 145, 192, 194, 390, 391, 434, 437, 439, 447, 449, 587, 588, 609, 618, 622, 626, 645, 648, 649
- Смолин – 194, 205
- Соловьев – 21, 135, 141, 142, 559, 562, 706, 725
- Спицын – 60, 352
- Сталин – 12, 22
- Старостин – 194
- Строков – 142
- Субедей (Субедей-багатур, Субудай, Субэтай) – 80–82, 92, 93, 126, 128, 131–135, 137, 138, 140–143, 146, 155, 156, 158, 159, 161–163, 165, 166, 189, 437, 477, 485, 486, 502, 521, 552, 556, 561
- Сукнак-теши – 130
- Сулдус – 330, 337
- Султан-Галиев – 12

- Султанов – 16, 33, 66, 76, 171, 236, 237, 244, 250, 310, 312, 326, 327, 330, 333, 339, 354, 378, 490, 561, 601, 607, 725
- Сульдэ – 88, 125
- Сыма Цяню – 98
- Сюкетю-черби – 131
- Сююмбике – 322, 732
- Сяо Ци-цин (Hsiao Chi-ching) – 95, 96
- Тагай – 209, 210, 475, 701
- Тайдула – 322, 332, 357, 358, 378, 382, 570, 697, 732
- Тайцзу см. *Чингиз-хан* – 78–80, 376
- Тайянь (Даян) – 79
- Талыч – 467, 469
- Тамерлан см. *Тимур* – 47, 211, 215, 257, 287, 617, 689, 690
- Тамура Дзицуздо (Tamura Jitsuzo) – 65, 66
- Тангут – 141, 144
- Тао цзун-и – 37
- Таргутаи-Кирилтух – 84
- Тарди (Tardu) – 55
- Татищев – 21, 147
- Таш-Тимур – 445, 446, 713
- Таян-хан – 87, 88, 91, 124, 125
- Теб-Тенгри – 86, 88
- Темучин (Темучжин, Тэмуджин) – 3, 66, 72, 84–86, 88, 94, 103, 115, 124, 125, 128, 170, 177, 178, 329, 552, 559, 568,
- Тенишев – 669
- Терещенко – 60, 218, 282, 382–384, 618, 645, 677
- Теркен-хатун – 76, 131
- Тизенгаузен – 22–24, 38–41, 194, 345, 459, 660
- Тимур (Тамурбек) см. *Аксак-Тимур*, *Тамерлан* – 44–46, 54, 55, 57, 182, 190, 213, 214, 225, 227, 228, 229, 236, 238, 239, 244, 249, 254, 259, 286, 287, 307, 309, 314, 319, 330, 332, 334, 335, 347, 380, 392, 424, 425, 443–467, 469, 475, 491, 497, 498, 528, 534, 547, 550, 577, 580, 585, 616, 624, 680, 689, 708–716, 718, 719, 729, 734
- Тимур-бек – 721
- Тимуриды – 40, 45, 46, 239, 258, 285, 446, 577, 657, 717, 718, 722, 724
- Тимур-Кутлуг (Темир-Кутлук, Темиркутлуй, Тимур-Кутлуи) – 229, 238, 268, 270, 324, 330, 335, 378, 444–446, 528, 610, 611, 713–717, 719, 721, 726
- Тимур-Мелик – 319, 713
- Тимур-хан – 308, 726
- Тимур-Ходжа (Темир-Ходжа) – 238, 244, 302, 304, 698, 703
- Тинибек – 319, 440, 596, 597, 609, 652, 672, 689
- Тихомиров – 6, 29, 286, 364, 365
- Тоглу-бий (Товлу-бий, Товлубия, Тулу-бий) – 330, 461, 462, 695, 701, 702
- Тойнби (Тоунбе) – 40, 41, 682, 683
- Токта (Токгай, Тохта) – 54, 182, 191, 194, 209, 211, 212, 214, 232, 244, 263, 267, 269, 270, 279, 280, 297–301, 303, 305, 316, 331–333, 335, 336, 342–344, 347, 348, 378, 379, 415, 416, 428, 438–440, 495, 496, 511, 513, 514, 520, 533, 544–546, 564, 576, 577, 586, 606, 607, 648, 650, 684, 692
- Токтамыш (Готамих, Тахтамыш, Тохтамыш) – 46, 190, 210, 211, 214, 225, 229, 238, 244, 246, 249, 250, 259, 270, 286, 287, 300–303, 305–308, 314, 317, 319, 330, 332–334, 347, 357, 378, 379, 381, 399, 414, 416, 420, 424, 425, 428, 442–446, 465, 466, 475, 497, 498, 527, 528, 534, 547, 577, 584, 607, 610, 616, 661, 663–665, 667, 690, 703–724, 726, 729
- Толстов – 77, 250, 254, 340
- Тоорил – 75, 85, 86, 552
- Тохтоа-беки – 80, 125
- Тохучар – 133
- Трепавлов – 15, 33, 99, 100, 103, 170, 173, 177, 180, 188, 190, 250, 313, 314, 340, 605, 654, 655, 729
- Трубецкой – 27, 28
- Ту Ци – 78, 79, 486
- Туда-Менгу – 112, 214, 297, 298, 300, 438, 511, 549, 606
- Тукай Габдулла – 678, 680
- Тукар – 155
- Тука-Тимур – 172, 186, 189, 238, 241, 314, 437, 533, 576, 697, 717, 725
- Тука-Тимуриды – 177, 315, 360, 654, 704, 707
- Тукулбуга – 316
- Тукуса – 69
- Тула-Буга (Теле-Буга, Телебуга) – 297, 300, 409, 511, 523–525, 544, 606
- Тулас (Туклан) – 330, 337
- Тули – 533, 537
- Толуиды (Толуиды) – 181, 530
- Тулуй (Толуй) – 18, 141, 170, 171, 175, 180, 181, 296, 530, 531, 561
- Тулунбек-ханум – 249, 302, 304, 696, 703
- Турэ-Кутлуг – 112
- Тутар (Татар) – 243, 493, 540, 541
- Тутух – 74, 80
- Тьебо де Сепой – 53
- Тюлек-Тимур – 440–442
- Тюрабек-ханым – 253–258, 592, 609, 620, 622, 630
- Угдей – 16, 18, 35, 37, 91, 96, 108, 114, 129, 131, 138, 140, 141, 143, 158, 160, 161, 164, 171, 173–175, 180, 181, 376, 377, 486, 508, 529–533, 561, 568, 571, 572, 657, 732
- Удур – 186, 189, 314, 315
- Узбек – 16, 39, 176, 182, 183, 209, 211, 214, 218, 220, 222, 223, 226, 227, 238, 244, 249, 254, 270, 279, 280, 281, 285, 293, 300–303, 305, 309, 313, 315–319, 325, 330–336, 341–343, 353, 359, 361, 378, 380, 383, 388, 390, 391, 409, 413, 414, 416, 423, 434, 439–442, 457, 458, 475, 485, 489, 496, 497, 499, 501, 518, 525, 533, 546, 549, 550, 564, 569, 570, 577, 583, 584, 586, 590–593, 600, 607–612, 616, 622, 625, 648–652, 657, 668, 686–689, 697, 698, 729
- Уки-хатун (Уки-фудж, Уки-фуджин) – 321, 334
- Улак-нойон – 131
- Улакчи (Улагачи) – 4, 181
- Улджайту – 42, 43, 546, 571
- Улджейту-Тимур (Улджатимур) – 181, 304
- Улугбек – 45, 239, 260, 314, 724
- Улуг-Мухаммад – 208, 229, 239, 286, 308, 333, 395, 446, 447, 468, 470, 475, 550, 667, 707, 724–727
- Урук-Тимур (Урек-Тимур, Урак-Тимур) – 319, 332, 333
- Урус – 229, 237–239, 249, 250, 302, 303, 319, 332, 347, 445, 464, 587, 607, 657, 690, 694, 704, 713, 720

- Усманов (Usmanov) – 3, 8, 16, 32, 34, 35, 97, 100, 103, 105, 140, 222, 223, 318, 320, 322–326, 338, 339, 341, 344, 348, 358, 361, 378, 410, 413, 469, 595, 599, 600, 603, 605, 610, 615, 616, 658–669, 716, 731
- Усманов Х. – 679
- Утемиш-хаджи – 46, 237, 244, 311, 313–315, 330–335, 360, 361, 653, 655, 656, 707
- Утыз Имяни – 680
- Ухоу – 70
- Ухуна – 129
- Фахретдинов Риза (Фэхретдинев, Фэхретдин) – 25, 26, 599, 713
- Фахрутдинов – 30, 60, 204, 353, 449, 453, 462, 463, 574, 608, 668, 725
- Федор Палецкий Пестрый – 200, 468
- Федор Ярославский – 434, 449, 450
- Федоров-Давыдов (Fedorov-Dawydow, Fedorov-Davydov, Fedorov-Davudov) – 10, 16, 30, 31, 60, 62, 138, 171, 172, 186, 189, 190, 192, 193, 195, 204, 216–226, 238, 244, 245, 247, 249, 250, 253, 254, 266–268, 271, 272, 274–277, 281–286, 295–297, 299–311, 315, 319, 320, 322–326, 331, 336, 338, 339, 341, 346, 352, 354, 363, 364, 366, 367, 371, 374, 391, 406, 410, 443, 447–449, 455, 457, 459, 462, 465, 468, 482, 532, 559, 570, 572, 579, 580, 582, 585, 597, 600, 604, 605, 607–614, 617–621, 623–626, 628, 631–633, 636, 641–643, 645–650, 663, 682, 683, 688, 693, 696, 698, 699, 701, 703, 704, 707–709, 712, 717, 719, 731
- Феннел (Fennell) – 32, 142, 152, 192
- Фирдоуси – 548, 677
- Флоря – 526, 527
- Фома Мецопский (Товма Мецоппи) – 57, 708
- Фома Сплитский – 146, 159, 340
- Фоменко – 58, 59
- Фомичев – 301, 305, 307, 391, 448, 588, 712
- Фотий – 49
- Фра Мауро (Fra Mauro) – 59, 213, 246, 271, 283
- Франческо Пеголотти (Francesco Pegolotti) – 222, 245, 268, 270, 271, 280, 283, 691
- Френ – 20, 211, 295, 297, 301, 304, 703, 704
- Фридрих II – 161, 164, 381, 502, 503
- Хабул-хаган – 72, 85, 327, 360, 552, 655
- Хаджи-Гирей – 229, 309, 395, 445–447, 527, 725, 726
- Хаджи-Мухаммад – 724
- Хаджи-Черкес (Черкес, Черкес-бек) – 228, 229, 294, 306, 317, 332, 443, 491, 696, 702, 704
- Хайдер ибн 'Али Хусейни Рази – 46, 347, 718
- Хайду – 180, 181, 532, 533
- Хайр-Булат (Хайр-Пулад) – 249, 302, 304, 696, 702
- Хакимзянов – 59, 60, 200, 206, 454, 456, 457, 595, 613, 633–635, 647, 689, 690
- Халиков (Khalikov) – 30, 31, 81, 138, 144, 145, 156, 201, 298, 352, 406, 449
- Халикова – 366, 454, 455, 472
- Халил-Султан – 45, 259
- Хамдаллах ал-Казвини (Хамдаллах б. Аби Бакр б. Ахмад б. Наср Мустауфи ал-Казвини) – 44, 285, 347, 381, 539, 543, 546
- Хамидуллин – 15, 36–38, 52, 53, 446, 449
- Хаммер-Пургшталь (Hammer-Purgstall) – 20, 508, 599
- Ханларян – 494
- Хантингтон – 682
- Хара-Даван – 27, 28, 100–109
- Хара-Хулагу – 181, 530, 531
- Харузин – 345
- Харун ар-Рашид – 651
- Хасан – 332, 342, 454, 462–464, 598, 679, 703
- Хасанбек – 332, 333, 457
- Хасар – 84, 116, 571
- Хафиз-и Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лут-фаллах ал-Хафи) – 45, 46, 571
- Хисам Кятиб – 651, 668, 671, 675, 678, 679
- Хлебникова – 194–196, 201, 203, 204, 408, 625
- Хованская – 194, 408, 628
- Хомяков – 194, 222, 596, 615, 649, 652, 672, 673, 675, 676, 678, 679
- Храпачевский – 15, 33, 36, 133, 135, 137, 138, 142, 143, 147, 149, 150, 156, 158–160
- Хрусталеv – 33, 138, 142, 143, 145, 147, 148
- Хубилай – 4, 36, 53, 96, 127, 175, 176, 180, 181, 296, 338, 376, 397, 500, 531, 532, 535, 539, 569, 570, 604
- Худайдат – 239, 446
- Худу – 126
- Худяков – 15, 322, 446, 559, 562, 563, 565, 707, 725
- Хузин – 82, 145, 202, 204–206
- Хукин-нойон – 188, 189
- Хулагу (Хулавун, Хулаку, Гулаву) – 4, 19, 41, 44, 56, 175, 181, 185, 188, 279, 296, 343, 344, 415, 416, 423, 425, 428, 453, 487, 493–496, 498, 501, 531, 532, 534–543, 545, 548, 569, 605, 650, 659, 734
- Хулагуиды – 40, 42, 44, 56, 172, 176, 213, 244, 277, 279, 285, 318, 341, 344, 348, 351, 375, 389, 390, 392, 409, 415, 416, 423, 424, 428, 453, 488, 490, 493–499, 508, 522, 529, 532, 534–542, 544–550, 605, 657, 660, 691, 695, 708, 729, 731, 732
- Хулуба – 68
- Хулусумань – 77, 80
- Хуррумши (Курмыши, Курмыш) – 314–316, 417, 422, 520
- Хусам ад-Дин Махмуд – 318
- Хутула – 552
- Хушаху – 91
- Хызр (Хидырь, Кидырь, Кыдарь) – 189, 244, 249, 302–304, 331, 440, 461, 469, 577, 697–701
- Ц. де Бридиа – 52, 503, 506
- Цю Чу-ци – 37
- Цюйчу (Кучук) – 74, 77
- Чагатаиды (Джагатаиды) – 17, 44, 157, 173, 176, 181, 239, 259, 529, 530, 532, 534, 535, 545, 657, 690, 732, 734
- Чагатай (Чеготай) – 4, 41, 91, 129, 131, 138, 141, 146, 171, 173–175, 180, 181, 185, 188, 259, 315, 338, 364, 378, 477, 529–533, 542, 657, 659, 734
- Чаос (Шаос) – 79
- Чэхэ – 90
- Чеке – 508, 512–514
- Чекре (Чакре, Чакра) – 229, 466, 467, 722
- Чжао Хун – 37, 85, 557
- Чимтай – 237, 238, 260, 313, 697, 700, 701
- Чингизиды – 4, 5, 11, 17–19, 25, 32, 33, 45, 46, 52, 83, 89, 95, 105–107, 109–114, 116, 124, 130, 140–144, 146, 150, 151, 153–161, 170, 172–174,

- 176, 178–180, 189, 238, 241, 242, 288, 291, 296, 310–313, 319–322, 329, 330, 334, 335, 338, 343, 344, 348–350, 352, 355, 360, 377, 417, 424, 431, 436, 437, 451, 457, 463, 469, 508, 512, 518, 529, 534, 536, 541, 549, 550, 555, 557, 567–572, 579, 593, 603, 653, 659, 661, 662, 664, 665, 689, 690, 695, 698, 705, 706, 716, 724, 725, 729, 732, 734
- Чингиз-хан (Чингис-хан, Чингисхан) – 3, 4, 7, 16–19, 23, 25, 28, 32, 35–37, 39–41, 43, 44, 46, 47, 65–70, 72–81, 84–97, 99–106, 108–112, 114–116, 124–133, 137, 138, 141–143, 146, 150, 166, 167, 170–173, 175, 176, 178–181, 188, 189, 237, 243, 259, 277, 310–312, 314, 319–322, 327, 329, 334, 338, 340, 341, 343, 347, 349–351, 359–361, 365, 375–377, 379, 381, 388, 411, 413, 431, 435, 457, 470, 477, 485, 486, 488, 493, 502, 505, 506, 529–532, 537–540, 542, 545, 550, 552, 553, 555, 556, 559–561, 567–569, 571, 572, 599, 603, 604, 609, 616, 642, 651, 654–657, 659, 668, 704, 721, 723, 728, 729, 732–734
- Чормаган – 158
- Чулууны Далай – 69, 180, 351, 604
- Чураков – 470
- Чхао Чху-чанг – 35, 36, 324, 338
- Чэньдчжо – 557
- Шадибек – 229, 301, 307–309, 445, 466, 475, 577, 716–719
- Шамильоглу (Schamiloglu) – 15, 25, 32, 243, 287, 310, 317, 326, 327, 330, 331, 333–335, 460, 589, 590, 595, 597, 686, 689, 707
- Шаньметгумали – 78, 79
- Шараф ад-Дин Абдаллах ибн Изз ад-Дин Фадлаллах Ширази см. *Вассаф* – 44
- Шараф ад-Дин Али Йезди – 45, 46, 214, 229, 332, 333, 347, 425, 445, 475, 709–711, 718
- Шарифуллин (Sharifullin) – 197, 275, 626–628, 648, 649
- Шахмагонов – 142
- Шахматов – 47, 49
- Шахрух – 45, 46, 260, 446, 722
- Шестаков – 6
- Ши Тянь-эр – 91
- Шибан – 240
- Шибан (Шейбан, Шайбан, Сыбан) – 47, 141, 144, 155, 157, 163, 172, 185, 186, 189, 237, 239–244, 249, 314–316, 321, 331, 335, 437, 462, 540, 561, 697, 704, 717, 724
- Шибаниды (Шейбаниды, Шайбаниды) – 46, 177, 189, 242–244, 249, 336, 360, 364, 463, 654, 657, 707, 724, 734
- Шиги-Хутукту – 93, 95
- Шингум (Шингкум, Шингхум) – 186, 189, 314, 315
- Ширин – 319, 326, 331, 333–337, 354, 364, 446, 447, 664, 690, 707, 726
- Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хафи см. *Хафиз-и Аbru* – 45
- Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад ибн Абдулла см. *Ибн Арабшах* – 651
- Ши-цзун – 72
- Шпилевский – 194, 449, 457
- Шпулер (Spuler) – 28, 29, 40, 164, 178, 339, 340, 439, 508, 512, 590, 688
- Штукенберг – 194
- Шулой – 64
- Шэнцзун – 557
- Эвлия Челеби (Evlia Çelebi) – 395, 575, 582, 583, 585, 589, 711, 712
- Эгертон – 58
- Эке-Чиледу – 84
- Эргэнэ-хатун – 531, 732
- Эрзен – 237, 239, 260, 313, 703
- Эсен-Бука (Эсен-Буга) – 334, 533
- Ю Джи – 37
- Юань-хао – 66
- Юлиан – 139, 140, 142, 144–148, 156, 158, 159, 349, 471, 472, 474, 478, 502
- Юрий Всеволодович – 148–152, 719
- Юрий Дмитриевич – 200, 333, 466, 468, 476, 719, 725
- Юрий Львович – 48, 523
- Юрченко – 15, 52, 106, 109, 359, 500, 505
- Юсупов – 59, 253, 456, 457, 613, 652
- Яблонский – 60, 365–371, 373, 375, 457
- Ягайло – 286, 357, 378, 527, 661, 705, 706
- Якобсон – 390, 391, 395, 439, 588, 592, 625, 639
- Якубовский – 12, 24–27, 30, 45, 60, 138, 218, 253–255, 258, 280, 320–322, 326, 339, 345, 346, 348, 366, 370, 440, 528, 535–537, 542, 544, 547, 572, 600, 605, 607, 613, 622, 635, 661, 683, 688, 705, 706, 708, 713
- Ялчугул – 678
- Янина – 199, 284, 295, 303, 307, 704
- Яолян – 72
- Ярослав Всеволодович – 48, 150
- Ярослав Ярославич – 279

Указатель политико-географический

- Аббасидский халифат – 40, 437, 537
 Абхазия – 591
 Авария см. Авир– 167, 168
 Авиньон – 501
 Авир область см. Авария– 158, 167, 168
 Адрианонополь – 293, 512, 517
 Адриатическое побережье – 164
 Азак см. Азов, Тана – 191, 192, 225, 231, 270, 271, 274, 280, 281, 283, 287–289, 301–307, 389, 391, 392, 394, 414, 441, 444, 448, 466, 483, 490, 491, 573, 576, 577, 579, 581, 582, 586, 588, 592, 612, 619, 626, 687, 696, 699, 700, 707, 709, 712, 713, 717
 Азак ал-Джадид – 577
 Азербайджан – 4, 128, 132, 133, 295, 318, 377, 416, 423, 433, 488, 496, 535–541, 545–547, 571, 632, 670, 687, 695, 708
 азиатские степи – 264
 Азия – 3, 8, 27, 42, 51, 53, 54, 69, 75, 97, 120, 216, 222, 320, 349, 381, 405, 436, 437, 539, 541, 600, 646, 686, 690
 Азов – 192, 330, 391, 392, 445, 491, 596, 627
 Азовский тумен – 330, 437
 Азовское городище – 581
 Азовское море – 289, 291
 Ак-Керман (Аккерман, Акча-Керман, Акчакерман) – 61, 191, 284, 437, 579, 615, 619
 Ак-Орда – 185, 186, 188–190, 229, 236, 238, 240, 243, 311, 314–316, 327, 331, 332, 336, 461, 511, 520, 523, 526, 688, 690, 696, 697, 699, 700, 701, 703, 732
 Ак-Сарай – 306, 392, 577, 591
 Актаньшский район – 484
 Ала-Куль (Алакуль) – 237, 239, 240, 315, 561
 Алания – 437, 487, 492, 505, 613
 Аланские горы – 485, 487
 Алатырь – 471, 482
 Александрия (Лигурия) – 292, 502, 547
 Алмалык – 91, 127, 128, 280, 530
 Алтай – 64, 69, 79, 80, 94, 124–126, 133, 138, 170, 175, 238, 239, 263, 339, 486, 531, 553, 559, 560, 563, 564, 566
 Алтайские горы – 74
 Амударья (Аму-Дарья) см. *Джейхун* – 93, 131, 171, 174, 175, 250, 268, 377, 529, 530, 532
 Амур – 65, 87
 Ананьевское городище – 556
 Анапа – 389
 Анатолия – 288, 291, 391, 403, 550, 583, 584, 629, 631, 632, 634, 689, 693
 Англия см. Британия – 293, 688
 Андалусские (Андалузские) земли – 280, 389
 Андалусия – 346, 588
 Анкара – 634, 679
 Анхиалос – 509, 517
 Арабский халифат – 728
 Аравия – 664
 Аракум – 186, 240
 Аральское море – 76, 237, 239
 Аргунь – 65
 Армения – 56, 167, 324, 378, 391, 535, 541, 548, 588, 628
 Арран – 133, 165, 191, 494, 495, 536–539, 544–546
 Арск – 450
 Арские земли – 475
 Астраханская область – 216, 217, 284, 383
 Астраханский край – 54
 Астраханское ханство – 14, 228, 230, 435, 727, 729, 732, 734
 Астрахань – 39, 215, 225, 226, 228, 229, 238, 250, 282, 283, 285, 287, 308, 381, 435, 446, 579, 591, 619, 641, 651, 694, 727, 734
 Атлантический океан – 4, 109
 Афганистан – 3, 116, 647
 Африка – 54, 58, 98
 Ахтуба (Ак-Туба) – 140, 216, 217, 224, 299, 570, 574, 580, 648
 Ахтубинское городище – 216
 Ашур-Ада – 131
 Бавлинский район – 485
 Багдад – 38, 41, 129, 217, 246, 501, 502, 535, 537–539, 547, 626, 708
 Багдадский халифат – 167, 502, 605
 Байкал – 125, 126
 Баку – 191, 497, 708
 балканские государства (страны) – 54, 423, 508, 519
 балканские земли – 511, 514, 515
 Балканский регион – 518
 Балканы – 156, 283, 435, 437, 508, 509, 511, 512, 515, 518, 731
 Балтика – 279
 Балхаш – 127
 Бальнгузское городище – 156, 201
 Бальджуна – 87
 Бахчисарай – 191, 447
 Башгирд (Башгырд, Башкирд, Башкард, Башгард) – 138, 191, 192, 460
 Башкирия (Башкортостан) – 172, 373, 485, 647
 Бездеж – 383, 460, 475, 579, 685, 686
 Белая – 460, 485
 Белая Орда см. *Ак-Орда* – 189, 527
 Белгород – 148
 Белгород-Днестровский (Белгород Днестровский) – 191, 394, 575, 579
 Белгородское городище см. *Ак-Керман* – 61, 615, 619
 Белое море – 16
 Бельджамен – 61, 215, 216, 281, 287, 367, 368, 370, 371, 384, 405, 407, 577, 579, 580, 582, 586, 609, 615, 619, 624, 625, 627, 633, 701
 Бенакент – 93, 131
 Березань – 557
 Билляр – 140, 144, 145, 156, 192, 195, 200, 201, 205, 295, 297, 298, 300, 407, 452, 482, 483, 576, 621, 652
 Биллярское городище – 145, 202, 387
 Биллярское селище – 201, 202, 387, 407
 Бирма – 686
 Ближний Восток – 40, 52, 53, 55–57, 117, 191, 193, 197–199, 213, 220, 271, 277, 281, 284, 291, 339,

- 349, 375, 377, 389, 396, 403, 420, 423, 437, 488, 493, 500, 502, 548, 549, 568, 574, 578, 579, 582, 583, 587, 589, 593, 605, 629, 633, 639, 640, 661, 663, 664, 667, 687, 688
- Богемия – 51, 554
- Болгар (Булгар) – 59–61, 140, 145, 156, 172, 191, 192, 194–200, 205, 208, 215, 227, 266, 267, 274–276, 279–281, 283, 284, 288, 295–301, 304, 307, 308, 364, 371, 372, 375, 380, 385–387, 390, 392, 401, 408, 420, 421, 428, 430, 431, 433, 446, 450–453, 457, 459, 461–469, 470, 475, 482, 549, 570, 573, 576, 577, 586, 588, 591, 593–595, 597, 602, 609, 615, 618–622, 624–627, 631, 633–635, 641, 644–648, 651, 652, 678, 689, 701–704, 712, 717, 722, 724
- Болгар ал-Джадид (Булгар ал-Джадид, Новый Булгар) – 208, 308, 452, 466, 468, 469
- Болгар ал-Махруса – 301, 452
- Болгария – 112, 293, 395, 423, 459, 508–511, 513–517
- Болгарское городище – 61, 194, 196, 199, 266, 271, 273–276, 282–284, 295, 301, 385, 386, 408, 615, 619, 621, 626, 632, 645, 648
- Болгарское княжество – 515
- Болховская земля – 519, 520
- Большая Армения – 687
- Большая Волга – 647
- Большая Орда см. *Великий Улус, Улуг Улус* – 16, 19, 28, 229, 239, 326, 348, 360, 435, 506, 527, 690, 714, 726–729, 732, 734
- Большетоябинское городище – 192, 408
- Большие Кучугуры – 623, 625
- Большой Алтай – 79
- Большой Хинган – 64–66, 75
- Боспор – 387
- Браничево – 512, 514, 515
- Британия (Британская империя) см. *Англия* – 688, 728
- Брюссель – 100
- Буг – 513, 514
- Бугульминское плато – 264
- Буда – 164
- Бузулук – 244
- Буир-Нор (Буир) – 66, 87, 328, 552
- Булгария (Булгар, страна Булгар, Булгары) см. *Волжская Булгария* – 18, 30, 81, 82, 113, 116, 137, 139, 140, 143–147, 155, 156, 160, 190, 192, 315, 332, 346, 347, 361, 381, 405, 406, 448–451, 453, 456–459, 462, 463, 466–468, 471–474, 482, 483, 538, 552, 596, 602, 606, 608, 609, 617, 619, 620, 626, 647, 656, 660, 661, 682, 694, 701, 719
- Булгарская область – 451
- Булгарская страна – 284
- булгарские (болгарские) земли – 59, 145, 159, 200, 451, 461, 468, 469, 479
- Булгарский вилайет – 200, 451
- Булгарский улус – 61, 192, 206, 208, 298, 305, 306, 345, 385, 387, 396, 407, 408, 410, 419–421, 424, 431, 448, 451, 452, 454, 457–470, 475, 698
- Булгарский эмират – 448, 449, 451, 461, 725
- Булгарское государство – 131, 195, 472, 474
- Булгарское княжество – 462
- Булгарское царство – 4, 458
- Булдугуевское городище – 230
- Буртасия – 146, 158
- Бурятия – 116
- Бухара – 25, 93, 128, 131, 223, 251, 259, 285, 530–533, 547, 571, 592, 604, 622, 709, 718
- Бухарская область – 709
- Вадо-Мокшанское междуречье – 479
- Валахия – 266
- Валашское княжество – 516
- Ватикан – 503
- Ведин – 146
- Великая Булгария – 159, 448
- Великая Венгрия – 349, 502
- Великая китайская стена – 552
- Великая Орда – 348, 568, 716
- Великая Степь – 31, 35, 109, 236, 437
- Великий Волжский путь – 195, 216, 225, 277, 285, 380, 475
- Великий город см. *Биляр, Болгар* – 140, 144, 145, 156
- Великий Новгород (Новгород Великий) см. *Новгород* – 49, 279, 391, 466, 474, 476, 715
- Великий Улус см. *Большая Орда, Улуг Улус* – 236, 343, 358, 359, 734
- Великий Шелковый путь – 277, 288, 423, 433, 460, 572, 695
- Великое государство см. *Улуг Улус* – 16, 343, 357, 707
- Великое княжество Литовское – 50, 390, 392, 518, 519, 521, 522, 525–528, 699, 713, 715, 719, 724
- Великое Монгольское государство (Великая Монгольская империя, держава, сверхдержава, Еке Монгол Улус) – 3, 4, 72, 97, 124, 126, 132, 133, 328, 351, 357, 375, 503, 558, 569, 590
- Великое Ся см. *Си-Ся* – 67, 70, 89, 90, 92, 94, 96, 126, 127, 130, 132
- Венгерское королевство – 160, 508, 510, 514, 519
- Венгрия – 53, 81, 112, 131, 134, 148, 156, 159–165, 240, 293, 340, 355, 379, 381, 388, 403, 409, 422, 433, 437, 474, 486, 490, 502, 508, 512, 514, 521–523, 525, 554, 647
- Венецианское государство – 289
- Венеция – 34, 51, 53, 270, 278, 286–292, 294, 383, 389, 420, 441, 503, 504, 647, 692, 693, 727
- Верона – 280
- Верхнедзулатское (Татартупское) городище – 621, 624
- Верхнее Поволжье – 143, 216
- Верхнее Посурье – 477, 478
- Верхнее Прикамье – 192, 365, 473, 474, 476
- Верхнее Примокшанье – 477, 478
- Верхнее Приобье – 563, 564
- Верхнее Приуралье – 19
- Верхне-Чегемское городище – 230
- Верхние Маджары – 230, 580
- Верхний Амур – 65
- Верхний Дзулат (Татартуп) – 230, 232–234, 371, 373, 580, 585, 609
- Верхний Енисей – 125, 126
- Верхний Иртыш – 561
- Верхний Услон – 407
- Верхняя Кама – 473, 484, 647
- Верховские земли – 305
- Ветлужско-Вятское междуречье – 471
- Видин – 512, 514–516
- Византийская империя – 388, 508, 728
- византийские земли – 516

- Византия – 54, 74, 197, 283, 284, 286, 289–291, 381, 382, 395, 417, 423, 424, 508–518, 548, 550, 562, 602, 605, 640, 647, 651, 687, 730
- Висла – 522–525
- Владимир (Володимирь) – 48, 82, 148–151, 153, 160, 382, 430, 467, 524, 706
- Владимир Волинский – 160, 162, 521, 525
- Владими́ро-Суздальская Русь – 143, 471, 474, 602
- Владими́ро-Суздальское княжество (Владими́ро-Суздальские земли) – 82, 149–151, 153, 154, 160, 279, 470, 471
- Владимирские земли – 152, 524
- Владимирское великое княжество – 707
- Внутренний Дагестан – 166–168
- Внутренняя Азия – 684
- Внутренняя Монголия – 65, 67, 68, 74, 75, 80, 91
- Водянское городище см. *Бельджамен* – 61, 215, 216, 220, 221, 225, 271, 273, 283, 284, 306, 367–369, 371, 374, 383, 384, 391, 585, 597, 609–611, 613–615, 619, 621, 623, 626, 632, 633
- Волга (Итиль, Этиль, Атыль) – 74, 75, 113, 138–140, 143, 146, 148, 151, 155, 156, 161, 172, 186, 189, 193, 195, 199, 208, 210, 212, 213, 215, 217, 225, 226, 228, 229, 243, 264, 270, 275, 278, 280–282, 285, 287, 302, 314, 334, 347, 361, 364, 372, 380, 381, 383, 385, 392, 407, 408, 424, 431, 433, 450, 451, 462, 464–468, 470, 471, 473, 475, 477, 479, 480, 494, 498, 499, 504, 505, 542, 554, 557, 574, 577, 579, 594, 595, 598, 619, 620, 647, 648, 652, 656, 677, 685, 698, 701, 702, 704, 722
- Волго-Ахтубинская пойма – 216
- Волго-Ахтубинский район – 224
- Волгоград – 215, 281
- Волгоградская область – 218
- Волго-Донские степи – 224, 701
- Волго-Донское междуречье – 265, 315
- Волго-Камский регион – 387, 465
- Волго-Камье – 113, 402, 558, 589
- Волго-Уральский водораздел – 240, 315
- Волго-Уральский регион – 59, 372–374, 458, 602
- Волго-Уральское междуречье – 154, 189, 221, 244, 684
- Волго-Яицкие степи – 112
- Волжская Булгария (Волжско-Камская Булгария) см. *Булгария* – 4, 81, 113, 137, 138, 140, 141, 171, 172, 185, 192, 195, 205, 206, 208, 215, 220, 243, 280, 295, 309, 345, 346, 362, 372, 390, 448, 449, 451, 456, 470–474, 476–478, 482, 483, 574, 591, 594, 595, 596, 602, 621, 689, 690
- Волжская Орда – 237, 705
- Волжские степи – 224
- Волжское царство – 697, 705
- Волза см. *Волга* – 151, 156, 382, 461, 464, 701
- Вологда – 467
- Волынь – 160, 521, 524–527
- Воронеж – 147, 148, 554, 557
- Ворскла – 192, 421, 425–427, 445, 528, 715, 716
- Воспоро – 395, 581, 591
- Восток – 5, 6, 10, 24, 25, 93, 129, 132, 217, 238, 245, 277, 285–287, 309, 312, 348, 349, 381, 388, 396, 403–405, 415, 436, 482, 490, 502, 530, 531, 533, 536, 550, 604, 611, 637, 641, 645, 648, 651, 676, 677, 692, 693, 731
- Восточная Азия – 79, 98, 116, 277, 569, 571, 578
- Восточная Венгрия – 164
- Восточная Европа – 9, 17–19, 21, 22, 26, 28, 39, 41, 43, 51, 54, 55, 57, 61, 63, 69, 81, 82, 111–113, 116, 131–133, 137, 144, 156, 160, 161, 172, 206, 216, 223, 249, 276, 277, 288, 293, 310, 339, 343, 344, 346, 349, 352, 353, 364, 365, 380, 387, 388, 396, 399, 402, 403, 405, 451, 453, 473, 476, 500, 501, 503, 527, 554, 559–562, 566, 599, 603, 605, 616, 617, 619–621, 628, 641, 685, 715, 716, 728, 731, 734
- Восточная Орда – 236, 568
- Восточная Сибирь – 553
- Восточное Закавказье – 640
- Восточное Закамье – 484, 485
- Восточное Предкавказье – 493
- Восточное Приаралье – 240, 315, 454
- восточноевропейские степи – 354, 685
- восточные степи – 183
- восточные страны (восточные земли) – 52, 145, 245, 249, 540, 561
- Восточный Алтай – 572
- Восточный Дашт-и Кыпчак – 47, 170, 171, 236–239, 244, 347
- Восточный Кавказ – 166, 232, 493, 495, 497
- Восточный Казахстан – 559, 561, 564
- Восточный Крым – 232, 271, 437, 439, 556, 573, 575, 578, 588
- Восточный Прикаспий – 263
- Восточный Туркестан – 19, 89, 113, 116, 123, 124, 126, 128, 133, 170, 356, 375–378, 502, 530, 659, 662
- Вщиж – 157
- Вычегда – 473, 476
- вычегодские земли – 476
- Вятка – 460, 464–466, 472, 473, 475, 579
- Вятские земли – 473, 474
- Газария (область Газария) – 288, 291, 447, 448
- Газна – 93, 128, 131, 243
- Гаймос – 510, 517
- Галиция – 160, 525, 526
- Галицко-Волинское княжество (Галицко-Волинские земли, Галицко-Волинская Русь) – 48, 158, 160, 162, 192, 388, 406, 422, 519–523, 525, 526
- Галицкое княжество (Галицкая земля) – 422, 527
- Галич (Галицкая земля, Галицкое княжество) – 48, 151, 160, 162, 468, 469, 519, 521, 523
- Ганьчжоу – 94
- Ганьчжоуское уйгурское ханство – 66, 67
- Генуя – 34, 51, 53, 191, 270, 278, 286, 289–292, 294, 393, 420, 447, 448, 501, 503, 647, 692, 693, 705
- Герат – 9, 46, 128, 446
- Германия – 158, 164, 266, 474, 478
- Гималаи – 686
- Гиндукуш – 131
- Гоби – 89, 126
- Голландия – 679
- Горный Алтай – 170, 553, 560
- Горный Дагестан – 166, 168
- Горный Крым – 439, 440
- Городец Волжский – 151, 156, 467, 720
- Городище – 407
- Городищенское (Кала-Елгинское) городище – 408
- государство Арпадов – 162, 165
- государство Великих Моголов – 657

- государство (государства) кара-китаев – 92, 94, 116, 127, 128, 132
- государство кыпчаков – 77, 80
- государство (держава, империя) Хорезмшахов (хорезмшахов) – 76, 92–94, 109, 116, 126–133, 170
- государство хуннов (держава хунну) – 98
- Греция – 289
- Грузия – 132, 166, 167, 295, 324, 488, 494, 496, 500, 535, 540, 541, 548, 711
- Гуачжоу – 89
- Гулистан (Гюлистан) – 215, 218, 302–304, 309, 440, 570, 576, 577, 580, 596, 619, 646, 693, 696, 698, 700, 702
- Гулистан ал-Джадид – 302
- Гулистан ал-Махруса – 302
- Гулистан ли-с-Сарай – 302
- Гулистан-Сарай – 570, 580, 582, 586
- гуннская держава – 314
- Гурган – 93, 131
- Гурьев – 215, 245
- Гурья-Кала – 460
- Гусе-Нор – 68
- Дагестан – 156, 158, 165–168, 493, 495, 497–499, 580
- дагестано-азербайджанский регион – 660
- далматинский регион – 164
- Далмация – 422, 502, 508
- Дальний Восток – 43, 91, 98, 99, 102, 119, 324, 455, 555, 568, 640, 664, 667, 732, 734
- Дамаск – 501, 502, 547, 647, 650, 651
- Дарданеллы – 423, 550
- Дашт (Дешт) – 186, 346, 347, 609, 706, 712, 716, 718, 723
- Дашт-и Кыпчак (Дешт-и Кыпчак, Дешт-и Кипчак, Дешти-Кипчак, Дешт-Кыпчак) – 16, 18, 67, 74, 75, 77, 79, 80, 88, 92, 137, 138, 170, 174, 182, 186, 189, 191, 193, 237–239, 259, 265, 316–318, 339–341, 343–348, 351, 353, 354, 356, 361, 362, 372, 409, 437, 438, 446, 447, 486, 541, 547–549, 550, 552, 554, 558, 559, 561, 567, 570, 572, 574, 575, 578, 579, 585, 600, 601, 607, 616, 650, 651, 656, 677, 684, 686, 691, 702, 704, 707, 709, 711, 712, 728
- Деяков – 417, 423, 488
- Делийский султанат – 5, 42, 43, 175, 179, 550
- Дербент (Дербенд) – 19, 132, 134, 158, 165–167, 173, 190, 191, 193, 244, 293, 388, 389, 449, 487, 493–499, 502, 535, 538–546, 579, 580, 709, 711, 718, 719, 722
- держава Ахменидов – 728
- держава йемеков – 133
- Дешткыпчакское государство – 345
- Джейранская долина – 74
- Джейхун см. *Амударья* – 174, 175
- Джелаирское государство (государство Джелаиридов) – 284, 286, 708
- Дженд – 93, 131, 186, 191, 239, 240, 259, 260, 262, 315, 531, 724
- Джуда – 656
- Джукетау см. *Жукотин* – 192, 202–206, 282, 453, 459, 461, 463, 466, 467, 469, 698
- Джукетауское городище – 203
- Джулат – 235
- Джунгарская равнина – 126
- Джучидское государство (государство Джучидов, держава Джучидов, джучидская держава, империя Джучидов) см. *Улус Джучи* – 4, 5, 7, 10, 16–19, 34, 62, 177, 182, 195, 216, 270, 277, 320, 326, 336, 342–344, 346, 347, 349, 354, 359, 361, 408, 409, 431, 432, 450, 451, 460, 527, 567, 599, 601, 602, 616, 617, 654, 657, 659, 668, 683, 713, 726, 731, 732, 734
- Диамполь (Ямбол) – 517
- Дмитров – 151, 152, 159, 720
- Днепр – 135–137, 192, 286, 305, 314, 378, 504, 526, 557, 579
- Днепро-Днестровское междуречье – 520, 526
- Днепропетровская область – 497
- Днестр – 76, 191, 283, 315, 575
- Долина Ююйюй – 133
- Дон (Танаис) – 148, 185, 189, 215, 269, 270, 278, 280, 281, 289, 302, 305, 314–316, 345, 378, 381, 439, 497, 505, 508, 554, 574
- Древнерусское государство – 21
- Дунай – 16, 19, 80, 163, 164, 172, 190, 191, 236, 264, 277, 289, 293, 300, 313–316, 339, 344–346, 400, 437, 448, 505, 508–511, 514, 515, 518, 559, 575, 576, 602, 731
- дунайский регион – 509
- Дуньхуань – 375
- Евпатория – 437
- евразийские державы – 730
- евразийские степи – 28, 80, 193, 314, 348, 349, 354, 486, 507, 575, 601, 602, 683, 686
- Евразия – 3, 5, 13–16, 19, 27–29, 32, 60–62, 98, 109, 110, 137, 138, 180, 182, 263, 277, 287, 314, 326, 341, 355, 362, 398, 411, 550, 559, 590, 595, 601, 615, 618, 642, 647, 658, 660, 668, 676, 691, 725, 728, 730
- Европа – 3, 8, 19, 20, 23, 27, 28, 31, 42, 44, 51, 54, 55, 74, 97, 111, 112, 114, 120, 123, 144, 158, 160, 172, 190, 192, 215, 217–219, 221, 273, 293, 320, 349, 350, 388, 397, 398, 400, 405, 417, 420, 424, 436, 483, 501, 508, 518, 525, 536, 540, 547, 561, 600, 619, 646, 662, 685–689, 691, 729
- европейские государства (европейские страны) – 158, 388, 590, 667
- европейские степи – 374
- Египет – 38, 39, 108, 175, 197, 270, 279–281, 284, 289, 290, 316, 318, 320, 330, 341, 344, 351, 353, 355, 356, 362, 378, 404, 423, 424, 437, 439, 458, 459, 490, 501, 502, 505, 509, 535–537, 540–542, 545–550, 587, 600, 605, 606, 608, 610, 611, 616, 636, 647, 649, 651, 661, 662, 669, 672–674, 676–679, 687, 691, 702, 711, 731
- египетские земли – 547
- Египетско-Сирийский султанат – 548, 549
- Елабуга – 453, 459
- Елабужское городище – 621, 622
- Енисей – 64, 86, 125, 126, 560
- Ереван – 392
- Эссендуки – 236
- Желтая Орда – 506
- Желтое море – 3, 130
- Жукотин (Жюкотин) см. *Джукетау* – 205, 461, 466, 698
- Жукотинское княжество – 205
- Забайкалье – 67, 133, 567, 571

- заволжские степи – 146, 264
 Заволжье – 61, 133, 137–140, 154, 224, 264, 303, 336, 353, 602, 620, 698, 700, 701, 704, 713, 714, 724, 726
 закавказские государства – 707, 708
 Закавказье – 4, 53, 55–57, 133, 138, 158, 165–167, 193, 197, 199, 216, 279, 280, 284, 285, 305, 345, 350, 390, 391, 423, 454, 457, 488, 493, 494, 497, 500, 502, 522, 532, 534, 537, 538, 540, 541, 629, 637, 639, 640, 708
 Заказанье – 407, 472
 Закамье – 172, 202, 204, 407
 Залесская Орда – 729
 Заочье – 462
 Запад – 6, 37, 57, 93, 107, 129, 132, 137, 140–143, 154, 158, 160–162, 280, 287, 288, 309, 324, 388, 436, 453, 490, 500, 502, 518–522, 533, 548, 590, 605, 659, 664, 693
 Западная Азия – 78, 555, 568, 569
 Западная Венгрия – 164
 Западная Евразия – 288, 289, 435, 589
 Западная Европа – 12, 43, 131, 154, 160, 162, 163, 191, 212, 271, 277, 279, 280, 283, 286, 291, 339, 383, 421, 429, 474, 524, 562, 598, 685–689, 691
 Западная Маньчжурия – 64
 Западная Монголия – 560, 561
 Западная Орда – 568
 Западная Русь – 699
 Западная Сибирь – 4, 12, 19, 74, 113, 124, 192, 240, 315, 344, 472, 559–564, 566
 Западное Заволжье – 460
 Западное Ляо – 69, 91–94, 116, 125–127, 130, 131, 133
 Западное Поволжье – 480
 Западное Предкавказье – 389
 Западное Приаралье – 315
 западноевропейские государства (страны) – 249, 540
 Западно-Казахстанский регион – 578
 западнорусские земли – 519, 521, 526
 западнорусские княжества (западные русские княжества) – 156, 160, 525
 западные страны (западные земли) – 7, 18, 133, 138, 172, 245
 Западный Буг – 521
 Западный Дашт-и Кыпчак – 172, 189
 Западный Кавказ – 233, 640
 Западный Казахстан – 186, 189, 561
 Западный край – 64, 71, 78, 127, 128
 Западный Прикаспий – 315
 Запорожье – 443, 585, 626
 Зауралье – 113, 243, 482–484
 Заяицкая Орда – 237
 Звенигород – 720
 Зеравшан – 131
 Золотаревское городище – 81, 82, 113, 137, 146, 477
 Золотая Орда см. *Улус Джучи* – 1, 3–8, 10–35, 38–41, 44, 46, 47, 50, 54, 58, 59, 72, 108–112, 172–177, 179, 180, 182, 183, 185, 186, 188–193, 200, 202, 206–211, 213, 214, 216, 221, 222, 224, 225, 228, 229, 233, 235–239, 241, 247, 249, 250, 258, 262, 266–289, 291–294, 301, 303, 307–311, 313, 316–320, 322, 324, 325, 327, 330–332, 334–338, 341–343, 345, 346, 348, 352, 356–359, 362–367, 370–373, 378–383, 385, 387, 388, 390–392, 394, 397, 398, 400, 402–405, 411, 417, 422–424, 432–439, 443, 444, 446–449, 451, 454, 457, 458, 475, 477, 480–483, 485–499, 501, 506–511, 513, 514, 518, 522, 525–529, 532–536, 538–540, 545–547, 549, 550, 553, 556, 558, 559, 562, 564–570, 572–580, 584–586, 588–591, 593–601, 603, 604, 606–608, 610, 612–622, 637, 639–646, 648–650, 653, 655, 658–662, 667–669, 672–680, 683, 685–690, 692, 696, 701, 702, 704–706, 708–712, 715, 721, 723, 725, 728–732, 734
 Иднакар – 483
 Иерусалим – 39, 502
 Иерусалимское королевство – 504
 Изяславль – 160
 Ик – 460, 485
 Иконийский султанат – 295, 510
 Икско-Бельское междуречье – 59, 453, 460
 Или – 76, 127, 240, 530
 Ильханидское государство (государство ильханов, держава ильханов, империя ильханов Хулагуидов) – 375, 488, 530, 534, 537–540, 542, 546, 693
 империя (земли) турок-сельджуков – 550
 империя Южно-Суньской династии см. *Южная Сун* – 3
 Инд – 93, 94, 131
 индийские земли – 266, 281
 Индийский океан – 282, 285
 Индия – 39–41, 43, 131, 142, 194, 205, 245, 249, 266, 268, 280–283, 309, 355, 356, 547, 550, 604, 647, 686, 689, 691
 Ирак – 3, 39, 41, 93, 133, 175, 281, 285, 377, 392, 409, 534, 537, 592, 647, 651
 Иран – 3, 5, 10, 25, 38, 40, 42–45, 65, 87, 90, 92, 93, 113, 115, 116, 121, 127, 128, 130, 132, 141, 144, 171, 174, 175, 182, 193, 197, 216, 225, 242–245, 249, 279, 280, 284, 285, 317, 321, 340, 341, 344, 348, 375, 388, 389, 399, 400, 401, 403, 409, 423, 430, 433, 435, 437, 487, 488, 500–502, 510, 530, 534–538, 540, 541, 543, 544, 546, 569, 571, 579, 587, 590, 597, 609, 629, 630, 632, 635, 636, 640, 642, 647, 660–662, 664, 695, 708, 710, 712, 729, 731, 734
 иранские земли – 174
 Иранское царство – 342
 Иртыш (Эрдыш, Ирдыш) – 16, 19, 69, 74–77, 79, 80, 93, 94, 125, 128, 130, 132, 133, 171, 186, 189–191, 236, 237, 239, 240, 244, 314–316, 331, 346, 437, 558–560, 562, 565, 602
 Исаковское городище – 407
 Исакчи (Исакча, Сакчы, Сакджа) – 300, 316, 438, 512–514, 576
 Испания – 54, 280, 292
 Исык-Куль – 686
 Исфahan – 45
 Италия – 10, 164, 266, 283, 286, 289, 292, 647, 687
 итальянские государства – 289, 290
 Итяковское городище – 480
 Йемен – 39
 Кабанское городище – 206
 Кабардино-Балкария – 230, 235, 581
 Кабул – 93, 94
 Кавказ – 4, 10, 113, 131, 132, 134, 135, 137, 167, 172, 192, 208, 230, 231, 249, 285, 292, 293, 387–389, 403–405, 435, 492, 500, 542, 579, 602, 640, 644, 647, 649, 660, 664, 687, 709, 712

- Кавказские горы – 166, 215, 263, 487, 488
Кавказский хребет – 423, 486
Казанка – 206, 460
Казанская земля – 468
Казанский эмират – 468, 470
Казанское Поволжье – 479
Казанское ханство – 14, 107, 201, 202, 208, 308, 309, 325, 326, 336, 360, 392, 420, 435, 447, 450, 451, 460, 471, 474, 475, 654, 690, 725, 727–729, 732, 734
Казанское царство – 451
Казань – 8, 12, 15, 143, 192, 200, 206–208, 298, 308, 322, 392, 407, 432, 435, 450, 451, 453, 456, 457, 463, 465, 466, 468–471, 641, 677–679, 723, 725, 732, 734
казахские (казахстанские) степи – 113, 347, 564, 565
Казахское ханство – 240, 725, 729, 734
Казахстан – 39, 74, 80, 125, 128, 237, 246, 260, 262, 283, 303, 327, 344, 365, 374, 530, 559–562, 564–566, 642, 647
Кази-Кумух – 168
Каир – 39, 217, 279, 416, 439, 442, 447, 535, 548–550, 587, 647, 650, 651
Каланча – 210
Калка (Калак) – 48, 81, 82, 109, 132, 135–137, 149, 422, 502, 705
Калмыцкая степь (калмыцкие степи) – 371, 372
Кама – 192, 195, 202, 204, 205, 208, 308, 345, 449, 461, 462, 464, 467, 471, 472, 475, 480, 485, 594, 595, 698
Каменец – 160
Камское устье – 462
Камчатка – 12
Канглы (государство канглы) – 77, 78, 140
Кандагар – 131
Каракорум (Кара-Корум, Ордубалык) – 4, 16, 41, 51, 52, 56, 160, 172–174, 176, 180, 194, 219, 226, 240–242, 338, 341, 350, 379, 381, 388, 433, 500, 531, 555, 567, 568, 570–572, 604, 660, 691
Каракум – 186, 240, 496
Каракурум – 76
Карасаман – 260
Караханидское государство (государство Караханидов, держава Караханидов) – 127, 602, 659
Карачаево-Черкессия – 581
Каринское княжество – 460
Карпаты – 80, 163, 422, 486, 523, 559
Касимов (Хан-Керман) – 435, 579, 734
Касимовское ханство – 14, 326, 336, 435, 690, 729, 734
Каспийский бассейн – 58
Каспийское море (Каспий) – 16, 47, 58, 59, 75, 93, 131, 132, 143, 155, 165, 225, 263, 270, 271, 276, 285, 381, 485, 493, 504, 573, 647, 685
Каталония – 292
Кафа (Каффа) см. *Феодосия* – 191, 194, 268, 271, 278–280, 286, 288–291, 294, 307, 309, 331, 389, 392, 393, 437–448, 491, 504, 547, 573, 575–577, 581, 585, 587, 588, 590–592, 687, 691, 705, 713, 722
Кафа ал-Джадид – 309, 448
Кашан – 192, 453
Кашгар (Кашгария) – 93, 531, 602
Кашмир – 42
Келар – 138
Келен – 65, 66
Кенджек – 242, 338
Кердер (Кардар) – 598, 652
Кереитский улус (улус кереитов) – 75, 79, 85, 94, 96, 125
Керман (Кирман, К-р-ман) – 128, 298, 300
Керменчук – 466, 579
Керулен – 65, 66, 68, 86, 88, 92, 126, 568
Керченские проливы – 289
Керченский п-ов – 437
Керчь (Карш, ал-Карш) – 288, 395, 437, 573
киданьское государство (государство киданей, держава киданей, империя киданей) – 67, 70, 72, 91, 98, 115, 127
Киев – 51, 54, 81, 134, 157–162, 192, 277, 288, 388, 390, 391, 427, 471, 477, 486, 503, 504, 528, 687, 713, 715, 716, 722, 726, 733
Киевская земля – 156, 157, 159, 520, 525, 527
Киевская Русь – 161, 458, 728
Киевское княжество – 158
Киевщина – 406, 526
Киликийское государство – 56
Кимакский каганат – 171
Киргизия см. *Кыргызстан* – 555
Кирилло-Белозерский монастырь – 50
Кирменчук – 192
Кировская область – 473
Китай (Китайское государство, КНР) – 8, 36, 37, 39, 43, 64, 65, 67, 74, 85, 89, 90, 92–94, 96, 97, 111, 113–115, 117, 118, 120, 122, 123, 128, 129, 140, 174, 176, 182, 194, 197, 199, 208, 245, 247, 249, 268, 270, 278, 280, 281, 283, 288, 301, 338, 339, 346, 350, 355, 375, 376, 388, 397, 404, 406, 421, 433, 435, 447, 490, 500, 548, 550, 557, 558, 565, 566, 571, 576, 591, 647, 649, 651, 662, 664, 686–688, 691–693, 718, 728, 729, 732, 734
Клязьма (Клязма) – 151, 156, 467
Козельск – 153
Кок-Орда – 13, 16, 185, 186, 188–190, 236–240, 259, 260, 303, 311, 313–316, 319, 327, 331, 334, 336, 461, 463, 464, 561, 563–566, 690, 696–701, 703–705, 707, 710, 713, 714, 724, 732
Коломна – 149, 150, 720
Комания (страна Команов) – 16, 314, 502–505
Конийский султанат – 550, 629
Константинополь см. *Стамбул* – 39, 191, 217, 270, 277–281, 288–292, 294, 383, 388, 390, 393, 423, 503, 504, 508–511, 515, 517, 518, 547, 548, 556, 572, 588, 687
Конья – 630, 632–634
Копа – 389, 490
корейские государства – 3
Коренной юрт – 170, 358
Корея – 94, 140
Кострома – 151, 461, 464, 467, 468, 704, 720
Краков – 162, 512, 523–525
Краснодарский край – 557
Красносундюковское городище – 408
Красноярский район – 284
Красноярское городище – 216, 224
Красный Яр – 230, 272, 557, 574
края Баласагуна – 602
Крит – 289

- Крым (ал-Кирым) – 3–5, 10, 34, 39, 54, 55, 59, 61, 134, 156, 157, 167, 186, 191, 194, 199, 216, 231, 248, 249, 266, 268, 276, 278–280, 282, 283, 287–289, 291, 294, 300–302, 305–307, 309, 311, 312, 314, 316, 317, 331–333, 335, 336, 345–348, 378, 380, 388–394, 405, 410, 428, 433, 435–448, 491, 496, 501, 509, 526, 549, 550, 558, 573, 575–582, 585–590, 592–594, 602, 609, 611, 619–621, 623–625, 637, 640, 644, 647, 651, 652, 660, 663, 679, 685–687, 691, 694, 696–700, 704, 705, 707–709, 713, 716, 717, 721–723, 725–727, 731, 732, 734
- Крым ал-Джадид – 577
- Крымская автономная советская республика – 26
- крымские степи – 191, 550
- Крымский тумен – 317, 333, 438, 442, 443
- Крымский улус – 439, 440, 442, 445, 447, 448, 576
- Крымский юрт – 550
- Крымское предгорье – 581
- Крымское ханство – 5, 14, 16, 191, 229, 309, 326, 336, 360, 435, 437, 447, 527, 550, 654, 690, 728–730, 732, 734
- Кубань – 291, 389, 489, 490, 491, 591
- Кудымкарское городище – 482, 483
- Кума – 230–232, 489, 497
- Кумух – 168
- Куния-Уаз – 251
- Куния-Ургенч – 252–258
- Кура – 495, 496, 541, 543, 544, 546, 695
- Курай – 711
- Курск – 192
- Кучугурское городище – 443, 609, 621, 624, 625
- Кучугуры – 579, 585
- Кыласово городище – 483
- Кыпчак (Кипчак) – 140, 343, 344, 346, 347, 496, 573
- кыпчакская земля (кыпчакские земли, земли кыпчаков (кипчаков), Земля кыпчакская) – 75, 81, 346, 348, 543, 559, 560
- кыпчакская степь (кыпчакские степи) – 74, 92, 128, 170, 281, 343, 344, 550
- Кыпчакский улус – 295
- кыпчакский юрт – 361, 656, 657
- Кыпчакская (Кипчакская) долина – 504
- Кыпчакская (Кипчакская) Орда – 345
- Кыпчакское (Кипчакское) царство – 23, 343, 345, 346
- Кыргызский каганат – 71, 72
- Кыргызстан (Кыргызское государство) – 98, 125, 127, 128
- Кырк-Ера (Кырк-Ер, Кырк-йора, Киркир) см. *Чуфут-Кале* – 191, 389, 439, 442, 445, 447, 573, 581, 590, 726
- Лазовское городище – 555
- Ланьчжоу – 375
- Лапас – 216, 272, 570
- Латино-Иерусалимское королевство – 501
- Латинская империя – 270, 509, 572
- Ледовитый океан – 4
- Лигниц – 162, 163
- Литва – 331, 417, 422, 431, 433, 436, 446, 447, 518–523, 525–529, 661, 711, 715–717, 719, 721, 722, 725–727
- Литовская Русь – 527
- Литовское государство – 192
- Лоб-Нор – 126
- Лондон – 670
- Львов – 512, 521, 525, 726
- Люблин – 522
- Люблинская волость – 523–525
- Ляо – 67, 68, 70, 72, 91, 96, 114, 127, 556, 579
- Мавераннахр – 17, 45, 113, 128, 133, 174, 175, 182, 185, 257, 259, 415, 427, 444, 495, 530–534, 544, 585, 608, 629, 703, 709, 718, 724
- Магриб – 351, 648
- Маджар (Маджир) – 61, 112, 191, 192, 230–232, 271, 280, 287, 303, 305, 307, 371, 373, 383, 389, 391, 405, 489, 490, 576, 577, 579, 580, 585, 588, 592, 619, 621, 647, 649, 703, 712
- Маджар ал-Джадид – 303, 440
- Маджарское городище – 231, 619, 632
- Мазандаран – 128, 529, 708
- Мазандеран – 285, 381
- Македония – 512
- Малая Азия – 52, 56, 57, 279, 392, 423, 424, 500, 535, 537, 540, 550, 587, 622, 629, 631–635, 642, 729
- Малая Польша – 55, 523–525
- малоазиатские эмираты турок-сельджуков – 550
- малоазиатский регион – 501
- Малые Маджары – 230, 580
- Малый Ургенч – 573
- Малый Черемшан (М. Черемшан) – 144, 200, 201
- Мамаева Орда – 302, 303, 463, 464, 701, 704, 705
- мамлюкское государство – 342, 378, 547, 548
- Мамлюкское царство – 108
- Мангуп – 389, 439, 442–444, 581
- Мангытский юрт – 250
- Мангышлак – 75, 264, 315, 336
- Манкерман (Менг-Керман, Большой/Великий город) – 159
- Маньчжурия – 80, 94, 131, 170, 552, 686
- Марага (Мерага) – 423, 535, 540, 542, 543, 708
- марийские земли – 475
- Марокко – 351, 356, 549
- Матрега – 389, 490, 581, 591
- Махачкала – 498
- Медина – 39, 592, 598
- Мекка – 39, 226, 370, 375, 456, 484, 564, 592, 598, 606, 647
- Мерв – 634
- Меркитский улус (улус меркитов, меркитские земли) – 68, 72, 79, 94
- Месопотамия – 175, 535, 537, 587
- Мечетное городище – 573, 632
- Миздахкан – 371, 372
- Милан – 688
- Минусинская котловина – 133, 560
- Могулистан – 259, 657, 693, 707, 709, 724, 725, 734
- Мокша – 208, 453, 470, 471, 477–479, 482
- Молдавия – 303, 513, 575
- Молдавское княжество – 702
- Монголия – 35, 37, 41, 51, 52, 66–69, 75, 80, 86, 88–94, 96, 99, 107, 113, 125–127, 129, 131, 132, 138, 143, 157, 158, 160, 170, 174, 176, 259, 327, 330, 350, 354, 448, 500, 501, 561, 567, 568, 604, 647, 659
- монголо-татарские государства – 37
- Монгольская империя (Монгольская суперимперия, монгольские империи, империя монголов) – 5, 18, 25, 35, 36, 39, 40, 41, 43, 99, 107, 109, 112, 114, 115, 133, 141, 170, 172, 173, 175, 177, 182, 185, 188, 267, 277, 292, 311, 328, 329, 342,

- 343, 348, 350, 356, 357, 362, 376–379, 388, 435, 437, 449, 486, 488, 493, 498, 501, 504, 530, 531, 535, 536, 540, 545, 555, 556, 558, 561, 603, 604, 647, 649, 658, 659, 686, 688, 691, 732
- Монгольская Народная Республика (МНР) – 64
монгольская степь (монгольские степи) – 85, 328
Монгольский Алтай – 69, 560, 568
Монгольский улус – 72, 94, 129, 357, 358
Монгольское (монгольское) государство (монгольская держава, Монгольская сверхдержава, Монгольская супердержава, монгольские государства, государство монголов) – 3, 19, 25, 35, 45, 52, 68, 72, 73, 76, 84, 99, 102, 107, 110, 113, 126, 133, 170, 176, 179, 239, 272, 322, 334, 338, 340, 356–359, 365, 378, 487, 488, 531, 537, 548, 552, 553, 567, 575, 600, 657, 668, 731, 734
Монгольское царство – 176
Монкастро (Moncastro) см. *Ак-Керман* – 268, 437, 575, 579
Моравия – 162, 515, 554
Мордовия (Республика Мордовия) – 82, 208, 470, 702
Мордовские (мордовские) земли – 147, 156, 305, 471, 474, 475, 477, 479, 480, 482
Москва – 21, 33, 48–50, 150, 238, 250, 285, 333, 334, 364, 381, 382, 420, 424, 428–430, 433–435, 463–465, 467, 468, 470, 471, 476, 491, 613, 641, 687, 688, 706, 707, 714–716, 719–721, 725–727, 729
Московская Русь – 11, 14, 477, 527, 715
Московское великое княжество – 19, 194, 463, 470, 692, 719, 725, 727, 729
Московское государство (Московские земли) – 285, 432, 435, 730
Московское княжество – 7, 285, 465, 467, 475, 704, 725, 726
Московское царство – 728
Мохши (Мохша, Мухша) – 192, 208–210, 301, 303, 304, 385, 428, 452, 475, 477–482, 576, 577, 580, 612, 619, 625–627, 694, 700–702
Муганская степь – 494
Мултан – 131
Муром (Муромские земли) – 156, 482
Муротова Орда – 701
мусульманские государства – 643
мусульманские регионы – 114, 185
мусульманские страны – 38, 39, 177, 323, 600, 647, 649, 650, 661–665
Найманский улус (улус найманов) – 72, 73, 79, 88, 89, 94, 96, 124, 125, 375
Найманское ханство – 124
Наньшань – 89
Наровчат (Наручад, Наручадь, Нуручадь) – 192, 208, 385, 471, 475, 701
Наровчатское городище – 208, 271, 301, 408, 478, 481, 619, 626
Наручадская Орда – 210
Нахичевань (Нахичеван) – 55, 423, 547, 708
Нерчинск – 84
Нерчинский округ – 661
Нижегородское княжество (нижегородские земли) – 285, 467, 702
Нижне-Архызское городище – 581
нижневолжские степи – 371, 575
Нижневолжский регион – 620
Нижнее Поволжье – 3, 5, 12, 19, 27, 30, 47, 52, 59, 81, 82, 138, 140, 146, 154, 155, 172, 208, 215–217, 220, 221, 223, 225, 226, 230, 231, 245, 247, 248, 263, 264, 266, 267, 269, 277, 279, 281, 283–286, 299, 304, 305, 307, 308, 336, 345, 371, 373, 374, 388, 405–408, 431, 451, 459, 460, 463, 464, 470, 474, 483, 550, 557, 574, 577, 611, 617, 619, 620, 622, 629, 636, 638, 639, 640, 642, 660, 669, 671, 686, 693, 694, 700, 701, 703–705, 713, 717, 721, 725–727
Нижнее Поднепровье – 609, 686
Нижнее Подонье – 154
Нижнее Прикамье – 192, 472
Нижний Джулат – 230, 234–236, 581
Нижний Днепр – 303, 626, 627
Нижний Дон – 215
Нижний Дунай – 4, 172, 508, 512–514
Нижний Новгород – 82, 156, 433, 462, 464–468, 471, 477, 479, 685, 687, 702, 706, 719, 720
Нижняя Амударья – 186
Нижняя Волга – 58, 59, 137, 215, 266, 278, 279, 281, 286, 288, 304, 305, 332, 372, 647
Нижняя Кама – 192, 472, 647
Нижняя Клязьма – 156
Нижняя Сырдарья – 259, 724
Никейская империя – 381
Нил – 139, 424, 549, 648, 677
Новая Астрахань – 229
Новгород см. *Великий Новгород* – 153, 192, 279, 285, 385, 433, 481, 687, 715
Новгород-Северский – 157
Новгород Святополкский – 137
Новгородское княжество (новгородские земли) – 4, 154, 279
Новосибирское Приобье – 562–564
Новый Болгар – 208, 468
Новый Рим – 511
Новый Сарай – 215, 382, 383, 507, 570, 619, 652
Ногайское ханство – 514
Ногайская Орда (империя Ногая) – 14, 250, 360, 438, 576, 654, 729
Нуриджан см. *Наровчат* – 208–210, 301, 477, 481, 482
область Кэм – 86
область узбеков – 717
область уйгуров – 531
область Упин – 74
Обь – 69, 74, 79, 126, 172, 277, 563
огузское государство (огузские земли) – 74
Одер – 162
Ока – 149, 153, 156, 286, 470, 471, 477, 482, 726, 727
Онон – 3, 67, 84, 88
Орда – 7, 8, 10, 16, 17, 21, 26, 28, 30, 32, 33, 39, 115, 182, 191–194, 217, 219, 222, 236, 237, 244, 312, 314, 316, 319, 320, 333, 357, 365, 380–383, 411, 417, 422, 423, 432–436, 438, 440, 441, 443, 444, 449, 460–463, 467, 475, 482, 483, 505, 506, 519, 520, 525–527, 560, 577, 601, 614, 616, 617, 685, 686, 689, 691, 694, 695, 698, 701–703, 705–707, 712, 714, 715, 719–723, 725, 727
Орда (Орду) (кочевой центр) – 303, 305–307, 709
Орда-Базар – 229, 307, 576
Орду ал-Джадид (Орда ал-Джадид) – 306, 577, 707
Орду ал-Махруса (Орда ал-Махруса) – 577

- Орду ал-Му'аззам (Орда ал-Муаззам) – 249, 306, 577, 707
- Орхон – 68, 75, 84, 125, 568, 571
- Осетия – 173, 487
- Османская империя – 5, 550, 707, 711, 727, 728, 730
- Отрар – 93, 129, 131, 186, 239, 259–262, 280, 531, 579, 718
- Палестина – 39, 277, 423, 691
- Париж – 36, 38, 393, 678
- Пекин см. *Ханбалык* – 36, 91, 94, 132, 324, 338, 341, 378, 531, 660
- Пенза – 137
- Пензенская область – 208, 301, 407, 408
- Передний Восток – 54, 57, 197, 198
- Передняя Азия – 56, 137, 138, 309, 535, 538, 540, 633
- Переяславль – 48, 152, 156, 157, 706
- Переяславль-Залесский (Переяславль Залесский) – 151, 720
- Переяславль-Рязанский (Переяславль Рязанский) – 149, 465, 701, 720, 727
- Переяславское княжество – 156
- Пермская губерния – 282
- пермская земля – 476
- Пермский край – 473
- Пермское Предуралье – 483, 484
- Пермь – 473, 476
- Пермь Великая – 473, 476, 477
- Пермь Вычегодская – 473
- Персидский залив – 400, 535
- Персия – 40, 266, 285, 350, 377, 502, 537, 539
- Печора – 476
- плато Мангупа – 394
- плато Устюрт – 263, 283
- Пловдив – 509, 516
- поволжские земли – 281
- поволжские степи – 354, 364, 374
- Поволжский регион – 279, 296, 514, 671, 672, 676
- Поволжье – 4, 10, 12–16, 18, 26, 29, 30, 59, 60, 61, 75, 76, 80, 82, 112, 113, 137, 139, 140, 143, 146, 153, 155, 158, 172, 190, 192, 199, 210, 222, 225, 238, 239, 271, 272, 274, 275, 277–280, 282–286, 297, 299, 300, 303, 305, 306, 315, 346, 348, 363, 365, 366, 372, 373, 374, 375, 378, 380, 382, 387, 400, 402, 407, 448, 450, 451, 463, 464, 467, 471, 472, 483, 499, 500, 502, 554, 556, 559, 561, 562, 566, 567, 574, 575, 577, 579, 580, 586, 599, 600, 602, 606, 611, 613, 614, 629, 631, 632, 634, 637, 641, 643, 651, 660, 662, 669–672, 675, 676, 678, 679, 685, 686, 695, 699, 700–703, 706, 714, 721, 723–726, 731
- Поднепровье – 378, 521, 557, 567, 577, 585
- Поднепровье – 302, 406, 575, 577, 586
- Подол – 527
- Подолыя – 442, 724, 726
- Подольские земли – 442, 526
- Подонье – 81, 137, 139, 154, 155, 224, 315, 353, 382, 554, 558, 567, 577, 685, 726, 727
- Половецкая степь – 157, 346
- польское государство (польские земли) – 287, 519, 521
- Польское королевство – 160, 518, 519, 526
- Польско-Литовское государство – 390, 527, 528
- Польша – 51, 55, 131, 145, 160–165, 266, 287, 288, 293, 378, 388, 406, 409, 417, 422, 423, 431, 433, 500, 502, 503, 512, 518, 519, 521, 522, 525, 527–529, 647
- Понтийская степь – 292
- Понтийский регион – 288, 289, 292
- Поочье – 470, 479, 704, 726
- Посурская Булгария – 146, 159
- Посурье – 59, 81, 113, 146, 147, 156, 158, 192, 478, 558, 704
- Предволжские степи – 703
- Предволжье – 156, 406, 407, 453, 460
- Предгорный Дагестан – 497
- Предкавказская равнина – 497
- предкавказские степи – 166, 486
- Предкавказье – 156, 423, 557, 567, 580
- Предкамье – 205, 453, 460
- Предуралье – 470, 473, 482–484
- Приазовье – 134, 265, 271, 303, 389, 441, 448, 475, 575, 577, 581, 586, 697, 721
- Приамурье – 81, 406
- Приаралье – 27, 34, 61, 74, 75, 133, 190, 263, 264, 354, 355, 455, 566, 602, 606, 626, 713, 714, 722, 724
- приаральские степи – 74
- Прибайкалье – 455
- Прибалтика – 12, 279
- Прибалхашье – 264
- Приднепровье – 61, 134, 264, 315, 388, 455, 526, 619, 620
- Приднестровье – 59, 61, 513, 526, 609, 619, 625, 642, 699
- Придонье – 226
- Прииртышье – 75, 138, 172, 190, 192, 241, 263, 264, 354, 562, 564, 566
- прикавказские степи – 243
- Прикамье – 190, 201, 238, 264, 277, 463, 473, 484
- Прикаспий – 75
- прикаспийские степи – 74
- Прикаспийский Дагестан – 165, 166, 493, 494, 496–499
- прикубанские степи – 112
- Прикубанье (Прикубанские области) – 112, 398, 403, 472
- Прикумск – 61, 192, 489
- Примокшанье – 192, 208, 452, 462, 477–482
- Приморский Дагестан – 193
- Приморье – 555
- Приобье – 192, 483, 563
- Присарайская Орда – 507
- Приуралье – 12–15, 75, 76, 80, 140, 363, 470, 472, 550, 564, 606
- причерноморские степи – 4, 75, 80, 364, 502, 526, 550
- Причерноморье – 55, 56, 74, 213, 216, 271, 283, 387, 389, 441, 444, 450, 486, 602, 639, 691, 692, 696, 705, 713, 726
- Прут – 191, 282, 289, 422
- Пруто-Днепровское междуречье – 422
- Пруто-Днепровский регион – 575
- Пруто-Днепровское междуречье – 519, 574, 702
- Псков – 49, 192, 279, 687, 715, 725
- Пургасово городище – 471
- Путивль – 157, 720
- Пьяна – 462, 465, 475, 477, 479, 482, 702
- Редикарское городище – 483
- Республика Св. Георгия – 437
- Речь Посполитая – 403, 451, 528, 727

- Рим – 217, 377, 501, 648, 728
 Рича – 167, 168
 Родановское городище (Родановско-чепецкое городище) – 473
 Рождественское городище – 482, 483
 Российская Федерация – 3, 14, 15, 670
 Российское государство (Российская держава, Российская империя) – 3, 5, 14, 27, 728, 730, 734
 Россия – 5, 10, 12, 14, 20–23, 25–30, 32, 33, 57, 100, 210, 356, 357, 436, 482, 505, 618, 661, 667, 687, 718, 729, 730, 734
 Ростов – 48, 49, 151, 152, 476, 720
 Рубленное – 385
 Рум см. *Константинополь* – 174, 377, 388, 439, 449, 652
 Румские земли – 390
 Румыния – 300, 512
 Русские (русские) земли – 48, 49, 134, 157, 210, 382, 387, 450, 458, 465, 466, 469, 471, 475, 476, 480, 526, 527, 687, 688, 706, 715, 722, 728
 русские княжества – 7, 17, 19, 30, 33, 47, 48, 50, 82, 131, 148, 154, 172, 174, 182, 188, 192, 206, 207, 213, 238, 381, 396, 417, 432, 433, 436, 449, 460, 471, 504, 518, 526, 690, 699, 701, 702, 704, 715, 729
 русский улус – 706, 707
 Русское государство – 21, 385, 435, 436, 480
 Русь (Россия, Древняя Русь) – 6–8, 10–12, 16, 17, 19, 21, 26–28, 30–32, 47–49, 74, 82, 103, 107, 109, 116, 134, 135, 138, 140, 142, 143, 145–148, 150, 154–156, 160, 161, 163, 165, 167, 172, 173, 176, 182, 191, 192, 208, 212, 220, 238, 266, 271, 277, 280–282, 285–288, 313, 314, 324, 325, 338, 339, 345, 347, 362, 380–388, 390, 403, 406, 410, 417, 422, 428, 431–436, 449, 453, 461–463, 465–467, 470, 471, 473, 474, 477, 481, 482, 491, 500, 503, 519, 520, 525, 528, 552, 602, 613, 619, 647, 661, 664, 667, 682, 687–689, 694, 697, 701–704, 716, 719–721, 725–730
 Рыльск – 157
 Рязанское княжество (рязанская земля) – 147–149, 154, 210, 305, 470, 475, 702, 719
 Рязань – 81, 147–150, 210, 433, 434, 725
 Сайрам – 191, 240, 259, 260, 262, 315
 Саки – 291
 Саксин – 81, 82, 137–140, 146, 191, 215, 226, 347, 361, 449, 496, 538, 619, 656
 Самарканд – 25, 46, 54, 93, 102, 131, 132, 238, 239, 259, 309, 530–533, 547, 550, 569, 571, 629, 662, 709, 714, 724, 729
 Самаркандская область – 709
 Самарская Лука – 59, 81, 146, 385, 407, 408, 472, 478, 479, 481
 Сандомир – 162, 422, 429, 522–524
 Санкт-Петербург – 641
 Сарай – 8, 61, 107, 112, 172, 174, 175, 186, 189, 191, 194, 216–218, 222, 223, 225, 229, 231, 236, 238, 239, 242, 244, 245, 249, 250, 264, 265, 267, 278, 280, 281, 287, 295, 298–305, 307–309, 316, 317, 320, 333, 334, 336, 341, 345, 364, 368, 370, 371, 379–383, 390, 392, 394, 405, 407, 408, 433, 437, 439, 440, 442, 444–446, 450–452, 458, 460–465, 470, 487, 490, 491, 501, 509, 543, 547–550, 567, 568, 570, 572–577, 579, 580, 582, 585, 586, 589–594, 597, 600, 609–613, 615, 619, 621, 623–628, 632, 633, 636, 642, 648–651, 660, 672, 676–678, 686, 688, 691, 694, 696–700, 702–709, 711–714, 716–718, 721, 722, 727, 729, 732
 Сарай ал-Джадид (Новый Сарай, Новый Дворец) – 61, 215, 216, 218, 221, 287, 302–305, 307, 371, 384, 391, 405, 407, 440, 570, 574, 575, 577, 587, 589, 592, 594, 596, 600, 615, 619, 631, 641, 645, 693, 696, 698, 699, 701–704, 712, 713, 719
 Сарай ал-Махруса (Сарай Богохранимый, Дворец Богохранимый) – 215, 217, 301, 302, 367, 371, 557, 570, 577, 696
 Сарай-Бату (Сарай Бату) – 494, 645, 649
 Сарайчик (Сарайчикское городище) – 61, 215, 222, 245, 246, 249, 250, 305, 371, 372, 576, 578, 586, 619, 640
 Сарайчук (Сарайджук, Сарайчук) – 61, 215, 239, 244–250, 280, 281, 303, 307, 371, 577, 579, 592, 619, 704, 714, 722
 Саратов – 210, 215, 299, 641
 Саратовская область – 210, 214, 267
 Саровское городище – 471, 478
 Сары-Арка – 75
 Сары-су (Сарису) – 186, 240, 561
 Сауран – 186, 239, 259, 260, 262, 724
 Саяно-Алтай – 455, 560, 561
 Саяно-Алтайские горы – 3, 4, 13, 553
 Саяно-Алтайский регион – 731
 Саянские горы – 4
 Свердловская область – 241
 Свияга – 407, 408
 Святая земля – 51, 501
 Севастополь – 389
 Север – 150, 278, 281, 282, 314, 343, 344, 348, 436, 543
 Северная Африка – 39
 Северная Болгария – 508
 Северная Евразия – 62, 263–265, 327, 354, 398, 424, 431, 599, 600, 602, 611, 617, 619, 643
 Северная Европа – 216, 554
 Северная Индия – 448
 Северная Италия – 647
 Северная Корея – 94
 Северная Монголия – 75
 Северная Орда – 568
 Северная Осетия – 230, 580, 585
 Северное Предуралье – 483
 Северное Приазовье – 443
 Северное Приаралье – 61, 137
 Северное Причерноморье – 51, 55, 156, 157, 191, 283, 353, 389, 448, 472, 578, 617, 686, 692, 717
 Северное Средиземноморье – 691
 северные русские княжества – 160
 северные страны (северные земли) – 480, 560, 656, 716
 Северный Азербайджан – 193, 711
 Северный Дагестан – 493, 495, 496, 499
 Северный Иран – 165, 497, 498
 Северный Кавказ – 3, 5, 10, 12, 13, 54, 55, 61, 132, 134, 137, 154–156, 158, 165–168, 172, 188, 192, 230, 232, 235, 236, 238, 264, 266, 277, 282, 303, 315, 346, 371, 373, 380, 383, 388, 394, 399, 402, 405, 443, 448, 449, 489, 490, 493–495, 497–500, 555, 557, 574, 577, 582, 585, 586, 593, 594, 619–621, 625, 626, 660, 676, 703, 713

- Северный Казахстан – 371, 561, 564
Северный Китай – 3, 37, 80, 92, 93, 109, 116, 126, 130–132, 555
Северный Прикаспий – 619
Северный Хорасан – 276
Северный Хорезм – 315
Северо-Восточная Русь – 4, 7, 8, 14, 48, 146, 147, 153, 154, 207, 285, 333, 387, 406, 467, 520, 687, 720, 721
Северо-Восточное Причерноморье – 156
Северо-Восточные (северо-восточные) русские княжества – 192, 474, 702
Северо-Восточный Кавказ – 268, 388, 494, 496
Северо-Западная Азия – 61, 734
Северо-Западная Африка – 547
Северо-западная Евразия – 731, 733, 734
Северо-западная Индия – 94
Северо-западная Монголия – 560
Северо-Западное Причерноморье – 39, 448
Северо-Западные русские княжества – 192
Северо-Западный Дагестан – 498
Северо-Западный Кавказ – 166, 167, 485–492, 497
Северо-западный Казахстан – 244
Северо-западный Прикаспий – 165
северокавказские степи – 80, 488
Северо-Кавказский регион – 293
Северские земли – 527
Селенга – 68, 79, 125, 126, 568, 571
Селитренное городище – 61, 216, 217, 219–221, 225, 267, 271, 272, 274–276, 282–284, 286, 299, 367–371, 373, 379, 380, 383, 391, 394, 568, 570, 573, 574, 579, 580, 585, 609, 615, 619, 621, 623, 626, 632, 637, 648
сельджукские области – 454
сельджукские султанаты – 424
сельджукские эмираты – 550, 584
Семилукское городище – 147
Семиречье – 19, 93, 128, 172, 237, 259, 262, 530, 531, 533, 559, 566
Серая (Боз) Орда – 321
Сербия (Сербское государство) – 510, 515
Серенск – 157
Серпухов – 720
Сибирское ханство – 14, 724, 728, 732, 734
Сибирь – 10, 18, 54, 124, 125, 191, 192, 243, 246, 283, 372, 467, 528, 557, 647, 734
Сивас – 583, 632–634, 711
Силезия – 55, 162, 554
Синоп (Синополис, Сануб) – 278, 288
Синьцзян – 64
Синяя Орда см. *Кок-Орда* – 189, 237, 346, 704, 705
Сирийские земли – 542, 547
Сирия – 39, 197, 281, 287, 344, 351, 356, 378, 392, 501, 535–537, 545, 547–550, 587, 647, 691, 709
Систан – 128
Си-Ся – 3, 138
Сить – 150, 152, 153
Смоленск – 526, 687
Смоленское княжество – 154, 192
Солдайя см. *Судак* – 52, 191, 288–290, 294, 394, 442–444, 448, 450, 547, 581, 587, 590
Солхат см. *Старый Крым* – 191, 213, 271, 274, 280, 291, 294, 300, 317, 333, 389, 393–395, 436, 438–445, 447, 448, 450, 491, 509, 549, 556, 558, 573, 575, 576, 578, 579, 581–590, 592, 609, 621, 625
Солхатский тумен – 442
Средиземное море – 57, 279, 500, 535, 536
средиземноморские страны – 57
Средиземноморье – 62, 191, 194, 283, 287, 291, 292, 420, 437, 639, 692
Срединная Азия – 63
среднеазиатские области – 370
Средневожский регион – 208
Среднее Закамье – 460
Среднее Поволжье – 5, 34, 61, 146, 158, 194, 206, 208, 216, 264, 266, 269, 276, 277, 279, 283–286, 301, 305, 306, 345, 371, 400, 405, 407, 450–458, 460, 461, 464, 465, 468, 470–474, 477, 482, 483, 557, 562, 574, 595, 629, 634, 725
Среднее Подонье – 557, 726
Среднее Посурье – 477
Среднее Прииртышье – 237
Среднее Прикамье – 472
Среднее Примокшанье – 478
Средний Восток – 117, 120, 123, 213, 220, 272, 284, 403, 508, 562, 637, 639, 661, 663, 664, 687
Средний Днепр – 113
Средняя Азия – 3, 5, 10, 19, 25, 37, 39, 40, 43, 46, 54, 57, 69, 78, 92, 97, 111, 115, 116, 130–132, 170, 182, 197, 208, 216, 223, 239, 240, 242, 244, 245, 249, 250, 253, 256, 258, 278, 279, 288, 299, 309, 339, 343, 346, 347, 356, 364, 365, 373, 378, 387, 392, 396, 399, 424, 454, 457, 491, 493, 529–533, 562, 563, 565, 566, 574, 578, 579, 593, 595, 599, 602, 608, 617, 619, 620, 626, 629, 630, 632, 635–637, 639, 640, 647, 659, 662, 664, 669, 679, 693, 709, 710, 734
Средняя Волга – 192, 208, 281, 286, 472, 474, 497
Средняя Вятка – 471, 473, 475
Средняя Кама – 484
Средняя Сырдарья – 259
СССР – 3, 5, 6, 12, 14, 27, 29–32, 357, 391
Ставропольский край – 230, 489, 557
Стамбул – 66, 341, 547
Староалейкинское городище – 408
Староорхейское городище (Старый Орхей) см. *Шахр ал-Джадид* – 61, 273, 408, 575, 609, 615, 619, 621, 626, 699
Староянашевское городище – 408
Старый Билляр – 452
Старый Крым (Ал-Керим) см. *Эски-Крым* – 191, 392, 491, 550, 579, 589, 609
Старый Сарай – 370
Старый Свет – 28, 33, 35, 109, 199, 222, 420, 473
степи канглы – 77
степная Евразия – 553
степное Предкавказье – 557
степное Причерноморье – 726
Степной Алтай – 561, 562, 564
Степной Крым – 191, 264, 315
степь Курдаман – 544
страна Ас (асов, ясов) (Асут) см. *Алания* – 140, 437, 474, 552, 573
страна Баскарт – 484
страна болгар и сербов – 458
страна Казан – 332
страна киргизов, келаров и башкир – 67, 351, 356

- страна кыпчаков – 74, 346
 страна кыпчаков и канглы – 80, 560
 страна лакзов – 166
 «Страна Мрака» – 649, 652
 страна Мерим – 155, 157
 страна русских – 134, 135, 148, 159
 страна хазар – 388
 страна черкесов – 390
 Сувар – 452
 Суварское городище – 282
 Сугдея (Сугдейя, Сугдая, Сурож) – 191, 437, 438, 440, 509
 Судак (Сугдак) см. *Сугдея, Солдайя* – 134, 157, 191, 265, 268, 271, 278–280, 288, 314, 344, 437–439, 442, 547, 573, 587
 Судакские степи – 344
 Суздаль (Суждаль) – 49, 146, 148, 150–152, 687, 702, 706
 Суздальское (Суждальское) княжество (суздальские земли) – 159, 279, 482
 Суздальско-Нижегородское княжество – 286
 Сура – 82, 146, 192, 208, 209, 470, 471, 478, 554, 702, 720
 Сурско-Окское междуречье – 82, 154, 156, 463, 477, 478, 482
 Сурско-Свияжское междуречье – 192
 Сухуми – 389
 Сучжоу – 67, 94, 375
 Сучжоуское уйгурское ханство – 67
 Сыгнак – 93, 131, 186, 191, 237–240, 249, 259, 260, 262, 303, 315, 577, 672, 713, 724, 725
 Сыр – 186, 240, 311, 314
 Сыра-Орда – 568, 569
 сырдарьинский регион – 260
 Сырдарья – 4, 74, 76, 77, 131, 133, 186, 237, 239, 240, 247, 250, 259, 264, 280, 307, 315, 345, 529, 530, 532, 561, 565, 566, 596
 Табриз (Тебриз, Тавриз) – 42, 193, 414, 416, 423, 430, 497, 501, 535, 539, 540, 542, 543, 546, 547, 695, 708
 Тавалиси – 39
 Таврика – 60, 191, 437–439, 575, 582
 «Тайбугин юрт» – 331
 Талас – 4, 19, 108, 239, 242, 259, 338, 531
 Таласская долина – 262, 532, 555
 Таманский полуостров – 489, 490
 Тамань – 290, 387, 389, 490, 581, 588
 Тана см. *Азак* – 192, 269, 279, 280, 285–287, 289, 291–294, 301, 307, 391, 407, 414, 415, 441, 442, 444, 446, 448, 491, 567, 575, 579, 586, 588, 591, 687, 691, 721, 722
 Тангут – 89, 113, 123, 141, 144
 Тангутское (тангутское) государство (государство тангутов, царство тангутов) – 3, 67, 70, 89, 94, 126–128, 130, 138
 Тарбагатай – 263, 559
 ТАССР (Татарская Автономная Советская Республика) – 12, 14, 26
 Татария (Тарталия) – 6, 16, 147, 311, 347, 550, 708, 716, 718
 Татарские государства (татарское государство, татарская держава, государство татар, татарская империя, татарские страны, татарские земли) – 14, 16, 32, 33, 278, 324, 325, 343, 344, 348, 350, 356, 359, 362, 364, 458, 463, 466, 508, 510, 608, 618, 658, 661, 702, 706, 712, 715, 725, 731, 732
 татарские ханства – 19, 25, 35, 50, 183, 322, 526, 617, 658, 661, 663, 665, 707, 723, 725, 728
 Татарский (татарский) улус – 72, 94, 96, 125
 «татарский юрт» – 7, 14
 Татарстан (Республика Татарстан, РТ) – 15, 29, 32, 202, 214, 265, 269, 296–300, 307, 451, 452, 484, 485, 624, 670, 709
 Ташкент – 259, 678, 709
 Тверское княжество (тверская земля) – 286, 719
 Тверь – 48, 49, 151–153, 433, 464, 719
 Терек – 229, 232, 235, 236, 238, 419, 425, 428, 445, 493–498, 508, 541, 542, 711
 Терекское городище – 230
 Терки Этиль – 493, 494
 Термез – 93, 131, 268, 533
 Терское городище – 581
 Терско-Сулакское междуречье – 581
 Теша – 209, 471, 477–479, 481
 Тибет – 64, 94, 140, 404
 Тигашевское городище – 408
 Тимуридское государство (государство Тимуридов, империя Тимуридов) – 258, 284, 446
 Тифлис – 173, 543
 Тихий океан – 4, 109, 400
 Тобол – 724
 Тобольск – 560
 Тола – 68, 75, 85, 86, 568
 Торжок – 152, 153
 Трансильвания – 266, 523
 Трапезунд – 249, 278, 289, 291, 395
 Трапезундская империя – 284, 286
 Триполи – 38, 502
 Туапсе – 489
 Тува – 12, 170, 553, 560
 Тула – 192
 Тура – 450, 724
 Тургайская степь – 133
 Туркестан – 25, 112, 127, 174, 260, 261, 345, 449, 530–533, 571, 596, 709
 Туркменистан – 252, 253, 255, 256
 Туркменский эмират – 711
 Турфан (Турфанское княжество) – 89, 376
 Турция – 25, 40, 404, 451, 661, 679, 725, 727
 Тырново – 510, 511, 513–516, 518
 Тырновское царство – 512
 Тюменское ханство – 724
 Тюмень – 724
 тюрко-монгольские государства – 17, 37, 410
 тюрко-татарские (тюрко-татарские) государства – 25, 335
 тюрко-татарские ханства – 322, 656, 734
 тюркское государство (тюркские государства) – 317, 362, 471, 550, 599, 617, 658, 730
 Тюркский каганат (тюркские каганаты) – 64, 70, 98, 323
 Тянь-Шань (Тянь-Шанские горы) – 4, 263, 566
 Увек (Увекское городище) – 61, 210–214, 271, 283, 384–387, 408, 483, 573, 615, 619, 632
 Углич – 151
 Угра – 432, 720, 727
 Угры – 157, 519

- Удмуртия – 472, 473
 Узбекистан (Узбекская ССР) – 532, 533, 670, 679
 Узбекский Улус – 239, 240, 714, 722, 729
 Узбекское (Шибанидское) ханство – 360, 654, 724, 729
 Уйгурский каганат (Уйгурское государство, уйгурские государства) – 69–71, 98, 126, 127, 323, 375
 Укек (Укак) – 61, 191, 210–215, 218, 265, 269, 272, 273, 275, 276, 281–283, 287, 295, 299–301, 307, 347, 350, 371, 380, 382–384, 386, 405, 407, 428, 431, 438, 450, 481, 573, 576, 579, 580, 584–586, 588, 591, 600, 615, 619, 631, 641, 692
 Украина (Україна) – 432, 442, 526
 Улуг ал-Джадид – 307
 Улуг Улус (Улуг Орду) см. *Большая Орда, Великий Улус* – 16, 19, 236, 357–359, 446, 707, 726–728
 Улус ал-Джадид – 577
 Улус ильханов Хулагуидов – 729
 улус керейтский (улус керейтов) – 72, 76
 Улус Джучи (Джучиев Улус) см. *Золотая Орда* – 1, 3–5, 11–23, 25–27, 29–36, 40, 48, 50–57, 59–62, 106, 108, 110–112, 133, 137, 138, 140, 160, 169, 170, 172–174, 176, 177, 180–183, 185, 187–194, 198, 199, 205–207, 210, 211, 214–216, 218, 220–222, 224, 225, 229–233, 237–242, 244, 245, 249, 250, 253, 254, 258–260, 262–268, 270–272, 274, 277–282, 284–289, 291–295, 298, 300, 301, 303, 305, 307–315, 318, 319, 321–327, 329–336, 338–348, 351–362, 364, 365, 367, 370–379, 388–390, 392, 396–401, 404–411, 413–420, 422–424, 428–436, 441, 444, 446, 448–455, 457–461, 463, 465–470, 475, 480, 482–484, 487–493, 498, 500, 501, 503, 508–511, 514, 518–520, 522, 523, 525–529, 531, 532, 536–538, 540–542, 544–550, 552, 556, 558, 559, 561, 564, 567, 573, 574, 576, 579, 589, 591, 593–596, 598–602, 604–621, 624, 626, 628, 632, 635, 636, 640–663, 675, 677, 678, 680–688, 691–695, 697, 699–707, 712–714, 716–719, 721–734
 Улус Узбека – 16, 331, 342, 343, 609
 Улус Хулагу (Улус Хулагуидов) – 4, 175, 181, 185, 188, 493, 496, 540, 548, 659, 734
 Улус Чагатай (Улус Чагатаидов) – 4, 17, 173, 181, 185, 188, 239, 259, 338, 364, 378, 530, 532, 533, 659, 734
 Урал – 4, 77, 186, 237, 239, 240, 345, 484, 552, 557, 560
 Урал река (Улусу) см. *Яик* – 74, 133, 185, 189, 215, 237, 240, 245, 246, 271, 281, 303, 315, 345, 514, 578, 619, 722
 урало-казахстанские степи – 240, 241
 Урало-Поволжье – 484
 уральская степь – 240
 Уральские горы – 75, 263, 264, 562
 Ургенч (Гурганч, Гургандж, Джурджания) – 131, 186, 194, 250, 253, 254, 256–258, 280, 281, 287, 315, 361, 377, 431, 483, 502, 529, 532, 573, 576, 591, 596, 604, 609, 620–622, 630, 650, 656, 691, 721
 Урмия – 535
 Урус – 138
 «урусханов юрт» («юрт Урус-хана») – 238, 464
 Устюг – 476
 Фанагория – 387
 Феодоро (княжество Феодоро) см. *Мангун* – 439, 442, 443
 Феодосия см. *Кафа* – 191, 290, 547
 Фергана – 531
 Фракия – 290, 293, 508, 512, 516–518
 Франция – 52, 55, 292, 376, 501
 Хаджи-Тархан (Гаджи-Тархан) – 215, 216, 225, 226, 228–230, 238, 249, 280, 281, 287, 305–309, 407, 443, 464, 490, 576, 577, 580, 619, 686, 696, 702, 704, 705, 708, 712, 719, 722, 724
 Хазар (Хазария) – 347, 361, 372, 505, 602, 656
 Хазарский каганат – 112, 388, 390
 Хазарское море – 498
 Хакасия – 170
 Хакаско-Минусинская котловина – 553
 Халха – 65–69, 72, 88, 89, 125, 127, 132
 Хамидиевское городище – 230
 Ханбалык см. *Пекин* – 36, 53, 55, 194, 242, 338, 341, 378, 501, 660, 691, 732
 Хангайские горы – 68
 ханство Чагатаидов – 690
 Хан-Тюбе – 229, 367, 371, 372
 Херсон – 395, 439, 448, 581, 582
 Херсонес (Сары-Керман) – 437
 Хивинское ханство – 46, 730
 Хирхинское городище – 116, 569
 Хорасан – 17, 41, 128, 131, 133, 170, 173, 174, 247, 257, 317, 356, 377, 416, 493, 529, 540, 541, 546, 569, 651, 709
 Хорезм (Харезм) – 4, 5, 18, 46, 47, 74, 76, 78, 80, 113, 128, 132, 133, 137, 171, 172, 185, 186, 190, 191, 199, 216, 217, 223, 239, 245, 247–251, 253, 254, 257, 258, 266, 268, 271, 276, 277, 280, 281, 283, 299–308, 316, 317, 321, 332, 334, 345–348, 361, 367, 370–372, 377, 390, 397, 405, 410, 431, 433, 435, 444, 449, 454, 529, 531–533, 538, 559, 569, 573, 576, 577, 586, 589, 591–594, 596, 598, 602, 604, 606, 608, 611, 612, 617, 619, 620, 626, 629, 635, 644, 649–651, 656, 660, 661, 669, 670, 678, 685, 694, 696, 698, 701, 708–710, 718, 721, 722, 724, 730
 Хорезмская империя – 116
 Хорезмские (харезмийские) земли (хорезмийские области) – 171, 372, 543
 Хуанхэ – 90–92, 94, 128
 Хулагуидское государство (государство Хулагу, государство Хулагуидов, держава Хулагуидов) см. *Улус Хулагу* – 279, 284, 344, 490, 493, 495, 496, 498, 499, 529, 533, 534, 537, 538, 541, 547, 550, 605, 657
 Хулуньчи – 65
 Хус-Ордо – 127
 Хэланьшань – 89
 Царевское городище см. *Сарай ал-Джадид* – 61, 216, 218, 220–222, 224, 225, 268, 271, 273–276, 282–284, 302, 306, 371, 373, 382, 384, 391, 408, 483, 557, 570, 573, 580, 591, 615, 619, 645, 646, 648
 царство Каанское – 342
 царство татар – 16
 Центральная Азия – 3, 17, 37, 39, 40, 46, 52, 54, 55, 62, 64, 65, 67, 69, 70, 73, 75, 78, 79, 86, 91, 97–99, 102, 109–111, 116, 122, 163, 165, 188, 241, 310, 321, 324, 328, 329, 339, 351–353, 364, 365, 388, 396, 397, 410, 437, 447, 503, 552, 557, 558,

- 568, 569, 571, 578, 579, 602, 616, 655, 659, 686–688, 690, 728, 732–734
- Центральная Европа – 39, 54, 112, 172, 422, 525, 554, 561
- Центральная Монголия – 66
- Центральная Русь – 421
- центральноазиатские государства – 98, 130
- центральноазиатские степи – 112
- Центральное Предкавказье – 167, 496, 498
- Центральный (горный) Дагестан – 497, 498
- Центральный Кавказ – 485–490, 492, 497
- Центральный Казахстан – 186, 559, 561, 564
- Цзинь – 70, 72, 79, 80, 86, 89–94, 125, 126, 128, 130–132, 552, 555, 556
- Цзюйлунь – 64, 65
- Цна – 192, 209, 482
- Чагатайское государство (Чагатайское государство, государство Чагатаидов) – 259, 529, 532–534, 657
- Чагатайский улус (Чагатаев улус) см. *Улус Чагатая* – 174, 530–534, 732
- Чебоксары – 273
- Челябинская область – 241
- Чепецкое городище (Чепецко-родановское городище) – 473, 483
- Чепца – 59, 460, 472, 473, 483
- Черемшан – 201, 460
- Черкес – 138, 332
- Черкессия – 54, 486
- Черная Русь – 521
- Чернигов – 156, 157, 450, 687
- Черниговское княжество (черниговская земля) – 154, 156, 157, 160
- Черное море – 16, 55, 57, 130, 191, 263, 287–293, 487, 489, 517, 540, 647
- Черноморский бассейн – 289
- черноморский регион – 287
- черноморско-средиземноморский бассейн – 34
- Чечня – 495, 497
- чжурчженское государство (государство, держава, империя чжурчженей) – 3, 70, 80, 86, 89, 90, 98, 125, 126, 130
- Чингизидские государства (государство (государства) Чингизидов, держава Чингизидов, империя Чингизидов) – 17, 25, 32, 33, 83, 89, 111, 158, 311, 312, 329, 342–344, 348–350, 355, 397, 417, 424, 431, 518, 534, 659, 664
- Чистополь – 202, 206
- Читинская область – 87
- Чу (Чуй) – 77, 125, 127, 132, 186, 239, 531
- Чувашия (Чувашская АССР) – 298, 471
- Чувбезднинское городище – 408
- Чуйская долина – 262
- Чуй-су – 240
- Чулыма – 560
- Чулыман (Чулман) – 191, 192, 460, 647
- Чуфут-Кале см. *Кырк-Ера* – 191, 389, 440, 588
- Шайгинское городище – 556
- Шайо – 163
- Шахи гора – 535
- Шахр ал-Джадид (Янги-Шахр, Новый Город) см. *Староорхейское городище* – 61, 302, 304, 443, 574, 576, 577, 615, 619, 624, 625, 699
- Шахрлик – 252
- Шачжоу – 89, 375
- Ширван – 133, 166, 167, 191, 493–498, 539, 541–543, 546, 709
- Эдзин-Гол – 66, 94
- Эльбрус (Эльбурз) – 491
- Эски-Кермен – 395, 439, 581
- Эски-Крым см. *Старый Крым* – 393, 395, 582, 588, 592
- Юань (Юаньская империя, империя Юань, Улус Великого хана) – 4, 36, 37, 53, 173, 363, 375, 378, 410, 548, 566, 609, 659, 729, 732, 734
- Юг – 436
- Юг река – 476
- Юго-Восточная Азия – 53, 324
- Юго-Восточная Европа – 4, 422
- Юго-Восточный Казахстан – 172, 186, 259
- Юго-Восточный Крым – 309, 392, 438
- Юго-западная Маньчжурия – 67
- Юго-Западная Русь – 422, 519
- Юго-Западная Сибирь – 189
- Юго-Западный Крым – 271
- Южная Европа – 216
- Южная Орда – 568
- Южная Русь – 48, 157, 158, 388, 406, 422, 519, 526, 527, 529, 699, 702, 716, 722
- Южная Сибирь – 3, 4, 13, 113, 124, 126, 170, 241, 264, 553, 554, 557, 558
- Южная Сун – 90, 92, 132, 140, 176
- Южное Приаралье – 371, 406
- Южное Приуралье – 144, 192, 224, 240, 315, 485
- южнорусская равнина – 345
- южнорусские земли – 406, 522, 525, 526
- южнорусские княжества (южные русские княжества) – 4, 156, 192, 417, 525, 526
- южнорусские степи – 5, 112, 346, 373
- южносибирский регион – 170
- южноудмуртские земли – 475
- южноуральские степи – 244, 264
- Южные Карпаты – 516
- южные степи – 345, 590
- южные страны – 662
- Южный Азербайджан – 695, 708
- Южный Алтай – 530
- Южный Буг – 526
- Южный Дагестан – 167, 493, 495, 496, 498, 499
- Южный Казахстан – 259, 260
- Южный Китай – 109, 132, 176
- Южный Крым – 613
- Южный Урал – 74, 75, 138, 140, 244, 263, 264, 355, 356, 559, 585, 603, 605, 625, 626
- Юйлиболи – 74, 75
- Юрьев – 151, 152
- Яик (Джаик) см. *Урал река* – 74, 112, 133, 139, 140, 172, 185, 186, 189, 190, 237, 240, 245–247, 250, 314–316, 504, 505, 514, 656
- Янгикент (Янгикенд) – 131, 260, 307
- Янгишахр – 442
- Япония – 53
- Японское море – 3
- Яркенд – 191
- Ярославль – 150–152

Список иллюстраций, карто-схем и таблиц

Изображение зверств монголов из иллюстрированной хроники Матфея Парижского. XIII в. ..9	Мужской и женский костюмы состоятельных монголов XIII в. Реконструкция М.В.Горелика71
И.Глазунов. Триптих «Куликовская битва: Временный перевес татар». 1980 г.13	Кимакский (1), кыргызский (2) и кыпчакский (3) всадники. Реконструкция М.В.Горелика76
Карта Улуса Джучи. Автор И.Л.Измайлов18	Чингиз-хан. Акварель по шелку. Китай. XV в.85
Могила И.Хаммер-Пургшталя20	Сражение. Миниатюра. Иран. XIV в.87
С.М.Соловьев21	Провозглашение Чингиз-хана верховным правителем Монголии. Миниатюра. Иран. XIV в.90
В.О.Ключевский21	Чингиз-хан в битве. Миниатюра. Иран. 1397–98 г.92
И.Н.Березин23	Монгольское войско. Миниатюра. Иран. 1301–1314 гг.93
В.Г.Тизенгаузен23	Монгольский всадник XIII в. Реконструкция М.В.Горелика113
В.В.Бартольд24	Монгольский конный латник XIII в. Реконструкция М.В.Горелика118
Ш.Марджани24	Доспехи монгольских воинов по иранским миниатюрам. XIII–XIV вв.121
Р.Фахретдинов26	Находки из мужского погребения могильника Олень-Колодезь. Вторая половина XIII в. (по К.Ю.Ефимову)123
Г.Губайдуллин26	Сцена преследования. Миниатюра. Иран. Начало XIV в.127
Х.Атласи26	Монгольское войско осаждает город. Миниатюра. Иран. 1301–1314 гг.130
Г.В.Вернадский27	Проповедь Чингиз-хана в Бухаре. Миниатюра. Иран. 1397/98 г.130
А.Ю.Якубовский27	Монгольское войско преследует неприятеля. Миниатюра. Иран. 1301–1314 гг.132
Р.Груссе29	Битва русских войск с монголами. Миниатюра. Лицевой летописный свод XVI в.134
Б.Шпулер29	Золотоордынский военачальник. Реконструкция М.В.Горелика136
А.Х.Халиков31	Монголы ведут обстрел города из манджаника (каменемета) и луков. Миниатюра. Иран. 1301–1314 гг.141
Г.А.Федоров-Давыдов31	Монголы атакуют город. Миниатюра. Иран. 1301–1314 гг.141
А.П.Смирнов31	Бату-хан сжигает Рязань. Миниатюра. Лицевой летописный свод XVI в.149
Л.Н.Гумилев32	Захват Владимира. Миниатюра. Лицевой летописный свод XVI в.151
Х.Гёкеньян32	Взятие Суздаля. Миниатюра. Лицевой летописный свод XVI в.151
Всадник и лошадь. Фрагмент картины «Остановка татарской кавалерии». Живопись на шелке. XIII в. Китай. Династия Юань. Музей Гиме, Париж36	Штурм Козельска. Миниатюра. Лицевой летописный свод XVI в.153
Султан Улджайту на троне. Иллюстрация к рукописи Рашид ад-Дина. Делийский султанат42	Разорение русской земли. Миниатюра. Лицевой летописный свод XVI в.157
Выезд монгольского султана. Миниатюра. Иран. Начало XIV в.43	Битва при Лигнице. Миниатюра. Западная Европа. XIII в.162
Султан Газан-хан поручает везиру Рашид ад-Дину составление «Сборника летописей». Иллюстрация к рукописи Рашид ад-Дина. Делийский султанат43	Битва на р. Шайо. Миниатюра. Западная Европа. XIII в.163
Заставка к книге Шариф ад-Дина Али Йезди «Зафар-наме» / «Книга побед». 1620-е гг. Мавераннахр45	Монголы преследуют короля Белу IV. Миниатюра. Венгрия164
Избрание Гуюка великим кааном. Гравюра к первому изданию книги В.Рубрука. 1735 г. ..52	
Повозки татар. Гравюра к первому изданию книги В.Рубрука. 1735 г.53	
Портолан братьев Пицигани. 1367 г.58	
Надгробие из Болгара. 1309 г.60	
Кувшин со штампованным орнаментом. Сарай. XIV в.61	
Чаши с росписью. XIII–XIV вв. Улус Джучи (по Г.А.Федорову-Давыдову)62	
Загонная охота. Миниатюра. Иран. XIV в.65	
Мифические предки Чингиз-хана. Из тимуридской летописи XV в. Музей Топкапы, Стамбул66	
Татары по китайским миниатюрам XIII–XIV вв. (по М.В.Горелику)68	

Чингиз-хан с сыновьями. Миниатюра. Иран. XIV в.	171	Орудия труда и бытовые предметы. XIII–XIV вв. Царевское городище (по Г.А.Федорову- Давыдову, И.С.Вайнеру, Т.В.Гусевой)	221
Церемония при ханском дворе. Миниатюра. Иран. XIV в.	174	Чаша с полихромной росписью и рельефом под прозрачной поливой. Кашин. Сарай. XIII–XIV вв. (прорисовка Н.Ф.Лисовой)	222
Двор оплакивает смерть Мунке-каана. Иллюстрация к рукописи Рашид ад-Дина. Делийский султанат	175	Архитектурный изразец с персидской надписью. XIV в. Сарай	223
Чингиз-хан и четыре его сына. Иллюстрация к рукописи Рашид ад-Дина. Делийский султанат	179	Посуда с полихромной росписью и рельефом под прозрачной поливой. Сарай. XIII–XIV вв. (по Н.М.Булатову)	224
Мужской и женский костюмы состоятельных татар XIV в. Реконструкция М.В.Горелика	184	Дом третьего периода (1340–1390-е гг.)	228
Ханский шатер. Миниатюра. Иран. 1301–1314 гг.	193	Фрагмент алебастрового надгробия. XIV в.	229
План города Болгар (по Т.А.Хлебниковой)	195	План общественной бани. Маджар. Раскопки Э.Д.Зиливинской	231
Вид на центральную часть Болгарского городища	196	Баня в процессе исследования. Маджар. Раскопки Э.Д.Зиливинской	232
Поясная накладка. XIII в. Бронза. Болгар. БГИАЗ	197	Татаргупский минарет (по О.В.Милорадович)	233
Хум для хранения воды и зерна. XIII–XIV вв. Болгар. БГИАЗ	199	План Большой мечети Верхнего Джулата (по О.В.Милорадович)	234
План Билярского III селища	201	План малой мечети Верхнего Джулата (по О.В.Милорадович)	234
Кувшин со штампованным орнаментом. XIII–XIV вв. Билярское III селище	201	План мечети Нижнего Джулата	234
Сосуд с ультрамариновой и бирюзовой глазурью. Билярское III селище. Билярский музей-заповедник	202	Подземный склеп-мавзолей Нижнего Джулата. План	235
План Джукетаусского городища	203	Подземный склеп-мавзолей Нижнего Джулата. Реконструкция	235
Археологические материалы из Донауровского II селища. Раскопки Н.Г.Набиуллина	204	Хан и его двор. Миниатюра. Иран. XVI в.	242
Керамика типа «джукетау» из раскопок	204	План Сарайчикского городища	245
Золотые браслеты из Джукетаусского клада	205	Фрагмент керамики со штампованным орнаментом. Сарайчук	247
План Казани. Распространение культурных слоев средневекового города	206	Бытовые изделия из кости. Сарайчук	248
Круговая гончарная посуда. XII–XIV вв. Казань	207	Бытовые предметы из железа. Сарайчук	248
План Мохши (Нуридждана) (по Г.Н.Белорыбкину)	209	Костяные «коньки». Сарайчук	249
Бытовые предметы из археологических раскопок. Нуридждан	210	Поселения Куны-Уаз I и Куны-Уаз II (по Е.Е.Неразик)	251
План Увекского городища	211	Поселение Акча-Гелин I (по Е.Е.Неразик)	252
Дирхем хана Токты. Ок. 706–707 г.г. (1306–1308 гг.).	212	Керамика из поселений Хорезма (по Е.Е.Неразик)	253
Бронзовая крышка сосуда с серебряной инкрустацией и благожелательной надписью. Уек	212	План городища Куны-Ургенч	254
Зеркала золотоордынского производства. Бронза. Уек. XIII–XIV вв.	213	Хорезм-баг. Участок стены	254
Предметы вооружения. Уек. XIII–XIV вв. НМ РТ (по И.Л.Измайлову, Л.Ф.Недашковскому)	214	Куны-Ургенч. Минарет Кутлуг-Тимура	255
Планы городищ Улуса Джучи (по Г.А.Федорову-Давыдову)	216	Куны-Ургенч. Мавзолей Тюрабек-ханым	255
План дома. Царевское городище. XIV в.	218	Куны-Ургенч. Мавзолей Наджм ад-Дина Кубра. Северный фасад и план (по И.И.Ноткину)	257
Фрагмент камня с резным орнаментом. Селитренное городище. XIV в. Раскопки А.А.Бурханова	219	Куны-Ургенч. Мавзолей Наджм ад-Дина Кубра. Надгробие. Фото 1938 г.	258
		Куны-Ургенч. Мавзолей Наджм ад-Дина Кубра. XIV в. Изразцовые фрагменты облицовки надгробия (по И.И.Ноткину)	258
		Городище Антоновка. Фотография усадьбы богатого человека	260
		Городище Антоновка. План усадьбы богатого человека	260
		Городище Антоновка. План мечети	261

Керамика городищ Ток-кала, Куюк-кала261	Ханский двор в белых одеждах отмечает праздник Нового года. Миниатюра. Иран. Около 1330 г. Музей Топкапы, Стамбул341
Подковывание лошади. Монгольский ветеринарный манускрипт. XVIII в.264	Поясной набор. Укек. XIII в. (по Л.Ф.Недашковскому)350
Стремена. Железо. Укек. XIII–XIV вв. НМ РТ (по И.Л.Измайлову, Л.Ф.Недашковскому) ...265	Находки из женского погребения могильника Олень-Колодезь. Вторая половина XIII в. (по К.Ю.Ефимову)352
Ручная мельница и наральники. Болгар. XIII–XIV вв. БГИАЗ267	Погребение воина. Южный Урал. Начало XIV в. (по В.А.Иванову)355
Земледельческие орудия и предметы быта. Царевское городище XIII–XIV вв. (по Г.А.Федорову-Давыдову, И.С.Вайнеру, Т.В.Гусевой)268	Погребение из кургана Глявгуловского могильника. Южный Урал. Конец XIII – начало XIV в. (по В.А.Иванову)356
Топоры. Укек. XIII–XIV вв. НМ РТ269	Чиновник и воин. Рисунок по шелку. Империя Юань (1271–1368 гг.)363
Посуда. Укек. XIII–XIV вв. (по Л.Ф.Недашковскому)272	Реконструкция лица по черепу мужчины из некрополя Водянского городища. Работа Л.Т.Яблонского369
Орудия труда. Укек. XIII–XIV вв. (по Л.Ф.Недашковскому)273	Реконструкция лица по черепу мужчины из некрополя Селитренного городища. Работа Л.Т.Яблонского369
Стекланные изделия. Поволжье. XIII–XIV вв. (по Н.Н.Бусятской)274	Мужчина из некрополя Селитренного городища. Работа Л.Т.Яблонского369
Стекланные бусы. Поволжье. XIII–XIV вв. (по Н.Н.Бусятской)275	Мужчина из некрополя Селитренного городища. Работа Л.Т.Яблонского373
Литейные формы для отливки украшений. Укек. XIII–XIV вв. (по Л.Ф.Недашковскому)276	Мужчина из Царевского городища. Работа Л.Т.Яблонского373
Способы переправы татар через реку. Гравюра к первому изданию книги В.Рубрука. 1735 г.278	Соотношение европеоидного (1) и монголоидного (2) компонентов митохондриального генофонда популяций Волго-Уральского региона374
Фрагменты ткани из гробницы кондотьера Кангранде (Верона), умершего в 1329 г.280	Реконструкция лица по черепу мужчины из некрополя Болгар. Работа Л.Т.Яблонского ..375
Двуручный кувшин. Укек. XIII–XIV вв. ГИМ282	Уйгурский правитель. Фреска. Восточный Туркестан. IX в.377
Фрагменты поливной керамики с подглазурной орнаментацией в технике сграффито. Укек. XIII–XIV вв. НМ РТ283	Каменная иконка святителей (?). Болгар. XIII в. (по Т.В.Николаевой)380
Бронзовый иранский кувшин. Болгар. XIV в. БГИАЗ (по В.С.Баранову)284	Бронзовая иконка с изображением святых Кирика и Иулитты. Округа Укека (по Л.Ф.Недашковскому)382
Карта Анжелино Дульчерта 1339 г.290	Каменная иконка св. Николы. Укек. XII–XIV вв. (по Т.В.Николаевой)383
Серебряные и медные монеты. Болгар. XIII в. НМ РТ296	Детали хоросов. Укек. XIV в. (по М.Д.Полубояриновой)384
Дирхемы. Чекан Биляра. XIII в. (по А.З.Сингауллиной)298	Русская керамика. Укек. XIII–XIV вв. (по Л.Ф.Недашковскому)386
Дирхемы. Серебро. Болгар. XIII в. НМ РТ299	Армянское надгробие. Крым. XIV в. ГЭ391
Дирхемы. Серебро. Хорезм. XIII в. НМ РТ300	Армянское надгробие. Болгар. Середина XIV в. БГИАЗ392
Дирхемы хана Токтамыша. Серебро. Азак, Орда ал-Муаззам, Орда ал-Джадид, Орда, Крым (по Г.А.Федорову-Давыдову)306	Судакская крепость394
Анонимные пулы. Сарай. Середина XIV в. (по Г.А.Федорову-Давыдову)308	Асперы Улуг-Мухаммада и Хаджи-Гирея395
Административная система Золотой Орды в XIV в.311	Наконечники стрел. Улус Джучи. XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)397
Пайцза. Серебро с позолотой. Крым. Симферопольский клад. XIII–XIV вв. ГИМ312	Колчаны с костяными накладками. Улус Джучи. XIII–XIV вв. (по М.В.Горелику)398
Татарский лучник. Миниатюра. Иран. Начало XIV в.317	Луки и колчан. Улус Джучи и Иран. XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)399
Чингиз-хан на троне. Миниатюра. Иран. Начало XIV в.321	Сабли. Улус Джучи и Иран. XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)400
Список основных кланов в Золотой Орде в XIII – начале XV в. (составлен Д.М.Исхаковым)337	
Выезд хана. Миниатюра. Иран. Начало XIV в. ..340	

Наконечники копий. Улус Джучи. XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)	400	Надгробие с эпитафией. Казань. Конец XIII в. ...	456
Кюяк и панцирные пластины. Улус Джучи. XIII–XIV вв. (по М.В.Горелику)	401	Региональные варианты золотоордынских эпитафийных памятников XIII–XIV вв. (по Д.Г.Мухаметшину)	459
Булавы и кистени. Улус Джучи и Иран. XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)	401	Дирхемы. Болгар ал-Джадид (по А.Г.Мухамадиеву)	466
Комбинированный панцирь по иранским миниатюрам. XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)	402	Копье. Могильник Татарская Лака. XIII–XIV вв.	478
Наплечники и наколенники по иранским миниатюрам. XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)	403	Стремя. Могильник Татарская Лака. XIII–XIV вв.	479
Шлемы. Улус Джучи. XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)	404	Круговая гончарная посуда и трубы. Нуриджан. Мохши. XIII–XIV вв.	481
Кояры. Иранские миниатюры и реконструкция. XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)	404	Локализация чияликских памятников Урало-Поволжья	484
Щиты. Улус Джучи. XIII–XV вв. (по М.В.Горелику)	405	Вещевой материал из чияликских погребений ...	485
План Исаковского городища и реконструкция его укреплений	407	Расселение народов на Северном Кавказе в XIII–XIV вв. На врезке: Походы монголов в XIII в.	494
Реконструкция стены. Болгар. XIII–XIV вв. (по А.М.Губайдуллину)	408	Сражение султана Джалал ад-Дина с грузинами. Миниатюра к книге Масуда Кухистани «История Абулхайр-хана». Мавераннахр. Середина XVI в.	495
Легковооруженный конный воин. XIV в. (реконструкция М.В.Горелика)	412	Посольство папы к великому хану. Миниатюра. Франция. После 1333 г.	501
Комплексы вооружения из татарских погребений XIII–XIV вв. (по М.В.Горелику)	418	Письмо великого каана Гуюка папе Иннокентию. Ватикан	503
Панцирь. XIV в. (реконструкция М.В.Горелика)	419	Серебряное дерево, сооруженное мастером Вильгельмом. Гравюра к первому изданию книги В.Рубрука. 1735 г.	506
Конный латник. XIV в. (реконструкция М.В.Горелика)	420	Монеты Ногай. Исакичи. Конец XIII в.	512
Ручная пушка – тюфенк. Центральная Русь. Конец XIV – середина XV в. (по А.Н.Кирпичникову)	421	Монета Чеке. Исакичи	513
Стальной конский начельник. Мамлюкский Египет. XV в.	423	Русские всадники. Лицевой летописный свод. Конец XVI в.	522
Монгольские и татарские знамена. Средневековые миниатюры (по М.В.Горелику)	425	Татары под стенами города. Миниатюра. Западная Европа. XIII в.	524
Битва на Ворскле. 1399 г. Лицевой летописный свод. Конец XVI в.	426	Хан Хулагу. Миниатюра. Иран. Начало XIV в.	538
Битва. Миниатюра к книге Масуда Кухистани «История Абулхайр-хана». Мавераннахр. Середина XVI в.	427	Преследование врага. Миниатюра. Иран. Начало XIV в.	543
Осада русского города. Миниатюра. Лицевой летописный свод. Конец XVI в.	429	Газан-хан на троне среди своих приближенных, поздравляющих его с принятием ислама. Миниатюра к книге Масуда Кухистани «История Абулхайр-хана». Мавераннахр. Середина XVI в.	544
Манджаник – камнеточное орудие. Миниатюра. Иран. Начало XIV в.	430	Реконструкция сабельного и саадачного поясов (по М.Г.Крамаровскому и М.В.Горелику)	553
Керамические зажигательные снаряды. Укек	431	Поясной набор из погребения могильника Олень-Колодезь. Вторая половина XIII в. (по К.Ю.Ефимову)	554
В.Смирнов. Князь Михаил Черниговский. 1883 г. Третьяковская галерея	434	Поясные накладки из могильника Таш-Башат (Таласская долина). Вторая половина XIII в. (по Д.Ф.Виннику)	555
Портал и михраб мечети Узбека. Реконструкция	441	Детали поясной гарнитур с изображением олений и ланей из комплекса погребения Гашун-Уста (Предкавказье). Вторая половина XIII в. (реконструкция пояса М.Г.Крамаровского)	556
Монеты Шадибека (806–807 г.х.). Кафа	445	Поясная накладка. Бронза. Болгар. XIII в. НМ РТ	570
Дирхемы. Серебро. Болгар. XIII в. НМ РТ (по А.З.Сингатуллиной)	451		
Дирхемы. Серебро. Болгар. XIII в. НМ РТ (по А.З.Сингатуллиной)	452		
Находки из мужских и женских погребений. Балымерские курганы. XIII в. (по Е.А.Халиковой)	455		

Мозаики с геометрическим орнаментом (по Л.М.Носковой)	573	Майолики с растительным орнаментом (по Л.М.Носковой)	629
Архитектурная деталь. Крым. XIII–XIV вв.	580	Майолики с растительным орнаментом (по Л.М.Носковой)	630
Обкладки колчанов. Кость. XIII–XIV вв. (по Н.В.Малиновской)	581	Надгробие с эпитафией. Болгар. 1322 г.	634
Обкладки колчанов из поволжских городищ XIII–XIV вв. (по Н.В.Малиновской)	581	Типы резных розеток на надгробиях. Среднее Поволжье. XIII–XIV вв. (по Д.Г.Мухаметшину, Ф.С.Хакимянову) ..	634
Стеклопанельная лампа с росписью эмалью синего, красного, зеленого и белого цветов. Ближний Восток. После 1329 г.	583	Кашинная чаша. Сарай. XIII–XIV вв. (по Г.А.Федорову-Давыдову)	636
Зеркала. Бронза. Укек. XIII–XIV вв. (по Л.Ф.Недашковскому)	584	Кашинные чаши с полихромной росписью под прозрачной поливой. Городища Нижнего Поволжья. XIII–XIV вв. (по Н.Ф.Лисовой)	638
Архитектурная деталь. Крым. Первая четверть XIV в.	585	Браслеты с львиными головами: схема происхождения и развития (по М.Г.Крамаровскому)	641
Гончарная фляга. Укек. XIII–XIV вв. (по Л.Ф.Недашковскому)	588	Обкладки колчана. Улус Джучи. XIII–XIV вв. (по Н.В.Малиновской)	642
Мозаики с растительным орнаментом. Царевское городище (по Л.М.Носковой)	591	Мухаммад Мурад Самарканди. Миниатюры к книге Фирдоуси «Шах-наме». 1556–1566 гг.	677
Надгробие с эпитафией. Болгар. 1317 г.	594	Гончарные сфероконусы. Укек. XIII–XIV вв. (по Л.Ф.Недашковскому)	692
Плита с арабграфической надписью. Алябастр. Водяное городище (по В.Л.Егорову и Г.А.Федорову-Давыдову)	597	Монеты Джанибека (Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джадид) (по Г.А.Федорову-Давыдову)	696
Типы надмогильных сооружений в курганах. Южный Урал. XII–XIV вв. (по В.А.Иванову и В.А.Кригеру)	603	Монеты Кильдибека, Нюрида, Хайр-Булата, Азиз-Шейха, Булат-Ходжи, Тулунбек-ханум, Черкес-бека (Сарай ал-Джадид, Азак, Гулистан, Хаджи-Тархан) (по Г.А.Федорову-Давыдову)	696
Типы погребений, характерные для земляных курганов Южного Урала. XII–XIV вв. (по В.А.Иванову и В.А.Кригеру)	605	Монеты Кульпы, Ноуруза, Хызра, Тимур-Ходжи (Хорезм, Сарай ал-Джадид, Гулистан) (по Г.А.Федорову-Давыдову)	698
План мечети и кладбища. Водяное городище (по В.Л.Егорову и Г.А.Федорову-Давыдову)	609	Анонимные пулы Сарая. Середина XIV в. (по Г.А.Федорову-Давыдову)	699
Мусульманское погребение. Водяное городище (по В.Л.Егорову и Г.А.Федорову-Давыдову)	610	Хан и его приближенные наблюдают за переправой войска. Миниатюра к книге Масуда Кухистани «История Абулхайр-хана». Мавераннахр. Середина XVI в.	703
Мусульманские погребения. Водяное городище (по В.Л.Егорову и Г.А.Федорову-Давыдову)	611	Монеты Токтамышша (Азак, Орда ал-Муаззам, Орда ал-Джадид, Крым) (по Г.А.Федорову-Давыдову)	707
Монеты Узбека (Сарай, Азак, Хорезм, Мохши) (по Г.А.Федорову-Давыдову)	612	Монеты Токтамышша (Хаджи-Тархан, Хорезм, Крым, Сарай) (по Г.А.Федорову-Давыдову)	708
Мусульманское погребение. Водяное городище (по В.Л.Егорову и Г.А.Федорову-Давыдову)	613	Тимур. Реконструкция М.М.Герасимова	709
Мусульманское погребение. Водяное городище (по В.Л.Егорову и Г.А.Федорову-Давыдову)	614	«Камень Тимура». 1391 г. ГЭ	710
Мозаики с эпиграфическим орнаментом (по Л.М.Носковой)	615	Битва Тимура с турецким султаном Баязидом. Миниатюра. Иран. XV в.	714
План мечети. Большие Кучугуры (по Е.А.Армарчук)	623	Анонимные пулы Хаджи-Тархана. Начало XV в. (по Г.А.Федорову-Давыдову)	719
Малый минарет. Болгар. Фото 1950-х гг. НМ РТ	624	Находки из погребения. Среднее Подонье. XIII – середина XIV в. (по В.В.Кравцу, В.Д.Березуцкому, А.А.Бойко)	726
Планы бани и медресе. Большие Кучугуры (по Е.А.Армарчук)	625	Дирхемы XV в. (по А.Г.Мухамадиеву)	727
Типы мавзолеев – кешене. Приаралье. XIII–XIV вв.	626		
Реконструкция бани. Болгар. XIV в. (репродукция работы Н.О.Фреймана)	627		

На обложке: изображение золотой тамги из послания хана Токтамышша к Ягайло.

Содержание

Введение

§ 1. История Улуса Джучи и некоторые особенности ее интерпретации в новейшее время (<i>Миркасым Усманов</i>)	3
§ 2. Историография и источники	16
Улус Джучи и Золотая Орда: официальное название страны и историческая традиция (<i>Искандер Измайлов</i>)	16
I. История изучения Улуса Джучи в отечественной и зарубежной науке (<i>Искандер Измайлов</i>)	19
II. Источники по истории Улуса Джучи	33
1. Общие замечания (<i>Искандер Измайлов</i>)	33
2. Государственные акты (<i>Искандер Измайлов, Миркасым Усманов</i>)	34
3. Китайские и монгольские источники (<i>Искандер Измайлов, Чхао Чху-Чанг</i>)	35
4. Труды восточных (арабских, персидских и тюркских) историков, географов и путешественников (<i>Алсу Арсланова</i>)	37
5. Русские источники (<i>Искандер Измайлов</i>)	47
6. Западноевропейские и восточноевропейские латинские источники (<i>Искандер Измайлов</i>)	51
7. Армянские источники (<i>Искандер Измайлов</i>)	56
8. Картографические источники (<i>Искандер Измайлов, Игорь Волков</i>)	57
9. Эпиграфические памятники (<i>Искандер Измайлов</i>)	59
10. Вещественные источники (<i>Искандер Измайлов</i>)	60

Раздел I. Срединная Азия и Восточная Европа в XII – начале XIII в.

Глава 1. Кочевой мир Центральной Азии: тюрки и ранние монголы (<i>Евгений Кычанов</i>)	64
Глава 2. Государства Центральной Азии: от тюрков до монголов (<i>Евгений Кычанов</i>)	70
Глава 3. Дашт-и Кыпчак накануне эпохи Чингиз-хана (<i>Александр Кадырбаев</i>)	74
Глава 4. Волжская Булгария накануне походов хана Бату (<i>Искандер Измайлов</i>)	81

Раздел II. Монгольские завоевания и создание империи Чингизидов

Глава 1. Чингиз-хан и образование единого монгольского государства (<i>Евгений Кычанов</i>)	84
Глава 2. Создание империи Чингизидов (<i>Евгений Кычанов</i>)	89
Глава 3. Государственный строй державы Чингиз-хана	
§ 1. Военно-административная система и управление государства Чингизидов (<i>Евгений Кычанов</i>)	95
§ 2. Реформы и Йаса Чингиз-хана (<i>Миркасым Усманов</i>)	97
Глава 4. Монгольские завоевания в Средней Азии и Восточной Европе	
§ 1. Военная организация и вооружение войск Чингиз-хана (<i>Михаил Горелик</i>)	111
§ 2. Завоевание Восточного Туркестана и Западной Сибири (<i>Евгений Кычанов</i>)	124
§ 3. Завоевание государства хорезмшахов (<i>Евгений Кычанов</i>)	128
§ 4. Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг. (<i>Искандер Измайлов</i>)	133
§ 5. Поход на Запад и завоевание Восточной Европы (<i>Хансгерд Геккеньян</i>)	161
§ 6. Завоевание Северного Кавказа и Дагестана в 1220–1240-е гг. (<i>Людмила Гмыря</i>)	165

Раздел III. Становление Улуса Джучи

Глава 1. Образование и политическая история Улуса Джучи до 1266 г. (<i>Вадим Трепавлов</i>)	
§ 1. Начальный этап образования Улуса Джучи (1206–1243)	170
§ 2. Взаимоотношения с центральной властью: от вассалитета к самостоятельности	173
Глава 2. Государственный строй Улуса Джучи (<i>Вадим Трепавлов</i>)	
§ 1. Традиции тюрко-монгольской государственности в административно-политическом устройстве Улуса Джучи	177
§ 2. Концепция верховной власти	177

§ 3. Эволюция системы управления (центральная администрация и территориальное деление)	182
--	-----

Раздел IV. Улус Джучи в период могущества

Глава 1. Административно-территориальная структура и города	188
§ 1. Система крыльев и административное устройство.	
Проблема Ак-Орды и Кок-Орды (<i>Вадим Трепавлов</i>)	188
§ 2. Ак-Орда (<i>Искандер Измайлов</i>)	190
§ 3. Города и земли Среднего Поволжья	194
Болгар в XIII–XV вв. (<i>Искандер Измайлов, Мурад Кавеев</i>)	194
Биляр и его округа (<i>Светлана Валиулина</i>)	200
Джукетау (<i>Наиль Набиуллин, Фаяз Хузин</i>)	202
Казань в эпоху Золотой Орды (<i>Айрат Ситдииков, Фаяз Хузин</i>)	206
§ 4. Улус Мохши (<i>Геннадий Белорыбкин</i>)	208
§ 5. Укек и его округа (<i>Леонард Недашковский</i>)	210
§ 6. Нижнее Поволжье и столицы (<i>Искандер Измайлов, Юрий Зеленеев</i>)	215
§ 7. Хаджи-Тархан и его округа в XIII–XVI в. (<i>Вячеслав Плахов</i>)	225
§ 8. Золотоордынские города Северного Кавказа (<i>Эмма Зиливинская</i>)	230
§ 9. Кок-Орда (<i>Александр Кадырбаев</i>)	236
§ 10. Улус Шибана (<i>Владимир Костюков</i>)	240
§ 11. Сарайчук и поселения Волго-Уральского междуречья (<i>Альберт Бурханов</i>)	244
§ 12. Поселения Хорезма (<i>Альберт Бурханов</i>)	250
§ 13. Города Нижней Сырдарьи (<i>Карл Байпаков</i>)	259
Глава 2. Хозяйство, ремесла и торговля	263
§ 1. Скотоводство и система перекочевок (<i>Искандер Измайлов, Леонард Недашковский</i>) ..	263
§ 2. Земледелие и сельские промыслы (<i>Леонард Недашковский</i>)	266
§ 3. Городские ремесла (<i>Светлана Валиулина, Леонард Недашковский</i>)	271
§ 4. Международная и внутренняя торговля (<i>Леонард Недашковский</i>)	277
§ 5. Торговля Улуса Джучи со странами Средиземноморья (<i>Юлай Шамильоглу</i>)	287
Глава 3. Денежное обращение и финансовая система (<i>Альфира Сингатуллина</i>)	295
Глава 4. Политическая власть и государственный строй	310
§ 1. Хан и аристократия: структура власти и управления (<i>Искандер Измайлов, Дамир Исхаков</i>)	310
§ 2. Административно-управленческий аппарат (<i>Миркасым Усманов</i>)	320
§ 3. Клановая структура (<i>Дамир Исхаков</i>)	324
Глава 5. Население Улуса Джучи и становление средневекового татарского этноса	338
§ 1. Ранние этапы этнической истории Улуса Джучи и ее особенности (<i>Миркасым Усманов</i>)	338
§ 2. Арабские и персидские источники о династийно-политических наименованиях Улуса Джучи и этнониме «татары» (<i>Алсу Арсланова, Ильяс Мустахимов</i>)	342
§ 3. Становление средневекового татарского этноса (<i>Искандер Измайлов</i>)	349
§ 4. Антропологическая характеристика населения Улуса Джучи (<i>Леонид Яблонский</i>)	365
§ 5. Средневековые уйгуры и их вклад в культуру Улуса Джучи (<i>Александр Кадырбаев</i>) ..	375
§ 6. Иноконфессиональное население Улуса Джучи	379
Русское население городов Улуса Джучи (<i>Марина Полубояринова</i>)	379
Православная епархия в Сарае (<i>Марина Полубояринова</i>)	381
Иудеи в Золотой Орде (<i>Игорь Волков, Александр Кадырбаев</i>)	387
Армяне (<i>Игорь Волков</i>)	390
Католические общины (<i>Марк Крамаровский</i>)	393
Глава 6. Военное дело Улуса Джучи	396
§ 1. Вооружение (<i>Михаил Горелик, Искандер Измайлов</i>)	396
§ 2. Военное зодчество (<i>Айрат Губайдуллин, Искандер Измайлов</i>)	405
§ 3. Организация войска (<i>Искандер Измайлов</i>)	409
§ 4. Военное искусство (<i>Искандер Измайлов</i>)	422

Глава 7. Внутренняя политика Улуса Джучи	432
§ 1. Центральная власть и русские княжества (<i>Чарльз Гальперин</i>)	432
§ 2. Крым в системе административного устройства Золотой Орды (<i>Марк Крамаровский</i>)	436
§ 3. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты (<i>Искандер Измайлов</i>)	448
§ 4. Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Приуралья в золотоордынскую эпоху ..	470
Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья к началу XIII в. (<i>Владимир Напольских, Владимир Чураков</i>)	470
Мордовские земли в составе Золотой Орды (<i>Геннадий Белорыбкин</i>)	477
Предуралье в XIII–XV вв. (<i>Андрей Белавин</i>)	482
Угры Восточного Закамья в составе Улуса Джучи (<i>Евгений Казаков</i>)	484
§ 5. Северо-Западный и Центральный Кавказ в эпоху Золотой Орды (<i>Александр Кадырбаев</i>)	485
§ 6. Восточное Предкавказье в XIII–XIV вв. (<i>Людмила Гмыря</i>)	493
Глава 8. Внешняя политика Улуса Джучи	500
§ 1. Взаимоотношения с папским престолом (<i>Александр Юрченко</i>)	500
§ 2. Военно-политические контакты с Византией и балканскими странами (<i>Иштван Ваиари</i>)	508
§ 3. Войны на Западе. Польша и Литва (<i>Искандер Измайлов</i>)	518
§ 4. Взаимоотношения Джучидов с Чингизидами в Средней Азии (<i>Алсу Арсланова</i>)	529
§ 5. Войны Джучидов с Хулагуидами (<i>Алсу Арсланова</i>)	534
§ 6. Улус Джучи и мамлюкский Египет: политические и культурные связи (<i>Александр Кадырбаев</i>)	547

Раздел V. Золотоордынская цивилизация

Глава 1. Культурное наследие первых поколений Джучидов (<i>Марк Крамаровский</i>)	552
Глава 2. Культура населения восточных районов Улуса Джучи (<i>Юлий Худяков</i>)	559
Глава 3. Феномен цивилизации Улуса Джучи	567
§ 1. Город и городская жизнь в Золотой Орде (<i>Марк Крамаровский</i>)	567
§ 2. Высокая исламская культура Золотой Орды (<i>Юлай Шамильоглу</i>)	589
Глава 4. Ислам в Улусе Джучи (<i>Искандер Измайлов, Миркасым Усманов</i>)	599
Глава 5. Архитектура и декоративно-прикладное искусство (<i>Искандер Измайлов, Лилия Саттарова</i>)	618
Глава 6. Письменная культура и научные знания	644
§ 1. Научные и прикладные знания (<i>Гамирзян Давлетиин</i>)	644
§ 2. Исторические сочинения и становление историографической традиции (<i>Искандер Измайлов</i>)	653
§ 3. Делопроизводство и канцелярская культура (<i>Миркасым Усманов</i>)	658
§ 4. Золотоордынский литературный язык (<i>Фануза Нуриева</i>)	668
§ 5. Литература (<i>Хатип Миннегулов</i>)	676

Раздел VI. Кризис и распад Улуса Джучи

Глава 1. Природный, социально-экономический и политический кризисы	682
§ 1. Экологические катаклизмы (<i>Искандер Измайлов</i>)	682
§ 2. Черная смерть и ее последствия (<i>Юлай Шамильоглу</i>)	686
§ 3. Экономический и социально-политический кризисы (<i>Искандер Измайлов</i>)	691
Глава 2. «Великая замятня» (<i>Искандер Измайлов</i>)	695
Глава 3. Попытки стабилизации Улуса Джучи в конце XIV – начале XV в.	706
§ 1. Правление Токтамыш-хана (<i>Ильнур Миргалеев</i>)	706
§ 2. Идегей и его время (<i>Искандер Измайлов</i>)	712
Глава 4. Распад Улуса Джучи и его наследие	724
§ 1. Агония империи (<i>Искандер Измайлов</i>)	724
§ 2. Улус Джучи как предтеча Российской державы (<i>Александр Кадырбаев</i>)	728
Заключение (<i>Миркасым Усманов</i>)	731

Приложения

I. Источники по истории монгольских завоеваний и образования Улуса Джучи

№ 1. Из поучений Чингиз-хана	736
№ 2. «Хэй-да шилюэ» («Краткие известия о черных татарах»)	737
№ 3. Сведения «Истории династии Юань» («Юань-ши») о татарах	763
№ 4. Ала ад-Дин Ата-Мелик Джувейни. «История завоевателя мира»	765
№ 5. Памятники литературы Древней Руси. Русские летописи о татарах и Улусе Джучи	777
№ 6. Смбат Спарапет. «Летопись»	784
№ 7. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в.	788
№ 8. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.	793
№ 9. Матфей Парижский. «Великая хроника» («Chronica majora»)	794
№ 10. Письмо короля Венгрии Белы IV к германскому королю Конраду IV	805
№ 11. Иоанн де Плано Карпини. «История монгалов, именуемых нами татарами»	806
№ 12. Вильгельм де Рубрук. «Путешествие в восточные страны»	816
№ 13. Донесение Бенедикта Поляка	824

II. Источники по истории Улуса Джучи в период расцвета

№ 1. Памятники литературы Древней Руси. Русь и Улус Джучи во второй пол. XIII – сер. XIV в.: противостояние Твери и Москвы	832
№ 2. Письма папы Бенедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 г.	841
№ 3. Ярлыки татарских ханов московским митрополитам	843
№ 4. Ярлык Менгу-Тимура князю Ярославу Ярославичу	851
№ 5. Марко Поло. «Книга о разнообразии мира»	852
№ 6. Георгий Пахимер. «История о Михаиле и Андронике Палеологах»	858
№ 7. Рашид ад-Дин. «Сборник летописей»	862
№ 8. Утемиш-хаджи. «Чингиз-наме»	868
№ 9. Повесть о Петре, царевиче Ордынском	880

III. Источники по истории Улуса Джучи во второй половине XIV – первой трети XV века

№ 1. Памятники литературы Древней Руси. «Замятня великая» и кризис ханской власти на Руси	885
№ 2. Из сочинения Ибн Арабшаха	895
№ 3. Письма и ярлыки золотоордынских ханов	903
А. Письмо Токтамыш-хана польскому королю Ягайле	903
Б. Тарханные ярлыки Тохтамышша и Тимур-Кутлука	905
№ 4. Иоганн Шильтбергер. «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г.»	907
№ 5. Иосафат Барбаро о татарах	910

IV. Источники по культуре Улуса Джучи

№ 1. Золотоордынская рукопись на бересте	922
№ 2. Хорезми. «Мухаббат-наме»	926
№ 3. «Шейбаниада»	930
№ 4. «Codex Cumanicus»	936
№ 5. Махмуд ал-Булгари. «Нахдж ал-Фарадис»	941
№ 6. Татарские сказания	946
№ 7. Отрывки из киргизского сказания об Идыге	949
Источники и литература	955
Список сокращений	1020
Указатель именной	1023
Указатель политико-географический	1033
Список иллюстраций, карто-схем и таблиц	1047

ИСТОРИЯ ТАТАР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

в семи томах

том VI

Формирование татарской нации.

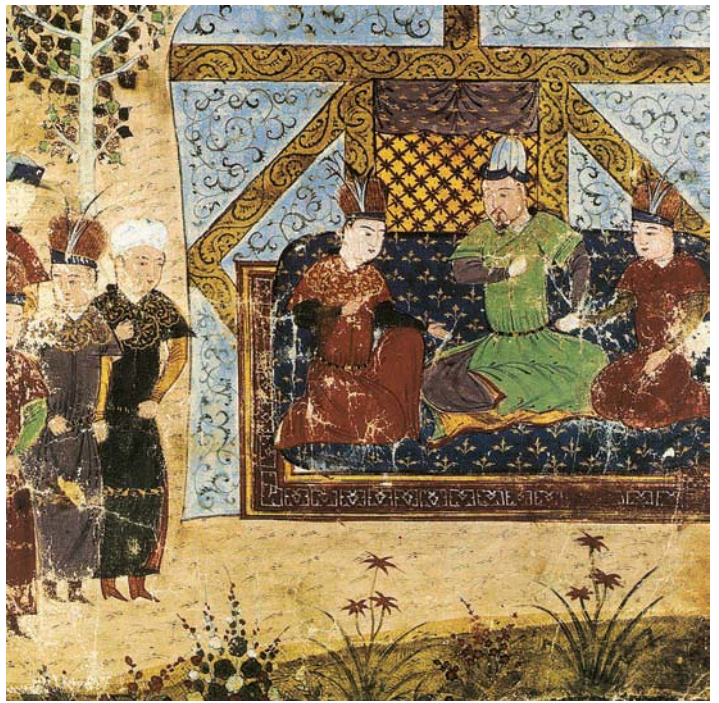
XIX – начало XX в.

Компьютерная верстка *Л.М.Зигангареева*
Компьютерный набор, сканирование,
техническое редактирование *Х.З.Багаутдинова*
Редактор *С.А.Ярмухаметова*
Корректоры *С.А.Ярмухаметова, Н.А.Кореева*
Художник *Ш.К.Насыров*

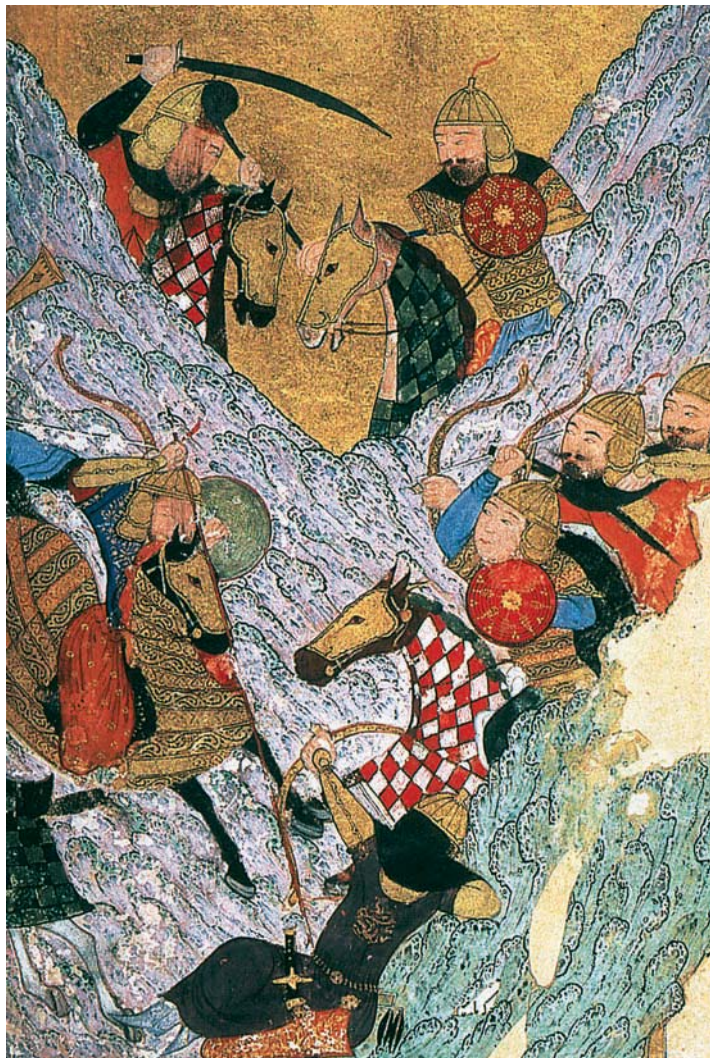
Подписано в печать 16.01.2013 г.
Формат 84x108/16. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печатных листов 73,25. Тираж 500 экз.

Переиздание с готового оригинал-макета

Отпечатано в типографии Имак Офсет (Imak Offset)
Стамбул, Турция. 2015 г.
<http://www.imakofset.com.tr>

Чингиз-хан со своими сыновьями.
Миниатюра из персидского
манускрипта XIV в.

**Нашествие монгольских войск
на Северный Китай.**
Миниатюра
из персидского манускрипта XIV в.

Итак он и дошел по приметам до града
 Излатыхъ вратъ . такъ же шлыкъ
 по вринны пратъ . наймъ дные та
 коженъ мазмы авелжкиса . и про
 те шандоу се съ гдъ рзън
 ш . Он и доша
 авелько
 дмо
 ии .

Взятие Владимира войсками Бату.
 Лицевой летописный свод конца XVI в.

И шедъ шевъ шагръ иуздаль . и цръ
 и ково стору бѣ оу разгренша . а про
 те еде шгн
 мь по
 жь
 го
 ша

Разгром Суздаля монголо-татарами.
 Лицевой летописный свод конца XVI в.

Осада Багдада войсками Хулагу.
 Миниатюра из персидского манускрипта
 начала XIV в.

Чтецы Корана.
 Миниатюра из персидского манускрипта
 начала XIV в. Берлин

Осада города. Миниатюра из персидского манускрипта 1314–1315 гг.

Монгольский средний конник
XIII – начала XIV в.
Реконструкция М.В.Горелика

Монгольский тяжелый конник
XIII – начала XIV в.
Реконструкция М.В.Горелика

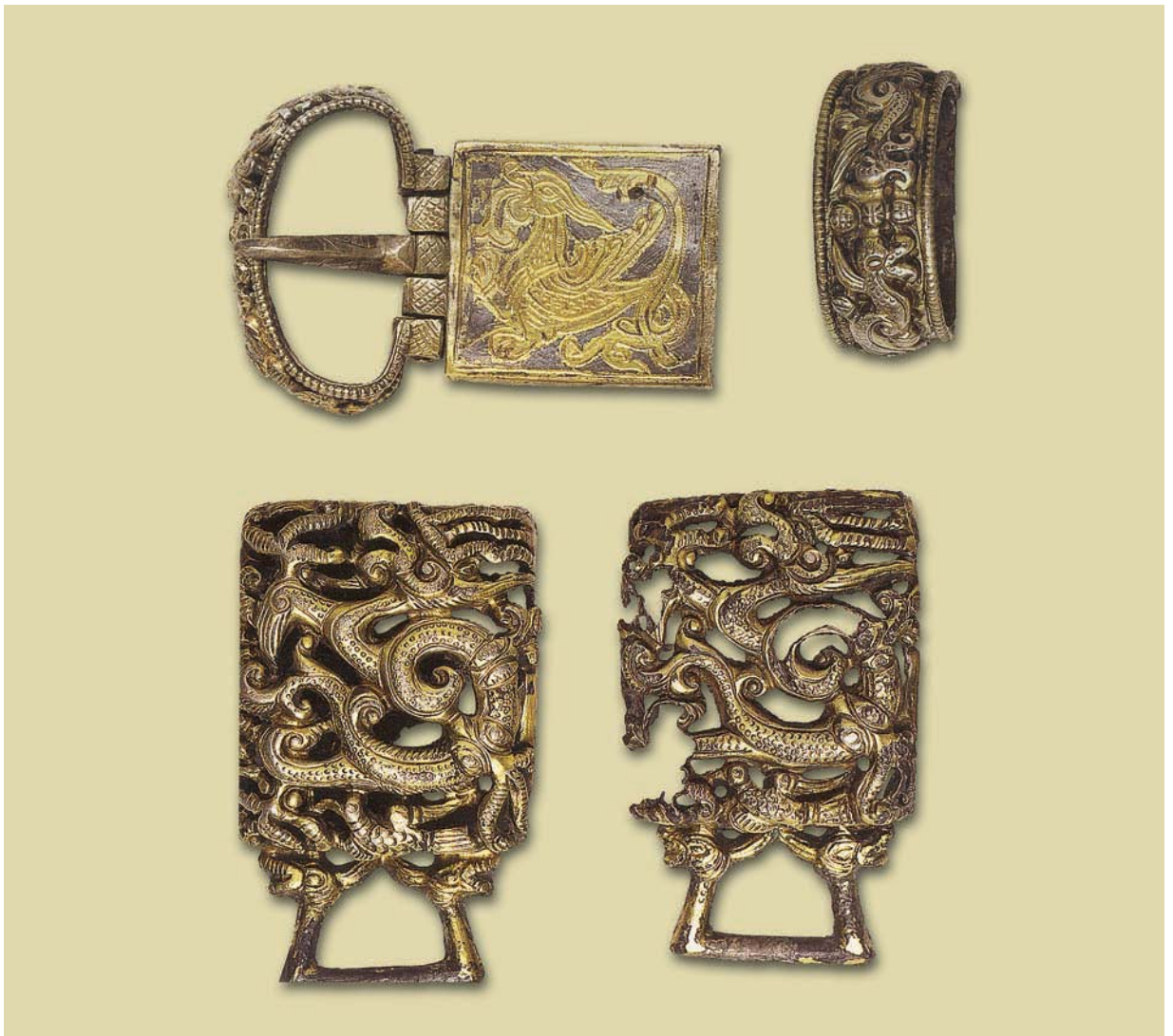
Папа Иннокентий IV отправляет своего посланника Иоанна де Плано Карпини к Великому хану для установления дипломатических отношений. Миниатюра из английского манускрипта XIV в.

Миниатюрный цикл, посвященный битве при Лигнице. Германская миниатюра XIII в.

Миниатюрный цикл, посвященный битве при Лигнице. Германская миниатюра XIII в.

Поясной набор.

Серебро, позолота. Великое Монгольское государство или Улус Джучи. XIII в.
Астраханская область, Красноярское городище. Государственный Эрмитаж

Пряжка.

Серебро, позолота.
Великое Монгольское государство
или Улус Джучи. XIII в. Астраханская
область, Красноярское городище.
Государственный Эрмитаж

Поясной набор. Золото. Улус Джучи. 1227–1270 гг.
Северный Кавказ, урочище Гашун-Уста. Государственный Эрмитаж

Поясная накладка.
Бронза, позолота. Улус Джучи.
Вторая половина XIII в. Болгар. БГИАЗ

Поясная накладка. Бронза. Улус Джучи.
Вторая половина XIII – начало XIV в.
Астраханская губерния, Царевский уезд,
д.Зубовка. Государственный Эрмитаж

Поясная накладка.
Бронза. Улус Джучи.
Вторая половина XIII – начало XIV в.
Болгар. БГИАЗ

Бляхи с изображением дракона.
Кость, серебро, резьба, позолота.
Улус Джучи. XIV в. Волгоградская
область, курган у с.Малеевка

Кубок.
Серебро, позолота. Улус Джучи.
Конец XIII – первая половина XIV в.
Государственный Эрмитаж

Ковш поясной.
Бронза. Улус Джучи. XIV в.
Государственный Эрмитаж

Чаша с фигурой барана.
Серебро. Улус Джучи. XIV в.
Государственный Эрмитаж

Чаша.
Улус Джучи.
Конец XIII – первая половина XIV в.
Государственный Эрмитаж

Караван на Великом Шелковом пути.

Миниатюра из Каталонского атласа Абрахама Креска. 1375 г. Британская библиотека, Лондон

Пайцца хана Абдуллы.

Серебро, позолота. Улус Джучи. XIV в.
Екатеринославский уезд, с. Грушовка.
Государственный Эрмитаж

Пайцца хана Абдуллы.

Серебро, позолота. Улус Джучи. 1362-1369 гг.
Саровское городище, Нижегородская губерния. ГИМ

Пуговицы.

Серебро, бирюза, жемчуг, штамповка, позолота. Улус Джучи. XIV – начало XV в.

Перстни.

Серебро, золото. Улус Джучи. XIV – начало XV в.

Портолан каталанского мастера Месии де Виладестеса, так называемый портолан Виладестеса. 1413 г.

Портолан каталанского мастера Габриэла де Валсека.
1439 г. Морской музей, Барселона

Шедевр средневекового картографического искусства – Каталонский атлас Абрахама Креска. 1375 г. Карта предназначалась для короля Франции Карла V. Национальная библиотека Франции, Париж

Навигационная карта-портлан венцианских мастеров Франциска и Доминика Пизигани. 1367 г.

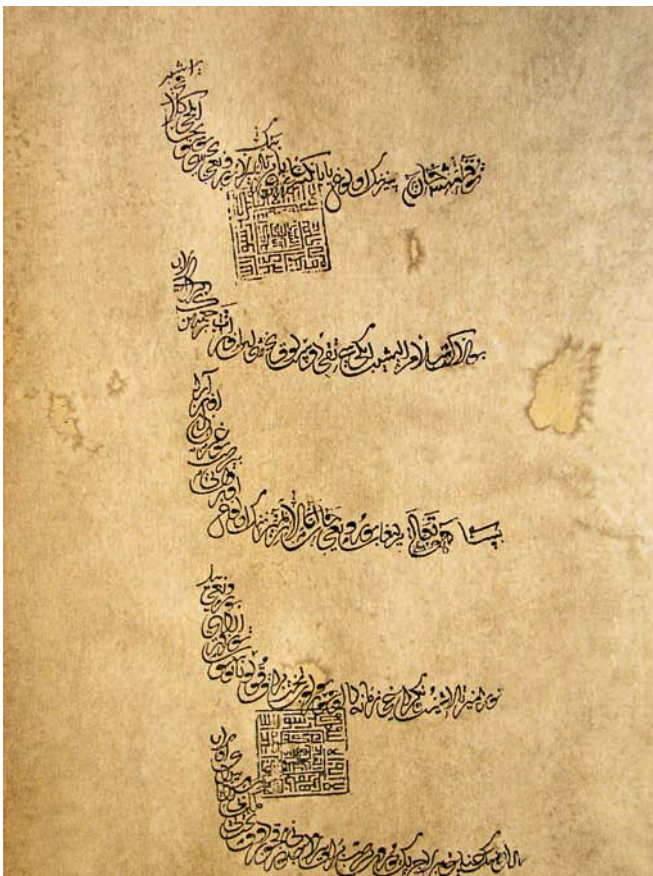
Филактерий – футляр для свитков, рукописей или амулетов.
Серебро, ковка, гравировка. Улус Джучи. XIV – начало XV в.

Крышка сосуда (чернильницы?).
Бронза. Улус Джучи. XIV в. Болгар

Послание хана Улуг-Мухаммада
турецкому султану.
Музей Топкапы, Стамбул

Джами-мечеть. Вид с запада. Улус Джучи. XIV в. Болгар. Фото И.Л.Измайлова

Центральная часть Болгара с мавзолеем и Джами-мечетью.
Вид с юго-востока. Улус Джучи. XIV в. Болгар. Фото И.Л.Измайлова

Внутренний вид Джами-мечети.
Улус Джучи. XIV в. Болгар. Фото И.Л.Измайлова

Малый минарет.
Улус Джучи. XIV в. Болгар.
Фото И.Л.Измайлова

**Деталь оформления
оконного проема Малого минарета.**
Резьба по камню. Улус Джучи. XIV в. Болгар.
Фото И.Л.Измайлова

Мавзолей или какое-то общественное здание. Улус Джучи. XIV в. Болгар. Фото И.Л.Измайлова

Фундамент бани. Улус Джучи. XIV в. Болгар. Фото И.Л.Измайлова

Фрагмент внутренней части бани («Красная палата»).
Улус Джучи. XIV в. Болгар. Фото И.Л.Измайлова

Мавзолей близ Малого минарета. Улус Джучи. XIV в. Болгар. Фото Р.Ф.Шарифуллина

Деталь изразцового панно. Кашин, полихромная мозаика. Улус Джучи. XIV в. Болгар. НМ РТ, Казань

Майоликовый изразец.
Болгар. БГИАЗ

Надгробные памятники с эпитафиями.
Улус Джучи. XIV в. Болгар. БГИАЗ. Фото И.Л.Измайлова

Надгробные памятники с эпитафиями.
Улус Джучи. XIV в. Болгар. БГИАЗ. Фото И.Л.Измайлова

Деталь изразцового панно. Кашин, полихромная мозаика.
Укек. XIV в. Саратовский областной музей краеведения

Тондо с персидской надписью. Кашин, полихромная мозаика.
Улус Джучи. XIV в. Астраханская область, Селитренное городище.
Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник

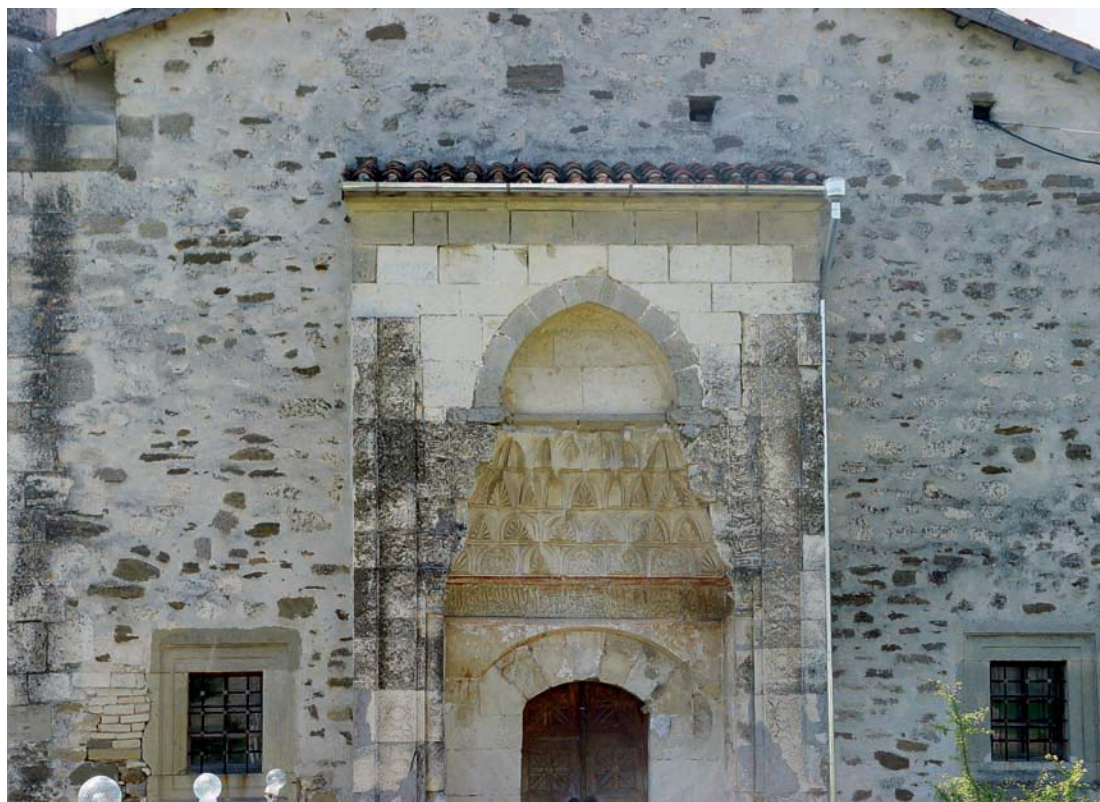
Капитель мечети.

Улус Джучи. XIII–XIV вв. Волгоградская область, Водянское городище.
Волгоградский областной краеведческий музей

Архитектурная деталь.

Укск. XIV в. Саратовский областной музей краеведения

Свод портала «мечети Узбека».
Солхат. XIV в. Фото И.Л.Измайлова

Капитель колонны «мечети Узбека». Солхат. XIV в. Фото И.Л.Измайлова

База колонны «мечети Узбека». Солхат. XIV в. Фото И.Л.Измайлова

Мечеть. Солхат. XIV в. Фото И.Л.Измайлова

Мечеть. Солхат. XIV в. Фото И.Л.Измайлова

Медресе. Солхат. XIV в. Фото И.Л.Измайлова

Стена караван-сарая. Солхат. XIV в. Фото И.Л.Измайлова

Мавзолей. Солхат. XIV в. Фото И.Л.Измайлова

Мавзолей Джанике-ханым. Чуфут-кале (Кырк-Ер). XV в. Фото И.Л.Измайлова

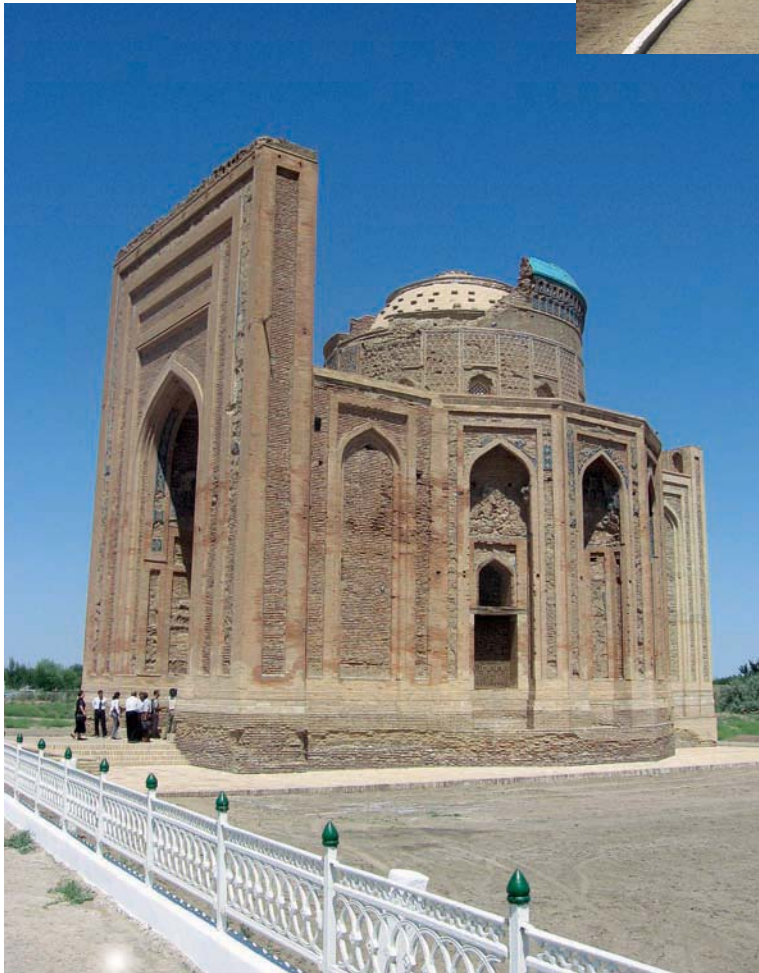

Дорога в Чуфут-кале (Кырк-Ер). Фото И.Л.Измайлова

Мавзолей Наджм ад-Дина Кубра. Куня-Ургенч. XIV в. Фото А.А.Бурханова

Минарет Кутлуг-Тимура.
Куня-Ургенч. XIV в. Фото А.А.Бурханова

Мавзолей Тюрабек-ханым.
Куня-Ургенч. XIV в.
Фото А.А.Бурханова

Мавзолей Тюрабек-ханым.

Вид на мозаичный купол изнутри. Куня-Ургенч.
XIV в. Фото А.А.Бурханова

Возведение на престол хана и ханбике.
Миниатюра из персидской рукописи
начала XIV в. Берлин

Надгробие с майоликовыми панелями. Куня-Ургенч. XIV в. Фото А.А.Бурханова

Майоликовая панель надгробия.
Мавзолей Наджм ад-Дина Кубра. Куня-Ургенч. XIV в. Фото А.А.Бурханова

Каталанский порталан Хайме Бертрана. 1482 г.
На севере мы видим миниатюры основных правителей Евразии, самая внушительная фигура на востоке – «Император Тартарии»

Золотоордынский хан на троне. Реконструкция М.В.Горелика

Выезд монгольского султана.
Миниатюра из персидской рукописи начала XIV в. Берлин

Лю Гуандао. Фрагмент картины «Хубилай-хан на охоте».
Шелк. Империя Юань. 1280 г. Национальный Дворцовый музей, Тайбей

Серьги. Золото, жемчуг. Улус Джучи. XIV – начало XV в. Государственный Эрмитаж

Коранница. Золото, скань. Улус Джучи. Первая половина XIV в. Государственный Эрмитаж

Бляхи-подвески конского убора.
Серебро, позолота. Улус Джучи. XIV в. Государственный Эрмитаж

Бляшки-розетки.

Золото, зернь, филигрань, жемчуг. Улус Джучи. Вторая половина XIII – XIV в. Государственный Эрмитаж

Украшение женского головного убора – бокки.
Золото, скань, драгоценные камни. Улус Джучи. Начало XIV в. Государственный Эрмитаж

Поясные накладки. Золото. Улус Джучи. XIV в. Государственный Эрмитаж

Кораница.

Серебро, позолота, чернь.
Улус Джучи. XIV в. Государственный Эрмитаж

Кулон на цепочке.

Золото, чернь. Улус Джучи. XIV в.
Государственный Эрмитаж

Монетовидные подвески. Золото. Улус Джучи. XIV в. Государственный Эрмитаж

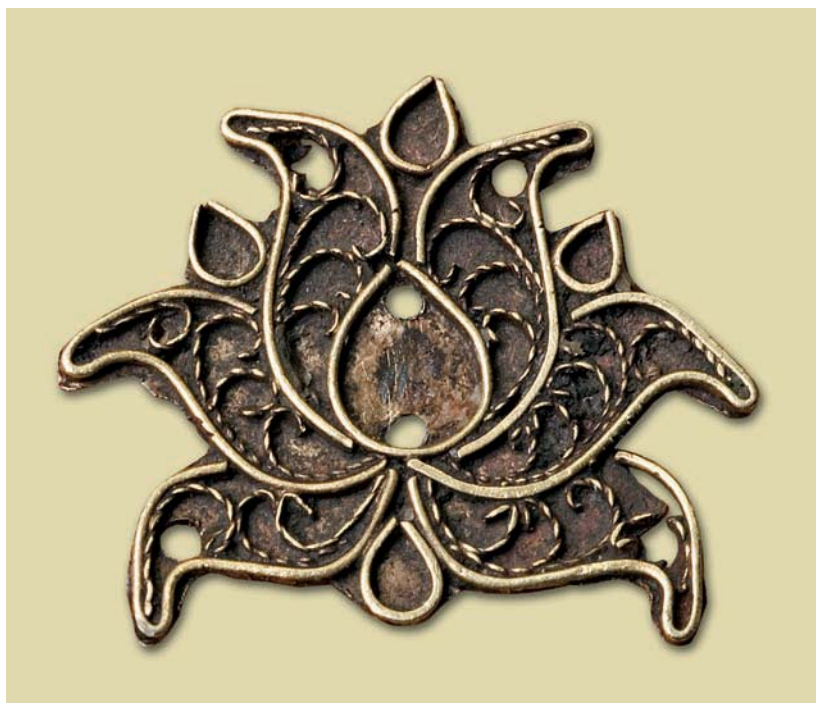

Поясной набор.

Серебро, позолота. Улус Джучи. Конец XIV – начало XV в. Государственный Эрмитаж

Гарнитура поясного набора. Золото, чернь, чеканка, гравировка.
Улус Джучи. Вторая половина XIV – начало XV в. Государственный Эрмитаж

**Нашивная бляшка
в виде цветка лотоса.**
Серебро, позолота.
Улус Джучи. XIV в.
Государственный Эрмитаж

Верхняя часть кувшинчика.
Серебро, позолота.
Улус Джучи. XIV в.
Государственный Эрмитаж

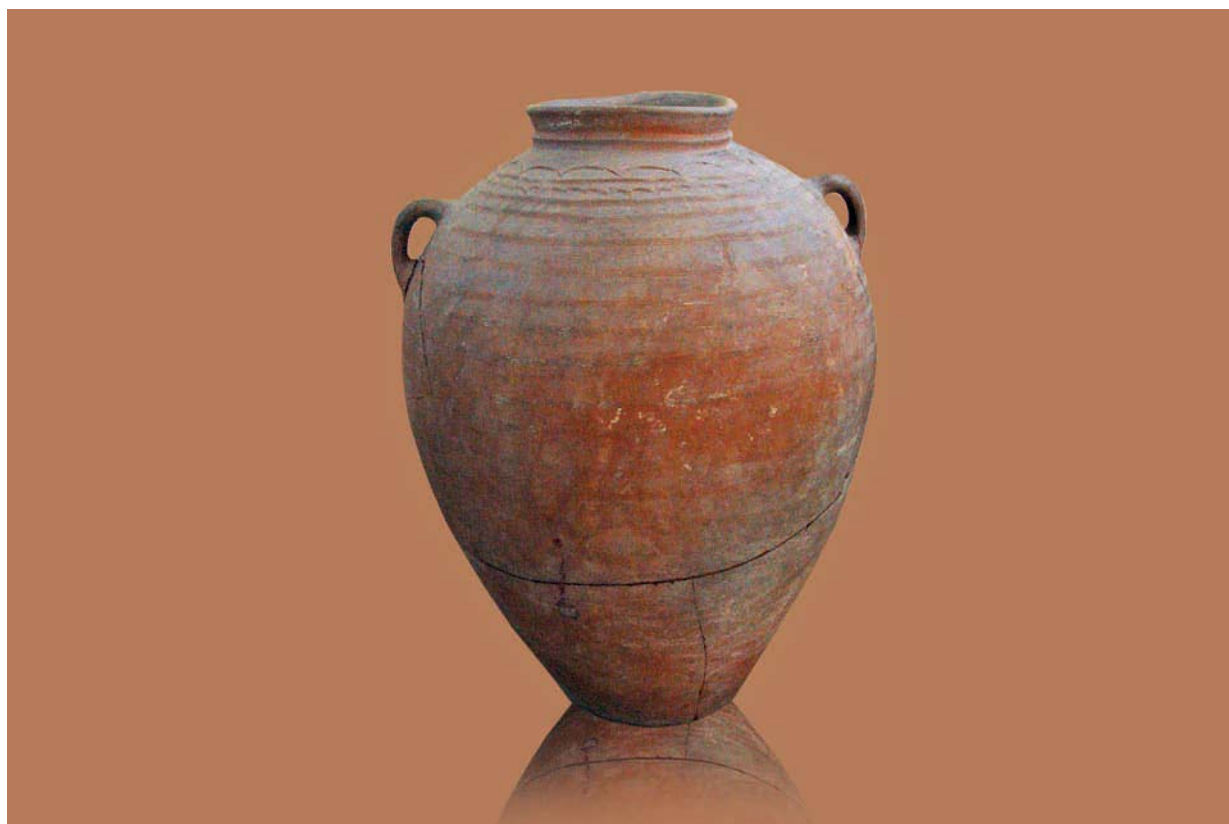
Браслет.
Улус Джучи. XIV в. Джукетау

Браслет. Улус Джучи. XIV в. Государственный Эрмитаж

Красноглиняные золотоордынские сосуды в обжигательной камере. Реконструкция

Хум – сосуд для хранения зерна или воды.
Улус Джучи. XIV в. Болгар. БГИАЗ

Зеркало с эпиграфическим узором и изображением фантастических существ (ал-Борак?).
Бронза, литье. Улус Джучи. XIII – начало XIV в. Булгарский улус

Зеркало. Бронза, литье. Укек. XIII – начало XIV в. Саратовский областной музей краеведения

Чаша. Полуфаянс. Улус Джучи. XIV в. Сарай ал-Джадид

Графин из венецианского стекла.
Улус Джучи. XIV в.

Чаша с изображением барса.
Улус Джучи. XIV в. Сарай ал-Джадид

Шлем.
Улус Джучи. XIII–XIV в. Государственный Эрмитаж

Чаша. Кашин.
Подглазурная роспись. Улус Джучи. XIV в.

Замочек в виде лошадки.
Бронза. Улус Джучи. XIII–XIV вв. Болгар. БГИАЗ

Пластинчатые браслеты.

Серебро. Улус Джучи. XIII–XIV вв. Булгарский улус. Государственный Эрмитаж

Сражение.

Миниатюра из персидской рукописи «Шах-наме». Около 1330-х гг. Британская библиотека. Лондон

Поединок.

Миниатюра из персидской рукописи «Шах-наме». Около 1330-х гг. Детройтский институт искусств

Интронизация хана. Миниатюра из персидской рукописи «Шах-наме». Около 1330-х гг. Институт Смитсена, Вашингтон

Золотоордынский военачальник.
Реконструкция М.В.Горелика

Золотоордынский конный латник. XIV в.
Реконструкция М.В.Горелика

Памятник Рашид ад-Дину
в г.Хамадан, Иран. Фото Mardetanha

Ханский двор в белых одеждах
отмечает праздник Нового года.
Миниатюра из персидской рукописи
Рашид ад-Дина. Около 1330 г.
Музей Топкапы, Стамбул

Обращение Газан-хана в ислам.
Миниатюра из рукописи
«Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина.
XIV в.

Газан-хан на коне. Миниатюра из рукописи «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина. XIV в.

Сражение. Миниатюра из рукописи «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина. 1314 г.

Тарханный ярлык хана Токтамышша. 1392 г.

Костяные накладки на колчан.
Улус Джучи. XIV в.